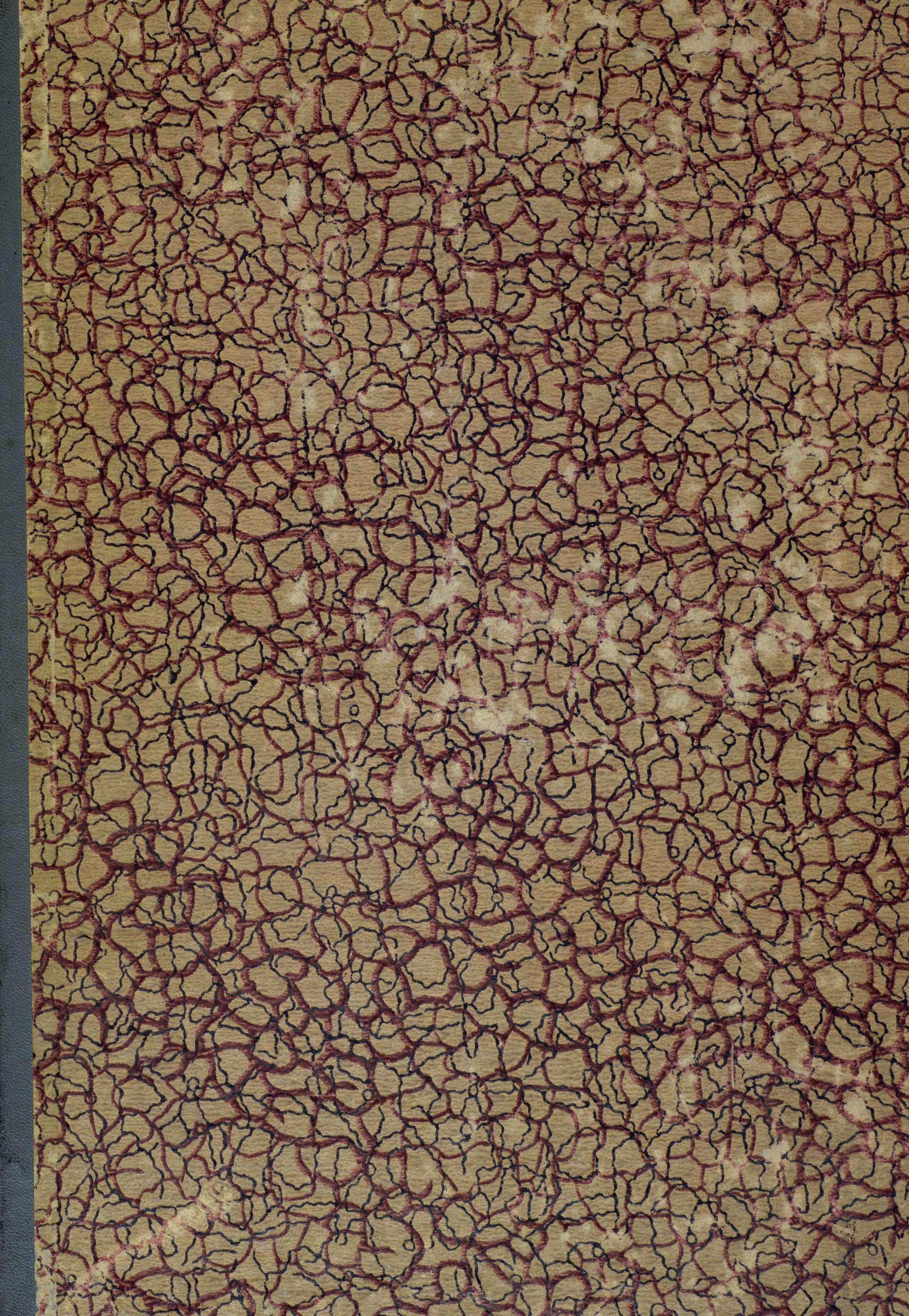


ИМЕЕТСЯ
МИКРОФИЛЬМ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1877.

ЖИВОПИСНОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1878.

(ГОДЪ ШЕСТЫЙ)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Цѣна въ бумажкѣ . . . . 6 руб.
» » каленкоровомъ переплетѣ . . . . 7 руб.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1878.

Оглавленіе I тома „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ за 1878 годъ.

Стихотворенія.

Прозаическіе романы, повѣсти и разсказы.

Статьи научнаго содержанія.

Біографіи.

Мелкія замѣтки.

Фельетонъ.

Новости наукъ и жизни.

Смѣсь.

Военныя извѣстія.

Телеграммы.

Объясненія гравюръ.

Рисунки.

Портреты.

Картины въ приложеніяхъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Іюня 1878 года.

1878
Живописное
Обозрѣніе
1878
E. GORAZDOWSKI

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА:

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Журналъ выходитъ еженедѣльными нумерами не менѣе **двухъ съ половиной печатныхъ листовъ**, въ форматѣ лучшихъ иностранныхъ иллюстрацій (въ годъ 52 №№ или болѣе 1,000 страницъ); въ каждомъ нумерѣ помѣщается отъ четырехъ до восьми художественныхъ рисунковъ (въ годъ до 300), исполненныхъ по заказу Редакціи въ Россіи и заграницей. Въ теченіи года всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ безплатной преміи,** два иллюстрированныя приложенія **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“** и **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**. Кромѣ того, въ теченіи года будутъ разосланы всѣмъ гг. подписчикамъ

БЕЗПЛАТНЫЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ АВТОРОВЪ

(Поэмы, романы, повѣсти, драмы); гравюры на веленевой бумагѣ. Образчикъ подобной преміи, «МАРКО ФОСКАРИНИ» драма ЗАЛЕВСКАГО, въ переводѣ И. В. ОМУЛЕВСКАГО, разосланъ въ началѣ ноября нынѣшняго года всѣмъ гг. подписчикамъ на 1877 годъ. По окончаніи года премія Иллюстрированныхъ произведеній составитъ цѣльный отдѣльный томъ. Этой преміей Редакція желаетъ положить начало иллюстрированнымъ изданіямъ, получившимъ большую распространенность въ Западной Европѣ. Кромѣ означенныхъ премій, Редакція имѣетъ въ виду разослать также въ видѣ безплатной преміи картину **„ВЗЯТІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ“**.

Въ 1878 году журналъ **«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»** будетъ издаваться при широкомъ выполненіи программы журнала, обнимающей всѣ отрасли литературы, наукъ и искуствъ, въ которую входятъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Романы, повѣсти, разсказы, очерки и біографіи. 2) Драмы, драматическія сцены. 3) Поэмы, сказки въ стихахъ и мелкія стихотворенія. 4) Этнографическіе очерки. 5) Иллюстрированныя путешествія. 6) Статьи научнаго содержанія, преимущественно по естествознанію, съ пояснительными рисунками и чертежами. 7) Новости изъ области жизни, литературы, наукъ и искуствъ. 8) Смѣсь. 9) Телеграммы. 10) Шахматный листокъ, который будетъ значительно расширенъ въ нашемъ изданіи 1878 года.

Въ журналѣ будутъ принимать участіе своими трудами слѣдующія лица: **П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, В. Гивартовскій, Егоровъ, И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), Н. Н. Каразинъ, С. М. Крапивина, Н. Б. Куроѣдовъ, Л. Леванда, П. Лѣтнева, А. Майковъ, Е. Л. Марковъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Л. Е. Оболенскій, И. В. Омулевскій, П. И. Пашино, А. Г. Сахарова, В. И. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стремоуховъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ, Н. В. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрьева** и др. Между прочимъ въ 1878 году будутъ помѣщены 26 разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ **«Наши ближніе»**.

Редакція **«ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ»** имѣетъ въ своемъ распоряженіи для помѣщенія въ 1878 году: романъ **Э. Гонкура**, разсказы **А. Додэ** и **Э. Золя** и статьи **Вирхова, Геккеля, Гольцендорфа, Карла Фохта** и др. Сверхъ того предполагается печатать **Иллюстрированныя сказки, Боккачіо** (Декамеронъ), въ переводѣ **Н. И. Шульгина, «Похвальное слово безумію»**, **Эразма**, въ переводѣ **А. К. Шеллера (А. Михайлова)** и, если позволитъ мѣсто, **«Комическій романъ» Скарона**. Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ участвовать извѣстные наши художники **Н. А. Богдановъ** и профессоръ **А. И. Мещерскій**.

ПЕРВАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПРЕМІЯ:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

(Подписная цѣна безъ Живописнаго Обозрѣнія 3 руб.).

Состоящая изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: 1) **Гигіены;** 2) **Техническій и хозяйственный.**

Второе безплатное иллюстрированное приложеніе съ пояснительнымъ текстомъ:

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. За годовое изданіе **«ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ»** изъ 52 №№, съ даровыми приложеніями **„Жизнь и Хозяйство“** и **„Парижскія моды“** и правомъ на полученіе всѣхъ премій въ теченіе 1878 года. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **6 р.** Съ доставкою въ С.-Петербургѣ, а также для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою **7 р.** За границею **8 р. 50 к.** На полгода **3 р. 50 к.** съ пересылкою **4 руб.;** на три мѣсяца безъ пересылки **1 р. 75 к.** съ пересылкою **2 р.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ **С.-Петербургѣ**, въ главной конторѣ редакціи журнала, Троицкій переулокъ д. № 27. 2) Въ **Москвѣ**, въ отдѣленіи конторы «Живописнаго Обозрѣнія» въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ въ д. Алексѣева.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Увеличеніе числа подписчиковъ за это время по сравненію съ прошлымъ годомъ позволяетъ Редакціи нѣсколько увеличить размѣръ издаваемыхъ ею нумеровъ «Живописнаго Обозрѣнія». **Обязательной** нормой въ изданіи будущаго 1878 года будетъ не **два**, а **два съ половиною** листа. Соотвѣтственно увеличенію текста, увеличится и число помѣщаемыхъ въ нумерѣ гравюръ.

Кромѣ этого измѣненія Редакція, руководствуясь желаніями своихъ подписчиковъ, выражаемыхъ въ ихъ письмахъ къ ней, считаетъ необходимымъ дать нѣсколько иной характеръ приложенію **„Жизнь и Хозяйство“**. Признавая важное значеніе гигіены въ общественной и частной жизни, Редакція намѣрена значительно расширить гигіеническій отдѣлъ въ своемъ приложеніи «Жизнь и Хозяйство», которое будетъ раздѣляться на два отдѣла: 1) **гигіены**; 2) **техническій** и **хозяйственный**. Въ первомъ отдѣлѣ, между прочимъ, будетъ печататься сочиненіе двухъ извѣстныхъ профессоровъ гигіены. Второй же отдѣлъ будетъ состоять изъ статей преимущественно практическаго направленія. Редакція постарается своевременно сообщать о всѣхъ техническихъ и хозяйственныхъ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ, опять-таки выбирая преимущественно такія, которыя безъ затрудненія и большихъ затратъ могутъ быть примѣнены у насъ, въ Россіи. Каждый изъ двухъ отдѣловъ приложенія «Жизнь и Хозяйство» будетъ имѣть особую нумерацію страницъ, что представляетъ большее удобство для брошюрованія въ концѣ года. Форматъ этого отдѣла будетъ также измѣненъ. Онъ будетъ подходить къ большому книжному формату.

Безъ всякой приплаты гг. подписчики получатъ и второе приложеніе: **„Парижскія моды“** съ пояснительнымъ текстомъ. Всѣхъ нумеровъ этого приложенія въ годъ будетъ 24. Форматъ этого приложенія, одинаковый съ форматомъ приложенія «Жизнь и Хозяйство», избранъ по соображенію съ размѣрами рисунковъ, которые будутъ дѣлаться въ Парижѣ по образцу одного изъ лучшихъ парижскихъ модныхъ журналовъ.

Что касается обѣщанныхъ **Премій,** гг. подписчики получатъ ихъ нѣсколько въ годъ. Точнаго числа ихъ мы пока еще не опредѣляемъ, вслѣдствіе неполученія положительнаго отвѣта на сдѣланные заказы, а объявляемъ здѣсь только о тѣхъ, которые уже изготовляются и будутъ разосланы гг. подписчикамъ въ непродолжительномъ времени:

1) **Шекспиръ** съ четырьмя превосходными гравюрами на веленевой бумагѣ.

2) **Гравюра** на толстой веленевой бумагѣ, заказанная въ Лондонѣ.

3) **Мать,** поэма **А. Михайлова** съ восемью гравюрами.

По мѣрѣ изготовленія слѣдующихъ премій о нихъ будетъ заявлено своевременно.

Для помѣщенія въ будущихъ нумерахъ своего журнала Редакція «Живописнаго Обозрѣнія» имѣетъ уже въ своемъ распоряженіи слѣдующія произведенія:

1) **Андронъ Голованъ,** иллюстрированная повѣсть **Н. Н. Каразина.**

2) **Наши сосѣди и ихъ дѣти,** повѣсть **А. Михайлова.**

3) Оригинальный рисунокъ академика **А. И. Мещерскаго.**

4) **Устала ждать,** повѣсть **А. Г. Сахаровой.**

5) **Измѣненіе понятій о нравственности,** профессора невшательской академіи доктора **Ж. Е. Ало.**

6) **Произвольныя измѣненія человѣческаго тѣла,** доктора **Рюдингера** (съ рисунками).

7) **Графы Игнатьевы.**

8) **Дашкевичъ,** ст. **Д. Л. Мордовцева.**

Въ разосланныхъ нами объявленіяхъ не было упомянуто въ числѣ сотрудниковъ имени **Е. Л. Маркова** (извѣстнаго автора романовъ «Барчуки» и «Черноземныя поля»), потому что мы только что недавно получили согласіе его на участіе въ нашемъ журналѣ. Въ настоящемъ нумерѣ начато печатаніемъ его произведеніе **„Уголки Юга“**.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 1. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. – 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 1 Января 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ VI.

Новый годъ.

Двѣнадцать бьетъ! двѣнадцать бьетъ!
Спѣшитъ со сцены старый годъ
И, какъ освистанный актеръ,
Сноcя покорно свой позоръ,
Онъ слышитъ, что за нимъ во слѣдъ
Шлетъ легкомысленный привѣтъ
Артисту новому толпа,
И бѣдный шепчетъ:
«Ты глупа!
Тебя, какъ малое дитя,
Игрушкой новой не шутя,
Съумѣетъ каждый ловкій плутъ
Утѣшить въ нѣсколько минутъ.
Жизнь для тебя тяжелый гнетъ
Нужды, труда, заботъ, хлопотъ,
Утратъ и разныхъ передрягъ
Въ погонѣ за добычей благъ,
Чиновъ, богатствъ и теплыхъ мѣстъ,—
И все же ты, неся свой крестъ,
Какъ встарь, надеждами живешь,
Отъ завтра благъ великихъ ждешь,
А этихъ благъ все нѣтъ, какъ нѣтъ
И вотъ уже семь тысячь лѣтъ,
Какъ мы, Сатурна сыновья,
Морочимъ весело тебя...

Что дастъ тебѣ мой младшій братъ —
Не знаю. Только онъ наврядъ,
Пока ты мирно будешь спать,
Начнетъ усердно хлопотать,
Тревожно думая о томъ,
Чтобъ полной чашей былъ твой домъ,
Чтобъ безъ усилій, безъ борьбы
Все добыла ты у судьбы...
Мы не холопы, не рабы
Людского племени,—и я,
На вѣчный отдыхъ уходя
Изъ міра скорби, слезъ и бѣдъ,
Подамъ тебѣ благой совѣтъ:
Отбрось свою тупую лѣнь,
Стремись упорно каждый день
Себѣ пробить широкій путь,
Да не мечтай, что кто нибудь —
Судьба, иль случай, иль друзья
Его расчистятъ для тебя.
Все, что другіе намъ дарятъ,
Они же могутъ взять назадъ,
Какъ отнимаютъ господа
У слугъ награду иногда,
Несчастныхъ уличивъ въ винѣ.
Должна ты помнить, что вполнѣ
Лишь тотъ намъ кладъ принадлежитъ,
Который нами былъ открытъ,
И цѣнитъ хлѣбъ свой только тотъ,
Кто проливалъ и кровь, и потъ,
Пахая ниву, чтобъ она
Не погубила ни зерна».

Но кто жь услышитъ, кто пойметъ,
Что тамъ бормочетъ старый годъ
Изъ-за кулисъ? Передъ толпой
Стоитъ красавецъ молодой
Подъ полумаской и за нимъ,
Склонясь подъ грузомъ дорогимъ,
Несутъ дары и каждый ждетъ,
Что юный царь сейчасъ начнетъ,
Вступая на престолъ отцовъ,
Вознаграждать своихъ рабовъ...

А. Комаровъ.

Благотворительная комедія.

Разсказъ К. М. Станюковича.

Засѣданіе «Общества для пособія истинно бѣднымъ и нравственнымъ людямъ» было назначено ровно въ два часа, въ квартирѣ члена общества, Елены Николаевны Красногоръ-Ряжской.

Елена Николаевна сама присмотрѣла, какъ въ залу внесли большой столъ, накрыли его зеленымъ сукномъ и разставили вокругъ кресла. Затѣмъ она принесла изъ своего кабинета маленькую изящную чернильницу и крохотный звонокъ съ бронзовымъ амуромъ для предсѣдательницы и собственноручно разбросала по столу чистенькіе экземпляры отчета, листки почтовой бумаги и очиненные фаберовскіе карандаши. Окончивъ эти занятія, Елена Николаевна окинула довольнымъ взглядомъ столъ и подошла къ зеркалу посмотрѣть на себя. Зеркало безъ малѣйшей лести показало ей хорошенькую молодую женщину въ черномъ фаѣ, гладко обливавшемъ стройный станъ. Темные локоны, спускавшіеся къ плечамъ, оттѣняли матовую бѣлизну личика съ тонкими чертами, чуть чуть приподнятымъ носомъ и парой карихъ улыбающихся глазъ. Веселое выраженіе № 1 очень шло къ этой подвижной физіономіи. Елена Николаевна осталась довольна номеромъ первымъ и сдѣлала мину № 2, мечтательно задумчивую. Глаза перестали улыбаться и глядѣли куда-то вдаль черезъ зеркало, розовыя, не безъ посредства кармина, губки сжались въ нитку и одному локону былъ приданъ поэтическій безпорядокъ посредствомъ перемѣщенія его на другое мѣсто, поближе къ гладкому высокому лбу. Елена Николаевна нашла, что и № 2-й былъ не дуренъ. Она собиралась было перейдти къ № 3-му, какъ изъ прихожей мягко звякнулъ звонокъ. Елена Николаевна отпорхнула отъ зеркала съ ловкостью ласточки и, опустившись на угловой диванчикъ, стала внимательно штудировать изящную брошюрку полугодового отчета, посматривая однако однимъ глазомъ повыше страницъ.

Знакомые шаги медленной, увѣренной походки заставили Елену Николаевну сдѣлать гримасу № 5, болѣе знакомую супругу, чѣмъ публикѣ, отложить брошюру въ сторону и бросить взглядъ на проходившаго мужа, блѣднаго, серьезнаго, пожилого господина лѣтъ сорока съ хвостикомъ.

— Опять? тихо процѣдилъ онъ сквозь зубы, кисло улыбаясь и косясь на столъ.

— Что, опять?

— Говорильню устраиваете?

Каріе глазки сощурились, лицо подернулось выраженіемъ № 4 снисходительнаго презрѣнія, и тихій, не безъ ироническої нотки голосъ проговорилъ:

— Ты, Никсъ, вѣрно, опять не въ духѣ... Что твоя печень?

Мужъ на-ходу полуобернулся, взглянулъ на жену сѣрыми, полинявшими отъ департаментскаго воздуха, глазами такимъ взглядомъ, въ которомъ всякая другая женщина, кромѣ жены, легко прочитала бы «дуру» и, не соблаговоливъ комментировать свой взглядъ, той же медленной, увѣренной походкой протекъ въ кабинетъ.

«Моя печень?» повторилъ онъ вслухъ. «Моя печень! Очень нужна моя печень!»

Онъ присѣлъ къ столу, придвинулъ къ себѣ бумаги, взялъ своими длинными, прямыми пальцами такой же длинный, прямой карандашъ и сталъ читать.

«Стала безпокоить ее моя печень!» пронеслось въ головѣ его превосходительства въ послѣдній разъ и онъ снова углубился въ бумаги.

Надо полагать, что Елена Николаевна была права, выказывая заботливое участіе къ печени своего мужа, такъ какъ лежавшій передъ нимъ докладъ подвергался такимъ помаркамъ, а надписи, восклицательные и вопросительные знаки ставились въ такомъ изобиліи, точно передъ г. Красногоръ-Ряжскимъ лежалъ не докладъ о «строптивомъ столоначальникѣ,» а манускриптъ русскаго литератора.

«Строптивый столоначальникъ,» позволившій себѣ въ соборѣ губернскаго города N подойдти къ кресту раньше другого, старшаго чиновника, и не уступившій мѣста, не смотря на сдѣланное

Картина ЯНА МАТЕЙКО.

Евстафій Дашкевичъ, запорожскій гетманъ.

ему по сему предмету предложеніе, въ докладѣ, составленномъ, на основаніи мѣстныхъ донесеній, являлся лишь въ образѣ строптиваго столоначальника, за что господинъ докладчикъ и «полагалъ бы» уволить столоначальника отъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь его никуда не принимать. Но подъ бойкими литерами карандаша его превосходительства «строптивый столоначальникъ» мало по малу терялъ строптивость на счетъ неблагонамѣренности и начиналъ постепенно принимать образъ, болѣе похожій на провинціальнаго Мазаніелло, чѣмъ на удрученнаго семействомъ, солиднаго, хотя и строптиваго столоначальника.

Карандашъ рѣзво шалилъ по докладу, вычеркивая сбоку краткія сентенціи, вродѣ: «для примѣра прочимъ,» «снисхожденіе, какъ учитъ насъ опытъ, не всегда приноситъ плоды,» «важенъ не самый фактъ, а подкладка его» и т. п. Въ заключеніе длинный, прямой, уже притупленный карандашъ «въ свою очередь, полагалъ бы» строптиваго столоначальника..

На этомъ словѣ карандашъ замеръ въ рукѣ его превосходительства.

Г. Красногоръ-Ряжскій послалъ ко всѣмъ чертямъ «строптиваго столоначальника», съ сердцемъ отодвинулъ бумаги и сталъ прислушиваться. Изъ сосѣдней комнаты долетали слабые звуки, голоса... Его превосходительство поморщился, всталъ, подошелъ къ двери и тихонько ихъ пріотворилъ...

Въ его ушахъ ясно раздавался ненавистный голосъ «долговязаго» секретаря, разсказывавшаго нѣжнымъ теноромъ di gracia трогательную повѣсть о посѣщеніи перваго участка истинно бѣдныхъ и нравственныхъ людей. Голосъ его то возвышался до негодующихъ нотъ, то замиралъ, то переходилъ въ тихое журчанье...

«Каналья! Какъ онъ поетъ этимъ дурамъ!» прошепталъ г. Красногоръ-Ряжскій и его желтое лицо перекосилось въ злую усмѣшку. Г. Красногоръ-Ряжскому съ чего-то вообразилось, будто пара прелестныхъ глазъ Елены Николаевны непремѣнно должна въ эту самую минуту смотрѣть на оратора съ выраженіемъ № 1. Какъ бы онъ желалъ удостовѣриться и незамѣтно посмотрѣть! Но это было невозможно, неприлично. Онъ съ сердцемъ затворилъ двери и заходилъ по кабинету. «То-то стала нужна ей моя печень!» проносилось у него въ головѣ и вслѣдъ затѣмъ передъ глазами его мелькали такіе нумера выраженій глазъ его жены, которые часто останавливались на многихъ молодыхъ людяхъ и только разъ въ мѣсяцъ на немъ самомъ, именно 20 числа, когда г. Красногоръ-Ряжскій выдавалъ Еленѣ Николаевнѣ деньги на домашніе и личные ея расходы.

Онъ, наконецъ, присѣлъ къ столу, взялъ снова карандашъ и сталъ продѣлывать съ бѣднымъ строптивымъ столоначальникомъ такія ужасныя комбинаціи, послѣ которыхъ строптивость должна вовсе исчезнуть изъ обращенія въ томъ вѣдомствѣ, гдѣ служили г. Красногоръ-Ряжскій и строптивый чиновникъ.

II.

— И главное отрадно то, милостивыя государыни, говорилъ, между тѣмъ, секретарь «общества для пособія истинно бѣднымъ и нравственнымъ людямъ», высокій (но вовсе не «долговязый») молодой человѣкъ съ вкрадчивыми голубыми глазами и пепельными волосами,—отрадно то, что факты свидѣтельствуютъ о плодотворной дѣятельности нашего, едва окрѣпшаго, младенца-общества. Пусть скептики указываютъ на узкія будто бы рамки нашей дѣятельности, но я смѣю, милостивыя государыни, надѣяться, что дешевый скептицизмъ не смутитъ вашей энергіи. (Разумѣется! Разумѣется!) Если мы поможемъ хотя десяти истинно бѣднымъ и нравственнымъ людямъ, возвративъ обществу дѣйствительно полезныхъ его членовъ, то мы сдѣлаемъ, милостивыя государыни, дѣйствительную услугу и обществу, и возвращеннымъ въ него, хотя, конечно, не въ состояніи будемъ хвалиться тѣмъ обиліемъ получившихъ вспомоществованіе, которымъ щеголяютъ отчеты общества «Утоли моя нужды»... (Очень хорошо!)

Секретарь сдѣлалъ паузу, встряхнулъ головой, словно бы желая сбросить съ нея какую-то тягость, поискалъ подбородкомъ на своемъ-ли мѣстѣ бѣлоснѣжные воротнички рубашки, взглянулъ на Елену Николаевну и на всѣхъ «милостивыхъ государынь», внимательно вперившихъ взоры въ оратора, откинулся назадъ, потомъ подался впередъ, сдѣлалъ тотъ извѣстный жестъ (протягиванія руки впередъ и нѣсколько кверху, ближе къ небу), которымъ артисты александринскаго театра обыкновенно предупреждаютъ публику о патетическомъ монологѣ, и быстро разразился слѣдующей тирадой:

— Милостивыя государыни! Благодаря вашему самоотверженію, съ которымъ вы, часто съ опасностью жизни... да, я могу сказать это: съ опасностью жизни, идете на встрѣчу людскимъ страданіямъ и съ гуманностью, отличающей нашъ вѣкъ, не гнушаетесь снять перчатку, чтобы подать руку помощи нравственности, готовой поскользнуться, наши дружныя усилія дадутъ блестящіе результаты и мы вправѣ сказать себѣ въ глубинѣ сердца, указывая на тѣхъ лицъ, которыя вырваны нашими усиліями изъ бездны нищеты и порока: наше сѣмя не пало на каменистую почву. Голодные накормлены, сирые призрѣны, несчастные утѣшены. Какая награда можетъ быть выше этой! заключилъ свою рѣчь секретарь, опускаясь на кресло и робко опуская свои глаза на имъ же составленный полугодовой отчетъ, подъ бременемъ скромнаго сознанія торжества.

Всѣ до одной «милостивыя государыни»—а ихъ было человѣкъ тридцать—выразили самую горячую благодарность къ оратору за его «прочувствованную» рѣчь. Раздались рукоплесканія, многія говорили: «какъ хорошо», нѣкоторыя даже воскликнули: «очаровательно». Елена Николаевна ни слова не сказала, но за то наградила оратора (когда онъ уже оправился отъ смущенія и поднялъ голубые глаза на «милостивыхъ государынь») такимъ быстрымъ, но теплымъ взглядомъ, который придали ея лицу выраженіе несравненно мягче извѣстнаго мужу подъ номеромъ первымъ.

Что могъ сдѣлать секретарь?

Онъ могъ только встать, приложить обѣ руки («Какія прелестныя руки» шепнула какая-то «милостивая государыня» на концѣ стола, обращаясь къ сосѣдкѣ,) къ борту фрака и раскланяться съ тою же граціей, съ которою раскланиваются оперные пѣвцы. Онъ это и сдѣлалъ и только минуты черезъ двѣ засѣданіе могло продолжаться.

Василій Александровичъ (такъ звали секретаря) снова принимаетъ строго дѣловой видъ и почтительно проситъ у предсѣдательницы, почтенной женщины съ крупными сѣдыми буклями и крупными глазами, позволеніе, согласно программѣ занятій, прочесть списокъ лицъ, получившихъ въ прошломъ мѣсяцѣ пособія. Сѣдыя букли нѣсколько наклоняются впередъ, что, безъ сомнѣнія, означаетъ согласіе. Василій Александровичъ встаетъ и читаетъ:

— Списокъ лицъ, получившихъ въ декабрѣ 187* года пособія отъ Общества для пособія истинно бѣднымъ и нравственнымъ людямъ:

«Вдова маіора Василиса Никифоровна Дементьева получила, согласно протокола отъ 15 марта, за № 1254, ежемѣсячнаго вспомоществованія пять рублей»...

— Это у которой мужъ на Кавказѣ былъ изрубленъ? спрашиваетъ громкимъ голосомъ адмиральша Троекурова.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ ей тихимъ голосомъ графиня Долгова...—Это та самая бѣдняжка, у которой мужъ погибъ въ Днѣпрѣ... Онъ бросился съ обрыва спасать ребенка и утонулъ... Несчастная женщина передавала мнѣ всѣ подробности.

— Или я забыла, но мнѣ кажется, что бѣдная мнѣ говорила, какъ черкесы изрубили ея мужа и онъ погибъ подъ шашками... Впрочемъ...

Адмиральша умолкла и вопросительно взглянула на Василія Александровича.

— Это та несчастная женщина, милостивыя государыни, которая потеряла своего мужа, храбраго русскаго офицера, погибшаго у коканцевъ... Сперва онъ былъ раненъ, потомъ взятъ въ плѣнъ и тамъ казненъ ужасной смертью.. Бѣдная женщина до сихъ поръ не можетъ придти въ себя и когда разсказываетъ, то съ ней дѣлается истерика... Ужасная казнь!

И адмиральша и молодая графиня дѣлаютъ глаза, но боясь ошибиться (такъ много вѣдь вдовъ въ Петербургѣ, у которыхъ мужья погибаютъ особеннымъ образомъ), не роняютъ ни слова, къ благополучію маіорши Дементьевой, болѣе извѣстной, въ росписочной на углу Зеленинной улицы, что на Петербургской, подъ именемъ «сороки-воровки».

Секретарь продолжаетъ:

«Жена колежскаго секретаря Марія Валерьяновна»...

Василій Александровичъ какъ будто конфузится и еле слышно оканчиваетъ: «Горшкова» получила ежемѣсячное пособіе два рубля.

«Мѣщанка Дарья Осипова единовременнаго пособія одинъ рубль семьдесятъ пять копѣекъ».

— Она такая славная эта Дарья! замѣчаетъ графиня Долгова...—Я у нея была... Вообразите, обращается графиня къ предсѣдательницѣ,—трое дѣтей... такія хорошенькія, но, Боже, въ какомъ видѣ.. ни сапожекъ, ни бѣлья, ни платьицъ...

Сидѣвшая рядомъ другая «милостивая государыня», молодая бѣлокурая дѣвица, съ англійской складкой и серьезнымъ лицомъ, тихо покачиваетъ головой и, нѣсколько конфузясь, говоритъ:

— Книга Манасеиной совѣтуетъ имѣть, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать дюжинъ пеленокъ, въ противномъ случаѣ...

— Но тутъ, вы представьте, перебиваетъ ее графиня,—ни одной...

— Ни одной?

— Ни одной!

Всѣ повторяютъ: «ни одной!» всѣ качаютъ головами, всѣ соболѣзнуютъ, всѣ выражаютъ такое искреннее участіе къ тремъ дѣтямъ Дарьи Осиповой, что если бы его можно было употребить вмѣсто пеленокъ, то ихъ хватило бы не только для трехъ дѣтей, но даже еще человѣкъ на пять, если бы только Дарья Осипова имѣла глупость не стѣсняться въ увеличеніи народонаселенія.

— Мнѣ кажется, опять конфузится почему-то дѣвица съ англійской складкой, — слѣдовало бы прибавить этой женщинѣ...

— Я буду имѣть честь предложить вашему вниманію, милостивыя государыни, смѣту пособій на январь и размѣръ вспомоществованій Дарьи Осиповой будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія собранія...

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

Янъ Матейко.

(Рисунокъ на стр. 4.)

Янъ Матейко родился 30 іюля 1838 года въ Краковѣ и получилъ свое художественное образованіе въ тамошней школѣ. Уже въ 1865 году онъ заслужилъ медаль за одно изъ своихъ произведеній, но собственно европейская его извѣстность начинается съ Парижской выставки 1867

года. Сюда явился Матейко на судъ европейскихъ цѣнителей и судей, собравшихся на всемірную выставку, — явился съ картиной «Варшавскій сеймъ 1773 года.» Въ картинѣ было много невыдержаннаго, много незаконченнаго, но яркая печать оригинальнаго таланта уже положительно бросалась въ глаза въ этомъ произведеніи Первая награда на выставкѣ и орденъ Франца-Іосифа достались художнику. Жанръ, которому посвятилъ себя Матейко, — историческая живопись. «Алхимикъ и Сигизмундъ III,» «Призывъ Владислава Мудраго на польскій престолъ», «Люблинское соединеніе Польши и Литвы,» «Придворный шутъ короля Сигизмунда,» «Стефанъ Баторій» у котораго просятъ мира русскіе послы,» «Молитва Короля Іоанна Собескаго передъ битвой съ турками,» и тому подобныя произведенія Матейко получили европейскую извѣстность и воспроизводились въ многочисленныхъ гравюрахъ, въ родѣ той, въ которой у насъ передается въ настоящемъ нумерѣ нашего изданія картина этого художника «Евстафій Дашкевичъ.» У Матейко, какъ и у всякаго художника, есть свои недостатки: у него есть нѣкоторая пестрота красокъ, недостатокъ свѣтотѣни, рѣзкость переходовъ изъ одного тона въ другой, вслѣдствіе чего нѣкоторыя его картины оставляютъ нецѣльное впечатлѣніе. Конечно, всѣхъ этихъ недостатковъ не видать на гравюрѣ, —въ ней можно видѣть только достоинства этого художника, а ихъ у него такъ много. Въ его картинахъ есть всегда что то, если можно такъ выразиться, мужественное: смотря на нихъ, вы всегда можете сказать, что эти произведенія не могли бы быть написаны женщиной. Сила, смѣлость, оригинальность, рѣзкая характеристика выводимыхъ лицъ — вотъ главныя качества Матейко. Прибавьте къ этому блескъ красокъ и изумительную отдѣлку частностей, мелочей, и вы поймете всю прелесть произведеній польскаго мастера. Но если мы, русскіе, можемъ восхищаться произведеніями Матейко, то поляки должны быть безъ ума отъ нихъ, такъ какъ этотъ артистъ, по мѣткому выраженію, является «польскимъ художникомъ Польши.» Вотъ почему его цѣнятъ не только какъ обыкновеннаго художника, но и какъ художника чисто національнаго. Еще недавно ему былъ устроенъ блестящій пиръ, были поднесены лавровые вѣнки изъ серебра, когда онъ уѣзжалъ на театръ военныхъ дѣйствій. Въ 1873 году Янъ Матейко былъ признанъ членомъ Парижской Академіи и назначенъ директоромъ художественной школы въ Краковѣ.

Чортъ и Вѣдьма.

Историческій очеркъ **С. С. Шашкова.**

Было время, когда чорта у язычниковъ не было.

Первобытное язычество не знаетъ ни абсолютно добрыхъ, ни абсолютно злыхъ духовъ; оно и понятно; не только первобытный умъ рѣшительно неспособенъ къ такому обобщенію, къ такому созданію идеаловъ, но и въ самыхъ божествахъ первобытнаго человѣка добро и зло, польза и вредъ такъ перемѣшаны, что эти божества являются человѣку попеременно то добрыми, то злыми. Возьмите, напр., огонь, сколько зла причиняетъ его всепоглощающее пламя, но то же самое пламя даетъ тепло и приготовляетъ пищу.

Но уже въ первобытной жизни чортъ нарождается. Отцомъ его былъ страхъ, и тѣ предметы и явленія, которыя внушаютъ дикарю это чувство, превращались постепенно, если и не въ безусловно злыхъ, то въ преимущественно злыхъ духовъ, и такія божества долго сохраняются даже въ культурныхъ религіяхъ. Таковъ былъ, напримѣръ, у семитовъ Молохъ, богъ всепожирающаго огня, солнечнаго жара и разрушительной войны, для ублаготворенія котораго семиты приносили въ жертву дѣтей своихъ. Но этотъ страшный Молохъ былъ не чортомъ, а божествомъ, которое не прочь было и благодѣтельствовать вѣровавшимъ въ него. Таковъ же былъ и полубогъ древнихъ германцевъ, Локи.

Рядомъ съ этими божествами двойственнаго характера рано въ исторіи развитія появляются духи и боги, безусловно злые. Первобытный человѣкъ очень часто наталкивается на идею безусловнаго зла въ видѣ злыхъ людей, хищныхъ, кровожадныхъ звѣрей и такихъ явленій, какъ опустошительныя болѣзни, которыя у многихъ первобытныхъ народовъ олицетворяются въ видѣ личныхъ божествъ. Холера, оспа, бѣсноватость, эпилепсія, все это результаты дѣятельности злыхъ духовъ, поселяющихся въ человѣкѣ, Такимъ образомъ, міръ духовъ постепенно раздѣляется на два отдѣла, и тотъ, и другой изъ этихъ отдѣловъ объединяются каждый подъ властію своего верховнаго начальника. Готентоты. напр., вѣруютъ въ двухъ главныхъ боговъ, добраго и злого, и называютъ перваго *верхній капитанъ*, а второго *нижній капитанъ*. Индѣйцы Америки, кромѣ Великаго Духа, подателя жизни, вѣруютъ также въ противоположное ему злое начало, которое одни изъ нихъ олицетворяютъ въ видѣ змѣи, а другіе въ видѣ злой бабушки добраго бога. *Черный богъ* тунгусовъ живетъ въ отдаленныхъ непроходимыхъ тайгахъ на сѣверѣ. У него огромные огненные на выкатѣ глаза, плоскій носъ, чудовищная голова; его черные волосы на головѣ и бородѣ все равно, что тайга послѣ бури. Онъ ходитъ всегда въ черномъ тунгускомъ платьѣ и принимаетъ разные виды на пагубу человѣка, то обернется медвѣдемъ, то сохатымъ и т. д. У большинства народовъ сѣвера цвѣтъ чорта *черный*, который и далъ ему его русское названіе, но чортъ не вездѣ черенъ: въ Африкѣ, у негровъ, онъ имѣетъ совершенно бѣлую кожу и прямой европейскій носъ, а о наружности его въ Китаѣ можно судить потому, что каждаго европейца китайцы называютъ *рыжій дьяволъ*.

Историческому развитію понятія о чортѣ, кромѣ разныхъ естественныхъ явленій, внушающихъ человѣку ужасъ, много содѣйствовали бытовыя и этнографическія условія. Въ первобытной патріархальной жизни въ основѣ общества лежитъ дѣйствительное или предполагаемое родство, и каждый чужеродецъ считается человѣкомъ злымъ, вреднымъ, *врагомъ*. Въ то время, какъ въ Египтѣ плодотворящій Нилъ превратился въ добраго бога Озириса, пустыня съ ея губительными песками, съ ея самумомъ, изсушающимъ всякую жизнь превратилась въ дьявола *Сета*, который въ то же время былъ представителемъ всего не египетскаго, иностраннаго, тѣхъ завоевателей и опустошителей, которые въ разныя времена вторгались въ Египетъ и покоряли его. То же самое видимъ мы въ древней Персіи, въ которой человѣкъ долженъ былъ бороться съ холодною зимою, налетавшею къ нему съ сѣвера, съ лихорадками и другими болѣзнями, гнѣздящимися въ нѣкоторыхъ болотистыхъ мѣстностяхъ, и съ хищными кочевниками степей, прилегающихъ къ Каспійскому морю. Страна рѣзко распадалась на двѣ противоположныхъ части, изъ которыхъ въ одной, при благословенномъ климатѣ, росла и развивалась жизнь, между тѣмъ какъ другая то и дѣло высылала противъ первой тучи песка и снѣга, холодные вѣтры и цѣлыя орды степныхъ разбойниковъ. Иранъ былъ положительной противоположностью Турана, и на почвѣ этой противоположности развились представленія о двухъ главныхъ божествахъ, Ормуздѣ и Ариманѣ.

Когда дуализмъ достигаетъ полнаго развитія, что, какъ мы видѣли, случается даже у полудикихъ народовъ, то вся жизнь видимаго и невидимаго міра сосредоточивается въ борьбѣ злого начала съ добрымъ. У монголовъ во главѣ злыхъ духовъ стоитъ Эрленгъ, который, по шаманскимъ преданіямъ былъ младшій изъ сыновей Чингизъ-Хана. Онъ былъ золъ и упоренъ; убьетъ ли какого звѣря—съѣстъ одинъ, захочетъ-ли спать—ляжетъ одинъ, вдали отъ своихъ братьевъ. Однажды пришелъ къ нему Чингизъ, но Эрленгъ даже не захотѣлъ говорить съ отцомъ и повернулся къ нему спиной; раздраженный отецъ поразилъ его стрѣлой. Умирающій Эрленгъ сказалъ ему: «Хотя ты лишилъ меня жизни, но не можешь погубить души моей; хотя лишилъ меня престола, но не въ силахъ отнять у меня владычества въ темныхъ странахъ земли. Я отомщу тебѣ за все зло, отомщу сыновьямъ твоимъ и ихъ потомкамъ. Хотя подданные ихъ размножатся, но не будетъ проходить и одного дня, чтобы я не погубилъ нѣсколькихъ человѣкъ!» Сказавъ это, Эрленгъ испустилъ духъ и сдѣлался владыкою темнаго царства, находящагося на сѣверѣ, на днѣ ужасной бездонной пропасти, гдѣ царствуетъ вѣчная зима и никогда не свѣтитъ солнце. Владѣя легіонами чертей, Эрленгъ разсылаетъ ихъ по землѣ, чтобы вредить человѣку. Разлетаясь по всему міру, демоны ссорятъ людей, вовлекаютъ ихъ въ преступленія, насылаютъ на нихъ болѣзни и смерть. Но добрые боги, заботясь о благополучіи людей, преслѣдуютъ чертей, собираютъ облака и посылаютъ противъ нихъ громъ и молнію. Черти стараются избѣжать небесной кары и скрыться въ деревьяхъ, зданіяхъ, животныхъ, даже человѣкѣ. Но куда бы ни скрылись дьяволы, всюду постигаетъ ихъ роковой ударъ, сокрушивъ и то, въ чемъ они спрятались; боги не щадятъ даже и человѣка, если въ него залетитъ испугавшійся грома чортъ. Съ развитіемъ культуры и въ особенности морали, эта неустанная борьба двухъ началъ получаетъ моральный характеръ. По ученію Зороастра, добрые духи сосредоточены вокругъ Ормузда и дѣятельность ихъ проявляется въ блескѣ солнечнаго восхода, въ сіяніи чистаго неба, повсюду, гдѣ мы видимъ жизнь, плодородіе, счастіе; злые же духи владычествуютъ на холодномъ сѣверѣ и западѣ, гдѣ закатывается солнце, вездѣ, гдѣ преобладаютъ тьма, смерть и болѣзнь. Оба эти міра борятся между собою за человѣка, за его жизнь и смерть, за счастіе или несчастіе, а послѣ его смерти, за его душу. Первое и главное желаніе послѣдователей Зороастра выражается въ молитвенномъ восклицаніи: «да будетъ сокрушенъ Ариманъ, да возвеличится Ормуздъ!» Борьба съ Ариманомъ, со зломъ, грѣхомъ, болѣзнію составляетъ существенную обязанность каждаго правовѣрнаго. Какъ на странное исключеніе, можно указать на секту изедовъ, которые поклоняются исключительно чорту, вѣруя, что со временемъ онъ сдѣлается могущественнѣе, чѣмъ теперь. «Ужели же, говорятъ они, онъ забудетъ несчастныхъ изедовъ, которые одни только никогда не отзывались о немъ дурно и терпѣли за него столько гоненій?» Кромѣ этого исключительнаго поклоненія чорту, въ другихъ религіяхъ мы видимъ или преобладаніе культа злыхъ духовъ надъ культомъ добрыхъ или же равное значеніе ихъ обоихъ. Чѣмъ грознѣе и непобѣдимѣе природа страны, чѣмъ сильнѣе она подавляетъ человѣка, чѣмъ больше въ странѣ общественныхъ бѣдствій, бѣдности, рабства, деспотизма, тѣмъ больше у народа злыхъ божествъ, тѣмъ ужаснѣе страхъ, внушаемый ими, тѣмъ безотраднѣе вся жизнь его. Поразительный контрастъ въ этомъ отношеніи давно уже замѣченъ между Индіей, грозная природа которой породила цѣлые легіоны чертей и невообразимо кровожадныхъ боговъ, какихъ только могло создать необузданное восточное воображеніе, и Греціей, въ которой, при ея прелестной природѣ, демоны являются не очень злыми и грозными, а чертовочки даже очаровательными.

Съ полнымъ развитіемъ дуализма, къ области дьявола относится не только все грѣховное и злое, но и все плотское, въ то время какъ все духовное приписывается царству свѣта и правды. Для индуса, напр., тѣло есть временная темница, въ которой заключена душа его. «Это жилище человѣка, говоритъ Ману, устои котораго —кости, а связи мускулы, этотъ сосудъ, наполненный мясомъ и кровью, покрытый кожей, это нечистое жилище, содержащее въ себѣ нечистоты, подверженное старости, болѣзни и скорби, страданіямъ всякаго рода и страстямъ; это жилище, предназначенное для погибели, должно быть покидаемо съ радостію тѣмъ, кто обитаетъ въ немъ.» Величайшій подвигъ индуса состоитъ въ постепенномъ разрушеніи этого жилища посредствомъ аскетическаго умерщвленія плоти, и въ этомъ отношеніи съ индусомъ соперничаетъ большинство восточныхъ народовъ. При дальнѣйшемъ переходѣ этихъ вѣрованій къ другимъ народамъ, они приняли новыя формы. Въ тоже время, какъ это обыкновенно бываетъ при столкновеніи двухъ враждебныхъ религій, боги Греціи и Рима превращались въ злыхъ демоновъ, и Юпитеръ-громовержецъ низводился на степень обыкновеннаго бѣса, а богиня вѣчной красоты, Венера, представлялась пошлою развратницею. Затѣмъ, при обращеніи варваровъ, разрушившихъ римскую имперію, не только ихъ злые духи, какъ славянскій Чернобогъ или скандинавскій Локи, но даже и добрые ихъ боги тоже переводились въ разрядъ бѣсовъ, и при формированіи образа европейскаго чорта основныя черты его были взяты съ германскаго верховнаго бога Одина. Средневѣковая легенда одѣла своего чорта въ широкополую шляпу и плащъ, снятые ею съ Одина, придала ему ворона, которой былъ и у германскаго бога, посадила его на черную лошадь Одина и т. д. Долго удерживавшіеся въ народной жизни языческіе праздники и обряды превратились въ глазахъ католиковъ въ бѣсовскій культъ, а тайныя религіозныя сборища на горахъ, сопровождавшіяся любовными играми, какъ у насъ Ивановъ день, сдѣлались шабашами вѣдьмъ.

При постепенномъ развитіи европейской демонологіи, чортъ получилъ образъ человѣка чорнаго цвѣта, съ хвостомъ, копытами и рогами; но онъ не всегда является въ томъ образѣ, а часто показывается въ видѣ лошади, собаки, кошки, медвѣдя, голубя, рыцаря, ландскнехта, монаха и т. д. Основная черта его характера—неизмѣримая гордыня и ненасытимое желаніе губить людей, вовлекая ихъ въ грѣхъ, посылая на нихъ болѣзни, смерть, голодъ, засуху, наводненія. Относительно всѣхъ этихъ «искушеній» чрезвычайно интересны показанія средневѣковаго аббата Рихальма. «Посмотрите, восклицаетъ, напр., Рихальмъ, какъ черти мучатъ меня во время разговора кашлемъ, посредствомъ котораго демоны бесѣдуютъ между собой.» Каждый человѣкъ подвергается искушенію не отъ одного бѣса, а отъ цѣлаго легіона ихъ. «Когда я сижу за духовнымъ чтеніемъ, то бѣсы нагоняютъ на меня дремоту или искушаютъ меня погрѣть охолодѣвшія руки. Потомъ они кусаютъ меня подъ платьемъ, какъ блохи, и заставляютъ меня засунуть подъ платье руки, чтобы я, согрѣвшись, разкисъ и перестал читать.» Въ другое время они нагоняютъ безсонницу, производятъ щекотаніе въ носу, заставляютъ сохнуть губы или дѣлаютъ ихъ отвислыми. «Смотрите, восклицаетъ Рихальмъ, вотъ чортъ, который висѣлъ на этой губѣ цѣлыхъ 20 лѣтъ для того только, чтобы она отвисла! Когда я надѣваю шляпу, то они, что почти невѣроятно, стараются помѣшать мнѣ тѣмъ, что начинаютъ кусать меня въ волосахъ, чтобы заставить меня снять шляпу и почесаться!» Когда вновь посвященный, которому аббатъ разсказываетъ все это, говоритъ, что у него при ходьбѣ урчитъ въ животѣ, то Рихальмъ восклицаетъ: «ахъ, это они дѣлаютъ мнѣ каждый день!» Черти всюду сопровождаютъ человѣка цѣлою тучею, «какъ пыль или песокъ, носимый вѣтромъ», они наблюдаютъ за нимъ день и ночь и не опускаютъ ни малѣйшаго случая, чтобы напакостить ему. «Однажды, разсказываетъ Рихальмъ, когда мы носили камни для постройки стѣны, то я слышалъ, какъ черти, сидѣвшіе за камнемъ говорили: «ахъ, какая тяжелая работа!» Они говорили это затѣмъ только, чтобы смутить братію и побудить ее къ ропоту» Черти говорятъ посредствомъ шума. «Вотъ я двинулъ рукавомъ, говоритъ Рихальмъ, и шумъ, причиненный этимъ, есть разговоръ чертей. Если я поцарапаюсь, то они говорятъ посредствомъ царапанья. Каждый шумъ, какой только есть, есть голосъ демоновъ.» Противъ чорта хорошо помогаетъ соль. «Силу соли я часто испытывалъ. Когда за столомъ черти отнимали у меня аппетитъ, то я немного солилъ кушанье, и аппетитъ появлялся снова, но черезъ короткое время пропадалъ опять, тогда я еще солилъ, и мнѣ снова хотѣлось ѣсть.» Когда Рихальмъ спросилъ одного новичка, почему онъ сегодня мало ѣлъ, и послѣдній отвѣчалъ, что онъ совершенно сытъ, то аббатъ сообщилъ ему: «я подслушалъ, какъ черти уговаривались между собой лишить тебя аппетита, чтобы погубить твою жизнь.» — «Но, боже мой, какъ же я буду ѣсть съ полнымъ брюхомъ?» воскликнулъ вновь посвященный. — «Это дѣлаютъ они, объяснилъ Рихальмъ, они и мнѣ часто вздуваютъ животъ, наполняютъ ротъ слизью и всякими способами отнимаютъ аппетитъ, пока я не начну окропляться передъ обѣдомъ водой; это помогаетъ. Тоже они дѣлали съ однимъ братомъ въ продолженіи цѣлаго лѣта, пока онъ умеръ.» По мнѣнію Рихальма жестоко ошибается братія, думая, что ее ѣдятъ вши и блохи; это ее мучатъ и искушаютъ черти... Тѣ же демоны производятъ и опьяненіе. «Сегодня, разсказываетъ Рихальмъ, мы выпили хорошаго винца, и смотрите, какое множество пьяныхъ въ столовой! То же самое случилось въ день всѣхъ святыхъ, когда мы пили хорошее вино и масса пьяныхъ была такъ велика, что я съ трудомъ могъ двигаться среди ихъ по монастырю и ораторіи. Назавтра, впрочемъ, всѣ черти изчезли и монастырь опустѣлъ.» Однажды чортъ искушалъ Рихальма въ образѣ женщины, но аббатъ устоялъ. Черти часто мучали его зубной болью, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ передъ обѣдней полоскалъ ротъ холодной водой. Черти часто соблазняютъ братію тѣмъ, что нагоняютъ на нее разсѣянность, уводятъ изъ монастыря въ городъ и заставляютъ тамъ кутить, соблазняютъ осѣдлать лошадь и уѣхать куда-нибудь въ гости и т. д. «Черти хорошо говорятъ по-латынѣ.» Что же касается ихъ іерархіи, то они раздѣляются на множество классовъ, сообразно чину и занимаемой ими должности. Во всѣхъ монастыряхъ они содержатъ множество чиновниковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое особое назначеніе: одни мѣшаютъ работать, другіе нагоняютъ сонъ, третьи кусаютъ, какъ блохи, четвертые приводятъ въ пьяное состояніе и т. д. Когда демоны замѣчаютъ въ монахѣ признаки злобы, гордости или другого порока, то они радуются, пляшутъ вокругъ него, катаются кубаремъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Стрекоза и муравей.

(Рисунку на стр. 8.)

Отъ бродячаго фигляра
Не осталось ничего,
Только старая гитара
Уцѣлѣла у него.
Дочь его, почти дѣвчонкой,
Съ цей изъ темнаго угла,
Чуть прикрытая юбченкой,
Добывать свой хлѣбъ пошла.

Бѣдной дочери народа,
Взросшей въ омутахъ столицъ,
Дорога была свобода
Перелетныхъ вольныхъ птицъ,
И казалося ей любо
Возбуждать на площадяхъ
Одобренья черни грубой
Въ городахъ и въ деревняхъ.

При вечернемъ полусвѣтѣ
Вкругъ пѣвицы молодой;
Парни, дѣвушки и дѣти
Собиралися толпой
И она, являясь смѣло
Посреди чужихъ людей,
Съ неподдѣльнымъ чувствомъ пѣла
Пѣсни Франціи своей.

Пѣсни, полныя свободы,
И веселья, и любви,
У простыхъ дѣтей природы
Зажигали страсть въ крови;
И порой, за эти звуки
Давъ пѣвицѣ жалкій грошъ,
Ей украдкой жали руки
Старики и молодежь.

А она, подобно птицѣ,
Совершавшей перелетъ,
Покидала эти лица,
Этотъ ласковый народъ
И все дальше, замирая,
Голосокъ ея звенѣлъ,
Точно въ небѣ утопая
Бойкій жаворонокъ пѣлъ.

Какъ не пѣть ей было лѣтомъ?
Разукрашенъ міръ, какъ садъ,
Вѣетъ въ воздухѣ согрѣтомъ
Липъ цвѣтущихъ ароматъ.
Крова нѣтъ—есть ломоть хлѣба,
Такъ о чемъ же горевать?
И подъ звѣзднымъ сводомъ неба
Въ эти ночи можно спать.

Но зимой... зимою стонетъ
Какъ больной, безлистный лѣсъ,
Вѣтеръ тучи въ небѣ гонитъ,
Мрачно смотритъ сводъ небесъ...
Дождь прольетъ, застынутъ лужи...
День коротокъ, ночь длинна,
И грозитъ суровой стужей
И кромѣшной тьмой она.

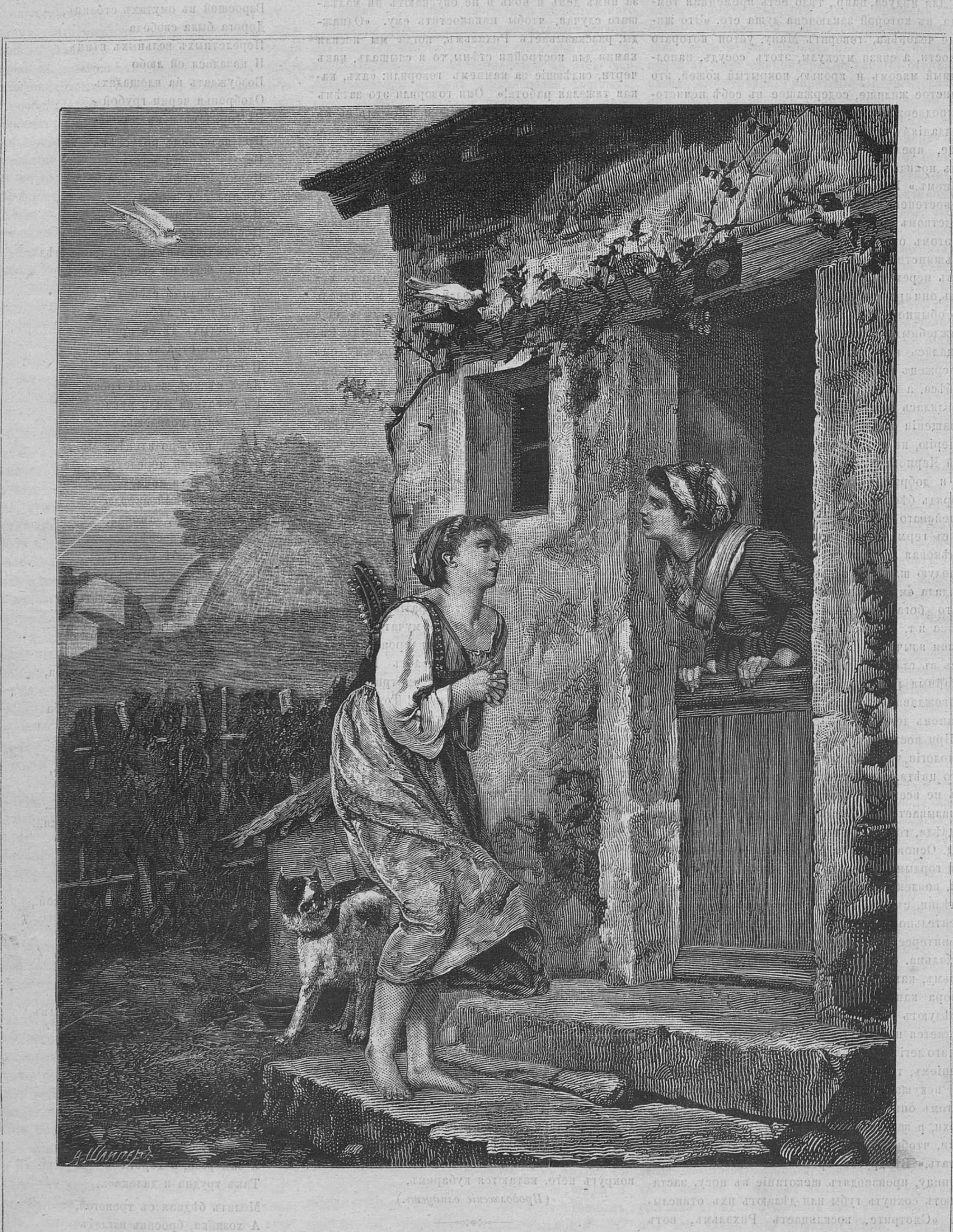
Нуженъ кровъ для птички зябкой...
Вотъ довольства полный домъ
Съ голубями, съ сытой шавкой
И съ лозами надъ окномъ...
Изъ него лицомъ румянымъ
Смотритъ женщина—и вотъ
Ей, дрожа подъ платьемъ рванымъ,
Шепчетъ робко дочь невзгодъ:

«Бѣдной уличной пѣвицѣ
Отдохнуть дай на пути, —
Ночью, въ холодъ до столицы
Мнѣ, усталой, не дойти.
Умоляю, ради Бога,
Дай присѣсть у огонька, —
Я замерзла, а дорога
Такъ трудна и далека»...

Молитъ бѣдная съ тревогой,
А хозяйка, бросивъ взглядъ
Какъ-то холодно и строго
На изодранный нарядъ,
Тономъ ровнымъ и суровымъ
Произноситъ ей въ отвѣтъ:
«Для бродягъ подъ честнымъ кровомъ
Въ нашемъ домѣ мѣста нѣтъ»...

Б. Левинъ.

Картина МЕЦМАХЕРА.



Стрекоза и муравей.

Гравировалъ А. А. Шлипперъ.

Картина РИХТЕРА.

Неаполитанецъ.

Дитя счастливаго народа
Твои отмѣчены черты,
Какъ итальянская природа,
Печатью яркой красоты.

Ты видишь въ жизни много горя,
Но этотъ синій небосводъ
И это блещущее море
Тебя врачуютъ отъ невзгодъ.

Подъ мѣрный плескъ волны прибрежной,
Въ часы полуденнаго сна
Тебя ласкаетъ солнце нѣжно,
Кругомъ же царствуетъ весна:

Лимоны, мирты, лавры, розы,
Фіалки льютъ свой ароматъ
И, погружаясь сладко въ грезы,
Ты счастливъ, веселъ и богатъ.

И въ вѣчной битвѣ изъ-за хлѣба
Ты не увялъ въ короткій срокъ —
И взглядъ твой чистъ, какъ это небо,
Какъ это море, онъ глубокъ.

Б. Левинъ.

Госпожа Жервезе.

Романъ Эдмона и Жюля Гонкура.

(Переводъ П. Лѣтнева.)

I.

— Сорокъ скуди?

— Да, синьера.

— На французскія деньги это выходитъ двѣсти франковъ, не такъ-ли?

— Двѣсти франковъ?.. повторила молодая итальянка, показывавшая комнаты пріѣзжей дамѣ, и тутъ же проворно принялась что-то высчитывать и соображать.

— Да, да, такъ точно... двѣсти франковъ... Но синьера еще не осмотрѣла все помѣщеніе...

Говоря это, она набросила свою шаль на неубранную кровать, и повела иностранку изъ комнаты въ комнату, суетясь и болтая съ словоохотливостью, свойственною всѣмъ квартирнымъ хозяйкамъ вообще.

— Видите-ли... здѣсь нанимали англичане... они уѣхали только сегодня... они такіе неопрятные... вездѣ лили воду... Послѣ нихъ все еще въ безпорядкѣ; служанка еще не успѣла убрать...

Иностранка не слушала ее: она остановилась передъ окномъ, держа за руку своего ребенка, прятавшагося въ складки ея платья, и показывала ему видъ, открывшійся оттуда на площадь.

— Хочешь здѣсь остаться, Поль? спросила она.

Ребенокъ не отвѣчалъ и только поднялъ на мать глаза, сіявшіе счастіемъ.

— Che belezza! вскричала итальянка съ восторгомъ, любуясь ребенкомъ.

При этомъ восклицаніи, мать взглянула на сына такимъ взглядомъ, какъ будто хотѣла разомъ обнять всю его красоту.

— А развѣ онъ не говоритъ? спросила молодая дѣвушка.

— Онъ началъ говорить немного поздно для своихъ лѣтъ, отвѣчала мать и серьезное выраженіе появилось на ея лицѣ.—Такъ это рѣшено? продолжала она, быстро мѣняя разговоръ:—прихожая, кухня, помѣщеніе для служанки и четыре комнаты для меня?

— Да, синьера... мы перейдемъ въ маленькую комнату въ глубинѣ. Для насъ двухъ болѣе и не нужно; не правда-ли, матушка?

Она обернулась къ пожилой женщинѣ въ траурномъ платьѣ, съ увядшимъ, но еще красивымъ лицомъ, которая прислушивалась къ разговору на неизвѣстномъ языкѣ и, казалось, все понимала съ воспріимчивостью, свойственною южнымъ жителямъ.

— Ну такъ я оставляю за собой квартиру...

— Ахъ, синьера, это совсѣмъ не дорого, увѣряю васъ... Еслибъ нынѣшній годъ было болѣе иностранцевъ въ Римѣ...

— Скажите, здѣсь тихо? не бываетъ шума?

— О, здѣсь тихо, внизу нанимаетъ книгопродавецъ, а что касается насъ, мы не принимаемъ никого.

— Видите-ли, я слабаго здоровья... Мнѣ нужны тишина и покой.

— А! такъ синьера нездорова? протянула итальянка, которой овладѣлъ страхъ, общій всѣмъ римскимъ хозяйкамъ, отдающимъ внаймы квартиры, страхъ—заразиться грудной болѣзнью, но иностранка не дала ей времени пораздумать и сказала холодно и отрывисто:

— Такъ кончимъ же нашъ торгъ... Вотъ двѣсти франковъ за первый мѣсяцъ...

Говоря это, она положила деньги на столъ.

— На какое же имя написать росписку? спросила хозяйка, опуская перо въ засохшую чернилицу.

Иностранка протянула ей карточку, на которой было написано: *Г-жа Жервезе.*

Молодая итальянка наклонила голову, тщательно списывая имя и въ то же время посматривая на ребенка, который, обернувъ руку матери ладонью вверхъ, съ жаромъ цѣловалъ ее.

— Какъ вы должны любить его, синьера! вскричала она.

— Его некому любить кромѣ меня, отвѣчала мать со вздохомъ.

— Вамъ извѣстно, синьера, что мы обязаны предъявлять паспорты въ полицію?

— Да; я оставила свой паспортъ въ гостинницѣ; я отдамъ вамъ его завтра, когда переѣду.

— Вамъ угодно будетъ заказывать завтракъ здѣсь?

— Нѣтъ, я намѣрена нанять кухарку, которая будетъ мнѣ готовить... Такъ до завтра... Пойдемъ, Поль... пойдемъ же, Онорина, обернулась она къ своей горничной, прятавшейся гдѣ-то въ углу и чувствовавшей себя совершенно потерянной посреди незнакомаго ей города.

— Ахъ, я и забыла, остановила ее въ дверяхъ итальянка,—я должна васъ предупредить насчетъ обуви, если только ваша горничная...

— Моя горничная только стелетъ намъ постели.

— Ну, такъ два байока за чистку пары ботинокъ, въ пользу нашей служанки...

— Хорошо, ваша служанка получитъ два байока.

И г-жа Жервезе не могла не улыбнуться при мысли о томъ, какъ дешево достается счастіе бѣдняку въ Римѣ.

II.

Общій столъ въ гостинницѣ «Минерва» былъ занятъ въ этотъ вечеръ по большей части туристами, добросовѣстно читавшими «Путеводитель» въ ожиданіи супа.

— Нѣтъ... дайте мнѣ скоромнаго супу для меня и для ребенка, сказала г-жа Жервезе слугѣ, подававшему ей постную похлебку, за постнымъ столомъ, за которымъ она случайно помѣстилась.

При этихъ словахъ духовное лицо, сидѣвшее возлѣ, бросило на нее негодующій взглядъ и отодвинулось нѣсколько въ сторону.

Въ огромной столовой, украшенной вдоль стѣнъ строго-католическими изображеніями изъ гипса, собралось за общимъ столомъ самое разнообразное общество, состоявшее изъ путешественниковъ, съѣхавшихся въ вѣчный городъ со всѣхъ сторонъ свѣта. Однимъ словомъ, пестрая толпа ничтожныхъ личностей, еще болѣе опошлившихся отъ взаимныхъ сношеній и совмѣстной жизни въ гостинницѣ, распоряжалась и шумѣла здѣсь, какъ дома.

Г-жа Жервезе съ облегченіемъ подумала, что это ея послѣдній обѣдъ въ гостинницѣ «Минерва». Ей надоѣдалъ и прискучивалъ весь этотъ шумъ, всѣ эти разговоры, которые она слышала. Ее возмущала болѣе всего самонадѣянность французовъ, ея соотечественниковъ, считавшихъ себя единственною цивилизованною націею въ мірѣ и безпощадно критиковавшихъ римскіе нравы и обычаи по поводу дурно зажареннаго цыпленка и кофе, сервированнаго въ стаканахъ, а не въ чашкахъ.

— Возьми апельсинъ и уйдемъ, сказала она Полю, и увела его, не дожидаясь окончанія десерта.

Былъ уже вечеръ, когда она пришла къ себѣ, и съ наступленіемъ сумерекъ ей овладѣло чувство неопредѣленной грусти, свойственное нѣкоторымъ женскимъ темпераментамъ, которые инстинктивно, какъ больные, боятся темноты. Она взяла сына на колѣни и стала его укачивать, напѣвая колыбельную пѣсню Шумана и склонившись къ ребенку головой.

III.

На другой день г-жа Жервезе входила въ нанятыя ею комнаты. Въ сопровожденіи ребенка, весело прыгавшаго по ступенямъ, она поднялась на небольшую мраморную лѣстницу, выложенную черными и бѣлыми плитами и освѣщенную просвѣтами, въ которые заглядывало солнце сквозь цвѣты въ горшкахъ. Когда дверь затворилась за носильщиками, она испытала то чувство облегченія, свойственное всякому, кто переходитъ на уединенную квартиру изъ шумной гостинницы, гдѣ онъ постоянно находится на глазахъ у всѣхъ. Она съ удовольствіемъ смотрѣла какъ развязывали ея чемоданы, разбирала свои вещи и мечтала о томъ, какъ она здѣсь устроится, наслаждаясь тѣмъ чувствомъ, что она теперь у себя дома.

Комнаты были убраны такъ, какъ онѣ обыкновенно убираются въ Римѣ. Потолокъ, выкрашенный бѣлой краской, раздѣлялся на четыре отдѣла голубыми и красными полосками, обведенными легкими арабесками, съ которыхъ спускались на снуркахъ цвѣточныя корзины. Украшенія изъ сѣраго оникса переплетались на голубомъ фонѣ обоевъ. Полъ былъ устланъ турецкимъ ковромъ съ красными, желтыми, бѣлыми и черными полосами, а на окнахъ колыхались коленкоровые занавѣсы, обшитые бахромой. Небольшіе диваны изъ орѣховаго дерева, жесткіе, какъ камень, прислонялись къ стѣнамъ своими узкими спинками, въ срединѣ которыхъ, въ круглой рамѣ, красовалась Муза играющая на лирѣ. Такіе же стулья стояли вокругъ столика на трехъ ножкахъ и желтыя консоли поддерживались тумбами, изображавшими гермесовъ съ вызолоченными женскими головками. Надъ каминомъ изъ бѣлаго мрамора возвышалось зеркало на позолоченныхъ ножкахъ двухъ грифовъ, зеркало съ тремя отдѣлами, въ тройной рамѣ изъ розоваго дерева. Противъ камина открытое фортепьяно г-жи Жервезе, поставленное еще наканунѣ, а надъ нимъ большая картина хронологіи Папъ, въ рамкѣ, составленной изъ ключей и тіаръ. Эта картина была вышитая по канвѣ религіозной дочерью хозяйки, и по бокамъ ея висѣли пейзажи Клода Лоррена. По всей комнатѣ, на каминѣ, консоляхъ и столикахъ навалена была куча разнообразнаго хлама: образчики мрамора, алебастровыя чаши, бронзовыя фигуры, модели, однимъ словомъ, всѣ необходимыя принадлежности убранства домовъ римской буржуазіи.

Въ этой-то комнатѣ, г-жа Жервезе переходила съ мѣста на мѣсто, усталая и запыхавшаяся, опираясь на свою горничную, которой она приказывала передвинуть ту или другую мебель. Она забывала свою усталость только тогда, когда сынъ ея упрямымъ жестомъ указывалъ ей какой нибудь предметъ, который онъ не могъ достать, а между тѣмъ, съ свойственнымъ дѣтямъ любопытствомъ, хотѣлъ непремѣнно до него дотронуться. Наконецъ, она выбрала темный уголокъ, гдѣ могла отдохнуть; тамъ она почувствовала себя такъ хорошо, что этотъ уголокъ сдѣлался ея любимымъ мѣстомъ. Придвинувъ диванъ къ окну и окруживъ себя подушками, она велѣла Оноринѣ принести сюда столъ и поставить на него ея бюваръ и книги. Надъ головой ея висѣла тростниковая корзинка, переплетенная бѣлымъ съ золотомъ; она приказала наполнить ее цвѣтами. И когда кроватка ея сына была поставлена въ сосѣдней комнатѣ, такъ что она могла всегда въ растворенную дверь видѣть его спящаго, тогда симпатическій воздухъ, окружившій ее, мягкій свѣтъ лампы и уютное убранство комнаты, разлили въ ней то чувство довольства, которое испытываютъ болѣзненныя и нервныя натуры въ обстановкѣ, подходящей къ ихъ вкусамъ.

IV.

Еще не совсѣмъ пробудившись отъ утренняго сна, г-жа Жервезе почувствовала на своемъ

лицѣ свѣтъ и теплоту,—какое-то пріятное щекотаніе въ закрытыхъ рѣсницахъ. Она открыла глаза: изъ-за неплотно спущенной сторы скользилъ солнечный лучъ, упадавшій на самую средину ея подушки.

Она встала съ постели, счастливая этимъ новымъ пробужденіемъ къ удовольствію жизни, отъ котораго ее отучили сѣрые, парижскіе утра, и, накинувъ пеньюаръ на плеча, распахнула окно и стала всматриваться въ прекрасное итальянское небо, какъ будто сулившее безконечную перспективу ясныхъ дней. То была лазурь мягкая, легкая, молочная; небо необъятное, безъ облачка, безъ пятна, глубокое и до того прозрачное, какъ будто выглядѣло изъ глубины водъ,—небо, сохранявшее впродолженіи цѣлаго дня юность и свѣжесть утра. Г-жа Жервезе забылась, опираясь на рамку окна, прислонившись щекой къ рукѣ, вдыхая въ себя эту мягкую лазурь, полускрытая складками слегка колыхавшейся занавѣски. Позади нея отворилась дверь.

— Поль спитъ еще? спросила она у Онорины.

— Нѣтъ, онъ уже всталъ, и если вамъ угодно взглянуть...

Онорина, улыбаясь, подвела г-жу Жервезе къ окну своей комнаты. Тамъ, подъ окномъ, облитый лучами солнца, раскидывался небольшой садъ. Ликованіе роскошнаго, южнаго утра скользило и играло въ блестящихъ листьяхъ, въ яркихъ чашечкахъ цвѣтовъ, выливалось въ знойномъ безмолвіи, въ неслышномъ полетѣ бабочекъ, то бѣлыхъ на зеленомъ фонѣ, то черныхъ на бѣломъ, носившихся въ воздухѣ съ легкимъ трепетаніемъ крыльевъ, какъ атомы счастія, витавшіе въ атмосферѣ. Въ концѣ сада, сверху утеса, струился источникъ чистой воды въ разбитый обломокъ древней гробницы.

Поль былъ тамъ. Въ ночной рубашкѣ, обрисовывавшей круглыя формы его дѣтскаго тѣла, съ руками обнаженными до плечь, въ высокихъ ботинкахъ съ незастегнутыми пуговицами, съ волосами, живописно перепутанными ползучими растеніями, онъ стоялъ у источника, въ нишѣ, на обломкѣ мрамора, подставляя ладони подъ струю воды, скользившую между его пальцами. Онъ стоялъ неподвижный, почти серьезный, сознавая, что служитъ прелестной статуей этому источнику.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Уголки юга.

(Листки изъ путевой книжки) ст. **Е. Л. Маркова.**

I. У стѣнъ Шильона.

Странное и неожиданное чувство! Вся Европа въ снѣгу, Австрія въ снѣгу, Баварія въ снѣгу; въ снѣгу даже милая моя, дорогая воспоминаніями Швейцарія.

Заѣхали было въ Монтре, самый теплый уголокъ Женевскаго озера, огороженный, какъ ширмами, скалами Гліона, — нѣтъ, и здѣсь непріятно! Хоть улицы и безъ снѣгу, но вонъ онъ обсѣлъ кругомъ своими бѣлыми завалами, на всѣхъ скалахъ, холмахъ и горахъ; живописное gorge du chaudron, подъ пустынными водопадами котораго я коротал сколько дней съ карандашемъ въ одной рукѣ, съ хорошей книжкою въ другой, теперь набито снѣгомъ, какъ добрый русскій ледникъ.

Озябшими хоромами русской усадьбы глядятъ съ темени своей посѣдѣвшей высокой скалы опустѣвшіе гостинницы Гліона, полные лѣтомъ до самыхъ чердаковъ англійсккми леди и англійскими дѣтьми...

Даже ближніе холмы съ заманчивыми рощами рѣдкихъ и старыхъ каштановъ, облегающіе съ сѣвера Кларанъ и Верне, и эти любимые пріюты моего уединеннаго скитанья, теперь укрыли снѣгомъ сплошной бархатъ своей зелени, по которому черезъ какой нибудь мѣсяцъ яркими наливными звѣздами высыпетъ первый цвѣтокъ весны...

Это «рощи Юліи», «les bosquets de Julie», прославленные Ж. Ж. Руссо. Я нарочно неспѣша перечитывалъ подъ тѣнью ихъ каштановъ «La nouvelle Héloise», эту скучную и длинную повѣсть сантиментальнаго раціонализма, на которой воспитались С.-Жюсты и другіе ужасные сантиментали 93-го года.

Каштаны, подъ которыми бродилъ Руссо, сказали мнѣ лучше его книги то горячее слово обожанья природы, обожанья природной души человѣка, которымъ былъ наполненъ этотъ страстный и безсильный мученикъ своего идеала..

Теперь, внизу рощицъ Юліи, другія рощицы, болѣе печальныя, болѣе подходившія къ отчаянному настроенію поэта.. Съ глубокою и нѣжною трогательностью прохожу я всегда черезъ милыя безмолвныя кладбища маленькихъ швейцарскихъ городковъ, въ родѣ Кларана и Монтре... Словно это тихій уголокъ добраго сердца, полный грусти и поэзіи, въ который съ бережнымъ благоговѣніемъ, какъ прахъ въ погребальную урну, собираетъ человѣкъ святыя воспоминанія своей любви...

Я всегда сужу народъ и человѣка по могиламъ его ближнихъ.

Развѣ нашъ неогороженный погостъ, сливающійся съ такимъ же, какъ онъ, безбрежнымъ и безотраднымъ полемъ, его провалившіяся, взрытыя свиньями, глиняныя насыпи безъ крестовъ, его покривившіеся и раскраденные кресты, его разсыпавшіеся голубцы съ намалеванными синькою ликами ангеловъ, нестолько ласкающими, сколько пугающими—развѣ тутъ не вся наша, бѣдная, безпредѣльная, мужицкая Русь съ ея невѣжествомъ, съ ея распущенностью, съ ея страстотерпною выносливостью настоящаго, безъ заботы о прошломъ и будущемъ?...

А чугунный неуклюжій памятникъ нашихъ городскихъ кладбищъ, съ аляповатой позолотой, съ безграмотною и нелѣпою надписью, безъ вкуса и симметріи, «закаченный» какимъ нибудь купчиною за большую деньгу,—развѣ это не самъ громоздкій и аляповатый русскій купецъ съ толстымъ брюхомъ на показъ, съ толстой мошной на показъ, едва умѣющій нацарапать свою фамилію?

Католическое кладбище во Франціи, въ Италіи имѣетъ опять свою характерную физіономію; тамъ все—священная аллегорія, кричащее благочестіе въ узкихъ формахъ церковности, тамъ языческая пестрота и образность католической толпы.

Протестантская и демократическая Швейцарія, далекая отъ политическаго блеска и отъ церковной славы, вся преданная своему тихому внутреннему міру, простая, честная, домовитая и задушевная,—сказалась, какъ нельзя полнѣе, въ этихъ маленькихъ, прочно огороженныхъ тѣнистыхъ садикахъ, съ плачущими ивами, съ траурными зонтиками кипарисовъ, подъ тѣнью которыхъ, среди цвѣтниковъ и зелени, воспитанныхъ любящею рукою, за скромными и милыми рѣшеточками, въ кустахъ розъ и жасмина, лежатъ полные поэтическаго вкуса и сердечнаго смысла памятники бѣлаго мрамора, и подъ ними прахъ дорогихъ людей...

На глыбѣ темнаго гранита раскрытая книга благовѣстія изъ бѣлаго мрамора, и на ней золотая строка: «придите ко мнѣ всѣ труждающіеся»...

Это сильнѣе и прекраснѣе самыхъ грандіозныхъ монументовъ.

Я не разъ бродилъ по знаменитому парижскому кладбищу Père Lachaise'а, разсматривая созданья великихъ скульпторовъ и памятники великихъ людей. Много замѣчательныхъ въ отдѣльности вещей представляетъ этотъ великій некрополисъ великаго города, этотъ Парижъ прошлаго, почти такой же неизмѣримый, какъ и настоящій Парижъ...

Но никогда величіе и красота его прославленныхъ памятниковъ не производили на меня такого всепроникающаго впечатлѣнія, какъ ласковая тѣнь этихъ зеленыхъ усыпальницъ Швейцаріи...

Когда поживешь долго въ какомъ нибудь мѣстѣ, сроднишься съ нимъ, облюбишь его,—въ немъ непремѣнно оставляешь часть самого себя; оставляешь ту именно часть, которой не окажется потомъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ... Человѣка словно убудетъ на всю ту сумму душевныхъ впечатлѣній, которыми охватилъ онъ изжитый имъ уголъ земли, его людей, его природу...

Но за то, когда судьба опять поставитъ человѣка лицомъ къ лицу съ этимъ обособившимся прошлымъ его, человѣка наполняетъ чувство какой-то жалостной радости, какъ бываетъ всегда при встрѣчѣ съ тѣмъ, что намъ дорого, но невозвратимо...

Изъ знакомыхъ предметовъ глядитъ на человѣка словно самъ же онъ, но не теперешній онъ, а прежній, часто гораздо лучшій, гораздо болѣе счастливый, со всѣми радостями, волненіями и точками зрѣнія прошлаго...

Да, это я дѣйствительно увидѣлъ себя, озирая съ высоты балкона знакомыя и любезныя сердцу мѣста. Вонъ на самомъ прибоѣ озера пріютился скромный пансіонъ, въ которомъ мнѣ жилось такъ тихо и полно, Pension Bon-Port,—настоящая «добрая пристань». Его чердаки глядятъ прямо на камни улицы, подъ рельсы желѣзной дороги... Онъ утвердился на послѣдней ступенькѣ гористаго берега и какіе за то тяжелые персики висятъ на его воздушныхъ шпалерахъ, для которыхъ отвѣсная скала берега служитъ отличнымъ грунтовымъ сараемъ... Бронзово-зеленыя ящерицы міріадами грѣются на ней всякое утро, какъ мухи на нашихъ стѣнахъ, освѣщенныхъ солнцемъ; тамъ ихъ не тревожатъ даже ловкіе лазуны-коты, которые такъ жирѣютъ въ Монтре, отъѣдаясь на убой ящерицами.

Сквозь то высокое окно съ зелеными жалузи смотрѣлъ ко мнѣ прямо въ комнату, на мой рабочій столъ, вмѣстѣ съ восходящимъ солнцемъ, старый и угрюмый Шильонъ; надъ шпилями и угловатыми грифельными кровлями его римскихъ башенъ, его характерныхъ средневѣковыхъ стѣнъ, съ крошечными бойницами, съ прилепленными башенками съ обсыпавшимися откосами,—сіяла въ огняхъ востока величественная, какъ королевская корона,—далекая зубчатая вершина Dent du Midi..

Dent du Midi,—это весь пейзажъ Женевскаго озера, съ этой стороны. Это главное горное божество, для котораго всѣ остальныя горныя громады служатъ только обстановкою, рамкою картины,—и сплошныя темныя твердыни Савойскихъ горъ, хмурящихся напротивъ Монтре, черезъ озеро, и Dent du Jamant съ своими сосѣдями, позади Шильона...

Отъ Шильона тоже никуда не уйдешь. Онъ придаетъ берегу Женевскаго озера въ этомъ углу такую же характерность, какъ Dent du Midi горному пейзажу.

Всѣ мои прогулки пѣшкомъ, на лодкѣ,—къ Шильону, мимо Шильона. Этотъ мрачный тысячелѣтній тюремщикъ, замшившійся, покрытый морщинами, помнитъ еще времена Рима. Ему не менѣе 15 вѣковъ отъ роду; онъ пережилъ всю европейскую исторію, отъ великаго переселенія народовъ до желѣзной дороги на С.-Готардъ, отъ людей въ звѣриныхъ шкурахъ до англійскихъ журналовъ, на альпійскихъ ледникахъ.

Ему есть что и показать въ своихъ древнихъ

Черкескій пикетъ.

сырыхъ стѣнахъ. Это небольшой, но очень характерный, а главное, вполнѣ живой, музей протекшихъ дней. Онъ и снаружи глядитъ въ высшей степени типическимъ и цѣльнымъ созданіемъ среднихъ вѣковъ, когда всѣ понятія и дѣйствія человѣчества отличались еще наивнымъ упорствомъ и жестокою откровенностью мало думающихъ, но рѣшительно поступающихъ людей. Смотрите, какъ онъ ощетинился своими воинственными башнями, съежившись ими въ неприступное каменное каре, едва прорѣзавъ щели своихъ бойницъ, не для свѣта солнечнаго, не для наслажденія красотой озера, а только для того, чтобы просунуть дуло пищали или конецъ аркебуза; онъ зналъ, что кругомъ него ненависть и опасность, и что его власть—только другое имя его силы. Оттого онъ и не разсчитывалъ ни на что другое, кромѣ гранитныхъ стѣнъ и желѣзной одежды.

Онъ взобрался на эту голую скалу среди бездонныхъ омутовъ озера, настроилъ бойницъ, накопалъ подземелій, наполнилъ оружіемъ свои кладовыя, и подобравъ высоко свои подъемные мосты, отсиживался на недоступномъ утесѣ отъ ненависти населеній, на которыя онъ временами слеталъ съ хищническимъ клектомъ, какъ жадный рыбный орелъ съ своей одинокой кочки, гдѣ, наглотавшись досыта беззащитной рыбы, отдыхаетъ онъ между своими набѣгами и сторожитъ неумолимо зоркимъ глазомъ новую добычу...

Да, откровенность цѣли, откровенность средствъ — по истинѣ достойная этого наивно вѣрующаго времени!... Простота и ясность во всемъ. Положеніе всякаго самое опредѣленное. Владыка — такъ ужь дѣйствительный владыка, грозный, непобѣдимый, неумолимый; въ немъ ничего нѣтъ похожаго на того, кѣмъ онъ владѣетъ, какъ нѣтъ этого сходства между волкомъ и ягненкомъ. Однимъ —работа, бѣдность, страхъ и послушанье, другимъ — хищническій досугъ, роскошь дикаря, дерзость замысла, упорство воли.

Темница — такъ ужь подлинная темница, не келья воспитательно-покаяльнаго пансіона нашей современной криминальности, гдѣ преступникъ окруженъ нравственнымъ и физическимъ уходомъ, какъ больной ребенокъ, а темница, въ которой дѣйствительно вѣчная темнота, куда дѣйствительно не вводятъ, а ввергаютъ, темница библейскихъ сказаній и древняго народнаго эпоса. Въ такой темницѣ, ставшей въ фантазіи человѣка, прообразомъ ада кромѣшнаго, дѣйствительно были «плачъ и скрежетъ зубовный», безъ малѣйшей метафоры.

Въ то дѣвственно-простое, наивное время, коротки и просты были процедуры суда и слѣдствія. Одинъ и тотъ же былъ обвинителемъ и судьею, тюремщикомъ и палачемъ. Рядомъ съ подземельемъ Бонивара, гдѣ злополучный пріоръ С-Виктора томился столько лѣтъ, прикованный къ столбу, и гдѣ его унылые шаги глубоко протоптали даже каменную плиту, — другое подземелье, гдѣ прямо на обломкѣ утеса безъ гильотинъ и эшафотовъ рубили головы узникамъ. Пройдите въ другія башни, повыше, тамъ вы увидите черныя дыры, словно узкіе ходы въ погребъ... Двѣ, три ступеньки чуть виднѣются въ темномъ отверстіи. Эта страшная западня—пресловутая «oublictte»... Ихъ довольно въ бойницахъ Шильона. Стоило ступить шагъ, два, внизъ по этимъ ступенькамъ, а тамъ уже кончалась предательская лѣсенка, и несчастный осужденный обрывался съ высоты нѣсколькихъ саженъ иногда въ пучину водъ, — это было, конечно, самое лучшее для него, — иногда въ какой-нибудь смрадный склепъ, на камни и кости ранѣе его погибшихъ. А пучина водъ подъ стѣнами Шильона не шуточная, саженъ 75, какъ въ морѣ. Зловонною затхлостью несло на меня изъ этихъ отвратительныхъ могилъ, и нога съ судорожнымъ ужасомъ отступала отъ нихъ, въ полутьмѣ узенькой башни...

Но владыки замка не стѣснялись этимъ сосѣдствомъ. Савойскіе герцоги спокойно почивали, ликовали и пировали въ своемъ Шильонѣ, сытые и безопасные за его каменною бронею; съ вершины своихъ сторожевыхъ башенъ они подавали сигналы друзьямъ и соучастникамъ своимъ, которыхъ такія же крѣпкія гнѣзда торчали со всѣхъ сторонъ привольнаго озера, на высокихъ холмахъ и утесахъ; Шателяръ, Блоне, старинные замки которыхъ и теперь живописно вырѣзаются высоко надъ мирными городками берега,— были ближними сосѣдями и вѣрными союзниками Шильона. Вмѣстѣ водили они своихъ желѣзныхъ копейщиковъ брать дани и карать ослушниковъ; вмѣстѣ праздновали свои рыцарскія празднества.

Огромная пиршественная зала Шильона, теперь уставленная пушками водскихъ поселянъ, еще до сихъ поръ полна памятниковъ былой роскоши, былой дворянской гордыни...

Гербы и девизы старинна го рыцарства, знамена савойскихъ князей покрываютъ стѣны и переметы залы, сплошь украшенной искусной и массивной деревянной рѣзьбою.

Тутъ выпивались тѣ тяжелые и объемистые, серебряныя стопы, кубки и чары, полные виномъ, которыхъ не подыметъ въ одной рукѣ разслабленный питомецъ нашей цивилизаціи, тутъ шумѣли грубыя и воинственныя оргіи, тутъ же собирались на совѣтъ, творили судъ и расправу савойскіе владыки съ своимъ вѣрнымъ дворянствомъ... Эта зала веселія и правосудія, какъ разъ надъ подземельями Бонивара, и, конечно, шумъ ночныхъ попоекъ не разъ тревожилъ скорбный сонъ узниковъ...

Проста была тогдашняя правда, но и проста же была за то самая жизнь! ..

Порядочный управляющій барскаго имѣнья въ нашей родной Руси, изъ такъ-называемыхъ «благородныхъ», не согласился бы помѣститься въ покояхъ, въ которыхъ съ самаго XIII столѣтія, такъ долго жили и царили савойскіе герцоги. Спальня герцога съ его грубораскрашенною неизмѣримою деревянною кроватью подъ деревяннымъ же пологомъ, съ широко-открытымъ очагомъ, занимающимъ половину комнаты, въ которомъ можно было изжарить цѣлаго дикаго кабана, съ этою скудостью и простотою своей точеной деревянной мебели, отличается развѣ только искусными рѣзными панелями отъ сторожки какого-нибудь лѣсничаго... Такъ же тѣсна, бѣдна и неудобна опочивальня его герцогини, выходящая прямо въ темный и узкій, какъ щель, коридорчикъ, съ самымъ нечистоплотнымъ сосѣдствомъ... Одинъ шагъ изъ комнаты герцога, и вы среди бойницъ, среди ублієтокъ... Ни свѣту, ни простору, ни покою, ни даже порядочнаго тепла не могло быть въ этихъ безпріютныхъ каменныхъ клѣткахъ.. Но организмы, опорожнявшіе разомъ дѣдовскія стопы, не страдали отъ сырости и отсутствія пріятныхъ пейзажей въ окнѣ ихъ спальни; они ѣли и пили, какъ буйволы, спали, какъ буйволы, грѣлись, какъ буйволы, зажигая въ холодные дни цѣлый костеръ дровъ въ своихъ просторныхъ очагахъ...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Актеръ.

Разсказъ **Альфонса Додэ.** Переводъ **А. Г. Сахаровой.**

Въ этотъ вечеръ Блонкуръ младшій дебютировалъ ролью Чаттертона. Пьеса, не забытая, но уснувшая на нѣсколько лѣтъ, извѣстная только небольшому тѣсному кружку читателей, замкнутая книга,—имѣла всю новизну и весь интересъ перваго представленія. Люди, знакомые съ ней, но не видавшіе ея исполненія, съ любопытствомъ присутствовали при этой сценической передачѣ художественнаго произведенія, при чемъ нѣкоторыя красоты, въ особенности же нѣкоторыя тонкости всегда исчезаютъ, разсѣеваются, такъ сказать, улетучиваются при свѣтѣ рампы, тогда какъ другія обнаруживаются совершенно неожиданно съ помощью голоса и жестовъ актеровъ. Люди, присутствовавшіе на прежнихъ представленіяхъ, были счастливы, потому что имъ удалось вернуть два часа изъ ихъ юности и снова пережить первыя артистическія волненія. Однимъ словомъ, эта прекрасная старая драма, явившаяся среди пошлости современной жизни, восхищала всю залу и заставляла ее молодѣть.

Надо сознаться, что нельзя было представить себѣ болѣе увлекательнаго Чаттертона, какъ этотъ маленькій Блонкуръ. У этого молодого человѣка, сына и внука актеровъ, текла въ жилахъ кровь великаго артиста и онъ хотѣлъ доказать намъ это въ этотъ вечеръ.

Среди волненія рукоплесканій, среди всѣхъ этихъ глазъ, всѣхъ этихъ рукъ, протянутыхъ къ сценѣ, я видѣлъ время отъ времени красивую, неподвижную фигуру, выходящую изъ тѣни коридоровъ, блѣдную при свѣтѣ люстръ. Это былъ отецъ Блонкуръ, пришедшій присутствовать на торжествѣ сына. Сильно взволнованный, онъ часто мѣнялъ мѣсто, являлся во всѣхъ ярусахъ театра, то среди ослѣпительнаго блеска ложъ, то среди шумной толпы галерей, какъ будто бы онъ хотѣлъ измѣрять, изучить во всѣхъ проявленіяхъ этотъ успѣхъ, который былъ отчасти его собственнымъ успѣхомъ. Публика узнала его и указывала на него. Слышалось:

— Взгляните ка на отца Блонкура... Какой у него счастливый видъ!

И аплодировавшіе иногда поворачивались въ его сторону, желая, что бы великій артистъ участвовалъ въ торжествѣ своего воспитанника и своего сына.

И въ самомъ дѣлѣ, слава великихъ актеровъ самая кратковременная слава. Она оканчивается, какъ только они перестаютъ играть. Публика не интересуется ими болѣе. Имъ выпадаетъ на долю участь произнесенной рѣчи, которую вѣтеръ уноситъ, какъ бы хороша она ни была,—звука, замирающаго какъ только нота взята. Но на этотъ разъ, благодаря своему сыну, старый Блонкуръ избѣжалъ этой ужасной участи великихъ актеровъ. Онъ видѣлъ, какъ изъ его былой славы выростала новая слава, какъ изъ его уже свершившейся артистической жизни, начиналась другая жизнь, полная надеждъ. И такъ, бѣдняга былъ сильно взволнованъ. Губы и руки его нервно дрожали въ то время какъ онъ прислушивался. Потомъ, въ каждый антрактъ, онъ бродилъ по корридорамъ, прислушивался къ мнѣніямъ разговаривающихъ и когда къ нему обращались съ рукопожатіями, съ поздравленіями, онъ краснѣлъ, онъ прятался съ смущеніемъ дебютанта, съ трогательной отцовской скромностью.

Проходя мимо него, въ одну изъ такихъ минутъ, я не могъ не выразить сочувствія этому молчаливому счастію.

— Вы должны быть очень счастливы, сказалъ я, пожимая ему руку...—Это громадный успѣхъ...

Я почувствовалъ какъ его холодная, потная рука, быстро, почти съ негодованьемъ, вырвалась изъ моей руки. Старый актеръ взглянулъ на меня съ ужасной улыбкой:

— Какъ! вы тоже... вы меня поздравляете... Неужели никто не съумѣетъ понять всего, что я выстрадалъ... Ахъ! слушайте, я задыхаюсь. Выйдемте.

И онъ увелъ меня изъ театра.

Холодный, пронзительный вѣтеръ дулъ подъ колонадою; но старый актеръ не обращалъ никакого вниманія на него.

— Ахъ! какъ хорошо... какъ хорошо... говорилъ онъ, вдыхая воздухъ съ наслажденіемъ. — Я думалъ, что я сойду съ ума тамъ, въ театрѣ.

Я слушаю цѣлыхъ два часа эти рукоплесканія, эти пошлыя поздравленія, которыя кажутся мнѣ насмѣшкою... Васъ удивляетъ то, что я говорю... Ну да, я завидую. Я завидую моему ребенку, моему сыну, такъ что готовъ лопнуть отъ зависти, вотъ и все!.. Это ужасно, неправда ли? Но зачѣмъ же онъ укралъ у меня мою роль? Я долженъ былъ играть эту роль, я. Это мое амплуа, да къ тому же и Виньи обѣщалъ мнѣ ее. За восемь дней до своей смерти, онъ сказалъ мнѣ: Блонкуръ, когда возобновятъ Чаттертона я разсчитываю на васъ. Вы можете себѣ представить съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ этого. Я не игралъ такъ давно и Парижъ начиналъ забывать меня. Я надѣялся, что, создавъ эту новую роль, я создамъ себѣ вторую молодость, обновлю свой успѣхъ и я изучалъ ее день и ночь, я дѣлалъ новыя открытія. Я приготовился. И вотъ въ одно прекрасное утро мальчишка приходитъ домой, бросается мнѣ на шею и говоритъ: «ахъ батюшка! какъ я доволенъ: я буду играть Чаттертона». Онъ зналъ лучше всѣхъ о томъ обѣщаніи, которое было мнѣ дано, но онъ и не вспомнилъ о немъ въ своей радости. Дѣти такіе эгоисты, когда они счастливы! Мой сынъ нанесъ мнѣ смертельную рану, смѣясь. Онъ сообщилъ мнѣ, что сначала эту роль хотѣли поручить мнѣ, но что меня нашли слишкомъ устарѣлымъ... Слишкомъ устарѣлымъ!... Тутъ устарѣешь поневолѣ, переживая подобныя разочарованія. Я увѣренъ, что въ эти пять минутъ я постарѣлъ на двадцать лѣтъ.... Еще если бы у мальчика вырвалось слово сожалѣнья, слово нѣжности, я сказалъ бы ему просто: «не играй этой роли, ты меня убьешь.» И я увѣренъ, что онъ не сталъ бы играть ее, потому что онъ все таки любитъ меня, этотъ мальчишка! Но гордость удержала меня. Мы стали разсуждать о роли. Онъ спрашивалъ у меня совѣта. Брошюра лежала у меня на столѣ два мѣсяца. Мы вмѣстѣ прочли ее. Я объяснилъ ему, какъ я понимаю роль. Отъ времени до времени, онъ убѣгалъ отъ меня, изучалъ самъ и тѣмъ взглядомъ, котораго у меня уже нѣтъ, хорошо знакомый съ современной публикой, онъ находилъ идеи тамъ, гдѣ я ихъ не замѣчалъ... Что я выстрадалъ во время этого краткаго разговора! Нѣтъ, видите-ли, надо это пережить самому. А всетаки это ничто въ сравненіи съ тѣми муками, которыя я испытываю сегодня вечеромъ...

—О! мнѣ не слѣдовало приходить вечеромъ, продолжалъ онъ.—Но это было свыше моихъ силъ. Любопытство и, можетъ быть, также, мнѣ совѣстно признаться въ томъ, тайная надежда уловить среди рукоплесканій сожалѣнье, воспоминанье обо мнѣ, слышать какъ кто нибудь скажетъ въ залѣ: Ахъ! если бы отецъ Блонкуръ игралъ эту роль. А вотъ же и нѣтъ. Ничего, ни единаго слова. Они только и дѣлали что аплодировали. Между тѣмъ этотъ мальчикъ играетъ совсѣмъ не хорошо. Когда онъ вышелъ, я думалъ, что его освищутъ. Развѣ онъ умѣетъ ходить? Развѣ онъ умѣетъ держаться на сценѣ? Въ этой замѣчательной роли, такой изысканной, такой сложной, онъ не съумѣлъ выдвинуть ни одной эффектной сцены. Нѣтъ, онъ бросился въ эту роль очертя голову, со всей стремительностью молодости. Страстность замѣняетъ ему талантъ. Напримѣръ, въ большой сценѣ съ Кетти, когда Чаттертонъ....

И бѣдняга пустился расписывать мнѣ всѣ недостатки своего сына. Онъ подражалъ его интонаціи, его жестамъ. Съ точки зрѣнія театральнаго искуства его сужденія казались мнѣ очень глубокомысленными, очень справедливыми и я удивился, отыскавъ столько фальшивыхъ нотъ въ томъ цѣломъ, которое меня очаровало. Но, несмотря на это, быстрые и продолжительные аплодисменты каждую минуту долетали къ намъ изъ залы съ шумомъ выпадающаго града, еще усиленнымъ звучностью корридоровъ и тишиной площади.

— Аплодируйте, говорилъ несчастный актеръ, блѣднѣя при каждомъ взрывѣ рукоплесканій, — аплодируйте. Онъ молодъ. Быть молодымъ, въ этомъ вся задача. Я, я старъ. Я устарѣлъ. Ахъ, какъ это глупо!..

Потомъ понижая голосъ и какъ бы разсуждая самъ съ собою, онъ прибавилъ:

— Я испытываю что то необъяснимое. Этотъ негодяй отнимаетъ у меня все: мое имя, мою славу и не ожидаетъ даже моей смерти что бы украсть у меня мои башмаки, а всетаки я не могу не любить его. Вѣдь какъ ни разсуждай, это мой сынъ. Вѣдь я его вскормилъ, воспиталъ, выучилъ и когда я слышу какъ ему аплодируютъ, то одна сторона моей гордости удовлетворена.... Въ игрѣ этого мерзавца есть недурныя мѣста!.. Все несчастье въ томъ, что я выучилъ его моему ремеслу. Мнѣ бы слѣдовало дать его уму другое направленіе и тогда я могъ бы спокойно гордиться имъ и мнѣ не пришлось бы страдать, сознавая, что всѣ тридцать лѣтъ моихъ успѣховъ исчезли передъ его первымъ торжествомъ.

Въ эту минуту толпа начала выходить изъ театра, представленіе кончилось. Незадолго пустая и холодная площадь внезапно согрѣлась и освѣтилась. Одобрительный шепотъ и нѣчто въ родѣ атмосферы успѣха переходили отъ группы къ группѣ, и готовились распространиться по всему Парижу, разливаясь по молчаливымъ улицамъ. Старый актеръ, опираясь на колонну, настороживъ уши, прислушивался къ похваламъ послѣднихъ, запоздавшихъ зрителей.

Вдругъ онъ поддался какому то порыву.

— Прощайте! сказалъ онъ мнѣ очень быстро, хриплымъ, измѣнившимся голосомъ, который испугалъ меня.

Я хотѣлъ его удержать.

— Блонкуръ... Блонкуръ... Куда вы?

Онъ обернулся ко мнѣ своимъ встревоженнымъ, искаженнымъ лицомъ, своими блестящими отъ слезъ глазами.

— Куда я иду? Разцѣловать мальчишку, чортъ бы его побралъ?

«Рождественская сказка.»

Въ суровый вѣкъ торговыхъ спекуляцій,
Банкротствъ, аферъ, продѣлокъ и интригъ,
Когда вражда сосѣднихъ съ нами націй
Внушительно грозитъ намъ каждый мигъ
Паденіемъ солидныхъ облигацій
И крахами, — намъ вовсе не до книгъ,
И потому я съ чувствомъ умиленья
Смотрю на васъ, охотники до чтенья.

Не кормятъ насъ «высокіе предметы»,
Зависимъ мы отъ курсовъ биржевыхъ,—
И потому въ ходу теперь газеты:
Свой приговоръ вычитываютъ въ нихъ
Червонные тузы или валеты,
Смотря на ходъ событій міровыхъ,—
И мужество намъ нужно въ этомъ мірѣ,
Чтобъ помышлять... положимъ, о Шекспирѣ.

Шекспиръ великъ, но—пусть смѣшно сравненье—
Намъ сапоги въ сто тысячъ разъ важнѣй.
Положимъ, вслухъ никто такого мнѣнья
Не выскажетъ, но въ практикѣ своей
Такъ дѣйствуемъ мы всѣ безъ исключенья,
Порой тайкомъ, порою посмѣлѣй,
При чемъ зовемъ явленье это съ тактомъ
Не «истиной», а только «грустнымъ фактомъ».

Но фактъ могучъ и надо очень смѣло
Идти въ разрѣзъ страстямъ и вкусамъ дня,
Чтобъ чтенье книгъ считать еще за дѣло,
Плоды искуствъ и знанія цѣня,
И потому немного уцѣлѣло
Подобныхъ лицъ — и радуетъ меня,
Что я могу, какъ съ рѣдкими друзьями,
Подъ новый годъ вступить въ бесѣду съ вами.

По духу въ васъ я признаю собратій.
Я смѣлъ, какъ вы: я только рядовой
Въ рѣдѣющемъ строю могучей рати,
Отдавшей мечь непобѣдимый свой,
Среди клеветъ, глумленій и проклятій,
Не злобѣ дня, а мысли вѣковой,—
Но нужно быть героемъ по натурѣ,
Чтобъ не краснѣть, служа литературѣ.

Я ей служу — служу и не краснѣю,
Что я не членъ, не прокуроръ суда,
Что не служилъ я въ банкахъ никогда,
Что съ биржею связей я не имѣю,
Что посвятилъ я лучшіе года
На свою свободную работу.

Какъ часовой, не дремлющій на стражѣ,
Къ себѣ въ дневникъ записываю я
Все, чѣмъ живутъ «углы» и «бель-этажи»,
Въ собраніяхъ, на службѣ, у себя,
Среди заботъ о куплѣ и продажѣ,
Во тьмѣ ночной, при освѣщеньи дня, —
И въ сонмищѣ дѣтей пустого вѣка,
Какъ Діогенъ, ищу я человѣка.

Свой потайной фонарь я зажигаю
И съ нимъ брожу по улицамъ столицъ,
Вхожу въ дома, театры посѣщаю,
Не сплю ночей подъ сводами больницъ,
Въ стѣнахъ судовъ ораторамъ внимаю
И въ массѣ сценъ, рѣчей, событій, лицъ
Не трудно мнѣ, какъ въ пестрой панорамѣ,
Найдти сюжетъ къ комедіи иль къ драмѣ.

Я пользуюсь богатымъ матерьяломъ,
Но, какъ скупецъ, сокровища свои
Угрюмо я не прячу по подваламъ,
Чтобъ въ часъ ночной при трепетѣ свѣчи
Разсматривать ихъ взоромъ одичалымъ,
Боясь чужихъ, а главное, родни,
Владѣющей правами по закону
Наслѣдовать въ имѣньи Гарпагону.

Нѣтъ, я не скупъ. Внезапныхъ нападеній
Я на свои богатства не боюсь.
Широкій міръ общественныхъ явленій
Неистощимъ и я не разорюсь,
Хоть каждый день запасомъ наблюденій
Я съ ближними дѣлился и дѣлюсь,
Посильный вкладъ внося въ литературу...
Но долженъ я въ виду имѣть цензуру.

Вотъ почему подчасъ и я бываю
Скупъ на слова, на точки слишкомъ щедръ,
И никому вполнѣ не открываю,
Что вырылъ я изъ сокровенныхъ нѣдръ
У общества. Подобно всѣмъ, я знаю,
Что не одинъ тростникъ, а даже кедръ
Испуганно дрожитъ и съ трескомъ гнется,
Когда гроза главы его коснется.

Но о грозѣ, покуда небо ясно,
Покуда тучъ не видно и слѣда,
Не станемъ мы бесѣдовать напрасно.
Да будетъ пиръ нашъ веселъ, какъ всегда!
Пусть жжёнка льетъ свой запахъ ананасный!
И при ея мерцаньи, господа,
Я объяснить подробно постараюсь,
За что съ своимъ трудомъ я примиряюсь.

Въ нашъ грубый вѣкъ, не надѣленный вѣрой
Въ могущество и торжество добра,
Есть два бича: погоня за карьерой
И слѣдствіе такой гоньбы—хандра.
За счастьемъ мы бѣжимъ, какъ за химерой,
И неудачъ и промаховъ пора
Рождаетъ въ насъ такое чувство скуки,
Что на себя мы налагаемъ руки.

Своей судьбой со смысломъ мы не правимъ,
Не бьемся съ ней втеченьи долгихъ лѣтъ:
Какъ игроки азартные, мы ставимъ
На карту жизнь. Убьютъ ее иль нѣтъ? —

Вотъ въ чемъ вопросъ. Убьютъ—и мы направимъ
Къ пустому лбу спокойно пистолетъ,
Чтобъ за одну проигранную ставку
У жизни взять чистѣйшую отставку.

Гдѣ поводы къ трагической кончинѣ?
О, за глаза достаточно для насъ
Экзамена не выдержать въ латыни,
Не перейдти весною въ старшій классъ,
На новый годъ остаться въ прежнемъ чинѣ,
Прочесть своей любовницы отказъ,
Чтобъ жизнь разбить съ проклятьями. Да, впрочемъ,
Мы вообще о жизни не хлопочемъ.

И то сказать, не счастіемъ отчизны,
Не торжествомъ идеи мы живемъ,
А радостью и скорбью личной жизни,
И если крестъ тяжелый мы несемъ,
То шлемъ судьбѣ мы злобно укоризны,
Хотя бъ прогрессъ мы видѣли во всемъ,—
И эта то духовная проказа
Прилипчива, какъ всякая зараза.

Не избѣжалъ и я ее вліянья.
Вы знаете, я вѣчный холостякъ,
Работой я не нажилъ состоянья,
И въ старости какой-нибудь чердакъ,
Гдѣ слышны бурь осеннихъ завыванья,
Гдѣ царствуетъ угрюмый полумракъ,
Убѣжищемъ послужитъ мнѣ больному...
Готовлюсь я давно къ концу такому.

Писатель я, — а, можетъ быть, извѣстна
Вамъ русскаго писателя судьба:
Пускай онъ трудъ свой совершаетъ честно,
Пускай со зломъ ведется имъ борьба,—
Ждетъ въ старости его въ коморкѣ тѣсной
Удѣлъ къ труду негоднаго раба...
Конечно, здѣсь есть также исключенья,—
Я не могу примкнуть къ нимъ, къ сожалѣнью.

Жизнь для меня не гладкая равнина.
Я испыталъ всѣ муки нищеты
И иногда прошедшаго картина
Мнѣ грезится, и свѣтлыя мечты
Тогда въ душѣ смѣняетъ чувство сплина
Съ вопросами: «Къ чему стремился ты?
За что всю жизнь ты посвятилъ заботамъ?
Чѣмъ утѣшалъ себя подъ тяжкимъ гнетомъ?»

Такой приливъ тревоги и сомнѣнья
Я выстрадалъ недавно. На пролетъ
Провелъ я ночь въ своемъ уединеньи
Безъ отдыха, безъ сна, среди работъ,
И, кончивъ ихъ, въ тяжеломъ настроеньи
Присѣлъ къ окну: у рыночныхъ воротъ
Шли споры, смѣхъ, торги, сужденья, толки —
И высились рождественскія ёлки.

И вспомнилъ я, смотря на эти лица
Такъ радостно шумѣвшихъ бѣдняковъ,
Что въ этотъ день отпразднуетъ столица
Любимый пиръ младенческихъ годовъ,
И нуждъ, трудовъ, лишеній вереница
Передъ огнемъ семейныхъ очаговъ
Забудется при серебристомъ смѣхѣ
Ребяческихъ восторговъ и потѣхи.

Семейный міръ! Какъ въ этомъ словѣ много
Завиднаго сердцамъ холостяковъ,
Плетущихся тяжелою дорогой
И знающихъ, что ласка и любовь
Не встрѣтятъ ихъ усталыхъ у порога,
У ихъ пустыхъ, холодныхъ очаговъ,
Гдѣ злой укоръ за жизнь и трудъ безъ цѣли
Не смолкнетъ вдругъ у дѣтской колыбели.

Не свилъ и я себѣ гнѣзда такого:
Я выбралъ самъ невѣрный путь себѣ
Съ сознаніемъ, какъ много роковаго
Всегда лежитъ въ писательской судьбѣ,
Ведущей насъ отъ очага родного
Къ опасностямъ, тревогамъ и борьбѣ,—
И не связалъ ничѣмъ своей свободы,
Чтобъ не блѣднѣть въ минуты непогоды.

Я самъ вступилъ безъ страха и сомнѣнья
На этотъ путь и все-таки во мнѣ
Проснулось вдругъ невольно сожалѣнье
О томъ, что мнѣ не суждено въ семьѣ
Въ дни отдыха найдти успокоенья
И радостей, любуясь въ тишинѣ
Игрой дѣтей и матерью ихъ нѣжной,
Проникнутой любовью безмятежной.

Я посылалъ судьбѣ своей проклятья
И говорилъ, что сердцемъ не жилъ я,
Что люди мнѣ чужіе, а не братья,
Что нѣтъ любви въ сердцахъ ихъ для меня,
Что лишь одни продажныя объятья
Открыты мнѣ и жизнь пройдетъ моя,
Участія ни въ комъ не вызывая,
Ничьей судьбы въ себѣ не отражая.

И вотъ среди тоскливыхъ опасеній
За будущность, не находя въ быломъ
Ни счастія, ни ласкъ, ни наслажденій,
Измученный, я позабылся сномъ.
И снилось мнѣ: какой то свѣтлый геній
Мнѣ говорилъ, склонясь ко мнѣ челомъ:
«Вставай! иди за мною, малодушный!»...
И я пошелъ за нимъ, какъ рабъ послушный...

Въ сырой подвалъ онъ ввелъ меня сначала:
Подъ сводами убогаго жилья
Былъ полумракъ. Здѣсь женщина лежала,
Едва дыша. Передъ больной дитя
Голодное, тщедушное стояло,
Испуганно въ глаза ея смотря
И лепеча чуть слышно: «мама, мама!»...
Здѣсь въ этотъ мигъ кончалась жизни драма.

Страшна была печальная картина.
Но, Боже мой, какъ былъ я потрясенъ
Рыданьями! Въ углу сидѣлъ мужчина
И, не боясь нарушить мирный сонъ,
Лежавшаго предъ нимъ грудного сына,
Какъ женщина, рыдалъ въ безсильи онъ,—
И спутнику я прошепталъ съ тревогой:
«За докторомъ скорѣе, ради Бога!»...

Чтобъ облегчить несчастнымъ гнетъ мученій,
Какъ нѣжная и любящая мать,
Слова любви, и ласкъ, и утѣшеній
Въ своей душѣ старался я сыскать
И, посадивъ ребенка на колѣни,
Почувствовалъ, что въ этотъ мигъ опять
Изъ глазъ моихъ текли святыя слезы,
Забытыя среди житейской прозы.

Отецъ семьи на теплое участье
Откликнулся. Онъ говорилъ съ тоской,
Какъ давятъ ихъ и нужды, и несчастья,
И грудь моя полна была мольбой,
Чтобъ Богъ ихъ спасъ и даровалъ имъ счастье,
Какъ вдругъ, смѣясь, шепнулъ мнѣ спутникъ мой:
«Опомнися! Всѣ люди безъ изъятья
Тебѣ вполнѣ чужіе, а не братья!»

Меня увлекъ онъ быстро изъ подвала
И перенесъ въ богатый мирный домъ.
Здѣсь колыбель роскошная стояла,
Красуяся въ атласѣ голубомъ,
И кисеей прикрытая лежала
Малютка въ ней, забывшись сладкимъ сномъ,—
И видѣлъ я, что съ колыбелью рядомъ
Сидѣла мать ребенка съ скорбнымъ взглядомъ.

Она была прекрасна и едва ли
Несчастлива въ семьѣ была она:
Ей небеса въ избыткѣ даровали
Все, что могли, и все таки полна
Тревогъ, тоски, унынья и печали
Въ полночный часъ она не знала сна
И возникалъ въ ея воображеньи
Рядъ скорбныхъ сценъ послѣдняго сраженья.

Бой замолчалъ. Все стихло. Только птицы
Еще не спятъ. Онѣ, почуявъ кровь,
Проносятся крикливой вереницей
Надъ трупами погибшихъ храбрецовъ
И въ блѣдныя, израненныя лица
Впиваются... И шумный пиръ враговъ
Надъ трупами зловѣщъ, и дикъ, и страненъ...
Но гдѣ же *онъ*... Убитъ *онъ* или раненъ?

Онъ—мужъ ея—дрался въ тотъ день съ врагами.
До полночи продлился адскій бой.
Побѣдою надъ вражьими войсками
Онъ кончился для насъ... Но, Боже мой,
Какой цѣной она купилась нами?
Кто жертвой палъ въ той схваткѣ боевой?
И сердце ждетъ, что скажутъ телеграммы
О роковомъ концѣ кровавой драмы.

Вѣстей же нѣтъ... Въ ней сердце замираетъ
И все же скорбь должна она скрывать:
Проплачетъ ночь, а утромъ обнимаетъ
Съ улыбкою его старушку мать
И думаетъ, что та не замѣчаетъ
Ея тоски... Ей страшно нарушать
Блаженный миръ надеждъ и упованій...
Святой обманъ двухъ любящихъ созданій.

Какъ и ее, не сладкою дремотой
Въ полночный часъ дарилъ старушку Богъ.
Склонивъ свои колѣни предъ кіотой,
Подъ бременемъ мучительныхъ тревогъ,
Рыдала мать, ища себѣ оплота
У Господа, молясь, чтобъ онъ помогъ,
Чтобъ спасъ въ бою ея любимца Сашу
И отвратилъ отъ нихъ страданій чашу.

И видѣлъ я ее и умилился
И вмѣстѣ съ ней молился въ тишинѣ,
Чтобъ самъ Господь въ бою за насъ вступился,
Чтобъ положилъ скорѣй предѣлъ рѣзнѣ,
Чтобъ братскій миръ повсюду водворился,
Чтобъ слѣдъ вражды утратился вполнѣ,
Чтобъ мирный плугъ загладилъ терпѣливо
Изрытыя грозой военной нивы.

Молился я о томъ, чтобъ меньше пало
Кровавыхъ жертвъ среди чужихъ полей,
Чтобъ скорбь утратъ тяжелыхъ миновала
Несчастныхъ женъ, дѣтей и матерей,
И горькою насмѣшкой прозвучала
Рѣчь спутника среди мольбы моей:
«Война тебѣ не принесетъ утраты —
Тамъ у тебя нѣтъ ни отца, ни брата!»

Онъ свелъ меня изъ барскаго жилища
На самый верхъ: здѣсь былъ швеи пріютъ,
Лишенной благъ земныхъ, едва не нищей,
Кормившейся на свой поденный трудъ,
И вѣяло, какъ ночью на кладбищѣ,
Безмолвіе безрадостное тутъ:
Пріютъ былъ малъ, невзраченъ, душенъ, тѣсенъ
И шла въ немъ жизнь безъ радостей и пѣсенъ.

Свое шитье оставивъ на мгновенье,
Безцѣльный взглядъ куда то устремивъ,
Работница въ нѣмомъ оцѣпененьи
Забылася. Ее душилъ приливъ
Тупой тоски, рождая сожалѣнье
О томъ, что, жизнь въ работѣ загубивъ,
Она умретъ, томясь и голодая,
Ни радостей, ни счастія незная.

Ей грезились веселыхъ пѣсенъ звуки,
Слова любви, порывисто ее
Въ объятіяхъ сжимали чьи-то руки
И страстный взглядъ сжигалъ ея лицо,
И слышался ей шопотъ, полный муки
И счастія: "Прости, прости за все!..»
Простить? За что? За то, что лучъ денницы
Прорвался къ ней на мигъ во мракъ темницы?...

Я угадалъ ея мечты и грезы,
Въ ея душѣ, какъ въ книгѣ, я читалъ,
Я зналъ, что грудь ея душили слезы,
Тогда какъ мозгъ горячій создавалъ,
Подъ бременемъ вседневной, пошлой прозы,
Невѣдомыхъ восторговъ идеалъ, —
И думалъ я, исполненный участьемъ;
Какимъ путемъ пойдетъ она за счастьемъ?
Кто бѣдную случайно приголубитъ?
Кто отъ нее услышитъ «я твоя!...»

Быть можетъ, онъ, шутя, ее полюбитъ
И отъ нее уйдетъ потомъ, шутя,
Не думая, что онъ на вѣки губитъ
Невинное, наивное дитя...
Вѣдь ласками, и клятвами и лестью
Легко играть дѣвическою честью.

Я сталъ, какъ братъ, ей объяснять въ волненьи,
Что дорого мы платимъ иногда
За краткія минуты наслажденья,
Что страшенъ путь паденья и стыда,
Что высоко великое значенье

Но предо мной уже сверкалъ огнями,
Одинъ изъ тѣхъ студенческихъ пировъ,
Гдѣ юноши еще полны мечтами,
Гдѣ горячо еще клокочетъ кровь,
Гдѣ всѣ еще безстрашными глазами
Глядятъ впередъ и молодыхъ умовъ
Не леденятъ корыстные разсчеты
О выгодахъ и барышахъ работы.

И я воскресъ.—Печальный и усталый,
Я сталъ опять и веселъ и здоровъ
И посреди студентовъ, какъ бывало,

И слышался мнѣ голосъ укоризны:
«Чего-жъ еще ты требуешь отъ жизни?
«Чѣмъ ты еще хотѣлъ бы наслаждаться,
«Когда тебѣ судьбою суждено
«Со всей толпой народною сливаться
«И радостно иль скорбно — все равно —
«Отзывчиво съ ней плакать и смѣяться,
«И чувствовать, и думать за одно,
«И въ дни, когда ее гнетутъ сомнѣнья,
«Вести ее въ извѣстномъ направленьи?
«Ты сѣтовалъ, что дни твои проходятъ

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ.

Болгары, скрывающіеся отъ турокъ.

Рисунокъ М. Андріолли.

Упорнаго и честнаго труда,
Что только тѣмъ душевный миръ понятенъ,
Кто сохранилъ себя отъ грязныхъ пятенъ...

Но не успѣлъ я кончить рѣчи страстной.
Когда опять замѣтилъ спутникъ мой,
Что свой покой смущаю я напрасно
Заботами объ участи чужой,
И въ голосѣ его звучала ясно
По прежнему насмѣшка надо мной
И стало мнѣ за ропотъ мой невольно,
Какъ школьнику, и совѣстно и больно.

Въ моей груди заволновалась кровь
И ожили и вѣра въ идеалы,
И рой надеждъ и страстная любовь,—
И молодымъ друзьямъ хотѣлъ сказать я:
«Студенты всѣхъ временъ—родные братья»....
Но передо мной уже открылъ мой геній
Рядъ пестрыхъ сценъ и за одно съ толпой
Свершающей свой путь среди мученій
И радостей, то бодрой, то тупой,
Переживалъ я сотни впечатлѣній,
И чувствъ, и думъ со всей ихъ полнотой

«Безъ радостей семейнаго гнѣзда,
«Но счастье въ немъ немногіе находятъ
«И многіе въ немъ гибнутъ навсегда,
«И всѣ мечты возвышенныя сводятъ,
«Въ концѣ концовъ, къ стремленью, чтобъ всегда
«У нихъ былъ хлѣбъ—и ихъ довольства годы
«Протянутся... до первой непогоды...

«Пусть тотъ, чья цѣль въ наживѣ и карьерѣ,
«Чей трудъ тяжелъ, какъ скучный трудъ машинъ,
«Кто къ должности прикованъ какъ къ галерѣ,
«Кто высидѣлъ на службѣ только сплинъ,—

С картины ПЕРСИ МЭКЮОИДА.

Во времена террора.

«Спасается въ семейной, узкой сферѣ.
«Но ты—поэтъ, писатель, гражданинъ,
«И цѣль твоя и путь твой въ этомъ мірѣ
«Прекраснѣе, возвышеннѣй и шире.

«Міръ—вотъ семья безсмертная поэта,
«Міръ—вотъ его негаснущій очагъ,
«И быть чужимъ не можетъ онъ для свѣта,
«Покуда въ немъ не жаждой личныхъ благъ,
«А къ обществу любовью грудь согрѣта,
«Покуда онъ не думаетъ, какъ врагъ,
«Хоть что нибудь у родины похитить,
«Чтобъ для своихъ птенцовъ гнѣздо ухитить.

«Иди жъ впередъ бодрѣй и все, что видѣлъ
«Согражданамъ своимъ передавай,
«Кто слабаго и нищаго обидѣлъ,
«Кто предавалъ врагамъ родимый край,
«Кто истину и гналъ, и ненавидѣлъ,
«И честные порывы пробуждай
«Въ людскихъ сердцахъ, что въ нихъ была до гроба
«Смѣла любовь и неподкупна злоба».

«Вставай! Пора!» проговорилъ мнѣ кто-то.
Открылъ глаза въ недоумѣньи я
И увидалъ, очнувшись отъ дремоты,
Что я проспалъ на креслѣ у себя
До вечера, усталый отъ работы,
Что собрались ко мнѣ мои друзья
И, весело болтая безъ умолку,
Зовутъ скорѣй къ пріятелю на ёлку.

Тамъ ждали насъ. Ко мнѣ сбѣжались дѣти
Съ вопросами: «Ты сказку намъ привезъ?»
«Она съ тобой?» и подъ распросы эти
Я понялъ смыслъ своихъ недавнихъ грезъ
И одного желалъ себѣ на свѣтѣ,
Чтобъ въ будущемъ мнѣ только удалось
Зажечь въ сердцахъ растущихъ поколѣній
Святой огонь возвышенныхъ стремленій.

Нѣкто.

Раздѣленіе труда въ жизни природы.

Лекціи профессора іенскаго университета д-ра **Эрнста Геккеля.**

I.

Многимъ лицамъ вопросъ «о раздѣленіи труда въ жизни природы» можетъ показаться страннымъ и слишкомъ избитымъ, такъ какъ почти каждый изъ насъ считаетъ себя достаточно ознакомленнымъ, уже изъ одного повседневнаго опыта, съ сущностью и результатами этого важнаго условія въ области труда. При первомъ взглядѣ на какую бы то ни было группу человѣческихъ личностей въ нашихъ цивилизованныхъ обществахъ, становится яснымъ, что раздѣленіе труда, то есть, разнообразная дѣятельность личностей, соединившихся для одной какой либо общей цѣли, составляетъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ культуры, представляя собою то необходимое основаніе, на которомъ зиждется существованіе и дѣйствительность всего этого союза.

Въ каждой мастерской, каждой фабрикѣ, въ каждомъ сельскомъ хозяйствѣ, цѣлесообразное раздѣленіе труда между различными рабочими силами составляетъ первое условіе для успѣшнаго хода дѣла. Скажемъ болѣе: въ отношеніи всего развитія человѣческой культурной жизни, раздѣленіе труда имѣетъ столь громадное значеніе, что, собственно, степень сказаннаго раздѣленія можетъ всегда служить мѣриломъ самой степени развитія общества. Дикіе народы, коснѣющіе понынѣ въ своемъ первобытномъ невѣжествѣ, также чужды культурѣ, какъ и раздѣленію труда, которое или вовсе имъ незнакомо, или же ограничивается у нихъ, какъ у большинства животныхъ, тѣмъ различіемъ занятій, которое обусловливается различіемъ половъ. Съ другой стороны, главная причина тѣхъ исполинскихъ успѣховъ, которые совершены нашею культурною жизнью въ послѣднее пятидесятилѣтіе, заключается именно въ настоящей крайне высокой степени раздѣленія труда, замѣтной, въ особенности, въ области естественныхъ знаній и ихъ практическаго примѣненія. Новѣйшая наука съ ея микроскопами и инструментами, новѣйшія способы сообщеній посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, новѣйшій способъ веденія войны съ ея скрорострѣльными ружьями и разрывными снарядами, все это стало осуществимымъ, лишь благодаря безконечному развѣтвленію труда въ наше время,—осуществимымъ потому, что каждый инструментъ, каждая машина, каждое оружіе требуютъ сотни человѣческихъ рукъ для своей окончательной выработки. Сколько возникло у насъ вслѣдствіе этого, совершенно новыхъ формъ труда, сколько появилось новыхъ рабочихъ орудій, и на сколько повліяли всѣ эти изобрѣтенія на развитіе самого производства, равно какъ и на характеръ работающихъ!

На ряду съ этими общественными условіями раздѣленія труда въ обществѣ, существуетъ въ природѣ, равно какъ въ человѣческой жизни, цѣлый рядъ подобныхъ явленій, имѣющихъ не меньшее значеніе, но проходящихъ, большею частью, совершенно незамѣтно для насъ. Какъ ни странно сказать, но самыя важнѣйшія и вліятельныя изъ этихъ явленій остаются неизвѣстными большинству; частью же, они и открыты наукой, лишь въ послѣднія десятилѣтія. Сюда принадлежатъ тѣ формы раздѣленія труда, которыя извѣстны въ наукѣ подъ именемъ диференцированія, спецификаціи или спеціализаціи, полиморфизма индивидовъ и расхожденія характеровъ [1]). Настоящія лекціи имѣютъ цѣлью обратить общее, вполнѣ заслуживаемое вниманіе на эти малоизвѣстныя явленія, имѣющія, между тѣмъ, весьма важное значеніе для уразумѣнія человѣческой жизни.

Для большей цѣлесообразности, мы начнемъ съ тѣхъ условій въ жизни животныхъ, которыя ближе всего подходятъ къ извѣстнымъ раздѣленіямъ труда въ человѣческихъ организмахъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, безпристрастный взглядъ науки усматриваетъ повтореніе условій человѣческой жизни въ мірѣ животныхъ, причемъ простѣйшія формы этой послѣдней служатъ къ истинному разъясненію болѣе всего запутанныхъ формъ въ мірѣ человѣческомъ. Къ сожалѣнію, и понынѣ еще не вполнѣ искорененъ предразсудокъ, согласно которому явленія человѣческой жизни считаются чѣмъ-то особеннымъ, сверхъестественнымъ, чуждымъ всякаго возможнаго сравненія съ происходящимъ въ мірѣ животныхъ. Однако, признаніе тождественности причинъ всѣхъ явленій, въ томъ числѣ и относящихся до человѣка, дѣлаетъ успѣхи съ каждымъ днемъ, постепенно разрушая искуственныя преграды и заставляя каждаго не предубѣжденнаго наблюдателя понимать, что человѣкъ есть избранный и высше развитый организмъ, но, тѣмъ не менѣе, если мы станемъ его разсматривать только какъ организмъ, то съ этой стороны мы увидимъ, что его строеніе, жизненная дѣятельность и происхожденіе представляютъ много тожественнаго съ строеніемъ, физическою дѣятельностью и происхожденіемъ всѣхъ остальныхъ организмовъ.

[1]) Дарвинъ въ своей книгѣ «О происхожденіи видовъ» называетъ расхожденіемъ характеровъ тотъ родъ раздѣленія труда, который проявляется между индивидами одной и той же породы и живущими въ одномъ и томъ же мѣстѣ, при ихъ борьбѣ за существованіе, при чемъ это самое раздѣленіе ведетъ къ видоизмѣненіямъ и къ образованію новыхъ породъ. Сказанное «расхожденіе характеровъ» между индивидами основывается, въ качествѣ «морфологическаго» процесса, на «физіологическомъ» раздѣленіи труда, подобно тому какъ и такъ называемое отъединеніе или диференцированіе органовъ, составляющее главный вопросъ сравнительной анатоміи

Одни и тѣ же вѣчные и неизмѣнные естественные законы, которые управляютъ жизнью животныхъ и растеній, господствуютъ и надъ всею человѣческою жизнью въ ея прогрессивномъ теченіи...

«По вѣчнымъ, желѣзнымъ,
Великимъ законамъ
Мы всѣ безъизъятья
Свершаемъ покорно
Весь кругъ бытія.»

Этотъ взглядъ подтверждается въ особенности изученіемъ *раздѣленія труда*. Какъ у человѣка, такъ и у животнаго, высшая степень развитія зависитъ, главнѣйшимъ образомъ, отъ наибольшей степени раздѣленія труда. Существуютъ породы животныхъ, въ которыхъ раздѣленіе труда между индивидами, связанными въ общество, ограничивается, какъ у самыхъ дикихъ народовъ, простѣйшею соціальною формою,—различными занятіями и раздѣленіемъ обоихъ половъ, то есть, бракомъ. Но мы видимъ тоже многія другія породы животныхъ, проводящія систему раздѣленія труда въ своей общественной жизни гораздо далѣе, и именно, до степени того ея высшаго соціальнаго развитія, которое мы обозначаемъ уже именемъ государственности [2]).

Самое извѣстное изъ подобныхъ государствъ въ мірѣ животныхъ есть *государство пчелиное*. Во главѣ его стоитъ королева, которая олицетворяетъ въ себѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова, матерь народа. Народъ этотъ состоитъ изъ 15,000 — 20,000 рабочихъ пчелъ и 600 — 800 трутней или пчелъ-самцовъ. На трудолюбивыхъ пчелахъ-работницахъ лежатъ всѣ заботы о существованіи улья: онѣ собираютъ цвѣточную пыль, приготовляютъ медъ и воскъ, строятъ ячейки, ухаживаютъ за дѣтвой и пр. Трутни, образующіе придворный штатъ королевы, живутъ, подобно ей плодами трудовъ работающихъ пчелъ и единственная работа ихъ состоитъ въ поддержаніи породы.

Внутренній строй и удивительныя соціальныя отношенія пчелиныхъ государствъ слишкомъ извѣстны для того, чтобы мы стали разсматривать ихъ снова. Менѣе знакомы намъ, хотя еще замѣчательнѣе, государства нѣкоторыхъ другихъ насѣкомыхъ, напримѣръ, *муравьевъ* и *термитовъ* (такъ называемыхъ: бѣлыхъ муравьевъ). Въ каждомъ изъ этихъ государствъ встрѣчаются по три, иногда по четыре и даже по пяти различныхъ формъ индивидовъ, возникшихъ вслѣдствіе правильнаго раздѣленія труда. Въ муравьиныхъ обществахъ существуютъ постоянно налицо три подобныя формы: *крылатые самцы*, *крылатыя самки* и *безъ крыльевъ рабочіе*, значительно превосходящіе своею численностью два первые класса. Иногда встрѣчается и четвертый классъ, а именно: безкрыльевъ рабочіе дѣлятся на собственно рабочихъ и на воиновъ, причемъ эти послѣдніе отличаются особымъ тѣлосложеніемъ.

Подобно тому какъ у пчелъ, всѣ тяготы жизни падаютъ у муравьевъ и термитовъ, на тотъ же неутомимый классъ рабочихъ, три остальные класса живутъ болѣе въ свое удовольствіе. Крылатые самцы и самки, на обязанности которыхъ лежитъ только поддержаніе породы, забавляются, кружась и летая на солнышкѣ, въ хорошую погоду. Воины, призваные къ оборонѣ государства, не могутъ принимать участія въ этихъ играхъ, уже потому, что они лишены крыльевъ, подобно рабочимъ, но они вознаграждаютъ себя за то, лакомясь готовою вкусною пищею, съ избыткомъ запасаемою въ общественные склады рабочими муравьями.

Муравьи, какъ извѣстно, питаются всевозмож-

[2]) Относительно животныхъ общинъ, въ особенности же муравьиныхъ и пчелиныхъ, отсылаемъ читателя къ весьма любопытнымъ «изслѣдованіямъ надъ общинами животныхъ» Карла Фохта.

ными животными и растительными веществами, но они любятъ, въ особенности, сладкіе соки и, преимущественно, медообразную жидкость, составляющую какъ бы ихъ національное блюдо и выдѣляемую лиственными вшами. Эти мелкія насѣкомыя снабжены на спинѣ двумя канальцами, изъ которыхъ выходитъ то лакомство, до котораго такъ падки муравьи. Чтобы добыть его, они доятъ вошь, положительно какъ мы доимъ коровъ, а именно трутъ и нажимаютъ своими щупальцами сказанные канальцы, побуждая тѣмъ вошь испустить ея медъ. Вполнѣ цѣня пользу, приносимую имъ, такимъ образомъ, вшами, муравьи ухаживаютъ за своимъ дойнымъ скотомъ съ такою же заботливостью, какъ хорошій сельскій хозяинъ за своими коровами. Если та вѣтвь кустарника, на которой сидятъ вши, начинаютъ завядать, муравьи осторожно переносятъ сидящихъ на ней вшей на другую, здоровую вѣтвь. Для того, чтобы пробираться изъ своего гнѣзда къ избраннымъ кустарникамъ, они устраиваютъ искусные потайные ходы; если же найдутъ вшей, гнѣздящихся въ кореньяхъ растеній, то переносятъ ихъ къ себѣ вмѣстѣ съ этими корнями, и устраиваютъ имъ особыя стойла, для того, чтобы имѣть постоянно въ своемъ распоряженіи драгоцѣнный дойный скотъ.

Въ то время, какъ одна часть рабочихъ муравьевъ ухаживаетъ, подобнымъ образомъ, за скотомъ или добываетъ прочее продовольствіе для всего гнѣзда, другая часть заботится о поддержаніи, чистотѣ и увеличеніи огромнаго жилища, служащаго убѣжищемъ всему муравьиному населенію. Что значатъ наши дворцы, казармы, монастыри, отели, въ сравненіи съ подобными постройками, въ которыхъ находятъ себѣ мирный пріютъ тысячи этихъ насѣкомыхъ? Внѣшній видъ муравьиной кучи грубъ и неказистъ, но внутренность ея состоитъ изъ цѣлаго лабиринта коридоровъ, галерей, лѣстницъ, переплетающихся между собою и удобно соединяющихъ цѣлыя тысячи комнатъ и залъ. Нѣкоторыя изъ этихъ помѣщеній служатъ дѣтскими, въ которыхъ воспитывается молодое поколѣніе.

Попеченіе о дѣтствѣ, преимущественно о личинкахъ (извѣстныхъ подъ невѣрнымъ названіемъ «муравьиныхъ яицъ») лежитъ на особой части рабочихъ муравьевъ. Эти няньки, любовно ухаживающія за всѣми питомцами, выносятъ ихъ, при хорошей погодѣ, на чистый воздухъ; лишь только наступаетъ вечерняя прохлада, онѣ вносятъ ихъ обратно въ теплыя комнаты. Воины, хотя и обладаютъ болѣе крѣпкимъ и рослымъ тѣлосложеніемъ, не принимаютъ никакого участія въ этихъ тяжелыхъ работахъ [3]).

Существуютъ впрочемъ, нѣкоторыя породы муравьевъ, обратившія всѣхъ своихъ работниковъ въ воиновъ, осуществляя, такимъ образомъ, въ своей средѣ, новѣйшій идеалъ человѣческой культуры, — именно, военное государство. Такія воинственныя общины употребляютъ на всѣ свои домашнія работы невольниковъ, или же существуютъ разбоемъ и грабежемъ. Къ этому послѣднему разряду принадлежатъ, напримѣръ, знаменитые южно-американскіе муравьи изъ породы *эцитонъ*. И здѣсь дѣлится община на четыре различныя формы индивидовъ: крылатыхъ самцовъ и самокъ, и безкрылыхъ рабочихъ двухъ различныхъ формъ и величинъ. Болѣе мелкіе рабочіе, составляющую главную массу населенія въ государствѣ эцитоновъ, служатъ простыми рядовыми; болѣе крупные, отличающіяся весьма большой головой и безобразно развитой пастью, командуютъ ими въ качествѣ офицеровъ. Обыкновенно, на каждый выводъ, приблизительно изъ тридцати рядовыхъ, приходится по одному офицеру. Во время похода, офицеры идутъ по обѣимъ сторонамъ длинной маршевой колонны, вскарабкиваясь, по временамъ, на болѣе возвышенные пункты, чтобы оттуда обозрѣвать и направлять движеніе войскъ. Приказанія и распоряженія, равно какъ и всѣ передачи мысли, сообщаются (какъ и у прочихъ муравьевъ, — на сколько это намъ извѣстно) посредствомъ не звуковой рѣчи, а тѣлодвиженій и прикосновеній. Особенную роль играютъ тутъ щупальца. Насѣкомое приводитъ ихъ въ движеніе, передавая тѣмъ свою мысль издалека, какъ посредствомъ телеграфныхъ знаковъ, или же непосредственно прикасается ими къ окружающимъ, желая передать имъ свою волю, ощущенія и пр.

Кочующія полчища муравьевъ — разбойниковъ опустошаютъ всѣ мѣстности, по которымъ они проходятъ, подобно вандаламъ и гуннамъ во время великаго переселенія народовъ. Бразильскіе индѣйцы не напрасно трепещутъ передъ этими насѣкомыми. Все живое, попадающееся имъ на пути, истребляется ими безъ всякой пощады. Не только пауки и всякія другія насѣкомыя, въ особенности ихъ личинки и куколки, но даже птицы и мелкія млекопитающія падаютъ добычею муравьевъ. Человѣкъ, попавшій, на свое несчастіе, въ середину подобнаго полчища, покрывается съ ногъ до головы, въ мгновеніе ока, безпощадными насѣкомыми, вонзающими въ него свои острыя клешни. Единственное средство спасенія состоитъ въ томъ, чтобы броситься къ хвосту громадной походной колонны и оторвать, по крайней мѣрѣ, заднюю половину туловища враговъ. Головки и клешни остаются, обыкновенно, въ ранѣ и причиняютъ часто злокачественные нарывы.

При такой склонности къ насилію и кровожадности во время своего боевого похода, тѣже муравьи предаются беззаботнѣйшему веселью, когда, наѣвшись до-сыта и придя въ пріятное расположеніе духа, они предаются отдохновенію на лѣсныхъ лужайкахъ, освѣщаемыхъ солнечными лучами. Прежде всего, они принимаются чистить свои щупальца передними лапками. Заднія лапки они взаимно облизываютъ другъ у друга, позволяя имъ, при этомъ, разныя дурачества, доходящія иногда и до потасовокъ между слишкомъ расходившимися рядовыми.

Но нѣкоторыя муравьиныя государства даже еще любопытнѣе вышеописанныхъ. Таковы государства *рабовладѣльческія* и *амазонскія*, встрѣчаемыя между многими нашими туземными муравьиными породами; сюда принадлежатъ, въ особенности, кровавые и свѣтлые муравьи (Formica rufa и Formica rufescens). У этихъ муравьевъ встрѣчаются только три класса: крылатые самцы и самки, и безкрылые рабочіе. Но эти послѣдніе занимаются не собственно работой, а похищеніемъ личинокъ у другихъ муравьевъ (большею частью у мелкихъ, черныхъ); они выхаживаютъ потомъ эту дѣтву и обращаютъ ее въ рабовъ, исправляющихъ всѣ работы въ чужой имъ общинѣ. Большею частью, похищеніе совершается слѣдующимъ образомъ: свѣтлые муравьи выманиваютъ главныя силы черныхъ муравьевъ въ открытое поле на бой, между тѣмъ какъ, въ тоже самое время, небольшой отрядъ свѣтлыхъ проникаетъ въ черную общину и захватываетъ личинки изъ крѣпости, лишенной своего гарнизона. Любопытно наблюдать за самымъ ходомъ сраженія: не только раненые, но и убитые выносятся ихъ соратниками съ кроваваго поля въ безопасное мѣсто за боевой линіей. Замѣчательнѣе всего, при этомъ, фактъ, что черные рабы, выросшіе изъ похищенныхъ личиновъ, не только исправляютъ всѣ работы у своихъ господъ, то есть, возводятъ зданія, собираютъ жизненные припасы, нянчатъ дѣтву и т. п., но впослѣдствіи, принимаютъ участіе въ ихъ разбойничьихъ набѣгахъ и пріучаютъ вновь похищаемую, соплеменную имъ дѣтву къ исполненію ея будущихъ работъ у своихъ владѣтелей [4]).

Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ среди европейскихъ муравьевъ тотъ самый внутренній строй, который господствовалъ въ нѣкоторыхъ штатахъ сѣвероамериканскаго союза вплоть до послѣдней междоусобной войны. Мы употребляемъ слово «инстинктъ» для объясненія подобныхъ явленій въ средѣ животнаго міра, поражающихъ насъ своимъ удивительнымъ сходствомъ съ нашими учрежденіями; но такое опредѣленіе не объясняетъ ровно ничего, и даже немногія слова повели ко столькимъ туманнымъ и превратнымъ истолкованіямъ цѣлой области важныхъ явленій, какъ это слово: «инстинктъ!» Большею частью, съ этимъ понятіемъ соединяется представленіе о томъ что каждому животному виду придана, при твореніи, извѣстная сумма способностей и стремленій, вмѣстѣ съ извѣстнымъ жизненнымъ направленіемъ (въ родѣ, такъ сказать, служебной инструкціи), отъ котораго животное безусловно не можетъ уклониться никогда и нигдѣ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе и противорѣчивѣе дѣйствительнымъ естественнымъ условіямъ, нежели такое весьма распространенное понятіе. Подобно тому какъ отдѣльные виды животныхъ не появились въ мірѣ таковыми, точно также не присущи имъ отъ творенія и тѣ новые инстинкты и умственныя особенности, которыя характеризуютъ различныя ихъ породы. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что эти инстинкты и особенности *развились*, изъ одного общаго для всѣхъ животныхъ, вслѣдствіе раздѣленія труда, въ центральной нервной системѣ у различныхъ породъ, совокупно съ ихъ общею организаціею. По совершенно справедливому замѣчанію одного извѣстнаго естествоиспытателя, тотъ, кто старается провести демаркаціонную линію между инстинктомъ и разсудкомъ, доказываетъ этимъ лишь полное отсутствіе своихъ наблюденій надъ жизнью и бытомъ животныхъ, въ особенности же насѣкомыхъ.

Если мы позволимъ себѣ объяснять вышеприведенное государственное устройство въ средѣ пчелъ и муравьевъ однимъ только проявленіемъ «слѣпаго инстинкта,» если мы, вообще прибѣгаемъ къ подобному объясненію относительно всѣхъ различныхъ экономическихъ и жизненныхъ порядковъ животнаго міра, въ особенности

---

[3]) Наиболѣе развитое раздѣленіе труда между сагубами (Oecodoma *cephalotes*) или муравьями — листвоношами бразильскихъ лѣсовъ. У сагубъ находятся не менѣе трехъ, совершенно различныхъ по формѣ и по величинѣ, классовъ рабочихъ, такъ что, со включеніемъ крылатыхъ самцовъ и самокъ, въ подобномъ муравьиномъ государствѣ насчитывается не менѣе пяти различныхъ муравьиныхъ формъ. Главная масса населенія состоитъ изъ малоголовыхъ рабочихъ, которые обнажаютъ деревья отъ листвы, переносятъ ее къ себѣ и устилаютъ ею затѣйливыя жилища своихъ господъ. Между работающими, такимъ образомъ, народомъ расхаживаютъ болѣе крупные муравьи съ очень большою, глянцовитою головой; они какъ бы наблюдаютъ за работой и руководятъ ею, или же, можетъ быть, служатъ для защиты мелкихъ муравьевъ. Назначеніе третьяго класса рабочихъ, отличающихся отъ прочихъ огромною, щетинистою головою съ однимъ большимъ глазомъ среди лба, пока еще достовѣрно неизвѣстно. Вальтеръ Бэтсъ въ своихъ въ высшей степени занимательныхъ путевыхъ замѣткахъ, изданныхъ имъ подъ названіемъ: «Наблюдатель природы на Амазонской рѣкѣ» сообщаетъ много любопытныхъ подробностей о «сагубахъ», равно какъ о «разбойничьихъ муравьяхъ или «эцитонахъ».

[4]) Еще въ прошломъ столѣтіи, замѣчательный женевскій энтомологъ Губеръ производилъ наблюденія надъ рабовладѣльческими государствами муравьевъ-амазонокъ, безспорно представляющими примѣръ самыхъ достойныхъ изумленія общественныхъ учрежденій среди всего крайне любопытнаго муравьинаго міра. Эти наблюденія, признанныя сначала неправдоподобными, подтвердились впослѣдствіи Латрелемъ, Гангартомъ, Карломъ Фохтомъ и многими другими зоологами. (См. К. Фохта: «Лекціи о полезныхъ и вредныхъ, непризнанныхъ и оклеветанныхъ животныхъ».)

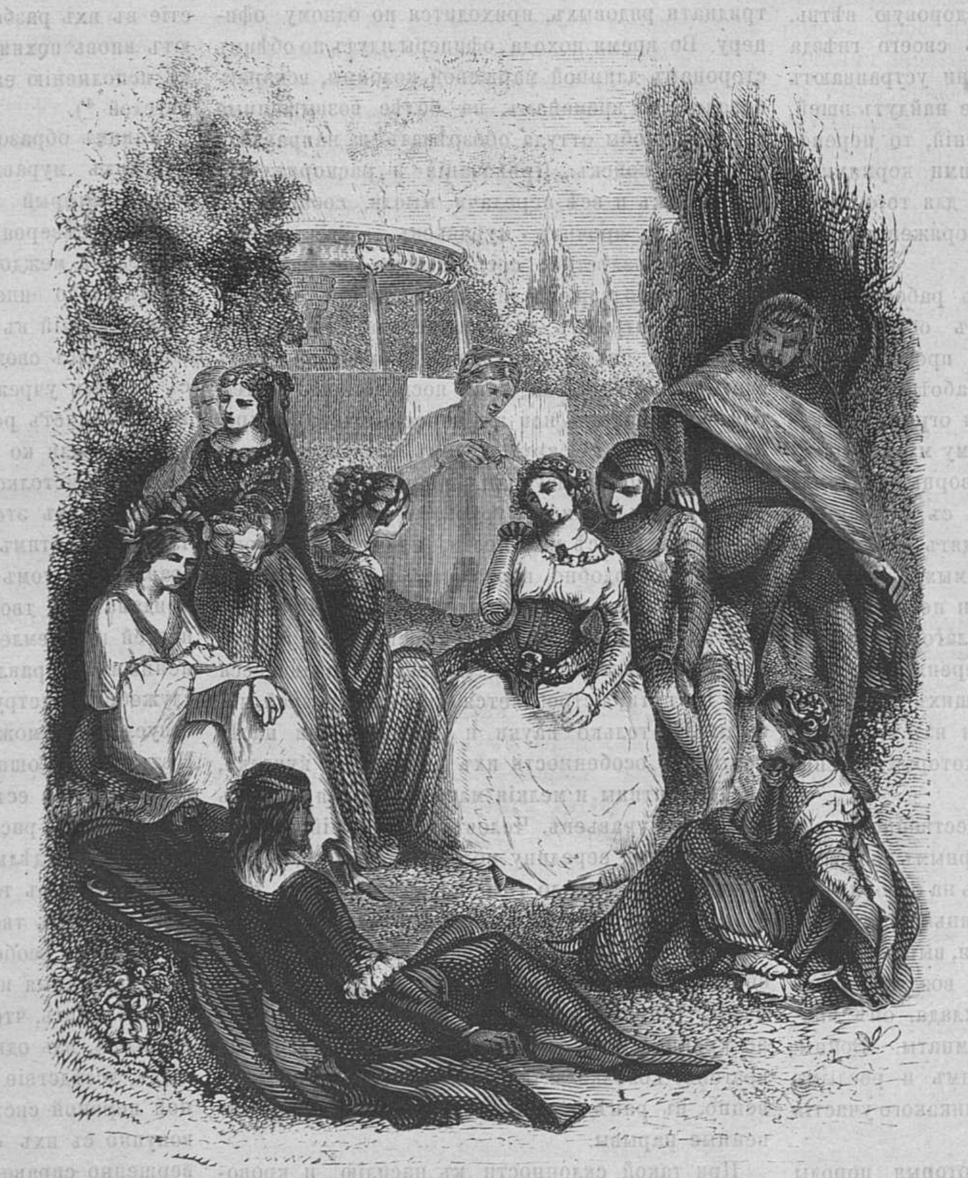
же господствующаго въ немъ раздѣленія труда, то мы будемъ имѣть такое же право обозвать «слѣпымъ инстинктомъ» тѣ побужденія, согласно которымъ эскимосъ строитъ свою палатку изъ оленьихъ шкуръ, сѣвероамериканскій индѣецъ изъ кожи буйвола, а бразильскій краснокожій,— напротивъ того, изъ пальмовыхъ вѣтвей и банановыхъ листьевъ. Намъ придется, видѣть одинъ «слѣпой инстинктъ» и въ томъ фактѣ, что южные островитяне питаются, почти исключительно, одной рыбой, китайцы, подобно тому, рисомъ, а гаухосы южноамериканскихъ пампасовъ — мясомъ. Мы будемъ даже вынуждены признать, что одинъ слѣпой инстинктъ руководитъ европейскими народами, которые, за двумя только исключеніями, придерживаются монархическаго образа правленія, какъ пчелы, въ то самое время опять, какъ американскіе народы, за однимъ только исключеніемъ, предпочитаютъ республиканскую форму государства подобно муравьямъ.

Дѣйствительная сущность дѣла заключается въ томъ, что привычка и, вообще, приспособленіе къ окружающимъ насъ условіямъ жизни опредѣляетъ образъ жизни и общественныхъ учрежденій, какъ у человѣка, такъ и у животныхъ, а сказанный образъ жизни, подкрѣпляемый долгимъ упражненіемъ и привычкою, превращается, наконецъ, во вторую натуру живущихъ. Эта послѣдняя укореняется въ породѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ длиннѣе рядъ поколѣній, которыми она уже была унаслѣдована. Приспособленіе и унаслѣдованіе, въ своемъ постоянномъ взаимнодѣйствіи, составляютъ тѣ вѣчныя образовательныя стремленія или построительныя силы, которыя механически обусловливаютъ, видимое нами, безконечное разнообразіе въ организаціи и образѣ жизни животныхъ, равно какъ и въ духовной ихъ сторонѣ, дѣятельности, извѣстной подъ названіемъ «инстинкта».

Для каждаго естествоиспытателя, знакомаго съ законами развитія животныхъ, ясно, что всѣ вышеупомянутые нами различные виды муравьевъ, съ ихъ разнообразнымъ раздѣленіемъ труда, происходятъ отъ однихъ общихъ, давно исчезнувшихъ прародителей, не знакомыхъ съ подобнымъ дѣленіемъ. Эти грубые первобытные муравьи, жившіе за нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ,—можетъ быть, уже во время мѣлового періода,—имѣли столь же мало понятія объ усовершенствованномъ раздѣленіи труда, подобномъ наблюдаемому нами въ новѣйшихъ муравьиныхъ общинахъ, какъ наши человѣческіе предки каменнаго періода о высокой культурѣ девятнадцатаго столѣтія. Сказанное раздѣленіе, какъ и эта культура выработались медленно и постепенно на многотрудномъ пути прогрессивнаго развитія. И въ настоящее время существуетъ нѣсколько муравьиныхъ породъ, незнакомыхъ съ высокоразвитою системою раздѣленія труда, господствующею въ цивилизованныхъ муравьиныхъ государствахъ; эти породы относятся къ первымъ, какъ австралійскіе или африканскіе дикари къ цивилизованнымъ культурнымъ племенамъ настоящаго времени.

Бросивъ взглядъ на всю исторію развитія духовной жизни человѣка, съ тѣхъ первобытныхъ временъ, въ которыя предки современныхъ, культурныхъ народовъ стояли еще на степени животнаго развитія, свойственнаго самымъ грубымъ нынѣшнимъ дикарямъ, въ родѣ австралійскихъ негровъ, папуасовъ, бушмэновъ и т. п., мы убѣдимся въ той медленности, и постепенности съ которыми человѣческое племя завоевало себѣ дѣйствительно человѣческій характеръ въ своей борьбѣ за существованіе и поймемъ ясно, что умственная жизнь человѣка развилась изъ одной грубой почвы, съ жизнью животныхъ, что такъ называемый «инстинктъ», отличается отъ «ума» только *количественно*, а не *качественно*, то есть, сообразно мѣрѣ его, а не роду. То же самое относится къ душевнымъ движеніямъ ощущенія и воли, равно какъ къ мышленію, обсужденію и заключенію. Для большаго доказательства того, что тожественность условій приспособленія произвела и тожественное раздѣленіе труда, какъ въ человѣческой, такъ и въ животной жизни, мы приведемъ еще дальнѣйшіе сравнительные примѣры подобнаго раздѣленія работы.

(Продолженіе слѣдуетъ.)



Декамеронъ (стр. 23).

Декамеронъ *).

Сказки Джіовани Боккачіо.

(Переводъ Н. И. Шульгина.)

День первый.

Предисловіе.

Мысль о вашихъ чувствительныхъ и сострадательныхъ сердцахъ, прекрасныя дамы, даетъ мнѣ увѣренность, что это предисловіе,—напоминающее вамъ объ ужасахъ страшной чумы, оставившей слѣды опустошенія вездѣ, гдѣ она прошла,—не вызоветъ въ васъ скуки и отвращенія. Рисуя печальную картину страшной язвы, я, разумѣется, не имѣю намѣренія отвратить васъ отъ чтенія моего труда; напротивъ, я желаю усилить для васъ пріятное ощущеніе при чтеніи разсказовъ, слѣдующихъ за предисловіемъ. Путешественникъ, съ трудомъ взобравшійся на высоту крутой горы, испытываетъ особенно отрадное чувство, если видитъ, что передъ нимъ далѣе простирается обширная восхитительная долина. И я, прекрасныя дамы, осмѣливаюсь обѣщать вамъ, что продолженіе моего труда заставитъ васъ забыть скуку, причиненную его началомъ. Конечно, я могъ бы повести васъ по менѣе трудной дорогѣ къ тѣмъ пріятнымъ мѣстамъ, на которыя вамъ указываю, и начать мое повѣствованіе съ болѣе веселыхъ исторій, но мнѣ рѣшительно нельзя обойтись безъ этого предисловія. Надо же вамъ знать, какія обстоятельства вызвали созданіе этихъ сказокъ, надо познакомиться съ творцами ихъ.

Въ тысяча триста сорокъ осьмомъ году отъ рождества Сына Божія, во Флоренціи, прекраснѣйшемъ изъ городовъ Италіи, свирѣпствовала чума. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ бичъ поразилъ различныя страны Востока и унесъ тамъ неисчислимыя жертвы. Опустошенія его, распространяясь все далѣе, коснулись части Запада, захвативъ и нашъ городъ; мы навлекли на себя этотъ бичъ, безъ сомнѣнія, нашими беззаконіями. Въ нѣсколько дней чума охватила весь городъ, несмотря на бдительность нашихъ городскихъ властей, принимавшихъ мѣры для воспрепятствованія распространенію заразы. Но ни заботы объ очищеніи города отъ разныхъ нечистотъ, ни предосторожности, принятыя для недопущенія въ городъ заболѣвшихъ ужасною болѣзнію, ни мольбы и процессіи, ни всякія другія разумныя распоряженія, — ничто не могло остановить дѣйствія ужаснаго бича. У насъ чума обнаруживалась иными признаками, чѣмъ на Востокѣ, гдѣ почти всегда обильное истеченіе крови изъ носу служило вѣрнымъ признакомъ приближающейся смерти. У насъ же, какъ у

*) Декамеронъ значитъ Десятидневникъ. Онъ раздѣленъ на 10 дней и каждый день заключаетъ въ себѣ 10 сказокъ.

Боккачіевской «Декамеронъ» извѣстенъ уже былъ древней Руси. По словамъ г. Пыпина (см. его прекрасный трудъ «Очеркъ лит. Исторіи стар. повѣстей и сказокъ рус. въ «Ученыхъ запискахъ» 2-го отдѣленія императорской академіи наукъ кн. IV, 1858 г.) въ сборникъ нашихъ старинныхъ смѣхотворныхъ повѣстей перешли слѣдующія сказки Боккачіо подъ такими заглавіями: 1) О друзѣхъ о Маркѣ и Шпинелетѣ (у Боккачіо д. VIII, ск. 8); 2) О женѣ и гостѣ (Бок. д. VII, ск. 2); 3) О господинѣ Петрѣ и о прекрасной Кассандрѣ и о слугѣ Николаѣ (Бок. д. VII, ск. 7) и 4) О женѣ, обольстившей мужа, якобы ввержеся въ кладезь (Бок. д. VII, ск. 4). Кромѣ того отдѣльно была переведена 9-я сказка II дня подъ заглавіемъ «Повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился з другимъ о добродѣтели жены своея.» Не говоря уже о томъ, что сказки Боккачіо переведены на всѣ европейскія языки, сюжетами ихъ пользовались многіе писатели, въ томъ числѣ и Шекспиръ.

Въ одномъ изъ будущихъ нумеровъ «Жив. Об.» будетъ напечатана біографія Боккачіо.

мужчинъ, такъ и у женщинъ, застигнутыхъ болѣзнію, прежде всего обнаруживались опухоли подъ мышками или въ паху, которыя быстро разростались до величины куринаго яйца и даже болѣе, смотря по темпераменту заболѣвшихъ. Черезъ короткое время эти злокачественныя опухоли, въ просторѣчіи называвшіяся «шишки», показывались и на другихъ частяхъ тѣла и съ этой минуты больному уже не было спасенія. Однакожъ эта пагубная болѣзнь не всегда обнаруживалась одними и тѣми же признаками. Не рѣдко у больного показывались пятна черныя или синеватыя въ небольшомъ числѣ, но, случалось, значительныхъ размѣровъ. Эти пятна появлялись на всѣхъ частяхъ тѣла, но преимущественно на рукахъ и бедрахъ. Эти пятна служили знакомъ неминуемой смерти, какъ опухоли—началомъ болѣзни. Медицинское искусство оказалось безсильнымъ остановить развитіе болѣзни. Несчастные, подвергшіеся заразѣ, умирали почти всегда на третій день, иногда раньше и очень часто безъ лихорадочныхъ и горячечныхъ припадковъ.

Насколько ужасно и разрушительно было дѣйствіе чумы можно судить по тому, что совершенно здоровымъ людямъ дотронувшимся до больныхъ, эта болѣзнь передавалась съ быстротой огня, охватившаго легко - сгораемыя вещества; мало того, достаточно было дотронуться до платья зачумленнаго, чтобы заразиться. Я не повѣрилъ бы, еслибы самъ не видѣлъ, и не осмѣлился бы писать, еслибъ фактъ не могъ быть засвидѣтельствованъ нѣсколькими людьми, достойными вѣры, о слѣдующемъ странномъ случаѣ: двое нечистыхъ животныхъ поворошили своими рылами и рвали зубами зачумленную рубашку, брошенную на улицѣ; повозились онѣ нѣсколько минутъ и грохнулись на землю мертвыми. Нѣсколько случаевъ, подобныхъ этому, отъ передачи которыхъ я избавлю читателя, а главное, легкость заразы до такой степени потрясли умы, что каждый сталъ думать только о самомъ себѣ; внезапно охладѣло и потухло чувство милосердія у тѣхъ, кого не коснулась зараза. Они не только перестали посѣщать больныхъ и давать помощь несчастнымъ, но даже съ ужасомъ сторонились отъ всего, къ чему прикасались зачумленные. Нѣкоторые граждане, предполагая, что обособленность, умѣренность и развлеченіе, могутъ послужить предохранительнымъ средствомъ противъ эпидеміи, соединились въ небольшія общества и заперлись въ домахъ, гдѣ не было еще ни одного больного. Раздѣленные со всякимъ другимъ обществомъ, они не принимали къ себѣ никого посторонняго, не имѣли никакого сношенія съ внѣшнимъ міромъ, употребляли только легкую пищу, преимущественно мясо нѣжныхъ животныхъ, пили, и то въ небольшомъ количествѣ, хорошее старое вино, занимались только игрой, музыкой и танцами, однимъ словомъ, не отягощали себя ничѣмъ. Другіе, напротивъ, считали болѣе полезнымъ пить и ѣсть вволю, развлекаться какъ можно больше, не выказывая никакого страха и ничѣмъ себя не ограничивая. Дни и ночи они проводили въ трактирахъ и кабакахъ, гдѣ съ большимъ удобствомъ могли удовлетворить своимъ потребностямъ къ кутежу. Необузданные люди, пользуясь пріостановленіемъ дѣйствія закона, рыскали по всѣмъ кварталамъ города, вездѣ заявляя о своемъ присутствіи безстыдной распущенностью. Смерть нѣсколькихъ представителей власти и невозможность поддержать свой авторитетъ тѣмъ изъ нихъ, кто оставался еще живъ, обезпечивали безнаказанность нарушителямъ порядка.

Какъ всегда бываетъ, большинство гражданъ держалось средины, примиряя крайности двухъ крайнихъ партій: они не уединялись и не подвергали себя воздержанію, подобно первой партіи, но также не искали спасенія въ распущенности, какъ вторая. Они не измѣняли обычнаго образа своей жизни. Чтобы избавиться дѣйствія зараженнаго міазмами воздуха, они выходили на улицу не иначе, какъ съ букетомъ цвѣтовъ или пахучихъ травъ въ рукахъ; вдыханіемъ ароматовъ они полагали удалить отъ себя отвратительный запахъ разлагающихся труповъ. Но были и такіе, которые искали спасенія въ бѣгствѣ; они бросали свои дома, имущество, родныхъ и удалялись въ окрестныя деревни; они были убѣждены, что Богъ, пославшій казнь на Флоренцію, за нечестіе ея жителей, истребитъ весь городъ, и что его кара падетъ только на тѣхъ, кто останется въ стѣнахъ Флоренціи. Они горько ошиблись; они сами внесли заразу въ новыя мѣста, гдѣ поселились; здѣсь у нихъ не было ни родныхъ, ни знакомыхъ и имъ пришлось умирать въ одиночествѣ, всѣми покинутыми.

Декамеронъ (стр. 20).

Скоро всѣхъ охватила паника; не только граждане бѣжали одинъ отъ другого и сосѣди холодно относились къ судьбѣ другъ друга, близкіе родные не сообщались между собою; дядя бѣжалъ отъ племянника, братъ покидалъ сестру; мужъ съ ужасомъ отстранялся отъ объятій нѣжно-любимой жены. Еще удивительнѣе, даже отцы и матери отталкивали отъ себя своихъ дѣтей, точно они были имъ чужія, и допускали умирать ихъ, не давая имъ никакой помощи.

Несчастнымъ заболѣвшимъ оставалось только довольствоваться помощью друзей (Богу извѣстно, какъ мало было таковыхъ) или услугами нанятыхъ для этого людей, число которыхъ уменьшалось съ каждымъ днемъ. Въ числѣ промышленниковъ этого рода было мало женщинъ; вотъ почему особы прекраснаго пола, каковы бы ни были ихъ возрастъ и общественное положеніе, красавицы и дурнушки, вынуждены были согласиться на услуги мужчинъ: боязнь смерти дѣйствовала неотразимѣе, чѣмъ чувство стыдливости. Болѣзнь не справляется съ приличіями; ей нѣтъ дѣла до того, что женщина обязана многое скрывать отъ посторонних глазъ. Какъ бы тамъ ни было, но только многіе изъ выздоровѣвшихъ женщинъ (большинство изъ такихъ, конечно, считали себя больными только изъ мнительности, но были и счастливицы, поборовшія ужасную болѣзнь) стали менѣе скромными.

Множество жертвъ чумы заставило на время устранить нѣкоторые обычаи, бывшіе въ употребленіи, и замѣнить ихъ новыми, до тѣхъ поръ неизвѣстными. Водилось до чумы, водится и теперь, что когда кто-нибудь умираетъ, родственницы и сосѣдки собираются въ домѣ усопшаго съ цѣлію оплакивать его вмѣстѣ съ его родными; мужчины совершаютъ тоже самое въ домѣ, расположенномъ напротивъ дома, гдѣ проявился покойникъ; и тѣ и другіе сопровождаютъ усопшаго до могилы; процессіи предшествуетъ болѣе или менѣе многочисленное духовенство, смотря по общественному положенію покойнаго, тѣло котораго несется людьми его званія при свѣтѣ факеловъ; на улицахъ и въ церкви, гдѣ служится заупокойная обѣдня, поютъ пѣвчіе. Но въ это печальное время, уже съ первыхъ дней, какъ стала свирѣпствовать чума, перестали слѣдовать этимъ обычаямъ: живые не оплакивали мертвыхъ; даже женщины, такъ близко къ сердцу принимающія горе и страданія, сухо и холодно относились къ смерти не только знакомыхъ, но своихъ родныхъ, братьевъ, мужей. Каждый заботился только о собственномъ спасеніи. Лишь могильщики, да 3 — 4 священника, наскоро произносившіе слова напутствія, присутствовали при погребеніи богатѣйшихъ людей; трупъ сваливали въ первую встрѣтившуюся канаву и тамъ зарывали.

Въ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ участь бѣдняковъ, ремесленниковъ и даже небогатыхъ промышленниковъ и купцовъ стала до нельзя печальной, почти безвыходной: менѣе обезпеченные отъ заразы, чѣмъ люди состоятельные, они заболѣвали тысячами и безпомощно умирали. Они были до такой степени покинуты, что сосѣди узнавали о ихъ смерти только по зловонію отъ ихъ разлагающихся труповъ. Боязнь заразы по не человѣколюбіе, побуждало сосѣдей вытаскивать трупы этихъ несчастныхъ и валить ихъ въ кучу съ тѣми, которые умерли на улицахъ. На всѣхъ перекресткахъ стояли огромные гробы, куда ихъ сваливали; случалось, что цѣлая семья—отецъ, мать и дѣти—помѣщались вмѣстѣ въ этомъ ужасномъ послѣднемъ жилищѣ. Священники всѣхъ приходовъ имѣли только одно занятіе: съ утра до вечера погребать усопшихъ; нечего и говорить, что они спѣшили окончаніемъ этой тяжелой обязанности. Наконецъ, въ освященной землѣ уже не хватило мѣста для погребенія и стали рыть ямы, въ которыя сваливали разомъ по сту и болѣе покойниковъ. Ихъ клали туда такъ тѣсно, какъ тюки товаровъ на кораблѣ, и довольствовались засыпаніемъ ихъ очень тонкимъ слоемъ земли.

Ужасная чума произвела не менѣе чувствительныя опустошенія и въ окрестностяхъ Флоренціи. Нѣсколько замковъ, мѣстечекъ и деревень лишились почти всего своего населенія. Бѣдные земледѣльцы, ихъ жены и дѣти, не получая ни откуда и никакой помощи, умирали на поляхъ; трупы ихъ разлагались на проѣзжихъ дорогахъ. Пережившіе первое время вторженія заразы, съ минуты на минуту ожидали, что и ихъ постигнетъ злая участь ихъ родныхъ и сосѣдей; они

оставили воздѣлываніе земли и существовали продуктами, запасенными въ прежнее время. Стада бродили по полямъ и возвращались вечеромъ домой безъ пастуха.

Чтобы окончить съ этими ужасами и выразить цифрой опустошеніе, произведенное пагубной чумой, скажу, что въ одной Флоренціи, съ марта по іюль включительно, погибло болѣе ста тысячъ человѣкъ. Сколько роскошныхъ домовъ, гдѣ жили десятки людей, стоятъ теперь необитаемыми, ворота у нихъ настежъ, пустъ домикъ, служившій жильемъ для привратника! Сколько знатныхъ исчезло на-вѣки! Угасли цѣлыя дворянскія фамиліи! Какъ много богатыхъ наслѣдствъ не имѣютъ наслѣдниковъ! Какъ много честныхъ и добродѣтельныхъ людей, юныхъ и прекрасныхъ женщинъ, любезныхъ и мужественныхъ молодыхъ людей,— которыхъ не только наши медики, но Галіенъ, Ипократъ и даже Эскулапъ, еслибъ жили въ наше время, признали здоровыми и сильными,— утромъ обѣдали въ кругу своихъ родныхъ и друзей, а вечеромъ того же дня переселились въ иной міръ! Но оставимъ эту печальную картину, наводящую на меня самого уныніе; прервемъ разсказъ объ этихъ несчастіяхъ и перейдемъ къ предметамъ болѣе пріятнымъ.

Отъ людей, достойныхъ вѣры, я узналъ, что во время этого бѣдствія, въ одинъ вторникъ утромъ семь молодыхъ дамъ, одѣтыхъ въ трауръ, какъ того требовали обстоятельства, встрѣтились въ церкви Санта-Марія-Новелла. Самой старшей изъ нихъ было 28 лѣтъ, самой младшей не кончилось еще 18. Онѣ были соединены между собой или родствомъ, или дружбой; всѣ онѣ были знатнаго рода, красавицы, честныя, остроумныя и разсудительныя. Я не назову ихъ настоящими именами, потому что,—при измѣнившихся теперь взглядахъ на удовольствія и развлеченія, болѣе строгихъ, чѣмъ въ то время,—издавая сказки, ими составленныя, я опасаюсь, что, своей нескромностью, могу оскорбить память умершихъ и честь еще находящихся въ живыхъ. Я не хочу дать оружіе для насмѣшекъ надъ ними завистливымъ и злобнымъ людямъ. Однакожь, все-таки необходимо какъ-нибудь назвать ихъ и я дамъ каждой изъ нихъ вымышленное имя, подходящее вполнѣ или отчасти къ ея характеру и къ ея качествамъ. Первую, самую старшую, я назову Пампинеа, вторую Фіаметта, третью Филомена, четвертую Эмилія, пятую Лаурета, шестую Нейфиль и седьмую, не безъ причины, Элиза. Когда окончилась служба, эти дамы, случайно встрѣтившіяся въ церкви, сошлись вмѣстѣ и образовали кружокъ. Взглянувъ одна на другую, онѣ сперва глубоко вздохнули, затѣмъ обмѣнялись печальными извѣстіями о знакомыхъ имъ жертвахъ чумы. Наконецъ, Пампинеа обратилась къ нимъ съ слѣдующей рѣчью:

— Надѣюсь, мои милыя, вы согласитесь со мной, что человѣкъ, честно пользующійся своимъ правомъ, никому тѣмъ не наноситъ оскорбленія или ущерба. Очень естественно, что всякое существо, живущее на землѣ, насколько возможно старается защитить и сохранить свою жизнь. Это чувство такъ законно, что даже правосудіе не наказываетъ за убійство, если оно совершено, защищая свою жизнь отъ нападенія. Но если законы, имѣющіе своею цѣлью охраненіе порядка и благополучія общества, признаютъ право человѣка на защиту собственной жизни при всякихъ обстоятельствахъ, то и мы вправѣ, не оскорбляя никого, воспользоваться всѣми возможными средствами для сохраненія нашей жизни. Когда я размышляю о томъ, что мы дѣлали въ это утро, что мы дѣлали въ прошлые дни, я прихожу къ заключенію,—надѣюсь, и вы приходите къ нему,— что каждая изъ насъ боится за саму себя, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но меня изумляетъ, что мы, женщины разсудительныя, не прибѣгли до сихъ поръ ни къ какому средству противъ того, что составляетъ предметъ нашихъ справедливыхъ опасеній. Для чего мы остаемся здѣсь? Не для того-ли, чтобы вести списки умершимъ и погребеннымъ; не для того-ли, чтобы присутствовать на божественныхъ службахъ по усопшимъ, которыхъ служить уже почти некому; не для того-ли, чтобы нашей одеждой и нашимъ видомъ напоминать постороннимъ о постигшемъ насъ горѣ? Выйдя изъ церкви, мы будемъ видѣть только мертвыхъ или умирающихъ; мы встрѣтимъ негодяевъ, изгнанныхъ изъ города за преступленія и возвратившихся въ него, затѣмъ, чтобы, пользуясь безсиліемъ закона, снова совершать злодѣйства. Самые безстыдные изъ флорентинскихъ вертопраховъ, верхомъ на лошадяхъ, разъѣзжаютъ по городу и, въ своихъ безнравственныхъ пѣсняхъ, насъ же упрекаютъ за наши несчастія и потери. Наконецъ, на каждомъ шагу мы только и слышимъ: «такіе-то умерли, такіе-то стоятъ на очереди умереть». И еслибъ еще оставались граждане, способные сочувствовать чужимъ страданіямъ, на каждомъ шагу намъ приходилось бы слышать только жалобы и стенанія. Не знаю то-ли-же самое чувство испытываете вы, какъ и я, но только, входя въ свою квартиру и находя тамъ одну лишь мою служанку, я ощущаю такой страхъ, что мнѣ кажется будто всѣ мои волоса поднимаются на моей головѣ. Куда бы я ни пошла, мнѣ представляется, что я вижу тѣни усопшихъ, но не съ тѣмъ выраженіемъ лица, какое я привыкла видѣть у нихъ при жизни, но съ какимъ-то ужаснымъ взглядомъ и обезображенными чертами. Нигдѣ, ни на минуту я не могу найти себѣ спокойствія.

Прочія дамы прервали ее замѣчаніями, что и онѣ живутъ подъ тѣми же непріятными впечатлѣніями, какъ и она. Затѣмъ Пампинеа снова стала говорить. Она начала съ того, что изъ всѣхъ ихъ родныхъ и знакомыхъ, имѣвшихъ средства покинуть Флоренцію, только она и ея подруги остались въ зачумленномъ городѣ, гдѣ, къ тому же, становится непристойно жить. Во Флоренціи безнравственность и порокъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространяются, дошло уже до того, что даже монахини, покинувъ всякое уваженіе къ своимъ обѣтамъ, удалились изъ своихъ монастырей и предаются безстыднымъ порокамъ подъ тѣмъ предлогомъ, что все равно приходится умирать.

— Послѣ этого, мои милыя подруги, продолжала она, — что мы будемъ дѣлать здѣсь? Чего мы станемъ ожидать? Не слѣдуетъ-ли намъ позаботиться о сохраненіи своей жизни, подобно многимъ другимъ, благоразумнѣйшимъ изъ нашихъ согражданъ? Развѣ мы подвергаемся меньшей опасности, чѣмъ другіе; развѣ у насъ иная натура, болѣе способная сопротивляться заразѣ? Припомнимъ, что происходило и происходитъ до сихъ поръ предъ нашими глазами. Сколько женщинъ такихъ же молодыхъ, какъ и мы; сколько цвѣтущихъ, здоровыхъ молодыхъ людей стали жертвой заразительной болѣзни! Чтобъ избѣжать такой же участи, пока еще не поздно, мой совѣтъ взять примѣръ съ тѣхъ, кто уже уѣхалъ и намѣренъ выѣхать изъ города. Убѣгая отъ смерти и дурныхъ примѣровъ, мы можемъ удалиться въ одинъ изъ нашихъ загородныхъ домовъ, гдѣ будемъ пользоваться удовольствіями, не переходя границъ разсудка и чести. Тамъ мы будемъ слушать щебетанье пташекъ, любоваться пріятной зеленью на равнинахъ и холмахъ; деревья, цвѣты и плоды будутъ веселить наши взоры; колыхающіеся колосья будутъ напоминать намъ легкое волненіе моря. При широкомъ просторѣ полей небо покажется намъ болѣе чистымъ и болѣе прекраснымъ, чѣмъ здѣсь, въ нашемъ опустѣломъ городѣ. Въ деревнѣ воздухъ чище, свѣжѣе и мы найдемъ въ изобиліи все, что намъ необходимо для жизни. Мы избавимся отъ тягостной необходимости постоянно видѣть предъ собой мертвыхъ, умирающихъ и больныхъ; хотя деревни не обезпечены отъ заразы, но тамъ, сравнительно, гораздо ничтожнѣе число зачумленныхъ. Къ тому же, обратите ваше вниманіе, мы не оставляемъ здѣсь никого; напротивъ, мы имѣемъ право сказать, что насъ бросили. Наши мужья, наши родные, наши друзья, убѣгая отъ опасности, оставили насъ однѣхъ, точно мы не связаны съ ними никакими узами. Никто не можетъ упрекнуть насъ, если мы примемъ планъ, мною предлагаемый. Но подумайте, если мы откажемся отъ него, насъ могутъ постигнуть горе и непріятности. Возьмемъ съ собой нашихъ служанокъ и все необходимое, и поѣдемъ въ одинъ изъ нашихъ загородныхъ домовъ; живя тамъ беззаботно и весело, мы выждемъ пока ослабнетъ бѣдствіе, тяготѣющее надъ нашею страною. Обратите вниманіе и на то, что честь побуждаетъ насъ оставить городъ, въ которомъ нѣтъ и тѣни общественнаго порядка и гдѣ грозитъ постоянная опасность потерять или жизнь, или честь.

Рѣчь г-жи Пампинеа была встрѣчена всеобщимъ одобреніемъ. Ея подруги до такой степени увлеклись ея проектомъ, что готовы были ту же секунду начать его осуществленіе. Ихъ пылкость была, однакожь, охлаждена разсудительной Филоменой.

— Какъ ни разумно предложеніе г-жи Пампинеа, мои милыя дамы, сказала она,—однакожь, едва-ли удобно тотчасъ же приступить къ его выполненію, какъ вы этого желаете. Мы, женщины, и едва-ли которая-нибудь изъ васъ станетъ отрицать, что безъ руководства мужчины, мы не съумѣемъ управиться. Мы слабы, безпокойны, подозрительны и боязливы; при такихъ качествахъ нашего характера позволительно сомнѣваться, чтобы наше общество вскорѣ не разсѣялось, если оно не будетъ имѣть руководителя и защитника. Слѣдовательно, желая основательно осуществить хорошій проектъ, мы должны прежде обсудить мое дополненіе къ нему.

— Нѣтъ спору, отвѣчала Элиза, — мужчины руководятъ женщинами. Безъ ихъ поддержки намъ трудно сдѣлать что-нибудь хорошее, основательное. Но гдѣ взять мужчинъ? Мужья нѣкоторыхъ изъ насъ умерли, а оставшіеся въ живыхъ рыскаютъ по свѣту и мы не знаемъ, гдѣ они находятся въ настоящее время. Пригласить незнакомыхъ — неприлично. Между тѣмъ намъ настоятельно необходимо принять мѣры къ сохраненію нашего здоровья и избавленію отъ гнетущей насъ тоски.

Не успѣла Элиза окончить свое возраженіе, вошли трое молодыхъ людей, изъ которыхъ младшему, однакожь, исполнилось уже двадцать-пять лѣтъ. Окружающія несчастія, потеря друзей и родныхъ, опасность, которой подвергались они сами,—все это подѣйствовало на нихъ не настолько сильно, чтобы они перестали совершенно думать о любви. Одного изъ нихъ звали Памфило, другого Филострато, а третьяго Діонео; всѣ трое были молоды, красивы, хорошо воспитаны. Они пришли сюда въ надеждѣ встрѣтиться съ предметами своихъ мечтаній, которые находились въ числѣ собравшихся здѣсь дамъ; къ тому же между этими дамами у каждаго изъ нихъ были также родственницы.

— Видите, сказала Пампинеа, замѣтя молодыхъ людей, — сама судьба покровительствуетъ нашему проекту; мы задумывались, гдѣ взять мужчинъ и она послала намъ трехъ любезныхъ кавалеровъ, которые съ удовольствіемъ послѣдуютъ за нами, если мы ихъ пригласимъ.

— Побойся Бога, Пампинеа! вскричала Нейфиль. — Что ты говоришь! Сознаюсь, что объ

этихъ молодыхъ людяхъ можно сказать много хорошаго; что они люди честные; что, наконецъ они способны исполнить все, что мы пожелаемъ. Но вы всѣ знаете, — да и кто не знаетъ объ этомъ въ нашемъ кругу? — что по нѣкоторымъ изъ насъ вздыхаютъ эти господа, то не должны-ли мы опасаться, что, въ случаѣ приглашенія ихъ, мы подвергнемся злословію и наша репутація пострадаетъ?

— Стоитъ объ этомъ думать, сказала Филомена, прерывая ее. — Если я веду себя честно и совѣсть не упрекаетъ меня, я съ презрѣніемъ отнесусь ко всякой сплетнѣ, направленной на меня. Въ случаѣ нужды, небо и истина будутъ моими защитниками. Я присоединяюсь къ мнѣнію милой Пампинеа, что если эти любезные кавалеры примутъ наше предложеніе, мы должны благословлять судьбу за то, что она ихъ намъ послала.

И остальныя дамы высказались въ томъ же смыслѣ; затѣмъ рѣшено было позвать кавалеровъ и сообщить имъ о томъ, чего желаютъ отъ нихъ дамы. Помпинеа, родственница одного изъ молодыхъ людей, встала, подошла къ ихъ группѣ и весело сообщила имъ о намѣреніи дамъ и просила ихъ, отъ имени всѣхъ ея подругъ, принять участие въ путешествіи. Мужчины предположили сперва, что она шутитъ, но видя, что она говоритъ серьезно, отвѣчали, что почтутъ для себя величайшимъ удовольствіемъ сопровождать дамъ всюду, куда онѣ пожелаютъ. Съ радостію въ сердцѣ молодые люди подошли къ дамамъ, сговорились на счетъ необходимыхъ приготовленій къ отъѣзду и рѣшили выѣхать изъ города на слѣдующій день.

Никто не опоздалъ; всѣ собрались на разсвѣтѣ въ назначенномъ мѣстѣ сбора. Дамы выѣхали въ сопровожденіи служанокъ, а кавалеры — лакеевъ. Избранная ими цѣль путешествія отстояла очень недалеко отъ города; это была въ сторонѣ отъ большой дороги, уединенная прелестная долина, окаймленная купами деревьевъ и кустарниковъ. На концѣ этой долины, на красивомъ холмѣ возвышался великолѣпный замокъ. Комнаты въ замкѣ были удобныя, веселыя съ росписными потолками и превосходными картинами. Съ терассы, окружающей замокъ, простирался на далекое разстояніе великолѣпный видъ на поля и деревни. Сады, освѣжаемые фонтанами, поражали обиліемъ цвѣтовъ. Въ погребахъ замка находился большой запасъ драгоцѣнныхъ винъ, что было на руку мужчинамъ, но не составляло приманки для дамъ, хорошо воспитанныхъ и умѣренно употреблявшихъ вина. Пріѣхавъ въ замокъ, компанія собралась въ одной изъ гостинныхъ, уставленной цвѣтами и пахучими деревьями. Діонео, самый младшій и самый веселый изъ троихъ мужчинъ, открылъ бесѣду.

— Вашъ инстинктъ, милыя дамы, приведшій насъ сюда, сослужилъ намъ лучшую службу, чѣмъ могло бы сдѣлать это наше мужское благоразуміе. Я не знаю, какъ думаете вы поступить съ вашими заботами? Что касается меня, я оставилъ ихъ за воротами города. Приготовьтесь смѣяться, пѣть, разлекаться вмѣстѣ со мною; если же вы этого не пожелаете, позвольте мнѣ вернуться въ городъ, гдѣ удобнѣе испытывать прелести дурного расположенія духа.

— Ты говоришь восхитительно, отвѣчала Пампинеа. — Да, мы должны веселиться и наслаждаться жизнью; мы пріѣхали сюда затѣмъ, чтобъ покинуть нашъ трауръ и забыть о горѣ. Но никакое общество не можетъ существовать безъ опредѣленныхъ обязательныхъ правилъ. Наше общество составилось по моему предложенію; я-же предложу вамъ средство правильно пользоваться развлеченіями и разнообразить ихъ. Необходимо, чтобы одинъ изъ насъ распоряжался всѣмъ; ему будетъ предоставлена неограниченная власть; избравъ его, мы должны относиться къ нему, какъ къ нашему государю и повелителю. Необходимо также, чтобы каждый, въ свою очередь, вынесъ на себѣ тягости управленія. По этому я полагаю болѣе удобнымъ избирать распорядителя только на одинъ день. Приступимъ къ выбору на сегодняшній день и рѣшимъ, что избранный самъ назначаетъ себѣ преемника.

Общество отнеслось сочувственно къ предложенію и единогласно выбрало на первый день королевой г-фу Пампинеа. Вслѣдъ за выборомъ, Филомена сорвала лавровую вѣтку, сдѣлала изъ нея вѣнокъ и возложила его на голову избранной королевы. Когда окончились восторженныя поздравленія, Пампинеа подала знакъ къ молчанію, призвала лакеевъ трехъ мужчинъ и горничныхъ, которыхъ было всего четыре, и сказала:

— Начинаю водвореніемъ порядка, т. е. распредѣленіемъ занятій и развлеченій, чѣмъ, конечно, будетъ начинать и каждый изъ васъ, въ свою очередь, избранный распорядителемъ. Пармено, слугу Діонео, я назначаю нашимъ буфетчикомъ; на его обязанности будетъ лежать заботливость обо всемъ, что касается стола. Сириско, слуга Памфило, будетъ нашимъ расходчичикомъ, исполняя приказанія Пармено. Тиндаро слуга Филострато, будетъ служить не только своему господину, но также и обоимъ кавалерамъ, у которыхъ отняты слуги. Мизія, моя горничная, и Лициска, горничная Филомены, будутъ стряпать на кухнѣ, изготовляя припасы, выдаваемыя имъ буфетчикомъ. Химера, горничная Лауреты и Стратилія, горничная Фіаметы, будутъ убирать комнаты дамъ и содержать въ чистотѣ столовую, гостинную и вообще всѣ комнаты и коридоры, черезъ которые мы проходимъ и въ которыхъ располагаемся для отдыха или бесѣды. Васъ же, господа кавалеры и дамы, предупреждаю, что если кто-нибудь изъ васъ услышитъ или увидитъ что-нибудь непріятное или печальное, онъ не долженъ разсказывать о томъ другимъ.

Отдавъ эти приказанія, королева дозволила дамамъ и каралерамъ погулять въ саду до девяти часовъ, т. е. до обѣда. Компанія раздѣлилась: однѣ изъ дамъ стали рвать цвѣты и дѣлать букеты, которые поднесли мужчинамъ, въ нихъ влюбленнымъ; прочія дамы, погулявъ съ мужчинами по алеямъ сада, усѣлись въ очаровательныхъ бесѣдкахъ, гдѣ занялись пріятными разговорами или пѣніемъ нѣжныхъ любовныхъ романсовъ. Всѣ веселились, шумѣли и проказничали. Къ назначенному часу общество собралось въ столовой и убѣдилось, что Пармено не дурно началъ исполненіе своей должности. Столовая была убрана цвѣтами, кушанья приготовлены прекрасно; тонкія вина въ хрустальныхъ вазахъ казались еще вкуснѣе. Во все время обѣда общество находилось въ веселомъ радужномъ расположеніи.

Послѣ обѣда, когда принесли музыкальные инструменты, повинуясь приказанію королевы, Діонео взялъ лютню, а Фіамета віолу; подъ звуки ихъ музыки танцовали королева и все остальное общество. За танцами слѣдовало пѣніе, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока королева не рѣшила, что пора идти отдохнуть. Каждый удалился въ свою комнату, улегся на кровати, усыпанной листьями розъ. Черезъ полчаса поднялась королева и разбудила всѣхъ дамъ и мужчинъ, говоря, что долго спать вредно для здоровья. Компанія собралась въ саду, на зеленой лужайкѣ, подъ тѣнью деревьевъ, защищающихъ отъ солнечныхъ лучей. По приказанію королевы, всѣ сѣли въ кружокъ.

— Солнце, сказала она, — совершило половину своего пути и уже не такъ жжетъ; во всемъ саду мы не найдемъ болѣе пріятнаго мѣста, какъ здѣсь; кроткій зефиръ, повидимому, избралъ его своимъ мѣстопребываніемъ. Сюда принесены шахматы для тѣхъ, кто хочетъ играть, но если вы захотите послѣдовать моему мнѣнію, играть никто не будетъ: въ игрѣ нѣтъ взаимнаго развлеченія — почти всегда одинъ изъ партнеровъ выходитъ изъ терпѣнія и сердится, что много мѣшаетъ какъ удовольствію его противника, такъ и зрителей. Не лучше-ли разсказывать интересныя исторіи или сказки, слагать, наконецъ, ихъ, если въ памяти не осталось ни одной. Въ этомъ случаѣ одинаково развлекаются какъ разсказчикъ, такъ и его слушатели. Если вы согласны со мной, то пусть каждый изъ насъ разскажетъ по сказкѣ, что мы успѣемъ сдѣлать до захожденія солнца, а потомъ займемся чѣмъ-нибудь другимъ. Однакожь, предупреждаю васъ, вы можете избрать какое-нибудь другое развлеченіе. Выбирайте, что вамъ лучше нравится, я присоединюсь къ вашему рѣшенію.

Но дамы и мужчины отвѣчали единодушно, что лучшаго невозможно изобрѣсти.

— Я до страсти люблю сказки, сказалъ веселый Діонео. — Будемъ же разсказывать сказки; это очень занимательно.

— Если это вамъ нравится, примемся за сказки, сказала королева. — Начинайте вы, прибавила она, обращаясь любезно къ сидящему подлѣ нея Памфило.

И молодой человѣкъ разсказалъ сказку, которую вы, любезныя читательницы, прочтете въ слѣдующемъ нумерѣ «Живописнаго Обозрѣнія».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Совершенное разбитіе арміи Мухтара-паши и взятіе штурмомъ крѣпости Карса въ Малой Азіи, и быстро послѣдовавшее затѣмъ взятіе Плевны вмѣстѣ съ арміей Османа-паши въ Болгаріи, настолько измѣнили характеръ компаніи на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій, что для турецкой арміи едва-ли представляется теперь какая-нибудь возможность перейти въ наступленіе, что она пыталась дѣлать послѣ нашихъ неудачъ подъ Плевной и Зевиномъ. Но какъ ни выгодно положеніе нашихъ армій, онѣ, въ настоящее время, кромѣ турокъ, имѣютъ еще другого противника, бороться съ которымъ не легко. Мы говоримъ о глубокомъ снѣгѣ, выпавшемъ въ Балканахъ и даже въ долинахъ, а также о сильныхъ морозахъ. Зима, къ тому же еще суровая (морозы доходятъ до 20°), несомнѣнно затруднитъ наступательныя дѣйствія нашей арміи и на театрѣ войны, вѣроятно, произойдетъ временное затишье. Теперь мы полагаемъ будетъ удобно бросить взглядъ на прошлое и сдѣлать краткій перечень совершившимся событіямъ. Втеченіе 8 мѣсяцевъ событія такъ быстро смѣнялись одно другимъ, что неудивительно если многое исчезло изъ памяти. Повѣрять себя во всякомъ случаѣ никогда не бываетъ лишнимъ.

Вслѣдъ за объявленіемъ высочайшаго манифеста о войнѣ, наша главная армія, находившаяся подъ начальствомъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича, постепенно переходя Прутъ отдѣльными отрядами, до первыхъ чиселъ мая сосредоточивалась въ Румыніи. Въ этомъ она не встрѣтила затрудненія, потому что турки ни въ одномъ пунктѣ не переходили Дуная. Все противодѣйствіе турокъ въ первое время заключалось въ обстрѣливаніи нашихъ баттарей, построенныхъ на берегу Дуная въ Браиловѣ, Ольтеницѣ и Журжевѣ. Вмѣстѣ съ турецкой артиллеріей поставленной на томъ берегу Дуная, противъ нашихъ батарей дѣйствовали мониторы, эскадра которыхъ была введена турками въ Дунай и разбросана по теченію Дуная отъ крѣпости Виддина до устья этой рѣки. Первыми удачными дѣйствіями нашими были взрывы турецкихъ мониторовъ, произведенные въ одномъ случаѣ артиллерійскимъ огнемъ съ береговой батареи, въ другомъ — молодецкимъ подвигомъ лейтенантовъ Дубасова и Шестакова, подведшихъ подъ мониторъ торпеды. Сильный разливъ Дуная препятствовалъ не-

реправѣ черезъ эту рѣку, чѣмъ должны были начаться наши наступательныя дѣйствія, такъ что она совершилась только 10 іюня у Браилова и 15—у Систова. Вслѣдъ за переправой началось быстрое наступленіе къ Балканамъ, произведенное спеціально для этой цѣли сформированнымъ передовымъ отрядомъ ген. Гурко. Занявъ г. Тырново 25-го іюня, ген. Гурко 1-го іюля уже перешелъ Балканы; 5-го взялъ съ боя г. Казанлыкъ, а 7-го наши войска уже владѣли шипкинскимъ переваломъ. Увлеченный своими быстрыми успѣхами ген. Гурко пошелъ далѣе, 19-го іюля войска его отряда занимали уже Эски-Загру, но наступленіе арміи Сулеймана-паши, а еще болѣе двѣ послѣдовательныя неудачи подъ Плевной заставили ген. Гурко отойти назадъ къ Шипкѣ.

Въ то время какъ ген. Гурко наступалъ къ Балканамъ, корпусъ ген. Криденера подошелъ къ крѣпости Никополю, атаковалъ и взялъ ее 3-го іюля. Покончивъ съ Никополемъ, часть 9-го корпуса направилась къ Плевнѣ и здѣсь натолкнулась на виддинскій корпусъ Османа-паши, 8-го іюля произошло сраженіе, окончившееся для насъ неудачно. Послѣ этого сраженія, Османъ-паша не двинулся впередъ, а сталъ укрѣплять Плевну и постепенно обратилъ ее въ сильную позицію 18-го іюля уже болѣе значительный корпусъ нашихъ войскъ атаковалъ плевненскую позицію и снова неудачно. Съ этого времени дѣйствія главныхъ силъ нашей арміи сосредоточиваются вокругъ Плевны.

Наши плевненскія неудачи ободрили турокъ; балканская турецкая армія, подъ начальствомъ Сулеймана-паши, произвела наступленіе на шипкинскій перевалъ, занятый довольно слабымъ по своей численности отрядомъ нашихъ войскъ. Позволяемъ себѣ думать, что у всѣхъ еще въ памяти геройскій семидневный бой, съ 9-го по 15-го августа, выдержанный нашими солдатами, которымъ въ первые дни боя приходилось сражаться одному противъ десяти. Шипкинскіе герои, своей стойкостью, спасли тысячи болгарскихъ семействъ, которымъ угрожала страшная участь въ томъ случаѣ, еслибы наши войска принуждены были очистить часть занятой уже нами Болгаріи на югъ отъ Плевны.

Послѣ неудачнаго наступленія на Шипку, турки нѣсколько разъ пытались переходить въ наступленіе у Разграда противъ арміи наслѣдника цесаревича, но неудачно. Пытался наступать и Османъ-паша изъ Плевны. Отдѣльный отрядъ его арміи занялъ Ловчу, но главныя силы, вышедшія изъ Плевны, потерпѣли неудачу въ сраженіи 19-го августа у Пелишата. Оставлять Ловчу въ рукахъ турокъ для насъ было крайне неудобно. Удачная атака на нее была произведена ген. Скобелевымъ 22 го августа. Большая часть нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ подъ Ловчей, послѣ успѣха, присоединилась къ арміи, стоявшей подъ Плевной. 30-го августа произведена новая атака на Плевну, оставшаяся почти безъ результатовъ. Ея послѣдствіемъ было рѣшеніе дѣйствовать противъ Плевны блокадой. Затѣмъ началось обложеніе этой сильно-укрѣпленной позиціи, что совершилось по прибытіи къ Плевнѣ гвардейскаго корпуса.

Въ тоже время армія наслѣдника цесаревича, прикрывавшая долину Янтры продолжала отражать наступательныя дѣйствія турокъ. Часть ея подъ начальствомъ ген. Татищева имѣла блистательное дѣло 9-го сентября подъ Церковной.

Съ пріѣздомъ къ арміи ген. Татлебена осадныя работы подъ Плевной пошли быстро и безостановочно. Генералу Гурко съ гвардейцами поручено было дѣйствовать въ тылу Плевны на сообщенія Османа-паши съ Софіей. Ген. Гурко одержалъ двѣ побѣды при Горномъ Дубнякѣ и Телишѣ, 12-го и 16-го октября и затѣмъ тотчасъ же выслалъ отряды, постепенно занявшіе г. Врацу, Яблоницкое ущелье, Этрополь, однимъ словомъ, цѣлый рядъ пунктовъ на пути къ западнымъ Балканамъ и всѣ дороги въ Софію, которыя могли бы служить путями сообщеній арміи Османа-паши съ софійской турецкой арміей. Османъ-паша былъ окончательно отрѣзанъ отъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, такъ что ему теперь оставалось или пробиться или сдаться на капитуляцію. 28-го ноября онъ пытался пробиться, но неудачно и принужденъ былъ сдаться на капитуляцію.

Въ арміи наслѣдника цесаревича 12 корпусъ, подъ начальствомъ его императорскаго высочества великаго князя Владиміра Александровича имѣла два блистательныхъ дѣла подъ Мечкой 14-го и 30-го ноября.

Перечень дѣйствій нашихъ войскъ въ Малой Азіи будетъ сообщенъ въ слѣдующемъ номерѣ.

Телеграммы.

Бѣлградъ, 13-го декабря. Вчера, послѣ сильнаго восьмичасоваго боя, сербы взяли Акъ-Паланку и ея укрѣпленія, захвативъ при этомъ три орудія и много боевыхъ припасовъ и провіанта. Потери сербовъ незначительны. На полѣ сраженія подъ Акъ-Паланкой сербы похоронили много турецкихъ тѣлъ. Плѣнные турки доставлены въ Алексинацъ.

Вчера князь Миланъ осматривалъ войска сербской арміи, осаждающей Нишъ. Бомбардированіе этого города началось въ присутствіи князя.

— 14 го декабря. Блокада Ниша полная, осада ведется правильно. Весь гарнизонъ турецкій не превышаетъ 3,500 человѣкъ; осаждающій сербскій корпусъ—25,000 ч.; на дняхъ предполагается произвести штурмъ; есть надежда на успѣхъ. Послѣ паденія Ниша наступленіе сербовъ пойдетъ быстрѣе.

Аѳины, 13-го декабря. Извѣстія съ острова Крита возвѣщаютъ всеобщее возстаніе въ скоромъ времени. Турецкій начальникъ Самакъ-паша тоже готовится начать военныя дѣйствія противъ кандіотовъ; онъ ожидаетъ прибытія египетскихъ редифовъ.

Лондонъ, 13-го декабря. Австрійское правительство отправило въ Константинополь ноту, въ которой отказывается отъ посредничества и предлагаетъ Турціи обратиться непосредственно къ Россіи. Графъ Андраши кромѣ того высказалъ въ своей нотѣ, что рѣзкое обращеніе Порты къ европейскимъ державамъ относительно посредничества едва ли создастъ почву для мирныхъ переговоровъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Декабря 1877 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 2. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к.

С.-Петербургъ, 8 Января 1878 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ VI.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Увеличеніе числа подписчиковъ за это время по сравненію съ прошлымъ годомъ позволяетъ Редакціи нѣсколько увеличить размѣръ издаваемыхъ ею нумеровъ «Живописнаго Обозрѣнія». **Обязательной** нормой въ изданіи будущаго 1878 года будетъ не **два**, а **два съ половиною** листа. Соотвѣтственно увеличенію текста, увеличится и число помѣщаемыхъ въ нумерѣ гравюръ.

Кромѣ этого измѣненія Редакція, руководствуясь желаніями своихъ подписчиковъ, выражаемыхъ въ ихъ письмахъ къ ней, считаетъ необходимымъ дать нѣсколько иной характеръ приложенію **„Жизнь и Хозяйство“**. Признавая важное значеніе гигіены въ общественной и частной жизни, Редакція намѣрена значительно расширить гигіеническій отдѣлъ въ своемъ приложеніи «Жизнь и Хозяйство», которое будетъ раздѣляться на два отдѣла: 1) **гигіены;** 2) **техническій** и **хозяйственный**. Въ первомъ отдѣлѣ, между прочимъ, будетъ печататься сочиненіе двухъ извѣстныхъ профессоровъ гигіены. Второй же отдѣлъ будетъ состоять изъ статей преимущественно практическаго направленія. Редакція постарается своевременно сообщать о всѣхъ техническихъ и хозяйственныхъ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ, опять-таки выбирая преимущественно такія, которыя безъ затрудненія и большихъ затратъ могутъ быть примѣнены у насъ, въ Россіи. Каждый изъ двухъ отдѣловъ приложенія «Жизнь и Хозяйство» будетъ имѣть особую нумерацію страницъ, что представляетъ большее удобство для брошюрованія въ концѣ года. Форматъ этого отдѣла будетъ также измѣненъ. Онъ будетъ подходить къ большому книжному формату.

Безъ всякой приплаты гг. подписчики получатъ и второе приложеніе: **„Парижскія моды“** съ пояснительнымъ текстомъ. Всѣхъ нумеровъ этого приложенія въ годъ будетъ 24. Форматъ этого приложенія, одинаковый съ форматомъ приложенія «Жизнь и Хозяйство», избранъ по соображенію съ размѣрами рисунковъ, которые будутъ дѣлаться въ Парижѣ по образцу одного изъ лучшихъ парижскихъ модныхъ журналовъ.

Что касается обѣщанныхъ **премій,** гг. подписчики получатъ ихъ нѣсколько въ годъ. Точнаго числа ихъ мы пока еще не опредѣляемъ, вслѣдствіе неполученія положительнаго отвѣта на сдѣланные заказы, а объявляемъ здѣсь только о тѣхъ, которыя уже изготовляются и будутъ разосланы гг. подписчикамъ въ непродолжительномъ времени:

1) **Шекспиръ** съ четырьмя превосходными гравюрами на веленевой бумагѣ.

2) **Гравюра** на толстой веленевой бумагѣ, заказанная въ Лондонѣ.

3) **Мать**, поэма **А. Михайлова** съ восемью гравюрами.

По мѣрѣ изготовленія слѣдующихъ премій о нихъ будетъ заявлено своевременно.

Для помѣщенія въ будущихъ нумерахъ своего журнала Редакція «Живописнаго Обозрѣнія» имѣетъ уже въ своемъ распоряженіи слѣдующія произведенія:

1) **Андронъ Голованъ,** иллюстрированная повѣсть **Н. Н. Каразина.**

2) **Наши сосѣди и ихъ дѣти,** повѣсть **А. Михайлова.**

3) Оригинальный рисунокъ академика **А. И. Мещерскаго.**

4) **Устала ждать,** повѣсть **А. Г. Сахаровой.**

5) **Измѣненіе понятій о нравственности,** профессора невшательской академіи доктора **Ж. Е. Ало.**

6) **Произвольныя измѣненія человѣческаго тѣла,** доктора **Рюдингера** (съ рисунками).

7) **Графы Игнатьевы.**

8) **Дашкевичъ,** ст. **Д. Л. Мордовцева.**

Въ разосланныхъ нами объявленіяхъ не было упомянуто въ числѣ сотрудниковъ имени **Е. Л. Маркова** (извѣстнаго автора романовъ «Барчуки» и «Черноземныя поля»), потому что мы только что недавно получили согласіе его на участіе въ нашемъ журналѣ. Въ настоящемъ нумерѣ продолжается печатаніе его произведенія **„Уголки Юга“**.

На похоронахъ Н. А. Некрасова.

Безмолвно, съ горькими слезами
Мы здѣсь хоронимъ только прахъ, —
Но духъ поэта живъ, онъ съ нами
Живетъ въ рыдающихъ стихахъ.

Онъ поведетъ къ высокой цѣли
Всѣхъ лучшихъ гражданъ — и они
Чего свершить мы не успѣли
Окончатъ въ будущіе дни.

А. Михайловъ.

Уголки Юга.

(Листки изъ путевой книжки) ст. Е. Л. Маркова.

(*Продолженіе.*)

Я спускался въ подземельныя темницы, вырубленныя въ материкѣ скалы, и въ тѣ рѣдкія минуты яснаго солнечнаго заката, когда это темное подземелье наполняется таинственнымъ красноватымъ отблескомъ послѣднихъ лучей солнца, проникающихъ въ узкія щели оконъ.... Тогда старинные римскіе своды, поддерживающіе замокъ, и длинныя колонады столбовъ кажутся безконечными... Какой-то особенный романтическій эффектъ производитъ на воображенье этотъ блѣднокровавый туманъ, наполняющій сырые своды подземелья, неясно освѣщающій то черное ржавое кольцо, у котораго когда-то мучился прикованный узникъ, то полустертыя надписи тщеславія или отчаянья, которыми обильно покрыты заплеснѣвшіе камни столбовъ...

Имена Байрона, Виктора Гюго, Ж-Санда и много другихъ именъ славы можно прочесть среди этой массы безвѣстныхъ именъ... Невольно вспоминаются картины В. Скотовскихъ романовъ, восхищавшихъ и ужасавшихъ дѣтство, Кенильворты и Эдинбургскія темницы, вспоминаются мрачныя подземелья, въ которыхъ собирались таинственные члены священнаго Судилища — Sainte Vehmé—вокругъ роковаго кинжала и веревки...

Глубокое поученіе выноситъ вообще человѣкъ, бродя въ тяжеломъ раздумьи по закоулкамъ крѣпкаго гнѣзда этого средневѣковаго князька-разбойника, князька-тюремщика...

Какъ ни охватанъ, и ни опошленъ Шильонъ праздными туристами, въ немъ все-таки слишкомъ много характерной исторической физіономіи, слишкомъ много внутренняго смысла, чтобы посѣщеніе его прошло безслѣдно для мыслящаго наблюдателя. Шильонъ—по своей цѣлостности и типичности—лучшая иллюстрація средневѣковыхъ нравовъ, средневѣковыхъ учрежденій... То, о чемъ разсказывали намъ лѣтописцы, историки и

романисты, дополняется незамѣнимыми подробностями и уясняется съ осязательною очевидностью, съ убѣдительностью живого знакомства, когда вы становитесь лицомъ къ лицу съ такимъ полнымъ памятникомъ старины, каковъ Шильонскій замокъ...

Помню съ какимъ юношескимъ восторгомъ послѣ перваго моего посѣщенія Шильона, читалъ я у историка швейцарской свободы радостныя страницы освобожденія прибрежныхъ жителей женевскаго озера отъ ига замковъ... Шильонъ, главная цитадель савойскаго герцога, держался долѣе всѣхъ, когда уже пали Блоне, Шателяръ, и другія твердыни рабства. Женевцы осаждали его съ воды на своихъ лодкахъ, а дружина бернцовъ подступила къ нему со стороны горъ. О, съ какимъ веселымъ и шумнымъ ликованіемъ ворвалась эта храбрая вольница въ старое гнѣздо насилія!... Духъ Лютера и Цвингли наполнялъ тогда бодростью вѣры, смѣлымъ самоуваженьемъ, сознаніемъ братства простыя сердца швейцарскихъ пастуховъ и мѣщанъ, и этотъ пробудившійся духъ народа стряхнулъ съ себя послѣднія оставшіяся оковы...

Бониваръ былъ съ торжествомъ вырванъ изъ своей тюрьмы и возвращенъ родному городу.

Тамъ уже во всемъ разгарѣ кипѣла реформація, уже былъ низвергнутъ авторитетъ папы; и ярко сіяло утро духовной и гражданской свободы... Тогда былъ 1536 годъ...

Теперь въ Шильонѣ архивъ, арсеналъ и интендантскій складъ вадскаго кантона. Въ немъ также предполагается и государственная тюрьма, но, кромѣ кучки жандармовъ, охраняющихъ замокъ, вы никогда не найдете ни души въ этой невинной «тюрьмѣ» скромнаго демократическаго кантона.

Теперь этотъ старый убійца не проливаетъ больше крови и не вселяетъ ужаса. Его стѣны и бойницы живописно драпированы ползучими растеніями и цвѣтами; хорошенькіе садики разводятся вокругъ его рвовъ, и цѣлое населеніе мирныхъ швейцарцевъ живетъ его репутаціею историческаго грѣшника, продавая туристамъ тысячи его фотографій со всѣхъ сторонъ и угловъ свѣта, во всѣ возможные моменты солнечнаго освѣщенія, его описанія и воспоминанія о немъ въ видѣ коробочекъ, альбомчиковъ, тростей, ножей, вѣеровъ и пр., и пр. А какой-то ловкій хозяинъ эксплуатировалъ даже безплодную скалу черезъ дорожку противъ него, уровнялъ ее террассами, наносилъ землю и огородилъ свой насильственный виноградникъ оградою съ эффектною надписью: «Clos de Chillon».—Это звучитъ такъ характерно и такъ красиво, напоминая знаменитое Кло-де Вужо, что немудрено, если вино остроумнаго хозяина будетъ имѣть сбытъ.

Чтобы, въ самомъ дѣлѣ, теперь дѣлали бѣдные деревенскіе сосѣди Шильона, если бы не было въ старину жестокихъ герцоговъ савойскихъ, и невиннаго страдальца Бонивара, не было бы коварныхъ западней и мрачныхъ подземелій въ этомъ живописномъ каменномъ замкѣ, который сообщаетъ такую романтическую привлекательность всему озеру, и на который такъ любуются туристы, когда онъ весь съ своими шпицами и башнями опрокидывается яркимъ, едва дрожащимъ отраженіемъ въ прозрачномъ «лонѣ водѣ», или заслоняетъ своимъ характернымъ чернымъ силуэтомъ сверкающій закатъ солнца, въ которомъ безбрежное и многоводное озеро таетъ, какъ въ золотомъ огнѣ...

Необыкновенное душевное спокойствіе и какая-то тихая, глубокая радость жизни охватываетъ меня, когда я брожу одинъ по этимъ домовитымъ, какъ ульи, безшумно и неустанно работающимъ поселкамъ честнаго швейцарскаго хозяйства, пробираюсь по ихъ крутымъ мощенымъ проулочкамъ въ тѣни грифельныхъ крышъ и балкончиковъ, по узкимъ и обрывистымъ тропиночкамъ ихъ виноградниковъ, которые лѣпятся чуть не по отвѣснымъ скатамъ, отъ прибоя озера до самыхъ вершинъ Кюбли и другихъ прибрежныхъ горъ. Нужна нога горца и голова горца, чтобы свободно бѣгать по этимъ крутизнамъ, висящимъ надъ безднами, а швейцарскія женщины и дѣти спокойно работаютъ здѣсь кирками, спокойно подымаются и спускаются, нагруженныя тяжелыми корзинами винограда...

Столько дѣятельности, столько движенія и жизни,—и вмѣстѣ съ тѣмъ такая тишина!... Кажется, и пароходы каждые полчаса подходятъ и отходятъ, быстро скользя по глади озера—издали, съ вершинъ горъ, — чистые водяные паучки, снующіе по стоячей поверхности пруда... Кажется, порядкомъ шумитъ и эта черная, чугунная стоножка, что то и дѣло пробѣгаетъ глубоко у моихъ ногъ, среди тѣсноскученныхъ домовъ и сплошныхъ стѣнъ виноградниковъ, пыхтя и дыша своимъ огненнымъ дыхаломъ, извиваясь всѣмъ своимъ длиннымъ суставчатымъ тѣломъ, ныряя подъ мосты и тунели, и снова выносясь оттуда съ той же бѣшенной стремительностью, вздохами и стонами...

И омнибусы, и коляски туристовъ, и вся эта праздная гуляющая толпа иностранцевъ, наполняющая каждый садикъ гостинницъ, каждый переулочекъ деревни,—все это, казалось бы, должно было звучать безпорядочнымъ шумомъ базара, какимъ обыкновенно бываетъ полонъ воздухъ города...

Но здѣсь, у подножія вѣчныхъ Альпъ, подъ сіяніемъ ледниковъ Южнаго Рога, надъ громадною многоводною чашею Женевскаго озера, всѣ звуки, всѣ шумы человѣческой суеты тонутъ безслѣдно... Могучая мать природа даетъ слышать только свои звуки, даетъ ликовать только своей красотѣ...

Ея тѣнистые лѣса, каменныя скалы, зеленые альпійскіе луга смотрятъ другъ на друга съ одного берега широкаго моря - озера на другой, какъ будто кромѣ нихъ нѣтъ и не было ничего... Пестрые городушки человѣческаго жилья, что копошатся въ складкахъ пяты этихъ каменныхъ великановъ, кажутся такимъ жалкимъ муравейникомъ, когда отодвинешься отъ нихъ и посмотришь на нихъ издали въ одной общей картинѣ могучей альпійской природы...

Чудно хороши ущелья, устланныя сочною зеленою травою, заросшія старыми древесными великанами, — что спускаются къ деревенькамъ берега, прямо къ ихъ шпилямъ и крышамъ, отъ далекихъ заоблачныхъ вершинъ... Это проходы изъ страны пустынныхъ пастбищъ и охотъ въ страну человѣческой культуры, человѣческаго общежитія... Чѣмъ выше поднимаетесь вы по нимъ, тѣмъ шире и чуднѣе открывается подъ вашими ногами панорама озера и стоящихъ за нимъ савойскихъ горъ...

Берегъ озера съ хорошенькими, разноцвѣтными игрушечками своихъ живописныхъ городковъ виденъ вамъ отсюда, какъ съ высоты орлинаго полета....

А оглянитесь назадъ — тамъ тоже новые виды... Изъ-за высокаго горизонта ущелья подниmаются, какъ декораціи волшебнаго представленія, невидимые снизу лысые утесы, курчавыя макушки, острые пики и зубчатыя стѣны альпійскихъ великановъ. Они словно тянутся выглянуть изъ-за массы раздѣляющихъ ихъ горъ на широкую скатерть голубого озера... И чѣмъ выше карабкаетесь вы, тѣмъ грознѣе, ближе и выше надвигаются они на васъ, тѣмъ суровѣе и диче становится горный пейзажъ; темные лѣса елей щетинятся на скалахъ, и убаюкивающая пѣсня гульливыхъ лѣсныхъ ручьевъ смѣняется угрожающимъ рокотомъ водопадовъ...

Вы уже у подножія царства ледниковъ, и это шумитъ его сторожевая рать...

Нигдѣ я не проживалъ такого полнаго весенняго чувства, какъ въ этихъ альпійскихъ ущельяхъ, куда уходилъ я на цѣлые дни съ своей палкой, съ своимъ альбомомъ и книгой, черезъ скромныя деревеньки Терте́ и Вейто... Это было любимое мѣсто не меня одного... Эдгаръ Кипе, доживавшій свои изгнанническіе дни въ философской простотѣ этой тихой деревенской жизни, имѣлъ домикъ въ Терте́, и я чуть не ежедневно встрѣчалъ этого скромнаго старичка на тропинкахъ ущелья. Онъ напоминалъ мнѣ—своимъ видомъ сельскаго мудреца—Шекспировскаго Лоренцо, изучавшаго тайны природы въ своихъ одинокихъ прогулкахъ по горамъ... Чувство жизненной радости и вѣра въ жизнь, которыми преисполнена послѣдняя книга этого маститаго философа-историка, и которыя дѣлаютъ ее отраднымъ исключеніемъ изъ обычнаго типа старческихъ взглядовъ на прожитое, — можетъ быть, были навѣяны писателю-изгнаннику его любимымъ ущельемъ и гуломъ его горныхъ водъ...

Старая церковь, старая колокольня Монтре прилѣпилась, какъ гнѣздо стрижа, на уступѣ обрывистаго утеса высоко надъ мѣстечкомъ, въ сырой тѣни скалы, отвѣсной, какъ стѣна. На этой стѣнѣ стоитъ Гліонъ, прохладное убѣжище туристовъ въ лѣтній зной, когда въ Монтре дѣлается душно, какъ въ запертой темницѣ, не смотря на дыханіе озера... Эта церковь — знамя и средоточіе всего округа... Это боевая историческая церковь. Посмотрѣть на нее—сейчасъ поймешь, что копоть вѣковъ не даромъ насѣла на нее. Ея крошечный дворикъ, окруженный пропастью, подпертый гранитными откосами и древнимъ зданіемъ библіотеки, напоминающимъ привратную бойницу замка,—настоящая цитадель... Орѣхи и каштаны, такіе же древніе, какъ стѣны, осѣняютъ эту темную площадку съ массивными каменными скамейками, на которыхъ, конечно, разыгрывалась не одна средневѣковая драма любви и горя... Отсюда владычествуешь надъ всѣмъ Монтре, надъ всѣмъ берегомъ; когда съ старой замшившейся колокольни сторожъ замѣчалъ приближающуюся опасность, звонъ набатнаго колокола звалъ жителей окрестныхъ деревушекъ спасаться и отсиживаться въ крѣпкихъ стѣнахъ церкви, висящей надъ пропастью... Маленькая, прочно выкованная желѣзная дверка, глубоко вдѣланная въ сводистую амбразуру входа, и толстыя желѣзныя рѣшотки въ рѣдкихъ и узкихъ окнахъ, напоминаютъ такъ живо времена бурь и опасности...

Я очень люблю сидѣть на этой тѣнистой площадкѣ, еще полной сновидѣній исторіи... Странныя, далекія отъ насъ имена исчерчиваютъ каменное сидѣнье скамьи и изветшавшую кору вѣковыхъ орѣховъ... Тихо внизу живетъ и двигается степенный швейцарскій городокъ; тихо наливаются на солнцѣ его обильные виноградники... Старыя фиги и платаны чуть шелестятъ многовѣтвистыми шапками подъ гранитными откосами площадки, на днѣ пропасти, окружающей церковь.

А изъ полураздвинутыхъ готическихъ оконъ старой церкви льются словно, пѣніе невидимаго хора ангеловъ, поющіе женскіе голоса и величественныя октавы органа, то разростающіяся широкою, могучею волною, то спускающіяся неспѣшно и спокойно, словно по священнымъ ступенямъ храма...

Крошечная деревенская ярмарка раскидываетъ иногда свои бродячія палатки у подножія

этого стараго центра старинной общинной жизни... Никогда въ другое время и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ вы не увидите такихъ типичныхъ деревенскихъ физіономій и нарядовъ. Сюда являются обитатели самыхъ затерянныхъ альпійскихъ хуторковъ, самыхъ глухихъ деревенекъ недоступныхъ горныхъ ущелій, для которыхъ Монтре съ его скромными магазинчиками, съ его дешевою роскошью, кажется ни вѣсть какимъ Парижемъ... Вотъ тутъ-то богатая жатва для любопытнаго карандаша. Въ этой деревенской толпѣ и уродливыя бабы сырыхъ валисскихъ ущелій, съ зобами, огромными, какъ тыква, и странныя плоскія шляпы изъ домашней соломы съ какимъ-то точенымъ шпилемъ на головѣ, напоминающія шляпы Китая и Японіи; тутъ и средневѣковыя, какъ рюмки, тѣсные корсажи оберландскихъ дѣвушекъ изъ чернаго бархата, обильно украшенные пряжками и бляхами и цѣпочками серебряннаго филиграна...

Охотникъ, въ характерномъ охотничьемъ нарядѣ, который теперь мы видимъ только на картинкахъ, да на сценѣ театра, съ орлинымъ перомъ въ остроконечной шляпѣ, съ внѣшностью Вильгельма Телля, притащилъ на плечахъ серну и альпійскихъ куропатокъ у широкаго пояса. Житель безплодныхъ высотъ, сосѣднихъ съ ледниками, разложилъ цѣлую минералогическую коллекцію горныхъ хрусталей, дымчатыхъ кварцовъ и аметистовъ... А деревенская колдунья — огромная черноволосая баба съ бородавками и жирнымъ подблюдкомъ, попавшая сюда прямо изъ Мартына Найденыша,—пріютилась подъ гигантскимъ зонтикомъ-шатромъ, воткнутымъ въ землю и способнымъ укрыть отъ дождя половину площади... Ея оракулы и чернокнижническіе амулеты, повидимому, привлекаютъ толпу столько же, сколько и испанецъ въ національномъ костюмѣ, сверкающемъ рядами пуговицъ и яркими полосатыми шарфами... Этотъ сынъ Севильи навезъ сюда весь затѣйливый товаръ Тунисскаго базара, серьги и браслеты изъ душистаго розоваго дерева, сверкающіе эмалевые полумѣсяцы, брошки и запонки восточнаго рисунка, бусы, ожерелья, шарфы... Все показно, соблазнительно и дешево!...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Госпожа Жервезе.

Романъ Эдмона и Жюля Гонкура.

(Переводъ П. Лѣтнева.)

(*Продолженіе.*)

V.

— Поль! закричала ему мать изъ окна.

Ребенокъ мигомъ отскочилъ и, взбѣжавъ на лѣстницу, очутился въ объятіяхъ матери, румяный и запыхавшійся, весь пропитанный свѣжестью воды и ароматомъ цвѣтовъ. Онъ прижимался къ ней, обнималъ ее, цѣловалъ въ лицо, глаза, руки, шею.

— Ну, Онорина, одѣнемъ его поскорѣй... Я чувствую себя бодрой и здоровой сегодня... мы уѣдемъ на цѣлый день... Его надо одѣть въ самое лучшее платье.

Туалетъ начался. Ребенокъ позволялъ одѣвать себя съ глубокимъ, почти благоговѣйнымъ удовольствіемъ. Мать надѣла на него бѣлый, широкій, отложной воротничекъ, прелестно обрамлявшій его свѣжее личико, и завязала на шеѣ, подъ бархатной курточкой, шелковую ленту серизоваго цвѣта. Затѣмъ Онорина обула его въ шотландскіе чулки и высокіе штиблеты съ каблуками, поверхъ короткихъ панталонъ изъ чернаго бархата, а на голову надѣла черный бархатный токъ съ перомъ, прикрѣпленнымъ серебрянымъ аграфомъ. Въ восторгѣ отъ своего красиваго, нѣсколько театральнаго костюма, придуманнаго для него матерью, Поль оглядывалъ себя съ невольнымъ уваженіемъ.

— Ну, Онорина, сказала г-жа Жервезе,—мнѣ кажется, наши хозяйки — добрыя женщины. Познакомилась ты съ ними?

— Познакомилась? Да я ни слова не понимаю въ ихъ говорѣ... Даже у той молоденькой, которая говоритъ по-французски...

— Ты скоро выучишься... это не такъ трудно...

— О нѣтъ! возразила Онорина съ унынiемъ.

— Ты знаешь, Онорина, это не моя вина, что мы пріѣхали сюда...

— Я знаю... я очень хорошо понимаю...

Онорина опустила голову и продолжала.

— Я говорю это вамъ не въ укоръ... Я готова послѣдовать за вами на край свѣта... Что было бы со мной безъ васъ и безъ ребенка? докончила она, оживляясь все болѣе и болѣе: — вы были для меня всѣмъ.

Она почти съ бѣшеной страстью прижала мальчика къ груди, повторяя:—Безъ васъ... безъ васъ... я бы погибла!

— Ты сумашедшая, Онорина, сказала г-жа Жервезе, протягивая ей руку, которую Онорина покрыла поцѣлуями.—Надѣнь шляпку и поѣдемъ. Бѣдняжка! прошептала она, смотря ей вслѣдъ.

Въ началѣ своей первой и единственной беременности, г-жа Жервезе лишилась своей старой горничной и взяла на время поденщицу. Эта поденщица вскорѣ такъ понравилась ей своей скромностью и изяществомъ своихъ манеръ, что она рѣшилась оставить ее у себя, какъ горничную. Во время ея родовъ, Онорина доказала ей свою преданность, просиживая возлѣ нея цѣлыя ночи безъ сна. Когда опасность миновала, Онорина вошла къ ней вся въ слезахъ, и сказала, что она не хочетъ долѣе ее обманывать. Она была замѣшана въ дѣло воровства, случившагося у г-жи Винанъ, жены шотландскаго банкира, и хотя невинность ея была впослѣдствіи доказана, тѣмъ не менѣе она сидѣла въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ воровками, и на скамьѣ подсудимыхъ между жандармами. Съ тѣхъ поръ она нигдѣ не могла найти себѣ мѣста; ее тотчасъ отсылали, какъ только она разсказывала свою исторію, такъ что она принуждена была сдѣлаться поденщицей.

Первымъ дурнымъ движеніемъ г-жи Жервезе было расплатиться съ молодой дѣвушкой и отослать ее, но, вспомнивъ, какъ она ухаживала за нею во время болѣзни и все, чѣмъ она была ей обязана, она покраснѣла при мысли, что хотѣла вмѣнить несчастной въ преступленіе ошибку правосудія, и рѣшилась оставить ее у себя, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ. Онорина вполнѣ оцѣнила этотъ поступокъ и чувствовала неизмѣримую благодарность къ г-жѣ Жервезе. Ей жилось хорошо въ домѣ этой прекрасной женщины, но у нея навсегда осталась горечь противъ цѣлаго міра за несправедливое подозрѣніе, тяготѣвшее надъ нею. Она никогда не могла вполнѣ забыть этого. Она не хотѣла выходить замужъ; г-жа Жервезе и ея ребенокъ сдѣлались ея единственной привязанностью. Она отдалась тѣломъ и душой этимъ двумъ существамъ и окружила ихъ любовью ревнивой и всепоглощающей, похожей на любовь преданной, но злой и ворчливой собаки, готовой укусить всѣхъ, кто подходилъ слишкомъ близко къ ея господамъ.

Онорина вернулась въ шляпкѣ и мантильи.

— Наймите мнѣ коляску, сказала г-жа Жервезе.

VI.

Жизнь г-жи Жервезе проходила правильно, однообразно, прерываемая прогулками въ Форумъ, Пинчіо, Колизей и виллу Памфили. Она вставала въ 8 часовъ, и чтобъ насладиться свѣжестью утра, прогуливалась часа два, прежде чѣмъ начинался зной. Она возвращалася всегда къ 11 часамъ,—это былъ часъ ея завтрака. Она завтракала медленно, стараясь продлить время наединѣ съ своимъ ребенкомъ, — они оба наслаждались, какъ влюбленные. Послѣ завтрака она по обыкновенію садилась за фортепьяно до прихода Онорины, укладывавшей Поля спать до обѣда. Оставшись одна, она садилась на свое любимое мѣсто у окна и проводила тамъ цѣлые часы, предаваясь сладкой полудремотѣ, въ тѣни спущенныхъ занавѣсокъ. Въ 4 часа она ѣздила въ Пинчіо и возвращалась только къ обѣду. Чаще всего, послѣ обѣда, она никуда не выходила, оставаясь у окна и прислушиваясь къ замирающему шуму на улицахъ или разсказывая сказки своему ребенку; часто усталый, съ трудомъ раскрывая слипавшіеся глаза, онъ все-таки хотѣлъ непремѣнно слышать голосъ матери. Онорина вносила въ комнату лампу съ абажуромъ. Ребенокъ дотрогивался на минуту до блестящихъ точекъ изображавшихъ на поверхности лампы «иллюминацію храма Св. Петра». Затѣмъ Онорина уводила его. Г-жа Жервезе просиживала у своего письменнаго стола до 10 часовъ, взглядывая по временамъ на спящаго ребенка. Въ 10 часовъ она ложилась въ постель, и засыпала, убаюкиваемая усыпляющимъ, гармоническимъ журчаніемъ фонтановъ.

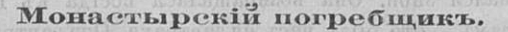
VII.

Каждый день г-жа Жервезе возвращалась съ своей утренней прогулки съ корзиной цвѣтовъ. Цвѣты распускались впродолженіи дня, въ той комнатѣ, гдѣ она сидѣла, и съ наступленіемъ вечера увядали, наполняя воздухъ благоуханными испареніями,—своимъ послѣднимъ, поэтическимъ прощаніемъ съ жизнью. Вскорѣ цвѣты сдѣлались потребностью для г-жи Жервезе, они были для нея дыханіемъ жизни, лучомъ свѣта въ ея комнатѣ, почти собесѣдниками въ ея уединеніи. Никогда въ такой степени, какъ теперь, г-жа Жервезе не была проникнута блескомъ, жизнью и идеальностью красокъ цвѣтка, и наслажденіе этимъ чувствомъ было для нея совершенно новое и неожиданное. Во Франціи она точно также окружала себя цвѣтами, но тамъ, она не чувсвовала въ нихъ присутствія души. Она удивлялась утонченности впечатлѣній, проявившейся въ ней, со времени ея пребыванія въ Римѣ, и ей казалось, что жители жаркихъ странъ одарены организаціей особенной отъ всѣхъ другихъ, болѣе чувствительной, болѣе способной воспринимать впечатлѣнія и полнѣе восторгаться переливами свѣта, яркими оттѣнками красокъ, свѣжестью цвѣтка и лазурью неба, — всѣми этими наслажденіями, которыя природа такъ щедро расточаетъ для всѣхъ. Она припоминала стаканъ воды, выпитый ею въ первый день ея пріѣзда въ дверяхъ кофейной, и показавшійся ей вкуснѣе всякаго напитка въ мірѣ. И изо дня въ день она чувствовала, какъ эти бездѣлицы украшали ея жизнь, и имѣли для нея столько же значенія, какъ для влюбленныхъ, въ пору любви. Въ этомъ мягкомъ, нѣжномъ климатѣ, чувства ея дѣлались утонченнѣе и поэтичнѣе.

VIII.

Иногда г-жа Жервезе просиживала по цѣлымъ часамъ на диванѣ, забываясь въ чтеніи, дѣлая замѣтки, теряясь въ размышленіяхъ то поверхностныхъ, то удивлявшихъ своей глубиной, и по временамъ приподнимая на вискахъ своими длинными пальцами распустившіеся бандо упругихъ черныхъ волосъ. Въ эти минуты красота г-жи Жервезе проявлялась въ новомъ свѣтѣ. То былъ особенный типъ, непоходившій на обыкновенную красоту женщины: длинныя, плоскія массы волосъ, расположенныя короной вокругъ головы, выпуклый, гладкій лобъ, большіе глаза, обведенные темными кругами, смотрѣвшіе какъ бы изъ глубины, черты лица, сохранившія нѣжные контуры молодости въ 37 лѣтъ, блѣдный и даже нѣсколько смуглый цвѣтъ кожи—все это придавало г-жѣ Жервезе какую-то странную привлекательность, что-то глубокое, магнетическое. Длин-

Картина Г. КОТШЕНРЕЙТЕРА.



Монастырскій погребщикъ.

ная шея, узкія плечи, плоская грудь, все это закутанное въ широкія складки мантильи, худоба, заставлявшая ее казаться существомъ безъ пола и суровыя очертанія тѣла, довершали ея сходство съ какимъ-то неземнымъ призракомъ.

На маленькой этажеркѣ висѣвшей у стѣны на шелковыхъ снуркахъ, разложены были у нея подъ рукой, ея любимыя книги съ именами: Дугальда-Стьюарта, Канта, Жоффруа.

IX.

Въ царствованіе Люи-Филиппа, въ средѣ буржуазіи, составилось небольшое, избранное общество женщинъ, стремившихся къ умственному развитію. Г-жа Жервезе была изъ числа этихъ женщинъ; сама жизнь направила ея умъ къ изученію серьезныхъ предметовъ. Лишившись матери съ ранняго дѣтства, она была воспитана шестидесятилѣтнимъ старикомъ, которому выпало на долю неожиданное счастіе сдѣлаться отцомъ въ 60 лѣтъ. Изъ всѣхъ воспоминаній дѣтства, г-жа Жервезе помнила только темный кабинетъ, наполненный книгами, гдѣ она, свѣжее, розовое дитя, проводила часы за чтеніемъ, притаившись въ какомъ-нибудь углу, вмѣсто того, чтобъ гулять на солнцѣ. Книги были ея единственнымъ развлеченіемъ, когда она выросла, музыка и живопись пришли на помощь чтенію, чтобъ разнообразить уединеніе ея жизни, прятавшейся отъ общества и уходившей въ свой внутренній міръ. Она выросла и воспиталась подъ строгимъ руководствомъ отца, въ атмосферѣ стоицизма и свободныхъ принциповъ, — отголосковъ XVIII вѣка, проповѣдуемыхъ немногими друзьями ея отца, собиравшимися у него каждый вечеръ. По мѣрѣ того, какъ умъ ея образовывался, она переходила отъ легкаго чтенія къ болѣе серьезному, — къ сочиненіямъ древнихъ философовъ, и въ нихъ почерпнула какъ бы откровеніе самой себя. Она поняла свое неопредѣленное стремленіе возвыситься «отъ измѣнчиваго и преходящаго», по словамъ Платона, къ вѣчнымъ, непреложнымъ истинамъ, къ идеямъ. Жажда знанія толкала ее приподнять покровъ, скрывающій человѣческія мысли и способности, и изучить на самой себѣ сокровенный механизмъ человѣческой души.

Философія не помѣшала однакожъ г-жѣ Жервезе остаться вполнѣ женщиной. Она сохранила желаніе нравиться и даже чувство кокетства, распространенное на всѣхъ окружающихъ и образовавшее вокругъ нея атмосферу дружбы нѣсколько влюбленной. Она любила жизнь, любила все изящное, что удовлетворяло ея вкусу и даже ея прихоти. Для нея, какъ и для всякой другой женщины, платье—было платьемъ и нарядъ — нарядомъ; въ минуты веселости, изъ-подъ серьезной оболочки ея ума, проглядывала молодость души. Притомъ же, въ самомъ началѣ вступленія ея въ жизнь, ей выпала на долю трудная серьезная обязанность: мать ея умерла родами и оставила на ея попеченіе новорожденнаго брата, котораго она была старше восемью годами. Когда братъ ея выросъ, она руководила его воспитаніемъ, мечтая создать его по своему идеалу и найти въ немъ сочувствіе.

Настала критическая минута, когда молодой человѣкъ, отрѣшившись отъ дѣтскихъ вѣрованій, вступилъ въ борьбу съ сомнѣніями. Онъ открывалъ душу сестрѣ, и она отвѣчала ему съ полнымъ убѣжденіемъ, сообщая результатъ своихъ долгихъ размышленій и исканій. Она отвергала туманное, заоблачное ученіе нѣкоторыхъ философовъ и проповѣдывала ему принципы красоты, истины и добра. Съ тѣхъ поръ они вели постоянную переписку, какъ бы далеко ни находились другъ отъ друга, и вотъ теперь она писала ему изъ Рима въ Оранъ, куда онъ былъ посланъ, получивъ чинъ артиллерійскаго полковника за участіе въ крымской кампаніи. Вотъ отрывокъ ея письма.

...«Я проѣзжала въ каретѣ вдоль Корсо, чрезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда. Меня удивило, что улицы были полны народа, а окна и балконы убраны красными драпировками, вышитыми золотомъ. «Процессія!» сказалъ мнѣ кучеръ. Мы остановились: смотрю... Постой, дай мнѣ вспомнить весь порядокъ этого шествія: прежде всего появились папскіе солдаты, затѣмъ множество зажженныхъ свѣчей и очень большая хоругвь, вышитая и разрисованная, на которой изображенъ былъ Христосъ съ кровавыми слезами на лицѣ. Она подвигалась медленно, между двумя рядами кающихся въ бѣлыхъ одеждахъ съ голубыми пелеринами; вслѣдъ за другими хоругвями тянулись безчисленные ряды священниковъ въ черныхъ одеждахъ, со свѣчами въ рукахъ. Наконецъ выступалъ Геркулесъ, выбранный изъ среды братства и изнемогавшій подъ тяжестью огромнаго креста, который онъ держалъ въ равновѣсіи, прижимая его къ животу. Прелаты въ шелку и золотѣ сопровождали подъ балдахиномъ Св. Причастіе, исчезавшее въ облакахъ фиміама, а ребенокъ въ одеждѣ ангела, потрясалъ передъ нимъ кадильницей. Шествіе замыкала огромная часовня съ алтаремъ, въ срединѣ котораго блистало металлическое сердце изъ жести пронзенное семью мечами. Эту часовню, съ большимъ трудомъ несли и поддерживали на плечахъ, съ помощью веревокъ, 16 человѣкъ,—да, ихъ было 16, я сосчитала. И при этомъ, музыка на всѣхъ перекресткахъ, гдѣ останавливалась процессія! И еслибъ ты зналъ какая! настоящая, ярмарочная музыка! оглушительный звукъ трубъ и литавръ съ акомпаниментомъ барабаннаго боя! Все это сопровождалось восторженными криками. Какъ описать тебѣ это зрѣлище во всей его полнотѣ?... Для этого нужно перо сильнѣе, краснорѣчивѣе моего... Мной овладѣло чувство грусти. Какъ много здѣсь разсчитаннаго на внѣшній эфектъ и какъ мало истиннаго служенія Богу. Папскій католицизмъ заботится исключительно о томъ, чтобы поразить умы толпы эфектностью церемоніи. Неправда-ли въ немъ многое напоминаетъ Индію, востокъ. Проходящая мимо меня процессія вмѣсто того, чтобъ возбудить во мнѣ равнодушіе или любопытство, заставила меня страдать, хотя я не могла хорошенько отдать себѣ отчета въ причинѣ этого страданія. Теперь, размышляя объ этомъ, я думаю, что я была оскорблена въ томъ чувствѣ, какое составила себѣ объ отношеніяхъ созданія къ Создателю».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Чортъ и Вѣдьма.

Историческій очеркъ **С. С. Шашкова.**

(*Продолженіе.*)

Вся жизнь среднихъ вѣковъ располагала къ суевѣрію и представляла самыя благопріятныя условія для чрезвычайнаго развитія демонологіи. И общественное устройство, и политическія обстоятельства, и физическія бѣдствія, все соединилось въ то время, чтобы держать несчастное человѣчество подъ ужаснымъ терроромъ, рѣдкимъ, въ исторіи. Общество распадалось на множество феодальныхъ владѣній, состоявшихъ подъ властію тогдашнихъ бароновъ, вся жизнь которыхъ проходила въ грабежахъ, убійствахъ, насилованіяхъ и безобразныхъ оргіяхъ разврата. Всѣ эти пороки и злодѣянія казались дѣломъ діявола. Фанатизированная Европа двигалась въ Палестину, при чемъ крестоносцы жгли и опустошали все, что лежало на пути ихъ: то же дѣло дьявола. На Европу налетали ужасные дикари и снова выжигали ее, снова опустошали ее, и полчища этихъ гунновъ и монголовъ казались несчастной странѣ легіонами воплощенныхъ демоновъ или, какъ думали нѣкоторые, ордами поганыхъ существъ, происшедшихъ изъ связи дикихъ женщинъ съ нечастыми духами. Неурожаи и смертоносныя голодовки случались то и дѣло, и въ поражаемыхъ ими мѣстностяхъ вымирали чуть не всѣ жители, а уцѣлѣвшіе въ живыхъ сплошь и рядомъ питались трупами умершихъ. Вмѣстѣ съ голодомъ дѣйствовали эпидеміи, уносившія въ могилу новые милліоны жертвъ. Множество сектъ вызвало страшныя преслѣдованія инквизиціи противъ этихъ, «поклонниковъ дьявола,» и еретиковъ истребляли огнемъ и мечомъ, очищая отъ нихъ цѣлыя страны, какъ, напр., благословенный Провансъ. Подавляя всякую свободную мысль, папскій Римъ пускалъ въ ходъ всѣ средства для развитія фанатизма и суевѣрія, и когда, напр. святѣйшій отецъ, разсердившись на какую нибудь Францію, налагалъ на нее годовой интердиктъ, когда запирались всѣ церкви и священные звуки колокола не призывали болѣе вѣрующихъ на молитву; когда новорожденныя дѣти должны были рости или умирать безъ крещенія, больные умирали безъ напутствія и зарывались въ землю безъ церковнаго отпѣванія; когда на странѣ лежала печать проклятія, то можно себѣ представить, въ какомъ психическомъ состояніи находилась она, искренноворующая и лишенная всякой церковной помощи, всякой церковной защиты отъ тьмы темъ демоновъ, рыскающихъ по землѣ, какъ львы, ищущіе кого бы поглотить! Изъ края въ край по всей Европѣ то и дѣло разлетались вѣсти о всевозможныхъ чудесныхъ событіяхъ, о появленіяхъ демоновъ, о чудовищахъ, рожденныхъ женщинами, о рыбахъ и птицахъ, говорящихъ человѣческимъ голосомъ и т. д. При наступленіи второго тысячалѣтія нашей эры, Европа была доведена, наконецъ, до такого психіатрическаго состоянія, что съ полною увѣренностію ждала немедленной кончины міра и пришествія антихриста, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ люди были до безконечности напуганы перспективой второго потопа и даже строили ковчегъ.

Понятно, что въ эпоху такихъ ужасовъ, съ ея безчеловѣчіемъ и суевѣріемъ, съ ея чудесами и волшебниками, съ ея папствомъ и астрологіей, авторитетъ чорта долженъ былъ возвыситься до безконечности и боязнь его дойти до степени умопомѣшательства. Болѣе и болѣе усиливалось вѣрованіе, что чортъ старается не только искушать человѣка, но и вступаетъ въ самыя интимныя связи съ нимъ и за покорность осыпаетъ его всевозможными мірскими благами, чтобы имѣть только возможность потомъ мучить его душеньку цѣлую вѣчность. Если кто наживался непонятнымъ для другихъ способомъ, то думали, что его обогащалъ демонъ, и нѣкоторые даже видѣли, какъ послѣдній по ночамъ леталъ къ нему въ образѣ огненнаго дракона и приносилъ съ собою золото. Если женщина одерживала чрезвычайныя побѣды своей красотой, то всѣ были убѣждены, что она дѣйствовала посредствамъ чаръ, сообщенныхъ ей дьяволомъ. Ученый окруженный черепами, скелетами и травами, былъ тоже въ союзѣ съ бѣсовскою силою. Самыя обыкновенныя на нашъ взглядъ обстоятельства могли въ то время подвергнуть человѣка подозрѣнію въ этой нечестивой связи, въ которой обвинялся даже самъ папа Григорій VII. О бременскомъ епископѣ Адамѣ, который окружалъ себя льстецами, знахарями и предсказателями, старался дѣлать золото извѣстнымъ химическимъ способомъ и т. д., народъ тоже говорилъ, что онъ запродалъ чорту душу свою. Въ извѣстной легендѣ, которая въ обработкѣ Гёте получила всемірное значеніе, докторъ Фаустъ тоже вступаетъ въ союзъ съ дьяволомъ, чтобы получить возможность безчисленныхъ наслажденій земными благами и всей глубины знаній, доступной духамъ. Подобный союзъ обусловливается обыкновенно письменнымъ контрактомъ, написаннымъ кровью вступающаго въ него человѣка.

Требуя отъ предающагося ему точнѣйшаго исполненія условій, дьяволъ, однако же, какъ и подобаетъ отцу лжи, старается обмануть его, вмѣсто настоящаго золота, напр., даетъ ему призрачное, которое потомъ оказывается чѣмъ нибудь вродѣ навоза, вмѣсто красавицы сводитъ его съ безобразной старухой и т. д.

Отъ этого добровольнаго союза съ чортомъ отличается бѣсноватость, когда чортъ, противъ желанія человѣка, поселяется въ его внутренности, подвергаетъ его конвульсіямъ и сумасшествію, заставляетъ лаять пособачьи и подбиваетъ его на всякій грѣхъ, на всякую пакость. Въ одного пятилѣтняго ребенка, когда онъ пилъ молоко, вмѣстѣ съ питьемъ проскользнулъ и дьяволъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что во все продолженіе среднихъ вѣковъ было множество людей, искренно вѣровавшихъ въ союзъ съ дьяволомъ, старавшихся вызывать его, даже входившихъ съ нимъ въ сношенія въ своихъ галлюцинаціяхъ, но католицизмъ не ограничивался этими приверженцами сатаны и причислялъ къ нимъ всѣхъ язычниковъ, всѣхъ еретиковъ. Катаровъ, напр., католицизмъ формально обвинялъ въ поклоненіи дьяволу и плотскихъ связяхъ съ демонами. Тампліеры тоже представлялись поклонниками сатаны, съ которымъ будто бы они учиняли адскія оргіи. Когда въ началѣ XIII вѣка жители округа Штедингъ, ужасно раззоряемые и притѣсняемые своими духовными властителями, начали сопротивляться ихъ чудовищнымъ требованіемъ, то архіепископъ, въ государствѣ котораго они жили, формально обвинилъ ихъ въ поклоненіи чорту, чтобы подъ предлогомъ искорененія этихъ слугъ сатаны жестоко проучить ихъ и заставить ихъ вполнѣ покориться своей волѣ.

Самымъ покорнымъ орудіемъ сатаны и вѣрнѣйшею его поклонницею считалась женщина. Въ средневѣковой Европѣ, какъ и вездѣ, женщины гораздо упорнѣе мужчинъ сохраняли старыя языческія вѣрованія и обряды, равно какъ и народное искуство леченія больныхъ травами и заклинаніями. «Вѣдьма, говоритъ Мишле, была единственнымъ медикомъ народа въ продолженіи тысячи лѣтъ. Императоры, короли, папы, болѣе богатые изъ бароновъ имѣли докторовъ солернскихъ, мавровъ, евреевъ, но масса всѣхъ состояній прибѣгала за помощью только къ знахаркѣ или *sage femme*. Ее называли вѣдьмою; но изъ уваженія, смѣшаннаго со страхомъ, ее обыкновенно величали *bonne dame* или *belle dame*, *bella donna*. Своею профессіей вѣдьма вооружала противъ себя медиковъ, и католическая церковъ, ненавидѣвшая послѣднихъ, однако-жь взяла ихъ сторону въ видахъ истребленія вѣдьмы. Она искусно раздѣлила царство сатаны. Противъ его дочери, его жены, вѣдьмы, вооружала его сына, медика. Въ *XVI* вѣкѣ она объявила, что «если женщина осмѣливается лечить безъ предварительнаго изученія медицины, то она вѣдьма и должна умереть.» Но женщина была не только знахаркою, но и жрицею и долго еще послѣ распространенія христіанства она принимала самое дѣятельное участіе въ тайныхъ языческихъ сборищахъ и жертвоприношеніяхъ. Жрицы Фреи, совершавшія службу этой богини по ночамъ на горахъ, превратились въ волшебницъ, имѣвшихъ связь съ сатаной, а ихъ религіозныя сборища, сопровождавшіяся сплошь и рядомъ половымъ разгуломъ сдѣлались шабашами вѣдьмъ на Брокенѣ и другихъ горахъ; у насъ на Лысой, около Кіева. Это вѣрованіе въ вѣдьму развивалось и формулировалось въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, но основныя черты его—превращеніе вѣдьмъ въ разныхъ животныхъ, пожираніе ими младенцевъ, ихъ полеты по воздуху на козлѣ или метлѣ; причиненіе имъ разныхъ физическихъ бѣдствій и болѣзней, половая связь съ сатаной, являются уже въ первые вѣка католицизма, представители котораго уже въ то время относились къ вѣдьмамъ на основаніи заповѣди еврейскаго законодателя: «не оставляй въ живыхъ вѣдьмы!»

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Благотворительная комедія.

Разсказъ К. М. Станюковича.

(*Окончаніе.*)

Бѣлокурая дѣвица съ англійской складкой, пропагандировавшая книгу г-жи Манасеиной, конфузится еще болѣе. Въ дѣловомъ отвѣтѣ любезнаго секретаря ей слышится личное невниманіе. Она опускаетъ свои голубые глаза на полугодовой отчетъ и начинаетъ его перелистывать съ нѣкоторымъ раздраженіемъ за «бѣдную Дарью Осипову» у которой трое дѣтей и ни одной пеленки..

— Евдокія Багрова, новгородская крестьянка. По болѣзни принуждена была оставить мѣсто. Въ виду ея болѣзни и самыхъ лучшихъ рекомендацій ей выдано три рубля.

— Это я отыскала эту бѣдняжку! не безъ скромнаго чувства удовольствія отъ такой находки замѣчаетъ Елена Николаевна.—Она была у васъ, Василій Александровичъ?

— Была. Очень симпатичная дѣвушка! отвѣчаетъ секретарь.

— Бѣдняжка обварила себѣ руку, продолжаетъ Елена Николаевна, обращаясь ко всѣмъ «милостивымъ государынямъ»,—и принуждена была оставить мѣсто. Въ больницу идти боялась; она такая робкая, скромная, привѣтливая и вообще непохожа на нашу прислугу.

Всѣ «милостивыя государыни» замѣчаютъ, что нынче почти невозможно достать хорошую прислугу (адмиральша выразилась даже гораздо энергичнѣе) и всѣ такъ или иначе, голосомъ или взглядомъ, движеніемъ рукъ или плечъ, выражаютъ участіе къ «бѣдняжкѣ», обварившей руку и непохожей «на нашу прислугу».

Одна только бѣлокурая дѣвица оказалась безсердечной и ничѣмъ не выразила участія къ бѣдняжкѣ, обварившей руку. Мало того: дѣвица почувствовала даже нѣкоторую непріязнь къ этой «бѣдняжкѣ» за другую «бѣдняжку»—Дарью Осипову, у которой трое дѣтей и нѣтъ пеленокъ. Хотя бѣлокурая дѣвица не видала ни той, ни другой «бѣдняжки», но она взяла подъ особое свое покровительство Дарью Осипову (отчасти въ пику секретарю и Еленѣ Николаевнѣ) и находила большой несправедливостью, что за обожженную руку выдали три рубля, а за троихъ дѣтей безъ пеленокъ только одинъ рубль семьдесятъ пять копѣекъ.

«Это несправедливо!» подумала дѣвица, краснѣя до ушей отъ такой несправедливости и досады на Елену Николаевну и секретаря.

Василій Александровичъ тѣмъ не менѣе продолжалъ чтеніе списка и заключилъ его, нѣсколько возвысивъ голосъ:

— Итого въ декабрѣ мѣсяцѣ выдано пособій въ количествѣ девяноста восьми рублей тридцати двухъ съ половиною копѣекъ двадцати тремъ истинно бѣднымъ и нравственнымъ лицамъ обоего пола.

Вслѣдъ затѣмъ Василій Александровичъ началъ читать, безъ всякихъ перерывовъ и болѣе или менѣе патетическихъ отступленій, прозаическую мѣсячную вѣдомость расходовъ Общества. Въ нѣжныхъ ушахъ «милостивыхъ государынь» быстро, обгоняя другъ друга, проносились многочисленныя статьи подъ видомъ бланокъ, канцелярскихъ расходовъ, найма помѣщенія для прихода истинно бѣдныхъ и нравственныхъ людей, отопленія и освѣщенія, жалованья помощнику секретаря, (секретарь, разумѣется, приносилъ себя въ жертву безкорыстно), двумъ писцамъ и сторожу, разъѣздныхъ для справокъ, ремонта мебели, непредвидѣнныхъ, случайныхъ и экстраординарныхъ расходовъ и шумъ въ ушахъ прекратился только тогда, когда секретарь, перечисливъ всѣ означенныя статьи и соотвѣтствующія имъ цифры, заключилъ, снова нѣсколько возвысивъ голосъ:

— Итого двѣсти тридцать девять рублей сорокъ четыре съ половиною копѣйки, а вмѣстѣ съ выданными пособіями триста тридцать семь рублей семьдесятъ копѣекъ! Мнѣ остается прибавить, милостивыя государыни, что въ будущемъ году расходы наши сократятся, вслѣдствіе возможности пріискать сторожа на меньшее жалованье!

Василій Александровичъ сѣлъ и передалъ вѣдомости почтенной дамѣ въ буклахъ. Вѣдомости были переписаны превосходнымъ почеркомъ, а цифры стояли одна подъ другой въ такомъ красивомъ порядкѣ, въ которомъ могутъ стоять только прусскіе солдаты на парадѣ. Дама въ буклахъ посмотрѣла на англійскій почеркъ пяти дамъ комитета, подписавшихъ вѣдомости, и на энергическую закорючку въ росчеркѣ секретаря (онъ же и казначей) и передала вѣдомости слѣдующей за ней дамѣ. Та, въ свою очередь, полюбовалась англійскимъ почеркомъ пяти дамъ, между которыми, между прочимъ, была подпись и самой любовавшейся, и закорючкой въ фамиліи секретаря и передала вѣдомости слѣдующей дамѣ. Слѣдующая дама сдѣлала то же самое и, такимъ образомъ, всѣ до одной «милостивыя государыни» полюбовались вѣдомостями, послѣ чего онѣ снова лежали передъ Василіемъ Александровичемъ.

Пока вѣдомости гуляли между «милостивыми государынями», Елена Николаевна успѣла сдѣлать три номера выраженій, графиня Долгова успѣла поймать ихъ и сообщить сосѣдкѣ свои подозрѣнія на счетъ кокетства Красногоръ-Ряжской съ секретаремъ, сосѣдка успѣла сочинить на ухо слѣдующей сосѣдкѣ цѣлую сплетню, въ которой и графиня Долгова была замѣшана въ качествѣ соперницы Елены Николаевны; бѣлокурая дѣвица успѣла убѣдить адмиральшу Троекурову въ необходимости 12 дюжинъ пеленокъ и въ несправедливости относительно Дарьи Осиповой, а адмиральша, въ свою очередь, успѣла убѣдить бѣлокурую дѣвицу въ невозможности имѣть хорошую прислугу и только, когда Василій Александровичъ снова всталъ во весь ростъ и показалъ передъ благотворительницами двойника Аполлона Бельведерскаго, только тогда прекратился дамскій змѣиный шопотъ и глаза устремились на Аполлонова двойника.

— Вы замѣтили?... оканчивала, между тѣмъ, молодая графиня новую комбинацію на ухо сосѣдки... Тссъ... Будемъ слушать!...

—Милостивыя государыни! Въ программѣ сегодняшняго засѣданія стоятъ нѣсколько вопросовъ. Угодно ли будетъ позволить приступить къ нимъ? обращается Василій Александровичъ къ почтенной дамѣ съ буклями, наклоняя голову ровно на столько, на сколько слѣдуетъ опытному молодому человѣку, подающему надежды.

Дама снова тряхнула сѣдыми буклями и прибавила, обращаясь къ собранію, что она проситъ собраніе позволить. Собраніе позволяетъ безъ малѣйшей запинки. Дама съ буклями снова трясетъ ими и говоритъ: «Начинайте, Василій Александровичъ!» послѣ чего сѣдыя ея букли, висящія по бокамъ круглаго и пухлаго лица, еще шевелятся нѣсколько мгновеній, но потомъ останавливаются неподвижно, словно часовой передъ генераломъ.

Секретарь читаетъ:

— Въ виду нѣсколькихъ, впрочемъ, немногочисленныхъ, случаевъ оказанія помощи лицамъ, далеко не отвѣчающимъ идеалу истинно бѣднаго и нравственнаго человѣка, не сочтутъ ли милостивыя государыни умѣстнымъ собирать самыя

тщательныя справки о лицахъ, обращающихся къ помощи общества безъ рекомендаціи почтенныхъ его членовъ?

Многія сочли умѣстнымъ, но вслѣдъ затѣмъ возникъ вопросъ: какъ собирать справки?

Начались пренія.

Первой заговорила дѣвица съ англійской складкой. Она привстала, вытянулась во всю длину своего высокаго роста и покраснѣла, какъ можетъ покраснѣть бѣлокурая дѣвица съ добрымъ сердцемъ, двадцати восемью годами и некрасивымъ лицомъ, которое, впрочемъ, очень близкіе друзья ея находили, конечно, симпатичнымъ. (Замѣтьте: если женщина не красива, то она всегда бываетъ или «необыкновенно симпатична» или «необыкновенно умна»).

Нѣсколько заикаясь, точно въ тонкомъ горлѣ ея еще сидѣла бѣдная Дарья Осипова съ тремя дѣтьми, она находила, что справки едва ли приведутъ къ чему нибудь и предлагала главнѣйшимъ образомъ основываться на первомъ впечатлѣніи.

— Первое впечатлѣніе.... первое впечатлѣніе, заключила нѣсколько дрожащимъ голосомъ дѣвица съ добрымъ сердцемъ,—рѣдко обманываетъ, почти никогда не обманываетъ.

Она снова вспыхнула и сѣла подъ картечью взглядовъ двадцати девяти «милостивыхъ государынь» не пропустившихъ ни одного прыщика на лицѣ бѣлокурой дѣвицы и подумавшихъ ехидно, что, вѣроятно, всѣ мужчины судили «симпатичную» дѣвушку по первому впечатлѣнію, иначе давно бы ей быть замужемъ.

Елена Николаевна Красногоръ-Ряжская «позволила себѣ» несогласиться съ «уважаемой Евгеніей Петровной». «Исходя изъ принципа» — говорила она, увѣрено дѣлая удареніе на «принципѣ» и окидывая собраніе выраженіемъ № 6 (строгодѣловымъ)—что общество обязано помогать только истинно бѣднымъ и нравственнымъ людямъ, на первое впечатлѣніе полагаться нельзя. Оно можетъ обмануть въ ту или другую сторону. («Однакоже, какъ хорошо это у меня выходитъ! промелькнуло у нея въ головкѣ почти одновременно съ чувствомъ зависти, сжавшемъ сердце графини Долговой). Возможны случаи помощи не достойнымъ, равно какъ (ей очень понравилось это «равно какъ») случаи отказа достойнымъ. Въ принципѣ она стоитъ за справки, хоть и понимаетъ «сопряженныя съ ними трудности».

Василій Александровичъ взглянулъ на Елену Николаевну очарованнымъ взглядомъ, быстро опуская глаза, подъ встрѣчнымъ взглядомъ оратора, какъ бы желая скрыть въ глубинѣ души волновавшія его чувства. Тѣмъ не менѣе они поняли другъ друга, хоть и не смотрѣли одинъ на другого. Елена Николаевна подумала: «какой онъ милый этотъ Петровскій!», а Василій Александровичъ подумалъ: «подою я тебя дуру, будь спокойна!»

Графиня Долгова крѣпко потерла тонкимъ батистовымъ платкомъ свои румяныя губки, какъ бы въ доказательство, что продаются такія румяны, которыя не стираются, и, въ свою очередь, «отдавая справедливость благородству намѣреній своего друга—Елены Николаевны, (оба друга шлютъ другъ другу нѣжныя взгляды, удивляясь лицемѣрію другъ друга) тѣмъ не менѣе должна замѣтить, что по ея «скромному» мнѣнію («хороша скромница!» думаетъ Елена Николаевна, припоминая цѣлыхъ десятокъ мужскихъ именъ) ни «первыя впечатлѣнія», ни справки не приведутъ къ желанному результату.

— Самое лучшее, заключила хорошенькая графиня съ нестираемыми румянами—попросить нуждающагося разсказать свою исторію, однимъ словомъ, une confession... На основаніи этого и судить...

— Исповѣдь иногда такъ трудна, графиня! смиренно возражаетъ Елена Николаевна своему другу.

— Отчего жъ?... Если просить ея съ открытымъ сердцемъ... Мнѣ кажется она, только облегчитъ душу, chère Hélène... Право!... Мы, женщины, должны знать это!

Обѣ, сказавши по пакости другъ другу, умолкли. Стали говорить другія милостивыя государыни. Баронесса Шпекъ, стояла за справки у сосѣдей. Генеральша Рѣзвая стояла за справки въ полиціи, «Тамъ все должны знать!» Адмиральша Троекурова предлагала рѣшать дѣло по происхожденію. «Благородные всегда достойнѣй!» выпалила она баритономъ съ рѣзкостью морской волчицы.

Стали вопросъ голосовать. Но во время голосованія нѣсколько «милостивыхъ государынь» непремѣнно хотѣли говорить въ одинъ и тотъ же моментъ, и поднялся такой шумъ, что снова затряслись сѣдыя букли, предсѣдательница позвонила, объяснила, что пренія закончены и снова букли покачались, покачались и остановились на своемъ мѣстѣ.

Большинство голосовъ высказалось за справки у сосѣдей, а въ случаѣ недостаточности въ полиціи.

Затѣмъ Василій Александровичъ хотѣлъ было приступить къ чтенію второго вопроса, какъ изъ передней донеслись чьи-то голоса. Слышно было, какъ чей-то голосъ говорилъ «нельзя», но другой протестовалъ. Елена Николаевна взглянула на секретаря. Тотъ попросилъ позволенія у Елены Николаевны узнать не пришли ли просители, но едва онъ хотѣлъ встать, какъ въ залу вошелъ, пожилой, скверно одѣтый человѣкъ, ведя за руку, словно на буксирѣ, оборваннаго мальчугана.

III.

Вошедшій нисколько не сконфузился при видѣ такого блестящаго дамскаго собранія и поспѣшилъ только утереть носъ своему мальчугану, любовно оправить его истасканное тоненькое пальтишко, мѣшковато сидѣвшее на худенькомъ маленькомъ тѣлѣ и снять съ шеи нѣсколько разъ обмотанный красный шарфъ. Когда онъ сдѣлалъ все это, то вывелъ мальчугана впередъ съ такимъ торжественнымъ видомъ, точно онъ привелъ передъ собраніе благодѣтельныхъ фей маленькаго королевича, принужденнаго только до времени скрываться въ плохомъ костюмѣ, зябнуть при 20° морозѣ, питаться чортъ знаетъ чѣмъ и ночевать въ ночлежномъ домѣ.

Самъ попечитель этого мальчугана ничѣмъ особеннымъ не отличался отъ тѣхъ нищихъ въ истертыхъ порыжѣлыхъ хламидахъ, когда то бывшихъ пальмерстонами или альмавивими, (трудно разобрать) съ такими же картузами на косматой головѣ, которые пугаютъ дамъ въ уединенныхъ улицахъ и сиплымъ голосомъ, и блѣднозелеными, припухлыми лицами и блестящимъ, пронзительнымъ взоромъ глазъ, выглядывающихъ изъ глубины темныхъ ямъ, не то съ угрозой, не то съ такимъ выраженіемъ страданія, что долго послѣ встрѣчи эти глаза мерещатся и не даютъ спокойно заснуть.

Вошедшій былъ старъ, сѣдъ, старался глядѣть на этотъ разъ привѣтливо, хотя все-таки походилъ на волка, нечаянно изъ лѣса попавшаго въ людское общество. Онъ потеръ грязными руками шею, будто отыскивая куда дѣвался его галстухъ, и оставался въ положеніи сфинкса, въ ожиданіи того времени, когда ему придется заговорить.

Мальчуганъ лѣтъ девяти, очевидно, не желалъ чести быть непремѣнно впереди. Онъ пятился назадъ и успокоился только тогда, когда приблизился къ ногамъ своего товарища и почувствовалъ, какъ знакомая вздрагивавшая рука ласково гладила его косматую, плохо знакомую съ гребенкой, голову.

Появленіе этой странной пары, какъ кажется, не входило въ программу засѣданія общества истинно бѣдныхъ и нравственныхъ людей, вслѣдствіе чего не только всѣ «милостивыя государыни», но и единственный «милостивый государь» были въ первую минуту озадачены и смотрѣли на появившихся гостей глазами, въ которыхъ было много изумленія, брезгливости, испуга, но очень мало теплоты и участія. Эти чувства вызывалъ, главнымъ образомъ, конечно, странный старикъ, лицо котораго, хоть и старалось быть привѣтливымъ, но все-таки не внушало большого расположенія; особено его глубоко засѣвшіе глаза, смотрѣвшіе на милостивыхъ государынь съ какой то блуждающей улыбкой, производили непріятное впечатлѣніе: не было въ нихъ того смиренно-льстиваго выраженія, которое такъ хорошо знакомо и такъ нравится благотворителямъ и благотворительницамъ.

Однако надо было заговорить съ этими нежданными гостями и Василій Александровичъ заговорилъ:

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ тѣмъ канцелярскимъ вѣжливымъ тономъ, который онъ считалъ образцомъ нѣжности въ сношеніяхъ съ кліентами общества.

— Мнѣ почти что ничего! отвѣчалъ странный старикъ, улыбаясь глазами, а вотъ этому мальчику надо бы помочь.

— Вы его отецъ?

— Нѣтъ...

— Родственникъ?

— По Христу!...

— Гммъ... Странное родство... Онъ вашъ пріемышъ?

— Пріемышъ.

Секретарь взглянулъ на милостивыхъ государынь, лукаво прищуривъ глаза, словно бы говоря: «вотъ отчаянный лгунъ!» и обратился къ мальчику:

— Какъ тебя зовутъ?

— Сенькой.

— Есть у тебя отецъ?

— Не знаю.

— А мать?

— Не знаю.

— Кого же ты знаешь?

— Дѣдушку знаю.

— Кто жъ твой дѣдушка?

— А вотъ!

Мальчикъ улыбнулся, оскаливъ рядъ бѣлыхъ зубовъ, и показалъ пальцемъ на старика. Старикъ ласково ему усмѣхнулся.

— Давно ты его знаешь?

— Давно...

— Чѣмъ занимаешься?

Мальчикъ не понималъ.

— Что дѣлаешь?

— Все дѣлаю, когда дрова есть—печку топлю, дѣдушкѣ помогаю...

—Ваше званіе? обратился секретарь къ старику.

Тотъ вынулъ изъ кармана засаленную бумагу и подалъ секретарю.

Василій Александровичъ прочелъ бумагу, пожалъ плечами и съ осторожной брезгливостью положилъ ее передъ почтенной предсѣдательницей. Та въ свою очередь пожала плечами, потрясла сѣдыми буклями и передала дальше. Осторожно, словно боясь чумной заразы, дотрогивались до этой бумаги ручки милостивыхъ государынь и затѣмъ торопились сбыть, проводивъ ея вздохомъ или пожатіемъ плечъ.

— До чего дошелъ!

— Какъ палъ!

— Ужасно!

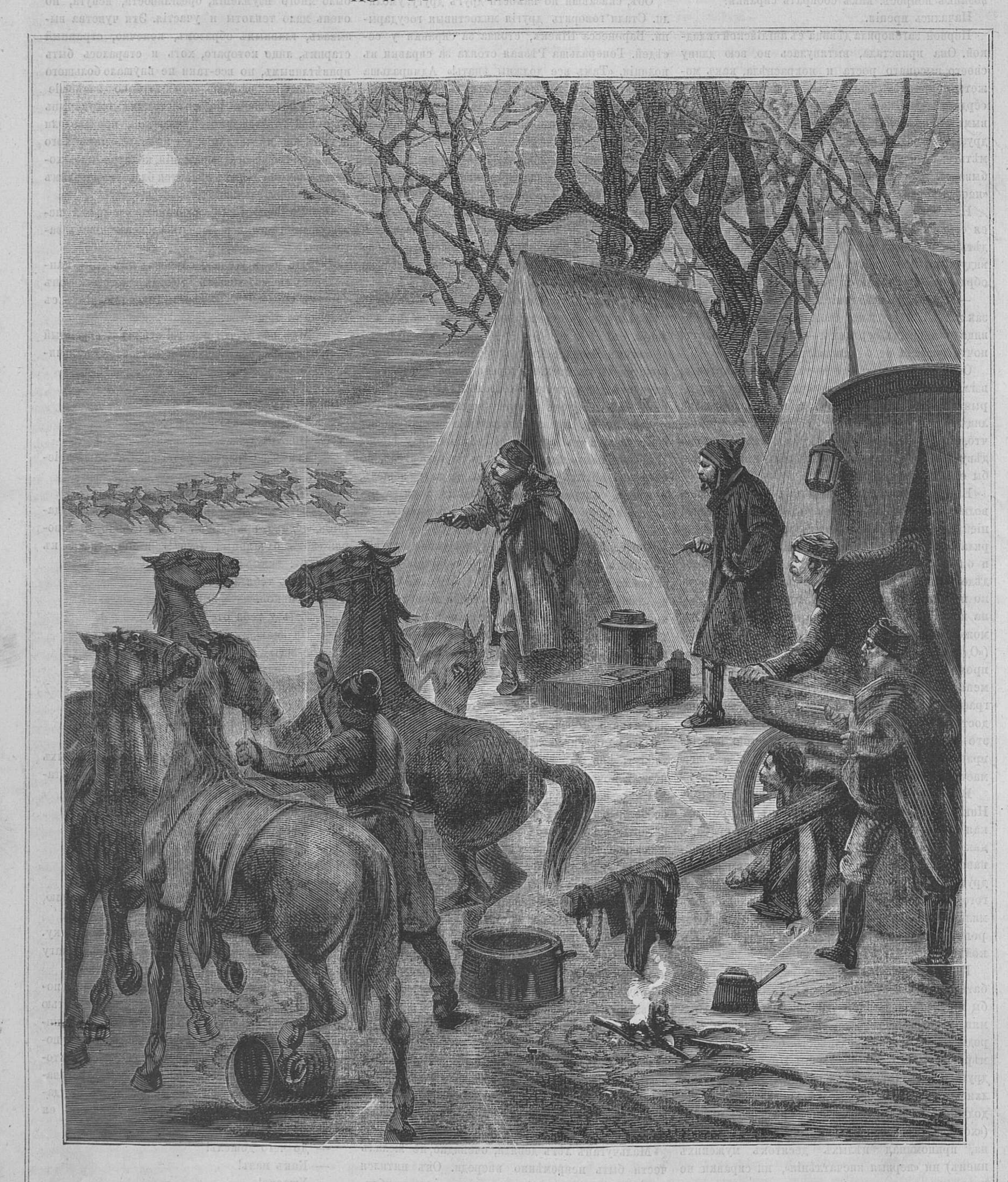
Такія восклицанія въ видѣ шопота вырвались изъ груди многихъ милостивыхъ государынь.

— У васъ есть рекомендаціи? снова спросилъ секретарь.

— Нѣтъ.

Василій Александровичъ обвелъ собраніе взоромъ сожалѣнія, что у него нѣтъ рекомендаціи.

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ.



Нападеніе стаи волковъ на англійскихъ корреспондентовъ.

Картина А. ЗИГЕРТА.

Любовная услуга.

«У него нѣтъ рекомендаціи!» отвѣчали взгляды въ отвѣтъ.

«У него нѣтъ рекомендаціи!» безмолвно сказали всѣ лица и личики.

— И видъ у него скверный! тихо шепнула предсѣдательница.

— Пьяница!... еще тише отвѣчалъ секретарь. А мальчикъ вѣрно взятъ на прокатъ!

Дѣло старика видимо было проиграно. Онъ это понялъ и вдругъ сталъ угрюмъ.

— Такъ вы говорите, что у васъ нѣтъ рекомендаціи?

— Никакой.

— Даже никакой? Это очень жаль! Судя по вашимъ бумагамъ, (секретарь встаетъ и брезгливо отдаетъ назадъ бумагу) вы человѣкъ не безъ образованія и поймете, слѣдовательно, что цѣли нашего общества не позволяютъ удовлетворить вашей просьбы.

Старикъ слушалъ эту рѣчь съ какимъ то особеннымъ грустнымъ вниманіемъ, но когда секретарь кончилъ, онъ опустилъ голову и какъ то весь съежился. Глаза его спрятались въ темныхъ ямахъ и изъ груди вылетѣлъ надтреснутый голосъ, произнесшій тихо:

— Но вѣдь я не за себя... За мальчика!

— За мальчика? переспросилъ секретарь и пошелъ на свое мѣсто.

Нѣсколько секундъ недоумѣнія.

«Имѣемъ ли мы право?» тихо шепчетъ секретарь.

«Имѣемъ ли мы право?» также тихо шепчетъ почтенная предсѣдательница, строго покачивая буклями.

«Имѣемъ ли мы право?» спрашиваютъ сами себя всѣ милостивыя государыни.

— Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ права! рѣшаетъ сперва лицо секретаря, потомъ жестъ, а затѣмъ и тихій шопотъ.

— Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ право! говоритъ по-французски предсѣдательница.

— Мы не имѣемъ права! отвѣчаютъ лица «милостивыхъ государынь» и всѣ онѣ обращаютъ вниманіе на мальчика, помочь которому онѣ не имѣютъ права.

А мальчикъ глядитъ зоркими карими глазенками на блестящее собраніе и—вообразите себѣ!—не только не ищетъ права разжалобить сердца милостивыхъ государынь, а, напротивъ, словно бы ищетъ права назваться самымъ невѣжливымъ, дерзкимъ мальчуганомъ, когда либо обращавшемся за помощью. Онъ весело смѣется и шепчетъ что-то своему угрюмому товарищу, указывая пальцемъ прямо на лицо почтенной предсѣдательницы. Его заинтересовали сѣдыя букли и онъ сообщаетъ свои наблюденія въ полголоса, нисколько не стѣсняясь мѣстомъ, въ которомъ онъ находился. Очевидно, 14° по Реомюру привели его въ игривое настроеніе и онъ, несмотря на знаки стараго товарища, продолжаетъ весело хихикать...

Эта веселость окончательно сгубила мальчика. «Милостивыя государыни» находятъ, что передъ ними испорченный мальчикъ. (Секретарь давно уже это нашелъ). Онѣ совершенно забываютъ, что у многихъ изъ нихъ есть дѣти и помнятъ только, что передъ ними всклокоченный, грязный мальчишка, съ бойкими глазенками между впалыхъ щекъ и дерзкимъ смѣхомъ.

— Къ сожалѣнію... мы не имѣемъ права помочь и мальчику!... говоритъ секретарь.

— Безъ рекомендаціи? иронически подсказываетъ старикъ.

— Да-съ! рѣзко замѣтилъ секретарь и какъ бы говоритъ взглядомъ: можете теперь убираться если не къ чорту, то во всякомъ случаѣ на улицу, гдѣ $18^1/_2{}^0$ мороза.

Старикъ рѣзко дергаетъ мальчугана за руку, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, затѣмъ возвращается и говоритъ:

— Милостивыя государыни!... Я васъ прошу... (голосъ его становится глуше и на испитомъ лицѣ мелькаетъ выраженіе большого страданія) я васъ прошу... Мальчикъ голоденъ... Вы думаете онъ смѣялся, значитъ, сытъ? У него нѣтъ пристанища... Помогите мальчику.

Всѣ вдругъ притихли. Всѣмъ вдругъ стало какъ-то совѣстно. Притихъ и мальчикъ. Онъ не смѣется, а испуганно смотритъ на своего товарища. Въ его взглядѣ и страхъ, и любовь.

— Дѣдушка, что съ тобой?... Что ты? говоритъ онъ, заглядывая на него снизу...

Многія полѣзли въ карманы. Дѣвица съ англійской складкой и добрымъ сердемъ давно сидѣла на своемъ креслѣ, точно на угольяхъ. При послѣднихъ словахъ она вскакиваетъ съ мѣста, роняетъ кресло, конфузится, подходитъ къ мальчику и суетъ ему свое портмоне.

Старикъ сперва ни слова не говоритъ, потомъ, будто спохватившись, шепчетъ:

— Будьте спокойны... Его денегъ я не пропью... Будьте спокойны...

Онъ благодаритъ теплымъ взглядомъ дѣвицу и уходитъ изъ залы.

— Вашъ адресъ... адресъ вашъ! конфузливо шепчетъ дѣвица.

Но отвѣта нѣтъ. Старикъ ужь скрылся.

Бѣлокурая дѣвица возвращается на свое кресло, краснѣя, какъ піонъ, съ нависшими слезами на глазахъ. Всѣ на нее смотрятъ, какъ на выскочку, и находятъ, что она очень «смѣшная».

Послѣ этого эпизода прошло минутъ десять, пока засѣданіе не пошло своимъ порядкомъ. Опять ставились вопросы, разрѣшались и заносились въ протоколы. Въ пять часовъ засѣданіе было окончено. Милостивыя государыни поболтали и разъѣхались.

Елена Николаевна, довольная, оставалась еще нѣсколько времени въ залѣ. Было рѣшено, что она завтра поѣдетъ съ секретаремъ для посѣщенія истинно бѣдныхъ и нравственныхъ людей. Она была рада посѣтить бѣдныхъ и пококетничать съ Василіемъ Александровичемъ.

«Я надѣну черное шерстяное платье. И скромно и хорошо!» подумала молоденькая женщина, уходя въ гостинную.

И Василій Александровичъ ѣхалъ въ трактиръ довольный. Благодаря Обществу для помощи истинно бѣднымъ и нравственнымъ людямъ, онъ поправилъ свои служебныя дѣлишки и теперь разсчитывалъ на завтрашнее посѣщеніе бѣдныхъ, на свои голубые глаза, мягкій голосъ и глупую довѣрчивость Красногоръ-Ряжской. «Она думаетъ, что я влюбленъ и, конечно, заставитъ мужа надѣть мундиръ и попросить за меня... истинно бѣднаго и нравственнаго человѣка!» улыбнулся Василій Александровичъ, плотнѣе кутаясь въ бобровый воротникъ.

IV.

Успѣвъ «вырвать зло съ корнемъ» изъ того вѣдомства, гдѣ служилъ строптивый столоначальникъ и ославъ бѣднаго провинціальнаго Мазаніелло, туда, гдѣ даже настоящій никогда не бывалъ, г. Красногоръ-Ряжскій вошелъ въ гостинную въ самоотвратительномъ расположеніи духа.

— Наболтались? спросилъ онъ.

— Неужли вы не можете со мной говорить, не оскорбляя меня?

Елена Николаевна дѣлаетъ мину № 9—глубоко оскорбленной невинности. Слезы нависаютъ на рѣсницахъ. Грудь нѣсколько подымается. Страданіе напечатано на ея миломъ личикѣ.

Г. Красногоръ-Ряжскій начинаетъ совѣть. Елена Николаевна, несмотря на страданіе, видитъ это и, усиливая № 9, нечаянно обнажаетъ локоть.

Г. Красногоръ-Ряжскій совѣетъ еще болѣе.

— Лена... Леночка!... робко произноситъ его превосходительство.

Ни звука въ отвѣтъ.

— Леночка!... совсѣмъ нѣжно началъ г. Красногоръ-Ряжскій и поперхнулся... Леночка. Вѣдь я... вы тамъ, что хотите говорите, но мнѣ не нравится секретарь.

Елена Николаевна открываетъ глаза и мужъ усматриваетъ въ нихъ такое море изумленія, что, наконецъ, изумляется самъ.

— Ты, Лена, что такъ смотришь?

— Я?...

Картина мѣняется. Страданіе исчезаетъ. Елена Николаевна хохочетъ, какъ ребенокъ, хохочетъ весело, мило, заразительно.

Мужъ хлопаетъ глазами.

— Такъ ты, Никсъ, ревновать?... Ха-ха-ха... Глупый мой! Къ секретарю?... Ха-ха-ха!...

Хохотъ былъ такъ заразителенъ, что даже самъ «Никсъ» не выдержалъ, захохоталъ, какъ дуракъ, и прижалъ супругу къ своей высохшей груди.

Въ тотъ же вечеръ «строптивый столоначальникъ» былъ возвращенъ къ своему семейству. Онъ не былъ исключенъ изъ службы, какъ предлагалъ докладчикъ, а получилъ только выговоръ съ замѣчаніемъ, чтобы впредь и т. д.

— А я было думалъ, Леночка, ха... ха... ха!... весело говорилъ солидный «Никсъ», ужиная вдвоемъ съ Леночкой... Я было думалъ...

— А ты, Никсъ, не думай!...

И Елена Николаевна шаловливо зажала мужу ротъ своей ладонью и посмотрѣла на него съ тѣмъ чуднымъ выраженіемъ, (№ 1) съ какимъ она смотрѣла на него только 20 числа, или наканунѣ какой нибудь замышляемой женской шалости.

Желтыя розы.

Разсказъ **Катюлля Мендеса**. Переводъ **А. Г. Сахаровой**.

Они находились въ той опасной порѣ любовныхъ связей, когда, для того, чтобы вѣрить своему собственному счастію, людямъ необходимо, чтобы посторонніе говорили о немъ. Быть вдвоемъ для нихъ недостаточно; надо, чтобы ктонибудь сказалъ: «ихъ двое». Въ эту пору добрымъ людямъ нуженъ другъ; злымъ—завистникъ. Первымъ признакомъ пресыщенія является желаніе чаще глядѣться въ зеркало. Зачѣмъ? Потому что человѣку нуженъ свидѣтель; его собственный образъ—это почти третье лице. Дуэтъ стремится перейти въ тріо. Иногда онъ вырождается въ квартетъ—въ итальянской музыкѣ и въ легкозавязывающихся связяхъ.

Конечно, Клементина и Роберъ не скучали Скучать, развѣ это возможно? Ему было двадцать лѣтъ, ей тридцать и книга была очень увлекательна, хотя не онъ разрѣзалъ ея страницы. У ней была непреодолимая прелесть — стыдливость. Дѣвственность, эта глупость—увы!—есть принадлежность каждаго юнаго и неиспорченнаго существа; но стыдливость пріобрѣтается. Маленькая дѣвочка, поднимающая юбку выше живота, дѣвственна; а стыдливость — эта плутовка едва показываетъ кончикъ своей ботинки. Стыдливость наука, искусство. Она является своевременнымъ препятствіемъ, отрицаніемъ, которое согласится. Она знаетъ, что надо дать, какъ и до какой степени. Стыдливость есть сдержанность страсти. Женщины начинаютъ дѣлаться стыдливыми къ тридцати годамъ. Дѣвы непорочны.

Значитъ у Робера не было никакихъ причинъ скучать. Прибавьте къ увлекательнымъ прелестямъ его любовницы кустарники въ цвѣту, потому что дѣло было весною, журчаніе маленькой рѣчки, поддразнивающей берега подъ плакучими ивами, водяную мельницу съ ея глухимъ шумомъ и въ особенности милый, одинокій, бѣлый домикъ съ аспидной крышей, флюгеръ которой визжалъ и

не давалъ спать по ночамъ, уютную столовую, гдѣ пріятно было покушать сливокъ и овощей послѣ болѣе существенныхъ блюдъ, японскій будуаръ съ бамбуковыми цыновками, покрытыми темными медвѣжьими шкурами, со стѣнами, украшенными пейзажами, и передъ окномъ этого будуара представьте себѣ длинную терасу, возвышающуюся надъ равниной, на которой цвѣли отдѣльными кустами, похожими на золотыя улыбки, милліоны желтыхъ розъ, этихъ розъ нестолько дѣвственныхъ, сколько упоительныхъ, какъ будто бы и имъ было тоже тридцать лѣтъ. Прибавьте ко всѣмъ этимъ перечисленнымъ нами прелестямъ сотни мѣстечекъ, гдѣ можно было спрятаться за лиственницами въ кустахъ, прибавьте ровъ, въ которомъ журчалъ ручеекъ, и гроты, потому что тутъ были гроты, устроенные парижскимъ садовникомъ, и вы удивитесь, что Роберъ, проживъ только три мѣсяца въ этомъ очаровательномъ уголкѣ, уже написалъ своему другу Лоріяну и звалъ его пріѣхать на берега Адура и посмотрѣть, какъ цвѣтетъ дикая яблоня.

Странно одно, что Лоріянъ дѣйствительно пріѣхалъ. Мы не станемъ утверждать, что онъ пріѣхалъ собственно для того, чтобы видѣть, какъ бѣлѣютъ эти маленькіе цвѣточки, о которыхъ говорилъ его другъ; но—что дѣлать!—зима была очень длинна, ночи проходили скорѣе медленно, нежели радостно и у самаго завзятаго парижанина пробуждаются счастливыя мечты о южной веснѣ, когда апрѣль проходитъ на ципочкахъ по грязи нашихъ улицъ и бульваровъ. Окунуться въ глупую свѣжесть провинціи не лишено нѣкоторой пикантности и Лоріянъ поѣхалъ на экстренномъ поѣздѣ къ своему другу Роберу.

Они очень обрадовались его пріѣзду. Это понятно: эти люди въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не видали никого кромѣ своей прислуги и стрѣлочника желѣзной дороги, размахивающаго краснымъ флагомъ. Да и къ тому же Роберъ и Лоріянъ были старые друзья; дѣтьми они играли въ кегли въ одной и той же коллегіи, юношами они дрались изъ-за женщины, которую они оба любили, и послѣ дуэли, когда тотъ, который уцѣлѣлъ, ухаживалъ за раненымъ, они, смѣясь, обмѣнялись воспоминаньями. Роберъ, въ особенности, кроткій, какъ овечка, обожалъ своего товарища. Ужь, конечно, онъ написалъ Лоріяну не для того, чтобы прервать однообразіе долгаго и сладкаго одиночества вдвоемъ, не для того, чтобы заставить его полюбоваться той, которая была такъ хороша, такъ добра, такъ любила его; честному малому было необходимо присутствіе его друга для полнаго счастья, и послѣ поцѣлуя Клементины ему нужно было пожатіе руки Лоріяна.

Лоріянъ былъ ослѣпителенъ. Весь Парижъ, первые ярусы съ ихъ ложами, въ которыхъ сіяютъ слишкомъ бѣлокурые волосы, съ ихъ бенуарами, въ которыхъ смягчаются скандалы, съ ихъ креслами въ оркестрѣ, прославленными Банвиллемъ; послѣднія отельскія скачки, гдѣ мадемуазель Первеншъ прискакала первая, бульвары скучающіе и движущіеся, итальянская опера, которая закрывается, и выставка картинъ, которая открывается,—онъ принесъ съ собой все, зналъ все, говорилъ обо всемъ и явился чѣмъ то въ родѣ фейерверка среди тумана ихъ провинціяльной любви.

Но въ сущности Роберъ былъ недоволенъ. Развѣ въ этотъ день Клементина была не такъ хороша? Каждому хочется, чтобы его любовница была прелестна въ день пріѣзда друга. Она была очаровательна, какъ всегда, и, можетъ быть, даже прелестнѣе, нежели когда-нибудь. Ея волосы, растрепанные и почти короткіе, такъ густы и курчавы они были, падали на ея глаза каріе, какъ глаза Кассандры, спускались къ ея носу съ почти жирными ноздрями, и даже къ самому преступному рту, у угловъ котораго было слишкомъ много складокъ, но который былъ такой розовый! Ея платье было чудомъ искуства. Конечно, оно было бѣлое, но облака отличаются той особенной бѣлизною, которую самыя искусныя прачки не умѣютъ придать кисеѣ и прозрачная, нѣсколько тугая матерія, потому что прямые углы эффектны, въ которую облеклась для пріѣзда Лоріяна возлюбленная Робера, отличалась именно этой идеальной бѣлизной. Швея сказала бы вамъ просто, что на Клементинѣ было надѣто платье изъ органдина, матеріи простой, но эффектной. Да и къ тому же полныя плечи и прекрасныя пухленькія руки какъ то розово-просвѣчивали сквозь прозрачныя полосы матеріи и иногда Клементина поднимала эти руки, зѣвая и улыбаясь. И такъ Роберъ былъ все менѣе и менѣе доволенъ. Ему казалось, что Клементина могла бы выбрать для пріѣзда Лоріяна менѣе прозрачное платье. Она слишкомъ много смѣялась, слишкомъ часто показывала свои зубки, такіе бѣлые и столь любимые имъ и, конечно, могла бы не поднимать рукъ во время ребяческой зѣвоты и держать ихъ скрещенными на колѣняхъ, какъ это принято въ порядочномъ обществѣ.

Они сѣли за фортепіяно. Кто же? Клементина и Роберъ? ничуть не бывало: Лоріянъ и Клементина. О немъ, о счастливцѣ, о возлюбленномъ, о хозяинѣ никто и не вспомнилъ и онъ сидѣлъ въ своемъ углу, слушая романсы, находя въ этомъ мало удовольствія, разсерженный.

Клементина шепнула ему на ухо:

— Твой другъ очень милъ.

Лоріянъ сказалъ ему:

— Твоя возлюбленная очаровательна.

Но это неудовлетворяло его. Интимная жизнь втроемъ, о которой онъ мечталъ, складывалась совсѣмъ не такъ. Онъ предпочелъ бы,—конечно, онъ былъ несправедливъ,—чтобы они занимались имъ немножко больше и немножко меньше занимались самими собой. Ему показалось, что между ними съ самаго начала было слишкомъ много фамиліярности, слишкомъ много условленнаго въ обмѣнѣ улыбокъ и, наконецъ, онъ никакъ не могъ понять, зачѣмъ онъ самъ торчитъ въ своемъ углу на стулѣ, тогда какъ онъ и она тамъ, у фортепіяно — и зачѣмъ? я васъ спрашиваю, — чтобы спѣть глупый, смѣшной, нелѣпый романсъ, который онъ, Роберъ, сто разъ пѣлъ съ нею и гораздо лучше, потому что у Лоріяна былъ ужасно фальшивый голосъ.

— О! ревнивецъ! разразился смѣхомъ Лоріянъ.

Нужно сознаться, что у Робера была очень жалкая физіономія. Онъ принудилъ себя улыбнуться какъ можно привѣтливѣе и его лицо приняло такое глупое выраженіе, что Клементина, обернувшись, тоже расхохоталась.

— Онъ ужъ такимъ уродился, сказала она,—не слѣдуетъ обращать на него вниманія. Вы увидите, что онъ разсердится на насъ за то, что мы смѣемся. Фи! малютка; какъ это нехорошо! Будете ли вы умникомъ? Потомъ я прощу вамъ. Пойдите наберите мнѣ большой букетъ розъ.

Что было дѣлать Роберу? Онъ отправился набирать розы. Понятно, что онъ и не думалъ серьезно сомнѣваться ни въ вѣрности своей любовницы, ни въ честности своего друга. Онъ былъ не дуракъ. Онъ угадывалъ очень хорошо, что ихъ фамильярность была просто игрой, измышленной ими, чтобы возбудить въ немъ ревность. Они шутили и онъ не хотѣлъ ни за что на свѣтѣ показаться менѣе остроумнымъ, нежели они.

«Хорошо! хорошо! Они меня не поддѣнутъ. Послѣдній всегда смѣется лучше всѣхъ. Я очень хитеръ. Сегодня вечеромъ за обѣдомъ, я докажу имъ, что имъ не удалось меня одурачить».

И онъ отправился собирать розы на террасѣ. Онъ сорвалъ сначала одну, а потомъ и нѣсколько. Мы уже сказали, что это были желтыя розы. Онъ улыбался недальновидности Клементины и Лоріяна. Они хотѣли возбудить въ немъ ревность и послали его на террасу, откуда можно было видѣть все, что дѣлается въ японскомъ будуарѣ. Если бы онъ былъ на ихъ мѣстѣ и изобрѣлъ эту шутку, то онъ придумалъ бы что нибудь поостроумнѣе. Было очевидно, что его хотѣли проучить; но ему могли бы дать болѣе искусный урокъ. Между тѣмъ, онъ расхаживалъ взадъ и впередъ, собирая розы и бросая отъ времени до времени взглядъ въ окна будуара.

Онъ видѣлъ ихъ. Они были у фортепіяно и пѣли. Все обстояло благополучно. Однако, онъ уже пересталъ понимать, въ чемъ дѣло. Теперь эффектъ былъ произведенъ. Онъ не ревновалъ, онъ выигралъ пари, его можно было воротить, потому что онъ уже начиналъ скучать одинъ на террасѣ.

Вдругъ Клементина появилась у окна и спустила японскую стору, которая была очень плотна.

— Наконецъ-то! сказалъ онъ про себя; по крайней мѣрѣ, это похоже на фарсъ. Теперь это становится смѣшно. Но я не вернусь въ домъ и сегодня вечеромъ послѣ обѣда они останутся съ длиннымъ носомъ, когда я имъ разскажу, какъ я посмѣялся надъ ними.

Онъ продолжалъ расхаживать по террасѣ и рвать желтыя розы.

Въ сущности онъ не былъ спокоенъ. Конечно, онъ зналъ, что его другъ и его любовница неспособны ему измѣнить. Но все-таки, въ концѣ концевъ, онъ предпочелъ бы, чтобы они не испытывали его терпѣнья такимъ образомъ. Они оба должны были быть достаточно увѣрены въ немъ и такой опытъ былъ совершенно излишнимъ. Да и къ тому же время шло своимъ чередомъ и эта шутка становилась слишкомъ продолжительной. Онъ уже цѣлый часъ былъ на террасѣ среди желтыхъ розъ и, расхаживая взадъ и впередъ, ожидалъ, что его позовутъ. Одна подробность: фортепіяно смолкло.

Напрасно онъ боролся съ самимъ собой, въ немъ зародились подозрѣнія, настоящія, сильныя подозрѣнія. Они сговорились сдѣлать его смѣшнымъ! Ну, это удалось имъ. Онъ ревновалъ. Что вы хотите? Онъ дѣйствительно ревновалъ. Напрасно подыскивалъ онъ всевозможныя причины, ему страстно хотѣлось узнать, что дѣлается за японской сторой. Ему надоѣло расхаживать два часа по террасѣ среди желтыхъ розъ. Надо положить конецъ всему этому. Съ его стороны было очень глупо, что онъ не рѣшался войти въ домъ и сказать имъ:

— Ну, довольно шутить, будемъ опять болтать вмѣстѣ.

Когда прошло два съ половиною часа—букетъ желтыхъ розъ сталъ громаднымъ,—онъ не выдержалъ. Онъ взбѣжалъ на крыльцо, пробѣжалъ черезъ переднюю, черезъ столовую, прошелъ въ три прыжка всю залу и остановился передъ дверью будуара съ своимъ большимъ букетомъ въ рукѣ.

— Нѣтъ, право, я просто болванъ! Вотъ то они посмѣются! Подозрѣвать Клементину! Клементину, которая оставила ради меня свою мать, своего мужа! Клементину, которая втеченіи трехъ мѣсяцевъ мыслитъ одной мыслью со мной и не имѣетъ другого горизонта, кромѣ моего взгляда,—которая еще сегодня утромъ обмокнула кусочекъ хлѣбца въ то яйцо въ смятку, которое я ѣлъ! Заподозрить честность Лоріяна, Лоріяна, который учился въ одной школѣ со мной, который вѣчно кралъ у меня всѣ мои кегли, когда мы играли вмѣстѣ, который отбилъ у меня всѣхъ моихъ любовницъ, Лоріяна, друга, брата, моего

Пилада, Лоріяна, человѣка серьезнаго, человѣка съ состояніемъ, съ вѣсомъ! Я просто глупецъ. Однако, мнѣ все-таки лучше войти.

И онъ вошелъ.

Какъ хорошо онъ поступилъ, войдя: какъ онъ обрадовался, увидя ихъ, сидящими на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ друга, его — на табуретѣ у фортепіано, ее—на низкомъ креслѣ, равнодушными, улыбающимися, разговаривающими о первомъ представленіи Аиды и о «Revue» въ театрѣ Фоли Мариньи; увидя его, остроумнымъ, дружески привѣтливымъ, ее, доброй, сочувствующей и такой хорошенькой въ ея органдиновомъ платьѣ, прямыя складки котораго смялись бы отъ малѣйшей неосторожности...

— Ахъ! чортъ побери! Она переодѣлась.

съ окружающею ихъ водою въ большой стеклянный сосудъ, для того, чтобы убѣдиться въ живописности ихъ оживленныхъ движеній, нѣжности ихъ переливающихся красокъ и изяществѣ ихъ очертаній, напоминающихъ цвѣты.

Самая обыкновенная изъ наиболѣе крупныхъ медузъ, водящихся въ Нѣмецкомъ морѣ, называется Aurelia aurita (рис. 1). Слизистое, прозрачное, какъ стекло, тѣло этой ауреліи имѣетъ вообще форму плоскаго колокола. Ротъ животнаго находится посерединѣ нижней поверхности его колоколообразной фигуры и окруженъ четырьмя длинными, очень подвижными клешнями (e). Множество болѣе тонкихъ, нитевидныхъ клешней (d) висятъ по краю колоколообразнаго (a) щита. Ротъ служитъ входомъ въ желудокъ, изъ котораго идутъ, лучеобразно, многочисленные, вѣтви стые, пищепроводные канальцы (b); они направляются къ окружности щита, гдѣ соединяются въ одинъ общій круговой каналъ. Вокругъ желудка расположены, крестообразно, четыре мѣшка (c), въ которыхъ образуются яица медузы.

Классъ животныхъ, къ которымъ принадлежатъ аурелія и другіе сродственные ей слизняки, извѣстенъ подъ названіемъ гидромедузъ. Къ тому же классу относятся, такъ называемые, гидроидные полипы, по внѣшнему своему виду совершенно не похожіе, впрочемъ, на свободно-плавающихъ слизняковъ и прикрѣпленные къ морскому дну или къ морскимъ водорослямъ. Одно только маленькое животное этой породы весьма распространено въ нашихъ прудахъ и затонахъ: это маленькій прѣсноводный полипъ или гидра. Весьма часто этотъ красивый слизнячекъ сидитъ на нижней поверхности листьевъ водяной чечевицы или морскихъ розъ. Въ свернутомъ видѣ это не болѣе какъ зеленая или оранжево-красная бородавка, величиною съ булавочную головку; въ растянутомъ—тонкая нить, длиною въ дюймъ. На одномъ концѣ этой нити сидитъ самое тѣло полипа; на другомъ находится его ротъ, окруженный вѣнкомъ изъ 4—8 клешней и ведущій въ простую желудочную полость. Этотъ прѣсноводный полипъ размножается простѣйшимъ образомъ, производя себѣ подобныхъ посредствомъ яицъ или почекъ. Но многочисленные морскіе гидроидные полипы, почти нисколько не отличающіеся съ виду отъ предъидущаго, размножаются самымъ разнообразнѣйшимъ и замѣчательнымъ образомъ, а именно, въ связи съ упомянутыми нами вначалѣ медузами. (рис. 2).

Это происходитъ слѣдующимъ порядкомъ: изъ яицъ медузы рождаются не подобныя же ей медузы, а полипы, сходные съ вышеупомянутой гидрой; отъ этихъ гидроидныхъ полиповъ производятъ, въ свою очередь, черезъ почковое раз-

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ.

Фуражировка.

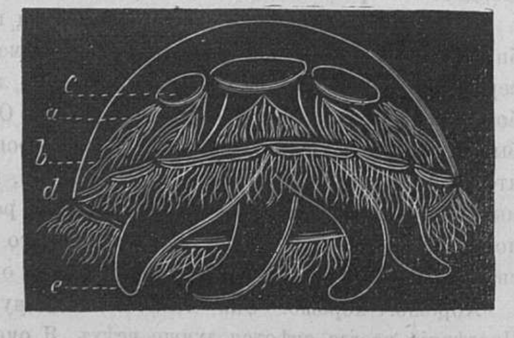
Раздѣленіе труда въ жизни природы.

Лекціи профессора іенскаго университета д-ра **Эрнста Геккеля.**

(*Продолженіе.*)

Перенесемся мыслью изъ знойныхъ, тропическихъ бразильскихъ лѣсовъ съ ихъ разбойничьими муравьями и сагубами къ прохладнымъ сѣверо-германскимъ прибрежьямъ, на которыя выброшена, свѣжимъ сѣвернымъ вѣтромъ, масса, такъ называемыхъ, морскихъ звѣздъ (медузъ, на языкѣ зоологовъ). Каждый наблюдательный человѣкъ могъ видѣть на берегахъ Сѣвернаго Нѣмецкаго моря этихъ странныхъ слизняковъ, часто тысячами выносимыхъ волнами на берегъ. Видя ихъ скученными на пескѣ въ одну студенистую, безобразную массу, трудно вообразить себѣ, разумѣется, что эти самыя медузы могутъ представлять восхитительное зрѣлище, когда плаваютъ въ морѣ. Но стоитъ вычерпнуть ихъ вмѣстѣ

Рис. 1.



Aurelia aurita, обыкновенная медуза Сѣвернаго моря, *a* студенистый колоколъ, *b* вѣтвистые пищевые сосуды на нижней сторонѣ колокола, *c* четыре яичные мѣшка, *d* нитевыя клешни на краю колокола, *e* четыре клешни у рта.

множеніе, не полипы, а снова медузы. Такимъ образомъ, дочь походитъ здѣсь не на мать, а на бабку. Первое поколѣніе уподобляется третьему и пятому, второе—четвертому и шестому. При этомъ, обѣ формы этихъ поколѣній до того несходны между собою, что, въ прежнее время, при неизвѣстности подобной связи между ними, ихъ принимали за два совершенно различные класса животныхъ, именно за полиповъ и медузъ.

Рис. 2.

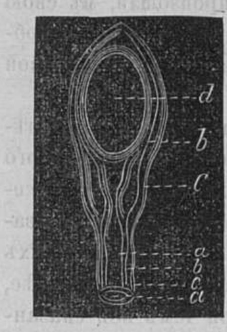
Гидроидный полипъ (*Scyphistoma tula*), происходящій отъ яицъ медузы ауреліи и производящій потомъ снова ауреліи посредствомъ почковаго размноженія, *a* прикрѣпленный стебель полипа, *b* рюмкообразное тѣло, заключающее въ себѣ желудочную полость, *c* вѣнокъ изъ клешней, окружающихъ ротъ полипа.

Подобная смѣна двухъ и даже трехъ совершенно различныхъ поколѣній сряду встрѣчается очень часто между низшими животными и извѣстна подъ именемъ чередующихся поколѣній. Это удивительное явленіе происходитъ тоже отъ раздѣленія труда, и именно — раздѣленія труда въ области жизненнаго развитія. 3 Обѣ совершенно различныя формы животныхъ, — медузы, изъ яицъ которыхъ образуются полипы, и полипы, изъ почекъ которыхъ снова происходятъ медузы,—суть двѣ различныя формы одного и того же рода или вида, вышедшія изъ одной общей родоначальной формы, тѣмъ же путемъ, то есть, черезъ раздѣленіе труда, какъ и различныя формы рабочихъ въ муравьиныхъ государствахъ.

Правильность чередованія между поколѣніями медузъ и полиповъ обнаруживается яснѣе всего на изумительныхъ плавающихъ гнѣздахъ гидромедузъ, извѣстныхъ въ зоологіи подъ именемъ сифонофоровъ и принадлежащихъ къ самымъ великолѣпнымъ явленіямъ южныхъ морей. Въ Средиземномъ морѣ,—именно въ Мессинскомъ проливѣ,—эти медузы плаваютъ, по извѣстнымъ временамъ, густыми стадами. По общему впечатлѣнію, производимому ими, ихъ можно уподобить только плавающему цвѣтнику, полному роскошнѣйшихъ цвѣтовъ и плодовъ, всѣ части которыхъ составлены изъ прозрачнаго хрусталя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти кажущіеся цвѣты полны жизни, способны къ произвольнымъ движеніямъ, ощущеніямъ и самосознанію, какъ животныя. Мы разсмотримъ подробнѣе сложное строеніе одного изъ подобныхъ животныхъ гнѣздъ. *)

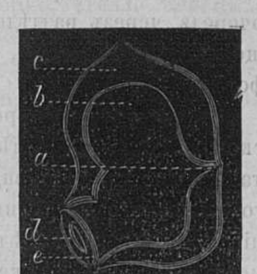
На весьма эластичномъ, часто достигающемъ нѣсколькихъ футовъ въ длину стволѣ, составляющемъ общую ось всего тѣла, сидятъ сотни, иногда даже тысячи медузъ и полиповъ, принявшихъ крайне разнообразную форму и строеніе, вслѣдствіе раздѣленія труда. Центральный стволъ есть самъ ничто иное, какъ весьма удлиненное, простое туловище полипа, замкнутое снизу, а вверху раздутое воздухомъ до степени плавательнаго пузыря, поддерживающаго все гнѣздо, плавающее на морской поверхности (рис. 3). Подъ этимъ воздушнымъ пузыремъ сидятъ, двойнымъ рядомъ, колоколообразныя медузы, которыя, производя сообща, по своей прихоти, плавательныя движенія, перевозятъ все собраніе съ мѣста на мѣсто въ морѣ и потому носятъ названіе локомотивовъ. Каждый локомотивъ (рис. 4) ничто иное, какъ простая медуза, но лишенная клешней, равно какъ питательныхъ и производительныхъ органовъ. Вырабатывая въ себѣ лишь плавательныя способности, она утратила прочія, тоже присущія медузамъ. Чтобы передвинуться впередъ, локомотивы отбрасываютъ воду назадъ, производя это движеніе черезъ правильные промежутки во время своего плаванія, при чемъ вода выбрасывается ими изъ колокольнаго отверстія (рис. 4, *d*).

Рис. 3.



Верхняя часть ствола сифонофора, *a* пустота ствола, *b* внутренняя оболочка его стѣнки (энтодермъ), *c* внѣшняя оболочка той же стѣнки (эктодермъ), *d*—воздушный пузырь, включенный въ верхушку ствола (плавательный пузырь).

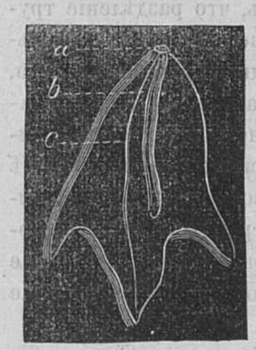
Рис. 4



Локомотивъ или плавательный снарядъ антемода, *a* мѣсто соединенія локомотива съ стволомъ, *b* внутренняя пустота, изъ которой извергается морская вода во время плаванія, *d* отверстіе для выхода этой воды, *c* студенистая масса плавательнаго колокола; *e* мускульное кольцо, стягивающее отверстіе колокола.

Отъ подножія колонны, образованной двойнымъ рядомъ локомотивовъ, начинается пестрое собраніе различныхъ животныхъ, покрывающихъ всю нижнюю часть ствола. Прежде всего бросается въ глаза тѣсно сидящая масса листообразныхъ или чешуйчатыхъ образовъ, группирующихся вокругъ ствола, подобно чешуйкамъ на сосновой шишкѣ, и служащихъ убѣжищемъ для прочихъ существъ въ случаѣ грозящей опасности. Эти, такъ называемые, охранительные листы или щитки—ничто иное, какъ возвратившіеся къ упрощенной формѣ медузы, принявшія на себя исключительную роль пассивныхъ оборонительныхъ органовъ, какъ бы щитоносцевъ (рис. 5). Они состоятъ часто изъ одной хрящеватой слизистой массы, черезъ которую тянется питательный каналъ. Подъ ихъ покровомъ ютятся въ безчисленномъ множествѣ грушевидныя тѣла, свободная оконечность которыхъ снабжена прожорливой пастью, а внутренность—пищеварительными желѣзами или печенками.

Рис. 5



Трехугольный листообразный щитокъ *Антемода*, *a* мѣсто прикрѣпленія его къ стволу, *b* пищеварительный каналъ, *c* возвышенная спинная полоса или хребетъ щитка.

Эти грушевидныя тѣла могутъ весьма крѣпко присасываться своимъ осьмиугольнымъ ртомъ, способнымъ къ крайнему расширенію (рис. 6). Передъ нами полипы пожирающіе, имѣющіе своимъ назначеніемъ принимать и переваривать пищу для всей общины сифонофоровъ. При корнѣ каждаго такого полипа находится длинная, весьма подвижная нитевидная клешня (рис. 6 *h*), снабженная множествомъ другихъ, болѣе тонкихъ клешней второго порядка; на каждой изъ нихъ находится весьма сложный аппаратъ, состоящій изъ такъ называемыхъ «крапивныхъ» органовъ (*l*).

Крапивные органы, насчитывающіеся сотнями въ каждомъ изъ сказанныхъ аппаратовъ, состоятъ изъ микроскопически-тонкихъ, усѣянныхъ зацѣпами, ядовитыхъ стрѣлъ, состоящихъ въ связи съ ядоноснымъ пузырькомъ. При прикосновеніи къ человѣческой кожѣ, онѣ производятъ чувство жженія, подобно крапивѣ. Вооруженная этими смертоносными стрѣлами, длинная нитевидная клешня постоянно вращается въ водѣ, ежеминутно готовясь схватить неосторожную добычу и пронизать ее тысячами своихъ губительныхъ стрѣлъ. На сифонофорѣ (Anthemodes), изображенномъ на нашемъ послѣднемъ рисункѣ, крапивный аппаратъ, тѣсно усѣянный ядовитыми стрѣлами, имѣетъ видъ тесьмы, свернутой спиралью (рис. 7 *l*), полузакрытой сверху маленькимъ колокольчикомъ (рис. 7 *k*), а снизу заканчивающейся тонкою нитью.

Рис. 6.

Пожирающій полипъ Антемода, вмѣстѣ съ своими клешнями, *a* мѣсто прикрѣпленія полипа къ стволу, *b* стѣнка тѣла полипа, *c* желудочная полость, *d* пищеварительныя желѣзы, *e* хоботъ, *f* пасть, расширенная въ видѣ осьмиугольной пластинки и присосавшаяся, *g* стѣнка нитевидной клешни, *h* ея пустота, *i* мелкія клешни, *k* колоколообразная оболочка крапивнаго аппарата, (*l*), *m* конечная нить аппарата.

Рис. 7.

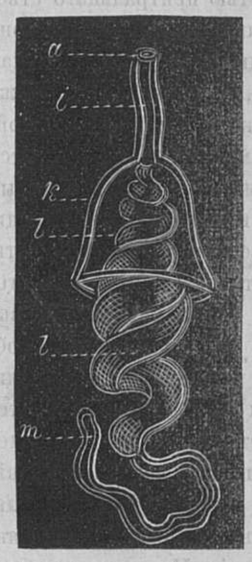
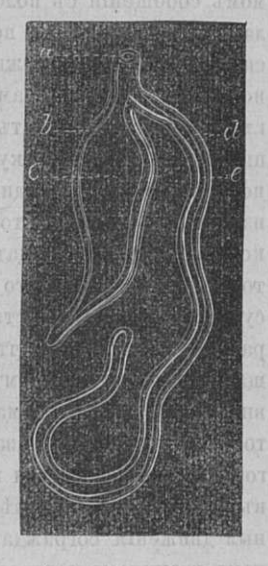
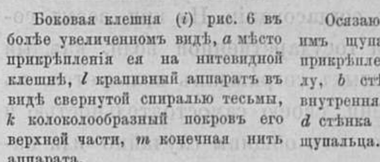


Рис. 8.





Боковая клешня (*i*) рис. 6 въ болѣе увеличенномъ видѣ, *a* мѣсто прикрѣпленія ея на нитевидной клешнѣ, *l* крапивный аппаратъ въ видѣ свернутой спиралью тесьмы, *k* колоколообразный покровъ его верхней части, *m* конечная нить аппарата.

Осязающій полипъ съ своимъ щупальцемъ, *a* мѣсто прикрѣпленія полипа къ стволу, *b* стѣнка тѣла полипа, *c* внутренняя полость туловища, *d* стѣнка щупальца, *e* пустота щупальца.

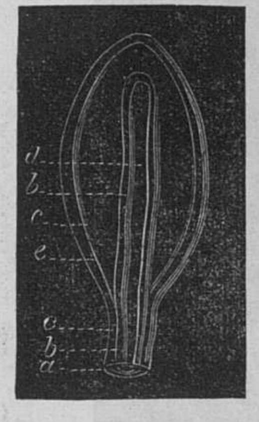
Среди этихъ страшныхъ кровожадныхъ животныхъ сидятъ обыкновенно, въ большомъ числѣ, безобидные полипы, представляющіе собою интеллигентную часть сифонофорнаго государства, и, въ качествѣ таковой, обязанные наблюдать за его внѣшнимъ и внутреннимъ порядкомъ. Они ощущаютъ, мыслятъ и хотятъ за всѣхъ своихъ прочихъ согражданъ, у которыхъ умственныя способности слабѣе, или даже вовсе не развиты. Эти разумные или «осязающіе» полипы (рис. 8 *b*) похожи на пожирающихъ полиповъ, но лишены пасти и вооружены, вмѣсто длинной разбойничьей клешни, тоже длиннымъ, весьма чувствительнымъ, нитевиднымъ щупальцемъ (рис. 8 *e*).

Наконецъ, между всѣми этими разнообразными формами индивидовъ, находятся еще на стволѣ,—большею частью, въ сосѣдствѣ съ каж-

*) Рисунокъ подобнаго гнѣзда съ описаніемъ его помѣщается въ концѣ лекцій.

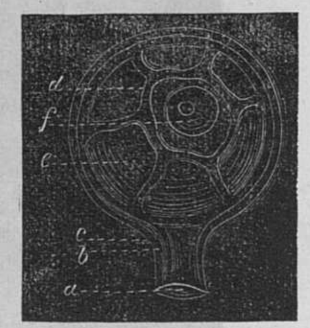
дымъ осязающимъ полипомъ и въ видѣ гроздьевъ,—животныя обоихъ половъ, имѣющія своимъ назначеніемъ размноженіе рода. Эти самцы и самки весьма различны по своему виду, но тѣ и другія, подобно плавающимъ локомотивамъ, сводятся къ основной формѣ колоколообразной медузы. Самцы (рис. 9) отличаются, обыкновенно, большею продолговатостью, самки (рис. 10)—большею округленностью тѣла.

Рис. 9.



Медуза—самецъ на Антемодѣ, *a* мѣсто прикрѣпленія къ стволу, *b* внутренняя оболочка (энтодермъ), *c* наружная оболочка (энтодермъ) *d* питательный каналъ, *e* сперма (оплодотворяющая масса).

Рис. 10.



Медуза—самка на Антемодѣ, *a*, *b*, *c*, *d* какъ на рис. 9, *e* желтковая масса единственнаго ядрообразнаго яйца, производимаго медузою, *f* зародышный пузырекъ (зерно клѣточки) въ яйцѣ.

Но какъ ни разнообразны всѣ вышеописанные индивиды сифонофорнаго государства въ отношеніи своего строенія и своихъ отправленій, они состоятъ между собою въ столь тѣсной внутренней связи, что прежніе наблюдатели принимали подобныя гнѣзда за одно нераздѣльное существо, а его собственныхъ индивидовъ, полиповъ и медузъ, за его органы. Всѣ эти индивиды пустотѣлые и ихъ полости состоятъ въ прямомъ сообщеніи съ полостью центральнаго ствола, то есть, главнаго полипа, на которомъ они сидятъ. Питательная жидкость, вырабатываемая пожирающими полипами, передается ими же главному полипу, а отъ него, какъ изъ какой-нибудь центральной кухмистерской, разносится по всѣмъ прочимъ индивидамъ общины. Каждый изъ нихъ получаетъ то количество этой пищи, которое можетъ вмѣщаться въ его внутренности, то есть, въ полости его тѣла. Сверхъ того, государственная общность всѣхъ индивидовъ выражается и въ томъ, что ими правитъ одна общая воля. При сильномъ пораненіи одного индивида, боль, испытываемая имъ, распространяется тотчасъ на всѣхъ и заставляетъ все пловучее государство съежиться или же искать спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ. При этомъ, произвольныя движенія сограждaнъ совершаются въ явномъ взаимномъ согласованіи. Но при всемъ соблюденіи общей государственной воли, каждый изъ болѣе развитыхъ сограждaнъ пользуется, въ извѣстной степени, своею самостоятельностью и можетъ, отдѣлясь отъ общины случайно или намѣренно, поддерживать нѣкоторое время свою жизнь независимымъ образомъ.

Поразительное различіе формы и дѣятельности различныхъ сифонофорныхъ индивидовъ происходитъ, явнымъ образомъ, отъ поразительно развитаго между ними раздѣленія труда. Ближайшимъ образомъ, всѣ сказанныя различныя формы дѣлятся на два главные вида: полипообразныхъ, подобныхъ своимъ строеніемъ гидрѣ, и медузообразныхъ, подобныхъ ауреліи. Изъ полипообразной формы произошли, вслѣдствіе раздѣленія труда: 1) центральный стволъ или центральный полипъ съ плавательнымъ пузыремъ (рис. 3); 2) пожирающіе полипы съ ихъ нитевидными клешнями (рис. 6) и 3) осязающіе полипы съ ихъ нитевидными щупальцами (рис. 8). Изъ подобной ауреліи, медузообразной формы произошли тѣмъ же путемъ: 1) плавательные колокола или локомотивы (рис. 4), 2) чешуйки или щитки (рис. 5), 3) медузы—самцы (рис. 9) и 4) медузы—самки (рис. 10). Но и обѣ основныя формы, т.-е., медуза и гидрополипъ, произошли, въ свою очередь, черезъ раздѣленіе труда, изъ одной общей первоначальной, простѣйшей полиповой формы.

Существованіе въ древнѣйшія времена, за нѣсколько милліоновъ лѣтъ тому назадъ, одного такого простѣйшаго вида полиповъ, вмѣсто всего нынѣшняго ряда гидро-медузъ, и образованіе изъ нихъ, впослѣдствіи, сначала простыхъ медузъ, а затѣмъ уже, еще гораздо позднѣе, сложныхъ сифонофоровъ,—при чемъ всѣ сказанныя перерожденія совершились вслѣдствіе раздѣленія труда,—подтверждается не только сравнительной анатоміей, но, еще болѣе, индивидуальною исторіею развитія гидромедузъ. Онтогенія или исторія индивидуальнаго развитія каждаго организма (т. е. рядъ формъ, черезъ которыя онъ проходитъ отъ яйца и до своего совершеннаго развитія) повторяетъ передъ нами, въ кратчайшій срокъ и въ крупныхъ, общихъ чертахъ свою филогенію, родовую исторію или палеонтологическую исторію развитія (другими словами: тотъ рядъ формъ, черезъ который проходили предки этого организма съ самаго начала органическаго творенія и вслѣдствіе прогрессивнаго раздѣленія труда).

Если теперь, помня эту важную связь между онтогеніей и филогеніей, между исторіей развитія отдѣльнаго организма и ряда его предковъ, мы станемъ наблюдать за индивидуальнымъ развитіемъ сифонофоровъ, то увидимъ, что изъ оплодотвореннаго яйца въ сифонофорномъ гнѣздѣ не выходитъ ничего, кромѣ простѣйшаго полипа. Этотъ полипъ удлинняется въ центральный стволъ цѣлаго гнѣзда и производитъ, посредствомъ почковаго размноженія, всѣхъ прочихъ индивидовъ, полиповъ и медузъ. Вначалѣ, т. е. въ своемъ молодомъ почкообразномъ состояніи, всѣ эти индивиды безразличны между собою, но постепенно выростая и вслѣдствіе раздѣленія труда, каждый индивидъ принимаетъ свою опредѣленную форму. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что раздѣленіе труда, обнаруживающееся здѣсь, втеченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ недѣль, при развитіи яйца, проявляется главнымъ образомъ, и черезъ унаслѣдованіе отъ предковъ, но и это унаслѣдованное раздѣленіе труда въ сифонофорной общинѣ ясно указываетъ на первобытное приспособительное раздѣленіе труда среди прежнихъ гидромедузъ, развившееся исторически, впродолженіе тысячелѣтій, черезъ приспособленіе, упражненіе и привычку.

Поразительное раздѣленіе труда между сифонофорами, при соединеніи различно-форменныхъ индивидовъ въ одну общину, между гражданами которой существуетъ не только духовная, но и физическая связь,—кажется, на первый взглядъ, какимъ-то необыкновеннымъ и страннымъ естественнымъ явленіемъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, подобный родъ раздѣленія труда встрѣчается весьма часто и, собственно, каждое высшее растеніе можетъ представить намъ нѣчто подобное. Каждый развѣтвленный цвѣточный кустъ, каждое цвѣтущее дерево, каждый цвѣточный стебель подобенъ, въ сущности, сифонофорамъ. Растительный индивидъ, соотвѣтствующій отдѣльному полипу или медузѣ, является въ каждомъ отпрыскѣ, т.-е. въ каждой вѣткѣ, каждомъ самостоятельномъ, покрытомъ листвою, стволѣ. Число стволовъ и вѣтвей на кустѣ равносильно числу индивидовъ, изъ которыхъ собственно составленъ этотъ послѣдній. Нѣкоторые изъ этихъ индивидовъ носятъ лишь зеленые листья и заботятся о питаніи куста, подобно пожирающимъ полипамъ; другіе образуютъ на себѣ пестрые цвѣты съ ихъ пыльниками и тычинками, заботясь, такимъ образомъ, о размноженіи рода, подобно половымъ медузамъ сифонофора. И здѣсь, на цвѣтущемъ растеніи, различіе между сказанными индивидами, то-есть, между служащими питанію лиственными отпрысками и служащими размноженію цвѣтовыми отпрысками, произошло не первоначально, а только вслѣдствіе раздѣленія труда.

Но этимъ еще не заканчивается обширный кругъ раздѣленія труда. Сравнительная анатомія, и исторія развитія указываютъ намъ, что кругъ этотъ гораздо значительнѣе. Каждый животный и растительный индивидъ—живетъ-ли онъ изолированной жизнью, какъ не развѣтвленныя растеньица и большинство животныхъ, или же соединяется въ одно цѣлое съ себѣ подобными, какъ сифонофоры и большинство растеній—каждый индивидъ, говоримъ мы, состоитъ, въ свою очередь, изъ многочисленныхъ, однородныхъ и разнородныхъ частей. Эти части, — орудія или органы, — обусловливаютъ своимъ обширнымъ раздѣленіемъ труда всѣ соединенныя отправленія организма, характеризуемыя нами однимъ словомъ: жизнь. Жизнь не есть загадочный продуктъ волшебной, жизненной силы, а лишь механическій общій результатъ отправленій различныхъ, обособленныхъ черезъ раздѣленіе труда, органовъ. Единоличный организмъ индивида въ тѣсномъ смыслѣ, или личности, происходитъ подобнымъ же образомъ изъ взаимодѣйствія органовъ и раздѣленія труда между ними, подобно тому какъ высшее единство гнѣзда или государства происходитъ изъ взаимодѣйствія личностей и раздѣленія между ними труда.

Такъ, въ средѣ растительной, всѣ различныя формы питающихъ лиственныхъ отрысковъ и размножающихъ цвѣтовыхъ отпрысковъ происходятъ, черезъ раздѣленіе труда, изъ двухъ простыхъ основныхъ органовъ: листа и стебля (ствола), а оба эти первоначальные органа произошли, въ свою очередь, черезъ раздѣленіе труда, изъ одного общаго основнаго органа: таллуса или лиственнаго тычка. Подобно тому же, у всѣхъ членистыхъ животныхъ, какъ то: насѣкомыхъ, сороконожекъ, пауковъ и раковъ, всѣ различные членистые придатка тѣла,—щупальцы, верхнія челюсти, нижнія челюсти, челюстныя лапки и настоящія пары ногъ,—образовались, черезъ раздѣленіе труда, изъ одной и той же, первоначальной, основной, простой ножной формы или первобытной ноги.

(*Окончаніе въ № 4.*)

Тяжелая утрата, понесенная нашей литературою.—Продолжительность болѣзни Н. А. Некрасова.—Похороны Некрасова.—Дѣтство Некрасова.—Университетскіе товарищи.—Первые литературные труды Некрасова.—Первыя издательскія попытки.—Выступленіе на журнальное поприще.—«Современникъ»—«Отечественныя Записки».

27 декабря прошлаго 1877 года было днемъ тяжелой утраты для нашей литературы. Умеръ «пѣвецъ народныхъ страданій», «печальникъ на-

роднаго горя» *), Некрасовъ, на стихотвореніяхъ котораго воспиталось нѣсколько поколѣній, хотя поэтъ и не дожилъ до глубокой старости. Некрасовъ умеръ слишкомъ рано; послѣднія пѣсни его, написанныя во время тяжкой болѣзни доказываютъ, что поэтическій талантъ его не иссякъ и мы могли бы ожидать отъ него еще много пѣсенъ, которыя бы, какъ и въ былое время, заставили насъ вмѣстѣ съ поэтомъ страдать и проникаться «святымъ негодованіемъ».

Некрасовъ долго страдалъ передъ смертію; болѣзнь его продолжалась слишкомъ полтора года. Въ началѣ апрѣля прошлаго года ему угрожала неминуемая смерть, но операція, сдѣланная знаменитымъ вѣнскимъ профессоромъ Бильротомъ, хотя и невполнѣ удачно, отсрочила смертный часъ. Однакожь существованіе поэта было незавидное; большую часть дня онъ проводилъ въ постели, но умственныя силы его не ослабѣли; ежедневно часа по два онъ проводилъ за чтеніемъ газетъ и журналовъ и видимо интересовался событіями общественной и литературной жизни. Съ 20 ноября силы больного стали упадать. 14 декабря съ нимъ случился параличъ; Некрасовъ лишился употребленія правой руки и ноги. Съ этого дня Николай Алексѣевичъ уже болѣе не вставалъ съ постели и терпѣлъ страшныя, невыносимыя мученія. Заимствуемъ описаніе послѣднихъ дней жизни Некрасова изъ статьи доктора Бѣлоголоваго, лечившаго Николая Алексѣевича. «Хотя паралличныя явленія, пишетъ г. Бѣлоголовый, обнаружили быструю наклонность къ улучшенію: рѣчь стала гораздо чище, движеніе въ ногѣ возстановлялось все болѣе и болѣе, только правая рука оставалась до конца жизни совершенно парализована. Съ этого же дня больной постепенно все ослабѣвалъ, очень мало ѣлъ, но много страдалъ отъ жажды и разныхъ болей, преимущественно въ лѣвой ногѣ, на которой стали появляться ограниченные инфильтраты въ клѣтчаткѣ, особенно на бедрѣ. 26 декабря слабость достигла крайнихъ предѣловъ, рѣчь стала менѣе внятной и односложной, глотаніе затруднительнымъ; около 5 часовъ этого дня въ немъ явилось какъ бы желаніе проститься съ окружающими: онъ каждаго изъ нихъ подозвалъ къ себѣ и произнесъ какое-то односложное слово, какъ бы «простите». Часа черезъ три послѣ этого я нашелъ его уже въ начавшейся агоніи, которая развивалась въ теченіи всего 27-го числа. Эти послѣднія сутки тѣло его оставалось совершенно неподвижнымъ: мышцы лица не выражали никакого признака страданія и какъ бы застыли, равно и самый взглядъ, не фиксировавшій уже предметовъ; работала только грудная клѣтка и лѣвая рука все время находилась въ постоянномъ движеніи; онъ то поднималъ ее къ головѣ, то подносилъ къ губамъ, то клалъ на грудь. Такъ было еще въ 5 час. вечера, но когда я пріѣхалъ три часа спустя, то эти движенія руки уже прекратились, пульсъ почти исчезъ, дыханіе стало нѣсколько рѣже и шумнѣе, и такъ продолжалось до самаго конца, передъ которымъ вылетѣлъ легкій, короткій хрипъ изъ груди,—и въ 8 час. 50 минутъ Некрасова не стало. Вскрытіе, произведенное профессоромъ Груберомъ, ограничилось, къ сожалѣнію, только брюшной полостью; результатъ его эпителіальный ракъ средней части прямой кишки, изъязвленіе ея, нагноеніе въ клѣтчаткѣ и прохожденіе гноя черезъ большую слѣдующую дыру на бедро; сращеніе прямой кишки какъ съ пузыремъ, такъ и съ крестцовой костью и поверхностная костоѣда послѣдней».

Похороны Некрасова происходили 30 декабря. Много народа провожало тѣло покойнаго, много встрѣтило на кладбищѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; всего было отъ 4 до 5 тысячъ человѣкъ, но, разумѣется, было гораздо меньше, чѣмъ можно было надѣяться встрѣтить на похоронахъ «народнаго» русскаго поэта — на похоронахъ писателя, имя котораго, безспорно, стояло первымъ въ ряду лучшихъ представителей русской литературы. Гробъ до самаго кладбища несли на рукахъ; впереди его шла процессія съ вѣнками, имѣвшими слѣдующія надписи: «Безсмертному пѣвцу народа», «Пѣвцу народныхъ страданій», «Слава печальнику горя народнаго», «Отъ русскихъ женщинъ», «Некрасову—студенты», «Другу народа» и др. Гробъ и процессія съ вѣнками были оцѣплены живою цѣпью; благодаря этому, порядокъ шествія не нарушался ни на минуту и несшіе гробъ были избавлены отъ послѣдствій толкотни, естественной при большихъ стеченіяхъ народа. Шествіе подвигалось медленно; съ квартиры покойнаго (уголъ Литейной и Бассейной, д. Краевскаго) оно двинулось въ $9^1/_4$ часовъ, а дошло къ воротамъ Новодѣвичьяго монастыря въ $12^3/_4$ часовъ; у всякой встрѣчной церкви оно останавливалось и священники служили литію. Во все время пути погребальныя молитвы пѣлъ хоръ студентовъ. Вообще студентовъ было очень много въ числѣ провожавшей публики. По прибытіи въ церковь Новодѣвичьяго монастыря, гробъ былъ поставленъ на катафалкъ и затѣмъ отслужена заупокойная обѣдня и панихида. Обширный соборъ монастыря съ его широкими хорами не могъ вмѣстить всей провожавшей публики и часть ея во все время обѣдни простояла у вырытой могилы на кладбищѣ. Во время отпѣванія въ церкви священникъ М. Горчаковъ произнесъ прочувствованную рѣчь на тему, что Некрасовъ описывалъ страданія не одного какого-либо сословія, а всѣхъ безъ исключенія класовъ русскаго общества и потому онъ былъ народный поэтъ всего русскаго народа. По окончаніи церковной службы гробъ покойнаго поэта открытымъ былъ принесенъ къ могилѣ. Послѣ литіи, когда гробъ былъ опущенъ въ землю, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на погребеніи литераторовъ и студентовъ произнесли рѣчи. Главная мысль, проводимая въ большей части изъ этихъ рѣчей, заключалось въ томъ, что Некрасовъ ставилъ служеніе народу главнѣйшей цѣлію своей жизни.

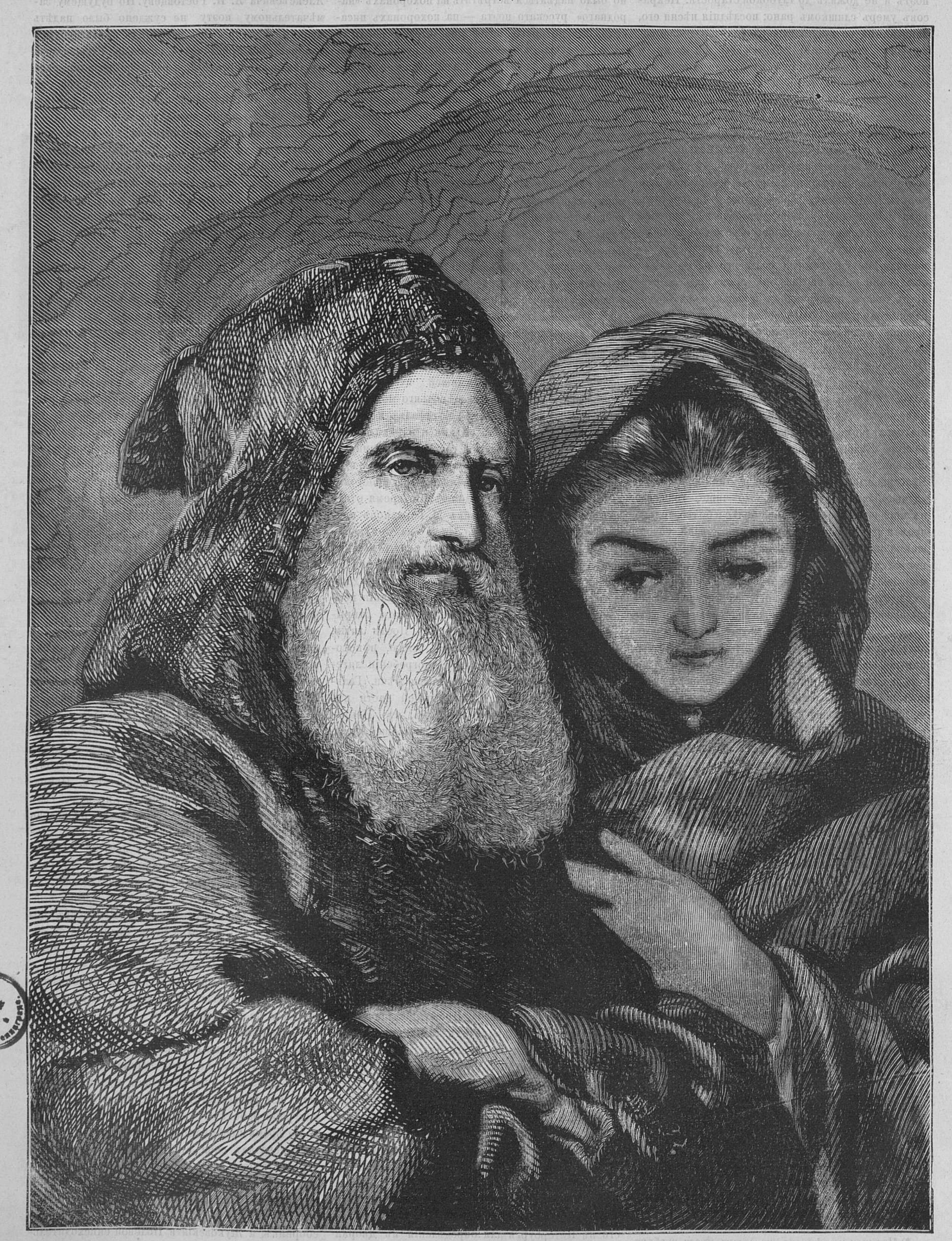
Николай Алексѣевичъ Некрасовъ, сынъ помѣщика ярославской губерніи, родился 22 ноября 1821 года въ одномъ мѣстечкѣ каменецъ-подольской губ., гдѣ тогда квартировалъ полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ Алексѣй Сергѣевичъ, женатый на Александрѣ Андреевнѣ Закревской, варшавской уроженкѣ. Выйдя въ отставку, отецъ Некрасова поселился въ своемъ имѣніи, въ дер. Грешнева, ярославской губ. Имѣніе у Алексѣя Сер. было не особенно значительное, а семья многочисленная—13 дѣтей, хозяинъ онъ былъ неважный, къ тому же велъ процессы по имѣнію и потому нерѣдко испытывалъ матеріальныя затрудненія. Въ 1832 году Николай Алексѣевичъ былъ отданъ въ ярославскую гимназію, гдѣ и оставался до пятаго класса. Проведя младенчество въ деревнѣ, Н. А. проводилъ тамъ всѣ вакаціи во время пребыванія своего въ гимназіи. Одно время отецъ его былъ исправникомъ и иногда бралъ съ собою сына Николая въ своихъ разъѣздахъ по службѣ. Будущій поэтъ присутствовалъ при слѣдствіяхъ, при вскрытіи труповъ, случалось и при расправахъ во вкусахъ того времени. Все это не могло не производить глубокаго впечатлѣнія на ребенка и рано познакомило его съ тогдашними, часто слишкомъ тяжелыми условіями народной жизни. Желая, чтобы сынъ его служилъ въ арміи, отецъ Николая Алексѣевича отправилъ его въ Петербургъ для опредѣленія въ Дворянскій полкъ. Прокуроръ Полозовъ, пріятель Алексѣя Сергѣевича, далъ юношѣ письмо къ своему брату, жандармскому генералу Полозову, который, въ свою очередь, отрекомендовалъ Николая Алексѣевича Я. И. Ростовцеву. Но будущему замѣчательному поэту не суждено было надѣть военный мундиръ. Онъ встрѣтилъ въ Петербургѣ товарища по ярославской гимназіи Глушицкаго, студента университета, и случайно познакомился съ профессоромъ семинаріи Успенскимъ; оба они возбудили въ Некрасовѣ охоту къ университетскому ученію и онъ признался женѣ ген. Полозова, что желаетъ поступить не въ Дворянскій полкъ, а въ университетъ. Полозовы, и мужъ и жена, одобрили его намѣреніе и сообщили о немъ въ Ярославль. Отецъ Николая Алексѣевича разгнѣвался и отказался присылать сыну денежныя средства для жизни въ столицѣ. Некрасовъ не впалъ въ уныніе и, при помощи Глушицкаго и Успенскаго, сталъ готовиться къ экзамену въ университетъ. Онъ занимался такъ прилежно, что отлично сдалъ экзаменъ во всѣхъ предметахъ, кромѣ математики и физики. Онъ, впрочемъ, совсѣмъ не держалъ экзамена изъ физики, что и послужило препятствіемъ къ поступленію его въ университетъ въ качествѣ студента. По совѣту ректора университета, П. А. Плетнева, которому онъ откровенно разсказалъ о своемъ положеніи, Некрасовъ поступилъ въ университетъ вольнымъ слушателемъ. Онъ пробылъ въ университетѣ съ 1838 по 1841 годъ. Средства къ жизни онъ добывалъ уроками, корректурой и литературными попытками. Первое его стихотвореніе «Мысль» было напечатано въ «Сынѣ Отечества» въ 1838 году еще до поступленія въ университетъ. Трудно приходилось Некрасову въ это время; заработокъ былъ небольшой и поэтъ нерѣдко голодалъ. Въ университетѣ тогда было много студентовъ изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій, но эти баловни судьбы не составляли отдѣльнаго кружка; въ университетскихъ товарищескихъ кружкахъ смѣшивались всѣ званія и состоянія. Некрасовъ не только сблизился съ своими знатными товарищами, но первенствовалъ между ними; на студенческихъ собраніяхъ и пирушкахъ того времени предводительствовалъ не тотъ, кто былъ богаче или знатнѣе всѣхъ, но тотъ, кто лучше дрался на эспадронахъ и рапирахъ, кто былъ мужественнѣе и ловче; но еще болѣе тотъ, кто при этихъ качествахъ, обладалъ умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ. Во время пребыванія въ университетѣ, Некрасовъ ознакомился съ жизнью и нравами тѣхъ общественныхъ классовъ, о которыхъ, не будучи въ университетѣ, онъ узналъ бы только по слухамъ: въ Дворянскомъ полку у него не было бы знатныхъ товарищей. Завязанныя имъ въ университетѣ связи сохранились и впослѣдствіи; съ недостатками и слабыми сторонами жизни высшихъ общественныхъ классовъ Некрасовъ познакомился изъ первыхъ рукъ. Сближеніе съ богатыми и беззаботными юношами молодого человѣка, на каждомъ шагу терпѣвшаго лишенія и съ трудомъ добывавшаго хлѣбъ, несомнѣнно должно было отразиться и отразилось на характерѣ его произведеній.

Употребляя большую часть своего времени на добываніе все-таки скуднаго заработка, Некрасовъ естественно не могъ заниматься какъ слѣдуетъ науками и, не окончивъ курса, онъ вышелъ изъ университета и посвятилъ себя литературной работѣ.

Во время пребыванія въ университетѣ Некрасовъ печаталъ свои стихотворенія въ «Литературной газетѣ» и въ «Отечественныхъ запискахъ». Въ 1840 годъ онъ напечаталъ собраніе своихъ первыхъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Мечты и звуки». Бѣлинскій строго отозвался объ этомъ сборникѣ, а Жуковскій и Полевой снисходительно. Съ 1841 года начинается уже настоящая литературная дѣятельность Некрасова. Гнетъ

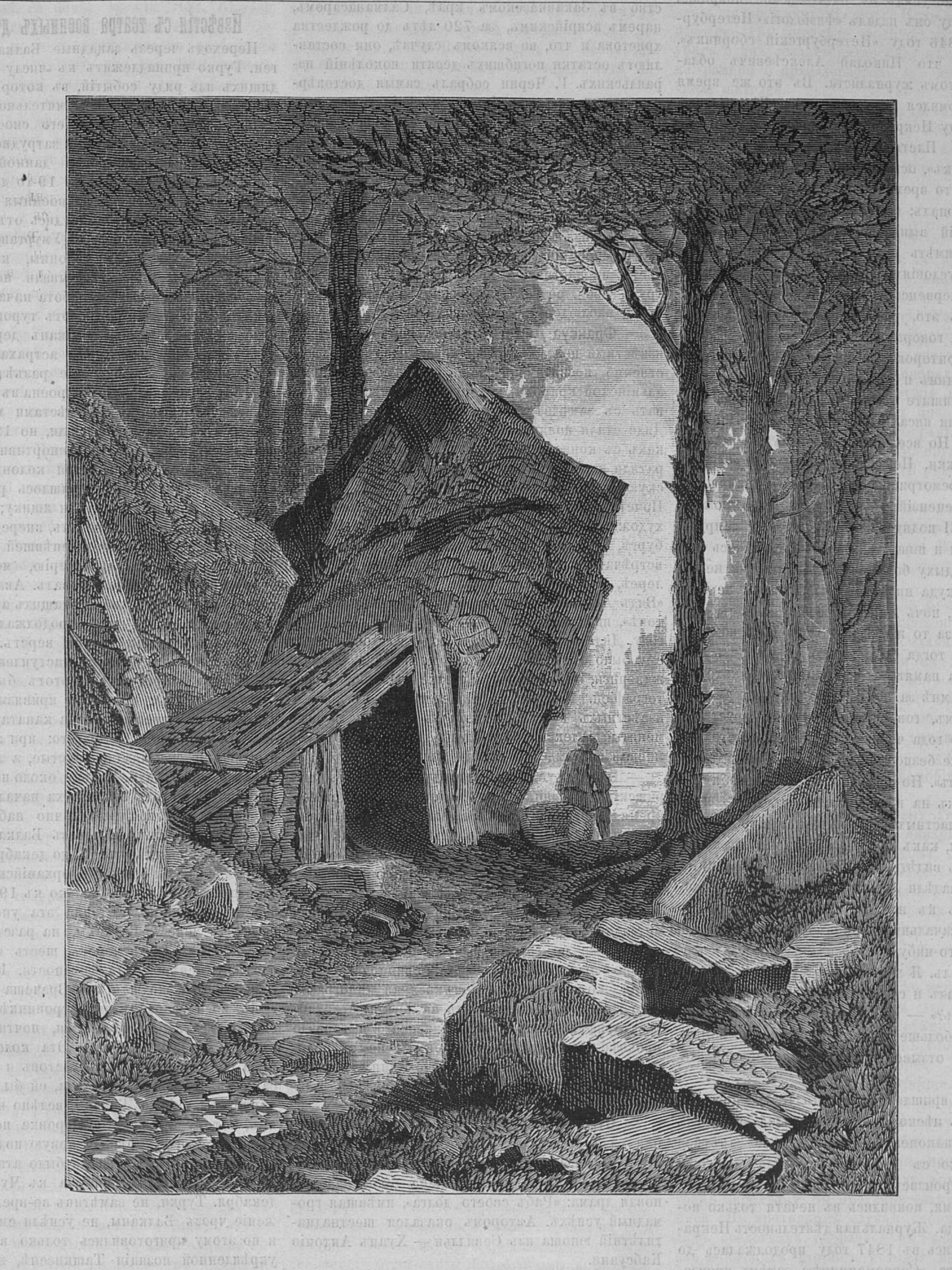
*) Надписи на вѣнкахъ, несомыхъ предъ гробомъ покойнаго въ день погребенія, вполнѣ выражающія характеръ произведеній Некрасова.

Картина **ГВИДО БАХА.**



Отецъ и дочь.

Картина А. И. МЕЩЕРСКАГО.



Финляндскій видъ.

(Изъ поэмы А. Михайлова «Природа и Люди»).

Увидалъ я дворикъ, тощимъ мхомъ покрытый,
И на гладкой глыбѣ сѣраго гранита
Жалкую по виду, ветхую лачугу.
Скрылся бы едва ли въ ней въ мятель и вьюгу
Дикій звѣрь зимою,—человѣкъ-же ею
Дорожилъ, гонимый бѣдностью своею,

Зная, что для многихъ у судьбы суровой
Нѣтъ въ запасѣ въ мірѣ и такого крова.

Все здѣсь было полно мертвой тишиною;
Сосенъ рядъ тянулся мрачною стѣною,
Подъ его защитой—озеро дремотно

Заросло въ затишьѣ тиною болотной,
И его прибрежье было все покрыто
Массами обломковъ темнаго гранита,
Точно здѣсь во гнѣвѣ божеская сила
За безплодье землю камнями побила.

роковой нужды давалъ себя чувствовать и чего не писалъ въ это время Некрасовъ; подъ псевдонимомъ Перепельскаго онъ писалъ даже водевили для Александринскаго театра. Съ 1845 года онъ выступилъ на издательское поприще: въ этомъ году онъ издалъ «Физіологію Петербурга», а въ 1846 году «Петербургскій сборникъ», показавшій, что Николай Алексѣевичъ обладаетъ талантомъ журналиста. Въ это же время онъ познакомился и сошелся съ Бѣлинскимъ. Въ 1847 году Некрасовъ вмѣстѣ съ Панаевымъ пріобрѣлъ у Плетнева издательское право на «Современникъ», основанный въ 1836 году Пушкинымъ. Въ то время очень трудно было хорошо издавать журналъ; много хлопотъ, непріятностей и препятствій выпадало на долю журналиста. Надо было имѣть незаурядный талантъ, чтобы при такихъ условіяхъ поставить твердо журналъ и дать ему первенствующее значеніе. И Некрасовъ сдѣлалъ это, работая неутомимо. «У меня въ кабинетѣ, говорилъ онъ г. Суворину, — было нѣсколько конторокъ. Бывало зайдетъ Григоровичъ, Дружининъ и др., я сейчасъ къ нимъ: становитесь и пишите что-нибудь для романа, главу, сцену. Они писали. Писала много и Панаева (Станицкій). Но все, бывало, не хватало матеріала для книжки. Побѣжишь въ Публичную библіотеку, просмотришь новыя книги, напишешь нѣсколько рецензій — все мало. Надо роману подпустить. И подпустишь. Я, бывало, запрусь, засвѣчу огни и пишу, пишу. Мнѣ случалось писать безъ отдыху болѣе сутокъ. Времени не замѣчаешь; никуда ни ногой, огни горятъ, не знаешь, день ли, ночь ли; приляжешь на часъ, другой и опять за то же. Теперь хорошо вспомнить объ этомъ, а тогда было жутко, и не разъ мнѣ приходили на память слова Бѣлинскаго, которыя онъ сказалъ мнѣ за недѣлю до смерти: «Я все думаю о томъ, говорилъ онъ, лежа грустный, блѣдный, что года черезъ два и вы будете лежать такъ же безпомощно, какъ я. Берегите себя, Некрасовъ». Но развѣ можно было себя беречь?.. А какъ на насъ смотрѣли тогда — я не говорю о властныхъ особахъ, а, напр., такія знаменитости, какъ Гоголь. Разъ онъ изъявилъ желаніе насъ видѣть. Я, Бѣлинскій, Панаевъ и Гончаровъ надѣли фраки и поѣхали представляться, какъ къ начальству. Гоголь и принялъ насъ, какъ начальникъ принимаетъ чиновниковъ: у каждаго что-нибудь спросилъ и каждому что-нибудь сказалъ. Я читалъ ему стихи къ «Родинѣ». Выслушалъ и спросилъ: «Чтожъ вы дальше будете писать?» — Что Богъ на душу положитъ. — «Гмъ», и больше ничего. Гончаровъ, помню, обидѣлся его отзывомъ объ «Обыкновенной Исторіи»...

Да, много пришлось испытать Некрасову, пока горизонтъ нѣсколько не очистился отъ тучъ и онъ могъ, наконецъ, высказать свое завѣтное слово. Только съ 1853 года начали являться лучшія его произведенія; многія, написанныя въ прежнее время, появились въ печати только послѣ 1855 года. Журнальная дѣятельность Некрасова, начавшись въ 1847 году продолжалась до 1866 года въ «Современникѣ»; затѣмъ произошелъ въ ней перерывъ на два года; въ 1868 году Некрасовъ сталъ редакторомъ «Отечественныхъ записокъ» и редактировалъ этотъ журналъ до самой своей смерти. Послѣднее собраніе стихотвореній Некрасова вышло въ 1873—74 годахъ въ трехъ томахъ; въ 1877 году изданы «Послѣднія пѣсни Н. Некрасова 1874—77 годовъ».

Н. И.

Новости наукъ и жизни.

— Настоящіе израильтяне. Польская «Люблинская газета» сообщаетъ, что въ Люблинъ пріѣхалъ извѣстный кавказскій путешественникъ, Иванъ Черни, членъ и сотрудникъ кавказскаго археологическаго общества. Онъ болѣе восьми лѣтъ путешествовалъ, съ научною цѣлью, по Кавказскому краю, для изслѣдованій по вопросу о происхожденіи кавказскогорскихъ евреевъ. По мнѣнію г. Черни, кавказскіе евреи были выведены изъ Самаріи и водворены на жительство въ Закавказскомъ краѣ, Салманасаромъ, царемъ асирійскимъ, за 720 лѣтъ до рождества христова и что, во всякомъ случаѣ, они составляютъ остатки погибшихъ десяти поколѣній израильскихъ. Г. Черни собралъ самыя достовѣрныя и весьма подробныя свѣдѣнія о евреяхъ, живущихъ въ настоящее время въ Персіи и Бухарѣ, а также о несторіанахъ асирійскихъ, происходящихъ отъ тѣхъ же десяти погибшихъ израильскихъ колѣнъ. Кромѣ историческихъ свѣдѣній о евреяхъ, г. Черни собралъ, равнымъ образомъ, богатый матерьялъ и о другихъ народахъ, населяющихъ теперь Кавказъ и Закавказскій край и, на основаніи собраннаго матерьяла, приготовляетъ въ настоящее время къ печати большой трудъ свой, результатъ восьмилѣтнихъ путешествій, наблюденій, изслѣдованій и изученій.

— Франсуа Диде. Недавно умеръ въ Женевѣ извѣстный пейзажистъ Франсуа Диде, преимущественно посвятившій свою кисть изображенію альпійской природы, которую онъ умѣлъ передавать съ замѣчательнымъ искусствомъ. Картины Диде стали появляться на европейскихъ выставкахъ съ конца тридцатыхъ годовъ и вскорѣ обратили на себя всеобщее вниманіе. За парижскую выставку 1842 года онъ получилъ орденъ Почетнаго Легіона. Имя этого замѣчательнаго художника хорошо извѣстно и у насъ въ Петербургѣ, гдѣ во многихъ частныхъ коллекціяхъ встрѣчаются его картины. Въ кушелевской галлереѣ, въ академіи, также есть его картина «Видъ Альповъ послѣ бури, въ Бернскомъ кантонѣ», писанная въ лучшую его пору, въ 1845 году. Диде родился въ 1812 году, слѣдовательно, ему было около шестидесяти пяти лѣтъ. Кромѣ живописи, онъ занимался также гравюрою и литографіей. Изъ школы Диде вышло нѣсколько извѣстныхъ пейзажистовъ и въ томъ числѣ знаменитый Александръ Каламъ, совершенно затмившій впослѣдствіи своего учителя.

— Благодѣтельное изобрѣтеніе. Одинъ парижскій заводчикъ производитъ въ настоящее время типографскій шрифтъ изъ стекла. Сдѣланные сперва опыты въ скромныхъ размѣрахъ дали блистательные результаты. Въ типографскомъ дѣлѣ предстоитъ, такимъ образомъ, совершенный переворотъ. Стеклянный шрифтъ оказывается гораздо лучшимъ и болѣе прочнымъ нынѣшняго металлическаго, легко портящагося отъ употребленія. Уже не говоря о томъ, что наборщики сильно страдаютъ отъ вдыханія свинцоваго испаренія, которымъ наполнена всякая типографія (что убійственно дѣйствуетъ на легкія), стеклянный шрифтъ дешевле металлическаго и гораздо прочнѣе его. Сдѣланы были опыты на скоропечатныхъ паровыхъ машинахъ: стеклянный шрифтъ ни сколько не измѣняется и даетъ замѣчательные по своей чистотѣ оттиски.

— Отмѣна смертной казни. Въ Италіи смертная казнь отмѣнена съ 1-го января 1878 года.

— Юный авторъ. На сценѣ мадридскаго королевскаго театра, представлена была надняхъ новая драма: «Рабъ своего долга», имѣвшая громадный успѣхъ. Авторомъ оказался шестнадцатилѣтній юноша изъ Севильи — Хуанъ Антоніо Кабсуани.

— Гигантскій воздушный шаръ. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ въ научномъ отношеніи и любопытныхъ предметовъ на парижской всемірной выставкѣ будетъ, несомнѣнно, воздушный шаръ, небывалыхъ до сихъ поръ колоссальныхъ размѣровъ. Шаръ этотъ изготовляется уже нынѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго воздухоплавателя Гастона Тиссандье, въ Парижѣ. Шаръ этотъ наполнится 25,000 кубическими метрами водороднаго газа, который изготовляется на грандіозныхъ, специально для этой цѣли сооруженныхъ, апаратахъ; шаръ выше тріумфальной арки въ Парижѣ, и на немъ могутъ свободно помѣститься пятьдесятъ человѣкъ. Канаты, къ которымъ онъ будетъ прикрѣпленъ, при подъемѣ и спускѣ, приводятся въ движеніе двумя паровыми машинами, каждая въ 500 лошадиныхъ силъ. Шаръ поднимется на высоту 500 футовъ надъ поверхностью земли и дастъ чудный видъ Парижа и его окрестностей съ птичьяго полета.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Переходъ черезъ западные Балканы корпуса ген. Гурко принадлежитъ къ числу тѣхъ выходящихъ изъ ряду событій, въ которыхъ съ полною силою выказывается изумительное самоотверженіе русскаго солдата и его способность бороться съ самыми ужасными затрудненіями, представляемыми ему природой данной мѣстности. Переходъ этотъ совершился 19-го декабря. Ему предшествовали слѣдующія военныя дѣйствія: 13 декабря, войска наши двинулись отъ Орханіе на Чурьякъ и отъ Врачеша на Умургашъ и Жиляву. Во главѣ орханійской колонны, которая шла тремя эшелонами, прокладывали новую дорогу гвардейскіе саперы. Эта работа начата была 9-го декабря; чтобъ скрыть ее отъ турокъ, была занята у южнаго склона Балканъ деревня Чурьякъ, въ которую эскадронъ астраханскихъ драгунъ не пускалъ черкесскіе разъѣзды. Съ 9-го по 13-е декабря дорога устроена въ ширину хода девятифунтоваго орудія, мѣстами переброшены мосты; турки ничего не знали, но 12-го декабря поднялась вьюга, чуть не испортившая всю работу. Авангарду орханійской колонны, подъ начальствомъ ген. Рауха, пришлось разбиться по ротно, къ каждому орудію и ящику; чтобы втащить артиллерію на перевалъ, впереди авангарда вырубили ступени въ обледенѣвшей дорогѣ, чтобы люди, тащившіе артиллерію, могли найдти опору при подъемѣ на перевалъ. Авангардъ только утромъ 14-го декабря втащилъ артиллерію на перевалъ, т. е. 24 часа продолжался подъемъ всего на разстояніи восьми верстъ. Спускъ съ перевала начался лишь съ наступленіемъ темноты 14-го декабря; спускъ этотъ былъ еще тягостнѣе подъема: пришлось привязывать орудія и ящики къ деревьямъ и на канатахъ спускать отъ одного дерева до другого; при этомъ зарядные ящики скатывались пустые, а заряды переносились на рукахъ. Только около полудня 15-го декабря авангардъ ген. Рауха началъ собираться въ Чурьякѣ. Ген. Гурко, лично наблюдавшій за переходомъ авангарда черезъ Балканы, расположился въ Чурьякѣ уже 14-го декабря, вечеромъ. Второй и третій эшелоны орханійской колонны спустились съ Балканъ только къ 19-му декабря. Такимъ образомъ, колонна эта употребила на переходъ черезъ Балканы, на разстояніи всего отъ 12-ти до 15-ти верстъ, шесть сутокъ, преодолѣвъ невѣроятныя трудности. Колонна ген. Вельяминова, шедшая отъ Врачеша чрезъ Умургашъ, по неразработанной тропинкѣ, преодолѣла еще болѣе тяжкія трудности, почти отчаяваясь въ возможности перехода. Эта колонна должна была снимать орудія съ лафетовъ и везти ихъ на санкахъ. Во время перехода, ей былъ измѣненъ маршрутъ; вмѣсто Желявы, велѣно идти на Чурьякъ, потому что рекогносцировка показала, что турки заняли и укрѣпили новую позицію у Ташкисена, которую и рѣшено было атаковать. Колонна Вельяминова прибыла къ Чурьяку 18-го декабря. Турки, не замѣтивъ во-время наше движеніе чрезъ Балканы, не успѣли ему помѣшать, и по этому приготовились только встрѣтить въ укрѣпленной позиціи Ташкисенѣ, на которой и разъигрался бой 19-го декабря, продолжавшійся до 6 часовъ вечера. Наши овладѣли всею непріятельскою позиціею, кромѣ одного редута и караулки. Ночью турки бросили всѣ свои позиціи. Въ то время, когда войска наши заняли оставленныя турками позиціи и часть войскъ двинулась преслѣдовать ихъ, происходило горячее дѣло у Бугрова. Тамъ стоялъ отрядъ ген. Вельяминова изъ пяти батальоновъ 1-й бригады 31-й пѣхотной дивизіи, съ 6-ю орудіями и кавказской казачьей бригадой, выставленный заслономъ къ сторонѣ Софіи. Отрядъ этотъ былъ атакованъ 12-ю таборами съ кавалеріей и 8-ю орудіями, вышедшими изъ Софіи. Окруживъ отрядъ Вельяминова съ 3-хъ сторонъ и сильно обстрѣлявъ его перекрестнымъ огнемъ, турки стремительно брос-

лись въ атаку; но войска наши, подпустивъ ихъ на 50 шаговъ, дали залпъ почти въ упоръ и затѣмъ ударили въ штыки. Послѣ кровопролитнаго рукопашнаго боя, въ которомъ наши молодцы взяли одно знамя, турки были отброшены и, оставивъ на мѣстѣ болѣе тысячи тѣлъ, бѣжали. Наши преслѣдовали ихъ. Вообще дѣло это, блестящее само по себѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія еще и потому, что ген. Вельяминовъ, находясь въ очень трудномъ и одно время даже въ критическомъ положеніи, справился съ турками одинъ, не просивъ подкрѣпленія, и тѣмъ далъ возможность прочимъ войскамъ спокойно продолжать свое дѣло. Нашу потерю полагаютъ около 200 убитыми и ранеными; въ числѣ убитыхъ подполковникъ тамбовскаго полка Богаевскій.

Трофеи наши при занятіи Арабъ-Конака и Ташкисена еще не приведены въ извѣстность. На Шандорникѣ взяты оставленныя турками десять стальныхъ крупповскихъ орудій.

Самая трудная борьба съ природою выпала на долю отряда ген. Дандевиля, которому въ ночь съ 15 на 16 декабря пришлось преодолѣть снѣжный буранъ при 15 град. мороза, на Бабагорѣ, на высотѣ 5,600 футовъ. Четыре орудія были совсѣмъ занесены снѣгомъ и откопаны только на третій день болгарами, подъ руководствомъ доктора Цареградскаго, перешедшаго къ намъ отъ турокъ; при этомъ заболѣло и обморозилось до 800 нижнихъ чиновъ и 10 офицеровъ, а 53 нижнихъ чина совсѣмъ замерзли. Генералъ Дандевиль велъ себя геройски при подаініи помощи заболѣвшимъ и отмороженнымъ. Особенно отличились врачи летучаго отряда «Краснаго Креста»: Головачевъ и Веймарнъ.

22 декабря наши войска овладѣли мостомъ чрезъ Искеръ, у Враждебны, восемь верстъ не доходя Софіи. Въ дѣлѣ участвовалъ авангардъ генерала Рауха, состоявшій изъ преображенскаго и измайловскаго полковъ и гвардейской стрѣлковой бригады. Бой продолжался полтора часа и рѣшенъ былъ обходнымъ движеніемъ преображенскаго полка, перешедшаго Искеръ по льду. Вслѣдствіе этого, турки бросили ложементы и бѣжали на Софію; мостъ они зажгли, но огонь былъ тотчасъ потушенъ и наша артиллерія прошла по мосту.

23 декабря наши войска съ музыкою, пѣснями и распущенными знаменами вступили въ Софію, при всеобщемъ ликованіи народа. Тотчасъ по вступленіи генерала Гурко, торжественно отслуженъ былъ молебенъ въ соборѣ. Это первый разъ съ 1434 года, что христіанское воинство появилось въ Софіи. Подробности пока извѣстны слѣдующія: 21-го декабря, генералъ Гурко лично произвелъ рекогносцировку и нашелъ, что Софія укрѣплена лишь съ восточной стороны, съ сѣвера же укрѣпленій нѣтъ и предосторожностей никакихъ не принято. Поэтому генералъ Гурко, 21-го декабря, перевелъ 12 батальоновъ генерала Вельяминова къ деревнѣ Кумарницѣ, на Искерѣ, чтобъ вести главную атаку съ сѣверо-запада. Турки, замѣтивъ это, ночью ушли на юго-западъ, къ Кестендилю, уведя съ собою зажиточныхъ и вліятельныхъ болгаръ, разграбивъ городъ и оставивъ массу больныхъ и раненыхъ. Съ разсвѣтомъ, 22-го декабря, отступленіе турокъ было замѣчено и войска наши тотчасъ вступили въ Софію, выдвинувъ авангардъ по кестендилійской дорогѣ и выславъ отрядъ для связи съ сербами, приближающимися къ Софіи отъ Пирота. 3-я гвардейская пѣхотная дивизія, преслѣдующая турокъ, отступившихъ отъ Арабъ-Конака, Шандорника и Ташкисена, заняла Петричевъ. Кавалерія двинулась на Калоферъ, Отлукей, Ихтиманъ и Самаково; подробности преслѣдованія еще неизвѣстны, но 21-го декабря была перестрѣлка съ турецкимъ аріергардомъ у Миркова; первою же пулею былъ убитъ начальникъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ Каталей; сверхъ того, раненъ командиръ 1-й бригады, генералъ Философовъ.

— Вскорѣ послѣ совершенія этого блистательнаго подвига нашихъ войскъ, въ другомъ мѣстѣ Балканъ, на шипкинскомъ перевалѣ шелъ страшный бой при снѣговой мятели, при большемъ морозѣ. Сообщаемъ рядъ телеграмъ его императорскаго высочества Главнокомандующаго:

1) Отъ 28 декабря. — Имѣю счастье поздравить Ваше Величество съ блистательною побѣдою: сегодня, 28-го декабря, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ сдачи Плевны, взята въ плѣнъ генераломъ Радецкимъ, послѣ упорнаго боя, вся шипкинская армія. Всего сдалось 41 батальонъ, 10 батарей и одинъ полкъ кавалеріи подъ начальствомъ Рассимъ-паши.

Князь Мирскій занимаетъ Казанлыкъ, а Скобелевъ — деревню Шипку.

2) Отъ 29-го декабря. Головные отряды войскъ генерала Карцова заняли 28-го декабря Сапотъ и Карлово.

Генералъ Радецкій сообщаетъ, что число плѣнныхъ и трофеи еще не приведены въ извѣстность. По показанію Рассима-паши, численность плѣнной арміи около 25,000, въ томъ числѣ: одинъ дивизіонный генералъ, два бригадныхъ генерала, 80 штабъ-офицеровъ, 280 оберъ-офицеровъ. Знаменъ насчитано только пять; значковъ множество. Въ числѣ взятыхъ орудій 11 дальнобойныхъ мортиръ.

Бой продолжался два дня: 27-го и 28-го декабря. Весь день 27-го вынесла на своихъ плечахъ колонна кн. Мирскаго, который былъ вынужденъ завязать бой у деревни Шипки раньше, чѣмъ подошла колонна Скобелева. Колонна князя Мирскаго понесла значительныя потери; но взяла съ боя два орудія и около 100 плѣнныхъ. Въ числѣ раненыхъ: командиръ 1-й бригады 2-й дивизіи генералъ Домбровскій, командиръ елецкаго полка, полковникъ Громанъ, и командующій орловскимъ полкомъ, подполковникъ Хоменко. Князь Мирскій ночевалъ на полѣ сраженія. Вечеромъ подошла къ Шипкѣ, съ запада, колонна генерала Скобелева, шедшая также съ боемъ отъ самой Иметли; при ней три полка 1-й кавалерійской дивизіи, направленные генераломъ Радецкимъ на присоединеніе къ Скобелеву тотчасъ по прибытіи ихъ въ Габрово. 28-го декабря поднялась снѣжная вьюга; отъ густого тумана вовсе не было видно, что дѣлается въ долинѣ. Тѣмъ не менѣе, получивъ донесеніе, что обѣ обходныя колонны съ утра вступили въ бой у деревни Шипки, генералъ Радецкій рѣшился двинуть въ атаку съ фронта 2-ю бригаду 24-й дивизіи и одинъ батальонъ брянскаго полка. Благодаря туману, нашимъ удалось овладѣть первою линіею ложементовъ. Турки, замѣтивъ это, открыли сильную бомбардировку, особенно изъ мортиръ. Завязался горячій бой. Къ тремъ часамъ дня турецкій огонь сталъ стихать, а къ четыремъ совершенно умолкъ. Около $4^1/_2$ час. къ генералу Радецкому прибылъ сперва ординарецъ генерала Скобелева, а затѣмъ генералъ Столѣтовъ, съ донесеніемъ, что турецкая армія сдается. Потери наши за два дня упорнаго боя еще неизвѣстны, но должны быть значительны. Смѣло можно сказать, что достославная пятимѣсячная оборона Шипкинскаго перевала не могла закончиться болѣе блестящимъ образомъ.

3) Отъ 31-го декабря. Пока знаю только потери колонны Скобелева; убиты: офицеровъ шесть, нижнихъ чиновъ 294; ранены: офицеровъ 38, нижнихъ чиновъ 1,190; въ числѣ раненыхъ генералъ Гренквистъ, въ ногу, съ раздробленіемъ кости.

Скобелевская колонна взяла съ боя на штыкахъ 12 полевыхъ орудій, нѣсколько знаменъ; два орудія были взяты болгарскими дружинами, которыя дрались блистательно. Всѣ вообще шли въ атаку съ музыкой, съ распущенными знаменами, въ ногу, равняясь, какъ на парадѣ. Штыковая отчаянная свалка въ Шейновѣ продолжалась минутъ десять; даже пальба на время смолкла, 1-й и 9-й донскіе полки изрубили массу турокъ и взяли нѣсколько тысячъ бѣжавшихъ въ плѣнъ.

— Турки, поражаемые на всѣхъ пунктахъ рѣшились выступить съ флотомъ и бомбардировали: 30-го декабря Евпаторію, причемъ повреждены казармы пограничной стражи, цейхгаусъ карантина и нѣсколько частныхъ домовъ, ранено нижнихъ чиновъ шесть легко, и одинъ смертельно.

1-го января къ Феодосіи быстро подошли два большіе турецкіе трехмачтовые броненосца и открыли огонь по городу. Удачными выстрѣлами нашей полевой полубатареи, ставшей на позицію, непріятель принужденъ былъ отойти на дальнюю дистанцію, продолжая бомбардировать, а въ $12^1/_2$ час. прекратилъ стрѣльбу, оставаясь на прежнихъ мѣстахъ. Непріятелемъ произведено 132 выстрѣла, разрушено 10 домовъ, убитъ одинъ солдатъ виленскаго пѣхотнаго полка, ранено 5 артиллеристовъ и 7 человѣкъ изъ числа жителей.

2-го января турецкій броненосецъ слишкомъ два часа бомбардировалъ Анапу. Убитъ пластунъ, повреждена церковь и нѣсколько зданій. Наша полевая полубатарея сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ.

Телеграммы.

Римъ, 28-го декабря, 5 час. 20 мин. пополудни. Король Викторъ-Эммануилъ скончался сегодня въ 2 часа пополудни. Римъ въ трауpѣ.

Вѣна, 31-го декабря. Газетѣ «Pol. Corr.» сообщаютъ изъ Бѣлграда: «Конвенціею о капитуляціи Ниша обусловлено, что турки сдаютъ сербамъ всѣ наличныя орудія, снаряды и боевые припасы; войска слагаютъ оружіе и выводятся за предѣлы района сербскихъ операцій; отпускаемые на свободу офицеры сохраняютъ сабли.

«Сербы взяли въ Нишѣ 150 орудій и болѣе 20,000 находившихся въ складѣ ружей, заряжаемыхъ съ казны».

— 2-го января. Сегодня скончалась бывшая императрица мехиканская, эрцгерцогиня Шарлотта, вдова разстрѣляннаго въ Кверетаро въ 1867 году, императора мехиканскаго Максимиліана.

Лондонъ, 28-го декабря. Изъ Константинополя получено извѣстіе, что заключеніе перемирія весьма вѣроятно, если русская главная квартира найдетъ нужнымъ согласиться на него. Порта очень была бы рада пріостановкѣ военныхъ дѣйствій и сообщила сюда въ отвѣтъ на англійскую ноту, что султанъ готовъ ратификовать условія перемирія и что онъ поручилъ военному министру Реуфу-пашѣ препроводить къ турецкимъ военачальникамъ надлежащія полномочія для заключенія перемирія.

— 2-го января. Газетѣ «Daily Telegraph» передаютъ изъ Перы, отъ 13-го января: «По просьбѣ русскаго правительства о томъ, чтобъ къ его высочеству великому князю Николаю Николаевичу присланы были въ Казанлыкъ два лица, облеченныя самыми обширными полномочіями для переговоровъ, большой совѣтъ, въ своемъ воскресномъ засѣданіи, назначилъ уполномоченными пашей Сервера и Намыка-пашей.

31-го декабря. Замедленіе въ переговорахъ о перемиріи произошло отъ того, что потребуется нѣкоторое время, пока инструкціи, посланныя обоими главнокомандующими въ Болгаріи и Малой Азіи, дойдутъ по назначенію.

Что касается самого перемирія, то должно только повторить то, что было высказано неоднократно, именно, что право и обычаи войны и, наконецъ, справедливость требуетъ, чтобы перемирію, имѣющему цѣлью миръ, предшествовало бы заключеніе конвенціи между воюющими, которая опредѣлила бы предварительныя основанія мира. Въ противномъ случаѣ перемиріе будетъ лишь средствомъ собраться съ силами для той изъ воюющихъ сторонъ, которая потерпѣла пораженія, подготовить продолжительное сопротивленіе и вызвать новое кровопролитіе.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

26-й тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.

На основаніи высочайше утвержденнаго 13-го ноября 1864 года положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. министромъ финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 2-го января 1878 г., Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію с.-петербургской городской думы и депутатовъ отъ с.-петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

Выигрыши пали на слѣдующіе билеты:

Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.
1,713	20	200,000	6,796	10	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	12,190	32	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	19,832	5	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	12,760	33	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	2,420	10	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.	11,483	31	ПО ПЯТИСОТЪ РУБЛЕЙ КАЖДЫЙ.
17,281	2	75,000	11,182	20		8,869	21		10,853	5		8,709	10		17,409	33		18,428	31	
4,935	8	40,000	12,690	34		1,664	1		12,750	38		3,454	13		14,637	17		10,967	16	
4	6	25,000	12,432	21		12,114	19		5,558	49		16,078	12		12,882	32		5,948	26	
12,923	45	10,000	4,425	37		9,601	19		15,040	34		17,290	11		6,152	6		10,425	40	
12,615	16	10,000	2,000	3		17,570	24		8,330	25		2,691	19		13,898	25		7,828	13	
4,860	15	10,000	15,717	31		9,458	39		3,706	30		4,084	2		700	2		8,245	25	
4,995	12	8,000	11,085	37		1,546	37		16,626	27		17,031	26		10,434	8		16,732	12	
134	27	8,000	16,878	21		5,823	49		9,006	15		5,944	29		6,947	7		2,920	27	
3,259	47	8,000	13,106	35		2,104	20		19,584	31		18,610	40		2,828	22		15,217		
11,231	9	8,000	11,188	5		19,636	35		9,707	23		13,225	27		11,206	10		1,257	35	
6,426	26	8,000	10,187	48		4,569	5		5,107	32		11,989	27		14,124	35		14,617	1	
11,011	17	5,000	8,905	3		9,710	35		1,558	29		7,133	44		1,604	29		3,565	21	
12,354	5	5,000	18,080	32		2,235	4		11,502	47		17,042	8		15,280	4		4,098	3	
708	34	5,000	1,294	49		6,187	1		2,638	35		3,893	47		14,672	42		15,972	36	
13,284	30	5,000	7,091	1		9,510	43		8,021	14		10,880	27		8,577	43		16,799	37	
7,640	2	5,000	10,600	7		5,257	9		5,684	17		4,192	14		2,064	13		14,477	45	
9,460	6	5,000	2,235	15		12,261	49		17,526	21		19,953	47		6,062	5		12,122	47	
7,292	17	5,000	5,042	18		18,211	2		16,745	4		5,960	48		18,576	11		11,347	13	
16,397	5	5,000	12,535	29		14,430	9		1,488	17		682	8		9,499	16		7,547	21	
41	23	1,000	18,317	40		3,803	4		17,861	5		17,782	15		7,988	49		9,950	21	
15,154	49	1,000	9,258	48		3,699	50		13,547	8		5,696	9		11,233	46		9,914	29	
19,548	47	1,000	16,043	5		18,919	45		2,416	6		12,772	45		19,396	15		19,436	19	
15,848	33	1,000	17,513	21		19,880	12		77	1		12,694	16		18,360	23		12,331	44	
3,514	39	1,000	4,728	6		11,835	16		12,597	18		15,044	25		16,598	5		2,056	2	
11,419	48	1,000	3,786	44		16,854	39		12,073	46		856	37		12,382	17		18,972	27	
13,543	41	1,000	8,962	31		10,179	22		17,078	17		3,265	15		10,427	34		1,144	21	
5,923	16	1,000	254	8		18,035	43		6,024	7		15,280	32		14,206	32		16,094	46	
9,700	41	1,000	5,426	38		18,763	13		16,430	2		3,807	45		2,231	40		8,227	20	
10,064	33	1,000	3,324	17		5,223	9		10,680	24		5,905	15		784	7		10,954	36	
8,914	16	1,000	8,730	42		17,502	30		654	40		10,449	8		13,411	4		5,065	24	
10,975	26	1,000	3,862	20		5,417	36		9,896	45		8,407	34		6,069	8		10,674	15	
15,493	32	1,000	19,115	32		10,134	49		2,761	22		9,631	26		8,403	8		11,806	46	
5,089	13	1,000	7,054	39		4,497	21		13,019	36		3,524	20		19,433	24		18,652	31	
16,558	42	1,000	19,306	46		9,574	3		9,863	11		8,746	38		15,219	34		18,109	40	
19,588	34	1,000	18,775	14		13,020	13		15,353	30		2,007	29		10,108	46		2,585	41	
8,403	37	1,000	6,248	9		6,027	5		5,561	14		9,719	30		6,667	24		18,998	10	
14,387	3	1,000	1,851	24		4,860	23		6,864	50		13,714	19		16,584	40		15,337	4	
16,222	4	1,000	5,546	38		10,844	13		5,112	23		1,684	4		3,651	48		15,502	22	
2,197	27	1,000	16,867	23		10,595	24		3,206	34		2,701	21		5,596	35		5,526	10	
2,547	37	500	18,278	32		6,207	47		8,845	10		18,869	27		12,933	28		16,374	40	
10,629	14	500	12,980	39		6,579	26		4,562	47		12,499	30		16,887	17		16,820	38	
5,906	18	500	8,782	39		1,924	17		9,582	28		871	49		17,773	24				

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ съ 1-го апрѣля 1878 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго Банка 2-го января 1878 года.

Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій
14,605	2,307	5,356	2,795	11,148	6,350	11,287	18,738	4,716	5,414	4,099	12,933	8,744	4,601	3,952
13,040	7,356	17,554	6,955	4,349	11,516	7,114	13,647	12,992	7,500	463	9,466	19,304	13,250	8,796
12,356	14,234	18,437	4,431	15,857	10,299	14,975	4,977	16,918	8,014	13,379	11,292	8,187	14,637	9,543
18,804	13,102	3,098	5,710	16,075	10,564	8,599	4,753	9,841	13,765	4,466	19,757	3,502		

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го апрѣля 1878 г., въ Государственномъ Банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

При этомъ нумерѣ „Живоп. Обозр.“ разсылается 1 № приложеніе „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Января 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 3. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. – 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 15 Января 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ VI.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1878 ГОДУ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА:

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Журналъ выходитъ еженедѣльными нумерами не менѣе **двухъ съ половиной печатныхъ листовъ**, въ форматѣ лучшихъ иностранныхъ иллюстрацій (въ годъ 52 №№ или болѣе 1,000 страницъ); въ каждомъ нумерѣ помѣщается отъ четырехъ до восьми художественныхъ рисунковъ (въ годъ до 300), исполненныхъ по заказу Редакціи въ Россіи и заграницей. Въ теченіи года всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ безплатной преміи,** два иллюстрированныя приложенія **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“** и **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.** Кромѣ того, въ теченіи года будутъ разосланы всѣмъ гг. подписчикамъ

БЕЗПЛАТНЫЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ АВТОРОВЪ

(Поэмы, романы, повѣсти, драмы); гравюры на веленевой бумагѣ. Образчикъ подобной преміи, «МАРКО ФОСКАРИНИ» драма ЗАЛЕВСКАГО, въ переводѣ И. В. ОМУЛЕВСКАГО, разосланъ въ началѣ ноября нынѣшняго года всѣмъ гг. подписчикамъ на 1877 годъ. По окончаніи года премія Иллюстрированныхъ произведеній составитъ цѣльный отдѣльный томъ. Этой преміей Редакція желаетъ положить начало иллюстрированнымъ изданіямъ, получившимъ большую распространенность въ Западной Европѣ. Кромѣ означенныхъ премій, Редакція имѣетъ въ виду разослать также въ видѣ безплатной преміи картину **„ВЗЯТІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ“.**

Въ 1878 году журналъ **«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»** будетъ издаваться при широкомъ выполненіи программы журнала, обнимающей всѣ отрасли литературы, наукъ и искусствъ, въ которую входятъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Романы, повѣсти, разсказы, очерки и біографіи. 2) Драмы, драматическія сцены. 3) Поэмы, сказки въ стихахъ и мелкія стихотворенія. 4) Этнографическіе очерки. 5) Иллюстрированныя путешествія. 6) Статьи научнаго содержанія, преимущественно по естествознанію, съ пояснительными рисунками и чертежами. 7) Новости изъ области жизни, литературы, наукъ и искусствъ. 8) Смѣсь. 9) Телеграммы. 10) Шахматный листокъ, который будетъ значительно расширенъ въ нашемъ изданіи 1878 года.

Въ журналѣ будутъ принимать участіе своими трудами слѣдующія лица: **П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, В. Гивартовскій, Егоровъ, И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), Н. Н. Каразинъ, С. М. Крапивина, Н. Б. Куроѣдовъ, Л. Леванда, П. Лѣтнева, А. Майковъ, Е. Л. Марковъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Л. Е. Оболенскій, И. В. Омулевскій, П. И. Пашино, А. Г. Сахарова, В. И. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стремоуховъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ, Н. В. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрьева** и др. Между прочимъ въ 1878 году будутъ помѣщены 26 разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ **«Наши ближніе».**

Редакція **«ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ»** имѣетъ въ своемъ распоряженіи для помѣщенія въ 1878 году: романъ **Э. Гонкура,** разсказы **А. Додэ** и **Э. Золя** и статьи **Вирхова, Геккеля, Гольцендорфа, Карла Фохта** и др. Сверхъ того предполагается печатать **Иллюстрированныя сказки, Боккачіо (Декамеронъ),** въ переводѣ **Н. И. Шульгина, «Похвальное слово безумію», Эразма,** въ переводѣ **А. К. Шеллера (А. Михайлова)** и, если позволитъ мѣсто, **«Комическій романъ» Скарона.** Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ участвовать извѣстные наши художники **Н. А. Богдановъ** и профессоръ **А. И. Мещерскій.**

ПЕРВАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПРЕМІЯ:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

(Подписная цѣна безъ Живописнаго Обозрѣнія 3 руб.).

Состоящая изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: **1) Гигіены; 2) Техническій и хозяйственный.**

Второе безплатное иллюстрированное приложеніе съ пояснительнымъ текстомъ:

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. За годовое изданіе **«ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ»** изъ 52 №№, съ даровыми приложеніями **„Жизнь и Хозяйство“** и **„Парижскія моды“** и правомъ на полученіе всѣхъ премій въ теченіе 1878 года. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **6 р.** Съ доставкою въ С.-Петербургѣ, а также для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою **7 р.** За границею **8 р. 50 к.** На полгода **3 р. 50 к.** съ пересылкою **4 руб.;** на три мѣсяца безъ пересылки **1 р. 75 к.** съ пересылкою **2 р.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ **С.-Петербургѣ**, въ главной конторѣ редакціи журнала, Троицкій переулокъ, д. № 27. 2) Въ **Москвѣ**, въ отдѣленіи конторы «Живописнаго Обозрѣнія» въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ въ д. Алексѣева.

Умирающая мать.

Стих. А. Константинова.

«Ничего тебѣ я не скопила,
Но, дитя, не проклинай меня
Ни за то, что тоже я любила,
Ни за то, что родила тебя.

«Я весь вѣкъ трудилась изъ-за хлѣба,
Никакимъ не брезгала трудомъ,
Только насъ забыло, видно, небо:
Умираю я въ углу пустомъ.

«Проводивши гробъ мой до могилы,
Ты одна начнешь съ нуждой борьбу,
Но, быть можетъ, молодыя силы
Побѣдятъ суровую судьбу.

«Хороша ты... Много искушеній
Порождаетъ наша красота!
Будь тверда! Позоръ страшнѣй лишеній,
Губитъ онъ страшнѣй, чѣмъ нищета.

«Намъ даетъ паденье, вмѣсто счастья,
Дни блаженства и года невзгодъ;
Но бѣднякъ найдетъ еще участье,—
Падшихъ только отвращенье ждетъ.

«Свѣтъ не спроситъ: почему ты пала?
Но съ презрѣньемъ скажетъ про тебя,
Что собой ты нагло торговала,
Продаваясь встрѣчнымъ, не любя.

«Но не онъ одинъ,—твои же дѣти,
Подростая, могутъ услыхать
Про тебя случайно толки эти
И начнутъ краснѣть они за мать.

«Большихъ нѣтъ для женщины мученій
Чѣмъ презрѣнье собственныхъ дѣтей,
Легче ей погибнуть отъ лишеній,
Легче лечь живой въ могилу ей.

«Помни это. Пусть твои сосѣдки,
Веселясь, толкуютъ про тебя,
Что живешь ты точно птица въ клѣткѣ,
За работой молодость губя.

«Пусть твой братъ... Не слушай вовсе брата,
Не научитъ братъ тебя добру:
Онъ давно погибъ среди разврата,
Онъ продастъ за деньги и сестру»...

Остапъ Дашковичъ.

Біографическій набросокъ. Ст. Д. Л. Мордовцева.

(См. рис. № 1. «Жив. Об.» стр. 4.)

Остапъ Дашковичъ, по книжному полонизированный въ Евстафія Дашкевича, представляетъ собою такую историческую личность, вмѣстѣ съ которою украинскій «козакъ» въ первый разъ выступаетъ на историческую арену, становится виднымъ всему тогдашнему политическому и цивилизованному міру.

Относительно происхожденія Дашковича существуетъ нѣкоторое историческое разномысліе; но одно несомнѣнно, что онъ былъ природный украинецъ «козакъ» въ полномъ значеніи слова, и притомъ первый историческій козакъ, родоначальникъ послѣдующихъ «кошевыхъ отамановъ» запорожскихъ и гетмановъ Малороссіи обѣихъ сторонъ Днѣпра. Самое имя его—Остапъ—чистѣйшее украинское, доселѣ любимое народомъ, какъ имена Тарасъ Грицько, Данило. По сказаніямъ лѣтописцевъ, Остапъ Дашковичъ родился въ простой украинской семьѣ, служилъ въ войскахъ королей польскихъ и за военныя доблести возведенъ въ званіе королевскаго старосты — нѣчто большее, чѣмъ нынѣ губернаторъ; но, по мнѣнію автора «Исторіи возсоединенія Руси», г. Кулиша, лѣтописныя свидѣтельства о худородности Дашковича опровергаются несомнѣнными свѣдѣніями о родственныхъ связяхъ его съ панскими домами. Такъ, сестра Дашковича, Милохна, была замужемъ сперва за Борисомъ Тышкевичемъ, а потомъ за кіевскимъ воеводою Немиричемъ. Самъ Дашковичъ, кромѣ того, имѣлъ наслѣдственныя вотчины—села и мѣстности въ разныхъ частяхъ Малороссіи и даже на московской украйнѣ, именно—по рѣчкѣ Раставицѣ, подъ кіевскимъ замкомъ и возлѣ московскаго Путивля. Сообразно своему положенію, какъ владѣльца маетностей въ разныхъ мѣстностяхъ, и сообразно своей политической дѣятельности, онъ и въ исторіи является почти какъ владѣтельная особа, но во всякомъ случаѣ, какъ независимый сосѣдъ, союзникъ, а иногда и противникъ трехъ могущественныхъ въ то время монархій.

Что выдвинуло эту личность на историческій свѣтъ изъ безцвѣтной, забываемой исторіею среды рядового посполитства и такого же рядового дюжиннаго, хотя и знатнаго панства? Личныя качества и сила вещей, поставившая Дашковича въ фокусѣ тогдашнихъ политическихъ событій на самомъ рубежѣ международнаго тренія трехъ сосѣднихъ, выше упомянутыхъ мною, державъ. Въ концѣ XV вѣка, линія владѣній турецкаго султана, далеко передвинутая къ сѣверу и сѣверозападу отъ Крыма энергическимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, направлялась такъ, что по правую сторону Днѣпра построенные польско-литовскою короною укрѣпленные замки Корсунь, Бѣлая-Церковь, Каневъ, Черкасы и Чигиринъ считались, въ глазахъ турокъ, стоящими уже на турецкой территоріи. По лѣвую же сторону Днѣпра пограничный рубежъ былъ еще неопредѣленнѣе и какъ бы эластичнѣе, такъ что татары почти безпрепятственно доходили иногда до Путивля, Орла и Брянска, смотря на московскую украйну какъ на свой юртъ или временное займище. Вдоль заднѣпровской или правобережной польской порубежной линіи постоянно ходили сторожевые разъѣзды. За порубежной линіей тянулась уже, до самого Перекопа, дѣвственная степь, по которой свободно бродили никѣмъ не пугаемыя стада сернъ, оленей, сайгаковъ, дикихъ лошадей и буйволовъ, словно бы это были необозримыя саванны Америки. Чтобы перейти за эту линію поохотиться на звѣря, половить рыбы въ многорыбномъ Днѣпрѣ и его низовыхъ «плавняхъ»—надо было не мало отваги, и такою отвагою отличались нѣкоторые украинцы, пробиравшіеся нанизъ за рыбою и получившіе названіе «козаковъ». Эти рыбаки и звѣроловы, первые Немвроды Малороссіи, само собою разумѣется, были и воины, какимъ былъ и звѣроловъ Немвродъ, и идти на смѣлый подвигъ рыболовства и звѣроловства въ то время называлось «идти въ козаки».

Польскій бытописатель Гваньинъ, такъ говоритъ о началѣ козачества, которое выдвинуло на историческую арену и Остапа Дашковича: «Въ 1516 года Менгли-Гирей, воспользовавшись войною короля Сигизмунда съ московскимъ царемъ, сдѣлалъ набѣгъ на украинскія земли, хотя получалъ подарки отъ обоихъ государей. Видя тогда, что татары ругаются надъ ними, наши не хотѣли больше вѣрить ихъ клятвѣ и начали содержать больше служилыхъ людей на пограничьѣ. Нѣсколько сотъ воиновъ, подъ предводительствомъ Хмельницкаго старосты, Предислава Лянцкоронскаго пошли въ козаки подъ Бѣлгородъ, заняли турецкія и татарскія стада и погнали домой; а когда татары и турки, догнавшіе ихъ у Овидіева озера, дали имъ битву, наши ихъ побѣдили и съ добычею возвратились къ своимъ... Съ того времени начались у насъ козаки, которые потомъ, что далѣе, то все больше успѣвая въ военномъ ремеслѣ, отплачивали татарамъ тѣмъ самымъ, что наши терпѣли отъ татаръ».

Въ это то время и выдвигается на историческій помостъ энергическая фигура Дашковича, строгое и задумчивое лицо котораго читатели, вѣроятно, замѣтили на снимкѣ съ картины знаменитаго Матейки, помѣщенномъ въ 1-мъ нумерѣ «Живописнаго Обозрѣнія». Мѣховая шапка—нѣчто вродѣ украинскаго малахая, кольчуга, покрывающая плечи и грудь перваго запорожскаго «батька-отамана», и въ рукахъ «самопалъ»—кремневое ружье—въ богатой оправѣ, съ взведеннымъ куркомъ—такою должна рисоваться въ памяти потомства фигура «невсыпущаго» часового русской и польской земли въ то смурое и смутное время. Волкомъ смотритъ вдаль и Дашковичъ съ картины Яна Матейки.

Дашковичъ нѣсколько разъ ходилъ вмѣстѣ съ Лянцкоронскимъ противъ своихъ хищныхъ сосѣдей, крымскихъ волковъ-татаръ. Но когда не стало Лянцкоронскаго, вся тяжесть защиты опаснаго, открытаго для всевозможныхъ вторженій порубежья легла на плечи Остапа Дашковича.

Въ 1503 году, слѣдуя старинному обычаю и праву—праву свободы передвиженія, въ качествѣ дружинника, такого же варяга, какихъ изображаетъ намъ скандинавская сага, изъ владѣній одного государя во владѣнія другого, — Остапъ Дашковичъ, во время возгорѣвшейся войны между Москвою и Польшею, перешелъ на сторону московскаго царя и оставался у него на службѣ пять лѣтъ. Король, конечно, не желая разстаться съ такою дорогою сторожевою собакою, какою былъ для Польши Дашковичъ, потребовалъ отъ царя его выдачи; но царь отвѣчалъ, что Дашковичъ у короля былъ «мѣтной» (знатный) человѣкъ, бывалъ отъ короля во многихъ мѣстахъ на Украйнѣ воеводою и, пользуясь обычнымъ правомъ, своею волею перешелъ на службу изъ одного государства въ другое, отъ государя къ государю. При всемъ томъ Дашковичу, какъ видно, не по душѣ показалась московская служба, не рѣшаясь самовластно вновь переселиться въ покинутый имъ родной край, онъ ходатайствовалъ у короля о дозволеніи воротиться въ Украину чрезъ князя Острожскаго, на что и получилъ соизволеніе. Мало того, цѣня въ Дашковичѣ незамѣнимыя качества защитника границъ своего государства, король отдалъ ему въ управленіе главнѣйшіе сторожевые замки — Каневъ и Черкасы.

Здѣсь, можно сказать, начало гетманства Дашковича. Онъ является съ атрибутами владѣтельной особы. Принявъ власть гетмана, хотя и не называясь имъ, Дашковичъ устанавливаетъ разные порядки въ пользованіи землями и угодьями въ своемъ «староствѣ». Такъ, разрѣшая земельныя пререканія и тяжбы черкаскихъ обывателей и кіевскаго монастыря св. Николы, онъ отбираетъ показанія отъ черкаскихъ старожиловъ, бояръ, мѣщанъ и козаковъ относительно того, въ какихъ именно мѣстностяхъ предоставлено этому монастырю исключительно пользоваться правами звѣриной и рыбной ловли, и, получивъ эти показанія, утверждаетъ помянутыя права за монахами, а козаковъ устраняетъ. Г. Кулишъ разсказываетъ въ своей «Исторіи», что Дашковичъ, отправляясь на войну и слѣдуя обычаю варяго-русскихъ временъ, проситъ напутственнаго благословенія у игумена никольскаго монастыря. Игуменъ даетъ ему благословеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ, конечно, брашно и питіе; а когда благочестивый рыцарь увидѣлъ въ кубкѣ дно, добрый инокъ, съ приличными случаю внушеніями, подаетъ ему къ подписанію слѣдующую бумагу: «Я, такой-то Остапъ Дашковичъ, ѣдучи на господарскую службу, помыслилъ есми о своемъ животѣ, нѣшто станется надо мною Божія воля, пригодиться смерть, и отказалъ свое власное отчизное селище Гвоздово Николѣ, Пустынному монастырю и игумену пустынскому и всей братіи».

Насколько Дашковичъ высокостоялъ во мнѣніи современниковъ и насколько цѣнились и уважались его боевыя качества не только поляками и русски-

ми, но и татарами, можно видѣть изъ того, что когда, сражаясь съ послѣдними, Дашковичъ однажды былъ захваченъ ими въ плѣнъ, то татары не только не казнили его, но берегли, какъ драгоцѣннаго плѣнника. Междоусобная война, вспыхнувшая въ ордѣ, дала возможность Дашковичу бѣжать изъ полона въ свою родную Украину—

На святоруській берегъ,
На край веселый,
Межъ народъ хрещеный.

Воротившись въ свой «край веселый», «межъ народъ хрещеный», Дашковичъ въ Черкасахъ выдержалъ жестокую татарско-турецкую осаду, въ 1532 году. Въ этомъ году Саибъ-Гирей, желая наказать козаковъ за ихъ набѣги, пошелъ войною на Дашковича. У Саибъ-Гирея было полторы тысячи янычаръ и 50 пушекъ. Черкасы, гдѣ заперся Дашковичъ, были обложены татарами. Ровно мѣсяцъ длились приступы татарскаго войска, но Дашковичъ такъ удачно отражалъ врага, что татары принуждены были пойти на миръ съ своимъ непобѣдимымъ противникомъ.

Говоря вообще, исторія должна отмѣтить Дашковича, какъ не рядовую историческую личность. Онъ не былъ ни исключительно полководцемъ, ни исключительно героемъ, которые выражаютъ собою простого исполнителя, болѣе или менѣе даровитаго, воли или внушеній другого лица, или оставляютъ по себѣ слѣдъ въ исторіи яркимъ проявленіемъ личной энергіи и мужества; не былъ онъ и государственнымъ человѣкомъ, на долю которыхъ, обыкновенно, рѣдко выпадаетъ возможность личнаго творчества. У Дашковича, напротивъ, начала личнаго творчества сказывались несомнѣнно и обнаруживали въ немъ человѣка не дюжиннаго.

Примирившись съ Саибъ-Гиреемъ послѣ неудачной осады имъ Черкасъ и даже подружившись съ этимъ могущественнымъ въ то время ханомъ, Дашковичъ отправился въ Петрковъ на сеймъ, гдѣ былъ тогда и король, а вмѣстѣ съ Дашковичемъ послано было на сеймъ и посольство отъ Саибъ-Гирея. На сеймѣ Дашковичъ былъ принятъ съ подобающею честью. Тамъ онъ заявилъ о своемъ планѣ—устроить по Днѣпру постоянную, подвижную стражу, которая, разъѣжая на козацкихъ «чайкахъ» по рѣкѣ, представляла бы собою живую пограничную крѣпость. Провіянтъ для стражниковъ должны были доставлять особые конные разъѣзды. „Планъ его—говоритъ авторъ „Исторіи возсоединенія Руси"—всѣмъ понравился. Были предположенія о постройкѣ на днѣпровскихъ островахъ крѣпостей и объ основаніи за Порогами рыцарской школы; но тѣмъ дѣло и кончилось. Дашковичъ послѣ того еще воевалъ противъ татаръ, потомъ вмѣстѣ съ татарами опустошалъ московскую землю въ отмщеніе за Литву; въ 1535 году онъ умеръ, бездѣтнымъ, какъ и Лянкоронскій,—можетъ быть, даже и не женатымъ. Его родовыя села и движимое имущество, характеризующее козацкій бытъ: деньги, золото, серебро, драгоцѣнныя вещи, одежды, лошади со сбруей и оружіемъ, рогатый скотъ, овцы, свиньи и пасѣки въ Черкасахъ и Каневѣ, досталось въ наслѣдство его сестрѣ и племянницѣ."

Ученикомъ и продолжателемъ дѣла Остапа Дашковича является знаменитый князь Дмитрій Вишневецкій, до-сихъ-поръ живущій въ народныхъ думахъ подъ именемъ „Байды", того Байды, который представляется намъ прародителемъ нашихъ современныхъ Байдъ на Шипкѣ, у Плевны и т. д. Взятый въ полонъ турками и сброшенный съ башни такъ, что повисъ ребромъ на желѣзный крюкъ, Байда, оставаясь на крюкѣ трое сутокъ, стрѣлялъ будто бы изъ лука въ проходящихъ турокъ, въ султана, въ его жену и дочь, а потомъ былъ изрѣзанъ на куски разсвирѣпѣвшими турками, которые съѣли его сердце, чтобы получить его мужество.

Лапоть.

По зарѣ я въ лѣто знойное
Пробираюсь къ рѣкѣ.
Тихо все, лишь пѣнье стройное
Гдѣ-то слышно вдалекѣ;
Да въ лужайкѣ недокошенной
Ключъ привѣтливо журчитъ,
Въ немъ купаясь, лапоть брошенный
Вверхъ подошвою лежитъ.
Вкругъ его виды неважные, —
Деревенскіе, свои:
Капли дегтя, копны влажныя
И телѣги колеи.
Заходили неизмѣнныя
Думы горькія во мнѣ;
Съ лаптемъ рѣчи откровенныя
Я веду наединѣ:
«Отслужилъ ты службу вѣрную
Намозоленнымъ ногамъ,
Ихъ работу непомѣрную
Вынесъ съ ними пополамъ.
Истеревъ о камни голые
Лыка гибкіе ремни,
Одиноко здѣсь тяжелые
Ты свои кончаешь дни.
Только зелень серебристая
Моетъ пыль твою росой
И черемуха душистая
Цвѣтомъ дѣлится съ тобой,
Подъ ея листками бѣлыми
Спишь покорный ты судьбѣ...
Но картинами я цѣлыми
Гордость вызову въ тебѣ.
Посвящу тебя въ мудреные
Вкусы тонкаго ума:
Нынче лапти (не плетеные)
Красятъ барскіе дома.
Въ кабинетахъ представительныхъ,
Въ залахъ властвующихъ сферъ —
Двойниковъ твоихъ плѣнительныхъ
Встрѣтишь больше, чѣмъ «Венеръ»
И дѣлами озабоченный,
Распинаясь за народъ,
Пепелъ въ лапоть позолоченный
Либералъ съ сигаръ кладетъ.
Иль когда, хандрой томимая,
Разодѣтая въ шелки,
Вспомнитъ «нищихъ мать родимая»,
Что несыты мужики,
То «проэкты» ихъ кормилицы,
Къ благу тощихъ животовъ,
Вылетаютъ изъ чернилицы —
Формы яшмовыхъ котовъ.
Настрочитъ ли баринъ пламенный
Небывалый «бытъ крестьянъ»,
Тоже онъ подъ лапоть каменный
Свой нахмурясь прячетъ планъ.
Ты-жъ мечты со мной сердечныя,
Рваный лапоть, раздѣли:
Поскорѣй, на вѣки вѣчные,
Исчезай съ лица земли.
Но не въ перстни бирюзовые,
Не въ узорный малахитъ, —
Въ сапоги, хотя дешевые,
Преврати свой жалкій видъ
И обуй ты ими ноженьки
Потребителей твоихъ,
Чтобы вдоль крутой дороженьки
Не кололъ терновникъ ихъ»...

Е. В—ая.

Изъ стихотвореній А. Петёфи.

Переводъ **А. Михайлова**

I.

Что для васъ поэзіи искусство:
Дилижансъ, ползущій по дорогамъ?...
Нѣтъ, оно орелъ, парящій смѣло
Къ недоступнымъ для другихъ чертогамъ.

Рифмоплеты ждутъ, когда проложатъ
Путь другіе и потомъ, какъ свора
Псовъ голодныхъ за добычей жирной,
На него стремятся безъ разбора.

Тотъ, кто въ силахъ самъ пробить дорогу,
За перо берися спозаранку, —
Если жь нѣтъ,—возьмись за плугъ, за заступъ
И на землю брось свою шарманку...

II.

Мужчина ты — такъ будь же, другъ,
И мужественъ и смѣлъ,
Чтобъ рокъ, какъ флюгеромъ, тобой
Капризно не вертѣлъ.
Рокъ—робкій песъ; хоть лаетъ онъ,
Но труситъ онъ людей,
Идущихъ смѣло въ битву съ нимъ.
Такъ бейся же смѣлѣй.

Мужчина ты,—умѣй же, другъ,
Не хвастать и молчать:
Дѣла сильнѣй, чѣмъ Демосфенъ,
Умѣютъ убѣждать.
И созидай, и разрушай —
Но, кончивъ все, молчи,
Какъ умолкаетъ грохотъ бурь,
Свершивъ дѣла свои.

Мужчина ты,—держись же, другъ,
Всегда идей своихъ,
Хотя бы счастіемъ платить
Тебѣ пришлось за нихъ.
Ужь лучше жизнь свою разбить,
Чѣмъ собственное я, —
Пусть гибнетъ жизнь, но пусть же съ ней
Не сгибнетъ честь твоя.

Мужчина ты,—смѣлѣй же, другъ,
Самъ путь свой выбирай,
И за богатства, за чины
Себя не продавай.
Позоръ душѣ, когда она
Продастъ себя сама,
Твой лозунгъ вѣчный долженъ быть:
Свобода и сума.

III.

Жить подъ мирной, подъ простою кровлей,
Жить вдали отъ свѣтской суеты,
Жить съ тобой вдвоемъ, моя подруга...
Жизнь такая — свѣтлыя мечты!

Радъ бы я разстаться съ этимъ свѣтомъ,
Гдѣ идетъ кровавая борьба:
Мы бойцы, но за борьбу въ награду
Только лавры намъ даритъ судьба.

И за нихъ то мы должны сражаться?
Тратить всѣ запасы силъ живыхъ?
Но вѣдь лавръ скрываетъ только раны, —
Исцѣлить же онъ не можетъ ихъ.

Дай мнѣ руку, добрая подруга,
И иди — пойду я за тобой, —
Но иди подальше съ поля битвы,
Навсегда его отъ взоровъ скрой.

Уведи меня, но поскорѣе
Уведи, чтобъ въ памяти моей
Не проснулось вдругъ воспоминанье
О кровавыхъ битвахъ прошлыхъ дней...

IV.

Блаженъ, кому отъ неба
Дано въ удѣлъ земной
Жить для вина и женщинъ
И пасть за край родной.

Уголки Юга.

(Листки изъ путевой книжки) ст. **Е. Л. Маркова.**

(*Окончаніе.*)

И моя тихая пристань,—мой скромный Bon-Port видѣнъ мнѣ отсюда въ самую макушку съ своими террасами, цвѣтниками и фонтанами... Много забавнаго, много и теплаго прожито въ немъ...

Оригинальные люди, какихъ въ другихъ обстоятельствахъ, въ другомъ мѣстѣ, не встрѣтишь десятками лѣтъ, близко сталкиваются съ тобою, даютъ себя хорошо узнать въ эти долгіе дни невольнаго совмѣстнаго жительства, посвященнаго цѣлебному отдыху...

Они до сихъ поръ рисуются передо мною во всемъ живѣ эти разнообразныя физіономіи, разнообразные характеры изъ всѣхъ странъ міра... Англійскія лэди и шведскія методистки, артисты

ИЗЪ АНГЛІЙСКОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

Приглашеніе на первомъ балу.

и ученые, русскіе помѣщики и итальянскіе пѣвцы... Они всѣ составляли по неволѣ дружную семью въ своемъ зимнемъ изгнаньи на тихихъ берегахъ Женевскаго озера, вдали отъ своихъ привычекъ, предразсудковъ и обязанностей. Вижу отсюда скамью подъ платаномъ, гдѣ такъ часто бесѣдовалъ со мной громоздкій и головатый богословъ-реформаторъ, характерный представитель тѣхъ могучихъ борцовъ религіозной и философской мысли, которые отбили когда-то половину Европы у всемогущества папъ и завоевали первыя права человѣческому разуму... Эта сѣдая огромная голова въ черной бархатной шапочкѣ съ сумрачно нависшимъ высокимъ лбомъ надъ глубокими глазами, горящими сосредоточеннымъ огнемъ, эта острая презрительная улыбка, врѣзавшаяся, какъ въ каменное изваяніе, въ строгія черты морщинистаго лица, совершенно переносила меня въ эпоху великихъ изученій, великихъ споровъ, великихъ страданій и опасностей, въ міръ тѣхъ Ноксовъ и Кальвиновъ, Рейхлиновъ и Боденштедтовъ, что съ безстрашіемъ философовъ и съ выносливостью фанатиковъ состязались за свою идею, всю свою жизнь. Тэнъ сравниваетъ эту вѣчно воинствовавшую неуклюжую ученость богослововъ реформаціоннаго времени, по массивности, терпкости силъ и ярости ея, съ мастодонтами допотопнаго періода, грызшимися въ чорныхъ хлябяхъ первобытнаго міра.

Именно одного изъ такихъ мастодонтовъ слушалъ я каждый день. Его рука привыкла владѣть не легкимъ щегольскимъ оружіемъ новѣйшей полемики, а тяжкимъ браннымъ мечомъ нашихъ предковъ, который брали въ обѣ руки, и которымъ разсѣкали пополамъ коня и всадника, «La grande épée, à deux mains de nos pères», по великолѣпному выраженію французскаго критика. Книга этого женевскаго пастора «St.-Pierre fut-il jamais à Rome», полная глубокой учености и непобѣдимой логики, произвела цѣлую бурю въ католической церкви и стоила военной побѣды... А онъ, этотъ побѣдитель идеи, остается тѣмъ же скромнымъ пасторомъ «не у дѣлъ», давимымъ житейской нуждою, зависимымъ отъ житейскихъ дрязгъ; и однако, не смотря на свой потертый квакерскій сюртукъ и на необезпеченность своего положенія, онъ вездѣ сохраняетъ величіе философа-отшельника и тотъ возвышенный «caractère prêtre», который, какъ ризой, одѣваетъ его среди мірской пошлости. «...Les yeux fermés, le texte sacré dans la main il marche de conséquence, foulant les préjugés, les inclinations, les habitudes, les besoins des hommes, comme si le raisonnement ou l'esprit religieux étaient tout l'homme», *) говоритъ о такихъ людяхъ цѣльной вѣры знаменитый критикъ.

Встаютъ въ памяти и другіе типы иного закала, но не менѣе оригинальные, не менѣе любопытные бѣдному жителю безконечно однообразнаго русскаго общественнаго поля, гдѣ сплошныя стѣны дикаго ковыля или скромной кормилицы ржи замѣняютъ собою яркость кактусовъ и стройность пальмъ... Вонъ качается лодка, на которой мы рисковали до самыхъ Савойскихъ береговъ, съ моимъ минутнымъ пріятелемъ, похожимъ не то на турецкаго пашу, не то на калабрійскаго бандита... Это былъ великолѣпный типъ авантюриста—космополита, котораго не знаетъ наша Русь, который явился исчадіемъ всесвѣтной европейской торговли, всесвѣтныхъ ея экспедицій...

Онъ красивъ, характеренъ, энергиченъ, какъ Ринальдо-Ринальдини. Ему знакомы всѣ языки на столько, чтобы при его безконечной дерзости и еще большей ловкости, чувствовать себя одинаково дома въ Англіи, въ Египтѣ, въ Индіи... Если вы видите на немъ сюртукъ парижскаго покроя, то за то тюрбанъ поверхъ его шляпы купленъ въ Багдадѣ, а сапоги въ Петербургѣ, и когда онъ за 5 минутъ до отхода поѣзда спокойно выходитъ изъ отеля, зная твердо, что не опоздаетъ секунды, и не потеряетъ даромъ секунды, то въ одной рукѣ его вы увидите чемоданчикъ изъ Нью-Іорка, а въ другой зонтикъ, сторгованный у негра въ Ріо-Жанейро.

Онъ былъ дѣйствительно вездѣ и всѣмъ. Хотя онъ хвастаетъ на добрую половину, но и остальная половина не на шутку изумитъ нашего брата—русскаго лежебока съ дворянскими вкусами, съ щигровскими привычками, которому только и кажется свѣту и спасенья, когда у него есть подъ бокомъ какое нибудь размашистое село Блевотино, наслѣдіе праотцевъ, «съ оброки, дани, рыбныя ловли и бортневыя ухожья», пожалованное за какое нибудь «Можайское сидѣнье». Перспектива остаться на божьемъ свѣтѣ безъ покровительства своихъ родовыхъ пенатовъ, представляется намъ чѣмъ-то ненормальнымъ и невыносимымъ, и какъ скоро судьба отберетъ отъ насъ всякія сердцу желанныя: «рухлядь и борошень, и животишки», намъ искренно представляется, что мы остались «наги и босы, и голодни» и «на семъ свѣтѣ не жители». Конечно, вы не ждите особенной деликатности нравовъ, особенной почтенности принциповъ отъ этихъ всесвѣтныхъ искателей счастья, лишенныхъ «религіи очага», которыхъ весь «lar familiaris» заключается въ тугонабитомъ карманѣ, на чей бы счетъ и какимъ бы то средствами ни приходилось его набивать. Да, у нихъ нѣтъ никакой сантиментальности, никакой нравственной требовательности, но у нихъ за то пропасть житейской силы...

Это звѣри, хорошо вооружившіеся на войну съ человѣчествомъ и судьбою, скоро смекнувшіе, что выгоднѣе клевать другихъ, чѣмъ быть самимъ заклеванными; въ общей игрѣ силъ они взяли себѣ роль хищниковъ, а не травоядныхъ...

И посмотрите, какъ сыты они травоядными, какъ сверкаютъ ихъ всегда смѣющіеся зубы, какимъ здоровьемъ лоснится ихъ выносливая кожа! Имъ вездѣ домъ, вездѣ отечество, вездѣ дѣло, вездѣ друзья... На палубѣ парохода и за столомъ семейства, которое они видятъ въ первый разъ, они чувствуютъ себя также развязно, спокойно и добродушно, какъ на креслѣ своего кабинета... Они раскидаютъ дѣтей по всѣмъ частямъ свѣта, въ Индію, въ Америку, въ Россію, разстанутся на десять лѣтъ съ женою по условіямъ своей службы, и горя имъ мало! Вѣдь вездѣ найдется добрый товарищъ и стаканъ добраго вина, а «amor omnibus idem», какъ давно сказалъ Виргилій...

Таковъ былъ и этотъ пріятель мой; онъ сражался съ русскими подъ Балаклавой въ качествѣ офицера савойскихъ берсальеровъ, онъ былъ пашою въ Сиріи, начальникомъ баши-бузуковъ, онъ издавалъ въ Парижѣ составленную имъ по личнымъ изслѣдованіямъ карту Палестины; онъ былъ членомъ разныхъ археологическихъ обществъ, авторомъ ученыхъ и экономическихъ брошюръ, присяжнымъ чичероне по святымъ мѣстамъ для знатныхъ туристовъ, организаторомъ всевозможныхъ экспедицій, художественныхъ, археологичкихъ, увеселительныхъ, въ Суэцъ, въ Галилею, куда хотите... При мнѣ онъ читалъ въ роли «доктора такого-то» въ Женевѣ, Лозанѣ и Веве, «конференціи» объ Египтѣ, Палестинѣ, Суэцкомъ каналѣ и своихъ находкахъ.

Онъ едва не сманилъ и меня въ числѣ другихъ неопытныхъ любопытныхъ въ учено-художественное путешествіе по Палестинѣ и Сиріи, гдѣ этотъ докторъ-баши-бузукъ, этотъ бандитъ-археологъ долженъ былъ доставлять нашей огромной компаніи, платившей ему впередъ огромныя деньги, не только всѣ средства удобнаго существованія, но даже ученыя коментаріи ко всему, что насъ будетъ интересовать и снимать намъ фотографіи со всего, что мы будемъ видѣть хорошаго. Не знаю, состоялась-ли эта заманчивая экспедиція изъ лордовъ и праздныхъ туристовъ, которую смѣльчакъ-итальянецъ вербовалъ по всѣмъ уголкамъ Европы, но знаю, однако, что много тысячъ франковъ заполучилъ онъ авансомъ на эту экспедицію отъ наивныхъ и любознательныхъ британцевъ задолго до наступленія объявленнаго дня отплытія...

Вотъ и еще типы встаютъ въ памяти, болѣе близкіе намъ по своимъ интересамъ...

Молодой парижскій адвокатъ, только что выбранный первымъ депутатомъ Парижа, еще весь опьяненный и своимъ успѣхомъ на глазахъ всего міра, и своею громкою ненавистью къ бонапартизму, уже осужденному исторіей,—жилъ тогда среди насъ, наканунѣ великаго погрома, и, конечно, ни онъ самъ, ни мы не подозрѣвали въ этомъ больномъ капризникѣ съ всклокоченною черною головою испанца, съ раздраженнымъ блескомъ единственнаго чернаго глаза,—будущаго низвергателя Наполеоновъ, диктатора Франціи, вождя французской демократіи. Тогда онъ еще не успѣлъ выработать въ себѣ того такта политическаго дѣятеля, той системы спокойнаго, но рѣшительнаго республиканизма, чуждаго фантастичности и задора, которыми онъ ужасаетъ теперь лигитимистовъ и бонапартистовъ, и которые все болѣе привлекаютъ къ дѣлу республики, потерявшему было довѣріе практическихъ людей, сочувствіе французскаго общества.

Нѣтъ, первый депутатъ Парижа, раздражаемый своимъ опаснымъ ларингитомъ, надолго отнявшимъ у него голосъ, и продѣлками Бадинге, который, словно въ предчувствіи близкаго паденья, обманывалъ Францію лживыми обѣщаніями открыть засѣданія палатъ,—первый депутатъ весь съ головою уходилъ въ приготовленье своихъ зажигательныхъ вступительныхъ рѣчей въ палату, въ ядовитые запросы министрамъ о бюджетѣ, въ тайныя бесѣды со множествомъ «крайнихъ», неутомимо посѣщавшихъ его изъ разныхъ уголковъ Франціи.

Мы, его скромные товарищи «по пансіону», признаюсь, гораздо менѣе интересовались его ораторскою славою, такъ прогремѣвшею послѣ его знаменитыхъ защитительныхъ рѣчей въ процессѣ газетъ за памятникъ Бодену, чѣмъ положеніемъ несчастной маленькой г-жи Лорье, супруги будущаго финансоваго агента Франціи, заключавшаго англійскій заемъ въ диктатуру Гамбетты, своего рода революціоннаго министра финансовъ, а тогда богатаго парижскаго адвоката. Этотъ огромный Лорье, близкій другъ Гамбетты, жившій съ нимъ нѣкоторое время въ нашемъ Bon-Port, оставилъ ему при отъѣздѣ въ сестры милосердія свою крошечную жену, съ которой будущій диктаторъ обращался такъ диктаторски и такъ обидно, что бѣдняга ежедневно прибѣгала въ нашу компанію со слезами жаловаться на капризы великаго человѣка in spe...

Вся боннорская община поневолѣ смотрѣла на перваго депутата Парижа сквозь призму слезъ женщины, оскорбляемой его дерзостями и капризами, а желчныя послѣобѣденныя бесѣды будущей европейской знаменитости на тему: «un peu de place de Grève est bon» не прибавляла къ нему расположенія почтеннаго дворянскаго большинства, составлявшаго главное населеніе пансіона... Такъ что легко объяснить себѣ, почему съ такимъ добродушнымъ удовольствіемъ была прочтена въ газетахъ большинствомъ нашей компаніи черезъ два дня по отъѣздѣ Гам-

*) «...Закрывъ глаза, съ священнымъ текстомъ въ рукѣ, онъ идетъ отъ одного вывода къ другому, попирая предразсудки, склонности, привычки, потребности людей, словно сужденіе или религіозный духъ составляютъ всего человѣка...»

бетты въ Парижъ новость о его неудачномъ дебютѣ въ залѣ «folies Belleville», этомъ знаменитомъ очагѣ парижскаго радикализма. И другой громкій общественный дѣятель, еще не разгаданный тогда во всемъ своемъ зловѣщемъ значеніи, жилъ тогда рядомъ съ нами, проводя въ беззаботной праздности свои дни, которые впослѣдствіи стоили людямъ столько крови и бѣдствій... На пустынномъ береговомъ мысикѣ между Клараномъ и Веве стоитъ одинокій и простенькій домикъ съ вѣчноопущенными зелеными жалузи, почти безъ сада, безъ тѣни и безъ всякаго сосѣдства. Одно время жили въ немъ русскіе эмигранты; при мнѣ его занималъ пресловутый «Испанскій король» Донъ-Карлосъ съ своею свитою.

Мы ежедневно встрѣчали на прогулкахъ Монтре и Верне то шумную кавалькаду красивыхъ амазонокъ и всадниковъ, то коляски парами, за которыми гарцовали верховые и бѣжалъ огромный, черный водолазъ, составлявшій неразлучную свиту претендента на испанскій престолъ. Эта толпа молодыхъ грандовъ въ національныхъ черныхъ плащахъ и огненнокрасныхъ беретахъ, смуглая, удалая, веселая, напоминала гораздо болѣе банду странствующихъ артистовъ Андалузіи, чѣмъ политическихъ заговорщиковъ. Среди этихъ страстныхъ южныхъ физіономій, среди этого откровеннаго юношескаго смѣха, обнажавшаго бѣлые и крѣпкіе, какъ у цыганъ, зубы, среди такого же откровеннаго ухаживанья за дамами, обнажавшаго всю энергическую чувственность этихъ дѣтей юга, точно списанныхъ съ портретовъ Мурильо, — глядѣлъ безмолвнымъ протестомъ только строгій и длинный обликъ сѣдого герцога, руководившаго нитями іезуитской интриги, слѣпымъ орудіемъ которой былъ этотъ юный царственный авантюристъ. Худое до изнеможенья лицо герцога, съ глубоко врѣзавшимися характерными морщинами съ сосредоточеннымъ и неподвижнымъ огнемъ глазъ, казавшееся еще болѣе худымъ и длиннымъ отъ сѣдыхъ щетинистыхъ волосъ, торчкомъ стоявшихъ на его огромной мозговой коробкѣ, переносило воображенье къ безпощадно суровымъ фигурамъ XVI вѣка, дышащимъ такою правдою на полотнахъ Рембрандта и Ван-Дика, къ мрачнымъ временамъ Филиппа II и Альбы, когда политика проникалась всею ядовитою тонкостью Макіавелизма и всѣмъ фанатическимъ жаромъ религіознаго сектанта.

Веселая цыганская банда Д—Карлоса вносила всегда столько шуму и оригинальнаго развлеченія въ тихую мѣщанскую жизнь швейцарскихъ городковъ, дремавшихъ на солнечныхъ скатахъ тихаго озера, что за ней невольно слѣдила вся пріозерная публика.

Еще за нѣсколько дней до предувѣдомленія газетъ каждый изъ насъ зналъ, что затѣвается какая-нибудь шутка въ Пиринеяхъ. Флагъ, спущенный съ дома Д—Карлоса, извѣщалъ его сосѣдей по озеру, что «Испанскій король» отправился на охоту за своею давно улетѣвшею короною; на нашихъ мирныхъ гуляньяхъ переставали на нѣкоторое время мелькать красные береты и средневѣковые плащи, огромный водолазъ въ золоченомъ ошейникѣ не лаялъ больше на прохожихъ, и публика, молча подсмѣиваясь, ожидала комической развязки каждаго новаго «пронунсіамента». Дѣйствительно, ожиданія наши не обманывались, и въ ближайшихъ номерахъ парижскихъ газетъ всѣ со смѣхомъ читали, какъ мѣстныя французскія власти арестовывали въ какомъ-нибудь пограничномъ городкѣ, Перпиньянѣ или По, грознаго похитителя испанской короны, и преспокойно выпроваживали его обратно за границу Франціи, откуда онъ пришелъ вмѣстѣ съ собутыльниками, дамами, герцогами и водолазами, какъ бы для иллюстраціи этихъ новостей, немедленно вслѣдъ за ними, взлеталъ красный флагъ на шпилѣ пустыннаго отеля Д—Карлоса, и опять красные береты верхами, въ колляскѣ, пѣшкомъ, какъ ни въ чемъ небывало начинали развлекать публику Монтре и Веве, продолжая хохотать и любезничать, гарцовать и готовиться изподтишка на новую безплодную попытку.

Мы тогда искренно воображали, что безумныя попытки воскресить средніе вѣка въ самый развалъ XIX вѣка могли быть только безплодны... Можетъ быть, мы далеко не съ тѣмъ добродушнымъ юморомъ смотрѣли бы на этого вѣчнаго жида претендентства, если бы могли предчувствовать, чего будетъ стоить впослѣдствіи благородному народу эта игра въ короли авантюриста, которому нечего было терять и который по этому храбро ставилъ на карту счастье своей родины и жизнь своихъ соотечественниковъ.

Да, много людей, много разнообразныхъ впечатлѣній промелькнуло здѣсь въ моемъ тихомъ пріютѣ надъ гладью озера. Оглянешься налѣво, за шпили Шильона, туда, гдѣ стѣны горъ раздвинуты зеленѣющею низиною ронскаго устья, и тамъ живыя воспоминанія... Тамъ бродили мы пѣшкомъ съ завзятымъ швейцарскимъ археологомъ по уничтоженнымъ городищамъ стараго римскаго владычества и отыскивали въ осыпяхъ холмовъ скудные остатки каменнаго вѣка, кремневые наконечники стрѣлъ, обточеные каменные молоточки, кости и всякую всячину... Спутникъ мой имѣлъ настоящее чутье къ этимъ памятникамъ зоологическаго человѣчества и до такой степени наметалъ свой глазъ изслѣдованіемъ свайныхъ построекъ при берегахъ горныхъ озеръ и розысками вещей каменнаго періода, что еще издали опредѣлялъ мѣстности, въ которыхъ онъ надѣялся сдѣлать счастливый археологическій уловъ.

Окрестности Вильнева, стоящаго при самомъ впаденіи Роны въ Женевское озеро, полны остатками исторіи, и даже высокая четырехугольная башня, хорошо уцѣлѣвшая въ Вильневѣ, построена еще римлянами, у которыхъ былъ на этомъ мѣстѣ городъ Pennilucus; эти римскія башни вы встрѣчаете по всей Ронской долинѣ и изумляетесь необыкновенному искуству древнихъ строителей, которыхъ постройки пережили тысячелѣтіе, сохраняя всю свою стройность и красоту. Вѣдь вѣка крушатъ и скалы, не только башни...

Я не разъ исходилъ пѣшкомъ долину Валиса, въ окрестнвстяхъ озера, но далеко не нашелъ въ ней той красоты, разнообразія и поразительности, какимъ бываетъ полна всякая прогулка на Альпы.

Рона, сдавленная въ узкій ящикъ однообразными стѣнами горъ, мутная и часто болотистая, не даетъ много наслаждаться собою; Dent du Midi большею частью скрытъ горами, а то, что поближе, слишкомъ скудно и просто. Только старинные городки, съ своими абатствами, башнями и замками глубокой древности, прилѣпленными къ утесамъ, сообщаютъ по временамъ картинную живописность пейзажу.

Однако, водопадъ Pisse vacte и его окрестности дѣлаютъ исключеніе... Водопадовъ довольно въ Ронской долинѣ, но они не обращаютъ на себя особеннаго вниманія, кромѣ своихъ оригинальныхъ и не совсѣмъ благопристойныхъ названій, такъ какъ кромѣ Pisse-vacte есть еще и pisse-clede и разныя другія подобнаго же словопроизводства.

Но Pisse-vacte весьма оригиналенъ. Довольно большая рѣчка падаетъ съ темени горъ въ обрывъ долины и вслѣдствіе своей стремительности вода ея разносится широкимъ вѣеромъ, окатывающимъ облакомъ своихъ брызговъ всю ближайшую окрестность... Не далеко отъ Pisse-vacte и знаменитыя gorges du Friens. Ихъ стоитъ посѣтить любителю дикихъ эфектовъ и жуткихъ ощущеній...

Заплативъ франкъ за право проникнуть въ огорожу, отдѣляющую отъ дороги узенькую боковую трещину скалъ, вы дѣлаете нѣсколько первыхъ шаговъ съ чувствомъ разочарованія, недоумѣвая, зачѣмъ вы пріѣхали и за что съ васъ взяли франкъ... Но еще шагъ глубже въ тѣснину, и вы въ другомъ мірѣ.

Вамъ кажется, что вы проникли въ земныя толщи и созерцаете внутреннія тайны земли... Неба вамъ не видно, не видно жилища человѣка, не слышно шума жизни... Высоко вверху васъ, глубоко внизу васъ, впереди васъ, назади васъ — одна и та же сіяющая трещина коры земной, — жесткія, безплодныя, угрюмыя скалы, которыя, кажется, сейчасъ же сдвинутся опять надъ вашей головою... Ущелье высоко и узко, издали словно ножемъ прорѣзано... Сверху коегдѣ нависли корни ползучихъ кустовъ и высокія травы, но ихъ такъ мало... Тяжкою и безжалостною могилою глядитъ эта сырая, полутемная щель, проникающая на нѣсколько верстъ въ глубину горныхъ массъ. Утлыя, висячія подмостки, лѣпятся по ея стѣнамъ, прячась подъ выступы, перекидываясь съ одной стороны тѣснины на другую, словно нити паутины, протянутыя надъ бездною, и плохо сколоченныя доски ихъ трясутся и гнутся при каждомъ шагѣ посѣтителя...

А внизу, на днѣ ущелья, прыгаетъ каскадами и несется черезъ острые камни дикій горный потокъ, который и прогрызъ себѣ вѣченіи тысячелѣтій это подземное ложе...

Гулъ и стонъ стоятъ въ ушахъ отъ пѣсней этого потока-отшельника, которыхъ глухія скалистыя толщи не пропускаютъ на вольный свѣтъ. Еще непріютнѣе, враждебнѣе и жутче дѣлается на душѣ отъ этого угрожающаго плеска и грома въ духотѣ чуть неподземнаго склепа. Я спускался когда-то въ шахты рудниковъ, и gorges du Friens воскресили во мнѣ почти тѣ же впечатлѣнія, какія я выносилъ изъ Фрейберскаго «Himmelsfahrt'a»; когда я вылѣзъ, наконецъ, изъ пасти ущелья, у меня на сердцѣ было какое-то радостное чувство возвращенія къ жизни, къ солнцу, изъ могильныхъ объятій стихіи.

Госпожа Жервезе.

Романъ Эдмона и Жюля Гонкура.

(Переводъ П. Лѣтнева.)

(*Продолженіе.*)

X.

Послѣ завтрака, ребенокъ имѣлъ привычку обнимать мать за талію, и съ умоляющимъ видомъ, почти силой, усаживать ее на табуретъ, за фортепьяно. Прижавшись къ ней, опустивъ головку на ея плечо, онъ слѣдилъ за движеніями любимыхъ рукъ, воспринимая въ себя музыку, которая лилась изъ-подъ пальцевъ его матери.

— Еще? ты хочешь, чтобъ я играла еще? — И ребенокъ отвѣчалъ «да» глазами, на поцѣлуй матери! Затрудняясь говорить стыдясь своего прерывистаго, исковерканнаго языка, онъ старался высказать все лицомъ и взглядомъ глубокимъ и выразительнымъ. Всѣ свои впечатлѣнія, желанія, просьбы, маленькія тайны, все передавалъ онъ матери ласковыми жестами, проводя руками, какъ по клавишамъ, вдоль ея шеи, плечь, головы.

— Скажи же что нибудь, милый лѣнивецъ, говорила ему мать, но онъ тотчасъ же прерывалъ ее поцѣлуемъ, и пальцы ея снова бѣгали по клавишамъ, изливаясь въ грустной мелодіи.

Поль явился на свѣтъ, послѣ очень трудныхъ родовъ, происходившихъ съ помощью инструмента, почему его маленькій черепъ былъ помятъ. Въ томъ возрастѣ, когда дѣти начинаютъ говорить, мать его поразилъ ужасный ударъ: лепетъ ея малютки былъ такъ запутанъ, такъ исковерканъ и непонятенъ, что она скорѣе предпочла бы видѣть его нѣмымъ. Она все ждала чего-то, надѣясь на время, на счастливый кризисъ, на Провидѣніе, но по большей части отчаяваясь. А между тѣмъ, не смотря на атрофированіе мозга и языка, у ея сына обнаруживался съ годами настоящій музыкальный геній, преждевременное пониманіе музыки, способность схватывать, понимать, удерживать въ памяти и упиваться звуками, которые онъ слышалъ. Музыка сдѣлалась его страстью, удовольствіемъ, интересомъ, изліяніемъ его сжатой, неполной жизни, и самая большая радость, какую мать могла доставить ему, было посѣщеніе оперы, разъ въ недѣлю, ожидаемое имъ съ лихорадочнымъ возбужденіемъ. На другой день послѣ того, Поль запирался въ уборной матери и проводилъ весь день, барабаня на стеклахъ слышанные имъ мотивы.

Все существо этого ребенка казалось состояло только изъ музыки и любви. Сердце его было переполнено всѣмъ тѣмъ, чего ему недоставало въ другихъ отношеніяхъ. Любить—было его первымъ счастіемъ; онъ вкладывалъ въ свою любовь столько утонченной деликатности, онъ ласкался такъ очаровательно! Онъ имѣлъ удивительный инстинктъ узнавать тѣхъ, кто его любитъ; при входѣ любимаго гостя, онъ прыгалъ отъ радости, какъ сумасшедшій, и крѣпко ухватившись за руку посѣтителя или посѣтительницы, бѣжалъ впередъ отворять дверь, и все время оставался тутъ, у ногъ гостя, на полу, на подушкѣ, смѣясь отъ радости и слѣдя за всѣми его словами и движеніями. Когда гость собирался уходить, ребенокъ не хотѣлъ пускать его и прицѣплялся къ нему съ силой отчаянія. Онъ схватывалъ малѣйшіе оттѣнки выраженія на лицѣ матери и Онорины, онъ радовался ихъ радостью и горевалъ ихъ печалью. И такова была его впечатлительность, что при малѣйшемъ звукѣ нетерпѣнія или раздраженія въ голосѣ матери, глаза его наполнялись слезами. Онъ привязывался не къ однимъ людямъ, но и къ неодушевленнымъ предметамъ, доставлявшимъ ему удовольствіе и развлеченіе: онъ цѣловалъ игрушки, которыми игралъ.

XI.

Г-жа Жервезе, не присутствовавшая въ первый годъ своего пребыванія въ Италіи на церемоніяхъ Страстной недѣли въ храмѣ св. Петра, на этотъ разъ отправилась туда, любопытствуя знать, какое впечатлѣніе онѣ произведутъ на нее. Въ день вербнаго воскресенья, одѣвшись въ черное платье и закутавшись въ черную вуаль, пришпиленную серебряной маргариткой, она помѣстилась на одномъ изъ амвоновъ, устроенныхъ для женщинъ, по правую и лѣвую сторону хора. Сквозь штыки, каски, золотыя украшенія, бѣлые палаши, она разглядѣла ряды епископовъ въ золотыхъ ризахъ; надъ ними возвышались ряды сидящихъ кардиналовъ, длинные шлейфы которыхъ почти совсѣмъ покрывали своими пышными складками шлейфоносцевъ, сидѣвшихъ у ихъ ногъ, далѣе виднѣлись посланники и дипломаты въ мундирахъ и военные въ полной формѣ.

Блѣдное солнце холоднаго мартовскаго дня освѣщало зданіе унылымъ улицъ, торжественно благоговѣйнымъ свѣтомъ, и остановившись у входныхъ дверей, какъ будто не хотѣло проникнуть внутрь. Огромный соборъ св. Петра безмолствовалъ. Слышенъ былъ только шумъ шаговъ толпы по скользкому мрамору, похожій на глухой рокотъ океана. Вдругъ въ пространствѣ раздался гимнъ *Pueri Hebraeorum*, воспоминаніе іудеевъ вышедшихъ навстрѣчу Христа, гимнъ торжественной радости, осанна разсыпавшееся въ воздухѣ серебристыми нотами, терявшимися подъ огромными сводами.

При первыхъ звукахъ этого радостнаго пѣнія, медленно двинулось шествіе духовенства за полученіемъ вѣтвей изъ рукъ св. Отца. Папа, сидя и подставляя поцѣлуямъ вѣрующихъ свои колѣна, покрытые вышитымъ покрываломъ, свою руку и ногу, раздавалъ пальмовыя вѣтви съ жестомъ грандіознаго автомата, который дѣлалъ его похожимъ, подъ балдахиномъ спускавшимся надъ его кресломъ, на священную статую Прошлаго. Удивительная обстановка, мастерское произведеніе геніальнаго артиста, придумавшаго планъ и общій видъ картины, красоту декорацій, группировку лицъ въ горностаевыхъ пелеринахъ, въ кружевныхъ стихаряхъ, облитыхъ парчей и шолкомъ, съ блѣдно-золотыми пальмами на малиновомъ фонѣ.

Г-жа Жервезе мало по малу впала въ состояніе разслабленія и утомленія, вслѣдствіе излишняго напряженія всѣхъ чувствъ. Ея взоръ блуждалъ по толпѣ, какъ вдругъ она была потрясена такимъ пѣніемъ, какого она еще не слыхала во всю свою жизнь. То была жалоба, стонъ всей вселенной, музыка оригинальная и совершенно новая, въ которой слышались крики разъяренной черни, затѣмъ медленный и торжественный речитативъ, пропѣтый низкимъ теноромъ и проникавшій до самой сокровенной глубины души. То была поэма страданій Христа, воспѣваемая тремя діаконами.

Г-жа Жервезе съ мучительнымъ восхищеніемъ прислушивалась къ торжественному пѣнію этого тенора, то тянувшаго меланхолическую гамму, то разливавшагося въ звукахъ ропота и безмѣрнаго страданія, какъ бы дрожавшихъ въ воздухѣ, впродолженіи нѣсколькихъ секундъ. Во время пѣнія этой предсмертной пѣсни, католическая церковь не проситъ благословенія, она тушитъ свѣчи въ минуту угасанія жизненнаго Свѣточа, не возсылаетъ благовоній своихъ фиміамовъ къ небу. Теноръ становился все трогательнѣе, все раздирательнѣе, — и невольный трепетъ проникалъ въ сердца слушателей, какъ бы присутствовавшихъ при угасаніи божественной жизни. А речитативъ все продолжался, прерываемый возгласами хора, всей этой бурей криковъ, яростнымъ шумомъ толпы, требовавшей крови Праведника; и все это покрывалось раздирающими звуками тенора, замиравшаго въ предсмертныхъ мукахъ кроткой агоніи.

XII.

Это грустное пѣніе навѣяло на г-жу Жервезе воспоминаніе прошлаго и всѣхъ слезъ, пролитыхъ ею. Съ горькимъ блаженствомъ припоминались ей всѣ фазы, пережитыя ею: молодой дѣвушки, матери, супруги, и все тайное, сдавленное горе женскаго существованія. Ей казалось, что ея прошлое доносилось къ ней въ этой грустной мелодіи, но къ этому глубокому чувству, полному женской сентиментальности, не примѣшивалось ничего религіознаго. Чувствуя себя почти счастливой этимъ возвратомъ къ прошлому, она предавалась своимъ воспоминаніямъ, неподвижная и безмолвная, какъ бы боясь спугнуть дурной, но пріятный сонъ.

По правую сторону алтаря, на треножникѣ, горѣли трепетнымъ, умирающимъ пламенемъ 15 свѣчей темнаго воска. Грозная картина послѣдняго суда резвертывалась на стѣнѣ, и расписанная яркими красками, представляла паденіе грѣшниковъ въ адъ, со всѣми ужасающими подробностями ихъ мученій. Пѣніе не прекращалось, то были голоса звучащіе какъ мѣдь, похожіе на глухое паденіе земли, которую бросаютъ на гробъ, голоса—то нѣжные и чистые, какъ хрусталь, то полные слезъ и рыданій.

Между тѣмъ, чрезъ долгіе промежутки, по окончаніи каждаго псалма, свѣчи на треножникѣ гасли одна за другой, какъ бы сами собой, и наступалъ хаосъ и мракъ ночи, до того густой, что присутствующіе не могли видѣть другъ друга. Слабый свѣтъ мерцалъ только изъ трибуны, направо, гдѣ находились папскіе пѣвчіе. Бѣловатый, вечерній лучъ, проникавшій изъ окна позади ихъ, освѣщалъ ихъ кружевные камзолы и шелковыя рясы.

Было 22 часа по итальянскому счисленію. 15 свѣчей треугольника потухли, и во мракѣ капеллы, царило ожиданіе чего то великаго. Тогда, тихо, какъ вздохъ, раздалось пѣніе *Miserere*, съ его стонущей гармоніей, съ замирающей музыкой, возносящейся къ небу.

XIII.

Г-жа Жервезе вернулась медленно, останавливаясь у входа въ открытыя, освѣщенныя церкви, ослѣплявшія своимъ блескомъ ея глаза, привыкшіе къ мраку сикстинской капеллы. Съ высоты сводовъ до самаго низа алтаря, пламеннымъ каскадомъ спускались свѣчи съ каждой ступени лѣстницы, позади которой мелькали красныя рясы причетниковъ. Вдоль стѣнъ и пиластровъ, посреди великолѣпнаго и кокетливаго убранства церкви св. Антонія португальскаго, посреди золота и мрамора, сверкали тысячами жирандолей, лѣстницы, колоннады, деревья изъ люстръ, превращавшія стѣны въ огненныя, перекрещивающіеся зеркала, или въ громадный пожаръ изъ бриллiантовъ, пересѣкаемый рубиновыми молніями, и въ этомъ сверканьи, въ этомъ трепетѣ и переливѣ огней, тамъ, въ глубинѣ, между каменными занавѣсами, казалось готовы были раствориться двери ослѣпительной, божественой славы.

XIV.

Въ Страстную субботу, г-жа Жервезе могла созерцать во всей полнотѣ зрѣлище благочестія римскихъ поселянъ, въ церкви Іоанна Латранскаго. Площадь усыпанная пескомъ и буксомъ, показывала что Папа торжественно совершалъ здѣсь обѣдню.

Перейдя за тяжелую портьеру, вслѣдъ за старымъ нищимъ съ костылемъ въ рукахъ, г-жа Жервезе была отброшена натискомъ народа въ среду оборванныхъ женщинъ и мужчинъ въ дырявыхъ сапогахъ, съ просунутыми въ нихъ пальцами, въ заштопанныхъ жилетахъ и панталонахъ, однимъ словомъ, въ среду черни, съ ея особеннымъ, жизненнымъ запахомъ пота, труда, нищеты... Стоя, сидя, прижавшись къ стѣнамъ, они покрывали всѣ ступени лѣстницъ и алтарей; одни жевали листья артишоковъ, другіе спали, положивъ голову въ колѣни. И весь этотъ народъ въ лохмотьяхъ, наводнявшій церковь, ожидалъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ,—какъ удара волшебнаго жезла, — отпущенія грѣховъ, тѣснясь вокругъ исповѣдаленъ, изъ которыхъ выходили толпы женщинъ съ узлами провизіи и съ дѣтьми, прятавшимися въ складкахъ ихъ юбокъ.

Г-жа Жервезе удивлялась почему никакому художнику не пришла мысль, выбрать сюжетомъ для своей картины, эти позы, полныя утомленія и внутренняго созерцанія, этихъ людей съ выраженіемъ наивной первобытной набожности на лицахъ... Ее болѣе всего поразила картина исповѣдывавшихся женщинъ, которыя стояли, вытянувъ шею, приложившись къ мѣдной рѣшеткѣ исповѣдальни, въ позѣ крестьянокъ, подставляющихъ ротъ подъ струю воды, текущую сверху. Далѣе ряды женщинъ скученныхъ, навалившихся другъ на друга, сидѣли на пяткахъ, или стояли на колѣняхъ, перебирая четки, или опираясь головой на руку, украшенную мѣдными кольцами, другія—въ мрачномъ молчаніи, приложивъ палецъ къ губамъ.

XV.

Наконецъ, насталъ великій день свѣтлаго воскресенья.

Римскіе поселяне, завернутые въ плащи, лежали подъ открытымъ небомъ, на площадяхъ и лѣстницахъ, напоминая своими позами, спящихъ стражей у гроба Спасителя. Г-жа Жервезе выслушала торжественную обѣдню въ храмѣ св. Петра, и потомъ вышла на площадь, вмѣстѣ съ народомъ. Медленно пробили двѣнадцать ударовъ на соборныхъ часахъ, лучъ солнца прорѣзалъ массу тучь, и вдругъ раздался въ воздухѣ звонъ, сначала двухъ маленькихъ колоколовъ, и вслѣдъ за ними торжественно загудѣлъ большой колоколъ. При этомъ оглушительномъ звонѣ, ласточки вспорхнули съ карнизовъ, и больныя старухи, полуразбитыя параличемъ, усиливались подняться съ своихъ мѣстъ. Жадное любопытство овладѣло толпой, которая тѣснясь и толкаясь, стремилась впередъ, какъ волны морскія, и вдругъ остановилась, устремивъ пристальный, неподвижный взглядъ на окно *loggia*, закрытое длиннымъ полотнянымъ подзоромъ, съ котораго спускался бархатный коверъ съ вышитымъ гербомъ Климента XI.

XVI.

Въ этотъ вечеръ, г-жа Жервезе, чувствуя себя усталой, послала Поля съ Онориной осматривать освѣщенныя улицы, и, оставшись одна, перебирала въ умѣ всѣ церемоніи этой недѣли. Шумный приходъ сына, какъ будто пробудилъ ее отъ сна; ребенокъ возвратился почти сумасшедшій отъ восторга, горя нетерпѣніемъ разсказать все, что онъ видѣлъ, и подталкивая Онорину, чтобъ она помогала ему описывать всѣ видѣнны ими чудеса. Тогда Онорина принялась исчислять пирамиды ощипанныхъ гусей, цѣлыя груды барановъ, ряды окороковъ и сыровъ, вывѣшанныхъ въ окнахъ магазиновъ и убранныхъ лавровыми листьями...

— А знаете ли, что, Жозефъ... сказала она.

— Какой Жозефъ?.. Ахъ, да! нашъ слуга Пеппо... Ну, что же?

— Намедни вы поручили мнѣ отдать ему 20 франковъ на покупки... Ну, онъ мнѣ сначала сказалъ, что мы ошиблись, и что я дала ему только монету въ 20 су; потомъ, что онъ въ этомъ хорошенько не увѣренъ и сосчитаетъ еще разъ... Наконецъ, когда я къ нему пристала, онъ отвѣчалъ, что еще не успѣлъ свести счетъ, но что, кажется я права... А сегодня, онъ положительно увѣряетъ что я ему дала 20 су.

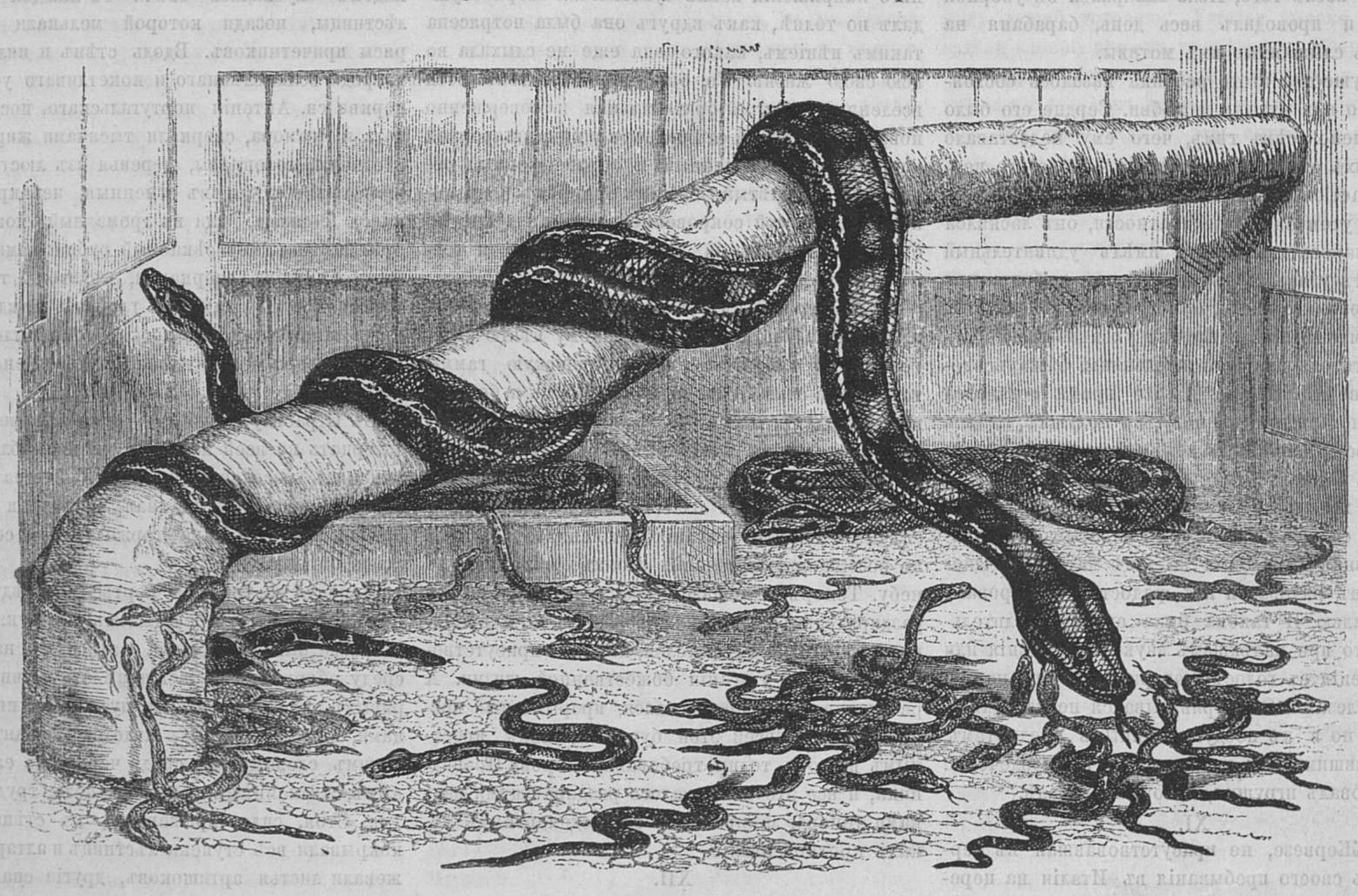
— Ты удивляешься этому? сказала г-жа Жервезе съ улыбкой, выходя изъ задумчивости: — такъ ты не понимаешь, что Пеппо исповѣдывался вчера, какъ всѣ римляне, и получилъ отпущеніе грѣховъ... вотъ почему мои 20 франковъ превратились у него въ 20 су.

XVII.

Мало по малу время изгладило изъ памяти г-жи Жервезе воспоминаніе о Страстной недѣлѣ. Ей казалось, что всѣ эти церемоніи затронули въ ней только артистическое чувство, не пробудивъ никакой религіозности. Притомъ же внѣшность и обрядность католицизма не нравились ей. Съ дрожью припоминала она, что, въ колонской церкви между двумя свѣчами, возлѣ серебрянаго блюда, поставленаго на полу, для сбора приношеній, возвышался на покривившемся пьедесталѣ почернѣвшій крестъ, и на этомъ крестѣ пригвожденный Іисусъ, въ видѣ изсохшаго скелета, съ выдающимися нервами и мускулами, съ ранами, изъ которыхъ сочилась кровь, раскрашенный подъ цвѣтъ живаго мяса, а вокругъ толпились мужчины и женщины, выискивая самыя животрепещущія язвы, чтобъ приложиться къ нимъ.

Даже самая фигура Папы, показавшаяся ей такою величественной въ храмѣ св. Петра, въ Сикстинской капеллѣ и на балконѣ *loggia*, потеряла для нея свое очарованіе, при случайной встрѣчѣ, возлѣ бань Антонина. На узкой тропинкѣ, вившейся вдоль виноградниковъ, она увидала поселянъ, внезапно упавшихъ на колѣни, какъ бы сраженныхъ молніей. На перекресткѣ появилась бѣлая фигура, красная шляпа и три пальца, поднятые для благословенія. Добродушное лицо, два маленькіе, черные зрачка, большой, тонко очерченный ротъ, голова съ выраженіемъ человѣческаго лукавства, — вотъ какимъ предсталъ ей Св. Отецъ на этотъ разъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)



Семейство удавовъ въ Нью-Іоркскомъ акваріумѣ.

Долго никто не показывался въ окнѣ. Наконецъ въ его таинственной глубинѣ появились однѣ за другими: три митры и три тіары, безмолвные и торжественые провозвѣстники царственнаго владыки, и потомъ еще золотая митра и крестъ съ двумя зажженными свѣчами... Затѣмъ выступили попарно кардиналы, патріархи въ митрахъ, епископы съ серебристыми бородами, напоминавшіе собою древнихъ учителей церкви, какъ будто сошедшихъ съ фресокъ капеллы.

Между тѣмъ, посреди оглушительнаго, яростнаго звона колоколовъ, въ амбразурѣ окна, медленно появилась въ облакѣ фиміама золотая тіара полузакрытая двумя опахалами изъ страусовыхъ перьевъ, и взорамъ всѣхъ предсталъ Св. Отецъ въ одеждѣ ослѣпительной бѣлизны и остановился неподвижно, обвѣянный сіяніемъ бѣлыхъ лучей... И вотъ раздался голосъ, при звукахъ котораго всѣ пали на колѣни, — голосъ величественный и слышный повсюду, — такъ велико было безмолвіе въ народѣ внимавшемъ ему! Съ величавою медленностью, августѣйшій старецъ поднялъ руки вверхъ, испрашивая у неба благословенія на всѣхъ присутствующихъ.

Жюль Гарнье и его картина.

Ст. П. Библіофила.

Недалеко отъ горы Валерьенъ въ Сюренѣ находится небольшой, красивенькій домикъ. Передъ его окнами разстилается роскошный пейзажъ и виднѣется людная панорама, полная жизнии движенія, полная блеска и шума. Но люди, какъ это всегда бываетъ въ жизни, живя долго въ этой мѣстности, давно присмотрѣлись къ окружающимъ ихъ картинамъ и, поглощенные мелкими будничными заботами, давно не любуются этой панорамой. Не такъ относился къ ней только одинъ маленькій человѣчекъ. Это былъ тщедушный, хилый и убогій ребенокъ, Жюль Гарнье. Прикованный съ дѣтскихъ лѣтъ къ своей постели, лежа въ своей комнаткѣ у окна, онъ по цѣлымъ часамъ задумывался о томъ, какъ живутъ люди тамъ, въ этой недоступной для него дали, что дѣлается за этою горою, какъ выглядитъ природа въ другихъ мѣстахъ. Родители ребенка не скупились на книги, на иллюстрированныя изданія, которыми всегда была полна комнатка малютки. Онъ читалъ, задумы-

воскресенье; виновные подвергаются наказанію кнутомъ. Ст. 7) Королева запрещаетъ дѣвушкамъ ссориться и ревновать другъ друга; она приказываетъ имъ жить, какъ сестрамъ, вмѣстѣ; если случится ссора, ее разбираетъ настоятельница и ея рѣшеніе является окончательнымъ. Ст. 8) Если случится кража, настоятельница кончаетъ дѣло возвращеніемъ вещи; если виновная не отдастъ вещи, ее стегаютъ въ комнатѣ черезъ сержанта; если же вторично будетъ совершена ею кража, то ее стегаютъ черезъ городского палача. Ст. 9) Настоятельница не должна впускать въ домъ жидовъ; если жидъ войдетъ тайкомъ или обманомъ къ которой нибудь изъ дѣвушекъ, то его сажаютъ въ тюрьму и стегаютъ на всѣхъ перекресткахъ города». Такой организаціи желали многіе для проституціи въ тѣ времена, когда она вызывала тысячи скандалезныхъ и возмутительныхъ сценъ. Давно прошли эти страшныя времена, давно исчезли эти варварскіе законы, но слѣды ихъ еще остались и до сихъ поръ и нерѣдко случается слышать, что грубая и невѣжественная народная масса прибѣгаетъ къ тѣмъ же средствамъ, наказывая за развратъ. Не разъ каждому изъ насъ приходилось читать, какъ такой то крестьянинъ засталъ свою жену съ любовникомъ на мѣстѣ преступленія, раздѣлъ ее до нага, запрягъ вмѣстѣ съ лошадью въ телѣгу и заставилъ вести себя и своихъ родныхъ по деревнѣ. И много пройдетъ лѣтъ, прежде чѣмъ исчезнутъ эти остатки варварства и изъ народной среды, какъ исчезли они изъ всѣхъ законодательствъ Европы.

Австралійскіе негры.

(Рис. стр. 60.)

Нѣкоторые изъ австралійскихъ городовъ не уступаютъ европейскимъ, а Мельбурнъ, главный городъ Викторіи, можетъ даже поспорить съ столицами въ Европѣ шириною и великолѣпными мостовыми своихъ улицъ, искусною системою ихъ орошенія, богатствомъ своихъ магазиновъ, главное же роскошью общественныхъ образовательныхъ заведеній *) и тою либеральною щедростью, съ которою превосходная Мельбурнская публичная библіотека открыта для всѣхъ желающихъ, имѣющихъ право входа въ нее безъ всякихъ стѣснительныхъ формальностей. Сюда же слѣдуетъ отнести ту, дѣйствительно, безпримѣрную предупредительность, съ которою правленія рѣшительно всѣхъ австралійскихъ дорогъ выдаютъ безплатные билеты на проѣздъ всѣмъ офицерамъ военныхъ судовъ, прибывающихъ въ Австралію, къ какой бы націи они ни принадлежали.

Но за этими роскошными торговыми городами, украшенными всѣмъ блескомъ и комфортомъ цивилизаціи, начинаются пустыни и солончаки, только изрѣдка пересѣкаемые колоніальными поселеніями; еще далѣе—цивилизованная жизнь совершенно исчезаетъ и путешественникъ, послѣ долгаго, утомительнаго странствія по безлюдной и безводной степи, встрѣчаетъ одни только дикія племена. Въ южной и юговосточной части Австраліи, которыя болѣе прочихъ заселены европейцами, туземный дикарь составляетъ уже довольно рѣдкое явленіе, но въ другихъ частяхъ материка, туземцы приближаются иногда даже въ непосредственное сосѣдство съ городами. Такъ, напримѣръ, невдалекѣ отъ города Альбани, живутъ многія мирныя черныя племена.

Городъ Альбани невеликъ; въ немъ не насчитывается и тысячи жителей, но онъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для угля, которымъ запасаются суда, и ведетъ тоже торговлю сандальнымъ деревомъ. Окрестности города не отличаются особою привлекательностью: кругомъ видны горы, преимущественно песчаниковыя и съ скудною зеленью; берегъ покрытъ, на нѣсколько миль въ длину, ослѣпительно бѣлымъ кварцевымъ пескомъ. Далѣе въ глубь страны видно болѣе зелени и здѣсь начинаютъ уже показываться туземцы. Они живутъ поселками, выбирая для себя поляны, которыя обносятъ загородями. Д-ръ Кенигеръ, врачъ съ корвета «Герта», имѣлъ случай посѣтить одинъ изъ такихъ поселковъ, расположенный на полянѣ, поросшей низкимъ кустарникомъ. Въ первую минуту, по словамъ Кенигера, онъ рѣшительно не могъ открыть слѣда человѣческихъ жилищъ на всемъ пространствѣ, разстилавшемся передъ его глазами, и убѣдился въ ихъ присутствіи только послѣ того, какъ наткнулся на одно изъ нихъ. Оказалось, что жилища негровъ были построены изъ вѣтвей и возвышались не болѣе, какъ на одинъ метръ надъ поверхностью почвы. Такой кровъ устраивается крайне просто: двѣ жерди сгибаются и втыкаются въ землю своими концами; потомъ онѣ покрываются листьями и домъ готовъ. Собачья конура требуетъ большихъ хлопотъ при постройкѣ.

Въ то время какъ Кенигеръ и его спутники прибыли къ поселку, человѣкъ тридцать негровъ всякаго возраста лежали и сидѣли на корточкахъ возлѣ своихъ жилищъ. Тутъ же горѣло нѣсколько небольшихъ костровъ, на которыхъ жарилась незатѣйливая пища дикарей, состоявшая изъ мяса кенгуру и черепахи, въ придачу къ которымъ оказалась еще молодая кошка, вѣроятно, украденная дикарями у какого-нибудь колониста. Всѣ эти кушанья приготовляются и потребляются туземцами на одинъ ладъ, а именно: сначала снимается шкура съ животнаго, мясо кладется на огонь и поджаривается, а потомъ оно отдирается отъ костей съ помощью пальцевъ и зубовъ, причемъ одинъ негръ, забравъ свою порцію, передаетъ дымящееся жаркое въ руки сосѣду, тотъ отрываетъ, что попадется, себѣ, и передаетъ остальное, тѣмъ же порядкомъ, далѣе. Замѣтивъ приблизившихся европейцевъ, одна изъ черныхъ красавицъ встала и поднесла имъ кусокъ, вѣжливо говоря на ломаномъ англійскомъ языкѣ: «Не угодно ли откушать? Очень вкусно».

Негры, бывшіе на лицо, оказались людьми малорослыми, обладавшими, впрочемъ, порядочнымъ мускульнымъ развитіемъ,—за исключеніемъ только крайне тощихъ икръ. Въ антропологическомъ отношеніи, австралійцы, какъ извѣстно, принадлежатъ къ средней ширинѣ *) въ 71 и высотѣ въ 73, между узкоголовыми племенами, что именуется въ наукѣ «гипсистокефаліей». Далѣе, говоря тѣмъ же научнымъ языкомъ, черепа у нихъ «прогнатные» и «фанерочные», что по-русски, значитъ слѣдующее: уголъ, образуемый линіей, проходящей отъ корня носа до мѣста присоединенія челюстей подъ носовой стѣнкой, и отсюда къ переднему краю затылочнаго отверстія, сравнительно малъ; при этомъ, если смотрѣть на такую голову съ высоты птичьяго полета, то хомутообразные выгибы представляются какъ бы двумя ручками или ушками на абрисѣ черепа. Цвѣтъ кожи негровъ въ кинъ-джорджъ-соундской провинціи — изъ черна-сѣрый, но этотъ оттѣнокъ пріобрѣтается ими лишь съ возрастомъ, а самыя маленькія дѣти ихъ отличаются грязно-бурымъ цвѣтомъ кожи. Волоса у двухъ младенцевъ, видѣнныхъ Кенигеромъ въ описываемомъ имъ поселкѣ, были свѣтлорусые, между тѣмъ какъ у всѣхъ прочихъ негровъ они были совершенно черные,—искуственно завитые въ родѣ парика, или же висящіе гладко. Женщины раздѣляютъ ихъ проборомъ посерединѣ. Бороды у мужчинъ густыя, кудрявыя. Хорошо развитый лобъ, черные глаза и красиво округленныя уши могли бы составить пріятныя черты въ физіономіи этихъ дикарей, если бы ихъ не обезображивали до крайности толстыя, вывороченныя губы и широкій, приплюснутый носъ. Впрочемъ, не смотря даже на это, между неграми нашлось нѣсколько лицъ, недурныхъ даже съ европейской точки зрѣнія, но всѣ они были одинаково отвратительны отъ покрывавшей ихъ невообразимѣйшей грязи. Вся одежда ихъ состояла, при этомъ, изъ пары лохмотьевъ, но Кенигеръ и его спутники уговорили ихъ, за денежное вознагражденіе, облечься въ ихъ національный, воинственный костюмъ. Пока негры совершали этотъ туалетъ, европейцы осмотрѣли ихъ жилища, въ надеждѣ найти хотя слабые признаки той культуры, которою дикари могли бы позаимствоваться отъ близкаго сосѣдства съ колоніей; но кромѣ нѣсколькихъ битыхъ стеколъ, въ хижинахъ не оказалось ничего. Между тѣмъ, многіе изъ дикарей объяснялись довольно свободно по-англійски. Собственный языкъ этихъ австралійскихъ туземцевъ такъ богато развитъ, что ему могутъ позавидовать европейскіе, по замѣчанію Кенигера. Такъ, въ этомъ языкѣ оказывается четырьмя падежами болѣе, чѣмъ въ латинскомъ и, подобно тому, какъ и въ греческомъ, сверхъ единственнаго и множественнаго числа, существуетъ еще Dualis. Глаголы имѣютъ не только такое же количество временъ, какъ и латинскіе, но сверхъ дѣйствительныхъ и страдательныхъ видовъ, имѣютъ еще свои возвратныя, взаимныя, опредѣлительныя и многократныя формы, одновременно съ особыми окончаніями для Dualis и тремя родами для третьяго лица! Сверхъ того, языкъ изобилуетъ вѣжливыми оборотами рѣчи (весьма употребительными въ туземномъ общежитіи) и для названія однихъ дѣтей существуетъ 18 различныхъ словъ, которыя служатъ для отличія перваго, второго, третьяго и т. д. ребенка, включительно до девятаго, причемъ сыновья или дочери имѣютъ свою особую кличку.

Чутье у австралійскихъ туземцевъ развито въ поразительной степени; благодаря этой способности они служатъ превосходнымъ орудіемъ въ рукахъ мѣстной полиціи. Съ одинаковою ловкостью и вѣрностью отыскиваютъ они, какъ пропавшую лошадь или овцу, такъ и европейскаго преступника, удачно скрывшагося отъ преслѣдованія. То, что разсказываютъ о нихъ въ этомъ отношеніи, оставляетъ далеко за собою даже прославленное чутье американскихъ индѣйцевъ.

Религіозные обряды туземныхъ австралійскихъ племенъ, трудно поддаются изслѣдованію. Жреческаго сословія у австралійцевъ нѣтъ. Изъ этого очевидно, что успѣхи европейскихъ миссіонеровъ могутъ быть здѣсь только чисто внѣшними. Вообще, дикари не усвоиваютъ никакихъ европейскихъ обычаевъ,—за исключеніемъ самаго невоздержнаго пьянства и куренія табака, хотя нѣкоторыя негритянки и говорятъ о себѣ съ гордымъ видомъ, что онѣ «не черныя женщины, а колонистки.» Какъ прежде, такъ и въ настоящее время, эти несчастные дикари живутъ небольшими отдѣльными племенами, губя себя междоусобными войнами, похищаютъ себѣ женъ, чтутъ родовую месть, равно и тотъ обычай, въ силу котораго, при смерти ихъ соплеменника (даже послѣдовавшей отъ болѣзни), считаютъ необходимымъ умертвить тоже одного человѣка изъ враждебнаго племени. Чтобы сдѣлать битвы туземцевъ, по возможности, менѣе кровопролитными, колоніальное правительство строго слѣдитъ затѣмъ, чтобы никто изъ туземцевъ не но-

*) Въ колоніи господствуетъ обязательная школьная система.

*) Шириною называется, въ данномъ случаѣ, относительная величина поперечной линіи черепа къ его долевому діаметру, выражаемому числомъ 100, а высотою—относительная величина вертикальнаго діаметру къ долевому.

силъ другого оружія, кромѣ деревянной рогатины, заостренной одними стеклянными осколками, и національнаго бумеранга; ножи и огнестрѣльное оружіе не допускаются.

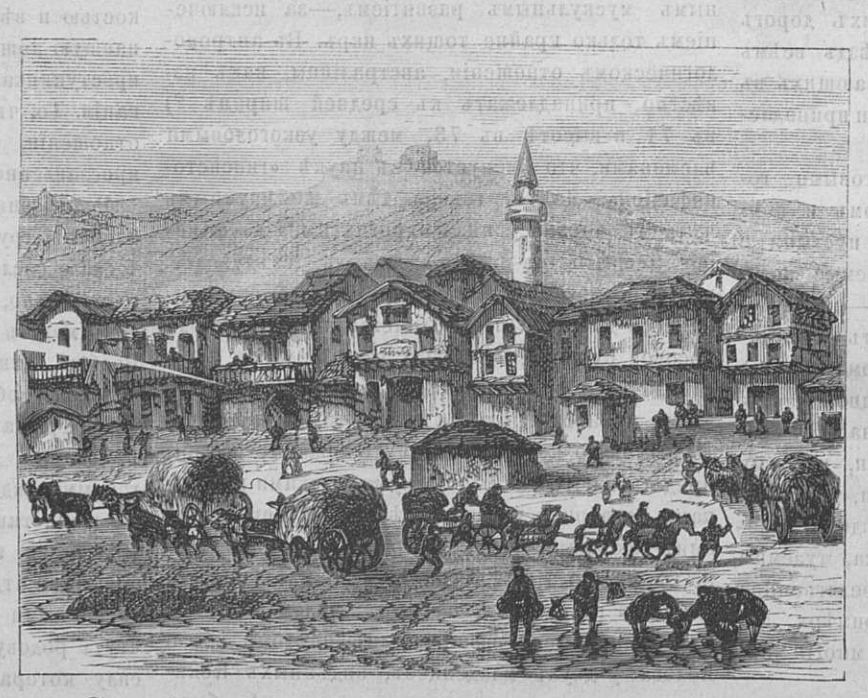
Когда негры возвратились въ своемъ парадномъ костюмѣ, на нихъ оказались начресленники изъ шкуръ и такіе же короткіе плащи или воротники. Все тѣло ихъ было вымазано известью и охрой, причемъ бѣлая окраска была преимущественно распредѣлена по лицу и по груди. Волоса мѣстами были тоже выкрашены охрой и зачесаны вверхъ, въ видѣ метлы. Оружіе состояло изъ бумеранговъ, рогатинъ и копій для метанья. Представленіе началось съ «огненной пляски.» На полянѣ развели большой костеръ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, другой, поменьше. Негры собрались вокругъ перваго костра, повидимому, на совѣщаніе; между тѣмъ, еще ранѣе, двое изъ нихъ спрятались за кусты и оттуда пробрались незамѣтно къ меньшему костру, гдѣ принялись кривляться и прыгать, не сходя, впрочемъ, съ своего мѣста. Находившіеся у большого костра повторяли такія же тѣлодвиженія, потомъ вдругъ, какъ бы неожиданно замѣтивъ малый костеръ, бросились на него съ глухимъ крикомъ и бѣшеными скачками, и поволокли къ себѣ двухъ, бывшихъ при немъ плясуновъ. Можно было ожидать, что игра перейдетъ въ настоящую потасовку, но дѣло приняло мирный оборотъ: партіи обмѣнялись взаимными привѣтствіями и соединились въ одинъ общій танецъ вокругъ огней. Прилагаемый къ нашей статьѣ рисунокъ, снятъ фотографически съ вышеописанной пляски, аллегорическое значеніе которой осталось, однакожь, невыясненнымъ для зрителей. Получивъ обѣщанныя деньги, негры стали назойливо требовать платы и за всѣ дальнѣйшія свои даже самыя мелкія услуги, доказывая тѣмъ, что они умѣютъ очень хорошо цѣнить достоинство отчеканеннаго металла. Между прочимъ, они показали передъ европейцами свою ловкость въ обращеніи съ бумерангами и копьями.

Бумерангъ состоитъ изъ плоской деревянной доски, длиною въ 2 фута, толщиною въ $^1/_2$ дюйма и шириною въ $2^1/_2$ дюйма. По одному своему краю, доска изогнута почти подъ прямымъ угломъ; поверхность ея не совершенно горизонтальна (въ этомъ отношеніи допускаются, впрочемъ, разныя видоизмѣненія), концы слегка закруглены, края срѣзаны остро; дерево хорошо отполировано, хотя, вообще, орудіе не отличается особенно тщательной обработкой.

Услышавъ отъ зрителей-европейцевъ, что болѣе искусный изъ состязателей получитъ, въ видѣ приза, шестипенсовую монету, негры тотчасъ же выстроились въ рядъ и принялись показывать свою ловкость. Побѣдителемъ оказался пожилой человѣкъ, заставлявшій свой бумерангъ выдѣлывать самыя непонятныя штуки: орудіе, брошенное имъ, летѣло, крутясь, сначала по слегка склоненной къ горизонтали плоскости, прямо впередъ, шаговъ на 150, затѣмъ начинало подниматься выше и выше, причемъ, подаваясь болѣе и болѣе обратно, описывало свою новую кривую въ 150 футахъ высоты надъ головами зрителей, послѣ чего, быстро, но все еще крутясь, падало, не болѣе какъ шагахъ въ трехъ, отъ бросившаго его дикаря.

Зимній баракъ русскихъ войскъ подъ Плевной; сцена во время ранняго утра.

Зимніе бараки войскъ подъ Плевной; сцена въ морозное утро.



Систово, зимняя квартира главнаго штаба дѣйствующей арміи.

Какъ ни замысловатъ бумерангъ, но австралійское копьецо свидѣтельствуетъ тоже о большой смышленности и искуствѣ туземцевъ. Дощечка, употребляемая для спуска копья, имѣетъ плоскую, овальную форму и не превосходитъ величиною большого листа резиноваго дерева. На одномъ ея концѣ дѣлается щель, въ которую вставляется копьецо изъ тоненькой деревянной пластинки, а на другой находится тупая уключина для пріема рукоятки этого копья. Дощечка и копье придерживаются рукой такъ, что послѣднее проскальзываетъ между пальцами при спускѣ, между тѣмъ какъ дощечка остается въ рукѣ. Цѣлью должна была снова служить шестипенсовая монета, воткнутая въ расщемленную палку, поставленную въ 30 шагахъ отъ состязавшихся, которые выстроились передъ нею въ рядъ. Первое копье пролетѣло въ нѣсколькихъ сантиметрахъ надъ цѣлью, но второе такъ ловко ударилось въ монету, что отбросило ее далеко и счастливому стрѣлку пришлось долго искать ее. Вѣрность прицѣла и ловкость обращенія дикарей съ двумя вышеописанными орудіями дѣйствительно изумительны и не могутъ не поражать европейца, привыкшаго дѣйствовать съ помощью технически совершенныхъ орудій, но никакъ не на основаніи одной только своей снаровки, составляющей главную силу неразвитыхъ дикарей.

Они извлекаютъ, впрочемъ, еще особую выгоду изъ своихъ бумеранговъ и метательныхъ копій, а именно, продаютъ экземпляры ихъ пассажирамъ заходящихъ въ Кингъ-Джорджъ-Соундъ пароходовъ, запрашивая при этомъ за свой товаръ непомѣрныя цѣны. Другой источникъ ихъ доходовъ состоитъ въ заработкахъ у колонистовъ, но, къ сожалѣнію, всѣ эти деньги пропиваются ими тутъ же, самымъ безобразнымъ образомъ, въ чемъ докторъ Кепигертъ и его спутники имѣли случай убѣдиться въ тотъ же день. По дорогѣ изъ Альбани въ Пертъ они зашли на одинъ пивоваренный заводъ, хозяинъ ко-

тораго принялъ ихъ очень гостепріимно. На вопросъ о томъ, могло ли быть выгоднымъ содержаніе подобнаго большого завода при столь незначительномъ, сравнительно, городкѣ, какъ Албани, пивоваръ отвѣчалъ, что расходы его покрываются съ барышемъ, — чему и послѣдовало тотчасъ же наглядное подтвержденіе: невдалекѣ отъ города, путешественники наткнулись на кучку туземцевъ, человѣкъ въ пятьдесятъ, кричавшихъ неистово и скоро перешедшихъ къ дракѣ, причемъ были пущены въ ходъ и бумеранги. Женщины тоже принимали участіе въ битвѣ. Оказалось, что вся эта ватага перепилась на деньги, полученныя въ то же утро отъ д-ра Кенигера и его спутниковъ, и поссорилась при дѣлежкѣ. По счастію, дѣло, хотя и кровопролитное, не дошло до смертоубійства, благодаря вмѣшательству полиціи, которая разогнала воющихъ и препроводила главныхъ зачинщиковъ въ мѣстную «кутузку».

Нравы австралійскихъ дикарей служатъ подтвержденіемъ того грустнаго факта, что дикія племена, приходя въ соприкосновеніе съ цивилизаціей, заимствуютъ изъ нея далеко не блестящія ея стороны, тѣмъ самымъ осуждая себя роковымъ образомъ на вымираніе и на уступку мѣста другой, болѣе развитой расѣ...

(Фельетонные наброски.)

I.

«Душа общества».

У Дмитрія Петровича Сушкова, когда онъ поступилъ въ университетъ, было множество талантовъ и не было ни гроша денегъ. Онъ не унывалъ, потому что онъ уже «видалъ виды» и зналъ, что онъ можетъ вывернуться изъ всякаго скверннаго положенія. На первой же лекціи онъ сѣлъ возлѣ одного изъ богатыхъ «матушкиныхъ сынковъ», съ которымъ онъ уже успѣлъ перекинуться нѣсколькими фразами еще на экзаменахъ, и сталъ рисовать. Сначала онъ нарисовалъ въ карикатурномъ видѣ профессора, читавшаго лекцію, потомъ нарисовалъ еще какую-то карикатуру и подвинулъ листокъ бумаги къ своему сосѣду, сказавъ:

— Узнаете?

Сосѣдъ фыркнулъ отъ смѣха.

— Мой родитель! проговорилъ онъ.

Дѣйствительно на листкѣ были изображены двѣ фигуры: фигура профессора, съёжившагося отъ страха, и фигура генерала, распекающаго профессора, должно быть, за вольный духъ и вольтерьянство.

— Вы мнѣ позволите этимъ воспользоваться? спросилъ «матушкинъ сынокъ».

— Если угодно! небрежно отвѣтилъ Сушковъ, принимаясь рисовать невообразимо скабрезную сцену.

У «матушкинаго сынка» даже глаза посоловѣли отъ этой сцены.

Съ этой минуты они, Сушковъ и Турухтанскій, сдѣлались пріятелями и богачъ чувствовалъ себя обязаннымъ своему новому пріятелю, который отдалъ ему не только карикатуру, но и скабрезную картинку.

За обѣдомъ Турухтанскій показалъ карикатуру дома и его отецъ, захохотавъ густымъ генеральскимъ смѣхомъ, проговорилъ:

— Подлецъ!... А должно быть талантливая бестія!... Спустя недѣлю «талантливая бестія» уже заключила условія съ молодымъ Турухтанскимъ на счетъ переписки лекцій, а черезъ мѣсяцъ появилась на «семейномъ вечерѣ» въ покояхъ самого генерала Турухтанскаго. На вечерѣ всѣ скучали до одуренія, потому что вечеръ былъ устроенъ «за просто» и никто не зналъ, что ему съ собой дѣлать. У всѣхъ оказывались, словно лишними и руки, и ноги, и языки. Гости бродили, какъ мухи осенью, разговоры вязались плохо, танцы подъ музыку тапера шли вяло, кто-то попробовалъ спѣть, но вышло неудачное, такъ какъ чувствительности романса мѣшалъ насморкъ пѣвицы, наконецъ, «талантливая бестія» присѣла за рояль и послѣ бойкой прелюдіи очень недурнымъ баритономъ запѣла (состязаніе различныхъ націй въ пѣніи). Въ пѣснѣ въ бойкой карикатурѣ представлялось пѣніе итальянцевъ, французовъ, нѣмцевъ, русскихъ, евреевъ. Куплеты мѣшались съ комическими объясненіями пѣвца, умѣвшаго сохранить въ самыхъ смѣшныхъ мѣстахъ серьезный видъ. Не смотря на всю чопорность общества, желавшаго казаться аристократическимъ, уже при второмъ куплетѣ въ залѣ раздавались взрывы хохота. Когда пѣвецъ кончилъ,—его не только хвалили—ему аплодировали, какъ въ театрѣ.

— Позвольте, господа, замѣтилъ онъ, кланяясь аплодировавшей публикѣ,—я еще не кончилъ. Когда состязаніе націй на международномъ концертѣ кончилось, тогда началось состязаніе почетныхъ и непочетныхъ гражданъ россійскаго государства. Первый запѣлъ семинаристъ...

Пѣвецъ запѣлъ густымъ басомъ извѣстную семинарскую пѣсню: «пустѣетъ храмъ просторный».

— Ахъ, какую вы критику поете! вдругъ оборвалъ онъ свою пѣсню писклявымъ восклицаніемъ. —Мы у нашего тятеньки никогда такихъ пѣніевъ не слышали и не въ примѣръ деликатнѣе пѣть хорошіе романцы!

Слѣдомъ за этимъ восклицаніемъ онъ запѣлъ тоненькимъ, дребезжащимъ голоскомъ «стонетъ сизый голубочекъ» и всѣ сразу поняли, что передъ ними «купеческая дочка».

— Одна, братецъ, это канитель! вдругъ махнувъ рукою, проговорилъ онъ молодымъ бойкимъ теноркомъ и грянулъ фабричную пѣсню.

Затѣмъ быстро послѣдовали «Лазарь» старика-нищаго, «баю-баюшки-баю» старухи-няньки, романсъ великосвѣтской барышни и грянули буйные звуки разбойничьей волжской пѣсни.

Скучавшее общество забыло окончательно всѣ обычаи и приличія своего муравейника и тѣснилось около пѣвца, точно къ нимъ явился нежданный избавитель, готовый спасти ихъ отъ преждевременной смерти. Богъ знаетъ, сколько пѣсенъ долженъ бы былъ спѣть Сушковъ, еслибы не настало время ужина. Мужчины подошли къ закускѣ. Хозяинъ предложилъ прежде всѣхъ Сушкову выпить. Сушковъ долго и церемонно отказывался, дѣлая комически смущенное лицо и, наконецъ, попросилъ налить себѣ «чуть-чуть» чего нибудь «сладенькаго».

— Да развѣ вы совсѣмъ ничего не пьете? спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ-съ, мы этому не пріучены, отвѣтилъ Сушковъ.

Онъ сдѣлалъ глотокъ, закашлялся и черезъ минуту пробормоталъ невѣрнымъ голосомъ:

— Какъ въ голову бросило!

Хозяинъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Эхъ вы! Одинъ глотокъ выпилъ, а ужъ и въ голову бросило! Хорошъ бы былъ военный!

Но Сушковъ уже измѣнился въ лицѣ и на кого-то наткнулся, бормоча извиненія.

— Да что это съ вами? заботливо спросилъ добродушный генералъ.

Но Сушковъ только глуповато улыбался и вертѣлъ безсмысленно рукою передъ своимъ лбомъ. Онъ былъ пьянъ и конфузился, сознавая это. Началась неловкая исторія: всѣ видѣли передъ собою совсѣмъ застыдившагося юношу, который впервые въ жизни выпилъ вина. Въ его фигурѣ, въ его жестахъ, въ его словахъ было столько тонкаго юмора, что всѣ хохотали отъ души, а онъ конфузился все болѣе и болѣе. Нѣкоторые изъ гостей выражали сожалѣніе, что Сушковъ такъ слабъ; хозяинъ ободрялъ его, предлагая ему выпить воды, сынъ хозяина предложилъ ему пройдти въ кабинетъ и отдохнуть.

— Нѣтъ-съ, ужъ я лучше совсѣмъ уйду, настойчиво бормоталъ Сушковъ, потупляя глаза и пощипывая кончикъ жилета.

Онъ неловко раскланялся и пошелъ вмѣсто двери въ буфетный шкапъ, передъ которымъ сталъ извиняться.

— Ахъ, вотъ-то не думалъ, что это сдѣлается! соболѣзновалъ хозяинъ.—И вѣдь сколько выпилъ! Четверть рюмки алашу выпилъ! Ей Богу, не больше!

— А, впрочемъ, если угодно, я, пожалуй, и останусь поужинать, вдругъ обернулся отъ буфета Сушковъ и его голосъ уже былъ голосомъ совершенно трезваго человѣка.

Раздался всеобщій хохотъ: всѣ только теперь вполнѣ ясно поняли, что сцена была замѣчательно ловкой комедіей.

— Я васъ, кажется, задержалъ, господа? озабоченно говорилъ Сушковъ.—Я, право, не помню, что со мною было... На меня это находитъ...

— Подлецъ, какъ онъ это изобразилъ! пробормоталъ сыну не выдержавшій генералъ и самъ сконфузился, боясь, что кто-нибудь услышалъ его восклицаніе.—Вы меня извините, заговорилъ онъ, обращаясь къ Сушкову.—Я въ восторгѣ... я, знаете, никогда не могъ себѣ представить ничего подобнаго... Это... это... Да что тутъ говорить! Вы, батюшка, просто артистъ... Нѣтъ, а я то хорошъ, взволновался, встревожился, думаю: вотъ напоилъ юношу... Мамашу даже вашу вспомнилъ; думаю: вотъ если у него есть здѣсь мать,—такъ поблагодаритъ меня!... Ей Богу!... Ха, ха, ха!...

Ужинъ прошелъ оживленно. Сушковъ былъ его душою. Онъ острилъ, говорилъ придуманные наканунѣ экспромты, смѣшилъ всѣхъ. Когда всѣ встали изъ-за стола, онъ вдругъ сдѣлался серьезенъ и послѣднимъ подошелъ благодарить хозяина.

— Извините меня, генералъ, проговорилъ онъ задушевнымъ тономъ.—Я виноватъ. Я, можетъ быть, нарушилъ нѣсколько условія вашего общества. Я еще немного школьникъ и впервые нахожусь въ такомъ кругу, какъ вашъ. Вы браните меня, но не сердитесь.

— Что вы! что вы! заволновался генералъ.— Съ чего вы это выдумали?

— Нѣтъ, я знаю, что я могу пересолить, и потому мнѣ будетъ всегда пріятно, если вы скажете мнѣ откровенно, если что выйдетъ не такъ, какъ слѣдовало бы. Только не имѣйте зуба противъ меня. Я слишкомъ дорожу вашимъ расположеніемъ...

Генералъ былъ добродушенъ всегда, а въ особенности послѣ ѣды. Онъ разчувствовался и обнялъ Сушкова.

— Вы... вы славный малый!... Я люблю сердечность... Да... именно сердечность люблю въ молодежи!...

У генерала даже слезы навернулись на глаза.

Прошло съ недѣлю или съ двѣ недѣли. Сушковъ обѣдалъ у генерала Турухтанскаго. Обѣдъ былъ чисто семейный, постороннихъ никого не было. Разговоръ шелъ довольно живо и, наконецъ, коснулся удовольствій и развлеченій зимняго сезона.

— А! мнѣ не до развлеченій! замѣтилъ Сушковъ.—Когда человѣку приходится переживать то, что пережилъ и переживаю я, тогда не думаешь объ удовольствіяхъ.

— Вамъ не весело жилось? полюбопытствовала хозяйка дома, любившая трогательныя исторіи.

— Да, не весело жилось, не весело и живется, отвѣтилъ Сушковъ и хотѣлъ перейдти къ другой темѣ.

— Мы здѣсь свои, проговорилъ генералъ,—и потому не будетъ нескромностью, если я спрошу о вашей прошлой жизни.

— Скучная исторія, генералъ! задумчиво проговорилъ Сушковъ.—Впрочемъ, если желаете, я ее разскажу...

И онъ просто и оригинально, безъ плаксивости и трагизма, задушевнымъ тономъ и съ тонкимъ комизмомъ передалъ нѣкоторые эпизоды изъ своей жизни. Онъ остался рано безъ отца и матери, «которые проѣли съ цѣлой губерніей пять имѣній», и попалъ въ домъ дальняго родственника, «который еще проѣдалъ свои имѣнія». «Дѣти у него были лѣнтяи, такъ нужно было кого-нибудь наказывать, когда они не знали урокъ, что случалось ежедневно, за исключеніемъ воскресеній и праздниковъ», пояснилъ Сушковъ мотивы, вслѣдствіе которыхъ пріютили его богатые родственники. Здѣсь онъ научился всему по немногу—и танцамъ, и музыкѣ, и пѣнію, и рисованію и драматическому искуству, такъ какъ въ домѣ его родственника были крѣпостные актеры и кромѣ того устраивались дѣтскіе спектакли. «Когда же я поступилъ въ гимназію, то увидалъ, что я только и знаю, что рисовать карикатуры на учителей», добавилъ онъ. Въ гимназіи онъ почувствовалъ въ себѣ болѣе способностей къ драматическому искуству, чѣмъ къ наукѣ, и потому чаще посѣщалъ театръ, чѣмъ классы. «Впрочемъ, у насъ невѣжества былъ тогда непочатой уголъ и я отлично сдавалъ экзамены, потому что у меня память была бойкая, а у учителей памяти уже вовсе не было», пояснялъ онъ, какъ ему удавалось переходить изъ класса въ классъ. Онъ сошелся съ провинціальными артистами и попалъ за кулисы городского театра и на сцены домашнихъ спектаклей. «Отъ этого народа многому можно было научиться, такъ какъ это народъ бывалый и на всѣ руки мастеръ», говорилъ онъ и передалъ анекдоты о томъ, какъ одинъ актеръ былъ и декораторомъ, и портнымъ и фокусникомъ, какъ другой актеръ поддерживалъ себя тѣмъ, что былъ и пѣвчимъ въ соборѣ и умѣлъ подражать голосамъ животныхъ, за что ему и платили деньги особенно купцы. «Школу-съ прошелъ я хорошую, вздохнулъ Сушковъ, — «по волчьи съ волками выть научился!» Затѣмъ онъ передалъ нѣсколько подробностей о своихъ заработкахъ, которые сдѣлались необходимыми, когда и его дальніе родственники проѣли свои имѣнія,—объ урокахъ, обязанностяхъ чтеца, занятіяхъ перепиской. Фигуры купцовъ, поповъ, провинціальныхъ чиновниковъ и барынь обрисовывались въ его разсказахъ, какъ живыя. Семья генерала и смѣялась, и вздыхала, слушая разказчика.

— Ну, такъ то вотъ я и добрался черезъ чистилище въ столицу, закончилъ Сушковъ свои воспоминанія.—Здѣсь многолюдство, а на людяхъ и смерть красна...

— Ну, ну, о смерти еще рано вамъ думать! замѣтилъ генералъ.

— Всѣ мы смертны и всѣ помремъ! комическимъ тономъ произнесъ Сушковъ.—Впереди-то еще четыре года студенческой жизни, а четыре года голодать тоже не легкій фокусъ. Впрочемъ, что объ этомъ толковать! Вы, генералъ, только панихиду не забудьте отслужить, когда помру, а то у меня ни папеньки, ни маменьки нѣтъ, такъ и помянуть будетъ некому.

Онъ круто перемѣнилъ разговоръ на другую тему и сталъ какъ то искуственно веселъ. Но генералъ уже задумался.

Послѣ обѣда хозяинъ дома взялъ подъ руку молодого человѣка и повелъ его въ свой кабинетъ.

— Ваша участь меня серьезно озабачиваетъ, замѣтилъ старикъ, подавая Сушкову папиросы и усаживаясь съ нимъ на турецкій диванъ.

— Э, генералъ, бросьте вы о ней думать! махнулъ Сушковъ.—Мало ли такихъ-то, какъ я!

— Нѣтъ, вы этого не говорите! остановилъ его генералъ.—Въ васъ есть эта... эта... искра... талантъ въ васъ есть... У васъ будущность есть и надо подумать, чтобы вы не погибли раньше, чѣмъ встанете твердо на ноги...

— Знаете, генералъ, я начинаю раскаяваться, что я разоткровенничался, серьезно сказалъ Сушковъ.—Это приняло такой видъ, какъ будто я хотѣлъ разжалобить васъ и выпросить милостыню...

— Фи! что вы! воскликнулъ генералъ...

— Да ужь какъ ни поворачивайте дѣло, а выйдетъ такъ. Я сдѣлалъ неловкость. Я смотрю на вашъ домъ, какъ на домъ добрыхъ людей, и потому невольно пустился въ откровенную бесѣду, до которыхъ я вообще не охотникъ, — ну и вышла скверная штука: вы въ правѣ подумать, что я пѣлъ Лазаря, чтобы выпросить Христа ради грошикъ на хлѣбецъ...

— Да говорятъ же вамъ, что этого никто и не думаетъ.

— Вы не думаете, потому что вы прямой и честный человѣкъ, но другіе могли бы подумать это, если бы услыхали нашъ разговоръ. Нѣтъ, прошу васъ, махните рукой на меня, не думайте о моей участи, а я даю вамъ слово, что не буду больше интимничать, — я, вѣдь вы знаете, умѣю быть на пиру съ веселымъ лицомъ...

Генералъ съ стариковскимъ добродушіемъ улыбался.

— Ахъ, ершъ, ершъ! шутливо проговорилъ онъ, похлопывая дружески Сушкова по колѣнкѣ. — Какъ вѣдь ощетинился!..

Но Сушковъ не повеселѣлъ и смотрѣлъ серьезно.

— И знаете, для чего я теперь отказываюсь отъ вашихъ любезныхъ предложеній позаботиться обо мнѣ? спросилъ онъ, глядя въ упоръ на генерала, и его голосъ дрогнулъ. — Чтобы показать вамъ благородство своей души. Это должно выставить меня въ хорошемъ свѣтѣ въ вашихъ глазахъ и вы постараетесь помочь мнѣ противъ моей воли. Я вѣдь тертый калачъ и мнѣ легко сообразить все это. Такіе бѣдняки-проходимцы, какъ я, часто разыгрываютъ роль такихъ безсребрянниковъ и благородныхъ героевъ, чтобы ловчѣе провести добрыхъ людей. Это вѣрно.

Генералъ совсѣмъ растерялся и смотрѣлъ на Сушкова съ недоумѣніемъ. Сушковъ былъ блѣденъ и чувствовалъ, что по его тѣлу пробѣгаетъ холодная дрожь.

— Нѣтъ, вы сегодня положительно нездоровы! серьезно замѣтилъ Турухтанскій.—Богъ знаетъ, что вы думаете обо мнѣ и что на себя клевещете.

Сушковъ потеръ лобъ рукою.

— Да, да, вы правы! Мнѣ не весело сегодня проговорилъ онъ. — Потому, должно быть, я и разсантиментальничался за обѣдомъ, а теперь... Ну да что говорить объ этомъ! Есть же и у меня своя капелька желчи... Забудьте этотъ разговоръ, этотъ день—и конецъ!

Онъ всталъ.

— Куда вы? спросилъ генералъ.

— Къ вашему сыну пройду, отвѣтилъ Сушковъ. — Вечеръ, если позволите, я проведу у васъ.

Генералъ былъ очень радъ: вечеромъ у него должны были собраться гости. Онъ приглашалъ ихъ «на Сушкова».

— У—уфъ! какую карту поставилъ! полной грудью вздохнулъ Сушковъ, выходя изъ генеральскаго кабинета, и въ его головѣ мелькнула мысль:

— А что если и въ самомъ дѣлѣ раскуситъ, для чего я все это говорилъ?... Да нѣтъ, простота двуногая—вотъ онъ что.

Когда Сушковъ вышелъ, генералъ задумался. Старикъ любилъ гордыхъ и самостоятельныхъ людей и изъ разговора съ Сушковымъ онъ убѣдился, что молодой человѣкъ былъ и гордъ, и самостоятеленъ, что у него прежде всего является мысль, какъ бы его не сочли за навязывающагося на чужую помощь человѣка, что онъ боится быть заподозрѣннымъ въ нечестности.

— Да, бѣдняга, съ нимъ нужно быть осторожнымъ, разсуждалъ генералъ.—Натура чуткая! И то сказать: сдѣлаешься чуткимъ къ оскорбленіямъ, пройдя такую школу. Надо будетъ изыскать деликатныя средства, чтобы помочь ему.

Съ этой минуты генералъ началъ изобрѣтать деликатныя средства для помощи Сушкову. Онъ вдругъ почувствовалъ, что у него стали слабы глаза, и внезапно у него открылась необходимость вести обширную корреспонденцію; вслѣдствіе этого ему понадобился секретарь и этимъ секретаремъ сдѣлался Сушковъ, при чемъ генералъ увѣрилъ Сушкова, что секретаря, онъ, генералъ, держалъ всегда и что его старый секретарь неожиданно на дняхъ уѣхалъ изъ Петербурга, а потому онъ, генералъ, и остался, какъ ракъ на мели. Генералъ началъ такъ обращаться съ Сушковымъ, какъ будто послѣдній былъ самымъ важнымъ лицомъ въ его домѣ и самымъ дорогимъ человѣкомъ для всей семьи. За ужинами и за обѣдами генералъ сажалъ Сушкова по правую руку отъ хозяйки дома и многозначительно указывалъ лакею глазами, чтобы блюда начинали обносить съ Сушкова. Впрочемъ, генералъ не имѣлъ причины раскаяваться за свое вниманіе къ этому бѣдняку. Уже черезъ полгода весь Петербургъ завидовалъ генералу, у котораго въ салонѣ является такой артистъ, какъ Сушковъ. Сушковъ дѣлалъ фокусы; онъ рисовалъ въ обществѣ бойкія карикатуры, пользуясь для этого карандашемъ, тушью, соусомъ, чернилами, углемъ, мѣломъ; онъ пѣлъ десятки комическихъ и серьезныхъ романсовъ; онъ передавалъ сцены изъ народной жизни, изъ еврейскаго быта, изъ жизни татаръ и «восточныхъ людей». Иногда онъ высыпалъ щедрою рукою весь запасъ своихъ талантовъ; порою онъ бывалъ не въ духѣ и заставлялъ себя долго просить, что придавало ему особенное значеніе, такъ какъ теперь, если Сушковъ отказывался веселить общество, собранія у генерала Турухтанскаго казались еще скучнѣе, чѣмъ прежде. Его стали приглашать и въ другіе дома, но онъ упорно отказывался отъ предложеній, находя болѣе выгоднымъ для себя являться покуда только въ домѣ Турухтанскихъ.

Такъ прошло дѣло до лѣта, когда генералъ переселися со своею семьею на дачу. Сушковъ переѣхалъ вмѣстѣ съ семьею генерала и здѣсь слу-

чай далъ ему возможность выдвинуться сильно впередъ. Его представили одной очень вліятельной и очень богатой особѣ, скучавшей до одуренія отъ недуговъ, непріятностей въ семьѣ и пресыщенія въ удовольствіяхъ. Сушковъ и здѣсь рѣшился идти напроломъ, поставить успѣхъ на карту, какъ онъ часто это дѣлалъ: прежде всего онъ бойко разсказалъ особѣ какой то анекдотическій случай, въ которомъ эта особа играла комическую роль и — наглость города беретъ — особа расхохоталась, хотя окружающіе не помнили даже и того времени, когда она улыбалась. Пробалагуривъ цѣлый вечеръ, Сушковъ возвратился домой съ генераломъ Турухтанскимъ и генералъ, растроганный и взволнованный, пожималъ ему руки, бормоча:

— Поздравляю, поздравляю, успѣхъ полный!.. Могу только сказать: поздравляю и поздравляю!

На другой день Сушковъ нашелъ на своемъ столѣ цѣнный подарокъ. Кромѣ того ему намекнули, что о немъ похлопочутъ, если у него есть какая-нибудь просьба. Подаркомъ онъ воспользовался тотчасъ, предложеніемъ похлопотать о немъ надѣялся воспользоваться въ будущемъ.

Съ этого дня Сушковъ пошелъ быстро въ гору: втеченіи пяти мѣсяцевъ онъ потѣшалъ скучающую на дачѣ богатую и вліятельную особу, заполучилъ не только запонки съ брилліянтами, дорогіе часы, кубокъ и тому подобные подарки, но добился и того, что его начали приглашать устраивать лѣтніе благотворительные спектакли, гдѣ онъ игралъ главную роль: онъ пѣлъ, разсказывалъ сцены, игралъ комическія роли въ небольшихъ водевиляхъ и всѣ были отъ него въ восторгѣ. Онъ былъ въ модѣ: люди начинали весело улыбаться при одномъ его появленіи на сцену. И то сказать: смѣлъ ли кто-нибудь не признавать его комикомъ, если онъ умѣлъ смѣшить даже умиравшую отъ хандры особу, съ легкой руки которой онъ жить началъ? Къ концу лѣтняго сезона онъ сталъ совсѣмъ моднымъ человѣкомъ. Барыни посылали ему нѣжныя записочки и назначали свиданія; золотая молодежь зазывала его на свои кутежи, зная неисчерпаемость его запаса скабрезностей; какой то желѣзнодорожный тузъ такъ низко кланялся ему, точно видѣлъ въ немъ человѣка, раздающаго концессіи,—а отъ этого человѣка зависѣло только одно: онъ могъ, наконецъ, снизойдти до того, чтобы явиться въ домѣ этого туза и разсказать ему, іерусалимскому дворянину, сцену изъ жизни «насихъ». Сушковъ снизошелъ до этой милости и на другой день получилъ отъ туза любезное письмо съ очень крупнымъ «вложеніемъ».

— Вы будете сегодня у Жеребцовыхъ? спрашивала какая-нибудь дама у своихъ знакомыхъ.

— Не знаемъ, отвѣчали ей. — У нихъ такая скука въ этихъ засѣданіяхъ ихъ «Общества».

— Да вѣдь сегодня тамъ Сушковъ будетъ! Его хотятъ просить устроить драматическое и литературное утро.

— Неужели?... О, въ такомъ случаѣ надо быть...

Въ группѣ другихъ дамъ слышалось:

— Ахъ, какъ скучно было у Яковлевыхъ! Сушкова ждали, но онъ не былъ...

— Онъ захворалъ? слышался тревожный вопросъ.

— О, нѣтъ!.. Мы посылали сегодня узнавать... Онъ былъ приглашенъ внезапно къ французскому посланнику.

— Аа!.. Интересно, какъ онъ понравился тамъ...

— Развѣ онъ можетъ не понравиться!.. Но болѣе всего разсмѣшило всѣхъ, когда онъ передалъ комическую сцену съ пьянымъ мужичкомъ... Помните, ту, гдѣ онъ поетъ... совсѣмъ такъ, какъ мужички поютъ, и точно пьянъ... Посланникъ замѣтилъ: «я не понимаю словъ, но, должно быть, эта сцена вполнѣ вѣрно передаетъ жизнь русскаго народа...»

— Да, вѣдь эта сцена очаровательна!..

— Я вотъ не знаю: могутъ ли ему за это орденъ дать?

— За что?

— За то, что онъ у французскаго посланника...

— Ахъ, да!.. Наполеонъ дастъ... Отчего же не дать?

— То-то я и думала... вѣдь тамъ всѣмъ писателямъ и артистамъ даютъ... Это не то, что у насъ... У насъ талантовъ не умѣютъ еще цѣнить...

— Ахъ, не говорите этого!.. Онъ дворянинъ и ему и у насъ дадутъ... Что это тамъ даютъ?.. Станислава, кажется?..

Дамы ошибались: орденовъ Сушковъ не получилъ, но онъ катался, какъ сыръ въ маслѣ, и когда начали зимній сезонъ, онъ былъ уже членомъ нѣсколькихъ благотворительныхъ комитетовъ, онъ былъ своимъ человѣкомъ во многихъ значительныхъ домахъ, онъ уже стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ ко множеству барынь.

— И какъ онъ хорошъ, какъ хорошъ собою! говорили про него тѣ барыни, которыя еще добивались чести сближенія съ геніальнымъ артистомъ.—Что за глаза!.. Какъ строенъ!..

Безпутная и пьяная жизнь покатилась для Сушкова. Сегодня засѣданіе благотворительнаго комитета съ будуарной сценой потомъ; завтра благотворительный спектакль съ поѣздкой на тройкахъ благотворителей; послѣзавтра бенефисъ какой-нибудь артистки-кокотки съ пьяною оргіею послѣ, гдѣ Сушковъ является непремѣннымъ членомъ; на четвертый день желѣзнодорожный тузъ устроиваетъ лукуловскій ужинъ «съ Сушковымъ», а тамъ идутъ клубные спектакли, клубные концерты, клубные маскарады и костюмированные балы... Попойки и женщины, женщины и попойки, вотъ два элемента, изъ которыхъ сложилась теперь эта жизнь. На попойкахъ пилось все, начиная съ водки и кончая тонкими французскими винами; среди женщинъ насчитывались близкія личности вездѣ, начиная съ барынь и кончая признанными кокотками. И все приносило ему доходъ: и благотворительные комитеты, и благотворительные спектакли, и любовь. И не зналъ самъ Сушковъ, какъ канулъ въ вѣчность этотъ годъ, какъ началъ приходить къ концу и слѣдующій зимній сезонъ. Сознавалъ онъ только, что экзаменовъ въ университетѣ онъ не въ состояніи сдать, что за лекціи онъ приняться не можетъ. Да и на что ему были теперь и экзамены и лекціи? Вѣдь онъ и въ университетъ то поступилъ изъ провинціальныхъ актеровъ какъ то случайно: вдругъ вздумалъ почему то, что нужно поступить въ университетъ, — сейчасъ бросилъ провинціальный театръ, поѣхалъ въ Петербургъ и сдѣлался студентомъ. Какая была у него при этомъ цѣль — онъ и самъ не могъ сказать, потому что вообще въ его жизни все складывалось какъ то само собою, помимо его воли.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.*)

Новости наукъ и жизни.

— Телефонъ. Одинъ американецъ сдѣлалъ новое приспособленіе къ телефону, благодаря которому по трансатлантическому канату можно установить телефонное сообщеніе.

— Городскія станціи. Газетѣ «Голосъ» сообщаютъ, что, въ началѣ января, главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ откроетъ въ Петербургѣ и Москвѣ дѣйствіе спеціальныхъ городскихъ станцій для пріема къ перевозкѣ между обѣими столицами багажа и посылокъ большою скоростью съ обязательнымъ для главнаго общества страхованіемъ всѣхъ такихъ отправокъ, въ суммѣ ихъ цѣнности, безъ взиманія страховой преміи. При этомъ городскія станціи, по желанію отправителей, не только будутъ брать отправки съ квартиръ отправителей и доставлять ихъ по адресамъ получателей въ Петербургѣ и Москвѣ, но даже будутъ и упаковывать ихъ согласно съ правилами о перевозкахъ по николаевской дорогѣ, устраняя, такимъ образомъ, отправителей отъ всѣхъ сопряженныхъ съ этимъ хлопотъ и безпокойствъ. На открываемыхъ городскихъ станціяхъ будутъ устроены также кассы для продажи пассажирскихъ билетовъ перваго и второго классовъ и для заказа семейныхъ отдѣленій на почтовые и курьерскіе поѣзды. Несомнѣнно, что открытіе городскихъ станцій значительно облегчитъ публику, и надо надѣяться, что современемъ дѣятельность этихъ станцій не будетъ ограничиваться одною николаевскою дорогою, но распространится также и на всѣ главные пункты и остальныхъ двухъ дорогъ, принадлежащихъ главному обществу — петербурго-варшавской и нижегородской.

Смѣсь.

— Новая дочь полка. Корреспондентъ газеты «Новое Время» г. Немировичъ-Данченко сообщаетъ, что когда шла атака самогитцевъ на турецкіе таборы и сами турки были уже отбиты, преслѣдуя ихъ, солдаты наткнулись на прелестное шестилѣтнее дитя, которое до тѣхъ поръ несъ на рукахъ, вѣроятно, отецъ его — старый редифъ. Солдаты еще ранѣе замѣтили его и старались не стрѣлять туда, но шальная пуля попала бѣдняку въ грудь... Когда самогитцы подошли, дѣвочка сидѣла у трупа отца и смотрѣла на нашихъ гренадеръ большими испуганными глазами. Рука мертваго еще обнимала ее, точно родной и послѣ смерти хотѣлъ защитить ее.

— Ахъ ты, бѣдная, вырвалось у солдатъ. И заскорзлые пальцы солдатъ стали гладить ребенка по головѣ.

Дѣвочка растерянно улыбнулась, привстала и опять сѣла у трупа.

Солдаты ее сейчасъ же взяли, закутали бережно и понесли назадъ. По дорогѣ каждый солдатъ считалъ обязанностью хоть съ десять шаговъ поднести ее. Она такимъ образомъ съ рукъ на руки перешла черезъ весь батальонъ.

— Эй, Афремъ, ишь ты сколько ее носишь, давай, мой чередъ теперь.

Дѣвочку ласкали, она стала смѣяться, что-то лепетать по своему.

Принесли въ лагерь — ее увидѣлъ командиръ 8-й роты самогитскаго полка, Дашкевичъ.

— Ну, братцы, какъ хотите — а отдайте ее мнѣ... Ему отдали.

Съ тѣхъ поръ ребенокъ у него въ палаткѣ. Пріѣзжало много женатыхъ офицеровъ, хотѣли взять и отослать дѣвочку къ себѣ — ни за что.

— Да вѣдь вы холостой.

— Женюсь для нея, а не отдамъ...

Самъ кормитъ ее молокомъ и возится съ нею, какъ нянька. Дѣвочка стала истинной дочерью полка. Солдаты поминутно приходятъ справляться о ней, ласкаютъ ее, считаютъ своею. Полкъ складывается, чтобы дать ей воспитаніе.

— Попытка къ побѣгу. Изъ Дома Предварительнаго Заключенія, находящагося рядомъ съ зданіемъ судебныхъ мѣстъ, было на дняхъ совершено покушеніе на побѣгъ арестантомъ Глуховымъ, который предпринялъ побѣгъ при помощи веревки, посредствомъ которой желалъ спуститься на одинъ изъ сосѣднихъ дворовъ по откосу брантмауерной стѣны, вышиною болѣе пяти этажей. Это рискованное предпріятіе Глуховъ обсудилъ подробно и приготовился къ выполненію замысла. Веревка, до двадцати саженъ длины, сдѣлана была изъ разныхъ матеріаловъ, тутъ были разодранныя простыни, полотенца, рубахи и просто обрывки бичевокъ, скрученные мастерски въ одну длинную веревку до того прочно, что могли выдержать тяжесть, въ три раза больше вѣса самого Глухова. Работая надъ веревкой по ночамъ, въ спальнѣ, гдѣ помѣщалось до двадцати арестованныхъ, онъ вызвалъ противъ себя подозрѣнія, и сосѣдъ его по койкѣ сталъ слѣдить за его дѣйствіями, догадавшись, что Глуховъ замышляетъ бѣжать. Покончивъ съ веревкой и высмотрѣвъ всѣ лазейки и углы обширнаго тюремнаго двора, Глуховъ, въ одно утро, вставъ ранѣе обыкновеннаго, намоталъ веревку вокругъ туловища и, одѣвшись, вышелъ въ столовую камеру,

Австралійскіе негры.

По слѣду. — Картина Робертса.

гдѣ и долженъ былъ пробыть до 3-хъ часовъ дня, когда выпускаютъ арестованныхъ гулять. Выйдя вмѣстѣ съ другими во дворъ, Глуховъ спрятался въ потайное мѣсто и сталъ ожидать сумерекъ, чтобы не быть замѣченнымъ. Въ то-же время, возвратившіеся съ прогулки арестанты собрались въ церковь ко всенощной, на что, въ свою очередь, Глуховъ имѣлъ разсчетъ; но подозрѣвавшій его сосѣдъ по койкѣ, замѣтивъ, что Глуховъ скрылся, рѣшился заявить объ этомъ дежурному помощнику управляющаго домомъ. Сейчасъ же сдѣлали тревогу и повѣрку, пошли поиски. Нѣсколько служителей, отряженные по этому поводу во дворъ для поисковъ, стали обшаривать всѣ углы. Въ это время Глуховъ, увидя людей съ фонарями и услышавъ переполохъ, бросился на маленькій запасный дворикъ и, съ быстротою кошки, поднялся по прикрѣпленной къ наружной стѣнѣ трубѣ отъ водокачальнаго зданія, на крышу, гдѣ, притаившись за каменной трубой, просидѣлъ, пока служители окончили обыскъ двора. Затѣмъ, привязавъ веревку за трубу, Глуховъ сталъ спускаться по ней на дворъ окружного суда. Опустившись сажень на 15 онъ сорвался, веревка перетерлась о желѣзо косяка брантмауера вверху; Глуховъ сильно расшибся и не могъ подняться на ноги. Здѣсь замѣтилъ его часовой и далъ знать караульному офицеру. Бѣглецъ теперь лежитъ въ лазаретѣ.

— **Закрытіе рулетки.** Съ рулеткою и trente et quarente обходятся жестоко. Съ 31 декабря у нихъ отнято предпослѣднее прибѣжище. Уже давно было предположено закрытіе рулетки въ Саксонъ-ле-Бэнъ, въ Швейцаріи. По словамъ «Genevois», эта мѣра приведена въ исполненіе слѣдующимъ образомъ. Въ 6 часовъ вечера присутствовавшимъ было объявлено, что играть болѣе не дозволяется, и въ 7 часовъ зала была очищена. У дверей сталъ швейцарскій жандармъ. Завѣдывающіе рулеткою объявили, что общественныя и бильярдныя залы будутъ открыты, какъ обыкновенно, до 11 часовъ. У кого не было денегъ на обратный путь въ отечество, тотъ долженъ былъ заявить объ этомъ кассѣ для полученія оттуда 30 фр. на дорогу, что и сдѣлали многія лица. Одинъ англичанинъ, только что прибывшій, чтобы сыграть послѣднюю партію, и думавшій, что игра будетъ продолжаться до 12 часовъ, былъ въ высшей степени раздраженъ поспѣшнымъ «Finis Saxoniae». Свѣтлокудрый бритъ, чувствовалъ свои права нарушенными, и цѣлый вечеръ производилъ шумъ и скандалы. Ему дали совѣтъ отправиться въ Монако, единственное мѣсто въ Европѣ, гдѣ еще можно утѣшиться въ своихъ несчастіяхъ офиціально терпимою игрою въ рулетку.

— **Открытіе убійцы.** Газеты недавно сообщали о звѣрскомъ убійствѣ въ Харьковѣ врача Ковальчукова. Преступникъ, совершившій это убійство, скрылся; но теперь, какъ сообщаетъ «Голосъ», благодаря дѣятельнымъ и энергическимъ мѣрамъ сыскного отдѣленія петербургской полиціи, лицо, которое подозрѣвалось въ убіеніи доктора Ковальчукова, арестовано въ Петербургѣ, въ ночь съ 28-го на 29-е декабря, въ гостинницѣ «Бель-Вю». У арестованнаго въ карманахъ брюкъ найденъ заряженный револьверъ. Арестованный, Григорій Александровичъ Безобразовъ, отправленъ, какъ слышно, въ Харьковъ.

Оставленныя въ Харьковѣ, въ гостинницѣ, на мѣстѣ преступленія, убійцею вещи были высланы въ Петербургъ и онѣ-то послужили нитью, по которой преступникъ былъ отысканъ. Въ основу кровавой драмы, разыгравшейся въ Харьковѣ, было положено убійство, съ цѣлью, какъ можно догадываться, грабежа, въ видѣ наслѣдства, котораго и седьмая часть составляла около 100,000 рублей.

Арестованный будетъ отправленъ въ Харьковъ, гдѣ уже находится подъ арестомъ и его подруга, уѣхавшая отсюда немедленно по обнародованіи въ «Голосѣ» телеграммы объ убійствѣ въ Харьковѣ, чтобы отдать послѣдній долгъ убитому Ковальчукову.

Объ этой «подругѣ» харьковскій корреспондентъ той-же газеты передаетъ слѣдующія свѣдѣнія: Въ первую минуту, когда открылось преступленіе, общій голосъ всего города рѣшилъ, что покойный—жертва одной госпожи, существенно заинтересованной участью Ковальчукова. Мнѣніе это раздѣляли, очевидно, судъ и полиція, такъ какъ, немедленно послѣ обнаруженія факта преступленія, была послана изъ Харькова телеграмма на имя генералъ-адъютанта Трепова, съ просьбою слѣдить негласно за подозрѣваемою особою, которая въ то время жила въ Петербургѣ. Это и было исполнено. Но времени оказалось слишкомъ мало: подозрѣваемая, получивъ, 13-го декабря, утромъ, «Голосъ», въ которомъ была напечатана телеграмма объ убійствѣ, положила въ карманъ газету и немедленно уѣхала въ Харьковъ, причемъ ее, также конфиденціально, провожалъ до Москвы чиновникъ генерала Трепова. Въ Москвѣ оберъ-полицеймейстеръ Араповъ, обѣщавшій дать также своего чиновника, проводить эту госпожу до Курска, не исполнилъ обѣщанія, и уже только въ Курскѣ ее встрѣтили агенты нашего полицеймейстера, г. Прожанскаго, и проводили до Харькова, куда подозрѣваемая привезла изъ Курска своего брата и здѣсь оба они были арестованы прямо въ вокзалѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время, пока подозрѣваемая ѣхала изъ Петербурга, наша полиція не дремала и раскрыла на телеграфной станціи въ Харьковѣ, что за день до убійства въ Петербургъ по адресу подозрѣваемой была послана такая телеграмма: «М. С. (имя и отчество безъ фамиліи). Видѣлся два раза. Надѣюсь завтра покончить. Денисовъ». Эта-то телеграмма и послужила серьезнымъ поводомъ къ аресту подозрѣваемой—она получила эту телеграмму и росписалась.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Совершивъ блистательный переходъ черезъ Балканы и плѣнивъ армію на Шипкѣ, наши войска быстро—насколько позволяютъ физическія препятствія—двигаются къ Адріанополю, ежедневно сражаясь съ непріятелемъ. Сообщаемъ послѣдовательный рядъ телеграммъ его императорскаго высочества Главнокомандующаго объ этомъ движеніи и объ этихъ дѣйствіяхъ.

1) Отъ 2-го января. Здѣсь настоящая зима. Санитарное состояніе войскъ удовлетворительно. Орудій взято болѣе 70; командующій на Шипкѣ турецкимъ корпусомъ былъ Вессель-паша. Кромѣ его, взято трое пашей, 280 офицеровъ, 25,000 нижнихъ чиновъ; знаменъ семь. Потери наши: ранены ген. Гренквистъ и Домбровскій, командиръ елецкаго пол. пол. Громанъ, командующій орловскимъ полкомъ подп. Хоменко, флигель-адъютантъ графъ Толстой (въ руку, легко; остался во фронтѣ); офицеровъ убито 19, ранено 116; нижнихъ чиновъ убито 1,103, ранено 4,246; всего до 5,464. Особенно отличились 3-я и 4-я стрѣлковыя бригады, полки: елецкій, сѣвскій, орловскій, углицкій, казанскій, подольскій и житомірскій и болгарское ополченіе.

Генералъ Карцовъ доноситъ, что турки бросили свои укрѣпленныя позиціи у Козницы и Клисуры и отступили къ Копровицѣ; отсюда, 29-го декабря, выбиты отрядомъ полковника графа Комаровскаго. При преслѣдованіи много турокъ убито, 26 взято въ плѣнъ. Число взятыхъ нами, 28-го декабря, трофеевъ еще не приведено въ окончательную извѣстность. Орудій насчитано уже 81; изъ этого числа два взяты княземъ Мирскимъ, 25 Скобелевымъ и 54 на Шипкѣ. Въ числѣ послѣднихъ 18 мортиръ. Число знаменъ еще неизвѣстно, Скобелевымъ взято 5, кавалеріею 2.

30-го декабря, ген. Вельяминовъ взялъ Сомаковъ послѣ упорнаго боя. У насъ убитъ козловскаго пѣхотнаго полка капитанъ Краснокутскій и раненъ поручикъ Квицинскій, нижнихъ чиновъ убито 22, ранено 137. Въ тотъ же день, авангардъ колонны графа Шувалова занялъ послѣднюю естественную преграду на пути изъ Ихтимана къ Татаръ-Базарджику—Трояновы ворота, а кавалерійскій отрядъ графа Дебальмена, занялъ Ветреново, верстахъ въ 15 не доходя Татаръ-Базарджика, 31 декабря, двинулся къ этому пункту.

2) Отъ 3-го января. Вчера, 2-го января, нашъ передовой отрядъ занялъ Эски-Загру, которая очищена турецкими войсками, оставлена жителями и зажжена.

Счетъ взятыхъ на Шипкѣ трофеевъ продолжается. Плѣнныхъ оказалось не 25, а 32 тысячи; всѣ они уже отправлены; орудій насчитано теперь 93; знаменъ 10. Турки очистили Котелъ, Старорѣку, Сливно; стягиваются къ Ямболи; всѣ запасы по пути сжигаютъ. Твардица занята авангардомъ отряда генерала Малахова. Орденскіе драгуны пошли къ Сливнѣ и Ени-Загрѣ. Разъѣзды изъ отряда Цесаревича, ходившіе 1-го января къ Хадаркіою и Аяслару, были встрѣчены турецкими воинами при офицерахъ, объявившими, что имъ запрещено стрѣлять противъ насъ, но просили не ходить далѣе. Ген. Струковъ, съ драгунами, вчера вечеромъ 2-го января, дошелъ до Аладага, верстахъ въ 5-ти отъ Тернова, Сейменки, и сегодня намѣревался идти далѣе. Турки повсюду бѣжали; небольшія партіи башибузуковъ взяты ген. Струковымъ въ плѣнъ. Колонна ген. Карцова дошла 2-го января пѣхотою изъ Чукурли до Кара-Топрака на Карлово-Филипопольскомъ шоссе, а казаки его вступили въ Аара-Мустафаларъ, для связи съ отрядомъ ген. Гурко.

3) Отъ 4-го января. Получилъ свѣдѣніе, что доблестныя сербскія войска при взятіи Ниша овладѣли массою артиллеріи всякаго калибра, большими складами ружей Мартини, патроновъ и всякихъ боевыхъ запасовъ. Отъ нашихъ отрядовъ новыхъ свѣдѣній нѣтъ. Запасы продовольствія всякаго рода захвачены вездѣ громадные. Ледоходъ на Дунаѣ продолжается, сообщеніе крайне затруднительно. 28-го декабря, въ день послѣдняго шипкинскаго боя, убитъ ординарецъ ген. Радецкаго, корнетъ лубенскаго гусарскаго полка Гардеръ.

Московскіе Вашего Величества драгуны, въ ночь 2-го на 3-е января, сняли рельсы на филиппопольской и ямбольской линіяхъ, поѣзды больше не ходятъ, турецкія войска идутъ въ Андріанополь грунтовой дорогой. По собраннымъ драгунами свѣдѣніямъ, Сулейманъ-паша находится въ Филипполѣ, будто бы онъ приказалъ все жечь и рѣзать. Базарджикъ и Филиппополь будто бы горятъ. Казаки перваго донскаго полка заняли Чирпанъ. Села между Эски-Загрой и Чирпаномъ всѣ цѣлы; болгары всѣ остались на мѣстахъ. Въ ту же ночь, съ 2-го на 3-е января, 2-й эскадронъ драгунъ Вашего Величества совершилъ набѣгъ на станцію Терново, разрушилъ желѣзную дорогу и телеграфъ, затѣмъ отошелъ подъ огнемъ пѣхоты и шести орудій. 3-го января ген. Струковъ съ лейбъ-эскадрономъ Вашего Величества московскаго драгунскаго полка, имѣя за собой второй дивизіонъ того же полка, вновь атаковалъ станцію Терново; занимавшіе ее 300 человѣкъ низама и 5,000 вооруженныхъ жителей бѣжали въ паническомъ страхѣ, бросивъ всѣ 6 орудій, которыя и были взяты эскадрономъ Вашего Величества. Желѣзнодорожный мостъ, зажженный бѣжавшимъ непріятелемъ, драгуны успѣли потушить. На станціи захвачены всѣ документы и телеграфный аппаратъ. 3-й эскадронъ драгунъ преслѣдуетъ бѣгущихъ турокъ по направленію на Адріанополь. Наша потеря состоитъ всего изъ одного раненаго холоднымъ оружіемъ драгуна. 1-й донской полкъ, нагнавъ близъ Чирпана 3 транспорта, подъ прикрытіемъ пѣхоты и кавалеріи, аттаковалъ и разсѣялъ прикрытіе, а обозъ изъ 200 повозокъ, 1,000 штукъ рогатаго скота и 300 барановъ захватилъ; 8 турокъ взяты въ плѣнъ; у насъ одинъ казакъ убитъ, одинъ раненъ. Петербургскаго уланскаго полка поручикъ Пятницкій, съ разъѣздомъ, нагналъ на ямбольской желѣзной дорогѣ небольшой пѣхотный отрядъ, аттаковалъ его и взялъ 9 человѣкъ въ плѣнъ. Разъѣзды, посланные на Сливно, встрѣтили у Ienицели около полусотни конныхъ черкесовъ, которые при нашемъ появленіи бѣжали.

4) Отъ 5-го января. 3-го января, поздно вечеромъ, послѣ упорнаго боя у Кадыкіоя, Айранли и Филиппополя, войска генерала Гурко овладѣли этимъ городомъ. Дѣло происходило такъ: графъ Шуваловъ, съ лейбъ-гренадерами, павловцами и тремя баталіонами московцевъ и гвардейскою стрѣлковою бригадою, двинулся отъ Адакіоя, перешелъ р. Марицу по поясъ въ бродъ, при ледоходѣ, и атаковалъ съ фронта турецкую позицію у Кадыкіоя. Ген. Шульднеръ, съ первою бригадою 5-й дивизіи, финляндскимъ полкомъ и баталіономъ московцевъ, двинулся отъ Дуванкіоя къ Айранли. Часть колонны перешла р. Марицу въ бродъ; но большая часть перевезена верхами лейбъ-драгунскимъ эскадрономъ капитана Бураго и бугскими уланами. Позднимъ вечеромъ, эта колонна обошла правый флангъ турокъ. Баронъ Криденеръ, съ 3-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею и воронежскимъ полкомъ, двинулся отъ Челопца, овладѣлъ предмѣстьемъ Филипополя, сѣвернѣе р. Марицы; но, найдя мостъ разрушеннымъ, а рѣку въ этомъ мѣстѣ непроходимою въ бродъ, могъ занять лишь поздно ночью частью войскъ сѣверную часть города. Первымъ ворвался въ Филиппополь, въ 9 часовъ вечера, эскадронъ охотниковъ л.-гв. драгунскаго полка, подъ командою капитана Бураго. Послѣ жаркаго боя, причемъ прапорщикъ

графъ Ребиндеръ взялъ два орудія, турки въ темнотѣ не замѣтили малочисленности отряда и бѣжали изъ города въ паническомъ страхѣ. Въ то же время турки, атакованные графомъ Шуваловымъ у Кадыкіоя и Айранли, бросили позицію и отступили къ Дермендере, къ горамъ. Тутъ было около 40 таборовъ, отступавшихъ отъ Самакова; другая половина арміи, тоже около сорока таборовъ, подъ начальствомъ Сулеймана-паши, отступавшая отъ Петричева и Отлукіоя, успѣла пройти Филипополь раньше 3-го января и отступила на Адріанополь, оставивъ въ Филипополѣ только аріергардъ, съ которымъ и имѣлъ дѣло баронъ Криденеръ и лейбъ-драгунскій эскадронъ. Аріергардъ этотъ также отступилъ къ горамъ. Такимъ образомъ, благодаря дѣлу графа Шувалова 3-го января, турецкая армія разрѣзана пополамъ и половина ея отброшена отъ прямого пути отступленія къ Дермендере.

4-го января ген. Гурко двинулъ 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, астраханскихъ и екатеринославскихъ драгунъ и прибывшую въ Филипополь, около полудня, кавалерію ген. Скобелева 1-го, на Станимаку, на перерѣзъ пути отступленія турокъ; прочія войска—съ фронта и въ обхватъ фланговъ, на Дермендере; всю гвардейскую кавалерію вслѣдъ за тою половиною турецкой арміи, которая отступаетъ на Адріанополь; самъ Гурко, 4-го января, утромъ въѣхалъ въ Филипополь, приказалъ поднять надъ бывшимъ домомъ консульства русскій флагъ и отслужилъ въ соборѣ торжественный молебенъ за здравіе Вашего Величества.

Потеря наша въ дѣлѣ 3-го января точно неизвѣстна, но невелика; изъ офицеровъ убитъ адъютантъ л.-гв. 2-й артилерійской бригады прапорщикъ Бартлемановъ; ранены: командующій преображенскимъ полкомъ полковникъ князь Оболенскій, въ ногу легко, и того же полка полковникъ Стрезовъ, въ ногу тяжело. Преображенскій полкъ, вмѣстѣ съ семеновскимъ, былъ въ резервѣ, за графомъ Шуваловымъ, и введенъ въ боевую линію къ концу дѣла.

4-го января занятъ г. Сливно; 2-й дивизіонъ орденскихъ драгунъ маіора Кардашевскаго вступилъ туда отъ Твардицы, а донской Бакланова полкъ, въ то же время, отъ Эни-Загры. Турки очистили Котелъ, Сливно и Ямболи, и стягиваются къ Адріанополю. Нашъ разъѣздъ пошелъ на Карнабадъ.

Извѣстіе, что Сулейманъ-паша приказалъ все жечь, уничтожать и рѣзать при отступленіи, подтверждается. Татаръ-Базарджикъ совершенно разграбленъ, разоренъ и на половину сожженъ; села между Базарджикомъ и Филипополемъ почти всѣ разрушены; Филипополь наши успѣли спасти. Въ Сливнѣ болгарскій кварталъ разрушенъ.

5) Отъ 6-го января.—4-го января гвардейская кавалерія и кавалерія отряда ген. Карцова, подъ начальствомъ ген. Скобелева 1-го вступили въ Филипополь. Болгарскія лавки были зажжены турками, но пожаръ наши успѣли потушить. Подробностей еще нѣтъ. Вчера привезены отъ ген. Гурко 9 знаменъ, взятыхъ преображенцами, семеновцами, стрѣлковымъ батальономъ императорской фамиліи и казаками Мандрыкина.

6) Отъ 7-го января. — Московскіе Вашего Величества лейбъ-драгуны продолжаютъ отличаться: 4-го января, послѣ упорнаго ружейнаго и рукопашнаго боя съ вооруженными жителями, продолжавшагося всю ночь, взяли Херманлы. Первымъ ворвался въ городъ 3-й эскадронъ маіора Чулкова; убито 2, ранено 9 драгунъ. Быстрое занятіе двухъ столь важныхъ пунктовъ совершилось благодаря смѣлости, энергіи и разумной распорядительности ген. Струкова. Ген. Скобелевъ 2-й поручилъ теперь ему командованіе всѣмъ авангардомъ своего отряда, который 5-го января подошелъ къ Тернову, а сегодня, 6-го января, весь стягивается къ Херманлы. Авангардъ ген. Струкова идетъ сегодня далѣе; драгуны Вашего Величества по прежнему въ головѣ. Поведеніе ихъ выше всякой похвалы. Всѣ отъ полковаго командира до послѣдняго рядоваго молодцы.

Ген. Скобелевъ 2-й прочно занялъ Семенли, Терново, Гютерлю и Германли, пославъ во всѣ стороны разъѣзды, которые 6-го января уже появились въ Мустафа-паша, близъ Адріанополя. Часть турецкихъ войскъ, отброшенныхъ отъ Филипополя, показалась 6-го января у Хаскіоя. Дальнѣйшихъ свѣдѣній еще нѣтъ.

Турецкіе уполномоченные прибыли сюда сегодня вечеромъ.

7) Отъ 7-го же января.— Поздравляю Ваше Величество съ новою блестящею побѣдою. Ген. Гурко, отбросивъ 3-го января часть турецкой арміи отъ Кадыкіоя и Айранли къ Дермендере, настойчиво продолжалъ атаку 4-го января у Дермендере, 5-го января у Белластицы и Карагача, и окончательно отбросилъ турокъ въ горы Деспото-Дагъ за Эникіой и Ласкову. Турки потеряли 49 орудій, взятыхъ нами съ боя, и одними убитыми, по крайней мѣрѣ, 4 тысячи, плѣнныхъ забрано и забирается множество, число опредѣлить пока трудно; но значительно болѣе трехъ тысячъ. Турки бѣжали горными тропинками вразсыпную; путь къ Адріанополю чрезъ Хаскіой отрѣзанъ имъ окончательно Ген. Гурко доноситъ, что столь блестящимъ результатомъ трехдневнаго боя обязанъ энергіи, храбрости, неутомимости и находчивости графа Шувалова, а также храбрости и распорядительности ген. Дандевиля и Краснова; не находитъ словъ для оцѣнки заслугъ этихъ генераловъ; не можетъ нахвалиться самоотверженіемъ и изумительною выносливостью и геройскимъ поведеніемъ доблестныхъ войскъ. Въ 6 дней войска сдѣлали безъ передышки 150 верстъ, пройдя при этомъ два весьма трудныхъ перевала: Вакарель и Трояновы Ворота; послѣ этого немедленно вступили въ бой и дрались безъ отдыха три дня, съ ранняго утра до поздняго вечера, ночуя каждый разъ на полѣ сраженія. Потери наши еще не приведены въ извѣстность, но около 500 человѣкъ; въ томъ числѣ офицеровъ убито 5, ранено 15, контужено 3. Пѣхота 6-го января продолжала настойчиво преслѣдовать непріятеля: одна колонна отъ Белластицы на Эникіой, другая отъ Станимаки ущельемъ рѣки Нанаречинъ. Гвардейская кавалерія ночевала на 6 число въ Чатакѣ, а 6-го двинулась дальше по шоссе на Хаскіой. 5-го января еще вошли въ связь съ разъѣздами Скобелева 2-го у Чирпана. Кавалерія Скобелева 1-го направлена 6-го января отъ Станимаки къ востоку, на Катенликъ. Подробности дополнительно.

8) Отъ 7-го же января. Подробности боя 4-го и 5-го января: Турецкія войска, отброшенныя 3-го января къ Дермендере, состояли изъ 35 таборовъ, подъ начальствомъ Фуада-паши; изъ нихъ 24 табора приведены Фуадомъ изъ-подъ Шумлы. На 4-е января Гурко приказалъ графу Шувалову съ его колонною, съ колоннами ген. Шильдера и Вельяминова атаковать Дермендере, охватывая турецкій правый флангъ; Дандевилю съ 3-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею, сводною бригадою екатеринославскихъ и астраханскихъ драгунъ Краснова и сотнями казачьей бригады Курнакова, идти на Станимаку, на перерѣзъ: гвардейской кавалеріи перейти на правый берегъ Марицы, къ Эни-Магали, угрожать пути отступленія турокъ. Графъ Шуваловъ, сдѣлавъ отъ Кадыкіой и Айранли захожденіе лѣвымъ флангомъ впередъ, къ ночи сталъ фронтомъ къ горамъ, правымъ флангомъ противъ Дермендере, лѣвымъ — противъ Маркова. Весь день его правый флангъ, служившій осью захожденія, велъ демонстративный бой у Дермендере и удержалъ тамъ значительную часть турецкихъ силъ; остальные пробирались между тѣмъ черезъ Марково, Беластицу и Карагачъ къ Станимакѣ; но на пути наткнулись на колонну Дандевиля: этой колоннѣ выпала главная честь боя 4-го января. Ген. Красновъ, командовавшій авангардомъ изъ сводной драгунской бригады и 1-й бригады 3-й гвардейской дивизіи, найдя мостъ черезъ Марицу уничтоженнымъ, а воды по грудь, перевезъ всю пѣхоту на лодкахъ, паромахъ и драгунскихъ лошадяхъ, къ 3 часамъ пополудни подошелъ къ Карагачу, замѣтилъ близко идущую турецкую колонну съ артиллеріею и немедленно атаковалъ. 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи ударомъ въ штыки отбросила турокъ въ горы, сразу взявъ 18 орудій. Турки, выждавъ приближавшіяся подкрѣпленія, перешли въ наступленіе и, не смотря на нашъ огонь, бросились въ рукопашную отбивать свою артиллерію. Будучи отбиты, они отошли въ горы, опять выждали вновь подходившія къ нимъ подкрѣпленія и вторично ударили въ штыки; но, не смотря на отчаянную храбрость, отброшены въ гору молодцами лейбъ-гвардіи литовскаго и кексгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полковъ. Одинъ паша, окруженный, не хотѣлъ сдаваться, дрался, какъ левъ, изрубилъ и переранилъ болѣе 15 человѣкъ, прежде, чѣмъ былъ заколотъ. Ночью турки бросили Дермендере и Марково и сосредоточивались всѣ у Беластицы. Наши войска ночевали на своихъ позиціяхъ. Вся колонна Дандевиля подтянулась къ авангарду Краснова. Съ утра 5-го января генералъ Шуваловъ массировалъ свои войска влѣво и примкнулъ къ правому флангу Дандевиля. Въ то же время съ обѣихъ сторонъ завязалась канонада и перестрѣлка. Турки два раза переходили въ наступленіе противъ Дандевиля и разъ противъ лейбъ-гренадеровъ, но были отбиты. Сомкнувъ боевую линію, графъ Шуваловъ двинулъ въ аттаку колонну генерала Вельяминова, въ обхватъ лѣваго фланга горами, а дивизію Дандевиля съ фронта; послѣдняя взяла въ штыки Беластицу и въ ней, послѣ упорнаго рукопашнаго боя, 11 орудій. Войска графа Шувалова, охвативъ турокъ, взяли 17 орудій. Побѣда была полная. Непріятель вразбродъ бѣжалъ въ горы за Эникіой и Ласкову. Преслѣдованіе прекращено съ наступленіемъ темноты и возобновлено 6-го января утромъ, какъ я уже сообщалъ.

9) Отъ 8-го января. Струковъ доноситъ 7-го января изъ Мустафа-паши, что въ Адріанополѣ паника, начавшаяся еще со времени моего перехода чрезъ Балканы, усилившаяся по занятіи Трнова и Германли, дошедшая теперь до того, что губернаторъ и войска бѣжали, склады пороха и зарядовъ взорваны. Струковъ самъ слышалъ взрывъ; начался пожаръ и безпорядки. Пять лицъ разныхъ націй выѣхали къ Струкову съ просьбой поспѣшить въ Адріанополь для водворенія порядка.

При занятіи Сливны, командиръ 2-го эскадрона орденскихъ драгунъ нашелъ тамъ наши зарядные ящики и лафеты, взятые турками подъ Еленою; кромѣ того запасъ шанцеваго инструмента на 1600 человѣкъ, громадный складъ сукна и денежный ящикъ. Мустафа-паша, близъ Адріанополя, занятъ 6-го января дивизіономъ московскихъ лейбъ-драгунъ, послѣ небольшой стычки съ баши-бузуками, которыхъ отбросилъ. Потери наши въ этомъ дѣлѣ еще неизвѣстны. Станція, городъ и мостъ заняты. 7-го янв. Струковъ съ остальными эскадронами московскихъ драгунъ и петербургскими уланами двинулся отъ Херманлы къ Чермену. Ночью съ 6-го на 7-е января маіоръ Искандеръ-Бекъ-Али-Бекъ-Оглы, съ 4-мъ эскадрономъ петербургскихъ улан, открылъ на дорогѣ изъ Хаскіоя въ Херманлы огромный турецкій обозъ, растянувшійся на 10 верстъ, и замѣтилъ много костровъ у дер. Деврали. 7-го съ развѣтомъ ген. Скобелевъ 2-й двинулъ туда полк. Панютина съ отрядомъ.

— Изъ Малой Азіи получена только слѣдующая телеграмма: Отрядъ ген. Комарова, выступивъ 1-го января отъ Ардануча на Артинъ и подвигаясь съ боемъ впередъ, противъ сильнаго, обороняющагося на крѣпкихъ позиціяхъ непріятеля, овладѣлъ Горхотанскими высотами; причемъ 1-й кавказскій стрѣлковый батальонъ, подъ начальствомъ капитана барона Зальца, блистательно штурмовалъ гору, составлявшую ключъ непріятельской позиціи. Непріятель понесъ значительный уронъ. Наша потеря состоитъ изъ 10 убитыхъ и 11 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Телеграммы.

Вѣна, 8-го января. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, великій визирь заявилъ представителямъ европейскихъ державъ въ Константинополѣ, что Порта поставлена въ необходимость озаботиться лишь своимъ собственнымъ положеніемъ и ради собственнаго спасенія заключить сепаратный миръ съ Россіей; Порта, впрочемъ, увѣрена, что западныя державы достаточно сильны, чтобы охранить свои интересы на Востокѣ.

Лондонъ, 5-го января. Парламентъ открытъ въ 2 часа пополудни. Въ тронной рѣчи сказано, что ранній созывъ парламента объясняется желаніемъ правительства сообщить о сдѣланныхъ имъ усиліяхъ, чтобъ достигнуть окончанія войны и заручиться совѣтомъ и содѣйствіемъ парламента. Далѣе, тронная рѣчь указываетъ на мѣры, принятыя Портою и Англіею по отношенію къ Россіи. «Я серьезно надѣюсь, говоритъ королева,—что мѣры эти поведутъ къ мирному рѣшенію дѣла, чему Англія будетъ содѣйствовать всѣми силами. До сихъ поръ ни одна изъ воюющихъ сторонъ не нарушила условій британскаго нейтралитета; я думаю, что обѣ онѣ готовы уважать его, насколько возможно. Пока же нейтралитетъ нашъ не нарушенъ, образъ дѣйствій Англіи останется прежній. Нельзя, однако, не сознаться, что, въ случаѣ продленія военныхъ дѣйствій, какое-нибудь неожиданное событіе можетъ сдѣлать необходимымъ принятіе мѣръ предосторожности, что было бы невозможно безъ приготовленій». Тронная рѣчь выражаетъ довѣріе къ щедрости парламента, который ассигнуетъ, съ этою цѣлью, необходимыя средства. Извѣщая о немедленномъ внесеніи въ парламентъ касающихся дѣла документовъ, тронная рѣчь заключается сообщеніемъ о томъ, что отношенія Англіи ко всѣмъ иностраннымъ державамъ остаются, по прежнему, дружественными.

— 9-го января. Сегодня происходило засѣданіе совѣта министровъ.

Здоровье лорда Дерби значительно поправилось и сегодня онъ снова вступилъ въ отправленіе своей должности.

Въ газетѣ «Standard» пишутъ: «Какъ только хоть одинъ русскій полкъ выступитъ изъ Адріанополя, чтобъ двинуться на Константинополь, возвѣщенныя въ тронной рѣчи предосторожности станутъ повелительною обязанностью. Подъ именемъ мѣръ предосторожности мы разумѣемъ не только ходатайство

передъ парламентомъ объ ассигнованіи денежныхъ средствъ, но и то, чтобъ, одновременно съ этимъ ходатайствомъ были посланы, по телеграфу, приказанія въ Средиземное море относительно немедленнаго начатія дѣйствій».

Константинополь, 7-го января. По словамъ «Агентства Гаваса», телеграмма отъ сегодняшняго числа, полученная изъ Адріанополя, сообщаетъ, что турки отказались отъ защиты Адріанополя и вывели оттуда всѣ войска и орудія. Мѣстный генералъ-губернаторъ выѣхалъ изъ Адріанополя сегодня утромъ, оставивъ всего 72 жандармовъ для охраненія спокойствія до предстоящаго вступленія въ городъ русскихъ войскъ. Въ виду вступленія русскихъ въ Мустафа-пашу, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Адріанополя, приняты мѣры, чтобъ оставшіеся въ Адріанополѣ турецкіе жандармы могли безпрепятственно удалиться оттуда.

Сегодня утромъ, изъ Адріанополя вышелъ желѣзнодорожный поѣздъ, на которомъ выѣхали всѣ иностранцы и туземные жители, пожелавшіе оставить городъ. Французскій консулъ остался въ Адріанополѣ, чтобъ оказать защиту своимъ соотечественникамъ.

— 9-го января. Уполномоченные Порты Серверъ и Намыкъ-паши были приняты въ Германлы 6-го января генераломъ Строгановымъ, для сопровожденія въ главную квартиру, въ Казанлыкъ; ихъ полномочія оказались весьма обширными; для сношеній съ Портой они пользуются телеграфомъ, черезъ Болгарію, Румынію и Австрію.

Въ дипломатическихъ кружкахъ преобладаетъ мнѣніе, что Порта вынуждена выхлопотать у русскаго правительства перемиріе на какихъ бы то ни было условіяхъ; положеніе Порты самое затруднительное, вслѣдствіе неудовольствія турокъ во всей имперіи, и въ особенности въ Константинополѣ.

Не менѣе 300,000 турокъ тянутся къ столицѣ, запружая всѣ дороги.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

Рисунки къ «Декамерону» Боккачіо Редакціею получены, и съ будущаго 4-го номера будетъ продолжаться печатаніе этого произведенія.

При настоящемъ нумерѣ разсылается первое художественное приложеніе „Чтеніе приговора“, картина Яна Матейко.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Января 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЯНЪ МАТЕЙКО.

ЧТЕНІЕ ПРИГОВОРА.

Дозволено цензурою. СПб. 5 Января 1878 г.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 лин., № 12.)

№ 4. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. - 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 22 Января 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ VI.

Отрывокъ изъ сказки „Сонное царство".

Стих. Е. В—ой.

Свѣтятъ звѣзды надъ дубравой,
Мѣсяцъ лебедемъ плыветъ;
Головой тряхнувъ кудрявой,
Пѣсню молодецъ поетъ:
«Не шуми ты, дубъ зеленый,
Въ полночь тихо надо мной,
Не томи, какъ ножъ точеный,
Ретивое мнѣ тоской.
Въ немъ не слезъ потокъ горючій,
Жизнь забытая проснись...
Дрогни грудью боръ дремучій,
Вихрь привольный подымись;
Надъ холмами, надъ долиной
Громкимъ посвистомъ гуляй,
Дай полетъ мнѣ соколиный,
Богатырской силы дай.
Съ ними вдоль страны родимой,
Какъ стрѣла, помчуся я,
Смѣлый путь неутомимый
Направляя въ тѣ края,
Гдѣ, крутясь разливомъ полнымъ,
Море слезъ бѣжитъ людскихъ,
Не лазурныя въ немъ волны,
Не глядится солнце въ нихъ.
Только дружно тьма ночная
Дѣлитъ вопль ихъ вѣковой,
То прохладой ихъ лаская,
То мятелью хмурясь злой.
Этимъ стонамъ безотвѣтнымъ
Я надежду бы принесъ,
Съ словомъ къ нимъ явясь завѣтнымъ:
«Больше силы, меньше слезъ».
Что въ слезахъ, тоскѣ неясной,
Хоть горючія онѣ,
Только сердце жгутъ напрасно,
Даромъ грудь томятъ въ огнѣ.
И безслѣдно вопль ихъ скорбный
Стынетъ на сердцѣ людей,
Какъ поверхъ плиты надгробной
Капли плачущихъ вѣтвей»
Подавивши вздохъ глубокій,
Смолкнулъ парень удалой,
Но не дрогнулъ лѣсъ высокій,
Не взыгрался вихрь лихой.
Все дремало беззаботно
До послѣдняго листка,
Пробуждаясь неохотно
Отъ дыханья вѣтерка:
Легкимъ вѣяньемъ лѣниво
Онъ вдоль зелени летѣлъ,
А за нимъ, склонясь, тоскливо
Дубъ, очнувшійся, шумѣлъ.
И на глади темноцвѣтной
Неподвижнаго ручья
Поднималась чуть замѣтно
Одинокая струя.
Но какъ будто бы съ испуга
Грезъ блаженство потерять —
Вмигъ безпечнымъ сномъ досуга
Засыпало все опять.
Только въ небѣ необъятномъ,
Полномъ бодрствующихъ силъ,
Въ блескѣ плавалъ благодатномъ
Сводъ недремлющихъ свѣтилъ.
Широко они глядѣли
На мертвящій сонъ земли —
И, срываясь, къ ней летѣли,
Тихо гаснувши вдали.

Госпожа Жервезе.

Романъ Эдмона и Жюля Гонкура.

(Переводъ П. Лѣтнева.)

(*Продолженіе.*)

XVIII.

Спѣша выѣхать изъ Парижа, г-жа Жервезе забыла тамъ свой портретъ, и Поль, привыкшій видѣть его надъ своей кроватью, неотступно требовалъ, чтобъ она послала за нимъ.

Въ одно послѣ обѣда, когда она, изнемогая отъ жара и неспособная ни къ какому занятію, лежала въ раздумьи на софѣ, ей принесли портретъ, присланный французскимъ посольствомъ. Она сорвала печать съ ящика, въ которомъ лежала овальная рама, и снова увидѣла себя такою, какою она была въ 18 лѣтъ, въ высокомъ шиньонѣ въ видѣ бабочки,—прическа, которую носили въ царствованіе Люи-Филиппа, — съ шиповникомъ и бѣлымъ верескомъ въ волосахъ. Ее облекало воздушное платье изъ тюля иллюзьонъ, убранное бѣлыми атласными лентами, съ голубымъ поясомъ цвѣта *bleu Mademoiselle*, бывшимъ въ модѣ въ эту зиму 1836 года. Туалетъ былъ сшитъ для бала у Лафитта, и отецъ нашелъ ее такою прелестною въ этотъ вечеръ, что непремѣнно хотѣлъ, чтобъ она сняла съ себя портретъ въ этомъ бальномъ платьѣ. Передъ нею снова проходилъ весь давно минувшій балъ; она видѣла бархатные обои танцовальной залы, она слышала ропотъ восторга при ея появленіи.

И она переживала почти съ благоговѣніемъ, шагъ за шагомъ, годы своего дѣвичества, счастливые годы, когда ея занятія, мысли, мечты сливались воедино съ вѣрованіями ея отца, человѣка, пропитаннаго высокими идеями свободы и гуманности. Она была его товарищемъ, собесѣдницей, секретаремъ; они довольствовались обществомъ другъ друга и искали уединенія, они посѣщали вмѣстѣ ученые курсы, удивляя публику своей неразлучностью; однимъ словомъ, то была жизнь двухъ товарищей студентовъ, жизнь интеллигентная, свободная, независимая, до того тѣсно связанная, не смотря на разницу лѣтъ, что отецъ носилъ на себѣ какъ будто отблескъ молодости дочери, а на дочери лежала печать опытности отца.

Но вдругъ воспоминанія ея омрачались и передъ нею возставалъ печальный, безпросвѣтный періодъ ея замужества. Отецъ ея желалъ этого замужества, желалъ пристроить ее, умирая, и она пожертвовала для него собою. И вотъ передъ ней проходили покорные, тупые, однообразные, безцѣльные годы ея замужней жизни. Мужъ ея не былъ ни дурнымъ, ни хорошимъ человѣкомъ, ни любящимъ, ни черствымъ эгоистомъ, онъ былъ не молодъ и не старъ, онъ былъ—полное ничтожество, одно изъ тѣхъ ничтожествъ, которые, однакожь, занимаютъ важныя общественныя мѣста. Она припоминала, какъ съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой ей открывалась безъисходная пошлость этого человѣка, слывшаго однимъ изъ умнѣйшихъ людей. Вѣчное, постоянное сообщество съ нимъ, было невыносимо для ея развитого ума; она не находила въ немъ ни одной общей мысли, ни одного слова, ни одной идеи, которыя бы не затрогивали въ ней чувствительной струны. Не смотря на все ея геройство, она иногда не удерживалась, и слушая, какъ ея мужъ говорилъ, мучительно проводила рукою по лбу и по глазамъ, какъ бы отгоняя отъ себя непрошеное страданіе. И эти годы были еще ничто въ сравненіи съ послѣдовавшими, когда мужъ сталъ завидовать ея превосходству, какъ ни старалась она его скрывать, завидовать низко, съ горькимъ сознаніемъ своего ничтожества, съ той ненавистью, которую еще болѣе раздражаетъ повседневное сожительство, но съ ненавистью свѣтскаго человѣка, вполнѣ соблюдающаго приличія. Она испытала преслѣдованіе лицемѣрное, постоянное, неутомимое мелочнаго ума, всѣ мелочныя пытки, придуманныя злобой глупца, кстати и некстати, всегда и ко всему повторявшему ей свою неизмѣнную, ироническую фразу: «Да вѣдь вы, — вы женщина высшихъ стремленій!» Мужъ сдѣлался врагомъ ея жизни, ея спокойствія, ея

вкусовъ, ея идей; онъ удалялъ изъ ея гостиной всѣ развитыя личности, которыя она хотѣла собрать вокругъ себя, и сознательно налагалъ на нее жестокую пытку своего постояннаго сообщества. И эта мука длилась десять лѣтъ! десять лѣтъ, впродолженіи которыхъ она зарывалась въ книги, какъ въ единственное спасеніе, и какъ Рахиль въ Св. Писаніи, напрасно взывала къ своему палачу: — «Да дай же мнѣ дѣтей... или я умру!» Десять лѣтъ она не была матерью! Наконецъ, у нея родился этотъ ребенокъ... Она взглянула съ любовью на безмятежное лицо спящаго малютки, и облако грусти омрачило ея лицо.

XIX.

Насмѣшки товарищей надъ нѣмотой ея сына, внушили г-жѣ Жервезе мысль — выучить читать Поля, и въ то же время занять свои праздные досуги этой тягостной обязанностью. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Римъ, она пригласила священника давать уроки своему сыну, но онъ, при первомъ взглядѣ на своего ученика, нашелъ безполезнымъ заниматься съ нимъ, и проводилъ время, назначенное для ученья, играя въ карты съ Джузеппо. Г-жа Жервезе отказала ему и, раскрывъ азбуку, позвала Поля. На лицѣ ея выражалась такая непреклонная рѣшимость, что ребенокъ задрожалъ съ головы до ногъ. Онъ подошелъ и старался повторять за нею буквы, но звуки вырывались изъ его сжатаго горла съ такимъ напряженіемъ, съ такимъ мучительнымъ трудомъ, что это усиліе нагоняло блѣдность на его щеки. Г-жа Жервезе дала себѣ слово не слабѣть; заставляя его страдать и еще болѣе страдая сама, она продержала его за ученьемъ впродолженіи цѣлаго часа, который себѣ назначила. Ребенокъ еще могъ произносить за матерью слова, которыя она почти разжевывала и клала ему въ ротъ, но когда дѣло дошло до того, чтобъ запомнить буквы и найти ихъ въ книгѣ, Поль почувствовалъ, что для него это непреодолимая трудность, и невозможность выполнить то, чего желала его мать, пробудила безсильную ярость въ его маленькомъ, любящемъ сердцѣ. Въ припадкѣ слѣпого, безумнаго отчаянія, онъ началъ топать ногами и кричать, волнуясь все болѣе и болѣе:—«Поль не можетъ... Поль не можетъ!»

Его остановила рука матери, и ея долгій, пристальный взглядъ приковалъ его къ мѣсту. Мучительно для обоихъ прошелъ первый урокъ, оставивъ ненавистное воспоминаніе въ сердцѣ ребенка, утратившаго съ этого дня всю свою веселость и почти совсѣмъ разучившагося говорить.

XX.

— Онъ опять не спалъ сегодня всю ночь, говорила Онорина г-жѣ Жервезе;—проклятыя буквы... онъ ихъ твердитъ даже въ постели, и плачетъ, плачетъ... такъ и разливается, бѣдняжка! Право, онъ сдѣлается боленъ, по милости ученья!

Г-жа Жервезе не отвѣчала. Она не оставляла своего намѣренія, но старалась облегчить уроки, придумывая средства механически напечатлѣть буквы въ памяти ребенка, и стараясь ободрить его ласками и убѣжденіями.

— Другъ мой, говорила она, пробуя затронуть его самолюбіе,—ты долженъ выучиться читать, какъ другіе дѣти, какъ твой маленькій пріятель Рене. Не правда ли? вѣдь ты хочешь учиться по этой хорошенькой книжкѣ?

И ребенокъ, весь натужившись и стараясь сосредоточить все свое вниманіе на раскрытой страницѣ, дѣлалъ напрасныя усилія, чтобъ выжать изъ себя то, что требовала его мать.

— Ну, это не такъ трудно, ну, для меня... если ты меня любишь... уговаривала она.

Урокъ часто прерывался слезами ребенка, который не могъ всегда читать и, при первомъ, ласковомъ словѣ матери, разражался истерическими рыданіями.

Въ одинъ день, когда г-жа Жервезе возвращалась съ прогулки, куда Поль не захотѣлъ идти съ нею, Онорина выбѣжала къ ней на встрѣчу.

— Вотъ, говорила я... Бѣдняжка! онъ заболѣлъ... сильно заболѣлъ! вскричала Онорина.

— Онъ боленъ!!

Г-жа Жервезе побѣжала въ комнату сына и нашла его лежащимъ въ постели.

— Что съ тобою, мой милый? душа моя? спрашивала она, бросаясь къ нему; — что у тебя болитъ?

— Не знаетъ... Поль не знаетъ... бормоталъ ребенокъ.

Она заботливо ощупывала его, стараясь найти больное мѣсто.

— Не знаетъ... Поль не знаетъ... повторялъ ребенокъ, широко раскрывая глаза и машинально поднося руки къ ноздрямъ.

— У него горячка! вскричала г-жа Жервезе, дотрогиваясь до его лба и рукъ.—Доктора, скорѣе доктора, Онорина!

При этихъ словахъ, губы Поля искривились сардоническимъ выраженіемъ, столь ужаснымъ на лицѣ ребенка, и онъ проговорилъ стиснувъ зубы:

— Доктора... Полю не учиться... не читать сегодня...

Г-жа Жервезе страшно поблѣднѣла и, бросившись на колѣни, поднесла къ губамъ влажныя руки сына, какъ бы прося прощенія. Она оставалась въ этомъ положеніи до прихода доктора Монтероне, который угрюмо осмотрѣлъ ребенка и, пробормотавъ про себя слово: «конвульсіи», спросилъ:

— У малютки вѣрно было какое-нибудь большое горе, или какое-нибудь сильное, умственное напряженіе?

— Ахъ да, это правда, докторъ! вскричала г-жа Жервезе: — вы хотите сказать, что я его убила? Да, я его убійца!.. Если онъ умретъ... это я... я его убила! Я хотѣла... о, какое это было безуміе... я хотѣла, чтобъ онъ былъ, какъ другіе... Какая въ этомъ нужда, скажите ради Бога?... Развѣ онъ не былъ хорошъ для меня, такимъ, какъ онъ есть?.. Не все ли мнѣ равно умѣлъ ли бы онъ читать или нѣтъ?..

И она ходила по комнатѣ, какъ безумная, не слушая доктора, говоря сама съ собой, какъ бы въ бреду, описывая въ подробности страшную муку, которой она подвергала своего сына, и бичуя себя собственнымъ презрѣніемъ, повторяла:

— Мать!.. мать!.. материнская гордость!.. когда дѣло идетъ о жизни ребенка...

Потомъ, вдругъ остановившись неподвижно, протянувъ руку впередъ, она проговорила отрывисто, какъ будто страшный кошмаръ проходилъ передъ ея глазами.

— Позолоченая колыбель... бѣлыя занавѣски... подъ занавѣсками тѣло малютки... букетъ цвѣтовъ въ головахъ и бѣлый вѣнокъ въ ногахъ... Да... вотъ... вотъ оно...

Докторъ послѣдовалъ за направленіемъ ея взгляда и дѣйствительно увидалъ въ окно похоронное шествіе за гробомъ ребенка. Мать снова бросилась къ сыну и сильно сжала его въ своихъ объятіяхъ, стараясь проникнуть себя сознаніемъ того, что онъ живъ и не ушелъ отъ нея. Но при видѣ его измѣнившагося личика и судорожныхъ подергиваній, она вскочила и, быстрымъ движеніемъ пригладивъ себѣ волосы, сказала тихо, благоразумно, какъ бы внезапно преобразившись:

— Теперь поговоримъ серьезно, докторъ; я въ полномъ разсудкѣ... не бойтесь!.. въ полномъ разсудкѣ...

Она говорила правду: къ ней вернулось хладнокровіе и не оставляло ее ни на минуту, во все время, пока она ухаживала за больнымъ. Она давала ему лекарства, прикладывала горчишники, просиживала цѣлыя ночи, наклонившись надъ этимъ маленькимъ тѣломъ, которое извивалось въ припадкахъ конвульсій, до того сильныхъ, что онѣ казалось хотѣли вырвать съ корнемъ жизнь у бѣднаго страдальца. На минуту образъ бѣсноватаго въ картинѣ «Преображенія» представалъ передъ нею: она увидала его судорожно-искривленный ротъ на лицѣ своего ребенка. Конвульсіи утихли только къ утру, но докторъ не могъ скрыть отъ матери своего безпокойства: онъ боялся возобновленія одного изъ тѣхъ дневныхъ припадковъ, при которыхъ въ особенности раздражаетъ солнечный свѣтъ.

XXI.

— Ну, что тамъ еще? съ досадой спросила г-жа Жервезе у Онорины, возвращавшейся изъ прихожей, откуда раздался звонокъ.

— Это пришли наши хозяйки: онѣ желаютъ видѣть ребенка.

— Я не хочу, чтобъ его видѣли.

И, обернувшись къ обѣимъ женщинамъ, робко вошедшимъ вслѣдъ за Онориной, она сказала въ какомъ то помѣшательствѣ, какъ будто не узнавая ихъ:

— Ну, чего вамъ нужно? зачѣмъ вы пришли?

— Извините, мы сейчасъ уйдемъ, отвѣчала младшая, робѣя, — мы идемъ помолиться за малютку въ Сан-Агостино.

— Сан-Агостино? Что такое Сан-Агостино? Что вы хотите сказать?

— О, вамъ, вѣроятно, хорошо извѣстно... Тамъ Мадонна, покровительствующая дѣтямъ и матерямъ...

Г-жа Жервезе, поглощенная одной мыслью, что только какой-нибудь знаменитый докторъ или шарлатанъ могъ спасти ея ребенка, выслушала ихъ съ горькой проніей. Вслѣдъ затѣмъ въ ея мысляхъ, совершенно безсознательно произошелъ внезапный переворотъ, и она сказала, обращаясь къ Оноринѣ:

— Ну, что же ты не дашь мнѣ шаль и шляпу? Ты видишь, меня ждутъ...

Она очутилась на улицѣ. Ея спутницы оглушали ее разсказами объ исцѣленіяхъ Мадонны. Онѣ разсказывали ей о послѣднемъ и недавнемъ чудѣ, надѣлавшемъ много шума въ Римѣ:—одна знатная дама по обѣту пожертвовала Мадоннѣ свой гребень, осыпанный бриллiантами, цѣною въ 25,000 франковъ, съ тѣмъ, чтобъ та исцѣлила ея сына. Но когда сынъ ея выздоровѣлъ, она захотѣла снова взять гребень назадъ, заплативши деньгами за его стоимость; монахи ей отвѣчали, что они не смѣютъ этого сдѣлать и чтобъ она сама взяла его. Она влѣзла на стулъ, но ей невозможно было выдернуть гребень изъ головы Мадонны.

Г-жа Жервезе не слушала и ничего не слыхала, кромѣ неяснаго жужжанья. Она шла, не отдавая себѣ отчета, куда идетъ, повинуясь механическому движенію, толкавшему ее впередъ. При входѣ въ церковь, ея спутницы указали ей на молодую женщину, всходившую съ трудомъ на ступени, опираясь на руку мужа. То была молодая родильница очень блѣдная, и казавшаяся еще блѣднѣе отъ розоваго, шелковаго платья, которое она надѣла для перваго выхода.

Въ неясномъ полусвѣтѣ отбрасываемомъ старыми, зеленоватыми стеклами, посреди фресокъ источенныхъ червями, въ темномъ углу, гдѣ пыль лежала густымъ слоемъ, г-жа Жервезе увидала алтарь, горящій огнями передъ статуей Св. Дѣвы и Предвѣчнаго Младенца въ золотыхъ одеждахъ, залитыхъ драгоцѣнными камнями. Теплый цвѣтъ мрамора почернѣлъ отъ копоти свѣчь и носилъ на себѣ отпечатокъ безчисленныхъ поклоненій, такъ что г-жа Жервезе съ трудомъ могла различить изъ-за массы драгоцѣнностей прекрасную голову Св. Дѣвы и ея тонкую руку съ продолговатыми пальцами. По обѣимъ сторонамъ ал-

таря стояли шкафы и рамы съ цѣлыми рядами серебряныхъ сердецъ, звѣздъ, вышиваній, ex-voto, мозаикъ, плохо намалеванныхъ картинъ, изображавшихъ больныхъ дѣтей, и неизбѣжное отверстіе въ потолкѣ, въ которое являлась Св. Дѣва съ Младенцемъ на рукахъ.

Посреди распростертаго народа, г-жа Жервезе одна только стояла и машинально смотрѣла на эти колѣнопреклоненныя фигуры, на этихъ женщинъ, лежащихъ ницъ, закутанныхъ въ шали и похожихъ на неуклюже связанные узлы, на толстыя, подбитыя огромными гвоздями подошвы поселянъ, продавливавшихъ локтями соломенные стулья и смотрѣвшихъ изъ подлобья дикимъ взглядомъ, въ которомъ свѣтилось отраженіе свѣчъ. Каждую минуту дверь растворялась и впускала кого-нибудь извнѣ, этотъ кто-то дѣлался тотчасъ же тѣнью, опускалъ пальцы въ кропильницу съ святой водой, которую держалъ ангелъ въ бѣлой одеждѣ, потомъ тяжело падалъ на колѣни и, вставши, шелъ прямо къ статуѣ Св. Дѣвы, прикладывался къ ея ногѣ, затѣмъ прислонялся на минуту лбомъ къ большому пальцу этой ноги, снова цѣловалъ его и, обмакнувъ палецъ въ лампаду съ масломъ, теръ имъ себѣ лобъ.

И такъ всегда, непрерывно, только одно вѣчное поклоненіе и больше ничего! Самъ воздухъ Сан-Агостино, казалось, пропитанъ былъ шепотомъ вѣчныхъ молитвъ, затаенныхъ вздоховъ и страдальческихъ стоновъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ земли.

Спутницы г-жи Жервезе, окончивъ свои молитвы, остановились, ожидая ее. Она все стояла съ нѣмымъ, неподвижнымъ лицомъ, какъ вдругъ мимо нея прошла женщина съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ. Она наклонила его головку надъ ногой Св. Дѣвы, и онъ уронилъ на нее сонный, вялый поцѣлуй. Тогда та, другая мать, непреодолимымъ движеніемъ рванулась впередъ прямо къ пьедесталу, никого не видя, расталкивая по дорогѣ стулья и людей, съ порывомъ бросилась на колѣни и прильнула губами къ холодной позолотѣ, бормоча молитву, заглушаемую рыданіями.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Чортъ и Вѣдьма.

Историческій очеркъ **С. С. Шашкова.**

(Продолженіе.)

Вѣра въ вѣдовство и инквизиціонное преслѣдованіе вѣдьмы вполнѣ организовались при папѣ Григоріи XI, который своею буллою далъ инквизитору Конраду Марбургскому неограниченную власть сжигать и преслѣдовать вѣдьмъ. Неистовства этого инквизитора повели за собой чрезвычайное усиленіе вѣры въ вѣдовство. «Кто только попадался ему въ руки, писалъ папѣ архіепископъ майнцскій, тому оставалось на выборъ: или добровольно признаться и тѣмъ спасти свою жизнь или же поклясться въ своей невинности и быть немедленно сожженымъ. Каждому ложному свидѣтельству давалась вѣра и честной защиты никому не дозволялось; обвиненный долженъ былъ признаваться, что онъ еретикъ, что онъ прикасался къ жабѣ, что онъ цѣловался съ какимъ то чудовищемъ». Въ XVI вѣкѣ вѣдовскіе процессы и казни значительно усилились и въ одной только Каркасоннѣ съ 1320 по 50 г. было осуждено за вѣдовство болѣе 400 человѣкъ, половина которыхъ была казнена смертію. Въ XV вѣкѣ вѣдовской терроръ достигъ своего апогея послѣ того, какъ Инокентій VIII, въ своей буллѣ отъ 5 декабря 1484 г., окончательно формулировалъ вѣдовской символъ и уголовныя мѣры противъ этого зла.

На основаніи этой буллы инквизиторы составили и въ 1487 г. издали знаменитый «Молотъ Вѣдьмъ», одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній того времени, бывшее и подробной догматикой вѣдовства, и трактатомъ уголовнаго права, и инструкціей судебнымъ слѣдователямъ. «Молотъ Вѣдьмъ» прежде всего задается вопросомъ, существуетъ ли волшебство? и опровергаетъ тѣхъ немногочисленныхъ вольнодумцевъ, которые тогда уже относили его къ области фантазій и галлюцинацій. Онъ объявляетъ этихъ вольнодумцевъ еретиками, достойными жесточайшаго наказанія. Доказавъ существованіе волшебства, Молотъ переходитъ къ волшебникамъ и вѣдьмамъ «Вѣдьма посредствомъ договора совершенно отдалась дьяволу и обязалась истинно и дѣйствительно, а не въ фантазіи или воображеніи, во всемъ содѣйствовать ему». Но почему же вѣдовствомъ занимаются преимущественно женщины? Нѣкоторые учители говорятъ: «трое не знаютъ мѣры ни въ добрѣ, ни въ злѣ: языкъ, попъ и женщина,—послѣдняя относительно физическихъ удовольствій. Но есть и другія причины, почему женщины преимущественно предаются вѣдовству. Потому что онѣ легкомысленны, а такъ какъ дьяволъ касается прежде всего вѣры, то легко и овладѣваетъ ими. Потому что онѣ, при *жидкости* своей комплекціи, впечатлительнѣе къ его внушеніямъ. Потому что у нихъ боекъ языкъ, и то, что онѣ знаютъ не законнымъ образомъ, онѣ не могутъ утаить отъ своихъ подругъ». «У женщины три главныхъ порока: невѣріе, самолюбіе и сладострастіе, изъ которыхъ вытекаютъ семь главныхъ преступленій вѣдовства, съ помощію котораго волшебники и вѣдьмы наполняютъ душу: 1) необузданною любовью или ненавистію, 2) мѣшаютъ силѣ здоровья, 3) устраняютъ необходимые для того органы, 4) превращаютъ своими чарами людей въ животныхъ, 5) отнимаютъ у женщинъ способность къ беременности, 6) производятъ выкидышъ, 7) воруютъ дѣтей, которыхъ онѣ отдаютъ чорту, и кромѣ того, губятъ домашнихъ животныхъ, жатву на поляхъ, овощи и фрукты». При объясненіи этихъ положеній приводится много дѣйствительныхъ будто бы случаевъ въ родѣ слѣдующаго: «Мы знали одну старую бабу, которая нетолько околдовала, но даже умертвила послѣдовательно трехъ аббатовъ одного монастыря и покушалась сдѣлать то же самое съ четвертымъ. Она сама созналась въ томъ и не убоялась сказать: «я дѣлала это и дѣлаю, и они не могутъ освободиться отъ любви ко мнѣ, потому что они съѣли вотъ сколько моихъ нечистотъ (притомъ она отмѣряла руками, показывая количество). Я думаю, замѣчаетъ при этомъ главный авторъ Молота, Шпренгеръ, что она еще жива, потому что въ то время мы еще не были уполномочены разслѣдовать подобныя дѣла и мстить за нихъ».

«§ 11. Повивальныя бабки, которыя вѣдьмы, уничтожаютъ плодъ въ чревѣ матери, различнымъ образомъ производятъ выкидышъ, а если не дѣлаютъ того, то посвящаютъ новорожденныхъ дѣтей дьяволу. Такъ говорятъ канонисты и теологи, но къ сему нужно еще присовокупить, что вѣдьмы въ качествѣ повивальныхъ бабокъ сами съѣдаютъ ребенка. Намъ извѣстны примѣры, когда вѣдьмы дѣлали это. Вѣдьмы сами признались намъ, что акушерки опаснѣе и вреднѣе всего для святой католической вѣры, такъ какъ онѣ, если и не лишаютъ ребенка жизни, то выносятъ его подъ какимъ-нибудь предлогомъ изъ комнаты, поднимаются съ нимъ на воздухъ и доставляютъ его дьяволу».

Трактуя о различныхъ способахъ, которыми дьяволъ посредствомъ вѣдьмы увлекаетъ невинныхъ, Молотъ говоритъ, что это дѣлается, во-первыхъ, посредствомъ всевозможныхъ золъ, причиняемыхъ до тѣхъ поръ вѣдьмою извѣстному человѣку, пока послѣдній не вынужденъ будетъ наконецъ обратиться за совѣтомъ и помощью къ вѣдьмѣ, которая и сведетъ его съ сатаной. Во-вторыхъ, это дѣлается посредствомъ возбужденія чувственныхъ инстинктовъ и Молотъ приводитъ много примѣровъ, показывающихъ, что дьяволъ съ особенной охотою соблазняетъ благочестивыхъ дѣвъ. Въ-третьихъ, это обращеніе къ дьяволу бываетъ результатомъ печали и бѣдности, въ особенности у соблазненныхъ и брошенныхъ любовниками дѣвушекъ, которыя изъ мести дѣлаются вѣдьмами. Если отдавшаяся и присягнувшая сатанѣ плохо исполняетъ свою обязанность, то дьяволъ старается исправить ее наказаніями. «Всѣ вѣдьмы, присужденныя нами къ сожженію, признавались, что чортъ принуждалъ ихъ къ вѣдовству мученіями и побоями, и это подтверждалось ихъ опухшими и посинѣлыми лицами, а равно и тѣмъ, что послѣ сознанія сдѣланнаго ими подъ пыткой, онѣ старались покончить съ собой самоубійствомъ, конечно, по внушенію злого духа, хлопотавшаго о томъ, чтобы онѣ не удостоились благодати съ помощью раскаянія и истины... Одна вѣдьма, замѣчательная упорною молчаливостью во время слѣдствія, всетаки призналась, наконецъ, что вѣдьмы дѣлаются способными къ такой молчаливости во время пытки съ помощью мальчика-первенца, котораго онѣ варятъ въ печкѣ».

«Кто думаетъ, что полеты вѣдьмъ по воздуху относятся къ области фантазіи, тотъ еретикъ». Вѣдьма такимъ образомъ приготовляется къ своему полету: по указанію дьявола, она дѣлаетъ изъ членовъ дѣтей, умерщвленныхъ ею до крещенія, мазь, которою мажетъ сидѣнье или полѣно и немедленно взлетаетъ на немъ въ воздухъ, причемъ она можетъ быть видима и невидима, какъ пожелаетъ. Съ разрѣшенія дьявола вѣдьмы летаютъ также на чертяхъ, принимающихъ для этого образъ какого-нибудь животнаго. Послѣ отреченія отъ Бога и союза съ сатаной, новая вѣдьма летитъ такимъ образомъ на метлѣ или на козлѣ въ ночь ближайшаго шабаша на вѣдовское собраніе, бывающее еженедѣльно, кромѣ главнаго собранія, ночью 1 мая. Здѣсь сатана является въ разныхъ видахъ, чаще же всего въ видѣ получеловѣка-полукозла, сидящаго на позолоченномъ тронѣ. На головѣ въ формѣ короны расположены маленькіе рожки, а изъ большого рога, сидящаго на лбу, льется свѣтъ; глаза тоже горятъ. Шабашъ, служащій пародіей католической обѣдни, начинается поклоненіемъ сатанѣ чертей, волшебниковъ и вѣдьмъ, а затѣмъ слѣдуетъ исповѣдь, во время которой поклонники дьявола каятся ему въ своихъ грѣхахъ, т. е. въ томъ, чего они не успѣли сдѣлать для пагубы человѣческой; сатана разрѣшаетъ ихъ, налагаетъ эпитеміи, дѣлаетъ внушенія. Затѣмъ слѣдуетъ месса, во время которой происходитъ причащеніе подъ обоими видами: гостію замѣняетъ какой то гнилой составъ, а вино отвратительный вонючій напитокъ. На банкетѣ, слѣдующемъ за обѣднею, всѣ кушанья и напитки состоятъ изъ всевозможной гадости, какую только могла придумать средневѣковая фантазія. За обѣдомъ слѣдуютъ танцы, а потомъ оргія, во время которой сатана замѣняетъ мужчинамъ женщину, а женщинамъ мужчину. Въ заключеніе всего дьяволъ даетъ инструкціи и наставленія своимъ служителямъ и сожигаетъ свой чувственный образъ, а вѣдьмы, собравъ оставшуюся отъ этого козла золу, имѣющую волшебную силу, разлетаются по домамъ.

Вѣроятно, не было ни одного кодекса въ мірѣ, который былъ бы такъ страшенъ для подсудимыхъ своими принципами, какъ Молотъ Вѣдьмъ. По мнѣнію его составителей, грѣхъ вѣдьмы несравненно больше грѣха дьявола, и тяжести преступленія должна соотвѣтствовать тяжесть наказанія. Молотъ предписываетъ судьямъ и слѣдователямъ такъ вести дѣло, что заподозрѣнному почти невозможно избѣгнуть осужденія. Вотъ что, напр., говоритъ онъ о свидѣтеляхъ. «Въ дѣлахъ вѣры всякаго рода допускаются свидѣтелями отлученные отъ церкви, участники пре-

Картина Н. ВАСТАГА.

Отдыхъ.

ступленія, люди обезпеченные и порочные, рабы противъ своихъ господъ. Равнымъ образомъ, при недостаткѣ другихъ, допускаются въ свидѣтели еретики противъ еретиковъ и волшебники противъ волшебниковъ, но только въ томъ случаѣ, если они показываютъ противъ обвиняемаго. Равнымъ образомъ, жена, дѣти, друзья, если они свидѣтельствуютъ противъ него. Также клятвопреступники, о которыхъ можно предположить, что они свидѣтельствуютъ изъ религіозной ревности, не устраняются. Могутъ ли допускаться въ свидѣтели смертельные враги обвиняемаго? Тѣ, о которыхъ доказано, что они покушались на жизнь обвиняемаго, нанесли ему раны или тяжкія обиды, устраняются отъ свидѣтельства, но всякая другая вражда, даже жестокая или такая, какая обыкновенно бываетъ между женщинами, вовсе не можетъ служить препятствіемъ, но показанія получаютъ силу полнаго доказательства только отъ показаній другихъ свидѣтелей». Если уличаемый свидѣтелями не сознается, то судья можетъ посадить его въ тюрьму, «такъ какъ онъ, можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ, измученный ужасами тюрьмы, сознается въ преступленіи». Но большею частію слѣдователи подвергали пыткамъ, относительно которыхъ Молотъ дѣлаетъ самыя подробныя указанія, замѣчая, что дьяволъ даетъ вѣдьмамъ такія силы, что онѣ не признаются даже и подъ пытками. Если не помогаетъ и пытка, то инквизиторы пускаютъ въ дѣло такъ называемыя «улики», которыхъ даже безъ сознанія подсудимой было достаточно для ея осужденія. Эти улики были безчисленны; «серьезное и смѣшное, говоритъ Шерръ, возвышенное и комическое, преимущества и преступленія, добродѣтели и пороки, красота и безобразіе, благочестіе и индеферентизмъ, здоровье и болѣзнь, умъ и глупость, хорошая и дурная репутація, слова и тѣлодвиженія, все, рѣшительно все, могло возбудить подозрѣніе въ вѣдовствѣ, а обвиненіе въ 99 случаяхъ изъ 100 было и приговоромъ». Судьи нисколько не затруднялись отсутствіемъ свидѣтелей и старались поймать подсудимую на какой-нибудь судейскій крючекъ. Ее спрашивали, напр., вѣритъ ли она въ вѣдьмъ? если она говорила *нѣтъ*, то она еретичка и, слѣдовательно, достойна казни; если же она говорила *да*, то явное дѣло, что она знаетъ что-то о вѣдьмахъ и только не хочетъ говорить, а потому виновна въ сообщничествѣ и въ недонесеніи о преступленіи. Вѣдьму подвергали также суду Божію и бросали для этого въ воду; если она тонула, то считалась невинною, если же держалась на поверхности воды и плавала, то признавалась вѣдьмою и подлежала казни. Нерѣдко слѣдователи и сторожа тюрьмы насиловали заключенныхъ подсудимыхъ и потомъ слѣды этого насилія выдавались за явные признаки ихъ связи съ дьяволомъ. Если подсудимая отъ пытокъ и мученій умирала въ тюрьмѣ, то ея смерть считалась дѣломъ сатаны, избавившаго ея такимъ образомъ отъ мученій казни. Пыткамъ предшествовало испытаніе иглой, при которомъ обвиняемую раздѣвали до-нага, обрывали со всего тѣла волосы и искали вѣдовскій знакъ, бородавку, родимое пятнышко и т. д.; если изъ этого знака, проткнутаго иглой, не шла кровь, то это было явною уликою въ вѣдовствѣ, если кровь показывалась, это значило, что дьяволъ отводитъ глаза, чтобы спасти свою служанку и любовницу; если же вовсе не было самаго знака, то и это обстоятельство обращалось противъ подсудимой: ясное дѣло, что знакъ уничтоженъ дьяволомъ. Испытаніе иглой было особою спеціальностью и по этой части особенно отличались шотландскіе сыщики Кинкейтъ и Кети; они были такъ искусны, что всегда находили вѣдовскій знакъ: раздѣвъ подсудимую и воткнувъ въ нее въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько иголокъ, они объявляли, что знакъ найденъ, а одной такой экспертизы было достаточно для осужденія. Пытка начиналась официальной формулой: «ты будешь пытана до тѣхъ поръ, пока сквозь тебя не будетъ просвѣчивать солнце». Подсудимую били кнутами, жгли раскаленнымъ желѣзомъ, вѣшали за ребро на крюкъ, вырѣзывали ей полосы кожи, вырывали клочьями мясо посредствомъ желѣзныхъ когтей, переламывали кости рукъ и ногъ, такъ что изъ нихъ вытекалъ мозгъ и продолжали все это до тѣхъ поръ, пока не достигали своей цѣли. Множество подсудимыхъ умирало отъ пытокъ или кончало самоубійствомъ отъ страха. Реми, знаменитый лотарингскій судья, сожегшій 800 человѣкъ, хвасталъ: «я такъ справедливъ, что однажды 16 арестованныхъ на другой день всѣ удавились, не дождавшись суда!» Осужденіе вело за собой смертную казнь на кострѣ, которую католицизмъ оправдывалъ тѣмъ, что служители Бога мира не имѣютъ права проливать человѣческой крови. Раскаявшуюся вѣдьму сначала обезглавливали, а потомъ сожигали. Постановленія гражданскихъ кодексовъ о вѣдовствѣ были такъ сбивчивы и неопредѣленны, что на основаніи ихъ можно было осудить кого угодно.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Наши ближніе.

(*Окончаніе.*)

«Душа общества».

— Я никакъ не могиль думать, што фи это сдѣлаетъ... Моя зестра совсѣмъ благороднiй дѣвицъ... она не мѣшанка... Она съ дворянскаго происхожденія... У насъ папаша на Рига шиновникомъ слюжитъ... Я будетъ жальваться.. я будетъ доходить до высокихъ особъ... на сенатъ обращусь...

Вся эта тирада со слезами и угрозами, произнесенная невообразимымъ языкомъ рижской нѣмки, желающей казаться русскою, была однажды произнесена залпомъ передъ Дмитріемъ Петровичемъ Сушковымъ, только что проснувшимся по утру. Онъ сѣлъ на своей постели и остановилъ еще мутные отъ вчерашней попойки глаза на своей квартирной хозяйкѣ, стоявшей передъ нимъ и продолжавшей изливать свои жалобы.

— Вы, мадамъ, скажите толкомъ, что вамъ надо? проговорилъ онъ.

— Ви, какъ шестній шеловѣкъ, долженъ шениться на Мальхенъ... Мальхенъ имѣетъ своего папашу на Рига шиновникомъ...

— Позвольте, я то тутъ чѣмъ виноватъ, что у нея папаша чиновникъ?

— О, ви понимаетъ, въ чэмъ ви виноватъ!.. Ви ошень понимаетъ!.. Ви самъ скоро будетъ отецъ...

Сушковъ совсѣмъ опѣшилъ. Онъ никакъ не подозрѣвалъ этого. Онъ даже не могъ опредѣлить, когда и какъ онъ сблизился съ Мальхенъ. Но штука выходила скверная: квартирная хозяйка стояла на своемъ, то есть хотѣла жаловаться и грозила непріятными послѣдствіями. Кое-какъ выпроводивъ ее изъ своей комнаты, Сушковъ одѣлся и задумался. Передъ нимъ проходили сцены прошлаго. Тутъ были женщины всѣхъ сословій, всѣхъ степеней образованія, но онъ понималъ, почему онъ сходился съ ними и почему онѣ сходились съ нимъ.

— И ужь когда ты поешь — душу бы тебѣ, окаянному, свою отдала! говорила ему когда то одна деревенская дѣвка.

— Не гляди, не гляди на меня такими глазами! говорила ему какъ то одна барыня.—Ты ими прямо въ душу смотришь!

— Ха, ха, ха! Не могу, не могу! Ты меня уморишь отъ смѣха! истерически хохотала разбитная кокотка, оставаясь наединѣ съ нимъ.

И его влекли къ этимъ женщинамъ ихъ красивыя лица, ихъ крупныя связи, ихъ богатства. Но Мальхенъ!.. Что могло привлечь ее къ нему. Бѣлобрысая, холодная, апатичная, знавшая только хозяйство, Мальхенъ не могла увлечься ни его красотой, ни его пѣніемъ, ни его веселостью. Если что ее и занимало, такъ это его стеклянный шкапъ, гдѣ стояли кубки, футляры съ цѣнными вещами, жбаны, серебро и золото. Мальхенъ по цѣлымъ часамъ во время его отсутствія разсматривала эти вещи, а когда въ шкапу появился серебряный чайный сервизъ, она окончательно не выходила изъ его комнаты.

— Это все серебро! Все настоящее серебро! говорила она сестрѣ по-нѣмецки, и ея глазамъ представлялась ея собственная квартира, гдѣ будетъ стоять все это серебро, настоящее серебро!

Сушковъ не зналъ этого и еще менѣе зналъ онъ то, что привлекло его самого къ ней.

— Пьянъ я, что-ли, былъ? разсуждалъ онъ.— И съ кѣмъ сошелся! Съ нѣмкой изъ Риги!

Но какъ бы то ни было, а сестрица Мальхенъ и сама Мальхенъ не отступали отъ своей добычи и въ одно прекрасное утро Дмитрій Петровичъ узналъ, что его обручили даже,—по крайней мѣрѣ, на его рукѣ появилось кольцо. Какъ это случилось,—онъ опять таки не помнилъ. Домой онъ являлся всегда въ состояніи невмѣняемости. Такой передряги ему еще никогда не приходилось переживать, хотя въ его жизни недостатка въ передрягахъ не было, особенно въ любовныхъ. Приходилось ему иногда даже ускользать тайкомъ изъ нѣкоторыхъ мѣстностей отъ этихъ передрягъ. Но теперь ускользнуть было невозможно, не испортивъ карьеры. Онъ началъ обдумывать свое положеніе и, въ концѣ концовъ, пришелъ къ заключенію: «Отчего-же и на нѣмкѣ не жениться? Носки штопать будетъ, хозяйство блюсти. Мнѣ что она? Мѣшать не будетъ, только развѣ вотъ дѣтей нарожаетъ. Ну да мнѣ-то какое до этого дѣло! Не на скандалъ же въ самомъ дѣлѣ лѣзть! Чернить еще вездѣ подлая начнетъ. Чортъ знаетъ, куда залѣзетъ. Надо только университетъ теперь по боку. Ничего я тамъ и безъ того не дѣлаю. Экзаменовъ все равно не сдамъ. Въ императорскіе актеры развѣ махнуть? Пристроиться-то давно пора. Оно даже и хорошо, что это случилось. Рѣшусь, по крайней мѣрѣ, на что нибудь. А то пьешь, пьешь,—завертѣлся совсѣмъ и о будущемъ забылъ».

На слѣдующій день онъ обѣдалъ у генерала Турухтанскаго.

— Знаете-ли, на что я рѣшился? проговорилъ онъ, обращаясь къ хозяину дома.

— На что? полюбопытствовалъ генералъ.

— Поступить въ актеры.

Генералъ немного смутился.

— Васъ это удивляетъ, спросилъ Сушковъ.—Но видите-ли, что я думаю. Стану я кончать курсъ въ университетѣ, буду перебиваться съ гроша на грошъ и добьюсь того, что получу дипломъ на право всю жизнь макать перо въ ту чернильницу, въ которую макаютъ люди свои перья и безъ полученія дипломовъ. Что же дальше? Ровно ничего. Буду ли я хорошимъ чиновникомъ, составлю-ли себѣ карьеру—это еще вопросъ; съумѣю-ли я принести пользу на административномъ поприщѣ—это тоже покрыто мракомъ неизвѣстности. На артистическомъ же поприщѣ—тутъ дѣло другое, тутъ я у себя дома, тутъ я могу внести кое-что свое, могу сдѣлать себѣ имя. Зауряднымъ александринцемъ, или актеромъ, подающимъ письма на сценѣ да изображающимъ герольдовъ, я не буду. Я, можетъ быть, не буду вообще тѣмъ, чѣмъ являются наши актеры, то есть чиновникомъ театральнаго департамента, угождающимъ высшему начальству рачительною службою, а буду свободнымъ артистомъ, оставляющимъ за собою право являться на подмостки театра тогда, когда этого захочется ему самому.

Сушковъ горячо распространился о своихъ планахъ на счетъ будущаго и къ концу разговора генералъ Туруханскій уже говорилъ ему:

— Я всегда вамъ говорилъ, что ваше призваніе артистическая карьера!

Сушковъ началъ добиваться своей цѣли при помощи особы, обѣщавшей похлопотать за него. Послѣ нѣкоторыхъ проволочекъ ему дали дебютъ. Ложи были разобраны на этотъ день лицами высшаго общества, въ партерѣ была золотая молодежь, въ райкѣ были учащіеся юноши, въ пользу которыхъ устраивалъ спектакли Сушковъ, и дебютъ вышелъ крайне удачнымъ. Сушкова приняли въ число актеровъ, ему назначили жалованье, хотя ходу на первое время и не дали. Да онъ и не заботился объ этомъ: слава его росла помимо театра и ей даже не помѣшала женитьба на Мальхенъ, такъ какъ эта женитьба совершилась тайкомъ и нисколько не помѣшала Сушкову продолжать розыгрывать роль Донъ-Жуана, сердцеѣда и жуира. Самъ онъ остался очень доволенъ своимъ положеніемъ. Мальхенъ оказалась хорошею хозяйкою, хорошею экономкою. У Сушкова всегда было чистое бѣлье, всегда была мягкая постель, всегда была прибранная квартира. Домой онъ являлся только ночевать и высыпаться. Мальхенъ не сердилась на это. Она обирала у мужа всѣ деньги, имѣла свой собственный кругъ знакомыхъ изъ нѣмокъ и нѣмцевъ, наслаждалась сознаніемъ, что у нее все серебро, настоящее серебро и считала себя счастливѣйшею женщиною, тѣмъ болѣе, что мужъ ее немного побаивался. У нея даже ежегодно рождались дѣти, хотя Сушковъ плохо зналъ ихъ въ лицо и перепутывалъ ихъ имена. Онъ, впрочемъ, любилъ ихъ, какъ онъ любилъ всѣхъ и все, и даже справлялся о ихъ здоровьи, шутливо говоря имъ:

— Ну что вы, мои нѣмчуры, алле гезундъ?

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Въ одномъ изъ клубовъ устраивался спектакль въ пользу учащейся молодежи. Распорядители вечера—барыни аристократки и благообразные юноши во фракахъ съ голубыми бантами—метались, какъ угорѣлые, принимая дѣловой видъ. Героемъ этого вечера былъ Сушковъ: онъ пѣлъ и за себя и за артистовъ, которые имѣли обыкновеніе внезапно заболѣвать въ каждый изъ благотворительныхъ спектаклей. Его заставляли повторять всѣ сцены, всѣ куплеты, и онъ усталъ на столько, что поминутно подкрѣплялъ свои силы въ буфетѣ. Здѣсь онъ случайно столкнулся съ слонообразнымъ, сильно помятымъ и невообразимо уродливымъ господиномъ, словно налитымъ водкою и виномъ.

— Ба, ба, ба! Кого я вижу! Шкляревъ, это твое благоутробіе—и гдѣ же?—въ Питерѣ! воскликнулъ Сушковъ, бросаясь съ распростертыми объятіями къ слонообразному господину, сидѣвшему мрачно за бутылкой вина.

— Да мое благоутробіе! хмуро отвѣтилъ Шкляровъ.

— Какъ ты попалъ сюда? Вѣдь я тебя лѣтъ десять не видалъ.

— Пришелъ на тебя посмотрѣть, какъ ты теперь лавры пожинаешь...

— Да, да, лавры... Ну, а ты какъ живешь? Что дѣлаешь?

— Что дѣлаешь? Что-же я могу дѣлать? Все сцены балаганныя разсказываю, только мы теперь не въ авантажѣ обрѣтаемся. По клубамъ, по провинціямъ, по купечеству все больше... Вотъ пріѣхалъ въ Питеръ, такъ никто и не вспомнилъ, что я здѣсь, даже на сегодняшній вечеръ не пригласили... А ничего, Шкляревъ лишнимъ бы не былъ...

Шкляревъ былъ видимо въ желчномъ настроеніи.

— А, кажись, вмѣстѣ начали на подмосткахъ то являться, продолжалъ онъ. — Только ты то вонъ тонкій, такъ и проскользнулъ подальше, а я что?—я слонъ, гдѣ мнѣ пролѣзть впередъ...

— Да, да, мнѣ повезло! проговорилъ Сушковъ.—Ты заходи ко мнѣ. Посмотри, какъ я теперь живу.

— Женатъ ты, говорятъ?

— Да, да, женили, братъ, женили...

— Ну и что-же?

— Нѣмку дали! безнадежно махнулъ рукою Сушковъ. — Да это что! Жена дѣло домашнее, для порядка...

— Дмитрій Петровичъ, Дмитрій Петровичъ, вамъ выходить! Клѣменская не пріѣхала! Спойте, пожалуйста, за нее! кричалъ одинъ изъ распорядителей, вбѣгая въ буфетъ...

— Видишь, братъ, я нынче и за женщинъ орудую! захохоталъ Сушковъ, хлопнувъ по плечу Шклярева. Онъ торопливо отправился въ залъ, пробираясь къ сценѣ. Публика, завидѣвъ его, стала аплодировать и онъ кивалъ ей привѣтливо головой, какъ толпѣ своихъ друзей.

Часамъ къ тремъ ночи кончился и спектакль, и балъ. Публика разъѣхалась, остались одни распорядители—мужчины и артисты съ артистками. Всѣ усѣлись за общій ужинъ вокругъ большого стола, за которымъ уже сидѣлъ Шкляревъ. Онъ не участвовалъ въ спектаклѣ, его никто не приглашалъ къ ужину, но онъ уже сидѣлъ за столомъ, во первыхъ, потому, что онъ вообще не могъ не ѣсть, когда ѣли другіе, а во вторыхъ, потому, что онъ считалъ себя тоже артистомъ и не могъ себѣ представить, чтобы для него не было мѣста за ужиномъ артистовъ. Впрочемъ, къ тремъ часамъ ночи Шкляревъ обыкновенно находился въ состояніи невмѣняемости.

— Ну что, твое благоутробіе уже наблагоутробилось? шутливо проговорилъ Дмитрій Петровичъ, похлопывая его по плечу.

Шкляревъ даже не пошевельнулся, точно не чувствуя прикосновенія чужой руки къ своей слоновой фигурѣ. Онъ былъ совершенно пьянъ и едва шевелилъ отвисшею нижнею губою.

— По-длецъ! пробормоталъ онъ съ трудомъ, не поднимая головы, тоскливо опущенной впередъ.

— Чего ты ругаешься, слонъ азіатскій? улыбнулся Сушковъ.

— Самъ знаешь, чего, монотоннымъ голосомъ повторилъ Шкляревъ, не измѣняя своего положенія.

— Совсѣмъ пьянъ! махнулъ рукою Сушковъ и присѣлъ за столъ.

— Дмитрій Петровичъ, Дмитрій Петровичъ! разскажите что нибудь, приставали къ нему распорядители.—Намъ вѣдь не удалось сегодня послушать ни вашего пѣнія, ни вашихъ разсказовъ.

— Что же я вамъ стану разсказывать, господа! Я все ужь сегодня высыпалъ, что зналъ, говорилъ Сушковъ.

— Что хотите, разсказывайте, все равно! раздались голоса.

Дмитрій Петровичъ сталъ придумывать, что бы такое разсказать.

— Та-лантъ, а, до мо-зга ко-стей, пробормоталъ, словно очнувшись отъ шума, Шкляревъ.

Сушковъ немного смутился и началъ усиленно ѣсть и пить, уткнувшись лицомъ въ тарелку.

— И самъ зна-етъ, что онъ зна-етъ! продолжалъ Шкляревъ.—Митька, ска-жи ты мнѣ одно по совѣсти: зна-ешь-ли ты?

— Да вы про кого это тамъ ворчите? спросилъ кто-то, смѣясь надъ пьянымъ Шкляревымъ.

— Все про него же, съ трудомъ отвѣтилъ Шкляревъ.—Про Ми-тьку Суш-кова... По-длецъ, по-длецъ и по-длецъ и самъ онъ...

Шкляревъ икнулъ и не кончилъ фразы. Сушковъ молча глоталъ вино.

— Да кто этотъ господинъ? послышался вопросъ среди распорядителей.—Кто его пригласилъ? Чего онъ ругается? Вывести его! Еще чортъ знаетъ кто такой, можетъ быть...

Сушковъ поднялъ посоловѣвшіе глаза на распорядителей.

— Нѣтъ, вы его оставьте, проговорилъ онъ. —Вы его оставьте!... Тоже артистъ... Захмѣлѣлъ немного, ну и ругается...

— Я да-вно хо-тѣлъ... я да-вно... бормоталъ Шкляревъ.—Тре-звый не могъ, а те-перь мо-гу... да-вно хо-тѣлъ ска-зать ему... Та-лантъ, не одинъ та-лантъ а много та-лантовъ, на де-сяте-рыхъ хва-тило бы, а по-длецъ...

Сушкова начало прошибать до слезъ.

— Митя, Ми-тенька, ска-жи ты мнѣ, что ты... Вѣдь я тѣбя лю-блю, Ми-тя!...

Шкляревъ вытянулъ свои толстыя, отвислыя губы, точно стараясь кого-то поцѣловать.

— Мы всѣ одинаковы, продолжалъ онъ и по его щекамъ потекли слезы,—и всѣ мы та-ланты... боль-шіе та-ланты... ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь.

Сушковъ тоже уже плакалъ навзрыдъ.

— Погибъ, погибъ! говорилъ онъ невѣрнымъ языкомъ.—А какая сила комическаго таланта была! Вѣдь я его десять лѣтъ тому назадъ еще зналъ... въ провинціи зналъ... Что за человѣкъ былъ... что за душа... Заложилъ и продалъ все, чтобы дать мнѣ денегъ на проѣздъ до Петербурга... А теперь?... Погибъ, погибъ! Былъ человѣкъ и нѣтъ человѣка!... И сколько такихъ-то гибнетъ талантовъ, артистовъ!...

Сушковъ уже рыдалъ, обнимая рыдающаго Шклярева, и все общество, сильно выпившее, прослезилось глядя на эту сцену.

— Кто изъ насъ спасся, какъ спасся? стучалъ кулакомъ по столу Сушковъ.—Душу свою, живую душу надо было чорту продать, чтобы спастись! Пресмыкаться надо было, ползать по грязи надо было, чтобы спастись! Женщинъ нужно было обольщать, губить ихъ нужно было, чтобы спастись! А кто не могъ этого—тотъ и не спасся... и не спасся! Онъ не могъ... онъ не могъ, указалъ Сушковъ на Шклярева,—не могъ, потому что онъ мастодонтъ... потому что онъ рожа... Взгляните вы, голубчики мои, что онъ зарожа...

Сушковъ обѣими руками поднялъ «рожу» Шклярева и показалъ ее обществу. Это было дѣйствительно нѣчто невообразимо уродливое. Давъ полюбоваться на «рожу» обществу, Сушковъ поцѣловалъ ее сочнымъ пьянымъ поцѣлуемъ, потрепавъ по щекамъ.

Черезъ минуту Сушковъ пьянымъ голосомъ, шатаясь на ногахъ, провозгласилъ тостъ:

— За лучшую долю будущихъ артистовъ!

Тостъ подхватило дружное "ура" пьяныхъ голосовъ и пиръ съ объятіями и поцѣлуями, съ пьянымъ смѣхомъ и пьяными слезами, съ циничными признаніями и циничными анекдотами развернулся во всю ширь...

Нѣкто.

Декамеронъ.

Сказки Джіовани Боккачіо.

(Переводъ Н. И. Шульгина.)

День первый.

Сказка I.

Продувной лицемѣръ *).

Много лѣтъ тому назадъ, богатый крупный торговецъ Мусчіатъ, сдѣлавшійся знатнымъ сановникомъ, попалъ въ свиту брата французскаго короля, Шарля Безземельнаго, отправлявшагося въ Италію по приглашенію папы Бонифація. Въ по-

*) Боккачіо предпосылаетъ этой сказкѣ довольно длинное предисловіе сентенціознаго характера, исполняя этимъ формальность, требуемую отъ писателей обычаями того времени. Нерѣдко случалось, что такія формальныя предисловія нисколько не вязались съ текстомъ самого произведенія, но ни одинъ

гонѣ за знатностію Мусчіатъ порастрясъ свою казну и, повѣряя свои дѣла передъ отъѣздомъ, убѣдился, что ему грозитъ раззореніе, если онъ не приметъ мѣръ къ своему спасенію. Вы знаете, что торговцы нерѣдко находятся въ затруднительномъ положеніи и умѣютъ выходить изъ него. Мусчіатъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые теряются въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, но времени до его отъѣзда оставалось уже немного и самъ онъ не имѣлъ возможности заняться своими дѣлами. Поэтому ему оставалось только поручить кому-нибудь другому приведеніе его дѣлъ въ порядокъ. Главное затрудненіе заключалось въ полученіи денегъ, должныхъ ему бургундцами, которые въ то время слыли людьми сварливыми, клеветниками, задирами, однимъ словомъ, людьми безъ чести и вѣры. Надо было отыскать такого молодца, который былъ бы въ состояніи провести этихъ пройдохъ. Перебирая въ памяти знакомыхъ ему дѣльцовъ, Мусчіатъ вспомнилъ о нѣкоемъ Шапеле изъ Пра, который нерѣдко посѣщалъ его въ его домѣ, въ Парижѣ. Настоящее имя этого дѣльца было Шапель, но, по причинѣ малаго роста, французы, охотники до прозвищъ, назвали его уменьшительнымъ именемъ Шапеле и это прозвище осталось за нимъ навсегда.

Шапеле, нотаріусъ по профессіи, имѣвшій мало кліентовъ, былъ крайне обязателенъ, когда дѣло шло о заключеніи какого-нибудь фальшиваго акта. Онъ питалъ непреодолимую слабость къ актамъ такого рода и охотнѣе составлялъ ихъ, даже за ничтожную цѣну, чѣмъ вполнѣ законные акты за хорошее вознагражденіе. Являлась необходимость въ ложномъ свидѣтелѣ и всякій шелъ къ Шапеле, зная, что нотаріусъ промыслитъ его. Случалось, Шапеле самъ предлагалъ такого свидѣтеля, предупреждая просьбу нерѣшительнаго просителя. Въ то время во Франціи придавали большое значеніе присягѣ, принятой на судѣ; Шапеле пользовался этимъ и нерѣдко выигрывалъ спорное дѣло потому, что смѣло давалъ присягу; обольщенный твердостью Шапеле при произнесеніи клятвы, судья рѣшалъ дѣло въ его пользу. Любимымъ развлеченіемъ Шапеле было поселять смуты и раздоръ въ семьяхъ; лучшимъ удовольствіемъ его было видѣть страданія ближняго, имъ же причиненныя. Быстро воспламеняющійся гнѣвомъ и ругатель, Шапеле, при малѣйшемъ противорѣчіи, разражался проклятіями и кощунствовалъ. Онъ постоянно проводилъ время въ притонахъ разврата и разгула. Онъ воровалъ тайно и явно съ такимъ же спокойствіемъ и съ такой же увѣренностію, съ какими добродѣтельный человѣкъ творитъ дѣла милосердія. Отъявленный пьяница и обжора, онъ въ то же время былъ завзятымъ игрокомъ и плутомъ: въ его карманахъ всегда можно было найти поддѣльныя кости. Однимъ словомъ, Шапеле былъ совершеннѣйшимъ негодяемъ. И люди состоятельные, и мелкота имѣли одинаковый поводъ жаловаться на него; и если терпѣли его выходки и безобразія, то потому только, что онъ находился подъ покровительствомъ Мусчіата, въ свою очередь, сильнаго поддержкою при дворѣ.

Мусчіатъ, вспомнивъ о Шапеле, котораго зналъ хорошо, рѣшилъ, что онъ именно тотъ человѣкъ, который способенъ привести въ порядокъ его дѣла.

— Ты знаешь, сказалъ онъ Шапеле, — что я на дняхъ уѣзжаю отсюда и, вѣроятно, надолго. Мнѣ должны значительныя суммы бургундцы, какъ тебѣ извѣстно, продувныя бестіи; ты, мнѣ кажется, будешь въ состояніи получить съ нихъ должныя мнѣ деньги. Ты не очень занятъ и можешь взяться за порученіе, которое я тебѣ даю. Я добуду тебѣ рекомендательныя письма отъ двора и, въ случаѣ успѣха, ты можешь разсчитывать на очень хорошее вознагражденіе.

Шапеле, необогатившійся своими мошенничествами, въ то время находился въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ; его единственный покровитель Мусчіатъ собрался уѣхать изъ Франціи; понятно, что при такихъ условіяхъ онъ съ радостію ухватился за порученіе. Получивъ довѣренность Мусчіата и обѣщанныя ему письма отъ короля, онъ на другой день послѣ отъѣзда своего покровителя въ Италію, отправился въ Дижонъ, гдѣ его почти никто не зналъ. Противъ своего обыкновенія, онъ въ началѣ своихъ сношеній съ должниками Мусчіата, дѣйствовалъ кротко и честно, стараясь тщательно скрыть дурныя стороны своего характера. Онъ остановился въ домѣ у двухъ братьевъ флорентинцевъ, занимавшихся ростовщичествомъ. Мусчіатъ письменно просилъ ихъ оказать содѣйствіе его посланному и братья приняли Шапеле очень любезно.

Чрезъ короткое время по своемъ прибытіи въ Дижонъ, Шапеле слегъ въ постель. Братья флорентинцы призвали врачей и ничего не жалѣли для поправленія здоровья своего гостя, но ничто не помогало. Шапеле былъ уже старъ; до сихъ поръ онъ всегда велъ развратную жизнь; неудивительно, что болѣзнь его усиливалась съ каждымъ днемъ. Вскорѣ врачи стали отчаяваться въ возможности его выздоровленія и объявили состояніе его опаснымъ. Братья флорентинцы, услышавъ это, пригорюнились.

— Что станемъ мы дѣлать съ этимъ человѣкомъ? сказалъ одинъ изъ нихъ другому. — Что скажутъ о насъ, если мы выбросимъ за дверь умирающаго, за которымъ, къ тому же, мы ухаживали, доставляя ему всѣ средства къ выздоровленію? Не могъ же онъ въ такомъ беззащитномъ состояніи подать поводъ къ изгнанію его изъ честнаго дома? Съ другой стороны, мы должны принять въ соображеніе, что онъ такъ преступенъ, что никогда не захочетъ исповѣдываться и принять причастіе и, въ такомъ случаѣ, если онъ умретъ, его, какъ собаку, бросятъ въ неосвященную землю. Но если бы даже онъ рѣшился на исповѣдь, его грѣхи такъ велики и такъ возмутительны, что никакой священникъ не дастъ ему отпущенія и онъ все равно будетъ лишенъ честнаго погребенія. Если это случится, какъ мы имѣемъ полное основаніе опасаться, здѣшніе горожане, уже предубѣжденные противъ насъ за наше ремесло, постоянно возбуждающее въ нихъ негодованіе, — станутъ упрекать насъ въ смерти этого человѣка, нападутъ на нашъ домъ и разнесутъ его, заграбивъ все, что попадется подъ руку. Они скажутъ: «мы не можемъ терпѣть у себя этихъ проклятыхъ ломбардцевъ *), которыхъ отвергаетъ сама церковь; изгонимъ ихъ изъ нашего города». Не довольствуясь грабежемъ нашего имущества, они способны изувѣчить насъ и изгнать собственнымъ судомъ. Какъ видишь, смерть этого человѣка можетъ повлечь для насъ непріятныя послѣдствія.

Они разговаривали въ комнатѣ, сосѣдней съ тою, гдѣ лежалъ Шапеле. Какъ часто бываетъ съ тяжелыми больными, у него былъ сильно раздраженъ слухъ и онъ не проронилъ ни одного слова изъ разговора о немъ. Онъ подозвалъ къ себѣ обоихъ братьевъ.

— Я слышалъ отъ слова до слова вашъ разговоръ, сказалъ онъ. — Будьте покойны, черезъ меня вы не подвергнетесь никакой непріятности. Еслибы смерть моя произошла при тѣхъ обстоятельствахъ, какъ вы говорили, я не сомнѣваюсь, вамъ пришлось бы испытать много горя, но я съумѣю устроить дѣло такъ, что все придетъ къ благополучному концу. Втеченіе моей жизни я такъ много грѣшилъ, что лишній грѣхъ передъ смертнымъ часомъ едва-ли можетъ ухудшить мое положеніе. Приведите священника, извѣстнаго святой жизнію, если только таковой найдется въ вашемъ городѣ; затѣмъ оставьте меня съ нимъ и, ручаюсь вамъ, все пойдетъ хорошо и для васъ и для меня.

Эти слова, впрочемъ, мало успокоили братьевъ, которые не могли довѣрять обѣщаніямъ такого обманщика, какъ Шапеле. Однакожъ, они отправились въ монастырь кордельеровъ и попросили прислать къ нимъ въ домъ монаха святой жизни и просвѣщеннаго священнымъ писаніемъ для исповѣди ломбардца, опасно больного. Монахи отпустили съ ними брата, славящагося своею святостію и твердымъ знакомствомъ съ священными книгами, который пользовался одинаковымъ уваженіемъ какъ въ монастырѣ, такъ и въ міру. Придя къ кровати больного, онъ заговорилъ съ нимъ мягко, стараясь утѣшить его и вселить въ него бодрость. Затѣмъ онъ спросилъ больного, какъ давно тотъ исповѣдывался.

— Отецъ мой, отвѣчалъ Шапеле, — я постоянно держался привычки исповѣдываться разъ въ недѣлю, а въ крайнихъ случаяхъ и чаще, но съ тѣхъ поръ, какъ я заболѣлъ, прошло уже восемь дней и я во все это время ни разу не былъ у исповѣди.

— Вы хорошо поступали, сынъ мой, и я совѣтую вамъ держаться того же правила, если Господу Богу будетъ угодно продлить вашу жизнь. Если вы исповѣдывались такъ часто, вамъ немного придется передать мнѣ.

— Ахъ! не говорите такъ, достопочтенный отецъ. Каждый разъ, какъ я исповѣдываюсь, я припоминаю всѣ грѣхи, совершенные мною со дня моего рожденія до дня исповѣди. Умоляю васъ, добрый отецъ мой, спрашивайте меня подробно о всякомъ грѣхѣ, точно бы я вовсе не исповѣдывался. Не обращайте вниманія на мою слабость; лучше пусть страдаетъ мое тѣло, чѣмъ я подвергну гибели свою душу, за искупленіе которой Спаситель вынесъ столько страданій.

Эти слова чрезвычайно понравились святому монаху и побудили его сдѣлать предположеніе о чистотѣ совѣсти кающагося. Похваливъ Шапеле за его набожность, исповѣдникъ спросилъ его, не грѣшилъ-ли онъ съ какою-нибудь женщиною?

— Мой отецъ, отвѣчалъ Шапеле со вздохомъ, — мнѣ стыдно признаться вамъ.

— Говорите смѣло, сынъ мой; нѣтъ грѣха въ томъ, если человѣкъ исповѣдуетъ истину.

— Ободренный вами, сказалъ лицемѣръ, — признаюсь вамъ, что я такъ же чистъ отъ этого грѣха, какъ ребенокъ, только что вышедшій изъ чрева матери.

— Да будетъ благословенно имя Божіе! вскричалъ монахъ. — Я могу только восхищаться вашей мудростью! Ваше поведеніе почтенно еще болѣе потому, что вы подвергаетесь большимъ соблазнамъ, чѣмъ мы, жители монастыря. Но не чувствуете-ли вы себя виновнымъ въ грѣхѣ обжорства?

— Простите меня, мой отецъ, много разъ я впадалъ въ этотъ грѣхъ; я пощусь три дня въ недѣлю, употребляя только хлѣбъ и воду; и я припоминаю, что во время этихъ постовъ, которымъ обыкновенно слѣдуютъ набожные люди, нерѣдко пилъ воду съ такой же жадностью, съ какою пьяницы пьютъ вино; я дѣлалъ это даже во время путешествій на богомолье, когда чувствовалъ особенно сильную усталость.

Далѣе онъ сказалъ, что нѣсколько разъ страстно желалъ попробовать салатъ, разводимый женщинами на поляхъ; а также иногда находилъ хлѣбъ гораздо вкуснѣйшимъ, чѣмъ слѣдуетъ нахо-

авторъ не рѣшался обойтись безъ нихъ. Предисловіе Боккачіо такого же свойства. Я выпускаю его, — намѣренъ выпустить и другія ему подобныя, — потому что они, занимая не мало мѣста, не представляютъ собою никакого интереса для читателей нашего времени. *Пр. переводчика.*

*) Въ это время французы всѣхъ итальянцевъ звали «ломбардцы». *Пр. пер.*

дить его человѣку, постящемуся изъ побужденій набожности.

— Эти грѣхи весьма естественны, сказалъ монахъ,—и легки; да не мучится ваша совѣсть, они отпустятся вамъ. И самый святой человѣкъ ощущаетъ удовольствіе ѣсть, когда его мучитъ голодъ, и желаетъ пить, чувствуя усталость послѣ труда.

— Я знаю, вы говорите это только затѣмъ, чтобы утѣшить меня, отвѣчалъ Шапеле;—но, мой отецъ, я не настолько невѣжда, чтобы не могъ понять, что поступки, совершаемые во имя Бога, должны быть чисты, безъ малѣйшаго пятна; допуская же хотя бы самое ничтожное послабленіе въ этомъ отношеніи, человѣкъ сильно грѣшитъ.

— Могу только радоваться, сказалъ монахъ,—слыша, какъ благочестиво вы разсуждаете и какъ чиста ваша совѣсть. Но, скажите, не случалось-ли вамъ провиниться алчными вожделѣніями: не желали-ли вы пріобрѣтенія мірскихъ благъ въ большей степени, чѣмъ это прилично христіанину; не удерживали-ли вы иногда того, что вамъ не принадлежало?

— Въ этомъ грѣхѣ не могу упрекнуть себя, отвѣчалъ кающійся.—Хотя я квартирую теперь у родственниковъ, но я не имѣю съ ними ничего общаго. Я поселился въ ихъ домѣ съ единственною цѣлію пристыдить ихъ и заставить ихъ покинуть постыдное ремесло, которымъ они занимаются. Я твердо увѣренъ, что достигъ бы успѣха, еслибы Господу не угодно было послать на меня эту тяжкую болѣзнь. Узнайте, мой отецъ, что тотъ, кому я обязанъ своей негодной жизнью, которая къ счастію скоро прервется,—завѣщалъ мнѣ богатое наслѣдство. Послѣ моей смерти я оставляю большую часть своего состоянія на служеніе Богу; остальное я назначаю для помощи бѣднымъ. Признаюсь, что съ цѣлію служить бѣднякамъ, я занимался торговлею; она была для меня прибыльна; половину своихъ доходовъ я всегда отдавалъ бѣднымъ, оставляя для своихъ надобностей другую половину. Богъ благословилъ мои старанія; мои дѣла постоянно шли все лучше и лучше.

— Вы это хорошо дѣлали, сказалъ монахъ.—Какъ часто вы предавались гнѣву?

— О, въ этомъ отношеніи я очень виноватъ, отвѣчалъ Шепеле,—и заслуживаю большого упрека. — Но легко-ли удержаться, видя на каждомъ шагу испорченность людей, постоянно нарушающихъ заповѣди Божіи и не боящихся страшнаго суда Его! Да, къ моему стыду, долженъ сознаться, что часто говорилъ самому себѣ: «Не лучше-ли умереть, чѣмъ, къ своему великому огорченію, постоянно видѣть молодыхъ людей, посѣщающихъ домы порока, убѣгающихъ церкви, ругающихся, кощунствующихъ, однимъ словомъ, идущихъ стезей гибели, а не путемъ, указаннымъ Богомъ!»

— Это святой гнѣвъ, сказалъ проповѣдникъ;—но скажите, не совершали-ли вы смертоубійства; или не оскорбили-ли вы кого-нибудь, или, наконецъ, не совершили-ли вы противъ своего ближняго несправедливости?

Декамеронъ Боккачіо.

— Какъ, отецъ мой, вы, служитель Божій, и говорите такимъ образомъ? Еслибы я подумалъ только совершить который-нибудь изъ поступковъ, о которыхъ вы упомянули, развѣ Господь допустилъ бы мнѣ такую долгую жизнь на землѣ?

Декамеронъ Боккачіо.

Только воры и разбойники могутъ совершать такія дѣянія; при встрѣчѣ съ которымъ-нибудь изъ нихъ я никогда не забывалъ умолять Бога о просвѣтленіи несчастнаго.

— Да благословитъ васъ Господь! сказалъ исповѣдникъ.—Но скажите, мой милый сынъ, не случалось-ли вамъ давать ложное свидѣтельство? Не злословили-ли вы вашего ближняго?

— Случалось достопочтенный отецъ; я говорилъ худо о другихъ. У меня былъ сосѣдъ, который, каждый разъ, какъ много выпьетъ, принимался бить свою жену, безъ всякаго повода съ ея стороны. Изъ жалости къ этому несчастному созданію, я почелъ долгомъ извѣстить ея родныхъ о жестокомъ обращеніи съ нею ея мужа.

— Вы мнѣ заявили, продолжалъ спрашивать монахъ, что занимались торговлею. Не случалось-ли вамъ при этомъ, обманывать покупателей, какъ часто дѣлаютъ купцы?

— Я обманулъ только одного покупателя, мой отецъ; онъ заплатилъ мнѣ деньги за сукно, которыя, не считая, я положилъ въ свою конторку; черезъ мѣсяцъ я замѣтилъ, что этотъ покупатель уплатилъ мнѣ нѣсколькими копейками болѣе, чѣмъ слѣдовало. Я хранилъ эти деньги цѣлый годъ и, не встрѣтивъ этого человѣка, совершилъ милостыню его именемъ.

— Это пустяки, мой сынъ; и вы поступили благоразумно, распорядившись такъ хорошо чужими деньгами.

Монахъ сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ; Шапеле отвѣчалъ на нихъ въ томъ же тонѣ, какъ и на предъидущіе. Исповѣдникъ уже намѣревался дать ему разрѣшеніе, когда лицемѣръ заявилъ, что имѣетъ на душѣ еще одинъ грѣхъ.

— Какой же это грѣхъ, мой сынъ?

— Я вспомнилъ, отвѣчалъ кающійся, — что заставлялъ своего слугу убирать домъ въ святой день воскресенья или праздники.

— Не тревожьтесь, отвѣчалъ монахъ, — это еще не большой грѣхъ.

— Что вы, мой отецъ, неужели небольшой? Мы обязаны оказывать полное уваженіе воскресенію, потому что въ этотъ день воскресъ Спаситель міра.

— Ничего болѣе вы не имѣете сказать мнѣ, мой сынъ?

— Однажды, по разсѣянности, я плюнулъ въ Божьемъ домѣ.

При этихъ словахъ добродушный монахъ улыбнулся.

— Ну, это не грѣхъ, сказалъ онъ. — Мы, монахи, служители Божіи, но и намъ иногда случается плевать въ церкви.

— Тѣмъ хуже, достопочтенный отецъ; не должно грязнить полъ въ храмѣ, гдѣ приносится безкровная жертва.

Затѣмъ, вздохнувъ нѣсколько разъ, Шапеле залился слезами: этотъ плутъ могъ плакать во всякое время, когда только приходила ему охота.

— Что съ вами, любезный сынъ? спросилъ монахъ, замѣтивъ его слезы.

— Увы! отвѣчалъ лицемѣръ,—у меня на ду-

Картина Р. ШРЁДЛЯ.

Критическое положеніе.

нѣ есть грѣхъ, который я никогда не былъ въ силахъ объявить на исповѣди; не осмѣливаюсь признаться въ немъ и вамъ. Каждый разъ, какъ онъ приходитъ мнѣ на память, у меня невольно текутъ слезы изъ глазъ, потому что я отчаяваюсь когда-нибудь получить за него прощеніе отъ Бога.

— Зачѣмъ это отчаяніе, мой сынъ. Какъ бы велико ни было преступленіе человѣка, онъ не долженъ покидать надежды получить прощеніе, если искренно раскается: милосердію и благости Божіимъ нѣтъ предѣла. Говорите же смѣло, что тяготитъ ваше сердце?

— Увы, отецъ мой, сказалъ Шапеле, обливаясь слезами,—грѣхъ мой страшно великъ. Я не смѣю разсчитывать, что Господь проститъ меня; развѣ вы, отецъ мой, поможете мнѣ своими молитвами умилостивить Его.

— Повторяю вамъ, не бойтесь и откройте мнѣ все; обѣщаю вамъ молиться за васъ.

Но больной продолжалъ рыдать и молчалъ. Монахъ старался утѣшить его кроткимъ увѣщаніемъ. Но отвѣтомъ на его слова служили вздохи и рыданія. Наконецъ, Шапеле рѣшился прервать молчаніе, опасаясь слишкомъ долго испытывать терпѣніе исповѣдника.

— Если вы обѣщаете молиться Богу за меня, сказалъ лицемѣръ со вздохомъ,—такъ знайте, что, будучи ребенкомъ, я проклиналъ... небо! какъ трудно мнѣ договорить... я проклиналъ мою мать.

Едва послѣднія слова сошли съ языка Шапеле, онъ снова залился слезами.

— Успокойтесь, мой сынъ, и этотъ грѣхъ еще не великъ. Многіе люди ежедневно кощунствуютъ, но, искренно раскаяваясь, получаютъ прощеніе отъ милосердаго Бога. Не сомнѣвайтесь же въ Его благости и утрите ваши слезы. Если самый страшный грѣшникъ съ сокрушеніемъ сердца обращается къ Творцу, онъ можетъ надѣяться на прощеніе.

— Что вы говорите! вскричалъ Шапеле,—Не забывайте, я проклиналъ мою мать... мою бѣдную мать, девять мѣсяцевъ носившую меня подъ своимъ сердцемъ, — мать, у которой сотни разъ я повисалъ на шеѣ! О, это страшный грѣхъ. Молитесь же за меня съ тѣмъ усердіемъ, которымъ вы отличаетесь.

Видя, что больному уже нечего сказать ему, монахъ благословилъ его и далъ ему отпущеніе; онъ почиталъ теперь Шапеле за благочестивѣйшаго изъ міранъ, которыхъ приходилось знать ему, потому что повѣрилъ безусловно каждому его слову. И какъ же можно было не повѣрить? Нельзя-же было допустить, что человѣкъ можетъ безсовѣстно лгать въ послѣднюю минуту своей жизни?

— Мой сынъ, сказалъ монахъ,—будемъ надѣяться, что съ Божьею помощію вы скоро выздоровѣете; но если Ему будетъ угодно призвать къ Себѣ вашу благочестивую душу, будете-ли вы довольны, если васъ погребутъ въ нашемъ монастырѣ?

— Меня бы глубоко огорчило, если бы случилось иначе, потому что вы обѣщали молиться за меня Богу. Я ожидаю отъ васъ еще одной милости. Умоляю васъ, какъ только вы воротитесь въ монастырь, принесите мнѣ, если находите меня достойнымъ, святое причастіе. Хотя я чувствую себя слишкомъ грѣшнымъ, но все-таки желалъ-бы умереть истиннымъ христіаниномъ.

Монахъ похвалилъ Шапеле за его благочестіе, обѣщалъ ему исполнить его желаніе и сдержалъ слово.

Братья флорентинцы, опасавшіеся, чтобы Шапеле не обманулъ ихъ, помѣстились за тонкой перегородкой, раздѣлявшей ихъ комнату отъ его и, насторожилъ уши, не проронили ни одного слова, сказаннаго ихъ гостемъ монаху; зная хорошо Шапеле, они должны были употреблять большія усилія, чтобы удержаться отъ смѣха, слыша, какъ нагло лжетъ этотъ плутъ.

— Какой ужасный человѣкъ, сказалъ одинъ изъ нихъ;—ни старость, ни болѣзнь, ни приближеніе смерти, ни страхъ Бога, предъ судъ котораго онъ долженъ скоро предстать, не могли заставить его сойти съ пути наглости и плутовства и онъ умираетъ такимъ же негодяемъ, какимъ былъ при жизни.

Однакожь, когда они убѣдились, что Шапеле не будетъ лишенъ чести погребенія, что одно только озабочивало ихъ въ эту минуту, они перестали безпокоиться о спасеніи души своего гостя.

Въ тотъ же день вечеромъ, вскорѣ послѣ принятія святыхъ таинъ, Шепеле умеръ. Его хозяева поспѣшили извѣстить объ этомъ монастырь кордельеровъ, прося монаховъ сдѣлать необходимыя приготовленія для погребенія и чтобы кто-нибудь изъ нихъ пришелъ читать, согласно обычаю, молитвы по умершемъ.

Монахъ, исповѣдывавшій Шапеле, съ разрѣшенія настоятеля, собралъ всю монастырскую общину и сообщилъ братіи, что умершій провелъ всю жизнь благочестиво, въ чемъ онъ убѣдился изъ его исповѣди и что слѣдуетъ воздать должныя почести такому набожному христіанину. И настоятель и вся братія, убѣжденные доводами исповѣдника, согласились съ его мнѣніемъ. Вся братія, безъ исключенія, отправилась къ тѣлу умершаго и пропѣла надъ нимъ панихиду. На другой день, одѣтые въ парадныя одежды, кордельеры, въ сопровожденіи громадной толпы народа, внесли тѣло въ свой монастырь. Исповѣдывавшій Шапеле монахъ взошелъ на кафедру и разсказалъ о благочестивой жизни умершаго, о его постахъ, его цѣломудріи, кротости и невинности. Онъ упомянулъ и о томъ, какъ Шапеле мучился всю жизнь, что совершилъ тяжкій грѣхъ въ младенчествѣ и какого труда стоило ему, исповѣднику, убѣдить этого благочестиваго человѣка въ томъ, что Богъ проститъ ему это прегрѣшеніе. Пользуясь случаемъ сдѣлать внушеніе своимъ слушателямъ, проповѣдникъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «А вы, дѣти тьмы, ежедневно совершающіе грѣхи противъ Господа, Матери Божіей и святыхъ католической церкви, достойны-ли вы прощенія за ваши беззаконія?» Далѣе онъ снова заговорилъ о благотворительности Шапеле, о его прямотѣ и чистотѣ его совѣсти. Проповѣдникъ съ такой силой краснорѣчія говорилъ о добродѣтеляхъ покойнаго и произвелъ такое впечатлѣніе на умы своихъ слушателей, что народъ, по окончаніи службы, заливаясь слезами, бросился къ тѣлу Шапеле; одни набожно цѣловали его руки, другіе рвали на память клочки его одежды. Чтобы каждый могъ видѣть умершаго и проститься съ нимъ, монахи на цѣлый день оставили его тѣло въ церкви и только на слѣдующее утро погребли его со всѣми почестями въ часовнѣ. Нѣсколько дней къ ряду къ могилѣ Шапеле стекались толпы народа; во мнѣніи народной массы онъ прослылъ за святого человѣка. И до сихъ поръ еще не исчезла память о его святости; люди легковѣрные и въ наше время ходятъ на его могилу, увѣренные, что получатъ исцѣленіе отъ болѣзней или ожидаемые ими жизненныя блага. Не знаю, какъ думаете вы, мои милыя слушательницы, но я, не сомнѣваясь въ томъ, что Господь можетъ простить и самаго отъявленнаго грѣшника, склоненъ скорѣе допустить, что душа лицемѣра и обманщика Шапеле искупаетъ свои грѣхи въ аду, чѣмъ присоединиться къ мнѣнію тѣхъ, которые убѣждены, что она витаетъ въ раю.

Новый годъ.

Стих. О. Охтенской.

Проходитъ годъ, плетется новый,
Весь міръ, съ лачуги до палатъ,
Наполненъ шумнымъ ликованьемъ,
Весь міръ надеждами объятъ:
Богатый, бѣдный, сильный, слабый,
Для всѣхъ васъ лучъ вдали горитъ
И новый годъ, изъ вѣка въ вѣки,
Вамъ счастье новое сулитъ.
Работникъ въ шахтѣ, закоптѣлый,
Ты тоже вѣришь, что блеснетъ
И для тебя, въ подземномъ мракѣ
Зарею счастья, новый годъ.
И ты, юнецъ, сгубившій дѣтство
Въ трудѣ, подъ гнетомъ нищеты,
О свѣтлыхъ радостяхъ мечтаешь.
Безумецъ! хочешь жить и ты!
Швея, ослѣпшая въ работѣ,
И ты вѣдь чаешь въ новый годъ,
Что въ этой щели, гдѣ живешь ты
Въ грядущемъ солнышко блеснетъ.
О ждите, вѣруйте, надѣйтесь!
Вамъ міръ велитъ, вы жить должны,
Несите бремя роковое,
Вамъ силы крѣпкія даны.
О ждите, вѣрьте! міръ бездушный
До тѣхъ лишь поръ идетъ впередъ,
Пока въ васъ теплится надежда
И вѣра въ счастье не умретъ.

Англичанинъ о Россіи.

Ст. М. К. Цебриковой.

Въ Англіи вышла четвертымъ изданіемъ книга Мэкензи Уаллэса о Россіи. Для массы европейцевъ Россія, страна сложившаяся изъ элементовъ чуждыхъ Западной Европѣ, долго была страной, къ которой они относились съ высокомѣріемъ учителей, порой смѣшаннымъ съ брезгливымъ чувствомъ не вполнѣ цивилизованнаго человѣка къ дикарю. Послѣ 1848 года мнѣніе это измѣнилось въ незначительной части западной интеллигенціи, понявшей, что въ чуждыхъ ей элементахъ, въ родѣ русскаго міра и общины, есть нѣчто хорошее. Въ послѣднее время англичане стали обращать особенное вниманіе на Россію; ея успѣхи въ средней Азіи возбудили неосновательныя опасенія за Индію. Книга Уаллэса отвѣтила на запросъ англійскаго общества. Она представляетъ примѣръ рѣдкаго и добросовѣстнаго изученія чужой страны. Авторъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи; два года сряду усидчиво занимался въ библіотекахъ, изучая русскій языкъ, литературу и исторію; жилъ по деревнямъ, толковалъ съ крестьянами, знакомился съ людьми самыхъ противуположныхъ взглядовъ, изслѣдовалъ, насколько было возможно, дѣйствіе реформъ послѣдняго двадцатилѣтія на самомъ мѣстѣ. Онъ приступилъ къ изученію Россіи съ объективностью естествоиспытателя, отрѣшившись отъ національныхъ предразсудковъ, и достигъ своей цѣли, насколько это возможно для образованнаго европейца, съ умомъ наблюдательнымъ, но не философскимъ, которому англійская практичность придала извѣстный пошибъ. Взгляды Уаллэса не отличаются особенною оригинальностью и глубиною. Онъ отдаетъ справедливость практическому генію Петра I и замѣчаетъ, что его царствованіе прорыло пропасть между высшими классами и народомъ, которая съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе расширялась. Но какъ истый англичанинъ, онъ не видитъ, что и до Петра, не смотря на единство обычаевъ и міросозерцанія, была та же пропасть между боярами, дворянами и служилыми людьми съ одной стороны, и холопами, чернымъ народомъ и смердами — съ другой. Исторія Англіи могла бы подсказать ему, что такая же пропасть существовала еще въ средніе вѣка между исчезнувшимъ сословіемъ свободныхъ йоменовъ *), и

*) Мелкіе землевладѣльцы изъ народа —сословіе, исчезнувшее въ Англіи по мѣрѣ развитія крупнаго землевладѣнія.

дворянствомъ и буржуазіей, пропасть, все шире и шире раскрывающуюся съ тѣхъ поръ, какъ свободные йомены превратились въ безземельныхъ батраковъ.

Уаллэса, какъ англичанина, болѣе всего поражаетъ отсутствіе самостоятельности въ нашемъ развитіи. «Въ западной Европѣ, говоритъ онъ,— современный духъ науки былъ естественнымъ порожденіемъ многихъ взаимнодѣйствовавшихъ причинъ и общество, до его рожденія, выносило тягость беременности и муки продолжительныхъ родовъ. Въ Россіи, напротивъ, духъ этотъ появился внезапно, какъ взрослый чужестранецъ, усыновленный самовластнымъ pater familias'омъ. Съ Петра Россія была подъ опекой запада и даже наше славянофильство заимствовало свои идеи изъ ученія Гегеля о національности. Уаллэсъ и въ Пушкинѣ видитъ только талантливаго подражателя Байрону. И приговоръ его справедливъ, даже если стать на точку зрѣнія націонализма и признать, что каждый народъ призванъ сказать свое слово въ общемъ хорѣ европейскихъ народовъ и внести свой идеалъ; какое же слово сказалъ Пушкинъ, какой идеалъ внесъ онъ, когда, отрѣшившись отъ байронизма и отъ европейской мысли, сталъ изучать русскую исторію по Карамзину? Уаллэсъ останавливается на Гоголѣ. О Толстомъ, Гончаровѣ, Тургеневѣ, Некрасовѣ и Щедринѣ не говоритъ ни слова, и, слѣдовательно, не даетъ полной картины современной русской мысли. По мнѣнію Уаллэса, у насъ нѣтъ настоящихъ историковъ. Карамзинъ— краснорѣчивый лѣтописецъ, въ родѣ Тита Ливія; а Соловьевъ не создалъ русскую исторію, а далъ массу непереваренныхъ и неосвященныхъ исторической мыслью фактовъ. Такъ же иронически относиться Уаллэсъ и къ нашему увлеченію Боклемъ, экземпляръ котораго онъ видѣлъ даже въ крестьянской избѣ. Бокль не былъ творцемъ новой исторической теоріи, какимъ его правозгласили у насъ; онъ иллюстрировалъ примѣрами давно уже высказанную нѣмецкою философіею мысль о зависимости цивилизаціи отъ этнографическихъ условій. Недостатокъ образованія, хаосъ мысли заставили насъ накинуться на «новое слово», сказанное Боклемъ и возвести его въ въ непогрѣшимый авторитетъ.

Подъ пару увлеченію Боклемъ одной части общества и наше «пролитіе свѣта науки» — въ другой. Уаллэсъ такъ и выписываетъ эти слова англійскими буквами, говоря о коммиссіяхъ, обсуждающихъ разные проекты. Онъ видѣлъ въ архивахъ нѣсколько курьезныхъ документовъ этого рода и древность ихъ не особенно глубока. Одна коммиссія, назначенная для выработыванія какой то филантропической мѣры, пролила свѣтъ науки на вопросъ, разсмотрѣвъ сначала философское значеніе филантропіи, цитировала талмудъ и коранъ, потомъ законы о бѣдныхъ, существовавшіе въ Аѳинахъ послѣ Пелопонезской войны, потомъ англійскія постановленія и тамъ же королей Этельберта и Алфреда, потомъ многія средневѣковыя учрежденія и, наконецъ, разобрала существовавшіе и существующіе законы Европы о томъ же предметѣ, включая сюда и законы микроскопическихъ германскихъ владѣній — и все это на двадцати съ небольшимъ писанныхъ страницахъ.

Характеристика нашего времени очень не лестна для насъ. Вѣковая привычка общества жить, не неся на плечахъ своихъ бремени отвѣтственности и заботъ, стряхнутая на мгновеніе послѣ Крымской войны, снова побѣдоносно вступила въ свои права. Общественное мнѣніе, «бывшее полновластнымъ судьей», когда послѣ грянувшаго грома крестился русскій людъ, «утрачиваетъ свою силу»; впрочемъ, оно сохранило ее еще настолько, чтобы бичевать маленькихъ воришекъ. Механизмъ бюрократіи приводитъ въ движеніе всю Россію и останавливается у крестьянскаго міра. Въ одномъ мірѣ Уаллэсъ видитъ явленіе самобытное. Земство, по мнѣнію его, не самобытное явленіе; оно не развилось исторически; напрасно было бы искать происхожденіе его въ древнихъ земскихъ соборахъ; оно созданіе реформы сверху. Механизмъ бюрократіи оказался недостаточнымъ для регулированія народнаго хозяйства, и эта причина вызвала земство къ жизни. Уаллэсъ изучилъ хорошо земство по одному изъ лучшихъ образцовъ его— новгородскому; но выводъ его неутѣшителенъ. Земство, поднявшее столько радостныхъ надеждъ, не оправдало ихъ. Люди мечтали, что съ открытіемъ земства Россія покроется прекрасными дорогами, школами, больницами, что земледѣліе, промышленность и торговля зацвѣтутъ и положеніе крестьянства улучшится, что провинція возродится къ новой жизни. Матери патріотки водили дѣтей на земскія собранія, чтобы пробудить въ нихъ любовь къ общественному благу. Словомъ, отъ земства ожидали того, чего оно не могло дать по-условіямъ времени и пространства. Уаллэсъ по англійски опредѣляетъ все, что поразило дѣятельность земства, причины охлажденія къ нему торговыхъ и промышленныхъ классовъ и критическое отношеніе къ нему русской мысли. «Отличительная черта нашей жизни», говоритъ онъ: «та, что всѣ наши учрежденія выросли изъ реальныхъ практическихъ потребностей большей части населенія. Мы считаемъ реформу необходимымъ зломъ и не дѣлаемъ tabula rasa, но исправляемъ и расширяемъ наше политическое зданіе, смотря по необходимости перемѣны. Политическая исторія Россіи за два послѣднія столѣтія была не та. Земство было вызвано къ жизни съ цѣлью облегчить тягость центральной администраціи. Большая часть дворянства сознала необходимость реформъ и съ жаромъ принялась за дѣло, пока учрежденіе имѣло всю прелесть новизны. Но прелесть утратилась; дѣятелные члены земства стали искать болѣе выгодныхъ занятій — желѣзныя дороги, банки отвлекли силы отъ земства. Но это второстепенная причина; главная въ томъ, что масса населенія не сознаетъ тѣ потребности, которымъ земство было призвано удовлетворять. Каждый русскій, имѣющій претензію на образованіе знаетъ, что хорошія дороги, школы и больницы необходимы; но онъ знаетъ это теоретически, а немногіе изъ просвященныхъ гласныхъ, при случаѣ заявляющихъ этотъ принципъ, ощущаютъ необходимость всего этого въ той же степени, какъ необходимость имѣть партію для карточной игры». Иронія послѣднихъ строкъ еще убійственнѣе отъ спокойнаго тона, какимъ заявленъ этотъ фактъ. Земство плохо отъ того, что мы сами плохи — вотъ выводъ.

О будущности земства Уаллэсъ отзывается крайне сдержанно. Земство, несмотря на всѣ недостатки его, лучше той администраціи, которую оно смѣнило, и если сравнить его съ прежними попытками мѣстнаго управленія, то, очевидно, что русскіе сдѣлали кое какой успѣхъ въ политическомъ образованіи. «Я склоняюсь къ той мысли, говоритъ Уаллэсъ,—что земство переживетъ эту пору захуданія и постепенно пріобрѣтетъ новую, здоровую жизненность, по мѣрѣ того какъ народъ все болѣе и болѣе будетъ сознавать тѣ потребности, удовлетворить которыя оно призвано. Но очень можетъ быть, что оно умретъ отъ истощенія или будетъ снесено новымъ реформаторскимъ увлеченіемъ, прежде, чѣмъ оно успѣетъ глубоко пустить корни».

Разсужденія свои авторъ иллюстрируетъ многими портретами членовъ земства, преимущественно помѣщиковъ средней руки, такъ какъ они составляютъ главное ядро вліятельныхъ земцевъ. Вотъ помѣщики старой школы; заплывшій жиромъ Иванъ Иванычъ, выслужившій коллежскаго секретаря и живущій мирно съ ровно заплывшей жиромъ супругой. Освобожденіе крестьянъ было фактомъ, возможность котораго онъ не допускалъ, фактъ совершился и Иванъ Иванычъ живетъ по прежнему, наполняя мирные дни свои ѣдой и сномъ. Братъ его, Дмитрій Иванычъ—помѣщикъ Ноздревскаго типа, нѣсколько пообчищенный временемъ, бурно проводитъ жизнь въ ожиданіи роковаго дня продажи имѣнія съ молотка. Третій земецъ — генералъ, вышедшій въ отставку, чтобы быть первымъ въ деревнѣ, безобидный человѣкъ съ свирѣпѣйшей военной наружностью, уныло читаетъ въ Инвалидѣ о производствѣ сверстниковъ и собираетъ на имянины всѣхъ сосѣдей. Въ числѣ ихъ много людей, которыхъ всюду принимаютъ и ругаютъ за такіе поступки, за которые въ Англіи передъ ними заперлись бы всѣ двери. «У русскихъ, замѣчаетъ авторъ,—есть особаго рода апатическое добродушіе, располагающее ихъ быть очень милосердными къ ближнимъ и до такой степени, что они не всегда различаютъ прощеніе личныхъ обидъ отъ прощенія общественныхъ преступленій». Въ числѣ гостей генерала есть, напримѣръ, извѣстные взяточники. Помѣщики новой школы тоже не находка для земства, по мнѣнію Уаллэса. Викторъ Александрычъ затѣялъ вести хозяйство на началахъ европейской науки и выписалъ машины, въ которыя нельзя было впрягать крестьянскихъ лошадей. Неудачи охладили его, онъ сдалъ крестьянъ на руки управляющаго и зажилъ жизнью Ивана Иваныча подъ формой англійскаго порядка. Братъ его Владиміръ Александрычъ, прововѣдъ, камергеръ, либералъ въ теоріи, умѣющій идти въ ногу съ крайними консерваторами—на практикѣ. Онъ съ презрѣніемъ чистокровнаго бюрократа относится къ земству и видитъ въ Мокалеѣ великаго государственаго человѣка.

Лучшими дѣятелями земства оказываются бывшіе мировые посредники. Одинъ изъ нихъ очерченъ удачно. Онъ врагъ бюрократовъ и на нихъ сваливаетъ все, и промахи и неумѣлость земства, и бѣдность, и безцвѣтность прессы. Александръ Ивановичъ, былъ и мировымъ судьей и его прозвали коммунистомъ, хотя Уаллэсъ не нашелъ въ немъ ни тѣни коммунизма и онъ нисколько не идеализируетъ народъ. Словомъ, Александръ Ивановичъ экземпляръ извѣстнаго типа, и ему принадлежатъ всѣ симпатіи автора. Александра Ивановича къ слѣдующимъ выборамъ прокатятъ на вороныхъ. Братъ его, Николай Ивановичъ, далеко не пользуется такою симпатіей. Онъ былъ выдающимся студентомъ, мечталъ быть профессоромъ. Выключенный изъ университета, онъ сдѣлался литераторомъ изъ чувства личной мести, говоритъ авторъ, хотя такое чувство никогда и нигдѣ не создавало литераторовъ, а Николай Ивановичъ былъ постояннымъ сотрудникомъ одной изъ главныхъ газетъ, на что требуется талантъ. Запасъ его знанія не великъ, но онъ умѣетъ говорить рѣзкія вещи. Онъ живетъ въ мірѣ отвлеченныхъ теорій и такъ какъ онъ отъ нихъ отправляется къ фактамъ, то факты никогда не опровергаютъ его теорію».

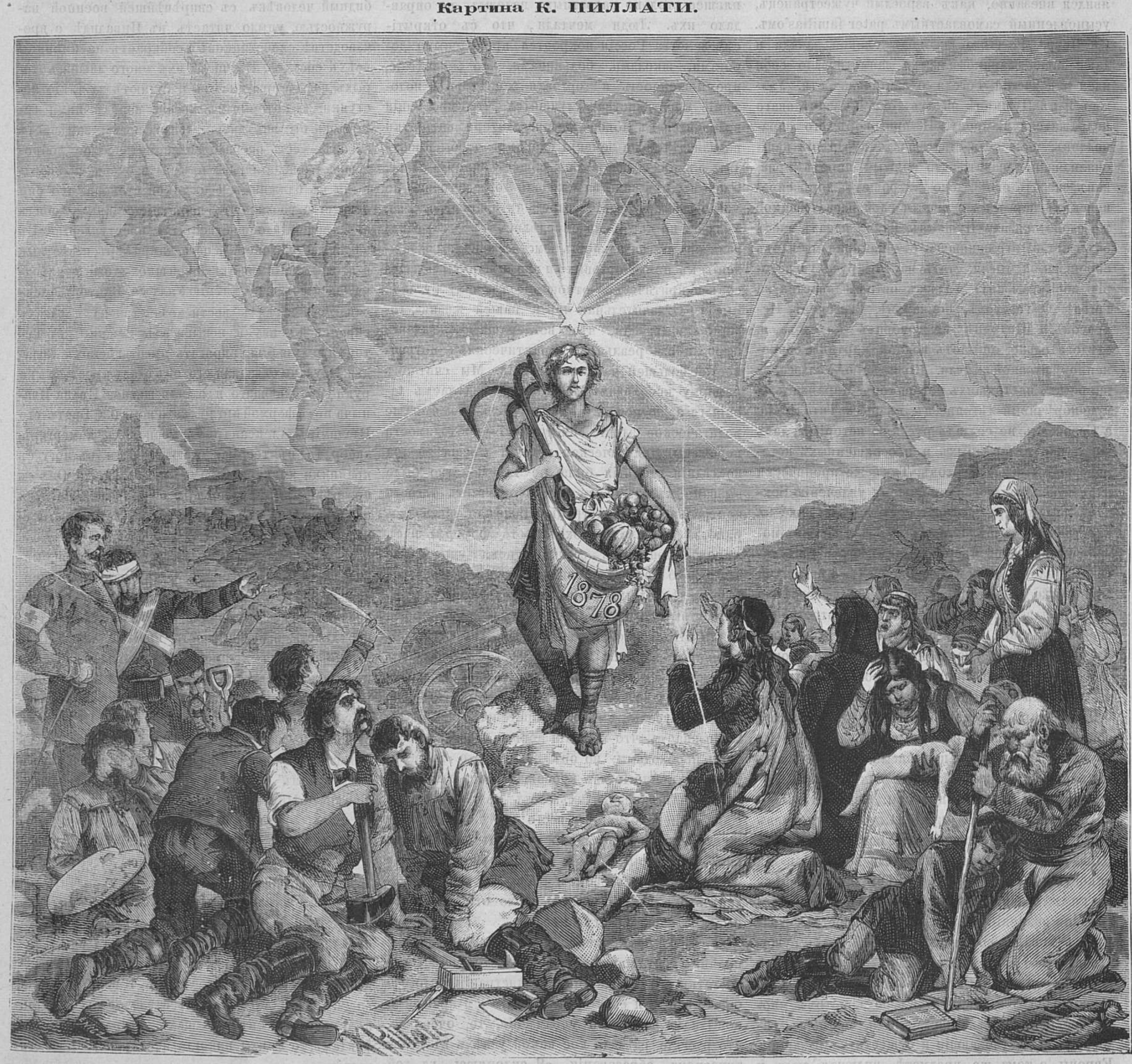
Авторъ на основаніи изученныхъ имъ представителей дворянства и историческаго изученія, результаты котораго онъ обстоятельно излагаетъ для своихъ соотечественниковъ, приходитъ къ заключенію, что дворянство не признающее маіората, не имѣвшее исторической почвы признанныхъ правъ, должно рано или поздно распуститься въ другихъ сословіяхъ. Въ Россіи, собственно говоря, нѣтъ сословій, какъ политическихъ единицъ, одушевленныхъ своимъ esprit de corps но есть разныя «состоянія». Гласные изъ крестьянъ дружно работаютъ въ земствахъ вмѣстѣ съ гласными изъ дворянъ. Авторъ хотя и не замѣтилъ, что въ этой работѣ «состоянія» перетяги-

ваютъ каждое въ свою пользу, что тамъ, гдѣ дворянство перевѣшиваетъ, проводятся невыгодныя желѣзныя дороги, чтобы поднять цѣнность помѣстій, а для народнаго образованія и здоровья не дѣлается ничего,—но тѣмъ не менѣе называетъ утопіей надежды русскихъ на будущее мирное развитіе народной самостоятельности. «Политическія партіи явятся непремѣнно, говоритъ онъ, но онѣ будутъ совершенно иныя, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ Германіи, Франціи и Англіи».

общественномъ прогрессѣ вслѣдъ за періодами напряженной дѣятельности идутъ періоды упадка силъ и застоя. Они неспособны къ ровной и упорной работѣ и за то Карлъ Карлычъ—мѣтко обрисованный типъ методичнаго управляющаго нѣмца,—глубоко презираетъ ихъ. Уаллэсъ съумѣлъ понять силу и живучесть народа и съ удивленіемъ отзывается о томъ, какъ мало сломило его крѣпостное право. Вотъ шестидесятилѣтній старикъ Иванъ Петровъ, который за поясъ заткнетъ на работѣ любого парня. Онъ держитъ себя съ

вліянія, чѣмъ полдюжины другихъ мужиковъ. Иванъ былъ выученъ ремеслу помѣщикомъ, отпущенъ на оброкъ. Въ девятнадцать лѣтъ его женили; жена его толковая, работящая женщина; во время отлучекъ мужа на заработки въ города она держала хозяйство въ порядкѣ. Сыновья Ивана тоже занимаются ремесломъ; вся эта патріархальная семья находится подъ верховной властью отца. Уаллэсъ замѣчаетъ, что такая семья немыслима для англосаксонскаго крестьянина.

Картина К. ПИЛЛАТИ.



Новый годъ.

Отзывы Уаллэса о русскомъ крестьянинѣ чужды того отношенія свысока, съ какимъ свободный европеецъ отзывается о народѣ, вышедшемъ изъ рабства. Онъ оправдываетъ русскій народъ отъ обвиненія въ усиленномъ пьянствѣ и лѣни, какъ послѣдствіи воли, но находитъ, что русскій народъ вообще стоитъ на серединѣ между европейцами и азіятцами и что наша дѣятельность и энергія далеко не такъ велика, какъ мы воображаемъ, если насъ сравнить съ англосаксонской расой. Русскіе вообще работаютъ порывисто, запоемъ; и въ частной дѣятельности и въ

такимъ достоинствомъ, что никто не заподозритъ въ немъ человѣка, лучшіе годы жизни бывшаго крѣпостнымъ. Иванъ Петровъ—крестьянинъ хранящій отцовскіе обычаи. Онъ не допускаетъ раздѣла; женатые сыновья живутъ при немъ и онъ съ мудростью патріарха управляетъ семьей. Иванъ Петровъ былъ старостой; выбранный противъ воли, онъ сказалъ: «хорошо, ребята, я отслужу свои три года». Честно отслуживъ міру, онъ отказался на второе трехлѣтіе и указалъ на другого крестьянина, который былъ выбранъ единодушно. Иванъ Петровъ имѣетъ въ міру болѣе

Такіе патріархи крестьяне — основа русскаго міра, по мнѣнію автора. Въ послѣднее время по причинѣ частыхъ раздѣловъ число патріархальныхъ семей, въ родѣ семьи Ивана Петрова, постоянно уменьшается, и вмѣсто степенныхъ мужиковъ на міру одерживаютъ верхъ такъ называемые горлопаны. Не смотря на всѣ темныя стороны русскаго міра и общины, которыя сильно преувеличивали въ глазахъ Уаллэса многіе противники ихъ, онъ признаетъ за ними одними живучесть и пластичность, которая ручается за то, что они могутъ развиваться при всѣхъ пере-

мѣнахъ политическихъ и общественныхъ условій. Міръ и община невиновны въ закрѣпощеніи личности, ни въ плохомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, и Уаллэсъ находитъ, что обвиненія эти доказываютъ хаосъ понятій, господствующій въ русскомъ обществѣ. Если въ сѣверной полосѣ Россіи, иные крестьяне рады отказаться отъ своего участка въ общинной землѣ и получить свободу, то этому причиной скудость земли, доходъ съ которой не даетъ возможности уплачивать повинности. Крестьяне этой полосы должны ходить на заработки, чтобы уплатить всѣ подати. Въ черноземной полосѣ Россіи, гдѣ повинности не превышаютъ нормальную ренту—быть членомъ общины выгода, а не тягость для крестьянина. Община не виновата въ томъ, если она въ сѣверной полосѣ проявляетъ свою дѣятельность крутыми мѣрами. Она отвѣчаетъ за исправную уплату податей, а подати превышаютъ нормальную ренту за землю, и потому она поневолѣ играетъ роль сборщика податей. Но тамъ, — гдѣ повинности не превышаютъ нормальную ренту за землю, община имѣетъ характеръ добровольной ассоціаціи и не слышно жалобы на общину. Если кто изъ членовъ ея захочетъ выйти и приписаться къ мѣщанству, онъ всегда найдетъ охотниковъ взять его участокъ. Прочіе члены общины охотно согласятся платить его долю повинностей за оставленную землю.

Обвиненіе, которымъ враги общины протрубили уши, что она тормазъ раціональному земледѣлію и агрономическимъ улучшеніямъ, Уаллэсъ признаетъ не заслуживающимъ вниманія. Земледѣліе плохо, потому что крестьяне невѣжественны. Міръ не мѣшаетъ частнымъ улучшеніямъ. Обработка свеклы для сахарныхъ заводовъ введена въ южной и югозападной полосѣ, а въ сѣверной теперь засѣваютъ ленъ въ большомъ количествѣ тамъ, гдѣ прежде его сѣяли только для домашняго употребленія. Когда крестьяне дорастутъ до потребности радикальнаго улучшенія земледѣлія, то системы дренажа и орошенія будутъ введены и община будетъ двигателемъ, а не тормазомъ; для всѣхъ работъ, требующихъ большихъ общественныхъ затратъ, міръ—готовое общественное учрежденіе.

Уничтожая доводы враговъ общины и міра, Уаллэсъ находитъ крайне радужными и доводы тѣхъ защитниковъ того и другого, которые видятъ въ этихъ учрежденіяхъ спасеніе отъ пролетаріата и панацею отъ всѣхъ соціальныхъ золъ. Община, по его мнѣнію, можетъ быть опорой рабочаго только при той низкой степени, на которой стоитъ промышленность въ Россіи. Когда промышленность разовьется, фабриканты не станутъ брать рабочихъ, которыхъ община можетъ вытребовать во всякое время къ себѣ; и теперь иные фабриканты даютъ большую плату тѣмъ рабочимъ, которые нанимаются на цѣлый годъ; и теперь мелкія фабрики, выручавшія нѣсколько лѣтъ тому назадъ хорошіе барыши, съ трудомъ выдерживаютъ конкурренцію крупныхъ. Къ тому же своя изба и участокъ земли для крестьянина, обязаннаго большую часть года проводить на фабрикахъ, часто за сотни верстъ, вовсе не такое благо, какимъ его представляютъ защитники общины. Если первое замѣчаніе Уаллэса справедливо и фабриканты всегда предпочтутъ беземельнаго работника, то большая плата, на которую онъ можетъ разсчитывать теперь,—плата въ сущности болѣе низкая, чѣмъ въ западной Европѣ—упадетъ какъ скоро явится необходимый контингентъ беземельныхъ работниковъ, не связанныхъ съ общиной. Второе возраженіе его, что община при необходимости уходить за сотни верстъ на промыселъ не такое благо, какъ то представляютъ защитники ея, устранится при развитіи мѣстной кустарной промышленности, на которую Уаллэсъ не обратилъ никакого вниманія и о которой разъ упоминаетъ мимоходомъ. Онъ имѣетъ постоянно въ виду одну чисто земледѣльческую общину, а не земледѣльческо-промышленную, въ которой спасеніе народа отъ пролетаріата. Онъ вообще относится иронически къ опасеніямъ русскихъ на этотъ счетъ и замѣчаетъ, что это страшилище, которое, по ихъ мнѣнію, грозитъ всей западной Европѣ, нисколько не мѣшаетъ европейцамъ наслаждаться полнѣйшимъ спокойствіемъ. Впрочемъ, онъ оговаривается, что спокойствіе это можетъ походить на спокойствіе людей живущихъ на скатѣ волкана, но что и русскіе въ своемъ опасеніи, вычитанномъ изъ книгъ, похожи на тѣхъ людей, которые судятъ о жизни въ Африкѣ по описаніямъ путешественниковъ и воображаютъ, что на каждомъ шагу встрѣчаются ядовитыя змѣи, хищные звѣри и дикари, метающіе отравленныя стрѣлы.

О будущности общины онъ высказывается крайне сдержанно и признаетъ, что рано или поздно она переживетъ серьезныя перемѣны. Близость одной онъ предвѣщаетъ въ ограниченіи передѣла земли, на основаніи того факта, что въ общинахъ, выкупившихъ надѣлъ, передѣлы затруднительнѣе и рѣже. «Трудно предсказать, какую форму приметъ община, говоритъ онъ.— Быть можетъ, особенности ея исчезнутъ и она будетъ только органомъ мѣстнаго самоуправленія; но можетъ быть и то, что она измѣнится сообразно съ требованіями времени и, не уничтожая свои основныя характеристическія черты, отчасти удовлетворитъ пылкимъ надеждамъ своихъ поклонниковъ».

Судебная реформа вызвала у Уаллэса удивленіе что она привилась съ быстротою, которая должна была поразить человѣка, привыкшаго къ медленности, съ какою совершаются реформы въ его странѣ. Онъ отзывается о новыхъ судахъ съ похвалой почти безусловной, сравнивая ихъ съ прежнею юридическою процедурою. Даже такой фактъ, какъ приговоръ присяжныхъ: невиновенъ, когда обвиненный сознался въ преступленіи, признается имъ естественнымъ послѣдствіемъ нашихъ уголовныхъ законовъ, составленныхъ, большею частью, по иностраннымъ кодексамъ и присуждающихъ уголовныя наказанія за нѣкоторыя правонарушенія, считающіяся ничтожными въ глазахъ народа. «Наконецъ, говоритъ онъ,—и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ уголовные законы отвѣчаютъ народнымъ идеямъ о нравственности, есть исключительные случаи, когда summum jus въ дѣйствительности summa injuria». Онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, когда судъ, связанный закономъ, долженъ былъ назначить каторгу, за незначительную вину, присяжные по чувству человѣчности наперекоръ очевидности, произнесли приговоръ: невиновенъ. «Русскіе присяжные, говоритъ онъ,—«и это дѣлаетъ имъ честь,—всегда выносятъ оправдательный приговоръ въ такихъ случаяхъ». Отзывъ его о нашей адвокатурѣ очень неблагопріятенъ—и во многомъ справедливъ. Съ практической точки зрѣнія даже лучшимъ адвокатамъ нужно еще поучиться искуству обсуждать дѣла и всего болѣе элементарному правилу, что адвокатъ долженъ говорить о своемъ дѣлѣ и ссылаться на законы своей страны, а не на законы Англіи, Франціи и Германіи. Уаллэсъ не знаетъ, что и на адвокатуру были возложены радужныя надежды и ссылки эти имѣютъ свое законное не въ юридическомъ смыслѣ оправданіе. Съ его приговоромъ о нравственности нашей адвокатуры можно только безусловно согласиться. За немногими единичными исключеніями, адвокатура наша приняла торгашескій, хищническій характеръ. Условія между кліентомъ и адвокатомъ покрыты тайной, и если покрывало случайно приподнимется, и откроетъ безобразіе—то общественное мнѣніе въ Россіи милосердно.

Отчетъ объ отзывѣ Уаллэса о всѣхъ сторонахъ русской жизни, о которыхъ онъ говоритъ, потребовалъ бы нѣсколькихъ статей; упомянемъ еще о наиболѣе крупныхъ явленіяхъ русской жизни, изслѣдованныхъ авторомъ. Онъ обстоятельно изучилъ нашъ расколъ и, признавая живучесть только за немногими сектами, находитъ безполезнымъ какъ преслѣдованіе, которое только разжигаетъ фанатизмъ, такъ и теологическія препирательства съ раскольниками нашего духовенства, положеніе котораго онъ хорошо изучилъ. Противъ вредныхъ изувѣрскихъ сектъ одно средство—просвѣщеніе.

Мнѣніе Уаллэса о восточномъ вопросѣ такъ здраво, что еслибы англійскіе политики держались его, то у насъ не было бы пущено столько утокъ о неминуемой войнѣ съ Англіей. Мечтанія славянофиловъ о прибитіи Олегова щита къ воротамъ Цареграда Уаллэсъ относитъ къ области политической мифологіи, утверждая, что русскому правительству чужды завоевательныя стремленія. Въ народѣ живо сочувствіе къ «православнымъ». Въ образованномъ обществѣ одни славянофилы исповѣдуютъ политическую мифологію, но они меньшинство. Если Россія въ восточномъ вопросѣ играетъ роль вождя славянъ, то она напоминаетъ того революціонера вождя, который пошелъ за своимъ отрядомъ на баррикаду, шепча пріятелю: «je suis leur chef il faut les suivre». Наконецъ, Константинополь уже потому не можетъ быть цѣлью войны, что Дарданеллы —ключъ къ одному Черному морю и выгода пріобрѣтенія его не оплатятся тѣми громадными жертвами, какихъ потребуетъ сохраненіе его. Средиземное море и путь въ Индію въ рукахъ англичанъ. Россіи нѣтъ никакихъ выгодъ расширять свои владѣнія; расширеніе ихъ на западѣ можетъ только обезсилить ее. И на востокѣ она не усиливаетъ ее; но она подвигается въ Азіи, какъ подвинулась бы на мѣстѣ ея и Англія, повинуясь необходимости защищать своихъ подданныхъ отъ набѣговъ ордъ. Индіи Россія не можетъ быть опасна; тамъ стоятъ на стражѣ Гималаи. Скорѣе Китай могъ бы быть цѣлью завоевательной политики Россіи, еслибы правительство ея держалось такой политики. «Судьба Азіи въ очень значительной степени въ рукахъ Россіи и Англіи, заключаетъ Уаллэсъ:—Поле обширно для насъ обоихъ, и конференція подаетъ намъ добрыя предзнаменованія для будущаго, хотя было бы ребячествомъ утверждать, что между нами не будетъ разногласія. Но мы должны остерегаться ошибки принимать воображаемые интересы за настоящіе и ссориться изъза недоразумѣній. Покамѣстъ нашъ долгъ ясенъ—мы должны лучше узнать Россію и тѣмъ избѣжать напрасныхъ столкновеній».

Уаллэсъ исполнилъ то, что онъ считалъ долгомъ современнаго англичанина представить своимъ соотечественникамъ добросовѣстно поставленную картину тѣхъ сторонъ русской жизни, которыя онъ наблюдалъ. Отдавая полную справедливость его трезвости, безпристрастію и добросовѣстному изученію, должно замѣтить, что въ картинѣ этой есть пробѣлы. Онъ не говоритъ ни о нашей финансовой системѣ, ни о народномъ образованіи, ни о нашихъ фабрикахъ и заводахъ. Упоминая мѣстами о поворотѣ общественнаго движенія, онъ не говоритъ ни слова о современныхъ типахъ, въ которыхъ воплотился этотъ поворотъ. Съ своей точки зрѣнія объективнаго наблюдателя-англичанина, который, не смотря на всю добросовѣстность отношенія своего къ наблюдаемому предмету, не могъ отрѣшиться отъ своей плоти и крови, онъ считаетъ всѣ замѣченныя имъ темныя стороны явленіемъ неизбѣжнымъ для Россіи и не понимаетъ того жгу-

чаго скорбнаго чувства, съ какимъ относится къ нимъ современный русскій человѣкъ, который жилъ и мыслилъ. Эта сторона русской жизни совершенно непонята Уаллэсомъ и онъ доказалъ это портретомъ своего Николая Ивановича.

Литературная находка.

Съ нынѣшняго года въ Парижѣ выходитъ новый журналъ «Le glaneur Litteraire», посвященный розысканію литературныхъ диковинъ и любопытныхъ, неизвѣстныхъ публикѣ литературныхъ документовъ, писемъ, и такъ далѣе. Въ первомъ же номерѣ его напечатано замѣчательное письмо Виктора Гюго къ издателю итальянскаго перевода его романа «Misèrables», которое до сихъ поръ появилось только на итальянскомъ языкѣ вмѣстѣ съ самимъ переводомъ, вышедшемъ въ Миланѣ. Вѣрный постоянной привычкѣ объяснять значеніе своихъ произведеній, Викторъ Гюго по примѣру своего предисловія къ «Кромвелю», высказываетъ, къ чему онъ стремился и чего хотѣлъ, создавая свой романъ. Вотъ это письмо:

Готвиль-Гаусъ, 13 октября, 1862 г.

«Вы правы, м. г., говоря, что «Misèrables» написаны для всѣхъ народовъ. Я не знаю, прочтутъ ли мою книгу всѣ народы, но я написалъ ее для всѣхъ. Она также посвящена Англіи, какъ Испаніи, Италіи, какъ Франціи, Германіи, какъ Ирландіи; республикамъ, имѣющимъ невольниковъ, какъ имперіямъ, имѣющимъ рабовъ. Общественныя задачи не знаютъ географическихъ границъ. Язвы человѣческаго рода, эти страшныя язвы, покрывающія земной шаръ, не сдерживаются синими или красными полосами географическихъ картъ. Во всѣ бѣдныя жилища, гдѣ человѣкъ прозябаетъ въ невѣжествѣ и отчаяніи, гдѣ женщина продаетъ себя за кусокъ хлѣба, гдѣ ребенокъ страдаетъ за неимѣніемъ книги или теплаго угла — моя книга стучится въ дверь и говоритъ: «отворите, я къ вамъ, я за васъ».

«Въ настоящую, еще мрачную эпоху нашей цивилизаціи, «Misèrables»—это люди, страдающіе во всѣхъ климатахъ, клянущіе свою судьбу на всѣхъ языкахъ.

«Ваша прекрасная Италія не менѣе нашей Франціи страдаетъ отъ язвъ, горя и нищеты. Развѣ разбойники, эта лютая форма пауперизма, не населяютъ ваши горы? Немногіе народы испытываютъ въ такой степени клерикальный ядъ, какъ вы. Правда у васъ Римъ, Миланъ, Неаполь, Флоренція, Генуя, Венеція, геройская исторія, славныя развалины, великолѣпные памятники, живописные города, но все же вы, какъ и мы, переносите массу несчастій. Конечно, солнце Италіи свѣтитъ ярко на лазуревомъ небѣ, но это не мѣшаетъ человѣку ходить въ рубищѣ.

«У васъ существуютъ тѣ же предразсудки, тѣ же суевѣрія, тѣ же фанатики, тѣ же слѣпые законы, поддерживающіе невѣжественные грубые нравы. Пользуясь настоящимъ и предвкушая будущее, вы не можете стряхнуть съ себя прошедшаго. Васъ озабочиваютъ тѣ же вопросы, какъ у насъ. У васъ умираютъ меньше отъ голода, а больше отъ лихорадокъ. Ваша общественная гигіена не лучше нашей. Мракъ вездѣ одинъ и тотъ же: католическій въ Италіи, протестанскій въ Англіи. Сущность дѣла одна и та же, только слова другіе. Надо ли еще настаивать на этой мрачной параллели. Пауперизмъ и паразитство поддерживаютъ роковое равновѣсіе на человѣческихъ вѣсахъ, у васъ такъ же, какъ у насъ.

«Гдѣ ваша армія школьныхъ учителей? Гдѣ ваши даровыя и обязательныя школы? Всѣ ли умѣютъ читать на родинѣ Данта и Микель-Анджело? Не существуетъ ли у васъ также, какъ у насъ, слишкомъ дарогой бюджетъ военнаго министерства и слишкомъ скудный народнаго образованія? Не царитъ ли у васъ милитаризмъ, стрѣляющій въ Гарибальди, то есть въ живую честь всей Италіи? Въ какомъ положеніи находятся у васъ женщина и ребенокъ, эти два слабыя созданія, служащія лучшимъ мѣриломъ цивилизаціи? Проституція менѣе ли свирѣпствуетъ въ Неаполѣ, чѣмъ въ Парижѣ? На сколько справедливы ваши законы и на сколько правосудны ваши суды? Или, быть можетъ, у васъ неизвѣстны роковыя слова: каторга, плаха, палачъ, смертная казнь?

«Итальянцы, у васъ, какъ и у насъ, Беккарій умеръ, а Фаринасъ живъ до сихъ поръ. Можете ли вы сказать, чтобы у васъ политика была всегда тождественна съ нравственностью? О великій народъ Италіи, ты такой же, какъ и великій народъ Франціи! Увы, братья, мы всѣ несчастные! Вы окружены такимъ же мракомъ, какъ и мы, не яснѣе нашего видите вы отдаленныя лучезарныя врата рая. Только ваши и наши католическіе патеры ошибаются: святыя врата рая не за нами, а впереди насъ.

«И такъ эта книга «Несчастные» такое же зеркало для васъ, какъ и для насъ. Зеркало говоритъ правду и потому многіе его ненавидятъ, но оно всегда полезно. Что же касается меня, я писалъ эту книгу съ глубокою любовью къ моему отечеству, но не имѣлъ въ виду исключительно одну Францію. Чѣмъ долѣе я живу, тѣмъ болѣе упращаются мои идеи и я становлюсь патріотомъ всего человѣчества. Впрочемъ, таково стремленіе нашего времени и книги, распространяющія цивилизацію должны быть не французскими, англійскими, нѣмецкими, итальянскими или испанскими, а европейскими, или, лучше, общечеловѣческими.

«Отсюда возникаетъ новая реторика и логика, являются новыя литературныя условія, выходящія изъ прежнихъ узкихъ правилъ литературнаго вкуса и литературнаго языка, которыя, какъ все, должны соотвѣтственно расширяться. Нѣкоторые французскіе критики, къ моему большому удовольствію, упрекали меня въ томъ, что я удалился отъ такъ называемаго литературнаго вкуса. Я считаю это величайшей похвалой и очень радъ, если дѣйствительно заслужилъ ее. Впрочемъ, я сдѣлалъ все, что могъ, я страдаю отъ общечеловѣческихъ страданій и стараюсь по возможности облегчить ихъ, но я человѣкъ слабый, силы и средства мои для борьбы скудны и я взываю ко всѣмъ: помогите мнѣ.

«Вотъ, м. г., все, что я хотѣлъ сказать вамъ и вашей странѣ въ отвѣтъ на ваше письмо, которое и вызвало эти строки. Вы пишете: «Многіе итальянцы говорятъ, что «Несчастные»—произведеніе французское и до насъ не касается, пусть французы читаютъ его, какъ исторію, а мы будемъ читать ее, какъ романъ». Увы, я повторяю, что итальянцы и французы одинаково несчастны. Съ той минуты, какъ исторія пишетъ и философія мыслитъ, горе и нищета были одеждой человѣка. Но не пастала ли минута сорвать съ человѣка рубище прошедшаго и накинуть на его обнаженное тѣло лучезарную мантію разсвѣта.

«Если вы, м. г., сочтете это письмо полезнымъ для разсѣянія нѣкоторыхъ предразсудковъ, вы можете его напечатать. Примите м. г. увѣреніе и пр.

Викторъ Гюго.

Отецъ Ашилль.

Разсказъ **Альфонса Додэ**. Переводъ **А. Г. Сахаровой**.

Фабричные колокола звонятъ полдень; большіе молчаливые дворы наполняются шумомъ и движеніемъ.

Матушка Ашилль оставляетъ свою работу и окошко, у котораго она сидѣла, и принимается накрывать столъ. Ея мужъ придетъ домой завтракать. Онъ работаетъ тутъ близко въ этихъ большихъ мастерскихъ съ большими окнами, заваленныхъ досками,—въ мастерскихъ, гдѣ съ утра до вечера визжатъ пилы. Жена поминутно бѣгаетъ въ кухню. Въ этой квартирѣ рабочаго все въ порядкѣ, все блеститъ. Но бѣдность обстановки этихъ двухъ маленькихъ комнатокъ еще болѣе бросается въ глаза при ослѣпительномъ свѣтѣ пятаго этажа. Отсюда видны верхушки деревьевъ, холмы Шомона и длинныя кирпичныя трубы съ почернѣвшими краями, вѣчно дѣятельныя. Мебель вылощена, вытерта. Она была куплена къ свадьбѣ, также какъ и эти два букета стеклянныхъ плодовъ, которые украшаютъ каминъ. Съ тѣхъ поръ не покупали ничего, потому что въ то время, какъ жена мужественно работала иглой, мужъ пропивалъ свой заработокъ. И такъ она могла только заботиться, могла только сберечь то немногое, что они имѣли.

Бѣдная матушка Ашилль! Невесела была ея замужняя жизнь. Въ особенности тяжелы были для нея первые годы. Дѣтей у ней не было, мужъ ея кутилъ, пьянствовалъ и ремесло швеи заставляло ее вѣчно жить взаперти, жить одной среди тишины и однообразнаго порядка хозяйства, гдѣ нѣтъ дѣтей, гдѣ нѣтъ этихъ маленькихъ ручекъ, вѣчно путающихъ всѣ клубки, гдѣ нѣтъ этихъ маленькихъ ножекъ, поднимающихъ столько пыли и шуму. Это было особенно тяжело для нея; но такъ какъ она была очень мужественна, то она утѣшилась, работая. Мало-по-малу правильное движеніе иглы утѣшило ея печаль и то чувство довольства, которое человѣкъ испытываетъ, окончивъ работу и наслаждаясь хоть нѣсколькими минутами отдыха послѣ цѣлаго дня труда, замѣнило ей счастье. Да и къ тому же отецъ Ашилль сильно измѣнился подъ старость. Онъ все еще попиваетъ, но послѣ кутежа онъ еще прилежнѣе принимается за работу. Очевидно, что онъ немного побаивается этой славной женщины, которая относится къ нему съ материнской нѣжностью. Онъ уже не колотитъ ее, когда онъ пьянъ, и даже время отъ времени, пристыженный сознаніемъ, что онъ заставилъ ее провести такъ печально молодость, отправляется съ ней по воскресеніямъ погулять въ Лила или въ Сенъ-Манде.

Столъ накрытъ. Комната въ порядкѣ. Стучатъ.

— Войдите же!.. Ключь у двери.

Входятъ. Но это не онъ. Это высокій красивый малый лѣтъ двадцати въ рабочей блузѣ. Она никогда не видала его; между тѣмъ въ выраженіи этого молодого, откровеннаго лица есть что то близко знакомое ей и это ее смущаетъ:

— Кого вамъ угодно?

— Отца Ашилля нѣтъ дома?

— Нѣтъ, мой милый; но онъ скоро вернется. Если вамъ надо поговорить съ нимъ, то вы можете подождать его.

Она подвигаетъ стулъ; потомъ, такъ какъ она не можетъ оставаться безъ дѣла, она снова принимается шить у окна. Вновь прибывшій съ любопытствомъ оглядываетъ комнату. Онъ видитъ на столѣ фотографическій портретъ, приближается и разсматриваетъ его внимательно:

— Такъ это отецъ Ашилль?

Жена очень удивлена этимъ:

— Значитъ вы его не знаете?

— Нѣтъ, я его не видалъ никогда, но не по недостатку желанія съ моей стороны.

— Но чего же вамъ нужно отъ него, наконецъ? Развѣ вы пришли за деньгами? Однако, мнѣ казалось, что онъ не долженъ ничего никому, мы все заплатили.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ мнѣ ничего не долженъ. Это даже очень странно, что онъ мнѣ ничего не долженъ, потому что онъ мой отецъ.

— Вашъ отецъ?

Она встаетъ совершенно блѣдная, работа выпадаетъ изъ ея рукъ.

— Успокойтесь, госпожа Ашилль, повѣрьте, что я говорю это не для того, чтобы васъ оскорбить... Я родился до вашего брака. Я сынъ Сидоніи; можетъ быть, вы слышали что-нибудь о моей матери?

Дѣйствительно, это имя ей знакомо. Въ первые дни ея замужней жизни оно даже заставляло ее страдать. Ей говорили, что эта Сидонія, прежняя любовница ея мужа, была очень хорошенькая и что всѣ сосѣди заглядывались на эту хорошенькую парочку. Такія вещи всегда тяжело слушать.

Мальчикъ продолжаетъ:

— Моя мать, право, молодецъ баба! Сначала меня отдали въ воспитательный домъ; но она взяла меня оттуда, когда мнѣ минуло десять лѣтъ. Она работала, не покладая рукъ, чтобы воспитать и научить меня какому-нибудь ремеслу... Ее то ужь мнѣ не въ чемъ упрекнуть! Отецъ мой, дѣло другое; но я пришелъ не для этого... Я пришелъ только для того, чтобы увидѣть и узнать его. Въ самомъ дѣлѣ, меня всегда мучила мысль, что я не знаю моего отца. Эта мысль тревожила меня уже въ дѣтствѣ и я нерѣдко заставлялъ свою мать плакать, приставая къ ней съ вопросами:

— «Значитъ у меня нѣтъ отца? гдѣ же онъ? что же онъ дѣлаетъ?» Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, она призналась мнѣ во всемъ и я тотчасъ сказалъ себѣ: «онъ въ Парижѣ, ну такъ я пойду повидаюсь съ нимъ!..» Она не хотѣла меня пускать: — «Вѣдь я же тебѣ говорю, что онъ женатъ, что ему нѣтъ дѣла до тебя, что онъ никогда не справлялся о тебѣ...» Но это не помогло. Я хотѣлъ познакомиться съ нимъ во чтобы то ни стало и, пріѣхавъ въ Парижъ, я добылъ его адресъ и пришелъ прямо... Не сердитесь на меня, я не могъ совладать съ собой...

О! нѣтъ, она на него не сердится! Но въ душѣ она завидуетъ. Глядя на него, она думаетъ, что есть несчастныя доли; что онъ долженъ былъ бы принадлежать ей, этотъ ребенокъ! Какъ бы она заботилась о немъ, какъ бы она воспитала его!.. Дѣйствительно, онъ вылитый портретъ Ашилля, только въ немъ есть что то дерзкое и она невольно думаетъ, что у ея сына, у этого желаннаго сына было бы что то болѣе степенное, болѣе честное во взглядѣ и въ голосѣ.

Имъ обоимъ какъ то неловко. Они оба молчатъ. Каждый занятъ своими мыслями. Вдругъ на лѣстницѣ раздаются шаги. Это отецъ. Онъ входитъ, длинный, сгорбленный, размашистой походкой рабочаго, который провелъ не мало понедѣльниковъ, шатаясь по улицамъ.

— Ашилль, говоритъ жена, — вотъ молодой человѣкъ, который желаетъ съ тобой поговорить.

Она удаляется въ сосѣднюю комнату, оставляя своего мужа глазъ на глазъ съ сыномъ красивой Сидоніи. При первомъ словѣ, Ашилль измѣняется въ лицѣ; сынъ его успокоиваетъ:

— Не безпокойтесь, я не прошу у васъ ничего, я не нуждаюсь ни въ чьей помощи, я пришелъ только повидаться съ вами, больше ничего.

Отецъ бормочетъ:

— Конечно, конечно... ты — вы очень хорошо сдѣлали, мой милый.

Тѣмъ не менѣе это внезапное появленіе сына нѣсколько стѣсняетъ его въ особенности при женѣ. Онъ поглядываетъ въ кухню и говоритъ, понижая голосъ:

— Послушайте, спустимтесь внизъ, тамъ есть винный погребъ и тамъ намъ будетъ удобнѣе разговаривать... подожди меня, матушка, я скоро вернусь.

Они спускаются, велятъ подать кружку вина, садятся и разговоръ начинается.

— Чѣмъ вы занимаетесь? спрашиваетъ отецъ, — а я пильщикъ.

— А я столяръ, отвѣчаетъ сынъ.

— Ну, хорошо ли у васъ идутъ дѣла?

— Не особенно.

И разговоръ продолжается въ этомъ тонѣ. Ихъ связываютъ только нѣкоторыя подробности ремесла. Впрочемъ, они не чувствуютъ никакого волненія при первомъ свиданіи. Имъ рѣшительно нечего повѣрить другъ другу. У нихъ нѣтъ ни одного общаго воспоминанья, это двѣ отдѣльныя жизни, никогда не имѣвшія никакого вліянія одна на другую.

Кружка допита, сынъ встаетъ.

— Ну, батюшка, я не хочу васъ долѣе задерживать; я видѣлъ васъ и совершенно доволенъ. До свиданья.

— Счастливаго пути, мой милый.

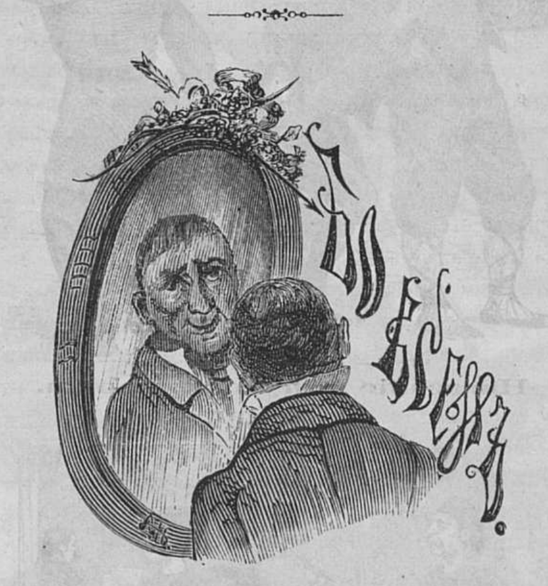
Они холодно пожимаютъ другъ другу руку, сынъ идетъ своей дорогой, отецъ поднимается къ себѣ домой. Они больше не видались.

Счастье и сонъ.

Изъ Гёте. Переводъ Л. Е. Оболенскаго.

Ты часто въ снахъ своихъ видала,
Что ты у алтаря стояла
Со мной вдвоемъ, что я — женихъ.
Я много разъ — не въ сновидѣньи,
А на яву, въ часы забвенья,
Рвалъ поцѣлуи съ устъ твоихъ.

Но и восторговъ чистыхъ счастье,
И упоенье сладострастья,
Какъ время, унеслись отъ насъ!
Что въ томъ, что ихъ теперь беру я?
Какъ сонъ, проходятъ поцѣлуи,
Какъ поцѣлуй, восторгъ угасъ...



(Реальность, соединенная съ художественностью. — Громадное дарованіе г-жи Стрепетовой. — Самобытность ея таланта. — Отношеніе къ ней публики. — Разнообразіе ея дарованія. — Она обладаетъ такимъ же выдающимся комическимъ талантомъ, какъ и драматическимъ. — Г-жа Шубертъ. — Курьезъ.)

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ во «Французскомъ театрѣ» въ Парижѣ шло первое представленіе драмы «Сфинксъ». Г-жа Круазетъ, исполнявшая роль интригантки, по пьесѣ умираетъ отъ отравленія. Зрители ждали этого момента съ нетерпѣніемъ, потому что заранѣе прошелъ слухъ, что публикѣ предстоитъ увидѣть нѣчто необыкновенное. И дѣйствительно, г-жа Круазетъ поразила публику, которая не только не разочаровалась, какъ обыкновенно бываетъ, если публика заранѣе подготовлена къ эфекту, напротивъ, до такой степени была поражена, что не знала, слѣдуетъ-ли ей восторгаться или же негодовать на артистку. Такого реальнаго воспроизведенія смерти отъ отравы на сценѣ никто и никогда не видѣлъ. Немудрено, что это «событіе» вызвало оживленные толки въ обществѣ и прессѣ и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, явились страстные хвалители и не менѣе страстные порицатели замѣчательной артистки. Одни говорили, что г-жа Круазетъ явилась вполнѣ геніальной артисткой, что ея исполненіе было реально и вмѣстѣ художественно. Противники г-жи Круазетъ, не отрицая реальности ея игры, находили, что она не была художественной. «Нельзя же изображать на сценѣ безусловно все; есть дѣйствія и жесты, шокирующіе зрителя и даже возбуждающіе въ немъ отвращеніе». Споръ окончился ничѣмъ, обѣ стороны остались при своемъ мнѣніи.

Я не видѣлъ г-жи Круазетъ въ этой роли и, конечно, не могу имѣть мнѣнія въ этомъ спорѣ. Но одно уже то, что споръ возникъ и дошелъ до крайней страстности, доказываетъ, что въ превосходной игрѣ Круазетъ были фальшивыя ноты, былъ, что называется, пересолъ; что высоко-талантливая артистка, дѣйствительно, воспроизвела на сценѣ нѣчто такое, чего воспроизводить не слѣдовало.

Недавно оживленные толки предшествовали и у насъ исполненію роли нашей талантливой артисткой г-жей Стрепетовой. Едва-ли не со дня перваго появленія ея на сценѣ с.-петербургскаго собранія художниковъ прошелъ слухъ, что въ свой бенефисъ г-жа Стрепетова поставитъ неигранную въ Петербургѣ плохую пьесу Кучука «Тьма и свѣтъ», въ которой она удивительно, небывалымъ до сихъ поръ образомъ, воспроизведетъ сцену сумашествія. Спектакль состоялся 16 января. По окончаніи ожидаемой сцены, многочисленная публика, наполнявшая залу с.-петербургскаго собранія художниковъ, стоя, аплодировала втеченіи нѣсколькихъ минутъ замѣчательной артисткѣ, вызывая ее много разъ. Объ исполненіи составился единодушный отзывъ, что лучшаго, болѣе художественнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ реальнаго воспроизведенія сумашествія представить себѣ невозможно. Ясно, что исполненіе было безукоризненно, можно сказать, геніально, что въ немъ не было ни одной фальшивой ноты.

Разъясненіе, что истинно художественно и что должно считаться пересоломъ, завело бы меня слишкомъ далеко и заставило бы выйти изъ предѣловъ небольшой журнальной замѣтки, скажу только, что г-жа Стрепетова, своимъ артистическимъ чутьемъ, всегда вѣрно понимаетъ, гдѣ кончается предѣлъ, переступать черезъ который не должна истинная художественность. Потому-то игра г-жи Стрепетовой, оставаясь всегда вполнѣ реальной, въ высшей степени художественна. Г-жа Стрепетова никогда не прибѣгаетъ къ эфектамъ, дѣйствующимъ на толпу, — къ эфектамъ, на которые падки и многія изъ безспорно талантливыхъ артистокъ, прибѣгающія къ нимъ съ цѣлью вызвать рукоплесканія. Игра г-жи Стрепетовой въ высшей степени проста, тонка. Талантливая артистка не заботится о легкихъ лаврахъ, она играетъ не для толпы, а для интеллигентныхъ зрителей и дорожитъ только ихъ приговоромъ. Въ настоящій сезонъ она играла двѣ роли, лишенныя внѣшнихъ эфектовъ, но дающія поводъ впадать въ афектацію, прибѣгать къ пересолу, что и дѣлаетъ большинство артистокъ, исполняющихъ эти роли. Я говорю о роляхъ «Дуни» въ «Не въ свои сани не садись» и «Марьи Андреевны» въ «Бѣдной невѣстѣ». Г-жа Стрепетова играла просто, но сколько потрясающей правды было въ ея игрѣ! Обѣ эти дѣвушки, обѣ эти страдалицы были передъ вами, какъ живыя, вы чувствовали, что и Дуня, и Марья Андреевна не могли ходить, не могли говорить иначе. А какъ легко было пересолить! Артистка, пользующаяся внѣшними эфектами для своего успѣха, обыкновенно удлиняетъ до невозможности сцены истерики, съ самаго начала пьесы го-

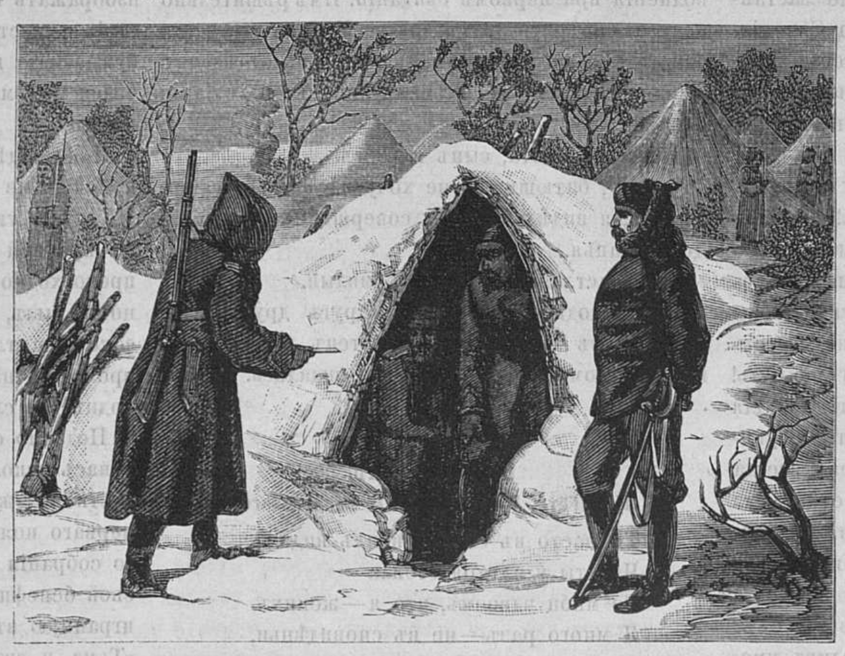
ворить плаксивымъ, страдальческимъ тономъ. Ничего этого не дѣлаетъ г-жа Стрепетова. Смотря на ея игру, вы непремѣнно скажете: «много разъ я видѣлъ эти пьесы, видалъ въ нихъ многихъ артистокъ, но настоящую «Дуню» и «Марью Андреевну» я вижу въ первый разъ; въ исполненіи г-жи Стрепетовой онѣ именно таковы, какими задумалъ ихъ авторъ». Говоря это, я имѣю въ виду петербургскую публику и исполненіе этихъ ролей на петербургскихъ сценахъ. Я знаю, что въ Москвѣ русская сцена даетъ образцы такого исполненія, о какомъ и не снилось у насъ, въ Петербургѣ. Но г-жа Стрепетова играетъ теперь въ Петербургѣ, я разбираю ея петербургскую игру и имѣю право сравнивать только съ петербургскими образцами.

Г-жа Стрепетова играетъ нервами; она въ совершенствѣ изучила психическія стороны человѣческой натуры; она обладаетъ изумительной способностью быстро измѣнять выраженіе своего лица, блѣднѣть и краснѣть. Оттого игра ея въ высшей степени разнообразна; ни въ одной роли она не напоминаетъ сама себя, какъ большая часть нашихъ артистокъ, пользующихся извѣстностью. Вы никогда не можете представить себѣ, какой явится г-жа Стрепетова въ данной роли; она всегда обманетъ ваши ожиданія. Свое представленіе вы составляете, конечно, по тѣмъ образцамъ, которые вамъ привелось видѣть, но будьте увѣрены, г-жа Стрепетова дастъ «свой» образъ, не похожій на знакомые вамъ образцы, притомъ образъ вполнѣ реальный. Г-жа Стрепетова оригинальна, самобытна; она на сценѣ страдаетъ страданіями, радуется радостями изображаемаго ею лица. Я припоминаю разговоры, слышанные мною въ день представленія «Не въ свои сани не садись.» «Она ни на кого не похожа, говорилъ каждый,—но никто и никогда до такой степени натурально и художественно не исполнялъ роли «Дуни». А какъ просто играетъ она и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ хватаетъ за сердце ея исполненіе».

Именно «хватаетъ за сердце». Лучшія мѣста ролей г-жи Стрепетовой публика выслушиваетъ въ благоговѣйной тишинѣ, если можно такъ выразиться; вниманіе у всѣхъ напряжено, духъ захватываетъ отъ ожиданія. Давно уже въ Петербургѣ не приходилось видѣть такого отношенія къ артисткѣ. Одинъ уже этотъ фактъ, своей исключительностью, говоритъ о томъ, что г-жа Стрепетова громадный выдающійся талантъ.

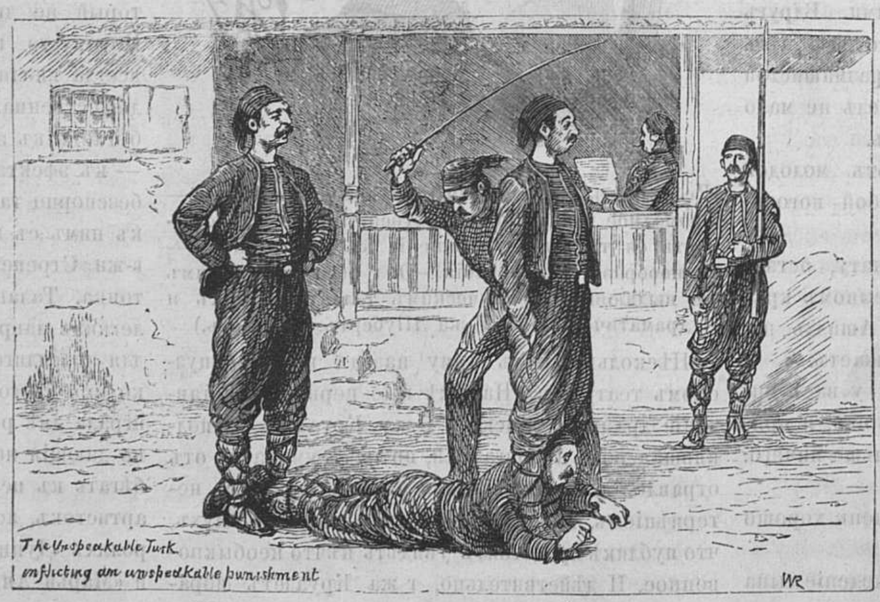
Кстати, приведу одинъ случай, показывающій, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ публика относится къ г-жѣ Стрепетовой. Вѣроятно, нѣкоторымъ изъ моихъ читателей приходилось бывать въ спектаклѣ, когда на сценѣ происходилъ такой казусъ: артистка нечаяннымъ жестомъ собьетъ шляпу съ актера, или у нея упадетъ повязка, чепецъ... за такимъ казусомъ обыкновенно слѣдуетъ смѣхъ, и смѣхъ невольный, доказывающій,

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ.



Зимній офицерскій шалашъ турецкой арміи.

Наказаніе въ турецкой арміи.



Наказаніе въ турецкой арміи.

впрочемъ, что публика не сосредоточиваетъ всего своего вниманія исключительно на игрѣ артистки. Съ г-жею Стрепетовой случилось нѣчто подобное, но результатъ былъ иной. При исполненіи ею роли «Марьицы» въ драмѣ «Каширская старина», у нея упала повязка съ головы и очень некрасиво повисла на косѣ. Артистка не шелохнулась, чтобы поправить повязку, она продолжала вести патетическую любовную сцену. Въ этотъ вечеръ въ залѣ зрителей было около тысячи человѣкъ; царила мертвая тишина; даже единичный смѣхъ, навѣрное, раздался бы очень рѣзко, но тишина ничѣмъ не прервалась; всѣ зрители съ напряженнымъ вниманіемъ слушали страстный монологъ даровитый актрисы...

Мнѣ приходилось слышать мнѣніе, что репертуаръ г-жи Стрепетовой однообразенъ, что она удивительно-хороша только въ бытовыхъ роляхъ, притомъ, гдѣ есть хотя одна сильная драматическая сцена. Но г-жа Стрепетова въ нынѣшній сезонъ играла семь разъ и исполнила семь различныхъ ролей, рѣшительно непохожихъ одна на другую, въ которыхъ были и сильныя драматическія сцены и не было ихъ, наконецъ, въ одной изъ ролей г-жа Стрепетова выказала истинный комическій талантъ. Объ исполненіи ролей безъ эффектовъ «Дуни» и «Марьи Андреевны» я уже говорилъ, скажу нѣсколько словъ о роли «Евгеніи» въ драмѣ «На бойкомъ мѣстѣ». Въ этой пьесѣ существуетъ драматическая роль «Аннушки», въ которой г-жа Стрепетова, конечно, была бы превосходна. Но она рѣшилась взять роль, которая считается на театральномъ языкѣ второстепенною. И, Боже мой! Что сдѣлала изъ этой роли безподобная артистка! Опять приходится повторить, что настоящую Евгенію публика видѣла въ первый разъ. Между тѣмъ многіе изъ присутствовавшей публики говорили сами себѣ: «а вѣдь я встрѣчалъ Евгенію въ жизни; не разъ приходилось мнѣ бесѣдовать съ тароватыми дворничихами на постоялыхъ дворахъ внутреннихъ губерній». Отчего же ни одна изъ артистокъ съ такой жизненной правдой не передавала на сценѣ роли Евгеніи? Не надо забывать притомъ, что роль Евгеніи исполняется обыкновенно актрисами, имѣющими своей спеціальностью комическія роли. Исполненіемъ роли Евгеніи г-жа Стрепетова выказала все разнообразіе своего могучаго дарованія: она, артистка съ сильнымъ драматическимъ талантомъ, показала, что если бы ей вздумалось исполнять комическія роли, то на этомъ амплуа она рѣшительно не имѣла бы себѣ соперницъ. Въ драматическихъ роляхъ съ г-жею Стрепетовой можетъ соперничать г-жа Федотова. Но всѣ русскія сцены въ настоящее время бѣдны актрисами, обладающими выдающимся комическимъ талантомъ; по сравненію съ лучшими изъ нихъ г-жа Стрепетова, какъ комическая актриса, была бы звѣздою первой величины.

Нельзя не поблагодарить отъ души с.-петер-

Картина Ю. КОССОКА.

Возвращеніе съ базара.

бургское собраніе художниковъ за приглашеніе на свою сцену дорогой гостьи. Высокое наслажденіе, доставленное ею петербургской публикѣ, никогда не изгладится изъ памяти. Ходитъ слухъ, что г-жа Стрепетова сыграетъ еще нѣсколько ролей. Можемъ только аплодировать такому ея рѣшенію.

Приходится поблагодарить собраніе художниковъ за другую гостью, г-жу Шубертъ. Каждый разъ, какъ видишь талантливое исполненіе заѣзжихъ артистовъ, разбираетъ досада, почему же не приглашаютъ ихъ на здѣшнюю сцену, такъ бѣдную выдающимися талантами? Г-жа Шубертъ играла два раза двѣ разнообразныя, нисколько не похожія одна на другую, роли въ «Бѣдной невѣстѣ» и въ «Тьма и свѣтъ» и выказала выдающееся дарованіе. И въ той и въ другой пьесѣ она создала типы: нѣжной, по своему, добродушной простоватой матери въ «Бѣдной невѣстѣ» и разбитной сплетницы, грозы для своего мужа провинціальной чиновницы въ «Тьма и свѣтъ».

Есть еще и третій гость на сценѣ с.-петербургскаго собранія художниковъ, также выдающійся своимъ талантомъ, г. Писаревъ, но о немъ скажу въ другое время.

Въ заключеніе сообщу курьезъ. Г-жа Стрепетова должна была исполнить роль въ прологѣ драмы Мея «Псковитянка». Собралась кучка почитателей даровитой артистки и разсуждала, какъ о прежде исполненныхъ ею роляхъ, такъ и о предстоящемъ спектаклѣ. Къ этой кучкѣ подходитъ заправскій актеръ, удостоившійся, кажется, за долговременную службу бенефиса, получающій разовыя, но отличающійся бездарностью.

— Для васъ она геніальная артистка, а для насъ (для кого же это именно?) она не больше, какъ семирублевая актриса.

Что можно было отвѣчать такому господину, мѣряющему талантъ цифрой получаемыхъ разовыхъ. Развѣ только сказать, что въ такомъ случаѣ, васъ, м. г., придется назвать трехкопеечнымъ актеромъ.

Н. И.

Наши гравюры.

Изъ современной войны.

Въ настоящемъ и въ третьемъ нумерахъ «Жив. Об.» помѣщено нѣсколько небольшихъ сценъ изъ современной войны, заимствованныхъ намиу спеціальнаго корреспондента англійскаго иллюстрированнаго журнала «London News». Находясь при русской арміи въ Болгаріи, этотъ корреспондентъ присылалъ массу рисунковъ. Въ 3 № мы помѣстили рисунки, изображающія русскія зимнія помѣщенія, снятые корреспондентомъ въ морозное утро; онъ такъ описываетъ ихъ: «Въ землѣ вырывается яма, длиною футовъ 20 или 30, и глубиною въ 5 футовъ. Надъ нею сколачивается родъ крыши изъ тростника, старыхъ досокъ или всякаго подходящаго матеріяла, имѣющагося подъ рукою. Все это покрывается сверху слоемъ грязи, — въ которой здѣсь нѣтъ никогда недостатка, — и ее утаптываютъ такъ, что вѣтеръ или дождь не могутъ уже проникнуть черезъ крышу. Входъ завѣшивается на ночь войлоками или чѣмъ попадется».

Пользуемся случаемъ сдѣлать выписку изъ письма этого корреспондента о работѣ турецкихъ плѣнныхъ при устройствѣ дороги у Систова для русской арміи, при чемъ ими употреблялись въ дѣло плиты съ турецкихъ могилъ, что подало поводъ къ невѣрнымъ выводамъ. «Надо сказать прежде всего, пишетъ корреспондентъ, что эта работа вовсе не принудительная, и русскіе предлагаютъ своимъ плѣннымъ на выборъ: быть отосланными въ Россію или же работать на мѣстѣ; слѣдовательно, остаются только тѣ турки, которые не желаютъ совершать поѣздки на сѣверъ. Турки по собственному побужденію брали плиты съ могилъ для устройства дороги. Турецкія кладбища располагаются здѣсь, по большей части, на нагорной сторонѣ селенія или города. Въ иныхъ мѣстахъ, они занимаютъ большія пространства и могутъ доставлять значительное количество дорожнаго строительнаго матеріала. Могильныя плиты покрыты обыкновенно стихами изъ Корана, но собственно надгробныхъ надписей на нихъ нѣтъ, и одна только феска или чалма, высѣченная тоже изъ камня, обозначаетъ общественное положеніе покойныхъ. Эти украшенія старательно раскрашиваются синею, желтою или красною краскою, — преимущественно же зеленою, какъ извѣстно, любимый цвѣтъ Магомета. Иногда, къ этимъ краскамъ примѣшивается и позолота. Нѣкоторыя плиты такъ не велики и не тяжеловѣсны, что переносятся людьми на рукахъ подъ молотокъ, но, большею частью, онѣ слишкомъ тяжелы для этого и раскалываются въ щебень на томъ же мѣстѣ, гдѣ вырыты».

Остальныя гравюры этого разряда объясненій не требуютъ.

Новости наукъ и жизни.

— Любопытная рукопись. Надняхъ въ одномъ изъ поіезуитскихъ костеловъ Люблинской губерніи найденъ рѣдкій и интересный историческій документъ, состоящій изъ рукописи конца XVI столѣтія, которая заключаетъ въ себѣ описаніе богословскаго диспута въ Москвѣ, въ царствованіе Ивана Грознаго и въ его присутствіи веденнаго. Рукопись эта составлена однимъ изъ членовъ польскаго посольства, находившагося въ то время въ столицѣ царства московскаго. Въ рукописи записанъ подробный разговоръ Ивана Грознаго на помянутомъ богословскомъ диспутѣ. По словамъ «Kurjera Warszawskiego», этотъ рѣдкій и интересный документъ въ непродолжительномъ времени будетъ напечатанъ, а подлинный документъ, по всей вѣроятности, поступитъ на храненіе въ библіотеку какого-либо ученаго учрежденія.

— Примѣръ, достойный подражанія. Въ виду предстоящаго въ скоромъ времени открытія въ Парижѣ всемірной выставки, со стороны парижской администраціи принимаются все новыя мѣры, съ цѣлью облегченія пріѣзжающимъ отыскать свои квартиры ночью. На газовыхъ фонаряхъ бульваровъ и главныхъ боковыхъ улицъ прибиваются двухстороннія доски, такъ что свѣтъ газа прямо падаетъ на нихъ и, такимъ образомъ, названіе улицы можетъ быть прочитано ясно въ теченіе всей ночи. Но, какъ-будто и этого мало, на самыхъ домахъ прибиваются прозрачные, освѣщенные газомъ нумера, такъ что отысканіе дома представитъ ночью столь-же мало затрудненій, какъ отысканіе улицъ.

— Игла Клеопатры. По извѣстіямъ изъ Лондона, извѣстный египетскій обелискъ «Игла Клеопатры» доставленъ, наконецъ, въ англійскую столицу. Этотъ обелискъ подаренъ англичанамъ Али-пашей египетскимъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ онъ былъ погребенъ въ пескѣ, и не находилось никого, кто бы взялъ на себя доставку этой драгоцѣнности съ береговъ Нила на берега Темзы. Наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ британскій патріотъ изъявилъ готовность принять на себя издержки перевозки обелиска (около 25,000 фунтовъ). Для каменнаго колосса былъ выстроенъ особенный корабль, и въ сентябрѣ 1877 года пароходъ повелъ его на буксирѣ въ Англію. 14 октября, страшная буря въ Бискайскомъ заливѣ заставила обрубить буксиръ и предоставить «Иглу Клеопатры» на волю судьбы. Пытаясь спасти ее, пять матросовъ погибли въ волнахъ. Но черезъ два дня она была отыскана и доставлена въ Феррольскую гавань, гдѣ и лежала до сихъ поръ, такъ какъ въ Лондонѣ шелъ процессъ объ издержкахъ на ея спасеніе и капитанъ корабля, доставившаго ее въ гавань, не хотѣлъ отдавать ее до окончанія процесса. Наконецъ, тяжущіеся примирились, и «Игла Клеопатры» доставлена въ Лондонъ, гдѣ уже идутъ горячіе споры о томъ, гдѣ ее поставить.

— Франклинъ. Извѣстно, что вдова знаменитаго моряка Франклина израсходовала большія суммы, чтобы добиться точныхъ данныхъ относительно мѣста, гдѣ покоятся бренные останки ея мужа, погибшаго въ 1847 г. въ предпринятой имъ къ сѣверному полюсу экспедиціи. Нынѣ сообщаютъ, что матросъ Барретъ, потерпѣвшій въ прошломъ году кораблекрушеніе въ Ледовитомъ океанѣ, привезъ въ Нью-Іоркъ ложку съ именемъ и гербомъ капитана Франклина. Барретъ купилъ ложку эту у одного эскимоса, сообщившаго ему, что Франклинъ былъ раздавленъ льдомъ близь мыса Галлоуеля. Люди экипажа его умерли съ голода и холода въ окрестностяхъ мыса Энглефильда, гдѣ они искали убѣжища. Эскимосы, кромѣ того, сообщили, что они зашили трупы въ оленьи шкуры, и прикрыли ихъ большими камнями, дабы волки не пожирали ихъ. Подъ этими камнями находятся также всѣ книги и записки Франклина. Въ маѣ этого года изъ Нью-Іорка отправится экспедиція, чтобы отыскать тѣло великаго мореплавателя и его товарищей и привезти его записки.

Смѣсь.

— Письмо Гарибальди. Парижскіе рабочіе пригласили Гарибальди прибыть въ Парижъ во время всемірной выставки. На это полученъ былъ слѣдующій отвѣтъ: «Капрера, 18-го декабря 1877 г. Любезные друзья! Здоровье мое не позволяетъ мнѣ лично засвидѣтельствовать великому и благородному французскому народу мое уваженіе. Я былъ бы счастливъ провести нѣсколько дней въ вашей средѣ и пожать руки знаменитымъ вождямъ всемірной демократіи: Вcomponents Гюго, Луи Блану, Распайлю и всей геройской группѣ, столь мужественно борющейся за право, свободу и справедливость».

— Любопытное дѣло. Проживающій въ Вѣнѣ русскій корреспондентъ, Багницкій, обвинялся въ томъ, что выдавалъ г-жу Анастасію Капрову за свою законную жену, въ то время, какъ г-жа Капрова съ нимъ въ законномъ бракѣ не состоитъ. Багницкій заявилъ даже въ полицейскомъ участкѣ, что г-жа Капрова его жена. Оба они и были преданы суду. Анастасія Капрова показала, что она состоитъ корреспондентомъ газеты «Голосъ» и живетъ на квартирѣ Багницкаго, также состоящаго корреспондентомъ русскихъ газетъ. Багницкій сознался, что Капрова не жена его, но что онъ считалъ себя въ правѣ назвать ее такъ въ сдѣланномъ полиціи заявленіи потому, что г-жа Капрова живетъ у него и завѣдуетъ его хозяйствомъ. Г-жа Капрова заявила, что она ничего не знала о томъ, что Багницкій выдавалъ ее за свою жену. Судъ приговорилъ: Давида Багницкаго (25-ти лѣтъ), къ денежному штрафу въ 15 гульденовъ, Анастасія же Капрова (29-ти лѣтъ) признана невиновною.

— Глухонѣмые. По новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, во всей Европѣ находится 250,000 глухонѣмыхъ.

— Всемірная гостинница. Въ Парижѣ имѣется: 110 отелей перваго класса, 611 — второго, 7,900 гостинницъ для пріѣзжающихъ и 8,700 домовъ, исключительно состоящихъ изъ меблированныхъ комнатъ.

— Возстаніе въ Кубѣ. По самой умѣренной оцѣнкѣ, революція на островѣ Кубѣ стоила испанскому правительству до сихъ поръ болѣе 200,000,000 долларовъ. Такую сумму Соединенные Штаты предлогали Испаніи нѣкогда за Кубу. Но, кромѣ расходовъ по веденію войны, во все время междоусобія истреблено сахарныхъ плантацій и другого имущества на сумму въ 150,000,000 долларовъ.

— Выставка дѣтей. Въ первыхъ числахъ января открылась въ Бостонѣ выставка дѣтей. Число конкуррентовъ на этомъ любопытномъ состязаніи простиралось до 240. Первой преміи, въ 300 долларовъ, удостоились самый толстый 2-хъ-лѣтній мальчикъ, вѣсъ котораго 58 фунтовъ, и самая худенькая дѣвочка трехъ мѣсяцевъ, всего вѣсомъ 6 фунтовъ.

— Послѣдствія голода въ Китаѣ. По сообщенію газеты «Celestial Empire», въ Китаѣ свирѣпствуетъ страшный голодъ, отъ котораго ежедневно умираютъ десятки тысячъ. Многіе китай-

цы, доведенные голодомъ до отчаянія, не только питаются трупами своихъ соотечественниковъ, но болѣе сильные нападаютъ на слабыхъ, убиваютъ и жадно пожираютъ ихъ.

— Разрушеніе желѣзной дороги. Недавно, какъ извѣстно, открыто было въ Шанхаѣ движеніе по небольшой линіи желѣзной дороги, сооруженной однимъ англійскимъ обществомъ съ разрѣшенія правительства богдыхана, правда, весьма неохотно согласившагося на постройку «рыжими чертями (такъ китайцы называютъ англичанъ) «дьявольской дороги». Туземцы однако свыклись съ «дьявольской дорогою» и охотно пользовались ею. Встревоженное такими либеральными поползновеніями своихъ подданныхъ, пекинское правительство рѣшилось уничтожить коренъ зла: оно купило у концессіонеровъ желѣзную дорогу и немедленно приступило къ уничтоженію ея.

Завидная долговѣчность. Въ Тріестѣ скончался, 1-го января этого года, одинъ изъ старѣйшихъ людей въ Европѣ, Антонъ Миклашичъ, родившійся въ 1764 году. Ему, слѣдовательно, было 114 лѣтъ. До послѣдней минуты своей жизни онъ пользовался прекраснымъ здоровьемъ.

Реньо. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся французскихъ ученыхъ, Реньо, умеръ недавно послѣ продолжительной болѣзни. Реньо родился въ Ахенѣ 21 іюля 1810 года и, окончивъ курсъ въ политехнической школѣ, поступилъ въ военную службу по инженерной части и въ 1847 году сдѣлался главнымъ инженеромъ. Затѣмъ онъ былъ профессоромъ физики въ Collége de France и химіи въ политехнической школѣ. Въ 1850 году онъ сдѣлался членомъ парижской академіи, а въ 1854 году былъ назначенъ главнымъ начальникомъ надъ севрской мануфактурой. Какъ физикъ, Реньо занялъ въ наукѣ весьма высокое положеніе. Наука обязана ему весьма точными наблюденіями, при помощи которыхъ онъ опредѣлилъ постоянныя математическія данныя, входящія въ вычисленіе вліянія теплоты и сжимаемости на газы и жидкія тѣла. Реньо написалъ руководство къ начальной химіи, переведенное на многіе языки, и много ученыхъ статей. По странному совпаденію, Реньо умеръ въ годовщину сраженія при Бюзенвалѣ, въ которомъ былъ убитъ его сынъ, извѣстный живописецъ.

Богатѣйшая невѣста. Дочь скончавшагося недавно въ Лондонѣ барона Мейера Ротшильда вышла замужъ за лорда Розбери, которому она принесла въ приданое четыре милліона фун. ст., кромѣ многочисленныхъ замковъ, домовъ и помѣстій на такую-же сумму.

Вдова короля Виктора-Эмануила. О морганатической супругѣ короля Италіи, графинѣ Мирафіори, сообщаютъ слѣдующія интересныя подробности: Розина Мирафіори, дочь тамбуръ-мажора 1-го піемонтскаго гвардейскаго пѣхотнаго полка, стоявшаго тогда гарнизономъ въ Туринѣ. Король Викторъ-Эммануилъ познакомился съ своею будущею супругою слѣдующимъ любопытнымъ образомъ: въ одно прекрасное утро (то было весною 1857 г.), король отправился въ цитадель Турина, чтобы осматривать тамошнія войска, принадлежавшія къ первому гвардейскому пѣхотному полку. Король, по обыкновенію, шелъ пѣшкомъ. Въ воротахъ цитадели ему на встрѣчу попалась молодая 19-тилѣтняя дѣвушка замѣчательной красоты, съ которою Викторъ-Эммануилъ вступилъ въ разговоръ, длившійся довольно долго. Это была Розина, дочь тамбуръ-мажора, пользовавшаяся наилучшею репутаціею. На слѣдующій день отецъ (унтеръ-офицеръ) былъ приглашенъ въ кабинетъ короля, гдѣ ему сдѣланы были самыя блистательныя предложенія относительно его дочери; но тамбуръ-мажоръ отвергъ ихъ и удалилъ свою дочь изъ Турина. На слѣдующій день король опять призвалъ отца Розины и сдѣлалъ ему еще болѣе блистательныя предложенія: «Ваше величество, отвѣтилъ унтеръ-офицеръ, какое мнѣніе имѣли бы вы объ одномъ изъ вашихъ солдатъ, продающемъ свою честь?» Нѣсколько недѣль спустя, Розина была морганатическою супругою короля.

— Гробница Христофора Колумба. Въ началѣ сентября, въ соборѣ Санъ-Доминго, главнаго города, республики Санъ-Доминго, при производствѣ различныхъ работъ по исправленію собора, въ углубленіи находящемся подъ мѣстомъ, занимаемомъ архіепископскою каѳедрой, былъ найденъ свинцовый ящикъ въ 49 сантиметровъ длины, 20 сант. ширины и 21 с. вышины. Въ ящикѣ этомъ заключались человѣческія кости и на немъ были слѣдующія надписи: на крышкѣ D. de la A. P-re A-te. На лѣвой сторонѣ ящика видна буква C, на правой буква A, на передней стѣнкѣ буква C, а на внутренней сторонѣ крышки: Iltre y Es-olo Baron d-n Cristobal Colon.

Предполагаютъ, что все это означаетъ слѣдующее: Descrubiord de la America, Primer Almirante Cristobal. Colon. Almirante, Illustre y Esclorecido Baron Don-Cristobal Colon. (Открыватель Америки, первый адмиралъ Христофоръ Колумбъ. Адмиралъ знаменитый и сіятельнѣйшій баронъ донъ-Христофоръ Колумбъ). Надписи эти сдѣланы нѣмецкими готическими буквами.

Ящикъ этотъ съ останками, какъ полагаютъ знаменитаго моряка, открывшаго Америку, былъ вынутъ въ присутствіи всѣхъ находящихся въ Санъ-Доминго иностранныхъ консуловъ и консульскихъ агентовъ, совѣта министровъ и большого счетенія публики.

Мѣстное преданіе утверждаетъ, что когда въ 1789 г. послѣ заключенія Базельскаго трактата, испанское правительство, прежде чѣмъ уступить Франціи восточную часть острова Санъ-Доминго, потребовало перенесенія останковъ Колумба въ Гаванну, гробъ Колумба былъ замѣненъ чьимъ-то другимъ, а останки знаменитаго Христофора Колумба были погребены въ соборѣ, налѣво отъ алтаря.

Вслѣдствіе этого поступка, внушеннаго чувствомъ мѣстнаго патріотизма или уваженіемъ къ послѣдней волѣ Колумба, избравшаго Санъ-Доминго мѣстомъ своего погребенія, оказывается, какъ предполагаютъ теперь, что въ Гаваннѣ погребенъ не знаменитый мореплаватель, а по всей вѣроятности братъ его Діэго.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Втеченіи прошлой недѣли получены слѣдующія телеграммы его императорскаго высочества Главнокомандующаго:

1) Отъ 10-го января. Только что получилъ донесеніе генерала Струкова изъ Адріанополя. Онъ занялъ городъ безъ выстрѣла, 8-го января, съ $5^1/_2$ эскадронами 1-й бригады 1-й кавалерійской дивизіи. Населеніе въ восторгѣ, горячо благодаритъ за спасеніе отъ шаекъ черкесовъ и баши-бузуковъ, нахлынувшихъ на городъ по уходѣ регулярныхъ войскъ, толпами убѣжавшихъ изъ Андріанополя.

Такъ какъ власти всѣ бѣжали, то генералъ Струковъ установилъ временное правленіе изъ выборныхъ лицъ разныхъ націй. Въ тотъ же день, 8-го января, двинута изъ Херманлы къ Андріанополю часть 30-й пѣхотной дивизіи съ артиллеріею. Полагаю, что теперь этотъ отрядъ уже прибылъ. Выѣзжаю отсюда въ Адріанополь 12-го и надѣюсь тамъ быть 15-го января.

Побѣда, одержанная генераломъ Гурко въ трехдневномъ бою подъ Филипполемъ 3, 4 и 5-го января, оказалась еще полнѣе и блистательнѣе, чѣмъ я сообщилъ сперва. Выяснилось, что генералъ Гурко имѣлъ дѣло не съ половинною, а со всею арміею Сулеймана-паши, подъ личнымъ его начальствомъ, въ числѣ отъ 80 до 90 таборовъ, всего болѣе 40 тысячъ; только послѣ боя 5-го января армія была разрѣзана почти пополамъ окончательно. Одна половина, подъ начальствомъ Фуада-паши, потерявъ въ бою 4 и 5-го января 46 орудій, бѣжала въ ночь на 6-е января въ горы на Наячинъ и Добролукъ въ большомъ разстройствѣ, побросавъ по дорогѣ въ кручи оставшіяся при ней орудія, числомъ около 12; другая половина, около 40 таборовъ при 40 слишкомъ орудіяхъ, подъ начальствомъ самого Сулеймана, бѣжала въ ту же ночь также горами на Тахталы, Каладжаларъ и Кюмюрджи, къ сторонѣ Хаскіоя. Генералъ Гурко поручилъ преслѣдовать ее генералу Скобелеву 1-му, усиливъ его сводною драгунскою бригадою Краснова. Сулейманъ ночевалъ на 6-е въ Тахталы, а на 7-е въ Каладжаларѣ, откуда выступилъ до разсвѣта; большая часть пѣхоты впереди, затѣмъ 40 орудій и арріергадъ въ 5 таборовъ. Къ разсвѣту 7-го января кавалерія Скобелева 1-го подошла къ Каладжалару; шедшій въ головѣ 30 донской Грекова полкъ увидѣлъ артиллерію съ прикрытіемъ, мгновенно развернулся и бросился въ атаку. Пять таборовъ, пораженные неожиданностью, бросились бѣжать и всѣ 40 орудій были взяты казаками полка Грекова; такимъ образомъ, армія Сулеймана лишилась почти всей артиллеріи, считая вмѣстѣ съ брошенными въ кручи, которыя уже приказано вытащить. Въ наши руки досталось 97 орудій; по показаніямъ плѣнныхъ, у Сулеймана осталось затѣмъ лишь небольшое число горныхъ орудій. Часть арміи, бѣжавшая съ самимъ Сулеймановъ, должна или наткнуться въ Хаскіоѣ на отрядъ Скобелева 2-го, или бѣжать прямо на югъ въ горы. Кромѣ отряда Скобелева 2-го, къ Хаскіою собралась еще къ 6 января гвардейская кавалерія, которой приказано идти навстрѣчу, задержать ихъ и сообщить Скобелеву 2-му, дабы онъ могъ перехватить. Наконецъ, отряду генерала Карцова приказано также идти отъ Чирпана черезъ Кояджикъ на Хаскіой.

Какъ я уже телеграфировалъ, въ ночь съ 6 на 7-е января былъ открытъ петербургскими уланами на дорогѣ изъ Каскіоя въ Херманлы громадный обозъ подъ прикрытіемъ пѣхоты и вооруженныхъ жителей. Съ разсвѣтомъ 7-го января генералъ Скобелевъ 2-й двинулъ туда полковника Панютина съ углицкимъ полкомъ, 11-мъ стрѣлковымъ батальономъ и 2-мя орудіями. Въ 12-ти верстахъ отъ Херманлы полковникъ Панютинъ настигъ непріятеля въ числѣ 6-ти таборовъ и массу вооруженныхъ жителей, и послѣ двухъ-часового жаркаго боя разбилъ и разсѣялъ турокъ и овладѣлъ всѣмъ обозомъ, около 20,000 повозокъ. Наша потеря 4 офицера и 46 нижнихъ чиновъ. Къ величайшему сожалѣнію, здѣсь находилось нѣсколько тысячъ мусульманскаго населенія, выведеннаго, по распоряженію Сулеймана, изъ Филипполя и окрестностей. Эти несчастные съ началомъ боя въ ужасѣ разбѣжались, побросавъ при обозѣ дѣтей. Пока шелъ бой, большая часть ихъ и имущество было разграблено болгарами. Дѣти были призрѣны нашими войсками; грабежъ при окончаніи боя остановленъ; приняты мѣры для возвращенія дѣтей ихъ матерямъ, которыя мало-по-малу начали возвращаться; тѣмъ не менѣе положеніе несчастныхъ мусульманскихъ жителей ужасное. Вслѣдствіе распоряженій Сулеймана и овладѣвшей ими неописанной паники, они бѣгутъ отовсюду безъ оглядки, уничтожая свои дома, забирая семейства и имущество, которое теряютъ по дорогѣ. Все это неизбѣжно погибнетъ, тогда какъ, оставаясь на мѣстѣ они могли бы жить спокойно подъ защитой нашихъ военныхъ властей. Глубоко скорблю, что блистательные успѣхи, достигнутые нами, влекутъ за собой, помимо моей воли, грустныя послѣдствія, которыхъ я не могъ предупредить и которыя теперь могу лишь съ большимъ трудомъ смягчить.

2) Отъ 11-го января. Въ стычкахъ съ баши-бузуками и небольшими кавалерійскими отрядами, передъ занятіемъ Адріанополя, генералъ Струковъ потерялъ: двухъ офицеровъ ранеными и нижнихъ чиновъ—четырехъ убитыми и около 15 ранеными. Не смотря на десятидневный непрерывный походъ, по снѣжнымъ дорогамъ, при десяти градусномъ морозѣ, съ вѣтромъ, при безпрестанныхъ стычкахъ, въ постоянно напряженномъ состояніи, въ кавалеріи генерала Струкова нѣтъ ни больныхъ, ни отсталыхъ. Адріанополь былъ поспѣшно очищенъ Ахметъ-Эюбомъ съ 2,000 пѣхоты; пороховой складъ, арсеналъ и старый султанскій сераль взорваны имъ, по выходѣ войскъ. Арсеналъ и большая часть складовъ были разграблены еще до вступленія Струкова. Баши-бузуки и уходящіе турки начали рѣзать, грабить и жечь окрестныя селенія. Городъ былъ спасенъ отъ грабежа, лишь благодаря энергіи и рѣшительности генерала Струкова, которому съ величайшимъ трудомъ удалось сдержать возбужденныя массы народа и внушить страхъ бродящимъ въ окрестностяхъ баши-бузукамъ; онъ лично водилъ разъѣзды по городу; населеніе невыразимо благодарно.

Вступивъ въ Адріанополь, генералъ Струковъ успѣлъ захватить 22 крупповскихъ орудія и четыре орудія большого калибра; при арсеналѣ осталось два турецкихъ офицера съ 73 солдатами. Генералъ Струковъ учредилъ для управленія городомъ временную коммиссію изъ разныхъ націй, преимущественно духовнаго званія, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго архіепископа, бывшаго воспитанника кіевской академіи.

10-го января прибылъ въ Адріанополь генералъ Скобелевъ 2-й. Утвердивъ всѣ сдѣланныя генераломъ Струковымъ распоряженія, онъ немедленно двинулъ его съ кавалеріей на Киркилису и Люле-Бургасъ, а гвардейской кавалеріи приказалъ направиться на Деомотику. Общее руководство всею кавалеріей онъ поручилъ генералу Дохтурову.

Около двухъ часовъ пополудни, 10-го января, долженъ былъ вступить въ Адріанополь владимір-

скій пѣхотный полкъ; въ тотъ же день вступили туда: шуйскій полкъ, 11-й стрѣлковый батальонъ и четыре орудія. Войска помѣстились въ казармахъ и фортахъ внѣ города, а Скобелевъ въ конакѣ губернатора.

Телеграфное сообщеніе между Адріанополемъ и Херманли возстановлено; личный составъ онаго остался на мѣстѣ. Скобелевъ прислалъ мнѣ изъ Адріанополя телеграмму на французскомъ языкѣ, которая получена въ Херманли въ 12½ часовъ пополудни, 10-го января, оттуда послана летучею почтой и сейчасъ мною получена.

Сейчасъ получилъ донесеніе генерала Гурко, что число взятыхъ нами орудій не 97, а 110.

3) Отъ 13-го января. Генералъ Скобелевъ 2-й доноситъ, что осмотрѣвъ адріанопольскія укрѣпленія, нашелъ ихъ отлично устроенными; всѣ долговременной профили, съ каменными эскарпами и контръэскарпами. Орудій найдено не 26, а гораздо больше; сколько именно—еще не сосчитано.

По послѣднему донесенію генерала Гурко, кавалерія генерала Скобелева 1-го взяла 7-го января кромѣ тѣхъ 40 орудій, которыя были захвачены донскимъ полкомъ Грекова, еще 13, такъ что всего 53.

— Получена также телеграмма изъ Меджидіе отъ ген. Цимермана, отъ 16-го января, слѣдующаго содержанія:

Войска 14-го корпуса приблизились 10-го января къ Базарджику. Кавалерія, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Манзея, встрѣтила у Чаиръ-Хармана непріятельскій авангардъ, который былъ опрокинутъ и поспѣшно ушелъ въ Базарджикъ, причемъ взводъ бѣлорусскихъ гусаръ съ ротмистромъ Гернгросомъ, несмотря на сильный ружейный огонь, врубился въ роту низама и положилъ на мѣстѣ 25 человѣкъ, въ томъ числѣ батальоннаго командира и адъютанта, и взялъ въ плѣнъ 18 человѣкъ. Подъ вечеръ непріятель съ 22 орудіями вышелъ изъ Базарджика, но казаки генерала Шамшева, поддержанные генераломъ Жуковымъ съ лейбъ-бородинскимъ Его Величества полкомъ и 9-ти-фунтовою батареею 17-й бригады, принудили непріятеля отступить въ Базарджикъ. У насъ убито 3, ранено: хорунжій Котельниковъ, смертельно, сотникъ Петровъ и 12 нижнихъ чиновъ.

12-го января я произвелъ съ аванпостной цѣпью рекогносцировку Базарджика, причемъ была перестрѣлка; у насъ ранено 7 казаковъ.

Сегодня, 14-го января, когда часть нашихъ войскъ, подъ начальствомъ генераловъ Манзея и Жукова, двинулась на базарджикскую дорогу, непріятель въ значительныхъ силахъ, войдя изъ Базарджика, аттаковалъ на нашемъ правомъ флангѣ казаковъ генерала Шамшева и бригаду Нильсона. Немедленно двинулся я туда изъ Чаиръ-Хармана съ бригадой генерала Данаурова; генералы Манзей и Жуковъ подошли слѣва. Послѣ четырехчасового боя, египтяне и турки отброшены въ Бажарджикъ; наши войска преслѣдовали ихъ до укрѣпленій. Болѣе всего въ огнѣ былъ тарутинскій полкъ. Непріятель оставилъ на мѣстѣ болѣе 150 тѣлъ; убитъ египтяниномъ Зехирія-паша; у насъ убиты: тарутинскаго полка прапорщикъ Бродзинскій и нижнихъ чиновъ 20; ранены: командиръ тарутинскаго пѣхотнаго полка полковникъ Елецъ, пулей въ ногу не опасно; бригадный адъютантъ генералъ-маіора Нильсона, лейбъ-пѣхотнаго бородинскаго его величества полка штабсъ-капитанъ Позюмскій, пулею въ грудь тяжело; тарутинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Широковъ, хорунжій Устякинъ, тяжело, и 166 нижнихъ чиновъ; контужены: генералъ-адъютантъ Манзей осколкомъ гранаты въ плечо легко, тарутинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Поповъ, сотникъ Пахомовъ и 20 нижнихъ чиновъ. Болѣе всего потери въ тарутинскомъ полку. По показанію раненыхъ турокъ, они принадлежали къ пяти таборамъ, прибывшимъ вчера въ Базарджикъ изъ Шумлы. Базарджикъ сильно укрѣпленъ въ нѣсколько линій до нашего прихода тамъ была большая часть египетскаго корпуса, потомъ прибыли подкрѣпленія.

Отепель произвела страшную грязь; подвозъ продовольствія очень труденъ; здѣсь на мѣстѣ ничего нѣтъ, даже въ водѣ недостатокъ.

14-го января эскадронъ бѣлорусскихъ гусаръ, съ ротмистромъ Рокка-Фуксомъ, на дорогѣ изъ Базарджика въ Варну напалъ на транспортъ и разсѣялъ конвоировавшую его роту египтянъ, причемъ убито 25 и взято въ плѣнъ 20; испорченъ телеграфъ въ Варну.

— И наши моряки не дремлютъ. О новомъ удачномъ дѣйствіи съ минами сообщаетъ слѣдующая телеграмма генерала Аркаса:

Посланный мною въ крейсерство къ берегамъ Кавказа и къ Батуму пароходъ «Константинъ» отправился изъ Севастополя 10-го января и, выдержавъ жестокій штормъ, прибылъ въ Сухумъ 12-го, а въ ночь на 14-е января сдѣлалъ нападеніе на Батумъ, гдѣ стояла турецкая эскадра, стоящая въ числѣ семи большаго ранга судовъ. Командиръ «Константина», капитанъ 2-го ранга Макаровъ, подойдя къ Батуму на разстояніи 4 миль, послалъ два миноносныхъ катера, вооруженныхъ минами Уайдхеда, подъ командою лейтенантовъ Зацареннаго и Щешинскаго, которые, подойдя на близкое разстояніе, пустили въ сторожевой винтовой пароходъ, вооруженный мачтами съ реями, двѣ мины Уайдхеда, который судя по донесенію Макарова, произвели полное раздробленіе непріятельскаго парохода, который легъ на правую сторону и быстро погрузился на дно; обломками была покрыта вся поверхность моря и потому катера не могли подойти для спасенія людей и, возвратясь на «Константинъ», были немедленно подняты, послѣ чего Макаровъ отправился вдоль берега къ Самсуну, исполняя данную мною ему инструкцію; затѣмъ, поворотивъ на Севастополь, прибылъ туда благополучно ночью на 16-е января. Спѣшу донести объ этомъ славномъ новомъ дѣлѣ вашему высочеству.

— Изъ полученной, отъ 14-го января, телеграммы видно, что въ Адріанополѣ окончательно установленъ полный порядокъ, благодаря которому населеніе этого обширнаго города совершенно успокоилось и общественная жизнь приняла обычное теченіе, всѣ лавки и магазины открыты, торговля оживилась и, вообще, бытъ городского населенія вошелъ въ свою прежнюю колею.

Телеграммы.

Римъ, 12-го января. Совѣтъ министровъ, послѣ совѣщанія, рѣшилъ немедленно отправить итальянскую флотилію къ Леванту.

Тулонъ, 15-го января. Сегодня, утромъ, часть эскадры Средиземнаго моря отплыла къ Леванту.

Вчера черногорцы взяли форты Островицу и Лезандру на Скутарійскомъ озерѣ.

Вѣна, 10-го января. Газетѣ «Politische Correspondenz» сообщаютъ изъ Бѣлграда: «Въ виду открытія переговоровъ о предварительныхъ условіяхъ мира, князь Миланъ обратился, по телеграфу, къ великому князю Николаю Николаевичу, съ сообщеніемъ требованій Сербіи.

Константинополь, 10-го января. По словамъ телеграммы изъ Галлиполи, одинъ русскій корпусъ идетъ на этотъ городъ.

Сулейманъ-паша телеграфируетъ, что въ понедѣльникъ онъ прибылъ въ гавань Кавалу, гдѣ войска его должны быть посажены на ожидаемыя тамъ транспортныя суда.

Лондонъ, 12-го января. Въ сегодняшнемъ засѣданіи палаты общинъ, сэръ Норскотъ возвѣстилъ, что въ понедѣльникъ онъ внесетъ въ палату предложеніе объ открытіи правительству дополнительнаго кредита для морскихъ и военныхъ цѣлей.

— 12-го января. «Агенству Рейтера» телеграфируютъ изъ Константинополя, отъ сегодняшняго числа: «Порта получила условія мира. Условія эти суровы. Въ числѣ ихъ поставлены требованія весьма тяжелаго вознагражденія за военные убытки и занятія части турецкой территоріи впредь до уплаты контрибиціи. Въ настоящее время Порта занята обсужденіемъ этихъ условій: никакого рѣшенія еще ею не принято, но представляется несомнѣннымъ, что она приметъ ихъ. Иностраннымъ посольствамъ условія неизвѣстны».

— 14-го января. По словамъ газетъ «Times» и «Daily News», сущность мирныхъ условій состоитъ въ слѣдующемъ: автономія Болгаріи подъ управленіемъ губернаторовъ изъ христіанъ; области къ югу отъ Балкановъ, а также Босніи и Герцеговинѣ обезпечиваются охраненіе и реформы, съ назначеніемъ губернаторовъ изъ христіанъ; гарантіи лучшаго управленія другихъ провинцій Турціи; независимость Румыніи, Сербіи и Черногоріи; территоріальное расширеніе Черногоріи, однако, безъ присоединенія къ ней, вслѣдствіе возраженія со стороны Австріи, морской гавани; уступка части Бессарабіи, Батума, Карса, Эрзерума и прилегающей области; уплата военнаго вознагражденія производится деньгами, землею или инымъ способомъ; вопросъ о Дарданеллахъ предоставляется разрѣшить европейскимъ державамъ.

Берлинъ, 14-го января. Здѣсь считаютъ заключеніе мира возможнымъ. Англія вернула свой флотъ въ Бозикскую бухту, вслѣдствіе соединенныхъ представленій Австріи и Германіи; обѣ державы поддержали мирныя условія Россіи, указавъ на то, что они должны быть утверждены конгрессомъ европейскихъ державъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ: По ошибкѣ корректора въ разсказъ «Душа Общества» вкралась крайне непріятная опечатка; вмѣсто Дмитрія Петровича Сушкова слѣдуетъ вездѣ читать Дмитрій Павловичъ Юшковъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

При этомъ нумерѣ „Живоп. Обозр." разсылается 2 № приложеніе „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ".

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Января 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 5. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 29 Января 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ VI.

Раздѣленіе труда въ жизни природы.

Лекціи профессора іенскаго университета д-ра

Эрнста Геккеля.

(*Окончаніе.*)

Но откуда же происходятъ всѣ эти первобытные или основные органы, изъ которыхъ, при прогрессивномъ раздѣленіи труда, образуются раздѣльные органы, а вслѣдствіе совмѣстнаго дѣйствія этихъ послѣднихъ образуется и самъ сложный организмъ индивида? [1]). Эти простѣйшіе основные органы представляютъ собою сложный продуктъ общиннаго союза и раздѣленія труда весьма многочисленныхъ, мелкихъ, органическихъ индивидовъ. Эти элементарные индивиды, большею частью, распознаваемые лишь съ помощью микроскопа, носятъ, обыкновенно, названіе клѣточекъ. Форма, строеніе и жизненная дѣятельность каждаго организма обусловливается формою, связью и раздѣленіемъ труда всѣхъ клѣточекъ, составляющихъ его цѣлое. Всѣ организмы, всѣ животныя и растенія (за исключеніемъ наипростѣйшихъ: моneръ и тѣхъ, которыя имѣютъ лишь образъ одинокой клѣточки) состоятъ изъ многочисленныхъ клѣточекъ. Внѣшнее жизненное единство каждаго многоклѣточнаго организма, подобно политическому единству человѣческаго государства, есть ничто иное, какъ общій результатъ связи и раздѣленія труда между мелкими его согражданами. Они представляютъ собою истинные элементарные организмы или индивидовъ перваго порядка [2]).

Органическая клѣточка, посредствомъ своего приспособленія къ жизненнымъ условіямъ внѣшняго міра, можетъ принять разнообразнѣйшія формы. Но первоначальная клѣточная форма,

Сифонофорная община. Къ ст. «Разд. труда въ жизн. прир.»

изъ которой возникли всѣ прочія черезъ раздѣленіе труда, есть маленькій слизистый комочекъ, шарикъ изъ бѣлковатаго, полужидкаго вещества, именуемаго клѣточной матеріей или протоплазмой. Этотъ слизистый шарикъ бываетъ часто, хотя и не всегда, окруженъ внѣшнею оболочкой,—клѣточной кожицей или перепонкой,— и содержитъ внутри себя еще маленькое, болѣе твердое, бѣлковатое тѣло, называемое клѣточнымъ ядромъ (nucleus). Но даже и эти существеннѣйшія составныя части каждой клѣточки: внѣшняя клѣточная оболочка и внутреннее ядро, оставались еще нераздѣльными въ простѣйшихъ и первобытнѣйшихъ организмахъ, монерахъ и другихъ протистахъ, и возникли изъ совершенно простого и однороднаго слизистаго тѣла этихъ послѣднихъ, лишь вслѣдствіе раздѣленія труда между невидимо-мелкими бѣлковыми частицами или молекулами плазмы.

Каждая клѣточка въ животномъ или растительномъ тѣлѣ пользуется, до извѣстной степени, своею самостоятельною жизнью. Она питаетъ себя и ростетъ своими трудами; подобнымъ же образомъ и размножается она,—большею частью, черезъ самое дѣленіе. Даже способность движенія естественно присуща клѣточному веществу всѣхъ клѣточекъ, но она уничтожается, во многихъ случаяхъ, вслѣдствіе того, что клѣточка сама замыкается въ созданную ею тюрьму, а именно въ твердый мѣшочекъ или клѣточную кожицу. Наконецъ, каждая клѣточка обладаетъ извѣстною степенью раздражительности или чувствительности, которыя возвышаются въ самыхъ совершеннѣйшихъ клѣточкахъ, а именно, въ клѣточкахъ животнаго мозга, до степени самосознанія [3]).

---

[1]) Для поясненія громаднаго значенія, производимаго раздѣленіемъ труда между органами на возникновеніе болѣе высокоразвитыхъ, сложныхъ животныхъ тѣлъ, т. е., личностей, было бы необходимо привести здѣсь все ученіе о строеніи животныхъ тѣлъ или ученіе о индивидуализмѣ организмовъ; но подобное пространное обсужденіе столь любопытнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, труднаго предмета не соразмѣрно съ предѣлами нашихъ лекцій и мы вынуждены, по необходимости, ограничиться, въ этомъ случаѣ, одною отсылкою читателей къ 3 части „Общей анатоміи“ автора (1 ч. „Родовой морфологіи“), въ которой онъ подробно указываетъ, какъ на отношеніе между физіологическою и морфологическою индивидуальностью, такъ и на шесть степеней органической индивидуальности (1 пластиды, 2 органы, 3 антимеры, 4 метамеры, 5 личности, 6 стадности (*Stöcke*).

[2]) „Индивиды перваго порядка“ обозначены однимъ общимъ именемъ образовательницъ или пластидъ, между тѣмъ какъ, собственно, кромѣ дѣйствительныхъ (т. е. содержащихъ ядро) клѣточекъ, принадлежатъ сюда и (лишенные ядра) цитоды. Ср. эту теорію о пластидахъ съ 13 лекціею „Естественной исторіи творенія“ Геккеля (стр. 286) и 9 главой его же „Родовой морфологіи“ (ч. I, стр. 269).

[3]) Клѣточки или въ болѣе обширномъ смыслѣ пластиды (т. е. клѣточки и цитоды) представляютъ собою собственно живые индивиды или первоначальныя жизненныя единицы, а формы и отправленія многоклѣточнаго организма суть ничто иное, какъ сложный результатъ формы, связи и отправленій всѣхъ, составляющихъ его клѣточекъ. Подобное воззрѣніе на клѣточки (или, въ болѣе пространномъ смыслѣ: пластиды), имѣющее весьма важное значеніе для истолкованія жизненныхъ процессовъ съ механической, т. е. научной точки зрѣнія, развито (въ особенности по отношенію къ человѣческому организму), болѣе чѣмъ кѣмъ либо, Руд. Вирховымъ, „Целлюлярная паталогія“ кото-

Раздѣленіе труда въ клѣточкахъ или такъ-называемый «клѣточный метаморфозъ», составляетъ одну изъ первыхъ и важнѣйшихъ причинъ безконечнаго разнообразія организацій, и бываетъ несравненно разнообразнѣе въ мірѣ животномъ, нежели въ растительномъ. Если мы разложимъ, съ помощью микроскопа, тѣло какого-нибудь высшаго животнаго, напр., собаки, на его элементарныя составныя формы, то увидимъ въ различныхъ органахъ этого тѣла, безчисленное множество различныхъ родовъ клѣточекъ. Шерсть, верхняя кожа, когти собаки составлены изъ многихъ различныхъ роговидныхъ формъ клѣточекъ, развившихся изъ одной общей формы клѣточки эпидерма (рис. 11). Скелетъ, образующій, съ своими костями, хрящами, сухожиліями и связками, твердый остовъ всего собачьяго тѣла, состоитъ, въ свою очередь, изъ различнѣйшихъ костныхъ, хрящевыхъ и соединительно-тканныхъ клѣточекъ, происшедшихъ тоже, посредствомъ раздѣленія труда, изъ одного общаго, первоначальнаго вида клѣточки соединительной ткани (рис. 12). Красное мясо (мускулы), одѣвающее скелетъ и служащее къ произвольнымъ движеніямъ тѣла, состоитъ изъ весьма вытянутыхъ, покрытыхъ поперечными полосами клѣточекъ (рис. 13). Напротивъ того, свѣтложелтое мясо, образующее стѣнки желудка и служащее къ непроизвольнымъ движеніямъ этого органа, состоитъ изъ клѣточекъ гладкихъ, лишенныхъ всякихъ полосокъ и веретенообразныхъ. Наконецъ, нервная система, этотъ наивысшій органъ въ тѣлѣ животнаго, обусловливающій его ощущенія, волю, мысль и самосознаніе, короче сказать, то, что принято называть душевною дѣятельностью или духовною жизнью, состоитъ изъ крупныхъ, звѣздообразныхъ клѣточекъ, развѣтвленія которыхъ соединяются съ нервными волокнами или тонкими, происшедшими изъ клѣточекъ, бѣлковыми нитями (рис. 14).

Какъ ни разнообразны всѣ названные виды клѣточекъ, общую ткань которыхъ мы видимъ подъ микроскопомъ, тѣмъ не менѣе, всѣ онѣ произошли вслѣдствіе раздѣленія труда, изъ одной первобытной формы, а именно, изъ тѣхъ однообразныхъ, простѣйшихъ клѣточекъ, которыя возникаютъ изъ яйца при началѣ животнаго развитія. Каждое животное, при началѣ его индивидуальнаго существованія, есть простое яйцо (рис. 15). Но это яйцо, въ свою очередь, не болѣе какъ простая клѣточка и состоитъ изъ тѣхъ же существенныхъ составныхъ частей, какъ и всякая другая клѣточка, а именно: изъ слизистаго клѣточнаго вещества (называемаго здѣсь «желткомъ», рис. 15 *c*), и окруженнаго этимъ веществомъ клѣточнаго зерна (называемаго въ яйцѣ «зародышнымъ пузырькомъ», рис. 15 *b*). Весьма часто, животное яйцо окружено особою оболочкой «желтковою перепонкой» (рис. 15 *d*), но часто тоже, эта перепонка отсутствуетъ.

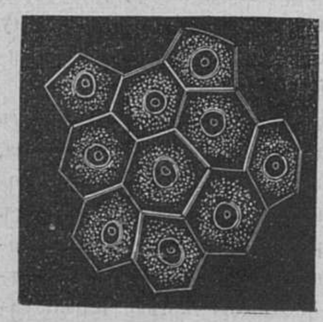
Лишь только яйцо собаки или всякаго другого млекопитающаго начинаетъ развиваться въ новый индивидъ, оно тотчасъ же распадается, вслѣдствіе самодѣленія, на двѣ равныя половины (рис. 16), при чемъ раздвоивается вначалѣ зерно (зародышный пузырекъ), а затѣмъ уже и облегающее это зерно клѣточное вещество (яичный желтокъ). Каждая изъ образовавшихся такимъ способомъ клѣточекъ распадается, въ свою очередь, на двѣ клѣточки (рис. 17). Изъ этихъ четырехъ клѣточекъ, посредствомъ дальнѣйшаго самодѣленія, образуются восемь, изъ этихъ послѣднихъ шестнадцать, потомъ тридцать двѣ и т. д. Такимъ образомъ, окончательно, изъ простой яичной клѣточки получается кругловатый комокъ, въ которомъ скучены многочисленныя мелкія клѣточки, уподобляющія его тутовой ягодѣ или ежевикѣ (рис. 18).

Вначалѣ, всѣ эти многочисленныя клѣточки равны между собою по формѣ и величинѣ. Но вскорѣ онѣ начинаютъ помышлять о своей гражданской организаціи. Онѣ поступаютъ подобно кучкѣ колонистовъ, желающихъ основать благоустроенное государство, и потому раздѣляются для сообразной тому работы. Нѣкоторыя клѣточки посвѣщаютъ себя охраненію животнаго организма и принимаются составлять верхнюю кожу, волоса, ногти и когти (рис. 11). Другія образуютъ плотный остовъ тѣла, превращаясь въ костныя, хрящевыя и соединительно-тканныя клѣточки (рис. 12). Третья группа клѣточекъ выростаетъ въ длинныя, покрытыя поперечными полосами волокна, изъ которыхъ состоитъ мясо или мускулы; эти мускулы, благодаря своей особенной способности къ сокращенію, придаютъ частямъ тѣла возможность движенія (рис. 13). Наконецъ, четвертая группа клѣточекъ, самыхъ избранныхъ и богаче одаренныхъ, нежели прочія, образуетъ нервную систему, принимая тѣмъ на себя высшія отправленія животнаго организма, а именно, отправленія воли, ощущенія и мышленія (рис. 14). Такимъ образомъ, вслѣдствіе прогрессивнаго размноженія, соединенія и раздѣленія труда въ средѣ клѣточекъ, возникаютъ всѣ разнообразные органы развитого животнаго тѣла, а черезъ раздѣленіе труда между этими органами, образуется весь тотъ сложный жизненный механизмъ, который мы наблюдаемъ въ каждомъ отдѣльномъ животномъ индивидѣ.

Наблюдая, шагъ за шагомъ, на сколько это намъ доступно, за раздѣленіемъ труда между клѣточками и органами при развитіи каждаго отдѣльнаго животнаго съ самаго его яйца, мы должны придти къ тому убѣжденію, что сказанное раздѣленіе проявляется, очевидно, не вслѣдствіе непосредственнаго приспособленія животнаго къ окружающимъ его условіямъ внѣшней жизни, но передается ему главнѣйшимъ образомъ, черезъ унаслѣдованіе отъ родителей и предковъ. Но къ этому унаслѣдованному раздѣленію труда въ средѣ клѣточекъ и органовъ относится все, сказанное нами выше о наслѣдственномъ раздѣленіи труда сифонофоровъ. Подобное явленіе доказываетъ намъ первобытное, достигнутое, вслѣдствіе непосредственнаго приспособленія, раздѣленіе труда между предками, развившееся подъ гнетомъ внѣшнихъ жизненныхъ условій, въ борьбѣ за существованіе, втеченіе многихъ милліоновъ лѣтъ. Все то, что относится къ развитію цѣлаго растительнаго или животнаго организма, относится и къ развитію всѣхъ его отдѣльныхъ клѣточекъ и органовъ. Развитіе каждой отдѣльной клѣточки (онтогенія клѣточки) повторяетъ въ кратчайшій періодъ времени и въ крупныхъ чертахъ продолжительную исторію развитія ея предшественницъ (филогенія этой клѣточки). Мы можемъ, поэтому, основываясь на томъ простомъ фактѣ, что каждое животное развивается изъ одной простой яичной клѣточки (равно какъ на самомъ способѣ этого развитія черезъ раздѣленіе труда въ средѣ клѣточекъ и органовъ) вывести то крайне важное заключеніе, что древнѣйшіе предки каждаго животнаго были простыя клѣточки, и что изъ потомковъ этихъ простѣйшихъ одноклѣточныхъ животныхъ, посредствомъ общиннаго соединенія и прогрессивнаго раздѣленія труда въ средѣ клѣточекъ, выработались высшія, многоклѣточныя животныя формы [4]).

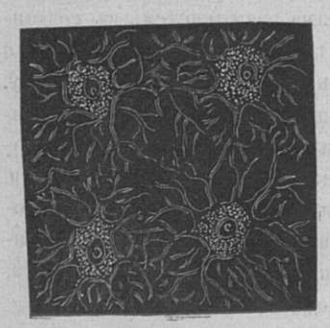
Весьма многіе читатели найдутъ, можетъ быть, что въ лекціяхъ нашихъ затронувшихъ лишь незначительную часть необъятной области «раздѣленія труда», нами были развиты слишкомъ неравномѣрно обѣ половины избраннаго нами пред-

Рис. 11.



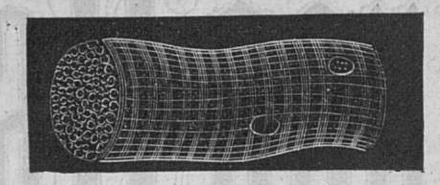
Небольшой кусокъ верхней кожи, состоящій изъ плоскихъ, угольныхъ клѣточекъ эпидерма. Каждая клѣточка заключаетъ въ себѣ свое круглое ядро. (Въ сильно увеличенномъ видѣ.)

Рис. 12.



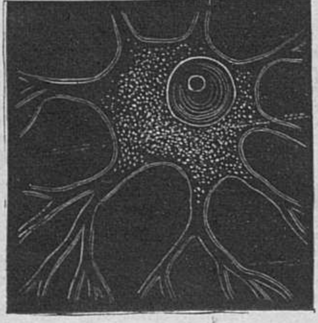
Небольшой кусокъ кости съ четырьмя звѣздообразными костными клѣточками, которыя соединяются между собою черезъ развѣтвленія и залегаютъ въ твердомъ основномъ костномъ веществѣ. (Въ сильно увеличенномъ видѣ.)

Рис. 13.



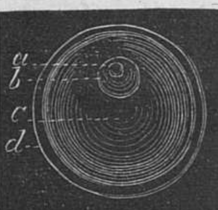
Небольшой кусокъ мясного волокна, на которомъ видна цилиндрическая форма и соединеніе полосатыхъ мускульныхъ клѣточекъ. Внутри поперечно исполосованной массы видны три клѣточныхъ ядра. (Въ сильно увеличенномъ видѣ.)

Рис. 14.



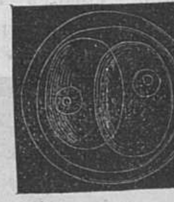
Крупная звѣздообразная нервная клѣточка головного мозга съ развѣтвленіями, переходящими въ нервныя волокна. Во внутренности клѣточнаго вещества лежитъ большое, свѣтлое, круглое ядро съ темнымъ тѣльцемъ въ серединѣ. (Въ сильно увеличенномъ видѣ.)

Рис. 15.



Яйцо млекопитающаго, состоящее изъ простой клѣточки въ формѣ ядра, клѣточное вещество которой (или желтокъ *c*) окружено клѣточною перепонкой (или желтковою кожицей *d*) и содержитъ въ себѣ сферическое клѣточное зерно (или зародышный пузырекъ *b*) вмѣстѣ съ зерновымъ тѣльцемъ (или зародышнымъ пятномъ). (Увеличено въ 100 разъ).

Рис. 16.



Начинающееся развитіе яйца млекопитающаго (такъ называемое „раздвоеніе“). Яйцо, состоящее изъ простой клѣточки, распадается на двѣ клѣточки (половинныя клѣточки), вслѣдствіе самодѣленія яйца.

Рис. 17.

Изъ двухъ первыхъ половинныхъ клѣточекъ яйца млекопитающаго образуются, вслѣдствіе дальнѣйшаго самодѣленія, четыре клѣточки (или половинныя ядра).

Рис. 18.

При повторительномъ процессѣ самодѣленія клѣточекъ, изъ простой яичной клѣточки образуется кругловатый комочекъ, состоящій изъ клѣточекъ, скученныхъ на подобіе тутовыхъ ягодъ. Эти клѣточки, посредствомъ дальнѣйшаго раздѣленія труда, образуютъ различные органы тѣла.

раго составила эпоху въ медицинской наукѣ. См. его же: „О единствѣ стремленій въ медицинской наукѣ“ и „Четыре лекціи о жизни и болѣзняхъ“, въ особенности же вторую изъ этихъ лекцій: „Атомы и индивиды“.

4) Историческое развитіе различныхъ животныхъ формъ и, вообще, всѣхъ организмовъ изъ однихъ общихъ, болѣе простыхъ прародителей, а именно, сначала изъ монеръ (цитодовъ, лишенныхъ ядра), а затѣмъ изъ простыхъ (содержащихъ ядро) клѣточекъ, можетъ быть разслѣдовано съ помощью уже добытаго, по сіе время, путемъ опыта, матеріала, на основаніи гипотезы, проводимой авторомъ въ его „Ест. исторіи творенія“, XV глава которой посвящена происхожденію и развитію царства протистовъ, XVI глава царству растительному, XVII глава безпозвоночнымъ животнымъ, а XVIII позвоночнымъ животнымъ.

мета,—а именно, о раздѣленіи труда въ природѣ, было сказано много, а о раздѣленіи труда въ человѣческомъ организмѣ—напротивъ того, лишь нѣсколько словъ. Но автору приходится признаться, что онъ позволилъ себѣ здѣсь маленькую передержку,—и, по крайней мѣрѣ, въ послѣдней половинѣ своей статьи, подразумѣвалъ, при всемъ говоренномъ, и человѣка, хотя и не называя его. Все сказанное о построеніи тѣла животныхъ изъ клѣточекъ и, спеціально, о тѣлѣ собаки, равно какъ о раздѣленіи труда между клѣточками и органами въ тѣлѣ животныхъ, относится буквально и къ человѣческому организму. Наше тѣло, подобно тѣлу всякаго высшаго животнаго, представляетъ собою государственный организмъ, состоящій изъ многихъ милліоновъ мелкихъ согражданъ, называемыхъ «клѣточками». Эти сограждане пользуются, въ извѣстной степени, своею самостоятельностью. Посредствомъ раздѣленія труда, они образуютъ различные сословія или классы рабочихъ, то есть—органическія системы нашего тѣла: нервную систему, мускульную систему и т. д. Личная жизнь каждаго человѣческаго индивида есть, въ сущности, ничто иное, какъ крайне сложный результатъ общей жизненной дѣятельности вышеназванныхъ мелкихъ согражданъ—клѣточекъ, и образованныхъ, черезъ раздѣленіе труда между ними, нашихъ органовъ. Если нѣкоторые изъ этихъ согражданъ плохо исполняютъ свою обязанность или дѣлаются неспособными къ ней, мы называемъ подобное состояніе болѣзнью, а когда сплоченная во-едино взаимная дѣятельность ихъ, необходимая для нашего существованія, прекращается, мы называемъ это смертью.

Равнымъ образомъ, все сказанное объ исторіи развитія организма животныхъ, и поясненное нами примѣромъ собаки, относится буквально и къ исторіи развитія организма человѣка. Каждый человѣческій организмъ, какъ и каждое животное, при началѣ своего индивидуальнаго существованія, есть ничто иное, какъ простая клѣточка, яйцо (рис. 15), и когда эта клѣточка начинаетъ развиваться, то порожденныя ею клѣточки и дальнѣйшее ихъ потомство разрѣшаютъ между собою задачу раздѣленія труда тѣмъ же порядкомъ, который былъ описанъ нами при развитіи организма собаки. Первыя стадіи развитія, которымъ подвергается яйцо собаки (см. рис. 15—18), представляютъ намъ картину и тѣхъ переобразованій, черезъ которыя проходило индивидуальное существованіе каждаго человѣческаго организма при своемъ началѣ.

Та разнообразная цѣпь формъ, которыя проходятъ, какъ животный, такъ и человѣческій организмъ, при своемъ постепенномъ индивидуальномъ развитіи изъ яйца, представляетъ собою приблизительный очеркъ той цѣпи формъ, черезъ которую прошли предки человѣка, втеченіе неизмѣримыхъ періодовъ лѣтъ. Мы видимъ здѣсь наглядное доказательство тому, что человѣческій организмъ развивался въ родственномъ отношеніи съ низшими организмами, а именно, въ весьма тѣсной связи съ позвоночными животными, и что наши отдаленнѣйшіе общіе предки представляли собою не болѣе какъ простѣйшую клѣточку [5]). И тотъ могущественный законъ природы, съ помощью котораго, изъ столь простого первобытнаго источника, развились всѣ, безконечно разнообразныя формы животнаго царства, а во главѣ ихъ, далеко превосходя ихъ собою, различныя человѣческія породы,—есть ничто иное, какъ великій законъ раздѣленія труда!

5) Гипотезическая теорія о тѣхъ животныхъ формахъ, черезъ которыя должны были пройти предки человѣческаго племени, изложена Геккелемъ не только въ его „Ест. ист. творенія“, но и въ одной изъ статей того же сборника, изъ котораго мы почерпнули настоящую статью. Она озаглавлена: „О происхожденіи и родословной человѣческаго племени“.

Госпожа Жервезе.

Романъ Эдмона и Жюля Гонкура.

(Переводъ П. Лѣтнева.)

(*Продолженіе.*)

XXII.

Когда Поль выздоровѣлъ, г-жа Жервезе увезла его въ Кастель-Гандольфо, гдѣ она наняла прелестную, уединенную виллу. Чрезъ мѣсяцъ послѣ своего пребыванія тамъ, она писала брату:

«... Я начинаю вѣрить, другъ мой, что мы, западные жители, привозимъ съ собой на югъ запасъ жизненной силы, которая скоро истощается, и не можетъ уже возобновиться въ этомъ разслабляющемъ климатѣ. Назови это какъ хочешь, но мнѣ кажется, что мнѣ именно этого недостаетъ теперь. Я совершенно здорова, какъ давно уже не была, а между тѣмъ всѣ способности мои находятся въ оцепенѣніи. Это не болѣзнь физическая. Я хожу, гуляю, катаюсь съ удовольствіемъ по здѣшнимъ очаровательнымъ окрестностямъ. Въ этомъ отношеніи я совершенно бодра, но я чувствую безконечную нравственную лѣнь и разслабленіе, меня утомляетъ чтеніе, мысль и всякое серьезное, умственное занятіе. Прочитанное исчезаетъ изъ моей памяти такъ же легко, какъ книга выскользаетъ изъ рукъ. Я съ трудомъ понимаю то, что читаю; я въ какомъ-то полуснѣ, умъ мой блуждаетъ въ бездѣйствіи. Иногда мнѣ кажется, что міръ моихъ идей уходитъ отъ меня, разбрасывается въ разныя стороны и расплывается въ какомъ то счастливомъ, отупляющемъ созерцаніи... Да! всему причиной здѣшній климатъ, это озеро съ неподвижною поверхностью, это вѣчное сіяніе неба и земли... Все это прекрасно, но такъ губительно вредно... И потомъ болѣзнь моего малютки... я все еще не могу оправиться отъ этого удара. Если-бъ ты видѣлъ его теперь! Глаза его стали еще больше... Странно! съ нѣкоторыхъ поръ я чувствую какую то пустоту, какое то нравственное одиночество. А между тѣмъ мой ребенокъ со мной, я люблю его болѣе, чѣмъ когда-нибудь, но это не наполняетъ моего существованія какъ прежде... Ты, вѣрно, посмѣешься надо мной и сочинишь романъ, гдѣ выдашь меня замужъ за какого-нибудь италъянскаго принца? Но ты очень ошибешься, другъ мой, воображая что дѣло идетъ о любви. Въ отношеніи земныхъ привязанностей, у меня есть все, что нужно. Такъ отчего же эта пустота, которая почти пугаетъ меня, когда я снизойду въ глубину моей души?»...

XXIII.

Г-жа Жервезе выбрала для своихъ прогулокъ прелестное мѣсто на берегу озера, подъ тѣнью огромнаго, зеленаго дуба, который раскидывался густымъ шатромъ надъ каменной скамейкой. Солнечные лучи роняли свой свѣтъ капля по каплѣ сквозь частую листву, и все въ этомъ мѣстѣ, казалось, приглашало къ отдыху и лѣни. Оттуда можно было обнять однимъ взглядомъ весь сіяющій горизонтъ, свѣтлую поверхность озера и извивающуюся линію холмовъ, терявшихся въ туманной дали.

Въ одинъ день, когда г-жа Жервезе сидѣла подъ деревомъ, лѣниво перелистывая книгу, которую принесла съ собой, къ ней подошла высокая, бѣлокурая женщина, одѣтая какъ то эксцентрично. Она испустила легкій крикъ удивленія при видѣ г-жи Жервезе, поклонилась ей, сѣла и, молча, привлекла къ себѣ Поля, какъ будто знала его. Съ оригинальной простотой, свойственной знатнымъ русскимъ дамамъ, графиня Ломоносова немедленно вступила въ разговоръ съ матерью и сыномъ. Замѣтивъ книгу, лежавшую возлѣ, она, съ граціозною фамильярностью, извинявшею ея нескромность, откинула переплетъ и прочла заглавіе: «Опытъ обращенія равнодушныхъ на путь религіи». Она закрыла книгу и ея взглядъ, мысли и вниманіе, казалось, далеко унеслись отъ ея сосѣдки и потерялись въ созерцаніи неба и озера. Собираясь уходить, она простилась съ г-жей Жервезе съ изящной учтивостью и сказала, улыбаясь:

— Это уже болѣе не мое дерево; я надѣюсь, вы позволите назвать его нашимъ деревомъ.

XXIV.

Съ этого дня обѣ женщины ежедневно видѣлись подъ дубомъ въ три часа; между ними установилась дружба и графиня Ломоносова открывала г-жѣ Жервезе свою душу и разсказывала ей о своемъ обращеніи въ католичество изъ православія и свое непремѣнное намѣреніе вступить въ монастырь. Послѣ перваго обмѣна житейскихъ новостей, графиня обыкновенно начинала религіозный разговоръ, дышавшій возвышеннымъ мистицизмомъ и проникнутый глубокимъ убѣжденіемъ вѣры, отрѣшившейся отъ всего земного. Посреди всѣхъ этихъ изліяній, молодая женщина ни словомъ, ни намекомъ не пробовала обращать г-жу Жервезе. Разговоръ ея былъ скорѣе монологъ, полный энтузіазма, мечтаніе вслухъ съ самой собой, прерываемое изрѣдка учтивымъ, ироническимъ замѣчаніемъ ея собесѣдницы, которое графиня, повидимому, не слыхала, внутренно продолжая свою бесѣду.

Въ ясные дни, онѣ ѣздили кататься въ коляскѣ по окресностямъ озера Неми, посадивъ Поля между собою. Это былъ настоящій праздникъ для ребенка, наслаждавшагося полнотою жизни послѣ своего выздоровленія. Дорогой онъ обнималъ мать и, взявъ ея подбородокъ въ свои обѣ руки, наклонялъ ея лицо къ своему, чтобъ получить отъ нее поцѣлуй, потомъ начиналъ напѣвать пѣсню, сочиненную имъ самимъ на своемъ языкѣ. Обѣ пріятельницы молчали, погруженныя въ пассивное блаженство и проникнутыя восхищеніемъ при видѣ блеска и сіянія природы. Возвращаясь съ одной изъ этихъ прогулокъ, графиня сжала обѣ руки г-жи Жервезе въ своихъ и сказала.

— Не знаю, какъ это дѣлается, моя дорогая, но я чувствую, что теперь могу любить только того, кто мнѣ удѣлитъ частичку своей души... Истинная дружба, мнѣ кажется, возможна только при содѣйствіи религіи.

Къ концу своего пребыванія въ Кастель-Гандольфо, г-жа Жервезе была взволнована прощальнымъ визитомъ съ графиней Ломоносовой, намѣревавшейся отправиться въ Іерусалимъ прежде окончательнаго постриженія въ орденъ св. Сердца. Разставаясь съ нею, графиня оставила ей на память небольшую тетрадь: «Религіозныхъ размышленій», на оберткѣ которой написано: «патеръ Гіансанти».

XXV.

Г-жа Жервезе возвращалась изъ Кастель-Гандольфо въ томъ разнѣженномъ расположеніи духа, которое южная природа навѣваетъ на человѣка и незамѣтно доводитъ его до католицизма. Тайное очарованіе оковывало ея мысли, волю и разсудокъ. Свойственный ей критическій взглядъ и тонкая иронія утрачивались мало-по-малу, и на мѣсто ихъ являлось подчиненіе обстановкѣ. Равнодушіе и спокойствіе исчезли изъ ея жизни. Постепенное развитіе и образованіе религіознаго чувства овладѣвали ею такъ же незамѣтно, какъ капли росы падаютъ неслышно на землю одна за другой. Посреди всего этого тревожнаго и неяснаго броженія, на размягченную почву ея души повліяло свѣжее впечатлѣніе небольшой религіозной книги, ублажающей человѣческую душу такъ же кротко, какъ кормилица ублажаетъ своего питомца. Въ этихъ страницахъ все было —сладость, ласка, нѣжное баюканье, слова текли, какъ источники меда и млека. Религія описывалась благодатнымъ состояніемъ, которое надѣ-

Картина КАМИНСКАГО.

Дѣти-торговцы.

ляло человѣка мужествомъ, помогало преодолѣвать житейскія трудности, облегчало жизненный путь и служило вѣнцомъ и благословеніемъ семейной жизни. Однимъ словомъ, то было примѣненіе христіанскаго закона, изъятаго отъ всякой строгости и требовательности; не было нужды ни въ самоотреченіи, ни въ удаленіи отъ общества; человѣкъ могъ жить въ кругу себѣ подобныхъ и пользоваться житейскими благами, оставаясь въ то же время религіознымъ и чуждымъ всякаго соблазна подъ наитіемъ этого благодатнаго ученія. Краснорѣчіе любви, дѣтская простота, добродушная наивность, прелестные, граціозные образы, символы грѣха въ терніяхъ розы, какъ невинные цвѣточки, разсыпаны были въ каждой строкѣ умиротворяющимъ проповѣдникомъ.

По мѣрѣ того какъ она подвигалась въ чтеніи «Руководства къ благочестивой жизни», уподоблявшаго религію благоуханному букету, который человѣкъ долженъ всегда носить на груди, г-жа Жервезе чувствовала себя все болѣе и болѣе очарованной.

XXVI.

Тайная перемѣна совершалась въ глубинѣ души г-жи Жервезе. Все, чѣмъ она такъ гордилась: ея высокій разумъ, тонкій, критическій духъ пытливости и анализа, самостоятельность идей и энергія, рѣдкая въ женщинѣ,—все начинало приходить въ упадокъ и предвѣщало полный переворотъ ея нравственнаго темперамента. Она невольно поддавалась размягчающему вліянію первыхъ приступовъ вѣры, болѣе всего дѣйствующему на женщину, уже перешедшую за границы первой молодости. И все ея прошлое воспитаніе, результаты ея ученыхъ трудовъ и чтенія, не могли защитить ее отъ этого покорнаго обожанія, овладѣвшаго ея душой, безъ всякаго участія разсудка. Въ тѣ рѣдкіе часы, когда къ ней снова возвращалась способность разсуждать, она искала соглашеній съ своею совѣстью, отвергая нѣкоторые догматы религіи и принимая другіе, болѣе сообразные съ ея развитымъ умомъ, однимъ словомъ, оставляя себѣ свободный произволъ. Въ эти часы внутренней борьбы, она исписывала цѣлыя страницы исповѣдью своихъ ощущеній, ясно показывавшихъ ея переходъ отъ заоблачнаго теизма къ раціональному католицизму.

XXVII.

Г-жа Жервезе вошла въ церковь іезуитскаго ордена въ ту минуту, какъ должна была начаться проповѣдь. Проповѣдникъ, явясь на подмостки, гдѣ стояли столъ и кресло, прежде всего сталъ на колѣни, обращаясь къ алтарю; пробывъ нѣсколько минутъ въ молитвѣ, онъ всталъ и отеревъ губы платкомъ, ожидалъ, чтобъ наступило полное молчаніе. Тогда онъ выпрямился во весь ростъ и заговорилъ.

Проповѣдникъ былъ первостатейный талантъ ордена, съ гремучимъ краснорѣчіемъ и эфектными жестами. Онъ декламировалъ, плакалъ, рыдалъ, голосъ его то громкій, то дрожащій и прерывистый, держалъ слушателей подъ вліяніемъ постояннаго волненія.

Г-жа Жервезе слушала разсѣянно до тѣхъ поръ, пока звуки, полные гнѣва, не коснулись ея слуха, и слѣдующая фраза не поразила ее, какъ ударъ грома:

— Женщина неблагоразумная и дерзкая, и не только неблагоразумная и дерзкая, но жалкая и несчастная...

Тутъ проповѣдникъ остановился, помолчалъ немного, и продолжалъ:

— Потому что если Богъ открылся намъ и предначерталъ заповѣди цѣлому міру, то что должно думать о той женщинѣ, которая пренебрегаетъ божественнымъ откровеніемъ и хочетъ руководствоваться только свѣтомъ своего собственнаго разума. Можно ли не пожалѣть эту несчастную, заблуждающуюся душу?...

Г-жа Жервезе прислушивалась, внимательная и серьезная, и при каждомъ новомъ словѣ, раздававшемся съ кафедры, чувствовала все болѣе и болѣе, какъ всѣ ея сокровенныя мысли, сомнѣнія, колебанія позорно разоблачались передъ всѣми.

Проповѣдникъ кончилъ слѣдующими словами:

— Да, жалкая, несчастная женщина! несчастная—потому что въ будущемъ ее ожидаютъ вѣчныя муки и она не дѣлаетъ ничего, чтобъ отвратить отъ себя гнѣвъ Божій. Горделиво и дерзновенно попирая божественныя законы, она какъ будто говоритъ цѣлому міру: «Мнѣ нѣтъ дѣла до Бога и Его заповѣдей»... А почему она знаетъ, не скажетъ ли Богъ, въ свою очередь: «И мнѣ тоже нѣтъ дѣла до тебя; я являюсь только затѣмъ, чтобъ покарать тебя!»

При этихъ словахъ г-жѣ Жервезе показалось, что всѣ глаза устремились въ ея сторону, какъ будто проповѣдникъ жестомъ указалъ на нее.

XXVIII.

Взволнованная, внѣ себя, съ ужасомъ въ душѣ, она вышла изъ церкви; ей казалось, что кто-то во мракѣ ночи пробрался въ глубину ея совѣсти и укралъ ея тайны...

На другое утро докторъ, зайдя навѣстить ее послѣ завтрака, встрѣтилъ ее слѣдующими словами:—Вы были вчера въ іезуитской церкви... мнѣ сказала княгиня Ливерани... вы слышали громовую проповѣдь, направленную на княгиню Бельджойзо.

— Ахъ! такъ онъ говорилъ про княгиню Бельджойзо! вырвалось у г-жи Жервезе. Она вздохнула съ глубокимъ облегченіемъ, не понимая, какимъ образомъ могли въ ней возникнуть вчерашнія подозрѣнія. А между тѣмъ, когда ея гость уѣхалъ, прежнее спокойствіе не вполнѣ воротилось къ ней. Она все еще чувствовала ужасъ. Въ томъ состояніи восторженности, въ которомъ она находилась уже нѣсколько мѣсяцевъ, впечатлѣніе было слишкомъ сильно для того, чтобъ изгладить религіозный ужасъ, произведенный на нее громовымъ проклятіемъ женщинѣ, которая осмѣливалась думать точно такъ, какъ думала она. Молнія разразилась надъ нею и опалила ее... Обращеніе совершилось—свѣтъ религіи озарилъ ея душу!

XXIX.

Отуманенная, она еще пробовала бороться. Умъ ея возмущался противъ матеріальнаго порабощенія безъ всякаго участія разума. Тогда она захотѣла сдѣлаться католичкой по убѣжденію и добросовѣстно погрузилась въ чтеніи самыхъ сухихъ, богословскихъ книгъ, наполняя цѣлые томы выписками, терзаясь самыми противорѣчивыми сомнѣніями, и всетаки съ каждымъ днемъ приближаясь къ тѣмъ вѣрованіямъ, которыя она такъ пламенно призывала всѣми силами своего желанія. Мало по малу доводы и возраженія логики сглаживались; ея прежній, философскій взглядъ, прежніе доводы и объясненія, удовлетворявшіе ее, казались ей теперь гипотезами и предположеніями. Раздираемая сомнѣніями и желаніемъ вѣрить, она искала, неустанно искала истины.

Изъ всѣхъ книгъ, прочитанныхъ ею, одинъ только писатель замѣтно повліялъ на нее. Онъ не предписывалъ вѣру, какъ неизбѣжный догматъ, напротивъ, подвергалъ ее анализу, старался дѣйствовать убѣжденіемъ, отдавая должную дань уваженія свободѣ разума. Ее успокоивало и удовлетворяло это сліяніе вѣры съ разумомъ, эти попытки опереть католицизмъ на науку и исторію и подтвердить истину непреложными фактами. Она радовалась, найдя въ писателѣ—человѣка, сочувствующаго всему, что любитъ человѣчество, преклоняющагося передъ всѣмъ, что оно уважаетъ,—передъ мужествомъ, честью, свободой, отчизной и даже славой, и громко провозглашающимъ, что религія, которая отвергаетъ эти высокія добродѣтели,—не есть истинная религія.

Прошли мѣсяцы мучительныхъ розысканій, но побѣдительный лучъ еще не являлся. Однакожь, часъ насталъ, и въ этотъ день г-жа Жервезе отмѣтила въ своемъ дневникѣ, что сомнѣнія ея кончены.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, держа сына за руку, она входила въ небольшую строго убранную ризницу, гдѣ стояли у стѣнъ прямыя и неподвижныя фигуры патеровъ, съ безстрастными лицами, въ длинныхъ одеждахъ іезуитскаго ордена, въ четвероугольныхъ шляпахъ, такіе, какими они представлены на картинахъ XVI вѣка. Она спросила отца Гіансанти.

XXX.

Въ іезуитской церкви есть исповѣдальня, вторая направо, отъ входа въ главную дверь. Она устроена подъ кафедрой въ узкомъ пространствѣ между перилами, украшенными головами ангеловъ. Ея темныя колонны и фронтонъ съ гербами мрачно выдѣляются на желтомъ мраморѣ пиластровъ. По бокамъ двѣ ступени для кающихся, немного повыше небольшая проволочная рѣшетка съ кружкомъ посрединѣ, загрязненнымъ и заржавленнымъ дыханіемъ грѣшниковъ, а надъ нею, въ простой черной рамѣ, образъ.

Въ этой исповѣдальнѣ, каждую среду и каждую пятницу, отецъ Гіансанти выслушивалъ исповѣдь г-жи Жервезе. Часто она оставалась около двухъ часовъ наединѣ съ этимъ исповѣдникомъ; не видно было ни головы, ни лица его, а виднѣлась только рука, неподвижно лежавшая на рамѣ, за которою онъ скрывался,—рука полная и блѣдная, рука безстрастная, безъ утомленія и безъ движенія, какъ будто прикованная къ дереву рамы, до того неподвижная, что, наконецъ, пугала своей неподвижностью, какъ рука мертвеца. Проходилъ часъ, потомъ еще полчаса. Г-жа Жервезе опиралась утомленной головой о рѣшетку, и ребенокъ, котораго она ставила въ это время на колѣни для молитвы въ часовнѣ св. Игнатія, приходилъ по временамъ взглянуть на мать и видѣлъ всегда эту руку.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Чортъ и Вѣдьма.

Историческій очеркъ **С. С. Шашкова.**

(*Окончаніе.*)

Вскорѣ послѣ упомянутой буллы Инокентія VIII по всей Европѣ запылали костры съ несчастными волшебниками и вѣдьмами. Количество жертвъ было ужасно. Въ Женевѣ въ три мѣсяца 1515 г. казнено 500 человѣкъ. Около того же времени въ одномъ только округѣ Комо въ Италіи ежегодно сожигалось около 100 вѣдьмъ. Въ Брауншвейгѣ въ концѣ XVI вѣка въ одинъ день сожжено 133 вѣдьмы. Въ Трирѣ съ 1587 по 1593 годъ сожжено 368 человѣкъ. Въ небольшомъ городкѣ Нордженгинѣ сожжено въ три года 32 человѣка, а въ Эмпенгенѣ въ 8 мѣсяцевъ 1590 г. 65 человѣкъ; въ Оффенбургѣ въ 9 лѣтъ 24 человѣка, а въ небольшомъ графствѣ Геннебергъ въ первые годы XVII вѣка сожжено 145; въ епископствѣ Вюрцбургъ въ теченіи 3 лѣтъ 200 человѣкъ, между которыми были даже дѣти 8 лѣтъ, въ Фульдѣ одинъ только судья Фоссъ сжегъ 700 вѣдьмъ; въ 1627 г. въ городкѣ Дибургѣ казнено 36; въ городкѣ Нейсѣ въ 1661 г. сожжено 42 женщины, въ Зальцбургѣ въ 1678 г. 97; въ епископствѣ Бамбергъ въ 1624—30 г. казнено 285 человѣкъ, а всего бамбергскій епископъ сожегъ болѣе 600 вѣдьмъ и волшебниковъ, въ Оснабрюкѣ въ 1 годъ казнено 80 человѣкъ; въ княжествѣ Нейссо въ 9 лѣтъ 1000 человѣкъ

и т. д. Чтобы судить о количествѣ и характерѣ этихъ казней въ Германіи, мы приведемъ здѣсь чрезвычайно характерную «Вѣдомость людямъ, которые за волшебство въ Вюрцбургѣ обезглавлены мечемъ и потомъ сожжены».

«*При первомъ сожженіи* 4: публичная женщина, старая вдова Анкеръ, нищая, старая горбунья. *При второмъ сожженіи* 4: старая нищая, 2 нездѣшнихъ бабы, старая шинкарка. *При третьемъ сожженіи* 5: игрокъ Юнгерслеберъ, сводня, мясничиха, жница, жена золотаря. *При четвертомъ сожженіи* 5: бургмейстерша Глазеръ, кирпичница, акушерка (№ 13 отъ нея то и пошло все зло), старая цыганка, нездѣшній мужчина. *При пятомъ сожженіи* 9: извѣстный лавочникъ Люцъ, лавочникъ Ручеръ, экономка г. соборнаго пробста, старая веревочница, жена Фохта Штейнбаха, жена г. совѣтника Баунаха, женщина Бабиль, старая баба... *При шестнадцатомъ сожженіи* 6: малолѣтній сынъ дворянина Ратценштейна, мальчикъ 10 лѣтъ, 2 дочери и горничная совѣтника Фохта, толстая веревочница. *При девятнадцатомъ сожженіи* 6: малолѣтній сынъ дворянина Готенхана, секретарша Шельгаръ, одна баба, мальчикъ 10 лѣтъ, мальчикъ 12 лѣтъ, водоноска Брошеръ (*сожжена живою*). *При двадцатомъ сожженіи* 6: Бабель, красивѣйшая дѣвица въ Вюрцбургѣ, студентъ, знавшій множество языковъ и бывшій превосходнымъ музыкантомъ, 2 мальчика 12 лѣтъ, дочь Бабеля, пастушка. *При 23 сожженіи* 9: сынъ Кротена 12 лѣтъ, 2 сыночка княжескаго повара 14 и 10 лѣтъ, викарій Гаммельманъ, регентъ пѣвчихъ Гиршъ, викарій Бергеръ, одинъ альбиносъ (*2 изъ нихъ сожжены живыми*). *При 27 сожженіи* 7: живодеръ Гансъ, сторожъ съ моста, нездѣшній мальчикъ, нездѣшняя баба и три викарія изъ Гала и т. д».

Всего въ Германіи казнено и сожжено за вѣдовство не менѣе 100,000 человѣкъ, въ Англіи не менѣе 30,000, что же касается Франціи, то въ ней число завѣдомыхъ волшебниковъ и вѣдьмъ считалось такъ велико, что одинъ ревностный юристъ воскликнулъ «Франція—это вѣдьма». Трудно себѣ представить тотъ ужасный терроръ, который висѣлъ надъ Европой такъ долго, благодаря католическимъ монахамъ и инквизиторамъ съ ихъ палачами. Эти ужасныя преслѣдованія, равносильныя нашествію какихъ нибудь гунновъ, независимо отъ другихъ причиняемыхъ ими бѣдствій, доводили еще до послѣдней степени напряженія то суевѣріе, которое они хотѣли истребить огнемъ и мечемъ. Цѣлыя страны поголовно сходили съума и казались сплошь населенными колдунами и вѣдьмами. Такъ въ началѣ XVII вѣка начался вѣдовской процессъ въ землѣ басковъ, гдѣ люди всѣхъ званій и возрастовъ занимались вѣдовствомъ, гдѣ боязнь колдовства помрачила всѣ умы, гдѣ тысячи несчастныхъ бѣсновались, лаяли по собачьи, женщины доносили одна на другую, дѣти доносили на родителей. Инквизиторамъ приходилось судить и сжечь весь народъ, но по благословенію папы сожгли только наиболѣе виновныхъ. Не многимъ лучше было и въ Италіи. «Часто итальянки, говоритъ Мишле, превращались въ кошекъ и, по ихъ словамъ, сосали кровь изъ дѣтей. Ихъ сожигали. Въ лѣсистыхъ областяхъ Лотарингіи и Юры женщины дѣлались волчицами и пожирали прохожихъ. Ихъ сожигали. Дѣвушки увѣряли, что онѣ отдавались дьяволу. Ихъ свидѣтельствовали, находили дѣвственницами, но всетаки сожигали». Нищета, болѣзни, всевозможныя бѣдствія доводили людей до того, что они сами лезли на казнь. Одна англичанка, взведенная на костеръ обратилась къ народу съ такими словами: «не вините моихъ судей; я сама захотѣла погубить себя; мои родители прогнали бы меня съ ужасомъ, мой мужъ оттолкнулъ бы меня, я могла бы вернуться въ общество только обезчещенною; я захотѣла умереть и налгала на себя». Даже при очевидной невиновности подсудимую всетаки отсылали на костеръ. Одна вѣдьма подъ пыткою созналась, что украла съ кладбища трупъ ребенка. По настоянію ея мужа могилу ребенка раскопали и трупъ нашли въ ней нетронутымъ, но судья рѣшилъ, что это не трупъ, который будто бы дѣйствительно украденъ, а обманъ чувствъ, произведенный дьяволомъ, и несчастную женщину сожгли. Нерѣдко случалось, что обвиняли и казнили полныхъ идіотовъ и сумасшедшихъ. Нелѣпость обвиненій доходила до невѣроятности. Въ Севильѣ сожгли одну дѣвушку за то, что она несла яйца, какъ птица; въ Наваррѣ въ 1527 г. обвинено 150 женщинъ за участіе въ сатанинскомъ шабашѣ; многіе казнились за то, что они не люди, а волки и оборотни, а патеръ Грандье за то, что околдовывалъ и отдавалъ чорту урсулинскихъ монахинь. Ученыхъ казнили за физическіе опыты, а лекарей за удачную помощь въ болѣзняхъ, считавшихся неизлечимыми.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что главною почвою для развитія тѣхъ неистовствъ служило суевѣріе, достигавшее степени психическихъ эпидемій, но притомъ играли важную роль и другіе мотивы, особенно корыстолюбіе судей и инквизиторовъ, желавшихъ обогащаться имуществомъ казненныхъ, которое конфисковалось. Преслѣдованіе вѣдьмъ сдѣлалось самымъ выгоднымъ промысломъ, независимо уже оттого, что слѣдователи, судьи и всѣ ихъ помощники получали великолѣпное содержаніе, взятки, награды. Въ Англіи и Шотландіи во время революціонныхъ волненій страшно нажился этими способами Гонкансъ, получившій титулъ «генералъ-открывателя вѣдьмъ». Одинъ шотландецъ передъ смертною казнею сознался, что онъ своими ложными обвиненіями погубилъ 220 женщинъ, получая отъ судей за каждую изъ нихъ по 20 шиллинговъ. Каноникъ Лоосъ не даромъ же называлъ вѣдовской процессъ «вновь изобрѣтеннымъ алхимическимъ средствомъ превращать въ золото человѣческую кровь.» Имущество казненныхъ если не конфисковалось, то обращалось на судебныя издержки, при распредѣленіи которыхъ судьи не забывали себя. За облегченіе наказанія, за то, напр., чтобы осужденнаго сначала обезглавить, а потомъ сожечь, родственники его платили значительныя суммы. При извѣстныхъ обстоятельствахъ судья могъ замѣнять наказаніе денежнымъ штрафомъ, и благодаря этому возникалъ цѣлый классъ плательщиковъ, обложенныхъ ежегоднымъ налогомъ за то, чтобы ихъ не привлекать къ инквизиціонному розыску. Въ Нюрнбергѣ въ 1522 г., по словамъ современнаго документа, «когда бѣжала обвиненная въ вѣдовствѣ женщина Регина, то всѣ оставшіеся послѣ нея пожитки были забраны судьями, давшими ея мужу только пару кожаныхъ штановъ.» Отъ тогдашняго судьи Гейсса, участвовавшаго въ большомъ вѣдовскомъ процессѣ въ Линдгеймѣ, остались счеты, изъ которыхъ видно, что при произведенныхъ имъ арестахъ онъ получилъ 188 талеровъ, независимо отъ разныхъ приношеній натурою, скотомъ и т. д. Наживались и мелкіе судебные служители, особенно палачи; на роскошь ихъ и женъ ихъ въ то время раздавались сильныя жалобы, показывающія, что въ то время они щеголяли въ шелковыхъ платьяхъ, ѣздили въ каретахъ, запряженныхъ прекрасными лошадьми и т. д. Кобургскій палачъ проживалъ въ годъ, напр., болѣе 1,100 гульденовъ. Отъ вѣдовства наживались трактирщики, лавочники, патеры, отчитывавшіе околдованныхъ лицъ, странствующіе монахи, продававшіе цѣлыми мѣшками «вѣдовской порошокъ» и другіе предохранительныя средства отъ вѣдовской порчи.

Не одно корыстолюбіе и фанатизмъ умножали число жертвъ, какъ это можно видѣть, напр., изъ приведенныхъ нами выдержекъ изъ вюрцбургской хроники. Казненные старые нищіе, забредшіе въ городъ неизвѣстно откуда, равно какъ и дѣти, пострадали, конечно, не изъ за какой нибудь зависти, не изъ за жадности или корыстолюбія духовенства, а пали жертвами одного слѣпого суевѣрія. Тотъ же самый списокъ даетъ указаніе, что многіе привлекались тогда къ отвѣтственности, благодаря доносамъ, порожденнымъ завистью, злобою, сплетнями, какъ, напр., «Бабель, красивѣйшая дѣвица въ Вюрцбургѣ,» «студентъ, знавшій много языковъ и превосходный музыкантъ,» «смотритель госпиталя, очень ученый человѣкъ» и т. д. Все, что поражало тогдашнее суевѣрное воображеніе, могло при извѣстныхъ обстоятельствахъ послужить почвою для обвиненія, и въ упомянутомъ спискѣ значится сожженными альбиносъ и слѣпая дѣвочка. Въ одномъ австрійскомъ документѣ говорится о двухъ старухахъ, Розинѣ Котель и Эстери Супаль, «которыя были сожжены живыми близъ Фульнека, за то, что въ лѣтнее время много шатались по скаламъ и лѣсамъ и собирали травы.» Страхъ вѣдовства порождалъ болѣзненную подозрительность, въ состояніи которой люди, какъ бѣшеные, готовы были обвинять кого угодно и о характерѣ которой мы можемъ нѣсколько судить по той подозрительности, которая обыкновенно развивается у насъ во время частыхъ пожаровъ, порождающихъ цѣлыя чудовищныя легенды о поджигательствѣ. Это суевѣріе, эта дьявольская жадность католическихъ инквизиторовъ, эти психическія эпидеміи, эта разнузданность страстей и подозрительность сдѣлали то, что въ Европѣ погибло, по крайней мѣрѣ, съ милліонъ людей ни за что, ни про что. Такъ называемыхъ еретиковъ казнено, конечно, больше, чѣмъ вѣдьмъ, но положеніе послѣднихъ было несравненно ужаснѣе положенія первыхъ. «Вѣроятно, говоритъ Лекки, ни одинъ классъ жертвъ не выносилъ страданій, столь незаслуженныхъ и столь сильныхъ. Не для вѣдьмъ былъ пламенный фанатизмъ, который укрѣпляетъ душу во время опасности и закаляетъ, какъ сталь, тѣло противъ мученій. Не для нихъ была увѣренность въ славной вѣчности, которая заставляла мученика восторженно смотрѣть на поднимающееся вокругъ него пламя, какъ на колесницу Иліи, которая перенесетъ его душу на небо. Не для нихъ были утѣшенія опечаленныхъ друзей или сознаніе, что память ихъ будетъ сохраняться и уважаться потомствомъ. Онѣ умирали одинокими, ненавидимыми и ни кѣмъ не жалѣемыми. Онѣ казались всѣмъ худшими изъ злодѣевъ, даже родственники отступались отъ нихъ, какъ отъ опозоренныхъ и проклятыхъ. Суевѣріе, которое они впитали въ себя съ молокомъ матери, смѣшанное съ иллюзіями вѣка и съ ужасами ихъ положенія, во многихъ случаяхъ убѣждали ихъ самихъ, что онѣ, въ самомъ дѣлѣ, рабы сатаны и со смертію должны только перемѣнить свои земныя мученія на вѣчную агонію. И всѣ эти страданія были результатомъ суевѣрія разрушеннаго духомъ раціонализма.»

Но этотъ духъ раціонализма дѣйствовалъ очень медленно. Большинство первыхъ дѣятелей реформаціи., напр., вѣрили въ чертей и вѣдьмъ, а Лютеру сатана надоѣлъ однажды до того, что онъ пустилъ въ него чернильницей. Лютеранство имѣло даже свой «Молотъ Вѣдьмъ» — «Театръ Дьяволовъ» Фейерабенда, напечатанный въ первый разъ въ 1569 г. Въ немъ вычислено, между прочимъ, что всѣхъ чертей *2, 665, 866, 746, 664*, между тѣмъ какъ католическіе демонологи опредѣляли число демоновъ нѣсколько меньше. «Театръ», какъ и «Молотъ» допускаетъ связь вѣдьмъ съ дьяволомъ, хотя и не совѣтуетъ заниматься пустымъ вопросомъ, могутъ ли рождаться отъ такого союза дѣти. Въ *XVI* и *XVII* вѣкѣ подобныхъ сочиненій, какъ католическихъ, такъ и протестант-

скихъ, выходило множество и чортъ пользовался еще большимъ авторитетомъ. Но духъ науки, духъ раціонализма уже началъ подрывать эти суевѣрія. «То, что сдѣлали Кеплеръ, Галилей, Гасенда, Гюйгенсъ и другіе, говоритъ Зольданъ, принесло пользу не только математическимъ и физическимъ наукамъ, но также философіи и гуманности. Великіе умы вѣка, Беконъ, Декартъ, Спиноза, преобразовали всю прежнюю методу науки и зажгли свѣтъ, который, конечно, рѣзалъ слабые глаза нѣкоторымъ современникамъ, но тѣмъ не менѣе благодѣтельно озарилъ благодарное потомство.» Мы не будемъ здѣсь разсказывать, какъ подъ вліяніемъ постепенно развивавшагося раціонализма падало въ образованныхъ классахъ вѣра въ чертей и вѣдьмъ, и какъ, съ другой стороны, подъ вліяніемъ гуманизма смягчались вообще уголовные законы. Эти успѣхи раціонализма и гуманности не были однако-жъ быстрыми и вѣдовскіе костры потухли въ Европѣ только въ концѣ XVIII вѣка, а въ Испаніи послѣдняя вѣдьма была осуждена въ 1807 г. Но черти потеряли свою силу и вѣдьмы исчезли только тамъ, гдѣ болѣе или менѣе господствуетъ научный духъ, что же касается народныхъ массъ, то среди нихъ почти всюду еще сохраняютъ свой авторитетъ, хотя и въ уменьшенной степени. Не далѣе какъ 36 лѣтъ тому назадъ крестьяне около Данцига утопили старую бабу, заподозрѣнную въ томъ, что она портитъ погоду и воруетъ молоко у коровъ. «Немного лѣтъ назадъ, разсказываетъ Риль, въ Лотарингіи одна старая женщина подверглась тяжкимъ побоямъ за то, что она вѣдьма.» Въ 1863 г. въ одной деревнѣ въ Банатѣ дѣвушка, впадшая въ сумасшествіе и лишившаяся языка, была сожжена народомъ, какъ вѣдьма. Въ 1874 г. была сожжена одна вѣдьма въ Мехикѣ, а въ 1875 г. на Кавказѣ тоже чуть было не сожгли одну бабу за вѣдовство.

Изъ забытаго дневника.

Стих. **А. Круглова.**

I.

О, еслибъ ты своимъ горячимъ словомъ
Могла мой духъ упавшій обновить,
О, еслибъ ты могла заставить снова
Людей и жизнь по прежнему любить;
Когда-бъ опять ты вѣру мнѣ былую,
Рой свѣтлыхъ грёзъ могла теперь вернуть,—
Я бросилъ-бъ жизнь безцѣльную, пустую —
И вновь пошелъ бы смѣло въ трудный путь!
Но ты сама, разбитая борьбою,
Поддержки ждешь отъ друга твоего...
И я живу... И мы живемъ съ тобою —
Живемъ, Богъ вѣсть, зачѣмъ и для кого!

II.

1.

Послѣ многихъ лѣтъ разлуки
Рада ты со мною встрѣчи:
Откровенно, какъ и прежде,
Ты ведешь со мною рѣчи.
Шепчешь мнѣ, сжимая руку,
Что довольна ты судьбою,
Что любима страстно мужемъ,
Какъ и онъ любимъ тобою.
Отвѣчая на признанье:
Слава Богу! Слава Богу!
Прибавляю про себя я:
Поскорѣе, братъ, въ дорогу!

2.

Ахъ, не то, совсѣмъ не то, клянуся,
Другъ я твой по прежнему, не лгу!
Въ трудный мигъ отсюду отзовуся,
Призови—и я помочь явлюся —
Только здѣсь остаться не могу!
Не вини поспѣшно въ безучастьи,
Жизнь свою отдать готовъ, не лгу,
Лишь бы ты не вѣдала несчастья...
Но вблизи твое я видѣть счастье
Не могу, клянуся, не могу!

III.

Ты любишь то, надъ чѣмъ я только
Всегда смѣюсь,
И презираешь, что̀ мнѣ свято,
Чему молюсь!

Я вижу все въ тебѣ, что видѣть
Я-бъ не желалъ
И не могу найти того я
О чемъ мечталъ!

И разсуждаю, удивляясь,
Я самъ съ собой:
Да какъ же, милая, мы это
Сошлись съ тобой?!

IV.

Утомленный душою и тѣломъ
Въ этой мелочной, жалкой борьбѣ,
Дорогой, граціозный ребенокъ,
Отдыхать прихожу я къ тебѣ!

Изцѣли, уврачуй мои раны,
Съ теплой лаской на помощь приди,
Милымъ смѣхомъ и дѣтскою рѣчью
Заглуши эту злобу въ груди!

Данаиды.

Ст. **П. Библіофила.**

Спаленою зноемъ, песчаною степью
Отъ дальняго моря змѣящейся цѣпью,
Измучены долгой и трудной ходьбой,
Несутъ Данаиды кувшины съ собой.
Ихъ мучаетъ ужасъ работы безплодной:
Наполнить имъ надо водою холодной
Бездонную бочку, а влаги струи
Уходятъ такъ быстро, въ степные пески,
И солнце ихъ сушитъ своими лучами,
И пыльными вѣтеръ заноситъ слоями,
И тщетно ты сталъ бы искать хоть слѣда,
Куда просочилась морская вода.
Стоятъ Данаиды надъ бочкой пустою:
Работа пропала, — и снова съ тоскою
Горячею степью, въ сыпучихъ пескахъ,
Придется идти имъ обратно въ слезахъ.

Вотъ сюжетъ, который избралъ для своей картины молодой французскій художникъ А. Леру. Прелестные и граціозные женскіе образы, изящество формъ, нѣжное выраженіе мечтательности на нѣкоторыхъ лицахъ, все это заставила парижскую публику обратить серьезное вниманіе на картину А. Леру и если его за что нибудь упрекали, такъ только за то, что онъ не передалъ на своемъ полотнѣ всего ужаса, которымъ дышетъ легенда о Данаидахъ.

Эта легенда дѣйствительно имѣетъ глубокій и страшный смыслъ. Данай, имѣвшій отъ пятидесяти женъ пятьдесятъ дочерей, былъ изгнанъ въ одинъ прекрасный день изъ Египта своимъ братомъ и бѣжалъ сначала на Родосъ, потомъ на Аргосъ. Братъ не оставилъ его въ покоѣ и послалъ за нимъ своихъ сыновей. Ихъ было тоже пятьдесятъ. Они настигли бѣжавшую семью на Аргосѣ и согласились на миръ подъ условіемъ, чтобы Данаиды вышли за нихъ замужъ. Отецъ Данаидъ согласился, но дочери по его приказанію должны были въ первую же ночь убить своихъ мужей, что онѣ и сдѣлали всѣ, за исключеніемъ Гипермнестры, пощадившей своего мужа. Это преступленіе не осталось безъ наказанія: въ подземномъ мірѣ Данаиды были обречены носить воду, чтобы наполнить ею бездонную бочку, вполнѣ сознавая всю безплодность подобной работы. Трудно себѣ представить какое нибудь болѣе страшное наказаніе, чѣмъ эта мучительная, никогда не прекращающаяся, никогда не подвигающаяся впередъ, вѣчно безплодная работа. Только народъ, пережившій вѣка рабства, нерѣдко испытывавшій и испытывающій личнымъ опытомъ безплодность своихъ долголѣтнихъ усилій и трудовъ, могъ создавать подобныя легенды о работѣ Данаидъ или о работѣ Сизифа, обязаннаго вѣчно втаскивать на крутую гору громадный камень, который тотчасъ скатывается обратно, какъ только несчастный работникъ дотащитъ его до вершины горы. Такая работа должна въ концѣ концевъ довести несчастныхъ до полнаго отупѣнія или вызвать въ нихъ бѣшенное озлобленіе и стремленье разъ и навсегда измѣнить свою долю.

Легенда о Данаидахъ служила нерѣдко сюжетомъ для художниковъ и поэтовъ. Отъ Эсхила осталась драма (вѣроятно, одна часть изъ утраченной трилогіи), носящая названіе «Молящія о защитѣ» и посвященная исторіи Данаидъ. Изъ картинъ можно указать на картину Мозесса, обратившую на себя вниманіе французской публики въ Люксамбургскихъ залахъ и передавшую всю страшную сторону легенды о погибающей безплодно работѣ Данаидъ.

Изъ Гейне.

Стих. **Л. Е. Оболенскаго.**

I.

Влюбившись, надъ розой трепещетъ
Весь день мотылекъ упоенный,
Надъ нимъ-же самимъ золотисто
Трепещетъ лучъ солнца влюбленный.

Въ кого только роза влюбилась?
Узнать мнѣ хотѣлось-бы, право!
Не то—въ соловьиныя трели?
Иль въ звѣзды, что свѣтятъ лукаво?

Не знаю... Но знаю я вѣрно,
Что самъ я люблю ихъ ужасно —
Всѣхъ: бабочку, розу и трели,
И звѣзды, и лучъ этотъ ясный.

II.

И хохотъ, и пѣсни, и солнце сверкаетъ,
Игривой волною веселый челнокъ колыхаетъ.
И въ немъ я сижу съ дорогими друзьями,
И свѣтлая радость царитъ между нами.

Но въ щепки челнокъ раздробило волною!
Плохіе пловцы были въ лодкѣ со мною:
На днѣ очутились—на родинѣ милой...
Я-жь несся теченія бурнаго силой.

И новый корабль я настигъ, и съ другими,
Несусь и борюся съ волнами чужими,
Туда и сюда я плыву за теченьемъ невольно,
Отчизна далёко и въ сердцѣ такъ больно!

И снова веселье и пѣсни меня окружаютъ,
И снасти трещатъ и порывистый вѣтеръ крѣпчаетъ,
Послѣдняя звѣздочка гаснетъ на небѣ высо̀ко,
А въ сердцѣ такъ больно!.. Отчизна далёко!

Къ NN.

Стих. **Л. Е. Оболенскаго.**

Ты хороша и обаянья много
Въ твоей красѣ, въ твоихъ рѣчахъ,
Но не твоя лежитъ ему дорога,
Но не ему забыться въ сладкихъ снахъ.

Иной любовью сердце, изнывая,
Томится въ немъ не для тебя.
И мукъ своихъ за сны и грезы рая
Онъ не отдастъ, страдая и любя.

Есть міръ иной: онъ въ сердце льетъ страданья,
Онъ слезы рветъ мучительно изъ глазъ,
Онъ чуждъ тебѣ, но полонъ обаянья
Для тѣхъ, кто зналъ его хоть разъ.

Тотъ дивный міръ, какъ коршунъ Прометею,
Не дастъ забыться и заснуть,
И будетъ сердце рвать, и сердце, пламенѣя,
Потянетъ въ путь, тернистый путь!

Картина ВОЛЬТЦЕ.

Размѣнъ денегъ въ Гамбургѣ эмигрирующими въ Америку.

Картина А. ЛЕРУ.

Бочка Данаидъ.

Декамеронъ.

Сказки Джіовани Боккачіо.

(Переводъ Н. И. Шульгина.)

День первый.

Сказка II.

Обращенный еврей.

Разсказъ Панфило вызвалъ веселое настроеніе въ обществѣ. Дамы похвалили разсказчика за его пріятную манеру разсказывать. Когда порядокъ, нарушенный аплодисментами и благодарственнымъ хоромъ, возстановился, королева предложила сосѣдкѣ Памфило, г-жѣ Нейфиль, въ свою очередь, разсказать повѣсть. Столько же любезная, сколько и красивая, дама не заставила повторять просьбы и тотчасъ же начала слѣдующій разсказъ:

Слыхала я, мои милыя дамы, что нѣкогда въ Парижѣ торговалъ шелковыми матеріями Жано де-Шевиньи, уважаемый всѣми какъ за искренность и прямоту его характера, такъ и за честность въ торговлѣ. Онъ жилъ въ большой дружбѣ съ очень богатымъ евреемъ, купцомъ, какъ и онъ, вполнѣ честнымъ человѣкомъ. Никто, лучше Шевиньи, не зналъ прекрасныхъ качествъ его пріятеля. «Какъ жаль, часто говорилъ самъ себѣ французъ, что мой мужественный другъ послѣ смерти будетъ осужденъ на вѣчныя мученія, какъ еврей!» Понятно, Шевиньи при всякомъ удобномъ случаѣ старался открыть глаза своему другу, убѣждая его въ лживости исповѣдуемой имъ религіи, что доказывается ея постояннымъ ослабленіемъ, и въ истинѣ христіанства, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе процвѣтающаго.

Авраамъ, въ свою очередь, утверждалъ, что не зналъ лучшей религіи, чѣмъ еврейская, что онъ родился въ ней и хочетъ жить и умереть евреемъ. Свой споръ по этому поводу онъ всегда заключалъ возгласомъ, что ничто въ мірѣ не въ силахъ измѣнить его рѣшеніе.

Ревностный христіанинъ Шевиньи, однакожь, не унывалъ и черезъ нѣсколько дней снова начиналъ разговоръ на излюбленную тему. Хотя онъ не былъ силенъ въ теологическихъ вопросахъ, но усердіе дѣлало его краснорѣчивымъ и онъ, наконецъ, настолько подѣйствовалъ на своего друга, мастера вести религіозные споры, что тотъ поколебался.

— Милый Жано, сказалъ онъ, — ты желаешь, чтобы я сталъ исповѣдывать твою религію; изволь, я соглашусь исполнить твое желаніе, но подъ однимъ условіемъ: я поѣду въ Римъ, чтобы видѣть того, кого ты называешь намѣстникомъ Бога на землѣ; я посмотрю, какъ живетъ онъ, какъ живутъ его кардиналы. Если они служатъ хорошимъ примѣромъ, если ихъ жизнь добродѣтельна,—это послужитъ для меня убѣдительнымъ доказательствомъ, что ты правъ, настаивая на преимуществахъ твоей религіи; тогда я не стану колебаться ни минуты и сдѣлаюсь христіаниномъ. Если же я не найду того, что ожидаю, не сѣтуй, если я останусь вѣрнымъ своей еврейской религіи.

Эти слова очень огорчили добряка Шевиньи. «О, небо! сказалъ онъ самъ себѣ, — я думалъ, что окончательно убѣдилъ этого честнаго человѣка, и вотъ пропали всѣ мои труды! Если онъ отправится въ Римъ, онъ увидитъ, что большая часть тамошняго духовенства ведетъ жизнь, противную ихъ обѣтамъ, недостойную духовныхъ пастырей, и тогда не только не приметъ христіанства, но еще болѣе утвердится въ предразсудкахъ еврейской религіи».

— Мой другъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Аврааму, — зачѣмъ тебѣ тратиться на далекую поѣздку въ Римъ? Во время продолжительнаго путешествія, такому богатому человѣку, какъ ты, можетъ встрѣтиться не мало опасностей какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути. И чего ты станешь искать тамъ? развѣ здѣсь нѣтъ людей, которые могутъ окрестить тебя? Если у тебя еще остаются сомнѣнія на счетъ христіанской религіи, гдѣ найдешь ты болѣе ученыхъ и просвѣщенныхъ докторовъ богословія, чѣмъ въ Парижѣ? Они въ состояніи будутъ отвѣтить на всѣ твои вопросы и устранить всѣ затрудненія, еще колеблющія твое рѣшеніе. По моему, задуманное тобою путешествіе безполезно. Вообрази себѣ, мой милый Авраамъ, что римскіе прелаты похожи на тѣхъ, которыхъ ты видишь здѣсь, но что они чище и святѣе здѣшнихъ, потому что находятся постоянно на глазахъ у первосвященника. Если захочешь послѣдовать моему совѣту, милый другъ, отложи это путешествіе до другого раза, напримѣръ, до того времени, когда въ Римѣ будутъ праздновать юбилей, тогда и я, можетъ быть, въ состояніи буду сопровождать тебя.

— Мнѣ хочется вѣрить, мой милый Жано, отвѣчалъ еврей,—что все происходитъ именно такъ, какъ ты говоришь; но видишь-ли, я рѣшилъ, что ни за что не перемѣню религіи, не побывавъ въ Римѣ; не пытайся болѣе отговаривать меня, мое рѣшеніе непоколебимо.

Шевиньи понялъ, что настаивать долѣе будетъ безполезно; онъ грустно покачалъ головою и разстался съ своимъ другомъ. «Не быть ему христіаниномъ!» подумалъ онъ.

Авраамъ вскорѣ отправился въ путь. Останавливаясь на самое короткое время въ городахъ, встрѣчавшихся на пути, онъ не замедлилъ своимъ прибытіемъ въ Римъ, гдѣ встрѣтилъ самый радушный пріемъ у мѣстныхъ евреевъ. Не говоря никому о цѣли своего путешествія, онъ, во время пребыванія своего въ столицѣ католичества, ловко и осторожно разузналъ о поведеніи папы, кардиналовъ, прелатовъ и всего папскаго двора. Человѣкъ умный и опытный, онъ самъ, и по разсказамъ другихъ, убѣдился, что большая часть римскаго духовенства ведетъ жизнь, недостойную ихъ призванія; что испорченность нравовъ дошла здѣсь до такого предѣла, что далѣе идти уже невозможно; что не только низшія, но и высшія духовныя лица, побуждаемыя любостяжаніемъ, готовы употреблять низкія и возмутительныя средства для добыванія денегъ, что они обираютъ всѣхъ, кого только могутъ, и въ этомъ отношеніи не дѣлаютъ никакой разницы между христіаниномъ и невѣрнымъ; они настолько мало уважаютъ святость, напримѣръ, исповѣди, что обратили ее въ предметъ самой беззастѣнчивой торговли; на каждомъ шагу они сами оскорбляютъ свою религію. Мало того, свои беззаконія они прикрываютъ честными именами; такъ, открытую симонію они зовутъ «необходимой заботой о насущномъ хлѣбѣ», обжорство и пьянство называютъ «легкой трапезой, необходимой для возстановленія силъ, ослабленныхъ постомъ и молитвой», точно Господь Богъ, читающій въ сердцахъ людей, не знаетъ истиннаго значенія этихъ терминовъ, и точно можно обмануть Его, называя вещи не ихъ настоящимъ именемъ.

Нравы и поведеніе римскаго духовенства смутили Авраама, отличавшагося простотой и умѣренностью въ жизни, человѣка добродѣтельнаго. Узнавъ все, что онъ хотѣлъ знать, онъ поспѣшилъ вернуться въ Парижъ. Нечего и говорить, что Жано не замедлилъ увидѣться съ нимъ. Поздоровавшись, онъ, дрожа, спросилъ его, что онъ думаетъ о папѣ, кардиналахъ и вообще о всѣхъ духовныхъ лицахъ, составлявшихъ папскій дворъ.

— Пусть Богъ воздастъ имъ по заслугамъ, отвѣчалъ Авраамъ съ живостію.—Ты повѣришь мнѣ, милый Жано, что я не упустилъ ничего, что могло способствовать мнѣ для лучшаго уразумѣнія поведенія и нравовъ римскаго духовенства, и вотъ что скажу тебѣ: въ Римѣ нѣтъ почти ни одного набожнаго патера, который бы велъ себя сообразно своему высокому сану. Чрезмѣрная роскошь, скупость, невоздержность и другіе, если возможно, еще болѣе тяжкіе пороки испортили ихъ въ конецъ. Римъ недостоинъ называться центромъ или очагомъ католичества. Тамъ скорѣе разрушаютъ, чѣмъ созидаютъ религію. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я твердо убѣдился, что, несмотря на достойное тяжкаго порицанія поведеніе римскаго духовенства, ваша религія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе процвѣтаетъ, а такое процвѣтаніе ея утверждаетъ меня въ мысли, что она единая истинная, святѣйшая изъ всѣхъ; на ней явно выражается милость Божія. Искренно сознаюсь тебѣ, милый Жано, что именно то, что прежде поселяло во мнѣ колебаніе и заставляло относиться недовѣрчиво къ твоему старанію просвѣтить меня, теперь, напротивъ, побуждаетъ меня сдѣлаться христіаниномъ. Пойдемъ же въ церковь; пусть окрестятъ меня по правиламъ вашей святой религіи, которая будетъ и моею.

Добрякъ Жано, полагавшій выслушать иное заключеніе, выказалъ самую живую радость, когда его другъ заявилъ о своемъ непремѣнномъ желаніи креститься. Онъ повелъ его въ церковь Богоматери, объявилъ себя его крестнымъ отцомъ и при крещеніи далъ ему имя Жана. Вновь обращенный ревностно принялся за изученіе новой религіи—въ чемъ помогли ему парижскіе доктора богословія—и вскорѣ сталъ извѣстенъ, какъ образцовый по своимъ добродѣтелямъ, христіанинъ.

Сказка III.

Три кольца.

Повѣсть г-жи Нейфиль встрѣтила также общее одобреніе. Слѣдующею за нею стала разсказывать г-жа Филомена.

— Саладинъ,—такъ начала она—великій, мужественный правитель Вавилона, одержалъ нѣсколько блистательныхъ побѣдъ надъ христіанами и сарацинами. Частыя войны, любовь къ пышности и щедрость привели его къ тому, что въ одинъ прекрасный день онъ узналъ, что въ его кассѣ нѣтъ денегъ. Предстоящая война требовала большихъ расходовъ и ему теперь оставалось только прибѣгнуть къ займу. Онъ припомнилъ, что въ Александріи живетъ богатый еврей, по имени Мельхиседекъ, снабжающій деньгами подъ проценты. Надо было обратиться къ нему, но представлялось затрудненіе, какъ уговорить его: Мельхиседекъ славился своей жадностью и скупостью; съ нимъ трудно было поладить, а Саладинъ не желалъ прибѣгать къ открытой силѣ. Принужденный необходимостью обратиться къ этому еврею и почти увѣренный, что получитъ отказъ, Саладинъ рѣшился употребить хитрость. Онъ позвалъ Мельхиседека къ себѣ, принялъ его дружески въ своемъ дворцѣ, посадилъ его подлѣ себя и сказалъ:

— Мельхиседекъ, съ разныхъ сторонъ до меня доходятъ слухи, что ты человѣкъ мудрый, просвѣщенный наукой, хорошо знакомый съ священными книгами различныхъ религій. Я желаю знать твое мнѣніе, которая изъ трехъ религій—еврейская, магометанская и христіанская—кажется тебѣ лучшей и истинной?

Еврей, столько же осторожный, сколько и разумный, понялъ, что Саладинъ ставитъ ему западню и что онъ попадетъ впросакъ, если отдастъ преимущество которой-нибудь изъ названныхъ религій. Онъ не потерялся и нашелъ удобный выходъ изъ затрудненія.

— Государь, отвѣчалъ онъ,—вопросъ, которымъ вы удостоили меня, первостепенной важности. Прежде, чѣмъ я отвѣчу на него, позвольте передать вамъ слѣдующую сказку:

«Много разъ мнѣ разсказывали, что въ одной,

неизвѣстной мнѣ, странѣ богатый могущественный человѣкъ, въ числѣ многихъ другихъ драгоцѣнностей, обладалъ кольцомъ неподражаемой красоты и громадной цѣны. Желая сдѣлать это кольцо фамильной драгоцѣнностью въ своемъ родѣ, онъ объявилъ въ своемъ завѣщаніи, что тотъ, изъ его наслѣдниковъ мужескаго пола, кому достанется это кольцо, будетъ считаться главой рода и таковымъ должны признавать его всѣ его родственники. Сила этого завѣщанія должна переходить и на будущія поколѣнія, т. е. каждый въ нисходящемъ потомствѣ, владѣющій кольцомъ, считается главою рода. Завѣщаніе свято исполнялось и кольцо, перейдя черезъ нѣсколько поколѣній, досталось, наконецъ, одному изъ потомковъ перваго завѣщателя, у котораго было три сына, одинаково прекрасныхъ, любезныхъ, добродѣтельныхъ и одинаково любимыхъ отцомъ. Узнавъ о правахъ, соединенныхъ съ обладаніемъ кольцомъ, каждый изъ молодыхъ людей, желая воспользоваться преимуществомъ, старался угождать какъ можно болѣе старому отцу. Добродушный отецъ, какъ я говорилъ, одинаково любившій и уважавшій своихъ дѣтей, обѣщалъ каждому изъ нихъ оставить кольцо, а черезъ это, конечно, поставилъ себя въ крайне затруднительное положеніе. Которому отдать преимущество? Онъ не хотѣлъ обидѣть ни одного и любовь подсказала ему средство разрѣшить, повидимому, не разрѣшимый вопросъ. Онъ поручилъ очень искусному ювелиру сдѣлать еще два кольца, до такой степени похожіе на данный образецъ, чтобы не было никакой возможности отличить копіи отъ подлинника. Такимъ образомъ, каждый изъ сыновей могъ получить обѣщанное кольцо. Едва-ли нужно говорить, что послѣ смерти отца, между тремя братьями возникла распря: каждый считалъ себя главою рода и главнымъ наслѣдникомъ имущества, оставшагося послѣ отца; другіе братья, конечно, не признавали за нимъ этого права. Каждый предъявилъ кольцо, но всѣ кольца до того походили одно на другое, что не было возможности различить, которое изъ нихъ подлинникъ и, слѣдовательно, съ которымъ сопряжено право на главенство. Между братьями возникъ процессъ, но его трудно было разрѣшить; не разрѣшенъ онъ и до сихъ поръ».

— Такимъ же образомъ, государь, заключилъ Мельхиседекъ,—и каждая изъ трехъ названныхъ вами религій считаетъ себя самой лучшей, называетъ себя провозвѣстницей истины. Одинъ Богъ можетъ разрѣшить, на чьей сторонѣ правда.

Этотъ отвѣтъ показалъ Саладину, что еврей съумѣлъ ловко избѣжать поставленной ему западни. Онъ понялъ, что и другая попытка его вовлечь хитреца въ новую западню, будетъ безуспѣшной. Ему оставалось только прибѣгнуть къ искренности, что онъ и сдѣлалъ. Онъ объяснилъ еврею, какъ сильно нуждается въ деньгахъ, почему и желаетъ занять ихъ у него. Въ то же время отъ не утаилъ отъ Мельхиседека, что намѣренъ былъ сдѣлать съ нимъ въ случаѣ, если бы тотъ не далъ такого ловкаго отвѣта. Пораженный великодушіемъ государя, еврей тотчасъ же далъ ему денегъ, сколько онъ требовалъ. И Саладинъ, благодарный ему, что онъ вывелъ его изъ затрудненія, не остался у него въ долгу. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что очень скоро возвратилъ занятую сумму, но сдѣлалъ Мельхиседеку много подарковъ, удержалъ его при себѣ, обращался съ нимъ самымъ предупредительнымъ образомъ и удостоивалъ его своей дружбы.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Новости парижскихъ театровъ.

Драматическій сезонъ въ Парижѣ никогда не былъ такимъ бѣднымъ, какъ въ концѣ прошлаго года и въ началѣ настоящаго. Траги-комедія, разыгранная герцогомъ Брольи, отвлекла вниманіе парижанъ отъ театровъ и лучшіе французскіе драматурги отложили представленіе своихъ новыхъ пьесъ до всемірной выставки. Теперь же, когда умы нѣсколько успокоились и парижане, ложась спать, не ожидаютъ увидѣть на слѣдующее утро кровавой драмы на улицахъ столицы, ихъ вниманіе снова обращено съ обычнымъ любопытствомъ на театральныя новинки.

Эмиль Ожье, взявшій обратно въ ноябрѣ мѣсяцѣ свою новую пьесу, которую уже начали репетировать во «Французскомъ театрѣ», отдалъ теперь ее опять и она вскорѣ пойдетъ на сценѣ перваго французскаго театра, но еще ранѣе будутъ даны новыя пьесы Сарду на театрѣ «Водевиля» и Александра Дюма въ «Одеонѣ».

Послѣ долгихъ ожиданій, Дюма, наконецъ, кончилъ давно обѣщанную драматическую передѣлку извѣстнаго романа его отца «Жозефъ Бальзамо», и на дняхъ читалъ свою пьесу актерамъ. При этомъ произошелъ маленькій эпизодъ; окончивъ второй актъ, Дюма свернулъ свою рукопись и просилъ отложить чтеніе до слѣдующаго дня. Всѣ актеры и актрисы, слушавшіе его съ лихорадочнымъ интересомъ, громко протестовали и Дюма, очень довольный удачею своей маленькой стратагемы для убѣжденія самого себя въ интересѣ своей драмы, окончилъ чтеніе среди единодушныхъ рукоплесканій. Подобный эпизодъ при чтеніи авторами новыхъ пьесъ составляетъ нерѣдкость на парижскихъ театрахъ. Такъ разсказываютъ, что, при чтеніи Бальзакомъ его комедіи «Меркадэ», произошло нѣчто гораздо необыкновеннѣе. Онъ пріѣхалъ во «Французскій театръ» во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ, но во время чтенія пришелъ въ такой пламенный азартъ, что послѣ перваго акта развязалъ галстухъ, послѣ второго снялъ фракъ, послѣ третьяго скинулъ сапоги, а среди четвертаго и послѣдняго растегнулъ жилетъ и подтяжки. «Слава Богу, что нѣтъ пятаго акта!» воскликнула одна изъ актрисъ, когда знаменитый романистъ опустился въ кресло почти безъ чувствъ отъ сильнаго волненія.

Какъ извѣстно, «Жозефъ Бальзамо» историческій романъ изъ времени Людовика XV и главные эпизоды его относятся до придворныхъ интригъ дочерей стараго короля противъ его фаворитки Дюбарри. Старый герцогъ Ришелье, тотъ самый, о которомъ говорили, что «онъ мужъ всѣхъ женъ, кромѣ своей», тогда управлялъ Франціей и, зная всю силу женскаго вліянія, долго поддерживалъ нейтральное положеніе между враждующими сторонами, но, наконецъ, фаворитка объявила ему, что онъ долженъ или прямо высказаться въ ея пользу или заявить себя ея врагомъ. Изъ этого затрудненія онъ вышелъ, какъ ловкій дипломатъ. Придворный этикетъ въ старой французской монархіи былъ такъ строгъ, что король не могъ дать своей фавориткѣ офиціяльной должности при дворѣ и тѣмъ доставить ей возможность являться рядомъ съ собою въ торжественныхъ случаяхъ безъ офиціяльнаго представленія ея ко двору. Эта формальность и составляла предметъ интригъ фаворитки. Ришелье убѣдилъ, наконецъ, свою дочь, графиню Эгмонъ, конечно, не даромъ, представить ко двору «гнусную маленькую маркизу». Знаменитое представленіе Дюбарри Людовику XV, составляетъ главную сцену новой драмы Дюма; все великолѣпіе версальскаго двора будетъ изображено на сценѣ съ фотографической точностью, къ немалому изумленію современныхъ французовъ, которые, однакожь, вѣроятно, примирятся съ нынѣшней скромной республиканской обстановкой, видя, что блескъ, слава и гордость версальскаго двора унижались до поклоненія развратной кокоткѣ, украшенной титуломъ королевской фаворитки. Жозефъ Бальзамо, герой драмы, таинственный докторъ, открывшій тайну дѣлать золото; онъ является во всѣхъ актахъ пьесы благодѣтельнымъ геніемъ, врачующимъ язвы чести и любви тысячными банковыми билетами.

Дѣйствіе новой пьесы Сарду, напротивъ, происходитъ въ наше время; пьеса называется «Les Bourgeois de Pontarsy». Сарду никогда не разсказываетъ впередъ содержаніе своей пьесы; онъ любитъ содержать его въ тайнѣ до перваго представленія. Извѣстно только, что это веселая комедія въ родѣ «Nos bons Villageois», только дѣйствіе перенесено изъ среды поселянъ въ буржуазное общество маленькаго провинціальнаго городка. Многіе полагали, что Сарду, сдѣлавшись членомъ французской академіи и богатымъ человѣкомъ, получая около 70,000 рублей въ годъ, ограничится впредь сочиненіемъ однихъ серьезныхъ трагедій или драмъ, но, повидимому, онъ въ настоящей пьесѣ хочетъ доказать, что среди своего величія онъ остается прежнимъ блестящимъ комическимъ авторомъ. Интересъ этой новой пьесы увеличивается еще тѣмъ, что главную роль въ ней будетъ играть нарочно приглашенная самимъ Сарду высокоталантливая г-жа Деляпортъ, которою нѣсколько лѣтъ къ ряду восхищался Петербургъ, считая ее артистской, неимѣвшей себѣ соперницъ на сценѣ Михайловскаго театра.

И еще новость: Викторъ Гюго, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, передѣлалъ свой извѣстный романъ «Les Misérables» въ драму, которая будетъ даваться вскорѣ на сценѣ театра Портъ-Сенъ-Мартенъ.

В. Л. Груберъ.

Біографическій очеркъ **П. В. Быкова**.

Едва-ли кто нибудь изъ нашихъ профессоровъ пользуется, въ настоящее время, такою широкой популярностью, такою особенной любовью и полнымъ уваженіемъ студентовъ, какъ Груберъ, профессоръ практической анатоміи и директоръ института практической анатоміи, въ медико-хирургической академіи. Нужно быть слишкомъ горячо преданнымъ наукѣ, быть, кромѣ того замѣчательно хорошимъ человѣкомъ, чтобы заслужить подобную любовь и популярность между учащейся молодежью. А докторъ Груберъ именно такой человѣкъ, который обладаетъ этими рѣдкими качествами, необыкновеннымъ трудолюбіемъ, горячей любовью къ своему дѣлу и рѣдкимъ терпѣніемъ. Не смотря на свои почтенныя лѣта, онъ работаетъ неустанно, проводя ежедневно около труповъ чуть не двадцать часовъ въ сутки. Независимо отъ практическихъ занятій, онъ читаетъ еще и лекціи на латинскомъ или нѣмецкомъ языкахъ; никогда не жалуется на утомленіе и готовъ, если нужно съ охотой объяснять своимъ слушателямъ одно и то же безчисленное множество разъ, или сидѣть иногда по цѣлымъ часамъ съ однимъ какимъ-нибудь студентомъ, показывая ему то, что онъ плохо понимаетъ.

Венцеславъ Леопольдовичъ Груберъ, сынъ бочара, родомъ изъ нѣмцевъ, населяющихъ Богемію, родился въ началѣ 1814 года, въ замкѣ Круканицъ. На седьмомъ году родители отдали его въ одинъ изъ самыхъ большихъ австрійскихъ монастырей — премонстратензерскій монастырь Тепль (Tepl), находящійся близь Маріенбада, въ Богеміи, гдѣ будущій анатомъ и получилъ первоначальное образованіе. Родители, возлагавшіе на него, какъ на единственнаго сына, всѣ свои надежды и упованія и видѣвшіе, что ихъ ребенокъ выказываетъ очень хорошія способности и любовь къ ученью, рѣшились пожертвовать послѣдними своими сбереженіями, чтобы только дать сыну дальнѣйшее образованіе. Для этой цѣли онъ былъ отправленъ въ Прагу, гдѣ, по окончаніи курса въ академической гимназіи, посту-

пилъ въ университетъ; сперва онъ слушалъ лекціи философіи, а затѣмъ перешелъ на медицинскій факультетъ. На первомъ курсѣ ему пришлось вынести три тяжкія, продолжительныя болѣзни, вслѣдствіе чего онъ волей-неволей долженъ былъ остаться на второй годъ въ первомъ курсѣ; но неудача эта послужила, такъ сказать, къ лучшему: молодой Груберъ серьезно принялся за спеціальное изученіе анатоміи, чему въ особенности много способствовалъ извѣстнѣйшій анатомъ Іосифъ Гиртль, изъ Вѣны, занявшій въ ту пору каѳедру анатоміи въ пражскомъ университетѣ. Крайне заинтересованный анатоміей, Груберъ занимался ревностно, съ особеннымъ увлеченіемъ своей спеціальностью, и его серьезныя познанія, даровитость, трудолюбіе и настойчивость при занятіяхъ, обратили на себя вниманіе Гиртля, который оцѣнилъ эти качества молодого человѣка и сдѣлалъ его своимъ помощникомъ.

Съ этихъ поръ его ученая карьера была окончательно рѣшена и онъ сталъ анатомомъ, дѣлая быстрые и удивительные успѣхи на своемъ пути, полномъ тяжелаго труда и на которомъ, по выраженію самого Грубера, «не встрѣчалось красивыхъ видовъ, но были такіе, которые обыкновенно внушаютъ человѣку ужасъ. Путь былъ усѣянъ, по крайней мѣрѣ, 15,000 человѣческихъ труповъ, которыми можно было наполнить обширное кладбище, но которые понадобились путнику на его дорогѣ!..» Будучи еще студентомъ, Груберъ настолько хорошо понималъ свое дѣло, что, перейдя на третій курсъ, читалъ уже лекціи докторантамъ. Впродолженіи слишкомъ семи лѣтъ, онъ дѣятельно занимался у своего любимаго, геніальнаго профессора Гиртля, которому такъ много обязанъ своими успѣхами и усовершенствованіями въ наукѣ.

Двадцати восьми лѣтъ, т. е. въ 1842 году, Груберъ уже былъ удостоенъ степени доктора хирургіи и назначенъ на должность прозектора пражскаго университета и въ то же время получилъ отъ университета въ Инсбрукѣ приглашеніе занять профессуру анатоміи; но утвержденіе его на этой каѳедрѣ не состоялось, благодаря разнымъ недостойнымъ интригамъ. Занимая прозекторское мѣсто, онъ своимъ неутомимымъ трудомъ, строгимъ безпристрастіемъ и непоколебимостью убѣжденій, заслужилъ большое уваженіе профессоровъ, и всѣхъ студентовъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь онъ встрѣтилъ много недоброжелателей и завистниковъ; но, не взирая на это, онъ продолжалъ усердно дѣлать свое дѣло и былъ, между молодыми преподавателями, однимъ изъ самыхъ любимыхъ. Въ 1844 году онъ получилъ степень доктора медицины, а въ слѣдующемъ, 1845 году, когда Гиртль согласился принять профессуру въ Вѣнѣ, сталъ исправлять должность профессора анатоміи. Онъ пріобрѣлъ полное право занять эту каѳедру послѣ Гиртля, и однакоже не онъ получилъ ее, а профессоръ патологической анатоміи, утвержденный тогда же на каѳедрѣ физіологической анатоміи. Чтобы сколько нибудь загладить такую несправедливость, обидѣвшую Грубера и удержать его при университетѣ, ему разрѣшили, въ видѣ особаго исключенія, состоять прозекторомъ до того времени, покуда не откроется вакансія на должность профессора анатоміи, въ какомъ либо изъ городовъ Австріи. Тѣмъ не менѣе, Груберъ, какъ и слѣдовало ожидать, принялъ очень близко къ сердцу то пренебреженіе, съ какимъ отнеслись къ нему, а потому рѣшился покинуть родину и принять профессуру даже и внѣ предѣловъ своего отечества, гдѣ бы то ни было.

Случай къ этому представился очень скоро. Въ 1846 году нашъ знаменитый соотечественникъ Николай Ивановичъ Пироговъ посѣтилъ

Декамеронъ Боккачіо (стр. 93).

Прагу, гдѣ близко сошелся съ Груберомъ, и, вполнѣ оцѣнивъ его замѣчательный талантъ и познанія, предложилъ ему поступить въ медико-хирургическую академію ученымъ прозекторомъ, причемъ обѣщалъ ему несравненно болѣе широкій кругъ дѣятельности въ отношеніи практическихъ занятій. Въ виду послѣдняго обстоятельства, Груберъ, безъ малѣйшаго колебанія, далъ свое согласіе, хотя въ это самое время онъ получилъ нѣсколько приглашеній изъ разныхъ городовъ и, между прочимъ, могъ занять свободную

Декамеронъ Боккачіо (стр. 93).

тогда каѳедру анатоміи въ одномъ изъ университетовъ Швейцаріи. Когда въ Прагѣ стало извѣстно объ отъѣздѣ въ Петербургъ Грубера, то интеллигенція города пришла въ нѣкоторое волненіе. По этому поводу къ печати была уже приготовлена весьма рѣзкая статья, но бывшій, во дни господства Меттерниха, намѣстникъ Богеміи сдѣлалъ распоряженіе, чтобы цензура задержала статью, чѣмъ и предупредилъ во время готовившуюся демонстрацію. И газета «Богемія» ограничилась лишь краткой замѣткой, гдѣ было сказано, что «Груберъ уѣзжаетъ, съ ученою цѣлью, на одинъ годъ въ Россію». Послѣ немалыхъ хлопотъ и аудіенціи у намѣстника, онъ, наконецъ, выхлопоталъ себѣ временный паспортъ, а когда пробылъ болѣе полугода въ Петербургѣ, то получилъ окончательное позволеніе остаться въ Россіи и поступить тамъ на службу. 4-го апрѣля 1847 года Груберъ поступилъ на должность перваго ученаго прозектора при медико-хирургической академіи, въ анатомическій институтъ, основаніе которому положилъ Пироговъ. При этомъ, такъ какъ Венцеславъ Леопольдовичъ не владѣлъ русскимъ языкомъ, ему разрѣшено было преподавать на томъ языкѣ, на какомъ онъ захочетъ; подобное условіе поставлено было самимъ Груберомъ еще въ то время, когда онъ получилъ приглашеніе отъ Пирогова. Черезъ три года Груберъ долженъ былъ занять каѳедру описательной анатоміи, но когда наступилъ срокъ, онъ все-таки не получилъ обѣщанной профессуры; мало того, за все время пребыванія его въ академіи, съ 1847 по 1858 г. прозекторомъ, т. е. въ теченіи восьми лѣтъ, его дѣятельность, помимо воли его, была достаточно парализована различными неблагопріятными обстоятельствами; вообще онъ не могъ похвалиться счастьемъ въ тѣ дни и много горькихъ минутъ, много непріятностей выпадало на долю почтеннаго труженика науки, отравлявшихъ его занятія. Только въ Пироговѣ, своемъ истинномъ другѣ и покровителѣ,—который состоялъ тогда директоромъ института,—онъ видѣлъ поддержку, и только благодаря ему остался въ академіи, въ промежутокъ времени съ 1847 по 1858 годъ.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ*).

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

II.

«Зачѣмъ теперь иные люди женятся».

Докторъ Клименко стоялъ, прислонившись къ барьеру оркестра въ театрѣ Буффъ. Онъ задумчиво осматривалъ ложи и даже не замѣтилъ моего приближенія.

— О чемъ такъ задумались? спросилъ я, дотрогиваясь до его руки.

— Да все о томъ же, о нашемъ времени, отвѣтилъ онъ, пожимая мнѣ руку.—Скверное время, батенька, мы переживаемъ: все такъ перепуталось, что ничего и не разберешь. Литераторы свое собственное сословіе называютъ сословіемъ «мошенниковъ пера и разбойниковъ печати», да выходцами изъ «почлежнаго пріюта»; смѣхотворный комикъ Ру играетъ трагическую роль сходящаго съ ума отъ жадности скряги; овсянниковскій скверъ на вѣки вѣчные будетъ памятникомъ овсянниковской любви къ народу; въ театрѣ Буффъ вмѣсто кокотокъ въ ложахъ бенуара являются почтенныя матери семействъ съ благоправными дочерями-невѣстами, а какая нибудь неблагодарная дочь несчастнаго отца привлекаетъ вниманіе толпы своими брилліантами, тогда какъ ея достойный родитель можетъ быть погибаетъ съ голоду и холоду... Да-съ, скверныя времена.

По лицу доктора скользила его ироническая усмѣшка.

— Вы неблагодарную-то дочь зачѣмъ сюда приплели? спросилъ я, улыбаясь.

— Да потому, что бѣситъ она меня своею наглостью, отвѣтилъ онъ.—Вы, можетъ быть, не знаете ее? Ну, такъ смотрите, вонъ тамъ въ литерной ложѣ бель-этажа.

Онъ указалъ мнѣ на красивую, еще довольно свѣжую женщину съ рыжими волосами, въ которыхъ сверкали брилліантовыя звѣзды.

— Это Бураковичъ, сказалъ Клименко.—Вы, можетъ быть, слышали эту фамилію?

— Какой-то Бураковичъ служитъ директоромъ въ одномъ изъ правленій желѣзныхъ дорогъ, замѣтилъ я.

— Мало ли онъ гдѣ служитъ! перебилъ меня Клименко.— Онъ и чиновникъ, и биржевикъ, и членъ разныхъ правленій и сынъ хорошей фамиліи, принятый въ лучшихъ домахъ Петербурга... Нѣтъ, а она то, Юлія-то Ивановна Бураковичъ, что такое?... Вѣдь это неблагодарная дочь несчастнаго отца и болѣе ничего, а какъ живетъ, какую роль розыгрываетъ! Тошно смотрѣть!

Клименко махнулъ рукою.

— И отецъ ея живъ еще? спросилъ я.

— Какъ же, какъ же, по сейчас его вторая жена на меня бѣлье стираетъ...

Клименко на минуту остановился.

—Нарочно отдаю ей бѣлье стирать, продолжалъ онъ. — Скверно подлая стираетъ и гладить не умѣетъ, а все же отдаю. По крайней мѣрѣ въ обществѣ иногда, знаете, къ слову могу сказать: «а вотъ на меня мачиха Юліи Ивановны Бураковичъ стираетъ». Оно, знаете, облегчаетъ, какъ этакую фразу выпалишь... Не люблю я этихъ неравныхъ союзовъ, мезальянсовъ разныхъ, а между тѣмъ въ наше время наживы только объ этихъ мезальянсахъ и слышишь... Одна только надежда и остается на господина Ярморкина.

— Кто это господинъ Ярморкинъ? спросилъ я.

— Писатель новый, книжку поучительную о «духѣ наживы» недавно издалъ, пояснилъ Клименко. «Всѣ вы, говоритъ, заражены духомъ наживы, а потому лишить васъ всѣхъ слѣдуемыхъ вамъ окладовъ и пенсій». Хорошая книга!

— Ну, Богъ съ ней, съ этой книгой! Вы лучше разскажите мнѣ исторію госпожи Бураковичъ, сказалъ я.

— Да что разсказывать-то. Исторія совсѣмъ будничная. Нынче такихъ исторій на дню сотни услышать можно... А впрочемъ, если хотите, послѣ спектакля разскажу.

Клименко сдержалъ слово.

— У насъ въ отечествѣ, разсказывалъ мнѣ Клименко, есть одна довольно древняя дворянская фамилія Соболевыхъ, гордящаяся своимъ происхожденіемъ. По словамъ ея членовъ одинъ изъ ихъ предковъ былъ названъ Соболевымъ во времена Ивана Грознаго, потому будто-бы, что онъ иначе не ходилъ въ своихъ палатахъ, какъ по соболимъ шкурамъ, замѣнявшимъ ковры. По другимъ же, болѣе злостнымъ преданіямъ, Соболевы происходятъ отъ Прошки Шестипалова, вора и разбойника, бѣжавшаго въ Сибирь и привезшаго оттуда Ивану Грозному соболей, за что Шестипалый Прошка и получилъ во первыхъ прощеніе, а во вторыхъ фамилію Соболева. Но какъ бы то ни было, этотъ родъ успѣлъ нажиться, успѣлъ добраться до довольно значительныхъ должностей въ провинціяхъ и расплодиться въ огромныхъ размѣрахъ. Въ настоящее время эти Соболевы насчитываютъ въ своей фамиліи не менѣе двухсотъ пятидесяти душъ мужескаго пола. Къ сожалѣнію, такая плодовитость повліяла не особенно хорошо на благосостояніе рода и ему пришлось сильно раздробить свои имѣнія, а вслѣдствіе этого и искать побочныхъ средствъ для поддержанія своего достоинства,—запускать лапы въ казенные сундуки, брать добровольные приношенія отъ частныхъ лицъ, искать богатыхъ невѣстъ. Послѣднее средство, какъ безопасное и не противозаконное, особенно часто практиковалось въ Соболевскомъ родѣ. И съ кѣмъ только они не породнились! Одинъ изъ этихъ Соболевыхъ, гордый и важный, подобно всѣмъ своимъ однофамильцамъ, увидалъ къ великому своему прискорбію необходимость для поддержанія своего достоинства жениться на дочери купеческой вдовы Сипелобовой. У старухи Сипелобовой, хоть она и была когда-то до-

В. Л. Груберъ.
Профессоръ М.-Х. академіи.

черью дворника, хоть про этого дворника и ходили крайне темные слухи, было полумилліонное состояніе, а съ такимъ состояніемъ, кажется, было не трудно поддержать достоинство соболевскаго рода и потому задумываться Соболеву не приходилось, благо кладъ давался въ руки. Соболевъ ошибся только въ одномъ: онъ женился на богачихѣ, но денегъ въ свои руки не получилъ. Осторожны эти купеческія отродья! Дѣлай насъ, молъ, дворянками, облагораживай, а денегъ—нѣтъ, шалишь!—денегъ мы въ твои руки не дадимъ! Это немного смутило его, но онъ могъ утѣшаться тѣмъ, что не вѣчно же будетъ жить старуха Сипелобова и что даже при ея жизни ему живется не дурно, такъ какъ ни старуха, ни ея дочь не отличались скупостью, а были только предусмотрительны. Соболевъ устроился превосходно, помѣстился въ роскошной квартирѣ, сталъ принимать лучшее общество въ своемъ домѣ и строго слѣдилъ затѣмъ, чтобы ничего въ его домѣ не напоминало о купеческомъ происхожденіи его жены. Оно, знаете, родовитому барину все-таки обидно. Въ жизни молодыхъ супруговъ была только одна непріятная сторона: у старухи Сипелобовой было слишкомъ много родныхъ и—Боже мой!—что это были за родные! Одинъ ея братъ торговалъ на Сѣнной морковью, картофелемъ и тому подобными земными произведеніями; другой ея братъ нанималъ на Толкучкѣ желѣзную лавчонку; третій ея братъ былъ многоталантливымъ созданіемъ и сегодня служилъ приказчикомъ во фруктовой лавкѣ, завтра открывалъ кабакъ, послѣ завтра строчилъ безграмотному люду слезныя прошенія, далѣе бралъ въ аренду плотъ на Фонтанкѣ для полосканья бѣлья, однимъ словомъ, бросался на всѣ отрасли дѣятельности, доступныя талантливому, но полунищему и вѣчно пьяному человѣку. Но этого мало. Всѣ братья и сестры старухи Сипелобовой были многоплодны. Когда наставали Рождество, Новый годъ или Святая, — къ дому Сипелобовой шло цѣлое войско родственниковъ и родственницъ поздравить благодѣтельницу-сестрицу, благодѣтельницу-тетушку, благодѣльницу-мамашу крестную. Какихъ-какихъ лицъ тутъ не было и мальчики изъ пріютовъ, и мальчики изъ магазиновъ, и дѣвушки въ обтрепанныхъ бурнусикахъ и старушки въ полинялыхъ салопчикахъ — и вся эта орда петербургскихъ дикарей съ галденьемъ шла въ пышныя комнаты сипелобовскихъ и соболевскихъ палатъ. Правда, всю эту родню пускали только съ черной лѣстницы, но все же послѣ ея варварскихъ нашествій на старуху Сипелобову приходилось курить духами въ комнатахъ. Запахъ, знаете, у этихъ людей особенный, — какъ понюхаешь послѣ нихъ воздухъ и чувствуешь, что варвары были. Соболевъ протестовалъ противъ этого нашествія варваровъ, но старуха Сипелобова отстояла твердо свое право пользоваться уваженіемъ родни и благотворить бѣднымъ родственникамъ. Она по своей малограмотности нѣсколько стѣснялась въ чопорномъ обществѣ, собиравшемся въ роскошныхъ комнатахъ зятя и говорившемъ на разныхъ языкахъ, точно они вавилонскую башню строили, и чувствовала себя отлично, когда къ ней являлась покорная родня, говорившая на одномъ языкѣ съ нею, мыслившая одинаково съ нею, по-купечески, и о бѣлой Арапіи, и свѣтопредставленіи, и о томъ, что дѣлается у купца Толстопузова въ домѣ и у купчихи Голоносовой въ семьѣ. Съ этими людьми совсѣмъ подходящіе разговоры вести было можно. Наконецъ, старуха Сипелобова чувствовала здѣсь свое значеніе: она могла распекать этихъ бѣдняковъ, она могла ихъ спасать, давая имъ три раза въ годъ по два рубля серебромъ, она могла наслаждаться ихъ лестью, цалованьемъ ея рукъ. У зятя же въ гостиной ей только позволялось жаловаться на свои недуги и поскорѣе уходить на свою половину, къ своимъ кіотамъ, образамъ и деревянному маслу. И то сказать, не могъ же Соболевъ иначе относиться къ какой нибудь старухѣ Сипелобовой: не будь онъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, онъ и на порогъ не пустилъ бы къ себѣ какихъ нибудь Сипелобовыхъ, ну а если обстоятельства принудили его даже породниться съ Сипелобовыми, такъ ихъ такъ нужно было ему держать ихъ, Сипелобовыхъ-то, въ решпектѣ. Иначе поступать при подобныхъ мезальянсахъ нельзя. Вотъ въ этой то семьѣ и выросла Ульяша, Уленька, Уля или, какъ ее нынче называютъ, Юлія Ивановна Бураковичъ.

Уля была дочь многоталантливаго брата старухи Синелобовой. Старуха Синелобова особенно сильно любила Улю за ея удивительную способность ласкаться и разсказывать все про другихъ. Когда Улѣ минуло десять лѣтъ, старуха Синелобова рѣшилась взять ее къ себѣ на воспитаніе. Любящій отецъ сильно воспротивился этому. «Какъ отдать родное дитя въ чужой домъ! Позволить вооружить дочь противъ отца! Кто можетъ воспитать ребенка такъ, какъ родные отецъ и мать!» Онъ протестовалъ такъ сильно противъ желанія сестры, что едва-едва согласился взять въ видѣ единовременнаго вознагражденія за дочь двадцать пять рублей серебромъ. Извѣстно, съ чувствами отца не скоро сладишь. Уля, росшая до сихъ поръ въ городскихъ подвалахъ, на заднихъ дворахъ, среди игръ въ лошадки съ уличными мальчишками и среди собиранія щепокъ около строющихся домовъ, въ первое время шокировала Соболева и его жену, запуская иногда совершенно неожиданно указательный палецъ въ носъ или выпаливая еще болѣе скоропостижно: «а не хочешь ли кукиша съ масломъ». Совсѣмъ безъ цивилизаціи была дѣвчонка. Но что же дѣлать, что же дѣлать, если господину Соболеву нужно было поддерживать достоинство своего рода при помощи союза съ купеческой семьей! Приходилось терпѣть ради этого и нашествіе варваровъ въ видѣ нищей родни, и произнесеніе въ барскомъ салонѣ фразъ въ родѣ «кукиша съ масломъ». Впрочемъ, Уля, несмотря на нѣкоторыя непріятныя привычки, занесенныя изъ подваловъ, скоро сдѣлалась душою соболевскаго дома, такъ какъ та же подвальная среда воспитала изъ нее удивительно довѣрчиваго и откровеннаго ребенка: она не могла скрыть ни отъ старухи Синелобовой, ни отъ ея дочери, ни отъ ея зятя ничего изъ того, что она видѣла и слышала. Черезъ нее въ домѣ впервые узнали, что буфетчикъ Петръ пьетъ господское вино послѣ обѣдовъ, что горничная Маша цалуется въ барскихъ комнатахъ съ лакеемъ Дмитріемъ, что жена дяди Павла, желѣзника, выпрашиваетъ у бабушки триста рублей на приданое дочери и т. д. Это замѣтно оживило домашнюю жизнь въ синелобовскомъ домѣ и когда Ульяшѣ, превратившейся въ Julie, минуло семнадцать лѣтъ, ее всѣ уже звали «grande intrigante de la famille».

Клименко на минуту замолчалъ.

— А ужь какъ она хороша была, батенька, такъ я вамъ и разсказать не умѣю, продолжалъ онъ потомъ.—Особеннаго, кажется, въ ней ничего нѣтъ: волосы рыжіе, носъ немного вздернутый, губки капризныя, но искуство—искуство казаться красавицей, вотъ что въ ней дошло до виртуозности. Изучила она каждое свое движеніе, знала она каждое изъ своихъ тѣлесныхъ достоинствъ, умѣла она мѣнять тонъ своего голоса, однимъ словомъ, когда ее вывезли впервые въ свѣтъ съ дочерью Соболева, ея ровесницей, — вся молодежь хлынула къ ней, а не къ единственной наслѣдницѣ Синелобовскихъ богатствъ. И гдѣ эту науку влюблять въ себя изучаютъ эти барышни? Впрочемъ, и то сказать, Ульяша въ этомъ дѣлѣ прошла школу: въ дѣтствѣ она видѣла откровенные амуры въ подвалахъ, потомъ подсмотрѣла шашни соболевской горничной съ лакеемъ, затѣмъ какъ-то случайно наткнулась на нѣжную сцену молодой Соболевой съ какимъ то юнымъ офицерикомъ, наконецъ, стала задумываться передъ зеркаломъ и о своей красотѣ, когда господинъ Соболевъ впервые ущипнулъ ее за пухленькую щечку, а потомъ гдѣ то въ коррпдорѣ невзначай прижалъ въ уголъ и, чмокнувъ въ губы, проговорилъ: «ахъ ты, маленькій бѣсенокъ!» Бѣсенокъ сталъ задумываться о своей власти и прежде всего для практики чуть не свелъ съ ума самого Соболева, являясь передъ послѣднимъ въ такомъ видѣ, что у него въ глазахъ темнѣло. Когда бѣсенокъ сталъ выѣзжать въ свѣтъ—онъ уже зналъ свою силу и разъ на замѣчаніе горничной о томъ, «что у барышни отличные волоса», отвѣтилъ:

— Это золото, Настя; на него, что я захочу, то и куплю!

Помню я ту зиму: въ Петербургѣ только и говорили, что о красотѣ Юліи Ивановны Пановой, и—что страннѣе всего—каждый ея поклонникъ былъ убѣжденъ, что она влюблена именно въ него. И можете вы себѣ представить всеобщее удивленіе, когда въ одинъ прекрасный день всѣ узнали, что Юлія Ивановна выходитъ замужъ за очень некрасиваго и не совсѣмъ молодого Бураковича. Бураковичъ, какъ я вамъ сказалъ, сынъ хорошей фамиліи, но во время женитьбы онъ былъ очень не богатъ и нечиновенъ, хотя и смотрѣлъ волкомъ, подстерегающимъ добычу. Узнавъ объ этой исторіи, одинъ изъ матушкиныхъ сынковъ, графчикъ-студентикъ перваго курса, явился къ Юліи Ивановнѣ чуть не съ пистолетомъ въ рукахъ.

— Я слышалъ вы выходите замужъ? говорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Да, отвѣтила она, потупляя глаза.

— Вы любите Бураковича?

— И вы спрашиваете! сорвалось, какъ вздохъ, съ ея губъ.

— Ради Бога, зачѣмъ же вы себя губите? волновался юноша.

— Вы знаете мое положеніе въ этомъ домѣ, въ свѣтѣ! вздохнула она.—Оно совершенно ложно. Я здѣсь приживалка, въ свѣтѣ я выскочка. Я выхожу за Бураковича, чтобы имѣть свое мѣсто въ свѣтѣ по праву. Онъ изъ порядочной фамиліи.

— Вамъ сотни людей дали бы это право! воскликнулъ юноша.

Она нѣжно взяла его за руку, ласково заглянула ему въ глаза и проговорила:

— Тотъ, отъ кого я съ радостью взяла бы это право,—еще самъ не имѣетъ права распоряжаться своею судьбою, а взять это право отъ другихъ... Нѣтъ, ужь лучше взять его отъ Бураковича, который будетъ благодаренъ мнѣ уже и за то, что я снисхожу до него... Вѣдь за него не пошла бы никакая богатая дѣвушка...

Юлія Ивановна говорила о своемъ будущемъ мужѣ съ презрѣніемъ. Она такъ говорила и съ нимъ самимъ, вполнѣ сознавая, что онъ женится на ней не ради любви къ ней, а ради того, что имѣть ловкую и красивую жену очень выгодно въ наше время. Имѣй онъ возможность, подобно Соболеву, заполучить въ женѣ какую нибудь купчиху-богачиху въ родѣ Синелобовой, — онъ, конечно, никогда бы и не подумалъ о женитьбѣ на бѣдной красавицѣ.

— Но развѣ нельзя было ждать? прошепталъ юноша, сжимая ея руку.

— Ждать, когда меня здѣсь мучаютъ? Ждать, когда у меня есть несчастная семья? Нѣтъ, нѣтъ, тутъ надо скорѣе принести себя въ жертву...

Юноша прошепталъ несмѣло:

— Но я васъ люблю!

— А я! проговорила едва слышно Юлія Ивановна, опуская рѣсницы.

Юноша сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ...

Она знала, что ему вѣдь все равно никогда бы не позволили жениться на ней его родные...

Почти такое же объясненіе было у Юліи Ивановны съ ея учителемъ музыки, страстнымъ и нервнымъ, но бѣднымъ молодымъ человѣкомъ. Ей пришлось только измѣнить нѣсколько объясненіе мотивовъ, по которымъ она выходитъ за Бураковича, а не за него.

— Вы думаете, мой добрый другъ, что голодать легко? говорила она. — Вы не знаете настоящей нищеты, а я ее знаю. Если бы я вышла замужъ за васъ, вамъ пришлось бы кормить и меня, бѣлоручку, не пріученную въ этой пошлой средѣ къ труду, и мою несчастную семью. Я умерла бы, видя, какъ вы выбиваетесь изъ силъ, чтобы доставить намъ кусокъ насущнаго хлѣба, какъ гибнетъ ваша будущность талантливаго артиста изъ за грошевыхъ заработковъ... Кто истинно любитъ, тотъ приноситъ въ жертву себя ради любимаго человѣка, но не губитъ этого человѣка ради своей прихоти, ради своего личнаго счастья... Нѣтъ, нѣтъ, не станемъ говорить объ этомъ!.. А вы мнѣ будете давать уроки музыки? вдругъ перемѣнила она тонъ.—Я вѣдь еще плохая музыкантша и мнѣ хочется продолжать учиться и послѣ моего замужества...

О, конечно, конечно, онъ согласился! Онъ понималъ, какіе новые аккорды раздадутся теперь въ часы этихъ уроковъ.

Когда ее вели къ вѣнцу, всѣ были поражены ея побѣдоносной, гордой красотой и безобразіемъ ея жениха, походившаго на ея лакея. Впрочемъ, она мало и обращала на него вниманія, такъ какъ на свадьбѣ ни на шагъ не отходилъ отъ нея посаженный отецъ ея жениха, сѣденькій старичокъ въ звѣздахъ и въ лентѣ, съ узенькими масляными глазками, блиставшими сквозь очки, и съ тонкими волтеровскими губами.

— Князь, не говорите мнѣ комплиментовъ, шептала она ему, лукаво глядя на него. — Я знаю, что вы даже не замѣчали меня, когда встрѣчали на балахъ, и теперь вы милы со мной только потому, что вы любите моего мужа...

Князь оправдывался, говорилъ, что онъ давно благоговѣетъ передъ ея красотою.

— Вы мнѣ позволите? тихо спросилъ онъ, желая поцѣловать ея руку.

— Вы на это имѣете право, вы посаженный отецъ моего мужа, а, значитъ, и мой...

Князь поцѣловалъ ея руку и у него помутилось въ глазахъ, когда ея молодыя, свѣжія губки горячо коснулись его старческой щеки...

Первую брилліантовую звѣздочку получила она за этотъ поцалуй...

Бураковичъ не ошибся: онъ съ ея легкой руки и жить пошелъ. Ее теперь такъ и зовутъ въ свѣтѣ: «доходная жена». Впрочемъ, они очень любятъ другъ друга...

— Ну, а ея отецъ? спросилъ я, когда Клименко кончилъ.

— Чтоже отецъ—отецъ предубѣжденіе! Вышла замужъ, значитъ, нужно въ пользу мужа дѣйствовать, а не въ пользу отца. Впрочемъ, отецъ ея тоже теперь находится въ хорошемъ положеніи. Постранствовалъ онъ, поискалъ мѣстъ, потерпѣлъ неудачу вездѣ и, наконецъ, додумался до того, что и ему надо взять доходную жену, благо первая супруга умерла. Поискалъ, поискалъ и нашелъ прачку—дюжая баба и работящая, нечего сказать. Цѣлый день это она стираетъ да гладитъ, а онъ, какъ и подобаетъ отцу госпожи Буракович, сибаритничаетъ да въ пьяномъ видѣ кричитъ: «Вы знаете ли кто я? Я отецъ Юліи Буракович! Вы видали Юлію Буракович? Каковы у нея лошади то? А? Такъ вѣдь это моя дочь! Захочу и прикажу возить меня на этихъ лошадяхъ! Да! Я только гордъ! А то захочу и прикажу!» Гордится, знаете, своимъ порожденіемъ. Правда, отъ времени до времени онъ учиняетъ нѣкоторые скандальчики въ домѣ г-жи Буракович, но теперь она приняла свои мѣры: она разсказываетъ всѣмъ, что въ Петербургѣ есть одинъ несчастный старикъ, помѣшавшійся на томъ, что онъ ея отецъ... Люди вѣрятъ да отчего же имъ и не вѣрить: какое имъ дѣло до родни госпожи Буракович, когда она сама-то такой лакомый кусокъ?

Да, такъ вотъ, батенька, для чего теперь иные люди женятся: кому достоинство своего рода надо поддержать, кому карьеру надо составить,

а кому просто прачку-работницу нужно имѣть, чтобы имѣть право пьянствовать по кабакамъ, да хвалиться своими родственными связями съ важными лицами... Нынче, батенька, сентименты не въ модѣ: вѣкъ практическій!..

Нѣкто.

Наши гравюры.

Сифонофоръ. (Рис. на стр. 85 къ статьѣ «Распредѣленіе труда въ жизни природы).

На нашемъ рисункѣ изображена одна изъ тѣхъ изумительныхъ плавающихъ животныхъ общинъ (собраній гидромедузъ), которыя извѣстны подъ названіемъ сифонофоровъ; она служитъ нагляднымъ выраженіемъ раздѣленія труда между различными индивидами, составляющими это своеобразно государство. Изображенный здѣсь видъ сифонофоровъ (Anthemodos canariensis) живетъ въ Атлантическомъ океанѣ, въ сосѣдствѣ Канарскихъ островоьъ, былъ пойманъ и наблюдаемъ Геккелемъ зимою 1866/67 года, близъ острова Ланцерота (этотъ видъ подходитъ всего болѣе къ тому, который уже извѣстенъ въ ряду сифонофоровъ подъ именемъ Stephanomia, и могъ бы назваться тоже «Stephanomia canariensis»). Очень подвижной и свернутый, на нашемъ рисункѣ, въ видѣ узла, стволъ (средняя ось) или центральный полипъ (f) расширяется, къ своей верхней оконечности, въ плавательный пузырь (a), который, посредствомъ содержащагося въ немъ, воздушнаго пузыря (b), позволяетъ всей сифонофорной общинѣ держаться на поверхности воды. Ниже пузыря сидятъ плавательные колокола (d), изъ отверстія которыхъ (e) выбрасывается вода во время плаванія сифонофора. Зародыши новыхъ колоколовъ изображены подъ c. Вся остальная часть ствола, ниже плавательныхъ колоколовъ, тѣсно усѣяна трехугольными листьями или щитками (n). Между этими послѣдними сидятъ, въ разныхъ мѣстахъ, пожирающіе полипы (g), которые могутъ растягивать свою пасть (h) до величины большого осьмиугольнаго отверстія. Каждый пожирающій полипъ снабженъ длинною, очень подвижной ножкою (i), усѣянною въ свою очередь, безчисленнымъ множествомъ самыхъ тонкихъ ножекъ (k) для поимки добычи. Чередуясь съ пожирающими полипами, сидятъ, на общемъ стволѣ, меньшіе ростомъ и болѣе многочисленные осязующіе полипы (l), снабженныя каждый очень тонкимъ щупальцемъ (m). При ихъ основаніи лѣпятся гроздеобразныя группы половыхъ животныхъ: продолговатые самцы (o) и кругловатыя самки (p). Дальнѣйшее объясненіе плавающей животной колоніи находится въ текстѣ статьи Геккеля.

Новости наукъ и жизни.

Новый подземный городъ. Изъ Неаполя сообщаютъ, что тамошнее населеніе сильно взволновано сдѣланнымъ недавно весьма важнымъ археологическимъ открытіемъ. Близъ Монте-Гаргано (въ Апуліи) открытъ подземный городъ, новая Помпея. Открытіе сдѣлано совершенно случайно при расчисткѣ колодца. Сперва открытъ былъ древній храмъ Діаны; затѣмъ, великолѣпный портикъ съ колоннами, длиною въ 20 метровъ, наконецъ, кладбище, занимающее пространство въ 1500 метровъ; кромѣ того открыто множество памятниковъ съ весьма важными для археологовъ надписями; нѣкоторые изъ нихъ уже выставлены въ національномъ музеѣ Неаполя. Открытый городъ древній Сипонтумъ, о которомъ Страбонъ, Полибій, Ливій и др. неоднократно упоминаютъ въ своихъ запискахъ. Городъ этотъ не былъ уничтоженъ изверженіемъ Везувія, какъ Помпея, а погибъ отъ сильнаго землетрясенія. Дома находятся около 20 футовъ подъ обработанною землею. Итальянское правительство уже приняло необходимыя мѣры для производства раскопокъ въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ. Нынѣшній городъ Манфредонія, построенный сыномъ Фридриха II, отчасти сооруженъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ древній Сипонтумъ, и до сихъ поръ никто не имѣлъ понятія о кроющихся въ нѣдрахъ земли археологическихъ богатствахъ. Между прочимъ, открытъ въ подземномъ городѣ памятникъ, воздвигнутый гражданами Сипонта въ честь полководца Помпея, по случаю одержанной имъ надъ морскими разбойниками побѣды.

Обязательное обученіе. По словамъ газеты «Кіевлянинъ», въ волынской губерніи, въ староконстантиновскомъ и острожскомъ уѣздахъ, крестьяне многихъ волостей въ недавнее время составили приговоры объ обязательномъ обученіи дѣтей въ сельскихъ школахъ.

Чистота невской воды. Въ журналѣ «Здоровье» пишутъ: Петербургъ — единственная столица въ Европѣ, не имѣющая городскихъ фильтръ въ своемъ водопроводѣ. Въ той вавилонской башнѣ у Смольнаго монастыря, которая снабжаетъ большую часть города водой, вмѣсто фильтръ, растянута желѣзная рѣшетка, чрезъ которую, конечно, не можетъ проскочить большая щука, но малая рыбешка проходитъ и часто заносится въ баки домовъ, гдѣ, умирая, производитъ сильное зараженіе воды. Для невѣрующихъ въ большой запасъ органическихъ веществъ, несомый чистою невскою водою, мы совѣтовали бы посѣтить собственные водопроводы экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Тамъ можно убѣдиться, что каждые полчаса даже на грубыхъ, металлическихъ сѣткахъ осѣдаетъ весьма осязательный слой отвратительной слякоти, выпиваемой нами всецѣло, если мы не заботимся сами объ фильтраціи чистой невской воды. Стоитъ также зайдти въ любую аптеку, гдѣ приготовляютъ дистилированную воду, и посмотрѣть на остающееся послѣ перегонки въ кубѣ, чтобы убѣдиться, что условія водоснабженія Петербурга давно уже требовали серьезнаго къ нимъ отношенія, а не случайныхъ комиссій, изъ коихъ послѣдующія забываютъ то, что вырабатываютъ предыдущія.

Снѣгочиститель. Американцемъ Джономъ Маббъ взята привиллегія на совершенно оригинальный снѣгочиститель для желѣзныхъ дорогъ, состоящій изъ отдѣльнаго небольшого вагона, толкаемаго впередъ локомотивомъ и снабженнаго собственной паровой машиной. Эта машина, въ свою очередь, приводитъ въ движеніе воздуходувную машину, соединенную съ приложеннымъ спереди вагона черпаломъ, шириною равнымъ ширинѣ полотна дороги. Снѣгъ, захваченный черпаломъ, выгоняется воздушнымъ токомъ по особой трубкѣ въ сторону отъ рельсовъ, въ любомъ направленіи.

Другой изобрѣтатель Пилертъ предлагаетъ еще болѣе рѣшительныя средства. Въ его системѣ, снѣгъ, захваченный черпаломъ, всасывается, съ помощью вентилятора, въ большой трубчатый котелъ съ постоянной топкой и тутъ обращается во воду. Остается только приспособить этотъ же котелъ такъ, чтобы паромъ, въ немъ обращаемымъ, можно было питать машину.

— **Распространеніе полицейской газеты.** «Петерб. Листокъ» слышалъ изъ вполнѣ вѣрнаго источника, что полученіе «Вѣдомостей спб. градоначальства и городской полиціи» еще въ нынѣшнемъ году будетъ обязательно для всѣхъ столичныхъ домовладѣльцевъ. Съ этою цѣлью количество ежедневно печатаемыхъ нумеровъ этой газеты будетъ простираться свыше 30,000 экземпляровъ, для чего редакціею и пріобрѣтены уже соотвѣтствующія такому большому дѣлу новыя типографскія машины весьма значительныхъ размѣровъ.

— **Телетроскопъ.** Во Франціи изобрѣтенъ новый аппаратъ, который, благодаря примѣненію электричества, даетъ возможность, не взирая ни на какое разстояніе, различать лица и предметы. Новый аппаратъ названъ телетроскопъ.

— **Круикшенкъ.** Въ Англіи умеръ живописецъ Круикшенкъ, считавшійся знаменитѣйшимъ карикатуристомъ, какого имѣла Европа со времени Гогарта. Онъ, между прочимъ, прославился иллюстраціями къ сочиненіямъ Диккенса и особенно къ роману «Оливеръ Твистъ». Пороки высшаго свѣта и политическая испорченность находили въ его карандашѣ неумолимый бичъ.

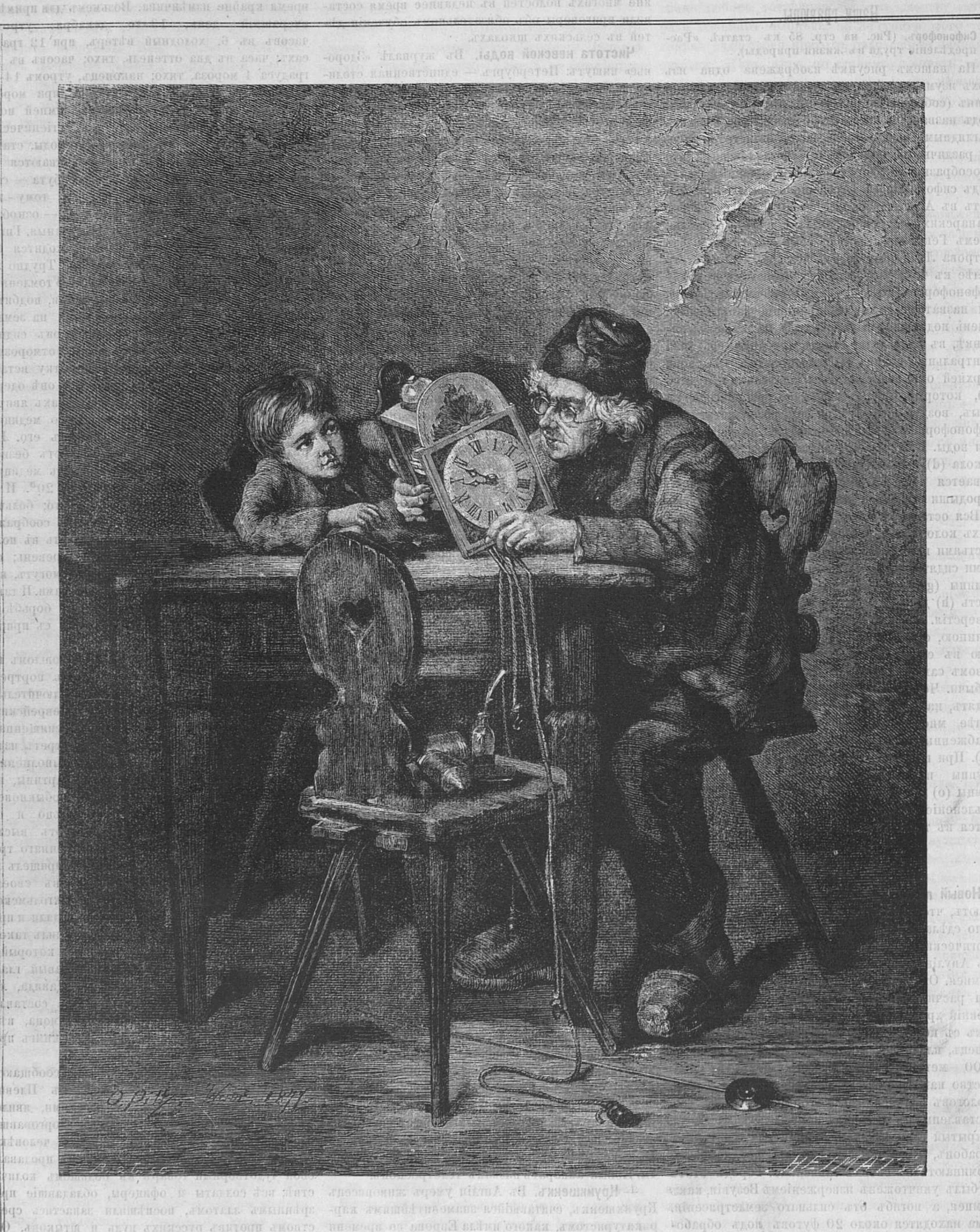
Смѣсь.

Зима въ Болгаріи. Болгарская зима, говоритъ г. Студитскій, корреспондентъ «Спб. Вѣд.» изъ Сельви, непостоянна: то сырые, холодные вѣтры съ температурою, достигающею иногда до 20 градусовъ, то мокрый снѣгъ, то грязь. Вообще, зима въ Болгаріи непродолжительна; она рѣдко тянется болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, но погода въ это время крайне измѣнчива. Возьмемъ для примѣра вчерашній день, 13-го декабря: утромъ, часовъ въ 6, холодный вѣтеръ, при 12 градусахъ; часа въ два оттепель, тихо; часовъ въ 10, градуса 4 мороза, тихо; наконецъ, утромъ 14-го, сильный сѣверо-западный вѣтеръ, при морозѣ градусовъ въ 18. Вотъ образчикъ зимней погоды; само собой понятно, что всѣ гигіеническія мѣры, принятыя въ предъидущіе періоды, становятся недостаточны. Солдаты скучиваются въ землянкахъ, эпидеміи тифа и скорбута — становятся очень возможны, да, къ тому-же, появляется новый рядъ болѣзней — ознобленіе и отмороженіе, и болѣзни простудныя. Гигіенѣ, кромѣ физическихъ условій, приходится бороться съ предразсудками солдата. Трудно заставить солдатъ мазать ноги саломъ. Утомленный большимъ переходомъ, съ разогрѣтыми, подбитыми ногами, отсталый нерѣдко садится на землю; имъ овладѣваетъ апатія, истома, и онъ сидитъ четверть, полчаса; потомъ боязнь отморозить ноги заставляетъ его сдѣлать попытку встать, но ноги его отказываются служить — онѣ одеревенѣли; до деревни далеко, хорошо, какъ явится вдругъ и, можно сказать, неожиданно медицинская помощь, или обозы и подберутъ его. Нерѣдко одеревенѣлые члены пропадаютъ безвозвратно, да и гдѣ, наконецъ, подавать медицинское пособіе при вѣтрѣ и морозѣ въ 20°. И въ этихъ случаяхъ нельзя винить никого; большіе переходы дѣлаются, или по военнымъ соображеніямъ, или для того, чтобы не ночевать въ полѣ, такъ какъ нерѣдко по пути нѣтъ деревень; санитарныя-же линейки тяжелы и не могутъ, при такихъ условіяхъ, двигаться за войсками. И такъ, настаетъ новый періодъ борьбы: къ борьбѣ съ непріятелемъ, присоединяется борьба съ природой.

Оригинальный портретистъ. Въ прошломъ году шведскій еврей Лейбсонъ сдѣлалъ портретъ короля Оскара (во весь ростъ), исключительно составленный изъ микроскопическихъ еврейскихъ буквъ, образовавшихъ цитаты изъ священнаго писанія. Если смотрѣть на этотъ портретъ издали, то онъ представляется въ видѣ выполненной съ замѣчательнымъ художествомъ картины, поражающей нѣжностою контуръ и необыкновеннымъ сходствомъ; если-же внимательно и совсѣмъ близко всмотрѣться, то шрифтъ выступаетъ и его можно читать безъ особеннаго труда. Художественный міръ Швеціи пришелъ въ восторгъ отъ этого, единственнаго въ своемъ родѣ, произведенія, удостоеннаго стокгольмскою академіею наукъ большой золотой медали и преміи. Теперь этотъ-же художникъ окончилъ такой-же портретъ императора Вильгельма, который и будетъ выставленъ въ Берлинѣ. Правый глазъ состоитъ изъ избранныхъ псалмовъ Давида, лѣвый — изъ изреченій Соломона; голова составлена изъ цѣлой книги проповѣдей Соломона, пѣсни пѣсней и псалмовъ; мундиръ изъ книгъ пророка Даніила и пр.

Османъ-паша. Объ Османѣ-пашѣ сообщаютъ слѣдующій любопытный анекдотъ: Въ Плевну, еще до полнаго ея обложенія русскими, явился какой-то мусульманскій дервишъ, торговавшій амулетами, которые, будто, дѣлаютъ человѣка, носящаго ихъ, неуязвимымъ. Дервишъ продавалъ свой чудотворный товаръ въ большомъ количествѣ; всѣ солдаты и офицеры, обладавшіе презрѣннымъ златомъ, поспѣшили запастись средствомъ противъ русскихъ пуль и штыковъ. Османъ-паша потребовалъ къ себѣ дервиша и купилъ у него, за большую сумму, самый лучшій талисманъ. Затѣмъ спросилъ у него, какъ поступаютъ съ амулетомъ. — Это очень просто, отвѣтилъ дервишъ, стоитъ только повѣсить себѣ на шею шнурокъ амулета. И онъ показалъ Осману, какъ это дѣлаютъ. — Теперь постой, любезный другъ, сказалъ Османъ; стань-ка тамъ, въ углу. Я хочу испытать, дѣйствительно-ли твой амулетъ

Картина О. ПИЛЬЦА.



Испорченные часы.

обладаетъ такою магическою силою.—Говоря это, онъ взялъ револьверъ и хладнокровно продолжалъ: «Если пуля изъ этого револьвера не причинитъ тебѣ никакого вреда, то ты получишь сговоренную сумму. Если-же я тебя убью, то виноватъ ты самъ». Затѣмъ, онъ прицѣлился къ дервишу. Тотъ поблѣднѣлъ и задрожалъ отъ страха; онъ упалъ на колѣни: «Паша, ради Аллаха, не стрѣляй! Ты убьешь меня!» — Какъ-же можно, отвѣтилъ Османъ, не выпуская изъ рукъ револьвера, вѣдь у тебя талисманъ?» «Онъ ничего не поможетъ», сказалъ дрожащій мошенникъ. — Ахъ, ты, мошенникъ! гнѣвно вскричалъ Османъ, ударивъ ногою валявшагося предъ нимъ на землѣ дервиша,—такъ ты всѣхъ обманываешь! Я тебя не убью, но ты долженъ возвратить всѣ деньги, которыя ты выманилъ у солдатъ, и, затѣмъ, получишь двѣсти палокъ по пятамъ!»

Страшный взрывъ. «Новороссійскій Телеграфъ» передаетъ слѣдующій случай: въ колоніи Анчикратъ (бессарабской обл.) 3-го января былъ базаръ, на который изъ окрестностей съѣхалось много покупателей. Въ колоніи находится бакалейный магазинъ еврея Ушера, гдѣ, между прочимъ, находился также для продажи порохъ и другіе товары. Нѣсколько покупателей вошли въ лавку для покупки извѣстнаго товара, который находился въ погребѣ; зайдя туда, одинъ изъ покупателей бросилъ папиросу, результатомъ чего было то, что весь порохъ, лежавшій въ подвалѣ, мгновенно вспыхнулъ и произошелъ страшный взрывъ и сильный, оглушительный ударъ. Такъ какъ во время взрыва на улицѣ, у лавки, находилось множество народа, то каменьями отъ дома многіе изъ стоявшихъ тамъ убиты. Пока насчитано до 25 труповъ, вынутыхъ изъ-подъ развалинъ дома. Замѣчательно, что, жена торговца, находившаяся во время взрыва въ лавкѣ, найдена стоящей на колѣняхъ подъ спудомъ досокъ, отъ которыхъ она получила только нѣсколько ударовъ и осталась въ живыхъ. Пожара отъ взрыва не было.

Небывалая стачка. Изъ Гавра сообщаютъ, что тамъ составилась стачка, врядъ ли имѣющая прецеденты въ лѣтописяхъ исторіи: гаврскіе медики сдѣлали забастовку! Въ циркулярномъ посланіи къ своимъ кліентамъ, ученики Гиппократа заявляютъ, что они вынуждены увеличить размѣръ гонорара за свои труды. Но заявленіе это встрѣчено весьма несочувственно, такъ какъ публика находитъ требованія медиковъ непомѣрными. Гаврскіе эскулапы назначили за каждый визитъ днемъ 10 фр., вечеромъ 15 фр. и ночью 20. Такъ какъ этотъ тарифъ не признанъ, то факультетъ отказываетъ въ своемъ пособіи. Полагаютъ, что эта стачка не мало будетъ содѣйствовать уменьшенію цифры смертности въ Гаврѣ.

Отравленіе при помощи каррикатурнаго журнала. Съ княгинею Лихтенштейнъ случилось на дняхъ слѣдующее замѣчательное приключеніе. Возвращаясь изъ своего имѣнія въ Вѣну, она сѣла въ дамское купэ, гдѣ, кромѣ нея, находилось еще двѣ пожилыя дамы, аристократической наружности, одѣтыя просто, но изящно. Дамы эти вступили въ разговоръ съ княгинею, и одна изъ нихъ, между прочимъ, предложила ей посмотрѣть каррикатуры въ юмористической газетѣ «Floh». Но какъ только княгиня стала разсматривать картинки, съ ней вдругъ сдѣлалось дурно, и она потеряла сознаніе. Когда она очнулась, она была одна въ купэ, и вскорѣ замѣтила, что ее обобрали; пропали дорогая чернобурая шуба, кошелекъ съ золотомъ, браслетъ, часы, серьги и пр. Княгиня тотчасъ заявила о случившемся, и, благодаря поискамъ полиціи, виновницы преступленія были открыты и арестованы. Судя по всему, газета была насыщена хлороформомъ или какимъ-либо другимъ одуряющимъ веществомъ.

Самый крупный землевладѣлецъ. Самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ Америкѣ (и, кажется, на всемъ земномъ шарѣ) считается Абнеръ Кобурнъ, бывшій губернаторъ штата Майна, владѣющій 693,000 акровъ земли, что равняется 1,000 англійскимъ кв. милямъ (6,100 верстъ).

Иголки. Въ газ. «Новости» пишутъ: Куда дѣваются иголки? Вопросъ этотъ невольно возникаетъ, при чтеніи въ «New York Herald», что въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки существуютъ восемь фабрикъ, на которыхъ ежедневно выдѣлываются 47.000,000 иголокъ. Кромѣ того, привозится въ Америку ежегодно болѣе десяти тысячъ милліоновъ иголокъ. Среднимъ числомъ теряются или ломаются 72.000,000 иголокъ въ день или 50,000 въ минуту.

Любопытное завѣщаніе. Въ Парижѣ скончался богатый негоціантъ, оставившій завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, находится слѣдующее постановленіе относительно его похоронъ: «Я формально предписываю моимъ душеприказчикамъ похоронить меня въ моемъ большомъ кожаномъ чемоданѣ, съ которымъ я трижды совершилъ путешествіе вокругъ свѣта. Я желалъ-бы лежать въ немъ при послѣдней моей поѣздкѣ на тотъ свѣтъ».

— **Курьезныя визитныя карточки.** У французовъ, какъ извѣстно, тщеславіе доходитъ иногда до чудовищно-смѣшныхъ размѣровъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ. Въ новый годъ были разосланы

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ.

Засада.

знакомымъ слѣдующія двѣ визитныя карточки: 1) Э. Лебюшо, имѣющій стремленіе получить должность нотаріуса; 2) Виконтъ С-М., двоюродный братъ генерала, раненнаго подъ Гравелотомъ.

— **Любопытная афиша.** До чего доходятъ антрепренеры театровъ для зазыванія въ свои театры публики можно видѣть изъ слѣдующей афиши: Columbian Opera House, въ Нью-Йоркѣ: сегодня, 2-го января, будутъ даваться, при участіи 100 блондинокъ и брюнетокъ, слѣдующія піесы: 1) прелести любви; 2) женщины-купальщицы (прекрасныя купальщицы будутъ плавать въ настоящемъ видѣ); 3) гаремъ султана; 4) тайны гарема.

— **Телефонъ.** Между палатою общинъ и редакціей «Daily News» устроено телефонное сообщеніе, благодаря которому редакція явственно слышитъ почти все, говорящееся въ парламентѣ, и часть напечатанныхъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ этой газеты извѣстій передана именно по телефону.

— **О памятникѣ Пушкину.** Комитетъ, завѣдывающій работами по сооруженію памятника Пушкину, противъ Страстного монастыря въ Москвѣ, слѣдующимъ образомъ распредѣлилъ сумму, собранную по подпискѣ на возведеніе этого памятника: на вознагражденіе составителю модели Опекушину и архитектору Богомолову 25,500 р., первому 20,000 р., а второму 5,500 р.; на бронзовыя работы при отливкѣ статуи 10,500 руб., на каменныя и земляныя работы 37,000 р.; на устройство фонарей вокругъ памятника и рѣшетки 4,000 р., на непредвидимые расходы 6,000 руб.; всего же расходу по сооруженію памятника 83,000 р. Окончательное устройство памятника, какъ слышно, послѣдуетъ въ будущемъ 1879 году.

Месть за отказъ отъ женитьбы. Въ газету «Правда» пишутъ изъ Костромы о слѣдующемъ трагическомъ происшествіи: «Предпослѣдній вечеръ предъ новымъ годомъ въ дворянскомъ клубѣ былъ дѣтскій вечеръ, который, къ сожалѣнію, кончился печальною катастрофою. Среди всеобщаго веселья вдругъ раздался выстрѣлъ изъ револьвера, направленный, какъ оказалось, въ бывшаго тутъ сына извѣстнаго владѣльца литейнаго механическаго завода, г. Шипова. Обстоятельство это объясняется такъ: «Одинъ изъ магнатовъ дворянскаго общества, бывшій предсѣдатель гражданской палаты, нынѣ церковный староста при губернской больницѣ и притомъ же только-что избранный въ члены губернской земской управы и даже еще не утвержденный въ этой должности, бывши въ этотъ вечеръ въ клубѣ, захотѣлъ привести въ исполненіе давно затаенное имъ мщеніе. Месть свою онъ таилъ, какъ слышно, за то, что молодой Шиповъ, бывши какъ-то разъ съ нимъ вмѣстѣ въ общественномъ клубѣ, просилъ руки его дочери и, получивъ на это согласіе, былъ ожидаемъ въ домъ для оффиціальнаго предложенія, но не пріѣхалъ, а ограничился лишь присылкою отказнаго письма, за что едва и не поплатился жизнью».

— **Оригинальная финансовая операція.** Въ Вѣнѣ учреждается новое благотворительное общество для снабженія бѣдныхъ учениковъ одеждой, обувью и завтракомъ. Такъ какъ участіе въ благотворительныхъ обществахъ сопряжено съ денежными пожертвованіями, на которыя публика не всегда откликается съ достаточною охотой, то учредители этого новаго общества придумали весьма оригинальное средство рѣшить этотъ щекотливый, хотя и существенный вопросъ. Они устранили какіе-бы то ни было денежные взносы членовъ; напротивъ, каждый членъ общества самъ получаетъ отъ учредителей—корзинку. Въ корзинки эти члены приказываютъ собирать въ своихъ домахъ и квартирахъ все, что ежедневно предназначается вымести и выбросить: разнаго рода остатки, обрѣзки, обломки, и т. д. Отъ продажи этихъ вещей учредители считаютъ возможнымъ выручить въ годъ 9—10 тысячъ гульденовъ, при томъ условіи, что число членовъ будетъ не менѣе тысячи. Корзины пріобрѣтаются на средства учредителей.

— **Премія за нѣжность къ родителямъ.** Муниципальный совѣтъ Парижа недавно принялъ отъ имени города капиталъ въ 10,000 франковъ, завѣщанный вдовою Гессъ для учрежденія спеціальной преміи за почтеніе и любовь дочерей къ родителямъ. Премія будетъ даваться только воспитательницамъ женскихъ школъ 2 округа города Парижа. Она присуждается комитетомъ изъ трехъ лицъ, которыя дѣлаютъ выборъ между тремя дѣвицами, представляемыми къ этой наградѣ директрисой каждой изъ школъ округа поочередно. Дѣвицы должны быть не моложе 12 и не старше 15 лѣтъ и находиться въ школѣ не менѣе 3 лѣтъ; премію можетъ получить только воспитанница, обращавшая на себя вниманіе своею нѣжностію къ родителямъ и семьѣ, набожностію и добрыми чувствами. Премія состоитъ изъ книжки сберегательной кассы, въ которую внесена сумма, равная узаконенному годовому проценту съ капитала 10,000 франковъ. Имя дѣвицы, получившей премію провозглашается въ торжественномъ засѣданіи, по распоряженіе преміей предоставляется увѣнчанной воспитанницѣ только по достиженіи ею совершеннолѣтія или при вступленіи ея въ бракъ; если въ теченіе этого времени отношеніе дѣвицы къ ея родителямъ измѣнится, то премія отнимается у нея и назначается другой воспитанницѣ.

— **Разумный проектъ.** Управленіе изящными искуствами въ Парижѣ занято въ настоящее время обсужденіемъ весьма интереснаго проекта касательно украшенія всѣхъ парковъ и мѣстъ общественнаго гулянья, начиная съ Елисейскихъ полей и кончая самыми небольшими скверами. Вдоль всѣхъ главныхъ аллей Булонскаго лѣса и проспектовъ Елисейскихъ полей предполагается поставить рядъ бюстовъ тѣхъ писателей, которые занимались изученіемъ нравовъ и обычаевъ Парижа. Въ скверахъ намѣриваются помѣстить бюсты лицъ, имѣющихъ почему-либо право на вниманіе и признательность города; въ число ихъ войдутъ представители магистратуры, военные, купеческіе старшины и т. д. Наконецъ, на большихъ гульбищахъ, въ Булонскомъ лѣсу, въ паркахъ Бютъ-Шомонъ и Монсури будутъ поставлены группы, изображающія различныя историческія событія, происшедшія въ Парижѣ начиная съ отдаленныхъ эпохъ и кончая нашимъ временемъ.

— **Къ исторіи предразсудковъ.** Среди жителей Рима издавна существуетъ повѣрье, что за кончиной одного кардинала непремѣнно должна послѣдовать въ теченіе ближайшихъ трехъ мѣсяцевъ смерть двухъ другихъ. По странному совпаденію чиселъ, повѣрье это особенно укоренилось за послѣднее время. Кардиналъ Антонелли умеръ въ ноябрѣ 1876 г.; 20 ноября скончался кардиналъ Баріо-и-Фернандецъ, а 17 декабря за нимъ послѣдовалъ Патрици, который заключилъ собою тріаду. 21 апрѣля настоящаго года умеръ кардиналъ Ванчелли—Казони; за нимъ послѣдовалъ 28 апрѣля Тревизано, а 7 іюля де-Анджелисъ. Наконецъ, уже въ послѣднее время умеръ 26 августа кардиналъ Бизарри и римляне принялись опять предсказывать смерть двухъ другихъ кардиналовъ. Ожиданія ихъ сбылись. 28 сентября скончался Ріаріо-Сфорца, а 17-го октября кардиналъ Капальти.

— **Картинка нравовъ.** Въ Нью-Іоркѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, начатъ производствомъ чрезвычайно скандальный процессъ, по своимъ качествамъ не уступающій извѣстному процессу графини Ламбертини, дочери кардинала Антонелли. Сущность нью-іоркскаго процесса заключается въ слѣдующемъ. Недавно въ Нью-Іоркѣ скончался богачъ Коммодоре Фандербильтъ, оставившій послѣ себя огромное состояніе, превышающее 100 милл. долларовъ. Все состояніе, за исключеніемъ 5 милл. долларовъ, завѣщано Фандербильтомъ его младшему сыну Вильяму, а выдѣленные 5 милл. долларовъ—остальнымъ дѣтямъ: 3 сыновьямъ и 5 дочерямъ по ровну. Послѣ смерти отца обиженные наслѣдники всяческими путями старались склонить Вильяма къ добровольному и миролюбивому соглашенію, но всѣ ихъ усилія были напрасны, и поэтому они рѣшились обратиться къ суду и требовать уничтоженія завѣщанія. Въ началѣ прошлаго ноября предварительное слѣдствіе было закончено, и дѣло передано въ высшую судебную инстанцію. Главной жалобщицей выступила мистриссъ Лебо, старшая дочь Фандербильта. Въ жалобѣ она обрисовываетъ своего покойнаго отца, какъ безпутнаго и невмѣняемаго идіота, спятившаго съ ума вслѣдствіе употребленія опіума и разныхъ возбудительныхъ снадобій. Вильяма, получившаго почти все состояніе отца, братья и сестры описываютъ самыми мрачными красками и указываютъ на то, что онъ безсовѣстнымъ образомъ втерся въ довѣріе своего отца и эксплуатировалъ въ свою пользу его старческую немощь. Кромѣ того жалобщики обвиняютъ своего отца въ страшныхъ преступленіяхъ: будто онъ съ помощью Вильяма заключилъ ихъ мать, свою первую жену, въ сумасшедшій домъ и женился на гувернанткѣ. Поведеніе Вильяма жалобщики сравниваютъ съ поведеніемъ Франца Моора въ извѣстной трагедіи Шиллера «Разбойники» и разсказываютъ возмутительныя вещи объ отношеніяхъ между своей мачихой и Вильямомъ. Вообще процессъ этотъ обѣщаетъ стать еще болѣе скандальнымъ по мѣрѣ своего развитія, и нью-іоркцы съ нетерпѣніемъ ждутъ дальнѣйшихъ «откровеній» обойденныхъ наслѣдниковъ. Къ слову сказать, Фандербильтъ почти умиралъ съ голоду въ первое время своего пріѣзда въ Америку и пріобрѣлъ огромное состояніе, благодаря лишь своимъ природнымъ способностямъ и желѣзной энергіи. До послѣдняго дня жизни Фандербильтъ, не переставалъ заниматься своими торговыми дѣлами и, несмотря на преклонныя лѣта и тяжелую болѣзнь, поражалъ всѣхъ нью-іоркскихъ негоціантовъ ясностью своего ума и правильностью взгляда.

Извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Настоящую хронику начинаемъ отрадными извѣстіями о предстоящемъ мирѣ. Отъ 19-го января получены двѣ слѣдующія телеграммы отъ его императорскаго высочества Главнокомандующаго—первая отправлена въ 6 час., вторая въ 8 вечера:

1) Предложенныя основанія мира приняты Портою и протоколъ сейчасъ подписанъ Мною и уполномоченными Султана. Перемиріе также заключено и подписано. Приказаніе о пріостановленіи военныхъ дѣйствій немедленно отправляется во всѣ отряды и на Кавказъ.

Всѣ дунайскія крѣпости и Эрзерумъ очищаются турецкими войсками.

2) 19-го января, въ шесть часовъ вечера, я и турецкія уполномоченные подписали предварительныя условія мира; часъ спустя подписали условія перемирія. Вмѣстѣ съ этимъ посылаю приказанія нашимъ и всѣмъ союзнымъ войскамъ немедленно прекратить военныя дѣйствія.

— 22-го января, въ манежѣ Инженернаго замка, былъ разводъ отъ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго полка, въ Высочайшемъ присутствіи. Государь Императоръ изволилъ остаться вполнѣ довольнымъ стройнымъ и бодрымъ видомъ полка; по окончаніи же развода изволилъ подозвать къ Себѣ всѣхъ присутствующихъ генераловъ и офицеровъ, и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

«Поздравляю васъ, господа, съ заключеніемъ перемирія на столь выгодныхъ для насъ условіяхъ. Мы этимъ обязаны славнымъ нашимъ войскамъ, которыя доказали, что для нашихъ молодцевъ невозможнаго нѣтъ. Но этимъ дѣло далеко еще не кончено, и мы должны оставаться на готовѣ, пока не достигнемъ прочнаго и достойнаго Россіи мира. Да поможетъ намъ Богъ и въ этомъ».

Слова эти вызвали единодушное и восторженное «ура».

— О послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ имѣются слѣдующія извѣстія:

I. Отъ его высочества Главнокомандующаго изъ Адріанополя:

1) Отъ 14-го января. Прибылъ сегодня въ Адріанополь, проѣхавъ отъ Херманли по желѣзной дорогѣ. Видѣлъ всю гвардейскую пѣхоту съ ар-

тиллеріею, нашелъ ихъ въ блистательномъ молодецкомъ видѣ; гвардейцы встрѣчали Меня восторженно. При въѣздѣ въ Адріанополь, встрѣченъ депутаціями и духовенствомъ отъ болгаръ, грековъ, армянъ и евреевъ, съ хоругвями, значками, церковнымъ пѣніемъ. Все населеніе высыпало на встрѣчу. Я помѣстился въ конакѣ.

Передовыя наши войска заняли Киркилису, Баба-Эски, Хаскіой и Демотику.

2) Отъ 15-го января. Въ ночь съ 12 на 13 января генералъ Струковъ взялъ Люле-Бургасъ; станція желѣзной дороги взята съ боя двумя сотнями донскаго № 1-го полка, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Кутейникова; убитъ одинъ и раненъ одинъ казакъ; взято много плѣнныхъ, задержано до 200 вагоновъ съ локомотивомъ.

Генералъ Струковъ, нагнавъ отъ 10,000 до 15,000 подводъ съ удаляющимся мусульманскимъ населеніемъ, числомъ около 50,000, которое все было вооружено, остановилъ его и приказалъ выдать оружіе, что послѣ нѣкотораго сопротивленія было исполнено. Всю эту массу генералъ Струковъ намѣренъ отправить подъ конвоемъ въ Родосто, откуда, по слухамъ, мусульмане перевозятся на азіятскій берегъ.

Точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ еще нѣтъ; но показаніямъ плѣнныхъ, войска отъ Сливны и Котла, около 25,000, подъ начальствомъ пашей: Керима, Гассана и Хаджи Гуссейна шли къ Адріанополю, но когда пришли, 6 января, къ Ханлы-Енидже, то прибылъ Мехмедъ-Али-паша, который повернулъ ихъ на Киркилису, а оттуда, 9 января, на Царьградъ.

Вчера, 14 января, пѣхота генерала Шитникова заняла безъ боя Демотику и Узунъ-Кепри; жители, мусульмане, встрѣтили наши войска торжественно съ хлѣбомъ солью, какъ избавителей отъ баши-бузуковъ и черкесовъ. Въ городѣ взятъ складъ сухарей и галетъ.

Сегодня подходитъ къ Адріанополю авангардъ колонны генерала Радецкаго.

Сегодня слушалъ въ соборѣ торжественную обѣдню, отслуженную митрополитомъ, соборнѣ, въ присутствіи многочисленнаго стеченія народа. Погода теплая, но безпрестанно идетъ дождь и дуетъ сильный вѣтеръ.

3) Отъ 17 января. Генералъ Струковъ съ передовымъ отрядомъ, сего 17 января двинулся изъ Люле-Бургаса къ Чорлу. Онъ доноситъ, что массы бѣгущихъ мусульманъ производятъ на всемъ пути пожары, грабежи, насилія и убійства. Близь Люле-Бургаса онъ настигъ отъ 180 до 200 тысячъ турокъ, черкесовъ и цыганъ, при 20,000 повозокъ, обезоружилъ ихъ, насколько было возможно, и предложилъ имъ самимъ рѣшить: идти-ли дальше или вернуться домой. Бѣглецы были крайне удивлены; по словамъ ихъ, турецкія власти понуждали ихъ выселиться, увѣряя, что русскія войска ихъ разорятъ и перебьютъ. Значительное число бѣжавшихъ пошло обратно, а часть пошла далѣе, къ Родосто. Кромѣ упомянутыхъ жителей, генералъ Струковъ перехватилъ нѣсколько партій баши-бузуковъ, черкесовъ и регулярныхъ солдатъ, при офицерахъ, съ обозомъ, въ которомъ, между прочимъ, нашелъ и взялъ два знамя.

4) Отъ 18 января. 16 января генералъ Струковъ получилъ отъ одного изъ вице-консуловъ Родосто письменную просьбу поспѣшить туда для огражденія города отъ насилія и разбоя черкесовъ; посему приказано ему поспѣшить отъ Айболя къ Родосто.

II) Отъ его императорскаго высочества Наслѣдника Цесаревича изъ Брестовцы отъ 17 января:

15 января нашими войсками занятъ Османъ-Базаръ, а вчера 1-я пѣхотная дивизія, послѣ незначительной перестрѣлки, заняла Разградъ. Турки вездѣ отступаютъ къ крѣпостямъ.

III. Отъ генерала Циммермана. 1) Изъ Меджидіе отъ 18 января:

Вслѣдствіе дѣла 14 января, непріятель, въ ночь на 15 января ушелъ поспѣшно въ Варну. 15 января, съ передовыми кавалерійскими частями я вступилъ въ Базарджикъ, гдѣ непріятель оставилъ склады оружія и артиллерійскихъ запасовъ и поджогъ три мечети и армянскую церковь со складами провіанта; въ болгарской церкви пожаръ потушили жители. Городъ не разоренъ. Болгаръ здѣсь 2,000 семействъ, мусульманъ осталось 150 семействъ. Въ Базарджикѣ непріятель оставилъ госпиталь «Красной луны» съ санитарнымъ персоналомъ, съ 250 тяжело ранеными турками, 11-ю египтянами и до 70 болгаръ.

Потери непріятеля 14 января были значительны. Укрѣпленія Базарджика очень сильны.

Теперь идетъ дождь; дороги дѣлаются непроходимыми.

2) Изъ Базарджика отъ 19 января. Сегодня на разсвѣтѣ, охотники изъ кинбурнскихъ драгунъ, съ капитаномъ Радовичемъ, сожгли станцію желѣзной дороги Гебеджи, въ 17 верстахъ отъ Варны; разрушили динамитомъ дорогу на протяженіи двухъ верстъ, испортили двѣ телеграфныя линіи между Варной и Шумлой. Потери у насъ нѣтъ.

IV. Отъ его императорскаго высочества Главнокомандующаго кавказской арміей изъ Тифлиса отъ 19 января.

Вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній объ отправленіи турками части батумскаго отряда въ Константинополь, приказано было нашимъ отрядамъ въ Кабулетахъ возобновить наступательныя дѣйствія къ сторонѣ Батума. 18 января, въ 5 часовъ утра, наши атаковали правый флангъ и центръ непріятельской позиціи у Цихедзири. Колонна нашихъ войскъ овладѣла штурмомъ частью высотъ Самеба и Столовой горы; но въ центрѣ войска наши встрѣтили чрезвычайныя затрудненія при переходѣ чрезъ рѣчку Кинтриши, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля изъ траншей. Силы турецкія на позиціи оказались болѣе значительными, чѣмъ предполагалось. Къ 2-мъ часамъ пополудни войска наши были отведены на прежнія ихъ позиціи.

Потери наши въ этомъ дѣлѣ не приведены еще въ извѣстность. Въ этомъ дѣлѣ раненъ командиръ 1-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Шереметьевъ, который скончался отъ раны.

Телеграммы.

Бѣлградъ, 17-го января. Сербы самымъ дѣятельнымъ образомъ продолжаютъ военныя операціи, Лѣшанинъ одержалъ на горной возвышенности Петрова-Гора полную побѣду надъ Хафизомъ-пашей.

— 22-го января. Сербы нанесли туркамъ полное пораженіе при Краньѣ; въ плѣнъ взято 4 табора, 48 офицеровъ и Расимъ-паша.

Цетинье, 22-го января. При сдачѣ форта Лесендріи черногорцы взяли, кромѣ сдавшагося въ плѣнъ гарнизона, много орудій и военныхъ припасовъ.

Вѣна, 19-го января. Австрійскій посолъ въ Петербургѣ вручилъ, вчера, князю Горчакову ноту вѣнскаго кабинета, содержаніе которой, по словамъ «Fremdenblatt» и «Presse», состоитъ въ слѣдующемъ: Австрія вовсе не оспариваетъ права Турціи заключать, въ своихъ интересахъ, договоры; но состоявшіяся въ Казанлыкѣ сдѣлки, насколько ими измѣняются существующіе трактаты и затрогиваются австрійскіе интересы, Австрія должна до тѣхъ поръ признавать не существующими по праву, пока не будетъ установлено новыхъ соглашеній съ державами, участвовавшими въ подписаніи означенныхъ трактатовъ.

По свѣдѣніямъ газеты «Neue Freie Presse», графъ Андраши сдѣлалъ шаги къ созванію конференціи, которая должна будетъ собраться въ Вѣнѣ и опредѣлить тѣ пункты мирныхъ условій, которые касаются общеевропейскихъ интересовъ.

— 21-го января. Турецкимъ уполномоченнымъ посланъ былъ приказъ подписать предварительныя условія мира подъ вліяніемъ депеши изъ Лондона, отъ Мусуруса-паши; посолъ извѣщалъ о формальномъ заявленіи лорда Дерби, что Англія никогда не считаетъ возможнымъ оказать Турціи вооруженную помощь; Англія должна заботиться о своихъ собственныхъ интересахъ.

— 23-го января. «Correspondenz-Bureau» слышало, что вчера вѣнскій кабинетъ отправилъ къ кабинетамъ державъ, участвовавшихъ въ подписаніи парижскаго трактата, приглашеніе къ созыву конференціи въ Вѣнѣ.

Парижъ, 21-го января. «Агентству Гаваса» телеграфируютъ изъ Аѳинъ, отъ 1-го февраля: «Въ виду событій, происходящихъ въ турецкихъ провинціяхъ, населенныхъ греками, греческое правительство отдало приказаніе, чтобъ завтра армія, силою въ 12,000 человѣкъ, перешла границу съ цѣлью поддержать порядокъ въ Ѳессаліи, Эпирѣ и Македоніи и предотвратить избіеніе христіанъ.

«Палата постановила открыть правительству кредитъ въ 16 милліоновъ драхмъ».

— 22-го января. Телеграмма, полученная газетою «Temps» изъ Вѣны, увѣряетъ, что всѣ державы приняли предложеніе графа Андраши относительно созванія конференціи. По увѣренію названной телеграммы, конференція соберется въ Вѣнѣ.

Лондонъ, 19-го января. Вчера большая часть оставшагося въ цѣлости турецкаго флота собралась у Константинополя. Въ окрестностяхъ его расположены остатки турецкихъ армій; увѣряютъ, что собрано до 40,000 человѣкъ. По всей вѣроятности, цифра эта преувеличена. Войска деморализованы. Военный совѣтъ, на которомъ присутствовалъ Гобартъ-паша, рѣшилъ защищать столицу, какъ говорится, «до послѣдней крайности»

— 23-го января. Изъ Константинополя сообщаютъ, что сдѣланы всѣ приготовленія для отъѣзда султана въ Малую Азію.

Константинополь, 21-го января. Русскій Царь отвѣчалъ согласіемъ на ходатайство султана о дарованіи перемирія. Вчера, Серверъ-паша телеграфировалъ въ Константинополь, что великій князь Николай Николаевичъ уже подписалъ протоколъ, касающійся предварительныхъ условій мира, съ условіемъ, что переговоры будутъ продолжаться.

Аѳины, 22-го января. Деліанисъ заявилъ турецкому посланнику, Фотіадесъ-бею, что Греція не имѣетъ намѣренія объявлять Турціи войну, но хочетъ только защитить грековъ отъ нападеній со стороны черкесовъ. Программу эту рѣшено привести въ исполненіе и потому греческая армія двинута въ Ѳессалію.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Въ конторѣ «Живописнаго Обозрѣнія» находятся въ продажѣ большія гравюры:

«Тайная вечеря» снимокъ съ картины Леонарда де Винчи и «Продажа амулетовъ» снимокъ съ картины проф. Семирадскаго.

Цѣна каждой гравюры: безъ перес. 50 коп., съ перес. 75 коп.

Поступило въ продажу второе изданіе нотъ:

«МАРШЪ РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ»

Сочиненіе Флоріана Германа (8 страницъ). Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Получить можно въ конторѣ «Живописнаго Обозрѣнія», а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и К° и М. Бернарда.

Контора «Живописнаго Обозрѣнія» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ при перемѣнѣ адреса высылать **старый адресъ съ бандероли и марками:**

при перемѣнѣ городского на иногородный 85 к.
иногороднаго на городской............ 1 р.
иногороднаго на иногородній................ 24 к.

Безъ означенныхъ приложеній адресъ не перемѣняется.

Въ случаѣ же неполученія кѣмъ либо изъ гг. подписчиковъ нумера журнала, контора покорнѣйше проситъ заявить объ этомъ немедленно по полученіи слѣдующаго нумера, чтобы имѣть возможность отыскать на почтѣ утерянный нумеръ. Заявленія же поступающія о неполученіи нумера по прошествіи мѣсяца, остаются безъ послѣдствій.

ПОДПИСКА НА

ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ

въ **1878** году.

„Варшавскій Дневникъ“ въ 1878 году будетъ выходить ежедневно, листами большого формата, по утвержденной программѣ, въ которую входитъ: А) Оффиціальный отдѣлъ (Высочайшія повелѣнія; обнародованныя законоположенія; распоряженія и дѣйствія Правительства, касающіяся Привислянскаго Края и Имперіи, на русскомъ и польскомъ языкѣ). Б) Внутренній отдѣлъ (редакціонныя статьи, касающіяся общественной жизни, статистики, экономическаго положенія Имперіи и Привислянскаго Края; выписки изъ журналовъ и газетъ, касающіяся тѣхъ-же предметовъ; свѣдѣнія о важнѣйшихъ происшествіяхъ въ Варшавѣ и Привислянскомъ Краѣ, взятыя изъ оффиціальныхъ источниковъ. В) Заграничныя извѣстія. Г) Литературно-библіографическій отдѣлъ (отзывы на польскомъ языкѣ о наиболѣе замѣчательныхъ новостяхъ русской беллетристики и исторической литературы, а на русскомъ: отчеты о таковыхъ-же произведеніяхъ, появляющихся на польскомъ языкѣ, въ возможно-обширныхъ размѣрахъ. Переводъ съ польскаго на русскій и съ русскаго на польскій, всего наиболѣе замѣчательнаго изъ новѣйшихъ произведеній историческаго и бытового содержанія обѣихъ литературъ. Д) Городской справочный листокъ (торговыя, биржевыя свѣдѣнія, объявленія и т. п.).

Кромѣ того, въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ помѣщаются всѣ объявленія присутственныхъ мѣстъ.

Подписная цѣна на „Варшавскій Дневникъ“ въ 1878 году для городскихъ подписчиковъ: въ годъ 9 руб., за полгода 4 р. 50 коп., за три мѣсяца 2 р. 25 коп., за одинъ мѣсяцъ 75 коп. За доставку на домъ приплачивается 5 коп. въ мѣсяцъ. Для иногороднымъ: въ годъ 12 руб., за полгода 6 руб., за три мѣсяца — 3 руб., за одинъ мѣсяцъ—1 руб. **Подписка принимается** въ конторѣ Редакціи, на Медовой улицѣ, домъ № 18, куда и благоволятъ адресоваться гг. иногородные.

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

лучшій и полнѣйшій изъ всѣхъ выходящихъ въ Россіи семейныхъ журналовъ, съ приложеніями. Подписка на 1878 г. открыта.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

Большой иллюстрированный журналъ, съ безплатнымъ приложеніемъ „Иллюстрированной Хроники Войны“. Подписка на 1878 годъ открыта.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Съ 1-го іюля будетъ издаваться въ Черниговѣ, независимо отъ Губернскихъ Вѣдомостей, подъ редакціею **М. И. Лилеева,**

„ЧЕРНИГОВСКАЯ ГАЗЕТА“,

РАЗЪ ВЪ НЕДѢЛЮ,

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

I. Правительственныя распоряженія и узаконенія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія: Высочайшіе приказы, повелѣнія, административныя распоряженія, отчеты правительственныхъ мѣстъ и лицъ.

II. Столичныя и провинціальныя извѣстія. Важнѣйшія политическія извѣстія, болѣе важные и интересные факты изъ церковной и общественной жизни, новости научныя, литературныя, художественныя, и т. п.

III. Мѣстная жизнь. Статьи по всѣмъ вопросамъ мѣстной жизни: дѣятельность Черниговскаго земства; подробное изложеніе различныхъ мѣръ и распоряженій управъ, донесенія о послѣдствіяхъ обзоровъ и ревизій, возлагаемыхъ на членовъ управъ, дѣятельность особо назначенныхъ по разнымъ предметамъ коммисій; свѣдѣнія о народной медицинѣ, земскомъ страхованіи, о ссудосберегательныхъ товариществахъ, о пожарахъ, эпидеміяхъ и прочихъ случайностяхъ, съ изложеніемъ мѣръ, предпринимаемыхъ управами. Свѣдѣнія о дѣятельности городскихъ думъ и управъ Черниговской губерніи. Свѣдѣнія о народныхъ школахъ и другихъ народныхъ заведеніяхъ губерніи. Различныя свѣдѣнія и монографіи историческія, статистическія, этнографическія, экономическія, сельско-хозяйственныя и фабрично-торговыя. Въ этомъ же отдѣлѣ по временамъ будутъ даваться краткіе отчеты о важныхъ и интересныхъ дѣлахъ въ окружныхъ и мировыхъ судахъ, отчеты о дѣятельности училищныхъ совѣтовъ, разнаго рода обществъ, съѣздовъ, имѣющихъ право на вниманіе къ себѣ со стороны общества, а также театральныя замѣтки, небольшіе литературные разсказы и очерки изъ мѣстной бытовой жизни, народные обычаи, суевѣрія, пословицы и т. п.

IV. Разныя извѣстія. Біографіи и некрологи замѣчательныхъ лицъ. Техническія, экономическія и сельско-хозяйственныя свѣдѣнія. Путешествія.

V. Телеграммы политическія и торговыя.

VI. Казенныя и частныя объявленія.

Программу эту мы постараемся выполнить возможно добросовѣстно. Главная задача нашего изданія будетъ состоять въ уясненіи различныхъ формъ нашей мѣстной жизни чрезъ фактическое и безпристрастное ознакомленіе съ нею. Насколько осуществима у насъ подобная задача, это докажетъ близкое будущее. Во всякомъ случаѣ, вниманіе редакціи главнымъ образомъ будетъ обращено на интересы мѣстной жизни. Что же касается другихъ отдѣловъ, указанныхъ нами въ программѣ, то при введеніи ихъ исключительно имѣлось въ виду то, чтобы при возможно доступной цѣнѣ удовлетворять любознательности читателей, не имѣющихъ или средствъ выписывать, или времени читать ежедневныя и дорого стоющія газеты, а между тѣмъ желающихъ своевременно получать свѣдѣнія о разныхъ событіяхъ современной жизни и произведеніяхъ современной литературы.

Мы надѣемся, что всѣ, искренно преданные интересамъ мѣстной жизни, окажутъ нашему изданію посильную помощь своими трудами.

Подписная цѣна годовому еженедѣльному изданію „Черниговской Газеты“ безъ пересылки и доставки 5 руб., съ пересылкою и доставкою 6 руб.; за полугодовое изданіе 3 руб. съ пересылкою и доставкою.

Для волостныхъ правленій, чиновъ полиціи, законоучителей и сельскихъ народныхъ школъ и приходскихъ священниковъ подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою и доставкою 4 руб., за полугодовое 2 руб.

Подписка принимается: въ Черниговѣ, въ редакціи „Черниговской Газеты“, на Театральной площади, въ домѣ Щелкановцева; также при Черниговской Губернской Типографіи в въ книжномъ магазинѣ М. Н. Кранца. Редакторъ **М. Лилеевъ.**

Открыта подписка на 1878-й годъ.

„ПРИРОДА“

(ГОДЪ ШЕСТОЙ).

ПОПУЛЯРНЫЙ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

(одобренъ для библіотекъ учебныхъ заведеній).

РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ НА ВЕЛЕНЕВОЙ БУМАГѢ.

Подписная цѣна 12 р., съ перес. 13 р. 50 к. (безъ хромолит. и литогр. прилож. 8 р. съ перес. 9 р.)

Сборникъ „Природа“ выходитъ 4 раза въ годъ, книгами около 27 печ. листовъ, съ 6—8 хромо и лито-графіями, исполненными въ лучшихъ русскихъ и заграничныхъ литограф. завед., и 100 рисунками въ каждой книгѣ. Въ Сборникѣ принимаютъ участіе многіе извѣстные ученые популяризаторы и будутъ помѣщаться общедоступныя и общеинтересныя статьи по естествознанію, этнографіи, путешествія, статьи по медицинѣ, гигіенѣ, технологіи, сельскому хозяйству, охотѣ, военному и морскому дѣлу и т. п.

Оставшіеся экземпляры Сборника за 1873 г. (2 кн.), 1874, 1875 и 1876 гг. можно пріобрѣтать въ редакціи по 6 р. за годъ безъ прилож. и по 10 р. за годъ съ прилож., (1877 г. за 12 р.), а всѣ 18 томовъ до 120 хромолитографій и литографій, исполненныхъ частію въ литографіяхъ Лемерсье и Баха и изображающихъ сцены изъ жизни животныхъ, растенія, пейзажи, портреты, типы — и болѣе 1200 рисунковъ въ текстѣ, безъ приложеній за 20 р., съ подпиской на 1878 г. за 25 р.; съ приложеніями за 40 р., а съ 1878 г. за 50 р. съ пересылкой.

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ“

органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Охоты,

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ежемѣсячное иллюстрированное изданіе

съ хромолитограф. и литограф. приложеніями.

Подписная цѣна 8 р., съ перес. 9 р. (На полгода 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.).

Въ 1878 г. выходитъ книгами въ 5 печ. листовъ убористой печати, на веленевой бумагѣ (не считая особо печатаемыхъ приложеній), съ хромолитографіей или литографіей въ каждой и многими рисунками въ текстѣ,—изображающими охоту на звѣрей и птицъ, — охотничьихъ животныхъ, собакъ и т. п.—Независимо отъ сего въ теченіи года будутъ выданы въ видѣ преміи 2 раскраш. рисунка собакъ. Въ журналѣ принимаютъ участіе многіе извѣстные охотники — и помѣщаются охотничьи разсказы и очерки, спеціальныя статьи по ружейной и псовой охотѣ, о породахъ, содержаніи, дрессировкѣ и леченіи собакъ, ружьяхъ, монографіи охотничьихъ животныхъ, корреспонденціи, мелкія замѣтки, новости охотничьяго дѣла и т. п.

Оставшіеся экземпляры жур. Охоты за 1874 г. (6 кн.), 75, 76 и 77 гг., а всего 7 томовъ можно выписывать изъ редакціи по 3 р. 50 к., а всѣ 7 томовъ, заключающіе 42 хромолит. и литографій, 7 премій и особыя приложенія: „Записки псоваго охотника“ П. М. Мачеваріанова (160 стран.) и Тетеревъ - косачъ Л. И. Сабанѣева (100 стр.)—за 22 р., съ подпиской на 1878 г. за 30 р. съ перес.

Подписка принимается исключительно въ редакціи Сборника „Природа“ и „Ж. Охоты“ (Москва, Петровка, д. Самариной).

Лица, подписавшіяся на оба изданія въ редакціи, платятъ 16 р. с. безъ и 20 р. съ приложеніями Сборника.

Редакторъ **Л. И. Сабанѣевъ.**

ПОДПИСКА НА 1878 ГОДЪ.

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“

будутъ выходить въ 1878 году по той-же программѣ и также два раза въ недѣлю, какъ и въ прежніе годы. Для приданія большей полноты отдѣлу практической медицины и гигіены, Редакція, кромѣ рефератовъ, будетъ помѣщать общія обозрѣнія современнаго состоянія наиболѣе важныхъ вопросовъ практической медицины и гигіены.

Всего выйдетъ въ годъ 100 №№ газеты.

Подписная цѣна:

	Безъ доставки.	Съ достав. и пересыл.
На годъ.......	6 р. — к.	8 р.
„ полгода......	4 „ — „	5 „
„ три мѣсяца....	2 „ 50 „	3 „
„ одинъ мѣсяцъ..	— 75 к.	1 р.

Подписка принимается въ конторѣ Редакціи въ С.-Петербургѣ, на углу Б. Садовой ул. и Кокушкина пер., д. № 45.

Въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Риккера, Исакова, Черкесова, Попова и въ магазинѣ для иногородныхъ и др.

Въ Москвѣ—въ магазинахъ Соловьева и Центральномъ.

Въ Казани—въ магазинѣ „Восточная Лира“.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать письма и требованія исключительно въ контору Редакціи газеты.

Объ изданіи въ 1878 году еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала:

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Журналъ выходитъ еженедѣльными нумерами не менѣе **двухъ съ половиной печатныхъ листовъ,** въ форматѣ лучшихъ иностранныхъ иллюстрацій (въ годъ 52 №№ или болѣе 1,000 страницъ); въ каждомъ нумерѣ помѣщается отъ четырехъ до восьми художественныхъ рисунковъ (въ годъ до 300), исполненныхъ по заказу Редакціи въ Россіи и заграницей. Въ теченіи года всѣ подписчики получаютъ, **въ видѣ безплатной преміи,** два иллюстрированныя приложенія **„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“** и **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.** Кромѣ того, въ теченіи года будутъ разосланы всѣмъ гг. подписчикамъ

БЕЗПЛАТНЫЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ АВТОРОВЪ

(Поэмы, романы, повѣсти, драмы); гравюры на веленевой бумагѣ. Образчикъ подобной преміи, «МАРКО ФОСКАРИНИ» драма ЗАЛЕВСКАГО, въ переводѣ И. В. ОМУЛЕВСКАГО, разосланъ въ началѣ ноября нынѣшняго года всѣмъ гг. подписчикамъ на 1877 годъ. По окончаніи года премія Иллюстрированныхъ произведеній составитъ цѣльный отдѣльный томъ. Этой преміей Редакція желаетъ положить начало иллюстрированнымъ изданіямъ, получившимъ большую распространенность въ Западной Европѣ. Кромѣ означенныхъ премій, Редакція имѣетъ въ виду разослать также въ видѣ безплатной преміи картину **„ВЗЯТІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ“.**

ПЕРВАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПРЕМІЯ:

„ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“.

Состоящая изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: 1) Гигіены; 2) Техническій и хозяйственный.

Второе безплатное иллюстрированное приложеніе съ пояснительнымъ текстомъ:

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. За годовое изданіе **„ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“** изъ 52 №№, съ даровыми приложеніями **„Жизнь и Хозяйство“** и **„Парижскія моды“** и правомъ на полученіе всѣхъ премій въ теченіе 1878 года. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **6 р.** Съ доставкою въ С.-Петербургѣ, а также для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою **7 р.** За границею **8 р. 50 к.** На полгода **3 р. 50 к.** съ пересылкою **4 руб.**; на три мѣсяца безъ пересылки **1 р. 75 к.** съ пересылкою **2 р.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕИСЯ: 1) Въ **С.-Петербургѣ,** въ главной конторѣ редакціи журнала, Троицкій переулокъ д. № 27. 2) Въ **Москвѣ,** въ отдѣленіи конторы «Живописнаго Обозрѣнія» въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ въ д. Алексѣева.

При этомъ нумерѣ разсылается приложеніе № 1 „ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО“, Отдѣлъ II.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Января 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 6. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 5 Февраля 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ VI.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Русской публикѣ извѣстно, какое громадное впечатлѣніе произвела въ прошломъ году картина профессора Семирадскаго „**Свѣточи христіанства**“. Редакціи журнала «Живописное Обозрѣніе» было крайне желательно дать своимъ годовымъ подписчикамъ снимокъ съ этого произведенія, и она въ настоящее время получила возможность исполнить свое желаніе. Для парижской всемірной выставки готовится большая, въ 700 кв. дюймовъ, гравюра съ этого замѣчательнаго произведенія; Редакція «Жив. Об.» пріобрѣла право разослать экземпляры этой гравюры на лучшей веленевой бумагѣ своимъ подписчикамъ.

Заявляя о безплатныхъ преміяхъ, предположенныхъ къ выдачѣ гг. подписчикамъ на журналъ «Живописное Обозрѣніе» въ настоящемъ году, Редакція не сказала ни слова объ этой, самой выдающейся изъ премій, потому, что объ ея изготовленіи не былъ еще полученъ положительный отвѣтъ. Но теперь дѣло окончено и премія «Свѣточи христіанства» будетъ прислана въ Редакцію въ апрѣлѣ.

Разсылка этой преміи въ сложенномъ видѣ будетъ производиться безплатно. Если же кто-нибудь изъ гг. подписчиковъ пожелаетъ, для лучшаго сохраненія ея отъ возможной порчи во время пересылки, получить гравюру навернутой на палку и заклеенной въ бумагу, то благоволитъ прислать на такую пересылку 75 коп. сер. до 1 мая. Лица, неприславшія къ этому сроку пересылочныхъ денегъ, получатъ гравюру сложенной въ форматѣ журнала. Гг. же городскіе подписчики могутъ получать премію въ конторѣ Редакціи (Троицкій пер. д. № 27). О днѣ, съ котораго начнется раздача преміи, будетъ объявлено своевременно.

Въ отдѣльной продажѣ гравюра „**Свѣточи христіанства**“ будетъ стоить **пять** руб.

Король Викторъ-Эммануилъ.

Біографія короля Виктора Эммануила не вошла въ настоящій нумеръ по недостатку мѣста; она будетъ напечатана въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ вмѣстѣ съ біографіей умершаго папы Пія IX.

Стихотвореніе Д. А. Рубина.

* * *

Если-бъ могъ ее я только увидать,
Если-бъ могъ да вдругъ къ груди ее прижать,
Да сказать бы ей, какъ я ее люблю,
Что, безъ ней, для ней, въ чужихъ людяхъ терплю;

Какъ работаю, скопляючи гроши
Для нея, моей красавицы-души.
Разсказалъ бы ей свое житье-бытье,
Да еще хотѣлъ спросить бы у нее:

Какъ живетъ она, голубушка моя,
Не забыла-ль добра молодца меня?...
Такъ ли любитъ, обѣщала какъ любить,
Никогда меня, во вѣки не забыть?!..

Устала ждать.

Повѣсть **А. Г. Сахаровой**.

Tout comprendre c'est tout pardonner.

I.

Бурнымъ, неудержимымъ потокомъ лились звуки страстнаго allegro Бетховенской «quasi una fantasia» изъ подъ тонкихъ, но сильныхъ пальцевъ Натальи Александровны Бородиной. Рояль стоналъ и трещалъ подъ пальцами дѣвушки. Пальмовая свѣча, въ простенькомъ мельхіоровомъ подсвѣчникѣ, догарала, едва освѣщая незатѣйливую обстановку комнаты и разнокалиберные стулья, и ломберный столъ, подъ старымъ зеркаломъ, и старинный диванъ, обтянутый полинялымъ голубымъ шерстянымъ трипомъ. На диванѣ, какъ то робко, пріютился молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, въ поношенномъ сюртукѣ, съ папиросой въ зубахъ; играющая дѣвушка, повидимому, не обращала никакого вниманія на то, что ее окружало.

Она вся ушла въ міръ звуковъ; она была далеко отъ этой жалкой, непривѣтной обстановки, отъ этой комнатки, которая была также знакома и противна ей, какъ узнику противна его тѣсная келья, противна, потому что она напоминала ей тяжелую нужду, мелкіе грошевые разсчеты, вѣчно озабоченное лицо матери и плачъ маленькой сестры; она даже и не думала, что у нея есть слушатели. Впрочемъ, она и не считала слушателемъ этого высокаго, сухощаваго молодого человѣка въ поношенномъ сюртукѣ. Его сѣровато-блѣдное, неправильное лицо, съ низкимъ лбомъ, съ кроткими, ласковыми свѣтлоголубыми глазами, съ тонкими свѣтлорусыми волосами, какъ то безпорядочно вьющимися, его тонкія, блѣдныя губы, улыбающіяся какой то доброй, но безпомощной улыбкой, его блѣдныя, слабыя руки, сложенныя на колѣняхъ казались ей такой же принадлежностью этой непригляной обстановки, какъ эти стулья, какъ этотъ диванъ.

Вѣдь она видѣла его каждый день, вѣдь Павелъ Ивановичъ Родіоновъ, студентъ послѣдняго курса филологическаго факультета петербургскаго университета, былъ уже два года ея женихомъ и ждалъ только окончанія курса до мѣста, чтобы назвать ее своей женой; вѣдь онъ любилъ ее такъ искренно, вѣдь онъ дѣлился съ ея семьей своими скудными заработками, вѣдь онъ переносилъ всегда терпѣливо всѣ вспышки и капризы молодой дѣвушки. Онъ нанималъ у нихъ небольшую комнатку и нерѣдко ободрялъ и поддерживалъ утомленную и болѣзненную мать Натальи Александровны, вѣдь Наталья Александровна тоже любила его и признавала всѣ его достоинства. Да, все это такъ... но бывали минуты, бывали цѣлые дни, когда Наталья Александровна, утомленная своей повседневной борьбой, ненавидѣла это блѣдное лицо такъ же искренно и страстно, какъ она ненавидѣла всю эту крошечную квартирку, всю эту жалкую обстановку, весь этотъ узенькій тѣсный мірокъ, изъ котораго она рвалась такъ страстно. Бывали минуты, когда раздраженной неудачами дѣвушкѣ этотъ ровный, ласковый голосъ, говорящій о будущемъ, о томъ, что имъ надо работать и надѣяться, казался голосомъ тюремщика, и Наталья Александровна ненавидѣла его больше всѣхъ за эту выносливость, за это терпѣнье.

Звуки замерли, играющая дѣвушка остановилась и провела тонкой изящной рукой по лбу, какъ бы стараясь разогнать всѣ грезы. Лицо музыкантши было однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя не пройдутъ незамѣченными даже среди красавицъ. Блѣдносмуглый цвѣтъ кожи, тонкія правильныя черты лица, густыя черныя косы, падающія ниже пояса, страстныя полныя губы, большіе, бархатные, темнокаріе глаза съ длинными шелковистыми рѣсницами, стройная и изящная фигура, все это выдѣлялось еще рѣзче среди этой неприглядной обстановки.

Дѣвушка кончила играть, но она не убрала нотъ, не погасила свѣчи, она даже не обернулась къ молодому человѣку и, повидимому, все еще была далеко отъ всего окружающаго, не смотря на старанье вернуться къ дѣйствительности.

— О чемъ ты замечталась, Наташа? спросилъ ее знакомый, ровный голосъ и ея тонкія, нервныя руки очутились въ рукахъ Павла Ивановича.

Губы дѣвушки слегка дрогнули при знакомыхъ звукахъ. Эти звуки спугнули ея свѣтлыя радужныя грезы, какъ выстрѣлъ охотника вспугиваетъ птичекъ. Блестящая зала, освѣщенная тысячью огней, аплодисменты, тотъ міръ искуства, тотъ праздничный міръ, который грезился ей, исчезъ и она снова была тутъ въ своей жалкой квартиркѣ на Васильевскомъ острову, снова была въ своей тюрьмѣ и какъ же ненавидѣла она своего тюремщика, который разогналъ всѣ ея грезы скрипомъ ключа.

Красивыя губы Натальи Александровны исказились нехорошей, злой усмѣшкой:

— Я мечтала о той жизни, которой мы заживемъ съ тобою, Поль, когда ты кончишь курсъ и получишь мѣсто.

Павелъ Ивановичъ не замѣтилъ горькой, больной ироніи, звучавшей въ словахъ дѣвушки, не замѣтилъ сухого надорваннаго звука ея голоса. Онъ еще крѣпче сжалъ ея руки.

— Недолго уже ждать намъ, дорогая; весною я кончу курсъ, получу мѣсто учителя исторіи и мы повѣнчаемся. Я буду работать, ты будешь давать уроки, твоя мама будетъ жить съ нами. Петю мы отдадимъ въ гимназію, Катюшу ты будешь приготовлять сама и мы заживемъ счастливой, трудовой жизнью. Трудъ и любовь — вотъ два первыхъ, два необходимыхъ условія счастья. Мы обладаемъ ими, родная, любимая, и мы будемъ счастливы, меланхолично мечталъ вслухъ Павелъ Ивановичъ.

Хорошо, что влюбленный мечтатель такъ близко и страстно прижимался къ рукамъ дѣвушки, что онъ не могъ разглядѣть выраженья ея лица, а то онъ отшатнулся бы отъ нее, не смотря на свой оптимизмъ.

Это молодое нервное лицо, выражало столько жгучаго презрѣнья, столько страстной тоски! Тонкія ноздри раздувались, красивыя губы сжимались безпощадно сурово и изящныя тонкія руки дѣвушки похолодѣли подъ его долгими поцѣлуями, но онѣ похолодѣли не отъ страстнаго волненія любящей молодой женщины при прикосновеніи любимаго человѣка, а отъ наплыва ненависти—жгучей, больной ненависти.

«Тюрьма, та же бѣдная, жалкая, узкая, тѣсная тюрьма, проносилось у ней въ головѣ, пока молодой человѣкъ рисовалъ ей однообразную и скучную картину ихъ будущей жизни.—Тюрьма, гдѣ нельзя ни дохнуть, ни развернуться и онъ вѣчно со мной, этотъ блѣдный, безцвѣтный, вѣчно довольный собой человѣкъ, въ своемъ поношенномъ сюртукѣ, въ своей подозрительной чистоты рубашкѣ. Вѣчно онъ!» И рядомъ съ нимъ, ея утомленная, болѣзненная мать, которую онъ такъ чувствительно величаетъ мамою и тѣ же мелкіе, грошевые счеты, та же ходьба по урокамъ, та же ходьба по грязнымъ петербургскимъ улицамъ, та же мучительная, убійственная ходьба во всякую погоду, тѣ же звуки этюдъ Черни и гаммъ, тѣ же разъ, два, три, четыре, а дома по вечерамъ тѣ же разговоры о томъ, какія бы кушанья подешевле придумать къ завтрашнему обѣду, то же перешиванье старыхъ платьевъ, починка подоловъ и вся та же убійственно однообразная жизнь—все то же до старости, до гробовой доски. «Ха, ха! смѣялась въ душѣ больнымъ жгучимъ смѣхомъ дѣвушка.—Онъ называетъ это счастьемъ, онъ называетъ это жизнью! Прекрасное счастье! Чудная жизнь, нечего сказать, если отъ нее хочется бѣжать, безъ оглядки, куда-нибудь на край свѣта!»

II.

Въ той бѣдной, незатѣйливой обстановкѣ семьи мелкаго чиновника, въ которой Наталья Александровна провела свое дѣтство и свою юность, не было, да и не могло быть ни потрясающихъ драмъ, ни роковыхъ катастрофъ; тутъ все шло ровно, сѣро, буднично, грязно и пошло, но эта то сѣренькая и гаденькая плѣсень и затягиваетъ живого человѣка, какъ нити гигантской паутины, и высасываетъ изъ него всѣ жизненныя силы, такъ что человѣкъ становится совершенно обезсиленнымъ существомъ.

Отецъ Натальи Александровны занималъ мѣсто столоначальника въ одномъ изъ столичныхъ департаментовъ, получалъ семьсотъ рублей въ годъ и долженъ былъ жить на эти деньги съ женой и тремя дѣтьми. Это былъ худенькій, невысокій, бѣлокурый, плѣшивенькій человѣчекъ, вѣчно озабоченный, вѣчно сидящій за перепиской или составленіемъ бумагъ. Мать ея была худенькая, юркая брюнетка, вѣчно штопающая, моющая, шьющая что нибудь, вѣчно считающая гроши, вѣчно охающая и причитающая. Оба они, и отецъ, и мать, были люди незлые и даже неглупые; но это были люди до такой степени обезличенные мелкой, повседневной борьбой, что въ нихъ не было ни малѣйшей самостоятельности. Да и откуда же было взяться тутъ самостоятельности и развитію?

Отецъ Натальи Александровны кончилъ курсъ въ одномъ изъ петербургскихъ уѣздныхъ училищъ, поступилъ на службу канцелярскимъ служителемъ и только на сороковомъ году дотянулъ до мѣста столоначальника. Имѣлъ ли онъ время читать, думать объ общественныхъ вопросахъ, когда онъ съ девяти часовъ утра сидѣлъ, согнувшись, надъ перепиской бумагъ и когда цифры и буквы мелькали въ его воспаленныхъ усталыхъ глазахъ, а дома по вечерамъ онъ клеилъ коробочки и ящички и продавалъ ихъ, чтобы помочь семьѣ. Мать Натальи Александровны происходила изъ такой же бѣдной чиновничьей семьи, какъ и ея отецъ. Съ грѣхомъ пополамъ умѣющая читать и писать по-русски, Варенька Тихонова приглянулась молодому канцеляристу Бородину, когда ему было двадцать три, а ей семнадцать лѣтъ.

Послѣ свадьбы молодые люди зажили той же тихой, однообразной жизнью, которой они жили до брака. Александръ Ильичъ Бородинъ по прежнему переписывалъ бумаги, ходилъ въ должность, клеилъ ящики и коробочки, а Варенька—только теперь она была уже не Варенька Тихонова, а Варенька Бородина—по прежнему хозяйничала, считала гроши, мыла, шила, стряпала. Любовь ихъ другъ къ другу была такая же странная, робкая, приниженная, безъ ласки, безъ восторга, безъ наслажденья, такая же сѣренькая, такая же будничная, какъ ихъ жизнь. Дѣтей своихъ

они любили этой же странной любовью. Старшей дочерью ихъ была Наташа.

Трудно рѣшить, откуда Наташа наслѣдовала свою оригинальную южную красоту; можетъ быть, она наслѣдовала ее, также какъ и гордый страстный характеръ отъ своей бабушки съ отцовской стороны, отъ той таинственной бабушки, о которой въ семьѣ Бородиныхъ говорили шепотомъ, отъ той красавицы, венгерки арфистки, которую отецъ Бородина встрѣтилъ въ одномъ изъ трактировъ, въ которую онъ безумно влюбился и на которой онъ даже женился къ ужасу своихъ товарищей и сослуживцевъ. Недолго выдержала бродячая арфистка, привыкшая къ свободѣ странствующей жизни, къ кутежу и оргіи, эту бѣдную, сѣренькую жизнь взаперти. Только годъ выжила она съ мужемъ и ушла, оставивъ безумно влюбленному въ нее мужу въ наслѣдство сына. Страшно затосковалъ дѣдушка нашей героини послѣ бѣгства жены. Потеря любимой женщины, насмѣшки товарищей надъ неудачнымъ выборомъ, — все это заставило Илью Бородина запить мертвую. Организмъ молодого человѣка — Ильѣ Бородину было только двадцать четыре года — не выдержалъ этой страстной тоски, этихъ безплодныхъ поисковъ. Илья допился до бѣлой горячки и умеръ на больничной койкѣ, а отца нашей героини взяла къ себѣ сестра Ильи, бездѣтная вдова.

Александръ Ильичъ Бородинъ не походилъ ни на мать, ни на отца. Скромный, застѣнчивый, робкій, онъ привязался къ теткѣ, благодѣтельницѣ, учился прилежно, служилъ усердно. Онъ больше всего боялся скандала, боялся всего выдающагося. Исторія женитьбы его отца и его смерти, разсказанная Александру Ильичу его теткою, ужасала его. Онъ боялся любви, страсти, кутежа, оргіи, хуже огня, онъ и женился-то скорѣе по привычкѣ, нежели по любви на недурненькой Варѣ Тихоновой, своей сосѣдкѣ.

Но если Александръ Ильичъ Бородинъ совсѣмъ не походилъ на свою погибшую мать, о которой рѣшались говорить только шепотомъ и озираясь, за то первая его дочь Наташа, по странному капризу природы, уродилась въ бабушку и лицемъ, и характеромъ. Высокая, стройная, смуглая, съ густыми черными косами, граціозная, гибкая Наташа уже въ дѣтствѣ обращала на себя вниманье всѣхъ своей оригинальной красотой, своими бархатными темнокарими глазами, своей страстной порывистостью движеній.

Родители Наташи, какъ только ей исполнилось одиннадцать лѣтъ, опредѣлили ее въ седьмой классъ женской гимназіи; не потому, что они доработались до сознанья, что женщина должна быть образована, а потому, что они видѣли, что человѣкъ образованный можетъ легче зашибить копѣйку.

— Учись хорошенько, Наташа, уважай начальство, слушай старшихъ, выростешь — отцу съ матерью кормилицей будешь, говорили они, — и Наташа училась прилежно и хорошо, но, впрочемъ, вовсе не для того, чтобы угодить отцу съ матерью. Порывистая, страстная дѣвочка не питала особенной привязанности ни къ одному изъ родителей; ей всегда было какъ то душно въ ихъ маленькой квартиркѣ на Козьемъ болотѣ, ей всегда хотѣлось вырваться куда то на свободу и она училась, потому что она была болѣзненно самолюбива, потому что каждое обидное слово, каждый косой взглядъ больно отзывались на чуткой, страстной натурѣ дѣвушки.

Самолюбивой дѣвочкѣ пришлось выслушать въ гимназіи много насмѣшекъ надъ ея старенькимъ, бѣднымъ костюмомъ.

— Наташа Бородина, у тебя калоши каши просятъ, смѣялись почти вслухъ дѣвочки.

— Вѣрно, ты этотъ салопъ отъ бабушки наслѣдовала.

— Нѣтъ, нѣтъ онъ перешитъ ей изъ дѣдушкинаго халата, дразнили ее подруги и Наташа или упорно молчала, или злобно огрызалась.

— Учись, говорили ей родители, — кончишь курсъ, получишь казенное мѣсто, будешь поддерживать родителей. Но умная дѣвочка всматривалась, анализировала и съ ужасомъ думала о томъ будущемъ, которое являлось цѣлью стремленій и желаній ея родителей. Передъ Наташей, во время ея шестилѣтняго пребыванія въ гимназіи, прошло много учительницъ. Она видѣла, какъ онѣ поступали туда молодыми, цвѣтущими, полными здоровья и силъ дѣвушками, она слышала, какъ бодро звучали ихъ молодые голоса въ первые годы ихъ преподавательской дѣятельности; но потомъ куда дѣвались эти молодыя, цвѣтущія дѣвушки? Увы! послѣ двухъ, трехлѣтней работы иныя выходили замужъ, другія превращались постепенно въ сухихъ, желтыхъ, сморщенныхъ старыхъ дѣвъ, озлобленныхъ на своихъ ученицъ, и только третьи — но такихъ было немного, очень немного — продолжали преподавать интересно и краснорѣчиво. Случалось Наташѣ бывать и на дому у нѣкоторыхъ учительницъ и классныхъ дамъ, и въ ихъ квартирахъ она встрѣчала ту же бѣдность, которую она такъ страстно ненавидѣла и дома.

Нѣтъ, у Наташи былъ другой идеалъ, ей грезилась совершенно другая жизнь, нежели та, которая ее окружала. Ей снилась жизнь, полная роскоши и блеска, гдѣ не надо считать грошей, не надо подшивать старыхъ подоловъ, не надо было ходить по петербургскимъ улицамъ во всякую погоду.

О, какъ ненавидѣла Наташа эти улицы, по которымъ ей приходилось шагать утромъ, когда еле разсвѣтало, и днемъ, когда уже начинало смеркаться. Съ грустнымъ сожалѣніемъ глядѣла она на учителей и учительницъ, долѣ которыхъ завидовали ея родители. Она училась хорошо и читала много, читала всѣ тѣ книги, которыя ей удавалось достать въ гимназической библіотекѣ и у знакомыхъ.

Но хотя Наташа училась хорошо, она всетаки училась скорѣе по обязанности и, въ сущности, любила страстно только одну музыку. Плохо было маленькое піанино, пріобрѣтенное по случаю отцемъ Наташи, плохъ былъ и нѣмецъ учитель, согласившійся учить дѣвочку за дешевую плату; но какъ только дѣвочка садилась за это піанино — она оживала. Она забывала и скучную гимназію, и грязныя улицы, и крошечныя комнатки, и плохой нарядъ и поношенныя калоши. Подъ убаюкивающую мелодію звуковъ пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ грезилось, что она Маргарита, гуляющая по саду вмѣстѣ съ Фаустомъ, Клерхенъ, ожидающая Эгмонта, Тизба, осыпанная апплодисментами; но звуки смолкали и Наташа прямо сразу переходила въ міръ грязныхъ подоловъ, вареннаго картофеля, въ тотъ міръ грошевыхъ разсчетовъ, который она такъ страстно ненавидѣла.

Съ Павломъ Ивановичемъ Родіоновымъ Бородины были давно знакомы. Наташѣ только что исполнилось тринадцать лѣтъ, когда у нихъ въ домѣ появился шестнадцатилѣтній Павелъ Родіоновъ, гимназистъ пятаго класса, сынъ приходскаго священника одной изъ ближайшихъ церквей. Застѣнчивый, робкій, скромный мальчикъ сразу почувствовалъ что то въ родѣ благоговѣнія къ веселой страстной дѣвочкѣ и сдѣлался ея рабомъ.

Единственный сынъ не очень бѣднаго священника, любимецъ отца и матери, Родіоновъ росъ мирно и безмятежно въ своей семьѣ. Онъ былъ мальчикъ очень неглупый, но не отличался особыми способностями и былъ мѣшковатъ и лѣнивъ. Глубоко привязанный къ своимъ родителямъ и горячо любимый ими, Павлуша Родіоновъ и самъ любилъ всѣхъ этой тихой, ровной, тепленькой любовью. Окруженный любящими заботами родителей, никогда не испытавшій нужды, онъ плохо всматривался въ жизнь, мало и рѣдко анализировалъ и больше мечталъ, хотя мечты его были также блѣдны искромны, какъ его обстановка. Уже въ гимназіи Павлуша Родіоновъ мечталъ о томъ, какъ онъ кончитъ курсъ въ университетѣ, будетъ учить дѣтей, женится самъ и заживетъ своимъ домкомъ. Въ этихъ грезахъ о семейной жизни, о будущемъ гнѣздышкѣ, ему все чаще и чаще начинало являться красивое личико дѣвочки, той веселой, страстной дѣвочки, которая вѣчно подтрунивала надъ нимъ, вѣчно называла его плаксой, нюней, рохлемъ.

Но вотъ Павелъ Ивановичъ кончилъ курсъ въ гимназіи и сталъ студентомъ филологическаго факультета петербургскаго университета, вотъ и Наташа вышла одной изъ первыхъ ученицъ изъ женской гимназіи, а отношенія молодыхъ людей все еще не измѣнялись. Родіоновъ, по прежнему, часто бывалъ у Бородиныхъ и Наташа по прежнему подтрунивала надъ нимъ, — впрочемъ, нѣтъ, Наташа рѣже, гораздо рѣже дразнила теперь Родіонова и обращалась съ нимъ несравненно сдержаннѣе. Изъ рѣзвой, порывистой, страстной гимназистки Наташа стала сдержанной, даже нѣсколько сухой дѣвушкой.

Родители Наташи радовались этой, повидимому, внезапной перемѣнѣ и утѣшались тѣмъ, что дочка ихъ «остепенилась». Павелъ Ивановичъ любовался задумчивостью дѣвушки и приписывалъ ее тому, что Наташа становится женщиной и что ея чувства къ нему измѣнились. Но и родители и Павелъ Ивановичъ совершенно ошибочно объясняли перемѣну, происшедшую въ характерѣ Наташи. Дѣйствительно, порывистая дѣвочка какъ бы разомъ превратилась въ сдержанную серьезную женщину; но Наташа измѣнилась такъ не потому, что она «остепенилась», какъ говорили ея родители, не потому, что ея чувства къ Павлу Ивановичу измѣнились, а потому, что она стала дѣйствительно женщиной и ненависть къ этой жалкой, будничной, сѣренькой средѣ, въ которую ее втиснула жизнь, окрѣпла и созрѣла въ ней.

Окончивъ курсъ въ гимназіи, Наташа стала давать частные уроки и по совѣту Павла Ивановича поступила въ консерваторію для окончанія своего музыкальнаго образованія. Павелъ Ивановичъ уговорилъ родителей Наташи согласиться на ея желаніе, онъ приплачивалъ за Наташу изъ своихъ заработковъ и родители молодой дѣвушки не противились его вмѣшательству въ судьбу ихъ дочери.

Родіоновъ давно уже считался женихомъ Наташи, хотя онъ не дѣлалъ оффиціальнаго предложенія, такъ что никто не удивился, когда Родіоновъ, послѣ смерти своихъ родителей, переѣхалъ къ Бородинымъ, нанявъ у нихъ комнату. Тѣ немногія подруги Наташи, которыя посѣщали Бородиныхъ, давно уже, шутя, называли Наташу M-me Родіоновой. Родители Наташи давно смотрѣли на Павла Ивановича, какъ на зятя, какъ на сына, давно спрашивали его совѣта во всѣхъ затруднительныхъ дѣлахъ. Молодые люди уже съ дѣтства были на ты и никто не находилъ странными ни близости отношеній, ни нѣжной заботливости Родіонова о Наташѣ. Павелъ Ивановичъ прожилъ два года въ семьѣ Бородиныхъ. Онъ купилъ Наташѣ великолѣпный рояль, истративъ на него значительную долю наслѣдства, оставленнаго ему отцемъ, онъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ любимой дѣвушки, онъ старался предупредить малѣйшее ея желаніе, онъ постоянно мечталъ о томъ времени, когда онъ кончитъ курсъ и назоветъ ее своей женой.

Прилежно учился Павелъ Ивановичъ, неутомимо работалъ онъ дома. Переводы, уроки, переписка — онъ не пренебрегалъ ничѣмъ и среди

Картина Буржа.

Запрещенная книжка.

всего этого тяжелаго, непосильнаго труда его поддерживали образъ той женщины, которую онъ любилъ, и мысль, что онъ назоветъ ее своей женой, будетъ заботиться объ ея семьѣ. Но вотъ умеръ и отецъ Наташи, соединивъ руки дочери и Павла Ивановича и благословивъ ихъ женихомъ и невѣстой.

Спокойно, увѣренно взглянулъ Родіоновъ своими голубыми глазами въ глаза умирающаго, крѣпко пожалъ онъ своей нервной рукой руку Александра Ильича, обѣщая ему заботиться и беречь его семью и заступить его мѣсто.

А Наташа?—Наташа стояла молча, ея тонкая изящная рука холодно и неподвижно лежала въ рукѣ Родіонова, ея шелковистыя рѣсницы тяжело упали на блѣдныя щеки, и она, какъ то пассивно, выслушивала увѣщанья отца быть хорошей женой, выслушивала нѣжныя рѣчи Родіонова. Ей казалось, что рѣчь идетъ совсѣмъ не о ней, что эта блѣдная, покорная дѣвушка, которую отецъ благословляетъ на бракъ съ этимъ невзрачнымъ, незамѣтнымъ человѣчкомъ совсѣмъ не она, не Наташа—не Маргарита, ожидающая Фауста съ страстной тоской въ сердцѣ, не Антонія, очаровывающая демагога Мюнцера своей красотой и страстностью, не Сильвія, краснѣющая подъ пристальнымъ взглядомъ влюбленнаго короля,—нѣтъ, ей казалось, что совсѣмъ не она, не настоящая Наташа дала слово быть женой этого блѣднаго человѣка, что совсѣмъ не ея рука лежитъ въ его рукѣ и что она, Наташа, далеко и отъ этого умирающаго старика и отъ этого блѣднаго человѣчка, и дѣвушка, какъ то тупо, наблюдала за всей этой церемоніей благословленія, точно дѣло шло совсѣмъ не о ней, а о комъ то другомъ, совершенно постороннемъ.

Такой же молодой и безучастной зрительницей явилась Наташа и на похоронахъ отца. Гордая, самолюбивая, страстная дѣвушка не была привязана ни къ отцу, ни къ матери глубокой привязанностью. Она относилась къ нимъ, къ брату, къ сестрѣ, къ Павлу Ивановичу Родіонову, какъ то равнодушно и безразлично. Родители не притѣсняли ее, можетъ быть, потому что въ бѣдныхъ семьяхъ родителямъ некогда заниматься систематическимъ преслѣдованьемъ дѣтей, они заботились о ней по своему и дѣвочка платила имъ за это какой то внѣшней покорностью; но она никогда не была откровенна съ ними, она рѣдко разговаривала съ ними, да и о чемъ стала бы она говорить съ вѣчно согбеннымъ надъ бумагами столоначальникомъ-отцомъ, съ постоянно охающей хозяйкой-матерью?

Нѣтъ, Наташа никого не любила: ни отца, ни мать, ни учительницъ, ни брата, ни сестру, но она и не ненавидила никого. Вообще въ этомъ сѣренькомъ, будничномъ мірѣ любовь и ненависть рѣдко встрѣчаются въ чистомъ неподдѣльномъ видѣ. И такъ, Наташа никого не любила и не ненавидѣла никого изъ окружающихъ и поэтому смерть одного изъ нихъ мало повліяла на неё. Вѣдь ея жизнь мало измѣнилась, вѣдь квартирка, нанятая Павломъ Ивановичемъ на Васильевскомъ островѣ была также мала и тѣсна, какъ ихъ квартирка на Козьемъ болотѣ, вѣдь мать ея также шила и стряпала, вѣдь Павелъ Ивановичъ по прежнему ходилъ на уроки и на лекціи и мечталъ, а она, Наташа, по прежнему ходила въ консерваторію и давала уроки.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Открытіе статуи Джона Стюарта Миля.

Послѣ смерти Миля въ 1873 году лучшіе люди Англіи, безъ различія партій, образовали комитетъ для принятія мѣръ къ увѣковѣченію памяти того, о комъ Бокль сказалъ: «Еслибъ былъ созванъ судъ присяжныхъ изъ величайшихъ европейскихъ мыслителей и имъ предложенъ на разрѣшеніе вопросъ: кто изъ современныхъ писателей сдѣлалъ всего болѣе для развитія человѣческаго знанія, они, конечно, не колеблясь произнесли бы имя Джона Стюарта Миля». Въ составъ сказаннаго комитета вошли представители торійской партіи лордъ Дерби и маркизъ Салисбюри, маститые представители старыхъ виговъ лордъ Джонъ Россель и герцогъ Девонширъ, видные дѣятели современной либеральной партіи Фоссетъ, герцогъ Аргаль, Чадвикъ, сэръ Чарльзъ Дильке, Форстеръ, Гейвудъ и Стансфильдъ, знаменитые ученые Гексли, Тиндаль, Гербертъ Спенсеръ, сэръ Джонъ Леббокъ, сэръ Генри Мэнъ, Лекки, Лесли, Торнтонъ и Арнольдъ, наконецъ, стоящія во главѣ женскаго движенія въ Англіи: м-съ Фоссетъ и м-съ Грей. Подписка, открытая во всей Англіи, какъ между богатыми аристократами, такъ и между бѣдными рабочими, достигла вскорѣ довольно почтенной цифры; послѣ долгаго обсужденія въ комитетѣ и въ печати, было рѣшено поставить статую Миля въ Лондонѣ, основать стипендіи для студентовъ обоего пола, преимущественно для изученія общественныхъ наукъ и открыть въ городахъ, гдѣ всего болѣе уважается его имя, «залы Миля» для вполнѣ свободнаго обсужденія политическихъ, общественныхъ и научныхъ вопросовъ. Замѣчательно, что въ пользу статуи высказались, главнымъ образомъ, рабочіе, по словамъ одного изъ ихъ представителей, «будущія поколѣнія съ радостью станутъ смотрѣть на его доброе, терпѣливое лицо, каждая черта котораго дышетъ умомъ и любовью къ человѣчеству». Прежде всего было приступлено къ сооруженію бронзовой статуи на самомъ подходящемъ мѣстѣ для памятника великаго учителя настоящаго поколѣнія, въ саду передъ домомъ вѣдомства общественныхъ школъ на набережной Темзы. Дѣло это нѣсколько затянулось по причинѣ смерти скульптора, которому по конкурсу была поручена работа, и ее пришлось передать художнику Вульнеру, который привелъ ее къ успѣшному окончанію. Его замѣчательное произведеніе, вызвало всеобщія похвалы знатоковъ. Миль изображенъ сидящимъ и погруженнымъ въ глубокую думу, причемъ лицо его, кромѣ поразительнаго сходства, прекрасно выражаетъ то напряженное вниманіе, которое всегда появлялось на немъ во время парламентскихъ преній или въ частныхъ разговорахъ. На пьедесталѣ красуется простая надпись надъ лавровой вѣтвью: «Джонъ Стюартъ Миль».

14 (26) января произошло скромное торжество открытія статуи Миля, причемъ присутствовали главнѣйшіе члены комитета и многіе изъ извѣстныхъ дѣятелей въ областяхъ политики, науки и литературы. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ Гейвудомъ, Ричардсономъ, Лефевромъ, Торнтономъ и другими ораторами, было указано на великія заслуги Миля, какъ философа, политико-эконома, публициста, члена парламента, защитника женскихъ правъ, практическаго дѣятеля въ бывшей ост-индской кампаніи, а главное, какъ человѣка, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, человѣка, посвятившаго всю свою жизнь на развитіе просвѣщенія и благосостоянія человѣчества. Самая замѣчательная изъ этихъ рѣчей принадлежала Фоссету, продолжающему съ успѣхомъ, въ парламентѣ, литературѣ и наукѣ, дѣло, начатое Милемъ. Онъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ говорилъ о Милѣ, какъ о лучшемъ своемъ другѣ, которому онъ обязанъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ. По его словамъ, сочиненія и общественная дѣятельность Миля составляютъ лучшій его памятникъ и хотя въ послѣднее время раздаются довольно часто нападки на него, онъ, какъ экономистъ, философъ, публицистъ и человѣкъ, конечно, будетъ жить въ благодарной памяти послѣдующихъ поколѣній, когда самыя имена его противниковъ будутъ забыты. «Я съ восторгомъ зачитывался сочиненіями Миля еще юношей въ университетѣ продолжалъ Фоссетъ,—и потомъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе находилъ въ нихъ богатый источникъ не только глубокомысленныхъ идей, но и справедливыхъ истинъ, придерживаясь которыхъ, человѣкъ сталъ бы умнѣе, добрѣе и лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ соединялъ въ себѣ могучій умъ, выше котораго рѣдко видывало человѣчество и ясный прозорливый разсудокъ съ добротою и нѣжностью, но истинѣ женскими. Многіе говорятъ о немъ, какъ о теоретикѣ, ничего не смыслившемъ въ практическихъ дѣлахъ, но это происходитъ отъ того, что эти глубокомысленные критики полагаютъ, что знающій и ученый человѣкъ не можетъ быть практическимъ дѣятелемъ. Напротивъ, Миль былъ не только общественнымъ дѣятелемъ, но и государственнымъ человѣкомъ въ лучшемъ значеніи этого слова и я никогда не видывалъ офиціальныхъ бумагъ и депешъ, въ которыхъ истинные принципы благодѣтельнаго и разумнаго управленія страной были бы такъ ясно и послѣдовательно примѣняемы, какъ въ бумагахъ, писанныхъ Милемъ въ то время, когда онъ занималъ одну изъ важныхъ должностей въ бывшей ост-индской компаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на свой геній, онъ не былъ самонадѣянъ, съ полной готовностью являлся на помощь каждому и не было на свѣтѣ болѣе преданнаго, вѣрнаго друга. Вообще, можно смѣло сказать, что англійскій народъ не имѣлъ никогда болѣе пламеннаго защитника и болѣе ревниваго поборника всего, что только могло служить къ его истинному счастію и благосостоянію».

Значеніе такого мирнаго прославленія великаго мыслителя среди грома пушекъ и ужасовъ войны, конечно, слишкомъ очевидно и не требуетъ никакихъ поясненій; мы только повторимъ слова, сказанныя тотчасъ послѣ смерти Миля однимъ изъ передовыхъ дѣятелей среди англійскихъ рабочихъ, близко знавшихъ этого стойкаго защитника рабочаго класса:

«Безъ сомнѣнія, Миль не нуждается въ памятникѣ, лучшій ему памятникъ—заслуги, оказанныя имъ человѣчеству, и вліяніе его на послѣдующія поколѣнія. Мы дѣлаемъ честь только сами себѣ, выражая уваженіе къ его памяти; что же касается его самого, то онъ желалъ бы одного памятника: простой груды камней, сложенной работниками и работницами, которые научились у него самоуваженію и самопомощи. Съ большей гордостью покоился бы онъ подъ этими камнями, чѣмъ подъ самымъ роскошнымъ мавзолеемъ, воздвигнутымъ людьми, не уважающими великихъ принциповъ всей его жизни: индивидуальности, разумной терпимости и свободы». *).

Стихотвореніе Д. А. Рубина.

* * *

Затуманилася зоринька,
Тучей черною накрылася...
Пригорюнилася дѣвица,
Пригорюнясь, прослезилася.

Туча черная, нахмурившись,
Частымъ дождичкомъ закапала,
Разрыдалася красна дѣвица,
До полуночи проплакала.

Туча горюшка не вѣдаетъ,
Ей просторъ одинъ да волюшка;
У красавицы — печаль въ душѣ,
Налегло на сердце горюшко.

Разлюбилъ ее сердечный другъ,
Разлюбивши, сталъ бахвалиться:
Какъ его любила красная,
Какъ теперь о немъ печалится!...

*) John Stuart Mill, as some of the Working-Classes knew him, by George Jacob Holyoake. London. 1873.

Госпожа Жервезе.

Романъ Эдмона и Жюля Гонкура.

(Переводъ П. Лѣтнева.)

(*Продолженіе.*)

XXXI.

Іезуитская дирекція совсѣмъ не такъ строга, какъ обыкновенно думаютъ. Напротивъ, также, какъ и въ папскомъ правленіи, въ ней царствуетъ духъ кротости и снисходительности къ проступкамъ, не затрогивающимъ сущности ея власти, но за то она чрезвычайно ревнива и подозрительна къ внѣшнимъ вліяніямъ. Она старается окружить своихъ послѣдователей людьми преданными ей и устранить изъ ихъ свѣтской и домашней жизни всѣхъ, кого она считаетъ врагами іезуитовъ.

Отецъ Гіансанти добился охлажденія между г-жею Жервезе и французскимъ посланникомъ де-Жербуа, находившимся во враждебныхъ отношеніяхъ къ обществу іезуитовъ. Посредствомъ постоянныхъ, вкрадчивыхъ внушеній, онъ закидывалъ въ душу г-жи Жервезе сѣмена тревоги на счетъ опасности знакомства съ такимъ вольнодумцемъ и, такимъ образомъ, отвлекалъ ее отъ единственнаго, преданнаго ей друга. Де-Жербуа, побуждаемый чувствомъ участія и по праву стараго знакомства, оспаривалъ ее у іезуита и переносилъ, не падая духомъ и не прекращая своихъ посѣщеній, холодность, противорѣчія и даже гнѣвъ г-жи Жервезе. Наконецъ, она запретила принимать его; онъ ворвался насильно.

— Я не велѣла никого принимать, сказала она ему рѣзко,—и я удивляюсь...

— По этому то я и пришелъ... я предполагалъ, что вы больны, и что вамъ нуженъ...

— Г. де-Жербуа, когда женщина не велитъ кого нибудь принимать, то только невѣжда можетъ войти къ ней насильно.

И она ушла въ свою комнату, оставивъ его одного съ своимъ сыномъ. Де-Жербуа, молча, наклонился къ ребенку и грустно поцѣловалъ его. Не смотря на грубый отказъ, онъ все еще не хотѣлъ оставлять стараго друга, и изъ деликатной жалости къ одинокому ребенку, присылалъ по временамъ своихъ маленькихъ дочерей играть съ Полемъ. Въ одинъ день, когда онѣ пришли, г-жа Жервезе позвала своего сына и сказала ему:

— Поздоровайся съ ними и скажи, чтобъ онѣ уходили.

Ребенокъ, не зная, какъ исполнить порученіе матери, продолжалъ играть съ ними, какъ вдругъ она вошла.

— Здравствуйте, сказала она,—вы очень милы, но я должна попросить васъ уйти.

И она почти вытолкнула за дверь смущенныхъ малютокъ, испуганныхъ внезапной перемѣной въ той, которая еще такъ недавно ласкала ихъ. Подъ вліяніемъ недовѣрія и подозрѣнія, которыя капля по каплѣ внушалъ ей іезуитъ противъ всѣхъ, кого она любила, простая, открытая натура г-жи Жервезе совсѣмъ извращалась. Смутная тревога, мрачное недовѣріе возникали въ глубинѣ ея души. Она создавала себѣ цѣлый рядъ мучительныхъ предположеній и гипотезъ. Вся пропитанная тонкой отравой недовѣрія, она почти съ ненавистью становилась въ оборонительное положеніе противъ самыхъ преданныхъ ей людей, противъ самой Опорины. Она хотѣла разъ навсегда поставить преграду между собой и обществомъ и спѣшила прекратить сношенія съ своими немногими знакомыми самымъ рѣзкимъ и грубымъ образомъ, противорѣчившимъ ея обращенію, полному тонкаго изящества и знанія свѣтскихъ приличій. Ея отвращеніе жить съ себѣ подобными все усиливалось, ужасъ, который она чувствовала въ присутствіи людей, возрасталъ и доходилъ до какой-то дикой несообщительности. Ея сосѣдка, молодая женщина, недавно вышедшая замужъ, взялась передавать ей письма одной изъ ея близкихъ пріятельницъ. Принявъ ее у себя два или три раза, г-жа Жервезе сказала Опоринѣ:

— Если эта дама придетъ, не принимайте ее; у нея «дурной образъ мыслей», я не могу болѣе видѣть ее...

— Но, возразила Опорина,—я обѣщала ея горничной пройтись съ нею по улицамъ; она совсѣмъ не знаетъ Рима...

— Я вамъ запрещаю выходить съ нею.

— Да у меня и такъ нѣтъ ни одной души знакомой, я почти никого не вижу.

— Ну такъ что-жъ? Дѣлайте, какъ я. А я? Развѣ я вижу кого нибудь?

XXXII.

Въ концѣ аллеи виллы Боргезе, при въѣздѣ въ арку изъ бѣлыхъ розъ, у подножія стараго, запыленнаго кипариса, г-жа Жервезе видѣла ежедневно двухъ собачекъ. Одна изъ нихъ—кудрявая, вымытая, чистенькая, выстриженная до половины, съ лоснящейся спиной тѣлеснаго цвѣта, испещренной темными пятнами, съ пушистымъ хвостомъ, черною, блестящей мордочкой и умнымъ, почти человѣческимъ взглядомъ; другая—грязная, худая, съ загноенными глазами и по пословицѣ: причесанная вѣтромъ и вымытая дождемъ. Обѣ сидѣли на заднихъ лапкахъ, но въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой. Обѣ собаки были извѣстны всѣмъ въ Римѣ. Первую звали «Trовато», мѣстнымъ названіемъ всѣхъ собакъ, потерявшихъ хозяина, у второй не было никакого имени. Если вѣрить мѣстнымъ преданіямъ, Тровато жилъ когда-то во дворцѣ. Онъ отправлялся каждое утро въ кофейню на Корсо, гдѣ его кормили, потомъ шелъ неизвѣстно куда и возвращался въ сопровожденіи грязной собаченки, бѣжавшей за нимъ по пятамъ, останавливаясь тамъ, гдѣ онъ останавливался, нюхая воздухъ и поднимая лапу, когда онъ поднималъ свою, но все на почтительномъ разстояніи, какъ вѣрный слуга позади своего господина.

Такимъ образомъ, приходили они аккуратно въ одинъ и тотъ же часъ въ виллу Боргезе и принимали участіе въ удовольствіяхъ большого свѣта. Иногда Тровато запаздывалъ. Замѣчая, что шерсть его отросла на спинѣ, онъ по собственному побужденію являлся къ старику, занимавшемуся стрижкою собакъ, вскакивалъ на маленькій столикъ, стоявшій передъ нимъ, подставляя свою спину подъ ножницы и сидѣлъ, не двигаясь, такъ что не нужно было его привязывать. По окончаніи стрижки и омовенія, онъ важно садился на одну изъ опрокинутыхъ колоннъ и сушился на солнцѣ, въ сообществѣ цѣлой толпы собаченокъ, только что вышедшихъ изъ воды и дрожавшихъ отъ холода. Высохши, онъ спрыгивалъ съ колонны и благодарилъ старика яростнымъ визгомъ, какъ бы досадуя на то, что не умѣетъ говорить, затѣмъ бросался бѣжать со всѣхъ ногъ, по временамъ останавливаясь и вертясь во всѣ стороны, чтобъ заглянуть себѣ на спину.

Къ вечеру оба друга всегда неизмѣнно сидѣли въ одномъ положеніи и на одномъ и томъ же мѣстѣ, усталые, лѣнивые, высматривая карету, которая бы сжалилась надъ ними и подвезла ихъ. Тровато по временамъ поднималъ правую лапку, смотря на проходящихъ съ умоляющимъ видомъ, и товарищъ его издали смиренно подражалъ ему. Какъ только проѣзжающіе давали имъ знакъ, какъ оба они однимъ скачкомъ бросались въ экипажъ: Тровато садился внутри кареты съ господами, а спутникъ его, проникнутый сознаніемъ неравенства сословій, помѣщался на козлахъ возлѣ кучера.

Въ одинъ день Поль махнулъ собакамъ рукою: Тровато поспѣшилъ занять мѣсто возлѣ него, а грязная собаченка забилась въ ногахъ у Джузеппо. Съ этого дня между ребенкомъ и собакой установилась тѣсная дружба, выражавшаяся въ безпрерывныхъ ласкахъ и поцѣлуяхъ. Для бѣднаго, одинокаго ребенка, лишеннаго игръ съ товарищами своихъ лѣтъ, вслѣдствіе религіозныхъ предубѣжденій его матери, ласковый, рѣзвый Тровато сдѣлался настоящимъ другомъ, съ которымъ онъ могъ играть и изливать на него избытокъ жизни и любви, преобладающій въ дѣтяхъ. Этотъ часъ, проводимый съ Тровато,—часъ, когда собака вполнѣ принадлежала ему, былъ счастливѣйшимъ часомъ въ жизни Поля. Онъ ожидалъ его съ утра и весь былъ полонъ этимъ ожиданіемъ. Но въ одинъ день Тровато и его спутникъ не явились по знаку ребенка; Тровато нашелъ, что карета г-жи Жервезе не довозитъ его до средины Корсо, гдѣ у него были знакомые и рѣшился выбрать другой экипажъ, который до возилъ бы его прямо до мѣста. Поль, удивляясь, что онъ не идетъ на его зовъ, вышелъ, чтобъ взять его на руки, но Тровато оттолкнулъ его и вырвался, а бѣдный ребенокъ залился слезами.

XXXIII.

Въ исповѣдальнѣ іезуитской церкви непрерывно раздавался шопотъ, однообразный и беззвучный, и до того тихій, что, казалось, достигалъ изъ отдаленія до слуха г-жи Жервезе.

— Вы сдѣлали полную исповѣдь вашего прошлаго, говорилъ голосъ, — а между тѣмъ вы все еще страшитесь, что не достаточно обвинили себя и не перечислили всѣхъ вашихъ грѣховныхъ побужденій. Ваша совѣсть упорно и непрерывно хочетъ вернуться къ прошлой жизни и повторить мнѣ жалкую исторію вашихъ заблужденій. Я не нахожу въ васъ того смиреннаго страха, полнаго довѣрія и надежды, который придаетъ человѣку силу, бодрость и мужество. Не смотря на то, что вы обратились къ Богу, воспоминаніе о вашихъ грѣхахъ еще долго будетъ мучить васъ, но, по примѣру Св. Павла, вы должны воспользоваться этимъ, чтобъ смириться и не мучить себя ложными опасеніями.

Тутъ іезуитъ остановился, вздохнулъ и, наклонившись къ своей духовной дочери, еще таинственнѣе понизилъ голосъ:

— Ахъ, сестра моя, я боюсь, что вы больны болѣзнью унынія и мнительности, болѣзнью служащей самымъ главнымъ препятствіемъ къ достиженію совершенства и противъ которой часто бываютъ безсильны все наше рвеніе, сострадание и любовь къ человѣчеству... О, не думайте, что мнительность доказываетъ тревогу разборчивой совѣсти, которая боится и тщательно старается избѣжать грѣха, — нѣтъ, это просто пустая, ни на чемъ неоснованная боязнь, которая отыскиваетъ и находитъ грѣхъ тамъ, гдѣ его нѣтъ. Сомнѣніе можетъ быть разумно; оно колеблется между двумя крайностями, предоставляющими одинаково вѣроятные доводы; мнительность — всегда безразсудна, и еслибъ перестала быть безразсудной, то не была бы уже мнительностью. Вы понимаете меня; я говорю о тѣхъ упорныхъ умахъ, которые не хотятъ подчиниться волѣ духовника, управляющаго ихъ совѣстью, не возлагаютъ на него всю свою довѣренность, и потому волнуются безразсудными мыслями, ложными тонкостями и пустыми призраками, созданными ихъ воображеніемъ. Уныніе порождаетъ малодушіе, малодушіе—смятеніе, а смятеніе приводитъ къ отчаянію. И тогда въ этихъ несчастныхъ, мятежныхъ душахъ глохнутъ божественныя стремленія, онѣ погружаются во мракъ и падаютъ въ бездну погибели... Не чувствуете ли и вы, сестра моя, что находитесь въ томъ состояніи, которое я такъ несовершенно изобразилъ вамъ?

И онъ наклонился надъ бѣдной, подавленной женщиной, передъ которой слова его возстановляли картину пережитыхъ ею нравственныхъ страданій. Онъ продолжалъ:

— Скажите мнѣ откровенно, если я ошибаюсь... Скажите, когда вы готовитесь къ таинству покоянія, не терзаетъ ли васъ ужасъ о вашихъ прошлыхъ грѣхахъ? Не вкушайте ли вы Св. Причастіе, трепеща и борясь съ призраками вашихъ сомнѣній? Скажите, спускалась ли на васъ когда-нибудь полнота благодати, нисходящая послѣ молитвы на души ясныя и спокойныя? А какъ вы принимаете слова Св. Писанія? Не примѣняете ли вы къ нимъ лукавыхъ мудрствованій? Опровергните меня, если я ошибаюсь... Вы спрашиваете, что вамъ надо дѣлать, чтобъ вылечиться? Во первыхъ, надо отвергнуть желаніе и гордое стремленіе къ совершенству, котораго вы не можете достичь въ настоящую минуту... Нужно...

Тутъ онъ остановился, замолчалъ, подумалъ нѣсколько минутъ, и болѣе медленнымъ голосомъ, подчеркивая каждое слово, какъ врачъ, который хочетъ запечатлѣть свое предписаніе въ умѣ больного, заговорилъ снова:

— Я бы желалъ утвердить васъ въ той истинѣ, что мнительная душа не можетъ сама руководить себя, что ея помраченный умъ не можетъ съ точностью разобрать, какъ ей вести себя, и что ей, какъ слѣпому, необходимъ руководитель, который бы указывалъ ей, куда ступить посреди душевнаго мрака, окружающаго ее; этимъ руководителемъ долженъ быть ея духовникъ. Старайтесь же всѣми силами души вашей отрѣшиться отъ вашего горделиваго упорства. Примите твердую рѣшимость повиноваться во всемъ вашему духовному отцу, воспитайте въ себѣ покорность. Помните, что надо повиноваться духовнику не потому, что онъ святъ, а потому, что онъ поставленъ отъ Бога. Удалите же отъ себя всякій пустой страхъ и вѣрьте, что ваши поступки уже оправданы въ глазахъ Всевышняго. Вѣрьте, что когда вы предстанете передъ лицо небеснаго Судіи, вамъ можно будетъ сказать Ему: Господи, я сдѣлала такой то поступокъ и не исполнила вотъ этого, изъ повиновенія тѣмъ, кому Ты ввѣрилъ мое руководство. И будьте увѣрены, что правосудный Богъ не осудитъ вашего поведенія. Вѣрьте же, докончилъ онъ голосомъ, почти растроганнымъ,—что душа не можетъ грѣшить, слѣдуя предписаніямъ своего духовнаго отца.

Чрезъ нѣсколько минутъ г-жа Жервезе выходила изъ исповѣдальни, потерянная, опустивъ голову, ничего не видя передъ собой и машинально держа сына за руку.

XXXIV.

Послѣ такихъ исповѣдей, постоянно учащавшихся, г-жа Жервезе возвращалась домой, терзаемая противорѣчіями. Она такъ долго привыкла руководствоваться разсудкомъ, что для нея ужасна была борьба между безусловною покорностью, требуемою іезуитомъ и остаткомъ ея прежнихъ привычекъ. Нерѣшимость мучила ее, она безпрестанно преходила отъ минутнаго сопротивленія къ самому покорному смиренію, и подчинялась во всемъ отцу Гіансанти частію по утомленію, а частію и по убѣжденію. Ея безпощадно терзаемое воображеніе не знало покоя, волнуемое самыми противорѣчащими впечатлѣніями, которыя доводили ее почти до безпамятства, до головокруженія. Ею овладѣвало уныніе, но не смиренное уныніе, смягчающее душу и находящее утѣшеніе въ самой глубинѣ горечи,—а уныніе отчаянія.

XXXV.

Ее не удовлетворяло болѣе уединеніе безлюдныхъ аллей виллы Боргезе. Она хотѣла избѣгнуть всякой встрѣчи не только съ знакомыми, но съ всякимъ человѣческимъ существомъ. Соприкосновеніе съ жизнью другихъ растравляло ея раны, раздражало до невозможности ея болѣзненно натянутые нервы, и съ каждымъ днемъ въ ней все болѣе и болѣе возрастала склонность къ дикости и отчужденію. Заброшенныя улицы, поросшія дикими травами, сдѣлались любимымъ мѣстомъ ея прогулокъ. Она приказывала везти себя по окраинамъ города, между оградами садовъ, виноградниковъ и древнихъ «казино», по безлюднымъ пустырямъ, гдѣ на деревьяхъ сушатся лохмотья римскихъ нищихъ. Она отыскивала самые затерянные и невоздѣланные уголки, гдѣ на развалинахъ ростутъ сливовыя деревья и бродятъ козы, и гдѣ ничто не напоминаетъ о томъ, что тутъ нѣкогда былъ великій городъ. Предаваясь безъ помѣхи теченію своихъ мыслей, не развлекаясь ни словомъ, ни движеніемъ, она только по временамъ судорожно вздрагивала пробуждаясь изъ дремоты, овладѣвавшей ей, и совершенно забывала о бѣдномъ ребенкѣ, исчезавшемъ возлѣ нея въ подушкахъ кареты и смотрѣвшемъ въ даль скучливо и безцѣльно...

А карета катилась все тише и тише по дорогѣ безъ конца и безъ границъ.

XXXVI.

Г-жа Жервезе исповѣдывалась четыре раза въ недѣлю и причащалась каждое воскресенье. Исповѣдь ея казалась безконечною Полю, котораго она всегда водила съ собой и даже хотѣла заставить его исповѣдоваться безъ всякой жалости къ его годамъ и неразвитому понятію. Одинъ разъ она насильно схватила его и потащила въ исповѣдальню, не обращая вниманія на его ужасъ, не слушая его слезъ и бормотаній, и даже такъ сильно толкнула его въ спину, что онъ упалъ на деревянныя ступени. Но отецъ Гіансанти самъ былъ вскорѣ принужденъ отказаться допрашивать и выслушивать это бѣдное, несовершенное созданіе. Мать рѣшилась оставлять ребенка въ церкви, на стулѣ, передъ алтаремъ Св. Игнатія, и поручала ему быть умнымъ и молиться Богу, пока она не придетъ за нимъ. Но у нея не хватало духу бранить его, когда онъ, уставши сидѣть на одномъ мѣстѣ, переходилъ изъ часовни въ часовню, и даже выглядывалъ за дверь, на улицу, отыскивая жаднымъ, робкимъ взглядомъ маленькаго нищаго, однихъ съ нимъ лѣтъ, выбравшаго мѣстомъ жительства ступени бокового придѣла іезуитской церкви.

Этотъ нищій былъ грязное, оборванное существо, съ бритой головой и синеватымъ черепомъ. На шеѣ у него, на обрывкѣ веревки, висѣлъ образокъ. Онъ былъ обернутъ въ дырявый лоскутъ, имѣвшій подобіе рубашки, черной, какъ уголь, рукава которой отъ самыхъ локтей висѣли лохмотьями. Панталоны едва доходили ему до колѣнъ и кое какъ были сшиты изъ тряпокъ толстыми нитками. Они придерживались двумя войлочными помочами, изъ которыхъ одна висѣла, оторванная напереди, а другая натягивала ему панталоны почти на плечи. Сквозь дыры рубашки просвѣчивали его шея, грудь и спина темно коричневаго цвѣта. Вмѣсто обуви служила ему грязь, присохшая къ ногамъ. Почти нагой, въ своихъ лохмотьяхъ, накинутыхъ на него изъ стыдливости, жалкій нищій имѣлъ свою долю солнца, здоровья, свободы, довольства животной жизнью. Широкимъ смѣхомъ раскрывался его ротъ, когда Поль подавалъ ему свой обычный байокъ. Въ знакъ благодарности онъ игралъ съ нимъ, училъ его кидать въ пространство монету, привязанную двойной бичовкой къ ногамъ. И для маленькаго богача, для бѣднаго, одинокого ребенка, у котораго человѣкъ въ черномъ отнималъ его мать, эти встрѣчи съ жалкимъ бродягой, счастливымъ въ сравненіи съ нимъ, — были лучшими часами жизни.

Вскорѣ г-жа Жервезе перестала совсѣмъ выходить изъ дому даже для прогулки, и все время проводила въ церкви, которая сдѣлалась ея вторымъ, настоящимъ домомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. Л. Груберъ.

Біографическій очеркъ П. В. Быкова.

(Окончаніе.)

Въ 1855 году Пироговъ вышелъ изъ академіи и Венцеславъ Леопольдовичъ занялъ мѣсто директора анатомическаго института, но лишь de facto, а не оффиціально, все таки продолжая состоять прозекторомъ до 1858 года. И лишь въ этомъ году, когда нашли необходимымъ учредить новую кафедру практической анатоміи, онъ, наконецъ, получилъ давно жданную профессуру. Едва Груберъ сталъ директоромъ института, онъ сразу ввелъ новые порядки, многое усовершенствовалъ; самыя занятія студентовъ по практической анатоміи приняли иной характеръ, болѣе раціональный, такъ какъ новый директоръ значительно улучшилъ, усовершенствовалъ способы этихъ занятій. По его настоянію, всѣмъ студентамъ академіи вмѣнено въ обязанность заниматься практической анатоміей; самый привозъ и распредѣленіе труповъ, благодаря его стараніямъ, сдѣлались вполнѣ правильными. Онъ составилъ также, на основаніи своей долголѣтней практики и опытности, весьма хорошія, цѣлесообразныя правила, которыми должны руководствоваться всѣ занимающіеся практической анатоміей въ институтѣ, энергично требуя, чтобы эти правила выполнялись строго. Мало-по-малу онъ устроилъ цѣлый музей, стоившій ему большихъ трудовъ и хлопотъ.

Много замѣчательныхъ вещей, много хорошаго въ научномъ отношеніи, можно встрѣтить въ обширномъ, не такъ давно вновь отстроенномъ зданіи анатомическо-физіологическаго института,—и всѣмъ этимъ институтъ обязанъ единственно Груберу, его неусыпнымъ трудамъ и стараніямъ. Подъ руководствомъ и непосредственнымъ наблюденіемъ его, въ институтѣ теперь приготовляется громадное количество образцово-сдѣланныхъ скелетовъ, которыми снабжаются университеты, музеи и другія разныя учрежденія нашего государства. Институтъ этотъ, основателемъ котораго поистинѣ слѣдуетъ считать Грубера, пользуется прекрасной репутаціей и вполнѣ заслуженной славой, не только у насъ, но и заграницей. Съ теченіемъ времени Груберъ достигъ настоящаго порядка въ управляемомъ имъ институтѣ, но для этого ему приходилось зачастую вести весьма серьезную и упорную борьбу со всевозможными обстоятельствами, сильно тормозившими успѣхъ дѣла,—и однакожъ онъ всегда выходилъ побѣдителемъ, благодаря своей энергіи и настойчивости. «При моемъ вступленіи въ академію»—говоритъ самъ Груберъ,—«мнѣ вручили, вмѣсто всего необходимаго для моихъ занятій, пару ножницъ, пинцетъ и скальпель. Не смотря на другія многочисленныя препятствія, съ которыми мнѣ случалось сталкиваться впослѣдствіи, несмотря на недостатокъ въ помощникахъ,—я устроилъ тѣмъ не менѣе цѣлый музей»... И онъ вправѣ съ гордостью упоминать объ этомъ, такъ какъ обязанъ исключительно самому себѣ, и никому другому, своему усердію и терпѣнію; онъ, въ самомъ дѣлѣ, никогда не имѣлъ достаточнаго числа помощниковъ, а весьма не рѣдко и совсѣмъ оставался безъ нихъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Груберъ былъ утвержденъ въ должности директора института, онъ, между прочимъ, привлекъ къ занятіямъ практической анатоміей также и всѣхъ докторантовъ, потребовавъ, чтобы и медики, желающіе получить степень лекаря или доктора, экзаменовались тоже въ институтѣ, приготовляя и демонстрируя здѣсь свои обязательные препараты. Затѣмъ разрѣшилъ и студентамъ университета, которымъ необходимо серьезно заниматься анатоміей, свободно посѣщать институтъ для практическихъ занятій. Мало того, по его иниціативѣ и военнымъ врачамъ предоставлено право зани-

маться въ институтѣ топографической анатоміей, въ видахъ спеціальнаго ознакомленія съ военно-полевой хирургіей, причемъ самъ Груберъ обязался постоянно руководить этими занятіями. Наконецъ, благодаря его стараніямъ и хлопотамъ, разрѣшенъ и женщинамъ, изучающимъ медицину, доступъ въ институтъ, для занятій практической анатоміей,—доступъ, который повелъ за собою открытіе женскихъ медицинскихъ курсовъ. А это далеко немаловажная заслуга уважаемаго профессора, показавшаго себя сторонникомъ серьезнаго женскаго образованія и живо сочувствующимъ стремленіямъ женщинъ, которыя до сего времени встрѣчали, въ большинствѣ случаевъ, одни недоброжелательства и глумленія...

Впродолженіи двадцати четырехъ лѣтъ Груберъ принужденъ былъ работать среди вонючей, насыщенной вредными міазмами, атмосферы ветхаго зданія анатомическаго института, переполненнаго крысами, которое каждую минуту грозило рухнуть и задавить профессора вмѣстѣ съ его учениками; отважный профессоръ покинулъ это зданіе только 13 марта 1871 года и перешелъ въ новое, невполнѣ еще отстроенное помѣщеніе, гдѣ черезъ двое сутокъ возобновилъ свои работы. Анатомическій институтъ открытъ ежедневно съ 8 часовъ утра до 7 часовъ вечера, а за два мѣсяца передъ окончаніемъ учебнаго года до 12 часовъ ночи; для Грубера не существуетъ никакихъ праздниковъ, а потому занятія въ институтѣ идутъ круглый годъ. Въ препаровочную, которая всегда биткомъ набита студентами, профессоръ обыкновенно приходитъ въ 9 час. утра и занимается тамъ до 2-хъ часовъ пополудни, едва-ли не еженедѣльно обогащая новыми открытіями. Послѣ перерыва, аккуратно въ 3 часа онъ является въ общей залѣ, въ которой работаютъ студенты и начинаетъ совмѣстныя съ ними занятія, подходя то къ одной, то къ другой группѣ работающихъ, одѣтый въ свой гуттаперчевый халатъ и кожанныя манжеты. Обращается онъ со студентами, какъ товарищъ съ товарищами, съ величайшей готовностью показываетъ всякому, какъ слѣдуетъ рѣзать, какъ удобнѣе изучать тотъ или другой препаратъ; онъ съ удовольствіемъ готовъ разъ двадцать объяснять одно и тоже тѣмъ, кто плохо понимаетъ и не ропщетъ, не жалуется на усталость. Объясненія свои онъ дѣлаетъ по-русски, пересыпая рѣчь то латинскими словами, то нѣмецкими и французскими фразами. Не смотря на этотъ оригинальный, смѣшанный языкъ, ученики Грубера прекрасно понимаютъ его. Съ студентами онъ занимается безостановочно, отъ 3-хъ до 7 часовъ вечера; въ послѣдніе же два мѣсяца учебнаго года эти занятія длятся у него до полуночи. Такимъ образомъ, онъ не довольствуется положенными по закону 3 — 4 лекціями въ недѣлю, но, облегчая трудную работу студентовъ, занимается съ ними усиленно, по цѣлымъ днямъ, поражая каждаго своимъ трудолюбіемъ, твердостью характера, честнымъ выполненіемъ обязанностей и примѣрной аккуратностью. Слѣдовательно, онъ приноситъ громадную пользу не только какъ замѣчательный преподаватель, но и какъ человѣкъ высоко-нравственный, благотворно вліяя на учениковъ своихъ, пріучая ихъ къ прилежанію, добросовѣстному исполненію обязанностей и безукоризненному поведенію. Чрезвычайно строгій къ самому себѣ, онъ строгъ и требователенъ и въ отношеніи студентовъ; онъ постоянно, въ теченіи всего учебнаго года экзаменуетъ ихъ, и экзамены эти у него весьма трудны и вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются справедливостью, безпристрастіемъ; у него нѣтъ мѣста никакой протекціи,—онъ обращаетъ вниманіе лишь на знанія, на усердіе и ни на что болѣе. Оттого то онъ и пользуется необыкновенной популярностью, почетомъ и особенной привязанностью студентовъ, которые всячески выказываютъ ему свою симпатію и готовы горой стоять за любимаго своего профессора, несмотря даже на то, что онъ, углубленный въ занятія, бываетъ иногда нѣсколько суровъ и грубоватъ съ ними и отчасти придерживается рутины въ преподаваніи, введя довольно строгую систему отмѣтокъ и еженедѣльныхъ испытаній. За всѣмъ тѣмъ опытъ показалъ, что врачи, кончившіе курсъ въ Медико-Хирургической академіи, гораздо основательнѣе, лучше врачей, кончившихъ университетъ, знаютъ анатомію—этотъ фундаментъ, на которомъ зиждется вся медицина.

4 апрѣля 1872 года, въ день двадцатипятилѣтняго юбилея Грубера, медицинскіе студенты и ученицы устроили ему, утромъ въ зданіи института, торжественныя оваціи, а послѣ полудня врачи, его бывшіе ученики давали въ честь его великолѣпный обѣдъ, въ которомъ участвовало до 200 человѣкъ; на обѣдѣ присутствовало нѣсколько профессоровъ академіи, а также и лицъ, непринадлежащихъ къ ученому медицинскому міру. Профессоръ Лесгафтъ, въ своей рѣчи, оцѣнилъ должнымъ образомъ, все то, что юбиляръ сдѣлалъ для института въ продолженіи 25 лѣтъ, и, между прочимъ, сказалъ, что «Груберъ дѣйствительно основалъ въ Россіи такую анатомическую школу, подобія которой мы не видимъ и въ Германіи, и которую можно сравнивать только съ замѣчательными школами Франціи и Англіи». Англичане, умѣющіе уважать справедливость, обращались къ нему съ просьбою оцѣнить научную подготовку своихъ кандидатовъ на профессуры. Во время празднества было получено много сочувственныхъ, поздравительныхъ телеграммъ отъ Боткина, Сѣченова, Пирогова, «Общества Русскихъ врачей» и другихъ лицъ и учрежденій. Этотъ день ознаменованъ былъ также подпиской на учрежденіе женской стипендіи, въ честь Грубера, при имѣвшихся открыться женскихъ курсахъ. Черезъ четыре дня послѣ празднованія юбилея, т. е. 8 апрѣля, конференція академіи, единогласно избрала профессора Грубера на новое пятилѣтіе. За годъ передъ этимъ, т. е. въ 1871 г. пражскій университетъ предлагалъ ему профессуру, а гораздо раньше онъ былъ приглашаемъ занять кафедру въ Инсбрукѣ, Пештѣ (2 раза) и и Жозефинумѣ въ Вѣнѣ; но Венцеславъ Леопольдовичъ отклонилъ всѣ эти приглашенія, желая навсегда остаться въ Россіи, гдѣ онъ недаромъ пользуется такой любовью со стороны академической молодежи.

Эта молодежь и его товарищи собрались 4-го апрѣля текущаго, 1877 года, въ залѣ анатомической препаровочной, чтобы высказать свои чувства признательности и глубокаго уваженія любимому профессору, такъ какъ въ этотъ день исполнилось ровно тридцать лѣтъ его неустанной и почтенной дѣятельности со времени пріѣзда въ Россію. Еще задолго до его прихода и корридоръ весь, и лѣстница, ведущая въ залу, были буквально запружены учащейся молодежью и другими лицами; стояли на скамьяхъ, на подоконникахъ, на вязанкахъ дровъ, на столахъ, гдѣ были приготовлены свѣжіе трупы, однимъ словомъ, всюду. Громъ дружныхъ, оглушительныхъ рукоплесканій и шумныя аваціи привѣтствовали появленіе Грубера. Однимъ изъ его учениковъ былъ произнесенъ адресъ, по прочтеніи котораго юбиляръ горячо благодарилъ присутствующихъ, дружески пожимая руки близь стоявшимъ и сказалъ отвѣтную, глубокопрочувствованную рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ. Студенты желали почтить его еще другими торжественными оваціями, но профессоръ убѣдительно просилъ, чтобы торжество оставалось лишь въ стѣнахъ заведенія, а не выносилось наружу.

Въ теченіи своей тридцатилѣтней дѣятельности при Медико-Хирургической академіи Груберъ препарировалъ болѣе 15,000 труповъ; подъ его руководствомъ приготовилось нѣсколько тысячъ медиковъ; каждый годъ онъ дѣлаетъ студентамъ и врачамъ до двухъ тысячъ демонстративныхъ экзаменовъ; каждый препаратъ онъ самъ начинаетъ, самъ и кончаетъ, и за трупами проводитъ до двѣнадцати часовъ почти ежедневно; кромѣ руководства практическими занятіями, онъ еще читаетъ лекціи на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Вообще дѣятельность его видна изъ тѣхъ отчетовъ объ успѣхахъ занятій въ институтѣ, которые онъ печатаетъ ежегодно. Помимо всего этого, докторъ Груберъ пользуется европейской извѣстностью за свои ученые труды; онъ написалъ около 300 монографій, изъ которыхъ до 170 опубликовано въ Петербургѣ. Въ любомъ учебникѣ по анатоміи: Гиртля, Гольдштейна, Гейзе, Гофмана и другихъ корифеевъ науки, можно встрѣтить имя Грубера, ссылки на его самостоятельныя ученыя изслѣдованія и открытія. Рѣдко кто изъ анатомовъ нашего времени можетъ соперничать съ нимъ въ опытности и знакомствѣ съ литературой его спеціальности. Его всѣ работы замѣчательны своей добросовѣстностью, точностью и строгой истиной. Таковы, напримѣръ, его труды о фасціи, о слизистыхъ сумкахъ у человѣка, о связкахъ и суставахъ человѣка и многихъ млекопитающихъ и т. п. Особенно замѣчательны его монографіи по костной системѣ у человѣка и животныхъ, о мышцахъ, объ уродливостяхъ; статьи по анатоміи брюшины, по венозной системѣ человѣка и млекопитающихъ и т. д. Наконецъ, много интереснаго представляютъ его послѣднія открытія по остеологіи, которыя поддерживаютъ также теорію Дарвина; о всевозможныхъ неправильностяхъ, отклоненіяхъ и анитоміяхъ въ человѣческомъ тѣлѣ, докторъ Груберъ сдѣлалъ несравненно болѣе наблюденій и важныхъ открытій, нежели большинство анатомовъ нашего времени.

Теперь Груберу шестьдесятъ три года, но, не смотря на свои почтенныя лѣта, онъ бодръ и неутомимо работаетъ также много, какъ и любой изъ юношей, его учениковъ, да едва ли и не больше. Онъ состоитъ дѣйствительнымъ членомъ и членомъ-корреспондентомъ многихъ академій и другихъ ученыхъ обществъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; въ 1876 году онъ, между прочимъ, избранъ въ члены-корреспонденты, академіею естественныхъ наукъ въ Филадельфіи (Academy of Natural Sciences).

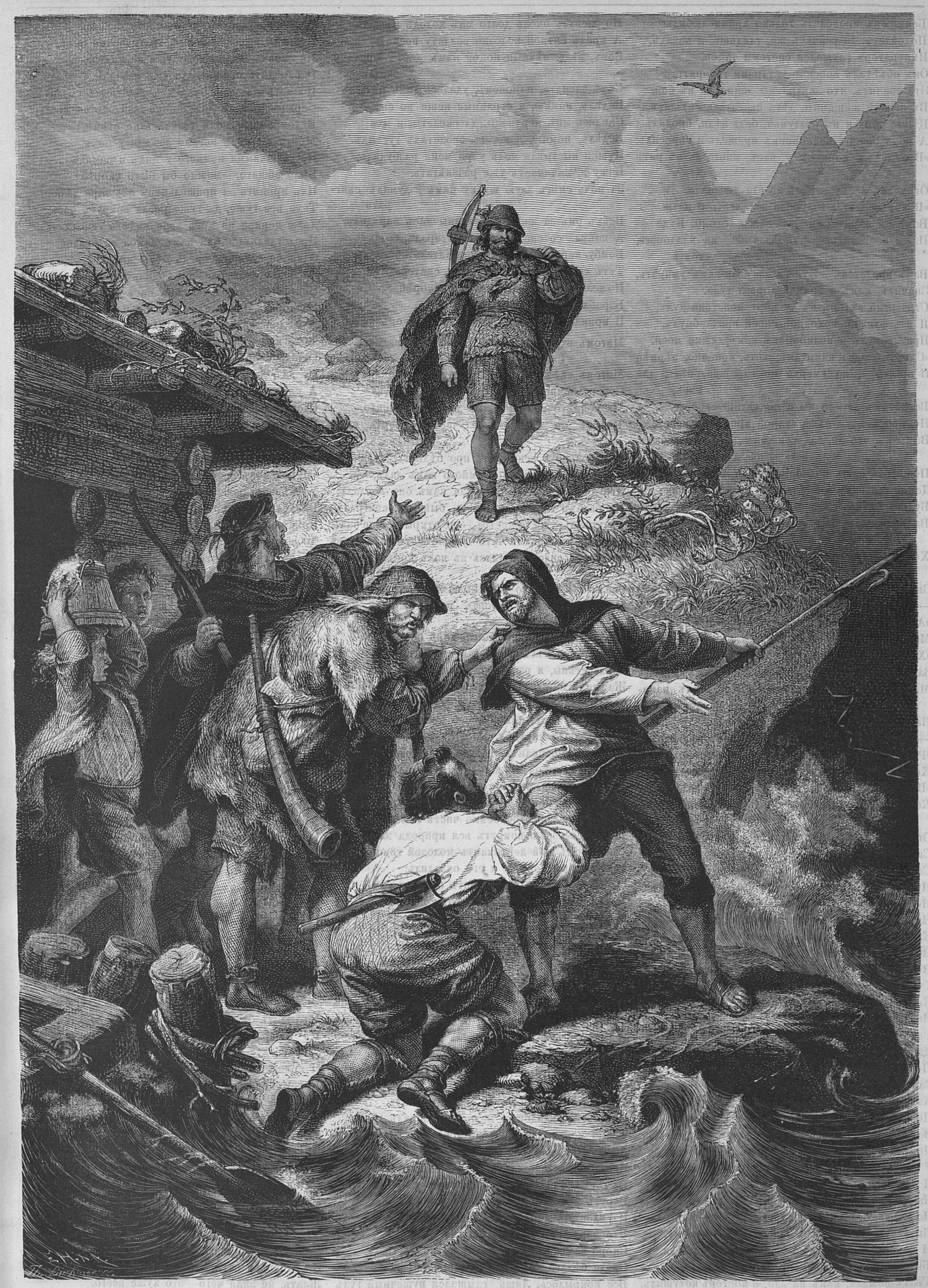
Битва подъ Ейлау.

Изъ «Légende des siècles» Виктора Гюго

Переводъ **И. Д. Зубарева.**

Старшихъ братьевъ, бывало, моихъ соберетъ
И разсказъ о походахъ своихъ заведетъ
Старый дядя Люи. Я былъ очень ужь малъ,
Дядя, помню, играть все меня отсылалъ.
Но я все-таки слушалъ разсказы его,
А одинъ изъ нихъ помню я лучше всего,
Дядя очень ужь часто его повторялъ.
— Ну-ка, дѣтки, такъ онъ свой разсказъ начиналъ, —
Что такое сраженье?—Да гдѣ же вамъ знать!
О большой я вамъ битвѣ хочу разсказать.
Дѣло въ Пруссіи было. Стоялъ я съ полкомъ
Близь мѣстечка Ейлау. Украшенъ крестомъ
Я тогда уже былъ, капитанскій на мнѣ
Былъ ужь, помнится, чинъ... Ну, да что толковать
Буду я о себѣ, вѣдь, солдатъ на войнѣ
Ни во что свою личность не долженъ считать...
Вкругъ Ейлау лѣса, и поля, и вода
Льдомъ и снѣгомъ покрыто все было тогда;
И жестокій стоялъ же въ ту зиму морозъ!
Близь Ейлау свой лагерь раскинуть пришлось
У какой-то стѣны развалившейся намъ.
Колокольня торчала убогая тамъ,
Да вокругъ нея нѣсколько было могилъ.

Рисунокъ КАУЛЬБАХА.



Вильгельмъ Тель.

Бенигсенъ проводить только время любилъ:
Подойдетъ, да сейчасъ же, глядишь, и назадъ.
Императоръ гнушался системы такой,
Онъ объѣхалъ войска;—старики говорятъ:
Это значитъ, что завтра мы двинемся въ бой.
Въ страхѣ женщины, дѣти спасаться спѣшатъ...
Цѣлый день я въ раздумьи, безъ цѣли, бродилъ...
А подъ вечеръ полковникъ пришелъ и спросилъ:
«Все ль въ порядкѣ у васъ, много ль въ ротѣ солдатъ?»
Отвѣчалъ я ему:—Есть до ста двадцати.
«Всѣхъ придется съ собой захватить и идти
Вамъ на вѣрную смерть».—Мы готовы. Куда
Насъ поставятъ? — «Вонъ тамъ, на кладбищѣ, стоять
Вамъ придется».—Ну, чтожъ, если намъ умирать,
Значитъ, намъ и прямая дорога туда.
Страшный вѣтеръ въ ту пору неистово дулъ,
Я изъ фляжки походной своей прихлебнулъ,
Прихлебнулъ и полковникъ изъ фляжки моей.
«Смерть близка, капитанъ, жить, конечно, вѣрнѣй
И пріятнѣй, но смерть не страшна, вѣдь, для насъ,
Встрѣтимъ весело мы и послѣдній свой часъ.
Не бросать же намъ старой привычки своей,
Выпьемъ, что ли, за женщинъ». Не прочь былъ, порой,
Пошутить нашъ полковникъ. «Да, правду сказать,
Достается вамъ постъ нынче самый плохой.
Будетъ битвы здѣсь центръ и его отстоять
Вы должны».—Отстоимъ.—«Есть ли сколько нибудь
Хоть соломы у васъ?»—Ни клочка. — «Такъ заснуть,
Значитъ, людямъ придется на голомъ снѣгу?»
— И на голомъ снѣгу отдохнуть, не бѣда. —
«А каковъ барабанщикъ у васъ?»—Хоть куда
Молодецъ, я похвастать имъ смѣло могу. —
«Хорошо, такъ пускай же почаще онъ бьетъ
Завтра въ свой барабанъ, да погромче; числомъ
Мало насъ, такъ хоть шумомъ мы страхъ наведемъ
На врага». Барабанщика я подозвалъ:
— Слышалъ ты, что полковникъ тебѣ приказалъ?
«Радъ стараться», такъ весело онъ говоритъ,
Хоть отъ стужи, я вижу, бѣдняга дрожитъ.
«Предстоитъ, капитанъ, завтра жаркій намъ бой»,
Командиръ продолжалъ. «Жаль что только стрѣльбой
Ограничиться завтра приказано намъ.
Саблю—бомбѣ всегда предпочелъ бы я самъ:
Сабля—честный боецъ, въ бомбѣ подлость одна...
Ну, да такъ императоръ рѣшилъ,—разсуждать
Не приходится намъ. Ваша рота должна
На кладбищѣ до вечера завтра стоять.
Какъ бы тамъ ни была перестрѣлка сильна,
Вы до вечера постъ свой должны удержать.
Въ шесть часовъ васъ оттуда отпустятъ». — Ушелъ
Командиръ; я собралъ свою роту и свелъ
Внутрь церковной ограды. Едва удалось
Размѣстить всѣхъ людей, потѣсниться пришлось.
Да, стоянка досталась неважная намъ!
Посрединѣ ограды стоялъ божій храмъ,
Занесенныя снѣгомъ могилы вокругъ.
Какъ въ ночной темнотѣ поглядѣлъ я на нихъ,
Перенесся я съ кладбища на море, вдругъ
Волнъ представились мнѣ переливы морскихъ.
Перевязочный пунктъ я кой какъ примостилъ
У подножья креста. Кто чѣмъ могъ закусилъ
И легли на могилахъ мы всѣ отдыхать.
Намъ, живымъ, приходилось на мертвыхъ лежать;
Но въ походѣ привыкнетъ солдатъ ко всему,
Быть чувствительнымъ вовсе не кстати ему.
И померзнуть пришлось намъ. Огонь развели
Было мы, набросали костеръ и зажгли.
Снѣгъ пошелъ, какъ на зло, и костеръ потушилъ.
Доброй ночи я людямъ своимъ пожелалъ,
Легъ и самъ на могилу. Глаза я закрылъ,
Но заснуть очень долго мнѣ холодъ мѣшалъ.
А предъ битвой полезно солдату поспать,
Сонъ, вѣдь, вѣчный покой намъ даетъ предвкушать.
Какъ заснуть, наконецъ, удалось таки мнѣ,
Видѣлъ, помню, я странныя вещи во снѣ,
Снились мнѣ мертвецы, да скелеты, и ихъ
Видѣлъ, помню, я все въ эполетахъ густыхъ.
Пушки выстрѣлъ подъ утро меня разбудилъ;
Вижу я, начинаетъ уже разсвѣтать.
За ночь снѣгъ злую шутку намъ вздумалъ сыграть
Всѣхъ онъ за живо въ саваны насъ нарядилъ.
А покуда со сна я глаза протиралъ,
Бомбу первую къ намъ непріятель прислалъ.
Тутъ совсѣмъ ужь очнулся я, скатерью ей
Пожелалъ я дороги; затѣмъ поскорѣй
Барабанщика я своего разбудилъ
И приказъ ему далъ, чтобъ тревогу онъ билъ.
Мигомъ вдругъ поднялись всѣ сто двадцать головъ,
Мигомъ снѣжный они отряхнули покровъ,
Солнце зимнее ярко надъ нами взошло.
На войнѣ очень часто, на умъ мнѣ пришло,
Вмѣстѣ съ солнцемъ случается смерть намъ встрѣчать.
И невольно я вспомнилъ про бѣдную мать...
Отдохнуть непріятель немного намъ далъ,
Два лишь пробные выстрѣла намъ онъ послалъ;
На балахъ точно такъ, вѣдь, бываетъ: сыгралъ
Ритурнель ужь оркестръ,—не открытъ еще балъ.
За ночь въ жилахъ чуть-чуть не застывшая кровь
Съ новой силой зажглась въ насъ предъ битвою вновь.
Знали всѣ мы, что жаркій намъ бой предстоялъ,
Въ центрѣ битвы стоять нынче жребій намъ палъ;
Будутъ ядрами насъ цѣлый день осыпать,
Хуже этого мѣста нельзя и сыскать.
Вдоль стѣны, я разставилъ всю роту свою.
Жаждалъ каждый солдатъ отличиться въ бою,
Ужь мелькали въ умахъ и кресты, и чины;
На войнѣ, вѣдь, цѣной своей крови должны
Дѣлать люди карьеру. Ко мнѣ подскочилъ
Молодой лейтенантъ, только выпущенъ былъ
Изъ сен-сирской онъ школы: «Не правда-ли, дней,
Вѣдь, такихъ, какъ сегодня, не много найдешь,
Свѣтитъ, кажется, нынче и солнце свѣтлѣй.
Воздухъ какъ то особенно чистъ и хорошъ,
Мирной жизнью вокругъ вся природа живетъ»,
Съ жаромъ мой лейтенантъ молодой говорилъ.
Сразу юный порывъ я его охладилъ:
— Подождите немного, вотъ буря придетъ
И смутитъ она мирной природы покой. —
Много я уже видѣлъ сраженій большихъ;
Всѣ кровавые, страшные призраки ихъ
Вереницею снова прошли предо мной.
Битва жаркая какъ то внезапно зажглась,
Сотни дулъ непріятель направилъ на насъ
И жестокимъ огнемъ сталъ онъ насъ осыпать,
Стали тѣмъ же, конечно, и мы отвѣчать,
И, минуту спустя, вся долина въ густомъ
Затонула дыму. Страшный пушечный громъ
Съ звукомъ трубъ боевыхъ въ гулъ нескладный слился;
Барабанщикъ мой трели свои выбивалъ.
Непріятель кладбище мишенью избралъ,
Точно мертвыхъ еще разъ добить онъ хотѣлъ,
Дождь изъ ядеръ на кладбище вдругъ полился.
И дѣйствительно случай у насъ былъ такой:
Въ двухъ шагахъ отъ меня, вижу, бомбой шальной
Вдругъ могилу разрыло. Какъ дико глядѣлъ
Изумленный мертвецъ; сознавалъ точно онъ,
Что нарушенъ живыми людьми его сонъ.
Скоро самое солнце туманъ затянулъ,
Среди бѣлаго дня темнотою ночной
Все покрылось. Лишь слышался пушечный гулъ
Да, какъ звѣздочки, бомбы сверкали порой.
Словно черная туча, на землю спустясь,
Въ непроглядную мглу поглотила всѣхъ насъ.
Посреди этой страшной, трагической тьмы,
Ни своихъ, ни враговъ ужъ не видѣли мы
И стрѣлять продолжали уже наугадъ.
Посмотрѣлъ на своихъ я несчастныхъ солдатъ,
Сердце какъ то болѣзненно сжалось во мнѣ:
Истомленные люди толклись по стѣнѣ,
Мертвецы подъ ногами лежали у нихъ,
Но съ живыми немного у нихъ и самихъ
Было общаго,—можно бы было скорѣй
Ихъ принять за пришельцевъ изъ міра тѣней.
Тьма все гуще, да гуще росла вокругъ насъ,
Даже церкви не могъ ясно видѣть ужь глазъ.
Представлялась она намъ какой то скалой,
Одиноко стоящей средь пѣны морской.
Ощущать свою близость, однако, давалъ
Непріятель: картечью онъ насъ осыпалъ.
Натворить онъ успѣлъ ужь не мало намъ бѣдъ,
И на церкви оставили пули свой слѣдъ,
Даже каменный крестъ, такъ и тотъ пострадалъ.
Голодъ, сверхъ того, мучить ужь насъ начиналъ,
Ну да гдѣ жъ намъ провизіи было достать?
А картечь все сильнѣй, да сильнѣе на насъ,
Словно дождь проливной, безъ умолку, лилась.
Поминутно людей приходилось терять.
Слышу подъ носъ сержантъ мой сердито ворчитъ:
«Тутъ остаться живымъ мудрено», говоритъ,
«Мертвецовъ и безъ насъ тутъ довольно, кажись.»
Уцѣлѣвшіе люди, однако, дрались.
Барабанщикъ, по прежнему, трель выбивалъ;
Командирскій приказъ мою душу смущалъ:
До шести вы часовъ тутъ должны простоять.
«А не лучше ль атаку бы намъ начинать?»
Говоритъ мнѣ сержантъ.—Да кудажъ мы пойдемъ?
— Ничего, вѣдь, не видно. — «Дорогу найдемъ,
Вѣдь слышны голоса, да и трубы слышны.
Все равно здѣсь, вѣдь, всѣ безполезно умремъ.»
— Нѣтъ, на мѣстѣ своемъ мы остаться должны,
Отвѣчалъ я ему. А до вечера ждать
Долго было еще. «Нѣтъ, пора наступать,
Неужели-жь мы случай упустимъ такой?»
Началъ пылкую рѣчь лейтенантъ молодой;
Но и фразы, увы, не успѣлъ досказать,
Какъ ядро положило на мѣстѣ его.
На успѣхъ я надѣялся меньше всего,
На побѣду, извѣстно, разсчетъ, вѣдь, плохой,
Довѣряться нельзя ей, какъ бабѣ шальной.
Намъ одно предстояло—свой постъ удержать,
Храбро груди свои подъ огонь подставлять,
И самимъ непріятелю столько вреда
Наносить, сколько только намъ силы дано.
И стрѣляли мы, сами не зная куда,
Въ темнотѣ было видѣть намъ цѣль мудрено.
— Не началъ ли непріятель нашъ отступать?
Говорю я сержанту. «Почемъ же намъ знать,
Тутъ не только врага, не видать и своихъ».
— Ну, а много ли въ ротѣ осталось живыхъ?
«Да, по выстрѣламъ, сколько могу я судить,
Человѣкъ еще сорокъ должно бы насъ быть.»
— Три десятка осталось, а больше наврядъ,
Возразилъ близь стоявшій какой-то солдатъ.
Къ довершенью всѣхъ бѣдъ — снѣгъ валилъ, да валилъ,
И пронзительный вѣтеръ неистово вылъ.
Положенье довольно смѣшное — стоять
Подъ жестокимъ огнемъ и отъ стужи дрожать.
Битва все разгоралась сильнѣй и сильнѣй,
Слишкомъ крупную ставку поставить на ней
Императоръ, въ надеждѣ на насъ, порѣшилъ;
Отъ того то и тратили столько мы силъ,
Не на жизнь, а на смерть завязалась борьба, —
Разрѣшалась, вѣдь, Пруссіи ею судьба.
Съ нами Богъ — въ небесахъ, или съ нашимъ врагомъ?
Никому, вѣдь, пути неизвѣстны Его.
Въ неизвѣстности полной на мѣстѣ одномъ
Ждать, не зная чего—это хуже всего.
Утѣшенье одно—на часы я тайкомъ
Поминутно глядѣлъ. Время, точно на зло,

Мнѣ казалось, особенно тихо текло.
Человѣческій крикъ раздавался порой.
Это новая жертва на вѣчный покой
Отходила. Какъ пѣшки, одинъ за другимъ
Люди падали. Этакъ насъ всѣхъ разстрѣлять
Не хитро. Такъ-то, дѣти, вотъ войскомъ своимъ,
Короли, какъ игрушкой, привыкли играть.
Долгъ, однако же, помнилъ я все-таки свой,
Какъ безумный, кричалъ я: — ребята, за мной—
И неистово саблей своею махалъ.
Сабля выпала вдругъ и повисла рука.
Думать некогда было о ранѣ пока,
Саблю въ лѣвую руку скорѣе я взялъ:
— И другую мнѣ руку не жаль потерять,
Я кричалъ, чтобъ солдатамъ примѣръ показать.
Духомъ я не упалъ, бодръ и веселъ я былъ,
Чтобъ ободрить солдатъ, съ ними даже шутилъ.
Въ это время смущало меня лишь одно,
Посмотрѣть на часы было мнѣ мудрено.
Саблю лѣвой рукой нужно было держать,
А въ разбитой рукѣ, вѣдь, какой же мнѣ толкъ,
Вся въ крови, такъ она и болталась себѣ.
Слышу вдругъ барабанщикъ мой что-то замолкъ.
Что съ тобой, говорю, страшно, что ли, тебѣ?
«Нѣтъ не страшно, но я ужъ не въ силахъ играть,
Голодъ мучитъ», отвѣтилъ онъ мнѣ. Въ этотъ мигъ
Поле все огласилъ вдругъ неистовый крикъ,
Словно дрогнуло все поле битвы. Межъ тѣмъ
Сталъ отъ раны своей я слабѣть ужь совсѣмъ;
Такъ ручьемъ изъ руки моей кровь и текла
И пугать уже рана меня начала,
Такъ недолго и вовсе, вѣдь, кровью истечь.
Чтобъ хоть чѣмъ-нибудь мрачныя мысли развлечь,
Въ споръ какой то съ сержантомъ своимъ я вступилъ.
Самъ не помню, о чемъ ужь я съ нимъ говорилъ.
Вдругъ пальба умолкаетъ. «Побѣда», кричатъ,
Вторить этому возгласу кто же не радъ?
— Да, побѣда! я самъ, что есть силъ, закричалъ.
Свѣтъ дневной пробиваться сквозь мракъ начиналъ
Кое какъ попытался я на ноги встать
И солдатъ своихъ началъ я громко скликать.
Но команду услышать лишь двое могли:
Барабанщикъ съ сержантомъ, — другіе легли.
Подошелъ къ намъ полковникъ. «Ну, чья же взяла?»
Оказалось,—за нами побѣда была.
«Честь, сказалъ командиръ, вашей ротѣ отдать,
Ей одной мы побѣду должны приписать.
Ну, а сколько же въ ротѣ осталось живыхъ?»
Онъ спросилъ.—Я назвать ему могъ лишь троихъ.

Освобожденіе.

Разсказъ **Каттреля**. Переводъ **А. Г. Сахаровой**.

Спа 15 октября.

Мой дорогой другъ!

Вотъ я и вернулся. Я посылаю тебѣ описаніе моего странствованія, какъ я обѣщалъ.

Видя аллеи Тюльери усыпанными умершими листьями, я подумалъ, что прекрасные дни кончились. По небу пробѣгали черныя тучи, мнѣ показалось, что онѣ приносятъ за собой зиму и я уступилъ желанію еще разъ увидѣть при лучахъ солнца тотъ домъ, гдѣ я былъ такъ счастливъ въ прошедшемъ году. Правда, я много выстрадалъ, бродя одинъ по тѣмъ деревенскимъ уголкамъ, гдѣ наша любовь расцвѣтала въ теченіи двухъ лѣтъ; но въ страданіи есть своего рода упоеніе.

Принявъ это рѣшеніе, я быстро пустился въ путь. Мнѣ казалось, что я не успѣю доѣхать до снѣга, что вѣтру достаточно будетъ шести часовъ, чтобы сбросить всѣ листья, чтобы засушить всѣ цвѣты. Но природа умираетъ только въ извѣстный часъ, назначенный Богомъ. Самоубійство незнакомо ей. Лѣсъ сбрасываетъ свою листву, поля чернѣютъ, холодъ леденитъ источники, не спѣша и не медля. Мірозданіе подаетъ человѣку изъ вѣка въ вѣкъ, съ самого седьмого дня, примѣръ дисциплины, не бывъ ни разу понято.

Я встрѣчалъ вездѣ на пути кроткое и прекрасное октябрьское солнце. Листья зеленые, какъ весною, были свѣжи и густы, какъ будто бы мы все еще любили другъ друга.

И такъ, мой милый Октавъ, я отправился въ «Зеленый домъ» третьяго дня рано утромъ. Во время всей моей поѣздки я надувалъ себя самого и игралъ комедію прошлаго такъ добросовѣстно, что мнѣ нѣсколько разъ удалось одурачить себя. Я велѣлъ отвести себѣ купе—задній купе: она всегда ѣздила въ немъ. И потомъ мнѣ хотѣлось быть одному. Вѣдь могло случиться, что я заплачу, «а это такъ глупо, когда мужчина плачетъ!» Помнишь ли ты эту фразу? Это одна изъ послѣднихъ фразъ, сказанныхъ ею мнѣ. Какъ могъ я такъ долго любить эту женщину? Я ровно ничего не понимаю изъ всего этого.

Я упивался воспоминаніями во время всей моей поѣздки и вышелъ на станцію, увѣренный, что я увижу Валентину, сіяющую въ шарабанчикѣ, слегка ударяющую кнутикомъ пони, «чтобы лошадь топала отъ удовольствія, узнавъ меня». Я былъ увѣренъ, что встрѣчу Вильгерста и что мнѣ покажется, что онъ еще меньше ростомъ, въ кожаныхъ панталонахъ, въ короткихъ сапогахъ, въ подпоясанномъ ремнемъ сюртукѣ, въ бѣломъ галстухѣ, съ розой въ петличкѣ. Онъ возьметъ мой чемоданъ и положитъ его въ сундукъ. Потомъ мы поѣдемъ рысью, чтобы пріѣхать поскорѣе въ «Зеленый домъ». Мы поднимемся на лѣстницу, перепрыгивая черезъ четыре ступени, войдемъ въ мою комнату и какъ только дверь захлопнется, упадемъ въ объятія другъ къ другу и обмѣняемся опьяняющимъ поцѣлуемъ, который продлится двадцать минутъ...

Начальникъ станціи подошелъ ко мнѣ:

— Мы уже отчаялись васъ видѣть. Намъ сказали, что «Зеленый домъ» не нанятъ. Я очень радъ убѣдиться въ противномъ. Вы ожидали начала охоты. А ваша барынька здорова?

Въ отвѣтъ ему я пробормоталъ что то лишенное всякаго смысла.

— Привезите къ намъ милую барыньку, непремѣнно. Она такъ привѣтлива. На ея губахъ вѣчно играла улыбка. Привезите ее, это обрадуетъ насъ всѣхъ.

Онъ и не подозрѣвалъ, что заставляетъ меня страдать.

— Ради Бога, не говорите мнѣ о ней! закричалъ я внѣ себя. — Она умерла, слышите ли вы?... умерла! Валентина умерла и вы разрываете мнѣ сердце.

Я пустился бѣжать въ ужасѣ, дрожа и боясь, чтобы судьба не заставила мою ложь сбыться. Я остановился только у креста Меленъ. Тамъ я сѣлъ на край дороги и просидѣлъ долго унылый, разбитый, положивъ локти на колѣни, закрывъ лицо руками, перебирая прошлое, ужасаясь будущаго. Я не думалъ, что люблю ее такъ сильно. Какое то насѣкомое, пролетая мимо меня, задѣло меня кончикомъ крыла. Я обернулся взволнованный, какъ будто бы ея нѣжныя губы коснулись моего тѣла.

Ты часто раздѣлялъ нашу счастливую жизнь, мой дорогой Октавъ, ты знаешь также хорошо, какъ и я, тѣнистыя дорожки, тайны кустарниковъ, ты послѣдуешь за мной.

Во первыхъ, вотъ большая дорога, раздѣляющая равнину на двое. Въ наполненныхъ травою рвахъ вьюнки обвиваются вокругъ крапивы. Покраснѣвшія тутовыя ягоды соблазняютъ птицъ. Каждую минуту, добрые люди, которые узнаютъ меня издали, пріостанавливаютъ свою работу, чтобы поглядѣть на меня, и кланяются мнѣ привѣтливо. На концѣ дороги возвышается деревня, черезъ которую мнѣ надо пройдти. Аспидный шпиль церкви, гордый своимъ пѣтухомъ, который вальсируетъ при малѣйшемъ вѣтрѣ, выглядываетъ изъ группы деревьевъ и соломенныхъ крышъ. Нѣкоторые дворики уже огораживаются стѣнами; мало по малу дорога становится улицей. Плоды падаютъ къ подножію деревьевъ съ тяжелымъ шумомъ и ихъ трещины тотчасъ наполняются муравьями и осами.

Домикъ Робена, виноградаря, все еще продается. Сколько разъ мы посѣщали этотъ домикъ! Не знаю, почему онъ соблазнялъ Валентину: «Мы будемъ жить здѣсь вѣчно вдвоемъ, обожая другъ друга и дѣлая другъ друга счастливыми». Вѣчность Валентины продолжалась два года и ты знаешь, сколькими низостями я заплатилъ за послѣдніе два мѣсяца. Послѣ каждаго посѣщенія мы составляли фантастическіе планы и смѣты. Я припоминаю одинъ проектъ, который заставилъ насъ смѣяться въ теченіи шести мѣсяцевъ.

Хижина Робена превратилась въ мечеть. Портикъ со сводомъ изъ камней Кордовы, раззолоченыхъ и покрытыхъ арабесками, замѣнялъ ворота для телѣгъ. Изъ помойной ямы, превращенной въ сосудъ изъ розоваго мрамора, брызгалъ благоухающій дождь. Со всѣхъ сторонъ возвышались серебряныя колокольни, террасы съ порфировыми перилами, сфинксы и львы. Смѣта простиралась до 1,946 франковъ, а покупка хижины и сопряженные съ нею расходы уже простирались до 3,580 франковъ.

Я вхожу въ молчаливую деревню. Часъ пополудни. Солнце дѣлаетъ тѣнь короткой. Среди дороги спятъ собаки, на тротуарахъ дремлютъ кошки, пріютясь не подалеку отъ дома. Ворона булочника съ подрѣзанными крыльями подскакиваетъ передъ лавкою. Ея силуэтъ вырисовывается ясно на свѣтлой стѣнѣ. Она сопровождаетъ каждый прыжокъ наивнымъ взглядомъ. Она подбираетъ кончикомъ своего длиннаго клюва лакомыхъ мухъ, которыхъ привлекаетъ навозъ сосѣда. Слышно какъ молотятъ рожь въ гумнахъ. Блузники кланяются парижанину, проходя мимо него. Это земледѣльцы. Люди, одѣтые въ жилеты, проходятъ мимо, не сгибая спины и подсмѣиваясь. Это рабочіе: «тѣ, которые работаютъ въ тѣни». Тяжелыя, распряженныя телѣги, съ оглоблями на землѣ, массивныя цѣпи которыхъ тянутся позади, служатъ убѣжищемъ курицамъ и дерзкимъ гусямъ.

За окнами магазиновъ главной улицы разставлены тѣ же вещи. Тѣ же самыя мухи, повидимому, наслаждаются тѣми же лакомствами у бакалейника. Аптекарь читаетъ «Rappel» за своей конторкой. Онъ все еще не кланяется жандармскому бригадиру, который, впрочемъ, не теряетъ его изъ виду. Хозяинъ гостинницы «Разсвѣтъ» разложилъ свои тюфяки на окнахъ. На его вывѣскѣ изъ листового желѣза солнце, цвѣта яичнаго желтка, потухаетъ. Увѣнчанное лучами, украшенное золотистыми бакенами сельское свѣтило походитъ на Жюля Ферри, возвращающагося изъ Аѳинъ.

Я оставляю по правую руку «канцелярію сбора косвенныхъ податей» съ ея бѣлой и черной вывѣской; по лѣвую садъ Флорана извѣстнаго садовода, и вотъ я на большой дорогѣ, окаймленной осинами. Вскорѣ деревня остается далеко позади меня. Шагая по дерновымъ тротуарамъ, я поднимаю цѣлое облако мухъ, насѣкомыхъ и бабочекъ. Мнѣ приходится служить гончей для ласточки, которая слѣдуетъ за мной, вертится и подхватываетъ на лету крылатую дичь, которую я заставляю подняться.

Я повертываю на лѣво и спускаюсь по тропинкѣ, которая ведетъ къ пруду. Тутъ цвѣты оспариваютъ мѣсто у дерна. Все это умретъ, а она и не вспомнитъ объ этомъ. Тутъ растутъ въ

перемѣшку болиголовъ, розовый трилистникъ, желтая гомфрена, проскурняки, маргаритки, пурпуровый шалфей, висячіе цвѣточки голубые, какъ сапфиры, верескъ и наперстянка, и надъ ними возвышается огуречная бархатистая трава съ блѣдными цвѣтами, голубки и репейникъ. Въ маленькомъ лѣсочкѣ рябина клонится подъ тяжестью своихъ вѣтвей. Надъ всѣмъ этимъ кружатся, смѣшиваются, сливаются миріяды бабочекъ: аргусы, дневные павлины, перламутровые, вулканы, оранжевыя, огненныя шелкопряды, крисы, махаоны.

Тополи сбрасываютъ свои листья, они первые пріуныли.

Я вижу прудъ. Дерновая дорожка окаймляетъ его до половины. Я присѣлъ на низенькую стѣнку, которая его окружаетъ. Какая тишина! Какое спокойствіе! Вода болѣе обыкновеннаго поросла травой, наполнилась прелестными островками, образовавшимися изъ разцвѣтшихъ кувшинниковъ. По ихъ круглымъ, плоскимъ и блестящимъ листьямъ бѣгаютъ полевые чирки и трясогузки. На берегу тростники трясутъ своими рыжими султанами. Это просто чаща листьевъ, лентовидныхъ, длинныхъ, высокихъ и блестящихъ, которые шелестятъ при малѣйшемъ дыханіи вѣтра. Среди всей этой чащи пробирается вѣчно робкій заяцъ. Онъ пьетъ носъ къ носу съ своимъ отраженіемъ.

Излишекъ воды течетъ налѣво внизъ по лугу. Вода поетъ, убѣгая, восхищенная, считая себя свободной, потому что она волнуется. Песокъ будетъ пить ее, мельницы станутъ колотить ее. Она слишкомъ поздно пожалѣетъ о томъ счастливомъ времени, когда, заключенная въ рамку пруда, она служила зеркаломъ: днемъ, ласковымъ тростникамъ, ночью, свѣтлымъ звѣздамъ.

Корова наслаждается на большой дорогѣ, сунувъ морду въ крапиву и репейникъ.

Калитка парка открыта. Я думалъ, что я сильнѣе, а теперь я дрожу, прислонясь къ поросшему мхомъ столбу. Я не рѣшаюсь войдти и сознаю, что я трусъ. Я пытаюсь вспомнить ея ошибки и вспоминаю только ея ласки. Я мысленно перечисляю тѣ муки, которыя она заставляла меня пережить и нахожу только извиненія, которыя ее оправдываютъ. По временамъ я чувствую себя виновнымъ и валялся бы въ ногахъ у ней, если бы она приблизилась.

Къ чему бы послужилъ возвратъ любви? Возвратилъ ли бы онъ мнѣ вѣру?

Въ то время, какъ низшая сторона моего существа торжествовала бы, можетъ быть, та гордость, которая меня убиваетъ и которой я дорожу, возмутилась бы? Ея возвращеніе, можетъ быть, заставило бы меня разлюбить ее.

Большіе тополи, дрожащіе на солнцѣ, волнуются на фонѣ темныхъ деревьевъ. Лужайка разстилаетъ передо мной свой коверъ. Трава высока; некому топтать ее. Разогрѣтыя зноемъ сосны придаютъ воздуху смолистый запахъ, который бросается мнѣ въ голову и опьяняетъ меня. Ихъ шишки катятся по дорогѣ, усѣянной тонкими иглами цвѣта ржавчины.

Я вхожу.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

Декамеронъ.

Сказки Джіовани Боккачіо.

(Переводъ Н. И. Шульгина.)

День первый.

Сказка V.

Обѣдъ изъ куръ.

Разсказъ Діонео вызвалъ краску на лицахъ дамъ; однакожь, онѣ кончили тѣмъ, что разсмѣялись, хотя въ одинъ голосъ замѣтили, что онъ «противный» и слишкомъ мало уважаетъ женщинъ, если думаетъ о нихъ такъ дурно. Діонео иронически улыбнулся и готовъ былъ отвѣчать своимъ порицательницамъ, но королева не дала ему вымолвить ни слова, приказавъ Фіаметтѣ, сидѣвшей рядомъ съ нею на травѣ, начать ея исторію. Эта дама, мило улыбнувшись, передала слѣдующій разсказъ:

Маркизъ Монфера *) принадлежалъ къ числу лучшихъ и храбрѣйшихъ полководцевъ своего времени. Своими побѣдами и качествами своего характера, онъ достигъ званія гонфалоньера церкви, что побудило его съ арміей крестоносцевъ отправиться за море, для завоеванія св. земли. Однажды, во время его отсутствія зашелъ о немъ разговоръ при дворѣ французскаго короля Филиппа **) косого, предполагавшаго также отправиться въ Палестину; при этомъ одинъ изъ придворныхъ замѣтилъ, что онъ не знаетъ лучшей пары, какъ маркизъ Монфера и его жена; насколько первый превосходитъ всѣхъ мужчинъ своей храбростью, настолько вторая превышаетъ всѣхъ женщинъ своею красотою и добродѣтелями.

Эти слова произвели такое впечатлѣніе на короля, что онъ, никогда не видѣвъ маркизы, съ этой минуты почувствовалъ къ ней любовь. Когда все было готово къ его выступленію въ походъ, въ Палестину, онъ объявилъ, что пойдетъ сухимъ путемъ до Генуи и только тамъ посадитъ свою армію на суда. Онъ избралъ такой маршрутъ для того, чтобы по дорогѣ заѣхать въ Монфера и увидѣться тамъ съ красавицей. Онъ разсчитывалъ, что, въ отсутствіе мужа, молодая женщина не устоитъ передъ его любовью.

Филиппъ, съ небольшой свитой преданныхъ ему дворянъ, опередилъ свою армію и за день пути отъ замка Монфера, послалъ нарочнаго предупредить маркизу, что на слѣдующій день намѣренъ обѣдать у нея. Осторожная, мудрая дама отвѣчала посланному, что очень счастлива выпавшей на ея долю честью и постарается принять монарха, какъ подобаетъ его сану. Посѣщеніе короля, который не могъ не знать объ отсутствіи ея мужа, сперва обезпокоило ее. Она не могла понять, какими побужденіями руководился монархъ, дѣлая ей честь своимъ посѣщеніемъ, но, подумавъ, рѣшила, что, вѣроятно, короля влечетъ къ ней слава объ ея красотѣ. Однакожь, какъ бы тамъ ни было, ей слѣдовало принять короля хорошо. Она собрала на совѣтъ ближайшихъ сосѣдей дворянъ, чтобы сговориться съ ними о необходимыхъ церемоніяхъ, но при томъ объявила, что заботу о самомъ обѣдѣ она беретъ исключительно на себя. Она поручила управляющему пріобрѣсти, какъ можно больше, откормленныхъ куръ и приказала поварамъ приготовить изъ нихъ нѣсколько различныхъ кушаньевъ, не примѣшивая никакого другого мяса, и такъ, чтобы, придавая курамъ различныя формы и видъ, все таки было бы замѣтно, что въ каждое блюдо входятъ куры.

Король прибылъ въ назначенный день и былъ принятъ маркизой съ подобающимъ ему почетомъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ радушнаго пріема, а такъ какъ красота маркизы превзошла всѣ его ожиданія, его любовь къ ней еще болѣе усилилась. Онъ разсыпался въ комплиментахъ, которые, однакожь, были слабымъ выраженіемъ страсти, его пожиравшей. Чтобы нѣсколько успокоить свое волненіе, онъ удалился въ отведенную ему комнату, откуда вышелъ только тогда, какъ ему доложили, что обѣдъ поданъ, и сѣлъ за отдѣльный столъ съ маркизой.

Хорошо приготовленныя кушанья, избранныя превосходныя вина, удовольствіе сидѣть вмѣстѣ съ прекрасной женщиной, на которую онъ не уставалъ смотрѣть, окончательно вскружили голову королю. Однакожь, онъ очень удивился, замѣтивъ, что всѣ кушанья были приготовлены изъ куръ. «Не можетъ быть, чтобы въ этой мѣстности не было какой-нибудь другой домашней птицы или дичи, подумалъ онъ; — вѣроятно, обѣдъ изъ однѣхъ куръ приготовленъ не спроста». Онъ, впрочемъ, не выразилъ своей мысли въ слухъ и рѣшился воспользоваться страннымъ обѣдомъ, какъ предлогомъ для шутки.

— Не могу-ли я подумать, маркиза, сказалъ онъ, смѣясь, — что въ вашей мѣстности родятся однѣ куры, а о пѣтухахъ нѣтъ и помину?

Шутка эта была естественна, потому, что, въ самомъ дѣлѣ, въ обѣдъ вошло множество куръ и ни одного пѣтуха. Маркиза поняла, что теперь самое время показать королю, что надежды его на взаимность съ ея стороны тщетны, имужественно отвѣчала:

— Нѣтъ, государь; но женщины здѣсь такія же, какъ и вездѣ, не смотря на разницу въ одеждѣ и въ положеніи, которое занимаютъ онѣ въ свѣтѣ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, онѣ исполняютъ свои обязанности и свято чтутъ долгъ, налагаемый на нихъ бракомъ.

Изъ этого отвѣта король увидѣлъ, что ему нечего надѣяться и что обѣдъ изъ куръ послужилъ аллегорическимъ намекомъ на то, что курица легко можетъ обойтись безъ пѣтуха. Онъ не желалъ прибѣгнуть къ силѣ, часто въ то время,— какъ, къ сожалѣнію, и въ наше,—разрѣшавшей затрудненія. Онъ поспѣшилъ окончить обѣдъ, распрощался съ гостепріимной хозяйкой, благодаря ее за хорошій пріемъ, и тотчасъ же отправился далѣе по дорогѣ въ Геную, желая этою поспѣшностью скрыть, что у него было преступное намѣреніе.

Сказка VI.

Сто за одинъ.

Все общество похвалило мудрость маркизы Монфера, съумѣвшей такъ деликатно дать урокъ французскому королю. Эмилія, сидѣвшая рядомъ съ Фіаметтой, получивъ приказаніе королевы, съ обычною ей скромностью, подѣлилась съ своими слушателями такой повѣстью:

Не такъ давно въ нашемъ городѣ жилъ монахъ францисканскаго ордена, занимавшій должность инквизитора. Хотя онъ стремился къ тому, чтобы прослыть человѣкомъ справедливымъ, заботящимся исключительно о процвѣтаніи католичества, однакожь, какъ и многіе изъ его товарищей-инквизиторовъ, онъ проявлялъ свою ревность болѣе на людяхъ богатыхъ, чѣмъ бѣдныхъ. Случилось, что одинъ очень богатый человѣкъ, разгоряченный виномъ, сказалъ по простотѣ, по никакъ не по отсутствію въ немъ религіи:

— У меня въ погребѣ есть такое превосходное вино, что еслибъ самъ Богъ сошелъ на землю, онъ непремѣнно попробовалъ бы его.

Слова эти были переданы инквизитору. Зная богатство обмолвившагося, онъ притянулъ его къ своему суду, въ разсчетѣ перевести изъ его кармана въ свой не малое количество флориновъ.

Обвиняемый, на вопросъ, точно-ли произнесены имъ слова, переданныя инквизитору, отвѣчалъ утвердительно и объяснилъ, при какихъ обстоятельствахъ онѣ были сказаны.

— Понимаешь-ли ты, какой ужасный грѣхъ ты совершилъ, сказалъ инквизиторъ, котораго болѣе всего занимали деньги обвиняемаго;—подумалъ-ли ты, что ты осмѣлился сравнить Бога съ собою, обжорой и пьяницей, невыходящимъ

---

*) Историческій Монфоръ, свирѣпый истребитель альбигойцевъ. *Пр. пер.*

**) Филиппъ II, называвшійся также Августомъ. *Пр. пер.*

изъ кабака? Прикидываясь простакомъ, ты хочешь увѣрить насъ, что твоя вина не велика. Но если мы захотимъ строго выполнить нашу обязанность, ты сгоришь на кострѣ.

Эти и другія подобныя ей угрозы, произнесенныя такимъ тономъ, точно передъ инквизиторомъ стоялъ не добродушный простякъ, а послѣдователь Эпикура, отвергавшій безсмертіе души или существованіе Бога, навели ужасъ на несчастнаго. Обдумавъ свое положеніе, бѣднякъ рѣшился прибѣгнуть къ единственному, остававшемуся ему средству: перемѣстить изъ своего кармана монеты въ карманъ францисканца, чувствующаго къ нимъ слабость, можетъ быть, потому, что францисканцамъ запрещено имѣть у себя деньги. Средство это, непомѣченное въ числѣ рецептовъ Галіена, оказалось превосходнымъ. Оно подѣйствовало такъ благотворно, что затушило огонь костра, грозившаго простяку. Совершенный имъ грѣхъ былъ признанъ неважнымъ и въ искупленіе его на него наложенъ рядъ нетрудныхъ эпитемій. Выдержавъ ихъ, кающійся получилъ свободу, съ условіемъ, что онъ выполнитъ послѣднюю эпитемію, которая заключалась въ томъ, что онъ, до новаго приказанія будетъ ежедневно слушать обѣдню, а затѣмъ въ обѣденное время приходить къ инквизитору для выслушанія наставленія; остальной же день ему предоставлялось проводить, какъ ему заблагоразсудится.

Однажды кающійся, во время обѣдни, услышалъ слова евангелія: «и воздастся вамъ сторицею». Эти слова запечатлѣлись въ его памяти. Въ обычный часъ онъ пришелъ къ инквизитору, сидѣвшему за обѣдомъ и на вопросъ его, былъ-ли у обѣдни, отвѣчалъ утвердительно.

— Не возбуждаетъ-ли что-нибудь въ тебѣ сомнѣнія? спросилъ инквизиторъ.—Не желаешь-ли, чтобы тебѣ разъяснили что-нибудь?

— Нѣтъ, преподобный отецъ, отвѣчалъ кающійся,—моя вѣра тверда и я ни въ чемъ не сомнѣваюсь. Но если вы позволяете мнѣ говорить, скажу вамъ, что слышалъ кое-что, возбудившее во мнѣ тревогу за васъ и вашихъ собратьевъ. Что будетъ съ вами на томъ свѣтѣ!

— Что же это такое? спросилъ инквизиторъ.

— Слова евангелія: «и воздастся вамъ сторицею».

— Ты передалъ ихъ вѣрно, но я не вижу, въ какомъ смыслѣ они могутъ относиться къ намъ?

— Сейчасъ объясню вамъ. Съ той поры, какъ я прихожу къ вамъ, я вижу, что вы даете бѣднымъ по тарелкѣ супа, который остается послѣ вашей трапезы. Если за каждую выданную вами на этомъ свѣтѣ тарелку супу, вы получите на томъ по сту, то меня разбираетъ ужасъ, когда я подумаю, что вы съ нимъ станете дѣлать.

Эта наивность заставила расхохотаться товарищей инквизитора, сидѣвшихъ съ нимъ за столомъ. Не смѣялся только самъ инквизиторъ, понявшій, что слова простяка были намекомъ, какъ на скупость и лицемѣріе его и его товарищей, такъ, еще болѣе, косвеннымъ упрекомъ за его несправедливость въ отношеніи къ кающемуся. Инквизиторъ охотно притянулъ бы его во второй разъ къ суду, но не рѣшился этого сдѣлать изъ опасенія возбудить противъ себя публику, недовольную и первымъ процессомъ. По этому инквизиторъ удовольствовался тѣмъ, что приказалъ уйти кающемуся и болѣе къ нему не возвращаться, что тому было какъ разъ на руку.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Послѣдняя замѣтка Эдгара Кинэ.

Жена знаменитаго французскаго писателя, Эдгара Кинэ, уже умершаго, написала нѣсколько статей, которыя намѣревалась издать подъ об-

Декамеронъ Боккачіо. Сказка V.

щимъ заглавіемъ «Жизнь и смерть греческаго генія». Къ этому труду Эдгаръ Кинэ долженъ былъ написать предисловіе и онъ началъ его, но смерть помѣшала талантливому автору окончить начатое. Послѣднюю строчку Э. Кинэ написалъ 15-го (27) марта 1875 г.

Вотъ этотъ отрывокъ, въ настоящемъ году напечатанный въ одной изъ французскихъ газетъ:

«Какъ только началась война съ мидянами, вся Греція встрепенулась; всѣмъ грекамъ стало

Декамеронъ Боккачіо. Сказка VI

ясно, что этой войной затрогиваются интересы всей греческой націи. Сигналъ, поданный Коркирой, былъ услышанъ въ Сициліи, въ Италіи, вездѣ, гдѣ только находились люди, говорившіе на эллинскомъ языкѣ. Въ этотъ именно моментъ сильно укрѣпилось въ грекахъ сознаніе своей расовой обособленности. Греческіе драматическіе поэты съ этого времени начинаютъ говорить объ единствѣ Эллады. Традиціи племенъ греческаго происхожденія, живущихъ на пространствѣ отъ Фессаліи до Сициліи, перестали быть чуждыми поэтамъ въ Афинахъ и въ Элевзинѣ. Теперь они уже съ удобствомъ могли черпать изъ этихъ традицій все, что для нихъ оказывалось нужнымъ.

«Въ сюжетахъ не могло быть недостатка; они представлялись сами собою. Отсюда изумительное множество трагедій, написанныхъ каждымъ авторомъ отдѣльно. Традицій была масса, только выбирай. Поэту не трудно было переходить за границы своего города и своего племени. Со времени мидійскихъ войнъ *) онъ сталъ пѣвцомъ всей греческой расы. Куда онъ ни оглядывался, вездѣ находилъ сюжеты для драмы. Много трагедій было пережито каждымъ отдѣльнымъ племенемъ. Воспроизведенныя въ поэтическихъ произведеніяхъ, онѣ появлялись на афинскомъ театрѣ.

«Нельзя приписывать простому случаю то обстоятельство, что съ именемъ Саламина связаны три геніальнѣйшіе греческіе писателя. Эсхилъ участвовалъ въ этомъ сраженіи; Софоклъ состоялъ въ числѣ танцоровъ, торжествовавшихъ побѣду; Эврипидъ родился въ день этой битвы. Побѣда при Саламинѣ окончательно утвердившая единство греческой расы, и поднявшая духъ греческаго народа, возбудила трагическій геній въ трехъ великихъ поэтахъ.

«Уничтожьте мысленно единство эллинской расы на поляхъ битвъ, вы изсушите источникъ, изъ котораго черпали поэты. Не будь этого единства, поэтъ зналъ бы только свой городъ, свое племя. Горизонтъ его былъ бы слишкомъ узокъ. Афины перестали бы интересоваться традиціями Аргоса; Спарта—традиціями Коринфа; жители материка—традиціями островитянъ. Что сталъ бы дѣлать старый Эдипъ въ Афинахъ? Онъ фивлянинъ и только Фивы могли бы воспѣть его.

«Афиняне, болѣе чѣмъ всѣ другія греческія племена, сознавали, что мидійскія войны утвердили общность расы между всѣми эллинами. Это новое начало, примѣненное къ войнѣ, они перенесли и въ искуство. Они схватились за легенды всѣхъ другихъ греческихъ племенъ и дали имъ право гражданства на своемъ театрѣ. Они дали свою душу всему, что въ прошломъ интересовало эллиновъ.

«Все, что имѣетъ эллинское происхожденіе не чуждо мнѣ, говорилъ афинскій поэтъ».

Этотъ небольшой отрывокъ даетъ ясное понятіе объ идеѣ, которую намѣревался провести Э. Кинэ въ своемъ произведеніи. Припомнимъ, что онъ очень много занимался греческой исторіей и будемъ вправѣ сказать, что еслибъ онъ окончилъ это предисловіе, мы имѣли бы превосходное обстоятельное изслѣдованіе о греческомъ театрѣ.

Обо всемъ.

(Первый выпускъ изъ женскихъ медицинскихъ курсовъ. — Ходатайство гг. профессоровъ академіи о предоставленіи женщинамъ-врачамъ правъ, равныхъ съ врачами мужчинами. — Бурное засѣданіе въ петербургской думѣ по поводу доклада городской управы.— Народная школа.—Еще о г-жѣ Стрепетовой.)

23-е января было знаменательнымъ днемъ для разрѣшенія вопроса о высшемъ образованіи для

*) Въ нашей исторической номенклатурѣ они извѣстны подъ именемъ «персидскихъ».

женщинъ. Въ этотъ день произведенъ выпускъ студентокъ, окончившихъ высшій медицинскій курсъ. Въ «Жив. Об.» упоминалось уже объ успѣшности выпускныхъ экзаменовъ, объ основательной подготовленности къ спеціальной дѣятельности окончившихъ курсъ молодыхъ женщинъ. А дѣла имъ предстоитъ много и дѣятельность ихъ будетъ благотворной. Большая часть нашей необозримой Россіи совершенно лишена медицинской помощи; заболѣвшіе лечатся своими средствами или прибѣгаютъ къ помощи спеціалистовъ народной медицины—знахарей и знахарокъ. Такое леченіе нерѣдко кончается вмѣшательствомъ судебной власти и доморощенные врачи попадаютъ на скамью подсудимыхъ. Все это давно извѣстно всѣмъ и каждому, и между тѣмъ у насъ и до сихъ поръ многіе, и мужчины и женщины, ратуютъ противъ предоставленія женщинамъ медицинской практики. Руководствуются они въ своемъ сопротивленіи старыми, давно изъѣзженными мотивами, въ родѣ «естественныхъ причинъ», выставленныхъ однимъ изъ гласныхъ въ с.-петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, когда разбиралось предложеніе М. И. Семевскаго о приглашеніи окончившихъ курсъ студентокъ на мѣста земскихъ врачей. По мнѣнію оппонента этому предложенію, «естественныя причины» могутъ мѣшать женщинамъ-врачамъ акуратно исполнять обязанности земскихъ врачей. Но развѣ мужчины не подвержены тоже вліянію своихъ «естественныхъ» причинъ? Они тоже заболѣваютъ (по закону и общепринятому обычаю въ частной службѣ заболѣвшій не лишается мѣста и продолжаетъ получать жалованье, если болѣетъ не болѣе четырехъ мѣсяцевъ), заигрываются въ карты, голова болитъ послѣ пріятельской пирушки,—да и мало-ли еще другихъ случайностей, иногда препятствующихъ врачу-мужчинѣ акуратно исполнять обязанность земскаго врача.

Иначе разсуждаютъ знатоки медицинскаго дѣла, лучшіе представители у насъ медицинской науки. Вотъ постановленіе, состоявшееся въ конференціи профессоровъ, читавшихъ на женскихъ врачебныхъ курсахъ: «Принимая во вниманіе, 1) что ученіе на женскихъ врачебныхъ курсахъ продолжается, наравнѣ со всѣми медицинскими факультетами, пять лѣтъ; 2) что предметы преподаванія на курсахъ вполнѣ соотвѣтствуютъ, какъ по объему, такъ и по направленію преподаванія, предметамъ медицинскихъ факультетовъ и медикохирургической академіи, за исключеніемъ части судебной медицины и медицинской полиціи; 3) что нѣкоторые предметы, какъ теоретически, такъ и практически, преподаются въ большемъ противъ факультетовъ объемѣ, какъ-то: акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни и акушерская экспертиза, и 4) что репетиціи, практическія занятія въ лабораторіяхъ и клиникахъ, строгіе экзамены изъ курса въ курсъ и, наконецъ, врачебная дѣятельность слушательницъ въ Румыніи и Болгаріи, побудившая, по единогласному засвидѣтельствованію профессоровъ академіи и университетовъ, дѣйствовавшихъ на театрѣ войны, поставить командированныхъ туда слушательницъ, еще до удостоенія ихъ ученой степени, въ одинаковыя, относительно практической дѣятельности, условія съ врачами, и давшая возможность убѣдиться въ полной способности слушательницъ къ врачебной дѣятельности и высокой степени ихъ добросовѣстности при исполненіи ординаторскихъ обязанностей,—собраніе преподавателей женскихъ врачебныхъ курсовъ пришло къ единодушному постановленію о необходимости и своевременности ходатайства о дарованіи оканчивающимъ курсъ слушательницамъ, по выдержаніи ими окончательнаго публичнаго испытанія, ученой степени и права врачебной практики, соотвѣтственно тѣмъ, которыми удостоиваются студенты, оканчивающіе курсъ медицинскаго образованія въ университетахъ и въ имераторской медико-хирургической академіи». Постановленіе это подписали гг. Склифасовскій, Корженевскій, Эйхвальдъ, Тарновскій, Юнге, Доброславинъ, Брандтъ, Бакстъ, Сущинскій, Горвицъ, Балинскій, Усовъ, Бородинъ и др.

Послѣ такого торжественнаго заявленія людей, вполнѣ компетентныхъ, должно бы смолкнуть всякое противодѣйствіе справедливому и чрезвычайно полезному, въ практическомъ отношеніи, разрѣшенію вопроса. Но исторія намъ говоритъ, какъ живучи человѣческіе предразсудки, въ особенности въ такомъ неустановившемся обществѣ, какъ наше.

Нельзя не отнестись съ глубокимъ сочувствіемъ къ почину профессоровъ медико-хирургической академіи. Будемъ надѣяться, что ходатайство ихъ достигнетъ цѣли.

Мы не сомнѣваемся, что не будь войны, постановленіе это все-таки состоялось бы: его подсказывало чувство справедливости и вѣрное пониманіе общественныхъ интересовъ. Однакожь, и война принесла свою долю пользы женщинамъ-врачамъ. Онѣ на практикѣ успѣли заявить свою способность къ избранному ими дѣлу, а такой аргументъ весьма внушителенъ. Фактъ на лицо и противъ него безсильны всякія теоретическія умозаключенія.

Петербургской думѣ, вѣрно, суждено, время отъ времени, угощать сюрпризами. Поднятые ею «жгучіе» вопросы городского хозяйства ждутъ своего разрѣшенія по нѣскольку лѣтъ. Нашъ «муниципалитетъ», точно заколдованный, пребываетъ въ бездѣйственномъ покоѣ; въ дни собраній думы является очень небольшое число гласныхъ, «радѣтелей» о городскомъ благѣ; пренія идутъ вяло, большинство зѣваетъ, случается иной гласный всхрапнетъ... Но вотъ дума оживляется; зала засѣданій является въ иномъ свѣтѣ; гласныхъ много, пренія идутъ живо, шумъ стоитъ въ воздухѣ. Такъ бываетъ въ дни выборовъ или когда докладъ городской управы возбуждаетъ до того яркія сомнѣнія, что затрогиваетъ даже самыхъ смирныхъ и безобидныхъ гласныхъ, собственнымъ умомъ дошедшихъ до убѣжденія, что члены управы составляютъ ихъ непосредственное начальство, которому слѣдуетъ безпрекословно повиноваться, а оппонировать непригоже.

Сплоченная (случайно) оппозиція дала себя почувствовать очень внушительно въ засѣданіи общей думы 27 января. Обсуждалось представленіе городской управы «Объ истеченіи двадцатилѣтняго срока со дня учрежденія общества столичнаго освѣщенія». По смыслу контракта съ этимъ акціонернымъ обществомъ, городъ имѣетъ право выкупить данную ему концессію, причемъ къ нему переходитъ заводъ, фонари, однимъ словомъ—все обзаведеніе и городъ уже самъ, на свои средства, освѣщаетъ уличные фонари и пользуется доходами съ газа, потребляемаго частными лицами. Для разсчета съ обществомъ городъ долженъ взять среднюю цифру чистаго дохода отъ операціи за послѣднія семь лѣтъ и помножить ее на 20. Полученный итогъ выразитъ сумму, которую городъ долженъ заплатить обществу столичнаго освѣщенія.

Управѣ, прежде всего, долженъ былъ представиться вопросъ: полезно-ли, въ общественныхъ интересахъ, существованіе общества или же, можетъ быть, вредно? На такой вопросъ оно должно было бы отвѣтить: «вредно», такъ какъ въ этомъ случаѣ оно могло опереться на неопровержимые факты. Городское хозяйство въ западной Европѣ ведется такъ, что газъ тамъ отпускается частнымъ потребителямъ по чрезвычайно низкой цѣнѣ и съ газовымъ освѣщеніемъ по дешевизнѣ не можетъ сопернячать никакое другое освѣщеніе. У насъ же въ Петербургѣ общество столичнаго освѣщенія, пользуясь монополіею (другое существующее газовое общество не составляетъ для него конкурента, потому что районы ихъ дѣятельности разграничены и каждое изъ обществъ гарантировано монополіей отъ вторженія въ его районъ сосѣда), съ каждымъ годомъ увеличивало цѣны на газъ и довело ихъ до такой цифры, что теперь газовое освѣщеніе обходится почти въ 6 разъ дороже керосиннаго, хотя и керосинное не дешево. Между тѣмъ § 27 контракта общества съ городомъ обязываетъ общество понижать цѣнность газа, если выдаваемый акціонерамъ дивидендъ превыситъ 10% и если притомъ за всѣ предшествовавшіе годы дивидендъ составлялъ, по средней сложности, не менѣе 6%. Въ послѣдніе годы чистый доходъ общества постоянно увеличивался: въ 1870 году онъ былъ 593,283 р. (дивиденда выдано 422,000 р.); въ 1873 году—731,391 р. (див. 520,000 р.); въ 1876 г.—823,385 р. (див. 680,000 р.). Почти пропорціонально возвышенію дохода, цѣны на газъ тоже увеличивались, а не уменьшались. Но какъ же § 27? Обойти его было не трудно; оставшійся отъ 10% дивиденда на акціи, капиталъ можно было употребить на выкупъ акцій. Этого мало: общество, въ силу § 4-го контракта, можетъ задерживать, и задерживаетъ открытіе газоваго освѣщенія въ тѣхъ частяхъ города, которыя и до сихъ поръ освѣщаются керосиномъ. Контрактъ предоставляетъ ему право прокладывать газовыя трубы въ этихъ частяхъ города; правда, ему не дается здѣсь преимущества передъ другими предпринимателями, но кто не знаетъ, какъ трудно начинающему обществу конкурировать съ давно установившимся, обладающимъ значительными капиталами.

Такая совокупность фактовъ подсказывала городской управѣ единственно возможный отвѣтъ: «существованіе общества столичнаго освѣщенія скорѣе вредно, чѣмъ полезно для общественныхъ интересовъ, а потому городъ неотъемлемо долженъ выкупить у общества право газоваго освѣщенія».

Но управа посмотрѣла на дѣло иначе. Она нашла, что выкупать не слѣдуетъ. Во-первыхъ, газъ дорогъ, дороже другихъ родовъ освѣщенія, какъ-то: маслянаго, керосиноваго и спиртоваго, но, принимая во вниманіе его превосходство сравнительно съ этими другими способами освѣщенія и притомъ значительную стоимость полнаго газоустройства и эксплоатаціи предпріятія, неизбѣжно придти къ тому убѣжденію, что значительнаго пониженія на цѣну газа разсчитывать нельзя. При чемъ, въ видѣ утѣшенія, управа сообщаетъ, что городъ въ настоящее время уплачиваетъ обществу даже на 14,564 руб. 50 к. менѣе, чѣмъ бы слѣдовало по § 26 уст. Это первый пунктъ. Затѣмъ управа разбираетъ пунктъ второй о неисправностяхъ общества: за 19 лѣтъ своего существованія, общество, говорится въ представленіи управы, не подвергалось штрафамъ за неисправности, по смыслу § 39 уст. Дальше объясняется, «что газоснабженіе вообще, за исключеніемъ случайностей, идетъ успѣшно и исправно». По отношенію къ тому неудобству, что общество мѣшаетъ распространенію газоваго освѣщенія въ столицѣ, управа признала нужнымъ ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ объ измѣненіи 4-го § устава общества въ томъ смыслѣ, чтобы обществу былъ опредѣленъ срокъ для проложенія трубъ или вовсе уничтожено его право на это проложеніе трубъ, «право, равнозначущее препятствію ввести въ тѣхъ частяхъ города газовое освѣщеніе».

Управа вздумала подкрѣпить свои соображе-

нія цифрами и доказать, что городъ понесетъ громадный убытокъ, если неблагоразумно рискнетъ на выкупъ. Но, увы! цифры нерѣдко представляютъ собою палку о двухъ концахъ. Городской управѣ пришлось убѣдиться, что ея цифры были именно такой палкой. Въ докладѣ управы есть такое мѣсто: «Не принимая въ соображеніе число погашенныхъ акцій, если принять къ разсчету всѣ 40,000 акцій, то при этомъ всѣ онѣ стоили бы нынѣ 8.880,000 руб., на 1.891,470 р. менѣе противъ цѣны, приходящейся къ уплатѣ по уставу». Что, по мнѣнію управы, должно было служить неотразимымъ доказательствомъ, что городъ понесетъ убытка на 1.891,470 руб. Но оказалось, что мозги гг. гласныхъ не настолько воспріимчивы, чтобы могли усвоить себѣ этотъ странный выводъ управы. Со всѣхъ сторонъ поднялись возгласы, выражавшіе недоумѣніе и требовавшіе разъясненія непонятнаго, совершенно произвольнаго вывода. При этой неожиданной оппозиціи управа стала въ тупикъ; она безмолвствовала; на вытянутыхъ лицахъ ея членовъ выражалось изумленіе. Тяжелое молчаніе длилось долго; наконецъ, гласные вышли изъ себя и потребовали категорическаго отвѣта на вопросъ: кто писалъ докладъ? «Я составлялъ, объявилъ г. Жуковскій, — но отвѣчать теперь не могу — я совершенно забылъ». И гг. гласные, въ свою очередь, стали въ тупикъ, не зная, что сказать. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, подчеркивая многія слова, рѣзко заявилъ, что докладъ управы, очевидно, писанъ не въ управѣ, а въ другомъ мѣстѣ; оттого-то она и не можетъ дать объясненій. По окончаніи этой рѣчи снова поднялся г. Жуковскій; онъ просилъ уволить его отъ должности члена управы и поблагодарилъ думу за пятилѣтнее къ нему довѣріе.

Затѣмъ другой гласный думы рѣзко разобралъ по частямъ докладъ управы, при чемъ старался доказать, что подносить такой документъ думѣ, значитъ наносить оскорбленіе слушателямъ, представителямъ города.

Рѣчь эта почему-то не понравилась товарищу городского головы, г. Медвѣдеву, и онъ, въ свою очередь, заявилъ просьбу объ увольненіи его изъ членовъ управы, при чемъ сказалъ, что докладъ составленъ г. Жуковскимъ по совѣщаніи съ членами управы.

Когда успокоилось волненіе, вызванное двумя выходами въ отставку, дума постановила: образовать особую коммссію (охъ! ужь эти думскія коммиссіи, счету имъ нѣтъ, а о дѣятельности ихъ ровно ничего не слышно!) для разработки вопроса о томъ, въ какое положеніе должна стать дума къ газовому обществу, въ виду возможности выкупа его предпріятія. Поведетъ-ли новая коммсія дѣло поживѣе своихъ предшественницъ? Можетъ быть, близкое окончаніе контракта съ газовымъ обществомъ заставитъ ее поторопиться. Благо тому, кто можетъ надѣяться!

Пріятно, когда существующій органъ печати переходитъ въ руки людей компетентныхъ, извѣстныхъ своими трудами въ литературѣ. Въ послѣднее время газеты такъ часто попадали въ руки промышленниковъ, смотрящихъ на газетное дѣло исключительно, какъ на коммерческое предпріятіе, что на переходъ изданія въ вѣденіе настоящихъ литераторовъ приходится смотрѣть, какъ на событіе. Съ настоящаго года педагогическій журналъ «Народная школа» перешелъ въ собственность гг. Евтушевскаго и Пятковскаго. Оба новые редакторы—люди талантливые, извѣстные своей полезной дѣятельностію и въ литературѣ и въ педагогикѣ, по этому естественно надѣяться, что «Народная школа» будетъ издаваться хорошо, что и доказала уже вышедшая первая книжка этого журнала. Правда, и прежде «Народная школа» издавалась почтеннымъ дѣятелемъ въ педагогической литературѣ, покойнымъ Мѣдниковымъ. Но послѣ его смерти журналъ могъ перейти въ руки какого нибудь промышленника и потому нельзя не радоваться, что онъ достался людямъ, ясно сознающимъ, какія задачи долженъ преслѣдовать педагогическій журналъ.

28-го января г-жа Стрепетова, судя по объявленію о спектаклѣ, въ послѣдній разъ въ нынѣшнемъ сезонѣ играла передъ петербургской публикой. Зала собранія художниковъ до крайности переполнилась публикой, въ числѣ которой было нѣсколько представителей высшей администраціи и знати. Г-жа Стрепетова появилась въ двухъ роляхъ: Василисы въ драмѣ «Василиса Мелентьева» и Груни въ драмѣ «Не такъ живи какъ хочется». Обѣ драмы—Островскаго. О первой роли говорить нечего, шелъ только одинъ актъ драмы, по которому можно судить только о томъ, что г-жа Стрепетова, вѣроятно, очень хорошо исполняетъ роль Василисы. Но Груня.... опять приходится повторять, что въ первый разъ пришлось увидѣть на сценѣ настоящую Груню—не переодѣтую барышню въ исполненіи заурядныхъ актрисъ, а заправскую Груню, такую, какова она есть въ дѣйствительности. По моему, роль Груни—перлъ въ репертуарѣ г-жи Стрепетовой; здѣсь замѣчательная артистка вполнѣ проявляетъ свой высокій талантъ. Какъ слабы и блѣдны кажутся передъ нею другія исполнительницы, которыя, въ силу сценической традиціи, играютъ роли крестьянскихъ дѣвушекъ по извѣстному шаблону!

Г-жу Стрепетову проводили множествомъ букетовъ, которые почитатели ея таланта бросали на сцену. Кромѣ того во время самого представленія, ей было поднесено нѣсколько букетовъ, въ числѣ которыхъ одинъ отличался своимъ изяществомъ и вкусомъ. Онъ, какъ мы слышали, поднесенъ одной дамой, графиней, при запискѣ къ артисткѣ, очень тепло написанной.

Грустно разставаться съ дорогой артисткой, заставившей пережить такъ много хорошихъ пріятныхъ минутъ! Ходитъ слухъ, за вѣрность котораго, впрочемъ, не можемъ вполнѣ поручиться, что г-жа Стрепетова, по возвращеніи изъ Финляндіи, куда она отправляется на короткое время, по просьбѣ распорядителей спектаклямъ въ собраніи художниковъ, подаритъ публику участіемъ въ двухъ, трехъ спектакляхъ. Если бы такъ!

Н. И.

Вильгельмъ Каульбахъ.

Ст. П. Библіофила.

7 апрѣля 1874 года, въ Мюнхенѣ, умеръ отъ холеры Вильгельмъ Каульбахъ, одинъ изъ блестящихъ нѣмецкихъ художниковъ, стоявшій въ послѣднее время во главѣ мюнхенской академіи художествъ. Несмотря но то, что Каульбаху было почти семьдесятъ лѣтъ, его талантъ находился еще въ полной силѣ и отъ него можно было ожидать еще многихъ и многихъ новыхъ произведеній. Каульбахъ родился въ Арользенѣ, въ княжествѣ Вальдекъ, 15 октября 1805 года. Отецъ Вильгельма Каульбаха, золотыхъ дѣлъ мастеръ и граверъ, былъ первымъ учителемъ сына по части рисованья. Только въ 1821 году молодой человѣкъ поступилъ въ академію въ Дюссельдорфѣ, гдѣ художники Корнеліусъ и Мослеръ занялись его художественнымъ образованіемъ. Уже первая значительная работа молодого человѣка — Марія съ Іисусомъ и двумя ангелами—обличала недюжинный талантъ начинающаго художника и была пріобрѣтена одною церковью въ Вестфаліи. Въ 1825 году Корнеліусъ переселился въ Мюнхенъ, Каульбахъ послѣдовалъ за нимъ. Къ сожалѣнію, непріятности съ однимъ изъ сотоварищей заставили Каульбаха скоро покинуть мюнхенскую академію. Уже въ слѣдующемъ году Каульбаху поручено было написать плафонъ въ одной изъ большихъ залъ Одеона. Эта картина—Аполлонъ среди музъ — была написана во вкусѣ Корнеліуса. Въ тоже время Каульбахъ, съ другими художниками, былъ приглашенъ написать историческія фрески въ аркадахъ королевскаго дворцоваго сада. Фрески состояли изъ символическихъ фигуръ четырехъ рѣкъ Баваріи — Рейна, Майна, Дуная и Изара; пятая фигура представляла Баварію и считается лучшею между этими изображеніями. Во дворцѣ герцога Макса Каульбахъ написалъ 16 стѣнныхъ изображеній изъ мифологическаго расказа объ Амурѣ и Психеѣ. Отъ писанія картинъ духовнаго содержанія и отъ классическихъ мифологическихъ сюжетовъ Каульбахъ началъ переходить къ картинамъ изъ нѣмецкой исторіи и къ иллюстраціямъ нѣмецкихъ замѣчательныхъ литературныхъ произведеній. Клопштокъ, Виландъ, Гёте дали ему сюжеты для его большихъ картинъ на плафонахъ и стѣнахъ во дворцахъ. Въ то же время онъ началъ прилежно изучать Гогарта и зинялся иллюстрированіемъ Шиллера и гётевскаго Фауста. Къ этому же времени, т. е. къ началу тридцатыхъ годовъ, относится его знаменитая картина: «Домъ сумасшедшихъ»,—произведеніе глубокое по мысли, и потрясающее по содержанію. Эта картина не была случайнымъ произведеніемъ художника, она сложилась не вдругъ, не подъ однимъ вліяніемъ чтенія великихъ произведеній и изученія Гогарта. Давно, подавленный однимъ изъ семейныхъ несчастій, Каульбахъ принужденъ былъ рисовать фигуры ангеловъ въ капеллѣ дюссельдорфскаго сумасшедшаго дома; здѣсь то страдавшему отъ сердечнаго горя художнику подвернулись на глаза образы сумасшедшихъ и глубоко запали въ его душу; цѣлые годы не могъ онъ ни отдѣлаться отъ воспоминанія этихъ печальныхъ образовъ и сценъ, ни перенести ихъ на полотно; наконецъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ его умѣ созрѣлъ планъ картины «Сумасшедшаго Дома,—картины, которая поражаетъ глубокою продуманностью, прочувствованностью. Послѣ этой картины, въ 1834 году, появилась громадная работа Каульбаха: «Битва Гунновъ», создавшая собственно славу художника. За этимъ произведеніемъ послѣдовала картина большихъ размѣровъ: «Разрушеніе Іерусалима Титомъ». Приготовляясь къ воспроизведенію на полотнѣ этой колоссальной композиціи, Каульбахъ поѣхалъ въ Италію съ спеціальною цѣлью изученія красокъ. Вообще здѣсь кстати замѣтить, что Каульбахъ не былъ однимъ изъ тѣхъ художниковъ, которые болѣе всего надѣятся на свои природный талантъ и силу своего воображенія, что нерѣдко встрѣчается у насъ, гдѣ гибнетъ множество талантовъ только потому, что кромѣ таланта у художника нѣтъ ничего. Каульбахъ учился и изучалъ всю жизнь, всѣ стороны своего искуства, онъ зналъ хорошо исторію, онъ слѣдилъ за политикою, онъ наполнялъ свою мастерскую античными и классическими произведеніями и потому его картины не только талантливы, но и дышутъ правильностью формъ, не страдаютъ анахронизмами, обличаютъ въ высшей степени развитого, ученаго и мыслящаго человѣка. Пересчитывать всѣ картины Каульбаха нѣтъ никакой возможности въ коротенькой замѣткѣ, но нельзя не упомянуть здѣсь замѣчательнаго произведенія, въ которомъ геній Каульбаха высказался вполнѣ,—мы говоримъ объ иллюстраціяхъ къ «Рейнеке-Лисъ» Гёте. Эти иллюстраціи появились уже въ 1846 году. Въ этомъ произведеніи ярко высказались общественныя, политическія и духовныя тенденціи художника и съ этой поры началась ненависть къ нему ультрамонтановъ, преслѣдовавшая его до могилы. И то сказать,

Картина В. ГРАБОВСКАГО.

Машина идетъ.

Рисунокъ АДОЛЬФА БЕМА.

Изъ султанскаго гарема.
Жена паши.
Дворцовая служанка.

Одалиски.

Султанская танцовщица.

Изъ турецкаго гарема.
Дочь паши.

Изъ султанскаго гарема.
Горожанка.
Жена паши.
Дѣвушка изъ низш. сословія.

Турецкія женщины.

самъ Каульбахъ не уступалъ своимъ врагамъ, и во время канонизаціи Петра Арбуеза отвѣтилъ имъ блестящею картиною, представляющею сожженіе еретиковъ. Оставаясь придворнымъ мюнхенскимъ художникомъ, онъ продолжалъ рисовать картины для стѣнъ и плафоновъ мюнхенскихъ дворцовъ, музеевъ и галлерей, и, наконецъ, получилъ приглашеніе въ Берлинъ для занятій въ новомъ берлинскомъ музеѣ, гдѣ нужны были стѣнныя историческія картины на лѣстницѣ. Въ 1859 году онъ нарисовалъ картину для германскаго музея въ Нюренбергѣ. Эти работы не мѣшали ему продолжать иллюстрировать Гёте, Шиллера, Шекспира. Къ этому же времени относятся его картины «Убійство Цезаря», «Неронъ» и т. д. Рядомъ съ этими произведеніями обратили на себя вниманіе четыре рисунка «Пляски смерти». Каульбахъ работалъ вплоть до самой смерти, которая случилась совершенно неожиданно. Онъ оставался всегда не только талантливымъ художникомъ, но и человѣкомъ, проводящимъ, при помощи своего таланта извѣстныя идеи. Къ сожалѣнію, среди его картинъ есть одна, которая не достойна ни его таланта, ни его политическихъ и общественныхъ тенденцій, — это «Михаилъ Архангелъ», изображенный въ видѣ нѣмецкаго Михеля въ прусской каскѣ, съ желѣзнымъ крестомъ, побѣждающимъ и папу и Наполеона. Это произведеніе, навѣянное побѣдами пруссаковъ надъ французами, очень плохо и произвело крайне непріятное впечатлѣніе на поклонниковъ творца «Рейнеке-Лисъ», «Петра Арбуеза», «Нерона», «Сумасшедшаго Дома», «Вильгельма Телля» и т. п. произведеній.

Въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала мы помѣщаемъ снимокъ съ картины Каульбаха «Вильгельмъ Телль», служащей иллюстраціею къ одной изъ драмъ Шиллера.

Новости наукъ и жизни.

— **О пріобрѣтеніи древнихъ рукописей.** «Новое Время» сообщаетъ, что г. В. В. Григорьевъ, деканъ факультета восточныхъ языковъ въ с.-петербургскомъ университетѣ, имѣя въ виду, что въ войну съ Персіей въ царствованіе императора Николая Павловича, при взятіи городовъ Ахалцыха и Ардебельска, найдены были въ мѣстныхъ библіотекахъ очень цѣнные матеріалы по исторіи Востока, обратился нынѣ къ министру народнаго просвѣщенія, прося его ходатайствовать, чтобы пріобрѣтены были, въ видѣ военныхъ трофей, всѣ могущія находиться во взятыхъ нами турецкихъ городахъ различныя древнія рукописи и книги. Подобными вещами, по всему вѣроятію, особенно богатъ занятый нами Адріанополь. Въ мечетяхъ Тырнова, по указанію нѣкоторыхъ лицъ, найдены уже довольно рѣдкія древнія рукописи и изданія. Ихъ слѣдовало бы пріобрѣсти намъ уже для того, чтобы они не пропали безслѣдно для науки, такъ какъ, по сообщенію тѣхъ же лицъ, они, не смотря на приставленный къ мечетямъ караулъ, расхищаются мѣстнымъ населеніемъ.

— **Открытіе навигаціи.** Одесская газета «Правда», въ нумерѣ отъ 24-го января, сообщаетъ, что, вслѣдствіе снятія блокады на Черномъ морѣ, на-дняхъ начнутся несрочные рейсы пароходовъ русскаго общества пароходства и торговли изъ Одессы въ Севастополь; сверхъ того, по крымско-кавказской линіи назначенъ первый рейсъ на 2-е февраля съ заходомъ парохода въ Евпаторію, Севастополь, Ялту, Θеодосію, Керчь, Новороссійскъ, Сухумъ и Поти.

— **Находчивый машинистъ.** На-дняхъ, на привислянской жезезной дорогѣ едва не повторилась извѣстная тилигульская катастрофа. 17-го января, во время слѣдованія изъ Варшавы въ Ковель санитарнаго поѣзда, составленнаго изъ 28 вагоновъ, между городомъ Холмомъ и станціей Дорогускомъ, машинистъ поѣзда, г. Бромирскій, замѣтилъ предъ собою, въ разстояніи не болѣе 150—200 саженъ, людей, работавшихъ по пути надъ перемѣною на немъ рельсовъ и сгнившихъ шпалъ. Люди работали за небольшимъ пригоркомъ, и ранѣе ихъ замѣтить машинистъ не могъ. Г. Бромирскій тотчасъ же далъ контрпаръ, чтобы остановить поѣздъ, на самомъ коротномъ разстояніи. Поѣздъ остановился, но отъ мгновенной остановки его во всемъ поѣздѣ было такое сильное сотрясеніе, что изъ локомотива выпали всѣ желѣзные винты; многіе изъ поѣздной прислуги получили болѣе или менѣе опасные ушибы и поврежденія. Благодаря находчивости машиниста, поѣздъ остановился за сажень до того мѣста, гдѣ были сняты съ полотна рельсы и шпалы. Причина этого, очень простое обстоятельство: о начатыхъ работахъ не было дано знать по линіи, и вблизи работъ не были поставлены условные сигнальные знаки.

— **Землетрясеніе.** Въ «Одесск. Вѣстн.» пишутъ изъ Кишинева: «19-го числа, около 6 часовъ по полуночи, у насъ было землетрясеніе, сопровождавшееся сильнымъ подземнымъ гуломъ. Продолжительность колебанія можно опредѣлить около 20 секундъ, хотя, впрочемъ, нѣкоторыя лица, проживающія за городомъ въ долинѣ, вблизи деревни Буюканъ, заявляли, что продолжительность сотрясенія была больше 20 секундъ и удары были крайне ощутительны. Что касается послѣдняго, то и въ городѣ, во время сотрясенія, мы слышали дребезжаніе стеколъ въ окнахъ квартиры и слабый звукъ колокольчика въ передней. Сильному удару предшествовало два малыхъ, и направленіе подземнаго движенія было отъ юговостока къ сѣверо-западу».

— **Цѣнность автографовъ.** Въ Парижѣ, на дняхъ, продана была съ публичнаго торга коллекція рукописей знаменитыхъ современниковъ. Платили, между прочимъ, слѣдующія цѣны: За рукопись Теофиля Готье «Tricorne enchanté» 460 фр.; за рукопись сочиненія Виктора Гюго «Hernani» съ исправленіями автора и всѣми зачеркнутыми цензурою мѣстами—320 фр.; письмо Жерарда-де-Нарваля Александру Дюма—110 фр.; письмо Ламартина—16 фр.; двѣ строчки Виктора Гюго къ Эмануэлю Араго—32 фр.; письмо Жюля-Жанена къ Дюма—21 фр.; письмо Понсара—50 фр.; росписка Обера въ полученіи 12,300 фр. за исполненіе Te Deum'a при крещеніи императорскаго принца—100 фр.; письмо Гуно—25 фр.; письмо Руже-де-Лиль къ революціонному комитету—32 фр.; письмо, въ которомъ г-жа Марсъ разсказываетъ Александру Дюма о своей поѣздкѣ по Пиренеямъ—250 фр.; письмо Рашель къ издателю «Revue des deux mondes» Бюлозу—13 фр.; письмо Толэна—25 фр. и пр.

— **Искуственные драгоцѣнные камни.** Въ «Сѣв. Вѣстн.» пишутъ: Парижане заняты въ настоящее время эффектною научною новостью, которая изъ среды академіи быстро распространилась въ обществѣ. Фреми и Фейль, два ученые химика, изъ которыхъ первый профессоръ въ политехнической школѣ, нашли способъ химическимъ путемъ изготовлять драгоцѣнные камни, рубины, сафиры и т. д. совершенно тождественные съ камнями, находимыми въ нѣдрахъ земли. Было уже давно извѣстно, что драгоцѣнные камни состоятъ изъ самыхъ обыкновенныхъ веществъ, кристаллизованныхъ силами природы, и многіе ученые: Эбельменъ, Генри Сен-Клеръ, Девиль, Дебрэ, Годенъ, уже производили химическимъ путемъ сафиры, изумруды, рубины. Но эти камни имѣли размѣры совершенно микроскопическіе: ихъ можно было видѣть, но не осязать. Напротивъ, камни Фреми и Фрейля поддаются взвѣшиванію и могутъ быть употреблены въ дѣло ювелирами; въ этомъ состоитъ, главнымъ образомъ, значеніе той научной новости, которая теперь волнуетъ парижанъ. Подобно своимъ предшественникамъ, Фреми и Фрейль достигали кристаллизаціи сухимъ способомъ, т. е. плавленіемъ; все отличіе употребляемаго ими пріема состоитъ только въ томъ, что они работаютъ не въ лабораторіи, а на заводахъ, и притомъ надъ цѣлыми массами веществъ. Плавленію подвергалось одновременно до 30 килограммовъ вещества, и раскаливаніе продолжалось до двадцати дней сряду безъ всякаго перерыва. Въ тигель изъ огнеупорной земли клали смѣсь, состоящую изъ разныхъ частей квасцовой руды и окиси свинца, смѣсь эта раскаливалась до красна въ теченіе извѣстнаго времени, и, по охлажденіи ея, въ тиглѣ находили два слоя вещества: одинъ стекловидный, другой кристаллическій. Въ этомъ послѣднемъ слоѣ находились превосходные бѣлые кристаллы корунда. Чтобы получить кристаллъ рубина, къ смѣси нужно прибавить отъ 2—3 процентовъ такъ называемаго bichromate de potasse; для полученія синяго цвѣта сафира прибавляютъ небольшое количество окиси кобальта. Искуственные камни гг. Фреми и Фейля совершенно неотличимы отъ настоящихъ по своему блеску, твердости, плотности, составу и формѣ.

— **А. А. Мартынова.** Въ «Пет. Листк.» сообщаютъ, что въ Таганрогѣ скончалась, 28 лѣтъ, довольно извѣстная провинціальная актриса, Александра Александровна Мартынова (по мужѣ Лазарева), дочь нашего незабвеннаго артиста художника Александра Евстафьевича Мартынова. Покойница много разъ принимала участіе въ здѣшнихъ клубныхъ, подгородныхъ и загородныхъ спектакляхъ и съ успѣхомъ дебютировала на сценѣ Александринскаго театра, но не была, по усмотрѣнію начальства, принята въ труппу. Скоротечная чахотка сразила молодую женщину въ цвѣтѣ лѣтъ.

— **Новый источникъ нефти въ Америкѣ.** Въ Пенсильваніи открытъ новый обильный нефтяной источникъ, дающій ежедневно 1000 бочекъ нефти.

— **Подводный тунель между Франціей и Англіей.** Работы по устройству подводнаго тунеля между Франціей и Англіей подвинулись впередъ довольно успѣшно. Шахта у Сангатта уже вырыта на глубину 100 метровъ подъ самымъ низкимъ уровнемъ воды. Поставлены двѣ машины для выкачиванія воды, показавшейся въ шахтѣ въ большомъ количествѣ. Подъ морскимъ дномъ, въ известковомъ слоѣ, уже начаты работы по сооруженію наклонной галлереи.

— **Телефонная акціонерная компанія.** Лондонскій корреспондентъ «Бир. Вѣд.» пишетъ: Въ Лондонѣ телефонисты образовали акціонерную компанію, которая, какъ мнѣ сообщаютъ, возьметъ привилегію, и даже уже обезпечилась привилегіей по этому поводу и скоро откроетъ свои дѣйствія. Система, которая подготовляется этой компаніей, насколько мнѣ извѣстно, въ главныхъ чертахъ будетъ такова: компанія откроетъ, сначала въ Лондонѣ, а затѣмъ и въ другихъ большихъ городахъ Европы, центральныя станціи. Ради ясности изложенія возьмемъ одинъ городъ, напр., Петербургъ. Компанія объявитъ подписку, всѣ учрежденія, банки, редакціи, торговыя фирмы и частныя лица Петербурга будутъ имѣть право, за извѣстную годовую плату, пользоваться услугами компаніи, которая соединитъ проводами указанный каждымъ подписчикомъ пунктъ—его резиденцію — съ центральной станціей. Теперь положимъ, что вы подписчикъ, что вы—чайный торговецъ, что телефонъ проведенъ въ вашъ кабинетъ. Вамъ понадобились какія либо свѣдѣнія изъ Кантона, гдѣ у васъ нѣтъ знакомыхъ; но у васъ въ Москвѣ есть знакомый иностранецъ N., хорошо знающій Кантонъ; вы, однако, не знаете адреса N., но его адресъ извѣстенъ вашему пріятелю М., проживающему въ Петербургѣ, на Литейной, № 00. Вы подходите къ телефону и говорите, обращаясь къ центральной станціи: «Приготовьте проводъ Литейная, № 00, г. М.» Вамъ отвѣчаютъ: «Готово». Вы вступаете въ разговоръ съ М. «Дома ты?» — «Дома, дружище, а что?»— «Не знаешь ли, гдѣ N. остановился въ Москвѣ?» «Въ гостинницѣ Кокорева». Получивъ это свѣдѣніе, вы требуете, чтобы центральная станція связала вашъ центръ съ гостинницею Кокорева въ Москвѣ. «Готово», сообщаютъ вамъ. Вы вступаете въ переговоры съ N. Онъ васъ, по телефону, адресуетъ и рекомендуетъ нѣкоему Р. въ Кантонѣ. Вы приказываете центральной станціи поставить васъ въ сношеніе съ Кантономъ и ведете переговоры съ Р., какъ будто бы онъ сидѣлъ въ вашемъ кабинетѣ. Устраиваете дѣла и все, что угодно.

— **Столѣтіе смерти Вольтера.** 18-го (30-го) мая сего года будетъ праздноваться въ Парижѣ

съ особенной торжественостью день столѣтней годовщины смерти Вольтера, скончавшагося 18-го (30-го) мая 1778 г. Къ этому дню предполагается выпустить въ свѣтъ христоматію изъ сочиненій знаменитаго философа въ народномъ изданіи, цѣною въ одинъ франкъ. Самые извѣстные ораторы Франціи произнесутъ на публичномъ собраніи въ этотъ день соотвѣтствующія случаю рѣчи, устроится выставка сочиненій Волтера на всѣхъ языкахъ и всевозможныхъ изданій. Будетъ организовано народное празднество въ грандіозныхъ размѣрахъ.

— **Этнографическая галлерея.** Въ Парижѣ открыта въ домѣ инвалидовъ этнографическая галлерея, надъ составленіемъ которой трудились въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ галлереѣ этой, обнимающей собою четыре огромныя залы, выставлены изображенія всѣхъ дикихъ племенъ земного шара, въ фигурахъ натуральной величины. Многія изъ этихъ фигуръ вооружены, и на нѣкоторыхъ оружіяхъ красуется грозная надпись: «Просятъ не трогать оружій, многія изъ которыхъ отравлены».

Смѣсь.

— **Маленькій герцогъ.** Въ Парижѣ въ настоящее время имѣетъ большой успѣхъ новая оперета «Маленькій герцогъ»—слова Мельяка и Галеви; музыка Лекока. Содержаніе опереты слѣдующее. Людовикъ XIV, по государственнымъ соображеніямъ, женитъ очень юнаго (маленькаго) герцога Партене на малюткѣ Бланшъ. Хотя новобрачные въ такомъ возрастѣ, который не исключаетъ возможности брачной жизни, но король, тотчасъ послѣ вѣнчанія, разлучаетъ ихъ. Ее онъ отправляетъ для окончанія образованія въ люневильскій монастырь, гдѣ воспитываются дѣвицы знатныхъ фамилій; его назначаетъ командиромъ кавалерійскаго полка, квартирующаго въ провинціи. Діана Шато-Ланзакъ, родственница короля, завѣдующая воспитаніемъ дѣвицъ, воспитываетъ ихъ нѣсколько странно, но все-таки воспитываетъ. Во время одной изъ ея лекцій раздается звукъ трубъ; вламываются драгуны и требуютъ, чтобы имъ отдали маленькую герцогиню, жену ихъ полковника. Воспитательница выходитъ изъ затрудненія только тѣмъ, что предъявляетъ драгунамъ приказъ короля выступить къ границѣ государства и вступить въ бой съ непріятелемъ. Драгуны немедленно исполняютъ приказаніе и мы встрѣчаемся съ ними снова послѣ одержанной ими надъ непріятелемъ побѣды. Полковникъ, передъ выступленіемъ въ походъ, отдалъ строгій приказъ, чтобы въ лагерѣ его полка никогда не было женщинъ. Во время пира по случаю одержанной побѣды, драгуны узнаютъ, что въ ихъ лагерь проникла женщина. Конечно, оказывается, что это жена полковника. Выходитъ большой скандалъ но... въ оперетахъ всегда все оканчивается хорошо. Король прощаетъ полковнику отступленіе отъ военныхъ правилъ и дозволяетъ ему соединиться навсегда съ женою. Роль юнаго герцога играетъ извѣстная уже Петербургу милая артистка Жанна Гранье и имѣетъ громадный успѣхъ, который раздѣляетъ съ нею дебютантка, начинающая блестѣть новая звѣзда опереточнаго міра, юная дѣвица Мили Мейеръ. Этотъ перлъ (по выраженію французскихъ газетъ) Лекокъ открылъ въ «Эльдорадо»—кафе-шантанъ въ Парижѣ.

— **Женщина съ бородой.** Варшавская «Gazeta Lekarska» помѣстила подробное описаніе молодой 23-лѣтней дамы, имѣющей совершенно мужскую бороду и большіе усы. Дама эта пять лѣтъ назадъ, т. е. на 18 году отъ роду, вышла замужъ, и въ настоящее время она уже мать семейства. Первый волосъ у нея на бородѣ показался въ то время, когда ей было три года; волосъ сначала былъ хотя и большой, но совершенно бѣлый, когда же ей было 16 лѣтъ, волосъ замѣтно почернѣлъ и увеличился въ длину; около 20 лѣтъ она уже имѣла хорошо обросшую бороду и большіе усы. Въ ея семействѣ никто изъ родныхъ по женской линіи не имѣетъ ни бороды, ни усовъ. Эта дама нѣжнаго, но совершенно правильнаго тѣлосложенія и развитія, и только большая борода могла-бы заставить усомниться въ томъ, что она женщина.

— **Плѣнный турокъ, разрѣшившійся отъ бремени.** Газетѣ «Яхта пишутъ изъ Ревеля, будто одинъ изъ интернированныхъ тамъ плѣнныхъ турокъ недавно разрѣшился отъ бремени. Только въ моментъ родовъ обнаружилось, что это женщина. Говорятъ, что ребенокъ принятъ на попеченіе общества «Краснаго Креста».

— **Фальшивые монетчики.** Въ газету «Кавказъ» сообщаютъ изъ Эривани, что тамъ открыты поддѣлыватели фальшивыхъ денегъ, при чемъ мѣсто существованія фабрики оказалось въ одномъ изъ эчміадзинскихъ монастырей, подъ названіемъ монастырь св. Рипсимы. Въ монастырѣ нашли части машины и мраморный камень, на которомъ вырѣзаны двадцати-пяти руб. и трехъ рублевые билеты. Настоятель монастыря, бывшій житель деревни Ошаканъ, сознался во всемъ. Онъ передалъ, что въ прошломъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, эриванецъ К. привелъ въ монастырь одного русскаго, какъ говорятъ, какого-то военнаго писаря, у котораго была машина со всѣми принадлежностями для дѣланія фальшивыхъ денегъ. Онъ, настоятель, соблазнился на просьбу дать имъ мѣсто для производства работы, и устроилъ для нихъ въ подвалахъ монастыря мастерскую. Когда было приготовлено достаточное количество фальшивыхъ денегъ, то сочли почему то нужнымъ убить мастера. Трупъ его, по указанію монаха, былъ найденъ въ старинномъ колодцѣ, а фальшивыя—деньги въ могилѣ покойнаго католикоса Пилипоса, умершаго въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Дѣло въ томъ, что подъ камнемъ, въ углу могилы этого святого мужа, похороненнаго въ церкви св. Рипсимы, устроена яма, въ которую насыпаютъ землю. Земля эта, вслѣдствіе своей святости, служитъ лекарствомъ для всѣхъ болѣзней въ глазахъ простого народа. Вотъ въ этой-то ямѣ, вмѣстѣ съ священною землею, покоилось нѣсколько тысячъ фальшивыхъ ассигнацій. У К. же въ подвалѣ, между виннымъ кувшиномъ и стѣною, найдено, говорятъ, около 300 руб. двадцати-пяти рублевыми бумажками. Два монаха теперь находятся въ тюрьмѣ. Католикосъ велѣлъ сбрить имъ бороды, что означаетъ отрѣшеніе отъ сана. Эти монахи жили очень бѣдно, постничали, даже въ скоромные дни не ѣли никогда мяса и одѣвались въ волосяныя рясы...

— **Печальное недоразумѣніе.** До какой степени воспріимчива масса людей, собравшаяся въ сравнительно тѣсномъ помѣщеніи, доказывается всегдашнимъ повтореніемъ безумной паники при вѣсти о пожарѣ, въ большинствѣ случаевъ ложной. Подтвержденіе этому явилось снова въ Кале, во Франціи, 23 января (4 февраля). Въ громадномъ циркѣ, въ которомъ помѣщалось до 3,000 человѣкъ, шло представленіе, во время котораго крики о небываломъ пожарѣ заставили зрителей верхнихъ мѣстъ броситься къ выходу. Входъ былъ крайне узокъ, и черезъ нѣсколько минутъ около выходной двери лежала цѣлая масса задавленнаго и зашибленнаго народа. Девять человѣкъ умерло на мѣстѣ, да двое потомъ. Пять человѣкъ еще не найдено.

— **Дорого-стоющій хоръ пѣвчихъ.** Въ Нижнемъ-Новгородѣ, пишетъ корреспондентъ «Голоса», давно уже славится хоръ пѣвчихъ В. М. Рукавишникова. Составъ этого хора, дѣйствительно, замѣчательный. Пѣвчихъ болѣе 50-ти человѣкъ. Учредитель и содержатель хора, г. Рукавишниковъ, любитель церковнаго пѣнія, молодой и богатый человѣкъ; онъ не жалѣетъ средствъ для поддержанія и организаціи своего хора. Чтобъ добыть въ свой хоръ лучшіе голоса, г. Рукавишниковъ объѣздилъ почти всѣ города Россіи, гдѣ есть болѣе или менѣе извѣстные пѣвческіе хоры, и, какъ скоро находилъ въ нихъ выдающихся своими голосами пѣвчихъ, приглашалъ ихъ къ себѣ въ Нижній-Новгородъ, часто за весьма солидную плату. Нѣкоторые изъ пѣвчихъ получаютъ жалованья до 800 р. въ годъ и болѣе. Пѣвчіе-мальчики, числомъ до 30-ти, помѣщаются въ нанимаемомъ для нихъ просторномъ домѣ и содержатся на средства г. Рукавишникова. Для маленькихъ пѣвчихъ устроено училище на правахъ третьеразряднаго приходскаго училища. Въ немъ два класса; оно содержится съ образцовою чистотою и снабжено въ избыткѣ всѣми учебными и классными принадлежностями. Содержаніе маленькихъ пѣвчихъ въ училищѣ и общежитіи г. Рукавишникова можно сравнить только съ содержаніемъ учениковъ въ лучшихъ частныхъ пансіонахъ, гдѣ за воспитанника ежегодно платится не менѣе 300 или 400 руб. Кромѣ прекраснаго содержанія, мальчики-пѣвчіе получаютъ еще жалованье. Насколько извѣстно, г. Рукавишниковъ ежегодно издерживаетъ на содержаніе хора до 30,000 р. и сверхъ того, расходуетъ на содержаніе своей школы около 7,000 руб.

— **Безкорыстіе г. Львова.** Со взятіемъ Орханіе, пишетъ г. Милорадовичъ, корреспондентъ «Спб. Вѣд.», къ намъ подъѣхалъ, находившійся неизвѣстно гдѣ до этого времени, корпусный маркитантъ Львовъ, уже на третій день онъ открылъ свой ресторанъ, а продажу продуктовъ,—тотчасъ по своемъ прибытіи. Цѣны еще болѣе возвысились, по сравненію съ Дольнимъ-Дубнякомъ, откуда я вамъ писалъ о немъ. Во всякомъ случаѣ, цѣны у него на продукты настолько умѣрены, что мы убѣждены въ томъ, что, пробывъ мѣсяца два, три въ походѣ при гвардейскомъ корпусѣ, онъ, по возвращеніи въ Петербургъ, едвали будетъ въ состояніи купить на барыши болѣе одного пяти-этажнаго дома, ну, хоть на Невскомъ проспектѣ. Для примѣра приведу нѣсколько цѣнъ по курсу у Львова: 1 булка, въ 10—80 к.; 1 ф. стеарин. свѣчей 25—160 к.; 1 ф. швейц. сыра 45—220 к.; 1 ф. сахару 20—80. Итого, въ среднемъ выводѣ, въ пять разъ болѣе цѣнъ, существующихъ въ Россіи.

— **Золотыя свадьбы.** Въ воскресенье, 8-го января, въ небольшомъ городкѣ Варшавской губерніи, Блонѣ, одиннадцать семействъ праздновали свою золотую свадьбу, т. е. пятидесятилѣтіе супружеской жизни. Юбиляры собрались въ мѣстный костелъ, чтобы возблагодарить Бога за такое долголѣтіе, а мѣстный ксендзъ отслужилъ по этому поводу особое богослуженіе и сказалъ приличную случаю проповѣдь. На этомъ богослуженіи, не считая сыновей и дочерей юбиляровъ, собралось болѣе ста сорока внуковъ, внучекъ, правнуковъ и правнучекъ. Въ заключеніе богослуженія, по принятому мѣстному обычаю, ксендзъ роздалъ юбилярамъ 22 палки, съ вырѣзанными на нихъ крестами; палки эти должны служить имъ подпорою въ дальнѣйшей ихъ жизни». Газета присовокупляетъ, что всѣ юбиляры родились въ Блонѣ, имѣющемъ въ настоящее время населеніе, не превышающее 1,500 человѣкъ, и въ этомъ же городѣ поженились и повѣнчались...

— **Телефонъ—посредникъ любви.** Телефонъ играетъ уже не маловажную роль въ любовныхъ дѣлахъ, доказательствомъ чего служитъ испанскій король Альфонсо. Юный монархъ (ему всего двадцать лѣтъ) по уши влюбленъ въ свою кузину и говорилъ одному знатному дипломату, замѣтившему его разсѣянность во время политической бесѣды: «Не сердитесь, пожалуйста, если я не совсѣмъ слѣжу за вашими доводами. Сообщаю вамъ по секрету, что я страстно влюбленъ, и вы знаете homme amoureux—homme perdu (влюбленный человѣкъ—потерянный человѣкъ).» Такъ какъ, на основаніи испанскаго придворнаго этикета король нѣсколько дней до свадьбы не могъ видѣться со своею невѣстою, находившеюся въ Аранжуецѣ, то испанское телеграфное управленіе устроило между Эскуріаломъ и дворцомъ въ Аранжуецѣ телефонное сообщеніе, предназначенное для одного короля, который проводилъ большую часть дней въ бесѣдахъ со своею возлюбленною невѣстою, находившеюся отъ него на разстояніи ста верстъ.

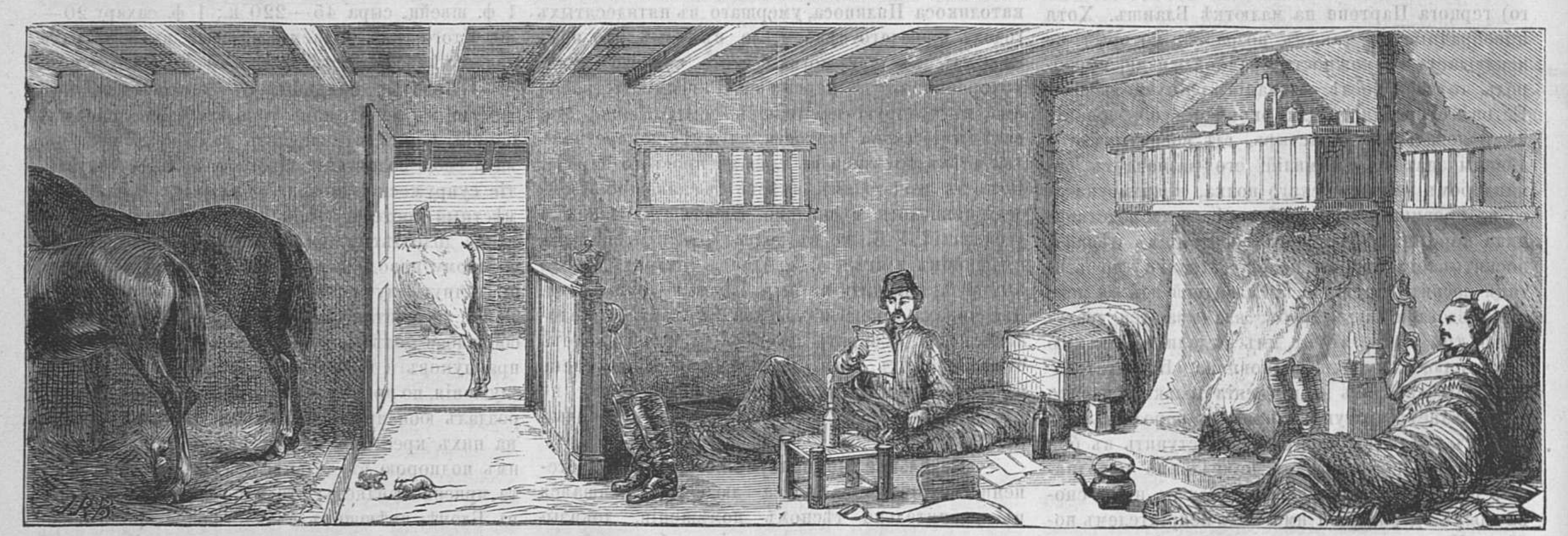
— **Замѣчательная лошадь.** Какъ долго служатъ на ипподромѣ американскіе рысаки и до какой громадной цифры можетъ дойти выигрываемая лучшими изъ нихъ въ продолженіи ихъ бѣговой карьеры сумма призовъ можно видѣть изъ интересныхъ по этому предмету подробностей, сообщаемыхъ берлинскимъ «Sport» относительно рѣзвѣйшей американской кобылы Goldsmith Maid, крайняя быстрота которой на 1-мильной ($1^1/_2$ вер.) дистанціи 2′ 14″ до сихъ поръ не

повторялась еще на американскихъ ипподромахъ. Goldsmith Maid родилась въ 1857 г., начала свою бѣговую карьеру въ 8-лѣтнемъ возрастѣ, въ 1865 г., и до сихъ поръ, не смотря на свои почтенные года, не сходитъ еще съ ипподрома. Въ этотъ длинный періодъ времени она выиграла призовъ на сумму 325,000 долларовъ (около 440,000 руб. на наши деньги) и пробѣжала на разныхъ ипподромахъ въ общей сложности 39,212 километровъ (около 36,755 верстъ!)

— **Переходъ ксендза въ протестантство.** Въ Варшавѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, случилось слѣдующее происшествіе, взволновавшее ревностныхъ католиковъ: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ксендзу, викарію церкви св. Креста, молодою женщиною былъ нанесенъ ударъ по лицу въ то время, когда онъ, будучи еще въ облаченіи, послѣ обѣдни вошелъ въ ризницу, чтобы снять ризы. По разслѣдованіи дѣла оказалось, что молодая женщина нѣсколько лѣтъ находилась въ связи съ ксендзомъ, отъ котораго имѣла дѣтей, но передъ совершеніемъ преступленія была оставлена послѣднимъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, такъ какъ ксендзъ сошелся съ другой женщиной, бывшею танцовщицею. Дѣло это тогда же было передано судебнымъ властямъ, такъ какъ названная особа нарушила въ церкви общественное благочиніе и, во-вторыхъ, оскорбила священника, облаченнаго въ ризы. Но съ другой стороны духовной администраціей былъ привлеченъ къ отвѣтственности также и ксендзъ-викарій. На-дняхъ его смѣнили съ должности и приговорили отправить въ деревню подъ надзоръ сельскаго благочиннаго. Повидимому ксендзу не понравился этотъ приговоръ, и онъ, къ великому ужасу духовной администраціи и соблазну бывшей своей паствы, принялъ протестанство, обвѣнчался съ своей второй возлюбленной и уѣхалъ въ Петербургъ искать себѣ какого-либо занятія.

— **Золотая горячка въ Персіи.** Изъ Тегерана получены слѣдующія извѣстія о господствовавшей тамъ недавно курьезной «золотой горячкѣ». Въ началѣ нынѣшняго года здѣсь пронесся слухъ, что въ окрестностяхъ Центджана открыта золотая руда. Эта вѣсть сильно взволновала персидское правительство, и оно назначило изслѣдованіе, которое и открыло, что неподалеку отъ Центджана, въ деревнѣ Каванъ, одинъ мужикъ часто продавалъ купцамъ большое количество золота, вслѣдствіе чего разбогатѣлъ. Это дошло до шаха, который приказалъ полиціи взять счастливца. Послѣ долгаго упорства, Яръ-Мехмедъ— допрошаемый золотовладѣлецъ разсказалъ, что онъ нашелъ тяжелый камень на большой дорогѣ, который привалилъ къ своимъ воротамъ. Потомъ онъ открылъ, что въ этомъ камнѣ есть золото, которое и продавалъ евреямъ, что о рудѣ онъ ничего не знаетъ и камень нашелъ на большой дорогѣ. Вслѣдствіе такого отвѣта, старый Яръ-Мехмедъ былъ посаженъ въ тюрьму, а семейство его впало въ нищету. Ему не вѣрили. Камень у воротъ его взяли и привезли сюда для анализа. Анализъ далъ блестящіе результаты. Въ немъ оказалось три куска золотоноснаго кварца, каждый въ величину яйца и съ 30 процентами чистаго золота. Когда всѣ старанія узнать гдѣ находятся такіе камни оказались тщетными, Шахъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи европейской науки и добыть себѣ спеціалиста. Вслѣдствіе этого, персидское правительство заключило условіе на три года съ прусскимъ горнымъ инженеромъ Гюбелемъ, а пока вся мѣстность была оцѣплена кордономъ, и дворъ шаха волновался до крайности, переходя отъ золотыхъ надеждъ до отчаянія. Наконецъ, весною, появился приглашенный инженеръ. Изъ Решта его торжественно привезли въ Центджанъ, гдѣ онъ, впрочемъ, весьма скоро, удостовѣрился въ отсутствіи какой либо золотой руды. Далеко въ юго-западу наткнулся на кварцовую жилу, но съ такимъ бѣднымъ содержаніемъ, что объ обработкѣ ея нечего было и думать. Только тутъ убѣдились, что Яръ-Мехмедъ говорилъ правду, и кварцовый камень случайно туда занесенъ. Между тѣмъ, инженеръ продолжалъ свои изслѣдованія, и за нѣсколько часовъ отъ Тачи-Сулеймана нашелъ серебряную руду, давшую 150 долей минерала, 82 доли свинца и $1^3/_4$ процента серебра. Шахъ такъ обрадовался этой находкѣ, что приказалъ нагрузить этимъ минераломъ сто верблюдовъ и привезти въ Тегеранъ.

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ.



Офицерскій баракъ въ турецкой арміи.

Золотая горячка охватила съ тѣхъ поръ не только дворъ, но и всю Персію. Двѣ недѣли тому назадъ султанъ взялъ съ собой на охоту г. Гюбеля въ Дмаджерудъ, и тамъ заставилъ его искать золота и на горахъ, и подъ горами. Но нигдѣ его не оказалось. Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ объ Яръ-Мехмедѣ, надѣлавшемъ столько хлопотъ всей Персіи. Онъ, наконецъ, выпущенъ, но домъ его раззоренъ, семья въ нищетѣ и самъ онъ лишился здоровья.

— **Изъ судебной практики.** Въ ассизномъ судѣ штата Иллинойса происходилъ недавно слѣдующій эпизодъ: Джонъ-Актенъ былъ обвиненъ въ убійствѣ. Въ виновности его не было сомнѣнія; на этотъ счетъ присяжные засѣдатели были вполнѣ согласны между собою; но они расходились между собою относительно размѣра наказанія. (Въ Иллинойсѣ присяжные назначаютъ сами наказаніе.) Девять изъ присяжныхъ были за пожизненное тюремное заключеніе, остальные трое высказались за висѣлицу. Такъ какъ не состоялось соглашенія, то двѣнадцать мудрецовъ рѣшили предоставить случаю рѣшить, долженъ ли мистеръ Джонъ-Актенъ быть отправленъ въ тюрьму или на тотъ свѣтъ. Взяли три соломенки, длиннѣйшая должна означить висѣлицу, менѣе длинная— 20 лѣтъ заключенія, а самая короткая—пожизненное заключеніе. Жребій выпалъ въ пользу висѣлицы, и присяжные, согласно этому, произнесли приговоръ. Но такъ какъ одинъ изъ присяжныхъ проболтался относительно курьезнаго средства опредѣленія наказанія, то адвокатъ осужденнаго воспользовался этимъ обстоятельствомъ для кассаціи приговора. Онъ добился отъ трехъ присяжныхъ письменнаго удостовѣренія въ томъ, что участь подсудимаго была рѣшена означеннымъ способомъ и судебная палата отмѣнила приговоръ, передавъ дѣло вторичному разбору при другомъ составѣ присяжныхъ. Четыре изъ присяжныхъ были приговорены къ денежному штрафу отъ 50 до 100 долларовъ, остальные же, оправданы.

Извѣстія о мирѣ.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано. Предварительныя основанія къ заключенію перемирія, которое пріостановило непріязненныя дѣйствія, были приняты и подписаны турецкими уполномоченными въ нашей главной квартирѣ, вслѣдствіе чего можетъ быть обнародовано ихъ подлинное содержаніе. Мы напомнимъ, что эти основанія имѣютъ цѣлью лишь опредѣлить почву, на которой будетъ возможно вести переговоры объ окончательномъ мирѣ или между воюющими сторонами—касательно вопросовъ, которые исключительно до нихъ относятся, или же съ участіемъ великихъ державъ — по вопросамъ, касающимся европейскихъ интересовъ.

Предварительныя условія мира, врученныя великимъ княземъ Главнокомандующимъ турецкимъ уполномоченнымъ.

Если бы турки попросили на аванпостахъ мира или перемирія, то его императорское высочество Главнокомандующій долженъ будетъ имъ объявить, что непріязненныя дѣйствія не могутъ быть пріостановлены иначе, какъ съ предварительнымъ принятіямъ нижеслѣдующихъ основаній:

1. Болгарія, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ большинствомъ болгарскаго населенія, и которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть менѣе предѣловъ, указанныхъ на константинопольской конференціи, будетъ возведена въ автономное княжество, платящее дань, съ правительствомъ народнымъ, христіанскимъ и туземною милиціею. Оттоманская армія не будетъ болѣе тамъ находиться (за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, которые будутъ опредѣлены по общему соглашенію).

2. Независимость Черногоріи будетъ признана. Увеличеніе владѣній, соотвѣтственное тому приращенію, которая отдала въ ея руки судьба оружія, будетъ за нею утверждено. Окончательныя границы опредѣлятся впослѣдствіи.

3. Независимость Румыніи и Сербіи будетъ признана. Первой изъ нихъ будетъ назначено достаточное поземельное вознагражденіе, а для второй произведено исправленіе границъ.

4. Босніи и Герцеговинѣ будетъ даровано автономное управленіе, съ достаточными обезпеченіями. Подобнаго же рода преобразованія бу-

дутъ введены въ христіанскихъ областяхъ Европейской Турціи.

5. Порта приметъ обязательство вознаградить Россію за ея издержки на войну и за потери, которымъ она должна была себя подвергнуть. Способъ сего вознагражденія — деньгами, либо поземельною уступкою, либо чѣмъ инымъ, будетъ опредѣленъ впослѣдствіи. Его величеству султану предстоитъ войти въ соглашеніе съ Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ для охраненія правъ и интересовъ Россіи въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданельскомъ.

Въ удостовѣреніе принятія этихъ существенныхъ основаній, оттоманскіе уполномоченные немедленно отправятся въ Одессу или Севастополь, для переговоровъ тамъ съ русскими уполномоченными о предварительныхъ условіяхъ мира.

Какъ только принятіе этихъ предварительныхъ условій будетъ офиціально сообщено главнокомандующимъ императорскими арміями, условія перемирія должны быть установлены на обоихъ театрахъ войны и непріязненныя дѣйствія могутъ быть временно пріостановлены.

Оба главнокомандующіе будутъ имѣть право дополнить вышеизложенныя условія назначеніемъ извѣстныхъ стратегическихъ пунктовъ и извѣстныхъ крѣпостей, которые должны быть очищены, какъ матеріальное обезпеченіе въ принятіи Высокою Портою нашихъ условій перемирія и ея вступленія на путь переговоровъ о мирѣ.

— Въ той же газетѣ напечатано: «Предварительные основанія перемирія были опубликованы въ томъ видѣ, какъ они были изложены въ главной квартирѣ въ минувшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ. Отъ этого происходитъ упоминаніе Одессы или Севастополя, какъ мѣстъ послѣдующихъ переговоровъ, предназначенныхъ для развитія этихъ основаній. Въ настоящее время ходъ событій привелъ къ подписанію предварительныхъ условій перемирія въ Адріанополѣ, а потому въ этомъ городѣ будутъ происходить также и дополнительные переговоры».

— Въ томъ же «Правит. Вѣстн.» 31-го января, напечатана слѣдующая телеграмма государственнаго канцлера къ россійскимъ посламъ въ Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Римѣ и Вѣнѣ, изъ С.-Петербурга, отъ 29-го января (10-го февраля) 1878 года.

«Великобританское правительство, по донесенію своего посланника въ Константинополѣ, рѣшилось воспользоваться фирманомъ, ранѣе полученнымъ, для направленія части своего флота въ Константинополь, въ видахъ охраненія жизни и безопасности великобританскихъ подданныхъ. Другія державы приняли эту же самую мѣру для своихъ подданныхъ. Совокупность этихъ обстоятельствъ обязываетъ насъ позаботиться и съ нашей стороны о средствахъ оказать покровительство христіанамъ, жизни и имуществу коихъ будетъ угрожать опасность, и для достиженія этой цѣли имѣть въ виду вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь».

Телеграммы.

Римъ, 26-го января. Сегодня, въ 3 часа пополудни, папа Пій IX-й скончался. Конклавъ соберется немедленно.

Рагуза, 24-го января. Князь Николай черногорскій приказалъ своимъ войскамъ пріостановить военныя дѣйствія.

Аѳины, 24-го января. Несмотря на сильный снѣгъ, греческія войска подвинулись до Номоко и заняли окружающія этотъ пунктъ позиціи.

— 24-го января. Представители иностранныхъ державъ заявили, что они охранятъ Пирей, въ случаѣ бомбардированія, если Пирей не будетъ укрѣпленъ и останется открытымъ городомъ.

— 26-го января. Опасаются высадки турецкихъ войскъ на островѣ Корфу.

— 26-го января. Несмотря на предъявленное представителями державъ требованіе, чтобъ греческой арміи приказано было пріостановить свое движеніе впередъ, военныя приготовленія и передвиженія на сушѣ и на морѣ продолжаются.

— 27-го января. Вся Ѳессалія, исключая крѣпостей, и большая часть Эпира находятся во власти возставшихъ грековъ.

Парижъ, 24-го января. По извѣстіямъ газетъ изъ Константинополя, Гобарту-пашѣ отдано приказаніе бомбардировать Пирей, если греческія войска не будутъ немедленно направлены обратно въ Грецію.

— 25-го января. Сюда сообщаютъ, что англійское правительство рѣшилось воспрепятствовать русской арміи пройдти черезъ Константинополь даже въ томъ случаѣ, если на это послѣдуетъ согласіе султана.

Вѣна, 26-го января. Нѣтъ никакой надежды на то, что конференція будетъ созвана въ Вѣнѣ; между прочимъ Германія не признаетъ возможнымъ избрать Вѣну мѣстомъ для обсужденія восточныхъ дѣлъ.

Лондонъ, 26-го января. «Агентству Рейтера» телеграфируютъ изъ Константинополя, отъ сегодняшняго числа: «Вслѣдствіе условій перемирія, турки очистили линіи укрѣпленій Константинополя».

— 27-го января. Вчера лордъ Биконсфильдъ былъ встрѣченъ, на пути въ парламентъ, оваціями. Въ квартирѣ Гладстона и въ конторѣ газеты «Daily News», собравшаяся толпа выбила стекла.

— 27-го января. Сэръ Норскотъ сообщилъ въ палатѣ общинъ, объ условіяхъ перемирія и объ очищеніи оборонительныхъ линій Константинополя. Затѣмъ, онъ доказывалъ, что положеніе дѣлъ серьезно и что есть опасенія относительно нарушенія порядка въ Константинополѣ, почему части флота и предписано отправиться къ Константинополю, для охраненія лицъ и имущества. «Объ этомъ — прибавилъ сэръ Норскотъ — сообщено правительствамъ, съ приглашеніемъ присоединиться къ этому шагу, если они признаютъ его основательнымъ. Объ этомъ шагѣ сообщено и Россіи». (Буря одобреній).

Берлинъ, 30-го января. Англія прислала сюда увѣдомленіе объ отправкѣ флота въ Константинополь, причемъ заявила, что эта мѣра не заключаетъ въ себѣ враждебнаго дѣйствія противъ какой бы то ни было державы.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

да де Винчи и «Продажа амулетовъ» снимокъ съ картины проф. Семирадскаго.

Цѣна каждой гравюры: безъ перес. 50 коп., съ перес. 75 коп.

Поступило въ продажу второе изданіе нотъ:

«МАРШЪ РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ»

Сочиненіе Флоріана Германа (8 страницъ). Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Получить можно въ конторѣ «Живописнаго Обозрѣнія», а также въ музыкальныхъ магазинахъ В. Бесселя и К° и М. Бернарда.

Контора «Живописнаго Обозрѣнія» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ при перемѣнѣ адреса высылать **старый адресъ съ бандероли и марками:**

при перемѣнѣ городского на иногородный 85 к.
иногороднаго на городской............ 1 р.
иногороднаго на иногородній.......... 24 к.

Безъ означенныхъ приложеній адресъ не перемѣняется.

Въ случаѣ же неполученія кѣмъ либо изъ гг. подписчиковъ нумера журнала, контора покорнѣйше проситъ заявить объ этомъ немедленно по полученіи слѣдующаго нумера, чтобы имѣть возможность отыскать на почтѣ утерянный нумеръ. Заявленія же поступающія о неполученіи нумера по прошествіи мѣсяца, остаются безъ послѣдствій.

О ПОДПИСКѢ НА 1878 ГОДЪ

НА

„ИЗУМРУДЪ"

СБОРНИКЪ РОМАНОВЪ, ПУТЕШЕСТВІЙ И НЕБОЛЬШИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій

издаваемый подъ редакціею

Михаила Николаевича Воронова.

Доводя до всеобщаго свѣденія объ изданіи въ Москвѣ въ 1878 году сборника «Изумрудъ», редакція его, не прибѣгая къ рекламамъ, считаетъ однако долгомъ заявить, что она задалась исключительно цѣлью дать гг. подписчикамъ изданіе, способное вызвать ихъ благосклонное сочувствіе къ нему какъ по строгому выбору помѣщаемыхъ въ немъ статей, такъ и по чистотѣ внѣшней его отдѣлки.

Вообще говоря, редакція будетъ заботиться не столько о собственныхъ интересахъ, сколько объ интересахъ гг. подписчиковъ, и сдѣлаетъ все, зависящее отъ нея, для того, чтобы заслужить ихъ полное одобреніе.

Принимая во вниманіе, что подписчики нѣкоторыхъ періодическихъ изданій жалуются на неакуратную доставку книгъ, редакція постарается и съ этой стороны не заслужить упрека.

«Изумрудъ» будетъ издаваться по образцу существующихъ журналовъ, то есть книгами большого формата и выходить въ опредѣленные сроки, а именно между 10 и 20 числами января, марта, мая, іюля, сентября и ноября мѣсяцевъ.

Въ сборникѣ будутъ помѣщаться романы, путешествія и небольшіе разсказы, принадлежащіе перу даровитѣйшихъ иностранныхъ писателей.

Подписная цѣна за годовое изданіе «Изумруда» состоящее изъ шести книгъ:

Въ Москвѣ безъ доставки на домъ 5 р.
» » съ доставкою на домъ 5 р. 50 коп.
Съ пересылкою иногороднымъ.... 6 р.

Кромѣ того, редакція проситъ гг. подписчиковъ прилагать 8-ми копѣечную марку для высылки имъ билета служащаго квитанціей въ полученіи отъ нихъ денегъ.

Въ первой книгѣ сборника редакція предполагаетъ помѣстить романъ подъ названіемъ **Роковое кольцо**, оставляя, впрочемъ, за собой право замѣнить его другимъ, если встрѣтится что-либо интереснѣе.

Желающіе получать «Изумрудъ» въ 1878 году и внесшіе слѣдуемыя за него деньги до 15 декабря 1877 года получатъ безплатно интересный историческій романъ подъ названіемъ «Мануилъ Комненъ, императоръ Византіи», который отдѣльно будетъ продаваться по 2 рубля за экземпляръ.

Библіотеки для чтенія общественныя, полковыя и частныя при подпискѣ пользуются 10% уступки.

Для чиновниковъ, служащихъ въ Петербургѣ и Москвѣ, дѣлается разсрочка по третямъ за поручительствомъ ихъ гг. казначеевъ въ акуратномъ разсчетѣ и съ обязательствомъ не прерывать подписки до истеченія годичнаго срока.

Подписка на «Изумрудъ» принимается въ Москвѣ: въ Конторѣ редакціи и въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, (Страстной бульваръ); Центральномъ, (Никольская, д. Славянскаго Базара); братьевъ Улитиныхъ, противъ Малаго Театра, (д. Грузинскихъ Царевичей); В. Д. Кашкина, (Газетный переулокъ, д. Хвощинскаго) и М. О. Вольфа, (на Кузнецкомъ мосту).

Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно только къ редактору «Изумруда», адресуя свои требованія слѣдующимъ образомъ: Въ г. Москву, въ Контору редакціи сборника «Изумрудъ», на углу Тверской и Газетнаго переулка домъ № 280. Михаилу Николаевичу Воронову.

Примѣчаніе. Гг. иногородныхъ просятъ не смѣшивать редакціи «Изумруда» съ редакціею издающагося въ Москвѣ «журнала иностранныхъ переводныхъ романовъ», помѣщавшейся прежде на Тверской улицѣ и переведенной въ другое мѣсто, ибо какъ между упомянутыми редакціями, такъ и между изданіями ихъ ничего нѣтъ общаго.

Редакторъ-издатель **М. Н. Вороновъ.**

Съ 1-го октября 1877 года издается въ гор. Одессѣ, по слѣдующей утвержденной правительствомъ программѣ, ежедневная **политическая, литературная, коммерческая и справочная газета** подъ названіемъ

ПРАВДА

I. Современная лѣтопись Россіи. — Внутреннія извѣстія, оффиціальныя и неоффиціальныя. Высочайшіе указы, повелѣнія, приказы и административныя распоряженія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія; отчеты правительственныхъ мѣстъ и лицъ. Руководящія статьи по разнымъ государственнымъ вопросамъ, какъ возникающимъ со стороны администраціи, такъ и порождаемымъ современною жизнью общества. Народное и сельское дѣло во всѣхъ его проявленіяхъ. Земскія извѣстія. Городское хозяйство, вопросы по городской администраціи и по городскому благоустройству. Желѣзныя дороги въ политическомъ, экономическомъ и хозяйственномъ значеніи ихъ. Пароходство и другія сообщенія. Военное дѣло, военная экономія и вопросы, относящіеся къ военному хозяйству. Судебная практика и судебныя рѣшенія. Воспитаніе и обученіе. Народное здравіе. Финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроника. Требованія на рабочія руки, товары, работы, предложенія и условія нанимателей. Показаніе цѣнъ. Внутренняя корреспонденція. Письма въ редакцію газеты и ея отвѣты. Всевозможныя справки по изложеннымъ отдѣламъ.

II. Политическія заграничныя новости, почерпаемыя изъ иностранныхъ и русскихъ газетъ и журналовъ. Отдѣльныя статьи по разнымъ современнымъ вопросамъ иностранной политики. Извѣстія изъ славянскихъ земель. Корреспонденція. Телеграфическія депеши.

III. Учено-литературный отдѣлъ. — Статьи по части исторіи, статистики, педагогіи, этнографіи и другимъ отраслямъ человѣческаго знанія; беллетристическія статьи въ разныхъ родахъ; критика и библіографія; науки и художества.

IV. Фельетонъ. Новости общественной жизни, искуствъ, ремеслъ, театра съ замѣчаніями на игру актеровъ и проч.; путевыя и юмористическія замѣтки, слухи и вѣсти, смѣсь, разсказы, мелочи, переводы, подходящія выписки изъ журналовъ и другія статьи, которыя по содержанію своему не могутъ войти въ составъ прочихъ отдѣловъ газеты.

Срокъ выхода газеты **ежедневный**, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней послѣ большихъ праздниковъ.

По воскреснымъ днямъ гг. подписчики газеты „Правда" **безплатно** получаютъ особыя прибавленія къ воскресному номеру, заключающія въ себѣ повѣсти, разсказы, мелочи, анекдоты и проч. Въ розничной продажѣ воскресныя прибавленія выдаются въ конторѣ по **5** коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Безъ доставки и пересылки:

на годъ	на полгода	на 3 мѣс.	на 1 мѣс.
6 руб.	3 руб. 50 коп.	2 руб.	75 коп.

Съ доставкою и пересылкою:

на годъ	на полгода	на 3 мѣс.	на 1 мѣс.
7 руб. 50 коп.	4 руб. 50 коп.	2 руб. 50 к.	1 руб.

Отдѣльные номера по **ТРИ** коп. въ главной конторѣ редакціи.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій допускается выписка газеты въ кредитъ по письменнымъ оффиціальнымъ предложеніямъ, а равно принимается и разсрочка по сношенію съ редакціею.

Подписчики, пользующіеся разсрочкой подписной платы за годовой экземпляръ съ доставкой или пересылкой, доставляютъ: при подпискѣ—2 руб., 1-го марта—2 руб., 1-го іюня — 2 руб. и 1-го сентября — 1 руб. 50 коп., а безъ доставки—по 1 руб. 50 коп. въ означенные сроки.

ПРИБАВЛЕНІЯ къ газетѣ „Правда", состоящія изъ отдѣльно отпечатанныхъ телеграммъ, выдаются **безплатно** въ главной конторѣ редакціи **всѣмъ** подписчикамъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на полученіе газеты и напечатаніе объявленій, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, **въ Одессѣ**: 1) Въ главной конторѣ редакціи газеты „Правда", Полицейск. ул., д. Л. Нитче, № 30; 2) въ конторѣ Ѳ. Штерна, на Дерибасовск. ул., противъ Коммерч. Банка, № 9, и 3) въ магазинѣ Е. Петрококино (кромѣ объявленій), противъ почтовой конторы.

Съ цѣлью выясненія характера и направленія настоящаго изданія, редакція считаетъ нужнымъ познакомить общество со своимъ взглядомъ на предстоящую ей задачу. Задача эта, по ея мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы быть выразителемъ общественныхъ интересовъ въ широкомъ смыслѣ, не служа личнымъ цѣлямъ, стремиться къ истинѣ и доставлять пользу, соединенную съ удовольствіемъ, возможно большему кругу читателей, будучи притомъ и доступной по цѣнѣ своей для каждаго. Въ виду этого, редакція, избѣгая безполезной полемики и обличеній, интересующихъ отдѣльныя личности, а не общество, позаботится предлагать читателямъ руководящія статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ, сообщать сжатые очерки текущихъ событій изъ русской и нерусской жизни, справки и объявленія, въ большинствѣ своемъ одинаково интересныя для жителей всей южной Россіи. Остерегаясь вводить публику въ заблужденіе передачею не провѣренныхъ строго свѣдѣній, редакція будетъ зорко слѣдить затѣмъ, чтобы на столбцахъ газеты никогда не появлялось что-либо не гармонирующее съ ея девизомъ.

Короче—„Правда" будетъ стремиться къ тому, чтобы за незначительную плату дать возможность, въ особенности жителямъ провинцій, обитателямъ небольшихъ городовъ и деревень, не имѣющимъ случая читать большія и дорогія газеты, постоянно знать важнѣйшее изъ того, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, о чемъ пишутъ въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ и журналахъ, слѣдить за новостями дня, читать телеграммы и имѣть всегда подъ рукою общеполезныя справки,—и все это за такую доступную для всѣхъ плату, ниже которой невозможно никакое ежедневное политическое и литературное изданіе.

Въ виду болѣе и болѣе развивающей потребности въ дешевомъ, интересномъ и правдивомъ органѣ, редакція надѣется, что появленіе ея изданія вполнѣ своевременно.

Стараясь избѣжать всякой рекламы, редакція находитъ лишнимъ печатать списокъ всѣмъ лицамъ, обѣщавшимъ ей сотрудничество, ограничиваясь поименованіемъ непосредственныхъ и дѣйствительныхъ сотрудниковъ: Г. Е. Афанасьевъ, Л. Л. Афанасьева, Я. Я. Вальцъ, С. Ю. Витте, К. Ѳ. Ганъ, Геллеръ, (главный сотрудникъ пражской газеты „Národní Listy"), Н. Н. Дерягинъ, А. М. Евреинова (докторъ правъ), бар. Н. В. Каульбарсъ, Д. А. Коропчевскій, Всеволодъ Крестовскій, В. Н. Лигинъ. В. И. Мазаракій, Н. П. Пересвѣтовъ, А. И. Поливановъ, К. Е. Розенъ, И. А. Сунди и Ѳ. М. Штернъ.

Кромѣ того, Иванъ Сергѣевичъ **Тургеневъ** и Евгеній Львовичъ **Марковъ** обѣщали обогащать газету своими статьями.

Сверхъ того, редакція считаетъ нужнымъ прибавить, что она пріобрѣла **постоянныхъ корреспондентовъ** на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіатской Турціи, а также въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣна, Прагѣ и другихъ городахъ.

Редакторъ-издатель **Іос. Флор. Доливо-Добровольскій.**

ПОДПИСКА НА 1878 ГОДЪ

„МУЗЫКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ"

ГОДЪ 32-й.

ЛУЧШІЙ, САМЫЙ ПОЛНЫЙ И НЕДОРОГОЙ СЕМЕЙНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Выходитъ ежемѣсячно большими тетрадями обыкновеннаго нотнаго формата отъ 50—60 страницъ музыки классической и новѣйшей, изящно и корректно напечатанной.

Въ каждой тетради подписчики получатъ пьесу серьозную или классическую, нѣсколько пьесъ легкихъ и дѣтскихъ, съ обозначеніемъ аппликатуры, нѣсколько танцевъ, одинъ или два романса, что составитъ въ годъ коллекцію нотъ болѣе чѣмъ на сто рублей по магазиннымъ цѣнамъ.

Выборъ пьесъ дѣлается самый тщательный, всякая тетрадь журнала имѣетъ интересъ для музыканта-спеціалиста и можетъ служить лучшимъ, дешевымъ и самымъ пріятнымъ подаркомъ для дамъ и дѣтей, любящихъ и изучающихъ музыкальное искусство, такъ какъ во всѣхъ тетрадяхъ **„Музыкальнаго Свѣта"** найдется достаточно пьесъ интересныхъ и доступныхъ для всѣхъ возрастовъ и для всѣхъ ступеней музыкальнаго развитія.

Годовые подписчики на журналъ получатъ слѣдующія, безплатныя преміи:

I. **Двѣ** полныя оперы, аранжированныя для фортепіано въ **двѣ** руки, на выборъ изъ **50** оперъ, объявленныхъ редакціею.

Полугодовые подписчики получаютъ одну оперу изъ этой рубрики. Слѣдующія за симъ преміи они могутъ получить только съ соотвѣтственной приплатой, или **одну** оперу, аранжированную въ **4 руки.**

Желающіе могутъ замѣнить эту премію безсмертною оперою **М. И. Глинки „ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ".**

Но въ этомъ случаѣ, контора журнала покорнѣйше проситъ прислать въ оную письменныя заявленія **не позже 1 марта 1878 г.**

Пропустившіе этотъ срокъ приплачиваютъ за полученіе этой послѣдней преміи **одинъ рубль серебромъ** къ подписной цѣнѣ.

II. Газету театра, музыки и изящныхъ искуствъ, выходящую еженедѣльно по воскресеньямъ (50 нумеровъ въ годъ), при чемъ каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ **полтора листа** убористой печати, съ красиво и роскошно отдѣланной виньеткой и весьма интересенъ по содержанію, состоящему изъ: біографій, монографій, библіографій, критики, беллетристики, поэзіи, корреспонденцій изъ всѣхъ частей свѣта, новостей, анекдотовъ и т. д.

Такъ какъ газета высылается всѣмъ подписчикамъ на ноты (годовымъ и полугодовымъ) въ видѣ **безплатной преміи**, то подписка на однѣ ноты безъ газеты не принимается.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ:

Безъ доставки. . . . . 10 руб. — коп.
Съ доставкою и пересылкою. . . . . 11 „ 50 „

На полгода съ 1-го января или съ 1-го іюля:

Безъ доставки. . . . . 6 руб. — коп.
Съ доставкою и пересылкою. . . . . 7 „ — „

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, д. **Лѣсникова, № 27,** надъ Милютинымъ Рядомъ и во всѣхъ музыкальныхъ и книжныхъ магазинахъ.

Въ Москвѣ, въ провинціи и за границей: во всѣхъ извѣстныхъ музыкальныхъ и книжныхъ магазинахъ.

Подписавшимся въ конторѣ журнала онъ будетъ высланъ съ первою отходящею почтою; контора не можетъ принять на себя отвѣтственность за могущую произойдти задержку или медленность въ высылкѣ журнала при подпискѣ въ другихъ мѣстахъ.

Подписка съ разсрочкою платежа подписныхъ денегъ по **третямъ,** или по **рублю** въ мѣсяцъ, принимается исключительно въ конторѣ журнала.

Желающіе ближе ознакомиться съ содержаніемъ журнала и получить **пробный нумеръ,** благоволятъ прислать въ контору заявленіе и **полтора рубля** почтовыми марками.

Отдѣльные нумера журнала продаются въ конторѣ по **1 р. 50 к.**

Въ январьской тетради **„Музыкальнаго Свѣта"** 1878 года будутъ помѣщены между прочимъ:

А. Н. СѢРОВА—Полька-фантазія, нигдѣ еще не напечатанная, аранжированная для фортепіано въ **четыре** руки **Н. П. Карцовымъ.**

АДЕЛИНЫ ПАТТИ—романсъ Il baccio d'addio (Прощальный поцѣлуй), пѣтый г. **Николини.**

Кромѣ того, въ составъ журнала 1878 года войдетъ первая часть школы для пѣнія **П. Віардо-Гарсіа,** принятой какъ руководство въ нашей Консерваторіи, въ русскомъ переводѣ.

Не дѣлая заманчивыхъ обѣщаній и не выписывая сотни именъ, редакція ставитъ себѣ задачею—знакомить подписчиковъ со всѣми выдающимися произведеніями отечественной и иностранной музыкальной литературы, классической и новѣйшей, вслѣдствіе чего **„Музыкальный Свѣтъ"** является положительною необходимостью во всякомъ семействѣ, гдѣ есть фортепіано, и особенно важенъ для провинціи, гдѣ иногда такъ трудно или почти невозможно достать какія-либо, а тѣмъ болѣе хорошія и новыя ноты.

На газету театра, музыки и изящныхъ искуствъ принимается **отдѣльная подписка** на слѣдующихъ условіяхъ:

На годъ:		На полгода:	
Безъ доставки . .	4 р. 50 к.	Безъ доставки . .	2 р. 50 к.
Съ дост. и перес.	5 „ 50 „	Съ дост. и перес.	3 „ — „

Въ видѣ безплатной преміи подписчики на одну газету получаютъ:

Годовые — **двѣнадцать,** а полугодовые—**шесть** музыкальныхъ пьесъ по выбору редакціи, стоимость которыхъ превыситъ цѣну подписки на газету.

Газета **„Музыкальный Свѣтъ",** единственный въ Россіи спеціальный органъ, является положительною необходимостью для музыкантовъ, антрепренеровъ, актеровъ и всѣхъ лицъ, причастныхъ музыкальному и театральному дѣлу, по разнообразію же содержанія представляетъ интересное чтеніе и для посторонней публики.

Отдѣльные нумера газеты, по **десяти** коп. за нумеръ, продаются въ конторѣ журнала, у разносчиковъ и во всѣхъ театрахъ.

Примѣчаніе. Всѣмъ безъ исключенія магазинамъ принимающимъ подписку на журналъ и газету **„Музыкальный Свѣтъ",** дѣлается уступка въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Съ годоваго подписчика:		Съ полугодоваго подписчика:	
На журналъ.	50 коп.	На журналъ.	30 коп.
На газету.	30 „	На газету	20 „

Доставляющимъ въ контору сразу не менѣе **десяти** подписчиковъ дѣлается уступка съ каждаго подписчика въ двойномъ противъ показаннаго выше размѣрѣ.

Во избѣжаніе недоразумѣній покорнѣйше просимъ внимательно читать это объявленіе.

Отвѣтственный Редакторъ-Издатель **Н. П. Карцовъ.**

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ:

„НАРОДНАЯ ШКОЛА" въ 1878 г. (годъ десятый).

Журналъ одобренъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Учебнымъ Комитетомъ при св. Синодѣ и удостоенъ золотой медали отъ Имп. Вольно-Экономическаго Общества.

„Народная Школа" будетъ выходить въ 1878 году, ежемѣсяч-

ными книжками, по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какъ издавалась она въ теченіи 9 лѣтъ, при ближайшемъ сотрудничествѣ **В. А. Евтушевскаго** и **А. П. Пятковскаго.** Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, четыре рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою и доставкою. Подписка принимается: для иногородныхъ **исключительно** на Васильевскомъ островѣ, 6 линія, № 25; для городскихъ же подписчиковъ, кромѣ означеннаго адреса, во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Декабрьская книжка за текущій годъ выйдетъ въ скоромъ времени. Январьская книжка на 1878 г. будетъ выпущено своевременно.

О ПОДПИСКѢ НА 1878 ГОДЪ НА
„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“

Большой иллюстрированный журналъ

съ безплатнымъ приложеніемъ „Иллюстрированной Хроники Войны“.

Съ 1-го января 1878 г. журналъ „Всемірная Иллюстрація“ начнетъ X годъ (т. е. Томы XIX и XX) своего существованія и будетъ выходить также аккуратво, какъ и въ прошлые года, еженедѣльно (т. е. 52 нумера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большого двойного листа самой лучшей бумаги, и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

„Всемірная Иллюстрація“, благодаря своей аккуратности и строгому выполненію программы, пріобрѣла въ теченіи десятилѣтняго своего существованія заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни, какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, „Всемірная Иллюстрація“ стремится къ улучшенію и принимаетъ въ соображеніе желанія подписчиковъ, не останавливаясь передъ расходами и всегда давая больше, чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная, что въ теченіи своей дѣятельности она достаточно заявила себя, Редакція считаетъ излишними всѣ пышныя рекламы и ограничивается только обѣщаніемъ, что употребитъ всѣ усилія, чтобъ оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

Программа „Всемірной Иллюстраціи“:

I. Политическій отдѣлъ. Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ.—**II. Внутреннія извѣстія.** Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Геральдика. Судебная лѣтопись.—**III. Изящная словесность.** Повѣсти, разсказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.—**IV. Науки и художества.** Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ естественныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ зданій, картинъ, статуй и пр., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п. — **V. Прикладныя науки и промышленность.** Новыя и старыя открытія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и пр. — **VI. Критика и библіографія.** Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ, литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ.—**VII. Театральный и музыкальный** обзоръ. Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ. Музыкальныя пьесы (ноты).—**VIII. Смѣсь и новости.** Мелкія литературныя, художественныя и ученыя извѣстія. Новыя книги. Разныя мелкія происшествія и т. п.—**IX. Фельетонъ.** Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и пр. — **X. Юмористическій листокъ.** Каррикатуры.—**XI. Шахматныя задачи,** ребусы и т. п.—**XII. Частныя объявленія.**

☞ Въ случаѣ продолженія россійско-турецкой войны въ 1878 г., Редакція „Всемірной Иллюстраціи“ будетъ продолжать давать своимъ подписчикамъ безплатно, при каждомъ нумерѣ своего изданія, отдѣльное приложеніе, подъ названіемъ: **„Иллюстрированная Хроника Войны“.** Гг. новые подписчики, не выписывавшіе „Всемірной Иллюстраціи“ за 1877 г. и, стало быть, не имѣющіе нумеровъ „Иллюстрированной Хроники Войны“, вышедшихъ въ 1877 г., могутъ получить таковые по уменьшенной цѣнѣ, именно: въ бумажкѣ за 6 р., съ перес.. 8 р.; въ каленкоровомъ переплетѣ за 8 р., съ перес. 10 р. с.

Цѣна годовому изданію „Всемірной Иллюстраціи“ на 1878 г.:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	13 руб.	— коп.
Безъ доставки въ Москвѣ.	14 „	— „
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	14 „	— „
Съ пересылкою въ другіе города.	16 „	— „

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ представляетъ политическія событія, войну, изящныя искуства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искуства, и пр., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ ВЪ КАРТИНАХЪ.

Каждый томъ „Всемірной Иллюстраціи“ представляетъ собою **РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ** до **500** печатн. страницъ, съ **350 — 400** рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библіотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостинной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА „Всемірной Иллюстраціи“, изъ англ. каленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К, Брожа. Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки **1** р. **75** к., съ пересылкою **2** р. **50** к. Цѣна первыхъ **18** томовъ „Всемірной Иллюстраціи“: 1869 г. (томы I и II) **10** р. безъ перес., въ англ. каленкор. перепл. **14** р.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X) — по **8** руб. безъ пересылки, каждый годъ.

Въ англ., тисненн. золотомъ переплетахъ, каждый годъ стоитъ по **12** р. безъ пересылки.

1874 (томы XI и XII), 1875 (т. XIII и XIV), 1876 (XV и XVI), 1877 (т. XVII и XIII)—по **9** р. безъ перес., каждый годъ.

Въ переплетахъ безъ перес. по **13** р.

На пересылку каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 руб. сер.

Главная контора Редакціи „Всемірной Иллюстраціи“ находится въ С.-Петербургѣ, по Бол. Садовой ул., д. Коровина, № 16.

Редакторъ-Издатель „Всемірной Иллюстраціи“, **Германъ Гоппе.**

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту, и друг.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНІЕ ВЪ 1878 Г.

„ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“.

ЖУРНАЛЪ

Открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ промышленности; четырнадцатый годъ изданія.

Журналъ удостоенъ большой золотой медали на Московской Политехнической выставкѣ 1872 г., и

Рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Съ 1878 г. журналъ „Техническій Сборникъ“ будетъ выходить ежемѣсячно, по совершенно новой программѣ и въ двойномъ объемѣ противъ прежняго, т. е. 8—9 печатныхъ листовъ:

1) Правительственныя распоряженія и узаконенія, касающіяся фабричной и заводской промышленности и желѣзныхъ дорогъ.

2) Механическая технологія.

3) Химическая технологія.

Оба эти отдѣла заключаютъ въ себѣ описаніе машинъ, аппаратовъ, инструментовъ и матеріаловъ для техническихъ производствъ; открытія изобрѣтенія и усовершенствованія по всѣмъ отраслямъ технологіи.

4) Желѣзно-дорожное дѣло: локомотивы, вагоны, стрѣлки, сигналы, устройство поптажныхъ, различныя приспособленія для эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ и проч.

5) Смѣсь: техническія замѣтки о новостяхъ въ техникѣ, описанія составовъ и средствъ, патентованныя секретныя средства и пр.

6) Библіографія.

7) Списокъ выданныхъ привиллегій съ краткимъ поясненіемъ.

8) Почтовый ящикъ редакціи.

9) Объявленіе.

10) Приложенія: Въ составъ приложеній войдутъ производства:

Стеариновыхъ свѣчей, мыловаренное, химическихъ продуктовъ, свеклосахарное, войлочное, крахмальное, винокуренное, желѣзо-прокатное дѣло, сухая перегонка дерева въ закрытыхъ сосудахъ. Кожевенное производство; производства: гвоздей, пуговицъ, ножей, слесарное дѣло, котельное производство. Желѣзно-дорожное дѣло, приготовленіе дрожжей, каучука, гутта-перчи, производство туалетныхъ мылъ, духовъ и пр. Суконное дѣло. Детали машинъ, канатное и веревочное производство. Коленкоровое производство. Уксусное производство. Писчебумажное преизводство. Лаковое, стеклянное, фарфоровое. Приготовленіе швейныхъ иголокъ. Перчаточное, шляпное, чулочное, плисовое, пивоваренное, шеколадное. Производства: искуственныхъ минеральныхъ водъ, литографія, хромо-литографія, фотографія. Переплетное дѣло. Приготовленіе чернилъ, стальныхъ перьевъ, карандашей, ваксы, вѣеровъ, гребенокъ, газовое, каменно-угольное, мельничное дѣло, шелкоткацкое дѣло, ленточное производство. Утилизація нефтяныхъ остатковъ. Приготовленіе брикетовъ, чугунно-литейное дѣло. Щеточное производство. Приготовленіе консервовъ, бронзовое дѣло. Гальваническое золоченіе и серебреніе. Паровыя машины. Насосы. Сухая перегонка дерева, каменнаго угля и пр. Производство эмали. Телеграфное дѣло. Машино-строеніе, вагоно-строеніе и пр. пр.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться политипажи, образцы, чертежи, проэкты и планы заводовъ и т. п.

Примѣчаніе. Отдѣлы кромѣ десятаго не должны быть обязательны для каждаго № Сборника и отдѣлы не слѣдуютъ въ показанномъ выше порядкѣ, кромѣ перваго и десятаго. Отдѣлъ десятый, для каждаго отдѣльнаго производства, имѣетъ свою отдѣльную нумерацію страницъ.

Подписная цѣна на годъ съ доставкою и пересылкою 16 руб: на пол-года 9 руб.

При перемѣнѣ адреса прилагается 60 коп.

Гг. иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію „Техническаго Сборника“ въ С.-Петербургѣ.

Въ 1878 году въ журналѣ „Техническій Сборникъ“ примутъ участіе гг. технологи: П. П. Волковъ, П. А. Дидковскій, В. П. Ипполитовъ, В. С. Кнаббе, И. И. Мурашко, Н. П. Мельниковъ, С. И. Фурманъ, А. И. Яковлевъ, М. А. Рыловъ, С. Шапиро и многіе др.

Въ 1878 году были приложены слѣдующія производства:

Производство искуственнаго коровьяго масла. Масло-экстраціонное производство (съ планомъ завода). Ультрамариновое производство. Прессовка сѣна и система прессовъ. Производство цикорія (съ планомъ завода). Производство искуственныхъ пахучихъ веществъ. Производство сахарнаго кулера. Производство съѣдобной желатины (съ планомъ завода). Джутъ и его обработка. Проволочное производство. Производство хромовыхъ солей. Листопрокатное дѣло. Кожевенное производство. Машинное производство черепицы (съ планомъ завода). Пооизводство анилиновыхъ красокъ и ихъ примѣненія (съ образцами). Лаковое производство. Производство суррогатовъ кофе.

ПРІЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Редакторъ-Издатель **В. Ашикъ.**

О ПОДПИСКѢ НА 1878 ГОДЪ НА
МОДНЫЙ СВѢТЪ,

№№ 1 и 2 за 1878 годъ выйдутъ еще въ декабрѣ 1877 года. Самый полный и дешевый модный и семейный журналъ въ Россіи.

Съ 1-го января 1878 года „Модный Свѣтъ“ начнетъ XI годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1878 году будетъ выходить также **ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ** въ количествѣ **48** нумеровъ въ годъ, т. е. четыре нумера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ), и будетъ заключать въ себѣ втеченіи года:

== Болѣе **2,000** политипажныхъ рисунковъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ.

== Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужского, дамскаго и дѣтскаго.

== Раскрашенные рисунки канвовыхъ, тамбурныхъ и друг. работъ. Рисунки въ русскомъ вкусѣ.

== Болѣе **300** выкроекъ на **12** большихъ листахъ.

== **24** вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

== **24** (или **12** для **I** изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картины, исполненныхъ лучшими иностранными художниками.

== Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

== Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.

== Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

== Разныя отдѣльныя безплатныя приложенія.

Журналъ **„Модный Свѣтъ“** имѣетъ гораздо болѣе подписчиковъ, чѣмъ всѣ модные журналы, издающіеся въ Россіи, въ совокупности.

Цѣна годовому изданію „МОДНАГО СВѢТА“ на 1878 годъ:

I изданію, съ 12 раскрашенн. парижск. картинами и всѣми приложеніями:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки.	**4** руб.	— коп.
„ съ доставкою	**5** „	**50** „
для иногородныхъ	**6** „	— „

II изданію, съ 24 раскрашенн. парижск. картинами и всѣми приложеніями:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки	**5** руб.	— коп.
„ съ доставкою.	**6** „	**50** „
для иногородныхъ	**7** „	— „

== Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 руб. II-му изданію 6 р. 50 коп.; съ перес. I-му издан. 6 р., II-му изд.—7 р.

Издатель „Моднаго Свѣта“ **Германъ Гоппе.**

Главная Контора Редакціи „Моднаго Свѣта“ находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16.

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ; **И. Г. Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; **А. Ланга,** на Кузнецкомъ мосту, и друг.

Подписка на журналъ

„СТРЕКОЗА“

на **1878** годъ.

Программа журнала, слѣдуя поговоркѣ: «nec multum, sed multus»,—не много, но многое, — состоитъ изъ слѣдующихъ рубрикъ: текущая общественная хроника столицы, обозрѣніе чудесъ и волшебствъ провинціальной жизни, беллетристика, критика, театръ, искуства и проч. Нынѣшняя война, съ самаго начала ея, стояла у «Стрекозы» на первомъ планѣ. Въ каждомъ номерѣ журнала помѣщаются легкіе фельетоны въ разныхъ формахъ, очерки, сцены, пародіи, афоризмы, мелочи, шарады, стихи, посвященія, пѣсни и проч., вращаясь или около современныхъ общественныхъ тэмъ, или событій и дѣятелей минуты.

Въ будущемъ, 1878 году, исключительно годовые подписчики «Стрекозы» получатъ безплатно въ художественной обложкѣ вторую серію **„Альбома Современныхъ Дѣятелей“**, состоящую изъ 12-ти портретовъ, литографированныхъ на камнѣ и напечатанныхъ тоже съ тономъ на отдѣльныхъ листахъ толстой бумаги. Цѣна этого альбома въ отдѣльной продажѣ назначена съ пересылкою 5 руб. сер.

Персоналъ работающихъ въ «Стрекозѣ» остается и въ будущемъ году тотъ-же.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛЪ:

Въ С-Петербургѣ.

Безъ доставки на годъ съ преміею.	8 р.	—	к.
» » на полгода безъ преміи. .	4 »	50	»
Съ доставкою на годъ съ преміею.	9 »	—	»
» » на полгода безъ преміи. .	5 »	—	»

Въ Москвѣ.

Черезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева;

безъ доставки на годъ съ преміею.	8 р.	75	к.
» » на полгода безъ преміи. .	5 »	—	»

Съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи:

на годъ съ преміею.	9 р.	50	к.
на полгода безъ преміи.	5 »	50	»

(50 коп. должны быть приложены монетою, а не почтовыми марками.)

Подписку слѣдуетъ адресовать только и исключительно **«въ редакцію журнала «Стрекоза», въ С.-Петербургѣ, по Лиговкѣ, № 32».**

Съ января 1878 года будетъ выходить новый ежемѣсячный учено-литературный журналъ

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

Программа „Исторической Библіотеки“ будетъ заключать въ себѣ два отдѣла: беллетрическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библіографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія какъ у насъ, такъ и заграницей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи. По этому предмету учредитель археологическаго института въ Петербургѣ г. предсѣдатель коммиссіи объ устройствѣ архивовъ въ Россіи, Н. В. Калачовъ будетъ сообщать наиболѣе важныя и интересныя свѣдѣнія какъ о ходѣ занятій, такъ и о матеріалахъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ. Редакціи обѣщали свое содѣйствіе: Н. В. Калачовъ (ближайшимъ участіемъ по историко-юридической части), В. П. Безобразовъ, Н. И. Костомаровъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. С. Соловьевъ, Г. И. Данилевскій, Д. Л. Мордовцевъ. И. Е. Забѣлинъ, В. О Ключевскій, А. Д. Галаховъ, И. В. Вернадскій, П. В. Павловъ, П. А. Матвѣевъ, Ю. Е. Афонасьевъ, В. П. Авенаріусъ и друг. Въ настоящее время въ Редакціи уже имѣются слѣдующія оригинальныя произведенія: Сводная былина о добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ В. П. Авенаріуса; Капитанъ гренадерской роты, истор. ром. Всев. С. Соловьева; Прекраса, ист. ром. изъ жизни сѣверныхъ Славянъ X вѣка В. Ладова; Престолъ и монастырь, истор. пов. конца XVII в. Ш.; Понизовыя вольницы, изъ дѣлъ Сыскного приказа, сообщ. Н. В. Калачовымъ; Сороковые годы въ исторіи русскаго народа Д. Л. Мордовцева; Московское княжество въ 1-ой половинѣ XIV ст., истор. этюдъ П. В. Полежаева; Основныя эпохи въ исторіи Англіи Д. Павлова и др. Кромѣ того, въ Редакцію сообщены Н. В. Калачовымъ, какъ истор. матеріалъ, въ числѣ другихъ статьи о народныхъ празднествахъ и театрѣ въ ц. Анны Іоановны; Н. Н. Оглоблинымъ: Описаніе путешествія Арсенія Архіепископа Алансонскаго въ Россіи въ 1588 г. Изъ числа переводныхъ статей имѣются: Россія и Турція Бухарова; Супружества Генриха VIII; Государственная тюрьма временъ Людовика XIV, сообщ. Матвѣевымъ; Любовь Марата, ром. Мете и мн. друг. Затѣмъ Редакція ожидаетъ получить: истор. р. Г. П. Данилевскаго; Москов. княж. XVI в. Н. В. Калачова; изъ исторіи Болгаріи Галавацкаго; О мѣстномъ самоуправленіи во Франціи въ концѣ XVIII вѣка Ю. Е. Афонасьева, а также произведенія Н. И. Костомарова и К. Н. Бестужева-Рюмина.

Историческая Библіотека будетъ выходить ежемѣсячно книгами отъ 10—15 листовъ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп., съ пересылкой и доставкой **8** руб.

Подписка принимаетсл въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала больш. Садовая, домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Черкесова и К°, Невскій просп. противъ Публич. Библіотеки, д. № 54.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ, въ Редакцію журнала Исторической Библіотеки (бол. Садов., домъ 121, кв. 12).

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**

ВЪ **1878** ГОДУ

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“,

(годъ восьмой).

Иллюстрированный журналъ домашняго и общественнаго воспитанія, будетъ выходить ежемѣсячно, по 10 — 12 печати листовъ, въ двухъ книгахъ (за исключеніемъ мѣсяцевъ іюня и іюля, когда выходитъ только по одной книгѣ), въ $1/8$ долю листа.

Въ теченіи семилѣтняго существованія «Семья и Школа» постоянно имѣла цѣлію: во I-хъ) содѣйствовать правильной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла и распространенію въ обществѣ здравыхъ педагогическихъ понятій: во 2-хъ) давать возможно лучшій матеріалъ для умственнаго и физическаго развитія нашего юношества.

Сообразно этой цѣли, «Семья и Школа» выходитъ въ двухъ книгахъ:

Книга I. (**Семейное чтеніе**). Сюда входятъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Книга II. (**Воспитаніе и обученіе**). Содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитачію и обученію домашнему и общественному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; смѣсь; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса средне-учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ; историческія замѣтки; библіографія и т. п.).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На полный журналъ (22 кн.).

I. Въ С.-Петербургѣ 1) безъ доставки	11 руб.	— к.
Въ С.-Петербургѣ 2) съ доставкою...	11 »	50 »
II. Въ Имперіи...	12 »	— »
III. За границу...	16 »	— »

На „Семейное чтеніе". (12 кн.).

I. Въ С.-Петербургѣ 1) безъ доставки	9 руб.	— к.
Въ С.-Петербургѣ 2) съ доставкою..	9 »	50 »
II Въ Имперіи..	10 »	— »
III. За границу...	13 »	— »

„На Воспитаніе и обученіе" (10 кн.).

I. Въ С.-Петербургѣ 1) безъ доставки	4 руб.	— к.
Въ С.-Петербургѣ 2) съ доставкою...	4 »	50 »
II. Въ Имперіи...	5 »	— »
III. За границу...	7 »	— »

Подписка принимается а) при городской конторѣ редакціи **Васильевскій островъ, по 9 линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектами, д. № 24, кв. № 6; в) иногородные и заграничные высылаютъ по почтѣ исключительно въ главную контору** (С.-ПБ. Васил. остр., 15 линія, д. № 8, кв. № 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса, имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Мѣста и лица, желающія получить извѣщеніе о полученіи денегъ, благоволятъ высылать въ контору 8-копѣечную марку, а желающіе получить **билетъ конторы**, кромѣ того, присовокуплять 5-копѣечную марку.

Издатель **К. Нраевичъ**. Редакторъ **Юл. Симашко**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА САМУЮ ДЕШЕВУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ"

на **1878** годъ.

Газета **„новости"** выходитъ **безъ предварительной цензуры** ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Газета «Новости», по подписной цѣнѣ, **на половину дешевле всѣхъ большихъ ежедневныхъ газетъ**, а по разнообразію, полнотѣ и свѣжести содержанія, стоитъ на одномъ уровнѣ съ ними, въ чемъ можетъ убѣдится каждый читатель, сравнивъ содержаніе любого нумера «Новостей» съ нумерами другихъ газетъ, вышедшими въ одинъ и тотъ же день.

Условія подписки:

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ:

на 1 г.,	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.
руб.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
8	7 50	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —
5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.		
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.		
4 50	3 80	3 —	2 —	1 —		

Съ пересылкою:

на 1 г.,	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.
руб.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
9	8 25	7 50	7 —	6 50	5 75	5
5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.		
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.		
4 50	4 —	3 —	2 —	1 —		

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1877 г. и на весь 1878 г., безъ разсрочки, прибавляютъ къ годовой подписной цѣнѣ по 75 к. за каждый лишній мѣсяцъ. Такимъ образомъ, за время, напримѣръ, съ 1-го сентября 1877 г. по 1 января **1879** г., т. е. **за 16 мѣсяцевъ**, платятъ **всего 12 р.**, съ 1-го октября1877-ва ря 1879 г., т. е. **за 15 мѣсяцевъ — всего 11 р. 25 к.**, съ 1-го ноября — всего 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря 9 р. 75 к.

Разсрочка платежа допускается чрезъ посредство казначеевъ или по соглашенію съ конторою редакціи.

Письма и деньги адресуются: **въ Петербургъ, въ редакцію газеты „Новости"**.

„ЯХТА"

Еженедѣльная морская газета съ приложеніемъ **сборника морскихъ статей и разсказовъ.** Годовая цѣна **6** рублей. Полугодовая **4** руб.

Подписка на 1878-й (пятый) годъ принимается: Въ **С.-Петербургѣ:** 1) въ редакціи „Яхты", на Могилевской улицѣ, д. № 13, кв. № 4-й, и 2) въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, въ Гостинномъ дворѣ, № 24-й. Въ **Кронштадтѣ:** въ морской библіотекѣ.

Иногородные подписчики обращаются **исключительно** въ редакцію „Яхты", въ Спб., на Могилевской улицѣ, д. № 13-й, кв. № 4.

Расширивъ съ 1877-го года программу и увеличивъ объемъ своего изданія, редакція „Яхты" слѣдила за развитіемъ морского дѣла въ Россіи, въ обширномъ значеніи этого слова. Ни одинъ маломальски серьезный вопросъ, касавшійся военнаго, коммерческаго или рѣчного судоходства, не остался забытымъ. Правильно организованныя корреспонденціи: съ театра войны, изъ портовъ и съ пристаней давали возможность читателямъ „Яхты" своевременно слѣдить за различными проявленіями морского дѣла какъ въ Россіи, такъ и за границей. Большой морской романъ и нѣсколько разсказовъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, равно какъ и газетные фельетоны, представляли различные очерки морской жизни, написанные въ легкой, общедоступной формѣ. Статьи техническаго содержанія сопровождались пояснительными чертежами и рисунками.

Все годовое изданіе „Яхты" въ 1877 году составляетъ около ста печатныхъ листовъ большого формата.

Въ 1878-мъ году редакція „Яхты" намѣрена еще увеличить форматъ газеты, что дастъ возможность расширить всѣ отдѣлы.

Въ „Яхтѣ" постоянно помѣщаются: 1) руководящія статьи по различнымъ вопросамъ морского дѣла, 2) извѣстія съ театра войны, 3) главнѣйшія распоряженія правительства, относящіяся до морского дѣла, 4) мелкія морскія извѣстія и свѣдѣнія по морской торговлѣ, 5) яхтъ-клубное дѣло, 6) извѣстія изъ портовъ, съ пристаней и съ судовъ какъ изъ Россіи, такъ и изъ-за границы, 7) морскіе судебные процессы, 8) морская библіографія, 9) фельетонъ и 10) частныя и казенныя объявленія.

Печатающіяся въ сборникѣ „Яхты" статьи, которыя не будутъ окончены въ 1877 году, — будутъ разосланы безплатно тѣмъ изъ подписчиковъ на 1878-й годъ, которые подпишутся до 1-го декабря 1877 года.

Лица, желающія помѣщать свои статьи въ „Яхтѣ", должны доставлять ихъ въ редакцію, непремѣнно за подписью и съ обозначеніемъ мѣстожительства автора. Вознагражденіе за статьи опредѣляется по соглашенію съ редакціею. Статьи, доставленныя безъ обозначенія условій, считаются безплатными и поступаютъ въ полное распоряженіе редакціи. Всѣ статьи подлежатъ измѣненію и сокращенію по усмотрѣнію редакціи. Статьи, признанныя неудобными для напечатанія, хранятся въ редакціи два мѣсяца и возвращаются только по личному востребованію авторовъ.

Редакторъ-Издатель **Л. Илляшевичъ**.

СЪ 1-ГО ЯНВАРЯ 1878 ГОДА.

ПРИРОДА И ЛЮДИ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

Предпринимая изданіе съ цѣлью служить однимъ изъ огрaновъ для самообразованія и развитія, редакція считаетъ долгомъ высказать только то, что она употребитъ усилія, чтобы удовлетворить любознательности своихъ читателей посредствомъ разнообразія содержанія и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Выборомъ статей и способомъ ихъ изложенія, она постарается дать такого рода матеріялъ, который одинаково бы удовлетворилъ какъ потребностямъ лицъ вполнѣ взрослыхъ, ищущихъ самообразованія и развитія, такъ и тѣмъ молодымъ людямъ, для которыхъ дѣтскія книги не пригодны, а серьозная и научная литература не всегда доступна для пониманія. На первомъ планѣ будутъ поставлены реальныя свѣдѣнія, касающіяся жизни человѣка, природы и ея явленій.

ПГОГРАММА ИЗДАНІЯ.

1) Русская жизнь и этнографическіе очерки Россіи, съ хромолитографированными рисунками всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи. Это составитъ изящный альбомъ, въ который войдетъ отъ 20 до 30 хромолитографій.

2) Историческіе очерки Россіи, къ которымъ будетъ приложено до 100 большихъ рисунковъ.

3) Этнографическіе очерки различныхъ народовъ земного шара.

4) Повѣсти, разсказы и біографіи замѣчательныхъ людей.

5) Путешествія.

6) Очерки и картины природы.

7) Естествознаніе въ монографіяхъ и разсказахъ.

8) Техника и разнаго рода производства, а также промыслы и занятія человѣка.

9) Свѣдѣнія по части изобрѣтеній и усовершенствованій, двигающихъ науку и улучшающихъ бытъ человѣка.

10) Смѣсь, состоящая изъ статей разнообразнаго содержанія, мелкихъ разсказовъ, анекдотовъ и проч.

Кромѣ того, нѣсколько разъ въ годъ будетъ выходить приложеніе: **„Листокъ для родителей и наставниковъ".** Этотъ листокъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: 1) Дѣтская гигіена и вообще статьи, касающіяся физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія дѣтей и юношей; 2) Библіографическій листокъ съ разборомъ выходящихъ дѣтскихъ книгъ.

Каждая книжка, выходящая ежемѣсячно 1-го числа, будетъ состоять изъ 10 печатныхъ листовъ, хромолитографированныхъ рисунковъ и гравюръ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За 12 книжекъ въ годъ.	5 руб. 50 коп.	съ перес.	6 р.
„ 6 „ въ полг.	4 „ — „	„ „	4 „ 50 к.
„ 1 книжку въ мѣсяц.	1 „ — „	„ „	1 „ 20 „

Всякій, подписавшійся на первый мѣсяцъ, въ случаѣ желанія продолжать подписку на цѣлый годъ, доплачиваетъ только до подписной цѣны, т. е. 4 р. 50 к.; безъ пересылки или 5 р. съ пересылкою.

Подписка принимается исключительно въ Картографическомъ заведеніи Ильина, на углу Б. Мастерской и Екатерингофскаго проспекта, домъ № 11—43.

ПЕРВАЯ КНИЖКА ВЫЙДЕТЪ 1-го ДЕКАБРЯ 1877 ГОДА.

Редакторъ-издатель **А. Ильинъ**.

„ТРУДЫ" ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

въ **1878** году.

„Труды" И. В. Э. Общества въ 1878 году будутъ издаваться по новой, утвержденной Обществомъ 13 января 1877 года, программѣ, которая состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

I. **Сельское хозяйство,** куда входятъ статьи, относящіяся къ сельскому хозяйству и главнѣйшимъ его отраслямъ, предметы естественно-историческаго содержанія, направленнаго къ разъясненію вопросовъ земледѣльческихъ, доклады и журналы засѣданій I Отдѣленія. Сюда же будетъ отнесенъ прежде бывшій въ „Трудахъ" особый отдѣлъ „Пчеловодство", статьи котораго будутъ помѣщаться въ видѣ особой рубрики, подъ тѣмъ же заглавіемъ „Пчеловодство".

II. **Техническія производства,** тѣсно связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ, какъ то: обработка льна и другихъ волокнистыхъ растеній, маслобойное дѣло, сывареніе, картофельно-паточное производство и т. п., земледѣльческая механика, доклады и журналы засѣданій II Отдѣленія.

III. **Политическая экономія и статистика,** гдѣ помѣщаются статьи политико-экономическаго и статистическаго содержанія по предметамъ, касающимся круга дѣятельности Общества, доклады и журналы засѣданій III Отдѣленія.

IV. **Сельско-хозяйственное обозрѣніе,** гдѣ дается ежемѣсячный обзоръ экономическихъ явленій русскаго народнаго хозяйства вообще и сельскаго по преимуществу, а также сообщаются свѣдѣнія о болѣе замѣчательныхъ явленіяхъ и открытіяхъ по сельскому хозяйству за границею.

V. **Библіографическое обозрѣніе** посвящается оцѣнкѣ появляющихся въ свѣтъ сельско-хозяйственныхъ и вообще экономическихъ отдѣльныхъ сочиненій и журнальныхъ статей на русскомъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются указанія на болѣе замѣчательныя иностранныя сочиненія.

VI. **Корреспонденція Общества,** куда входятъ небольшія и отрывочныя сообщенія по предметамъ занятій Общества изъ провинцій, разнаго рода запросы землевладѣльцевъ и отвѣты на нихъ со стороны Общества или непосредственно отъ Редакціи.

Въ концѣ каждой книжки помѣщаются „Объявленія" о продажѣ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, сѣмянъ, растеній, книгъ и т. п., о предстоящихъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ, съѣздахъ и пр.

„Труды" Общества будутъ выходить разъ въ мѣсяцъ книжками, каждая отъ семи до восьми печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе „Трудовъ" остается прежняя:
безъ пересылки. . . . . 3 р. 50 к.
Съ пересылкою по почтѣ внутрь имперіи, а равно и
съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ. . . . . 4 „ — „

Подписка на „Труды" на 1878 годъ принимается въ С.-Петербургѣ (на углу 4-й роты Измайловскаго полка и Царскосельскаго проспекта), въ домѣ В. Э. Общества и въ сѣмянной торговлѣ А. В. Запѣвалова (за Казанскимъ соборомъ, въ домѣ Лѣсникова). Иногородные благоволятъ адресоваться въ С.-Петербургъ, въ домъ В. Э. Общества.

Редакторъ **А. Совѣтовъ**.

РУССКАЯ ГАЗЕТА

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ:

	Безъ доставки.	Съ дост. и пер
На годъ.........	6 руб. 50 коп.	8 руб. — коп.
» полгода......	3 » 50 »	4 » 25 »
» три мѣсяца...	2 » — »	2 » 50 »
» одинъ мѣсяцъ	1 » — »	1 » 15 »

Отдѣльные нумера продаются въ Редакціи по 5 к.

Съ октября «Русская Газета» выходитъ въ форматѣ большого листа.

Подписавшіеся на 1878 годъ получаютъ въ видѣ преміи карту военныхъ дѣйствій и портреты героевъ войны.

Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи (Арбатъ, д. Лазарикъ, № 2), въ книжныхъ магазинахъ **въ Москвѣ:** Соловьева, Мамонтова, Вольфа, Анисимова, Кольчугина, Васильева, Юрьева.

Въ С.-Петербургѣ: Мамонтова, Вольфа, Анисимова, Печаткина.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться непосредственно въ контору Редакціи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ МІРЪ"

въ 1878 году.

(восьмой годъ)

Выходитъ безъ предварительной цензуры, ежедневно, въ форматѣ большаго газетнаго листа.

Для большаго развитія и расширенія литературнаго отдѣла, мы предполагаемъ съ будущаго года выпускать, **отдѣльныя литературныя приложенія.** Сюда войдутъ: повѣсти, разсказы, очерки русскихъ и иностранныхъ писателей, статьи о театрѣ и музыкѣ, библіографическія статьи, историческія, литературныя и общественныя замѣтки, и, наконецъ, подробное критическое обозрѣніе текущей литературы.

Приложеніе будетъ выдаваться по воскресеньямъ особыми листами въ форматѣ газеты.

Въ виду этого, цѣна на „Русскій Міръ" опредѣляется слѣдующимъ образомъ: (причемъ „Русскій Міръ" остается самою недорогою изъ большихъ столичныхъ газетъ).

съ пересылкою и доставкою въ Россіи:

На годъ.	На 11 мѣс.	На 10 мѣс.	На 9 мѣс.	На 8 мѣс.	На 7 мѣс.
14 р.	13 р.	12 р.	11 р.	10 р.	9 р.
На 6 мѣс.	На 5 мѣс.	На 4 мѣс.	На 3 мѣс.	На 2 мѣс.	На 1 мѣс.
8 р.	7	5 р. 50 к.	4 р. 50 к.	3 р. 25 к.	1 р. 75 к.

Подписная цѣна за границу:

На годъ. . . .	25 р. — к.	На 3 мѣсяца. . . .	7 р. — к.
„ полгода . .	14 „ — „	„ 1 мѣсяцъ. . . .	3 „ — „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ газеты, Большая Морская, д. № 11-й.

Въ Москвѣ: 1) въ московскомъ отдѣленіи газеты „Русскаго Міра", на углу Дмитровки и Охотнаго ряда, домъ Благороднаго собранія, книжный магазинъ А. Ѳ. Живарева; 2) въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, и у другихъ книгопродавцевъ; 3) у А. Н. Мейера (Моросейка, д. Леонова); 4) у И. Н. Барсукова, 3 Мѣщанская, д. Бѣлова; 5) на Петровкѣ, № 6, въ музыкальномъ магазинѣ П. И. Юргенсона.

Въ Парижѣ: Havas Lafitte C⁰, Place de la Bourse.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца. При перемѣнѣ адреса просимъ сообщать непремѣнно прежній адресъ и № билета или бандероли, подъ которою высылается газета.

О ПОДПИСКѢ НА 1878 ГОДЪ.

„БУДИЛЬНИКЪ",

САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ХРОМОЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ РИСУНКАМИ И КАРРИКАТУРАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

Безъ доставки..........	6 р. — коп.
Съ доставкою въ Москвѣ..........	7 » — »
Съ пересылкой въ города..........	7 » 50 »

НА ПОЛГОДА:

Безъ доставки..........	3 р. 50 коп.
Съ доставкою..........	4 » — »
Съ пересылкою..........	4 » 50 »

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 20 к. с.

Подписка принимается: въ Москвѣ—въ редакціи (на большой Никитской), у Н. А. Мейера (Маросейка, домъ Леонова) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ*).

Кромѣ Москвы подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ всѣхъ губернскихъ городовъ Имперіи. Въ Парижѣ: въ главной конторѣ Общества Гавасъ, Лафиттъ и К⁰—Paris, Place de la Bourse, № 8.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно, дабы предотвратить несвоевременную высылку журнала.

*) У Н. А. Мейера—исключительный пріемъ объявленій и рекламъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Февраля 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 7. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 12 Февраля 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ VI.

Устала ждать.

Повѣсть А. Г. Сахаровой.

(*Продолженіе.*)

III.

Каждый день, и въ холодную дождливую осень, и въ безразсвѣтную зиму и весною, шагала Наташа по петербургскимъ улицамъ на уроки. Каждый день проходила она мимо роскошныхъ магазиновъ, мимо нарядныхъ изящныхъ платьевъ, граціозныхъ шляпокъ, мимо драгоцѣнныхъ уборовъ, проходила въ своемъ простенькомъ, неуклюже сшитомъ дома платьѣ, въ старенькихъ сапогахъ, въ дешевой шляпкѣ и глубокая, жгучая зависть пробуждалась въ душѣ дѣвушки. «Мнѣ уже двадцать два года, думала Наташа, возвращаясь усталая домой съ урока и шагая съ своей тетрадью нотъ среди праздничной веселой толпы, — а развѣ я жила! Неужели жить — значитъ вѣчно разсчитывать гроши, обшивать грязные подолы и вѣчно слушать тѣ же разъ, два, три, четыре всю жизнь и подъ старость»... Передъ Наташей проходили сморщенныя, жалкія фигуры старыхъ дѣвъ учительницъ, одиноко влачащихъ свое жалкое существованіе. Наташа вспоминала отца съ матерью и ихъ сѣренькую жизнь. «И мы съ Павломъ Ивановичемъ будемъ такіе же, совершенно такіе, говорила она про себя,—немножко поумнѣе, немножко поделикатнѣе, а такіе же, и дѣти наши выростутъ такими же. Чудный идеалъ, чудная жизнь!»

Въ эти минуты усталой дѣвушкѣ припоминалось все пережитое и насмѣшливая улыбка важнаго лакея, открывшаго ей дверь, презрительный взглядъ ученицы барышни, глупое требованіе купчихи маменьки заставить ея Машутку выучить что нибудь повеселѣе, и слова матери: «Наташа, у тебя опять калоши обносились», и тихое напоминанье: «да когда же Ивановы деньги то отдадутъ», и сердце дѣвушки ныло и болѣло, въ душѣ ея скоплялась такая жгучая ненависть ко всему этому міру, ко всей этой жизни, что по временамъ ей приходила въ голову мысль покончить съ собою разомъ; но блестящіе экипажи неслись мимо усталой дѣвушки, драгоцѣнные уборы сверкали такъ ослѣпительно, что Наташѣ хотѣлось жить всѣми фибрами своего молодого существа, хотѣлось театра, музыки, бала, хотѣлось страсти, роскоши, блеска, хотѣлось жизни, полной праздничной жизни во что бы то ни стало.

«Два года процарствовать, мечтала гордая, страстная дѣвушка,—два года, два мѣсяца такой жизни, гдѣ одна картина смѣняетъ другую, гдѣ за праздникомъ слѣдуетъ праздникъ».

Порой усталой молодой дѣвушкѣ казалось, что если бы можно было продать дьяволу душу за годъ или за два такой жизни, то она продала бы ее; но Наташа жила въ слишкомъ реальный вѣкъ и въ слишкомъ прозаической средѣ, чтобы мечтать о такомъ исходѣ. Ей гораздо чаще представлялся другой исходъ, представлялась встрѣча съ какимъ нибудь богачемъ и Наташа не закрывала глазъ. Въ ней не было институтской наивности, не было ложной сентиментальности и она очень хорошо сознавала, что способна продать себя при случаѣ.

Наташа была не глупая дѣвушка, она присматривалась къ жизни, разсуждала, думала и дошла до сознанія, что среди окружающаго ее міра все покупается и продается и что наиболѣе умными считаются тѣ люди, которые умѣютъ продать свое знаніе, свой талантъ, свою красоту подороже и повыгоднѣе. Она очень хорошо поняла, что люди обставляютъ эту куплю и продажу красивыми подробностями, что они утѣшаютъ себя разнаго рода глубокими соображеніями. Она узнала еще въ дѣтствѣ, что люди не любятъ, когда ихъ поступки называютъ настоящими именами. Она хорошо помнила, какъ разсердилась одна изъ классныхъ дамъ, когда нѣкоторыя изъ ея учениц намекнули ей, что она желаетъ подслужиться къ начальницѣ и потому сплетничаетъ ей на любимаго ими учителя. Она видѣла, какъ злились родители ея учениц, когда она высказывала имъ откровенно свое мнѣніе объ ихъ способностяхъ и вполнѣ усвоила себѣ ту истину, что люди не только не любятъ, когда ихъ дѣйствія и поступки называютъ настоящими именами, но даже сами стараются подтасовать карты.

Жизнь Наташи была не изъ особенно веселыхъ и по этому она рано научилась примѣнять выработанное опытомъ правило и упорно молчала дома о своихъ выводахъ и взглядахъ. Она ни разу не высказала матери, что ея привязанность къ Павлу Ивановичу—эгоистическая привязанность безпомощной старухи къ будущему зятю кормильцу, что вся нѣжная заботливость Павла Ивановича о ней, Наташѣ, есть только эгоизмъ собственника.

У Натальи Александровны Бородиной была хорошая выдержка, не даромъ она давала три года уроки музыки. Вѣдь ей, артисткѣ, заигрывающейся до увлеченія Бетховеномъ, Шуманомъ, Шопеномъ, приходилось по цѣлымъ днямъ выслушивать гаммы и этюды Черни, ей, болѣзненно самолюбивой, чуткой, приходилось переносить выговоры, насмѣшки, презрительные взгляды. Неудивительно, что и въ тотъ вечеръ, съ котораго начинается нашъ разсказъ, она безропотно вынесла розовыя мечты Павла Ивановича и сидѣла, повидимому, спокойно, не вырывая своихъ рукъ изъ его рукъ, когда въ ту комнату, гдѣ сидѣли женихъ съ невѣстой, вошла ея низенькая мать въ клѣтчатомъ ситцевомъ капотѣ, въ каленкоровомъ чепцѣ съ оборкой и въ очкахъ, держа въ рукахъ какое то письмо.

— Наташа, отъ Ипатьевыхъ человѣкъ пришелъ, записку принесъ, проситъ отвѣта.

Наташа быстро распечатала конвертъ и прочла написанное на французскомъ языкѣ приглашеніе Ксеніи Петровны Ипатьевой, жены одного изъ крупныхъ русскихъ издателей, въ семьѣ котораго Наталья Александровна давала уже два года уроки музыки. Ксенія Петровна уже за недѣлю любезно пригласила дѣвушку провести вечеръ у нихъ, такъ что въ запискѣ было только повтореніе приглашенія и милая просьба не забыть нотъ и доставить обществу удовольствіе своей очаровательной игрой и т. д.

— Скажите, что буду, отрѣзала какъ то холодно Наташа и подумала про себя: вѣрно, француженка гувернантка письмо писала, вѣдь эта дурница Ипатьева и по русски двухъ словъ связать не умѣетъ.

Долго и пристально смотрѣлъ Павелъ Ивановичъ на молодую дѣвушку, стоявшую передъ нимъ и въ его голубыхъ глазахъ выразилось столько преданной, беззавѣтной нѣжности, что въ сердцѣ Наташи зашевелилось какое то странное чувство жалости къ этому блѣдному человѣку, всей радостью котораго была она, Наташа.

— Какъ я радъ, милая, что ты повеселишься, продолжалъ Павелъ Ивановичъ.—Есть ли у тебя перчатки? Возьми у меня денегъ, я сегодня получилъ десять рублей за уроки.

Во взглядѣ молодого человѣка было что то умоляющее и въ сухихъ насмѣшливыхъ глазахъ дѣвушки сверкнула слеза, губы ея слегка дрогнули.

— Ты бы не любилъ меня, Поль, произнесла Наташа, задыхаясь, — если бы ты зналъ, какая я злая и гадкая.

Да, въ эту минуту внезапно нахлынувшаго чувства, Наташа готова была броситься на колѣни передъ этимъ блѣднымъ человѣкомъ, такъ беззавѣтно привязаннымъ къ ней; въ эту ми-

нуту она была готова признаться ему во всемъ и умолять его спасти ее отъ себя самой, показать ей выходъ.

Но, къ сожалѣнію, хорошіе психологи встрѣчаются рѣдко даже между очень умными людьми и этимъ можно объяснить то множество несчастій, преступленій, ошибокъ и недоразумѣній, которое поражаетъ всякаго наблюдателя. Павелъ Ивановичъ тоже былъ плохимъ психологомъ, онъ былъ просто добрымъ, честнымъ, трудолюбивымъ и неглупымъ малымъ средней руки; но откуда у него было взяться тонкому психическому чутью и пониманью такой сложной организаціи, какъ организація Наташи. Павелъ Ивановичъ не понялъ порыва дѣвушки и объяснилъ его иначе.

— Полно, милая, шепталъ онъ, гладя ея волосы,—полно, Наташа, ты, просто, заработалась и устала, моя радость,

На минуту сверкнувшая въ глазахъ дѣвушки слеза исчезла, губы ея снова сжались. Та Наташа, которая готова была разрыдаться, броситься на колѣни передъ Павломъ Ивановичемъ, исчезла куда то далеко и на ея мѣстѣ стояла холодная, сдержанная женщина и эта женщина быстро отошла отъ Павла Ивановича.

— Пусти, милый, мнѣ пора идти одѣваться, сказала она, медленно освобождаясь изъ объятій молодого человѣка и отправляясь въ свою маленькую спальню.

«Какая она странная, подумалъ молодой человѣкъ, слѣдя за удаляющейся дѣвушкой, то такая ласковая, то такая холодная, просто, не поймешь ничего. Ну да это пройдетъ, теперь она работаетъ много и нервы ея расходились, отдохнуть ей надо, бѣдненькой».

А что же думала въ это время Наташа? Наташа стояла передъ маленькимъ зеркаломъ, освѣщеннымъ двумя пальмовыми свѣчами и разчесывала свои пышные, густые темнокаштановые волосы. Полугрустная, полунасмѣшливая улыбка скользнула по губамъ дѣвушки, когда косы были разчесаны и легли красивой изящной діадемой надъ высокимъ бѣлымъ лбомъ. Наташа приблизилась къ зеркалу, чтобы приколоть къ волосамъ пышную розу и остановилась. Она сознавала, что она хороша,—хороша, не смотря на простое старомодное черное барежевое платье, не смотря на то, что ея тонкую талію обхватывалъ широкій черный шелковый шарфъ, который былъ уже не въ модѣ; не смотря на то, что въ красивыхъ изящныхъ ушахъ дѣвушки блестѣли недорогія черныя сережки.

Да, ея костюмъ былъ бѣденъ и не блестящъ; но за то полная, смуглая шея, просвѣчивающая сквозь тонкую черную ткань, упругая молодая грудь, ловко обхваченная лифомъ, красивыя, изящныя руки могли бы служить моделью для скульптора. Наташа сознала все это и большіе глубокіе темные глаза ея сверкнули торжествомъ, когда она закончила свой непродолжительный туалетъ и вышла въ залу собрать ноты.

Медленно и осторожно положила она нѣсколько пьесъ въ папку и надѣла свѣтлосиреневыя перчатки. Павелъ Ивановичъ все время стоялъ въ залѣ и любовался дѣвушкой, пока она собирала ноты и прощалась съ матерью. Онъ помогъ ей накинуть на плечи тальму, онъ закуталъ ее бѣлымъ вязанымъ платкомъ, онъ вышелъ вмѣстѣ съ нею и проводилъ ее до извощика. Когда Наташа уже сидѣла на линейкѣ, онъ заботливо оправилъ ей платье и передалъ папку съ нотами.

— Веселись, моя дорогая, произнесъ онъ ласково, цѣлуя ее долгимъ, грустнымъ поцѣлуемъ.

Дрожки подвигались довольно медленно (извощикъ былъ не изъ дорогихъ) и молодая дѣвушка могла бы увидѣть, что Павелъ Ивановичъ, посадивъ ее, долго оставался на томъ же мѣстѣ и слѣдилъ за ней глазами; но Наташа не оборачивалась. Странное настроеніе овладѣло молодой дѣвушкой, когда дрожки отъѣхали отъ ихъ небольшой квартирки въ 14-й линіи Васильевскаго острова. Октябрьскій вечеръ (что случается рѣдко) былъ свѣжъ и ясенъ, но не холоденъ, и дѣвушка вздохнула какъ то свободнѣе, когда она осталась одна на этихъ слишкомъ хорошо знакомыхъ ей петербургскихъ улицахъ. Онѣ показались ей такими праздничными, такими принаряженными при свѣтѣ фонарей, при мерцаніи звѣздъ, что ей показалось, что она вырвалась навсегда изъ душной тюрьмы, что она больше не вернется въ эту маленькую, узенькую квартиру, гдѣ она задыхалась, что она навсегда покончила съ этой сѣренькой жизнью. Эта невѣдомая, яркоосвѣщенная даль манила къ себѣ дѣвушку, она не знала, не размышляла о томъ, лучше или хуже будетъ та жизнь, которая ожидала ее тамъ, она сознавала только, что это другая жизнь и этого было довольно для Наташи Бородиной.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Стихотвореніе Д. А. Рубина.

* * *

День деньской
Все съ тоской
  Сердце носится,
На глаза
Все слеза
  Бѣжитъ, просится.
Впереди
Нѣтъ пути,
  Пусто, голодно,
А въ дому,
Какъ въ гробу,
  Темно, холодно.
Знать пути
Не найдти
  Къ прежней долюшкѣ,
Къ золотой,
Удалой
  Вольной волюшкѣ!
Не слыхать,
Не узнать
  Счастья, сладости,
Не видать,
Не встрѣчать
  Мнѣ ужь радости!..
Замолчи,
Не стучи,
  Сердце бѣдное!
Стань ребромъ,
Серебромъ
  Деньга мѣдная!
Покатись,
Превратись
  Въ зелье хмѣльное!...
Весела,
Хороша
  Жизнь похмѣльная...

Болгарская роза.

Современный разсказъ.

Съ англійскаго, переводъ **В. А. Т.**

Какъ сквозь черное, закоптѣлое стекло смотрю я на быстро измѣняющіяся картины грустнѣйшей изъ всесвѣтныхъ трагедій. Прежде всего мнѣ представляется земной рай, на сколько касается климата и природы, превращенный въ адъ людьми же; затѣмъ я вижу плодоносныя поля, обагренныя кровью столь безчисленныхъ жертвъ, что невольно спрашиваешь себя, не будетъ ли куплена даже свобода цѣлаго христіанскаго народа слишкомъ дорогою цѣной.

Картина первая.

— Здравствуйте, Райка, вы все думаете о хорошенькой Марикѣ? сказалъ я, встрѣтивъ въ одно прекрасное майское утро на вершинѣ горы прелестнѣйшую изъ красавицъ Розицы.

— Марика навѣрно будетъ счастлива съ такимъ хорошимъ мужемъ, какъ Федоръ, отвѣчала Райка съ улыбкой, которую тотчасъ смѣнило озабоченное выраженіе, вкравшееся въ послѣдніе дни невѣдомо почему въ ея чудные, темнокаріе глаза;—я вовсе не думала о ней, хотя мы только вчера проводили молодыхъ. Меня безпокоитъ то движеніе, которое Иванъ возбудилъ въ нашей молодежи. Чѣмъ это кончится? Нахальство турецкихъ властей постоянно увеличивается и я боюсь чего-то недобраго. Но вонъ звонитъ колокольчикъ въ школѣ. Мнѣ пора идти. До свиданія, мы, конечно, увидимся сегодня вечеромъ на праздникѣ.

Улыбка снова освѣтила лицо молодой дѣвушки и она быстро стала спускаться по скату горы къ маленькому школьному домику, виднѣвшемуся въ глубинѣ долины. Мнѣ очень хотѣлось послѣдовать за нею, но утренняя трубка располагаетъ къ лѣни и созерцанію, а потому, усѣвшись на изгороди, я спокойно слѣдилъ глазами за удалявшейся красавицей, прозванной болгарской розой, быстрой и свѣжей, какъ горный ручей, по берегу котораго она шла; гибкой и граціозной, какъ окружавшіе ее причудливые листья папоротниковъ. Красивый болгарскій костюмъ: синяя, открытая куртка, розовая рубашка и черная, короткая юбка, рельефно выставляли ея стройную фигуру и маленькія, хорошенькія ноги. У подножія горы Райка встрѣтила группу веселыхъ, рѣзвыхъ дѣтей, и, во главѣ своего юнаго стада, исчезла среди розъ, густо окаймлявшихъ маленькій школьный домикъ.

Я поспѣшно набросалъ эту сцену въ свой альбомъ, какъ матеріалъ для картины с. Розицы, въ то время настоящаго земного рая, хотя, кромѣ трудолюбивой колоніи болгаръ, тамъ была и горсть турецкихъ обитателей съ мудиромъ во главѣ. Цвѣты и деревья окружали со всѣхъ сторонъ маленькое селеніе и воды въ немъ было вдоволь. За школьнымъ домикомъ виднѣлся колодезь, въ которомъ черпали воду загорѣлыя молодыя дѣвушки, стройныя, какъ газели. Серебристый прозрачный дымъ многочисленными столбами поднимался къ ясному, лазуревому небу. Кое-гдѣ изъ-за зелени проглядывали тонкіе минареты. Роскошный, зеленый лугъ простирался у подножія небольшой, сосѣдней горы, на которой стояла скромная, маленькая каменная церковь, походившая на англійскую часовню, перенесенную въ этотъ уединенный уголокъ Болгаріи. Тяжелый возъ, запряженный двумя черными волами, медленно двигался по дорогѣ, а нѣсколько кудахтающихъ курицъ дополняли эту картину мирной сельской жизни.

Уютные домики съ большими балконами утопали въ розахъ, покрывавшихъ всѣ стѣны сплошной массой. Въ одномъ изъ нихъ, быть можетъ, самомъ большомъ, гнѣздившемся подъ тѣнью сосенъ и дубовъ, наканунѣ пировало все селеніе на свадьбѣ Федора. Едва умолкло эхо веселыхъ ликованій, какъ уже сегодня вечеромъ долженъ былъ начаться, въ честь имянинъ почтеннаго священника, новый праздникъ, на которомъ, конечно, среди смѣха и шутокъ, будутъ вспоминать о всѣхъ подробностяхъ вчерашней церемоніи и о смѣлыхъ рѣчахъ Ивана, когда вино развязало языки.

Наконецъ, насталъ вечеръ и всѣ жители Розицы собрались на зеленый лужокъ подъ звуки небольшого оркестра, состоявшаго изъ скрипки, гитары и рожка. Почтенный священникъ съ сѣдой бородой и добродушнымъ лицомъ привѣтливо принималъ поздравленія отъ своей смиренной паствы. Вскорѣ молодежь пустилась въ національную славянскую пляску. Райка, сіяя красотой, ослѣпительнымъ блескомъ своихъ глазъ, яр-

кимъ румянцемъ щекъ, пурпурной курткой, бѣлоснѣжной вышитой рубашкой, пестрымъ передникомъ, темно-синей курткой, гирляндами маргаритокъ на головѣ и розановъ на таліи, тяжелыми золотыми серьгами и ожерельемъ,—была естественно царицей праздника. Также живописенъ, но менѣе блестящъ былъ костюмъ мужчинъ, особенно Ивана, на которомъ была бѣлая мерлушечья шапочка, темносиняя куртка, вышитая чернымъ снуркомъ, свѣтлый, шитый жилетъ, широкій пестрый поясъ и коричневые панталоны съ прихотливыми узорами на колѣняхъ и карманахъ.

Пляска была самая простая, первобытная; всѣ участвовавшія въ ней пары держались за руки и медленно, мѣрно, двигались подъ музыку. Но Райка и Иванъ, составлявшіе среднюю пару, придавали необыкновенно поэтическій оттѣнокъ этому монотонному танцу. Все было забыто въ эту минуту: и горе, и опасенія. Много выстрадали и танцовавшая молодежь и смотрѣвшіе на нее старики. Удрученные чрезмѣрными налогами, они не только простились съ отложенными на черный день грошами, но и съ большей частью домашнихъ пожитковъ. Скотъ у нихъ былъ проданъ, жилища опустошены. Но все же Райка и ея подруги сохранили кое-какія украшенія, а Иванъ съ товарищами могъ по истинѣ гордиться своей веселостью и оживленіемъ.

— Красивая картина, сказалъ я старому священнику, достойная, патріархальная фигура котораго рельефно выдавалась въ толпѣ;—кто бы подумалъ, что Райка школьная учительница!

— Да, главное достоинство Райки, отвѣчалъ онъ,—въ томъ и заключается, что она все дѣлаетъ съ любовью. Вы видѣли, что въ школѣ она здравомыслящая женщина, наша маленькая Минерва, въ церкви ея мелодичный голосъ болѣе располагаетъ къ молитвѣ, чѣмъ моя прозаическая рѣчь. А теперь она всей душою предалась невинной забавѣ. Увы! Райка слишкомъ драгоцѣнное сокровище для легкомысленнаго Ивана. Этотъ красивый молодецъ не только плѣнилъ нашу розу, но, я боюсь, онъ доведетъ до бѣды нашу молодежь.

Говоря это, священникъ искоса смотрѣлъ на мудира, который, сидя на балконѣ сосѣдняго дома, пристально, наблюдалъ веселую пляску. Это былъ турокъ самого грубаго типа съ толстыми губами и краснымъ носомъ; онъ уже давно бросалъ на Райку зловѣщіе взгляды и теперь не скрывалъ своего восторга при видѣ граціозной красавицы.

Однакожь, вниманіе мудира вскорѣ было отвлечено. Въ толпѣ произошло нѣкоторое движеніе и къ балкону, гдѣ сидѣлъ мудиръ, подошелъ человѣкъ высокаго роста въ турецкой одеждѣ, еврей по происхожденію, ренегатъ, котораго въ Розицѣ ненавидѣли, презирали и боялись. Одежда его была запыленная, какъ будто онъ только что вернулся изъ путешествія. Мудиръ нагнулся къ нему и долго разговаривалъ съ нимъ и съ своимъ обычнымъ совѣтчикомъ, маленькимъ, приземистымъ туркомъ.

— Что они еще замышляютъ противъ нашего несчастнаго народа, сказалъ священникъ, съ безпокойствомъ смотря на человѣка, который могъ сдѣлать много зла жителямъ Розицы.

Картина вторая.

Моя картина Розицы подвигалась довольно успѣшно. Оттого-ли, что я, какъ обыкновенно бываетъ съ художниками, слишкомъ поверхностно смотрѣлъ на окружавшую меня ежедневную жизнь, или по какой-нибудь другой причинѣ, но черныя тучи, застилавшія горизонтъ и предвѣщавшія страшную грозу, обратили на себя мое вниманіе только въ одно памятное утро въ концѣ мая. Я спокойно сидѣлъ на складномъ стулѣ, на той самой вершинѣ, гдѣ встрѣтилъ Райку въ день сельскаго праздника, и старался придать моей картинѣ блестящій колоритъ болгарской природы, какъ вдругъ послышался лошадиный топотъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ облакахъ пыли показался всадникъ, въ которомъ я съ удивленіемъ узналъ счастливаго Федора, недавно женившагося на Марикѣ. Онъ былъ блѣденъ и утомленъ; одежда его была забрызгана кровью, а усталая лошадь остановилась вся въ пѣнѣ. Какую роковую исторію разсказалъ мнѣ несчастный! Не успѣлъ онъ со своей молодой женою поселиться въ выстроенномъ имъ самимъ домикѣ въ сосѣднемъ городѣ, какъ надъ этимъ мирнымъ уголкомъ разразилась грозная буря. Нѣсколько пламенныхъ, молодыхъ болгаръ, возмущенныхъ какой-то крайне дерзкой тиранической выходкой турецкихъ властей, взялись за оружіе и убили двухъ или трехъ заптіевъ, искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ. Месть турокъ была неслыханная. Толпы баши-бузуковъ были спущены мудиромъ на беззащитныхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Исторія заклеймитъ позоромъ эту рѣзню многихъ тысячъ людей, подъ предлогомъ усмиренія бунта, котораго, въ сущности, вовсе не было, а произошла только личная расправа. Долго послѣ того, какъ мрачный призракъ нѣкогда веселаго Федора исчезъ за деревьями по дорогѣ къ школьному домику, я грустно размышлялъ о судьбѣ бѣдной красавицы Марики, которую кровожадные варвары обезчестили и умертвили самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. «Какъ перенесетъ Райка, думалъ я, трагическую смерть своей любимой подруги? Что сдѣлаетъ пламенный Иванъ?»

Въ то время, какъ я задавалъ себѣ эти вопросы, южный герой, энергичный членъ болгарскаго комитета въ Бухарестѣ, краснорѣчиво ораторствовалъ въ кабакѣ Розицы. Сверкая своими голубыми глазами и указывая рукой на несчастнаго Федора, опустившагося въ изнеможеніи на скамью, онъ восклицалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Вы видите, друзья, какая участь ждетъ насъ, если мы не стряхнемъ съ себя ненавистнаго турецкаго ига! Насъ убьютъ, какъ собакъ, а нашихъ матерей, женъ, невѣстъ и сестеръ обезчестятъ, какъ бѣдную Марику. Спросите Федора, что намъ дѣлать? Взяться за оружіе, отвѣчалъ бы онъ вамъ, еслибъ горе не заткнуло его уста. Да, братья, умремъ по крайней мѣрѣ, какъ люди, защищая дорогія намъ существа.

Картина третья.

Дымъ застилаетъ небо. Въ маленькой церкви тѣснится все христіанское населеніе Розицы, но не для молитвы, а для защиты отъ турокъ. Женщины, дѣти и старики окружаютъ стараго священника, который, стоя предъ престоломъ, безмолвно молитъ небо спасти его безпомощную паству отъ гибели. Среди устрашенной толпы виднѣется спокойное, мужественное лицо Райки, которая старается успокоить и воодушевить всѣхъ, хотя она сама невольно блѣднѣетъ при свистѣ пуль и грохотѣ ядеръ надъ крышей церкви.

Мы, дѣйствительно, осаждены отрядомъ турецкихъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ, подъ начальствомъ мудира Розицы, который бѣжалъ, какъ только Иванъ и его товарищи вооружились старинными кремневыми ружьями. Возвратясь съ сильнымъ отрядомъ, онъ неизвѣстно по какой причинѣ два дня не бралъ штурмомъ кладбища, храбро защищаемаго Иваномъ, Федоромъ и остальнымъ нашимъ гарнизономъ; наконецъ, онъ заставилъ горсть геройскихъ защитниковъ скрыться въ церкви, а самъ предалъ огню и грабежу все селеніе. Къ счастью бѣдные болгары успѣли укрыть въ церкви своихъ женъ и дѣтей.

Но вотъ внутренность этой маленькой церкви представила ужасающую картину, которую изобразить могъ бы только Гюставъ Доре. Турецкое ядро, пробивъ крышу, упало въ алтарь и убило на мѣстѣ стараго священника; женщины и молодыя дѣвушки подняли отчаянный вопль, а Райка, ихъ единственный оплотъ, грохнулась на полъ, пораженная ужасомъ. Юные же герои не смѣли отойти отъ дверей и оконъ боясь каждую минуту штурма.

Солнце садилось среди Балканъ. Одному Богу извѣстно, какъ мы бѣжали изъ церкви, миновавъ баши-бузуковъ, и на быстрыхъ коняхъ достигли къ вечеру горныхъ ущелій. Послѣдніе лучи солнца освѣщали теперь истомленныя лица Райки, Ивана и Федора, лишившихся въ этотъ роковой день родныхъ, друзей, семейнаго очага, родины, всего, что дорого человѣку.

Я съ Федоромъ отошелъ немного въ сторону, любуясь пурпурнымъ закатомъ, а Иванъ, нѣжно обнявъ Райку, тихо сказалъ:

— Райка, я никогда не прощу себѣ, что моя пламенная поспѣшность погубила Розицу; но не предвѣщаетъ-ли кровавый закатъ солнца, что вскорѣ минетъ царство крови въ нашей дорогой Болгаріи... Не скоро намъ можно будетъ вернуться въ Розицу. Я лишилъ тебя крова, Райка, позволь же мнѣ добыть тебѣ новое жилище, моя радость!

Картина послѣдняя.

Шипка.

Любезный другъ,

Въ героической борьбѣ, прославившей августъ 1877 года, болгарскій отрядъ сражался не менѣе храбро, чѣмъ русскіе или турки, и вамъ будетъ интересно узнать, что во главѣ этого отряда находились наши друзья, бѣглецы изъ Розицы. Въ самую критическую минуту, когда побѣда колебалась; когда отъ храбрости каждаго воина зависѣлъ исходъ кровавой борьбы; когда за нами въ Габровѣ толпы несчастныхъ болгарокъ ждали съ ужасомъ исхода великаго боя, отъ котораго зависѣла ихъ жизнь и смерть; когда Радецкій еще не подоспѣлъ на выручку съ своими батальонами, турки бросились съ такимъ остервененіемъ на болгарскій отрядъ, что онъ дрогнулъ. Еще одно мгновеніе и все было бы потеряно. Вдругъ юный болгарскій офицеръ кинулся впередъ съ обнаженной саблей. Пуля сразила его; но болгары, поднявъ съ земли повергнутое знамя, ударили въ штыки и, миновавъ своего раненаго предводителя, бѣшенымъ натискомъ обратили въ бѣгство турокъ. Все было спасено. Побѣда была одержана.

Быть можетъ, это геройство молодого офицера приведетъ въ концѣ концевъ къ независимости и свободѣ болгарскаго народа! Что касается меня то я твердо надѣюсь, что настоящая великая рѣзня приведетъ и къ великому результату, что солнце свободы лучезарно освѣтитъ не только христіанъ, но и магометанъ Турціи.

Преданный вамъ Филиппъ.

P. S. Когда раненый болгарскій офицеръ былъ приведенъ въ нашъ лазаретъ Краснаго Креста, оказалось, что это была женщина — Райка, болгарская роза. Федоръ былъ ея ординарцемъ, а Иванъ знаменщикомъ. Всѣ трое они мужественно осуществили въ Шипкинскомъ бою благородныя слова Байрона:

Кто хочетъ быть свободнымъ
Тотъ мечъ возьми.

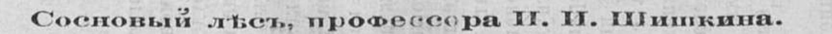
Да, настанетъ вскорѣ счастливый день, когда знамя Креста осѣнитъ свободную Болгарію.

Добрый геній.

Стих. Я. Старостина.

Былъ вѣкъ стиховъ и рифмъ;—нашъ вѣкъ иной:
Поэзія у насъ теперь не въ модѣ,
И на стихи спросъ очень небольшой;

Изъ картинъ, отправляемыхъ на парижскую всемірную выставку.



Сосновый лѣсъ, профессора И. И. Шишкина.

Въ поэзіи мы видимъ что-то въ родѣ
Ребячества и шалости пустой.
Въ нашъ вѣкъ сухой, холодной дѣльной прозы
Осмѣяны несбыточныя грезы
Объ образахъ нездѣшней красоты.
Пустыя, но роскошныя мечты!
За ними мы не мало погонялись.
Но ихъ убилъ разсудочный анализъ.

Я сознаюсь: а все-таки порой
Раздѣлаться съ поэзіей нѣтъ мочи;
И я несусь восторженно душой
Куда-то въ даль, въ міръ грезъ... и часто очи
Туманятся непрошеной слезой.
Фантазія шалитъ, и прихотливо
Рисуетъ мнѣ настойчиво такъ живо,
Такъ ярко рядъ причудливыхъ картинъ,
Рой образовъ... особенно одинъ,
Таинственный, прекрасный и унылый,
Рисуется съ особенною силой.
Не знаю, гдѣ душа его нашла;
И въ душу мнѣ навѣянъ онъ откуда,
Одинъ Богъ вѣсть: быть можетъ, создала
Его моей фантазіи причуда.
Но помню: я дѣвчонкою была,
Въ дому отца въ тяжелыя мгновенья
Душа рвалась, — и въ тишь уединенья,
Незримый гость, онъ прилеталъ ко мнѣ,
Бесѣдовать со мной наединѣ,
И къ моему склоняясь изголовью,
Грудь согрѣвалъ привѣтомъ и любовью.
Печаль сбѣгала съ моего лица,
И погрузясь въ задумчивыя грезы,
Я забывала муку безъ конца,
Мою неволю, вѣчныя угрозы;
И образомъ суроваго отца
Я не пугалась. Весело, привольно
Мнѣ становилось; высоко и вольно
Дышала грудь, и все въ моихъ глазахъ
Преображалось чудно, на губахъ
Невольная являлася улыбка,
И сердце билось шибко, шибко, шибко.

Тотъ образъ: чудное, высокое чело,
На немъ печать какой-то важной думы,
И грустное раздумье налегло;
Печальные, но вовсе не угрюмы,
Глаза глядятъ привѣтливо и тепло.
Взявъ за руку меня одной рукою,
Куда то вдаль указывалъ другою
И говорилъ таинственно: «иди!»
И предо мной, какъ будто впереди
Какая то завѣса поднималась,
И чудная картина рисовалась.

Хоть уловить я точно не могла
Картины той туманные контуры:
Я видѣла, въ туманѣ безъ числа
Тамъ двигались неясныя фигуры;
Но эта даль, таинственно-свѣтла,
Меня къ себѣ влекла неотразимо;
Моя душа рвалась неудержимо
Въ тотъ край, куда указывалъ мой другъ.
Я поднималась... Пропадало вдругъ
Созданіе моей досужей грезы,
И горькія опять лила я слезы.

Темна, печальна женщины судьба;
Она, чуть-чуть не съ самой колыбели
Вплоть до часа послѣдняго, — раба
Житейскихъ дрязгъ и самой мелкой цѣли.
Я выросла,—и началась борьба.
Мнѣ не хотѣлось общей женской доли —
Переходить въ неволю изъ неволи;
Но долго мой противился отецъ, —
Что вынесла тогда я! Наконецъ,
Онъ уступилъ, и въ сферы жизни
Вступила я съ боязнію невольной.

И вотъ теперь, когда мнѣ душу вдругъ
Невольное сомнѣніе встревожитъ,
Въ тяжелую минуту жгучихъ мукъ,
Когда мой духъ въ борены изнеможетъ,
Является таинственный мой другъ,
И снова духъ мой падшій востаетъ,
И вновь велѣнью тайному послушна,
Ярмо невзгодъ несу я равнодушно.

Освобожденіе.

Разсказъ **Каттреля**. Переводъ **А. Г. Сахаровой**.

(*Окончаніе.*)

Я знаю, что за этимъ кустомъ я увижу домъ. Я невольно замедляю шаги. Ну, трусливое сердце, ступай же впередъ! Вѣдь ты давно жаждало этой минуты страданія. Кто же тебя удерживаетъ? Вѣдь ты очень хорошо знало, что тотъ стыдъ и тѣ муки, которыя она заставляла тебя переживать, воскреснутъ передъ тобой съ новой силой. Вѣдь эта болѣзненная радость, о которой ты мечтало, твоя теперь, она дарована тебѣ! Ступай же впередъ! Бросься въ этотъ омутъ съ закрытыми глазами.

Не успѣвъ сдѣлать десяти шаговъ, я увидѣлъ домъ; но онъ былъ уже не зеленый, какъ въ прошедшее лѣто, по пурпуровый. Красные листья падали съ самой крыши длинными вѣтвями. Можно было принять ихъ за кровавые каскады. Когда мой взглядъ устремился на опозоренное святилище, то я ощутилъ боль въ глазахъ и невольно опустилъ ихъ. Я почувствовалъ, что во мнѣ заговорили гнѣвъ и негодованіе. Я не зналъ, что эти чувства таятся въ моемъ сердцѣ. Если бы она появилась теперь, то вмѣсто того, чтобы броситься къ ея ногамъ, какъ я бы бросился еще въ то время, когда я открывалъ калитку, я, кажется, задушилъ бы ее, потому что паркъ напоминалъ мнѣ о потерянныхъ радостяхъ, тогда какъ домъ воскрешалъ передо мною всѣ пережитыя муки и весь позоръ.

Я нашелъ на пескѣ аллей слѣды, оставленные той бричкой, которая унесла меня и которая была отягощена багажемъ. Я отыскалъ, зарытую въ пескѣ у крыльца, катушку, которая укатилась сюда издалека. Мы напрасно искали ее. Вмѣсто того, чтобы поднять фетишъ, до котораго такъ часто касались ея пальчики, я подбросилъ ее кончикомъ палки на лужайку. Я почти тотчасъ раскаялся въ этомъ движеніи, однако, слишкомъ поздно. Мои поиски были тщетны.

Я сохранилъ безъ всякой предвзятой цѣли одинъ изъ двухъ ключей дома. Это, съ моей стороны, ребячество, надъ которымъ ты имѣешь право смѣяться. Мнѣ показалось, что ничто не погибло безвозвратно пока этотъ ключъ со мной. Я не довѣряю такимъ влюбленнымъ, которые не становятся суевѣрными.

Я вошелъ и заперъ двери. Волненье сжимало мнѣ виски. Я слышалъ глухое журчанье и мнѣ казалось, что моя кровь кипитъ въ моихъ жилахъ. Этотъ мракъ, эта тишина, эта холодная сырость, смѣнившіе ласки полуденнаго солнца, произвели на меня мрачное впечатлѣніе. Изъ глазъ моихъ сыпались искры и я долго не могъ ничего различить. Мало по малу изъ мрака выдѣлились знакомыя мнѣ формы. Съ ними нахлынули толпой и воспоминанія. Истина ворвалась мнѣ въ сердце, какъ вихрь. Я видѣлъ, какъ мои иллюзіи опадали одна за другой, мои любимыя мечты облекались въ отвратительно реальную форму. Это разрушеніе совершалось такъ быстро, почва была усѣяна столькими обломками, которымъ я поклонялся за часъ до этого, что пришелъ въ отчаяніе, оттого что уже не любилъ больше. Я бродилъ по опустѣвшему дому, взывая къ нему, чтобы онъ возвратилъ мнѣ любовь, потерянную на порогѣ; но все осталось холоднымъ и молчаливымъ. Эти стѣны, дышащія равнодушіемъ, леденили мой мозгъ.

Я пережилъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ всю нервную дрожь, всѣ муки агоніи, потомъ борьба утихла и я какъ то оледенѣлъ, какъ будто во мнѣ все умерло. Испуганный, я заглянулъ въ будущее, тамъ уже не сіяло ничего; я заглянулъ въ прошедшее, тамъ все было въ развалинахъ. Я упалъ на одну изъ ступеней той лѣстницы, которая нѣкогда водила меня счастливаго къ ней, я началъ оплакивать мои мечты, просить у Бога возврата тѣхъ страданій, того позора и лжи, которыми я жилъ такъ долго. Все осталось неумолимымъ, какъ будто бы все было вдохновлено ею.

Я вошелъ въ залу, надѣясь подобрать тамъ хоть нѣсколько остатковъ той любви, которую мы такъ расточали прежде, а зала напомнила мнѣ тотъ вечеръ, когда я впервые сталъ разочаровываться и умолялъ мою подругу сказать мнѣ, что удаляетъ ее отъ меня.

Неопредѣленный свѣтъ перваго августовскаго полумѣсяца проникалъ въ открытое окно. Недавно скошенная трава лужайки и внезапно освѣжившіеся деревья смѣшивали свои благоуханія. Валентина отдѣлялась, темная, окаймленная бѣлымъ свѣтомъ луны, зарождающейся на усѣянномъ звѣздами небѣ. Все было такъ неопредѣленно, такъ туманно, что я едва могъ различить ее. А между тѣмъ, въ то время, какъ я изливалъ у ея ногъ порывы тревожной нѣжности, я угадывалъ въ ней дрожь нетерпѣнія, хотя она не выдала себя ни однимъ словомъ. Цѣлый часъ, шепотомъ, униженный, умоляющій, я спрашивалъ ее, что заставляетъ ее разлюбить меня, какую вину она мнѣ приписываетъ, какой подвигъ искупленія я долженъ совершить. Она не отвѣчала. Я напомнилъ ей о счастливыхъ дняхъ, о горячей любви, о безумныхъ обѣщаніяхъ, о расточаемыхъ клятвахъ. Должно быть, она улыбнулась, но ни одно слово не вырвалось изъ ея устъ. Я взывалъ ко всѣмъ нѣжнымъ, человѣческимъ чувствамъ; представлялъ ей свое отчаяніе, я сказалъ ей, что я погибну, если и потеряю ее. Тогда она встала и, все также молча, направилась къ двери.

— Ты заговоришь. Я хочу, чтобы ты заговорила, сказалъ я, загораживая ей дорогу.—Вѣдь ты очень хорошо понимаешь, что тутъ дѣло идетъ о всей моей жизни?

Она вздохнула, какъ бы отъ скуки, сѣла на стулъ у двери, теряясь во мракѣ, и сидѣла неподвижно съ скрещенными руками, съ устремленнымъ въ пространство взглядомъ. Мы оба оставались безмолвными двѣ минуты, двѣ ужасныхъ минуты. Я ужасаюсь каждый разъ, когда я вспоминаю, что происходило во мнѣ. Мнѣ захотѣлось ударить ее, чтобы вырвать у нея хоть одинъ звукъ. Я справился съ собой, да! Но какая борьба! Ея бездѣйствіе ослабило мой гнѣвъ. Я вложилъ въ замокъ тотъ ключъ, который я выдернулъ. Она встала. Я думалъ, что мои ласки будутъ краснорѣчивѣе моихъ словъ. Я держалъ ее въ объятіяхъ, осыпалъ ее поцѣлуями, шепталъ самыя нѣжныя названія. Не знаю, дѣйствительно ли она испугалась... Я сомнѣваюсь въ этомъ, но все-таки она закричала.

Дверь отворилась; вошелъ лакей. Къ счастью, мы были въ тѣни.

— Это ничего, сказалъ я.—Барыня испугалась ночной птицы, которая влетѣла въ залу.

Она стояла уже на порогѣ. Свѣтъ извнѣ окрашивалъ ее красноватымъ отблескомъ.

— И такъ, у васъ не найдется ни одного ласковаго слова для меня?

Я видѣлъ, какъ она колебалась, хмурила брови, шевелила губами, какъ будто бы ей хотѣлось на ходу уловить слова, которыя тѣснились толпой.

— Я не знаю, что съ вами сегодня вечеромъ, мой милый; но, право, вы нестерпимы.

Она хлопнула дверью и вышла. Это была ея единственная милостыня.

....

Я продолжаю свой обходъ и свою погоню за любовными вотпоминаніями.

Я встрѣчаю вездѣ возвеличеніе тѣла и не вижу ничего, чтобы говорило объ ея душѣ. Упавшая на паркетъ шпилька напоминаетъ мнѣ о тяжести ея бѣлокурыхъ косъ. Пуговка отъ ея ботинки скатилась въ побѣлѣвшую золу очага и повторяетъ мнѣ, какъ мала была ея кокетливо обутая нога, какъ красиво обтягивалъ шелковый чулокъ ея кругленькую икру. Эта планшетка отъ корсета, которую я нахожу въ одномъ изъ угловъ туалета, гнѣздилась такъ уютно на ея груди. Она тоже воспѣваетъ ея славу. Но гдѣ бы я ни проходилъ, вездѣ воскресаетъ ея тѣло, ея душа никогда не обитала тутъ.

Это тотъ самый столикъ, на который она положила свое прощальное письмо, въ тотъ ужасный вечеръ, памятный мнѣ, когда я нашелъ домъ опустѣвшимъ.

«Прощай, я уѣзжаю. Если я не люблю тебя больше, то что могу я подѣлать съ этимъ? Ты нѣкогда дѣлалъ все для того, чтобы я тебя любила, и это удалось тебѣ. Теперь ты дѣлаешь все, что нужно для того, чтобы я больше не любила тебя. Я сожалѣю объ этомъ. Мнѣ бы очень хотѣлось любить тебя еще. Я была очень счастлива съ тобою; но ты пристаешь ко мнѣ на каждомъ шагу. Ты взялся за дѣло совершенно не такъ. Съ тобою живешь, какъ въ мелодрамѣ. Ты принимаешь все слишкомъ серьезно. Пожалуйста, не печалься больше, чѣмъ слѣдуетъ. Я бы могла обмануть тебя. Это не въ моемъ духѣ и я предпочла уйти. Скажи себѣ, если это можетъ тебя утѣшить, что я не люблю никого другого. Ты любилъ меня слишкомъ серьезно. Это очень лестно нѣкоторое время, но, въ концѣ концовъ, всѣ эти церемоніи надоѣдаютъ. Спасибо тебѣ за то хорошее время, которое я провела съ тобой, я прощаю тебѣ дурные дни. Мы расплатились. Я уѣзжаю для того, чтобы ты не остался у меня въ долгу.

«Пріѣзжай ко мнѣ черезъ нѣсколько времени, не тотчасъ. Мы любили другъ друга; но это не помѣшаетъ намъ остаться добрыми пріятелями.

«Пока я буду жить съ моей сестрой. Все-таки мнѣ нелегко уѣхать, но надо же найти какую-нибудь причину.

«Я слишкомъ часто ласкала тебя въ жизни, чтобы глупо поцѣловать тебя въ концѣ письма. Я не сержусь на тебя и крѣпко жму тебѣ руку, не сердись же и ты. «Валентина».

Это письмо удержалось цѣликомъ у меня въ памяти. Наказавъ себя воспоминаніемъ о немъ, я спустился съ лѣстницы, какъ пьяный, шатаясь на каждой ступени и чувствуя, что всѣ каменныя стѣны дома давятъ мнѣ плечи. Потомъ я убѣжалъ, оставивъ ключъ въ этой двери, за порогъ которой я уже больше не перейду. Тутъ покоится моя любовь къ Валентинѣ.

Конецъ этого письма тебя удивляетъ, не такъ ли? Я самъ былъ не менѣе твоего удивленъ исходомъ моего странствованія. А между тѣмъ, если подумаешь хорошенько, то такая развязка покажется вполнѣ логичной.

Обыденная, пошлая любовь, разъ распавшаяся, не выдержитъ безнаказанно возвращенія въ ту страну, которая была свидѣтельницей ея счастья. Тутъ все свидѣтельствуетъ о низости ея происхожденія. Такая любовь выскочка. Воспоминаніе расцвѣтаетъ только на здоровой почвѣ и только чистыя привязанности обладаютъ преимуществомъ черпать утѣшеніе въ прошломъ. Память—злѣйшій врагъ тѣхъ, которые отдавались только чувственному наслажденію и природа благоразумно вложила освобождающій ядъ въ сердца тѣхъ жалкихъ существъ, которымъ изъ любви знакомо только наслажденіе.

До свиданія, мой дорогой другъ, я увижусь съ тобой черезъ восемь дней. Люсьенъ.

Эхъ, намъ жить.

Русская пѣсня, Д. А. Рубина.

Эхъ, намъ жить, и тужить,
Ни о чемъ не стоитъ,
Смерть придетъ, все возьметъ,
Всѣхъ насъ успокоитъ!

Что-жь болитъ, что щемитъ,
Что такъ сердце бьется,
Для чего, вдаль оно,
Вонъ изъ груди рвется?!..

Что желать, гдѣ искать,
Бѣдному отрады?...
Все равно умирать,
Рано-ль, поздно-ль надо!

Такъ отстань, перестань,
И въ груди не бейся,
Плясовой, удалой
Пѣсенкой развейся!

Чтобы шумъ лишь, да гулъ
Слышны только были,
Чтобъ всякъ зналъ, понималъ,
Для чего мы жили!

Что-жь молчишь, да стучишь
Такъ въ груди уныло?..
Али кровь молодца
Вся въ тебѣ застыла?...

Встрепенись, унесись,
Пѣсней удалою,
Распростись, разлучись
Съ горемъ, да тоскою!..

Эхъ, намъ жить, и тужить,
Ни о чемъ не стоитъ,
Смерть придетъ, все возьметъ,
Всѣхъ насъ успокоитъ!...

Бумажникъ новаго образца.

(*Рис. стр. 136*).

Искуство предлагать нагляднѣйшимъ способомъ вопросъ: «кошелекъ или смерть» совершенствуется съ каждымъ днемъ, но не дремлетъ и духъ самозащиты. Нѣкто Оскаръ Франкманъ, нюренбергскій гражданинъ, изобрѣлъ такой бумажникъ, который, сверхъ помѣщенія для денегъ и сигаръ, содержитъ въ себѣ и револьверъ. Путникъ, поставленный въ непріятную необходимость вручить свои наличные капиталы незнакомцу, желающему облегчить его карманъ, можетъ отплатить ему самымъ жестокимъ образомъ: отдавая свой бумажникъ, онъ нажметъ только скрытый курокъ, и выстрѣлъ раздастся. Устройство этого бумажника очень остроумно: револьверъ, находящійся внутри бумажника, соединенъ съ его корпусомъ, но отдѣляется металической перегородкою отъ денежнаго помѣщенія, котораго не видно на нашемъ рисункѣ, такъ какъ оно обращено въ противоположную сторону. Спусковой крючекъ опускается внизъ при выстрѣлѣ, и скрывается вверху, въ особомъ углубленіи, придерживаясь особой скобою, когда револьверъ бездѣйствуетъ. Боковое отверстіе, видное на нашемъ рисункѣ, изъ котораго вылетаетъ пуля, закрывается висячею шляпкою, которая отодвигается или снова надвигается при дѣйствіи курка.

Госпожа Жервезе.

Романъ Эдмона и Жюля Гонкура.

(Переводъ П. Лѣтнева.)

(*Продолженіе.*)

XXXVII.

Однако она уступила неотступнымъ просьбамъ своего стараго друга Шнетца, и въ одно воскресенье появилась изъ своего уединенія на музыкальномъ собраніи въ академіи. Притомъ она вспомнила, съ какимъ удовольствіемъ ея ребенокъ проводилъ прежде здѣсь цѣлые вечера, сидя въ креслахъ, не двигаясь, свѣсивъ ноги, прислушиваясь съ упоеніемъ къ музыкѣ и пѣнію любителей и артистовъ.

Оставивъ душную гостиную, г-жа Жервезе подошла освѣжиться къ окну столовой, гдѣ приготовляли чай. Она была почти одна въ комнатѣ и, стоя у окна, любовалась на садъ виллы, на огромную, неподвижную массу лѣса, окаймленную песочной дорожкой, на деревья, окутанныя молочнымъ туманомъ сумерекъ, прорѣзываемыхъ тамъ и сямъ огненнымъ полетомъ свѣтляковъ. Въ природѣ царствовало безмолвіе, полное жизни и мягкой, проницающей, почти сладострастной поэзіи; вдругъ изъ глубины почи разсыпались въ воздухѣ серебристыя трели— такая пѣснь влюбленнаго соловья, которую онъ поетъ только въ прозрачныя, итальянскія ночи!

Въ эту минуту къ г-жѣ Жервезе подошелъ красивый итальянецъ, пѣвецъ, теноръ, разгоряченный, возбужденный аплодисментами и успѣхомъ своего пѣнія. Онъ полной грудью вдохнулъ въ себя воздухъ и, обмахиваясь платкомъ, облокотился объ окно, у котораго она стояла. Съ безцеремонностью артиста, почти задѣвая ее рукой, онъ обратился къ ней, какъ къ знакомой, восторгаясь красотою почи и лѣса. Онъ только слегка задѣлъ ее, такъ слегка, что она могла даже и не замѣтить этого, а между тѣмъ г-жа Жервезе быстро отошла отъ окна; съ движеніемъ женщины, оскорбленной въ своемъ цѣломудріи, схватила сына, не давъ ему дослушать сонаты и уѣхала. Ее преслѣдовала галлюцинація: ей все казалось что она оскорблена, что ей сдѣлано было признаніе въ любви. Эта мысль зрѣла въ ней все болѣе и болѣе, хотя ничѣмъ нельзя было объяснить эту странную щекотливость въ женщинѣ такой душевной чистоты, какова была г-жа Жервезе. Съ этого вечера она вообразила, что разливаетъ вокругъ себя атмосферу сладострастія, невольно возбуждаетъ желанія въ тѣхъ, кто на нее смотритъ и вселяетъ въ нихъ нечистую страсть видомъ своей красоты, хотя и считала ее давно увядшей. Это превратилось у нея въ мономанію: она убѣгала, почти стыдясь, мужчинъ, смотрѣвшихъ на нее, и указывала на нихъ тѣмъ, кто ее сопровождалъ. Эта мучительная иллюзія окончательно убѣдила ее не появляться болѣе въ обществѣ, и она заключилась въ стѣнахъ своего дома, какъ въ монастырѣ.

XXXVIII.

— О, отъ насъ, итальянокъ, нечего требовать многаго въ отношеніи религіи, сказала дочь хозяйки г-жѣ Жервезе, когда та навела разговоръ на духовниковъ.

Эти слова объяснили все г-жѣ Жервезе: она поняла, почему ея духовникъ не удовлетворялъ ее. Теперь ее уже оскорбляла не рабская покорность, которой онъ отъ нея требовалъ. Она уже почти совсѣмъ отказалась отъ своей гордости, и заглушила послѣднюю тайную борьбу. Почерпая смиреніе въ чтеніи книгъ, рекомендованныхъ ей іезуитомъ, ея духовникомъ; примѣняя къ себѣ выраженія этихъ книгъ, говорившихъ ей, что она заслуживаетъ всякаго презрѣнія и униженія, что она еще недостаточно гонима, отвержена, унижена, что она достойна ужаса, омерзѣнія, проклятія,—она дошла до совершеннаго уничтоженія своей личности и сдѣлалась послушной машиною, готовой нести всякую тяжесть по волѣ патера. Ей недоставало одного: пищи для ея новыхъ, внезапно раздраженныхъ въ ней вожделѣній: въ ней родилось непреоборимое, страстное желаніе истязаній, суровости, жестокости. Ее не удовлетворялъ болѣе духовникъ, такъ легко дававшій ей отпущеніе грѣ-

ховъ: ей нуженъ былъ такой, который бичевалъ бы ее. Эта женщина съ своей натурой, полной крайностей и сдержанныхъ порывовъ, которымъ она не находила исхода въ жизни, жаждала мученическаго подвига, жаждала случая выказать геройство своего духа. Она жаждала жертвъ, лишеній, а потому при воспоминаніи о своемъ снисходительномъ духовникѣ, испытывала разочарованіе отъ такого легкаго способа спасенія души, ни въ чемъ не измѣнявшаго ея жизни, не вносившаго въ нее никакого переворота, о которомъ она мечтала. Это былъ совсѣмъ не тотъ восторженный идеалъ, который она создала себѣ. Она еще не дошла до того, чтобъ желать тѣлеснаго умерщвленія плоти; она хотѣла страдать нравственно. Странное, совершенно искреннее желаніе бѣдной, безумной женщины, искавшей мученій, несчастной вслѣдствіе гуманной дисциплины ея духовника и его состраданія къ ея слабому здоровью. Ее оскорблялъ шутливый тонъ, какимъ онъ старался охладить ея преувеличенное лихорадочное рвеніе, и она не прощала ему, что онъ такъ легко отпускалъ ей ея ненавистное прошлое, въ которомъ она не переставала укорять себя. По этому она нечувствительно охлаждалась къ отцу Гіансанти, и онъ не находилъ уже болѣе прежней откровенности въ своей духовной дочери.

XXXIX.

Она собрала повсюду свѣдѣнія, стараясь напасть на слѣдъ строгаго исповѣдника, и едва не выбрала изъ тѣхъ, которые исключительно исповѣдаютъ заключенныхъ и преступниковъ, и о которыхъ молва разсказывала мрачныя, романическія исторіи, подѣйствовавшія на воображеніе г-жи Жервезе. Но она не рѣшилась на такой выборъ и долго колебалась между орденомъ капуциновъ и босоногихъ монаховъ, славившихся своими суровыми добродѣтелями. Наконецъ выборъ ея остановился на одномъ престарѣломъ монахѣ, возстановившемъ орденъ босоногихъ и извѣстномъ своей строгой жизнью.

Орденъ босоногихъ монаховъ отличается необыкновенною суровостью. Въ принципѣ босоногіе монахи не могутъ ѣсть ни мяса, ни рыбы. Во время путешествія имъ запрещено употреблять лошадей и дозволяется только смиренная ѣзда на ослахъ, отчего они и прозваны въ простонародьи «ослиными братьями». Одежда ихъ состоитъ изъ грубой, шерстяной туники бѣлаго цвѣта, съ наплечникомъ, на которомъ вышитъ, такъ же какъ и на груди, голубой и красный крестъ. Они ходятъ босые, въ сандаліяхъ и съ непокрытой головой. Въ дорогу они надѣваютъ черную, шерстяную эпанчу съ капишономъ, доходящимъ до колѣнъ, на лѣвой сторонѣ котораго, у самаго сердца, нашитъ крестъ красный съ голубымъ, и подпоясываются кожанымъ поясомъ, протирающимъ ихъ тѣло.

Основатель ихъ ордена — Жанъ де-Мата, которому во время совершенія его первой литургіи явился, въ присутствіи двухъ аббатовъ, ангелъ, окруженный сіяніемъ и простиравшій руки надъ головами двухъ невольниковъ, бѣлаго и чернаго, христіанина и невѣрнаго. Видѣніе это Мата принялъ за призывъ Божій на великодушный подвигъ освобожденія невольниковъ въ варварійскихъ владѣніяхъ. 28 января 1198 г. въ день св. Агнесы, въ присутствіи папы Иннокентія III, за обѣдней, совершаемой Жаномъ де-Мата, снова повторилось видѣніе ангела въ бѣлой одеждѣ съ краснымъ и голубымъ крестомъ. Тогда папа облекъ Жана де-Мата въ бѣлую съ крестомъ тунику, подобную одеждѣ ангела, и учредилъ новый орденъ, подъ названіемъ ордена Св. Троицы. Такимъ образомъ Жанъ де-Мата, сдѣлавшись начальникомъ ордена и основателемъ монастыря, оставилъ свои странствованія по морю и посвятилъ себя выкупу невольниковъ въ Тунисѣ.

Выборъ г-жи Жервезе упалъ на одного изъ монаховъ этого ордена, отца Ансельма, котораго въ Римѣ уважали за строгую жизнь и разсказывали чудесныя легенды о избавленіи его отъ опасностей, которымъ онъ подвергался въ званіи миссіонера.

XL.

Однако онъ отказалъ ей такъ же, какъ и многимъ другимъ свѣтскимъ дамамъ, прельщеннымъ романическимъ ореоломъ, окружавшимъ его. Онъ сознавалъ, что совсѣмъ не его дѣло и не его призваніе — трудная обязанность руководить хрупкою совѣстью женщины. Прежде, чѣмъ сдѣлаться монахомъ, онъ былъ солдатомъ, имъ и остался въ душѣ на всю жизнь. Полный обширныхъ замысловъ для обращенія заблудшихъ, — замысловъ, напоминавшихъ ему войну и поле сраженія, проповѣдникъ, жаждавшій опасности и чувствовавшій въ себѣ мужество перенести всякія мученія, онъ относился съ пренебреженіемъ къ изнѣженному занятію руководителя женской совѣсти. Все удаляло отъ женщины этого патера, закаленнаго сначала въ военныхъ экспедиціяхъ а потомъ въ миссіонерскихъ подвигахъ посреди дикихъ племенъ, отъ которыхъ онъ, казалось, заимствовалъ часть ихъ суровости. Но рѣшительный, грубый отказъ отца Ансельма только раздражилъ до крайности желаніе г-жи Жервезе и, чрезъ посредство знакомой ей жены иностраннаго посла, ей удалось получить отъ римскаго двора рекомендацію, восторжествовавшую надъ упорствомъ отца Ансельма.

XLI.

Отецъ Ансельмъ относился къ г-жѣ Жервезе съ грубостью тѣхъ знаменитыхъ врачей, вышедшихъ изъ простонародья, чрезвычайно сострадательныхъ къ низшему классу и жестокихъ съ свѣтскими людьми, въ которыхъ они не чувствуютъ равныхъ себѣ и стѣсняются превосходствомъ ихъ образованія. Онъ преднамѣренно оскорблялъ грубыми выходками эту нѣжную, тонко развитую натуру; онъ распоряжался ея чувствами, ощупывалъ ихъ и ломалъ съ какимъ-то гнѣвомъ, съ безжалостностью почти ревнивой, какъ будто поставляя себѣ обязанностью унизить ее, попрать въ ногахъ, облить желчью и горечью, внушить ей уныніе, презрѣніе и отвращеніе ко всѣмъ ея поступкамъ, ко всѣмъ ея усиліямъ и порываніямъ къ добру; однимъ словомъ, онъ повергалъ ее къ своимъ ногамъ, какъ самую презрѣнную грѣшницу. На каждомъ шагу суровый монахъ съ какимъ-то кровожаднымъ удовольствіемъ разбивалъ въ прахъ всѣ ея намѣренія, почти за каждой исповѣдью заставлялъ ее отказываться отъ ея привычекъ, требовалъ, чтобъ она заглушала всѣ свои самыя законныя желанія, чтобъ она лишала себя самыхъ невинныхъ, дозволенныхъ удовольствій. Напротивъ, онъ предписывалъ ей то, что было противно ея разсудку, ея вкусамъ, подчинялъ ее противорѣчіямъ и варварскимъ требованіямъ, прихоти и произволу своей власти, не давалъ ей ни на минуту ни пощады, ни покоя, постоянно держа ее подъ гнетомъ самаго оскорбительнаго униженія, и вкладывая въ эти истязанія самую утонченную жестокость. Самъ истязавшій себя, съ цѣлью убить кровожадные инстинкты, всосанные съ молокомъ матери, онъ поступалъ до крайности сурово, почти жестоко и съ этой женщиной.

А между тѣмъ этой чрезмѣрной строгостью онъ и привлекалъ ее. Она испытывала какое-то странное наслажденіе переносить презрѣніе, гнѣвъ, сцены, слышать этотъ голосъ, никогда не говорившій ей кроткихъ, утѣшительныхъ словъ, чувствовать себя подъ вліяніемъ этого взгляда орла и въ тоже время волка, приближаться губами къ этому желчному уху, въ которое вросла щетинистая борода. Ея пассивная подчиненность удвоивалась съ каждымъ разомъ, она чувствовала какое-то трепетное, приниженное обожаніе передъ этимъ неумолимымъ человѣкомъ. Его суровое обращеніе окружало его ужасающимъ ореоломъ въ глазахъ г-жи Жервезе, — это была иллюзія грандіозныхъ размѣровъ, скрывавшая отъ нее узость и ничтожество человѣка.

XLII.

Отецъ Ансельмъ особенно преслѣдовалъ и старался подавить въ своей духовной дочери — мысль. Какъ ни покорна, какъ ни приниженна казалась ему эта мысль, онъ все еще считалъ ее опасною и преслѣдовалъ послѣдній остатокъ человѣческаго достоинства въ г-жѣ Жервезе. Не смотря на ея рабскую подчиненность, онъ прозрѣвалъ въ глубинѣ ея души тайное, неясное возмущеніе противъ его воли и для того, чтобъ совершенно сломить ея гордость, онъ началъ вырывать съ корнемъ принципы, внѣдренные въ нее воспитаніемъ, давая ей взамѣнъ отупляющіе правила, созданные для руководства нищихъ духомъ. Онъ ужасалъ ее постояннымъ, грознымъ представленіемъ призрака ея суетности и тщеславія, запрещалъ ей всякое возвышенное стремленіе религіозной мысли, оглушалъ ее священными текстами на счетъ того, что наука развиваетъ надменность и составляетъ опасность для спасенія души. Онъ постоянно внушалъ ей ненависть къ знанію и наукѣ, подавляя съ упорнымъ рвеніемъ въ этой высоко развитой женщинѣ то, что люди, подобные ему, называютъ «суетнымъ любопытствомъ». Онъ запретилъ ей чтеніе религіозныхъ книгъ съ высшими взглядами, съ обширными стремленіями, — книгъ, способствовавшихъ ея обращенію. Онъ отнялъ у нея учителей духовной жизни для того чтобъ довести ея умъ до оскудѣнія и сдѣлать ея лишенія болѣе жестокими.

По совѣту одного изъ духовныхъ писателей, г-жа Жервезе усвоила себѣ привычку къ религіознымъ упражненіямъ, состоявшимъ въ ежедневномъ чтеніи главы изъ ветхаго и новаго завѣта. Отецъ Ансельмъ запретилъ ей эти упражненія и замѣнилъ ихъ механической методой матеріальнаго благочестія, состоявшей въ воззваніяхъ, молитвахъ и колѣнопреклоненіяхъ. Онъ заставилъ ее совершить благочестивое странствованіе, извѣстное въ Римѣ подъ названіемъ: «посѣщеніе семи церквей», сопровождаемое стояніями на всѣхъ перекресткахъ, духовными пѣснями, безчисленными молитвами по четкамъ, литаніями и благодарными гимнами. Изъ ея прежнихъ книгъ, отецъ Ансельмъ не оставилъ у нея ничего и замѣнилъ ихъ сочиненіями жалкаго содержанія, въ родѣ «Лѣствицы божественной любви» брошюрки съ фронтисписомъ, изображающимъ «атеизмъ» видѣ гарпіи съ сосцами, поражающей себя кинжаломъ. Такими-то произведеніями онъ приказывалъ ей питаться, какъ будто желая довести до послѣдней степени убожества этотъ нѣкогда гордый разумъ.

Непонятная связь между женщиной и духовникомъ скрѣплялась все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, желая быть ближе къ нему и чаще пользоваться его наставленіями, г-жа Жервезе рѣшилась перемѣнить квартиру и переселиться въ кварталъ, гдѣ жилъ отецъ Ансельмъ.

XLIII.

Мало по малу г-жа Жервезе пріучилась смотрѣть на жизнь съ разочарованіемъ человѣка, возвращающагося съ кладбища, который видитъ въ ней только временное мѣстопребываніе и только мимоходомъ касается пустоты и суетности всѣхъ вещей. Умерщвленіе страстей и отреченіе отъ всего живаго — вотъ безжалостное, вѣчное эхо суровыхъ правилъ, внушаемыхъ ей ея духовникомъ и повелѣвающихъ оторваться отъ всѣхъ земныхъ связей, отказаться отъ всѣхъ чувствъ къ ближнимъ и питать отвращеніе ко

всѣмъ дарамъ природы, считая ихъ не иначе, какъ за «грязь и навозъ». Подобныя изрѣченія слѣдовали одно за другимъ, неумолимо падая капля по каплѣ, какъ вода съ холодныхъ сводовъ,—вода, окаменявшая сердце, убивавшая въ немъ всякое человѣческое чувство и препятствовавшая ему биться для всего, что проводитъ на землѣ связь между людьми, какъ между членами любящей семьи, рожденными для общества, дружбы, любви, семейной жизни. Сообщество, привязанность, дорогія связи—все изсушали мрачныя внушенія отца Ансельма. Холодное самоотреченіе и безплодный эгоизмъ онъ вмѣнялъ въ обязанность всѣмъ: сестрамъ, братьямъ, мужьямъ, женамъ, отцамъ, — матерямъ!

XLIV.

Она сама замѣчала сухость и оскуденіе своего сердца; въ ней изсякъ живительный источникъ любви и замѣнился равнодушіемъ и охлажденіемъ. Иногда она съ глубокой грустью сознавала скудость своей настоящей привязанности. Тогда ей приходили мучительныя сомнѣнія на счетъ самой себя: она огорчалась, что потеряла способность любить ближняго, она клеветала на себя, говорила себѣ, что сдѣлалась уже не такъ любяща и не смѣла ни разу обвинить своего духовника въ томъ холодѣ отреченія, который онъ вселилъ въ нее. Были дни, когда она думала безъ сожалѣнія о своихъ римскихъ друзьяхъ, съ которыми она не видалась болѣе и удивлялась, чувствуя себя разлученной съ людьми, жившими возлѣ нея, такъ какъ будто они уже умерли нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Она вспоминала о своей прежней, горячей привязанности къ брату, къ которому чувствовала теперь почти равнодушіе, вспоминала первое время своего пребыванія въ Римѣ, когда она жаждала извѣстій объ оставленныхъ ею друзьяхъ, когда она сама ходила на почту за письмами и возвращалась печальная, если ничего не было. Теперь проходили мѣсяцы и она не освѣдомлялась, есть-ли къ ней письма или нѣтъ, есть-ли еще люди, которые помнятъ о ней. Онорина, бывшая для нея прежде скорѣе другомъ, чѣмъ горничной, могла бы уйти отъ нея и она не пожалѣла бы о ней: ей только было бы досадно лишиться привычныхъ услугъ.

Что касается Поля, она боялась даже снизойти въ глубину своей души и признаться себѣ, что онъ не составлялъ болѣе части ея существованія. Она все еще любила его, но уже не той любовью, исключительной, ревнивой, всепоглощающей любовью матери. Она оттоняла отъ себя эту ужасную мысль и осыпала ребенка страстными ласками, стараясь вознаградить его за прошлую холодность. Потомъ снова припоминала о требованіи суроваго патера «жертвовать безпорядочными привязанностями», и упрекала себя за эти порывы.

(*Продолженіе слѣдуетъ*.)

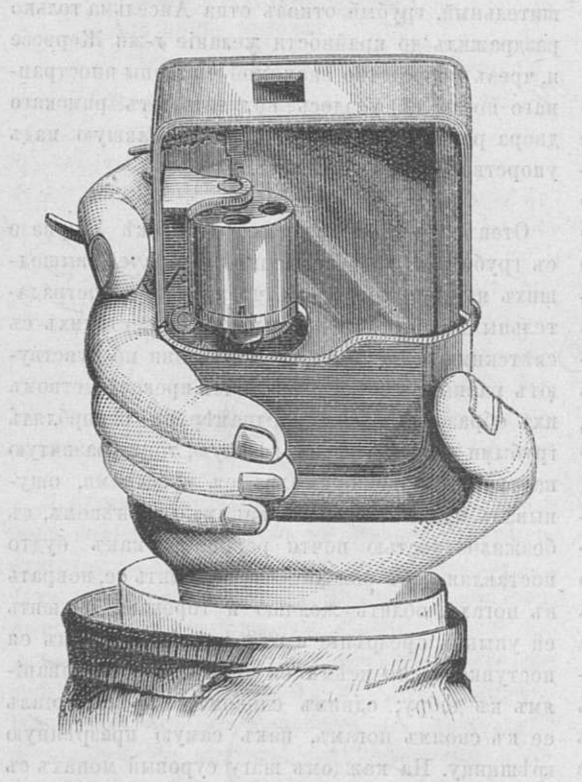
Обрядовая и театральная сторона въ жизни древняго міра.

(Статья первая.)

Римскій художникъ, Роберто Бомпіани, пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность, какъ портретистъ, пейзажистъ и даже скульпторъ, но онъ въ особенности обратилъ на себя вниманіе публики своими бытовыми картинами изъ крайне-интересной древне-римской жизни, которую онъ тщательно изучилъ по образцамъ искусства, представляемымъ классическими Римомъ и Помпеей.

Одна изъ его картинъ «Музыкантъ» «Il suonatore» была особенно замѣчена на всемірной выставкѣ въ Филадельфіи. Копія съ нея находится теперь передъ нашими читателями. Курчавый юноша въ цвѣтной туникѣ стоитъ въ выжидательной позѣ, очевидно, наблюдая происходящее передъ нимъ дѣйствіе и готовясь принять въ немъ участіе, въ данный моментъ, своей музыкой. Судя по обстановкѣ, и именно, по колоннѣ съ массивнымъ основаніемъ, возлѣ которой остановился молодой музыкантъ, можно догадываться, что онъ находится въ храмѣ и принимаетъ участіе въ какомъ-нибудь священнодѣйствіи. Обряды жертвоприношенія у грековъ и римлянъ сопровождались, обыкновенно, игрою на духовыхъ инструментахъ, при чемъ музыка предназначалась не для умиленія духа слушателей, а для того, чтобы удалять отъ нихъ все, что могло бы ослабить силу молитвы. Плиній старшій поясняетъ очень рѣзко подобное второстепенное значеніе музыки при религіозныхъ церемоніяхъ своихъ согражданъ. «Мы видимъ, говоритъ онъ въ своей «Естественной исторіи», что высшіе государственные сановники, обращаясь къ богамъ, употребляютъ для того опредѣленныя изстари выраженія, при чемъ, съ тою цѣлью, чтобы не было выпущено или извращено какое либо слово. Одно назначенное къ тому лицо читаетъ текстъ воззванія; второе лицо наблюдаетъ за правильностью этого чтенія, третье внушаетъ слушателямъ соблюденіе благоговѣйной тишины и, наконецъ, музыкантъ играетъ на флейтѣ для того, чтобы не было слышно ничего посторонняго». Такъ какъ, сверхъ того, всѣ публичныя торжества, игры, тріумфальныя шествія, а также пиршества, погребенія и пр. не обходились безъ игры на флейтахъ, то въ Римѣ образовался, съ самыхъ древнихъ временъ, многочисленный цехъ флейтистовъ, набиравшійся, большею частью, изъ Этруріи, и признававшій своею покровительницею Минерву, какъ изобрѣтательницу флейты и покровительницу вообще всѣхъ искусствъ. Со времени Нумы Помпилія, флейтисты получили даже право устраивать на государственный счетъ, свое цеховое, торжественное пиршество въ капитолійскомъ храмѣ Юпитера во время второстепенныхъ празднествъ въ честь Минервы, происходившихъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Эта привилегія, которою римскіе флейтисты не мало гордились, была отнята у нихъ цензоромъ Аппіемъ Клавдіемъ Секомъ, въ 312 г. до Р. Х.,—по всей вѣроятности, вслѣдствіе затруднительнаго положенія государственной казны во время второй войны римлянъ съ самнитянами. Раздраженные этою мѣрою, музыканты устроили стачку и удалились изъ Рима въ сосѣднее мѣстечко Тибуръ (Тиволи). Сначала граждане великаго города только смѣялись надъ этимъ поступкомъ, но когда при жертвоприношеніяхъ не стало болѣе слышно обычныхъ звуковъ флейты, умами овладѣло религіозное безпокойство и сенатъ обратился къ тибурскимъ старшинамъ, прося ихъ устроить мировую между Римомъ и покинувшими его артистами. Тибуртинцы употребили всѣ усилія, чтобы склонить своихъ гостей на уступчивость, но тѣ продолжали упорно отнѣкиваться; тогда тибуртинцы прибѣгли къ хитрости. Зная уже и въ тѣ времена, что между душою артиста и виноградным соком существуетъ какая-то таинственная связь, они сговорились зазвать всѣхъ музыкантовъ къ себѣ въ дома, по случаю одного праздника, и тамъ напоили ихъ до безчувствія, послѣ чего уложили въ повозки, отвезли въ Римъ и оставили ихъ въ такомъ положеніи на форумѣ. Очнувшись уже къ утру, на другой день, артисты увидали себя окруженными толпою своихъ согражданъ, которые предложили имъ вступить въ переговоры. Не смотря на свое похмѣлье, флейтисты стойко поддерживали свое дѣло и съумѣли не только возвратить себѣ прежнее право, но выхлопотали себѣ еще позволеніе отправляться процессіей (при томъ же многодневномъ лѣтнемъ празднествѣ въ честь Минервы) изъ храма богини на Авентинскую гору, въ длинныхъ цвѣтныхъ, маскарадныхъ одеждахъ, — тоже, вѣроятно, уже успѣвъ заглянуть въ чашу и, какъ говоритъ Овидій, «распѣвая шутливыя рѣчи мудрымъ старцамъ»... Эта привязанность къ обрядовой, къ декораціонной, къ театральной сторонѣ жизни ярко бросается въ глаза во всемъ древнемъ мірѣ, какъ на Востокѣ, такъ и въ Греціи, и въ Римѣ. Каждое общественное торжество, каждый семейный праздникъ,— все это древніе стараются обставить какъ можно театральнѣе, снабдить возможно большимъ внѣшнемъ блескомъ. Эта театральная сторона жизни древняго міра перешла и въ католическую церковь, въ которой до сихъ поръ различные обряды напоминаютъ древнія торжества Рима и Греціи.

Но возвратимся къ флейтисту, изображенному Бомпіани. Онъ держитъ въ рукахъ двѣ флейты, — если такъ можно назвать эти инструменты, къ которымъ болѣе подходитъ названіе кларнета или гобоя, тѣмъ болѣе, что они снабжались мундштукомъ, который надѣвался особо при каждомъ употребленіи инструмента и былъ снабженъ язычкомъ, усиливавшимъ сотрясеніе воздуха. Наша флейта, прикладываемая къ рту въ поперечномъ положеніи, была извѣстна уже грекамъ, которые приписывали ея изобрѣтеніе лесбійцамъ. Но она не принадлежала, повидимому, къ числу любимыхъ народныхъ инструментовъ, потому что она встрѣчается весьма рѣдко въ дошедшихъ до насъ древнихъ изображеніяхъ. Артисты предпочитали ей длинную флейту съ тремя или четырьмя отверстіями, къ которымъ, позднѣе, прибавились еще боковыя, снабженныя клапанами, отверстія. Оконечность такой флейты расширялась иногда въ видѣ рюмки, какъ у кларнета. Вначалѣ флейты дѣлались изъ особой породы тростника, которымъ изобиловали низменности Віотіи, но впослѣдствіи матеріаломъ для инструмента стали служить буксовое и лавровое дерево, лотосъ, слоновая кость, оленій рогъ и пр. Особенно замѣчательно то, что, большею частью, связывались вмѣстѣ двѣ подобныя дудки, и артистъ игралъ на нихъ одновременно, посредствомъ одного или же двухъ отдѣльныхъ мундштуковъ. Иногда, обѣ дудки были одинаковыхъ размѣровъ и распадались только на басъ и дискантъ; иног-



Бумажникъ новаго образца.

Кромвель предъ портретомъ Карла I.

да же онѣ были различны между собою, какъ по длинѣ, такъ и по своему общему размѣру. Музыкантъ, изображенный Бомпіани, держитъ тоже въ правой рукѣ болѣе длинную флейту, нежели въ лѣвой. Подобная пара флейтъ называлась у грековъ,—равно какъ у римлянъ, весьма скоро перенявшихъ отъ грековъ всѣ музыкальные инструменты,—«свадебными флейтами». По толкованію одного древняго ученаго, совмѣстные звуки этихъ двухъ флейтъ должны были не только воплощать собою супружескую гармонію, но и выражать требуемое въ бракѣ господство мужского принципа...

Понятнымъ образомъ, звукъ древнихъ флейтъ существенно отличался отъ современнаго намъ инструмента. Ему недоставало того нѣжнаго и сантиментальнаго оттѣнка, который мы связываемъ съ самымъ понятіемъ о флейтѣ. Вообще, древніе называютъ звуки флейтъ производящими возбужденіе духа, бурными, способными воспламенить страсть. Подобное несходство съ мягкими, умиротворяющими душу, хотя и болѣе скудными, звуками лиры или китары, выразилось и въ гелленической сагѣ о происхожденіи флейты. Марсіасъ, поднявшій инструментъ, отброшенный изъ тщеславія его изобрѣтательницею, дерзнулъ вступить въ состязаніе съ великимъ мастеромъ игры на китарѣ, самимъ Аполлономъ, причемъ остался побѣжденнымъ, по приговору экспертовъ—музъ, и заплатилъ за свое святотатство страшною смертью; побѣдитель, весьма не великодушный, содралъ съ него кожу. Впрочемъ, какъ кажется, римская флейта усвоила свой особенно задорный тонъ только въ концѣ временъ римской республики. По крайне мѣрѣ, Горацій говоритъ, что первоначальныя флейты были простѣйшаго устройства и снабжены немногими отверстіями, между тѣмъ какъ теперь (въ его время), онѣ составляются изъ частей, соединенныхъ между собою мѣдными скобами, и могутъ поспорить силою съ воинственною трубой. Это замѣчаніе Горація относится, впрочемъ, болѣе къ театральнымъ инструментамъ, погрубѣвшимъ вслѣдствіе своего соединенія въ одно цѣлое (оркестръ). Настоящіе виртуозы пренебрегали подобными нововведеніями, отнюдь не составлявшими прогресса въ искуствѣ; они даже никогда не употребляли «двойной флейты», и Каносъ, знаменитый артистъ перваго вѣка по Р. Х., довольствовался даже однимъ пифійскимъ кларнетомъ, хотя могъ похвалиться передъ загадочнымъ Аполлоніемъ Тіанскимъ тѣмъ, что его игра «вселяетъ утѣшеніе въ скорбящихъ, возвышаетъ веселіе радующихся, воспламеняетъ еще болѣе любящихъ и возноситъ мысли благочестивыхъ».

По словамъ того же древняго маэстро,—отъ играющаго на флейтѣ требовались тоже легкость и грація движеній, и Бомпіани удачно выразилъ типъ подобнаго изящнаго исполнителя въ своемъ «Suonatore». Но древніе требовали тоже, чтобы при самой игрѣ, артистъ не надувалъ щекъ и, частью съ этою цѣлью, частью для подпоры, боковымъ мускуламъ лица, греческіе и римскіе флейтисты надѣвали, поверхъ рта и щекъ, повязку, которая скрѣплялась поперечными ремнями, проходившими по темени, и завязывалась на затылкѣ. Продѣланное въ повязкѣ отверстіе позволяло вставлять флейту въ ротъ. Нечего говорить, что подобная узда не служила къ украшенію наружности артиста.

Въ какомъ именно взаимномъ звуковомъ отношеніи находились между собою двѣ флейты, на которыхъ игралъ одновременно музыкантъ,—это довольно трудно опредѣлить. По общему мнѣнію, гармоническое сочетаніе голосовъ, при многоголосномъ пѣніи, возникло только въ христіанскую, средневѣковую эпоху, между тѣмъ какъ древній хоръ (какъ и понынѣ въ Греціи) пѣлъ унисономъ, съ однимъ только различіемъ голосовъ по октавамъ. Но въ отношеніи музыки инструментальной, нѣкоторые компетентные писатели утверждаютъ, что и древніе были уже знакомы съ правилами гармоніи. Съ современной точки зрѣнія искуства можетъ казаться почти непонятнымъ, почему бы унисонъ въ пѣніи не былъ тотчасъ же покинутъ, послѣ того какъ древніе познакомились, такимъ образомъ, съ возможностью сочетать аккорды въ инструментальной музыкѣ, но причина такого, повидимому, страннаго явленія заключается въ идеальномъ направленіи древней музыки вообще. Соединяя съ извѣстными музыкальными тонами, голосами, ритмами и инструментами различныя непосредственныя дѣйствія на душевное настроеніе и пониманіе слушателей, древніе, требуя, такимъ образомъ, отъ строгой законности и точности своей звуковой символики, непосредственнаго этическаго вліянія, не могли смотрѣть на чисто ласкающее слухъ, гармоническое сочетаніе аккордовъ иначе, какъ на нѣчто, смущающее ясность музыки, и потому должны были отвергать подобное нововведеніе.

Остановимся на другой картинѣ Бомпіани, касающейся также одного изъ обрядовъ древняго Рима. Какъ извѣстно, древніе римляне устроивали усыпальницы, въ которыя ставили саркофаги или урны съ прахомъ умершихъ (иногда изъ подобнаго строенія шелъ только ходъ къ подземнымъ мѣстамъ погребенія), или же воздвигали отдѣльные небольшіе памятники въ видѣ алтарей, храмовъ, плитъ, колоннъ и пр., причемъ подобные монументы включали въ себѣ, иногда, останки покойнаго, но, большею частью, они только обозначали мѣсто его могилы. При этомъ допускалась и четырехгранная форма колоннъ, завершавшихся головоподобнымъ закругленіемъ; два подобныхъ памятника «cippo» находятся, напр., надъ могилою Діомеда въ Помпеѣ и встрѣчаются тоже въ различныхъ колумбаріяхъ или могильныхъ нишахъ, гдѣ они, подобнымъ же образомъ, обозначаютъ находящіяся подъ землею могилы. Но колонна, передъ которою стоитъ молодая римлянка, изображенная Бомпіани, находится не подъ открытымъ небомъ, и тоже не въ стѣнахъ колумбарія, какъ то видно по отсутствію въ этихъ послѣднихъ гнѣздоподобныхъ углубленій; равнымъ образомъ, бюстъ, вѣнчающій монументъ, не походитъ на грубую форму обычнаго закругленія на вершинѣ подобныхъ «гермовъ». Такимъ образомъ, и тѣмъ болѣе потому, что художникъ, очевидно, желалъ изобразить здѣсь бытовую сцену изъ жизни знатной и богатой римской семьи, можно заключить, что дѣло идетъ не собственно о намогильномъ памятникѣ «cippo», а лишь о простомъ монументѣ въ память покойнаго; подобные бюсты или статуи были въ большомъ употребленіи у римлянъ.

Видъ юной римлянки, вѣнчающей цвѣтами изображеніе покойнаго родителя, переноситъ воображеніе читателя къ тѣмъ сценамъ, которыми сопровождались дни скорби у римлянъ... При смерти отца, эта дочь приказала посадить мрачные кипарисы передъ входомъ въ осиротѣлое жилище, и передала трупъ въ руки служителей храма Венеры—либитинской. Затѣмъ прошло нѣсколько дней, втеченіе которыхъ этотъ трупъ, облаченный въ роскошнѣйшія одежды, возлежалъ на драгоцѣнномъ катафалкѣ въ атріумѣ дома, окруженный облаками благовонныхъ куреній. Наконецъ, настало то утро, въ которое дочь должна была отдать послѣдній долгъ покойному. При звукѣ рожковъ и флейтъ и заунывномъ хорѣ плакальщицъ, двинулась въ путь печальная процессія. Носилки съ трупомъ покоились на плечахъ вольноотпущенниковъ; имъ предшествовалъ длинный рядъ странныхъ фигуръ: то были наемники въ восковыхъ маскахъ и облеченные въ должностныя мантіи предковъ умершаго. За ними шла сама осиротѣвшая дочь, въ черной одеждѣ и съ распущенными волосами, въ сопровожденіи сочувствующихъ ей родственниковъ и друзей. Близь могильнаго склепа былъ устроенъ костеръ изъ сухого сосноваго лѣса и тростника, но снаружи разукрашенный живописью и коврами. Дочь, положивъ послѣдній поцѣлуй на блѣдныя губы покойника, приподняла его впавшія вѣки для того, чтобы глаза его смотрѣли прямо на небо; присутствующіе полили трупъ благовонными маслами и старшій изъ родственниковъ-мужчинъ поднесъ факелъ къ костру, отвернувъ отъ него свое лицо. По удаленіи всей процессіи, дочь осталась еще возлѣ костра; изъ затушеннаго ароматными винами пепла, она собрала, въ подолъ своей одежды, кости покойнаго и разложила ихъ для просушиванія. Черезъ нѣсколько дней она пришла снова, съ босыми ногами и не препоясанная, собрала родительскіе останки въ драгоцѣнную урну и отнесла ее въ семейную усыпальницу...

Но свѣтлая одежда, золотыя украшенія и отсутствіе покрывала на молодой римлянкѣ, изображенной итальянскимъ художникомъ, указываютъ на истеченіе и того девятидневнаго срока, который посвящался римлянами глубокому трауру по умершемъ. Дочь просто пришла почтить память отца въ одинъ изъ тѣхъ дней, которые посвящались подобнымъ доказательствамъ привязанности къ тѣни отшедшихъ. Вообще, въ своемъ культѣ умершихъ, греки и римляне видимо стремились сохранить связь и общеніе между покинувшими эту землю и находящимися въ живыхъ. Самыя ихъ усыпальницы имѣли житейскую обстановку: онѣ снабжались всею домашнею утварью и мебелью, жертвенниками и изображеніями боговъ; покойнику давались одежды, украшенія, деньги, благовонныя мази; сверхъ того, каждый воинъ получалъ свое оружіе, художникъ или ремесленникъ—свои инструменты, женщина—зеркало и ящикъ съ туалетными принадлежностями, ребенокъ—игрушки. Почти всѣ разнообразные и многочисленные предметы древняго общежитія, обогащающіе наши музеи, добыты изъ древнихъ гробницъ. Петроній влагаетъ въ уста своего Трималхія именно такую рѣчь: «Мы поступаемъ ошибочно, такъ заботясь о нашихъ пожизненныхъ жилищахъ, и оставляя безъ всякаго устройства тѣ, въ которыхъ намъ придется обитать болѣе продолжительно!» Вслѣдствіе подобныхъ воззрѣній, каждая семья ревниво заботилась о поддержаніи своей наслѣдственной усыпальницы, и даже не имѣвшіе потомства старались увѣковѣчить свое имя, по крайней мѣрѣ, хотя на гробницѣ. Такъ, нѣкто Титъ Флавій Синтрофій, умирая неженатымъ, завѣщаетъ свою родовую усыпальницу своимъ отпущенникамъ со всѣмъ ихъ потомствомъ, но ставя при томъ непремѣннымъ условіемъ: сохранить за нею навсегда имя Флавійской, и въ томъ случаѣ, если бы родъ сказанныхъ отпущенниковъ вымеръ, то обязать и ихъ новыхъ наслѣдниковъ называться, съ того времени, не иначе какъ Флавіями. Весьма часто тоже, къ могилѣ придавалось угодье (пашня или садъ), на доходы съ котораго она содержалась въ порядкѣ и украшалась по временамъ. Съ тою же цѣлью оставлялись завѣщателями денежныя суммы. Сверхъ того, для болѣе непосредственнаго общенія умершихъ съ живущими, и для лучшаго сохраненія памяти о нихъ на землѣ, гробницы устраивались, преимущественно, по обѣимъ сторонамъ дороги, тотчасъ за городскими воротами. Ученый Теренкій Варро говоритъ, по этому поводу, что подобный выборъ мѣста для кладбищъ вызывался никакъ не однимъ только намѣреніемъ напоминать проходящимъ, что и они будутъ нѣкогда покоится здѣсь, въ землѣ, но, преимущественно, желаніемъ привлекать ихъ вниманіе и участіе. Дѣйствительно,

многія древнія римскія надгробныя надписи содержатъ въ себѣ прямое воззваніе къ прохожимъ. Какимъ простодушіемъ дышетъ, напримѣръ, эта надпись на плитѣ, найденной при раскопкахъ близъ Э: «Титъ Коллій Маскулій погребенъ здѣсь, возлѣ дороги, для того, чтобы прохожіе говорили: Титъ Коллій, привѣтствуемъ тебя!» Иногда, вмѣстѣ съ требованіемъ такого привѣта, влагается и отвѣтъ на него отъ лица умершаго. «Привѣтствуемъ тебя, Викторій Фабіаній!» гласитъ одна надпись, содержащая и отвѣтъ: «Да воздадутъ вамъ боги добромъ, мои друзья, и да охранятъ они васъ, странники, за то уваженіе, которое вы оказываете цензослужителю римскаго народа, Викторію Публицію Фабіанію! Да совершите вы путь свой здраво, и да воротитесь здравы! А вы, вѣнчающіе меня цвѣтами, да проживете вы долгіе дни!»... Но поэтъ Проперцій не одобряетъ вышеописаннаго обычая; мысль о томъ, что его прахъ будетъ лежать среди людской суеты, приводитъ его въ ужасъ, и онъ проситъ, въ трогательныхъ стихахъ, свою возлюбленную, схоронить его не на большой пыльной дорогѣ, а гдѣ нибудь далеко отъ людей, подъ сѣнью раскидистыхъ деревьевъ, или на уединенномъ морскомъ берегу.

Въ Римѣ былъ учрежденъ тоже одинъ общій праздникъ для чествованія усопшихъ. День этотъ приходился на 21 февраля. Родственники и друзья совершали тогда жертвоприношенія надъ могилами своихъ ближнихъ, опрыскивая благоуханіями, вѣнчая цвѣтами надгробные памятники и зажигая на нихъ свѣтильники. Надгробные вѣнки и гирлянды дѣлались, при этомъ, преимущественно изъ розъ и фіялокъ. Весьма часто семья совершала свою трапезу на самой могилѣ, при чемъ тѣни покойнаго предлагались тоже яства,— большею частью яйца, бобы, ячмень, хлѣбъ, соль и вино. Овидій, въ своемъ «Календарѣ Празднествъ», говоритъ, что однажды, въ тяжкое военное время, чествованіе усопшихъ (такъ называемыя «фераліи») было забыто. Тогда городъ постигла великая смертность и тѣни мертвыхъ стали блуждать, еженощно, по городскимъ улицамъ, оглашая ихъ своимъ стономъ и плачемъ. Спокойствіе водворилось лишь послѣ того, какъ имъ была воздана надлежащая почесть.

Публичныя чествованія умершихъ не исключали и частныхъ. Такъ, по разсказу Светонія, гробница Нерона долгое время украшалась неизвѣстными руками, приносившими на нее цвѣты. Цицеронъ, въ одной изъ своихъ рѣчей, жалуется на то, что приверженцы одного недостойнаго римлянина украсили его надгробный холмъ цвѣтами и совершили на немъ трапезу. Городъ Пиза чествовалъ ежегодно день смерти Кайя Юлія Цезаря, отца диктатора.—Изъ числа подобныхъ общественныхъ обрядовъ слѣдуетъ еще упомянуть о «Празднествахъ розъ» или «Фіялковыхъ дняхъ», которые устраивались похоронными цехами, при чемъ цвѣты раздавались присутствовавшимъ на пиру и относились на могилы.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Поль Альфредъ де-Кюрзонъ.

Ст. П. Библіофила.

Въ маленькой деревушкѣ Мулинѣ, близь Поатье, 7 сентября 1820 года, родился ребенокъ, которому суждено было сдѣлаться однимъ изъ самыхъ выдающихся пейзажистовъ Франціи. Онъ провелъ девятнадцать лѣтъ въ своей родной глуши и только тогда ему удалось пробраться въ Парижъ, чтобы начать учиться рисовать. Учиться рисовать было завѣтною мечтою юноши. Онъ обратился къ творцу «Смерти Авеля» и «Орфея и Евредики» и началъ свое ученье подъ руководствомъ одного изъ хорошихъ учителей школы Давида. Этотъ учитель былъ Дроллингъ. Два года учился Поль Альфредъ де-Кюрзонъ—такъ звали юношу—рисовать античныя формы и изучалъ классическій стиль, а между тѣмъ ему постоянно грезились родные пейзажи, родная рѣка, родная природа. Наконецъ, онъ не выдержалъ и съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей пошелъ къ знаменитому тогда пейзажисту Кабату, прося о принятіи ихъ всѣхъ въ число учениковъ. Здѣсь дѣло сразу пошло иначе и Кабатъ увидалъ въ Кюрзонѣ недюжинный талантъ. Почти пять лѣтъ провелъ Кюрзонъ въ изученіи природы и уже въ Салонѣ 1845 года появились двѣ его картины: «Хмѣль», картина, написанная масляными красками, и «Серенада», черный рисунокъ карандашемъ. Одинъ изъ тогдашнихъ художественныхъ критиковъ, Шарль Боддлеръ, подмѣтилъ талантъ въ начинающемъ художникѣ и призналъ «Серенаду» однимъ изъ лучшихъ произведеній выставки. Въ 1846 году Кюрзону удалось уѣхать со своимъ другомъ Бриллуэномъ въ Италію для изученія музеевъ, природы и людей. Это путешествіе дало возможность молодому человѣку представить академіи работу на такъ называемый «римскій конкурсъ». Онъ получилъ вторую награду; эта награда не давала права сдѣлаться пенсіонеромъ академіи, но Шеневардъ и Шарль Бланъ добились того, что молодой человѣкъ сдѣлался пенсіонеромъ и могъ, уже ни о чемъ не заботясь, проработать два года въ виллѣ Медичи. Съ этой поры начали появляться его римскіе виды, виды неаполитанской природы. Кюрзонъ не остановился на Италіи, онъ отправился въ Грецію, въ Константинополь и, къ своему счастію, совершалъ путешествія съ такими развитыми цѣнителями и судьями въ дѣлѣ искуства, какъ Эдмондъ Абу, Теофиль Готье и т. п. Когда Кюрзонъ возвратился въ 1855 году въ Парижъ—имя его было уже извѣстно. Но Кюрзонъ—пейзажистъ по преимуществу—никогда не останавливался на одномъ пейзажѣ; достаточно указать на названія нѣкоторыхъ его картинъ: «Доминиканцы, украшающіе живописью часовню», «Отгадчица», «Психея», «Тассо въ Соренто», «Данте и Виргилій на берегахъ Чистилища смотрятъ на лодку, которою управляетъ ангелъ», «Ундины», «Парки», и т. д. Мы взяли одинъ изъ такихъ рисунковъ Кюрзона, дышащій простотой и отсутствіемъ всякаго битья на эффектъ. Заканчивая біографическую замѣтку о Кюрзонѣ, мы должны упомянуть объ одномъ прискорбномъ фактѣ въ послѣдніе годы жизни художника. Въ маѣ 1871 года, во время всевозможныхъ бѣдствій и невзгодъ, обрушившихся на Парижъ, была сожжена и разрушена до основанія и обширная мастерская художника. Война и смуты не щадили никого и ничего.

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

III.

«Отолпешенныя».

Три-четыре не то подвальныя обитательницы, не то кухарки изъ дешевыхъ собрались около молодого дворника, читавшаго у воротъ газету. Медленно, почти по складамъ разбирая слово по слову напечатанное, онъ читалъ передовую статью:

— «Судя по сенсаціоннымъ телеграммамъ изъ Вѣны и Лондона, мы, повидимому, должны имѣть много основаній ожидать столкновенія и войны съ Австріей и Англіей, готовыми явиться на защиту турецкихъ интересовъ»...

— Что же это, Петра, значитъ, теперь это англичанинъ съ моря, а австріякъ и турка по сухопуту къ Петербургу пойдутъ? допрашивала одна изъ женщинъ, перебивая чтеца.

— Ужь извѣстно англичанинъ всегда съ моря, отвѣтилъ чтецъ.

— Господи, и что же это будетъ-то! Куда мы то тогда подѣваемся? вздохнула молоденькая, краснощекая дѣвушка съ бойкими и плутоватыми глазами.

— Васъ въ турецкую вѣру обращать будутъ; тебя, Машутка, въ сераль къ султану возьмутъ, плотоядно осклабился дворникъ, выставивъ два ряда здоровенныхъ, ровныхъ зубовъ и не безъ любезности подталкивая въ мягкое мѣсто Машутку.

— Тьфу ты, песъ! толкнула его Машутка.

— И что это будетъ—и въ толкъ не возьмешь, задумчиво произнесла старуха, пригорюнясь щекой на руку. — Страсти этакія въ газетахъ пишутъ, а мы вотъ, ровно отолпешенныя, стоимъ тутъ и ничего то не знаемъ, горемычныя, ничего не вѣдаемъ...

— А ты, бабушка, къ гадальщицѣ бы сходила, она вотъ тебѣ разскажетъ, посовѣтовалъ шутливымъ тономъ дворникъ.

— Да, уйдешь у нашихъ! День деньской то туды, то сюды. Извѣстно, семья семь человѣкъ, а я одна. Смаялась совсѣмъ. Такъ то вотъ десять лѣтъ у нихъ мыкаюсь, точно маятникъ, изъ стороны въ сторону, жаловалась старушонка.

— А ты, ей Богу, бабушка, къ гадальщицѣ то урвись, подтрунивалъ дворникъ. — Можетъ, еще напророчитъ, что за самаго салтана выйдешь...

— О, чтобъ тебя не было! плюнула старушонка.—Ты лучше вотъ дальше то читай, что тамъ еще пропечатано...

— «Но мы, продолжалъ монотонное чтеніе дворникъ,—давно привыкли къ сенсаціоннымъ извѣстіямъ западно европейской прессы, разсчитывающей на волненія на биржевыхъ рынкахъ и служащей только интересамъ представителей ажіотажа»...

«Отолпешенныя» женщины тупо смотрѣли куда то въ пространство, моргая глазами, покачивая головами и ровно ничего не понимая, а чтецъ читалъ все далѣе и далѣе, и объ ажіотажѣ, и спекуляціяхъ, и о подкупной прессѣ, и о фондѣ пресмыкающихся, и о политическихъ комбинаціяхъ, растягивая особенно сильно свой голосъ именно на этихъ мудреныхъ словахъ и иногда повторяя ихъ по два раза.

— Охъ, грѣхи, грѣхи! вдругъ очнулась совсѣмъ забывшаяся подъ звуки монотоннаго чтенія старушонка.—Меня то, чай, ужь дома схватились!.. Въ лавку послали, бѣжать надо!..

Всѣ «отолпешенныя» вспомнили, что и имъ надо тоже куда то бѣжать, и черезъ двѣ три минуты чтецъ остался одинъ, продолжая по прежнему читать по привычкѣ вслухъ...

Отолпешенныхъ людей у насъ вы встрѣтите вездѣ. Оно и не удивительно: какъ не быть отолпешенными этимъ кухаркамъ, безграмотнымъ, бѣднымъ, затянувшимся въ хомутѣ своей однообразной трудовой жизни, когда ко всѣмъ безысходнымъ невзгодамъ ихъ существованія присоединяется новая нежданная, негаданная забота—«сенсаціонныя извѣстія о возможномъ столкновеніи». Слова страшныя и нѣтъ такого человѣка, который объяснилъ бы имъ эти страшныя слова. А тутъ еще, какъ на грѣхъ, въ встревоженномъ умѣ нѣтъ никакихъ представленій о географическихъ разстояніяхъ,—ну, и кажется, что не сегодня, такъ завтра турка и австріякъ къ Петербургу подойдутъ съ суши, а англичанинъ съ моря. Счастье еще, если есть время на Лиговку къ Корабельщиковой сбѣгать: та сейчасъ карты разложитъ, скажетъ:

— Горе у васъ есть и тревога душевная, но это временное. Бубновый король обратитъ на васъ вниманіе и если вы не сдѣлаете сами ошибки, то все можетъ кончиться марьяжемъ...

Двадцать копѣекъ и цѣна то за гаданье. Было бы только время сходить къ Корабельщиковой, а то двадцать копѣекъ небольшія деньги, по крайней мѣрѣ, на душѣ легче станетъ. Бубновый король и къ тому же еще марьяжъ въ будущемъ

по неволѣ заставятъ забыть на время про «сенсаціонныя извѣстія о возможномъ столкновеніи» и наведутъ мысль на болѣе успокоительные, на болѣе близкіе сердцу вопросы.

И такъ то вся жизнь идетъ: сегодня «сенсаціонныя извѣстія о возможномъ столкновеніи», вчера «тревожныя вѣсти о чумѣ, вырываемой Москвою изъ земли», третьяго дня «опасенія за черную оспу, которую могутъ занести плѣнные», и т. д., и т. д. Все только тревоги и тревоги и ни откуда успокоенія — и хоть бы по какому-нибудь «наитію» можно было догадаться, что это все случилось среди восьмидесятимилліоннаго населенія на пространствѣ девятнадцати милліоновъ квадратныхъ верстъ.

Поневолѣ идешь погадать...

———

Въ непроѣздную глушь, въ невылазную грязь занесла меня судьба осенью, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, къ одной помѣщицѣ въ Новгородской губерніи. Помѣщица была старушка, сморщенная и коричневая, какъ сильно запеченное яблоко, маленькая и рыхлая, въ бѣломъ полотняномъ чепцѣ съ оборками, сдвинутомъ постоянно на бокъ, въ ватныхъ юбкахъ и ватныхъ кофтахъ, съ красными, какъ у кролика, слезящимися и лишенными рѣсницъ глазами, съ шамкающимъ голосомъ и вѣчною боязнью. Чего она боялась — Богъ ее знаетъ: не то смерти, не то разбойниковъ, не то домовыхъ, не то собственныхъ своихъ мужиковъ, которыхъ она никогда не притѣсняла, но которые смотрѣли всегда хмуро, потому что они держались «старой вѣры», а становой требовалъ, чтобы они держались «новой вѣры». Ихъ было у нея пятнадцать душъ.

Жила старушка въ старомъ, полуразвалившемся барскомъ домѣ. Вправо отъ дома лѣсъ корявый, спутанный тянулся безъ входа, безъ выхода; влѣво отъ дома шло не то болото, не то заросшіе пруды, что то вѣчно покрытое туманомъ, вѣчно мокрое, вѣчно неприглядное. Сосѣдей на нѣсколько верстъ не было. Дни шли за днями надъ помѣщичьимъ домомъ, а перемѣнъ никакихъ не было, никто въ него не заѣзжалъ, газетъ въ немъ не получалось, толковъ никакихъ особенныхъ не происходило и только иногда пріѣздъ станового нарушалъ спокойствіе этого гроба живыхъ людей. Въ домѣ жили сама помѣщица, ея двѣ дворовыя дѣвки и дворникъ, ровестники ея по лѣтамъ. Эти заживо погребенные люди знали все, что случится завтра, что будетъ послѣ завтра, что произойдетъ черезъ годъ, — нарушить ихъ обычный строй жизни могли развѣ только смерть или пожаръ. Покуда же смерть и пожаръ не касались ихъ, они аккуратно вставали въ одинъ и тотъ же часъ, въ одно и то же время пили и ѣли, говорили объ одномъ и томъ же, ложились спать въ одну и ту же пору. Казалось бы, чего имъ еще желать: дожили люди на старости лѣтъ до возможности отдыхать — и довольно. Такъ нѣтъ! Бывало сидитъ старушка на диванѣ и раскладываетъ гранъ-пасьянсъ, а у ногъ ея на скамеечкѣ вяжетъ чулокъ ея экономка, и горничная и со-

Картина Р. БОМПІАНИ.

Дочь, украшающая памятникъ отца.

бесѣдница, Мотька, сухая и долговязая старушонка, проживавшая въ дѣвственности всю жизнь при матушкѣ-баринѣ.

— Говорятъ, нынче моръ на людей пошелъ, замѣчаетъ Мотька, отчетливо и ровно постукивая спицами.

— Кто говоритъ то? Кто? спрашиваетъ барыня.

— Люди говорятъ, отвѣчаетъ Мотька.

— Люди! Какіе такіе люди? допрашиваетъ барыня.

— Вотъ намедни къ Фомкѣ нашему, къ рыжему то, письмо сынъ изъ города прислалъ, пишетъ: «а у насъ люди мрутъ, моръ, значитъ, пошелъ»...

— Извѣстно! Народу въ городѣ много, объясняетъ барыня.

— Тоже вотъ на чугунку ѣздилъ Антошка Безпаловъ, говоритъ: «халера тамъ ходитъ», продолжаетъ Мотька.

— Гдѣ? На чугункѣ-то? спрашиваетъ барыня.

— Да. Чугунка то ее и развозитъ теперь изъ одного мѣста въ другое. Вотъ Антошка говоритъ, что и его схватило...

— Схватило? А теперь то что? спрашиваетъ барыня.

— Теперь ничего, облегчало... А то совсѣмъ скорежило...

Наступаетъ молчаніе. И барыня, и Мотька раздумываютъ и о томъ, что люди мрутъ, и о томъ, что холеру чугунка развозитъ.

— Все это на гибель себѣ человѣкъ то умудряется, замѣчаетъ среди тишины Мотька. —Безъ чугунки то тоже халера не скоро бы пришла...

Барыня вздыхаетъ и смѣшиваетъ неоконченный гранъ-пасьянсъ.

— Погадать, что-ли, Мотька? говоритъ она.—Раскинь-ка.

— Сейчасъ, матушка - барыня! оживляется Мотька. Она быстро складываетъ чулокъ. Становится на колѣни на скамейку и отбираетъ засаленныя, разбухнувшія карты, засиженныя мухами. Начинается гаданье.

— По вечерней дорогѣ вѣсть нежданная съ казенной печатью, начинаетъ разъяснять Мотька.

— Опять вѣрно становой на мужичковъ наѣдетъ, замѣчаетъ барыня.

— И, матушка-барыня, да давно ли они дѣло то замяли о своей молельнѣ! Нѣтъ, на счетъ станового теперь спокойно... По утренней дорогѣ разговоры слышны будутъ... сердечное неудовольствіе и сумленіе о денежномъ антересѣ...

— Выходитъ то все какое дурное, качаетъ барыня головой.—Пожаръ не случился бы... Митькѣ надо сказать, чтобы караулилъ.

— Ахъ, матушка-барыня, съ чего у насъ пожару то быть? успокоиваетъ ее Мотька. — И въ картахъ на счетъ огня ничего нѣтъ... Вотъ вѣсти за казенной печатью...

— И откуда это?... Что такое казнѣ понадобилось? задумывается барыня.

И ростутъ, ростутъ ея думы и нѣтъ имъ конца, нѣтъ имъ разрѣшенія. Не успокоиваетъ ее гаданье, а только сильнѣе волнуетъ, но не гадать нельзя, потому что нельзя же ей такъ цѣлый

вѣкъ спать, пить, ѣсть и опять спать и не задумываться о томъ: «а что же дальше то будетъ»? Ну, были бы мужики разговорчивѣе, нашлись бы сосѣди болтливые, получались бы газеты съ новостями, все было бы о чемъ постороннемъ думать, а тутъ полная отчужденность, полная замкнутость, полное безлюдье и такая однообразная, тоскливая жизнь, что невольно хочется узнать, не будетъ ли перемѣны завтра, не несетъ ли будущее чего-нибудь новаго. По картамъ выходитъ, что новое будетъ. Но какое новое? Въ чемъ заключается перемѣна? Откуда ее ждать?

— Матушка-барыня, что народъ то болтать начинаетъ, таинственнымъ шепотомъ говорила однажды Мотька старухѣ.

— Опять про смерть что-нибудь? произнесла барыня, безнадежно махая рукой.

— Нѣтъ, матушка-барыня, говорятъ, крестьянъ отбирать станутъ! пояснила еще таинственнѣе Мотька.

— Война, что ли? спросила барыня.

— Какая война! Теперь вѣковѣчное замиреніе французъ далъ и туркѣ пригрозилъ, чтобъ на христіанъ онъ подыматься не смѣлъ. А такъ отберутъ, на волю пустятъ народъ...

Старушка замахала рукой.

— Глупости отъ тебя только и услышишь! проговорила она. — Статочное ли дѣло народъ на всѣ четыре стороны пустить на волю. Цыгане мы, что ли? Выдумаетъ тоже! Народъ нашъ на землѣ сидитъ и не резонъ ему на волѣ по цыганскому жить.

— Да, ей Богу же, матушка-барыня, говорятъ! И землю, говорятъ, подъ мужиковъ отдадутъ.

— Да земля-то моя! Дура ты, дура старая! Барыня и Мотька умолкаютъ. Но барыня тревожится. Проходитъ минутъ пять.

— На́ карты то... раскинь! говоритъ барыня. Идетъ опять гаданье: опять новости за казенной печатью, тревожный разговоръ по утренней дорогѣ...

— Брось, брось ты! говоритъ сердито барыня.—Охъ, Господи, житье то какое! Хоть бы какой ни на есть человѣкъ знающій былъ, хоть бы расспросить что... А то вотъ какъ въ туманѣ какомъ ходишь...

Но человѣкъ знающій не является, распросить некого и барыня гадаетъ, гадаетъ и все больше ростетъ сумбуръ въ ея головѣ.

— Да какъ же я безъ земли? разсуждаетъ барыня.—Земля моя. И тоже народъ на всѣ четыре стороны пустить? Гдѣ это видано? Народъ крѣпостной! Еще дѣдушкой мнѣ даденъ въ приданое! Пенсію нѣшто положатъ отъ казны. Тоже какъ я ѣздить за пенсіей буду? Совсѣмъ никакъ не могу я теперь ѣздить. Я человѣкъ рыхлый и дорогъ у насъ нѣтъ подходящихъ. Опять же и лошадей у меня нѣтъ.

— Барыня-матушка, говорятъ, и въ газетѣ пишутъ объ этомъ, говоритъ Мотька.

— Пишутъ? У кого же это газета то здѣсь проявилась? допрашиваетъ барыня.

— Да все онъ же, Антошка Беспалый, на чу-

Картина Р. Бомпіани.

Музыкантъ.

гунку ѣздилъ...

— Ишь мало вѣрно холерой пропало...

— Вотъ и привезъ оттуда листы то...

— Привезъ... Такъ ты спроси у него... покажи мнѣ! говоритъ барыня.

Газета, замазанная, зачитанная, старая добывается гдѣ то. Барыня надѣваетъ очки, пробуетъ читать, читаетъ и ровно ничего не понимаетъ: «эманципація», «комиссія», «размѣры надѣла», «общинное землевладѣніе», «рента», «ипотека», «аграрный вопросъ въ западной Европѣ», все это какъ то дико звучитъ въ ея ушахъ, все это для нея китайскія слова, безсмысленные звуки.

— А мужички то что говорятъ? спрашиваетъ она Мотьку.

— «Воля», говорятъ, отвѣчаетъ Мотька.

Барыня задумывается и нѣтъ уже теперь конца ея думамъ, ея страхамъ, ея соображеніямъ, ея гаданіямъ. Дорого дала бы она тому, кто погадалъ бы ей теперь о ея будущемъ, да не такъ, какъ Мотька, а по настоящему, «по ворожейски».

— Юродивый, говорятъ, проявился у насъ тутъ, замѣчаетъ Мотька. — Въ веригахъ ходитъ и о свѣтопреставленіи говоритъ...

— О свѣтопреставленіи? повторяетъ барыня въ раздумьи.

— Да о свѣтопреставленьи, а на дняхъ Агашку Данилки Косого встрѣтилъ и судьбу ея предсказалъ... Не вѣдаешь, говоритъ, ни дня, ни часа, егда же...

— Ну—у!

— Ей Богу! божится Мотька. — И начало то съ поры Агашку трясти, трясти, совсѣмъ, какъ стѣнь, теперь ходитъ...

— Голубушка, Мотя, отыщи его, приведи его, родная!... восклицаетъ барыня и чуть не обнимаетъ Мотьку.

У нея мелькаетъ надежда узнать и свою судьбу...

Юродиваго отыскиваютъ, приводятъ. Грязный, полуголый, лядащій мужиченко, съ облѣзлой плѣшивой головой, съ корявыми ногами въ ранахъ и веригахъ, появляется въ гостиной матушки-барыни и выставляетъ свою руку.

— Цѣлуй, грѣшница! Цѣлуй, маловѣрная! — кричитъ онъ пискливымъ голосомъ.

Барыня цѣлуетъ грязную, корявую руку.

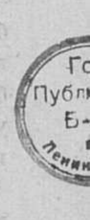
— Кланяйся, безпутная! Кланяйся, заблудшая! продолжаетъ онъ кричать тѣмъ же птичьимъ голосомъ.

Барыня кланяется ему въ ноги.

— Гдѣ мое гнѣздо? Гдѣ мои птенчики? Кръъ! Кръъ! кричитъ юродивый уже зычнымъ голосомъ и машетъ руками, какъ крыльями. — Гдѣ мое гнѣздо? Гдѣ мои птенчики? Кръъ! Кръъ! Воро́на!

Больше отъ него ничего нельзя добиться, но довольно и этого, чтобы не спать цѣлыя ночи, чтобы искать по цѣлымъ днямъ смысла въ таинственныхъ словахъ...

И барыня не спитъ ночей, ищетъ по цѣлымъ днямъ смысла этихъ словъ и дѣлается совсѣмъ «отолпешенною»...



Года четыре тому назадъ мнѣ пришлось дать отзывъ въ газетномъ фельетонѣ объ отчетѣ одного изъ благотворительныхъ обществъ и я, между прочимъ, замѣтилъ, что эта «игра въ благотворительность, не принося никакой пользы обществу, ведетъ однихъ къ тепленькимъ мѣстечкамъ и наживѣ, а другимъ даетъ на долю то, что ихъ гладятъ по шерсткѣ и стригутъ, какъ барановъ». На другой же день я получилъ коротенькую записочку, написанную мелкимъ женскимъ почеркомъ на изящной почтовой бумагѣ.

Записка гласила слѣдующее:

Милостивый Государь!

Вы зло посмѣялись надъ нашей «игрой въ благотворительность», но въ то же время Вы не сказали ни слова о томъ, чѣмъ болѣе серьезнымъ могли бы мы замѣнить эту «игру». Я хотѣла бы поговорить о многомъ, что волнуетъ меня, лично съ Вами. Если у Васъ свободенъ хоть одинъ вечеръ, отдайте его въ распоряженіе мнѣ. Вы много обяжете меня этимъ.

Примите увѣреніе въ искренности моего уваженія къ Вамъ

Княгиня Анна Логовская

Предсѣдательница «Общества добровольныхъ жертвъ».

Меня заинтересовало предстоящее свиданіе. Я слышалъ о княгинѣ давно. Судя по слухамъ, я надѣялся увидѣть женщину, достойную наблюденія.

Въ восемь часовъ вечера въ назначенный мною день я поднялся по мраморный лѣстницѣ дома князя Логовскаго, прошелъ двѣ парадныя залы и услыхалъ торопливые женскіе шаги: ко мнѣ шла на встрѣчу, быстро ступая по мягкому ковру и уже нѣсколько переваливаясь по утиному, княгиня.

— Благодарю васъ за вашу любезность, проговорила она, дружески пожимая мнѣ руку. — Мнѣ нужны совѣты, совѣты и совѣты, и я ищу ихъ вездѣ. Вы стремитесь къ тому же, къ чему ощупью иду я, и потому я была увѣрена, что вы не оставите меня и поможете мнѣ.

Она говорила нѣсколько торопливо, нѣсколько книжно. Это была прекрасно сохранившаяся развалина прошедшей женской красоты. Княгиня провела меня въ маленькій кабинетъ, отдѣленный отъ ея будуара только портьерой, и пригласила сѣсть.

— Вы курите? спросила она.

— Я не такой страстный курильщикъ, чтобы непремѣнно заставлять васъ задыхаться отъ дыма втеченіи моего недолгаго визита, отвѣтилъ я.

— О, и не думайте стѣсняться. Я люблю, чтобы мои друзья были у меня, какъ дома, — а я надѣюсь, что вы будете моимъ другомъ. Мы любимъ одно и то же. Вы видите, проговорила она, указывая на стѣну, надъ своимъ маленькимъ диванчикомъ.

Я увидалъ десятокъ портретовъ горячо любимыхъ и глубоко чтимыхъ мною людей.

— Ихъ портреты, ихъ сочиненія, ихъ мысли — вотъ тотъ міръ, гдѣ я отдыхаю, торопилась она излиться. — Но мы, свѣтскія женщины, такъ мало образованы, такъ мало развиты, такъ неумѣлы, что намъ трудно быть дѣятельницами, трудно идти по пути, намѣченному великими мыслителями... Знаете ли вы, что я иногда дохожу до нервныхъ припадковъ, раздумывая: что дѣлать? Мнѣ давно уже надоѣла пустота свѣтской жизни, меня не можетъ удовлетворять узкая семейная жизнь, да, наконецъ, я и стара для свѣтскихъ удовольствій, а въ дѣтской я лишняя, потому что учителя, гувернантки и гувернеры, конечно, лучше меня исполняютъ дѣло воспитанія и образованія дѣтей. Такимъ образомъ, мнѣ осталось или сдѣлаться биготкой и молиться о спасеніи своей души, или искать общественную дѣятельность и заботиться о пользѣ ближнихъ. Но я не могла сдѣлаться биготкой, потому что я рано поняла значеніе словъ: «вѣра безъ дѣлъ мертва есть», да и вы — то есть люди вашей партіи — успѣли мнѣ указать, какъ много есть въ нашемъ обществъ язвъ, требующихъ исцѣленія..

Все это говорилось быстро, горячо, съ волненіемъ, съ полною экспансивностью. Она точно торопилась выложить всю свою душу передъ свѣжимъ человѣкомъ и въ то же время показать ему, что она уже зачислила его въ число своихъ друзей. Изъ ея словъ я услышалъ подтвержденіе всѣхъ слуховъ, ходившихъ о ней; я узналъ, что она дѣйствительно бросалась съ страстнымъ увлеченіемъ и въ омуты свѣтской жизни, и въ водоворотъ общественной дѣятельности, и въ бѣличье колесо филантропическихъ затѣй, ища вездѣ удовлетворенія тѣхъ смутныхъ порывовъ, которые не давали ей покоя. И всюду она наталкивалась на вопросы: «для чего это дѣлается?» «приноситъ ли это ей удовлетвореніе?» «полезно ли это для общества?» «что изъ этого выйдетъ?» Отвѣтомъ на эти вопросы служило постоянное разочарованіе, утомленіе и сумбуръ въ головѣ, дѣлавшійся все болѣе и болѣе запутаннымъ.

Черезъ часъ мы уже и спорили, и ссорились, и мирились съ нею и она говорила мнѣ: «Мой добрый другъ». Мнѣ оставалось только гордиться ея дружбою и предназначавшеюся мнѣ ролью руководителя.

— Вы не можете себѣ представить, какъ давно я жаждала знакомства съ вами! говорила она въ волненіи. — Я всегда была горячею поклонницею всего, что вы писали. Я вдумывалась въ каждую вашу строку.

Я только краснѣлъ отъ удовольствія,

— Достаточно однихъ вашихъ «Нравовъ Растеряевской улицы», чтобы расшевелить мысль, закончила она, пожимая мнѣ на прощаніи руку.

Я покраснѣлъ еще болѣе: я никогда на описывалъ «нравовъ Растеряевской улицы», потому что ихъ описалъ г. Глѣбъ Успенскій...

«Вотъ и еще одна отолпешенная», думалось мнѣ, когда я выходилъ изъ кабинета моего новаго друга. И много пришлось мнѣ повозиться съ этимъ другомъ: я пробовалъ доказать моему другу, что лотерея, устроенная ею въ пользу бѣдныхъ, разоряетъ и развращаетъ въ сущности тѣхъ же бѣдняковъ, такъ какъ именно бѣдняки, а не богачи, гонятся за сторублевыми выигрышами, бросая послѣдніе рубли; я доказывалъ моему другу, что устройство маскарада, дающаго пять или шесть сотъ рублей доходу, нелѣпо, такъ какъ для этого маскарада благотворительницы спеціально заказываютъ наряды въ Парижѣ, изъ которыхъ каждый равняется по цѣнѣ всему доходу съ маскарада; я объяснялъ ей, что ея дешевые обѣды очень не гигіеничны и непитательны и бѣдняки должны поневолѣ расходоваться, пополняя ихъ разною дрянью въ родѣ кислой капусты, соленыхъ огурцовъ, грошевыхъ селедокъ, копченой колбасы; я указывалъ, какъ въ ея комитетѣ обдѣлывались темныя дѣлишки, процвѣтала система протекцій, производилась помощь недостойнымъ на счетъ достойныхъ, происходило гнусное барышничество дамъ благотворительницъ, завѣдующихъ базарами, лотереями, дѣтскими праздниками съ подарками; я, наконецъ, указалъ ей, что только при ея помощи, стоя передъ ней на заднихъ лапкахъ, втерся въ аристократическіе дома, дошелъ до теплаго мѣста извѣстный взяточникъ Маремьяновъ и что при ея содѣйствіи, давъ на ея общество двѣ-три тысячи рублей, жидъ Гурцель обдѣлалъ выгодное дѣло съ подрядомъ. На все это я слышалъ только одно нетерпѣливое возраженіе.

— Ахъ, я знаю, знаю все это! Чѣмъ же я виновата, что у насъ нѣтъ людей? Но я не обращаю на эти мелочи вниманія во имя того принципа, ради котораго я дѣлаю дѣло.

Я пробовалъ доказывать, что я не вижу ни въ чемъ въ ея дѣятельности и тѣни осуществленія ея плановъ, но мнѣ уже сердито возражала княгиня:

— Ахъ, такъ вы думаете, что великія реформы дѣлаются по щучьему велѣнію! Вы думаете, что можно сѣять, не подготовивъ почвы? Это было бы отлично, если бы все такъ просто дѣлалось! Нѣтъ, а вы задайтесь извѣстною цѣлью и идите къ ней, наперекоръ всему, несмущаясь ничѣмъ, сознавая всю трудность перейти стоящія передъ вами преграды... Вы знаете, какъ Песталоцци и бѣднякъ Ланкастеръ осуществили свои идеи, какъ они боролись...

— Я же самъ писалъ объ этомъ, замѣтилъ я.

— Ну да, такъ чтоже вы мнѣ толкуете! Вы должны знать, какъ трудно завоевывать почву для осуществленія новыхъ идей.

И опять лились потоки фразъ, фразъ и фразъ. Я видѣлъ, что княгиня вообразила себя великой дѣятельницей и реформаткой. Наконецъ, мнѣ надоѣло возиться съ княгиней. Я понималъ, что она «закусила удила» и что разубѣждать ее покуда было безполезно. Наши отношенія послѣ годовой дружбы вдругъ стали холодными и я получилъ отъ нея названіе Мефистофеля, видящаго во всемъ только темныя пятна, и мое мѣсто занялъ при ней молоденькій краснобай секретарь изъ золотой молодежи. Я, со своей стороны, сталъ уже нѣсколько злостно ловить ее на разныхъ промахахъ и непослѣдовательностяхъ, мнѣ хотѣлось, наконецъ, уяснить ей самой, что она такое. Однажды я встрѣтился съ нею на балу, мы поздоровались дружески, но она тотчасъ же съ проніей замѣтила мнѣ:

— А вы, мой невѣрующій Мефистофель, все еще по старому будируете противъ моего общества?

— О нѣтъ, княгиня, отвѣтилъ я, — оно теперь приняло веселый характеръ, съ тѣхъ поръ какъ въ немъ секретаремъ Мамаевъ. Я слышалъ, что вашъ комитетъ очень весело утѣшился за неудачный благотворительный балъ на блестящемъ ужинѣ у Бореля, куда рискнули поѣхать даже дамы вашего круга!

У княгини вспыхнулъ злой огонекъ въ глазахъ.

— Вы, однако, пристально слѣдите даже за нашимъ поведеніемъ и ставите намъ дурныя отмѣтки за шалости, усмѣхнулась она.

— Помилуйте, развѣ я осуждаю! проговорилъ я. — Мнѣ было бы совершенно понятно даже и то, если бы общество взяло, да и проѣло бы всѣ собранныя деньги на ужинахъ у Борелей и Дюссо. Это было бы, право, логичнѣе, чѣмъ раздавать ихъ по три рубля разнымъ пройдохамъ-пропойцамъ или матерямъ шести-семи человѣкъ дѣтей, голодающимъ и до полученія трехъ рублей и послѣ полученія ихъ.

— Довольно! довольно! Я знаю все, что вы скажите, мой злой Мефистофель, улыбнулась Анна Ивановна и круто перемѣнила разговоръ. — Вы видѣли Бредифа? спросила она меня.

— Нѣтъ, я фокусника-Германа нѣсколько лѣтъ тому назадъ смотрѣлъ въ александринскомъ театрѣ, отвѣтилъ я. — Ничего, хорошіе фокусы дѣлалъ...

— Ахъ да, вы вѣдь все отрицаете, значитъ и въ спиритизмъ не вѣрите! замѣтила княгиня съ проническої улыбкой.

— А вы вѣрите? усмѣхнулся я.

— Пожалуйста, не вздумайте пронизировать! Покуда вамъ приходится рисоваться отрицаніемъ передъ нами, малоучеными женщинами, — вы еще можете заронить въ чью нибудь душу сомнѣніе. Но отрицая спиритизмъ, вы столкнетесь съ опасными для васъ противниками, съ профессорами, съ естествоиспытателями, съ Вагнеромъ и Бут-

леровымъ. Смотрите, чтобъ не пришлось спасовать передъ ними. Вы вѣдь не только не профессоръ, но даже не естественникъ...

— Такъ вы серьезно вѣрите въ спиритизмъ? Ужь не спрашивали ли вы у Жакэ *) о пользѣ благотворительности?

— А если бы и такъ?

— Она, конечно, отвѣтила вамъ, что благотворительность полезна, особенно если она доводитъ до спиритизма...

Княгиня не отвѣтила ничего и разсѣянно посмотрѣла въ сторону, съ выраженіемъ скучающей женщины. Въ сущности я долженъ бы былъ удалиться. Но я остался еще на нѣсколько минутъ съ княгинею.

— Прежде, чѣмъ вы окончательно сдѣлаетесь спириткою, продолжалъ я,—позвольте разсказать вамъ одну старую исторію. Въ тридцатыхъ годахъ пріѣхалъ въ Петербургъ какой-то пройдоха и сталъ продавать «Венеціанское мыло». Но дѣло было не въ этомъ мылѣ. Время тогда было скучное, глухое, въ нашемъ обществѣ господствовалъ еще мрачный байронизмъ, всѣ чувствовали себя не по себѣ, рвались куда-то изъ однообразной удушливой атмосферы застоя, окружавшей ихъ, среди золотой молодежи царствовали оргіи и валпургіевы ночи Саввы Яковлева, она потѣшалась надъ знаменитымъ Троцкимъ, давая ему за плату оплеухи, заставляя его за деньги являться на гулянья вымазаннымъ дегтемъ и обсыпаннымъ пухомъ, лицомъ къ хвосту лошади. Никто не зналъ, что бы такое придумать, чтобы жизнь стала веселѣе, чтобы душу не грызла скука, скука и скука. Въ такія времена всегда бываетъ много отолпешенныхъ...

— Отолпешенныхъ? Я васъ не понимаю! небрежно пожала плечами княгиня, постукивая сложеннымъ вѣеромъ по ладони лѣвой руки, стянутой въ перчатку.

— Да, людей, чувствующихъ, что въ ихъ жизни идетъ что-то неладно, что нужно какъ то иначе жить, мучаемыхъ смутными сомнѣніями и тревогами, но лишенныхъ по множеству причинъ, по недоумію, по недостатку развитія, возможности измѣнить жизнь, отыскать лучшій путь или даже справиться съ своими сомнѣніями и тревогами. Вотъ такіе-то люди легко ловятся на удочку ворожеями, юродивыми, спиритами, магнетизерами и ханжами. Ловкій пройдоха понялъ это и черезъ нѣсколько времени городъ узналъ, что въ теперешней Казанской улицѣ существуетъ «храмъ Изиды», гдѣ одна сонамбула предсказываетъ судьбу, указываетъ лекарства, даетъ совѣты желающимъ. Всѣ отолпешенные бросились въ этотъ храмъ, ища разрѣшенія въ немъ всего того, что волновало и тревожило ихъ. Много рублей бѣдныхъ женщинъ перешло въ карманъ пройдохи, много высокопоставленныхъ лицъ дежурило въ пріемной афериста, дожидаясь своей очереди, много сумбуру вынеслось отсюда людьми всѣхъ сословій... Сонамбула отличалась дѣйствительно изумительными свойствами: она съ завязанными глазами, лежа на чемъ-то въ родѣ катафалка, отлично описывала физіономіи приходящихъ, угадывала, во что они одѣты, прямо говорила, съ какими вопросами они пришли къ ней... На сколько вѣрно она разрѣшала вопросы будущаго—этого я не знаю...

— Но все же, значитъ, она обладала даромъ прозрѣнія, замѣтила княгиня.

— Да, да, какъ же! Подъ нею былъ двойной полъ, куда пролѣзали изъ пріемной люди дома, успѣвшіе осмотрѣть и распросить посѣтителей, на сколько это было нужно для сонамбулы.

— Вы, Богъ знаетъ, что выдумываете! нетерпѣливо замѣтила княгиня.

— Помилуйте, я разсказываю только то, что было и г. М. Семевскій, вѣроятно, когда нибудь, не безъ пользы для общества, изслѣдуетъ болѣе подробно и точно эту исторію, тѣмъ болѣе, что послѣдняя свидѣтельница, хозяйка того дома, гдѣ находился «Храмъ Изиды», здравствуетъ, благодаря Богу, и теперь... Я же вамъ разсказалъ эту исторію только для того, чтобы вы знали, къ какимъ личностямъ обращаются иногда отолпешенные люди за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній.

— Ужь вы и меня не причисляете ли къ нимъ? строго спросилъ мой негодующій другъ.

— Помилуйте, я только предостерегаю васъ, чтобы вы не попали въ ихъ число.

Съ этой минуты мы сдѣлались открытыми врагами. Признаюсь, я былъ радъ этому: я усталъ волноваться волненіями отолпешенной княгини.

...На дняхъ въ Петербургъ прибылъ извѣстный своими скандалами спиритъ, мистеръ Следъ. Милости просимъ,—время выбрано хорошее и теперь у насъ можно собрать обильную жатву съ сотень и сотень отолпешенныхъ людей...

Нѣкто.

*) Медіумъ Бредифъ говорилъ, что на его сеансахъ появляется тѣнь китаянки Жакэ.

Новости наукъ и жизни.

— Столѣтіе рожденія академика Триніуса. Въ академіи наукъ предполагается, какъ мы слышали, чествованіе въ текущемъ году столѣтія рожденія извѣстнаго ботаника, покойнаго академика Триніуса. Триніусъ былъ родомъ германецъ и въ Петербургъ прибылъ въ качествѣ врача принцессы саксенъ-кобургской. Здѣсь онъ напечаталъ рядъ сочиненій, поставившихъ его на степень перворазрядныхъ ботаниковъ. Особенно важны въ практическомъ отношеніи были флора окрестностей С.-Петербурга и Москвы и описаніе лѣсовъ, произрастающихъ въ окрестностяхъ С.-Петербурга. Эти сочиненія и побудили академію наукъ причислить его къ своему составу. Въ званіи члена академіи Триніусъ основалъ при академіи ботаническій музей и издалъ нѣсколько ученыхъ трактатовъ, между прочимъ, описаніе существующихъ на земномъ шарѣ, извѣстныхъ до его времени, злаковъ. Эти-то труды и доставили ему званіе члена многихъ ученыхъ учрежденій. Кромѣ того онъ назначенъ былъ лейбъ-медикомъ. Триніусъ преподавалъ нѣкоторыя науки Государю Императору Александру II Николаевичу.

— Вооруженное сопротивленіе обыску. Въ одесскихъ газетахъ напечатано слѣдующее офиціальное сообщеніе мѣстнаго градоначальника о столкновеніи чиновъ жандармскаго вѣдомства съ лицами, въ квартирѣ которыхъ, 30 января, производился домашній обыскъ: 30 января, вечеромъ, во время производства лицами жандармскаго вѣдомства, при участіи прокурорскаго надзора, обыска въ частной квартирѣ, на Садовой улицѣ, въ д. Петровскаго, проживающія въ ней лица, 5 мужчинъ и 2 женщины, оказали вооруженное сопротивленіе кинжалами и револьверами и затѣмъ, запершись въ комнатѣ, продолжали сопротивляться и сдѣлали даже нѣсколько выстрѣловъ черезъ окно въ проходящихъ полицейскихъ чиновъ. Вызванною военною силою двери квартиры были взломаны; всѣ сопротивлявшіеся арестованы; причемъ, оказались пораненными: жандармскій офицеръ, четыре жандарма, дворникъ, два полицейскихъ офицера и двое изъ сопротивлявшихся.

— С. В. Шумскій. Газеты «Голосъ» и «Петербургская газета» напечатали телеграммы изъ Москвы о смерти лучшаго изъ современныхъ актеровъ Сергѣя Васильевича Шумскаго. Онъ умеръ 6 февраля отъ удушья. Шумскій родился въ 1820 году въ Москвѣ и воспитывался въ московскомъ театральномъ училищѣ. На развитіе таланта Шумскаго оказалъ большое вліяніе Щепкинъ, въ семействѣ котораго нѣкоторое время жилъ молодой Шумскій по выходѣ изъ училища. Вначалѣ своей сценической дѣятельности, Шумскій, какъ и многіе другіе изъ талантливыхъ русскихъ артистовъ, не получалъ ролей. Наскучивъ ничего недѣланьемъ, онъ въ 1845 году уѣхалъ изъ Москвы въ Одессу, гдѣ нѣсколько лѣтъ игралъ съ большимъ успѣхомъ. Въ Москву онъ возвратился въ 1851 году и снова дебютировалъ здѣсь, но уже вполнѣ удачно. Нѣсколько лѣтъ къ ряду русская труппа въ Москвѣ была безспорно первой въ Россіи и самое видное мѣсто въ ней занимали Садовскій и Шумскій.

— Солнечный параллаксъ. Въ нашихъ рукахъ находится отчетъ англійскихъ экспедицій для наблюденія прохожденія Венеры 1874 г. Величина параллакса или уголъ, подъ которымъ усматривается съ солнца экваторіальный радіусъ земли, на основаніи наблюденій (однихъ англійскихъ), равняется 8″76. Результатъ этотъ поразителенъ по своей малости, такъ какъ мы обыкновенно принимаемъ его или въ 8″95 (по изысканіямъ Леверрье), или же въ 8″85 (по изысканіямъ Ньюкомба). Съ измѣненіемъ величины параллакса измѣняется и принятое нами разстояніе земли отъ солнца на двѣ сотыхъ всего разстоянія, т. е. почти на полъ милліона географическихъ миль!

— Матеріалы для изученія папскаго вопроса. Папскій вопросъ со смертію Пія IX особенно ярко выступаетъ на сцену. Приводимъ указанія наиболѣе выдающихся сочиненій и статей на русскомъ языкѣ. У насъ изданы сочиненія: графа Д. А. Толстаго «Римскій католицизмъ въ Россіи» и Вызинскаго «Папство и священная римская имперія въ XIV и XV столѣтіяхъ», на французскомъ—сочиненіе аббата Гетте «Схизматическое папство или Римъ въ его отношеніи къ восточной церкви», на нѣмецкомъ—книгу Мундта «Римъ и Пій IX». О происхожденіи свѣтской власти папъ имѣется статья въ «Трудахъ» кіевской духовной академіи. Біографіи папы и его портретъ имѣются въ «Иллюстраціи» (№ 283, 1859 г.), въ «Иллюстрированномъ семейномъ Листкѣ». Въ «Иллюстраціи» 1861 т. помѣщены были портреты ближайшихъ сторонниковъ Пія IX—Барезо, Паццa, Тальбота, Гогенлое, Мерода, Стелла, Ричри, Марсильна, Ценни. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 55, за 1860 г.), въ «Сѣверной почтѣ» (№ 46, за 1862 г.), въ «Свѣточѣ» помѣщены были интересныя свѣдѣнія о частной и государственной жизни Пія IX. Папское проклятіе или отлученіе отъ церкви всѣхъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ жителямъ Романьи присоединиться къ Пьемонту разсмотрено подробнѣе всего въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ «Страникѣ» находимъ статьи гг. Васильева и Осинина по поводу буллы папы о соединеніи восточно-католической церкви съ римскою. Въ «Православномъ обозрѣніи» есть интересная статья по поводу рѣчи Пія, произнесенной въ тайной консисторіи объ отношеніи папства къ современному просвѣщенію.

— Изслѣдованіе поверхности луны. Физическое отдѣленіе физико-химическаго общества намѣрено предпринять, какъ мы слышали, всестороннее и особенно спектральное изслѣдованіе поверхности луны. Сюда будутъ отнесены: а) наблюденія и измѣренія топографическія; б) фотометрическія для частей луны; в) фотоспектральныя; г) поляризаціонныя измѣренія силы химическихъ лучей различныхъ частей луны. Одновременно съ наблюденіями поверхности луны предполагается систематическое изученіе оптическихъ свойствъ поверхностей тѣлъ, которыя еще мало изучены. Основная цѣль обѣихъ работъ будетъ заключаться въ сравненіи свойствъ поверхностей нашей планеты и луны. Изслѣдованіе луны представитъ массу разнородныхъ оптическихъ задачъ. Несмотря на существующія уже для луны изслѣдованія, есть не мало вопросовъ, которые остаются открытыми, какъ, напримѣръ, предполагающіяся измѣненія луннаго кратера Линней.

— Новая книга по лѣсоводству. Потребность въ статикѣ лѣсоводства на русскомъ языкѣ побудила П. І. Корсини перевести и издать «Руководство къ статикѣ лѣсоводства» д-ра Густава Гейера, директора Мюнхенской лѣсной академіи. Появившаяся первая часть его содержитъ методы вычисленія лѣсной доходности и составляетъ отдѣльное, замкнутое цѣлое, а послѣдующія части должны имѣть предметомъ дальнѣйшее развитіе статистики; но онѣ еще не изданы въ оригиналѣ. Для нашей небогатой лѣсной литературы эта книга весьма полезна.

Картина КЮРЗОНА.

Молодая мать.

— Громадное головоногое. 22-го октября 1877 года около береговъ Ньюфаундленда въ продолженіе 3-хъ дней свирѣпствовала страшная буря, во время которой громаднымъ волненіемъ былъ выкинутъ на берегъ гигантскій головоногъ. Хвостъ его ущемился между двухъ каменныхъ глыбъ и, не смотря на самыя отчаянныя усилія освободиться, чудовище не могло снова уйти въ море. Мѣстные рыбаки, случайно наткнувшіеся на этотъ подарокъ океана, осмѣлились приблизиться къ животному только тогда, когда оно ослабѣло и умирало на обмелѣвшемъ берегу. Размѣры головонога весьма велики: двѣ изъ восьми ногъ, прикрѣпленныхъ къ его головѣ, имѣли 30 фут. длины, а остальныя шесть—около 12 фут.; тѣло простиралось на 10 фут. въ длину и имѣло 7 фут. въ объемѣ; оканчивалось оно хвостомъ, имѣвшимъ 2 ф. въ поперечникѣ. Темнокрасный цвѣтъ животнаго послѣ смерти измѣнился въ бѣловатый. На головѣ среди ногъ находится какъ-бы клювъ изъ крѣпкаго рогового вещества, а по обѣимъ его сторонамъ помѣщаются два страшные глаза. Чудовище показывается теперь въ нью-іоркскомъ акваріумѣ, гдѣ для него устроенъ отдѣльный стеклянный шкафъ въ 25 фут. длиною.

Крушеніе поѣзда на Бресто-Граевской желѣзной дорогѣ 29-го декабря 1877 года.

— Распространеніе заразы посредствомъ книгъ. Возможность зараженія посредствомъ книгъ признана въ настоящее время правительствомъ штата Канзасъ. Директоры тамошней публичной библіотеки предостерегаютъ общество отъ этой опасности и совѣтуютъ, въ случаѣ появленія эпидеміи въ городѣ, возвращать книги, взятыя изъ библіотеки, только по окончаніи эпидеміи и послѣ продолжительнаго провѣтриванія ихъ; дальнѣйшая же выдача книгъ изъ библіотеки, на время преобладанія въ городѣ какой либо болѣзни заразительнаго характера, прекращается. Вообще средства предохраненія отъ опасности въ подобныхъ случаяхъ весьма просты: книги, бывшія въ чтеніи у паціента, страдающаго заразительною болѣзнью, должны быть подвергнуты сильному нагрѣванію, или же, если болѣзнь не отличается большою опасностью и интенсивностью, должны быть выставлены на нѣкоторое время на открытый воздухъ. Обычай возвращать книгу прямо отъ зараженной постели въ библіотеку должно считать предосудительнымъ, если подумать, чрезъ какое большое число рукъ эта книга можетъ потомъ пройти, разнося заразу.

— Народонаселеніе Россіи. «Московскія Вѣдомости» дѣлаютъ слѣдующій разсчетъ о количествѣ народонаселенія въ Россіи: Счисленіе народа въ Россіи производится посредствомъ ревизій или общихъ переписей лицъ, принадлежащихъ къ податному классу. Такихъ ревизій со времени Петра Великаго было десять: первая 1722 года, вторая 1742 года, третья 1762 года, четвертая 1782 года, пятая 1796 года, шестая 1811 года, седьмая 1816 года, восьмая 1834 года, девятая въ 1851 и десятая въ 1858 году. По десятой ревизіи оказалось 68.931,728 душъ, а съ неподатными 74.271,205 обоего пола. Сюда не вошли дикокаменные киргизы, Амурская область и американскія колоніи. Кромѣ того начальники губерній ежегодно представляютъ во всеподданнѣйшихъ отчетахъ свѣденія о числѣ жителей. Эти свѣденія, сличаемыя съ числами родившихся и умершихъ, извлекаемыми изъ метрическихъ книгъ всѣхъ вѣроисповѣданій, отъ времени до времени обработываются въ центральномъ статистическомъ комитетѣ.

Въ 1867 году такимъ способомъ вычислено, что въ Россіи было тогда 82.159,630 обоего пола.

По вычисленіямъ академика петербургской академіи наукъ, г. Буняковскаго, у насъ, въ Россіи естественное увеличеніе народонаселенія (перевѣсъ числа рождающихъ надъ числомъ умирающихъ) ежегодно равняется 1,33%. Основываясь на этомъ, получаемъ слѣдующее: въ Россіи съ Польшей и Финляндіей народонаселенія было: въ 1867 году 82.159,630; 1868 — 83.255,091; 1869—84.365,154; 1870—85.490,022; 1871 — 86.629,889; 1872 — 87.783,753; 1873 — 88.954,402; 1874 — 90.114,461; 1875 — 91.315,886; 1876 — 92.533,430; 1877 — 93.767,208; 1878 — 95.017,438.

Къ 95.017,438 должно прибавить населеніе областей, присоединенныхъ къ Россіи послѣ 1867., именно Кульджу со 114,337 обоего пола, Аму-Дарьинскую область съ 220,000, Зарявшанскій округъ съ 200,000 и Ферганскую область съ 800,000 обоего пола, всего 96,351,775 обоего пола. Исключая изъ этого населенія (57,000) бывшихъ нашихъ американскихъ колоній, менонитовъ и нѣмцевъ другихъ религіозныхъ сектъ, ушедшихъ изъ Россіи отъ отбыванія воинской повинности, горцевъ и татаръ, ушедшихъ послѣ 1867 г. въ Турцію, окажется, что у насъ въ настоящее время $96^1/_4$ мил. населенія.

— Лѣченіе привычныхъ пьяницъ. Д-ръ Муръ, врачъ при Антримской тюрьмѣ, недавно издалъ брошюру, въ которой онъ трактуетъ о леченіи привычныхъ пьяницъ. Относительно пьяницъ, изъ которыхъ состоитъ большинство заключенныхъ въ названной тюрьмѣ, авторъ предлагаетъ слѣдующую мѣру: не выпускать на свободу заключенныхъ до тѣхъ поръ, пока они не излечатся отъ привычки къ пьянству. Короткій срокъ тюремнаго заключенія не даетъ организму времени оправиться отъ дурныхъ послѣдствій пьянства, и освобожденіе изъ тюрьмы прекращаетъ начавшееся, можетъ быть, нравственное исправленіе. Д-ръ Муръ говоритъ, что привычныхъ пьяницъ должно содержать въ тюрьмѣ не менѣе трехъ мѣсяцевъ; послѣ-же выпуска ихъ на свободу они должны быть обязаны являться въ тюрьму въ

извѣстные періоды времени для удостовѣренія врачей въ томъ, что продолжаютъ вести трезвую жизнь; съ этою цѣлью они должны представлять свидѣтельства отъ пастора, врача и трехъ домовладѣльцевъ. Такой надзоръ долженъ продолжаться въ теченіе года. Это предложеніе д-ра Мура нѣсколько сходно съ проектомъ, составленнымъ коммиссарами бостонскаго городскаго совѣта, о наказаніяхъ, которымъ должно подвергать пьяницъ, а именно: помѣщать пьяницъ въ особенные пріюты на продолжительное время, съ дозволеніемъ получать временные отпуски въ видѣ испытанія и на извѣстныхъ условіяхъ.

— **Муниципальная выставка.** Въ самомъ центрѣ зданія всемірной парижской выставки, по словамъ французскихъ газетъ, строится громадный павильонъ, воздвигаемый городскимъ управленіемъ города Парижа. Остовъ этого павильона уже почти поставленъ на мѣсто; онъ состоитъ исключительно изъ желѣзныхъ и чугунныхъ частей, которыя были доставлены на мѣсто постройки въ разобранномъ видѣ. Всѣ отдѣлы городскаго управленія заняты подготовкою предметовъ для этой чисто-муниципальной выставки, которая представитъ самое богатое собраніе всего, что сдѣлано и что употребляется въ настоящее время для украшенія и оздоровленія Парижа, а также и результаты сдѣланныхъ въ этомъ направленіи усилій и заботъ. Мысль эта, равно какъ и способъ ея осуществленія, заслуживаютъ особеннаго вниманія и вѣроятно представятъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ отдѣловъ будущей выставки.

— **Благодарность студентамъ медико-хирургической академіи.** «Голосу передаютъ, что начальникомъ медико-хирургической академіи получено отъ главнаго военно-медицинскаго инспектора дѣйствующей арміи, г. Приселкова, оффиціальное сообщеніе, къ которомъ студентамъ медицинской академіи приносится глубокая признательность за разумную и весьма плодотворную дѣятельность ихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ сообщеніи сказано, между прочимъ: «дать первенство отдѣльнымъ личностямъ я не считаю себя вправѣ, такъ какъ всѣмъ студентамъ отдаю полную дань моего уваженія и моей искренней благодарности: но нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе отличившихся (человѣкъ 30 — 40), считаю нужнымъ поименовать». Потомъ идутъ фамиліи студентовъ, особенно обратившихъ на себя вниманіе.

— **Ю. А. Россель.** 1-го февраля, какъ сообщаетъ «Сѣверный Вѣстникъ», скончался въ Петербургѣ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, одинъ изъ самыхъ почтенныхъ, хотя и не особенно видныхъ русскихъ литераторовъ—Юрій Андреевичъ Россель. Покойный много лѣтъ работалъ въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ и газетахъ; труды его появлялись, между прочимъ, на страницахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», подъ редакціей В. Ф. Корша, въ «Вѣстникѣ Европы» и «Недѣлѣ». Какъ литераторъ, Ю. А. былъ глубоко преданъ своему дѣлу и безукоризненно вѣренъ своимъ убѣжденіямъ; какъ человѣкъ, это былъ джентльменъ, въ лучшемъ, широкомъ смыслѣ этого слова. Жестокій умственный недугъ, въ соединеніи съ нуждою, преждевременно свели его въ могилу. Съ его кончиной, въ рядахъ нашихъ литературныхъ тружениковъ стало однимъ безупречнымъ и убѣжденнымъ дѣятелемъ меньше.

— **Новая двигающая сила.** Изъ Балтимора прибылъ въ Нью-Іоркъ пароходъ безъ винтовъ и колесъ и двигающійся по совершенно новой системѣ. Пароходъ этотъ длиною 43 фута и имѣетъ машину въ 16 лошадиныхъ силъ. Приводится онъ въ движеніе давленіемъ воды, посредствомъ пароваго насоса. Черезъ трубы, находящіяся на три фута подъ водою, всасываются густыя струи окружающей киль воды; благодаря тому, что эти струи воды проходятъ по направленію отъ передней части корабля къ рулю, гдѣ они опять соединяются съ остальною массою воды, черезъ трубы, они производятъ движеніе судна впередъ. Этой новой двигающейся силѣ можно дать различныя направленія: впередъ, назадъ и пр. Потребленіе угля при этой системѣ весьма ничтожно.

— **Опыты съ телефономъ.** Въ Петербургѣ опыты съ телефономъ произведены профессоромъ Д. А. Лачиновымъ. Въ его распоряженіи имѣлись пять телефоновъ: два отъ Сименса и три отъ Винтергальтера. Онъ убѣдился, что всѣ они дѣйствовали удовлетворительно при различныхъ комбинаціяхъ другъ съ другомъ. Какъ оказывается, телефонъ болѣе или менѣе измѣняетъ звуки. Если плотно приложить его къ деревянной доскѣ электрическаго колокольчика, то на другую станцію передается только дробь молоточка, но не звонъ. Однако, если положить колокольчикъ на мягкую подстилку, а телефонъ помѣстить сбоку около звонка, то звонъ слышенъ, но удары все-таки кажутся рѣзче, чѣмъ обыкновенно. Удары метронома Мельцеля передаются отлично, по колокольчика, которымъ снабженъ этотъ приборъ, вовсе не слышно. Помѣщая карманные часы въ углубленіе одного телефона и накрывъ ихъ другимъ, г. Лачинову удалось разслушать ихъ ходъ на другой станціи посредствомъ двухъ телефоновъ, приложенныхъ къ обоимъ ушамъ. Употребленіе двухъ телефоновъ чрезвычайно усиливаетъ звукъ и можетъ быть особенно рекомендовано лицамъ, еще не привыкшимъ къ этому инструменту. Телефоны можно съ одинаковымъ успѣхомъ соединять послѣдовательно и параллельно. Человѣческій голосъ кажется измѣненнымъ, особенно въ первый моментъ; но, вслушавшись, можно ясно узнать голосъ говорящаго. Г. Лачиновъ попытался изслѣдовать и передачу звуковъ рояля. Кстати, въ Парижѣ телефонъ изслѣдованъ одновременно Дюбуа-Раймономъ, признавшимъ въ немъ хорошее пособіе для изученія физіологіи нашего голоса, а въ Зальцбургѣ — профессоромъ Зихеромъ, сдѣлавшимъ крайне интересное наблюденіе. Онъ открылъ, что при соединеніи проволоки телефона съ проволокою телеграфа можно ясно слышать производимые на телеграфной станціи сигналы.

— **Растеніе-компасъ.** Въ юго-восточной части Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, въ особенности въ Техасѣ и Орегонѣ, существуетъ растеніе, обладающее замѣчательнымъ свойствомъ:— листья его всегда оборачиваются къ сѣверу, такъ что оно служитъ путешественникамъ магнитною иглою. Растеніе это, замѣняющее компасъ (Sylphium lacinatum), по своему полярному характеру уже давно извѣстно мѣстнымъ жителямъ, въ особенности охотникамъ, которые, заблудившись ночью въ степяхъ, безъ труда находятъ дорогу, обращая вниманіе на направленіе листьевъ компаснаго растенія. Нельзя не удивляться, что наука еще не занялась изслѣдованіемъ этого феноменальнаго растенія.

— **М. И. Саріотти.** 13-го января 1878 года, послѣ продолжительной болѣзни (чахотки), скончался, какъ передаетъ «Петерб. Листокъ», артистъ русской оперы Мих. Ив. Саріотти, 39 лѣтъ отъ рожденія. Покойный родился въ 1839 году. Музыкальное образованіе покойный получилъ въ Италіи, подъ руководствомъ профессора Рететто, и въ Италіи же пѣлъ оперу: «Моисей». Въ Петербургѣ М. И. Саріотти дебютировалъ, 15 апрѣля 1862 года, въ оперѣ: Робертъ и Бертрамъ» (3-й актъ) въ роли Бертрама. Саріотти въ теченіи первыхъ двѣнадцати лѣтъ занималъ довольно видное мѣсто, въ особенности создавъ роли Олоферна въ «Юдифи» и Еремки во «Вражьей силѣ». Покойный Александръ Николаевичъ Сѣровъ очень любилъ Саріотти и мечталъ о немъ, обдумывая свою оперу «Кузнецъ Вакула», которую ему не пришлось, однако, написать. М. И. Саріотти служилъ пятнадцать лѣтъ.

— **Полезное общество.** Въ виду значительнаго числа заболѣваній тифомъ и недостаточности городскихъ больницъ для помѣщенія заболѣвающихъ, принадлежащихъ по большей части къ недостаточному классу нашего населенія, по почину нѣкоторыхъ изъ дамъ высшаго круга, предполагается образовать особое попечительство о заразительныхъ больныхъ, дѣятельность котораго будетъ заключаться: а) въ сборѣ пожертвованій на устройство для этого рода больныхъ временныхъ пріютовъ; б) въ оказаніи врачебной помощи заразительнымъ больнымъ недостаточнаго состоянія, остающимся, за недостаткомъ мѣста въ больницахъ, на квартирахъ, и снабженіи ихъ безвозмездно лекарствами; в) содѣйствіе къ принятію санитарныхъ мѣръ, полагающихъ своею задачею прекращеніе заразы, и наконецъ г) въ попеченіи о сиротахъ и семействахъ умирающихъ отъ заразительныхъ болѣзней. Уставъ этого попечительства, къ мысли объ учрежденіи котораго нельзя отнестись иначе, какъ съ самымъ теплымъ сочувствіемъ, уже выработанъ и долженъ поступить на-дняхъ на разсмотрѣніе администраціи, со стороны которой конечно не встрѣтится препятствій къ осуществленію этого благаго предпріятія.

Смѣсь.

— **Трагическое событіе.** Корреспондентъ «Сѣвернаго Вѣстника», описывая свое путешествіе на югъ Россіи, передаетъ между прочимъ подробности о несчастномъ случаѣ самоубійства одесской барышни, г-жи Де-Брюксъ, о которомъ ранѣе того уже появлялись краткія извѣстія въ газетахъ: «За два часа до нашего прибытія на станцію Раздѣльную, тамъ разыгралась кровавая драма. Вотъ какъ говорили о ней въ публикѣ. Въ тотъ же день съ утреннимъ поѣздомъ изъ Одессы прибыли на станцію Раздѣльную молодой человѣкъ и молодая дѣвушка. Это была влюбленная пара, и дѣвушка, подъ предлогомъ посѣщенія своей тетки, живущей гдѣ-то въ деревнѣ около Раздѣльной, выѣхала изъ Одессы съ молодымъ человѣкомъ, чтобы тайно обвѣнчаться съ нимъ. Хотя у нея не было ни отца, ни матери, но старшій братъ не соглашался на этотъ бракъ и принуждалъ ее выйти замужъ за одного своего товарища, влюбленнаго въ дѣвушку. Въ Раздѣльной между женихомъ и невѣстой произошелъ крупный, горячій разговоръ. Разсказываютъ, что молодой человѣкъ въ послѣднія минуты отказывался отъ брака съ дѣвушкой и не рѣшался на этотъ шагъ. Послѣ этого разговора дѣвушка тутъ же на станціи купила револьверъ, пошла въ дамскую комнату, зашла за портьеру, гдѣ никого не было, и выстрѣлила себѣ въ високъ. Въ дамской комнатѣ въ то время было нѣсколько дамъ; онѣ подняли крикъ, сбѣжались люди, но было уже поздно... Несчастная лежала на полу безъ чувствъ. Случившійся тутъ докторъ объяснилъ, что хотя дѣвушка еще жива, но надежды на ея спасеніе нѣтъ никакой. Ее перенесли на диванъ, гдѣ она черезъ 15 минутъ скончалась, не издавъ ни одного звука. Намъ случилось видѣть несчастную. Это еще совершенно молодая, лѣтъ 18, особа, весьма симпатичная и красивая, съ выразительными чертами лица и съ цвѣтущимъ здоровьемъ... Съ слѣдующимъ поѣздомъ прибылъ изъ Одессы въ Раздѣльную братъ несчастной съ влюбленнымъ претендентомъ на ея руку и еще съ однимъ своимъ товарищемъ. Братъ не зналъ о катастрофѣ съ сестрою въ Раздѣльной и пріѣхалъ для отысканія сестры по подозрѣніямъ, которыя у него возникли послѣ ея отъѣзда. Всѣ эти четверо молодыхъ людей были арестованы, и у брата несчастной при обыскѣ найденъ въ карманѣ револьверъ. Подробности этой семейной драмы сдѣлаются извѣстными публикѣ изъ предстоящаго судебнаго разбирательства дѣла».

Желѣзная корона. Она составляетъ кругъ изъ массивнаго золота, къ которому прикрѣпленъ вѣнецъ. Золотой кругъ прикрываетъ другой, желѣзный, будто изготовленный изъ гвоздей, посредствомъ которыхъ Христосъ былъ распятъ. Св. Елена велѣла сдѣлать изъ этихъ гвоздей желѣзную корону для императора Константина, носившаго корону эту на своемъ шлемѣ и впослѣдствіи подарившаго ее Григорію Великому. Папа этотъ, въ свою очередь, подарилъ желѣзную корону королевѣ Теоделиндѣ, пожертвовавшей историческую корону для построеннаго ею въ Монцѣ собора, съ тѣмъ, чтобы ея преемники вѣнчались этой короной. По традиціямъ, Карлъ Великій также былъ коронованъ желѣзною короною. Послѣдній монархъ, украсившійся этою короною въ день своего восшествія на престолъ, былъ австрійскій имераторъ Фердинандъ I. Наполеонъ I, при своемъ короновавіи въ 1805 г., въ Миланѣ, также носилъ этотъ замѣчательный вѣнецъ.

Невѣроятные порядки. Въ газетѣ «Иверія» помѣщено описаніе подробностей, которыми сопровождалась смерть воспитанника православной семинаріи Кутателадзе. Около мѣсяца больница семинарская не посѣщается врачемъ, такъ какъ на мѣсто больного семинарскаго доктора никого не приглашаютъ для пользованія больныхъ, считая это лишнимъ. Фельдшеръ семинарской больницы, хотя и пользуется казенною квартирою, но часто отсутствуетъ изъ семинаріи и почти всегда бываетъ навеселѣ. При больницѣ состоитъ всего одинъ служитель, который отъ множества работъ по больницѣ и прислуживанья фельдшеру сильно утомляется къ вечеру и ночью спитъ крѣпкимъ сномъ, гдѣ-то далеко отъ больныхъ, остающихся на произволъ судьбы. Больной тифомъ Кутателадзе оставался безъ медицинской помощи въ теченіи цѣлыхъ пяти дней съ 15-го по 20-е января; въ ночь съ 20-го на 21-е онъ всталъ въ бреду съ постели, выбѣжалъ на семинарскій дворъ, бѣгалъ по грязи, и, наконецъ, натолкнувшись на дерево, свалился подъ нимъ, гдѣ на сильномъ холодѣ, почти голый, онъ пролежалъ нѣсколько часовъ. Найденный однимъ изъ учениковъ, онъ былъ приведенъ въ больницу, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Извѣстія о мирѣ.

Въ «Правит. Вѣст.» напечатано: Ниже помѣщается протоколъ о принятіи предварительныхъ основаній мира и условія о перемиріи, подписанныя въ Адріанополѣ 19-го (31-го) января.

Вслѣдствіе затруднительности сообщеній, эти документы были доставлены Его Императорскому Величеству Государю Императору лишь третьяго дня, въ пятницу, 3-го (15-го) февраля.

Небезполезно будетъ указаніе нѣкоторыхъ чиселъ для объясненія хода этихъ переговоровъ, задержаннаго необходимостью перенесенія главной квартиры и разрушеніемъ телеграфныхъ линій въ странѣ, едва только очищенной непріятелемъ.

16-го (28-го) января турецкіе уполномоченные, не получивъ отвѣта Порты на ихъ просьбу объ окончательныхъ инструкціяхъ, которыя они испрашивали еще изъ Казанлыка, просили дозволенія послать въ Константинополь письмо съ нарочнымъ, черезъ линію нашихъ аванпостовъ. Это дозволеніе было имъ дано, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ пригласили дать отвѣтъ не позднѣе 21-го января (2-го февраля). 18-го (30 го) января, получивъ телеграмму изъ Константинополя отъ 12-го (24-го) числа, уполномоченные испросили свиданіе съ его императорскимъ высочествомъ главнокомандующимъ.

Тогда-то они объявили, что, не имѣя болѣе средствъ сопротивляться, Турція согласится подписать всѣ наши условія. Въ то же время они изъявили живѣйшее желаніе скорѣйшаго рѣшенія, которое дозволило бы пріостановить непріязненныя дѣйствія

Его высочество великій князь главнокомандующій немедленно назначилъ военныхъ уполномоченныхъ, которымъ было поручено опредѣлить съ турецкими уполномоченными подробности демаркаціонной линіи и условій перемирія. Въ тотъ же день начались переговоры о протоколѣ предварительныхъ основаній мира и относительно условій перемирія, и 19-го (31-го) января, въ 6 часовъ вечера, эти два документа были скрѣплены подписями, придающими имъ окончательную силу. Тотчасъ же были даны приказанія о пріостановленіи дѣйствій на всей линіи. Генералъ Скобелевъ, котораго отрядъ находился ближе всѣхъ къ Константинополю, получилъ это приказаніе въ тотъ же самый вечеръ.

Не безъ труда подписались турецкіе уполномоченные подъ этими документами. Они поняли, что въ томъ положеніи, въ которое Турція была поставлена войною, миръ сталъ для нея единственнымъ спасеніемъ.

Взявши перо для подписанія своего имени, престарѣлый Намыкъ-паша не могъ удержать слезъ, и когда его императорское высочество великій князь протянулъ ему руку, съ выраженіемъ надежды, что отнынѣ Россія и Турція останутся въ дружественныхъ отношеніяхъ, Намыкъ-паша долго жалъ эту честную руку, не имѣя силъ выговорить ни одного слова.

Будущность докажетъ, что осуществленіе этой надежды будетъ соотвѣтствовать истиннымъ пользамъ какъ Турціи, такъ равно Россіи и Европы.

I.

Въ виду предстоящаго заключенія перемирія между воюющими арміями, русскими и оттоманскими, ихъ превосходительства Серверъ-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ Высокой порты, и Намыкъ-паша, министръ двора его императорскаго величества султана, прибыли въ главную квартиру его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича, главнокомандующаго русскою арміею, снабженные полномочіями Высокой Порты. Предложенныя его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ, отъ имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Всероссійскаго, основанія мира, по принятіи ихъ турецкими уполномоченными, были съ общаго соглашенія изложены въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

1) Болгарія, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ большинствомъ болгарскаго населенія и которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть менѣе предѣловъ, указанныхъ на константинопольской конференціи, будетъ возведена въ автономное княжество, платящее дань, съ правительствомъ народнымъ, христіанскимъ и туземною милиціею. Оттоманская армія не будетъ болѣе тамъ находиться.

2) Независимость Черногоріи будетъ признана. Увеличеніе владѣній, соотвѣтственное тому приращенію, которое отдала въ ея руки судьба оружія, будетъ за нею утверждено. Окончательныя границы опредѣлятся впослѣдствіи.

3) Независимость Румыніи и Сербіи будетъ признана. Первой изъ нихъ будетъ назначено достаточное поземельное вознагражденіе, а для второй произведено исправленіе границъ.

4) Босніи и Герцеговинѣ будетъ даровано автономное управленіе, съ достаточными обезпеченіями. Подобнаго же рода преобразованія будутъ введены въ прочихъ христіанскихъ областяхъ Европейской Турціи.

5) Порта приметъ обязательство вознаградить Россію за ея издержки на войну и за потери, которымъ она должна была себя подвергнуть. Способъ сего вознагражденія — деньгами, либо поземельною уступкою, либо чѣмъ инымъ — будетъ опредѣленъ впослѣдствіи. Его величество султанъ войдетъ въ соглашеніе съ Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ для охраненія правъ и интересовъ Россіи въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданелльскомъ.

Немедленно будутъ открыты переговоры въ главной квартирѣ его императорскаго высочества великаго князя главнокомандующаго между уполномоченными двухъ правительствъ, для установленія предварительныхъ условій мира.

Какъ только настоящія основанія мира и условія о перемиріи будутъ подписаны, послѣдуетъ пріостановленіе непріязненныхъ дѣйствій между воюющими арміями, включая румынскую, сербскую и черногорскую, на все время продолженія переговоровъ о мирѣ. Главнокомандующіе обѣими арміями въ Азіи немедленно будутъ о томъ увѣдомлены, для заключенія между ними перемирія, которое равномѣрно пріостановитъ военныя дѣйствія.

Императорское оттоманское правительство дастъ приказаніе оттоманскимъ войскамъ очистить, какъ только перемиріе будетъ подписано, крѣпости: Виддинъ, Рущукъ и Силистрію къ Европѣ и крѣпость Эрзерумъ въ Азіи. Кромѣ того русскія войска будутъ имѣть право на военное занятіе, въ продолженіе переговоровъ, извѣстныхъ стратегическихъ пунктовъ, обозначенныхъ въ условіяхъ о перемиріи, на обоихъ театрахъ войны.

Въ удостовѣреніе сего настоящій протоколъ былъ составленъ и подписанъ въ двухъ спискахъ въ Адріанополѣ, девятнадцатаго (тридцать перваго) января, тысяча восемьсотъ семьдесятъ восьмого года Подписано: *Николай*, *Серверъ*, *Намыкъ*.

II.

Условія перемирія между императорскими россійскими войсками и ихъ союзниками и императорскими турецкими войсками.

Вслѣдствіе предложенія Блистательной Порты и заявленнаго ея уполномоченными, ихъ превосходительствами Серверомъ-пашею и Намыкомъ-пашею, согласія принять предъявленныя Россіею основанія для заключенія мира между воюющими сторонами, главнокомандующій россійскою императорскою дѣйствующею арміею изъявилъ согласіе прекратить военныя дѣйствія.

Для заключенія перемирія назначены уполномоченными со стороны его императорскаго высочества главнокомандующаго: начальникъ штаба дѣйствующей арміи генералъ адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Непокойчицкій и помощникъ его, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Левицкій, и со стороны уполномоченныхъ Блистательной Порты: генеральнаго штаба дивизіонный генералъ Неджибъ-паша и бригадный генералъ Османъ-паша.

Лица эти, по предоставленнымъ имъ полномочіямъ, согласились на слѣдующія условія для перемирія.

1) Перемиріе заключается между русскими, сербскими и румынскими, съ одной стороны, и между турецкими вооруженными силами, съ другой, на все время веденія переговоровъ о мирѣ, впредь до благопріятнаго ихъ окончанія или до ихъ перерыва.

Въ послѣднемъ случаѣ о возобновленіи военныхъ дѣйствій, каждая изъ сторонъ обязана предупредить другую за трое сутокъ, съ обозначеніемъ числа и часа открытія враждебныхъ дѣйствій. Трехдневный срокъ будетъ считаться съ того времени, когда одна изъ сторонъ сообщитъ другой на мѣстѣ приказаніе высшаго начальства по этому поводу.

Императорское россійское правительство предложитъ Черногоріи прекратить военныя дѣйствія и примкнуть къ условіямъ перемирія между Россіею и Турціею; а Блистательная Порта, въ свою очередь, прекратитъ военныя дѣйствія противъ Черногоріи.

2) Перемиріе вступаетъ въ свою силу въ минуту подписанія этихъ условій, и войска той или другой стороны, переступившія послѣ этого срока указанную ниже демаркаціонную линію, должны возвратиться назадъ, равно возвратить захваченную при этомъ добычу.

3) Императорскія турецкія войска, кромѣ очищенія крѣпостей: Виддина, Рущука и Силистріи, оставляютъ Бѣлградчикъ, Разградъ, Хаджи-Оглу-Базарджикъ, и на этомъ основаніи между императорскими россійскими, румынскими и сербскими войсками, съ одной стороны, и императорскими турецкими войсками, съ другой, устанавливается слѣдующая демаркаціонная линія.

Демаркаціонная линія направится отъ Бальчика и Хаджи-Оглу-Базарджика по прямому направленію на Разградъ, съ нейтральною полосою шириною въ пять километровъ впереди этой линіи; далѣе линія продолжится отъ Разграда прямо на Эски-Джуму, отъ Эски-Джумы на Османъ-Базаръ и Котелъ (Казанъ), которые занимаются россійскими императорскими войсками, и нейтральная полоса проходитъ на пять километровъ впереди этой линіи. Затѣмъ демаркаціонная линія пролегаетъ по рѣкамъ: Медванъ, Деликамчикъ, Богазъ-Дере и черезъ селеніе Огланъ-кіой и Хаджи-Дере до Месемвріи, причемъ нейтральная полоса, пять верстъ шириною, пролегаетъ по обѣ стороны этихъ рѣкъ, достигаетъ Чернаго моря и доходитъ вдоль берега до Деркосскаго озера. Однако, русскія войска занимаютъ на берегу Чернаго моря лишь Бургасъ и Мидію, для облегченія доставки продовольствія войскамъ, за исключеніемъ военной контрабанды.

Далѣе демаркаціонная линія проходитъ отъ Деркосскаго озера, отъ Чекмеджикъ черезъ Карджали, по прямому направленію, пересѣкая желѣзную дорогу, на правый берегъ Карасу, вдоль теченія котораго она опускается до Мраморнаго моря.

Турецкія войска очищаютъ линію укрѣпленій, точно такъ же какъ и Деркосъ, Хадемкіой и Буюкъ-Чекмедже Демаркаціонная линія оттоманскихъ войскъ проходитъ отъ Кучукъ-Чекмедже по прямому направленію черезъ св. Георгія и Акбунаръ (на берегу Чернаго моря). Пространство между русскою и турецкою линіями составитъ нейтральную полосу, гдѣ нельзя будетъ ни воздвигать, ни усиливать, ни исправлять укрѣпленій во все время продолженія перемирія. Отъ Мраморнаго моря демаркаціонная линія проходитъ перешейкомъ Галлипольскаго полуострова, по линіи Шаркіой-Урша. Далѣе берегомъ Эгейскаго моря до Деде-Агача и Макри включительно, затѣмъ водораздѣломъ между притоками рѣкъ Марицы (въ томъ числѣ и Арды) и рѣками, впадающими въ Эгейское море, — до Джумы; послѣ по линіи на Кюстендиль, Вранья, Планина-Голякъ, дер. Меслицу, Планина Грапашница и дер Любче до границы Ново-Базарскаго санджака и по ней до границъ Сербіи, до мѣста, называемаго Копаоникъ-Планина. Джума, Кюстендиль и Вранья занимаются русскими или сербскими войсками, Приштина — турецкими войсками. Установленіе демаркаціонной линіи между турецкими императорскими и черногорскими войсками должно быть произведено особою коммиссіею изъ уполномоченныхъ Турціи и Черногоріи, при участіи уполномоченнаго отъ Россіи.

Опредѣленіе на мѣстѣ границъ демаркаціонной полосы между войсками императорскими русскими и турецкими должно быть произведено безотлагательно тотчасъ послѣ подписанія этихъ условій, посредствомъ коммиссіи изъ уполномоченныхъ офицеровъ ближайшихъ корпусовъ и отрядовъ обѣихъ армій; тамъ же, гдѣ войскъ вблизи не будетъ, демаркаціонная полоса будетъ проходить по указаннымъ выше естественнымъ рубежамъ, о которыхъ объявляется для свѣдѣнія въ обѣихъ арміяхъ.

Демаркаціонная полоса отъ Джумы черезъ Враньо до границъ Ново-Базарскаго санджака опредѣляется на мѣстѣ коммиссіею изъ уполномоченныхъ отъ императорскихъ турецкихъ и сербскихъ войскъ, при участіи русскаго уполномоченнаго.

4) Войска обѣихъ враждующихъ сторонъ, которыя ко времени подписанія этого условія будутъ находиться внѣ означенной линіи, должны быть немедленно отведены назадъ и исполнить это отнюдь но позже трехдневнаго срока.

5) Императорскія турецкія войска, оставляющія указанные въ § 3 укрѣпленные пункты, отходятъ съ оружіемъ, всѣмъ боевымъ снаряженіемъ и всѣмъ имуществомъ, которое можетъ быть увезено по слѣдующимъ направленіямъ.

Изъ Виддина и Бѣлградчика, черезъ проходъ св. Николая на Акъ-Паланку, Нишъ, Лесковацъ и далѣе черезъ Приштину или Враньо, для ближайшаго выхода на желѣзную дорогу въ Ускюбъ.

Изъ Рущука, Силистріи, Хаджи-Оглу-Базарджика и Разграда — на Варну или Шумлу, по усмотрѣнію турецкаго военнаго начальства

Военное и боевое имущество крѣпостей, военныя и казенныя суда, со всѣмъ имуществомъ, могутъ быть увезены или оставлены, по описи въ двойномъ экземплярѣ за подписью военныхъ начальниковъ обѣихъ сторонъ, на попеченіе русскаго военнаго начальства, которое приметъ мѣры для сохраненія его впредь до заключенія мира.

Что же касается до провіанта, подверженнаго порчѣ, то онъ можетъ быть или проданъ, или уступленъ русскому военному начальству за вознагражденіе по взаимному соглашенію.

Частное имущество остается неприкосновеннымъ.

Оставленіе названныхъ крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ должно быть исполнено не позже

семидневнаго срока со времени полученія приказанія о томъ мѣстнымъ начальствомъ.

6) Турецкія императорскія войска и военныя суда оставляютъ въ трехдневный срокъ и Сулину, если ледъ не будетъ тому препятствовать. Русское же военное начальство, въ свою очередь, сниметъ на Дунаѣ всѣ загражденія и по немъ откроетъ свободное плаваніе, но подъ надзоромъ русскаго военнаго начальства.

7) Въ провинціяхъ, занимаемыхъ русскими или союзными войсками, въ которыхъ во время подписанія этихъ условій будутъ находиться турецкія административныя власти, онѣ должны остаться при исполненіи своихъ обязанностей для охраненія спокойствія и порядка въ населеніи. Онѣ будутъ исполнять, по мѣрѣ возможности, требованія русскихъ военныхъ властей.

8) Желѣзнодорожныя линіи, которыя отойдутъ въ районъ расположенія русскихъ войскъ, остаются неприкосновенными, какъ всякая частная собственность, и имъ дозволяется свободное движеніе на протяженіи всѣхъ линій. Для сего оттоманское правительство разрѣшаетъ компаніямъ свободное движеніе ихъ подвижнаго состава по всей линіи, занятой какъ императорскими турецкими, такъ и русскими войсками.

Въ движеніи частныхъ лицъ и грузовъ допускается полная свобода, только съ слѣдующими ограниченіями: провозъ предметовъ военныхъ потребностей и войскъ черезъ демаркаціонную линію воспрещается.

Переѣздъ же черезъ демаркаціонную линію отдѣльныхъ военныхъ лицъ допускается по взаимному соглашенію частныхъ военныхъ начальниковъ.

Движеніе въ расположеніи каждой воюющей стороны производится подъ надзоромъ ея военныхъ агентовъ.

9) Блистательная Порта на все время перемирія сниметъ блокаду съ портовъ Чернаго моря и не будетъ препятствовать свободному къ нимъ подходу судовъ.

10) Больные и раненые, принадлежащіе турецкой императорской арміи, которые останутся въ районѣ расположенія русскихъ, румынскихъ и сербскихъ войскъ, принимаются на попеченіе русскаго и союзнаго военнаго начальства, но при турецкомъ медицинскомъ персоналѣ, если таковой окажется на мѣстѣ. Они не считаются военно-плѣнными, но не имѣютъ права безъ особаго разрѣшенія русскаго и союзнаго военнаго начальства на свободный переѣздъ въ другіе пункты.

11) Начало перемирія считается съ семи часовъ по полудни девятнадцатаго (тридцать перваго) января 1878 года. Что же касается до другихъ сроковъ,—они обозначены въ самомъ текстѣ перемирія.

Для азіятскаго театра войны опредѣленіе подробностей перемирія имѣетъ быть произведено уполномоченными отъ главнокомандующаго россійскою императорскую азіятскою дѣйствующею арміею и отъ оттоманскаго правительства.

О срокѣ начала перемирія на европейскомъ театрѣ войны управленіе русскою европейскою дѣйствующею арміею сообщитъ по телеграфу таковому же управленію азіятской арміи.

На подлинномъ подписано: *Непокойчицкій, Левицкій, Неджибъ, Османъ.*

Телеграммы.

Константинополь, 27-го января. Согласно условіямъ перемирія, турки очистили сегодня Виддинъ, Рущукъ, Силистрію, Бѣлградчикъ и Эрзерумъ. Войска изъ Разграда и власти изъ Рущука удалились въ Шумлу. Равнымъ образомъ, турки очистили оборонительную линію Константинополя, отъ Біюкъ-Чекмедже и Хастемкіоя до Деркіоя, такъ какъ обѣ эти позиціи входятъ въ составъ нейтральнаго пояса, шириною въ 12 миль, отъ Кучукъ-Чекмедже до Акбунара. Русскія войска удерживаютъ за собою Чаталджи. Продовольствіе русскихъ войскъ производится черезъ Бургасъ и Мидію.

Вскорѣ ожидается открытіе судоходства по Дунаю. Порта сообщила своимъ посламъ за границей о снятіи блокады Чернаго моря. Французскіе пакетботы немедленно откроютъ рейсы между Константинополемъ и Одессой.

Вчера, въ Константинополь прибыли два русскіе офицера, которые и были приняты султаномъ; сегодня они отправляются въ Черногорію, гдѣ будутъ присутствовать при установленіи демаркаціонной линіи черногорскими и турецкими офицерами.

Сербы, согласно условіямъ перемирія, заняли Ускупъ.

Паши Серверъ и Намыкъ прибыли изъ Адріанополя въ Константинополь. Серверъ-паша подалъ прошеніе объ отставкѣ. По слухамъ, Савфетъ-паша, вмѣстѣ съ другими делегатами, отправится въ Адріанополь, для веденія переговоровъ какъ о предварительномъ мирѣ, такъ и объ окончательномъ мирномъ договорѣ.

Султанъ пригласилъ его высочество великаго князя Николая Николаевича провести нѣсколько дней въ Константинополѣ.

Палата депутатовъ потребовала, чтобъ правительство приняло мѣры противъ черкесовъ, продающихъ въ Константинополѣ награбленныя ими вещи.

Берлинъ, 2-го февраля. Германское правительство обратилось къ Англіи съ серьезными представленіями не доводить дѣла до крайности.

— 4-го февраля. Въ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» напечатана телеграмма изъ Вѣны, сообщающая, что переговоры о конференціи формально приведены къ окончанію. Вмѣсто первоначально предложенной формы, принята теперь форма конгресса, назначеніе мѣста для котораго, съ изъятіемъ столицъ, предоставлено Австро-Венгріи, за подписью державъ. Австро-Венгрія намѣрена предложить Баденъ-Баденъ.

Вѣна, 5-го февраля. «Neue Freie Presse» въ телеграммѣ изъ Лондона сообщаетъ, что между Австріей и Англіей состоялось соглашеніе относительно совмѣстнаго образа дѣйствій въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Изъ достовѣрнаго источника, этотъ слухъ опровергается. Вѣрно то, что Англія усиленно добивается союза съ Австріей; но графъ Андраши сохраняетъ большую сдержанность въ виду англійскихъ предложеній, хотя и не отвѣчалъ на нихъ рѣшительнымъ отказомъ.

— 6-го февраля. Изъ источника, которому есть полное основаніе вѣрить, можно сообщить слѣдующія подробности о настроеніи въ здѣшнихъ правительственныхъ кружкахъ. Графъ Андраши, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, отстаиваетъ необходимость войны противъ Россіи, въ случаѣ, если его требованіе относительно возможно скораго удаленія русскихъ войскъ изъ Румыніи и Болгаріи не будетъ удовлетворено.

Лондонъ, 3-го февраля. «Агентству Рейтера» телеграфируютъ изъ Константинополя отъ сегодняшняго числа черезъ Одессу: «Суда «Alexandra», «Temerary», «Sultan» и «Achilles» прибыли сегодня, въ восемь часовъ вечера, къ островамъ Принца. «Agincourt» и «Swiftsure» остаются въ Галлиполи; «Raleigh», «Hotspur» и «Ruby» остаются въ Безикской бухтѣ.

— 4-го февраля. Въ особомъ прибавленіи къ газетѣ «Times» напечатана слѣдующая телеграмма изъ Перы, отъ 15-го февраля: «Здѣсь, вообще, полагаютъ, что его высочество великій князь Николай Николаевичъ вступитъ въ Константинополь съ частью своей арміи, но что онъ явится въ качествѣ гостя и друга турецкой націи, и притомъ съ согласія султана. По мнѣнію русскихъ, это не дастъ Англіи никакого повода къ войнѣ, особенно въ виду того, что англійскія суда находятся близь турецкой столицы вопреки желаніямъ Порты.

— 6-го февраля. Англія противится выдачѣ турецкаго флота Россіи, въ счетъ военной контрибуціи, основывая свои возраженія на томъ, что турецкія суда заложены лондонскимъ банкирамъ.

Почтовый ящикъ.

Гг. Сиранiусу—въ Симферополь, Оппокову — въ Липовецъ, неполучившимъ 2-го нумера «Жив. Об.»; гг. Жаркову — въ Москву, Опатовичу — въ Козелецъ, Головачевскому — въ Мелитополь и Шперлингу — въ м. Лысянку, не получившимъ ни одного нумера «Жив. Об.». Жалобы Ваши на неполученіе нумеровъ «Жив. Об.» сообщены Почтовому Департаменту.

Журналъ сдается на почту всѣмъ безъ исключенія подписчикамъ своевременно, и мы надѣемся, что почтовое начальство на будущее время устранитъ поводы къ подобнымъ жалобамъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

При этомъ нумерѣ разсылается гг. подписчикамъ приложенія „ГИГІЕНА“ и „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ № 3.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Февраля 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 8. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 19 Февраля 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ VI.

Исполинское дерево въ Калифорніи.

«Sequoya gigantea», дерево изъ породы такеодіевъ, встрѣчается только въ нѣкоторыхъ частяхъ Калифорніи. Драгоцѣнный матеріалъ, доставляемый этимъ исполиномъ растительнаго царства, эксплуатировался давно (очень цѣнимое дерево краснаго цвѣта), хотя потребители и не подозрѣвали существованія подобныхъ замѣчательныхъ деревьевъ. Индѣецъ изъ племени прокейцовъ, указалъ ученымъ путешественникамъ на существованіе деревьевъ вышиною до 300 футовъ, при 70 футахъ окружности. Въ благодарность ему, натуралисты назвали этихъ гигантовъ по имени самаго краснокожаго: «Секойя».

Въ провинціи Мариноза было найдено до сотни деревьевъ, вышина которыхъ достигала до 90—110 ф.; нѣкоторыя изъ нихъ лежали уже на землѣ, сраженныя бурей или рукой времени. Одно дерево, дуплистое, служило жилищемъ дикарямъ, какъ о томъ можно было догадаться по найденнымъ въ немъ слѣдамъ огня. Путешественники. сосчитавъ число концентрическихъ круговъ, которыми былъ отмѣченъ этотъ ветеранъ калифорнійскихъ лѣсовъ, пришли къ тому убѣжденію, что онъ существовалъ не менѣе 3,000 лѣтъ.

Правительство штата приняло эти деревья подъ свое покровительство, но ихъ оставалось уже не болѣе сотни. Впрочемъ, за два года тому назадъ, найдено въ Калифорніи еще много секойевъ, величина которыхъ достигаетъ изумительныхъ размѣровъ.

Исполинское дерево.

Въ другихъ частяхъ свѣта находятся тоже деревья замѣчательной величины и толщины. Такъ, въ Африкѣ извѣстна «Adansonia digitata»,

діаметръ которой доходитъ иногда до 65 футовъ, а въ Австраліи «Eucalyptus amygdalina», достигающій высоты до 390 футовъ. Но такіе исполины стоятъ почти всегда одиноко, между тѣмъ, какъ въ Калифорніи они образуютъ лѣса.

Устала ждать.

Повѣсть **А. Г. Сахаровой**.

(*Продолженіе.*)

IV.

Было уже девять часовъ вечера, когда Наташа подъѣхала къ большому четырехъ-этажному дому Ипатьевыхъ (Ипатьевы жили на Сергіевской) и у ярко освѣщеннаго подъѣзда уже стояло нѣсколько каретъ и дрожекъ. Быстро поднялась Наташа по знакомой ей, ярко освѣщенной лѣстницѣ, уставленной дорогими тропическими растеніями, позвонила, поспѣшно сбросила въ передней тальму и калоши, поправила передъ зеркаломъ свои слегка стрепавшіеся волосы и прошла въ овальную голубую гостиную, роскошно меблированную и освѣщенную красивой голубой лампой.

Наташа не была застѣнчива, постоянная борьба съ нуждой и лишеніями научила дѣвушку огрызаться, какъ она выражалась наединѣ сама съ собой, и по этому она смѣло, даже нѣсколько задорно вошла въ гостиную въ своемъ простенькомъ платьѣ. Тамъ у круглаго стола уже собрался небольшой кружокъ дамъ и дѣвицъ въ нарядныхъ костюмахъ. Взоры всѣхъ этихъ барынь съ любопытствомъ обратились на входящую дѣвушку и на ея незатѣйливый костюмъ; но любопытство смѣнилось завистью, когда онѣ разглядѣли блестящую оригинальную красоту Наташи, красоту, которой не нужно было ни пудръ, ни притираній, ни фальшивыхъ локоновъ.

Изъ того кружка, который образовался среди гостиной, выдѣлилась сама хозяйка, высокая, сухощавая барыня лѣтъ тридцати шести въ длинномъ черномъ бархатномъ платьѣ, въ пышномъ бѣлокуромъ шиньонѣ, на который былъ наброшенъ кокетливый бантъ изъ бѣлыхъ кружевъ съ дорогой брилліантовой пряжкой.

Ксенія Петровна Ипатьева была женщина не злая и не добрая, не глупая и не умная,—не красивая и не дурная, однимъ словомъ, она принадлежала къ тому типу людей, которымъ имя легіонъ. Дочь богатаго купца старовѣра Зиновьева, Ксенія Петровна вѣрно такъ и застряла бы въ дѣвкахъ, потому что въ ней не было ни бѣлизны, ни дородства, столь любезныхъ купеческому сословію, да и отецъ ея, старый скряга, выдавъ двухъ старшихъ дочерей замужъ, сильно притѣснялъ младшую и не разсчитывалъ выдавать ее. Слишкомъ запуганная, чтобы протестовать, слишкомъ пассивная, чтобы сопротивляться, Ксенія, выросшая въ этой атмосферѣ постнаго масла и земныхъ поклоновъ, вѣрно превратилась бы въ старую дѣву постницу или въ дородную бабищу купчиху, но судьба рѣшила иначе.

Съ старикомъ Зиновьевымъ случайно познакомился Иванъ Васильевичъ Ипатьевъ, имѣющій небольшую книжную лавку, когда Ксеніи Петровнѣ перевалило уже за двадцать. Сынъ сельскаго дьякона, вышедшій изъ послѣдняго класса семинаріи, умный, ловкій, вкрадчивый, начитанный, настойчивый, какъ всѣ люди, испытавшіе гнетъ бѣдности, Ваня Ипатьевъ скоро пріобрѣлъ довѣріе старика и расположеніе его дочери.

Старикъ Зиновьевъ сразу увидѣлъ въ Ипатьевѣ способности кулака большой руки, и дѣйствительно книжная торговля Вани Ипатьева расширялась быстро, барыши росли не по днямъ, а по часамъ и старику оставалось только удивляться способностямъ своего новаго знакомаго. А Ипатьевъ все чаще и чаще ходилъ къ Зиновьевымъ и умѣлъ расшевелить своими рѣчами сердце сентиментальной двадцатипятилѣтней купчихи, и въ одно прекрасное утро очутился женихомъ Ксеніи Петровны и обладателемъ трехсотъ тысячнаго капитала.

Тутъ уже финансовымъ способностямъ Ипатьева открылось широкое поприще, да и сама Ксенія Петровна, вышедшая изъ подъ замка тятеньки, тоже развернулась замужемъ. Мужъ нанялъ ей учительницу, повезъ ее заграницу, чтобы его супруга хоть немного отшлифовалась, и Ипатьевы, вернувшись въ Петербургъ послѣ годового путешествія по Европѣ, зажили по барски. Торговля Ивана Васильевича расширилась еще болѣе, онъ занялся изданіями книгъ, пустился въ биржевыя спекуляціи, попалъ въ члены многихъ финансовыхъ учрежденій и сталъ однимъ изъ крупныхъ дѣльцовъ финансоваго міра.

У Ивана Васильевича былъ въ Петербургѣ роскошный домъ, были дорогіе рысаки, была любовница француженка, однимъ словомъ, все обстояло благополучно. Супруги жили мирно и согласно. Ксенія Петровна одѣвалась по модѣ и ѣздила къ многочисленнымъ знакомымъ мужа, и если иногда у этой нарядно одѣтой барыни вырывалось слово или фраза, припахивавшія постнымъ масломъ или мелкой рыбкой, то всѣ знакомые Ипатьева, часто занимавшіе у него деньги и связанные съ нимъ денежными выгодами, охотно прощали m-me Ипатьевой эти фразы и выходки, говоря, что «она, конечно, женщина не культурная, простая, но что у нея широкая русская натра, притомъ самъ Ипатьевъ просто финансовый геній, да и дѣти ихъ прелесть какъ выдержаны».

Дѣйствительно, дѣти Ипатьевыхъ, то есть тѣ двѣ худенькія, бѣлокурыя, завитыя дѣвочки въ пышныхъ бѣлыхъ платьяхъ и яркихъ кушакахъ,—дѣвочки, которымъ Наташа давала уроки, были превосходно выдержаны. При нихъ была француженка гувернантка, англичанка бонна, къ нимъ ходили учителя и учительницы, и дѣвочки держались такъ прямо и чинно, говорили такъ плавно, присѣдали такъ граціозно и ловко, что сдѣлали бы честь любой аристократической семьѣ своей выдержкой.

Общество, собиравшееся у Ипатьевыхъ, было также разнообразно, какъ тѣ формаціи, черезъ которыя пришлось пройти Ипатьеву для достиженія настоящаго положенія. Тутъ можно было встрѣтить и купцовъ прежняго типа, и негоціантовъ новѣйшей формаціи, и биржевиковъ, и литературныхъ дѣятелей, и представителей адвокатуры; но за то представительницами женскаго элемента являлись почти исключительно купчихи съ расфранченными дочками или барыши среднего круга, такъ что въ салонѣ Ипатьевыхъ рѣдко можно было встрѣтить трудящихся женщинъ или представительницъ beau mond'а.

Наташа вошла въ гостиную, съ вызывающей улыбкой на губахъ. Она поняла, что взоры этихъ скучающихъ барынь и барышень устремлены на нее, какъ на какое то диво, что онѣ смотрятъ на нее, какъ дѣти, столпившіяся на дворѣ, смотрятъ на медвѣдя, откалывающаго разныя штуки, и дѣвушка не ошиблась. Послѣ перваго привѣтствія, хозяйка отрекомендовала ее гостямъ:

— Наталья Александровна Бородина, учительница музыки моихъ дочерей, одна изъ лучшихъ ученицъ профессора Кросса.

Молодая дѣвушка отвѣчала изящнымъ поклономъ на всѣ «пріятно познакомиться», которыя вылетали изъ устъ гостей.

— Вы, навѣрно, доставите намъ удовольствіе насладиться вашей очаровательной игрой, пока къ Ванѣ еще не съѣхались гости и мужчины еще не засѣли за карты. Сегодня у насъ Станиславъ Альфредовичъ Лѣпинскій, одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ; онъ такъ любитъ музыку, любезно проговорила хозяйка.

Дѣвушка, молча поклонилась, отправилась въ переднюю за нотами и прошла прямо въ большую освѣщенную залу, въ которой еще никого не было.

Хорошо была знакома Наташѣ эта большая зала съ красивыми зеркалами въ золоченыхъ рамахъ, съ изящной рѣзной мебелью, съ дорогимъ рояломъ. Спокойно сѣла Наташа къ роялю. Она не была застѣнчива: въ консерваторіи ей нерѣдко приходилось играть въ концертахъ и на экзаменахъ, кого же ей было бояться? этихъ ли скучающихъ барынь и барышень, которыя ждали ея игры, какъ развлеченія, долженствовавшаго избавить ихъ отъ скучныхъ разговоровъ о погодѣ, о театрѣ? этихъ ли прилизанныхъ, примазанныхъ кавалеровъ, фигуры которыхъ она видѣла, проходя мимо полуоткрытой двери кабинета хозяина? «Такіе же Павлы Ивановичи, думала дѣвушка, проходя мимо нихъ съ своей тетрадью,—немножко попарядпѣе, немножко поизящнѣе и только»... Значитъ Наташѣ было некого и нечего бояться и она смѣло сѣла къ роялю и заиграла одинъ изъ лучшихъ полонезовъ Шопена.

V.

При первомъ прикосновеніи къ роялю, Наташа забыла все, и окружающую обстановку, и слушателей, и свою бѣдную сѣренькую жизнь, все, рѣшительно все, кромѣ этихъ звуковъ, которые уносили ее далеко, далеко! Перебравшіяся въ залу дамы какъ то притихли и только шушукались между собою, мужчины въ кабинетѣ хозяина изрѣдка обмѣнивались словомъ. У рояля было почти пусто; да, почти пусто, потому что у другого конца рояля, прямо напротивъ играющей дѣвушки, стоялъ вошедшій въ залу неслышными шагами мужчина лѣтъ пятидесяти, одѣтый изящно.

У одинокого слушателя Наташи было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя нигдѣ не проходятъ незамѣченными. Высокій, стройный, Лѣпинскій обращалъ на себя вниманіе правильными и тонкими чертами блѣднаго не русскаго лица, сѣдыми волосами, отброшенными назадъ и оставлявшими открытымъ высокій умный лобъ, небольшими насмѣшливыми глубокими черными глазами, правильнымъ, изящно очерченнымъ ртомъ, тонкой стройной фигурой, красивой рукой и тѣмъ выраженіемъ усталости, которое проглядовало и во взглядѣ его глазъ и въ улыбкѣ.

Лѣпинскій внимательно прислушивался къ страстной, нервной игрѣ дѣвушки. Эти звуки напомнили ему маленькій деревянный домикъ въ Вильнѣ и его рано умершую мать, и Лѣпинскій видѣлъ себя не блестящимъ присяжнымъ повѣреннымъ, а студентомъ, юношей студентомъ, пріѣзжающимъ домой на каникулы, прислушивающимся къ звукамъ того же полонеза и прижимающимся съ тихой лаской къ блѣднымъ рукамъ матери.

Но Лѣпинскій не принадлежалъ къ числу сентиментальныхъ мечтателей и рѣдко давалъ волю воспоминаніямъ. Сынъ бѣднаго виленскаго шляхтича, Лѣпинскій шагъ, за шагомъ, завоевалъ себѣ право на жизнь. Онъ понялъ, что въ этой вѣчной борьбѣ за существованіе побѣждаютъ только сильные, выигрываютъ только тѣ, у кого волчьи зубы и кошачьи когти, а онъ былъ слишкомъ самолюбивъ, слишкомъ страстенъ, чтобы не желать выиграть, и вотъ онъ вступилъ въ борьбу. Изъ мелкаго шляхтича, изъ бѣдняка студента Лѣпинскій сдѣлался сначала магистромъ, а потомъ докторомъ правъ и однимъ изъ популярныхъ профессоровъ. Съ введеніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ, онъ явился однимъ изъ лучшихъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Правда, эта побѣда стоила ему недешево, ему пришлось поступиться многимъ, очень многимъ, и когда нѣкоторые изъ его пріятелей завидовали его громадной практикѣ, той извѣстности, кото-

рую онъ пріобрѣлъ, тѣмъ громаднымъ суммамъ, которыя ему платили, когда помощники ставили его въ примѣръ, какъ свѣтило адвокатуры, по умному, нервному лицу Лѣпинскаго пробѣгала нехорошая, злая усмѣшка.

И въ самомъ дѣлѣ, жизнь зло посмѣялась надъ Лѣпинскимъ и дала ему богатство, когда единственное дорогое ему существо, его мать, его терпѣливая, любящая мать, посвятившая ему всю молодость, всю жизнь, умерла.

Одной глубокой и честной привязанностью въ жизни Станислава Альфредовича Лѣпинскаго была привязанность къ матери. Эта привязанность, сберегала его отъ серьезныхъ увлеченій во время его студенчества. Свѣтлый граціозный образъ матери помѣшалъ Станиславу Альфредовичу помириться съ тѣми обыденными женщинами, которыхъ онъ встрѣчалъ, и Лѣпинскій пробавлялся легкими интрижками съ замужними женщинами и модистками сначала и француженками кокотками потомъ. Онъ не былъ развратникомъ. Онъ жилъ той жизнью, которую ведетъ большинство богатыхъ холостяковъ и эта жизнь начинала надоѣдать ему. Послѣ защиты какого-нибудь дѣла въ окружномъ судѣ, онъ проводилъ вечеръ въ театрѣ Буффъ и оканчивалъ его у Дорота или Бореля.

Лѣтомъ Лѣпинскій почти всегда уѣзжалъ за границу. Но по временамъ ему было такъ скучно въ театрѣ, за ужиномъ, въ обществѣ этихъ поддѣльно-веселыхъ женщинъ, въ кружкѣ товарищей, на вечерахъ своихъ кліентовъ, въ своемъ роскошномъ кабинетѣ, что онъ отдалъ бы все свое богатство, всю извѣстность, чтобы снова превратиться въ юношу шляхтича, страстно мечтающаго подъ звуки шопеновской музыки, и товарищи нерѣдко говорили, что «Лѣпинскій шутитъ и остритъ въ окружномъ судѣ, какъ въ Буффѣ, и сидитъ въ Буффѣ и у Дорота такъ серьезно, какъ въ окружномъ судѣ».

Лѣпинскій, какъ и большинство его соотечественниковъ, любилъ музыку, любилъ шопеновскую музыку и поэтому при первыхъ звукахъ шопеновскаго полонеза, онъ вышелъ изъ кабинета хозяина, прошелъ въ залу и всталъ у рояля. Но если Лѣпинскій внимательно прислушивался къ звукамъ шопеновской музыки, то онъ также внимательно, также пристально разглядывалъ музыкантшу и въ его небольшихъ, но глубокихъ черныхъ глазахъ, устремленныхъ на играющую дѣвушку, отразились различныя чувства, и невольное удивленіе требовательнаго знатока и цѣнителя женской красоты при видѣ оригинальнаго, интеллигентнаго, свѣжаго, молодого лица дѣвушки, не похожаго ни на поддѣльную красоту кокотокъ, ни на сѣренькія физіономіи барышень, и воспоминаніе о далекой юности, и странное психическое сознаніе, что передъ нимъ сильная, недюжинная натура. Все это отразилось на его нервномъ, подвижномъ лицѣ.

VI.

Дѣвушка кончила, раздались обычныя похвалы, комплименты, просьбы сыграть еще что нибудь. Хозяинъ и хозяйка подошли благодарить Наталью Александровну за доставленное имъ удовольствіе; но она не слыхала ни благодарности хозяевъ, ни комплиментовъ гостей, она видѣла среди этой толпы только одну высокую стройную фигуру Лѣпинскаго, только одну бѣлую, нервную руку, игравшую золотымъ pince-nez, слышала только произнесенныя съ легкимъ польскимъ акцентомъ слова:

— Сыграйте еще что нибудь. Вы хорошо, очень хорошо играете.

Наташа не влюбилась въ Лѣпинскаго, она даже не увлеклась имъ, какъ выражаются наши романисты; но когда глаза молодой дѣвушки встрѣтились съ умными глазами старика, то она сразу почувствовала, что Лѣпинскій не похожъ на тѣхъ людей, которыхъ ей приходилось встрѣчать, что передъ нею стоитъ такая личность, о которой одни отзывались съ уваженіемъ, другіе съ ненавистью, но которую никто даже, враги, не считали средней и безличной. Наташа снова сѣла къ роялю, но прежде, чѣмъ начать играть, она вскинула свои темные глаза и спросила:

— Что же сыграть?

— Сыграйте, что хотите; артистка должна быть всегда свободна въ выборѣ.

Наташа сыграла Marche funèbre Шопена, нѣсколько небольшихъ пьесъ Шумана, пѣсенъ безъ словъ Мендельсона Бартольди. Большинство ея слушателей разбрелось изъ залы, но Наташа не обратила никакого вниманія на это, она знала, что у насъ любятъ музыку только на словахъ и играла только для Лѣпинскаго, который все еще продолжалъ стоять у рояля и не спускалъ своего проницательнаго взгляда съ страстнаго лица музыкантши и съ ея изящной фигуры. Когда последніе звуки Мендельсоновской Gondolenlied замерли, Лѣпинскій подошелъ ближе къ играющей дѣвушкѣ и произнесъ горячо:

— Благодарю васъ, благодарю васъ...

— Наталья Александровна Бородина, улыбнулась дѣвушка, желая вывести Лѣпинскаго изъ замѣшательства.—Насъ не представляли другъ другу и поэтому я рекомендуюсь сама. Учительница музыки, прибавила она съ какой-то полувызывающей, полупрезрительной усмѣшкой.

— Станиславъ Альфредовичъ Лѣпинскій, присяжный повѣренный, сказалъ Лѣпинскій, принимая свободный, легкій тонъ дѣвушки.

— Вамъ не слѣдовало этого прибавлять, сказала Наталья Александровна, отходя отъ рояля и садясь на предложенный имъ стулъ у окна. — Вы слишкомъ извѣстны.

— Даже въ музыкальномъ мірѣ? Право, не думалъ, замѣтилъ Лѣпинскій, любуясь изящной фигурой дѣвушки.

— У насъ такъ мало сильныхъ людей, людей съ нравственной физіономіей, что немудрено...

— Что и я являюсь знаменитостью. Среди слѣпыхъ и кривой король, хорошъ комплиментъ для перваго знакомства. Значитъ, во Франціи или въ Англіи я прошелъ бы безслѣдно?

— Я не знаю ни французской, ни англійской жизни, Станиславъ Альфредовичъ, и могу судить только о томъ, что вижу и слышу.

— Э, да вы скептикъ, а не мечтательница.

— Обязанность учительницы не располагаетъ къ мечтательности.

— Занятія адвокатурой тоже не располагаютъ къ мечтамъ, а я все таки такой-же скептикъ, какъ и вы; я думаю, я даже увѣренъ, что вы мечтаете... конечно, не объ урокахъ музыки, прибавилъ Лѣпинскій, глядя на дѣвушку своими умными черными глазами.

— Мечтаю, повторила какъ то задумчиво дѣвушка.—Да вы вѣрно знаете сами, что чѣмъ бѣднѣе и безцвѣтнѣе дѣйствительность, тѣмъ роскошнѣе мечты.

Нехорошая, злая усмѣшка пробѣжала по тонкимъ губамъ Лѣпинскаго. Слова Натальи Александровны задѣли его за больное мѣсто. Передъ нимъ воскресъ молодой, стройный шляхтичъ, дрожащій подъ легенькимъ пледомъ, шляхтичъ, мечтающій обновить весь міръ за стаканомъ жидкаго чаю, а теперь... этотъ мечтатель шляхтичъ исчезъ безвозвратно и на его мѣстѣ стоялъ блестящій присяжный повѣренный Лѣпинскій, мечтающій только о томъ, какъ бы провести вечеръ, не скучая и не зѣвая.

Впрочемъ, сегодня Лѣпинскій не скучалъ и не зѣвалъ. Его заняла эта странная оригинальная дѣвушка. Она пробудила въ душѣ усталаго, избалованнаго адвоката нѣсколько новыхъ разнообразныхъ ощущеній. Ея свѣжая, молодая красота, ея бойкій умъ дѣйствовали на Лѣпинскаго, какъ стаканъ хорошаго, дорогого стараго венгерскаго вина дѣйствуетъ на человѣка, нервы котораго утомлены и притупились отъ однообразія ощущеній.

Глядя на красивое, страстное лицо дѣвушки, Лѣпинскій думалъ, что его роскошная квартира согрѣлась и оживилась бы ея молодымъ присутствіемъ, что ея молодой голосокъ нарушилъ бы эту скучную тишину, что ея изящная фигура была бы еще эффектнѣе въ модномъ, роскошномъ костюмѣ.

Лѣпинскій былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять, что Наталья Александровна Бородина не можетъ полюбить его, пятидесятилѣтняго холостяка, да и онъ, уставшій отъ труда и оргій, и не думалъ предлагать дѣвушкѣ любви. Она возбуждала его усталые, притупившіеся нервы, онъ не скучалъ съ нею, онъ, Лѣпинскій, зѣвающій и въ окружномъ судѣ и въ Буффѣ, и во время защиты, и во время блестящаго ужина. Онъ не замѣтилъ какъ пролетѣлъ вечеръ и за это новое для него ощущеніе, Лѣпинскій готовъ былъ заплатить Наташѣ все, чего она не пожелаетъ, готовъ былъ даже назвать ее своей женой, если она этого потребуетъ. Лѣпинскій сразу понялъ, что Наташа недовольна жизнью, что она задыхается въ своей узенькой сферѣ, что ей хочется вырваться отсюда во чтобы то ни стало.

Общество Ипатьевыхъ съ удивленіемъ смотрѣло на Лѣпинскаго и на Наташу. Знаменитый присяжный повѣренный цѣлый вечеръ не отходилъ отъ Бородиной и у многихъ маменекъ вытянулись лица при видѣ этой странной пары. Конечно, и хозяева, и гости ни разу не осудили Лѣпинскаго. Станиславъ Альфредовичъ считался слишкомъ замѣчательной личностью и такой капризъ былъ понятенъ; но «она то, она то, какъ ему навязывается, даже глаза отъ радости блестятъ, что такую крупную рыбку на удочку подцѣпила». Раздраженныя полнѣйшимъ невниманіемъ къ нимъ Лѣпинскаго, барыни не стѣснялись.

Ни Наташа, ни Лѣпинскій не обращали никакого вниманія на общество. Имъ обоимъ было хорошо. Лѣпинскій вполнѣ отдался новому для него ощущенію и говорилъ съ дѣвушкой о музыкѣ, о поэзіи и дѣвушка откровенно разсказала ему всю свою жизнь, да, всю свою жизнь, кромѣ своихъ отношеній къ Павлу Ивановичу. Какой то смутный инстинктъ заставлялъ дѣвушку удержаться и не произнести имени Павла Ивановича. Ей было какъ то совѣстно признаться этому умному, изящному, блестящему человѣку, что она, Наташа, на которую онъ смотритъ съ такимъ страннымъ выраженіемъ умныхъ глазъ, невѣста такого невзрачнаго человѣчка.

Правда, Лѣпинскій не сказалъ Наташѣ ни одной дерзости, онъ былъ безукоризненно вѣжливъ съ нею, она не слыхала отъ него ни одной двусмысленности, но какой то инстинктъ подсказалъ ей, что она ведетъ себя съ Лѣпинскимъ не такъ, какъ слѣдуетъ вести себя дѣвушкѣ, связанной съ другимъ честнымъ словомъ и ей какъ то не хотѣлось скрывать отъ Лѣпинскаго свои отношенія къ Павлу Ивановичу.

За ужиномъ Лѣпинскій снова былъ сосѣдомъ Наташи, сосѣдомъ внимательнымъ и предупредительнымъ, и на гордомъ лицѣ дѣвушки скользнула улыбка торжества при видѣ кислыхъ физіономій Ипатьевыхъ и ихъ гостей. И дѣйствительно, какъ имъ было не разсердиться: Лѣпинскій не игралъ въ карты, Лѣпинскій едва обмѣнялся нѣсколькими приличными фразами съ хозяиномъ и хозяйкой, Лѣпинскій не подходилъ ни къ одной изъ дамъ и цѣлый вечеръ не отходилъ отъ Натальи Александровны и, конечно, удивленіе всего общества возросло до необычайныхъ размѣровъ, когда Наталья Александровна, прощаясь послѣ ужина съ хозяиномъ и хозяйкой и,

выслушавъ ихъ холодно вѣжливую благодарность за доставленное ея игрой удовольствіе, вышла изъ залы въ сопровожденіи Станислава Альфредовича Лѣпинскаго.

— Кокетка, интригантка, перешептывались между собой барыни, когда Наташа, высоко поднявъ свою хорошенькую головку, выходила изъ залы. Лѣпинскій слѣдовалъ за дѣвушкой. Онъ зналъ, что взгляды всего общества устремлены на него; но онъ не обращалъ вниманія ни на эти взгляды, ни на это перешептыванье, онъ слѣдилъ за красивой фигурой удаляющейся дѣвушки, которая дала ему такъ много, такъ много—цѣлый вечеръ безъ скуки и зѣвоты.

— Вы мнѣ позволите проводить васъ до самаго дома, Наталья Александровна? вѣжливо спросилъ Лѣпинскій, когда они вышли въ переднюю. Дѣвушка молча поклонилась. Красивое лицо ея освѣтилось.

Лѣпинскій завязалъ ей ноты, Лѣпинскій съ изящной ловкостью свѣтскаго человѣка накинулъ ей тальму и взялъ папку съ нотами. Наташа медленно спускалась по освѣщенной лѣстницѣ, она торжествовала и на тонкихъ правильныхъ губахъ Лѣпинскаго играла непривычно веселая улыбка. Ему было хорошо съ этой дѣвушкой, а онъ только и добивался этого.

Красивый кровный рысакъ Лѣпинскаго стоялъ уже у подъѣзда. Лѣпинскій ловко усадилъ дѣвушку на узенькія дрожки; вскочилъ самъ и, обхватывая своей тонкой рукой въ сѣрой лайковой перчаткѣ стройный станъ дѣвушки, проговорилъ:

— Вы позволите? Впрочемъ à la guerre comme á la guerre.

Вороная лошадь Лѣпинскаго неслась быстро. Свѣжій воздухъ и близость красивой и умной молодой женщины какъ то опьяняли Лѣпинскаго и онъ все-цѣло отдавался новому ощущенію. Наташѣ тоже было хорошо. Она забыла, что завтра ей снова придется шагать по этимъ же улицамъ на уроки, она забыла, что ей придется снова выслушивать безцвѣтныя рѣчи Павла Ивановича вмѣсто этой блестящей страстной рѣчи, которая очаровывала ее, какъ звуки музыки, она забыла, что завтра она перестанетъ быть женщиной и снова сдѣлается учительницей, то есть машиной, которая не имѣетъ права ни любить, ни волноваться, а должна только учить. Да, она забыла все это и ей казалось, что она несется куда то далеко отъ своего прошлаго, несется вдаль съ этимъ страннымъ, сильнымъ и смѣлымъ человѣкомъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Прокаженные и отверженцы въ Европѣ.

Ст. С. С. Шашкова.

Въ средневѣковой Европѣ, при постоянныхъ войнахъ, частыхъ голодовкахъ, рабствѣ и нищетѣ народа, гигіеническія отношенія были таковы, что средняя продолжительность человѣческой жизни составляла только 13 лѣтъ, а ужасныя эпидеміи, то-и-дѣло опустошавшія страну, нерѣдко разомъ уменьшали на цѣлую треть, даже на половину число ея жителей. Въ числѣ этихъ болѣзней постоянно дѣйствовала проказа, особенно усилившаяся съ тѣхъ поръ, какъ толпы двинулись въ Палестину для освобожденія Іерусалима, заражались тамъ восточною проказою и, возвращаясь домой, разносили ее по Европѣ. Прокаженные, покрытые ужасными язвами, смердящіе, гніющіе заживо возбуждали ужасъ и отвращеніе во всѣхъ здоровыхъ, и правительства старались изолировать ихъ въ особыхъ кварталахъ, а народная масса нерѣдко преслѣдовала ихъ съ варварскою жестокостью. Въ Гвіанѣ, напр., въ XVI вѣкѣ народъ обвинялъ прокаженныхъ въ томъ, что они, стакнувшись съ евреями, отравляютъ колодцы. Король Филиппъ Длинный на основаніи этого обвиненія сжегъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ на кострѣ, а въ 1319—1320 г, толпы крестьянъ, расхаживая по провинціи, истребляли евреевъ и прокаженныхъ, сожигали ихъ жилища, разграбляли имущества. Положеніе прокаженныхъ было ужасно: общество ненавидѣло и отвергало ихъ, какъ индусы паріевъ, а католическое духовенство хотя и устраивало по мѣстамъ убѣжища для нихъ, но эти убѣжища были настоящими могилами, въ которыхъ несчастные погребались заживо. Прокаженнаго, поступающаго въ такое убѣжище сначала отпѣвали, какъ покойника, потомъ священникъ приказывалъ встать ему на ноги и объяснялъ ему его обязанности, за нарушеніе которыхъ ему могло жестоко достаться. «Я запрещаю тебѣ, говорилъ онъ, мыть твои руки и употребляемыя тобой вещи у фонтановъ и ручьевъ, и если ты захочешь пить, то долженъ брать воду чистымъ сосудомъ. Я запрещаю тебѣ прикасаться къ какой бы то ни было вещи, которую ты хочешь купить, иначе, какъ чистымъ прутомъ, назначеннымъ для указанія. Я запрещаю тебѣ входить въ таверны и дома, кромѣ дома, опредѣленнаго для твоего жительства. Я запрещаю тебѣ имѣть сношенія съ другою женщиной, кромѣ той, на которой ты женатъ. Я запрещаю тебѣ прикасаться къ дѣтямъ или давать имъ что нибудь такое, къ чему прикасался ты. Я запрещаю тебѣ ѣсть и пить съ кѣмъ нибудь другимъ, кромѣ прокаженныхъ, и знай, что когда ты умрешь, то будешь погребенъ въ своемъ жилищѣ, если только не послѣдуетъ особая милость прелата или его викаріевъ». Средневѣковые законы о прокаженныхъ были заимствованы изъ библіи, но въ то время, какъ у древнихъ евреевъ прокаженный, въ случаѣ своего излеченія, снова дѣлался членомъ общества, въ Европѣ этого не было и во многихъ мѣстахъ даже все семейство его лишалось гражданскихъ правъ. Прокаженность считалась не только физическимъ зломъ, но даже безчестіемъ, позоромъ, и слово «прокаженный» было въ средніе вѣка самою обидною бранью. Прокаженнымъ людямъ, большею частію бѣднымъ, было выгодно только въ одномъ отношеніи сравнительно съ ихъ здоровыми собратьями,—ни они, ни члены ихъ семействъ не платили ни податей, ни налоговъ, и даже люди, жившіе тогда преимущественно грабежемъ, боялись трогать жилища прокаженныхъ, отмѣченныя извѣстными внѣшними знаками. Кто знаетъ тяжкія условія жизни рабочаго человѣка тѣхъ временъ, для того нисколько не покажется страннымъ, что многіе здоровые люди старались выдавать себя за прокаженныхъ, чтобы, попавъ въ этотъ классъ отверженниковъ, избавиться отъ всякихъ грабежей и притѣсненій. «Во всемъ Пуату, напр., говоритъ одинъ старинный документъ, все проказа и проказа и во многихъ мѣстахъ не найдешь дома, на которомъ бы не было креста и колокольчика, а передъ воротами кружки для прокаженныхъ». Кромѣ тѣхъ притворныхъ прокаженныхъ было не мало дѣйствительно больныхъ какою то болѣзнью, которую долго смѣшивали съ проказой, но которая не была заразительной.

Какъ эти больные, такъ и притворявшіеся больными, составляли одинъ изъ элементовъ, изъ которыхъ въ Европѣ началъ складываться точно такой же классъ отверженниковъ, какъ паріи Индіи. Но эти европейскіе паріи происходили не отъ однихъ только прокаженныхъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, какъ то старается доказать одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, Де-Роша. Такихъ паріевъ много было во Франціи и Испаніи; въ однихъ мѣстахъ они назывались «каготами», въ Гаскони и Лангедокѣ «гаетами» и «капотами», въ Бретани «какотами», или «каку», въ Испаніи «аготами» и т. д. Многіе изъ нихъ несомнѣнно дошли до своего отверженнаго положенія вслѣдствіе религіозныхъ гоненій, спасаясь отъ которыхъ нѣкоторыя общины еретиковъ успѣвали скрываться отъ преслѣдованій въ разныхъ захолустьяхъ, вели изолированную жизнь и, какъ отверженники, возбуждали страхъ въ правовѣрныхъ католикахъ. Какъ ни ужасны были религіозныя преслѣдованія во Франціи и Испаніи, но церковь была не въ силахъ истребить еретиковъ всѣхъ до одного и въ нѣкоторыхъ случаяхъ принуждена была терпѣть ихъ, но подвергала ихъ отлученію и тѣмъ дѣлала ихъ нечистыми, погаными, въ глазахъ остальныхъ жителей.

Каково бы ни было происхожденіе тѣхъ или другихъ изъ этихъ отверженниковъ, во всякомъ случаѣ, судьба какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ потомства была ужасна: это были настоящіе паріи. Во французскихъ и испанскихъ городахъ они должны были совершенно изолированно жить въ особыхъ предмѣстьяхъ, которыхъ они не могли покидать иначе, какъ надѣвая на себя знакъ своей отверженности, въ однихъ мѣстахъ кусокъ краснаго сукна, въ другихъ лисьи и гусиныя лапы. Въ деревняхъ же они обитали въ жалкихъ хижинахъ и, во всякомъ случаѣ, не въ самой деревнѣ, но около нее и отдѣленные отъ нея лѣскомъ или ручьемъ. Имъ запрещено было входить въ какія бы то ни было тѣсныя сношенія съ другими жителями. Въ Бретани они могли торговать только нитками и коноплей, а изъ ремеслъ заниматься только витьемъ веревокъ. Въ Пиринеяхъ имъ запрещалось ходить босикомъ, входить на мельницу, употреблять воду, которая служитъ для остальныхъ жителей, а когда они нанимались на поденныя работы, то должны были ѣсть и пить изъ принесенныхъ съ собою сосудовъ. Имъ запрещено было танцовать и играть съ другими, держать животныхъ, воздѣлывать землю, а ихъ кастальною спеціальностью было плотничество. Въ Испаніи не рѣдко даже налагался штрафъ на всякаго хозяина, который осмѣливался взять къ себѣ въ работники такого парія. Въ горахъ Астуріи нѣсколько общинъ этихъ отверженниковъ, называвшихся вакеросами, долго вели совершенно изолированную и свободную жизнь. Окрестные жители чуждались и презирали ихъ, считая ихъ погаными. «Между ними и остальными жителями, говорилъ въ концѣ прошлаго вѣка извѣстный Ховелланосъ,—нѣтъ ни связей, ни дружбы, ни какихъ бы то ни было сношеній: ни добродѣтель, ни красота, ни грація лучшей изъ ихъ дѣвушекъ никогда не заслужитъ того, чтобы ей предложилъ свою руку какой нибудь крестьянинъ. Отдѣленные отъ остальныхъ людей на всю свою жизнь, они третируются, какъ поганые вплоть до могилы. Крестьяне оправдываютъ свое презрѣніе къ нимъ тѣмъ, что приписываютъ имъ нечистое происхожденіе. Однакожь, они не представляютъ никакой особенности ни въ своихъ физіономіяхъ, ни въ своемъ языкѣ». Какъ во Франціи, такъ и въ Испаніи, эти паріи были до того отверженны, что даже ихъ новорожденные въ метрическихъ книгахъ записывались въ самомъ концѣ, вверхъ ногами и въ перемежку съ незаконнорожденными! Даже молиться Богу они не могли вмѣстѣ съ другими, и въ однихъ мѣстахъ они должны были слушать обѣдню со двора, а въ другихъ для нихъ дѣлались особыя помѣщенія въ церкви, съ особымъ входомъ. Для нихъ приготовлялось особое причастіе и особый благословенный хлѣбъ, который по мѣстамъ имъ недавали въ руки, а бросали, какъ собакамъ, святую же воду имъ подавали на длинной палкѣ. Само собою понятно, что при такой отверженности эти паріи могли жениться только между собою и погребались на отдѣльныхъ кладбищахъ.

Какъ ни отверженны были эти паріи, но и въ ихъ средѣ отъ времени до времени раздавались живые протесты и въ ихъ пѣсняхъ мы находимъ глубокое человѣчное сознаніе равноправности. Въ одной изъ нихъ, напр., говорится: «хотя мы и каготы, но мы все-таки дѣти отца Адама. Богъ сотворилъ насъ, какъ и другихъ людей, и мы вовсе не отверженные». Начиная съ XVII вѣка, каготы стали находить защитниковъ и не въ своей средѣ, а со времени Людовика XIV правительство начало стараться объ ихъ эманисипаціи съ цѣлью привлеченія ихъ къ платежу налоговъ, отъ которыхъ они, благодаря своей отверженности, были избавлены. Но уравненіе ихъ съ другими жителями долго встрѣчало ожесточенное сопротивленіе со стороны послѣднихъ, наслѣдовавшихъ отъ своихъ предковъ фанатическую ненависть къ этимъ паріямъ и суевѣрную боязнь осквернитъся отъ сближенія съ ними. Въ Бретаніи, напр., послѣ того, какъ каготы были эманисипированы въ 1690 г., остальные жители долго не давали хоронить ихъ въ той же самой землѣ, въ которую потомъ пришлось бы лечь имъ самимъ. Чистые нападали на похоронныя процессіи каготовъ, били ихъ, выбрасывали изъ гробовъ покойниковъ, оскверняли эти трупы, бросали ихъ собакамъ и свиньямъ и не хотѣли слушать указовъ не только парламентскихъ, но даже королевскихъ. Въ одномъ приходѣ, когда послѣ нѣсколькихъ такихъ бунтовъ пріѣхалъ королевскій прокуроръ съ адвокатомъ, сержантами, то чистые встрѣтили ихъ градомъ ругательствъ и камнями; королевскіе чиновники были прогнаны, а недавно похороненный каготъ вырытъ изъ земли и выброшенъ на большую дорогу.

Къ началу XVIII вѣка всѣ каготы, какъ во Франціи, такъ и въ Испаніи были уравнены съ остальными жителями, но масса народа все-таки продолжала смотрѣть на нихъ, какъ на какихъ-то нечистыхъ, какъ на «проклятыя расы», и это предубѣжденіе проникло даже въ науку, въ которой утвердилось мнѣніе, что каготы—кретины. Не далѣе какъ въ 1872 г. Литре въ своемъ знаменитомъ словарѣ французскаго языка говорилъ: «каготы—жители Пиринеевъ, страдающіе кретинизмомъ». Между тѣмъ докторъ Де-Рошà и другіе новѣйшіе изслѣдователи свидѣтельствуютъ, что потомки каготовъ ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ остальныхъ жителей, а послѣдніе по мѣстамъ все еще продолжаютъ смотрѣть на нихъ, какъ на поганыхъ. Въ одной деревнѣ старикъ разсказывалъ доктору Де-Рошà, что во время его молодости на каготовъ всѣ смотрѣли съ презрѣніемъ. — «Почему? развѣ это были худые люди, въ родѣ цыганъ?»—«Нѣтъ, но они не были хорошаго происхожденія и никто не рѣшился бы послѣ нихъ взять святой воды». Въ другомъ мѣстѣ, въ сѣверной Испаніи, одинъ изъ потомковъ каготовъ назвалъ своихъ предковъ немсюрами. «Что это за немсюры такіе были?» —«Разбойники», отвѣчалъ старикъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ окрестностяхъ Арамица, потомки каготовъ до сихъ поръ еще ведутъ отверженную жизнь своихъ предковъ, женятся только между собою и т. д. «Бретонскіе каготы, по словамъ доктора Морисè, живутъ въ предмѣстьяхъ, которыя почти всегда называются магдалинискими; чаще всего, каготы занимаются витьемъ веревокъ. По своему характеру они недовѣрчивы и молчаливы. До сихъ поръ еще они приходятъ въ изумленіе, когда кто-нибудь посторонній входитъ въ ихъ жилище, и ихъ быстрые, почти дикіе глаза ни на минуту не сходятъ съ вошедшаго. Ихъ жилища нездоровы, пища недостаточна, браки заключаются между кровными родственниками; этихъ этіологическихъ причинъ достаточно, чтобы объяснить ихъ расположеніе къ чахоткѣ и цингѣ, которыя часто встрѣчаются между ними». При томъ необходимо замѣтить, что, по свидѣтельству всѣхъ изслѣдователей, къ какой бы мѣстности ни принадлежали каготы, они имѣютъ одинъ и тотъ же физіологическій характеръ и у нихъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ какого-нибудь общаго языка, слѣдовательно, они представляютъ собою остатки не расы, а касты. Тамъ, гдѣ условія жизни этой касты измѣнились къ лучшему, потомки каготовъ представляются населеніемъ здоровымъ и крѣпкимъ; тамъ же, гдѣ упомянутыя условія остались прежнія, потомки этихъ отверженниковъ до сихъ поръ остаются паріями, живой примѣръ которыхъ свидѣтельствуетъ, что въ складѣ европейской жизни есть такія же зловредныя причины, которыя въ Индіи породили многочисленный классъ паріевъ, и если въ ней не образовались такіе же паріи, какъ въ Индіи, совершенно дикіе, живущіе въ лѣсахъ и джунгляхъ, питающіеся падалью и кореньями, то это зависитъ вовсе не отъ превосходства общественнаго склада западной Европы надъ складомъ Индіи. Будь въ Европѣ такіе же лѣса, какъ въ Индіи, такая же роскошная растительность, такое же обиліе дикихъ животныхъ и такой же теплый климатъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что значительная часть каготовъ, а пожалуй, и нѣкоторые пролетаріи ушли бы въ эти лѣса и превратились въ настоящихъ, дикихъ, нагихъ, паріевъ, питающихся дохлятиной и кореньями. Образованный европеецъ не презиралъ бы ихъ съ суевѣріемъ, какъ индусъ, но все-таки питалъ бы къ нимъ отвращеніе, какъ къ животнымъ, позорящимъ собою благородный образъ человѣка...

Оправдательный приговоръ.

(Замѣтка П. Библіофила.)

Полная жизни и движенія картина «Оправдательный приговоръ», замѣчательна по экспрессіи лицъ и ловкой группировкѣ фигуръ, большую копію съ которой мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, принадлежитъ кисти еще довольно молодого нѣмецкаго художника, уже успѣвшаго сдѣлать себѣ имя. Ю. Вейзеръ родился въ 1847 году и получилъ свое художественное образованіе въ Мюнхенѣ и Римѣ, затѣмъ онъ поселился въ Мюнхенѣ, гдѣ и была написана эта картина. Сюжетъ этой картины взятъ изъ дѣйствительной жизни изъ временъ анархіи, беззаконія и насилія, царившихъ въ концѣ XVIII вѣка въ Германіи, можетъ быть, болѣе, чѣмъ во Франціи, гдѣ такой дорогой цѣной купился конецъ стараго режима. Въ Германіи, состоявшей тогда изъ 360 различныхъ частей, — королевствъ, графствъ, маркграфствъ, курфюршествъ,—злоупотребленія всевозможныхъ родовъ были такъ велики, что теперь вѣришь съ трудомъ тѣмъ писателямъ, которые берутся за описанія этой эпохи, когда короли бѣгали съ палкой, наказывая подданныхъ или изгоняя изъ города падшихъ женщинъ, когда въ то же время при большихъ и маленькихъ дворахъ Германіи старались повторять безпутную жизнь французской аристократіи, когда интрига, подкупъ и насиліе торжествовали надъ закономъ. Особенно страдало отъ этихъ порядковъ устройство суда и очень часто совершенно невинный человѣкъ, вслѣдствіе разныхъ случайностей, могъ дрожать за свою участь, будучи потребованъ въ судъ. Одной изъ несчастныхъ жертвъ беззаконія была, между прочимъ, одна молодая мѣщаночка изъ Ганзека, принадлежавшаго къ Германскому Союзу. Она была захвачена и посажена въ тюрьму безъ малѣйшаго повода и основанія. Въ тюрьмѣ ей пришлось томиться нѣсколько мѣсяцевъ и нужно вспомнить, каковы были вообще старыя тюрьмы, чтобы понять, что выстрадала въ своемъ заключеніи эта жертва произвола. Ея положеніе ухудшалось, конечно, еще болѣе тѣмъ страхомъ, который она должна была испытывать при мысли объ окончаніи дѣла: она была невинна, но оно могло, тѣмъ не менѣе, кончиться скверно. Развѣ мало невинныхъ осуждалъ тогдашній подкупной судъ. Къ ея величайшему счастію, даже и тогдашнее правосудіе должно было вынести ей оправдательный приговоръ, по недостатку какихъ бы то ни было уликъ противъ нея. На картинѣ Вейзера представлена первая минута послѣ оправдательнаго приговора: вся семья и всѣ знакомые обвиненной стоятъ въ томительномъ ожиданіи у дверей суда; но вотъ двери распахнулись и оправданная дѣвушка бросается въ объятія своей матери; ея слѣпой отецъ протягиваетъ къ ней руки; среди этого движенія радости остается безучастнымъ въ своей деревянной позѣ одинъ только часовой. Мертвая, холодная обстановка, непригладныя каменныя стѣны въ предверіи суда, этотъ часовой въ старинной формѣ, все это напоминаетъ другой вѣкъ, другую эпоху. Судя по этой картинѣ, отъ Ю. Вейзера можно ожидать многаго въ будущемъ.

Изъ татарскихъ мотивовъ.

Стих. М. В. Лоссіевскаго.

I.

Я пою—и плачетъ небо,
И земля съ нимъ плачетъ вмѣстѣ,
Отъ того, что пѣснь пою я
Объ утраченной невѣстѣ.

Камыши шумятъ — и чайка
Грудью бросилася въ воду,
Поднялась—и въ клювѣ рыбка,
Потерявшая свободу.

Гдѣ-то ты, Зюлейка, гдѣ ты?
— Мужъ немилый взялъ въ неволю,
И пою я, и слезами
Обливаю свою долю.

II.

Если пѣть меня заставишь —
Буду пѣть я соловьемъ;
Цѣловать себя позволишь —
Кровь твою зажгу огнемъ.

Если жъ ласки ты не примешь
Отъ меня, Айша, тайкомъ, —
Такъ скажи, зачѣмъ на свѣтѣ
Мы, красавица, живемъ.

За меня, какъ за байгуша (*),
Вѣдь тебя не отдадутъ,
И въ пять косъ, какъ новобрачной,
Волоса не заплетутъ!

— Ну такъ что же, мужъ немилый
Не запретъ же вѣдь въ сундукъ,
Мужъ съ двора—меня сейчасъ-же
Навѣститъ сердечный другъ.

Госпожа Жервезе.

Романъ Эдмона и Жюля Гонкура.

(Переводъ П. Лѣтнева.)

(*Продолженіе.*)

XLV.

Каждое утро, пока Онорина одѣвала ее, г-жа Жервезе говорила ей о религіи, старалась обратить ее, настаивала, чтобъ она шла исповѣдоваться. Но Онорина, всегда такая послушная во всемъ, что отъ нея требовали, была непреклонна въ этомъ отношеніи. Въ глубинѣ преданности Онорины къ г-жѣ Жервезе таилась ненависть, все болѣе и болѣе разгоравшаяся къ патерамъ, отнимавшимъ съ каждымъ днемъ у ея госпожи понемногу счастія и доброты. Онорина ничего не отвѣчала на нападки г-жи Жервезе, но въ ея нѣмомъ сопротивленіи проглядывалъ невольный

(*) Байгушъ — бѣднякъ.

ужасъ. Тогда начинались сцены между госпожей и служанкой: обуреваемая рвеніемъ обратить душу на путь спасенія, г-жа Жервезе хотѣла насильно вырвать ее изъ когтей нечестія, и одинъ разъ, въ порывѣ раздраженія, ея руки, дрожащія отъ гнѣва—эти руки свѣтской женщины забылись до того, что едва не расцарапали лица несчастной горничной, которая опустила голову, какъ бы говоря: «Дѣлайте со мной, что хотите, отъ васъ я снесу все».

Эти порывы замѣнялись ледяною холодностью, жесткими фразами: «Оставьте меня... вы мнѣ не нужны», словами болѣе оскорбительными, чѣмъ удары, взглядами женщины отравленной, которой служанка отравительница только сейчасъ поднесла ядъ. Она держала ее поодаль отъ себя, отказывалась отъ ея услугъ, и нарочно для того, чтобъ унизить ее и заставить страдать, требовала отъ своего сына, въ ея присутствіи, разныхъ маленькихъ услугъ, какъ то: принести ей книгу, поправить подушку. Въ одинъ день, когда она мучила Онорину болѣе обыкновеннаго, и та начала роптать, г-жа Жервезе злобно сказала ей:

— Ну, Онорина! послушай, ты заставляешь меня вѣрить всему, что о тебѣ говорили... Да, потому, что еслибъ у тебя не было ничего на совѣсти... еслибъ тебя ничто не тяготило... высказать на исповѣди... когда я тебя прошу... О, это ясно! все было правда.

— Какъ?! вскричала Онорина, и глаза ея раскрылись во всю величину. Она не понимала; ей казалось невозможнымъ, чтобъ эти слова были сказаны женщиной, стоявшей передъ ней.

— Ну да! это ты обокрала г-жу Винанъ!

Онорина бросила на г-жу Жервезе взглядъ, полный ужаса и состраданія, какъ на сумасшедшую.

— И вы... вы говорите это мнѣ? вы... мнѣ? прошептала она:—возможно-ли, патеры успѣли сдѣлать васъ такой злой?...

Слова замерли на ея губахъ и она упала въ нервномъ припадкѣ.

XLVI.

Въ нѣкоторые дни г-жа Жервезе чувствовала себя больною, но она покорялась болѣзни съ чувствомъ фатализма, до котораго экзальтація часто доводитъ женщину: она начинала смотрѣть на свое здоровье, какъ на вещь, которою истинная вѣрующая не должна заниматься. Страданіе въ ея глазахъ вело ее къ спасенію. Она не хотѣла лечиться и совсѣмъ не видѣлась съ докторомъ Монтероне.

Въ ея постепенномъ отчужденіи отъ прежнихъ знакомыхъ и друзей, ея бывшій іезуитскій духовникъ всего болѣе старался отдалить ее отъ либеральнаго доктора. Замѣтивъ холодный пріемъ г-жи Жервезе, докторъ тотчасъ же догадался съ проницательностью, свойственною итальянцу, о тайныхъ маневрахъ іезуита. Онъ внезапно прекратилъ свои посѣщенія и только условился съ Онориной, чтобъ она увѣдомляла его, когда г-жѣ Жервезе сдѣлается хуже. Тогда онъ появлялся по прежнему, и послѣ первыхъ словъ пошлой учтивости, велъ съ ней неизмѣнно одинъ и тотъ же разговоръ.

— Покажите мнѣ вашъ носовой платокъ.

— Къ чему это докторъ?

— Къ чему?... къ чему?... не харкаете ли вы кровью?

— Нѣтъ... вотъ взгляните...

— Да немного... очень немного... почти ничего...

Онъ брался за шляпу.

— Завтра мы пустимъ вамъ кровь.

На другой день онъ бросалъ ей кровь, не обмѣниваясь ни словомъ, и исчезалъ на мѣсяцъ или на полтора. Въ этихъ безцеремонныхъ появленіяхъ проглядывало какое то деспотическое участіе, которое не допускало г-жу Жервезе разорвать съ нимъ знакомство такъ грубо, какъ съ другими. Она искала предлога, случая разсердиться на него и не принимать его болѣе. Но докторъ съ неистощимымъ терпѣніемъ сносилъ отъ нея все, частію изъ состраданія къ ея болѣзни, а частію для того, чтобы имѣть удовольствіе взбѣсить отца Гіансанти. Г-жа Жервезе даже нѣсколько побаивалась доктора, неизмѣнно являвшагося въ тотъ самый день и часъ, когда съ нею дѣлались болѣзненные припадки. И потому, переѣзжая изъ Корсо, она была очень довольна, что нашелся самъ собою предлогъ раззнакомиться съ докторомъ по отдаленности квартиры.

— Вездѣ найдутся люди, которые пустятъ мнѣ кровь, сказала она Оноринѣ, отсылая съ ней къ доктору деньги за его визиты.

XLVII.

Для г-жи Жервезе не существовало болѣе эстетическаго чувства. Она жила въ комнатѣ почти совсѣмъ безъ мебели, считая, что не стоитъ украшать временное жилище, своего тѣла. Она не любила болѣе цвѣтовъ и не находила въ нихъ того благоуханія, какъ прежде. Она не занималась болѣе музыкой и не слушала ее никогда. Что касается до картинъ, она смотрѣла только на изображенія святыхъ. Ей нравилось почти нищенское убранство церквей въ Трастевере, гдѣ она проводила цѣлые дни, смѣшиваясь съ толпой оборванныхъ нищихъ. Никакое безобразіе не поражало ее. Артистка, женщина, понимавшая всѣ утонченности красоты и изящества, она достигла до того, что привила себѣ самый грубый вкусъ. Она не восхищалась болѣе природой и очаровательными окрестностями Рима. Форма, декорумъ матеріальной жизни потеряли для нея всякій существенный смыслъ и значеніе, и во всемъ окружающемъ она видѣла только проходящее и смертное, какую-то могильную красоту, затемнявшую величіе Божіе.

XLVIII.

Сѣмена, посѣянныя въ ней ея духовниками, взошли и въ ней изгладилось мало по малу неземное представленіе о Богѣ, когда то созданное ею, и отъ котораго она не могла вполнѣ отрѣшиться въ своихъ новыхъ воззрѣніяхъ. Эта идея о Богѣ, недоступномъ и необъятномъ, какъ пространство и время, замѣнилась въ ней идеей о Богѣ исключительно грозномъ и это случилось съ ней въ то самое время, когда она слѣдовала методѣ и благочестивымъ упражненіямъ Лойолы, въ которыхъ онъ совѣтуетъ искать какъ можно менѣе ясности и прибѣгать къ полумраку, способствующему матеріальной иллюзіи. Слѣдуя наставленіямъ этого руководителя душъ, она напрягала «всѣ свои пять чувствъ», зрѣніе—на то, чтобъ видѣть, живо начертать себѣ мѣсто, обстановку, одежду и лицо Христа; слухъ—на то, чтобъ слышать звукъ его голоса, осязаніе—на то, чтобъ обнимать руками Его одежду, ощупывать слѣды его шаговъ, вкусъ и обоняніе на то, чтобъ вдыхать неизрѣченную сладость исходящую изъ Сына человѣческаго.

Освободившись отъ мучительнаго страха, она почувствовала умиленіе, сладкій трепетъ; неописанное блаженство наслажденія чувствительной благодати, которую она еще такъ недавно, напрасно призывала. То было пламя яркое, чистое, неугасимое, то была радость, ликованіе; она чувствовала себя охваченною до глубины души такимъ сильнымъ и сладкимъ чувствомъ, разливавшемся по всему ея существу, что она по временамъ отрѣшалась отъ всего земного и погружалась въ самое себя, прислушиваясь въ благоговѣйномъ безмолвіи къ словамъ безъ звуковъ, вѣявшимъ въ воздухѣ и которыя, казалось ей, исходили свыше и проникали въ нее безъ посредства слуха,—такъ глубоко чувствовала она ихъ внутри себя.

Такъ проходили дни. Во время безсонныхъ ночей, когда она засыпала не болѣе какъ на часъ или на два, она принуждена была вставать съ постели и ходить по комнатѣ для того, чтобъ унять одышку. Худая, какъ скелетъ, въ своемъ бѣломъ пеньюарѣ, она и ночью, въ полудремотѣ продолжала шептать молитвы.

XLIX.

Затѣмъ наступилъ непрерывный рядъ пламенныхъ экстазовъ и порывовъ восторженнаго благочестія. Произнося каждую минуту мысленныя молитвы, едва обозначавшіяся легкимъ движеніемъ губъ, она возвысилась до веденія «молчаливыхъ разговоровъ», во время которыхъ глаза отвѣчаютъ глазамъ, сердце сердцу, и гдѣ никто не слышитъ то, что говорится, кромѣ двухъ бесѣдующихъ, въ одномъ дыханіи передающихъ другъ другу свои мысли.

Въ одинъ день Онорина, войдя въ комнату своей госпожи, была поражена ея страннымъ видомъ, она услыхала, какъ та явственно произнесла имя: «Магдалина!»—и при этомъ призывѣ какъ будто кто-то вошелъ, приведенный этой Магдалиной. Горничная оцепенѣла и, не понимая, смотрѣла на свою госпожу; въ комнатѣ никого не было, а между тѣмъ г-жа Жервезе упала на полъ на колѣни, и распростертая на землѣ, казалось, цѣловала съ обожаніемъ край чьей-то одежды, повторяя нѣсколько разъ съ сіяющимъ лицомъ:—Раввуни! Учитель!

L.

Она ухитрялась втайнѣ придумывать мученія для своего тѣла, бѣднаго, больного тѣла, которое сами духовники ея защищали отъ нея, не дозволяя ей истязать его и мучить. Она изыскивала для него самыя утонченныя, самыя жестокія лишенія: не стригла себѣ ногтей на ногахъ, а стачивала ихъ кирпичемъ; прежнюю изящную одежду замѣнила бѣдной одеждой изъ грубой матеріи, напоминавшей кающихся первыхъ вѣковъ христіанства. Съ нѣкотораго времени, Онорина съ удивленіемъ стала находить въ рубашкахъ своей госпожи клочки терній, запятнанныхъ кровью. Г-жа Жервезе, не получивъ дозволенія отца Ансельма носить власяницу, приняла обыкновеніе вшивать въ рубашку на груди, вѣточки розъ, для того, чтобъ шипами расцарапать себѣ кожу.

LI.

Въ церкви св. Маріи транстеверской, г-жѣ Жервезе особенно полюбился одинъ темный уголъ, заваленный обломками вѣковъ, уголъ съ колоннами изъ темнаго порфира, подъ бронзовыми капителями, съ готическими надписями, съ каменными изображеніями кардиналовъ въ красныхъ шляпахъ, со всѣми почтенными остатками древностей, разсказывавшихъ исторію прошлаго.

Ключарь, подстерегавшій изъ сосѣдняго дома приходъ г-жи Жервезе, тотчасъ же отворялъ ей небольшую дверь съ архитектурными украшеніями, и она входила въ церковь по покривившимся ступенямъ. Омочивъ пальцы въ святой водѣ, она поднималась на пять ступеней съ правой стороны, ведшихъ на трибуну и становилась на колѣни. Налѣво отъ нея, въ срединѣ полукружія изъ темной рѣзьбы таинственно возвышался бѣлый мраморный престолъ съ двумя грифами по сторонамъ: вверху на сводѣ вырисовывался колоссальный Іисусъ, гигантская Богоматерь и апостолы, наклонявшіеся сверху золотого купола въ одеждахъ, украшенныхъ драгоцѣнными каменьями, опираясь ногами на фризу, развертывавшую съ каждой стороны небеснаго агнца фантастическое стадо овецъ на черномъ фонѣ. Въ этотъ часъ г-жа Жервезе была одна въ церкви. Она начинала молиться, молиться на колѣняхъ, на колѣняхъ, ободранныхъ и истерзанныхъ. Къ ея обожанію примѣшивался ужасъ. Блуждая помутившимся взоромъ по этимъ божественнымъ изображеніямъ, ужа-

Изъ картинъ, отправляемыхъ на всемірную парижскую выставку.

Спаситель въ пустынѣ, Крамского.

савшимъ своею громадностью, нечеловѣческими размѣрами и неумолимымъ выраженіемъ лицъ, она, мало по малу, отрѣшалась отъ дѣйствительности, и ей казалось, что передъ нею совершается чудесное видѣніе. Ей казалось, что лица, одежды, тѣла двигались при лучахъ солнца, отражавшихся на нихъ; она видѣла, какъ медленно закрывались тяжелыя вѣки грифовъ и какъ они погружались въ окаменѣлый сонъ. Она теряла сознаніе и чувствовала не безъ мучительнаго удовольствія, что земля выскользаетъ у нея изъ подъ ногъ и она переносится куда-то, внѣ времени и пространства, въ будущее Апокалипсиса, когда будутъ разломаны семь печатей Священной Книги.

Почти всегда она оставалась по цѣлымъ часамъ на колѣняхъ неподвижно, какъ бы окаменѣвшая. По временамъ она дѣлалась такъ блѣдна, какъ будто вся кровь отливала у нея отъ сердца; истощеніе силъ доходило до послѣднихъ границъ, тѣло было побѣждено, и она почти умирающая, въ обморокѣ опускала голову на плечо. Тогда ея сынъ, всегда ее сопровождавшій, давалъ ей нюхать склянку со спиртомъ, которымъ она всегда запасалась въ предвидѣніи, что лишится чувствъ. Бѣдный ребенокъ привыкъ видѣть мать свою въ обморокѣ, и не пугался болѣе. Понюхавъ спирту, г-жа Жервезе приходила въ себя, выпрямлялась съ геройскимъ усиліемъ и снова начинала молиться. По окончаніи молитвы, на ея смертельно блѣдномъ и измученномъ лицѣ появлялось выраженіе предсмертной агоніи, и ея впалый, какъ будто ушедшій въ себя взглядъ напоминалъ св. Іеронима, принимающаго причастіе на картинѣ Доменикино.

LII.

Состояніе экстаза сдѣлалось вскорѣ хроническимъ у этой женщины, подвергавшей себя такимъ истязаніямъ; уже болѣе не въ одной церкви, но и дома, внезапно и почти постоянно, на нее находили порыванія и восторги, отрѣшавшіе ее отъ земли.

Когда она сидѣла дома за вышиваньемъ, Поль слышалъ сначала затаенные вздохи, потомъ дѣтски жалобные стоны и, наконецъ, глухое восклицаніе; затѣмъ, онъ видѣлъ, какъ голова его матери съ горящими щеками запрокидывалась назадъ и какъ будто тянулась къ чему то. Она оставалась такъ долго, въ какомъ то восторженномъ забвеніи, проникнутая иллюзіей, что она вмѣстѣ съ тѣломъ приподнята съ канапе, дѣйствіемъ невѣдомой силы, приближавшей ее къ предмету, находившемуся вверху надъ нею. Зрачки ея широко раскрытыхъ глазъ оставались неподвижны, рѣсницы не дрогнули; взглядъ ея былъ полонъ ослѣпляющимъ сіяніемъ, озарявшимъ неизъяснимой красотой это худое, неподвижное лицо, уже вознесшееся за предѣлы всего земного... Ея блѣдныя, больныя руки, приподнятыя вверхъ къ невидимому видѣнію, казались прозрачными въ эту минуту. Когда это случалось, ребенокъ, которому въ это время запрещено было говорить и звать Онорину, смотрѣлъ на мать свою съ неопредѣленнымъ ужасомъ, смѣшаннымъ съ восторгомъ предъ ея красотой, пугавшей его.

Чрезъ нѣсколько минутъ г-жа Жервезе съ легкимъ содроганіемъ приходила въ себя, и осматривалась, ища, нѣтъ ли кого возлѣ нея. Она стыдилась этихъ экстазовъ и хотѣла бы скрыть ихъ отъ всѣхъ. Успокоиваясь при видѣ своего сына, она снова принималась за работу, какъ будто ничего не случилось, и только по временамъ отдыхала и переводила духъ съ легкимъ стономъ. Двадцать девятаго іюня, въ день св. Петра и Павла, она послала своего сына смотрѣть иллюминацію купола собора св. Петра, вмѣстѣ съ Онориной. Вернувшись, горничная нашла свѣчу догорѣвшей съ разбитой розеткой, а госпожу свою лежащую безъ чувствъ навзничь, съ руками протянутыми вверхъ.

LIII.

Медленная чахотка, тихо подтачивавшая жизнь г-жи Жервезе, много содѣйствовала усиленію восторженности въ этой женщинѣ, жившей почти однимъ духомъ. Ослабленіе легкихъ, постепенное умираніе плоти, возрастающее уничтоженіе физическаго существа, все подвигало ее къ безумію и галлюцинаціямъ. Кромѣ того, тутъ дѣйствовала еще другая причина, лежавшая въ основаніи ея болѣзни. Въ противуположность болѣзнямъ грубыхъ, низшихъ органовъ тѣла, загрязняющихъ въ больномъ умъ и воображеніе, чахотка—эта болѣзнь высшихъ и благороднѣйшихъ частей организма, имѣетъ ту особенность, что пробуждаетъ въ чахоточномъ всѣ его возвышенныя, мыслительныя и любящія способности, и придаетъ ему идеальный взглядъ на все окружающее — однимъ словомъ, больной достигаетъ высшей степени совершенства, почти неземного. Дѣйствіе этой болѣзни состоитъ въ томъ, что мозгъ человѣка слабѣетъ и, мало по малу, приходитъ въ свое первоначальное состояніе; всѣ свѣдѣнія и знанія, пріобрѣтенныя впродолженіи прожитыхъ годовъ, изглаживаются, такъ что мозгъ сорокалѣтней чахоточной женщины можно сравнить по чистотѣ и наивности мыслей съ мозгомъ двѣнадцатилѣтней дѣвочки. Чахотка совершенно измѣняла образъ мыслей г-жи Жервезе и поддерживала ее въ состояніи возбужденія и легкаго опьяненія, похожаго на опьяненіе ребенка, выпившаго на тощакъ стаканъ зельтерской воды.

LIV.

Такимъ образомъ, все содѣйствовало къ тому, чтобъ довести ее до той степени, которая разграничиваетъ жизнь мечтательную отъ жизни дѣйствительной: болѣзнь, подтачивавшая ее, изнурительная продолжительность восторженнаго состоянія, ненормальное возбужденіе всего существа, напряженіе всѣхъ способностей мозга и воображенія. Она полно и безраздѣльно входила въ прямое и непрерывное сношеніе, въ отожествленіе съ Безконечнымъ, въ которомъ поглощалось все ея существо.

Совершенно умершая для своего *я*, мыслящаго и дѣйствующаго, она какъ бы переносилась въ высшія сферы, откуда земными глазами женщина видитъ Іисуса, раздѣляющаго съ ней свои страданія и свой терновый вѣнецъ! Блаженная иллюзія, благословенные восторги, святое безуміе самоотверженія женщины! Но силамъ человѣка положенъ предѣлъ: посреди самой живой иллюзіи, онѣ вдругъ измѣняютъ ему изъ глубины общенія съ Вѣчнымъ и Безконечнымъ, онѣ впадаютъ въ разслабленіе, которое не въ состояніи стряхнуть.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Картины, предположенныя къ отправленію на Всемірную Парижскую выставку.

Въ настоящее время въ Академіи художествъ открыта выставка картинъ, которыя предполагаютъ отправить на всемірную парижскую выставку. Конечно, не всѣ изъ этихъ картинъ будутъ посланы въ Парижъ, но уже и теперь, когда присылка картинъ въ Академію еще продолжается, можно сказать, что на выставку пошлется и можетъ послаться не малое число произведеній. Тутъ есть «костюмированное утро въ XVIII столѣтіи въ Петербургѣ» В. Якобія, «Перенесеніе ковра» и «Болгарка» К. Маковскаго, три картины Крамскаго: «Голова мужика», «Портретъ И. И. Шишкина», «Спаситель въ пустынѣ», два «Лѣса» И. Шишкина, «Послѣдняя Трапеза» Бронникова, «Поминки» Журавлева, Нѣсколько картинъ Корзухина, «Охотники» и «Птицеловъ» Перова и т. д. Число этихъ картинъ все пополняется и пополняется. Ни объемъ, ни средства нашего журнала да и другихъ русскихъ иллюстрированныхъ изданій, конечно, не позволяютъ и думать о снятіи копій со всѣхъ выдающихся произведеній этой выставки, хотя редакціи и понимаютъ, что провинціальнымъ читателямъ было бы крайне интересно увидать копіи съ тѣхъ нашихъ богатствъ, которые мы собрали на показъ Европѣ. Вслѣдствіе этого приходится довольствоваться извѣстнымъ ограниченнымъ числомъ копій съ нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній, чтобы дать провинціальной публикѣ хотя какое-нибудь понятіе о нихъ. Редакція нашего журнала и рѣшилась сдѣлать это, пріобрѣтя и заказавъ копіи съ нѣкоторыхъ произведеній выставки. «Лѣсъ» И. Шишкина, «Спаситель въ пустынѣ» Крамского находятся уже передъ читателями; въ слѣдующихъ нумерахъ наши читатели найдутъ копіи съ другихъ картинъ выставки, — копіи, спеціально изготовленныя для нашего журнала въ Петербургѣ и рѣзанныя по заказу редакціи въ Варшавѣ.

Дюбюфы.

Ст. П. Библіофила.

Фамилія Дюбюфъ давно извѣстна въ художественномъ мірѣ Франціи: уже въ 1810 году парижане имѣли случай полюбоваться одною изъ первыхъ картинъ, подписанныхъ именемъ Дюбюфа. Эта картина—«Римлянинъ, морящій себя голодомъ»—была первымъ произведеніемъ молодого ученика Давида, Клода Маріи Дюбюфа. Съ той поры чуть не ежегодно Парижъ любовался новыми и новыми произведеніями съ подписью Дюбюфа и, вѣроятно, выставки въ началѣ будущаго столѣтія будутъ, какъ и теперешнія, обогащаться картинами, носящими эту подпись. Дѣло въ томъ, что Клодъ Марія Дюбюфъ оставилъ послѣ себя замѣчательно талантливаго сына, Эдуарда Дюбюфа, уже въ 1839 году, т. е. на девятнадцатомъ году жизни, выставившаго на выставку двѣ большія картины: «Охотницу» и «Благовѣщеніе», изъ которыхъ послѣдняя была куплена правительствомъ. Но этого мало: въ Салонѣ 1877 года вниманіе публики было обращено картиною «Смерть Адониса», сочною, свѣжею, граціозною и прекрасною по пейзажу; подъ этой картиной стояла знакомая Парижу подпись: Дюбюфъ, но это былъ уже не Клодъ Марія Дюбюфъ, не Эдуардъ Дюбюфъ, а совсѣмъ юный Гильомъ Дюбюфъ, только что начавшій свою художественную дѣятельность и уже подающій очень и очень много надеждъ. Эта артистическая семья, соединенная теперь родственными связями съ композиторомъ Циммерманомъ, на дочери котораго женатъ Эдуардъ Дюбюфъ, и съ извѣстнымъ творцемъ оперы Фаустъ, Шарлемъ Гуно, соединенная дружбою со всѣми выдающимися представителями искусства во Франціи, — отличалась замѣчательной подготовкой къ артистической карьерѣ. Отецъ Клода Маріи Дюбюфа мечталъ сдѣлать изъ сына консула и потому обучалъ его основательно нѣсколькимъ иностраннымъ языкамъ, давалъ ему хорошее школьное образованіе, поощрялъ его влеченіе къ игрѣ на скрипкѣ, но расходился съ сыномъ окончательно, когда мальчикъ начиналъ мечтать о живописи, о карьерѣ художника. Не смотря на это, юноша шелъ къ своей цѣли противъ воли отца и чтобы заплатить утромъ за наемъ мастерской, игралъ вечеромъ за скудную плату на скрипкѣ въ одномъ изъ небольшихъ театровъ Парижа. Уже въ 1810 году, какъ мы сказали, двадцатилѣтній молодой человѣкъ нарисовалъ свою первую картину; за нею послѣдовали Ахиллъ и Ифигенія въ 1812 году; въ это время въ Парижѣ также говорили великій Давидъ, какъ говорили великій Наполеонъ, и отецъ Клода Маріи Дюбю-

фа призадумался: не сдѣлается ли и его сынъ также «великимъ» Дюбюфомъ. Старикъ, которому ужъ предлагали для сына мѣсто консула въ Америкѣ, пошелъ къ Давиду съ откровеннымъ вопросомъ: можетъ ли выйдти что нибудь изъ его сына. Давидъ отвѣтилъ, что у молодого человѣка большой талантъ, и старику пришлось примириться съ мыслью, что его сынъ не будетъ консуломъ, а ему уже и мундиръ шитый золотомъ сдѣлали! Съ этого времени Клодъ Марія Дюбюфъ могъ спокойно идти по избранной дорогѣ. «Христосъ, утишающій бурю», «Аполонъ», «Христосъ, ходящій по водамъ», «Освобожденіе апостола Петра», «Воспоминанія и сожалѣнія», «Луи-Филиппъ», «Бельгійская королева», «Николай Кёхлинъ», «Цимерманъ», «Республика», «Крестьянка» и масса другихъ картинъ и портретовъ, въ особенности превосходныхъ портретовъ женщинъ, остались памятниками долговременной дѣятельности этого въ свое время очень и очень высокостоявшаго художника, особенно цѣнимаго въ качествѣ портретиста. Сынъ Клода Маріи Дюбюфа, Эдуардъ, не испытывалъ необходимости бороться за свое призваніе: въ немъ рано проснулась охота къ живописи и отецъ тотчасъ же радостно сталъ развивать способности мальчика. Уже на четырнадцатомъ году Эдуардъ съ жаромъ работалъ въ мастерской отца; но не одинъ отецъ заботился о развитіи ребенка, его обожалъ Поль Деларошъ; этотъ великій художникъ давалъ ребенку совѣты и пользовался огромнымъ вліяніемъ на него. Юноша девятнадцати лѣтъ получилъ третью медаль, его первую картину купило правительство,—это былъ полный успѣхъ. Долго Эдуардъ Дюбюфъ бралъ для своихъ картинъ библейскіе сюжеты и оставался чистѣйшимъ послѣдователемъ Поля Делароша, послѣдователемъ романтизма въ живописи, смѣнившаго нѣсколько педантическій классицизмъ. «Эти картины, говоритъ одинъ критикъ, были интересны, какъ романъ, но къ историческому жанру Рафаэлей и Рубенсовъ онѣ относились, какъ «Хроники Фруассара» и «Анналы Тацита» относятся къ серьезной исторіи. Но каковы бы ни были недостатки этихъ произведеній, недостатки, зависѣвшіе отъ «школы»,—эти произведенія пользовались громаднымъ успѣхомъ. Въ 1840 году Дюбюфъ получилъ вторую медаль, въ 1845 году за «Утреннюю молитву» онъ получилъ медаль перваго разряда, его «Похищеніе Клариссы Гарлоу» куплено было русскимъ императоромъ, его картины въ родѣ «Чудеса Розъ», «Раздача пяти хлѣбовъ» расходились въ тысячахъ гравюръ. Но прочная слава художника создалась не этими картинами. Въ 1848 году ему пришлось переселиться въ Англію и жить два года своимъ трудомъ. Онъ началъ рисовать портреты: портреты Луи Филиппа, королевы Амаліи, членовъ англійской аристократіи, Рашели, вотъ произведенія, показавшія настоящее призваніе Эдуарда Дюбюфа. Съ этого времени онъ дѣлается однимъ изъ тѣхъ портретистовъ, до которыхъ не легко добраться: портреты императрицы Евгеніи, Наполеона III, Монтебелло, княгини Чарторыжской, генерала Мельникова, графа Андраши, г-жи Гопэ, г-жи Руэръ, баронессы Ротшильдъ, Розы Бонёръ, княгини Юсуповой, графини Толстой, показываютъ намъ, съ какихъ различныхъ концовъ Европы стремились люди въ мастерскую художника, чтобы добиться чести быть нарисованными имъ. Въ это же время Эдуардъ Дюбюфъ нарисовалъ громадную картину «Конгрессъ 1856 года въ Парижѣ» и знаменитую «Лепту вдовицы», разошедшуюся въ гравюрахъ по всему свѣту. Повидимому, успѣхъ и матеріальное обезпеченіе должны бы были заставить Эдуарда Дюбюфа успокоиться и отдыхать на лаврахъ, но онъ далеко не былъ доволенъ собою и продожалъ изучать свое дѣло, онъ запирается въ своей мастерской и посвящаетъ три года на картину: «Блудный сынъ». Эта громадная картина состояла изъ трехъ частей: по срединѣ пиръ блуднаго сына, съ боковъ на небольшихъ полосахъ полотна изображеніе, какъ блудный сынъ пасетъ свиней и какъ онъ возвращается къ отцу; средняя часть была написана красками, боковыя части были написаны сѣрымъ на сѣромъ фонѣ. Эта картина возбудила множество горячихъ толковъ и споровъ, но всѣ критики, видя недостатки средней картины, упрекая ее, напримѣръ, за недостатки колорита, единодушно признавали огромныя достоинства боковыхъ картинъ, полныхъ глубокаго чувства, строгости рисунка и т. д. Эта картина, купленная Стюартомъ, объѣздила всѣ большіе города Америки и вездѣ производила крайне сильное впечатлѣніе. Дюбюфъ началъ съ этой поры преимущественно рисовать портреты мужчинъ, какъ прежде онъ рисовалъ портреты хорошенькихъ женщинъ, и его рисунокъ сдѣлался правильнѣе, его кисть стала мужественнѣе. Въ 1872 году онъ явился въ Салонъ съ своими типами восточныхъ женщинъ*) и эти произведенія имѣли громадный успѣхъ, — одну изъ этихъ картинъ наши читатели видятъ въ настоящую минуту въ копіи, сдѣланной замѣчательно хорошо и вѣрно,—и то сказать, эту картину рѣзали на деревѣ въ мастерской Паннемакера. Но замѣчательный, какъ художникъ, Эдуардъ Дюбюфъ замѣчателенъ и какъ человѣкъ. Онъ работаетъ, старается совершенствоваться и въ то же время является центромъ для сотень представителей искуства, живущихъ въ Парижѣ. Въ его салонѣ вы встрѣтите и литераторовъ, и музыкантовъ, и скульпторовъ, и живописцевъ; этотъ салонъ является своего рода школой, университетомъ для молодыхъ художниковъ; здѣсь представители различныхъ отраслей искуства подаютъ другъ другу руку помощи; крайне симпатичная личность хозяина связываетъ ихъ въ одну дружескую семью. Здѣсь то суждено было вырости молодому Гильому Дюбюфу, на котораго теперь уже начинаютъ возлагать большія надежды, — вырости подъ вліяніемъ матери-музыкантши и скульптора — и подъ вліяніемъ отца, одного изъ первыхъ мастеровъ въ живописи.

Милый мой, желанный.

Стих. Д. А. Рубина.

Милый мой, желанный,
Соколъ удалой,
Скоро-ль я увижусь,
Скоро-ль поцѣлуюсь,
Обнимусь съ тобой?..

Сердце все изныло,
Плакать нѣтъ ужь слезъ,
Легче бы мнѣ было...
Но и слезы, видно,
Ты съ собой унесъ!

Позабыла пѣсни я,
Перестала спать,
Пришло время тяжкое
О своемъ голубчикѣ
Думать, тосковать.

Смѣются подруженьки,
Матушка коритъ,
На меня, что ноченька
Темная, осенняя,
Батюшка глядитъ.

Изведусь до времени,
Изстрадаюсь я!...
Милый, ненаглядный мой,
Приходи скорѣй ко мнѣ,
Пожалѣй меня....

*) Къ числу этихъ женскихъ типовъ принадлежитъ и Тюмаръ, аравитянка, которую у насъ одна изъ иллюстрацій перекрестила въ «Царицу Тамару» (святую или лермонтовскую?) и приписала картину кисти небывалаго художника Дюбюфе.

Декамеронъ.

Сказки Джіовани Боккачіо.

(Переводъ Н. И. Шульгина.)

День первый.

Сказка VII.

Деликатный намекъ.

Эмилія отличалась способностью разсказывать; едва ли надо говорить, что ея повѣсть восхитила королеву и все общество. За Эмиліей пришла очередь Филострато.

— Имя мессера Кане-делла-Скала, въ свое время пользовавшееся громкою извѣстностію, началъ онъ,—вѣроятно, знакомо и вамъ, мои милыя слушательницы. Фортуна покровительствовала ему, и можно смѣло утверждать, что со времени императора Фридриха II у насъ не было такого пышнаго и богатаго потабля, какъ Скала. И онъ щедро распоряжался своими богатствами. Какъ-то вздумалось ему дать блистательный праздникъ въ Веронѣ; всѣ необходимыя для пира приготовленія были сдѣланы, но вдругъ Скала, по причинамъ, до сихъ поръ оставшимся неизвѣстными, внезапно измѣнилъ свое намѣреніе. Онъ щедро одарилъ чужестранцевъ, съѣхавшихся изъ различныхъ мѣстъ съ цѣлію принять участіе въ его праздникѣ; этими подарками Скала думалъ хотя нѣсколько утѣшить ихъ за лишеніе многихъ развлеченій, ради которыхъ они покинули свои дома и семьи и собирались въ Веронѣ. Одѣленнымъ оказался только одинъ Бергамино, пріятный собесѣдникъ, славившійся остротами, многія изъ которыхъ повторяются и до сихъ поръ въ дружескихъ бесѣдахъ. Ходилъ слухъ, что Скала намѣренно забылъ о Бергамино въ предположеніе, что не стоило безпокоиться изъ-за такой ничтожности. Основательность слуха подтверждалась тѣмъ, что Скала, противъ своего обыкновенія, не пригласилъ Бергамино на слѣдующій праздникъ, хотя сдѣлалъ приглашеніе всѣмъ остальнымъ гостямъ, и не сказалъ ему, что онъ можетъ возвратиться домой.

Между тѣмъ Бергамино предпринялъ путешествіе въ Верону въ надеждѣ, что не только покроются всѣ его расходы, но онъ еще пріобрѣтетъ что-нибудь. Живя въ гостинницѣ, онъ сильно израсходовался на себя, на своихъ слугъ и своихъ лошадей. Денегъ у Бергамино не было, а содержатель гостинницы, конечно, не удовольствовался бы остротами. Уѣхать, не получивъ на то разрѣшенія отъ Скалы, Бергамино считалъ неделикатнымъ и терпѣливо ждалъ. Но всякому терпѣнію бываетъ конецъ.

Бѣдный Бергамино все болѣе и болѣе проживался. Онъ привезъ съ собою три богатые, дорогіе костюма, подаренные ему щедрыми синьерами; въ нихъ онъ долженъ былъ являться во время празднествъ. Задолжавъ трактирщику, Бергамино отдалъ ему въ уплату долга одинъ изъ этихъ костюмовъ. Но продолжая жить въ Веронѣ, онъ снова задолжалъ и принужденъ былъ разстаться со вторымъ. Онъ не зналъ на что рѣшиться, уѣхать-ли немедленно, или проѣсть и третій костюмъ, какъ вдругъ его осѣнила мысль.

Онъ отправился на обѣдъ къ мессеру Скала. Замѣтивъ печальное лицо и разсѣянный взглядъ Бергамино, хозяинъ спросилъ его:

— Что съ тобой, Бергамино? Какая печаль гложетъ тебя? Повѣдай намъ ее, прибавилъ онъ насмѣшливо, точно желая оскорбить своего гостя.

Вмѣсто отвѣта, Бергамино разсказалъ слѣдующую повѣсть:

— «Сеньеръ, вамъ извѣстно, что Примассо въ свое время былъ извѣстнѣйшимъ латинистомъ отличавшемся способностью быстро и легко слагать стихи. Онъ могъ экспромтомъ написать стихи на каждую заданную тему. Этотъ талантъ, въ соединеніи съ знаніями, которыми онъ обладалъ, далъ ему такую знаменитость, что о немъ очень

много говорили даже и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ самъ никогда не бывалъ. Желаніе увеличить свои знанія привело его въ Парижъ. Внѣшность его не была особенно представительной; одѣтъ онъ былъ бѣдно; знанія и талантъ не избавили его отъ нужды, потому что люди знатные и богатые рѣдко вознаграждаютъ истинное достоинство. На первыхъ же порахъ своей жизни въ Парижѣ, Примассо услыхалъ о клюныйскомъ аббатѣ, который, послѣ папы, считался богатѣйшимъ прелатомъ католической церкви. Разсказывали чудеса объ его пышности, объ его блестящемъ дворѣ, объ его щедрости, а также и о томъ, что за его столомъ обѣдала всегда масса людей и всякій порядочный человѣкъ могъ смѣло идти къ нему на трапезу въ полной увѣренности, что не получитъ отказа. Пораженный этими толками, Примассо, уже изъ одного любопытства увидѣть человѣка богатаго и вмѣстѣ великодушнаго, пожелалъ посѣтить аббата. На вопросъ его, въ самомъ-ли Парижѣ живетъ аббатъ, Примассо получилъ въ отвѣтъ, что прелатъ живетъ въ своемъ деревенскомъ домѣ, часахъ въ четырехъ и даже менѣе ходьбы отъ столицы. Примассо разсчиталъ, что выйдя очень рано утромъ, онъ какъ разъ поспѣетъ къ обѣду. Онъ распросилъ о дорогѣ и точно запомнилъ данныя указанія; однакожь, опасаясь, что не встрѣтитъ никого на пути и можетъ сбиться съ настоящей дороги и попасть въ такую мѣстность, гдѣ не встрѣтится возможности достать чего-нибудь поѣсть, онъ захватилъ съ собой три хлѣба. «Воды вездѣ достану», подумалъ поэтъ и скривилъ гримасу—очень ужь онъ не долюбливалъ воду. Принявъ эту предосторожность, Примассо пустился въ путь и пришелъ въ загородный домъ аббата еще до обѣда. Войдя въ столовую и увидя нѣсколько накрытыхъ столовъ и всѣмъ обильно снабженные буфеты, онъ сказалъ самъ себѣ:

— «Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ нисколько не преувеличили пышность аббата.

«Пока Примассо предавался размышленіямъ и внимательно разсматривалъ гостей, собравшихся въ столовой, не рѣшаясь ни съ однимъ изъ нихъ заговорить, наступило время обѣда. Вошелъ буфетчикъ, а за нимъ слуги внесли воду для умыванія *). Вымывъ руки, каждый изъ гостей, по указанію буфетчика, занималъ отведенное ему за столомъ мѣсто. По волѣ случая, Примассо сѣлъ какъ разъ напротивъ двери, — въ близкомъ отъ нея разстояніи,—изъ которой долженъ былъ выйти аббатъ. Нечего и говорить вамъ, сеньоръ, что по обычаю, принятому въ домѣ аббата, обѣдъ подавался только въ ту минуту, какъ самъ хозяинъ садился за столъ; въ то же время разносили и хлѣбъ, который запрещено было ранѣе раскладывать по приборамъ. Когда всѣ гости усѣлись, буфетчикъ пошелъ доложить аббату, что все готово и ожидаютъ только его. Выйдя изъ своей комнаты и, пріотворивъ нѣсколько дверь въ столовую, аббатъ окинулъ бѣглымъ взглядомъ своихъ гостей. Его поразила плохая одежда Примассо, котораго онъ видѣлъ въ первый разъ и который первымъ бросился ему въ глаза. «Какихъ прощалыгъ кормлю я за своимъ столомъ», сказалъ онъ самъ себѣ; никогда, до сихъ поръ, такая мысль не приходила ему въ голову. Онъ отступилъ отъ двери, затворилъ ее и спросилъ у слугъ, знаютъ-ли они того человѣка, что сидитъ какъ разъ напротивъ двери. Всѣ они дали отрицательный отвѣтъ.

Декамеронъ Боккачіо. Сказка VII.

«Между тѣмъ Примассо, проголодавшійся, какъ человѣкъ, совершившій длинный путь пѣшкомъ и непривычный обѣдать такъ поздно, подумалъ, что аббатъ, можетъ быть, еще не скоро выйдетъ, вынулъ одинъ изъ хлѣбовъ изъ своего кармана и съѣлъ его безъ церемоніи. Черезъ нѣсколько

Декамеронъ Боккачіо. Сказка IX.

времени аббатъ приказалъ слугѣ посмотрѣть, тутъ-ли еще указанный имъ незнакомецъ.

— «Онъ здѣсь, сеньеръ, отвѣчалъ слуга, — и ѣстъ хлѣбъ, который, кажется, принесъ съ собою.

— «Пусть наслаждается своимъ хлѣбомъ, отвѣчалъ аббатъ,—потому что моего онъ сегодня не попробуетъ.

«Аббатъ произнесъ эти слова съ досадой, однакожъ, не послалъ сказать Примассо, чтобы тотъ удалился, считая это невѣжливымъ: онъ разсчитывалъ, что незнакомецъ догадается самъ и уйдетъ. Примассо понялъ, что именно его личность возбудила сомнѣніе въ аббатѣ, но, разумѣется, не желалъ уйти; онъ вынулъ изъ кармана второй хлѣбъ и съѣлъ его съ такимъ же апетитомъ, какъ и первый. Объ этомъ доложили аббату, снова посылавшему узнать, тутъ-ли еще незнакомецъ. Что касается Примассо, то, отчаяваясь въ скоромъ прибытіи аббата и томясь голодомъ, онъ съѣлъ и третій хлѣбъ, не заботясь о томъ, что возбуждаетъ удивленіе во всѣхъ присутствующихъ. Узнавъ о третьемъ хлѣбѣ, аббатъ изумился стойкости незнакомца и сказалъ себѣ:

— «Что за странная идея пришла мнѣ сегодня въ голову? Откуда явились во мнѣ эта скупость и это презрѣніе. И кто же вызывалъ ее во мнѣ? Не случалось-ли мнѣ сотни разъ принимать людей, не дѣлая справки о томъ, принадлежитъ-ли онъ къ благородному или простому сословію, богатъ онъ или бѣденъ, купецъ или мошенникъ? Со многими плутами, можетъ быть, несравненно худшими, чѣмъ онъ, я былъ всегда вѣжливъ и деликатенъ. Нѣтъ, мнѣ сдается, онъ не какая-нибудь ничтожность. Надо загладить мой нелѣпый поступокъ и воздать этому человѣку честь, принадлежащую ему, какъ моему гостю.

«Аббатъ захотѣлъ узнать, кто такой этотъ незнакомецъ. Получивъ въ отвѣтъ, что это Примассо, пришедшій сюда съ цѣлію удостовѣриться въ пышности хозяина, о которой ему разсказывали чудеса, аббатъ, знакомый съ трудами талантливаго латиниста, покраснѣлъ и далъ себѣ слово, самымъ блистательнымъ образомъ, исправить свою ошибку. Онъ обратился къ Примассо съ знаками величайшаго уваженія, насказавъ ему много лестнаго о его трудахъ. Послѣ обѣда онъ приказалъ принести своему гостю дорогія платья, соотвѣтствующія его достоинству, подарилъ ему кошелекъ, полный золотомъ, прекрасную лошадь, и пригласилъ Примассо оставаться у него сколько ему заблагоразсудится. Обрадованный Примассо выразилъ свою признательность великодушному аббату и верхомъ вернулся въ Парижъ, откуда пришелъ пѣшкомъ».

Мессеръ Кане, нелишенный проницательности, понялъ тотчасъ же, чего хотѣлъ Бергамино и не сталъ ожидать объясненія притчи.

— Бергамино, сказалъ онъ, улыбаясь, — ты вполнѣ честно далъ мнѣ знать о твоихъ нуждахъ, твоемъ достоинствѣ и моей скупости. Ты высказалъ мнѣ свое желаніе. Признаюсь, я поступилъ съ тобой не хорошо; въ первый разъ меня обуяла скупость и тебѣ привелось быть жертвою ея. Я заглажу свою вину тѣмъ способомъ, который ты самъ указалъ мнѣ.

Сказавъ это, онъ далъ Бергамино сумму денегъ, необходимую для уплаты его долговъ и, кромѣ того, кошелекъ съ золотомъ на его надоб-

*) Въ то время существовалъ обычай передъ обѣдомъ мыть всѣмъ руки; тоже дѣлалось и послѣ обѣда. *Пр. пер.*

ности, подарилъ ему богатое платье, одну изъ лучшихъ лошадей съ своей конюшни и предоставилъ ему на выборъ: возвратиться или прожить нѣкоторое время въ Веронѣ *).

Сказка VIII.

Исправленный скупецъ.

Не успѣлъ окончить своего разсказа Филострато, Лауретта, зная, что очередь за нею, приступила къ своей повѣсти, не дожидая приказанія королевы.

— Нѣкогда въ Генуѣ—такъ начала она—проживалъ дворянинъ, занимавшійся коммерціею, по имени Эрмино де-Гримальди. Обладая значительнымъ богатствомъ, онъ славился, при томъ, выходящею изъ ряду скупостью. Ни при какихъ обстоятельствахъ его кошелекъ не открывался для помощи нуждающимся, да и себѣ самому онъ отказывалъ въ самыхъ необходимыхъ вещахъ, до такой степени онъ опасался сдѣлать лишній расходъ. Его скупость особенно замѣтна была потому, что генуэзцы вообще отличаются гостепріимствомъ, любятъ жить открыто и хорошо по-обѣдать. Гримальди простеръ свою скупость до такихъ размѣровъ, что соотечественники перестали звать его по фамиліи и, говоря о немъ, именовали его Эрмино скряга.

Въ то самое время, когда Гримальди, своимъ скряжничествомъ, собралъ колоссальное богатство, въ Геную пріѣхалъ Гильомъ Бурсье, французскій придворный, извѣстный своей прямотой и честностію,—человѣкъ умный, великодушный и сострадательный. Его поведеніе нисколько не походило на поведеніе большей части современныхъ намъ дворянъ, которые,—ведя развратную жизнь и отличаясь безпредѣльнымъ невѣжествомъ,—не краснѣя, именуютъ себя благородно рожденными и вельможами, хотя, по всей справедливости, могли бы зваться именемъ животнаго съ длинными ушами, съ которыми у нихъ общее—и ихъ нравы, и ихъ глупость; смѣшно слышать, какъ они кичатся своей придворной утонченностію, когда всякій знаетъ ихъ за людей грубыхъ и неотесанныхъ. Дворяне прошлаго времени вели себя иначе: они гордились не богатствомъ, не происхожденіемъ, а тѣмъ, что могли водворять миръ и согласіе въ семьяхъ и между различными семьями одной фамиліи; они заключали приличные брачные союзы; искренно поддерживали дружескія связи; они считали своимъ долгомъ, и находили въ этомъ удовольствіе,—утѣшать горюющихъ, развеселять остроумной бесѣдой меланхоликовъ, помогать несчастнымъ, оказывать услуги людямъ всѣхъ званій и состояній. Понимая, что безъ серьезнаго образованія нельзя принести истинной пользы обществу, они тщательно образовывали свой умъ; по этому самому они были справедливыми, не притѣсняли низшихъ себя и если иногда съ отеческой нѣжностью укоряли ихъ за ихъ проступки, то дѣлали это единственно изъ желанія исправить ихъ. Современные намъ дворяне поступаютъ иначе: они заботятся только о томъ, чтобы взаимно вредить другъ другу; своей взаимной привязчивостію они возбуждаютъ только ссоры и ненависть **); любимое времяпрепровожденіе ихъ—разсказы о гнусныхъ дѣйствіяхъ сосѣдей, съ которыми они находятся во враждѣ. Къ стыду нашего вѣка, самая большая власть, самое лучшее положеніе выпадаетъ на долю людей, превосходящихъ другихъ своими пороками и даже преступленіями. Не служитъ-ли очевиднымъ доказательствомъ, что добродѣтель покинула людей, если тѣ, которые должны бы, преимущественно передъ другими, отличаться ею, безъ стыда погрязаютъ въ самыхъ безстыдныхъ порокахъ?

Однакожь, возвращусь къ моему разсказу, который я невольно прервала, до такой степени возмутило меня воспоминаніе о современныхъ нравахъ. Гильома Бурсье чествовали всѣ генуэзскіе дворяне; каждый изъ нихъ поспѣшилъ сдѣлать визитъ знаменитому иностранцу. Понятно, что Бурсье очень хорошо освѣдомился о непомѣрной скупости мессера Эрмино и о томъ, какую жалкую жизнь велъ этотъ скряга. Пытливый иностранецъ захотѣлъ познакомиться съ этимъ чудищемъ. Не смотря на одолѣвшую его скупость, Эрмино сохранилъ еще настолько прежнія привычки образованнаго человѣка, что умѣлъ вполнѣ вѣжливо принять гостя и поддерживать съ нимъ разговоръ, что было нелегко, принимая въ соображеніе остроуміе Бурсье. Скряга былъ очарованъ своимъ гостемъ, съ которымъ къ нему пришло нѣсколько генуэзцевъ, изъ числа прежнихъ его знакомыхъ. Поговоривъ нѣсколько времени съ своими гостями, хозяинъ предложилъ имъ всѣмъ осмотрѣть новый его домъ, только что отстроенный, но еще не обитаемый. По осмотрѣ нѣсколькихъ комнатъ, Эрмино, взявъ подъ руку Бурсье, сказалъ ему заискивающимъ тономъ:

— Мессеръ Гильомъ, вы такъ много видѣли въ своей жизни и такъ разносторонне образованы, что можете подать мнѣ благой совѣтъ. Скажите, что слѣдуетъ мнѣ нарисовать на этой стѣнѣ? Я желалъ бы что-нибудь такое, чего никто у насъ не видѣлъ и не знаетъ.

— Можно бы многое нарисовать, чего еще никогда до сихъ поръ не рисовали, но я лучше бы посовѣтовалъ вамъ изобразить то, чего вы не знаете, но знаютъ многіе другіе.

— Что же это такое, мессеръ? Вы очень обяжете меня, если скажете, отвѣчалъ Эрмино.

— Нарисуйте изображеніе «Щедрости».

Это слово произвело сильное впечатлѣніе на скрягу; онъ покраснѣлъ и сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Да, я исполню вашъ совѣтъ и, надѣюсь, что на будущее время ни вы, ни кто другой не будетъ имѣть право упрекнуть меня, что мнѣ неизвѣстна щедрость.

Съ этого дня Гримальди совершенно измѣнилъ образъ жизни; онъ сдѣлался щедрымъ и честнымъ; какъ иностранцы, такъ и его соотечественники пользовались его широкимъ гостепріимствомъ и восхваляли его великодушіе.

Сказка IX.

Правосудіе — добродѣтель королей.

За Лауреттой разсказала свою повѣсть Элиза. Весело, живо и увлекательно передала она слѣдующій разсказъ:

— Въ царствованіе перваго кипрскаго короля, утвердившагося на островѣ послѣ завоеванія св. Земли Готфридомъ Бульонскимъ, въ Кипръ пріѣхала, по пути съ богомолья въ Іерусалимъ, одна дама изъ Гаскони. Здѣсь какіе-то негодяи оскорбили ее самымъ недостойнымъ образомъ. Она принесла жалобу въ судъ, но не получивъ никакого удовлетворенія, рѣшилась пожаловаться самому королю. Ей говорили, что она напрасно это дѣлаетъ, потому что король до такой степени лѣнивъ и холоденъ ко всему, что происходитъ вокругъ него, что не только не обращаетъ вниманія на оскорбленія, дѣлаемыя другимъ, но спокойно выноситъ оскорбленія, которымъ подвергается иногда онъ самъ; его перестали уважать и каждый, въ его присутствіи, позволяетъ себѣ говорить такія слова и рѣчи, которыхъ не смѣлъ бы вымолвить при другихъ обстоятельствахъ.

Выслушавъ такое мнѣніе о королѣ, дама сказала, что она теперь, конечно, не можетъ надѣяться на полученіе удовлетворенія за нанесенныя ей оскорбленія, однакожь, попытается, нельзя-ли на столько подѣйствовать на короля, чтобы онъ пришелъ въ себя, вышелъ изъ своего апатичнаго состоянія и принялся за государственныя дѣла. Она пришла къ королю, заливаяся слезами.

— Я не надѣюсь, государь, сказала она,—получить удовлетвореніе за полученныя мною оскорбленія отъ нѣкоторыхъ изъ вашихъ подданныхъ; я пришла затѣмъ, чтобы умолять ваше величество научить меня, какъ вы сами можете выносить оскорбленія, которымъ подвергаетесь почти ежедневно, какъ меня увѣряли. Можетъ быть, тогда, государь, я, по вашему примѣру, найду въ себѣ силы терпѣливо выносить то, съ чѣмъ легко миритесь вы, стоящій несравненно выше меня.

Король, до сихъ поръ ко всему нечувствительный, былъ сильно тронутъ словами этой дамы. Точно пелена спала съ его глазъ и онъ прозрѣлъ; въ немъ явилась необходимая энергія и онъ началъ тѣмъ, что строго наказалъ повѣсъ, оскорбившихъ эту даму, и съ этой поры никто уже не могъ сказать, что онъ оставляетъ безнаказанными оскорбленія, наносимыя ему или его коронѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Папа Пій IX.

(Статья Толи.)

За недавно умершимъ королемъ Италіи, Викторомъ Эммануиломъ, послѣдовалъ первосвященникъ римско-католической церкви, папа Пій IX. Пій IX, какъ извѣстно, былъ заклятымъ врагомъ Виктора Эммануила, мало того, онъ проклялъ его, во-первыхъ, за его близость къ Гарибальди, въ свою очередь, заклятаго врага патеровъ, и, во-вторыхъ, за то, что онъ 1871 году переѣхалъ въ Римъ, сдѣлавши его столицей Италіи. Съ момента вступленія итальянскихъ войскъ въ Римъ, папа, лишенный титула короля, а вмѣстѣ съ нимъ и свѣтской власти, объявляетъ себя «плѣнникомъ», запирается въ 300-комнатную «тюрьму» Ватиканъ и даже въ первые два года думаетъ оставить Римъ и уѣхать на островъ Мальту, во Францію, Испанію или Америку.

Съ перенесеніемъ столицы въ Римъ, прекращаются торжественныя богослуженія въ соборѣ Св. Петра, на которыя стекались отовсюду тысячи народа. Особенной торжественностью отличался праздникъ Пасхи и послѣдняя недѣля поста. Пѣніе мизереры, тайная вечеря, омовеніе ногъ, освященіе купола Петра и всего собора останутся навсегда въ памяти видѣвшихъ эти церемоніи. На всю страстную недѣлю обыкновенно нанимались 12 человѣкъ — долженствующіе фигурировать въ качествѣ апостоловъ, имъ платилось по 20 фран. за каждую церемонію и кромѣ того, послѣ обѣда, на который они являлись съ корзинами и гдѣ имъ прислуживалъ папа, имъ отдавались приборы.

Обѣдню на первый день Пасхи совершалъ въ соборѣ Св. Петра, самъ папа. Въ это время соборъ представлялъ изъ себя нѣчто торжественное. Масса народа, (Микель Анжело строилъ его для вмѣщенія 60,000 человѣкъ) чудное пѣніе, красныя мантіи 60 присутствующихъ кардиналовъ и фіолетовыя мантіи 200 монсиньеровъ, коричневыя, бѣлыя, черныя одежды капуциновъ разныхъ орденовъ; наконецъ, самъ папа, одѣтый во все бѣлое, передъ совершеніемъ литургіи выносится изъ его верхнихъ покоевъ на золотыхъ, подъ балдахиномъ, носилкахъ, на которыхъ послана малиновая бархатная, подбитая горностаемъ мантія. За этими носилками послѣ духовен-

*) Эта сказка какъ нельзя лучше характеризуетъ нравы Италіи XIII и XIV вѣковъ. Въ то время былъ сильно развитъ патронатъ. Лучшіе люди не стыдились выпрашивать у своихъ «милостивцевъ» кафтаны съ ихъ плечъ и деньги. И самъ Боккачіо, при его свѣтломъ умѣ, какъ видно, не находилъ въ этомъ ничего предосудительнаго. *Пр. пер.*

**) Характеристической чертой того времени, когда были написаны сказки Боккачіо, служили нескончаемыя распри между феодалами, дошедшія до своего крайняго предѣла. *Пр. пер.*

ства выступаетъ guardia nobile, затѣмъ герольды и, наконецъ, рядъ пажей съ опахалами изъ страусовыхъ и павлиньихъ перьевъ.

Въ тотъ моментъ, когда папа передъ причащеніемъ поднимаетъ къ верху чашу, изъ купола Св. Петра раздаются необыкновенно грандіозные и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкіе звуки серебряныхъ трубъ. Въ это время папа опускается на колѣни, его поддерживаетъ дьяконъ (сколько разъ мнѣ не приходилось быть свидѣтелемъ этихъ церемоній, эту обязанность несъ на себѣ кардиналъ Антонелли), и внизу храма водворяется тишина. Не замолкаютъ только звуки серебряныхъ трубъ, наполняя храмъ чѣмъ то волшебнымъ.

Послѣ совершенія литургіи папу этимъ же порядкомъ выносили изъ собора и несли до перваго отдѣленія купола, гдѣ находится громадное венеціанское окно, выходящее на площадь, подлѣ котораго и ставили носилки. Народъ въ это время, оставя храмъ, наполнялъ площадь Св. Петра, иногда народная толпа доходила до 100,000 человѣкъ. При звонѣ колоколовъ, музыкѣ, пѣніи, пушечныхъ выстрѣлахъ, папа появлялся въ окнѣ; разомъ все умолкаетъ; толпа дружно опускалась на колѣни и папа громкимъ голосомъ прочитывалъ молитву, отчеканивая каждое слово. По окончаніи молитвы, онъ посылалъ на всѣ стороны свое благословеніе и послѣ этого выбрасывалъ двѣ индульгенціи (прощеніе грѣховъ); тому, кому случалось поймать индульгенцію (которая тутъ же на мѣстѣ покупалась англичанами за громадныя деньги), отпускались грѣхи на три поколѣнія. Поймать эти индульгенціи было сопряжено съ опасностью жизни. Римляне, зная объ этомъ, обыкновенно заранѣе образовывали группу въ нѣсколько десятковъ человѣкъ внизу окна, изъ котораго папа кидалъ эти индульгенціи и бросались на нихъ съ быстротою ястребовъ. Драка въ это время происходила отчаянная. Иногда у поймавшаго вырывали индульгенцію на дорогѣ. Съ водвореніемъ Виктора Эммануила, всѣ эти праздники прекратились и св. отецъ совершалъ литургіи въ маленькой, украшенной чудными фресками Микель Анжело, Сикстинской капеллѣ.

Раздоры папы съ Викторомъ-Эммануиломъ росли съ каждымъ годомъ; онъ ненавидѣлъ приверженцевъ его, а ихъ было много: вся Италія, за исключеніемъ завзятыхъ католиковъ, допускающихъ единственнаго короля папу.

По характеру, папа былъ упрямъ и даже жестокъ. Прежде, чѣмъ я приступлю къ его краткой біографіи, я сообщу нѣсколько фактовъ, совершившихся во время моего пребыванія въ Римѣ, въ 1867 году, именно во время злополучной попытки Гарибальди, который съ горстью удальцевъ хотѣлъ освободить Римъ изъ подъ папской власти, въ чемъ бы онъ и успѣлъ, если бы не подоспѣло французское войско, посланное Наполеономъ III для защиты папы.

Броженіе умовъ въ Римѣ замѣчалось давно, и молодая Италія подъ предводительствомъ Гарибальди стремилась, во чтобы то ни стало, стряхнуть съ себя иго патеровъ. Еще въ 1866 году начали ходить слухи о какомъ-то колоссальномъ заговорѣ противъ папы и кардиналовъ. Случалось, когда проѣзжали кардинальскія кареты изъ оконъ выбрасывались орсиніевскія бомбы. Одинъ кардиналъ былъ даже раненъ. Кромѣ того, былъ найденъ планъ Рима, на которомъ были помѣчены дворцы, а также и Ватиканъ, которые предполагалось взорвать на воздухъ. Было сдѣлано много арестовъ. Итальянцы, за исключеніемъ рьяныхъ католиковъ, ненавидѣли папское войско —зуавовъ, состоящее большею частію изъ бельгійцевъ и французовъ, особенно въ то время, когда они были готовы выступить противъ гарибальдійцевъ. Составился заговоръ взорвать на воздухъ казарму, гдѣ помѣщались зуавы (потомъ оказалось, что наканунѣ этой катастрофы зуавы были выведены изъ этой казармы, а на мѣсто ихъ помѣщены музыканты итальянцы). Жребій взорвать эту казарму палъ на двухъ работниковъ Монти и Тоньети, которые и были пойманы на мѣстѣ. Ихъ рѣшили повѣсить. Фактъ давно не случавшійся въ Римѣ, Тоньети былъ женатый и имѣлъ четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей и мать, 60-ти-лѣтнюю старуху, которая его страстно любила. Былъ назначенъ день казни. Наканунѣ казни Римъ имѣлъ особенно мрачный видъ; многія лавки были заперты, ставни въ нѣкоторыхъ домахъ тоже, движенія по улицамъ никакого. Встрѣчались только фигуры въ какихъ-то черныхъ домино съ наброшенными капюшонами; на груди у этихъ черныхъ фигуръ красовалась мертвая голова и двѣ кости. Они ходили по домамъ, останавливали прохожихъ на улицахъ и просили денегъ на поминовеніе душъ Монти и Тоньети. Въ этотъ-то мрачный день папа выѣзжалъ на свою обычную прогулку, но едва онъ успѣлъ выѣхать изъ воротъ Ватикана, какъ къ его каретѣ подбѣжала женщина и упала у самыхъ дверецъ на колѣни, подавая въ окно просьбу. Папа, прочитавъ бумагу, выбросилъ ее изъ окна и, выглянувъ изъ кареты, произнесъ своимъ звучнымъ голосомъ: impossibile. Карета двинулась, несчастная бросилась подъ лошадей и получила нѣсколько смертельныхъ ударовъ, отъ которыхъ черезъ нѣсколько часовъ умерла. Это была мать несчастнаго Тоньети, просившая замѣнить казнь, ссылкой.

Каждый день, когда Римъ укрѣплялся, папа ѣздилъ къ Posto Popolo и слѣдилъ за работами баррикадъ, упрекая воздвигающихъ ихъ, что работы недостаточно солидны. Каждый разъ, какъ отряды зуавовъ отправлялись въ походъ, онъ собиралъ ихъ на площади Св. Петра, и изъ того-же окна, черезъ которое онъ въ день Пасхи и Рождества посылалъ всѣмъ прощеніе, онъ благословлялъ ружья этихъ противниковъ итальянскихъ патріотовъ и проклиналъ враговъ.

Перехожу къ его біографіи. Джіовани Мастаи, будущій папа Пій IX, родился 13 мая 1792 г. въ небольшомъ городкѣ Синигаліи. Ребенкомъ Мастаи былъ болѣзненъ, способности его развивались очень туго. Въ школѣ онъ считался лѣнтяемъ и лгуномъ. Оставивъ школу 16 лѣтъ, Мастаи выучился немного латинскому языку, греческому вовсе не учился; въ литературѣ былъ не силенъ, хотя любилъ читать поэтовъ и даже самъ писалъ стихи. Юношей онъ былъ очень впечатлителенъ и нервенъ. Любя страстно удовольствія, онъ, конечно, присоединился бы къ кутежамъ своихъ сверстниковъ, но падучая болѣзнь, которою онъ страдалъ, мѣшала ему принимать въ нихъ участіе. Живя жизнью независимой и не зная ни въ чемъ преградъ, Мастаи вскорѣ почувствовалъ полное пресыщеніе и началъ подумывать о прінскапіи себѣ какихъ-нибудь занятій.

Его дворянское происхожденіе и красивая наружность указывали ему на военную карьеру, тѣмъ болѣе, что въ то время, почти вся Италія была охвачена поклоненіемъ Наполеону I; военные были въ модѣ. Мастаи рѣшился сдѣлаться военнымъ. Изучивъ военное дѣло, онъ усвоилъ привычки военныхъ людей, надѣвъ полувоенный костюмъ, при чемъ, какъ истый щеголь, всего болѣе заботился о своей красотѣ; кромѣ того онъ занимался музыкой, игралъ на флейтѣ и на віолончели. Мастаи желалъ поступить въ папскую гвардію, гдѣ онъ могъ выказать вполнѣ свои внѣшнія достоинства. Быть всегда на виду, возбуждать собою удивленіе на какомъ бы то ни было поприщѣ и получать аплодисменты, нисколько не заботясь откуда идутъ эти аплодисменты, было отличительной чертой характера Мастаи даже тогда, когда онъ сдѣлался папой—словомъ, Джовани Мастаи всю свою жизнь былъ отличнымъ актеромъ. Кромѣ того онъ всегда былъ эгоистомъ и человѣкомъ мстительнымъ. Однакожь, намѣренія Мастаи сдѣлаться военнымъ не осуществились, ему и тутъ помѣшала падучая болѣзнь. Пришлось выбирать иную карьеру, онъ выбралъ духовную и, благодаря своимъ связямъ, вскорѣ былъ посвященъ въ первый духовный санъ иподіакона, потомъ священника, впрочемъ, съ условіемъ совершать мессу непремѣнно въ присутствіи другого священника, на случай припадка падучей болѣзни.

Страсть къ эфектамъ осталась у него и въ духовномъ званіи. Говоря проповѣди, онъ освѣщалъ свою фигуру особеннымъ образомъ: въ церкви царилъ мракъ и свѣтъ проходилъ на него изъ какого нибудь одного окна; или онъ накладывалъ на плечи тяжелый крестъ, или ставилъ передъ собою черепъ съ зажженною свѣчею внутри, къ которому постоянно обращался во время проповѣди.

Сдѣлавшись послѣ смерти Григорія XVI (въ 1846 г.) совершенно неожиданно папой, подъ именемъ Пія IX, онъ первые три года удерживалъ за собою репутацію либерала. Либеральная репутація льстила его честолюбивымъ наклонностямъ, народные восторги щекотали его самолюбіе. Самыя отрадныя минуты его жизни были тѣ, когда послѣ общей амнистіи, народъ выпрягъ лошадей изъ его экипажа и на себѣ довезъ его до Квиринала.

Это случилось вскорѣ послѣ вступленія его на папскій престолъ. При вступленіи новаго папы на папскій престолъ пріятно давать амнистію и каждый разъ, во имя этой, чистоформальной мѣры, народъ возлагалъ великія надежды на новаго папу и видѣлъ во вступленіи его на престолъ зарю прогресса и народнаго благополучія. И Пій IX, дѣйствительно, далъ столько реформъ и такого качества, насколько онѣ могли совмѣститься съ традиціями папскаго престола. Въ 1847 г. были произведены выборы въ государственный совѣтъ. При открытіи его, съ перваго же дня, обнаружилось разногласіе. Папа, въ рѣчи своей къ депутатамъ, заявилъ, что права совѣта только совѣщательныя, что права свят. престола нисколько не умаляются и что въ новомъ учрежденіи не можетъ быть и зародыша учрежденій, несовмѣстныхъ съ папскою властью. Рѣчь Пія IX тотчасъ получила огласку и послужила началомъ недовѣрія къ нему. Вскорѣ явилась тайная журналистика, послѣдовали аресты, начались смѣны министровъ. Для усмиренія протестующихъ папа придумалъ учрежденіе «гражданской гвардіи».

Между тѣмъ недовольство все росло и росло, а тутъ подоспѣли извѣстія о революціяхъ въ Парижѣ и Вѣнѣ, которыя еще болѣе усилили волненія въ Римѣ. Народъ сорвалъ гербы съ австрійскаго посольства и требовалъ войны съ Австріей. Упорное нежеланіе папы воевать съ Австріей повело къ страшнымъ сценамъ, кардиналы едва спаслись въ Квиринале отъ взрыва народнаго негодованія.

Послѣдующія папскія министерства, Мамiани и Росси, не повели ни къ чему. Росси получалъ предостереженія, но не обращалъ на нихъ вниманія и, наконецъ, поплатился своею жизнію. Папа былъ совершенно безсиленъ; народный клубъ составилъ свою программу и свое министерство. Папа рѣшился, наконецъ, бѣжать въ Гаэту. Онъ вышелъ изъ дворца черезъ дверь, въ которую проходили слуги, въ платьѣ простого священника и въ шляпѣ съ широкими полями. Миновавъ большія улицы, онъ сѣлъ въ карету баварскаго посланника и выѣхалъ изъ города.

По возвращеніи изъ Гаэты, папа бросилъ всякіе помыслы о либерализмѣ; мало того, онъ сталъ рѣшительнымъ противникомъ всякаго прогрессивнаго движенія и идей, вошедшихъ въ плоть и

кровь, людей XIX вѣка. Подъ конецъ своего царствованія онъ провозгласилъ два догмата: непорочнаго зачатія и папской непогрѣшимости. Противъ послѣдняго, на соборѣ 1870 г. протестовали даже многіе прелаты, нѣкоторые изъ нихъ и до сихъ поръ не согласились съ этимъ маневромъ іезуитовъ. Затѣмъ, папа издалъ цѣлый рядъ энциклинъ, буллъ, въ которыхъ онъ предаетъ проклятію духъ новаго времени и плоды прогресса въ жизни цивилизованныхъ обществъ.

Папа умеръ 26 января (7 февраля) въ 4 часа 57 м. пополудни. За нѣсколько дней до своей смерти, онъ принималъ участіе въ собраніи консисторіи и 21 января (2 февраля) произнесъ рѣчь, но не безъ усилій. Наканунѣ смерти у него было много посѣтителей. Въ 4 часа наступилъ параличъ легкихъ.

Черты лица умершаго папы напоминали улыбающагося во снѣ человѣка. Тѣло его лежало на небольшой желѣзной кровати съ красными занавѣсками и было покрыто бѣлыми одѣялами. 29 января (10 февраля) тѣло папы было выставлено въ траурномъ залѣ въ папскомъ одѣяніи. Преемникомъ Пія IX выбранъ кардиналъ Дж. Печчи. Онъ принялъ тіару подъ именемъ Льва XIII. Печчи родился въ 1810 г., родомъ римлянинъ.

(Толки о мирѣ и войнѣ.—Возможно-ли утвердительно сказать, что миръ будетъ непремѣнно заключенъ?—Различный взглядъ на миръ въ разныя эпохи жизни человѣчества. — Въ самомъ конгресѣ или конференціи заключается опасность войны.—Необходимость для насъ мира.—С.-Петербургское общество взаимнаго кредита.—Протестъ 200 членовъ его противъ безпорядочнаго вѣденія дѣлъ правленіемъ общества. — Рисовальная школа при с.-петербургскомъ собраніи художниковъ.)

Вся Россія ждетъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ извѣстія объ окончательномъ заключеніи мира. Есть, конечно, у насъ и сторонники войны, но ихъ сравнительно немного; большинство же желаетъ мира, непремѣнно мира. Петербургъ, главный промышленный и торговый центръ нашего отечества, очевидно, заинтересованъ въ мирѣ не менѣе другихъ городовъ и всего россійскаго государства. Куда бы вы ни заглянули, въ общественное или частное собраніе, вездѣ слышатся толки о мирѣ; встрѣчаетесь-ли вы съ знакомымъ, первый вопросъ: что новаго? Что слышно о мирѣ? Яростные шовинисты, лагерь которыхъ съ каждымъ днемъ уменьшается, то тоскливо качаютъ головой, когда барометръ подымается къ миру, то радостно осклабляются при опусканіи его къ военной грозѣ: эти господа не могутъ утѣшиться, что Константинополь не взятъ съ бою, каковое событіе они непрестанно предсказывали.

Обстоятельства, однакожь, сложились такъ, что невозможно утвердительно сказать: будетъ заключенъ миръ или снова начнется война? Каждый день приноситъ одно другому противорѣчащія извѣстія и радость утромъ, при полученіи успокоительныхъ телеграммъ, вечеромъ смѣняется печальнымъ настроеніемъ при полученіи сомнительныхъ извѣстій. Биржа — чувствительный термометръ общественнаго настроенія—пребываетъ постоянно въ колебательномъ положеніи: случается въ одинъ и тотъ же день нѣсколько разъ бываетъ и повышеніе, и пониженіе. Конечно, ловкій спекулянтъ можетъ иногда играть биржей по своему произволу, но и его соображенія по необходимости должны подчиняться данному политическому настроенію.

Будемъ, однакожь, надѣяться, что война дѣйствительно прекратится. Какъ ни лестны для нашего національнаго самолюбія блистательныя побѣды, одержанныя русскими войсками въ настоящую кампанію, но миръ, во всякомъ случаѣ, несравненно желательнѣе. Война требуетъ слишкомъ много жертвъ и нами принесено ихъ не мало.

Турція, очевидно, воевать не можетъ; она доведена до самаго критическаго положенія и для нея возможно только одинъ исходъ: какъ можно скорѣе заключить миръ. Но за сепаратнымъ миромъ, заключеннымъ нами съ Турціей, откроются засѣданія конференціи, имѣющей назначеніемъ опредѣлить условія мирнаго договора относительно тѣхъ пунктовъ, которые служатъ вѣчнымъ яблокомъ раздора и породили такъ-называемый «восточный вопросъ». Вотъ здѣсь-то и является опасность новой войны—сколько разъ въ исторіи Европы конгресы и конференціи приходили къ печальному заключенію, что соглашеніе путемъ переговоровъ невозможно и разрѣшеніе вопроса слѣдуетъ предоставить случайностямъ войны.

Представляется невольно и другое сомнѣніе, сможетъ-ли, наконецъ, конференція выработать такія условія мирнаго договора, которыя бы окончательно и безобидно для всѣхъ разрѣшили вопросы, дающіе поводъ къ вѣчнымъ недоразумѣніямъ, которые, въ свою очередь, содержатъ въ себѣ постоянную угрозу войны. Въ старинныя, болѣе патріархальныя времена, когда сила откровенно предъявляла свои права, миръ заключался обыкновенно на опредѣленное время, по истеченіи котораго борющіяся стороны снова принимались за оружіе. Правда, нетерпѣливые борцы иногда не могли дождаться окончанія условленнаго срока мирнаго періода и ранѣе начинали борьбу, но это были исключенія и во всякомъ случаѣ, положеніе имѣло болѣе опредѣленный характеръ и каждый зналъ, что въ такой-то періодъ времени, назначенный договоромъ, миръ нарушенъ не будетъ.

Затѣмъ, когда отношенія между людьми стали сложнѣе и явилась фикція «права», которымъ предполагали ограничивать «силу», миръ стали заключать «вѣчный», а не на опредѣленное время. Курьезнѣе этого дипломатія выдумать ничего не могла и доказательство тому не замедлило вскорѣ обнаружиться: первый миръ, названный въ договорѣ «вѣчнымъ» былъ нарушенъ, кажется, черезъ два года. Однакожь, и такое торжественное доказательство не убѣдило дипломатовъ и они долго, очень долго продолжали заключать «вѣчный» миръ... на бумагѣ.

Въ наше время ни вѣчныхъ, ни срочныхъ мировъ не заключаютъ, а заключается миръ безсрочный—до новой войны.

Разумѣется, никакія условія мирнаго договора не могутъ предотвратить войны на будущее время, такъ какъ невозможно предвидѣть обстоятельствъ, которыя черезъ извѣстное число лѣтъ могутъ усложнить положеніе сосѣднихъ между собою странъ. Но конференція, призванная для составленія мирнаго договора, всегда можетъ включить или не включить въ него статьи, которыя сами въ себѣ заключаютъ поводъ и угрозу войны. Эту оговорку въ особенности необходимо принять въ соображеніе конференціи, которая будетъ обсуждать условія мирнаго договора между Россіею и Турціею. Урокомъ для нея можетъ послужить парижская конференція, созванная послѣ восточной войны 1853—56 годовъ. Осталось-ли не нарушеннымъ хотя одно изъ ея постановленій? И возможно-ли было не нарушить ихъ?

Повторяемъ, будемъ надѣяться, что конференція найдетъ возможнымъ избѣжать ошибокъ, совершенныхъ ея предшественницей, парижской конференціей; однакожь, должны признаться, что надежды наши покоятся не на слишкомъ твердомъ основаніи: традиціи, которыми будетъ руководствоваться конференція, помѣшаютъ ей отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ, а въ нихъ-то и кроется опасность для будущаго. Далѣе, Россіи настоящая война стоила очень дорого; война начата съ извѣстною цѣлью; Россія не скрывала, чего она хочетъ; чего она намѣрена достигнуть. Побѣда осталась на сторонѣ Россіи; русская армія прошла черезъ всю Болгарію и передовые отряды ея стоятъ въ Румеліи подъ Константинополемъ. Не вправѣ-ли Россія требовать, чтобы условіями мирнаго договора было признано, что цѣль, во имя которой она начала войну, ею достигнута? Не должна-ли Россія настолько гарантировать себя условіями мира, чтобы быть увѣренной, что онъ не будетъ въ скоромъ времени снова нарушенъ не по ея винѣ, а въ силу самаго договора? Не говоря уже о томъ, что самая война представляетъ печальное явленіе, мы не настолько богаты, чтобы могли безъ вреда для своего экономическаго положенія вести новую войну изъ великодушнаго порыва помочь страждущимъ. Освободить угнетенныхъ —дѣло великое, достойное всякой похвалы, но народъ не всегда можетъ руководиться побужденіями, обязательными для отдѣльной личности. Если освобожденіе отъ угнетенія дружественной національности будетъ имѣть результатомъ бѣдствія для собственной страны, то возможно-ли думать о войнѣ во имя идеи, хотя бы и самой прекрасной, великодушной. Слѣдовательно, вопросъ въ томъ, приметъ-ли конференція въ соображеніе эти доводы и не станетъ требовать отъ Россіи такихъ уступокъ, на которыя ей невозможно будетъ согласиться. Представимъ себѣ, что конференція будетъ настаивать на томъ, чтобы все улучшеніе участи Болгаріи ограничилось административными реформами, которыя Порта будетъ обязана ввести въ самоскорѣйшемъ времени. Можно-ли согласиться на такую уступку, въ особенности, если принять во вниманіе эластичность выраженія «административныя реформы»? Для достиженія такого результата, конечно, не стоило вести войны, потребовавшей большихъ усилій со стороны Россіи. Едва-ли можно сомнѣваться, что конференція поставитъ вопросъ объ этихъ пресловутыхъ «реформахъ», вѣнцомъ которыхъ будетъ губернаторъ изъ христіанъ, назначаемый Портой. Но и теперь между правительственными агентами въ христіанскихъ областяхъ Турціи находится не мало христіанъ и эти чиновники нисколько не лучше чиновниковъ мусульманъ; напротивъ, случается, что они-то и представляютъ собой главнѣйшихъ угнетателей несчастной райи. По этому если губернаторы будутъ по прежнему назначаться Портой, то въ чемъ же гарантія, что губернаторы-христіане будутъ лучше губернаторовъ-мусульманъ? Не можетъ же турецкое правительство, облеченное полнымъ произволомъ въ выборѣ лица, назначить губернаторомъ человѣка, враждебнаго излюбленнымъ принципамъ его управленія. Если весь выигрышъ для Болгаріи отъ побѣдоносной войны, предпринятой для ея освобожденія Россіей, будетъ заключаться въ замѣнѣ губернатора мусульманина губернаторомъ христіаниномъ, то можно впередъ сказать, что этимъ

Послѣднія минуты короля Виктора-Эммануила.

Папа Пій IX.

губернаторомъ будетъ даже не болгаринъ, а непремѣнно грекъ-фанаріотъ или армянинъ изъ числа богатыхъ константинопольскихъ коммерсантовъ, и теперь находящихся въ близкихъ отношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ. Болгаре давно уже знакомы съ управленіемъ фанаріотовъ. Они сами говорятъ, что терпѣли несравненно большія угнетенія отъ своихъ епископовъ, избиравшихся прежде изъ фанаріотовъ, чѣмъ отъ мусульманъ. Но еслибы даже губернаторомъ былъ назначенъ болгаринъ, то и тогда Болгаріи будетъ не легче: турецкое правительство не назначитъ на губернаторскій постъ болгарина патріота; въ Константинополѣ между разжившимися торговлею болгарами найдутся такіе, которые за деньги и почести готовы будутъ продать и родного отца, и родину; изъ ихъ среды и будетъ выбранъ кандидатъ на губернаторство въ томъ случаѣ, если условіями мирнаго договора будетъ поставлено, что губернаторомъ въ Болгаріи долженъ быть не только христіанинъ, но и болгаринъ родомъ. Не велика будетъ благостыня для болгаръ отъ такого улучшенія ихъ участи и едва-ли можетъ согласиться на подобную уступку Россія, уже при началѣ войны заявившая о цѣли, для достиженія которой она предпринята. По всей вѣроятности, твердость Россіи заставитъ конференцію устранить вопросъ объ «административныхъ реформахъ», но кто можетъ предвидѣть всѣ случайности, которыя могутъ встрѣтиться при обсужденіи конференціею щекотливыхъ вопросовъ, переданныхъ на ея разрѣшеніе. Искренно желаемъ, чтобы «щекотливые» вопросы поменьше тревожили конференцію и чтобы выработанные ею условія мирнаго договора обезпечили миръ на возможно болѣе продолжительное время. Пора какъ-нибудь покончить съ восточнымъ вопросомъ, уже болѣе ста лѣтъ тревожащемъ Европу. Для успокоенія и себя и другихъ, заинтересованныя въ его разрѣшеніи стороны должны бы пойти на всякія возможныя уступки. Сколько изъ-за этого вопроса пролито крови, сколько потрачено жизней, сколько израсходовано денегъ! Сколько понесено матеріальныхъ потерь отъ застоя въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ во время войнъ, предпринимаемыхъ именно для разрѣшенія этого вопроса!

Самой Россіи миръ существенно необходимъ. Война должна была подѣйствовать на наше и безъ того не слишкомъ завидное экономическое положеніе. Многіе промышленныя предпріятія у насъ остановились; торговля ослабѣла; кредитъ сильно пошатнулся. Дороговизна на все ужасная; бѣднымъ людямъ поневолѣ приходится отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ, потому что даже и заработокъ уменьшился; несмотря на отвлеченіе массы людей на театръ военныхъ дѣйствій спросъ на трудъ все-таки стоитъ значительно выше предложенія, что обусловливается пріостановкою многихъ промышленныхъ предпріятій или же сокращеніемъ производства. Въ виду такого положенія миръ для насъ необходимъ, но... уступкамъ есть границы, далѣе которыхъ идти невозможно.

Теперь въ модѣ все сваливать на войну и паденіе нашего курса. Идутъ-ли дурно дѣла акціонерной компаніи по винѣ правленія, захватитъ-ли кассиръ общественную кассу и дастъ тягу—виноваты война и паденіе нашего курса; безъ этихъ двухъ тормозящихъ факторовъ все бы у насъ шло гладко и прекрасно, во всемъ была бы благодать неизрѣченная. Благо нашли виновниковъ, которые должны молчать, ибо они только понятія отвлеченныя, — ну и вали все на нихъ.

Можетъ быть, и правленіе с.-петербургскаго взаимнаго кредита начнетъ оправдываться войною и паденіемъ нашего курса въ допущенныхъ имъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, въ которыхъ обвиняютъ его 200 членовъ общества взаимнаго кредита, уже подавшихъ на правленіе жалобу г. министру финансовъ и внесшихъ свой протестъ установленнымъ порядкомъ въ правленіе общества. Въ этихъ интересныхъ, тождественныхъ между собою документахъ сообщаются удивительныя открытія, вполнѣ характеризующія халатныя отношенія къ дѣлу гг. членовъ правленія общества.

«Въ с.-петербургскомъ обществѣ взаимнаго кредита въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ производилось служащими въ ономъ расхищеніе кассы общества, достигшее, какъ оказалось нынѣ, до громадной суммы свыше 1.500,000 р. сер., сообщается въ протестѣ гг. членовъ общества. — Кромѣ этой потери общество должно понести значительные убытки отъ реализаціи обезпеченій по просроченнымъ ссудамъ на сумму 3.685,912 р. 31 к., такъ какъ залоги, поступившіе подъ ссуды въ общество не представляютъ достаточнаго обезпеченія. Часть этихъ залоговъ, принятая подъ ссуды еще въ 1870 и 1871 г., принадлежитъ къ негарантированнымъ бумагамъ; и къ сожалѣнію, съ отступленіемъ отъ принятаго въ обществѣ порядка не погашалась постепенно. Падая все болѣе и болѣе въ цѣнѣ, бумаги эти съ каждымъ годомъ увеличивали потерю общества. Мы можемъ, напримѣръ, указать на партію въ 6,091 акцій азовско-донскаго коммерческаго банка, подъ которыя выдано въ ссуду 1.034,026 р., потеря на однѣхъ этихъ акціяхъ принятыхъ въ залогъ по 176 р. за акцію, при настоящемъ курсѣ оныхъ по 122 р., простирается до 300,000 руб.; акціи были приняты нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ только нынѣ объяснилъ совѣтъ общества, и оставались въ кассѣ общества не реализованными постепенно малыми партіями, въ противность принятому въ обществѣ порядку. Въ отчетахъ общества дѣйствительное положеніе дѣла скрывалось, балансъ представлялся постоянно вполнѣ удовлетворительнымъ, и только нынѣ въ январѣ сего года распубликованный отчетъ о состояніи счетовъ общества указалъ намъ грустное положеніе дѣлъ и убѣдилъ насъ, членовъ, что ежегодные отчеты членовъ правленія и депутатовъ составлялись невѣрно и несогласно съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ общества. Приходя къ послѣдовательному заключенію, мы должны предполагать одно изъ двухъ: или члены совѣта общества удостовѣрявшіе насъ въ ежегодныхъ отчетахъ о вполнѣ успѣшномъ ходѣ дѣлъ и о наличности кассы, а также о примѣрномъ порядкѣ въ книгахъ и счетахъ общества всегда оказывавшихся при подробныхъ ревизіяхъ, скрывали истинные результаты производимыхъ ими ревизій, или совсѣмъ въ дѣйствительности ревизій не производили, и въ томъ и въ другомъ случаѣ несомнѣнно члены совѣта дѣйствовали противузаконно и вполнѣ виновны въ причиненныхъ обществу убыткахъ и потеряхъ».

Очевидно, что за допущенныя расхищенія и потери, происшедшія по винѣ правленія, должны были отвѣчать своимъ имуществомъ члены правленія, съ чѣмъ, конечно, они согласиться не могли, имѣя въ своемъ распоряженіи дѣйствительное средство отстранить отъ себя отвѣтственность. На основаніи § 45 устава (измѣненнаго по иниціативѣ правленія), судьбы общества, состоящаго болѣе, чѣмъ изъ 7,000 членовъ, переданы въ безотвѣтственное распоряженіе 300 членовъ уполномоченныхъ, выбираемыхъ въ разрядныхъ собраніяхъ и составляющихъ законное общее собраніе общества, рѣшающее всѣ вопросы безапеляціонно. Понятно, это собраніе уполномоченныхъ составляется преимущественно изъ сторонниковъ правленія, всегда имѣющихъ возможность дѣйствовать на нерѣшительныхъ и безпечныхъ членовъ общества, изъ которыхъ состоитъ большинство нашихъ акціонерныхъ и иныхъ обществъ. Члены совѣта до такой степени увѣрены въ утвержденіи всякихъ ихъ дѣйствій, что, не дождидаясь общаго собранія, сдѣлали распоряженіе о покрытіи произведенныхъ растратъ и убытковъ вычетомъ извѣстной суммы изъ членскихъ взносовъ; они конфисковали 25% изъ принадлежащей членамъ суммы. На дняхъ должно состояться собраніе уполномоченныхъ, которое, вѣроятно, утвердитъ самовольное распоряженіе правленія.

Протестующіе 200 членовъ требуютъ созванія чрезвычайнаго общаго собранія членовъ общества, назначенія чрезвычайной ревизіонной коммиссіи, которая должна не только провѣрить всѣ книги, счеты, документы и кассу, но также опредѣлить, насколько правильны операціи, произведенныя обществомъ; и, наконецъ, отмѣнить распоряженіе совѣта объ удержаніи четвертой части членскихъ взносовъ.

Чѣмъ кончится этотъ вполнѣ справедливый протестъ? Судя по многимъ уже бывшимъ примѣрамъ, можно почти предсказать, что всѣ распоряженія правленія будутъ утверждены; — въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть, перемѣнятъ одного или двухъ изъ нынѣ управляющихъ членовъ правленія. Мы, русскіе, всегда начинаемъ дѣло съ достодолжной энергіей, затѣмъ мало-по-малу остываемъ, и когда дѣло приходитъ къ концу, въ насъ не остается уже ни капли энергіи и воодушевленія, присущихъ намъ при началѣ дѣла. И вотъ постановляются вопросы для окончательнаго рѣшенія... мы апатично выслушиваемъ отчетъ нами же избранной ревизіонной коммиссіи, проходимъ его мертвымъ молчаніемъ и на минуту оживляемся при возраженіяхъ правленія, которыя иногда провожаемъ ироническимъ смѣхомъ, но все-таки, въ концѣ концевъ, соглашаемся съ ними, ибо утверждаемъ все, что ни представитъ намъ правленіе. По этой-ли программѣ будетъ дѣйствовать чрезвычайное общее собраніе членовъ взаимнаго кредита (не первое, оно будетъ шумное и энергичное, если только оно состоится когда-нибудь, а второе, которое соберется для выслушанія отчета избранной имъ ревизіонной коммиссіи), которому будетъ читаться и отчетъ чрезвычайной ревизіонной коммиссіи и возраженіе на него правленія и которому, наконецъ, будутъ предложены, для разрѣшенія въ окончательной формѣ, вопросы, въ настоящій моментъ такъ сильно волнующіе энергичныхъ членовъ общества. Доживемъ — увидимъ. Хоть бы разъ отрѣшились мы отъ присущей намъ апатіи къ общественнымъ интересамъ и довели съ энергіей начатое дѣло до конца!

Война, несомнѣнно, должна была оказать нѣкоторое вліяніе на ходъ операцій въ нашихъ банковыхъ учрежденіяхъ, способствуя уменьшенію цифры ихъ оборотовъ. Но если большинство нашихъ банковъ ведетъ свои дѣла такъ, что имъ каждую минуту грозитъ опасность банкротства, то виною этому никакъ ужь не война и чрезвычайное паденіе нашего курса, оказывающіе сравнительно небольшое вліяніе,—а наша апатія, наше неумѣнье вести общественныя дѣла. Виноваты сами акціонеры или вкладчики, если они въ ими самими избранныхъ членахъ правленія видятъ олимпійцевъ, передъ которыми не смѣютъ пикнуть ни слова, которымъ довѣряютъ слѣпо, по дѣтски. Что же мудренаго, если и смиреннѣйшій изъ членовъ правленія, видя, что произвольныя дѣйствія его болѣе шустрыхъ товарищей не только не вызываютъ протеста, но еще одобряются шумными рукоплесканіями,—и самъ изъ агнца становится волкомъ или лисицей, принимаетъ самоувѣренный видъ и начинаетъ говорить авторитетнымъ тономъ, недопускающимъ возраженій. Привычка же къ авторитет-

ному тону почти всегда приводитъ къ злоупотребленіямъ. Причина шаткости существованія кроется именно во внутреннихъ порядкахъ управленія нашими акціонерными компаніями и обществами; внѣшнія же причины имѣютъ только второстепенное значеніе.

Въ воскресенье, 5 февраля, въ с.-петербургскомъ собраніи художниковъ снова открылась безплатная рисовальная школа. Это учрежденіе, временно закрытое по случаю закрытія самого собранія художниковъ, успѣло уже принести значительную пользу своимъ существованіемъ. Передъ своимъ временнымъ закрытіемъ школа имѣла болѣе 300 ученицъ и учениковъ. Сколько ихъ въ настоящее время—мнѣ неизвѣстно, но, судя по прошлогоднему опыту, можно предположить, что и въ настоящемъ году приливъ учащихся въ школу будетъ постоянно усиливаться. За это ручаются энергія почтеннаго директора школы, профессора А. П. Мещерскаго, и его помощниковъ—учителей, безплатно преподающихъ въ школѣ. Между учителями находятся такіе даровитые люди, какъ, напримѣръ, профессоръ Лагоріо.

Понятно, что при такихъ преподавателяхъ можно разсчитывать на значительные успѣхи, и уже существуетъ очевидное доказательство ихъ. На брюссельскую международную выставку гигіены и учебныхъ предметовъ въ 1876 году безплатная рисовальная школа при с.-петербургскомъ собраніи художниковъ представила работы своихъ ученицъ и учениковъ. Международная коммиссія, присуждавшая награды за выставленные предметы, нашла работы учащихся въ безплатной школѣ превосходными и присудила за нихъ почетный отзывъ, который и препроводила с.-петербургскому собранію художниковъ.

Учащіеся въ школѣ принадлежатъ къ разнымъ сословіямъ. Жаль только, что мало представителей ремесленной промышленности. Если французскія издѣлія славятся своимъ удивительнымъ вкусомъ и чистотою отдѣлки, то этотъ благопріятный результатъ полученъ, благодаря болѣе всего развитію въ странѣ безплатныхъ воскресныхъ рисовальныхъ школъ, охотно посѣщаемыхъ ремесленницами и ремесленниками. **Н. И.**

Новости наукъ и жизни.

— Объясненіе спиритическихъ постукиваній. Газетѣ «Голосъ» пишутъ изъ Женевы: «Недавно въ Женеву перешолъ изъ Флоренціи на кафедру физіологіи знаменитый ученый Шиффъ. По заведенному здѣсь обычаю, новый профессоръ желалъ дать случай узнать и оцѣнить себя нетолько своей университетской аудиторіи, но и публикѣ, изъ доходовъ съ которой ему платится 12,000 франковъ въ годъ. Онъ избралъ для своего публичнаго курса предметъ очень любопытный: мышечныя сокращенія въ связи съ системами нервною и косною. Вотъ на этихъ-то лекціяхъ было высказано и доказано опытомъ слѣдующее относительно «постукиванья духовъ»: Въ организмѣ человѣка нѣтъ такихъ твердыхъ тѣлъ, которыя, при здоровомъ ихъ состояніи внутри нашего тѣла, могли бы стучать другъ о друга. Самое большое, что намъ удается слышать при нѣкоторыхъ движеніяхъ органовъ, это хрустѣніе, напримѣръ, когда разгибаются и растягиваются пальцы. Причина этому та, что соприкасающіяся части костей покрыты хрящемъ, смягчающимъ ударъ одной кости о другую. Но есть одна часть тѣла, гдѣ нѣкоторыя кости имѣютъ очень мало хряща: это пятка, гдѣ, притомъ, нѣтъ почти ни мускуловъ, ни жира (разумѣю заднюю часть), прикрывающихъ кости настолько толстымъ слоемъ, что удары ихъ одна о другую не слышны. Вотъ тутъ-то и сѣдалище духовъ, которыхъ вызываютъ медіумы, когда производится постукиванье. Профессоръ Шиффъ дѣлалъ наблюденія надъ медіумомъ, уложеннымъ въ пуховую постель и, все-таки, производившимъ постукиванье, не дѣлая ни малѣйшаго внѣшняго движенія и не упираясь ни въ какое твердое тѣло. При этомъ онъ замѣтилъ, что звукъ, очевидно, распространялся изъ ноги. Тогда, изучивъ въ подробности анатомію костей, сухожилій, мускуловъ и нервовъ, которые участвуютъ въ строеніи и движеніяхъ пятки, онъ рѣшился выучиться дѣлать тотъ же опытъ, какимъ поражаютъ медіумы, и совершенно успѣлъ. На своихъ лекціяхъ въ Женевѣ онъ производилъ этотъ опытъ передъ огромною аудиторіей въ 600—700 человѣкъ, и стукъ былъ слышенъ всюду, не смотря на обширность залы. Ни малѣйшаго наружнаго движенія въ ногѣ Шиффа, ни спереди, ни съ боку, ни сзади замѣтно не было, и самый каблукъ упирался въ полъ всего одною точкою. Сначала звуки были тихи, потомъ усилились, и опытъ былъ повторенъ дважды съ одинаковымъ успѣхомъ. Заподозрить знаменитаго профессора въ какомъ-нибудь шарлатанствѣ невозможно, да и провести женевскую публику нелегко. Недавно бывшій здѣсь Молинари печатно признался, что такой ученой и строгой публики нельзя встрѣтить даже въ аудиторіяхъ Парижа, а у Шиффа на лекціяхъ былъ цвѣтъ женевскаго образованнаго общества и много спеціалистовъ. Повторяю: опытъ я видѣлъ самъ и его видѣли и слышали 600—700 другихъ лицъ, вовсе не склонныхъ къ галюцинаціямъ».

— Трудъ г. Пономарева. Во время своего пребыванія въ Палестинѣ и Іерусалимѣ нашъ извѣстный библіографъ г. Пономаревъ имѣлъ случай убѣдиться, что никакой проводникъ, ни одно описаніе и ни одинъ путеводитель не даютъ отвѣта на многіе важнѣйшіе вопросы, какіе приходятъ иногда на умъ путешественнику. Все это и навело его на мысль составить указатель всего, что когда либо было писано на русскомъ языкѣ объ Іерусалимѣ и Палестинѣ во всевозможныхъ отношеніяхъ. Трудъ этотъ напечатанъ недавно академіей наукъ, подъ заглавіемъ «Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ». Прежде всего г. Пономаревъ обращаетъ вниманіе на тотъ взглядъ, какой существуетъ въ нашей духовной литературѣ на путешествія по святымъ мѣстамъ; затѣмъ указаны книги и статьи, говорящія о пути въ Палестину; далѣе приводятся труды путешественниковъ и сначала дается мѣсто русскимъ, такъ какъ иностранные явились у насъ въ переводахъ гораздо позже; путешественники указываются по времени посѣщенія ими св. земли, а не изданія ими книгъ; затѣмъ исчисляются ученыя изданія, изслѣдованія и обзоры нашихъ древнихъ путешествій, труды неочевидцевъ, компиляціи, книги и статьи о Палестинѣ вообще; особый отдѣлъ посвященъ Іерусалиму, его исторіи, святынямъ обычаямъ, особый—исторіи церкви іерусалимской; далѣе говорится объ иноземныхъ церквахъ въ Палестинѣ, о русской духовной миссіи, русскихъ постройкахъ и нашихъ поклонникахъ въ Іерусалимѣ; затѣмъ г. Пономаревъ останавливается на окрестностяхъ Іерусалима, перечисляетъ указанія на археологическія изысканія, карты и планы и, наконецъ, показываетъ, насколько очертили Палестину поэзія и живопись.

— М. А. Ячевская. 6 февраля, въ $2\frac{1}{2}$ часа по полудни, при большомъ стеченіи народа, препровождено было, съ Николаевской желѣзной дороги до Волкова кладбища, тѣло сестры милосердія дѣвицы Маріи Александровны Ячевской. Марія Александровна, 19 лѣтъ, дочь тайнаго совѣтника, съ самаго начала настоящей кампаніи посвятила себя на служеніе раненымъ и больнымъ воинамъ, и, въ качествѣ простой сестры милосердія, въ началѣ ноября прошлаго года, отправилась въ отрядѣ ея императорскаго высочества Евгеніи Максиміліановны. Оставивъ въ Петербургѣ нѣжно любимаго отца и семью, въ которой, по смерти своей матери, занимала первое мѣсто, Марья Александровна, несмотря на свое высокое семейное положеніе и достаточное состояніе, явилась тамъ, гдѣ льется кровь и слышатся лишь стоны. Прибывъ на мѣсто дѣйствій въ самое тяжелое и трудное время, М. А. неутомимо работала въ госпиталяхъ Румыніи и Болгаріи. Она являлась тамъ, гдѣ болѣе встрѣчалась надобность въ ея энергической дѣятельности, вызывавшей удивленіе и благодарность всѣхъ ея окружающихъ. Ея ласковое обхожденіе, утѣшительное слово и заботливая предупредительность доставляли страдальцамъ отрадное успокоеніе, и благодарная улыбка умирающаго воина была ея единственной и высокой наградой. Нравственное сознаніе въ необходимости ея помощи укрѣпляло ее въ перенесеніи всѣхъ тяжелыхъ обязанностей, но безсонныя ночи, чрезмѣрный трудъ и непривычная обстановка физическихъ страданій скоро сломили крѣпкое здоровье и молодыя силы. 19 января, въ госпиталѣ города Бѣлы, въ Болгаріи, М. А. скончалась послѣ весьма непродолжительной болѣзни. Смерть ея глубоко поразила всѣхъ, лично знавшихъ и цѣнившихъ высокое призваніе М. А.—облегчать участь страждущихъ. Въ числѣ лицъ, явившихся почтить память покойной, можно было встрѣтить представителей Краснаго Креста и славянскихъ комитетовъ.—М. В. Умецкой, уполномоченный Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, возложилъ на гробъ, усыпанный цвѣтами, перевязь Краснаго Креста,—тотъ символъ, подъ знаменемъ котораго Марья Александровна стяжала себѣ безсмертный вѣнецъ доблестной сестры милосердія.

— Спасительное изобрѣтеніе. Въ собраніи сельско-хозяйственнаго общества въ Галле, профессоръ Вюстъ обратилъ вниманіе сочленовъ на весьма полезное изобрѣтеніе предохранительной муфты, приспособляемой къ сельско-хозяйственнымъ машинамъ, въ предупрежденіе несчастій съ рабочими. Изобрѣтатель, фабрикантъ Татцъ въ Галле, замѣтилъ, что большею частью увѣчья и смерть работающихъ при молотилкахъ, соломорѣзкахъ и круподралкахъ, происходятъ отъ того, что одежда, въ особенности у работницъ, легко захватывается соединительными частями передаточныхъ тягъ, и вотъ на эти то мѣста онъ предлагаетъ накладывать муфту, состоящую изъ совершенно гладкаго желѣзнаго цилиндра, безъ болтовъ, шплинтовъ и какихъ бы то ни было неровностей. Судя по произведеннымъ опытамъ, простотѣ установки, легко совершаемой всякимъ рабочимъ, и, наконецъ, по сравненію невысокой цѣны муфты (всего 12 марокъ) съ огромною пользою, уже принесенной ею на практикѣ, профессоръ Вюстъ полагаетъ, что новое изобрѣтеніе должно получить широкое примѣненіе.

— Усовершенствованныя швейныя машины. Механикъ Іосифъ Шрейберъ въ Вѣнѣ построилъ самодѣйствующую швейную машину съ отличными рабочими качествами. Для приведенія ея въ движеніе не требуется ни ручныхъ, ни ножныхъ усилій, какъ извѣстно, крайне вредныхъ для здоровья и, въ извѣстной степени, отвлекающихъ вниманіе работающаго отъ самой работы. Внутри новой машины помѣщена пружина, которую нужно только завести съ утра, и машина проработаетъ этою силою цѣлый день. Извѣстной фабрикой Зингера, въ Нью-Йоркѣ, недавно доставлена въ Штутгартъ новоизобрѣтенная машина, въ родѣ швейной, исполняющая, съ начала до конца, всю работу брошюровщика книгъ.

— Туннель. Пробныя работы въ проектированномъ между Англіей и Франціей туннелѣ даютъ весьма благопріятные результаты. Пробная шахта въ Сенгеттѣ доведена уже до глубины 335 футъ, и отсюда, подъ дномъ моря, будетъ проведенъ пробный туннель на протяженіи 5 англійскихъ миль. Отъ результатовъ, какіе будутъ обнаружены этой работой, зависитъ окончательное рѣшеніе о приступкѣ къ исполненію принятаго уже обоими государствами, въ принципѣ, проекта.

— Конножелѣзныя дороги въ Петербургѣ. По линіямъ общества конножелѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ, въ декабрѣ прошлаго года, перевезено, какъ передаютъ «Спб. Вѣд.», 1.543,946 жителей и выручено денегъ отъ нихъ 67,834 р. 48 к., а съ 12 декабря 1876 по 1 января 1878 года, слѣдовательно въ одинъ годъ съ небольшимъ, услугами конножелѣзныхъ дорогъ воспользовались 26.858,306 лицъ, что дало выручку въ 1.120,201 р. 94 к. Такимъ образомъ, считая на-

селеніе Петербурга приблизительно въ 670 тыс., оказывается, что всякій житель проѣхалъ 40 разъ въ годъ въ вагонахъ конножелѣзныхъ дорогъ.

— **Мостъ черезъ Волгу.** Къ 1 января работы по сооруженію моста черезъ Волгу находились въ слѣдующемъ состояніи: «Оба береговые устоя окончены; изъ 12 быковъ моста производятся работы на четырехъ быкахъ, для остальныхъ восьми быковъ собрано и склепано шесть кессоновъ; всѣ матеріалы для каменныхъ работъ заготовлены, изъ нихъ 75% находится на мѣстѣ работъ. По устройству верхняго строенія моста съ заводовъ доставлено желѣза для шести пролетовъ.

— **Ява.** Г. Воейковъ сообщилъ въ императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ интересныя свѣденія объ островѣ Явѣ. По его словамъ, распространенное понятіе объ Явѣ, какъ о странѣ тигровъ, змѣй и ядовитыхъ растеній, въ которой путешественникъ сталкивается на каждомъ шагу лицомъ къ лицу съ опасностью смерти, по свидѣтельству г. Воейкова, оказывается крайне ошибочнымъ. Правда, здѣсь встрѣчаются тигры и змѣи, но такъ рѣдко, что они представляютъ небольшую опасность, какъ и наши волки; подобнымъ же образомъ ядовитыя растенія дѣйствительно существуютъ на Явѣ, но разсказы о томъ, что уже одно приближеніе къ нимъ опасно,—представляются вымысломъ. Природа Явы чрезвычайно красива и роскошна, а климатъ и почва настолько благопріятны, что кофе приноситъ плоды круглый годъ. Кромѣ кофейныхъ плантацій, на Явѣ существуютъ чайныя плантаціи, отличающіяся довольно широкими размѣрами своей производительности и дающія постоянный сборъ листьевъ, между тѣмъ какъ въ Китаѣ и Японіи производится только два, три сбора. Если и справедливо то, что яванскій чай по своимъ достоинствамъ ниже китайскаго, то онъ во всякомъ случаѣ могъ бы съ успѣхомъ замѣнить дешевые сорта чая, приготовляемые у насъ съ различными примѣсями. Слабое развитіе чайныхъ плантацій на Явѣ должно быть приписано отсутствію прямыхъ сношеній съ Англіею. Представивъ краткій очеркъ своего путешествія по Явѣ и ознакомивъ съ бытомъ ея населенія, докладчикъ остановился на принятой голландцами на Явѣ колоніальной системѣ, которая по его мнѣнію не только не вредна, но даже отчасти способствуетъ благосостоянію и затѣмъ закончилъ свое сообщеніе разсмотрѣніемъ вопроса о будущности Явы. По соображеніямъ г. Воейкова, Ява можетъ легко обезпечить населеніе до 72,000,000 или 30,000 чел. 1 кв. милю, и вообще представляетъ всѣ данныя для успѣшнаго развитія, въ виду чего его медленность должна быть приписана скупости голландскаго правительства, дѣлающаго неохотно затраты на улучшеніе и расширеніе производительности въ своихъ яванскихъ колоніяхъ.

Смѣсь.

— **Важный покойникъ.** По сообщенію «Times of India» въ Сіамѣ скончался недавно одинъ изъ мѣстныхъ идоловъ: старѣйшій изъ бѣлыхъ слоновъ, родившійся въ 1770 г., умеръ въ воздвигнутомъ въ его честь великолѣпномъ храмѣ въ Банкокѣ. Извѣстно, что идолъ этотъ, предъ которымъ преклоняется цѣлый народъ, служитъ эмблемою сіамскаго королевства. Безупречно бѣлый слонъ—чрезвычайная рѣдкость и, поэтому, сіамцы признаютъ за нимъ божественныя качества. Каждый бѣлый слонъ имѣетъ свой храмъ, свой дворецъ, свой придворный штатъ. Ему подносятъ самыя роскошныя кушанья на золотыхъ блюдахъ и самъ гордый король Сіама преклоняетъ предъ нимъ колѣно. Похороны скончавшагося идола-слона были необыкновенно пышные. Сто буддистскихъ священнослужителей исполняли религіозные обряды. Три оставшіеся еще въ живыхъ бѣлыхъ слона, въ сопровожденіи музыки и несмѣтной толпы народа, слѣдовали за траурною колесницею до берега Менана, гдѣ шествіе встрѣчено было королемъ со всѣми министрами и сановниками имперіи. Трупъ слона былъ перевезенъ на другой берегъ и тридцать разукрашенныхъ траурными флагами кораблей слѣдовали за нимъ по всему протяженію рѣки. На этой рѣкѣ расположено около 60,000 пловучихъ домовъ, которые, также покрытые флагами и другими соотвѣтствующими случаю эмблемами, образовали шпалеръ по обѣимъ сторонамъ рѣки. Зрѣлище было въ высшей степени грандіозное.

— **Голодъ въ Индіи.** О смертности въ Мизорѣ мало достовѣрныхъ свѣденій, но въ областяхъ Мадраса, пораженныхъ голодомъ, въ теченіе девяти мѣсяцевъ 1877 года, отъ января до сентября, число рожденій равнялось 302,719, а число смертныхъ случаевъ 1.111,980, тогда какъ число рожденій за этотъ же періодъ времени въ предыдущіе годы было 431,164, а число смертныхъ случаевъ 414,176.

— **Небывалое событіе.** Изъ Орла сообщаютъ въ «Сѣверный Вѣстн.», что въ этомъ городѣ произошло событіе, небывалое въ лѣтописяхъ нашего гласнаго суда съ присяжными засѣдателями и доказывающее, на сколько наши крестьяне-присяжные, вопреки всякимъ инсинуаціямъ, сознательно относятся къ своимъ обязанностямъ; шесть человѣкъ присяжныхъ изъ крестьянъ заявили, тотчасъ по прочтеніи приговора, что у нихъ, во время обсужденія дѣла «не отбирали рукъ», что они «не шли подъ согласіе», что ихъ мнѣнія старшина не хотѣлъ принимать, а седьмого изъ нихъ переманилъ на свою сторону насильно и голосовъ не считалъ. Объ этомъ, по ихъ просьбѣ, составленъ немедленно протоколъ товарищемъ прокурора.

— **Курьезный процесъ.** По слухамъ, сообщаемымъ иностранными газетами, закрытіе рулетки въ городѣ Саксонѣ, въ Швейцаріи, дало поводъ одному англичанину начать курьезный судебный процессъ съ администраціею города по поводу преждевременнаго, по его мнѣнію, закрытія рулетки въ послѣдній день ея существованія, 31-го декабря прошедшаго года. Дѣло въ томъ, что англичанинъ этотъ нарочно пріѣхалъ изъ Англіи съ значительною суммою денегъ, съ тѣмъ, чтобы играть въ trente-et-quarante въ продолженіе послѣдняго часа существованія игорнаго дома. Почему-то этотъ эксцентрическій сынъ страны всевозможныхъ эксцентриковъ вообразилъ, что закрытіе игры послѣдуетъ не ранѣе полуночи, какъ это дѣйствительно было сдѣлано при закрытіи игорныхъ домовъ въ Германіи, между тѣмъ какъ въ Саксонѣ игра была окончена сейчасъ послѣ 6 часовъ вечера. Явившись позже этого времени и не заставъ игры, англичанинъ поднялъ страшный шумъ и обратился къ представителю мѣстной администраціи съ требованіемъ открыть рулетку до полуночи, такъ какъ окончаніе сутокъ должно считать только при послѣднемъ ударѣ 12 часовъ. Требованіе его, разумѣется, удовлетворено не было, вслѣдствіе чего онъ и предъявилъ къ мѣстнымъ властямъ довольно значительный искъ и вполнѣ разсчитываетъ выиграть процессъ.

Телеграммы.

Римъ, 8-го февраля. Папою избранъ кардиналъ Дж. Печчи и принялъ папскую тіару подъ именемъ Льва XIII. Печчи родился въ 1810 г., родомъ римлянинъ. Въ Римѣ поселился только недавно, потому что былъ устраняемъ честолюбіемъ Антонелли.—Знаменитый астрономъ патеръ Секки находится при смерти.

Константинополь, 12-го февраля. Сегодня, утромъ, главная квартира его высочества великаго князя Николая Николаевича переведена въ Сан-Стефано, куда прибыли также русскіе и турецкіе уполномоченные, которые ведутъ переговоры о мирѣ. Русскій полковникъ князь Кантакузинъ прибылъ въ Сан-Стефано еще вчера, для установленія подробностей относительно движенія русскихъ войскъ къ турецкой столицѣ и занятія Сан-Стефано.

— 12-го февраля. По словамъ "Агентства Гаваса", условія мира уже установлены и сегодня въ Сан-Стефано будетъ подписанъ соотвѣтственный предварительный договоръ. По подписаніи его, великій князь Николай Николаевичъ сдѣлаетъ визитъ султану.

Миръ будетъ названъ «константинопольскимъ».

Лондонъ, 11-го февраля. Турецкій посолъ Муссурусъ-паша заявилъ англійскому правительству, что Порта признаетъ неудобною высадку англійскихъ войскъ, а также всякую другую мѣру военнаго характера въ какой бы то ни было части турецкой территоріи помимо предварительнаго заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза между Турціей и Англіей.

Англійское правительство мобилизируетъ и снаряжаетъ для войны корпусъ волонтеровъ въ 20,000 человѣкъ.

Вѣна, 12-го февраля. По словамъ газеты «Montags-Revue», на происходившемъ сегодня, подъ предсѣдательствомъ императора, засѣданіи совѣта министровъ, на которомъ присутствовали члены всѣхъ трехъ министерствъ, должно было обсуждаться предложеніе графа Андраши относительно внесенія въ собраніе делегацій требованія объ открытіи кредита въ 60 милліоновъ гульденовъ. Кредитъ этотъ предполагается употребить на военныя мѣры, подъ отвѣтственностью общеимперскаго правительства, въ томъ случаѣ, если на конференціи не будетъ оказано уваженія австрійскимъ интересамъ.

Берлинъ, 13-го февраля. Въ парламентской рѣчи своей кн. Бисмаркъ выражалъ увѣренность, что миръ будетъ сохраненъ. Онъ воспользовался этой дипломатической формой, чтобъ подать Англіи и Австріи мягкій совѣтъ не пускаться въ легкомысленную войну. Въ прошлую субботу у него было собраніе дипломатовъ и выдающихся членовъ германскмго парламента. Здѣсь онъ говорилъ болѣе откровенно о настоящемъ положеніи, которое онъ считаетъ довольно натянутымъ. Онъ увѣренъ, что Россія не уступитъ Англіи ни на шагъ и считаетъ возможнымъ серьезное столкновеніе между обѣими державами въ Дарданеллахъ и Босфорѣ. По его мнѣнію, конференція по всей вѣроятности будетъ отложена до болѣе спокойнаго времени.

Бухарестъ, 12-го февраля. Сегодня, русскія войска заняли очищенный турками Рущукъ.

Начаты приготовительныя дѣйствія къ возобновленію пароходства по Дунаю.

Почтовый ящикъ.

Г. Бердичевъ г. Зильберштейну. Ваша жалоба на неполученіе № 5 «Жив. Об.» сообщена с.-петербургской газетной экспедиціи, чрезъ которую Вы и получите не доставленный Вамъ нумеръ.

Г. Суджа г. Емельяненко. Заявленіе Ваше о недоставкѣ Вамъ № 3 «Жив. Об.» препровождено также въ с.-петербургскую газетную экспедицію.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

При этомъ нумерѣ разсылается гг. подписчикамъ второе художественное приложеніе: картина Дюбюфа «ТЮМАРЪ».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Февраля 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

СНИМОКЪ СЪ КАРТИНЫ Э. ДЮБЮФЕ.

Приложение къ 8-му нумеру «Живописнаго Обозрѣнія» 1878 г.

Дозволено цензурою. СПб. 12 Февраля 1878 г.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (В. О. 9 л. № 12).

ТЮМАРЪ.

№ 9. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 26 Февраля 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ VI.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Русской публикѣ извѣстно, какое громадное впечатлѣніе произвела въ прошломъ году картина професора Семирадскаго „**Свѣточи христіанства**“. Редакціи журнала «Живописное Обозрѣніе» было крайне желательно дать своимъ годовымъ подписчикамъ снимокъ съ этого произведенія, и она въ настоящее время получила возможность исполнить свое желаніе. Для парижской всемірной выставки готовится большая, въ 700 кв. дюймовъ, гравюра съ этого замѣчательнаго произведенія; Редакція «Жив. Об.» пріобрѣла право разослать экземпляры этой гравюры на лучшей веленевой бумагѣ своимъ подписчикамъ.

Заявляя о безплатныхъ преміяхъ, предположенныхъ къ выдачѣ гг. подписчикамъ на журналъ «Живописное Обозрѣніе» въ настоящемъ году, Редакція не сказала ни слова объ этой, самой выдающейся изъ премій, потому, что объ ея изготовленіи не былъ еще полученъ положительный отвѣтъ. Но теперь дѣло окончено и премія «Свѣточи христіанства» будетъ прислана въ Редакцію въ апрѣлѣ.

Разсылка этой преміи въ сложенномъ видѣ будетъ производиться безплатно. Если же кто-нибудь изъ гг. подписчиковъ пожелаетъ, для лучшаго сохраненія ея отъ возможной порчи во время пересылки, получить гравюру навернутой на палку и заклеенной въ бумагу, то благоволитъ прислать на такую пересылку 75 коп. сер. до 1 мая. Лица, неприславшія къ этому сроку пересылочныхъ денегъ, получатъ гравюру сложенной въ форматѣ журнала. Гг. же городскіе подписчики могутъ получать премію въ конторѣ Редакціи (Троицкій пер. д. № 27). О днѣ, съ котораго начнется раздача преміи, будетъ объявлено своевременно.

Въ отдѣльной продажѣ гравюра „**Свѣточи христіанства**“ будетъ стоить **пять** руб.

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ.

Спутники войскъ.

Госпожа Жервезе.

Романъ Эдмона и Жюля Гонкура.

(Переводъ П. Лѣтнева.)

(*Продолженіе.*)

LV.

Эта минута настала для г-жи Жервезе. Ея экстазы стали замедляться на нѣсколько дней, и требовалось большое усиліе воли, чтобъ вернуть ихъ; она отрѣшалась отъ дѣйствительности только урывками и на короткое время, видѣнія были смутныя и неполныя; казалось, звенья благословенной цѣпи, связывавшей ея жизнь съ небомъ, обрывались одно за однимъ, какъ будто Богъ хотѣлъ отнять у нея блаженство своей близости. И по мѣрѣ того, какъ благодать удалялась отъ нея, она чувствовала во время своихъ мысленныхъ молитвъ, внутреннихъ разговоровъ и обращеній къ Богу, какую-то душевную тревогу, до сихъ поръ еще ею не испытанную. Она чувствовала любовь свою стѣсненною, задержанною и напрасно искала въ самой себѣ причинъ этой сухости: всѣ ея набожныя стремленія, всѣ горячія воззванія оставались безплодны, какъ земля во время засухи. Богъ, повидимому, отнялъ у нея ту сладкую пищу, которую онъ даетъ всѣмъ начинающимъ и потомъ отнимаетъ для того, чтобъ пріучить ихъ безкорыстно служить Ему. Она дошла до того кризиса, когда душа должна продолжать любить, несмотря на пустоту и холодъ, наполняющіе ее, не смотря на то, что она лишена всего: изліяній, довѣрія, надежды. Потеря благодати повергала ее въ такое уныніе, что она смотрѣла на себя, какъ на величайшую грѣшницу. Въ благочестивыхъ упражненіяхъ она не находила болѣе ни радости, ни наслажденія. Напрасно усиливала она воззванія и мольбы: ни умиленіе, ни сокрушеніе о грѣхахъ не находили на нее болѣе. Во время молитвы она оставалась холодною, какъ статуя, и сознавала себя вполнѣ безсильною вызвать источникъ любви изъ безплодной почвы своего сердца.

LVI.

Ночной мракъ спускался между колоннъ въ церкви св. Хризогона и послѣдній отблескъ догорающаго дня освѣщалъ только въ глубинѣ хоровъ огромную канделябру съ раскрашенной свѣчей и погасалъ на каменной плитѣ, гдѣ можно было прочесть слѣдующія слова:

Vera fraternitas
Nec in morte separatur.

Церковь казалась пустой. Слышались только запоздалые шаги молельщиковъ, да звонъ мѣдныхъ денегъ, высыпаемыхъ гдѣ-то изъ кружки, и потомъ снова наступало мертвое молчаніе. Мало по малу, посреди этого мрака и безмолвія, раздался голосъ жесткій и непреклонный, который говорилъ женщинѣ, стоявшей на ступеняхъ исповѣдальни:

— Жалкая грѣшница! ты жалуешься, что Богъ не слышитъ твоихъ молитвъ, но Богъ дается только тѣмъ, которые отказываются для него отъ всего, которые жертвуютъ ему вполнѣ и безвозвратно своими привязанностями. Твой сынъ... Говорю тебѣ, что ты любишь его не христіанскою любовью, я это вижу...

— Но Боже мой, какъ же мнѣ любить его?

— Твой сынъ... рожденъ, когда ты была нечестива, когда ты не вѣрила, когда пребывала въ тяжкомъ грѣхѣ...

Г-жа Жервезе хотѣла возразить, но слова замерли на ея губахъ, и она, неподвижная, уничтоженная, стояла, какъ окаменѣлая, въ углу исповѣдальни, между тѣмъ какъ монахъ безстрастно перебиралъ четки и шепталъ молитвы.

LVII.

Въ ребенкѣ все болѣе и болѣе разгоралась потребность присутствія матери, съ тѣхъ поръ, какъ она стала удаляться отъ него, такъ что когда она уходила одна и оставляла его дома, онъ обыкновенно ожидалъ ее въ темной прихожей по цѣлымъ часамъ. Прислушиваясь къ малѣйшему звуку, онъ тотчасъ же узнавалъ ея шаги на лѣстницѣ и спѣшилъ отворить дверь, чтобъ броситься на встрѣчу ея поцѣлую.

Въ этотъ вечеръ г-жа Жервезе, вернувшись, оттолкнула протянутыя къ ней руки ребенка. Поль побѣжалъ за нею, называя ее ласковыми именами и цѣпляясь за ея платье, но она съ грубостью освободилась отъ него, и прійдя въ свою комнату, заперла за собой дверь. Ребенокъ въ остолбенѣніи долго смотрѣлъ на запертую дверь; наконецъ, задыхаясь отъ слезъ и гнѣва, началъ яростно колотить въ нее руками, ногами, всѣмъ тѣломъ, съ криками, воплями, мольбами на своемъ исковерканномъ языкѣ. Отвѣта не было никакого и онъ упалъ у самой двери на полъ, обливаясь слезами. Онорина прибѣжала на его крики, и молча положила его на канапе: у нея не хватило духу утѣшать его.

LVIII.

Въ эту ночь г-жа Жервезе совсѣмъ не ложилась въ постель. Стоя на колѣняхъ передъ Распятіемъ, она провела всю ночь въ бесѣдѣ съ каменнымъ изображеніемъ. Она разговаривала съ нимъ, какъ съ живымъ, разсказывала ему всю свою жизнь, свою борьбу, свои страданія и жаждала его отвѣта.

Она говорила ему:—Я всѣмъ пожертвовала тебѣ, Боже мой! молю тебя, выслушай меня, сжалься надо мною... Да, я прежде не знала тебя, я отвергала тебя и путь къ спасенію, указанный тобою... Но тебѣ извѣстно мое сокрушеніе, мои страданія; ты знаешь какъ я ненавижу себя, какъ я ужасаюсь своему прошлому... Но, Боже мой, я не могу не быть матерью, я не могу не любить моего ребенка!... Это свыше силъ моихъ! Мой прежній духовникъ позволялъ мнѣ любить моего ребенка; онъ не находилъ эту любовь преступною въ глазахъ твоихъ... Зачѣмъ же требовать отъ меня невозможнаго?... Боже мой! я вижу, что ты склоняешься ко мнѣ, опускаешь на меня милосердый взоръ, простираешь мнѣ руки въ знакъ сострадания и прощенія... Но ты не отвѣчаешь мнѣ... Боже мой! справедливо ли, чтобъ мой ребенокъ былъ несчастливъ и страдалъ черезъ меня... чтобъ я его убила!... когда я и безъ того виновна въ томъ, что искалѣченнаго произвела его на свѣтъ... Ты поразилъ меня своимъ гнѣвомъ еще при его рожденіи... Но я не ропщу... я преклоняюсь передъ твоей волей... Но вѣдь онъ умретъ, если я оставлю его... онъ—мой милый, бѣдный, невинный малютка... Отвѣчай же мнѣ, Боже мой... отчего ты не отвѣчаешь мнѣ?...

Несчастная, обезумѣвшая женщина, судорожно рыдая, лежала у подножія Распятія, прося пощады своему ребенку. И чѣмъ дальше шла ночь, тѣмъ громче и отчаяннѣе становились ея вопли и мольбы. Онорина проснулась, думая, что кто нибудь вошелъ къ ея госпожѣ и въ испугѣ стала прислушиваться у двери. Впродолженіи цѣлаго часа ей слышались тѣ же слезы, тѣ же рыданія и мольбы:—Отвѣчай же мнѣ, Боже мой, отвѣчай!... дай мнѣ услышать тебя!...—Наконецъ, силы г-жи Жервезе истощились, послышались задушаемыя слезы, жалобы, и голосъ почти умирающій прошепталъ:—Вѣдь это все таки мой ребенокъ!

И съ этими словами все стихло; въ комнатѣ настало могильное безмолвіе, несчастная женщина въ предсмертной агоніи замерла у подножія Распятія.

LIX.

Борьба была долгая и ужасная въ сердцѣ матери. Она продолжалась недѣли, мѣсяцы. Патеръ долженъ былъ нѣсколько разъ употребить въ дѣло всю свою власть. Ребенокъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ отчужденіе къ себѣ матери, которая кормила его, водила съ собой по улицамъ, и по привычкѣ каждое утро и вечеръ касалась холодными губами его лба. Бѣдный малютка чувствовалъ, что онъ не живетъ болѣе въ ея мысляхъ, что ея глаза не видятъ его. Она не называла его болѣе ласковыми именами, къ которымъ онъ такъ привыкъ, она не смотрѣла на него тѣмъ краснорѣчивымъ взоромъ, который говорилъ ему: Я люблю тебя! Для него погибла навсегда теплота материнской любви, животворившая его маленькое сердечко.

Подъ вліяніемъ ученія ея духовника, проповѣдывавшаго ей о грѣховности и несовершенствѣ плотскихъ привязанностей и о пожертвованіи ими Создателю, холодность г-жи Жервезе возрастала посреди мученій, борьбы, поползновеній броситься къ ребенку и прижать его къ своему сердцу. Но она подавляла въ себѣ эти порывы, поспѣшно убѣгая въ свою комнату, гдѣ она заливалась слезами, осуждала себя за свою слабость и стремилась только къ тому, чтобъ «уничтожить въ себѣ сердце».

Подъ конецъ ей становилось страшно, когда она оставалась одна съ своимъ сыномъ: она отстранялась отъ него, защищалась отъ его присутствія, какъ отъ искушенія. И въ результатѣ этого извращенія совѣсти и материнскихъ инстинктовъ, ей удалось, наконецъ, выработать въ себѣ нѣчто въ родѣ ненависти,—чудовищную, противуестественную, безчеловѣчную побѣду надъ узами крови, послѣднее и высшее торжество іезуитскаго католичества—ненависть къ сыну, на котораго она не смотрѣла болѣе какъ на сына, но какъ на препятствіе къ ея спасенію, какъ на врага, въ одно и то же время любимаго и ненавидимаго. Наконецъ, послѣ долгой борьбы, она почувствовала, какъ будто какая-то сильная рука перевернула ей сердце и съ корнемъ вырвала изъ него всякій слѣдъ земной привязанности: она почувствовала, что не любитъ болѣе своего ребенка, не любитъ никого!

LX.

Необъятная грусть овладѣла тогда бѣднымъ, отверженнымъ ребенкомъ, грусть несоразмѣрная съ его возрастомъ, и по своей сосредоточенности и мрачной глубинѣ равнявшаяся горю взрослаго человѣка. Онъ простаивалъ цѣлые часы у окна, устремивъ унылый, неподвижный взглядъ на одну какую-нибудь точку. Его ничто не могло ни утѣшить, ни развлечь. Онъ болѣе не шумѣлъ, не игралъ, не слушалъ музыку на улицѣ, не подходилъ къ другимъ дѣтямъ. Во весь день у него й была только одна минута отдыха: минута перваго, безсознательнаго пробужденія, когда онъ только что открывалъ глаза, но она быстро проходила и улыбка исчезала съ его губъ, при воспоминаніи о его горѣ. Вставши, онъ, по обыкновенію, отыскивалъ какой-нибудь темный уголокъ, гдѣ издали, краснорѣчивымъ взглядомъ умолялъ свою мать взглянуть на него, и какъ ни старалась г-жа Жервезе избѣжать этого взгляда, но при встрѣчѣ съ нимъ, невольная дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу. Иногда бѣдняжка ошибался въ выраженіи ея лица, и въ надеждѣ, что она снова вернется къ нему, робко дѣлалъ нѣсколько шаговъ въ ея сторону, но ея ледяной взглядъ останавливалъ его. То, что онъ принималъ на свой счетъ—былъ остатокъ умиленнаго настроенія, которое она, забывшись, нечаянно переносила на сына. Вечеромъ, ложась спать, онъ неизмѣнно повторялъ Оноринѣ, укладывавшей его, одни и тѣ же слова: «Мама не любитъ болѣе Поля»...

LXI.

У г-жи Жервезе оставалось въ это время, только одно старое, черное платье, слишкомъ широкое для ея худобы и нѣсколько разъ уже починенное Онориной; весь запасъ бѣлья состоялъ

изъ шести худыхъ рубашекъ и нѣсколькихъ носовыхъ платковъ. Она не хотѣла и слышать о томъ, чтобъ покупать себѣ что нибудь.

Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, она со дня на день, окружала себя самыми мелочными, самыми позорными и скряжническими лишеніями. Отпустивъ слугу и экипажъ, она сократила расходы и, охваченная какою то болѣзненной скупостью, до такой степени ограничила свою жизнь и жизнь своего ребенка, что Онорина, приписывавшая все прихоти больной, не могла надивиться, куда дѣвались деньги ея госпожи. Суровость и безпощадная жестокость къ себѣ и другимъ росла съ каждымъ днемъ. Не смотря на свою зябкость,—она прежде говорила, что лучше согласится обойтись безъ хлѣба, чѣмъ безъ огня,—она отказывала себѣ въ огнѣ камина въ холодные утра и вечера. Когда г-жа Жервезе поселилась въ Транстевере, Онорина, не желая допускать свою госпожу отравляться итальянскими кушаньями мѣстнаго трактира, сама готовила ей обѣдъ, но г-жа Жервезе нашла, что домашняя кухня обходится слишкомъ дорого, и стала посылать въ трактиръ за скуднымъ ежедневнымъ обѣдомъ на троихъ, состоявшимъ изъ бульона съ обрѣзками индѣйки и изъ цыпленка, величиною съ голубя. Ея сынъ умеръ бы съ голоду, еслибъ Онорина тайно не кормила его.

LXII.

Наконецъ, насталъ день, когда окончательно въ г-жѣ Жервезе уже не существовало болѣе женщины—существа земного. Всѣ человѣческія стремленія къ честному и законному счастію, потребность любви и общества своихъ ближнихъ, врожденный инстинктъ предохраненія себя отъ боли и страданія, однимъ словомъ, все, что составляетъ принадлежность разумнаго существа,—все это казалось ей иллюзіей, ложью, призраками потребностей и инстинковъ! Все человѣческое умерло въ ней.

Такимъ образомъ, доходила она мало по малу до полнаго подражанія смерти въ жизни, до «смерти духовной», которую католическіе патеры справедливо сравниваютъ съ естественной смертью, приписывая ей то же дѣйствіе и тѣ же послѣдствія. Какъ бы умершая для самой себя, личность г-жи Жервезе, исполненная чувствомъ своей презрѣнности, сохраняла такъ же мало воли, какъ трупъ въ рукахъ могильщика. Съ ней могли случаться непріятности, униженія, страданія, оскорбленія; на нее могли сыпаться несправедливости, похвала и презрѣніе, счастіе и несчастіе,—она оставалась невозмутима: для того, чтобъ вынести все это, она заранѣе уложила себя въ могилу. Умершая для всего, она до такой степени осуществляла отрѣшеніе отъ всего земного и отъ своей личности, что у нея не было даже поползновенія вернуться къ самосознанію: она вполнѣ довела себя до ничтожества небытія. Начиная, такъ сказать, разлагаться вслѣдствіе этой искуственной смерти, она почувствовала въ себѣ желаніе настоящей смерти... Въ ней окончательно былъ подавленъ врожденный инстинктъ любви къ жизни и ужаса къ смерти. Въ сосредоточенномъ и мрачномъ упоеніи, г-жа Жервезе какъ бы влюбилась въ смерть, и жаждала ея приближенія, какъ любовнаго свиданія.

LXIII.

Каждое воскресенье, она отправлялась въ Катакомбы, безпощадно уводя съ собой сына. Въ сопровожденіи монаха, съ зажженной свѣчей въ рукахъ, она спускалась со ступеней въ узкіе корридоры и извилистыя аллеи, примыкавшія къ низкимъ перекресткамъ, гдѣ небольшое отверстіе и слѣды копоти, показывали то мѣсто, гдѣ горѣли лампады во время тайныхъ богослуженій. Она шла вдоль галлерей со впадинами, нагроможденными другъ на друга до самыхъ сводовъ, какъ кровати пассажировъ на кораблѣ, отыскивая со страхомъ и вмѣстѣ съ любопытствомъ остатки мученичества, слѣды крови, человѣческаго праха, разлетавшагося при первомъ дуновеніи и надтреснутыя гробницы съ останками труповъ, пощаженныхъ звѣрями въ циркѣ. Она останавливалась передъ картинами варварской живописи первыхъ вѣковъ христіанства, на секунду освѣщаемыхъ свѣтомъ свѣчи, передъ изображеніемъ символической птицы или колонны, повидимому, служившей плахой, на которой рубили головы мученицамъ. На нѣкоторыхъ гробницахъ лежали букеты цвѣтовъ, поражавшіе своей свѣжестью посреди этого мрака.

По мѣрѣ того, какъ она шла, подземное кладбище привлекало ее своей таинственной необъятностью. Ничто не могло остановить ея любопытства и лихорадочнаго желанія идти впередъ: ни тусклый, едва мерцающій, свѣтъ, неясно обрисовывавшій предметы, ни ходьба ощупью по неровной, изрытой почвѣ, ни страхъ упасть въ какую-нибудь невидимую бездну, ни затхлый воздухъ подземелій, заставлявшій ее по временамъ прикладываться лицомъ къ сырому песку, ни безконечность пути и смутный ужасъ при безпрестанныхъ поворотахъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ неба надъ головою. Она шла, шла неутомимо, толкая впередъ своего сына и слѣдуя за тощей тѣнью своего проводника, отъ которой ей виднѣлся только его большой палецъ, державшій свѣчу и кончикъ уха. Уставши бродить и напоивъ свою душу ужасомъ этихъ смертныхъ останковъ, она, переполненная подземнымъ страхомъ смерти, возвращалась къ выходной лѣстницѣ съ обветшалыми мраморными ступенями. Лучъ дневного свѣта, какъ лучъ освобожденія, проникалъ въ подземелье и производилъ на г-жу Жервезе впечатлѣніе утренней зари, касающейся вѣкъ отягченныхъ тяжелымъ сномъ.

Это зрѣлище перестало наконецъ удовлетворять ее. Оно представляло ей только мѣсто и память объ умершихъ, но ихъ каменныя гробницы не сохранили отпечатка ихъ трудовъ. Ей не довольно было двухъ скелетовъ, хранящихся подъ стекломъ въ церкви св. Каликста, ей нужна была смерть со всѣми ея ужасными атрибутами. А между тѣмъ когда-то эта женщина, такая изящная, съ такими утонченными привычками, чувствовала ужасъ и отвращеніе къ тлѣнію смерти. Читая исторію древняго Рима, она завидовала той поэзіи, тѣмъ легкимъ, граціознымъ образамъ, которыми римляне обставляли и прикрывали смерть, отнимая у нея ужасъ и безобразіе разложенія, превращая земную оболочку человѣка и тлѣніе могилы въ свѣтлое пламя и въ кучу пепла.

Теперь она ходила въ усыпальни, гдѣ сваливаютъ кости мертвыхъ, въ монастырь капуциновъ, въ Ораторію, вездѣ, гдѣ смерть выставляетъ на показъ свои останки, увѣшивая въ видѣ украшеній ворота и карнизы изсохшими бедрами и ребрами, и дѣлая выступы изъ груды костей. Она спускалась въ подземелья францисканцевъ, гдѣ показываютъ привѣшенный, въ видѣ люстры къ потолку, скелетъ ребенка — бывшей принцессы Барберини. Въ одной рукѣ онъ держитъ косу изъ человѣческихъ челюстей, а въ другой вѣсы, чашка которыхъ сдѣлана изъ черепа. И тутъ же, въ этихъ подземельяхъ, она видѣла вокругъ себя живыхъ мертвецовъ, изсохшихъ отшельниковъ въ длинныхъ рясахъ, съ глазами, провалившимися внутрь, съ лицами какъ будто посыпанными землей.

Она выходила оттуда удовлетворенная, пресыщенная, готовая, вмѣстѣ съ Іовомъ сказать тлѣнію:—«Ты моя мать!»—могильнымъ червямъ: —«Вы мои братья и сестры!»

LXIV.

Желаніе смерти и ея предвкушеніе вскорѣ замѣнились въ ней другимъ чувствомъ: страхомъ грѣховности этого желанія въ глазахъ Верховнаго Судіи, и смиреннымъ сомнѣніемъ въ своемъ недостоинствѣ. Съ этой минуты г-жа Жервезе перестала жаждать смерти и предоставила все на волю Божію, заранѣе покоряясь равно какъ жизни, такъ и смерти, если это угодно Богу.

Послѣ этой послѣдней жертвы, въ ней умерли всѣ желанія. Изнемогши отъ непосильной борьбы, она сдѣлалась вполнѣ существомъ страдательнымъ, нечувствительнымъ ко всему. Въ своемъ страшномъ, апатическомъ покоѣ, она казалась выше всѣхъ житейскихъ волненій и нуждъ. Она ничего болѣе не ожидала, ни на что не надѣялась, ничего не желала, ничему не удивлялась. Иногда въ ея глазахъ проглядывало отсутствіе взгляда, какъ у слѣпыхъ; вся она олицетворяла собой безучастіе и охлажденіе.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

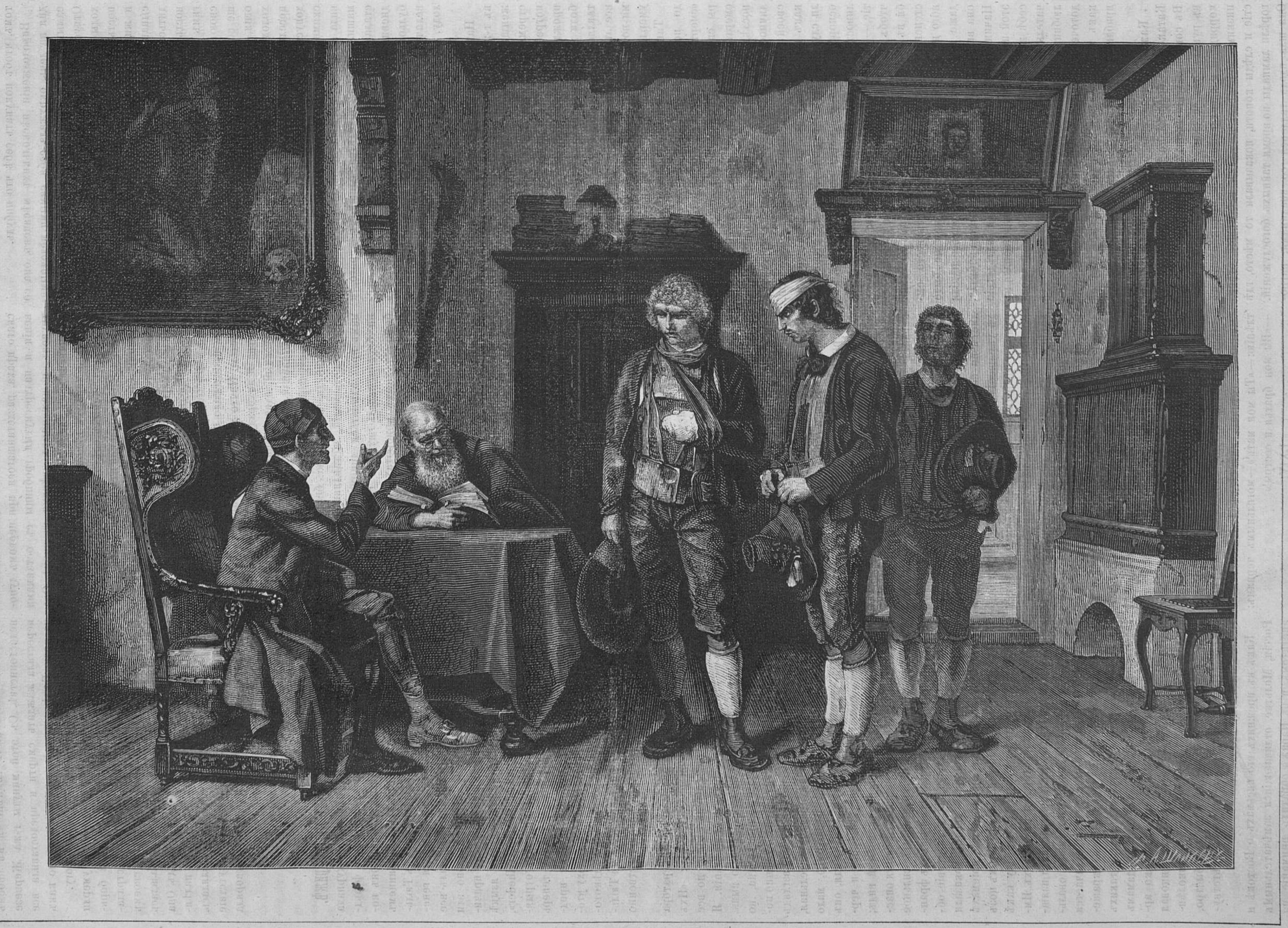
Графъ Мольтке и королева Викторія о Парижѣ.

Въ февральской книжкѣ нѣмецкаго журнала «Deutsche Rundschau» напечатаны письма фельдмаршала Мольтке изъ Парижа, который онъ посѣтилъ въ 1856 году съ наслѣднымъ принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Они провели въ Тюльери двѣ недѣли и Мольтке, въ то время генералъ-маіоръ и адъютантъ принца, описывалъ все видѣнное имъ своей женѣ. Первоначально эти одиннадцать писемъ, неизвѣстно по какой причинѣ, появились въ переводѣ на датскомъ языкѣ въ копенгагенскомъ журналѣ «Dagens Niheder», а потомъ были напечатаны въ краткихъ отрывкахъ въ альманахѣ Стефенса и только теперь появляются in extenso. Конечно, они не представляютъ полной картины Парижа въ эпоху второй имперіи, но въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя любопытныя черты придворной жизни Тюльери и интересныя замѣчанія, преимущественно о французской арміи.

Вотъ какъ Мольтке описываетъ императора Наполеона III и императрицу Евгенію: «Ихъ всѣмъ извѣстные портреты очень схожи, но все же не могутъ замѣнить личнаго лицезрѣнія. Я представлялъ себѣ, что Наполеонъ гораздо выше ростомъ; верхомъ его фигура величественна, но пѣшкомъ она менѣе эфектна. Меня особенно поразила неподвижность его лица и потухшій взглядъ стеклянныхъ глазъ. Улыбка предупредительная, даже добрая, освѣщаетъ его физіономію, мало напоминающую Наполеоновскій типъ. Сидя, онъ наклоняетъ голову нѣсколько на сторону и черты лица его принимаютъ тогда спокойный видъ; это спокойствіе, сохраняемое имъ въ самыя опасныя критическія минуты, производитъ сильное впечатлѣніе на легкоподвижныхъ и живыхъ французовъ. Впрочемъ, это не апатія, а слѣдствіе обдуманной и твердой воли, какъ вполнѣ доказали событія его жизни. На придворныхъ пріемахъ Наполеонъ не принимаетъ величественныхъ позъ и даже въ его разговорѣ замѣтно, что ему какъ то не ловко. Это императоръ, а не монархъ. Императрица Евгенія удивительно красива и изящна. Шея и руки у нея прелестны, лицо овальное; туалетъ ея роскошный, богатый, отличается большимъ вкусомъ, безъ чрезмѣрныхъ украшеній. На ней было бѣлое атласное платье такихъ значительныхъ размѣровъ, что впредь дамамъ придется употреблять на юбку нѣсколько аршинъ болѣе, чѣмъ прежде. У нея была пунцовая куафюра, а на шеѣ двойная нитка великолѣпныхъ жемчуговъ. Она говоритъ много и быстро, а ея жесты такъ оживлены, что не соотвѣтствуютъ ея высокому положенію».

Какъ въ прежнихъ его письмахъ о Востокѣ и Россіи, Мольтке, отличающійся замѣчательнымъ апетитомъ, и въ Парижѣ обратилъ вниманіе на ѣду. «Кухня въ Тюльери великолѣпная, замѣчаетъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ:—куша-

Картина КНАУСА.



Пастырское увѣщаніе.

ній немного, но отличныя. Подавая блюда, лакеи громко называютъ ихъ, чѣмъ ставятъ въ непріятную необходимость прерывать всякую минуту разговоръ, чтобы отвѣтить, которое изъ двухъ блюдъ предпочитаешь. Вино прекрасное; шампанское здѣсь собственно столовое вино и его подаютъ во все время обѣда, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему чередоваться съ сотерномъ, рейнвейномъ, бургонскимъ, хересомъ и пр.».

Главнѣйшія неудобства въ Тюльери, по мнѣнію Мольтке,—ужасный сквозной вѣтеръ, царящій въ громадныхъ комнатахъ, а также правило придворнаго этикета, по которому послѣ обѣда одна только императрица садится, а императоръ и слѣдовательно всѣ гости, даже принцы, стоятъ, что очень утомительно, такъ какъ обыкновенно не расходятся ранѣе чая, подаваемаго въ одиннадцать часовъ.

Театры въ Парижѣ не очень понравились замѣчательному полководцу нашего времени; онъ находитъ, что опера въ Берлинѣ гораздо богаче и изящнѣе. Съ характеристичной откровенностью въ письмѣ къ женѣ, онъ признается, что его дѣйствительно позабавило только посѣщеніе кулисъ «Большой Оперы» во время представленія балета.

Самое большее вниманіе Мольтке обратилъ во Франціи, какъ и во всѣхъ посѣщенныхъ имъ странахъ, конечно, на армію и первый его визитъ былъ въ казармы Наполеона. «Зданіе новое, замѣчаетъ онъ;—и столь же великолѣпное снаружи, сколь грязное внутри». Такимъ образомъ, наблюдательный нѣмецъ съ разу усмотрѣлъ главную слабость правительства второй имперіи, блестящаго снаружи и гнилого внутри. На парадѣ въ честь прусскаго принца, Мольтке замѣтилъ, что «выправка солдатъ никуда негодится». «Послѣ раздачи крестовъ, разсказываетъ онъ,—войска прошли по дивизіонно. Солдаты держали ружья по старому, но очень небрежно и шли не въ ногу. Здѣсь не обращаютъ на это никакого вниманія, но у насъ подвергли бы такихъ солдатъ строгой муштровкѣ».

Также мѣтки замѣчанія Мольтке о пользѣ и невыгодѣ громадной ломки, которой подвергался Парижъ во времена второй имперіи. Невыгоду онъ видитъ въ значительныхъ расходахъ, которые должны отягощать городскую казну, а пользу въ освобожденіи великолѣпныхъ памятниковъ старины—какъ, напримѣръ, башни Св. Іакова—отъ загромождавшихъ ихъ тѣсныхъ, уродливыхъ построекъ, а главное, въ удаленіи рабочаго класса изъ центра города въ предмѣстья. «Легко понять, замѣчаетъ онъ,—какъ это обстоятельство благодѣтельно измѣнитъ условія для поддержки безопасности и порядка въ Парижѣ».

Въ этомъ характерномъ замѣчаніи ясно проглядываютъ консервативныя стремленія германскаго полководца; онъ, повидимому, находитъ, что для гражданъ всего благодѣтельнѣе, когда ихъ разводятъ по квартирамъ, какъ солдатъ на постой, причемъ, конечно, имѣются въ виду только интересы военной дисциплины.

Быть можетъ, еще любопытнѣе замѣтокъ Мольтке о Парижѣ въ царствованіе Наполеона III, отрывки о томъ же предметѣ изъ дневника королевы Викторіи, напечатанные въ недавно вышедшемъ третьемъ томѣ обширной біографіи принца Альберта, составляемой секретаремъ королевы, Теодоромъ Мартинъ, подъ ея непосредственнымъ руководствомъ *). Описывая свое посѣщеніе Парижа въ 1858 году, Викторія въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывается о своемъ союзникѣ, который, по ея словамъ, «вся Франція въ одномъ лицѣ» и о блестящихъ праздникахъ, данныхъ въ ея честь. Среди всѣхъ этихъ пышныхъ придворныхъ и уличныхъ торжествъ, конечно, самая замѣчательная сцена произошла передъ гробницей Наполеона I.

«Мы поѣхали прямо въ домъ Инвалидовъ, гдѣ покоится тѣло Наполеона, разсказываетъ королева Викторія; — хотя уже было поздно, но мы не хотѣли отложить этого, быть можетъ, самого важнаго акта настоящаго интереснаго времени. Было уже семь часовъ, когда мы въѣхали во дворъ, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли вытянувшись въ линію инвалиды, большею частью, участники въ прежнихъ войнахъ, но нѣкоторые и въ послѣдней. Насъ, повидимому, не ждали, такъ какъ парадъ былъ перенесенъ съ утра на вечеръ по причинѣ ужасной жары, и комендантъ, графъ Орнано, былъ очень недоволенъ нашимъ неожиданнымъ пріѣздомъ. Впрочемъ, все обошлось хорошо. Впереди насъ несли четыре зажженныхъ факела, что увеличивало торжественное впечатлѣніе поразительной сцены. Церковь велика и красива. Мы сначала посмотрѣли сверху на открытый склепъ, который не очень нравится императору. Онъ называетъ его: «Un grand bassin» (большой басейнъ) и прибавляетъ: «On arrive et on se demande ce qui est dans le tombeau de l'Empereur, on s'attend a y voir de l'eau» (приходишь и спрашиваешь себя, что въ гробницѣ императора; ожидаешь видѣть тамъ воду.) Внутренность склепа, однакожь, великолѣпна. Но гробъ Наполеона еще не перенесенъ на свое мѣсто, а временно стоитъ до окончанія работъ въ маленькой сосѣдней часовнѣ св. Іеронима. Императоръ повелъ меня туда и я, опираясь на его руку, стояла передъ гробомъ злѣйшаго врага Англіи, я, внучка короля, столь ненавидѣвшаго его и такъ упорно боровшагося съ нимъ. Рядомъ со мною былъ его племянникъ, носящій его имя и мой самый близкій и самый дорогой союзникъ. Органъ въ церкви игралъ «God save the Queen»; церемонія происходила при тускломъ мерцаніи факеловъ и ударахъ грома, ибо, пока мы были въ домѣ инвалидовъ, разразилась гроза. Все это было странно и удивительно, точно мы пришли затѣмъ, чтобы воздать дань уваженія покойному врагу; древняя ненависть исчезла на вѣки и печать неба закрѣпила союзъ, столь счастливо заключенный двумя великими могущественными націями. Да благословитъ его небо и да процвѣтаетъ онъ».

Насколько благословило небо эту, едва ли достойную дружбу, строго конституціонной монархіи страны, гордящейся своей вѣковой свободой, съ человѣкомъ, совершившимъ второе декабря, измѣнически уничтожившимъ въ одну роковую ночь свободу другой страны,—показали послѣдующія событія. И какъ странно теперь читать восторженные дифирамбы королевы Викторіи седанскому герою, котораго она превозноситъ и за его природное чистосердечіе и за его доброту, и за его любезность и еще Богъ знаетъ за какія добродѣтели.

Но, быть можетъ, всего интереснѣе для насъ русскихъ приводимый въ книгѣ Мартина отзывъ князя Горчакова, въ то время посланника въ Штутгартѣ, о невыгодѣ для Франціи такого неестественнаго союза съ Англіей: «Elle vous aura tout simplement aidée a vous comprémettre et vous laissera tous les embarras d'une position fausse et difficile, сказалъ онъ въ 1859 г. французскому послу при Виртембергскомъ дворѣ. — Nous avons tous a pour plaindre de cette puissance. Quel bon tour que de vous arranger sans elle. Croyez moi, mefiez vous de la perfide Albion. (Она вамъ только поможетъ скомпромитировать себя и поставитъ васъ въ трудное, фальшивое положеніи; мы всѣ имѣемъ за что жаловаться на эту державу. Какую бы мы сдѣлали славную штуку, устроивъ дѣло безъ нея. Вѣрьте мнѣ, не довѣряйте коварному Альбіону.)

*) The Life of His Royal Highness the Prince-Consort, by Theodore Martin.

Предупрежденіе.

Стих. М. В. Лоссіевскаго.

Ты сошлась со мной, мой милый другъ,
Не на радость, не на счастіе,
А нести нашъ общій, тяжкій крестъ
До могилы безъ участія.

Если встрѣтишь ты достойнѣе
И сильнѣй кого въ пути,
Такъ оставь безъ сожалѣнія
Одного меня идти.

Хоть и буду крестной ношею
Вдвое я обремененъ,
Но привѣтъ тебѣ, красавица,
Будетъ въ сердцѣ сохраненъ.

И когда ты жизни избранной
Скажешь вновь: «на вѣкъ прости!»
Приходи опять, желанная,
Крестъ тяжелый нашъ нести.

Алексѣй Федоровичъ Мерзляковъ.

Библіографическая замѣтка Н. Н. Вакуловскаго.

Въ нынѣшнемъ году исполняется столѣтіе рожденія Алексѣя Федоровича Мерзлякова. Онъ родился въ 1778 г., въ городѣ Далматовѣ, пермской губерніи, гдѣ его отецъ, купецъ, занимался торговлею и жилъ очень небогато. Родной дядя, служившій правителемъ канцелярія при бывшемъ тогда генералъ-губернаторѣ пермской и тобольской губерній А. А. Волковѣ, уговорилъ отца А. Ф. отдать его въ пермское главное народное училище, гдѣ директоромъ былъ Иванъ Ивановичъ Панавъ. По ходатайству Панаева, Волкову передано было стихотвореніе тринадцатилѣтняго Мерзлякова—ода на заключеніе мира со шведами. Генералъ-губернаторъ переслалъ ее къ главному начальнику народныхъ училищъ графу П. В. Завадовскому, который и поднесъ ее императрицѣ Екатеринѣ II. Стихи были напечатаны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоялось распоряженіе о переводѣ Мерзлякова на казенный счетъ въ гимназію, въ Москву. Въ гимназіи А. Ф. шелъ блистательно и въ 1797 году вторымъ принятъ въ студенты университета, который и окончилъ съ золотою медалью. Будучи студентомъ, Мерзляковъ напечаталъ въ изданіи Подшивалова: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» свои стихотворенія: Ночь, Истинный герой, Ратное поле, Россъ, Вечеръ, Къ прошедшему 1796 г., Милонъ, Гроза, Старецъ во гробѣ, Мое утѣшеніе, Къ Уралу, Невинность, Утѣшеніе въ печали, Лаура и Сельмаръ, Ракетка, Человѣкъ, Удовольствіе и печаль, Больному другу І. А. Л—у, Стихотворецъ. Въ 1801 году появилось его лирическое стихотвореніе: «Слава», напоминающее гимнъ Шиллера къ радости. Мерзляковъ попалъ въ число членовъ-учредителей возникшаго въ Москвѣ въ 1801 году литературнаго общества. Особенно сблизился онъ съ Жуковскимъ. Получивъ званіе баккалавра, Мерзляковъ при преобразованіи университета былъ переименованъ въ кандидаты, а въ 1804 г. достигъ званія магистра и получилъ, послѣ Чеботарева, въ университетѣ кафедру россійскаго краснорѣчія и поэзіи. Въ 1810 г. онъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ. Въ 1817—18 году онъ былъ деканомъ словеснаго отдѣленія, а въ 1820 году въ чинѣ статскаго совѣтника назначенъ директоромъ педагогическаго института. Онъ былъ членомъ общества исторіи и древностей россійскихъ, казанскаго и ярославскаго обществъ любителей россійской словесности, и въ 1828 году избранъ въ почетные члены виленскаго университета.

Въ «Утренней зарѣ» съ 1800 года по 1808 г. напечатаны стихотворенія Мерзлякова: Непостижимому, Пѣснь Моисеева по прехожденіи Чермнаго моря, Благость, Тѣнь Кукова на островѣ

Овги-Ги, Безсмертіе, Утро, Наука стихотворная, къ Пизонамъ. Многія его произведенія находимъ въ издававшемся имъ въ 1815 году вмѣстѣ съ гг. Ивановымъ и Смирновымъ изданіи «Амфіонъ». Одно время онъ читалъ публичныя лекціи о словесности. Кромѣ того былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ общества любителей россійской словесности. Скончался А. Ф. въ 1829 — 30 академическомъ году. Имъ изданы были: «Краткая риторика, или правила, относящіяся ко всѣмъ родамъ сочиненій прозаическихъ», «Краткое начертаніе теоріи изящной словесности», «Краткое руководство къ эстетикѣ»,— почти всѣ составленныя по извѣстной книгѣ Эшенбурга «Entwurf einer Theorie und Litteratur der schönen Wissenchaften». Въ Вѣстникѣ Европы находимъ статьи его: 1) «О талантахъ стихотворца» (т. 5, 1812 г.), 2) «О геніи», «Объ изученіи поэта», «О высокомъ и прекрасномъ» (т. 6, 1812 г.), 3) «Объ изящной словесности, ея пользѣ, цѣли и правилахъ» (т. 2, 1813 г.), 4) «Объ изящномъ или о выборѣ въ подражаніи (т. 3, 1813 г.), 5) «О томъ, что называется дѣйствіе драмы и объ его главныхъ свойствахъ» (т. 3, 1817 г.), 6) «Разсужденіе о драмѣ вообще» (т. 17, 1820 г.). Историческое изученіе словесности осталось совершенно ему чуждо. Въ 1830 году появилось собраніе его пѣсенъ и романсовъ. Собраніе его стиховъ издано было въ Москвѣ въ 1867 году обществомъ любителей россійской словесности; они напечатаны въ двухъ частяхъ, подъ редакціею М. П. Полуденскаго. Полнаго собранія сочиненій Алексѣя Федоровича еще не было издано и, вѣроятно, долго придется ожидать его. Никакихъ рукописей покойнаго поэта, оставшихся ненапечатанными, до сихъ поръ не найдено, поэтому возможно изданіе только того, что имъ самимъ было напечатано при его жизни.

Ахъ, ты удаль молодецкая.

Стих. Д. А. Рубина.

Ахъ, ты удаль молодецкая,
Ты куда запропастилася?!
Ахъ, ты сила богатырская,
Гдѣ, куда вся растерялася?..

Прежде все мнѣ было по плечу,
Свиснуть стоило удалому,
Изъ земли все будто выростетъ,
Какъ по щучьему велѣнію.

Что лишь только пожелай душа,
Все само къ тебѣ идетъ, плыветъ,
Неудачи-жь да несчастія
Расплываются, какъ вешній ледъ.

А съ бѣдою повстрѣчаешься,
Такъ въ глаза ей расхохочешься.
Предъ нуждою, злою мачихой,
Головою не приклонишься.

Силу чувствую могучую,
Только пѣсни нѣтъ удалому;
Никогда слезой горючею
Не встрѣчалъ я зорьку алую.

Съ яснымъ соколомъ бывало мнѣ
Любо было себя сравнивать,
Что летаетъ по поднебесью,
Отъ утра до поздней ноченьки.

На роду такъ знать написано
Было молодцу удалому:
Чтобы жизнь вести, гуляючи,
А кончать въ слезахъ рыдаючи!...

Брюнего.

(Рисунокъ стр. 177.)

Каждый, бывшій въ школѣ, испытывалъ, какъ тяжело доставалось даже самому воспріимчивому ребенку долбленіе безчисленныхъ именъ королей, королевъ, герцоговъ и графовъ, дѣйствовавшихъ на исторической сценѣ въ VI вѣкѣ по р. Х. Исключеніе составляли два имени, легко внѣдрявшіяся въ памяти: Фредегонды и Брунегильды, этихъ ужасныхъ чудовищъ, какъ ихъ обыкновенно называли учителя всеобщей исторіи, преподающіе въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Дѣйствительно-ли Брунегильда или, правильнѣе, Брюнего, такъ какъ она была француженка, а не нѣмка, была до такой степени преступна, что для нея нѣтъ другого имени, кромѣ чудовища? Едва-ли такъ. Брюнего была нисколько не хуже своихъ современниковъ; скорѣе можно сказать, что она была лучше многихъ и во всякомъ случаѣ не могла идти въ сравненіе съ королемъ Клотеромъ I, ея тестемъ, или Шильперикомъ, ея зятемъ, которыхъ, однакожь ни одинъ изъ учителей всеобщей исторіи не называлъ чудовищами. Брюнего жила въ тотъ темный вѣкъ исторіи Европы, когда людьми управляли дикія страсти, когда разуму, казалось, не было мѣста, и самыя гнусныя преступленія считались обычнымъ явленіемъ.

Послѣ смерти свирѣпаго Клотера I, Франція была раздѣлена на 4 удѣла между четырьмя его сыновьями. Однимъ изъ этихъ удѣловъ было королевство Остразія, съ главнымъ городомъ Реймсомъ, доставшееся по раздѣлу третьему сыну Сигеберту. Слабый, безхарактерный, онъ подчинился своей женѣ Брюнего, которая взяла въ свои руки управленіе государствомъ. Въ первые годы ея правленія страна нѣсколько отдохнула отъ непрерывныхъ войнъ и грабежей прошлаго царствованія. Кроткая и добродѣтельная, Брюнего пріобрѣла любовь народа, чтившаго ее за ея добрыя дѣла. Но вдругъ все измѣнилось: Брюнего пошла обычнымъ въ то время путемъ насилій и преступленій.

Младшій братъ Сигеберта, король суассонскій, Шильперикъ, своими злодѣйствами, подобный Нерону, развелся съ своей женой Одуэрой и задумалъ жениться на Гальсуинтѣ, сестрѣ Брюнего. Бракъ этотъ не приходился по вкусу красавицѣ Фредегондѣ, любовницѣ Шильперика и она дала себѣ слово помѣшать ему, въ надеждѣ, что затѣмъ сама выйдетъ замужъ за короля. Однакожь, свадьба все-таки совершилась. Гальсуинта была очень богатая невѣста; жадный до денегъ Шильперикъ не желалъ лишиться ихъ; отецъ Гальсуинты, вестготскій король, не посмѣлъ отказать своему сильному сосѣду и несчастная дѣвушка, противъ воли, была выдана за Шильперика. Новая жена не понравилась королю и онъ воспылалъ еще большей страстью къ Фредегондѣ; ловкая куртизанка объявила, что пока жива жена Шильперика, она считаетъ невозможнымъ раздѣлять съ нимъ ложе. Влюбленный король далъ ей слово убить свою жену и сдѣлалъ нужныя къ тому распоряженія на слѣдующее утро. Но Фредегонда успѣла предупредить его; по ея приказанію, Гальсуинта была удавлена въ ту же ночь.

Узнавъ объ этомъ преступленіи, Брюнего уговорила своего мужа объявить войну его брату. Вначалѣ военное счастіе улыбнулось Брюнего; почти все королевство Шильперика уже находилось во власти Сигеберта; но Фредегонда не дремала: Сигебертъ былъ убитъ подосланными ею убійцами.

Потеря вождя произвела переполохъ въ арміи Сигеберта, которымъ отлично воспользовался Шильперикъ, возвратилъ себѣ утраченное королевство и поставилъ Брюнего въ такое положеніе, что она вынуждена была просить мира, при чемъ сама предложила Шильперику свою руку. Король, плѣненный красотой Брюнего, готовъ былъ согласиться, но Фредегонда замѣтила ему, что проще убить единственнаго сына Сигеберта и сдѣлаться законнымъ путемъ королемъ Остразіи. Король согласился, но замыселъ убійства не удался и пятилѣтній сынъ Сигеберта былъ провозглашенъ королемъ Остразіи подъ именемъ Шильдеберта II.

Противъ ребенка-короля и его матери, Брюнего, Шильперикъ послалъ войско подъ начальствомъ Меровея, своего старшаго сына. Меровей, жаждавшій отмстить отцу и Фредегондѣ за свою мать, Одуэру, не только не сражался противъ Брюнего, но еще женился на ней, хотя церковь запрещала бракъ между теткой и племянникомъ. Какъ молодой человѣкъ, такъ и вѣнчавшій его епископъ дорого заплатили за этотъ бракъ: ихъ умертвили убійцы, нанятые Фредегондой.

Послѣ этого двойнаго убійства нѣсколько лѣтъ прошло въ мирѣ. Фредегонда, давно уже сдѣлавшаяся женою Шильперика, опасаясь, что подроставшій Шильдебертъ, послѣ смерти ея мужа, неимѣвшаго дѣтей мужескаго пола, сдѣлается суассонскимъ королемъ и она попадетъ въ его руки, стала заискивать въ немъ. Мало-по-малу ей удалось вселить довѣріе къ себѣ въ Шильдебертѣ и она предложила ему отравить Брюнего, его мать, а за это Шильперикъ сдѣлаетъ его своимъ наслѣдникомъ. Юноша отказался и снова началась ожесточенная война, во время которой Брюнего и Фредегонда превосходили одна другую коварствомъ и жестокостями.

Во время этой войны, Фредегонда, опасаясь дурныхъ для себя послѣдствій послѣ того, какъ сама неосторожно выдала мужу тайну своей связи съ однимъ молодымъ человѣкомъ Ландри, убила Шильперика. За 4 мѣсяца до смерти мужа она родила сына Клотера.

Послѣ смерти Шильперика, братъ его Гонтранъ, король бургонскій, единственный изъ сыновей Клотера, оставшійся въ живыхъ, съ многочисленной арміей вошелъ въ Парижъ, недавно ставшій столицей королевства Шильперика. Фредегонда успѣла настолько очаровать Гонтрана, что онъ взялъ подъ свое покровительство се и ея сына и объявилъ войну племяннику Шильдеберту, требовавшему выдачи Фредегонды, которую онъ намѣревался казнить за ея преступленія. Фредегонда по своему обычаю послала убійцъ, желая избавиться разомъ отъ Брюнего и ея сына. Но убійство не удалось и убійцы были повѣшены по приказанію Брюнего.

Между тѣмъ умеръ Гонтранъ. Оставшись безъ покровителя, Фредегонда не потерялась; взявъ на руки малютку-сына она пришла въ лагерь войскъ покойнаго короля и оно признало маленькаго Клотера своимъ королемъ. Такимъ образомъ, Франція оказалась теперь раздѣленной на два удѣла: одинъ достался Клотеру, другой Шильдеберту II.

Недовольная своимъ сыномъ, Брюнего отравила его и объявила себя регентшей во время малолѣтства двухъ его дѣтей: Теодебера и Тьери. Желая отстранить отъ себя подозрѣніе въ преступленіи, она обвинила въ немъ Фредегонду и объявила ей войну, но потерпѣла совершенное пораженіе. Однакожь, смерть не позволила Фредегондѣ воспользоваться плодами своего торжества.

Избавившись отъ своего ужаснаго врага, Брюнего стала властвовать ни въ комъ не встрѣчая противодѣйствія. При ея дворѣ господствовалъ циничный развратъ; опасаясь, чтобы внуки ея, придя въ возрастъ, не прогнали ее, она поощряла ихъ къ разврату, окруживъ ихъ потерянными женщинами. Сама она на старости лѣтъ влюбилась въ юношу Протада, сдѣлала его своимъ любовникомъ и онъ первый получилъ титулъ дворцоваго мэра. Протадъ, наглостію и жестокостію, возбудилъ противъ себя знать. Составился заговоръ. Протадъ былъ убитъ; заговорщики,

захвативъ старшаго внука Брюнего, Теодеберта, считавшагося королемъ Остразіи, заставили его изгнать его бабку изъ королевства. Брюнего убѣжала къ своему второму внуку, проживавшему въ главномъ городѣ своего удѣла, и объявила ему, что его старшій братъ незаконнорожденный, такъ какъ мать ихъ въ то время находилась въ связи съ своимъ садовникомъ. Тьери повѣрилъ этой сказкѣ и пошелъ войной на брата. Теодебертъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и, вмѣстѣ съ двумя старшими его сыновьями, умерщвленъ по приказанію Брюнего; третьяго сына, малютку, безсовѣстная прабабка убила собственноручно. Въ живыхъ осталась только дочь Теодеберта, въ которую страстно влюбился Тьери и захотѣлъ на ней жениться. Не желая допустить этого брака, Брюнего созналась, что клеветала о незаконномъ рожденіи Теодеберта. Однакожь, Тьери не обратилъ никакого вниманія на это открытіе и заявилъ, что все-таки женится на своей племянницѣ. Тогда Брюнего отравила его и была признана регентшей на время малолѣтства ея четырехъ правнуковъ, сыновей Тьери.

Окончивъ удачно это дѣло, старуха опять зажила спокойно, но у нея явился новый врагъ— Клотеръ. Ненависть къ Брюнего перешла къ Клотеру отъ его матери и онъ рѣшился уничтожить ужасную старуху, разсчитывая, что послѣднее преступленіе сдѣлало ее настолько ненавистной ея подданнымъ, что справиться съ нею будетъ не трудно. Брюнего находилась въ Мэцѣ. Клотеръ съ большимъ войскомъ окружилъ городъ и потребовалъ выдачи Брюнего, обѣщая за то большую денежную награду. Слуги Брюнего выдали ее. Клотеръ сперва отдалъ ее на поруганіе солдатамъ; затѣмъ три дня къ ряду подвергалъ ее различнымъ пыткамъ и, въ заключеніе, приказалъ привязать ее къ хвосту дикой лошади. Долго носилась лошадь съ своимъ грузомъ, наконецъ, пала отъ изнеможенія. Истерзанный трупъ Брюнего былъ сожженъ на кострѣ, а пепелъ развѣянъ по вѣтру.

На нашемъ рисункѣ представленъ моментъ казни Брюнего. Художникъ изобразилъ ее молодой, красивой женщиной; но она была казнена семидесяти лѣтъ.

Брюнего никогда не отличалась ни энергіей, ни сильнымъ характеромъ, присущими крупнымъ преступникамъ. Напротивъ, она была безхарактерна и легкомысленна. Но едва-ли можно сомнѣваться, что если бы Клотеръ былъ побѣжденъ и попался къ ней въ руки, она раздѣлалась бы съ нимъ не менѣе жестоко, чѣмъ онъ поступилъ съ нею.

Н. И.

Л. Кнаусъ.

Ст. П. Библіофила.

Въ 1850 и въ 1851 годахъ въ Дюссельдорфѣ произвели необыкновенное впечатлѣніе двѣ картины новаго молодого художника. Эти картины, «Пляшущіе крестьяне» и «Игроки», обличали въ художникѣ не просто хорошаго рисовальщика, но удивительнаго наблюдателя, тонкаго психолога и добродушнаго юмориста. Молодой талантъ былъ Людвигъ Кнаусъ, уроженецъ Висбадена, родившійся 5 октября 1829 года и прошедшій школу живописи въ Дюссельдорфѣ. За первыми картинами Кнауса послѣдовалъ цѣлый рядъ картинъ: «Пчелиный отецъ», «Старость не защита отъ глупости», «Похороны въ лѣсу», «Графиня Гельфенштейнъ, просящая пощады у мужа *), «Карманный воръ на ярмаркѣ»; всѣ эти произведенія не только ярче и всестороннѣе выставили на свѣтъ главныя силы и достоинства таланта художника, подмѣченныя обществомъ уже и въ первыхъ двухъ его картинахъ,—нѣтъ, онѣ показали, что Кнаусъ одинаково изучилъ и людей и животныхъ, одинаково хорошъ, какъ портретистъ, и какъ пейзажистъ. Пейзажъ всегда у Кнауса прекрасенъ, сцены всегда выхвачены изъ жизни, экспресія лицъ доведена до изумительной тонкости,—прибавьте къ этому, что Кнаусъ вполнѣ владѣетъ красками и вы поймете, почему этотъ художникъ въ короткое время сдѣлался однимъ изъ первыхъ любимцевъ публики. Чрезвычайно важно и то, что въ картинахъ Кнауса совсѣмъ незамѣтенъ нѣмецъ съ грубымъ юморомъ, съ слащавой сантиментальностью, съ воинствующимъ патріотизмомъ. И то сказать, Кнаусъ тотчасъ же по окончаніи своихъ занятій въ Дюссельдорфѣ переселился въ Парижъ, гдѣ и пробылъ съ 1852 по 1860 годъ. Съ этого періода времени начались еще болѣе блестящія произведенія Кнауса въ родѣ «Золотой свадьбы въ деревнѣ», «Послѣ крестинъ», «Цыганъ въ лѣсу», «Пріемъ народомъ мелкопомѣстнаго владѣтельнаго князя» и т. п. Особенной граціей, добродушнымъ юморомъ и теплой любовью проникнуты сцены Кнауса изъ дѣтской жизни и, по странному капризу таланта, особенно яркой наблюдательностью отличаются его сцены изъ жизни преступниковъ, мошенниковъ и т. п. Одну изъ такихъ сценъ,—увѣщаніе монахомъ въ стѣнахъ монастыря буйной молодежи, пойманной въ дракѣ, слѣды которой еще остались на этихъ представителяхъ нравственнаго паденія и разгула, — читатели имѣютъ передъ глазами въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала. Кромѣ того Кнаусъ любитъ передавать свои наблюденія надъ животными и его животныя «только что не говорятъ»; особенно удачно схватываетъ Кнаусъ «гусиное настроеніе духа»; его гуси—это тоже своего рода характерные типы и на нихъ можно засматриваться, какъ засматриваешься на сцены изъ человѣческой жизни.

Послѣ Парижа Кнаусъ прожилъ до 1866 года въ Берлинѣ, потомъ вернулся въ Дюссельдорфъ, а въ сентябрѣ 1874 года принялъ завѣдываніе независящею отъ академіи образцовою мастерскою въ Берлинѣ, гдѣ король далъ ему званіе профессора и орденъ «pour le mérite». Большая часть нѣмецкихъ и иностранныхъ академій считаетъ Кнауса своимъ почетнымъ членомъ, на множествѣ выставокъ получилъ онъ медали, въ Вѣнѣ на всемірной выставкѣ произведенія Кнауса были признаны самыми выдающимися произведеніями нѣмецкаго искусства. Но важнѣе всего то, что, быть можетъ, ни одинъ изъ современныхъ художниковъ Европы, не можетъ похвалиться, чтобы съ его картинъ разошлись столько же копій, сколько ихъ сдѣлано съ картинъ Кнауса. Въ рѣдкой «иллюстраціи» вы не встрѣтите снимка съ какой-нибудь изъ его картинъ, тысячи гравюръ литографій и фотографій разносятъ его произведенія по всѣмъ концамъ свѣта, въ каждомъ магазинѣ картинъ вы найдете какую-нибудь копію съ Кнауса. Этотъ успѣхъ вполнѣ заслуженъ: Кнаусъ не только является талантливымъ художникомъ, онъ является умнымъ, добрымъ и честнымъ человѣкомъ въ своихъ произведеніяхъ, смотря на которыя, невольно проникаешься любовью къ ихъ творцу.

Копія съ картины Кнауса сдѣлана по нашему заказу, такъ же какъ и копіи съ «Стрекозы и Муравья», съ «Средневѣковаго наказанія», съ «Бочки Данаидъ», съ «Молодой матери» и т. д. и рѣзаны на деревѣ эти картины нашимъ граверомъ А. А. Шлипперомъ. Въ настоящее время, приготовляя нѣсколько новыхъ копій съ извѣстныхъ картинъ, редакція, кромѣ заказовъ у А. А. Шлиппера, вошла въ сношенія съ варшавскими граверами и надѣется въ скоромъ времени представить образцы ихъ работъ.

*) Единственная картина Кнауса съ историческимъ содержаніемъ.

(Фельетонные наброски.)

IV.

Страницы изъ нашей закулисной жизни.

Сергѣй Буренинъ, юноша шестнадцати лѣтъ, убилъ свою мать и забралъ ея деньги. Преступникъ былъ открытъ, надъ нимъ произвели слѣдствіе, его отдали подъ судъ. Присяжные вынесли обвинительный приговоръ. Судъ приговорилъ преступника къ двадцати годамъ каторжной работы въ рудникахъ.

Преступленіе наказано, общественная справедливость удовлетворена, общество можетъ успокоиться, сдавъ это покончненное дѣло въ архивъ.

Но когда вы читали отчеты о немъ, не навѣяло ли оно на васъ какія нибудь тяжелыя мысли?

— Объ испорченности нынѣшней городской молодежи? О рано развивающейся страсти къ наживѣ? О недостаткѣ нѣжныхъ чувствъ къ родителямъ въ молодыхъ людяхъ? спросите вы.

Нѣтъ!

Не приходилъ ли вамъ на мысль вопросъ о томъ, какова должна была быть та семейная обстановка, среди которой могъ вырости, воспитаться, выработаться подобный преступникъ?

Это вопросъ интересный, вопросъ первостепенной важности. Вы—отцы и матери или вы будете отцами и матерями; вамъ должно бы быть страшно при мысли, что изъ молодежи сплошь и рядомъ, ни съ того, ни съ сего выходятъ подобные субъекты, что теперь будто бы такъ нечего и ждать любви и уваженія отъ дѣтей, а нужно только бояться ихъ; вамъ, вѣроятно, хотѣлось бы найдти тѣ причины, тѣ основанія, вслѣдствіе которыхъ могутъ выходить изъ дѣтей подобные злодѣи, найдти эти причины и основанія, чтобъ застраховать и спасти отъ нихъ своихъ собственныхъ малютокъ.

Посмотримте же вмѣстѣ на ту закулисную сторону, которую освѣтилъ передъ нами этотъ процессъ.

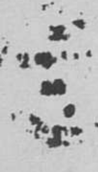
Въ темномъ царствѣ нищеты, невѣжества, самодурства и кулачества создался типъ убитой Вѣры Петровны Бурениной. Ей осталось отъ матери пятьсотъ рублей и эти деньги она пустила «въ оборотъ». Она начала заниматься ростовщичествомъ, — ростовщичествомъ самымъ страшнымъ и гнуснымъ, какимъ занимаются тайно полубезграмотныя бабы въ разныхъ захолустьяхъ столицъ. Здѣсь нѣтъ ни правильныхъ счетовъ, ни опредѣленныхъ процентовъ, ни опредѣленныхъ сроковъ для выкупа и перезалога, здѣсь

все зависитъ отъ полубезграмотной самодурки-ростовщицы, передъ которою покорно стоитъ уже совсѣмъ ничего не понимающій обнищавшій людъ, ведущій счеты по пальцамъ, по зарубкамъ, по крестикамъ и самъ называющій себя въ своемъ смиреніи «темнымъ». Прибавивъ коечто къ доставшемуся отъ матери капиталу, Вѣра Петровна вышла замужъ за какого-то Буренина, служившаго гдѣ-то «въ конторѣ». Мужъ оказался тихимъ или, лучше сказать, Вѣра Петровна сдѣлала его тихимъ. Жизнь подобныхъ ей ростовщицъ—жизнь праздная, скучная: дѣла почти нѣтъ, а сидѣть дома приходится; посѣтители приносятъ барыши, но въ тоже время они и раздражаютъ спорами, жалобами, мольбами, угрозами; отъ скуки приходится прибѣгать сперва къ усиленному употребленію чайку, кофейку, а потомъ и винца; отъ ежедневныхъ и ежечасныхъ препирательствъ съ посѣтителями приходится сдѣлаться раздражительной, сварливой. Когда Вѣра Петровна вышла замужъ, она уже и пила и была сварлива. Уже съ третьяго дня супружеской жизни у Бурениныхъ начались страшныя ссоры и драки; сначала мужъ даже попробовалъ на полгода уйдти отъ жены, но безхарактерность или бѣдность заставила его снова вернуться къ ней; мало по малу она взяла надъ нимъ власть, отбирала отъ него жалованье, пуская и эти деньги въ оборотъ, не обращала на него вниманія, когда онъ былъ боленъ и не думала звать доктора, въ сердитыя минуты била его, царапала ему лицо, проклинала его, выгоняла изъ дома...

Среди этой жизни было одно пассивное лицо, одинъ безмолвный наблюдатель—ребенокъ Бурениныхъ. Мальчику уже шелъ седьмой годъ, когда домучился до смерти его отецъ.

Вы скажете: онъ тогда былъ малъ, онъ не понималъ всего ужаса этой жизни. Да, но вѣдь его мать продолжала жить такъ же до той минуты, когда онъ поднялъ на нее руку.

Отецъ умеръ, а жизнь не перемѣнилась. Буренина продолжала пить и буйствовать. Ее посѣщали только бѣдняки, закладывавшіе вещи; къ ней являлись скупщики старыхъ краденыхъ вещей на базарахъ; къ ней заходили темныя личности изъ татаръ и армянъ. Ея барыши все росли и росли, но вмѣстѣ съ тѣмъ росло и скряжничество, то трусливое, невѣжественное скряжничество, которое владѣя тысячами, все боится, что «а вдругъ завтра ничего и не будетъ». Это скряжничество отказываетъ себѣ во всѣхъ удобствахъ, во всемъ необходимомъ, проклинаетъ всѣхъ, ради кого дѣлается лишній расходъ, и думаетъ только о томъ, что «деньги, какъ вода». Вѣра Петровна готовила обѣдъ разъ въ недѣлю, въ остальные дни она подогрѣвала старое кушанье на таганѣ; она сама таскала дрова и дѣлала всѣ черныя работы; когда нужно было истратить на сына лишнія деньги, она проклинала его и говорила, чтобы онъ сдохъ, подобно своему отцу...



Среди этого мрачнаго ада, гдѣ долженъ былъ сформироваться будущій человѣкъ, гражданинъ, былъ только одинъ грѣющій, свѣтлый лучъ—мать покойнаго Буренина, любившая и ласкавшая ребенка. Но привычная и къ горю и къ нуждѣ старушка не выдержала этой жизни и ушла въ богадѣльню. Ребенку некуда было уйдти и онъ долженъ былъ не выдерживать эту жизнь, а подлаживаться къ этой жизни.

Онъ подладился.

Вѣра Петровна не питала ненависти къ своему сыну; на ненависть у нея не было достаточно характера; она, пожалуй, даже любила его, если можно назвать любовью животное чувство, заставлявшее ее кормить, поить и одѣвать его. Правда, она ругала его, когда онъ вводилъ ее въ экстренные расходы, но это потому, что она давно привыкла брать деньги, копить деньги, но не расходовать ихъ даже на себя; среди ея брани слышались, конечно, фразы: «проклятое отродье», «еслибъ ты сдохъ, какъ отецъ», но это было просто ея façon de parler, а не выраженія сердечныхъ пожеланій. Еслибы онъ умеръ, она, вѣроятно, поплакалась бы и наплакалась бы. Она не была злодѣйка. Она просто втянулась въ обороты ростовщичества, ее увлекла заманчивая сторона этого дѣла, какъ вотъ рубль дашь, а на него черезъ годъ два-три наростетъ, а еще десять дашь, очутится двадцать-тридцать. Она была злодѣйкой настолько же, насколько злодѣй любитель-рыболовъ, съ утра до ночи проводящій все лѣто на лодкѣ и съ ожесточеніемъ вытаскивающій рыбу за рыбой, вырывающій съ остервенѣніемъ изъ ея пасти иногда съ жабрами крючки и къ концу вечера незнающій, куда дѣвать эту рыбу, выбрасывающій часть ея, почти никогда не наслаждающійся рыбнымъ столомъ. Онъ просто втянулся въ свое занятіе, какъ втянулась и она. Подладиться къ такой матери сыну было трудно, но не невозможно. Она пріучила его пить и онъ пилъ съ нею; она не давала денегъ и ругалась, когда ихъ просили, но она была плохая счетчица и у нея можно было воровать ихъ.

— Какъ онъ былъ и воромъ? спросите вы.

А вы думали, что такая среда вырабатываетъ честныхъ дѣятелей?

Когда его отдали въ гимназію, онъ оказался плохимъ ученикомъ: если бы онъ былъ даже прилеженъ, еслибы онъ даже не пилъ, то трудно себѣ представить, какъ бы онъ могъ успѣшно учиться въ гимназіи. Дома побои и брань матери, дома пьяная мать, дома вѣчные посѣтители и мелкая черная работа—гдѣ же тутъ приготовлять уроки? Наконецъ, едва ли онъ и былъ подготовленъ порядочно къ гимназіи, едва ли онъ могъ разсчитывать на приватныхъ учителей, которые помогали бы ему въ томъ, о чемъ не у кого было спросить дома. Но, какъ мы сказали, онъ уже пилъ и кутилъ. Въ старости, пожалуй, можно отдѣлять пьянство отъ кутежа; старикъ больной, хандрящій, мизантропъ, пьетъ одинъ, у себя, дома, въ четырехъ стѣнахъ; юность никогда не отдѣляетъ пьянство отъ кутежа; ей, напившейся, подбодрившейся, развеселившейся, нуженъ пріятельскій кружокъ, веселые собесѣдники, буйныя рѣчи. Буренинъ нашелъ товарищей. Еще бы! Онъ нашелъ ихъ въ гимназіи, изъ которой его скоро исключили за неуспѣшность, нашелъ ихъ еще больше въ Комисаровскомъ училищѣ, куда помѣстила его мать. Начались кутежи, шляпье по трактирамъ, по веселымъ домамъ, поѣздки за городъ, Какъ непохожа была эта жизнь на жизнь въ домѣ его матери! Тамъ брань и побои пьяной женщины, тамъ вѣчныя жалобы и угрозы посѣтителей, тамъ одинокое пьянство полусумасшедшій ростовщицы, тамъ грязь и мракъ, а здѣсь... Вино льется рѣкой, пьяная молодежь поетъ, органъ наигрываетъ развеселыя плясовыя пѣсни, слышатся веселыя сальности, раздаются поцѣлуи захмѣлѣвшихъ мальчугановъ, проносится смѣхъ женщинъ—и кутежъ кружитъ, одуряетъ, мутитъ голову. Это ли не широкая жизнь, это ли не раздолье!...

Если бы мать умерла, если бы отъ нея отдѣлаться, только бы этою жизнью и жить...

Эта мысль о смерти матери засѣла въ головѣ шестнадцатилѣтняго мальчика и уже не давала ему покоя.

— Хоть бы Бога-то побоялся! восклицаете вы.

Увы! онъ не могъ бояться Бога. Съ дѣтства онъ слышалъ проклятія, но не молитвы; съ дѣтства онъ видѣлъ кощунство, но не уваженіе къ Богу. Нѣтъ, здѣсь не мѣсто говорить, почему не побоялся грѣха, не побоялся Бога этотъ юноша. Здѣсь можно только развѣ толковать о томъ, какъ онъ не побоялся полиціи и суда, такъ какъ о нихъ-то значеніи, о нихъ то силѣ онъ зналъ очень хорошо. Но когда замышляютъ убійство, всегда думаютъ избѣжать преслѣдованій полиціи или не думаютъ о ней вовсе.

Плановъ отдѣлаться отъ матери было много.

Сперва Буренинъ хотѣлъ ее отравить и купилъ отравы для крысъ. Можетъ быть, онъ и отравилъ бы мать, но она на время притихла и планъ былъ оставленъ безъ исполненія. Прошло нѣсколько времени и буйство матери началось снова, явился и новый планъ убійства у сына, задумавшаго убить ее косаремъ. Но и этотъ планъ былъ почему-то оставленъ. Спустя немного дней Буренинъ купилъ револьверъ и вмѣстѣ со своимъ гулякой товарищемъ, получавшимъ отъ отца «пятачекъ» на день, явился убить мать, но у нея была гостья и пьяные злоумышленники не сдѣлали ничего. Наконецъ 14 марта 1877 года убійство было совершено: рано утромъ Буренина проснулась и стала тянуть изъ четвертной бутыли водку; ея примѣру послѣдовалъ и сынъ. Это было въ шесть часовъ, а пьяной ростовщицѣ показалось, что было уже девять часовъ и что сыну пора идти въ училище, она начала его гнать и ругать. Этого было довольно: черезъ минуту выпившій сынъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ затылокъ пьяной матери и уронилъ оружіе; мать схватила оружіе и въ свою очередь выстрѣлила въ животъ сыну; началась свалка, борьба; сынъ убѣжалъ въ другую комнату за косаремъ, а мать бросилась ему въ слѣдъ, и здѣсь снова произошла драка, кончившаяся тѣмъ, что тяжелое желѣзо разсѣкло голову матери, а утюгъ, ударившійся о ея високъ, и полѣно, нѣсколько разъ добившее ее, прекратили эту жизнь.

Онъ былъ свободенъ, онъ могъ начать безпечальное житье. Двадцать пять тысячъ въ его рукахъ, поѣзда желѣзной дороги отходятъ часто, задушевный товарищъ готовъ ѣхать вмѣстѣ — чего же еще нужно? Да! на дорогу не худо купить рому и папиросъ. Они купили это и безъ паспортовъ поѣхали... въ Петербургъ!...

Черезъ пять дней они были уже въ рукахъ полиціи...

«Свѣту, больше свѣту!» говорилъ, умирая, Гёте. Читая эту исторію, невольно повторяешь слова великаго поэта. Да, эта исторія могла случится только въ той средѣ, гдѣ царствуетъ непроглядная тьма. Когда читаешь обо всѣхъ дѣяніяхъ этихъ людей, то думается, что все это случилось въ домѣ умалишенныхъ, а не въ цивилизованномъ обществѣ, не въ одной изъ европейскихъ столицъ. Эта женщина, сидящая вѣчно дома для наживы денегъ, чуть не голодающая для сохраненія денегъ, пьянствующая до того, что ее отливаютъ, грабящая цѣлый околотокъ, бьющая и проклинающая мужа, свекровь, сына, спаивающая мальчика съ дѣтства, внушающая ему, что деньги все, а все остальное ничто, не имѣющая понятія ни о чести, ни о совѣсти, ни о грѣхѣ, ни о Богѣ—развѣ это не душевно больная? А этотъ мальчикъ,—онъ слышитъ отъ родной матери единственное пожеланіе, чтобы онъ сдохъ, онъ видитъ вѣчныя ея драки съ отцемъ и безпомощную смерть отца, онъ смотритъ на вѣчно пьяную мать и она пріучаетъ его самого пить чуть не съ колыбели, онъ созерцаетъ ежедневный грабежъ бѣдняковъ, слышитъ разговоры темныхъ личностей о темныхъ дѣлахъ, онъ является свидѣтелемъ кощунства и слышитъ, что дѣло все въ деньгахъ, въ однѣхъ деньгахъ, онъ, мальчикъ, идетъ въ училище, напившись съ матерью водки и возвращается домой уже пьянымъ, онъ съ товарищами увлекается пьяными кутежами и послѣ веселыхъ кутежей домашняя обстановка ему кажется еще тяжелѣе и побои матери заставляютъ его задуматься, какъ бы отдѣлаться отъ нея, у него нѣтъ даже тѣхъ понятій о нравствен-

Рисунокъ Ф. КЕЛЛЕРА.

Брюнего.

ности, которыя прививаются прописными истинами: «не укради», «не убей», онъ убиваетъ мать и, заботясь о ромѣ и папиросахъ, забываетъ о паспортѣ и ѣдетъ скрываться отъ преслѣдованій въ Петербургъ, въ этотъ центръ бдительной полицейской дѣятельности,—развѣ во всемъ этомъ есть что нибудь похожее на здравый смыслъ, что нибудь похожее на семейное воспитаніе, развѣ все это не похоже на исторію помѣшаннаго сына сумасшедшій женщины? Но приглядитесь къ тому люду, который несъ свой скарбъ къ этой ростовщицѣ: этотъ людъ не знаетъ, сколько процентовъ она брала, а говоритъ, что «они ужасно скоро росли», точно проценты грибы; этотъ людъ «боялся ее» и самъ замѣчаетъ, что стоило недоплатить ей рубля, чтобы вынести отъ нея ругательства; онъ все-таки шелъ къ ней, точно она въ Москвѣ была единственной закладчицей; онъ переплачивалъ ей сотни рублей, никогда не надѣясь выкупить вещи и путаясь въ долгахъ все болѣе и болѣе, — что же это, какъ не стая отолпешенныхъ людей, которые совсѣмъ потеряли разсудокъ, которые совсѣмъ сбились съ пути? Наконецъ, эта исторія происходитъ въ большомъ центрѣ городской жизни и противъ подобной ростовщицы здѣсь не принято никакихъ мѣръ, нѣтъ ни добросовѣстно составленныхъ акціонерныхъ обществъ для пріема за ничтожные проценты закладовъ, ни общественныхъ monts de piété, гдѣ бѣдный людъ могъ бы во всякое время дня заложить самую ничтожную бездѣлицу изъ своего скарба—развѣ это говоритъ о разумной предусмотрительности города, о дѣятельной заботѣ общества о своихъ нуждающихся собратьяхъ, о нормально сложившейся жизни? Нѣтъ, вся эта исторія говоритъ о какомъ то сумбурѣ понятій, отношеній и положеній людей, о какой то непроглядной тьмѣ, среди которой могутъ твориться подобныя безобразія. Да, прочитывая эту исторію, невольно повторяешь: «Свѣту, побольше свѣту!»

Эта исторія напомнила мнѣ другую.

Во время моего далекаго дѣтства въ одномъ изъ захолустій нарвской части вдоль пустынной улицы тянулся длинный, плотно сколоченный заборъ; онъ огораживалъ большое пространство земли, занятое дровянымъ дворомъ. Безчисленные ряды дровъ, высоко поднимавшихся надъ заборомъ, массы бревенъ и досокъ, казалось, заполняли весь дворъ, оставляя только небольшую, засыпанную щепками, вѣчно грязную дорогу для проѣзда, ведшую отъ воротъ въ глубину двора. Въ самой глубинѣ двора эта дорога подъ прямымъ угломъ сворачивала въ сторону и, дойдя до этого поворота, вы могли увидать влѣво отъ себя небольшой одноэтажный чистенькій домикъ. Здѣсь жила хозяйка двора купчиха Анна Прокофьевна Тузова. Домикъ нельзя было замѣтить съ улицы, нельзя было увидать изъ сосѣднихъ домовъ, такъ какъ онъ былъ со всѣхъ сторонъ заставленъ высоко поднимавшимися надъ нимъ рядами дровъ. Но едва ли было какое-нибудь другое зданіе, которое бы знали такъ же хорошо бѣдные обитатели нарвской части, какъ этотъ приземистый домъ. Сюда съ самаго ранняго утра плелись жалкія фигуры бѣдныхъ чиновницъ, жалкихъ черносолонницъ, исхудалыхъ мастеровыхъ, таща въ карманахъ или подъ полами салоповъ и шинелей въ закладъ свой послѣдній скарбъ. Анна Прокофьевна занималась ростовщичествомъ. Въ тѣ времена, кромѣ ломбарда, гдѣ выдавались только три раза въ недѣлю ссуды подъ серебро, золото и драгоцѣнные камни, не существовало никакихъ подобныхъ учрежденій, ни частныхъ ломбардовъ, ни общества для пріема въ закладъ движимостей, ни гласныхъ кассъ ссудъ. Ростовщичество практиковалось частнымъ образомъ, тайно, безъ вывѣсокъ. Такой ростовщицей была и Анна Прокофьевна Тузова. Входя къ ней въ комнату, вы не сразу бы угадали, куда вы попали. Ея квартира была не роскошна, сѣни съ рогожей для вытиранія ногъ, потомъ передняя съ гвоздями для вѣшанія верхней одежды, далѣе гостиная, столовая или зала, какъ хотите назовите,—вотъ и все, что видѣлъ посѣтитель, такъ какъ три внутреннія комнаты и кухня, гдѣ помѣщались сама хозяйка, ея сынъ и какая то дальняя ихъ родственница были недоступны для постороннихъ. Но приходящаго сразу поражала замѣчательная чистота некрашенныхъ половъ и замѣчательное количество образовъ, украшавшихъ пріемную комнату. Эта комната походила скорѣе на образную лавку, на молельню, чѣмъ на жилую комнату. Проникнувъ сюда, посѣтитель черезъ минуту слышалъ тяжелые вздохи и не менѣе тяжелые шаги грузной женщины, выходившей къ нему изъ своихъ внутреннихъ покоевъ. Дверь изъ внутреннихъ покоевъ отворялась безъ шума и въ пріемную являлась заплывшая жиромъ, бѣлая, круглолицая, уже не молодая женщина, повязанная по купечески, съ большими очками на носу, съ зоркими и недобрыми черными глазами.

— Господи, спаси насъ грѣшныхъ! крестилась она, зѣвая, и обращалась къ посѣтителю: — Ну, здравствуй! Что скажешь?

Начиналось изложеніе просьбы. Анна Прокофьевна выслушивала просьбу молча, сидя на стулѣ, смотря безцѣльно и разсѣянно въ сторону точно въ полудремотѣ.

— Охъ, грѣхи, грѣхи! вздыхала она, дослушавъ до конца просьбу.—Денегъ то нынче нѣтъ! Что принесъ-то? Ложки? Серебряныя аль нѣтъ? Нынче вотъ говорятъ накладныя какія то стали дѣлать да польскія. До всего дойдутъ люди.

— Нѣтъ, это настоящія серебряныя. Тутъ и проба есть, поясняли ей.

Анна Прокофьевна вертѣла въ рукахъ ложки и, позѣвывая, прикрывала рукою ротъ.

— Сестра Дорофея, а сестра Дорофея! наконецъ раздавался ея голосъ.

Изъ внутреннихъ покоевъ появлялась женщина въ черной одеждѣ, въ черномъ шерстяномъ платкѣ на головѣ, сухая, пожелтѣлая и суровая на видъ. Она не была ни монахиней, ни странницей, но она все собиралась идти ко святымъ мѣстамъ, собиралась сдѣлаться монахиней и ее всѣ звали «сестрой» Дорофеей.

— Посмотри-ка, что тутъ: проба, аль такъ что нацарапано? спрашивала Анна Прокофьевна.

— Проба, матушка, проба казенная! отвѣчала съ поклономъ сестра Дорофея.

— Сколько же надо? спрашивала, зѣвая, Тузова.

Проситель объявлялъ цѣну.

— Нѣтъ, не могу, денегъ нѣтъ. Половину дамъ. Половина есть. А больше нѣтъ денегъ, качала головой Тузова.

Начинались просьбы, умаливанья. Но отвѣтъ слышался одинъ: денегъ больше нѣтъ. Проситель наконецъ упавшимъ голосомъ изъявлялъ согласіе. Анна Прокофьевна грузно поднималась съ мѣста, завертывала ложки въ бумагу и, крестясь, клала ихъ за образа.

— Вотъ какъ придешь выкупать—объ этомъ мѣстѣ и будутъ лежать. Такъ и укажешь, что объ этомъ мѣстѣ шесть, молъ, ложекъ лежитъ твоихъ.

Затѣмъ она уходила за деньгами. Какія бы у нея ни были крупныя бумажки, она ихъ не брала, а выискивала непремѣнно мелкія бумажки, если можно было замѣнить бумажки серебромъ, или серебро мѣдью—она такъ и дѣлала. Иногда рубля три дастъ мѣди и мелкаго серебра, чтобы избѣжать необходимости дать бумажку. Если у нея было нѣсколько бумажекъ одной и той же цѣнности, она разъ десять разглядывала, которая хуже, чтобы дать самую худую. Эти отыскиванья, подборъ и счетъ денегъ шли медленно. Наконецъ, она приносила слѣдуемую сумму, держа деньги обѣими руками.

— Ну, посчитай-ка! говорила она, выкладывая деньги на столъ.

— Что же считать, вѣроятно, не ошиблись! отвѣчалъ закладывающій.

— А нѣтъ, посчитай!

Посѣтитель начиналъ считать: Анна Прокофьевна не спускала съ него глазъ.

— Такъ, оканчивалъ онъ счетъ.

Анна Прокофьевна вздыхала.

— А вотъ думала, что больше дала, словно съ тоской произносила она.

Посѣтитель, если онъ былъ еще непривычный къ дѣлу человѣкъ, начиналъ мяться и наконецъ произносилъ.

— А росписочки какой-нибудь не дадите?

— Тьфу! слегка отплевывалась Тузова.—Какую еще тебѣ росписку давать. У Бога твои вещи. Вонъ объ этомъ мѣстѣ положены. Не мнѣ заложилъ, а Богу. Росписку отъ Бога требуетъ!

— Да отъ васъ то все-таки... для памяти...

— Давай деньги, давай деньги! уже сердито восклицала Тузова.—Бога для дѣлаю, а онъ еще росписку. Кто ее писать то станетъ? Давай деньги!..

Проситель начиналъ успокоивать Тузову.

— Ну, люди нынче! Богу не вѣрятъ! Подъ икону положилъ ложки, Богу отдалъ, а росписки еще нужны! Черезъ годъ приди—объ этомъ мѣстѣ лежать будутъ; меня не будетъ—къ сыну приди и у него объ этомъ мѣстѣ свое добро найдешь!

Проситель, смущенный и понурый, выходилъ вонъ.

Эта исторія повторялась изо дня въ день, изъ года въ годъ.

Молитвы, чтеніе божественныхъ книгъ, разсказы сестры Дорофеи о чудесахъ на Афонѣ, чаепитіе съ утра и до ночи, заботы о лампадахъ, горѣвшихъ во всѣхъ углахъ, хлопоты о томъ, чтобы наканунѣ крещенья поставить мѣломъ кресты на всѣхъ дверяхъ, заботы, чтобы достать той мыльной воды, которою моютъ престолъ въ церкви, добываніе какихъ то четокъ изъ Іерусалима, какой то шапочки и рукавички съ какого то святаго, продолжительныя молитвы съ громкими вздохами и счетъ деньгамъ, ежедневный счетъ, счетъ по пальцамъ.

— Бумажку то вотъ сегодня отдала новенькую, а тутъ старая была, не видала, вздыхаетъ Тузова, перебирая деньги.—Тоже вонъ мѣди на рубль было, а серебромъ дала, не запримѣтила... А ты помнишь, сестра Дорофея, какимъ вещамъ срокъ вышелъ?

— Какъ же матушка, очинно помню, отвѣчаетъ сестра Дорофея.

— Поотобрать надо, благодѣтелямъ продать, а то ни долгу не несутъ, ни процентовъ не платятъ...

Начинается разборъ просроченныхъ залоговъ, вздохи, крестныя знаменья, причитанья...

Въ этой атмосферѣ жилъ и росъ ребенокъ, здоровый, откормленный, выхоленный. Я его зналъ, когда ему было уже около пятнадцати лѣтъ. Онъ былъ силенъ, дюжъ, румянъ, но его густыя, темныя брови были постоянно сдвинуты и черные глаза свѣтились недобрымъ блескомъ. Его постоянно можно было встрѣтить на дровяномъ дворѣ въ черной суконной чуйкѣ съ бобровымъ воротникомъ, съ краснымъ поясомъ, плотно охватывавшемъ стройную молодую талью, и постоянно можно было, увидавъ его здѣсь, услышать, какъ онъ ругается.

— Ты это что подкинулъ къ сажени охапку дровъ? кричалъ онъ работнику.—Покупатель на чай пообѣщалъ, такъ и крадешь хозяйское добро? А вотъ я тебѣ покажу, какъ красть.

Молодая здоровая рука сшибала шапку съ

мужика и пять пальцевъ быстро вцѣплялись въ густые всклоченные волосы, пригибая къ землѣ мужицкую голову.

— Ты чего озарничаешь, хозяинъ! недобрымъ голосомъ говорилъ работникъ.

— А! озарничаю? кричалъ молодой голосъ, а это видѣлъ.

И здоровый кулакъ ударялся о поблѣднѣвшую щеку мужика.

— Въ полиціи еще насидишься, если мало попало, заканчивалъ молодой хозяинъ.—Сейчасъ же свалить назадъ дрова и перемѣрять. Я тебѣ покажу, какъ воровать чужое добро!

Перемѣрка дровъ шла снова...

Работники не любили его и боялись.

— Подвернись подъ сердитую руку — зарѣжетъ, говорили они.

Послѣ подобныхъ сценъ онъ возвращался домой, крестился, глядя на передній уголъ, садился за чай.

— Что, Ванюша, опять намошенничали что-нибудь? спрашивала мать.

— Христопродавцы проклятые, за грошъ продать готовы, отвѣчалъ сынъ.

— Народъ нынче такой народился, вздыхала сестра Дорофея.—Ни стыда, ни совѣсти! Бога не боятся, страха передъ грѣхомъ не имѣютъ...

— Ахъ, Ванюша, какъ подумаю я, каково дальше то тебѣ, родному, жить будетъ, такъ такъ сердце и захолонетъ, вздыхала мать.

Юноша смотрѣлъ угрюмо.

— Всѣ то наровятъ обокрасть, надуть, совѣсти ни въ комъ нѣтъ, а ты то богобоязненный у меня — и подумать боюсь, что будетъ! Все то оберутъ, все то обкрадутъ, что Господь Богъ намъ далъ по своей милости...

Въ двери слышался стукъ: являлись гости. Это были странныя характерныя фигуры: пожилые мужчины съ старообразными лицами, съ желтою, дряблою кожею съ безчисленными мелкими морщинами на отвислыхъ щекахъ, съ болѣзненнымъ слабымъ румянцемъ, съ отсутствіемъ бородъ и усовъ, съ женоподобнымъ бабьимъ выраженіемъ, съ тусклыми глазами, съ прямыми, висящими около щекъ волосами, съ жидкими полуженскими голосами.

— А, благодѣтели наши, отцы родные! встрѣчала ихъ Анна Прокофьевна.

Ваня, потупясь, робко здоровался съ ними.

Благодѣтели занимались содержаніемъ мѣняльныхъ лавокъ, скупали у Тузовой серебро и золото, давали ей совѣты на счетъ денежныхъ оборотовъ. Разговоры съ благодѣтелями вертѣлись постоянно около одной и той же темы: около паденія нравственности и порчи человѣка.

— Вотъ тоже у тебя ростетъ сынишка, что его ждетъ, говорили благодѣтели. — Женится, а на комъ? На богатой купеческой дочкѣ. А какъ нынѣ купцы то живутъ? Дочери, врага, не здѣсь будь помянутъ, тѣшатъ, шляпки модныя носятъ, въ театры ѣздятъ, на балахъ голыя руки да плечи выставляютъ на показъ. Попадетъ въ этотъ омутъ вражескій и закрутитъ онъ его, завертитъ!

— Я не женюсь, мрачно отзывается изъ угла хозяйскій сынъ.

— Эхъ, братъ, не говори! Придутъ годы самъ не женишься, такъ женятъ. Подведутъ такъ, что и не услышишь, какъ женятъ! Кто спастись хочетъ и на этомъ и на томъ свѣтѣ, тотъ долженъ плоть покорить свою...

Начиналась долгая бесѣда о томъ, какъ можно спастись, какъ за временныя муки можно купить и счастіе на землѣ и блаженство на небесахъ. Приводились примѣры великихъ подвижниковъ, разсказывали небывалыя чудеса, замѣчалось о великихъ благахъ земныхъ, ожидающихъ обращеннаго на путь истинный, упоминалось объ «огненномъ крещеніи». Но тутъ же саркастическимъ, язвительнымъ тономъ дѣлалось замѣчаніе, что духомъ мы немощны, что подъ внѣшнимъ благочестіемъ мы грѣховные помыслы скрываемъ, что врагъ насъ уже съ юныхъ лѣтъ въ нощи прельщаетъ и въ сонныхъ видѣніяхъ къ грѣху влечетъ. Говорилось все это такъ, что мальчикъ сначала увлекался яркою перспективою спасенія и искупленія, а потомъ омрачался, вслушиваясь въ насмѣшливые намеки на любовь къ грѣху, на стремленія къ грѣховнымъ наслажденіямъ, точно все это говорилось лично про него.

Уходили благодѣтели и въ семьѣ продолжались разговоры о нихъ.

— Праведной жизни люди, слова непотребнаго не скажутъ, вина не пьютъ, табачищу не курятъ, женскаго пола не знаютъ, говорила Анна Прокофьевна.—А въ божественномъ то писаніи какъ свѣдущи, все это тебѣ они разсказать могутъ, всякія слова божественныя какъ по книгѣ прочтутъ...

— За то и взысканы милостью Божью! вздыхала сестра Дорофея.—Палаты-то ихъ видѣли, матушка? Боже ты мой, что за палаты! И лошади какія и деньжищъ, деньжищъ не оберешься.

— Еще бы! Развѣ они намъ чета? У насъ вонъ по грошамъ сбираешь и то каждый наровитъ надуть, а у нихъ люди при дѣлѣ свои, братья. У нихъ одинъ за одного стоитъ, они ровно стѣной отъ мірскихъ грабителей огорожены, живи да наживай. Вотъ они деньги мѣняютъ, золото да серебро, да камни драгоцѣнные скупаютъ, все это имъ пользу сейчасъ приноситъ. И указать какъ и что есть у нихъ кому, а мы во тьмѣ бродимъ; не надули насъ и то слава Создателю!

— И много значитъ тоже, что съ женскимъ поломъ не знаются. Ужь наше сословіе такое хоть кого разоритъ.

И идутъ толки о женскомъ сословіи, о женѣ Пентефрія и Іосифѣ Прекрасномъ, о Соломонѣ и его женахъ, о грѣхѣ Лота, объ искушеніяхъ Антонія женскими прелестями. И слушаетъ все это мальчикъ молча, хмуро, а дѣло идетъ къ ночи. Начинаютъ заправлять лампады на ночь во всѣхъ комнатахъ, заботливо запираютъ ставни, двери, крыши сундуковъ, тушатъ свѣчи, начинаютъ молиться въ своихъ спальняхъ. Вотъ сестра Дорофея громко такъ, отчетливо такъ произноситъ: «Господи, помилуй мя грѣшную!» Вотъ проносятся, словно вздохъ, слова матери: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!» Юноша уже отмолился, отвѣсилъ уже десятокъ земныхъ поклоновъ и лежитъ въ пуховой постели, а онѣ все еще вздыхаютъ и молятся то тихо, то повышая голосъ; не спится ему, жарко ему, душно, смотритъ онъ во всѣ глаза, кругомъ царитъ странный бѣловатый свѣтъ, разливающійся отъ лампадъ по бѣлому некрашенному полу. Не то во снѣ, не то на яву грезятся юношѣ отрывочныя фразы о грѣхахъ плотскихъ, вспоминаются, слышанныя исторіи искушеній, ярко возстаютъ въ памяти сальныя фразы молодыхъ работниковъ, представляются образы—да это образы женщинъ, соблазнительные, грѣховные, влекущіе къ себѣ и ему становится еще болѣе жарко, еще болѣе душно на мягкой пуховой перинѣ.

— Не надо, не хочу, поди! шепчетъ онъ уже въ полуснѣ, разметавшись на постели.

А кто то цѣлуетъ и цѣлуетъ его, горячо обвивая его шею нѣжными руками. Онъ кричитъ во снѣ и просыпается весь въ поту, съ ужасомъ, съ сознаніемъ, что онъ согрѣшилъ помысломъ. Онъ торопливо крестится и поворачивается набокъ. Утромъ онъ встаетъ блѣднѣе, утомленнѣе.

— Что ты, Ванюша, не здоровъ? спрашиваетъ мать.

— Ничего. Спалъ плохо, говоритъ онъ, потупляя глаза.

— Охъ грѣхи, грѣхи! вздыхаетъ мать.

— Въ возрастъ приходитъ, шепчетъ сестра Дорофея.

Юноша потупляется еще ниже. Но пора одѣваться и идти къ работникамъ. Здѣсь опять надувательства, площадная ругань, необходимость кулачной расправы...

— Матушка, я пойду къ нимъ, тихо говорилъ однажды матери Ваня, указывая на благодѣтеля.

Ванѣ уже минуло семнадцать лѣтъ. Случайно, поѣхавъ закупать лѣсъ, онъ попалъ въ веселую компанію, его подпоили, повезли куда то. Когда онъ увидалъ, куда его привезли, онъ бросился бѣжать, забывъ о верхней одеждѣ, о шапкѣ. Всю дорогу ему видѣлись только обнаженныя женскія плечи и руки, видѣлось, какъ одинъ изъ его пріятелей обнималъ одну изъ этихъ женщинъ. На слѣдующій же день, промолившись всю ночь, блѣдный, мрачный, но спокойный, юноша вошелъ къ благодѣтелю съ твердою рѣшимостью искать безповоротнаго спасенія, полнаго застрахованія себя отъ грѣха. Мать не изумилась, не удерживала сына, но благословила его.

— Онъ, можетъ быть, долго пробудетъ у насъ; замѣтилъ благодѣтель.

— Христосъ съ нимъ! Христосъ съ нимъ! У васъ все равно, что у отца родного...

Не мало недѣль прошло съ этого дня, не разъ пріѣзжалъ то тотъ, то другой благодѣтель извѣщать, что все идетъ благополучно, что сынъ скоро поправится, скоро воротится къ дѣламъ. И дѣйствительно, исхудалый, ослабѣвшій, степенный явился онъ, наконецъ, домой.

— Матушка, мы дворъ скоро оставимъ; другія дѣла навертываются, говорилъ онъ.

— Ну, какъ знаешь, какъ знаешь! А благодѣтели, что говорятъ?

— Они и совѣтуютъ. Они помогутъ! Выгоднѣе будетъ.

— Поблѣднѣлъ то ты какъ только!

— Что блѣдность, не прельщать кого красотой!

Но блѣдность оставалась не долго на лицѣ юноши, оно скоро начало полнѣть, началъ появляться на немъ какой-то особенный нѣжный румянецъ, рѣзкость манеръ пропала и ихъ смѣнила женственная мягкость, голосъ еще неокрѣпшій, сталъ еще нѣжнѣе, ни усовъ, ни бороды не появлялось на этомъ лицѣ и оно начало напоминать лица благодѣтелей только въ молодомъ видѣ.

Года черезъ три у Вани была мѣняльная лавка, а у его матери шло болѣе правильное, чѣмъ прежде, ростовщичество.

Вотъ та другая исторія, которая мнѣ вспомнилась по поводу суда надъ Буренинымъ и, право, я затрудняюсь сказать, гдѣ было больше умопомѣшательства, душевнаго разстройства — въ исторіи ли Буренина, доведеннаго до матереубійства, или въ исторіи Тузова, доведеннаго до убійства въ себѣ возможности любить, быть отцемъ семейства, жить надеждами на будущее своихъ дѣтей. **Нѣкто.**

Паскарель.

Романъ Уида.

(Переводъ **А. А. Разсказовой.**)

Книга I.

Городъ Катулла.

I.

Первый день масляницы. Все народонаселеніе города высыпало и кишѣло на улицахъ точно въ муравейникѣ, представляя собою живописную пеструю картину. Веселая толпа масокъ катилась, какъ волна, вокругъ мраморныхъ съ желѣзными связями стѣнъ Дуомо, разбрасывая массу игрушекъ и цвѣтовъ, наполняя воздухъ веселымъ смѣхомъ,

разнообразя время всякими шалостями. Утро было свѣтлое, зимнее, но теплое. Спокойная поверхность Адижа блестѣла и искрилась. Цѣлый мѣсяцъ будетъ продолжаться самодержавное царство короля Карнавала, окруженнаго свитой шутокъ и веселья; его путь усыпанъ фіалками, его господство провозглашается со стаканомъ вина, его власть признана вездѣ,—какъ высшими, такъ и низшими, начиная отъ сапожника, наряженнаго въ костюмъ Стентерело, до важной дамы, смѣющейся подъ венеціянской бархатной маской. А въ концѣ мѣсяца, при наступленіи ночи, въ ту минуту, какъ взойдетъ луна, съ музыкой и шутками, при звукѣ рога и барабана, при крикахъ арлекина и пульчинелло и всего ихъ безсмертнаго братства,—при наступленіи этой ночи, легкомысленный народъ поведетъ стараго короля къ погребальному костру на большой площади и торжественно сожжетъ его, и только отблескъ красноватаго пламени окраситъ угрюмаго Роланда, воздвигнутаго у дверей собора; это пламя будетъ видно далеко, у самыхъ снѣговыхъ Альпъ, окованныхъ льдомъ, въ вѣчномъ безмолвіи вѣка стоящихъ на стражѣ Италіи.

Весело праздновался въ Веронѣ первый день карнавала. Чужеземная власть щедрою рукою разбрасывала золото въ старомъ печальномъ городѣ, желая, чтобы народъ, по крайней мѣрѣ, надѣлъ на себя маску довольства. И дѣйствительно онъ носилъ ее; онъ весело улыбался; онъ съ кажущейся беззаботностію предавался празднеству... Старые каменные балконы драпированы желтымъ, розовымъ и серебристымъ цвѣтами, красивыя трехсотъ-лѣтнія окна наполнены любопытными лицами; мрачныя, склеповидныя улицы полны жизни; большія мраморныя памятники, рѣзко бѣлѣющіеся на темныхъ могилахъ, усыпаны блѣдными хорошенькими римскими фіалками.

Верона, не смотря на зависимость отъ чужеземцевъ, справляетъ каникулы. Подъ глубокимъ портикомъ, съ скульптурными украшеніями изъ виноградныхъ листьевъ и головъ грифа, стояло двое дѣтей, смотря на шумное движеніе, но не развлекаясь имъ. Одно изъ нихъ—дѣвочка, сильно волновалась, а другое—мальчикъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы успокоить ее.

— Посмотри на Стентерелло! говорилъ мальчикъ.—Какой онъ проворный... Посмотри, мальчишки его поймали. Нѣтъ! онъ выскользнулъ, какъ угорь. Ахъ, ахъ! да взгляни же! Вотъ арлекинъ хочетъ выудить золоченой удочкой шапку монаха. О, милая, тебѣ, бѣдной, сегодня не до смѣху.

Слезы заблистали въ глазахъ дѣвочки.

— Какъ могу я смѣяться? У насъ ничего нѣтъ—рѣшительно ничего. Мы должны продать послѣднія бездѣлушки моей матери, иначе Маріучіа умретъ съ голоду. А развѣ можно допустить такое несчастіе! Она, бѣдняжка, такъ стара. Развѣ продать эти украшенія, да кому они нужны? Послушай, Ино. У меня хорошій голосъ, мнѣ пятнадцать лѣтъ, всѣ вы говорите, что я хороша собою. Отчего бы мнѣ не пѣть въ хорѣ? Мы такъ часто смѣялись надъ толстыми, безобразными женщинами съ коронами на головахъ, надѣтыхъ неловко, безобразно. А я стройна, хороша, могу какъ слѣдуетъ носить корону. Отчего бы мнѣ не пѣть въ хорѣ?

Бѣдную дѣвочку неотступно преслѣдовала мысль, что дома у нея пустой шкафъ, гдѣ хранится провизія, нетопленная печь и восьмидесятилѣтняя старуха, которая съ утра ничего не ѣла. Трудно примириться съ такимъ положеніемъ, въ особенности въ первый день карнавала, когда на улицѣ шумитъ и несется веселый маскарадъ.

Мальчикъ слушалъ свою подругу внимательно, съ нѣжнымъ, безпокойнымъ участіемъ.

— Послушай, дорогая дѣвочка, сказалъ онъ послѣ небольшаго молчанія.—Мнѣ пришло въ голову, какъ помочь твоей бѣдѣ. Пѣть въ хорѣ ты не должна, но отчего тебѣ не спѣть на улицѣ. Люди сегодня добры и счастливы. Со мною моя лютня, мы будемъ пѣть, а потомъ откровенно попросимъ помочь намъ. Отчего же не попробовать? Мы часто пѣли для нихъ изъ одного удовольствія и по доброй волѣ. Теперь же они, вѣроятно, не откажутъ дать намъ немного денегъ... Мы не сдѣлаемъ ничего дурного.

— О, Ино! Ты еще никогда не пѣлъ изъ-за денегъ, и я тоже. Это совсѣмъ другое.

— Мы не пѣли изъ-за денегъ потому, что не терпѣли нужды, а если нуждаемся теперь, то почему же намъ не обратиться къ помощи другихъ.

Дѣвочка слушала, а краска то приливала, то отливала отъ ея лица. Вдругъ она схватила его за руку и быстро побѣжала внизъ по лѣстницѣ.

— Пойдемъ, Ино, пойдемъ!

Держась за руки, посреди шумной толпы, по узкимъ, извилистымъ улицамъ, они побѣжали къ большой площади и чрезъ нѣсколько минутъ были около собора.

Они составляли хорошенькую парочку; дѣвочка была цѣлой головой выше мальчика. Босоногій мальчикъ, дитя народа, былъ одѣтъ въ рубашку съ широкимъ воротомъ и подпоясанъ широкимъ краснымъ поясомъ, какъ венеціянскіе гондольеры; на такомъ же красномъ шнуркѣ висѣла на немъ старинная чернаго дерева мандолина. Дѣвочка была одѣта совершенно иначе и

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ.

Бивуакъ Генерала Гурко въ Балканахъ.

походила на какой-то фантастическій шелковый цвѣтокъ, выросшій изъ сѣрой каменной мостовой; на головѣ у нея былъ надѣтъ темный бархатный капоръ, изъ-подъ котораго съ удивленіемъ смотрѣли на свѣтъ большіе, блестящіе, довѣрчивые глаза; платье на ней было старенькое шелковое изъ тяжелаго, янтарнаго цвѣта атласа, въ рукахъ она держала пукъ подобранныхъ ею цвѣтовъ, бросаемыхъ на улицу съ балконовъ.

Начало традиціонной процессіи было отложено; толпа народа была не занята и жаждала увеселенія, но не выражала знаковъ нетерпѣнія, не выходила изъ себя... итальянскій народъ вообще очень спокоенъ. Мальчикъ, удачно выбравъ время, взялъ нѣсколько акордовъ на мандолинѣ. Дѣвушка колебалась съ минуту, кровь сильно прилила къ ея лицу, но затѣмъ, быстрымъ жестомъ, она сбросила съ головы свой капоръ и запѣла старинную уличную пѣсню, хорошо извѣстную жителямъ Ломбардіи... Широко и далеко въ чистомъ зимнемъ воздухѣ, рѣзкомъ отъ суроваго дыханія горъ, зазвенѣлъ, какъ колокольчикъ, сильный голосъ молодой дѣвушки, посреди шумящей и кричащей толпы. Ближайшіе къ ней услышали и замолчали, молчаніе стало быстро распространяться, подобно кругамъ на водѣ отъ брошеннаго камня; шумная веселость уступила мѣсто спокойствію, и вскорѣ вся площадь совершенно стихла.

Капоръ упалъ дѣвочкѣ на плеча; солнце ярко освѣщало маленькую группу, изъ нея и мальчика: ея золотистое платье, фіалки въ рукахъ, красный шерстяной поясъ мальчика, — все было залито свѣтомъ; покрывая дальній шумъ и ропотъ другихъ частей города, полились въ воздухѣ чистые звуки пѣсни, возможные только въ дѣтствѣ.

— L'Uccello! (птица) закричалъ народъ.

— Еще, еще! раздалось съ разныхъ сторонъ.

Улыбка скользнула по лицу дѣвочки, какъ бываетъ всегда при знакомомъ словѣ привѣта; она пѣла по желанію толпы одну за другой чудныя народныя мелодіи. Время отъ времени мальчикъ ударялъ по струнамъ своей мандолины, но рѣдко; голосъ ея былъ настолько богатъ, настолько силенъ, что могъ безъ посторонней помощи наполнить собою площадь и высоко поднимался и парилъ въ зимнемъ воздухѣ, какъ соколъ, освободившійся отъ путъ.

Когда, наконецъ, она замолкла, толпа зашумѣла, закричала, засмѣялась отъ восторга и аплодисментовъ: стоявшіе на балконахъ аплодировали руками, посѣтители кофейныхъ застучали по мраморнымъ столикамъ, такъ что стаканы звенѣли, веселыя массы на улицахъ кричали сотни разъ— «Viva l'Uccello! Viva l'Uccello!» (Да здравствуетъ птица!)

Мальчикъ, выбравъ благопріятную минуту, снялъ красный беретъ съ своей курчавой головы, двинулся въ народъ и съ безконечной граціей итальянца, — граціей, которая потому такъ совершенна, что не сознаетъ себя, протянулъ руку за подаяніемъ.

— Что нибудь, синьоры, ради Бога. Дома старушка, у которой нѣтъ хлѣба.

Онъ былъ великодушенъ и бралъ на себя весь стыдъ, всю непріятность прошенія милостыни. Но его подруга поняла его цѣль и бросилась къ нему. Ея щеки были красны, слезы повисли на рѣсницахъ, вѣтеръ раздувалъ золотистыя густые локоны ея волосъ и снѣгъ съ ея платья; голосъ ея потерялъ свою силу и дрожалъ.

— Это не для него, синьоры! кричала она. — Это для меня. Когда онъ играетъ и ему даютъ деньги или пирожное, или конфеты, онъ никогда не беретъ платы за музыку. Онъ говоритъ, что это даръ Божій, а не его. Теперь онъ для меня проситъ денегъ. У меня дома старуха нянька, у которой нѣтъ хлѣба, нѣтъ дровъ. Она стара, очень стара. А продавать у насъ больше нечего, кромѣ нѣсколькихъ бездѣлушекъ, принадлежавшихъ моей покойной матери. Не дадите ли вы мнѣ что нибудь, если мои пѣсни вамъ понравились?

Сотни рукъ сразу, сверху, кругомъ, со всѣхъ сторонъ отвѣчали на этотъ призывъ. Бумажныя деньги летѣли къ ея ногамъ; серебро катилось какъ сахарные леденцы; по временамъ, какъ молнія, проносилась въ воздухѣ золотая монета; цвѣты, игрушки, золоченые рога съ конфектами, банты, ленты, разныя принадлежности празднества лились какъ дождь съ балконовъ, изъ толпы. Дѣти устали протягивать за дарами: онъ — свой красный беретъ, она—свою желтую юбку. Важныя синьоры, наклоняясь надъ драпированными галлереями старинныхъ дворцовъ, бросали деньги щедрою рукою, военные въ бѣлыхъ мундирахъ, пившіе за мраморными столиками, кидали свѣтлые гульдены; ребенокъ аристократъ, въ парадномъ бѣломъ съ золотомъ костюмѣ, въ пудрѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, сбѣжалъ по лѣстницѣ стариннаго дворца, застѣнчиво сунулъ въ руки пѣвицы свертокъ ассигнацій, поспѣшно поднялъ свой улыбающійся ротикъ и поцѣловалъ ее въ щеку; бѣднѣйшія изъ народа шарили въ своихъ кожанныхъ мѣшкахъ и давали мѣдныя монеты.

Напрасно и мальчикъ и дѣвочка протестовали со смѣхомъ и слезами — «Basta, basta!» — довольно, довольно! Напрасно! золотой дождь не прекращался, пока вдали не показалось шествіе. Тогда поднялся веселый крикъ. «Процессія, процессія!» И народъ, добрый сердцемъ, но легкомысленный характеромъ, бросился къ новой забавѣ; маленькій аристократъ присоединился къ своей семьѣ, важныя дамы повернулись въ другую сторону, золоченыя колесницы поѣхали мимо историческихъ стѣнъ и море веселыхъ масокъ понеслось за ними; а дѣти были забыты тамъ, гдѣ стояли. Тогда къ нимъ подошелъ мужчина, слушавшій пѣсни дѣвочки, наблюдавшій, прислонившись, въ тѣни стѣнъ собора, сцену, слѣдовавшую за пѣніемъ. Подходя къ дѣтямъ, онъ снялъ шляпу и солнце освѣтило его лицо—темное, поэтическое, историческое лицо флорентинца.

— Ахъ, милая дѣвочка, мягко сказалъ онъ съ улыбкой.—У меня нѣтъ денегъ, чтобы дать вамъ; развѣ я заработаю что-нибудь вечеромъ. Я тоже артистъ и—это понятно само собою — тоже бѣденъ. А все-таки позвольте поблагодарить васъ.

Онъ опустилъ въ ея золотистую юбку между пармскими фіалками и тосканскими царскими кудрями кольцо, и исчезъ въ толпѣ.

Дѣвочка съ трудомъ отыскала кольцо между цвѣтами, игрушками, деньгами и конфектами, наполнявшими ея юбку. Оно было старинное — ониксъ съ вырѣзанными на немъ головами Парокъ. Долго, съ любопытствомъ, съ задумчивымъ выраженіемъ лица она разсматривала его и затѣмъ спрятала у себя на груди. Собравъ плотнѣе свою тяжелую юбку, она повернулась къ мальчику.

— Побѣжимъ Ино. На насъ теперь не смотрятъ. Правда, мы не увидимъ процессіи; но бѣдняжкѣ Маріучіи теперь очень холодно.

Они повернули съ площади въ старую неправильную, темную улицу, куда даже въ полдень едва проникалъ свѣтъ. Они не могли бѣжать; ихъ проворныя ноги не въ состояніи были быстро нести ихъ; они были слишкомъ тяжело нагружены своей добычей; не стоило и пробовать двигаться быстрѣе; при каждомъ шагѣ они наступали на букетъ фіалокъ или на блестящій нарцисъ. Они шли очень медленно съ опущенными головами, съ судорожно сжатыми руками, по холодному темному переулку.

— О Ино! вскричала дѣвушка. — Когда мы пѣли по доброй волѣ, чтобы доставить другимъ удовольствіе, у насъ было такъ легко и на сердце и въ ногахъ. А теперь...

Она опустилась на ступеньку; юбка выскользнула изъ ея рукъ и всѣ ея сокровища разсыпались по землѣ. Она зарыдала, какъ будто ея сердце хотѣло разорваться.

— Это неблагодарность, моя милая, сказалъ мягко мальчикъ. — Ужь не этотъ ли камень съ Парками такъ дурно подѣйствовалъ на тебя?

— Нѣтъ, она права, произнесъ надъ ними голосъ.—Начните цѣнить искуство на золото и оно скуетъ ноги, бывшіе прежде крылатыми.

Эти слова произнесъ незнакомецъ, давшій кольцо, быстро проходя въ тѣни, чтобы его не остановили съ распросами. За нимъ бѣжала веселая до головокруженія толпа масокъ, бросая другъ въ друга цвѣтные пузыри, гонясь за нимъ съ мятежными криками какъ за своимъ начальникомъ. Всѣ они кричали одно слово: — Паскарель!

Я — дитя, сидѣвшее на каменной ступени, и плачущее надъ моими разсыпавшимися богатствами — удержала это имя въ своемъ сердцѣ, около котораго покоились, высѣченныя на камнѣ, Парки.

II.

Я никогда не любила Верону.

Первые четыре года моей жизни были проведены съ Маріучіей на фермѣ, въ дальней Романьѣ. Тамъ я жила на открытомъ воздухѣ, каталась по травѣ, собирала золотое просо, напивалась виноградным сокомъ во время сбора винограда и цѣлый круглый годъ рвала дикіе лѣсные цвѣты. Тамъ я вполнѣ пользовалась незамѣнимыми богатствами дѣтства: свободой и солнечнымъ сіяніемъ, вѣнками изъ царскихъ кудрей и вѣерами изъ каштановыхъ листьевъ, дружбой съ птицами и звѣрями и длинными, счастливыми беззаботными днями, когда небо кажется всегда голубымъ. Когда же меня, четырехлѣтнюю, привезли и заперли въ пыльную и темную родину Жульеты, я сильно возставала, постоянно скучала, отвергая всѣ утѣшенія. Мы занимали второй этажъ стариннаго дома; такой домъ прежде можно было нанять за пѣсню въ Италіи, пока она не перемѣнила свое гордое «Fara da se» изъ хвастовства и лѣни, на героизмъ и истину.

Домъ съ роскошными лѣстницами, утонающими въ нечистотѣ; дворы, на каждомъ изъ которыхъ легко могъ бы помѣститься эскадронъ конницы, предоставленные въ распоряженіе ящерицъ и сороконожекъ; комнаты съ дорогими обоями и картинами Бронзино, по щиколку наполненные грязью и пылью; наружныя стѣны съ фресками фра Жіоконда, увѣшанныя разными лохмотьями, которыя хозяйка вывѣсила сушить на солнцѣ, прополаскавъ ихъ въ Адижѣ;—таково было наше жилище. «Расписные потолки; грязь подъ ногами!» Если не ошибаюсь, эту горькую истину объ Италіи написала Жоржъ-Зандъ. Это очень ѣдко, потому что справедливо. Нашъ домъ не былъ исключеніемъ изъ этого правила. Онъ былъ великолѣпенъ, какъ сновидѣніе. Даже до сихъ поръ на потолкахъ можно было видѣть красавицу женщину, достойную кисти самого Леонардо, со смѣхомъ и удивленіемъ смотрящую съ своего фреско изъ розъ, или какой нибудь апофеозъ или пиршество Жентиля или Пизанелло, сохранившее свои яркія краски, несмотря на разрушеніе отъ времени, небрежности, пыли и огня. Но въ тоже время этотъ домъ былъ невыносимо грязенъ, пустыненъ, неудобенъ, отзывался чѣмъ-то мертвымъ, призрачнымъ; летучія мыши кишѣли въ его галлереяхъ, пушистыя совы владѣли его чердаками. Верхнія комнаты были заняты работящимъ людомъ, или скорѣе выдающимъ себя за работящій, а предпочитавшимъ существовать на австрійскую милостыню; нижнія—занимала хо-

зяйка съ восемью дѣтьми. Она была крѣпко сложенное, чернобровое, добрѣйшее существо; а дѣти лежали на солнцѣ, играли въ богету, дрались за пекущіеся каштаны, и дѣлали, что имъ вздумается, съ безконечнымъ шумомъ и гамомъ.

Хозяйка была бѣдна; сама стирала свое бѣлье на рѣкѣ, мела, пекла, стряпала и поддерживала свое существованіе набиваніемъ матрасовъ травой и шерстью и въ этой работѣ достигла совершенства. Часто, только благодаря хозяйкѣ и никому другому, Маріучія могла накормить своихъ маленькихъ господъ. Насъ было четверо; трое были мальчики,—красивые мальчики, такъ и просились на полотно Тиціана или Жіоржіоне; веселыя, добрыя, беззаботныя, смѣлыя созданія, всеобщіе любимцы, незаботящіеся о томъ, въ какомъ видѣ были ихъ блузы, довольные, когда могли сидѣть и ѣсть поленту — ихъ обычный обѣдъ,—съ грязными дѣтьми хозяйки.

Бѣдные братья! Они были такъ храбры, такъ веселы, такъ добры ко всѣмъ, и умерли такими молодыми: одинъ отъ горячки въ Веронѣ, другой отъ ножа въ уличной дракѣ въ Римѣ, а третій въ бурю, въ морѣ, которое въ виду Кальяри поглотило маленькую фелуку, со всѣми бывшими на ней. Но въ то время, о которомъ я пишу, они всѣ были съ нами, составляя гордость и мученіе Маріучіи, восхищеніе хозяйки; весь городъ удивлялся искуству, съ какимъ они — англійскіе мальчики — бранились и шутили на чистѣйшемъ веронскомъ народномъ нарѣчіи.

III.

Это старая, очень старая исторія. Я часто заставляла Маріучію повторять мнѣ ее, когда она по вечерамъ занималась чищеніемъ бобовъ, сидя на большой лѣстницѣ около на половину сломанной статуи, которую считали за работу Донателло.

— Помню ли я вашу мать? говорила она.— Вы такъ часто спрашиваете меня объ этомъ, Нелла. Конечно, помню. Она была красавица... да, иначе вашъ отецъ и не взглянулъ бы на нее. Вы больше похожи на него. Когда я въ первый разъ пришла къ вашей матери, она только что вышла замужъ; тогда она была еще счастлива; это всегда такъ бываетъ... на недѣлю! Были и сначала недостатки; это я увидала съ перваго раза; но нужды большей не было. Онъ встрѣтился съ нею во Флоренціи; она была оперная пѣвица, онъ важный господинъ въ своей странѣ, такъ мнѣ говорили. Такіе браки всегда большая ошибка. Онъ былъ вдвое старше ея, но за то какъ хорошъ былъ милордъ Морисъ!

Я обожала моего отца и съ неблагодарностью, присущей человѣческой натурѣ, больше дорожила его презрительнымъ замѣчаніемъ или выговоромъ, когда онъ удостоивалъ замѣтить меня, чѣмъ всей неистощимой добротой Маріучіи.

Эта добрая душа всегда негодовала на него и не могла не высказывать мнѣ свой гнѣвъ. Она не слишкомъ много думала объ обязанностяхъ дѣтей къ родителямъ.

— Онъ разбилъ сердце вашей матери, продолжала она, съ трескомъ надламывая бобъ: у меня при этомъ сжималось сердце, хотя съ чувствомъ какой-то недовѣрчивости. Слово мать для меня имѣло пустое значеніе; у меня даже не было ея портрета.

— Что же онъ сдѣлалъ? настаивала я, а Маріучія отвѣчала съ гнѣвомъ:

— Скорѣе, чего онъ не дѣлалъ? Дѣлалъ тоже, что и теперь. Разъѣжалъ и забавлялся, и проигрывалъ то немногое, что успѣвалъ получить. Насъ же недѣлями, мѣсяцами морилъ голодомъ въ какой-нибудь норѣ, пируя самъ въ игорныхъ городахъ во время сезоновъ и разбрасывая то золото, которое ему удавалось выиграть, на такихъ же безполезныхъ и дурныхъ людей, какъ онъ самъ.

Эти жестокія слова она предоставляла мнѣ и ящерицѣ переваривать, какъ намъ удобно, а сама шла въ темный низенькій склепъ, служившій ей кухнею, жарить бобы на маслѣ или варить ихъ съ капустой. Это, или что-нибудь подобное, составляло нашъ ежедневный обѣдъ; лакомыя же птички и вкусный шоколадъ, которые шли къ столу моего отца, когда онъ бывалъ дома, доставалъ и готовилъ Флоріо, что то въ родѣ всеобъемлющаго генія; мы же, дѣти, никогда не пробовали этой роскошной пищи.

Флоріо чисто по-итальянски привязался къ намъ и никакія превратности судьбы не могли бы заставить его разлучиться съ нами. Разъ на лѣстницѣ я слышала, что хозяйка спрашивала его, какъ могъ онъ даромъ терять время на нашей службѣ, оплачиваемой только лишеніями. Флоріо выразительно передернулъ плечами:

— Чтожъ вы хотите? отвѣчалъ онъ ей. — Я полюбилъ ихъ—вотъ и все.

Отца моего звали милордомъ, наше имя было Темпеста,—такъ говорили итальянцы,—вотъ все, что я знала. Въ мысляхъ моихъ я смутно и странно смѣшивала моего отца съ тѣмъ великимъ Темпеста, которому приписывались многія фрески и картины по всей Италіи, и который бѣжалъ на Изолу, гонимый своей пагубной любовью и преступленіемъ на своей душѣ и остался тамъ между небомъ и землей. Препятствія, подобныя вѣкамъ и возможности, не существовали для меня, пока я лежала съ открытыми глазами подъ улыбающейся Эвридикой, наблюдая при лунномъ свѣтѣ за летучими мышами, которыя бились своими крыльями въ разрисованное окно.

Одну зиму отецъ оставался въ Веронѣ долѣе обыкновеннаго. Флоріо говорилъ, что онъ не совсѣмъ здоровъ. Разъ вечеромъ я встрѣтила его на лѣстницѣ. Противъ обыкновенія, онъ остановился.

— Это ты, Нелла? Дай мнѣ взглянуть на тебя.

Онъ подвелъ меня къ фонарю, висѣвшему нѣсколькими ступенями выше и сталъ меня разсматривать; я дрожала съ головы до ногъ; я была смѣлымъ ребенкомъ, но боялась его, потому что любила, потому что онъ былъ для меня неразрѣшимой, недосягаемой загадкой.

— Боже! какъ ты похожа на мать, промолвилъ онъ.—А въ тоже время и на меня... Сколько тебѣ лѣтъ?

Я сказала, что мнѣ около десяти лѣтъ,—такъ говорила мнѣ Маріучія.

— Такъ, такъ, сказалъ онъ небрежно. — Ты сильно выросла за послѣднее время. Ты будешь красавицей, Нелла. Слыхала ты это?

— Отъ многихъ, отвѣчала я. Всѣ мои члены дрожали, лицо было пунсовое, сердце билось какъ дикая птичка:—онъ похвалилъ меня!

— Уже? очень хорошо! засмѣялся онъ.—Прощай малютка.

Онъ сунулъ небольшую золотую монету въ мою бархатную муфточку, и въ первый разъ въ жизни слегка поцѣловалъ меня. Я опустилась на грязную мраморную мѣстницу, гдѣ Маріучія нашла меня горько плачущей.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Извѣстія о мирѣ.

Телеграмма его императорскаго высочества Главнокомандующаго действующею арміею изъ Сан-Стефано, отъ 19-го февраля, въ 5 часовъ по полудни:

Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество съ подписаніемъ мира. Господь сподобилъ намъ, Государь, окончить предпринятое Вами великое, святое дѣло. Въ день освобожденія крестьянъ, Вы освободили христіанъ изъ подъ ига мусульманскаго.

Новости наукъ и жизни.

— Горнозаводская промышленность на Уралѣ. Въ засѣданіи комитета общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ Х. Я. Таль сдѣлалъ интересный во многихъ отношеніяхъ докладъ о положеніи уральско-горнозаводской промышленности. Характеръ нашей уральской горнозаводской дѣятельности рѣзко отличается отъ заграничной. Съ каждымъ годомъ все явственнѣе становится ненормальное положеніе нашего желѣзнаго дѣла на Уралѣ. Тогда какъ всѣ заводскіе центры Западной Европы имѣютъ возможность скораго оборота капитала, удобные пути сообщенія, пользуются широкимъ банковымъ кредитомъ, для уральскихъ заводовъ все это немыслимо: каждый изъ нихъ долженъ имѣть свои рудники, фабрику огнеупорныхъ кирпичей, механическую мастерскую, доменное дѣйствіе и передѣльный заводъ, и на все это въ однѣхъ рукахъ нуженъ несравненно больший капиталъ, чѣмъ для каждаго изъ детальныхъ производствъ, находящихся заграницей почти всегда въ разныхъ рукахъ. Перевозка матеріаловъ и готовыхъ продуктовъ дѣлается на Уралѣ, при большихъ разстояніяхъ, десятками милліоновъ пудовъ на лошадяхъ, въ теченіе всей зимы; а съ открытіемъ навигаціи все выдѣланное за то время (8—9 мѣсяцевъ) желѣзо караванами отправляется по р. Чусовой одинъ разъ въ годъ, въ теченіе какихъ-нибудь 8 дней.

— Электрическое освѣщеніе. Въ берлинскомъ телеграфномъ обществѣ читался недавно докладъ о будущности электричества: Предсѣдатель общества докторъ Сименсъ, сказалъ, что, по его мнѣнію, недалеко то время, когда электрическое освѣщеніе должно будетъ вытѣснить употребленіе свѣтильнаго газа. По разсчету г. Сименса, новѣйшие электро-освѣтительные аппараты даютъ при расходѣ одного фунта угля столько же свѣта, сколько можно получить обыкновеннымъ путемъ, при расходованіи 30 фунтовъ угля; другими словами, электрическое освѣщеніе оказывается въ пятнадцать разъ дешевле освѣщенія газоваго, и въ настоящее время вопросъ состоитъ лишь въ томъ, чтобы достигнуть болѣе равномѣрнаго распредѣленія электрическаго освѣщенія.

— Петролеумъ. По статистическимъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ американскихъ журналахъ, петролеума добыто въ Соединенныхъ штатахъ въ 1877 году 12.692,500 боч., что составляетъ 34,773 боч. въ день противъ 25,288 боч. въ 1876 году. Это значительное количество петролеума распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 5.115,350 боч. потреблено въ Соединенныхъ Штатахъ, 7.031,450 боч. отправлено въ Европу и 145.700 боч. употреблено на увеличеніе существующихъ запасовъ. Къ 1-му января 1878 г. запасы петролеума простирались до 2.945,700 боч. противъ 2.800,000 боч. къ тому же самому числу въ 1877 году. Количество отправленнаго изъ Соединенныхъ Штатовъ петролеума по странамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Очищ. петр.	Неоч. петр.	Эссенц.
	Б О Ч Е К Ъ:		
Въ Германію....	2.191,340	76,497	17,000
» Испанію....	1.212,201	17,434	—
» Бельгію.....	792,507	40,140	35,207
» Англію......	751,308	—	155,000
» Италію.....	345,288	—	—
» Австрію....	227,829	—	—
» Швецію....	91,338	1,000	10,407
» Данію......	73,126	—	—
» Нидерланды..	69,530	—	—
» Россію......	57,397	—	—
» Португалію..	33,154	—	—
» Францію....	5,845	487,120	154,681
» Остальныя стр.	91,879	—	—

— Почтовая статистика. Изданный на-дняхъ отчетъ почтоваго департамента за 1876 годъ сообщаетъ подробныя свѣденія о состояніи почтоваго дѣла въ имперіи къ 1877 году. Почтовыхъ учрежденій было 3,571, почтовыхъ ящиковъ 6,181, почтовыхъ станцій 4,140. Чиновниковъ было 5,483, станціонныхъ смотрителей 1,633, почтальоновъ 6,754, писарей 2,463, старостъ 2,250, ямщиковъ 18,782. Израсходовано по поч-

товому вѣдомству 14.073,152 руб. 59 коп., въ томъ числѣ на приплату за лошадей 6.259,501 р. 70 к. и на личный составъ 3.587,105 руб. 58 к. Почта потребовала 4.087,130 лошадей, пассажиры 8.097,334. Почтовыхъ путей насчитывалось до 141,927 верстъ и по нимъ пройдено 50.015,186 верстъ. Дохода получено 11.392,461 р. 8¼ к. По городской почтѣ переслано было писемъ и бандерольныхъ отправленій 14.687,587, иногороднихъ писемъ 67.800,056, бандерольныхъ отправленій 3.055,782, цѣнныхъ и денежныхъ пакетовъ 6.111,530, посылокъ цѣнныхъ 1.042,655, безъ цѣны 689,691, періодическихъ изданій 36.555,796, эстафетъ 31,961. Изъ Россіи отправлено за границу: писемъ 4.030,988, бандерольныхъ отправленій 1.068,501, цѣнныхъ 148,594, періодическихъ изданій 661,216; изъ-за границы получено: писемъ 5.465,197, бандерольныхъ отправленій 1.498,138, цѣнныхъ 141,843, періодическихъ изданій 3.314,281. Марокъ продано 55.702,411 на 3.917,301 р. 94 к., штемпельныхъ конвертовъ 10.290,339 на 873,124 руб. 86½ к., бланковъ 1.854,912 на 61,101 р. 43¼ к. Утрачено 895 пакетовъ на 59,678 р. 71 к.

— **Такса извозчичьяго промысла въ Петербургѣ.** Въ газетѣ «Новости» пишутъ: въ продолженіи 7 засѣданій, послѣднее изъ которыхъ было 3-го февраля, с.-петербургская городская дума установила для извощиковъ слѣдующую таксу по времени: а) росписаніе цѣнъ: 1) для дрожекъ новаго образца съ верхомъ: за 1-ю четверть часа 25 к., 2-ю—20 к., 3-ю и 4-ю по 15 к. (75 к. въ часъ); за послѣдующія четверти часа по 15 к. (60 к. въ часъ); при наймѣ не менѣе какъ на 3 часа, за всѣ 3 часа 1 р. 50 к., и за каждую четверть часа послѣ этихъ часовъ по 10 к. (40 к. въ часъ); 2) для дрожекъ новаго образца безъ верха и старыхъ на лежачихъ рессорахъ съ верхомъ и безъ верха: за 1 четверть часа 20 к., за послѣдующія три по 15 к. (65 к. въ часъ); за слѣдующія четверти—по 10 к. (40 к. въ часъ); за 3 часа—1 р. 35 к. и за послѣдующіе часы по 40 к.; 3) для саней новаго образца и для дрожекъ на круглыхъ рессорахъ: двѣ первыя четверти—по 15 к., двѣ послѣднія—по 10 к. (50 к. за часъ); за послѣдующія четверти по 10 к. (40 к. за часъ); за 2-й и послѣдующіе часы 35 к.; за три часа—1 р. 5 к., за послѣдующіе часы по 40 к.; 4) за каждую четверть часа по 10 к. (40 к. за первый часъ) за второй и послѣдующіе часы 35 к.; за три часа 1 р., за 4-й и послѣдующіе часы по 30 к.; б) при взятіи извозчика у станціи желѣзныхъ дорогъ, пароходныхъ пристаней, театровъ и другихъ мѣстъ большого стеченія публики, извозчику приплачивается за четверть часа; в) за ѣзду въ ночное время приплачивается по 5 к. за каждую четверть часа. Дневная такса дѣйствуетъ съ 7 часовъ утра до 12 ночи, а ночная съ 12 ночи до 7 утра, какъ зимой такъ и лѣтомъ; г) такса по времени обязательна для ѣзды на всемъ пространствѣ города между б. Невою, Екатерининскимъ и Обводнымъ каналами, со включеніемъ станцій варшавской и балтійской желѣзныхъ дорогъ, въ Васильевской части, на Петербургской сторонѣ съ островами Аптекарскимъ и Петровскимъ и на Выборгской сторонѣ; д) извозчикъ обязанъ ѣхать съ сѣдоками отнюдь не шагомъ, а рысью, примѣрно, со скоростью не менѣе 8 верстъ въ часъ; е) при ѣздѣ по времени выборъ дороги представляется усмотрѣнію сѣдока и ж) извозчикъ обязанъ находиться въ распоряженіи сѣдока въ теченіи 6 часовъ сряду, по истеченіи же этого срока, по желанію извозчика, сѣдокъ обязанъ разсчитаться съ нимъ и отпустить его.

— **Осушеніе болотъ въ петербургской губерніи.** Министерство государственныхъ имуществъ, по примѣру минувшаго года, намѣрено съ наступленіемъ весенняго времени принять участіе, совмѣстно съ петербургскимъ земствомъ, въ окончательныхъ работахъ по осушенію болотъ въ предѣлахъ нѣкоторыхъ уѣздовъ петербургской губерніи.

— **Рашъ.** 2-го (14-го) февраля въ берлинской больницѣ умеръ извѣстный путешественникъ и писатель Густавъ Рашъ, сотрудникъ многихъ нѣмецкихъ газетъ. Рашъ родился въ 1828 году, учился въ Гейдельбергѣ, на юридическомъ факультетѣ, гдѣ и получилъ степень доктора. Онъ издалъ много юридическихъ сочиненій и занималъ какую-то должность въ прусской администраціи; но его свободный образъ мыслей не могъ помириться съ реакціонными стремленіями политики Мантейфеля, и въ мартѣ 1848 года онъ явился въ первыхъ рядахъ бойцовъ берлинскаго движенія. Взятый съ оружіемъ въ рукахъ, онъ поплатился за участіе въ этомъ движеніи двухлѣтнимъ заключеніемъ въ Зильбербергѣ, которое впослѣдствіи описалъ въ весьма интересной книгѣ. Отпущенный на свободу онъ началъ длинный рядъ путешествій, объѣхалъ всю Францію, Англію, Шотландію, Ирландію, Швецію и Норвегію, Испанію, Португалію, Италію, посѣтилъ Африку, европейскую Турцію и Малую Азію, яркими красками изображая событія этихъ странъ, обычаи и нравы народовъ, открыто высказывая свои мнѣнія обо всемъ, не стѣсняясь никакими политическими соображеніями, и постоянно принимая сторону угнетаемыхъ. Съ Пруссіей онъ никогда не могъ примириться и писалъ весьма рѣзкія статьи противъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи, за которыя былъ приговоренъ къ девяти-мѣсячному тюремному заключенію, отъ котораго, впрочемъ, избавился, уѣхавъ во-время заграницу. Въ послѣднее время его литературная дѣятельность была посвящена южному славянству, онъ нѣсколько разъ былъ въ Черногоріи, въ Сербіи, Румыніи и Трансильваніи и получилъ отъ черногорскаго князя Николая орденъ Даніила 1-й степени. Къ этому времени относятся его сочиненія: «Черногорія», «Крестъ и Полумѣсяцъ», «Въ шатрѣ Османа» и другія. Рашъ былъ писатель чрезвычайно плодовитый; количество изданныхъ имъ книгъ доходитъ до ста. Около года тому назадъ, возвращаясь изъ Баната, Рашъ захворалъ въ Вѣнѣ, около полугода пролежалъ въ больницѣ, и выйдя оттуда почти здоровымъ, женился; но въ концѣ января этого года старая болѣзнь развилась снова и такъ быстро, что черезъ недѣлю уже свела его въ могилу.

— **Новое примѣненіе динамита.** Въ Англіи были произведены опыты надъ убоемъ скота посредствомъ динамита. Небольшое количество этого послѣдняго кладется на лобъ животнаго и воспламеняется съ помощью электрическаго тока. Смерть бываетъ мгновенная.

— **Водокачальни.** Не смотря на обвертываніе водокачальныхъ трубъ соломою и пр., вода въ нихъ весьма часто замерзаетъ. Для устраненія такого неудобства, нынѣ придумано слѣдующее средство: труба просверливается, приблизительно, аршина на полтора ниже колодезнаго вѣнца, вслѣдствіе чего вода свободно вытекаетъ при каждомъ накачиваніи. Въ большіе морозы приходится, конечно, раскачивать нѣсколько времени насосъ, прежде, чѣмъ вода покажется. Съ наступленіемъ теплаго времени, отверстіе затыкается деревянною втулкою.

— **Зимніе шипы.** Парижскіе ветеринаръ Делперье предлагаетъ новый родъ шиповъ для зимнихъ подковъ. На обыкновенной подковѣ дѣлаются 3—4 запасныя отверстія, расположенныя по нѣсколько кривой линіи къ краю подковы. Вставляемые въ эти отверстія шипы не укрѣпляются въ стѣнкѣ подковы, но продѣваются сквозь отверстія своими очень короткими остріями и загибаются потомъ на наружной сторонѣ подковы.

— **Новыя женскія школы.** «Новое Время» сообщаетъ, что такъ какъ образованіе, получаемое нашимъ молодымъ женскихъ поколѣніемъ въ женскихъ прогимназіяхъ, гимназіяхъ, а тѣмъ болѣе институтахъ, пригодно лишь для нѣкоторой, преимущественно привиллегированной части общества; низшее же сословіе, и особенно мѣщанское городское, не имѣетъ женскихъ учебныхъ заведеній, соотвѣтствующихъ задачамъ жизни женскаго поколѣнія этихъ сословій, — то министерствомъ народнаго просвѣщенія, по мысли бывшей коммиссіи по поводу устройства у насъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, предложенъ на разсмотрѣніе учебно-окружныхъ начальствъ вопросъ о необходимости и пригодности открытія женскихъ училищъ новаго типа, по образцу мужскихъ городскихъ, учрежденныхъ положеніемъ 31-го мая 1872 г. съ характеромъ преимущественно практическимъ.

— **Приготовительные классы.** Нѣсколько лѣтъ назадъ открыты были приготовительные классы при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ и два года назадъ при морскомъ училищѣ. Въ текущемъ году открываются приготовительные классы въ пажескомъ корпусѣ. Мы слышали, что въ высшихъ военныхъ сферахъ рѣшено окончательно открытіе подобныхъ же классовъ при первомъ Павловскомъ и второмъ Константиновскомъ военныхъ училищахъ. Затрудненіе можетъ быть только въ недостаткѣ помѣщенія, почему комплектъ обучающихся въ курсахъ не будетъ превосходить первые годы 150 человѣкъ, а по окончаніи необходимыхъ построекъ будетъ значительно увеличенъ. Курсы этихъ классовъ будутъ сравнены съ классами военныхъ гимназій, такъ что другими словами въ непродолжительномъ времени въ Петербургѣ будутъ открыты еще двѣ военныхъ гимназіи.

— **Ткань изъ кукурузы.** «Голосу» пишутъ изъ Тифлиса, что одинъ изъ членовъ кавказскаго медицинскаго Общества, Шахъ-Пароніянцъ, демонстрировалъ ткань изъ листьевъ кукурузы, полученную путемъ расчески особымъ, также демонстрированнымъ имъ, инструментомъ, рекомендуя ткань эту для набивки матрацовъ и подушекъ. Матрацы, изготовленные изъ кукурузной ткани для лазарета закавказскаго дѣвичьяго института, казались чрезвычайно упругими, весьма легкими и элегантными. Обошлись они недороже шести рублей каждый, хотя самая ткань пріобрѣтается по три рубля пудъ. Цѣна эта, при изготовленіи ткани въ большомъ количествѣ, можетъ быть понижена до одного рубля. Кукурузные матрацы и теперь уже дешевле и практичнѣе шерстяныхъ, не говоря о мочальныхъ. Получаемая ткань легко моется, въ тепломъ климатѣ несравненно пріятнѣе шерсти и, по мнѣнію Шаха-Пароніянца, заслуживаетъ серьезнаго испытанія не только въ домашнемъ быту (напримѣръ, для дѣтей), но и въ госпиталяхъ и больницахъ.

— **Послѣдствія неурожая.** Вслѣдствіе повсемѣстнаго неурожая въ вятской губерніи, земское губернское собраніе XI очереднаго созыва постановило, какъ сообщаютъ "Вят. Губ. Вѣд.", назначить изъ продовольственнаго капитала, для выдачи ссудъ нуждающимся на вятской уѣздъ 20 т. руб., орловскій — 25 т. руб., котельническій—20 т. р., яранскій—63 т. р., нолинскій—30 т. р., елабужскій — 25 т. р., сарапульскій—25 т. р., глазовскій—40 т. р., слободской—10 т. р., уржумскій—366,631 и малмыжскій—200 т. р. Но такъ какъ губернскаго продовольственнаго капитала имѣется въ наличности только 332,072 руб., то недостающую сумму въ 445,559 руб. собраніе поручило губернской управѣ просить изъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала, съ разсрочкою уплаты этой ссуды на три года. Для облегченія сельскаго населенія, пострадавшаго отъ неурожая, поручило губернской управѣ ходатайствовать о разсрочкѣ взысканія податей и недоимокъ прежнихъ лѣтъ на три года и о дозволеніи земству необходимый для продовольствія и на обсѣмененіе полей хлѣбъ закупать самому, безъ приговоровъ о томъ сельскихъ обществъ. Кромѣ того, собраніе уполномочило управу испросить разрѣшеніе на открытіе подписки въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

— **Истязаніе взрослой дѣвушки.** На дняхъ московская судебная палата предала суду двоихъ крестьянъ, отца и мать, за жестокое обращеніе съ 17-лѣтнею дочерью своею, послѣдствіемъ чего было самоубійство послѣдней. Въ мартѣ 1877 г. послѣ непродолжительной болѣзни, умерла 17-лѣтняя крестьянская дѣвица. Явилось подозрѣніе въ самоотравленіи ея мышьякомъ. При производствѣ слѣдствія выяснилось, что наканунѣ смерти N, мать высѣкла ее розгами за то, что та попросила себѣ новый сарафанъ, и обѣщала сказать объ этой дерзкой просьбѣ отцу, котораго дѣвушка боялась больше матери. Дочь замѣтила матери, что если она скажетъ отцу, то больше не

Изъ картинъ, отправляемыхъ на всемірную парижскую выставку.

Охотники, картина профессора Г. П. Перова.

Фатьма.

увидитъ ее въ живыхъ. Отецъ удостовѣрялъ, что онъ иногда стегалъ свою дочь и билъ, но не больно, что она была вспыльчивая и крутого характера. Свидѣтельскими же показаніями выяснилось, что она была тихаго и кроткаго характера, добрая и готова всегда помочь слабому; родители же ея грубые, дерзкіе, буйные, которыхъ всѣ боялись, какъ огня, такъ что дочь не разъ жаловалась, что отецъ и мать дурно съ нею обращаются, ругаютъ и бьютъ ее; разъ даже она, подъ вліяніемъ дурнаго обращенія съ нею родителей, хотѣла повѣситься, но во-время была остановлена.

Смѣсь.

— **Курьезная реклама.** Нечего распространяться о всѣмъ извѣстной способности американцевъ выпускать рекламы. Курьезность ихъ иногда бываетъ поразительна. Вотъ одна изъ такихъ рекламъ. Одинъ изъ нью-іоркскихъ театровъ, объявляя о представленіи извѣстной пьесы «Ліонскій почтальонъ», заключаетъ свое объявленіе слѣдующими словами: «Жертва будетъ казнена на сценѣ въ присутствіи публики! — Убійство, французскій дилижансъ и гильотина — есть чѣмъ поразвлечься! — Надѣемся, что публика будетъ ломиться въ театръ!»

— **Новые кафе въ Парижѣ.** Въ столицѣ Франціи въ послѣднее время открылось кафе, получавшее назваріе «Пой кто хочешь». Принадлежа къ разряду «Cafés-concerte», оно, однакожь, не имѣетъ своихъ актрисъ и актеровъ: его труппа набирается каждый вечеръ изъ самой публики. Какъ только зала нѣсколько наполнится кто-нибудь изъ посѣтителей выходитъ на эстраду и поетъ что-нибудь съ акомпаниментомъ или безъ него. Окончитъ онъ пѣсню, его замѣняетъ дама декламирующая стихи; затѣмъ снова пѣніе или музыка и т. д. Это кафе помѣщается на сенжерменскомъ бульварѣ. Обстановка его незавидная: грязныя стѣны, покривившійся паркетъ, столы сомнительной опрятности. Его посѣщаютъ преимущественно студенты, и разный небогатый людъ; встрѣчается тамъ не мало и дѣвицъ вольнаго поведенія. Бываютъ здѣсь непризнанные поэты, пѣвцы и музыканты, которымъ не везетъ; они то преимущественно и появляются на эстрадѣ, довольные тѣмъ, что у нихъ есть слушатели.

Значеніе рекламы. Извѣстный фармацевтъ Головэй въ Лондонѣ, изобрѣтатель разныхъ цѣлебныхъ пилюль и мазей, посредствомъ которыхъ онъ составилъ себѣ милліонное состояніе, сознается, что онъ обязанъ своимъ громаднымъ успѣхомъ исключительно рекламамъ, частнымъ объявленіямъ, на которыя, онъ однако и затратилъ баснословныя суммы. Вотъ что онъ, между прочимъ, конфиденціально сообщалъ одному изъ репортеровъ «Times»: «Я первый разъ сталъ печатать объявленія въ газетахъ 15-го октября 1837 г. Мои пилюли и мазь шли очень туго. Я поставилъ себѣ правиломъ не жалѣть никакихъ расходовъ на гласность, на объявленія. Въ 1842 г. я израсходовалъ на это 5,000 ф. ст., въ 1845 г., 11,000 ф. ст., въ 1851 г. 23,000 ф. ст., въ 1855 г. 30,000 ф. ст., въ 1877 г. 49,000 ф. ст. Я печатаю во всѣхъ газетахъ Европы, Азіи и Америки. Мои рекламы являются на всѣхъ европейскихъ языкахъ и даже на всѣхъ нарѣчіяхъ Азіи».

Гигантская книга. Сборникъ выданныхъ въ Англіи до сего времени привилегій на изобрѣтенія достигъ уже объема 3,410 томовъ, по одному полному экземпляру этого сборника, стоющаго дороже 3,000 фунт. стерл., разослано безплатно въ 60 значительнѣйшихъ промышленныхъ городовъ Англіи, съ условіемъ, чтобы сборникъ былъ постоянно открытъ для публики.

Чудовищная реклама. «Издающаяся въ Канзасѣ (Соединенные штаты) газета «Cansas Times», для увеличенія круга своихъ читателей, прибѣгла къ слѣдующему средству. Редакція заявила, что будетъ разыгрывать лотерею, билеты на которую будутъ безплатно выдаваться подписчикамъ газеты. Выиграть-же можно — молодыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ. Самое изумительное, однако, въ этой оригинальной рекламѣ — заключается не въ этомъ, по истинѣ курьезномъ средствѣ привлеченія читателей, а въ томъ, что нашлось нѣсколько молодыхъ и хорошенькихъ дѣвушекъ, изъявившихъ согласіе разыграть роль выигрышей. Всѣ молодыя дѣвушки представили свои фотографическія карточки, которыя были занумерованы. Всякій выигрывающій билетъ даетъ право жениться на выигрышѣ. Говорятъ, бракъ — лотерея. Истина этихъ словъ какъ нельзя болѣе примѣняется къ настоящему слову. Впрочемъ, редакція «Cansas Times», разсчитывая на хорошую подписку, заявила, что она дастъ каждой дѣвушкѣ-выигрышу приличное приданое деньгами и гардеробомъ. Въ первый мѣсяцъ, послѣ такого заявленія, у газеты оказалось болѣе ста тысячъ подписчиковъ».

— **Наглая кража.** Въ газетѣ «Донъ» разсказывается о слѣдующемъ оригинальномъ случаѣ кражи въ одной изъ мѣстныхъ церквей, замѣчательномъ тѣмъ, что въ присутствіи множества людей, во время службы, совершилось похищеніе изъ алтаря на виду священника, который не могъ въ ту минуту преслѣдовать, или же что либо сказать для того, чтобы преслѣдовали другіе похитителя. Дѣло было такъ: священникъ видѣлъ, что вошедшій въ алтарь выносилъ что-то оттуда, но онъ въ это время стоялъ съ чашею (во время великаго выхода) на амвонѣ, поминая царскую фамилію. Вошедши за тѣмъ въ алтарь, онъ тотчасъ замѣтилъ, что его шапки и перчатокъ нѣтъ, — и послалъ сторожа догнать похитителя; но было уже поздно — того слѣдъ уже простылъ.

— **Ловкое мошенничество.** На дняхъ, какъ сообщаютъ газеты, въ правленіи общества взаимнаго поземельнаго кредита, при оплатѣ купоновъ, совершено весьма ловкое мошенничество. Ловкій мошенникъ, воспользовавшись тѣмъ, что касса купонная и касса денежная находятся въ двухъ разныхъ комнатахъ, сдѣлалъ слѣдующее: предъявивъ къ оплатѣ одинъ купонъ и получивъ на него разсчетъ, онъ воспользовался тѣмъ временемъ, которое необходимо для перехода изъ одной кассы въ другую, и къ разсчету уплаты за одинъ купонъ впереди приставилъ нѣсколько цифръ и, съ такимъ-то объявленіемъ, явился въ кассу за полученіемъ денегъ. Артельщикъ общества, выдававшій деньги, не обратилъ вниманія на объявленіе и, не подозрѣвая мошенничества, выдалъ деньги въ томъ количествѣ, которое было прописано получателемъ.

— **Громадный уловъ сельдей.** По полученнымъ изъ Готенбурга телеграфическимъ свѣдѣніямъ, ловля сельдей будетъ въ началѣ этого года громадная. Всѣ бухты и шкеры у шведскаго прибрежья наполнены неимовѣрнымъ количествомъ сельдей, такъ что нѣтъ посудъ для соленія ихъ. Въ короткое время собрано было до 350,000 тоннъ. Приходится раздавать сельди даромъ, такъ какъ нѣтъ болѣе мѣстъ, гдѣ ихъ сложить; всѣ дома и корабли переполнены.

— ***Желѣзная корона.*** Желѣзная корона, которую несли за гробомъ Виктора-Эммануила, составляетъ кругъ изъ массивнаго золота, къ которому прикрѣпленъ вѣнецъ. Золотой кругъ прикрываетъ другой, желѣзный, будто изготовленный изъ гвоздей, посредствомъ которыхъ Христосъ былъ распятъ. Св. Елена велѣла сдѣлать изъ этихъ гвоздей желѣзную корону для императора Константина, носившаго корону эту на своемъ шлемѣ и впослѣдствіи подарившаго ее папѣ Григорію Великому. Папа этотъ, въ свою очередь, подарилъ желѣзную корону королевѣ Теолиндѣ, пожертвовавшей историческую корону для построеннаго ею въ Монцѣ собора съ тѣмъ, чтобы ея преемники вѣнчались этой короной. По традиціямъ Карлъ Великій также былъ коронованъ желѣзною короною. Послѣдній монархъ, украсившійся этою короною въ день своего восшествія на престолъ, былъ австрійскій императоръ Фердинандъ I. Наполеонъ I, при своемъ короновании въ 1805 г., въ Миланѣ, также носилъ этотъ замѣчательный вѣнецъ.

— **Звѣрское убійство.** «Спб. Вѣд.» пишутъ изъ Вязьмы, что на Издешковской станціи московско-брестской желѣзной дороги случилось ужасное происшествіе. Мѣстный желѣзнодорожный мастеръ присватался къ одной швеѣ, которая имѣла несчастіе нравиться кучеру, проживающему у сосѣдней помѣщицы. Узнавъ, что швея думаетъ выйти замужъ за другого, кучеръ явился къ ней отъ имени своей госпожи, которая, будто-бы, звала ее немедленно передѣлать какое-то платье. Швея согласилась, и они поѣхали. По пути (дорога шла лѣсомъ), кучеръ сталъ уговаривать швею выйти замужъ за него и, получивъ отказъ, выбросилъ ее изъ саней, чтобы изнасиловать; а когда дѣвушка начала обороняться — нанесъ ей нѣсколько ранъ ножемъ и, обезчестивъ, повѣсилъ ее на полотенцѣ, на первомъ попавшемся суку... По счастью, на бѣдную дѣвушку набрели охотники, сняли ее съ дерева и привезли восвояси. Раны швеи оказались далеко не опасными и, надняхъ, происходила ея свадьба.

— **Гибель парохода.** Изъ Филадельфіи телеграфируютъ въ «Times», что 19-го (31-го) января на берегу Сѣверной Каролины, вблизи маяка Куррпчукъ, выбросился пароходъ Метрополисъ съ 247 человѣкъ, изъ которыхъ спаслось вплавь 140 человѣкъ. Причину объясняютъ дурнымъ состояніемъ судна, прослужившаго уже 17 лѣтъ. Во время сильнаго шторма на пароходѣ показалась течь, затѣмъ волною смыло всѣ гребныя суда и залило каюты и машинное отдѣленіе. Предвидя гибель парохода, командиръ выбросился подъ парусами на отмель около берега.

— **Шайка разбойниковъ.** Лѣтъ пять назадъ, въ одной изъ гостинницъ Гродны, съ цѣлью грабежа, былъ убитъ отставной капитанъ Завистовскій. Подозрѣваемые въ убійствѣ нѣсколько человѣкъ евреевъ были задержаны; нѣкоторые изъ нихъ были судомъ оправданы, а другіе осуждены; въ числѣ осужденныхъ былъ нѣкто Шлема Элькесъ, приговоренный за это убійство къ каторжнымъ работамъ. Спустя нѣкоторое время послѣ отправки Элькеса къ мѣсту наказанія, то тутъ, то тамъ, въ гродненской губерніи сталъ появляться названный Элькесъ, большею частью обнаруживая свои появленія разными темными дѣлами. Сначала были только догадки, что тутъ дѣйствуетъ Элькесъ; положительно-же никто въ этомъ не былъ убѣжденъ. Наконецъ, гродненской городской полиціи, давно уже трудившейся надъ разрѣшеніемъ этой загадки, удалось напасть на слѣдъ Элькеса. Но этотъ успѣхъ полицейскихъ розысковъ сопровождался новою кровавою драмой. Въ розыскахъ этихъ помогалъ полиціи одинъ еврей, Бенціанъ Юдманъ. Полиція, благодаря содѣйствію помянутаго еврея, была уже на слѣду преступника, какъ 24-го декабря прошлаго года Юдманъ былъ найденъ на улицѣ убитымъ, съ ремнемъ на шеѣ. Начались новыя энергическія усилія полицейской власти. Кто былъ убійцею Юдмана, оставалось неизвѣстнымъ, и поиски долго не приводили ни къ чему. Трупъ Юдмана былъ найденъ около дома терпимости еврея Эбера, пользующагося далеко не безукоризненною репутаціей и, по многимъ причинамъ, сильно заподозрѣннаго въ помянутомъ убійствѣ. Эберъ былъ арестованъ, но прямыхъ уликъ къ обвиненію его не было, и это дѣло, быть можетъ, такъ и осталось-бы неразъясненнымъ, еслибы полиціи не удалось схватить, наконецъ, самаго Элькеса, что и послужило къ раскрытію преступленія. Оказывается, что Юдманъ былъ жертвою Элькеса и компаніи, желавшихъ избавиться отъ него, какъ отъ опаснаго врага. По всѣмъ даннымъ, убійство было совершено въ домѣ Эбера и принимали въ немъ участіе, кромѣ Эбера и Элькеса, еще легковой извощикъ, по прозванію Арчикъ. Всѣ они въ настоящее время заключены въ тюрьму.

Необычный грабежъ. Одесскія газеты передаютъ фактъ грабежа въ Одессѣ правильно организованною шайкою. Въ ночь съ 29-го на 30-е января жертвой этой шайки сдѣлался г. Изнаръ, жительствующій на своей дачѣ, вблизи самаго города, принадлежавшей прежде «обществу сельскаго хозяйства». Обстоятельства, при которыхъ совершилось нападеніе, поистинѣ изумительны. Воры были настолько многочисленны, что они, для того, чтобы имѣть возможность безпрепятственно проникнуть въ жилое помѣщеніе, совершенно вырубили десять громадныхъ деревьевъ, причемъ унесли ихъ съ собою вмѣстѣ съ кор-

нями; кромѣ того, совершивъ свою дерзкую кражу и унесши съ собою все, попадавшее имъ подъ руки, они точно такъ же унесли съ собою окна, двери, замки и даже часть крыши сосѣдняго зданія.

Телеграммы.

Лондонъ, 18-го февраля. Бюджетъ британскаго флота увеличенъ на 85,000 фунтовъ стерлинговъ противъ прошлаго года. Изъ этой суммы 42,000 фунтовъ стерлинговъ приходятся на расходы по перевозкѣ войскъ и другія надобности военной службы.

Предполагается построить еще четыре новые броненосца перваго класса.

— 18-го февраля. Газетѣ «Times» телеграфируютъ изъ Галлиполи, отъ 27-го февраля: «Губернаторъ Дарданелловъ получилъ отъ сераскира предписаніе не дозволять болѣе никакимъ иностраннымъ военнымъ судамъ вступать въ Мраморное море».

Лондонъ, 21-го февраля. Газетѣ «Daily News» телеграфируютъ изъ Санъ-Стефано, отъ 3-го марта: «Мирный договоръ обусловливаетъ обмѣнъ Добруджи на Бессарабію, подъ условіемъ согласія на это Румыніи. Болгарскій князь не можетъ быть членомъ царствующей въ Европѣ фамиліи. Сумма болгарской дани будетъ опредѣлена лишь черезъ два года. Болгарія получаетъ приморскую гавань Кавалу. Русскія войска будутъ посажены на суда въ Мраморномъ морѣ и проѣдутъ обратно на родину черезъ Босфоръ, но не вступятъ въ Константинополь. Всѣ крѣпости въ Болгаріи будутъ срыты и въ Болгаріи не останется никакихъ турецкихъ войскъ. Подробности эти получены отъ генерала Игнатьева.

Берлинъ, 19-го февраля. Здѣсь получены рѣшительныя увѣренія, что Австрія не заключила союза съ Англіей и не намѣрена заключить союзъ съ ней. Весьма вѣроятно, что Австрія войдетъ въ соглашеніе съ Россіей относительно занятія Босніи и Герцеговины, а быть можетъ и Сербіи, гдѣ, будто бы, ожидается внутренній переворотъ и сверженіе Милана Обреновича съ престола. Предполагаемое занятіе Сербіи австрійскими войсками оправдываютъ тѣмъ предлогомъ, что австрійское правительство изъ чувства самосохраненія должно предупредить, чтобы волненіе въ Сербіи не распространилось на сербскія провинціи Венгріи. На дѣлѣ народъ возбужденъ въ Сербіи и недоволенъ настоящей диктатурой, но это недовольство еще не приняло опасныхъ размѣровъ и безъ сомнѣнія уляжется послѣ заключенія мира.

— 20-го февраля. Вступленіе австрійскихъ войскъ въ Боснію предстоитъ въ скоромъ времени. Графъ Андраши обратился въ Берлинъ съ просьбой содѣйствовать установленію мирнаго соглашенія съ Россіей. Бисмаркъ объявилъ, что ослабленіе Россіи одинаково несогласно съ интересами Германіи, какъ и ослабленіе Австріи. Вслѣдствіе этого вліяніе воинственной партіи въ Австріи пало. Заключеніе мира встрѣчено въ Берлинѣ съ восторгомъ; оно совпадаетъ со временемъ заключенія мира въ Версали.

— 21-го февраля. По слухамъ, губернаторомъ Болгаріи будетъ назначенъ принцъ Рейсскій, теперешній германскій посланникъ въ Константинополѣ.

Здѣсь признаютъ условія мира умѣренными.

Пера, 17-го февраля. Мирный договоръ принятъ. Онъ будетъ подписанъ завтра. Турецкая печать говоритъ, что русскія условія мира весьма суровы, но что событія послѣдняго періода войны вмѣняютъ Турціи въ обязанность безпрекословно подчиниться имъ. Греческіе органы сѣтуютъ на то, что въ составъ болгарскаго княжества вошли чисто греческія области. Въ городѣ находятся болѣе 100,000 бѣглецовъ, которые буквально умираютъ съ голода. Болѣе 100,000 чел. заболѣло оспою и тифомъ. Цѣны на предметы продовольствія достигли неслыханныхъ размѣровъ. Тѣмъ не менѣе въ городѣ царитъ полнѣйшее спокойствіе. Нѣсколько болгаръ, приговоренныхъ къ смертной казни, помилованы; казнь замѣнена пожизненною каторжною работою. Всѣ русскіе плѣнные выпущены на волю. Вчера генералъ Скобелевъ въ сопровожденіи германскаго посла принца Рейса посѣтилъ мечеть св. Софіи.

Константинополь, 20-го февраля. Организаторъ Болгаріи, князь Черкасскій, скончался вчера, въ Санъ-Стефано, отъ удара.

Римъ, 21-го февраля. Папа Левъ XIII оказывается «непримиримымъ»; онъ далъ знать королю о своемъ избраніи и коронованіи, адресовавъ формальную бумагу на имя «Гумберта IV, короля Сардиніи, въ Туринѣ. Новый папа не признаетъ итальянскаго королевства и тѣмъ порвалъ всякую возможность къ соглашенію. По слухамъ, Австрія предлагаетъ ему перенести папскій престолъ въ Вѣну.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

При этомъ нумерѣ „Живоп. Обозр.“ разсылается 4 № приложеніе „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Февраля 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 10. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к.

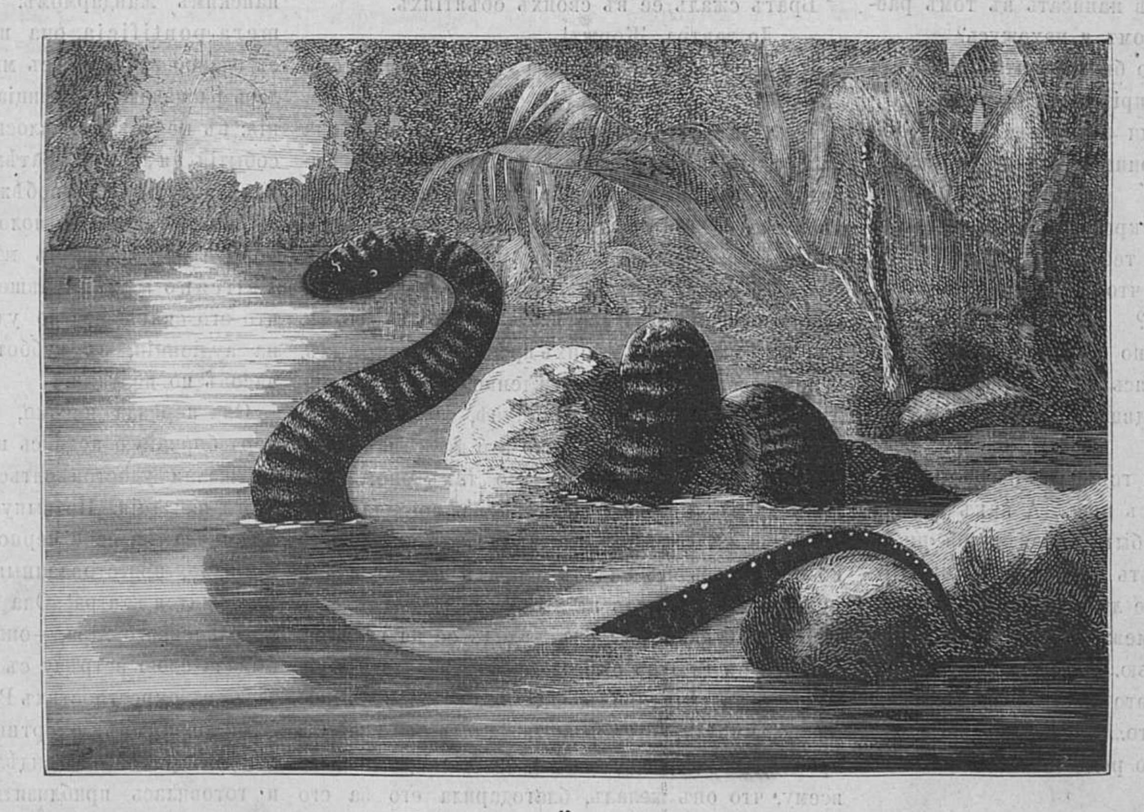
С.-Петербургъ, 5 Марта 1878 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1.

Годъ VI.

Полосатый херсидръ.

Ахрокодръ или полосатый херсидръ живетъ въ морскихъ заливахъ южныхъ морей и устьяхъ впадающихъ въ нихъ рѣкъ. Онъ встрѣчается близь Малакки, Манильи, Короманделя, Суматры, Явы, Новой Гвинеи. Рыбаки часто вытаскиваютъ его своими сѣтями, что не всегда обходится имъ безнаказанно, такъ какъ херсидръ принадлежитъ къ числу ядовитыхъ змѣй. Онъ отличается отъ прочихъ водяныхъ чудовищъ тѣмъ, что почти не имѣетъ чешуи; тонкая и морщинистая кожа его усѣяна только мелкими бородавками, заостренными у него на животѣ и закругленными на спинѣ, вдоль которой тянется тоже двойной или тройной рядъ, стоящихъ угломъ, чешуекъ. Все тѣло херсидра опоясано бѣлыми и черными овальными кольцами; хвостъ испещренъ бѣлыми пятнами и приплюснутъ въ видѣ весла. Голова небольшая, коричневатаго цвѣта; ноздри могутъ закрываться подвижной перепонкой. Попадаются тоже херсидры съ желтыми или коричневыми полосами.



Полосатый херсидръ.

Госпожа Жервезе.

Романъ Эдмона и Жюля Гонкура.

(Переводъ П. Лѣтнева.)

(*Окончаніе.*)

LXV.

Г-жа Жервезе садилась за свой скудный обѣдъ съ маленькимъ Полемъ, когда раздался сильный звонокъ у дверей.

— Я не принимаю никого... слышишь, Онорина?... рѣшительно никого...

Но Онорина уже отворяла дверь, и почти тотчасъ же вошелъ молодой человѣкъ въ военномъ мундирѣ, съ загорѣлымъ лицомъ и, наклонившись, поцѣловалъ г-жу Жервезе въ ея худую щеку.

— Это ты, Жоржъ? ты! въ Римѣ? спросила г-жа Жервезе съ изумленіемъ, но безъ всякаго признака волненія, при видѣ своего брата.

— Да, это я... Я соскучился, не получая отъ тебя такъ долго извѣстій и выпросился, чтобъ меня послали сюда, вмѣстѣ съ моимъ полкомъ.

Говоря это, онъ всматривался въ печальное лицо ребенка, въ заплаканные глаза Онорины и бѣдную обстановку комнаты, угадывая по всему этому всѣ скрытыя страданія, слезы и лишенія. Г-жа Жервезе, смущенная его пытливымъ взглядомъ, казалось, проникавшемъ въ тайну ея души, спросила:

— Ты обѣдаешь съ нами, Жоржъ?

— Я обѣдаю сегодня у генерала... Не бойся, мальчуганъ, я не съѣмъ твоей доли, сказалъ онъ, обнимая Поля, который, чувствуя въ немъ друга и защитника, проскользнулъ между его колѣнъ и водилъ руками по золотому шитью его мундира.

— Я нахожу въ тебѣ большую перемѣну, Жанна, снова обратился онъ къ сестрѣ.

— Увѣряю тебя, что я здорова...

— Ну, до завтра... я хотѣлъ только повидаться съ тобой сегодня... Такъ завтра послѣ полудня я навѣрно застану тебя дома?

— Такой вопросъ совершенно лишній съ твоей стороны.

— Такъ до свиданія... мнѣ надо о многомъ поговорить съ тобой! докончилъ онъ съ рѣшимостью.—Ну, Онорина, сказалъ онъ провожавшей его горничной,—завтра у насъ будетъ жаркое сраженіе. Чортъ возьми! я все еще робѣю передъ нею, какъ школьникъ.

LXVI.

На другой день г-жа Жервезе ждала брата съ тревожнымъ волненіемъ. Онъ пришелъ ровно въ часъ и, сѣвъ возлѣ нея на канапе, сказалъ, дотрогиваясь до его деревянной спинки:

— Какъ это жестко для твоей спины, Жанна!

— Я къ этому привыкла.

— А остальная мебель? полъ безъ ковра... У тебя во Франціи была такая хорошенькая гостиная...

— Да, но во мнѣ произошли большія перемѣны...

Братъ и сестра молчали нѣсколько минутъ.

— Ты не видишься болѣе съ г. Рейневалемъ? снова заговорилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ.

— Ни съ де-Жербуа?

— Мнѣ запрещено.

— Такъ ты не видишься ни съ кѣмъ?

— Ни съ кѣмъ.

— Твое платье очень старо, милая Жанна.

— Оно для меня еще годится.

— Но куда же уходитъ твое состояніе? твои деньги? спросилъ онъ съ живостью.

— Ты хочешь знать куда? сказала г-жа Жервезе сухо:—я отдаю ихъ духовенству... бѣднымъ, поправилась она.

Снова наступило молчаніе. Молодой офицеръ первый прервалъ его.

— Жанна, прежде ты была мнѣ сестрой... Ты почти замѣняла мнѣ мать... Мы свидѣлись послѣ долгой разлуки, и...

— Увѣряю тебя, что я очень обрадовалась твоему пріѣзду.

— Сколько времени я не получалъ отъ тебя писемъ, тогда какъ прежде ты писала каждую недѣлю!...

— Не знаю, право, сказала она опустивъ голову,—этому ужъ такъ давно... Прости меня... Но что бы я могла тебѣ написать въ томъ расположеніи духа, въ какомъ я нахожусь?

— Все таки это было бы хоть что нибудь отъ тебя... Ахъ! зачѣмъ ты пріѣзжала сюда?...

— Тебѣ вѣрно писали изъ Рима?... де-Жербуа? можетъ быть, Онорина?... почемъ я знаю... Ты предубѣжденъ...

— Предубѣжденъ! вскричалъ онъ, вставая;—но стоитъ взглянуть на тебя... послушать тебя... Не ты ли мнѣ сказала, что прервала всѣ прежнія связи и знакомства?

Онъ быстро ходилъ по комнатѣ и говорилъ отрывисто, останавливаясь передъ г-жею Жервезе; она сидѣла неподвижно, не отвѣчая ни слова.

— Одно то, какъ ты говоришь съ Онориной... какъ ты обращаешься съ нею... А какъ ты приняла меня вчера?... Не быть привязанной ни къ кому на землѣ... не имѣть ни родныхъ, ни друзей... ничего... никого не любить... А твой сынъ? Да развѣ ты мать?... А между тѣмъ, ты вдвойнѣ должна быть ему матерью... И этотъ жалкій, заброшенный ребенокъ—это твой сынъ?! Послѣдній нищій счастливѣе его... Да, ты моришь его съ голоду... кого-же? твоего родного сына... твоего собственнаго ребенка...

— Я? морю его съ голоду?

— Да развѣ у тебя нѣтъ глазъ? взгляни на него... взгляни на его лицо... онъ весь въ сыпи, въ угряхъ... А отчего? Я тебѣ скажу. Оттого, что твоя горничная изъ жалости кормитъ его обрѣзками говядины...

Ужасъ выразился въ глазахъ г-жи Жервезе, они какъ будто впервые раскрылись на земные предметы, и она увидала то, что происходило передъ нею. Она бросилась къ ребенку, охватила его обѣими руками, цѣловала его, и долго судорожныя рыданія потрясали все ея существо. Братъ ея далъ ей выплакаться, и потомъ твердо и рѣшительно сказалъ:

— Жанна, римскій воздухъ нездоровъ для тебя... Четыре года, прожитые тобою здѣсь, не улучшили твоего здоровья. Черезъ двѣ недѣли я окончу въ Римѣ свои дѣла и мы уѣдемъ. Я увезу тебя во Францію, ты проведешь со мною зиму въ Алжирѣ... Завтра я поведу тебя къ модисткѣ, ты одѣнешься въ приличное платье и чрезъ нѣсколько дней, вмѣстѣ со мной, посѣтишь всѣхъ твоихъ старыхъ знакомыхъ.

Г-жа Жервезе слушала его, едва понимая, что онъ говоритъ. Когда онъ кончилъ, она знакомъ просила предоставить ее самой себѣ. Онъ снова заходилъ по комнатѣ, въ тревожномъ ожиданіи, что она скажетъ, желая и въ то же время боясь услыхать ея первыя слова, и не чувствуя въ себѣ мужества даже негодовать на нее. А ребенокъ, забытый посреди этой трагической сцены, съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ то на мать свою, то на офицера.

Г-жа Жервезе молчала впродолженіи четверти часа. Она чувствовала, что послѣднія силы ея истощились и она падаетъ подъ бременемъ образа жизни, ею самою избраннаго. Наконецъ, она уступила истощенію своихъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Она не могла болѣе жить такъ. Смерть запоздала и не взяла ее во время. Уже цѣлый мѣсяцъ она мучилась, борясь съ своимъ безсиліемъ. Наконецъ, внезапное появленіе брата, какъ появленіе призрака и преступленіе противъ сына, кинутое ей въ лицо,—все это было рѣшительнымъ толчкомъ, озарившимъ передъ нею негодность ея души, и, подъ вліяніемъ этого толчка, разбившаго ея внутреннее существо, распалась женщина, созданная Римомъ.

— Я сдѣлаю все, что ты желаешь, медленно сказала г-жа Жервезе прерывая молчаніе,—прошу у тебя только одного, продолжала она съ колебаніемъ, — позволь мнѣ передъ отъѣздомъ получить благословеніе папы.

Братъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— До завтра, Жоржъ!

И на этотъ разъ она сама уже поцѣловала его.

LXVII.

Г-жа Жервезе дѣйствительно согласна была на все, что обѣщала своему брату, и охотно выполняла всѣ его распоряженія. Когда модистка принесла ей примѣрить заказанное платье, Онорина была удивлена нѣкоторыми замѣчаніями своей госпожи, доказывавшими возвращеніе ея природнаго вкуса. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ, она посѣтила всѣхъ своихъ прежнихъ знакомыхъ, и вела себя такъ непринужденно, какъ будто видѣлась съ ними только наканунѣ, такъ что никто не могъ бы повѣрить, что это та самая женщина, о маніи которой ходило такъ много толковъ въ римскомъ обществѣ. Она послала своего сына къ доктору Монтероне, но сама упорно отказалась его видѣть и братъ ея не счелъ нужнымъ настаивать на этомъ.

Въ слѣдующіе дни онъ водилъ ее на гулянья, катался съ нею по окрестностямъ, заставлялъ ее обѣдать въ трактирахъ и не разставался съ нею ни на минуту, стараясь заставить ее забыть прошлое. Она поддавалась безъ сопротивленія всему, что онъ желалъ, благодарила его за его доброту, иногда улыбалась его смѣху, иногда роняла какое-нибудь серьезное замѣчаніе на счетъ того, что они осматривали. Однакожь, подъ этой спокойной наружностью, братъ ея замѣчалъ глухую, внутреннюю работу, тягостное, постоянное усиліе выдти изъ остолбенѣнія, стряхнуть съ себя изнурительный сонъ, оковывавшій ея способности. Особенно въ тѣ минуты, когда она возвращалась отъ знакомыхъ, маска оживленія внезапно исчезала, и братъ ея, глядя на нее, видѣлъ, что она вся отсутствуетъ и умъ ея витаетъ гдѣ-то далеко.

Странный феноменъ совершался съ этой женской натурой: въ то время, какъ надъ ней тяготѣла и давила ее въ тискахъ, желѣзная рука монаха, въ то время, какъ она, изъязвленная, окровавленная, полумертвая, изнемогала подъ бременемъ покаянія, нравственное и физическое существо ея подъ вліяніемъ бичующаго самовозбужденія, могло еще стоять на ногахъ, дѣйствовать, стремиться впередъ, брать на себя невозможные подвиги, превышавшіе ея силы, какъ чахлое, надорванное животное, которое все еще поднимается подъ ударами кнута. Теперь же, когда побудительная причина исчезла, вся жизненная сила оставила ее и ею овладѣло необъятное утомленіе, которое съ каждымъ днемъ ей становилось все труднѣе преодолѣть. Между тѣмъ она напрягала всѣ усилія, чтобъ казаться оживленной и счастливой въ обществѣ брата и сына. Она не могла болѣе разстаться съ Полемъ; онъ былъ ей нуженъ каждую минуту; засыпая и просыпаясь, она держала его при себѣ, на своей постели, у своихъ ногъ, даже въ полудремотѣ наслаждаясь его присутствіемъ, какъ выздоравливающая больная. Во время катанья, она любила держать его руки въ своихъ; закутывая его въ свою шаль, она ревниво прижимала его къ себѣ, дышала его дыханіемъ, почерпала жизнь въ его глазахъ, которые уже свѣтились не грустью, а тихимъ сіяніемъ счастья.

Ея обращеніе съ Онориной тоже измѣнилось: говоря съ нею, она какъ будто извинялась и просила прощенія. Онорина весело приготовлялась къ отъѣзду изъ этого рокового города; она цѣлый день перебирала ящики и комоды, свертывала, развертывала и укладывала узлы и чемоданы, нѣсколько удивляясь равнодушію, съ какимъ относилась ея госпожа ко всѣмъ ея приготовленіямъ.

LXVIII.

— Дай сюда!... сказала г-жа Жервезе Оноринѣ, и взяла у нея изъ рукъ письмо, принесенное папскимъ жандармомъ: внизу печати: Anticamera pontificia, она прочла свое имя. Сердце ея сильно забилось; съ минуту она не осмѣливалась распечатать оффиціальнаго папскаго посланія: въ немъ заключалось одно изъ величайшихъ событій ея жизни. Затѣмъ, съ живостью разломавъ печать, она пробѣжала письмо, на половину напечатанное, на половину написанное, помѣченное августѣйшимъ мѣстопребываніемъ папы: Vaticano и заключавшее въ себѣ объявленіе, что его святѣйшество удостоиваетъ принять ее на аудіенціи, въ субботу, 30 апрѣля, въ пять часовъ по полудни.

Она перечла письмо, разобрала по складамъ неразборчивую подпись церемоніймейстера, какъ бы желая удостовѣриться въ дѣйствительности этого посланія. Не выпуская его изъ рукъ, она взглянула на свое черное платье и черное покрывало, приготовленныя на канапе. Такъ это совершится завтра! Она будетъ принята главою католическаго міра,—она увидитъ папу! Она забывала свою встрѣчу съ нимъ два года тому назадъ, въ окрестностяхъ Рима, и какимъ простымъ, обыкновеннымъ смертныхъ показался онъ ей тогда! Заранѣе она видѣла его преображеннымъ и готовилась приблизиться къ нему, какъ къ изображенію, къ отблеску божества, поклониться ему, какъ земному Богу. Передъ глазами ея пронеслось будто сіяніе, ей показалось, что она стоитъ въ преддверіи неба, облитая лучами ослѣпительнаго свѣта. Весь день она носила съ собой раскрытое письмо, пробѣгая его взоромъ; она уже не перечитывала его, но чувствовала себя счастливой, прикасаясь къ нему. Ложась въ постель, она приколола его къ занавѣсу, внутри кровати, чтобъ не разставаться съ нимъ и во снѣ.

LXIX.

— Боже мой! у меня идетъ кровь! сказала г-жа Жервезе своему брату, входившему въ ея комнату.

— Что-жь такое! ты вѣрно расцарапала себѣ десну...

— О нѣтъ! это вотъ отсюда...

И она поднесла руку къ груди.

— Такъ надо послать за докторомъ Монтероне.

— Я не хочу доктора Монтероне.

— Прими твои порошки.

— Ахъ да! порошки... дай мнѣ ихъ.

— Ты дурно провела ночь?

— Дурно?... нѣтъ... не знаю... я сама не помню, гдѣ я была сегодняшнюю ночь...

— У тебя былъ припадокъ кашля въ три часа... Онорина дала тебѣ выпить нѣсколько глотковъ воды, и ты успокоилась... въ пять часовъ ты опять закашлялась... Теперь у тебя жаръ... еслибъ ты была разсудительна, милая Жанна, ты бы отложила эту аудіенцію, мы бы поѣхали нѣсколькими днями позже.

— Отложить... мою аудіенцію? Нѣтъ... нѣтъ... я поѣду... я должна ѣхать...

Она приподнялась не много на кровати, какъ бы пробуя хватитъ ли у нея силъ.

— Я хочу ѣхать... Еще нѣтъ десяти часовъ. Оставь меня. Я постараюсь заснуть... я поѣду въ три часа.

Ровно въ три часа она позвонила Онорину, встала, заставила одѣть себя, поминутно останавливая ее, чтобъ отдыхать. Выпивъ глотокъ чаю, она обернулась къ брату:

— Ну, я готова, поѣдемъ...

Она прошла мимо него, выпрямившись, собравъ все свое мужество.

Подъ сводами колоннады храма Св. Петра, братъ и сестра разстались. Г-жа Жервезе, взявъ сына за руку, прошла мимо стражи, стоявшей у дверей Ватикана, и съ лихорадочною поспѣшностью начала входить на ступени широкой лѣстницы, останавливаясь на каждой минутѣ и опираясь на плечо Поля, чтобъ перевести духъ. Она вошла въ первую залу, гдѣ были люди въ красныхъ одеждахъ, съ непокрытыми головами; изъ этой залы въ другую съ папскими гербами на стѣнахъ. Она шла скоро и такъ крѣпко держала сына за руку, что ему становилось больно. Она прошла еще множество залъ, наполненныхъ стражей въ блестящихъ мундирахъ. По мѣрѣ того, какъ она шла, убранство комнатъ принимало характеръ все болѣе и болѣе духовный, а люди, толпившіеся въ нихъ, походили скорѣй на призраковъ, чѣмъ на живыя существа. Таинственный дворецъ тянулся нескончаемой амфиладой, какъ въ фантастическомъ снѣ, и она, какъ сонамбула, безсознательно шла впередъ.

Наконецъ, она очутилась въ залѣ, гдѣ стража изъ офицеровъ, выстроенныхъ въ два ряда, салютовала шпагами проходящихъ кардиналовъ. Тамъ она подала свое письмо, и его унесли на серебряномъ блюдѣ. Передъ нею явилась другая зала, величественная, тронная зала, съ бархатнымъ балдахиномъ и позолоченымъ кресломъ, гдѣ скользили неслышными шагами служители въ шелковыхъ камзолахъ и бархатныхъ мантіяхъ, съ фрезами на шеѣ.

Пока она ждала, великій пенитенціаръ, выхлопотавшій ей аудіенцію, подошелъ и заговорилъ съ нею, но біеніе ея сердца было такъ сильно въ эту минуту, что мѣшало ей слушать, и она отвѣчала только наклоненіемъ головы и машинальной, неподвижной улыбкой.

Наконецъ, она дошла до послѣдней комнаты, не видя болѣе никого, устремивъ глаза на дверь,— на дверь за которой находился папа.

Внезапно раздался звонокъ, потрясшій ее съ головы до ногъ: дверь растворилась на обѣ половины. Она приподнялась какъ бы во снѣ, почти подбѣжала къ порогу и вдругъ остановилась пораженная красноватымъ отблескомъ пурпуровой залы, подняла руки вверхъ и медленно опустилась на своего ребенка.

Поль обхватилъ ее поперегъ тѣла; струя крови показалась у ней на губахъ... онъ приложилъ ухо къ ея груди и услыхалъ, какъ кровь хлынула оттуда также быстро, какъ вода изъ горлышка бутылки... Онъ поддерживалъ ее, подавленный тяжестью ея тѣла, качавшагося въ пространствѣ. Два раза онъ позвалъ ее,—она не отвѣчала: трупъ выскользнулъ изъ рукъ ребенка и упалъ на полъ.

Тогда внезапно изъ разбитаго сердца искалеченнаго ребенка, какъ бы озареннаго лучомъ разума, вырвалось совершенно отчетливо, съ раздирающимся воплемъ, одно только слово:

— Мать!

Произвольныя измѣненія человѣческаго тѣла.

Статья д-ра **Рюдингера**.

Природа одарила человѣка прекраснымъ тѣлосложеніемъ: соотвѣтственность внѣшнихъ формъ и гармоническое развитіе всѣхъ его внутреннихъ органовъ превосходятъ все, что мы видимъ, въ этомъ отношеніи, у прочихъ живыхъ существъ. Если только человѣческое тѣло организовано нормально и не встрѣтило никакихъ значительныхъ препятствій для своего полнаго развитія, оно заключаетъ въ себѣ такую мощность, которая позволяетъ ему съ успѣхомъ противостоять многимъ непріязненнымъ природнымъ вліяніямъ.

Но, по странной чертѣ, отличающей всю человѣческую породу, — нѣкоторые индивиды остаются недовольными тѣми прекрасными, формами и красками, которыми надѣлила ихъ мать-природа, и прибѣгаютъ къ различнымъ исправленіямъ своей наружности. Нѣкоторыя изъ этихъ поправокъ проводятся съ такою настойчивостью и въ такой степени, что ослабляютъ на все продолженіе жизни драгоцѣннѣйшее сокровище человѣка: здоровье. Недовольный своею наружностью, человѣкъ старается передѣлать почти всѣ части своего тѣла, начиная съ цвѣта кожи, головы, потомъ груди, и кончая ногами и руками.

Недовольство это исходитъ, первоначально, изъ слѣдующей причины: природа надѣлила человѣка однообразнымъ бѣлымъ, желто-сѣрымъ, коричневымъ или чернымъ цвѣтомъ кожи, между тѣмъ какъ окружающія его растенія и животныя украшаются самыми пестрыми и красивыми цвѣтами. Человѣкъ не могъ безъ зависти смотрѣть на блестящую чешую пресмыкающихся, пестрыя перья птицъ и затѣйливые узоры на шкурѣ нѣкоторыхъ млекопитающихъ. Чтобы приравнять себя къ ихъ красѣ, онъ взялъ кисть и принялся размалевывать себѣ тѣло яркими штрихами и причудливыми изображеніями. Сѣверо-американскіе индѣйцы, собираясь на пляску, покрываютъ большую часть своего тѣла охрой, употребляя на такое прихорашиваніе отъ четырехъ до шести часовъ времени. Африканскіе туземцы натираютъ свое тѣло масломъ для приданія ему блеска; жены и дочери ихъ раскрашиваютъ себѣ, сверхъ того, щеки, носъ и волоса красною краской, къ которой подмѣшиваютъ, для прочности, большое количество жира. Черномазыя обитательницы берега Сіерра-Леоне проводятъ бѣлыя, синія и красныя полосы по своему лицу и по всѣмъ непокрытымъ частямъ тѣла. Спиксъ и Марціусъ разсказываютъ, что туземцы въ лѣсахъ Табатинга потому только красятъ одинъ лобъ красною и черною краской, что всѣ остальныя части ихъ лица пробуравлены и усѣяны иглами и перьями.

Точно также съ незапамятныхъ временъ существуетъ обычай размалевывать себѣ тѣло; его держались какъ азіятскіе народы, такъ и населеніе Новой Зеландіи, острововъ Соломона и острововъ Товарищества. Жители всѣхъ этихъ странъ покрываютъ свое тѣло разнообразными пестрыми красками, но нѣкоторые народы излюбливаютъ особенно какой либо отдѣльный цвѣтъ; такъ, готтентотки приготовляютъ себѣ золотисто-желтую краску изъ сока одного благовоннаго растенія. Японки и айносіи предпочитаютъ пурпуровый, зеленый и голубой цвѣта, которыми онѣ выводятъ полосы и фигуры на губахъ и различныхъ другихъ частяхъ своего тѣла. Австралійцы мажутъ себѣ лицо и волоса охрой, мѣломъ и углемъ, а въ торжественныхъ случаяхъ простираютъ это украшеніе и на прочія части тѣла.

Согласно изслѣдованіямъ Тидемана, различныя особенности въ раскраскѣ тѣла у этихъ дикарей не только указываютъ на различіе сословій, но видоизмѣняются еще, смотря по цѣли, для которой совершается туалетъ, — то есть, сообразно тому, отправляется ли дикарь на пляску, на войну, или же поминаетъ скорбное, или радостное событіе.

Преданіе гласитъ, что египетскія кокетки уже и въ самыя древнія времена имѣли обыкновеніе подкрашивать себѣ брови и вѣки чернымъ порошкомъ, съ цѣлью увеличивать размѣръ своихъ глазъ и придавать имъ болѣе рѣзкія очертанія. (На одной ли театральной сценѣ сохранился до сихъ поръ этотъ обычай?..)

Гречанки, римлянки и германки были тоже знакомы съ употребленіемъ личныхъ притираній. Уже греческій поэтъ Аристофанъ влагаетъ въ уста Калоники (въ своей «Лизистратѣ») слѣдующія слова:

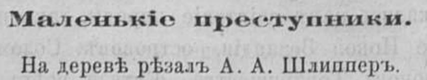
«..... мы здѣсь сидимъ, увѣнчаны цвѣтами,
Въ шафрано-желтыхъ платьяхъ, натеревъ лицо,
Въ одеждахъ длиннополыхъ, въ модныхъ башмакахъ...»

Изъ этихъ словъ видно, что вмѣстѣ съ волочащимися подолами и модными башмаками, въ туалетѣ древнихъ гречанокъ красовались тоже румяна и бѣлилы. Все это унаслѣдовано и нашими современными женскими обычаями...

Необходимость возобновлять стирающуюся окраску тѣла, по всей вѣроятности, дала первую мысль къ увѣковѣченію рисунковъ и красокъ на кожѣ. Съ этою цѣлью, люди стали прокалывать себѣ кожу металлическими иглами или, за ихъ недостаткомъ, раковинами, заостренными птичьими костями, колючками растеній, рыбьими косточками и пр., послѣ чего натирали пораненныя мѣста красками въ жидкомъ видѣ. Проникая въ болѣе глубокіе слои кожи, эти краски, за небольшими видоизмѣненіями, могли оставаться явственными на всю жизнь человѣка. Эта мучительная операція извѣстна подъ названіемъ «татуированія». Особенно процвѣтаетъ это искусство у новозеландцевъ; они славятся съ давнихъ временъ разнообразіемъ и обиліемъ правильной разрисовки своего тѣла, на которомъ изображаются геройскіе подвиги частныхъ лицъ и отличія одного сословія отъ другого. У нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ, татуированіе начинается на 8-мъ году жизни и продолжается до 40-лѣтняго возраста. Тидеманъ говоритъ, что фигуры, увѣковѣченныя такимъ образомъ на тѣлѣ дикарей, изображаютъ числа, львовъ, тигровъ, баснословныхъ птицъ и демоновъ. Женщины имѣютъ право татуировать себя лишь на строго опредѣленныхъ частяхъ тѣла и не столь обильно, какъ мужчины. Туземцы сѣверной и южной Америки употребляютъ четыре красильныхъ вещества: черное, синее, красное и желтое. Къ изображеніямъ растеній, птицъ и змѣй, они прибавляютъ еще уродливыя фигуры своихъ духовъ-охранителей; такимъ образомъ, на тѣлѣ какого-нибудь воина, изображается символически вся исторія его жизни. У эскимосовъ, мать татуируетъ своимъ дочерямъ, съ самого ранняго возраста, ихъ лобъ, подбородокъ, обѣ стороны рта и руки. Южные африканцы тоже татуируются, покрывая себѣ тѣло

Картина ЗОНДЕРЛАНДА.

Маленькіе преступники.



На деревѣ рѣзалъ А. А. Шлипперъ.

съ ногъ до головы разнообразнѣйшими рисунками.

Этотъ обычай не чуждъ и Европѣ; рабочіе и солдаты тоже начертываютъ себѣ памятныя фигуры, имена и числа на груди или на рукахъ, накалывая избранное мѣсто и потомъ натирая его синею или красною краскою. Но нѣкоторыя туземныя племена Новой Голландіи, Африки и Южной Америки, недовольные еще безцвѣтностью татуировки на ихъ совершенно темной кожѣ, въ видахъ усовершенствованія, производятъ на своемъ тѣлѣ рубцы съ самого дѣтства, съ цѣлью произвести бьющіе въ глаза рисунки или свои отличительные признаки. Мозамбикскіе негры украшаютъ себѣ, такимъ образомъ, лицо надрѣзами, расположенными въ извѣстномъ порядкѣ, служащемъ отличіемъ каждаго отдѣльнаго племени. Такъ, дункасы бороздятъ себѣ рубцами почти все тѣло, а макуасы—только лобъ, носъ и подбородокъ, протягивая эти черты поперегъ всего лица. Нѣкоторыя племена въ Африкѣ и Австраліи продолжительное время поддерживаютъ у себя на груди и животѣ раны, которыя, заживъ наконецъ, образуютъ весьма рельефные большіе рубцы, числомъ до трехъ или болѣе. По отзыву Ливингстона, атимбоки (въ Африкѣ) ухитряются производить у себя на лицѣ, посредствомъ пораненій, прыщи, въ родѣ угрей или бородавокъ, благодаря чему дѣвушки уже въ молодости пріобрѣтаютъ безобразный и старческій видъ. Лѣсные обитатели Табатинга (въ Южной Америкѣ) дѣлаютъ себѣ глубокіе надрѣзы на рукахъ въ доказательство своей силы и самообладанія (Спиксъ и Марціусъ). Равнымъ образомъ, съ цѣлью затруднить похищеніе дѣтей, всѣмъ новорожденнымъ въ Меккѣ дѣлаютъ три длинные надрѣза на щекахъ и вискахъ.

Лицо, въ качествѣ части тѣла, незакрытой одеждой, бываетъ главнымъ предметомъ украшеній, какъ у дикарей, такъ и у цивилизованныхъ народовъ. Самыя неразвитыя племена избираютъ при этомъ наиболѣе выдающуюся часть лица, именно носъ, который пробуравливаютъ съ цѣлью украсить его различными вещами. Африканскіе, азіятскіе и американскіе дикари прокалываютъ для этого носовую перегородку, а жительницы Египта, Багдада, Персіи и Индіи продѣваютъ большія кольца въ свои довольно крупныя ноздри. Кольца, продѣваемыя такимъ образомъ аравитянками, приготовляются изъ золота, толщиною не менѣе гусинаго пера, и пусты внутри; при болѣе торжественныхъ случаяхъ, эти кольца украшаются еще подвѣсками изъ дорогихъ каменьевъ. Иногда въ оба носовыя крыла втыкаются крупныя золотыя пуговицы.

Ульрихъ Шмидель, посѣтившій Бразилію и Парагвай въ 1553—1558 г., разсказываетъ, что индѣйцы береговъ Ла-Платы носятъ цвѣтной камень въ носовой перегородкѣ; въ другомъ туземномъ значительномъ племени господствуетъ обычай втыкать такимъ же образомъ большое попугаевое перо.

Дикари, обитающіе на берегахъ Горнаго озера близъ Полярнаго моря, втыкаютъ деревянныя иглы въ искуственно продѣланныя въ носу отверстія, украшая ихъ еще безчисленными погремушками при торжественныхъ случаяхъ. Наиболѣе отличаются въ этомъ отношеніи эскимосы. Женщины этого племени до того обременяютъ свой носъ различными костями и раковинами, что онъ спускается у нихъ до самого рта въ пожиломъ возрастѣ. Араканскіе индѣйцы продѣваютъ черезъ носовую перегородку бамбуковую палочку, на которую насаживаютъ всевозможныя затѣйливо вырѣзанныя украшенія. Мехиканская туземная знать старается выразить свое отличіе отъ низшихъ классовъ народа тѣмъ, что продѣваетъ себѣ въ носъ золотыя кольца.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Совѣсть.

Виктора Гюго.

(Légende des siècles I-ère série.)

Переводъ С. А. Андреевскаго.

Когда взъерошенный, дрожащій и суровый
Сталъ Каинъ убѣгать отъ взоровъ Іеговы
И съ племенемъ своимъ покинулъ край родной,
Однажды онъ достигъ равнины луговой.
Ужъ вечеръ наступилъ и, чуть дыша отъ бѣга,
Просила вся семья у Каина ночлега.
Онъ сталъ — и всѣ легли. Когда-жъ глубокимъ сномъ
Весь родъ его почилъ, онъ въ сумракѣ ночномъ
Увидѣлъ въ небесахъ, что съ темнаго востока
Глядѣло на него всевидящее око.
«Я близокъ отъ Него», онъ съ трепетомъ сказалъ
И громкимъ голосомъ уснувшихъ онъ позвалъ,
И старая жена и внуки пробудились
И въ бѣгство дикое за Каиномъ пустились.
И долго, день и ночь, онъ, ужасомъ объятый,
Бѣжалъ безъ отдыха. На день-же тридесятый
Пришелъ онъ къ берегу невѣдомой страны
И море увидавъ, «теперь мы спасены»,
Сказалъ онъ съ радостью. «Достигли мы предѣла,
Гдѣ свѣтъ кончается. Тутъ жить мы можемъ смѣло».
Но чуть лишь онъ присѣлъ, усталостью томимъ,
Какъ въ той-же сторонѣ, гдѣ прежде, передъ нимъ
Явилось око вновь на синемъ небосклонѣ.
Тогда, не видя мѣстъ, куда бы отъ погони
Онъ дальше могъ бѣжать, онъ дѣтямъ закричалъ:
«Спасите вы меня!» Онъ въ ужасѣ дрожалъ
И съ трепетомъ нѣмымъ сыны его и внуки
Глядѣли на его безпомощныя муки.
И Каинъ молвилъ имъ: «поставьте предо мной
Палатку бѣлую воздушною стѣной».
Палатка вознеслась и маленькая Тсилла,
Дитя кудрявое, у дѣдушки спросила:
«Ты видишь что нибудь?» и Каинъ отвѣчалъ:
«Я око вижу тамъ».—Тогда старикъ Ювалъ,
Чей родъ былъ такъ силенъ, замѣтилъ: «погоди ты,
Съумѣю отыскать я средство для защиты».
Онъ стѣну мѣдную воздвигъ и, позади
Поставивъ Каина, сказалъ ему: «гляди!»
И Каинъ поглядѣлъ. «Я око вижу снова»,
Сказалъ онъ съ горестью. И способа иного
Всѣ начали искать. Енохъ сказалъ: «постой!
«Мы крѣпость выстроимъ. Зубчатою стѣной
Ее мы обнесемъ. Работой совокупной
Воздвигнемъ городъ мы большой и недоступный».
Трудились день и ночь, и дѣти, и отцы,
Желѣзо грудами ковали кузнецы,
И городъ былъ готовъ: то городъ былъ на славу!
Пока онъ строился, прохожимъ всѣмъ облаву
Въ пустынѣ дѣлали и всѣмъ кололи очи,
И слали тучи стрѣлъ благимъ свѣтиламъ ночи.
Палатку замѣнилъ незыблемый гранитъ,
Желѣзные узлы гнѣздились между плитъ
И стѣны толщиной равнялися съ горами;
Нагнали башни ночь обширными тѣнями
На весь ближайшій край; вдоль стѣнъ, со всѣхъ сторонъ,
Виднѣлись надписи: «входъ Богу воспрещенъ».
Когда-жъ тяжелый трудъ потомки завершили
И предка своего въ тотъ городъ посадили,
Въ середку самую, въ ту башню безъ окна,
Гдѣ толще всѣхъ была гранитная стѣна,—
Остался онъ угрюмъ. И снова внучка Тсилла
«Исчезъ-ли нынче глазъ?» у Каина спросила.
И Каинъ отвѣчалъ: «о нѣтъ, дитя,—онъ тамъ!»
Тогда онъ объявилъ и внукамъ, и сынамъ:
«Спасетъ меня одна подземная гробница,
Я въ ней забуду міръ и всѣ людскія лица».
И яму вырыли, и Каинъ молвилъ: «такъ!
«Размѣръ ея хорошъ». Спустился онъ во мракъ
И въ ямѣ сѣлъ на стулъ. Когда-жъ его закрыли,
Землей засыпали, и дѣти положили
Плиту надъ Каиномъ, запрятаннымъ глубоко,—
Въ могилѣ встрѣтилъ онъ всевидящее око.

Говорящій фонографъ.

Этотъ аппаратъ, вновь доказывающій ту изумительную изобрѣтательность, которая характеризуетъ наше столѣтіе, состоитъ въ слѣдующемъ: говорильная труба А (рис. 1) снабжена внутри тонкою металлическою, поперечною перегородкою; въ центрѣ этой перегородки находится игла, тоже металлическая. Мѣдный цилиндръ В насаженъ на валъ, снабженный винтовою нарѣзкою; валъ вращается въ направляющей гайкѣ; такимъ образомъ, цилиндръ, приводимый въ вращательное движеніе рукоятью С, совершаетъ одновременно горизонтальное движеніе передъ трубою А. Изъ этого видно, что игла, находящаяся на перегородкѣ въ трубѣ, проводитъ спиральный слѣдъ по поверхности цилиндра. На цилиндрѣ находится спиральный желобокъ одного хода съ нарѣзами на валѣ; сверхъ того, цилиндръ обернутъ тонкою жестяной полосою. Когда въ говорильную трубу А входятъ звуки, перегородка ея приходитъ въ колебаніе, чѣмъ

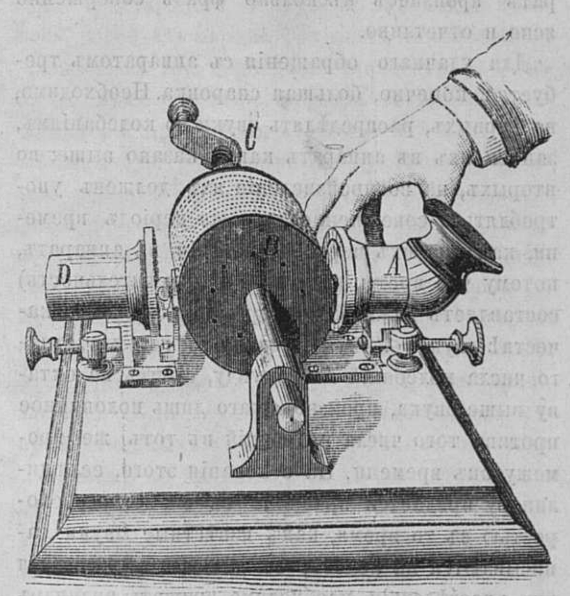


Рис. 1.

заставляетъ иглу соприкасаться съ жестью въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ эта послѣдняя пересѣкаетъ спиральный желобокъ. Не поддерживаясь здѣсь металломъ цилиндра, жесть зазубривается, причемъ эти зазубрины служатъ точнымъ воспроизведеніемъ звуковъ, бывшихъ причиною ихъ появленія.

До сихъ поръ, аппаратъ не отличается еще ничѣмъ отъ уже извѣстныхъ «фонографовъ» или «звукописателей» Марея, Розапелли, Скотта и Барло. Но изобрѣтатель описываемаго нами аппарата, Томасъ Эдисонъ, не остановился на достигнутыхъ результатахъ; его аппаратъ не только пишетъ подъ диктовку, но и прочитываетъ написанное.

Читающій механизмъ состоитъ тоже изъ перегородки, находящейся въ трубѣ Д, на противоположной сторонѣ аппарата, и металлической иглы, падавливаемой на жестяную полосу цилиндра весьма чувствительною пружиной. Для произведенія колебаній воздуха безразлично, будетъ-ли игла проходить по чему либо, или же это нѣчто по иглѣ; въ настоящемъ случаѣ, движется именно вышеназванная полоса жести, приводя въ колебаніе иглу, при соприкосновеніи ея съ произведенными уже зазубринами. Колебанія необходимымъ образомъ должны быть вполнѣ тожественны съ тѣми, которыми были произведены зазубрины въ жести, и эти колебанія, передан-

ныя второй перегородкѣ, должны заставлять ее колебаться совершенно тожественно съ перегородкой въ говорильной трубѣ. На рис. 2 изобра-

Рис. 2·

жено вѣрное факсимиле линій и точекъ, производимыхъ иглою фонографа на полосѣ жести, съ тѣмъ различіемъ только, что на бумагѣ онѣ проведены гладко, а на жести представляютъ возвышенія и углубленія, названныя нами выше зазубринами, хотя это слово и не вполнѣ точно выражаетъ результатъ прикосновенія иглы фонографа къ жести. По отзыву журнала «Scientific American», въ редакціи котораго производились опыты надъ новымъ изобрѣтеніемъ, аппаратъ произнесъ нѣсколько фразъ совершенно ясно и отчетливо.

Для удачнаго обращенія съ аппаратомъ требуется, конечно, большая сноровка. Необходимо, во первыхъ, распредѣлять звуки по колебаніямъ, занося ихъ въ аппаратъ какъ указано выше; во вторыхъ, на воспроизведеніе ихъ долженъ употребляться совершенно тотъ же періодъ времени, какъ на ихъ первое занесеніе въ аппаратъ, потому что время (т. е. его продолжительность) составляетъ важный факторъ въ свойствѣ и качествѣ звуковъ. Звукъ, состоящій изъ извѣстнаго числа колебаній въ секунду, стоитъ на октаву выше звука, производящаго лишь половинное противъ того числа колебаній въ тотъ же промежутокъ времени. На основаніи этого, если цилиндру придается вращеніе съ извѣстною скоростью въ то время, какъ извѣстные звуки записываются на полосѣ, то для воспроизведенія ихъ впослѣдствіи, необходимо вращать цилиндръ съ совершенно такою же степенью скорости; иначе, звуки выразятся совершенно другими нотами, стоящими выше или ниже въ звуковой гаммѣ. Достиженіе безупречной тождественности возможно только при устройствѣ вращательнаго движенія механическимъ способомъ. Аппаратъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, представляетъ еще только первообразъ фонографическаго снаряда, который, собственно, долженъ распадаться на два отдѣльныя цѣлыя: часть, воспринимающую письменно звуки, и часть, читающую ихъ вслухъ. Когда снарядъ Эдисона будетъ доведенъ до такого совершеннаго вида, дѣйствіе его можетъ быть выражено, схематически, такимъ образомъ: первый снарядъ напишетъ записку, которая будетъ переслана по назначенію, хотя по почтѣ, съ указаніемъ на степень скорости вращенія цилиндра. Получатель, наладивъ свой читающій аппаратъ на указанную скорость вращенія, услышитъ слова, произнесенныя его отдаленнымъ корреспондентомъ. Незначительныя различія въ степени быстроты вращенія не произведутъ смѣшенія звуковъ, а будутъ только способны измѣнить діапазонъ голоса, т. е. придавать мужскому басу тонъ дѣтскаго дисканта, или на оборотъ.

Всѣ извѣстныя до сихъ поръ машины для воспроизведенія человѣческаго голоса, при всемъ своемъ остроумномъ устройствѣ, отличались монотонностью звука, но въ описанномъ нами снарядѣ Эдисона мы не видимъ никакихъ сложныхъ приспособленій, никакихъ подлаживаній подъ строеніе человѣческой гортани, губъ и пр.; весь аппаратъ состоитъ изъ небольшаго ящика, въ одинъ кв. футъ величиною, и самыхъ несложныхъ металлическихъ частей; между тѣмъ, этотъ аппаратъ можетъ передавать рѣчь каждаго изъ насъ съ такою реальностью, которая не можетъ не поражать даже людей, знакомыхъ со всѣми успѣхами научной техники въ послѣднее время.—И мало того, что фонографъ будетъ приносить намъ звуки знакомыхъ голосовъ издалека: онъ позволитъ намъ слышать даже голоса тѣхъ, которыхъ уже не будетъ на землѣ. Чудные голоса Патти, Гэрстеръ, Нильсонъ, Лавровской, не умрутъ вмѣстѣ съ ними; они проживутъ среди насъ столько времени, сколько проживетъ увѣковѣчивающій ихъ въ себѣ металлическій листъ; свидѣтель, отрекающійся на судѣ отъ своихъ прежнихъ показаній, услышитъ свой собственный голосъ, повторяющій его прежнюю рѣчь; завѣщатель проговоритъ свою волю въ предсмертную минуту, устраняя тѣмъ всѣ сомнѣнія на счетъ своихъ дѣйствительныхъ распоряженій... А такъ какъ оптическое искусство дѣлаетъ успѣхи съ своей стороны, то нѣтъ ничего невозможнаго, что мы увидимъ, когда нибудь, стереоскопическую фигуру умершаго артиста, воспроизведенную оптическими приспособленіями въ глубинѣ сцены, въ то самое время, какъ слухъ нашъ будетъ наслаждаться звуками его голоса, передаваемыми фонографическимъ аппаратомъ.

Обрядовая и театральная сторона въ жизни древняго міра.

(Статья вторая.)

Въ предыдущей статьѣ объ «обрядовой и театральной сторонѣ въ жизни древняго міра» мы коснулись тѣхъ обрядовъ, которыми сопровождалось въ Римѣ богослуженіе, похороны, воспоминанія объ усопшихъ. Въ настоящей статьѣ мы переходимъ къ театральнымъ представленіямъ въ древней Греціи.

Ни одно изъ воплощеній поэтическаго генія древнихъ не пустило такъ глубоко своихъ корней въ область современнаго намъ искусства, какъ аттическая драма. Тѣ саги, которыя лежатъ въ основѣ древнихъ трагедій, — «первобытныя саги Эллады, сокровищницы божественно—геройскихъ дѣяній»,—эти саги были не разъ переработаны новѣйшей литературой, въ приложеніи къ нашимъ измѣненнымъ воззрѣніямъ, при чемъ, разумѣется, не обошлось безъ насилованія, а подчасъ и конечнаго изуродованія старыхъ поэтическихъ темъ. Съ другой стороны, самая форма древняго искусства, въ ея величавой простотѣ, была предметомъ изученія и подражанія для писателей: Лессингъ указалъ на то, чему она могла научить; Гете нашелъ пути къ ея усвоенію. Но непосредственное воспроизведеніе уцѣлѣвшихъ до нашего времени греческихъ драмъ, съ сохраненіемъ всѣхъ подробностей ихъ мѣстной сценической постановки, составляетъ заслугу самого новѣйшаго времени. На берлинскомъ придворномъ театрѣ (и не только на немъ) дается ежегодно Антигона, трагедія Софокла, признаваемая какъ древними, такъ и новѣйшими критиками за одно изъ лучшихъ произведеній этого драматурга. Первое впечатлѣніе, производимое на зрителя этимъ представленіемъ, нѣсколько странно, иногда даже неблагопріятно: внѣшнее устройство сцены, не поднимающійся, а падающій занавѣсъ, своеобразный ходъ пьесы, чуждая намъ декламація и рѣчь, непривычность тѣхъ воззрѣній, на которыхъ построены трагическое развитіе и развязка драмы, — все это до такой степени ново для европейца, что поселяетъ въ него нѣкоторое предубѣжденіе, но оно скоро разсѣевается и онъ увлекается потокомъ дѣйствія...

Древняя сцена существенно отличалась своею внѣшностью отъ новѣйшей, въ чемъ наглядно убѣждаютъ читателя наши рисунки. На первомъ изъ нихъ изображена внутренность афинскаго театра. Окружныя колоннады служатъ подступами къ полукруглому, незанятому пространству, отдѣляющему сцену отъ зрителей; это пространство называется «орхестра» (откуда наше: оркестръ) и служитъ мѣстомъ пляски для хора. Посерединѣ этой площадки воздвигнутъ алтарь въ честь Діониса, бога, которому обязаны своимъ происхожденіемъ драматическія представленія. Пѣніе и пляска хора сопровождались часто игрою на флейтѣ, причемъ музыкантъ стоялъ передъ алтаремъ, промежду двухъ, вооруженныхъ жезлами, людей, составлявшихъ театральную полицію и наблюдавшихъ за сохраненіемъ порядка во время представленій. Начинаясь отъ орхестры идетъ, постепенно расширяющимися рядами, амфитеатръ, прислоненный къ южному скату городского холма. Такъ какъ такіе амфитеатры строились постоянно подъ открытымъ небомъ, то, для облегченія постройки, мѣсто для нихъ избиралось, обыкновенно, на совершенно не крутыхъ отлогостяхъ, причемъ ступени для сидѣнья высѣкались въ самой скалѣ; если же грунтъ былъ не скалистъ, то онѣ выкладывались изъ мрамора, какъ это и было въ афинскомъ театрѣ. Расположенныя радіусами лѣстницы вели къ верхнимъ рядамъ амфитеатра, раздѣляя его весь на множество клинообразныхъ отдѣловъ. Мѣста для сидѣнья не были, вообще, отдѣлены другъ отъ друга; исключеніемъ, въ этомъ случаѣ, были только нѣкоторыя, креслоподобныя сидѣнья, разсѣянныя между прочими, и еще весь нижній рядъ амфитеатра: тотчасъ за мраморнымъ балюстрадомъ, украшенномъ статуями Гермеса, шли мраморныя кресла, отведенныя, судя по ихъ надписямъ, для жрецовъ и другихъ высшихъ сановниковъ. Среднее кресло, поставленное прямо противъ сцены и разукрашенное рѣзьбою, назначалось для верховнаго діонисіева жреца, служившаго какъ бы представителемъ самого бога Діониса. Самая сцена возвышается на поперечной линіи полукруга, покоясь на фундаментѣ, украшенномъ барельефами съ изображеніемъ сатировъ и атлантовъ,—демоновъ, подвластныхъ Діонису. Она состоитъ изъ узкаго пространства, обрамленнаго одною заднею и двумя короткими боковыми стѣнами, богато отдѣланными въ архитектурномъ отношеніи и поднятыми въ два (или болѣе) этажа. При представленіи трагедіи, задняя стѣна изображала, обыкновенно, дворецъ мѣстнаго властителя, который появлялся, черезъ находившуюся здѣсь среднюю дверь, въ сопровожденіи своихъ оруженосцевъ, на сцену. Правая дверь служила для появленія лицъ городскихъ, лѣвая—для прибывающихъ издалека. Рядъ ступеней велъ со сцены на орхестру. Для перемѣны декорацій служили призмообразныя кулисы, съ различными изображеніями на своихъ трехъ сторонахъ. Машинная часть древнихъ театровъ была весьма удовлетворительна, если судить по тому, что задняя занавѣсъ могла исчезать мгновенно, открывая видъ во внутренность какого-нибудь храма или пещеры, а съ небесъ или изъ подъ земли появлялись боги, тѣни умершихъ и пр., — хотя вообще для полноты сценической иллюзіи требовалось нѣкоторое усиліе со стороны зрителей.

Какъ сказано выше, внѣшнее устройство древнихъ театровъ существенно отличалось отъ нынѣшняго: на сколько сценическое пространство было ничтожно въ сравненіи съ представляемымъ нашими театрами, на столько превосходилъ собою амфитеатръ всѣ, даже самые колоссальнѣйшіе, изъ нашихъ помѣщеній для публики. Миланскій театръ Ла-Скала, одинъ изъ огромнѣйшихъ въ мірѣ, можетъ вмѣщать не болѣе 3000 челов. зрителей, между тѣмъ какъ въ афинскомъ театрѣ

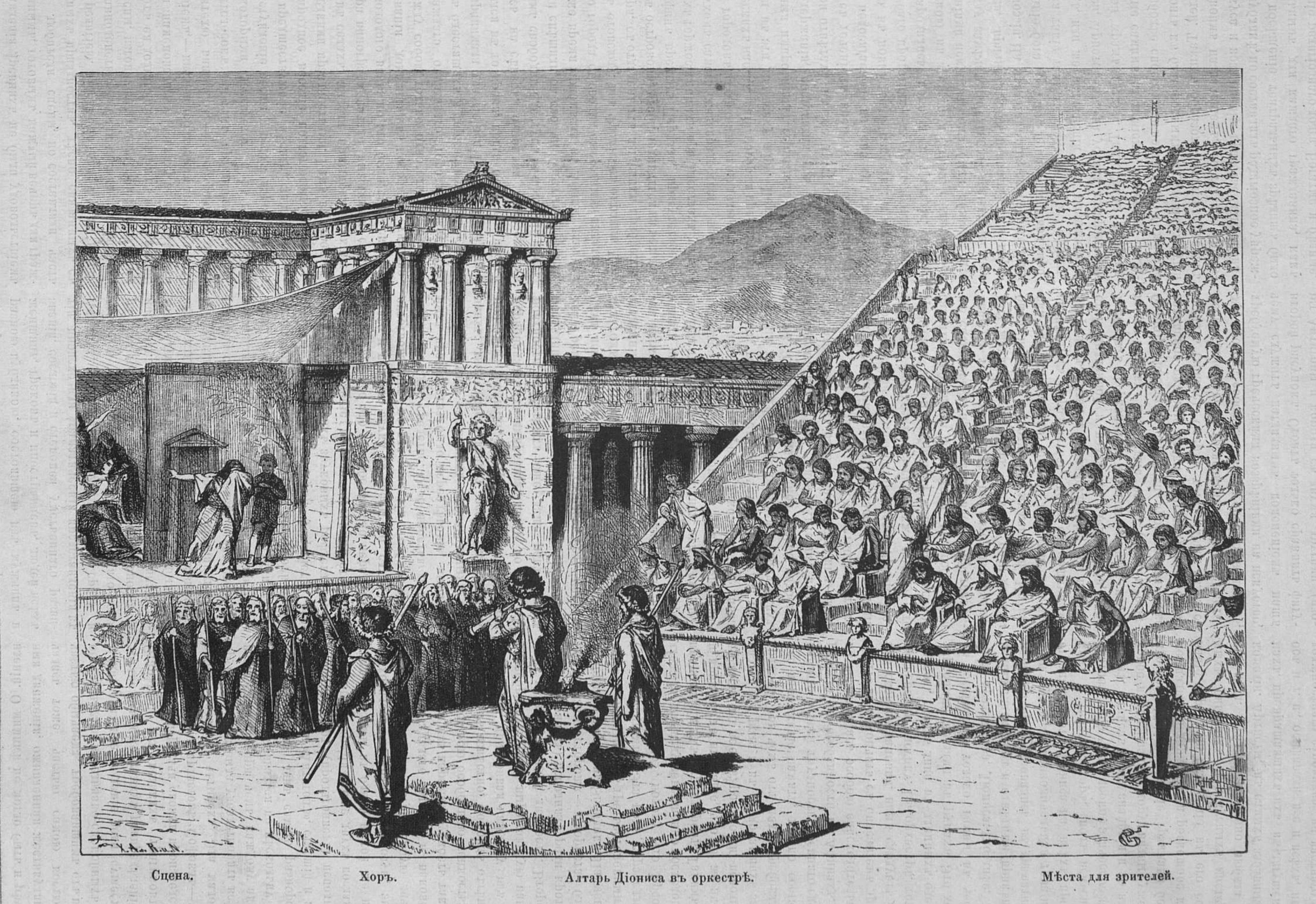
находили себѣ мѣсто 30—40,000 челов.,—число, почти равняющееся всему населенію города Аѳинъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ тѣ времена, театръ посѣщался болѣе всѣми слоями общества, нежели въ наше время, что и не могло быть иначе, по самому порядку вещей. Театральныя представленія древнихъ не были удовольствіемъ постояннымъ, готовымъ каждый вечеръ для гражданина, любителя сцены, но составляли часть священныхъ празднествъ, тѣсно связанныхъ съ самою религіею. Послѣдніе дни передъ весеннимъ равноденствіемъ были посвящены Діонису, богу весны, изгоняющему зиму и пробуждающему землю отъ ея долгаго омертвѣнія къ новой жизни. Эти дни знаменовались у древнихъ необузданнымъ ликованіемъ,—какъ подобающимъ веселому богу, покровителю винодѣлія,—и сохранили доселѣ свой отголосокъ въ тѣхъ праздничныхъ обрядахъ, которыми чествуется, и въ наше время еще, наступленіе весны у всѣхъ народовъ. Уже въ два предшествующіе мѣсяца, январь и февраль, народное веселіе подготовлялось различными мелкими празднествами. Какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, жители праздновали окончаніе сбора винограда, начало выжиманія сока и пробу молодого вина; но это были, такъ сказать, празднованія домашнія, въ которыхъ участвовали между собою только односельчане или жители каждаго отдѣльнаго города, между тѣмъ какъ въ блестящихъ и торжественныхъ «діонисіяхъ» принимала участіе вся Греція. Праздникъ приходился въ то время, когда бури и ненастья удалялись на сѣверъ, открывая чужеземнымъ кораблямъ свободный доступъ въ аѳинскій портъ, куда они спѣшили съ своими богатыми грузами; въ это же время прибывали въ Аѳины данники великаго города съ своими ежегодными вкладами, стекаясь отовсюду: изъ Ѳракіи, съ окраинъ Чернаго моря, съ отдаленныхъ азійскихъ прибрежій, со всѣхъ островов, чтобы подивиться на великолѣпіе Аѳинъ временъ Перикла, присутствовать при всѣхъ торжественныхъ празднествахъ, упиться воздухомъ самого жизнерадостнаго изъ греческихъ городовъ, и принять свою долю отъ тѣхъ эстетическихъ наслажденій, которыя предлагались Аѳинами въ эти дни всему міру. Первобытныя, неизящныя импровизаціи серьезнаго или шутливаго содержанія, состоявшія изъ рѣчи одного лица, при отвѣтахъ на нее другого, преобразовались, съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ эпохи, недосягаемой по своему умственному развитію, въ новый видъ искусства: изъ сказаннаго грубаго прототипа—импровизированнаго діалога—народились комедія и трагедія. Своею выработкою въ извѣстныя формы, согласныя съ требованіями искусства, онѣ были обязаны цѣлому ряду замѣчательнѣйшихъ драматическихъ писателей, причисляемыхъ и понынѣ къ корифеямъ поэзіи. На представленія, сопровождавшія чествованіе бога Діониса, приносили свои произведенія такіе таланты, какъ Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, или же величайшій изъ комическихъ писателей, Аристофанъ, «на устахъ котораго создали свой храмъ граціи». Такіе дары поэтовъ, вызванные самимъ служеніемъ божеству, казались наиболѣе способными почтить это божество и настроить къ благороднымъ ощущеніямъ души слушателей. Такимъ образомъ, театръ древнихъ имѣлъ своимъ назначеніемъ, не только образованіе вкуса и возвышеніе нравственнаго понятія въ публикѣ, но составлялъ религіозное учрежденіе, и посѣщеніе театральныхъ зрѣлищъ было обязательнымъ для каждаго гражданина, какъ исполненіе религіознаго долга. Богатые и бѣдные, знатные и ничтожные, всѣ были равны въ этомъ отношеніи передъ обычаемъ, имѣвшимъ силу закона. Это признавалось до такой степени, что неимущіе снабжались отъ государства входною платою, съ цѣлью не лишать и ихъ возможности быть на зрѣлищахъ, пониманіе которыхъ было доступно не только образованному, но и необразованному классу, потому что предметомъ театральныхъ пьесъ были всегда общеизвѣстныя саги или героическія сказанія.

Передъ такою-то многочисленною и разнообразною публикою, состоявшею изъ мужчинъ и женщинъ, грековъ и иностранцевъ, людей всѣхъ званій, сословій и степеней умственнаго развитія, происходили драматическія представленія въ Аѳинахъ, втеченіе нѣсколькихъ дней сряду и длясь съ самаго ранняго утра до поздняго вечера. Для того, чтобы рѣчи актеровъ доносились явственно и до отдаленнѣйшихъ, высшихъ рядовъ слушателей, были необходимы особыя акустическія приспособленія, которыя доказываютъ изобрѣтательность древнихъ. Незначительная глубина сцены, не ослабляющая звука словъ, деревянная одежда ея стѣнъ во время представленій, соразмѣрность ея вышины (задняя стѣна сцены должна была равняться по высотѣ съ окружною стѣною амфитеатра), устройство особыхъ металлическихъ звуковыхъ рефлекторовъ и легкое углубленіе въ вертикальныхъ сторонахъ ступеней,—все это способствовало передачѣ чистаго и полнаго звука со сцены до слуха присутствовавшихъ, но для усиленія его было придумано еще одно средство. Особенностью діонисіевыхъ празднествъ было переодѣваніе, выражаемое и понынѣ въ нашихъ карнавальныхъ обычаяхъ; лица дѣйствующихъ особъ закрывались, при этомъ, масками, употреблявшимися уже при первоначальныхъ импровизаціяхъ и, по всей вѣроятности, извѣстныхъ еще даже ранѣе этихъ послѣднихъ. Драматическія представленія въ древней Греціи никогда не обходились безъ масокъ, чѣмъ ясно доказывается ихъ связь съ самимъ культомъ. Съ теченіемъ времени, то есть, съ постепеннымъ развитіемъ драматическаго искуства, эти маски, естественнымъ образомъ, стали принимать видъ, болѣе соотвѣтственный каждой роли. Нѣкоторыя маски отличались, при этомъ, неизмѣняемымъ, исключающимъ всякую индивидуальность, характеромъ; таковы были: маска короля, героини, молодого человѣка; другія, требуемыя для рѣдко появлявшихся сценическихъ фигуръ, были годны для одной только подобной роли; какъ напримѣръ, маска Актеона, превращеннаго Діаной въ оленя, маска дѣвушки—центавра (у Эврипида) и пр. Существовало тоже множество каррикатурныхъ масокъ для комедіи и родственной съ нею сатирической драмы. Маска была необходима на сценѣ уже потому, что греческіе нравы возбраняли женщинамъ всякое занятіе свободными искуствами, въ особенности же сценическую арену, какъ вполнѣ противорѣчившую той замкнутости, на которую обрекалась женщина въ Греціи. Женскія роли должны были, поэтому, выполняться мужчинами. Но маска вносила на сцену еще то преимущество, что звукъ могъ образоваться, подъ ея обширнымъ покровомъ, сильнѣе и полногласнѣе; при посредствѣ медленной и величавой декламаціи, онъ требовалъ несравненно меньшаго усилія, чтобы выдти наружу. Вслѣдствіе этого (хотя и ошибочно), нѣкоторые писатели производили даже латинское названіе маски (persona) отъ слова звучать (sonare). Сверхъ того, маска являлась необходимостью на греческой сценѣ еще потому, что она сообщала актеру особую внѣшность, требуемую греческими воззрѣніями на искуство, чему служитъ нагляднымъ поясненіемъ нашъ второй рисунокъ. Стоитъ только сравнить фигуры Антигоны и короля съ двумя другими (изображающими невольниковъ), которыя принадлежатъ къ нѣмымъ лицамъ трагедіи. Маска, широкое, величественное одѣяніе и высокая обувь (котурнъ), безъ которой не обходились трагическіе актеры, придаютъ этимъ фигурамъ могущественный, почти сверхъ человѣческій видъ, приличествующій героямъ саги...

Но, съ другой стороны, маска и подобный костюмъ ограничивали и стѣсняли въ значительной степени игру древнихъ актеровъ, по сравненію съ новѣйшими условіями сценическихъ представленій. О мимикѣ не могло быть и рѣчи; страстныя движенія, оживленная жестикуляція, исключались тоже частью самою костюмировкою, частью обычаемъ, требовавшимъ отъ величавыхъ образовъ саги и величаво-спокойныхъ пріемовъ. Индивидуальное созданіе роли существенно затруднялось еще самимъ распредѣленіемъ ролей. Старѣйшій изъ великихъ трагиковъ, Эсхилъ, имѣлъ, для передачи своихъ произведеній на сценѣ, лишь двухъ артистовъ; Софоклъ—трехъ или, самое большее, четырехъ. Эта малочисленная труппа должна была удовлетворять всѣмъ требованіямъ пьесы, при чемъ каждому актеру приходилось переодѣваться по нѣскольку разъ, чтобы изображать лицъ самаго разнороднѣйшаго характера. Въ «Антигонѣ», старшій и значительнѣйшій актеръ (протагонистъ) исполнялъ роли Антигоны, Тирезія и еще двухъ посланцевъ. Такимъ образомъ, въ одной и той же пьесѣ, ему приходилось изображать молодую, энергичную, но притомъ вполнѣ женственную личность, затѣмъ престарѣлаго жреца и, наконецъ, простыхъ людей изъ народа. Трудность такой задачи усложнялась тою особенною тонкостью, съ которою, какъ извѣстно, Софоклъ оттѣняетъ свои характеры, присвоивая каждому изъ нихъ даже своеобразную рѣчь, выражающую наглядно степень развитія каждой личности. Второй артистъ (девтерагонистъ) исполнялъ роли кроткой и нѣжной Исмэны, сторожа—юмориста, благороднаго Гэмона и королевы Эвридики. Наименьшая роль, Креона, исполнялась третьестепеннымъ актеромъ (тритагонистомъ). Эта роль справедливо считалась самою легкою, потому что Креонъ принадлежитъ къ числу совершенно послѣдовательныхъ прямолинейныхъ характеровъ. Такимъ образомъ, и принявъ во вниманіе, что тѣ же актеры должны были, по всей вѣроятности, исполнять многоразличныя роли и въ слѣдовавшихъ за трагедіею драмахъ, при чемъ отъ нихъ требовалось крайнее напряженіе памяти, можно составить себѣ понятіе о всей трудности древняго сценическаго ремесла, въ особенности въ Аѳинахъ, гдѣ публика не славилась особою снисходительностью.

Чтобы покончить съ описаніемъ древней сценической обстановки, намъ слѣдуетъ обратиться къ первому рисунку. Въ орхестрѣ, тотчасъ подъ сценою, стоятъ лица въ длинныхъ одеждахъ и съ тирсовыми жезлами въ рукахъ. Это хоръ, вначалѣ воспѣвавшій только гимны въ честь виновника празднества, Діониса; позднѣе, когда возванія главы хора и отвѣтный припѣвъ его товарищей преобразовались въ драматическіе діалоги, при чемъ первоначальная тема ихъ распространилась отъ Діониса на всѣхъ прочихъ грековъ и героевъ, хоръ, подъ искусною рукою поэтовъ, получилъ высокое этическое значеніе въ драмѣ. Степень этого значенія и то вліяніе, которое приписывалось хору, видны уже изъ того, что богатѣйшіе аѳинскіе граждане безкорыстно не щадили издержекъ на роскошное костюмированіе хора и на включеніе въ его составъ самыхъ опытныхъ и искусныхъ мастеровъ своего дѣла. Публика особенно любила хоръ при комедіи. Артисты, въ самыхъ забавныхъ костюмахъ, превращавшихъ ихъ въ лягушекъ, птицъ, осъ и т. п., осмѣивали все и всѣхъ, не щадя ни должностнаго сановника, ни частнаго гражданина. Бичуя, такимъ образомъ, подъ смѣхотворною формой, проступки и пороки, они предавали виновныхъ лицъ не столько презрѣнію, сколько посмѣянію и позору... Вмѣстѣ съ тѣмъ, олицетворяя въ себѣ самого поэта, хоръ высказывалъ

Рисунокъ ПОЛЯ ГРОТА ІОГАННА.



Сцена. Хоръ. Алтарь Діониса въ оркестрѣ. Мѣста для зрителей.

Театръ Діониса въ Афинахъ.

Рисунокъ ПОЛЯ ГРОТА ЮГАННА.

Рабъ. Антигона въ маскѣ и котурнахъ. Рабъ. Креонъ въ маскѣ и котурнахъ.

Представленіе Антигоны Софокла въ театрѣ Діониса въ Афинахъ.

публикѣ свое мнѣніе о ней, жаловался на слишкомъ холодный пріемъ піэсы, осуждалъ дурной вкусъ зрителей и ошибочность ихъ политическихъ взглядовъ. Все это составляло безподобную смѣсь серьезности и юмора, образцомъ которой мы любуемся въ комедіяхъ Аристофана, дошедшихъ до насъ. Но трагическій хоръ отличался другимъ характеромъ, въ особенности своеобразно развитымъ великимъ Софокломъ. Хоръ Софокла, ничто иное, какъ воплощеніе идеальнаго зрителя; свободный отъ гнѣва и пристрастія, онъ стоитъ, внѣ всякихъ партій, не вмѣшивается въ дѣйствіе, но заявляетъ свое нелицепріятное мнѣніе, призываетъ увлекающихся къ умѣренности, ободряетъ твердыхъ, прославляетъ счастіе, а несчастіе — стремится отвратить смиренной молитвой... Въ уста хора влагаетъ поэтъ свои лучшія вдохновенія, возвышенную праздничную пѣснь или трогательное сѣтованіе. Пѣснопѣнія хора сопровождаются плавными ритмическими тѣлодвиженіями и служатъ переходными звеньями между отдѣлами (актами) піэсы, необходимыми для развитія дѣйствія. Такимъ образомъ, въ древнемъ театрѣ не существовало антрактовъ (въ современномъ значеніи этого слова), такъ непріятно дѣйствующихъ на общее впечатлѣніе при ходѣ піэсы.

Для окончательнаго поясненія нашихъ рисунковъ, будетъ не лишнимъ упомянуть вкратцѣ о содержаніи трагедіи Софокла. Креонъ, царь ѳивскій, запрещаетъ предать погребанію трупъ Полиника, павшаго въ битвѣ противъ своего роднаго города. Подобное запрещеніе, должно вызвать гнѣвъ боговъ, не терпящихъ не погребенныхъ тѣлъ на землѣ, и потому Антигона, сестра Полиника, не признаетъ власти Креона въ подобномъ дѣлѣ. Она хоронитъ брата, за что царь присуждаетъ ее къ казни. Тщетно приводитъ она въ свое оправданіе законы божественные и свой долгъ къ умершему; тщетно тоже молитъ за нее Гэмонъ, сынъ царя и ея обрученный. Креонъ непреклоненъ и Антигона должна подвергнуться жестокой карѣ. Съ неудержимою страстностью оплакиваетъ она свою судьбу, обрекающую ее на преждевременную смерть, ее, столь юную и незнакомую съ радостями жизни; но при видѣ Креона, жестоко повелѣвающаго поспѣшить ея казнью, она возвращаетъ себѣ прежнюю твердость (см. рис. 2). Тогда царь слышитъ послѣднее предостереженіе: именемъ прогнѣванныхъ боговъ, возвышаетъ свой голосъ противъ святотатственнаго повелѣнія царя, слѣпой жрецъ и провидѣцъ Тирезій. Креонъ отгоняетъ его съ презрѣніемъ, но слова старца не пропали безслѣдно. Оставшись одинъ, царь начинаетъ чувствовать раскаяніе, и въ душѣ его происходитъ борьба, въ которой одерживаютъ верхъ добрыя начала. Онъ хочетъ поправить свое беззаконіе, спасти Антигону. Но уже поздно: Антигона повѣсилась въ своей темницѣ; Гэмонъ убилъ себя па ея трупѣ; мать его, терзаемая горемъ, налагаетъ тоже на себя руки. Креонъ пораженъ, какъ владыка, какъ отецъ, какъ супругъ; онъ опускается въ полномъ безсиліи и его отводятъ убитаго горемъ въ его дворецъ.

Всѣ отдѣльные моменты этого столкновенія между грубою, хотя и благомыслящею, государственною властью и неосязаемыми божественными законами, сопровождаются у Софокла пѣснопѣніемъ хора, состоящаго изъ пятнадцати ѳивскихъ старцевъ. Пѣсни эти полны глубокаго чувства и смысла. При своемъ вступленіи въ орхестру, хоръ славитъ прекраснѣйшій день, когда либо возсіявшій надъ Ѳивами, — день избавленія роднаго города отъ вражеской осады. Узнавъ о непоколибимой волѣ Креона, хоръ поетъ о всемогуществѣ человѣка, покорившаго себѣ все живущее, но напоминаетъ о томъ, что людямъ неподобаетъ возноситься передъ богами, и отрекается отъ всякаго сочувствія святотатственному дѣлу. Смѣлѣе и смѣлѣе возвышаетъ онъ свой голосъ, оплакивая несчастія, которыя повлечетъ за собою приговоръ Антигоны на весь ѳивскій царственный домъ. Онъ описываетъ слѣпое могущество любви, чуя добровольную погибель Гэмона; превозноситъ въ хвалебномъ гимнѣ бога Діониса, видя раскаяніе Креона и надѣясь на его благія послѣдствія; когда же эта надежда рушится, онъ утѣшаетъ и поддерживаетъ павшаго духомъ царя. Заключительныя слова хора (и самой трагедіи) выражаютъ правоученіе піэсы: «Первымъ условіемъ для человѣческаго счастія бываетъ благоразуміе; вторымъ—почитаніе воли боговъ. Дерзновенное слово тяжко наказуется небесными силами, и человѣкъ научается тогда, уже слишкомъ поздно, разуму»...

Успѣхъ «Антигоны», впервые представленной въ 441 г. до Р. Х., былъ поразителенъ. Какъ гласитъ преданіе, аѳиняне были восхищены трагедіею Софокла до того, что почтили его званіемъ полководца при состоявшемся, на слѣдующее лѣто, походѣ ихъ противъ о. Самоса. Подобное избраніе обличаетъ своеобразный взглядъ древнихъ, предполагавшихъ въ великомъ поэтѣ и способнаго военнаго вождя. Это объясняется тѣмъ, что, считая военное образованіе уже подразумѣваемою принадлежностью каждаго аѳинскаго гражданина, воспитаннаго въ духѣ государственныхъ постановленій, аѳиняне заботились лишь о томъ, чтобы въ главѣ ихъ войскъ стоялъ человѣкъ, извѣстный своими честными и прямыми политическими воззрѣніями, и пользующійся народнымъ уваженіемъ и любовью.

Значеніе трехъ великихъ греческихъ трагиковъ для сцены выражено очень мѣтко въ слѣдующемъ опредѣленіи: Эсхилъ низвелъ боговъ и героевъ на сцену; Софоклъ изобразилъ людей такими, какими они должны быть; Эврипидъ — такими, каковы они въ дѣйствительности. Остается прибавить, что Софоклъ не только изображалъ возвышенные характеры, но и самъ принадлежалъ къ ихъ числу.

(*Окончаніе.*)

Устала ждать.

Повѣсть **А. Г. Сахаровой.**

(*Окончаніе.*)

VII.

Голосъ Лѣпинскаго разомъ спугнулъ праздничное настроеніе Наташи, хотя этотъ голосъ былъ нѣженъ, даже робокъ, а сопровождавшій его взглядъ какъ-то обжегъ дѣвушку своей страстностью.

— Вы позволите мнѣ пріѣхать къ вамъ познакомиться съ вашей матушкой и бывать у васъ запросто? произнесъ Лѣпинскій.

Красивое лицо дѣвушки внезапно поблѣднѣло, она сильно смутилась подъ пристальнымъ взглядомъ Лѣпинскаго.

— Нѣтъ, вамъ нельзя пріѣхать къ намъ, Станиславъ Альфредовичъ, едва выговорила Наташа.

— Нельзя? Неужели я такъ надоѣлъ вамъ въ одинъ вечеръ, что вы не хотите продолжать знакомства?

— Вы сами не вѣрите тому, что говорите, прервала его горячо дѣвушка. Дѣло—въ томъ, что я совершенно забыла сказать вамъ, что у меня есть женихъ...

— Котораго вы любите и котораго вы боитесь огорчить знакомствомъ со мной? спросилъ Лѣпинскій полупрезрительно, полустрастно.

— Я никого не люблю и никого не боюсь, отвѣтила дѣвушка, глядя своими большими глазами прямо въ глаза Лѣпинскаго.

— Но, поймите, я не хочу, чтобы вы входили въ нашу квартиру; поймите, что наша встрѣча была праздникомъ въ моей жизни, что я ненавижу всю эту жизнь, ненавижу весь этотъ міръ и не хочу—да не хочу, чтобы вы были у насъ, вдругъ заплакала Наташа.

Сначала Лѣпинскій растерялся отъ такого порыва до сихъ поръ сдержанной дѣвушки, но онъ слишкомъ долго жилъ, слишкомъ много видѣлъ, чтобы не понять того, что происходило въ наболѣвшей душѣ его плачущей спутницы. Ему стало жаль ее, жаль ее, жаждущую свѣта и простора, жаль, какъ бы онъ жалѣлъ птичку, запертую въ тѣсную клѣтку.

— Полноте, дорогая, шепталъ онъ, привлекая къ себѣ ее,—есть о чемъ тревожиться! Не хотите, чтобы я ѣздилъ къ вамъ, пріѣзжайте ко мнѣ, вѣдь наша встрѣча и для меня была праздникомъ.

Въ голосѣ Лѣпинскаго слышалась ласка и нѣжность и дѣвушка какъ-то поддалась убаюкивающему вліянію его рѣчи. Лѣпинскій хорошо зналъ женщинъ и когда щегольская эгоистка подъѣхала къ низенькой деревянной калиткѣ маленькаго домика, гдѣ жили Бородины, то Наташа спрыгнула съ нее снова бодрая, веселая и поблагодарила Лѣпинскаго крѣпкимъ пожатіемъ руки и обѣщаньемъ заѣхать къ нему при первомъ удобномъ случаѣ.

Мать дѣвушки уже спала, когда Наташа вернулась съ вечера Ипатьевыхъ. Но Павелъ Ивановичъ не спалъ, онъ открылъ своей невѣстѣ дверь, онъ обычно ласково встрѣтилъ ее. Наташа отвѣчала односложно и отрывисто на всѣ вопросы молодого человѣка и какъ-то насильно переносила его ласки. Ей было не то совѣстно, не то скучно глядѣть въ эти голубые глаза и передъ ней, на мѣстѣ этой неуклюжей фигуры невольно вставала та стройная, изящная фигура, которая такъ близко подвигалась къ ней на щегольской эгоисткѣ, вмѣсто этой ровной, безцвѣтной рѣчи ей слышалась другая, блестящая страстная рѣчь и Наташа поспѣшила отговориться усталостью и уйдти въ свою спальню.

Наташа не заикнулась ни матери, ни Павлу Ивановичу о своей встрѣчѣ съ Лѣпинскимъ и объ его вниманіи къ ней. Молодая дѣвушка съ дѣтства привыкла обдумывать все сама и не спрашивать ни у кого ни совѣта, ни помощи. И такъ, Наташа умолчала объ этой встрѣчѣ и снова принялась за свои занятія, оставаясь съ виду прежней Наташей.

Но эта встрѣча имѣла сильное вліяніе на весь внутренній міръ дѣвушки. Послѣ блестящей рѣчи Лѣпинскаго, уроки показались ей еще противнѣе, разсужденія матери о томъ, что керосинъ вздорожалъ и что къ дровамъ просто приступу нѣтъ, еще невыносимѣе. Послѣ вечера Ипатьевыхъ Наташа съ какимъ-то болѣзненнымъ отвращеніемъ выслушивала безцвѣтныя мечты Павла Ивановича о мѣстѣ и смотрѣла на его подозрительной чистоты рубашку, на его поношенный сюртукъ и ей представлялся изящный нарядъ, золотое pince-nez, красивая, стройная фигура другого мужчины.

Наташа не влюбилась въ Лѣпинскаго; нѣтъ, она только сознала, что Лѣпинскій можетъ быть тѣмъ мостомъ, по которому она можетъ перейти въ другой міръ, что его сильная, изящная рука можетъ вытащить ее изъ этой бѣдной, тѣсной тюрьмы, можетъ дать ей ту жизнь, которой она устала ждать. Наташа устала ждать счастія, свободы, простора, блеска и она охотно была готова отдаться Лѣпинскому взамѣнъ того праздника, котораго она ждала такъ долго.

VIII.

Потянулись обычные будни: Наташа ходила на уроки, аккуратно бывала въ консерваторіи, читала по вечерамъ вслухъ Павлу Ивановичу, играла и жила, повидимому, той же жизнью, которую она вела до встрѣчи съ Лѣпинскимъ. Но это бы-

ло только повидимому. Въ сущности же Наташа не слыхала ни этихъ вопросовъ, ни этихъ разговоровъ и отвѣчала на нихъ чисто-механически, думая только о томъ, какъ бы ей опять встрѣтиться съ Лѣпинскимъ, потому что она чувствовала, что онъ поможетъ ей вырваться изъ тюрьмы.

Она ждала второй встрѣчи съ Лѣпинскимъ и сердце ея забилось отъ радостнаго волненія, щеки вспыхнули румянцемъ, когда черезъ четыре дня послѣ вечера Ипатьевыхъ ея мать подала ей изящный конвертъ, на которомъ надпись была сдѣлана незнакомымъ ей почеркомъ.

Съ первой быстротой разорвала она конвертъ и строчки мелкихъ буквъ такъ и запрыгали въ ея глазахъ.

«Дорогая Наталья Александровна, писалъ Лѣпинскій, я все ждалъ, что вы исполните свое обѣщаніе и навѣстите меня, и соскучился ждать. Не пріѣдете ли завтра, часовъ въ шесть, запросто отобѣдать, если не боитесь tête à tête съ такимъ старикомъ, какъ я? Буду ждать васъ съ нетерпѣньемъ.

Преданный вамъ
Станиславъ Лѣпинскій».

«Вотъ онъ исходъ, думала Наташа, перечитывая эти строчки,—вотъ возможность навсегда избавиться отъ уроковъ, отъ упрековъ и оханья матери, отъ ласкъ Павла Ивановича, отъ всего. А тамъ будь, что будетъ! прибавила она.—Ужь если продаваться, такъ лучше Лѣпинскому, чѣмъ Павлу Ивановичу, я такимъ нюнямъ не по карману!» разсмѣялась какъ-то злобно и грустно молодая дѣвушка.

На другой день она вышла рано изъ дому и объявила и матери, и Павлу Ивановичу, что она вернется очень поздно, такъ какъ ее пригласили на новый урокъ и оттуда ей надо ѣхать къ Ипатьевымъ. Ни мать, ни Павелъ Ивановичъ не знали о содержаніи письма Лѣпинскаго. Павла Ивановича не было дома, когда его невѣста получила письмо, а мать Наташи никогда не спрашивала ничего у дочери. Вѣдь, говоря правду, ей не было и дѣла до внутренняго міра Наташи, ей нужны были только на хозяйство тѣ деньги, которыя заработывала дочь, ей хотѣлось, чтобы Наташа вышла замужъ за Павла Ивановича и успокоила ея старость; но она никогда не задавала себѣ вопроса: счастлива ли ея дочь?

Окончивъ свои уроки, Наташа подъѣхала въ шестомъ часу вечера къ большому каменному дому въ Троицкомъ переулкѣ, гдѣ жилъ Лѣпинскій. Сердце молодой дѣвушки сжалось щемящей болью, когда она взялась за звонокъ. Ей показалось, что ручка звонка обожгла ея руку и что на нее смотрятъ изъ двери подъѣзда умные, насмѣшливые глаза Лѣпинскаго и говорятъ ей: отсюда возврата нѣтъ. Но эта сѣренькая, будничная жизнь такъ опротивѣла ей, что нерѣшимость дѣвушки прошла быстро и черезъ минуту Наташа уже стояла въ передней Лѣпинскаго и Лѣпинскій крѣпко сжималъ ея руки въ своихъ рукахъ и говорилъ ей:

— Наконецъ-то, вы собрались ко мнѣ, дорогая гостья. Пройдемте ко мнѣ въ кабинетъ отдохнуть, пока накроютъ обѣдъ.

Наташа шла за Лѣпинскимъ по мягкому бархатному ковру, въ которомъ такъ и утопала ея нога. Глаза дѣвушки, утомленные неприглядностью домашней обстановки, отдыхали среди изящной обстановки Лѣпинскаго. Она съ удовольствіемъ смотрѣла на стѣны маленькой пріемной Лѣпинскаго, обитыя дорогими французскими обоями, на красивыя картины, на граціозныя статуэтки, красующіяся среди группъ дорогихъ экзотическихъ растеній, на изящную и мягкую синюю бархатную мебель и чуткой, нервной артисткѣ дышалось и легко и хорошо среди этой роскоши.

Но если Наташѣ понравилась пріемная Лѣпинскаго, то дѣвушка пришла просто въ восторгъ отъ его кабинета. Эта большая, просторная комната, уставленная мягкой зеленой мебелью, завѣшенная тяжелыми бархатными портьерами, эти изящные, рѣзные шкафы съ книгами, этотъ громадный письменный столъ, на которомъ лежали книги, тетради, рукописи, этотъ мягкій свѣтъ керосиновой лампы, спускающейся съ потолка, это маленькое старинное пьянино въ одномъ изъ угловъ, все это произвело на дѣвушку чарующее впечатлѣніе.

Лѣпинскій подвелъ дѣвушку къ красивому зеленому бархатному диванчику, усадилъ ее и сѣлъ съ нею рядомъ. Онъ держалъ себя безукоризненно вѣжливо, онъ даже не позволялъ себѣ той короткости и простоты, которую онъ позволилъ себѣ на вечерѣ у Ипатьевыхъ. Онъ, казалось, благодарилъ этой сдержанностью дѣвушку за довѣріе, которое она оказала ему, и Наташѣ было совсѣмъ легко съ Лѣпинскимъ.

— Какъ у васъ хорошо, Станиславъ Альфредовичъ, произнесла дѣвушка, любуясь и книгами въ рѣзныхъ шкафахъ и всей роскошной обстановкой кабинета.

— Я очень радъ, что вамъ понравился мой уголокъ, произнесъ Лѣпинскій и его умные, черные глаза краснорѣчивѣе всякихъ словъ высказали его радость. Вотъ и пьянино моей матери, произнесъ онъ и его выразительное лицо внезапно поблѣднѣло.—Она была тоже учительницей музыки, прибавилъ Лѣпинскій какъ бы въ раздумьи, какъ бы проводя мысленно параллель между этими двумя женщинами и въ его взглядѣ, устремленномъ на Наташу, мелькнулъ легкій оттѣнокъ ироніи.

Наташа молчала, она глядѣла съ страннымъ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ на это пьянино, вызывающее такое волненіе въ изящномъ, сдержанномъ Лѣпинскомъ и удивлялась. Она никого не любила и ей казалась странной и непонятной эта любовь, пережившая смерть. Лакей пришелъ доложить, что обѣдъ поданъ и Лѣпинскій предложилъ Наташѣ руку и повелъ ее въ столовую. Оригинальная красота и живой умъ дѣвушки скоро разогнали всѣ тяжелыя воспоминанія Лѣпинскаго. Онъ любовался разгорѣвшимся личикомъ Наташи, ея смѣлыми отвѣтами, онъ весело улыбался, онъ не замѣчалъ, какъ летѣло время, и съ непріятнымъ чувствомъ думалъ о томъ, какъ опустѣетъ его квартира, какое мертвое молчаніе воцарится въ ней, когда это молодое личико не будетъ отражаться въ его зеркалѣ, когда этотъ звучный голосокъ перестанетъ раздаваться здѣсь. Нѣтъ, эта женщина, вызвавшая въ немъ столько новыхъ ощущеній, должна принадлежать ему, во чтобы то ни стало. На что ему это пріобрѣтенное дорогой цѣной богатство, если оно не поможетъ ему достичь желанной цѣли? Нѣтъ, онъ не разстанется съ Наташей, онъ увезетъ заграницу эту странную, порывистую дѣвушку, онъ дастъ ей возможность кончить ея артистическое образованіе. Она будетъ для него женой, любовницей—чѣмъ захочетъ. Вѣдь для Лѣпинскаго было такой новостью желать чего нибудь, что онъ готовъ былъ отдать половину своего состоянія дѣвушкѣ, съумѣвшей возбудить въ немъ желаніе. Вотъ что думалъ Лѣпинскій, глядя на свою красивую собесѣдницу, которая весело болтала и чокалась съ нимъ. Но что же думала Наташа, сидя напротивъ своего любезнаго хозяина. Она ничего не думала, она вполнѣ отдавалась чувству физическаго довольства и отдыха. Усталой и озябшей дѣвушкѣ было такъ хорошо въ уютной столовой Лѣпинскаго, послѣ непривычно вкуснаго и сытнаго обѣда, что она ничего не думала и просто отдыхала.

— Какъ хорошо у васъ, снова произнесла Наташа, когда они сидѣли послѣ обѣда на зеленомъ бархатномъ диванѣ въ кабинетѣ Лѣпинскаго.

Молодая дѣвушка откинула свою хорошенькую головку на спинку дивана. Ея молодое лицо походило въ эту минуту на личико усталаго ребенка, пригрѣтаго и готоваго задремать. Лѣпинскому стало безконечно жаль ее. Онъ очень хорошо зналъ, что значитъ бѣдность и трудъ; онъ зналъ, что эту трудовую жизнь можно вынести только во имя свѣтлаго идеала, или глубокой привязанности. Онъ сознавалъ, что Наташѣ будетъ житься лучше у него и съ нимъ, и его тонкая, но сильная рука крѣпко сжала руку Наташи и его голосъ зазвучалъ нѣжной лаской.

— Вамъ хорошо у меня, такъ останьтесь со мной, дорогая, шепталъ онъ ласково, — пока захотите. Я обезпечу вашу семью, вы будете полной хозяйкой у меня въ домѣ. Мы тотчасъ уѣдемъ заграницу и тамъ вы можете кончить ваше артистическое образованіе. Скажите, согласны ли вы осчастливить меня, моя дорогая, внести въ мою жизнь лучъ тепла и свѣта. Если вы согласитесь, продолжалъ убѣждать Лѣпинскій, то я тотчасъ сдамъ дѣла помощнику и мы уѣдемъ. Не бойтесь, дитя, я не стѣсню ничѣмъ вашей свободы.

Но Наташа ничего не боялась. Возможность пожить той жизнью, о которой она такъ давно мечтала, пожить ею въ обществѣ перваго умнаго и сильнаго человѣка, который попался ей навстрѣчу, такъ ослѣпила дѣвушку, что она могла только склонить голову на его плечо и крѣпко пожать его руку. Лѣпинскій нѣжно привлекъ къ себѣ дѣвушку и гладилъ ея волосы. Ему снова стало жаль эту странную дѣвушку, которая такъ быстро превращалась изъ милой собесѣдницы въ усталаго ребенка. Наташа успокоилась подъ его ласками и они оба порѣшили, что Наташа вернется домой и черезъ недѣлю переѣдетъ къ Лѣпинскому, который приготовитъ все къ ея пріѣзду. Наташа сказала Лѣпинскому, что ей не трудно будетъ захватить паспортъ, потому что послѣ смерти отца у ней былъ отдѣльный видъ и этотъ видъ лежалъ въ ея комнатѣ, въ ея шкатулкѣ.

— Я нарочно даю вамъ цѣлую недѣлю на размышленіе, чтобы вы могли все обдумать, чтобы вы могли свободно выбрать и не упрекали меня потомъ, шепталъ Лѣпинскій, заботливо укутывая дѣвушку.

IX.

Наташа вернулась домой съ сильной головной болью и нервной лихорадкой. На вопросы матери и Павла Ивановича она отвѣчала, что она простудилась, и когда они уговаривали ее послать за докторомъ, то она такъ отнѣкивалась, что даже разрыдалась и умоляла ихъ не приставать къ ней. Въ душѣ молодой дѣвушки совершалась тяжелая барьба. Она не раскаявалась въ своемъ рѣшеніи сойтись съ Лѣпинскимъ, не жалѣла о встрѣчѣ съ нимъ, она даже не горевала о матери, она знала, что Лѣпинскій щедро обезпечитъ ея семью. Не изъ такихъ онъ, чтобы торговаться, думала Наташа. Но ей по временамъ было какъ то жаль Павла Ивановича, который былъ такъ беззавѣтно преданъ ей, ей было какъ то страшно и весело вступить на этотъ новый путь, какъ узнику, отвыкшему отъ свѣта и простора, бываетъ страшно и весело при приближеніи освобожденія. Эта нравственная борьба такъ сильно повліяла на организмъ дѣвушки, что Наташа послѣ свиданія съ Лѣпинскимъ просидѣла цѣлыхъ пять дней дома и почти не выходила изъ комнаты.

Почти каждое утро ея мать заходила къ ней въ комнату и спрашивала ее о здоровьи и прибавляла какъ то робко:

— Ты сегодня опять не пойдешь на урокъ, Наташенька?

Въ этомъ вопросѣ слышалась незаботливость

матери, а тревога бѣдной безпомощной старухи, боязнь, что придется голодать. Наташа, молча, злобно сжавъ губы, выслушивала всѣ эти вопросы о здоровьи, всѣ эти «подходцы», какъ она ихъ называла. Срокъ ея переѣзда къ Лѣпинскому приближался. Накапунѣ этого рокового дня, который долженъ былъ измѣнить всю ея жизнь, когда Павелъ Ивановичъ былъ на урокѣ, Наташа сидѣла въ своей маленькой комнаткѣ, задумчиво перебирая свои гимназическія тетради и ноты, не то грезя о томъ будущемъ, которое ей предстояло, не то вспоминая то прошлое, которое она оставляла, когда ея мать вошла къ ней тихо и робко.

— Наташенька, начала старушка, запинаясь, — ты бы попросила у Ипатьевыхъ деньги впередъ за уроки, у Петиньки нѣтъ теплаго пальто, да и дровецъ купить надо. Вотъ ты теперь то прохворала пять дней, рублей пятнадцать и потеряла, говорила какъ то монотонно старушка.—Господи, хоть бы Павелъ Ивановичъ мѣсто то поскорѣе получилъ, зажили бы мы тогда мирно, успокоилъ бы онъ меня на старости лѣтъ.

Старушка говорила ровно, спокойно, монотонно, тѣмъ убійственно однообразнымъ тономъ, которымъ читальщики читаютъ псалтирь надъ покойниками. Она не знала, что каждая ея фраза больно отзывается въ душѣ этой блѣдной дѣвушки, сидящей такъ неподвижно передъ нею.

— Успокойтесь, мама, сказала Наташа подавленнымъ голосомъ, вы не будете голодать и дѣти будете обезпечены. — «Вѣдь вамъ только этого и надо, подумала она съ жгучей болью.— до меня, до моего счастія вамъ никогда не было дѣла».

Старушка какъ то печально и недовѣрчиво покачала головой.

— Я знаю, я знаю, Наташенька, что Павелъ Ивановичъ не броситъ меня старуху, добрый онъ человѣкъ, только ты, Наташенька, должна быть поласковѣе съ нимъ, вѣдь, шутка сказать, онъ сколько денегъ на насъ потратилъ, деньги дѣло великое, вздохнула старушка и тихо вышла изъ комнаты.

— Да, деньги—великое дѣло, произнесла съ злобной усмѣшкой дѣвушка. Замкнувъ на ключъ дверь по уходѣ матери и бросившись на маленькій диванчикъ, Наташа горько зарыдала. Это были жгучія, больныя слезы; но все-таки онѣ облегчили дѣвушку. Если до разговора съ матерью она еще колебалась, то теперь вся ея нерѣшительность исчезла, теперь она спокойно вступала на новый путь и сознавала ясно, что ей не о чемъ жалѣть и что она, Наташа, не нужна здѣсь никому, что матери нужны ея деньги, а Павлу Ивановичу: ну, этому дитяткѣ кукла нужна, смѣялась больнымъ смѣхомъ дѣвушка.

На другое утро послѣ разговора съ матерью, Наташа встала по обыкновенію рано, объявила матери, что она отправится на урокъ, поцѣловала брата и сестру непривычно крѣпкимъ и долгимъ поцѣлуемъ и крѣпко пожала руку оторопѣвшаго Павла Ивановича.

— Прощайте, мама, произнесла Наташа, обнимая старушку.

— Не забудь у Ипатьевыхъ денегъ впередъ попросить, тихо напоминала мать. Но дѣвушка уже не слыхала послѣднихъ словъ матери, задыхаясь, вышла она на улицу и поѣхала прямо къ Лѣпинскому...

Напрасно и мать, и Павелъ Ивановичъ ожидали Наташу съ уроковъ въ обычные часы. Самоваръ уже кипѣлъ на ломберномъ столѣ, накрытомъ сѣренькой скатертью, старенькие часы уже прохрипѣли восемь, старушка мать не разъ уже выбѣгала на крыльцо поглядѣть, не идетъ ли дочь, Павелъ Ивановичъ не разъ подходилъ къ окну, надѣясь увидѣть граціозную фигуру любимой женщины, а Наташа все еще не шла. Наконецъ, часовая стрѣлка была уже близко къ девяти, когда въ передней раздался сильный звонокъ. Павелъ Ивановичъ бросился туда со всѣхъ ногъ, готовый уже осыпать Наташу распросами; но вмѣсто Наташи передъ нимъ стоялъ франтоватый молодой лакей съ большимъ пакетомъ и конвертомъ.

— Баринъ, вамъ приказано отдать этотъ пакетъ, а старой барынѣ эту записку, произнесъ онъ и быстро удалился, не ожидая распросовъ Павла Ивановича.

Шатаясь, вошелъ Павелъ Ивановичъ въ маленькую гостиную, молча подалъ старушкѣ письмо, взялъ пакетъ, побрелъ въ свой крошечный кабинетикъ и заперъ за собой дверь. Онъ тотчасъ понялъ какимъ то инстинктивнымъ чутьемъ, что этотъ пакетъ отъ Наташи и задрожалъ, какъ преступникъ передъ приговоромъ судьи.

Блѣдный, какъ смерть, едва дыша, распечаталъ онъ объемистый пакетъ и изъ этого пакета такъ и посыпались на полъ новенькія, радужныя сторублевыя бумажки. Ошеломленный, растерянный Павелъ Ивановичъ даже и не поднималъ ихъ, онъ только выхватилъ изъ пакета не большой листъ почтовой бумаги, исписанный знакомымъ ему почеркомъ и прочелъ слѣдующія строки.

«Прощайте, Павелъ Ивановичъ, наши отношенія съ вами прекращаются и поэтому я считаю долгомъ возвратить вамъ тѣ деньги, которыя вы истратили на меня и на мою семью. Вы разсчитывали, что я уплачу этотъ долгъ другимъ способомъ; но такая уплата была бы невыгодна для меня. Я не оправдываюсь передъ вами, потому что я никогда васъ не любила и только переносила ваши ласки и вашу любовь. Я устала ждать счастія, свободы, простора и жизни. Я хочу жить, а не ждать. Прощайте, по всей вѣроятности, мы не встрѣтимся. Прощайте, желаю вамъ всего лучшаго, забудьте меня если можете, простите, если хотите».

Павелъ Ивановичъ не разразился проклятьями, не разорвалъ въ клочки этого письма, которое разбило всю его жизнь; нѣтъ, онъ нагнулся къ письменному столу и зарыдалъ, зарыдалъ безпомощно, какъ ребенокъ.

— Погибла, погибла! шепталъ онъ среди рыданій и трудно было рѣшить къ кому относились его слова: къ любимой ли женщинѣ и ея судьбѣ, или къ собственной разбитой жизни, — вѣрнѣе, что къ обѣимъ.

Между тѣмъ мать Наташи читала письмо дочери съ совершенно другими ощущеніями: «Милая мама, писала Наташа, прощайте! Мы больше съ вами неувидимся, не браните меня. На ваше имя будетъ лежать въ государственномъ банкѣ билетъ въ десять тысячъ рублей; значитъ, вы и дѣти будете обезпечены и не будете нуждаться ни въ чемъ. Прощайте, мама, не поминайте лихомъ вашей Наташи. Не заботьтесь о моей судьбѣ, она обезпечена и я буду гораздо счастливѣе, нежели съ Павломъ Ивановичемъ».

Старушка рѣшительно недоумѣвала, что ей дѣлать по прочтеніи этого письма; радоваться ли тому, что ея Наташа обезпечена и что ни дѣти, ни она не будутъ нуждаться ни въ чемъ, горевать ли ей о разлукѣ съ дочерью. Она просто недоумѣвала, но голосъ ея девятилѣтняго сына Пети, который вошелъ въ гостиную и спросилъ, готовъ ли чай, вывелъ ее изъ недоумѣнья, и она принялась наливать чай, охая и приговаривая.

— Никто какъ Богъ, на все воля божья...

Черезъ полторы недѣли послѣ описанной нами сцены, происходившей въ квартиркѣ Бородиныхъ, въ отдѣльномъ купе, вагона перваго класса Варшавской желѣзной дороги, сидѣлъ красивый, изящно одѣтый пожилой господинъ съ хорошенькой молодой женщиной, красота которой еще болѣе бросалась въ глаза отъ дорогого дорожнаго костюма и того выраженія заразительной веселости, беззаботнаго довольства, которое придавало столько прелести ея интеллигентному личику. Ноябрьскій вечеръ былъ морозенъ и мужчина нерѣдко заботливо наклонялся къ своей спутницѣ и спрашивалъ ее, удобно ли ей въ купе, и укрывалъ ее. Эти два путешественника были наши старые знакомые: Наташа и Лѣпинскій. Но въ этой веселой, живой и страстной женщинѣ, трудно было узнать ту серьезную, сдержанную учительницу, которая такъ покорно шагала по петербургскимъ улицамъ; въ этомъ веселомъ, живомъ собесѣдникѣ даже товарищи не признали бы скучающаго и зѣвающаго Лѣпинскаго. И немудрено: имъ обоимъ надоѣло ждать, надоѣло смотрѣть. Ему еще хотѣлось, а ей уже хотѣлось жить; счастливый случай свелъ ихъ и имъ обоимъ было хорошо пока, а дальше... Эхъ, господа, кто же спрашиваетъ у насъ о завтра праздничныхъ дней!

(*Окончаніе.*)

Послѣдняя мысль.

Мысль моя вездѣ царица,
Для нея предѣловъ нѣтъ:
Захотѣла—и, какъ птица,
Облетитъ она весь свѣтъ.

Показались ей земныя
Разстоянія малы —
И она въ міры иные
Понеслась быстрѣй стрѣлы.

Никакіе въ мірѣ своды,
Никакой тамъ богатырь
Не лишатъ ее свободы,
Не удержатъ эту ширь.

Подчинивъ себѣ всѣ силы,
Какъ ни грозенъ былъ ихъ видъ,
Въ самый мракъ она могилы
Безбоязненно глядитъ.

Мысль моя всегда царица:
Я умру, но для нея
Безконечно будетъ длиться
Торжество и бытіе.

Этой мыслью величавой
И послѣдней на землѣ
Осѣнюсь я, какъ державой,
Передъ сномъ въ гробовой мглѣ.

И скажу я, умирая,
Торжествующимъ врагамъ:
«Берегитесь: мысль живая
Будетъ мстительницей вамъ!»

Омулевскій.

Паскарель.

Романъ Уида.

(Переводъ **А. А. Разсказовой.**)

Книга I.

Городъ Катулла.

(*Продолженіе.*)

IV.

На слѣдующій день Флоріо позвалъ Маріучію въ комнату къ отцу, который вручилъ ей небольшую сумму денегъ и велѣлъ дать мнѣ самое лучшее образованіе, какое только возможно въ Веронѣ. Она выучила меня читать, я умѣла танцовать, Флоріо научилъ меня пѣть, а также играть на мандолинѣ, — таковы были въ то время мои познанія; въ десять лѣтъ я была варварски невѣжественна, не знала ничего, кромѣ какихъ то обрывковъ знаній, почерпнутыхъ мною изъ разрозненныхъ томовъ Вазари, Амирато, Виллани, Муратори и др., оставленныхъ въ нашей комнатѣ прежнимъ жильцомъ, и изъ которыхъ я почерпнула нѣсколько свѣдѣній объ искусствѣ и героическихъ исторіяхъ прошедшихъ вѣковъ.

Картина ГРОТТЕГЕРА.

Богоматерь.

«Le donne, i cavalieri, le armi, gli armori,
Le cortesie, le audaci imprese».

— Это деньги тедесковъ (австрійцевъ), ворчала Маріучія съ пасмурнымъ лицомъ.

Флоріо показалъ ей свои бѣлые зубы.

— А что вамъ до этого? отвѣчалъ онъ.—Ваше дѣло истратить ихъ. Вотъ и все.

Теоретически Флоріо столь же ненавидѣлъ тедесковъ, какъ и она, на практикѣ же думалъ, что чѣмъ больше обирать ихъ, тѣмъ лучше.

— Они чужеземцы, я ихъ ненавижу, они наши тираны и притѣснители; и наступитъ день, когда мы ихъ прогонимъ, говорилъ онъ.—Но пока они здѣсь, надо пользоваться ими сколько возможно. Вотъ въ чемъ настоящій патріотизмъ.

Это была во всякомъ случаѣ логическая философія, которая притомъ хорошо служила своему профессору. Я же не могла понять, какъ отцовскія деньги могутъ быть въ то же время австрійскими.

— Во всякомъ случаѣ, этого не много, говорила Маріучія, суетясь надъ горшками и кастрюлями, пока Флоріо ощипывалъ жирную пьемонтскую куропатку. — Когда я увидала синьера, я высказала ему немного правды. Когда онъ давалъ приказанія на счетъ Нелли, я спросила его: а мальчики, синьеръ? Что дѣлать съ ними? они теперь уже большіе, сильные, неустрашимые молодцы, а живутъ съ Пепе, Зото и Жіаномъ, точно ровня и знаютъ не больше молодого горнаго быка. Что, синьеръ, прикажете дѣлать съ ними?.. Онъ только засмѣялся.—Пусть дѣлаютъ, что хотятъ, отвѣчалъ онъ.—Когда подростутъ, ваши друзья тедески примутъ ихъ въ какой-нибудь полкъ; а для такой службы не требуется много ученія...—Слыхали ли вы что-нибудь подобное, Флоріо? Какъ будто, Христосъ съ ними, дѣти могутъ когда нибудь обнажить мечъ противъ Италіи? Настаивать дольше я не могла; онъ велѣлъ мнѣ удалиться съ такимъ спокойствіемъ и вмѣстѣ такъ рѣшительно, что я не сочла возможнымъ спорить съ нимъ... Не ужасно ли это? продолжала она, приподнимая крышку съ кастрюли. — Благородные ребята! Я увѣрена, что они скорѣе позволятъ изрѣзать себя на тысячу кусковъ, чѣмъ надѣть бѣлые мундиры и помогать порабощенію Италіи, которая была ихъ пріемной матерью.

Флоріо только засмѣялся, продолжая шпиговать куропатку.

Такимъ-то образомъ я получила кое-какое воспитаніе, тогда какъ мои братья продолжали бѣгать, какъ дикіе жеребята.

Деньги, данныя моимъ отцомъ, Маріучія замкнула въ крѣпкій бронзовый сундукъ. Каждую копѣйку издержала она честно, какъ ей было приказано. Она сильно нуждалась во многихъ вещахъ; но не брала изъ капитала ни полушки для покупки рису, дровъ, луку, муки или масла для ежедневнаго обихода; такое позаимствованіе она считала бы нарушеніемъ оказаннаго ей довѣрія и я увѣрена, что даже мысль о позаимствованіи не приходила ей въ голову.

До послѣдняго гроша она все употребила на мое образованіе, и если оно не принесло блестящихъ результатовъ, то это не ея вина. Я не переносила никакого принужденія: во мнѣ слишкомъ сильна была привычка лѣниво грѣться на солнцѣ, ничего не дѣлая, порожденная окружавшей меня средой. Я была злое, своевольное дитя, я дѣлала все по своему; мои проступки и шалости были многочисленны, а безнаказанность почти обезпечена.

Маріучія умно распорядилась; она не хотѣла имѣть дѣла съ школьными учительницами и школами; въ городѣ было много крайне бѣдныхъ стариковъ профессоровъ, ученыхъ—высоко образованныхъ, которые не гнались за высокой платой. Къ нимъ она и обратилась, и тѣмъ дала мнѣ возможность получить образованіе далеко выше того, которое получаютъ дѣвочки по монастырямъ; и если я не воспользовалась имъ какъ слѣдуетъ, въ этомъ ужь, конечно, невиновата моя старая дорогая няня. Единственный учитель, котораго я слушалась и у котораго занималась прилежно, былъ учитель пѣнія. Я до страсти любила музыку; да развѣ возможно не любить ее, воспитываясь въ Италіи. Какъ учитель, онъ былъ неумолимъ, но въ то же время и великъ. Я была его любимой ученицей — я и Рафаэль Батиста.

Отецъ Рафаэля—мѣдникъ, жилъ недалеко отъ собора въ странномъ старомъ помѣщеніи подъ сводами. Здѣсь среди шума и звона наковальни и колоколовъ, родился Рафаэль и уже въ дѣтствѣ выказалъ свои музыкальныя способности. Его спеціальностью, однакожь, было не пѣніе: его голосъ былъ чистъ и вѣренъ, но не великъ. Его талантъ со всею силою проявлялся въ игрѣ на скрыпкѣ, этимъ то талантомъ онъ и привязалъ къ себѣ старика Амброзіо, нашего учителя.

Я любила Рафаэля больше всѣхъ другихъ дѣтей въ Веронѣ; онъ питалъ безконечную нѣжность къ своей слѣпой матери и услуживалъ ей съ неистощимымъ терпѣніемъ. Онъ тоже очень любилъ меня и, при всякой встрѣчѣ, подносилъ мнѣ или пучекъ розъ или вѣтку лимона, или букетъ фіалокъ или кисть каштановъ, за которыми онъ лазилъ по заборамъ или выпрашивалъ у сосѣдей.

Маріучія никогда не возставала противъ моей дружбы съ Рафаэлемъ.

— Это рѣдкій наренекъ, говорила она; въ томъ же, что онъ бѣгалъ съ босыми ногами по улицамъ, она не видѣла ничего предосудительнаго.

Я часто ходила съ нею къ Рафаэлино, садилась на порогѣ и играла съ нимъ въ домино на какой-нибудь большой мѣдной посудинѣ, поставленной вверхъ дномъ и служащей намъ столомъ; или же онъ вытаскивалъ изъ своего уголка старую четырехсотлѣтнюю скрыпку, найденную имъ между разнымъ хламомъ, и мы пѣли и играли при блѣдномъ сіяніи луны, заливавшей своимъ бѣлымъ свѣтомъ мостовую, и серебрившей мраморъ зданій; Маріучія при этомъ выбивала тактъ своей прялкой, а слѣпая мать Рафаэля качала головой и на лицѣ ея выражалось удовольствіе.

Одинъ изъ молодыхъ художниковъ нарисовалъ разъ Рафаэля и меня, играющихъ и поющихъ въ комнатѣ со сводами, съ громадною старинною дверью на заднемъ планѣ; въ комнатѣ разбросанная посуда; освѣщеніе картины — лунный свѣтъ и слабо мерцающая лампа позади насъ, около который сидитъ Маріучія со своей прялкой.

Я любила и люблю итальянское простонародье. И возможно-ли не любить его, этотъ душевный, граціозный, любящій народъ, самые недостатки котораго больше привлекаютъ къ себѣ, чѣмъ добродѣтели другихъ народовъ. Гдѣ, кромѣ Италіи, продавецъ, у котораго вы за франкъ купили цѣлую охапку розъ, предложитъ вамъ въ придачу изъ одной любезности свою лучшую магнолію? Гдѣ въ другомъ мѣстѣ привратникъ, которому вы дадите два су за то, что онъ за вашимъ дѣломъ поднялся на самый верхъ дома и спустился назадъ, бросится въ свою канурку и, съ улыбкой и граціей, которой можетъ позавидовать придворный, вынесетъ вамъ оттуда цвѣтущую вѣтку отъ своего лимоннаго дерева? Гдѣ въ другомъ мѣстѣ носильщикъ въ жаркій лѣтній день, пронеся за вами тяжелую ношу, заброситъ руки за спину, покачаетъ своею курчавою головою и, отказываясь отъ платы, скажетъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! съ меня слишкомъ довольно удовольствія видѣть синьору.

Гдѣ въ другомъ мѣстѣ, если вы остановитесь въ переулкѣ передъ маленькой музыкальной лавкой, выйдетъ къ вамъ ея хозяинъ и начнетъ услужливо напѣвать въ полголоса ту пѣсню, которую вы ищете, мальчишка булочникъ остановится, чтобы пропѣть припѣвъ, дѣвушка, чинящая въ противоположномъ домѣ у окна свои башмаки, присоединитъ свой голосъ и каждый смертный, оставляя свое дѣло, приметъ участіе въ хорѣ, такъ что вся узенькая улица наполнится чудной мелодіей? Да, гдѣ въ другомъ мѣстѣ вы встрѣтите все это?

Правда, если вы на другой день пройдете мимо продавца розъ, ничего не покупая, онъ пожелаетъ вамъ въ догонку всѣхъ бѣдъ. Правда, что на слѣдующей недѣлѣ привратникъ продержитъ нетерпѣливо ожидаемое вами письмо, разговаривая съ сосѣдомъ на улицѣ о вашихъ дѣлахъ, и приписывая вамъ больше любовниковъ, чѣмъ дней въ году. Правда, что носильщикъ будетъ ожидать, чтобы вы всегда улыбались и кивали ему головой при каждой встрѣчѣ и были съ нимъ buon amico. Правда, что хозяинъ лавочки безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти продастъ вамъ дурной экземпляръ въ шесть разъ дороже. Но тѣмъ не менѣе грація, услужливость, живость, доброта все-таки дороги вамъ и вселяютъ отрадное чувство! Ими сглаживается грубый, темный путь жизни и значительно облегчается общеніе между высшими и низшими классами. Они составляютъ пріятную мелодію посреди грубой, будничной жизни, какъ рокочущій въ цвѣтущихъ берегахъ ручей въ каменистой мѣстности, раскинувшейся въ его окрестности.

V.

Весной даже наша некрасивая равнина Адижа получаетъ нѣкотораго рода прелесть отъ начинающихъ зеленѣть виноградныхъ лозъ и цвѣтенія акацій. Цѣлые дни я проводила въ полѣ съ братьями и Рафаэлино, играя до утомленія и ложась для отдыха на траву, слѣдя глазами за безконечнымъ пространствомъ голубого моря надо мной. Разъ, набравъ полныя руки лѣсныхъ фіалокъ, я поднялась по лѣстницѣ въ студію Чеко, одного изъ молодыхъ живописцевъ. Онъ любилъ цвѣты, изображалъ ихъ непремѣнно во всѣхъ своихъ картинахъ, и я привыкла дѣлиться съ нимъ моей полевой добычей. Съ руками, полными бѣлыхъ и лиловыхъ фіалокъ, вбѣжала я къ нему въ комнату, пустую, какъ рига, но далеко не такую чистую. Съ Чеко сидѣли за работой и курили три или четыре его товарища. Его безобразная комната пользовалась отличнымъ освѣщеніемъ, и потому его товарищи, не столь счастливые въ выборѣ квартиры, приходили со своими мольбертами къ нему работать. Они радостно привѣтствовали меня, стали на колѣни передо мной и фіалками, и оставили свою работу, чтобы нарисовать меня.

— Стойте такъ, какъ вы стоите, синьорина! говорили они мнѣ.—Не шевелитесь; такъ чудо, какъ хорошо! Взгляните на нее теперь, когда свѣтъ падаетъ на ея взъерошенные волосы, свѣтлую юбку, наполненную фіалками, яркій загаръ на щекахъ отъ горячаго вѣтра, — неправда-ли, она красавица.

Часа черезъ два первый эскизъ былъ готовъ и всѣ сразу опустили кисти. Работа кончена, меня сняли съ моего трона; фіалки опустили въ воду и настояли на томъ, чтобы я осталась пировать съ ними. Чеко побѣжалъ внизъ на улицу и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ тріумфомъ, неся пару бутылокъ вина, чашку дымящихся каштановъ, сладкій миндальный пирогъ и пачку сигаръ.

Меня посадили въ старинное дубовое кресло съ пыльной обивкой, нарядили въ когда то великолѣпное старое парчевое платье, дали скипетръ изъ павлиныхъ перьевъ и серебряную бумажную діадему на голову, и пиръ начался... Какъ намъ было весело! какъ мы болтали, смѣялись, пѣли! какъ вкусны казались намъ каштаны и вино! никто изъ насъ не замѣтилъ какъ отворилась дверь и посторонніе люди вошли въ комнату.

Только при звукѣ чужого голоса Чеко быстро вскочилъ съ полу, гдѣ онъ лежалъ, и привѣтствовалъ гостей, которые, расхаживая по мастерскимъ художниковъ, зашли къ нему.

Сидя на парчевомъ тронѣ, съ вѣнкомъ на растрепанныхъ волосахъ и жестяной тарелкой съ каштанами на колѣняхъ, я перестала пѣть и взглянула на посѣтителей; двое были мнѣ незнакомы, австрійцы, третій—мой отецъ. Въ первый разъ въ жизни я видѣла его внѣ дома. Онъ взглянулъ и съ разу узналъ меня, но не подалъ виду, что замѣтилъ меня.

— Хорошенькая фигурка! сказалъ одинъ изъ австрійцевъ, разсматривая меня,—фантастическая, но очень красивая: конечно, натурщица, судя по костюму,

— Хорошенькая нищенка, прибавилъ мой отецъ.

Я поняла теперь, что онъ не хочетъ узнавать меня. Лицо мое горѣло, я забыла мой страхъ къ нему. Я сбросила свою серебряную діадему и старое платье и стала прямо передъ нимъ.

— Если я нищенка, то это не моя вина и не Маріучіи, сказала я смѣло, вся дрожа отъ негодованія и стыда.—Мы всѣ часто голодаемъ и мерзнемъ. Они не смѣютъ сказать вамъ этого. Если же иногда на время я забываю о своемъ положеніи, то что же тутъ дурного? Я не стыжусь этого.

Краска сильно выступила на лицѣ моего отца отъ гнѣва, или стыда, не знаю. Онъ вытолкалъ меня изъ комнаты.

Маріучія утѣшала меня, какъ могла, а вечеромъ съ грустью сказала, что отецъ запретилъ ей пускать меня къ художникамъ.

VI.

Мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ. Я была высока, такъ какъ жизнь на открытомъ воздухѣ развиваетъ и укрѣпляетъ тѣло, но всѣ мои привычки и вкусы оставались дѣтскими. Рафаэлино тоже выросъ, и его родные стали толковать о поступленіи его въ духовное званіе; онъ неспособенъ былъ ни къ работѣ, ни къ торговлѣ, но всегда расхаживалъ по церквямъ.

Нѣсколько разъ ходила Маріучія въ темную каморку на площади, гдѣ помѣщался писецъ, пишущій письма за безграмотныхъ, и диктовала письма къ отцу и Флоріо. Я полагаю, она не желала, чтобы я знала о нихъ, такъ какъ не хотѣла воспользоваться моими услугами. Два или три раза Флоріо присылалъ деньги, какъ будто отъ отца; но я сильно подозрѣваю, что Флоріо, изощряя какой нибудь изъ своихъ разнообразныхъ талантовъ, доставалъ ихъ самъ, обворовывая себя въ нашу пользу.

Зима стояла непривѣтливая. Маріучія старилась и часто плакала о потерѣ своихъ мальчиковъ. Они были зеницей ея ока; она работала на нихъ со дня ихъ рожденія, много безсонныхъ ночей и тяжелыхъ дней провела она у ихъ постелей, когда они бывали больны въ дѣтствѣ, часто она отказывала себѣ въ кускѣ мяса, чтобы лучше накормить своихъ львятъ; а теперь—одинъ изъ нихъ умеръ; а двое другихъ, крѣпко обнявъ ее на прощанье, со смѣхомъ и свѣтлыми надеждами на будущее, весело отправились посмотрѣть на свѣтъ, котораго еще не видали.

Вотъ и вся ея награда: это жестоко.

— Что заставило васъ Маріучія оставаться съ нами? спросила я ее однажды, пораженная сознаніемъ громадности нашего долга, который мы никогда не будемъ въ состояніи выплатить ей.—Зачѣмъ вы оставались съ нами? Вамъ выпала тяжелая жизнь; мы причиняли вамъ только заботы; никакой радости вы не знали.

Она взглянула на меня своимъ грустнымъ взглядомъ.

— Надо же кого-нибудь любить, сказала она просто.

Я долго размышляла надъ этими словами.

Зима стояла пасмурная. Запрещеніе моего отца лишило меня многихъ удовольствій, а недостатокъ средствъ остановилъ мое образованіе. Къ одному только Амброжіо Руфи я продолжала ходить, и на его чердакѣ утѣшалась мелодіями Херубини и Глюка. Я всегда чувствовала или воображала,—воображеніе такъ сильно у дѣтей—что Амброжіо Руфи не то, чѣмъ его считали въ Веронѣ; что въ его жизни было что-то грустное, высокое, благородное.

Разъ вечеромъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, я рискнула отправиться къ моему старому маэстро. Я тяготилась своей участью; мнѣ было не по себѣ, хотѣлось чего-то новаго. Взобравшись на его темную лѣстницу, я вошла въ его комнату.

Въ эту ночь не было представленія въ театрѣ, въ оркестрѣ котораго онъ игралъ. Онъ сидѣлъ одинъ въ невеселой, холодной каморкѣ, разсматривая старинныя ноты при свѣтѣ тусклой лампы. Я попросила его объяснить непонятное мнѣ мѣсто контрапункта, которое не хорошо поняла я въ послѣдній урокъ.

— Поговорите со мной немного, маэстро! сказала я неожиданно.

Амброжіо снялъ медленно очки и посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Вы видѣли много такого, чего я не видала, продолжала я съ дѣтской настойчивостью.—Разскажите мнѣ что нибудь изъ вашей прошлой жизни.

Въ его взглядѣ выразилось такъ много страданія, когда его глаза встрѣтились съ моими.

— Дитя, никогда не открывайте могилы умершихъ, сухо сказалъ онъ съ чѣмъ-то въ родѣ содроганія.

— Я былъ всегда бѣденъ, началъ онъ,—зимой я долженъ былъ лежать въ постелѣ, чтобы не замерзнуть, а лѣтомъ готовъ былъ оспаривать у свиней ихъ желуди. Но я былъ счастливъ. Со мной было искуство, у меня былъ другъ, дороже родного брата. Онъ былъ нѣмецъ, звали его Карлъ Ротвальдъ; вмѣстѣ мы изучали музыку въ Миланѣ. У него не было большого таланта, но много вкуса. У меня...—Да, у меня былъ геній, Богъ да проститъ мнѣ; никакая усидчивая работа не утомляла меня. Я съ Ротвальдомъ жилъ въ одной комнатѣ; мы вмѣстѣ гуляли рано утромъ и вечеромъ долго засиживались по ночамъ: я, мечтая объ Альцестѣ, давая форму образамъ, жившимъ въ моемъ воображеніи, обращался къ нему за сочувствіемъ и одобреніемъ каждый разъ, какъ моя композиція мнѣ удавалась, удовлетворяя моимъ желаніямъ; онъ никогда не уставалъ отвѣчать мнѣ, всегда радовался моей удачѣ. Часто, очень часто, гуляя съ нимъ при солнечномъ восходѣ по полямъ, засѣяннымъ просомъ, или сидя на нашемъ чердакѣ въ безлунную ночь съ небывалою силою вырывались изъ меня и лились на свободѣ звуки пѣсни, онъ, мой другъ, со смѣхомъ и слезами бросался ко мнѣ, обнималъ меня, говоря, какъ чудно хороша моя музыка и пророчилъ, что я займу мѣсто на ряду съ Бахомъ, Глюкомъ и Палестриной... Да, эти два года я былъ счастливъ, вполнѣ счастливъ, хотя почти-что умиралъ съ голоду, отказывая себѣ въ хлѣбѣ, чтобы купить нотной бумаги...

— Свѣтъ былъ для меня полонъ надежды и красоты, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія;—растенія, вода, вѣтеръ, колокола—всѣ предметы были полны чудной мелодіи, со мною былъ другъ, ближе брата, дороже любовницы. Я не нуждался ни въ чемъ болѣе, и былъ увѣренъ въ славѣ. Едва я окончилъ мою первую оперу, Ротвальда отозвали на родину, кто-то заболѣлъ дома, сказалъ онъ мнѣ... Я просилъ его скорѣе возвращаться; я далъ ему слово не представлять до его возвращенія мою оперу дирекціи миланскаго театра. «Мое торжество потеряетъ половину своей цѣны, если ты не будешь возлѣ меня», говорилъ я ему на прощанье... Это было осенью. Отсрочка была непріятна для меня, я расчитывалъ поставить Алцеста на сцену въ эту же зиму; но мнѣ не приходило въ голову не дождаться его возвращенія. Послѣ своего произведенія я любилъ его болѣе всего на свѣтѣ, и далъ ему слово, что онъ будетъ присутствовать на первомъ представленіи. Первые зимніе мѣсяцы обыкновенно суровы въ Миланѣ, для меня же они были унылы и однообразны; только его частыя и нѣжныя письма согрѣвали мое сердце, и я съ любовью пересматривалъ и исправлялъ мое твореніе, отъ котораго зависѣла вся моя будущность. Никто не слыхалъ изъ него ни одного звука, кромѣ Ротвальда, но я не сомнѣвался, что оно будетъ принято. Въ театрѣ Ла-Скала меня знали; а дирижеръ оркестра, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ дирекціи, любилъ меня, вѣроятно, за мою игру на скрипкѣ...

Онъ замолкъ и вскорѣ продолжалъ:

— Прошло четыре мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Ротвальдъ; въ Миланѣ все было покрыто снѣгомъ и льдомъ, я дрожалъ, сидя на своемъ чердакѣ, но на сердцѣ у меня было тепло, такъ какъ въ немъ жила надежда. Какъ-то разъ зашелъ ко мнѣ дирижеръ оркестра; напомню вамъ, что я существовалъ только жалованьемъ, получаемымъ за игру у него въ оркестрѣ. Онъ заговорилъ со мною о моей будущности. «Амброжіо, сказалъ онъ, вы слишкомъ богато одарены, чтобы просидѣть всю жизнь въ оркестрѣ. Я слышалъ, что вы написали что-то. Правда-ли это? Дайте мнѣ взглянуть на вашу партитуру. Навѣрное, это что нибудь очень хорошее. Вы мастеръ контрапункта». Онъ такъ ласково, такъ долго со мной разговаривалъ, что я досталъ Альцеста и отдалъ на его судъ. «Альцестъ? Альцестъ!» припоминалъ онъ какъ что-то знакомое.—Это ваша тема чрезвычайно неудачная. На этой недѣлѣ поставлена въ Вѣнѣ новая опера на ту же тему... Мнѣ больно было слышать, что меня предупредили; я спросилъ: чья же это композиція? — «Не знаю, позабылъ, да, кажется, и вовсе не слыхалъ, отвѣчалъ онъ.—Лучше всего отправляйтесь сами въ Вѣну и посмотрите. Если опера провалится, вы поставите свою, но если что-нибудь дѣйствительно замѣчательное, какъ я слышалъ, мы къ вашей музыкѣ придѣлаемъ другое либретто. Ахъ, я знаю какъ вамъ дорога ваша первая мысль,—ваша первая поэма, — но мы постараемся приноровить слова къ музыкѣ, по возможности не измѣняя ее. И такъ отправляйтесь въ Вѣну... нечего отговариваться, не будьте чрезмѣрно горды. Возьмите у меня денегъ для путешествія; выплатите когда ваша опера будетъ представлена въ Миланѣ. Ну, не спорьте отправляйтесь. Вамъ необходимо самимъ судить о своемъ соперникѣ»... Я взялъ его деньги и въ холодную зиму, черезъ горы, съ опасностію жизни отправился въ путь... Въ Вѣну я пришелъ вечеромъ. Ярко, какъ днемъ, былъ освѣщенъ городъ. Я шелъ быстро, я изнемогалъ отъ усталости. Однакожь прежде чѣмъ переодѣться или перекусить, я пошелъ къ зданію оперы. Шелъ Альцестъ. Я заплатилъ деньги за входъ въ жаркую, освѣщенную залу, остановился и сталъ слушать. Зала дрожала отъ рукоплесканій. Когда шумъ утихъ, началась опять музыка... это была она, моя опера; фраза за фразой, хоръ за хоромъ, соло и септуоръ и речитативъ—все мое... я слушалъ, какъ помѣшанный. Занавѣсъ упала; публика съ неистовствомъ вызывала: «Ротвальдъ! Ротвальдъ! Ротвальдъ!» Тутъ я все понялъ. Я упалъ, какъ подкошенный; мнѣ потомъ разсказывали, что меня унесли, какъ мертваго...

— Онъ у меня укралъ все, все; все переписалъ въ свои ноты, продолжалъ Руфи съ усилі-

Картина ГУСТАВА ИГЛЕРА.

Лакомка.

Съ натуры.

емъ.—Эта опера прославила его. О немъ теперь много говорятъ въ свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ онъ не написалъ ничего хорошаго; всѣ удивляются, но достаточно одного торжества въ началѣ, чтобы оно освѣтило всю жизнь и прикрыло послѣдующія неудачи. Трудно добиться славы, но, разъ добившись, можно спокойно доживать въ ней жизнь... А я?.. я умеръ. Мое сердце, умъ, геній, все было убито. Только тѣло мое влачитъ съ тѣхъ поръ жалкое существованіе. Я никогда не обличалъ его, вѣдь когда-то я любилъ его, какъ брата. Но если бы я и разсказалъ объ его подлости, то какія доказательства я могъ представить? Никто, конечно, не повѣрилъ бы мнѣ.

Когда эти послѣднія слова замерли на его губахъ, голова его опустилась на грудь; какъ дымкой подернулись его усталые впавшіе глаза. Напрасно я стала передъ нимъ на колѣни; напрасно я цѣловала его поблекшія руки: напрасно я заговаривала съ нимъ, прося у него прощенія за мое жестокое легкомысліе, съ которымъ я разбередила едва затянутую отъ людскихъ взоровъ рану. Напрасно, онъ ничего не отвѣчалъ, ничего не слыхалъ; его тусклые глаза смотрѣли на огонь лампы, руки медленно двигались въ пространствѣ, какъ бы перебирая струны какой-то полузабытой мелодіи; только его губы тихо произносили время отъ времени:

— Онъ измѣнилъ мнѣ; да, онъ укралъ все, все, все. Но могъ ли я изобличать его? Онъ былъ моимъ другомъ.

И это онъ повторялъ опять и опять, безъ конца, не сознавая, что онъ говоритъ; и напѣвая по временамъ отрывки изъ грустныхъ мелодій, вѣроятно, изъ своего Альцеста.

Пораженная и испуганная, я потихоньку вышла на холодный свѣжій воздухъ и лунное сіяніе, сѣла на улицѣ и горько заплакала о чужомъ горѣ, о чужой разбитой жизни.

VII.

Въ платьѣ мы не нуждались, такъ какъ цѣнный гардеробъ моей матери былъ почти неистощимъ. Но и тутъ мы дошли почти до предѣла, предстояло или носить тяжелые шелка и яркій бархатъ, въ которыхъ я казалась только что вышедшей съ костюмированнаго бала, или безъ лишней одежды подвергаться дѣйствію холоднаго альпійскаго вѣтра.

Мнѣ было пятнадцать лѣтъ и я уже хорошо понимала, какъ ужасно жить безъ друзей и безъ денегъ; и какъ горько сидѣть цѣлый день за плетеніемъ кружевъ, не будучи въ состояніи развязать ни одной изъ нитей судьбы.

Наступило Рождество, цѣлый день и ночь звонили колокола. Всѣ радовались, ѣли, пили, пѣли за полуночнымъ пиршествомъ, размѣнивались комплиментами, конфектами, добрыми пожеланіями и стаканами вина. А намъ пришлось бы идти спать, не ѣвши цѣлый день, если бы не хозяйка, отъ которой мы никакъ не могли совершенно скрыть нашей гнетущей нужды, и которая поднялась къ намъ по темной лѣстницѣ съ дымящейся чашкой макаронъ, прося насъ принять ихъ ради Бога. Маріучія взяла со слезами на своихъ старыхъ глазахъ, въ продолженіи восьмидесяти лѣтъ съ утренней зари устремлявшихся на работу; горько было ей принимать милостыню; она долго употребляла всѣ усилія, чтобы не дойти до этого, она жалѣла, что не умерла раньше, лишь бы не дожить да такого позора.

Наступило холодное ясное утро. Весело взошло солнце. Колокола звонили. Уже на улицѣ слышны были быстро двигающіеся шаги и смѣющіеся голоса. Начался карнавалъ. Мы переглядывались съ Маріучіей сухими отъ отчаянія глазами. Она подошла къ старинному орѣховаго дерева комоду и достала изъ верхняго его ящика маленькую красную коробочку. Поднеся ее къ тому мѣсту, гдѣ я сидѣла передъ кружевной подушкой, не работая, она вынула изъ нея нѣсколько бездѣлушекъ изъ коралла и мозаики.

— Это принадлежало вашей матери, сказала она съ нѣжностію.—У нея было много драгоцѣнныхъ украшеній, когда я къ ней поступила на мѣсто. Послѣ ея смерти все забралъ вашъ отецъ и, конечно, продалъ. Никогда болѣе я ихъ не видала. Онъ оставилъ вотъ эти немногія бездѣлушки, можетъ быть, потому, что онѣ не дорого стоятъ, хотя хороши въ своемъ родѣ. Я берегла ихъ для васъ. Я не считала себя въ правѣ продавать ихъ. Но теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы или ихъ продать, или умереть съ голода. Вы достаточно уже велики, чтобы рѣшить; выбирайте.

Я держала ихъ въ рукахъ, пока она говорила; тутъ были серьги, медальонъ и браслетъ, всѣ изъ мозаики.

Моя бѣдная, молодая мать! Я никогда такъ не жалѣла, не любила ее, какъ въ эту минуту. На глаза у меня навернулись слезы. Я горячо обняла Маріучію.

— Поберегите ихъ еще сегодня, сказала я.— Дорогая, добрая Маріучія! только сегодня. Мнѣ пришла одна мысль. Я пойду къ Амброжіо.

Я быстро побѣжала къ нему по извилистымъ улицамъ. Мнѣ пришло въ голову, что онъ можетъ пристроить меня къ оперному хору. Его чердакъ былъ пустъ; сосѣди сказали, что онъ пошелъ въ театръ на репетицію; не переводя духу, я бросилась въ лавочку къ мѣднику, чтобы попросить мать Рафаэля снести немного кофе и хлѣба къ ея бѣдной, старой товаркѣ. Въ лавочкѣ не было ни одной живой души; даже слѣпая старуха вышла съ своими дѣтьми, чтобы послушать шумъ праздника, котораго не могла видѣть.

Съ тяжелымъ сердцемъ, голодная, въ слезахъ бродила я по улицамъ, не желая возвращаться домой; время шло, веселая толпа народа наводняла улицы; только я была одинока и несчастлива. Вдругъ нѣжный голосокъ остановилъ меня:

— О милая донзелла, идите сюда, идите сюда. Я васъ вездѣ искалъ. Мать ушла со старшими братьями, я зашелъ за вами, а вы уже болѣе часу вышли изъ дому, такъ мнѣ сказала ваша хозяйка. Идите сюда, здѣсь удобное мѣсто. Отсюда все видно, а внизу сильная давка.

Это говорилъ Рафаэлино, стоя на верхней ступени мраморной лѣстницы въ одномъ изъ крытыхъ переходовъ стариннаго дворца. Я поднялась къ нему. Въ этотъ-то день я пѣла на улицѣ на большой площади въ моемъ темномъ капорѣ и желтой юбкѣ и слышала, какъ толпа масокъ и скомороховъ съ цвѣтными шарами гналась за незнакомцемъ, съ криками:

— Паскарелло!—Паскарелло!

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Викторъ-Эммануилъ.

(См. портретъ въ № 6 «Жив. Об.» стр. 105)

Едва-ли который-нибудь изъ политическихъ дѣятелей послѣдняго времени пользовался при жизни такой огромной популярностью, какая выпала на долю покойнаго короля Италіи Виктора-Эммануила. Конечно, своей популярностію «первый» король «объединенной» Италіи не мало обязанъ великимъ для его родины событіямъ, въ которыхъ ему пришлось принимать дѣятельное участіе. Но также несомнѣнно, что и свойства характера Виктора-Эммануила привлекали къ нему народныя симпатіи. Правда, Манинъ, Гарибальди, Мацини, поддерживая Виктора-Эммануила, работали для объединенія Италіи, но едва-ли бы они стали поддерживать короля, не питая лично къ нему, какъ къ человѣку, чувства любви и уваженія. Викторъ-Эммануилъ одинаково пользовался расположеніемъ людей всѣхъ сословій и партій, исключая клерикаловъ; впрочемъ и самые клерикалы, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ, выказывали только наружное нерасположеніе къ королю, желая этимъ угодить папѣ и его совѣтникамъ. Извѣстно, что даже папа Пій IX готовъ былъ примириться съ Викторомъ-Эммануиломъ, но іезуиты рѣшительно воспротивились его примирительнымъ намѣреніямъ.

Викторъ-Эммануилъ родился въ 1820 году; ему еще не было и года отъ рода, когда отецъ его, тогда еще принцъ кариньянскій, былъ изгнанъ изъ отечества по настоянію Австріи, которая желала лишить Карла-Альберта и его сына даже права наслѣдовать піемонтскую корону, однакожь, это ей не удалось и Карлъ-Альбертъ въ 1831 году сдѣлался сардинскимъ королемъ. О младенческихъ годахъ Виктора-Эммануила извѣстно очень мало. «Онъ кроткій мальчикъ, писала о немъ его мать,—но съ нимъ не мало хлопотъ; онъ готовъ цѣлый день бѣгать и скакать; заучиваетъ онъ быстро, но также скоро и забываетъ заученное». Сынъ принцессы австрійскато дома, Викторъ-Эммануилъ воспитывался подъ вліяніемъ клерикаловъ; первыми воспитателями его были іезуиты. На развитіе его умственныхъ способностей обращалось очень мало вниманія; воспитатели находили безполезнымъ для принца запасаться многими научными знаніями; по мнѣнію ихъ, для него было совершенно достаточно ознакомиться хорошо только съ военнымъ дѣломъ. Слѣдуя традиціи своего дома, Карлъ-Альбертъ не знакомилъ своихъ сыновей ни съ политикой, ни съ государственными дѣлами. Въ первый разъ Виктору-Эммануилу привелось говорить о политикѣ съ отцомъ въ 1848 году, когда Карлъ-Альбертъ далъ своему народу конституцію. Вскорѣ Ломбардія возстала противъ австрійскаго ига; Карлъ-Альбертъ подалъ помощь инсургентамъ. Начало компаніи было успѣшно для союзниковъ; они одержали побѣду надъ австрійцами при Гоито, 30 мая 1848, будучи ею болѣе всего обязаны храбрости, выказанной принцемъ Викторомъ-Эммануиломъ. Его же храбрости и распорядительности слѣдуетъ приписать, что несчастное для союзниковъ сраженіе при Кустоцѣ не обратилось для нихъ въ совершенное пораженіе; бригада принца удерживала всю австрійскую армію, пока союзники успѣли отступить и занять новую позицію. Затѣмъ дѣла союзниковъ стали ухудшаться съ каждымъ днемъ и, наконецъ, пораженіе ихъ при Новарѣ 23 марта 1849 года окончило гибельную для нихъ кампанію. Карлъ-Альбертъ отказался отъ престола въ пользу сына Виктора-Эммануила, предоставивъ ему заключить миръ съ Австріею.

Молодому королю предстояла трудная задача. Австрія требовала отъ него прежде всего уничтоженія конституціи. «Мы откажемся отъ всѣхъ плодовъ нашихъ побѣдъ, мы выведемъ наши войска изъ Піемонта, если вы уничтожите конституцію, данную вашимъ отцомъ», говорилъ Виктору-Эммануилу австрійскій главнокомандующій ген. Радецкій, грозя, въ случаѣ несогласія короля съ этимъ предложеніемъ, совсѣмъ покончить съ его монархіей. Въ самомъ Піемонтѣ новый король встрѣчалъ сопротивленіе; палата отказала ему въ помощи; партія же реакціи, пользуясь враждой либераловъ къ королю, старалась привлечь его на свою сторону и уговаривала согласиться на австрійскія предложенія. «Намъ знакомъ путь изгнанія, отвѣчалъ молодой король на предложенія Радецкаго, — но никто изъ нашей династіи не знаетъ пути, ведущаго къ безчестію». Вскорѣ Викторъ-Эммануилъ обратился къ народу съ воззваніемъ, въ которомъ обѣщалъ слѣдовать національной политикѣ своего отца и уважать учрежденія, въ вѣрности которымъ клялся его отецъ. Призывъ въ министерство Массимо д'Азеліо привлекъ къ королю либеральную партію и онъ сразу пріобрѣлъ громадную популярность во всей странѣ. Палата, однакожь, противилась признать условія мира съ Австріей, при-

нятыя королемъ. Викторъ-Эммануилъ распустилъ палату и обратился съ новымъ воззваніемъ къ народу и вновь избранная палата уже безпрепятственно утвердила мирный договоръ съ Австріей.

По заключеніи мира, съ 1850 года до новой войны съ Австріей въ 1859 году, Викторъ-Эммануилъ вмѣстѣ съ палатами и министерствами дѣятельно занимались развитіемъ свободныхъ учрежденій въ странѣ. Главное вниманіе ихъ было обращено на ослабленіе клерикальнаго вліянія. Неутомимымъ пособникомъ королю въ этомъ дѣлѣ былъ Кавуръ, предводитель прогрессистской партіи, ставшій первымъ министромъ. Реформа слѣдовала за реформой; Піемонтъ сдѣлался убѣжищемъ для всѣхъ итальянскихъ патріотовъ, для всѣхъ изгнанниковъ, удалившихся изъ тѣхъ государствъ Апеннинскаго полуострова, гдѣ въ полной силѣ господствовала реакція; а она давала себя знать на всемъ пространствѣ полуострова, кромѣ сардинскаго королевства. Въ 1854 году Кавуръ рѣшился нанести сильный ударъ клерикаламъ; онъ внесъ въ палату проектъ закона объ уничтоженіи религіозныхъ корпорацій. Клерикалы подняли на ноги всѣхъ своихъ сторонниковъ. Королева-мать, супруга короля и братъ его безпрестанно твердили ему объ опасности для самого трона, если законъ будетъ принятъ; папа дѣлалъ одно представленіе за другимъ; весь дворъ высказался за клерикаловъ... Палата приняла новый законъ. Между тѣмъ въ самое короткое время умерли мать короля, его жена и его братъ. Эти послѣдовательныя смерти тягостно подѣйствовали на короля; клерикалы еще крѣпче натянули пружины и Викторъ-Эммануилъ сталъ колебаться. Кавуръ подалъ въ отставку. Сенатъ тотчасъ же принялъ законъ, король утвердилъ его и министръ взялъ назадъ свою отставку.

Съ этой минуты всѣ надежды итальянскихъ либераловъ, мечтавшихъ достигнуть объединенія Италіи, остановились на Викторѣ-Эммануилѣ, значеніе котораго въ глазахъ итальянцевъ, еще болѣе поднялось послѣ участія Сардиніи въ крымской войнѣ и приглашенія ея представителя на парижскій конгрессъ. Кавуръ съумѣлъ поладить съ Наполеономъ III и смѣлѣе сталъ дѣйствовать для осуществленія идеи объединенія Италіи съ Піемонтомъ во главѣ. Партія итальянскихъ патріотовъ, сперва недовѣрчиво относившаяся къ стремленіямъ Кавура, перестала колебаться, когда Манинъ, бывшій президентъ венеціянской республики, высказался за объединеніе Италіи съ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ. «Италія и Викторъ-Эммануилъ! сказалъ онъ.—Я, республиканецъ, поднимаю такое знамя объединенія. Собирайтесь вокругъ него и защищайте его всѣ, кто желаетъ, чтобы была Италія и Италія будетъ». Вся эмиграція, группировавшаяся кругомъ Манина, вся его партія стала подъ указанное имъ знамя. «Сплотитесь вокругъ Піемонта», говорилъ Манинъ, умирая.

Началась война 1859 года. Гарибальди, популярнѣйшій человѣкъ въ Италіи, республиканецъ по убѣжденіямъ, съ отрядомъ патріотовъ, изъ которыхъ большинство были тоже республиканцы, сражался за объединеніе Италіи съ итальянскимъ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ. Франція явилась союзницей Италіи и кампанія кончилась въ пользу итальянцевъ; результатомъ ея было присоединеніе къ Сардиніи Ломбардіи. Въ этой войнѣ, въ сраженіяхъ при Палестро и Сан-Мартино Викторъ-Эммануилъ выказалъ чудеса личной храбрости. 18 февраля 1860 года итальянское національное собраніе провозгласило Виктора-Эммануила королемъ Италіи.

Мало-по-малу итальянское королевство расширялось, такъ что въ 1866 году для полнаго объединенія Италіи недоставало только присоединенія къ ней венеціянской области, остававшейся подъ властію Австріи и, главное, ея естественной столицы—Рима. Викторъ-Эммануилъ заключилъ союзъ съ Пруссіей, объявившей войну Австріи, и хотя итальянскія войска во все время кампаніи не имѣли никакого успѣха, Пруссія, предписавшая Австріи миръ, выговорила въ пользу Италіи венеціянскую область, которая и была присоединена къ ней въ 1866 году. Съ этого времени всѣ стремленія итальянскихъ патріотовъ обратились къ овладѣнію Римомъ и они, вѣроятно, увѣнчались бы успѣхомъ, еслибы Наполеонъ III, косившійся на Италію за союзъ ея съ Пруссіей, не занялъ Рима французскими войсками. Итальянское правительство волей-неволей вынуждено было сдерживать пылкость патріотовъ и не помогло экспедиціи Гарибальди, который потерялъ сраженіе подъ Ментаной и былъ раненъ. Между тѣмъ Германія объявила войну Франціи, французскія войска были отозваны изъ Рима и Викторъ-Эммануилъ занялъ его 20 сентября 1870 года, съ согласія Германіи. Католическая Австрія не смѣла этому противиться. Римъ сталъ столицей объединенной Италіи, а папа лишился свѣтской власти.

Викторъ-Эммануилъ умеръ 28 декабря 1877 года (9 января 1878 г. по н. стилю).

Покойный король отличался удивительной простотой въ обращеніи рѣшительно со всѣми, съ кѣмъ приходилось ему вступать въ сношеніе. Эта черта его характера и послужила одной изъ причинъ его громадной популярности. Въ нашемъ журналѣ было уже приведено нѣсколько фактовъ, характеризующихъ эти отношенія. Приведемъ кстати еще два случая. Во Флоренціи, во время торжественнаго представленія королю депутатовъ центральной Италіи, къ Виктору-Эммануилу близко подошелъ одинъ крестьянинъ. Свита короля хотѣла удалить его. Но Викторъ-Эммануилъ подозвалъ его къ себѣ. «Что вамъ угодно?» спросилъ король. «Я хотѣлъ-бы прикоснуться къ вамъ, ваше величество».—«Прикасайтесь», сказалъ король, протягивая ему руку. Крестьянинъ крѣпко пожалъ ее и удалился.

А вотъ и другой случай. Крестьянинъ ѣхалъ въ Туринъ. Дорога была грязная и повозка застряла въ грязи. Въ эту минуту, по этой же дорогѣ возвращался съ охоты Викторъ-Эммануилъ съ однимъ изъ придворныхъ. Поровнявшись съ повозкой, король приказалъ кучеру остановить коляску, вышелъ изъ нея и, схватившись за заднее колесо повозки, помогъ крестьянину вытащить ее изъ грязи. Крестьянинъ узналъ короля. Газеты, разумѣется, разгласили этотъ случай и о немъ стало извѣстно во всей Италіи. **Н. И.**

Новости наукъ и жизни.

Предметный указатель. Двѣ газеты помѣстили заявленія о книгѣ г. Ивкина, подъ заглавіемъ «Новая русская библіотека, энциклопедическій (предметный) указатель». Къ сожалѣнію, онѣ не упомянули о главнѣйшемъ, именно, что книга эта очень плоха. Задавшись цѣлію составить книгу, въ которой каждый, даже малограмотный человѣкъ, могъ бы тотчасъ, безъ затрудненій, отъискать названіе русскаго сочиненія по извѣстному предмету, не зная полнаго ея заглавія или автора, но только предметъ, о которомъ онъ трактуетъ, г. Ивкинъ составилъ предметный указатель къ русской реальной (положительной) литературѣ за послѣднія 27 лѣтъ. Подъ «положительною» литературою г. Ивкинъ подразумѣваетъ всѣ отрасли знаній, кромѣ богословія и философіи. Пропусковъ, неточностей, типографскихъ опечатокъ не пересчитать. Вотъ напр. подъ словомъ «лягушка» приводится сочиненіе В. Паштина, т. е. Пашутина. При словѣ «магнетизмъ» даже не упомянуты сочиненія г. Петрушевскаго и т. д., и это почти на каждой страницѣ. Пополнять пробѣлы въ литературѣ слѣдовало бы не такимъ образомъ.

Драгоцѣнные камни. Минералогическое общество напечатало любопытный трудъ М. И. Пыляева «Драгоцѣнные камни, ихъ свойства, мѣстонахожденія и употребленіе». Драгоцѣнные камни или, какъ обыкновенно принято называть ихъ, бриллъянты извѣстны болѣе или менѣе каждому по наслышкѣ и по выставкамъ ювелировъ; но мало кому извѣстны ихъ свойства, мѣстонахожденія и употребленіе, т. е. именно тѣ стороны, на которыхъ останавливается г. Пыляевъ. Книга его не есть монографія, въ ней спеціалисту, пожалуй, нечего и искать; но содержаніе ея разсчитано именно на массу, такъ какъ изложеніе популярное, и именно такой книги у насъ недоставало. Къ сожалѣнію, по всей вѣроятности, по нежеланію увеличить стоимость изданія, книга г. Пыляева издана безъ необходимыхъ таблицъ рисунковъ; авторъ ограничивается только политипажами въ текстѣ. Между тѣмъ рисунки повысили бы значеніе изданія.

— **Русскія сестры милосердія.** Англійскій врачъ Беккеръ, возвратившись изъ поѣздки своей по Болгаріи, гдѣ онъ осматривалъ русскіе лазареты и госпитали, отзывается съ величайшей похвалой о нашихъ сестрахъ милосердія. «Русскія сестры милосердія, говоритъ онъ въ письмѣ, обнародованномъ въ газетѣ «Daily News»,—являются во всѣхъ случаяхъ образцами самоотверженія и не покидаютъ своего поста до тѣхъ поръ, пока не умираютъ на немъ или не сваливаются съ ногъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ одномъ изъ госпиталей въ Зимницѣ я нашелъ, что изъ 20 сестеръ, состоявшихъ при этомъ госпиталѣ, 16 лежали въ тифѣ, а двѣ уже умерли. Я могу безъ малѣйшаго колебанія заявить, что онѣ подверглись эпидеміи, вслѣдствіе высшей степени добросовѣстнаго исполненія своего долга, которому онѣ отдавались всецѣло, работая день и ночь въ переполненныхъ больными шатрахъ и хижинахъ зимницкаго госпиталя. Одна изъ сестеръ, г-жа Муромцева, съ которой я имѣлъ случай встрѣчаться передъ тѣмъ еще въ Сербіи, завѣдывала въ началѣ января въ Зимницѣ отдѣленіемъ, въ которомъ находилось до 50 раненыхъ турокъ. Въ числѣ этихъ 50 раненыхъ многіе страдали также и тифозной горячкой. Она ухаживала цѣлый день за ввѣренными ея попеченію больными, такъ что ей некогда было даже другой разъ самой пообѣдать. Я предупреждалъ г-жу Муромцеву, что она черезчуръ себя изнуряетъ, но она возразила: «Никогда никто черезчуръ ничего сдѣлать не можетъ». На возвратномъ моемъ пути черезъ Зимницу я нашелъ, что опасенія мои оправдались: г-жа Муромцева лежала уже сама въ тифѣ. Приведенный мною примѣръ составляетъ не исключеніе, а общее правило. Русская сестра милосердія, какъ и русскій солдатъ, представляютъ собою примѣры самоотверженія и стойкой выносливости.

Телеграммы.

Константинополь, 22-го февраля. Вотъ главнѣйшія условія мира, насколько они здѣсь извѣстны. Болгарія избираетъ себѣ князя изъ фамиліи не царствующей. Границы ея идутъ отъ Кавалы (на Эгейскомъ морѣ) черезъ Мустафу-пашу (возлѣ Адріанополя), такъ что Адріанополь остается во власти турокъ. Россія получитъ Добруджу до Кюстенджи и обмѣниваетъ ее на Бессарабію. Въ Малой Азіи Россія получаетъ Карсъ вмѣстѣ съ областью, граничащею хребтомъ Саганлугскимъ, который переходитъ къ Россіи, Баязетъ и Батумъ. Вознагражденіе за военныя издержки около пяти милліардовъ франковъ. Турецкихъ мониторовъ не получаемъ. Дарданеллы не будутъ свободны. Для нихъ существуютъ особыя условія, которыя будутъ разсмотрѣны на конференціи. Вознагражденіе за военныя издержки будетъ получено изъ болгарской дани. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ русскія войска очистятъ турецкую Румелію, не вступая въ Константинополь. Въ четвергъ или субботу великій князь посѣтитъ султана. Здѣшняя газета «Вакитъ» говоритъ, что первоначальныя условія были гораздо тяжелѣе и что «наша (турецкая) дипломатія объ-

ясняетъ смягченіе ихъ желаніемъ Россіи избѣжать войны съ Англіей и Австріей».

— 24-го февраля. Графъ Игнатьевъ и Реуфъ-паша выѣзжаютъ отсюда въ воскресенье. Ратификація мирнаго договора послѣдуетъ 6-го марта. Великій князь главнокомандующій не пріѣдетъ въ Константинополь, потому что султанъ заболѣлъ.

Берлинъ, 23-го февраля. Австрійское правительство заявляетъ, что оно очень довольно условіями мира. Германія согласна на созваніе конгресса въ Берлинѣ, куда пріѣдутъ князь Горчаковъ и графъ Андраши, но согласіе Англіи еще не получено и боятся, что она станетъ возражать противъ Берлина. Полагаютъ, что въ субботу австрійскія войска вступятъ въ Боснію.

— 27-го февраля. Положеніе Англіи въ вопросѣ о мирѣ снова начинаетъ возбуждать тревоги, ибо она требуетъ весьма широкой программы для конгресса. Германія же рекомендуетъ опредѣлить предметы для занятій на конгрессѣ не прежде его созванія, а во время самыхъ его засѣданій.

Афины, 26-го февраля. Лордъ Дерби оффиціально сообщилъ греческому правительству, черезъ секретаря британскаго посольства, г. Уиндгэма, что Англія принимаетъ просьбу Греціи быть ея представительницею на конгрессѣ.

Римъ, 25-го февраля. По сообщенію «Agenzia Stefani», папа, въ письмѣ къ русскому Императору, высказалъ надежду на возобновленіе переговоровъ между Ватиканомъ и Россіей относительно церкви въ Польшѣ. Съ подобнымъ же письмомъ папа намѣренъ обратиться и къ германскому императору и даже имѣетъ въ виду отправить въ Берлинъ особаго посла, но «непримиримые» дѣлаютъ пока затрудненія въ этомъ.

Швейцарская гвардія будетъ, вѣроятно, совершенно распущена, такъ какъ въ послѣдніе дни гвардейцы эти неоднократно замѣчены были въ строптивости, обнаружившейся въ томъ, что при восшествіи новаго папы на престолъ они съ шумомъ требовали раздачи имъ обычныхъ подарковъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Г. Ѳ—ну Г. Яссы.—Присланное Вами напечатано не будетъ.

Свящ. Преображенскому — ст. Воложинъ Вил. губ. На ваше заявленіе о выдачѣ вамъ нумеровъ «Живописнаго Обозрѣнія» изъ почтовой конторы чрезъ двѣ недѣли по два нумера вмѣстѣ и при томъ измятыми и испачканными, контора журнала можетъ только выразить сожалѣніе, что воложинская почтовая контора такъ недобросовѣстно относится къ подписчикамъ періодическихъ изданій и возбуждаетъ пререканія на редакцію, высылающую своимъ подписчикамъ нумера журнала еженедѣльно и совершенно чистыми и свѣжими. Вашей просьбы выслать нумера журнала въ глухихъ оболочкахъ, контора «Жив. Об.» исполнить не можетъ, такъ какъ подобная пересылка не допускается почтовыми правилами, жалоба же ваша переслана высшему почтовому начальству.

СОДЕРЖАНІЕ.

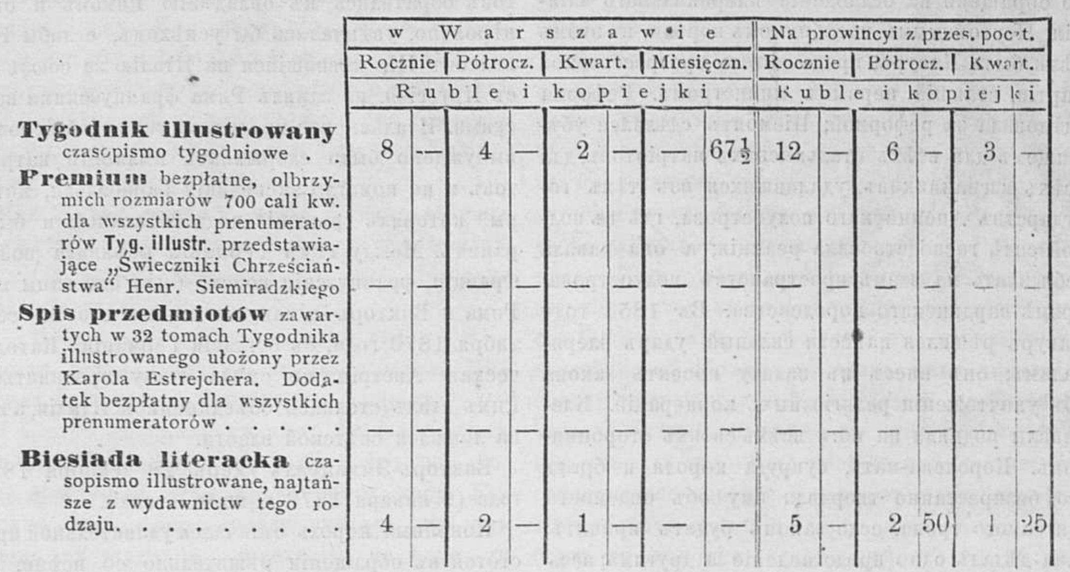
Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

WYDAWNICTWA JÓZEFA UNGRA

w Warszawie, Nowolipki Nr 3.

WARUNKI PRENUMERATY W ROKU 1878.



	w Warszawie Rocznie	w Warszawie Półrocz.	w Warszawie Kwart.	w Warszawie Miesięczn.	Na prowincyi z przes. poczt. Rocznie	Na prowincyi z przes. poczt. Półrocz.	Na prowincyi z przes. poczt. Kwart.
	Ruble i kopiejki				Ruble i kopiejki		
Tygodnik illustrowany czasopismo tygodniowe	8 —	4 —	2 —	— 67½	12 —	6 —	3 —
Premium bezpłatne, olbrzymich rozmiarów 700 cali kw. dla wszystkich prenumeratorów Tyg. illustr. przedstawiające „Świeczniki Chrześciaństwa" Henr. Siemiradzkiego	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —
Spis przedmiotów zawartych w 32 tomach Tygodnika illustrowanego ułożony przez Karola Estrejchera. Dodatek bezpłatny dla wszystkich prenumeratorów	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —
Biesiada literacka czasopismo illustrowane, najtańsze z wydawnictw tego rodzaju	4 —	2 —	1 —	— —	5 —	2 50	1 25

NAJNOWSZE WYDAWNICTWA.

Wybór pism J. I. Kraszewskiego. wydanie jubileuszowe z portretem i życiorysem na wyłączną korzyść czcigodnego autora

Cena w Warszawie: *Rs. kop.*

za 1 tom — 50
„ całość tomów 15 7 50
„ ozdobną oprawę z wyciskami en rélief od tomu — 40
„ „ „ „ „ „ tomów 15 6 —

w Cesarstwie i na prowincyi:

za 1 tom — 60
„ całość tomów 15 9 —
„ ozdobną oprawę z wyciskami en rélief od tomu — 50
„ „ „ „ „ „ od tomów 15 7 50

Encyklopedya ogólna wiedzy ludzkiéj Całe dzieło złożone z 12-tu tomów kosztuje:
w Warszawie broszurowane 12 50
„ w ozdobnéj oprawie 17 —
w Cesarstwie i na prowincyi broszurowane 15 —
„ „ „ w ozdobnéj oprawie 19 80

Dzieła Zygmunta Kaczkowskiego przejrzane i uzupełnione przez Autora wraz z poglądem krytycznym Wincentego Korotyńskiego tomów 11:
w Warszawie broszurowane 10 —
„ w ozdobnéj oprawie 14 40
w Cesarstwie i na prowincyi broszurowane 11 —
„ „ „ w ozdobnéj oprawie 16 40

Dzieła historyczne Karola Szajnochy, warunki dla prenumeratorów Tyg. Illustr.:
w Warszawie za tom 1 —
„ Cesarstwie i na prowincyi za tom 1 10
warunki dla nieprenumeratorów Tygodn. Illustr.:
w Warszawie za tom, 2 —
„ Cesarstwie i na prowincyi za tom 2 20
Oprawa ozdobna na sposób zagraniczny w płótno angielskie z wyciskami i złoceniami na grzbiecie, w Warszawie za tom — 40
w Cesarstwie i na prowincyi za tom — 50
Dotąd wyszło t. IX, tom X-ty i ostatni jest pod prasą.

Ramoty i Ramotki Augusta Wilkońskiego, illustrował Franciszek Kostrzewski tomów 5 2 50
Dziwolągi, szkice humorystyczne przez Józefa Blizińskiego, z rysunkami F. Kostrzewskiego 1 50
Biblioteka teatralna 1 Emigracya chłopska przez W. Anczyca — 40
2 Pojedynek szlachetnych przez Sewera. — 30
Tissota Wiktora Prusacy w Niemczech 1 —
Podróż po zaborach pruskich 1 —

Reineke Lis poemat satyryczny Goethego, z 20 illustracyami podług Kaulbacha, przełożył sześciomiarem polskim Ludwik Jenike.
Cena w Warszawie broszur. 1 50
„ „ w ozdobnéj oprawie 2 50
„ w Cesarstwie i na prowincyi broszur. 1 65
„ „ „ „ w ozdobnéj oprawie. 2 75

Kartki z podróży 1852 — 1864 roku przez J. I. Kraszewskiego ozdobione 80-ma drzeworytami
Cena w Warszawie broszurowane 3 60
„ „ w ozdobnéj oprawie 5 —
„ w Cesarstwie i na prowincyi broszurowane 4 —
„ „ „ „ w ozdobnéj oprawie 5 50

Wystawa przemysłowo-rolnicza we Lwowie w 1877 r. opisana przez J. Łama, T. Romanowicza i S. Wiśniowskiego z rysunkami 1 —
Promyk, pierwsza książeczka dla wprawy w czytaniu —2½
Komedyjki dla młodocianego wieku ułożone, przez J. z N. S. — 30
Bukiet powiastek z brany z rodzinnéj niwy, przez Andrzeja Lubicza, ozdobiony 12-ma rycinami F. Tegazza. Cena egzemplarza w ozdobnéj oprawie 1 —
Album malarzy polskich w Warszawie broszurowane. 2 —
„ w oprawie ozdobnéj 3 —
w Cesarstwie i na prowincyi broszurowane 2 50
„ „ „ w ozdobnéj oprawie 3 50

Adres: JÓZEF UNGER. Warszawa, Nowolipki Nr. 3.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Статья Зондерландъ (къ картинѣ «Маленькіе преступники») по недостатку мѣста отложена до 11 №.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Марта 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 11. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 13 Марта 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ VI.

Произвольныя измѣненія человѣческаго тѣла.

Статья д-ра Рюдингера.

(*Продолженіе.*)

Нижняя губа также принадлежитъ къ излюбленнымъ мѣстамъ, уродуемымъ для украшенія лица. Южно-американскіе индѣйцы (мужчины) прожигаютъ себѣ раскаленнымъ желѣзомъ на нижней губѣ широкую щель, проходящую до десенъ; бразильскіе туземцы дѣлаютъ, какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ, на нижней губѣ три отверстія, въ которыя втыкаютъ блестящіе камни. Женщины мураскаго племени на Амазонской рѣкѣ втыкаютъ себѣ въ нижнюю губу свиные клыки; эскимосы употребляютъ для той же цѣли зубы и кости моржей. Парагвайцы, прорѣзывая нижнюю губу своимъ дѣтямъ еще въ ихъ младенчествѣ, постепенно расширяютъ это отверстіе до величины 2 дюймовъ. Туземцы на берегахъ залива Принца Вильяма отличаются еще лучшею выдумкою: они до того растягиваютъ себѣ щели въ нижней губѣ, что вкладываютъ въ нихъ довольно большія деревяшки, и почетъ, оказываемый у нихъ женщинѣ, возростаетъ соразмѣрно объему этого украшенія. На Вандименовой землѣ господствуетъ то же обыкновеніе, при чемъ отверстіе въ нижней губѣ дѣлается такой величины, что черезъ него можетъ просовываться языкъ. На Дарійскомъ перешейкѣ существуетъ уже совершенно необъяснимый обычай: туземцы носятъ прямо передъ ртомъ кусочекъ жести, прикрѣпленный къ носовой перегородкѣ. Левингстонъ видѣлъ у манганіевъ, въ Африкѣ, большія кольца, называемыя «пелеле» и продѣваемыя въ верхнюю губу. Дѣвочкамъ, еще въ раннемъ возрастѣ, прорѣзываютъ верхнюю губу поперечно и непосредственно подъ носовымъ хрящемъ; рана поддерживается открытой посредствомъ небольшой втулки, которая постепенно замѣняется другими, увеличивающагося размѣра, пока, наконецъ, не расширяется до того, что въ нее можно вложить кольцо 3 дюймовъ въ діаметрѣ. «Пелеле» носятъ всѣ жительницы горныхъ мѣстностей въ верхнемъ и нижнемъ Шэйрѣ, при чемъ кольца богатыхъ женщинъ дѣлаются изъ слоновой кости, олова или особаго вида ярко-красной глины, между тѣмъ какъ бѣдныя довольствуются деревянными (большею частью, бамбуковыми) кольцами. Оловянныя пелеле имѣютъ форму небольшого блюда. Женщины не показываются на торжествахъ безъ «пелеле». Лежа въ поджившей ранѣ, такое кольцо принимаетъ горизонтальное положеніе; губа совершенно отдѣляется отъ части десенъ, прилегающей къ челюсти, и рѣзцы, вслѣдствіе надавливанія пелеле, бываютъ отклонены внутрь. Когда, съ теченіемъ времени, губа дѣлается вялою, кольцо надо замѣнять другимъ, большимъ, иначе губа отвиснетъ до подбородка. Нѣкоторыя племена не довольствуются однимъ кольцомъ и продѣваютъ другое въ нижнюю губу. Въ Борумѣ украшаютъ себя такимъ образомъ и мужчины, и женщины. Нѣкоторые туземцы сознаютъ безобразіе такихъ «украшеній», но не отрѣшаются отъ обычая, потому что, какъ выразился одинъ дикарь Ливингстону, «мода того требуетъ». Безобразіе женщинъ съ «пелеле» въ губѣ увеличивается

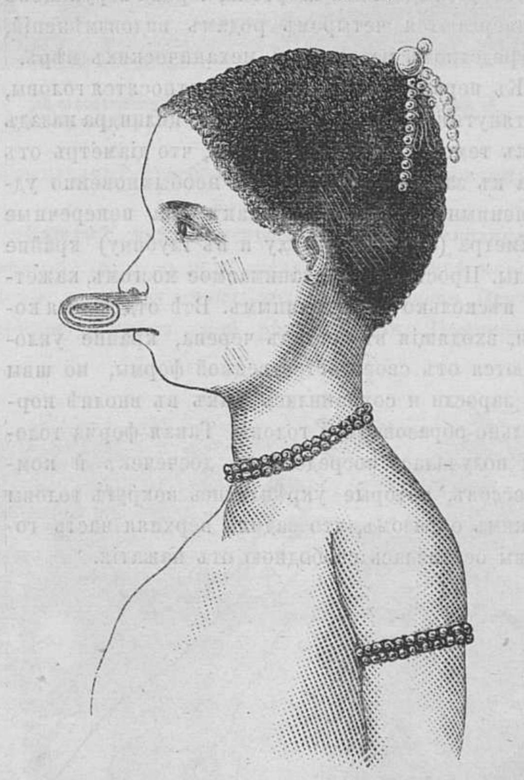


Рис. 1.

еще тѣмъ, что при этомъ оскаливаются ихъ остро подточенные зубы. Даже и безъ кольца, прорванная верхняя и нижняя губы производятъ самое непріятное впечатлѣніе на европейца.

Нѣкоторыя дикія племена въ южной Америкѣ обезображиваютъ себя еще болѣе, втыкая въ губы и щеки различныя перья, мелкія стрѣлы и иглы растеній, что отнимаетъ у нихъ уже всякое человѣческое подобіе. Лобъ дикаря раскрашивается, какъ сказано выше, красною и черною краскою. Щеки пробуравливаются для вставленія украшеній только по достиженіи возмужалости; для того, чтобы ранки не заживали до этого времени, онѣ растравляются ежедневно, посредствомъ короткихъ стрѣлокъ, которыя раскачиваются въ нихъ взадъ и впередъ.

Что касается до пробуравливанія ушей, то оно распространено между самыми разнородными племенами; дикари и цивилизованные народы въ этомъ отношеніи отличаются между собою только тѣмъ, что европейскія женщины (въ рѣдкихъ случаяхъ, и мужчины) дѣлаютъ только крошечныя отверстія въ своихъ ушахъ для продѣванія въ нихъ золотыхъ и другихъ украшеній, между тѣмъ какъ азіятскіе или африканскіе дикари увеличиваютъ эти отверстія до того, что ушныя лопасти спускаются у нихъ даже до самыхъ плечъ. Жители Суматры и Борнео доводятъ свои ушныя отверстія до того, что въ нихъ можно просунуть кулакъ, — чѣмъ доказывается, до какой значительной степени могутъ видоизмѣняться иныя части тѣла, не подвергаясь особенному вреду. Тѣмъ не менѣе, каждый практикующій врачъ можетъ засвидѣтельствовать, что ношеніе серегъ бываетъ частою причиною ушныхъ воспаленій, нагноеній и уродливостей уха.

Дикари любятъ также измѣнять форму и цвѣтъ своихъ зубовъ. Всѣ индусскія племена, сіамцы и феллаты въ Африкѣ не терпятъ бѣлаго цвѣта зубовъ. Онъ кажется имъ унизительнымъ потому, что у звѣря тоже бѣлые зубы; они красятъ себѣ зубы въ черный цвѣтъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста. Амбоинцы считаютъ красивыми только обточенные и черные зубы. Особенно поражаютъ взглядъ обточенные и вычерненные зубы африканокъ, выглядывающіе изъ-подъ губы, приподнятой посредствомъ «пелеле».

Выдергиваніе нѣкоторыхъ зубовъ тоже въ обычаѣ у нѣкоторыхъ народовъ. Такъ, туземцы Сандвичевыхъ острововъ выражаютъ свою печаль по умершемъ родственникѣ, вырывая себѣ два зуба; новозеландцы торжественно празднуютъ объявленіе возмужалости, выдергивая у героя празднества одинъ зубъ. Въ провинціи Кордофанъ (въ восточной Африкѣ) существуетъ обычай выдергивать у 10—12-лѣтнихъ дѣтей четыре нижніе рѣзца.

Страсть къ подправкѣ естественной формы зубовъ господствовала и въ самой отдаленной древности, какъ о томъ свидѣтельствуютъ наблюденія Блуменбаха надъ муміями, у которыхъ зубы оказывались подточеными въ видѣ конусовъ. Негры въ Нижней Гвинеѣ подтачиваютъ и теперь свои зубы въ видѣ шиповъ; другіе придаютъ имъ трехгранную форму. На Золотомъ берегу (Африка) живетъ племя, питающееся преимуще-

ственно кореньями; зубы мужчинъ и женщинъ обтачиваются здѣсь такъ остро, что уподобляются шиламъ; ногти отпускаются, подобно птичьимъ когтямъ.

Видоизмѣненія, которымъ люди, въ особенности же женщины, подвергаютъ свои волоса, составляютъ болѣе предметъ наблюденій для исторіи культуры, чѣмъ для медицины или анатоміи; однакожь, чрезмѣрное искуственное обремененіе головы волосами можетъ быть причислено къ произвольному уродованію человѣческаго тѣла, на столько же, какъ подвѣшиваніе собачьяго хвоста (динго) австралійцами, или вырываніе бровей и рѣсницъ у сіамскихъ жрецовъ, желающихъ казаться болѣе смиренными, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Обычай совершенно уничтожать искуственнымъ способомъ волоса на головѣ и бородѣ господствуетъ между мужскою половиною нѣкоторыхъ азіятскихъ и африканскихъ племенъ (на Золотомъ берегѣ); въ прежнія времена іудеи, греки и римляне тоже брили себѣ волоса въ знакъ траура. Спиксъ, присутствуя на большомъ празднествѣ въ Табантинго, видѣлъ, какъ 2-мѣсячному младенцу были вырваны всѣ волоса.

Но всѣ вышеприведенныя уродованія тѣла могутъ назваться простыми забавами въ сравненіи съ варварскимъ обычаемъ измѣнять форму всей человѣческой головы механическими способами. Круглая форма головы, дарованная природой, не нравится инымъ племенамъ и отдѣльнымъ личностямъ, какъ принадлежащая всѣмъ людямъ безъ изъятія, почему и подвергается насилію, и именно на своемъ верхнемъ срѣзѣ, тамъ, гдѣ лежитъ благороднѣйшій изъ органовъ: мозгъ. Этотъ обычай соблюдается до настоящаго времени нѣкоторыми народами, и существуетъ, по всей вѣроятности, съ самой глубокой древности. Уже Гиппократъ и Плиній упоминаютъ о «длинноголовыхъ» людяхъ. — «Вначалѣ, говоритъ Гиппократъ, эти большеголовые (макроцефалы), почитавшіеся за знать, за привилегированныхъ лицъ, воспитывались искуственно, но, съ теченіемъ времени, механическія дѣйствія оказались излишними, потому что природа начала сама вырабатывать такія вельможныя головы путемъ унаслѣдованія». Плиній упоминаетъ тоже о народѣ съ большими головами, жившемъ въ сосѣдствѣ города Керазія (нынѣшній Требизондъ). Судя по древнимъ описаніямъ, головы этихъ макроцефаловъ совершенно походили на черепа, найденныя на Таврическомъ полуостровѣ, въ многочисленныхъ кеглеобразныхъ курганахъ, окружающихъ г. Керчь (Пантикапея греческаго географа Страбона). Эти человѣческіе черепа и ихъ осколки, найденные въ землѣ безъ всякаго слѣда гробницъ, отличаются своеобразнымъ строеніемъ. Анатомъ Ратке признаетъ эти черепа за дѣйствительно принадлежавшіе макроцефаламъ, и они совершенно подобны головѣ, помѣщенной Блуменбахомъ въ его знаменитомъ изображеніи череповъ. Количество удлиненныхъ череповъ, найденныхъ близь Керчи, заставляетъ предположить съ достовѣрностью, что своеобразная форма ихъ не составляетъ продуктъ какой нибудь болѣзни, но достигнута искуственнымъ путемъ. Замѣчательно, въ отношеніи механическихъ видоизмѣненій головы, мнѣніе врача Карла V-го, знаменитаго анатома XVI столѣтія, Везалія, утверждавшаго, что плоскіе затылки нѣмцевъ, и вызванная тѣмъ короткая (брахицефалы) форма ихъ головы, произведены механическими условіями. «Матери нѣмцевъ, говоритъ Везалій, укладывали своихъ дѣтей, въ первые мѣсяцы ихъ жизни, почти всегда не иначе, какъ на спину, между тѣмъ какъ бельгійскія женщины укладывали своихъ младенцевъ исключительно на сторону, посредствомъ чего они дѣлались длинноголовыми». Для исторической анатоміи важенъ тотъ фактъ, что уже и Везалію были извѣстны двѣ различныя формы головы: одна изъ названныхъ національностей дѣйствительно отличается своею короткоголовостью, другая длинноголовостью,—хотя источникъ такого различія не разъясненъ еще съ достаточной достовѣрностью.

Наблюденія древнихъ писателей касательно искуственно-видоизмѣненныхъ головъ были оцѣнены по достоинству только въ то время, когда путешественники, вслѣдъ за открытіемъ Америки, встрѣтили на Амазонской рѣкѣ, на восточномъ и западномъ берегахъ южной Америки, въ Перу, Мехикѣ и въ сѣверной Америкѣ, туземныя племена съ искуственно-видоизмѣненными головами. Но не въ одной Америкѣ господствовалъ этотъ обычай, а также въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, и именно: въ южной Франціи, въ Константинополѣ и въ Грузіи, на южномъ склонѣ кавказскихъ горъ. Во Франціи онъ существуетъ и до настоящаго времени. Послѣ того, какъ многочисленные экземпляры такихъ искалѣченныхъ череповъ были доставлены изъ Америки въ наши европейскіе естественно-историческіе музеи, а путешественники сообщили о своихъ наблюденіяхъ надъ тѣмъ же предметомъ на мѣстѣ, наука была въ состояніи составить себѣ болѣе ясное представленіе о такомъ странномъ образованіи головъ у нѣкоторыхъ племенъ. Въ настоящее время уже извѣстна ошибочность взгляда д-ра Лунда, принимавшаго черепа, найденные во многочисленныхъ пещерахъ переходнаго известняка въ Мина-Гераэсѣ, за остатки исчезнувшей расы, обладавшей особою формою головы. Согласно изслѣдованіямъ Ратке, Вирхова, Фовилля, Мортона и Госса, остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что видоизмѣненіе череповъ было всегда послѣдствіемъ безобразнаго обычая, сохранившаго свое прискорбное вліяніе и до нашихъ дней.

По наблюденіямъ Мортона, черепа перуанцовъ подвергаются четыремъ родамъ видоизмѣненій, посредствомъ различныхъ механическихъ мѣръ.

Къ первому разряду (Рис. 2) относятся головы, вытянутыя въ видѣ кособразнаго цилиндра назадъ и къ темени до такой степени, что діаметръ отъ лба къ затылку оказывается необыкновенно удлиненнымъ, между тѣмъ какъ оба поперечные діаметра (отъ уха къ уху и въ глубину) крайне малы. Пространство, занимаемое мозгомъ, кажется нѣсколько уменьшеннымъ. Всѣ отдѣльныя кости, входящія въ составъ черепа, крайне уклоняются отъ своей естественной формы, но швы не заросли и сохранились какъ въ вполнѣ нормально-образованной головѣ. Такая форма головы получалась посредствомъ досчечекъ и компрессовъ, которые укрѣплялись вокругъ головы такимъ образомъ, что задняя верхняя часть головы оставалась свободною отъ нажатія.

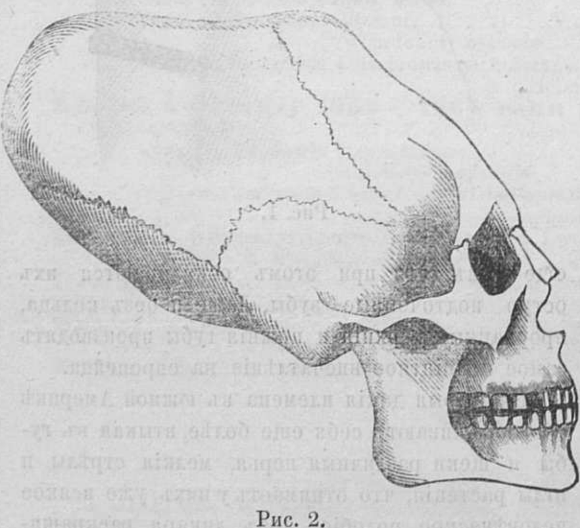


Рис. 2.

Ко второму виду (Рис. 3) головъ принадлежатъ конусо-или-башнеобразныя головы. Здѣсь горизонтальное развитіе костей принесено въ жертву вертикальному. Діаметръ глубины черепа развитъ на счетъ всѣхъ прочихъ. Швы тоже не заросли, отдѣльныя кости менѣе измѣнились, чѣмъ въ вышеуказанной формѣ; лобовая и затылочная кости возвышаются отвѣсно. Круговыя повязки тѣснили здѣсь равномѣрно горизонтальную плоскость по всѣмъ радіусамъ, оставляя темя свободнымъ. Черепъ и мозгъ могли безпрепятственно вытягиваться въ высоту.

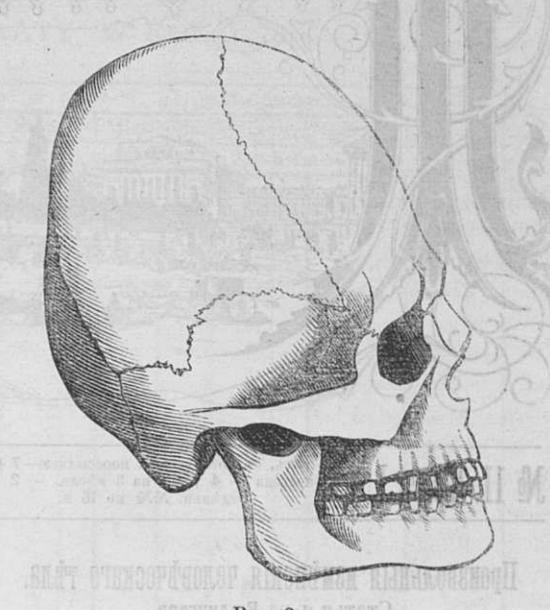


Рис. 3.

Третій видъ (Рис. 4) головъ обусловленъ простымъ сжиманіемъ лба и темени. Такіе черепа отличаются своеобразною плоскою формою. Они очень длинны и широки, при незначительной глубинѣ. Лобовая и затылочная кости лежатъ почти въ одной плоскости. Такой черепъ почти не отличается отъ первой формы по своей длинѣ, но значительно превосходитъ ее шириною. Полость черепа не представляетъ особенныхъ поврежденій и черепные швы заростаютъ рѣдко. Для достиженія сказанной формы, караибы накладываютъ на лобъ и на темя доску, которую укрѣпляютъ многочисленными повязками.

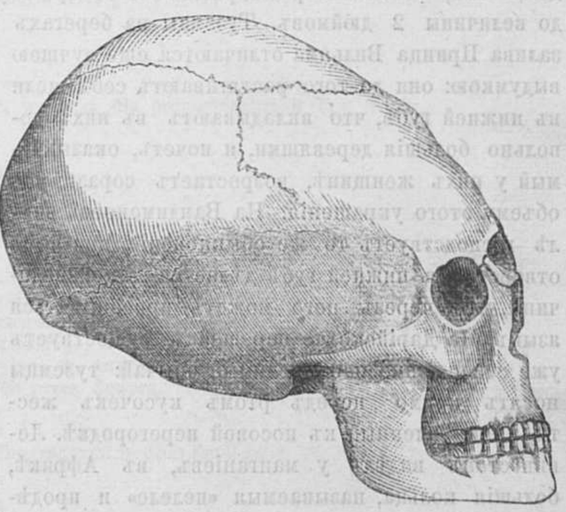


Рис. 4.

Къ четвертому виду принадлежатъ черепа съ болѣе или менѣе обозначенной, широкой сѣдлиной на темени и затылкѣ. Посерединѣ, передъ теменнымъ швомъ или позади его, находится поперечный, реброобразный выступъ, а по обѣимъ сторонамъ темени,—пузыревидныя вздутости. Индѣйцы съ такими головами носятъ названіе плоскоголовыхъ. Для достиженія этой формы черепа, на лобъ накладывается маленькая доска, а другая, большихъ размѣровъ, доходитъ до плечъ и укрѣпляется на затылкѣ повязками. Ширина обѣихъ досчечекъ такова, что давленіе на голову производится лишь съ двухъ сторонъ: спереди и и сзади. (Рис. 5, стр. 211.)

Объ этихъ четырехъ формахъ головъ упоминается въ любопытномъ указѣ, изданномъ епископомъ лимскимъ въ 1585 г. Указывая на четыре вида искуственнаго изуродованія головъ,

шемъ креслѣ маленькаго совѣтника префектуры во фракѣ и цилиндрѣ. Это была Мари-Анто, которая, воспользовавшись моимъ отсутствіемъ, обшарила мои шкафы и справила свою масляницу у меня, одна. Я было напустилъ на себя важный видъ. Подумайте, если бы мой префектъ увидѣлъ это. Но чего же вы хотите, чортъ возьми? Она была такъ очаровательна въ костюмѣ совѣтника, эта маленькая жена погонщика лошаковъ. Разряженная, въ шитыхъ штанахъ, въ бѣломъ жилетѣ... Молча она взяла меня за руки и повела къ себѣ въ комнату... Не безпокойтесь, mesdames, вы можете дослушать до конца. Едва войдя, странное созданье сдѣлало мнѣ знакъ, чтобъ я остановился, и, пройдя быстро въ свой альковъ, вышла изъ него черезъ минуту съ большой куклой, сдѣланной изъ ея подушки, платья и косынки.

«Это Мари-Анто, сказала она мнѣ, смѣясь; а я pinsuto. Сейчасъ прійдетъ мой мужъ, увидитъ pinsuto съ Мари-Анто, — посмотримъ, что онъ скажетъ.» Потомъ она сѣла, держа куклу въ рукахъ, стала комически сжимать ее въ своихъ объятіяхъ и, подражая моему выговору и произношенію, говорила: «О моя милая, Мари-Анто!» и смѣялась, смѣялась. Но я не смѣялся, я хвалилъ ее. Я находилъ, что хотя для масляничной шутки можно было придумать и что-нибудь другое, но мнѣ не было времени пускаться въ объясненія. Отъ тяжелыхъ шаговъ зашатались перила на лѣстницѣ. «Мой мужъ! Спасайтесь», сказала мнѣ Мари-Анто и задула свѣчу, — и въ темной комнаткѣ уже сидѣли только маленькій совѣтникъ префектуры, освѣщенный луною, съ Мари-Анто на рукахъ.

Возвратившись къ себѣ, я приложилъ ухо къ замочной скважинѣ и сталъ прислушиваться. Сердце билось у меня, какъ будто я самъ сидѣлъ въ своемъ расшитомъ платьѣ. Не смотря на темноту комнаты, огромный погонщикъ лошаковъ могъ различить кое что, уловить подавленный смѣхъ, потому что онъ очевидно остановился и пробормоталъ: «Che cosé? Что тамъ такое?» Я разслышалъ чирканье спички о стѣну, хриплый крикъ, ругательство, быстрые шаги по комнатѣ открыванье ларя. А, друзья мои, il cotello del marito! Мнѣ казалось, я видѣлъ его сквозь стѣну, съ его широкимъ трехграннымъ лезвеемъ... Брр... Почти тотчасъ же раздался безконечный взрывъ смѣха, яснаго, серебристаго смѣха, къ которому вскорѣ присоединился низкій, глубокій смѣхъ, добрый, грубый смѣхъ счастливаго облегченнаго человѣка. Потомъ восклицанія и поцѣлуи, поцѣлуи безъ конца. Нѣтъ! Никогда платье совѣтника не участвовало въ подобномъ торжествѣ, — и вы понимаете, какую печальную фигуру скорчилъ я за моею перегородкою, когда...

— Баронъ, вы заходите слишкомъ далеко, прервала одна изъ дамъ...

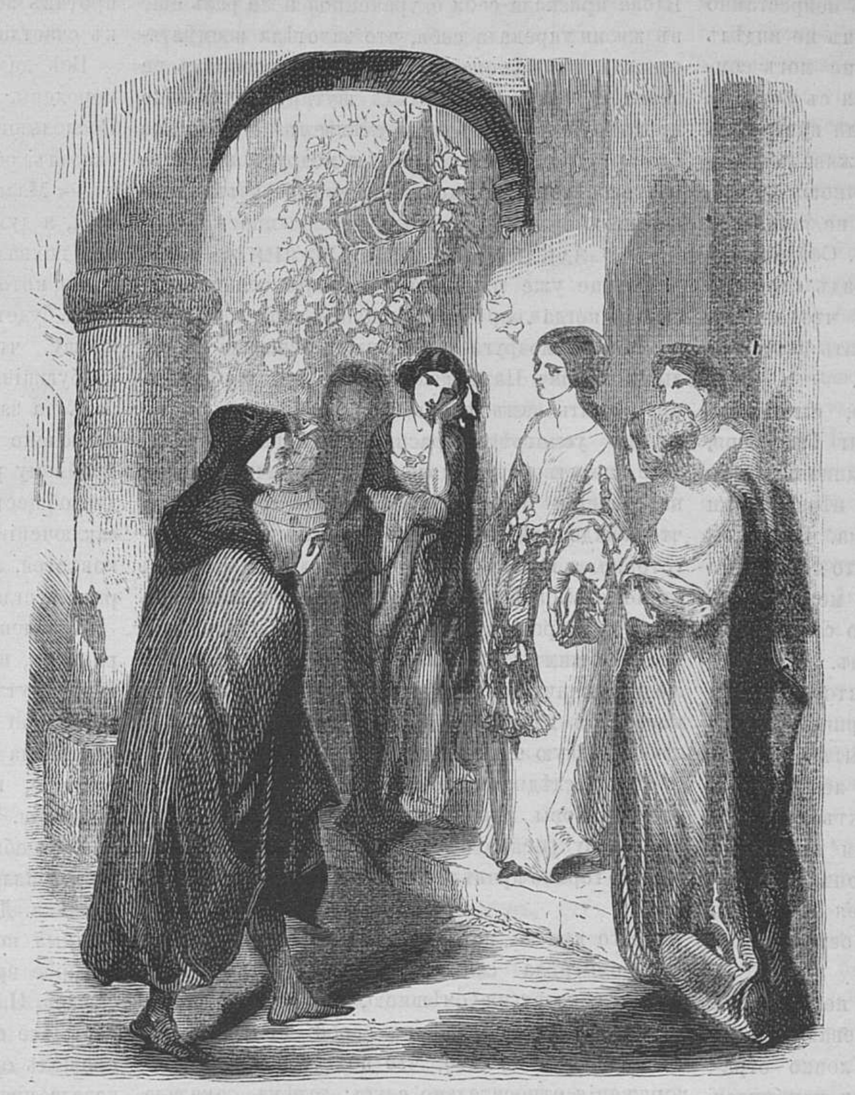
Декамеронъ.

Сказки Джіовани Боккачіо.

(Переводъ Н. И. Шульгина.)

День первый.

Сказка X.



Декамеронъ Боккачіо. Сказка X.

Влюбленный старикъ или ловко отпарированная насмѣшка.

Каждый изъ присутствовавшихъ исполнилъ возложенную на него задачу, кромѣ самой королевы, а потому, какъ только красавица Элиза довела до конца свой разсказъ, г-жа Пампинея

Декамеронъ Боккачіо.

обратилась къ собранію съ слѣдующимъ предисловіемъ:

— Любезныя и добродѣтельныя дамы, подобно тому, какъ звѣзды составляютъ украшеніе небесной тверди, когда воздухъ чистъ и ясенъ; какъ цвѣты весною украшаютъ поля, — остроты и анекдоты, во время разсказанные, услаждаютъ бесѣду. На насъ, женщинахъ, скорѣе, чѣмъ на мужчинахъ, лежитъ обязанность разнообразить разговоръ остроумными разсказами, конечно, не длинными, потому что женщины какъ-то не умѣютъ говорить долго на одну тему, не отвлекаясь отъ нея въ сторону. Правда, въ настоящее время найдется мало женщинъ, способныхъ оцѣнить истинное значеніе во время сказанной остроты или кстати отвѣтить на нее, если даже и поймутъ всю ея соль. Это признаніе мнѣ сдѣлать вовсе не легко, потому что мои нападки на женщинъ отражаются и на насъ, здѣсь присутствующихъ. Но если мало женщинъ остроумныхъ, то мы, почти всѣ безъ исключенія, питаемъ любовь къ нарядамъ и суетности и развиваемъ ее въ себѣ старательно, мало заботясь въ то же время о развитіи ума. Болѣе всего меня возмущаетъ, если женщина думаетъ, — а такъ мыслитъ огромное большинство, — что ея личное достоинство оцѣнивается нарядомъ, на нее надѣтымъ. Навѣсившая на себя болѣе, чѣмъ другія, кружевъ, золота и разныхъ, ни на что негодныхъ бездѣлушекъ, выступаетъ, какъ пава, воображая, что затмила всѣхъ соперницъ и передъ нею должны всѣ преклониться, точно украшенный всѣми драгоцѣнностями оселъ не остается тѣмъ же осломъ. Разукрашенныхъ такимъ образомъ женщинъ можно сравнить съ статуями, производящими впечатлѣніе лишь на зрѣніе наблюдателя. Все ихъ достоинство заключается только въ парижности. Онѣ не могутъ толково сказать четырехъ словъ къ ряду и если случается слышать отвѣты ихъ на заданные вопросы, приходитъ на мысль, что для нихъ честь было бы лучше совсѣмъ промолчать. По ихъ понятіямъ, женщина можетъ обойтись безъ ума; не велика бѣда, если она не умѣетъ поддерживать научнаго разговора; она и безъ этого можетъ понравиться, такъ же, какъ дать толковыя приказанія горничной, прачкѣ или булочницѣ. Но давая намъ языкъ, не могла же природа такъ узко ограничивать для насъ его употребленіе? не могла она исключать насъ изъ разговора съ умными мужчинами и объ умныхъ предметахъ. Конечно, надо знать, что дѣлаешь, и браться только за то, что умѣешь; когда дѣло касается шутки и остроты, надо принимать въ соображеніе время, мѣсто и лицо, съ которымъ бесѣдуешь; случается нерѣдко, что мужчина или женщина, думающіе осмѣять другихъ, подымаютъ на смѣхъ только самихъ себя; надо умѣть соразмѣрить свои силы въ шуткѣ съ силами своихъ слушателей.

Оговорившись такимъ образомъ, я намѣрена разсказать вамъ исторію, особенно поучительную для насъ, женщинъ.

Еще недавно въ Болоньѣ проживалъ знаменитый медикъ, маэстро Альберто. Хотя ему было за шестьдесятъ лѣтъ, но умъ его оставался такимъ же свѣжимъ, какъ и въ молодости. Также мало старческій возрастъ подѣйствовалъ на него и въ отношеніи нѣжнаго чувства къ женщинамъ. Сто-

ло встрѣтить ему красивую женщину и онъ готовъ былъ воспылать къ ней страстью. Какъ-то разъ, сидя у окна своей квартиры, онъ замѣтилъ проходившую мимо прелестную вдову, имя которой, какъ мнѣ разсказывали, было Мальгерида де-Гизольери. Эта дама произвела на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ сталъ непрестанно думать о ней; если случалось, что онъ не видѣлъ ее втеченіи дня, онъ цѣлую ночь не могъ сомкнуть глазъ и болѣзненно ворочался съ боку на бокъ. Очень часто онъ проходилъ или проѣзжалъ верхомъ мимо оконъ дома, гдѣ проживалъ предметъ его страсти. Также, какъ и многія другія, дамы, ея сосѣдки, красавица вдова не замедлила замѣтить возбужденную ею страсть. Собравшись вмѣстѣ, дамы зло подсмѣивались надъ страстно влюбленнымъ старикомъ, забывая, что любовь такое чувство, которое трудно изгнать изъ сердца, какъ молодому, такъ и старику.

Съ изумительной акуратностью, ежедневно шагая подъ окнами дома красавицы Гизольери, маэстро Альберто въ какой-то праздничный день увидѣлъ ее сидящей вмѣстѣ съ нѣсколькими другими дамами на крыльцѣ ея дома. Вдова замѣтила его издали; она сказала что-то на ухо своей сосѣдкѣ; дамы пошушукались между собой и порѣшили пригласить влюбленнаго старика къ завтраку и посмѣяться надъ нимъ. Всѣ онѣ встали, когда подошелъ къ нимъ докторъ, любезно привѣтствовали его, а хозяйка пригласила его въ прохладную галлерею, гдѣ накрытъ былъ завтракъ. Когда гость испробовалъ легкихъ кушаньевъ и поѣлъ плодовъ и конфектъ и выпилъ превосходнаго вина, дамы спросили его, впрочемъ, очень вѣжливо, какъ могъ онъ, старикъ, влюбиться въ красавицу, когда у нея нѣсколько молодыхъ, любезныхъ, ловкихъ и остроумныхъ возлюбленныхъ?

Разумѣется, умный докторъ съ перваго же приступа замѣтилъ, что дамы намѣреваются подшутить надъ нимъ и приготовился ловко отразить ихъ насмѣшки. Онъ иронически улыбнулся и, обращаясь къ вдовѣ, отвѣчалъ:

— Мадонна *), ни одинъ благоразумный человѣкъ не удивится, увидя меня влюбленнымъ въ такую красавицу, какъ вы. Хотя въ старости мужчина утрачиваетъ многія качества, которыми онъ можетъ плѣнить женщину, но, къ несчастію, природа не всегда отнимаетъ у него страсть, а главное, способность видѣть и цѣнить истинно прекрасное. Мало того, пожилые люди, въ силу своей опытности, способны лучше распознавать то, что заслуживаетъ привязанности и любви. Хотите-ли знать, что побудило меня полюбить васъ и не отказаться отъ этой любви, хотя я зналъ, что вы окружены нѣсколькими молодыми вздыхателями? Много ѣздилъ я на своемъ вѣку, мадонна, видѣлъ не мало людей и въ самыхъ различныхъ положеніяхъ. При этомъ мнѣ случалось встрѣчать такихъ дамъ, которыя за завтракомъ всякимъ нѣжнымъ и пріятнымъ кушаньямъ предпочитали грубыя овощи. Развѣ не могъ я предполагать, что въ любви, мадонна, вы также могли руководиться капризомъ? Развѣ не смѣлъ я надѣяться, что изъ каприза вы предпочтете меня всѣмъ другимъ вашимъ поклонникамъ?

Никто не ожидалъ отъ доктора такой рѣчи и потому она привела дамъ въ большое смущеніе.

— Наше безразсудство, маэстро, отвѣчала прелестная вдовушка,—получило справедливое воздаяніе, котораго вполнѣ заслуживало; прошу васъ вѣрить, что, не раздѣляя вашей любви, я очень польщена предпочтеніемъ, вами мнѣ оказаннымъ. Дружбой такого любезнаго человѣка—если только вы мнѣ ее дадите—нельзя не гордиться; разсчитывайте на мою признательность и я готова обязать васъ всѣмъ, чего вы пожелаете, такъ какъ я увѣрена, что вы непотребуете отъ меня ничего безчестнаго.

Маэстро Альберто поблагодарилъ вдову за ея обязательное предложеніе; затѣмъ всталъ, простился съ дамами и удалился, громко смѣясь. Вдова признала себя одураченной и не разъ еще въ жизни упрекала себя, что захотѣла посмѣяться надъ человѣкомъ, котораго почти совсѣмъ не знала и который въ дѣлѣ шутки значительно превосходилъ ее своимъ умѣньемъ. Будьте же благоразумны, мои достойныя подруги, и постарайтесь извлечь хорошій урокъ изъ моего разсказа.

*) Въ прежнее время очень употребительное обращеніе къ молодой женщинѣ, равносильное слову «сударыня». *Пр. перевод.*

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ПЕРВАГО ДНЯ.

Солнце уже опустилось и жара совершенно спала, когда королева окончила свою повѣсть.

— Милые подруги и товарищи, сказала веселымъ тономъ Пампинеа, — мнѣ остается теперь предложить вамъ новую королеву, которая по своему усмотрѣнію распредѣлитъ наше время. Мое царствованіе должно бы кончиться при наступленіи ночи, но принимая въ соображеніе, что каждое дѣло требуетъ предварительной подготовки, я полагаю, что будетъ лучше, если мы станемъ выбирать королеву наканунѣ; тогда она успѣетъ хорошо распорядиться на слѣдующій день. Рѣшимъ, что власть передается тотчасъ же по окончаніи послѣдней повѣсти. Я избираю королевой на второй день благоразумнѣйшую и любезнѣйшую Филомену.

При послѣднихъ словахъ она встала, сняла съ своей головы корону и почтительно надѣла ее на голову раскраснѣвшейся Филомены. Все общество горячо привѣтствовало новую повелительницу.

Долго краска не покидала лица Филомены и она смотрѣла слишкомъ сконфуженной; но боязнь показаться смѣшною, возвратила ей бодрость, и она, подражая своей предшественницѣ, начала съ того, что подтвердила ея распоряженія относительно слугъ; затѣмъ заказала ужинъ на сегодняшній день и завтракъ на слѣдующее утро. Окончивъ эти распоряженія она обратилась къ компаніи съ такой рѣчью:

— Милыя друзья, конечно, не по моимъ достоинствамъ, а изъ любезности, Пампинеа избрала меня вашей повелительницей. Я приняла власть, но не желаю распоряжаться, руководствуясь только своимъ произволомъ; съ большимъ удовольствіемъ я буду слѣдовать вашимъ совѣтамъ, вполнѣ увѣренная, что общими силами мы лучше распорядимся нашимъ временемъ. Я вкратцѣ изложу вамъ, какъ думаю распредѣлить наши занятія на завтрашній день, но прошу васъ измѣнять въ моемъ предложеніи все, что вамъ не понравится. Я нахожу, что распредѣленіе, сдѣланное милой Пампинеа, вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли, нами предположенной, и его слѣдуетъ держаться до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не заставятъ насъ измѣнить его. И такъ, слѣдуя установившемуся порядку, мы уйдемъ отсюда, чтобы нѣсколько порѣзвиться. По захожденіи солнца мы сядемъ за ужинъ. Послѣ ужина, потанцуемъ и споемъ, а затѣмъ пойдемъ спать. Завтра утромъ мы подымемся очень рано, чтобы насладиться свѣжестью утра. Завтра, какъ и сегодня, каждый будетъ вправѣ избрать для дообѣденной прогулки такое мѣсто, какое ему нравится. Послѣ обѣда мы будемъ танцовать. Затѣмъ послѣ отдыха мы соберемся опять сюда и станемъ разсказывать сказки... Мнѣ пришло на мысль, что Пампинеа, избранная слишкомъ поздно, не приняла во вниманіе одного обстоятельства, какое я, однакожь, считаю очень важнымъ: необходимо давать общую тему для сказокъ, разсказываемыхъ въ извѣстный день. Имѣя тему, легче приготовить разсказъ, интересный для всего общества. Полагаю, что тема, избранная мною для завтрашняго дня, придется по вкусу вамъ всѣмъ... Съ начала міра люди были игрушкою фортуны, бросавшей ихъ въ разныя стороны и создавшей обстоятельства ихъ жизни. Пусть завтра каждый изъ васъ разскажетъ исторію злоключеній человѣка, которыя, по волѣ судьбы, противъ всякаго ожиданія, приводятъ все-таки къ счастливому концу.

Всѣ дамы и кавалеры одобрили предложеніе королевы, за исключеніемъ, однакожь, Діонео. Воспользовавшись наступившимъ молчаніемъ, онъ сказалъ, обращаясь къ королевѣ:

— Мадонна, вмѣстѣ со всей любезной компаніей, я думаю, что предложеніе ваше выше всякой похвалы, но осмѣливаюсь испрашивать милости, которой желаю пользоваться во все время, пока будетъ существовать наше сообщество. Я прошу, чтобы ко мнѣ не примѣнялся законъ, требующій, чтобы каждый изъ насъ разсказывалъ на заранѣе опредѣленную тему; да будетъ позволено мнѣ разсказывать то, что, по моему крайнему разумѣнію, я нахожу болѣе пріятнымъ для общества. Но чтобы не подать повода къ заключенію, что у меня очень небольшой запасъ повѣстей, я прошу, чтобы мнѣ разрѣшили говорить всегда послѣднимъ.

Королева, зная его веселый и шаловливый характеръ, поняла, что цѣль его,—развлечь общество шутливымъ разсказомъ въ такое время, когда оно устанетъ, выслушавъ нѣсколько повѣстей на одну и ту же тему,—и дала ему свое согласіе, подтвержденное и другими членами компаніи.

Все общество поднялось и направилось по густой аллеѣ къ лужайкѣ на берегу свѣтлаго источника. Дамы остановились здѣсь; имѣя обнаженныя ноги и руки, онѣ вошли въ воду и нѣкоторое время ходили по дну ручья, рѣзвясь и смѣясь. Начало темнѣть и наступило время ужинать; все общество направилось къ замку. Ужинъ прошелъ очень весело. Послѣ него королева приказала принести музыкальные инструменты, предложила Эмиліи пѣть, а Діонео акомпанировать ей на лютнѣ. По окончаніи пѣнія, все общество благодарило пѣвицу громкими аплодисментами. Затѣмъ по приказанію королевы, Лаурета устроила танецъ; Эмилія играла на скрипкѣ, а Нейфель на флейтѣ. Подъ ихъ музыку долго танцовала веселая компанія. Наконецъ, королева приказала окончить танцы, а съ ними и первый день. Каждый взялъ факелъ, зажегъ его и отправился въ отведенную ему комнату.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Стихотворенія Николая Ники.

I.

Отвѣты.

Что сдѣлать, спросилъ я у ней,
Чтобъ сила, что Богомъ дана,
Ушла бы на пользу людей?
«Работай!» сказала она.

Что сдѣлать у ней я спросилъ,
Чтобъ даль мнѣ была не страшна,
Чтобъ душу покой осѣнилъ?
«Молись!» мнѣ сказала она.

Что сдѣлать, спросилъ я у ней,
Чтобъ жизнь была счастья полна,
Чтобъ въ мірѣ дышалось вольнѣй?
«Люби!» прошептала она.

II.

Носится по-небу тучка безродная,
Въ ясной лазури небесъ одинокая,
Въ любящемъ сердцѣ есть дума холодная,
Вкралась негаданно дума жестокая.

Тучка надъ нивами ходитъ веселыми;
Градомъ покоситъ ихъ поросли малыя—

Черная дума слезами тяжелыми
Милой моей оросить щеки алыя.

Дунуло съ сѣвера вѣтрами бурными
Скрылася изъ-виду тучка покорная...
Милая нѣжно очами лазурными
Глянула—сгинула думушка черная.

III.

Листочки кудрявой березы
Облиты весеннимъ дождемъ,
И свѣтлыя, частыя слезы
Спадаютъ съ березы ручьемъ.

Но только, сквозь дождикъ, пробьется
Ласкающій, солнечный лучъ,—
Березы листъ каждый смѣется,
Сквозь слезы, и свѣжъ, и пахучъ.

Ты плачешь и всѣ мои ласки
Какъ будто тебя еще злятъ,
Одни непослушные глазки
Лукавой улыбкой блестятъ.

Паскарель.

Романъ Уида.

(Переводъ А. А. Разсказовой.)

(*Продолженіе.*)

Книга II.

Городъ Лилій.

I.

Едва переводя духъ вбѣжала я къ Маріучіи и высыпала къ ней на колѣни мою добычу, прежде чѣмъ она успѣла узнать, кто вошелъ.

— Этого хватитъ на долго, на долго? сказала я.—Теперь вы больше не будете мерзнуть и сидѣть голодомъ. Только нѣсколько минутъ на площади и мы обезпечены! Не надо продавать мозаики!

Маріучія съ изумленіемъ смотрѣла на кучу золота, серебра, бумажныхъ денегъ, пироговъ, фруктовъ и конфектъ. Я стала передъ нею на колѣни, засматривала къ ней въ глаза съ восторгомъ и смѣхомъ, близко граничащимъ со слезами.

— Что васъ такъ удивляетъ, Маріучія? Вы вѣрно не думали, что народъ можетъ быть такъ щедръ. Меня надоумилъ Ино, а то бы я не догадалась. Онъ ничего не взялъ себѣ, даже ни одной конфекты. Но чѣмъ же вы недовольны, Маріучія? Какъ хорошо мы теперь будемъ жить! Пропѣть пѣсню, другую на улицѣ и мы богаты!

Вдругъ старое тѣло Маріучіи задрожало отъ сильнаго волненія, ея темные глаза метнули на меня строгій взглядъ, хотя полный грусти; сухой, короткій крикъ вырвался изъ ея горла.

— На улицѣ! повторила она; — на улицѣ? за деньги? И для меня? О! голубушка! Какой стыдъ!

— Стыдъ!

Я встала на ноги холодная, молчаливая, униженная. Я только употребила въ пользу даръ, данный мнѣ Богомъ, а мои слушатели дали мнѣ за мое пѣніе только то, что хотѣли. Что же тутъ дурного? Напротивъ, все сдѣлалось просто, хорошо, честно; гдѣ же тутъ стыдъ?

Такъ размышляла я, въ то время еще совершенное дитя.

Маріучія, закрывъ глаза подоломъ платья, качаясь изъ стороны въ сторону, горько плакала.

— На улицѣ? за деньги? повторяла она опять и опять. — О, голубушка! какой стыдъ, какой срамъ!

Я молчала; слезы подступали къ моимъ глазамъ, но я не хотѣла показать ихъ. Я подобрала съ полу мои разсыпанныя сокровища, отнесла ихъ на лѣстницу и разсортировала. Монету и ассигнаціи я положила въ старый дубовый сундучекъ, гдѣ всегда хранились наши богатства, когда намъ удавалось что-нибудь заработать; потомъ, наклонившись надъ лѣстницей, я позвала Зото и Тито, дѣтей хозяйки и отдала имъ всѣ игрушки и конфекты; сама же, тихая и печальная, осталась сидѣть на холодѣ подлѣ сломанной статуи Донателло; къ сердцу своему я прижимала Паркъ.

Во весь остальной день я и Маріучія не перебросились ни однимъ словомъ; какъ два чужихъ человѣка, мы молча сидѣли въ темной комнатѣ, пропитанной запахомъ сушеныхъ розовыхъ листьевъ и перьевъ лука, которые признавались средствомъ отъ дурного глаза. Но когда совсѣмъ стемнѣло, Маріучія подозвала меня къ себѣ; ея голосъ былъ слабъ. Разсмотрѣть ее хорошенько я не могла, было совсѣмъ темно.

Я наклонилась, чтобы лучше разобрать ея слова; она положила руку на мой лобъ и провела нѣжно по волосамъ.

— Дитятко мое, сказала она почти шопотомъ,—обѣщайте мнѣ, что вы не будете больше пѣть на улицахъ. Скажите, какой отвѣтъ я должна дать вашей матери на небесахъ?

— Обѣщаю, отвѣчала я ей, невольно, потому что тонъ ея рѣчи испугалъ меня и почти смирилъ гнѣвъ, бушевавшій въ моемъ сердцѣ.

— Да будетъ всегда съ вами Матерь Божія, тихо проговорила она, какъ бы засыпая отъ усталости и не вполнѣ сознавая, что говоритъ.

Я сѣла у рѣшетчатаго окна въ нѣмомъ раскаяніи. Прохожіе снизу бросали мнѣ время отъ времени вѣнки изъ остролиста или конфекты; ударяясь о рѣшетчатое окно, они падали назадъ на улицу, потому что я не потрудилась открыть окна, чтобы ловить ихъ.

Вечерѣло; я взглянула на Маріучію, она спала. Я задумалась. Что мнѣ дѣлать? Оставаться-ли дома, или идти на улицу. Наконецъ, духъ непокорности и недовольства взялъ у меня верхъ надъ всѣми другими чувствами. Отчего не идти мнѣ и не веселиться, какъ другіе? Зачѣмъ я буду сидѣть въ темнотѣ и дуться, какъ сова, потому только, что полусумасшедшая старуха забрала себѣ въ голову не вѣсть что о моей вельможной крови и объ опасностяхъ, которымъ я могу подвергнуться.

Такъ разсуждала я про себя, пока духъ непокорности не созрѣлъ въ моемъ сердцѣ. Я взглянула на Маріучію; она не двигалась и, казалось, ничего не слышала. Я тихо прошла черезъ комнату, заправила лампочку, взяла свой капоръ и вышла на лѣстницу.

II.

Хорошо знакомая съ веронскими обычаями, я смѣло пустилась въ толпу; я знала, что итальянская толпа, часто буйно веселая, никогда не бываетъ жестка или груба. Австрійскій оркестръ игралъ на площади, чтобы поддерживать народъ въ веселомъ расположеніи духа; музыка, бенгальскіе огни, живописная масса народа, иллюминованныя зданія, — все заставляло меня забывать мое горе, и я поддалась веселости, тѣмъ болѣе неестественной, что постилась весь день. Идти домой и ложиться безъ ужина, въ холодную постель, мнѣ не хотѣлось. Было близко полночи, я это знала; знала и то, что Маріучія будетъ бранить меня, но что же изъ того — не бранила ли она меня за то, что я вздумала угодить ей сегодня утромъ.

Выходя съ площади, я наткнулась на небольшую группу прорицателей, одѣтыхъ и закутанныхъ какъ въ старину. Они походили съ виду на монаховъ, но танцовали на мостовой, напѣвая популярную въ Веронѣ застольную пѣсню.

— Паскарелло! Паскарель! закричали они, когда красный огонь заблестѣлъ изъ-подъ старинной арки, и всѣ разомъ пустились бѣжать; ихъ монашескія платья развѣвались по воздуху, открывая маленькія женскія ноги въ башмакахъ, украшенныхъ бантами изъ лентъ.

Это таинственное имя притягивало меня; желаніе узнать, что оно означало, росло во мнѣ все сильнѣе и сильнѣе.

Я тоже побѣжала за прорицателями. Скоро толпа народа остановилась передъ широкой лѣстницей съ колонадой. Ярко горѣли лампы, освѣщая на стѣнѣ написанное большими бѣлыми буквами на красномъ фонѣ слово: Вельоне.

Я быстро взбѣжала по лѣстницѣ вмѣстѣ съ толпой искателей веселья и остановилась передъ барьеромъ, гдѣ платили за входъ. Я стояла у входа безпомощно, звуки проходящихъ шаговъ ударяли меня по уху; вдругъ мужская рука протянулась надо мной, бросила за меня деньги и мужской голосъ засмѣялся надъ моимъ ухомъ:

— Такъ хороша и не замаскирована? Проходи, проходи, милочка.

Давленіе народа втолкнуло меня черезъ барьеръ и разлучило съ обязавшимъ меня кавалеромъ. Я была увлечена потокомъ свѣта и шума, смѣха и музыки. Я боялась, но была какъ бы очарована. Казалось, здѣсь царило какое-то ужасное зло, но такое живое, веселое, живописное, что я не могла не поддаться ему. Паскареля я не нашла, да правду говоря, я совсѣмъ и забыла о немъ. Вдругъ одинъ изъ танцоровъ, въ одеждѣ мушкатера Людовика XIII, подбѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ я стояла, обхватилъ меня, и силою увлекъ въ кругъ танцующихъ, такъ быстро, что мои ноги почти не касались земли.

— Красавица, говорилъ онъ мнѣ на ухо, — у васъ странный костюмъ для Вельоне, но это не важно. Я заплатилъ за васъ при входѣ. Вы за это вознаградите меня тѣмъ...

Онъ не успѣлъ докончить фразы; я обѣими руками ударила его по рту, вырвалась отъ него и бросилась бѣжать между рядами танцующихъ, сама не зная куда. Нѣсколько дебардеровъ окружили меня, безобразный пѣтухъ кукерикалъ надо мной, клоунъ, оскаливъ зубы, загоготалъ мнѣ въ самое ухо, нѣсколько черныхъ масокъ, завыли и начали коверкаться, какъ въ судорогахъ. Мушкатеръ снова схватилъ меня, поднялъ и увлекъ въ дикій галопъ, съ быстротой разнузданной лошади въ день Сан-Джіовани во Флоренціи.

Я закричала о помощи. Мой мучитель, съ хохотомъ, крѣпче прижималъ меня. Вдругъ минутная пауза; затѣмъ брянчаніе, громкій возгласъ, шумъ масокъ и Флориндо съ краснымъ перомъ, выскочивъ изъ ближней ложи, развелъ руки, державшія меня, и вывелъ меня, при всеобщемъ удивленіи масокъ, изъ жары и свѣта на прохладную, освѣщаемую блѣднымъ свѣтомъ луны, улицу.

— Паскарелло, Паскарель! кричала толпа, когда онъ проходилъ, и никто не преслѣдовалъ, никто не останавливалъ его.

Онъ остановился и пристально посмотрѣлъ на меня. Онъ представлялъ собою веселое, разноцвѣтное существо, со всей граціей и лоскомъ давно прошедшихъ вѣковъ, стоящее въ тѣни стѣнъ театра Ла-Скала.

— Ну-съ, моя пѣвчая птичка, сказалъ онъ съ улыбкою въ глазахъ, — могу я спросить, что вы здѣсь дѣлали? Это мѣсто пригодно для ястребовъ, коршуновъ и тому подобныхъ хищныхъ птицъ, но не для соловьевъ. Кажется, оно вамъ не особенно понравилось.

По его голосу я узнала, что дѣйствительно тотъ, кого называли Паскарелемъ, далъ мнѣ кольцо съ Парками. Я зарыдала и сказала ему, что привлекло меня сюда.

Онъ слушалъ со смѣхомъ въ черныхъ, нѣжныхъ поэтическихъ глазахъ.

— Самое лучшее, что я могу для васъ сдѣлать—проводить васъ домой, сказалъ онъ, тронувшись съ мѣста и прося показать ему дорогу къ моему дому.—Быть одной на улицѣ въ сегодняшнюю ночь нехорошо для васъ, милая дѣвочка. Храбрость похвальна, но и осторожность не лишняя, въ особенности въ вашемъ возрастѣ.

Въ такомъ тонѣ продолжалъ онъ говорить всю дорогу, вѣроятно, чтобы разсѣять мой страхъ и примирить меня съ странностью моего положенія: молоденькой дѣвушки, разгуливающей по улицамъ ночью съ незнакомцемъ, облеченнымъ въ костюмъ Флориндо. Изъ чувства истинной деликатности, онъ не хотѣлъ ради удовлетворенія своего любопытства увеличивать мое затрудненіе или причинить мнѣ неудовольствіе. Его голосъ былъ такъ мягокъ, въ глазахъ выражалось столько доброты и нѣжности, во всей его фигурѣ столько изящества и беззаботности, что я невольно почувствовала къ нему довѣріе. Онъ былъ для меня совершенно посторонній, — одна изъ тѣхъ карнавальныхъ масокъ, съ которыми въ моемъ представленіи связывалось неуловимое, неосязаемое чувство зла; — одна изъ масокъ Вельоне, смѣшная въ своемъ разноцвѣтномъ одѣяніи, при блѣдномъ сіяніи луны; однакожъ, я вѣрила въ него, чувствовала себя внѣ опасности въ его присутствіи и говорила съ нимъ также просто и естественно, какъ съ Рафаэлино.

— Вамъ пришла блажная мысль, говорилъ онъ, съ улыбкою въ глазахъ, слушая мою исповѣдь.

— Да, сознаюсь, я дрянная дѣвочка. Я похожа на злую Сперонеллу падуанскую, имя которой ношу, такъ говоритъ моя няня.

Онъ снисходительно засмѣялся.

— О нѣтъ, надѣюсь не такъ ужь злы. А современемъ будете умнѣе. Скорѣе надо надѣяться, что вы кончите, какъ та добрая Нелла, мужъ которой, если вѣрить поэтамъ, на томъ свѣтѣ вспоминалъ о ней, какъ о безцѣнномъ совершенствѣ. Но что васъ заставило войдти въ это мѣсто сегодня ночью? Капризъ, конечно, но что дало къ нему поводъ?

— Я хотѣла узнать, что это такое Паскарель! Вотъ и все. право только это!

Онъ остановился на минуту, заливаясь смѣхомъ.

— Ну, спросилъ онъ, — узнали вы?

— Нѣтъ! А вы знаете? Пожалуйста, скажите мнѣ.

— Я тоже старался узнать, отвѣчалъ онъ, со смѣхомъ. — Всю жизнь старался, и до сихъ поръ не узналъ.

— Это что нибудь необыкновенное?

— О, Богъ мой, нѣтъ. Ничего необыкновеннаго.

— Значитъ, это загадка?

— Да, немного. Вѣроятно, весь отвѣтъ заключается въ одномъ словѣ, которое Эдипъ отвѣтилъ сфинксу. Не ломайте надъ этимъ голову. Не стоитъ труда.

— Отчего? Все здѣшнее населеніе, кажется, сильно имъ интересуется.

Грустная тѣнь проскользнула по его лицу.

— Да! можетъ быть, интересуется...

— Да что же это такое? Пожалуйста, скажите мнѣ.

И съ этими словами я остановилась; снѣгъ тонкимъ слоемъ покрывалъ крыши, камни и балконы, холодный альпійскій воздухъ заморозилъ его причудливыми узорами. Мой спутникъ отломилъ одинъ изъ снѣжныхъ цвѣтковъ отъ водосточной трубы и нѣсколько времени продержалъ въ своей рукѣ. Цвѣтокъ, разумѣется, медленно растаялъ и исчезъ.

— Вотъ что такое Паскарель, небрежно сказалъ онъ. — Не стоитъ говорить о немъ; говорите о себѣ.

Некогда было много говорить о себѣ, потому что мы подошли къ громадной, скелетообразной двери нашего дома, которая всегда, и день и ночь, стояла открытой, такъ какъ всѣ жильцы были слишкомъ бѣдны, чтобы имъ стоило бояться воровъ.

При входѣ, онъ остановился и снялъ шапку.

— Спокойной ночи, милая дѣвочка, я пойду теперь назадъ къ моимъ шалостямъ и дурачествамъ. Завтра, если позволите, я зайду къ вамъ. Благодарность? О altro! не за что. Скорѣе я долженъ быть благодаренъ судьбѣ. Кстати, мнѣ очень жаль, что я не могъ дать вамъ что нибудь краснѣе и блестящѣе стараго пасмурнаго опикса, я боюсь, что эти мрачныя сестры — дурное предзнаменованіе, постараюсь завтра достать для васъ розъ. Онѣ лучше къ вамъ пристанутъ. Соловьи и розы неразлучны отъ самаго рая. До свиданія!

Онъ съ легкой граціей поцѣловалъ мою руку и пошелъ назадъ; ярко виднѣлась въ блѣдномъ свѣтѣ луны его красная съ бѣлымъ одежда — цвѣта Флоренціи; онъ шелъ, напѣвая вполголоса каталогъ любви изъ Джіовани. Я наблюдала за нимъ, пока онъ не потерялся въ темнотѣ высокихъ домовъ, полу-крѣпостей, полу-тюремъ, перекинутыхъ галлерей и мраморныхъ балконовъ родины Ромео.

Медленно поднялась я наверхъ, мимо сломанной статуи Донатело, воображая, что полуразрушенная лѣстница преобразилась во дворецъ Капулети, а я въ Жульету.

Когда я вошла въ комнату, Маріучія все еще сидѣла въ своемъ дубовомъ креслѣ у нетопленнаго камина. Руки ея были сложены, а подбородокъ опустился на грудь. Я знала, что она имѣла обыкновеніе дремать, сидя въ креслѣ, послѣ тяжелой дневной работы, и вообразила, что она, не замѣчая ни времени, ни моего отсутствія, спала все время. Я потихоньку опустилась на полъ къ ея ногамъ, боясь выговорить слово, чтобы не разбудить ее. Я радовалась, что она во снѣ не чувствуетъ ни голода, ни холода, радовалась, что избѣжала заслуженнаго выговора и упрековъ за свое поведеніе. Я положила голову къ ней на колѣни, какъ часто дѣлывала въ дѣтствѣ и сидѣла спокойно, положивъ ея руку къ себѣ на плечо.

Должно быть, я тоже заснула немного, потому что внезапно вскочила, какъ бы пробудясь отъ тяжелаго кошмара, когда послѣднія ракеты ночного празднества съ трескомъ поднялись въ темное небо; ихъ свѣтъ упалъ на лицо Маріучіи. Что-то особенное въ выраженіи глазъ и рта сжало отъ страха мое сердце.

— Маріучія! закричала я ей. — Маріучія! вы меня пугаете! дорогая Маріучія, вы спите.

Она дѣйствительно спала. На ея измученномъ лицѣ было разлито спокойствіе, ея морщинистыя руки, которыя я покрывала поцѣлуями были еще теплы. Но я, никогда невидавшая смерти вблизи, узнала, что это смерть, и что пока Верона веселилась въ эту первую ночь карнавала, я сидѣла въ мрачномъ старомъ домѣ одна съ мертвымъ тѣломъ единственнаго друга, который у меня былъ на землѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Свѣтъ.

(Посвящ. Марку Самойловичу Карагозу.)

Стихотв. **И. В. Омулевскаго.**

Далекихъ звѣздъ ли миріады
Сіяли на небѣ ночномъ,
Или свѣтильня у лампады
Мерцала трепетнымъ огнемъ;

Вставало-ль, поражая очи,
Свѣтило золотое дня,
Иль восходила среди ночи
Серебровидная луна;
Сверкала-ль молнія, блистая,
На тучъ грозовыхъ синевѣ,
Или червякъ, переползая,
Въ росистой свѣтился травѣ, —

Съ невыразимымъ впечатлѣньемъ
Слѣдилъ я робко, съ дѣтскихъ лѣтъ,
За тѣмъ загадочнымъ явленьемъ,
Чему мы дали имя «свѣтъ».

Прошли года — и мыслью зрѣлой
Наука озарила умъ,
Теперь онъ можетъ, безъ предѣла,
Пускаться въ глубь завѣтныхъ думъ;
Теперь, какъ другъ явленій міра,
Изгнавъ изъ сердца ложный страхъ,
Ужь онъ не сотворитъ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ.

Но и теперь, поклонникъ свѣта,
Я имъ, какъ прежде, пораженъ,
И дѣтскимъ трепетомъ поэта
Опять охватываетъ онъ.

Не въ немъ ли ключъ загадки вѣчной?
Нейдетъ ли токъ его лучей,
Неуловимый, безконечный,
До самой сущности вещей?

Чему иному, какъ не свѣту
Обязанъ ты, жилецъ земной,
Что могъ познать свою планету,
Что могъ увидѣть образъ свой?

Какими звуками въ природѣ
Ты передать бы могъ другимъ
О голубомъ небесномъ сводѣ
Съ великолѣпіемъ ночнымъ?

Что, позабывъ другія цѣли,
Ни на минуту отвести,
Порой, отъ дѣтской колыбели
Счастливыхъ глазъ не можешь ты;

Что жуткимъ ужасомъ безъ мѣры
И жгучей скорбью безъ конца
Гнететъ твой духъ, помимо вѣры,
Недвижный обликъ мертвеца;

Что ты любуешься чертами
Лица подруги молодой, —
Все это свѣтъ съ его лучами,
Съ ихъ безконечной игрой!

О, дивный свѣтъ! передъ тобою,
Объятый думой бытія,
Всегда съ единою мольбою,
Въ безсильи, преклоняюсь я:

«Ты — озаряющій лучами,
Въ неизмѣримыхъ глубинахъ,
Міры, невидимые нами
На ихъ невѣдомыхъ путяхъ! —
Сойди и въ мой мірокъ укромный
Всепросвѣтляющимъ лучемъ,
Чтобъ могъ служить мой разумъ темный
Тебѣ повсюду и во всемъ;

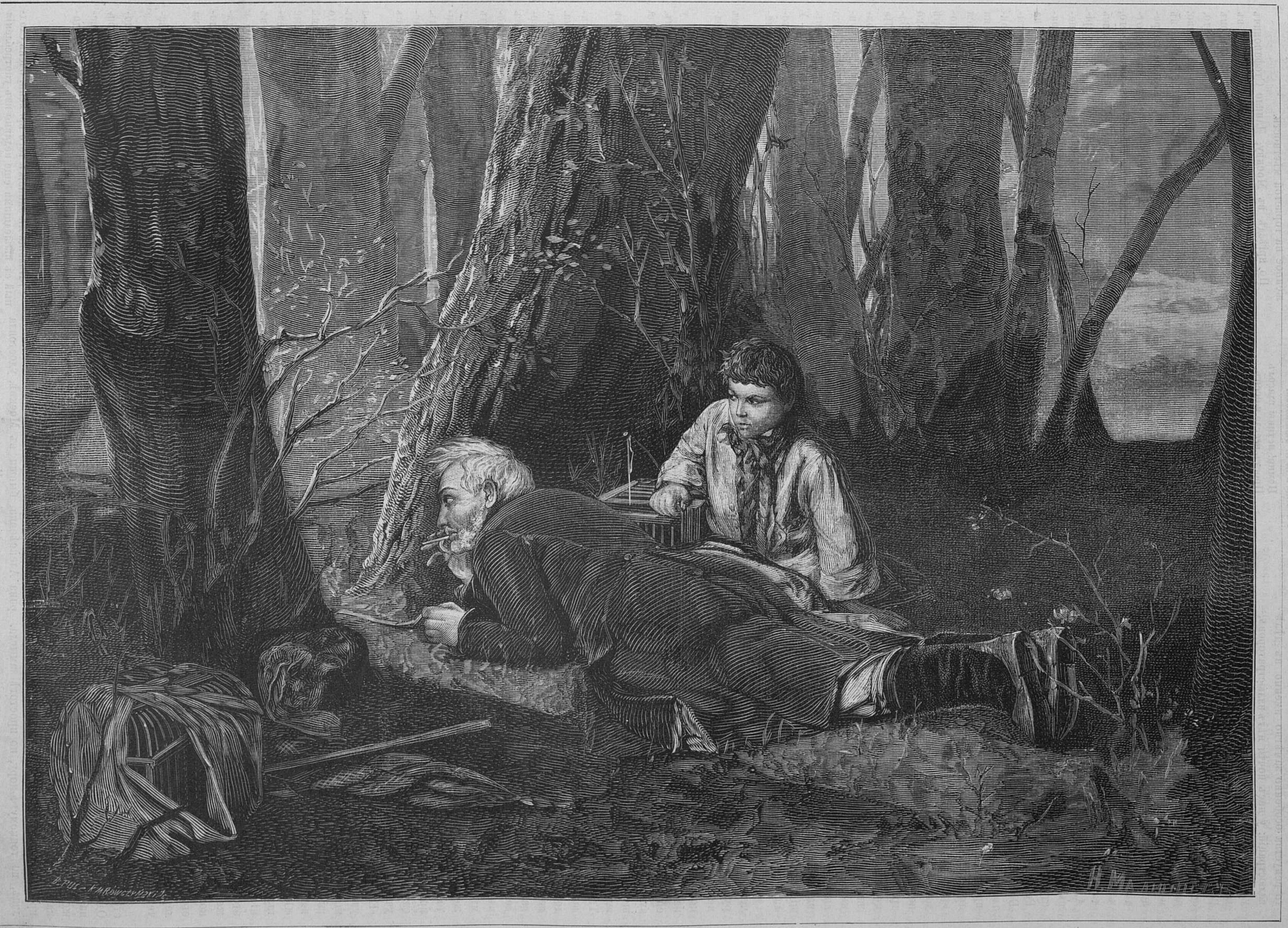
Чтобъ я во тьму загробной ночи
Ушелъ, лелѣемый мечтой,
Что на землѣ, въ людскія очи,
Свѣтильникъ свѣтится и мой!»

І. Б. Зондерландъ.

Ст. **П. Библіофила.**

Жалобы на бѣдность и на жалкое состояніе искусства у насъ давно уже сдѣлались общимъ мѣстомъ и часто приходится слышать о томъ, что Европа ничего бы не потеряла, если бы не существовало произведеній русскаго искусства — литературы, живописи, музыки, скульптуры, архитектуры. Въ этихъ желчныхъ замѣчаніяхъ, къ сожалѣнію, очень много правды. Сравните, сколько книгъ переводится съ иностранныхъ языковъ на русскій и сколько книгъ переводится съ русскаго на иностранные языки, — разница выйдетъ громадная, и притомъ нужно сознаться, что переводы съ русскаго на иностранные языки являются какъ-то случайно, безъ особеннаго запроса на нихъ со стороны общества, безъ особенной нужды въ нихъ. Просмотрите наши иллюстрированныя изданія и вы увидите, что большая часть картинъ и рисунковъ принадлежитъ иностраннымъ, а не русскимъ художникамъ и

Изъ картинъ, отправляемыхъ на всемірную парижскую выставку.



Птицеловъ, картина профессора Г. П. Перова.

Рисовалъ на деревѣ И. Малышевъ, рѣзалъ Б. Пуцъ въ Варшавѣ.

что, во всякомъ случаѣ, лучшіе рисунки и картины здѣсь не русскіе. Жалкое состояніе нашего искусства особенно замѣтно именно въ дѣлѣ иллюстрацій: у насъ почти нѣтъ иллюстраторовъ, у насъ до сихъ поръ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Грибоѣдовъ, Тургеневъ, гр. Л. Толстой, Гончаровъ, Некрасовъ ждутъ иллюстраторовъ и если намъ укажутъ на нѣсколько существующихъ рисунковъ къ сочиненіямъ этихъ писателей, то мы отвѣтимъ одно: «было бы лучше, если бы вовсе не было иллюстрацій къ этимъ произведеніямъ, чѣмъ имѣть такія плохія иллюстраціи, какія имѣемъ мы». У насъ нечего и думать о такихъ изданіяхъ, какъ Донъ-Кихотъ, Библія и Адъ Данте съ иллюстраціями Доре, какъ Библія съ иллюстраціями Бида, какъ Фаустъ съ иллюстраціями Креллинга или Лиценъ-Мейера, какъ Рейнеке-Лисъ съ иллюстраціями Каульбаха и т. п. Во Франціи, въ Германіи и другихъ европейскихъ государствахъ лучшіе художники вдохновляются произведеніями своей родной литературы и являются какъ бы дополнителями и объяснителями этихъ произведеній, а у насъ—едва-ли наши художники и читаютъ что нибудь, такъ какъ уровень ихъ образованія, за исключеніемъ двухъ-трехъ свѣтилъ, очень низокъ, очень жалокъ: они не только не знакомы съ литературой, но очень часто не знакомы даже съ тѣми отраслями науки и искуства, безъ знанія которыхъ имъ приходится всю жизнь изумлять публику въ своихъ картинахъ, напримѣръ, удивительною непропорціональностью между членами человѣческаго тѣла и тому подобными вещами.

Заграницей, какъ мы сказали, дѣло идетъ иначе: литература и живопись идутъ тамъ рука объ руку и взаимно помогаютъ одна другой. Тамъ являются особые высокодаровитые художники, которые всю жизнь посвящаютъ исключительно на иллюстрированіе великихъ произведеній своей родины и имена этихъ иллюстраторовъ пользуются такимъ же почетомъ, какъ имена лучшихъ создателей громадныхъ холстовъ, красующихся на стѣнахъ тѣхъ или другихъ музеевъ. Такимъ иллюстраторомъ былъ и І. Б. Зондерландъ, родившійся въ 1804 году въ Дюссельдорфѣ. Онъ былъ ученикомъ знаменитаго германскаго художника барона Фред. Вильг. Шадова, бывшаго директоромъ дюссельдорфской академіи послѣ Корнеліуса. Шадовъ былъ классикъ въ живописи, онъ провелъ десятокъ лѣтъ въ Римѣ для изученія античнаго искусства и въ этомъ же духѣ развивалъ своихъ учениковъ. Изъ его-то школы вышелъ Зондерландъ: онъ научился правильно и хорошо рисовать, онъ научился классической простотѣ, но не пошелъ по стопамъ учителя и, вмѣсто «Св. Семейства», «Сна Іосифа», «Евангелистовъ» и тому подобныхъ произведеній учителя, у ученика явились картины: «Прерванное свиданіе», «Хозяинъ гостинницы, составляющій счетъ», «Рыбный рынокъ», «Маленькій сапожникъ», «Дикій охотникъ», «Рейнская лодка», «Отправленіе и возвращеніе воина» и т. п. Но главнымъ стремленіемъ Зондерланда было желаніе сдѣлаться иллюстраторомъ нѣмецкихъ поэтовъ. Съ этою цѣлью Зондерландъ изучилъ даже искусство гравированія, чтобы имѣть возможность вполнѣ точно передавать свою мысль, и его иллюстраціи къ произведеніямъ Гёте, Шиллера, Уланда, Бюргера и др. составили ему почетную извѣстность.

Рисунки Зондерланда отличаются тою же простотой, которой отличаются картины Кнауса. Одинъ изъ такихъ рисунковъ, «Дѣти пойманные на мѣстѣ преступленія», т. е. на мѣстѣ запрещенной рыбной ловли, срисованъ по нашему заказу и гравированъ А. А. Шлиперомъ. Эта прелестная картинка замѣчательна по экспрессіи лицъ, по тонкому юмору, по простотѣ замысла.

Тайна открылась.

Разсказъ П. А. Салманова.

Помни! истины глаголъ
Простъ всегда и ясенъ,
Вѣкъ надутыхъ фразъ прошелъ,
Намъ не надо басенъ.
М. Розенгеймъ.

Содержаніе моего разсказа заимствовано изъ уголовнаго дѣла 1782 года, отысканнаго мною въ 1846 году въ Москвѣ въ государственномъ архивѣ старыхъ дѣлъ, состоявшемъ при сенатѣ.

I.

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, въ Малороссіи, въ нынѣшней полтавской губерніи, проживалъ помѣщикъ Стефанъ Прохоровичъ Неверовскій съ женою Маріею Ильинишною, или Марусею, какъ онъ постоянно звалъ ее. Эта супружеская чета жила счастливо, обладая при томъ большимъ состояніемъ. Въ ихъ имѣніяхъ въ полтавской губерніи и въ разныхъ мѣстахъ Украйны было болѣе 2000 душъ, что по тогдашнему времени считалось значительнымъ богатствомъ. И дѣйствительно, Неверовскій былъ самымъ богатымъ помѣщикомъ въ своей мѣстности. Съ женою жилъ онъ, какъ я уже замѣтилъ, счастливо; они оба любили другъ друга и въ околодкѣ всѣ указывали на нихъ, какъ на примѣръ супружескаго согласія. Честолюбіемъ Неверовскій не страдалъ; онъ не искалъ службы ни по выборамъ, ни государственной. То было время реформъ, но Неверовскій относился къ нимъ равнодушно; только одно изъ тогдашнихъ нововведеній произвело на него впечатлѣніе: залогъ недвижимыхъ имѣній въ опекунскомъ совѣтѣ. Соблазнился Неверовскій имѣть у себя кучу такихъ денегъ, которыя удобно прятать, удобно носить при себѣ; они неслышны для вора и разбойника, не звенятъ въ карманѣ, стало быть, и не соблазняютъ худого человѣка. Такія деньги были въ описываемое время большой новостью и соблазняли не одного Неверовскаго. Дѣло идетъ о кредитныхъ деньгахъ, т. е. шелковыхъ ассигнаціяхъ, недавно вошедшихъ въ народное употребленіе. У Неверовскихъ было единственное дѣтище, ими боготворимое, 26-лѣтній блондинъ, съ голубыми выразительными глазами, съ красивою симпатичною наружностію—сынъ Данило Стефановичъ. Отецъ задумалъ послать его въ Москву для залога въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ одного изъ принадлежащихъ ему имѣній. Напрасно протестовала Марія Ильинишна, нежелавшая подвергать своего единственнаго сына всякаго рода случайностямъ такой дальней дороги. Наши дѣды, если они принадлежали къ привилегированному и богатому сословію, какъ извѣстно, не допускали никакихъ противорѣчій своей волѣ, въ особенности отъ женщинъ. Стефанъ Прохоровичъ, не слушая ничьихъ возраженій и увѣщаній, настоялъ на своемъ и сынъ его долженъ былъ отправиться въ Москву.

Наканунѣ своего отъѣзда въ Москву, Данило Стефановичъ зашелъ къ мѣстному священнику, котораго очень любилъ, чтобы проститься съ нимъ. Священникъ обрадовался его поѣздкѣ.

— У меня родной братъ въ Москвѣ священникомъ, сказалъ онъ.—Я съ нимъ шесть лѣтъ не видался. Заѣзжайте къ нему. Поклонитесь отъ меня. Вы бы могли у него и остановиться, но онъ живетъ не въ самой Москвѣ, а въ подгородномъ селѣ, близехонько отъ столицы. Село это называется Кунцево. Можетъ быть, вамъ неудобно будетъ по вашимъ дѣламъ жить у него. Кунцево, какъ писалъ мнѣ братъ, отъ Москвы въ пяти или шести верстахъ. Но я прошу васъ убѣдительно, побывайте у него. Вотъ вамъ письмо къ нему. Побывать тамъ стоитъ; говорятъ, мѣста тамъ очень красивыя. Сама государыня Екатерина Алексѣевна, бывши въ Москвѣ, удостоила своимъ посѣщеніемъ Кунцево, кушала чай подъ открытымъ небомъ, восхищалась живописными окрестностями, окружающими Кунцево, расположенное на гористой мѣстности.

По пріѣздѣ въ Москву, Данило Стефановичъ остановился въ лучшемъ постояломъ дворѣ, въ центрѣ города. За комнату, обѣдъ и ужинъ онъ долженъ былъ платить по рублю въ сутки, что, по тогдашней цѣнѣ денегъ, считалось не дешево. Молодой человѣкъ намѣревался прожить въ Москвѣ ровно столько времени, сколько потребуется для исполненія возложеннаго на него отцомъ порученія—залога имѣнія; окончивъ же его, предполагалъ тотчасъ же уѣхать, не оставаясь ни одного дня долѣе. На другой же день по пріѣздѣ, нанявъ извощика, онъ отправился въ опекунскій совѣтъ. Чиновники указали ему порядокъ залога имѣнія и Данило Стефановичъ на слѣдующій же день заложилъ его за десять тысячъ, за полученіемъ которыхъ, по существовавшему тогда порядку, ему предложили явиться на другой день. Данило Стефановичъ возвратился домой уже послѣ вечеренъ. Какъ богатый человѣкъ, онъ позволилъ себѣ на постояломъ дворѣ роскошь, доступную въ тогдашнее время только людямъ очень богатымъ: онъ напился чаю. Затѣмъ, черезъ часъ поужинавъ, легъ спать. Не отдохнувъ еще какъ слѣдуетъ съ дороги и утомленный непривычными хлопотами по опекунскому совѣту, онъ заснулъ такъ крѣпко, что проснулся на другой день только въ 12 часовъ.

— Господи! какъ поздно! сказалъ онъ. — У насъ на Украйнѣ казаки въ это время уже отобѣдали. Не опоздалъ-ли я въ совѣтъ за полученіемъ денегъ. Дѣло дрянь, если это такъ.

И онъ поручилъ служителю при постояломъ дворѣ привести ему извощика. Служитель отправился и, скоро вернувшись назадъ, сказалъ:

— Волочки *) готовы, баринъ, и стоятъ у крыльца. Только я не торговался съ извощикомъ, потому что вы не изволили мнѣ сказать, куда вамъ нужно ѣхать.

Сбѣжавъ съ лѣстницы на крыльцо и, увидавъ извощика, молодой человѣкъ сказалъ ему:

— Вези меня какъ можно скорѣе въ опекунскій совѣтъ, я тебѣ заплачу три пятиалтынника.

— Садитесь, лихо докачу. Лучше вчерашняго.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ быстро примчалъ своего сѣдока къ опекунскому совѣту. Подымаясь на лѣстницу, молодой человѣкъ крикнулъ извощику, чтобы тотъ подождалъ его, такъ какъ онъ съ нимъ поѣдетъ обратно.

Неверовскій вошелъ въ совѣтъ и къ неописанной своей радости узналъ, что не опоздалъ. Получивъ деньги, десять тысячъ шелковыми ассигнаціями разнаго рода, онъ положилъ ихъ въ свой бумажникъ и затѣмъ сошелъ внизъ.

Извощикъ стоялъ недалеко отъ подъѣзда и дожидался его. Неверовскій тотчасъ же замѣтилъ его, да и мудрено было не замѣтить, потому что вблизи опекунскаго совѣта стояли только однѣ волочки, на которыхъ онъ пріѣхалъ; остальные же экипажи были кареты и коляски, запряженныя парами, а нѣкоторыя цугомъ. Извощикъ, въ свою очередь, также замѣтилъ своего сѣдока и направилъ свою лошадь къ подъѣзду, но подъѣхавшій къ нему казакъ такъ вытянулъ его нагайкой, что бѣдный извощикъ подпрыгнулъ на своихъ волочкахъ.

— Куда мужланъ лѣзешь? Здѣсь стоять вашей братіи не приказано.

— Да я съ бариномъ, сказалъ извощикъ, почесывая свою спину; когда же Неверовскій приказалъ подать свои волочки, казакъ быстро исчезъ. Неверовскій сѣлъ и велѣлъ вести себя домой, на постоялый дворъ.

*) Извощичій экипажъ того времени, очень сходный съ вышедшими еще недавно изъ употребленія «калиберами» и «гитарами».

Говорятъ, счастіе и несчастіе часто зависятъ отъ ничтожныхъ причинъ. Это какъ нельзя болѣе справедливо. Случилось происшествіе самое ничтожное, результатомъ котораго для Неверовскаго были, однакожъ, важныя послѣдствія. Данилѣ Стефановичу представилась надобность высморкать носъ, а такъ какъ всѣмъ и каждому извѣстно, что малороссійскіе помѣщики того времени носили очень широкіе шаровары съ глубокими карманами, то, запустивъ руку въ карманъ своихъ шароваровъ, и долго обшаривая его, молодой Неверовскій вмѣсто носового платка вытащилъ письмо священника своего имѣнія, адресованное въ Кунцево. Эю случайное обстоятельство измѣнило планы Неверовскаго. Еслибы онъ въ карманѣ нашелъ платокъ, забытый имъ въ нумерѣ постоялаго двора, то преспокойно высморкался-бы и затѣмъ отправился-бы домой. Но судьба рѣшила иначе. Прочитавъ со вниманіемъ адресъ, Неверовскій спросилъ извощика:

— А что, голубчикъ, ты знаешь, гдѣ Кунцево?

— Какъ не знать. Я стою на Смоленскомъ рынкѣ. Село Кунцево за Дорогомиловскою заставою въ шести верстахъ.

— Ну, я тутъ ничего не понимаю: ни Смоленскихъ вашихъ рынковъ, ни Дорогомиловскихъ заставъ. Въ Москвѣ я точно какъ въ лѣсу; меня никто не знаетъ и я никого не знаю. Кстати, какъ тебя зовутъ, голубчикъ?

— Тришкой, батюшка баринъ.

— Ты хочешь сказать Трифономъ. А по отчеству какъ величаютъ?

— Былъ Федоровъ, батюшка баринъ. Да осмѣлюсь я у васъ спросить, вы должно быть не здѣшній?

— Не здѣшній, Федорычъ. Я издалече, изъ Украйны. Тринадцать дней ѣхалъ до Москвы.

— А смѣю спросить, зачѣмъ вы изволили пріѣхать сюда?

— Я пріѣхалъ по порученію моего отца для залога небольшого имѣнія въ опекунскомъ совѣтѣ за десять тысячъ рублей, и никого здѣсь не знаю; въ Москвѣ я сроду не бывалъ, третьяго дня только пріѣхалъ. Теперь я покончилъ свое дѣло. Заложилъ имѣніе и получилъ десять тысячъ рублей новенькими ассигнаціями. А видывалъ-ли ты когда нибудь ассигнаціи, продолжалъ простодушный юный малороссъ,—напримѣръ, хотя пятидесятныя?

— Гдѣ-жъ намъ, батюшка баринъ, маленькимъ темнымъ людямъ видать такія деньги.

— Хочешь я тебѣ покажу?

И неосторожный Неворовскій, вытащилъ изъ кармана бумажникъ, наполненный ассигнаціями, вынулъ оттуда пятидесятную бумажку. Федорычъ жаднымъ взоромъ впился сначала въ ассигнацію, а потомъ въ самый бумажникъ. И глаза его заискрились. Тришка задумался; а добрый, честный юноша, не замѣчая перемѣны въ его лицѣ и продолжая разговаривать съ нимъ, дружелюбно спросилъ его.

— Не можешь-ли ты свести меня въ Кунцево и сколько возьмешь за это?

— Отлично довезу туда и къ ужину домой васъ доставлю, отвѣчалъ извощикъ,— возьму только одинъ рубль.

— Въ такомъ случаѣ вези меня. Я согласенъ дать тебѣ рубль, а привезешь благополучно домой и на водку тебѣ прибавлю.

Тришка вздрогнулъ и, перекрестившись набожно, сказалъ убѣдительнымъ тономъ.

— Не лучше-ли ѣхать теперь домой, а въ Кунцево съѣздите послѣ. Вы чай до сихъ поръ не успѣли отдохнуть отъ дальней дороги.

Сказавъ это, Трифонъ прошепталъ: «не введи насъ во искушеніе».

— Поѣдемъ въ Кунцево, сказалъ рѣшительно Неверовскій.—Я хочу быть непремѣнно сегодня въ Кунцевѣ.

— Да будетъ воля Божія! сказалъ про себя Трифонъ, тронулъ свою лошадь и быстро поѣхалъ по улицамъ Москвы къ Дорогомиловской заставѣ.

«Господи, какой большой городъ Москва, подумалъ про себя Неверовскій.—Тутъ улицы, тамъ улицы, а церквей сколько,—то и дѣло, что снимаешь фуражку. Если-бы Трифонъ вздумалъ высадить меня гдѣ нибудь, мнѣ пришлось бы, можетъ быть, очень долго отыскивать тотъ домъ, гдѣ я остановился. Чистый лѣсъ. Куда прикажете идти: направо улицы, налѣво улицы и прямо улицы; вотъ ты и отыскивай. Это не то, что у насъ въ Пирятинѣ, въ которомъ и въ осеннюю темную ночь не заблудишься».

А волочки между тѣмъ катились, да катились. Вотъ, наконецъ, они уже подъѣхали къ Дорогомиловской слободѣ.

«Вотъ это моей родиной пахнетъ. Здѣсь Москва немножко на Пирятинъ смахиваетъ», подумалъ Неверовскій.

Проѣхали слободу и очутились за заставой. А извощикъ все читалъ про себя молитвы и изрѣдка только со вздохомъ прибавлялъ: «десять тысячъ! Эка махина какая! Можно быть первостатейнымъ купцомъ съ эвтакимъ капиталомъ. Господи спаси раба своего Трифона и не введи его во искушеніе». А волочки все катились впередъ и доѣхали такимъ образомъ благополучно до Кунцева; гдѣ гостепріимный священникъ заноилъ, закормилъ Неверовскаго всякими яствами и питіями, и засыпалъ его разговорами, продолжавшимися до всхода мѣсяца. При всходѣ луны, Тришка дрожавшій точно отъ испуга, вошелъ въ домъ священника напомнить Неверовскому о времени возврата въ Москву. Неверовскій быстро всталъ, простился съ священникомъ и поѣхалъ обратно въ Москву. Послѣ получасовой ѣзды послышался отвратительный запахъ разлагающейся мертвечины. Данило Стефановичъ, зажавъ носъ, спросилъ извощика:

— Что здѣсь, Федорычъ, кладбище что ль?

— Нѣтъ.

— Отчего-же такой скверный запахъ?

— Отъ бойни, батюшка баринъ, вишь мы къ бойнѣ подъѣзжаемъ; а запахъ-то видно отъ крови, которая очень портится въ жары въ лѣтнюю пору.

Въ это время они начали спускаться въ глубокій оврагъ. Трифонъ старался сдерживать лошадь, чтобы спуститься потише и видимо былъ чѣмъ-то очень озабоченъ. Спустившись на дно, онъ вдругъ остановилъ лошадь. Данило Стефановичъ спросилъ его, для чего онъ остановился?

— Да вотъ колесо одно расшаталось, сказалъ Трифонъ дрожащимъ голосомъ.—Укрѣпить надоть. Не помню, гдѣ завертка.

И онъ сталъ шарить руками подъ мѣстомъ, гдѣ сидѣлъ.

— Вотъ она проклятая, сказалъ онъ.

Съ этими словами онъ взялъ въ руки тяжеловѣсную желѣзную завертку. Неверовскій, слѣдившій за его движеніями, инстинктивно угадалъ грозившую ему опасность, но онъ не имѣлъ чѣмъ защититься. Трифонъ замахнулся, послѣдовалъ сильный ударъ по виску и Неверовскій палъ бездыханнымъ трупомъ, не успѣвъ вскрикнуть отъ боли, съ открытыми глазами. Смотря на струившуюся кровь по лицу несчастнаго юноши, Трифонъ сперва пришелъ въ отчаяніе: но вскорѣ оправился и сталъ опаривать карманы своей жертвы. Найдя бумажникъ съ деньгами, онъ торопливо положилъ его къ себѣ за пазуху, затѣмъ вскочилъ на свое сидѣнье и погналъ лошадь.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Папа Левъ XIII.

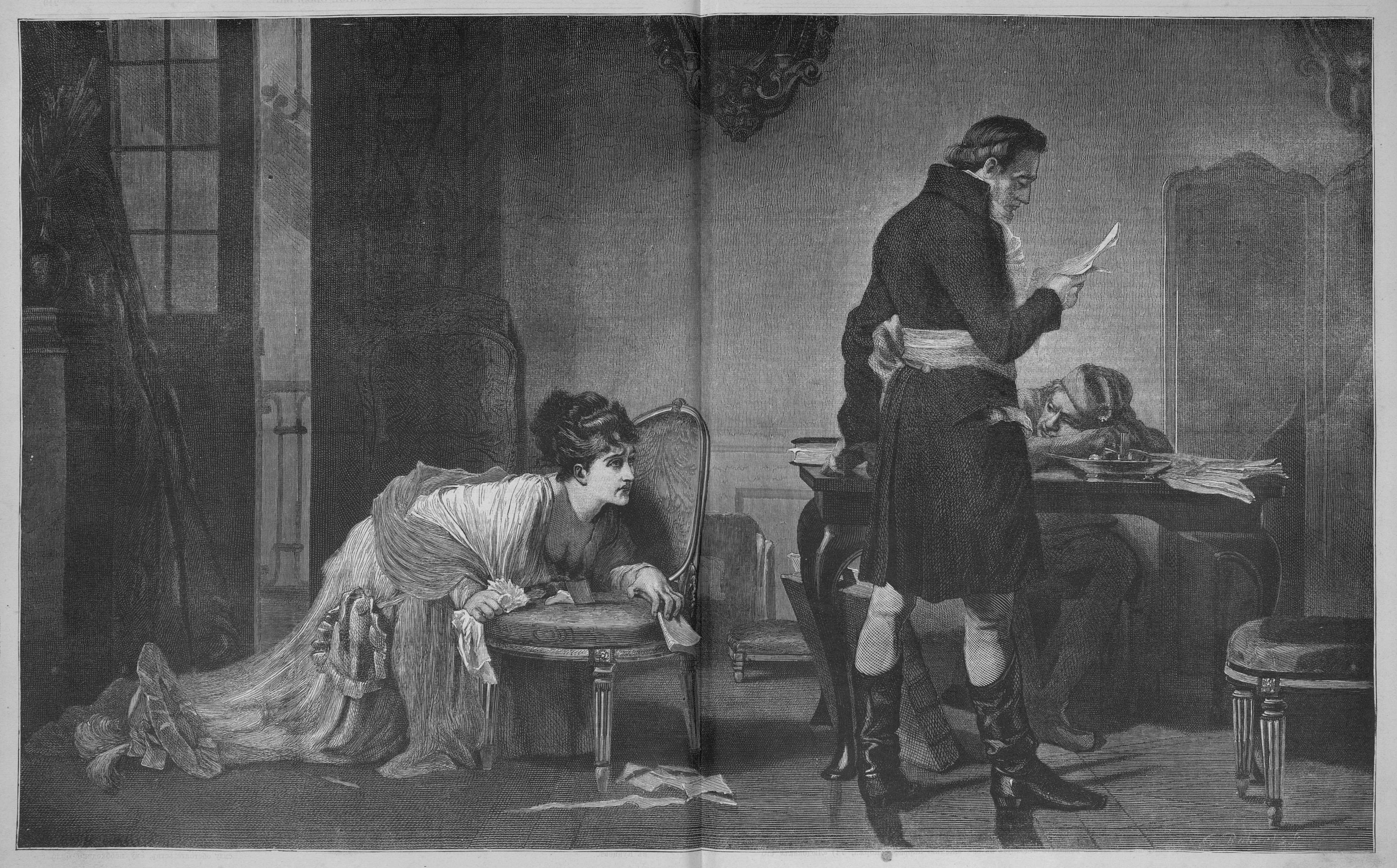
(Портретъ стр. 224.)

Въ настоящее время положеніе папы чрезвычайно-странное. Католичество признало догматъ о непогрѣшимости папы и этимъ придало всякому распоряженію папы священный характеръ. Но съ уничтоженіемъ свѣтской власти папы и съ отстраненіемъ его отъ всякаго вмѣшательства въ свѣтскія дѣла католическихъ государствъ, его распоряженія—и нетолько, касающіяся свѣтскихъ дѣлъ, но и по духовныхъ вопросамъ, если ими затрогиваются прерогативы государственной власти—остаются мертвою буквою. Правда, клерикальная партія довольно сильна въ нѣкоторыхъ католическихъ государствахъ и употребляетъ свое вліяніе на усиленіе значенія папы въ средѣ ревностныхъ католиковъ, однакожъ, сила ея не настолько велика, чтобы она была въ состояніи возвратить папству былой авторитетъ. Конечно, для того, чтобы выйти изъ своего, отчасти нѣсколько комическаго, положенія, папѣ слѣдовало бы отказаться отъ всякихъ попытокъ возвратить свѣтскій характеръ своей власти и вліяніе на свѣтскія дѣла другихъ государствъ и ограничиться званіемъ духовнаго главы католической церкви. Но такому рѣшенію вопроса о папствѣ сильно противятся іезуиты, пользующіеся огромнымъ вліяніемъ въ Ватиканѣ и будутъ противиться до тѣхъ, пока будетъ представляться какая-нибудь возможнось сопротивленія. Но не надо быть пророкомъ, дабы предсказать, что недалеко то время, когда даже сами іезуиты вынуждены будутъ уступить и папа сдѣлается тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. старшимъ епископомъ католической церкви.

Новый папа Левъ XIII занялъ папскій престолъ именно въ такое время, когда вопросъ о папствѣ принялъ острый характеръ. Его предшественникъ въ послѣдніе годы своей жизни выпустилъ массу буллъ, энцикликъ и пр., громя въ нихъ идеи новаго времени, изъ которыхъ, впрочемъ, многія установились такъ давно, что не только дѣйствующее, но даже и вымирающее поколѣніе не присутствовали при ихъ возникновеніи. Пій IX съ грустію убѣдился, что его громы не внушаютъ страха, напротивъ, ихъ встрѣчаютъ съ ироническою улыбкой, даже—что еще хуже—съ улыбкой сожалѣнія. Католическія правительства, получивъ буллу, немедленно сдавали ее въ архивъ и, если по поводу ея, не писали рѣзкихъ отвѣтовъ св. отцу, желавшему вмѣшаться въ неподчиненную его юрисдикцію область, то дѣлали это потому, что «не хотѣли огорчать старика, дни котораго сочтены». Едва-ли они такъ кротко и незлобиво отнесутся къ булламъ подобнаго же характера, если ихъ вздумаетъ провозглашать его преемникъ.

Льва XIII, тотчасъ по вступленіи его на престолъ, прославили врагомъ іезуитовъ, либераломъ, желающимъ слѣдовать примирительной политикѣ. Насколько справедлива характеристика новаго папы—покажетъ время. Замѣтимъ только, что въ послѣднее время приходилось столько разъ разачаровываться въ характеристикахъ, даваемыхъ вступающимъ на престолъ и новымъ министрамъ, что теперь каждая такая характеристика возбуждаетъ невольное сомнѣніе. Впрочемъ, относительно Льва XIII сомнѣнія успѣли уже исчезнуть, оказалось, что приведенная характеристика его значительно преувеличена. Съ іезуитами Левъ XIII, правда, не находится въ тѣсныхъ сношеніяхъ, но врагомъ ихъ никогда не былъ; извѣстно, что его предшественникъ, будучи заклятымъ врагомъ іезуитовъ, кончилъ тѣмъ, что совершенно подпалъ ихъ вліянію. Правда, Левъ XIII не устранялся отъ сношеній съ либералами, но дѣлалъ это въ то время, когда, въ силу обстоятельствъ, ему необходимо было со-

КАРТИНА МАРКА СТОНА.



ПРОСЬБА О ПОМИЛОВАНІИ ВО ВРЕМЯ ТЕРРОРА.

стоять въ оппозиціи. Еще менѣе основаній предполагать, что онъ будетъ непремѣнно слѣдовать примирительной политикѣ. Левъ XIII старикъ; ему 67 лѣтъ отъ роду, а это такой возрастъ, когда отъ человѣка менѣе всего можно ожидать иниціативы; слѣдовательно, его политика будетъ находиться въ прямой зависимости отъ окружающихъ его лицъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ будетъ находиться; всѣхъ болѣе шансовъ пользоваться вліяніемъ имѣютъ, разумѣется, іезуиты, а они—представители «воинствующей церкви», они противники какихъ бы то ни было уступокъ. Очень можетъ быть, что Левъ XIII будетъ держаться политики примиренія, но онъ вынужденъ будетъ на это внѣшнимъ давленіемъ, а не личнымъ убѣжденіемъ.

Впрочемъ, Левъ XIII, будучи кардиналомъ Печчи, успѣлъ выказать, что обладаетъ сильнымъ характеромъ. Онъ былъ папскимъ делегатомъ или губернаторомъ въ Беневентѣ, Сполето и Перуджіи, т. е. въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ процвѣтало разбойничество и мошенничество. Онъ дѣйствовалъ такъ рѣшительно, онъ такъ настойчиво преслѣдовалъ нарушителей общественнаго спокойствія, что почти совершенно очистилъ отъ этихъ язвъ ввѣренныя его управленію провинціи. И въ Бельгіи, гдѣ онъ быть папскимъ посланникомъ, Печчи успѣлъ проявить твердость характера и дипломатическія способности. Въ этой либеральной странѣ Печчи съумѣлъ утвердить вліяніе Ватикана, неослабѣвшее и до сихъ поръ.

Левъ XIII по происхожденію итальянецъ; онъ родился въ Карпиненто въ 1810 году. Онъ пользуется прекраснымъ здоровьемъ и обладаетъ веселымъ характеромъ. Онъ поэтъ; въ свою жизнь онъ написалъ много стихотвореній, но печаталъ очень немногія изъ нихъ; стихи его преимущественно піэтическаго характера.

Пій IX очень любилъ Печчи и, вскорѣ по своемъ вступленіи на престолъ, сдѣлалъ его кардиналомъ. Эта-то любовь Пія IX заставила кардинала Антонелли, перваго министра Пія IX, опасаться Печчи. Кардиналъ Печчи былъ удаленъ изъ Рима, на него возлагались многія довольно важныя порученія, но въ Римъ его не допускали. Послѣ смерти Антонелли, Пій IX вспомнилъ о своемъ любимцѣ и вызвалъ его въ Римъ, назначивъ своимъ камерлинго (первый придворный папскаго двора). Хотя это званіе и почетное, однакожь, до сихъ поръ ни одинъ камерлинго не попадалъ въ папы. Поэтому-то, можетъ быть, никому и въ мысль не западало, что кардиналъ Печчи надѣнетъ на свою голову папскую тіару. Говорятъ, что новый папа избралъ имя Льва съ цѣлію показать, что онъ желаетъ примиренія, ибо всѣ бывшіе до него папы Львы отличались миролюбивыми склонностями. Но вопросъ въ томъ, возможно-ли примиреніе? Оно возможно только на одномъ условіи, что папа сдѣлается простымъ епископомъ, хотя и самымъ старшимъ, католической церкви. Но захочетъ-ли Левъ XIII подчиниться этому условію? **Н. И.**

Памяти О. А. Петрова.

Статья Толи.

Еще одна утрата! Нестало даровитаго пѣвца-художника, украшавшаго впродолженіи пятидесяти двухъ лѣтъ нашу оперную сцену, Осипа Афонасьевича Петрова. Еще на масляницѣ его голосъ раздавался въ Маріинскомъ театрѣ и публика, какъ всегда, съ удовольствіемъ слушала своего любимаго пѣвца. Этотъ голосъ умолкъ навсегда, оставляя въ сердцахъ цѣнителей искуства, жгучую боль. Я только что вернулась изъ дома покойнаго. На панихидѣ было довольно много народу. Гробъ стоялъ въ большой скромно-меблированной залѣ. На стѣнахъ этой залы по всѣмъ направленіямъ были развѣшаны вѣнки и адресы — трофеи покойнаго; надъ роялью виситъ портретъ Осипа Афанасьевича, писанный Зарянко, а напротивъ него портретъ жены его, писанный покойнымъ Брюловымъ. Черты лица покойнаго Осипа Афонасьевича нисколько неискажены, его бы можно было принять за спящаго, если бы смерть не придала лицу и особенно губамъ, синеватый колоритъ. Въ ногахъ гроба были повѣшаны два вѣнка, одинъ лавровый, другой изъ иммортелей, фіолетоваго цвѣта, на которомъ изъ иммортелей же только бѣлыхъ, была сдѣлана надпись: «Отъ Консерваторіи». Отправляясь на послѣднюю панихиду, я думала встрѣтить вокругъ покойнаго представителей отъ всѣхъ существующихъ театровъ въ Петербургѣ, но мои ожиданія не оправдались. Артистовъ было очень немного и публика, присутствующая на панихидѣ, была самая разнообразная.

Скажу нѣсколько словъ о личности покойнаго. Онъ родился въ 1807 году 3-го ноября, въ Елисаветградѣ, Хер. губ. Родители его были люди простой среды, очень небогатые. Отецъ занимался мелочной торговлей. Музыкальные способности пробудились въ немъ очень рано. Но эти задатки не только не встрѣтили поддержки въ его семьѣ, напротивъ, она старалась подавлять ихъ. Его дядя, тоже торговецъ, у котораго О. А. Петровъ жилъ вмѣстѣ съ матерью послѣ смерти своего отца, нѣсколько разъ разбивалъ объ его голову гитару, на которой онъ игралъ по слуху. Но эти стѣсненія не заставили Осипа Афонасьевича опустить руки. Онъ урывками продолжалъ заниматься музыкой. Первымъ его музыкальнымъ учителемъ былъ полковой капельмейстеръ. У него Петровъ учился читать ноты и играть на кларнетѣ. Но такъ какъ дядя не переставалъ преслѣдовать его за музыку, то онъ по ночамъ убѣгалъ въ лѣсъ или поле и тамъ предавался своимъ любимымъ занятіямъ. Вскорѣ познакомившись съ Журавскимъ, антрепренеромъ елисаветградскаго театра, онъ поступилъ на сцену. Его первый дебютъ былъ въ оперѣ «Казакъ стихотворецъ» Кавоса. Въ 1830 году онъ вмѣстѣ съ режиссеромъ петербургскихъ театровъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ зачисленъ въ составъ оперной трупы. Здѣсь онъ началъ учиться пѣнію у капельмейстера Кавоса.

10 октября 1830 года былъ первый дебютъ его на петербургской сценѣ. Въ 1836 году О. А. Петровъ познакомился съ Глинкой, который сдѣлался его учителемъ. 27-го ноября 1836 года Глинка поставилъ свою первую оперу «Жизнь за царя». Осипъ Афонасьевичъ выступилъ въ ней въ роли Сусанина. Кто слышалъ покойнаго въ этой роли тотъ никогда не забудетъ его; имѣя великолѣпный «могучій басъ», по словамъ Глинки, покойный обладалъ еще замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ.

Въ 1830 году Осипъ Афонасьевичъ женился на талантливой артисткѣ Аннѣ Яковлевнѣ Воробьевой, исполнявшей въ оперѣ «Жизнь за Царя», роль Вани.

Впродолженіе своего пятидесяти двухъ лѣтняго пребыванія на сценѣ, покойный участвовалъ въ 100 различныхъ операхъ. Онъ любилъ искуство и до послѣднихъ дней съ честью служилъ ему. За четыре дня до смерти, Осипъ Афонасьевичъ былъ еще на ногахъ. 23-го февраля онъ самъ ѣздилъ въ театръ, чтобы заявить, что онъ не можетъ въ воскресенье, 26 февраля, исполнить роль мельника въ «Русалкѣ» и просилъ назначить другую оперу. Въ воскресенье 26 февраля онъ выѣхалъ прокатиться и чувствовалъ себя довольно хорошо. Ночь на понедѣльникъ онъ спалъ хорошо, (послѣднее время покойный страдалъ безсонницей). Въ понедѣльникъ 27 февраля, онъ всталъ бодрымъ, самъ одѣлся, въ часъ завтракалъ и затѣмъ пожелалъ отдохнуть въ сидячемъ положеніи, обложенный подушками, онъ спалъ впродолженіи нѣсколькихъ часовъ.

Въ седьмомъ часу одна изъ дочерей покойнаго, сидѣвшая рядомъ съ нимъ, услыхала продолжительный вздохъ, припала къ головѣ своего отца, но онъ уже былъ мертвъ.

Долго я оставалась у гроба покойнаго, мнѣ не хотѣлось вѣрить, глядя на это доброе, хорошее лицо, окруженное густыми сѣдыми волосами, что онъ умеръ! Но четкое холодное чтеніе псаломщика, тихій плачъ горячо любившихъ его дочерей, ихъ глубокій траурь и зажженныя у гроба свѣчи, свидѣтельствовали о томъ, что уважаемаго всѣми, какъ артиста и человѣка, Осипа Афонасьевича Петрова не стало!

Осипъ Афонасьевичъ исполнялъ роли въ слѣдующихъ ста операхъ: 1) «Жизнь за Царя» Глинки, Сусанина, 2) «Русланъ» Глинки, Руслана, Фарлафа; 3) «Русалка» Даргомыжскаго, Мельника; 4) «Каменный гость» Даргомыжскаго, Лепорелло; 5) «Эсмеральда» Даргомыжскаго, Клода Фролло; 6) «Юдифь» Сѣрова, старшины; 7) «Рогнѣда» Сѣрова, кн. Владиміра, странника, жреца; 8) «Вражья сила» Сѣрова, Ильи, кузнеца; 9) «Псковитянка» Римскаго-Корсакова, Грознаго; 10) «Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго, Варлаама; 11) «Кузнецъ Вакула» Чайковскаго, головы; 12) «Куликовская битва» Рубинштейна, Дмитрія Донскаго; 13) «Демонъ» его же, Гудала; 14) «Маккавеи» его же, Сета; 15) «Кроатка» Дютша, сержанта; 16) «Аскольдова могила» Верстовскаго, Неизвѣстнаго; 17) «Тоска по родинѣ», его же, Завольскаго; 18) «Сонъ на яву», его же; 19) «Панъ Твардовскій», его же, Твардовскаго; 20) «Ундина» Львова, рыбака; 21) «Русскій мужичекъ» его же, старосты; 22) «Мазепа» Фитингофа, Кочубея; 23) «Параша Сибирячка» Струйскаго, неизвѣстнаго; 24) «Чародѣй» Вяземскаго, Каспара; 25) «Ермакъ» Сантиса, есаула; 26) «Иванъ Сусанинъ» Кавоса, Сусанина; 27) «Любовная почта» его же, Пентюхина; 28) «Илья Богатырь» его же, 29) «Князь-невидимка» его же; 30) «Иванъ Царевичъ» Сапіенца; 31) «Мельникъ колдунъ» Шелехова, мельника; 32) «Сбитеньщикъ» его же»; 33) «Убійца» его же; 34) «Волшебная Флейта» Моцарта, Зороастра; 35) «Донъ-Жуанъ» Моцарта, командора; 36) «Волшебный стрѣлокъ» Моцарта, крестьянина, отшельника, Куно, Каспара; 37) «Іосифъ Прекрасный» Мегюля, Іакова; «Робертъ» Мейербера, Бертрама; 39) «Пророкъ» его же, Анабаптиста; 40) «Гугеноты» его же, Сенъ-Бри; 41) «Крестоносцы» его же, Аладина; 42) «Бронзовый конь» Обера, Цингъ-Цсинга; 43) «Баядерка» его же, Олифура; 44) «Невѣста» его же, Сальдорфа; 45) «Черное домино», его же, трактирщика; 46) «Гонзаго» его же, Гверано; 47) «Фра-Діаволо» его же, трактирщика, англичанина, разбойника; 48) «Водовозъ» Керубини, Микеля; 49) «Цампа» Герольдта, Цампы; 50) «Тайный бракъ» его же, Коменжа; 51) «Жанъ парижскій» Боальдье, Сенетаня; 52) «Двѣ ночи» его же, Виктора; 53) «Швейцарская хижина» Адама, сержанта; 54) «Семерамида» Россини, Ассура; 55) «Севильскій цирюльникъ» его же, Фигаро; 56) «Сорока Воровка» его же, Фернанда; 57) «Графъ Ори» его же, Фламбо; 58) «Карлъ Смѣлый» его же, Рудольфа и Мельхталя; 59) «Ченерентола» его же, Дандини; 60) «Танкредъ», его же, Арбасана; 61) «Норма» Беллини, Оровеза; 62) «Невѣста-Лунатикъ» его же, графа; 63) «Пуритане» его же, Георга, Вольтана; 64) «Монтекки и Капулетти» его же, Капулетти; 65) «Велизарій» Доницетти, Велизарія; 66) «Лючіа» его же, Антона, Раймонда; 67) «Фаворитка» его же, Вальтапара; 68) «Лукреція Борджія», его же, герцога; 69) «Сумасшедшій» его же, Корденіо; 70) «Любовный напитокъ» его же, Белькоре и Дулькомара; 71) «Робертъ Деверё» его же, Девреза; 72) «Осада Кале» его же, Эвставія; 73) «Женни» Каррафа, Жоржа; 74) «Людовикъ» его

же, Людовика; 75) «Единбургская темница» его же, тюремщика; 75) «Весталка» Спонтини, жреца; 77) «Элиза и Клаудіо», Маркаданте, графа; 78) «Марта» Флотова, Плумкета; 79) «Индра» его же, Педро; 80) «Страделла» его же, разбойника, опекуна; 81) «Виндзорскія кумушки» Николаи, Фальстафа; 82) «Отецъ и дочь» Пэра, Уберто; 83) «Андорская долина» Галеви, пастуха; 84) «Теобальдъ и Изолина» Морлакса, графа; 85) «Швейцарское семейство», Рихарда; 86) «Сирена» Обера, губернатора; 87) «Нюренбергская кукла» Адама; 88) «Глухой» его же; 89) «Сирота изъ Гленое» Гризара; 90) «Клятва» Обера; 91) «Торвальдо и Дорика» Россини; 92) «Монтенерскій замокъ» Далейрака; 93) «Вампиръ» Маршнера; 94) «Сандрильона» Штейбельдта; 95) «Сбитеньщикъ» Булона; 96) «Деревенскія пѣвицы» Фіораванти; 97) «Сумбурщица» Солье; 98) «За Богомъ молитва не пропадаетъ» Арнольда; 99) «Русалка» Давыдова; 100) «Казакъ стихотворецъ» Кавоса.

Высшее учебное заведеніе для женщинъ.—Честь и хвала дамамъ, хлопотавшимъ объ его открытіи.—Краткія выписки изъ устава будущаго учрежденія.—Спутницы войны, повальныя болѣзни.—Тифъ въ Петербургѣ.—Дороговизна и необходимость принять противъ нея какія-либо мѣры.—Похороны О. А. Петрова.

Сегодняшнюю статью мнѣ приходится начинать сообщеніемъ отраднаго факта, обѣщающаго дать благотворные плоды въ будущемъ. Естественное, достойное глубокой симпатіи, желаніе русскихъ женщинъ получать болѣе широкое научное образованіе, отчасти удовлетворяемое слушаніемъ отдѣльныхъ курсовъ, читаемыхъ профессорами университетовъ, осуществляется открытіемъ высшаго учебнаго заведенія для женщинъ. Я уже имѣлъ случай говорить, что настоящая война показала, какъ прекрасно съумѣли примѣнить на практикѣ свои познанія женщины, слушавшія курсъ въ медицинской академіи. Теперь даже люди, скептически относившіеся къ желанію женщинъ учиться, едва-ли рѣшатся продолжать свои утвержденія, что въ аудиторіи медицинской академіи женщинъ загнала мода, повѣтріе. Очевидно, что тѣ же мотивы, которые побуждали женщинъ добиваться поступленія въ медицинскую академію, руководили ими при желаніи достигнуть учрежденія такого учебнаго заведенія, въ которомъ онѣ могли бы получать высшее общее образованіе. Кромѣ жажды познаній, присущей человѣку при извѣстной степени развитія, наши женщины въ своемъ стремленіи къ высшему образованію руководились и другими соображеніями. Разъ убѣдившись, что мужчина, занятый дѣломъ, которому онъ посвятилъ себя,—занятый добываніемъ средствъ къ пропитанію своей семьи, не имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточно свободнаго времени для того, чтобы заняться воспитаніемъ своихъ дѣтей,—женщина, способная мыслить, необходимо пришла къ заключенію, что спеціально на ней должна лежать забота о воспитаніи ея малютокъ. Но кто не знаетъ, какъ недостаточно для такой важной роли была до сихъ поръ приготовлена русская женщина. Разъ понявъ это, наша мыслящая женщина рѣшила, что ей надо учиться и учиться. По нѣкоторымъ соображеніямъ, въ разборъ которыхъ мы входить не станемъ, было найдено неудобнымъ открыть для женщинъ существующіе у насъ университеты для студентовъ мужскаго пола. Въ виду такого рѣшенія, женщины на свои средства въ университетскихъ городахъ открыли курсы отдѣльныхъ предметовъ, чтеніе которыхъ обязательно приняли на себя профессора университетовъ. Какъ ни успѣшно шло это дѣло, но остановиться на такой полумѣрѣ женщины, конечно, не могли, и вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, положившія свою душу на дѣло, стали хлопотать объ открытіи въ Петербургѣ высшаго учебнаго заведенія, имѣющаго опредѣленное обезпеченное положеніе, свой уставъ и пр. Считаю обязанностію сообщить имена этихъ энергичныхъ ревнительницъ для общаго блага: Е. С. Блюменфельдъ, Н. А. Боткина, С. С. Старынкевичъ, Н. В. Стасова, В. П. Тарновская, М. В. Трубникова, А. П. Философова и М. К. Цебрикова. Прошу извинить, если я забылъ другихъ участницъ въ хлопотахъ по осуществленію этого полезнаго дѣла. Благодаря старанію какъ ихъ, такъ и нѣкоторыхъ профессоровъ университета, ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія нашелъ возможнымъ ходатайствовать объ открытіи высшаго учебнаго заведенія для женщинъ; мало того, хотя это учебное заведеніе будетъ частное, комитетъ находитъ цѣлесообразнымъ просить объ отпускѣ заведенію ежегодной субсидіи отъ правительства въ размѣрѣ 3,000 руб. Новое учебное заведеніе будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій: историко-словеснаго и естественно-математическаго. На первомъ отдѣленіи читаются: русская и главнѣйшія иностранныя литературы, древняя, средняя и новая исторіи, исторія философіи, политическая экономія, логика и 3 живыя иностранные языка. На второмъ отдѣленіи: зоологія, ботаника, физіологія, минералогія, физика, химія и высшая математика. Курсъ трехгодичный. Новое учебное заведеніе откроется въ сентябрѣ нынѣшняго года. Слушательницы раздѣются на «постоянныхъ» и «вольныхъ». Первыя должны имѣть гимназическій или институтскій аттестатъ и принимаются въ заведеніе послѣ повѣрочнаго испытанія. Вторыя не подчиняются никакой регламентаціи и вносятъ лишь извѣстную сумму за тѣ отдѣльные предметы, которые желаютъ слушать. Учебный годичный взносъ—50 р. При переходѣ съ одного курса на другой полагаются экзамены. Оставаться болѣе двухъ лѣтъ на курсѣ не разрѣшается. Послѣ успѣшнаго окончанія полнаго курса слушательницы получаютъ соотвѣтственный дипломъ. Затѣмъ онѣ могутъ держать еще дополнительныя испытанія на преподаваніе данной спеціальности при экзаменаціонной университетской коммисіи и, выдержавъ этотъ послѣдній искусъ, заручаются правомъ преподавать соотвѣтственные предметы въ низшихъ и высшихъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ.

Управленіе дѣлами высшаго учебнаго заведенія для женщинъ сосредоточивается въ двухъ открываемыхъ при немъ учрежденіяхъ. «Педагогическій совѣтъ» избираетъ преподавателей, утверждаемыхъ министромъ народнаго просвѣщенія изъ числа профессоровъ университета, слѣдитъ за преподаваніемъ, и по всѣмъ дѣламъ сносится съ учебнымъ начальствомъ. По внутреннимъ распорядкамъ въ заведеніи, съ нимъ раздѣляетъ труды «хозяйственный комитетъ», состоящій изъ 12 лицъ, преимущественно изъ дамъ, и въ настоящее время завѣдующихъ женскими курсами и хлопотавшихъ объ открытіи высшаго учебнаго заведенія для женщинъ.

Эпидемическія болѣзни всегда бываютъ необходимыми спутниками каждой войны. Посѣтили онѣ насъ и въ настоящее время. Тифъ свирѣпствуетъ по всей Россіи, преимущественно въ тѣхъ городахъ, гдѣ поселены турки, что и даетъ поводъ говорить, что турки за понесенныя пораженія отомстили намъ тифомъ. Несомнѣнно, что наплывъ къ намъ турецкихъ плѣнныхъ, дурно одѣтыхъ, еще хуже обутыхъ, много способствовалъ развитію нашей эпидеміи, но несомнѣнно и то, что не будь совсѣмъ плѣнныхъ турокъ, тифъ у насъ все-таки развился бы, хотя, конечно, и не въ такой сильной степени. Въ Петербургѣ, гдѣ нѣтъ плѣнныхъ турокъ, тифъ все-таки дѣйствуетъ эпидемически и вырываетъ массу жертвъ. Газеты переполнены печальными извѣстіями о дѣйствіяхъ тифа на всемъ пространствѣ Россіи. Я сегодня буду говорить только о Петербургѣ и представлю читателямъ вполнѣ компетентный источникъ—извѣстія объ эпидеміи, сообщаемыя газетой «Врачебныя вѣдомости». «Всѣ три главные типа тифозныхъ болѣзней, пишутъ въ этой медицинской газетѣ, встрѣчающіеся въ нашемъ климатѣ, сыпной, брюшной, и возвратный, никогда не выводятся изъ Петербурга и существуютъ въ немъ постоянно. Такимъ образомъ дѣло шло до второй половины ноября прошлаго года, когда тифъ внезапно усилился болѣе чѣмъ на 70%; именно: съ 20-го по 26-е ноября умерло отъ этого рода болѣзни уже не 30, а 53 человѣка. Въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ недѣль общее число смертныхъ случаевъ отъ тифозныхъ болѣзней мало-по-малу возрастало и дошло къ концу декабря до 85 въ недѣлю. Наибольшее участіе въ этомъ возрастаніи падало первоначально на долю тифовъ возвратнаго и сыпного, но къ концу года количество смертныхъ случаевъ и отъ брюшного тифа также соразмѣрно увеличилось. Въ январѣ число смертныхъ случаевъ съ 85 возрасло въ первую же недѣлю до 121, т.-е. смертность увеличилась на 50%. Съ этого времени началось быстрое и постоянное усиленіе смертности отъ тифозныхъ болѣзней, именно съ 129 на 152, 157, 181 и 216 человѣкъ въ теченіе послѣдовательныхъ недѣль. Въ теченіе этого времени уже взялъ рѣшительный перевѣсъ сыпной тифъ, смертность отъ котораго возрастала отъ недѣли къ недѣлѣ въ слѣдующей прогрессіи: 23 : 40 : 50 : 63 : 60 : 66. Смертность отъ другихъ видовъ тифа также постепенно увеличивалась, хотя и не въ такой мѣрѣ. Всего въ послѣднюю отчетную недѣлю, съ 5-го по 11-е февраля, произошло 216 случаевъ смерти отъ всѣхъ тифозныхъ болѣзней. Общая цифра смертности въ Петербургѣ въ послѣднее время все болѣе и болѣе возрастаетъ и принимаетъ угрожающіе размѣры. Все лѣто и осень она держалась около 400 въ недѣлю или около 30 на 1,000 населенія по разсчету на годъ, но съ конца ноября начала быстро возрастать и въ послѣднюю недѣлю февраля достигла до 793, что составляетъ 61 на 1,000 населенія въ годъ. Такая смертность въ послѣднее столѣтіе бывала въ европейскихъ городахъ только въ годины великихъ народныхъ бѣдствій; такъ во время послѣдней осады Парижа 1870—71 гг. смертность въ этомъ городѣ, при страшныхъ лишеніяхъ, испытываемыхъ его жителями, при господствованіи оспенной эпидеміи, достигла только до 60 на 1,000 населенія. Вышеприведенныя цифры чрезвычайно краснорѣчиво говорятъ о санитарномъ состояніи нашей столицы. Такая громадная цифра смертности, 27% которой приходится на одни только тифы, указываетъ на существованіе тяжелой эпидеміи, противъ которой нужно принимать энергическія мѣры. Причины такого взрыва эпидеміи тифозныхъ болѣзней въ настоящее время не могутъ быть съ точностью констатированы, въ особенности относительно тифа

Папа Левъ XIII.

брюшного. Что же касается сыпного тифа, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что наша эпидемія этой болѣзни состоитъ въ связи съ сыпнымъ тифомъ, развившимся на театрѣ военныхъ дѣйствій. Подтвержденіемъ этому предположенію служитъ и то обстоятельство, что эпидемія въ Петербургѣ развилась вскорѣ послѣ взятія Плевны, послѣ чего сыпной тифъ былъ занесенъ въ Россію плѣнными турками».

Усиленіе эпидеміи, очевидно, потребовало увеличенія числа больницъ въ Петербургѣ и рѣшено открыть временныя больницы въ трехъ пунктахъ: а) въ домѣ бывшаго пожарнаго депо—на 200 кроватей; б) въ двухъ бывшихъ губернаторскихъ домахъ въ Екатерингофѣ—на 180 кроватей (100 кроватей для мужчинъ и 80 для женщинъ) и в) на Петербургской сторонѣ, у Крестовскаго моста, на дачѣ Затолокина — на 200 кроватей. Такимъ образомъ, кромѣ 280 кроватей, находящихся во временной больницѣ, въ домѣ бывшей управы благочинія, на которыя, какъ слышно, правительство ассигновало 60,000 руб., городомъ открыты помѣщенія подъ больницы всего на 580 кроватей.

Достаточно-ли этого числа кроватей — я не знаю, но, разумѣется, однимъ только увеличеніемъ мѣстъ для пріема больныхъ нельзя пріостановить бѣдствія. Нельзя также удовольствоваться возложеніемъ всей заботы лишь на правительство и городскую администрацію. Необходимо содѣйствіе всего общества; необходимо прежде всего позаботиться объ очисткѣ дворовъ отъ нечистотъ, которыми онѣ переполнены; тамъ-то и гнѣздятся міазмы, усиливающіе эпидемію. Необходимъ строгій надзоръ за торговлей съѣстными припасами, и здѣсь-то въ особенности важно содѣйствіе общества; торговой полиціи за всѣмъ не усмотрѣть; пусть каждый, кому въ лавкѣ продадутъ недоброкачественные припасы, отрѣшившись отъ сердоболія, не оставляетъ безнаказаннымъ такой неблаговидный поступокъ. Не надо забывать, что у насъ рабочій людъ очень не прихотливъ, боится суда и, по недостаточности средствъ, лишенный возможности выбора продуктовъ для своей пищи, принужденъ бываетъ довольствоваться испорченными припасами. Мудрено-ли, что при такомъ питаніи, живя при томъ въ квартирѣ, по гигіеническимъ условіямъ, почти невозможной для жилья, онъ оказывается особенно безсильнымъ при столкновеніи съ эпидеміею и она легко находитъ свои жертвы въ средѣ необезпеченныхъ классовъ населенія.

Хотя бы эпидемія пробудила петербургскую думу и заставила ее серьезно отнестись къ вопросу объ ограниченіи постоянно-возрастающей дороговизны необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ. Торговцы постоянно ссылаются на войну: «она-де насъ разсоряетъ, кому охота остаться голышемъ, вотъ мы и накидываемъ процентъ-другой на товаръ». Если бы процентъ-другой—можно бы еще примириться, а то—своя рука владыка—накладываютъ они 20, 50, даже всѣ сто. Возьмемъ хоть ржаной хлѣбъ, составляющій часто единственную пищу рабочаго, который имъ и завтракаетъ, и обѣдаетъ, и ужинаетъ. Самый послѣдній сортъ ржанаго хлѣба стоитъ теперь 3 к. за фунтъ; до начала войны онъ стоилъ всего $1^1/_2$, слѣдовательно, цѣна его удвоилась. Между тѣмъ, въ нынѣшнее лѣто цѣны на рожь и пшеницу стояли самыя ничтожныя; и въ настоящее время онѣ повысились только на пшеницу; на рожь же цѣна поднялась очень немного. Въ чемъ же лежитъ причина такого непомѣрнаго возвышенія цѣны на ржаной хлѣбъ, составляющій предметъ самой первой необходимости? Кромѣ спеціальной причины, заключающейся въ крайне ненормальномъ развитіи у насъ перекупщичества, въ силу чего продуктъ достигаетъ въ Петербургъ, пройдя десять рукъ, есть еще причина, вызванная войной. «Какъ же мнѣ не накинуть на товаръ, говорилъ мнѣ одинъ лавочникъ,—когда самому приходится страсть сколько платить. Вотъ и на войну дума взяла съ насъ, я непрочь пожертвовать, чтожь, вѣдь и я русскій человѣкъ... Такъ какъ же, сударь, послѣ этого самого не наложить на товаръ». Когда же я замѣтилъ ему, что, въ такомъ случаѣ, жертвователемъ является не онъ, а его покупатели, онъ отвѣтилъ: «Оно точно-съ, а все-же мы не можемъ продавать себѣ въ убытокъ!»

Осипъ Афанасьевичъ Петровъ.
(Рѣзалъ на деревѣ А. А. Шлипперъ.)

Накладывали бы они на предметы роскоши, наконецъ, на такіе, лишеніе которыхъ не принесетъ существеннаго вреда для здоровья, не поставитъ человѣка въ необходимость жить впроголодь, такъ нѣтъ! берутъ невозможную цѣну за ржаной хлѣбъ послѣдняго сорта. На обязанности думы лежитъ оградить недостаточный классъ населенія столицы отъ произвольнаго возвышенія лавочниками цѣны на продукты, составляющіе предметъ существенной необходимости. Дума имѣетъ право и должна при непомѣрномъ возвышеніи цѣны на низшій сортъ хлѣба, открыть свои пекарни, изъ которыхъ бѣдное населеніе столицы могло бы получать ржаной хлѣбъ по дешевой цѣнѣ. Такая законная конкуренція необходимо вызоветъ удешевленіе цѣны на хлѣбъ, потому что нынѣ существующая цѣна несомнѣнно искуственная, вызванная не стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, а единственно произволомъ лавочниковъ, который ничѣмъ не стѣсненъ.

Лавочники жалуются, что доставка муки по желѣзнымъ дорогамъ, вслѣдствіе войны, крайне затруднительна. Какъ бы въ отвѣтъ на эту справедливую жалобу, 24 февраля министерствомъ путей сообщенія препровожденъ правленіямъ и инспекторамъ желѣзныхъ дорогъ слѣдующій циркуляръ, имѣющій весьма серьезное значеніе для отправителей хлѣбныхъ грузовъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ: «Принимая во вниманіе, что всякаго рода молотый хлѣбъ весьма легко подвергается порчѣ отъ долговременнаго лежанія на станціонныхъ складахъ, министръ путей сообщенія приказалъ предложить совѣтамъ управленій, правленіямъ обществъ и управляющимъ желѣзныхъ дорогъ сдѣлать неотлагательно распоряженіе, чтобъ всѣмъ мучнымъ грузамъ, въ отношеніи срока ихъ отправленія, было отдаваемо преимущество передъ всѣми прочими очередными грузами».

Замѣчательно, что возвышеніе цѣны на ржаной хлѣбъ послѣдняго сорта воспослѣдовало послѣ изданія вышеприведеннаго циркуляра. Въ странахъ, гдѣ промышленность идетъ раціональнымъ путемъ, такой циркуляръ вызвалъ бы уменьшеніе цѣнъ, а у насъ случилось какъ разъ на оборотъ. И что хуже всего, разъ установившіяся у насъ возвышенныя цѣны съ трудомъ понижаются и, такимъ образомъ, возвышеніе изъ временнаго, чрезвычайнаго, обращается въ постоянное.

---

2 марта Петербургъ хоронилъ пѣвца, составлявшаго украшеніе русской оперной труппы, Осипа Афанасьевича Петрова. Въ этомъ нумерѣ «Жив. Об.» помѣщенъ портретъ покойнаго и статья «Памяти О. А. Петрова», въ которой приведены краткія біографическія свѣденія о замѣчательномъ артистѣ, воспоминаніе о которомъ долго еще будетъ жить въ умѣ его почитателей. Я не повторю за слишкомъ увлеченными поклонниками Петрова, что съ его смертію почти невозможна «настоящая» русская опера; покойный Осипъ Афанасьевичъ былъ человѣкъ талантливый, однакожь, не принадлежалъ къ числу тѣхъ геніевъ, которые являются вѣками и, дѣйствительно, долго остаются незамѣнимыми. Къ чему поклоненіе безъ мѣры; воздать должное необходимо, но не слѣдуетъ преувеличивать заслугъ и способностей людей, сошедшихъ со сцены. Изъ того, что до сихъ поръ мы не видали «Фарлафа» (въ оперѣ Глинки «Русланъ и Людмила»), исполненнаго другими такъ же превосходно, какъ эта роль исполнялась покойнымъ Петровымъ, еще не слѣдуетъ, что «Руслана и Людмилы» болѣе давать нельзя; въ настоящемъ составѣ русской оперной труппы есть нѣсколько способныхъ пѣвцовъ и артистовъ; могутъ скоро явиться и новые таланты; уже указываютъ на нѣкоторыхъ, оканчивающихъ въ нынѣшнемъ году курсъ въ здѣшней консерваторіи. Но это между прочимъ. Перейду къ похоронамъ О. А. Петрова.

Похороны его вышли изъ разряда обычныхъ чествованій покойниковъ, провожаемыхъ не только родными и знакомыми, но и публикой. На похороны О. А. собралась многочисленная публика; ее было почти столько же, сколько и на похоронахъ Некрасова. Въ церкви Николы морского во время обѣдни и при отпѣваніи пѣлъ хоръ русской оперной труппы; обѣдня была преждеосвященная и великопостное тріо «Да исправится молитва моя» было пропѣто гг. Васильевымъ, Мачинскимъ и Никольскимъ. Во время обѣдни

и при отпѣваніи присутствовалъ его императорское высочество великій князь Константинъ Николаевичъ. Послѣ отпѣванія похоронный кортежъ двинулся мимо маріинскаго театра, остановился подлѣ него и здѣсь была пропѣта литія. Впереди кортежа несли вѣнки: 1) отъ консерваторіи (изъ фіолетовыхъ иммортелей, надпись изъ бѣлыхъ иммортелей), 2) отъ русскаго музыкальнаго общества, 3) отъ студентовъ петербургскаго университета, 4) отъ воспитанниковъ училища правовѣденія, 5) отъ с.-петербургскаго собранія художниковъ. Во время печальнаго шествія пѣли два хора, чередуясь между собою: студенческій и русской оперной труппы. О. А. погребенъ на смоленскомъ кладбищѣ. На могилѣ было сказано нѣсколько рѣчей. Послѣ погребенія почитатели покойнаго, преимущественно молодежь, собрались помянуть Осипа Афанасьевича. Во время поминокъ также было произнесено нѣсколько рѣчей и г. Лишинъ прочелъ свои стихи, посвященныя памяти покойнаго. **Н. И.**

Новости наукъ и жизни.

— **Письмо И. С. Тургенева.** Въ одесской газетѣ «Правда», напечатано слѣдующее письмо нашего извѣстнаго писателя:

М. Г. Спѣшу отвѣтить на только-что полученное мною ваше письмо. Прежде всего позвольте васъ поздравить съ успѣхомъ вашей «Правды», которую я получаю аккуратно и читаю съ великимъ удовольствіемъ. Успѣхъ этотъ вполнѣ заслуженный. Конечно, у насъ на Руси нѣтъ,—да и врядъ-ли бывало,—провинціальнаго органа, который-бы могъ потягаться съ вашимъ. Особенно хороши помѣщаемыя въ немъ корреспонденціи; да и весь журналъ производитъ впечатлѣніе чего-то живого, сильнаго и честнаго. Что-же касается до моего участія въ немъ, то я съ сожалѣніемъ замѣчаю, что вамъ все не угодно повѣрить искренности моего заявленія, состоящаго въ томъ, что я совершенно оставилъ литературныя занятія. Сколько мнѣ помнится, я и въ прошломъ году далъ вамъ обѣщаніе условное; и потому, мнѣ кажется, публикѣ на васъ претендовать нечего. Да и врядъ-ли эти претензіи могутъ быть серьезны, если судить по пріему, которымъ встрѣчались всѣ мои послѣднія произведенія. Но какъ-бы то ни-было, я положилъ перо и ужъ больше за него не возьмусь.

Примите, М. Г., вмѣстѣ съ моими искренними пожеланіями вамъ дальнѣйшихъ успѣховъ на избранномъ вами поприщѣ—увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Покорнѣйшій вашъ слуга
Ив. Тургеневъ.

— **Новая пьеса Сарду.** На парижскомъ театрѣ «Водевиль» съ большимъ успѣхомъ дается новая пьеса неистощимаго Сарду «Les bourgeois de Pont-Arcy». Интрига пьесы оригинальна и нова, въ этомъ и заключается главное ея достоинство. Покойный баронъ де Сент-Андре имѣлъ любовную интригу, которую приписываютъ его сыну, влюбленному въ дѣвицу Беранжеру Дезормуазъ. Плодомъ интриги былъ ребенокъ, котораго воспитываетъ въ Парижѣ жена покойнаго. Сынъ не желаетъ обнаруживать тайну отца, жалѣя свою мать, а она, въ свою очередь, негодуетъ на сына за то, что онъ отказывается признать ребенка. Въ концѣ пьесы, разумѣется, истина обнаруживается, благодаря письму, безъ котораго не обходится ни одна изъ пьесъ Сарду. Эта пьеса замѣчательна также тѣмъ, что въ ней масса дѣйствующихъ лицъ. Бывшая любимица петербургской публики никѣмъ еще незамѣненная, высокодаровитая г-жа Деляпортъ играетъ роль матери и, конечно, безукоризненно хорошо. Другая знаменитость этого театра г-жа Пьерсонъ играетъ роль обольщенной Марсель. Сарду, по словамъ парижскаго корреспондента газеты «Голосъ» позаботился о самой тщательной постановкѣ своего новаго произведенія. Въ нѣкоторыхъ подробностяхъ реализмъ этой постановки доведенъ до послѣднихъ предѣловъ возможности. Такъ, напримѣръ, г-жѣ Бланшъ Пьерсонъ, играющей роль парижской модистки, попавшей случайно въ провинцію, пришлось брать продолжительные уроки у настоящей модистки, потому что въ одной сценѣ г. Сарду заставляетъ ее устроивать на скорую руку передъ зрителями цѣлый нарядъ для жены мэра города Понт-Арси, первой щеголихи и красавицы мѣстнаго общества. Въ другой сценѣ играетъ роль пачка банковыхъ билетовъ въ 30,000 франковъ. Г. Сарду потребовалъ, чтобъ билеты были настоящіе, и когда это оказалось затруднительнымъ, самъ доставилъ этотъ «аксесуаръ».

— **Замѣчательный сборникъ.** По словамъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», извѣстнымъ нашимъ библіографомъ В. И. Межовымъ составленъ, благодаря просвѣщенному вниманію и участію туркестанскаго генерала-губернатора К. П. фон-Кауфмана, «Туркестанскій Сборникъ», посвященный интересамъ недавно завоеваннаго края и прилежащихъ ему странъ. Это изданіе состоящее изъ 156 томовъ, въ форматѣ in-4⁰, съ печатною оберткою и заглавіемъ, есть замѣчательное явленіе среди такъ-называемыхъ «Unica» русской литературы. Оно составляетъ собственность г. Кауфмана и посвящено составителемъ его имени. Въ него вошло все, что только писано когда-нибудь въ нашей литературѣ о Туркестанскомъ краѣ, даже цѣлыя сочиненія, которыя наклеены на писчей бумагѣ въ систематическомъ порядкѣ и по годамъ. Въ началѣ каждаго тома находится оглавленіе статей, въ немъ заключающихся; но, сверхъ того, предполагается составить и общій къ нимъ указатель. Этотъ трудъ г. Межова есть первая попытка въ этомъ родѣ въ литературѣ землевѣдѣнія извѣстной области Россіи.

— **Интересное изданіе.** На-дняхъ выйдетъ изъ печати издаваемое обществомъ любителей древней письменности и составленное Н. И. Григоровичемъ приложеніе къ «Азбукѣ съ исправленіями императора Петра I-го», заключающее въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ возникъ русскій гражданскій шрифтъ, алфавитъ. Оказывается, что отливка новоизобрѣтеннаго гражданскаго шрифта произведена въ Россіи въ маѣ 1707 года, то-есть въ годъ привоза шрифта изъ Амстердама. Словолитецъ Михаилъ Ефремовъ, въ замѣчательной, по важности извѣстій для исторіи гражданскаго шрифта, челобитной, поданной въ январѣ 1707 года, на имя Петра I-го, какъ видно изъ дѣла московской синодальной типографіи 1707—1709 годовъ, писалъ между прочимъ: «Средніе литеры, числомъ 57, и материцы, для поспѣшенія, пробили мы трое на оловѣ и, отливъ, набрали образецъ; а послѣ того рукописнаго образца, изъ военнаго-жъ походу присланъ другой образецъ, печатанъ въ Амстердамѣ, и тотъ образецъ, съ первымъ письменнымъ и съ нашими новосостроенными образцами явился не сходенъ. И тѣ материцы и пунцоны 57, противъ образца печатнаго присланнаго, я, рабъ твой, передѣлывалъ вновь одинъ, и форму сдѣлалъ новую стальную, для приводки материцъ; и нынѣ я додѣлываю мѣдные материцы и пунцоны». Ефремовъ, представивъ челобитную свою въ приказъ, внесъ вмѣстѣ съ нею туда же работы по изготовленію новаго шрифта и пять листковъ оттисковъ новой азбуки. Послѣдніе, по очертанію буквъ, совершенно сходны съ азбукою, изданной обществомъ любителей древней письменности, о которой мы уже сообщали въ свое время. Первая книга, напечатанная шрифтомъ Михаила Ефремова, была «Геометріа славенски землемѣріе іздадеся новотипографскимъ тіснѣніемъ», въ заглавіи которой означено: «въ лѣто мірозданіа 7216. Отъ рождества же во плоти Бога Слова 1708. Індикта перваго, мѣсяца марта». Въ октябрѣ 1709 года русскіе наборщики гражданской азбуки, или, какъ сами они назвали себя, «нижайшіе раби гражданскіе типографіи наборщики», подали на имя Петра Великаго челобитную, съ приложеніемъ образца набора славянскими и гражданскими буквами, который также изданъ обществомъ. Въ челобитной наборщики просили за наборъ гражданскаго шрифта платить, какъ за наборъ воскресенской азбуки, и увѣряли, что гражданскій наборъ «убористѣе». Новоизобрѣтеннымъ шрифтомъ до 1-го іюня 1710 года было напечатано въ Россіи значительное число книгъ, оглавленіе которыхъ приложено къ «Вѣдомостямъ» 1710 года, 31-го мая, подъ заглавіемъ. «Реестръ книгамъ гражданскимъ, которые, по указу царскаго величества, напечатаны амстердамскою азбукою». Изящная простота азбуки была причиной, что Петръ I-й нашелъ необходимымъ повелѣть печатать этимъ шрифтомъ преимущественно книги «историческіе и манифактурные». Когда въ 1710 году Петру I-му предъявленъ былъ приготовленный экземпляръ азбуки «съ изображеніемъ древнихъ и новыхъ письменъ славянскихъ, печатныхъ и рукописныхъ», то онъ, перечеркнувъ все, какъ заглавныя, такъ и прописныя, славянскія буквы, оставилъ буквы шрифта гражданскаго. Общество любителей древней письменности, сознавая важное значеніе введенія въ Россіи гражданской азбуки, признало необходимымъ издать ее свѣтопечатью, съ сохраненіемъ всѣхъ ея особенностей.

— **А. Т. Марковъ.** Скончавшійся 22-го февраля, бывшій профессоръ исторической живописи императорской академіи художествъ, Алексѣй Тарасовичъ Марковъ родился въ 1802 году въ Новгородѣ, былъ сынъ художника и воспитывался въ академіи художествъ. Удостоенный 2-й золотой медали за картину «Пріамъ испрашиваетъ у Ахилла трупъ Гектора», онъ былъ оставленъ стипендіатомъ при академіи и получилъ золотую медаль за картину «Бесѣда Сократа съ учениками». Командированъ былъ за-границу и въ 1842 году удостоенъ званія профессора. Получивъ кафедру, Марковъ возведенъ былъ въ 1865 г. въ званіе заслуженнаго профессора и въ 1872 г. вышелъ, по собственному желанію, въ отставку. Во время пребыванія за-границей онъ копировалъ «Сикстинскую Мадонну» и «Пожаръ Борго» Рафаэля, написалъ картину «Фортуна и нищій», за которую получилъ званіе академика, а впослѣдствіи писалъ для Исакіевскаго собора, Введенской и Благовѣщенской церквей. Подъ его руководствомъ приготовилось немало славныхъ художниковъ.

— **Н. П. Карцевъ.** 2-го марта скончался Николай Петровичъ Карцевъ, редакторъ-издатель «Музыкальнаго Свѣта» и музыкальный рецензентъ. Покойный, какъ передаетъ «Новое Время», кончивъ курсъ въ императорскомъ училищѣ правовѣденія, поступилъ на службу, которую, впрочемъ, вскорѣ покинулъ и весь предался музыкѣ. Онъ написалъ не мало романсовъ, изъ которыхъ нѣкоторые показываютъ въ авторѣ ихъ неподдѣльное дарованіе и не безъ успѣха исполнялись въ концертахъ. Покойный пользовался любовью всѣхъ, знавшихъ его. Карцевъ умеръ молодымъ человѣкомъ: ему было не болѣе 32 лѣтъ.

— **Парижская выставка.** Начиная съ 1-го апрѣля, въ Парижѣ будутъ продаваться сезонные билеты для посѣщенія всемірной выставки. Билетъ, дающій право на посѣщеніе выставки во все время ея существованія, стоитъ 100 франк.; билеты эти именные и снабжены фотографіею владѣльца. Иностранцы, желающіе заранѣе абонироваться, могутъ обратиться въ министерство финансовъ съ приложеніемъ своей фотографической карточки и ста фр. Обыкновенная плата за входъ на выставку назначена по одному фр. за каждый разъ.

— **Г-жа Пашкевичъ.** Ко многимъ уже фактамъ, сообщеннымъ въ нашемъ журналѣ, благотворной дѣятельности женщинъ-врачей и сестеръ милосердія, прибавляемъ еще одинъ. «Голосъ» получилъ изъ Эривани слѣдующія свѣдѣнія о дѣятельности г-жи Пашкевичъ, слушательницы петербургскихъ женскихъ медицинскихъ курсовъ, единственной, какъ сообщаетъ корреспондентъ, врачѣ-женщинѣ на малоазіятскомъ театрѣ войны: «Прибывъ въ эриванскій отрядъ, г-жа Пашкевичъ не покидала его до возвращенія изъ подъ Эрзерума. О походѣ въ Эрзерумъ можно сказать одно, что въ теченіе почти полутора мѣсяцевъ (октябрь и большая половина ноября) отрядъ буквально утопалъ въ грязи, подъ безпрерывнымъ дождемъ и снѣгомъ, не имѣя теплаго платья, а подчасъ и топлива, чтобъ согрѣться. Г-жа Пашкевичъ съ невѣроятнымъ стоицизмомъ переносила все это, и никто изъ насъ не слышалъ отъ

нея жалобъ на трудности похода. Во время сраженія при Девебойну, она весь день, безъ отдыха, что называется не покладая рукъ, ухаживала за ранеными, исполняя обязанности и врача, и фельдшера, и сестры милосердія, и служителя, посвящая свободныя минуты на раздачу чая прибывающимъ раненымъ, дѣлясь съ ними послѣднимъ своимъ запасомъ. Раненыхъ поражало, какъ она могла вездѣ поспѣвать; даже врачи уговаривали ее отдохнуть хоть немного. Уступивъ свою кровать и все, что было у нея изъ теплой одежды раненымъ, она на ночь пріютилась коекакъ въ тарантасѣ. Въ Хасанкале, куда отправили раненыхъ съ перевязочнаго пункта, она встрѣтила транспортъ готовымъ помѣщеніемъ, чаемъ и пищей и только въ третьемъ часу ночи оставила раненыхъ, успокоивъ, напоивъ чаемъ и поправивъ перевязки. И съ какою ловкостью и быстротою дѣлала перевязки! Съ какою нѣжностью обращалась съ ранеными! Сколько душевной теплоты и искренности слышалось въ каждомъ словѣ, обращенномъ къ раненымъ! Ранеными неоднократно выражалось сожалѣніе, что въ кавказской арміи только одинъ врачъ-женщина. Какъ передаютъ, г-жа Пашкевичъ прибыла на малоазіятскій театръ войны на собственный счетъ и служила безъ жалованья».

— **Г-жа Циглеръ.** 5-го марта, пріѣхала въ Петербургъ приглашенная на великопостный сезонъ извѣстная нѣмецкая актриса, г-жа Клара Циглеръ. Въ среду, 8-го марта, она дебютировала въ роли Медеи, въ трагедіи того же имени Грильпарцера. Главный репертуаръ этой актрисы— трагическій, но она появится и въ такъ-называемой «высокой» комедіи, какъ, напримѣръ, въ «Стаканѣ воды» Скриба и въ пьесахъ «Damenkrieg» (Bataille des dames) и «Der Vicomte von Letorière». Главнѣйшими трагическими ролями, которыя сыграетъ у насъ г-жа Циглеръ, будутъ: Брунгильда въ трагедіи того же имени Гейбеля, Изабелла въ «Мессинской невѣстѣ» Шиллера, королева Елисавета въ драмѣ Лаубе «Graf Essex» и графиня Орсини въ драмѣ Лессинга «Эмилія Галоти». Клара Циглеръ родилась въ 1843 году, въ Мюнхенѣ, и поступила на сцену, по страсти къ театру, 17-ти лѣтъ отъ роду, преодолѣвъ для достиженія своей цѣли множество препятствій. Извѣстностью въ Германіи она пользуется не болѣе десяти лѣтъ. Главною ареною ея успѣховъ въ послѣднее время былъ мюнхенскій театръ.

— **Древняя статуя.** Въ Алжирѣ, около Джимиллаха, найдена прелестная статуя изъ бѣлаго нумидійскаго мрамора, который былъ особенно въ цѣнѣ во время Римской имперіи и употреблялся для статуй и для украшеній на зданіяхъ. По мнѣнію многихъ археологовъ, эта статуя изображаетъ императрицу Юлію Домну, мать императора Каракаллы, которая пользовалась всеобщимъ уваженіемъ въ древне-римскомъ городѣ Квикулумѣ, теперешнемъ Джимиллахѣ. Статуя нѣсколько превышаетъ человѣческій ростъ, превосходно сохранилась и можетъ стоять, по изяществу, на ряду съ лучшими греческими произведеніями.

Смѣсь.

— **Тюльпаны на парижскую выставку.** Голландія—страна тюльпановъ, позаботилась поддержать свою давнишнюю славу на парижской выставкѣ. Еще въ ноябрѣ 1877 г., «общество гарлемскихъ цвѣтоводовъ» отрядило одного изъ своихъ членовъ въ Парижъ для наблюденія за посадкою тамъ тюльпановъ. На клумбѣ, длиною въ 25 аршинъ, посажено 40,000 луковицъ, цвѣты которыхъ должны образовать гербъ города Гарлема и слова: «Гарлемъ—Голландія», на фонѣ изъ махровыхъ бѣлыхъ и алыхъ тюльпановъ, съ каймою изъ темно-коричневыхъ «Princesse Alexandra». Безъ сомнѣнія, эта клумба произведетъ большой эфектъ, когда тюльпаны будутъ въ полномъ цвѣту.

— **Находчивость.** Въ Парижѣ играетъ теперь знаменитый соперникъ Росси по созданію ролей въ Шекспировскихъ пьесахъ, итальянскій трагикъ Сальвини. О немъ отзываются, какъ о человѣкѣ чрезвычайно симпатичномъ и остроумномъ. Недавно онъ очень ловко нашелся. Во время представленія Отелло одинъ изъ зрителей пришелъ въ такой экстазъ, что бросилъ на сцену тысячу-франковый билетъ. Публика, думавшая, что это какіе-нибудь стихи въ честь Сальвини, стала громко требовать, чтобы прочли содержаніе билета въ слухъ. Одинъ изъ актеровъ взялъ билетъ и флегматически сталъ читать: «Французскій банкъ. Тысяча франковъ. По предъявленіи сего выдается немедленно и пр.» Здѣсь онъ остановился, вслѣдствіе громкаго смѣха публики. Когда веселость нѣсколько улеглась, Сальвини подошелъ къ рампѣ и обратился къ публикѣ со слѣдующими словами: «Милостивыя государыни и мил. государи! Мы не вправѣ далѣе читать этотъ билетъ, который мы распечатали по ошибкѣ, такъ какъ онъ адресованъ на имя бѣдныхъ этого города».

— **Бюргерскій счетъ.** Въ нашъ меркантильный вѣкъ, увы! время, проведенное на любовномъ свиданіи, подвергается денежной оцѣнкѣ. Недавно состоятельный бюргеръ въ г. Гросварденѣ М. подалъ въ мѣстный судъ слѣдующую жалобу: «Какъ видно изъ прилагаемаго при семъ документа (любовное письмо), дѣвица П. назначила мнѣ свиданіе въ опредѣленный часъ, на опредѣленномъ мѣстѣ. Но такъ какъ означенная дама не явилась въ назначенный день и часъ на назначенное мѣсто и черезъ обманное дѣйствіе ввела меня въ расходы (при семъ подробно изложенные), то я покорнѣйше прошу судъ, взыскать съ дѣвицы П. означенную сумму». На разбирательство явился только истецъ, обвиняемой не было. Судъ постановилъ слѣдующую резолюцію: «Любовь—дѣло очень щекотливое! Такъ какъ дѣло это не подсудно обыкновенному суду, то истцу возвращается его просьба съ документами и предоставляется ему право искать удовлетворенія своего притязанія, любымъ другимъ путемъ, возлагая на него судебныя издержки».

— **Жены мормонскаго пророка.** Наслѣдство, оставшееся послѣ Брайгама Юнга, послѣдняго мормонскаго пророка, сдѣлается, повидимому, предметомъ любопытнаго процесса. Оказывается, что у Брайгама Юнга было не 19 женъ, какъ до сихъ поръ полагали, а цѣлыхъ 25, дѣтей же онъ оставилъ 45 человѣкъ. Въ виду неизбѣжнаго предстоящаго между ними процесса въ газетѣ «New-York-Herald» приведенъ любопытный списокъ всѣхъ женъ покойнаго пророка, съ нѣкоторыми біографическими свѣдѣніями о каждой изъ нихъ. № 1-й, Мери Юнгъ, первая и, стало быть, единственная законная жена Брайгама Юнга. Ей теперь 55 лѣтъ. Въ первые годы супружества она жила съ мужемъ въ уединенномъ домѣ, такъ называемомъ «пчелиномъ ульѣ»; но когда въ сектѣ было принято многоженство, то семья переселилась въ большой домъ, въ которомъ жили потомъ всѣ жены пророка. Съ тѣхъ поръ первая жена Брайгама Юнга посвятила себя исключительно воспитанію своихъ пятерыхъ дѣтей: Деро, Джона, Брайгама, Алисы и Лины. Второю женою пророка была Люси-Сили, которая уже была передъ тѣмъ замужемъ и имѣла двухъ дѣтей, но развелась съ мужемъ, чтобы вступить въ бракъ съ пророкомъ. Она прижила съ нимъ 8 дѣтей, изъ которыхъ семеро живы. Сестра ея также сдѣлалась женою Юнга. Четвертою женою была Генріетта Куккъ, повидимому, очень смѣлая, передъ которою пророкъ трепеталъ. Она безъ церемоніи говорила ему въ глаза, что мормонская вѣра есть не что иное какъ шарлатанство. Послѣднею женою Юнга была Амалія Фуазонъ, для которой онъ покинулъ всѣхъ своихъ остальныхъ женъ и которая до конца его жизни сохранила свою власть надъ нимъ. Онъ пытался однако «закрѣпить» за собою, по выраженію мормоновъ, еще одну жену и дѣлалъ предложеніе какой-то молодой швейцаркѣ, пріѣзжавшей въ городъ Соленаго Озера давать концерты; но та, узнавъ о его намѣреніи, съ ужасомъ бѣжала изъ мормонскихъ владѣній. Нѣкоторыя изъ женъ пророка были поэтами; напр., Элиза Сноу неоднократно печатала свои стихи въ мормонской газетѣ «The Desert News». Но за то другая изъ женъ, № 5, была просто прачка, которую пророкъ осчастливилъ своимъ выборомъ единственно за то, что она держала въ отличномъ порядкѣ его бѣлье. Церемонія брака была очень незамысловата: пророкъ возложилъ руки на голову прачки и спросилъ: «Эммелина, хочешь ли быть моей женой». «Yes, sir», отвѣтила женщина, и союзъ былъ заключенъ. Всѣ жены Юнга американки, исключая одной, англичанки изъ Манчестера. Всѣ жены жили вмѣстѣ, въ такъ называемомъ Львиномъ домѣ, гдѣ у каждой были отдѣльные покои, состоявшіе изъ большихъ, прилично меблированныхъ комнатъ. Столовая была общая. При домѣ находились: скотный дворъ и всѣ службы. Въ прежнія времена всѣ жены пророка обѣдали вмѣстѣ. Онъ обыкновенно вставалъ рано, одѣвался, брился и созывалъ женъ и дѣтей на молитву, сопровождавшуюся пѣніемъ. Послѣ молитвы вся семья садилась за завтракъ, который накрывался въ обширной залѣ. Пророкъ занималъ почетное мѣсто за столомъ. Дѣти завтракали за другими столами, за которые могли садиться съ ними, если желали, и матери. По всѣмъ вѣроятіямъ женщины враждовали между собою, но онѣ не обнаруживали этого, по крайней мѣрѣ, за общими трапезами, которыя происходили мирно и семейно. Впрочемъ, въ послѣдніе годы этотъ обычай вывелся и жены Юнга завтракали каждая въ своихъ покояхъ. Самъ же онъ довольствовался за завтракомъ кружкой молока съ хлѣбомъ. Послѣ завтрака жены отправлялись на прогулку или сидѣли вмѣстѣ, разговаривали, играли, пѣли, вышивали. Экипажи съ утра стояли заложенные, на случай если бы которая-нибудь изъ нихъ вздумала выѣхать въ магазины или гулять. Впрочемъ, онѣ не проводили времени въ праздности: каждая изъ нихъ должна была сама мести и убирать свои комнаты. Брайгамъ Юнгъ былъ человѣкъ практическій: говорятъ, что потеря ускользнувшей отъ него швейцарки, огорчала его главнымъ образомъ потому, что онъ лишился въ ней даровой учительницы французскаго языка для дочерей. Онъ завелъ у себя въ домѣ школу для всѣхъ своихъ дѣтей, да и жены его брали уроки музыки, танцевъ и французскаго языка. По вечерамъ вся семья отправлялась въ театръ, гдѣ для семейства пророка были устроены особыя мѣста. Подъ конецъ своей жизни онъ отказался отъ этого общаго сожительства и жилъ въ особомъ зданіи, своего рода святилищѣ, куда никто не смѣлъ проникать и откуда былъ проведенъ потайной ходъ въ Львиный домъ. Въ этомъ святилищѣ пророкъ имѣлъ будто бы видѣнія и получалъ внушенія Святого Духа. Женамъ же своимъ онъ подарилъ каждой по загородному дому и выдавалъ по 1,000 долларовъ въ годъ.

— **Объемистый человѣкъ.** Въ газетѣ «Lancet» пишутъ, что самый крупный человѣкъ въ Англіи, Уильямъ Лаупбель, живетъ въ Ньюкестлѣ на Тайнѣ. Ростомъ онъ 6 футовъ 7 дюймовъ, а вѣситъ 364 фунта. Вокругъ плечъ у него 96 дюймовъ вокругъ таліи 85 дюймовъ, а въ окружности каждой икры по 35 дюймомъ (англійской мѣры).

Телеграммы

Константинополь, 27-го февраля. Генералъ Дондуковъ-Корсаковъ будетъ начальствовать оккупаціоннымъ корпусомъ въ Болгаріи.

Завтра ожидаютъ прибытія сюда яхты, которая будетъ находиться въ распоряженіи его высочества великаго князя Николая Николаевича.

Бухарестъ, 1-го марта. Увѣряютъ, что Когольничано разослалъ представителямъ Румыніи при иностранныхъ державахъ циркулярную депешу, въ которой отказывается признать обязательными для Румыніи нѣкоторые пункты мирнаго договора, подписаннаго въ Сан-Стефано.

Берлинъ, 3 марта. Въ свѣдущихъ кружкахъ сильно сомнѣваются относительно того, состоится ли конгрессъ. Если онъ и состоится, то полагаютъ, что онъ едва ли придетъ къ миру. Англія дѣлаетъ все новыя возраженія и ставитъ невыполнимыя условія. Австрія какъ бы одумалась и протестовала противъ допущенія Греціи на конгрессъ. Съ одной стороны Австрія идетъ наперекоръ Англіи, съ другой отдаляетъ созваніе конгресса, что должно быть желательно обѣимъ державамъ для вооруженій. Достовѣрно то, что Германія еще не разослала официальныхъ приглашеній.

— 5 марта. Соглашенія между державами относительно основной цѣли конгресса не состо-

ится, если потребуютъ отъ Россіи представить на его разрѣшеніе вопросы о военномъ вознагражденіи и объ уступкѣ части Арменіи. Между тѣмъ Англія настаиваетъ, чтобы окончательное сужденіе объ этихъ предметахъ принадлежало конгрессу; съ своей стороны Россія соглашается представить на конгрессъ лишь вопросы, касающіеся Сербіи, Черногоріи и Румыніи, а также вопросъ о границахъ Болгаріи.

Вѣна 3-го марта. Газетѣ «Presse» передаютъ изъ Бухареста: «11-го марта, Румынія разослала державамъ, подписавшимъ парижскій трактатъ, меморандумъ, въ которомъ заявляется, что въ виду требованія Россіи относительно уступки Бессарабіи за вознагражденіе на правомъ берегу Дуная, Румынія уступитъ только силѣ».

— 6-го марта. Австрійская делегація разрѣшила правительству производить расходы въ теченіи второй четверти года и приняла потребованную военнымъ министромъ выдачу 657,000 флориновъ впередъ, на расходы по снабженію арміи.

Почтовый ящикъ.

Ярославль. *Г-ну К.* Присланныя стихотворенія не будутъ напечатаны.

Глазовъ. *В. Е. С—ву.* За безпокойство охотно извиняемъ, но стихотворенія напечатать не можемъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Объявленія.

24-й тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.

На основаніи высочайше утвержденнаго 14-го февраля 1866 года положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. министромъ финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа 1-го марта 1878 года Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію с.-петербургской городской думы и депутатовъ отъ с.-петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 года.

Выигрыши пали на слѣдующіе билеты:

Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.
8,703	24	200,000	4,781	13	По пятисотъ рублей каждый.	5,378	18	По пятисотъ рублей каждый.	3,340	39	По пятисотъ рублей каждый.	6,147	44	По пятисотъ рублей каждый.	9,195	14	По пятисотъ рублей каждый.	12,648	33	По пятисотъ рублей каждый.
1,798	21	75,000	4,094	38		12,536	47		3,394	43		15,351	7		13,676	37		16,546	2	
3,982	8	40,000	17,147	19		3,049	5		10,235	28		19,572	11		14,057	36		7,726	42	
6,400	46	25,000	9,872	50		4,239	13		14,477	7		14,969	30		16,655	23		11,106	7	
9,888	30	10,000	4,529	6		15,095	50		6,021	23		15,610	22		18,718	35		8,506	17	
19,398	37	10,000	10,506	6		191	48		1,074	38		2,150	28		3,823	17		14,048	18	
12,692	38	10,000	17,103	45		8,017	20		16,963	12		1,182	32		9,622	23		3,205	10	
11,814	43	8,000	18,372	44		9,307	8		5,360	46		17,270	48		5,853	11		6,726	25	
16,923	39	8,000	18,865	21		18,675	23		11,469	21		18,106	32		17,668	9		3,508	49	
10,173	13	8,000	19,329	16		4,036	50		13,089	13		14,346	31		14,739	2		10,111	33	
1,107	4	8,000	11,081	12		15,263	6		10,031	31		1,078	25		8	31		10,303	20	
4,643	32	8,000	50	30		12,268	2		6,322	4		1,539	3		16,988	37		16,965	48	
7,233	49	5,000	7,914	30		11,505	47		8,404	17		19,211	22		8,826	33		5,036	40	
13,108	26	5,000	15,721	19		12,869	27		16,947	35		12,746	8		2,529	30		8,595	46	
12,246	50	5,000	4,152	19		3,590	48		19,883	47		18,487	47		7,330	7		16,616	33	
7,214	37	5,000	13,875	29		12,358	47		3,682	27		13,943	30		17,410	38		17,997	45	
10,175	25	5,000	10,537	15		17,107	17		723	38		5,534	41		18,117	12		17,144	28	
7,358	9	5,000	8,933	50		11,080	10		18,054	26		13,723	41		6,836	44		5,554	50	
3,525	41	5,000	18,654	39		18,882	45		6,947	42		5,488	3		4,970	18		16,804	30	
15,652	42	5,000	9,370	38		1,121	9		4,755	21		11,699	39		15,128	24		13,203	25	
16,429	25	1,000	15,524	49		936	47		7,567	3		8,087	33		16,232	36		16,207	45	
11,587	39	1,000	11,895	29		16,469	17		10,869	10		2,464	50		915	4		16,234	28	
34	33	1,000	7,853	30		17,227	46		419	36		4,432	4		16,691	41		17,416	21	
14,818	13	1,000	6,036	28		15,236	40		14,635	16		19,121	5		3,736	48		2,448	1	
15,504	40	1,000	5,424	42		15,714	5		3,161	10		3,400	22		16,316	21		686	8	
9,884	21	1,000	8,492	6		19,285	45		14,811	41		19,348	33		11,072	7		9,707	7	
5,128	30	1,000	15,524	16		3,090	29		16,592	9		17,364	1		8,772	28		9,179	25	
14,232	31	1,000	9,744	50		2,955	21		18,890	9		15,558	31		19,673	26		7,239	10	
5,993	9	1,000	1,119	35		8,803	31		7,160	27		5,047	14		13,929	46		4,418	38	
1,611	13	1,000	17,018	29		14,125	17		14,542	22		10,124	44		17,437	33		6,268	47	
13,426	33	1,000	663	14		19,936	37		5,737	24		7,744	26		16,609	17		17,216	6	
587	12	1,000	14,285	11		16,991	23		12,406	11		19,578	23		2,101	23		10,542	29	
1,084	3	1,000	5,089	26		3,990	41		130	13		12,312	4		12,797	45		12,695	25	
14,199	6	1,000	1,257	13		6,333	50		10,634	18		14,535	40		14,279	15		8,042	28	
16,633	21	1,000	14,079	24		7,315	42		19,052	13		14,791	40		3,299	1		18,932	49	
17,679	40	1,000	2,349	23		2,468	36		15,970	3		6,769	24		7,186	24		10,318	23	
1,435	34	1,000	3,225	11		11,588	49		10,758	20		7,163	41		10,575	29		15,368	35	
16,874	43	1,000	14,409	38		11,985	21		19,566	36		12,802	14		16,616	30		2,954	25	
6,473	49	1,000	11,166	23		17,325	20		7,974	34		6,559	1		711	8		13,128	5	
7,095	44	1,000	1,166	49		12,668	29		15,278	26		1,516	39		6,166	24		18,955	22	
18,218	38	500	3,347	5		6,712	47		19,854	4		16,234	35		7,599	17		17,871	34	
2,512	30	500	2,334	31		13,381	12		1,878	6		3,724	20		12,356	48		11,998	1	
359	37	500	18,785	13		9,545	8		592	25		1,880	22		4,309	7				

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го іюня 1878 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго Банка 1-го марта 1878 года.

Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій
10,853	13,373	19,297	2,309	4,071	8,503	18,260	18,572	7,889	16,764	19,298	17,475	4,024	16,327	17,821
3,448	15,726	9,130	19,254	18,997	14,943	18,934	657	2,104	6,465	1,342	1,873	5,332	15,946	12,754
5,232	10,236	15,824	17,691	7,450	6,395	10,327	10,492	14,425	1,067	2,121	6,583	4,933	15,598	
11,539	14,923	18,424	10,799	19,672	271	18,812	11,844	18,512	9,194	19,320	6,221	2,499	12,330	

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го іюня 1878 г. въ Государственномъ Банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе «Жизнь и Хозяйство».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Марта 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 12. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к.

С.-Петербургъ, 19 Марта 1878 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1.

Годъ VI.

За чтеніемъ библіи. Рисунокъ Б. ВОЛЬЦЕ.

Прелиминарный мирный договоръ.

Божіею споспѣшествующею милостію, Мы, Александръ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій; Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новгорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Угорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій и всея Сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскія, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ чрезъ сіе, что вслѣдствіе взаимнаго соглашенія между Нами и Его Величествомъ Императоромъ Оттоманскимъ обоюдные Полномочные Наши заключили и подписали въ Санъ-Стефано, 19-го февраля / 3-го марта сего 1878 года, предварительныя условія мира между обѣими Имперіями, которыя отъ слова до слова гласятъ тако:

Его Величество Императоръ Всероссійскій и его величество императоръ Оттомановъ, движимые желаніемъ возвратить и обезпечить Своимъ государствамъ и Своимъ народамъ благоденствіе мира, а также предупредить всякое новое усложненіе, которое могло бы угрожать этому миру, назначили въ качествѣ своихъ уполномочныхъ для установленія, заключенія и подписанія прелиминарнаго мирнаго договора:

Его Величество Императоръ Всероссійскій, съ одной стороны—графа Николая Игнатьева, генералъ-адъютанта Его Императорскаго Величества, генералъ-лейтенанта, члена государственнаго совѣта, кавалера ордена св. Александра Невскаго съ бриліантами и многихъ другихъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ, и г. Александра Нелидова, камергера Императорскаго Двора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, кавалера ордена св. Анны 1 степени съ мечами и многихъ другихъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ,

и его величество императоръ Оттомановъ, съ другой—Сафвета-пашу, министра иностранныхъ дѣлъ, кавалера орденовъ Османіе съ бриліантами, Меджидіе 1 степени и многихъ другихъ иностранныхъ орденовъ, и Садуллахъ-бея, посла его величества при германскомъ императорскомъ дворѣ, кавалера орденовъ Меджидіе 1 степени, Османіе 2 степени и многихъ другихъ иностранныхъ орденовъ,

которые по размѣнѣ своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащей и установленной формѣ, согласились на нижеслѣдующія статьи:

Статья I. Дабы положить конецъ непрестаннымъ столкновеніямъ между Турціею и Черногоріею, граница раздѣляющая оба государства будетъ исправлена, согласно съ прилагаемою при семъ картою и сообразно съ оговоркою, ниже помѣщаемою, слѣдующимъ образомъ:

Отъ горы Доброшицы граница прослѣдуетъ, по указанной константинопольскою конференціею чертѣ, чрезъ Билекъ до Корыта. Отсюда новая граница пройдетъ къ Гацко (Метохія-Гацко будетъ принадлежать Черногоріи) и къ слиянію рѣкъ Пивы и Тары, поднимаясь къ сѣверу по теченію Дрины до ея слиянія съ Лимомъ. Восточная граница княжества пойдетъ вдоль этой послѣдней рѣки до Пріеполья и направится черезъ Рошай къ Сухой-Планинѣ (оставляя Бихоръ и Рошай Черногоріи). Охватывая Ругово, Плаву и Гусинье, пограничная черта будетъ слѣдовать по горной цѣпи чрезъ Шлебъ, Пакленъ и вдоль сѣверной границы Албаніи по хребту горъ Копривника, Баба-врха и Боръ-врха до высшей точки горы Проклети. Отсюда граница направится черезъ высоту Бискащика и по прямому направленію подойдетъ къ озеру Ижичени-Хоти; прорѣзавъ Ижичени-Хати и Ижичени-Кастрати, она пересѣчетъ Скутарское озеро и упрется въ Бояну, по руслу которой достигнетъ моря.—Никшичъ, Гацко, Спужъ, Подгорица, Жаблякъ и Антивари останутся за Черногоріею.

Установленіе окончательныхъ границъ княжества будетъ возложено на европейскую комиссію, въ составъ которой войдутъ представители отъ Блистательной Порты и черногорскаго правительства. Коммисія эта подвергнетъ на мѣстѣ общее очертаніе границъ измѣненіямъ, какія сочтетъ необходимыми и справедливыми съ точки зрѣнія взаимныхъ выгодъ и спокойствія обоихъ государствъ, при чемъ каждому изъ нихъ дано будетъ соотвѣтственное возмѣщеніе, признаваемое необходимымъ.

Для судоходства по Боянѣ, дававшаго постоянно поводъ къ пререканіямъ между Блистательною Портою и Черногоріею, будутъ опредѣлены особыя правила, имѣющія быть выработанными тою же европейскою коммисіею.

Статья II. Блистательная Порта признаетъ окончательно независимость княжества Черногоріи.

По соглашенію между Россійско-Императорскимъ правительствомъ, правительствомъ Оттоманскимъ и княжествомъ Черногоріи будутъ опредѣлены впослѣдствіи характеръ и форма взаимныхъ отношеній между Блистательною Портою и княжествомъ, а именно: касательно назначенія черногорскихъ агентовъ въ Константинополѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Оттоманской имперіи, гдѣ это будетъ признано необходимымъ,—выдачи преступниковъ, бѣжавшихъ на ту или другую территорію,—и подчиненія путешествующихъ по Оттоманской имперіи или проживающихъ въ ней черногорцевъ оттоманскимъ законамъ и властямъ сообразно основаніямъ международнаго права и обычаямъ, установленнымъ относительно черногорцевъ.

Особое условіе будетъ заключено между Блистательною Портою и Черногоріею для разрѣшенія вопросовъ, касающихся взаимныхъ отношеній жителей пограничныхъ мѣстностей обоихъ государствъ, а также военныхъ сооруженій на тѣхъ мѣстностяхъ.

Вопросы, по которымъ не послѣдовало бы соглашенія, должны быть покончены третейскимъ рѣшеніемъ Россіи и Австро-Венгріи. Впредь же, если произойдутъ споръ или столкновеніе, за исключеніемъ случаевъ, возникающихъ изъ-за территоріальныхъ требованій, Турція и Черногорія предоставятъ разрѣшеніе своихъ несогласій Россіи и Австро-Венгріи, которыя совмѣстно будутъ постановлять третейское рѣшеніе.

Черногорскія войска должны будутъ очистить территорію, не вошедшую въ обозначенныя выше границы, въ десятидневный срокъ со времени подписанія прелиминарнаго мирнаго договора.

Статья III. Сербія признана независимою.

Граница ея, обозначенная на прилагаемой при семъ картѣ, пойдетъ по руслу Дрины, оставляя княжеству Малый-Зворникъ и Закаръ, и направляясь далѣе по прежней границѣ, до истоковъ ручья Дезево близь Стойлака.—Отсюда новая пограничная черта направится по теченію этого ручья до рѣки Рашка и затѣмъ по теченію сей послѣдней до Новаго-Базара.—Отъ Новаго-Базара, поднявшись вверхъ по ручью, который протекаетъ близь деревень Мекинье и Трговище, до его истока, граница направится чрезъ Босуръ-Планину въ долину Ибара и спустится по теченію ручья, впадающаго въ эту рѣку близь селенія Рыбаничъ.—Далѣе граница пойдетъ по теченію Ибара, Ситницы, Лабы и ручья Батинце до его истока (на Грапашницѣ-Планицѣ). Отсюда пограничная черта прослѣдуетъ по водораздѣлу Кривы и Ветерницы, достигнетъ по кратчайшей линіи этой послѣдней рѣки при устьѣ ручья Міовацка, поднимется вверхъ по его теченію, пересѣчетъ Міовацку-Планину и спустится къ Моравѣ близь деревни Килиманчи. Отъ сего мѣста граница спустится по Моравѣ до рѣки Влосины у селенія Стайковцы, затѣмъ, поднявшись вверхъ по теченію этой послѣдней, по Любераздѣ и по ручью Кукавице, пройдетъ чрезъ Суху-Планину по ручью Врыло до Нишавы и спустится по означенной рѣкѣ до деревни Крупацъ, оттуда кратчайшею линіею соединится къ юго-востоку отъ Караулъ-Баре съ прежней сербской границей, по которой будетъ слѣдовать до Дуная.

Ада-Кале будетъ очищена и срыта.

Турецко-сербская коммисія, при содѣйствіи русскаго коммисара, установитъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ окончательное очертаніе границъ и окончательно разрѣшитъ вопросы, касающіеся острововъ Дрины. Болгарскій делегатъ будетъ допущенъ къ участію въ трудахъ коммисіи, когда она будетъ проводить границу между Сербіею и Болгаріею.

Статья IV. Мусульмане, владѣющіе поземельною собственностью на присоединенной къ Сербіи территоріи и желающіе выселиться изъ княжества, могутъ сохранить за собою, въ его предѣлахъ, недвижимыя имущества, сдавъ оныя въ аренду или поручивъ управленіе имѣніями другимъ лицамъ. На турецко сербскую коммисію, съ участіемъ въ ней русскаго коммисара, будетъ возложено постановить въ теченіе двухъ лѣтъ окончательныя рѣшенія по всѣмъ вопросамъ, касающимся признанія правъ на такія недвижимыя имущества, въ коихъ замѣшанъ интересъ мусульманъ. На ту же коммисію будетъ возложено установленіе въ трехлѣтній срокъ способа отчужденія имуществъ, принадлежащихъ правительству или духовнымъ учрежденіямъ (вакуфъ), а также разрѣшеніе вопросовъ, которые касаются частныхъ интересовъ, могущихъ быть при этомъ затронутыми. До заключенія между Турціею и Сербіею непосредственнаго договора, установляющаго характеръ и форму взаимныхъ отношеній между Блистательною Портою и княжествомъ, сербскіе подданные, путешествующіе по Оттоманской Имперіи или проживающіе въ ней, будутъ пользоваться положеніемъ, сообразнымъ съ общими началами международнаго права.

Сербскія войска должны будутъ очистить мѣстности, не включенныя въ обозначенныя выше границы, въ пятнадцати-дневный срокъ со времени подписанія прелиминарнаго мирнаго договора.

Статья V. Блистательная Порта признаетъ независимость Румыніи, которая предъявитъ свои права на вознагражденіе, имѣющее быть опредѣленнымъ обѣими сторонами.

До заключенія непосредственнаго договора между Турціею и Румыніею, румынскіе подданные будутъ пользоваться въ Турціи всѣми правами, которыя обезпечены за подданными другихъ европейскихъ державъ.

Статья VI. Болгарія образуетъ самоуправляющееся, платящее дань княжество съ христіанскимъ правительствомъ и земскимъ войскомъ.

Окончательныя границы Болгаріи будутъ установлены особою русско-турецкою коммисіею до очищенія Румеліи Россійско-Императорскою арміей.—При измѣненіяхъ на мѣстѣ общаго очертанія границъ коммисія, согласно основаніямъ мира, приметъ во вниманіе начала народности большинства пограничныхъ жителей, а также топографическія условія и практическія нужды мѣстнаго населенія, касающіяся удобства сообщеній.

Размѣры княжества Болгаріи опредѣлены въ общихъ чертахъ на прилагаемой при семъ картѣ, долженствующей служить основаніемъ для окончательнаго разграниченія. Отъ новой границы Сербскаго княжества пограничная черта направится по западному рубежу казы Враньи до цѣпи Карадага. Повернувъ на западъ, граница пройдетъ по западнымъ предѣламъ казъ: Куманово, Кочани, Калканделенъ до горы Корабъ и отсюда по рѣкѣ Велещцѣ до слиянія ея съ Чернымъ-Дриномъ. Направляясь на югъ по Дрину и затѣмъ по западной границѣ казы Охриды къ горѣ Линасъ, пограничная черта пойдетъ по западнымъ предѣламъ казъ: Горчи и Старово до горы Граммосъ. Далѣе пограничная черта чрезъ озеро Касторію дойдетъ до рѣки Моглeницы, и спустившись по ея теченію, пройдетъ южнѣе Яницы (Вардаръ-Енидже) и направится чрезъ устье Вардара и по Галлико къ селеніямъ Парга и Сарайкей; отсюда—чрезъ середину озера Бешикъ-Геля къ устьямъ рѣкъ Струма и Карасу и по морскому берегу до Буругеля; затѣмъ, повернувъ къ сѣверо-востоку—къ горѣ Чалтепе, по цѣпи Родопа до горы Крушово, по Чернымъ Балканамъ (Кара-Балканъ), по горамъ Ешекъ-Кулачи, Чепеліу, Караколасъ и Ишикларъ до рѣки Арды. Отсюда пограничная черта будетъ проведена по направленію города Чирмена; оставляя городъ Адріанополь на югѣ, она пройдетъ чрезъ селя: Сугутлію, Кара-Хамза, Арнаутъ-Кей, Акарджи и Енидже, до рѣки Теке-дересси Слѣдуя по теченію Теке-дересси и Чорлу-дересси до Лулебургаса и далѣе по рѣкѣ Суджакъ-дере до селенія Сергена, пограничная черта пойдетъ по возвышенностямъ прямо къ Хакимъ-Табіаси, гдѣ она примкнетъ къ Черному морю. Граница покинетъ морской берегъ близь Мангаліи, направится по южнымъ предѣламъ Тульчинскаго санджака и примкнетъ къ Дунаю выше Расова.

Статья VII. Князь Болгаріи будетъ свободно избираемъ населеніемъ и утверждаемъ Блистательною Портою съ согласія державъ. Ни одинъ изъ членовъ царствующихъ династій великихъ европейскихъ державъ не можетъ быть избранъ княземъ Болгаріи.

Въ случаѣ, если званіе князя Болгарскаго останется не замѣщеннымъ, избраніе новаго князя будетъ произведено при тѣхъ же условіяхъ и въ той же формѣ.

Собраніе именитыхъ людей Болгаріи, созванное въ Филиппополѣ (Пловдивѣ) или въ Трновѣ, выработаетъ, до избранія князя, подъ наблюденіемъ Россійскаго Императорскаго коммисара и въ присутствіи коммисара оттоманскаго, уставъ будущаго управленія по примѣру того, какъ было сдѣлано въ 1830 году, послѣ адріанопольскаго мира, въ придунайскихъ княжествахъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ болгарское населеніе перемѣшано съ турецкимъ, греческимъ, валашскимъ (куцо-влахи) или другими, при выборахъ или выработкѣ органическаго устава будетъ обращено должное вниманіе на права и потребности этихъ народностей.

Введеніе новаго образа правленія въ Болгаріи и наблюденіе за его примѣненіемъ будутъ поручены въ теченіе двухъ лѣтъ Россійскому Императорскому коммисару. По прошествіи перваго года со времени введенія новаго порядка, европейскіе кабинеты—въ случаѣ если это будетъ признано нужнымъ и если по сему предмету послѣдуетъ соглашеніе между ними, Россіею и Блистательною Портою — могутъ присоединить особыхъ уполномоченныхъ къ Россійскому Императорскому коммисару.

Статья VIII. Оттоманскія войска не будутъ болѣе находиться въ Болгаріи и всѣ прежнія крѣпости будутъ срыты на счетъ мѣстнаго правительства. Блистательная Порта будетъ имѣть право располагать, по своему усмотрѣнію, военными припасами и другими принадлежащими ей предметами, оставленными въ дунайскихъ крѣпостяхъ, уже очищенныхъ въ силу перемирія 19-го (31-го) января, а равно и тѣми военными припасами и предметами, которые оказались бы въ крѣпостяхъ Шумлѣ и Варнѣ.

До полнаго образованія земскаго войска, достаточнаго для охраны порядка, безопасности и спокойствія, — и численность коего будетъ впослѣдствіи опредѣлена соглашеніемъ между оттоманскимъ правительствомъ и Россійскимъ Императорскимъ Кабинетомъ,—русскія войска будутъ занимать страну и, въ случаѣ надобности, оказывать содѣйствіе коммисару. Военное занятіе Болгаріи будетъ одинаково ограничено приблизительнымъ срокомъ въ два года.

Численность окупаціоннаго русскаго корпуса, составленнаго изъ шести дивизій пѣхоты и двухъ ка-

валеріи, который останется въ Болгаріи по очищеніи Турціи Императорскою арміею, не будетъ превосходить пятидесяти тысячъ человѣкъ. Этотъ корпусъ будетъ содержаться на счетъ занимаемой имъ страны. Русскія войска, которыя будутъ занимать Болгарію, сохранятъ сообщенія съ Россіею не только чрезъ Румынію, но и чрезъ черноморскіе порты—Варну и Бургасъ, гдѣ они могутъ учредить на время занятія необходимые склады.

Статья IX. Размѣръ ежегодной дани, которую Болгарія будетъ платить сюзеренному двору, внося ее въ банкъ, имѣющій быть указаннымъ впослѣдствіи Блистательною Портою, опредѣлится соглашеніемъ между Россіею, оттоманскимъ правительствомъ и прочими кабинетами по истеченіи перваго года дѣйствія новыхъ учрежденій. Дань эта будетъ установлена сообразно средней доходности всей территоріи, которая войдетъ въ составъ княжества.

Болгарія заступитъ императорское оттоманское правительство въ его обязанностяхъ и обязательствахъ по отношенію къ рущуко-варнской желѣзной дорогѣ, на основаніи особаго соглашенія между Блистательною Портою, правительствомъ княжества и управленіемъ означенной дороги. Рѣшеніе вопросовъ касательно другихъ желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ по княжеству, предоставляется также соглашенію между Блистательною Портою, учрежденнымъ правительствомъ Болгаріи и правленіями заинтересованныхъ компаній.

Статья X. Блистательная Порта будетъ имѣть право пользоваться проходомъ чрезъ Болгарію для перевоза по опредѣленнымъ путямъ войскъ, военныхъ припасовъ и провіанта въ области, находящіяся за предѣлами княжества, и обратно. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со времени ратификаціи настоящаго акта, въ избѣжаніе затрудненій и недоразумѣній въ примѣненіи сказаннаго права, условія пользованія имъ будутъ опредѣлены по соглашенію Блистательной Порты съ управленіемъ въ Болгаріи особымъ уставомъ, обезпечивающимъ, между прочимъ, военныя нужды Блистательной Порты.

Само собою разумѣется, что вышеозначенное право распространяется исключительно на оттоманскія регулярныя войска, иррегулярныя же — башибузуки и черкесы — безусловно будутъ исключены изъ него.

Блистательная Порта предоставляетъ себѣ также право провозить черезъ княжество свою почту и содержать въ немъ телеграфную линію, относительно чего, будетъ также сдѣлано соглашеніе вышеупомянутымъ способомъ и въ одинаковый срокъ.

Статья XI. Землевладѣльцы вѣроисповѣданія мусульманскаго и другихъ, которые пожелали бы избрать мѣсто жительства внѣ княжества, могутъ сохранить за собою, въ его предѣлахъ, недвижимую собственность, отдавъ оную въ аренду или поручивъ управленіе ею другимъ лицамъ. Турецко-болгарскія коммисіи, подъ наблюденіемъ русскихъ коммисаровъ, будутъ засѣдать въ главныхъ центрахъ населенія и постановятъ въ теченіе двухъ лѣтъ окончательныя рѣшенія по всѣмъ вопросамъ о признаніи правъ собственности на недвижимыя имущества, въ которыхъ замѣшаны интересы мусульманъ и лицъ другихъ исповѣданій. На подобныя же коммисіи будетъ возложено окончательное устройство въ теченіе двухъ лѣтъ всѣхъ дѣлъ, касающихся способовъ отчужденія, эксплуатаціи и употребленія въ пользу Блистательной Порты имуществъ, принадлежащихъ правительству и духовнымъ учрежденіямъ (вакуфъ).

По истеченіи вышесказаннаго двухлѣтняго срока всѣ имущества, на которыя не будетъ предъявлено требованій, будутъ проданы съ публичнаго торга и вырученная отъ сего сумма обращена на содержаніе вдовъ и сиротъ—какъ мусульманъ, такъ и христіанъ—жертвъ послѣднихъ событій.

Статья XII. Всѣ крѣпости на Дунаѣ будутъ срыты. Впредь на берегахъ этой рѣки не будетъ болѣе укрѣпленій; не будетъ также въ водахъ Румынскаго, Сербскаго и Болгарскаго княжествъ военныхъ судовъ, кромѣ обычныхъ станціонеровъ и мелкихъ судовъ, предназначаемыхъ для надобностей рѣчной полиціи и таможеннаго управленія.

Права, обязательства и льготы международной нижне-дунайской коммисіи остаются неприкосновенными.

Статья XIII. Блистательная Порта принимаетъ на себя возстановленіе судоходства Сулинскаго рукава и вознагражденіе частныхъ лицъ, коихъ имущества пострадали отъ войны и вслѣдствіе прекращенія плаванія по Дунаю, назначая на этотъ двойной расходъ пятьсотъ тысячъ франковъ изъ суммъ, которыя дунайская коммисія должна оттоманскому правительству.

Статья XIV. Въ Босніи и Герцеговинѣ будутъ немедленно введены сообщенныя оттоманскимъ уполномоченнымъ въ первомъ засѣданіи константинопольской конференціи, предложенія Европейскихъ державъ, съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ установлены по взаимному соглашенію между Блистательною Портою, Русскимъ и Австро-венгерскимъ правительствами. Недоимки не будутъ взыскиваемы и текущіе доходы этихъ провинцій до перваго марта тысяча восемьсотъ восемьдесятаго года будутъ исключительно обращаемы на вознагражденіе семействъ бѣглецовъ и жителей, пострадавшихъ отъ послѣднихъ событій, безъ различія ихъ народности и вѣроисповѣданія, а равно и на мѣстныя нужды страны. Сумма, которая по истеченіи сказаннаго срока должна будетъ ежегодно причитываться центральному правительству, имѣетъ быть опредѣлена соглашеніемъ между Турціею, Россіею и Австро-Венгріею.

Статья XV. Блистательная Порта обязуется ввести добросовѣстно на островѣ Критѣ органическій уставъ 1868 года, сообразуясь съ желаніями уже выраженными мѣстнымъ населеніемъ.

Подобный же уставъ, примѣненный къ мѣстнымъ потребностямъ, будетъ также введенъ въ Эпирѣ и Өессаліи и въ другихъ частяхъ Европейской Турціи, для коихъ особое административное устройство не предусмотрѣно настоящимъ актомъ.

Разработка подробностей новаго устава будетъ поручена въ каждой области особымъ коммисіямъ, въ коихъ туземное населеніе получитъ широкое участіе. Результаты этихъ трудовъ будутъ представлены на разсмотрѣніе Блистательной Порты, которая, прежде чѣмъ примѣнить ихъ, посовѣтуется съ Россійскимъ Императорскимъ правительствомъ.

Статья XVI. Въ виду того, что очищеніе русскими войсками занимаемыхъ ими въ Арменіи мѣстностей, которыя должны быть возвращены Турціи, могло бы подать тамъ поводъ къ столкновеніямъ и усложненіямъ, могущимъ вредно отразиться на добрыхъ отношеніяхъ обоихъ государствъ, — Блистательная Порта обязуется осуществить, безъ замедленія, улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями въ областяхъ, населенныхъ армянами, и оградить безопасность послѣднихъ отъ курдовъ и черкесовъ.

Статья XVII. Полная и безусловная амнистія дарується Блистательною Портою всѣмъ оттоманскимъ подданнымъ, замѣшаннымъ въ послѣднихъ событіяхъ, и всѣ лица, вслѣдствіе сего подвергнутыя заключенію или отправленныя въ ссылку, будутъ немедленно освобождены.

Статья XVIII. Блистательная Порта обратитъ особенное вниманіе на мнѣніе, выраженное коммисарами посредствующихъ державъ по вопросу о правѣ владѣнія городомъ Котуромъ, и обязуется привести въ исполненіе работы по окончательному проведенію турецко-персидской границы.

Статья XIX. Вознагражденіе за войну, а равно убытки, причиненные Россіи, которые Его Величество Императоръ Всероссійскій требуетъ и которые Блистательная Порта обязалась ему уплатить, заключаются въ:

a) девяти стахъ милліонахъ рублей военныхъ издержекъ (содержаніе арміи, возмѣщеніе припасовъ, военные заказы);

b) четырехстахъ милліонахъ рублей убытковъ, причиненныхъ южному побережью государства, отпускной торговлѣ, промышленности и желѣзнымъ дорогамъ;

c) стахъ милліонахъ рублей убытковъ, причиненныхъ Кавказу вторженіямъ;

d) десяти милліонахъ рублей проторей и убытковъ русскимъ подданнымъ и учрежденіямъ въ Турціи.

Итого тысяча-четыреста-десять милліоновъ рублей.

Принимая во вниманіе финансовыя затрудненія Турціи и сообразуясь съ желаніемъ его величества султана, Императоръ Всероссійскій соглашается замѣнить уплату большей части исчисленныхъ въ предъидущемъ параграфѣ суммъ слѣдующими территоріальными уступками.

a) Тульчинскій санджакъ, т. е. уѣзды (казы): Киліи, Сулины, Махмудіе, Исакчи, Тульчи, Мачина, Бабадага, Гирсова, Кюстендже и Меджидіе, а равно острова Дельты и Змѣиный островъ. Не желая присоединять себѣ означенной территоріи и острововъ Дельты, Россія предоставляетъ себѣ промѣнять ихъ на отчужденную отъ нея трактатомъ 1856 года часть Бессарабіи, граничащую съ югу русломъ Килійскаго рукава и устьемъ Стараго-Стамбула. Вопросъ о раздѣлѣ водъ и рыбныхъ ловель имѣетъ быть рѣшенъ русско-румынскою коммисіею въ годовой срокъ со времени ратификаціи мирнаго трактата.

b) Арданъ, Карсъ, Батумъ, Баязидъ и территорія до Саганлуга. Въ общихъ чертахъ граница отъ берега Чернаго моря направится по хребту горъ, служащихъ водораздѣломъ притоковъ рѣкъ Хопы и Чароха, и по горной цѣпи къ югу отъ города Артвина до рѣки Чароха, близь селеній Алата и Бешагета; затѣмъ граница направится по вершинамъ горъ Дервеникъ-Геки, Хорчезора и Беджигинъ-дага, по хребту, раздѣляющему притоки рѣкъ Тортумъ-чая и Чароха и по высотамъ близь Яйлы-Вихина до селенія Вихинъ-Киллисса на рѣкѣ Тортумъ-чаѣ. Отсюда пограничная черта направится по цѣпи Сиври-дага до перевала того же имени, проходя на югъ отъ селенія Нориманъ; далѣе граница повернетъ къ юго-востоку, послѣдуетъ къ Зивину, откуда—пройдя на западъ отъ дороги изъ Зивина въ селенія Ардостъ и Хоассанъ, направится на югъ къ Саганлугской цѣпи, до селенія Галичманъ, затѣмъ по хребту Шаріанъ-дага достигнетъ, въ десяти верстахъ къ югу отъ Хамура, Мурадчайскаго ущелья; потомъ граница пройдетъ вдоль по хребту Алладага, по вершинамъ Хори и Тандурека, и пройдя на югъ отъ Баязидской долины, примкнетъ къ прежней турецко-персидской границѣ къ югу отъ Казли-Геля.

Окончательныя границы присоединенной къ Россіи территоріи, обозначенныя на прилагаемой при семъ картѣ, будутъ установлены коммисіею изъ русскихъ и оттоманскихъ делегатовъ. Коммисія эта приметъ во вниманіе, при своихъ работахъ, какъ топографію мѣстности, такъ и необходимыя условія для хорошей администраціи и для обезпеченія спокойствія страны.

c) Территоріи, означенныя въ параграфахъ a и b, уступаются Россіи взамѣнъ суммы тысячи ста милліоновъ рублей. Что касается остальной части вознагражденія, за исключеніемъ десяти милліоновъ рублей, слѣдующихъ русскимъ учрежденіямъ и подданнымъ въ Турціи, то-есть трехсотъ милліоновъ рублей, то способъ ихъ уплаты и предназначаемыя къ тому обезпеченія будутъ опредѣлены послѣдующимъ соглашеніемъ между Россійскимъ Императорскимъ Правительствомъ и правительствомъ его величества султана.

p) Десять милліоновъ рублей, выговоренныхъ въ видѣ вознагражденія подданнымъ и учрежденіямъ русскимъ въ Турціи, имѣютъ быть уплачиваемы по мѣрѣ того, какъ требованія заинтересованныхъ лицъ и учрежденій будутъ разсмотрѣны Россійскимъ посольствомъ въ Константинополѣ и переданы Блистательной Портѣ.

Статья XX. Блистательная Порта приметъ дѣйствительныя мѣры къ полюбовному окончанію нерѣшенныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тяжебныхъ дѣлъ, русско-подданныхъ, къ вознагражденію тяжущихся, если есть на то достаточный поводъ, и къ безотлагательному приведенію въ исполненіе произнесенныхъ судебныхъ рѣшеній.

Статья XXI. Жители уступленныхъ Россіи мѣстностей, желающіе поселиться внѣ ихъ предѣловъ, могутъ удалиться, продавъ свои недвижимыя имущества, на что означеннымъ лицамъ даруется трехлѣтній срокъ со дня ратификаціи настоящаго акта. По прошествіи сказаннаго срока жители, не покинувшіе страны и не продавшіе своихъ недвижимыхъ имуществъ, останутся въ русскомъ подданствѣ.

Недвижимыя имущества, принадлежащія правительству или духовнымъ учрежденіямъ, находящимся внѣ предѣловъ поименованныхъ выше мѣстностей, имѣютъ быть проданными въ тотъ же трехлѣтній срокъ по способу, который будетъ установленъ особою русско-турецкою коммисіею. Этой же коммисіи будетъ поручено опредѣлить способъ вывоза оттоманскимъ правительствомъ военныхъ и боевыхъ припасовъ, провіанта и другихъ предметовъ, принадлежащихъ правительству и которые оказались бы въ укрѣпленіяхъ, городахъ и мѣстностяхъ, уступленныхъ Россіи и не занятыхъ въ настоящее время русскими войсками.

Статья XXII. Русскія духовныя лица, паломники и иноки, путешествующіе или пребывающіе въ Европейской и Азіятской Турціи, будутъ пользоваться тѣми же правами, преимуществами и льготами, какъ иностранныя духовныя лица другихъ народностей. За Императорскимъ посольствомъ и за русскими консульствами въ Турціи признается право оффиціальной защиты какъ вышеозначенныхъ лицъ, такъ и ихъ имуществъ, а равно духовныхъ, благотворительныхъ и другихъ учрежденій въ святыхъ мѣстахъ и въ другихъ мѣстностяхъ.

Аѳонскіе монахи русскаго происхожденія сохранятъ свои имущества и прежнія льготы, и будутъ продолжать пользоваться въ трехъ монастыряхъ, имъ принадлежащихъ, и въ зависящихъ отъ нихъ учрежденіяхъ тѣми же правами и преимуществами, которыя обезпечены за другими духовными учрежденіями и монастырями Аѳонской горы.

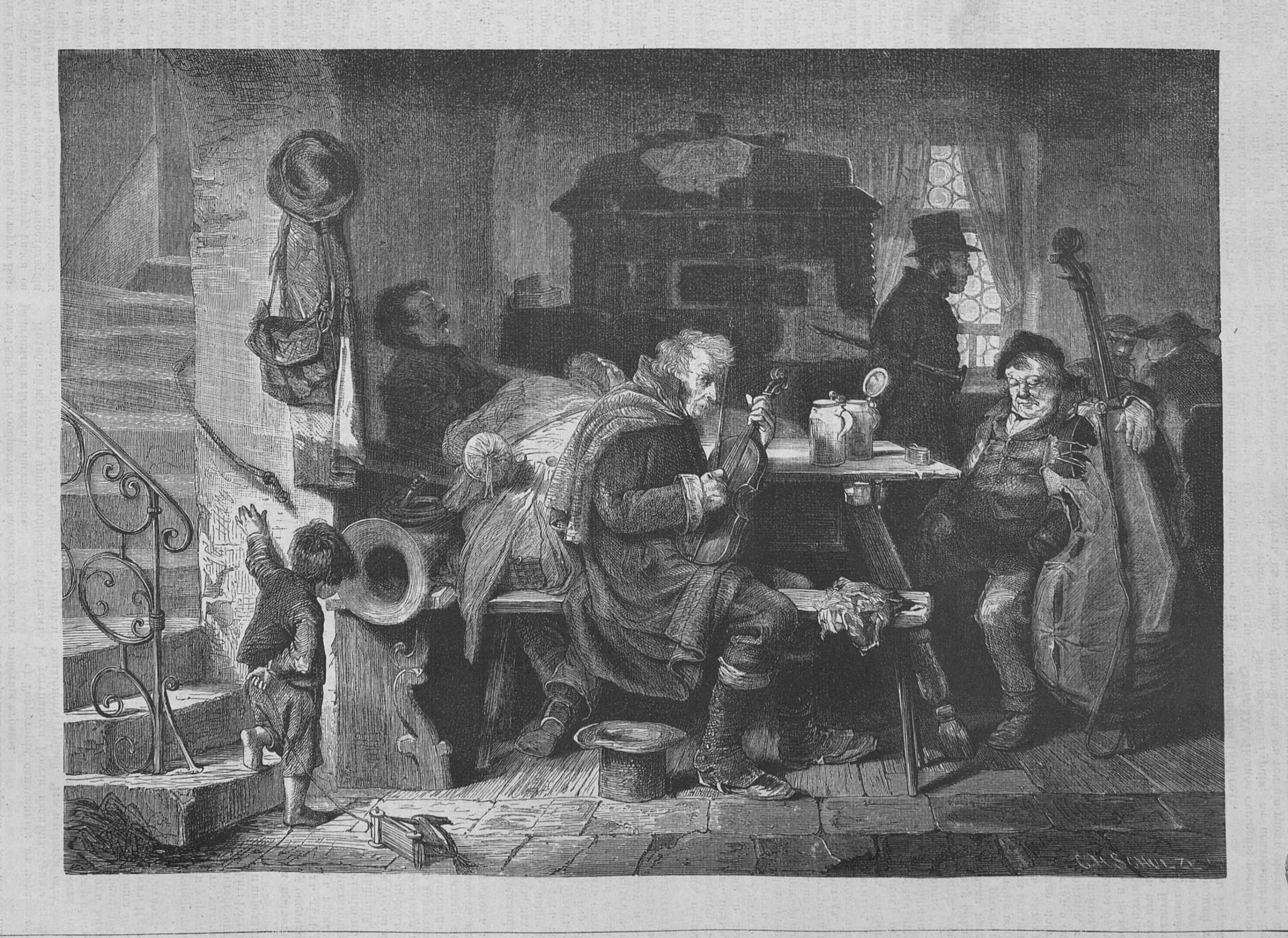
Статья XXIII. Всѣ договоры, конвенціи, обязательства, прежде сего заключенные между обѣими Высокими договаривающимися сторонами касательно торговли, подсудности и положенія русско-подданныхъ въ Турціи, и утратившіе значеніе вслѣдствіе войны, снова вступятъ въ силу, за исключеніемъ условій, измѣненныхъ настоящимъ актомъ. Оба правительства будутъ снова взаимно поставлены касательно всѣхъ своихъ обязательствъ и сношеній торговыхъ и другихъ въ то же положеніе, въ которомъ они находились до объявленія войны.

Статья XXIV. Босфоръ и Дарданеллы будутъ открыты, какъ во время войны, такъ и во время мира, для торговыхъ судовъ нейтральныхъ державъ, приходящихъ изъ русскихъ портовъ или отправляющихся въ оные. Вслѣдствіе сего Блистательная Порта обязуется впредь болѣе не устанавливать недѣйствительной блокады портовъ Чернаго и Азовскаго морей, какъ не соотвѣтствующей точному смыслу деклараціи, подписанной въ Парижѣ 4-го (16 го) апрѣля 1856 года.

Статья XXV. Полное очищеніе россійскою арміею Европейской Турціи, за исключеніемъ Болгаріи, произойдетъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ заключенія окончательнаго мира между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и его величествомъ султаномъ.

Дабы выиграть время и избѣжать продолжительнаго пребыванія русскихъ войскъ въ Турціи и Румыніи, часть Императорской арміи можетъ быть направлена къ портамъ Чернаго и Мраморнаго морей, для посадки на суда, принадлежащія русскому

Картина ГУГО КАУФМАНА.



Отдыхающіе музыканты.

правительству или зафрахтованныя на этотъ случай.

Очищеніе войсками Азіятской Турціи произойдетъ въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня заключенія окончательнаго мира. Русскимъ войскамъ будетъ предоставлена возможность сѣсть на суда въ Трапезундѣ для возвращенія черезъ Кавказъ или Крымъ.

Немедленно по обмѣнѣ ратификаціи будутъ приняты мѣры къ выводу войскъ.

Статья XXVI. До тѣхъ поръ, пока Россійскія Императорскія войска будутъ находиться въ мѣстностяхъ, имѣющихъ быть въ силу настоящаго акта возвращенными Блистательной Портѣ, управленіе и существующій порядокъ въ нихъ останутся въ томъ же видѣ, какъ во время занятія. Блистательная Порта не должна будетъ принимать никакого участія въ управленіи въ теченіе всего этого времени, до окончательнаго выхода всѣхъ русскихъ войскъ.

Оттоманскія войска могутъ вступить въ мѣстности, возвращаемыя Блистательной Портѣ, а послѣдняя приступить въ нихъ къ отправленію своей власти тогда лишь, когда для всякаго мѣста и всякой области, очищаемыхъ русскими войсками, начальникъ этихъ войскъ поставитъ о семъ въ извѣстность назначеннаго Блистательною Портою на этотъ случай офицера.

Статья XXVII. Блистательная Порта принимаетъ обязательство не преслѣдовать никоимъ образомъ и не дозволять преслѣдовать турецкихъ подданныхъ, которые были бы замѣшаны въ сношеніяхъ съ русскою арміею во время войны. Въ случаѣ если бы нѣкоторыя лица пожелали удалиться съ своими семействами вслѣдъ за русскими войсками, оттоманскія власти тому не воспротивятся.

Статья XXVIII. Немедленно по ратификаціи прелиминарнаго мирнаго договора, военно-плѣнные будутъ взаимно возвращены при посредствѣ назначенныхъ съ той и съ другой стороны особыхъ коммисаровъ, которые отправятся съ этою цѣлью въ Одессу и Севастополь. Оттоманское правительство уплатитъ въ восемнадцать равныхъ сроковъ въ теченіе шести лѣтъ, согласно счетамъ, составленнымъ вышеупомянутыми коммисарами, всѣ расходы по содержанію военно-плѣнныхъ, которые будутъ возвращены сему правительству.

Обмѣнъ плѣнныхъ между оттоманскимъ правительствомъ и правительствами Румыніи, Сербіи и Черногоріи произойдетъ на такихъ же основаніяхъ; при этомъ однако въ денежныхъ разсчетахъ число возвращаемыхъ оттоманскимъ правительствомъ плѣнныхъ будетъ вычитаемо изъ числа плѣнныхъ, которые будутъ ему возвращаемы.

Статья XXIX. Настоящій актъ будетъ ратификованъ Ихъ Императорскими Величествами Императоромъ Всероссійскимъ и императоромъ оттомановъ, и ратификаціи будутъ обмѣнены въ пятнадцати-дневный срокъ, или ранѣе, буде то возможно, въ С.-Петербургѣ, гдѣ также произойдетъ соглашеніе относительно мѣста и времени, гдѣ и когда условія настоящаго акта будутъ облечены въ торжественную форму, обычную для мирныхъ трактатовъ. Пребываетъ однако вполнѣ установленнымъ, что Высокія договаривающіяся стороны считаютъ себя формально связанными настоящимъ актомъ со времени его ратификаціи.

Въ удостовѣреніе чего обоюдные Полномочные подписали настоящій актъ и приложили къ нему свои печати.

Въ Санъ-Стефано. 19-го февраля / 3-го марта. 1878 года.

Подписали:

Графъ Н. Игнатьевъ. (М. П.)	**Сафветъ.** (М. П.)
Нелидовъ. (М. П).	**Садуллахъ.** (М. П).

Пропущенное въ статьѣ XI прелиминарнаго мирнаго договора, подписаннаго сегодня 19 февраля / 3-го марта. 1878 г. окончаніе, долженствующее войти въ помянутую статью:

Жители княжества Болгаріи, путешествующіе или пребывающіе въ другихъ частяхъ Оттоманской имперіи, будутъ подчинены оттоманскимъ законамъ и властямъ. Санъ-Стефано 19-го февраля / 3-го марта. 1878 г.

Подписали:

Графъ Н. Игнатьевъ. Сафветъ.
Нелидовъ. Садуллахъ.

Того ради, по довольномъ разсмотрѣніи сего прелиминарнаго мирнаго договора, Мы приняли его за благо, подтвердили и ратификовали. Въ увѣреніе чего Мы сію Нашу Императорскую ратификацію Собственноручно подписавъ, повелѣли утвердить Государственною Нашею печатью. Дано въ С.-Петербургѣ, марта 4-го дня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ семьдесятъ восьмое, Царствованія же Нашего въ двадцать четвертое.

Подлинная подписана Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

«*АЛЕКСАНДРЪ*».

(М. П.)

Контрасигнировалъ: Государственный Канцлеръ *князь Горчаковъ.*

У озера.

Стихотвореніе **Николая Ники.**

Въ воду склонилася ива вѣтлистая,
Въ озеро смотритъ луна,
Тихая, влажная ночь серебристая
Мглы и видѣній полна.

Спустимся въ лодку! Я влагу сонливую
Взмахомъ весла разбужу,
Старую лодку твою, некрасивую
Въ зелень, въ цвѣты наряжу...

Хмѣлемъ кудрявымъ березы повитые
Рѣзвыхъ русалокъ таятъ,
Рѣки, озера, луною залитыя
Полны веселыхъ наядъ...

Будемъ мы плыть и осока высокая
Будетъ шуршать подъ весломъ,
Будетъ подъ нами — пучина глубокая,
Мглы и видѣнья — кругомъ.

Будутъ русалки манить насъ игривыя
Будетъ насъ звать водяной,...
Въ-очію старыя сказки правдивыя
Вмѣстѣ увидимъ съ тобой!...

Тайна открылась.

Разсказъ **П. А. Салманова.**

(*Продолженіе.*)

II.

Сначала Тришка ѣхалъ все впередъ по столбовой дорогѣ, безъ пощады погоняя кнутомъ свою бѣдную лошадь; потомъ вдругъ, какъ будто вспомнивъ что-то, онъ быстро повернулъ налѣво, и поѣхалъ по полю. Лошадь, утомленная цѣлодневною ѣздою, полемъ пошла тише, но безпощадный Тришка продолжалъ бить ее безъ милосердія кнутомъ. Вскорѣ при мѣсячномъ сіяніи показалась вдали березовая аллея. Лошадь, почувствовавъ инстинктивно близость проѣзжей, слѣдовательно и легкой дороги побѣжала скорѣе. Черезъ пять минутъ они доѣхали до большой дороги. Тришка слѣзъ съ волочковъ и, употребивъ всѣ свои силы, перевелъ лошадь съ волочками черезъ валъ на дорогу, затѣмъ сѣлъ на свое мѣсто. Лошадь наострила уши, радостно заржала и побѣжала полной рысью, непрестанно осматриваясь и фыркая. Такъ ѣхали они двое сутокъ съ остановками на двухъ ночлегахъ. Вдругъ лошадь остановилась и не дождалась дозволенія хозяйна, повернула на право по едва замѣтной тропинкѣ проселочной дороги.

— Молодецъ, Васька! воскликнулъ Тришка.— Славная ты животина; мысли мои знаешь. Ну поѣзжай, голубчикъ, я и возжей не трону. Ты, видно, угадала, что я ѣду къ своимъ; будетъ тамъ отдыхъ и для тебя!

Помахивая головою то на право, то на лѣво, лошадь бѣжала ровной рысью. Наконецъ, вдали показалось село съ двумя церквами. Трифонъ снялъ съ себя шапку, набожно перекрестился и сказалъ:

— Ну вотъ и родимое мое Ефремово.—Арина Петровна, я думаю, не ждетъ—не гадаетъ, что я сегодня пріѣду. Теперь не Рождество Христово и не Свѣтлый праздникъ.

Въ это время въ одной изъ избъ въ селѣ Ефремовѣ, на горѣ, въ маленькое окно высунулась женская голова, покрытая китайчатымъ синимъ платкомъ. Окно было такъ мало, что въ него могла просунуться только одна голова. Голова эта, смотрѣвшая долго и пристально вдоль вьющейся лентою полосою дороги, прислушивалась къ явственно слышному среди ночи, особенному свойственному только однимъ волочкамъ дребезжанью.

— Васька, Наська! Бѣгите изъ избы встрѣчать отца. Вѣрно, это онъ; только у него одного въ нашемъ селѣ и есть волочки. Можетъ быть, онъ привезъ вамъ московскихъ калачей и сахару для сыты съ киселемъ.

Она не ошиблась. Трифонъ Федоровичъ подъѣхалъ къ воротамъ своего дома. Сынъ его, Васька, повисъ у него на шеѣ и кричалъ, что есть въ немъ мочи:

— Давай калачей московскихъ, какія ты всегда привозилъ намъ.

— Тятя, касатикъ, голубчикъ, въ свою очередь говорила Наська,—дай кусочекъ сахару; ты каждый разъ привозилъ его мнѣ.

Въ первый разъ Трифонъ не привезъ дѣтямъ гостинцевъ. Онъ вспомнилъ, почему этого не сдѣлалъ и лицо его омрачилось. Это, однакожь, продолжалось недолго; ощупавъ лежавшій у него за пазухой бумажникъ, онъ повеселѣлъ и сказалъ шутливымъ тономъ:

— На этотъ разъ я точно не привезъ вамъ ни калачей, ни сахару, виноватъ предъ вами, дѣтки, забылъ. Но утѣшьтесь. До сихъ поръ вы калачами и сахаромъ лакомились только въ Свѣтлый праздникъ, да въ Рождество Христово, и то не всегда, а съ этого времени каждый день будете ѣсть ихъ.

— Что къ тебѣ барка съ деньгами пришла? спросила Трифона жена.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Тришка погрузился въ глубокую мрачную задумчивость, подъ впечатлѣніемъ которой и вошелъ въ избу. Дѣти опять бросились къ нему на шею.

— Гдѣ это, Трифонъ, спросила жена,—ты перепачкалъ кафтанъ, онъ весь въ какихъ-то пятнахъ, точно замазанъ кровью.

Передъ Трифономъ встала вся страшная картина совершеннаго имъ преступленія; ему представился несчастный юноша съ раздробленнымъ вискомъ, и представился ему такъ, точно онъ лежалъ у него въ избѣ. Волосы дыбомъ стали на головѣ Трифона. Онъ задрожалъ всѣми членами и страшно поблѣднѣлъ. Встревоженная жена тоскливо посмотрѣла на него. Наконецъ, Трифонъ пришелъ въ себя.

— Очень простая причина, сказалъ онъ,—въ лѣсу налетѣлъ я на пень однимъ колесомъ, свалился съ волочковъ и разбилъ себѣ носъ до крови, она долго текла, а я, желая остановить ее, утирался то рукавомъ, то полою, пока кровь не перестала.

Выпутавшись изъ такого страшнаго вопроса въ своемъ семействѣ, Федорычъ видимо вздохнулъ свободнѣе.

— Усталъ я съ дороги, Арина Петровна, продолжалъ Трифонъ, — но дѣла пропасть и я еще сегодня хочу поговорить съ тобою. Надоѣла мнѣ наша изба; плоха она; надо намъ получше и попросторнѣе. Попытаюсь завтра занять денегъ у отца Ефима; выстрою новую большую избу, въ которой можно бы было открыть и лавку.

— Запутаешься, Федорычъ, и погибнешь при нашихъ немощахъ, отвѣчала жена.

— А можетъ статься и не погибну. Денегъ навѣрное добуду. Отецъ Ефимъ, хотя богатъ, но добръ; онъ никого никогда не обижаетъ, и меня не обидитъ, сказалъ хитрый Трифонъ Федоровъ.— Впрочемъ, пойдемъ спать. Утро вечера мудренѣе.

На другой день, рано утромъ, Трифонъ пошелъ къ священнику и, воротившись оттуда, сказалъ радостно женѣ:

— Молись Богу за отца Ефима. Я съ деньгами пришелъ. Отецъ Ефимъ далъ намъ сто рублей. Видала-ли ты, дурница, эдакія деньги?!

И онъ при этомъ показалъ ей деньги. Петровна такъ и всплеснула руками:

— Такія большія деньги отецъ Ефимъ далъ тебѣ, простому мужику. Да какъ же это такъ?

— Да очень просто, отвѣчалъ Федорычъ, немного замявшись, однакожь, бойко,—вошелъ я къ нему въ горницу, помолился Богу передъ святыми иконами, повалился попу въ ноги, да и говорю ему:

хотѣлось бы, батюшка, избу себѣ новую выстроить побольше, чтобы держать въ ней лавку съ товаромъ, нужнымъ въ мужицкомъ хозяйствѣ. «Дѣло хорошее и полезное, отвѣчаетъ онъ мнѣ. Давно слѣдовало кому-нибудь подумать объ этомъ. Благословляю тебя на это, сынъ мой. Строй себѣ избу». Благодарствую за благословеніе, батюшка, говорю я опять, да немощи-то наши больно велики; есть у меня малая толика деньжонокъ, да не хватаетъ на все. «А сколько нужно, сказалъ онъ; ста рублями обойдешься, что-ли?» Еще бы, отвѣчалъ я, на сто рублей можно выстроить и избу съ лавкою, и при ней постоялый дворъ; село наше стоитъ на большей столбовой мещовской дорогѣ, а постоялаго двора ни у кого нѣтъ. «Да, правда, говоритъ онъ, стыдно намъ передъ пучковцами». А я уже стою на колѣняхъ и говорю: если будетъ милость ваша, отецъ Ефимъ, по вашей добродѣтели, помочь мнѣ, я не только выстроилъ бы избу съ лавкою и съ постоялымъ дворомъ, но чтобы доходу было больше, сталъ бы шинковать водкою и скоро-бы съ вами расплатился съ великою благодарностью. «Сто рублей дать я могу, сказалъ попъ, да кто жь за тебя поручится?» Кто жь за меня, сѣраго мужика, можетъ поручиться, кромѣ Бога и моей совѣсти, отвѣчалъ я. «Ну, хорошо», сказалъ священникъ, написалъ какую-то бумагу, заставилъ меня подписать имя, отчество и фамилію и далъ мнѣ денегъ, а подписанную мною бумагу положилъ въ свой карманъ; затѣмъ благословилъ меня и, проводивъ до дверей, сказалъ: «разживайся съ Богомъ». Вотъ я и начну строиться съ завтрашняго же дня.

И, дѣйствительно, Трифонъ приступилъ къ постройкѣ на другой же день и такъ энергично принялся за дѣло, что у него черезъ мѣсяцъ была готова хорошая изба для помѣщенія себя съ семействомъ, лавка съ разными товарами и большой постоялый дворъ, крытый тесомъ и выкрашенный красною краскою, что составляло большую роскошь для того времени, особенно въ деревнѣ.

Арина Петровна была умная женщина; она догадалась, что дѣло не чисто. «Не ста рублями пахнетъ, невольно подумала она, все это устройство, одна лавка съ товарами этихъ денегъ стоитъ. Откуда-жъ у него взялись деньги! Недаромъ, сказалъ онъ дѣтямъ, что они будутъ ѣсть каждый день калачи да сахаръ. Когда я спросила его, барка, что ли, пришла къ тебѣ съ деньгами, онъ, ухмыляясь, сказалъ: можетъ быть. Какъ онъ ни хитритъ, а я допытаюсь послѣ», заключила она свое размышленіе.

III.

На другой день по совершеніи преступленія въ деревнѣ Филяхъ собрался народъ гурьбою, разсуждая о необыкновенномъ происшествіи, о которомъ узналъ онъ изъ разсказа своего старосты Тараса Финогеновича.

— Пошелъ это я въ Москву утромъ по своимъ дѣламъ, говорилъ староста,—и сталъ уже подходить къ бойнѣ... вы знаете передъ бойнею оврагъ, я началъ спускаться и вижу, что на днѣ оврага валяется человѣкъ. «Видно пьяный», подумалъ я. Подхожу ближе и что-же вижу: лежитъ молодой парень, по одеждѣ, должно быть, баричъ; видно какой-нибудь разбойникъ напалъ на него въ оврагѣ, хватилъ его кистенемъ въ високъ да и порѣшилъ сразу. Високъ разбитъ; лицо все въ крови; глаза открыты. Я взялъ изъ кармана два гроша, опустилъ ему вѣки да и положилъ по грошу на каждый, а самого его перекрестилъ и, пожелавъ ему царство небесное, поцѣловалъ его въ лобъ.

Послѣ разсказа Финогеныча, въ оврагѣ перебывала вся деревня и убѣдилась, что разсказъ старосты совершенно вѣренъ. Дѣло получило огласку, дошло до капитанъ-исправника, который съ двумя членами земскаго суда прибылъ на мѣсто происшествія, осмотрѣлъ трупъ, составилъ нужныя бумаги и на слѣдующій день сообщилъ во всѣ части города Москвы для дознанія: кому принадлежитъ найденный трупъ. Частные пристава разослали повѣстки ко всѣмъ домовладѣльцамъ своихъ частей: не отыскиваетъ-ли кто-нибудь пропавшаго человѣка. Не смотря на такую энергичную дѣятельность начальства, которая проявлялась всегда, если дѣло шло о баринѣ, а не о мужикѣ, никто не являлся съ заявкою о пропавшемъ, такъ же точно никто не явился и для осмотра тѣла; такъ что капитанъ-исправникъ, желавшій сдѣлать донесеніе своему начальству болѣе обстоятельное, поневолѣ долженъ былъ ограничиться такими краткими свѣдѣніями: найденъ-де трупъ неизвѣстнаго молодого человѣка, примѣрно 25 лѣтъ, со всѣми признаками насильственной смерти, но виновнаго не только не отыскано, но и не оказывается лица, на котораго могло бы пасть подозрѣніе. Дѣло изъ земскаго суда перешло въ уѣздный судъ, который постановилъ: «За неотысканіемъ виновнаго въ убійствѣ найденнаго въ оврагѣ трупа молодого человѣка неизвѣстнаго званія, похоронить его на томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ, а дѣло предать волѣ Божіей».

Такимъ образомъ, тѣло Данилы Стефановича похоронено на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ убитъ.

IV.

Въ мірѣ всегда такъ бываетъ: одинъ падаетъ, другой подымается. Когда исчезалъ подъ землею несчастный юноша, его убійца быстро возвышался. Трифонъ шибко торговалъ въ своей лавкѣ. Постоялый дворъ съ утра до ночи былъ наполненъ народомъ; случалось, что на ночь онъ до того переполнялся, что запоздалый путешественникъ, будь онъ самъ генералъ, (генераловъ въ то время было далеко не такъ много, какъ въ наше, потому и значенія они имѣли больше), рисковалъ получить отказъ въ помѣщеніи на ночлегъ. Однимъ словомъ, Трифону Федорычу везло слѣпое счастье, деньги валились и онъ богатѣлъ съ каждымъ днемъ. Однажды отъ избытка благополучія, потирая руки, онъ воскликнулъ, обращаясь къ женѣ:

— Видишь, какъ мы стали жить хорошо, Арина Петровна. Слышь ты, богатѣетъ Тришка, всѣ завидуютъ ему изподтишка. Но я плюю на всѣхъ.

— Ты, Федорычъ, не очень-то хвались, отвѣчала умная баба.—Странно мнѣ твое богатство. Помнишь, когда ты пріѣхалъ изъ Москвы и похвастался передо мною и дѣтьми, что мы станемъ ѣсть каждый день калачики, да грызть сахаръ, кафтанъ твой былъ въ кровяныхъ пятнахъ. Ну, что да если это богатство досталось тебѣ отъ чего нибудь худого. Такъ ты не чванься. Помни пословицу: какъ вору не воровать, а кнута не миновать. Ты думаешь, я всѣмъ твоимъ розсказнямъ такъ и повѣрила. Не такая я простуха.

«Удавить ее развѣ, подумалъ Трифонъ, вишь подлая, все ей знать нужно; пожалуй, чего добраго, наболтаетъ всякаго вздора. Пойдутъ разговоры да толки: не миновать мнѣ тогда Евстюшки *). Господи страшно, какъ подумаю». Потомъ, набожно перекрестившись, онъ сказалъ про себя: «Избави, Господи, раба твоего Трифона и всѣхъ православныхъ христіанъ отъ труса, потопа, огня, меча и отъ Евстюшки палача!»

«А что ни говори, продолжалъ онъ прерванную думу,—извести ее нужно, или ужь самому удавиться. Я завтра-же съ ней покончу».

И, дѣйствительно, на другой день онъ вошелъ въ горницу съ тѣмъ, чтобы во время разговора съ женою вдругъ схватить ее за горло и удавить. Разговаривая съ нею, онъ готовъ уже былъ броситься на нее съ цѣлью совершить новое злодѣяніе, какъ вдругъ подъ самыми окнами послышался дребезжащій скрипъ подъѣхавшихъ волочковъ; затѣмъ растворилась дверь и въ комнату вошелъ пучковскій крестьянинъ Вавила Кондратьевъ, промышлявшій извозомъ въ Москвѣ на волочкахъ и въ былое время стоявшій съ Трифономъ на одной биржѣ на Смоленскомъ рынкѣ; Трифонъ и Вавила были пріятелями.

«Федотка правъ, подозрѣвая Тришку въ убійствѣ какого-то хохла, котораго возилъ въ Опекунскій Совѣтъ и который вдругъ пропалъ, подумалъ про себя Вавила Кондратьевъ. Изъ какихъ доходовъ онъ выстроилъ себѣ такую хорошую избу. Горница-то въ ней получше другой поповской».

Подойдя къ Трифону, онъ дружески поздоровался съ нимъ и отведя его въ сторону, сказалъ ему на ухо:

— Правъ ли ты, аль виноватъ, знаетъ про то Богъ, да твоя совѣсть, но объ тебѣ идетъ худая слава, будто ты уходилъ изъ-за денегъ какого-то хохла и разбогатѣлъ. Какъ добрый твой пріятель и сосѣдъ, я пріѣхалъ къ тебѣ нарочно сказать объ этой молвѣ. Конечно, я слухамъ этимъ не вѣрю, да тебѣ-то отъ этого не легче, дойдетъ до капитанъ-исправника, захватятъ тебя и начнутъ таскать изъ одной тюрьмы въ другую, замучатъ допросами по такому дѣлу, о какомъ, можетъ статься, ты и во снѣ не видалъ. Утекай, пока есть время, ваши и пучковскіе ужь начинаютъ поговаривать о тебѣ, видно изъ зависти, что держишь лавку и постоялый дворъ. Утекай скорѣй по добру, по здорову отъ грѣха. Россія матушка велика, есть гдѣ помѣститься.

— Ты это правду говоришь, отвѣчалъ Трифонъ,—надо мнѣ уѣзжать отсюда, попадешь въ лапы капитана-исправника, начнутъ тебя таскать да мучить, все равно правъ ты или виноватъ. Пока успѣешь доказать свою правоту, сгніешь въ тюрьмѣ. Ты, Вавила, доказалъ мнѣ свою дружбу, хотя тебѣ, пожалуй, скорѣе другихъ, можно было завидовать мнѣ: ты такой же живейный извозчикъ, какъ и я. У меня хорошая изба и лавка и постоялый дворъ, а у тебя ничего нѣтъ, а чѣмъ ты хуже меня, прости Господи. Другой на твоемъ мѣстѣ, пошелъ къ капитанъ-исправнику да и передалъ бы ему о слухахъ, которые ходятъ обо мнѣ; а ты ко мнѣ пришелъ по дружбѣ. И я съумѣю отблагодарить тебя за такую дружбу. Примѣрно сказать: уѣхать я уѣду, а заведеніе-то свое куда я дѣну. Его въ повозку съ собою не уложишь. А заведеніе хорошее. Постоялый дворъ мой нравится проѣзжимъ, они не обѣгаютъ его; огребай только деньги. Вотъ я за твою дружбу и хочу передать тебѣ свое заведеніе, богатѣй на здоровье, добрая душа. Владѣй имъ на время моей отлучки. Барыши по моемъ возвращеніи мы раздѣлимъ съ тобою по братски.

— Да ты куда думаешь ѣхать, въ Москву что-ль?

— Опасно; Тришку многіе знаютъ, не въ часъ попадешься кому на глаза и безвинно можно попробовать Евстюшкина угощенія; а я уѣду въ Калугу, гдѣ меня не знаетъ ни одна христіанская душа и я самъ никого тамъ не знаю. Заведу тамъ небольшую торговлю, а ты, Вавила Кондратьевичъ, ни гугу, чтобы окромя тебя одинъ Богъ вѣдалъ, что я въ Калугѣ.

На другой день Трифонъ Федоровичъ съ своимъ семействомъ уѣхалъ невѣдомо куда, какъ выражались ефремовцы, а въ избѣ его поселился Вавила Кондратьичъ съ своей семьей и взялъ въ свое завѣдываніе постоялый дворъ и лавку, къ явному неудовольствію всѣхъ ефремовцевъ, вообще не жаловавшихъ жителей села Пучкова.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

*) Простой народъ въ то время звалъ палача Евстюшкой.

Произвольныя измѣненія человѣческаго тѣла.

Статья д-ра **Рюдингера**.

(*Продолженіе*.)

Самый способъ видоизмѣненія головы состоитъ, какъ уже вкратцѣ упомянуто выше, въ наложеніи досчечекъ, компрессовъ, повязокъ, чепцовъ и косынокъ, расположенныхъ сообразно съ желаемой цѣлью.

Такимъ образомъ, едва появившійся на свѣтъ, безпомощный младенецъ получаетъ, на всю свою жизнь, печать предразсудка, господствующаго въ его племени. Самые невѣжественные дикари знаютъ изъ опыта, что человѣческій черепъ крайне податливъ въ раннемъ дѣтствѣ, и до такой степени даже, что можетъ терпѣливо переносить значительное механическое насиліе, подобно и другимъ благороднымъ органамъ, выдерживающимъ въ юности человѣка, большое давленіе, безъ полной утраты своей жизнеспособности. Черепныя кости новорожденныхъ крайне упруги и не срощены еще посредствомъ хрящей; между отдѣльными частями черепа остаются узкія полоски и болѣе широкія промежутки, извѣстные подъ названіемъ швовъ и родниковъ. Благодаря такому устройству дѣтской головки, продолжительное давленіе заставляетъ ее разнообразно измѣнять свою форму, при чемъ мозгъ приноравливается, разумѣется, къ формѣ своей костяной оболочки.

Однажды рѣшивъ видоизмѣнить форму головы у новорожденнаго, родители употребляютъ цѣлесообразные тому способы втеченіе двухъ или болѣе лѣтъ. На восточномъ берегу ю. Америки, младенцевъ укладываютъ въ особыя постельки или люльки, грубо устроенныя изъ древесныхъ стволовъ или досокъ. Ребенокъ кладется затылкомъ на твердую подпорку, а придѣланныя маленькія досчечки удерживаютъ его голову и производятъ на нее давленіе въ извѣстномъ однообразномъ направленіи. По отзывамъ путешественниковъ, мучимыя такимъ образомъ дѣти имѣютъ самый жалкій видъ: личико у нихъ вздуто, синеватаго оттѣнка, глаза красны и нѣсколько выпучены, голова горяча на ощупь и, вѣроятно, болитъ, потому что бѣдняжки стонутъ и очень тревожатся, но, не смотря на все это, безжалостно удерживаются въ томъ же положеніи. Головка освобождается лишь на то время, когда ребенка надо накормить или вымыть. Впрочемъ, и взрослые перуанцы носятъ приспособленія, сдавливающія голову, чему служитъ доказательствомъ нашъ рисунокъ, изображающій голову перуанскаго уроженца (Рис. 7).

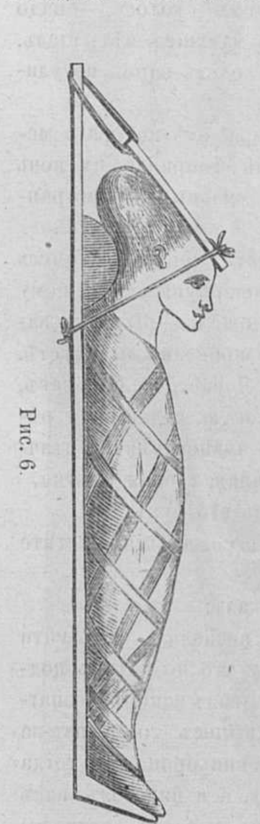


Рис. 6.

Въ упомянутыхъ выше мѣстностяхъ Франціи для сжиманія головы употребляются чепцы, шапочки и косынки. Вскорѣ послѣ рожденія, ребенку надѣваютъ чепчикъ, завязанный вокругъ головы, а также обматываютъ голову косынкой отъ темени къ подбородку, или по направленію отъ лба къ затылку. (См. рис. 8 и 9.)

Поверхъ такихъ повязокъ надѣвается еще шапочка, снабженная дырочками и шнуровкой такимъ образомъ, что она способствуетъ, съ своей стороны, дѣйствію повязокъ. Такой методъ особенно распространенъ въ Нормандіи. Въ Тулузѣ и въ прилегающей къ ней мѣстности, накладываютъ сначала не повязку, а круглую шапочку, которая придерживается бинтомъ. Но какимъ бы способомъ не примѣнялись всѣ такія повязки, результатомъ продолжительнаго давленія на голову бываетъ ея искуственное видоизмѣненіе, то есть, придача ей возвышенной или удлиненной цилиндрической формы.

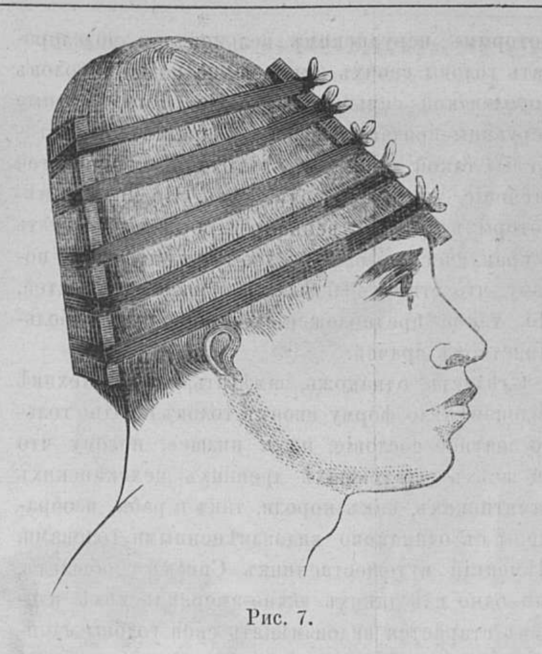


Рис. 7.

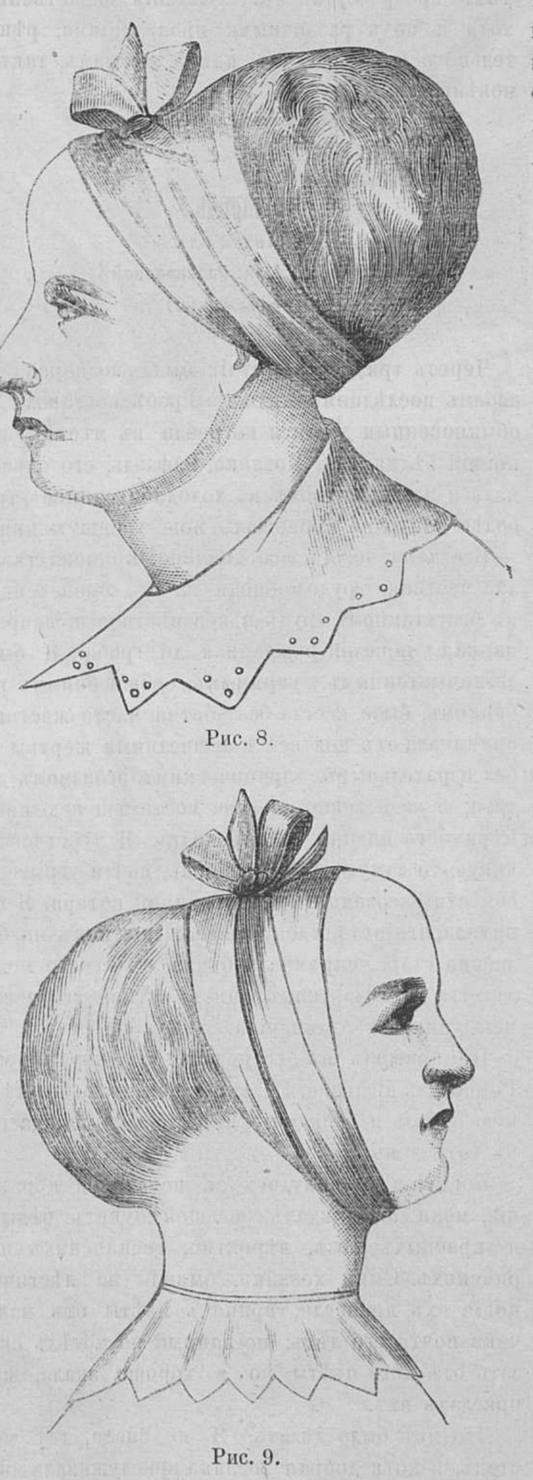


Рис. 8.

Рис. 9.

Относительно тѣхъ послѣдствій, которыя вызываются искуственнымъ видоизмѣненіемъ головы, заключенія французскихъ врачей заслуживаютъ большаго вниманія, чѣмъ противорѣчивыя показанія путешественниковъ, не обладавшихъ никакими медицинскими познаніями. Такъ, нѣкоторые изъ такихъ наблюдателей говорятъ, что многія туземныя племена въ Чили и Перу, слѣдующія обычаю уродовать голову, отличаются поразительными умственными способностями, между тѣмъ какъ другіе путешественники утверждаютъ, что эти самыя племена замѣчательны своей вялостью и тупостью. Вообще, можно предположить, что если голова подвергается давленію лишь въ нѣкоторыхъ точкахъ, то мозгъ имѣетъ возможность уклониться въ свободную отъ давленія сторону, что происходитъ тѣмъ удобнѣе и съ меньшимъ вредомъ для мозговой дѣятельности, чѣмъ давленіе бываетъ одностороннѣе, постепеннѣе и менѣе сильно. Но чѣмъ повсемѣстнѣе и чѣмъ сильнѣе давленіе на голову, тѣмъ болѣе страдаетъ при этомъ развитіе черепа, и связанное съ нимъ, развитіе самого мозга. Сильное, продолжающееся нѣсколько лѣтъ, давленіе головы не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на способности уже потому, что оно препятствуетъ нормальному наполненію кровью мозговыхъ сосудовъ, нарушая тѣмъ правильное питаніе мозга. Сообщенія французскихъ врачей, въ безпристрастіи и наблюдательности которыхъ нѣтъ повода сомнѣваться, представляютъ собою тѣ данныя, по которымъ можно судить о вліяніи внѣшнихъ давленій на черепъ, и должны вызвать и въ другихъ врачахъ-наблюдателяхъ желаніе бороться, по возможности, съ различными нелѣпыми обычаями, имѣющими вредныя послѣдствія для физическаго и умственнаго развитія человѣка.

Фовиль говоритъ, что извѣстный французскій психіатръ Эскироль былъ пораженъ количествомъ душевно-больныхъ въ мѣстѣ его родины,—а мѣстность эта именно та изъ французскихъ провинцій, въ которой распространенъ обычай уродовать головы дѣтей посредствомъ разныхъ повязокъ. Если даже допустить, что изуродованіе черепа не составляетъ препятствія для полнаго развитія умственныхъ способностей, тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству Фовиля, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ этотъ нелѣпый обычай, смертельныя воспаленія мозга у дѣтей и душевныя болѣзни у лицъ прочихъ возрастовъ составляютъ явленіе несравненно болѣе частое, чѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не принятъ обычай бинтовать голову. Д-ръ Делэ, тулузскій психіатръ, говоритъ тоже, что въ его лечебницѣ для душевно-больныхъ, онъ имѣлъ случай наблюдать у многихъ изъ своихъ паціентовъ искуственное видоизмѣненіе черепа. Съ другой стороны, замѣчательно, что провинція Беарнъ отличается отъ другихъ крайне умѣреннымъ процентомъ умалишенныхъ, и что именно въ ней новорожденнымъ младенцамъ завязываютъ чепчики иначе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Франціи. Фовиль замѣчаетъ весьма справедливо, что не всѣ люди съ видоизмѣненными черепами дѣлаются неизбѣжными жертвами душевныхъ болѣзней; можно даже привести примѣры противнаго, но нельзя отрицать, что подобное изуродованіе вообще предрасполагаетъ къ сказанному недугу, и что такое предрасположеніе состоитъ въ прямомъ соотношеніи съ степенью изуродованія головы. Незначительность искуственнаго видоизмѣненія головы можетъ и не имѣть вредныхъ послѣдствій, говоритъ Фовиль, но при болѣе сильной степени оно препятствуетъ мозгу въ его развитіи, и несчастныя жертвы безсмысленнаго обычая,—если ихъ не уноситъ острое мозговое пораженіе,—остаются тупоумными или даже совершенными идіотами на всю жизнь, при томъ страдая часто падучею болѣзнью. Крайне затруднительно выслѣдить истинную причину душевныхъ болѣзней у

паціентовъ съ искуственно-видоизмѣненными черепами; въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны заключенія Госса, основанныя на его личныхъ и чужихъ наблюденіяхъ. Этотъ врачъ полагаетъ тоже, что при непродолжительности употребленія и его слабой степени, насильственныя механическія средства не оказываютъ особенно вредныхъ вліяній на мозгъ, но, при всемъ томъ, по его мнѣнію, сильная смертность между дѣтьми въ американскихъ туземныхъ племенахъ, происходитъ прямо отъ уродованія головъ; тоже и во Франціи. Умственное развитіе народовъ, придерживающихся обычая, такъ или иначе, бинтовать головы младенцамъ, находится въ жалкомъ положеніи. Сіамцы глупы и жестоки, горные жители Перу тупоумны въ высшей степени, а индѣйцы въ Сакраменто имѣютъ право считаться самымъ обиженнымъ, въ умственномъ отношеніи, народомъ во всемъ мірѣ. Малоголовые индѣйцы на Орегонѣ тупѣе всѣхъ прочихъ сѣвероамериканскихъ дикарей и рѣшительно неспособны къ развитію. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что всѣ племена съ искуственно изуродованными черепами отличаются большою безнравственностью. Госсъ подтверждаетъ мнѣніе Фовиля о томъ, что башне-образные черепа обличаютъ строптивость.

Согласно даннымъ, сообщаемымъ другимъ французскимъ врачомъ, д-ромъ Люнье, изъ 38 душевнобольныхъ женщинъ съ уродливыми черепами, страдали: 13—идіотизмомъ, 5—слабоуміемъ, 7—падучею болѣзнью, 2—параличемъ, 6—бѣшенствомъ, 1—меланхоліей, 1—истерикой въ соединеніи съ слабоуміемъ, и 3—нимфоманіей. Изъ 10 мужчинъ *) съ уродливыми черепами было: 5 бѣшеныхъ, 2 эпилептика, 2 слабоумные, 1 идіотъ.

Относительно Тулузы, Госсъ замѣчаетъ, что если и трудно доказать въ точности всю силу вліянія искуственнаго видоизмѣненія головъ на степень умственнаго развитія жителей, тѣмъ не менѣе, факты доказываютъ, что слабоуміе и медленность соображенія составляютъ въ тулузской мѣстности явленіе болѣе частое, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Въ числѣ конскриптовъ изъ этого департамента, всѣ молодые люди съ видоизмѣненными черепами оказываются легкомысленными, тщеславными, хвастливыми, страстными и нездравомыслящими.

Принявъ данныя, сообщаемыя Госсомъ и Люнье, за результатъ тщательныхъ наблюденій, нельзя не изумляться живучести въ средѣ культурнаго народа этого печальнаго по своимъ послѣдствіямъ обычая.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ наблюденій можно заключить слѣдующее: 1) Искуственное видоизмѣненіе головъ въ извѣстной степени оказываетъ вредное вліяніе на развитіе мозга. 2) Оно ослабляетъ умственныя способности вслѣдствіе недостаточнаго развитія и питанія мозга. 3) Предрасполагаетъ къ душевнымъ болѣзнямъ.

Относительно самого происхожденія этого нелѣпаго обычая, существуетъ много догадокъ. Вѣроятнѣе всего, что здѣсь, какъ и во всѣхъ глубоко укоренившихся безобразныхъ обычаяхъ, играли важнѣйшую роль сословныя предразсудки и разграниченія.

Испанецъ Торквемада сообщаетъ нѣкоторые факты, имѣющіе свое значеніе въ исторіи уродованія головъ. Перуанцы заявили ему, что въ каждой провинціи существуетъ свой обычай по этому предмету. Высокая, пирамидообразная форма составляла привилегію только нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Право носить башнеобразныя головы свидѣтельствовало о чести, дарованной нѣкоторымъ перуанскимъ вельможамъ: моделировать головы своихъ сыновей на подобіе головъ королевской семьи. Вслѣдствіе этого, знатные перуанцы прилагали особое стараніе къ достиженію такой цѣли, бинтуя головы своихъ дѣтей втеченіе двухъ или болѣе лѣтъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ путешественниковъ, обычай могъ имѣть и практическую основу: лобъ придавливался потому, что этимъ облегчалось ношеніе тяжестей. Но такое предположеніе опровергается большинствомъ врачей.

Слѣдуетъ, однакожь, замѣтить, что въ Мехикѣ видоизмѣняло форму своихъ головъ не одно только знатное сословіе, но и низшее, потому что на всѣхъ уцѣлѣвшихъ древнихъ мехиканскихъ памятникахъ, какъ короли, такъ и рабы, изображены съ одинаково видоизмѣненными головами. Нѣмецкій путешественникъ Спискъ сообщаетъ, что одно изъ дикихъ южно-американскихъ племенъ старается видоизмѣнять свои головы единственно съ тою цѣлью, чтобы не походить на другое родственное и сосѣднее племя, принадлежащее къ людоѣдамъ.

Такимъ образомъ, оказывается, что главнѣйшими побудительными причинами къ искуственнымъ видоизмѣненіямъ головы слѣдуетъ признать: прежде всего, ложныя понятія о красотѣ, а далѣе, и въ особенности, стремленіе людей къ внѣшнимъ сословнымъ или чиновнымъ отличіямъ. Такіе предразсудки и заблужденія свойственны, хотя и подъ различными проявленіями, рѣшительно всѣмъ народамъ, какъ древнимъ, такъ и новѣйшимъ...

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

*) Эти видоизмѣненія встрѣчаются во Франціи чаще у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. Изъ числа 80 женщинъ, имѣли искуственно-измѣненную форму головы 38, изъ числа 60 мужчинъ, только 10.

Паскарель.

Романъ Уида.

(Переводъ А. А. Разсказовой.)

(*Продолженіе.*)

III.

Черезъ три дня Маріучія была водворена въ своемъ послѣднемъ жилищѣ. Гробъ поставили на обыкновенныя дроги и погребли въ мѣстѣ успокоенія бѣдняковъ. Хозяйка, Рафаэль, его слѣпая мать и я шли за нимъ въ холодное раннее утро; болѣе никто не провожалъ мою усопшую няню.

Все кончено. Да, все кончено: кончена тяжелая честная, трудолюбивая жизнь, проведенная въ безустанномъ трудѣ и неизвѣстности, непризнанная, невознагражденная до гроба. Я была легкомысленнымъ, упрямымъ, себялюбивымъ ребенкомъ, была всегда беззаботна, часто жестока, принимала отъ нея всѣ неисчислимыя жертвы съ безсознательнымъ, тираническимъ эгоизмомъ дитяти; даже и теперь я едва постигала всю неизмѣримость нашего къ ней долга. Я чувствовала какую-то тупую, тяжелую боль, почти угрызенія совѣсти и сознаніе невозвратимой потери. Я понимала, что эта погаснувшая жизнь, какъ ни была она стара, скромна и бѣдна, съ самаго моего дѣтства стояла, какъ щитъ чуткой вѣрности, между мной и зломъ міра.

Не пришелъ въ это печальное завтра и мой Ромео изъ Вельоне. Не смотря на мою безутѣшную печаль и раскаяніе, я часто вспоминала его въ тотъ день.

Когда мы вернулись съ печальной церемоніи, меня дома ждалъ большой букетъ бѣлыхъ и красныхъ розъ, вѣроятно, тосканскихъ или римскихъ. Сынъ хозяйки, бывшій на лѣстницѣ когда ихъ принесли, принялъ цвѣты отъ мальчика почти его лѣтъ; посланный не хотѣлъ сказать отъ кого цвѣты, но я хорошо знала, кто прислалъ ихъ.

Что мнѣ было дѣлать? Я не знала, гдѣ мой отецъ, и хотя добрая хозяйка прислуживала мнѣ, готовила обѣдъ и увѣряла, что пребываніе мое подъ ея крышей ей столь же пріятно, какъ дождь лѣтомъ, я была слишкомъ горда, чтобы могла долго жить въ такой зависимости. Желаніе покинуть Верону разросталось во мнѣ съ каждымъ часомъ все сильнѣе и сильнѣе. Я не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, что буду дѣлать въ другомъ мѣстѣ; но все хорошее казалось мнѣ доступнымъ, какъ скоро я оставлю позади себя эту скучную равнину и приближусь къ горамъ юга.

Какъ первый шагъ къ свободѣ, я отправилась въ концѣ карнавала розыскивать писца, который писалъ Маріучіи письмо къ Флоріо. Его контора помѣщалась въ маленькомъ темномъ углубленіи портика, почернѣвшемъ отъ времени и замѣчательно спокойномъ посреди вѣчно шумной и мѣняющейся жизни на площади. Я спросила его, куда Маріучія адресовала свои письма къ моему отцу.

— Письма писались до востребованія въ разныя мѣста, отвѣчалъ онъ,—писали мы и въ Ниццу, и въ Парижъ, и въ Вѣну... въ послѣдній разъ, кажется, во Флоренцію. Да, во Флоренцію. Но всегда до востребованія.

— Вы, навѣрное, помните, что послѣднее письмо было во Флоренцію? умоляя я его съ дрожью въ голосѣ.

— Да, навѣрное. Но послѣднее было писано восемь мѣсяцевъ тому назадъ.

Я машинально отошла въ сторону, машинально перешла черезъ площадь и сѣла на ступени церкви, гдѣ садятся нищіе.

Около часу просидѣла я на этомъ мѣстѣ, какъ въ полуснѣ, разсматривая Верону. Я никогда не любила ее. Она всегда казалась мнѣ чѣмъ-то въ родѣ тюрьмы, а между тѣмъ мнѣ жаль было покинуть ее.

Когда, наконецъ, я собралась идти домой, при послѣднихъ лучахъ закатывающагося солнца, до меня дотронулась чья-то рука.

— Прелестная синьорина! произнесъ, какъ мнѣ сперва показалось, незнакомый голосъ, — надо полагать, что у веронскихъ мужчинъ нѣтъ глазъ, если они допускаютъ васъ ходить одной по улицамъ?

Это былъ голосъ мускетера, отъ котораго меня избавилъ флорентинскій Флориндо въ ночь Вельоне; онъ говорилъ съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ.

— Подождите. Выслушайте меня, съ жаромъ продолжалъ онъ, когда я, повернувшись къ нему спиной, быстро перешла площадь.—Я другъ вашего отца. Много часовъ провели мы вмѣстѣ. Вамъ нечего меня бояться. Я часто жалѣлъ васъ, бѣдняжка, видя васъ одинокую, сидящую у рѣшетчатаго окна; для такой чудной пѣвчей птички, какъ вы, гибельна мрачная, тѣсная клѣтка.

Я вырвала мой плащъ изъ его рукъ.

— Мнѣ не нужно вашего сожалѣнія. Пустите меня.

Онъ засмѣялся и продолжалъ:

— Нѣтъ, моя милочка! Я позволилъ вамъ уйти тогда изъ маскарада, потому что не хотѣлъ поднимать шуму. Но я разсчитывалъ вскорѣ вознаградить себя за то, что я вынесъ тогда изъ-за васъ. Видите-ли, милѣйшая синьорина, вы тогда потихоньку вышли изъ дому, а я впустилъ васъ въ Вельоне. Этого никто не узнаетъ, если вы мнѣ довѣритесь; я буду нѣмъ. Если же вы будете оскорблять меня, если вы будете такъ высоко поднимать свою прелестную головку, тогда...

Я остановилась и взглянула ему въ лицо.

— Ну... что тогда?

— Что тогда?—Тогда всѣ узнаютъ, что маленькая Темпеста потихоньку ушла со мной ночью въ театральный маскарадъ, и что она для меня сдѣлаетъ все, чего я отъ нея ни потребую.

Онъ обхватилъ меня руками и наклонилъ свое лицо близко къ моему; но я изо-всей силы ударила его по лицу и, какъ испуганный заяцъ, пус-

Картина Г. ЕФФЕНБЕРГЕРА.

Работница бисеру въ Венеціи.

тилась бѣжать по запутаннымъ переулкамъ домой.

Оскорбленіе, полученное отъ этого чужеземца, дало толчекъ моей рѣшимости. Я не смѣла оставаться ни дня въ Веронѣ.

Добравшись незамѣченной до моей комнаты, я собрала свой небольшой гардеробъ и пересчитала имѣвшіяся у меня деньги. Я промѣняла всѣ бумажныя деньги, вырученныя въ тотъ памятный для меня день, на золото, въ дѣтскомъ предположеніи, что банковые билеты не такъ дорого стоятъ. Щедрость народа въ тотъ день до того была широка, что за покрытіемъ всѣхъ расходовъ: на похороны Маріучіи и плату хозяйкѣ за квартиру и за мое содержаніе,—у меня оставалось шестнадцать золотыхъ австрійскихъ гульденовъ. Эти деньги вмѣстѣ съ мозаиками моей матери я положила въ кожанный мѣшечекъ и привязала его къ поясу, а ониксъ съ Парками надѣла на шею. Мнѣ казалось, что онъ долженъ принести мнѣ счастье. Къ ониксу я присоединила два розовыхъ бутона изъ большого букета, присланнаго замаскированнымъ Флориндо, воображая, что это расположитъ въ мою пользу Парокъ. Съ глазами, полными слезъ, я вышла изъ дому и направилась въ вечернихъ сумеркахъ къ южнымъ воротамъ.

IV.

Полчаса спустя я уже ѣхала подъ каменными сводами воротъ, ведущихъ на тосканскую дорогу, въ тяжеломъ, неуклюжемъ, обшитомъ кожей дилижансѣ, который три раза въ недѣлю ходилъ въ Падую и Болонью.

Красный туманъ застилалъ мнѣ зрѣніе, когда мы остановились для перемѣны лошадей; былъ ли то восходъ или закатъ солнца,—я не знала, потому что долго спала во время дороги. Безконечное зеленое пространство проносилось передъ моими глазами, нисколько не уменьшаясь; смутный шумъ въ ушахъ, не утихавшее чувство боли и безпокойства—вотъ что чувствовала я всю дорогу. Наконецъ, громоздкая карета остановилась подъ громадными каменными воротами. Послышался окликъ часового; солдатъ съ фонаремъ заглянулъ внутрь кареты; ворота отворились и заперлись за нами; нашъ экипажъ покатился по каменной мостовой и усталые путешественники произносили имя «Болонья». Я дрожала отъ испуга, пока усталыя лошади тихо шли по неудобной мостовой, подъ темными сводами.

Въѣхать въ Болонью ночью, значитъ погрузиться въ средніе вѣка. Пустынныя мрачныя улицы, громадныя черныя арки,—черныя, какъ тартаръ,—безконечныя аркады, гдѣ шаги едва нарушаютъ мертвую тишину, лабиринтъ изъ мрамора, камня и древности,—такова Болонья; все въ ней напоминаетъ древность, все говоритъ о прошломъ.

Дилижансъ остановился передъ вывѣской Золотого Лебедя; я рѣшила, что и мнѣ слѣдуетъ тутъ же остановиться. Однакожь, хозяева и прислуга гостинницы разсматривали меня съ удивленіемъ и подозрѣніемъ, что конфузило меня. Но первый порывъ итальянца всегда хорошъ; многоглаголивая хозяйка смягчила свой голосъ, обращаясь ко мнѣ, ея чады и домочадцы улыбнулись мнѣ и когда я попросила ихъ дать мнѣ постель, на которой я могла бы спокойно уснуть, чернобровая дѣвушка съ улыбкой, открывавшей ея бѣлые блестящіе зубы, и со смѣхомъ въ ея темныхъ глазахъ, повела меня по деревянной лѣстницѣ въ маленькую пустую комнату.

О блаженная солнечная улыбка Италіи! въ ней отражается свѣжесть золотого вѣка на землѣ, вѣра человѣка въ золотыя сновидѣнія.

Моя комната была очень пуста, очень узка, съ краснымъ кирпичнымъ поломъ и окномъ, выходившимъ на голубятню на крышѣ. Но я не была избалована роскошью и чувствовала сильное утомленіе; я хотѣла спать и едва успѣла протянуться на жесткомъ травянномъ матрасѣ, какъ здоровый сонъ молодости снизошелъ ко мнѣ. Крѣпко спала я всю ночь, и когда, наконецъ, проснулась отъ солнца, ударявшаго мнѣ прямо въ лицо, и шума сѣрыхъ и бѣлыхъ голубей, совершающихъ свой утренній туалетъ, безбоязненно, весело вскочила я, чтобы начать новую неизвѣстную мнѣ поэму жизни, первую главу которой я прочитала и перевернула, когда въ послѣдній разъ смотрѣла со ступенекъ церкви на солнечный закатъ въ Веронѣ.

Ничто въ послѣдующей жизни, какъ бы хороша она ни была, не можетъ сравниться съ тѣмъ совершеннымъ счастіемъ безбоязненной шумной невинности молодого существа, только что вышедшаго изъ дѣтства, только что просверлившаго скорлупу зависимости и пустившагося съ полуослѣпленными, очарованными глазами осматривать безграничныя владѣнія въ области возможнаго.

Всякому другому, кромѣ меня самой, показалось бы, что едва-ли что нибудь можетъ быть хуже моей судьбы; пятнадцатилѣтняя дѣвушка, пустившаяся въ свѣтъ съ двѣнадцатью золотыми гульденами въ карманѣ, одна, безъ друзей, безъ пристанища, безъ родного существа въ цѣломъ свѣтѣ, кромѣ отца, бросившаго ее, и о которомъ она даже не знала, живъ онъ или умеръ. Никто не могъ быть болѣе одинокимъ, менѣе достойнымъ зависти; а между тѣмъ умывшись свѣжею водою, зачесавъ назадъ свои волосы и взглянувъ въ окно, чтобы поздороваться съ голубями, я весело смѣялась въ лицо радостному утру и ничего не боялась. Передо мною былъ цѣлый свободный день; не желая сидѣть въ душной комнатѣ шумной гостинницы, я пошла посмотрѣть городъ.

Я остановилась передъ Гаризендой и Асинелли, которыя были свидѣтелями того, какъ нѣжныя руки Проперціи Росси работали надъ мраморнымъ монументомъ, и слышали, какъ послѣдній Бентиволіо былъ призванъ изъ своей мастерской къ коронѣ, и видѣли, какъ студенты всѣхъ странъ изъ дикой Ирландіи и сѣверныхъ туманныхъ морей и отъ фонтановъ, укутанныхъ дамаскими розами, съ границъ степей толпились тутъ тысячами и десятками тысячъ, чтобы пріобрѣсти ученость въ великой Академіи.

Въ Веронѣ я не сознавала духа мѣста. Верона многое позабыла; непріятельскія шпоры притупили ея память, къ тому же ея великій Паоло былъ похищенъ роскошной Венеціей. Но здѣсь, въ Болоньѣ, можно было ясно видѣть какъ живо воспоминаніе, какъ всѣмъ дорога память трехъ братьевъ Караччи. Вотъ эта-то нѣжность къ прошедшему, это знаніе его дѣлаютъ итальянцевъ непохожими на всѣхъ другихъ народовъ; въ глазахъ ихъ вѣчно гнѣздятся мечты, въ памяти—великіе люди.

Я стояла подъ Гаризендой, рисуя въ воображеніи старую академическую жизнь, какъ проводили дни студенты во время разсвѣта науки. Я стояла здѣсь, какъ вдругъ до моего слуха дошли голоса женщинъ и мужчинъ, разговаривавшихъ объ оперѣ, поставленной наканунѣ съ небывалой пышностью. Меня поразило ея имя; она называлась Альцестъ.

— Нѣмецкая опера! говорилъ одинъ изъ мужчинъ, пожимая плечами.—Трудно переварить ее.

— Нѣтъ, это чудная музыка; та самая, что держится въ продолженіи сорока лѣтъ на всѣхъ театрахъ Европы, говорилъ другой.—Это совершенно итальянская музыка; композиторъ учился въ Миланѣ.

— Но что хорошаго написалъ онъ, кромѣ нея?

— Разныя пустячки, проворчалъ первый.—Вотъ это-то и досадно; а сколько онъ за нее получаетъ, онъ богатъ, какъ Гвельфъ, а посмотрите на нашего Россини.

— Эти нѣмецкія свиньи поѣдаютъ всѣ трюфли въ Европѣ, говорилъ со вздохомъ другой.—Сегодня Ротвальдъ—гость герцога, завтра—кардинала или еще кого нибудь, а итальянцы умираютъ съ голоду въ нетопленныхъ чердакахъ, тогда какъ въ ихъ каждомъ звукѣ больше музыки, чѣмъ другимъ удается создать во всю свою жизнь.

— Другъ, будь справедливъ, отвѣчалъ второй.—Альцестъ—совершенство; это давно порѣшили наши отцы; понятно, композиторъ своей славой обязанъ Милану, потому что онъ тамъ учился. Надо сознаться, что Ротвальдъ великій старикъ и его музыка такъ же свѣжа сегодня, какъ будто только что вышла изъ подъ пера молодого человѣка.

Я слушала; щеки мои горѣли, сердце сильно билось отъ ненависти; я думала о старомъ Амброжіо Руфи.

— За что такъ восхваляютъ Ротвальда? закричала я, не заботясь о томъ, кто мои слушатели, какъ я всегда поступала съ самаго дѣтства.

— Отчего же не восхвалять его, синьорина, весело отвѣчали мнѣ, вѣроятно, забавляясь надъ гнѣвомъ и негодованіемъ, выражавшимися на моемъ лицѣ.—Можетъ быть, оттого, что онъ нѣмецъ. Это едва-ли основательно.

— Оттого, что онъ измѣнникъ! вскричала я, задыхаясь, и пошла прочь съ пылающимъ лицомъ и тяжелымъ сердцемъ; мнѣ казалось, что я видѣла передъ собой усталаго, полумертваго, обманутаго, моего дорогого учителя и мысль о счастіи измѣнника была для меня невыносима. Я не находила болѣе удовольствія гулять по улицамъ Болоньи. Запершись въ своей комнатѣ, наблюдая за голубями на крышѣ и слушая доносившіеся до меня снизу смѣхъ и болтовню, я отъ всей души негодовала на превратности и злую участь человѣческой жизни.

Жаркій закатъ солнца окрашивалъ въ нѣжныя краски мрачный сѣрый городъ, когда пронзительный дѣтскій голосъ, покрылъ шумъ голосовъ внизу. Дитя, вбѣгая во дворъ, кричало:

— Мать, мать! дай мнѣ скудо (монета), одно только скудо.

— Фуй, злой ребенокъ! ворчала мать,—вѣчно тратишь деньги. Изъ тебя не будетъ проку, Берто. Фрате говоритъ, что ты до сихъ поръ не знаешь азбуки, а учишься у святыхъ отцевъ уже два года.

— Дай мнѣ скудо, матушка! просилъ жалобно мальчикъ.—Только одно! Я завтра выиграю и возвращу тебѣ,

— Охъ, не выйдетъ изъ тебя ничего хорошаго, охала хозяйка.—Ты злой, Берто, ты мое единственное дитя, а я вдова, вѣдь тебѣ уже семь лѣтъ!

— Дай мнѣ скудо! кричалъ Берто, цѣпляясь за ея юбки.

— Зачѣмъ тебѣ, Берто? спросила она, хватая сынишку за волосы.

— Паскарель, матушка! кричалъ шалунъ.—Только на сегодня, только на сегодня, а завтра во Флоренцію. Ты пойдешь? Приходи, матушка.

— Можетъ быть, отвѣчала хозяйка, набрасывая вуаль на голову.—Въ гостинницѣ только та молоденькая дѣвушка да два торговца изъ Феррары. Можетъ быть, Паскарель также хорошъ, какъ выигрышъ въ лотереѣ.

Паскарель! это имя смущало и успокоивало меня. Что оно обозначаетъ: названіе горы, выставки, танца или прозвище живого существа? Но что-бы оно ни означало, для меня было очевидно, что таинственный Паскарель направлялся раньше меня на югъ во Флоренцію. Если онъ даже по своимъ свойствамъ подобенъ снѣжному цвѣтку, тающему отъ прикосновенія руки, онъ все-таки долженъ быть лучше всѣхъ райскихъ цвѣтовъ.

Наблюдая въ окно за полетомъ птицъ, я думала—не знаю почему—о Проперціи Росси. Я знала ея исторію. Я часто размышляла о ней, разсматривая ея нѣжное печальное лицо съ опущенными вѣками и глазами Мадоны. Она жила здѣсь въ этой могучей Болоньѣ, и Болонья сдѣлала ее своей святой, своей королевой, въ продолженіи ея короткой жизни, и оплакивала ее послѣ смерти почти столько же, какъ Римъ оплакивалъ Рафаэля. Нѣжное, хрупкое существо, она пользовалась громадной властью въ этотъ вѣкъ гигантовъ. Она осмѣлилась владѣть и владѣла хорошо рѣзцемъ въ тѣ дни, когда Микель-Анжело и Маркантоніо управляли имъ, какъ скипетромъ. Ея городъ почиталъ ее, а зависть и злоба Амико увѣковѣчили ея торжество. Однакожь, ничто не доставляло ей радости; одинъ за другимъ пожинала она лавры и находила ихъ горькими; мраморъ холодилъ ее, какъ мертвый ребенокъ, а крики восторженной Романьи казались диссонансомъ въ ея ушахъ. А отчего? оттого только, что тотъ одинъ во всемъ большемъ городѣ не видѣлъ ея красоты, не цѣнилъ ея достоинствъ; и того одного—одного изъ всѣхъ—она любила. А онъ, не зная или не заботясь объ этомъ, поворачивалъ свое холодное красивое лицо на встрѣчу другимъ улыбкамъ, и Проперціи надоѣлъ ея рѣзецъ, она возненавидѣла дары, щедро данные ей природой, оставила недоконченной начатую работу, которой такъ горячо добивалась, и не внимая просьбамъ всего города, удалилась отъ жизни и свѣта, какъ морской цвѣтокъ, выброшенный волною на каменистый берегъ. И когда папа Климентъ пріѣхалъ въ Болонью для коронаціи императора Карла, его первый вопросъ былъ о Проперціи, слава о которой распространилась отъ одного конца Италіи до другого. Населеніе Болоньи съ горькимъ плачемъ могло показать ему только бездыханное тѣло чудной дѣвушки. Мнѣ было жаль ее—умершую столько вѣковъ назадъ—здѣсь, въ городѣ Гвидо. Странное чувство удивленія пробудилось во мнѣ;—что за удивительное чувство любовь, если оно могло убить ее?

Затѣмъ я стала думать—не знаю почему—о темныхъ нѣжныхъ глазахъ замаскированнаго флорентинца.

Часомъ позже я уже ѣхала дикимъ ущельемъ по дорогѣ во Флоренцію.

V.

Цѣлый день и цѣлую ночь съ трескомъ и шумомъ катился тяжелый дилижансъ по сѣрымъ скаламъ и пыльнымъ оврагамъ Аппенинскихъ горъ.

Въ чемъ заключаются секретныя чары Флоренціи?—чары, которыя только усиливаются, а не стушевываются отъ времени?

Это какое-то странное, тихое, охватывающее очарованіе, заставляющее, разъ полюбивъ любить ее страстно съ глубокою вѣрою, что этотъ городъ, посреди своихъ побѣлѣвшихъ отъ лилій луговъ, представляетъ собой прекраснѣйшее твореніе когда либо созданное человѣческими руками. Можетъ быть, потому еще Флоренція такъ очаровательна, что ея существованіе очень древне, а красота всегда свѣжая, юная. Позади ея высится такъ много могущественныхъ воспоминаній, въ ней же разлито такъ много солнечнаго свѣта, такъ много жизни.

Римъ ужасаетъ своей древностію. Это преклонныя лѣта могущественнаго палача людей. Вокругъ него царитъ ангелъ смерти, печать запустѣнія. Онъ былъ живой ложью въ дни своей силы и обаянія. Онъ назывался свободнымъ городомъ, а порождалъ только рабовъ. Стыдъ и грѣхъ не смылись съ него до сихъ поръ, а отъ пролитой крови трудно и тяжело дышать въ немъ. Онъ увѣнчанъ короной изъ золы и пламени, а съ его губъ, когда онъ вспоминаетъ о былыхъ дняхъ, нисходитъ зараза.

Но Флоренція, царствующая надъ цвѣтущими лугами, Флоренція не ужасна, Флоренція не стара. Въ дѣтствѣ она питалась манной свободы, и эта питательная пища дала ей вѣчную молодость. Въ юности она поклонялась, хотя невѣжественно, но всегда искренно, дневной звѣздѣ свободы; и оттого свѣтъ, разлитый на ней съ самаго ея начала до сихъ поръ, похожъ на свѣтъ утра.

Такъ здѣсь все для меня было ново, странно, дико, фантастично, такъ прекрасно, что голодъ, усталость, боязнь были забыты мною. Я ходила, ходила безъ конца, ничего не спрашивая, а только все разсматривая, разсматривая и разсматривая. Мнѣ казалось, что я перешла черезъ границу, отдѣляющую насъ отъ прошлаго и была посреди кипучей жизни прежнихъ вѣковъ.

Изъ улицы въ улицу, щеголяющихъ одна передъ другою изяществомъ статуй, массивными высокими, какъ альпійскіе откосы, стѣнами, покрытыми украшеніями, подобными тѣмъ, какими морозъ убираетъ сучья деревьевъ, я пришла, наконецъ на большую площадь, на которой—я знала это, не спрашивая,—изъ огня и дыма вознеслась въ горнія душа Саванароллы; здѣсь, на башнѣ, развѣвалось народное знамя, а серебрящее лунное сіяніе тихо освѣщало бронзоваго Персея.

Была полуночная ярмарка карнавала. Всѣ аркады полны веселой легкомысленной толпой. На открытыхъ площадкахъ лѣстницы народъ танцовалъ подъ звуки дудки и барабана. По обѣ стороны, въ нишахъ между мраморными статуями помѣщались веселые ряды бутылокъ и столы торговцевъ; вино и соломенныя издѣлія, цвѣты и шерстяные товары и всѣ мѣстныя произведенія флорентинскихъ окрестностей,—все это было освѣщено цвѣтными фонарями и убрано развѣвающимися лентами и всевозможными яркими украшеніями. Посреди всего этого возвышались бѣлыя статуи; здѣсь спокойное лицо Аретино,—тамъ смѣлый лобъ Уберти,—тутъ строгая грусть Данте, тамъ старческая улыбка св. Антонино. Вотъ какимъ я увидала въ первый разъ этотъ городъ; такимъ онъ навсегда запечатлѣлся въ моей памяти.

Я нашла спокойный уголокъ у мраморной фигуры стараго Тадео Гальди и съ этого поста наблюдала за шутками и дурачествами флорентинцевъ. Мимо меня, гонимый толпой, быстро несся со смѣхомъ человѣкъ въ разноцвѣтной одеждѣ неаполитанскаго Пульчинелло, вѣроятно, наряженный для маскарада. Народъ съ крикомъ, смѣхомъ, прыжками и кривляньями бѣжалъ за нимъ, повторяя:

— Паскарелло! Паскарель!

Опять это онъ, человѣкъ, давшій мнѣ ониксъ. Это былъ мой Ромео изъ Вельоне, мой Флориндо съ краснымъ перомъ. Безсознательно я бросилась къ нему, стараясь остановить его.

Увы! напрасно. Онъ промчался мимо, какъ вихрь, обхвативъ на бѣгу за талью дѣвушку изъ Казентино и увлекъ ее въ бѣшеномъ вальсѣ.

Меня онъ и не замѣтилъ, и я скоро потеряла его изъ виду въ этой странной бальной залѣ, плохо освѣщаемой горящими факелами между разноцвѣтными флагами, и съ темно-синимъ небомъ вмѣсто крыши. Чувство холода и обманутаго ожиданія овладѣло мной. Я повернула въ темную улицу, закрывъ лицо капоромъ и, идя безъ цѣли, скоро увидѣла приличную на видъ, опрятную гостинницу подъ вывѣской Серебряной Дыни. Теперь, когда во мнѣ уже прошло волненіе, возбужденное первымъ осмотромъ города, я чувствовала себя утомленной и разбитой. Зайдя въ гостинницу, я спросила себѣ постель, взобралась въ маленькую комнату и со слезами заснула.

Съ наступленіемъ дневного свѣта возродились во мнѣ надежда и спокойствіе. Въ этомъ городѣ было столько новаго, чудеснаго, а я такъ еще молода и, конечно, все устроится отлично. Я часто слыхала, что я хороша собой; а знакомые хорошо знавшіе меня говорили, что въ моемъ голосѣ цѣлое состояніе. Къ тому же я была во Флоренціи, обладала двѣнадцатью золотыми гульденами, дѣтскими надеждами и ничего не боялась.

Перекусивъ немного, я оставила узелъ съ платьемъ въ залогъ моего возвращенія и вышла изъ гостинницы.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Вязальная машина Тьютля.

Машина Тьютля, подобно другимъ вязальнымъ машинамъ, состоитъ изъ перпендикулярнаго цилиндра, служащаго основаніемъ, въ которое входитъ коническій цилиндръ; при вращеніи перпендикулярнаго цилиндра, иглы коническаго перекрещиваются съ его иглами; при этомъ выходитъ вязанье «дорожками». Коническій цилиндръ, вступая въ перпендикулярный, работаетъ его иглами, но съ оставленіемъ на нихъ бывшихъ петель, при чемъ, совершенно какъ въ ручномъ вязаньи, наружныя петли перпендикулярнаго цилиндва переходятъ на изнанку работы. Внутренній или коническій цилиндръ приспособленъ такъ, что число рядовъ «дорожками» можетъ быть ограничено и машина переходитъ къ простому вязанью по волѣ работающаго. Такимъ же образомъ можно вывязывать различные узоры, чередуя въ нихъ простое вязанье съ дорожками. Такъ можно, напримѣръ, при вязаньи митенокъ, дѣлать верхъ руки «дорожками», а ладонь простымъ вязаньемъ.

Машина имѣетъ двойной ходъ: передовой и обратный. Цилиндры могутъ стоять неподвижно, между тѣмъ какъ работа вращается, или же, напротивъ, работа можетъ быть неподвижной при вращеніи цилиндровъ. Особый указатель автоматически отмѣчаетъ числ пройденныхъ рядовъ.

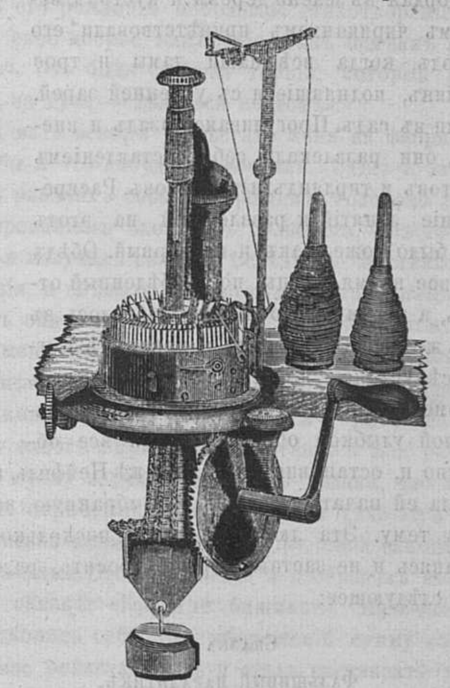


Рис. 1.

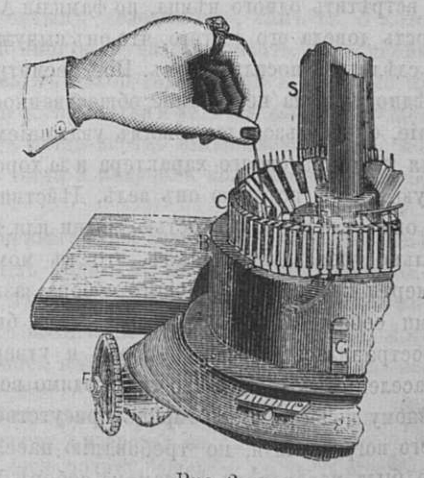


Рис. 2.

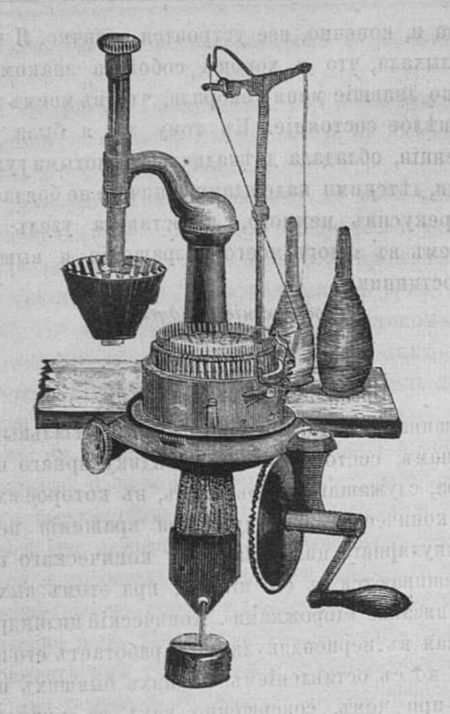


Рис. 3.

На рис. 1 изображенъ коническій цилиндръ или «дорожникъ», пущенный въ ходъ. На рис. 2, показанъ тотъ же дорожникъ, но бездѣйствующій, а на рис. 3, перестановка иголъ съ одного цилиндра на другой. Машина работаетъ вообще всякое вязанье, нужное для домашняго обихода.

Декамеронъ.

Сказки Джіовани Боккачіо.

(Переводъ Н. И. Шульгина.)

День второй.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Солнце уже освѣтило горизонтъ и птицы, порхая въ зелени деревъ и кустовъ, веселымъ чириканьемъ привѣтствовали его восходъ, когда всѣ наши дамы и трое мужчинъ, поднявшіеся съ утренней зарей, вышли въ садъ. Прогуливаясь взадъ и впередъ, они развлекали себя составленіемъ букетовъ и гирляндъ изъ цвѣтовъ. Распредѣленіе занятій и развлеченій на этотъ день было тоже, какъ и на первый. Обѣдъ въ свое время, танцы, послѣобѣденный отдыхъ, а затѣмъ все общество собралось въ томъ же мѣстѣ сада, какъ и наканунѣ. Когда всѣ усѣлись по мѣстамъ, указаннымъ Филоменою, прелестная королева съ граціозной улыбкой обвела глазами все общество и, остановивъ ихъ на г-жѣ Нейфиль, приказала ей начать разсказъ на выбранную наканунѣ тему. Эта любезная дама, нисколько не жеманясь и не заставляя себя просить, разсказала слѣдующее:

Сказка I.

Фальшивый паралитикъ.

Еще недавно въ Тривиджѣ (Тревизѣ) можно было встрѣтить одного нѣмца, по фамиліи Ариго. Бѣдность довела его до того, что онъ вынужденъ былъ сдѣлаться носильщикомъ. Но, несмотря на его бѣдность и на незавидное общественное положеніе, онъ пользовался общимъ уваженіемъ за добрыя качества своего характера и за хорошую честную жизнь, которую онъ велъ. Дѣйствительно-ли онъ отличался святостью жизни или нѣтъ, но только тревизцы увѣряютъ, что въ моментъ его смерти колокола городского собора зазвонили сами собой. Вѣсть объ этомъ чудѣ быстро распространилась по всему городу и утвердила все населеніе въ мысли, что необходимо воздать покойному почести. Весь городъ присутствовалъ при его погребеніи и, по требованію населенія, Ариго былъ похороненъ въ самомъ соборѣ. Вскорѣ распространилась другая вѣсть, что достаточно прикоснуться къ тѣлу этого блаженнаго человѣка, чтобы получить облегченіе или исцѣленіе отъ болѣзни. Хромые, слѣпые, страдающіе лихорадкой и пр. повалили толпой въ Тревизу.

Въ то время какъ изъ всѣхъ ближайшихъ окрестностей въ Тревизу валилъ народъ, туда совершенно случайно пріѣхали трое нашихъ флорентинцевъ. Одного изъ нихъ звали Стеки, другого—Мартелино, третьяго—Марчезе. Они служили въ свитѣ крупныхъ сеньеровъ, которыхъ забавляли своей способностью обезьянничать и умѣніемъ передавать говоръ и жесты всякаго, кого они желали передразнить. Всѣ трое въ первый разъ посѣтили Тревизу. При въѣздѣ въ городъ они были поражены необычайнымъ движеніемъ на его улицахъ народной толпы. Узнавъ причину, вызвавшую это движеніе, они, разумѣется, прежде всего пожелали отправиться въ соборъ. Занявъ наскоро комнату въ гостинницѣ и сложивъ тамъ свои дорожные мѣшки, они готовились уже выйти, какъ ихъ остановилъ Марчезе.

— Мы хотимъ идти въ соборъ, сказалъ онъ, — но вопросъ, какъ мы попадемъ туда? Сейчасъ мнѣ разсказывали, что на соборной площади стоятъ швейцарцы и другіе вооруженные люди, которыхъ собралъ сюда губернаторъ города для предупрежденія безпорядковъ. Къ тому же, какъ соборъ, такъ и его паперть, говорятъ, до такой степени наполнены народомъ, что протолкаться въ самую церковь нѣтъ никакой возможности.

Декамеронъ Боккачіо. Сказка I.

— Предоставьте мнѣ все устроить, отвѣчалъ Мартелино, котораго любопытство грызло болѣе, чѣмъ его товарищей.—Я найду средство растолкать толпу и достигнуть того мѣста, гдѣ стоитъ гробъ.

— А какъ ты это сдѣлаешь? спросилъ Маркезе.

— Вотъ видишь-ли, я представлюсь человѣкомъ, разбитымъ параличемъ; ты будешь поддерживать меня подъ одну руку, а Стеки подъ другую, какъ будто я не въ состояніи двигаться безъ чужой помощи; вы скажете, что ведете меня къ гробу для исцѣленія. Всякій непремѣнно подвинется и пропуститъ насъ впередъ.

Эта затѣя понравилась обоимъ его товарищамъ и, не оспаривая ее, они отправились къ собору. Какъ только они вошли въ пустынный переулокъ, Мартелино, перекосилъ ротъ, скорчилъ руки, поджалъ ноги, однимъ словомъ, до такой степени измѣнилъ свое лицо и фигуру, сдѣлалъ ихъ настолько непривлекательными, что никто, взглянувъ на него, не усомнился бы, что онъ человѣкъ, совершенно разбитый параличемъ. Товарищи подхватили подъ руки преобразившагося Мартелино и понесли его по дорогѣ къ собору. Достигнувъ мѣста, гдѣ толпа сгустилась до того, что пройти было невозможно, наши флорентинцы начали жалобнымъ голосомъ просить, чтобы ихъ пропустили, такъ какъ они несутъ больного. Всякій охотно подвигался и кричалъ впереди стоявшимъ: «мѣсто, мѣсто больному!» Восклицаніе это было настолько дѣйствительно, что флорентинцы довольно скоро дошли до самаго гроба Ариго. Во всей церкви водворилась глубокая тишина. Глаза всѣхъ находившихся въ соборѣ обратились на Мартелино. Чувствуя на себѣ взоры массы народа, флорентинецъ понялъ, что ему слѣдуетъ отлично сыграть принятую на себя роль, иначе онъ можетъ подвергнуться большимъ непріятностямъ. Ловкій пройдоха и здѣсь не потерялся; положенный у гроба Араго, такъ, что могъ прикоснуться къ тѣлу покойнаго, Мартелино пролежалъ безъ движенія столько времени, сколько, по его соображенію, было необходимо для того, чтобы еще болѣе разжечь любопытство толпы. Затѣмъ онъ пошевелилъ однимъ, другимъ пальцемъ, потомъ поднялъ руку, за нею двинулъ ногою, наконецъ, поднялся совсѣмъ на ноги, показывая жестами, что исцѣлился совершенно. Трудно описать восторгъ и ликованіе народа, при видѣ совершившагося чуда. Они такъ искренно и такъ громко выражались, что еслибъ въ эту минуту грянулъ громъ, то за гуломъ, стоявшимъ въ церкви, его, навѣрное, никто не разслышалъ бы.

Къ несчастію для Мартелино, невдалекѣ отъ гроба находился флорентинецъ, знавшій своего соотечественника-пройдоху. Онъ не узналъ сперва Мартелино, когда тотъ появился въ видѣ паралитика, но какъ только плутъ принялъ свой обычный видъ, флорентинецъ болѣе не сомнѣвался, что это его знакомый.

— Накажи его Богъ! вскричалъ онъ, — негодяй лживо принялъ на себя видъ человѣка, разбитаго параличомъ.

— Какъ! закричали нѣсколько тревизцевъ, слышавшихъ эти слова:—развѣ этотъ человѣкъ не разбитъ параличомъ?

— Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ флорентинецъ;—онъ здоровъ и силенъ такъ же, какъ и мы всѣ. Онъ гаеръ и искуснѣе всѣхъ ихъ умѣетъ придавать себѣ такой видъ, какой ему вздумается.

Едва произнесъ онъ эти слова, какъ нѣсколько тревизцевъ, не желая долѣе распрашивать, растолкавъ толпу, съ яростію бросились къ тому мѣсту, гдѣ находился Мартелино.

— Надо связать этого нечестивца! Онъ осмѣлился кощунствовать въ храмѣ Божьемъ. Онъ вовсе не разбитый параличемъ; онъ вздумалъ насмѣхаться надъ нами!

Они набросились на Мартелино, схватили его за волосы, повалили на полъ и принялись бить. Всеобщее негодованіе было такъ велико, что даже люди скромные и нисколько не фанатичные, какъ бы считали своей обязанностію ткнуть ногой нечестивца. Тщетно Мартелино молилъ о пощадѣ и прощеніи; ни одинъ голосъ не возвысился въ его пользу.

Стеки и Марчезе, видя, какой неблагопріятный оборотъ приняло для нихъ дѣло, и опасаясь, что и на ихъ долю можетъ выпасть изрядная потасовка, если они станутъ открыто защищать своего товарища,—усердно кричали: «Лупите его

Бейте его негодяя!» Однакожъ, Мартелино былъ бы непремѣнно убитъ, еслибъ Марчезе не придумалъ средства выручить товарища. Вспомнивъ, что полицейскіе стоятъ на паперти, онъ быстро, насколько было возможно, растолкалъ толпу и дошелъ до помощника подесты.

— Правосудія! вскричалъ онъ.—Окажите мнѣ правосудіе! Въ церкви одинъ негодяй, на котораго я укажу, стянулъ у меня кошелекъ, въ которомъ было сто червонцевъ. Прошу васъ, арестуйте его; можетъ быть, вы успѣете еще найти при немъ мои деньги.

Двѣнадцать полицейскихъ, по приказанію помощника подесты и по указанію Марчезе, направились къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ несчастный Мартелино почти безъ всякаго движенія. Съ большимъ трудомъ имъ удалось вырвать изъ рукъ разъяренной толпы Мартелино, покрытаго синяками и ссадинами и представить его въ судъ.

Раздраженная толпа, однакожъ, не оставила свою жертву и повалила за нею въ судъ. Узнавъ, что Мартелино арестованъ за воровство кошелька съ деньгами, многіе изъ толпы, руководясь только чувствомъ мести къ нечестивцу, стали утверждать, что и у нихъ уворованы деньги.

Получивъ эту массу жалобъ, помощникъ подесты, человѣкъ суровый, но безпристрастный, велѣлъ отвести обвиняемаго въ свою судейскую комнату и тамъ приступилъ къ допросу. Мартелино, не смотря на страданія отъ побоевъ, сталъ отдѣлываться шутками и насмѣшками. Разсерженный судья велѣлъ вздернуть его на дыбу, увѣренный, что наглецъ подъ пыткой признается въ своихъ преступленіяхъ, за которые его придется потомъ повѣсить. Обвиняемаго подняли на дыбу и когда затѣмъ снова опустили на полъ, судья спросилъ его, признается-ли онъ искренно во всемъ, или его снова станутъ пытать. Мартелино, видя, что хитрости и шутки надо оставить, рѣшился во всемъ повиниться.

— Синьеръ, сказалъ онъ,—я признаюсь вамъ во всемъ, я буду говорить только истину. Прикажите тѣмъ, кто меня обвиняетъ, указать время и мѣсто, когда я укралъ у нихъ деньги. А потомъ я откровенно разскажу вамъ о томъ, что я въ самомъ дѣлѣ совершилъ.

Судья согласился, что требованіе его справедливо и, призвавъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ обвинителей, допросилъ ихъ наединѣ. Одинъ сказалъ, что его обокрали восемь дней тому назадъ, другой—шесть, третій—четыре; нѣкоторые, однакожь, утверждали, что въ тотъ самый день.

— Они всѣ лгутъ, сказалъ Мартелино, выслушавъ ихъ отвѣты.—Я могу, синьеръ, дать вамъ вѣрное доказательство своихъ словъ; только нѣсколько часовъ тому назадъ прибылъ я въ этотъ городъ и, благодарю Бога, прежде никогда въ немъ не бывалъ! Злая судьба привела меня сюда; узнавъ, что здѣсь происходитъ, я пошелъ въ соборъ, и тамъ меня такъ попотчивали, что я не могу безъ боли пошевельнуть ни однимъ членомъ. Если вы сомнѣваетесь въ томъ, что я имѣлъ честь сказать вамъ, справьтесь у чиновника, который записывалъ всѣхъ прибывающихъ въ этотъ городъ; справьтесь въ гостинницѣ, гдѣ я остановился. А если я говорю правду, вы будете на столько справедливы, что не подвергнете меня презрѣнному наказанію, какого я вовсе не заслуживаю, и отпустите меня на всѣ четыре стороны.

Въ то время, какъ это происходило, Марчезе и Стеки, приведенные въ ужасъ строгостью судьи, прибѣгнувшаго къ пыткѣ при допросѣ Мартелино, сидѣли, пригорюнившись, раздумывая объ участи своего товарища и не зная, что предпринять для облегченія ея.

— Плохую услугу оказали мы пріятелю, говорили они, горько вздыхая, — мы только бросили его изъ огня да въ полымя.

Пораздумавъ еще нѣсколько, они отправились къ хозяину гостинницы, гдѣ они остановились, чтобы попросить у него совѣта. Выслушавъ ихъ разсказъ, онъ много смѣялся, а потомъ повелъ ихъ къ одному тревизскому гражданину Сандро Аголанти, пріятелю подесты, имѣвшему вліяніе на городской совѣтъ. Разсказавъ этому вліятельному лицу, безъ малѣйшей утайки, о злосчастномъ приключеніи, героемъ котораго сдѣлался ихъ товарищъ, Марчезе и Стеки стали умолять его, чтобы онъ сжалился надъ несчастнымъ Мартелино и замолвилъ о немъ слово, кому слѣдуетъ. Сандро Аголанти, также вдоволь посмѣявшись надъ этимъ приключеніемъ, пошелъ къ подестѣ и уговорилъ его, чтобы тотъ потребовалъ къ себѣ арестованнаго. Посланные подестою нашли Мартелино въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ одной рубахѣ, до крайности ослабѣвшій отъ побоевъ и пытки, онъ стоялъ на колѣняхъ передъ судьею, вымаливая его снисхожденіе; но судья оставался глухъ къ его просьбамъ. По горькой случайности, Мартелино имѣлъ дѣло съ человѣкомъ, ненавидѣвшимъ вообще всѣхъ флорентинцевъ, и по этому онъ относился съ еще большимъ предубѣжденіемъ къ Мартелино и непремѣнно желалъ повѣсить его. Выслушавъ переданное ему требованіе подесты, онъ отказался исполнить его до полученія форменнаго писаннаго приказанія и, только получивъ его, отпустилъ Мартелино.

Явившись къ своему избавителю, Мартелино откровенно со всѣми подробностями передалъ ему о своемъ приключеніи и просилъ, какъ чрезвычайной милости, поскорѣе отпустить его изъ Тревизы, потому что только пріѣхавъ во Флоренцію онъ не будетъ чувствовать веревки на своей шеѣ. Подеста тоже посмѣялся и пошутилъ надъ флорентинцемъ, а затѣмъ далъ всѣмъ троимъ поварищамъ по платью и отпустилъ ихъ домой. Нечего и говорить, съ какимъ облегченнымъ сердцемъ они выѣхали изъ Тревизы.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Гансъ Христіанъ Андерсенъ о себѣ самомъ

Переводъ Л. Леванды.

Моя колыбель стояла въ Одензе, гдѣ я родился 2-го апрѣля 1805 г. Отецъ мой былъ сапожникомъ, но имѣлъ въ себѣ поэтическую, даже романтическую жилку, такъ какъ онъ постоянно чувствовалъ недовольство своимъ положеніемъ, недовольство разражавшееся нерѣдко стихами. Когда отецъ мой долженъ былъ жениться, то его обстоятельства были таковы, что онъ самъ долженъ былъ смастерить себѣ кровать изъ подставки къ какому-то графскому гробу, которую онъ пріобрѣлъ на какомъ-то аукціонѣ. Родители моего отца были зажиточными поселянами, которые, обѣднѣвъ вслѣдствіе разныхъ несчастныхъ случаевъ, переселились въ Одензе. Бабушка часто разсказывала мнѣ, что, когда дѣдъ бывало продастъ на ярмаркѣ свой хлѣбъ и скотъ, онъ мѣрилъ талеры четвериками,—впослѣдствіи, эта бѣдная старушка, чтобы не быть въ тягость моему отцу, вынуждена была смотрѣть за садомъ при какой-то больницѣ и я съ замираніемъ сердца бывало прислушивался къ сказкамъ и исторіямъ о привидѣніяхъ, которыя здѣсь разсказывались. У бабушки моей я проводилъ цѣлые дни и мой умъ все болѣе и болѣе наполнялся какъ суевѣрными, такъ равно и живыми религіозными представленіями. Сказки нашли во мнѣ хорошую почву, — сѣмя, которое заронили въ меня моя бабушка и мать Бункефлодъ, принесло хорошіе плоды,—и нынѣ,—спустя болѣе шестидесяти лѣтъ,—вспоминаю объ этихъ добрыхъ женщинахъ съ благодарностью. Уже въ моей юности сказки принесли мнѣ счастье. Однажды бабушка разсказала мнѣ сказку: «Богъ все видитъ». Черезъ нѣсколько дней я съ моею матерью и другими дѣтьми отправился въ какое-то поле — собирать колосья. Какъ вдругъ появился хозяинъ этого поля, человѣкъ злой, пасмурный; прочіе разбѣжались, а я остался на мѣстѣ и мнѣ удалось обезоружить этого строгаго человѣка, уже поднявшаго на меня свою палку, слѣдующимъ дѣтски—наивнымъ возгласомъ: «Какъ ты можешь меня бить, когда Богъ можетъ это видѣть?» Иногда отецъ бралъ меня съ собою на свои одинокія прогулки по лѣсамъ и изготовлялъ для меня куклы и другія игрушки. По вечерамъ онъ читалъ намъ что-нибудь изъ моей библіотеки, состоявшій изъ Гольберга, стараго перевода Шекспира и одного тома исторій и пѣсней, которыя я вскорѣ самъ сталъ изучать. Война все еще продолжалась и меланхолическая, поэтически-мечтательная натура моего отца не давала ему покоя, и онъ внезапно далъ себя завербовать въ солдаты, въ надеждѣ сдѣлать себѣ карьеру на войнѣ. Но далѣе Гольштиніи онъ не пошелъ, такъ какъ заключеніе мира опять привело его въ Одензе, гдѣ онъ вслѣдъ затѣмъ заболѣлъ и умеръ. Тѣмъ временемъ я получалъ свое первоначальное образованіе въ школѣ для бѣдныхъ; въ свободные же часы я ходилъ къ г-жѣ Бункефлодъ, вдовѣ пастора, котораго тогда причисляли къ датскимъ поэтамъ,—исправлять разныя домашнія работы, за что эта добрая женщина давала мнѣ ѣсть и—разсказывала исторіи. Послѣ того, какъ г-жа Бункефлодъ разсказала мнѣ однажды какую-то трогательную исторію, я, — мнѣ было тогда девять лѣтъ, — написалъ свою первую трагедію, въ которой я изъ двѣнадцати дѣйствующихъ лицъ отправилъ на тотъ свѣтъ восьмерыхъ,—жестокость, отъ которой я позже вылечился. Мои коллеги уличные мальчишки, которымъ я прочелъ свою трагедію, угостили меня за это побоями, и прозвали «комедіантомъ». Когда я, движимый чувствомъ благодарности, поднесъ своему учителю, въ день его рожденія небольшое стихотвореніе, то я за свое доброе намѣреніе былъ осмѣянъ и оплеванъ. Это были первыя терніи, которыя я нашелъ на пути—сдѣлаться поэтомъ».

«Моя мать вскорѣ помѣстила меня на фабрику, чтобы я что-нибудь заработалъ. Здѣсь я забавлялъ рабочихъ своимъ хорошимъ голосомъ и декламированіемъ сценъ изъ Гольберга,—въ гонораръ я получалъ свистки. Вслѣдствіе жосткаго обращенія я сбѣжалъ съ фабрики, и такъ какъ моя мать опять вышла замужъ, то мой вотчимъ отдалъ меня изучать портняжное ремесло. Къ моей конфирмаціи я въ первый разъ получилъ отъ полковника Гёгъ-Гюльденберга (брата поэта) пару сапогъ и приличный костюмъ и моя радость по этому случаю была такъ велика, что я нарушалъ церковный порядокъ, то и дѣло шумно показывая всѣмъ, даже пастору, свои сапоги и невыразимыя. Это настроеніе я изобразилъ потомъ въ сказкѣ: «Красные башмаки». Мало-помалу я скопилъ себѣ отъ сбереженій сумму въ тринадцать рейхсталеровъ и сталъ настаивать у моей матери, чтобы она отпустила меня въ Копенгагенъ, дабы поступить въ театръ или сдѣлаться «знаменитымъ человѣкомъ», какъ тѣ, о которыхъ мнѣ иногда случалось читать. Она сперва обратилась къ одной гадальщицѣ и когда та напророчила мнѣ счастья и величія, даже что «Одензе будетъ когда-нибудь иллюминовано въ мою честь»*), тогда я получилъ позволеніе тронуться въ путь.

Въ Копенгагенъ я прибылъ 5 сентября 1819 года, и былъ принятъ—пощечинами. Да, когда я вступалъ въ Копенгагенъ, я получилъ двѣ тяжеловѣсныхъ пощечины отъ одного мясника, который—ошибся въ адресѣ. Дѣло въ томъ, что весь

*) Замѣчательно, что это предсказаніе буквально сбылось: когда Андерсенъ въ пятидесятыхъ годахъ посѣтилъ свою родину, Одензе, въ честь его, было иллюминовано.

Копенгагенъ былъ тогда сильно возбужденъ по поводу какой-то распри съ евреями. — Первый мой визитъ я сдѣлалъ театру, на который я издали любовался въ благоговѣйномъ восторгѣ; потомъ я отправился къ начальнику театра хлопотать о мѣстѣ, но получилъ въ отвѣтъ, что я слишкомъ худъ. Казалось, всѣ мои надежды разлетѣлись. Въ этомъ печальномъ положеніи я купилъ билетъ въ галлерею и сталъ смотрѣть балетъ: «Павелъ и Виргинія». Прощаніе возлюбленныхъ такъ глубоко потрясло меня, что я разразился слезами и тутъ-же разсказалъ собравшейся публикѣ все свое горе. — Я вспомнилъ о своемъ голосѣ, который въ Оденэе иногда похваливали и отправился къ профессору Сибони, у котораго я нашелъ большое общество, въ томъ числѣ Баггезена и Вейзе. Меня впустили и я началъ пѣть и ломать комедь—ко всеобщему смѣху всѣхъ присутствующихъ. Вейзе собралъ для меня семдесятъ талеровъ, а Сибони началъ обработывать мой голосъ. Но сей послѣдній находился тогда въ переходномъ періодѣ и я вскорѣ совсѣмъ потерялъ его. Содѣйствіемъ однакоже добрыхъ людей мнѣ удалось остаться въ Копенгагенѣ и продолжать свое ученіе. Отъ страсти-же писать трагедіи я все таки не отказался и въ теченіе одного года я передавалъ въ театральную дирекцію не менѣе одиннадцати драматическихъ произведеній, которыя, конечно, всѣ были забракованы. Эта неудача съ моими трагедіями весьма огорчала меня и я однажды отправился къ члену дирекціи, конференцрату Коллину, и сталъ просить у него позволенія — прочитать ему написанную мною сказку. Это было переработанная позже сказка моя: «Калоши счастія». Только уступая моимъ усиленнымъ просьбамъ, Коллинъ изъявилъ наконецъ согласіе послушать моего чтенія. Когда я окончилъ, онъ обѣщалъ позаботиться обо мнѣ, такъ какъ онъ будто открылъ во мнѣ талантъ. Коллинъ и Сибони стали соперничать между собою въ заботахъ о моемъ благополучіи, и вліяніе Коллина доставило мнѣ даровое помѣщеніе и возможность пользоваться частными уроками извѣстнаго по своему глубокому знанію языка и исторіи Сѣвера, пастора Мюллера, независимо отъ моихъ занятій въ слагельзеской латинской школѣ. Годъ спустя, я весьма удовлетворительно выдержалъ Examen artium.

Мюллеръ былъ первымъ, отъ котораго я сталъ получать гонораръ. Такъ какъ я постоянно нуждался въ мелкой монетѣ, а занимать у Коллина или Сибони я стыдился, то онъ предложилъ мнѣ по полуталеру за каждую сказку, которую я разскажу его дѣтямъ. Иногда, когда какая-нибудь сказка бывало особенно ему понравится, — мнѣ помнятся двѣ такія сказки: «Ангелъ» и «Соловей»,—онъ возвышалъ гонораръ до цѣлаго талера, но за то я долженъ былъ списать ему эту сказку. Такъ собственно возникли мои первыя сказки, которыя Мюллеръ въ шутку называлъ «снотворнымъ напиткомъ для дѣтей», такъ какъ я ихъ обыкновенно разсказывалъ по вечерамъ, продолжая до тѣхъ поръ, пока дѣти не заснутъ.

Мое первое стихотвореніе или, справедливѣе, моя первая работа, которая имѣла успѣхъ, — «Умирающее дитя», — возникла по слѣдующему печальному случаю. У купца, гдѣ я жилъ, было дитя, которое я очень полюбилъ и которое умерло на моихъ рукахъ. Послѣднія минуты этого умирающаго ангела постоянно носились предъ моими глазами; этотъ образъ жилъ въ моемъ сердцѣ и мнѣ казалось, что мнѣ удастся поддержать эту жизнь, если изображу этотъ образъ въ томъ видѣ, какъ онъ носился предо мною. Такъ возникло мое первое стихотвореніе «Умирающее дитя.

Дорога къ Мюллеру, проживавшему въ Христіансгафенѣ, была очень длина, а потому она часто доставляла мнѣ случай дѣлать наблюденія надъ мѣстными особенностями и комическими сценами, на которыя я почти ежедневно натыкался на пути, и я часто спрашивалъ себя, чтобы это значило, что все мною видимое и чувствуемое не возбуждаютъ во мнѣ никакой серьезной мысли? Мнѣ вдругъ вздумалось набросать мои сатирическія мысли на бумагу и тиснуть ихъ въ «Летучей Почтѣ» (1829) Гейберга. Собраніе этихъ отрывковъ образуетъ собою мою повѣсть: «Путешествіе, по образу пѣшаго хожденія, въ Амагеръ», выдержавшее слишкомъ двадцать изданій. Героическій водевиль въ одномъ дѣйствіи: «Любовь въ башнѣ св. Николая», который я написалъ въ это же время, понравился только моимъ сотоварищемъ по школѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя (1830 г.), появилось первое собраніе моихъ «Стихотвореній и сказокъ», которое какъ публикою, такъ и критикою принято было съ громкимъ одобреніемъ.

1830 годъ принесъ мнѣ грустныя, но незабвенныя, никогда не возвращающіяся минуты. Въ этомъ году я, къ сожалѣнію, впервые познакомился съ «любовью» — въ полномъ смыслѣ этого словечка. Говорю «къ сожалѣнію», потому что я этой любви посвятилъ всю свою наличность и получилъ ее обратно не вскрытою. Сначала я имѣлъ было намѣреніе обогатить по этому случаю тотъ свѣтъ своею особою, но я затруднялся на счетъ выбора рода смерти, а потому я свое намѣреніе бросилъ и, чтобы разсѣяться, предпринялъ путешествіе по Германіи, гдѣ я познакомился съ Тикомъ и Шамиссо. По возвращеніи оттуда, я во исполненіе даннаго мною г-ну Вейзе обѣщанія, написалъ для него текстъ къ оперѣ: «Кенильвортскій праздникъ», и такъ какъ одинъ грѣхъ влечетъ за собою другіе, то за этимъ текстомъ послѣдовали тексты: «Ламермурская невѣста» и «Воронъ», которые я написалъ для Бондала и Гартмана. Около того же времени появилась въ «Ежемѣсячникѣ» Мольбаха новая серія моихъ стихотвореній, и я, получивъ за нихъ королевскую стипендію, предпринялъ путешествіе по Швейцаріи, Франціи и Италіи.

Въ Римѣ я свелъ искреннюю дружбѣ съ Торвальдсеномъ. Одобрительная оцѣнка моихъ трудовъ этимъ великимъ художникомъ, обозрѣніе художественныхъ сокровищъ Рима, богатая природа и пестрота народной жизни въ Италіи такъ глубоко и благотворно подѣйствовали на мою душу, что плодомъ этого воздѣйствія явилось мое любимѣйшее сочиненіе: «Импровизаторъ», (1835). Мои сказки доставляютъ удовольствіе другимъ, а «Импровизаторъ»—мнѣ.

А знаете-ли, что большая часть моихъ сказокъ написана была не въ періодѣ ихъ появленія (1835 — 1842), а въ раннюю пору моей школьной жизни?! Тогда считали бы мои сказки, которыя теперь всѣми одобряются, порожденіями больной фантазіи, подобно тому какъ нѣкоторые критики называютъ мои романы: «О. З.» (1836) и «Рынокъ поэта» (1842). Конечно, я многія изъ моихъ сказокъ исправилъ, а именно по возвращеніи изъ моего путешествія въ страну моихъ мечтаній, — Малую Азію и Грецію, — которое я предпринялъ въ 1840 г.».

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

VI.

Забытая смертью.

Въ переднемъ углу большой залы съ опущенными занавѣсями у оконъ, съ закутаннымъ въ полотно зеркаломъ лежала на двухъ столахъ, покрытыхъ бѣлою простынею, покойница. Въ головахъ покойницы теплилась лампада, сбоку у нея псаломщикъ медленно и монотонно читалъ псалтырь. Въ комнатѣ было совершенно пусто и только я стоялъ у этого дорогого мнѣ трупа, когда едва слышно отворилась дверь и въ залу осторожной походкой вошла высокая, худая женщина въ тщательно подштопанномъ рубищѣ, въ заботливо вымытыхъ и выглаженныхъ обрывкахъ чего то въ родѣ нарукавничковъ и воротничковъ. Она на цыпочкахъ подошла къ покойницѣ, набожно перекрестилась и остановилась передъ трупомъ:

— Какъ живая лежитъ, тихо прошептала она.—Счастливица, и теперь улыбается... Мнѣ бы на этомъ мѣстѣ лежать... Да ужъ гдѣ мнѣ, смертью забытой!..

Что то глубоко искреннее, что то глубоко болѣзненное слышалось въ голосѣ этой женщины, по лицу которой, потемнѣвшему отъ старости, изрытому оспой и совершенно безкровному отъ долгихъ голодовокъ, медленно катились крупныя слезы. Она тихо опустилась на колѣни передъ покойницей, сдѣлала три земныхъ поклона, потомъ поднялась снова и прильнула своими блѣдными губами къ такимъ же блѣднымъ, но улыбающимся безмятежной улыбкой губамъ покойницы. Она довольно долго не могла оторваться отъ трупа и въ этой безмолвной, тихой скорби было что то надрывающее душу. Когда она оторвалась отъ этого мертваго лица, я невольно приблизился къ ней и сжалъ ея костлявую руку, обтянутую, словно пергаментомъ, темною, сухою кожею.

— Я въ вашей матушкѣ все потеряла, тихо сказала она. — Больше обо мнѣ некому вспомнить, некому позаботиться... всѣми я забытая...

Я старался, какъ умѣлъ, успокоить ее, обѣщаясь замѣнить ей мою мать, по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ матеріальной поддержки. Она благодарила меня и все-таки не отрывала глазъ отъ яснаго улыбающагося лица покойницы. Я понялъ, что я со своею готовностью давать деньги все-таки не замѣню ей той женщины, которая лежала теперь передъ нами. Я вспомнилъ, какъ начинала тревожиться моя мать, если втеченіи мѣсяца въ нашей квартирѣ не появлялась Стешенька, какъ называла мать эту старую подругу своего дѣтства. Я вспомнилъ, какъ мать просиживала съ нею цѣлые часы, распрашивая ее о ея житьѣ-бытьѣ, предаваясь съ ней воспоминаніямъ, пробуждая въ ея скорбной душѣ немногія свѣтлыя картины былого, и мнѣ представлялось лице уходившей отъ насъ Стешеньки, улыбающееся, веселое, счастливое, точно она пережила снова одинъ изъ счастливѣйшихъ дней въ своей жизни. Мнѣ вспоминалось, какъ во время умѣла моя мать тайкомъ дать пару рублей Стешенькѣ и сдѣлать ей знакъ глазами, чтобы она не благодарила, и я понялъ, что Стешенька дѣйствительно потеряла въ моей матери все: теперь у нея не будетъ увѣренности, что кто то заботится и думаетъ о ней, что въ тяжелую минуту она отдохнетъ въ бесѣдахъ съ человѣкомъ, любящимъ ея прошлое, что въ минуту безъисходной нужды ей стоитъ только придти въ извѣстный домъ и тамъ добрая, любящая рука, не требуя благодарностей, боясь благодарностей, дастъ ей помощь. Правда, я могу дать, можетъ быть, больше Стешенькѣ, чѣмъ ей давала моя мать, на это будетъ холодная помощь благотворителя и только.

Немало времени прошло съ этого памятнаго, тяжелаго для меня дня и каждый мѣсяцъ разъ или два я аккуратно встрѣчаю Стешеньку въ ея состоящемъ изъ сплошныхъ заплатъ и штопокъ, но тщательно вычищенномъ салопѣ съ вылѣзшимъ собачьимъ воротникомъ, въ ея порыжѣвшей шляпкѣ фасона сороковыхъ годовъ, въ ея сѣромъ вязанномъ, давно источенномъ молью и стянутомъ нитками платкѣ на шляпкѣ. Я всегда встрѣчаю эту женщину на одномъ и томъ же мѣстѣ: на могилѣ моей матери. Кругомъ этой могилы желтѣетъ въ самые снѣжные дни чистенькій песокъ, на ней отряхнутъ отъ снѣга каждый

вѣнокъ, съ нея не украдено ни одной гирлянды иммортелей и искуственныхъ цвѣтовъ. Не одинъ могильщикъ за полтора рубля въ мѣсяцъ, такъ заботится объ этой могилѣ; онъ получаетъ мѣсячную плату и за другія могилы, но онѣ выглядятъ далеко не такъ красиво, не такъ чисто, какъ эта засыпанная вѣнками надгробная насыпь. Тутъ видна заботливая, любящая рука женщины и эта женщина Стешенька. Иногда я застаю Стешеньку здѣсь сидящею на зеленой скамьѣ неподвижно, въ глубокомъ раздумьѣ и въ эти минуты мнѣ кажется, что она снова и снова повторяетъ:

— Мнѣ бы лежать на этомъ мѣстѣ!..

Это глубоко трагическое положеніе.

Моя семья и семья Стешеньки связаны тѣсною связью втеченіи гораздо болѣе полувѣка.

Моя бабка — тогда еще молодая и бойкая красавица — помогала въ началѣ нынѣшняго столѣтія отыскивать бѣдняковъ одной изъ оригинальнѣйшихъ и добрѣйшихъ чудихъ того времени, старой княгини Г. Въ тѣ времена существовало еще множество барскихъ домовъ, куда ежемѣсячно стекались сотни бѣдняковъ за полученіемъ пенсій. Нарышкины, князя Долгоруковы, Потемкины, графы Шереметевы, князья Воронцовы-Дашковы, всѣ эти старыя барскія фамиліи содержали сотни и сотни бѣдняковъ и въ домовыхъ конторахъ этихъ баръ въ первое число каждаго мѣсяца являлись за полученіемъ пенсій цѣлыя полчища нищихъ, старухъ, отставныхъ чиновниковъ, убогихъ военныхъ и тому подобнаго люда, предъявляя дворецкимъ, конторщикамъ и управляющимъ свои пенсіонныя книжки. Въ числѣ подобныхъ благотворителей очень видное мѣсто занимала княгиня Г. Она безалаберно и странно тратила всѣ свои доходы на разныя помощи, на кормленье нищихъ въ воскресные дни, на раздачу пенсій, на единовременныя пособія. Иногда она оставалась безъ гроша и въ этихъ случаяхъ она отрывала клочекъ сѣрой бумаги и писала кому-нибудь изъ первыхъ лицъ въ государствѣ лаконическую записку, написанную невообразимымъ почеркомъ. «Мои нищіе хотятъ ѣсть, а денегъ у меня нѣтъ. По сей оказіи пришли мнѣ съ человѣкомъ пятьдесятъ рублей». Требованіе исполнялось немедленно и горе было тому, кто осмѣливался не исполнить требованія княгини. Княгиня Г. избирала тогда оселкомъ для своего рѣзкаго и остраго языка репутацію ослушника и преслѣдовала его до тѣхъ поръ, пока онъ не являлся съ повинной головой къ ней. Ослушникъ ждалъ ее въ пріемной, она же подходила почти къ самымъ дверямъ пріемной и своимъ грубымъ и отрывистымъ голосомъ говорила докладывавшему ей о визитѣ лакею:

— Скажи, что княгиня молъ дома, но васъ не велѣла принимать! Слышишь? Скажи, что княгиня дома, но васъ не велѣла принимать! Ступай!

Лакею нечего было передавать отвѣтъ княгини, потому что провинившійся и безъ того слышалъ этотъ отвѣтъ. Немало нужно было употребить усилій, чтобы примириться со старухой, а быть въ ссорѣ съ нею было не особенно выгодно: она пользовалась громаднымъ вліяніемъ въ обществѣ и не ради однѣхъ родственныхъ связей съ однимъ изъ первыхъ любимцевъ государя Александра Павловича, но ради своего личнаго положенія въ свѣтѣ, ради своего недюжиннаго ума, ради своихъ смѣлыхъ странностей. Ее звали и чудихой, и юродивой и дипломатомъ въ юбкѣ. Несмотря на различіе лѣтъ, моя бабка и княгиня Г. были связаны тѣсною дружбою. Однажды бабка, встревоженная и взволнованная, пріѣхала къ княгинѣ и объявила ей, что она сейчасъ нашла на одномъ изъ петербургскихъ чердаковъ семью—мать съ шестью ребятами и одной взрослой дочерью, — буквально умирающую отъ голода и холода.

— Ну и врешь, пучеглазая невѣстка, отвѣтила княгиня, выслушавъ отъ бабки всѣ ужасающія подробности положенія этой семьи.—Въ такомъ положеніи и дня нельзя прожить.

Княгиня Г. говорила всѣмъ, начиная съ первыхъ лицъ въ государствѣ и кончая послѣднею крѣпостной судомойкой, «ты», а мою красавицу бабку, поражавшую своими черными большими глазами, называла «пучеглазой невѣсткой», хотя бабка не состояла ни въ какихъ родственныхъ связяхъ съ княжеской фамиліей Г.

— Ну да, вѣдь вы привыкли сотни тысячъ на вѣтеръ бросать, такъ и не понимаете, какъ можно жить въ такой нищетѣ, отвѣтила бабка. А лучше велите подать экипажъ и поѣдемте къ Мирковымъ.

Семья отысканныхъ бабкою бѣдняковъ носила фамилью Мирковыхъ.

Княгиня черезъ нѣсколько минутъ была уже одѣта и ѣхала съ бабкой на одну изъ окраинъ Петербурга, гдѣ жила семья бѣдныхъ Мирковыхъ.

— Пучеглазая невѣстка, я не поднимусь по этой лѣстницѣ, замѣтила своимъ рѣшительнымъ тономъ княгиня, увидавъ лѣстницу, ведущую къ Мирковымъ.

— Глупости, княгиня! отвѣтила бабка.—Они же поднимаются.

— Мало ли что! Матросы вонъ и по канатамъ лазятъ, такъ ты и меня тоже заставишь за ними лазать!

— Чтожь, если надо, разсмѣялась бабка.

Княгиня, сердито крехтя и ругая домовладѣльца, начала взбираться на чердакъ. Черезъ нѣсколько минутъ бабка въ потьмахъ нащупала дверь Мирковыхъ и отворила ее передъ княгиней, забывъ предупредить послѣднюю, что тутъ нужно нагнуться. Княгиня сдѣлала шагъ да такъ и присѣла: отъ удара ли по лбу или отъ ужаса, трудно было сказать. Передъ нею было полутемное помѣщеніе, съ потолкомъ похожимъ на отсырѣвшую крышу гроба, съ промозглымъ воздухомъ; здѣсь не было ни мебели, ни постелей, ни домашней утвари; какія-то лохмотья и какіе-то черепки замѣняли все, и одежду, и посуду, и ложе; заслышавъ скрыпъ двери, кучка дѣтей прижалась въ уголъ, а мать семьи поднялась съ мѣста, сдѣлала шагъ на встрѣчу посѣтительницамъ и остановилась не то въ недоумѣніи, не то въ испугѣ. И то сказать, ей немудрено было испугаться и изумиться при видѣ княгини, всегда смотрѣвшей невыносимо пристальнымъ взглядомъ, сверкавшимъ изъ подъ черныхъ, густыхъ и длинныхъ, какъ пьявки, бровей, всегда одѣтой въ какой-то пестрый почти фантастическій нарядъ, съ тонкой индѣйской шалью, обмотанной вокругъ головы чуть не въ видѣ чалмы. Впрочемъ, въ данную минуту видъ княгини былъ далеко не грозенъ, а скорѣе комиченъ: она все еще стояла въ положеніи человѣка, который ждетъ, что вотъ вотъ его сейчасъ ударятъ по головѣ, и ея глаза смотрѣли не пристально и не сурово, а какъ-то растерянно. Бабка замѣтила это и приблизилась къ княгинѣ.

— Пучеглазая невѣстка, а я деньги-то дома забыла! скороговоркой и шепотомъ замѣтила княгиня въ комическомъ смущеніи.

Бабка только тутъ увидала, что княгиня все это время растерянно общаривала свои карманы и ридикюль.

— Вы всегда такъ, помогать ѣдете, а денегъ не захватите, такъ же шепотомъ сказала бабка.

— Чепуха! Шаль вотъ отдамъ и помогу! рѣшила княгиня, торопливо раскалывая шаль заколотую подъ самымъ горломъ.

— Очень умно! Хотите, чтобы нищіе пошли продавать ее да попались, какъ воры, въ полицію! Денегъ-то у меня немного есть, а вы лучше распросите бѣдную женщину о ея положеніи, отвѣтила бабка, — а то мы стоимъ, какъ двѣ дуры.

Впечатлѣніе, произведенное неловкимъ началомъ этого посѣщенія, скоро сгладилось и княгиня уже быстро и толково распрашивала о положеніи семьи, хотя точныхъ отвѣтовъ было не легко добиться, такъ какъ мать несчастной семьи была окончательно пришибленной, растерявшейся и запуганной женщиной. На вопросъ княгини, какъ велика семья, она отвѣчала:

— Двадцать человѣкъ было, двадцать.

— А теперь-то, теперь? допрашивала княгиня.

— Люба, Оля, Стеша, Еля, Ваня и Даня, все маленькія. Маша вотъ да Соня большія; да Маша съ мужемъ все за полкомъ ѣздитъ, а Соня все больна... пласточкомъ вотъ лежитъ...

— Значитъ, восемь человѣкъ дѣтей теперь, сосчитала княгиня.

— Да, Люба, Оля, Стеша, Еля, начала снова повторять Миркова.

Княгиня уже не слушала ее и обратилась къ бабкѣ.

— Денегъ, пучеглазая невѣстка! проговорила она.

Бабка передала ей деньги. Княгиня передала ихъ, не считая, Мирковой и пояснила, что она сейчасъ найметъ имъ квартиру и пришлетъ возъ за ихъ скарбомъ.

— Мы въ рукахъ, мы въ рукахъ перенесемъ. Что же, насъ много. Люба, Оля, Стеша...

Княгиня ничего не слушала; она подошла къ одной изъ дѣвочекъ и приласкала ту; дѣвочка вздрогнула и попятилась, какъ дикая. Остальныя дѣти совсѣмъ съежились. Видно было, что они боятся людей...

— Ну, пучеглазая невѣстка, что мы теперь будемъ дѣлать съ островитянами? обратилась княгиня къ бабкѣ, спустившись съ чердака и присѣвъ на какую-то грязную кадку, стоявшую внизу у лѣстницы.

— Надо сначала спасти ихъ отъ голода и холода, а тамъ посмотримъ, нельзя ли пристроить дѣтей куда нибудь, рѣшила бабка. Они дворяне, офицерскія дѣти, ихъ можно въ корпуса и институты отдать...

— Ну и отдадимъ! Экая невидаль! рѣшила княгиня.

Съ этого дня семья Мирковыхъ примкнула къ цѣлому полчищу тѣхъ бѣдняковъ, которые питались помощью баръ. Княгиня назначила имъ ежемѣсячную пенсію, выхлопотала имъ пенсіи у другихъ барынь, опредѣлила обоихъ мальчиковъ въ корпусъ, попробовала было опредѣлить дѣвочекъ въ институтъ, но дѣвочки къ ученью оказались неспособными по своей забитости и кромѣ того ихъ мать, Фекла Александровна Миркова, рыдала и плакала, узнавъ, что у нея благодѣтели хотятъ отнять и дочерей. Эта забитая, всего боявшаяся женщина, какъ насѣдка, желала только одного, чтобы дѣти были вѣчно подъ ея крыломъ. Судьба и такъ уже отняла у ней двѣнадцать человѣкъ дѣтей. Впрочемъ, благодѣтели и не настаивали очень на отдачѣ дѣвочекъ въ институтъ, такъ какъ такимъ бѣднымъ дѣвушкамъ, по ихъ мнѣнію, нужно было не институтское образованіе, а умѣнье шить, вышивать, стирать и гладить. Да и вообще благодѣтели, давъ бѣднымъ пенсію, не думали о дальнѣйшемъ.

Семья Мирковыхъ вздохнула свободнѣе, она чувствовала себя счастливою, имѣя теплый уголъ и ежедневный обѣдъ на все будущее время своего существованія. Благодѣтели были тоже довольны, видя, что они спасли отъ голодной смерти цѣлую семью, и не читая болѣе слезныхъ просьбъ Мирковой. Недовольна была только моя

Рисунокъ Г. АНДРІОЛЛИ.

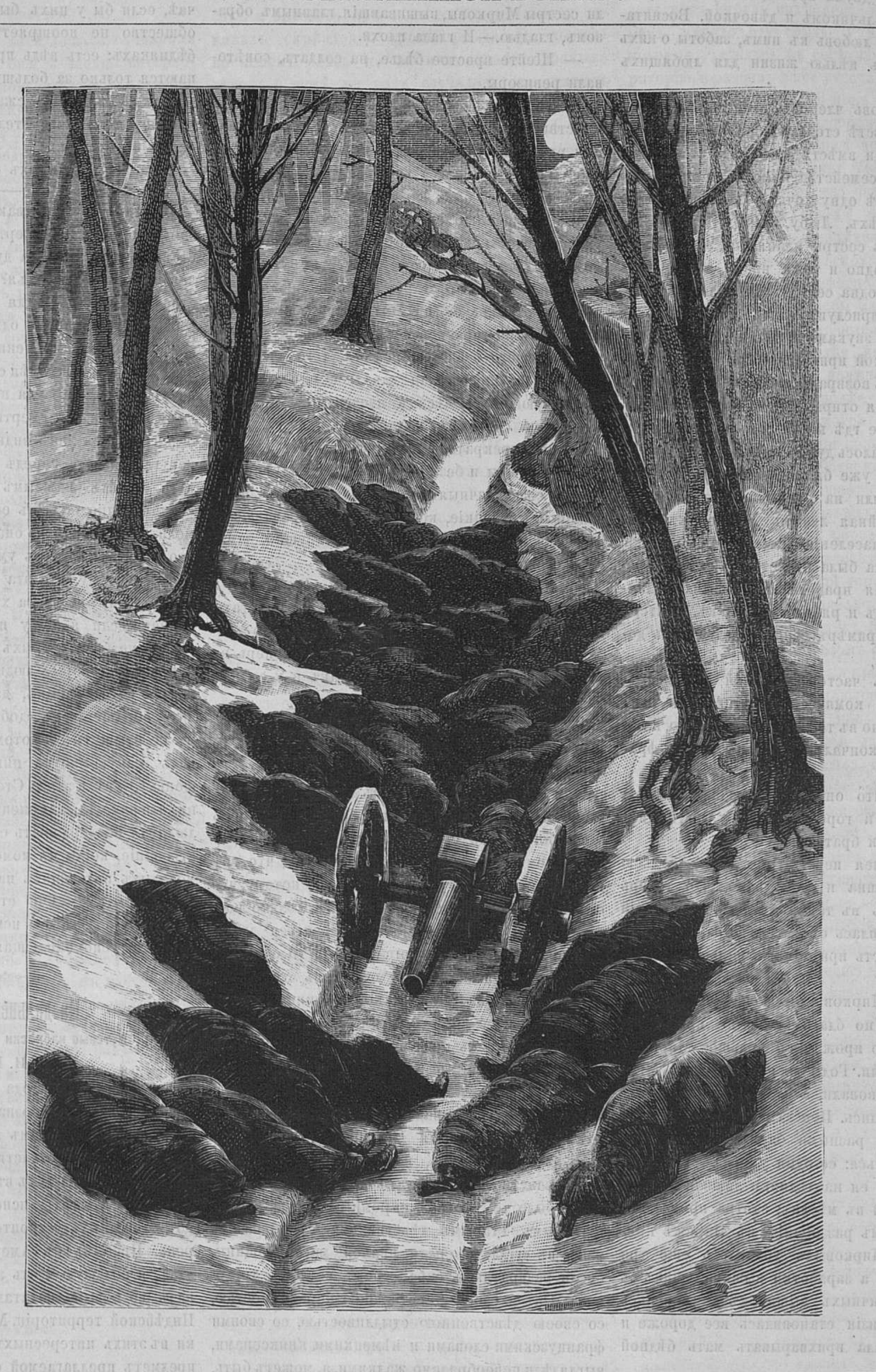
Рыбная ловля зимой.

десятилѣтняя мать, которую, спустя нѣсколько лѣтъ, моя бабка познакомила съ дѣвочками Мирковыми, и была она недовольна тѣмъ, что эти дѣвочки не умѣли сшить платья для куклы, не умѣли вышить туфель къ имянинамъ своей матери, не умѣли прочитать даже двухъ словъ изъ какой-нибудь басни. И вотъ моя мать сдѣлалась

лось механическихъ работъ, но въ наукѣ дальше простой грамотности онѣ не пошли, хотя и усвоили себѣ привычку вставлять въ русскую рѣчь французскія слова, въ родѣ того, что онѣ видѣли на одной дамѣ прекрасное «брилліантовое декольте», или что имъ стыдно идти въ гости «въ такомъ абилье», или что не слѣдуетъ

сіи, не безпокоили никого теперь просьбами и слезами, и смѣнились сотнями новыхъ бѣдняковъ, требовавшихъ еще помощи. Семьѣ, повидимому, не оставалось желать ничего лучшаго: она была сыта милостью благодѣтелей, дѣвушки начинали зарабатывать деньги шитьемъ тонкаго бѣлья и вышивкой гладью по батисту, сыновья кончали

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ.



Привалъ въ Балканахъ.

ихъ учительницей.

Съ этой поры началась тѣсная, никогда не прерывавшаяся дружба нашей семьи съ семьею Мирковыхъ. Моя мать была въ буквальномъ смыслѣ слова наставницей Любы, Оли, Стеши, Ели. Она передавала имъ каждое новое свѣдѣніе, добытое ею дома въ классныхъ комнатахъ. Мирковы отлично воспринимали все, что каса-

«банкировать своими обязанностями» и т. п. Стешенька даже и до сихъ поръ путаетъ всѣ непонятныя ей слова и «адвоката» называетъ «альбиносомъ», а иногда и «альбокасомъ». Это обстоятельство, впрочемъ, не смущало ихъ мать, едва умѣвшую читать по-русски, и нисколько не тревожило благодѣтелей, уже давнымъ давно забывшихъ о Мирковыхъ, которыя, получая пен-

курсъ въ корпусахъ, всѣ любили другъ друга и жили безъ дрязгъ, безъ сплетень, сторонясь отъ людей, боясь людей, надѣлавшихъ имъ когда-то не мало зла: ежемѣсячная опредѣленная пенсія давала имъ право не бояться будущаго, не думать о немъ. Правда, были и тяжелые годы въ этотъ новый періодъ жизни Мирковыхъ: разъ ихъ посѣтила оспа и обезобразила всѣхъ дѣву

шекъ, потомъ одинъ изъ братьевъ, выйдя изъ корпуса, отправился на войну и былъ убитъ; далѣе второй братъ, окончивъ ученье, женился на богатой дѣвушкѣ, смотрѣвшей свысока на семью этихъ «побирашекъ». Но все это миновалось, забывалось, тишина и миръ снова воцарялись въ семьѣ и на смѣну горю являлись радости въ родѣ, напримѣръ, пріѣзда въ семью овдовѣвшей сестры Маши съ двумя прелестными, какъ купидоны, дѣтьми, мальчикомъ и дѣвочкой. Воспитаніе этихъ дѣтей, любовь къ нимъ, заботы о нихъ сдѣлались теперь цѣлью жизни для любящихъ Мирковыхъ.

Взаимная любовь членовъ этой семьи, перестрадавшихъ вмѣстѣ столько горя, имѣла какой-то трогательный и вмѣстѣ съ тѣмъ комическій характеръ: мать семейства никогда не могла назвать въ разговорѣ одну дочь, а перечисляла по обыкновенію всѣхъ, Любу, Олю, Стешу, Елю, Машу, Соню; всѣ сестры кланялись, здоровались и улыбались въ одно и тоже время, какъ одинъ человѣкъ; когда одна сестра начинала говорить, всѣ остальныя прислушивались къ каждой ея фразѣ, какъ къ звукамъ музыки, и иногда съ блаженной улыбкой приговаривали: «да-съ»; если одна изъ сестеръ возвращалась домой не во время, всѣ остальныя отправлялись искать ее, плача о томъ, что ее гдѣ нибудь задавилъ экипажъ или съ нею сдѣлалось дурно на улицѣ; младшихъ сестеръ, хотя тѣ уже были довольно взрослыми, старшія переносили на рукахъ черезъ грязь и лужи. Эта семейная любовь Мирковыхъ была извѣстна всему населенію Измайловскаго полка, гдѣ онѣ жили, она была извѣстна такъ же хорошо, какъ строгая нравственность этихъ длинныхъ, худощавыхъ и рябыхъ дѣвушекъ. Матери ставили ихъ въ примѣръ своимъ ослушнымъ дочерямъ.

Я помню, какъ часто въ нашей семьѣ подсмѣивались надъ комическими сторонами этой семейной любви, но въ тоже время я помню, какъ моя мать всегда кончала одною и тою же фразою эти толки:

— Да, за то что онѣ и выстрадали вмѣстѣ: нищета, лишенія и горе похитили у нихъ двѣнадцать сестеръ и братьевъ.

И точно, эпопея пережитыхъ этою семьею мукъ была страшна и немудрено, что теперь семья сплотилась въ такой тѣсный, дружескій кружокъ и отдалилась отъ всего міра, получивъ на это возможность при помощи пенсій отъ благодѣтелей.

Повидимому, Мирковы были спасены благодѣтелями навсегда, но благодѣтели не предусмотрѣли одного—кто проживетъ дольше: Мирковы ли или благодѣтели. Годы шли за годами. Мирковы всѣ здравствовали, а благодѣтели или умирали или раззорялись. Пенсіи въ три и въ пять рублей, даваемыя разными барами Мирковымъ, начинали убавляться: сегодня умерла безъ духовной княгиня Г. и ея наслѣдники лишили Мирковыхъ пяти рублей въ мѣсяцъ; завтра пронеслась вѣсть о страшномъ раззореніи въ Парижѣ княгини В. Д. и у Мирковыхъ убавилось еще три рубля въ мѣсяцъ, а заработки вышивальщицъ съ наплывомъ фабричныхъ вышивокъ становились все хуже, а провизія становилась все дороже и все чаще начинала прихварывать мать бѣдной семьи...

Въ 1856 году умерла моя бабка и это было послѣднимъ ударомъ для семьи Мирковыхъ, такъ какъ моя бабка неизмѣнно, не смотря на всѣ превратности своего собственнаго матеріальнаго положенія, служила главною ихъ опорою. На похоронахъ бабки явилась вся эта семья и, Боже мой, что это были за люди: старухѣ Мирковой было уже сто лѣтъ, старшей дочери семьдесятъ, Стешенькѣ пятьдесятъ. Въ это время семью Мирковыхъ знали уже не одни дворецкіе, конторщики и управляющіе барскихъ домовъ Потемкиныхъ и Долгорукихъ, гдѣ давались пенсіи, но и всѣ ревизоры человѣколюбиваго общества, всѣ частныя благотворительныя общества. Это была семья стыдливыхъ, робкихъ, опрятныхъ нищихъ, уже трепетавшая за будущее.

— Вы еще работать можете, говорили ревизоры.

— Руки то, видите, шаршавыя стали, поясняли сестры Мирковы, вышивавшія, главнымъ образомъ, гладью.—И глаза плохи.

— Шейте простое бѣлье, на солдатъ, совѣтовали ревизоры.

— Да если бы давали! Протекціи нужны. Дѣйствительно для тонкихъ работъ эти шаршавыя руки уже негодились, а на грубыя швейныя работы являлась масса конкурентовъ. Да, наконецъ, не легко было и работать, когда въ домѣ вѣчно нужно было смотрѣть за выжившею изъ ума столѣтнею матерью и за вѣчно больною семидесятилѣтнею старшею сестрою. Но вотъ вспомнила смерть о старухѣ Мирковой; въ 1860 году мы отвезли ее на Митрофаньевское кладбище. Дочери горько оплакивали любящую мать, не предчувствуя еще, впрочемъ, того, что онѣ потеряли съ ней: пенсіи давались ей и потому на слѣдующій же мѣсяцъ несчастныя Мирковы очутились сразу въ полнѣйшей нищетѣ, такъ какъ имъ прекратили выдачу денегъ вездѣ.

— «Вѣдь вы и безъ того больше полувѣка получали ежемѣсячныя пособія, пора и честь знать, говорили дворецкіе, конторщики и управляющіе.

— Да вѣдь мы сами теперь старушки, замѣчали сестры.

— Ну да, у васъ еще нѣтъ ли дѣтей, такъ и тѣмъ пожалуй послѣ васъ придется помогать, насмѣшливо замѣчали имъ.—На чужихъ то хлѣбахъ легко жить! Времена-то только теперь не нѣ. Вотъ крестьянъ отберутъ, такъ и у самихъ насъ ничего не будетъ.

И точно, пришлось бы помогать и ихъ дѣтямъ, если бы у нихъ были дѣти. Но къ счастью у нравственныхъ дѣвушекъ не было дѣтей, а дѣти сестры Маши уже лежали въ могилѣ. Начались хлопоты о пристройствѣ въ богадѣльни: но въ однѣ богадѣльни не принимали сестеръ за недостаткомъ ваканцій, въ другія потому, что онѣ не мѣщанки и не купчихи, въ третьи потому, что онѣ не воспитывались въ институтѣ. Только послѣ долгихъ усилій удалось пристроиться двумъ старшимъ сестрамъ въ богадѣльни и то одна изъ нихъ была обязана этимъ счастіемъ тому, что ее переѣхалъ на улицѣ какой то экипажъ важнаго барина: ее помѣстили въ больницу, вылечили и виновный въ неосторожной ѣздѣ отправилъ ее, ослѣпнувшую въ это время, въ Порошинъ домъ.

Послѣднія восемнадцать лѣтъ были годами мукъ и испытаній для Мирковыхъ: голодъ, холодъ, болѣзни, смерть, вотъ все, что пережили эти несчастныя созданія въ эти годы. Но хуже всего было то, что имъ скромнымъ, стыдливымъ, пугливымъ старымъ дѣвственницамъ пришлось жить въ «углахъ» среди пьяной мастеровщины, среди развратныхъ бабъ, среди наглыхъ торговокъ. Онѣ со своею щепетильною церемонностью, со своею дѣвственною стыдливостью, со своими французскими словами и нѣмецкими книксенами, выглядѣли невообразимо жалкими, а, можетъ быть, и смѣшными въ этой средѣ разгульной нищеты и циничнаго тунеядства. Иногда онѣ не спали по цѣлымъ ночамъ, слыша за перегородкой буйство пьянаго сосѣда или ругательства пьяной сосѣдки, и, дрожа всѣмъ тѣломъ, сбивались въ уголъ, какъ перепуганныя куры. Но жить иначе онѣ не могли: въ богадѣльни ихъ не принимали, пособія человѣколюбиваго общества ровнялись тремъ рублямъ въ годъ; пробовали сестры подавать просьбы въ человѣколюбивое общество отдѣльно, но имъ замѣчали, что онѣ живутъ вмѣстѣ и потому пособіе выдается имъ всѣмъ; хлопоталъ я пристроить ихъ въ квартирѣ одного благотворительнаго общества, но меня спросили, умѣютъ ли онѣ шить на машинкахъ и есть ли у нихъ дѣти,—шить на машинкахъ онѣ не умѣли, а дѣтей у этихъ дѣвушекъ не могло быть и потому общество отказало имъ въ квартирѣ, — впрочемъ, оно отказало бы имъ и въ томъ случаѣ, если бы у нихъ были дѣти, потому что это общество не поощряетъ безнравственности въ бѣднякахъ: есть вѣдь привилегіи, которыя покупаются только за большія деньги...

Наконецъ, судьба сжалилась и унесла всѣхъ членовъ этой облагодѣтельствованной обществомъ семьи въ могилы...

Осталась въ живыхъ одна Стешенька...

Нерѣдко я задумываюсь теперь о судьбѣ этой забытой людьми и смертью женщины и тяжело становится у меня на душѣ. Для чего жила, для чего страдала ея семья? Для чего жила, для чего страдала она сама? Для чего она живетъ теперь. Она одна, совершенно одна, ненужная никому, незамѣчаемая никѣмъ, неинтересующая никого, живетъ въ нищетѣ, не имѣя силъ работать, не имѣя цѣли въ жизни, не видя никакого исхода впереди, кромѣ смерти. Но смерть не идетъ, смерть забыла о ней и на ея лицѣ видно постоянное выраженіе испуга,—испуга передъ завтрашнимъ днемъ, испуга передъ каждымъ человѣкомъ, могущимъ безнаказанно обидѣть ее. Она зоветъ смерть, она молится о смерти, но она боится и мысли о томъ, что человѣкъ можетъ умереть когда ему угодно, боится потому, что эта мысль отъ дьявола, отъ искусителя, отъ врага христіанскаго. Что будетъ съ нею, если я умру прежде ее? Вы скажете «свѣтъ не безъ добрыхъ людей»! Да, но какъ узнаютъ эти «добрые люди» о ней? Сама она побоится идти къ нимъ, давно испытавъ, что значитъ обращеніе къ «добрымъ людямъ», а они сами не отыщутъ ее, потому что гдѣ же имъ отыскать какую-нибудь никому неизвѣстную Стешеньку,—вѣдь этихъ Стешенекъ въ столицѣ сотни, тысячи. Да, наконецъ, и стоитъ ли «добрымъ людямъ» поддерживать ея не нужное міру существованіе, когда въ помощи нуждается столько молодыхъ подающихъ надежды силъ?..

О, забытая всѣми страдалица, да вспомнитъ поскорѣе о тебѣ все исцѣляющая, все примиряющая, все успокоивающая Смерть!.. **Нѣкто.**

На дальнемъ Западѣ.

Путевые наброски Сѣверной Америки.

Ст. А. И. Елишева.

Въ концѣ 1875 года я отправился въ Соед. Штаты съ цѣлію ознакомиться съ мѣстнымъ сельскимъ хозяйствомъ вообще и въ частности съ молочнымъ хозяйствомъ, которое особенно сильно развилось тамъ въ послѣдніе годы. Послѣднюю цѣль я имѣлъ, исполняя порученіе одного изъ извѣстныхъ устроителей артельныхъ сыроваренъ. Пробывъ въ Америкѣ около полуторыхъ лѣтъ, я большую часть этого времени странствовалъ по новымъ штатамъ Канзасу, Миссури и Индѣйской территоріи. Мои наблюденія и замѣтки въ этихъ интересныхъ мѣстахъ и составляютъ предметъ предлагаемой статьи. Отчасти недостатокъ средствъ, отчасти желаніе ближе стоять къ дѣйствительной жизни края, а также и научиться работать и хозяйничать по американски, заставили меня принять оригинальный способъ путешествія. Я шелъ съ фермы на ферму и останавливался только тамъ, гдѣ находилъ работу. Такимъ образомъ я изъ южнаго Канзаса, почти на границѣ его съ Индѣйской территоріей, дошелъ до Иллинойса, гдѣ уже мѣстность населена гуще и хозяйство имѣетъ другой, болѣе интен-

сивный характеръ. Передъ отъѣздомъ на Западъ я работалъ на сыроварняхъ Восточныхъ штатовъ и былъ уже знакомъ съ ихъ жизнію, а потому отъ Иллинойса я продолжалъ путешествіе обыкновеннымъ способомъ, т. е. на пароходахъ и по желѣзной дорогѣ.

Канзасъ.

I.

На фермѣ піонера.

Земля уже нѣсколько дней лежала скованная морозомъ; а въ это утро онъ и щедро посеребрилъ ее. Солнце еще не показывалось, но чистое небо предвѣщало прелестную погоду. Дрожь пробѣгала по членамъ; но я не сдѣлалъ и полъ мили, какъ ее смѣнила та бодрая, здоровая и пріятная теплота, которая сообщается не лежанкой и печкой, а дѣятельностью мускуловъ. Но вотъ выглянуло солнце и, сразу разогнавъ ночныя тѣни, золотымъ свѣтомъ облило прерію. Дикія куры, спокойно сидѣвшія на стогѣ сѣна, сильно закудахтали, поводили въ разныя стороны вытянутыми шеями и, вдругъ захлопавъ крыльями, полетѣли и скрылись за сосѣднимъ холмомъ.

Сдѣлавъ мили четыре, я подошелъ къ крутому спуску. Онъ велъ въ долину рѣки Кэни. Сразу измѣнилась картина: вмѣсто холмистыхъ, усѣянныхъ камнями, безлюдныхъ возвышенностей, по обѣ стороны стояли сытыя фермы, тянулись обширныя, обнесенныя изгородью поля маиса, шелестившаго своими высохшими желтыми листьями. Была пора его сбора—неспѣшной, легкой, любимой фермерами работы. На нѣкоторыхъ поляхъ она уже кончилась и по нимъ гулялъ скотъ, добирая то, чего не взялъ хозяинъ. На другихъ же замѣтны были люди. Парный фургонъ ѣхалъ прямо по полю, а за нимъ шло нѣсколько человѣкъ рабочихъ, бросавшихъ въ него оторванныя отъ стеблей шишки маиса. Подхожу къ одной группѣ.

— Какъ поживаете?

— Очень хорошо, сэръ. Какъ вы?—

— Не нужна ли вамъ помощь?

— Нѣтъ, сэръ! отвѣчаетъ пожилой фермеръ, повидимому хозяинъ, сплевывая жвачку. — Но я думаю, мистеръ Джинкинсъ возметъ еще однѣ руки. Его ферма вотъ за этимъ полемъ.

Перелѣзаю черезъ изгородь и въ указанномъ направленіи иду прямо по маисовому полю, совсѣмъ скрывающему меня, прямыми, стройными рядами разсаженными, стеблями. Джинкинсъ говоритъ, что думаетъ и самъ справиться съ работой. Но, можетъ быть, я найду занятіе у м-ра Мариша. Онъ недалеко, мили 4 отсюда, по ту сторону рѣки. Я начиналъ терять надежду найти работу: это былъ третій день моихъ поисковъ за ней. Но нужно еще попытаться. По сломанному бурей дереву перешелъ я Кэни и черезъ нѣсколько минутъ ходьбы былъ уже у небольшого каменистаго пригорка, на которомъ пріютился двухъ-этажный домикъ. Подлѣ него колодезь, а дальше недостроенный барнъ, т. е. трехъ-этажное зданіе, въ которомъ внизу помѣщается скотъ и лошади, а вверху кормъ.

Стучусь въ дверь.

— Come in!

Семья фермера за обѣдомъ.

— Обѣдали?

— Нѣтъ еще.

— Садитесь! Прекрасная погода, не правда ли? Американецъ всякій разговоръ начинаетъ съ погоды. Спрашиваю о работѣ.

— Работали ли вы когда-нибудь на фермѣ?

— Нѣтъ, никогда.

— Хорошо, я думаю, вы все-таки съумѣете помогать мнѣ. Только плату я вамъ назначу послѣ, смотря по цѣнности работы и по вашему умѣнью за нее взяться.

Какъ ни неопредѣленны были эти условія, но я все-таки былъ ими доволенъ, зная, какъ трудно въ это время года найти работу. По крайней мѣрѣ я буду имѣть столъ и квартиру. Сейчасъ же послѣ обѣда я принялся за дѣло. Хозяинъ и еще одинъ плотникъ строили барнъ, а я помогалъ имъ, подавая и придерживая доски и брусья. Работа не тяжелая и даже интересная новыми для меня способами постройки. У американцевъ всѣ деревянныя зданія строятся только изъ досокъ и брусьевъ, при чемъ не употребляется никакихъ скрѣпленій кромѣ гвоздя. Но дорожа временемъ, здѣсь не любятъ дѣлать прочныхъ лѣсовъ и намъ не разъ случалось соперничать другъ съ другомъ въ акробатскомъ искуствѣ. При трехъ-этажномъ зданіи и непривычкѣ, нельзя сказать, чтобы это было пріятное занятіе.

Такъ прошло нѣсколько дней. За это время я успѣлъ ознакомиться съ семействомъ и фермой своего хозяина. Маришу было около 35 лѣтъ. Высокаго роста, съ окладистой русой бородой, съ сѣрыми, умными и добрыми глазами, онъ представлялъ превосходный типъ тѣхъ американцевъ-піонеровъ, которые идутъ впереди своего народа, водружая звѣздное знамя цивилизаціи въ пустынныхъ преріяхъ Запада. Въ междоусобную войну Маришъ служилъ въ арміи сѣверянъ, въ одномъ изъ тѣхъ славныхъ полковъ, которые были сформированы вначалѣ войны исключительно изъ охотниковъ. Послѣ побѣды Сѣвера, онъ началъ свою жизнь такъ, какъ начинаетъ ее большинство фермерскихъ дѣтей. Въ сельскомъ населеніи Соединенныхъ Штатовъ вы не встрѣтите такой патріархальной семьи, какъ въ Европѣ: отцу и сыну не долго приходится работать на одномъ полѣ. Какъ только молодой янки достигаетъ совершеннолѣтія—онъ уже отрѣзанный ломоть. Если онъ пожелаетъ жить тѣмъ же земледѣльческимъ трудомъ, какъ и его отецъ, онъ получаетъ отъ него пару лошадей, нѣсколько головъ скота, телѣгу съ земледѣльческими инструментами и нѣсколько денегъ на первое обзаведеніе. Молодой хозяинъ или беретъ гдѣ нибудь землю на аренду или обыкновенно отправляется искать счастія, «дѣлать себѣ домъ» (to make a home) въ привольныя преріи Запада. Практичный янки отлично знаетъ, что сельское хозяйство почти невозможно безъ хозяйки— онъ еще до отъѣзда избираетъ себѣ подругу жизни. Романъ его простъ и не многосложенъ. Еще въ школѣ, когда онъ не зналъ урока, невыносимѣе всякаго выговора учителя и стыда передъ цѣлымъ классомъ было ему чувствовать на себѣ насмѣшливый взглядъ шаловливой, черноглазой Мэри, дочери сосѣда. Потомъ, когда они подросли, они вмѣстѣ ѣздили на танцовальные вечера и пикники, и она даже не очень сердилась за «нечаянно» сорванный поцѣлуй. Да, онъ давно знаетъ, кто будетъ его женой. Передъ отъѣздомъ на Западъ весной, онъ идетъ къ ней прощаться и говоритъ, что пріѣдетъ за ней, какъ только займетъ землю и выстроитъ на ней домъ. Проходитъ лѣто. Дѣйствительно осенью онъ является домой: онъ взялъ отличный участокъ — на немъ есть лѣсъ, вода и плодороднѣйшая почва. Онъ полонъ надеждъ. Скромно заключается брачный контрактъ у мирового судьи—брачныхъ пировъ тутъ не бываетъ — и молодые, забравъ незатѣйливое приданое невѣсты, состоящее изъ ея гардероба, да принадлежностей домашняго хозяйства,—денегъ въ приданое у фермеровъ никогда не даютъ,—отправляются въ новый край, на новую жизнь, полную прелестей и лишеній.

Такимъ образомъ отецъ-фермеръ отдѣляетъ всѣхъ своихъ младшихъ сыновей — съ нимъ остается и наслѣдуетъ его ферму только старшій. Подъ старость онъ не разсчитываетъ на ихъ помощь—у нихъ будутъ уже свои многочисленныя семьи,—а самъ старается обезпечить себя къ этому времени. Таковы же были отношенія и Мариша къ родителямъ. Онъ имъ писалъ, изрѣдка ѣздилъ къ нимъ въ гости въ Иллинойсъ, но все-таки жилъ своей особенной семьей.

Пріѣхавъ на мѣсто своей теперешней фермы лѣтъ 6 тому назадъ съ запасомъ красныхъ одѣялъ, кофе, табаку и различныхъ бездѣлушекъ, Маришъ началъ торговать съ индѣйцами и взламывать лугъ. Тѣмъ временемъ вашингтонское правительство, послѣ тщетныхъ стараній оградить какъ-нибудь индѣйцевъ отъ натиска піонеровъ, купило эту землю у племени Оссэджей, которые удалились въ сосѣднюю индѣйскую территорію, и разбивъ на ее участки, стало продавать переселенцамъ. Съ тѣхъ поръ почти всѣ окрестныя земли были уже разобраны, а въ разстояніи мили отъ Мариша возникъ небольшой городокъ «Кедровая долина» (Cedar Vale). Самъ Маришъ былъ даже однимъ изъ его основателей. Исторія такихъ городковъ всегда одинакова. Какой-нибудь наиболѣе предпріимчивый изъ піонеровъ, обладающій при томъ нѣсколькими сотнями долларовъ, замѣтивъ, что мѣстность уже достаточно населилась для того, чтобы лавка необходимыхъ для фермера товаровъ не осталась безъ потребителей, выбираетъ наиболѣе центральное мѣсто, ѣдетъ за товаромъ и начинаетъ торговлю въ такъ называемомъ «городѣ», состоящемъ всего изъ одного дома и не смотря на это, носящемъ болѣе или менѣе громкое названіе. Если у него не хватаетъ своихъ собственныхъ средствъ на предпріятіе, онъ приглашаетъ къ нему нѣсколькихъ наиболѣе состоятельныхъ сосѣдей и, вновь образовавшаяся такимъ образомъ, компанія дѣятельно продолжаетъ привлекать переселенцевъ въ пока еще фантастическій городъ, земное существованіе котораго проявляется только рядами колышковъ, обозначающихъ будущія улицы. Основатели главнымъ образомъ стараются заманить къ себѣ ремесленниковъ и прежде всего кузнеца, въ которомъ такъ нуждаются фермеры для починки экипажей, ковки лошадей и пр. Затѣмъ въ одномъ изъ угловъ сарая лавки со всевозможными товарами появляется стеклянная перегородка и маленькая надпись «Post-office»—почтовая контора. Теперь уже основатели въ своихъ рекламахъ говорятъ, что ихъ «городъ имѣетъ сообщеніе съ цѣлымъ міромъ». Если мѣсто для города выбрано удачно, штатъ «непремѣнныхъ» городскихъ жителей быстро пополняется: являются сапожникъ, шорникъ, адвокатъ, аптекарь—онъ же и докторъ—и выстраивается на скорую руку досчатый домъ съ надписью «Hotel». Иногда еще раньше сапожника и аптекаря привозится въ городъ печатный станокъ и начинаетъ издаваться газета-реклама о возникающемъ городкѣ. И между мѣстными новостями, и въ отдѣлѣ внѣшней политики, ловкій редакторъ нѣтъ-нѣтъ да и тиснетъ о томъ, какъ процвѣтаетъ ихъ городъ, на какомъ красивомъ и здоровомъ мѣстѣ онъ построенъ, что черезъ него скоро пройдетъ желѣзная дорога и что, вообще, кто бы вы ни были, но если вы хотите «сдѣлать деньги»—пріѣзжайте въ ихъ городъ. Однимъ изъ подобныхъ городковъ былъ и Cedar Uale.

Теперь мой хозяинъ только и мечтаетъ о томъ, какъ бы продать свою землю. Впрочемъ, я не встрѣчалъ въ Соединенныхъ Штатахъ фермера, который бы на вопросъ, не знаетъ ли онъ продажной фермы, не указалъ бы на свою. Но Маришъ даже болѣе чѣмъ обыкновенно хотѣлъ продать или сдать въ аренду свое хозяйство, съ тѣмъ, чтобы самому ѣхать дальше на Западъ и заняться овцеводствомъ — весьма выгодная отрасль хозяйства, начинающая развиваться въ Канзасѣ.

Ферма Мариша была едва ли не лучшая въ околодкѣ. Въ ней было 240 акровъ, т. е. полтора обыкновенныхъ участка, и почти вся земля была въ долинѣ рѣки Кэни. А такія земли толь-

ко и цѣнны здѣсь. Почти 100 акровъ было подъ вѣковымъ дубовымъ и орѣховымъ лѣсомъ. Въ этомъ-то лѣсу мнѣ и пришлось проработать остальное время моего пребыванія у Мариша. Онъ купилъ только-что изобрѣтенную пильную машину для дровъ, которая приводилась въ движеніе двумя лошадьми и пилила поперегъ толстѣйшія деревья на кряжи, которыя мы кололи и отвозили въ городъ на продажу.

Вставъ до свѣту и первымъ дѣломъ затопивъ каминъ и принеся воды, я шелъ кормить скотъ, свиней и лошадей. А тѣмъ временемъ поспѣвалъ завтракъ, состоявшій обыкновенно изъ жареной свинины, картофеля, кофе и хлѣба съ масломъ. Послѣ него мы отправлялись въ лѣсъ, на ту сторону Кэнп. Зима была великолѣпная, безснѣжная, и если иногда на возвышенностяхъ «въ преріи», какъ здѣсь говорятъ, дули холодные вѣтры, то мы ихъ не знали въ долинѣ и въ лѣсу. Съ трескомъ и шумомъ валились вѣковые дубы и орѣхи подъ нашими безжалостными топорами. Грустно становилось при видѣ такого повальнаго истребленія этихъ дремучихъ лѣсовъ, которые

Аистъ на охотѣ.

въ Канзасѣ и встрѣчаются только по берегамъ рѣкъ и ручьевъ. Я не видалъ болѣе прелестнаго собранія деревьевъ, чѣмъ эти прибрежные гигантскіе природные парки. Деревья рѣдки, какъ-будто они разсажены чьею-нибудь рукою. По всѣмъ направленіямъ можно свободно ѣхать во всякомъ экипажѣ. Развѣ поваленный бурею дубъ-богатырь, въ прожженномъ дуплѣ котораго могло бы помѣститься цѣлое семейство, преградитъ вамъ дорогу. Зимой высокая, сухая трава посыпанная листьями прилегаетъ къ землѣ; деревья голы и кругомъ полнѣйшая тишина. Въ это время года человѣкъ избавленъ отъ очень непріятнаго сосѣдства въ лѣсахъ — множества змѣй, изъ которыхъ гремучая считается самой обыкновенной.

Въ лѣсной работѣ на моей обязанности было подвозить поваленныя деревья, для чего я петлею изъ цѣпи захватывалъ ихъ и волокомъ на парѣ воловъ тащилъ къ машинѣ. А потомъ къ вечеру кололъ дрова и отвозилъ ихъ въ городъ. Трудно давалось мнѣ управленіе волами — повидимому немудреная вещь. Памятенъ для меня дебютъ мой по этой части. Хозяинъ только что предупредилъ, что управлять волами вовсе не такъ просто. Я храбро беру въ руки плеть, раздается «джи! джи!»... и фургонъ, до верху нагруженный дровами, въѣзжаетъ на громадный пень. Пришлось долго возиться, чтобы его высвободить. Управленіе волами—хорошая школа терпѣнія.

Воротившись съ работы домой, я дѣлалъ тоже, что и утромъ. А длинные зимніе вечера незамѣтно проходили въ семьѣ хозяина. Домъ нашъ, какъ и вообще у американцевъ, былъ холодный, сбитый только изъ досокъ, и потому вся семья по вечерамъ, волей-неволей, сгруппировывалась у большого камина, грубо сложеннаго изъ неотесанныхъ камней. Подъ мѣрное покачиваніе на rocking-chair — качающемся креслѣ — нашихъ дамъ, т. е. хозяйки и работницы, — американки чрезвычайно любятъ эту мебель,—Маришъ намъ много разсказывалъ про свою военную жизнь и невзгоды первыхъ лѣтъ піонерства. Миссисъ Маришъ и теперь не могла безъ ужаса вспомнить ихъ близкаго сосѣдства съ индѣйцами, когда она съ часу-на-часъ ожидала, что ихъ оскальпируютъ.

Въ субботу уходили съ работы раньше и старались поскорѣй справиться со скотомъ, чтобы поѣхать въ городокъ, гдѣ обыкновенно бывалъ въ это время или танцовальный вечеръ или засѣданіе какого-нибудь общества. Въ западныхъ Штатахъ непремѣнную принадлежность всякой группы домиковъ, носящихъ названіе города, составляютъ секціи трехъ самыхъ распространенныхъ въ Союзѣ обществъ: франкъ-массоновъ, трезвости и грэнджеровъ. Тогда какъ въ Европѣ массонскія ложи, если не кончили вовсе своего существованія, то и ни чѣмъ его не заявляютъ, о нихъ совсѣмъ и не слышно, въ Соед. Штатахъ это мистическое братство насчитываетъ нѣсколько сотъ тысячъ членовъ, распредѣленныхъ между болѣе чѣмъ 6,000 ложъ. Въ каждомъ штатѣ есть одна главная ложа, около которой группируются остальныя. Правда, теперь это братство обратилось просто въ общество взаимнаго вспоможенія, не претендуя, какъ прежде, на какую нибудь политическую роль,—да въ предлогъ собираться для пѣнія и чтенія какихъ-то таинственныхъ псалмовъ и исполненія различныхъ обрядовъ.

Наклонность къ мистицизму—замѣчательная черта американцевъ, этого, повидимому, реальнѣйшаго народа въ мірѣ. Спириты насчитываютъ своихъ послѣдователей милліонами, да кромѣ того въ Соед. Штатахъ существуетъ масса тайныхъ обществъ, которыя, не смотря на всю реальность своихъ задачъ, болѣе или менѣе, окутаны мистическимъ туманомъ. Самое сильное и распространенное изъ нихъ—общество грэнджеровъ или «блюстителей земледѣлія». Оно поставило своей задачей охранять интересы земледѣльческаго класса. Туда принимаются и мужчины и женщины и ихъ непубличныя засѣданія имѣютъ семейный характеръ. Еще съ утра въ день засѣданія миссисъ Маришъ отправляла меня на охоту за индѣйками, не дикими, а домашними, но которыя цѣлый годъ жили въ преріи и на поляхъ, доставляя хозяйкѣ только одну заботу—своей поимки. Руками поймать ихъ не было никакой возможности и приходилось устроивать правильную охоту, съ зажаренными результатами которой, въ видѣ двухъ жирныхъ птицъ, моя хозяйка и отправлялась на митингъ. Тамъ послѣ засѣданія всегда бывалъ общій ужинъ, на который каждая фермерша и привозила свою лепту. Грэнджеры собирались довольно часто; зимой почти каждую недѣлю. Хотя регулярныя собранія «общества трезвости» и бывали значительно рѣже, раза два въ годъ, все таки члены его сходились можетъ быть и чаще «блюстителей земледѣлія» въ тайныхъ кабачкахъ, на интимныхъ попойкахъ.

Гораздо больше, чѣмъ всѣ эти общества, привлекали публику танцовальные вечера. Въ маленькихъ городкахъ они устраиваются такимъ образомъ. Глубокою осенью, когда уже всѣ поля убраны, содержатель гостинницы, залучивъ двухъ-трехъ музыкантовъ—въ недостаткѣ-то ихъ все и горе—вывѣшиваетъ въ почтовой конторѣ, самомъ людномъ въ городѣ мѣстѣ, объявленіе, что такого-то числа будутъ "танцы"—Dance. Молодежь давно ждала этого дня.

Нетерпѣливо бьется сердце какой-нибудь миссъ Кэтъ, въ ожиданіи, что за ней пріѣдетъ ея Чар-

ли. Уже коровы давно подоены, ужь садится солнце, а его все таки нѣтъ. А одѣваться еще незваной неловко, ну какъ не пріѣдетъ вовсе, то-то будетъ смѣяться маленькій братишка, да еще и Чарли-то перескажетъ... Но вотъ показывается пара знакомыхъ вороныхъ. Да, это онъ! Но она еще не будетъ одѣваться, чтобы не подать виду, что она его ждала. Объясненія недолги: черезъ нѣсколько минутъ, радостная, улыбающаяся и счастливая Кэтъ сидитъ въ фургонѣ рядомъ съ своимъ Чарли—однимъ изъ лучшихъ мѣстныхъ жениховъ. На немъ черная пара и на загорѣломъ, растрескавшемся затылкѣ рѣзко выдѣляется ярко-бѣлый бумажный воротничекъ. Его дама одѣта хоть немного пестро, но не безъ кокетства; даже замѣтно, что послѣдняя парижская мода, которую уже успѣла возвѣстить мѣстная газетка, имѣла рѣшительное вліяніе на ея панье. Они пріѣзжаютъ въ городокъ, когда вечеръ уже въ полномъ разгарѣ. Подъ рѣзкіе звуки импровизированнаго оркестра, состоящаго изъ двухъ странствующихъ италиянцевъ съ цитрой и скрипкой и сосѣдняго фермера съ кларнетомъ, пары рѣзво отплясываютъ веселый котильонъ—до сихъ поръ еще самый любимый танецъ американцевъ. Въ залѣ, или вѣрнѣе въ просторномъ сараѣ, видна одна только молодежь. Ни на одномъ танцовальномъ вечерѣ въ Америкѣ вы не увидите, чинно размѣстившихся у стѣнъ и наводящихъ скуку, стерегущихъ маменекъ. Кавалеры, доставъ билеты для себя и для своихъ дамъ—билеты иначе и не бываютъ какъ парные,—везутъ послѣднихъ на вечеръ, гдѣ все время только и танцуютъ съ разъ избранной дамой. Вечеръ завершается ужиномъ и, ужь далеко за полночь, навеселившіяся пары тѣмъ же порядкомъ разъѣзжаются по домамъ. Врядъ ли въ какой нибудь другой цивилизованной странѣ дѣвушка пользуется такой свободой, какъ въ Соед. Штатахъ. Она совершенно самостоятельно можетъ выбирать своихъ знакомыхъ и принимать ихъ въ своемъ домѣ, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, извѣстны ли они ея родителямъ; она, такъ сказать, оффиціально имѣетъ своего друга *) между молодыми людьми.

Ея «боу»—ея всегдашній кавалеръ на танцовальныхъ вечерахъ и пикникахъ—обыкновенно, хотя далеко не всегда, становится и ея мужемъ. Совмѣстное обученіе обоихъ половъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ не даетъ вырости той китайской стѣнѣ между ними, какую мы замѣчаемъ даже у самыхъ передовыхъ европейскихъ націй. Отсутствію такого обособленія мы приписываемъ то, сравнительно малое количество, неудачныхъ браковъ и семейныхъ раздоровъ, которое мы наблюдали у американцевъ.

Незамѣтно прошелъ мѣсяцъ моего пребыванія у Мариша. За это время онъ снабдилъ дровами весь городокъ, а весеннія работы еще не начинались, и у него не было больше для меня дѣла. Плату онъ мнѣ назначилъ вполнѣ добросовѣстно, принимая во вниманіе зимнюю безработицу,—именно 6 дол. въ мѣсяцъ. Пришлось опять искать занятія, и я, взваливъ свой немудреный багажъ на плечи, пошелъ опять странствовать по фермамъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

Аистъ на охотѣ.

(Рис. стр. 248.)

Аисты питаются обыкновенно полевыми мышами, змѣями, жабами, лягушками и крупными насѣкомыми; но сильно голодные, они хватаютъ болѣе крупную дичь, чему и подвергся несчастный зайченокъ, изображенный на нашемъ рисункѣ. Аистъ не съѣдаетъ своей жертвы на мѣстѣ, но относитъ ее куда-нибудь, на берегъ знакомаго пруда, и принимается здѣсь трясти ее и бить клювомъ, пока не обратитъ ее въ массу, годную для легкаго проглатыванія. Ѣстъ аистъ очень жадно и безпрестанно охотится для удовлетворенія своего апетита. Самое любимое блюдо аиста—это угри, и онъ ловитъ ихъ съ изумительнымъ искуствомъ. Угорь, намѣченный ловкою птицею, рѣдко ускользаетъ отъ него и сорвется скорѣе со всякаго рыболовнаго крючка, чѣмъ выберется вновь на свободу изъ длиннаго клюва аиста.—Какъ извѣстно, аистъ легко дружится съ человѣкомъ и устроиваетъ свои гнѣзда не подалеку отъ его жилищъ. Въ европейскихъ городахъ, аисты нерѣдко расхаживаютъ по улицамъ, въ особенности по близости рыбныхъ рынковъ, гдѣ достаютъ себѣ обильную пищу въ рыбной падали.

*) Да будетъ стыдно тому, кто дурно объ этомъ подумаетъ.

Новости наукъ и жизни.

— **Труды московскихъ астрономовъ.** Библіотека московской астрономической обсерваторіи, пишутъ намъ, обогатилась цѣннымъ пожертвованіемъ замѣчательныхъ изданій, сдѣланнымъ г. Драшусовымъ, бывшимъ профессоромъ астрономіи въ университетѣ. Предпринятое подъ редакціею директора обсерваторіи, профессора Ф. М. Бредихина, изданіе ея наблюденій идетъ успѣшно. Уже появляется четвертый томъ. Въ послѣднихъ выпускахъ помѣщены работы г. Бредихина по вопросу о хвостѣ одной кометы 1874 г. о спектрѣ другой 1877 г., объ аномальныхъ формахъ въ развитіи кометъ, наблюденія Юпитера, и статьи гг. Цераски, Громадзскаго, Соколова и Бѣлопольскаго.

— **Замѣчательный трудъ о метеорологіи.** Главной физической обсерваторіей подготовляется изданіе въ свѣтъ труда о температурѣ воздуха въ Россіи, на основаніи критическаго разсмотрѣнія всего запаса произведенныхъ до сихъ поръ наблюденій. Руководство этою работою и выводъ общихъ заключеній на основаніи вычисленныхъ результатовъ принялъ на себя академикъ Вильдъ, директоръ обсерваторіи; сотрудниками его въ этомъ полезномъ дѣлѣ состоятъ гг. Абельсъ, Валенъ и Ларенцони. Первая часть труда, заключающая въ себѣ суточный ходъ температуры, оканчивается печатаніемъ. Во вторую часть войдутъ годовой ходъ температуры по ежемѣсячнымъ среднимъ, а изотермы Россіи на основаніи наблюденій изъ 300 лѣтъ внутри имперіи; эта часть вслѣдствіе затрудненій, встрѣчаемыхъ при критической оцѣнкѣ матеріала, собраннаго съ столь обширнаго пространства, медленно приближается къ концу.

— **Средство противъ водобоязни.** Въ «Пет. Листкѣ» пишутъ: «По поводу недавно бывшихъ въ Петербургѣ, несмотря на зимнее время, случаевъ бѣшенства собакъ, предлагаемъ слѣдующее средство, употребляемое противъ водобоязни въ Китаѣ. Тамъ водобоязнь успѣшно лечатъ отваромъ изъ дурмана (datura stramonium), который, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ дѣйствуетъ какъ сильный ядъ. По словамъ англійскаго медицинскаго изданія «Lancet», китайскій способъ леченія водобоязни дурманомъ довольно распространенъ во всей юго-восточной Азіи и даже на южно-азіятскихъ островахъ. Такъ, въ томъ же изданіи описываются два случая полнаго излеченія больныхъ водобоязнью туземными врачами Кохинхины и Цейлона при помощи декокта изъ красныхъ листьевъ названнаго растенія. Декоктъ во многихъ дозахъ дается больнымъ въ теченіи сутокъ, и его дѣйствіе обнаруживается лихорадочными припадками, вмѣстѣ съ которыми окончательно исчезаютъ и симптомы бѣшенства отъ укуса зараженныхъ водобоязнью животныхъ».

— **Электрическое зеркало.** На парижско-марсельской желѣзной дорогѣ сдѣланы будутъ на дняхъ опыты съ необыкновенно-важнымъ изобрѣтеніемъ, имѣющимъ цѣлью отвратить возможность несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ. Изобрѣтеніе это состоитъ въ электрическомъ зеркалѣ, которое будетъ находиться на всѣхъ желѣзно-дорожныхъ станціяхъ и въ которомъ будутъ отражаться всѣ движенія на пути. По отзыву очевидцевъ, лицъ вполнѣ компетентныхъ,—новое изобрѣтеніе верхъ совершенства.

— **Первая фабрика стальныхъ перьевъ въ Россіи.** Недавно въ Москвѣ открылась фабрика стальныхъ перьевъ г. Стефанини. Стальныя перья до сего времени привозились въ Россію исключительно изъ-за границы, и преимущественно изъ Англіи. Фабрика г. Стефанини—первая фабрика стальныхъ перьевъ въ Россіи.

— **Покупка острова.** Съ острова Мартиники телеграфируютъ, отъ 21-го марта, что 16-го марта послѣдовала передача французскимъ властямъ острова св. Варфоломея, купленнаго Франціей у Швеціи.

— **Кіоскъ для книжной торговли.** Извѣстный варшавскій книгопродавецъ и издатель нѣсколькихъ періодическихъ изданій и различныхъ книгъ, владѣлецъ лучшей въ Варшавѣ типографіи, г. Граціанъ Унгеръ, предполагаетъ устроить въ Парижѣ, на всемірной выставкѣ, особый кіоскъ, въ которомъ во время выставки будутъ продаваться отдѣльными нумерами всѣ варшавскія періодическія изданія и всевозможныя польскія книги. По словамъ мѣстныхъ газетъ, г. Граціанъ Унгеръ уже заручился для устройства на выставкѣ кіоска необходимымъ разрѣшеніемъ и сдѣлалъ всѣ необходимыя для того приготовленія.

— **Древнѣйшій папирусъ.** Французское правительство недавно пріобрѣло папирусъ съ египетскими іероглифами, одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ, какой только встрѣчался досихъ поръ. Папирусъ этотъ длиною 8 метровъ 50 сантиметровъ, а шириною въ 45 сант. ему по крайней мѣрѣ, 4000 лѣтъ, слѣдовательно, онъ существовалъ за 2000 л. до Р. Х., и въ немъ оказалось описаніе жизни, смерти и погребенія «великой королевской матери Гер-Горы», родоначальницы первой королевской династіи Египта. Этотъ замѣчательный документъ пріобрѣтенъ всего за 4000 франковъ, только потому, что никто не рѣшался приступить къ его развертыванію, что вполнѣ удалось французскому реставратору Пепелли.

— **Подводное судно.** Инженеръ Кейфлеръ, въ Копенгагенѣ, изобрѣлъ судно, которое съ такою же легкостью ходитъ подъ водою, какъ и на поверхности воды. Судно это, которое главнымъ образомъ, предназначено для нападенія на непріятельскіе корабли, для открытія подводныхъ минъ и торпедъ, или для проложенія таковыхъ, на половину закрыто и снабжено паровою машиною, дѣйствующею какъ въ горизонтальномъ, такъ и въ вертикальномъ направленіи.

— **Бюстъ республики.** Скульпторъ Клезингеръ получилъ отъ правительства заказъ колоссальной статуи республики, которая будетъ вылита изъ бронзы и поставлена въ Трокадеро, противъ Іенскаго моста. Клезингеру дано двадцать тысячъ франковъ на алебастровую модель этой статуи.

— **Дымный способъ изслѣдованія судовъ.** Норвежскій судостроитель Бревинъ предложилъ новый чрезвычайно остроумный способъ изслѣдованія вновь строющихся судовъ относительно того, будутъ ли они имѣть течь или нѣтъ. Способъ этотъ безъ сомнѣнія принесетъ большую пользу судостроителямъ и судовладѣльцамъ. Изобрѣтенный Бревиномъ способъ представляетъ полную гарантію въ томъ, что малѣйшее отверстіе въ корпусѣ судна будетъ опредѣлено въ точности и слѣдовательно получится полная возможность къ его устраненію. Выполненіе способа также очень просто: закрываютъ плотно всѣ люки и другія отверстія въ суднѣ, затѣмъ внутренность судна сообщаютъ помощью гуттаперчеваго шланга съ особымъ аппаратомъ, который въ состояніи накачивать въ трюмъ отъ 1650 до 1750 кубическихъ фут. дыма въ минуту. Когда такимъ образомъ достигнутъ давленія отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 фунт. на квадратный дюймъ, обнаружится всякое самое незначительное отверстіе, такъ какъ изъ него пойдетъ дымъ. Примѣненіемъ этого метода является слѣдовательно возможность от-

крыть мѣсто будущей течи, если бы даже отверстіе было не болѣе того, какое можетъ остаться послѣ вытащеннаго гвоздя. Члены извѣстнаго бюро «Veritas», какъ сообщаетъ «Кронштадтскій Вѣстникъ», выразили желаніе, чтобы каждое новое судно до его спуска со стапеля было подвергаемо такой «дымной» пробѣ. Норвежскій изобрѣтатель установилъ свой аппаратъ на небольшомъ пароходикѣ, который такимъ образомъ можетъ переходить отъ одной верфи къ другой. Нельзя не согласиться, что новоизобрѣтенный способъ чрезвычайно остроуменъ и въ то же время крайне простъ и удобенъ, и примѣненіе его несомнѣнно принесетъ пользу въ судостроеніи, какъ коммерческихъ, такъ и военныхъ судовъ.

— **Литературный конгрессъ.** Комитетъ общества писателей въ Парижѣ порѣшилъ устроить, во время парижской выставки литературный конгрессъ. На этотъ конгрессъ будутъ приглашены всѣ иностранные писатели и на немъ будетъ разбираться вопросъ о международномъ литературномъ правѣ собственности, непризнанномъ дипломатической конвенціей. Французское правительство даетъ этому конгрессу залъ въ зданіи выставки. Викторъ Гюго будетъ предсѣдателемъ конгресса.

— **Первый художественный заказъ для Китая.** Живописецъ Гудисенъ окончилъ въ англійской національной галлереѣ копію съ извѣстной картины Сассаферота «Молящаяся мадонна», заказанную китайскимъ посломъ при берлинскомъ дворѣ, его превосходительствомъ Лію-Гзи-Нпугомъ. Это первое произведеніе христіанскаго искуства, заказанное китайцемъ.

Дипломъ парижской выставки. Трудная задача составленія изящнаго и художественнаго рисунка для дипломовъ, которые будутъ раздаваться въ награду экспонентамъ за всемірную парижскую выставку 1878 года, была поручена, по словамъ парижскихъ газетъ, извѣстному художнику Бодри. Въ настоящее время онъ окончилъ возложенное на него дѣло и представилъ въ министерство изящныхъ искусствъ изготовленный проектъ рисунка для диплома. Въ верхней части листа, надъ девизомъ «Gallia pacis artibus rediviva», художникъ изобразилъ Францію. Она символически представлена въ образѣ прекрасной молодой женщины въ сидячемъ положеніи. На колѣняхъ ея покоится мечъ; она протягиваетъ руку Труду, котораго увѣнчиваетъ лаврами геній, стоящій между двумя этими фигурами. Въ высшей степени изящная позировка лицъ этой группы дополняется изображеніемъ задумчиво покоящейся богини мира, на которую опирается Франція. По бокамъ листа расположены двѣ колонны смѣшаннаго архитектурнаго стиля, поддерживающія фризъ и служащія какъбы рамой для диплома. На лѣвой колоннѣ помѣщены надписи: «Sciences.—Veritas.—Lumina numina nostra». Къ колоннѣ прислонился геній; въ рукахъ у него жезлъ Меркурія и развернутый планъ всемірной выставки 1878 года. Внизу атрибуты, изображающіе рожь, виноградъ, сахаръ и масло. Правая колонна опирается на атрибуты, представляющіе плугъ, серпъ и т. п.; на ней надписи: «Beaux-Arts.—Pulchrum.—Ars superat et superest». Къ правой колоннѣ также прислонена фигура генія, покровителя изящныхъ искусствъ. Весь рисунокъ исполненъ съ необыкновеннымъ вкусомъ и чрезвычайно изящно.

—**Голодъ въ Китаѣ.** Въ «Nord China Herold» пишутъ ужасы о послѣдствіяхъ голода, который свирѣпствуетъ въ продолженіи восьми мѣсяцевъ въ Китаѣ. Въ провинціи Шази, гдѣ живетъ 10 милліоновъ жителей, голодъ такъ силенъ, что тамъ душатъ дѣтей, потомъ ихъ варятъ и ѣдятъ. Мужчины въ корзинахъ носятъ дѣвочекъ на рынокъ и продаютъ ихъ за два за три франка. На дорогахъ валяются тысячи труповъ, и ихъ ѣдятъ собаки и разносятъ коршуны. 6-го января въ Тіенъ-Синѣ, гдѣ было 50,000 бѣглецовъ, отъ голода бѣжавшихъ изъ деревень, вспыхнулъ пожаръ; 2,500 женщинъ и дѣтей, помѣщавшихся въ деревянныхъ баракахъ, сгорѣли за живо.

— **Абхазскія дыня и огурецъ.** Въ февральской книжкѣ «Вѣстника россійскаго общества садоводства» помѣщена нелишенная интереса и практическаго значенія статья г. В. Чернявскаго: «Длинная абхазская дыня и высоковьющійся абхазскій огурецъ». Г. Чернявскій находитъ что оба эти сорта растеній стоило бы ввести въ культуру и распространить по русскимъ деревнямъ, въ виду ихъ замѣчательнаго роста, плодовитости и вкуса, а также крайней нетребовательности относительно ухода. Абхазская дыня, всего два раза въ лѣто, очищаемая отъ сорныхъ травъ и окучиваемая мотыкою, достигаетъ 26 фунтовъ вѣса, $^3/_4$ аршина длины, родитъ въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ на одной роскошнолиственной плети и отличается превосходнымъ вкусомъ; абхазскій огурецъ великъ, твердъ, проченъ, имѣетъ мало сѣмянъ, а главное, самъ ведетъ борьбу съ сорными травами, вредною сыростью и другими препятствіями къ его развитію, удаляясь посредствомъ высокаго витья изъ тѣсноты на просторъ, свободный воздухъ и солнце.

Смѣсь.

— ***Жизнь какъ она есть.*** Не смотря на всепоглощающій интересъ политическихъ событій, читатели газетъ, просмотрѣвъ съ лихорадочнымъ любопытствомъ телеграммы, всегда съ интересомъ пробѣгаютъ отчеты о судебныхъ дѣлахъ и мелкія извѣстія объ убійствахъ, кражахъ, поджогахъ и такъ далѣе. Этотъ интересъ очень понятенъ, такъ какъ въ сущности политическія событія рѣдко касаются лично до насъ, а преступленія и поступки, преступники и жертвы составляютъ, увы! необходимый элементъ нашей ежедневной жизни, и каждый изъ насъ такъ или иначе можетъ быть причастенъ къ судебному дѣлу. Наконецъ, лѣтопись преступленій составляетъ самую вѣрную и характеристичную картину данной эпохи изо дня въ день, а потому неудивительно, что газеты, особенно англійскія и французскія, съ особенной любовью занимаются этимъ животрепещущимъ отдѣломъ, который, кромѣ минутнаго интереса, имѣетъ еще и важное значеніе съ бытовой общечеловѣческой точки зрѣнія. Въ послѣднемъ отношеніи мелкія, незначительныя судебныя дѣла обращаютъ на себя такое же вниманіе, какъ крупныя громкія «Causes Celebres». Возьмемъ, напримѣръ, любую французскую газету за послѣдніе дни и хотя мы не найдемъ драматическаго разсказа объ ужасныхъ преступленіяхъ, совершенныхъ Билоаромъ или Моайо въ прошломъ году, но все же мы получимъ достаточный матеріалъ для живой картинки современныхъ нравовъ общественной жизни.

Начнемъ съ убійства, совершеннаго на югѣ Франціи. Въ Вивье близь Монтолимара, вдова фермера, по имени Сервье, возвратясь домой съ рынка нашла въ своей комнатѣ молодого семнадцатилѣтняго пастуха, который преспокойно ломалъ замокъ ея комода. Видя, что его поймали, юноша не производитъ никакого шума, не ищетъ спасенія въ бѣгствѣ, а просто схватываетъ съ полу веревку, накидываетъ ее на шею несчастной и затягиваетъ узломъ. Задушивъ ее такъ хладнокровно, онъ бросаетъ ея тѣло на дрова, горѣвшія подъ очагомъ и удаляется, захвативъ 10 франковъ и золотую цѣпочку. Въ тотъ же день вечеромъ его арестуютъ въ кабачкѣ и онъ тотчасъ во всемъ признается. Въ то самое время, какъ эта трагедія происходила въ отдаленномъ сельскомъ уголкѣ Франціи, въ Парижѣ солдатъ, сидѣвшій въ военной тюрьмѣ за какой-то маловажный поступокъ находитъ, что одиночное заключеніе невыносимо и что, по всей вѣроятности, ему будетъ гораздо лучше въ Новой Каледоніи, гдѣ ссыльнымъ арестантамъ дозволяютъ жить довольно свободно и даже жениться. Не долго думая, онъ поджигаетъ свою постель съ цѣлью сжечь всю тюрьму. Его, какъ онъ и ожидалъ, предаютъ военному суду, но онъ не расчиталъ того, что по французскимъ законамъ поджегъ казеннаго зданія влечетъ за собою не ссылку, а смертную казнь, которой онъ и будетъ, вѣроятно, подвергнутъ на дняхъ для примѣра. Надо замѣтить, что французскія тюрьмы далеко не въ удовлетворительномъ положеніи, потому не удивительно, что недавно защитникъ одного подсудимаго, подлежавшаго тюремному заключенію на пять лѣтъ, просилъ присяжныхъ признать отягчающія обстоятельства его вины, чтобъ добиться ссылки въ Новую Каледонію. Присяжные оказались мягкосердечными и уважили ходатайство защитника, отправивъ его кліента въ десятилѣтнюю ссылку.

Теперь обратимся къ болѣе романтичнымъ преступленіямъ. На прошлой недѣлѣ въ Парижѣ молодой лавочникъ, 25 лѣтъ, отправился въ театръ съ своей возлюбленной, хорошенькой продавщицей, 23-хъ лѣтъ. Возвратясь домой, красавица, возбужденная видѣнной мелодрамой, потребовала, чтобъ ея любовникъ женился на ней. Онъ далъ уклончивый отвѣтъ; выхвативъ изъ кармана пистолетъ, неизвѣстно какъ пріобрѣтенный, она выстрѣлила въ него два раза, а затѣмъ думая, что убила его, выстрѣлила и въ себя. Но молодой человѣкъ не былъ убитъ, а несчастная заплатила жизнью за минуту безумнаго увлеченія. Нѣсколько ранѣе этого грустнаго случая произошла трагедія, тайна которой еще до сихъ поръ не открыта. Г-жа Гартманъ вышла замужъ 4-го декабря за человѣка богатаго и имѣющаго хорошее положеніе въ свѣтѣ. Въ концѣ медоваго мѣсяца они пріѣхали въ Парижъ и остановились въ Орлеанской гостинницѣ; вдругъ молодой сталъ задумываться и грустить, а на третій день ушелъ изъ дома и бросился въ Сену. Узнавъ страшную вѣсть, молодая выбѣжала изъ гостинницы и до сихъ поръ полиція не можетъ попасть на ея слѣдъ. А вотъ и вторая брачная драма, разыгравшаяся въ Парижѣ въ настоящую зиму. Въ началѣ января жена парикмахера въ улицѣ Бакъ, побранившись съ мужемъ, на третій день послѣ свадьбы ушла изъ дома. Мужъ ждалъ цѣлый день ея возвращенія, полагая, что она пошла къ своимъ родителямъ, но тщетно, а на слѣдующее утро онъ получилъ извѣстіе изъ полиціи, что ея тѣло вынуто изъ рѣки у Альмскаго моста. Рядомъ съ этими трагедіями блѣднѣетъ случай съ молодымъ, который на дняхъ былъ арестованъ во время свадебнаго бала за воровство, но положеніе молодой крайне грустное. Женихъ, устраивая магазинъ, въ которомъ его будущая жена должна была сидѣть за конторкой, обратился съ просьбой ссудить ему необходимую сумму денегъ къ своей теткѣ, богатой вдовѣ, которая ему отказала и онъ, не зная, что дѣлать, забрался тайно въ ея квартиру, сломалъ денежный сундукъ и похитилъ необходимую ему сумму. Какой-то неожиданный случай обратилъ на него подозрѣніе и онъ былъ арестованъ, танцуя кадриль съ своей молодой женой на свадебномъ балу. Этотъ случай снова возбудилъ въ газетахъ вѣчно животрепещущій вопросъ о разводѣ, который въ подобныхъ обстоятельствахъ было бы легко получить бѣдной женщинѣ въ Англіи, но онъ немыслимъ по французскимъ законамъ.

Въ числѣ бракоразводныхъ дѣлъ пользуется большой славой въ послѣднія пять лѣтъ процессъ герцогини Бофремонъ, который разбирается ежегодно парижскими судами и на дняхъ будетъ окончательно разрѣшенъ. Принцесса, по рожденію бельгійская подданная, вышла замужъ 15 лѣтъ тому назадъ за герцога Бофремона, уланскаго полковника. У нея родилось двое дѣтей, но впослѣдствіи супруги не поладили и она просила юридическаго освобожденія отъ брачныхъ узъ, единственной формы условнаго развода, допускаемаго французскими законами, на основаніи которыхъ супруги въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ разъѣхаться и не жить вмѣстѣ, но не имѣютъ право вторично вступать въ бракъ. Судъ отказалъ молодой женщинѣ въ виду неосновательности ея доводовъ противъ мужа, но герцогиня, влюбившаяся въ румынскаго князя Георгія Бибеско, бѣжала съ нимъ и съ своими дѣтьми въ Германію, гдѣ принявъ германское подданство, добилась развода по законамъ своего новаго отечества и вышла замужъ за князя Бибеско. Этотъ законный въ Германіи бракъ, по французскимъ законамъ составляетъ двоемужство и герцогъ Бофремонъ, желая возвратить себѣ своихъ дѣтей, обратился съ просьбою объ этомъ въ судъ, ко

торый присудилъ герцогиню къ уплатѣ 1,000 франковъ въ день въ пользу мужа до возвращенія дѣтей. Повидимому, герцогиня не имѣетъ ни малѣйшаго желанія разстаться съ дѣтьми и возвратиться во Францію, гдѣ могли бы арестовать ее и судить за двоемужство. Такимъ образомъ, въ каждую сессію парижскихъ судовъ разсматривается это нескончаемое дѣло и адвокаты герцогини пользуются всевозможными проволочками и юридическими тонкостями французскаго судопроизводства для доказательства, что это дѣло неподсудно французскимъ судамъ, такъ какъ княгиня Бибеско румынская подданная, и что по той же причинѣ ея помѣстья во Франціи не могутъ быть секвестрованы.

Подобный же процессъ о правѣ матери на дѣтей недавно былъ разрѣшенъ въ Парижѣ, но, по всей вѣроятности, его результатъ будетъ дѣйствительнѣе. Актриса Дефодонъ вышла замужъ за Шевалье-де-Вальдрома, брата бывшаго министра Наполеона III, и послѣ его смерти вела слишкомъ разсѣянную жизнь, что не понравилось брату покойнаго и онъ добился судебнаго рѣшенія, по которому ея ребенокъ, мальчикъ 7 лѣтъ, былъ отнятъ у своей матери и отданъ на воспитаніе доминиканскимъ монахамъ. Матери было только дозволено видѣть сына два раза въ недѣлю втеченіи двухъ часовъ. Въ новый годъ одинъ изъ монаховъ привезъ ребенка къ г-жѣ Вальдромъ для свиданія; но тутъ произошла раздирающая сцена: мальчикъ ни за что не хотѣлъ разставаться съ матерью; тронутая его слезами, она тайно увела его изъ дома по задней лѣстницѣ, отправилась съ нимъ въ Бельгію, а оттуда въ Лондонъ, гдѣ и живетъ до сихъ поръ. Парижскій судъ присудилъ ее къ уплатѣ 500 франковъ въ день штрафа до возвращенія ребенка къ монахамъ. Хотя бѣдная мать не соглашается исполнить этого приговора, разсчитывая на покровительство англійскихъ законовъ, но ея положеніе критическое, такъ какъ въ качествѣ французской подданной, она можетъ лишиться всего наслѣдства, полученнаго отъ мужа.

— **Исполинскій акваріумъ.** Между Англіею и Америкою происходитъ состязаніе въ томъ, кто кого перещеголяетъ въ устройствѣ исполинскихъ акваріумовъ. Въ Нью-Іоркѣ устроили акваріумъ такихъ почтенныхъ размѣровъ, что въ немъ могли помѣстить акулу и кита. Но Лондонъ перещеголялъ. Вест-минстерскій акваріумъ превосходитъ своими грандіозными размѣрами всѣ существующіе акваріумы. Теперь для него привезенъ живой китъ 65 аршинъ длиною; вѣсъ этого морского чудовища около 2.500 пудовъ. Китъ этотъ перевезенъ изъ Америки въ Англію на пароходѣ австрійскаго Ллойда, въ деревянномъ ящикѣ, въ которомъ были отверстія, чтобы китъ могъ свободно дышать. Въ ящикъ этотъ регулярно вливали необходимое для него количество морской воды. Китъ благополучно прибылъ въ Соутгамтонъ, откуда его перевезли въ Лондонъ по желѣзной дорогѣ. Переселеніе заатлантическаго гостя въ бассейнъ вест-минстерскаго акваріума совершилось безъ особенныхъ затрудненій.

— **Банкротство города.** Городское управленіе Флоренціи прекратило свои платежи. Причиною катастрофы было дурное веденіе городского хозяйства и то обстоятельство, что городъ Флоренція произвелъ громадные расходы въ то время, когда онъ былъ королевской резиденціею. Для покрытія своихъ расходовъ флорентійское муниципальное управленіе выпускало лотерейные займы. Въ послѣднее время сумма этихъ займовъ, обращающихся на европейскихъ биржахъ, простиралась до 30 милл. франковъ.

— **Картинка нашихъ нравовъ.** Козелецкій купецъ С., какъ пишутъ въ «Кіевлянинѣ», сойдясь на пирушкѣ съ купцомъ Л., поспорилъ, и споръ окончился пари, заключавшемся въ томъ, что выигравшая сторона, по истеченіи извѣстнаго времени, имѣетъ право дать 150 ударовъ розгами проигравшей. Сдѣлка эта была сдѣлана при свидѣтеляхъ и заключено было условіе, а для большей его законности, приклеена на немъ марка и подписались свидѣтели. Насталъ срокъ, и Л. оказался проигравшимъ. При тѣхъ же самыхъ свидѣтеляхъ, въ силу условія, Л. добровольно легъ, а С. началъ приводить въ исполненіе условіе 10 или 15 ударовъ настолько донялп Л., что онъ вскочилъ и отъ дальнѣйшей операціи отказался. Слово за слово, — пошла руготня. С. пустилъ въ ходъ кулачное право и при помощи своей мощной пятерни, извлекъ изъ главы Л. добропорядочный пукъ волосъ, послѣ чего бывшіе свидѣтели прекратили своимъ вмѣшательствомъ эту драку. Л., чувствуя себя обиженнымъ, подалъ жалобу мировому на С. за нанесеніе ему побоевъ и за оскорбленіе. Мировой судья приговорилъ оштрафовать С. тремя рублями въ пользу мѣстъ тюремнаго заключенія. Л. переноситъ дѣло въ съѣздъ.

— **Любопытный фактъ.** Газета, издающаяся въ Вазѣ сообщаетъ слѣдующій весьма любопытный въ своемъ родѣ фактъ: «Въ прошломъ году первое оглашеніе жениха и невѣсты послѣдовало въ нашемъ городѣ 24-го февраля. Такъ какъ до тѣхъ поръ, въ теченіи восьми недѣль ни одинъ изъ членовъ прихода не изъявилъ намѣренія вступить въ бракъ, то оглашеніе это надѣлало много шуму. Въ нынѣшнемъ году прошло уже болѣе девяти недѣль, а къ пастору въ Вазѣ не явилось еще ни одного жениха и ни одной невѣсты съ просьбою огласить ихъ».

— **Самый высокій человѣкъ.** Согласно обнародованнымъ въ «Антропологическомъ Обозрѣніи» статистическимъ даннымъ, оказывается величайшимъ человѣкомъ на земномъ шарѣ финляндецъ, ростъ котораго 2 метра 83 сент. (4 аршина); самымъ-же маленькимъ человѣкомъ является карликъ въ Швейцаріи, величиною всего въ 43 сентиметра (нѣсколько менѣе 11 вершковъ).

— **Изумительная дешевизна.** «Спб. Вѣд.» получили таксу на лѣсъ и лѣсныя издѣлія въ дачахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ Костромской губерніи, утвержденную лѣснымъ департаментомъ. Нѣкоторыя цѣны такъ невѣроятно дешевы сравнительно съ нашими петербургскими, что никакое сопоставленіе невозможно. Такъ, напр., сани обшивки 40 коп., розвальни 10 коп., дровни 12 коп., телѣга съ накладушкой, роспусками и оглоблями 60 коп., бочка дубовая въ сорокъ ведеръ 1 руб., одноведерная 4 коп., ушатъ 3 коп., пара ведеръ 3 коп., комодъ простой работы 10 коп., комодъ политурный 20 коп., кресла простыя 4 коп., политурныя 15 коп., шкафъ простой 20 коп., политурный 30 коп., диванъ 10 коп., кровати: двойная 30 коп., средняя 20 коп., малая 10 коп., шпалы пильныя 15 к., тесаныя 13 коп. и т. д.

Телеграммы.

Пера, 6-го марта. Сегодня еще два англійскихъ фрегата прошли черезъ Дарданеллы въ Мраморное море.

Берлинъ, 9-го марта. По извѣстіямъ изъ Вѣны, полученнымъ въ здѣшнихъ правительственныхъ кружкахъ, Австрія отвѣтила отказомъ на предложеніе лондонскаго кабинета заключить оборонительный и наступательный союзъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Россіи. Графъ Андраши энергически настаиваетъ на скорѣйшемъ созваніи конгресса.

Такъ какъ русская дипломатія не возбраняетъ Англіи представить свои замѣчанія къ каждой статьѣ мирнаго договора, то здѣсь питаютъ надежду, что настоящія задрудненія мало по малу будутъ улажены.

— 11-го марта. Хотя Россія допускаетъ полную свободу въ обсужденіи всѣхъ статей мирнаго договора, Англія дѣлаетъ новыя затрудненія. Теперь англійскій кабинетъ требуетъ предварительнаго торжественнаго обѣщанія Россіи, что она не возбудитъ на конгрессѣ ни при одномъ пунктѣ общаго вопроса о томъ, подлежитъ ли онъ обсужденію державъ или не подлежитъ. Это требованіе Англіи равносильно тому, чтобъ Россія явилась на конгрессъ съ завязанными руками и глазами и оставалась все время нѣмой.

Полагаютъ, что въ случаѣ войны между Россіей и Англіей, вашингтонскій кабинетъ пригласитъ Канаду и другія англійскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ присоединиться къ Соединеннымъ Штатамъ.

Вѣна, 10-го марта. Газетѣ «Politische Correspondenz» передаютъ изъ Петербурга: «Въ виду упорно поддерживаемаго Англіею требованія, чтобъ всѣ условія мира были разъяснены на конгрессѣ и въ виду образа дѣйствій Англіи въ Константинополѣ, положеніе дѣлъ крайне натянуто».

Русской гвардіи, стоящей въ Сан-Стефано, дано приказаніе пріостановиться съ посадкою на суда для переѣзда въ Одессу.

Пештъ, 11-го марта. «Pesti Naplo» сообщаетъ, что венгерское правительство запретило продажу и отправку въ Россію торпедъ съ фабрики Уайтгела.

Парижъ, 8-го марта. Англія вооружаетъ множество канонирокъ и миноносныхъ лодокъ для плаванія у мелководныхъ береговъ.

Лондонъ, 11-го марта. Въ «Pall-Mall Gazette» телеграфируютъ изъ Берлина отъ 23-го марта: «Отвѣтъ Россіи на требованія Англіи не признанъ удовлетворительнымъ, о чемъ англійское правительство и увѣдомило тотчасъ же императорское правительство. На этомъ дѣло остановилось въ настоящую минуту.

«Увѣряютъ, что князь Бисмаркъ и графъ Андраши употребляютъ всѣ усилія въ качествѣ посредниковъ; однако, полагаютъ, что Россія рѣшилась настоять на двухъ пунктахъ, которымъ противится Англія, именно, чтобы ни вопросъ, о переуступкѣ Бессарабіи, ни вопросъ объ уступкѣ Арменіи не были обсуждаемы конгрессомъ, на томъ основаніи, будто бы эти пункты нуждаются въ санкціи державъ. Царь признаетъ переуступку Бессарабіи вопросомъ чести, а уступку Арменіи такимъ дѣломъ, которое подлежитъ рѣшенію между Россіей и Турціей, такъ какъ оно касается военнаго вознагражденія».

— 13-го марта. Газета «Times» говоритъ очевидно по оффиціальному внушенію: Лордъ Дерби продолжаетъ настаивать на предъявленіи конгрессу всего мирнаго договора; но, желая предотвратить приданіе слишкомъ большого значенія формальнымъ пунктамъ, онъ сдѣлалъ вопросъ, будетъ ли передача названнаго договора державамъ считаться равносильною предъявленію его конгрессу? Россія отвѣчала отрицательно и, тѣмъ самымъ, отклонила единственное условіе, на которомъ британское правительство готово отправить въ Берлинъ своего представителя».

Газетѣ «Times» телеграфируютъ изъ Петербурга отъ 24-го марта изъ надежнаго источника: «Со стороны Россіи теперь не послѣдуетъ пока формальнаго представленія по поводу присутствія британскаго флота въ Мраморномъ морѣ; посадка же войскъ на суда будетъ пріостановлена».

Шахматы.

Шахматная игра не европейское изобрѣтеніе Есть причины полагать, что она изобрѣтена въ Индіи за тысячу пятьсотъ лѣтъ до Р. Х. Впрочемъ, въ Индіи эта игра игралась не такъ, какъ теперь, и партія была тогда четырехсторонняя. Въ этомъ видѣ игра перешла въ Китай и Персію, гдѣ познакомился съ нею Александръ Македонскій Докторъ Вейсенбахъ, на основаніи одного барельефа, предполагаетъ, что шахматы были знакомы и древнимъ египтянамъ. Но классическіе Греція и Римъ не знали этой игры и въ Европу шахматы проникли: въ Грецію во времена Карла Великаго, а въ Италію и Испанію съ маврами и сарацинами. Въ Германіи и во Франціи съ шахматами познакомились послѣ возвращенія крестоносцевъ. Первыя сочиненія, касавшіяся этой игры въ ея настоящемъ видѣ, появились въ довольно позднее время: Люцена и Рюи Лопецъ писали о шахматной игрѣ около 1500 года, а въ Италіи Сальвіо, Каррера, Греко продолжали заниматься въ литературѣ этой игрой въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія былъ особенно извѣстенъ, какъ теоретикъ и практикъ этой игры, французъ Филидоръ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія выступили въ этомъ дѣлѣ на сцену англичане, а въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ десятилѣтій особенно прославились, какъ шахматные игроки и теоетики, нѣмцы. Въ настоящее время во всѣхъ странахъ Европы вы встрѣтите сотни шахматныхъ клубовъ и союзовъ, въ родѣ Кельнскаго шахматнаго клуба, Брауншвейгскаго шахматнаго клуба, Западнонѣмецкаго шахматнаго союза и т. д. Кромѣ сильнаго распространенія шахматной игры при помощи этихъ клубовъ и союзовъ, ея развитію сильно содѣйствовали международные шахматные кон-

грессы и турниры. Независимо отъ желанія отличиться на этихъ турнирахъ, шахматные игроки были и матеріально заинтересованы въ своемъ успѣхѣ. Такъ въ турнирѣ въ февралѣ 1851 года первый призъ равнялся 4,583 франкамъ, второй—1,375 фр.; въ другомъ турнирѣ первый призъ равнялся 1,500 долларамъ, второй—500 долларамъ и т. д.; въ третьемъ турнирѣ первый призъ равнялся 60 фунтамъ стерлингамъ, второй—30 ф. ст. Имена нѣкоторыхъ шахматныхъ игроковъ получили европейскую извѣстность, какъ, напримѣръ, имя бреславльскаго уроженца Андерсена или имя американца Поля Морфи. Біографіи и автобіографіи шахматныхъ игроковъ пишутся наравнѣ съ біографіями и автобіографіями ученыхъ, въ честь шахматной игры сочиняются и печатаются стихи въ родѣ прочитанныхъ недавно на праздникѣ въ день основанія брауншвейгскаго шахматнаго клуба. Но какъ бы серьезно ни смотрѣли нѣкоторыя отдѣльныя личности на шахматы, все-таки не слѣдуетъ забывать, что это игра—умная, хорошая, полезная для развитія соображенія игра, но и только. Возводить шахматы на степень науки, жертвовать ей большею частью дорогого и нужнаго для серьезнаго дѣла, для жизни и общества времени, предаваться тщательному ея изученію, не зная въ сущности азбуки наукъ,—все это было бы крайне нелѣпо и вредно, особенно у насъ, гдѣ мало рукъ, мало силъ, мало подготовленныхъ къ дѣлу людей, гдѣ каждый долженъ помнить, что его родина ничего не выиграетъ, если онъ прославится въ Европѣ и Америкѣ даже болѣе Поля Морфи, и что она много потеряетъ, если его недюжинный умъ углубится весь въ изученіе шахматной игры, вмѣсто изученія насущныхъ потребностей общества и способовъ для лучшаго удовлетворенія этихъ потребностей. Вотъ почему мы, приступая къ введенію отдѣла шахматной игры въ нашъ журналъ, просимъ читателей не думать, что этотъ отдѣлъ расширится на счетъ другихъ, имѣющихъ болѣе насущный и общій интересъ отдѣловъ, что мы когда-нибудь урѣжемъ или отбросимъ какую-нибудь серьезную статью, чтобы помѣстить лишнюю шахматную задачу. Нѣтъ. Какъ бы ни сѣтовали на насъ наши немногіе шахматные игроки, но мы все-таки будемъ признавать шахматы только прекраснымъ препровожденіемъ свободнаго времени и не болѣе; у нашего же журнала имѣется въ виду не одна задача давать возможность читателямъ пріятно убивать свободное время. Мы думаемъ, что и сами читатели отвернулись бы отъ журнала, который не стремился бы идти дальше этой цѣли въ настоящее тяжелое время.

Мы считали нужнымъ сдѣлать эту оговорку, чтобы наши читатели изъ поклонниковъ шахматной игры не сѣтовали на насъ за то, что мы будемъ предлагать имъ двѣ-три, а не десять шахматныхъ партій или задачъ и будемъ сообщать отъ времени до времени, а не въ каждомъ нумерѣ нашего журнала интересныя новости изъ міра шахматной игры, изъ исторіи шахматныхъ турнировъ и т. п. Мы будемъ дѣлать это по возможности старательно, но стремясь не вредить другимъ отдѣламъ журнала.

Партія I.

Играна 21-го іюля 1877 г.

Бѣлые	*Черные*
1) E2—E4.	1) E7—E5.
2) G1—F3.	2) B8—C6.
3) F1—B5.	3) C6—D4.
4) F3—D4 †.	4) E5—D4:
5) D2—D3.	5) G8—E7.
6) B5—A4.	6) C7—C6.
7) B1—D2.	7) D7—D5.
	8) G7—G6.

Чернымъ лучше бы было.

Ходишь 8) ..., ДЕ. (9) E4: Д5 вм. F8—E7).

8) F1—E1.	9) F8—G7.
9) E4—D5:	10) D8—D5:
10) D1—E2	11) C8—E6

Черные теряютъ такимъ образомъ пѣшки; между тѣмъ какъ ходомъ D5—D8 они могли бы избѣжать этого; но бѣлые сохраняютъ (напр. 11) F3, E6, 12) B3, большое преимущество.

11) A4—B3	12) D5—D7.
12) D2—F3.	13)...

Бѣлые отказываются брать пѣшку—основательно это?

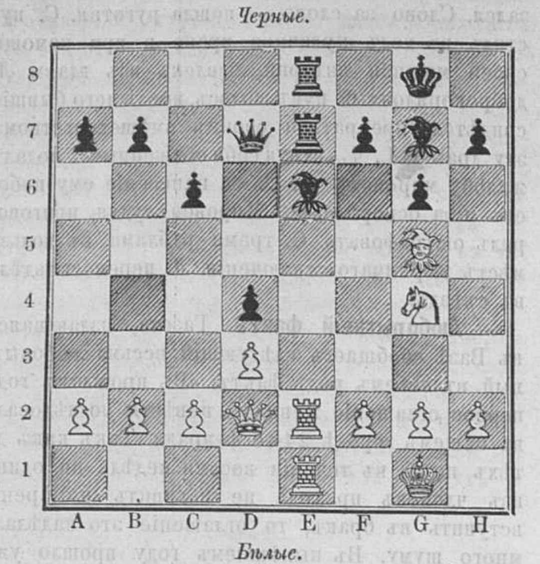
12)...	13) E7—D5.
13) F3—E5.	14)...

Такъ какъ мы видѣли уже, что бѣлые не заботятся про пѣшекъ, то насъ и не удивляетъ, что они пренебрегаютъ 13) F3—G5.

13)....	14) D7—D6.
14) B3—D5:	15) D6—D5 †.
15) C1—F4.	16) F8—E8.
16) E2—D2.	17) E8—E7.
17) E1—E2.	18) A8—E8.
18) A1—E1.	19) D5—D7?
19) E5—G4. довольно большая ошибка.	
20) F4—G5.	20)...

Положеніе партіи послѣ 21 хода:

Черные.



Бѣлые.

20)...	20) F7—F6.

Бѣлые угрожали прежде всего 21) F6 †, F6: 22) F6: и H6. Чернымъ оставалось только, кромѣ F6, совершить отступленіе (C7) и посредствомъ H8—F6 † дать шахъ королю.

Но участь партіи рѣшена во всякомъ случаѣ.

21) G5—F6:	21) E7—F7.
22) F6—G7:	22) E6—G4:
23) E2—E8 †.	23) G8—G7.
24) H2—H3.	24) G4—F5.
25) D2—B4.	25) D7—D5.
26) E1—E5.	26) C6—C5.
27) E5—D5:	27) C6—B4:
28) D5—D4:	28) A7—A5.
29) G2—G4.	29) F5—D7.
30) E8—A8.	30) D7—C6.
31) A8—A5:	31) F7—F3.
32) D4—B4:	32) F3—H3:
33) G1—F1.	33) C6—F3.
34) F1—E1.	34) H3—H4.
35) A5—A7.	35) H4—H1 †.
36) E1—D2.	36) H1—D1 †.
37) D2—E3.	37) F3—C6.
38) B4—B7 †.	38) C6—B7:
39) A7—B7 †.	39) G7—H6.
40) A2—A4.	40) H6—G5.

Черные могли бы теперь признать себя побѣжденными.

41) A4—A5.	41) G5—G4:
42) B7—B4 †.	42) G4—G5,
43) B4—A4.	43) D1—E1 †.
44) E3—F3.	44) H7—H5.
45) A5—A6.	45) E1—E8.
46) A6—A7.	46) E8—A8.
47) B2—B4.	47) H5—H4.
48) B4—B5.	48) H4—H3.
49) B5—B6,	49) H3—H2.
50) F3—G2.	50) A8—H8.
51) G2—H1.	51) положено оружіе.

Партія II.

Играна въ Лейпцигѣ на шахматномъ турнирѣ 1877 г.

Бѣлые	*Черные*
1) E2—E4.	1) E7—E5.
2) G1—F3.	2) B8—C6.
3) F1—C4.	3) F8—C5.
4) D2—D3.	4) G8—F6.
5) B1—C3.	5) D7—D6.
6) 0—0	6) .

При подобномъ расположеніи необходимо H2—H3.

6)...	6) C8—G4.
7) H2—H3.	7) G4—H5.
8) G2)—G4. ?	8)...
8)...	8) H5—G6.
9) C3—E2.	9) D8—D7.
10) G1—G2.	10) 0—0—0.
11) F3—H2.	11) D6—D5.
12) E4—D5:	12) F6—D5.
13) C1—G5.	13) F7—F6.
14) G5—H4.	14) H7—H5.
15) G4—G5.	15) G6—F5.
16) C4—D5:	16) D7—D5 †.
17) F2—F3.	17) D5—E6.
18) E2—G1.	18) C5—E3.
19) D1—E1.	19) E3—F4:
20) G5—F6:	20) G7—F6:
21) G2—H1.	21) F5—H3:
22) G1—H3:	22) E6—H3:
23) E1—F2.	23) H8—F8.
24) F1—G1.	24) F4—H2:
25) F2—H2:	25) H3—F3 †.
26) H2—G2.	26) C6—D4.

Слишкомъ ранній ходъ, вслѣдствіе котораго бѣлые выигрываютъ одного изъ обоихъ потерянныхъ пѣшекъ. Слѣдовало бы немедленно ходить F3—G2 †.

Бѣлые	*Черные.*
27) A1—F1	27) F3—G2 †.
28) G1—G2:	28) D8—D6.
29) G2—F2.	29) C8—D7.
30) H4—F6:	30) D7—E6.
31) C2—C3	31) D4—C6.
32) D3—D4.	32) E5—D4:
33) C3—D4:	33) F8—G8.
34) F1—E1 †.	34) E6—D7.
35) F6—E5.	35) C6—E5:
36) D4—E5:	36) D6—D4.
37) E5—E6 †.	37) D7—D6.
38) F2—H2.	38) G8—E8.
39) H2—E2.	39) D6—E7.
40) E2—G2.	40) D4—H4 †.
41) H1—G1.	41) H4—G4.
42) G2—G4:	42) H5—G4:
43) G1—G2.	43) E8—G8.
44) G2—G3.	44) G8—G6.
45) E1—E4.	45) G6—E6:
46) E4—G4:	46) E6—B6.
47) G4—G7 †.	47) E7—D6.
48) G7—G6 †.	48) D6—C5.
49) G6—B6:	49) A7—B6:
50) G3—F3.	50) C5—D4.
51) F3—E2.	51) B6—B5.
52) E2—D2.	52) B5—B4.
53) D2—C2.	53) C7—C5.
54) C2—D2.	54) B7—B5.
55) B2—B3.	55) C5—C4.
56) D2 - C2.	56) C4.—C3.
57) C2—C1.	57) D4—D3.
58) C1—D1.	58) C3—C2 †.
59) D1—C1.	59) D3—C3.
60) A2—A4 и бѣлымъ матъ въ три хода.	

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

При настоящемъ нумерѣ разсылается всѣмъ иногороднымъ подписчикамъ объявленіе отъ фирмъ ШВАРЦЪ, БЕТЦЪ и ВИНТЕРЪ.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе «Руководство къ гигіенѣ» и 5-й № «Парижскія моды».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Марта 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 13. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к.

С.-Петербургъ, 26 Марта 1878 года.

Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Троицкій переулокъ, домъ № 27/1. Годъ VI.

Картина А. БОНИФАЦИ.

Bonifazi   Roma 75

Анджіолина.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Изъ числа обѣщанныхъ редакціею «Живописнаго Обозрѣнія» премій — первая премія, **Шекспиръ**, находится въ настоящее время въ печати и разошлется гг. подписчикамъ съ однимъ изъ ближайшихъ нумеровъ журнала. Премія эта будетъ состоять изъ подробной біографіи **Шекспира**, его портрета, рисованнаго и рѣзаннаго на деревѣ по заказу редакціи, и трехъ картинъ съ объяснительнымъ текстомъ, отпечатанныхъ на толстой веленевой бумагѣ. Премія печатается въ форматѣ «Живописнаго Обозрѣнія».

Подписка на журналъ «Живописное Обозрѣніе» продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшіе до сихъ поръ нумера.

Анджіолина.

(Рис. стр. 253.)

Красота не вымираетъ въ Италіи и служитъ постояннымъ источникомъ вдохновенія для художниковъ. Но живописцы плѣняются уже вполнѣ расцвѣтшею красой итальянской женщины и передаютъ на полотно типы полные страсти, нѣги и энергіи. Бонифаци выбралъ другой сюжетъ: его «Анджіолина» еще полу-ребенокъ, но сколько прелести въ этихъ мягкихъ очертаніяхъ лица, въ этихъ большихъ темныхъ глазахъ, почти безсознательно устремленныхъ вдаль! Взглядъ ихъ схваченъ чрезвычайно вѣрно; онъ составляетъ характеристичную черту въ лицѣ дѣвушки-ребенка, какъ бы удивленно взирающей на открывающійся передъ нею міръ. Нѣтъ и слѣда кокетства въ этой головкѣ! Густыя пряди волосъ падаютъ безъискуственно на безупречно правильный лобъ. Дѣвочка и не подозрѣваетъ, какъ идетъ къ ней головной уборъ изъ платка, сложеннаго такъ просто и такъ живописно по обыкновенному итальянскому обычаю въ деревняхъ. Цѣпочку носитъ она потому, что ею благословилъ ее патеръ Антоніо, а серьги продѣла ей мать, уже лучше сознающая всю будущую красоту своей дочери, глаза которой загорятся скоро другимъ огнемъ... Чья душа остается болѣе чистой и невѣдущей, у того ли ребенка который ростетъ на свободѣ, почти безъ призора, или же у того, котораго такъ ревниво оберегаютъ высокія стѣны замкнутыхъ заведеній? Одинъ изъ нихъ узнаетъ скорѣе настоящую жизнь, другой—условную, но оба они развиваются быстрѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и потому посторонніе постоянно высказываютъ удивленіе, когда изъ едва зардѣвшейся почки открывается почти внезапно вполнѣ развившійся цвѣтокъ... Во всякомъ случаѣ, воспитаніе дѣвушки въ закрытомъ заведеніи болѣзненно развиваетъ въ ней фантазію; воспитаніе же на свободѣ, ранѣе знакомящее ее съ дѣйствительною жизнью, способствуетъ, какъ ея умственному развитію, такъ и сформированію въ ней болѣе твердаго характера. Между дѣвушками, воспитанными на волѣ и въ открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, встрѣчается менѣе легкомысленныхъ, чѣмъ между ихъ подругами, получившими воспитаніе въ женскихъ католическихъ монастыряхъ, занимающихся спеціально воспитаніемъ дѣвочекъ.

Уголки юга.

(Письма съ чужой стороны.) Ст. **Г. Л. Маркова.**

II. Мраморный городъ.

Все ближе и ближе къ Генуѣ, все глубже въ настоящую Италію...

Пейзажъ однако бѣднѣетъ и блѣднѣетъ по мѣрѣ приближенія; не видать уже ни пальмы, ни кактусовъ, рѣдко увидишь апельсинъ...

За то все становится грязнѣе, разбросаннѣе, неопрятнѣе.

Италія сказывается въ этой грязи.

Горы уже не стѣсняютъ теперь горизонта такъ, какъ они тѣснятъ его у Ментоны.

Городки и селенья разбросаны далеко кругомъ на голыхъ высокихъ обрывахъ скалъ.

Эти городки—не тесовые домики Россіи съ ярко окрашенными крышами, не каменные многоэтажные сундуки съ высокими черепичными чердаками, какими полна западная Европа; это домики-башни Палестины или Египта, плосковерхія, неправильной формы, съ рѣдкими окнами. Башня—вообще излюбленная постройка итальянскаго берега, и нѣтъ холмика, на которомъ бы не торчали они.

Но чтобы ни увидѣли вы тутъ, домъ ли, башню, галлерею, все это старо и полуразрушено.

Постройки, очевидно, никогда не знаютъ ремонта и отдаются на жертву стихій, какъ и въ нашей православной Руси.

Съ точки зрѣнія художника, это не только не грѣхъ, но даже большая заслуга, потому что хорошо оштукатуренныхъ бюргерскихъ домовъ безъ всякой архитектуры вы найдете, сколько угодно, въ самомъ прозаическомъ изъ нѣмецкихъ городовъ, во всякомъ Гамбургѣ и Берлинѣ.

Въ Италіи ищите совсѣмъ другого.

Это не даромъ страна пейзажа, страна художниковъ, хотя тутъ пастухи въ оборванныхъ плащахъ и дырявыхъ шляпахъ, однако артисты пишутъ свои картины съ нихъ именно, а не съ прилично застегнутыхъ въ новые суконные сюртуки зажиточныхъ гражданъ Германіи. Прекрасная архитектура итальянскаго организма, врожденное изящество его смѣлыхъ и свободныхъ движеній, манятъ фантазію художника и поэта гораздо болѣе, чѣмъ какая нибудь пошлая чинность, и ради этихъ красотъ человѣческой природы охотно забываются дырья плаща, который самый бѣдный итальянецъ носитъ на своихъ плечахъ, гордо и живописно, словно король въ изгнаніи. То же самое и съ зданіями Италіи.

Ихъ нельзя разсматривать съ точки зрѣнія аккуратнаго арендатора, который съ хозяйственнымъ инвентаремъ въ рукахъ вступаетъ во владѣніе имуществомъ, одушевленный настойчивымъ желаніемъ изъ всякой дряни выручить побольше дохода.

Нѣтъ, и тутъ не забывайте, что Италія—это прежде всего пейзажъ, чудная, единственная въ Европѣ картина красотъ природы.

Эти зыбкія галлереи на каменныхъ столбахъ, по тонкимъ жердямъ которыхъ капризными кудрями вьется виноградная лоза, заставляютъ сладко биться сердце путешественника какъ бы ни оцѣнивалъ ихъ суровый хозяйскій опытъ.

И осыпавшіяся стѣны далекой лонгобардской башенки, пріосѣнившей живописную группу домиковъ, не смотря на свою практическую безполезность, всякому покажутся милѣе и нужнѣе тугонабитаго зерномъ лабаза, хотя бы онъ только что былъ отшелеванъ и выкрашенъ заново какимъ-нибудь Щигровскимъ купцомъ.

Да, вы теперь въѣзжаете въ страну артистическаго безпорядка и царственной бѣдности; вы теперь далеко отъ сытаго и умытаго приличія нѣмецкаго бюргера или французскаго рантье.

Около Генуи—эта полинялость, старье и нечистота построекъ доходятъ до своего предѣла.

Генуя на далеко, на множество верстъ, обсыпана селеньями, дачами, фермами, загородными дворцами.

Всѣ они производятъ впечатлѣніе поразительной ветоши, какую не всегда встрѣтишь даже у насъ въ Россіи, хотя вблизи многіе изъ этихъ полинялыхъ домиковъ могутъ оказаться какою нибудь знаменитою виллою Палавичино, стоющею милльоны и напоминающею своими романическими затѣями жилище какой-нибудь сказочной феи...

Но меня не поражало непріятно это житейское разсомашество Италіи; мнѣ оно было даже какъ то болѣе по сердцу, чѣмъ лакированная чинность настоящаго европейскаго быта; инстинктивно чувствовалось въ этой безпорядочной широтѣ пріемовъ нѣчто родственное, всосавшееся въ кровь съ молокомъ матери...

Отраденъ, конечно, самъ по себѣ и весьма почтененъ видъ строгаго порядка; но когда привыкнешь видѣть за нимъ неумолимые тиски, которые съ роковою послѣдовательностью и математическою точностью микрометрическаго винта, все болѣе и болѣе захватываютъ и сдавливаютъ жизнь человѣка, стѣсняя его со всѣхъ сторонъ незыблемыми предѣлами, лишая его простора, воли и дѣйствій, обязывая его обращать жизнь въ безпощадное соперничество силъ, энергически выживающихъ другъ друга, — право самый голландскій порядокъ покажется человѣку совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ его намъ рисуютъ обыкновенно правоучительныя книжки...

И тогда съ искреннимъ сочувствіемъ взглянешь, пожалуй, на наше родимое неустройство, гдѣ, правда, и грязно, и скверно, но гдѣ есть все-таки человѣку возможность подвинуться хоть чуточку куда-нибудь въ сторону, отлынуть отъ многихъ суровыхъ требованій жизни, гдѣ еще самые бѣдные люди могутъ бездѣльничать цѣлыми недѣлями, почесываться цѣлыми часами, гдѣ хозяиномъ можетъ еще считаться человѣкъ чуть не съ голыми руками. Да, это некрасиво, но это много легче, и во многихъ отношеніяхъ отраднѣе человѣку, особенно тому много работющему и малодумающему люду, который еще не совсѣмъ отвыкъ отъ природныхъ условій существованія, еще помнитъ свое старое «дикое поле», своихъ старыхъ дикихъ сожителей лѣса и степи...

«Земля наша велика и обильна, но порядку въ ней нѣтъ»... Вотъ съ чего началась исторія русскаго государства. Многіе смѣялись и острили надъ этимъ наивнымъ признаніемъ полустепного народа. Но, кажется, мало думали надъ тѣмъ, много ли истиннаго счастія приноситъ вообще человѣку этотъ просимый имъ и имъ желанный порядокъ...

Кто знаетъ близко, во-очію, желѣзныя оковы европейской экономической жизни, тотъ понимаетъ хорошо цѣну этого порядка. Благоустройство и внѣшній комфортъ покупаются здѣсь цѣною рабства своего рода, рабства не юридическаго, а фактическаго.

Каждая минута жизни европейскаго работника въ безъисходномъ плѣну у самаго обязательнаго и самаго напряженнаго труда, отъ котораго бы съ ужасомъ отодвинулся всякій безправный поселянинъ малоазійскихъ береговъ... Если достояніе и честь какого нибудь турецкаго крестьянина могутъ сдѣлаться случайно игрушкою личнаго произвола, то все-таки эта зависимость de jure въ условіяхъ дѣйствительной жизни можетъ показаться на иной вкусъ гораздо удобнѣе той освященной законами и маскированной либеральными учрежденіями, зависимости на дѣлѣ судьбы человѣка отъ невыгоднаго общественнаго устройства, подъ которою хронически страдаетъ цивилизованный гражданинъ европейскаго общества, изъ его низшихъ слоевъ...

Я вовсе не удивляюсь, по крайней мѣрѣ, что простые неаполитанцы, присоединенные къ «Italia una et indivisibila» Виктора Эммануила, не только не восхищены своимъ пріобщеніемъ къ свободнымъ учрежденіямъ государства, построеннаго на современныхъ началахъ, но даже искренно сожалѣютъ доброе время своихъ бездарныхъ и безсердечныхъ королей, когда брались взятки, дѣлались притѣсненія, и никому не дозволялось

разѣвать рта противъ общественныхъ злоупотребленій.

Загадка разгадывается очень просто: человѣку-работнику гораздо чувствительнѣе правильное и законное обремененіе его хронически возрастающимъ налогомъ на содержаніе либеральныхъ учрежденій государства, хотя бы декретированнымъ представителями свободнаго народа, чѣмъ случайное ограбленіе отдѣльныхъ лицъ личными злоупотребленіями.

Новѣйшее государственное благоустройство стоитъ такъ дорого и вмѣстѣ съ тѣмъ проникаетъ такъ не глубоко въ низшіе слои общественной жизни, что въ глазахъ самой платящей силы оно нерѣдко можетъ представляться непонятной загадкой. Управленіе судьбами общества съ каждымъ днемъ дѣлается до того сложнымъ, что изъ-за цѣлей этого управленія порою забываются цѣли самой жизни... По этому пути можно доработаться наконецъ до того, что въ мірѣ будетъ царить превосходноустроенная система, внутри которой совсѣмъ уже не будетъ свободной и разнообразной человѣческой жизни, а будетъ вертѣться какой-то вѣчно работающій механизмъ... Человѣкъ исчезнетъ, за то порядокъ процвѣтетъ!...

Эти скептическія мысли à la Жанъ-Жакъ встаютъ особенно ярко въ моемъ сердцѣ, во время моихъ странствованій по счастливымъ берегамъ южныхъ морей, гдѣ живетъ бѣдный, лѣнивый и неопрятный народъ, во сто разъ болѣе счастливый великихъ и аккуратныхъ трудолюбцевъ манчестерской или нюренбергской фабрики...

Итальянецъ счастливъ на своемъ каменномъ берегу моря, также какъ былъ счастливъ нашъ малороссійскій казакъ въ своей безпріютной степи, чтобы ни говорили противъ этого... Онъ былъ всегда счастливъ этимъ моремъ, этимъ солнцемъ, независимо отъ всякихъ Гарибальди, Кавуровъ и Піевъ девятыхъ.

Какъ бы ни преувеличивали значеніе государства, въ дѣйствительной жизни какого-нибудь флорентійскаго или генуэзскаго рыбака, оно почти не играетъ никакой замѣтной роли; для него перемѣна римскаго правительства почти то же, что интересная сказка. Кто нибудь во всякомъ случаѣ возьметъ съ него подать, кто нибудь поставитъ его въ солдаты.

Вотъ если рыба вдругъ переведется въ его заливѣ, или солнце станетъ грѣть меньше—тогда другое дѣло. Въ теченіи всей своей исторіи, во времена Энея, Пифагорейцевъ, Гракховъ, Мазаніелло, Ріенци, Манина, онъ въ сущности оставался тѣмъ же самымъ рыбояднымъ звѣремъ, зависимымъ отъ солнца и моря, и очень мало выигрывалъ и проигрывалъ отъ смѣны вѣковъ, людей, системъ и племенъ...

Къ счастью своему, онъ до сихъ поръ отстоялъ кое гдѣ за собою право на солнечный лучъ, которое отстаивалъ остроумный юродивый Діогенъ, право на море и воздухъ, которое уже давно отнято у многихъ несчастныхъ обитателей земли... Онъ отстоялъ вмѣстѣ съ этимъ право лѣни, веселья и страстей... Конечно, онъ за то плохой жрецъ долга, для него бандитъ — идеалъ мечты и герой пѣсни... Но вѣдь ему такъ долго приходилось выбирать между поэтическимъ бандитомъ горъ, и наемными бандитами папской или бурбонской полиціи, что для него простительно было предпочесть свободное удальство продажному мошенничеству.

Мнѣ лично пришелся очень по сердцу характеръ итальянца, полный огня, жизни, тонкаго ума, тонкихъ сноровокъ, ищущій во всемъ простора, смѣло задумывающій, смѣло дѣйствующій, характеръ до такой степени человѣчный, что для него семья кажется слишкомъ тѣсною и бѣдною средою жизни. Да, это человѣкъ форума въ самомъ серьезномъ и широкомъ смыслѣ слова. Площадь, банкъ, биржа, кафедральный соборъ, трактиръ и клубъ, театръ и зала парламента,—вотъ настоящая сфера итальянца.

Посмотрите, вотъ мы въ Генуѣ. Гдѣ въ другомъ мѣстѣ увидите вы эту шумную и людную жизнь подъ открытымъ небомъ? Не забудьте, что теперь декабрь, а въ домахъ никого нѣтъ... Генуэзецъ теперь стаится, какъ стаятся птицы, на великолѣпной набережной своего всемірнаго порта, гдѣ слышатся всевозможныя нарѣчія земного шара, куда столпились тѣснымъ лѣсомъ корабли съ товарами всѣхъ частей свѣта, съ людьми всякихъ цвѣтовъ и племенъ.

Спуститесь съ набережной въ улицы,—и тамъ тоже широкошумящая жизнь толпы, которая входитъ въ дома только для того, чтобы спастись отъ лѣтняго зноя или предаться покою, какъ предаются ему въ тѣсныхъ домовинахъ могилы...

Вся жизнь итальянской толпы теперь снаружи словно волшебникъ снялъ для васъ крыши и стѣны домовъ и неожиданно обнажилъ внутреннія тайны людского быта. Таверны, кофейни, прямо на улицѣ, кухни на улицѣ, на улицѣ брѣются; на улицѣ чинятъ сапоги и мѣряютъ платье... Никто ничего не хочетъ скрывать, никто не можетъ жить въ одиночку... Напротивъ, всякій принимаетъ живое и шумливое участіе во всемъ, что дѣлаютъ другіе. Остроты, ругня, веселый хохотъ, споры, доходящіе чуть не до ножей,—все это стоитъ столбомъ въ воздухѣ, и никого, кромѣ меня, не изумляетъ. Откровеннѣйшія бесѣды о домашнихъ дѣлахъ безцеремонне переплетаются съ громкимъ чтеніемъ маленькой бульварной газетки, вокругъ которой собралась кучка слушателей съ возбужденнымъ огнемъ глазъ, съ страстною жестикуляціей... Это не мѣшаетъ торговкѣ готоваго платья тутъ же рядомъ до слезъ торговаться съ своимъ покупателемъ, котораго потертый видъ вполнѣ объясняетъ и необходимость совершеннаго возрожденія его костюма, и законность его отчаянной борьбы съ жадною хозяйкой товара.

Да, вы сразу чувствуете, что вы не у нѣмцевъ и даже не у французовъ... Въ этой смѣлой бойкости пріемовъ, въ этой горящей вызовомъ самоувѣренности взгляда, въ этой одушевленной подвижности итальянца,—сказывается нація, изъ которой вышелъ герой, переплывшій невѣдомыя пучины и отыскавшій за ними невѣдомый міръ.

Мы теперь очень мало цѣнимъ итальянца, и потому, что мало знаемъ его, и потому, что еще больше забыли о томъ, что сдѣлалъ онъ для насъ.

Но если безпристрастно вникнуть въ исторію Европы и сдѣлать сравнительный экзаменъ ея народамъ, не однимъ намъ придется поклониться итальянцу...

Нашимъ современнымъ образованіемъ слишкомъ всецѣло завладѣлъ нѣмецъ и сквозь призму его чисто германскихъ взглядовъ, мы давно уже не въ состояніи вѣрно цѣнить явленія. Нѣмецъ напустилъ въ наши представленія столько преувеличенныхъ понятій о высотѣ своихъ теоретическихъ заслугъ предъ человѣчествомъ, что германская мысль до сихъ поръ кажется многимъ изъ насъ синонимомъ науки вообще, а Германія —историческимъ ковчегомъ, въ которомъ цивилизація и образованіе благополучно прослѣдовали черезъ всемірный потопъ варварства. Но въ этомъ, конечно, не малая доля заблужденія, и если Германія вышла изъ спасительнаго ковчега на Араратскія высоты современной культуры, то ужь вовсе не въ роли Ноя, а скорѣе, пожалуй, въ роли непочтительнаго Хама, забывшаго благодѣянія отца... Человѣку естественно приписать все хорошее, что получаетъ онъ, тому, отъ кого онъ непосредственно получаетъ его.

Сѣверъ Европы, унаслѣдовавшій югу, и обогатившій родовое наслѣдство, невольно заставилъ насъ забыть первоначальныхъ собирателей этихъ богатствъ—прекрасные южные полуострова Европы, населенные талантливыми народами, начавшими нашу исторію...

Британія, Германія, Франція выдвинулись на сцену европейской исторіи, когда съ нея сошли Греція, Италія и Испанія. Это не мѣшаетъ намъ однако помнить, что въ теченіи ряда вѣковъ, когда германецъ и бриттъ были еще грубыми дикарями и вели жизнь едва не животнаго, итальянецъ уже жилъ тонкою духовною жизнью, достигнувъ высокой цивилизаціи, поучая европейскій міръ религіи, наукѣ, искуствамъ, промысламъ, общежитію, политикѣ, словомъ, всему, что составляетъ теперь гордость и славу германца или англичанина. Венеція и Генуя царили на моряхъ, торговали съ Азіей и Африкой, заводили далекія и богатыя колоніи, изучали невѣдомыя страны и покоряли невѣдомые народы въ то время, когда теперешніе цари океановъ еще были удалыми берзеркерами, шайками морскихъ разбойниковъ.

Италія кишѣла фабриками, банками, биржами, торговымъ флотомъ, статуями, картинами, храмами и дворцами; Италія пѣла свои чудныя пѣсни; создавала свои чудныя поэмы, смѣялась въ своихъ комедіяхъ и сатирахъ, слушала вдохновенныя проповѣди и поучалась у своихъ великихъ учителей, еще въ то время, когда тяжелый германецъ умѣлъ тѣшиться среди своихъ сырыхъ лѣсовъ, въ своихъ грубоустроенныхъ деревенскихъ логовищахъ, только охотою да войною, обжорствомъ да попойками. Германецъ только рубилъ лѣса и научался сѣять хлѣбъ, а итальянецъ уже философствовалъ и изучалъ землю и небо, и душу человѣка...

Въ Италію европеецъ сѣвера долго ѣздилъ съ тѣмъ чувствомъ и тѣми цѣлями, съ какими ѣздятъ теперь въ просвѣщенные столичные центры обитатели деревенской глуши. Въ Италіи наслаждались, въ Италіи учились.

Если Россію при Петрѣ стали учить голландцы и шведы, то итальянцы учили ее еще при Иванѣ III.

Недаромъ германскій императоръ, представитель народившейся силы сѣвера, вынужденъ былъ преклонить въ Каноссѣ колѣно передъ папою, въ которомъ олицетворялся царившій тогда на недосягаемой высотѣ цивилизація и богатства—югъ Европы...

Мишле въ своей книгѣ «La renaissance», столько же исполненной поэзіи, сколько глубокой проницательности и тонкости мыслей, увѣряетъ, что французы итальянскихъ войнъ «открыли Италію», какъ какой-нибудь новый свѣтъ и восхитились ею, какъ новымъ свѣтомъ. Да и какъ могло быть иначе, когда Италія была родною дочерью Рима, прямою наслѣдницею всей цивилизаціи древности; какъ бы ни были тяжелы для нея обстоятельства ея новой жизни, сколько бы опасныхъ ударовъ ни вынесла она отъ судьбы, какія бы потери ни испытала, все таки она продолжала пребывать въ старыхъ стѣнахъ мірового владычества, среди старыхъ преданій, старыхъ привычекъ, старыхъ силъ...

Она замѣнила цесаря папою, создала католицизмъ вмѣсто военной имперіи и разрослась еще величественнѣе и могучѣе, чѣмъ при Августахъ и Траянахъ...

Съ легкой руки одностороннихъ изслѣдователей, историческая рутина создала совершенно Фату-Маргану изъ пресловутаго «паденія западной римской имперіи».

Насъ пріучили думать, что это паденіе произошло съ такимъ же громомъ и такимъ же картиннымъ эфектомъ, съ какимъ на сценѣ волшебнаго балета проваливаются декораціи въ кон-

Картина РУДОЛЬФА ЕППА.

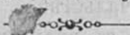
Сельскія радости.

цѣ послѣдняго акта; что міръ древней цивилизаціи разрушился въ куски, и что послѣ него наступило царство варварства, изъ котораго выработались новыя самостоятельныя формы жизни на смѣну отжившимъ.

Конечно, все это дѣтскія фантазіи историковъ, которые настолько мало натуралисты, что гораздо охотнѣе вѣрятъ въ театральные катаклизмы, чѣмъ въ постепенное развитіе великихъ слѣдствій изъ малыхъ причинъ. Историко-натуралисты давно уже пытаются сдѣлать эту важную поправку человѣческихъ заблужденій, и то, что Фюстель Де-Куланжъ недавно блистательно доказалъ относительно первой эпохи французской исторіи,—можетъ быть еще несомнѣннѣе доказано относительно Италіи...

«Разрушенный» Римъ былъ въ сущности вовсе не разрушенъ, а продолжалъ внутренно господствовать надъ міромъ во всѣхъ формахъ и видахъ, сила не могла уступить мѣсто безсилію, а цивилизація, даже и римская, всетаки была неизмѣримою силою сравнительно съ варварствомъ, хотя бы и германскимъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)



Тайна открылась.

Разсказъ **П. А. Салманова**.

(*Продолженіе.*)

V.

Дѣла въ Ефремовѣ шли такъ счастливо для Трифона, что, несмотря на постройку новаго дома и постоялаго двора съ лавкою, онъ, при отправленіи въ Калугу, пересчитывая свои наличныя деньги, убѣдился, что у него въ цѣлости всѣ десять тысячъ рублей. Трифонъ обладалъ сметкой, необходимой для торговли. Онъ рѣшился пустить въ оборотъ весь свой капиталъ и, приписавшись къ калужскому купечеству, открылъ лавку на бойкомъ мѣстѣ губернскаго города подъ такою вывѣской: «овощная лавка разныхъ колоніальныхъ товаровъ купца Трифона Ефремова». Свою лавку Трифонъ устроилъ по образцу знаменитой въ то время въ Москвѣ лавки богача Кожевникова, бросающейся въ глаза своей красивой обстановкой: хорошей мебелью и зеркалами. Свое особенное вниманіе Трифонъ обратилъ на торговлю иностранными винами, которой до него въ Калугѣ не было. Трифонова лавка пришлась по сердцу калужанамъ и жителямъ окрестныхъ селъ и деревень, конечно, помѣщикамъ, ибо крестьянамъ нечего было покупать у Трифона. Въ базарный день Трифонъ бывалъ такъ занятъ съ покупателями, что не успѣвалъ отвѣчать на вопросы сосѣдей, приходившихъ справляться у него о здоровьи. Моднымъ виномъ въ то время былъ тенерифъ; это вино пошло такъ ходко у Ефремова, что онъ въ самое короткое время распродалъ первые пріобрѣтенные имъ десять бочекъ. Другимъ ходкимъ товаромъ у него была бордосская водка, употребляемая для приготовленія пунша, любимаго напитка того времени.

Между покупателями, забиравшими много товара изъ лавки Ефремова, былъ помѣщикъ Игнатій Ивановичъ Колотовскій, бравшійся за всякія дѣла, если только представлялась возможность извлечь выгоды. Калужская народная молва провозгласила его темнымъ богачемъ, имѣвшимъ не одну сотню тысячъ капиталу. Трифонъ почиталъ его передъ всѣми своими покупателями и лебезилъ передъ нимъ. Колотовскій, въ свою очередь, относился къ Трифону дружелюбно, видя въ немъ ловкаго торговаго человѣка, съ которымъ можно вмѣстѣ обдѣлать выгодное дѣльцо. По этому Колотовскій частенько посѣщалъ Трифона и бесѣдовалъ съ нимъ. И теперь мы застаемъ его въ лавкѣ; онъ пріѣхалъ для закупки чаю, сахару и бордосской водки. Вниманіе его остановилъ на себѣ только что привезенный изъ Москвы балыкъ.

— Молодецъ ты, Трифонъ Федорычъ, сказалъ онъ;—настоящій торговецъ; чуть что хорошее появится въ Москвѣ, ты сейчасъ и предлагаешь намъ въ Калугѣ.

— Какъ же иначе, батюшка Игнатій Ивановичъ, отвѣчалъ Трифонъ;—мы завсегда должны угодить покупателю, за то и намъ перепадетъ малая толика барыша По моему, нѣтъ лучше закуски, какъ балыкъ. Выпейте рюмочку бордоской водки и закусите балыкомъ. Прошу!

— Пить эту водку голякомъ, пожалуй, духъ захватитъ.

— Не захватитъ, будьте безъ сумлѣнія. И я тоже думалъ сперва, а какъ разъ попробовалъ, вижу отлично... если позволите, я начну, а послѣ и вы мнѣ сдѣлаете компанію.

Выпивъ рюмку водки, Ефремовъ снялъ съ одной полки ножъ и московскій калачъ, а съ другой балыкъ и, отрѣзавъ себѣ кусокъ того и другого, началъ закусывать съ видимымъ апетитомъ. Колотовскій послѣдовалъ его примѣру, раскраснѣлся и видимо воодушевился.

— Ну Трифонъ Федорычъ. Исполать тебѣ. Просвѣтилъ ты нашу матушку Калугу. Чего только нѣтъ въ твоей лавкѣ, и чай и сахаръ и вина иностранныя.

— Оно точно, у меня всего вдоволь въ лавкѣ; стараюсь держать хорошій товаръ; вотъ только на счетъ винъ сумлѣніе будетъ. Въ Москвѣ, гдѣ я закупаю вина, можетъ статься мнѣ даютъ не настоящія заморскія, а какую-нибудь бурду, которую сами дѣлаютъ. Въ Москвѣ мастера надуть и обвести; мнѣ не разъ приходилось слышать, что знатоки въ винахъ не одобряютъ вина, продаваемыя въ Москвѣ. Можетъ быть, вина эти и вредны, а я по неволѣ продаю ихъ, потому что другихъ взять негдѣ, хотѣлось-бы мнѣ имѣть настоящія заморскія вина, купить ихъ на мѣстѣ, гдѣ они приготовляются.

— Вотъ прекрасная мысль, вскрикнулъ воодушевившись Колотовскій. Сдѣлай,—какъ говоришь, и мы, помѣщики, челомъ тебѣ ударимъ.

— Легко сказать сдѣлай. На это большой капиталъ нуженъ. Нужно купить свой хоть небольшой корабликъ, съѣздить за море, нагрузить корабль винами, и привезти сюда. Конечно, есть у меня достатокъ, но на таксе дѣло моего капитала не хватитъ. Оно, дѣло это, пахнетъ десятками тысячъ... радъ бы въ рай да грѣхи не пускаютъ.

— Ну бѣда еще не велика! Свѣтъ не клиномъ сошелся. Я тоже не безъ достатка. Могу ссудить тебя необходимымъ капиталомъ. Я дамъ тебѣ пятнадцать тысячъ. Барыши отъ продажи вина мы раздѣлимъ пополамъ. Если ты согласенъ на мое предложеніе, мы заключимъ условіе, гдѣ слѣдуетъ. Ты меня извини, Федорычъ, а съ вашимъ братомъ купцомъ иначе нельзя, пальца въ ротъ вамъ не клади—откусите, за деньги вы готовы продать отца родного... Ну, не сердись, я шучу.

Ефремовъ согласился, условіе было заключено. Получивъ пятнадцать тысячъ, Трифонъ Федорычъ возликовалъ, но жадность къ деньгамъ была въ немъ такъ велика, что первой мыслью, явившейся у него, было надуть своего компаньена. «Ты Игнатъ Ивановичъ парень-то не промахъ—себѣ на умѣ, думалъ Трифонъ.—Хочешь чужими руками жаръ загребать. Вотъ тебѣ дескать пятнадцать тысячъ; поѣзжай за тысячи верстъ, жертвуй своей жизнью; а я буду сидѣть дома, ѣсть пироги да запивать добрымъ виномъ; барышемъ же будемъ пользоваться сообща. Нѣтъ, братъ, шалишь; не на таковскаго напалъ. На твои деньги я накуплю товару, а въ лавкѣ моей будетъ только одинъ хозяинъ Трифонъ Федорычъ. Капитала твоего я не заграблю, возвращу при первой возможности, а на счетъ барышей—еще подумаемъ... Только какъ и гдѣ мнѣ закупать заморскія вина и какъ снарядить корабль, для меня дѣло темное, небывалое. Нужно посовѣтываться съ опытными людьми, напримѣръ, хоть съ Кожевниковымъ изъ Москвы. Онъ большую часть товаровъ вывозитъ изъ-за моря, онъ мнѣ скажетъ, какъ это сдѣлать».

Трифонъ Федорычъ на другой же день по полученіи капитала отъ компаньена отправился въ Москву. Передъ отъѣздомъ, войдя въ свою щегольски отдѣланную лавку, онъ долго смотрѣлся въ зеркало и, самодовольно погладивъ бороду, сказалъ про себя:

— Можно побожиться, что во мнѣ никто не узнаетъ Тришки извозщика; сама Арина Петровна, если бы не жила все время со мною, отреклась бы отъ меня; она сказала-бы: «я-де тебя, батюшка, совсѣмъ не знаю».

Послѣ обстоятельнаго осмотра своей персоны, Трифонъ Федорычъ спокойно отправился въ Москву, не опасаясь, что у полиціи можетъ явиться любопытство узнать, почему онъ такъ внезапно исчезъ изъ столицы.

По пріѣздѣ въ Москву, Трифонъ побывалъ у тогдашнихъ именитыхъ купцовъ Кожевникова и Усачева, которые вели заграничную торговлю и они указали ему на человѣка, который могъ устроить корабль и свезти его самого благополучно туда, куда онъ пожелаетъ; при чемъ Усачевъ посовѣтовалъ ему ѣхать прямо въ Португалію, гдѣ онъ получитъ настоящій тенерифъ и мадеру.

— Мы уже облѣнились, прибавилъ онъ,—а Трифонъ Федоровичъ человѣкъ свѣжій. Мы не удивимся, если знатоки въ винахъ, даже изъ Петербурга, будутъ выписывать вина отъ него. У знатоковъ чутье есть, сейчасъ узнаютъ, гдѣ можно найти настоящее неподдѣльное вино.

Черезъ непродолжительное время рекомендованный Усачевымъ человѣкъ объявилъ Федоровичу, что корабль построенъ въ Петербургѣ и черезъ недѣлю, а много черезъ двѣ, можно пустить его въ море.

Поручивъ свою лавку своему главному приказщику, подъ наблюденіемъ Арины Петровны, Трифонъ Федорычъ принужденъ былъ разстаться на неопредѣленное время съ Калугою и отправиться въ Петербургъ, а изъ Петербурга моремъ въ Португалію.

Рекомендованный Усачевымъ человѣкъ былъ искусный морякъ, родомъ англичанинъ. Онъ принялъ на себя обязанность капитана корабля, подобралъ матросовъ, пригласилъ опытнаго шкипера и благополучно привелъ корабль въ Лиссабонъ. Счастіе вездѣ сопровождало бывшаго живейнаго извощика Тришку. Онъ попалъ въ Лиссабонъ нечаянно, потому, что не могъ сказать опредѣлительно капитану корабля, куда именно имъ нужно было пристать. Въ Лиссабонѣ онъ розыскалъ извѣстнаго виноторговца, у котораго закупилъ тенерифу и мадеры. Смѣтливый португальскій купецъ, замѣтивъ, что имѣетъ дѣло съ неофитомъ, предложилъ ему взять съ собою въ Россію партію лиссабонскаго вина. Трифонъ Федоровичъ купилъ и лиссабонскаго.

Возвратившись благополучно въ Калугу, онъ пустилъ въ продажу привезенныя имъ заграничныя вина. Выручка отъ продажи ихъ была громадная. За бутылку, стоившую ему самому, можетъ быть не болѣе рубля, публика охотно платила три. Заказы сыпались со всѣхъ сторонъ. Болѣе всего выручило его лиссабонское вино, которое онъ первый ввелъ въ употребленіе въ Россіи, такъ что прошло не болѣе трехъ лѣтъ, а онъ уже былъ обладателемъ почти стотысячнаго капитала, что позволило ему расплатиться съ Колотовскимъ.

Казалось, можно бы на этомъ остановиться,

но знакомство Трифона Федоровича съ богатыми московскими торговцами, изъ которыхъ одинъ нажилъ милліонъ отъ казенныхъ подрядовъ, увлекло его въ водоворотъ спекуляцій и, наконецъ, счастье измѣнило ему, какъ увидятъ читатели изъ продолженія моего разсказа.

Несчастіе его началось съ счастья, о которомъ въ прежнее время, конечно, онъ и не помыслилъ бы. Когда Кожевниковъ и Усачевъ, поставщики винъ въ домъ тогдашняго главнокомандующаго Москвою, князя Прозовскаго, поставили ему сто бутылокъ лиссабонскаго, князь, которому очень понравилось это вино, спросилъ, гдѣ они достаютъ вино съ такимъ чистымъ и неподдѣльнымъ вкусомъ? Они отвѣчали, что получили его отъ калужскаго купца Ефремова, который имѣетъ свой корабль, самъ ѣздитъ за винами и закупаетъ ихъ заграницею на мѣстѣ. Князь Прозоровскій, желавшій дать пиръ въ день своихъ имянинъ, поручилъ своему адъютанту полковнику Львову, послать въ Калугу купцу Ефремову заказъ на три ящика разныхъ винъ. Львовъ написалъ заказъ и отослалъ Ефремову. Вѣсть о заказѣ отъ такого важнаго лица быстро распространилась по всей Калугѣ и Трифонъ Федорычъ сдѣлался человѣкомъ извѣстнымъ, такъ что самъ воевода калужскій сталъ заходить къ нему запросто въ гости.

Но это еще не все. Полковникъ Львовъ, желавшій подслужиться князю, въ слѣдующій разъ самъ отправился въ Калугу за винами. По приглашенію Трифона Федоровича, адъютантъ московскаго главнокомандующаго остановился у него въ домѣ и влюбился въ его дочь Настасью Трифоновну, которая дѣйствительно была очень хороша собою. Любовь любовью, но въ качествѣ правдиваго повѣствователя, я долженъ сказать, что полковникъ Львовъ, сильно нуждавшійся въ презрѣнномъ металлѣ, надѣялся получить отъ богатаго купца за его дочерью въ приданое большія деньги. Онъ сдѣлалъ предложеніе ея отцу и, конечно, получилъ отъ него согласіе.

Побѣжавъ къ Аринѣ Петровнѣ, Трифонъ Федоровичъ, съ радостными слезами на глазахъ, повелъ къ ней такую рѣчь:

— Вотъ мы съ тобою до чего дожили Арина Петровна, барами стали; дочь наша можетъ четвернею ѣздить, къ ней присватался такой баринъ, что ты ахнешь и не повѣришь. У него вся грудь въ орденахъ, говорятъ, онъ первое лицо при князѣ Прозоровскомъ. Я уже далъ свое согласіе. Подумаемъ, когда сыграть свадьбу. Я за Настенькой дамъ въ приданое двадцать тысячъ, кромѣ всякаго тряпья, которое мы съ тобой закупимъ. То-то будетъ разговору по Калугѣ; здѣсь неслыханное дѣло, чтобы полковникъ женился на купеческой дочери. За него любая княжна пойдетъ.

Сначала Арина Петровна не повѣрила такому счастью, но убѣдясь въ истинѣ, набожно благословила свою дочь и свадьба состоялась въ самомъ непродолжительномъ времени.

Когда молодыхъ привезли отъ вѣнца, Трифонъ Федоровичъ, всматриваясь пристально въ лицо своей дочери, вздрогнулъ и задумался. «Вотъ уже третій разъ, сказалъ онъ самъ себѣ, — поражаетъ меня сходство моей Настеньки съ несчастнымъ юношей, убитымъ мною въ оврагѣ. У нея такое же ангельское личико, какъ и у того. Слава Богу, что она уходитъ отъ меня. Мнѣ будетъ легче.

Въ это время онъ получилъ предложеніе отъ казенныхъ поставщиковъ.

— Мы супротивъ тебя люди маленькіе, говорили они, — беремъ подряды небольшіе, потребуетъ казна десять тысячъ кулей муки, мы взять можемъ, а больше — силъ не хватаетъ. За куль казна полагаетъ примѣрно четыре рубля, а на мѣстѣ у крестьянъ мы покупаемъ по два рубля. Поставка кончится и мы, маленькіе купцы, зашибаемъ въ годъ десять, двѣнадцать тысячъ барыша. Ты съ своимъ капиталомъ и съ своими связями можешь взять подрядъ покрупнѣе, хоть на двѣсти тысячъ. Тебѣ казна повѣритъ. У тебя одинъ зять чего стоитъ. Года въ три смотри, милліонщикомъ будешь.

Трифонъ Федоровичъ посовѣтывался съ зятемъ. Львовъ, неопытный въ дѣлахъ подобнаго рода, сказалъ, что, сколько онъ слышалъ, подряды выгодны и обѣщалъ тестю свое содѣйствіе.

Трифонъ Федоровичъ рискнулъ на большой подрядъ муки для казны, простиравшійся на триста тысячъ рублей, и муку къ сроку, назначенному по заключенному условію, не доставилъ. Казна не дала отсрочки; завелась переписка, рѣшено было принять строгія мѣры противъ неисправнаго подрядчика; все имѣніе Трифона Федоровича было взято въ распоряженіе казны и онъ изъ богача сталъ почти нищимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Капралъ Терефера.
и
Капитанъ Шерпентина.

Солдатскій разсказъ.

Владислава Сырокомли. Переводъ **И. Омулевскаго.**

Посвящ. Дон. Андр. Карчъ-Карчевскому.

I.

Охъ не сладокъ хлѣбъ солдатскій,
А какъ вспомнишь — на рѣсницы
Валятъ слезы подурацки,
Точно ложку съѣлъ горчицы.
Знамо, юность — или тоже,
Какъ у васъ теперь, такая?!
Сохрани, помилуй Боже!
Гдѣ та удаль въ ней лихая!
Блѣдно, вяло все, — ни силы,
Ни сердечной прыти въ мѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

II.

И теперь, придись мнѣ круто,
У меня бы силъ хватило;
А въ двѣнадцатомъ году-то,
Какъ я въ службу шелъ, что́ было?
Вонъ онъ, крестикъ — трудъ немалый
Тоже стать и кавалеромъ;
А хотите — я, пожалуй,
Разскажу, какимъ манеромъ?
Эхъ! и времячко же было!
Голодъ, холодъ — все, къ примѣру!
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

III.

Изъ Смоленска, съ войскомъ, живо
Мы обратно выступали;
У кого сухарь былъ — диво,
Водки — въ очи не видали!
Подъ усадьбою одною
Дало роздыхъ намъ начальство, —
А казаки за спиною,
А морозъ трещитъ, канальство!
Крестъ нашли мы надъ могилой
И зажгли его, къ примѣру...
Христе Господи помилуй.
Старикашку Тереферу!

IV.

Обступили на привалѣ
Тотъ огонь, какъ волны, люди:
Изъ Гаскони, изъ Вестфальи,
Изъ-подъ Кракова, со Жмуди.
Догорѣлъ онъ; — тутъ вязанки
Тащатъ хворосту ребята;
Слышны пѣсни, перебранки,
Курятъ трубочку солдаты.
Кто заснуть хотѣлъ — насилу
Гдѣ попало легъ, къ примѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

V.

Легъ — и развѣ встанетъ снова
Въ лучшемъ мірѣ! Прахъ героя,
Сотворивъ надъ нимъ сурово
Лишь молитву, мы зароемъ
Въ снѣгъ холодный чѣмъ попало —
И готовъ обрядъ короткій!
Видишь, братцы, подкрѣпляла
Насъ молитва — пуще водки!
А въ другихъ полкахъ, мой милый,
Потеряли въ Бога вѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

VI.

Мы имѣли капитана,
Твердо вѣрившаго въ Бога,
И молиться утромъ рано
Онъ наказывалъ намъ строго;
А посты держали въ силѣ
Nolens — volens ужь, канальство!
Капитана всѣ любили,
Почитало все начальство.
То былъ старецъ съ виду хилый,
Говорилъ тихонько, въ мѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

VII.

Дряхлый видомъ, старичина
Твердъ и грозенъ былъ въ азартѣ;
Прозывался — Шерпентина,
Потому что дрался *arte*!
Другъ солдата, онъ, бывало,
Грошъ послѣдній дѣлитъ съ нами,
Не въ строю — ребенокъ малый,
Но на службѣ — чортъ съ рогами!
И кричалъ онъ съ страшной силой,
Заглушая все, къ примѣру,
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

VIII.

Отъ Смоленска, онъ немного
Будто храмлетъ, замѣчаю;
То ли раненъ, то-ль дорогой
Утомился — не узнаю.
Дьяволъ самъ сидѣлъ въ немъ, что ли!
Такъ держался дисциплины,
Что хоть лопни онъ отъ боли —
Не дознаешься причины!
Знай-шагаетъ черезъ силу
По сугробинамъ, къ примѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

IX.

Какъ ужъ двинулись мы снова,
— «На плечо»! вскричалъ онъ живо.
Вижу хмурится сурово,
Все храбрится, — по фальшиво.
Всѣхъ насъ выстроилъ рядами,
Самъ впередъ — и пу-шагаетъ;
Но замѣтилъ по слѣдамъ я,
Что онъ кровью истекаетъ,
Что плетется черезъ силу
И шатается не въ мѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

X.

Взялъ платокъ, присѣлъ и спѣшно
Обвязалъ больную ногу;
Подхожу къ нему я, грѣшный:
Дай, молъ, сдѣлаю подмогу.
Но какъ крикнетъ старый бѣсъ-то:
— «Ранъ вы, что ли, не видали!
«Терефера, маршъ на мѣсто»!
(Такъ въ полку меня прозвали.)
Да вѣдь какъ! во всю вѣдь силу,
Даже дрожь взяла, къ примѣру...

Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XI.

А сказалъ онъ это слово
Гордо, злобно, непреклонно!
И пошелъ, упрямецъ, снова
Ковылять передъ колонной.
Хошь крѣпится старикашка,
Но не можетъ скрыть мученья:
Окровавилась повязка,
Валитъ съ ногъ изнеможенье;
Знать, что собралъ онъ всю силу,
А не стонетъ — гордъ не въ мѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XII.

Но не выдержалъ — и на земь,
Съ громкимъ стономъ, повалился!
Подскочили всѣ мы разомъ,
Весь отрядъ къ нему столпился.
Самъ идти старикъ не можетъ,
Такъ съ полкомъ нести хотѣли, —
А фургоны, прости Боже,
У Смоленска гдѣ-то сѣли.
Плащъ да хворостъ — вотъ, мой милый,
И носилки офицеру!
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XIII.

Но какъ старый огрызнется,
Точно тигръ въ своей засадѣ:
— «Какъ! всему полку придется
«Запоздать меня лишь ради?
«Стройся! смирно! Для порядка,
«Разстрѣляю — кто остался!
«Обо мнѣ, поручикъ, кратко
«Рапортуйте, что скончался!
«Не копайте мнѣ могилу,
«Честь не въ почестяхъ!» къ примѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XIV.

Тотъ вздохнулъ на рѣчь такую
И повелъ шеренги въ поле.
Я подумалъ: лбомъ рискую,
А ужъ сгинуть не позволю!
Такъ и сдѣлалъ — и не трушу.
— «Капитанъ мой! «говорю я:
«Ни за что грѣха на душу —
«Васъ покинуть — не беру я».
— Коль идти мнѣ не подъ силу!
— «Понесу я васъ, къ примѣру».
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XV.

— «Ну, тебя съ твоей вознею!
«Мнѣ ужъ это надоѣло.
«Чѣмъ возиться здѣсь со мною,
«Знай свое ты лучше дѣло.
«Я замѣтилъ, Терефера,
«У тебя, тамъ, рекрутъ, — слабы:
«Держатъ штыкъ — дрянцо манера,
«Маршируютъ, точно бабы.
«Надо, братецъ, вызвать силу
«Въ ихъ рукѣ, дать шагъ имъ въ мѣру».
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XVI.

«Раненъ я — шла кровь, и силы
«Съ ней ушли!... не жить мнѣ больше...
«Слушай, мой товарищъ милый:
«Какъ воротитесь вы въ Польшу—
«Тамъ... гдѣ Нѣманъ, въ старой хатѣ
«Мать моя живетъ, ты знаешь, —
«Такъ отдай ей отъ меня ты
«Крестикъ съ шеи — понимаешь?
«Осмотри хозяйство, милый—
«Все ли есть, всего ли въ мѣру»...

Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XVII.

«Пуще дѣло въ примиреньи:
«Есть со мной деньжатъ запасецъ,
«Такъ на нихъ поминовенье
«Закажи по мнѣ ты, братецъ!
«Мать пускай не плачетъ много:
«Кто, какъ я, погибъ — счастливцы;
«Также пусть помолятъ Бога
«За меня и сослуживцы!
«Но спѣши: ужь войска тылу
«Не видать; рискуй, да въ мѣру».
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XVIII.

— «Ладно! ладно! молъ, не спорю;
«Толковать не станемъ много,
«Дастъ Богъ часъ, поможемъ горю,
«Все пойдетъ своей дорогой.
«А теперь — вѣрнѣе это—
«Надо взять мнѣ васъ на плечи,
«Добредемъ до лазарета,—
«Тамъ ужь вы ведите рѣчи.
«Тутъ бы вамъ найти могилу,
«Снѣгъ бы васъ занесъ, къ примѣру»!
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XIX.

Какъ накинется онъ бѣсомъ,
Какъ вспылитъ въ чертовскомъ родѣ:
— «Вѣдь колонна ужь за лѣсомъ!
«Мѣсто тамъ твое — при взводѣ.
«Догоняй ихъ что есть духу:
«За побѣгъ пойдешь къ разстрѣлу»!
Мнѣ какъ будто и не къ уху—
Приступаю прямо къ дѣлу.
Онъ грозитъ мнѣ, во всю силу
Рвется съ рукъ, кричитъ, къ примѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XX.

Разсуждаю самъ съ собою:
Ничего, пускай, молъ, злится!
Но вѣдь съ ношей, нѣхтурою,
По снѣгамъ бѣда тащиться!
Дашь минутный отдыхъ силѣ,
И ужь вновь бредешь глубоко.
Такъ, до вечера, съ три мили
Мы тащились одиноко,
Капитанъ, хоть брось въ могилу,
Ни словечка... тишь, къ примѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXI.

Сзади войска, путь морозный
Здѣсь и тамъ блеститъ огнями;
То встрѣчаю слѣдъ обозный,
То на трупъ наткнусь глазами.
Сухарей имѣлъ я пару —
Лучшей не было находки:
Съѣлъ ихъ мой рубака старый
И глотнулъ немного водки.
Подкрѣпивши этимъ силу,
Веселѣе сталъ, къ примѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXII.

Уже подъ вечеръ, я вижу,
Чье-то войско тучей грозной
Валитъ съ конницей все ближе.
Капитанъ сказалъ тревожно:
— «Видишь, вотъ какой награды
«Долженъ ждать ослушникъ въ войскѣ:
«То казаки... нѣтъ пощады...
«Ты умрешь не по геройски!
«То ли дѣло встрѣтить силу
«Цѣлымъ взводомъ, стройно, въ мѣру»!

Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXIII.

«Жаль тебя... семьи пригрѣтой...
«Вотъ какъ Богъ караетъ смуту!...
«Но постой... свои вѣдь это...
«Зло поправимъ мы въ минуту»!
Я гляжу... передо мною
Вьются стройные султаны,
Сзади пушки и стѣною
Мамелюки и уланы, —
Только снѣгъ крутится съ силой,
Только гулъ идетъ, къ примѣру!
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXIV.

Вотъ, къ намъ прямо мчитъ кого-то
Бѣлый конь арабской крови;
Въ сѣрый плащъ закутанъ кто-то,
Шляпа сдвинута на брови.
Я всмотрѣлся... и приникнулъ...
— «Дѣлай честь ружьемъ»! въ азартѣ
Капитанъ меня окликнулъ —
«Это самъ вѣдь Бонапарте»!
Шерпентина — гдѣ взялъ силу—
Соскочилъ на снѣгъ, къ примѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXV.

То былъ онъ... любимецъ славы;
Задержалъ коня, и грозно
Посмотрѣвъ, спросилъ; — «Куда вы?
«Гдѣ отрядъ вашъ? что такъ поздно»?
Я смѣкаю: иль ужь разомъ
Брякнуть все, по старой модѣ?
(А французскимъ разнымъ фразамъ
Научился я въ походѣ).
Ну, такъ вотъ, собравшись съ силой,
Начинаю такъ, къ примѣру:
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXVI.

Все, какъ было, съ скромной миной
Вывожу я по порядку:
Что случилось съ Шерпентиной,
Какъ упалъ онъ, нашу схватку
По причинѣ лазарета.
Императоръ величаво
Слушалъ — долго слушалъ это,
И сказалъ: — «Капралъ мой, браво»!
Даже взглядъ сверкнулъ унылый
Благодарностью, къ примѣру.
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXVII.

Тутъ спросилъ онъ Шерпентину,
Кто я? вѣренъ ли присягѣ?
И старикъ не вполовину
Отдалъ честь моей отвагѣ.
Ужь не злился — это тоже
По его я видѣлъ минѣ,
Но сквозь зубы буркнулъ, все же,
Что-то онъ о дисциплинѣ;
Знать, ужь не было подъ силу
Выдать вслухъ меня, къ примѣру,
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXVIII.

Императоръ... о, на свѣтѣ
Я не зналъ свѣтлѣй момента!—
Далъ мнѣ крестикъ. Вотъ онъ, дѣти!
Это, впрочемъ, только лента,
Крестъ же я храню на тѣлѣ!
Какъ умретъ капралъ вашъ, дѣтки,
Тѣмъ крестомъ вы бывшій въ дѣлѣ
Мой мундиръ украсьте ветхій,
Чтобы съ честью онъ въ могилу
Проводилъ меня, къ примѣру!

Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXIX.

Тутъ, хоть не былъ я ораторъ,
Гордо крикнулъ что есть силы:
— «Да живетъ нашъ императоръ»!
А гвардейцы подхватили.
Насъ, назавтра, утромъ рано,
Довезли до лазарета.
Слава Богу, капитана
Таки вылѣчило это!
Нынѣ, слышу, входитъ въ силу,
Какъ хозяинъ... дѣтокъ въ мѣру...
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXX.

Что-жъ бы думали вы? бѣсъ-то,
Какъ вступилъ опять въ начальство,
Тереферу подъ арестомъ
Три дня выдержалъ, канальство!
— «Императоръ награждаетъ
Молъ, тебя за поведенье;
«Но, мой братецъ, не мѣшаетъ
«И властямъ повиновенье.
«Хоть и спасъ меня ты, милый,
«А не вольничай не въ мѣру»!
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

XXXI,

Справедливо; — самъ я слышалъ:
Рядовой ты, иль начальство,
Ужь когда приказъ вамъ вышелъ —
Исполняй его, канальство!

Такъ бесѣдовалъ сквозь слезы,
На порогѣ низкой хаты
Сидя съ палкой изъ березы,
Терефера простоватый;
Подперъ лобъ рукой насилу
И задумался не въ мѣру —
Христе Господи помилуй
Старикашку Тереферу!

Изъ домашней жизни орангутанга.

(Рис. стр. 261).

Крупные виды обезьянъ, горилья, орангутангъ, шимпанзе и гиббонъ, обратили на себя особенное вниманіе въ послѣднее время, преимущественно съ тѣхъ поръ, какъ въ Берлинъ былъ доставленъ первый живой экземпляръ горильи. Но всѣ описанія этихъ животныхъ основаны на наблюденіи ихъ тюремной жизни и, слѣдовательно, крайне неполны и лишены всѣхъ сторонъ, характеризующихъ непосредственный образъ жизни этихъ обитателей первобытныхъ лѣсовъ. Между тѣмъ, именно эти стороны любопытны, и мы постараемся пополнить сказанный пробѣлъ, приведя здѣсь нѣкоторыя главныя черты изъ домашней жизни одного вида крупной породы обезьянъ,—именно орангутанга *).

Орангутангъ живетъ только на восточныхъ азіятскихъ островахъ, Суматрѣ и Борнео, но даже и тамъ встрѣчается не особенно часто. Вообще, орангутанги предпочитаютъ мѣстности ровныя, болотистыя и покрытыя высокоствольнымъ первобытнымъ лѣсомъ, среди котораго постоянно господствуетъ тѣнь. На Суматрѣ они живутъ только въ восточныхъ частяхъ острова, представляющихъ всѣ требуемыя для ихъ жизни условія. На Борнео орангутангъ встрѣчается чаще и имѣющіеся въ Европѣ экземпляры большею частью привезены съ этого острова.

*) Орангутангъ означаетъ на малайскомъ языкѣ «лѣсной человѣкъ». По этому неправильно называть это животное только «орангъ (человѣкъ)». Дайяки, на островѣ Борнео, гдѣ чаще встрѣчается орангутангъ, зовутъ его «міасъ». Въ наукѣ онъ извѣстенъ подъ названіемъ: Simia Satrus.

Взрослые самцы почти всегда живутъ одиноко а самки съ своими дѣтенышами, за которыми ухаживаютъ съ большою любовью. Вообще, какъ самцы, такъ и самки, очень лѣнивы и не обнаруживаютъ малѣйшаго слѣда той неутомимой подвижности, которая характеризуетъ всѣхъ обезьянъ. Одинъ только голодъ вынуждаетъ орангутанга къ движенію; насытившись, онъ снова лѣниво растягивается на покой. Случается, что такой «лѣсной человѣкъ», какъ зовутъ его туземцы, сидитъ на одномъ и томъ же сукѣ по цѣлымъ часамъ, въ одной неподвижной позѣ: выгнувъ дугою спину, нагнувъ голову, устремивъ глаза въ землю и опустивъ руки внизъ, или же раскинувшись ими по сосѣднимъ сукамъ. Всякая перемѣна мѣста очевидно противна этимъ животнымъ, и только необходимость заставляетъ ихъ переходить съ высокихъ деревьевъ въ болотистыя низменности или въ тростниковыя поросли, служащія каждому звѣрю лучшимъ убѣжищемъ противъ охотниковъ. По ночамъ орангутангъ обыкновенно примащивается на вершинѣ густолиственныхъ, но не очень высокихъ деревьевъ, выбирая преимущественно нибоновую пальму или пандапусъ, или же разваливается на сѣткахъ, образуемыхъ безчисленными вьющимися, паразитными растеніями, которыя опутываютъ всѣ крупныя деревья въ индѣйскихъ лѣсахъ, придавая имъ какой-то фантастическій видъ. Но гдѣ бы орангутангъ ни избралъ себѣ убѣжище на ночь, онъ заботится прежде всего о томъ, чтобы съ особенной тщательностью устроить себѣ родъ гнѣзда. Извѣстный путешественникъ Уэллэсъ имѣлъ случай наблюдать за такимъ занятіемъ одного раненаго орангутанга: животное взобралось на вершину дерева и принялось обламывать ближайшія вѣтви, послѣ чего уложило ихъ крестъ-на-крестъ, приготовляя себѣ гнѣздо. Быстро работая одною только непораненою рукою, орангутангъ поспѣшно и ловко нагромоздилъ себѣ изъ наломанныхъ большихъ вѣтвей родъ ящика, въ которомъ совершенно скрылся отъ глазъ охотниковъ. Въ такихъ гнѣздахъ орангутангъ проводитъ всю ночь, выходя изъ нихъ только около девяти часовъ утра, то есть, когда солнце успѣетъ уже разсѣять холодные утренніе туманы.

Орангутангъ питается почти исключительно плодами, иногда же и листьями, почками и молодыми побѣгами деревьевъ. Повидимому, онъ предпочитаетъ плоды еще недозрѣлые, изъ которыхъ иные бываютъ очень кислы, а другіе горьки. Болѣе всего орангутанги любятъ «дуріанъ», и истребляютъ громадное количество этихъ превосходныхъ плодовъ, но, что замѣчательно, никогда не переступаютъ лѣсныхъ просѣкъ даже ради этой лакомой для нихъ пищи. Удивительно тоже, какимъ образомъ ухитряется орангутангъ вскрывать этотъ плодъ, одѣтый толстою, тягучею и усѣянною иглами кожей. По всей вѣроятности, онъ выщипываетъ сначала нѣсколько иглъ, дѣлаетъ небольшое отверстіе въ кожѣ и потомъ уже разрываетъ ее своими мощными пальцами.

Дайяки, туземное племя острова Борнео, часто охотятся за орангутангомъ, потому, что цѣнятъ его мясо. Они убиваютъ животное съ помощью отравленныхъ стрѣлъ. Раненный орангутангъ ищетъ спасенія на вершинѣ деревьевъ, откуда оглашаетъ воздухъ страшнымъ ревомъ, грозно оскаливая свои крѣпкіе зубы на преслѣдователей, или бросая въ нихъ огромными сучьями. Если же онъ раненъ на смерть и падаетъ, то охотники прежде всего спѣшатъ вырѣзать ту часть мяса, которая можетъ быть насыщена ядомъ стрѣлы. Жиръ, находимый въ довольно большомъ количествѣ на взрослыхъ орангутангахъ самцахъ, вырѣзывается туземцами прочь, для кухоннаго употребленія; мясо провяливается или съѣдается въ сыромъ видѣ; изъ шкуры дѣлаются куртки безъ рукавовъ и разнообразныя шапки, которыя дайяки надѣваютъ, идя на битву, чтобы придать себѣ болѣе страшный видъ, или же украшаются ими съ маскарадною цѣлью при своихъ торжествахъ. Мясо орангутанга бѣлаго цвѣта и нѣжно, но, какъ и мясо всякой обезьяны, имѣетъ свой особый сладковатый запахъ и вкусъ, отвратительный для европейца.

Въ настоящее время немногочисленные ряды орангутанговъ рѣдѣютъ еще болѣе, не отъ однихъ уже стрѣлъ туземцевъ, но и отъ пуль европейцевъ. Одинъ только извѣстный естествоиспытатель Уэллесъ застрѣлилъ 17 орангутанговъ. Однажды, узнавъ, что близъ самого его жилища гнѣздится въ деревьяхъ большой орангутангъ, Уэллесъ рѣшился подстрѣлить его. Подойдя къ указанному мѣсту, Уэллесъ услышалъ сильный шелестъ въ вершинахъ деревьяхъ, происходившій какъ бы отъ передвиженія грузнаго тѣла. Сначала ничего не было видно, но черезъ нѣсколько минутъ Уэллесъ примѣтилъ громадную черную рожу, смотрѣвшую на него съ большой высоты. Уэллесъ выстрѣлилъ, но не зналъ, попала ли пуля, потому что орангутангъ продолжалъ двигаться по деревьямъ; однакожь, когда онъ взобрался на самое высокое дерево, то стало замѣтно, что онъ волочитъ одну ногу, вѣроятно задѣтую пулей. Но животное скоро скрылось снова изъ глазъ, крѣпко усѣвшись на большомъ, раздвоенномъ сукѣ. Не смотря на новые выстрѣлы и на трясеніе деревьевъ и окружавшихъ ихъ вьющихся растеній, звѣрь долго не обнаруживалъ своего присутствія, но, наконецъ, свалился съ грохотомъ на землю. Оказалось, что это былъ весьма крупный экземпляръ, достигавшій величины человѣческаго роста. Онъ принадлежалъ къ породѣ, называемой, на туземномъ нарѣчіи, «міасъ-чапанъ», и отличающейся глубокими складками кожи по обѣимъ сторонамъ лица. Длина его, отъ темени до пятокъ, равнялась 4 англ. фут. и 2 дюймамъ; поперечная линія, отъ конца одной распростертой руки до другой, доходила до 7 футовъ 3 дюймовъ. Туловище, подъ мышками, имѣло въ обхватъ 3 фута 2 дюйма, и равнялось человѣческому тѣлу; ноги были сравнительно очень коротки. Оказалось, что животное было страшно изранено: обѣ ноги переломаны, бедро и часть спиннаго хребта совершенно раздроблены, двѣ пули засѣли въ затылкѣ и въ челюсти, но, не смотря на это, орангутангъ былъ еще живъ въ ту минуту, когда упалъ.

При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ орангутангъ можетъ быть опасенъ для человѣка. Во всякомъ случаѣ, онъ нисколько не боится человѣка, очень часто смотритъ ему смѣло въ лицо и потомъ медленно удаляется на вершину дерева. Однажды, толпа дайяковъ преслѣдовала орангутанга въ чащѣ, вооружась копьями и топорами. Передовой охотникъ, завидя животное, хотѣлъ проткнуть его копьемъ, но орангутангъ схватилъ это копье обѣими руками и въ то же мгновеніе впился своими зубами въ плечо несчастнаго. Если бы товарищи не поспѣшили къ нему на помощь съ своими топорами, орангутангъ непремѣнно задушилъ бы его, благодаря своей чудовищной силѣ.

Экземпляры, находящіеся въ европейскихъ зоологическихъ садахъ, происходятъ отъ орангутанговъ, прирученныхъ въ дѣтствѣ; въ этомъ періодѣ жизни, они особенно занимательны. Тотъ же Уэллесъ подстрѣлилъ однажды самку орангутанга, которая упала съ дерева вмѣстѣ съ своимъ дѣтенышемъ, имѣвшимъ еще не болѣе 12 дюймовъ въ длину. Маленькій орангутангъ остался при паденіи совершенно невредимъ, позволилъ взять себя на руки и уцѣпился такъ крѣпко своими крючковатыми пальцами за бороду Уэллэса, что тотъ могъ лишь съ трудомъ высвободить ее. Дѣтенышъ охотно сосалъ па-

Съ натуры рисовалъ **МЮТЦЕЛЬ.**

Орангутанги.

лецъ, который вкладывали ему въ еще беззубый ротъ, видимо радовался всякой ласкѣ и кричалъ, какъ ребенокъ, когда его оставляли одного. Уэллэсъ устроилъ ему колыбельку, въ которой звѣрекъ качался и лежалъ очень смирно, начиная кричать только тогда, когда требовалось перемѣнить подъ нимъ подстилку, и кричалъ до тѣхъ поръ, пока его не обмывали хорошенько въ ручьѣ, при чемъ онъ корчилъ пресмѣшныя гримасы, когда струя воды пробѣгала у него по головѣ. Вообще онъ очень любилъ купанье и вытираніе на сухо, а когда Уэллэсъ расчесывалъ ему шерсть щеткою, то онъ вполнѣ блаженствовалъ и лежалъ смирнехонько съ вытянутыми руками и ногами. Но онъ видимо чувствовалъ отсутствіе матери и жалобно ухватывался за все, что ему попадалось, часто даже за свои собственныя ноги. Ему состроили тогда искуственную матку изъ свернутой буйволовой шкуры, чѣмъ онъ остался очень доволенъ сначала, но видя свои попытки пососать тщетными и только набивая себѣ ротъ волосами, сталъ злиться, кричать и перестал ютиться около мнимой матери.

За недостаткомъ всякаго молока, звѣрька кормили кашкою изъ сухарей, яйцами и сахаромъ. Онъ облизывалъ себѣ губы, передергивалъ щеками и закатывалъ глаза съ выраженіемъ величайшаго удовольствія, когда ему набивали ротъ тѣмъ, что ему особенно нравилось. Если же кушанье казалось ему не довольно сладкимъ, онъ выплевывалъ его обратно. Когда же, не смотря на это, его продолжали кормить, онъ поднималъ крикъ и начиналъ бить все, что попадало ему подъ руки, совершенно какъ раздраженный ребенокъ.

Черезъ мѣсяцъ, маленькій орангутангъ началъ дѣлать попытки ходить. Если его клали на землю, онъ ползъ впередъ или перекувыркивался и, такимъ образомъ, подвигался кое-какъ далѣе. Когда же онъ лежалъ въ своей колыбелькѣ, то ухватывался за ея края и привставалъ на ноги. Черезъ пять недѣль, у него прорѣзались два верхніе передніе зуба, но самъ онъ нисколько не выросъ втеченіе всего этого времени, вѣроятно, вслѣдствіе недостатка молочнаго питанія. Рисовая вода, рисъ и сухари не могли замѣнить этой естественной дѣтской пищи, а кокосовое молоко оказывалось слишкомъ тяжелымъ для его желудка. Мало по малу, бѣдный звѣрекъ началъ прихварывать; симптомы болѣзни указывали на перемежающуюся лихорадку, къ которой присоединилась опухоль ногъ и головы. Онъ потерялъ апетитъ, страшно исхудалъ втеченіи недѣли и умеръ. Вѣсъ его ровнялся 3 фунтамъ; длина = 14 дюймамъ, а ширина отъ одной распростертой руки до другой = 23 дюймамъ.

Нашъ рисунокъ снятъ съ орангутанговъ, находившихся при берлинскомъ акваріумѣ. Въ настоящее время одинъ изъ нихъ уже умеръ.

О величинѣ орангутанговъ существуетъ преувеличенное понятіе. Ни одинъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ экземиляровъ этой породы не превышалъ 4 футовъ 2 дюймовъ (англ. мѣры); длина линіи отъ оконечности пальцевъ одной распростертой руки до оконечности другой, распростертой такимъ же образомъ, никогда не превосходила 7 футовъ 8 дюймовъ (англ. мѣры).

Паскарель.

Романъ Уида.

(Переводъ А. А. Разсказовой.)

(*Продолженіе.*)

VI.

Было уже за полдень, когда я вышла на берегъ рѣки; передо мной открылись, далеко какъ хваталъ глазъ на право и на лѣво, искривившіяся на солнцѣ, какъ вороненая сталь, воды рѣки, ближніе холмы, серебристые отъ оливковыхъ деревьевъ, въ перемѣжку съ темной зеленью остролистника и кипарисовъ, зеленыя долины съ линіями стройныхъ ломбардскихъ тополей, золотое море свѣта, синеватые контуры дальнихъ горъ и безчисленныя бѣлыя виллы и деревни, выглядывавшія, какъ водяныя лиліи на озерѣ, изъ своей зелени. И такъ казались близки, такъ воздушны, такъ достойны занимать мѣсто въ какомъ-нибудь уголкѣ рая эти нѣжные очерки апеннинскихъ и карарскихъ горъ, гнѣздящихся другъ надъ другомъ, что мои шаги невольно направились въ направленіи къ нимъ, пока я не вышла изъ городскихъ воротъ и не очутилась въ лѣсу, въ тѣни густого остролистника и распускающихся вѣтвей акацій, дрожащихъ отъ силы дневного свѣта; а вдали блистали на полуденномъ солнцѣ, мягкіе, какъ въ сновидѣніи, тоны карарскихъ мраморовъ.

Было жарко, я опустилась въ тѣни деревьевъ на каменную скамью на лужайкѣ, такъ густо усыпанной крокусами, что вся трава казалась желтолиловой. Я недумала о томъ, что со мною будетъ и какъ мало вѣроятности отыскать слѣды моего отца или Флоріо. Подъ вліяніемъ чаръ мягкаго южнаго воздуха и громоздящихся горъ, я была въ какомъ-то счастливомъ полуснѣ.

Сижу я такъ спокойно и вижу подходитъ ко мнѣ старушка съ корзиной въ рукахъ, наполненной пармскими фіалками и романскими лиліями. Она бросила мнѣ на колѣни нѣсколько лилій, называя дорогой синьориной и прося дать ей что-нибудь ради Христа. Ея просьба разжалобила меня. Я опустила руку въ маленькій кожанный мѣшечекъ, привязанный къ поясу ремешкомъ, въ которомъ хранилось все мое состояніе. Ужасъ! Мѣшечекъ былъ пустъ! Моя рука проскользнула черезъ мѣшокъ, не находя ничего на своемъ пути. Съ крикомъ отчаянія я вскочила на ноги и съ силою оторвала мѣшокъ отъ пояса... шарю внутри его въ смертномъ страхѣ и страшномъ волненіи... ни одной монеты... замшевый мѣшокъ прорѣзанъ, какъ ножемъ и совершенно пустъ. Безъ сомнѣнія меня обокрали въ прошедшую ночь во время праздничной ярмарки карнавала.

Я хорошо знала, что значитъ нищета и могла понять всю силу несчастія, поразившаго меня. Старая крестьянка молча смотрѣла на меня, пораженная отчаяніемъ, выражавшимся во всей моей фигурѣ.

Я бросилась на землю около мраморной скамьи, на которой сидѣла, я не могла говорить, не могла плакать, я чувствовала какъ бы тяжелый камень, упавшій на меня и почти раздавившій меня своею тяжестью.

Не знаю, долго ли я лежала въ такомъ положеніи пришибленная, пораженная, на прекрасной, усѣянной крокусами травѣ. Старушка нагнулась и тихонько дотронулась до меня.

— У васъ, дѣйствительно, ничего нѣтъ, синьорина? Все что-ли украдено? Не лежите такъ, вы меня пугаете.

Я подняла голову и взглянула на нее. Туманъ носился передъ моими глазами. Весь зеленый лугъ кружился передо мною, какъ въ водоворотѣ. Прежде всего у меня блеснуло сознаніе, какъ горько я обманула ожиданія этой несчастной старухи, она не бѣднѣе меня въ настоящу минуту, но она такъ стара.

— Мнѣ очень жаль, съ трудомъ проговорила я, — мнѣ очень жаль васъ; но меня обокрали, у меня ничего не осталось! Я тоже нищая.

Бѣдняжка вздохнула. Мое несчастіе и для нея было тяжелымъ ударомъ. Судя по моей наружности, она, очевидно, разсчитывала на щедрую подачку, но великодушное сердце ея соотечественниковъ билось и въ ея впалой груди.

— Ничего, дорогая синьорина, сказала она мягко, — вы хотѣли подать мнѣ милостыню, Матерь Божія припомнитъ вамъ это; зачтется вамъ ваше доброе желаніе. А любите вы лиліи?

И она, положивъ мнѣ на колѣни новый пучекъ цвѣтовъ, пошла прочь. Добрая душа! надѣюсь, что и ей будетъ воздано за ея поступокъ. Она утѣшала меня чисто по-итальянски, просто, безъ фразъ, съ трогательной добротой, — особенно трогательной въ ея лѣта при ея поразительной нуждѣ и бѣдности. Я не могла отвѣчать ей и только смотрѣла вслѣдъ темной, сгорбленной фигурѣ, переходившей черезъ цвѣтущій лугъ подъ жгучими солнечными лучами. Вѣроятно, она поплелась продавать свои лиліи у городскихъ воротъ.

По дорогѣ, проходившей между деревьями, съ широко открывавшейся панорамой на Апеннины, я увидала направляющійся въ мою сторону возъ, везомый буйволами, а немного далѣе кучку народа блестящаго на солнцѣ, какъ златокрылыя божьи коровки. Инстинктивно, во избѣжаніе всякихъ встрѣчъ, я ушла въ окаймлявшій лужекъ лѣсъ, тѣнистый даже въ полдень. Здѣсь я была совершенно одна и оглядывалась вокругъ себя съ смѣшаннымъ чувствомъ апатіи и отчаянія. Я не знаю, чего я боялась, хотя за минуту передъ этимъ мнѣ казалось, что все небо и земля улыбались мнѣ улыбкой Флоренціи.

Опустившись на землю у корня сосны и положивъ голову на руки, я зарыдала. Вскорѣ послышались веселые разговоры и смѣхъ. Я различала неясный шумъ веселой болтовни; бесѣдовала компанія изъ одной женщины и трехъ мужчинъ; съ ними было три собаки и обезьяна. Компанія расположилась на землѣ; изъ корзины были вынуты вино и закуски, одинъ изъ мужчинъ развелъ огонь изъ сухихъ вѣтвей; другой взялъ лютню и запѣлъ. Его голосъ имѣлъ чистыя, звучныя, далеко слышныя вибраціи, какъ у струннаго инструмента, чѣмъ обладаютъ только итальянскіе голоса.

Я сидѣла, какъ окаменѣлая, прислушиваясь къ звукамъ. Слезы медленно катились по моимъ щекамъ. Наконецъ я перестала рыдать и перешла въ пассивное изнеможеніе отъ сильной печали.

Скоро мои сосѣди замѣтили меня, что я заключила изъ того, что они тихо заговорили между собой. Женщина, оставивъ свое мѣсто, подошла ко мнѣ. Это была хорошенькая фигурка, полненькая, голубая, свѣтлая, веселая, съ мелькающими ножками, съ темнымъ личикомъ подъ кружевнымъ генуэзскимъ уборомъ, показавшимся мнѣ такимъ свѣжимъ и радостнымъ, какъ весенній тюльпанъ между пшеницей:

— Кажется, синьорина, вы несчастливы, сказала мнѣ неувѣреннымъ тономъ это милое существо. — Съ вами, вѣроятно, случилось что-нибудь дурное?

Я не могла говорить; гордость и стыдъ заставляли меня молчать. Я старалась не показывать ей моихъ слезъ и, отвернувшись, зарыдала сильнѣе. Вѣроятно, мои слезы испугали ее, потому что, простоявъ нѣсколько времени надо мною молча, она позвала своихъ товарищей. Я услышала приближавшіеся по травѣ шаги мужчины.

— Поговори съ ней, мой милый, сказала тихо дѣвушка. — Должно быть, съ нею случилось что-нибудь очень нехорошее, я въ этомъ увѣрена... Она такая молоденькая! почти дитя!

— Если синьорина не захочетъ говорить, мы ничего не можемъ сдѣлать, сказалъ мужской, чрезвычайно богатый и мелодичный голосъ, тотъ самый, который пѣлъ подъ акомпанимептъ лютни.

Моя гордость была побѣждена. Я повернулась и отвѣтила не глядя на него.

— У меня было двѣнадцать золотыхъ гульденовъ, все мое состояніе и у меня взяли ихъ всѣ — всѣ до одного!

— Кто взялъ ихъ?

— Воръ... я не знаю. Должно быть прошлой ночью, на праздникѣ. Они были цѣлы, когда я пріѣхала во Флоренцію... Я здѣсь одна и не знаю ничего. Всѣ мои братья умерли и никто не можетъ мнѣ сказать, гдѣ мой отецъ. Но все это не пугало меня, пока у меня были деньги. А теперь... теперь я боюсь, о Матерь Божія! у меня ничего нѣтъ; я должна умереть съ голоду; можетъ быть, никто не повѣритъ тому, что я говорю, меня могутъ принять за воровку, когда узнаютъ, что у меня ничего нѣтъ! Ахъ, зачѣмъ я не умерла въ Болоньѣ!

— Пустяки, пустяки, милая моя, отвѣчалъ онъ.—Никто не захочетъ умирать въ Болоньѣ. Не особенно пріятно быть заключеннымъ въ кирпичномъ склепѣ и записаннымъ въ числѣ тысячъ другихъ «vagabondi» или «ladri», или «Ericconi», къ какой классификаціи городу вздумается причислить васъ. Ободритесь синьорина; пойдемте, мы вмѣстѣ позавтракаемъ. Почемъ знать, можетъ быть, вы оставили свои золотые гульдены въ томъ мѣстѣ, гдѣ ночевали? Вы могли ошибиться. Наконецъ, воръ можетъ раскаяться или попадется, что одно и тоже. Пойдемте же, посмотрите на моихъ собакъ и отвѣдайте моего вина, если оно не все выпито. Не бойтесь насъ; мы всѣ не особенно почтенные люди, за исключеніемъ собакъ, но зла вамъ не сдѣлаемъ.

Что то въ его голосѣ и серебристомъ смѣхѣ, звенящемъ какъ металлъ, показалось мнѣ успокоительнымъ, знакомымъ. Я согнала туманъ съ глазъ и нависшіе волосы со лба и взглянула на него съ удивленіемъ.

— А вы не пришли на слѣдующій день, какъ обѣщали, упрекнула я его съ волненіемъ. Вы не замѣтили меня прошлой ночью, на ярмаркѣ. Не узнаете меня и теперь. Я сберегла одну изъ розъ... посмотрите!

Я достала съ груди одну изъ засохшихъ бѣлыхъ розъ, полученныхъ мною отъ него въ Веронѣ. Онъ сильно покраснѣлъ и засмѣялся; но глаза его были влажны... Какъ не узнала я его съ перваго раза? Его лицо было не изъ обыкновенныхъ, а изъ тѣхъ, которыя не скоро забываются; оно принадлежало къ типу лицъ эпохи возрожденія, когда въ чертахъ лица отпечатлѣвалась артистическая и героическая жизнь, бывшая въ то время въ своемъ апогеѣ. У него было лице съ классическими чертами, мечтательными губами, задумчивымъ лбомъ, въ высшей степени меланхоличное въ состояніи покоя, а въ радости веселое, какъ у ребенка, съ глазами, грустными, какъ смерть, и улыбкой, окрытой, какъ солнечный свѣтъ;—лицо наиболѣе идеальное и классическое изъ всѣхъ видѣнныхъ мною людскихъ физіономій.

Какая бы ни была причина—климатъ, раса или воспитаніе,—но на итальянской физіономіи болѣе, чѣмъ на всякой другой, сохраняются впечатлѣнія прошлаго. Обѣднѣвшій дворянинъ, живущій гдѣ нибудь подъ полуразрушенною каменною лѣстницей своего бывшаго дворца, какъ будто сейчасъ вышедшій изъ-подъ кисти Тинторето или Тиціана, кланяется вамъ съ холодной непринужденной граціей, которая по его желанію уступаетъ мѣсто ласковой, почти женской нѣжности. Поселянинъ, закрывающій своимъ темнымъ плащемъ ротъ, чтобы защититься отъ холоднаго горнаго вѣтра, на открытомъ рынкѣ, такъ и кажется моделью Анжело или Сарто, какъ онъ изображенъ въ ихъ произведеніяхъ, съ широко-открытыми отъ смѣха блестящими зубами, ротозѣйничающимъ между мычащими волами и блеющими козлами, съ безсознательной гармоніей движеній, выказывающимъ свои гибкіе жилистые члены.

Къ такимъ именно лицамъ принадлежало и лицо, смѣявшееся надо мной въ залитыхъ луннымъ свѣтомъ улицахъ Вероны, и съ кроткимъ сожалѣніемъ смотрѣвшее на меня въ городѣ Лилій.

VII.

Я застѣнчиво опустила розу на ея прежнее мѣсто. Черноглазая дѣвушка смотрѣла на меня съ открытыми губами и ревнивымъ удивленіемъ въ глазахъ.

— Но вы не сдержали обѣщанія! вовторила я.—Вы не пришли ко мнѣ; вы только послали мнѣ розы.

— Не сдержалъ, это правда, но не по своей винѣ, синьорина, отвѣчалъ онъ съ улыбкой.—Я смущалъ въ тотъ день народъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, рѣшили чужеземцы. Я пускалъ въ народъ не одними пузырями и приправлялъ ихъ супъ не одними шутками; я увѣнчалъ все это въ Вельопе, послѣ того, какъ разстался съ вами, рѣчью, которая въ ушахъ австрійцевъ зазвучала, какъ государственная измѣна. На разсвѣтѣ, когда я шелъ домой, напѣвая и не думая о причиненномъ мною злѣ, добрые тедески схватили меня и выпроводили за ворота, не давъ мнѣ ни минуты времени, чтобы уложить мой дорожный мѣшокъ или предупредить своихъ товарищей; они отправились со мной къ границѣ по слякоти и мятели. Ихъ было пятьдесятъ на одного, понятно, не могло быть и рѣчи о сопротивленіи. У воротъ я увидѣлъ цвѣточную лавку, въ которой открывали ставни; я попросилъ солдатъ позволить мнѣ зажечь папиросу. Я выбралъ лучшій букетъ розъ, заплатилъ за него и велѣлъ отнести къ вамъ. Я радъ, что лавочникъ честно исполнилъ мое порученіе. Холодно было ѣхать по Ломбардіи, сидя верхомъ у лошадинаго хвоста въ маскарадномъ костюмѣ Флориндо, въ высшей степени дикомъ, посреди сѣрой, непривѣтной равнины; шелъ сильный снѣгъ, мятель рѣзала какъ ножемъ, но всего непріятнѣе для меня была мысль, что подумаете вы обо мнѣ, не сдержавшемъ даннаго обѣщанія.

Произнося эти слова, онъ улыбнулся чудной итальянской улыбкой, въ которой столько веселости, столько нѣжности.

— Такъ вы меня, дѣйствительно, не забыли? сказала я.—Я думала, что вы забыли; а вчера ночью увѣрилась въ этомъ.

Онъ засмѣялся.

— Конечно, не забылъ. Я узналъ васъ, милая дѣвушка, съ перваго взгляда. Вы слишкомъ хорошо пѣли, чтобы я могъ забыть васъ, а ваше чудное шелковое платье, а ваши руки, полныя цвѣтовъ, а ваши волосы съ оттѣнкомъ золота, да, вы представляли собой прекрасную картинку... Я нарочно бы остался въ Веронѣ, чтобы розыскать васъ; но ваши друзья, тедески, и я,—мы не питаемъ другъ къ другу особенной любви. Они говорятъ, что я бунтую народъ. И такъ, я принужденъ былъ покинуть Верону, не узнавъ вашего имени.

— Какъ все это странно, прошептала я.

— Судьба, скорѣе пропѣлъ, чѣмъ сказалъ Паскарель въ полголоса.

— А вы вѣрите въ судьбу? спросила я его несмѣло.

— Конечно, отвѣчалъ онъ.—Но судьба—женщина, какъ бы противъ этого опредѣленія не возставали наши ученые. А теперь не разскажете ли вы намъ свою исторію?

«Кто бы онъ могъ быть?» задавала я себѣ безпрестанно вопросъ, какое онъ занимаетъ положеніе въ свѣтѣ, къ чему стремится? Въ немъ видно было хорошее образованіе, жесты его были благородны, голосъ чистъ, гибокъ, манеры свободныя и небрежныя, какія даются только рожденіемъ и воспитаніемъ въ высшемъ кругу общества, а между тѣмъ онъ кажется живетъ среди простонародья; его тонкое бѣлье изношено и потерто; его пища самая простая; его товарищи, изъ простонародья, смотрятъ бродягами.

Можетъ быть, онъ понялъ смыслъ устремленнаго мною на него взгляда удивленія. «Кто онъ такой?» соображала я. Онъ недолго оставлялъ меня въ недоумѣніи.

— Мы, странствующіе актеры, къ вашимъ услугамъ, сказалъ онъ съ веселымъ смѣхомъ, опускаясь на землю рядомъ со мною.—Та, что испугалась за васъ, называется Брунотой; этотъ короткій малецъ съ круглой головой—маленькій Токо, а другой мой товарищъ носитъ почетное имя Кокомеро. Три пуделя называются: Пепито, Пепита и Тото. Обезьяна—Пантагрюэль. Тото—звѣзда нашей трупы. Теперь вы знаете насъ всѣхъ. Я же, я Паскарелло или Паскарель. Если вы не боитесь сообщества такихъ безшабашныхъ товарищей, разскажите намъ что нибудь о себѣ, синьорина.

Онъ предложилъ мнѣ немного краснаго вина и кусокъ хлѣба; для меня было утѣшеніемъ возможность говорить о своемъ несчастіи; я охотно разсказала имъ всю мою исторію, подробно описывая свои бѣды и проступки.

— И такъ, вы совсѣмъ одиноки, моя милая дѣвочка, сказалъ Паскарель, смотря своими лучезарными глазами въ мои.

— Да, совершенно одинока!

— И если мы не отыщемъ вора у васъ не найдется и мѣдной полушки?

— Я же вамъ сказала! закричала я въ отчаяніи, будучи принуждена повторять о своемъ униженіи.

— Altro! произнесъ онъ мягко это удивительное восклицаніе, служащее въ Италіи для выраженія всѣхъ возможныхъ человѣческихъ чувствъ.

— А знаете ли вы, что значитъ быть одной и безъ копейки въ этомъ лучшемъ изъ міровъ? продолжалъ онъ медленно,—жестоко, какъ мнѣ казалось. Я едва опять не разрыдалась отъ этого допроса.

— Если я не дѣлаю зла, могутъ ли мнѣ его сдѣлать? спросила я его горячо, засматривая къ нему въ лицо.

Онъ засмѣялся съ ласковымъ сожалѣніемъ.

— Ахъ! кто не дѣлаетъ зла, тому тяжело живется на этомъ свѣтѣ; тотъ всегда въ подозрѣніи!

Поглощенная своей печалью, я не могла понять тонкой ироніи этихъ словъ.

— Не будетъ ли гораздо лучше, прервала его горячо Брунота,—если синьорина на время останется съ нами.

Паскарель, наклонивъ до земли свое украшенное лентами сомбреро, въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ объявилъ о своей готовности принять меня.

— Только... только, закончилъ онъ свою граціозную рѣчь,—вы забываете одно, Брунота. Синьорина изъ знатной фамиліи, нѣжно воспитана, наша жизнь будетъ ей тяжела.

— Но что же она будетъ дѣлать? возразила Брунота.

— Судьба! тихо отвѣчалъ онъ, пристально смотря на меня съ выраженіемъ, котораго я не понимала.—Ну синьорина, хотите оставаться съ нами?

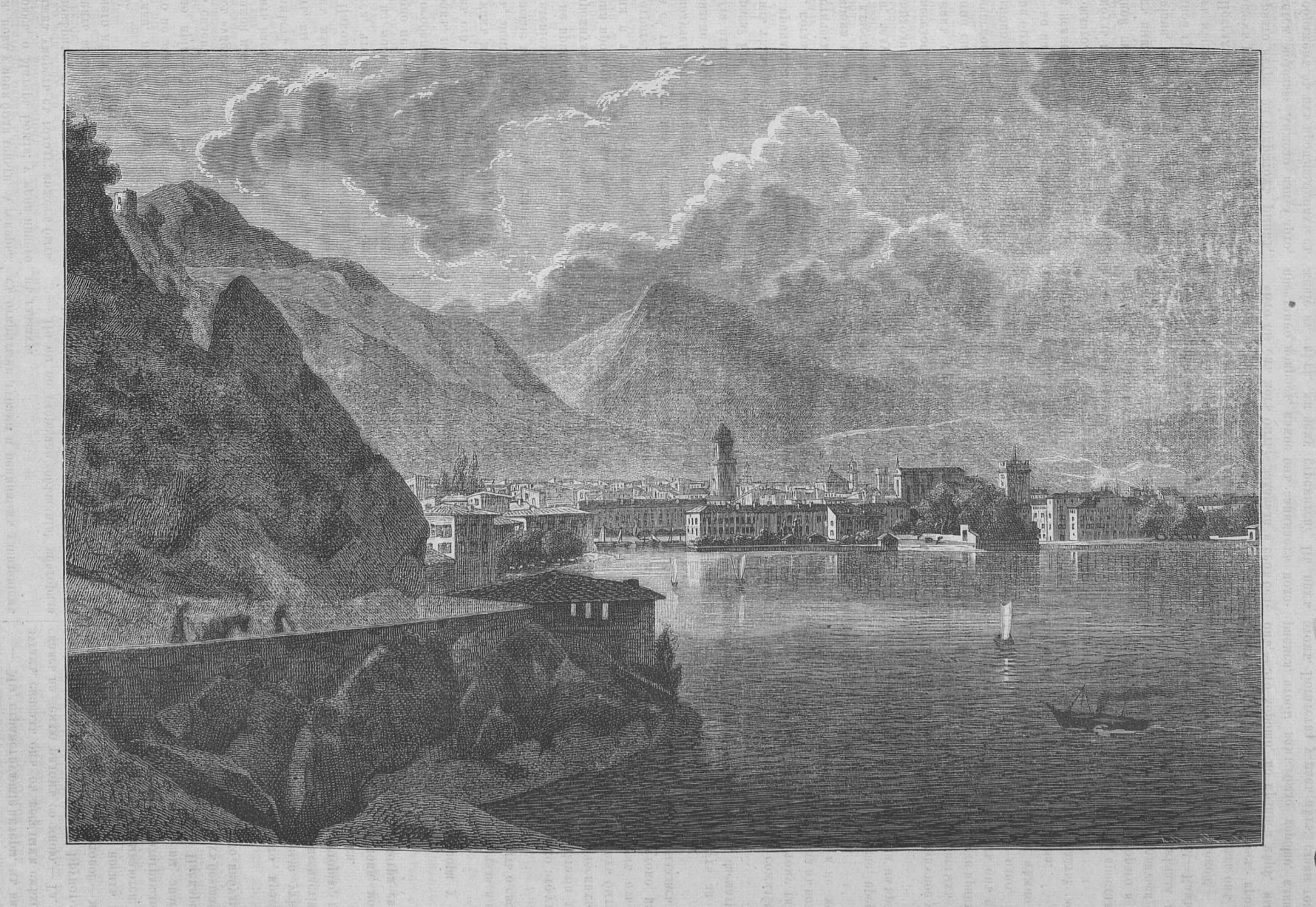
— Я была бы очень рада, отвѣчала я съ судорожнымъ рыданіемъ въ голосѣ!—Какъ страшно... О! какъ страшно быть одинокой!

— Конечно, страшно, повторилъ онъ за мной, беря меня за руки.—Вы остаетесь, продолжалъ онъ,—это хорошо, по крайней мѣрѣ, мы постараемся, чтобы вамъ было хорошо, клянусь въ этомъ. Богатства у насъ нѣтъ, славы тоже, наша жизнь будетъ тяжела для васъ. Но все, что можно сдѣлать, мы сдѣлаемъ.

— Вы очень добры! сказала я, не зная, что отвѣчать ему.

Онъ былъ для меня совсѣмъ чужой, почти незнакомый человѣкъ, но уже казался мнѣ дорогимъ другомъ.

Рисунокъ К. ПЕТЕРЕЙТА.



Рива на Гардскомъ озерѣ.

— Но если я останусь съ вами, сказала я съ внезапнымъ страхомъ и воспоминаніемъ, поразившимъ меня стыдомъ,—если я останусь... у меня ничего нѣтъ; я не желаю быть для васъ новымъ бременемъ; ни за что! Не могу ли я чего нибудь дѣлать, чтобы заработать себѣ на хлѣбъ? Мой голосъ хорошъ...

— Но вы слишкомъ молоды...

— Вовсе не слишкомъ молода... только я обѣщала покойной дорогой Маріучіи... Я не останусь съ вами, если вы не научите меня, какъ мнѣ зарабатывать себѣ на хлѣбъ.

— На хлѣбъ? Пустяки! Вы ѣдите, какъ воробей. Но если вы желаете серьезно, попробуйте быть тѣмъ же, чѣмъ и мы.

— Актрисой! Я?

— Отчего же нѣтъ? спросилъ Паскарель.— Да знаете ли вы, что такое актеръ?

— Конечно, отвѣчала я, съ легкимъ оттѣнкомъ презрѣнія,—развѣ я не видала ихъ тысячу разъ въ Веронѣ? Это не мужчина, не женщина, а деревянный пень, который по заказу танцуетъ или умираетъ, храбрится или дрожитъ, чтобы посмѣшить народъ за мѣдную монету. Великолѣпное занятіе!

Паскарель вскочилъ на ноги, его подвижное лицо вспыхнуло, глаза метали молніи.

— Это все, что вы знаете? сказалъ онъ и голосъ его звенѣлъ, какъ боевая труба.—Послушайте же, барышня,, и узнайте хорошенько. Что такое актеръ? Существо, пренебрегаемое и отталкиваемое со всѣхъ сторонъ; существо, которому въ продолженіи вѣковъ отказывали въ христіанскомъ погребеніи; существо, если это женщина, считающееся безчестнымъ, если мужчина—униженнымъ, негоднымъ. Вотъ что такое актеръ. А между тѣмъ безъ него, безъ актера, смѣхъ и шутка исчезли бы изъ грустной жизни народной; актеръ—существо, передающее огненныя слова поэтовъ такъ, что огромнѣйшее сердце воспламеняется; актеръ—существо, обладающее магнической силой, заставляющее по своему желанію плакать или смѣяться;—существо, граціи котораго завидуютъ короли, и блестками ума котораго заимствуются великіе люди;—существо, черезъ котораго только бѣдняки узнаютъ всю прелесть беззаботно проведеннаго часа, на короткое время убѣгая изъ тюрьмы горькой безцвѣтной жизни въ залитый солнцемъ рай, гдѣ обитаетъ геній. Вотъ что такое актеръ!

Его голосъ дрожалъ. Я слушала съ краской стыда на лицѣ, сильно растроганная, искренно сожалѣя, что обидѣла его.

— Я сказала глупость, отвѣчала я.—Я не подумала! И... и... я попробую тоже быть актрисой.

Онъ поднялъ голову съ радостнымъ выраженіемъ лица, и ласково дотронулся до моей руки.

— Altro! сказалъ онъ.—Это судьба. Оставайтесь съ нами. Но что до того, чтобы вамъ сдѣлаться актрисой... подождите, посмотрите. Не слѣдуетъ рѣшаться опрометчиво.

Потомъ онъ попросилъ меня пѣть, а Токо акомпанировалъ мнѣ на скрипкѣ. Затѣмъ самъ Паскарель разбудилъ лѣсное эхо нѣсколькими спѣтыми имъ народными итальянскими пѣснями.

Такъ въ смѣхѣ и пѣніи, забавляясь игрою собакъ, мы провели день подъ темными соснами и распускающимися каштанами.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Рива на Гардскомъ озерѣ.

(Рис. стр. 264).

Потерявъ ломбардо-венеціянскую провинцію, Австрія удержала за собою въ сѣверной Италіи только одинъ уголокъ, отмѣченный чисто итальянскимъ характеромъ. На восточной береговой полосѣ Адріатики, идущей къ югу отъ Тріеста и втеченіе столѣтій бывшей подъ властью Венеціи, а также въ долинѣ Эча и прилегающихъ къ ней мѣстностяхъ, господствуетъ смѣшеніе языковъ и обычаевъ, не смотря на всѣ увѣренія «гидовъ», ставящихъ Солурнъ предѣльною гранью нѣмецкаго и итальянскаго элементовъ. Во всей этой окрестности, населеніе говоритъ языкомъ, который не признаетъ за свой ни нѣмецъ, ни итальянецъ. Даже и въ латинскихъ округахъ, на сѣверныхъ склонахъ къ Пуетерѣ, нѣмецкое и итальянское нарѣчіе борятся между собою, какъ въ церкви, такъ и въ школѣ. Тоже самое видимъ мы въ Боценѣ и Говередо.

Но къ западу отъ Тріеста—дѣло другое. Представителями нѣмецкаго элемента являются здѣсь только чиновники и солдаты; собственно же населеніе состоитъ изъ однихъ итальянцевъ. Узкое, скалистое ущелье ведетъ изъ долины Эча въ пустынную, унылую мѣстность, мрачно осѣненую вершинами Таццо. Отсюда, спускаясь къ озеру Таблино, начинается Саркская долина. У источниковъ Сарки лежитъ Юдиварія, мѣстность возвышенная и пересѣченная, простирающаяся къ западу до глетчеровъ Адамелло, а къ югу до Спиро и озера Идро. Все это пространство, хотя и принадлежащее Австріи, свидѣтельствуетъ о своемъ тѣсномъ родствѣ съ Италіею, какъ очертаніями своихъ горъ, такъ и типомъ построекъ, языкомъ и обычаями своего населенія. Одинъ только климатъ и зависящая отъ него растительность еще не могутъ назваться чисто итальянскими; они пріобрѣтаютъ право на это только тамъ, гдѣ начинается восхитительный уголокъ, по справедливости именуемый «южно-тирольскимъ раемъ». Онъ тянется отъ Арко до самого Гардскаго озера, на берегахъ котораго красуется Рива.

Трудно передать словами всю прелесть этихъ мѣстъ. Виноградныя лозы, перекинутыя гирляндами съ одного дерева на другое, па итальянскій ладъ, покрываютъ все пространство, обнимаемое глазомъ, однимъ сплошнымъ зеленымъ ковромъ, среди котораго золотятся на солнцѣ кукурузные, пшеничные и табачные посѣвы. Мѣстами темнѣютъ цѣлыя рощи оливковыхъ, шелковичныхъ, вишневыхъ, персиковыхъ деревьевъ, чередуясь съ ольхами, дубами, каштанами и орѣхами. Такая роскошь растительности обусловливается тѣмъ, что эта благословенная часть Тироля открыта только южнымъ вѣтрамъ; отъ другихъ, болѣе суровыхъ вѣтровъ, она защищена цѣлымъ вѣнцомъ горъ: съ востока она окаймлена скученною массою Стиво и растянутымъ кряжемъ Бальдо; съ запада, возвышаясь болѣе, чѣмъ на 7000 футовъ надъ уровнемъ моря, идутъ зубчатыя вершины Джіумеллы, къ которымъ примыкаетъ отрогъ Юдиваріи, почти отвѣсно господствующій надъ долиною Кастель-Тенно. Въ замкнутомъ такимъ образомъ, отдаленномъ уголкѣ нѣмецкаго фатерланда, зима длится только какія-нибудь 6—7 недѣль, — съ Рождества до половины февраля (новаго стиля). Въ мартѣ позволяютъ себѣ посвирѣпствовать немного сѣверные вѣтры, но противникъ ихъ, южный вѣтеръ, называемый здѣсь «ора», царствуетъ невозбранно почти круглый годъ, не высушивая, однакожь, воздуха, который увлажняется постоянно, благодаря близости моря. Надо, впрочемъ, замѣтить, что «ора» дуетъ зачастую такъ сильно, что почти не позволяетъ отворять ставни. Средняя температура (по 100° терм.) равняется здѣсь 13,65°; втеченіе шести болѣе холодныхъ мѣсяцевъ, она доходитъ до 7,65°; втеченіе остальныхъ шести—до 19,96°. Самая высокая температура, наблюдаемая въ послѣдніе года (7 августа (нов. ст.) 1873 г.), доходила до 31°; самая низшая (31-го декабря (нов. ст.) 1871 г.)—до 6,5°. Атмосферическое давленіе принадлежитъ тоже къ самымъ благопріятнымъ; оно представляетъ собою нѣчто среднее между наблюдаемымъ въ горахъ и на берегу моря. Но и на этомъ свѣтломъ фонѣ существуютъ темныя пятна; заключаются они въ слѣдующемъ: крутые скаты Джіумеллы высятся прямо надъ стѣнами Ривы, вслѣдствіе чего солнце прячется зимою очень рано за эти отвѣсы и надъ городомъ разстилается, почти мгновенно, холодная тѣнь. Такой быстрой переходъ отъ тепла къ чувствительной прохладѣ отзывается нелегко на тѣхъ, которые ищутъ убѣжища отъ зимнихъ стужъ на берегахъ Гардскаго озера. Но, вообще говоря, Рива представляетъ собою прелестное убѣжище, дарующее больному человѣчеству возможность проводить ежедневно, даже и зимою, нѣсколько часовъ на солнцѣ, въ защищенныхъ отъ вѣтра мѣстахъ прогулки. Въ этомъ отношеніи Рива несравненно лучше Мерана, въ которомъ снѣгъ часто еще лежитъ на поляхъ, между тѣмъ какъ берега Гардскаго озера уже дышатъ полной весною. Если бы къ этимъ дарамъ природы прибавились еще нѣкоторыя матеріальныя удобства, въ видѣ болѣе комфортабельныхъ гостинницъ и кое-какихъ развлеченій для публики, то Рива могла бы назваться одною изъ лучшихъ зимнихъ станцій во всей Европѣ. Въ настоящее время, въ ней красуются только нѣмецкіе «кафегаузы», далеко не удовлетворяющіе потребностямъ туристовъ.

Въ Риву ведутъ три дороги: одна черезъ Наго и Торболе, другая черезъ Арко, третья озеромъ. Начнемъ съ той изъ нихъ, которая идетъ черезъ Арко.

Арко лежитъ у подножія холма, при входѣ Сарки въ «южно-тирольскій рай». На этомъ холмѣ высится старинный замокъ съ стройною башнею, виднѣющеюся издалека. Все зданіе имѣетъ значительные размѣры (говорятъ, въ немъ было до 120 комнатъ), но теперь оно полуразвалилось и стоитъ безъ призора среди запущеннаго сада, въ которомъ ряды унылыхъ кипарисовъ свидѣтельствуютъ еще о длинныхъ аллеяхъ, нѣкогда, быть можетъ, оживленыхъ веселыми толпами гостей. Городокъ Арко окруженъ хорошенькими виллами; самая красивая изъ нихъ принадлежитъ эрцгерцогу Албрехту. Арко славится своимъ защищеннымъ отъ непогоды мѣстоположеніемъ и служитъ лечебнымъ убѣжищемъ для страдающихъ грудными болѣзнями. Лечебный сезонъ продолжается здѣсь съ половины октября по апрѣль; въ это время городокъ оживляется, но въ остальную часть года, онъ дѣлается пустыннымъ и исправляетъ должность только минутной станціи для туристовъ, спѣшащихъ на Гардское озеро. Всѣ «пансіоны для пріѣзжихъ» заперты, въ гостинницахъ тихо, кельнеры слагаютъ съ себя всѣ знаки своего достоинства и на садовыхъ скамьяхъ сидятъ, развалясь, одни только мѣстные, черномазые ребятишки.

Кратчайшій путь въ Риву отсюда по шоссейной дорогѣ, но она пыльна и ей можно предпочесть другую, извивающуюся между виллами, оливковыми рощами и виноградниками, которые покрываютъ всю покатость, простирающуюся отъ Арко до Тенно; кое-гдѣ только, ландшафтъ преграждается каменною стѣною, мѣшающею глазу обнять весь этотъ, залитый зеленью, горизонтъ. Доступъ черезъ виноградники не возбраняется даже и осенью въ этой благословенной странѣ, не вынужденной скупо оберегать всѣ дары природы. Изъ моря зелени мѣстами выглядываютъ, сельскіе домики, но обитатели ихъ относятся дружелюбно ко всѣмъ проходящимъ по ихъ владѣніямъ.

Вотъ и Барона,—мѣстечко съ узкими и очень грязными улицами, но имѣющее свою достопримѣчательность: гротъ съ водопадомъ. Вода устремляется съ высоты и падаетъ въ гротъ черезъ отверстіе въ его сводѣ, при чемъ контрастъ между сверкающими брызгами и мрачною глубиной грота производитъ живописный эфектъ.

За Бароною начинается оливковая роща, а за нею тополевая аллея, которая ведетъ прямо къ Ривѣ, куда путешественникъ вступаетъ черезъ ворота Сан-Михеле, увѣнчанныя средневѣковою башнею. Отъ этихъ воротъ тянется узкая, кривая улица съ высокими, почернѣлыми домами по сторонамъ, превращающими ее въ родъ ущелья. Солнце рѣдко заглядываетъ сюда, но, не смотря на это, каждое окно, по итальянскому обычаю, снабжено зеленою жалузи. На этой же улицѣ находится церковь Спасителя, украшенная замѣчательными фресками работы Краффонаро, а передъ самыми воротами стоитъ еще другая церковь, отличающаяся затѣйливостью формы: она осьмиугольная, на кругломъ основаніи. Въ ней находятся: великолѣпное рѣзное распятіе, нѣсколько красивыхъ мозаичныхъ работъ и Мадонна, принадлежащая кисти Паоло Джіовине.

Общій видъ Ривы несравненно красивѣе, если къ ней приблизиться съ озера. Пароходъ мчится вдоль скалистой Джіумеллы, стѣны которой, изъ краснаго порфира, высятся почти совершенно отвѣсно надъ городомъ. На одной трети высоты этихъ утесовъ грозно лѣпится древняя башня, называемая «Il bastione» и служащая теперь пороховымъ магазиномъ. Постройка этого «бастіона» приписывается еще римлянамъ. «Via Ponale», единственное сухопутное сообщеніе Ривы съ итальянскимъ королевствомъ, извивается какъ бѣлая змѣя, по краснымъ скаламъ Джіумеллы и опускается къ набережной, пріютившейся на узкомъ пространствѣ между подошвою скалъ и водою. Но далѣе, скалы понемногу отступаютъ назадъ, уступая мѣсто нѣсколькимъ домикамъ и небольшой площади, потомъ образуютъ родъ полукруга, въ которомъ гнѣздится весь городокъ, окруженный горами и озеромъ. Лучшая часть города примыкаетъ къ берегу. Фономъ картины служитъ сначала Джіумелла, а за нею хребетъ Тенно; между ними виднѣется возвышенность, покрытая виноградниками и извѣстная своими превосходными каменоломнями. Правѣе, горы разступаются, открывая видъ на поля до самаго Арко; къ востоку горизонтъ замыкается хребтомъ Бріоне, который круто поднимается изъ Саркской долины, раздѣляя ее на двѣ неровныя части. Отроги Бріоне тянутся къ самому озеру, едва оставляя мѣсто для дороги изъ Торболе въ Риву, огражденную съ этой стороны небольшой крѣпостцой, Сан-Николо. По преданію, у римлянъ существовало укрѣпленіе на этомъ самомъ мѣстѣ. Эта же дорога ведетъ къ воротамъ Дела-Пополо, близь которыхъ разстилается большая, пустынная площадь, окаймленная зданіемъ почтамта, лотерейною конторой и ярко размалеваннымъ городскимъ театромъ. Влѣво отъ площади, нѣсколько въ сторонѣ, находится фортъ Ла-Рокка, построенный Скалигерами. Онъ окруженъ водою и въ настоящее время служитъ казармою, но при немъ раскинутъ такой великолѣпный, тѣнистый садъ, что нельзя не пожалѣть, что казарма не обращена въ гостинницу для туристовъ. Отсюда виднѣется часть озера, къ которому можно пройти черезъ узенькую улицу, окрещенную поэтическимъ именемъ «Нерсидъ». Здѣсь находится «Императорскій отель». За нимъ открывается главная городская площадь, окруженная аркадами, тоже построенными при Скалигерахъ. Видъ отсюда на темносинее озеро, обрамленное скалами Джіумеллы, на острыхъ зубцахъ которой висятъ бѣлыя облака, единственный въ своемъ родѣ и едва ли не превосходитъ всѣ чудные пейзажи, представляемые сѣверо-итальянскою озерною природой.

Главная площадь Ривы, носящая названіе Бенавензе, кипитъ жизненностью, придающею ей никакъ не нѣмецкій, а чисто ломбардскій или венеціянскій характеръ. Матросы въ красныхъ шапкахъ, факкины (носильщики) и таможенные досмотрщики снуютъ между городскими синьерами, причесанными по модѣ, обутыми въ лакированные сапоги и разгуливающими по площади, или читающими газеты, сидя на стульяхъ передъ какою нибудь кофейней. Продавцы плодовъ выкрикиваютъ во всю глотку названіе своего товара, запрашивая за него вдесятеро съ бѣлокурыхъ синьеровъ «инглизе». Мальчишки, часто очень безобразные, испачканные и покрытые одними лохмотьями, на всегда граціозные въ своемъ обращеніи и движеніяхъ, окружаютъ прилавокъ, жадно поглядывая па золотистый кукурузный коровай, ломти котораго раскупаются счастливцами, австрійскими егерями. Нѣсколько пуштскихъ уроженцевъ, въ своемъ тѣсно прилегающемъ къ тѣлу венгерскомъ мундирѣ, прибыли въ Риву гостями, приведя сюда партію рекрутъ, и смотрятъ полу-удивленно, полу-равнодушно на незнакомую имъ уличную сцену и на синія волны, разстилающіеся передъ ними вдаль и напоминающія имъ, быть можетъ, широкія степи ихъ родины. Но озеро покрывается уже тѣнью, потому что солнце скрылось за вершинами Джіумеллы, и только широкій хребетъ Бальдо, на противоположномъ берегу, озаренъ еще багрянымъ блескомъ. Пароходъ, направленный въ Риву изъ Дезенцано или Пескьеры, подъ двойнымъ флагомъ: трехцвѣтнымъ итальянскимъ и желточернымъ австрійскимъ, причалилъ къ набережной; прибывшіе на немъ пассажиры разсѣялись, и только два-три матроса лѣниво прибираютъ опустѣлую палубу на ночь...

Колоколъ звонитъ къ «Ave Maria»; на площади показываются мѣстныя синьерины, желающія насладиться «aria presea» (свѣжимъ воздухомъ). Онѣ часто бываютъ облечены въ слишкомъ яркіе, рѣжущіе глазъ, цвѣта, но какъ граціозно укутываются онѣ въ свои черные венеціянскіе вуали. Начинаются разговоры, синьерины играютъ вѣерами, кокетничаютъ съ своими спутниками. А на озерѣ тихо покачиваются стройныя мачты, повинуясь играющей вокругъ лодокъ волнѣ! Площадь пустѣетъ, продавцы плодовъ и кукурузныхъ короваевъ исчезли; солдаты убрались тоже, повинуясь вечерней зорѣ; австрійскіе офицеры и чиновники укрылись въ свои любезныя «биргалле»; приходится и синьеринамъ возвращаться домой; за ними слѣдуютъ ихъ досужіе кавалеры; прислуга поспѣшно убираетъ столы и стулья, разставленные около каждой кофейни, нетерпѣливо косясь на запоздалыхъ игроковъ, доигрывающихъ свою партію на бильярдѣ. Тихо и пустынно на площади Бенавензе; только двое таможенныхъ стоятъ еще на набережной пронизывая зоркимъ глазомъ темноту, благопріятствующую контрбаднымъ уловкамъ... На противоположной сторонѣ пристани, въ «pendant» ревнивымъ оберегателямъ казеннаго интереса, усѣлись двое матросовъ, погруженные въ какую-то тихую, но оживленную бесѣду. Эти почтенные моряки, быть можетъ, ближе знакомы съ планами гг. контрбандистовъ, чѣмъ члены таможенной стражи... И надъ этими двумя группами раздается, долетая изъ какой-то отдаленной таверны, монотонная ритурнель заунывной итальянской пѣсни, подхватываемая нѣсколькими слегка осипшими голосами...

Мѣсяцъ выплываетъ медленно изъ-за вершинъ Бальдо, и лучи его разсыпаются по поверхности озера. Легкая зыбь подергиваетъ синій покровъ, отливающій теперь серебрянымъ блескомъ; суда покачиваются немного сильнѣе на своихъ якоряхъ... Только въ одномъ этомъ движеніи и обнаруживается жизнь городка, погруженнаго въ безмятежный сонъ... Доброй ночи, Рива!

Въ дорогѣ.

(Рис. стр. 268.)

Маленькій Сальваторъ Гринголини родился тамъ, гдѣ «померанцы цвѣтутъ», или: гдѣ и зимою зрѣютъ артишоки и цвѣтная капуста; но ему лично было не теплѣе и не сытнѣе отъ этого. Такъ понималъ дѣло и дядюшка Сальватора, Ветторе Пасенко, почему онъ однажды призвалъ мальчика къ себѣ и сказалъ ему: «Сальваторъ! тебѣ уже одиннадцать лѣтъ. Вотъ тебѣ ящикъ; въ немъ сидитъ сурокъ; все это вмѣстѣ стоитъ двадцать пять лиръ; бери ихъ и отправляйся съ ними въ «чужія отечества», то есть, за горы, къ швейцарцамъ и пруссакамъ, у которыхъ денегъ непочатый уголъ. Тамъ старайся ты лѣзть всегда въ то мѣсто, гдѣ побольше народа; снимай шапку, указывай на звѣря и жди. Когда наберешь такимъ способомъ двадцать пять лиръ, отыщи какого нибудь кондитера изъ нашихъ,—въ каждомъ большомъ городѣ есть какой нибудь Тортони, Милорни, Доминп или тому подобное, — и когда найдешь, вручи ему деньги для пересылки мнѣ. Вотъ тебѣ на дорогу (почтенный дядя далъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ) и да хранятъ тебѣ святые Піетро и Паоло, и святая Анастазія, и сама Царица небесная! Прощай»!

Съ такимъ напутствіемъ отправился маленькій Сальваторъ въ дорогу.

Еще въ Цюрихѣ удалось ему вручить, скопленныя по грошамъ, двадцатъ пять лиръ нѣкоему Милорни или Тортони, послѣ чего мальчикъ рѣшился идти далѣе на сѣверъ. Страшно нѣсколько стало ему, когда онъ вступилъ на германскую почву. Зима наступила съ нѣмецкою педантичностью, строго и неуклонно сковавъ всю природу холоднымъ покровомъ. Такіе порядки казались очень дикими бѣдному Сальватору, а тутъ еще навязалась ему уже совершенна не ожиданная напасть: присталъ къ нему какой-то прохожій, да такъ присталъ, что и отдѣлаться отъ него нѣтъ возможности. Сальваторъ пробовалъ уже и убѣгать отъ него потихоньку, но этотъ длинноногій «дьяволъ» (такъ назвалъ мальчикъ встрѣтившагося съ нимъ путника) въ помятой шляпѣ и съ лукавыми, непріятными глазами, всегда нагонялъ его и завязывалъ съ нимъ снова разговоръ, при чемъ особенно интересовался узнать: куда именно прячетъ мальчуганъ свои заработанныя деньги?... Такимъ образомъ, не смотря на все желаніе Сальватора улизнуть, онъ дошелъ вмѣстѣ съ «дьяволомъ» до Манельо. (Мангеймъ), — bella città (прекрасный городъ), гдѣ водится и molto danaro (много денегъ), какъ разсказывалъ Сальватору одинъ мальчикъ, его товарищъ, тоже исколесившій почти всю Европу съ своимъ звѣрькомъ за плечами. Сальватору очень хотѣлось поспѣть скорѣе въ Манельо и онъ поглядывалъ по сторонамъ: не подвернется ли какой-нибудь благодѣтель, которой согласится подвезти даромъ его и его сурка? Такія оказіи бывали.... И какъ было бы это кстати теперь при вѣтрѣ, кружившемъ хлопья снѣга и обѣщавшемъ путникамъ вскорѣ и настоящую сѣверную мятель! Только избавиться бы отъ «дьявола». Случай къ тому представился самый благопріятный: длинновязый «дьяволъ» завернулъ въ одинъ кабачекъ, за три часа ходьбы до Мангейма. Сальваторъ воспользовался удобно минутой: онъ кинулся бѣгомъ за поселокъ, юркнулъ за группу толстыхъ деревьевъ, прикурнулся тамъ и сталъ ждать благодѣтельной «оказіи». Но прежде, чѣмъ онъ увидѣлъ кого нибудь на дорогѣ, чья-то рука опустилась на его плечо и грозный голосъ произнесъ: «Стой! ни шагу»! хотя Сальваторъ и не думалъ двигаться. Голосъ и рука принадлежали мѣстному блюстителю благочинія, герру Рюкштулю, который видѣлъ, какъ прятался

мальчикѣ и, въ силу своего полицейскаго званія, заподозрилъ его въ самыхъ злокозненныхъ поползновеніяхъ. «Стой! Откуда ты? Куда идешь? Твой видъ? Твое промысловое свидѣтельство? Осыпавъ этимъ градомъ вопросовъ бѣднаго Сальватора, не понимавшаго рѣшительно ничего, и насладясь его смущеніемъ, герръ Рюкштуль заставилъ его высказать, что онъ шелъ не одинъ... «Гдѣ же тотъ»? возопилъ герръ Рюкштуль. Сальваторъ указалъ на шинокъ, къ которому и повлекъ его полицейскій. «Дьяволъ» въ эту самую минуту выходилъ на крыльцо.—«А! пробасилъ герръ Рюкштуль. Я васъ арестую.... обоихъ арестую! Маршъ»!.... И пришлось Сальватору приближаться къ золотому Манельо подъ грознымъ полицейскимъ конвоемъ, среди страшно усилившейся мятели. Трудно было идти; снѣгъ залѣплялъ глаза; вѣтеръ прерывалъ дыханіе, но герръ Рюкштуль, одушевляемый сознаніемъ своего долга, не чувствовалъ, повидимому, никакой непріятности и, бодро гналъ передъ собою своихъ плѣнниковъ, не позволяя имъ останавливаться ни на минуту. «Маршъ»! покрикивалъ онъ, шагая неутомимо по глубокому снѣгу и видя передъ собою одну только идею долга, прямую и неуклонную, какъ стволъ его собственнаго ружья. «Маршъ»!... Сальваторъ шагалъ тоже съ возможною скоростью, думая про себѣ: «Вотъ тебѣ и оказія! Дождался, нечего сказать!.... Такой у меня еще не бывало!... Но дѣлать нечего, надо шагать, потому что полицейскій шутить не любитъ. Такимъ образомъ, Сальваторъ добрался до своего завѣтнаго Манольо, и попалъ разомъ на готовую квартиру. Что же, бывали помѣщенія и хуже! Теплая каморка, ломоть хлѣба и горячая похлебка въ добавокъ! И все это даромъ! Чего желать лучше! Даже сурокъ весело подпрыгивалъ въ своей клѣткѣ, радуясь желанному теплу. Однакожь, на слѣдующее утро наступили тяжелыя минуты: мальчика потянули къ допросу. Дѣло представляло нѣкоторыя затрудненія, потому что Сальваторъ не понималъ чиновниковъ, а чиновники не понимали его; толмачемъ служилъ собственно сурокъ, на котораго жалобно указывалъ мальчикъ. Мангейскіе полицейскіе были люди не особенно жестокіе; они изрекли вердиктъ: «Безопасенъ»! и отпустили съ миромъ Сальватора и его звѣря, не смотря на молчаливый протестъ Рюкштуля. Относительно же долговязаго «дьявола» судьи оказались менѣе благосклонны: они упрятали его куда-то очень тщательно, къ великой радости Сальватора, который сталъ ходить безбоязненно по улицамъ Манельо и, дѣйствительно собралъ «molto danaro», — а потомъ пробрался въ Майнцъ и такъ далѣе, но уже стараясь избѣгать, всякихъ попутчиковъ, въ родѣ «дьявола» и какихъ бы то ни было невиннѣйшихъ поводовъ къ даровымъ помѣщеніямъ, въ родѣ мангеймскаго, какъ оно ни было хорошо въ нѣкоторомъ отношеніи.....

Извѣстный жанристъ Кронбергеръ схватилъ очень удачно такой эпизодъ изъ жизни бродячаго люда. Его картина дышетъ правдою и неподдѣльнымъ юморомъ. Снѣжная мятель и выраженія всѣхъ лицъ переданы на ней мастерски.

Какъ человѣкъ мыслитъ?

Сфера духовной дѣятельности человѣка и зависимость ея проявленій отъ его тѣлесной организаціи все еще остается крайне загадочною и каждый фактъ, освѣщающій такъ или иначе эту сферу, заслуживаетъ нашего глубокаго вниманія и всесторонняго изученія. Задавшись въ настоящей, чисто-компилятивной, замѣткѣ вопросомъ «какимъ образомъ человѣкъ мыслитъ», мы отнюдь не думаемъ анализировать мыслевой процессъ со стороны качествъ самой мысли—здорова-ли она и логична, или же на оборотъ; мы хотимъ показать читателю лишь тотъ, такъ сказать, механическій способъ, какимъ проявляются мыслевые процессы у человѣка. Александръ Бэнъ говоритъ: «всѣ умственныя проявленія сопровождаются соотвѣтственымъ рядомъ явленій матеріальныхъ». Мы приведемъ здѣсь рядъ фактовъ, доказывающихъ, какъ намъ кажется, зависимость душевныхъ проявленій отъ явленій внѣшнихъ, тѣлесныхъ.

Въ наукѣ существуетъ тезисъ, что человѣкъ мыслитъ словами. Положеніе это обобщилъ и формулировалъ, едва-ли даже не впервые высказалъ, извѣстный ученый лингвистъ Максъ Мюллеръ. Между человѣкомъ и животнымъ, говоритъ Максъ Мюллеръ,—«есть одна грань, которую никто не рѣшился поколебать—это способность говорить. Даже философы девиза penser c'est sentir (Гельвецій), полагающіе, что одна и таже причина заставляетъ мыслить и человѣка и животное,—даже они должны сознаться, что пока ни одинъ видъ животныхъ не выработалъ своего языка». Въ другомъ мѣстѣ онъ продолжаетъ: «Ни одно животное, за исключеніемъ человѣка, не мыслитъ и не говоритъ. Мысль и рѣчь—два неотдѣлимыя другъ отъ друга понятія. Слова безъ мысли будутъ мертвыми звуками. Мысль безъ словъ—ничто. Мысль есть невысказанная рѣчь. Говорить—значитъ думать вслухъ. Рѣчь есть воплощеніе мысли». (Lectures on Language, 1861, Лек. I и IX).

Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ мы воплощаемъ свои мысли въ словесныя формы, то, повидимому, трудно и предполагать, что можно мыслить инымъ способомъ. Человѣческая рѣчь, по крайней мѣрѣ, относительно самихъ же людей, служитъ если не единственнымъ, то ужь во всякомъ случаѣ наилучшимъ средствомъ для внѣшняго воплощенія мысли. Но, несмотря на основательность этой теоріи, она все-таки нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ и оговоркахъ, такъ какъ существуютъ факты въ пользу того, что человѣкъ можетъ мыслить не только словами, но и нѣсколько иначе.

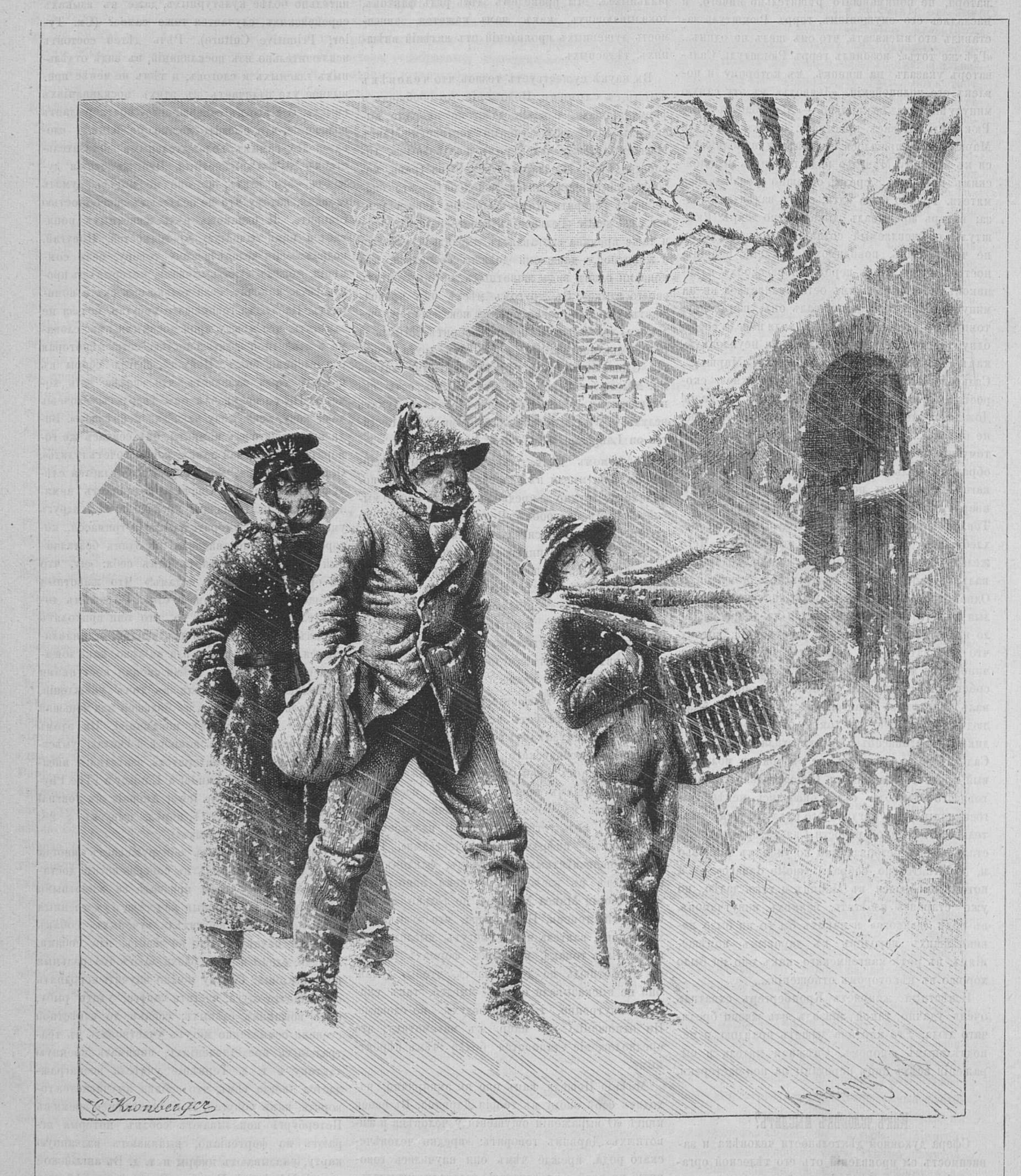
«Безсловесное мышленіе, говоритъ Оскаръ Пешель, — сопутствуетъ всей нашей домашней дѣятельности. Музыкантъ воплощаетъ свою мысль въ формы ритмическаго ряда звуковъ; художникъ выражаетъ свой мыслевой строй извѣстнымъ сочетаніемъ красокъ; ваятель изсѣкаетъ свою мысль въ формахъ человѣческаго тѣла; строитель пользуется линіями и плоскостями; математикъ — цифрами и количествами». Рядъ этихъ общеизвѣстныхъ, впрочемъ, фактовъ пошатываетъ въ извѣстной степени непогрѣшимость теоріи Макса Миллера, но только въ извѣстной степени. Нѣтъ спора, что музыкантъ, художникъ, ваятель и т. д. могутъ мыслить объ извѣстныхъ тонахъ, краскахъ, формахъ и т. п., но это отнюдь не доказываетъ, чтобы, думая, они не высказывали своихъ мыслей, такъ сказать, внутренно, т. е. не вслухъ, но словами. По отношенію же напр. къ математику, это предположеніе становится болѣе чѣмъ вѣроятнымъ.

Мнѣніе Пешеля, какъ оно ни эмпирично, находитъ себѣ опору въ теоріи Дарвина. Въ своей книгѣ «О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ» Дарвинъ говоритъ: «предки человѣческаго рода, прежде чѣмъ они научились говорить, по всей вѣроятности, издавали музыкальные звуки; вотъ почему и теперь еще, въ минуту сильнаго душевнаго волненія, голосъ нашъ, въ силу подчиненія, принимаетъ оттѣнокъ музыкальности».

Что Дарвинъ правъ—это не подлежитъ сомнѣнію. У народовъ, стоящихъ на самой низкой ступени развитія, языкъ, даже и въ настоящее время, обладаетъ чрезвычайно ограниченнымъ запасомъ словъ, такъ что дикарь, желая точнѣе выразить свою мысль, по необходимости прибѣгаетъ къ пѣнію, тѣлодвиженіямъ и разнообразнѣйшимъ модуляціямъ въ произношеніи словъ; говорить-ли, что и въ языкахъ сравнительно болѣе культурныхъ, даже въ языкахъ европейскихъ, случается тоже самое? (См. Tylor, Primitive Culture). Рѣчь дѣтей состоитъ исключительно изъ восклицаній, въ видѣ отдѣльныхъ гласныхъ и слоговъ, и тѣмъ не менѣе привычное ухо отличаетъ въ этихъ восклицаніяхъ смыслъ. Все это въ совершенствѣ подтверждаетъ положеніе, что мыслить можно не одними словами. Но самымъ положительнымъ доказательствомъ служатъ животныя. Что животныя думаютъ—это фактъ; но они не могутъ думать словами, потому что не обладаютъ способностью говорить. И однакожь рѣчь животныхъ понимается нами зачастую до тонкостей. Попугай, подражающій человѣческому говору, безъ сомнѣнія, можетъ думать словами, которыя онъ произноситъ, конечно, если только онъ ихъ и понимаетъ. Наблюдая говорящаго попугая, нельзя не замѣтить, что между произносимыми имъ словами и извѣстной дѣятельностью есть нѣкоторая осмысленная связь. Попугай видитъ сборы къ обѣду и самъ заявляетъ, что «попка ѣсть хочетъ». Но во время чая онъ твердитъ: «хочешь чаю? хочу, хочу, хочу чаю; дай попкѣ чаю». Видя выходящаго изъ комнаты, онъ сейчасъ же говоритъ: «попка, дай лапку; попка хочетъ гулять». Оставаясь одинъ, мой попугай забавляется слѣдующимъ образомъ. Сначала поднимаетъ немилосердный, раздирающій крикъ, затѣмъ вдругъ умолкаетъ и съ уморительнѣйшей гримасой, которой могъ-бы позавидовать не одинъ безталанный комикъ, спрашиваетъ самъ себя: «ну, что ты орешь? а? я тебѣ задамъ!» Что животныя вообще способны понимать слова—лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что они приходятъ на зовъ, знаютъ данную имъ кличку, останавливаются, идутъ на-право или на-лѣво, какъ лошади и собаки, словомъ, всѣми своими поступками укрѣпляютъ наблюдателя въ томъ убѣжденіи, что человѣческая рѣчь, въ большей или меньшей степени, доступна ихъ пониманію. Въ этомъ чрезвычайно важномъ вопросѣ я считаю умѣстнымъ сослаться на авторитетъ извѣстнаго писателя о животныхъ Lauder'a Lindsey'a (The Physiology of Mind in the lower Animals въ Journal of Mental Science 1871, апрѣл. выпускъ § 28: «О воспитаніи животныхъ»).

Обученіе животныхъ обнаруживаетъ иногда такіе факты, которыхъ въ совершенствѣ достаточно для того, чтобы признать за животными нѣкоторыя нравственныя качества и умственныя способности. Кто не видѣлъ «ученыхъ» собакъ лошадей, медвѣдей? Кто не знаетъ, что собаки, лошади, слоны и даже блохи даютъ театральныя представленія? Собаку можно научить исполнять обязанности слуги, чистить сапоги, удить рыбу, быть вожакомъ слѣпыхъ; собаки до извѣстной степени осмысленно могутъ участвовать въ театральныхъ представленіяхъ, понимать военную тактику и т. д. Терпѣніе учителя вознаграждается иногда тѣмъ, что собака выучивается говорить, какъ попугай. И въ настоящее время въ Петербургѣ показываютъ собакъ, которыя играютъ на фортепіано, вынимаютъ названную карту, указываютъ цифры и т. д. Въ англійской газетѣ Edinburgh Evening Courant отъ 16 февраля 1871 г. помѣщены весьма интересные факты, заимствованные изъ New York Times, репортеръ котораго осматривалъ особое заведеніе, гдѣ дрессируются собаки для сцены. Репортеръ передаетъ замѣчанія директора этой академіи: умнѣйшая и способнѣйшая порода собакъ—это пудель. Щенокъ, рожденный умными родителями, по уму, смышлености и способностямъ къ ученію,

Рисунокъ К. КРОНБЕРГЕРА.

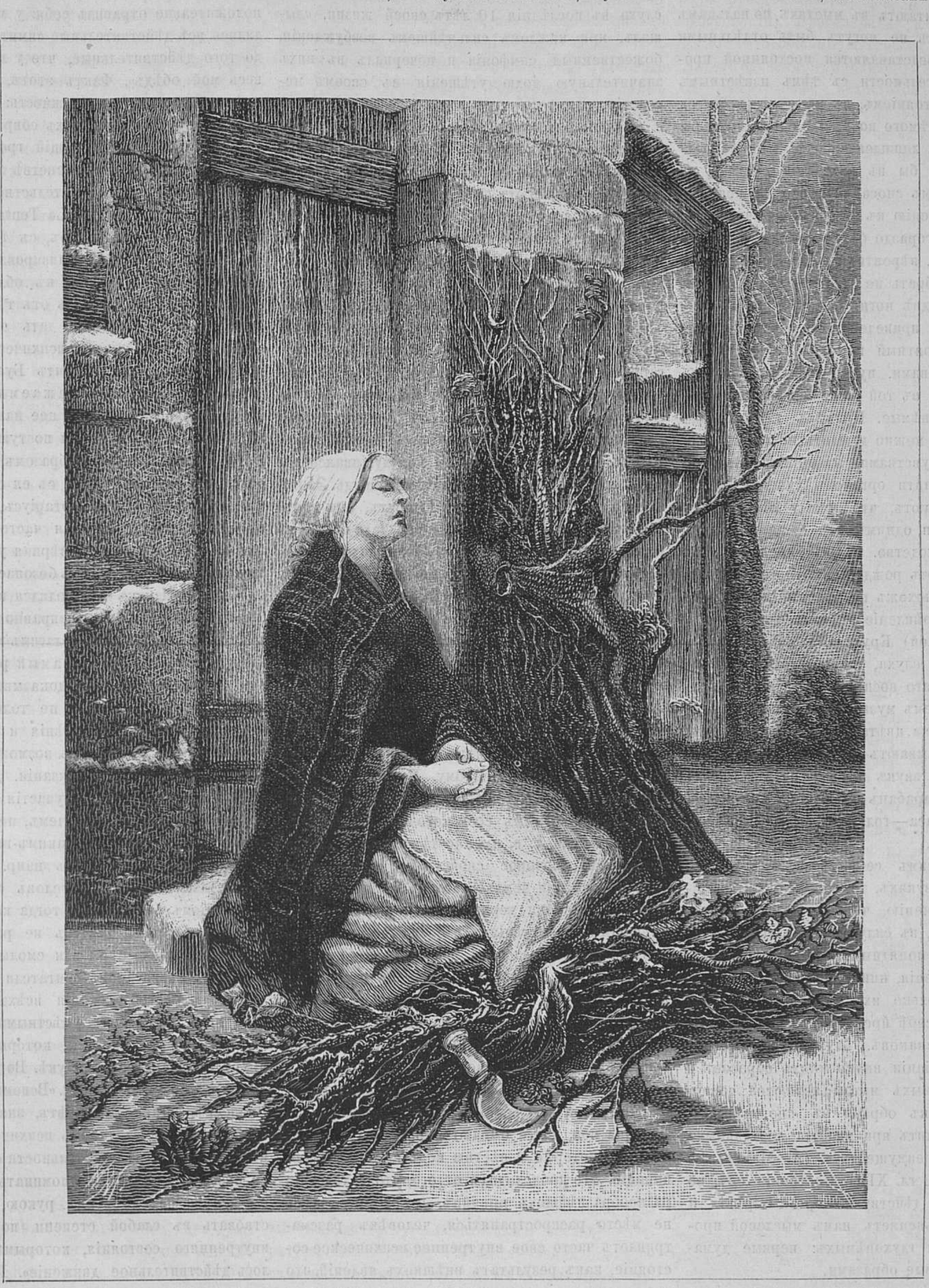


Въ дорогѣ.

заслуживаетъ съ нашей стороны полнаго удивленія. Прадѣдъ вотъ этого щенка игралъ болѣе ста разъ въ пьесѣ «Другъ сироты или вознагражденная невинность», которая шла на сценахъ въ Англіи; внукъ этого актера можетъ выучиться всему съ перваго раза; я увѣренъ, что онъ сталъ бы воровать, если-бы только мнѣ вздумалось заставить его. Конечно, нужно необычайное терпѣніе при обученіи. Вотъ эта маленькая лягавая тоже въ своемъ родѣ талантъ. «Dolle, пожалуйста, подай мнѣ туфли, табакъ, трубку и спички». (Приказаніе было отдано скороговоркою.) Минуты черезъ двѣ собака принесла все требуемое. «А вотъ собака, подслушивающая о чемъ мы говоримъ; она понимаетъ все и соображаетъ услышанное. Взгляните вотъ на эту собаку: она не только всегда хорошо знаетъ свою роль на сценѣ и вообще хорошо играетъ, но она можетъ сама собой воспроизвести оригинальные моменты игры». Ограничиваюсь этой выпиской, такъ какъ пришлось бы цитировать статью цѣликомъ —до того интересны и разнообразны приводимые ею факты.

Возвращаясь затѣмъ къ предмету моей замѣтки, я утверждаю, что животныя могутъ думать словами, также какъ и человѣкъ, но, за недостаткомъ словъ, они думаютъ голосами, звуками и образами. Что животныя думаютъ звуками и образами это можно заключить изъ того, что напр. кавалерійскія лошади понимаютъ трубные сигналы, что рыбы собираются на зовъ звонка, что волки и лисицы хитро избѣгаютъ капкановъ и т. д. и т. д.

Все вышесказанное фактически подтверждаетъ то положеніе, что можно мыслить словами, что человѣкъ мыслитъ словами, хотя примѣры дѣтей, животныхъ и нѣмыхъ убѣждаютъ насъ, что можно мыслить, не прибѣгая къ словамъ. Такъ напр. языкъ глухонѣмыхъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ: во 1), важно то, что глухонѣмые пользуются часто словами собственнаго изобрѣтенія и мыслятъ этими словами, объясняя, что слова эти являются результатомъ извѣстнаго щекотанія въ гортани, изъ чего прямо можно заключить, что мысль, невысказанная вслухъ, засѣдаетъ въ гортани, обусловливая въ ней родъ движенія, напоминающаго щекотаніе. Во 2) языкъ глухонѣмыхъ состоитъ преимущественно изъ звукоподражаній (муммъ — ѣсть; шипъ — пить; гоопъ!—знакъ удивленія). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда языкъ звукоподражаній оказывается несостоятельнымъ и не соотвѣтствуетъ выраженію извѣстной мысли—глухонѣмые прибѣгаютъ къ мимикѣ, стараясь разнообразнѣйшими жестами



Съ ношей.

Рисовалъ и рѣзалъ на деревѣ г. **Пяткинъ.**

и тѣлодвиженіями опредѣлить сущность предметовъ или же собственнаго настроенія (Tylor, Researches in to the Early Historg of Mankind т, II «Языкъ жестовъ»). Поэтому нужно предполагать, что и мысли глухонѣмыхъ, за недостаткомъ словъ—должны проявляться нѣкоторымъ ощущеніемъ въ мускулахъ, такъ какъ иначе, въ силу вышесказаннаго, не пользуясь никакимъ орудіемъ, глухонѣмые не были бы въ состояніи мыслить. Они считаютъ въ мысляхъ по пальцамъ и цифры для нихъ не могутъ быть отдѣльными понятіями, но представляются постоянной провѣркой дѣйствительности съ тѣмъ извѣстнымъ внутреннимъ состояніемъ, въ какомъ находится организмъ глухонѣмого во время счета. Если-бы напр. глухонѣмой лишился своихъ десяти пальцевъ, то не былъ бы въ состояніи считать, не прибѣгая къ инымъ способамъ, что во всякомъ случаѣ, по отношенію къ десятичному счисленію, было бы дѣломъ гораздо болѣе труднымъ, до того труднымъ, что, вѣроятнѣе всего, за мѣру счета пришлось бы брать не 1, 5 и 10, а 1, 2 и 4, т. е. двѣ руки и двѣ ноги.

Въ результатѣ приведенныхъ фактовъ получается тотъ вѣроятный выводъ, что для того, чтобы думать словами, нужно обладать рѣчью, по крайней мѣрѣ, въ той степени, въ какой обладаютъ ею глухонѣмые. Примѣръ глухонѣмыхъ доказываетъ, что можно мыслить не только словами, но также чувствами. Люди, лишенные какого нибудь изъ пяти органовъ чувствъ, обыкновенно воображаютъ, что между отсутствующимъ чувствомъ и однимъ изъ существующихъ есть извѣстное сходство. Старый анекдотъ объ одномъ слѣпомъ отъ рожденія, который увѣрялъ, что звукъ трубы похожъ на красный цвѣтъ, находитъ себѣ подкрѣпленіе въ томъ, что говорилъ о себѣ (глухонѣмой) Крузе. Не смотря на то, что Крузе лишенъ слуха, онъ обладаетъ возможностью чувственнаго воспринятія музыкальныхъ впечатлѣній, причемъ музыкальные тоны кажутся ему похожими на цвѣта и звуки разныхъ инструментовъ, вызываютъ въ немъ впечатлѣнія разныхъ цвѣтовъ: звукъ трубы соотвѣтствуетъ желтому цвѣту, барабанъ—красному, органа—зеленому, контрбаса—голубому и т. д. (Tylor, Researches, гл. 4).

Если мы спросимъ себя, какимъ образомъ Крузе думалъ о звукахъ, то должны будемъ прійти къ тому заключенію, что онъ думалъ цвѣтами, красками, что, въ силу вышесказаннаго, становится вполнѣ понятнымъ. Мори говоритъ: «слѣпые отъ рожденія, никогда не видѣвшіе предметовъ, знаютъ только ихъ звуковые признаки и представляютъ себѣ предметы только посредствомъ этихъ признаковъ. Глухонѣмой мыслитъ при помощи ассоціаціи внутреннихъ образовъ и потому у глухонѣмыхъ мысли являются совершенно также, какъ образы въ сновидѣніяхъ, когда спящій мыслитъ при участіи зрительныхъ впечатлѣній по преимуществу». (A. Maury, Le sommeil et le rêve, гл. XIII). Состояніе сна, во время котораго не дѣйствуютъ органы зрѣнія и слуха, отлично объясняетъ намъ мыслевой процессъ у слѣпыхъ и глухонѣмыхъ: первые думаютъ звуками, вторые образами.

Слуховыя иллюзіи у глухихъ принадлежатъ къ обыкновеннымъ явленіямъ. Оглохшіе слышатъ разговоръ и музыкальные тоны въ равнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ, говоря о себѣ, выразился слѣдующимъ образомъ: «Когда я ложусь вечеромъ и пробуждаюсь поутру, кровь сильнѣе приливаетъ къ головѣ и тогда сейчасъ же за головою или надъ нею я слышу голосъ, слагающійся очень внятно въ слоги, слова, сужденія и періоды, изъ которыхъ чаще всего получается какая нибудь мысль; но какъ только я подниму голову и сяду на кровать, голоса эти сейчасъ же перестаютъ говорить со мною. Это обстоятельство перенесло мое вниманіе на минувшіе вѣка легковѣрія и предразсудковъ и я пришелъ къ заключенію, что всѣ эти бѣсноватые и ясновидящіе, игравшіе такую важную роль въ тѣ времена, черпали все свое вдохновеніе въ собственномъ горячечно настроенномъ мозгу, благодаря какой-нибудь чистотѣлесной причинѣ». Знаменитый Бетховенъ, лишившись слуха въ послѣднія 10 лѣтъ своей жизни, слышалъ, при каждомъ сильнѣйшемъ возбужденіи, божественныя симфоніи и почерпалъ въ нихъ значительную долю утѣшенія въ своемъ несчастіи.

Сейчасъ мы видѣли, что оглохшіе, слыша свои мысли, сами приходятъ къ убѣжденію, что здѣсь дѣйствуетъ какая-то тѣлесная причина, такъ какъ они понимаютъ, что слышанные ими голоса являются продуктомъ внутренней психической дѣятельности и никакъ не могутъ исходить изъ міра внѣшняго. Всѣмъ извѣстенъ такъ называемый голосъ совѣсти, который будто бы говоритъ въ извѣстныхъ случаяхъ съ человѣкомъ. Такой голосъ слышалъ явственно знаменитый греческій философъ Сократъ (Lewes, The Biographical History of Philosophy, I, IV, § 1. Renouvier, Manuel de philosophie ancienne, 1844). Платонъ говоритъ, что Сократъ, будучи солдатомъ, стоялъ однажды на одномъ мѣстѣ впродолженіи 24 часовъ, какъ бы прислушиваясь къ чему нибудь или бесѣдуя съ кѣмъ нибудь. Этого кто-то, чей голосъ слышалъ Сократъ, онъ самъ называетъ демономъ. Другіе писатели объясняли различно это явленіе: Лелю утверждаетъ, что Сократъ былъ помѣшанный; Дрэперъ и Льюисъ не дѣлаютъ Сократа помѣшаннымъ, но, согласно съ Платономъ и Ксенофонтомъ, придаютъ слову демонъ значеніе голоса совѣсти. Подобный голосъ, какъ говоритъ преданіе, слышалъ Магометъ, да, впрочемъ, собственныя мысли слышитъ почти каждый. Все дѣло въ томъ только, что одни въ въ состояніи уяснить себѣ происхожденіе этихъ звуковъ, а другіе легковѣрно приписываютъ ихъ чему-то сверхестественному. Нужно замѣтить при этомъ, что подобное расположеніе обусловливается извѣстнымъ сосредоточеннымъ напряженіемъ мысли, т. е. именно тѣмъ психическимъ состояніемъ, которое свойственно аскетамъ и философамъ, при чемъ организмъ въ большей или меньшей степени теряетъ воспріимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и состояніе, въ которомъ находится человѣкъ, всего болѣе приближается къ сну. Подобныхъ фактовъ можно бы привести весьма много, но намъ кажется, что и приведенныхъ весьма достаточно для убѣжденія, что мыслить можно звуками также, какъ можно слышать собственныя свои мысли.

Участіе чувствъ въ процессѣ мышленія до того обширно и всесильно, что они, какъ conditio sine qua non, часто бываютъ причиною тѣхъ обмановъ, которые извѣстны подъ именемъ галюцинацій. Это происходитъ оттого, что, вслѣдствіе разнообразнѣйшихъ причинъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, человѣкъ разсматриваетъ часто свое внутреннее психическое состояніе, какъ результатъ внѣшнихъ явленій, что его мысли представляются ему, такъ сказать, во внѣшней, предметной, тѣлесной формѣ. Что именно такъ думаютъ дикари—объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ, наблюдавшіе ихъ умственную жизнь. Дикарь относится къ собственнымъ мыслямъ, какъ къ чему-то внѣшнему, предметному, видѣнному или слышанному имъ въ дѣйствительности. Въ этомъ состояніи первобытнаго человѣка нужно искать отчасти источникъ вѣрованій различныхъ культовъ, отсюда черпался матеріалъ для мифологіи... (M. Müller, Essais sur la mythologie comparée. Paris 1874, p. 208—218. Также—Tylor, Primitive culture, объ анимизмѣ).

Но подобное состояніе наблюдается не только у дикихъ. Вотъ что говоритъ Густавъ Флоберъ, одинъ изъ лучшихъ и талантливѣйшихъ романистовъ французской реальной школы, въ своемъ письмѣ къ Ганри Тэну: «Воображаемыя мною личности преслѣдуютъ, проникаютъ меня, или, вѣрнѣе, я самъ ухожу въ нихъ. Когда я писалъ сцену отравленія Эммы Бовари, я до того явственно ощущалъ во рту вкусъ мышьяка, что положительно отравилъ себя: у меня дважды являлись всѣ дѣйствительные симптомы отравленія, до того дѣйствительные, что у меня вытошнило весь мой обѣдъ». Фактъ этотъ, намъ кажется, имѣетъ чрезвычайную важность: это говоритъ о себѣ одинъ изъ извѣстныхъ современныхъ писателей, человѣкъ, обладающій громаднымъ запасомъ знаній и въ совершенствѣ знающій природу человѣка, чему доказательствомъ служитъ его психологическій этюдъ «La Tentation de St. Antoine», въ которомъ авторъ, съ громаднымъ талантомъ и знаніемъ, анализировалъ массу подробностей, относящихся къ области обмановъ чувствъ. Чего же ожидать отъ тѣхъ смертныхъ, которые не въ состояніи дать себѣ отчетъ въ самыхъ обыкновенныхъ психическихъ проявленіяхъ? «Одна дама, говоритъ Буамонъ, показываетъ мнѣ часто воображаемые синяки. По ночамъ, говоритъ она, на нее нападаетъ пьяная ватага молодежи, которая поступаетъ съ ней самымъ возмутительнымъ образомъ, не смотря на отчаяннѣе сопротивленіе съ ея стороны». Вотъ еще примѣръ: «Старый нотаріусъ, говоритъ Дебэ,—имѣлъ жену, которая часто колотила его палкою. Наконецъ, благовѣрная умираетъ, и несчастный считаетъ себя въ безопасности. Не тутъ-то было! Призракъ яги являлся время отъ времени и—палка до того исправно дѣлала свое дѣло, что бѣднякъ вопилъ благимъ матомъ и вскакивалъ отъ стола въ самый разгаръ работы». Послѣдніе примѣры доказываютъ, что мысль можетъ функціонировать не только при непосредственномъ участіи зрѣнія и слуха, но что въ мыслевыхъ процессахъ возможно также участіе чувствъ вкуса и осязанія. Даже обоняніе имѣетъ извѣстную долю участія въ мыслевомъ процессѣ,—участіе, впрочемъ, не самостоятельное, а совмѣстное съ какимъ-нибудь другимъ, высшимъ чувствомъ. Такъ напр. извѣстно, что въ экстазахъ видѣніе ангеловъ сопровождается ощущеніемъ благоуханія, тогда какъ видъ дьявола въ обманахъ чувствъ не раздѣляется отъ ощущенія запаха сѣры или смолы—этихъ необходимыхъ аксесуаровъ обитателя преисподней.

Для лучшаго уясненія всѣхъ этихъ явленій намъ кажется умѣстнымъ привести тѣ психологическія аксіомы, которыя имѣютъ уже права гражданства въ наукѣ. Вотъ формулы, которыя нужно имѣть въ виду. «Вспоминать, говоритъ Спенсеръ, — красный цвѣтъ, значитъ быть въ слабой степени въ такомъ психическомъ состояніи, которое въ дѣйствительности обусловливается краснымъ цвѣтомъ; вспоминать движеніе, совершенное передъ этимъ рукою, значитъ чувствовать въ слабой степени повтореніе того внутренняго состоянія, которымъ сопровождалось дѣйствительное движеніе». Почти тѣми же словами высказываетъ эту же мысль и Бэнъ. «Возобновленное ощущеніе приводитъ въ дѣятельность тѣ же части мозга и тѣмъ же способомъ, какъ и первоначальное ощущеніе». Положенія эти относятся безразлично ко всѣмъ пяти или болѣе—что зависитъ отъ классификаціи—чувствамъ уже и потому, что всѣ они представляютъ лишь разныя видоизмѣненія основного чувства осязанія. Вся разница заключается въ томъ, что это осязаніе глазомъ, ухомъ или же рукою совершается различнымъ образомъ. Даже носомъ мы осязаемъ микроскопическія части пахучихъ предметовъ, носящіяся въ воздухѣ.

Отсюда прямой выводъ, что человѣкъ можетъ мыслить, и часто дѣйствительно мыслитъ, чувственными впечатлѣніями обонянія и вкуса. Впрочемъ, вотъ еще общеизвѣстные факты. Люди, любящіе вкусно поѣсть, не могутъ удержать тѣхъ слюнокъ, которыя обильно текутъ у нихъ при одномъ воспоминаніи о вкусныхъ яствахъ. Если вы, читатель, голодны въ настоящую минуту, то воспроизведите въ своемъ воображеніи вкусъ любимаго вами блюда и вы непремѣнно будете, глотать слюнки». Люди брезгливые, при одномъ воспоминаніи о чемъ нибудь отвратительномъ, напр., объ разлагающейся падали, вонючей, терзаемой собаками и кишащей червями,—чувствуютъ тошноту и тѣ фактическія, непріятныя послѣдствія, которыя слѣдуютъ за дѣйствительнымъ зрѣлищемъ чего-нибудь отвратительнаго. Если это случается во снѣ, то, кромѣ того, мы отчетливо ощущаемъ вонь разлагающейся падали. Джемсъ Милль былъ совершенно правъ, говоря: «Вообразимъ себѣ, что мы обладаемъ однимъ лишь чувствомъ обонянія. Въ такомъ случаѣ мы бы не имѣли никакого представленія о предметахъ, которые дѣйствуютъ на зрѣніе, слухъ или же осязаніе. Мы ощущали бы только рядъ запаховъ: въ одномъ случаѣ запахъ розы, въ другомъ—запахъ фіалки, въ третьемъ—гніющей падали и т. д. Вся наша жизнь состояла бы въ даномъ случаѣ изъ непрерывной вереницы запаховъ» (Analysis of the Human Mind). Наконецъ, всякій знаетъ по собственному опыту, что намъ иногда чудятся во снѣ различные запахи и вкусы, хотя ни передъ носомъ, ни во рту нѣтъ источниковъ этихъ ощущеній. Слѣдовательно, неоспоримо, что можно мыслить запахами и вкусами. Цивилизованный человѣкъ, привычный къ разнымъ ощущеніямъ, и злоупотребляющій своими чувствами, утратилъ въ извѣстной степени ту первоначальную ихъ остроту и впечатлительность къ внѣшнимъ вліяніямъ, которая замѣчается въ чувствахъ дикарей и животныхъ. Обоняніе животныхъ, въ особенности дикихъ, напр., лисицы, удивительно; собаки чутьемъ выслѣживаютъ дичь, чего ужь не въ состояніи сдѣлать человѣкъ. Дикари, незнающіе нашихъ городовъ, притупляющихъ обоняніе, значительно превосходятъ насъ остротою и воспріимчивостью этого чувства, а это обстоятельство говоритъ въ пользу того, что, имѣя притупленное обоняніе, мы только съ большою осторожностью должны заключать объ его роли въ нашей психической жизни. Аналогіи же должны безспорно и окончательно устранить нѣк оторыя сомнѣнія въ важности этой роли.

«Человѣкъ, говоритъ г. Сѣченовъ, — какъ извѣстно, обладаетъ способностью думать образами, словами и другими ощущеніями, не имѣющими никакой прямой связи съ тѣмъ, что въ это время дѣйствуетъ на его органы чувствъ. Въ его сознаніи рисуются, слѣдовательно, образы и звуки безъ участія соотвѣтствующихъ внѣшнихъ дѣйствительныхъ образовъ и звуковъ... Когда ребенокъ думаетъ, онъ непремѣнно въ то же время говоритъ. У дѣтей лѣтъ пяти дума выражается словами или разговоромъ или, по крайней мѣрѣ, движеніями языка и губъ. Это чрезвычайно часто (а можетъ быть и всегда, только въ различныхъ степеняхъ) случается и съ взрослыми людьми. Я, по крайней мѣрѣ, знаю по себѣ, что моя мысль очень часто сопровождается, при закрытомъ и неподвижномъ ртѣ, нѣмымъ разговоромъ, т. е. движеніями мышцъ языка въ полости рта. Во всѣхъ же случаяхъ, когда я хочу фиксировать какую-нибудь мысль преимущественно передъ другими, то непремѣнно вышептываю ее. Мнѣ даже кажется, что я никогда не думаю прямо словомъ, а всегда мышечными ощущеніями, сопровождающими мою мысль въ формѣ разговора. По крайней мѣрѣ, я не въ силахъ мысленно пропѣть себѣ одними звуками пѣсни, а пою ее всегда мышцами; тогда является какъ будто и воспоминаніе звуковъ». (Психологическіе Этюды, Спб. 1873 г., стр. 62 и 68.)

Не лишнимъ будетъ привести замѣчаніе Маудсли, что человѣкъ очень часто можетъ думать вслухъ, т. е. вести оживленную бесѣду съ самимъ собою, незная совершенно объ этомъ, хотя и говоритъ вслухъ (Physiology and pathology of Mind, ch. 5). Это явленіе, какъ кажется вполнѣ доказываетъ, что мышленіе само собою, т. е. независимо отъ соотвѣтствующаго ему тѣлеснаго состоянія — невозможно. Говорящій съ самимъ собою до такой степени отдается своимъ мыслямъ, что совершенно не замѣчаетъ того, что онъ мыслитъ вслухъ; онъ отлично сознаетъ, что онъ думаетъ, но о томъ, что, думая, онъ и говоритъ вмѣстѣ, объ этомъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія.

Выводъ, къ которому приводятъ собранные факты и наблюденія, произведенныя надъ собою нѣсколькими осторожными въ заключеніяхъ психологами, формулируется просто: человѣкъ можетъ видѣть свои мысли, можетъ ихъ слышать, осязать, различать ихъ вкусъ и запахъ и, если обладаетъ даромъ слова—высказывать ихъ внутренно, самому себѣ.

Для уясненія этого вывода вообразимъ себѣ человѣка, лишеннаго всѣхъ пяти чувствъ; какимъ образомъ онъ будетъ мыслить, или даже будетъ ли онъ въ состояніи мыслить какъ-нибудь иначе? По мѣрѣ того, какъ человѣкъ лишается какого-нибудь чувства возможность мышленія уменьшается, ибо, какъ мы уже видѣли, мыслить можно только чувствами, совершенно также какъ играть на скрипкѣ можно только тогда, когда она имѣетъ, по крайней мѣрѣ одну струну. Скрипка безъ струнъ перестаетъ быть скрипкою. Человѣкъ, лишенный чувствъ, дѣлается въ духовномъ отношеніи каменной глыбой, неорганической матеріей, такъ какъ, по всей вѣроятности, органическая матерія обладаетъ извѣстной чувствительностью, т. е. чѣмъ-то вродѣ чувствъ, хотя, конечно, не такою и не въ такой, степени, какою обладаетъ человѣкъ и высшія животныя. Существуетъ психологическая правда, которой нынѣ никто не рѣшится оспаривать, что въ умѣ нѣтъ ничего такого, чего бы раньше не было въ чувствахъ. Возвышеннѣйшія идеи являются продуктомъ чувствъ, и безъ этихъ послѣднихъ, сами идеи были бы невозможными. «Пусть говорятъ теперь, замѣчаетъ г. Сѣченовъ въ своихъ «Рефлексахъ»,—что безъ внѣшняго чувственнаго раздраженія возможна хоть на мигъ психическая дѣятельность».

Новости русской библіографіи и ея задачи.

(Замѣтка Н. Н. Вакуловскаго.)

Въ послѣднее время появилось въ свѣтъ нѣсколько изданій спеціальнаго библіографическаго характера. Такъ В. И. Межовъ выпустилъ каталогъ русскихъ книгъ за 1875 и 1876 года, третій томъ литературы педагогики и шестой—литературы землевѣдѣнія; г. Ивкинъ—энциклопедическій предметный указатель къ сочиненіямъ, изданныхъ въ Россіи съ 1850 года; гг. Ламбины—русскую историческую библіографію за 1863 годъ; г. Міансаровъ—первый томъ указателя литературы о Кавказѣ и Закавказьѣ; кіевское общество естествоиспытателей — указатель русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ, медицинѣ и ветеринаріи за 1875 годъ; медико-хирургическая академія — новый томъ каталога своей библіотеки; академія наукъ — каталоги своихъ изданій; гг. Пономаревъ и Хитрово—указатели литературы о Палестинѣ и Іерусалимѣ; г. Липранди — сводъ указаній на отдѣльныя сочиненія объ отечественной войнѣ; и еще нѣсколько мелкихъ указателей.

Не вдаваясь въ критическій разборъ названныхъ изданій, мы попытаемся изложить въ немногихъ словахъ, что дѣйствительно желательно отъ русской библіографіи.

Весь нашъ библіографическій матеріалъ поименованъ въ сочиненіяхъ гг. Геннади (Литература русской библіографіи) и Межова (Исторія словесности). Просматривая имѣющійся у насъ въ этомъ отношеніи матеріалъ нельзя не удивиться его случайному характеру. У насъ чувствуется рѣшительный недостатокъ библіографическихъ указателей по различнымъ отраслямъ знаній, а также къ періодическимъ и другимъ многотомнымъ изданіямъ. Это позволяетъ предполагать, что библіографическіе указатели у насъ, въ Россіи, признаются роскошью; я не въ состояніи назвать хотя бы одной изъ появившихся въ послѣдніе, напр., два года монографій или диссертацій, въ которой были бы поименованы всѣ существующіе литературные источники, а между тѣмъ сколько затрачивается учеными времени на одни только розыски литературы предмета.

Изданіе библіографическихъ указателей желательно прямо въ интересахъ дальнѣйшей разработки науки. Однакожь, въ виду трудности составленія ихъ и плохого сбыта, желаніе это желаніемъ, конечно, и останется, если дѣло не перейдетъ въ высшія ученыя учрежденія. Для этого необходимо учрежденіе спеціальнаго библіографическаго комитета при академіи наукъ, въ составъ котораго должны быть приглашены представители важнѣйшихъ ученыхъ учрежденій. Комитетъ могъ бы подыскивать составителей, получать необходимыя на изданія средства, завѣдывать продажею изданія. Частныя лица не берутся за изданіе большихъ библіографическихъ указателей. Вотъ уже два года, какъ В. И. Межовъ не можетъ найти издателя для составленной имъ библіографіи исторіи за десять лѣтъ, а между тѣмъ, какъ полезно было бы появленіе подобнаго труда.

Библіографическій комитетъ могъ бы озаботиться составленіемъ одного общаго указателя ко всѣмъ повременнымъ изданіямъ и другихъ, отдѣльныхъ къ каждому изъ нихъ. Это учрежденіе могло бы дать намъ указатели для различныхъ областей знаній. Вмѣстѣ съ публичною библіотекою имъ могъ бы быть изданъ полный каталогъ русскихъ книгъ, періодическихъ изданій, атласовъ, картъ и т. д. Библіографическій комитетъ могъ бы, наконецъ, выпускать библіографическіе ежегодники, т. е. указатели книгъ и статей, появившихся въ теченіе года. Нѣтъ сомнѣнія, что комитетъ не затруднился бы въ выборѣ составителей, лишь бы не требовалась даровая работа.

Библіографическія изданія необходимы именно въ настоящее время, такъ какъ литература увеличивается годъ отъ году и чѣмъ болѣе отдалять ихъ составленіе, тѣмъ оно будетъ становиться труднѣе. Они будутъ важны и для правительства, такъ какъ избавятъ всякія комиссіи и комитеты отъ необходимости тратить время и деньги на составленіе историческихъ, по интересующему ихъ предмету записокъ, надъ которыми трудился англичанинъ Уоллесъ въ своемъ сочиненіи о Россіи. Тогда литература предмета и даже исторія его будутъ какъ на ладони.

Намъ кажется вполнѣ своевременнымъ возбудить вопросъ о разработкѣ русской библіографіи и мы будемъ очень рады, если на него хоть кто либо обратитъ вниманіе.

Новости наукъ и жизни.

— **Средство противъ тифа.** «Пет. Лист.» реко-

мендуютъ слѣдующее вспомогательное средство противъ тифа. Надо возможно чаще полоскать ротъ, горло и ноздри уксусо-кисловатою водою. Вслѣдствіе этого, съ мѣстъ этихъ смываются органическія вещества, которыя иначе сгниваютъ на ихъ поверхности и отсюда отправляются въ организмъ. Жидкость для полосканія обыкновенно приготовляютъ такъ: одинъ литръ ячменнаго отвара смѣшиваютъ съ 100 гранами обыкновеннаго уксуса и 120 гранами медоваго сока. Этимъ декоктомъ больной долженъ прополоскать два раза горло и ротъ, затѣмъ втянуть съ намоченной небольшой губки въ носъ. Промыванія должны производиться днемъ каждые полчаса, ночью же какъ только больной просыпается. Впослѣдствіи, обмывать десна и языкъ больного и держать подъ носомъ его намоченную губку обязаны лица, принявшія на себя уходъ за нимъ. Если методъ примѣнить съ самаго начала болѣзни, при первыхъ симптомахъ ея, то она навѣрное потеряетъ свой острый характеръ и больной самъ будетъ въ состояніи выполнять предписанное.

Телеграммы.

Вѣна, 14-го марта. Газетѣ «Politische Correspondenz» телеграфируютъ изъ Константинополя отъ 26-го марта: «Его высочество великій князь Николай Николаевичъ прибылъ сюда и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ генераловъ, отправился на парадномъ каикѣ, въ Долма-Бахче. Султанъ принялъ великаго князя, въ присутствіи пашей Вефика, Реуфа, Савфета и Османа, а также г. Ону. Визитъ продолжался часъ. Непосредственно послѣ того, его высочество принялъ въ Беглербегѣ султана, прибывшаго съ министрами и другими сановниками. Султанъ пробылъ у великаго князя четверть часа, послѣ чего его высочество возвратился въ Санъ-Стефано.

Русскіе укрѣпляютъ позиціи у Чорлу, тогда какъ британскому флоту, стоящему въ Безикской бухтѣ, безостановочно подвозятся боевые припасы и провіантъ.

— 14-го марта. О происходившемъ вчера закрытомъ засѣданіи соединенныхъ румынскихъ палатъ газета «Polit. Corresp.» сообщаетъ, что въ этомъ засѣданіи Когольничано прочелъ донесеніе румынскаго агента въ Петербургѣ, который извѣщаетъ, что князь Горчаковъ заявилъ ему, что Императоръ Александръ считаетъ отказъ въ уступкѣ Бессарабіи за личное оскорбленіе.

Въ виду глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго этимъ сообщеніемъ, вчера же, вечеромъ, назначено было вторичное закрытое засѣданіе палатъ.

— 16-го марта. Здѣсь убѣждены въ безуспѣшности посредничества Германіи и отчасти Австріи между Россіей и Англіей. Въ виду этого германская политика производитъ здѣсь довольно сильное давленіе, чтобъ предупредить разрывъ между Австріей и Россіей, который можетъ повлечь за собой также разрывъ между Германіей и Австріей.

Лондонъ, 16-го марта. Въ палатѣ лордовъ, лордъ Дерби заявилъ, что онъ вышелъ въ отставку не вслѣдствіе вопроса о предъявленіи конгрессу всего русско-турецкаго мирнаго договора.

Лордъ Биконсфильдъ пояснилъ, что отставка лорда Дерби послѣдовала вслѣдствіе созыва резервовъ.

— 18-го марта. Газетѣ «Standard» сообщаютъ изъ Константинополя, отъ 27-го марта: «Г. Нелидовъ обратился къ Портѣ съ нотою, требуя удаленія британскаго флота изъ-подъ Константинополя. Савфетъ-паша передалъ эту ноту г. Лэйарду, который, согласно полученнымъ имъ отъ британскаго правительства инструкціямъ, отвѣчалъ, что флотъ останется на своемъ мѣстѣ впредь до удаленія русскихъ войскъ изъ окрестностей Константинополя. Порта препроводила этотъ отвѣтъ г. Нелидову, безъ всякихъ замѣчаній съ своей стороны».

Парижъ, 14-го марта. По словамъ газеты «Soir», сегодня, утромъ, происходило засѣданіе совѣта министровъ. Газета подтверждаетъ, что въ послѣднее время принято было рѣшеніе соблюдать строжайшій нейтралитетъ, принять участіе въ конгрессѣ только въ томъ случаѣ, если на немъ будутъ представители всѣхъ державъ, и такое положеніе сохранить, не смотря ни на какія соблазнительныя предложенія или угрозы.

Шахматы.

Партія III.

Испанская партія.

Бѣлые	*Черные*
1) E2—E4.	1) E7—E5.
2) G1—F3.	2) B8—C6.
3) F1—B5.	3) G8—F6.
4) 0—0.	4) F6—E4:
5) D2—D4.	5) F8—E7.
6) D1—E2.	6) E4—D6.
7) B5—C6:	7) B7—C6:
8) D4—E5:	8) D6—F5.

Можно бы ходить D6—B7, послѣ чего бѣлые ходятъ C2—C4.—

9) G2—G4	9) F5—H4.
10) F3—H4:	10) E7—H4:
11) F2—F4.	11) H4—E7.

Положеніе партіи послѣ 11 хода.

Черные.

A B C D E F G H

Бѣлые.

12) C1—E3.	12)...

Лучше было бы ходить F4—F5.

12)...	12) D7—D5.
13) B1—C3	13)...

Этотъ ходъ очень слабъ. Черные пользуются теперь удобнымъ случаемъ, чтобы перейти въ наступленіе.

Бѣлые	*Черные*
13)...	13) A7—A6.
14) F1—D1.	14) H7—H5.
15) G4—H5.	15) C8—F5.
16) E2—F3.	16) D8 - C8.
17) D1—D2.	17) F5—G4.
18) F3—G2.	18) H8—H5:
19) C3—E2.	19) G4—E2:
20) D2 - E2:	20) H5—H4
21) G1—F1.	21) C8—F5.
22) E2—F2.	22) 0--0.
23) A1—D1.	23) D8—H8.
24) G2—H1.	24) H4—H3.
25) D1—D3.	25) H3—G3.
26) F1—E2.	26) F5—G4. †.
27) E2—D2.	27) G3—G1.
28) H1—F3.	28) G4—F3:
29) F2—F3:	29) H3—H2 †.
30) F3—F2.	30) H2—H1.
31) A2—A3?	31)...

Большая ошибка.

31)...	31) C6—C5.
32) C2—C3.	32) C5—C4.

Бѣлые сдались.

Почтовый ящикъ.

Б. Царскосельскій пр, д. Сивкова, **А. А. Э—ну.** Присланнымъ не воспользуемся, но съ мнѣніемъ вашимъ, что вы *«еще поэтъ непризнанный и плохой писатель»* вполнѣ согласны.

Харьковъ **И. Х.** И слабо, и поздно, и нецензурно — не напечатаемъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Русской публикѣ извѣстно, какое громадное впечатлѣніе произвела въ прошломъ году картина профессора Семирадскаго **„Свѣточи христіанства“**. Редакціи журнала «Живописное Обозрѣніе» было крайне желательно дать своимъ годовымъ подписчикамъ снимокъ съ этого произведенія, и она въ настоящее время получила возможность исполнить свое желаніе. Для парижской всемірной выставки готовится большая, въ 700 кв. дюймовъ, гравюра съ этого замѣчательнаго произведенія; Редакція «Жив. Об.» пріобрѣла право разослать экземпляры этой гравюры на лучшей веленевой бумагѣ своимъ подписчикамъ.

Заявляя о безплатныхъ преміяхъ, предположенныхъ къ выдачѣ гг. подписчикамъ на журналъ «Живописное Обозрѣніе» въ настоящемъ году, Редакція не сказала ни слова объ этой, самой выдающейся изъ премій, потому, что объ ея изготовленіи не былъ еще полученъ положительный отвѣтъ. Но теперь дѣло окончено и премія «Свѣточи христіанства» будетъ прислана въ Редакцію въ апрѣлѣ.

Разсылка этой преміи въ сложенномъ видѣ будетъ производиться безплатно. Если же кто-нибудь изъ гг. подписчиковъ пожелаетъ, для лучшаго сохраненія ея отъ возможной порчи во время пересылки, получить гравюру навернутой на палку и заклеенной въ бумагу, то благоволитъ прислать на такую пересылку 75 коп. сер. до 1 мая. Лица, неприславшія къ этому сроку пересылочныхъ денегъ, получатъ гравюру сложенной въ форматѣ журнала. Гг. же городскіе подписчики могутъ получать премію въ конторѣ Редакціи (Троицкій пер. д. № 27). О днѣ, съ котораго начнется раздача преміи, будетъ объявлено своевременно.

Въ отдѣльной продажѣ гравюра **„Свѣточи христіанства“** будетъ стоить **пять** руб.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ гравюра «Зимой».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Марта 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЗИМОЮ.

Дозволено цензурою. СПб. 20 Марта 1878 г.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (В. О., 9 л., № 12).

№ 14. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. **С.-Петербургъ, 2 Апрѣля 1878 года.** *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. **Годъ VI.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Изъ числа обѣщанныхъ редакціею «Живописнаго Обозрѣнія» премій — первая премія, **Шекспиръ**, находится въ настоящее время въ печати и разошлется гг. подписчикамъ съ однимъ изъ ближайшихъ нумеровъ журнала. Премія эта будетъ состоять изъ подробной біографіи **Шекспира**, его портрета, рисованнаго и рѣзаннаго на деревѣ по заказу редакціи, и трехъ картинъ съ объяснительнымъ текстомъ, отпечатанныхъ на толстой веленевой бумагѣ. Премія печатается въ форматѣ «Живописнаго Обозрѣнія».

Подписка на журналъ «Живописное Обозрѣніе» продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшіе до сихъ поръ нумера.

Уголки юга.

(Письма съ чужой стороны.) Ст. **Е. Л. Маркова.**

(*Окончаніе.*)

Нигдѣ вы не налюбуетесь такъ на генуэзца, какъ въ его гавани!

Но и самою гаванью его не грѣхъ полюбоваться.

«Terazzo marmoreo»,—мраморная терасса Генуэзскаго порта,—сооруженіе истинно римской грандіозности.

Вся глубина тихой и пріютной гавани охвачена, какъ кольцомъ, высокими стѣнами яркаго бѣлаго мрамора. Если вы на верху этихъ стѣнъ—передъ вами стелется широкимъ и длиннымъ полотномъ, гладкая, какъ стекло, бѣлая, какъ снѣгъ, мраморная набережная съ массивными бѣломраморными балюстрадами, колонками, вазами, мягкими и широкими сходами въ разныхъ направленіяхъ. Съ вышины этой роскошной набережной вы видите у своихъ ногъ пестрое кишѣніе судовъ, мачтъ, людей и товаровъ.

На этой набережной—самое любимое и самое комфортабельное гулянье генуэзской толпы. Она льнетъ къ своей гавани, какъ къ бьющемуся сердцу своего роднаго города, какъ къ груди, его питающей...

Въ этомъ мирномъ заливчикѣ вся слава прошлаго Генуи и все богатство ея настоящаго.

Спуститесь внизъ по широкимъ лѣстницамъ, и набережная оказывается безконечнымъ зданіемъ. Это—и товарные доки, и таможня, и гостинный дворъ, и крытая площадь для гулянья толпы.

Внѣшняя стѣна этого громаднаго караванъ-сарая служитъ таможенною оградою для товаровъ, входящихъ въ портъ, которые могутъ проникнуть далѣе въ городъ не иначе, какъ чрезъ огромныя ворота набережной, гдѣ они осматриваются и оплачиваются...

Но хотя внутри набережной, подъ плитами верхней терассы, устроено множество помѣщеній для склада товаровъ и лавокъ, все-таки остается еще такъ много мѣста, что вся толпа, гуляющая на верху и по сосѣдней улицѣ, можетъ безъ труда спрятаться подъ прикрытіе набережной въ случаѣ какой-нибудь невзгоды...

Сооруженіе по истинѣ царственное, достойное такого прославленнаго города, какъ Генуя. Terazzo marmoreo устроено, сколько помнится, уже Викторомъ-Эммануиломъ. Государство, требующее столько жертвъ со стороны общества, платитъ ему хотя отчасти свой долгъ такимъ достойнымъ удовлетвореніемъ его потребности...

Къ гавани тѣсно сбилась вся торгующая и дѣловая Генуя; тутъ непроходимый лабиринтъ тѣсныхъ проулочковъ, пробирающихся между такими же тѣсными гостинными рядами, лавками и заведеніями всякаго рода... Рельсы береговой желѣзной дороги, передвигающіе товары изъ порта, отнимаютъ послѣдній просторъ у этихъ базарныхъ улицъ, и тихо подвигающаяся безконечная цѣпь товарныхъ вагоновъ и наваленные вездѣ кучи удушливаго каменнаго угля, еще болѣе увеличиваютъ безпорядочный шумъ и духоту этого стариннаго торговаго гнѣзда...

Вотъ тутъ то вы увидите и услышите настоящаго итальянца во всей откровенной суетѣ его уличной жизни, среди его макаронъ, галетокъ и оливокъ.

Многоэтажные дома, тѣснымъ строемъ надвинувшіеся къ гавани просто задавили ее... Эти ряды домовъ словно сходятъ по ступенямъ къ морю со склоновъ горъ, широкимъ амфитеатромъ охватывающихъ Генуя. Они нагромождены другъ на друга, какъ кучи ящиковъ въ товарномъ складѣ...

Полинялые, облѣзлые, грязные, эти дома однако сплошные мраморные дворцы... Множество изъ нихъ съ историческимъ именемъ. Теперь это почти все гостинницы для прохожихъ... Громадный домъ когда то знаменитаго банка Святаго Георгія, имѣвшаго свой отдѣльный флотъ и свои колоніи, покупавшаго у государства цѣлыя страны, продолжавшаго властвовать даже тогда, когда силы республики окончательно ослабѣли,—теперь помѣщаетъ въ себѣ мирную Hôtel Feder; Hôtel de l' Italie, и Hôtel de la Ville тоже въ древнихъ палаццо.

Но если вы хотите вполнѣ ознакомиться съ «городомъ мраморовъ», идите выше на главныя улицы Генуи, на via Nuova, via Balbi, via Nuovissima, и разныя другія. Тамъ та же разноцвѣтная полинялость старо-персидскаго ковра на всемъ, что вы видите, но эта стертость тоновъ своею мягкостью скорѣе ласкаетъ, чѣмъ оскорбляетъ глазъ... За то вы подавлены благородною красотою линій и строгимъ вкусомъ умѣренной, высоко художественной орнаментовки...

Вся облицовка этихъ старинныхъ барскихъ домовъ, этихъ прославленныхъ палаццо Бальби, Дураццо, Доріа,—сплошной мраморъ всевозможныхъ цвѣтовъ во всевозможныхъ гармоническихъ комбинаціяхъ: черный и лоснящійся, какъ тѣло негра, темно-красный, какъ яшма, желтоватый, какъ на античныхъ вазахъ, бѣлый, сѣрый, пестрый всѣхъ узоровъ.

Фасады этихъ палаццо очень просты и вмѣстѣ съ тѣмъ очень грандіозны. Все изящество украшеній сосредоточено на окнахъ, огромныхъ, немногочисленныхъ, и на главномъ порталѣ. Подобныхъ порталовъ до сихъ поръ я не видалъ нигдѣ. Это оригинальная принадлежность старинныхъ палаццо Италіи, унаслѣдованная отъ античнаго Рима. Чѣмъ то мѣщанскимъ и базарнымъ смотрятъ самые красивые дома Парижа и Вѣны въ сравненіи съ этими художественно-замышленными, художественно-обработанными аристократическими жилищами итальянца. Сейчасъ видишь, что мыслью строителя руководило не желаніе извлечь какъ можно болѣе наемной платы изъ даннаго куска земли, не стремленіе устроить казарму съ безчисленнымъ множествомъ помѣщеній, ничѣмъ не отличающихся другъ отъ друга, своего рода архитектурный полипникъ, кишащій населеніемъ всякаго рода; нѣтъ, рукою художника, создавшаго эти дворцы двигала не демократическая потребность выгоды, а аристократическое чувство эгоистическаго уединеннаго наслажденія...

Этою идеею удобствъ одного проникнута всякая подробность. Лучше всего любоваться на порталы генуэзскихъ палаццо, украшенныхъ мраморною рѣзьбою, мраморными арматурами, мраморными каріатидами, въ вечернюю прогулку, когда огромные и изящные фонари освѣщаютъ всю внутренность настежъ открытыхъ, величественныхъ притворовъ, съ ихъ строгими античными колоннами, нишами, мраморными дворочками, фонтанами и баллюстрадами... Нерѣдко сквозь эти роскошныя сѣни, напоминающія помпейскія постройки, видны маленькіе внутренніе

дворики и терассы, съ цвѣтущими апельсинами, съ кустами юкки и другихъ тропическихъ растеній, съ бѣлыми, какъ боги прекрасными, статуями. Все полно индивидуальнаго характера въ этихъ маститыхъ палаццо... Стѣны обильно росписаны фресками и старою позолотой, напоминающей тончайшія гобелены, гербы знаменитыхъ древнихъ фамилій надъ входомъ, вмѣсто крышъ широкія терассы, высоко поднятыя въ чистый воздухъ надъ удушливою атмосферою улицы, съ безбрежнымъ видомъ, открывающимся у ногъ, обставленныя кустами алоэ, статуями и мраморными рѣшетками... Часто цѣлый воздушный садикъ виситъ надъ бездною, кишащею домами и въ немъ бьетъ освѣжающая струя фонтана изъ пасти какого-нибудь мраморнаго Пегаса или дракона...

Куда ни глянешь—все мраморъ, все живопись al fresco. «Говоря о Генуѣ, ненужно упоминать о мраморѣ; это слишкомъ обыденно», выразился одинъ французскій путешественникъ. Даже Municipio Генуи, нѣчто въ родѣ пресловутой парижской Hôtel de ville, вся въ фрескахъ и въ терассахъ, несмотря на свою канцелярскую оффиціальность. Театръ S-Felice, опера,—все это одинъ мраморъ; стиль высоко-благородный, хотя, какъ и слѣдуетъ итальянцамъ, половина оконъ разбитыхъ.

Высокая башня собора Святого Лоренцо совсѣмъ полосатая; она обложена въ перемежку, какъ шахматная доска, чернымъ и бѣлымъ мраморомъ. Это даетъ собору какой то странный, мавританскій характеръ, болѣе напоминающій мечети Багдада и старой Кордовы, чѣмъ христіанскую церковь, тѣмъ болѣе, что и стиль его украшеній нѣсколько арабскій. Даже мраморные львы охраняютъ его вмѣсто ангеловъ. Пучки витыхъ пестрыхъ колоннъ подъ громадною готическою розетой составляютъ оригинальный входъ этого оригинальнаго храма, очевидно, возникшаго подъ живымъ впечатлѣніемъ сосѣдней Африки или Азіи, съ которою было въ старину столько постояннаго и тѣснаго общенія у великой торговой республики.

Внутри собора—тотъ же полосатый мраморъ...

Чудная мраморная рѣзьба украшаетъ алтарь, до котораго тянутся отъ входа двойными рядами мраморныя колонны, поддерживающія хоры...

Красные занавѣсы, замѣняющіе въ верхнихъ окнахъ разноцвѣтную живопись стеколъ, проливаютъ на все это обиліе пестрыхъ мраморовъ какой-то зловѣщій свѣтъ, и хотя вы видите иконы, и стройные ряды высокихъ свѣчей въ тонкихъ подсвѣчникахъ, и благоговѣйную неподвижность католическаго служенія, — однако воображеніе ваше гораздо легче можетъ себѣ представить среди этой обстановки мавританскаго дворца, въ этомъ таинственномъ кровавомъ полусвѣтѣ, какую-нибудь сцену избіенія Абенсераговъ, чѣмъ принесеніе той безкровной жертвы, которой скромные алтари прятались въ глухихъ катакомбахъ римскаго кладбища... Всѣ другія церкви Генуи того же цѣльнаго мрамора снаружи и внутри, какъ и Св. Лоренцо, но я не буду говорить ни о нихъ, ни о тѣхъ художественныхъ сокровищахъ, которыя скрываются въ храмахъ и дворцахъ Генуи. А между тѣмъ, тамъ есть такія рѣдкости, какъ напр., блюдо изъ цѣльнаго изумруда громадной величины, отбитое генуэзцами при взятіи Цезареи и подаренное, какъ увѣряетъ легенда, царицею Сабою премудрому Соломону; говорятъ, что во времена республики это изумрудное блюдо показывалось только царственнымъ особамъ, и самъ дожъ, сопровождаемый всею своею гвардіею, отпиралъ замокъ драгоцѣннаго хранилища. Есть тамъ множество картинъ великихъ мастеровъ, за одну изъ нихъ, «Пиръ Фарисея», одно изъ лучшихъ созданій Поля Веронеза, Венеція чуть было не объявила войну Генуѣ. Спиноза купилъ ее тайкомъ за баснословную сумму у бенедиктинскихъ монаховъ Венеціи, несмотря на строжайшія запрещенія венеціянской республики. Голова Спинозы была оцѣнена за это преступленіе, а монахи бенедектинскаго монастыря всѣ поголовно высланы изъ предѣловъ республики. Вечеромъ не только величественнѣе палаццо и церкви, но интереснѣе и самая жизнь большихъ улицъ... Утромъ толкаются на базарѣ, въ гавани, въ гостинныхъ рядахъ—вечеромъ все досужее населеніе на улицѣ, не смотря на начало декабря. Въ театры, кондитерскія, клубы, трактиры текутъ толпы. Въ магазинахъ роскоши—толпы... Сидятъ на улицѣ, бѣгутъ по улицамъ. Говоръ, веселый шумъ, увлекающее движеніе, сверканіе огней, стеколъ, товаровъ,—это увидишь и испытаешь только въ Италіи, гдѣ привычка уличной жизни вѣками въѣлась въ нравы, гдѣ можно не признавать зимы и не защищаться отъ зимы... Тутъ круглый годъ дѣлаютъ то, что дѣлается лѣтомъ на парижскихъ бульварахъ. Но если вы хотите осмотрѣть не одни парадныя улицы и мраморные дворцы Генуи, идите странствовать по ней пораньше утромъ, когда еще не такъ жарко карабкаться по ея мощенымъ и обстроеннымъ пропастямъ.

Хотя и большія улицы Генуи порядкомъ узки, но ужъ переулки ея, идущіе внизъ къ гавани, вверхъ къ крѣпости, вѣнчающей городъ, просто страхъ Божій!... Ихъ приходится брать чуть не приступомъ. Когда посмотришь сверху внизъ въ эти сырыя, полутемныя отдушины, пробирающіеся къ морю между сплошными стѣнами семиэтажныхъ домовъ, кажется, будто глядишь въ трещины альпійскихъ глетчеровъ. Баррикады бѣлья, перекинутаго черезъ веревки въ нѣсколько рядовъ другъ надъ другомъ, съ одной стороны переулка на противоположную, придаютъ этимъ щелямъ еще болѣе тѣсноты, темноты и духоты. Впрочемъ, тому, кто странствуетъ пѣшкомъ по мостовымъ Генуи, не обидна даже эта вонючая прохлада ея переулковъ. Полнѣе всего ознакомишься съ генуэзскими переулками по пути къ Санта-Маріи-Кариньянской. Кариньянской церкви миновать невозможно, потому что съ ея высокой башни открывается самый великолѣпный видъ на всю Геную, на ея окрестности и на море. Путешественника непремѣнно потащутъ на кариньянскую колокольню хвастаться роднымъ городомъ, Genova la superba. Старинный мостъ на аркахъ безконечной высоты перекинутъ черезъ улицы, которыхъ восьмиэтажные и десятиэтажные дома не достаютъ своими трубами и чердаками до полотна моста. Черезъ этотъ мостъ нужно подниматься на гору, гдѣ возвышается особнякомъ кариньянская церковь... Я заплатилъ обычную дань туриста и, не развлекая себя статуями Пюже, картинами Гвидо Рени и Гверчино, которыми славится церковь, и которыя уже слишкомъ намозолили мнѣ глаза своимъ однообразіемъ и своею историческою условностью,—поднялся подъ самыя облака насладиться широкою панорамою одного изъ самыхъ красивыхъ городовъ Европы...

Странствуя по Генуѣ, я болѣе всего поражался ея физіономіею какого то старческаго неряшества... Почти не встрѣчаешь новаго дома, новаго предпріятія, напоминающаго современный европейскій городъ. Кажется, будто каждый камень мостовой лежитъ здѣсь со временъ Андреа Доріа, не тронутый, не измѣненный. И это впечатлѣніе нисколько не обманчивое. Читая старыхъ путешественниковъ, вы убѣждаетесь, что въ началѣ XVIII столѣтія они видѣли совершенно то же, что видите вы теперь, тѣ же улицы мраморныхъ дворцевъ, наполненныхъ знаменитыми картинами, тотъ же кариньянскій мостъ на каменныхъ аркахъ, тѣ же роскошныя и многочисленныя виллы предмѣстій, и, конечно, тотъ же прекрасный портъ.

Генуя словно застыла на томъ историческомъ моментѣ, который прекратилъ ея самостоятельную политическую жизнь, и стала «мраморнымъ городомъ» не въ одномъ внѣшнемъ смыслѣ... Улицы ея дворцовъ, ея гербы, ея художественныя сокровища,—все это только историческія реликвіи, священные останки давно прожитой жизни... Эти драгоцѣнные мраморные саркофаги, въ которыхъ почилъ духъ старой генуэзской республики, ея старая слава, ея старое могущество, придаютъ Генуѣ характеръ какого то Некрополиса. Новой жизни, новымъ потребностямъ трудно пробиться сквозь полчища величественныхъ покойниковъ, сквозь густую атмосферу старой легенды... Тутъ нѣтъ свободнаго вершка почвы, гдѣ бы сталъ новый домъ; чудится, что нѣтъ и свободнаго вершка другой, духовной почвы для новой мысли, новыхъ обычаевъ...

Не Риму и не Генуѣ воспитать поколѣніе новыхъ людей, проторить новыя тропы жизни, отыскать новыя основы общественнаго устройства; это дѣло дѣлается на дѣвственной почвѣ американскихъ степей, въ свободныхъ горахъ Швейцаріи, еще не вполнѣ населенныхъ человѣкомъ. И наша привольная Русь, съ своимъ географическимъ просторомъ, съ своею бѣдною исторіею, съ своею молодою этнографіею,—ждетъ въ терпѣливомъ молчаніи открытія новыхъ путей жизни, и внимаетъ новому слову безъ злобы застарѣвшаго европейскаго предразсудка, а въ сочувственномъ благоговѣніи, «аки губа напаяема», какъ внимала когда то святому слову ея древняя княгиня.

Мраморная мумія старой Генуи—недаромъ стала муміей... Она сама въ себѣ носила свое осужденіе и свой конецъ. Принципъ ея жизни не могъ вести никуда кромѣ смерти. Это былъ принципъ неравенства и хищничества. «Великая» республика была въ сущности огромною конторою купцовъ-миліонеровъ, которымъ хотѣлось ворочать всѣмъ свѣтомъ съ точки зрѣнія своего кармана. Правленіе генуэзскихъ нобилей было просто хроническимъ заговоромъ противъ правъ и благосостоянія бѣднаго населенія.

Не смотря на республиканскія формы, несправедливость, неравенство, мелкій формализмъ, торгашническая разсчетливость въ дѣлахъ — были доведены до крайнихъ предѣловъ...

Богатѣйшія колоніи Генуи пали вслѣдствіе лавочнической близорукости, недовѣрчивости и завистливости ея политики.

Она набивала кассы своихъ банковъ золотомъ, а уничтожала внутри себя духъ гражданства...

Но золото не спасло ее, когда потребовались республикѣ граждане. Политика банкирской конторы оказалась безсмысленною въ примѣненіи къ государству....

Духъ неравенства и монополіи до того владѣлъ этою республикою торгашей, что даже сословіе ея нобилей подвергалось чуть не кастовымъ дѣленіямъ.

Еще въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія дижонскій президентъ де-Вроссъ, котораго имя всплыло теперь въ ученомъ мірѣ по поводу новыхъ этнографическихъ работъ Тэйлора, Леббока и др., и который оставилъ намъ интересную книгу объ Италіи, — поражался недоступностью высшихъ классовъ генуэзскаго дворянства.

Онъ разсказываетъ, напр., что нобили 2-го разряда не смѣли въ его время приблизиться къ тому мѣсту улицы, гдѣ сидѣли первокласные нобили, тѣмъ менѣе заговорить съ ними. А между тѣмъ самъ дожъ тогдашней республики, Константинъ Бальби, принадлежалъ не къ 1-му, а ко 2-му классу дворянства, который имѣлъ право на выборъ сановниковъ; такъ что въ сущности этотъ

наружный почетъ не значилъ ничего, а только безплодно раздражалъ самолюбіе. Самъ дожъ республики былъ стѣсняемъ такими педантическими правилами этикета и такими мѣрами политической подозрительности, что гораздо болѣе походилъ на раба республики, чѣмъ на ея вождя.

Только пять разъ въ году, въ указанные дни, ему дозволено было появляться въ публикѣ и то не иначе какъ въ царственной помпѣ, въ пурпуровой мантіи, пурпуровой шапкѣ, окруженномъ цѣлою пышною процессіею сенаторовъ, оруженосцевъ, пажей, генераловъ, разодѣтыхъ въ бархатъ, шелкъ и парчи... Кромѣ такихъ торжественныхъ выходовъ, онъ сидѣлъ въ своемъ дворцѣ цѣлые два года, какъ колодникъ: «C'est un fort méchant emploi que celui du doge», съострилъ надъ этимъ вѣчнымъ арестомъ дожа современникъ французъ, и тутъ же прибавилъ о помѣщеніи дожа: «comme ainsi soit que l'ane de la république est toujours le plus mal bâté, le doge est le plus mal logé». Впрочемъ, генуэзскіе нобили, одѣвавшіе, какъ куклу, своего главу и его свиту, держали себя въ этомъ отношеніи по купечески просто: никто изъ нихъ не смѣлъ носить другой одежды, кромѣ черной; коротенькій черный плащъ, который такъ знакомъ намъ по сценѣ театра, и который въ Италіи до сихъ поръ встрѣчается среди низшаго класса, былъ обычнымъ нарядомъ дворянства. Даже дамы Генуи, кромѣ перваго года замужества, были неправѣ надѣвать что нибудь кромѣ чернаго. Это напоминаетъ законъ Венеціи, запрещавшій раскрашивать гондолы иначе какъ черною краскою.

Не знаю, чѣмъ руководились при этомъ генуэзскіе нобили, и видѣли-ли они въ однообразномъ черномъ нарядѣ тотъ признакъ республиканскаго равенства и простоты, который позднѣе выдвинулъ на сцену европейскаго общежитія пресловутый черный фракъ, этотъ своего рода паспортъ цивилизованнаго человѣка нашего времени...

Вообще купеческая складка генуэзца сообщала особый оттѣнокъ даже его аристократизму. Хотя онъ необыкновенно величался своими гербами и глубокою древностью своего рода, часто весьма апокрифическою, однако жилъ порядочно скупо; богачи, получавшіе по полумиліону ливровъ ежегоднаго дохода, что составляетъ громадную цифру по тогдашней цѣнѣ денегъ, не проживали даже 10-й части своихъ доходовъ, а копили ихъ въ банкахъ, покупали огромныя земли, обращали въ торговыя предпріятія, что собственно говоря и давало имъ возможность удивлять міръ своими великолѣпными палаццо, отдѣланными какъ драгоцѣнныя бездѣлушки кабинета. Богатство знатныхъ генуэзцевъ доходило до того, что всѣ знаменитые соборы Генуи, стоющіе много миліоновъ каждый, на постройку которыхъ въ другихъ государствахъ обыкновенно напрягаются многолѣтнія усилія цѣлаго государства,—въ Генуѣ выстраивались кѣмъ нибудь изъ богатыхъ сеньеровъ или, по крайней мѣрѣ, однимъ какимъ нибудь знатнымъ семействомъ...

Та же купеческая жилка отвлекала генуэзскую знать отъ занятія науками и литературой, даже въ то время, когда образованное дворянство Европы считало отсутствіе литературныхъ познаній признакомъ дурного тона. «...Les mercadins ne s'amusent pas à la bagatelle, et ne connaissent de lettres que les lettres de change, dont ils font le plus grand commerce de l'univers», острилъ надъ генуэзцами французскій путешественникъ XVIII вѣка.

Произвольныя измѣненія человѣческаго тѣла.

Статья д-ра **Рюдингера**.

(*Окончаніе.*)

Однакожь, не одни дикіе народы, а также и тѣ, которые стоятъ во главѣ культуры, подвергаютъ произвольнымъ видоизмѣніямъ свое тѣло. Доказательствомъ тому служитъ зашнурованіе груди, вызывающее большое измѣненіе въ строеніи грудныхъ органовъ. Какъ голова, ноги и руки, такъ и грудь терпитъ отъ могущественной прихоти моды,—употребляющей во зло подвижность и упругость грудныхъ стѣнокъ.

Грудной ящикъ образуется хребтомъ и ребрами. Хребетъ или позвоночный столбъ составляетъ самый подвижный и, въ то же время, самый сильный упоръ этого ящика; онъ состоитъ изъ 12 кольцеобразныхъ позвонковъ, прочно соединенныхъ между собою хрящеватыми, упругими звеньями. Къ обѣимъ сторонамъ этого столба примыкаютъ 12 выгнутыхъ костей или реберъ. Они подвижны, своеобразно изогнуты къ низу и къ переду, гдѣ заканчиваются упругими хрящевыми отростками. Ребра замыкаются впереди гладкою костью неправильной формы, называемою грудною доскою. Семь верхнихъ реберъ, непосредственно соединенныхъ съ этой доскою, называются собственно «ребрами»; они менѣе подвижны, чѣмъ 5 нижнихъ, «фальшивыхъ реберъ», примыкающихъ не прямо къ грудной доскѣ, а другъ къ другу и къ седьмому ребру. Въ нижней части грудного ящика находится грудобрюшная перепонка или мускульная ткань, способная къ сокращенію; она лежитъ такъ, что образуетъ снабженную отверстіями перегородку между полостями груди и живота. Посредствомъ дѣйствія различныхъ мускуловъ на подвижныя ребра и на сказанную перепонку, обусловливается тотъ важный процессъ, который мы зовемъ вдыханіемъ и выдыханіемъ. Но такъ какъ въ нижней части грудного ящика грудобрюшная преграда (у взрослаго) поднимается и опускается, среднимъ числомъ, 16—18 разъ въ минуту, а нижнія (фальшивыя) ребра подвижнѣе верхнихъ, то главная доля дыхательнаго процесса выпадаетъ именно на нижній грудной отдѣлъ.

Въ обширной грудной полости находятся оба легкія,—эластичныя и приспособляющіяся ко всякому расширенію и съуженію своего костяного вмѣстилища.

Между легкими лежитъ центральный органъ кровеобращенія, сердце, съ его большими кровеносными сосудами. Но легкія и сердце не наполняютъ еще всей грудной полости, а именно, грудобрюшная преграда образуетъ такой сводъ, что подъ нею и все еще въ томъ пространствѣ, которое обнимается ребрами, могутъ лежать вправо—печень, имѣющая до 4 фунтовъ вѣса, а влѣво—селезенка, вѣсящая, приблизительно, $^1/_2$ фунта. Между печенью и селезенкой расположены: желудокъ, слюнная железа и кишки.

Нормальный костяной грудной ящикъ имѣетъ почти цилиндрическую или кеглеобразную форму. Ширина его почти одинакова, какъ вверху, такъ и внизу, или же слегка съуживается къ верху. Грудные и брюшные органы лежатъ свободно въ этой клѣткѣ, безпрепятственно совершая свое движеніе при вдыханіи и выдыханіи.

На рис. 10 изображенъ нормальный грудной ящикъ въ тѣлѣ Венеры медицейской, признаваемомъ за античный идеалъ женской красоты. Рисунокъ показываетъ естественную, не искалеченную форму ящика. На рис. 11, мы видимъ грудной ящикъ женщины, снятый и измѣренный въ концѣ прошлаго столѣтія знаменитымъ анатомомъ Земмерингомъ. Экземпляры, полученные въ позднѣйшее время, представляютъ почти такой же видъ. При первомъ взглядѣ на этотъ рисунокъ видно, что грудной ящикъ имѣетъ здѣсь обратную форму противъ нормальной. Онъ значительно шире вверху, чѣмъ внизу, вслѣдствіе чего, происходитъ крайнее стѣсненіе всѣхъ органовъ, лежащихъ въ его нижней части.

Производится это измѣненіе слѣдующимъ образомъ: сдавливающее орудіе, называемое корсетомъ и назначаемое къ тому, чтобы произвести у женщины тонкую талію, заставляетъ нижнія очень подвижныя ребра, сдвинуться къ вер-

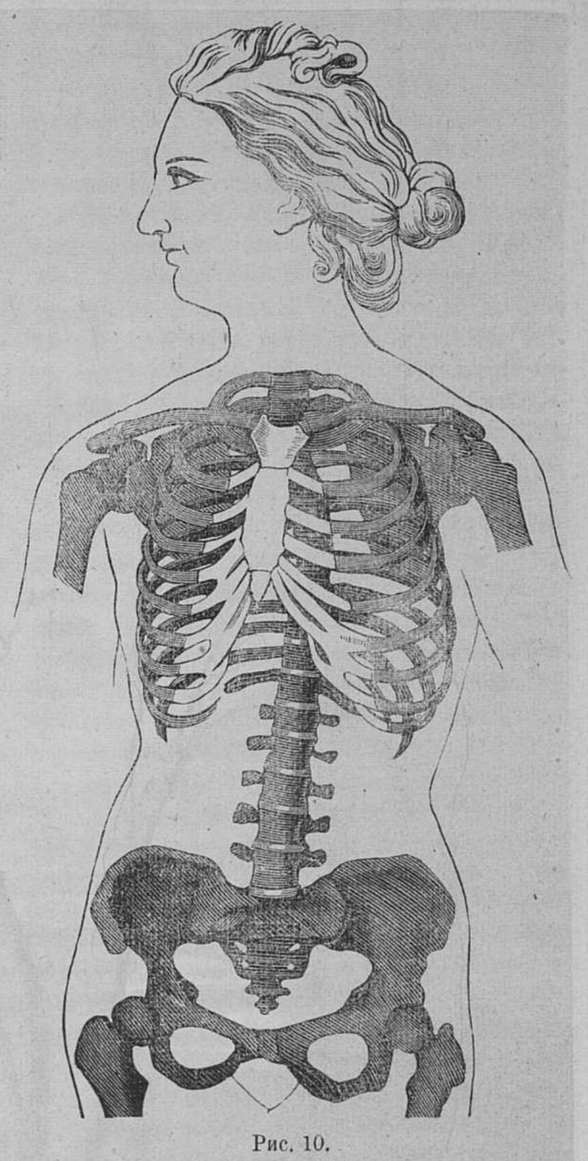


Рис. 10.

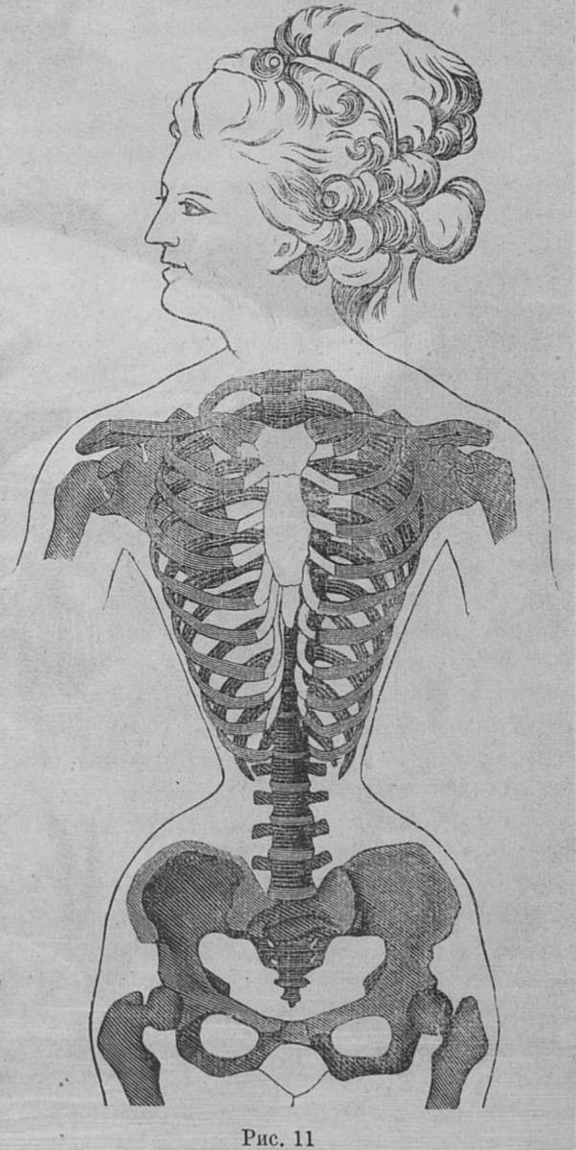


Рис. 11

Картина **ГОФМАНА ЦЕЙТЦА.**

Погибшіе.

ху и къ серединной линіи. Ребра сближаются подъ грудною доскою, касаясь одно до другого, при чемъ ихъ хрящеватыя части должны изогнуться. Вслѣдствіе сильнаго сжатія, діаметры всѣхъ частей, лежащихъ въ нижней половинѣ грудной клѣтки, уменьшаются; подвижность нижнихъ реберъ ограничивается или вовсе прекращается. Такое стѣсненіе грудной полости не имѣетъ особеннаго вліянія на движеніе всего тѣла, хотя, конечно, спинные мускулы нѣсколько угнетаются черезъ давленіе и потому теряютъ силу. Но еще болѣе страдаютъ грудные и брюшные органы, неприкосновенность которыхъ столь необходима для человѣческаго здоровья.

Легкія, сердце и всѣ большіе кровеносные сосуды не могутъ болѣе растягиваться достаточно; этимъ нарушаются вполнѣ правильное кровеобращеніе и дыханіе. Каждое сколько нибудь сильное движеніе вызываетъ у молодыхъ дѣвушекъ, туго затянутыхъ въ корсетъ, красноту лица, которая происходитъ отъ переполненія крови въ грудной и брюшной полостяхъ. Гдѣ же должны помѣщаться желудокъ, печень, селезенка, слюнная железа? Всѣ эти органы оттѣсняются или вверхъ, къ грудной полости, или внизъ, къ тазу, при чемъ сдавливаются въ такой степени, что ихъ отправленія не могутъ оставаться не нарушенными. Это нарушеніе можетъ быть не ощутительнымъ ежедневно, но, тѣмъ не менѣе, оно не подлежитъ никакому сомнѣнію. Земмерингъ простиралъ свою увѣренность въ этомъ отношеніи до того, что, опираясь на данныя, сообщаемыя различными врачами, онъ насчитывалъ до 100 болѣзненныхъ состояній, вызываемыхъ у женщинъ ничѣмъ инымъ, какъ только давленіемъ корсета. Земмерингъ, основываясь на свидѣтельствѣ различныхъ врачей, приписываетъ вліянію корсета: истерику, нарушеніе менструацій, искривленіе и опущеніе матки, кровоистеченія при беременности, безплодіе, рожденіе дѣтей нездоровыхъ и безобразныхъ, равно какъ выкидыши, слишкомъ ранніе или слишкомъ запоздалые роды, тяжелые роды и пр.

Но и не заходя такъ далеко, нельзя не признавать, что если корсетъ способенъ превращать данную женскую талію въ болѣе тонкую, то онъ дѣйствуетъ какъ сдавливающее орудіе, необходимо вызывающее различныя, конечно, вредныя, видоизмѣненія въ организмѣ.

Но какъ ни бичевалъ корсетоманію еще римскій поэтъ Теренцій въ своихъ комедіяхъ, какъ ни ратовали противъ нея, опираясь на научные доводы, Зиммерингъ, Гиртль и другіе писатели, женщины остаются вѣрными поклонницами тугой шнуровки, на томъ основаніи, что она, по ихъ понятіямъ, придаетъ стану ихъ красоту. Впрочемъ, чтобы быть справедливымъ, слѣдуетъ замѣтить, что усилія вышеназванныхъ благонамѣренныхъ ученыхъ не пропали совершенно даромъ, потому что старинный корсетъ, настоящее орудіе пытки, не существуетъ уже болѣе и замѣненъ теперь другимъ, болѣе легкимъ, хотя все еще далеко не безвреднымъ.

Вообще, вліяніе здраваго смысла и науки одерживаетъ только медленныя и мало замѣтныя побѣды надъ укоренившимися предразсудками, но, тѣмъ не менѣе, побѣды эти неопровержимы. Многіе не боятся уже теперь открыто признавать неискалеченное тѣлостроеніе медицейской Венеры за болѣе совершенный образецъ женской красоты, чѣмъ осиныя таліи дамъ прошлаго и даже настоящаго столѣтія, такъ долго казавшіяся верхомъ прелести для всѣхъ женщинъ безъ исключенія.

Объемъ нашей статьи не дозволяетъ намъ разобрать еще нѣкоторые обычаи, напримѣръ, обвѣшиванія рукъ, пальцевъ и шеи различными металлическими вещами; мы оставимъ тоже въ сторонѣ обрѣзаніе у мальчиковъ и дѣвочекъ, равно какъ различные виды жертвоприношеній, господствующіе у дикихъ народовъ и состоящіе, напримѣръ, въ томъ, что родственники умершаго отрубаютъ себѣ, въ знакъ печали, нѣкоторые суставы на пальцахъ. Будетъ достаточно, если, къ уже сказанному выше, мы прибавимъ еще очеркъ того, какъ уродуются ноги. Этотъ нелѣпый обычай укоренился, въ особенности, въ Китаѣ, гдѣ онъ процвѣтаетъ уже нѣсколько вѣковъ и продержится, безъ всякаго сомнѣнія, еще очень долго.

При своемъ нормальномъ строеніи, человѣческая нога представляетъ собою превосходный аппаратъ для передвиженія тѣла и для поддержанія его въ отвѣсномъ положеніи. Это строеніе очень своеобразно и имѣетъ лишь отдаленную родственную связь съ строеніемъ заднихъ оконечностей у животныхъ. Совершенно согласно своему назначенію, человѣческая нога образуетъ собою упругій сводъ особеннаго устройства. И именно эта форма ноги придаетъ ей не только подвижность, но и устойчивость.

Ступня состоитъ изъ семи костей; она тверда и въ то же время упруга. Вверху, въ нее вставлена подвижная голень; спереди—щиколка, состоящая изъ пяти тоже довольно плотно соединенныхъ костей. Къ этимъ костямъ приставлены перистыя конечности,—ножные пальцы,—обладающіе, какъ въ соединеніи своемъ съ щиколкою, такъ и сами по себѣ, большою подвижностью.

Сводообразная форма ноги необходима для того, чтобы мускульная и нервная дѣятельность, равно какъ и кровеобращеніе, могли совершаться безпрепятственно въ подошвѣ при ея полномъ обремененіи тѣломъ. Если сказанный сводъ опускается до такой степени, что внутренній край ноги стоитъ почти на одномъ уровнѣ съ внѣшнимъ, то получается нога плоская, не способная ни къ какой продолжительной работѣ. Всякое стѣсненіе свободы движеній въ ногѣ уменьшаетъ ея трудоспособность. Дурно сшитая обувь, выпячивающая пальцы и сдавливающая щиколку, равно какъ установка ноги на слишкомъ косой поверхности (непомѣрно высокіе каблуки), затрудняютъ въ высшей степени нормальное отправленіе ногъ, не говоря уже объ обезображиваніи ихъ формы. Врощеніе ногтей и другія извѣстныя болѣзненныя ножныя явленія происходятъ непосредственно отъ неудовлетворительности обуви.

Но китайскія женщины нашли возможность превзойти всѣ существующія произвольныя искаженія человѣческаго тѣла, подвергая самому страшному изуродованію свои ноги.

Нога китаянки, желающей считаться красивою, не должна быть длиннѣе 3—4 дюймовъ. Такъ принято, по свидѣтельству Тидемана, въ собственно китайскихъ провинціяхъ (древній Китай); манджуры, равно какъ и татары, живущіе за китайской стѣною, не признаютъ такой моды, но настоящія китаянки, въ особенности же принадлежащія къ высшимъ сословіямъ, слѣпо повинуются ей. Нѣкоторыя сельскія обитательницы позволяютъ себѣ тоже слѣдовать нелѣпому обычаю, однако не доводятъ безобразія до крайнихъ предѣловъ, но въ высшемъ кругу, нѣжныя матери начинаютъ калечить своихъ дочерей съ самаго ихъ младенчества, пользуясь хрящеватымъ состояніемъ костей въ этомъ возрастѣ. Первое уродованіе производится еще повивальною бабкою, въ первые дни жизни ребенка; ему крѣпко-на-крѣпко стягиваютъ ножки съ помощью досчечекъ и перевязокъ, благодаря которымъ не только затрудняется ростъ костей и мускуловъ, но и самая форма ноги совершенно обезображивается: всѣ пальцы, отъ второго до пятаго включительно, сильно пригибаются къ подошвѣ; одинъ только большой палецъ сохраняетъ горизонтальное положеніе.

Нормальная нога изображаетъ собою треугольникъ, остріе котораго обращено къ пяткѣ, а основаніе къ пальцамъ; нога китаянки, напротивъ, представляется широкою сзади и заостренною впереди. Пеленаніе и стягиваніе ноги повторяется ежедневно и, притомъ, постоянно усиливаясь. Перевязки не снимаются никогда, ни днемъ, ни ночью, даже если нога горитъ и болитъ, и ребенокъ становится безпокойнымъ. Что дѣлать! разсуждаютъ нѣжныя матери,—красота дороже здоровья.

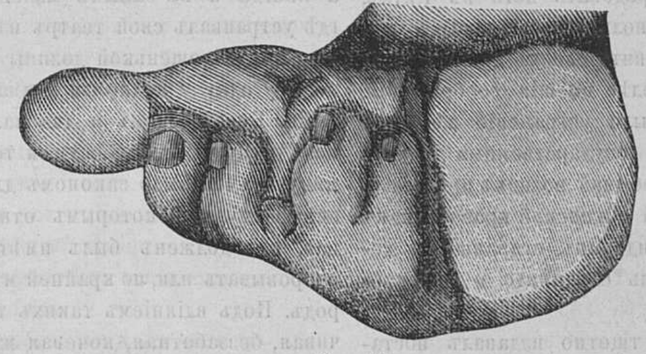


Рис. 12.

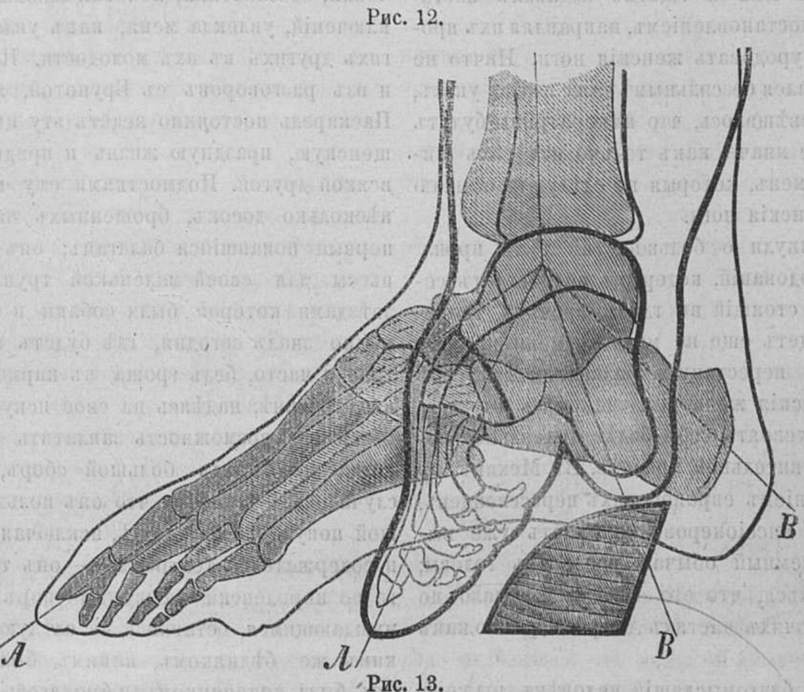


Рис. 13.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой операціи, получается въ результатѣ нога, подобная изображенной на нашемъ рисункѣ (рис. 12).

Такимъ образомъ, нога взрослой китаянки не только несоразмѣрно мала, но и крайне изогнута. Четыре пальца совершенно пригнуты къ подошвѣ, и вся нога согнута въ серединѣ. Отдѣльныя кости, какъ то показываетъ анатомическое изслѣдованіе, принимаютъ постоянную, изогнутую форму (Велькеръ).

Такая нога (рис. 13) утрачиваетъ способность твердо поддерживать тяжесть всего человѣческаго корпуса, вслѣдствіе чего походка женщины становится колеблющейся. Тидеманъ говоритъ, что китаянки, желая идти скорѣе, вынуждены опираться на свои чубуки, стараясь, въ тоже время, поддерживать свое равновѣсіе посредствомъ движенія рукъ. Скороидущая китаянка, по словамъ Тидемана, походитъ на курицу, бѣгущую съ распростертыми крыльями.

Тѣ китайскія дамы, которыя не могутъ держать для себя особыхъ носильщиковъ, живутъ лишь въ нижнихъ этажахъ и никогда не выходятъ изъ дома. Онѣ должны вовсе отказаться отъ танцевъ. То, что онѣ называютъ этимъ именемъ, состоитъ въ одномъ шаткомъ топотаніи на маленькихъ коврикахъ, подъ музыку или подъ собственный припѣвъ (Тидеманъ).

Чтобы придать своимъ ногамъ сколько нибудь удобную для ходьбы горизонтальную нижнюю поверхность, китаянки прибавляютъ къ своимъ крошечнымъ башмачкамъ огромные каблуки. Обычай уродовать ноги не долженъ быть особенно древнимъ, потому что венеціянецъ Марко Поло, посѣтившій разныя китайскія мѣстности и блистательный дворъ китайскаго императора въ XIII столѣтіи, не говоритъ ни слова о крошечныхъ ногахъ китаянокъ, распространяясь, въ то же время, о ихъ наружности и достоинствахъ. Но понятіе о красотѣ крошечныхъ ножекъ до того укоренено въ Китаѣ, что даже тамошнія поселянки, идя на свадьбу, привязываютъ себѣ къ подошвамъ ногоподобную фигуру изъ пробки, обувая ее въ маленькій башмачокъ.

Согласно прежнему мнѣнію, первоначальнымъ источникомъ обычая уродовать ноги въ Китаѣ, могла быть домашняя политика ревнивыхъ мужей, желавшихъ заставить своихъ женъ сидѣть поневолѣ дома, или болѣе высшія соображенія, основою которыхъ было устраненіе женщинъ отъ вмѣшательства въ государственныя дѣла; но всего вѣроятнѣе, что обычай возникъ просто изъ ложныхъ представленій о женской красотѣ, какъ то свидѣтельствуетъ Тидеманъ, старавшійся добраться до корня столь страннаго и нелѣпаго предразсудка.

Императоръ Кан-зи тщетно издавалъ постановленіе за постановленіемъ, направляя ихъ противъ обычая уродовать женскія ноги. Ничто не помогало; остался безсильнымъ даже и тотъ указъ, которымъ возвѣщалось, что императрицы будутъ избираться не иначе, какъ только изъ тѣхъ китайскихъ племенъ, которыя не слѣдуютъ обычаю уродовать женскія ноги.

Мы упомянули о большинствѣ тѣхъ произвольныхъ уродованій, которымъ подвергаетъ себя человѣкъ, стоящій во главѣ прочихъ твореній. Но пройдетъ еще не мало времени прежде, чѣмъ дикари перестанутъ размалевывать себѣ тѣло, а китайскія женщины, знакомясь съ просвѣщеніемъ, усвоятъ себѣ болѣе правильное понятіе о дѣйствительной красотѣ. Въ Мехикѣ, съ распространеніемъ европейскихъ переселенцевъ, при усиліяхъ миссіонеровъ начинаетъ уже вытѣсняться туземный обычай уродовать головы; можно надѣяться, что онъ исчезнетъ, мало по малу и въ прочихъ частяхъ Америки, равно какъ и во Франціи.

Но каждый благомыслящій человѣкъ долженъ заботиться о распространеніи, между своими согражданами, здравыхъ понятій о вредѣ всѣхъ произвольныхъ измѣненій въ строеніи и отправленіяхъ нашего тѣла. Одно только нестѣсненное и нормальное развитіе всѣхъ частей нашего организма можетъ дать человѣку здоровье, а слѣдовательно, силу и красоту.

Паскарель.

Романъ Уида.

(Переводъ А. А. Разсказовой.)

(*Продолженіе.*)

Книга III.

Дочь Геркулеса.

I.

Мнѣ казалось, что я давно уже живу съ этими веселыми, добродушными людьми; даже собаки рѣзвились и ласкались ко мнѣ столько же, какъ и къ Брунотѣ. Я мечтала, что могу быть такой же знаменитостью, какъ Лилло, на которую въ Воронѣ лился дождь золота и цвѣтовъ; но не видѣла никакого величія въ странствующемъ актерѣ, пока мы возвращались по пыльной дорогѣ, освѣщенной отблескомъ заката. Перейдя черезъ Карайскій мостъ, мы вошли въ центръ города. Нѣсколько мальчишекъ увидали насъ; и вся улица наполнилась шумомъ и криками «Паскарель, Паскарелло! вотъ Паскарель»!

Масса народа сидѣла въ дверяхъ своихъ жилищъ, почти на улицѣ, какъ это принято въ Италіи между ремесленниками и торговцами. Они тотчасъ же бросали свою торговлю и заботы и толпились вокругъ Паскареля; каждый желалъ узнать отъ него, съ кѣмъ онъ будетъ ужинать? Гдѣ будетъ пить? Будетъ-ли играть сегодня вечеромъ у воротъ Прато? Беппо и Пиппо подрались въ Сдручіоло и въ немъ сильно нуждались... Слышалъ ли онъ что его искали?... Кто это съ нимъ хорошенькая въ желтомъ съ лиловымъ дѣвушка?... Новая танцовщица?

Я узнала изъ ихъ разговоровъ, что Паскарель имѣлъ обыкновеніе путешествовать по странѣ, останавливаясь на пути въ большихъ городахъ, а иногда и въ самыхъ маленькихъ деревняхъ, гдѣ устраивалъ свой театръ изъ холста и досокъ посреди хорошенькой долины или въ защищенномъ уголку у подножія холма, смотря по фантазіи. Брунота, онъ и два мальчика составляли всю труппу, повиновавшуюся только вдохновенію минуты, что было закономъ для Паскареля. По энтузіазму, съ которымъ относились къ нему всѣ, онъ долженъ былъ имѣть странную силу очаровывать или, по крайней мѣрѣ, забавлять народъ. Подъ вліяніемъ такихъ толковъ, перемѣнчивая, беззаботная, кочевая жизнь, полная приключеній, увлекла меня, какъ увлекала и многихъ другихъ въ ихъ молодости. Изъ ихъ рѣчей и изъ разговоровъ съ Брунотой, я узнала, что Паскарель постоянно ведетъ эту цыганскую, нищенскую, праздную жизнь и предпочитаетъ ее всякой другой. Подмостками ему часто служили нѣсколько досокъ, брошенныхъ на телѣгу или первый попавшійся балаганъ; онъ самъ писалъ пьесы для своей маленькой труппы, первыми звѣздами которой были собаки и попугай; онъ рѣдко зналъ сегодня, гдѣ будетъ ночевать завтра, и часто, безъ гроша въ карманѣ, ужиналъ въ харчевнѣ, надѣясь на свое искуство, что оно дастъ ему возможность заплатить за издержки; когда же бывалъ большой сборъ, что иногда случалось, — потому что онъ пользовался большой популярностью вездѣ, исключая директоровъ и содержателей театровъ, — онъ тратилъ деньги по королевски на шумный пиръ или помощь нуждающимся, оставаясь на слѣдующій день такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ наканунѣ. Онъ былъ кочевникомъ и бродягой; всякій общественный законъ призналъ бы его лѣнтяемъ и тунеядцемъ; но въ сердцѣ своемъ онъ былъ великимъ артистомъ; и во многихъ селахъ и городахъ, на деревенскихъ ярмаркахъ и придорожныхъ тавернахъ народъ сознавалъ это, и восклицаніе «Паскарель» собирало мужчинъ и женщинъ, старухъ и дѣтей, бѣдныхъ студентовъ и работящій людъ вокругъ того мѣста, гдѣ его измѣнчивое лицо съ выразительными глазами и гибкими губами, своимъ заразительнымъ весельемъ заставляло ихъ смѣяться.

— Онъ ничего не изучаетъ; онъ оскорбляетъ всѣ преданія, нарушаетъ всѣ законы и требованія искуства, говорили директора театровъ, съ которыми онъ ссорился.

Народу было мало заботы объ этихъ тонкостяхъ; обычная публика на представленіяхъ Паскареля знала только, что онъ съ собакой, вмѣсто всѣхъ помощниковъ, кускомъ ковра, или сломаннымъ сукомъ дерева вмѣсто всякихъ декорацій, могъ заставить ее плакать или смѣяться, ненавидѣть или любить, чувствовать себя несчастной или восторгаться; онъ владычествовалъ надъ нею неотразимымъ обаяніемъ своего генія.

У самыхъ городскихъ воротъ было большое пустое мѣсто; луна уже ярко освѣщала его, по самой срединѣ стояла большая палатка изъ деревянныхъ кольевъ, обтянутая холстомъ, который свободно раздувался на вечернемъ вѣтрѣ.

— Вотъ мой театръ, милая дѣвица, сказалъ Паскарель. — О, у настоящихъ актеровъ лучшее помѣщеніе; я это знаю. Когда умѣешь только висѣть на проволокѣ, надо, по крайней мѣрѣ, имѣть красивое жилище, иначе кто же пойдетъ смотрѣть тебя? Но артистъ, если онъ достоинъ своего имени, можетъ соорудить себѣ храмъ въ умахъ слушателей, давай онъ представленія хоть въ развалившемся сараѣ.

О золотомъ дождѣ и цвѣтахъ Лилло не могло быть здѣсь и помину, и я съ презрѣніемъ смотрѣла на эту кочевую сцену.

Спектакль былъ принятъ съ радостью и добродушіемъ слушателями, слишкомъ многочисленными по размѣрамъ театра, которые толпились далеко на открытомъ воздухѣ, какъ волнующееся море вытянутыхъ шей и любопытныхъ лицъ, едва освѣщенныхъ извнутри слабымъ мерцаніемъ масляныхъ лампъ; почти каждый изъ зрителей напѣвалъ про себя мелодію играемаго танца — отвратительная привычка выражать свой музыкальный восторгъ, отъ которой несвободны самыя аристократическія общества въ Италіи.

Занавѣсъ упалъ; публика вызвала Тото, и наградила его громомъ рукоплесканій, которые собака очень цѣнила, а также засыпала четвероногаго артиста пирожнымъ и сахаромъ. Затѣмъ раздался громкій, повелительный крикъ:

— Паскарель! Паскарель!

Паскарель немедленно явился на зовъ, привѣтствуемый шумомъ и восторгами толпы. Небольшая пьеса, въ которой онъ игралъ, называлась: «Le miraculose fortune egli amori pietosissimi del Calzolajo e del Conte». Онъ написалъ ее самъ, чтобы примѣнить къ средствамъ своей маленькой труппы; въ ней онъ игралъ двѣ роли — сапожника и графа. Это была бездѣлица, но она изобиловала остроуміемъ, блестѣла ироніей и была пересыпана эпиграммами, достойными хотя бы самыхъ интелигентныхъ слушателей. Пьеса была поставлена такъ ловко, что старикъ и молодой — сапожникъ и графъ — соперники по любви къ деревенской дѣвушкѣ, ни разу не встрѣчались во всѣхъ своихъ похожденіяхъ. Переходы Паскареля отъ молодости къ старости и отъ старости опять къ молодости были такъ быстры, такъ совершенны каждый въ своемъ родѣ, что люди, незнавшіе его прежде, не могли бы сказать, какіе его настоящіе года и какіе принятые.

Эта пьеска, безъ всякой сценической обстановки для обмана чувствъ, была такъ хороша, такъ естественна, такъ полна чарующаго элемента, что ее могъ создать только геній сценическаго искуства. Она пронеслась съ порывистой силой вѣтра, заставляя безчисленныя сердца слушателей биться и замирать отъ страсти и сожалѣнія. Когда было все кончено и восторженное: «Fuori! fuori! fuori!» слушателей принудило его показаться въ послѣдній разъ, при взрывѣ оглушительныхъ аплодисментовъ, онъ подошелъ ко мнѣ.

— Ну-съ? сказалъ онъ, смотря на меня своими смѣющимися глазами.

Увлеченная, удивленная, едва переводя дыханіе, вся въ огнѣ, я дрожала передъ нимъ, такъ могущественна казалась мнѣ его власть; я готова была броситься къ его ногамъ и поклониться божественной силѣ искуства, обитавшей въ немъ. Я не могла отвѣчать ему и зарыдала.

Юноша съ гитарой, повѣшенной черезъ плечо, присоединился къ намъ, другой со скрипкой выбѣжалъ къ намъ изъ-подъ арки воротъ, поймалъ напѣвъ и бѣжалъ впереди насъ, выдѣлывая уморительные прыжки; народъ съ освѣщенныхъ балконовъ бросалъ на насъ сверху фіалки и царскія кудри; луна освѣщала широкую площадь рѣки; башни и шпицы легко возносились къ звѣздному небу; веселая музыка, какъ поющій Панъ, сопровождала насъ.

Таково было наше шествіе домой по Флоренціи.

Когда мы дошли до нашей таверны, наша свита не допустила Паскареля войти въ нее. Его почитатели требовали его, какъ свою собственность, и настояли, чтобы онъ шелъ съ ними ужинать въ извѣстный кабачекъ, гдѣ въ ту ночь пировали работники алебастровыхъ заведеній.

— Не мечтайте, синьерина, при лунномъ свѣтѣ, сказала мнѣ Брунота, выводя меня изъ задумчивости, въ которую я погрузилась. — Говорятъ, что люди отъ этого съ ума сходятъ. У меня есть горячій супъ; пойдемте, покушайте, а затѣмъ ляжемъ спать.

— Когда онъ вернется назадъ? спросила я, входя за нею въ домъ.

— Паскарель? О, навѣрное не раньше утренней зори. Онъ часто просиживаетъ ночи. Пойдемте же, супъ остынетъ. И такъ его игра вамъ понравилась, неправда ли? А что я вамъ говорила?

— Я никогда ничего подобнаго не воображала! сказала я съ трудомъ, такъ какъ я была слишкомъ глубоко взволнована, чтобы спокойно говорить о немъ;—онъ такъ талантливъ, что его долженъ бы знать весь свѣтъ; ему слѣдуетъ играть для королей!

— Я думаю онъ столько же заботится о славѣ и богатствѣ, какъ этотъ черный горшокъ. Онъ любитъ свободу, любитъ простой народъ.

— Эту пьесу онъ написалъ самъ?

— О да. Все, что мы играемъ, онъ пишетъ самъ.

— Очевидно, онъ геній!

— Не знаю, что это значитъ. Онъ очень смышленъ, да, чрезвычайно смышленъ, равнаго ему я не знаю. Къ тому же онъ очень ученъ; онъ получилъ ученую степень въ Пизѣ.

— Въ Пизѣ? А вы не умѣете читать? закричала я, забывая всѣ законы вѣжливости.

— Нѣтъ. Не умѣю, отвѣчала Брунота, прикрывая свое смущеніе смѣхомъ.

II.

Было уже поздно, когда я проснулась на слѣдующій день. Желѣзный прутъ на противоположной стѣнѣ, служившій солнечными часами, показывалъ десять. Я быстро одѣлась, пригладила волосы и сбѣжала внизъ въ общую комнату. Тамъ былъ одинъ Паскарель; онъ стоялъ у окна, задумчиво глядя на улицу; Тото лежалъ у его ногъ. Онъ быстро повернулся и поклонился мнѣ съ легкой граціей, характеризовавшей всѣ его движенія.

— Добрый день, милая дѣвочка. У меня есть для васъ хорошія новости. Мы нашли ваши золотые гульдены.

— Мои гульдены! повторила я, не смѣя еще радоваться. — Мои гульдены! Какъ? когда? гдѣ? Возможно ли это?

— Очень возможно, отвѣчалъ онъ весело, отсчитывая дюжину большихъ, блестящихъ австрійскихъ гульденовъ.—Какъ? О не заботьтесь: какъ. Это, конечно, дурная исторія... воровская. Помните, вчера я вамъ говорилъ, что воръ раскается, если попадется; они всегда такъ дѣлаютъ. Вы видите, что полиція серьезно работала для васъ. Но нужно впередъ быть осмотрительнѣе съ вашимъ сокровищемъ.

Я была слишкомъ счастлива, чтобы вникать въ то, что онъ говорилъ. Онъ могъ мнѣ разсказывать самыя невѣроятныя вещи и я бы повѣрила ему въ эту минуту, такъ я была рада вновь обрѣтенному сокровищу. Онъ наблюдалъ за мной съ грустнымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— И такъ вы теперь опять свободны, заговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Вы можете уйдти отъ насъ, когда захотите, моя милая; что вы на это скажете? Двѣнадцать гульденовъ, хотя бы и золотыхъ, не великое богатство; съ нимъ далеко не уѣдешь. Однакожь, вы предполагали, что этихъ денегъ довольно, чтобы съ ними покинуть Верону и смѣло пуститься въ путь.

Его слова омрачили мое счастіе. Я цѣловала свои гульдены, смѣялась и плакала надъ ними. При его словахъ я остановилась и взглянула ему прямо въ лицо.

— Желаете ли вы уйдти, синьерина? спросилъ онъ. — Вы можете, если захотите; ваши деньги найдены.

— Нѣтъ, я не желаю; я хочу остаться съ вами и изучить ваше искуство.

Я не могла справиться со своимъ голосомъ, чтобы сказать что-нибудь болѣе; я ужасалась одной мысли, что опять останусь одна съ своими гульденами, которые потеряли все обаяніе могущества послѣ того, какъ я ихъ разъ потеряла.

— Чего вы желаете всего болѣе на свѣтѣ, моя милая? спросилъ онъ.

— Денегъ, конечно, отвѣчала я ему, широко раскрывая глаза и смѣясь отъ удивленія. — Не въ нихъ ли я болѣе всего нуждалась въ продолженіе всей моей прошлой жизни.

— Значитъ въ васъ нѣтъ генія, сказалъ онъ съ оттѣнкомъ презрѣнія.

Мой отвѣтъ оскорбилъ въ немъ артиста. Дѣтскимъ и пустымъ казался онъ ему — артисту; какъ скоро его слушатели смѣялись или плакали, онъ не заботился, золото или мѣдныя монеты наполняли кружку у входныхъ дверей его театра.

— Вѣроятно, нѣтъ, отвѣчала я, въ свою очередь обиженная.—Но... но деньги все! продолжала я, хорошо зная, что значитъ не имѣть ихъ.

— Такъ ли? Да, безъ сомнѣнія для тѣхъ, кто такъ думаетъ; я не принадлежу къ ихъ числу. Но вы женщина-дитя; я—мужчина. Въ этомъ отношеніи убѣжденія наши сойтись не могутъ. Что же касается моего искуства, оно требуетъ долгаго изученія, хотя вамъ, какъ и всякому слушателю, кажется, что ничего не можетъ быть легче, какъ проговорить свою роль. Актеромъ надо родиться такъ же, какъ и поэтомъ, и живописцемъ, и скульпторомъ; такъ же, какъ имъ, и актеру надо трудиться для усовершенствованія. Жесты, взглядъ, чувство, страсть—это врожденное; но удареніе, знаніе, ораторское искуство, сценическіе эфекты—вся эта механическая работа пріобрѣтается временемъ и прилежаніемъ. Намъ, итальянцамъ, надо меньше всей этой упряжи, чѣмъ другимъ народамъ. Великіе актеры, появлявшіеся на свѣтѣ, были или французы или итальянцы. Сѣверные народы не имѣютъ сценическаго дарованія, не умѣютъ они и рисовать. Игра и живопись — дѣло цвѣта и чувства, а сѣверные народы не имѣютъ достаточно ни того, ни другого, вѣроятно, потому, что ихъ ежедневная жизнь и окружающая природа не изобилуютъ ими. Они велики во многомъ, но не въ искуствѣ. Инструментъ, на которомъ играемъ мы, сценическіе дѣятели, называется человѣческимъ сердцемъ. Кажется, легко ударять по его струнамъ смѣха и печали, но извлекать изъ него мелодію, которая дѣлаетъ слушателей лучшими, облагораживаетъ ихъ, — это наука всей человѣческой жизни, находящая награду въ себѣ самой.

— Да, вы великій артистъ, сказала я медленно,—а между тѣмъ... между тѣмъ, вы играете только для черни.

Его выразительные глаза метнули въ меня молнію презрѣнія.

— Только для черни! Altro! Развѣ Спероне, и вся стая критиковъ по его слѣдамъ, не произнесли надъ Аріосто приговоръ, что онъ вульгаренъ и годенъ только для черни? Развѣ про самаго Данте не говорили, что онъ получилъ свои лавры отъ сапожниковъ и булочниковъ? Теперь Данте сдѣлался поэтомъ ученыхъ и мудрецовъ, а при жизни схоластытого времени считали его человѣкомъ въ высшей степени необразованнымъ, потому что онъ писалъ на своемъ родномъ языкѣ, и онъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, былъ поэтомъ черни. Да скажите пожалуйста, что такое «Божественная комедія» какъ не пѣсни для необразованнаго народа?... Только для черни! Ахъ, это большое заблужденіе! Только! Это чисто по-женски! Всякая дрянь годится для черни; это современное понятіе; дрянныя рулады въ музыкѣ, мишурная пачкотня въ живописи, дешевый вздоръ въ печати — все годится для черни. Я флорентинецъ, милая дѣвочка, въ моихъ жилахъ еще довольно течетъ крови моихъ предковъ, чтобы знать, что чѣмъ возвышеннѣе и истиннѣе искуство, тѣмъ болѣе оно должно принадлежать черни. Что бы было съ Флоренціей, если бы она до мозгу своихъ костей не была пропитана этимъ принципомъ. Ея великіе люди создавали свои величайшія произведенія не для германской имперіи, не для папы, не для князей только, земныхъ или духовныхъ, но и для самой сердцевины народа, для рукъ и сердецъ народныхъ; такъ что въ мрачнѣйшіе вѣка угнетенія и суевѣрія, не смотря на совершенную потерю свободы и спокойствія, Флоренція все-таки оставалась свѣточемъ посреди другихъ націй, крѣпко охраняя неугасаемый факелъ свободы и искуства, чтобы завѣщать его другимъ народамъ.

— Кто были ваши родители? спросила я его, ожидая услышать одно изъ громкихъ именъ бывшей флорентинской республики.

— Мой отецъ былъ мѣдникомъ, сказалъ онъ рѣзко, хотя съ оттѣнкомъ смѣха.

— Мѣдникъ! Не можетъ быть!

Онъ отъ души засмѣялся надъ интонаціей моего голоса.

— Ничего тутъ нѣтъ невозможнаго. Не забывайте, что это итальянскій мѣдникъ; это что-то совершенно отличное отъ всѣхъ другихъ мѣдниковъ. Вы вѣдь знаете насъ; мы не бываемъ вульгарными.

— Но мѣдникъ! повторила я, не скрывая своего разочарованія.

— Я учился въ университетѣ, въ Пизѣ. Да. Бѣдная старушка Пиза! Я думаю, она была очень рада отдѣлаться отъ меня. Я получилъ всѣ степени, которыя даетъ ея университетъ, но съ-

Картина ЕЛЕНЫ РИХТЕРЪ.

Нищенка итальянка.

Картина ГЕЙБНЕРА.

Видъ при лунномъ свѣтѣ.

игралъ съ нею грустныя шутки. Бѣдная старая Пиза! мнѣ кажется, она до сихъ поръ не можетъ утѣшиться въ потерѣ своего любовника Моря. Она невыразимо грустна, а между тѣмъ каждый разъ ночью на улицѣ, при лунномъ свѣтѣ, я переношусь мыслью къ ея слабо освѣщеннымъ чуднымъ дворцамъ, опустѣлымъ площадямъ и къ ея совершенству запустѣнія. Помните-ли вы, какъ флорентинцы, съ оружіемъ въ рукахъ, отправились охранять ея ворота, когда вся ея сыны были далеко въ морѣ, покоряя Минорку. Флоренція была ихъ наслѣдственнымъ врагомъ, но въ дни ея слабости, она защищала честь соперницы. Сомнѣваюсь, чтобы во всей исторіи сыскалось, что-нибудь болѣе мужественное, благородное, чѣмъ эта доблесть. Но пора перейти къ вамъ, моя красавица. Я знаю, что если бы у васъ въ виду было что-нибудь другое, вы, конечно, никогда не присоединились бы къ труппѣ странствующихъ актеровъ. Но такъ какъ у васъ ничего нѣтъ, то... Не мѣшаетъ предупредить васъ, что игра для черни можетъ повредить вашей репутаціи въ будущемъ. Я вамъ еще вчера сказалъ, что мы не особенно почтенные люди... Вы по своему положенію гораздо выше той жизни, которую мы ведемъ; вы это отъ меня уже слышали,—выше ея по характеру, привычкамъ, вкусамъ, и конечно, и по рожденію. Съ другой стороны, вамъ, одинакой, безъ друзей, можетъ выпасть гораздо худшая доля, чѣмъ жизнь съ нами.

Его пріятный голосъ обладалъ силой убѣжденія и укачивалъ меня въ полудремотное молчаніе; я ему не отвѣчала, а прислушивалась какъ къ какой-то восхитительной музыкѣ.

— Я думаю, милая дѣвочка, продолжалъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія, — вамъ не слѣдуетъ вступать въ нашу труппу. Товарищество, вы знаете, пристаетъ такъ, что отъ него бываетъ трудно освободиться, да и то непремѣнно потерявъ, хотя небольшую часть чего-нибудь... Altro! Я люблю жизнь, которую веду, но не хочу вамъ повредить, говоря, что она пригодна и для васъ. Вы должны рѣшать сами за себя. Подумайте.

Что мнѣ было за дѣло до того, что онъ былъ бродяга, авантюристъ, странствующій актеръ, сынъ мѣдника; онъ былъ въ тоже время артистомъ, поэтомъ; гораздо лучше смѣяться съ нимъ, чѣмъ гибнуть безслѣдно одной при самомъ вступленіи моемъ въ свѣтъ.

— Если я останусь съ вами, могу ли я чѣмъ-нибудь заработывать на свое содержаніе?

Онъ сдѣлалъ жестъ нетерпѣнія.

— Конечно! Вашихъ гульденовъ хватитъ на очень долгое время при томъ простомъ образѣ жизни, какой мы ведемъ, а когда ихъ не будетъ, мы найдемъ, безъ сомнѣнія, какое-нибудь мѣсто для васъ.

— Такъ я остаюсь, сказала я съ жаромъ, протягивая ему обѣ руки съ торжествующимъ смѣхомъ.

— Altro! будь по вашему! вскричалъ онъ, прикрывая смѣхомъ, какъ мнѣ казалось, болѣе глубокое чувство.—Ахъ, дорогая красавица, не даромъ далъ я вамъ Парокъ? Можетъ быть, все устроится для васъ къ лучшему, если только воля человѣка что-нибудь значитъ на этомъ свѣтѣ.

III.

Леліо Паскарель, называемый просто Паскарелемъ, былъ артистомъ въ каждой фибрѣ своего существа. Страстный, чувствительный къ внѣшнимъ вліяніямъ, какъ женщина, полный поэтическихъ мыслей и наклонностей, онъ присоединялъ къ этому живую энергію и веселый жаръ флорентинца. Сто разъ въ день мѣнялись его манеры и настроеніе духа съ той пылкой живостью въ каждой фразѣ ихъ безчисленныхъ перемѣнъ, которая составляла жизнь и душу этого человѣка. Онъ не могъ быть однимъ и тѣмъ же въ продолженіи получаса; между тѣмъ серьезный или веселый, шумно-пирующій съ толпою или задумчиво вопрошающій затерянные секреты старинныхъ мастеровъ, продающій желтые бананы трактирщицѣ на ярмаркѣ съ тонкой насмѣшкой, или блуждающій по темнымъ аркадамъ старинныхъ академій, вспоминая съ нѣжностію героизмъ и ученость прежнихъ вѣковъ, онъ былъ всегда, среди всѣхъ этихъ контрастовъ Паскарелемъ, самимъ собою.

— Дѣйствительно-ли вы сынъ мѣдника? спросила я его поздно вечеромъ въ тотъ же день, когда мы всѣ лежали на травѣ въ лѣсу.

— А то кто-же? отвѣчалъ онъ на выразительномъ тосканскомъ нарѣчіи.—Сынъ простого мѣдника. Но въ ваше утѣшеніе скажу, что хотя мы и сдѣлались мѣдниками, но по древности происхожденія нашъ родъ не уступитъ никому. Кажется даже старый Мальпини поминаетъ насъ въ числѣ тѣхъ, которые выйдя изъ ковчега послѣ потопа, занялись постройкой Фьезоле. Давно, давно въ старину мы принадлежали къ тому старинному здѣшнему дворянству, въ сравненіи съ которымъ Медичи кажутся вчерашними выскочками. Мы были Гибеллины и съ паденіемъ ихъ, пали, конечно, и мы. Совершенное же раззореніе нашего рода послѣдовало тогда, когда одинъ изъ нихъ поручилъ Орканьѣ выстроить себѣ дворецъ; для уплаты за постройку этого дворца дѣти въ третьемъ поколѣніи должны были продать почти всѣ свои земли и имѣнія, подобно несчастному Лукѣ Питти. Жиды въ послѣдствіи пріобрѣли и то послѣднее, что оставалось. Старинные роды умираютъ медленно съ веревкою большихъ долговъ вокругъ шеи, но все-таки они умираютъ. Въ продолженіи двухъ столѣтій мы все бѣднѣли и бѣднѣли; наконецъ пришлось работать для пропитанія. Мой дѣдъ въ качествѣ коммиссіонера-посыльщика исходилъ во всѣхъ направленіяхъ страну, гдѣ его предки бросили гордый вызовъ Карлу Валуа. Мѣдникъ едва ли ниже посыльщика, скорѣе, выше, потому что мѣдникъ долженъ затратить сколько нибудь денегъ на покупку инструментовъ, тогда какъ посыльщикъ работаетъ надъ чужими вещами. Какъ бы то ни было мой отецъ былъ мѣдникомъ, Боже! упокой его душу! Онъ былъ человѣкомъ, обладающимъ юморомъ. Я помню, онъ выскоблилъ княжескую корону на своемъ плавильномъ горшкѣ. Короны были и на другихъ вещахъ. Мнѣ стыдно сознаться, что онъ былъ на столько слабъ, что гордился своимъ происхожденіемъ и воспитывалъ меня, ребенка, на разныхъ исторіяхъ объ умершей славѣ и доблестяхъ нашихъ предковъ. Я же бѣгалъ босыми ногами по Тосканѣ, не заботясь о томъ, что бѣгалъ по могиламъ моихъ предковъ. Это было во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ бѣгать съ обнаженнымъ мечомъ, какъ дѣлывали это князья—Паскарели. Мнѣ странно бывало иногда нападать въ какой-нибудь старой церкви старипнаго полузабытаго городка на большія бѣлыя статуи, воздвигнутыя въ память какого-нибудь могущественнаго Паскареля; я сознавалъ, что и я тоже Паскарель, хотя оборванный и голодный, отыскивающій у бѣдняковъ кастрюли для починки. Это мнѣ давало тему для размышленія. Но что за важность?

— Это разбило бы мое сердце! вскричала я, сидя на травѣ между крокусами.

Паскарель засмѣялся.

— Это скорѣе могло разбить мою голову. Будучи глупымъ и сильнымъ для своихъ лѣтъ ребенкомъ, я дрался безчисленное множество разъ за корону на плавильномъ горшкѣ, со всѣми почти мальчиками чуть не во всѣхъ деревняхъ, черезъ которыя мы проходили. Они думали, что корона на старомъ чугунномъ горшкѣ смѣшна, и были, конечно, правы. Но я требовалъ уваженія и къ горшку и къ коронѣ, такъ какъ оба принадлежали моему отцу—вѣроятно, и я тоже былъ правъ. Во всякомъ случаѣ я смѣлъ отстаивать свое собственное мнѣніе и много разъ едва не поплатился за это жизнью, что и бываетъ со всякимъ, кто осмѣливается отстаивать такую ненужную собственность, какъ свои убѣжденія.

— Работали ли вы когда нибудь съ отцемъ? спросила я, бросая взглядъ на его длинныя, гибкія, загорѣлыя руки, которыя заняты были плетеніемъ тростника.

— Altro! Конечно, работалъ. Много я починилъ старыхъ мѣдныхъ котелковъ во всей этой странѣ, съ востока до запада, отъ Ливорно до Венеціи. Но я никогда не любилъ этой работы. У меня была природная способность дѣлать дыры, а не чинить ихъ. Сначала меня называли Маркезино, въ насмѣшку надъ гербомъ на горшкѣ, но должны были понемногу отстать отъ этой привычки, когда узнали изъ частыхъ опытовъ, что я умѣлъ дѣлать дыры въ черепахъ ихъ сыновей, которыя съ трудомъ починяло все искусство аптекарей. Да, тогда я былъ босоногимъ мальчишкой, слѣдующимъ за своимъ отцомъ изъ дому въ домъ, куда его звали. Все теперь забыто. Я похоронилъ этотъ горшокъ въ гробу съ моимъ отцомъ, какъ его предки хоронили золотыя короны, и вмѣстѣ съ нимъ похоронилъ все старинное безуміе. Мнѣ было тогда пятнадцать лѣтъ.

— И вы послѣдній въ родѣ Паскарелей?

— Послѣдній. Какая изъ этого польза. Народъ, Боже благослови его! простилъ всѣ проломанныя головы въ моемъ дѣтствѣ, и полюбилъ меня. Боюсь, что Гибелины Паскарели, статуи которыхъ стоятъ по церквамъ, никогда не могли сказать этого.

— И вы довольствуетесь этою любовью?

— Eh Dio! стыдно было бы не довольствоваться. О, моя милая, кто избѣгалъ страну такъ, какъ я съ инструментами мѣдника, и видѣлъ жизнь бѣдняковъ и ихъ горе, и недостатки, и безполезность всѣхъ мечтаній, и страшную, невыносимую, безконечную боль всѣхъ живыхъ существъ, тотъ придетъ къ тому заключенію что въ этой ничтожной тайнѣ, называемой человѣческою жизнію, немного смѣху и немного любви—единственныя вещи, спасающія насъ отъ сумасшествія.

Дѣйствительно ли это все, что широкій міръ намъ можетъ дать? И стоило ли послѣ этого идти такъ далеко, чтобы достичь такихъ ничтожныхъ результатовъ?

— Да, моя милая, отвѣчалъ онъ, точно отгадывая мои мысли.—Да. Это дѣйствительно все, къ чему слѣдуетъ стремиться на этомъ свѣтѣ, и какъ часто эти вещи находятся въ нашей власти и мы бѣжимъ отъ нихъ, не сознавая этого, и, можетъ быть, никогда въ послѣдующей жизни не встрѣтимся съ ними, потому что онѣ не являются по одному нашему желанію.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Нищенка-итальянка.

(Рис. стр. 280).

Надъ чуднымъ Неаполитанскимъ заливомъ разстилалось безмятежно-ясное небо. Былъ уже вечеръ; колокола, только что прозвонившіе къ вечерней службѣ, умолкли, солнце клонилось къ западу, но на пристани кипѣла еще жизнь: продавцы выкрикивали свой товаръ, рыбаки возились съ снастями, а десятки туристовъ расхаживали взадъ и впередъ, любуясь на вѣчные красоты неаполитанской природы. Въ числѣ ихъ было и небольшое общество, которое скоро отдѣлилось отъ прочихъ и направилось къ лодкѣ, дожидавшейся у ступеней пристани.

Лодка принадлежала богатой англичанкѣ, поселившейся въ Неаполѣ и затѣявшей, для увеселенія своихъ гостей, прогулку моремъ въ мѣстечко Казамиччіола, на островѣ Исхіи, лежащемъ при входѣ въ Неаполитанскій заливъ.

Ночная прогулка по морю, подъ чуднымъ небомъ Италіи, при серебристомъ свѣтѣ луны и среди упоительныхъ ароматовъ, приносимыхъ съ берега тихимъ вѣтеркомъ... Что можетъ быть лучше этого?

Лодка быстро скользила подъ своими парусами, едва рябя гладкую поверхность залива. Берегъ начиналъ исчезать въ отдаленіи; солнце давно уже скрылось, уступивъ мѣсто лунѣ... Понемногу стихъ вѣтерокъ, паруса опустились; гребцы должны были взяться за весла; лодка стала двигаться медленнѣе, но путники, восхищенные красотой южной ночи не жаловались, не стремились поспѣшнѣе къ цѣли своей поѣздки; они наслаждались, и подъ бременемъ этого слишкомъ сильнаго, почти физическаго наслажденія, оживленная бесѣда ихъ смолкла; всѣми товарищами путешествія овладѣла сладостная истома; они сидѣли безмолвно, не дѣлясь болѣе другъ съ другомъ своими впечатлѣніями.

Такъ пролетѣла часть ночи; но вотъ и разсвѣтъ. Съ берега потянуло свѣжимъ вѣтеркомъ; зардѣвшійся востокъ вспыхнулъ и солнце вынырнуло изъ-за туманныхъ, отдаленныхъ горъ... Путники встрепенулись, веселая бесѣда возобновилась и они пристали къ Казамиччіолѣ въ самомъ оживленномъ расположеніи духа.

Джэнарино, рулевой лодки, провелъ общество на знакомый постоялый дворъ, на которомъ уже давно кипѣла работа. Хозяйка, тетка Маддалена, и ея четыре хорошенькія дочери, стряпали и суетились, прислуживая пріѣзжимъ.

Что за дворикъ! Только въ Италіи самыя прозаичныя вещи пользуются подобною поэтичною обстановкой. Старыя стѣны дома и заборъ покрыты лозами винограда и вьющагося шиповника, надъ головами—сводъ изъ той же зелени; открытый видъ на чудный Неаполитанскій заливъ,—и къ этому, веселыя, неозабоченныя, радушныя лица, самый непринужденный говоръ и смѣхъ... и, вдобавокъ, превосходныя итальянскія «макарони!»

Но завтракъ конченъ и тотъ же услужливый Дженарино является доложить, что ослы ждутъ; все готово для поѣздки въ древній городъ съ его цитаделью, возвышающеюся на базальтовомъ утесѣ.

Что же, въ путь!

Удовольствіе усиливается еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что сегодня въ Казамиччіолѣ приходскій праздникъ. Все населеніе, въ пестрыхъ костюмахъ, кишитъ на улицахъ. Смуглые красавцы и красавицы поглядываютъ съ любопытствомъ на чужеземцевъ, но во взглядѣ ихъ нѣтъ и тѣни той недоброжелательности, которая такъ присуща туземцамъ другихъ странъ. Они улыбаются радушно пріѣзжимъ синьорамъ, какъ гостямъ, съ которыми хозяевамъ слѣдуетъ поступать вѣжливо и любезно.

Осмотрѣвъ замокъ, налюбовавшись на окружающую мѣстность, туристы снова отдыхаютъ на дворикѣ тетки Маддалены; но изобрѣтательный Дженарино приготовилъ имъ новое удовольствіе: дочери хозяйки пляшутъ передъ гостями, подъ звукъ тамбурина, исполняя тарантеллу, національный танецъ, красивый именно только здѣсь, подъ итальянскимъ небомъ, и когда онъ переданъ съ тою врожденною граціей и непринужденностью, которыми отмѣчены всѣ движенія уроженцевъ счастливой страны...

Но свѣтлая картина омрачилась внезапнымъ пятномъ. На каменномъ выступѣ, у стѣны, сидитъ блѣдная дѣвочка; уныло смотритъ она на веселую сцену.

Она хороша собою; чудный огонь горитъ въ ея большихъ темныхъ глазахъ, впавшихъ глубоко въ исхудалое личико; густые волосы спускаются черною волною почти до самыхъ бровей, оттѣняя матовую блѣдность лица. Дѣвочка сидитъ, какъ въ изнеможеніи, посматривая пытливо на лица богатыхъ «синьори».

Тяжелый контрастъ представляетъ это маленькое, пораженное однимъ горемъ и нищетою существо съ веселымъ обществомъ, бросающимъ, не считая, деньги на свои удовольствія...

Между туристами находилась одна артистка, Елена Рихтеръ; ея художническое чутье было поражено своеобразною красотою малютки, и она набросала на мѣстѣ ея портретъ, прежде чѣмъ бѣдная нищенка догадалась, что она была особымъ предметомъ вниманія для этой бѣлокурой синьоры... Она сидѣла въ прежней задумчивости, держа въ загорѣлой ручкѣ недоѣденный кусокъ хлѣба, и вдвойнѣ прекрасная отсутствіемъ всякаго сознанія своей красоты.

Но художница не захотѣла, чтобы натурщица оказала ей даромъ свою услугу. Она вынула золотую монету, примѣру ея послѣдовали ея спутники, и скоро глазки маленькой Маріетты остановились удивленно и радостно надъ цѣлой горстью денегъ, надаренныхъ ей синьорами... Будетъ чѣмъ пообѣдать дома всѣмъ, и не только завтра, но и втеченіе многихъ дней! Будетъ на что купить платокъ матери, сапоги старому дѣду... можетъ быть, платьице и самой Маріеттѣ!... Сколько денегъ... сколько денегъ... Маріеттѣ кажется, что все это происходитъ во снѣ...

Тайна открылась.

Разсказъ **П. А. Салманова**.

(*Окончаніе.*)

VI.

Говорятъ, одно несчастіе къ человѣку не приходитъ, за нимъ по пятамъ всегда слѣдуетъ другое; ударъ потери всего состоянія сломилъ крѣпкую натуру Трифона Федоровича. У него открылась сильнѣйшая нервическая горячка и лучшій калужскій докторъ, призванный для леченія больного, сдѣлавъ тщательный осмотръ, сомнительно покачалъ головою и сказалъ на прямикъ Аринѣ Петровнѣ, что едва-ли ея мужъ встанетъ.

— Впрочемъ, я попытаюсь, прибавилъ врачъ.— Жаръ у больного очень силенъ. Но если въ продолженіи трехъ сутокъ онъ не умретъ, у меня останется еще надежда на возможность его выздоровленія.

Въ сильномъ бреду и жару въ первую ночь, въ присутствіи Арины Петровны, Трифонъ передалъ всѣ подробности совершеннаго имъ преступленія въ оврагѣ. То, что Арина Петровна смутно подозрѣвала, теперь стало для нея ясно. «Оттого и подрядъ не удался, подумала она про себя.— Гнѣвъ Божій палъ на подлаго Каина. Пролитая невинно кровь всегда вопіетъ на небо. То-ли еще насъ ожидаетъ!»

Арина Петровна такъ испугалась своихъ мыслей, что задрожала, какъ въ лихорадкѣ.

Такъ прошла первая ночь. Передъ утромъ Трифонъ Федоровичъ заснулъ немного, но къ вечеру слѣдующаго дня, бредъ еще болѣе усилился; Трифонъ Федоровичъ въ бреду кричалъ такъ неистово, что Арина Петровна снова пригласила доктора.

— Плохо, плохо, сказалъ врачъ.— Если и завтра будетъ тоже, то всему конецъ.

— Маменька, позвольте мнѣ за нимъ ходить сегодняшнюю ночь, сказала Настенька, обливаясь слезами. Она сегодня пріѣхала изъ Москвы, желая повидаться съ родителями.

— Старайтесь во что бы то ни стало успокоить его, такъ чтобы онъ уснулъ нѣсколько часовъ, сказалъ врачъ,—Въ нервическихъ горячкахъ сонъ—лучшее лекарство. Завтра утромъ вы разскажите мнѣ обо всемъ, что замѣтите въ нынѣшнюю ночь. Смотрите-же, наблюдайте внимательнѣе. Отъ этого зависитъ его спасеніе.

Докторъ ушелъ, а Настенька вечеромъ, надѣвъ на себя бѣлый капотъ, отправилась въ комнату своего больного отца и первыя слова его бреда, услышанныя ею еще за дверью, относились къ Евстюшкѣ палачу.

Когда Настенька входила въ комнату, дверь скрипнула и этотъ скрипъ заставилъ больного открыть глаза. Всматриваясь въ пришедшаго, онъ вскочилъ съ постели.

— Вотъ и ты, наконецъ, невинный мученикъ, пришелъ ко мнѣ, должно быть, за грѣшною моей душою. Можетъ быть, ты посланъ, чтобы наказать меня. Дѣлай со мною, что хочешь. Лучше всего убей меня точно также, какъ я убилъ тебя, только не отдавай меня въ руки Евстюшки... онъ такъ немилосердно бьетъ кнутомъ. Страшно мнѣ позора, клейма и рванія ноздрей.

И Трифонъ Федоровичъ повалился въ ноги своей дочери, цѣловалъ ея башмаки, руки и, называя ее Авелемъ, просилъ простить его, Каина убійцу. Долго и пристально смотря на ея лицо, онъ вдругъ повеселѣлъ и радостно воскликнулъ:

— Вотъ у тебя, мой другъ, високъ-то знать зажилъ и знака никакого не осталось.

Напрасно Настенька увѣряла его, что онъ видитъ передъ собою ее, свою дочь, Настасью Трифоновну, больной ничему не внималъ и продолжалъ бредить въ томъ же духѣ и настроеніи до того времени, пока не пришла Арина Петровна и обѣ женщины общими силами не успокоили его. Наконецъ, утомленный больной заснулъ. Долго мать и дочь сидѣли молча, изрѣдка только взглядывая другъ на друга, и плакали; изъ нихъ одна знала, а другая предчувствовала, что онѣ обѣ принадлежатъ къ семейству разбогатѣвшаго убійцы.

Странное дѣло! То, что могло угрожать смертью, явилось спасеніемъ для больного. Послѣ своей горячечной выходки съ дочерью, онъ заснулъ очень крѣпко и всю ночь не кричалъ и не бредилъ. Когда же онъ проснулся по утру, глаза у него были менѣе красны и жаръ въ головѣ значительно уменьшился. Пріѣхавшій докторъ остался очень доволенъ состояніемъ больного и сказалъ, что если завтрашняя ночь будетъ такова-же, какъ сегодняшняя, то онъ ручается за выздоровленіе своего паціента. Къ радости доктора и всего семейства, Трифонъ Федоровичъ объявилъ, что онъ чувствуетъ апетитъ и желалъ-бы чего-нибудь поѣсть.

Съ этого дня Трифонъ Федоровичъ, благодаря своей здоровой и крѣпкой натурѣ, сталъ видимо поправляться и вскорѣ совсѣмъ выздоровѣлъ. Болѣзни и смерти онъ избѣжалъ, но бѣдности избѣжать не могъ; не только его магазинъ въ Калугѣ, но и ефремовскій постоялый дворъ съ лавкою были проданы на уплату долговъ. Дѣла у Трифона Федоровича до того запутались, что ему не оставалось ничего болѣе, какъ отправиться въ Москву на заработки. И первостатейный калужскій купецъ Трифонъ Федоровичъ Ефремовъ былъ доволенъ судьбою, найдя мѣсто главнаго рѣзака на бойнѣ, находившейся за Дорогомиловскою заставою, съ жалованіемъ по десяти рублей въ мѣсяцъ.

VII.

Обратимся къ тѣмъ, которыхъ мы такъ давно оставили и о которыхъ, можетъ быть, вспомнилъ въ настоящую минуту читатель. Я говорю о Неверовскихъ. Несчастный Данило Стефановичъ, отъѣзжая въ Москву по порученію отца, обѣщалъ ему, по окончаніи возложеннаго на него порученія, тотчасъ же прислать письмо. По соображенію старика Неверовскаго ожидаемое

письмо должно было прійти не позже, какъ черезъ мѣсяцъ, по отъѣздѣ сына, но когда прошло два мѣсяца, а о сынѣ его не было ни слуху, ни духу, онъ началъ крѣпко безпокоиться и постоянно сидѣлъ мрачный, запершись въ своемъ кабинетѣ, онъ даже очень рѣдко разговаривалъ съ Марьею Ильинишною, опасаясь ея справедливыхъ упрековъ за опрометчивую посылку единственнаго нѣжно-любимаго сына въ городъ, гдѣ живетъ много злыхъ людей, готовыхъ воспользоваться добротой и неопытностью молодого человѣка, который чувствуетъ себя на чужбинѣ, какъ въ дремучемъ лѣсу.

Прошелъ годъ и, наконецъ, получилось извѣстіе. Московская полиція, дѣлавшая розыски пропавшаго молодого человѣка, отвѣтила, что никакихъ слѣдовъ его найти не могла; извѣстно ей только, что залогъ имѣнія совершился и деньги изъ совѣта получены.

— Видно убили его, голубчика, сказала Марья Ильинишна, освѣдомившись объ отвѣтѣ полиціи;—материнское сердце чувствуетъ, что это случилось. Въ дорогѣ, можетъ быть, похвастался, что у него много денегъ; онъ еще совсѣмъ ребенокъ. Ямщикъ услыхалъ, да и уходилъ его въ первомъ лѣсу. А все твоя проклятая жадность къ новымъ деньгамъ, какъ будто у насъ безъ этого проклятаго залога было мало денегъ. Слава Богу 25 лѣтъ прожили и никогда не нуждались.

— Молчи, Марья Ильинишна. Мнѣ и безъ того тошно. Посылка Данилушки въ Москву день и ночь не выходитъ у меня изъ головы. Я мучусь и тоскую, повѣрь, не менѣе тебя; только я на это дѣло смотрю совсѣмъ иначе и не каркаю, какъ ты, подобно зловѣщему ворону, надъ головою нашего сына. Да сохранитъ его Богъ отъ всякой бѣды; я смотрю на долговременное отсутствіе его прямѣе: поѣхалъ онъ къ москалямъ, къ хитрымъ людямъ. Провѣдали они, что онъ съ большими деньгами, окружили его со всѣхъ сторонъ попеченіями, втянули его въ роскошь, въ мотовство, а въ довершеніе, можетъ быть, подбили его ѣхать съ ними въ Парижъ, которымъ, какъ ты знаешь, бредитъ все наше русское дворянство, утверждая, кто въ Парижѣ не бывалъ, тотъ и свѣту не видалъ. Очень можетъ быть, что нашъ Данилушка преблагополучно проживаетъ въ Парижѣ, обнимается съ хорошенькими француженками, мотаетъ деньги, а объ насъ и забылъ, существуемъ ли мы на свѣтѣ. При этихъ словахъ Марья Ильинишна вскрикнула и впала въ такую страшную истерику, что Неверовскій справедливо началъ опасаться за ея жизнь. Исполняя ея желаніе, онъ вскорѣ самъ отправился въ Москву отыскивать сына. Черезъ два мѣсяца онъ возвратился и объявилъ женѣ со слезами на глазахъ, что бѣдный Данилушка исчезъ безслѣдно. Истерика Марьи Ильинишны повторилась. Она стала хирѣть и черезъ годъ умерла. Осиротѣлый мужъ ея вскорѣ послѣ ея смерти былъ свезенъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ черезъ четыре мѣсяца и отправился на тотъ свѣтъ вслѣдъ за Марьею Ильинишною.

VIII.

Послѣ убійства Неверовскаго прошло восемь лѣтъ. Трифонъ Федоровичъ занималъ мѣсто главнаго рѣзака на бойнѣ за Дорогомиловской заставой. 17 іюля 1782 года ему приходилось рѣзать одного очень сильнаго вола. Въ 8 часовъ пополудни солнце начинало садиться и жаръ уже успѣлъ спасть, когда онъ вошелъ въ отдѣленіе, гдѣ бьютъ скотину; два дюжихъ мужика, его сподручные, привязывали вола веревками за рога къ двумъ крѣпко уставленнымъ столбамъ. Федорычъ, наточивъ на оселкѣ ножъ чрезвычайно остро, взялъ въ руки топоръ и нанесъ животному сильный ударъ обухомъ топора между рогами, надѣясь покончить съ нимъ съ одного раза, но животное было такъ сильно и здорово, что отъ этого удара не повалилось, а разсвирѣпѣло, замотало головою и такъ сильно дернуло веревками, что самые столбы зашатались; а веревки немного тоньше морского каната, порвались. Разъяренное животное очутилось на свободѣ и устремилось на своего врага. Еще бы одна минута и съ Тришкою оно сдѣлало-бы тоже самое, что онъ нѣкогда сдѣлалъ съ Неверовскимъ. Но Федорычъ былъ на сторожѣ. Можетъ быть, подобные случаи не были для него новостью при его занятіи. Федорычъ держалъ топоръ на готовѣ и лишь только животное устремилось на него, чтобы подхватить на рога, онъ далъ волу такой ловкій и сильный ударъ между рогъ, что тотъ точно пластъ повалился на землю. Тришка выхватилъ изъ ноженъ свой огромный отточенный ножъ и мастерски перерѣзалъ волу горло. Все было кончено. Быкъ впалъ въ предсмертную агонію, хорошо извѣстную опытному рѣзаку Тришкѣ. Онъ уже началъ подрѣзать кожу быка, чтобы легче снять съ него шкуру, какъ вдругъ до слуха его долетѣлъ раздирающій душу вопль женщины, кричавшей сколько было въ ней силы: «Помогите, ради Бога, рѣжутъ, рѣжутъ!!»

Услышавъ этотъ отчаянный крикъ, Федорычъ, забывъ все: и быка и свою недавнюю опасность, съ окровавленнымъ ножомъ въ рукѣ, выбѣжалъ изъ бойни и бросился по направленію къ оврагу, изъ котораго, какъ показалось ему, исходилъ этотъ отчаянный вопль женщины. Добѣжавъ до вершины оврага, Трифонъ увидалъ, что внизу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ нѣкогда убилъ молодого Неверовскаго, какой-то мужикъ въ сѣромъ армякѣ, поваливъ женщину, выхватилъ ножъ и готовился перерѣзать ей горло. «Самъ Богъ посылаетъ мнѣ искупленіе за тяжкій грѣхъ мой. Я спасу эту женщину и поймаю разбойника», сказалъ самъ себѣ Трифонъ и сталъ осторожно спускаться съ вершины въ глубину оврага, чтобы незамѣтно подкрасться и захватить разбойника на мѣстѣ самого преступленія. Но Трифону не удалось предотвратить преступленіе; злодѣй успѣлъ уже перерѣзать горло несчастной женщинѣ. Чуткое ухо его услыхало шаги, онъ обернулся и съ ужасомъ замѣтилъ, что къ нему приближается какой-то человѣкъ съ ужаснымъ ножомъ въ рукѣ. Злодѣй бросился бѣжать со всѣхъ силъ и быстро достигъ противоположной вершины оврага, а затѣмъ исчезъ за склономъ его. Федорычъ съ прискорбіемъ замѣтилъ, что преслѣдовать злодѣя безполезно, потому что ихъ раздѣляло довольно большое пространство. Такимъ образомъ, оставивъ разбойника безъ преслѣдованія, онъ подошелъ къ зарѣзанной женщинѣ съ доброю, человѣчною мыслію: «не можетъ-ли онъ еще чѣмъ-нибудь помочь ей». Онъ нагнулся надъ нею, смотря на ея блѣдное лицо и запекшуюся кровь на губахъ; но вдругъ услыхавъ шумъ приближавшихся шаговъ и съ ужасомъ замѣтилъ, что съ обѣихъ вершинъ оврага спускались люди, кричавшіе: «вотъ онъ, разбойникъ, держите его, ишь, какой ножище у него въ рукахъ. Хватайте его!»

И прежде, чѣмъ Федорычъ успѣлъ привести въ порядокъ свои разстроенные мысли, онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ народомъ, схваченъ и связанъ.

— Извергъ, душегубецъ, кричали они.

Умирающая женщина лежала на маленькомъ холмикѣ въ самой глубинѣ оврага, какъ казалось Трифону, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ убилъ Неверовскаго. Трифонъ случайно взглянулъ на небо, увидалъ луну и затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Поведемъ его, разбойника, въ Москву, на съѣзжій дворъ, рѣшили собравшіеся люди.—Такъ и скажемъ, что слышали крикъ о помощи, прибѣжали на него и увидѣли этого разбойника; онъ стоялъ надъ зарѣзанной женщиной съ большимъ ножомъ въ рукахъ, руки и ножъ у него были въ крови.

И Тришку повели.

IX.

Прошло не болѣе часа послѣ увода Тришки, какъ на мѣсто преступленія пріѣхалъ на тройкѣ, окруженный казаками, капитанъ-исправникъ, до свѣденія котораго дошло уже о происшествіи. Исправникъ приказалъ созвать окольныхъ людей, которыхъ въ скоромъ времени собралось много; между ними было нѣсколько человѣкъ изъ числа тѣхъ, которые участвовали въ арестѣ несчастнаго Трифона, неповиннаго въ убійствѣ этой женщины. Исправникъ осмотрѣлъ трупъ и сказалъ:

— Во время моей службы на этомъ мѣстѣ совершено уже другое убійство. А гдѣ же убійца? спросилъ капитанъ-исправникъ встревоженнымъ голосомъ. — Мнѣ говорили, что молодцы вашей деревни застали его на самомъ дѣлѣ и успѣли захватить.

— Вотъ тутъ мы и застали его, сказалъ одинъ изъ крестьянъ. Онъ стоялъ наклонившись надъ убитой, съ огромнымъ ножемъ въ рукѣ; ножъ и руки у него были въ крови; женщина съ перерѣзаннымъ горломъ кончалась.

— Гдѣ-же онъ теперь у васъ, подъ карауломъ, что ли? спросилъ исправникъ.

— Староста нашъ велѣлъ отправить его въ Москву на съѣзжій дворъ.

Исправникъ распорядился призвать старосту, обругалъ и прибилъ его за то, что онъ не знаетъ своего начальства и суется не въ свои дѣла и тотчасъ послалъ верховаго доставить преступника къ нему. Посланный воротился не ранѣе двухъ часовъ и донесъ исправнику, что преступникъ находится на съѣзжемъ дворѣ, откуда его не отпускаютъ. Исправникъ послалъ другого посланнаго къ частному приставу, что преступникъ не подлежитъ его вѣдомству, а долженъ подвергнуться разслѣдованію его, капитана-исправника, и просилъ тотчасъ же переслать преступника.

Часа черезъ два послѣ посылки второго гонца мнимый убійца женщины былъ привезенъ на тележкѣ за строгимъ конвоемъ и поставленъ предъ лицомъ грознаго капитана-исправника въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ былъ отправленъ, т. е. окровавленный.

— Это, очевидно, его дѣло, сказалъ исправникъ и потомъ, обращаясь къ Тришкѣ, грозно спросилъ его.—Твое это дѣло?

При этомъ онъ указалъ на трупъ зарѣзанной женщины.

— Видитъ Богъ, батюшка, я не убивалъ ее. Я рѣзакъ на бойнѣ. Услыхалъ крикъ этой несчастной женщины, выбѣжалъ въ попыхахъ изъ бойни съ ножемъ, которымъ только что зарѣзалъ вола и прибѣжалъ на это мѣсто. Здѣсь я, увидѣлъ мужика, который рѣзалъ несчастную; разбойникъ, услыхавъ мои шаги, побѣжалъ такъ скоро, что я не могъ бы догнать его. Рѣшивъ, что безполезно преслѣдовать этого душегубца, я наклонился къ несчастной женщинѣ, чтобы посмотрѣть: нельзя ли помочь ей чѣмъ-нибудь. Въ это время сбѣжались окольные люди, схватили, связали и повели меня въ Москву на съѣзжій дворъ.

Капитанъ - исправникъ, выслушавъ разсказъ Федорыча, схватился за бока и, разразившись истерическимъ хохотомъ, такъ ударилъ въ ухо обвиняемаго, что у него хлынула кровь изо рту и изъ носа:

— Спасибо вамъ, ребята, сказалъ онъ.—Ловкаго и увертливаго разбойника поймали вы. Я увѣренъ, что много христіанскихъ душъ погубилъ онъ на своемъ вѣку.

———

Вскорѣ судьба Тришки была рѣшена. Не только въ 1782 году, но если бы такое происшествіе случилось и въ настоящее время, когда наше судопроизводство ведется несравненно, раціональнѣе, когда подсудимому дано болѣе средства оправдаться, — и въ наше время трудно допустить, чтобы пойманнаго при подобной обстановкѣ преступника могли оправдывать. Несчастный Федорычъ былъ приговоренъ къ 30 ударамъ кнутомъ за убійство женщины, оказавшейся женою звенигородскаго купца Шапкина. Когда по существовавшему въ то время порядку его вызвали въ уголовную палату для объявленія приговора, Федорычъ совершенно спокойно и мужественно выслушалъ его.

— Доволенъ-ли ты рѣшеніемъ? спросилъ предсѣдатель.— Если недоволенъ, то можешь жаловатя на насъ сенату.

Въ отвѣтъ на обращенный къ нему вопросъ, Федорычъ, указавъ на образъ Спасителя, сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Не убивалъ я, батюшка, этой женщины Шапкиной и не повиненъ я въ крови ея, но видно отъ суда Божьяго никуда не уйдешь. Назадъ тому восемь лѣтъ, когда я былъ еще живейнымъ извощикомъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ зарѣзана Шапкина, я убилъ молодого барина, который ѣздилъ со мною въ Кунцево. Я окаянный губитель души христіанской; на что же я смѣю жаловаться. Я доволенъ рѣшеніемъ.

Навели справку. И умершій Данило Стефановичъ Неверовскій ожилъ на время въ судебныхъ бумагахъ.

Декамеронъ.

Сказки Джіовани Боккачіо.

(Переводъ Н. И. Шульгина.)

День второй.

Сказка II.

Нѣтъ худа безъ добра.

Исторія, разсказанная г-жею Нейфиль, заставила ея слушателей, въ особенности дамъ, много смѣяться надъ злоключеніями Мартелино. Филострато смѣялся вмѣстѣ съ прочими, но не успѣлъ онъ вдоволь насмѣяться, какъ королева дала ему знакъ начинать свой разсказъ и онъ разсказалъ слѣдующее:

Во время управленія Феррарой маркизомъ Аццо, въ этомъ городѣ проживалъ богатый купецъ, Ринальдо Асти, переселившійся сюда изъ Болоньи. Какъ-то ему пришлось отправиться по дѣламъ въ Верону. Вскорѣ по выѣздѣ своемъ изъ города онъ нагналъ троихъ всадниковъ и, принявъ ихъ за странствующихъ купцовъ, по ихъ просьбѣ, довѣрчиво присоединился къ нимъ, чтобы продолжать путь вмѣстѣ съ ними. Между тѣмъ, это были не купцы, а разбойники, грабившіе путниковъ на проѣзжихъ дорогахъ. Негодяи, узнавъ, что Асти ведетъ значительную торговлю, справедливо заключили, что при немъ должны быть деньги и составили планъ ограбить его, какъ только представится къ тому удобный случай. Чтобы отклонить всякое подозрѣніе въ умѣ своего спутника, они повели разговоръ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ, выражая при томъ Асти свое уваженіе и глубокую симпатію, какую онъ будто бы успѣлъ возбудить къ себѣ въ нихъ.

Декамеронъ Боккачіо. Сказка II.

Ринальдо пришелъ въ восторгъ отъ ихъ любезностей и благословлялъ судьбу за встрѣчу съ ними, тѣмъ болѣе, что съ нимъ былъ только одинъ лакей, трусъ, на содѣйствіе котораго онъ не могъ разсчитывать въ случаѣ нападенія злоумышленниковъ. Между тѣмъ, разговоръ, вращаясь въ сферѣ возвышенныхъ предметовъ, коснулся тѣхъ правилъ, которымъ долженъ слѣдовать путешественникъ, пускаясь въ дорогу.

Декамеронъ Боккачіо. Сказка II.

— Скажите, какъ поступаете вы въ такомъ случаѣ? спросилъ одинъ изъ разбойниковъ, обращаясь къ Асти.

— Говоря по истинѣ, я долженъ сознаться отвѣчалъ Ринальдо,—что мало просвѣщенъ духовно; я человѣкъ стариннаго воспитанія, хотя молодъ, и знаю очень немногія молитвы. Однакожь, будучи въ дорогѣ, каждое утро, при выѣздѣ изъ гостинницы, я поручаю себя покровительству св. Джуліано и въ честь его говорю одну или двѣ изъ знакомыхъ мнѣ молитвъ. Увѣряю васъ, это оказываетъ отличное дѣйствіе. Много разъ случалось мнѣ подвергаться большимъ опасностямъ, но я всегда счастливо избѣгалъ ихъ, если не забывалъ поручить себя покровительству патрона путниковъ. Каждый вечеръ въ такомъ случаѣ я находилъ хорошій ночлегъ въ гостинницахъ. Я такъ вѣрю въ силу этого средства, что рѣшительно не помню случая, когда я забывалъ прибѣгнуть къ нему. И я твердо убѣжденъ, что если забуду ввѣрить свою судьбу защитнику путниковъ, меня непремѣнно постигнетъ какая-нибудь бѣда днемъ и на ночь я не найду удобнаго ночлега.

— Исполнили-ли вы это сегодня утромъ? спросилъ разбойникъ.

— Какъ всегда, отвѣчалъ Асти.

«Ну на этотъ разъ покровитель путниковъ, вѣроятно, отвернулся отъ тебя, если допустилъ попасть въ наши руки», подумалъ разбойникъ и затѣмъ сказалъ громко:

— Я часто бываю въ дорогахъ и, хотя не слѣдую вашему примѣру, однакожь, всегда нахожу хорошій ночлегъ. Готовъ биться съ вами объ закладъ, что сегодня ночью буду имѣть лучшій ночлегъ, чѣмъ вы. Правда, я тоже не пускаюсь въ путь безъ прочтенія молитвъ, которымъ научила меня бабушка, но у меня молитвы иныя, чѣмъ у васъ.

Разумѣется, негодяй безстыдно лгалъ.

Въ такихъ-то разговорахъ путники продолжали свой путь. Разбойники съ нетерпѣніемъ ожидали благопріятнаго случая привести въ исполненіе свой планъ ограбленія Асти и случай этотъ, наконецъ, представился. Объѣхавъ стороной крѣпостцу, называвшуюся замкомъ Гильельмо, они остановились въ закрытомъ уединенномъ мѣстѣ подъ предлогомъ напоить лошадей въ протекавшей здѣсь рѣкѣ. Бросившись на Ринальдо, разбойники стащили его съ сѣдла, отняли у него лошадь, дорожный мѣшокъ, платье, однимъ словомъ, обобрали его до-чиста, оставивъ его въ одной рубахѣ.

— Желали бы мы знать, какъ проведешь ты эту ночь, сказалъ одинъ изъ разбойниковъ насмѣшливо.—Что касается насъ, мы увѣрены, что найдемъ добрый ночлегъ.

И они удалились, издѣваясь надъ несчастнымъ, ими же обобраннымъ человѣкомъ. Вскорѣ, переѣхавъ въ бродъ рѣку, они скрылись изъ виду Асти.

Слуга Ринальдо, ѣхавшій позади, увидя, что разбойники напали на его господина, изъ тру-

сости, не рѣшился подать ему помощь, а поспѣшилъ убраться подальше отъ мѣста происшествія. Онъ поскакалъ по направленію къ замку Гильельмо, куда прибылъ къ ночи и остановился въ одной изъ лучшихъ гостинницъ, нисколько не заботясь о томъ, что сталось съ его господиномъ.

Между тѣмъ Ринальдо, почти нагой, дрожа отъ холода и осыпаемый крупными хлопьями снѣга (дѣло происходило зимою), проклиналъ свою судьбу и не зналъ, на что рѣшиться. Начинало темнѣть, холодъ усиливался; у несчастнаго Асти зубъ на зубъ не попадалъ, а время шло да шло. Онъ осматривался по сторонамъ, разсчитывая замѣтить какое-нибудь строеніе, гдѣ бы онъ могъ найти убѣжище на ночь. Вся окрестность представляла пустыню; недавняя война оставила вездѣ неизгладимые слѣды, все было предано пламени и разрушенію. Не видя нигдѣ вокругъ ни дома, ни какого-нибудь сарая, Ринальдо, которому грозила опасность умереть отъ стужи, рѣшился во чтобы то ни стало достигнуть замка Гильельмо (онъ, конечно, не могъ знать, что его слуга уже находится тамъ), разсчитывая, что тамъ найдется добрая душа, которая согласится помочь ему въ его бѣдѣ. Но, увы! когда онъ подошелъ къ замку, уже наступила ночь и ворота оказались запертыми, а мосты поднятыми. Ринальдо, пришелъ въ отчаяніе, что случилось бы съ каждымъ, кому привелось бы быть на его мѣстѣ. Однакожь, понимая, что отчаяніе—плохое лекарство въ его положеніи, онъ сталъ бѣгать во всѣ стороны, отыскивая убѣжища, гдѣ бы онъ могъ укрыться хотя отъ снѣга, неперестававшаго падать. Къ своему счастію, онъ замѣтилъ домъ, стоявшій за валомъ; крыльцо подъ крышей этого дома представляло убѣжище, способное защитить, по крайней мѣрѣ, отъ падавшаго снѣга. Здѣсь прикорнулъ Ринальдо, предполагая дождаться утра, когда откроются ворота крѣпостцы. Къ еще большому благополучію его, у дверей, на полу, лежала охабка соломы. Асти сгребъ ее тщательно и устроилъ изъ нея себѣ постель, на которой и растянулся. Съежившись, онъ сталъ дуть себѣ на руки, чтобы согрѣть ихъ. Его до того пронялъ холодъ, что онъ отъ боли и отчаянія позволилъ себѣ роптать на св. Джуліано. Но, какъ часто это случается, ему пришлось раскаяться въ своемъ ропотѣ, потому что чрезъ нѣсколько минутъ онъ получилъ такое убѣжище, о какомъ не смѣлъ и мечтать.

Вы знаете, что въ этомъ домѣ, крыльцо котораго послужило убѣжищемъ для несчастнаго Ринальдо, жила молодая и прелестная вдова, во всемъ околодкѣ славившаяся своею красотою. Она была любовницей маркиза Аццо, какъ вамъ извѣстно, всегда проживавшаго въ крѣпостцѣ, а не въ Феррарѣ. Маркизъ любилъ красавицу безумно и помѣстилъ ее въ этомъ домѣ съ тою цѣлію, чтобы никто не могъ мѣшать ихъ, однакожь, довольно частымъ свиданіямъ. И въ этотъ вечеръ маркизъ долженъ былъ видѣться съ своей любовницей. Зная объ этомъ, дама приготовила для него теплую ванну и великолѣпный ужинъ. Красавица съ нетерпѣніемъ ожидала своего возлюбленнаго, когда пришелъ одинъ изъ его слугъ и объявилъ, что маркизъ не будетъ, потому что важныя дѣла призываютъ его немедленно въ Феррару. Красавица, ревнивая и недовѣрявшая пылкости любви къ ней маркиза, сильно разсердилась, что всѣ приготовленія ея пропали даромъ. Желая, однакожь, по возможности воспользоваться ими для себя самой, она захотѣла взять ванну, приготовленную для маркиза. Ванна находилась какъ разъ за дверью, подлѣ которой ежился и стоналъ отъ холода несчастный Ринальдо. Выходя изъ ванны, красавица услышала его жалобы и ерзанье.

— Пойди, узнай, что тамъ такое, сказала она служанкѣ.

Горничная растворила окно и при слабомъ лунномъ свѣтѣ, замѣтила мужчину въ одной рубахѣ, который жался подлѣ двери, очевидно, страдая отъ холода. Она спросила его, кто онъ такой и что здѣсь дѣлаетъ. Ринальдо хотѣлъ отвѣтить, но долго не могъ этого сдѣлать, такъ какъ ему мѣшали конвульсіи, сводившія ему губы. Наконецъ, съ большимъ трудомъ, ему удалось разъяснить дѣвушкѣ, какія печальныя обстоятельства привели его сюда, почти нагого.

Горничная, по натурѣ очень чувствительная дѣвушка, побѣжала къ своей госпожѣ, передала ей разсказъ незнакомца и умоляла ее оказать помощь несчастному. Дама, чувствительная не менѣе своей служанки, подала ей ключъ отъ этой двери, въ которую входилъ маркизъ, когда не желалъ, чтобы его кто-нибудь увидѣлъ (крыльцо было на боковомъ фасадѣ), и сказала:

— Иди, отвори ему, мы найдемъ для него помѣщеніе на ночлегъ: у насъ есть свободныя комнаты; мы можемъ также угостить его хорошимъ ужиномъ.

Горничная, восхваляя доброту своей госпожи, поспѣшила отворить дверь и, впустивъ Ринальдо, полумертваго отъ холода, предложила ему сѣсть въ ванну, еще неуспѣвшую остыть. Онъ не заставилъ повторять себѣ приглашеніе и счелъ себя воскресшимъ, когда почувствовалъ, какъ теплота стала быстро распространяться по всему его тѣлу. Пока онъ бралъ ванну, милосердая дама приказала горничной достать изъ сундука, платье ея покойнаго супруга (умершаго недавно) и отнести незнакомцу. Платье это такъ хорошо пришлось по росту и фигурѣ Ринальдо, что можно было подумать, будто оно было сшито именно для него. Совершенно оправившись отъ холода и прилично одѣвшись, Ринальдо раскаялся въ своемъ недавнемъ ропотѣ на св. Джуліана и возблагодарилъ его за то, что онъ, какъ всегда, привелъ его въ хорошее убѣжище.

Въ свою очередь, красавица, нѣсколько отдохнувшая послѣ ванны, вышла въ столовую, которую приказала освѣтить, какъ въ дни пировъ, и спросила, что дѣлаетъ незнакомецъ. Горничная отвѣчала, что онъ одѣлся въ предложенное ему платье, что онъ красивъ собою, молодъ и, по всей вѣроятности, принадлежитъ къ хорошему обществу.

— Проси его сюда, сказала дама;—здѣсь онъ совсѣмъ отогрѣется; потомъ онъ будетъ ужинать со мною; я полагаю, онъ очень голоденъ.

Войдя въ столовую, Ринальдо въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ великодушную хозяйку, для которой съ первыхъ его словъ стало очевидно, что онъ получилъ свѣтское образованіе. Красота молодой вдовы поразила Ринальдо, по этому-то, можетъ быть, онъ еще въ большей степени почувствовалъ признательность къ ней за ея доброту. Онъ не могъ отвести отъ нея глазъ и воспылалъ къ ней страстною любовью. Замѣтя это, красавица тоже обратила на него свое вниманіе и мысленно согласилась, что ея горничная была права, расхваливая его. Она пригласила его сѣсть подлѣ нея и разсказать ей о печальномъ происшествіи, жертвой котораго онъ сдѣлался. Ринальдо разсказалъ ей о своемъ несчастіи, не упустивъ ни одной подробности. Красавица не могла не сомнѣваться въ правдивости его разсказа, потому что его слуга, пріѣхавъ въ замокъ, не замедлилъ разсказать всѣмъ, кто хотѣлъ его слушать, что его господинъ ограбленъ и, можетъ быть, убитъ шайкой разбойниковъ. Этотъ разсказъ горничная передала своей госпожѣ и она, въ свою очередь, сообщила Ринальдо, что на слѣдующій день онъ можетъ увидѣть своего слугу, который находится теперь въ крѣпостцѣ.

Во время ихъ разговора, горничная подала ужинъ. Ринальдо получилъ приказаніе сѣсть за столъ, что охотно исполнилъ. Нечего и говорить вамъ, что онъ принялся за ѣду съ большимъ апетитомъ. Красавица ѣла мало и во все время ужина не спускала глазъ съ своего гостя и чѣмъ больше смотрѣла на него, тѣмъ любезнѣе и красивѣе находила его. Потому-ли, что досада на маркиза стала причиной холодности ея къ нему, или же потому, что красота, молодость и пріятныя манеры гостя очаровали ее, но только и она также почувствовала къ нему серьезную любовь. «Я буду права, если разстанусь съ маркизомъ, подумала она,—онъ вѣчно надсмѣхался надо мною». Рѣшивъ это, она, въ ту же минуту, какъ окончился ужинъ, отвела горничную въ сторону и стала шептаться съ нею. Горничная успокоила ея сомнѣнія, сказавъ, что трудно найти лучшаго мужа, чѣмъ этотъ красивый молодой человѣкъ.

Разрѣшивъ, такимъ образомъ, свои сомнѣнія, красавица сѣла къ камину, гдѣ уже расположился Ринальдо. Онъ замѣтилъ, какое благопріятное впечатлѣніе произвелъ на любезную даму и былъ въ восторгѣ отъ своей удачи. Сѣвъ противъ Ринальдо и бросивъ на него нѣсколько многозначительныхъ взглядовъ, хорошо понятныхъ влюбленнымъ, она сказала:

— О чемъ вы задумались? Неужели васъ такъ печалитъ потеря вашей лошади и вашего платья? Утѣшьтесь, вы попали въ хорошій домъ и смотрите на меня, какъ на вашего искренняго друга... Знаете-ли, что я скажу вамъ, продолжала она послѣ непродолжительнаго молчанія;—въ этомъ платьѣ, которое идетъ къ вамъ очаровательно, вы походите на моего покойнаго мужа.. это его платье... Смотря на васъ, я постоянно думаю объ этомъ и мнѣ двадцать разъ уже приходила въ голову блажная мысль расцѣловать васъ... покойный любилъ, когда я осыпала его поцѣлуями и я давала ихъ ему безъ счету... Признаюсь вамъ, я непремѣнно осуществила бы свое нелѣпое желаніе, еслибъ меня не удержало предположеніе, что, можетъ быть, я вовсе вамъ не нравлюсь.

Рѣчь красавицы сопровождалась взглядами, кидавшими въ жаръ Ринальдо, настолько еще молодого, что онъ краснѣлъ, разговаривая съ женщинами и чувствовалъ себя безсильнымъ противостоять женскому кокетству. Онъ, однакожь, подошелъ къ красавицѣ, поднявъ руки кверху, и сказалъ страстно и почтительно:

— Мадонна, я былъ бы безсовѣстно неблагодарнымъ къ вамъ, которой я обязанъ своей жизнью, еслибы осмѣлился находить дурнымъ или неудобоисполнимымъ малѣйшее изъ вашихъ желаній, или помѣшать вамъ въ томъ, что составляетъ для васъ удовольствіе! Если вамъ пришла охота цѣловать меня, цѣлуйте, только дозвольте и мнѣ, въ свою очередь, отвѣчать вамъ тѣмъ же. Это я почту для себя величайшимъ блаженствомъ.

Говорить-ли далѣе? Красавица бросилась на шею Ринальдо и комната огласилась звукомъ поцѣлуевъ. Ринальдо оказался ненасытнымъ; каждый полученный поцѣлуй онъ возвращалъ съ чрезмѣрными лихвенными процентами. Долго еще просидѣли у камина (давно, впрочемъ, потухшаго) влюбленные голубки, держась за руки и нѣжно смотря другъ другу въ глаза... Маркизъ былъ позабытъ, а Ринальдо, сдѣлавшійся потомъ мужемъ красавицы, чувствовалъ себя какъ бы въ раю...

Утромъ на слѣдующій день, красавица сочла необходимымъ проститься съ Ринальдо и отпустить его отъ себя. Желая пока скрыть то, что произошло въ ея домѣ въ эту достопамятную для нея ночь, она уговорила Ринальдо надѣть старое платье и принять отъ нея кошелекъ, наполненный золотомъ, въ которомъ онъ нуждался для покупки необходимыхъ вещей взамѣнъ отнятыхъ у него разбойниками. Простившись съ ми-

лой хозяйкой, посовѣтовавшей ему держать въ тайнѣ случившееся съ нимъ приключеніе, Ринальдо отправился въ крѣпостцу и вскорѣ нашелъ гостинницу, гдѣ остановился его слуга. Въ дорожномъ мѣшкѣ, бывшемъ за сѣдломъ его слуги, было уложено одно изъ его платій, въ которое онъ и облачился. Онъ уже хотѣлъ выѣхать на лошади своего лакея, когда узналъ что трое ограбившихъ его разбойниковъ арестованы по обвиненію въ другомъ преступленіи и посажены въ тюрьму, находящуюся въ замкѣ. Онъ пошелъ къ судьѣ; разбойники во всемъ повинились и Ринальдо получилъ свою лошадь, платье и деньги. Такимъ образомъ, онъ ничего не потерялъ, кромѣ, какъ гласитъ молва, двухъ подвязокъ, оброненныхъ въ дорогѣ разбойниками. Ринальдо возблагодарилъ Бога и св. Джуліано и съ этой поры совѣтовалъ каждому, пускаясь въ путь, непремѣнно поручать себя покровительству патрона путниковъ.

Трое разбойниковъ были, конечно, повѣшены на слѣдующій же день.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Удачный моментъ.

(Рис. стр. 288.)

Извѣстный жанристъ, мюнхенскій художникъ Келлеръ, подарилъ публику многими прелестными произведеніями своей кисти. Его картина «Удачный моментъ», воспроизведенная въ нашей гравюрѣ, исполнена наблюдательности и тонкаго юмора. Случай занесъ странствующаго художника на деревенскій постоялый дворъ, гдѣ отдыхали уже нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и старый пастухъ. Пользуясь той минутой, когда усталый старикъ задремалъ, не выпуская изъ рукъ своей носогрѣйки, художникъ быстро заноситъ черты характерной фигуры въ свой дорожный альбомъ. Поселянинъ, сидящій тоже за столомъ, поглядываетъ съ лукавой усмѣшкою на увѣковѣченіе фигуры своего сосѣда; красивая хозяйская дочь бросаетъ насмѣшливо-сострадательный взглядъ на бѣдную жертву; мальчикъ съ кувшиномъ пива въ рукахъ приходитъ въ экстазъ до того, что не замѣчаетъ даже, какъ проливаетъ на полъ драгоцѣнный напитокъ, и самъ степенный школьный учитель, приставя къ глазамъ очки, смотритъ одобрительно на произведеніе захожаго артиста. Не принимаютъ участія только трое: два деревенскіе политика, разсуждающіе въ углу о томъ, что дѣлается теперь «тамъ въ Турціи», и собака, вѣрный товарищъ героя происшествія, которая, по всей вѣроятности, не лежала бы такъ спокойно, если бы могла подозрѣвать о злой штукѣ, разыгрываемой съ ея бѣднымъ хозяиномъ. Фигура самого пастуха превосходна: вся поза его проникнута утомленіемъ, а вспухшій носъ говоритъ ясно, что охранитель шаловливаго стада любитъ подкрѣплять свои силы шкаликомъ...

Новости наукъ и жизни.

— **Дрожки будущаго.** Въ Берлинѣ сдѣланы были опыты съ новымъ средствомъ передвиженія, прозваннымъ «Die Droschken-Zukunft» (дрожки будущности). Между двумя колесами, вышиною въ сажень, находится желѣзная лошадь, на которой сидитъ пассажиръ и движеніемъ ногъ приводитъ въ движеніе машину, благодаря которой лошадь съ такою-же быстротою бѣжитъ по шоссейной дорогѣ, какъ по торцовой и каменной мостовой. Особенный интересъ представляетъ необыкновенная легкость управленія машиною. Произведенные въ присутствіи знатоковъ опыты съ «дрожками будущности» увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

— **Новыя кожи.** На филадельфійской выставкѣ останавливали на себѣ вниманіе многихъ посѣтителей образчики кожи рыбъ и гадовъ, дубленой и выдѣланной на подобіе кожи млекопитающихся животныхъ. Американскіе кожевенники Шотвикъ и Бунгеръ выставили крокодилью кожу жолтаго и чорнаго цвѣта, приготовленную для сапожнаго товара; въ датскихъ и японскихъ отдѣлахъ находились образчики выдѣланныхъ рыбьихъ кожъ, а Канада выставила выдѣланныя индійцами кожи нерпы. На всѣ эти образцы посѣтители смотрѣли какъ на курьёзы и не придавали имъ серьезнаго значенія, но судя по даннымъ, сообщаемымъ теперь «Техническимъ Сборникомъ», эта отрасль промышленности развивается все болѣе и болѣе и можетъ стать на твердую почву.

До сихъ поръ употребленіе кожи рыбъ и другихъ водяныхъ животныхъ было весьма ограничено. Кожа угрей употребляется на выдѣлку бичей и кнутовъ, на связки къ молотильнымъ цѣпамъ и т. п., сушоная кожа камбалы идетъ на очистку и освѣтленіе нѣкоторыхъ жидкостей, а кожа акулы и ската употребляется при полировкѣ дерева и на выдѣлку шагреня. На выставкѣ 1877 года, въ Вестмистер-акваріумѣ, норвежецъ Кентъ, изъ Христіаніи, выставилъ много образчиковъ выдѣланныхъ рыбьихъ кожъ, между которыми особенно выдавались: 1) выдѣланная китовая кожа, весьма пригодная для приводныхъ ремней къ машинамъ; 2) кожа бѣлой рыбы, годная на выдѣлку передковъ для обуви; 3) кожа разныхъ рыбъ, выдѣланная особенно тщательно, весьма тонкая и эластичная — для выдѣлки перчатокъ; 4) кожа камбалы дубленая и выдѣланная для кошельковъ, кисетовъ и тому подобныхъ предметовъ; 5) кожа ската, приготовленная съ шероховатою поверхностью и могущая замѣнить съ большимъ успѣхомъ стеклянную бумагу, такъ какъ держится несравненно дольше бумаги, и 6) кожа угря, выдѣланная въ видѣ полосъ, на выдѣлку поясовъ, бандажей и прочаго. «Техническій Сборникъ» передаетъ, со словъ американскаго журнала, что въ Кольбарнѣ, въ Канадѣ, весьма развита выдѣлка рыбьей перчаточной кожи, отличающейся прекрасными качествами. Существованіе этой отрасли промышленности вполнѣ обезпечено, такъ какъ мясо рыбы не бросается, а идетъ въ солку. Въ Глочестерѣ въ штатѣ Масачузетъ, привилегированъ способъ выдѣлки башмаковъ изъ рыбьихъ шкуръ.

— **Сестры милосердія.** На основаніи существующихъ штатовъ, въ постоянныхъ военныхъ госпиталяхъ положено по одной сестрѣ милосердія на сто кроватей. Теперь, какъ сообщаетъ «Голосъ», предположено увеличить существующую норму вдвое, т. е. назначить по одной сестрѣ на 50 кроватей, и производить имъ жалованье по 30 руб. въ мѣсяцъ и офицерское столовое содержаніе. Сверхъ того, въ случаѣ недостатка въ госпиталѣ помѣщенія, отпускать имъ квартирныя деньги.

— **Пишущая машина Алисова.** Въ отдѣлѣ извѣщеній въ газетѣ «Правительственный Вѣстникъ» помѣщенъ рисунокъ и описаніе «пишущей машины», изобрѣтенной кандидатомъ физико-математическихъ наукъ М. И. Алисовымъ. Изобрѣтеніе это появилось впервые въ 1870 г. Затѣмъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ, г. Алисовъ трудился надъ усовершенствованіемъ машины и, достигнувъ замѣтныхъ въ этомъ успѣховъ, выставилъ ее на вѣнской «всемірной выставкѣ» и позднѣе на устроенной въ С.-Петербургѣ императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ «выставкѣ усовершенствованныхъ механизмовъ и орудій». Наконецъ, въ 1876 году машина эта была выставлена въ Америкѣ на «Филадельфійской выставкѣ», гдѣ она обратила на себя особенное вниманіе публики и печати. На вѣнской выставкѣ машина, вслѣдствіе поздняго доставленія, не могла подвергнуться экспертизѣ, но на двухъ послѣднихъ изобрѣтатель ея награжденъ медалями. Машина эта не есть заимствованіе или усовершенствованіе какого-нибудь уже существующаго прибора, но она представляетъ собою оригинальное и вполнѣ самостоятельное изобрѣтеніе, не имѣвшее никакихъ прецедентовъ, доказательствомъ чему служатъ повсемѣстно полученныя г. Алисовымъ привиллегіи на эту машину.

Приступая къ изобрѣтенію «пишущей машины», г. Алисовъ желалъ устроить такой приборъ, который могъ-бы приносить пользу въ присутственныхъ мѣстахъ, канцеляріяхъ, конторахъ и проч. Такъ какъ въ этой машинѣ, кромѣ быстроты работы, самое главное условіе, которому она должна удовлетворять, есть правильность и красота работы, то изобрѣтатель, послѣ многолѣтнихъ опытовъ, при устройствѣ послѣдняго аппарата рѣшилъ пожертвовать въ нѣкоторой степени быстротою работы для того, чтобы имѣть возможность сдѣлать работу прибора болѣе правильною и красивою.

Въ настоящее время «пишущая машина» въ примѣненіи къ канцелярской работѣ удовлетворяетъ слѣдующимъ требованіямъ:

Изъ отзывовъ экспертныхъ коммиссій: а) императорскаго русскаго техническаго общества, б) филадельфійской выставки и в) экспертовъ, приглашенныхъ инспекторскимъ надзоромъ за типографіями въ С.-Петербургѣ, а также изъ данныхъ, помѣщенныхъ въ «Дневникѣ опыта обученія писарей главнаго интендантскаго управленія работамъ на машинѣ», видно:

«Пишущая машина» занимаетъ немного мѣста. Устройство ея солидно и просто, такъ что при постоянной работѣ, машина не можетъ быть подвержена частымъ порчамъ и поправкамъ, случайныя-же поврежденія легко могутъ быть исправлены каждымъ слесаремъ.

Работать на машинѣ можно выучиться въ нѣсколько дней. Назначенные русскимъ военнымъ министерствомъ писаря выучивались работать на ней въ 6 дней, занимаясь только по 3 часа въ день. Работа на ней не утомительна, такъ что возможно работать по 10 часовъ въ день, безъ особеннаго утомленія и безъ всякаго вреда для здоровья.

Машина печатаетъ съ помощію металлическихъ, отлитыхъ обыкновеннымъ способомъ въ словолитнѣ, буквъ. Если эти буквы, при вставленіи ихъ въ машину или при перемѣнѣ ихъ, будутъ надлежащимъ образомъ вывѣрены, то оттиски, сдѣланые на машинѣ, почти ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ типографскихъ.

Съ написаннаго на машинѣ оригинала можно получить безъ помощи литографіи, т. е. безъ перевода на камень, до трехъ оттисковъ (на обыкновенной писчей бумагѣ, бланкахъ и проч.) посредствомъ обыкновеннаго устройства небольшого копировальнаго пресса и бумаги, приготовляемой г. Алисовымъ; копіи могутъ быть переведены въ шнуровыя переплетенныя книги. По снятіи копіи тотъ-же оригиналъ можетъ быть переведенъ на литографскій камень и обыкновеннымъ литографическимъ способомъ дать произвольное число оттисковъ.

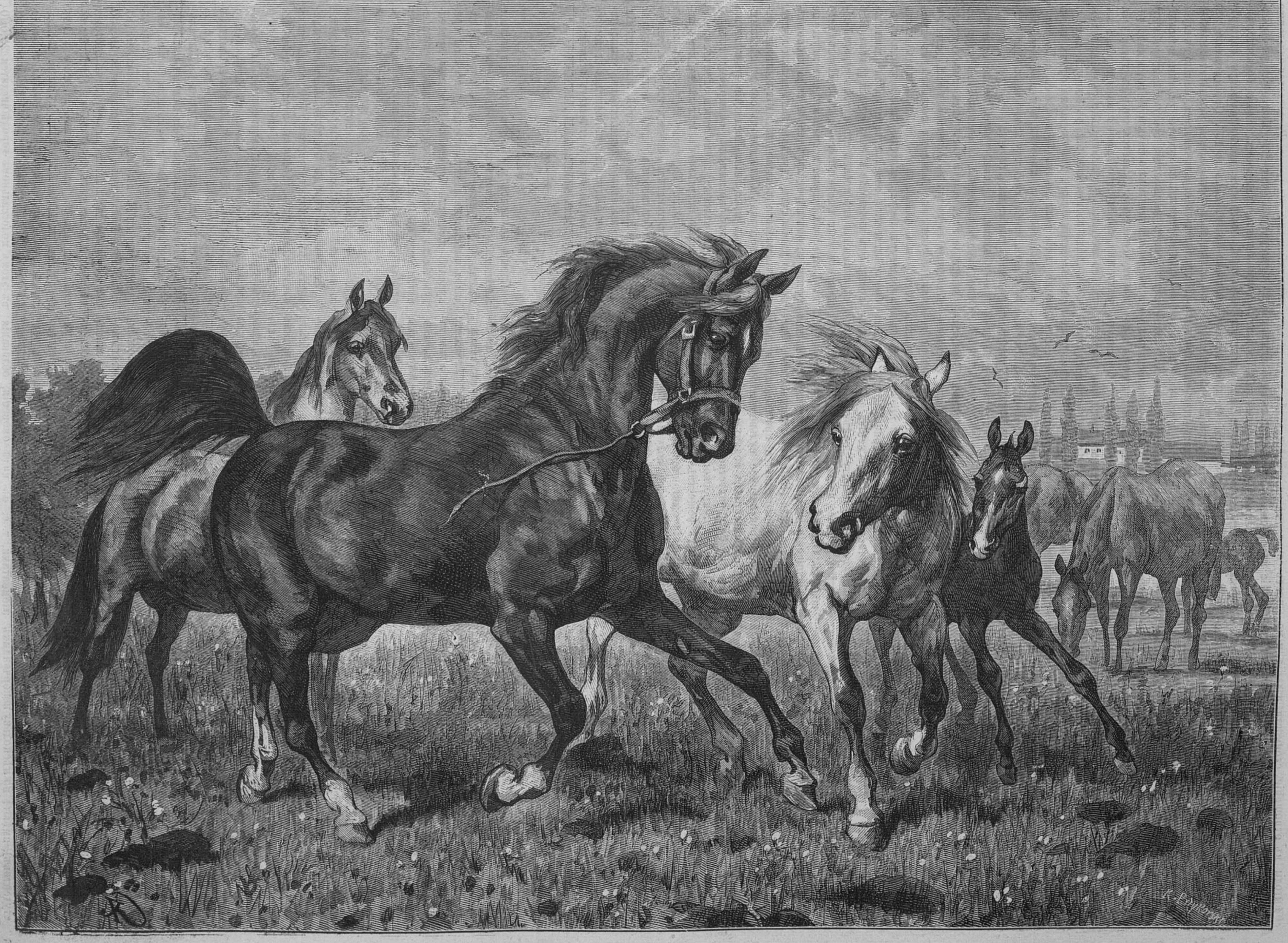
Такъ какъ въ машину вставлено нѣсколько разныхъ шрифтовъ, съ соотвѣтственными каждому шрифту цифрами и различными знаками, то во время самой работы шрифтъ можетъ быть по произволу измѣненъ. Среди текста возможно вставлять различныя математическія формулы, помѣщать колонны цифръ, вставлять вѣдомости съ графами и проч.

Описки и ошибки на оригиналѣ исправляютъ посредствомъ наклеиванія на ихъ мѣсто вновь правильно написанныхъ буквъ, словъ, цѣлыхъ фразъ и проч. На копіяхъ съ такого оригинала и на литографическихъ оттискахъ исправленія совершенно незамѣтны. Обстоятельство это весьма важно, такъ какъ въ канцеляріяхъ, если писецъ пропуститъ строку или напишетъ одно и то-же два раза, то такихъ ошибокъ исправить нельзя и необходимо весь листъ переписать сначала.

Средняя скорость работы на машинѣ равна 60 буквамъ въ минуту, тогда какъ писецъ, копируя бумагу набѣло, проставляетъ отъ 40—50 буквъ въ минуту. При опытахъ коммиссіи морского министерства, 12 строкъ на машинѣ были отпечатаны въ 7 минутъ, тогда какъ писарь, назначенный коммиссіею, написалъ ихъ въ 9 минутъ. Такой-же опытъ былъ сдѣланъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, военнымъ и интендантствомъ — результаты оказались тѣ же самые.

Картина КЕЛЛЕРА.

Удачный моментъ.



Табунъ лошадей.

Въ примѣненіи къ изданію литографическихъ записокъ машина представляетъ большія выгоды въ отношеніи стоимости изданія и можетъ служить важнымъ пособіемъ въ литографическомъ дѣлѣ, замѣняя дорого стоющую гравюру шрифта въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это можетъ быть примѣнено, какъ, напримѣръ, въ объясненіяхъ или подписяхъ на картахъ, планахъ, чертежахъ, особенно въ учебникахъ и дешевыхъ изданіяхъ.

При передвиженіи войскъ въ лагерное время, машина можетъ быть съ большою пользою употребляема корпусными, дивизіонными и даже полковыми штабами, замѣняя собою писарей, сокращая время и расходы, и представляя удобства при перевозкѣ по своей незначительной величинѣ и тяжести. Величиною она не болѣе швейной со столикомъ машины, а вѣсъ ея можетъ простираться, смотря по размѣру, отъ 4 до 8 пудовъ.

— Сочиненіе покойнаго Сомова. Въ трехъ газетахъ въ свое время напечатанъ былъ некрологъ покойнаго академика и профессора Осипа Ивановича Сомова. На дняхъ появилось подробное изслѣдованіе объ ученыхъ трудахъ его, составленное ученикомъ покойнаго, адъюнктомъ академіи наукъ, профессоромъ Е. И. Золотаревымъ. Въ этой брошюрѣ находимъ перечень всѣхъ трудовъ Сомова, напечатанныхъ въ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ.

— Женщины-врачи. Нѣкоторыя изъ студентокъ врачебныхъ женскихъ курсовъ, сдавшихъ экзаменъ въ первой группѣ и получившихъ степень врача, уже оффиціально приняты и утверждены въ должностяхъ. Такъ, врачъ Заволжская оставлена у профессора Эйхвальда ординаторомъ при медико-хирургической академіи; врачъ М. Павловская—у профессора Богдановскаго въ Николаевскомъ госпиталѣ при занятіяхъ студентокъ 4-го курса; врачъ Шабанова—у доктора Раухфуса при дѣтской больницѣ принца Ольденбургскаго; врачъ Кирпотенко получила мѣсто земскаго врача въ псковской губерніи.

— Новый университетъ. Телеграфное «Агентство Гирша» сообщаетъ изъ Букарешта, отъ 28-го марта, что въ Филиппополѣ будетъ учрежденъ болгарскій университетъ.

— Изданіе къ юбилею Вольтера. Говорятъ, что «историческое общество» предполагаетъ издать переписку императрицы Екатерины II съ Вольтеромъ въ виду столѣтія его кончины. Одно изъ писемъ Вольтера къ императрицѣ сообщено К. К. Злобинымъ для перваго тома «Сборника» «общества» (стр. 291—293). Нѣсколько неизданныхъ писемъ къ Екатеринѣ же помѣщены были въ 1868 г. въ «Bulletin du bibliophile». Два письма изъ переписки Вольтера съ гр. А. П. Шуваловымъ помѣщены были въ № 1 «Русскаго Архива» 1864 года. Въ третьей книгѣ «Осьмнадцатаго вѣка» есть еще письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императрицѣ Екатеринѣ съ предисловіемъ г. Евг. Ег. Скайлера, бывшаго американскаго консула въ Москвѣ. Къ перепискѣ, говорятъ, будетъ присоединена и статья о Вольтерѣ.

— Крупное пожертвованіе. Скончавшійся въ Вѣнѣ полковникъ русской службы Константинъ Загорскій завѣщалъ все свое состояніе (болѣе полумилліона гульденовъ) разнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ; 125,000 гульденовъ предназначены для учрежденія стипендій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ завѣщатель выразилъ желаніе, чтобы при распредѣленіи этихъ стипендій особенное вниманіе было обращено на студентовъ польской національности.

— Порча зубовъ, какъ причина вырожденія. Въ настоящее время, какъ передаютъ «Спб. Вѣд.», профессоръ медико-хирургической академіи Н. В. Склифасовскій занимается собираніемъ данныхъ о болѣзни зубовъ. Еще неизвѣстно, къ какимъ цифрамъ придетъ г. Склифасовскій, но видѣвшіе его статистическіе листы говорятъ, что громадное большинство людей, даже въ юношескомъ возрастѣ (свѣдѣнія собирались пока въ средѣ студентовъ), имѣютъ по нѣскольку испорченныхъ зубовъ. Къ зубнымъ болѣзнямъ люди уже такъ привыкли, что смотрятъ на нихъ какъ на пустяки и только тогда обращаютъ вниманіе на свои зубы, когда боль уже не даетъ покоя или причиняетъ серьезныя разстройства. Да и тогда вниманіе къ своимъ зубамъ человѣкъ выразитъ тѣмъ только, что вырветъ испорченный зубъ. Заболитъ новый,—опять вырветъ и т. д., пока или не очистятся цѣлыя челюсти или гніеніе зубовъ не перейдетъ на подлежащія кости. Порча зубовъ, по мнѣнію Склифасовскаго, есть одна изъ причинъ вырожденія цѣлыхъ родовъ. Дурные зубы часто служатъ исходнымъ началомъ важныхъ хроническихъ болѣзней, нарушенія правильности пищеваренія, откуда паденіе питанія, худосочіе и истощеніе организма. Пищевареніе есть безусловно важнѣйшая функція живого организма; пережевываніе же пищи и измѣненіе пищеваго матеріала въ полости рта есть первый отдѣлъ пищеваренія, и какъ много люди заботятся о своемъ желудкѣ и какъ ничтожна ихъ забота о своемъ ртѣ. Мѣстныя же страданія, развивающіяся отъ гніющихъ зубовъ и часто дѣйствительно ужасныя по своимъ послѣдствіямъ,—встрѣчаются на каждомъ шагу.

— Воздухо-очищающе средство. Зараженный воздухъ признается однимъ изъ проводниковъ эпидемической заразы. Въ настоящую тифозную эпидемію болѣе всего заболѣвающихъ изъ класса ремесленниковъ и преимущественно ремесленницъ. Одной изъ причинъ ихъ большей воспріимчивости къ зараженію, очевидно, слѣдуетъ считать тѣсноту помѣщенія въ мастерскихъ и, прямое послѣдствіе ея, испорченный воздухъ. Однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ для очищенія испорченнаго воздуха признается марганцовое кали (Kali hypermarganicum). Растворъ кали употребляется при помощи пульверизатора. Производимое пульверизаторомъ раздробленіе раствора въ водяную пыль даетъ возможность безпрепятственной встрѣчи частицъ этой пыли съ микроскопическими частицами заразительныхъ веществъ, которыя въ этомъ соприкосновеніи сжигаются, истребляются моментально. Въ результатѣ получается чистый воздухъ съ избыткомъ кислорода, облегчающимъ дыханіе, освѣжающимъ кровь въ легкихъ. Насыщенный растворомъ марганцовокислаго кали воздухъ не только не вреденъ, но полезенъ дыханію. Слабый растворъ, неимѣющій крѣпковяжущаго вкуса, можетъ быть съ пользою употребленъ для полосканія зубовъ и пораженныхъ цынгою десенъ, можетъ быть и проглоченъ безъ вреда. Kali hypermanganicum самое существенное изъ всѣхъ дезинфицирующихъ средствъ. Оно уничтожаетъ всякую заразу. При этомъ, не издавая само никакого запаха, оно представляетъ въ высшей степени важную выгоду легкости контроля: оно не покрываетъ злованія, а уничтожаетъ его безслѣдно. Перестало пахнуть, воздухъ чистъ, свѣжъ, легокъ, слѣдовательно зараза исчезла. Потребность повторенія распрыскиванія легко сообразить. Въ послѣднія 18—20 лѣтъ, англійскіе, французскіе и нѣмецкіе врачи, на основаніи личныхъ наблюденій и опытовъ, предлагали водный растворъ марганцовокислаго кали не только какъ средство для дезинфекціи воздуха въ помѣщеніяхъ больныхъ, но употребляли его съ успѣхомъ и въ видѣ примочки противъ гнилыхъ, гангренозныхъ, дифтеритическихъ, раковидныхъ, костоѣдныхъ и сифилитическихъ язвъ, въ которыхъ онъ быстро уничтожаетъ продукты разложенія, ограничиваетъ и улучшаетъ нагноеніе противъ сифилиса, растворъ этотъ можетъ быть съ успѣхомъ употребленъ и какъ предохранительное, въ видѣ омовенія. Дайте только достаточную извѣстность средству и можно будетъ надѣяться на совершенное уничтоженіе современемъ возможности зараженія. Въ больницахъ, какъ въ частныхъ домахъ, въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ и другихъ перевозочныхъ экипажахъ можно предупредить всякое гнойное, оспенное, дифтеритическое, тифозное и другое зараженіе. Одно только нужно помнить, что средство дѣйствительно не иначе, какъ при непосредственномъ соприкосновеніи съ заразительными элементами, т. е. въ видѣ омовенія, обливанія или распрыскиванія въ воздухѣ, по упомянутой уже причинѣ, потому что растворъ марганцевокислаго кали разлагается при первомъ соприкосновеніи съ органическимъ веществомъ, свѣжимъ или гніющимъ, все равно. Разлагается онъ также въ температурѣ выше 20°. По этому, при опрыскиваніи пульверизаторомъ самого больного, напримѣръ, оспеннаго, можно растворъ подогрѣвать не болѣе, какъ до 15°. Опрыскиваніе это въ оспѣ давало превосходные результаты: нагноеніе значительно ограничивалось, не шло въ глубь кожи, предупреждало зудъ и рябины впослѣдствіи. Фактъ дезинфекціи воздуха и истребленія всякаго заразительнаго начала не подлежитъ никакому сомнѣнію. Остается вопросъ цѣны. Она ничтожна, потому что количество матеріяла потребно ничтожное, сравнительно съ достигаемою цѣлью. Для распрыскиванія въ воздухѣ, какъ и для омовенія нужны два грана на фунтъ воды. Одна унція соли стоитъ 30 копѣекъ, а въ большихъ количествахъ, конечно, дешевле. Остается пожелать, чтобъ средству этому дана была возможно большая извѣстность.

— Ломени. Недавно умеръ членъ французской академіи Ломени, занимавшій кафедру въ Collège de France, гдѣ онъ былъ преемникомъ Ампера. Онъ умеръ въ Ментонѣ послѣ долгой и тяжкой болѣзни. Академія потеряла въ немъ одного изъ людей, наиболѣе дѣлавшихъ честь литературѣ безупречностью своей жизни и добросовѣстностью своей литературной дѣятельности. Онъ ничего не писалъ спустя рукава. Всѣ произведенія его носятъ отпечатокъ строгой обдуманности и тщательной отдѣлки. Послѣ него въ біографіи Бомарше исправлять ничего уже не осталось; онъ передѣлалъ ее за-ново и окончательно установилъ, съумѣвъ, какъ нельзя лучше, воспользоваться неизданными документами, открытіе которыхъ было дѣломъ его терпѣливыхъ и искусныхъ изысканій. Послѣдніе годы жизни Ломени были посвящены обширному труду о Мирабо; по счастью, трудъ этотъ оконченъ; еще передъ самою смертью онъ дѣлалъ въ немъ послѣднія поправки. То, что извѣстно объ этомъ сочиненіи, заставляетъ ожидать творенія, совершенно самобытнаго и полнаго новыхъ свѣдѣній; документы, заключающіе въ себѣ эти свѣдѣнія, были сообщены автору семействомъ, усыновившимъ Мирабо; біографія эта написана съ тою же тщательностью, которая составляетъ отличительную черту всѣхъ произведеній Ломени.

Смѣсь.

Премія за красоту. Какая самая красивая женщина? Для отвѣта на этотъ вопросъ образовался въ Брауншвейгѣ комитетъ, который, задался мыслью назначить премію для самой прекрасной женщины Германіи. Всѣ дамы, претендующія на премію красоты, приглашаются напечатанными въ газетахъ объявленіями присылать свои портреты на выставку въ Брауншвейгъ. Назначаются три преміи: красота 1-й степени въ 1,000 марокъ, 2-й — 300 марокъ, и 3-й — 200 марокъ. Жюри будетъ составленъ изъ представителей 20 главныхъ городовъ Германіи.

Величайшій городъ въ мірѣ. Лондонъ занимаетъ въ настоящее время 700 англійскихъ квадратныхъ миль (1590 кв. верстъ:) и имѣетъ 4.000,000 жителей, въ томъ числѣ около 100,000 иностранцевъ всѣхъ національностей. Въ Лондонѣ болѣе католиковъ, чѣмъ въ Римѣ, болѣе евреевъ, чѣмъ въ Палестинѣ, болѣе ирландцевъ чѣмъ въ Дублинѣ, болѣе шотландцевъ, чѣмъ въ Эдинбургѣ и болѣе валлійцевъ, чѣмъ въ Кардиффѣ. Въ Лондонѣ приходится на каждыя пять минутъ одинъ родившійся и на каждыя восемь минутъ одинъ умершій. На лондонскихъ улицахъ, представляющихъ въ сложности протяженіе въ 7,000 англійскихъ миль, (что равняется 10,500 русскихъ верстъ), происходитъ среднимъ счетомъ по семи несчастныхъ случаевъ въ сутки. Населеніе Лондона возростаетъ на 123 человѣка въ сутки или на 45,000 человѣкъ въ годъ. Въ полицейскихъ спискахъ значится ежегодно около 117,000 обыкновенныхъ преступленій. Наконецъ, въ этомъ колоссальномъ городѣ числится 23,000 явныхъ проституткъ и ежегодно забирается въ полицію 38,000 пьяницъ.

— **Возмущеніе на суднѣ.** Въ сенскомъ ассизномъ судѣ, во Франціи, разбиралось дѣло о возмущеніи на американскомъ суднѣ, сопровождавшемся убійствами. Передъ судомъ предстали въ качествѣ обвиняемыхъ: 1) Едвардъ Смитъ, изъ Нью-Іорка, 2) Вилльямъ Джонъ, шведъ по рожденію, изъ Нью-Іорка, 3) Вилльямъ Дэвисъ, изъ Бостона и 4) Торвальдсонъ Андерсенъ, норвежецъ изъ Христіаніи. Сущность этого кроваваго дѣла заключается въ слѣдующемъ: 16 мая 1877 года, около полудня, одновременно съ англійскимъ судномъ «Матаура» изъ Гавра вышелъ американскій шкунъ-бригъ «Свинси» подъ командой Коля, направлявшійся въ Нью-Портъ, въ Соединенныхъ Штатахъ. Оба судна шли на буксирѣ парохода «Жанъ-Бартъ». Экипажъ американскаго брига состоялъ изъ капитана, двухъ помощниковъ, 7 человѣкъ команды разныхъ національностей и французскаго лоцмана. Во время стоянки брига въ Гаврѣ, никакого особеннаго неудовольствія въ средѣ экипажа замѣчено не было. Только матросъ Девисъ высказывалъ претензіи на неполученіе содержанія впередъ, но и онъ, повидимому, удовлетворился полученными объясненіями. Въ день отплытія, по выходѣ изъ порта на рейдъ, передъ отдачей буксира, второй помощникъ капитана Гарри послалъ людей ставить паруса; всѣ исполнили приказаніе, но Смитъ отказался. Гарри взялъ его за руку, чтобы заставить идти, но Смитъ обернулся и такъ ударилъ Гарри въ лицо, что тотъ упалъ. На помощь Гарри бросился старшій помощникъ Герлингъ, за Смита вступились матросы Джонъ и Дэвисъ. Произошла общая схватка, прекратить которую удалось только коку Виллъяму и матросу Веберу, который оставилъ даже руль, чтобы помочь офицерамъ. Окровавленный Гарри спасается на ютъ, въ это время Смитъ бѣжитъ на бакъ, вынимаетъ изъ своего сундука заряженный револьверъ и бросается за несчастнымъ вторымъ помощникомъ, который также успѣлъ вооружиться револьверомъ. Первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ Смитомъ, ему отвѣчалъ Гарри, и такимъ образомъ на палубѣ Свинса находящагося на буксирѣ Жанъ-Барта, еще въ предѣлахъ французскихъ водъ, произошла дуэль, причемъ противники успѣли обмѣняться 5—6 выстрѣлами. Раненый въ сердце Гарри падаетъ мертвымъ. Въ это время капитанъ, старшій помощникъ и кокъ спасаются въ кормовую каюту, а Смитъ, возбужденный видомъ пролитой имъ крови, бросается на француза-лоцмана, ставшаго на руль вмѣсто Вильяма, и стрѣляетъ въ него. Къ счастью, лоцманъ успѣлъ перепрыгнуть за бортъ въ свою шлюпку и поспѣшилъ удалиться. Смитъ же, отыскивая новую жертву, бросается на матроса Ольсена, который, отдавъ паруса, спускался по вантамъ съ марса. Удачный скачекъ спасаетъ Ольсена; тогда Смитъ бросается въ каюту, куда скрылись капитанъ, его помощникъ и кокъ, и тамъ дѣлаетъ нѣсколько выстрѣловъ, но неудачно. На Свинси могла бы разыграться ужасная драма, такъ какъ на помощь Смиту, противъ остального экипажа, выступили Джонъ, Девисъ и Андерсенъ, вооруженные свайками и драйками. Къ счастью, одинъ изъ матросовъ успѣлъ, по приказанію капитана, поднять сигналъ о бѣдствіи и бригъ былъ прибуксированъ обратно въ портъ. Оправдываясь на судѣ, Смитъ заявилъ, что такъ какъ на него неожиданно напали три человѣка, то онъ только защищался. Сообщники Смита также отпирались отъ участія въ возмущеніи, и только Девисъ отчасти долженъ былъ сознаться, что тотчасъ же послѣ убійства второго помощника онъ пошелъ въ каюту, гдѣ и забралъ платье и вещи покойнаго, найденныя при обыскѣ у подсудимаго. Судъ приговорилъ Смита въ 20 годамъ каторжныхъ работъ и затѣмъ 20 лѣтнему надзору полиціи; Девиса — къ тремъ годамъ тюремнаго заключенія и потомъ 10 лѣтнему надзору полиціи, а Виллъяма и Андерсена оправдалъ.

Женидьба по неволѣ. Въ одной изъ нашихъ южныхъ губерній случилось слѣдующее происшествіе: Нѣсколько времени тому назадъ въ одномъ изъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій служилъ чиновникомъ сынъ священника, нѣкто Р. Р., воспитывавшійся въ одесской семинаріи, но не окончившій полнаго курса. Мѣсяца три тому назадъ умеръ его отецъ, и онъ долженъ былъ взять отпускъ и отправиться къ роднымъ, чтобы устроить положеніе своей семьи Послѣ смерти отца семья осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни, и епархіальное начальство, желая поддержать осиротѣлую семью, предложило сыну-чиновнику занять мѣсто отца. Время не терпѣло, надо было рѣшаться. Но вѣдь для того, чтобы быть священникомъ, нужно прежде жениться, а такой дѣвушки, которая могла-бы сдѣлаться «матушкой», по близости не оказалось, да и не предвидѣлось. Дѣло не клеилось, но, спасибо добрымъ людямъ, — помогли и въ этой бѣдѣ новоиспеченному священнику: посылайте, говорятъ, телеграмму въ Херсонъ къ такому-то, у него есть дочка-невѣста, спросите, согласна-ли выйти за васъ. Послушалъ добраго совѣта, послалъ телеграмму къ невѣстѣ, которую ни разу не видѣлъ, и въ отвѣтъ получилъ согласіе. Чрезъ нѣсколько дней пріѣхала выписанная по телеграфу невѣста, снялъ чиновникъ вицъ-мундиръ, надѣлъ священническую рясу, перевѣнчался съ молодой женой и теперь живутъ припѣваючи въ тепломъ родительскомъ гнѣздѣ.

Торговля людьми. 6-го марта, въ одесскомъ уѣздномъ съѣздѣ мировыхъ судей разсматривалось интересное дѣло объ отставномъ рядовомъ Ицкѣ Чебуткинѣ, обвиняемомъ въ перепродажѣ находившейся у него проститутки въ другое публичное заведеніе. Продажа проститутокъ составляетъ въ Одессѣ обыденное явленіе и содержатели домовъ терпимости постоянно занимаются подобною торговлею и мѣною живого человѣческаго мяса. Сущность дѣла, разбиравшагося въ съѣздѣ, заключается въ томъ, что въ 1876 г. Чебуткинъ обманнымъ образомъ продалъ проживавшую у него проститутку Грибцай другому содержателю дома терпимости въ г. Тираспolѣ Рудлеру, увѣривъ Грибцай, что предоставляетъ ей мѣсто кухарки, и получилъ за это съ Рудлера 50 р. Въ домѣ терпимости Рудлера Грибцай провела около 5 мѣсяцевъ и только при помощи полиціи, ей удалось освободиться оттуда, причемъ всѣ ея вещи были удержаны, она едва имѣла возможность возвратиться въ Одессу чуть-ли не въ одномъ платьѣ. Дѣло это разбиралось у мироваго судьи 3-го участка г. Одессы, который призналъ Чебуткина виновнымъ въ означенномъ преступленіи и, основываясь на показаніяхъ свидѣтелей, удостовѣрившихъ, что Чебуткинъ занимается подобною спекуляціею, какъ ремесломъ, присудилъ Чебуткина къ мѣсячному тюремному заключенію. Одесскій городской съѣздъ, куда дѣло это перешло по апеляціонной жалобѣ осужденнаго, утвердилъ приговоръ мироваго судьи, но сенатъ отмѣнилъ послѣднее рѣшеніе въ виду того, что ни въ приговорѣ судьи, ни въ рѣшеніи съѣзда не указано, подъ какую категорію подведено обвиненіе Чебуткина по 44 ст. уст. о нак. налаг. мир. суд., и самое дѣло передалъ на разсмотрѣніе одесскаго уѣзднаго съѣзда мировыхъ судей, который, допросивъ вызванныхъ по этому дѣлу свидѣтелей и выслушавъ объясненія обвиняемаго Чебуткина, согласно заключенію тов. прокурора, призналъ въ дѣяніи Чебуткина признаки мошенничества, наказуемаго по 173 ст. уст. о нак., и утвердилъ приговоръ мироваго судьи, коимъ Чебуткинъ присужденъ къ мѣсячному тюремному заключенію.

— **Замѣчательный процессъ.** Изъ нью-іоркскихъ газетъ мы узнаемъ, что Томасъ Миншаль, ссылаясь на подлинные документы, возбудилъ противъ правительства Соединенныхъ Штатовъ гигантскій искъ, который вскорѣ будетъ разсмотрѣнъ вашингтонскимъ конгрессомъ. Истецъ требуетъ возвращенія ему, какъ своей собственности, не менѣе семидесяти графствъ, т. е. почти всего штата Иллинойса, занимающаго пространство въ 142,506 квадратныхъ верстъ, съ населеніемъ въ 2,583,400 душъ. Мистеръ Миншаль представилъ документы, изъ которыхъ оказывается, что въ 1773 г. десять индѣйскихъ вождей продали его прадѣду и еще нѣкоторымъ другимъ лицамъ право собственности на большую часть земель, образующихъ нынѣ штатъ Иллинойсъ. Договоръ былъ подписанъ тогдашнимъ комендантомъ Иллинойса, Гуго-лордомъ, и находившимися въ фортѣ Геджъ, въ качествѣ свидѣтелей, британскими офицерами. Въ договорѣ подробно обозначены проданныя территоріи, равно и полученные взамѣнъ ихъ предметы, какъ-то: ружья, скотъ и пр. Истецъ заявляетъ, что онъ недавно случайно открылъ этотъ документъ, хранившійся въ банкѣ, какъ археологическая рѣдкость. Онъ не требуетъ семидесяти графствъ, лежащихъ на «его» территоріяхъ, но готовъ удовольствоваться деньгами, примѣрно, 600 милліоновъ долларовъ.

Смерность. По послѣднихъ статистическимъ изслѣдованіямъ въ Германіи о смертности въ большихъ городахъ, самымъ здоровымъ городомъ въ Германіи оказался Карлсруэ, гдѣ изъ 1,000 жителей умираетъ ежегодно 14,1, а самымъ нездоровымъ — Тріестъ, превосходящій цифрою своей смертности самые нездоровые пункты, гдѣ умираетъ на 1,000—55,4. Между другими главными городами Германіи смерность распредѣляется слѣдующимъ образомъ: Въ Берлинѣ умираетъ на 1,000 ежегодно—21,8; въ Бреслау — 18,7; въ Кенигсбергѣ—29,2: въ Кёльнѣ—21; въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ — 16,4; въ Штетинѣ — 25,2; въ Альтонѣ—22,7; въ Страсбургѣ—27,9; въ Мюнхенѣ—36; въ Нюренбергѣ—21,2; въ Аугсбургѣ—46,5; въ Дрезденѣ—24,8; въ Лейпцигѣ,—18,1; въ Штутгартѣ—24; въ Брауншвейгѣ—22,9; въ Гамбургѣ—29,9; въ Вѣнѣ—29,2; въ Пештѣ—39,1 и въ Прагѣ—40,7. Къ этимъ цифрамъ прибавимъ извѣстныя цифры смертности европейскихъ столицъ: Въ Парижѣ эта цифра простирается до 27,5; въ Лондонѣ—27,2; въ Римѣ—25,5 и въ Петербургѣ—36.

— **Новый подвигъ капитана Бойтона.** Лиссабонскія газеты извѣщаютъ о прибытіи въ Лиссабонъ капитана Бойтона, проплывшаго болѣе 600 километровъ по рѣкѣ Таго. Чтобы составить себѣ понятіе объ опасностяхъ, которымъ подвергался знаменитый пловецъ, достаточно сказать, что отъ Толедо онъ перешлъ 31 порогъ въ той части рѣки, которая не судоходна. На Гитанскомъ порогѣ,—который образуетъ настоящій водопадъ, всѣ сбѣжавшіеся къ берегу зрители были сильно взволнованы, увидѣвъ его исчезнувшимъ въ пучинѣ. Въ этомъ мѣстѣ масса воды, въ 40 метровъ длины и 6 ширины падаетъ съ высоты 8 метровъ на скалы среди облака водяной пыли. Всѣ уже думали, что неустрашимый американецъ, падая, разбился внизу о скалы, какъ вдругъ увидѣли его посрединѣ рѣки, плывущимъ къ Португаліи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теченіе равнялось скорости экстреннаго поѣзда желѣзной дороги. Бойтонъ прибылъ въ полномъ здоровьѣ, имѣя только небольшіе ушибы.

До чего доходитъ мода. На одномъ балу въ Парижѣ роскошное платье одной барыни было гарнировано вареными раками. Повсюду раки; головной уборъ также былъ составленъ изъ маленькихъ раковъ. Мода на уборку платьевъ раками распространяется все болѣе; но это весьма дорого стоющая гарнировка, такъ-какъ раки послѣ варенія ихъ подвергаются еще особенному химическому процессу, дабы устранить ихъ запахъ.

— **Своеобразный обычай.** Въ англійскихъ газетахъ сообщаютъ, что королева Ангомы (въ Гвинеѣ, на западномъ берегу Африки) не имѣетъ права выходитъ за-мужъ, дабы не раздѣлить ни съ кѣмъ власти. Но для того, чтобы не быть лишенною прелестей супружеской жизни, она содержитъ цѣлый гаремъ невольниковъ. Дѣти мужского пола, приживаемые такимъ путемъ, продаются какъ невольники. Дочерей она оставляетъ при себѣ, такъ какъ корона наслѣдственна только въ женскомъ поколѣніи. Мужчины исключены изъ престолонаслѣдія.

Благоразумныя мѣры. Въ виду приближенія срока открытія выставки содержатели главныхъ парижскихъ отелей собирались для совѣщаній о томъ, какъ имъ поступать въ виду ожидаемаго большого наплыва въ Парижъ иностранцевъ. На собраніи было указано на то обстоятельство, что успѣхъ вѣнской выставки главнымъ образомъ пострадалъ отъ того, что въ тамошнихъ отеляхъ установились чудовищныя цѣны,

удержавшія многихъ отъ посѣщенія выставки. Наученные такимъ опытомъ, содержатели отелей въ Парижѣ постановили во все время выставки не измѣнять вообще существующихъ нынѣ цѣнъ.

Телеграммы.

Вѣна, 21-го марта. Газетѣ «Politische Correspondenz» передаютъ изъ Константинополя, что русскія войска двинулись въ послѣднее время къ Галлиполи. По слухамъ, выдача турецкихъ плѣнныхъ отложена на неопредѣленное время. Турки укрѣпляютъ, между тѣмъ, Буюкдере. Къ Сан-Стефано ежедневно прибываютъ русскіе пароходы съ большими грузами провіанта.

Съ сербско-болгарской границы сообщаютъ той же «Politische Correspondenz»: «Всѣ русскія войска, стоящія къ сѣверу отъ Балкановъ, стягиваются ближе къ Дунаю; они повсюду возводятъ новыя укрѣпленія и усиливаютъ старыя. Въ Софіи стянуты многочисленныя массы русскихъ войскъ. Русскія войска стягиваются также къ югу отъ Балкановъ, гдѣ они также укрѣпляютъ всѣ важныя позиціи».

Парижъ, 25-го марта. По свѣденіямъ почерпнутымъ газетою «France» изъ вѣрнаго источника, во время посѣщенія Берлина наслѣднымъ принцемъ австрійскимъ Рудольфомъ, императоръ Вильгельмъ объявилъ ему, что онъ останется до конца вѣрнымъ другомъ Россіи. Поэтому Австрія не должна разсчитывать на содѣйствіе Германіи и объявленіе ею войны Россіи было бы верхомъ неосторожности.

— 23-го марта. Въ газетѣ «France» напечатана слѣдующая телеграмма изъ Петербурга: Только-что отосланъ отвѣтъ князя Горчакова на циркулярную депешу лорда Салисбюри. Русскій канцлеръ говоритъ, что можно было бы избѣжать большихъ несчастій, еслибъ Англія высказалась прямо, не скрывая своихъ мыслей и не выставляя на видъ своего дипломатическаго non possumus. Вѣдь всѣ пункты мирнаго договора, подписаннаго въ Сан-Стефано, согласны съ постановленіями константинопольской конференціи, на которой именно лордъ Салисбюри пользовался рѣшающимъ голосомъ. Въ сущности сан-стефанскій мирный договоръ не болѣе какъ облеченіе въ опредѣленную форму будущихъ отношеній между Россіей и Турціей.

Берлинъ, 24-го марта. Германское правительство употребляетъ всѣ усилія, чтобы добиться соглашенія между Россіею и ея противниками; дипломатическимъ путемъ она предложила созвать конгрессъ, какъ для отмѣны парижскаго трактата, такъ и для измѣненія сан-стефанскаго договора, въ видахъ лучшаго устройства Балканскаго полуострова. Въ то же время въ Вѣну посланъ настоятельный совѣтъ не предъявлять слишкомъ большихъ требованій.

Лондонъ, 26-го марта. «Агентству Рейтера» передаютъ изъ Константинополя, отъ 5-го апрѣля, черезъ Сиру: «Въ случаѣ столкновенія между Россіею и Англіею, Ахмедъ-Вефикъ-паша считаетъ необходимымъ удалить турецкіе броненосцы съ Босфора, съ тѣмъ, чтобъ избѣгнуть обязанности препятствовать входу туда британскаго флота. Султанъ также желалъ бы только протестовать противъ прохода англійскихъ судовъ. Реуфъ-паша и его сотоварищи высказываютъ мнѣніе, что нужно воспрепятствовать проходу судовъ; если же это окажется невозможнымъ, то вознаградить русскихъ разрѣшеніемъ занять какіе-нибудь пункты на Босфорѣ».

Шахматы.

Партія IV.

Бѣлые	*Черные*
1) E2—E4.	1) E7—E5.
2) G1—F3.	2) B8—C6.
3) F1—C4.	3) F8—C5.
4) B2—B4.	4) C5—B6.
5) 0—0.	5) D7—D6.
6) B4—B5.	6)...

Послѣ 5) 0—0, D6, подобное продолженіе едва ли возможно. Бѣлымъ слѣдовало ходить 6.) A2—A4.

6)...	6) C6—E7.
7) D2—D4.	7) E5—D4:
8) F3—D4:	8) G8—F6.
9) B1—C3.	9) E7—G6.
10) C3—D5.	10)...

F2—F4 намъ кажется было бы лучше.

10)...	10) F6—D5:
11) E4—D5:	11) 0—0.
12) F2—F4.	12) D8—F6.
13) C2—C3	13) F8—E8.
14) G1—H1.	14) B6—D4:
15) C3—D4:	15)...

Положеніе партіи послѣ 15 хода бѣлыхъ:

Черные.

A B C D E F G H

Бѣлые.

Бѣлые	*Черные*
15)...	15) C8—G4.

Черные хорошо пользуются своимъ выгоднымъ положеніемъ. Посредствомъ 16) G4:, D4: 17) E2, A1: 18) F5, E5, 19) G3 бѣлые могли бы затруднить противника, но они все таки не въ состояніи защититься противъ правильно веденной имъ атаки. Чернымъ оставалось бы кромѣ того еще E2:

16) D1—C2.	16) G4 - F5.
17) C2—F2.	17) F5—E4.
18) A2—A4.	18) G6—H4.
19) F1—G1.	19) H4—F5.
20) A1—A3.	

Слѣдуетъ неизбѣжная потеря пѣшки, какъ видно 20) B2—E3!

20)...	20) F6—D4:
21) F2—D4.	21) F5—D4:
22) A3—E3.	22) D4—F5.
23) E3—E2.	23) F5—H4.
24) C1—D2.	24) F7—F5.
25) H2—H6.	25) G8—F7.
26) H1—H2.	26) E4—C2.
27) G1—A1.	27) E8—E2:
28) C4—E2:	28) A8—E8.
29) E2—F1.	29) C2—E4.
30) H2—G3.	30) H4—G6.
31) A1—C1.	31) E8—C8.
32) D2—E3.	32) B7—B6.
33) F1—C4.	33) G6—E7.

Вѣроятно что за 33) A4—A5 слѣдовало бы не только BA, но и G6—E7. Хотя Бѣлые и располагаютъ еще обоими Слонами, но неблагопріятное положеніе однаго изъ нихъ, который долженъ прикрывать свои передовыя пѣшки, уменьшаетъ ихъ значеніе и даетъ перевѣсъ противнику.

34) C1—D1.	34) E7—G8.
35) C4—B3.	35) G8—F6.
36) G3—F2.	36) F7—E7.
37) F2—G3.	37) C8—G8.
38) G3—F2.	38) H7—B6.
39) E3—C1.	39) G7—G5.
40) F4—G5:	40) H6—G5:
41) G2—G3.	41) F6—D7.
42) C1—E3.	42) D7—E5.
43) D1—A1.	43) E5—F7.
44) A4—A5.	44) G8—G7.
45) A5—B6:	45) A7—B6:
46) A1—A7.	46) E7—D8.
47) A7—A8 †.	47) D8—D7.
48) E3—D4.	48) G7—H7.
49) A8—A7.	49) D7—C8.
50) B3—C4.	50) C8—B8.
51) A7—A6.	51) H7—H3:
52) D4—B6:	52) C7—B6:
53) A4—B6 †.	53) B8—C7.
54) B6—C6 †.	54) C7—B7.
55) B5—B6.	55) D7—E5.
56) C6—D6:	56) E5—C4:
57) D6—D7 †.	57) B7—B6:

Бѣлые сдались.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе 6-й № «Парижскія моды».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 Апрѣля 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 15. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 9 Апрѣля 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Волки. Оригинальный рисунокъ **Н. Н. Каразина.**

Въ альбомъ моему другу.

Повѣсть С—на.

(Автора повѣстей „Не въ порядкѣ вещей“, „Еврейка“, „Разсказъ Фоминишны“, „Виноватъ-ли онъ“.)

— Не угодно ли посмотрѣть вотъ эту комнату?

И, самодовольно улыбаясь, Антонина Егоровна ввела своихъ посѣтителей въ высокую и просторную комнату, роскошно меблированную мягкою мебелью новѣйшаго фасона, обитою ярко-краснымъ бархатомъ. По стѣнамъ висѣли довольно плохія картины въ золотыхъ рамкахъ, во всѣхъ простѣнкахъ были зеркала, а передъ окнами, выходящими на одну изъ лучшихъ петербургскихъ улицъ, красовались въ плетеныхъ корзинахъ тропическія растенія. Драпировка, тоже бархатная и одного цвѣта съ мебелью, раздѣляла эту комнату на двѣ неровныя половины. За этой драпировкой помѣщалась широкая кровать съ матрацами на пружинахъ, прекрасный мраморный столъ съ полнымъ умывательнымъ приборомъ, и наконецъ, большое трюмо.

Ольгѣ Дмитріевнѣ эта комната очень понравилась, но она такъ старательно скрывала свои впечатлѣнія, что на ея красивомъ лицѣ, ничего кромѣ скуки не отразилось.

— Я думаю, что вамъ здѣсь будетъ удобно? полувопросительно замѣтила Антонина Егоровна, тоже стараясь говорить какъ можно спокойнѣе и равнодушнѣе.—Такихъ меблированныхъ комнатъ, вы немного найдете въ Петербургѣ. У меня квартира устроена совершенно на заграничный манеръ... Видите, вотъ и плакары, и подушки на окнахъ, и тройные занавѣсы, обращалась она то къ г-жѣ Апухтиной, то къ ея мужу.

Этому послѣднему, красивому брюнету лѣтъ сорока пяти, было, кажется, рѣшительно все равно, будутъ ли плакары и подушки въ комнатѣ его жены и прилично ли принимать кузину Нелли и тетушку Полину въ гостинной, отдѣленной отъ спальни не стѣной, а драпировкой. Въ его утомленной позѣ и заспанныхъ глазахъ, виднѣлось одно только—непреодолимое желаніе пристать куда бы то ни было, лишь бы только скорѣе и покойнѣе.

Они пріѣхали въ Петербургъ съ курьерскимъ поѣздомъ и вотъ уже часа четыре катаются по городу, отыскивая приличное помѣщеніе. Въ томъ отелѣ, гдѣ они обыкновенно останавливались, всѣ номера оказались занятыми и Ольга Дмитріевна такъ этимъ огорчилась, что на нее напалъ странный капризъ: она объявила мужу, что ни за что не хочетъ жить въ другомъ отелѣ, что гораздо лучше найти chambres garnies...

— Теперь всѣ, рѣшительно всѣ живутъ въ меблированныхъ комнатахъ... Оно и дешевле и, во всѣхъ отношеніяхъ, приличнѣе... Вѣдь подумай только, мы здѣсь ужь никакъ меньше шести недѣль не останемся, это составитъ большой разсчетъ!

Дмитрій Павловичъ пожалъ плечами. Онъ зналъ, что возражать совершенно безполезно и потому молча покорялся.

Начались поиски. Карета останавливалась каждыя десять-пятнадцать минутъ, г-нъ Апухтинъ лѣниво вылѣзалъ изъ нее и высаживалъ свою супругу, которая съ необыкновеннымъ оживленіемъ взлетала по высокимъ и низкимъ лѣстницамъ, осматривала внимательно комнаты, находила ихъ неудобными, снова садилась въ карету и приказывала ѣхать дальше.

— Кто это выдумалъ, что женщины слабѣе мужчинъ? ворчалъ ея мужъ, подавляя нервную зѣвоту.—Я бы этого подлеца повѣсилъ за ложь!... Тебѣ кажется нравится цѣлый день бѣгать по лѣстницамъ, но меня эта гимнастика такъ утомляетъ, что я покорнѣйше прошу высадить меня у Демута или въ Европѣ, я просто изнемогаю отъ усталости.

Но Ольга Дмитріевна заупрямилась. Съ нею это очень часто случалось, хотя и слыла она въ свѣтѣ женщиной примѣрнаго характера и сущимъ ангеломъ. Между супругами завязался довольно горячій споръ и чтобъ рѣшить его въ свою пользу, госпожа Апухтина пустила въ ходъ всегда удающіеся ей аргументы: она напомнила мужу о долгахъ, которые необходимо уплатить въ нынѣшнемъ году, упрекнула его въ расточительности и поставила на видъ, оставшихся дома, Жоржиньку, Наточку, Калерочку, Митю и Соню.

Дмитрій Павловичъ смолкъ и молчалъ цѣлыхъ полтора часа сряду. Онъ въ первый разъ раскрылъ ротъ только въ той красной комнатѣ, въ которой начинается этотъ разсказъ.

Здѣсь имъ обоимъ, съ перваго разу, все понравилось. Г-жѣ Апухтиной—парадная лѣстница съ швейцаромъ, шикарная обстановка комнатъ и улица, на которую выходили окна; Дмитрію Павловичу, сама хозяйка, бойкая и нарядная барыня, съ выразительными китайскими глазами, длинными, узкими и приподнятыми у висковъ кверху. Волосы у нея были черные и глянцевитые, брови тонкія, точно выведенныя кистью, щеки румяныя...

— Это моя затѣя, говорила она, указывая на растенія у оконъ,—но если вы не любите цвѣтовъ, то ихъ можно отсюда вынести...

Ольга Дмитріевна довольно презрительно оглянула ее съ ногъ до головы.

— Что это вы, кто же не любитъ цвѣтовъ! произнесла она обиженнымъ тономъ,—я безъ цвѣтовъ жить не могу.

И обратясь къ мужу, она спросила у него по французски, какъ ему нравится это помѣщеніе?

— Я такъ голоденъ и такъ усталъ, что сейчасъ поѣду къ Демуту, если мы здѣсь не останемся, отвѣчалъ онъ ей рѣшительнымъ тономъ и по англійски.

Огонекъ, мелькнувшій въ глазахъ хозяйки и легкая усмѣшка, проскользнувшая по ея губамъ обратили на себя его вниманіе. Онъ готовъ былъ пари держать, что эта особа отлично понимаетъ французскій языкъ, и только скрываетъ это, на всякій случай.

— Если такъ, дѣлать нечего, мы здѣсь останемся, покорно возразила Ольга Дмитріевна.—Намъ нужны обѣ комнаты, обратилась она къ хозяйкѣ, то есть эта и та, зеленая. Распорядитесь, пожалуйста, послать за нашими вещами на желѣзную дорогу.

— Въ зеленый кабинетъ ведетъ отсюда couloir, защебетала Антонина Егоровна, заходя за драпировку и приглашая граціознымъ жестомъ Апухтина слѣдовать за нею.—А вамъ, сударыня, я сейчасъ пришлю горничную.

Она повела Дмитрія Павловича черезъ узкій темный проходъ, уставленный по обѣимъ сторонамъ шкапами, въ ту комнату съ мебелью, крытой зеленымъ репсомъ, которую они осматривали раньше.

Весь день прошелъ въ разъѣздахъ по роднымъ и знакомымъ. Обѣдали у бабушки, на Васильевскомъ острову, а вечеръ, какъ истые провинціалы, провели въ оперѣ, даже не освѣдомившись предварительно, кто поетъ и что даютъ.

Дмитрію Павловичу такъ и не удалось выспаться. Правда, онъ вздремнулъ немножко въ ложѣ, подъ завыванье разныхъ второстепенныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, но развѣ это можно назвать сномъ? А потому, что же тутъ удивительнаго, если проводивши жену до дверей ея красной комнаты, онъ ушелъ къ себѣ, даже не пожелавъ ей порядкомъ покойной ночи и не дослушавъ до конца ея оживленнаго разсказа о томъ, что сказалъ ей на счетъ ея свѣжести графъ Чудовъ и какой комплиментъ ей сдѣлала тетушка Китти.

Госпожа Апухтина была очень довольна своимъ днемъ. Ее всѣ фетировали, находили, что она помолодѣла и похорошѣла. Ольга Дмитріевна и сама знала, что она красавица, но все-таки такія вещи пріятно слышать. Къ тому же, у нея сегодня была преинтересная бесѣда съ m-me Julie на счетъ разныхъ туалетовъ. Она ей подала столько новыхъ идей... Des idées lumineuses! повторяла раза три про себя госпожа Апухтина, ложась спать.

Та же самая m-me Julie продала ей шляпу, прелестную, и за такую баснословно дешовую цѣну! Представьте только себѣ, съ перьями, съ настоящими кружевами и всего на всего тридцать пять рублей!

— Да вѣдь это даромъ, пойми ты, совершенно даромъ, говорила она мужу въ двадцатый разъ, сбрасывая ему на руки бархатную ротонду въ прихожей.

— Ну, и прекрасно! Отпусти меня спать, Христа ради! подумай только, вѣдь я двѣ ночи сряду не спалъ! Ты знаешь, что я въ этихъ проклятыхъ вагонахъ ни на минуту не могу сомкнуть глазъ... Двѣ ночи! это чего нибудь да стоитъ!

Однако, когда онъ на другое утро вошелъ къ женѣ, лицо у него было такое измятое и глаза такіе утомленные, что, по всей вѣроятности, ему и третью ночь не удалось порядкомъ выспаться.

У Ольги Дмитріевны сидѣла его племянница, Надя Минхъ.

— Козочка! Откуда ты пронюхала, что мы здѣсь? вскричалъ онъ, радостно протягивая обѣ руки высокой стройной дѣвушкѣ лѣтъ восемнадцати, которая при его появленіи, порывистымъ движеніемъ сорвалась съ мѣста и бросилась обнимать его.

Она была премиленькая, и прозвище, данное ей въ семьѣ, чрезвычайно къ ней шло. Всѣ ея движенія были такъ ловки и граціозны, что нельзя было не извинить ихъ чрезмѣрную, можетъ быть, живость. Привычка склонять на бокъ маленькую головку, повертывая при этомъ длинной тонкой шейкой, а также взглядъ большихъ черныхъ глазъ, то пристально смѣлый до дерзости, то застѣнчивый до робости, крошечная сухая ножка и неровная походка съ маленькой припрыжкой, все въ ней напоминало то милое животное, любуясь которымъ въ Jardin des plantes, Дмитрій Павловичъ невольно вспомнилъ про племянницу.

Это было во время ихъ послѣдняго путешествія за-границу, и тогда даже великолѣпная Ольга Дмитріевна нашла это сравненіе весьма удачнымъ и весь день повторяла, что дѣйствительно Надя Минхъ очень напоминаетъ антилопу.

Но съ тѣхъ поръ прошло четыре года и теперь госпожа Апухтина находила, вмѣстѣ со всѣми, что Надя слишкомъ ребячится и что дѣвушкѣ ея лѣтъ вовсе нейдетъ держать себя такой дѣвчонкой.

Отъ своей матери, Надя постоянно слышала тоже самое, но, вѣроятно, ей было очень трудно исправиться, потому что, по мнѣнію тетки, не видавшей ее цѣлый годъ, манеры ея сдѣлались еще рѣзче, голосъ громче и звончѣе, а прыгала она и хохотала точно также, какъ и прежде.

— Зачѣмъ вы за мной вчера не прислали? спросила Надя, усаживаясь очень близко къ Дмитрію Павловичу и каждую минуту ласково дотрогиваясь, то до его руки, то до плеча. Она даже раза два погладила кончикомъ розоваго пальчика его красивые мягкіе усы и заставила его этимъ громко расхохотаться, поймать на лету ея ручку и поцѣловать.

— Вчера, мы только что пріѣхали. Все утро проискали пристанища, а потомъ, надо было всѣхъ важныхъ родственниковъ объѣздить...

— Стало быть сегодня за нами очередь, за неважными? продолжала она, съ усмѣшкой заглядывая ему въ глаза.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Нѣтъ еще, сегодня у меня еще больше хлопотъ, чѣмъ вчера... Намъ въ этомъ домѣ нельзя оставаться, обратился онъ къ женѣ.

— Это почему?

— Да потому, что мнѣ всю ночь не дали заснуть... Какая-то больная за стѣной, всю ночь прокашляла... Къ утру я былъ до такой степени раздраженъ, что мнѣ захотѣлось ее убить!... Горничная, знаешь, та маленькая въ веснушкахъ, сказала мнѣ, что это какая-то родственница хозяйки, чахоточная... Да вѣдь не я же довелъ ее до чахотки, за что же мнѣ страдать изъ-за нея, неправда-ли, козочка?

— Надо это сказать нашей хозяйкѣ, замѣтила госпожа Апухтина, — она, вѣроятно, приметъ какія нибудь мѣры... Эту больную можно перевести въ другую комнату... Антонина Егоровна очень услужливая особа, сегодня утромъ она здѣсь всю мебель переставила, какъ мнѣ хотѣлось. Посмотри, какъ у меня теперь мило!

— Пусть же она и меня устроитъ какъ слѣдуетъ. Пожалуйста, скажи ей это, да нельзя-ли скорѣе... Мнѣ хотѣлось бы выспаться сегодня днемъ, передъ обѣдомъ... А теперь, пора въ департаментъ. Хочешь, я тебя довезу домой, Надя?

Но Ольга Дмитріевна объявила, что Надя поѣдетъ съ нею въ гостинный дворъ и къ m-me Julie.

— Меня къ вамъ на цѣлый день отпустили, объявила козочка.

— Отлично! Значитъ вечеромъ вмѣстѣ въ театръ?

Глаза ея заискрились отъ удовольствія.

— Въ какой, дядя?

— Увидишь тамъ, я къ обѣду привезу ложу. Но только съ уговоромъ, избавьте меня отъ кашляющей сосѣдки! Я, право же, даже и въ театръ не въ силахъ буду ѣхать, если предварительно не высплюсь.

— Непремѣнно, дядя, пріѣзжайте только скорѣе. Послать за хозяйкой? обратилась она къ Ольгѣ Дмитріевнѣ, когда Апухтинъ вышелъ.

Но въ эту самую минуту, хозяйка сама вошла къ нимъ.

Горничная, убиравшая спальню за драпировкой, слышала весь разговоръ, происходившій за чайнымъ столомъ и слово въ слово передала его своей госпожѣ.

— Ахъ ты Господи! вскричала внѣ себя отъ досады Антонина Егоровна.—Да когда же ты меня избавишь отъ этой обузы, Царь ты мой небесный!

Она со всѣхъ ногъ кинулась въ узкую комнату въ одно окно, рядомъ съ зеленымъ кабинетомъ.

— Вамъ тутъ нельзя оставаться... вы всю ночь кашляете... черезъ васъ я должна такихъ прекрасныхъ жильцовъ лишиться...

Голосъ ея безпрестанно прерывался отъ бѣшенства и отъ усилій сдерживать его въ приличномъ діапазонѣ.

Существо, кряхтѣвшее и копошившееся подъ темнымъ ситцевымъ одѣяломъ, ничего не возражало.

— Слышите, что я вамъ говорю? продолжала шипѣть Антонина Егоровна.—Извольте сейчасъ вставать и перебираться!... Я вѣдь тоже, сами знаете, женщина бѣдная, только жильцами и живу... я не могу изъ-за вашего кашля терпѣть убытокъ...

— Куда же мнѣ идти? прошепталъ глухой, надтреснутый голосъ.

— Укажутъ, не безпокойтесь, одѣвайтесь только скорѣе.

Антонина Егоровна вышла въ корридоръ, позвала Аннушку и приказала очистить мѣсто подъ той лѣстницей, что вела на антресоли.

— Мы ее пока хоть тамъ положимъ, а тамъ увидимъ... Сундуки изъ подъ лѣстницы, можно на чердакъ стащить, да передъ кроватью занавѣску повѣсить, ту пеструю, что у меня за ширмой, знаешь?

Аннушка немедленно принялась за выполненіе всѣхъ этихъ приказаній, и полчаса спустя больная уже кашляла на новомъ мѣстѣ. Тутъ было совсѣмъ темно и воздуху еще меньше, чѣмъ въ узенькой комнаткѣ, рядомъ съ зеленымъ кабинетомъ, но чтожь прикажете дѣлать? Антонина Егоровна сказала правду, она была женщина бѣдная и потеря такихъ жильцовъ какъ Апухтины, весьма чувствительно отразилась бы на ея бюджетѣ.

— Вашего супруга теперь никто не будетъ безпокоить, объявила она, входя къ Ольгѣ Дмитріевнѣ. — Я эту больную перевела въ другое мѣсто.

— А кто эта больная? полюбопытствовала Надя.

Но госпожа Апухтина не дала Антонинѣ Егоровнѣ отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Ужь вы, пожалуйста, устройте ему поудобнѣе, протянула она, сентиментально подымая глаза къ потолку.—Всѣ толкуютъ про дамскіе капризы, но, право же, мужчины въ тысячу разъ прихотливѣе насъ!... Имъ часто нѣтъ никакой возможности угодить... У васъ тутъ, изъ умывальника каплетъ, продолжала она, указывая на драпировку,—и мнѣ тоже, это капанье очень долго не давало заснуть, однако, не говорю же я, чтобъ изъ такихъ пустяковъ переѣзжать на другую квартиру? А ужь Дмитрій Павловичъ сейчасъ...

— Умывальникъ сегодня же будетъ исправленъ, поспѣшно заявила Антонина Егоровна.

— Куда же вы перевели вашу больную? снова начала приставать Надя.

— Mais laissez donc, Nadine, est ce que cela vous regarde? замѣтила, пожимая плечами, тетка, отправляясь въ спальню, чтобъ одѣваться.

Но Надя не унималась.

— У нея чахотка? спросила она, удерживая Антонину Егоровну, которая тоже собиралась уйти.

— Чахотка.

— Молодая она? Неужели ее нельзя вылечить?

— Нельзя. Всѣ доктора объявили, что одно лёгкое у нее совсѣмъ сгнило, а другое тоже сильно поражено... Ужь чего я для нея не дѣлала! начала довольно охотно распространяться Антонина Егоровна, замѣчая, съ какимъ интересомъ ее слушаютъ.—Вы не думайте, я хотя и бѣдная женщина, а все же у меня есть чувства... Я все, что могла, все для нея дѣлала... И молокомъ цѣлый мѣсяцъ поила, по десяти копѣекъ за бутылку!... Одного рыбьяго жиру, сколько она у меня перепила, страсти! Рублей на десять, по крайней мѣрѣ... честное слово! Оно знаете, незамѣтно, сегодня тридцать двѣ копейки за пузырекъ, да завтра столько же, да послѣ завтра... а въ концѣ концовъ, какъ сосчитаешь, и выйдетъ сумма!... Вотъ только теперь, когда доктора объявили, что ничѣмъ не подымешь...

У Нади дрогнули рѣсницы.

— Вы ее больше не лечите?

— Да чѣмъ же ее лечить, скажите на милость?

Вопросъ этотъ она произнесла съ досадой и отвертываясь отъ пристальнаго взгляда, устремленнаго на нее, но все таки не уходила. Разговоръ былъ непріятный, но Антонина Егоровна чуствовала, что его надо довести до конца.

Наступило маленькое молчаніе. За драпировкой слышалось шуршанье шелковыхъ юбокъ, плескъ воды и по всей комнатѣ началъ разливаться тонкій запахъ любимыхъ духовъ госпожи Апухтиной.

— Зачѣмъ ты держишь здѣсь эту особу? возвысила голосъ Ольга Дмитріевна.

Она говорила по французски и на тонкихъ губахъ Антонины Егоровны снова промелькнула та усмѣшка, которая наканунѣ заставила Дмитрія Павловича отвѣчать женѣ по англійски.

— Съ такими людьми вовсе не слѣдуетъ фамильярничать, сейчасъ забудутся, наставительнымъ тономъ продолжала Ольга Дмитріевна.

Надя нетерпѣливо тряхнула головой.

— Ахъ ma tante, оставьте меня, ну что изъ этого!...

И она снова обратилась къ Антонинѣ Егоровнѣ.

— Давно она больна? спросила она, понижая голосъ.

— Давно, года съ два... съ тѣхъ поръ какъ въ Петербургѣ...

— Развѣ она не здѣшняя?

— Нѣтъ, она сибирячка. Это очень печальная исторія, продолжала Антонина Егоровва, въ свою очередь понижая голосъ до шопота.—Она пріѣхала хлопотать за близкаго человѣка, который ни за что ни прочто попалъ въ бѣду, да вотъ сама и засохла... Ѣхала кое-какъ, гдѣ съ попутчиками, гдѣ на перекладной... Ну знаете, денегъ-то всего на всего двадцать пять рублей набрала, пришлось дорогой кое-какую одёжу продать, чтобъ хоть какъ нибудь добраться до мѣста, какъ тутъ не простудиться!

— Молодая она? хорошенькая? продолжала допрашивать взволнованнымъ голосомъ Надя.

— Лѣтъ двадцать шесть будетъ, не больше. Когда я ее, два года тому назадъ, въ первый разъ увидѣла, она мнѣ совсѣмъ ребенкомъ показалась... А ужь теперь, извѣстное дѣло, всѣ эти горести, да болѣзнь... такъ состарѣлась, что и не узнать! Впрочемъ, красоты въ ней особенной никогда и не было, такъ себѣ, рыженькая да курносенькая, въ веснушкахъ..

— А этотъ человѣкъ, для котораго она сюда пріѣхала... что онъ ей такое? родственникъ какой нибудь?

Антонина Егоровна на мгновеніе замялась.

— Онъ ей мужъ, отвѣчала она наконецъ, очень неохотно.

— Она его очень любитъ?

— Должно быть любитъ, когда на такой подвигъ изъ-за него пустилась! Вѣдь шутка сказать, одной, безъ денегъ, и въ такую даль ѣхать! Только все это понапрасну, продолжала Антонина Егоровна съ легкимъ вздохомъ,—тамъ, она ему была бы полезнѣе, а здѣсь... Ну что она можетъ сдѣлать, скажите на милость? Вѣдь, право же, я безъ хвастовства могу сказать, что не будь меня, помереть бы ей съ холода, да съ голода, какъ собаченкѣ какой на улицѣ!... Конечно, я пріютила ее, потому собственно, что явилась она ко мнѣ съ письмомъ отъ него, а я, какъ сестра...

— Онъ вамъ братъ, родной? вскричала Надя, забывая всякую предосторожность и такъ громко, что выведенная изъ терпѣнія Ольга Дмитріевна раздвинула портьеру и попросила Антонину Егоровну послать узнать, не пріѣхала ли ихъ карета.

А когда хозяйка вышла, она очень серьезно начала выговаривать Надѣ за безтактность.

— Что это у тебя за манера приставать къ людямъ съ такими интимностями? Какое тебѣ дѣло до родственниковъ и до знакомыхъ этой женщины? Elle n'est pas de notre monde, cette personne!... Посмотри, хороша у меня шляпка? Отгадай, что она стоитъ? Да ты обрати вниманіе, какія перья! и кружево настоящее... и всего на всего тридцать пять рублей! У насъ за такую

Рисунокъ АНДРІОЛЛИ.

Вербное воскресенье.

вещь надо дать рублей шестьдесятъ, да и за шестьдесятъ не достанешь! И представь себѣ, все такъ, самая послѣдняя вещь, галстучекъ какой нибудь, перчатки, воротничекъ, все втридорога!... А еще говорятъ, что въ провинціи дешевле жить, чѣмъ въ столицѣ, что тамъ можно экономіи дѣлать... Никакихъ экономій мы съ Дмитріемъ не дѣлаемъ, напротивъ. Одни туалеты дѣтей чего стоятъ, ужасъ! Длинные пестрые чулки, напримѣръ, такіе, которые въ Парижѣ за десять франковъ можно достать, а у насъ шесть рублей, какъ тебѣ это нравится? Мнѣ очень хотѣлось бы знать, что стоятъ здѣсь такіе чулки, ты не знаешь?

— Что такое, ma tante?

— Какая ты однакожь разсѣянная, моя милая! Это нехорошо... и объ чемъ только ты думаешь?

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ Гёте.

Стих. Ольги Охтенской.

Всѣхъ ты радуешь, Господь,
Всѣмъ щедроты разсыпаешь,
Проникаешь въ духъ и въ плоть
И недуги исцѣляешь.

Я не вѣрю въ утѣшенье.
Что мнѣ въ радостяхъ земли!
Сладость полнаго забвенья
Мнѣ, Господь мой, ниспошли!

Охота въ гродненской губерніи.

I.

Попавъ, случайно, минувшею осенью въ гродненскую губернію, я получилъ, въ концѣ ноября, приглашеніе—по первой порóшѣ, т. е. по первому снѣгу, пріѣхать на охоту въ Матвѣевскую волость пружанскаго уѣзда, въ имѣніе К—скаго, принадлежавшее, до недавняго времени, знаменитому охотнику и богатому помѣщику Борейшѣ. Но прежде всего необходимо сказать нѣсколько словъ объ этомъ помѣщикѣ и о пружанскомъ уѣздѣ.

Въ настоящее время, въ одной только Бѣловѣжской пущѣ (пружанскаго уѣзда) сохранилось рѣдкостное животное зубръ (Bosurus, Auerochs Bonassus), и до сихъ поръ еще пружанскій уѣздъ гродненской губерніи, по обилію звѣрей представляетъ собою благодарную мѣстность для охотника. Хотя собственно на зубровъ охота здѣсь строго воспрещена, и на нихъ здѣсь никто, кромѣ высочайшихъ особъ, не охотится, но и помимо этого красивѣйшаго и величественнаго звѣря, здѣсь имѣются многія другія приманки для охотника: не говоря уже о множествѣ зайцевъ, волковъ и лисицъ, здѣсь еще водятся кабаны или дикія свиньи (дзики—какъ здѣсь называютъ ихъ) и изъ семейства оленьихъ—лоси и козули (серны). Постоянное и какое-то лихорадочно-торопливое истребленіе лѣсовъ, начавшееся съ 1863 года и принявшее, въ послѣднія семь лѣтъ, съ проведеніемъ черезъ пружанскій уѣздъ московско-брестской желѣзной дороги, особенно сильные размѣры, не мало, конечно, способствуетъ исчезновенію и уменьшенію количества названныхъ звѣрей. Но въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ лѣса кое-какъ сохраняются и охраняются,—вдоволь еще водится дичь и если помѣщикъ самъ охотникъ, то онъ заботится прежде всего о томъ, чтобы оградить свои лѣса отъ браконьерства крестьянъ и чтобы во время самой охоты, напр., на сернъ убиваемы были бы исключительно самцы (козлы), а на лосей—щадили бы самокъ, такъ какъ и тѣхъ и другихъ легко всегда отличить на охотѣ, даже и во время самаго быстраго бѣга животныхъ, по наружному виду: козла по его бородѣ, самца-лося по его рогамъ.

О прежнихъ охотахъ здѣсь сохранились лишь одни преданія. Съ 1863 года измѣнился весь внутренній и внѣшній строй края, измѣнились—или точнѣе, совсѣмъ прекратились—знаменитыя охоты, бывшія въ имѣніяхъ здѣшнихъ богатыхъ магнатовъ. Теперь уже кажутся легендами разсказы, напр., о томъ, что при облавѣ на дзиковъ (кабановъ), въ имѣніи Борейши иногда убивали по 20 и болѣе штукъ въ одну охоту, въ какіе-нибудь два-три часа; что сернъ (козулей) здѣсь, до 1863 года, было столь же много, какъ теперь зайцевъ, что ихъ тоже убивали въ одну облаву, обнимавшую собою не болѣе 4—5 квадратныхъ верстъ, до 30-ти и болѣе штукъ; что лосей убивали по 10 въ одну охоту, выпуская изъ стада однихъ лишь молодыхъ телятъ, которыхъ никто никогда не стрѣлялъ. Все это теперь стало преданіемъ о прошломъ, хотя и очень недавнемъ. Но въ лѣсахъ Борейши до сихъ поръ еще сохранились глубокія канавы, которыя нарочно вырывались для кабановъ; наполняясь въ дождливое время водою, обращавшеюся въ грязь, канавы эти служили для кабановъ пріятнымъ мѣстомъ отдохновенія и прохлады въ лѣтнее время. А по краямъ этихъ канавъ съ весны насыпались длинныя гряды картофеля, ячменя, желудей и другихъ продуктовъ, излюбленныхъ кабанами. Поэтому, даже и въ лѣтнее время, когда облавы вообще по черной тропѣ плохо удаются, въ имѣніи Борейши охоты всегда были удачны—и, при помощи гучкóвъ (загонщиковъ) и гончихъ собакъ, охотники убивали по нѣсколько штукъ кабановъ и сернъ.

Теперь знаменитый охотникъ и богачъ Борейша, скомпрометированный въ 1863 году, проживаетъ гдѣ-то заграницею, а многочисленные фольварки его перешли въ разныя руки—къ евреямъ, купившимъ имѣніе на чужое, конечно, подставное имя, и г. К—скому, тоже охотнику, хотя и не такому записному, какимъ былъ Борейша.

Сдѣлавъ это необходимое вступленіе, продолжаю мой разсказъ.—Получивъ приглашеніе, я, съ понятнымъ нетерпѣніемъ охотника, сталъ поджидать порóши... Вотъ наступилъ и конецъ ноября, и декабрь,—а пороши все нѣтъ какъ нѣтъ. Всякое утро, часовъ въ семь, едва вставъ съ постели, я подходилъ къ окну и пристально всматривался сквозь мглистый полусвѣтъ начинающагося дня... но земля и желтобурая трава въ саду были все тѣже, непокрытыя давно ожидаемымъ и желаннымъ снѣгомъ. Морозы, между тѣмъ, становились все сильнѣе и сильнѣе: по утрамъ уже было 10, 12 и 15 градусовъ; ѣздить по дорогамъ не было никакой возможности; глубокія колеи и перерытая во всѣхъ направленіяхъ грязь замерзли, на гребляхъ (гати) ломались даже крестьянскія телѣги, не только экипажи; помѣщики и крестьяне стали побаиваться за озимые посѣвы, такъ долго не покрытые снѣгомъ... Вдругъ 3-го декабря, за ночь совершенно неожиданно выпалъ снѣгъ, четверти на двѣ, такъ что сразу стало даже возможно ѣздить на саняхъ. Часамъ къ тремъ, въ одинокій фальварокъ—или мызу, какъ здѣсь называютъ,—гдѣ я проживалъ, пріѣхали легкія литовскія санки, запряженныя парою лошадей, гуськомъ, со станціи земской почты,—и я, захвативъ съ собой ружье и всѣ охотничьи принадлежности, отправился по приглашенію, за три мили (какъ здѣсь принято считать)—т. е. за 21 версту. Уѣзжая, я еще не зналъ, какая именно будетъ охота и на какого звѣря; все это должно было рѣшиться и опредѣлиться на мѣстѣ, на основаніи, главнымъ образомъ, совѣтовъ и указаній полѣсовщиковъ, караулящихъ лѣсъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдящихъ за появленіемъ всякаго звѣря въ ихъ участкахъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда я, подъѣзжая къ мызѣ помѣщика К—скаго, завидѣлъ пріятные огоньки въ окнахъ господскаго дома. Въ гостиной я нашелъ уже собравшимся большое и разнообразное общество, исключительно мужское: самъ хозяинъ дома, нарочно пріѣхавшій изъ Вильно, господинъ N—крупный чиновникъ изъ Гродно, мѣстный мировой посредникъ и нѣсколько помѣщиковъ изъ здѣшняго и изъ сосѣднихъ уѣздовъ—кобринскаго и слонимскаго. Половина гостей играла въ карты, остальные занимались политикой, толкуя о только-что взятой Плевнѣ. Охота на завтрашній день предполагалась двоякая—въ разное время и въ двухъ различныхъ óступахъ *): въ одномъ было обойдено три лося, и на нихъ положено было отправиться рано утромъ, во второмъ óступѣ былъ обойденъ кабанъ (дзикъ), и охота на него рѣшена была послѣ 12-ти часовъ—т. е. по окончаніи первой охоты.

II.

На утро, едва только стало свѣтать, акуратный хозяинъ растворилъ двери всѣхъ комнатъ, гдѣ спали его гости, и принялся немилосердно трубить въ охотничій рогъ, такъ что, волей-неволей, пришлось всѣмъ подниматься съ постелей и, наскоро выпивъ чаю, отправляться на охоту.

Уже совсѣмъ разсвѣло, когда наша компанія охотниковъ, въ количествѣ одиннадцати человѣкъ, по двое на маленькихъ въ одну лошадь санкахъ, тихо подъѣхала къ невысокому, но довольно густому ельнику, по опушкѣ перемѣшанному съ деревьями лиственной породы. На мѣстѣ мы застали уже человѣкъ до ста гучкóвъ (загонщиковъ) съ палками, заслонками отъ печей и разными самодѣльными колотушками. Старый и сѣдой какъ лунь, но еще довольно бодрый дѣдко, Остапъ, мѣстный стражникъ лѣса, принялъ на себя команду надъ всѣми нами и повелъ по опушкѣ лѣса охотниковъ, указывая каждому его мѣсто и прося не говорить, не курить, не сходить съ мѣста, а главное отнюдь не стрѣлять по линіи стрѣлковъ. Затѣмъ разставивъ насъ, а также и тѣхъ крестьянъ, которые явились съ ружьями, онъ въ величайшей тишинѣ повелъ гучкóвъ въ обходъ лѣса, чтобы поставить ихъ съ противоположной отъ насъ стороны. Съ нимъ же отправились и тѣ стражники, на рукахъ у которыхъ были гончія на сворахъ.

Прошло полчаса въ мертвой тишинѣ прелестнаго зимняго утра: ни звука, ни крика, ни шелеста... Остапъ разставлялъ въ это время гучковъ; и какъ только онъ ихъ разставилъ и соединилъ цѣпь изъ нихъ съ цѣпью стрѣлковъ и охотниковъ, то, взявъ гончихъ и войдя съ ними въ óступъ, онъ спустилъ ихъ со своръ и выстрѣлилъ: это былъ сигналъ, что охота началась... По лѣсу раздались крики, трескъ, стукъ и вообще весь тотъ гамъ и шумъ, который могли сдѣлать болѣе ста человѣкъ, кричащихъ и стукающихъ во что попало и что было мочи. Прошло еще двѣ-три минуты, и гончіе псы, тронувъ лосей, залились, въ свою очередь, по лѣсу своеобразною и мелодичною, для слуха охотника, музыкою... Затѣмъ прошло еще минутъ 10 или 15—самыхъ мучительныхъ и томящихъ: ждешь звѣря, усиленно всматриваешься въ глубь лѣса, передъ собою, но ничего не видишь кромѣ сѣдыхъ, объиндевѣвшихъ деревьевъ... Рядомъ со мною поставленъ былъ г. N, чиновникъ изъ Гродно; его поставили нарочно на той самой тропѣ, которою лоси наканунѣ вошли въ оступъ; предполагалось, уже по наблюденіямъ охотниковъ, что лоси пойдутъ изъ лѣсу именно этою самою тропою. Послѣ уже я узналъ, что мой сосѣдъ, имѣющій трехъ-сотъ рублевое ружье Лебеды, стрѣлялъ очень плохо и вдобавокъ цѣ-

*) Оступъ—охотничье техническое слово означаетъ собственно кругъ, въ которомъ обойденъ звѣрь.

лился всегда не менѣе двухъ-трехъ минутъ, такъ что звѣрь случалось и уйдетъ, а онъ все цѣлится въ него... Наскучивъ долгимъ и томительнымъ ожиданіемъ и чувствуя, что уже рѣжетъ въ глазахъ отъ пристальнаго напряженія и ярко блестящаго на солнцѣ снѣга, я почти машинально началъ посматривать по сторонамъ. Взглянувъ на сосѣда, вижу — онъ цѣлится во что-то; я посмотрѣлъ по направленію его ружья, но за лѣсомъ мнѣ ничего не было видно. «Ему также скучно стало ждать, какъ и мнѣ, — и вотъ онъ, отъ скуки, вскидываетъ ружье», подумалъ я, и успокоился. Прошло еще минуты три. Оборачиваюсь на сосѣда, вижу—опять цѣлится... Посмотрѣвъ передъ собой болѣе пристально, я увидѣлъ, шагахъ въ шестидесяти, три большія черныя массы, плотно прижавшіяся другъ къ другу и слегка покачивающіяся: это были три лося, вышедшіе было на моего сосѣда, по тропѣ, но, завидѣвъ его, остановившіеся въ нерѣшимости... Пафъ! пафъ! — раздалось два выстрѣла: это сосѣдъ мой надумалъ, наконецъ, стрѣлять. Черныя фигуры съ неимовѣрною быстротою ринулись впередъ, вдоль цѣпи стрѣлковъ, принимая направленіе въ мою сторону и предводимыя огромнымъ и красивымъ самцомъ, съ длинными раскидистыми рогами, закинутыми на спину. Странная трескотня сопровождала ихъ бѣгъ: это былъ рѣзкій, костяной стукъ заднихъ копытъ о переднія—признакъ особенно быстраго бѣга лосей. Живо вскинувъ ружье, я прицѣлился въ передняго красавца и спустилъ курокъ... Осѣчка!.. Пока я вновь поймалъ мушку (цѣль) и спустилъ курокъ второго, лѣваго, ствола, лоси уже пронеслись отъ меня на нѣсколько десятковъ шаговъ лишнихъ, такъ что мой выстрѣлъ былъ уже направленъ въ самаго задняго лося, безрогаго—или молодого, или самки. Лоси пронеслись далѣе. Сконфуженный никогда небывалою неисправностью моего ружья, я все-таки побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ были лоси въ моментъ моего выстрѣла и, къ удивленію своему и радости —весьма понятной у охотника, — увидѣлъ на бѣломъ снѣгу свѣжіе слѣды алой и пѣнистой крови: ясно было, что я ранилъ лося, и судя по цвѣту крови и ея пѣнистости, пуля попала въ легкое. Я сообщилъ объ этомъ моимъ сосѣдямъ по цѣпи, и г. N заявилъ, что это онъ ранилъ лося, а не я. Но споръ былъ тотчасъ же рѣшенъ въ мою пользу, и я, пообѣщавъ три рубля одному изъ стрѣлковъ-крестьянъ, просилъ его идти по слѣду раненаго лося. Затѣмъ мы всѣ стали вновь на свои мѣста, но уже лосей болѣе не видали: въ лѣвой сторонѣ отъ насъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, — и вскорѣ старикъ Остапъ подошелъ къ намъ и объявилъ, что охота окончена: самка прорвалась черезъ цѣпь стрѣлковъ невредимою, сохатый, большой лось убитъ былъ послѣдними выстрѣлами, а того лося, котораго я ранилъ, никто не видѣлъ и онъ черезъ цѣпь не проходилъ: было ясно, что онъ упалъ въ оступѣ, гдѣ-нибудь неподалеку.

Быстрыми шагами, на сколько дозволялъ снѣгъ, направились мы всѣ къ тому мѣсту, гдѣ былъ убитъ сохатый лось и, пройдя шаговъ 400, увидѣли большую кучку стрѣлковъ и загонщиковъ, собравшихся около убитаго звѣря; когда мы подошли ближе, намъ представилась слѣдующая непріятная и тяжелая картина. На снѣгу, залитомъ вокругъ свѣжею кровью, лежалъ громадный убитый лось, а на немъ верхомъ, съ ножемъ въ рукахъ и съ засученными по локоть рукавами, сидѣлъ одинъ изъ крестьянъ и вынималъ изъ лося свѣжія, еще теплыя и дымившіяся внутренности. Это было необходимо, такъ какъ иначе мясо лося быстро портится; къ тому жь, таковъ былъ и обычай на охотѣ на лосей: всѣ внутренности достаются стражникамъ (лѣсникамъ) и тому, главное, кто сдѣлалъ оступъ, т. е. первый замѣтилъ вошедшихъ въ участокъ лѣса лосей и обошелъ ихъ.

Начались разговоры, шумъ и обычные послѣ охоты споры... Кто курилъ, кто закуривалъ. А въ это время подошелъ къ нашей группѣ крестьянинъ, посланный мною за раненымъ лосемъ, и объявилъ, что онъ легъ (т. е. палъ) въ самой серединѣ оступа, шагахъ въ 600 отъ насъ. Я и многіе изъ охотниковъ почти бѣгомъ направились по указанію, и въ густой чащѣ лѣса, около одного большого, поваленнаго бурею дерева, нашли убитаго. Это былъ молодой, лѣтъ двухъ-трехъ, лось, самецъ, еще безъ роговъ; моя пуля попала ему между реберъ, наискось, и осталась тамъ; будучи раненъ, лось отдѣлился отъ стада и помчался, какъ шальной, куда глаза глядятъ; такимъ образомъ, онъ вбѣжалъ въ густую чащу лѣса и, встрѣтивъ на своемъ пути, поваленное дерево, перепрыгнулъ черезъ него, но при этомъ, какъ видно, потерялъ послѣднія силы и упалъ. Около него лежало нѣсколько гончихъ собакъ, лизавшихъ кровь, а глаза его были открыты, какъ у живого, и словно съ упрекомъ глядѣли на всѣхъ насъ, на этотъ темный лѣсъ, на это безоблачное, ясное небо...

Черезъ нѣсколько минутъ подъѣхали одиночныя санки и крестьяне взвалили на нихъ убитаго лося и повезли на опушку, къ тому мѣсту, гдѣ совершалась операція потрошенія перваго лося. Мы тоже размѣстились по санкамъ и поѣхали къ избѣ стражника, одиноко пріютившейся въ самомъ лѣсу: тамъ предполагалось наскоро закусить, чтобы часамъ къ 12 поспѣть къ новому мѣсту охоты, версты за двѣ, гдѣ былъ обойденъ кабанъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Безрукій артистъ.

Едва-ли кому нибудь изъ нашихъ читателей въ настоящее время знакомо имя Ноэля Массона, но, по всей вѣроятности, скоро оно сдѣлается извѣстнымъ далеко за предѣлами его отечества — Франціи. Ноэль Массонъ — молодой художникъ, пылкій, работящій. Рано или поздно онъ проложитъ себѣ дорогу къ славѣ и заслужитъ вниманіе публики. Теперь же пока онъ ученикъ, но способный и обѣщающій очень много.

Исторія его не совсѣмъ обыкновенна. Лѣтъ десять тому назадъ, въ редакціяхъ двухъ большихъ парижскихъ газетъ находился въ услуженіи мальчикъ лѣтъ восьми или девяти, черноглазый, темный, какъ мулатъ, живой, вѣчно поющій и смѣющійся, вертлявый какъ бѣлка, остроумный, дерзкій, изворотливый, какъ клоунъ, поспѣвающій одновременно всюду. Онъ былъ всеобщимъ любимцемъ. Его даже и не считали за служащаго и опредѣленныхъ обязанностей онъ не имѣлъ. Этотъ маленькій Ноэль былъ скорѣе общимъ дитятею.

Вспыхнула война. Въ Парижѣ нѣкоторыя газеты вынуждены были пріостановиться своимъ выходомъ. Потомъ явилась коммуна, газеты снова стали выходить, снова закипѣла работа, всякій занялъ свое мѣсто, только уже не видно было нигдѣ маленькаго Ноэля. Гдѣ онъ? Что съ нимъ случилось? никто не зналъ.

И маленькаго Ноэля не пощадила война! И онъ также принесъ жертву общественному бѣдствію. Въ одинъ прекрасный день, въ одну изъ редакцій парижскихъ газетъ явился блѣдный, больной юноша. Обѣ руки были у него отняты до локтей. Это былъ маленькій Ноэль.

— Это ты, маленькій Ноэль? Откуда? Что съ тобою? спросилъ редакторъ.

— Смотрите.

И со слезами на глазахъ онъ показалъ на свои руки. Къ правой было придѣлано что-то въ родѣ деревянной руки, къ лѣвой — желѣзный крючекъ. Вотъ что представлялъ теперь изъ себя этотъ нѣкогда полный жизни, здоровья и веселья одиннадцатилѣтній мальчикъ. Онъ разсказалъ самую простую исторію.

Разъ какъ то, уже послѣ окончанія войны, онъ и другіе мальчики, играя на холмахъ Шомона, выкопали гранату. Съ свойственною дѣтямъ неосторожностью, они занялись этою прекрасною, по ихъ мнѣнію, игрушкою. Имъ пришло на умъ изслѣдовать ея содержимое. Кому же было сдѣлать это какъ не предпріимчивому маленькому Ноэлю? И онъ взялся за это дѣло. Онъ ударяетъ по гранатѣ. Раздается взрывъ... Сбѣжался народъ. Окровавленнаго, полумертваго, съ оторванными руками, мальчика отнесли къ матери.

Чѣмъ можно было утѣшить этого несчастнаго ребенка, неспособнаго къ труду и безъ всякихъ средствъ къ жизни? Редакторъ сжалился надъ нимъ и взялъ его къ себѣ, но чтобы маленькій Ноэль не счелъ себя живущимъ у него изъ милости, онъ придумывалъ ему кое-какія занятія и всѣми средствами щадилъ гордость маленькаго калѣки.

Несчастіе не прошло безъ слѣда. Характеръ маленькаго Ноэля значительно измѣнился. Это уже не былъ болѣе шаловливый ребенокъ; онъ сдѣлался серьезнымъ, хотя и не скучнымъ, размышляющимъ, и было очевидно, что голова его работала. Онъ скоро освоился съ своимъ положеніемъ и владѣлъ своею деревянною рукой въ совершенствѣ: отворялъ двери, перелистывалъ книги, завязывалъ себѣ галстукъ, писалъ, держа въ зубахъ перо или карандашъ. Спустя нѣкоторое время стали замѣчать, что онъ запирался въ чуланъ, куда сваливались разныя ненужныя бумаги. Кто-то подглядѣлъ за нимъ и тогда узнали, что въ чуланѣ Ноэль занимался рисованіемъ. Посмотрѣли его рисунки. Конечно, они были обыкновенные, дѣтскіе, но бойкость и грація штриха указывали на несомнѣнное дарованіе. Какъ всегда къ сожалѣнію, бываетъ, нашлись люди насмѣхавшіеся надъ мальчикомъ. «Каково! говорили они, — нашъ безрукій Ноэль художникъ! Ужь не явился-ли у насъ новый Дюкарнè»; и проч. и проч. Однакожъ, и насмѣшливые и сочувственные толки о Ноэлѣ дошли до слуха художника Максима Лаланна. Онъ пожелалъ видѣть и ему показали нѣсколько рисунковъ Ноэля. Въ этихъ рисункахъ талантливый художникъ увидалъ дѣйствительный талантъ и взялъ ребенка подъ свое покровительство и сталъ давать ему уроки.

Въ скоромъ времени Ноэль оказалъ блестящіе успѣхи. Черезъ шесть мѣсяцевъ онъ уже рисовалъ превосходно. Затѣмъ Ноэль выразилъ желаніе учиться гравированію. Въ его деревянную руку вложили рѣзецъ и въ нѣсколько уроковъ онъ владѣлъ имъ такъ же хорошо, какъ и карандашомъ и вскорѣ появился въ печати его первый офортъ. Лаланнъ, вообще строго относящійся къ своимъ ученикамъ, и не любящій расточать имъ похвалъ, не разъ говорилъ маленькому Массону:

— Это хорошо, я доволенъ тобою.

Послѣ перваго опыта явилось уже нѣсколько гравюръ Ноэля; онѣ отличаются тонкостью, чистотою отдѣлки и рельефностью.

Въ настоящее время, «маленькій Ноэль» уже восемнадцатилѣтній красивый юноша, работающій безъ устали и пролагающій себѣ дорогу къ славѣ. Онъ вполнѣ артистъ. Гравюры его уже раскупаются любителями. На выставкѣ въ Ниццѣ всѣми посѣтителями ея замѣчены его шесть офортовъ и четырнадцать рисунковъ перомъ. Вѣроятно, его гравюры и рисунки появятся и на парижской всемірной выставкѣ и будутъ воспроизведены въ нѣсколькихъ иллюстрованныхъ изданіяхъ.

Фанты.

(Рис. стр. 301).

Имя изобрѣтателя игры «въ фанты» неизвѣстно. Такова участь многихъ людей, подарившихъ міръ самыми полезными открытіями. Но если имя этого человѣка сдѣлается когда-нибудь извѣстнымъ, и благодарное потомство захочетъ почтить его памятникомъ, достойнымъ его благодѣянія, то главною фигурою на этомъ монументѣ долженъ быть Купидонъ, и непремѣнно съ натянутымъ лукомъ, на томъ основаніи, что невинная, повидимому, игра служитъ зачастую тою канвою, на которой любовь вышиваетъ свои узоры, — иногда мимолетные, иногда прочные до того, что они превращаются въ пожизненные узы (не всегда золотыя, не всегда сотканныя изъ розъ!). Но пока идетъ еще игра въ фанты, богъ Гименей не выступаетъ на сцену; она принадлежитъ всецѣло его шаловливому кузену Амуру; подъ покровомъ невинныхъ шутокъ и ребяческихъ выходокъ, хитрый божокъ строитъ свои ковы, изъ чего слѣдуетъ, что «фанты» имѣютъ несравненно болѣе важное соціальное значеніе, чѣмъ то признаютъ многіе ученые правоописатели.

Приходило-ли когда-нибудь въ голову этимъ господамъ пересчитать то количество браковъ, которое заключается именно вслѣдствіе того или другого носового платка, серьги, браслета, вынутыхъ при извѣстномъ возгласѣ: «чей фантъ вынется, что тому дѣлать?» Сколько людей, вынужденныхъ игрою подать руку другъ другу, такъ и оставили эти руки соединенными, хотя до того времени не рѣшались на это, или даже вовсе не подозрѣвали своихъ собственныхъ чувствъ!

А самая прелесть условій этой игры, допускающей даже и поцѣлуй... оффиціальный, публичный, но всегда цѣнный, если его дарятъ хорошенькія, свѣжія губки!

Талантливый художникъ, гравюра съ которой помѣщена въ настоящемъ нумерѣ «Жив. Об.», превосходно понялъ характеръ наивно-лукавой игры и передалъ его съ остроумнѣйшею отдѣлкою всѣхъ деталей.

Дѣйствіе происходитъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, когда кодексъ общественныхъ приличій былъ менѣе сложенъ и строгъ, въ сношеніяхъ частныхъ лицъ господствовала большая непринужденность, веселое словцо допускалось въ бесѣду и,—нечего грѣха таить,—кокетничанье было возведено въ своего рода принципъ. Надо тоже сказать, что на все это беззаботное времяпрепровожденіе, прабабушки и прадѣдушки наши имѣли болѣе часовъ, чѣмъ мы, бѣдные ихъ потомки, для которыхъ сутки всегда слишкомъ коротки, не смотря на изобрѣтеніе паровозовъ и телеграфовъ.

Это кокетничанье или, иначе говоря, то влюбленное настроеніе, которымъ былъ насыщенъ воздухъ того времени, выражено прекрасно на нашемъ рисункѣ. Пожилой господинъ въ очкахъ требуетъ отъ своей красивой собесѣдницы мадригала, обращеннаго къ его собственной особѣ; она должна сказать любезнѣйшіе стихи, чтобы выкупить свой фантъ—батистовый платокъ съ завязаннымъ на немъ узелкомъ. Въ центрѣ картины забавная группа: молодая женщина, взявшая въ видѣ фанта какой-то медальонъ у молодого, очень красиваго человѣка, ставитъ цѣною выкупа самую исторію этой вещицы. Молодой человѣкъ повинуется и разсказываетъ вздоръ, дѣлая намеки, смущающіе, если не любопытную красавицу, то ея застѣнчивую подругу, за которою онъ позволялъ себѣ отчаянно ухаживать въ этотъ вечеръ. Рядомъ съ ними еще пара: молодая особа и молодой человѣкъ, которымъ пришлось, по волѣ игры, представлять цѣлые полчаса жениха и невѣсту, выслушивая при томъ всевозможныя замѣчанія на свой счетъ. Это ничего бы еще, но при дальнѣйшемъ ходѣ игры, «жениху» досталась подвязка «невѣсты» и онъ требуетъ, — очень учтиво, конечно, но и очень настойчиво,—права возвратить ее лично на подобающее ей мѣсто... что невозможно, это разумѣетъ даже и шпицъ, принявшійся громко лаять при видѣ такого дерзновенія. Почтенная родительница, слѣдящая изъ за портьеры за весельемъ молодежи, думаетъ про себя: «И въ наше время тоже самое бывало... Дурного тутъ нѣтъ... А почему знать?.. Онъ хорошъ собою, уменъ, съ состояніемъ... словомъ, отличный женихъ... можетъ быть, игра осуществится на дѣлѣ, и эта подвязка свяжетъ ему сердце навѣкъ... Не глупъ былъ тотъ, кто выдумалъ игру въ фанты!»

Паскарель.

Романъ Уида.

(Переводъ А. А. Разсказовой.)

(*Продолженіе.*)

IV.

Подъ финансовымъ управленіемъ Паскареля мои гульдены казались неистощимыми. До сихъ поръ я не появлялась на сценѣ, хотя онъ серьозно подготовлялъ меня къ этому со всѣмъ искусствомъ и безошибочнымъ инстинктомъ, выработаннымъ имъ долгой практикой.

Тѣмъ временемъ онъ вездѣ наводилъ справки объ моемъ отцѣ и Флоріо, но или дѣйствительно никто ничего не зналъ о нихъ; или же, тѣ которые знали, не хотѣли получили приказаніе не говорить о мѣстѣ жительства отыскиваемыхъ мною людей... Честно, неутомимо розыскивалъ Паскарель, но не особенно огорчался неудачными результатами поисковъ.

Прежде, чѣмъ покинуть Флоренцію весной, онъ отправился въ Верону еще разъ попробовать, не узнаетъ-ли онъ что-нибудь о моемъ отцѣ. Впослѣдствіи только я узнала, что это путешествіе сопряжено было съ большою опасностію и съ переодѣваніемъ, чтобы не быть узнанымъ австрійцами, ненавидѣвшими его; объ этомъ онъ мнѣ ничего не сказалъ въ то время, а объ опасности не поминалъ никогда.

На время своего отсутствія онъ помѣстилъ меня въ домъ своего друга Орфео Орландучіо, хозяина мозаичнаго заведенія. Орландучіо былъ вдовцомъ, имѣлъ единственную маленькую, хорошенькую дочь, по имени Бисс. Они были добры ко мнѣ; жили въ своемъ темномъ старинномъ домѣ, рѣшетчатыя окна котораго напоминали тюрьму, а массивныя съ богатой рѣзьбой комнаты были пропитаны тѣмъ удивительнымъ ароматичнымъ запахомъ старины, которымъ полны улицы Флоренціи.

На четвертый день моего пребыванія у нихъ, добрый Орфео, возвращаясь съ рынка, былъ арестованъ и посаженъ въ Бареелло по обвиненію въ заговорѣ. Я не знаю почему, но всѣ либеральные мыслители были подъ подозрѣніемъ въ тѣ дни. Его подмастерья пришли извѣстить объ этомъ домашнихъ и веселенькая Бисс, одиннадцатилѣтній ребенокъ горько плакала о своемъ отцѣ, пока вечеромъ не пріѣхала за нею крестная мать, крестьянка изъ Казентино, и не увезла къ себѣ до освобожденія ея отца.

Я помню то чувство пустоты и одиночества, которое я испытывала по отъѣздѣ беззаботнаго ребенка, смѣявшагося сквозь слезы, и когда подмастерья, взявъ свои шапки, удалились, съ глупымъ любопытствомъ посмотрѣвъ на меня, и женщина поденщица, убравъ горшки и выметя кухню, тяжелой поступью медленно прошла по каменному коридору и массивная, окloченная гвоздями, дверь захлопнулась за нею.

Вдругъ сердце мое забилось радостно при звукѣ легкихъ шаговъ на лѣстницѣ и чистый пріятный тосканскій голосъ раздался въ темнотѣ:

— Моя милая дѣвушка, вы здѣсь однѣ?

Я весело бросилась къ нему на встрѣчу и только въ ту минуту, когда онъ опустился на дубовое сидѣнье у холоднаго очага, рядомъ со мною, я замѣтила, что онъ грустенъ, утомленъ.

— Да, Орфео въ тюрьмѣ, сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ.—Тутъ нечѣмъ помочь. Онъ знакомъ съ Мадзини, у него нашли кое-какія бумаги... впрочемъ, нечего объ этомъ говорить. Дитя его въ безопасности и онъ вернется домой черезъ годъ, или даже раньше.

Онъ замолчалъ. Лампа слабо горѣла. Домъ казался пустымъ, а онъ о чемъ то глубоко задумался. Вдругъ онъ заговорилъ съ грустью въ голосѣ, которая за живое затронула меня, такъ какъ мнѣ показалось, будто онъ желалъ отдѣлаться отъ меня.

— Я ничего не узналъ въ Веронѣ. Никто не видалъ вашего отца, никто ничего не могъ сообщить мнѣ о немъ. Да никто кажется и не знаетъ, такъ же, какъ и вы сами, кто и что онъ такое въ дѣйствительности. Но я слышалъ другую грустную исторію... о вашемъ старомъ учителѣ.

— Амброзіо! вскричала я, вспоминая бѣднаго одинокого старика.

— Да, дорогая дѣвушка, отвѣчалъ Паскарель.—Онъ умеръ въ ту ночь какъ вы покинули Верону. Его нашли мертвымъ у холоднаго очага, на его чердакѣ, совершенно одного. Первыми увидали его дѣти, пришедшія брать урокъ.

Бѣдный дорогой учитель!

И я горько заплакала; Паскарель не мѣшалъ мнѣ, не утѣшалъ. Я разсказала ему исторію Амброзіо.

— Вы никогда не должны болѣе говорить объ этомъ, дитя. Это тайна умершаго. Онъ предпочиталъ хранить ее при жизни и вы должны также хранить ее послѣ его смерти. Ротвальдъ богатъ и знатенъ. Да, закона возмездія не существуетъ на этомъ свѣтѣ.

— Но зачѣмъ же Богъ допускаетъ такую недобросовѣстность? сказала я, съ горемъ вспоминая моего бѣднаго страдальца учителя.

Паскарель вздохнулъ.

— О дитя! Этой проблемы не могъ рѣшить человѣкъ въ продолженіи тысячъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ существуетъ. Мы узнаемъ это только тогда, когда душа наша разлучится съ тѣломъ... но, можетъ быть, и на этомъ свѣтѣ существуетъ наказаніе, о которомъ мы не знаемъ... Послушайте, развѣ вы никогда не слыхали исторію Андреа даль-Кастаньо, который жилъ здѣсь по близости? Нѣтъ?.. Онъ и знаменитый венеціянецъ Доменико были большими друзьями; они жили въ однѣхъ комнатахъ, рисовали въ одной студіи, были неразлучны въ прогулкахъ и удовольствіяхъ, стремленіяхъ и усиліяхъ и во всемъ городѣ слыли символомъ вѣрной дружбы. Ну-съ, разъ вечеромъ венеціянецъ вышелъ по обыкновенію съ мандолиной подъ плащемъ, чтобы дать серенаду при лунномъ свѣтѣ своей милой; и вотъ, подъ темной аркой улицы скрывалась въ ожиданіи его темная фигура и онъ получилъ нѣсколько ранъ кинжаломъ и пѣснь любви замерла въ его горлѣ... онъ былъ убитъ.

— Кто убилъ его?

— Въ городѣ никто не зналъ. Андреа спокойно занимался своимъ рисованіемъ при свѣтѣ лампы, когда принесли домой умирающаго; онъ рвалъ на себѣ волосы, разорвалъ платье съ мучительными воплями надъ окровавленнымъ тѣломъ мертваго друга. Между тѣмъ убійцей былъ Андреа. Изъ зависти, говорятъ одни; изъ ревности, говорятъ другіе. Кто правъ, до сихъ поръ неизвѣстно. Андреа прожилъ въ чести всю свою жизнь. Онъ былъ великимъ артистомъ и всѣ его

хвалили. Никогда на него не падало подозрѣніе. Не принялъ-ли онъ послѣдній вздохъ и благословеніе Доменико, умершаго на его рукахъ? Болѣе того, правительство поручало ему рисовать измѣнниковъ, повѣшенныхъ за ноги на городскихъ стѣнахъ и у него ни разу рука не дрогнула. Вся его долгая жизнь была днемъ славы. Однакожь, не смотря на богатство и славу, что люди обыкновенно зовутъ счастіемъ, онъ никогда совершенно не могъ забыть о своемъ преступленіи. Онъ не переставалъ видѣть передъ собой доброе, вѣрное лицо своего друга при свѣтѣ лѣтней ночи; онъ никогда не переставалъ слышать знакомые звуки послѣдней пѣсни любви, замирающіе въ смертной судорогѣ; его никогда не переставало преслѣдовать воспоминаніе его вины; никогда; потому что, хотя онъ скрывалъ о своемъ преступленіи во всю свою жизнь, онъ не могъ утаить объ этомъ при смерти. На смертномъ одрѣ онъ сознался въ своемъ преступленіи, и Флоренція, хотя былъ уже десятый часъ, разорила его домъ и обезчестила его: она погребла его, какъ преступника.

Я вздрогнула при этихъ словахъ. Этотъ разсказъ въ старинной флорентинской комнатѣ, недалеко отъ самаго мѣста преступленія, имѣлъ въ себѣ что-то призрачно-ужасное. Я придвинулась ближе къ Паскарелю и онъ, протянувъ руку, взялъ мою.

— Я разсказалъ вамъ слишкомъ страшную исторію, нѣжно произнесъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, проговорила я, — это не то. Но мой бѣдный, старый учитель! Если Андреа и былъ наказанъ, отъ этого не легче стало Доменнку. Это не возвратило ему ни жизни, ни любви...

— Да, вознагражденія Доменику тутъ не было, съ грустью сказалъ Паскарель. — Но Андреа былъ наказанъ. Я разсказалъ эту исторію, чтобы показать вамъ, что часто тамъ, гдѣ въ нашемъ воображеніи господствуютъ слава и благоденствіе, — тамъ горитъ огонь неугасаемый, который люди зовутъ угрызеніемъ совѣсти. Вашъ учитель предоставилъ Богу наказать Ротвальда. Мы должны поступить также. А теперь, милая дѣвушка, вы дрожите въ этой холодной темной комнатѣ. Пойдемте къ теплу и свѣту и забудемъ эти тяжелыя размышленія. Вамъ приходится кочевать съ нами; того требуютъ Парки па оникеѣ. Чтожь, клянусь, вамъ не придется раскаяваться въ вашемъ ко мнѣ довѣріи.

Онъ слегка дотронулся губами до моей руки и мы спустились по каменной лѣстницѣ и ушли изъ мрачнаго, пустыннаго дома мозаичнаго мастера.

V.

Мы оставались во Флоренціи во время великаго поста. Помню однажды подъ вечеръ, гуляя, мы направились изъ Романскихъ воротъ къ холмамъ. Онъ велъ меня къ обсерваторіи Галилея по извивающейся тропинкѣ между холмами, усѣянными бѣлымъ цвѣтомъ фруктовыхъ деревьевъ. Время испортило много старинныхъ мѣстъ, достойныхъ поклоненія, но старая обсерваторія еще неповреждена; она стоитъ высоко на холмѣ, окружена спокойными садами, расположенными на склонахъ холма; на дворѣ ея фонтанъ и дикіе лѣсные цвѣты, высовывающіе свои яркія головки изъ разсѣлинъ старыхъ камней. Поколѣнія являлись и исчезали; много разъ долины внизу краснѣли отъ огня нападающихъ, и пламя превращало плодородную землю въ почернѣвшую пустыню; много разъ тишина оливковыхъ рощъ нарушалась шумомъ войны и революціи и тѣла мертвыхъ людей падали густо, какъ осенніе листья, въ окрашенныя кровью воды. Но ничего не измѣнилось здѣсь, гдѣ, среди цвѣтущихъ виноградниковъ, стоитъ эта старая каменная четыреугольная громада.

Мы спугнули голубей, мирно поселившихся между розовыми кустами, переходя по темному, спокойному двору къ деревянной лѣстницѣ на открытую крышу, гдѣ великій тосканецъ просидѣлъ много ночей съ внимающими ему учениками.

— Какъ хороша она отсюда! сказалъ Паскарель съ любовію смотря на Флоренцію. — Я много видалъ на своемъ вѣку, но никогда не встрѣчалъ ничего такого, чтобы могло заставить забыть ее. Взгляните на нее теперь. Она лежитъ какъ древняя золотая галера на серебристомъ, освѣщенномъ луною морѣ.

Дѣйствительно хороша была въ этотъ вечеръ эта Царица Лилій. Солнце еще освѣщало ее своимъ полнымъ блескомъ.

Наклонившись на сломанный край башни я смотрѣла па Флоренцію и невольно припомнила сонъ пророка о новомъ Іерусалимѣ; каждый камень въ ней казался преображеннымъ; казалось, она построена изъ золота и вымощена имъ.

Долго мы стояли, любуясь ею съ высоты башни; стояли, пока солнце закатилось, и замеръ его послѣдній отблескъ и тишина вечера спустилась на холмы и долины, и большая сѣрая сова пролетѣла мимо нашихъ лицъ.

— Твои предки видѣли Галилея? сказалъ ей вслѣдъ Паскарель, — и, конечно, считали его великимъ глупцемъ, сидящимъ тутъ съ лицомъ обращеннымъ къ звѣздамъ, вмѣсто того, чтобы охотиться за ночными бабочками или убивать мышей подъ корнями оливковыхъ деревьевъ. И совы и тогдашній свѣтъ были о немъ одинаковаго мнѣнія. Кто бы не предпочелъ тогда лучше быть совой, чѣмъ Галилеемъ?

— Вы серьезно это говорите? спросила я, до сихъ поръ не умѣя отдѣлять его мысли отъ его языка.

— Altro! сказалъ онъ, бросая камень внизъ въ оливковое дерево. — Кто не предпочелъ бы быть совою? Избѣжать труда и дневныхъ заботъ, заснувши въ удобномъ дуплѣ; просыпаться затѣмъ, чтобы убивать и ѣсть; клясться, что такой вещи, какъ солнце, не существуетъ, потому что по слѣпотѣ своей мы не видимъ его, — что можетъ быть лучше этого? Это самый популярный типъ, въ десять тысячъ разъ популярнѣе Галилея!

Я смотрѣла на него, стоявшаго облокотившись на парапетъ крыши. Онъ въ настоящую минуту имѣлъ для меня гораздо болѣе интереса, чѣмъ Галилей или совы. Мнѣ казалось въ высшей степени страннымъ, что человѣкъ, обладающій такой разносторонней ученостью, такими всесторонними понятіями и глубокой наблюдательностью, по своей волѣ тратитъ жизнь и способности на незавидное положеніе странствующаго актера.

— Что васъ заставило избрать жизнь, которую вы ведете? спросила я его недовѣрчиво.

— Я влюбился, быстро отвѣчалъ Паскарель, — не въ первый, не въ пятый разъ, конечно, но во всякомъ случаѣ довольно сильно. Труппа французскихъ комедіантовъ нарушила величавое безмолвіе Пизы. Это были веселые, бѣдные, беззаботные люди, дававшіе длиннѣйшія представленія. Большая часть изъ нихъ были искусные актеры, какіе нерѣдко встрѣчаются между французами. Въ этой труппѣ была дѣвушка, которую прозвали Зинзарой за ея злой языкъ. Не знаю, была ли она хороша, но въ ней было то, что называется le diable au corps... вы не понимаете, ну не велика важность!... Видѣть Зинзару сначала въ роли Федры, а затѣмъ танцующею канканъ было для меня чѣмъ то въ родѣ откровенія. Я всегда говорилъ, что женщины не обладаютъ геніемъ, но передъ Зинзарой я пасовалъ. Выполненіе ею ролей въ пьесахъ Расина было чудомъ, — такъ же, какъ и ея супы и салады. Она вытягивала изъ васъ всю душу цѣлымъ водоворотомъ страсти, шепотъ ея напоминалъ шипѣніе змѣи, глаза метали огонь и страсть, а полчаса спустя вы видѣли ее въ бѣдной комнаткѣ, съ засученными рукавами заправляющей своими длинными бѣлыми руками саладъ и свекловицу и стряпающей яичницу съ искуствомъ, которому могла бы позавидовать большая часть парижскихъ поваровъ. Она была истинная француженка. Она сдѣлала изъ меня актера. Мнѣ всегда нравилась кочующая жизнь, но когда я увидалъ этого парижскаго москита, мой жребій былъ брошенъ. Я только, что кончилъ курсъ въ Пизѣ и получилъ всѣ степени, какія можно было получить. Правда, мнѣ предлагали занять кафедру математики. Видите ли, извѣстность была въ моей власти. Но мнѣ было двадцать два года; къ тому же я итальянецъ и Паскарель — и они вообразили, что я могу поселиться на всю жизнь въ древней Пизѣ, какъ старая сова на колокольнѣ, и проживу тутъ до старости молчаливый и забытый и людьми и Богомъ, какъ сама Пиза. Впрочемъ, они желали мнѣ добра, не сознавая, что я неспособенъ на такое серьезное занятіе. Академія... но, впрочемъ, если бы я и захотѣлъ остаться въ университетѣ, Зинзара уничтожила бы всѣ мои благія намѣренія. Я былъ очень привязанъ къ своей комнатѣ въ высокой башнѣ, подъ самыми стѣнами которой протекала рѣка. Она была наполнена паутиной, легендами и привидѣніями, но я спалъ въ тѣ дни слишкомъ крѣпко, чтобы заботиться о такихъ пустякахъ. У меня тамъ были сотни книгъ и трубъ, и призмъ, и телескоповъ, и я провелъ въ ней цѣлыхъ семь лѣтъ, подобно Фаусту, съ тою лишь разницею, что передо мной въ будущемъ была цѣлая жизнь. Я любилъ свою комнату и мнѣ жаль было разстаться съ нею и это меня почти подкупало оставаться въ Пизѣ. Но разъ утромъ, перечитывая въ сотый разъ произведенія Платона, я услыхалъ веселый шумъ и смѣхъ внизу на улицѣ; выглянувъ въ окно, я увидѣлъ кучку путешественниковъ, весело собирающихся въ путь. Это были: Зинзара и ея спутники, возвращающіеся во Францію. Яркое солнце, пучки спѣлыхъ вишень въ ихъ рукахъ, пѣніе и смѣхъ, пыль на дорожныхъ платьяхъ, зеленая страна и синее море, къ которымъ они направлялись, очарованіе перемѣны и веселая постоянно разнообразная жизнь, — все это были такія чары, которыя неотразимо дѣйствовали на меня, не говоря уже о томъ, что я былъ влюбленъ въ бѣдную Зинзару, — и я рѣшился. Не прошло и часу, я передалъ свою комнату, книги и инструменты моему лучшему другу Эціо Люціоне и догналъ москита и ея друзей около полудня по дорогѣ къ Ливорно. Съ этого дня я сдѣлался актеромъ. Два года я прожилъ съ этой труппой, кочуя вдоль Ривьеры или въ горахъ Савойи. Зинзара выучила меня всему, что сама знала. Здѣсь, а не на профессорской кафедрѣ, я нашелъ свое призваніе. Я писалъ для нихъ комедіи и небольшія пьесы. Къ концу второго года труппа распалась; было чудомъ, что она такъ долго держалась, потому что актеры трудно уживаются между собою. Я отправился въ Парижъ, гдѣ продолжалъ играть. Но я никогда не любилъ Парижа. Подъ блестящими цинковыми крышами, среди блеска бѣлыхъ домовъ и позолоты, я соскучился по нашимъ большимъ мрачнымъ дворцамъ, историческимъ тропинкамъ, освѣщеннымъ луною, по наполненнымъ неясными звуками долинамъ и по широкому простору равнинъ, гдѣ разгуливаютъ вѣтеръ да облака. Вы знаете ихъ. Всякій, жившій въ Италіи, знакомъ съ ними, а кто не видалъ ихъ, тому не зачѣмъ говорить о нихъ.

— Что случилось съ Зинзарой?

— О обыкновенная исторія. Сначала она очень любила меня, потомъ подцѣпила маркиза изъ Монако... боюсь что, фальшиваго... и пустила въ меня салатникомъ. Женщины всегда бросаютъ

Фанты. Картина Ж. ГЕЙССЕРА.

въ насъ первой вещью, попавшейся подъ руку, когда недовольны собою, что любили насъ: геніальная личность броситъ ядовитое «Elle et lui»*), а бѣдная актриса кухонную посуду. Можетъ быть, послѣднее и лучше. Бѣдная Зинзара! Я никогда не узналъ, что случилось съ нею. А она обладала своего рода геніемъ и въ трагедіи и въ стряпнѣ. Миръ да будетъ съ нею, гдѣ бы она ни была, она оживила мнѣ два веселые года, выучила меня сценическому искусству и только разбила свой салатникъ, пощадивъ мою голову и мое сердце.

Я молча слушала его; я смутно и неясно понимала его страсть къ Зинзарѣ, но безпокойное нетерпѣніе овладѣвало мною, когда я слышала, что онъ говоритъ о любви къ какому бы то ни было живому существу.

Онъ болѣе не говорилъ; ночь наступила быстро, какъ и всегда въ Вальдарно, какъ только солнечный дискъ скрылся за горами Карары. Мы медленно спустились съ лѣстницы, черезъ дворъ и оливковыя рощи къ городу. Флоренція была очень тиха въ эту ночь; была страстная недѣля. Изрѣдка изъ какой-нибудь полуоткрытой двери, доносились звуки Miserere. То тамъ, то тутъ мелькала на бѣлой мостовой тѣнь монаха, то тамъ, то тутъ слабо мерцалъ огонь лампадки передъ изображеніемъ святого на улицѣ, украшеннаго тѣми цвѣтами безъ запаха, которые служатъ символомъ безсмертія.

Но Флоренція не можетъ быть совершенно грустна. Ея слезы и улыбки граничатъ такъ близко между собою. Одной рукою она перебираетъ свои четки, другою трогаетъ струны лютни. Даже теперь, не смотря на послѣдніе дни страстной недѣли, изъ высокого окна старинной башни лились звуки мандолины; нѣсколько мужчинъ и женщинъ, возвращаясь съ поля домой съ букетами лилій, попавъ въ освѣщенное луннымъ сіяніемъ мѣсто, начали танцевать, а молодой мальчикъ предшествовалъ имъ со скрипкой. Паскарель смотрѣлъ и слушалъ, потомъ, продолжая путь, сказалъ съ улыбкой.

— Что можетъ быть лучше моей Флоренціи? Многіе говорятъ, что я говорю объ ней, какъ о волшебномъ городѣ. Да, она и есть волшебный городъ для всякаго поэта, для всякаго влюбленнаго. Развѣ не была она построена для забавы Флоры и Венеры въ одну ночь Геркулесомъ изъ камней, сдѣланныхъ изъ золотыхъ водъ Арно, и поставлена на лугахъ лилій? Геркулесъ далъ ей при рожденіи свою силу, Флора, довольная этимъ произведеніемъ дотронулась до почвы, говоря: «Цѣлый круглый годъ будутъ цвѣсть цвѣты, не переставая ни въ какое время года», а Венера, столь же довольная, позвала своего сына и сказала ему: «Когда ты будешь бросать сюда свои стрѣлы, увивай ихъ розами, окриляя ими и орла и голубку».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

*) Жоржъ-Зандъ.

Эмиль Золя.

Біографическій и критическій этюдъ.

Ф. Долинина.

I.

Русская публика весьма интересуется иностранной беллетристикой, судя по количеству ежегодно ею прочитываемыхъ романовъ, можно было бы думать, что она очень компетентна въ исторіи новѣйшей западной литературы,—но такое заключеніе было бы ошибочно: читается, или, собственно, проглатывается много, разбирается мало. — Сю и братья Гонкуръ, Бальзакъ и Февалъ нерѣдко стоятъ рядомъ въ представленіи читателя. Въ 1876 года г. Боборыкинъ пытался изложить исторію движенія французской беллетристики за послѣднее пятидесятилѣтіе. Въ настоящее время эта же цѣль, только съ большимъ успѣхомъ, достигается Золя, изданіемъ отдѣльно тѣхъ его писемъ, которыя представляютъ критическіе этюды о наиболѣе выдающихся писателяхъ того же періода.

Письма эти опубликовать на французскомъ языкѣ авторъ только намѣревается, раньше (съ 1875 г.) они печатались въ «Вѣстн. Европы» и теперь вышли только на русскомъ же языкѣ — такимъ образомъ, они принадлежатъ русской литературѣ. Такое ихъ качество — произведенія русскаго писателя — обратило на Золя вниманіе русской печати, какъ на критика, раньше извѣстнаго за талантливаго беллетриста.

Не соглашаясь съ отзывами русской печати, образчики которыхъ я привожу ниже, остановлюсь нѣсколько подробнѣе на этой книгѣ.

Но прежде чѣмъ заняться произведеніемъ, я скажу о самомъ авторѣ, такимъ образомъ, я примѣню критическій методъ, употребляемый самимъ Золя и состоящій въ томъ, чтобы смотрѣть на писателя, какъ на продуктъ расы, среды и времени, и на его произведеніе, какъ на неизбѣжный результатъ, частное выраженіе взаимодѣйствія этихъ трехъ условій. При этомъ дѣло критика сводится къ опредѣленію, вытекаетъ-ли логически произведеніе изъ данныхъ условій пространства и времени и, затѣмъ, ему останется только указать на особенности таланта разбираемаго автора.

Золя беллетристъ, критикъ, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ представителей современной французской литературы; въ немъ она получила полное свое выраженіе.

Въ высшей степени интересно и поучительно наблюдать такую личность.

Золя въ настоящее время 37 лѣтъ *). Родился онъ въ Парижѣ, въ центрѣ одного изъ народныхъ кварталовъ. Отецъ его—венеціанецъ, мать француженка изъ провинціи Beauce;—подробности не излишнія, такъ какъ указываютъ на вліянія, въ силу которыхъ слагался темпераментъ, и на первыя впечатлѣнія дѣтства. Съ трехъ до семьнадцати лѣтъ онъ жилъ въ Провансѣ. Семи лѣтъ онъ лишился отца. Учился въ коллежѣ города Э. Эти годы, проведенные среди южной природы, до сихъ поръ вспоминаются имъ, какъ лучшія минуты жизни. Любопытно постепенное развитіе его литературныхъ вкусовъ, начавшееся восторгами Гюго и кончившееся полнымъ не только преклоненіемъ, но и совершеннымъ усвоеніемъ принциповъ натуральной школы.

«Кто жилъ въ одномъ изъ южныхъ городовъ, дремлющихъ на солнцѣ, говоритъ онъ, — тому хорошо знакомо ощущеніе тоски, испытываемое въ нихъ. Долгіе дни проходятъ въ мечтахъ о дальнихъ путешествіяхъ, о шумной жизни, исполненной всякихъ приключеній, о колоссальномъ трудѣ, совершаемомъ въ какомъ-нибудь большомъ центрѣ».

Лѣтомъ онъ съ друзьями гулялъ по окрестностямъ, купался въ рѣкѣ—любимое удовольствіе. Зимой они бѣгали въ сосѣднія деревни ѣсть яичницу, съ наслажденіемъ прислушиваясь къ звону замерзшей земли и восхищаясь яснымъ синимъ небомъ. Осенью они дѣлались охотниками—въ той мѣстности совсѣмъ не водится дичи—они если и стрѣляли иногда, то только, чтобы насладиться грохотомъ выстрѣловъ. Охота кончалась всегда мечтами подъ деревомъ. Поэзія овладѣла ими всецѣло: въ карманахъ и охотничьихъ сумкахъ были книги — сначала это были стихотворенія Виктора Гюго.

«Въ теченіе цѣлаго года В. Гюго царилъ надъ нами, какъ абсолютный монархъ. Онъ завоевалъ насъ яркостью своихъ красокъ, онъ приводилъ насъ въ восторгъ своей мощной риторикой и повергалъ въ почтительное изумленіе и безмолвія поразительными фокусами, выкидываемыми имъ въ каждой строфѣ. Мы знали наизустъ многіе стихотворенія, въ сумерки возвращались домой подъ мирный ритмъ прекрасныхъ стиховъ, звучныхъ, какъ труба».

*) Данныя для его біографіи мы имѣемъ въ собственномъ его письмѣ къ г-ну Боборыкину и въ Парижскихъ Письмахъ.

Разъ какъ то попался имъ въ руки томъ стихотвореній Альфреда де Мюссе. Онъ заинтересовалъ ихъ: насмѣшливый романтизмъ его позволялъ отдыхать отъ убѣжденнаго романтизма В. Гюго. Баллада къ лунѣ приводила ихъ въ восторгъ, какъ вызовъ, брошенный и классикамъ, и романтикамъ.

«Какъ громкій хохотъ независимаго ума, въ которомъ наше поколѣніе признавало брата». Сначала очаровала шаловливость, потомъ покорила глубокая гуманность. «Сквозь ребяческій смѣхъ его мы разобрали слезы и съ этой минуты онъ сталъ любимымъ поэтомъ нашимъ».

«Викторъ Гюго въ изгнаніи представлялся намъ какъ бы въ апофеозѣ. Не смотря на наше поклоненіе ему, мы были не изъ его приверженцевъ, и раздѣляли восторги его современниковъ лишь подъ условіемъ подвергнуть современемъ анализу эти восторги. Въ насъ смутно уже шевелилась реакція, новое литературное движеніе, неизбѣжно долженствовавшее проявиться. Мы уже начинали мало по малу увлекаться точнымъ анализомъ... Злоупотребленіе риторикой—вотъ, что убило въ насъ Виктора Гюго. И мы полюбили Мюссе за то, что риторики у него не существуетъ. За то, что онъ безъ угрозъ трогаетъ наши сердца... Онъ говорилъ намъ о женщинахъ съ горечью и страстью, насъ воспламенявшими. Мы хорошо сознавали, что онъ ихъ обожаетъ подъ маскою насмѣшливаго и презрительнаго Донъ-Жуана, обожаетъ ихъ настолько, чтобы умереть отъ ихъ любви. Онъ былъ такимъ же скептикомъ и такимъ же пылкимъ, какъ и мы, онъ былъ слабъ и гордъ и съ такимъ же увлеченіямъ каялся въ грѣхахъ, какъ и грѣшилъ... Мы уже не были школьниками, восхищенными совершенствомъ фразы, но людьми, которые вдругъ услышали отголосокъ своихъ собственныхъ чувствъ. Онъ жилъ жизнью человѣчества и мы съ нимъ переживали ее».

Тогда Золя было 16 лѣтъ. Само собою разумѣется, что эти разсужденія пришли позже—тогда только безотчетно подчинялись обаянію Мюссе. Въ этой побѣдѣ Мюссе надъ Гюго въ сердцахъ молодыхъ поэтовъ сказывается уже будущій реалистъ. Исторія этой борьбы указываетъ на опредѣлившійся уже темпераментъ: то страстный и увлекающійся, то холодно-насмѣшливый и скептическій, но молодость и южная природа брали свое и фантазія по преимуществу господствовала въ ущербъ разсудительности: нерѣдко книжка стихотвореній Мюссе служила только предлогомъ и, держа ее передъ глазами, юноша черезъ нее смотрѣлъ на синее небо, на яркое солнце. Но жизнь не упускаетъ никого изъ своихъ когтей и пришлось разстаться со всѣми мечтами. Въ 1858 году Золя вернулся въ Парижъ. Здѣсь ему пришлось испытать большую бѣдность—это было началомъ его воспитанія. Гимназическій курсъ кончилъ онъ въ лицеѣ Сан-Луи, и нѣкоторое время «билъ баклуши съ безпечностью поэта». Въ 1862 году поступаетъ онъ приказчикомъ въ книжную торговлю Гашетъ и тутъ остается четыре года до 1866 г., когда собственно и начинаетъ литературную карьеру, на первый разъ сотрудничествомъ въ маленькихъ газетахъ.

Онъ ничего не говоритъ, почему не продолжалъ своего образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи,—можетъ быть, по недостатку средствъ, но я хочу думать, что школьная наука не привлекала его.

Теперь, черезъ шесть лѣтъ, мы уже не преж-

нято Золя находимъ: добываніе куска хлѣба, большая бѣдность, которую ему пришлось испытать, наконецъ, самое битье баклушъ «съ безпечностью, поэта»—все это должно было сильно отозваться на этомъ впечатлительномъ темпераментѣ, и отозвалось тѣмъ сильнѣе, что все это происходило въ Парижѣ. Но мрачнымъ мизантропомъ не сдѣлала его эта надоѣдливая борьба за кусокъ хлѣба—вѣдь онъ съ Мюссе научился жить жизнью человѣчества, а жить его жизнью и не любить людей—нельзя. Привычкой анализировать, развитіемъ наблюдательности, думаемъ мы, обязанъ онъ этой порѣ жизни.

«Вотъ ужь десять лѣтъ, говоритъ онъ,—какъ я живу своимъ перомъ, скорѣе дурно, чѣмъ хорошо; меня сильно оспариваютъ, часто совсѣмъ не признаютъ, и я зарабатываю, это, «конечно» очень характерно, гораздо меньше нашихъ газетныхъ фельетонистовъ. Только четыре года, какъ я въ состояніи былъ совершенно оставить газетное сотрудничество, гдѣ мои замашки доставляли мнѣ непріятности, и окончательно заперся у себя дома, чтобы писать мои романы».

Ни размѣры, ни программа этой статьи не позволяютъ мнѣ вдаться хотя бы въ самый краткій анализъ романовъ Золя, но не упоминать о нихъ совсѣмъ, значило бы оставить безъ вниманія наиболѣе характерныя его черты. Собственный опытъ подсказалъ Золя такую характеристику Бальзака: «Онъ восхитительно описалъ свое время, потому что выстрадалъ его». Черезъ два года по выходѣ изъ книжной торговли, Золя выпустилъ первый свой романъ—Терезу Ракенъ. Онъ сразу выступилъ новаторомъ. Реализмъ его творчества выразился въ этомъ романѣ въ самой острой его формѣ: это былъ физіологическій этюдъ. Задача его—«изучить не характеры, а темпераменты». При такой постановкѣ нѣтъ мѣста желаніямъ, всѣ поступки являются роковыми послѣдствіями инстинктовъ. Это было ново и потому явилось на сцену обвиненія въ безнравственности и цинизмѣ, обвиненіе, котораго не могъ избѣжать ни одинъ изъ представителей натуральной школы. Никто изъ критиковъ не далъ себѣ труда внимательно разсмотрѣть этотъ романъ. Не было сдѣлано ни одного серьезнаго указанія. «Безнравственно»—этимъ исчерпывается все, что было сказано по этому поводу.

Матеріальное положеніе его было очень плохо, онъ жилъ на средства, добываемыя сотрудничествомъ въ маленькихъ газетахъ,—этимъ постояннымъ размѣномъ таланта на мелочь, по запросу уличной публики. Четыре года продолжалась эта медленная пытка,—только въ 1872 году онъ получилъ возможность оставить журнальную работу, но это стоитъ ему двадцатилѣтней кабалы: каждый годъ онъ обязанъ поставлять по одному роману и получаетъ за это 6,000 фр. годового жалованья отъ одного книгопродавца.

«Чтоже вамъ еще сказать? Мои Ругоны-Макаръ должны имѣть двадцать частей, и я въ настоящую минуту работаю надъ 7-й частью (L'assommoir—она уже вышла)—романомъ, обнимающимъ жизнь парижскихъ рабочихъ. Я уже много работалъ, а предо мною еще больше работы. Для меня вся жизнь заключается въ трудѣ. Даже чрезъ десять или пятнадцать лѣтъ я не разсчитываю, чтобы меня поняли и оцѣнили во Франціи. На меня смотрятъ сквозь разнаго рода призраки и нелѣпости. Къ тому же, и вражда литературныхъ школъ слишкомъ велика, чтобы мнѣ воздали должную справедливость, а политика производитъ теперь у насъ такой шумъ, что книги проходятъ совершенно незамѣченными. Не бѣда! Надо только производить. Когда я доволенъ своимъ днемъ, вечеромъ я сажусь съ своей женой и матерью играть въ домино. Мнѣ такъ легче поджидать успѣха».

Живетъ онъ очень уединенно—занимаетъ съ женою и матерью маленькій домикъ въ глухомъ квартадѣ, въ числѣ домочадцевъ насчитываются еще кошка и двѣ собаки. Иногда кто-нибудь изъ пріятелей заходитъ къ нему въ четвергъ вечеромъ, все это больше друзья дѣтства, провансальцы. Выходитъ рѣдко, изъ современныхъ писателей бываетъ только у Флобера, Гонкуровъ и Додэ. «Я нарочно такъ удалился отъ всего, объясняетъ онъ свое уединеніе,—чтобъ какъ можно спокойнѣе работать. Работаю я самымъ буржуазнымъ образомъ. У меня есть положенные часы: утромъ я сажусь къ столу, точно купецъ въ конторкѣ. Пишу потихоньку, среднимъ числомъ страницы по три въ день, не переписывая: представьте себѣ женщину, вышивающую шерстями, стежокъ за стежкомъ; иногда вычеркиваю, но кладу на бумагу мою фразу тогда только, когда она совершенно сложится въ головѣ... Но дѣло-то въ томъ, что всѣ настоящіе работники въ нашу эпоху должны быть, по необходимости, людьми тихими, чуждыми всякой рисовки и жить семейно, какъ какой-нибудь нотаріусъ маленькаго городка... Еслибъ я не писалъ моихъ книгъ, я желалъ бы быть мелкимъ собственникомъ гдѣ нибудь въ деревенькѣ и дышать на свободѣ вольнымъ воздухомъ... Въ сущности же у меня въ искусствѣ одна страсть—жизнь. Я любовно преданъ современной жизни: всей моей эпохѣ».

Нѣкоторое утомленіе слышно въ этихъ словахъ; мы даже думаемъ, что вся эта буржуазность обстановки понадобилась собственно, чтобы отрѣшиться отъ шумной безпокойной жизни богемы, прожигающаго жизнь. Такое стремленіе къ порядку—естественная реакція послѣ безпокойной жизни поэта и невѣрной, полной тяжкихъ лишеній, жизни пролетарія, которую, какъ мы знаемъ, ему раньше пришлось пережить:—мы не считаемъ буржуазность присущимъ Золя качествомъ.

Нервный темпераментъ южной расы, выросшій среди южной природы Прованса и воспитавшійся на величайшихъ поэтахъ своего времени—Гюго и Мюссе—восемьнадцать лѣтъ промечтавшій и затѣмъ разомъ очутившійся въ томъ омутѣ, который зовется заработкомъ хлѣба насущнаго въ столицѣ; десять лѣтъ упорнаго труда и въ результатѣ двадцатилѣтняя кабала, дающая только возможность, подъ условіемъ строгой экономіи, отдаться любимому труду—все это роковымъ образомъ должно было образовать человѣка сильнаго закала, упорнаго характера. Но этотъ человѣкъ плакалъ съ Мюссе, достигъ возможности отдаться «колоссальному труду въ большомъ центрѣ»—и портретъ его дорисовывается такими чертами: «онъ добродушенъ, простъ и очень самолюбивъ *)».

Наружность его **) вполнѣ отвѣчаетъ такому характеру: большая, чрезвычайно своеобразная голова, съ плотно остриженными волосами, крупный, прямой носъ, взглядъ очень выразительный, нѣсколько изъ-подлобья. Большая складка вдоль всего лба смягчаетъ вообще строгость выраженія и придаетъ ему характеръ нѣсколько вдумчивый, въ цѣломъ—выраженіе энергіи, сознающей свою силу.

Двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ присутствовалъ при народномъ движеніи, вызванномъ государственнымъ переворотомъ 2-го декабря. (Не надо забывать, что на югѣ Франціи движеніе это было сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо). Викторъ Гюго царилъ, какъ диктаторъ, надъ умами и сердцами всего, что было во Франціи свѣжаго, молодого. Золя нельзя было не сдѣлаться демократомъ. Позднѣе, въ 1858 году восемьнадцатилѣтній юноша попадаетъ въ Парижъ, въ тотъ самый моментъ, когда послѣ недавней войны, имперія — еще упоенная побѣдой, превозглашаетъ культъ чувственности: мѣриломъ законности или беззаконности, непригодности или необходимости—сдѣлалась степень возбужденія притупленныхъ нервовъ. Биржа царила надъ всѣмъ. Глубоко долженъ былъ страдать молодой поэтъ-демократъ, видя такое паденіе своей родины. У такихъ, какъ онъ, людей и восторги, и страданія не остаются безрезультатны: они—люди эти—или являются пропагандистами, пѣвцами, или карателями, мстителями. И онъ задумалъ месть—страшную, небывалую еще по силѣ оружія: наука и искуство соединились, чтобы создать возмездіе, достойное второй имперіи: онъ о ней говоритъ, когда упоминаетъ въ своемъ письмѣ о двадцати томахъ естественной и соціальной исторіи семейства Ругоны-Макаръ. На глазахъ у него совершались дикія оргіи имперіи и вотъ теперь онъ въ Ругонахъ-Макаръ рисуетъ намъ и оргію, и ея послѣдствія. — Но такой замыселъ отнюдь не обусловливаетъ тенденціозность въ смыслѣ натяжекъ и подтасовокъ. Сила художественнаго таланта дѣлаетъ невозможнымъ для него это. Нѣтъ, онъ только досмотрѣлъ спектакль до послѣдняго дѣйствія и, зная публику, предсказываетъ финалъ представленія и его послѣдствія. До сихъ поръ самые талантливые беллетристы давали намъ или отдѣльныя картины цѣлой эпохи—Education sentimentale Флобера, или психозъ цѣлаго общества въ данную эпоху—Comedie Humaine Бальзака, авторъ Терезы Ракенъ соединяетъ въ одно картину психозъ и физіологію наслѣдственности. Тереза Ракенъ не могла быть не написанной, все, что могъ сдѣлать авторъ—это не печатать ее, оставить ее въ своемъ портфелѣ. Это глава изъ физіологіи, прочитанная профессоромъ, какъ введеніе къ курсу антропологіи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

*) Ив. Серг. Тургеневъ въ письмѣ къ г. Боборыкину.

**) Судя по портрету въ «Galerie contemporaine».

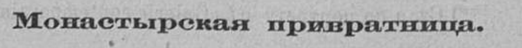
Монастырская привратница.

(Рис. стр. 304.)

Габріель фонъ-Занденъ давала прощальную вечеринку своимъ пріятельницамъ, истиннымъ и числящимся таковыми. Мужъ ея, служившій до сихъ поръ ассессоромъ въ небольшомъ прусскомъ городкѣ, получилъ высшее назначеніе въ столицѣ, и поспѣшилъ уѣхать, возложивъ всѣ хозяйственныя обязанности по переѣзду на свою молодую жену. Габріель успѣшно устроила это дѣло и передъ своимъ отъѣздомъ пригласила къ себѣ на вечеръ тѣхъ дамъ, съ которыми успѣла познакомиться втеченіи своего годового пребыванія въ городѣ.

Въ ожиданіи гостей, она обошла еще разъ всѣ компаты, понавѣдалась о томъ, все ли было въ порядкѣ, при чемъ ей невольно вспомнилась тетка Бригитта, которая завѣдывала хозяйствомъ въ родительскомъ домѣ Габріели, когда та была еще ребенкомъ. Эти воспоминанія перенесли молодую женщину ко всѣмъ событіямъ ея дѣтства и первой юности, и она такъ замечталась, что вздрогнула, какъ пробужденная отъ сна, когда въ прихожей раздался первый звонокъ... За нимъ послѣдовалъ второй, третій... Странное дѣло! Всѣ дамы явились почти въ одно время; впрочемъ, для человѣка, знакомаго съ обычаями небольшихъ провинціальныхъ городовъ, такой фактъ не долженъ казаться страннымъ. По господствующему въ этихъ городахъ обычаю, каждая приглашенная посылала прислугу разузнать тайкомъ, двинулись ли уже съ мѣста прочія дамы, или сама выглядывала изъ окна съ этою цѣлью. Та-

Рисунокъ РУД. ЭППА.



Монастырская привратница.

кимъ образомъ, со всѣхъ концовъ площади, на которой стоялъ домъ Габріели, показались одновременно женскія фигуры, стремившіяся всѣ къ одному подъѣзду.

Габріель поспѣшила къ входнымъ дверямъ; гостьи разоблачались въ передней, перекидываясь взаимными любезностями. Увидя хозяйку, онѣ обратились къ ней, выражая на своемъ лицѣ пріятную смѣсь удовольствія отъ свиданія со скорбью отъ предстоящей разлуки. Потомъ, войдя въ залу, посѣтительницы раздѣлились на группы; болѣе молодыя отправились на балконъ, выходившій ступенями въ садъ, а пожилыя остались въ гостиной. Габріель занялась сперва съ ними, но вскорѣ, найдя какой-то предлогъ, проскользнула въ садъ, вслѣдъ за своими молодыми пріятельницами. Старухи только и ждали этого. Проводивъ ее глазами, онѣ переглянулись, придвинулись ближе другъ къ другу, и между ними завязался такой разговоръ:

Жена санитарнаго инспектора. Какъ вы находите... не странно-ли это немножко, что г. ассессору валитъ подобное счастье?

Жена попечителя приходскихъ училищъ. И не говорите!

Жена санитарнаго инспектора. Повторяю: Удивительно!... Мало ли здѣсь способныхъ чиновниковъ... не глупѣе г. фон-Зандена! Я не намекаю, конечно, на моего зятя... онъ такъ привязанъ къ намъ, что ни за что не захотѣлъ бы выѣхать отсюда, предлагай ему хотя мѣсто...

Маіорша (какъ бы про себя.) Перваго министра. Замѣчательная преданность къ тещѣ!

Жена санитарнаго инспектора (притворяясь, что не слышитъ). Какое угодно мѣсто!... Но мало ли другихъ достойныхъ чиновниковъ... Вы что говорите, милая фрау фон-Дютцъ?

Г-жа фон-Дютцъ, пожилая особа въ уродливомъ чепцѣ и съ ястребиными глазами, откашливается, бросаетъ кругомъ полный значенія взглядъ, и произноситъ таинственно:

— Развѣ вы не слыхали?...

— Что?... что такое? вскрикиваютъ хоромъ нетерпѣливыя слушательницы.

— Вы ничего не знаете? Однакожъ, весь городъ говоритъ...

— Да не томите же, фрау фон-Дютцъ!

— Ну, слушайте. Вы не замѣчали, что у фрау фонъ-Занденъ... при всемъ ея образованіи и превосходномъ воспитаніи... нѣсколько оригинальныя манеры?

— О, да, да, замѣчали! какъ не замѣчать! отвѣчаютъ всѣ дамы, хотя бы и не замѣчавшія ничего до тѣхъ поръ.

— Такъ я вамъ скажу: все это оттого, что фон-Занденъ увезъ ее изъ монастыря!

Всѣ дамы мгновенно пришли въ ужасъ и тотчасъ же перескачили къ заключенію, что этимъ объясняется «все»,—подразумѣвая, впрочемъ, даже и переводъ фон-Зандена въ столицу. Какъ именно объясняется, объ этомъ нѣтъ рѣчи, да и логика—вещь совершенно излишняя при обсужденіи подобныхъ вопросовъ; достаточно, что есть надъ чѣмъ почесать языкъ.

Почтенная санитарная инспекторша огорчена только однимъ: какъ это она, главная блюстительница нравовъ и собирательница мѣстныхъ сплетень, не знала такого «пассажа» изъ жизни ассессорши, представляющей изъ себя невинность? Убѣжать изъ монастыря!... Инспекторша трепещетъ отъ негодованія. Къ своему счастію, она усматриваетъ на стѣнѣ большую картину, на которую не обращала прежде особеннаго вниманія; въ настоящее время, эта картина являлась для нея якоремъ спасенія.

— Я собственно знала все это, говоритъ она съ язвительною усмѣшкой. — Не хотѣла только говорить, но уже не разъ выводила меня изъ терпѣнія вотъ эта картина!... Какова наглость! Повѣсить передъ носомъ у всѣхъ изображеніе монахини?!.. когда сама убѣжала изъ монастыря!?

Всѣ глаза обратились на картину. Даже г-жа фон-Дютцъ не подумала отпарировать нанесеннаго ей удара. Любопытство превозмогло въ ней всѣ другія чувства и заставило ее сосредоточить все свое вниманіе на предметѣ, указанномъ инспекторшей. Но, разумѣется, при этомъ талантъ художника не игралъ никакой роли; зрительницы были заинтересованы только тѣмъ, кого изображала эта монахиня, не отличавшаяся красотой? При всемъ желаніи унизить миловидность Габріели, почтенныя дамы никакъ не могли признать ее за оригиналъ картины. И что означали всѣ детали? Нельзя было, во первыхъ, понять, куда направлялась эта монахиня; во вторыхъ, гдѣ она находилась, не внѣ монастыря, конечно, потому что пространство было обнесено стѣною; но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ висѣлъ здѣсь колокольчикъ, какъ у калитки? Если же художникъ изобразилъ внутреннее помѣщеніе монастыря, то съ какой стати явились тутъ голуби?... Можетъ быть, это была открытая галерея, идущая вокругъ зданія? Но нѣтъ; такія галереи устроиваются вровень съ землею, а тутъ шла какая-то лѣстница; къ тому же на стѣнѣ висѣли образа; съ потолка спускалась лампада...

— Одна только наша хозяйка могла бы разъяснить намъ всѣ эти загадки, сказала съ усмѣшкой маіорша, — но, вопросъ: пожелаетъ ли она это сдѣлать?

— Да, да, врядъ ли пожелаетъ! подтвердили всѣ гостьи, перекидываясь снова многозначительными взглядами, подъ которыми разумѣлось: «Знаемъ мы кое-что!»

Въ эту минуту вошла въ комнату Габріель. Почтенныя дамы разомъ умолкли, какъ по командѣ. Но маіорша, въ качествѣ военной дамы, ободрилась ранѣе другихъ при внезапномъ появленіи непріятеля, и сказала съ любезно-язвительною улыбкой.

— Дорогая фрау фон-Занденъ, вы сдѣлали бы намъ величайшее удовольствіе, удовлетворивъ нашему любопытству... Что дѣлать, мы всѣ дочери Евы!... Однимъ словомъ, намъ очень хотѣлось бы знать, что изображаетъ эта картина?... Разумѣется, если это не составляетъ особенной тайны!

Она сдѣлала удареніе на послѣднихъ словахъ, поощряемая улыбкою прочихъ дамъ. Г-жа фонЗанденъ покраснѣла слегка (этотъ румянецъ не прошелъ тоже незамѣченнымъ), но отвѣтила спокойнымъ голосомъ:

—Я разскажу вамъ очень охотно, дорогія гостьи, что изображаетъ эта картина.... обратившая на себя именно сегодня ваше вниманіе (она сдѣлала тоже удареніе на этихъ словахъ). Предупреждаю васъ, впрочемъ, что эта исторія вовсе не такъ романична, какъ вы, можетъ быть, ожидаете, и что главной героиней въ ней не я... хотя рѣшеніе моей судьбы находится отчасти въ связи съ нею... Этого довольно, чтобы васъ заинтересовать?... Хорошо, я начинаю, при чемъ должна коснуться самого моего дѣтства.

«Я провела первые годы моей жизни въ помѣстьи моихъ родителей, находившемся въ уединенной, но живописной мѣстности. При нашемъ замкѣ былъ великолѣпный паркъ, примыкавшій къ густому лѣсу. Среди цвѣтника, разстилавшагося передъ домомъ, протекалъ ручеекъ, терявшійся между деревьями; однимъ словомъ, это было прелестнѣйшее убѣжище и мое дѣтство принадлежало къ самымъ счастливымъ... Отецъ и мать очень любили меня и сами воспитывали и образовывали меня; въ этомъ имъ помогали, впрочемъ, домашніи учитель и незамужняя сестра моей матери... оригиналъ этой картины.

«Какъ видите, моя бѣдная тетка не была красавицей, хотя и нельзя сказать, чтобы она была дурна собой; природа наградила ее просто безцвѣтными и маловыразительными чертами. Никакое душевное волненіе не оживляло ея глазъ, не снимало печати холодности и равнодушія съ ея блѣдной физіономіи. У нея было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя преждевременно кажутся старыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тетя Бригитта не обладала тѣмъ остроуміемъ и живостью, которыя придаютъ привлекательность даже и некрасивымъ женщинамъ. Ей пришлось рости между другими сестрами и братьями, болѣе счастливо одаренными природою во всѣхъ отношеніяхъ, и бѣдная дѣвушка, оставаясь постоянно въ тѣни и сознавая свое ничтожество въ сравненіи съ другими, сроднилась съ горькимъ чувствомъ разочарованія, поселившаго въ ней замкнутость и недовѣріе къ себѣ. Самое имя Бригитты, навязанное ей какимъ-то старымъ родственникомъ, волю котораго было необходимо уважать, способствовало къ ея отчужденности, потому что ей приходилось терпѣть изъ-за него насмѣшки отъ своихъ подругъ. Бѣдная тетя Бригитта! При ея невзрачной наружности, у нея было такое мягкое, любящее сердце! Оно было слишкомъ знакомо мнѣ, ребенку избалованному, прихотливому въ своихъ требованіяхъ и не всегда готовому слушаться старшихъ. Тетя Бригитта умѣла ладить со мною и преодолѣвала даже свою застѣнчивость, чтобы заступаться за меня, если мои родители были уже очень недовольны какой-нибудь моей выходкой.

«По сосѣдству съ нашимъ помѣстьемъ находилось другое, и дѣти его владѣльца были постоянными товарищами моихъ игръ. Двѣ дѣвочки, которыя были моложе меня, охотно подчинялись моему руководительству, а мальчикъ—онъ былъ старше насъ всѣхъ,—оказывалъ мнѣ предпочтеніе передъ своими сестрами, что очень льстило моему дѣтскому самолюбію. Онъ приносилъ мнѣ книги, цвѣты... Я считала его моимъ рыцаремъ. Съ годами эта привязанность усилилась; тетя Бригитта посматривала на насъ снисходительно и, я въ этомъ увѣрена, въ головѣ ея роились тогда планы на счетъ нашей будущности. Добрая тетя стала какъ-то повеселѣе въ то время, о которомъ я говорю; этому способствовало отчасти то обстоятельство, что старый дядюшка, наградившій ее именемъ Бригитты при крещеніи, назначилъ ее главною наслѣдницею своего состоянія. Матеріальныя блага придали ей значеніе въ обществѣ; всѣ смотрѣли на нее съ большимъ уваженіемъ, и хотя она понимала ясно причину такого переворота, но ей льстило общее вниманіе и она стала менѣе чуждаться людей. Сверхъ того, нашъ домашній учитель, хорошій музыкантъ, подмѣтилъ у нея прекраснѣйшій голосъ и уговорилъ ее заняться его разработкой. Я живо помню, какъ некрасивое лицо тети Бригитты хорошѣло изумительнымъ образомъ, когда она пѣла, а г. Вальтеръ акомпанировалъ ей на рояли. Все это сближало тетю Бригитту съ семейнымъ кружкомъ и съ обществомъ. Скоро стали за нее присватываться женихи, но она отказывала всѣмъ, приписывая имъ одни только корыстные виды. Можетъ быть, она и не ошибалась. «Будьте мудры, какъ змѣи», говаривала она съ горькой усмѣшкою, намекая на свою осторожность».

— Вы меня извините, прервала на минуту Габріель свой разсказъ, обращаясь къ гостямъ, —я вдаюсь, можетъ быть, въ слишкомъ неинтересныя для васъ подробности, но безъ нихъ моя исторія будетъ неполна...

— О, да, да, подхватили всѣ слушательницы.— Продолжайте, просимъ васъ!

Молодая женщина повиновалась:

«Мнѣ пришлось прогостить нѣсколько недѣль у одной родственницы. Воротясь по прошествіи этого времени снова домой, я нашла у насъ большія перемѣны. Тетя Бригитта показалась

мнѣ блѣднѣе и грустнѣе, чѣмъ была даже прежде,—г. Вальтеръ поступилъ на другое мѣсто... Причины никто не хотѣлъ мнѣ объяснить. Только товарищъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ, Вальдемаръ, сказалъ мнѣ: «Добрая тетя повторяла такъ часто: будьте мудры, какъ змѣи... но, какъ кажется, она забыла это изрѣченіе въ отношеніи Вальтера. Онъ ли ее обманулъ, она ли сама обманулась,—это мнѣ неизвѣстно. Всѣ умалчиваютъ объ этомъ, но тетя Бригитта не останется болѣе въ свѣтѣ, которой мало принесъ ей радостей. Она хочетъ удалиться въ монастырь и посвятить себя добрымъ, богоугоднымъ дѣламъ».

«Я перепугалась, но Вальдемаръ не ошибался. Всѣ усилія остановить тетю остались напрасными: тщетно уговаривали ее мои родители, тщетно молила я ее со слезами...

— Повѣрь, Габріель, что мнѣ не мѣсто между счастливыми людьми, отвѣчала она мнѣ.—Но тяжело мнѣ разставаться съ тобою, не скрываю этого. Не хочешь ли и ты пойти за мною туда, гдѣ больные, за которыми я буду ухаживать; дѣти, которыхъ я буду учить, простятъ мнѣ мою невзрачную наружность, ради моего безкорыстнаго имъ служенія и моей теплой любви къ нимъ? Пойдемъ со мною, моя милая, прежде, чѣмъ жизнь подготовитъ тебѣ какое-нибудь горькое разочарованіе... Откажись добровольно отъ всего, прежде, чѣмъ свѣтъ принудитъ тебя къ этому своею лживостью и коварствомъ... счастіе не живетъ въ мірѣ, а составляетъ для людей одинъ только обманчивый предметъ ожиданій...

«Она высказалась такимъ образомъ передо мною незадолго до своего удаленія въ монастырь. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого достопамятнаго для меня разговора, она покинула насъ... Ея отсутствіе стало болѣе замѣтнымъ въ домѣ, чѣмъ она того ожидала! Я очень грустѣла, а впереди у меня была еще большая грусть: Вальдемаръ уѣзжалъ для поступленія въ университетъ. Эта разлука наполнила такою печалью наши юныя сердца, что мы не выдержали и обмѣнялись клятвами, исполненіе которыхъ зависѣло, между тѣмъ не отъ насъ и, во всякомъ случаѣ, могли осуществиться только въ очень далекомъ будущемъ. Вальдемаръ сказалъ мнѣ на прощанье:

— Цвѣты были часто выраженіемъ моихъ чувствъ къ тебѣ, Габріель; они же должны напоминать намъ другъ о другѣ; они будутъ всегда нѣмыми вѣстниками моей любви!

«Все это очень сантиментально, но всѣ вы, милыя дамы, были молоды, бывали влюблены, и знаете какое значеніе имѣетъ для насъ всякія бездѣлицы въ эти памятные дни...

«Мы разстались, и для меня наступило скорбное время. Мой отецъ и мать умерли одинъ за другимъ, во время жестокой эпидеміи. Осьмнадцати лѣтъ я осталась круглою сиротою и мнѣ не къ кому было прибѣгнуть, кромѣ тети Бригитты, звавшейся въ монашествѣ «сестрой Селестиной». Она исправляла должность привратницы въ обители, въ которой нашла миръ и спокойствіе, и съ радостью отворила передо мною монастырскія двери. Я была погружена въ такое горе, что и мнѣ показалось отраднѣе здѣсь; сестра Селестина имѣла поводъ надѣяться, что я и никогда не захочу съ нею разстаться. Но, мало по малу, скорбь моя притупилась и моя душа стала искать утѣшенія въ воспоминаніяхъ дѣтства, къ немалому огорченію моей доброй тетки, видѣвшей, что мною начинаютъ овладѣвать прежнія мірскія вліянія. Я находилась уже около года въ монастырѣ, безъ всякаго сношенія съ обществомъ и—что было для меня больнѣе,—безъ всякаго извѣстія о Вальдемарѣ. Тетка удивлялась моей вѣрѣ въ его постоянство. Богъ ей проститъ, она думала поступить умнѣе и полезнѣе для меня, разорвавъ ту связь, отъ которой, по ея мнѣнію, я не могла ожидать ничего, кромѣ горя. Съ этою цѣлью, она скрыла даже отъ Вальдемара мое мѣсто пребываніе послѣ смерти родителей. Но ему удалось открыть все. Въ то время, когда я, глубоко пораженная его невѣрностью, начинала уже приходить къ той мысли, что мнѣ лучше будетъ послушаться доброй тети и посвятить себя монашескимъ обѣтамъ, однажды утромъ раздался такой сильный звонъ у монастырскихъ воротъ, что вся обитель встрепенулась. Тетя поспѣшила на призывъ, оставя меня въ своей кельѣ. Она только что горячо убѣждала меня въ лживости всѣхъ свѣтскихъ обѣтовъ, и я, потрясенная ея рѣчью, была даже довольна тѣмъ, что осталась одна. Но ея отсутствіе продолжалось долѣе обыкновеннаго и начало меня безпокоить; мало по малу, какое-то особенное волненіе овладѣло мною... Въ эту минуту вошла тетя Бригитта съ особымъ выраженіемъ на своихъ, обыкновенно неподвижныхъ чертахъ. Она не произнесла ни слова, но подала мнѣ букетъ, состоявшій изъ душистой розы, обвитой вѣтвями бѣлой повилики. Я поняла, что это значило, и схватила цвѣты дрожащими руками. Вальдемаръ былъ здѣсь и любилъ меня по прежнему!

«Тетя разсказала мнѣ все. Вальдемаръ говорилъ съ такою искренностью, что она не могла не повѣрить ему. Допустить его видѣться со мною, она не имѣла права, по уставу обители, но согласилась передать мнѣ цвѣты, которые должны были сказать мнѣ очень много. Однако, отпустивъ Вальдемара и идя обратно ко мнѣ, тетя раскаялась въ своей снисходительности и излишней, какъ ей казалось, довѣрчивости. Въ присутствіи Вальдемара, она находилась подъ обаяніемъ его рѣчи, но наединѣ съ собою она поддалась снова вліянію своего холоднаго разсудка и была почти готова бросить цвѣты и не говорить мнѣ ни слова о своемъ свиданіи съ Вальдемаромъ. Ея благочестивой душѣ казалось даже грѣхомъ такое посредничество между мною и міромъ, полнымъ соблазна и суеты. Обликъ Мадонны, чудилось ей, смотрѣлъ на нее съ укоризной изъ своей потемнѣвшей отъ времени позолоченной рамы. Тетя Бригитта произнесла, ободряя себя на мое спасеніе: «Будьте мудры, какъ змѣи», и повернулась къ образу, чтобы поставить цвѣты передъ нимъ, но въ это самое мгновеніе въ открытое окно влетѣли голубки, которыхъ я кормила здѣсь каждое утро. Они довѣрчиво опустились на полъ возлѣ тети и ей показалось, что чей-то тихій голосъ прошепталъ: «Но чисты, какъ голуби»... А развѣ она, въ своемъ заблужденіи, не хотѣла омрачить своей души обманомъ, скрывъ отъ меня то, что взялась мнѣ передать?.. Голуби рѣшили мою участь; тетя чистосердечно разсказала мнѣ все и, хотя со слезами, но какъ любящая мать благословила меня на новую жизнь.

«Мы съ Вальдемаромъ были обвѣнчаны въ старой монастырской церкви, и съ этого дня я не знала еще ни одной печальной минуты. Тетя Бригитта вѣритъ теперь въ мое счастье и это наполняетъ ея бѣдную, наболѣвшую душу миромъ и утѣшеніемъ».

— Вотъ вамъ и вся исторія этой картины, мои дорогія пріятельницы; какъ видите, она не особенно богата романическими подробностями и я не рѣшилась бы утруждать ею ваше вниманіе, еслибы вы сами не требовали этого съ такою настойчивостью... Я очень рада, впрочемъ, этому случаю, позволившему мнѣ разсѣять нѣкоторыя ошибочныя сужденія, которыя дошли и до меня, какъ до васъ...

Всѣ дамы заговорили разомъ, частью для того, чтобы отвести себѣ душу послѣ продолжительнаго молчанія, частью же съ цѣлью скрыть маленькое смущеніе, вызванное въ нихъ послѣдними словами хозяйки, заключавшими въ себѣ явный намекъ на то, что до ея слуха долетали нѣкоторыя дружескія сужденія ихъ объ ней. Возвращаясь изъ сада, Габріель остановилась на балконѣ, чтобы поправить цвѣты въ вазѣ, и невольно подслушала разговоръ своихъ добрыхъ «пріятельницъ». Нечего говорить, что онъ не расположилъ ее къ сожалѣнію о разлукѣ съ провинціей.

Обо всемъ.

(Постороннія обстоятельства, препятствующія успѣшности хода у насъ промышленныхъ предпріятій.—Странное положеніе у насъ каменноугольной промышленности.—Общества пароходства и торговли.—Англійскій каменный уголь дешевле нашего.—Богатѣйшая желѣзная руда, остающаяся неразработанной.—Громадная растрата въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита.)

Наши апатія и неумѣлость пользоваться естественными богатствами, которыми изобилуетъ Россія, такъ часто служили темой всякихъ экономическихъ и не экономическихъ статей, что стали общимъ мѣстомъ, чѣмъ-то въ родѣ присловья. Читатель, встрѣчая въ статьѣ эти выраженія, намозолившія ему глаза, часто говоритъ съ досадой: «ну, опять этотъ вѣчный припѣвъ!» И читатель, выражая свое неудовольствіе, былъ бы совершенно правъ, если бы... если бы факты нашей ежедневной жизни безпрерывно не наталкивали на необходимость повторенія печальной истины о нашей апатіи, о нашей неумѣлости распорядиться на пользу себѣ и общества матеріяломъ, щедро предлагаемымъ природой. Справедливость дѣлаемаго намъ упрека не подлежитъ никакому сомнѣнію, однакожь, при тщательномъ изученіи дѣла, иногда приходится придти къ заключенію, что даже и при похвальной энергіи и при дознанномъ умѣніи лицъ, руководящихъ дѣломъ, оно не можетъ привести къ желаннымъ результатамъ, если не будутъ устранены постороннія обстоятельства, мѣшающія правильному ходу его. Между тѣмъ случается, что эти постороннія обстоятельства оказываютъ такое рѣшительное вліяніе на успѣшность предпріятія, что оно становится уже невозможнымъ или невыгоднымъ при самомъ началѣ его существованія. Слѣдовательно въ данномъ случаѣ первой заботой должно быть устраненіе этихъ обстоятельствъ. Такого-то рода обстоятельствъ въ иномъ дѣлѣ бываетъ масса и притомъ разнообразныхъ, часто неимѣющихъ между собой никакой видимой связи.

Много мы говоримъ и пишемъ о безтолковомъ истребленіи у насъ лѣсовъ въ то время, какъ въ нашей землѣ лежатъ непочатыя богатства каменнаго угля. Мы знаемъ, что своевременная раціональная эксплоатація каменноугольныхъ копей послужила главной причиной развитія торговаго и промышленнаго могущества Англіи, давно уже неиспытывающей послѣдствій паденія курсовъ, непомѣрнаго лажа на золото и серебро и неимѣющей въ обращеніи безпроцентныхъ бумажныхъ денегъ. Мы знаемъ все это, между тѣмъ каменный уголь лежитъ нетронутымъ въ нѣдрахъ нашей земли, а владѣльцы этого богатства, съ наивнымъ оптимизмомъ, достойнымъ Манилова, выводятъ на бумагѣ цифры, высчитывая, какіе барыши получили бы они, еслибы устроили у себя добычу угля. Они высчитываютъ барыши, но не дѣлаютъ ни шагу для полученія ихъ, ожидая, что вотъ придетъ къ нимъ откуда-то промышленникъ, станетъ работать, а они, сидя на печи, будутъ набивать свой карманъ. «Разлюбезное будетъ тогда дѣло, думаютъ они,—можно будетъ жить въ столицѣ, а тамъ»... И въ такихъ мечтахъ проводитъ всю свою жизнь владѣлецъ нетронутаго богатства, а наши лѣса съ каждымъ днемъ исчезаютъ да исчезаютъ.

Но оставимъ богатства, лежащія въ землѣ, и обратимся къ тѣмъ, эксплоатація которыхъ про-

изводится уже много лѣтъ, не удовлетворяя ни производителей, ни потребителей.

Въ октябрѣ прошлаго года состоялся въ Таганрогѣ второй съѣздъ углепромышленниковъ. Недавно вышли печатные протоколы его засѣданій и познакомили насъ съ чрезвычайно курьезными фактами. Оказывается, что, имѣя крайнюю необходимость въ каменномъ углѣ, мы, однакожь, потребляемъ его въ значительно-меньшемъ количествѣ, чѣмъ доставляютъ намъ наши производители. Производительность разрабатываемыхъ въ Россіи копей составляетъ въ настоящее время 55 миліоновъ пудовъ, хотя эти копи могутъ и теперь давать 67 миліоновъ, а въ очень близкомъ будущемъ болѣе 120 миліоновъ пуд. Между тѣмъ потребители пріобрѣтаютъ всего 42 миліона пудовъ, слѣдовательно, оставляютъ на рукахъ у производителей 13 миліоновъ пудовъ, а такой результатъ понятно убыточенъ для производителей. Въ чемъ же причина такого страннаго положенія: мы нуждаемся, требуемъ,— намъ предлагаютъ, а мы не беремъ? На этотъ вопросъ протоколы даютъ нѣсколько отвѣтовъ, однакожь, далеко неусняющихъ дѣло. Разумѣется, первая вездѣсущая причина—наши пути сообщенія. «Для безостановочной перевозки угля, говорится въ протоколахъ,—добываемаго изъ копей, лежащихъ при азовской желѣзной дорогѣ, всего 25 миліоновъ пудовъ, у ней не достаетъ въ настоящее время 32 паровозовъ и 722 вагоновъ». Гг. углепромышленники, на основаніи собственныхъ соображеній, впрочемъ, противорѣчащихъ дѣйствительности (по ихъ же словамъ, потребители не пріобрѣтаютъ всего предлагаемаго имъ угля), предполагаютъ, что въ скоромъ будущемъ придется возить по этой дорогѣ 68 миліоновъ пудовъ, а это потребуетъ добавленія еще 156 паровозовъ, 3,580 вагоновъ и проложенія второго пути рельсовъ отъ ст. Никитовки до Харькова. «Во что обойдется эта и безъ того дорогая дорога при окончательномъ ея устройствѣ?» съ ужасомъ спрашиваютъ гг. углепромышленники.

Да именно «во что обойдется?» Желѣзнодорожная горячка привела насъ къ постройкѣ многихъ ненужныхъ желѣзныхъ дорогъ, приносящихъ убытокъ хозяевамъ, обременяющихъ государственный бюджетъ уплатой гарантіи и притомъ неприносящихъ почти никакой пользы краю, по которому онѣ проходятъ. И невольно скажешь: правы тѣ изъ нашихъ экономистовъ, которые доказывали рановременность постройки у насъ желѣзныхъ дорогъ, отдавая предпочтеніе возможно-большему развитію у насъ шоссейнаго пути. Имѣли бы мы шоссе—и лѣса у насъ остались бы цѣлы. А теперь, имѣемъ мы желѣзныя дороги, а подвозъ къ нимъ по проселочнымъ дорогамъ бываетъ почти невозможенъ.

Гг. углепромышленники указываютъ и на другую причину страннаго положенія у насъ каменноугольнаго производства. Вотъ что читаемъ мы въ протоколахъ:

«Главнымъ перевозчикомъ и потребителемъ англійскаго угля въ цифрѣ 10 милліоновъ пудовъ въ годъ фигурируетъ «русское общество пароходства и торговли», которое 1) имѣетъ свой рудникъ на р. Грушевкѣ, подъ устройство котораго получило безплатно участокъ въ $2\frac{1}{2}$ квадр. версты, стоющій при нынѣ существующихъ цѣнахъ 3.000,000 р. 2) На устройство рудника получило отъ правительства безвозвратно до 800,000 руб. субсидіи въ видѣ дивиденда съ правительственныхъ акцій. 3) Имѣя возможность добывать ежегодно антрацита 12 милл. пуд. по $6_{,75}$ копѣекъ за пудъ, добываетъ только 5 милл., изъ которыхъ 2.100,000 пуд. предпочитаетъ продавать на рудникѣ по $10\frac{1}{4}$ коп. 4) Имѣя спеціальный флотъ для подвоза своего антрацита къ портамъ, употребляетъ его для перевозки пшеницы на рейдъ. 5) Получая субсидію отъ правительства и именуясь «русскимъ обществомъ пароходства», само продаетъ ежегодно до 4 мил. пудовъ англійскаго угля и слѣдовательно содѣйствуетъ торговлѣ угля не русскаго, а англійскаго».

Извѣстное дѣло, монополія вездѣ и всегда служила скорѣе тормазомъ, чѣмъ двигателемъ промышленности и съ этой стороны понятенъ протестъ противъ нея гг. углепромышленниковъ, но странно почему они не задали себѣ вопроса: что же побуждаетъ русское общество пароходства и торговли, имѣющее собственныя копи, и даже не каменноугольныя, а антрацитовыя, т. е. высшаго достоинства, для разработки которыхъ получило даже значительную субсидію отъ правительства,—что побуждаетъ его покупать англійскій уголь? Что побуждаетъ его перевозить на своихъ судахъ не собственный антрацитъ, а пшеницу? Рѣшеніе этого вопроса, вѣроятно, помогло бы разъясненію страннаго факта, что мы требуемъ угля, намъ его предлагаютъ, а мы его не беремъ? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предполагать въ насъ такую тупость, что имѣя возможность получить лучшее и болѣе дешевое, мы возьмемъ худшее, болѣе дорогое. Если русское общество пароходства и торговли, если частные потребители предпочитаютъ покупать англійскій уголь, значитъ онъ дешевле, не смотря на дальнюю перевозку и пошлину. Значитъ у насъ добываніе каменнаго угля и торговля имъ обставлены такими условіями, при которыхъ невозможно и думать объ удешевленіи этого продукта. Слѣдовательно прежде всего надо устранить эти условія. Лучше бы гг. углепромышленники занялись изысканіемъ средствъ къ этому устраненію и оставили бы безплодныя сѣтованія и «киванія на Петра».

А вотъ факты, передъ которыми блѣднѣютъ всякіе другіе факты нашей неумѣлости пользоваться предлагаемыми намъ природой богатствами. Онъ разсказанъ въ обстоятельной статьѣ, напечатанной въ газетѣ «Голосъ».

Профессоръ Менделѣевъ, въ своемъ сочиненіи «Основы химіи», указываетъ, что въ с. Зиновьевкѣ, кромскаго уѣзда, орловской губ., принадлежащемъ г. Анциферову, находится около земной поверхности чрезвычайно чистый сферосидеритъ бѣлаго и сѣраго цвѣта (лучшаго качества желѣзная руда). Эта руда занимаетъ пространство въ 1,587 дес. 1231 саж. Въ окрестной мѣстности кромѣ того найдены: парафинъ, гипсъ, огнеупорная, графитная и сукновальная глина, признаки каменной соли и высокаго качества образцы антрацита. Всѣ эти богатства лежатъ петропутыми, ихъ до сихъ поръ не разрабатываютъ.

Однакожь, попытки дѣлались; они то и составляютъ печальную исторію.

Въ ноябрѣ 1874 года г. Менделѣевъ изслѣдовалъ присланный ему образецъ руды изъ с. Зиновьевки и она оказалась почти чистою углежелѣзистою солью. Руда эта на всемъ протяженіи имѣнія лежитъ на небольшой глубинѣ: подъ почвой, а въ оврагахъ—на глубинѣ 25 саженъ, что показывало богатство руды. По просьбѣ владѣльца, гг. профессора Менделѣевъ и Иностранцевъ отправились въ имѣніе г. Анциферова, чтобы на мѣстѣ осмотрѣть руды. Это путешествіе имъ пришлось сдѣлать зимой, т. е. въ неблагопріятное время. Однакожь гг. профессора достигли такихъ результатовъ осмотра, что могли 9 января 1875 года представить русскому химическому обществу слѣдующій докладъ:

«Результатъ осмотра весьма благопріятенъ для цѣли учрежденія завода, какъ видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) несмотря на снѣгъ, покрывающій землю, въ обвалахъ и въ оврагахъ видны массы руды; 2) она найдена и видѣна нами въ мѣстахъ, отстоящихъ верстъ на шесть съ сѣвера на югъ и версты на три съ востока на западъ; далѣе мѣстность не обозрѣвалась; 3) считая отъ уровня рѣки Гостомли, руда находится на высотахъ 5—25 саженъ; 4) верхній слой руды, видѣнный во всѣхъ пройденныхъ оврагахъ и въ разносѣ, сдѣланномъ близь усадьбы на горѣ, встрѣчается на глубинѣ 2—5 аршинъ; 5) онъ по видѣннымъ признакамъ слѣдуетъ изгибамъ мѣстности; 6) этотъ верхній слой состоитъ во всѣхъ видѣнныхъ мѣстахъ изъ плотноприлегающихъ валунообразныхъ стяженій аморфнаго сферосидерита, желтоватосѣраго цвѣта; толщина слоя, среднимъ числомъ, около 30-ти сантиметровъ; 7) въ разносѣ близь усадьбы и въ нѣкоторыхъ оврагахъ подъ глиною, на которой лежитъ верній слой сферосидеритовъ, видѣнъ второй слой рудныхъ стяженій, а въ одномъ обрытомъ мѣстѣ оврага видѣнъ третій слой руды; 8) нижніе слои представляютъ ту же руду, зернокристалическую, сѣроватаго цвѣта съ содержаніемъ около 40% желѣза; 9) однообразное наслоеніе, видимое во всѣхъ пройденныхъ мѣстахъ, даетъ поводъ думать, что слои сферосидерита лежатъ подъ всею землей, принадлежащей и заарендованной г. Анциферовымъ; 10) добыча руды на первое время можетъ состоять въ простомъ сборѣ того, что видно по поверхности земли и въ обвалахъ: этимъ путемъ можно надѣяться собрать до милліона пудовъ; затѣмъ, необходимы будутъ разносы и штольни, для которыхъ никакаго препятствія не предвидится. Если одинъ только верхній слой руды дѣйствительно находится подъ всею поверхностью земли, въ чемъ легко убѣдиться развѣдкою, которая должна быть предпринята лѣтомъ, то съ десятины можно разсчитывать на добычу путемъ разносовъ и штолень, до $\frac{1}{2}$ милліона пудовъ руды, не считая нижележащихъ слоевъ. Владѣльцу принадлежитъ болѣе 700 десятинъ, и онъ пріобрѣлъ право на добычу руды съ двухъ тысячъ близлежащихъ десятинъ земли; 11) чистота всѣхъ изслѣдованныхъ образцовъ разныхъ слоевъ руды заставляетъ желать переработки руды на желѣзо и сталь, а не на чугунъ. Для этой цѣли имѣются слѣдующія благопріятныя условія: а) прудъ съ плотиною; б) въ разстояніи 40—50 верстъ большіе лѣса; в) желѣзныя дороги; г) рѣка Ока; д) народъ, занимающійся отхожими промыслами, и е) известнякъ (плевень) и глина».

Что же оставалось дѣлать послѣ такого торжественнаго заявленія о богатствѣ руды, сдѣланнаго людьми вполнѣ компетентными? Немедленно начать разработку, отвѣтитъ читатель. Если самъ владѣлецъ не въ состояніи одинъ производить эксплоатацію въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, то не трудно было составить компанію; выгодность предпріятія до такой степени очевидна, что каждый долженъ охотно нести свой капиталъ въ это предпріятіе. Такъ и сдѣлали бы въ Англіи или во Франціи, но у насъ пошло иначе.

Пока наши капиталисты думали да гадали, лучше сказать, ничего не думали, въ томъ же 1875 году—когда явился въ печати докладъ гг. Менделѣева и Иностранцева—парижскій банкирскій домъ Шарля Лафита предложилъ г. Анциферову образовать общество со 100 паями (60 владѣльца и 40 капиталистовъ). Во время этихъ переговоровъ къ Лафиту присоединилось еще нѣсколько желающихъ принять участіе въ предпріятіи и въ Парижѣ образовался синдикатъ изъ парижскихъ и лондонскихъ капиталистовъ. Этотъ синдикатъ предложилъ г. Анциферову за его рудники 110 милліоновъ франковъ. Капиталъ преполагалось образовать слѣдующимъ образомъ: 20 милліоновъ франковъ должны были уплатиться г. Анциферову наличными деньгами, 60 милліоновъ 5% облигаціями, обезпечивающимися этими же рудни-

Рисовалъ **Ф. ШПЕХТЪ.**

Цапля въ гнѣздѣ.

ками съ возведенными тамъ заводами, и 30 миліоновъ франковъ акціями этого общества. Предложеніе было настолько заманчиво, что еслибъ не неожиданная смерть Лафита и не затрудненія, вызванныя восточною войною, сдѣлка, вѣроятно, состоялась бы, тѣмъ болѣе, что во время веденія переговоровъ синдикатъ командировалъ въ орловскую губернію, для подробныхъ изслѣдованій на мѣстѣ, извѣстныхъ французскихъ горныхъ инженеровъ Базена, Депре и Леви.

Кромѣ этого предложенія г. Анциферову были сдѣланы еще два другія: одно отъ Перье и Гинцбурга изъ Парижа и другое отъ англо-американской компаніи изъ Лондона. Компанія проектировала общество съ капиталомъ въ 150 милліоновъ франковъ, изъ которыхъ 110 шли въ уплату за рудники, а 40 милліоновъ оставались для расходовъ по разработкѣ.

Когда распространился слухъ, что иностранцы копаются въ землѣ въ имѣніи г. Анциферова, зашевелились, наконецъ, и русскіе капиталисты. Составилась компанія съ г. фон-Дезинымъ во главѣ и предложила г. Анциферову сначала 3, а потомъ 5 милліоновъ рублей за одно только исключительное право разработки, обязываясь при томъ производить особенную попудную плату съ выплавленнаго металла. Чѣмъ окончились переговоры русской компаніи съ г. Анциферовымъ—неизвѣстно. Надо полагать, что или г. Анциферовъ счелъ для себя невыгоднымъ предложенія русскихъ капиталистовъ, или же русская компанія не могла образоваться по невозможности добыть въ Россіи необходимые капиталы.

Изслѣдованія иностранныхъ капиталистовъ вполнѣ подтвердили лестное мнѣніе о богатствѣ руды въ имѣніи г. Анциферова, высказанное гг. Менделѣевымъ и Иностранцевымъ. По ихъ изысканіямъ оказалось, что, кромѣ желѣзныхъ рудъ, залегающихъ въ громадныхъ массахъ на поверхности земли, въ количествѣ до 500 милліоновъ пудовъ, руды эти внутри земли залегаютъ семью самостоятельными пластами; въ каждой десятинѣ одного слоя или пласта имѣется 500,000 пудовъ руды; въ семи пластахъ одной десятины 3 милліона 800тысячъ пудовъ, а во всѣхъ земляхъ на пространствѣ 1817 десятинъ до 6 мильярдовъ. По химическому изслѣдованію, руды эти оказались сферосидеритомъ высокаго достоинства, самымъ богатѣйшимъ и чистѣйшимъ изъ существующихъ до сихъ поръ желѣзныхъ рудъ и неимѣющимъ себѣ подобныхъ. Въ чистой, неизмѣненной отъ воздуха и воды рудѣ этой содержится отъ 42% до 46% металлическаго желѣза; въ тѣхъ же образцахъ, которые измѣнились, теряя углекислоту, содержаніе желѣза доходитъ отъ 58% до 62%; послѣ обжиганія же, руды эти обогащаются до 70% металлическаго желѣза. При томъ, за отсутствіемъ вредныхъ примѣсей, т. е. фосфора и сѣры, при надлежащей выработкѣ, руды эти обѣщаютъ дать желѣзо и сталь самаго высокаго достоинства съ такою легкостью, какую только можно желать.

И не смотря на это поразительное богатство руды, несмотря на очевидную выгодность предпріятія, руда въ имѣніи г. Анциферова до сихъ поръ еще не разработывается.

Что же дѣлалъ самъ владѣлецъ? До начала войны, онъ предпринялъ было попытку заняться разработкой своей руды. Онъ просилъ о правительственной субсидіи для постройки завода, которая должна была идти въ счетъ уплаты за правительственный заказъ металла, который надѣялся получить г. Анциферовъ. Но, по случаю-ли войны или по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ, ходатайство г. Анциферова не удовлетворено.

Конечно, было бы гораздо пріятнѣе, еслибы капиталъ, необходимый для эксплоатаціи анциферовскихъ рудниковъ, составился въ Россіи, но если этого нельзя достигнуть, то не лучше-ли отдать разработку его въ руки иностранныхъ капиталистовъ. Правда, доходъ отъ предпріятія будетъ уходить изъ Россіи, но не надо забывать что эксплоатація такого громаднаго рудника необходимо вызоветъ пониженіе у насъ цѣны на желѣзо, что благотворно отзовется на нашемъ экономическомъ положеніи. Сверхъ того, усилится вывозъ нашего желѣза за-границу, а привозъ иностраннаго желѣза къ намъ, или значительно уменьшится или же совершенно прекратится.

Право, чтеніе исторіи съ рудой въ имѣніи г. Анциферова вызываетъ такое впечатлѣніе, какъ будто слушаешь сказку изъ «Тысячи одной ночи».

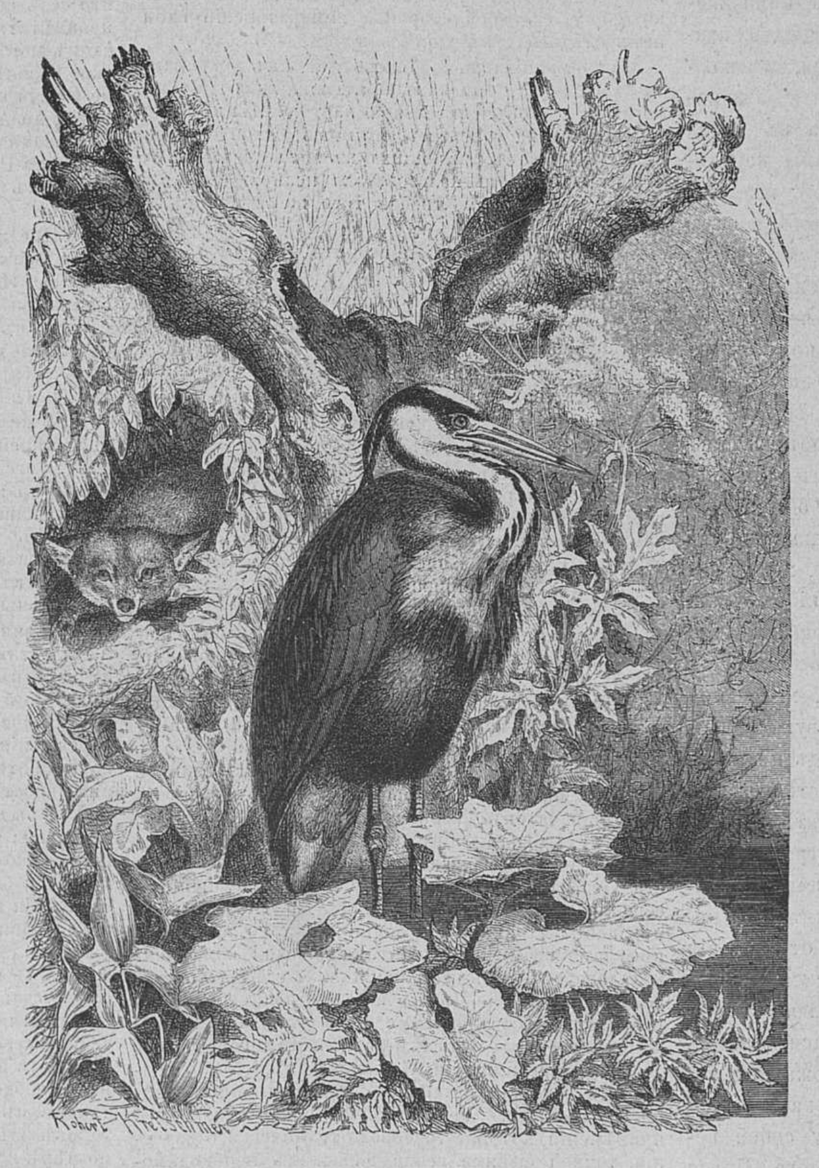
Растрата общественныхъ кассъ грозитъ принять у насъ размѣры повальной болѣзни. Въ послѣднее время безпрестанно приходится читать, что кассиръ такого-то банка, или такой-то компаніи скрылся, похитивъ столько-то тысячъ рублей изъ общественной кассы; или же, что кассиръ, похитившій кассу, арестованъ и, по обыскѣ въ его квартирѣ, у него найденъ мѣдный грошъ. На прошлой недѣлѣ во всѣхъ газетахъ появилось извѣстіе, что произведена растрата кассы солиднѣйшаго изъ русскихъ предпріятій.

«27-го марта правленіе общества взаимнаго поземельнаго кредита заявило полиціи 3-го участка Казанской части, что кассиръ общества Юханцевъ, нынѣ уже уволенный, растратилъ 203,000 фунтовъ стерлинговъ. Вслѣдствіе этого заявленія, полиція вмѣстѣ съ судебнымъ слѣдователемъ произвела обыскъ въ квартирѣ г. Юханцева, причемъ найдено всего 7,000 фунтовъ стерлинговъ и около 19,000 р. кред. билетами. Юханцевъ арестованъ. Говорятъ, что растрата производилась въ теченіи шести лѣтъ и обнаружена нынѣ при передачѣ дѣлъ новому кассиру, который недавно былъ назначенъ вмѣсто г. Юханцева».

Печаленъ фактъ растраты, но еще печальнѣе порядки въ обществѣ, сдѣлавшіе возможною такую грандіозную растрату. По словамъ князя Вадбольскаго (въ «Бирж. Вѣд.»), всего мѣсяцъ тому назадъ, ревизіонная комиссія въ докладѣ своемъ очередному общему собранію заявляла: «Кассовая наличность, счетъ золота и серебра, остатки текущихъ счетовъ въ банкахъ, вексельный портфель и наличность капиталовъ общества, находящихся въ процентныхъ бумагахъ, провѣрены комиссіею и оказались вполнѣ согласными съ записью въ книгахъ. Кромѣ того ревизіонная комиссія можетъ удостовѣрить, что правленіе производитъ не менѣе одного раза въ мѣсяцъ внезапныя ревизіи. Комиссія удостовѣрилась также, что, несмотря на сложный механизмъ счетоводства, всякая справка можетъ быть наведена очень легко и всѣ обороты провѣрены до мельчайшихъ подробностей и оправдательные документы на всѣ расходы и приходы находятся въ порядкѣ».

Невольно является вопросъ: для чего же существуетъ въ обществѣ правленіе; для чего избирается ревизіонная комиссія? И неужели здѣсь, какъ и въ петербургскомъ обществѣ взаимнаго кредита, настоящіе виновные (правленіе и ревизіонная комиссія) будутъ избавлены отъ всякой отвѣтственности своими капиталами за растрату и пострадаютъ вкладчики, капиталъ которыхъ уменьшится пропорціонально произведенной растратѣ? Не показываютъ-ли частые случаи растратъ, что дѣла въ нашихъ компаніяхъ и обществахъ ведутся не ладно, по халатному, что отвѣтственность правленій и другихъ учрежденій, управляющихъ дѣлами, слишкомъ слабая.

Н. И.



Цапля на охотѣ.

Цапля.

(Рис. стр. 307.)

Описаніе цапли мы заимствуемъ изъ знаменитаго сочиненія Брема «Жизнь животныхъ». Цапля, птица некрасивая, имѣющая слабое тѣло, сжатое съ боковъ, длинную и тонкую шею, малую голову, узкую и плоскую и крѣпкій, прямой, сильно сжатый съ боковъ, длинный клювъ; крылья ихъ длинныя и широкія, хвостъ короткій и закругленный, лапы длиннопалыя. Цапли, составляющія очень богатое видами семейство, населяютъ всѣ страны свѣта, за исключеніемъ дальняго сѣвера. Онѣ водятся отъ плоскаго берега моря до высокихъ горныхъ мѣстностей, но постоянно только по близости воды. Нѣкоторые виды предпочитаютъ море, другіе—берега рѣкъ, третьи—болота; одни виды любятъ открытыя

мѣстности, другія—лѣса. Цапли умѣютъ принимать самыя странныя позы; онѣ довольно подвижны, но движенія ихъ вообще тяжелы, некрасивы; походка ихъ обдуманная и медленная, полетъ однообразенъ и нетвердъ. Онѣ искусно лазятъ въ камышахъ и по вѣтвямъ деревьевъ, но принимаютъ при этомъ такія положенія, что всякое движеніе ихъ кажется неловкимъ; онѣ умѣютъ плавать. Голосъ ихъ непріятенъ; зрѣніе чрезвычайно развито; во взглядѣ ихъ есть что-то хитрое, змѣиное. Нрава онѣ злобнаго; изъ всѣхъ болотныхъ птицъ, цапля самая подлая птица. Цапли часто живутъ большими обществами, но ихъ нельзя назвать общественными птицами, потому что каждая завидуетъ успѣху товарища и не пропускаетъ случая доказать ему свое нерасположеніе. Онѣ трусливы съ крупными животными, но съ мелкими злы и кровожадны. Любимая ихъ пища рыба; но онѣ ѣдятъ все, что могутъ одолѣть. Онѣ питаются мелкими млекопитающими, молодыми и безпомощными птицами, разнаго рода пресмыкающимися, за исключеніемъ жабъ, мягкотѣлыми, червями и даже раками. Онѣ искусно подкрадываются къ своей добычѣ и ловятъ ее; длиннополыя лапы переносятъ ихъ легкое тѣло даже по самому жидкому илу и даютъ имъ возможность ограбить всякую лужу. Неслышно и обдуманно крадутся онѣ, подтянувъ длинную шею до такой степени, что голова лежитъ на плечахъ, а нижняя челюсть на выгнутой шеѣ; онѣ пробираются по водѣ въ бродъ, прислушиваясь подозрительно къ каждому звуку и жадно осматривая воду; но съ быстротою молніи шея вдругъ вытягивается и длинный клювъ, подобно копью, впивается въ несчастную жертву, погибель которой обыкновенно неизбѣжна. Иногда цапля нѣсколько минутъ стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, можно подумать, что она погружена въ глубокій сонъ или мечтаетъ о чемъ-нибудь; но едва приближается какая-нибудь добыча, будетъ-ли это рыба или живущее въ водѣ пресмыкающее, маленькое млекопитающее или птица, какъ вдругъ копьевидный клювъ выбрасывается впередъ и пробиваетъ насквозь неосторожное существо. Нападенія эти похожи на нападенія ядовитыхъ змѣй; онѣ совершаются съ такою же быстротою, неотразимостію и хитростію. Если на цаплю нападаетъ болѣе сильный врагъ, она бѣжитъ отъ него пока возможно; но когда путь отступленія прегражденъ ей, она яростно бросается на противника, стараясь попасть своимъ клювомъ ему въ глаза, и иногда наноситъ ему опасныя раны. Гнѣзда цапель — высокія грубо-сложенныя постройки, располагаются или просто на камышѣ, поддерживаясь соединенными между собой перегнутыми стволиками, или внутри его. Цапли кладутъ отъ 3 до 6 бѣло-зеленоватыхъ или голубовато-зеленыхъ яицъ безъ пятенъ. Высиживаются онѣ одною самкою, пищу для которой во все время высиживанія доставляетъ самецъ. Птенцы остаются въ гнѣздѣ до самаго вылета; и послѣ этого нѣкоторое время они кормятся родителями, а затѣмъ предоставляются уже сами себѣ. Цапли приносятъ не малый вредъ человѣку истребленіемъ значительнаго количества рыбы и потому во многихъ мѣстахъ Европы онѣ усердно истребляются охотниками. Цапля легко приручается. Цапель, какъ мы уже замѣтили, много видовъ; одни изъ нихъ принадлежатъ къ дневнымъ, другіе къ ночнымъ птицамъ. Ночная цапля цѣлый день проводитъ въ снѣ или отдыхѣ и только съ наступленіемъ сумерекъ отправляется на охоту для отысканія себѣ пищи. Ночная цапля болѣе общительна, чѣмъ дневная.

Циркуляръ государственнаго канцлера россійскимъ посламъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Римѣ, отъ 28-го марта (9-го апрѣля) 1878 года.

Лордъ А. Лофтусъ сообщилъ мнѣ циркуляръ, который маркизъ Салисбюри адресовалъ великимъ державамъ, отъ 1-го апрѣля (20-го марта).

Онъ былъ подвергнутъ внимательному разсмотрѣнію, и мы должны признать откровенность, съ которою онъ излагаетъ взгляды правительства ея великобританскаго величества на прелиминарный санъ-стефанскій мирный договоръ.

Впрочемъ, мы въ немъ видимъ въ большой подробности возраженія англійскаго кабинета, но тщетно искали тѣхъ предложеній, которыя онъ былъ бы расположенъ выставить для практическаго разрѣшенія настоящаго кризиса на Востокѣ. Маркизъ Салисбюри высказываетъ намъ то, чего англійское правительство не хочетъ, и не говоритъ того, чего оно хочетъ. Мы полагаемъ, что для уясненія положенія было бы полезно, чтобъ его превосходительство это выяснилъ.

Что же касается изложенія воззрѣній правительства ея великобританскаго величества относительно конгресса, то я могу только напомнить тотъ путь, которому, съ своей стороны, императорскій кабинетъ слѣдовалъ въ этомъ вопросѣ.

Онъ оффиціально сообщилъ великимъ державамъ текстъ санъ-стефанскаго прелиминарнаго мирнаго договора, съ объяснительною картою. Мы присовокупили, что на конгрессѣ, если онъ состоится, каждая изъ державъ, имѣющихъ въ немъ своихъ представителей, будетъ пользоваться полною свободою оцѣнки и дѣйствія, требуя того же права и для Россіи.

Мы только можемъ повторить это самое заявленіе.

Потрудитесь сообщить настоящую депешу, съ находящимся при ней приложеніемъ, правительству, при которомъ вы уполномочены.

Примите, господинъ посолъ, увѣреніе въ моемъ высокомъ уваженіи.

Промеморія.

1) Несправедливо говорить, что санъ-стефанскій договоръ создаетъ новую Болгарію и сильное славянское государство подъ контролемъ Россіи. Болгарія существовала, хотя въ положеніи угнетенномъ. Европа это признала и хотѣла противъ сего изыскать средства. Константинопольская конференція указала мѣры, признаваемыя сообразными для достиженія этой цѣли.

Предлагая эти мѣры, собравшіеся уполномоченные на константинопольской конференціи, конечно, не имѣли мысли сдѣлать ихъ недѣйствительными, и слѣдуетъ допустить, что они имѣли въ виду даровать Болгаріи народное существованіе и административную автономію—дѣйствительныя Въ этомъ случаѣ болгарское государство, хотя и раздѣленное на двѣ провинціи, было бы образовано въ зачаткѣ, и этотъ зачатокъ, развиваясь подъ эгидою Европы, достигнулъ бы того результата, который санъ-стефанскій договоръ имѣетъ цѣлью довести до зрѣлости. Отказъ со стороны Порты и происшедшая отъ сего война болѣе не дозволяли, по собственному признанію маркиза Салисбюри, простаго возвращенія къ программѣ константинопольской конференціи; договоръ санъ-стефанскій лишь сдѣлалъ обязательнымъ согласіе Порты на болѣе полную, точную и практическую программу преобразованій, но самый тотъ фактъ, что санъ-стефанскій договоръ есть договоръ прелиминарный, указываетъ, что, по мысли императорскаго кабинета, надлежало лишь установить принципъ, не предрѣшая окончательно его примѣненія, которое требовало техническаго изученія, точной оцѣнки географическихъ необходимостей и согласованія многочисленныхъ интересовъ.

Вотъ почему многія статьи договора изложены въ неопредѣлительныхъ выраженіяхъ, оставляя мѣсто для послѣдующихъ соглашеній относительно измѣненій, признаваемыхъ необходимыми.

2) Санъ-стефанскій договоръ не поставилъ новое государство подъ контроль Россіи. Императорскій кабинетъ сдѣлалъ лишь то, что, въ 1830 году, онъ уже осуществилъ для Молдо-Валахіи. Опытъ доказалъ, что дѣло, исполненное тогда въ княжествахъ, было полезно и содѣйствовало благосостоянію этихъ областей. Не замѣчается, чтобы изъ сего произошло особенное преобладаніе вліянія Россіи, отъ котораго пострадало бы европейское равновѣсіе.

Можно присовокупить, что если Молдо-Валахія, обязанная своимъ существованіемъ Россіи и прилегающая къ ней, успѣла сдѣлаться совершенно независимою отъ нея, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ разсчитывать на такой же результатъ для Болгаріи, которой территорія будетъ отдѣлена отъ Россіи, при предполагаемой уступкѣ Добруджи Румыніи.

3) Для временнаго занятія Болгаріи былъ назначенъ высшій предѣлъ двухъ лѣтъ, потому что этотъ періодъ времени признанъ нужнымъ для поддержанія порядка и мира, покровительства населеніямъ христіанскимъ и мусульманскимъ противъ взаимныхъ между ними возмездій, преобразованія страны, введенія національныхъ учрежденій, образованія туземной милиціи, и проч., и пр., а-также и потому, что если бы занятіе было неопредѣленное, то въ этомъ могли бы усмотрѣть путь къ завладѣнію, которое нисколько не входило въ виды императорскаго кабинета. Но разумѣется, что такъ какъ этотъ срокъ назначенъ приблизительно, то императорскій кабинетъ готовъ его сократить, насколько будетъ возможно безъ вреда для успѣха того труднаго дѣла, которое предстоитъ удовлетворительно совершить въ интересахъ всеобщаго мира.

4) Разграниченіе болгарскаго государства было обозначено лишь въ общихъ выраженіяхъ. Единственное опредѣлительное основаніе, которое было установлено, это—условіе большинства населенія, и, конечно, нельзя придумать другого болѣе справедливаго и правильнаго.

Оно отвѣчаетъ на возраженія, основанныя на различіи племенъ меньшинства, котораго интересы были впрочемъ обезпечены положительными постановленіями. Но примѣненіе этого принципа было предоставлено смѣшанной коммисіи, которой труды по мѣстному изслѣдованію могутъ одни разсѣять сомнѣнія и неувѣренность, еще парящія надъ этими спорными вопросами.

Упрекаютъ прелиминарное разграниченіе за доставленіе Болгаріи портовъ на Черномъ морѣ. Но константинопольская конференція сама признала, что безъ выходовъ въ море эта страна не могла бы процвѣтать. Что же касается до портовъ на Эгейскомъ морѣ, то имѣлось въ виду лишь коммерческое развитіе болгарскаго государства, и, конечно, не Россія воспользуется болѣе всего отъ этаго развитія, но Англія и тѣ державы, которыхъ торговля Средиземнаго моря, гораздо болѣе дѣятельная, чѣмъ торговля Россіи, служила всегда могущественнымъ рычагомъ для поддержанія ихъ политическаго вліянія.

5) Прелиминарный договоръ нисколько не ставитъ Болгарію подъ власть правителя, избраннаго Россіею. Именно постановлено, что правительство будетъ избрано мѣстными административными совѣтами, съ утвержденія Порты и одобренія Европы, и что члены царствующихъ династій не могутъ быть избираемы. Нельзя придумать лучшей гарантіи для свободы выборовъ.

Что же касается до организаціи княжества, то она ввѣрена собранію туземныхъ почетныхъ гражданъ; россійскій императорскій коммисаръ имѣетъ лишь право надзора совмѣстно съ коммисаромъ оттоманскимъ. Сверхъ того, было опредѣлительнымъ образомъ выражено право будущаго соглашенія между великими державами и Портою для присоединенія къ императорскому россійскому коммисару спеціальныхъ уполномоченныхъ.

Временныя мѣры, принятыя между тѣмъ русскими властями для управленія страною, далеко не имѣютъ въ виду, какъ это утверждаютъ, введеніе Болгаріи въ систему политики Россіи, такъ какъ почти ничего не было измѣнено въ существующихъ учрежденіяхъ, къ которымъ страна привыкла. Только позаботились объ усовершенствованіи ихъ исполнительности, которая была неудовлетворительна. Нѣкоторые введенные оттѣнки заключались въ слѣдующемъ: уничтоженіе выкупнаго налога за военную службу; уничтоженіе подесятиннаго сбора и замѣна его болѣе правильнымъ налогомъ; уничтоженіе взятія налоговъ на откупъ, составлявшій источникъ главныхъ злоупотребленій, и наконецъ, дарованіе въ смѣшанныхъ мѣстностяхъ христіанскимъ жителямъ права къ отстраненію отъ выборовъ тѣхъ изъ мусульманъ, которые прежде ознаменовали себя поступками фанатическаго преслѣдованія христіанскаго населенія. Кромѣ того осадное положеніе, въ которомъ находилась страна во время войны, вызвала необходимость назначенія русскихъ губернаторовъ, съ опредѣленіемъ къ нимъ вице-губернаторовъ изъ болгаръ, чтобы, послѣ заключенія мира, по мѣрѣ возстановленія въ странѣ спокойствія, эти вице-губернаторы могли замѣнить русскихъ губернаторовъ, безъ всякаго перерыва въ правильномъ ходѣ управленія страною.

Исключительная цѣль всѣхъ этихъ временныхъ мѣръ состояла въ покровительствѣ народному развитію и въ достиженіи возможности созвать первое болгарское собраніе для установленія учрежденій княжества.

6) Утвержденіе, что санъ-стефанскій договоръ распространилъ вліяніе Россіи за границы Болгаріи, чрезъ постановленіе условій для улучшенія учрежденій въ Эпирѣ и Ѳессаліи, приводитъ въ изумленіе.

Если бы Россія ничего не постановила въ пользу этихъ областей, то ее обвинили бы въ пожертвованіи греками—славянамъ.

Если бы она выговорила для нихъ вассальную автономію, которую порицаютъ въ Болгаріи, то ее обвинили бы въ совершенномъ разрушеніи оттоманской имперіи, съ утвержденіемъ тамъ русскаго вліянія. Императорскій кабинетъ всегда понималъ миссію покровительства, которую исторія ему предназначаетъ на Востокѣ, въ смыслѣ христіанскомъ, безъ различія племени и вѣроисповѣданія. Если онъ постановилъ условія болѣе полныя и опредѣлительныя въ пользу Болгаріи, то потому, что эта страна была главною причиною и театромъ войны, и что Россія пріобрѣла здѣсь положительныя права воюющей державы. Но ограничиваясь постановленіемъ для греческихъ провинцій лишь улучшенныхъ

учрежденій, онъ оставлялъ для великихъ державъ право предъявить болѣе обширныя требованія.

Не вѣрно также, будто санъ-стефанскій договоръ установилъ, что эти учрежденія должны быть составлены подъ руководствомъ Россіи. Общій образецъ, къ которому ихъ приравняли въ договорѣ, это уставъ критскій, дарованный Портою подъ вліяніемъ великихъ державъ. Договоръ устанавливаетъ, что примѣненіе улучшеній должно быть исполнено спеціальною коммисіею, въ которой туземный элементъ имѣлъ бы многочисленныхъ представителей. Справедливо, что онъ обязываетъ Порту обратиться за совѣтомъ къ Россіи, прежде приведенія ихъ въ исполненіе, но онъ нисколько ей не воспрещаетъ обратиться за совѣтомъ равномѣрно и къ представителямъ дружественныхъ державъ.

7) Послѣдующее условіе, относящееся до покровительства членамъ русской церкви, было понято весьма худо, если его уподобляютъ договору кайнарджійскому, отмѣненному въ 1856 году. Условіе кайнарджійское относилось до православнаго греческаго вѣроисповѣданія и могло распространяться на всѣхъ подданныхъ султана, исповѣдующихъ эту вѣру; санъ-стефанскій же договоръ упоминаетъ исключительно о монашествующихъ, духовныхъ лицахъ и паломникахъ русскихъ или русскаго происхожденія, и устанавливаетъ въ ихъ пользу лишь тѣ права, выгоды и преимущества, которыя принадлежатъ духовнымъ лицамъ другихъ народностей.

Послѣ этого нельзя признать справедливымъ утвержденіе, что совокупность санъ-стефанскихъ постановленій способна «увеличить могущество россійской имперіи въ странахъ, гдѣ преобладаетъ греческое населеніе, въ ущербъ этаго народа и всѣхъ странъ, имѣющихъ интересы на востокѣ Средиземнаго моря».

8) Равномѣрно можно найдти, по меньшей мѣрѣ, преувеличеннымъ утвержденіе, что «совокупность санъ-стефанскихъ постановленій относительно обратной уступки румынской части Бессарабіи, расширенія Болгаріи до Чернаго моря и пріобрѣтенія Батумскаго порта сдѣлаютъ Россію преобладающею во всемъ сосѣдствѣ Чернаго моря».

Россія значительно содѣйствовала въ прошлое время освобожденію Греціи и Румыніи. Невидно, чтобы ея власть воспользовалась отъ сего больше, чѣмъ власть другихъ державъ.

Обратная уступка румынской части Бессарабіи была бы только возвращеніемъ къ порядку вещей, измѣненному, 22 года тому назадъ, по побужденіямъ, которыя болѣе не имѣютъ ни причины существовать, ни законнаго права, ни даже предлога съ той поры, что свобода плаванія по Дунаю была поставлена подъ надзоръ и гарантію международной коммисіи, и особенно съ того момента, когда Румынія провозглашаетъ свою независимость, а Европа, повидимому, расположена это признать.

Нужно, кромѣ того, замѣтить, что это обратная уступка заключаетъ не всю часть Бессарабіи, уступленную въ 1856 году. Дельта Дуная исключается изъ нея, и россійское правительство имѣетъ намѣреніе отдать ее Румыніи, у которой она была взята въ 1857 году. Это обстоятельство значительно сокращаетъ важность обратной уступки, требуемой съ точки зрѣнія касательно вліянія устьевъ Дуная на плаваніе по немъ.

9) Батумъ, единственный хорошій портъ въ этихъ приморскихъ мѣстахъ. Онъ имѣетъ для торговли и безопасности Россіи большое значеніе. Это единственная положительная выгода, извлекаемая Россіею изъ войны, которую она вела одна и которая стоила ей такъ много. Потому это нисколько не есть уступка безвозмездная. Она далеко не равноцѣнна денежному вознагражденію, которое могла бы предоставить.

10) Пріобрѣтенія въ Арменіи имѣютъ значеніе только оборонительное: Возможно, что Англія предпочитала бы видѣть эти сильныя позиціи въ рукахъ турокъ. Но по тѣмъ же самымъ причинамъ Россія придаетъ цѣну обладанія ими для своей собственной безопасности, чтобы не имѣть надобности осаждать ихъ въ каждую войну, какъ крѣпость Карсъ, которую она была принуждена брать три раза въ теченіе полустолѣтія.

Эти поземельныя уступки составляютъ естественное послѣдствіе войны.

Если бы Англія хотѣла избавить отъ нихъ Турцію, то ей стоило только присоединиться къ Россіи, какъ объ этомъ ей предлагалось два раза, во время берлинскаго меморандума и порученія графа Эльстона-Сумарокова въ Вѣнѣ, для произведенія на Порту совокупнаго давленія морскими силами, чего было бы вѣроятно достаточно для избѣжанія результатовъ, добытыхъ нынѣ цѣною столь великаго кровопролитія.

Отказавшись отъ сего, англійское правительство не имѣетъ основанія нынѣ оспаривать у Россіи, проливавшей свою кровь, право на требованіе созданія такого порядка вещей, который отнынѣ ее избавитъ отъ подобныхъ жертвъ или же сдѣлаетъ ихъ менѣе тяжкими.

Но чего нельзя понять, это тѣ послѣдствія, которыя изъ этихъ исправленій границъ хотятъ выводить для свободы европейской торговли изъ Требизонда черезъ Персію.

Эти утвержденія въ противорѣчіи съ тѣми, которыя неоднократно высказывали нѣкоторые члены великобританскаго кабинета и на основаніи коихъ завладѣніе Россіею даже Эрзерумомъ и Требизондомъ не составляло бы опасности для англійскихъ интересовъ. Установленныя санъ-стефанскимъ договоромъ исправленія границъ въ Азіи далеко не достигаетъ этого расширенія. Это значитъ доводить недовѣріе до крайности, утверждая, что они поставятъ Россію «въ возможность затруднять запретительными преградами европейскую коммерческую систему».

11) Дѣлаемые санъ-стефанскому договору упреки относительно требуемаго отъ Турціи вознагражденія, не болѣе того основательны.

Достовѣрно, что цифра этого вознагражденія внѣ всякой соразмѣрности съ тѣми подавляющими тягостями, которыми война обременила Россію. Весьма можетъ быть, что онѣ равномѣрно превышаютъ настоящія средства Турціи и увеличиваютъ для нея трудность въ удовлетвореніи требованій ея кредиторовъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что Турція нарушила свои обязательства передъ иностранными кредиторами гораздо раньше войны, вслѣдствіе безпорядка, происходящаго отъ ея худаго управленія. Позволительно думать, что если миръ возстановится на тѣхъ правильныхъ основаніяхъ, которыя имѣлъ въ виду санъ-стефанскій договоръ и которымъ европейское утвержденіе дало бы характеръ твердый и прочный, то изъ сего послѣдуетъ для самой Турціи сокращеніе расходовъ и приращеніе средствъ которыя ее поставятъ въ возможность удовлетворить требованія ея внѣшняго кредита.

Въ виду этихъ-то возможныхъ результатовъ санъ-стефанскія условія, относительно вознагражденія, и были оставлены въ той неопредѣленности, которую имъ ставятъ въ упрекъ.

Если порицаютъ слишкомъ высокую цифру вознагражденія, то тѣмъ болѣе стали бы порицать требованіе безотлагательной уплаты. Если бы захотѣли установить опредѣленный порядокъ платежа, то потребовалось бы захватить государственное имущество, уже поступившее въ залогъ иностраннымъ кредиторамъ Порты. Санъ-стефанскій договоръ старался этого избѣгнуть, оставивъ вопросъ на соглашеніе въ послѣдствіи. Правда, что чрезъ эту предосторожность онъ подвергается подозрѣніямъ въ видахъ ослабить Турцію или господствовать надъ нею нѣсколько лѣтъ, или же въ замыслахъ превратить вознагражденіе въ новыя поземельныя пріобрѣтенія.

Было бы гораздо проще видѣть въ этомъ одно желаніе оберечь Турцію столько же какъ и интересы Европы, и удержать турецкое правительство на пути точнаго соблюденія его обязательствъ и миролюбивыхъ отношеній, полезныхъ для всѣхъ. Но противъ недовѣрія средствъ не существуетъ.

12) Въ заключеніи депеши маркиза Салисбюри узнается съ удовольствіемъ, что «цѣль правительства ея великобританскаго величества и его пламенное желаніе по прежнему заключаются въ обезпеченіи хорошаго правительства, мира и свободы народонаселеніямъ, для которыхъ эти благодѣянія были чуждыми.

Также усматривается съ удовольствіемъ откровенно выраженное признаніе, «что эта политика была обманута злополучнымъ сопротивленіемъ самого оттоманскаго правительства; что въ виду измѣнившихся въ настоящее время обстоятельствъ, не можетъ быть достигнутъ тотъ же самый результатъ въ томъ же объемѣ и тѣми же средствами (т. е. программа константинопольской конференціи), и что большія измѣненія могутъ потребоваться и безъ сомнѣнія будутъ необходимы въ трактатахъ, которыми юго-востокъ Европы управлялся до сей поры».

Если присовокупить къ этимъ соображеніямъ, что повторявшіеся отказы англійскаго правительства присоединиться къ совокупному матеріальному давленію на Порту—воспрепятствовали Европѣ достигнуть миролюбивымъ образомъ результатовъ, желаемыхъ самимъ лондонскимъ кабинетомъ, то должно будетъ признать, что война и санъ-стефанскій миръ соотвѣтствовали требованіямъ того положенія, которое маркизъ Салисбюри призналъ съ большою откровенностью и большою возвышенностью ума.

Это положеніе опредѣляется такъ:

Существующіе трактаты были послѣдовательно нарушаемы въ теченіи 22 лѣтъ, первоначально турецкимъ правительствомъ, которое не исполнило своихъ обязанностей относительно христіанъ, затѣмъ соединенными княжествами, французскимъ занятіемъ Сиріи, самою константинопольскою конференціею, которая составляла вмѣшательство во внутренніе дѣла Оттоманской имперіи, и въ самое последнее время вступленіемъ англійскаго флота въ проливы; съ другой стороны, маркизъ Салисбюри признаетъ самъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ могутъ и должны быть произведены большія измѣненія.

Намъ остается узнать, какъ его превосходительство полагаетъ практически согласовать эти трактаты и признанныя права Великобританіи, а равно и другихъ державъ, съ тѣми благодѣтельными цѣлями, къ осуществленію которыхъ всегда было направляемо соединенное дѣйствіе Европы; т. е. хорошаго управленія, мира и обезпеченія свободы тѣмъ населеніямъ, для которыхъ эти благодѣянія были чуждыми.

Также остается узнать, какимъ образомъ, внѣ прелиминарныхъ основаній, поставленныхъ санъ-стефанскимъ договоромъ, думаетъ его превосходительство достигнуть желаемой всѣми цѣли, принимая при этомъ въ справедливый разсчетъ права, пріобрѣтенныя Россіею за тѣ жертвы, которыя она несла, и несла одна.

Депеша маркиза Салисбюри не заключаетъ никакого отвѣта на эти вопросы. Вотъ почему представляется, что содержащіяся въ ней соображенія нашли бы себѣ мѣсто болѣе естественнымъ образомъ на конгрессѣ, гдѣ всѣ уполномоченные, имѣя полную свободу оцѣнки и дѣйствія, были бы въ состояніи формулировать, рядомъ съ своими возраженіями, миролюбивыя предложенія, способныя утвердить соглашеніе для разрѣшенія настоящихъ затрудненій въ общемъ интересѣ твердаго и прочнаго умиротворенія на Востокѣ.

Новости наукъ и жизни.

— **Заразительность платья.** Въ помѣщенной въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» статьѣ «О предотвращеніи растространенія заразы черезъ платье больныхъ, умирающихъ въ больницахъ отъ заразительныхъ болѣзней», приведены, между прочимъ, слѣдующія мнѣнія медицинскаго совѣта, занимавшагося спеціальнымъ обсужденіемъ этого вопроса: 1) Платье, бѣлье и пожитки больныхъ, поступающихъ въ больницы со всякаго рода заразительными болѣзнями, несомнѣнно могутъ служить проводниками заразъ изъ больницъ въ города и другія населенныя мѣстности, а потому требуютъ особаго обеззараженія ихъ, которое должно считаться неотложно необходимымъ. 2) Мѣры къ обеззараженію этихъ вещей должны распространяться безусловно на всѣ мягкіе предметы, принимаемые въ больницы вмѣстѣ съ больными, выздоровѣютъ ли эти больные или умрутъ. Поэтому сожиганіе тѣхъ только вещей, которыя остались въ больницѣ послѣ смерти больныхъ, какъ мѣра частная и односторонняя, не можетъ считаться удовлетворительною и не обезпечиваетъ достиженія предположенной цѣли. 3) Наиболѣе надежными мѣрами къ обеззараженію вышеозначенныхъ вещей считаются въ настоящее время бученье, съ послѣдовательною стиркою для бѣлья и выжариваніе или нагрѣваніе для суконныхъ и шерстяныхъ предметовъ. Бученье всѣхъ родовъ бѣлья должно производиться въ кипячей водѣ, по общеизвѣстному способу. Выжариваніе суконныхъ и шерстяныхъ матерій должно производиться въ особо устроиваемыхъ жаркихъ камерахъ, съ высокою температурою. Мѣховые предметы должны быть окуриваемы парами сѣры (сѣрнистой кислоты). 4) Означенныя здѣсь мѣры обеззараженія вещей, поступающихъ въ больницу съ больными, должны быть исполняемы при самомъ поступленіи больного, а не послѣ его смерти, или во время леченія, или выписки. 5) Кладовыя въ больницахъ, куда складываются вещи больныхъ, должны быть одинъ разъ въ недѣлю окуриваемы хлоромъ и потомъ два или три дня провѣтриваемы, какъ предписывается больничнымъ уставомъ. 6) Наблюденіе за исполненіемъ этихъ мѣръ должно быть ввѣрено не эконому или смотрителю больницы, а особому лицу, если можно химику, или химику-технологу, понимающему дѣло и строго за нимъ слѣдящему, а на всякую дезинфецированную вещь должно быть наложено клеймо».

— **Картинная галлерея.** Въ парадныхъ залахъ маріинскаго дворца идутъ дѣятельныя приготовленія къ устройству базара въ пользу отдѣленія несовершеннолѣтнихъ петербургскаго дома милосердія. Открытіе базара послѣдуетъ 7-го апрѣля. Посѣтители получатъ возможность увидѣть часть превосходной картинной галлереи его высочества герцога Лейхтенбергскаго, помѣщающуюся въ «синей» гостиной (50 картинъ), зеленой гостиной (22 картины) и въ кабинетѣ (10 картинъ). Въ первой залѣ посѣтители, вѣроятно, обратятъ вниманіе на «Вознесеніе Пресвятой Дѣвы» (Гвидо Рени, 1575—1642), на «Пресвятую Дѣву, сидящую на камнѣ и ласкающую своего младенца и св. Іоанна» (Леонардо де Винчи, 1452—1519), на «Похищеніе Европы» («Юпитеръ, подъ видомъ быка, похищаетъ Европу, обращающую свои взоры на подругъ, кото-

рыя остались на берегу» (Франческо Альбани, 1578—1660), на «Видъ площади въ Венеціи около церкви св. Франциска и Павла» (Антоніо Канале, 1697—1768), на ночную сцену («Внутренность монастыря Алкобацко въ Португаліи; Инесъ де-Кастро, вынутая изъ могилы и коронованная своимъ супругомъ», графа Форбенъ де-Жансона, 1779—1841). «Зеленая гостинная» украшена «Давидомъ, отрубающимъ голову Голіафу» (Рубенсъ), «Св. Іеронимомъ въ одеждѣ кардинала» (Давидъ Теньеръ), «Священникомъ со св. дарами при нападеніи разбойниковъ (Христоф. Рубенъ), «Моисеемъ, спасеннымъ изъ воды дочерью Фараона» (Ник. Пуссенъ), «Блудницею передъ Спасителемъ» (Барбіери) и многими другими. Въ «кабинетѣ» стоитъ портретъ дѣтей Карла I-го, сдѣланный Антономъ Вандейкомъ и нѣсколько другихъ картинъ, невольно обращающихъ на себя вниманіе. Для руководства посѣтителей будущаго базара составленъ каталогъ картинной галлереи, который также будетъ продаваться въ пользу отдѣленія несовершеннолѣтнихъ дома милосердія.

— **В. А. Слѣпцовъ.** 23-го марта въ Сердобскѣ, саратовской губерніи, скончался, послѣ продолжительной и мучительной болѣзни, извѣстный русскій писатель Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ, на 42-мъ году жизни. Свою литературную дѣятельность покойный началъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ «Современникѣ», продолжая тамъ свое сотрудничество до закрытія журнала. «Питомка», «Спѣвка» и другіе талантливые бытовые очерки, помѣщенные Слѣпцовымъ въ «Современникѣ» обратили на себя общее вниманіе, обличивъ въ авторѣ далеко недюжинное дарованіе и глубокую наблюдательность. Въ послѣдніе годы покойный пробовалъ свои силы и на большихъ романахъ; изъ нихъ пользовался большимъ успѣхомъ романъ «Трудное время». Помимо своего литературнаго таланта, Слѣпцовъ былъ превосходный чтецъ. Человѣкъ несомнѣнно честный и правдивый, В. А. Слѣпцовъ былъ чутокъ ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ и отзывчивъ на всякую нужду, на людское горе. Жизнь его самого была некрасна, и умеръ-то онъ, какъ намъ пишутъ, въ мученіяхъ...

— **Женщины врачи.** Вопросъ о правахъ медицинской практики для женщинъ, окончившихъ ученіе въ женскихъ врачебныхъ курсахъ, разрѣшонъ практикой очень просто и раціонально. «Врачебныя Вѣдомости» передаютъ, что нѣсколько женщинъ-врачей приглашены асистентами въ клиники и больницы, нѣсколько изъ нихъ приняли предложенныя имъ мѣста земскихъ врачей. И тѣ, и другія получили временныя свидѣтельства на право врачебной практики, впредь до разрѣшенія вопроса законодательнымъ порядкомъ. Отъ земства продолжаютъ поступать запросы на женщинъ врачей. Жалованье предлагается одинаковое съ врачами мужчинами, отъ 1,200 до 1,500 рублей, но число желающихъ занять мѣста по земству не соотвѣтствуетъ спросу и нѣкоторыя земства останутся неудовлетворенными. Большинство перваго выпуска, нынѣ кончившаго курсъ, состоитъ изъ коренныхъ жительницъ Петербурга, нерѣдко семейныхъ, которыя не желаютъ оставить столицу, и земствамъ, которыя нынѣ очень нуждаются въ врачахъ, придется подождать слѣдующихъ выпусковъ.

— **Новый вулканъ.** Панамская газета «Estrella», сообщаетъ слѣдующее письмо объ открытіи новаго вулкана въ Патагоніи: «На бортѣ корабля «Омага», изъ флота Соединенныхъ Штатовъ. Гавань Греплеръ, Патагонія, 18 января 1878 года. Сегодня, въ $4^1/_2$ часа утра, находясь въ каналѣ, отдѣляющемъ островъ Веллингтонъ отъ материка, мы увидѣли, по направленію къ Востоку, большой столбъ дыма, подобный облаку, который весьма быстро поднялся до высоты нѣсколькихъ тысячъ футовъ. Въ 9 ч. 20 минутъ утра это явленіе повторилось, и мы, находясь въ 11 ч. 30 м. противъ бухты Лиртадъ, на 48° 55′ 30″, замѣтили на Востокѣ, въ разстояніи отъ 30 до 40 англійскихъ миль, горную вершину, отчасти покрытую снѣгомъ, изъ которой выходилъ дымъ; изъ этой-то вершины, судя по ея положенію, и послѣдовало видѣнное нами изверженіе. Такъ какъ этотъ вулканъ, насколько извѣстно, прежде никѣмъ не былъ замѣченъ, то мы желаемъ назвать его, по имени нашего корабля, Омага. Подписано: Джорджъ Р. Брушъ.»

— **Новое отопленіе.** Въ Америкѣ, въ городѣ Буффало, былъ сдѣланъ опытъ отопленія паромъ цѣлаго города, какъ, напримѣръ, освѣщаютъ цѣлый городъ газомъ, и опытъ этотъ увѣнчался успѣхомъ: однимъ общимъ котломъ, изъ котораго шли на три мили трубы, отоплялось въ теченіи цѣлой зимы 51 зданіе (между прочимъ, большое зданіе школы), и температура въ нихъ была теплая и пріятная.

Смѣсь.

— **До чего доходитъ иногда формалистика.** — Газета «Сибирь» извѣщаетъ о слѣдующемъ недоразумѣніи, бывшемъ недавно въ ялуторовскомъ казначействѣ, тобольской губерніи. Рядовой Чабыкинъ съ 1872 года не получилъ за знакъ Георгія пенсіи, девяносто пять копеекъ. Когда его нынѣ призвали на службу (онъ былъ временно-отпускной), то разъяснилось, что ялуторовское казначейство потому не выдавало ему пенсіи, что въ его билетѣ обозначено о выдачѣ девятидесяти пяти копеекъ, а не девяносто пяти, какъ требовалъ вышеозначенный рядовой.

— **Стачка адвокатовъ.** Въ Ліонѣ пришлось закрыть засѣданія второй палаты апелляціоннаго суда, потому что всѣ адвокаты, возмущенные рѣзкими въ отношеніи къ нимъ выходками президента суда, составили стачку и не являются болѣе для защиты дѣлъ своихъ кліентовъ.

Телеграммы.

Афины, 30-го марта. Недавно лондонскій кабинетъ обратился сюда съ запросомъ относительно боевыхъ силъ Греціи. По слухамъ, греческое правительство, въ случаѣ войны, намѣрено стать на сторону Англіи, въ разсчетѣ на ея дѣятельную и сильную поддержку для образованія большого греческаго государства.

Константинополь, 1-го апрѣля. Турки строютъ укрѣпленія на полуостровѣ Галлиполи; въ Сароскомъ заливѣ стоятъ четыре броненосца, у Галлиполи—два, въ бухтѣ Мраморнаго моря—одинъ—всѣ для защиты производящихся работъ. На Булаирской линіи сосредоточено 20,000 турецкихъ войскъ. Работы происходятъ подъ наблюденіемъ англійскихъ инженеровъ. Галлипольскій и дарданельскій паши часто посѣщаютъ адмирала Горнби, вѣроятно, за приказаніями.

Острова: Хіосъ, Сира, Тенедосъ, форты Безика и Кутъ-Кале соединены съ Константинополемъ посредствомъ подводнаго кабеля, положеннаго англичанами. На Тенедосѣ магазинъ провіанта и склады военныхъ запасовъ. На Сирѣ британскій военный комитетъ вербуетъ сто пятьдесятъ переводчиковъ, знающихъ турецкій и одинъ изъ европейскихъ языковъ.

По слухамъ, англійская дипломатія замышляетъ такую кампанію для нравственнаго овладѣнія Константинополемъ: вернуть Мидхата, освободить Сулеймана и низложить Абдулъ-Гамида.

— 2-го апрѣля. Русскіе, ссылаясь на постановленія перемирія и мира, пригласили комендантовъ Шумлы и Варны очистить эти крѣпости.

Русскія войска, стоящія въ Эрзерумѣ и его окрестностяхъ, двинулись къ Батуму, оставивъ на мѣстѣ своей стоянки только необходимыя полицейскія силы.

— 4-го апрѣля. Англо-греческій союзъ заключенъ; въ Пиреѣ устроенъ складъ военныхъ припасовъ англичанъ. Ожидаютъ четыре броненосца.

Парижъ, 1-го апрѣля. Вѣнскій корреспондентъ «Temps» сообщаетъ, что Братіано признался ему въ неуспѣхѣ своего ходатайства у графа Андраши; тѣмъ не менѣе Румынія будетъ до конца противиться уступкѣ Бессарабіи, и если Россія приступитъ къ обезоруженію румынской арміи, то послѣдняя будетъ сражаться.

Берлинъ, 3-го апрѣля. Между Англіей и Портой установилось полное согласіе. Здѣшнее турецкое посольство обнародовало предложенія, съ которыми лондонскій кабинетъ обратился къ Россіи. Англія требуетъ сокращенія Болгаріи почти на половину и выдачи туркамъ Батума, Карса и Баязета.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Апрѣля 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 16. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 16 Апрѣля 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Три Маріи.

Въ альбомъ моему другу.

Повѣсть С—на.

(*Продолженіе.*)

Когда Ольга Дмитріевна вернулась съ племянницей изъ магазиновъ, было уже совсѣмъ темно. Въ прихожей имъ сказали, что Дмитрій Павловичъ возвратился часа два тому назадъ и почиваетъ.

Надя очень обрадовалась этому извѣстію.

— Ну, слава Богу! Онъ выспится и будетъ въ отличномъ расположеніи духа... Жаль только, что мы не скоро узнаемъ, въ какой театръ онъ досталъ ложу...

— Ахъ, мой другъ! твой дядя всегда въ отличномъ расположеніи духа, когда ему приходится быть въ обществѣ, произнесла госпожа Апухтина, съ глубокимъ вздохомъ.

Она немножко проголодалась, а голодъ всегда навѣвалъ на нее легкую меланхолію.

— Надо его видѣть дома, en famille, или лѣтомъ въ деревнѣ, когда не за кѣмъ ухаживать, не съ кѣмъ глупости врать и кутить, тогда онъ просто невыносимъ!.. Позвони, пожалуйста, душа моя, и прикажи сходить за обѣдомъ, продолжала она, опускаясь на диванъ. — Я вѣдь твоего дядюшку знаю, какъ проснется, такъ сейчасъ подавай ему кушать! C'est une vraie machine à vivre, какъ прозвалъ его Чибисовъ.

Чибисовъ былъ одинъ изъ безчисленныхъ платоническихъ поклонниковъ госпожи Апухтиной.

Надя позвонила, но на звонокъ никто не явился.

— Люди, вѣрно, обѣдаютъ, ma tante, я позову Аннушку изъ коридора.

Коридоръ былъ очень длинный. Лампа, освѣщавшая его днемъ и ночью, сегодня раньше обыкновеннаго догорѣла и погасла, но въ самомъ концѣ свѣтился огонь изъ полурастворенной двери хозяйкиной комнаты и Надя пошла прямо на этотъ свѣтъ.

Ей было сегодня очень весело. Въ какомъ то магазинѣ она мимоходомъ заглянула въ развернутую на прилавкѣ афишу, и увидѣла что во всѣхъ театрахъ даютъ именно тѣ пьесы, которыя ей давно хотѣлось видѣть... Ольга Дмитріевна, закупая себѣ и дѣтямъ нѣсколько дюжинъ перчатокъ, сообразила, что у племянницы, можетъ быть, нѣтъ свѣжихъ перчатокъ на сегодняшній вечеръ, и предложила ей выбрать три пары, какого она пожелаетъ цвѣта и въ три пуговицы... Да кромѣ того, сидѣть цѣлый вечеръ въ одной ложѣ съ дядей Дмитріемъ само по себѣ составляетъ большое удовольствіе.

Вотъ только ma tante будетъ по обыкновенію ломаться и жеманиться, да останавливать ее за громкій смѣхъ и разговоры, но чтожь дѣлать, полнаго счастья никогда не бываетъ въ жизни!

Надя была очень молода, но истину эту она знала по опыту.

Она шла ощупью. Косой лучъ свѣта, пробивающійся изъ неплотно притворенной двери, такимъ неправильнымъ угломъ освѣщалъ коридоръ, что она дошла до двери и толкнулась въ нее, сама того не замѣчая.

— Кто тутъ? спросила хозяйка, выскакивая съ неестественною поспѣшностью изъ своей комнаты и загораживая собою въ нее входъ.

— Я, вы меня не узнали? Тетя проситъ, чтобъ вы послали за обѣдомъ въ клубъ. Мы звонили, но никто не явился...

— Ахъ, это вы, Надежда Петровна, извините, пожалуйста! Я вамъ сейчасъ пришлю Аннушку... Надо звонить сильнѣе, вѣдь звонокъ проведенъ въ кухню.

Надя отправилась назадъ.

— Что за любопытная дѣвчонка, эта племянница Апухтиныхъ, сказала Антонина Егоровна, вернувшись въ свою комнату.

Она обращалась къ толстому коротенькому офицеру въ разстегнутомъ сюртукѣ, который прекомфортабельно развалился въ глубокомъ креслѣ передъ каминомъ.

— Я увѣрена, что ей хотѣлось подсмотрѣть, кто у меня... Вы, вѣрно, опять оставили ваше пальто въ прихожей?

— Нѣтъ, вотъ оно, указалъ онъ на стулъ за дверью.

Тутъ же были сложены и остальные его доспѣхи, сабля и каска.

— Ну, все равно, ужь она почему-нибудь другому догадалась, что я не одна... Прелюбопытная дѣвчонка, я вамъ говорю! Еслибъ вы только знали, какъ она меня сегодня утромъ распрашивала про Марью Ильинишну!.. Кто она, да откуда, и давно ли больна?.. Все то ей, рѣшительно все до крошечки, надо знать! Стрекоза длинноносая!

— Гмъ! промычалъ офицеръ, выпуская густое облако дыма.

— Что вы сказали?

— Ничего. А мнѣ сегодня дольше сидѣть у васъ нельзя... знаете?

— Посидите и подольше!

Офицеръ лѣниво поднялся съ кресла, бросилъ окурокъ сигары въ каминъ и началъ застегивать на всѣ пуговицы свой сюртукъ.

— Нѣтъ-съ, ужь это дудки-съ!

Проходя обратно по коридору, Надя на каждомъ шагу останавливалась и прислушивалась. Она очень явственно слышала кашель хриплый, удушливый... и образъ чахоточной сибирячки, то въ одномъ, то въ другомъ видѣ, представлялся ея воображенію. Откуда раздавался этотъ кашель, угадать не было никакой возможности. То ей казалось, что очень близко, то очень далеко... По временамъ все стихало, но не на долго.

Она такъ и вернулась въ красную комнату, не узнавши, гдѣ лежитъ больная.

Дмитрій Павловичъ явился почти въ одно время съ нею въ комнату жены, свѣжій, бодрый, улыбающійся. За обѣдомъ было очень весело и если бъ не воспоминаніе объ томъ кашлѣ...

Онъ такъ упорно продолжалъ раздаваться въ ушахъ Нади, что она порою рѣшительно не знала, что ей дѣлать, плакать или смѣяться?

— Знаете, дядя, мнѣ ужасно досадно, что вы здѣсь остановились, сказала она, какъ только что Ольга Дмитріевна удалилась за драпировку одѣваться къ театру.—Для меня такое удовольствіе, когда вы пріѣзжаете въ Петербургъ, а здѣсь, въ этихъ chambres garnies, все мое счастье отравлено!

— Вотъ еще новости! Чѣмъ же это?

Онъ всталъ, закурилъ сигару, пересѣлъ въ другое кресло поудобнѣе и, ласково посматривая на нее, повторилъ:

— Чѣмъ же тебѣ эти комнаты не нравятся, моя причудница?

— Да вотъ, эта больная, которая тутъ кашляетъ...

— Во-первыхъ, она вовсе не тутъ кашляетъ. Ее теперь упрятали такъ далеко, что даже въ моей комнатѣ не слышно...

— Но когда ужь разъ знаешь, что она въ домѣ...

— Въ какомъ же домѣ нѣтъ больныхъ, козочка? Во всякомъ есть... Да вотъ твоя мама постоянно больна, кто же этимъ тяготится изъ вашихъ сосѣдей? Рѣшительно никто. А вѣдь и вы тоже, я думаю, не малую возню подымаете каждый вечеръ, съ вашими ваннами, gamasseus'ами, и, навѣрно, сестрица Анна Павловна стонетъ и охаетъ...

— Ахъ, дядя! Ну можно ли это сравнивать! Мама совсѣмъ не то, она у себя, въ домѣ, у нея я, Танюша, Дарья... всѣ ей въ глаза смотрятъ и жалѣютъ ее... знаете...

Она взглянула на Дмитрія Павловича и вдругъ смолкла. Ей показалось, что онъ ее не слушаетъ.

— Что это, Ольга, какъ ты прохлаждаешься! возвысилъ онъ голосъ. — Мы опоздаемъ къ первому акту, а мнѣ его то именно и хочется видѣть. Не забыть бы бинокль, продолжалъ Дмитрій Павловичъ, подходя къ столу и вынимая бинокль изъ футляра. А затѣмъ, старательно вытеревъ стекла носовымъ платкомъ, онъ поднесъ его къ глазамъ и направилъ на племянницу.— Какой у тебя длинный носъ, козочка, ужасъ! Надо смѣяться, тогда онъ дѣлается короче... Тебѣ вовсе нейдетъ быть серьезной.

Въ эту ночь, распростившись съ супругой послѣ театра, Дмитрій Павловичъ заблудился въ томъ самомъ коридорѣ, въ которомъ передъ обѣдомъ блуждала Надя, и наткнулся на Антонину Егоровну.

Встрѣча была нечаянная разумѣется, Антонина Егоровна очень сконфузилась и нѣсколько разъ сряду просила извиненія за неглиже, въ которомъ господинъ Апухтинъ ее засталъ.

Но извиняться было рѣшительно не въ чемъ. На ней былъ прелестный чепчикъ съ пунцовымъ бантомъ, хорошенькая кофточка вся въ прошивкахъ, а изъ подъ красивой вышитой юбки, выглядывали туфли на высокихъ каблучкахъ, съ бантами, такими же красными, какъ и на чепцѣ.

Она шла куда то по хозяйству, съ ключами и со свѣчей въ рукахъ, а у него нервы были въ большомъ напряженіи, вѣроятно, отъ раздирательной драмы, на которой пришлось высидѣть три часа сряду. Къ тому же, въ антрактѣ, какой то пріятель заставилъ его выпить стаканъ шампанскаго за чье то здоровье... На Дмитрія Павловича шампанское всегда отвратительно дѣйствовало и онъ тысячу разъ давалъ себѣ зарокъ не пить этого проклятаго вина...

При встрѣчѣ съ Антониной Егоровной, у него немножко голова закружилась отъ ея красныхъ бантиковъ и отъ апетитной шейки, просвѣчивающей сквозь прошивки кофточки. Какъ это вышло, онъ и самъ потомъ не помнилъ, но только вмѣсто того, чтобъ попасть въ зеленый кабинетъ, Дмитрій Павловичъ забрелъ въ комнату хозяйки.

На этотъ разъ такъ случилось, что въ этой комнатѣ, ни въ одномъ углу не стояло ни сабли, ни трости, ни даже дождеваго зонтика, на столахъ не видно было ни одной каски, ни одной шляпы, ни одной фуражки... Такія ночи выдавались весьма рѣдко и вотъ сегодня, точно нарочно, на счастье Дмитрія Павловича, выдалась именно такая ночь.

При ближайшемъ знакомствѣ, Антонина Егоровна оказалась весьма пріятной особой и Дмитрію Павловичу даже совсѣмъ расхотѣлось спать въ ея обществѣ... Еслибъ не несносный глухой кашель, долетавшій до его слуха, не взирая на плотно притворенныя двери, онъ, можетъ быть, проболталъ бы съ нею до утра.

— Это та больная кашляетъ, что вчера мнѣ всю ночь спать не давала? спросилъ онъ вдругъ, въ самомъ разгарѣ бесѣды.

— Неужели вы слышите что-нибудь? возразила съ досадой Антонина Егоровна.

— Слышу, глухо, но слышу, объявилъ онъ, снова начиная прислушиваться.

— Полноте, вамъ такъ кажется! Это у васъ, вѣроятно, еще со вчерашняго раздается въ ушахъ.

Онъ не настаивалъ, но минутъ пять спустя поднялся и объявилъ, что пора спать.

— Приходите въ другой разъ посидѣть, любезно пригласила его хозяйка, провожая до двери.

Она вернулась къ себѣ въ великомъ бѣшенствѣ.

Дмитрій Павловичъ Апухтинъ такъ ей понравился! Его и сравнивать нельзя было съ офицерами, ея обычными посѣтителями! Такой красивый и солидный господинъ, да еще губернаторъ къ тому же! Правда, далеко гдѣ то, но что за дѣло, бывали примѣры, что заѣхавши въ такую глушь, какъ та, гдѣ владычествовалъ Апухтинъ, съ большимъ даже капиталомъ возвращались... И надо же было этой несносной Марьѣ Ильинишнѣ раскашляться... Точно нарочно, право! Какая досада, что ее ни въ какую больницу не принимаютъ!

Теперь она почти совсѣмъ не вставала съ постели и по цѣлымъ днямъ лежала отвернувшись къ стѣнѣ. Да и вообще, она въ послѣднее время какъ то вдругъ опустилась... перестала даже плакать и стонать по ночамъ, а днемъ лежала неподвижно, широко раскрывъ глаза и ни на что не смотря.

— Слова отъ нея не добьешся, говорила про нее Антонина Егоровна своимъ знакомымъ,— повѣрите ли, даже ѣсть не проситъ... Пробовала я ей ничего не присылать день, другой, хоть бы пикнула!.. Ну, сердце не камень, велѣла Аннушкѣ чашку чаю, да тарелочку супу отнести...

Но прежде, когда у нея были еще силы, Марья Ильинишна каждый день являлась въ комнату Антонины Егоровны. Придетъ и сядетъ въ уголочекъ, и никакого отъ нея нѣтъ удовольствія, только стѣсняетъ всѣхъ! Ни поговорить при ней отъ души, ни наврать, ни посмѣяться, ничего нельзя. Самый развеселый человѣкъ дѣлался скученъ, глядя на ея вѣчно печальное личико...

И вотъ вѣдь странность какая, давно всѣ привыкли къ ея горю, прислушались къ ея жалобамъ, пригладѣлись къ ея слезамъ, а привыкнуть къ ея скорбному личику никто не могъ! Даже офицеры, и тѣ печалились, въ ея присутствіи! А одинъ департаментскій чиновникъ такъ расчувствовался, что самъ предложилъ разузнать въ какомъ положеніи находится дѣло ея мужа.

И разузналъ, даже очень скоро. Дѣло было нехорошее, слѣдствіе, вѣроятно, протянется еще нѣсколько лѣтъ, а тамъ, грозила либо тюрьма, либо ссылка въ отдаленныя губерніи...

— Да полно вамъ! Куда же дальше то? прервала его съ досадой Антонина Егоровна.

И, указывая на Марью Ильинишну, которая ни жива, ни мертва, присутствовала при этомъ разговорѣ, она прибавила:

— Вотъ она разсказываетъ, что у нихъ тамъ зимой на собакахъ ѣздятъ, а прислуга вся изъ каторжныхъ... Да и доѣхать туда, въ два мѣсяца не доѣдешь и ссылать-то некуда.

Однако послѣ этихъ справокъ, доставленныхъ услужливымъ департаментскимъ чиновникомъ, всѣ начали смотрѣть на Марью Ильинишну еще безнадежнѣе, а она ужъ и совсѣмъ растерялась... Днемъ то еще кое какъ крѣпится, но за то ужь ночью такъ то плачетъ, что даже кухаркѣ Анисьѣ стало не въ моготу спать съ нею въ одной комнатѣ.

— Вѣдь подумайте только, сударыня, жаловалась она Антонинѣ Егоровнѣ,—цѣльную ночь на пролетъ плачетъ! Ну, каково это живому человѣку слушать? Другой поплачетъ, поплачетъ, да и перестанетъ, а вѣдь она, какъ зарядитъ, до утра, безъ передышки!... Такъ тебя всю и мутитъ, такъ и мутитъ... Положимъ, что печаль у нихъ великая, что говорить! Да вѣдь мы то чѣмъ же виноваты?

До такой степени она, наконецъ, всѣмъ надоѣла, что офицеры даже вздумали устроить складчину, чтобъ отправить ее назадъ къ мужу.

Можетъ быть, планъ этотъ и осуществился бы, еслибъ какой то докторъ не объявилъ, что она врядъ ли протянетъ до весны.

Однакожь прошла и весна, и лѣто, и осень, а Марья Ильинишна все не умирала. Вѣдь ужь кажется, въ чемъ только душа! Совсѣмъ извелась, глаза ввалились, носъ обвострился, на щекахъ алыя пятна съ каждымъ днемъ все ярче и ярче выдаются на пожелтѣвшей прозрачной кожѣ, съ губъ чернота отъ внутренняго жара ни на минуту не сходитъ, а все живетъ, и себѣ и другимъ въ тягость!

И когда только Господь этой маятѣ предѣлъ положитъ! Вѣдь и Антонина Егоровна... Она хотя и развеселая дама, и ремесло ея такое, что сантименты разводить вовсе не приходится, а между тѣмъ, даже ее этотъ надрывающій кашель, съ удушьемъ, съ придыханіемъ, не всегда злитъ и бѣситъ, а подчасъ и хандру наводитъ. Каково же свѣжему человѣку это слышать? Да вотъ, хотя бы для примѣра Дмитрія Павловича взять, вѣдь не выдержалъ! Какъ не мила была въ ту ночь Антонина Егоровна, а выгналъ его этотъ кашель проклятый изъ ея комнаты, раньше времени.

Теперь, пожалуй, никогда и не заглянетъ... Очень стоило послѣ этого придумывать такое обаятельное неглиже!

Но Антонина Егоровна ошибалась; ея плойки, прошивки, красные банты и ласковые взгляды не пропали даромъ. Встрѣтившись съ нею на слѣдующее утро, въ томъ же самомъ коридорѣ и опять точно также невзначай, Дмитрій Павловичъ прелюбезно предложилъ ей похлопотать объ томъ, чтобъ ея родственницу приняли бы въ какую-нибудь больницу.

Антонина Егоровна разсыпалась въ благодарностяхъ.

— Вы истинное сдѣлаете благодѣяніе, и ей и мнѣ, повторяла она, сжимая его руку въ своихъ довольно красивыхъ рукахъ. — Какой ей у меня можетъ быть покой, подумайте только! Вѣдь для того, чтобъ она васъ не стѣсняла, я должна была помѣстить ее подъ лѣстницу.

Дмитрій Павловичъ поморщился.

— Какже это можно, больную!

— Да чтожь прикажете дѣлать? Повѣрьте, что еслибъ у меня былъ лишній уголъ, гдѣ принимать гостей, а также кто по дѣламъ придетъ, я бы и не задумалась уступить ей мою комнату. Но вѣдь у меня нѣтъ такого угла...

— Ну, знаете, вы ее все-таки подъ лѣстницей не оставляйте, нехорошо! Можетъ быть, изъ больницы вздумаютъ прислать доктора, чтобъ ее осмотрѣть... Понимаете?

Антонина Егоровна отлично все понимала. Она въ тотъ же день уговорила кухарку уступить на время комнатку, рядомъ съ кухней, а самой перебраться подъ лѣстницу.

Въ этой то комнаткѣ и познакомилась Наденька Минхъ съ Марьей Ильинишной Ивановой.

Съ легкой руки Апухтиныхъ и прочія двѣ комнаты, окнами на дворъ, не долго оставались пустыми. Заняли ихъ, правда, не Богъ знаетъ какіе важные господа, двое студентовъ, да артиллерійскій офицеръ изъ небогатенькихъ, серьезный такой, но деньги заплатили впередъ за цѣлый мѣсяцъ и обѣщались прожить всю зиму.

Этими жильцами вся квартира окупалась и Антонина Егоровна ликовала.

Къ Апухтинымъ ѣздило такъ много хорошихъ гостей, что ея комнатамъ сулилась блестящая будущность. Стоитъ только войти въ извѣстность и отъ жильцовъ отбоя не будетъ, всѣ это знаютъ.

Однимъ словомъ, все шло, какъ по маслу; одна только кухарка была недовольна и грозила отойти, если ей не возвратятъ комнаты, уступленной Марьѣ Ильинишнѣ, да вотъ еще хлопоты Дмитрія Павловича, чтобъ помѣстить ее въ больницу, до сихъ поръ не удавались...

Послѣднее время ей какъ будто немножко легче стало; припадки кашля повторялись рѣже, появился даже апетитъ...

— Сегодня молочка попросила, разсказывала Антонина Егоровна Надѣ,—я, разумѣется, велѣла купить... Но тутъ рѣшительно радоваться нечему, продолжала она, замѣтивъ удовольствіе, выразившееся на лицѣ дѣвушки, — ужь все равно, она выздоровѣть не можетъ!

— Почемъ знать, замѣтила Надя.

Антонина Егоровна даже разсердилась немножко.—Помилуйте, Надежда Петровна, да вѣдь ее ужь всѣ доктора присудили!

— А развѣ доктора мало ошибаются?

— Ну полноте! Ужь мы всѣ на нее какъ на мертвую смотримъ!

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

За городомъ.

(Съ нѣмецкаго.)

Стих. Ольги Охтенской.

Зеленый лѣсъ, широкій лѣсъ!
Живою силой дышешь ты,
Когда весенній лучъ съ небесъ
Озолотитъ твои листы.

Приди, невольникъ городовъ,
Когда простора жаждетъ грудь,
Упиться влагою лѣсовъ,
Въ зеленой чащѣ отдохнуть.

Дыханье теплое весны
И шепотъ листьевъ молодыхъ
Навѣютъ радужные сны
На насъ питомцевъ городскихъ.

На дальнемъ Западѣ

Путевые наброски Сѣверной Америки.

Ст. А. И. Елишева.

(*Продолженіе.*)

II.

Съ фермы на ферму.

Въ колодцѣ.—Старый причеръ.—Пожаръ въ преріи.—Фермеръ-учитель.—Вознагражденіе учителей сельскихъ школъ.—По вечерамъ въ школѣ.—Debates.—Ломка камня.—М-ръ Смитъ.—Казнокрадство и взяточничество въ Соед. Штатахъ.—Исторія Туида.—Rings.—Откармливаніе скота и свиней въ Канзасѣ.—Закупка телятъ.—Основная черта американскихъ предпріятій.—Northers.

Поиски за работой шли прежнимъ путемъ, т. е. я ходилъ съ фермы на ферму и распрашивалъ, не нужна-ли гдѣ помощь. Но время было такое глухое, что истративъ три дня, я нашелъ себѣ занятіе только на такой же срокъ. Учитель одной школы—онъ же и фермеръ—предложилъ мнѣ помочь ему, вычистить колодезь съ платой по 50 центовъ въ день на готовыхъ харчахъ. На другой день рано принялись мы за дѣло со старикомъ, отцомъ учителя. Это былъ священникъ епископальной церкви, мирно доживающій свои дни на фермѣ сына. Въ мѣстномъ городкѣ не было еще храма и различныя секты собирались для богослуженія въ одномъ и томъ же школьномъ домѣ. Въ дни собраній своихъ единовѣрцевъ и старый причеръ являлся проповѣдывать, а въ остальные хлопотливо помогалъ сыну по хозяйству. Приладивъ воротъ къ довольно глубокому колодцу, я спустился на холодное и заплывшее грязью дно его. Когда ящикъ былъ наполненъ грязью, священникъ вытягивалъ его на поверхность. Всѣ четыре дня только въ этомъ и состояла работа.

Въ первую ночь никому на фермѣ не пришлось спать. Едва мы легли, какъ комнаты освѣтились зловѣщимъ пламенемъ пожара. Горѣла прерія. Тонкая линія огня, начинаясь за сосѣднимъ холмомъ и дугою охвативъ горизонтъ, по вѣтру шла прямо на ферму. Хозяинъ имѣлъ неосторожность не обкосить траву вокругъ двора, и потому пожаръ былъ опасенъ. Захвативъ попавшееся подъ руку старое платье и тряпки и намочивъ ихъ, мы сдѣлали швабры и побѣжали на встрѣчу огню, а хозяйка—просить помощи на

Съ картины Ф. ФОРБЕКА.

Лизетта.

ближнюю ферму. Но сосѣди уже сами бѣжали къ намъ. Пламя быстро приближалось и скоро можно было различать, взвивающіеся къ небу, огненные языки.

Вѣтеръ былъ довольно сильный, но порывистый. Лишь только онъ затихалъ, огонь прилегалъ и, пощелкивая, тихо и незамѣтно пробирался по землѣ и какъ будто совсѣмъ потухалъ. Съ ожесточеніемъ бросались мы на него и били нашими мечами, но всякій разъ должны были отступать. При первомъ порывѣ вѣтра вздымались цѣлыя волны пламени, далеко освѣщали пустынную прерію и съ гуломъ и трескомъ неслись впередъ, быстро пожирая высокую и сухую траву и оставляя за собою обугленную и дымящуюся землю. Испуганный необычайнымъ шумомъ кроликъ, прижавъ уши, какъ стрѣла, выпрыгивалъ, казалось, изъ самаго огня и несся по преріи. Сладить съ огнемъ было трудно. Онъ добрался до изгороди и мы уже не могли спасти ее—она ярко загорѣлась въ нѣсколькихъ мѣстахъ сразу. Тогда, видя, что опасность все болѣе и болѣе угрожаетъ фермѣ, рѣшено было прибѣгнуть къ послѣднему средству. Мы зажгли траву у самаго дома и, пользуясь слабостью огня въ началѣ, направили его отъ строеній въ прерію; хотя съ трудомъ, но онъ подвигался и противъ вѣтра. Такимъ образомъ, вокругъ фермы образовалось уже обожженное мѣсто и опасность миновала.

Вообще, какъ ни много убытковъ причиняютъ степные пожары, все таки они не составляютъ такого бѣдствія, какъ описываютъ многіе путешественники. Для людей и животныхъ они не опасны, такъ какъ даже при сильномъ вѣтрѣ отъ огня можно всегда уйти. Постройки же, изгороди, стоги сѣна а также расположившіеся на ночлегъ въ преріи караваны, дѣйствительно, нерѣдко дѣлаются жертвой пламени, но только тогда, если заранѣе не принято никакихъ мѣръ. Обыкновенно вокругъ двора обжигаютъ въ тихую погоду полосу травы или еще лѣтомъ скашиваютъ ее, и этого бываетъ совершенно достаточно, чтобы застраховать себя отъ ни вѣсть откуда явившагося огня—онъ проходитъ иногда по нѣскольку десятковъ миль.

Глубокою осенью или весною фермеры сами зажигаютъ прерію, такъ какъ на выжженныхъ мѣстахъ трава родится лучше. Для этого выбираютъ тихую погоду или такой вѣтеръ, при которомъ огонь, не распространяясь слишкомъ далеко, пришелъ бы къ водѣ или широкой, торной дорогѣ. Но и тутъ нужно быть крайне осторожнымъ; при перемѣнчивомъ въ преріяхъ вѣтрѣ легко подпустить сосѣду непрошеннаго гостя. Даже неосторожность въ такихъ случаяхъ строго наказывается по законамъ штата. Иногда же раздраженные фермеры готовы бываютъ примѣнить къ виновному судъ Линча. Такой именно случай былъ въ южномъ Канзасѣ, и обвиненный едва успѣлъ скрыться бѣгствомъ.

Мой хозяинъ былъ прежде учителемъ въ Восточныхъ штатахъ, но это занятіе онъ взялъ только на время, чтобы скопить денегъ и отправиться на западъ искать земли и счастія. Теперешній участокъ былъ занятъ имъ три года назадъ; когда же тутъ вблизи устроилась школа, онъ зимой, на время безработицы, занималъ должность учителя, а лѣтомъ опять брался за плугъ; тогда вмѣсто него въ школѣ была учительница *). Эти послѣднія на западѣ, гдѣ школьные дома бываютъ часто довольно далеко отъ жилищъ и не могутъ похвастать своей теплотой, предпочитаютъ имѣть вакацію зимой.

За свой трудъ въ школѣ мой хозяинъ получалъ 30 дол. въ мѣсяцъ—обыкновенное вознагражденіе учителя въ Западныхъ штатахъ. Учительницы же получаютъ около 20 дол. Вообще вознагражденіе преподавателей элементарныхъ школъ въ Америкѣ, по крайней мѣрѣ стоящихъ внѣ городской черты, далеко не покажется столь значительнымъ, если мы примемъ во вниманіе дороговизну жизни въ Америкѣ. Въ Восточныхъ штатахъ мнѣ случалось видѣть учительницъ, получающихъ только 4 дол. въ недѣлю. А столъ и квартира, не болѣе комфортабельные, чѣмъ пользуется каждая работница, стоятъ 3 дол. въ недѣлю, такъ что остается не болѣе 4 дол. въ мѣсяцъ на одежду и другіе расходы. Въ той же мѣстности работница на фермѣ, при готовомъ столѣ и квартирѣ, получаетъ 8 дол. въ мѣсяцъ.

*) Даже въ сельскихъ школахъ Соед. Шт. ученье продолжается и лѣтомъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома фермера-учителя была и школа. Я посѣщалъ ее каждый вечеръ. Урокъ всегда начинался и оканчивался хоровымъ пѣніемъ всего класса. Нельзя не похвалить этотъ обычай. Мелодическіе звуки хорошо помогаютъ перейти вниманію и мыслительной способности ученика съ предметовъ посторонпихъ на содержаніе урока. По вечерамъ, между прочимъ, бывали упражненія въ ораторскомъ искусствѣ. Будущіе граждане и гражданки декламировали стихи и пересказывали прозаическія статьи, а иногда и свои собственныя сочиненія. Такая забота американцевъ о томъ, чтобы ихъ дѣти умѣли говорить, не остается безслѣдной. Возьмите вы любого гражданина республики, будь то хоть загрубѣлый въ работѣ піонеръ,—поставьте его на трибуну и у него никогда дѣло не станетъ затѣмъ, чтобы ясно выразить свою мысль. Конечно, сама общественная жизнь, съ ея безчисленными митингами, съѣздами и безусловно гласнымъ судомъ, можетъ быть, еще болѣе производитъ хорошихъ ораторовъ; но все-таки школа бываетъ первой учительницей краснорѣчія.

По субботамъ нигдѣ въ Соед. Штатахъ не бываетъ ученья. Но и въ этотъ день нашъ школьный домъ по вечерамъ былъ полонъ: тамъ бывали, такъ называемыя, «Debates»—публичныя пренія. Это очень оригинальныя и чисто американскія собранія. Сходились окрестные жители и, выбравъ предсѣдателя, приступали къ разрѣшенію общими силами различныхъ вопросовъ, которые могъ предлагать каждый изъ присутствующихъ. Насколько разнообразенъ былъ составъ собраній, настолько же различны были и предметы бесѣдъ. Вопросъ, дѣйствительно повидимому сильно волновавшій молодого, начинающаго фермера, о томъ, воловъ или муловъ выгоднѣе держать для канзасскаго хозяина, обсуждался съ такою же обстоятельностью и страстностью, какъ и вопросъ о томъ, какіе недостатки и преимущества представляетъ коммунистическое устройство общества. Какъ во всякомъ свободно возникшемъ дѣлѣ, на этихъ вечерахъ было весело, уютно и непринужденно. Ихъ посѣщали и старики, и школьники, и они тоже открывались и заканчивались хоровымъ пѣніемъ.

Когда колодезь сдѣлался чистъ, я простился съ семействомъ учителя. По сосѣдству нашлась и еще работа. Мистеру Смиту нужно было ломать камень для полевыхъ заборовъ. Мнѣ предложили 2 дол. въ недѣлю, при готовыхъ харчахъ. Вооружившись ломомъ и заступомъ, я принялся откалывать одну за другой плиты песчаника. Оторванные отъ своего родного пласта громадные камни съ шумомъ и грохотомъ скатывались на дно оврага. За двѣ недѣли эта работа порядочно-таки наскучила мнѣ. Руки и одежда особенно сильно страдаютъ отъ нея. Камни попадались далеко не по силѣ одного человѣка, и безъ различныхъ приспособленій съ ними было бы совершенно невозможно справиться. Какъ и во всякомъ дѣлѣ, главное тутъ было въ навыкѣ и сноровкѣ. Новичекъ, въ особенности изъ молодыхъ и горячихъ, тратитъ всегда много силы на совершенно непроизводительныя движенія, а потому, даже при одинаковой выносливости, устанетъ гораздо болѣе опытнаго рабочаго. Послѣдній знаетъ цѣну силѣ и бережетъ ее, а пускаетъ больше въ ходъ ловкость, рычагъ, клинъ и т. п., а новичекъ, излишне надѣющійся на свои мускулы, не жалѣетъ себя и всюду беретъ, что называется, грудью.

По воскресеньямъ я ходилъ на охоту, впрочемъ, не дальше поля своего хозяина. Въ преріяхъ водится чрезвычайно много степныхъ куръ. Цѣлыми стадами переносятся онѣ съ одного маисоваго поля на другое. Зимой, когда еще не убраны кучи маиса, охотникъ скрывается въ нихъ и оттуда бьетъ птицъ.

Мой хозяинъ, м-ръ Смитъ, былъ крайне интересный типъ американца, въ которомъ страсть къ наживѣ поглотила всѣ другія хорошія черты этой націи. Въ молодости онъ былъ смотрителемъ незначительной тюрьмы въ штатѣ Огайо. Эта должность въ главныхъ тюрьмахъ штатовъ гораздо выгоднѣе губернаторской. Не говоря уже о продовольствіи арестантовъ, есть и такія статьи дохода: смотритель за приличное вознагражденіе выпускаетъ преступниковъ, отмѣчая ихъ умершими или просто способствуетъ побѣгу. Продажность и казнокрадство администраціи до страшныхъ размѣровъ развились въ Соединенныхъ Штатахъ. Честный въ частныхъ сношеніяхъ человѣкъ, попадая на общественную должность, рѣдко не становится отъявленнымъ мошенникомъ. Меня поражало равнодушіе, съ которымъ относятся къ этому злу американцы. Общественное мнѣніе только тогда приходитъ въ безпокойство и газеты лишь тогда начинаютъ бить набатъ, когда размѣры растратъ и взятокъ превосходятъ всякое вѣроятіе. Такъ было недавно съ дѣломъ Туида, нью-іоркскаго городского головы. До какой степени смѣло и нагло онъ обкрадывалъ городъ, можно видѣть изъ слѣдующаго вычисленія, сдѣланнаго одной газетой. Она говоритъ, что городу дешевле было бы устлать весь Бродуэй, главную улицу Нью-Іорка, драгоцѣннѣйшими брюссельскими кружевами, чѣмъ поручать Туиду устлать коврами одну залу суда. А столъ для этой залы обошелся въ такую сумму, что его дешевле было бы сдѣлать изъ чистаго золота. Организація подобныхъ колоссальныхъ мошенничествъ, пріобрѣтшая даже особое техническое названіе — «rings», не отличается особенною сложностью. Какая-нибудь шайка, конечно, сильная капиталомъ, помощію подкуповъ избирателей и интригъ, добивается того, что проводитъ своихъ кандидатовъ на болѣе важныя административныя должности. Когда такимъ образомъ все городское управленіе, суды, полиція наполнены ея клевретами, она при нѣкоторой ловкости можетъ красть безнаказанно сколько ей угодно. Но возвращаюсь къ разсказу о м-рѣ Смитѣ. Такимъ образомъ, какъ говорятъ въ Америкѣ, «сдѣлавъ деньги» на своей должности, онъ переселился на Западъ, съ цѣлію поселиться на фермѣ. Какъ самымъ выгоднымъ въ Канзасѣ, Смитъ занимался откармливаніемъ свиней и скота. Маисъ—главное мѣстное хлѣбное растеніе—слишкомъ громоздокъ, чтобы его перевозить къ значительнымъ рынкамъ. По этому обыкновенно его скармливаютъ рогатому скоту и свиньямъ и, уже превращенный такимъ образомъ въ мясо, отвозятъ въ Чикаго и Сен-Луисъ. Но фермеры-хлѣбопашцы не считаютъ для себя выгоднымъ разводить животныхъ. Послѣднихъ они покупаютъ изъ ежегодно пригоняемыхъ стадъ изъ Арканзаса, а рогатый скотъ изъ сосѣдней индѣйской территоріи.

Когда я наломалъ достаточно камня, мы съ м-ромъ Смитомъ поѣхали по окрестнымъ фер-

мамъ скупать телятъ. Добывъ ихъ около сотни, хозяинъ думалъ скормить ими свой маисъ, громадныя кучи котораго, съ урожаевъ двухъ послѣднихъ лѣтъ, подъ открытымъ небомъ лежали на дворѣ фермы. Но его запасы сѣна далеко не соотвѣтствовали числу купленныхъ животныхъ. Ни мало не обращая вниманія на ревъ голодныхъ телятъ, онъ продолжалъ прикупать болѣе и болѣе. Разсчетъ свой онъ объяснилъ мнѣ такъ: съ десяти штукъ при плохомъ кормѣ пропадетъ не болѣе двухъ; остальныя же восемь настолько поправятся лѣтомъ въ преріи, что эти лишенія не будутъ имѣть на нихъ большого вліянія. Убытокъ же отъ пропажи 20% телятъ, при ихъ дешевизнѣ, не такъ великъ и съ избыткомъ покроется барышами, которые получатся отъ выкормки остального скота. Это очень характерный разсчетъ для степного хозяйства. Здѣсь вообще гораздо больше заботятся о количествѣ, чѣмъ о качествѣ. Накупивъ столько скота, Смитъ не думалъ устроить ему какую-нибудь защиту отъ холода, вьюгъ и снѣгу, не смотря на зиму. На тѣ деньги, которыя пошли бы на устройство скотнаго двора, онъ предпочиталъ прикупить еще скота и тѣмъ расширить свое дѣло. Вообще основная черта всѣхъ американскихъ предпріятій — это доведенное до крайнихъ предѣловъ стремленіе увеличить оборотный капиталъ на счетъ основного. Американецъ, если только есть хоть какая-нибудь къ тому возможность, никогда не станетъ строить такихъ солидныхъ фабричныхъ и заводскихъ зданій, какъ въ Европѣ. Многіе заводы, на великолѣпныя зданія которыхъ въ Старомъ Свѣтѣ акціонерныя компаніи затрачиваютъ всѣ свои капиталы, такъ что нхъ не остается даже для того, чтобы пустить предпріятіе въ ходъ, въ Америкѣ работаютъ, едва прикрытые какимъ-нибудь деревяннымъ навѣсомъ.

До сихъ поръ, т. е. до января, зима была прелестная. Вездѣ сухо, свѣтло и не холодно, какъ въ нашу русскую ясную осень. Но нѣтъ ничего непостояннѣе климата прерій. Однажды вечеромъ поднялся сильный сѣверный вѣтеръ. Всю ночь ни я ни хозяева не могли заснуть, и, наконецъ, принуждены были затопить чугунную печь—эту спасительницу американскихъ піонеровъ. Вѣтеръ, кажется, напрягалъ всѣ усилія, чтобы стереть съ лица земли и нашъ домъ, и всю ферму. Онъ забрасывалъ насъ тучами снѣга, стучалъ въ двери и окна, гналъ дымъ изъ трубы обратно въ домъ и, наконецъ, оторвавъ нѣсколько досокъ въ стѣнѣ, ворвался въ комнату и погасилъ лампу. Дѣти сильно перепугались и мы едва могли прибить доски снова. Въ довершеніе всего цѣлую ночь раздавался, надрывающій душу, ревъ телятъ. Къ утру вѣтеръ нисколько не стихъ и продолжался до слѣдующей ночи. Несчастныя животныя, занесенныя снѣгомъ, сбились въ одинъ уголъ своего загона и терпѣливо ожидали своей участи. За эту ночь пропало 7 штукъ, наиболѣе слабыхъ.

Такія нашествія сѣвернаго вѣтра, называемыя «Northers», довольно часты въ преріи зимой и даже весной. Протягиваясь отъ Ледовитаго океана до Мексиканскаго залива, волнообразная равнина, носящая названіе Западныхъ прерій, не представляетъ никакихъ естественныхъ преградъ, и совершенно беззащитна какъ передъ сѣверными, такъ и передъ южными вѣтрами. Въ различныя времена года эти теченія воздуха побѣждаютъ одно другое и горе обитателямъ этихъ необъятныхъ луговъ, во время господства суроваго, холоднаго и голоднаго сѣвернаго богатыря Борея.

Смѣна двухъ противоположныхъ вѣтровъ можетъ происходить совершенно внезапно, даже среди лѣта. По этому-то фермеры прерій, въ особенности техасскіе, даже и лѣтомъ, не смотря на страшную жару, носятъ шерстяныя фуфайки. Вообще климатъ этихъ мѣстъ совершенно континентальный, почти такой же, какъ въ юго-восточной Россіи — до 31° R. жары лѣтомъ и морозы зимой.

Снѣгъ лежалъ уже нѣсколько дней. Всѣ сообщенія прекратились, такъ какъ канзасцы по непродолжительности зимъ не запасаются санями. Всякія работы тоже остановились. Ненастье могло продолжиться довольно долгое время, и мой хозяинъ счелъ за лучшее меня разсчитать. Теперь я уже заранѣе имѣлъ въ виду мѣсто: одинъ изъ поселившихся въ этомъ же графствѣ русскихъ предложилъ мнѣ работу на своей фермѣ.

(Продолженіе будетъ.)

Паскарель.

Романъ Уида.

(Переводъ А. А. Разсказовой.)

(Продолженіе.)

Книга IV.

Кочующій театръ.

Знаете-ли вы какъ хорошо лѣтнее утро въ Италіи?—утро между четырьмя и пятью часами, а не жаркій полдень, который, по ошибкѣ, многими называется утромъ. Какъ ни хороши ночи, но онѣ не лучше пробужденія свѣта, первой улыбки дня. Воздухъ свѣжъ, почти холоденъ и прозраченъ какъ кристалъ. Кругомъ безконечное щебетаніе птицъ и шумъ ихъ крыльевъ, а вдали, въ деревнѣ или городѣ, звуки колокола, зовущаго христіанъ къ ранней обѣднѣ. Глубокія, широкія тѣни еще такъ свѣжи, такъ влажны, такъ спокойны, что даже пыль, какъ бы обладая разсудкомъ, кажется присмирѣвшей.

Медленно показывается солнце сначала на вершинахъ высокихъ деревьевъ, потомъ на цвѣтущихъ магноліяхъ и, наконецъ, на нѣжной зелени скромной лозы; все вверху залито свѣтомъ, тогда какъ внизу подъ листьями царствуютъ дремота, тѣнь и прохлада.

Въ такое-то весеннее утро мы вышли изъ Флоренціи черезъ ворота, которые нѣкогда были сломаны для прохода мула намѣстника Христова. Паскарель былъ слишкомъ закоренѣлымъ бродягой, чтобы могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ, даже когда это мѣсто окружено дорогими для него горами. Съ наступленіемъ весны и лѣта его съ нетерпѣніемъ поджидали во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Тосканы и Умбріи, цвѣтущей Романьи и страшной, омываемой моремъ Мареммы.

Арте (такъ назывался разбиравшійся баракъ, служившій намъ театромъ во время нашихъ перекочевокъ), построенный легко и искусно, обыкновенно посылался впередъ на спинѣ муловъ, на плоской сельской телѣгѣ, на верху воза съ сѣномъ или на крѣпкихъ плечахъ горнаго крестьянина, смотря по тому, чѣмъ можно было воспользоваться въ нужную минуту, а развѣвающійся красный съ бѣлымъ флагъ на кучѣ холста и дерева былъ сигналомъ къ сумасшедшей бѣготнѣ и крикамъ радости всего населенія.

Нашъ же путь лежалъ всегда по самымъ живописнымъ мѣстамъ: вдоль берега рѣки, по виноградникамъ, по скату холмовъ, по морскому берегу, по желтому горячему песку или черезъ долины отъ одного стариннаго городка къ другому. Паскарель и его маленькая труппа не допускали другого способа передвиженія, кромѣ какъ на собственныхъ ногахъ, развѣ уже необходимо было поспѣшить изъ одной провинціи въ другую. Такъ переходили они изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, останавливаясь по собственному желанію. Такъ исходили они всю Италію, половину Европы. Я пожелала жить такъ, какъ они живутъ.

Въ этихъ блужданіяхъ я въ первый разъ узнала и оцѣнила красоту Италіи. Я была въ восторгѣ отъ жизни, которую мы вели, что, вѣроятно, испытывалъ бы на моемъ мѣстѣ всякій человѣкъ со свѣжими чувствами. Народъ очень любилъ насъ, лучше сказать, его, и вездѣ, куда мы ни являлись, осыпалъ насъ безчисленными доказательствами добродушной услужливости и нѣжности. Мы были постоянно между народомъ. Паскарель игралъ только для него. Дайте итальянцу мѣдную монету и хотя у него нѣтъ болѣе ни гроша, онъ четыре пятыхъ ея, навѣрное, издержитъ на театръ.

Паскарель зналъ слабую струну своихъ соотечественниковъ, и болѣе всего любилъ играть для тѣхъ, у кого не было даже ничтожной мѣдной монеты, и которые должны бы были простоять весь вечеръ за дверями театра, если бы не его веселый призывъ.

— Входите, входите! вы мнѣ заплатите своимъ смѣхомъ, если я заслужу его. У васъ въ карманѣ нѣтъ ни одной копейки... о друзья мои! вы или величайшіе глупцы, или честнѣйшіе люди. Ничего... важное дѣло... входите, входите; смѣйтесь или свистите, какъ вамъ заблагоразсудится, но входите.

И они входили сотнями; и такихъ слушателей предпочиталъ онъ, который по своему дарованію и граціи могъ бы дѣлать съ избранной публикой все, что захотѣлъ бы.

— У васъ нѣтъ самолюбія! сказала я ему однажды.

И онъ отвѣчалъ мнѣ со своимъ задушевнымъ смѣхомъ:

— Нисколько, рѣшительно нисколько!

II.

Нѣсколько недѣль спустя мы дошли въ нашихъ блужданіяхъ до старой Пизы и Паскарель свернулъ съ веселой прибрежной дороги, чтобы остановиться въ ней.

Я увидѣла разрушенную соперницу Флоренціи, нѣкогда всемірный рынокъ, а теперь пустыню. Я увидала фаустовскую комнату въ башнѣ, гдѣ совы свили свои гнѣзда; у подножія этой башни протекала Арно съ одной стороны, а съ другой шла узкая темная улица: по ней именно проходили французскіе актеры съ шутками и пѣніемъ въ то утро, которое рѣшило судьбу Паскареля... Скученъ и мрачeнъ былъ старый городъ.

— Видите ли вы Маргариту французскую? спросилъ меня разъ вечеромъ Паскарель, во время прогулки по Пизѣ,—видите ли вы-ее, прислонившуюся къ окну стариннаго дворца въ бурную ночь; ее гложетъ отчаяніе отъ золоченной неволи, въ ней созрѣлъ замыселъ убѣжать съ цыганами? Я удивляюсь, какъ никто не нарисовалъ картины съ такимъ сюжетомъ. А какъ хороша вышла бы нѣжная, деликатная королевская головка, высунувшаяся изъ окна, чтобы посовѣтоваться съ чернобровыми бродягами. Представляете-ли вы ея лихорадочное возмущеніе, ея тоску, заставляющую ее предпочитать босоногую свободу той роскоши, которой ее окружали.

Но я покачала головой, говоря, что не вижу этого, не понимаю. Мой отвѣтъ нѣсколько опечалилъ его. «Конечно, босоногая свобода хороша въ своемъ родѣ, думалось мнѣ, но не лучше-ли быть принцессой?» Такъ мы бываемъ неблагодарны судьбѣ, когда она благосклонна къ намъ. Я имѣла все, чего такъ жаждало сердце Маргариты, бившееся, какъ птичка въ клѣткѣ, подъ своимъ покровомъ изъ драгоцѣнностей; я имѣла все и не цѣнила этого... увы!

Въ Пизѣ я увидѣла стараго школьнаго товарища Паскареля, ученаго Люцеоне. Онъ жилъ въ фаустовской комнатѣ и желалъ всю жизнь оставаться въ этомъ центрѣ академическаго города.

— Я такъ здѣсь счастливъ, такъ счастливъ, говорилъ мнѣ разъ кроткій философъ, когда я

стояла, облокотившись на рѣшетчатое окно, изъ котораго Паскарель увидѣлъ Зинзару и ея спутниковъ, собравшихся въ дорогу; — я всѣмъ ему обязанъ. Онъ былъ болѣе талантливый ученый, чѣмъ я. Я былъ вторымъ по математикѣ, только вторымъ, а никакъ не равнымъ ему. Да, здѣсь не было болѣе великаго ученаго, чѣмъ Паскарель. Онъ былъ такъ великъ, что, не смотря на всѣ свои дикія выходки, державшія всю академію въ постоянномъ страхѣ, академики хотѣли удержать его для славы Пизы и предложили ему свободную кафедру математики, когда нашъ бѣдный профессоръ умеръ отъ апоплексіи. Чтобы ни говорилъ Паскарель, въ то время профессорство нравилось ему; конечно, оно скоро бы надоѣло ему, и онъ бросилъ бы его впослѣдствіи, но тогда онъ съ радостію бы принялъ его, такъ какъ онъ любилъ эту компату и, не смотря на веселую и бурную молодость, страстно любилъ науку, которой могъ бы здѣсь заниматься на свободѣ. Но онъ зналъ, что я очень бѣденъ, зналъ, что мнѣ надо содержать старуху мать и сестру, зналъ, что я питался только хлѣбомъ съ прованскимъ масломъ, зналъ, что я радъ былъ помогать молодымъ студентамъ, чтобы заработать бездѣлицу, что дѣлалъ постоянно и онъ самъ. И вотъ, идетъ онъ къ ректору и говоритъ ему самымъ беззаботнымъ тономъ: «Благодарю васъ за ваше предложеніе и за честь, которую вы мнѣ сдѣлали, но не обижайтесь, если я скажу вамъ, что вы сильно ошибаетесь. Я только безпокойный, никуда негодный, распутный весельчакъ, съ которымъ, какъ вашему превосходительству хорошо извѣстно, академіи ладить не легко; въ ней мое имя не пользуется хорошей репутаціей. Не назначайте меня на свободную кафедру, а отдайте ее такому же хорошему математику, такому же глубокому ученому, какъ и я, но который, кромѣ того, сдѣлаетъ вамъ честь своей безпорочной жизнію. Отдайте ее Эціо Люцеоне и я за это буду благодаренъ вамъ, какъ за самого себя. Вотъ что сказалъ имъ Паскарель, и они были такъ поражены его словами, что, и въ самомъ дѣлѣ, дали мнѣ кафедру, которую я до сихъ поръ занимаю. Онъ сказалъ вамъ, что отказался отъ нея, чтобы послѣдовать за француженкой и ея товарищами. О, это такъ похоже на него, но невѣрно. Онъ отказался отъ профессорства въ мартѣ, а Зинзара съ труппой пришла въ городъ на Пасхѣ, которая пришлась въ тотъ годъ въ половинѣ апрѣля... Я былъ, конечно, въ выигрышѣ; но мое сердце разрывалось, видя его выходящимъ на всегда изъ городскихъ воротъ съ ношей на спинѣ и съ мандолиной черезъ плечо; эта мандолина и теперь у него?—да. Француженка повязала ее красной лентой, на улицѣ, на солнцѣ, въ теплый день, когда они, сидя тамъ, ѣли гранаты... Онъ не знаетъ, что съ ней... такъ онъ говоритъ теперь, но тогда онъ сумасшествовалъ. Она очень красивая женщина съ большими черными пылкими глазами и великолѣпными ногами. Она дѣлала изъ Паскареля все, что хотѣла; если бы не она, вѣроятно, объ немъ говорили бы теперь въ свѣтѣ. Тогда у него было самолюбіе. Вы знаете онъ послѣдней изъ Паскарелей; ихъ фамилія знатнаго происхожденія. Вы можете прочитать объ этомъ у Малеспини и Виллани.

Такъ говорилъ кроткій ученый, и я слушала его, облокотясь на рѣшетчатое окно и смотря на узкую улицу, гдѣ нѣкогда сидѣла француженка и повязала красную ленту на мандолину, при блескѣ солнца и сіяніи глазъ Паскареля. Я съ ненавистью думала объ этомъ; я съ ненавистью думала о томъ далекомъ, согрѣтомъ любовію прошедшемъ, въ которомъ я не имѣла участія.

Паскарель, придя за мной, слышалъ послѣднія слова своего друга.

— Ахъ да, моя милая, сказалъ онъ съ грустной нѣжностію.—Многія руки привязывали много лентъ на мандолину—да, стыдно сознаться—и всѣ ленты разлетѣлись, одному Богу извѣстно куда, одна въ мусорную яму, другая на маскарадномъ балу, тѣ для украшенія чужихъ гитаръ, а эти лежатъ въ корзинѣ лохмотника. Но ленты никогда не дотрогивались до струнъ мандолины; онѣ служили только для ярмарокъ, праздниковъ и дурачествъ; требуется что-нибудь сильнѣе и лучше простой ленты, чтобы извлечь звуки изъ струнъ.

Я поняла его, хотя и не вполнѣ, и успокоилась немного, опираясь на окно, какъ Маргарита, говорившая съ цыганами и думавшая, что ихъ свобода и любовь лучше поразительной роскоши, которой окружали ее Медичи.

III.

Не долго мы оставались въ Пизѣ. Только къ одному мѣсту былъ постояненъ Паскарель. Гдѣ бы онъ ни блуждалъ, Ивановъ день, Пасху, Новый годъ и день Св. Анны, когда торговые флаги развѣвались вокругъ церквей, онъ всегда проводилъ во Флоренціи. Эти праздники лишились бы половины своего веселья и жизни для бѣдныхъ жителей Флоренціи, если бы съ ними не было Паскареля.

Рѣдко флагъ на деревянномъ Арте развѣвался долѣе двухъ-трехъ вечеровъ подъ одними и тѣми же деревьями, или на одномъ и томъ же холмѣ. Какая-то необъяснимая неугомонность понуждала его владѣльца къ частой перемѣнѣ и движенію, и хотя онъ по цѣлымъ часамъ лежалъ и мечталъ на солнцѣ, онъ предпочиталъ, чтобы солнце при восходѣ не находило его на томъ мѣстѣ, гдѣ освѣщало его наканунѣ. Едва онъ показывался, народъ встрѣчалъ его съ радостнымъ привѣтствіемъ. Крикъ пастуха или мальчика, играющаго въ полѣ, «Паскарель!» вызывалъ къ нему на встрѣчу все населеніе, которое, въ безпорядкѣ толкаясь, приближалось къ нему, и каждый изъ встрѣтившихъ готовъ былъ драться за честь принять Паскареля на эту ночь въ своемъ домѣ, или поднести ему стаканъ вина. Я поняла теперь почему онъ былъ такъ счастливъ этою жизнію и не хотѣлъ промѣнять ее на другую. Въ ней было столько свободы, столько разнообразія, и,—что его, конечно, всего болѣе трогало,—столько любви!

Помню, разъ въ деревушкѣ, въ которой свирѣпствовала холера, его привѣтствовали, какъ ангела, принесшаго имъ избавленіе; въ другой,—во время уличной ссоры въ Виченцѣ, онъ усмирилъ разъяренную толпу своей неустрашимой храбростію и во время сказанными шутками.

Я тоже была въ это время счастлива съ народомъ. Я никогда не слыхала и не видала ничего, чтобы не одобрила покойная добрая старушка моя Маріучія. Мы были всегда веселы; въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ не было никакого стѣсненія, но никто никогда не произносилъ ни одного грубаго слова, которое задѣвало бы меня; а если случалось намъ бывать между людьми, привыкшими къ грубымъ шуткамъ и пѣснямъ, Брунота, по знаку Паскареля, нѣжно брала меня за руку, уводила въ другую комнату или подъ тѣнь деревьевъ и занимала меня разговоромъ, обыкновенно о чудесной и совершенной жизни и способностяхъ Паскареля. Для нея я оставалась «барышней» и она всегда была какъ-то застѣнчива и смиренна со мной. Вы «барышня и красавица», говорила она часто, съ замѣшательствомъ смотря на меня своими птичьими глазками; и что я ни дѣлала, я не могла заставить ее обращаться со мной, какъ съ ровнею. День ото дня, вмѣсто того, чтобы свыкаться со мной, она, казалось, чувствовала все больше и больше разницу между нами и обращалась со мною съ удивительнымъ почтеніемъ, что сильно льстило моему тщеславію. Я перестала волноваться при мысли о плавильномъ горшкѣ мѣдника и утѣшалась воспоминаніемъ о древности рода, изъ котораго произошелъ Паскарель. Но погибшее величіе его предковъ не возбуждало въ немъ зависти.

— Это были великіе люди, конечно, говорилъ онъ, скептически улыбаясь;—да, такъ, по крайней мѣрѣ, утверждали, мой отецъ и Малеспини, если только можно вѣрить этому старому лжецу. Слѣды ихъ можно найдти то тамъ, то здѣсь въ старинныхъ дворцахъ; тутъ могила, тамъ крѣпость, здѣсь бронзовый рыцарь, служащій мишенью для дѣтей, или древній манускриптъ, который такой же древній монахъ вырываетъ изъ старипнаго свитка за неимѣніемъ лучшаго дѣла. О, я готовъ вѣрить, что были могущественные Паскарели въ старину. Но я радъ, что я не изъ ихъ числа.

— Какую же жизнь, наконецъ, желали бы вы вести? спросила я его, удивляясь и презрѣнію, съ которымъ онъ относился къ тѣни всякаго величія и славы, и нетерпѣнію къ своему собственному образу жизни, которое иногда проскальзывало въ немъ.

— Жизнь Гвина Арауна! быстро отвѣчалъ онъ;—я думаю, это единственная, совершенная жизнь, когда либо извѣстная на землѣ.

— Гвина Арауна? переспросила я съ удивленіемъ.—Это не флорентинецъ?

— Нѣтъ, не флорентинецъ. Онъ происходитъ изъ племени, называемаго Басней. Мы никогда не умѣли хорошо обращаться съ его породой. Она любитъ тѣнь, а мы свѣтъ. Гвинъ Араунъ и его племя — папоротники, растущіе тамъ, гдѣ влажность и тѣнь. Они появились въ первѣйшіе вѣка существованія земли. У Гвина Арауна была лошадь, которая могла переносить его мгновенно, куда онъ захочетъ, хотя бы на луну. Онъ могъ разговаривать съ цвѣтами и звѣздами, деревьями и облаками, бабочками и богами. Онъ могъ являться невидимкой и принимать на себя какой вздумается образъ. Онъ былъ всезнающъ, и употреблялъ всегда эту силу для спасенія, утѣшенія и удовольствія рода человѣческаго. Наконецъ, у него былъ рогъ изъ слоновой кости, при волшебныхъ звукахъ котораго улетала всякая скорбь. Это единственное совершенное существованіе, о которомъ я когда либо слыхалъ. Араунъ жилъ въ золотые вѣка Мифа въ глубинѣ скандинавскихъ или тевтонскихъ лѣсовъ, хорошенько не помню, гдѣ именно.

— А что съ нимъ случилось?

— Онъ исчезъ. Это другое совершенство въ племени Гвина Арауна. Они никогда не умираютъ, они исчезаютъ. Было бы гораздо пріятнѣе, еслибъ мы могли подражать имъ въ этомъ; трудно сохранить идеализмъ, когда знаешь, что покончишь жизнь въ деревянномъ ящикѣ съ роями мухъ, жужжащихъ надъ головой, какъ надъ четвертью барана въ лавкѣ мясника. Гвинъ Араунъ исчезъ потому, что, пригласивъ разъ къ себѣ на пиръ мудреца съ прозаичнымъ направленіемъ ума, угощалъ его пряными мясами и амброзіей въ золотыхъ кубкахъ и блюдахъ, украшенныхъ драгоцѣнными каменьями; и этотъ мудрецъ смотря на все только тѣлесными глазами, упрямо утверждалъ, что тутъ не было ни пищи, ни питія, а только сухіе лѣсные листья и вода изъ ручья. Это такъ обидѣло Гвина Арауна, что онъ улетѣлъ навсегда. Однакожь, онъ возвращается иногда въ образѣ поэта, невидимкой для людей, на своемъ крылатомъ конѣ, который можетъ въ пять секундъ облетѣть вокругъ солнца, и опять онъ устраиваетъ божественный пиръ, и опять прозаическій мудрецъ, называемый свѣтомъ, повторяетъ надъ нимъ свою насмѣшку, и снова Гвинъ Араунъ улетаетъ съ печалью и презрѣніемъ. Это называется смертью поэта отъ разбитаго сердца.

IV.

Паскарель вѣровалъ въ геній. Это была его

религія. Къ посредственности онъ питалъ безграничное презрѣніе. Онъ самъ былъ геніемъ и изъ величайшихъ. Безчисленныя произведенія, которыя онъ щедрою рукою бросалъ въ народъ, были драгоцѣнными каменьями чистѣйшей воды. Блестящее остроуміе, утонченная философія, граціозное очарованіе поэзіи и симетріи характеризовали тѣ кратковременныя бездѣлицы, которыя онъ сочинялъ одну за другой, безъ усилія, почти, если можно такъ выразиться, не думая, и которыя, прослуживъ нѣсколько вечеровъ, забывались и были бы выброшены и затеряны безъ маленькаго Токко, горячо любившаго Паскареля и съ нѣжностію собиравшаго клочки и обрывки бумагъ, на которыхъ тотъ записывалъ свои фантазіи небрежнымъ почеркомъ, разборчивымъ для него, но не легко поддающимся усиліямъ другихъ. Мои же мечты, что я могу быть геніемъ, онъ разсѣялъ съ презрѣніемъ, хотя и веселыми и нѣжными словами.

— Геній! говорилъ онъ.—Моя милая, когда вы пѣли на площади въ Веронѣ, вы представляли прехорошенькую картинку, слова нѣтъ, но на васъ прыгнула собака съ грязными лапами и вы перестали пѣть, чтобы счистить снѣгъ съ вашей желтой юбки. Будь въ васъ геній, вамъ не было бы заботы, хотя бы и пятьдесятъ собакъ пачкали ваше платье. Въ васъ нѣтъ генія. Будьте благодарны. Зачѣмъ онъ женщинамъ съ такимъ хорошенькимъ личикомъ, какъ ваше. Лучшее, чего вы можете достигнуть, это быть мандолиной, издающей чистые звуки подъ рукой искуснаго игрока. Вы, какъ и мандолина, не можете издать сами по себѣ ни одного оригинальнаго мотива.

— А что меня можетъ ожидать худшее? спрашивала я, не особенно довольная его приговоромъ.

— О, въ худшемъ случаѣ вы будете мандолиной съ перерванными струнами, какъ и все худшее на свѣтѣ. Но вѣроятнѣе, что вы попадете въ руки музыканта, который извлечетъ изъ васъ высокопарныя украшенія и всевозможныя фіоритуры, слывущія обыкновенно въ свѣтѣ за хорошую музыку, и будете считать кропателя, выпускающаго разную дребедень, за великаго маэстро. Это обыкновенныя разсужденія женщинъ. Онѣ всегда предпочитаютъ цвѣтъ—формѣ, реторику—логикѣ, ханжество—философіи, фіоритуры—фугамъ. Это говорилось тысячи тысячъ разъ до меня.

— Нѣтъ, продолжалъ онъ, думая, что обидѣлъ меня,—у васъ быстрый умъ, прекрасный голосъ, хотя вы поете сами не сознавая, что поете. Но генія въ васъ нѣтъ. Благодарите за это Мадонну у перваго алтаря, который вамъ встрѣтится; въ васъ нѣтъ генія. Тяжело сознаться, а вѣрно то, что башмаки каждаго пилигрима, желающаго добраться до вершины могущества генія, наполнены сушенымъ горохомъ. За геніемъ слѣдуютъ всевозможныя злыя сновидѣнія и печальныя потери въ любви, а лавры, какими его увѣнчаютъ,—это пучекъ розогъ, которыми бьютъ его глупцы за то, что онъ называетъ ихъ слѣпцами. Геній имѣетъ столь проницательное зрѣніе, что читаетъ въ сердцахъ другихъ через покрывало софизма и притворства; и часто его сердце пронзается насквозь стыдомъ за то, что онъ въ нихъ видитъ. Въ геніѣ такъ сильно и живо воспоминаніе о другихъ мірахъ и другихъ жизняхъ, о чемъ прочіе смертные совершенно забываютъ, что рядомъ съ красотою этихъ воспоминаній все земное кажется ничтожнымъ, не имѣющимъ цѣны. Люди называютъ это воображеніемъ или идеализмомъ, важность не въ названіи; будь это желаніе или воспоминаніе, конецъ одинъ и тотъ же; геній, стоя выше всѣхъ видимыхъ предметовъ, вѣчно стремится или къ тому, что онъ потерялъ, или чего не можетъ достигнуть, и находитъ искуство, человѣчество, все твореніе и привязанности, кажущіяся другимъ такими высокими,—далеко не совершенными и едва переносимыми. Небо Федры—вотъ міръ генія, гдѣ нѣтъ женщинъ, но есть Женщина, нѣтъ друзей, но Дружба, нѣтъ поэмъ, но Поэзія,—все, достигшее высшаго совершенства и полноты; такъ, что тамъ нѣтъ мѣста сожалѣнію или желанію. Въ нашемъ мірѣ есть только одна вещь, способная удовлетворить его—это музыка, потому что въ музыкѣ нѣтъ ничего земного, но вѣчное стремленіе въ горнія, къ солнцу.

Я слушала его, слушала съ чувствомъ униженія и своей собственной ничтожности. И я осмѣливалась думать, что мои жалкіе обрывки пѣсенъ, которыя я дѣлила съ чернымъ дроздомъ, сидящимъ на вѣткѣ вишни были тоже геніемъ. Мнѣ было стыдно своей надменности. У меня былъ только талантъ легкій и изящный, но ничего болѣе. Мой голосъ былъ чистъ и гибокъ и могъ съ удивительной легкостію подниматься высоко и далеко, подобно звону колокола, разносящагося въ воздухѣ надъ залитой солнечнымъ свѣтомъ тихой сельской мѣстностью. Но это была не болѣе какъ способность птички, распѣвающей подъ розовымъ цвѣтомъ вишни.

Однакожь этой способностью я пріобрѣла народную любовь. Народъ и маленькая труппа Паскареля называли меня чаще всего моимъ старымъ веронскимъ именемъ учелло (птичка). Мнѣ было запрещено играть на сценѣ, но пѣть изрѣдка позволялось. Когда мнѣ давалось это разрѣшеніе, что случалось не часто, я быстро взбѣгала на подмостки и частію изъ ребячества, частію изъ тщеславія, смотрѣла съ восхищеніемъ внизъ на толпу загорѣлыхъ, восторженныхъ лицъ. Хорошими учителями были для меня въ этой школѣ, эти небольшія группы слушателей итальянскаго народа, безошибочныя въ своемъ сужденіи о всякомъ несовершенствѣ, и съ энтузіазмомъ относящіеся ко всему дѣйствительно хорошему. Они дали мнѣ толчекъ и силу; меня за живое задѣвала освистанная чернобровымъ жестянникомъ или пучеглазымъ ресторъаннымъ мальчишкой фальшивая нотка. Своимъ чуткимъ ухомъ итальянскій народъ развилъ во мнѣ чистоту и легкость выполненія, а рѣзкость неумолимой критики съ искреннимъ трудно добываемымъ одобреніемъ дополнили мое музыкальное образованіе, начатое такъ удачно Амброзіо. Случалось, мое пѣніе такъ нравилось моимъ слушателямъ, что, когда занавѣсъ падала, они бросались съ веселымъ шумомъ на сцену и, покрывая цвѣтами, несли меня на рукахъ по заснувшему селенію или освѣщеннымъ луннымъ сіяніемъ полямъ.

Повсемѣстный восторгъ сельскихъ жителей, звавшихъ меня моимъ старымъ веронскимъ прозвищемъ, внушалъ мнѣ сильное желаніе показаться на сценѣ большихъ городовъ передъ многолюдной, притихшей толпой, какъ я это сдѣлала на Соборной площади въ Веронѣ. Но Паскарель былъ неумолимъ.

— Нѣтъ, милая дѣвочка, это не для васъ, отвѣчалъ онъ.

Не стоило и настаивать на моемъ желаніи, такъ какъ Паскарель, какъ истый итальянецъ, обладалъ достаточнымъ количествомъ упрямства; однакожь я рѣшилась возразить.

— Отчего же это не для меня? спросила я его однажды, когда мы, выйдя изъ Сан-Марцелло, направились къ маленькому городу Пистойѣ.

Пистойя, крошечное по размѣрамъ мѣстечко, все-таки считался городомъ и мѣсяцъ или два назадъ я надѣлала здѣсь много шуму; народъ, собравшись подъ окномъ локанды, гдѣ я пѣла, апплодировалъ и шумѣлъ до полночи.

— Отчего-жъ это не для меня. Вѣдь это прилично для Бруноты, почему же не годится для меня?

Наша дорога шла вдоль берега пѣнящейся рѣки, лицо его вспыхнуло при моихъ словахъ и онъ съ нетерпѣніемъ началъ срывать большіе тростники, растущіе возлѣ камней.

— Тутъ ничего нѣтъ общаго, отвѣчалъ онъ.— Брунота, глупенькое существо, у которой ноги искуснѣйшая часть всего организма; она не умѣетъ читать, ей это повредить не можетъ, она довольна своимъ скромнымъ положеніемъ. Но вы... въ будущемъ васъ ждетъ слава пѣвицы, если вы захотите. Тогда васъ никто не будетъ удерживать. Но я не допущу васъ теперь запятнать ваше будущее, показавшись на моей сценѣ, когда вы слишкомъ молоды, чтобы понимать, какой вредъ вы себѣ этимъ причините. Къ тому же вашъ отецъ, конечно, живъ, хотя мы и не имѣемъ о немъ извѣстій. Я не хочу подвергаться риску заслужить отъ него справедливый выговоръ за то, что позволилъ его дочери показаться въ балаганѣ, въ обществѣ странствующихъ комедіянтовъ, когда она была еще совсѣмъ ребенкомъ, чтобы уяснить себѣ, какъ можетъ пострадать отъ этого ея репутація.

Я шла около него съ тяжелымъ сердцемъ и раненой гордостью. Потомъ, съ инстинктивнымъ кокетствомъ, врожденнымъ каждой женщинѣ, я, повернувъ голову, взглянула ему прямо въ глаза.

— Ребенкомъ! отвѣчала я,—я цѣлой головой выше Бруноты, и вы сами... иногда считаете меня совсѣмъ взрослой женщиной!

Его глаза бросили на меня взглядъ такой внезапный, такой пронзительный, такой пылкій, что, казалось, нѣга и огонь пронеслись надо мной съ силою сирокко. Онъ, молча, на минуту остановился, схватилъ мои руки и поцѣловалъ ихъ; его собственныя были какъ въ огнѣ.

Счастливые, блаженные дни! Я люблю останавливаться на нихъ, потому что они были освѣщены пріятнѣйшимъ солнечнымъ сіяніемъ въ моей жизни. Никогда впослѣдствіи цвѣты не цвѣли, плоды не зрѣли, воды не журчали, сверчки и насѣкомыя не пѣли въ моихъ глазахъ такъ очаровательно, какъ весной и лѣтомъ этого чуднаго года.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Эмиль Золя.

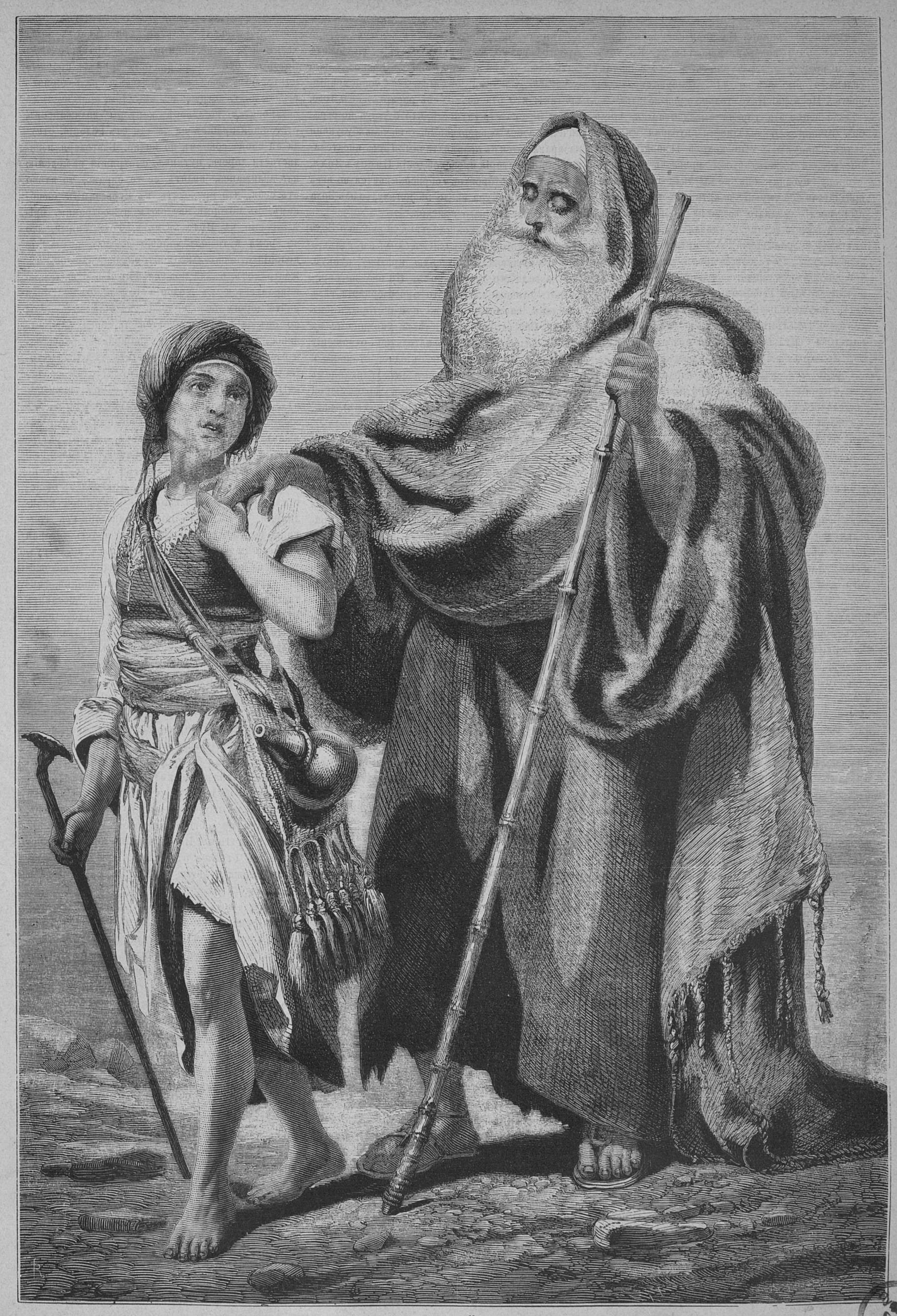
Біографическій и критическій этюдъ.

Ф. Долинина.

(Продолженіе.)

До сихъ поръ мы имѣемъ 7 частей этой эпопеи и авторъ обнаружилъ уже всю мощь своего таланта, все свое громадное житейское знаніе, способность къ анализу мельчайшихъ побужденій испорченной среды, способность вводить природу и ея впечатлѣнія въ собирательную психологію дѣйствующихъ лицъ, достигать въ описаніяхъ и художественной образности и могучей силы. Въ Карьерѣ Ругоновъ, напр., есть описанія, гдѣ земля, ея растительность, воздухъ движутся, дышатъ, говорятъ, проникаютъ васъ дыханіемъ, поглощаютъ васъ. Все это мы имѣемъ уже и авторъ удостоился только быть замѣченнымъ во французской современной литературѣ. Удостоился отъ одного изъ «авторитетныхъ французскихъ критиковъ» такого отзыва: «если онъ и не лишенъ-молъ нѣкотораго таланта, то слишкомъ ужь у него угловата и напряженна манера, чтобы стать первокласснымъ художникомъ». Что-же, хоть въ безнравственности не обвиняютъ; и то прогрессъ! Русскіе критики болѣе строгіе пуристы и продолжаютъ повторять о его безнравственности.

Затаенная горечь слышна въ слѣдующихъ словахъ: и даже «чрезъ десять или пятнадцать лѣтъ я не разсчитываю на то, чтобы меня поняли и



Товій.

признали во Франціи. На меня смотрятъ сквозь всякаго рода призраки и нелѣпости. Къ тому-же и вражда литературныхъ школъ слишкомъ сильна, чтобы мнѣ воздали должную справедливость... Не бѣда! Надо только производить».

Еще яснѣе эта горечь высказывается, когда онъ говоритъ о холодности публики къ братьямъ Гонкурамъ: «По правдѣ говоря, братья не дѣлали ничего, чтобы привлечь на свою сторону публику: они не льстили ея вкусамъ, предлагали ей горькіе напитки, весьма невкусные послѣ сладкаго кушанья модныхъ книгъ. Взвѣся все, перестаешь удивляться, что толпа отъ нихъ сторонилась. Но у артистовъ женскіе нервы; даже въ то самое время, когда они не предпринимаютъ ничего, чтобы нравиться, они мечтаютъ быть любимыми; если же ихъ не любятъ, они очень несчастливы. Гг. Гонкуръ должны сильно страдать, наравнѣ со многими другими своими современниками, которыхъ я не хочу называть».

Горечь все растетъ. Она плодотворна, она дала Франціи талантливаго критика, поэтому поучительно прослѣдить развитіе ея.

Говоря о неудачѣ Генріетты Марешаль*), онъ замѣчаетъ: «Громкая неудача прославила ихъ. Они сдѣлались и остались извѣстными для значительнаго большинства, какъ авторы Генріетты Марешаль. Это ли еще не иронія?.. Какъ создается популярность! Надобно, чтобы вамъ переломали ребра для того, чтобы народъ оглянулся на васъ и заинтересовался вами». Дальше иронія переходитъ въ горькій сарказмъ: почему Альфонсъ Додэ пользуется успѣхомъ? «За него женщины отвѣчаетъ Золя,—это глубокое слово и его надо хорошенько взвѣсить, чтобы понять! Только онѣ читаютъ романы, и вотъ какъ онѣ пропагандируютъ любимаго автора: Во первыхъ, онѣ сообщаютъ о немъ пріятельницамъ; затѣмъ, такъ какъ онѣ царицы салоновъ, то сужденія ихъ составляютъ тамъ законъ и онѣ создаютъ успѣхъ, наконецъ, у нихъ есть мужья, любовники, и онѣ съумѣютъ прожужать имъ уши любимымъ авторомъ, такъ что и тѣ, въ свою очередь, становятся его поклонниками. Такимъ образомъ, шепотъ будуаровъ превращается, мало по малу, въ общественный голосъ».—Критика безмолствуетъ!

И такъ Золя,—тотъ ученый, которому «должно достаться столько славы, за блестящую классификацію массы драгоцѣннаго матеріала, собраннаго химикомъ ума и сердца человѣческаго»—Бальзакомъ—непонятъ, неоцѣненъ. А ему нельзя быть не понятымъ—онъ не только литераторъ-беллетристъ, онъ—ученый изслѣдователь, антропологъ, историкъ. Уроками прошедшаго должно воспользоваться настоящее поколѣніе—ждать нельзя; иначе конецъ эпопеи Ругоны-Макаръ роковымъ образомъ будетъ лѣтописью лилипутовъ или повтореніемъ Терезы Ракенъ, только это будетъ уже не рѣшеніемъ ученой задачи, а картина съ натуры.

Говорятъ, что причиной смерти г. Жюля Гонкуръ (младшаго брата) былъ неуспѣхъ послѣдняго ихъ романа Госпожа Жервезе,—Золя ищетъ причинъ всеобщаго неуспѣха писателей натуральной школы — публика не хочетъ ихъ замѣчать, или, выведенная насильно изъ своей апатіи появленіемъ какого-либо колосса въ родѣ Madame Bovari, мститъ годами пренебреженія—беретъ одно твореніе и игнорируетъ его творца и всю школу.

Но гдѣ же критика? Начинаются поиски ея. Всѣ газеты отъ «Figaro» до «Moniteur Officiel» включительно подвергаются самому тщательному осмотру,—въ результатѣ получаемъ рядъ блестящихъ портретовъ современныхъ французскихъ критиковъ **). Гомеръ долженъ взяться за перо Аристофана: то, что онъ находитъ — не можетъ быть даже осмѣяно—надъ нимъ можно только смѣяться. Плохими оказываются современные критики: кто рта не можетъ раскрыть безъ того, чтобы не сказать глупости, кто буржуазно ограниченъ, а болѣе энергичные — по башибузукски расправляются съ несимпатичными имъ писателями. Такова исторія происхожденія Писемъ Золя, исторія, въ которой онъ обрисовывается во весь ростъ: что Гонкура свело въ могилу, то изъ Зола сдѣлало талантливаго критика.

Осталось для окончательной дорисовки Золя человѣка сказать о его политическихъ взглядахъ,—этомъ, смущающемъ русскую критику, пунктѣ. Мы назвали его демократомъ. Но это не опредѣляетъ его положительнаго міросозерцанія, тѣхъ идеаловъ, за которые и во имя которыхъ онъ бьется. Объ этомъ онъ нигдѣ не упоминаетъ ни однимъ словомъ, но отрицательное отношеніе его по режиму 2-ой имперіи, съ одной стороны, и симпатіи, не разъ заявляемыя республиканцамъ (въ его очеркахъ и картинкахъ французской жизни—другая серія Парижскихъ писемъ), указываютъ на его демократизмъ.

У писателя съ талантомъ такого характера и размѣра, какъ у Золя, намъ кажется, и не можетъ быть точно формулированныхъ политическихъ взглядовъ. Наблюденіе жизни указываетъ на недостатки всѣхъ формулъ—недостатки, наблюдаемые въ послѣдствіяхъ попытокъ ихъ примѣненія, и это дѣлаетъ невозможнымъ увлеченіе какой либо изъ нихъ. Такіе писатели не проповѣдники, какъ В. Гюго или Жоржъ-Зандъ, они не могутъ быть ими, такъ какъ анализъ исключаетъ вѣру, необходимую проповѣднику, они собираютъ матеріалы, пишутъ «протоколы» дѣйствительной жизни, предоставляя уже послѣдующимъ поколѣніямъ извлечь изъ ихъ наблюденій положительную тенденцію. Инстинктъ къ пониманію жизни обусловливаетъ ихъ симпатіи, и только симпатіи, но и это «только» кажется уже избавляетъ ихъ отъ упрека въ индиферентизмѣ, изъ котораго уже прямой выводъ для одного русскаго критика, признаніе ихъ чуть-ли не чистыми эстетиками, приверженцами искуства для искуства, а то еще и для сценъ клубничнаго характера.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Млисъ **).

Очеркъ изъ калифорнской жизни, Бретъ Гарта.

I.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ хребетъ Сіерра-Невада начинаетъ понижаться и его отдѣльныя вершины принимаютъ болѣе правильное очертаніе и менѣе поражаютъ своими прихотливыми узорами и высотой; гдѣ горныя рѣки и рѣчки несутся уже не съ такой быстротой и вода ихъ не такъ желта, какъ въ болѣе возвышенной части хребта,—у подножія красноватой горы раскинулась колонія, Покетъ-Смитъ. Отъ красной пыли, осѣвшей на стѣнахъ бѣлыхъ домиковъ колоніи, при красноватомъ отблескѣ заходящаго солнца, она издали кажется обнаженнымъ отслоеніемъ кварца, втиснутымъ въ гору. Дорога къ ней идетъ прихотливыми извилинами и пересѣкается многочисленными тропинками; красный отъ пыли дилижансъ, наполненный пассажирами, одежда которыхъ отъ той-же причины приняла красный цвѣтъ, подъѣзжая къ ней, десять разъ теряетъ ее изъ виду, погружаясь въ ухабы, прежде, чѣмъ остановится во дворѣ конторы дилижансовъ, отстоящей аршинъ на двѣсти отъ колоніи, откуда ея снова совсѣмъ не видно. Благодаря извилистости дороги, путникъ, смотрящій на колонію изъ дилижанса, видитъ ее то вправо, то влѣво отъ себя, что приводитъ къ курьезнымъ ошибкамъ, въ которыя впадаютъ чужестранцы, пріѣзжающіе въ Покетъ-Смитъ. Убѣжденный, что во время пути онъ хорошо изучилъ положеніе колоніи относительно конторы дилижансовъ, чужестранецъ, выйдя изъ нея, смѣло и рѣшительно направляется въ колонію одинъ, разсчитывая найти дорогу безъ помощи указаній туземцевъ; но онъ скоро раскаявается въ своей опрометчивости: онъ теряется въ лабиринтѣ тропинокъ и благо ему, если онъ встрѣтитъ туземца, который выведетъ его на настоящій путь. Разсказываютъ, что одного изъ такихъ самонадѣянныхъ путешественниковъ рудокопы встрѣтили за двѣ мили отъ Покетъ-Смита: несчастный, съ сак-вояжемъ и зонтикомъ въ рукахъ, съ литературнымъ сборникомъ подъ мышкой, снабженный вообще всѣми предметами, безъ которыхъ не можетъ обходиться человѣкъ, живущій въ обществѣ, пользующемся плодами утонченной цивилизаціи, — колесилъ по многочисленнымъ тропинкамъ, тщетно отыскивая настоящую, которая привела-бы его въ колонію. Но какъ ни затруднителенъ путь въ колонію, портящій расположеніе духа самаго кроткаго путешественника, фантастическіе виды окрестной страны заставятъ путника забыть объ испытанныхъ неудобствахъ. Обширныя трещины, въ разныхъ направленіяхъ пересѣкающія почву, можно скорѣе принять за результатъ дѣйствія вулканическихъ силъ въ первобытныя времена жизни земли, чѣмъ за дѣло рукъ человѣческихъ, а шлюзный мостъ, лежащій на половинѣ дороги, съ его непропорціонально-длинными подпорами, погруженными въ потокъ,—за огромное ископаемое до-потопныхъ временъ. Дорога безпрерывно пересѣкается небольшими каналами, которые принимаютъ въ себя воды небольшихъ ручейковъ, перерѣзываютъ ихъ по всѣмъ направленіямъ и, въ свою очередь, вливаются въ обширный потокъ, протекающій у подножія горъ. По сторонамъ дороги, въ небольшомъ отъ нея разстояніи, разбросаны развалины хижинъ, безъ крышъ, но съ очагами и каминами.

Нѣкто Смитъ открылъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь колонія, золотыя розсыпи *). Съ тѣхъ поръ это мѣсто стали звать «Покетомъ Смита»; это-же имя сохранилось и за колоніей. Въ самое короткое время Смитъ добылъ золота на пять тысячъ долларовъ; три тысячи изъ нихъ онъ употребилъ на устройство водопровода и туннелей для промывки золотоноснаго песку. Но скоро оказалось, что игра не стоила свѣчъ: сколько Смитъ ни рылся въ нѣдрахъ Красной горы, онъ извлекалъ изъ нея только глину. Пять тысячъ долларовъ были первымъ и послѣднимъ вознагражденіемъ Смиту за его трудъ. Гора не захотѣла выдавать своихъ скрытыхъ богатствъ. Смитъ поддерживалъ свои водопроводныя работы, пока не положилъ въ нихъ своего послѣдняго гроша и только тогда рѣшился окончательно оставить неблагодарныя изысканія.

Затѣмъ, уже въ качествѣ простого рабочаго, а не предпринимателя, онъ сталъ работать въ кварцевыхъ рудникахъ; неудачи преслѣдовали его и здѣсь и онъ началъ опускаться все ниже и ниже въ нравственномъ отношеніи. Вскорѣ

---

*) Трехъ-актная комедія братьевъ Гонкуръ.

*) См «Вѣстн. Европы» 1877 г., № 2, Парижскія письма: Упадокъ критики во Франціи.

**) Разсылаемое при настоящемъ нумерѣ «Жив. Об.» художественное приложеніе «Млисъ», составляетъ гравюру съ картины того-же имени, сюжетомъ для которой послужилъ очеркъ талантливаго американскаго писателя Бретъ Гарта. Считая, что лучшимъ объясненіемъ нашей гравюры будетъ воспроизведеніе въ переводѣ очерка Бретъ Гарта, послужившаго для нея сюжетомъ, мы съ согласія переводчика, помѣщаемъ въ «Жив. Об.» его трудъ, уже бывшій въ печати. Онъ былъ напечатанъ въ № 10 журнала «Дѣло» за 1873 годъ.

*) Мѣсторожденіе золотыхъ розсыпей американскіе рудокопы зовутъ «Pocket».

его знакомые стали повѣрять другъ другу на ухо, что Смитъ много пьетъ, а затѣмъ уже говорили вслухъ, что Смитъ горькій пьяница, и, какъ это часто бываетъ, забыли, что онъ еще недавно не былъ подверженъ этому пороку; въ представленіи всѣхъ явилось сознаніе, что Смитъ всегда былъ пьянчужкой и потеряннымъ человѣкомъ. Къ счастью, будущность колоніи Покетъ-Смита не зависѣла отъ участи ея основателя: другіе піонеры продолжали его дѣло, которое теперь увѣнчалось успѣхомъ: нашлись новыя розсыпи и колонія стала процвѣтать. Вскорѣ въ ней появились двѣ гостинницы, два магазина, телеграфная станція и свои «почетныя фамиліи». Время отъ времени ея единственная и длинная улица приходила въ волненіе при появленіи новыхъ модъ изъ Сан-Франциско, которымъ слѣдовали, впрочемъ, только «почетныя фамиліи»; элегантныя тряпки слишкомъ мало соотвѣтствовали окружающей печальной, обнаженной природѣ, однакожь, какъ контрастъ, придавали разнообразіе виду и не подавляли собой скромную одежду большей части населенія, которая по воскресеньямъ облачалась въ чистое бѣлье и отрицала всякія излишнія украшенія. Въ колоніи была методистская церковь; подлѣ нея банкъ; нѣсколько дальше, у выхода, кладбище и, наконецъ, за нимъ, совсѣмъ въ полѣ, небольшая школа.

Былъ вечеръ. «Учитель» (его маленькая команда звала его такъ и не знала, существуетъ-ли у него какое-нибудь другое имя), одинъ сидѣлъ въ школѣ, съ большимъ стараніемъ выводя буквы въ лежавшей передъ нимъ тетради, которая должна была служить каллиграфическимъ образцомъ для его учениковъ и ученицъ. Онъ писалъ фразу: Роскошь вредна, причемъ прописную букву украсилъ хитрыми завитушками; но не успѣлъ онъ дописать ее, какъ слегка постучали въ дверь. Дятлы цѣлый день стучали своими носами на крышѣ и на стѣнахъ, отыскивая личинки насѣкомыхъ, и ихъ стукъ нисколько не мѣшалъ учетелю заниматься своимъ дѣломъ и онъ не обращалъ на него никакого вниманія; теперешній стукъ тоже можно было принять за обычную работу дятловъ, однакожь, когда этотъ стукъ снова повторился, учитель поднялъ голову и пришелъ въ сильное волненіе, увидя, что на его приглашеніе въ комнату вошла молоденькая дѣвочка. Онъ зналъ ее. Ему были знакомы ея черные глаза, длинные волосы, въ безпорядкѣ падавшіе по плечамъ, — густые волосы, до которыхъ, кажется, никогда не прикасался гребень, ея лицо, до-черна загорѣвшее отъ солнца, ея руки и ноги, покрытыя слоемъ красной пыли. Это была Мелисса Смитъ дочь извѣстнаго намъ Смита, незнавшая ласкъ и заботъ матери.

«Что ей нужно отъ меня»? подумалъ учитель.

На верху и внизу Красной горы всѣ знали Млисъ (этимъ сокращеннымъ именемъ звали Мелиссу Смитъ), всѣ считали ее за неисправимую дѣвчонку. Ея пылкая, мятежная натура, ея безразсудныя выходки, ея ненависть и презрѣніе ко всякимъ законамъ дѣлали ее исключеніемъ въ цивилизованномъ обществѣ, воспитанномъ на правильныхъ порядкахъ и уваженіи къ закону; «неисправима, какъ Млисъ», стало поговоркой въ околодкѣ, и, подобно тому, какъ на слабость ея отца перестали обращать вниманіе и какъ-бы примирились съ нею, на недостатки Млисъ всѣ махнули рукой, убѣдившись, что съ упрямой дѣвочкой ничего не подѣлаешь. Съ мальчуганами, посѣщавшими школу, она обмѣнивалась нетолько ругательствами, но и тумаками: насколько быстръ былъ ея языкъ, настолько-же тверда ея рука; и то и другое вынуждены были признавать ея противники, надъ которыми она постоянно одерживала верхъ. Она отыскивала звѣриные слѣды съ прозорливостью записного охотника: учитель не разъ встрѣчалъ ее за нѣсколько миль отъ колоніи, рыскавшею въ горахъ босикомъ, съ непокрытой головой. Во время этихъ добровольныхъ путешествій она питалась въ станахъ рудокоповъ, расположенныхъ по теченію потока, гдѣ рабочіе охотно дѣлились съ нею своимъ неприхотливымъ обѣдомъ. Впрочемъ, не у однихъ рабочихъ она встрѣчала симпатію; одно время у нея былъ могущественный покровитель: достопочтенный Джозуэ Мак-Спалей, извѣстный проповѣдникъ, нетерявшій надежду нѣсколько цивилизовать Млисъ, добылъ ей мѣсто служанки въ гостинницѣ и предложилъ ей посѣщать воскресную школу, руководимую самимъ достопочтеннымъ пасторомъ. При первомъ-же столкновеніи съ своимъ хозяиномъ-трактирщикомъ, Млисъ пустила ему тарелкой въ голову; на шутки посѣтителей трактира она отвѣчала рѣзко, что, конечно, побудило хозяина избавиться отъ сорванца-служанки. Въ воскресной школѣ ея появленіе произвело дѣйствіе совершенно несовмѣстное съ приличной тишиной, царствовавшей въ этомъ учрежденіи, такъ что, въ угоду накрахмаленнымъ барынямъ, заявившимъ опасеніе, что присутствіе Млисъ можетъ вредно подѣйствовать на нравственность ихъ бѣленькихъ, розовенькихъ ребятъ, находившихся въ школѣ, достопочтенный пасторъ нашелся вынужденнымъ указать строптивой дѣвочкѣ дверь.

Таково было прошедшее, такова была репутація Млисъ до того дня, когда она постучалась въ дверь комнаты школьнаго учителя. Ея грязныя лохмотья, ея всклокоченные волосы, ея окровавленныя ноги возбудили жалость учителя. Въ ея большихъ черныхъ глазахъ выражались смѣлость и рѣшительность.

— Я пришла сюда вечеромъ, заговорила она быстро, прямо смотря въ глаза учителю,—потому, что разсчитывала найти васъ одного. Я не намѣрена приходить къ вамъ въ тотъ часъ, когда у васъ бываютъ дѣвчонки, я ихъ ненавижу, онѣ меня также ненавидятъ... да!... Вы учите, я знаю. Такъ и я хочу учиться.

Если-бъ къ бѣдности своей одежды и неопрятности, выражавшейся въ ея спутанныхъ волосахъ и загрязненномъ до-нельзя лицѣ, присоединились покорныя, уничижительныя слезы, учитель, по всей вѣроятности, почувствовалъ-бы къ Млисъ банальное чувство жалости. Но на ея смѣлость онъ, съ врожденнымъ человѣческой натурѣ инстинктомъ, отвѣчалъ тѣмъ уваженіемъ, которое оригинальныя натуры оказываютъ другъ другу, если имъ приходится входить между собою въ столкновеніе. Онъ разсматривалъ ее съ большимъ вниманіемъ въ то время, какъ она продолжала бѣгло, все-таки смотря ему прямо въ глаза и держась за ручку двери:

— Мое имя Млисъ... Млисъ Смитъ! Вы можете прозакладывать свою жизнь, что это такъ. Отецъ мой—старый Смитъ, старый гуляка Смитъ... да!... Понимаете, я—Млисъ Смитъ, и я пришла учиться.

— И прекрасно! сказалъ учитель.

Она привыкла къ противорѣчію и сопротивленію, часто несправедливымъ и жестокимъ: многіе находили для себя забаву въ возбужденіи ея гнѣва и строптивыхъ выходокъ. Спокойный тонъ учителя поразилъ ее, какъ нѣчто нежданное-негаданное; дикая дѣвочка остановилась въ смущеніи и стала вертѣть между пальцами прядь своихъ длинныхъ, спутанныхъ волосъ; своими острыми зубами она закусила верхнюю губу; она какъ-будто принизилась и вздохнула, опустила рѣсницы и на ея щекахъ заиграла краска, замѣтная, несмотря на то, что онѣ были загрязнены слоемъ красноватой грязи и сильно потемнѣли отъ загара.

Вдругъ она бросилась впередъ, умоляя Бога убить ее и, рыдающая, испускавшая вопли, точно ея сердце уже готово было разорваться, упала лицомъ внизъ на пюпитръ учителя. Онъ съ нѣжностью поднялъ ее и задержалъ въ своихъ рукахъ, ожидая, чтобы прошелъ пароксизмъ. Она-же продолжала рыдать и, отворачивая отъ него голову, съ дѣтскимъ простодушіемъ твердила, что она не нарочно это сдѣлала, что этого больше не будетъ, что она станетъ вести себя умно. Учитель спросилъ ее, зачѣмъ она перестала посѣщать воскресную школу?—Зачѣмъ? О! да! Зачѣмъ? Но зачѣмъ-же онъ (онъ—Мак-Спалей) сказалъ, что она дурная дѣвчонка и что Богъ не любитъ ее за это? Но если Богъ не любитъ ее, такъ къ чему-же ей послужитъ воскресная школа? Она не обязана ничего дѣлать для тѣхъ, кто чувствуетъ противъ нея предубѣжденіе.—Сказала-ли она это Мак-Спалею?—Да.

Учитель засмѣялся. Этотъ искренній смѣхъ сопровождался такимъ страннымъ эхо въ маленькомъ школьномъ домѣ, онъ представлялъ такую разноголосицу съ стономъ сосенъ, окружавшихъ домикъ и колеблемыхъ вѣтромъ, что учитель мгновенно остановилъ свой смѣхъ и и вздохнулъ, и этотъ вздохъ вылетѣлъ также прямо изъ сердца. Послѣ минутнаго, серьезнаго молчанія, онъ заговорилъ съ нею объ ея отцѣ.— Ея отецъ? Какой отецъ? Чей отецъ? Сдѣлалъ-ли онъ что-нибудь для нея? Почему презираютъ ее другія дѣвочки? Зачѣмъ люди, при встрѣчѣ съ нею, съ презрѣніемъ говорятъ: «это Млисъ, дочь стараго гуляки Смита!» Послѣ этого она вправѣ желать смерти, быть мертвой! Пусть весь свѣтъ умретъ!—И она снова зарыдала.

Учитель, наклонившись надъ нею, постарался объяснить ей все, что, по всей вѣроятности, объяснили-бы и вы, читатель, и я, выслушавъ противуестественныя желанія и странныя мнѣнія, произносимыя ребенкомъ; но только учитель,—можетъ быть, съ большимъ тактомъ, чѣмъ это сдѣлали-бы вы и я,—во время своихъ объясненій принялъ въ соображеніе ея отрепья, ея окровавленныя ноги и ея страданія, происходящія отъ того, что ее на каждомъ шагу преслѣдовалъ призракъ пьяницы-отца. Потомъ онъ помогъ ей встать, завернулъ ее въ свою шаль и проводилъ ее за дверь, приглашая ее придти къ нему на другой день. Выведя ее на дорогу, онъ пожелалъ ей доброй ночи. Луна ярко освѣщала узкую тропинку, по которой слѣдовало идти Млисъ. Онъ оставался нѣсколько времени на мѣстѣ, слѣдя, какъ ея маленькая фагурка, невѣрными шагами, видимо сильно взволнованная, подвигалась впередъ; онъ оставался на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока она, миновавъ кладбище и круто повернувъ на право, обернулась въ его сторону; съ минуту она простояла неподвижно; при лунномъ освѣщеніи можно было замѣтить, что на лицѣ ея выражалось сильное страданіе. Когда она скрылась изъ виду, онъ вошелъ къ себѣ и принялся за прерванную работу; но работать онъ уже не могъ: линейки, правильно и ровно проведенныя имъ въ тетрадкѣ, въ его воображеніи безконечно удлинялись и превращались въ извилистыя тропинки, по которымъ въ ночной темнотѣ двигаются дѣтскія фигуры, горько плача. Небольшой школьный домъ показался теперь ему еще болѣе уединеннымъ, чѣмъ прежде; онъ заперъ дверь школы и отправился въ свою комнату.

На слѣдующее утро Млисъ пришла въ школу; ея лицо было вымыто; ея прическа носила на себѣ слѣды ожесточенной борьбы между гребнемъ и спутанными волосами, во время которой несомнѣнно сильно пострадали и волосы, и гребень. По временамъ она кидала подозрительный взглядъ вокругъ себя, но уже можно было замѣтить, что она поддалась прирученію. Съ этого дня начался длинный рядъ испытаній и небольшихъ жертвъ, въ которыхъ принимали одинаковое участіе и учитель, и ученица, и которыя

усиливали ихъ взаимное довѣріе и симпатію. Во время классовъ Млисъ отличалась скромностью и послушаніемъ; даже во время рекреаціи она стала сговорчивѣе и снисходительнѣе, хотя все еще случалось, что, когда ей сильно докучали или когда она считала, что ее оскорбили, въ ней сказывалась прежняя дикарка; въ ней просыпалась ея неукротимая раздражительность и многіе изъ ея товарищей чувствовали на себѣ силу ея руки; съ исцарапанными лицами, въ изорванномъ платьѣ, они въ слезахъ прибѣгали къ учителю, жалуясь на свирѣпую Млисъ.

Картина Л. ТУССЕНА.

Испугали.

Поступленіе Млисъ въ школу вызвало протестъ со стороны нѣкоторыхъ отцовъ семействъ; они грозили взять своихъ дѣтей изъ школы, если учитель не разстанется съ ужасной дѣвчонкой, которая способна испортить ангельскую нравственность ихъ ребятишекъ. Къ счастію учителя, нашлось много и такихъ отцовъ и матерей семействъ, которые приняли его сторону и отнеслись вполнѣ сочувственно къ его дѣлу возрожденія несчастной дѣвочки. И дѣйствительно, учитель съ твердостью и неутомимостью,—изумлявшими его самого, какъ самъ онъ впослѣдствіи это говорилъ,—мало-по-малу вывелъ Млисъ изъ потемокъ ея прошедшей жизни, съ мрачной узкой тропинки—на широкую свѣтлую дорогу. Припоминая опытъ Мак-Спалея, онъ тщательно избѣгалъ подводныхъ камней, о которые, благодаря неловкости кормчаго, разбилась ея энергія къ труду, искреннее желаніе начать новую жизнь. Млисъ была изъ тѣхъ натуръ, на которыя теорія мало оказываетъ вліянія, если онѣ не могутъ повѣрить ее опытомъ, для такихъ натуръ жизнь лучшій учитель. Если Млисъ усвоила себѣ многія хорошія качества, если она нѣсколько освоилась съ религіей, символированной страданіемъ, если она покинула многія привычки, составлявшія нѣчто нераздѣльное съ ея натурой, то не уроки, не мудрыя сентенціи, выносимыя ею изъ школьныхъ уроковъ, наконецъ, даже не дружескіе совѣты учителя заставляли ее измѣниться. Ее измѣнили симпатія и доброта, встрѣченныя ею въ средѣ людей, которымъ жизнь такъ же мало улыбалась, какъ и ей,—людей, знакомыхъ болѣе съ горемъ и страданіями, чѣмъ съ утѣхами и наслажденіями жизни. Нѣсколько колонистовъ изъ самыхъ бѣднѣйшихъ собрали ей

изъ своихъ малыхъ достатковъ небольшую сумму денегъ, которая дала возможность Млисъ бросить свои лохмотья и одѣться въ платье, приличное цивилизованному существу. Бѣдные люди приняли близко къ сердцу доброе дѣло, затѣянное учителемъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ выражали ему свое сочувствіе и признательность: они считали Млисъ своей и все, что дѣлалось для нея, принимали на свой счетъ. Какъ часто дружеское пожатіе руки, слово участія отъ рабочаго въ блузѣ, вызывали живую краску на лицо учителя и онъ спрашивалъ себя, дѣйствительно ли, по всей справедливости, онъ заслуживаетъ это выраженіе признательности и уваженія.

Прошли три мѣсяца со дня первой встрѣчи учителя съ Млисъ. Былъ поздній вечеръ; учитель, какъ и тогда работалъ надъ писаніемъ прописей. Постучали въ дверь; вошла Млисъ, прилично одѣтая, съ чисто-вымытымъ лицомъ; только длинные волосы да блестящіе черные глаза напоминали Млисъ того времени, когда она впервые познакомилась съ учителемъ.

— Вы заняты? Не можете ли вы пойти со мною?

На его утвердительный отвѣтъ она продолжала повелительнымъ тономъ:

— Ну, такъ собирайтесь и идемъ поскорѣе.

Было очень темно, когда они вышли на улицу. Войдя въ городъ, учитель спросилъ, куда они идутъ.

— Къ моему отцу, отвѣчала она.

Учителю въ первый разъ довелось слышать, что она, говоря объ отцѣ, называетъ его этимъ именемъ; обыкновенно она звала его «старый Смитъ» или коротко—«старикъ». Втеченіи этихъ трехъ мѣсяцевъ, послѣ перваго знакомства своего съ учителемъ, она въ первый разъ заговорила объ отцѣ. Учитель также хорошо зналъ, что во все это время она удалялась отъ отца. Понявъ по тону ея отвѣта, что будетъ безполезно разспрашивать ее далѣе, онъ совершенно пассивно послѣдовалъ за нею. Вслѣдъ за нею онъ входилъ въ кабаки, въ игорныя залы, въ дома, гдѣ были увеселительные танцовальные вечера. Посреди табачнаго дыма, гама и руготни, царящихъ въ этихъ вертепахъ, ребенокъ, держась за руку учителя, казалось, искалъ чего-то, что сильно интересовало его и къ чему все прочіе относились вполнѣ равнодушно. Многіе изъ кутилъ, здѣсь находившихся, признавая Млисъ, приглашали ее пѣть и танцовать съ ними, и еслибъ рѣшительно не воспротивился учитель, ее заставили бы силой выпить. Другіе, узнавъ учителя, молча давали ему дорогу. Цѣлый часъ они блуждали такимъ образомъ и не нашли еще того, кого искали. Наконецъ, Млисъ сказала на ухо учителю, что за шлюзнымъ мостомъ есть хижина, гдѣ она надѣется найти своего отца. Черезъ полчаса, довольно скорой ходьбы они пришли туда, но его и тамъ не было.

Назадъ они пошли вдоль канала и, остановясь подлѣ шлюзнаго жолоба, стали разсматривать огни на противоположномъ крутомъ берегу, какъ вдругъ въ чистомъ ночномъ воздухѣ раздался звукъ выстрѣла. Эхо подхватило его и разнесло по всей Красной горѣ; въ отвѣтъ ему со всѣхъ сторонъ раздался собачій лай. Въ предмѣстьи, втеченіи нѣсколькихъ секундъ огоньки забѣгали вверхъ и внизъ, вправо и влѣво. Въ тоже время учитель явственно услышалъ плескъ воды на ихъ сторонѣ, очевидно, произведенный паденіемъ въ каналъ каменьевъ, сорвавшихся съ высоты; вѣтви кипариса толкнулись одна о другую; затѣмъ снова наступила тишина, еще болѣе глубокая, болѣе мертвая. Съ невольнымъ покровительственнымъ движеніемъ учитель обернулся къ Млисъ, но ребенокъ исчезъ. Подавляемый непонятнымъ для него ужасомъ, учитель побѣжалъ вслѣдъ за нею, черезъ ручей, и, перескакивая съ камня на камень, достигъ подножія Красной горы и предмѣстія. Пройдя затѣмъ нѣсколько шаговъ, онъ поднялъ голову — дыханіе у него остановилось: какъ-разъ надъ собою онъ увидѣлъ ее; она, точно воздушное существо, быстро скользила по узкому деревянному мостику для пѣшеходовъ, перекинутому черезъ пропасть. Онъ поспѣшно поднялся на крутой откосъ и, идя на нѣсколько свѣтлыхъ точекъ, сгрупировавшихся на одномъ опредѣленномъ пунктѣ горы, едва переводя дыханіе, достигъ этого мѣста. Здѣсь собралась толпа людей, на лицахъ ихъ выражался ужасъ. Посреди этой толпы была Млисъ; она подошла къ нему, взяла его за руку и молча подвела его къ темной впадинѣ, какую образовала въ этомъ мѣстѣ гора. Дѣвочка была смертельно блѣдна, но ея волненіе уже нѣсколько стихло и ея взглядъ, казалось, говорилъ, что она давно опасалась, что случившееся сегодня рано или поздно неминуемо дожно было случиться; въ ея глазахъ блестѣло выраженіе, которое является у человѣка, получившаго облегченіе отъ угнетавшаго его горя. Въ горной впадинѣ была пещера, стѣны которой мѣстами были подперты старыми бревнами, источенными червями. Дѣвочка указала учителю на кучу тряпья, которую, какъ онъ думалъ, по всей вѣроятности, бросилъ послѣдній обитатель, искавшій подъ сводами пещеры убѣжища отъ непогоды. Учитель приблизился къ этой кучѣ, зажегъ огонь и, наклонясь надъ тряпьемъ, увидѣлъ, что это лежитъ самъ Смитъ, уже охладѣвшій; въ рукѣ у него былъ пистолетъ; пуля пронизала ему сердце; онъ умеръ подлѣ той розсыпи, которую онъ открылъ, которая возбудила въ немъ блистательныя надежды и жестоко обманула его.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Долгъ чести.

(Рис. стр. 328.)

Всего двѣ фигуры на картинѣ Штаммеля, но какъ выразительно передаютъ онѣ моментъ, выбранный художникомъ! Утро... но утро послѣ безсонной ночи, проведенной у игорнаго стола. Молодому человѣку «не везло». Онъ проигралъ всѣ наличныя деньги, хотѣлъ отыграться и проигралъ еще «на честное слово». Карточные долги,—долги чести. По принятому въ свѣтскомъ обществѣ обычаю, можно, пожалуй, не отдавать денегъ ни одному изъ своихъ кредиторовъ, но то, что проиграно за зеленымъ столомъ, должно быть уплачено втеченіи сутокъ; иначе, имя свѣтскаго человѣка можетъ считаться запятнаннымъ. Къ кому же прибѣгнуть въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ? Разумѣется, къ еврею. У еврея денежный сундукъ всегда полонъ и всегда открытъ передъ каждымъ желающимъ почерпнуть изъ него... за извѣстные проценты. Размѣръ ихъ колеблется, смотря по разнымъ случайностямъ, но онъ остается постоянно вѣренъ тому принципу, по которому сумма процентовъ должна быть всегда прямо пропорціональна нуждѣ прибѣгающаго къ займу. На этотъ разъ, ростовщикъ не пощадилъ, повидимому, своего кліента: молодой человѣкъ сильно нахмурился, взглянувъ на предлагаемыя условія; онъ даже колеблется подписать разорительную сдѣлку; но «долгъ чести» выше всего и, черезъ минуту, денежное обязательство, снабженное неустойкой въ значительную сумму на случай неуплаты въ срокъ, будетъ уже въ карманѣ у сына Израиля...

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

VIII.

«Сближающіеся сограждане».

I.

Совсѣмъ я нынче отъ своего дома отбился, только и знаю, что обѣдаю въ разныхъ ресторанахъ, на товарищескихъ обѣдахъ и все ради сближенія и слiянія. Нынче ужъ такія времена настали, что всѣ сближаются. И то сказать, какъ же и не сближаться намъ, когда и Англія противъ насъ вооружается, и Австрія сердится на насъ, и примирившаяся съ нами Турція войска стягиваетъ и облагодѣтельствованная нами Румынія что-то косится на насъ. Тутъ сближеніе необходимо, ну и сближаемся мы, сходимся, обѣдаемъ, разсуждаемъ и... Да, что тутъ говорить: хорошія времена настали! Въ какія нибудь три недѣли на четырехъ общественныхъ обѣдахъ присутствовалъ я: въ день открытія «Общества попеченія о голодающихъ» обѣдалъ у Дюссо; въ годовщину основанія «Неунывающаго клуба петербургскихъ увеселителей» въ помѣщеніи этого клуба обѣдалъ; въ честь одного отъѣзжавшаго иностраннаго артиста у Донона обѣдалъ: на другой день тамъ же въ честь другого пріѣхавшаго иностраннаго артиста обѣдалъ, однимъ словомъ, дома хоть не готовь обѣда. А вотъ на прошлой недѣлѣ читаю въ газетахъ: «Бывшіе воспитанники «Иностранной школы» приглашаются на ежегодный товарищескій обѣдъ въ гостинницу Бореля. Цѣна обѣда съ виномъ 6 рублей съ персоны. Желающіе могутъ записываться за два дня до обѣда». Ну, какъ тутъ не ѣхать: я бывшій воспитанникъ «Иностранной школы», я давно не видался съ товарищами, я чувствую тоже потребность къ сближенію, — поѣхалъ и записался на обѣдъ. Одно досадно, обѣдъ назначенъ въ 6 часовъ, а я обыкновенно обѣдаю въ 4 часа, потомъ имѣю привычку соснуть часокъ, а тутъ нужно будетъ проголодать до 6 часовъ и не спать послѣ обѣда вовсе. Впрочемъ, чтожь, одинъ разъ можно пожертвовать своими привычками, особенно въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ сближеніе. Насталъ день обѣда, меня такъ и подмываетъ ѣхать пораньше. Вспомнились мнѣ это мои бывшіе товарищи, молодыя лица, страстныя рѣчи, горячія увѣренія въ дружбѣ, ребяческія продѣлки съ учителями, — даже слезы у меня на глаза навернулись. Вотъ пройдетъ еще часъ-два и я опять увижу ихъ всѣхъ, обниму однихъ, пожму руки другихъ. Сколько воспоминаній-то пробудится въ душѣ, просто помолодѣешь опять, ей Богу. Протянулъ кое какъ день до половины пятаго, а самого такъ и подмываетъ ѣхать, ну и поѣхалъ, — до обѣда, молъ, поговорю еще съ кѣмъ нибудь изъ товарищей. Пріѣзжаю къ Борелю, спрашиваю швейцара: "Гдѣ обѣдъ"? — «Во второмъ этажѣ», говоритъ. Поднялся. Снялъ въ корридорѣ шубу, вхожу въ длинный бѣлый залъ: никого еще нѣтъ, лакеи-татары суетятся, накрывая по серединѣ зала столъ, гремятъ ножами и вилками, перекрикиваются на своемъ языкѣ, только и слышны какія то «шалды-балды», — ну, вотъ точно ругаются самою отборною бранью. Такой ужь у нихъ языкъ. Прошелъ я на лѣво въ маленькую гостиную, устланную ковромъ и вижу, что кто то уже расхаживаетъ здѣсь, покуривая папиросу. Я присмотрѣлся, посѣтитель тоже взглянулъ на меня и его черненькіе глазки вдругъ забѣгали, забѣгали и отвернулись въ сторону. Ба-ба-ба! Да это Петровъ, Павелъ Петровъ, мой однокашникъ по «Иностранной школѣ».

Пренепріятная, доложу вамъ, встрѣча.

Съ Павломъ Петровымъ я не только учился въ «Иностранной школѣ», но и росъ въ одномъ домѣ съ пятилѣтняго возраста. Онъ мальчикъ былъ такой смирный, ласковый, услужливый и потому у него всегда было гораздо больше игрушекъ, лакомствъ, перьевъ и красокъ, чѣмъ у меня и другихъ дѣтей. Мы, впрочемъ, не завидовали ему и сами даже отдавали ему свои сокровища, потому что ужь такъ то нѣжно обнималъ и цѣловалъ онъ насъ, что мы постоянно умилялись. Я былъ немного постарше, повыше ростомъ и посильнѣе его и онъ меня всегда на-

звывалъ своимъ «старшимъ братишкой», своимъ «папашкой», своимъ «покровителемъ», иногда въ припадкѣ нѣжной чувствительности онъ даже цѣловалъ мои руки, говоря, что онъ обожаетъ, боготворитъ меня. Вообще онъ не то на чувствительную институтку смахивалъ, не то на разнѣжившагося писарька походилъ, когда закатывалъ свои масляные черные глазки подъ лобъ и пѣлъ чувствительнымъ голосомъ: «Ея ужь нѣтъ, я это знаю, а сердце все болитъ по ней»! Кто была эта «она», мы, его товарищи, не знали, но узнали мы только, что онъ любитъ и любимъ, когда онъ, вымоливъ себѣ со слезами на колѣняхъ у директора и учителей хорошій аттестатъ и поступивъ, то же при помощи своихъ слезъ и слезъ двухъ своихъ тетокъ и бабушки, на хорошее мѣсто, объявилъ намъ, что онъ женится.

— Только ужасно мнѣ трудно покрыть всѣ расходы. Я вѣдь женюсь не на деньгахъ, а по любви, говорилъ онъ мнѣ жалобнымъ тономъ. — Мнѣ нужно дѣлать форменную одежду, а вѣнчаться нужно во фракѣ. На одинъ разъ приходится заказывать фракъ. Я ужь хотѣлъ просить у тебя фрачную пару.

Я объявилъ, что у меня фрачная пара одна и что я съ удовольствіемъ дамъ ему ее, но уже не буду въ такомъ случаѣ на свадьбѣ. Онъ опечалился, даже всплакнулъ немного, но, въ концѣ концовъ, согласился взять фрачную пару и справить свадьбу безъ меня. Моя фрачная пара была увезена. Прошелъ день свадьбы Петрова, прошло еще дня два, недѣля прошла, наконецъ, иду я какъ-то по Невскому и встрѣчаю одного изъ бывшихъ школьныхъ товарищей.

— Слышалъ ты, какую штуку удралъ со мной Петровъ? спросилъ меня товарищъ.

— Нѣтъ! Что случилось? спросилъ, въ свою очередь, я.

— Да какъ же, подлецъ онъ этакій, занялъ у меня на свадьбу двадцать пять рублей, женился и сегодня уѣхалъ на службу въ Вельскъ.

— Что ты!

— Право, да вѣдь до чего дошелъ мерзавецъ, сапоги у меня новые стащилъ: увидалъ, что мнѣ ихъ сапожникъ принесъ, говоритъ, что ему сапожникъ не успѣлъ сдѣлать сапогъ къ свадьбѣ, попросилъ у меня надѣть мои, благо у насъ ноги одинаковыя, и увезъ мои сапоги съ собою.

— Такъ онъ и мою фрачную пару, значитъ, увезъ, засмѣялся я.

— Какую фрачную пару?

Я разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Да онъ при мнѣ же отдавалъ передѣлать фракъ на вицъ-мундиръ, бархатный воротникъ пришить велѣлъ, да пуговицы бронзовыя поставить, пояснилъ мой товарищъ.

Я хохоталъ отъ всей души.

— А вѣдь и всегда-то онъ подлецомъ былъ! заключилъ мой товарищъ.

Потомъ оказалось, что Петровъ укралъ у всѣхъ товарищей что могъ, у кого деньги, у кого часы, у кого перчатки—ничѣмъ не побрезгалъ.

Съ этой поры я потерялъ его изъ виду и только какъ то разъ слышалъ, что онъ очень удачно подвигается впередъ по службѣ, очаровавъ своею набожностью, смиреніемъ и покорностью губернаторшу, которая проводитъ съ нимъ цѣлые часы въ какихъ то душеспасительныхъ бесѣдахъ...

И вотъ, послѣ двадцатилѣтней разлуки мнѣ пришлось снова встрѣтиться съ нимъ: я узналъ эти черные, бѣгающіе, какъ испуганныя мыши, глазки, я узналъ эти кошачьи манеры и осторожную походку ловкаго пройдохи, я узналъ эти плотоядныя губы, то сжатыя съ выраженіемъ молчалинскаго смиренія, то открывающіяся для сластолюбивой улыбки, я узналъ все это круглое, розовое, откормленное лицо непечалющагося мошенника съ спокойной совѣстью и эта первая встрѣча, признаюсь вамъ, сильно охладила мои мечты о дружескомъ сближеніи и сліяніи съ былыми однокашниками на товарищескомъ обѣдѣ. Не стану же я, въ самомъ дѣлѣ, сливаться съ нимъ, съ Павломъ Ивановичемъ Петровымъ...

Я сталъ, нахмурившись, ходить по комнатѣ, онъ тоже ходилъ въ другомъ концѣ съ видомъ мокрой, нахохлившейся курицы. Должно быть, мы представляли въ эту минуту очень комичную пару. Я все думалъ, что онъ съ свойственною ему беззастѣнчивостью подойдетъ ко мнѣ, и готовился спросить его: «А гдѣ моя фрачная пара»? Но у него хватило на столько такта, чтобы не подойдти ко мнѣ. Къ моему величайшему счастію, минутъ черезъ десять въ комнату вошелъ новый гость и бросился ко мнѣ, чуть не съ распростертыми объятіями.

— Нѣкто! Александръ Нѣкто! Это вы? Ахъ, Боже мой, сколько лѣтъ я васъ не видалъ!.. Вотъ встрѣча! Какая прекрасная мысль устроить товарищескій обѣдъ, я такъ былъ этому радъ. Знаете, пріятно увидать старыхъ пріятелей, друзей! Сколько воспоминаній!..

Новый гость, Иванъ Гвоздевъ, говорилъ быстро, безъ передышки, захлебываясь отъ волненія, точно хотѣлъ возбудить и во мнѣ тѣ же чувства, которыя волновали его. По правдѣ сказать, онъ никогда не былъ моимъ товарищемъ, такъ какъ я шелъ тремя классами впереди его. Въ школѣ мы иногда играли вмѣстѣ, но были на «вы». По выходѣ изъ школы онъ поступилъ въ высшее учебное заведеніе, велъ бурную жизнь, прокучивая матушкины деньги, и при встрѣчахъ со мною не узнавалъ меня, можетъ быть, потому что я тогда тянулъ трудовую лямку и, вѣроятно, такъ измѣнился въ лицѣ, что меня трудно было узнать. Теперь онъ чуть не обнималъ меня и мнѣ было это пріятно, такъ какъ въ этомъ пробужденіи пріязни я видѣлъ ясный признакъ того, какъ способствуетъ сліянію и сближенію товарищескій обѣдъ. Я крѣпко пожалъ руку Гвоздева.

— Дорогонько только назначили цѣну, заговорилъ онъ снова. — Намъ, бѣднымъ людямъ, это, знаете, не по карману. Ну, да я перехватилъ деньжонокъ, а все таки не пропустилъ такого блестящаго случая. Я вѣдь, знаете, теперь на бобахъ, на подножномъ корму. Мнѣ удивительно не повезло... Вотъ которое время ищу мѣста. Да, гдѣ найдешь? А жрать надо. Искалъ я кого нибудь изъ старыхъ однокашниковъ, да всѣ какъ то разбрелись, одного никогда дома не застанешь, другой «завтраками кормитъ, третьи уѣхали изъ Петербурга... Ну, назначили этотъ обѣдъ, я и обрадовался. Здѣсь ужь всѣхъ увижу и обдѣлаю что нибудь...

Я посмотрѣлъ на его одежду, она была порядочно изношена и потерта.

— Такъ вы, значитъ, здѣсь о мѣстѣ хотите хлопотать? спросилъ я.

— Да, вѣдь это случай!.. Вы въ литературѣ, кажется, принимаете участіе? спросилъ онъ.

— Да.

— Жаль, у васъ тамъ мѣстъ нѣтъ! Но если что навернется, вы меня не забудьте! Я вѣдь на все способенъ, передовыя тамъ статьи или фельетоны, всякую этакую дрянь могу написать. Я вѣдь очень способенъ!.. Ба-ба-ба! вдругъ воскликнулъ Гвоздевъ, прерывая свою рѣчь. — Кого я вижу! Рюминъ! Это ты!

Онъ бросился на встрѣчу къ господину съ солидной наружностью, съ мѣрною походкою, съ неторопливыми манерами, съ холодными, зоркими глазами и съ крупнымъ орденомъ на шеѣ. Я тоже зналъ Рюмина и поздоровался съ нимъ.

— Въ чины пошелъ, орденомъ украшенъ! восклицалъ Гвоздевъ.—Молодецъ, право, молодецъ! Сердце радуется, когда видишь успѣхъ товарища!... Ты служишь?

— Да, я состою на государственной службѣ, холодно и сухо отвѣтилъ Рюминъ и обратился ко мнѣ:—Вы, кажется, въ литературѣ теперь участвуете?

— Да, отвѣтилъ я.

— Поди-ка, ты директоръ департамента какой-нибудь теперь? приставалъ Гвоздевъ.

— Да, я занимаю видное мѣсто, отвѣтилъ тѣмъ же тономъ Рюминъ и опять обратился ко мнѣ:—Ныньче литература приняла странное направленіе: какая-то своевольная разнузданность и мальчишескій задоръ видны во всемъ, вездѣ замѣтно подкапыванье подъ что-то и стремленіе обличать кого-то. Мы, люди положительнаго дѣла и служенія отечеству, не можемъ хладнокровно смотрѣть на это. Это, знаете, вселяетъ какую-то тревогу за будущее, за...

— Да ты гдѣ служишь-то? приставалъ къ Рюмину Гвоздевъ.

— На государственной службѣ, настойчиво и внушительно отвѣтилъ Рюминъ и опять обратился ко мнѣ:—Я знаю, что вы пишете въ беллетристическомъ родѣ, но, признаюсь, и у васъ проскальзываетъ, чуется это заразительное вѣянье духа времени...

— А вы читаете мои бездѣлушки? спросилъ я не безъ удивленія, потому что кто же изъ серьезныхъ людей станетъ читать мои статейки.

— Слѣжу-съ, слѣжу-съ! отвѣтилъ Рюминъ.— На васъ обращаютъ вниманіе уже давно, вы, конечно, стараетесь замаскировать свое направленіе, но вѣдь можно же читать и между строкъ. Вамъ надо бы серьезно подумать объ этомъ, о своемъ будущемъ. Я вамъ говорю это, какъ частное лицо, какъ старый товарищъ. Почему вамъ не писать безъ тенденціи, художественныя картины. Литература должна успокоивать, давать пріятное занятіе въ минуты отдыха, развивать мирное настроеніе духа, а вы волнуете, возбуждаете... Когда вы были еще учителемъ Порѣчинской гимназіи, у васъ замѣчалось тоже направленія и вы должны были оставить мѣсто въ Порѣчьѣ. Положимъ, это случилось просто вслѣдствіе мелкой интриги какой-то недостойной личности, кажется, если не ошибаюсь, ключницы исправника...

— Вы знаете и мою порѣчинскую исторію? удивился я.

— Да, случайно дошли слухи, отвѣтилъ Рюминъ.—Я говорю съ вами откровенно, по товарищески, потому что я, признаюсь, очень люблю вашъ талантъ. Тамъ, гдѣ вы являетесь просто художникомъ, вы доставляете истинное наслажденіе, у васъ эта теплота, задушевность есть... Но въ то же время, мнѣ больно признаться въ этомъ, я прячу ваши сочиненія отъ моихъ дѣтей. На дняхъ еще изъ-за васъ у меня была семейная исторія: сынъ мой гдѣ-то досталъ ваши сочиненія и я принужденъ былъ употребить крутыя мѣры, чтобы разъ и навсегда отбить охоту у мальчишки читать ваши сочиненія.

— Да ты мнѣ скажи, нѣтъ ли у тебя гдѣ-нибудь подъ крылышкомъ мѣстечка-то? приставалъ къ Рюмину Гвоздевъ.

Въ эту минуту къ Рюмину подошелъ какой-то неизвѣстный мнѣ господинъ и отвелъ его въ сторону.

— Вы знаете гдѣ служитъ Рюминъ? допрашивалъ меня Гвоздевъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я.—Мы съ нимъ не видимся...

— Да вѣдь онъ сейчасъ говорилъ.

— Онъ сказалъ, что онъ на государственной службѣ служитъ...

— Эхъ, какъ это я не выспросилъ! Теперь не знаешь, какого мѣста у него просить!... Очкинъ, Очкинъ, здравствуйте! кричалъ Гвоздевъ, протягивая обѣ руки нашему старому сотоварищу, подошедшему къ намъ.

Я тоже поздоровался съ Очкинымъ, довольно еще свѣжимъ господиномъ съ купечески простой физіономіей, въ растегнутомъ сюртукѣ, въ бриліантахъ и цѣпочкахъ.

— Хороши вы, батенька, когда не приди— вѣчно дома нѣтъ! проговорилъ Гвоздевъ, фамильярно трепля его по плечу.

— А что, опять, вѣрно, денегъ нужно? грубо спросилъ Очкинъ, разсмѣявшись.

— Ахъ вы, золотой мѣшокъ! Только и думаетъ, что къ нему за деньгами ходятъ! развязно засмѣялся, въ свою очередь, Гвоздевъ.

— А то зачѣмъ же вы ходите? Мѣха у меня, что-ли, торговать хотите? Вѣдь всегда занять приходите...

— Ну, ну, пошелъ! А вы лучше мнѣ скажите, не знаете ли вы, гдѣ служитъ Рюминъ.

— Почему я знаю, я съ нимъ не служилъ, отвѣтилъ Очкинъ.

— Да вѣдь вы же его знаете?

— Знаю, потому что то шубу себѣ, то ротонду для жены или дочери покупаетъ да все приговариваетъ: «ну ужь мнѣ-то можно уступочку сдѣлать, вѣдь въ одной школѣ воспитывались». Выдумалъ что. Мало-ли сволочи на одной скамейкѣ сидѣло.

— Да неужели же вы такъ и не спрашивали у него никогда, кто онъ, какое мѣсто занимаетъ, гдѣ служитъ?...

— Чиновникомъ на государственной службѣ состоитъ, а мнѣ что за дѣло, какое онъ тамъ мѣсто занимаетъ.

— Чортъ знаетъ, какое положеніе! Не знаешь теперь, какого мѣста просить у него! потеръ себѣ лобъ Гвоздевъ и ринулся куда-то, завидѣвъ новаго пріятеля.

— Прощалыга голоштанная! замѣтилъ мнѣ Очкинъ и посмотрѣлъ на свои тяжеловѣсные часы.—Пойдемте червяка заморить. Эти голодныя собаки, въ родѣ Гвоздева, всю закуску слопаютъ, прежде чѣмъ успѣешь къ столу подойдти.

Очкинъ пошелъ къ столу съ закусками, тяжелою, твердою походкою, выпятивъ впередъ животъ, точно онъ этимъ упитаннымъ, украшеннымъ цѣпочками чревомъ готовъ былъ раздвинуть и раздавить всякую толпу. Онъ подошелъ къ столу, осмотрѣлъ бутылки и, выбравъ одну изъ нихъ, налилъ себѣ рюмку.

— Я по очищенной пройду-съ. Налить? спросилъ онъ меня.

Я подвинулъ рюмку, мы выпили. Очкинъ сталъ закусывать, захватывая вилкой сразу по пяти ломтей рѣдьки въ сметанѣ, пропуская въ свою пасть по цѣлому ломтю хлѣба съ сардинкой, проглатывая разомъ по куску сырой ветчины съ кускомъ булки.

— А мы повторимъ! замѣтилъ онъ, наливая себѣ и мнѣ рюмку.—Все равно, проклятые татары за все возьмутъ—ѣшь или не ѣшь.

Онъ началъ снова проглатывать все, что попадалось подъ его разбойнически-ловкую вилку. Не приглашая уже меня, онъ опять налилъ по рюмкѣ. Я отказался пить.

— Да чтожь тутъ и дѣлать, какъ не пить. Такъ то скука. Никого не знаешь, говорить не съ кѣмъ, замѣтилъ онъ.—И нѣмчуры много, а я и читать по ихнему забылъ. Ей Богу!...

— Да вѣдь здѣсь все старые товарищи, сказалъ я.

— Экіе товарищи! Драли всѣхъ на одной скамьѣ, такъ и товарищи!... Вонъ тамъ, видите, стоитъ длинная дылда—это графъ Юковъ, ну скажите-ка, что вы ему товарищъ, такъ и отскочите. У него отецъ министромъ когда-то былъ, денегъ куры не клюютъ, самъ каммеръ-юнкеръ, такъ ужь какое тутъ товарищество. И зачѣмъ пріѣхалъ, показаться, что ли? Знай, молъ, насъ... А что вы то все строчите?

— То есть что вы хотите сказать? недоумѣвалъ я.

— Пропичатываете тамъ разные пасквили, отрѣзалъ онъ.

Я усмѣхнулся.

— Ну, въ этомъ не грѣшенъ, сказалъ я.

— Нѣтъ, вѣдь вы писатель? спросилъ онъ.

— Да.

— Пустое это дѣло! Что вы тамъ не кропайте, а люди все жрать будутъ...

— Да мы имъ и не препятствуемъ жрать, улыбнулся я.

— Ну, значитъ, и писать нечего. Хотятъ жрать и дерутъ другъ друга, кто кого смога, тотъ того и за рога. Это не нами началось, не нами и кончится, что вы тамъ ни пишите. Вотъ тоже меня на дняхъ какія-то шельмы пропечатали за то, что на квартиры цѣны набавилъ. А все потому, что у самихъ ни кола, ни двора. А я еще выпью...

Онъ опять выпилъ и началъ закусывать. Я посмотрѣлъ, гдѣ Гвоздевъ: несчастный выбивался изъ силъ, бѣгая около товарищей, и не думалъ прикасаться къ закускѣ, поглощенный болѣе важными соображеніями. Я невольно улыбнулся, вспомнивъ слова всепожиравшаго Очкина о томъ, что голодныя собаки, въ родѣ Гвоздева, сожрутъ всю закуску...

Стали ужь садиться за обѣденый столъ, когда я увидалъ, что Гвоздевъ подлетѣлъ къ столу съ закусками, схватилъ на ходу какую-то бутылку, налилъ себѣ изъ нея остатки въ рюмку, опорожнилъ ее залпомъ, взялъ какой-то жалкій остатокъ закуски и, быстро пережовывая его, пустился чуть не бѣгомъ, къ обѣденному столу, чтобы успѣть занять мѣсто подлѣ графа Юкова.

— Это-съ мѣсто занято! небрежно и свысока замѣтилъ ему какой-то господинъ съ приличною наружностью молодого хлыща, примазавшагося въ спутники къ богатому аристократу.

Гвоздевъ помчался, какъ лошадь на бѣгу, вокругъ стола и запыхавшись, вспотѣвъ, завладѣлъ стуломъ противъ графа Юкова.

— Графъ, ле визави сонъ де зами! произнесъ онъ на невообразимомъ французскомъ языкѣ.

Графъ съ благосклонною небрежностью изволилъ усмѣхнуться, смотря разсѣяннымъ взоромъ на публику. Я сѣлъ, куда попало, и къ величайшему своему ужасу увидалъ, что противъ меня сидитъ Петровъ, а рядомъ со мною, Дитмаръ, мой старый, ненавистный учитель, описанный мною въ одномъ изъ моихъ разсказовъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. У меня просто пропалъ аппетитъ.

— Графъ, вы, не знаете, гдѣ служитъ Рюминъ? спросилъ Гвоздевъ, выставляя впередъ голову и говоря вполголоса.

— Рюминъ? Рюминъ? носовымъ акцентомъ повторилъ графъ, стараясь припомнить эту фамилію, и обратился къ своему сосѣду:—Ты не знаешь, Жоржъ, кто это Рюминъ? Я что то слышалъ отъ рара...

— Да, припоминаю немного; чиновникъ, кажется, отвѣтилъ приличный сосѣдъ графа.

— Да, но гдѣ онъ служитъ? допрашивалъ настойчиво Гвоздевъ.

— Гдѣ нибудь на государственной службѣ, небрежно отвѣтилъ господинъ съ приличною наружностью.

— Ни у кого не могу добиться! вздохнулъ Гвоздевъ.

— Вы бы спросили у него самого, снисходительно посовѣтовалъ графъ Юковъ.

— Спрашивалъ; говоритъ то же, что на государственной службѣ.

— Ну да, значитъ, оно такъ и есть, наставительно подтвердилъ приличный сосѣдъ графа.

— Человѣкъ, полдюжины шампанскаго! Поворачивайся! крикнулъ на концѣ стола зычный голосъ.

Я сразу узналъ голосъ Очкина, хотя этотъ голосъ уже и былъ нѣсколько сиплымъ и невѣрнымъ.

— Что это тамъ? спросилъ съ гримасою графъ Юковъ, гадливо взглянувъ на конецъ стола.

— Это, кажется, Очкинъ, замѣтилъ его сосѣдъ, вглядываясь прищуренными глазами въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Очкинъ.

— Кто?

— Купецъ Очкинъ, мѣхами торгуетъ, пояснилъ Гвоздевъ.

— Ты помнишь, проговорилъ спутникъ графа,—у Берга разъ скандалъ былъ рядомъ съ нами въ ложѣ... Я тогда замѣтилъ этого господина.

Графъ Юковъ презрительно пожалъ плечами.

— Аа!... Что онъ пьянъ? спросилъ графъ, у стоявшаго сзади его лакея-татарина, указывая глазами въ ту сторону, гдѣ шумѣлъ Очкинъ.

— Не могу-съ знать! Выпили-съ, кажется! подобострастно отвѣтилъ лакей, наклоняя почтительно голову къ самому уху графа.

— Вотъ за что я и не люблю подобныхъ обѣдовъ, наберется Богъ знаетъ кто! съ гадливымъ выраженіемъ лица, замѣтилъ графъ.—Я, конечно, очень уважаю нашу старую школу, но тамъ воспитывался тоже всякій сбродъ, не было какого нибудь избраннаго сословія, все дѣло было въ деньгахъ. Надо бы эти обѣды какъ нибудь разграничить... сдѣлать раціональнѣе... ну однимъ словомъ, чтобы сходились одни элементы, чтобы... ну это общее что нибудь было....

Графъ совершенно запутался и умолкъ. Въ эту минуту рядомъ со мною послышался разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ: говорилъ мой врагъ,— учитель Дитмаръ, и его сосѣдъ, учитель же Фрей.

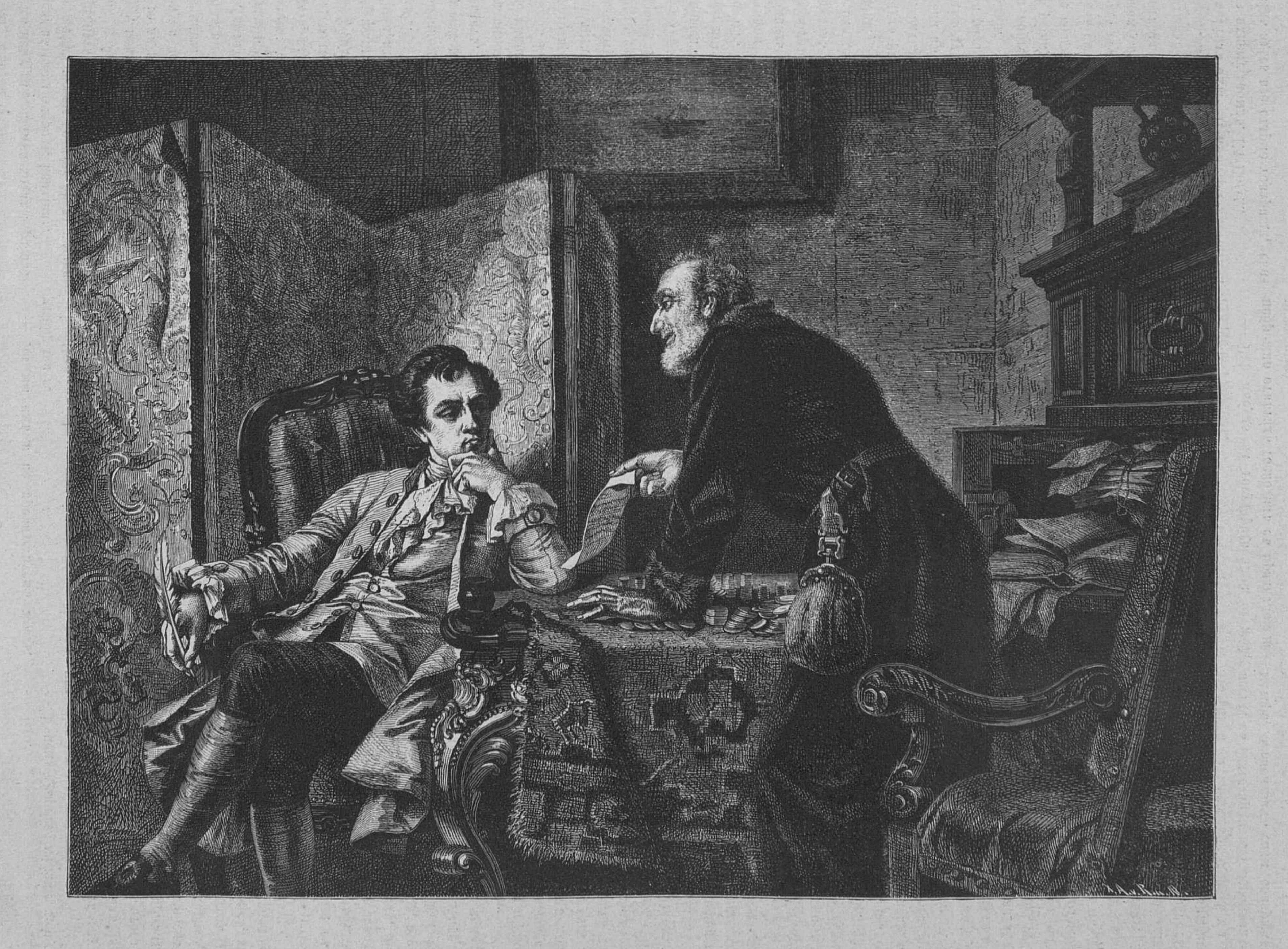
— Я удивляюсь, зачѣмъ ѣздятъ къ намъ на обѣды господа, гнушающіеся своими старыми товарищами, горячо говорилъ Фрей.—Вы слышали, что сейчасъ высказалъ графъ Юковъ?

— Да, это прискорбно, отвѣтилъ съ набожнымъ видомъ Дитмаръ,—но еще прискорбнѣе то, что здѣсь есть господа, рѣшающіеся обличать и чернить своихъ, старыхъ воспитателей въ печати.

Камень былъ пущенъ въ мой огородъ. Я чувствовалъ себя неловко и только ждалъ конца обѣда. О сближеніи я уже и не думалъ. Подали послѣднее блюдо и шампанское. Дитмаръ, толстый, красный и лысый старичекъ съ фарисейски-смиреннымъ выраженіемъ лица, поднялся съ мѣста, чтобы говорить рѣчь. Фрей застучалъ ножемъ по стакану, водворяя тишину.

— Милостивые государи, началъ Дитмаръ на нѣмецкомъ языкѣ, поднимая глаза къ потолку.— Всѣ, собравшіеся здѣсь— воспитанники одной школы, братья по духу, дѣти одной матери, не смотря на различіе сословій, возрастовъ, національностей и матеріальнаго положенія. Всѣ мы собрались здѣсь, чтобы слиться въ одинъ дружескій кружокъ и помянуть добрымъ словомъ нашу общую мать воспитательницу, нашу «Иностранную школу». Кроткая и заботливая, терпѣливая и всепрощающая, она воспитала, развила и направила на путь истины каждаго изъ насъ. По какой бы житейской дорогѣ мы ни шли, мы всегда съ благодарностью вспоминали о нашей матери, давшей намъ силы совершать свой путь честно, стойко, съ вѣрою въ святой промыселъ. Но обязанные всѣмъ ей и только ей одной, вспомнимъ въ настоящій торжественный день, что наша мать воспитательница не была алчной стяжательницей, не была утопающей въ роскоши богачихой, но собирала скудную лепту за наше ученье только для того, чтобы воспитать тѣхъ сиротъ, которые, холодные и голодные, безпріютные и невѣжественные, просили у нея, какъ милости, и крова, и пищи, и духовнаго образованія.

Картина Е. ШТАММЕЛЯ.



Долгъ чести.

Картина Г. ЛОССОВА.

Оселъ и гуси.

Она не отталкивала ихъ, она пригрѣвала ихъ, она дѣлилась съ ними послѣднимъ кускомъ хлѣба, хотя у нея самой часто недоставало на это средствъ. Вспомнимъ это и выкажемъ наше уваженіе, нашу любовь къ нашей матери воспитательницѣ посильною помощью ей на дѣло воспитанія сиротъ. Эти сироты тоже наши братья по духу, мы обязаны помочь имъ, мы обязаны помочь нашей матери въ ея великихъ стремленіяхъ создать семью для тѣхъ, которые лишены семьи. Я предлагаю по примѣру прошлыхъ лѣтъ сдѣлать сборъ въ пользу «Иностранной школы» на воспитаніе сиротъ.

— Браво! Браво!.. Сдѣлать сборъ! кричало нѣсколько голосовъ подпившихъ гостей. — Ура, Дитмаръ!...

— Качай его, качай стараго чорта! гаркнулъ Очкинъ. — Пять сотъ рублей подписываю!.. Ей, получай, кто тамъ обираетъ деньги... Человѣкъ, дюжину шампанскаго!.. Оживленіе сдѣлалось общимъ, всѣ раскошеливались въ пользу нашей бѣдной матери воспитательницы, имѣвшей еще только пять каменныхъ домовъ и не болѣе трехсотъ тысячъ капиталу. Въ одномъ концѣ стола бушевалъ Очкинъ, требуя еще дюжину шампанскаго и крича, что онъ платитъ за всѣхъ; на другомъ концѣ нѣсколько раскиснувшихъ отъ вина нѣмцевъ требовали пива и затянули «Gaudeamus»; Петровъ обнималъ какого-то нѣмца сапожника и плакалъ, поясняя ему чувствительнымъ тономъ:

— Фрицъ, ихъ хабе митъ диръ инъ ейнеръ классе гелерптъ...

Нѣмецъ, должно быть, понималъ этотъ нѣмецкій языкъ петровскаго изобрѣтенія и также плакалъ, отвѣчая Петрову:

— Ти, Павлюшка, шиновникъ, а я все таки зъ тобой брудершафтъ выпивайтъ.

Петровъ, въ свою очередь, понималъ этотъ русскій языкъ нѣмецкаго изобрѣтенія. Они, повидимому, были довольны, что вынесли изъ школы такія дружескія чувства и такія познанія языковъ.

— Я никакъ не думалъ, чтобы эти обѣды были такъ безобразны. Это какой-то кагалъ, говорилъ графъ Юковъ своему спутнику.

— Я же тебѣ говорилъ, замѣтилъ небрежно спутникъ графа,—что ты напрасно ѣдешь сюда. И что же можно ждать отъ обѣда, гдѣ присутствуютъ какіе то сапожники, кухмистера, булочники... Въ сущности, я даже не понимаю, что можетъ быть общаго между всѣми этими людьми. Разныя положенія въ свѣтѣ, различные возрасты, разныя національности, наконецъ, мы даже воспитывалось разно. Ты вѣдь былъ тоже въ директорскихъ пансіонерахъ?

— Да.

— Ну, такъ развѣ на насъ такъ смотрѣли, какъ на этихъ каретниковъ, колбасниковъ, булочниковъ. Ты помнишь: ихъ оплеухами кормили, драли по субботамъ, а мы были, слава Богу, ограждены отъ этихъ прелестей нѣмецкаго воспитанія...

— Да, знаешь, это была большая ошибка, что насъ отдали въ эту школу. Тутъ только нѣмцамъ и воспитываться. Мы, русскіе не имѣли никогда ничего общаго съ этою школою.

— Ты, конечно, не останешься болѣе здѣсь?

— Да, я ѣду... Я полюбопытствовалъ и признаюсь, ужь болѣе никогда не пріѣду на эти обѣды. Довольно и одного раза.

Графъ поднялся съ мѣста и пошелъ лѣнивою походкой, провожаемый своимъ другомъ и почтительно раскланивавшимися лакеями, очень хорошо знавшими его сіятельство и, вѣроятно, удивлявшимися, видя его въ этомъ обществѣ.

— Качать его, качать стараго чорта! кричалъ Очкинъ.

Я всталъ и пошелъ къ выходу. Меня чуть не сшибъ съ ногъ Гвоздевъ.

— Извините, бѣгу за Желтуховскимъ, проговорилъ онъ.—Говорятъ, онъ вмѣстѣ съ Рюминымъ служитъ. Надо узнать.

Онъ пронесся, какъ вихрь, на лѣстницу. Я подалъ лакею билетъ отъ верхняго платья, началось исканье моей шубы, наконецъ, ее нашли на полу, такъ какъ у нея оборвали вѣшалку, я надѣлъ ее и медленно сталъ спускаться съ лѣстницы. Внизу я опять наткнулся на Гвоздева. Онъ уже возвращался назадъ.

— Ну что, узнали? спросилъ я.

— Да нѣтъ же! Спрашиваю Желтуховскаго, правда ли, что онъ служитъ съ Рюминымъ. Онъ на меня взглянулъ звѣремъ, суровыми такими глазами и говоритъ: «А вамъ на что это знать?» «Да, говорю, мнѣ нужно знать, гдѣ служитъ Рюминъ».—«Онъ, говоритъ Желтуховскій, состоитъ на государственной службѣ»...

Я расхохотался.

Такъ никакого сближенія и не произошло на этомъ обѣдѣ. Впрочемъ, я еще не теряю надежды: послѣ завтра назначенъ еще одинъ обѣдъ,— обѣдъ членовъ «Общества поднятія нравственнаго и умственнаго развитія народа». Здѣсь то ужъ само собою сближеніе вполнѣ возможно, потому что всѣ мы, члены «Общества поднятія нравственнаго развитія народа», идемъ по одному пути, стремимся къ одной цѣли. Да, на этотъ обѣдъ стоитъ идти, тутъ не только встрѣтишь друзей-единомышленниковъ, но и многое услышишь отъ умныхъ людей и многому научишься. Одно скверно, эта французская кухня Борелевскаго обѣда желудокъ мнѣ поразстроила. Просто революція какая то происходитъ. Что если и послѣ завтра не полегчаетъ?! Вѣдь дѣло то выйдетъ дрянь. А тутъ то и обѣдъ назначенъ подходящій, не дорогой, да и нашъ, русскій, въ Маломъ Ярославцѣ. Досадно, досадно будетъ, если не попаду...

Нѣкто.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Правительственныя сообщенія.

I. О безпорядкахъ въ кіевскомъ университетѣ.

По поводу арестованія прокурорскимъ надзоромъ въ Кіевѣ нѣкоторыхъ лицъ, привлеченныхъ къ дознаніямъ о преступной пропагандѣ, въ томъ числѣ одного изъ студентовъ университета св. Владиміра, обвиняемаго по дѣлу о покушеніи 23-го февраля на жизнь товарища прокурора кіевской палаты Котляревскаго, происходили между нѣкоторыми студентами означеннаго университета волненія, получившія довольно значительное развитіе. Кружокъ студентовъ, принимавшій участіе въ этомъ волненіи, началъ 15-го марта собираться въ сходки въ зданіи университета, для обсужденія, повидимому, только мѣръ, которыя можно бы было принять со стороны ихъ, студентовъ, для освобожденія ихъ товарища, взятаго подъ арестъ; нѣкоторые изъ этихъ студентовъ являлись, въ этотъ періодъ развитія настоящаго дѣла, къ ректору университета св. Владиміра и къ попечителю кіевскаго учебнаго округа съ просьбою принять участіе въ судьбѣ ихъ товарища, арестованнаго, по ихъ убѣжденію, безъ вины, и вмѣстѣ съ тѣмъ жаловались на притѣснительныя и оскорбительныя, по ихъ, студентовъ, мнѣнію, дѣйствія кіевской полиціи въ отношеніи къ нимъ. Какъ ректоръ, такъ и попечитель обратили вниманіе просителей на неумѣстность ихъ просьбы, такъ какъ виновность или невиновность ихъ товарища можетъ быть раскрыта лишь слѣдствіемъ и опредѣлена судомъ, причемъ попечитель, въ объясненіяхъ своихъ съ явившимися къ нему студентами, присовокупилъ, что дѣло студентовъ заниматься науками, а не толковать о томъ, что до нихъ не касается, и указалъ имъ на всѣ прискорбныя послѣдствія для тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ продолжать идти по тому ложному пути мысли и дѣла, который замѣчается въ настоящемъ ихъ поступкѣ. Что же касается до дѣйствій полиціи, то въ случаѣ оскорбленія ею кого либо изъ студентовъ, каждый обиженный можетъ жаловаться лично за себя и тогда жалоба его, безъ сомнѣнія, будетъ выслушана и принята во вниманіе, самое вѣрное же средство избѣжать такъ называемыхъ *придирокъ* полиціи— не давать ей повода къ тому нарушеніемъ порядка гдѣ бы то ни было.

Не смотря на эти увѣщанія, сходки продолжались въ зданіи университета, приняли характеръ болѣе шумный и число участвовавшихъ въ нихъ студентовъ значительно увеличилось. Посему ректоръ университета видѣлъ себя вынужденнымъ войти 20-го марта въ университетскую лекторію, гдѣ происходили сходки, и, объявивъ находящимся тамъ студентамъ, что они нарушаютъ весьма извѣстныя имъ правила, потребовать, чтобы они немедленно разошлись. Когда требованіе это было исполнено только меньшинствомъ присутствовавшихъ, то въ лекторію прибылъ попечитель кіевскаго учебнаго округа, генералъ-лейтенантъ Антоновичъ. На вопросъ попечителя, зачѣмъ студенты собрались, ближайшіе къ нему объявили, что они обсуждали средства къ освобожденію своего товарища, котораго считаютъ невиновнымъ, и что получивъ отказъ отъ всѣхъ, къ кому обращались, ищутъ средства взять его на поруки. На вопросъ же попечителя, кто имъ разрѣшилъ избрать лекторію мѣстомъ сходки для обсужденія какихъ бы то ни было дѣлъ, тогда какъ имъ извѣстно, что сходки не только въ университетѣ, но и внѣ его воспрещены правилами, въ соблюденіи которыхъ, каждый изъ нихъ далъ подписку при вступленіи въ университетъ, послышался изъ заднихъ рядовъ отвѣтъ: «мы разрѣшили, студенты разрѣшили», сопровождаемый возбужденнымъ движеніемъ въ массѣ. Для прекращенія такого возбужденія, попечитель, объявивъ студентамъ, еще разъ, существующее правило о недопущеніи сходокъ въ стѣнахъ университета и о преданіи виновныхъ за сходки университетскому суду, присовокупилъ, что онъ пришелъ исполнить свой долгъ и исполнитъ его во чтобы то ни стало; что онъ признаетъ присутствующихъ студентовъ виновными въ сходкѣ въ зданіи университета и въ неповиновеніи университетскому начальству и что виновные будутъ преданы университетскому суду; для чего тотчасъ же сдѣлана была перепись всѣмъ присутствующимъ. За симъ студенты разошлись, а лекторія была заперта съ вывѣшеніемъ объявленія о ея закрытіи впредь до распоряженія.

Въ послѣдующій затѣмъ день, 21-го марта, студенты собрались въ университетѣ опять въ довольно значительномъ числѣ и изъ нихъ болѣе 50, не бывшихъ на сходкѣ предшествовавшаго дня, записали свои имена въ число тѣхъ, которые отказались отъ повиновенія университетскому начальству. Послѣ этого, сходокъ въ зданіи университета болѣе не было, и между студентами возобновилось спокойствіе. Впрочемъ, чтеніе лекцій во все это время не было прерываемо, и студенты посѣщали оныя по обыкновенію.

Университетскій судъ по настоящему дѣлу открылъ свои дѣйствія 22-го марта; число приведенныхъ къ суду простиралось до 142 студентовъ. Разсмотрѣнію суда подлежали, какъ видно изъ предъидущаго, два факта нарушенія университетскихъ правилъ: воспрещенныя сходки въ стѣнахъ университета и открытое неповиновеніе университетскому начальству.

По вызову и спросѣ въ засѣданіяхъ университетскаго суда отдѣльно каждаго изъ привлеченныхъ къ суду студентовъ, всѣ они, за немногими исключеніями, отказались отъ дачи какихъ-либо объясненій предъ судомъ, находя незаконнымъ спросъ каждаго обвиняемаго, безъ присутствія въ засѣданіи суда другихъ обвиняемыхъ по тому же дѣлу, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые вызваны въ судъ на то засѣданіе и уже спрошены. Такъ какъ на основаніи дѣйствующихъ въ отношеніи къ университетскому суду постановленій, такой порядокъ опроса допущенъ быть не могъ, то судъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ другимъ даннымъ для опредѣленія виновности обвиняемыхъ студентовъ.

29-го марта университетскій судъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе: 1) 49 студентовъ, изобличенныхъ въ сходкахъ и неповиновеніи университетскому начальству и, сверхъ того, замѣченныхъ уже и прежде въ неодобрительномъ поведеніи, исключить изъ университета, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ, считая въ томъ числѣ и текущій академическій годъ, не принимать въ другія учебныя заведенія; 2) 75 студентовъ, изобличенныхъ въ томъ же, но прежде не замѣченныхъ въ неодобрительномъ поведеніи, удалить изъ университета на два года, съ тѣмъ, чтобы въ теченіи двухъ лѣтъ, считая въ томъ числѣ и текущій годъ, не принимать ихъ ни въ университетъ св. Владиміра, ни въ какое-либо другое учебное заведеніе; 3) 10 ти студентамъ, признаннымъ виновными въ томъ же, но пользовавшимся одобреніемъ за прежнее поведеніе и за свои занятія, предложить самимъ оставить университетъ св. Владиміра и 4) 8-ми студентамъ, объяснившимъ предъ судомъ, что, хотя они и были прежде на сходкахъ, но вышли по требованію начальства,—сдѣлать строгій выговоръ.

Рѣшеніе университетскаго суда, утвержденное совѣтомъ университета, большинствомъ 35 голосовъ противъ четырехъ, а за симъ и попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, приведено въ настоящее время уже въ исполненіе и для прекращенія дальнѣйшихъ безпорядковъ приняты мѣры къ удаленію исключенныхъ студентовъ изъ города Кіева.

Въ заключеніе, необходимо изъяснить, что, по общему убѣжденію, господствующему въ Кіевѣ, весьма прискорбные безпорядки, бывшіе въ университетѣ св. Владиміра и вынудившіе университетъ, для собственнаго своего огражденія, принять строгія мѣры противъ виновныхъ въ этихъ безпорядкахъ лицъ, возбуждены извнѣ людьми извѣстнаго направленія, враждебнаго существующему порядку, къ которымъ примкнули и нѣкоторые изъ студентовъ. Подъ предлогомъ ходатайства за товарища,

котораго эти лица провозгласили невинно арестованнымъ, они искали случая произвести безпорядки, которые бы повели къ закрытію университета и къ возбужденію этимъ средствомъ въ молодежи общаго недовольства. Очень можетъ быть, что большинство студентовъ изъ числа привлеченныхъ къ суду чистосердечно увлекались желаніемъ помочь товарищу, будто бы невинному, вовсе не подозрѣвая, что они служатъ орудіемъ въ рукахъ невѣдомыхъ имъ личностей, стремящихся къ инымъ цѣлямъ. Вѣроятно, тѣми же пагубными вліяніями слѣдуетъ объяснить и поведеніе обвиняемыхъ при допросѣ ихъ въ университетскомъ судѣ, поведеніе, которое, не говоря о полной противозаконности онаго, лишило университетъ всякой возможности отнестись къ обвиняемымъ иначе, какъ онъ это сдѣлалъ.

Въ отношеніи къ другимъ студентамъ университета св. Владиміра справедливость требуетъ заявить, что они въ безпорядкахъ, произведенныхъ ихъ товарищами, не участвовали и что даже, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, многіе приходили на первыя сходки съ намѣреніемъ образумить увлекающихся и, не успѣвъ въ этомъ, отказались отъ всякой съ ними солидарности».

II. Принимая въ соображеніе:

что по силѣ 121 статьи Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (изд. 1876 г.) запрещается сходбища и собранія для совѣщанія или дѣйствія, общей тишинѣ и спокойствію противныхъ;

что по 243 статьѣ того же закона запрещается всѣмъ и каждому: носить оружіе (кромѣ тѣхъ, кому законъ то дозволяетъ или предписываетъ), а также стрѣлять въ домахъ, дворахъ, на улицахъ и площадяхъ;

что не смотря на точныя указанія закона, въ обществѣ распространены превратные толки объ обязанностяхъ полиціи противодѣйствовать нарушителямъ общественнаго спокойствія,—

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ необходимымъ объявить во всеобщую извѣстность, что дѣйствующими законами повелѣно:

1. Когда соберется народъ въ шумномъ и безпорядочномъ скопищѣ, то полиція должна заставить толпу разойтись по домамъ, а въ случаѣ нужды требовать содѣйствія отъ мѣстныхъ батальоновъ или командъ. (Уст. о пред. и пресѣч. прест. изд. 1876 г.).

2. Полиція имѣетъ надзоръ, чтобы никто, въ противность должнаго послушанія законнымъ властямъ, ничего не предпринималъ. Она пресѣкаетъ въ самомъ началѣ всякую новизну, законамъ противную (тамъ же статья 129).

3. Въ случаѣ покушенія, клонящагося къ нарушенію спокойствія, полиція обязана увѣдомить о томъ губернское правленіе и губернатора, не допускать приведенія таковаго покушенія въ исполненіе и смирить нарушителя покоя по мѣрѣ данной ей власти, въ чемъ всякъ, по силѣ и возможности, обязанъ ей содѣйствовать (тамъ же статья 130).

4. Полиція наблюдаетъ, чтобы благочиніе, добронравіе, порядокъ и все предписанное закономъ для общей и частной пользы было исполняемо и сохраняемо, а въ случаѣ нарушенія приводитъ всякаго, не смотря на лицо, къ исполненію предписаннаго закономъ (тамъ же статья 131).

Новости наукъ и жизни.

— **Пожертвованіе.** Владѣлецъ заведенія минеральныхъ водъ и купален въ Кисингенѣ, въ Баваріи, г. Штрейтъ, предложилъ въ распоряженіе общества «Краснаго Креста» 2,500 ваннъ въ означенномъ заведеніи для пользованія безвозмездно въ наступающемъ лѣтнемъ сезонѣ больныхъ и раненыхъ русскихъ офицеровъ.

— **Наши трофеи.** «Вѣстникъ Народной Помощи» сообщаетъ слѣдующій перечень взятыхъ нашими войсками плѣнныхъ и орудій, въ теченіи войны 1877.

	паш.	отст. чин.	оруд.
Ардаганъ	1	500	92
Бегли-Ахманъ	—	30	2
Баязетъ	—	80	4
Никополь	2	7,000	113
Казанлыкъ	—	400	3
Шипка	—	—	8
Аладжа	8	7,200	42
Хассанъ-Кале	1	120	—
Деве-Бойну	—	300	41
Азизіе	—	540	—
Горный Дубнякъ	1)	7,000	4
Телишъ	1)		3
Карсъ	5	17,000	303
Плевна	10	44,000	88
Этрополь	—	—	3
Арабконакъ	—	—	7
Шипка	4	32,000	93
Трновъ	—	—	6
При преслѣдованіи отъ Балканъ	—	4,000	100
Остались въ нашихъ рукахъ раненыхъ въ Карсѣ, при Аладжи, Софіи и мелкихъ стычкахъ	—	до 7,000	—
Всего	33	127,170	933

— **Ископаемое.** «Русск. Міру» сообщаютъ, что при производившихся на Петербургской сторонѣ, по Введенской улицѣ, домъ № 5 (Парунова), раскопкахъ, по случаю постройки, найденъ на незначительной глубинѣ скелетъ какого-то животнаго, замѣчательнаго по своимъ громаднымъ размѣрамъ.

— **Сибирскій университетъ.** «Голосъ» сообщаетъ, что мѣстомъ для устройства сибирскаго университета избранъ Томскъ. По приблизительному разсчету, вычисленно на постройку университетскаго зданія 350,000 рублей, на первоначальное обзаведеніе 100,000 рублей и на содержаніе университета по 307,000 рублей въ годъ. Само собою разумѣется, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не можетъ быть и рѣчи объ ассигнованіи изъ казны въ скоромъ времени означенныхъ значительныхъ суммъ. Но такъ какъ новые расходы на сибирскій университетъ потребуются никакъ не ранѣе, какъ черезъ три или четыре года, то не можетъ быть препятствія къ началу по крайней мѣрѣ предварительныхъ распоряженій по постройкѣ университетскаго зданія, ибо въ министерствѣ финансовъ имѣются уже пожертвованія частныхъ лицъ (свыше 250,000 рублей), которыя дадутъ возможность приступить къ возведенію отдѣльныхъ построекъ, не прибѣгая до времени къ казеннымъ суммамъ.

— **Мнимо-умершіе.** Во французскихъ газетахъ напечатанъ слѣдующій разсказъ одного отставнаго сержанта: «Я находился въ Руанѣ въ гарнизонѣ, когда получилъ грустное извѣстіе о смертельной болѣзни моей матери. Я очень любилъ мать, но большіе маневры были уже назначены, и получить отпускъ было невозможно. Я впалъ въ страшную тоску, лишился сна, аппетита и принужденъ былъ, наконецъ, отправиться въ госпиталь. Однажды я снова получилъ изъ дому письмо — мать моя умирала и хотѣла еще разъ увидаться со мною. Какъ безумный, вскочилъ я съ своей постели и вскричалъ: «Дайте мнѣ мою одежду, мою одежду! Я пойду къ матери». Сторожа думали, что я брежу, и стали держать меня. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ врачъ. Въ эту минуту со мной произошла страшная перемѣна. Я почувствовалъ холодный потъ на лицѣ, члены мои окоченѣли, передъ глазами опустилось какое-то покрывало, губы судорожно сжались. Врачъ подошелъ ко мнѣ, ощупалъ меня и затѣмъ, голосомъ, который никогда въ жизни я не забуду, онъ проговорилъ: «Этотъ человѣкъ умеръ, вынесите его въ мертвецкую!» Комната, куда меня принесли, была велика, и я ясно увидалъ, что вблизи того мѣста, куда меня положили, стояла электрическая машина. На дворѣ въ это время была страшная гроза. Въ компату вошли два человѣка. «Уйдемте отсюда, сказалъ одинъ изъ нихъ, тутъ стоитъ покойникъ».—«Нѣтъ, сказалъ другой, — грозы теперь такъ рѣдки, намъ надо пользоваться случаемъ». — Вскорѣ я услышалъ трескъ электрическихъ искръ. Передъ моими глазами мелькнула молнія, и я почувствовалъ боль въ груди, точно отъ острія кинжала. «Странно, проговорилъ одинъ изъ присутствующихъ, мнѣ показалось, что тѣло шевельнулось». Машина продолжала дѣйствовать—снова почувствовалъ я точно молнію и снова ощутилъ боль въ груди—мнѣ казалось, что сердце хочетъ у меня выпрыгнуть. Я попробовалъ вздохнуть и громко вскрикнулъ. Оба врача бросились ко мнѣ, и я былъ спасенъ».

«Сѣв. Вѣст.» разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ: «19 марта, въ Самарѣ, изъ городской больницы былъ похороненъ молодой еще мущина. Онъ очень недавно заболѣлъ какою-то неважною болѣзнью и, чтобъ скорѣе выздоровѣть, записался въ больницу; гдѣ такъ неудачно пошло его леченіе, что онъ 19-го марта умеръ. На другой день послѣ похоронъ, изъ той же больницы еще хоронили покойника. Больничнымъ покойникамъ на кладбищѣ отведено особое мѣсто, а чтобъ могилы занимали поменьше мѣста, ямы роютъ плотно одну къ другой. Такимъ образомъ, слѣдующаго покойника кладутъ рядомъ съ предшествовавшимъ. Когда спускали гробъ, послышался слабый крикъ изъ сосѣдней могилы; тотчасъ довели до свѣдѣнія священника и старосты мѣстной церкви, а также и другихъ властей, въ присутствіи которыхъ была разрыта могила. Къ немалому ихъ удивленію, изъ гроба всталъ вчера схороненный мужчина перекрестился и успокоилъ окружавшихъ, сказавъ, что онъ схороненъ живой, что съ нимъ былъ обморокъ».

Смѣсь.

— **Наводненіе.** Корреспондентъ газеты «Голосъ» пишетъ слѣдующее о бѣдствіи, постигшемъ городъ Дриссу: «Нашъ маленькій городокъ постигло страшное бѣдствіе. Вслѣдствіе необыкновеннаго разлива рѣкъ, онъ затопленъ буквально весь. Изъ пятисотъ домовъ найдется не болѣе десяти такихъ, въ которыхъ вода не зашла внутрь комнатъ на болѣе или менѣе значительную высоту; а подвалы всѣ затоплены. Нѣсколько домовъ снесено совершенно. Очень многіе затоплены до самой крыши. Весь городъ въ теченіи нѣсколькихъ дней представлялъ изъ себя массу затонувшихъ домиковъ. По всѣмъ улицамъ свободно ходили плоты, лодки и даже большія лайбы. Почта и пассажиры, отправляющіеся на станцію желѣзной дороги, отстоящую отъ города около четырехъ верстъ, садились на лайбу у самой почтовой конторы и плыли такимъ образомъ почти вплоть до вокзала. Глубина воды на нѣкоторыхъ улицахъ доходила до двухъ и болѣе саженъ... Наводненію способствовало самое положеніе города, при впаденіи рѣки Дриссы въ Западную Двину. Мѣстоположеніе такъ низко, что въ нынѣшнемъ году обѣ рѣки соединились черезъ улицы города и залили его. Несчастій съ людьми не было».

— **Погонцы.** По словамъ «Одесскаго Вѣстника», большинство возвратившихся въ Одессу изъ дѣйствующей арміи погонцовъ оказывается, вслѣдствіе всевозможныхъ лишеній, страдающими разными болѣзнями. Больные погонцы помѣщены въ лазаретъ въ Карантинѣ. Видъ погонцевъ производитъ потрясающее впечатлѣніе. Не говоря уже о томъ, что они возвратились въ рубищахъ, состояніе здоровья ихъ находится въ такомъ печальномъ видѣ, что приходится только удивляться, какъ эти люди имѣли физическую возможность возвратиться въ Россію.

— **О кн. Бисмаркѣ.** Нѣмцы съ обычной имъ настойчивостію и терпѣніемъ роются всюду, отыскивая факты, касающія жизни кн. Бисмарка и, если отыскиваютъ ихъ, спѣшатъ повѣдать міру. Одинъ изъ такихъ нѣмцевъ, порывшись въ старыхъ газетахъ, сообщаетъ слѣдующее: 2-го марта 1815 г. въ газетѣ «Leipziger Volkszeitung» напечатано было слѣдующее объявленіе: «Вчера, 1-го апрѣля жена моя разрѣшилась отъ бремени здоровымъ мальчикомъ, о чемъ считаю долгомъ довести до свѣдѣнія всѣхъ родныхъ и друзей, прося ихъ, однако, избавить меня отъ всякихъ по этому поводу поздравленій. Шенгаузенъ, 2-го апрѣля 1815 г. Фердинандъ фонъ-Бисмаркъ». Этотъ «здоровый мальчикъ», родившійся 63 года тому назадъ, у Фердинанда фонъ-Бисмарка былъ крещенъ Отто и нынѣ канцлеръ германской имперіи». Бюргеры изъ партіи національ-либераловъ, захлебываются отъ восторга, читая подобныя извѣстія и много дней къ ряду толкуютъ о немъ. «Каковъ! А! Здоровый мальчикъ!» и пр. пр.

— **Расточительность на наряды.** До чего можетъ доходить иногда расточительность дамъ высшаго круга, объ этомъ можно судить по процессу, который разбирался недавно въ одномъ изъ лондонскихъ судовъ. Г-жа Тистлесуэтъ, жена богатаго шотланскаго землевладѣльца, живущаго въ Лондонѣ и имѣющаго около 20,000 фунтовъ годоваго дохода, дѣлала громадные долги, которые ея мужъ всегда выплачивалъ. Но въ 1870 году, когда ему былъ представленъ счетъ за платья его жены, на сумму 2,000 фунтовъ,

терпѣніе его истощилось, и онъ заключилъ съ своей женой условіе, по которому обязался давать ей ежегодно 500 фунтовъ на «булавки», а она подписала обязательство не дѣлать никакихъ долговъ безъ его согласія. Объ этомъ условіи было сообщено всѣмъ ея поставщикамъ Но г-жа Тистлесуэтъ, не смотря на это, продолжала дѣлать долги, и впродолженіе семи лѣтъ задолжала въ модномъ магазинѣ ни больше ни меньше, какъ 30,000 фунтовъ. Осторожный мужъ, который, повидимому, ничего не зналъ о выходкахъ своей супруги, нетолько аккуратно выплачивалъ ей обѣщанную сумму, но заплатилъ еще расходы по путешествію ея въ Египетъ, до 1,000 фунтовъ, меблировалъ ея будуаръ роскошной мебелью въ 172 ф. и покупалъ для нея разныя дорогія мелочи. Содержательница моднаго магазина, безпокоясь о долгѣ своей заказчицы, подала искъ на г. Тистлесуэта; но судъ отклонилъ этотъ искъ на томъ основаніи, что отвѣтчикъ, въ силу условія, заключеннаго имъ съ своей женой въ 1870 году, не обязанъ платить за нее долги и что мужъ вообще долженъ заботиться только о необходимыхъ нуждахъ своей жены. Такъ какъ послѣдняя, по показанію мужа, никогда не ѣздила ко двору и не давала баловъ, то почти непонятно, какъ могла она ежегодно расходовать на свой туалетъ 2,000—3,000 фунтовъ. Содержательница моднаго магазина заявила въ судѣ, что нѣкоторыя изъ ея покупщицъ платятъ ей ежегодно 2,000 ф., другія—1,000, а нѣкоторыя «только» 500 фунтовъ за свой туалетъ.

— **Выставка.** Во Фракфуртѣ-на-Майнѣ происходила весьма оригинальная выставка предметовъ потребленія въ пищу и всего, что имѣетъ связь съ кухней, кулинарнымъ искусствомъ и декоративной стороной обѣденныхъ обстановокъ. Распорядители выставки устроили на этомъ фантастическомъ пирѣ для глазъ такого рода расположеніе, что все выставочное зданіе было раздѣлено на нѣсколько столовыхъ; притомъ посуду доставляла одна фабрика, стекло — другая, столовое бѣлье — третья и т. д. Въ особенныхъ залахъ было помѣщено безчисленное количество образцовъ всевозможныхъ винъ, уксусовъ и всякихъ напитковъ изъ всѣхъ странъ свѣта. Столы были накрыты по-русски, по французски, по-англійски и т. д. Для трюфелей отведена было половина комнаты; для различныхъ родовъ и видовъ колбасъ и сосисокъ отведены были двѣ залы, такъ что для классификаціи этихъ продуктовъ потребленія потребовался едва ли не такой же трудъ, какой Линней внесъ въ классификацію растительнаго царства. Германія особенно отличилась приготовленіемъ высокихъ сортовъ хлѣба.

— **Чистосердечный мошенникъ.** Въ городѣ Луизвилѣ нѣкто Моссъ былъ обвиненъ и ужъ признался въ подлогахъ векселей на сумму 80,000 долларовъ. А разъ признавшись, онъ даже развеселился и замѣтилъ судьямъ, что публика должна считать себя весьма счастливой, что такъ дешево отдѣлалась. «Не будь мнѣ семьдесятъ два года», добавилъ сей маститый старецъ, «я-бы надѣлалъ подлоговъ на сумму вчетверо крупнѣе настоящей».

— **Мужественная женщина.** Жена одного лѣсника въ сѣдлецкой губерніи, въ отсутствіе мужа своего, почувствовавъ приближеніе родовъ, пригласила къ себѣ бабку изъ деревни, жену сотскаго. Спустя нѣкоторое время, женщинамъ что-то понадобилось достать изъ сундука, бывшаго въ кладовой. Хозяйка и проситъ «бабку» сходить туда съ ключемъ. Каково-же было удивленіе этой послѣдней, когда, отворивъ сундукъ, она увидала два горшка серебряныхъ денегъ. Удовлетворивъ хозяйку, баба улучила время сообщить мужу о своемъ открытіи, а этотъ послѣдній посовѣтовалъ женѣ, переодѣвшись вмѣстѣ съ своей свояченницей въ мужское платье, ограбить лѣсника. Задумано—сдѣлано. Хозяйка отдала грабителямъ ключи, и они навѣрняка отправляются въ чуланъ, нисколько не заботясь о предохранительныхъ мѣрахъ. Родильница, соскочивъ съ кровати, моментально запираетъ ихъ въ чуланѣ, а сама посылаетъ дочь (малолѣтнюю) звать сотскаго. Получивъ такое извѣстіе, сотскій спѣшитъ, разумѣется, на выручку, но не хозяйки, а своихъ соучастницъ, и на дорогѣ убиваетъ дѣвочку. Прійдя, затѣмъ, къ дому селянина, онъ, уже не заходя въ хату, ломаетъ двери въ чуланѣ. Но тутъ опасность усиливаетъ и силы, и энергію несчастной хозяйки, она схватываетъ со стѣны ружье мужа и стрѣляетъ въ упоръ въ сотскаго и тутъ-же его убиваетъ. Наконецъ, происшествіе дѣлается извѣстно въ деревнѣ, сбѣгаются люди — и что-же? На дорогѣ въ лѣсу находятъ убитаго ребенка, во дворѣ — застрѣленный сотскій, а въ чуланѣ повѣсившіяся двѣ переодѣтыя женщины, удавившіяся съ испуга услышавъ выстрѣлъ.

— **Новая сценическая знаменитость.** Въ газетѣ «Новости» пишутъ: На-дняхъ дебютировалъ на сценѣ итальянской оперы въ Парижѣ новый теноръ Селлье въ роли Арнольда, въ операѣ Россини «Вильгельмъ Телль». Пѣвецъ имѣлъ громадный, небывалый успѣхъ, и музыкальные критики единодушно отзываются, что Селлье далеко оставляетъ за собою Капуля и Николини, считавшихся до сихъ поръ первыми тенорами di grazia. Біографія новой звѣзды на горизонтѣ итальянской оперы весьма любопытна. Три года тому назадъ, онъ служилъ приказчикомъ въ винномъ погребкѣ одного изъ предмѣстій Парижа. Открылъ тенора извѣстный французскій писатель Эдмонъ Абу. Въ ноябрѣ 1874 г. Абу, гуляя по Парижу въ качествѣ фланера-наблюдателя, проходя мимо означеннаго виннаго погребка, услышалъ звучный голосъ, напѣвавшій какую-то народную мелодію. Абу былъ пораженъ свѣжестью, тембромъ и обширностью этого пріятнаго голоса; онъ зашелъ въ погребокъ, чтобы познакомиться съ обладателемъ этого чуднаго, многообѣщающаго тенора. Ему представился приказчикъ погребка, парень лѣтъ двадцати, весьма пріятной наружности. Побесѣдовавъ съ нимъ нѣсколько минутъ, Абу прямо спросилъ у него:

— Сколько вы зарабатываете здѣсь?

— Шестдесятъ франковъ въ мѣсяцъ.

— Хотите заработать шестдесятъ тысячъ фр. въ годъ и болѣе?

— Почему не хотѣть.

— Ну, такъ пойдемте. Мы изъ васъ сдѣлаемъ тенора.

Абу тотчасъ представилъ свою находку директору итальянской оперы, который, послушавъ Селлье, вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Абу о феноменальномъ голосѣ новаго тенора. Селлье отправили въ консерваторію, откуда онъ, по истеченіи трехъ лѣтъ, вышелъ первокласснымъ теноромъ di grazia и съ перваго своего появленія на сценѣ свелъ съума весь Парижъ.

— **Изобиліе зайцевъ въ Силезіи.** На послѣдней охотѣ, устроенной графами Доннерсмаркъ въ ихъ силезскихъ помѣстьяхъ, близь Наумслау, изобиліе трофеевъ изумило даже самыхъ записныхъ охотниковъ. Въ первый день охоты, 7-го января, были убиты 7 сернъ, 19 фазановъ и 819 зайцевъ, а на другой день,—3 серны, 1 лисица и 663 зайца, что даетъ, въ общей сложности: 8 сернъ, 19 фазановъ, 1 лисицу и 1482 зайца; всего—1510 штукъ. Всѣхъ охотниковъ было 15 человѣкъ.

— **Находчивый директоръ театра.** Директоръ одного театра въ Вестфаліи, въ виду крайне плохихъ дѣлъ, изобрѣлъ слѣдующее курьезное средство для привлеченія публики. Въ концѣ афишъ доводилось до свѣдѣнія «высоко-почтенной публики», что лица, берущія билеты въ первые ряды креселъ, пріобрѣтаютъ право на безплатное консультированіе дантиста (онъ же и театральный директоръ) и имѣютъ право на выдергиваніе зубовъ по значительно уменьшенному тарифу. Вечеромъ того же дня, когда впервые появилось это объявленіе, въ театрѣ, въ первыхъ рядахъ креселъ, было 14 человѣкъ съ флюсами.

Почтовый ящикъ.

Харьковъ **Н. Я. А.**, *Бѣлгородъ*, **Z. У.** Присланнымъ не воспользуемся.

С.-П.-бургъ, **Ф.....** Не напечатаемъ.

Вас. Остр. д. 15—53 **И. С.** Тоже.—

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: гравюра «Млисъ».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 Апрѣля 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

СНИМОКЪ СЪ КАРТИНЫ Е. ЛОНГА.

Приложеніе къ 16-му нумеру «Живописнаго Обозрѣнія» 1878 г.

Дозволено цензурою. СПб. 9 Апрѣля 1878 г.

МЛИСЪ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (В. О. 9 л. № 12).

Живописное Обозрѣніе

№ 17. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 23 Апрѣля 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Въ альбомъ моему другу.

Повѣсть С—на.

(*Окончаніе.*)

Три дня спустя послѣ этого разговора было воскресенье. Надя знала, что въ этотъ день Ольга Дмитріевна у обѣдни, а Дмитрій Павловичъ почиваетъ дольше обыкновеннаго, такъ какъ по субботамъ онъ ужиналъ у одной прехорошенькой актрисы Михайловскаго театра, у которой обыкновенно засиживался до разсвѣта, однако въ одиннадцать часовъ утра она уже звонила у входной двери въ меблированныя комнаты Антонины Егоровны.

Горничная растворила передъ нею красную комнату, но Надя не вошла въ нее а, остановившись на порогѣ, спросила, дома ли хозяйка?

— Тоже у обѣдни.

— А больная ваша какъ?

Аннушка не вдругъ поняла, про кого у нее спрашиваютъ. Она поступила въ этотъ домъ только полгода тому назадъ, когда интересъ, возбужденный неожиданнымъ появленіемъ Марьи Ильинишны изъ Сибири, ужь давно исчезъ. Теперь про нее никогда никто не освѣдомлялся, ни у хозяйки, ни у прислуги.

— Родственница Антонины Егоровны, та, что все кашляетъ, пояснила Надя.

Ее начинало разбирать нетерпѣніе. Времени до возвращенія тетки оставалось немного; въ модныхъ церквахъ обѣдня никогда дольше часу не продолжается. Да и дядя можетъ каждую минуту проснуться....

— Вы про Марью Ильинишну? смекнула, наконецъ, Аннушка. — Онѣ все въ томъ же положеніи... Однакожь, теперь какъ будто немножко полегче стало. Впрочемъ, и то надо сказать, продолжала она съ усмѣшкой,—можетъ намъ только такъ кажется, будто она меньше кашляетъ... Какъ сбѣгаешь разъ двадцать на дню въ лавочку, да сапоги, да самовары на всѣ номера перечистишь, такъ подъ вечеръ такъ умаешься, что тутъ, кажется, хоть самъ чортъ раскашляйся, такъ и то не разбудитъ!

— Покажи мнѣ ее, Аннушка.

— Марью Ильинишну? Что это вамъ вздумалось, барышня? Ничего въ ней нѣтъ интереснаго, право! И сердитая какая, ни съ кѣмъ ни словечка не говоритъ. Намъ даже и входить то къ ней противно... Богъ ее знаетъ, можетъ, болѣзнь у нее прилипчивая... Я вотъ никогда не хворала, и страсть какъ этого боюсь!

— Мнѣ ее очень хотѣлось бы видѣть, настаивала Надя.

— Пойдемте... Можно сказать, что вы Анисьину комнатку желаете посмотрѣть.

Въ самые горькіе, въ самые тяжкіе дни выдаются такія минуты, когда боль сердца тупѣетъ, дышется легче и утомленный мучительными думами мозгъ отказывается на время страдать. Вотъ именно такую минуту переживало то худенькое, измученное существо, что томилось за досчатой перегородкой въ кухнѣ Антонины Егоровны, когда Надя, въ сопровожденіи Аннушки, вошла въ эту кухню.

Больная сидѣла на кровати и съ великимъ трудомъ приводила въ порядокъ свои волосы. Гребень былъ такъ малъ, да еще и сломанъ къ тому же, а волосъ было такъ много, что Марья Ильинишна никакъ не могла съ ними сладить. Маленькая костлявая ручка положительно утопала въ золотистыхъ прядяхъ, ежеминутно выскользавшихъ изъ тонкихъ ослабѣвшихъ пальчиковъ. Отъ этихъ усилій, пятна на щекахъ разгорѣлись еще сильнѣе, а въ глазахъ сверкалъ неестественный блескъ.

— Что это? Никакъ за туалетъ принялись? сказала Аннушка, пріотворяя двери, безъ замка и безъ крючка, которая болталась въ перегородкѣ. — Хорошее дѣло! а я вамъ гостей веду; барышня, нашихъ жильцовъ племянница, хочетъ вашу комнатку посмотрѣть...

Марья Ильинишна отвернулась къ стѣнѣ и начала поспѣшно запахивать худенькую коленкоровую кофточку, покрывающую ея обвострившіяся плечи и впалую грудь.

— Вамъ сегодня полегче? спросила у нея Надя.

Больная молча кивнула головой.

— Аннушка, я тутъ посижу немножко... Ступай себѣ, и позови меня, когда тетушка пріѣдетъ... Можно у васъ посидѣть? обратилась она къ Марьѣ Ильинишнѣ, когда горничная вышла изъ комнаты.

Марья Ильинишна отодвинулась къ стѣнѣ и Надя сѣла на край ея постели.

— Какіе у васъ прекрасные волосы! Дайте, я вамъ помогу ихъ убрать.

— Не сладите, я ихъ цѣлую недѣлю не расчесывала....

Голосъ у нея былъ глухой, надтреснутый. Стоило только разъ услышать этотъ голосъ, чтобъ согласиться вмѣстѣ съ Антониной Егоровной и съ докторами, что выздоровленіе невозможно. Нельзя даже было себѣ представить, чтобъ человѣкъ, изъ груди котораго вырывались такіе звуки, могъ бы когда нибудь заговорить другимъ голосомъ.

«Да, ты скоро умрешь», подумала Надя.

— Они ужасно спутаны, продолжала Марья Ильинишна, снова принимаясь медленно и съ усиліемъ протаскивать гребень по волосамъ. — Я вотъ половину расчешу сегодня, а другую... завтра.. если бокъ не будетъ болѣть.

— Но вамъ сегодня все таки легче?

— Да, легче. Я даже боли нигдѣ не чувствую... слабость только большая.

— Вамъ не надо утомляться.

— Не могу больше!

Она упала въ изнеможеніи на подушку. Но на губахъ ея продолжала блуждать та радостная улыбка, которая появилась на нихъ при первомъ ея взглядѣ на Надю.

— Васъ, можетъ быть, удивляетъ, что меня до сихъ поръ не обрили? начала она, помолчавъ немного и не спуская ни на мгновенье своего пристальнаго блестящаго взгляда съ лица своей посѣтительницы.

—Да, я, признаться сказать, именно объ этомъ сейчасъ думала...

— Вотъ видите, какъ я отгадала; засмѣялась она дѣтскимъ, наивнымъ смѣхомъ. — Я часто угадываю, что люди думаютъ... Знаете, я знала, что вы ко мнѣ придете, я васъ всѣ эти дни ждала... Мнѣ сказали, что вы обо мнѣ спрашивали...

Глаза ея постепенно заволакивались грустью, улыбка исчезла и голосъ дрожалъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Анисья, Аннушка, и также она, Антонина...

—Антонина Егоровна—сестра вашего мужа?

— Да, сестра. Сестра! повторила она съ какимъ то озлобленіемъ. — И вотъ, до сихъ поръ... Голубушка моя, милая! рванулась она вдругъ, всѣмъ своимъ измозженнымъ тѣломъ къ Надѣ,— узнайте вы мнѣ объ немъ, ради Бога! Что онъ? Живъ ли? любитъ ли все меня? Помнитъ ли свою Машу?

Долго рыдала она на плечѣ Нади. Надя тоже плакала. И такъ сблизили ихъ эти слезы, что, разставаясь, онѣ были друзьями и говорили другъ другу ты.

Въ тотъ же день она пристала къ дядѣ, чтобъ онъ узналъ о судьбѣ титулярнаго совѣтника Ни-

колая Егоровича Иванова, судившагося въ одной изъ отдаленнѣйшихъ губерній Сибири за побѣгъ какихъ то арестантовъ.

— Что ты, козочка! Ты воображаешь, что это легко? Для такого дѣла надо особаго писаря засадить... съ тамошними властями переписку надо завести...

— Чтожь, дядя, найдите такого писаря...

— И стоить это будетъ недешево.

Личико Нади вытянулось.

— Въ такомъ случаѣ, разумѣется...

— Ну, не сокрушайся, козочка, я постараюсь тебѣ это устроить.. Только, пожалуйста, будь повеселѣе, ты съ нѣкоторыхъ поръ вовсе на козочку не похожа.

Дмитрій Павловичъ вспомнилъ, что на прошлой недѣлѣ Антонина Егоровна просила его узнать о томъ же самомъ. Стало быть представлялся случай угодить за разъ и ей и племянницѣ, а онъ даже въ деревнѣ заслужилъ лестное прозвище «бабьяго угодника», отъ мѣстныхъ представительницъ прекраснаго пола!

Прошла недѣля. Дмитрій Павловичъ отправился въ департаментъ очень рано, вернулся домой поздно и презлой. То дѣло, для котораго онъ собственно пріѣзжалъ въ Петербургъ, подвигалось плохо, можно даже сказать, что оно вовсе не подвигалось...

— Придется, по всей вѣроятности, ни съ чѣмъ назадъ ѣхать, объяснялъ онъ женѣ. — Сегодня уже пятое число, отпускъ кончается черезъ три дня... Конечно, можно сказаться больнымъ, но все таки... А про твоего титулярнаго совѣтника я разузналъ, обратился онъ къ Надѣ, присутствовавшей при этомъ разговорѣ.—Его, по всей вѣроятности, отъ суда освободятъ, онъ ни въ чемъ не виноватъ.

— Дядя, милый! Вы это навѣрно знаете? Могу я это сказать его женѣ?

— Скажи пожалуй... Она все равно умретъ раньше окончанія дѣла, пусть хоть послѣднее время порадуется.

— Она, можетъ быть, не умретъ...

— Ну, вотъ еще!

— Право, дядя. Я вчера приводила къ ней Усова. Онъ очень внимательно осмотрѣлъ ее и сказалъ, что надежда есть...

— Много смыслитъ твой Усовъ! Мальчишка! пусть доучится прежде...

— Онъ ужь на послѣднемъ курсѣ, обидѣлась Надя,—и можетъ быть, больше смыслитъ всѣхъ вашихъ знаменитостей...

— Экъ хватила! Не черезъ край ли, козочка?

Надя въ этотъ день цѣлый часъ просидѣла у Марьи Ильинишны.

Она ужь давно знала всѣ подробности ея печальной исторіи. Марья Ильинишна разсказала ей, какъ она вышла замужъ за Николая Егоровича Иванова, какая она была тогда простая, а онъ такой ученый, да умный! И ужь любила она его, страсти! Такъ любила, что онъ ей, бывало, говорилъ: — тебѣ, Маша, ничему учиться не надо, ты все понимаешь сердцемъ!

Да, но это было только съ нимъ. А вотъ какъ явилась она сюда хлопотать объ немъ, совсѣмъ оказалась дурой, и никто ее не понимаетъ... Даже объяснить ничего не умѣетъ!

Стряслась надъ ними бѣда вдругъ, нежданно, негаданно. Ему даже и проститься съ нею хорошенько не дали и увезли въ губернскій городъ. Съ тѣхъ поръ прошло три года, а Марья Ильинишна всего на всего пять писемъ отъ него получила, до и то послѣднія два были написаны Антонинѣ Егоровнѣ, а ей только поклонъ посылался.

— Надо депешу послать. Туда теперь телеграфъ проведенъ, вскричала Надя.

Но Марья Ильинишна такъ печально улыбнулась на это восклицаніе, что она поспѣшно заговорила о другомъ.

Вернувшись домой, Надя пересчитала свои деньги. Ихъ было очень мало, но на депешу туда хватитъ... Вотъ только на отвѣтъ... А хорошо было бы заплатить и за отвѣтъ! Но объ этомъ нечего было и думать, и за эти три рубля достанется отъ мама.

Она послала депешу съ просьбой прислать отвѣтъ письмомъ и на ея имя.

Съ нѣкоторыхъ поръ Надя совсѣмъ перестала довѣрять Антонинѣ Егоровнѣ, Марья Ильинишна ей разсказала такъ много дурного про эту женщину.

— Не говори съ нею, пожалуйста, не входи въ ея комнату, не пачкайся, повторяла она каждый разъ, когда Надя упоминала о хозяйкѣ. — Я вѣдь прежде понятія объ ней не имѣла... да мнѣ и въ голову не могло придти, чтобъ родная сестра моего Николая Егоровича... Господи! да я, кажется, въ глаза бы вцѣпилась каждому, кто бы мнѣ это сказалъ!.. Онъ, конечно, не знаетъ.. Развѣ онъ меня пустилъ бы сюда, еслибъ онъ зналъ! Что я только здѣсь вытерпѣла.. Ты удивляешся, какъ я дышу въ этомъ чуланѣ, но ты пойми, что для меня все равно... Мнѣ ея разубранныя комнаты еще омерзительнѣе этой! Вѣдь я знаю, что тамъ дѣлается... Я ей это сказала... Такъ таки прямо въ глаза сказала! Можешь себѣ представить, какъ она взбѣсилась!

Да, Надя все это представляла себѣ, и такъ живо, что со дня на день она все больше задумывалась. Иногда даже Марьѣ Ильинишнѣ приходилось ее утѣшать.

— Теперь что, теперь я счатливая... Вотъ тебя мнѣ Господь послалъ... ты мнѣ и объ Николаѣ Егоровичѣ разузнала и доктора такого привела, который все хорошія слова говоритъ... Я хоть и не вѣрю ему, а все таки весело слушать! Одно только меня сокрушаетъ... какъ вспомню, что твои родственники скоро уѣдутъ и что тогда тебѣ нельзя будетъ приходить сюда, ужасно дѣлается жутко!

— Мы тебя къ тому времени перевеземъ въ больницу, успокоивала ее Надя,—а тамъ мнѣ можно будетъ тебя навѣщать....

Но она далеко не была въ этомъ увѣрена. Ее теперь и къ Апухтинымъ не отпускали такъ часто и такъ охотно, какъ первое время. Мать постоянно ворчала на то, что она мало сидитъ дома, мало занимается музыкой и рисованьемъ...

Да и съ больницей то дѣло затягивалось. Дядя такъ разсѣянно и неохотно отвѣчалъ на ея расспросы объ этомъ предметѣ, можно было думать, что онъ вовсе и не хлопочетъ объ немъ. Правда, что у Дмитрія Павловича были свои заботы.

Однажды, въ ту самую минуту, какъ она надѣвала шляпку, чтобъ идти къ Апухтинымъ, въ прихожей раздался звонокъ, а за нимъ голосъ дяди.

«Вѣрно за мной заѣхалъ», подумала Надя, выбѣгая къ нему на встрѣчу.

Но на этотъ разъ она ошиблась; онъ заѣхалъ только для того, чтобъ сказать ей, чтобъ она сегодня къ нимъ не приходила.

— Ольга въ бѣшенствѣ... Вчера вечеромъ эта старая сплетница Вабурина наговорила ей чортъ знаетъ что про нашу хозяйку!.. твоя тетка просто обезумѣла отъ гнѣва! Ужь я ее урезонивалъ, урезонивалъ... ничего не подѣлаешь! Она хотѣла прямо отъ Вабуриныхъ въ гостиницу ѣхать, я насилу уговорилъ ее не дѣлать такого скандала... Кто же ночью переѣзжаетъ съ квартиры, подумай только? Всю ночь провозился я съ нею, нервные припадки, истерики!.. плачетъ, кричитъ, что она une femme deshonorée, что я нарочно поселилъ ее подъ одну кровлю съ кокоткой!.. Что ты, матушка, говорю, не ты ли сама выискала эти комнаты и эту кокотку? чѣмъ же я то виноватъ, скажи на милость?.. Никакихъ словъ не принимаетъ!.. Сейчасъ былъ у Демута, обѣщали тамъ приготовить двѣ комнаты къ вечеру. Станетъ намъ эта штука въ копѣечку, нечего сказать, да чтожь дѣлать!... Охъ ужь мнѣ эти сплетницы!.. Впрочемъ, прибавилъ онъ помолчавъ немного,—я и самъ отчасти радъ переѣхать оттуда, надоѣла мнѣ эта размалеванная Антонина Егоровна хуже горькой рѣдьки... точно вывѣска парикмахерская!

— А какже Марья Ильинишна? спросила Надя.

У нея такъ замерло сердце, что она съ трудомъ выговорила эти слова.

— Какая Марья Ильинишна?

— Да больная то, которую вы обѣщались пристроить въ больницу?

—Ну, моя милая, не до нея мнѣ теперь! Дай Богъ самимъ выбраться отсюда по добру, по здорову... Меня вчера засадили въ карты у Лемина, да на полторы тысячи и огрѣли!... а на будущей недѣлѣ надо за Шумиловку въ банкъ вносить, да еще твою тетушку разными парюрами удовлетворить...

— Я не прошу у васъ денегъ, дядя.

— Знаю, козочка. Но вѣдь время тѣже деньги, и если его на разныхъ кашляющихъ бабъ тратить, такъ ничего для здоровыхъ не останется... Вѣдь ты подумай только, у насъ семья.... Имѣнья всѣ заложены и перезаложены, поневолѣ приходится дорожить мѣстомъ... а посмотрѣла бы ты, какую мнѣ вчера министръ мину сдѣлалъ!.. Если меня сегодня да завтра не будутъ видѣть вездѣ, гдѣ только народъ собирается, кончено, сейчасъ похоронятъ! Вашъ Петербургъ мастеръ на это, нечего сказать!

— А послѣ завтра? робко проговорила Надя.

Голосъ ея дрожалъ, въ глазахъ стояли слезы.

— Послѣ завтра мы ѣдемъ, развѣ я тебѣ не сказалъ? Этотъ переѣздъ на два дня въ гостиницу, вѣдь это манифестація, понимаешь ли? Ольгѣ Дмитріевнѣ желательно доказать всему свѣту, что какъ только что она узнала, какого сорта женщина Антонина Егоровна, она тотчасъ же отъ нея переѣхала! Вотъ я и заѣхалъ тебѣ сказать, чтобъ ты туда больше не являлась, тебѣ могутъ надѣлать непріятностей.... Она презлая, эта Антонина, она даже и меня выругала, когда я сегодня утромъ объявилъ ей, что мы отъ нея переѣзжаемъ... а вчера, она, разумѣется, слышала нашъ разговоръ съ Ольгой, твоя милая тетушка на весь домъ кричала!.. И вѣдь сколько разъ я ей повторялъ, что она понимаетъ по французски и что вообще надо съ нею быть осторожнѣе!.....

Застольная пѣсня.

Стих. **Ольги Охтенской.**

Чаша забвенья,
Чаша вина!
Для наслажденья
Ты намъ дана:
Ты оживляешь
Пѣсню пѣвца,
Свѣтъ проливаешь
Въ наши сердца.

Полную чашу
Лей по края!
Выпьемъ за нашу
Юность, друзья.
Пусть все живое
Жизнью цвѣтетъ,
Все молодое
Рвется впередъ.

Пей удрученный
Горькой тоской,
Пей утомленный
Долгой борьбой.
Чашу хмѣльную
Пейте до дна:
Душу больную
Лечитъ она.

Скучно и вяло
Годы бѣгутъ;
Въ жизни такъ мало
Свѣтлыхъ минутъ.
Токъ искрометный
Лейся рѣкой!
Скорби налетной
Цѣпи долой!

Михаилъ Мункачи.

Ст. П. Библіофила.

Картина «Послѣднія минуты осужденнаго», копію съ которой наши читатели найдутъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, принадлежитъ кисти Михаила Мункачи.

Михаилъ Мункачи—венгерецъ. Онъ родился 10 октября 1846 года въ городкѣ Мункачъ, въ графствѣ Берегъ. Мѣстечко Мункачъ полно историческихъ преданій: здѣсь сохранились съ 1688 года преданія о Цриии, здѣсь съ 1703 года сохранились преданія о Францѣ Ракоцн; здѣсь въ 1821—1823 годахъ сидѣлъ въ заключеніи Александръ Ипсиланти, здѣсь происходила борьба венгерцевъ въ 1848 и 1849 годахъ. Независимо отъ своего историческаго значенія мѣстечко Мункачъ важно, какъ значительный центръ народной трудовой жизни, такъ какъ тутъ находятся желѣзные рудники, желѣзные и чугунные заводы, привлекающіе въ эту мѣстность не мало грубыхъ рабочихъ силъ. Все это не осталось безъ вліянія на ребенка, рано узнавшаго и исторію родной страны и дѣйствительную народную жизнь съ ея нуждами, лишеніями и трудомъ. Самъ Мункачи былъ бѣднякъ и годы его ученья были годами всевозможныхъ лишеній; онъ учился въ Вѣнѣ, потомъ въ Мюнхенѣ, гдѣ его принялъ въ число своихъ учениковъ художникъ-баталистъ Францъ Адамъ. Здѣсь Мункачи впервые попробовалъ представить свои произведенія на конкурсъ, устроенный венгерскимъ министерствомъ образованія. Онъ три раза получилъ первыя преміи и это дало ему впервые средства къ существованію безъ особенной нужды. Онъ могъ уже теперь уѣхать въ Дюссельдорфъ, гдѣ онъ кончилъ свое художественное образованіе и создалъ свои первыя произведенія, доставившіе ему славу. «Пробуждающіеся ученики сапожника» и нѣсколько портретовъ работы Мункачи появились въ 1867 году, не возбудивъ особенно сильныхъ толковъ. Но уже въ 1869 году Мункачи выставилъ картину «Послѣдній день приговореннаго къ смерти» и она сразу создала ему извѣстность; это было полное силы и глубокаго чувства произведеніе, оставлявшее въ зрителѣ неизгладимое впечатлѣніе. Мункачи тотчасъ же получилъ заказъ на большую картину «Военное время», которую онъ и окончилъ въ 1871 году. Осенью того же 1871 года Мункачи получилъ приглашеніе занять профессорское мѣсто въ Веймарѣ, но художника манило въ Парижъ, куда онъ и уѣхалъ въ январѣ 1872 года. Здѣсь Мункачи встрѣтилъ крайне радушный пріемъ, его картины очень высоко цѣнились парижанами. Впрочемъ слава молодого художника росла быстро не въ одномъ Парижѣ: во время его путешествій его принимали съ большимъ почетомъ и въ Венгріи, и въ Германіи и въ Англіи. Его оригинальный талантъ бросался въ глаза вездѣ: оригинальная композиція, умѣнье дать яркіе характерные типы, какая-то первобытная свѣжесть и глубокое чувство, вотъ тѣ главныя достоинства, которыми отличаются созданія Мункачи; его краски сочны, хотя очень часто нѣсколько мрачны и темны; сюжеты его картинъ всегда почти взяты изъ народной жизни и постоянно обличаютъ въ художникѣ человѣка, много думающаго, глубоко сочувствующаго народу и нерѣдко подмѣчающаго такія горькія стороны въ этой жизни, надъ которыми мы невольно должны призадуматься. Но мы должны замѣтить, что Мункачи всегда стоялъ и стоитъ неизмѣримо выше тѣхъ художниковъ, которые задались мыслью рисовать «тенденціозныя» сцены изъ жизни народа. Онъ просто охотнѣе беретъ мрачные и невеселые сюжеты изъ жизни народа потому, что онъ чаще видѣлъ эти сцены, чѣмъ веселыя, и потому, что трагическіе и тяжелые моменты жизни ему удаются гораздо болѣе, чѣмъ легкія и бойкія сценки, рисуя которыя, онъ иногда впадаетъ въ каррикатуру. Изъ множества картинъ Мункачи мы упомянемъ только двѣ-три: въ 1871 году была замѣчена его небольшая картина «Отправленіе въ школу», потомъ онъ представилъ тоже небольшія картины: «Кухонные политики», «Пьяный сапожникъ», нѣсколько пейзажей; изъ большихъ картинъ мы укажемъ на «Транспортъ пойманныхъ ночныхъ бродягъ» въ 1873 году, на «Мѣсто заклада имущества» въ 1874 году, на «Деревенскаго пѣтуха» въ 1875 году. Особенно удачны выходятъ у него сцены изъ венгерской жизни, которую такъ хорошо и близко знаетъ и горячо любитъ патріотъ художникъ. Въ настоящее время Мункачи нѣтъ еще полныхъ тридцати двухъ лѣтъ и потому отъ него можно еще ожидать многихъ, и многихъ произведеній, которыя упрочатъ въ будущемъ его европейскую славу.

Эмиль Золя.

Біографическій и критическій этюдъ.

Ф. Долинина.

(*Продолженіе.*)

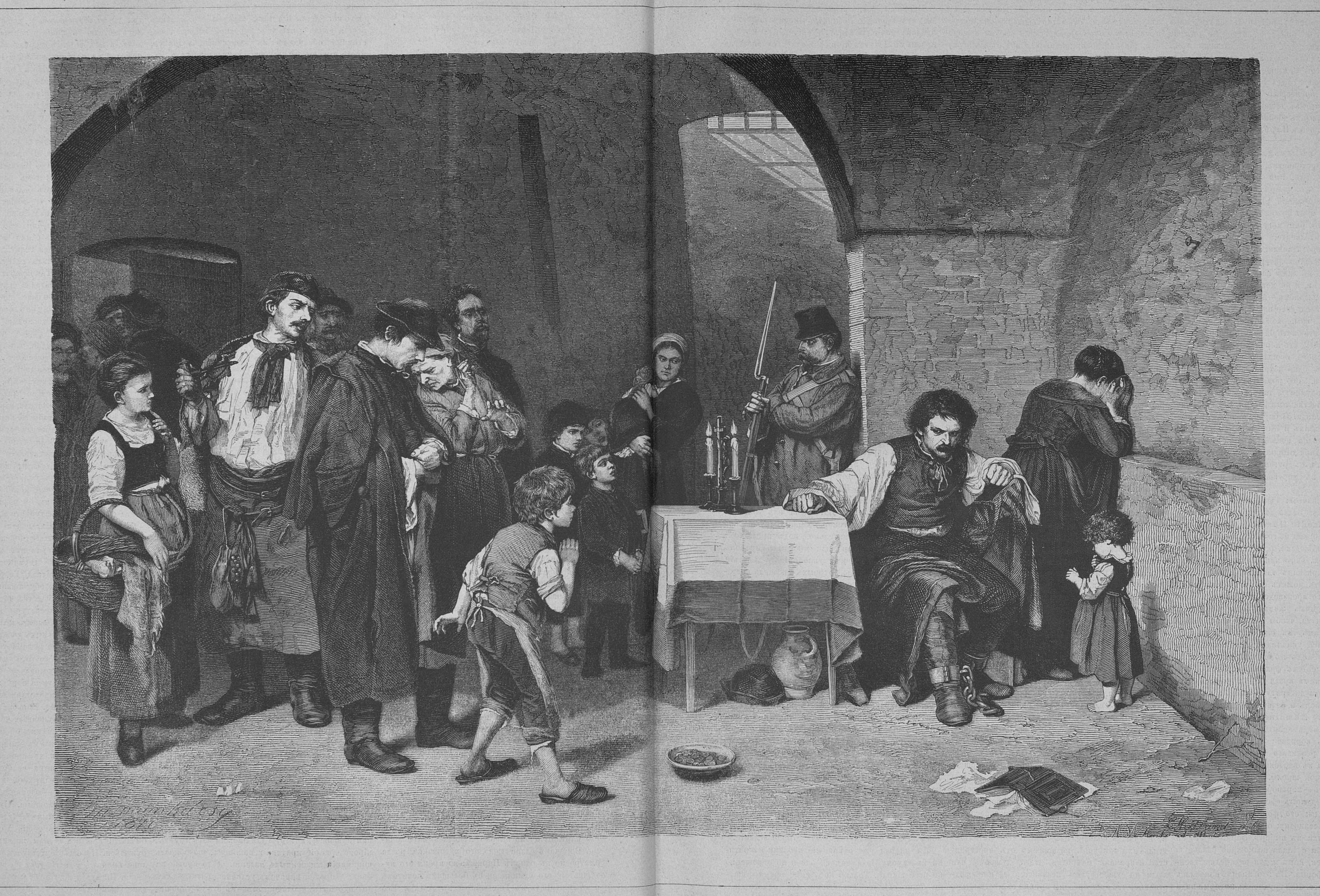
II.

Золя критикъ дополняетъ человѣка и романиста. Прежде чѣмъ перейдти къ разбору его критическихъ пріемовъ и статей, необходимо сказать о положеніи критика нерусскаго вообще. Наше общество, какъ очень молодое, и притомъ, съ еще болѣе молодою литературою, неимѣющее преданій и прочныхъ традицій общество, не отличается и консерватизмомъ. Мы говоримъ преимущественно о литературѣ. Напротивъ, оно даже очень либерально: съ разу отличаетъ выдающіеся таланты, оригинальность ихъ, новизна формы не смущаютъ общество, не наводятъ на него страха. Это отразилось и на критикѣ. Задача критика чрезъ это значительно упрощена: ему не приходится тратить усилій для побѣды надъ равнодушіемъ публики къ писателю, новой школѣ. Ему иногда приходится даже воевать противъ излишней снисходительности публики и разоблачать сапожниковъ, взявшихся печь пироги, поэтому художественному критику у насъ, собственно, и дѣлать то почти нечего. Это, съ одной стороны, нѣкоторыя чисто внѣшнія условія съ другой, создали тотъ видъ критики, который можно назвать публицистической, т. е. критики разбирающей болѣе условія жизни, воспроизводимой въ художественномъ произведеніи, чѣмъ самое произведеніе. Отсюда та необычайная важность, которую для насъ имѣютъ взгляды, міросозерцаніе критика и, наконецъ, способность пониманія жизненныхъ явленій. Дѣло проще на Западѣ, проще, впрочемъ, условно: критику тамъ не надо быть публицистомъ—въ этомъ упрощеніе задачи, но съ другой стороны иныя и болѣе сложныя задачи ему ставятся тамъ, какъ критику. Пониманіе жизни ему необходимо и тамъ, иначе онъ не пойметъ и воспроизведенія ея. Ему необходима извѣстная широта взгляда,—широта, которая бы позволила ему допускать оригинальные темпераменты, иначе онъ всегда будетъ позади движенія и явится не разъяснителемъ, а нѣкоторымъ тормазомъ для и безъ того тяжелой на подъемъ публики. Его положеніе затруднительнѣе положенія писателя-художника, объяснителемъ котораго онъ является: ему надо при своихъ объясненіяхъ не терять изъ виду точки зрѣнія своихъ слушателей, т. е. часто мирить непримиримое. Чтобы успѣшно выполнить такую миссію, критику необходимо родиться съ тѣмъ поколѣніемъ писателей, толкователемъ которыхъ онъ является. Вотъ какъ рисуетъ это трудное положеніе самъ Золя: «Великій критикъ, пользующійся авторитетомъ надъ своими читателями, можетъ оказать большія услуги. Отъ него все пріймутъ, потому что вѣрятъ всему, что онъ ни скажетъ. И, слѣдовательно, если онъ человѣкъ обширнаго ума, признаетъ оригинальные темпераменты, то онъ одинъ можетъ примирить съ ними колеблющуюся толпу... Нѣтъ благороднѣе дѣла, какъ пріучать толпу къ ослѣпительному сіянію генія... Такой критикъ, однимъ словомъ, одинъ изъ дѣятелей группы, но только мозгъ его одаренъ больше пониманіемъ, чѣмъ творчествомъ, а потому онъ довольствуется тѣмъ, что несетъ знамя въ то время, какъ остальные дерутся».

Изъ сказаннаго видно, что требованія, которыя предъявляются русскому критику, могутъ быть и неудовлетворенными, безъ ущерба дѣлу, въ лицѣ критика французскаго. Особенно справедливо это относительно личныхъ взглядовъ, политическаго, такъ сказать, міросозерцанія критика: надо только, чтобы за нимъ не замѣчалось узости, косности, ретроградныхъ тенденцій. Мы видѣли уже, что Золя если и не принадлежитъ къ крайней политической партіи, то, тѣмъ не менѣе, либералъ, а самый характеръ его таланта—характеръ революціонный—реализмъ въ искуствѣ—гарантируетъ, независимо отъ его политическихъ взглядовъ, невозможность отсталости его какъ литературнаго критика.

Такая тѣсная связь, почти органическая—между критикомъ и извѣстной школой писателей, при страстномъ темпераментѣ критика, дѣлаетъ понятной нѣкоторую горячность при оцѣнкѣ того или другого писателя. Говоря о либерализмѣ нашего общества, обусловливаемыхъ частью молодостью самого общества, частью и даже бо́льшею—молодостью литературы нашей, мы констатировали легкость занять подобающее мѣсто для самыхъ оригинальныхъ писателей,—будь они даже самыми смѣлыми реформаторами—не то на Западѣ, гдѣ традиціи до того сильны, что появленіе новой школы обусловливаетъ борьбу, борьбу отчаянную, кончающуюся нерѣдко уже по смерти послѣдняго изъ представителей одной изъ враждующихъ сторонъ. Борьба тѣмъ важнѣе и потому самому тѣмъ упорнѣе, чѣмъ рѣзче различіе между школой смѣняемой и пришедшей на смѣну—это мы имѣемъ въ данномъ случаѣ: совершенство формы, какъ принципъ, изгоняется и на мѣсто ея ставится содержаніе: реализмъ объявилъ войну романтизму, никакой компромиссъ невозможенъ — элементы сталкиваются слишкомъ противуположные. Публика въ недоумѣніи предъ невѣдомымъ ей чудовищемъ. «Тутъто и необходимъ тотъ общій другъ, у котораго бы люди сошлись, чтобы познакомиться и подружиться. Но онъ отсутствуетъ и авторы и публика проводятъ долгіе года во взаимномъ недовѣріи. Писатели не устаютъ; они даютъ произведеніе за произведеніемъ, но имъ только удается иногда раздражить публику, привести ее въ негодованіе». Явись критикъ понимающій совре-

КАРТИНА М. МУНКАЧИ.



ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ОСУЖДЕННАГО.

менное движеніе, совершающееся во французской литературѣ, и успокоенные читатели поняли бы, наконецъ, въ чемъ дѣло. Они увидѣли бы, что здѣсь талантъ, жизнь, знаніе. Они должны были бы признать реальную школу, какъ раньше признали романтическую. Но онъ не является и одинъ изъ бойцовъ долженъ взять въ одну руку знамя, продолжая держать въ другой мечъ. И вотъ зрѣлище такого знаменосца, высоко поднявшаго надъ сражающимися знамя естественно-историческаго метода въ искуствѣ, и продолжающаго въ тоже время мужественно сражаться въ рядахъ бойцовъ, и представляетъ намъ Золя въ своихъ Парижскихъ письмахъ.

Остановлюсь на Письмахъ Золя, такъ какъ, кромѣ своихъ достоинствъ, они назначены для русской публики, ими авторъ вступилъ въ ряды русскихъ литераторовъ. Выяснивъ раньше рознь положеній русскаго и нерусскаго критиковъ, мы, тѣмъ не менѣе, постараемся взять изъ нихъ то, что они могутъ дать намъ интереснаго и поучительнаго.

Книга Золя представляетъ, какъ уже сказано, исторію французской литературы за послѣднее пятидесятилѣтіе въ лицѣ наиболѣе выдающихся представителей ея, и ее можно раздѣлить на двѣ части: первую назовемъ—исторіей французской литературы за послѣднее пятидесятилѣтіе, а вторую—почти равную первой по объему—заключительной главой этой исторіи—исторіей реальнаго романа. Взглянемъ, что переиспыталъ романъ во Франціи: на порогѣ прошлаго столѣтія стоитъ Шатобріанъ, въ одно и тоже время представлявшій собою и зарю романтизма и монументъ классицизма. Монументъ, такъ какъ рядомъ возвышаются величественныя фигуры: В. Гюго, Бальзака и Жоржъ-Занда. И борьба начинается: Викторъ Гюго, Бальзакъ и Жоржъ-Зандъ съ одной стороны и вся толпа послѣдователей «формы»—съ другой. Съ одной стороны стремленіе достичь великолѣпія слога, съ другой—стараніе вдохнуть «душу живую» въ мертвое, хотя и красивое тѣло.

Борьба затягивается: Гюго печатаетъ Notre Dame de Paris, Бальзакъ написалъ большую часть своей Comédie Humaine, Жоржъ-Зандъ печатаетъ два романа въ годъ. Наконецъ, упрямство публики побѣждено, романтизмъ далъ свою формулу: Викторъ Гюго написалъ предисловіе къ Кромвелю и признанъ главою романтической школы. Романистъ можетъ брать что ему угодно сюжетомъ своего произведенія. Бальзакъ пока стушевался—родникъ живой воды поглощенъ песками романтизма, чтобы дальше опять забить ключемъ, но и тамъ, гдѣ онъ и теперь течетъ, роскошные оазисы указываютъ направленіе его теченія. Жоржъ-Зандъ въ своихъ романахъ занимается воплощеніемъ философіи Жанъ-Жака-Руссо въ роскошныя яркія формы романа Виктора Гюго. Такова литература 30-хъ годовъ.

Является Флоберъ и безпорядочно разбросанные въ Comédie Humaine мраморъ и булыжникъ, серебро и мѣдь—сортируются, размѣщаются въ строгомъ порядкѣ; Madame Bovarie даетъ формулу реальнаго романа. Обыденная жизнь вдвинутая въ настоящія рамки — таковъ девизъ натуральной школы.

Но романтизмъ—мертворожденное дитя, компромиссъ между духомъ «формы» и требованіями жизненной правды; его формула торжественна съ формулой классицизма: она шире, но ограничиваетъ художника въ выборѣ формы — это ея заслуга, этимъ она сдѣлала возможной реальную школу, но для нея, какъ и для ея предшественника, главное—форма. Въ это время появилась **Madame Bovarie**. Всѣ трудности, которыя надо было преодолѣть только что нарождавшейся школѣ беллетристовъ-реалистовъ, лучше всего характеризуются слѣдующимъ мѣстомъ Парижскихъ писемъ:

«На первомъ планѣ полезно будетъ разсмотрѣть, чѣмъ былъ у насъ (во Франціи) романъ десять лѣтъ тому назадъ. Эта литературная форма, по преимуществу современная, такая гибкая и широкая, такъ легко принимающая всѣ оттѣнки разнородныхъ дарованій, достигла въ то время небывалаго блеска, благодаря произведеніямъ цѣлой фаланги великихъ писателей. Мы имѣли Виктора Гюго, эпическаго поэта, подъ могучими руками котораго проза принимала формы художественныхъ изваяній. Онъ вносилъ въ свои романы задачи археолога, историка, политика, и изъ грандіозной смѣси всѣхъ этихъ стремленій умѣлъ создавать дивныя страницы. Его романъ былъ колоссаленъ, въ одно и тоже время совмѣщая въ себѣ поэму, экономическій трактатъ, исторію и фантазію. Мы имѣли Жоржъ-Зандъ—этотъ необыкновенный умъ, отличающійся удивительной ясностью, писавшую безъ малѣйшаго напряженія, правильнымъ и мѣткимъ языкомъ, развивавшую свои тезисы въ области идеала и воображенія. Эта писательница очаровывала три поколѣнія женщинъ, и отжила только ложными своими сторонами.

«Мы имѣли также Бальзака, владыку современнаго романа; я называю его послѣднимъ, чтобы его именемъ завершить мой перечень; онъ завладѣлъ по истинѣ пространствомъ и временемъ и заслонилъ собою все солнце, такъ что его преемникамъ, шедшимъ по его гигантскимъ стопамъ, пришлось долго озираться кругомъ, прежде чѣмъ имъ удалось отыскать нѣсколько колосьевъ, оставленныхъ на полѣ. Бальзакъ своею громадною личностью загородилъ всѣ пути, романъ былъ положительно заполненъ имъ. То, чего онъ не успѣлъ сдѣлать самъ, то указано имъ, такъ что куда ни обратишься, становишься его подражателемъ даже и тогда, когда воображаешь, что ушелъ изъ-подъ его вліянія. Въ настоящій моментъ во Франціи нѣтъ ни одного романиста, у котораго не было бы въ жилахъ хотя нѣсколько капель крови Бальзака.

«Вотъ каковы были наши корифеи. Они были такъ многочисленны, они до такой степени подѣлили между собою всѣ принципы, эпическій духъ, идеалъ, воображеніе, наблюденіе и дѣйствительность, что казалось невозможнымъ проложить новую тропинку посреди ихъ владѣній. Романъ казался уже истощившимъ всю почву. Въ это то время, когда уже всякая надежда на возрожденіе угасала, появилась группа романистовъ, отличавшихся самой неожиданной оригинальностью, творенія которыхъ были цвѣтомъ послѣдняго тридцатилѣтія нашей литературы. Они прямо происходили отъ Бальзака, отъ котораго наслѣдовали готовыя орудія къ анализу, заимствуя, съ другой стороны, у Виктора Гюго революціонный духъ и даръ колорита».

Романисты, о которыхъ говоритъ Золя, составляютъ очень сплоченную, хотя небольшую группу. Ихъ называли реалистами, натуралистами, анализаторами, физіологами, — хотя всѣми этими именами и не исчерпывалось точное значеніе ихъ литературнаго метода, тѣмъ болѣе, что каждый изъ нихъ имѣетъ свою собственную, совершенно опредѣленную физіономію.

Я, говоря выше о романахъ Золя, характеризовалъ ихъ методъ терминомъ естественно-историческій. Новое слово искуства, произнесенное этими писателями, состоитъ въ томъ, что людей не изучаютъ больше, какъ какихъ-то интеллектуальныхъ диковинъ, независимо отъ пространства и времени; напротивъ того, думаютъ, что люди не существуютъ независимо и непосредственно, что они связаны крѣпко съ мѣстностью, что пейзажъ, въ которомъ они движутся, пополняетъ и объясняетъ ихъ, а среда, изъ которой они произошли, воспитываетъ ихъ. Теперь, впервые, наслѣдственности отведено подобающее ей мѣсто.

Первымъ такимъ романомъ была Madame Bovary Флобера. Возникалъ вопросъ: пойметъ ли публика новый романъ? и пріученная къ прекраснымъ мечтамъ Жоржъ-Занда и очаровательнымъ сказкамъ о великанахъ Виктора Гюго, отвернется отъ дѣйствительной жизни или, вообще, не найдя съ разу этихъ уносящихъ въ заоблачныя страны повѣстей, со скукою закроетъ книгу послѣ первыхъ же страницъ? Одно обстоятельство придало Madame Bovary громкую извѣстность:

«Прокуратура вздумала преслѣдовать автора по обвиненію въ оскорбленіи общественной нравственности и религіи. Шумъ преній наполнялъ всѣ журналы, и Флоберъ вышелъ изъ этого испытанія прославленнымъ, популярнымъ, признаннымъ главою новой школы. Вотъ одинъ изъ удачныхъ походовъ правосудія. Обвинительный актъ наполеоновскаго прокурора, Эрнеста Пинара, весьма любопытный документъ. Флоберъ публиковалъ его при послѣднемъ изданіи своего романа, и въ настоящее время нельзя читать его безъ глубокаго удивленія. Мастерское произведеніе нашей литературы признается въ немъ преступленіемъ. Наполеоновскій адвокатъ пишетъ на него жалчайшую и шутовскую критику, нападаетъ на прекраснѣйшія страницы, барахтается въ искуствѣ, какъ сбитый съ толку чиновникъ и высказываетъ по поводу литературы рѣзкія осужденія, которыя ему слѣдовало бы приберечь для случаевъ грабежа и убійства. Нѣтъ ничего потѣшнѣе серьезнаго человѣка, берущагося не за свое дѣло, воображающаго, что ему слѣдуетъ летѣть на помощь нравственности, на которую никто не думаетъ нападать.

«Флоберъ, послѣ блистательной защиты Сенара, былъ оправданъ. Искуство вышло торжествующимъ изъ этой борьбы. Но, высказавъ оправдательный приговоръ, шестая палата исправительнаго суда въ Парижѣ сочла необходимымъ высказать свое мнѣніе о натуральной школѣ и современномъ романѣ. Вотъ одна изъ заключительныхъ статей приговора: «принимая во вниманіе, что непозволительно, подъ предлогомъ изображенія характера или мѣстныхъ нравовъ, воспроизводить въ нихъ уклоненіяхъ дѣйствія, слова и манеры лицъ, которыхъ писатель поставилъ себѣ задачею описать; что подобная система, примѣняемая къ произведеніямъ ума, равно какъ и къ произведеніямъ искуства, привела бы къ реализму, который былъ бы отрицаніемъ красоты и добра, и который, порождая творенія равно оскорбительныя для взоровъ, какъ и для ума, наносилъ бы постоянныя оскорбленія общественной нравственности и добрымъ нравамъ...»

«И такъ, реализмъ осужденъ судомъ исправительнаго трибунала».

Можно подумать, что этотъ приговоръ продиктованъ русскими критиками, такъ онъ напоминаетъ и тономъ и содержаніемъ отзывъ одного критика, приводимый нами ниже.

Начало, казалось, было удачно: почему-бы то ни было, но публика заинтересовалась Madame Bovary и прочла ее, Флоберъ сталъ извѣстнымъ, казалось бы судьба новой школы обезпечена. Нѣтъ, публика, на минуту увлекшись талантливымъ произведеніемъ, выйдя изъ инертнаго состоянія, упорно отказывается въ теченіи десятковъ лѣтъ замѣтить талантливое произведеніе.

Мы видѣли уже отношеніе публики и критики къ самому Золя, таково оно и по отношенію ко всей школѣ. Только послѣднее время рѣшено было сдѣлать исключеніе для одного изъ нихъ. Этотъ одинъ—Альфонсъ Додэ. Русской публикѣ онъ извѣстенъ, главнымъ образомъ:

«Исторіей одного товарищества», (Fromont jeune et Risler aîné) и Жакомъ. Такое исключительное благоволеніе публики объясняется мягкостью манеры Додэ. Если это справедливо, то минута побѣды реальной школы недалека: Додэ пріучитъ публику находить въ художественномъ произведеніи дѣйствительную жизнь и тогда суровость формы перестанетъ пугать. Додэ «принадлежитъ къ группѣ натуралистовъ; онъ вѣритъ въ необходимость вѣрнаго описанія среды и лицъ, выхваченныхъ изъ жизни. Всѣ его произведенія взяты потому цѣликомъ изъ современной жизни; и даже онъ чувствуетъ особенную симпатію къ простонароднымъ и буржуазнымъ рамкамъ, а также съ любопытствомъ изучаетъ особые мірки, выростающіе на парижскомъ поземѣ. Онъ рисуетъ въ своихъ произведеніяхъ диковинные кружки людей, какіе ему случалось посѣщать, и гдѣ онъ подмѣтилъ своими близкозоркими глазами мельчайшія подробности, какія ускользнули бы, можетъ быть, отъ людей дальнозоркихъ. Онъ разсказываетъ, описываетъ все съ оживленіемъ чувствительнаго и насмѣшливаго провансальца. Вы чувствуете, что онъ переселяется въ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Зачастую онъ увлекается, говоритъ съ ними, журитъ ихъ, хвалитъ. Такимъ образомъ онъ безпрестанно врывается въ свой разсказъ, потому что у него не хватаетъ хладнокровія оставаться за кулисами. Онъ вводитъ цитаты, влагаетъ слово неодушевленнымъ предметамъ, выводитъ фантастическія лица, среди самыхъ реальныхъ драмъ, воображеніе — его главное качество, и все, что онъ наблюдаетъ, проходитъ черезъ него, прежде чѣмъ дойти до читателя; отсюда внезапныя скачки, неожиданные взрывы радости, слезы, проливаемыя имъ между строчками, невольный смѣхъ, рождающійся въ концѣ фразы. Это, конечно, нарушаетъ гармонію произведенія; желательно было бы поменьше восклицаній, поменьше личнаго волненія. Но кому придетъ въ голову упрекать его за избытокъ жизни, за живую манеру писать, такую живую, что друзьямъ кажется, что они видятъ и слышатъ его, когда они его читаютъ. Въ этомъ, въ сущности, заключается его оригинальность и тайна его обаянія. Онъ отдаетъ всего себя, и потому овладѣваетъ другими. Среди строгой разсчитанности нѣкоторыхъ новѣйшихъ романовъ, безличной методы писать ихъ, манера Альфонса Додэ отличается иногда прелестной непринужденностью, дѣтскимъ простодушіемъ, шумностью птичьяго гнѣзда—свистящихъ скворцовъ, поющихъ жаворонковъ.

«Одного качества, повидимому, не хватало Альфонсу Додэ—силы. И вотъ, по какому-то чуду искуства, по какой-то необычайной удачѣ, онъ внезапно выросъ и сталъ силенъ. Изъ очаровательнаго разсказчика развился великій романистъ. Это одно изъ чудеснѣйшихъ литературныхъ превращеній, какія я только знаю».

Надежда на близость признанія публикою натуральной школы подтверждается еще и другимъ обстоятельствомъ: недавно умеръ младшій изъ братьевъ Гонкуровъ—Жюль. Смерть его послужила поводомъ къ болѣе внимательной оцѣнкѣ его произведеній со стороны критики, и въ короткое время появилось два изданія ихъ сочиненій. Быть можетъ, ледъ сломленъ.

Таково прошлое и настоящее романа во Франціи...

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Млисъ.

Очеркъ изъ калифорнской жизни, Бретъ Гарта.

(*Продолженіе.*)

II.

Смита похоронили. На его свѣжей могилѣ, на счетъ учителя соорудили памятникъ съ приличной надписью. Мѣстная газета, «Знамя Красной горы», почтила усопшаго некрологомъ, въ которомъ въ трогательныхъ выраженіяхъ сообщала о смерти «одного изъ нашихъ самыхъ старыхъ піонеровъ»; съ неменьшей чувствительностію замѣчала о «ядѣ, губящемъ многія свѣтлыя, развитыя натуры»; просила забыть «о печальномъ прошломъ, похоронивъ его вмѣстѣ съ нашимъ милымъ, достойнымъ братомъ», и начать «новую жизнь,—жизнь трудовую, полную радостей, неомрачаемыхъ печальнымъ порокомъ, которымъ страдалъ покойный». — «Покойникъ оставилъ на наше попеченіе, заключало «Знамя»,—единственное дитя, которое считается теперь примѣрной ученицей въ школѣ, благодаря усиліямъ достопочтеннаго м-ра Мак-Спалея».—Не одно «Знамя» приписывало Мак-Спалею честь исправленія Млисъ: мѣстное «почетное» общество стояло на томъ, что неукротимая дѣвочка была приведена къ раскаянію увлекательнымъ краснорѣчіемъ замѣчательнаго проповѣдника Мак-Спалея, а не стараніями какого-то неизвѣстнаго учителя. Самъ Мак-Спалей, кажется, отчасти вѣрилъ этому и потому постарался отличиться проповѣдью, которую онъ счелъ своимъ долгомъ сказать по поводу смерти Смита. Приписывая косвенно несчастной Млисъ самоубійство ея отца, достопочтенный Мак-Спалей говорилъ до того чувствительно на эту тему, что потрясъ нервы своихъ слушателей, ученицъ и учениковъ воскресной школы, въ назиданіе которымъ и была сказана его рѣчь. Онъ такъ трогательно говорилъ о загробной жизни, о благотворномъ дѣйствіи «молчаливой могилы», что большинство его юныхъ слушателей дрожали отъ страха, вытаращивъ глаза и раскрывъ рты, а бѣленькіе, розовые отпрыски двухъ «первыхъ фамилій» околодка испускали жалобные стоны и, несмотря на всѣ принятыя мѣры къ ихъ утѣшенію, до самой ночи не могли вполнѣ успокоиться.

Наступило длинное, жаркое лѣто. По мѣрѣ того, какъ подъ дѣйствіемъ палящихъ солнечныхъ лучей всякая растительность выгорала на вершинѣ горы, которая, поэтому, вмѣсто красновато-зеленаго оттѣнка приняла теперь сѣроватый, жемчужно-матовый цвѣтъ, и красная пыль, поднимаемая вѣтромъ, покрывала всякую растительность, всякое строеніе на склонѣ горы, — зелень, роскошно разросшаяся весной и покрывшая могилу Смита, постепенно завядала и, наконецъ, совсѣмъ засохла. Однакожь, было замѣтно, что могилу не забыли: на ней явственно замѣчались слѣды нѣжной заботливости. Бродя по маленькому кладбищу, обыкновенно по воскресеньямъ послѣ обѣда, учитель находилъ, что могила усыпана дикими цвѣтами, растущими въ тѣни сосновыхъ лѣсовъ, а грубый деревянный крестъ украшенъ довольно грубо свитымъ вѣнкомъ изъ тѣхъ-же цвѣтовъ. Этотъ вѣнокъ постоянно былъ сплетенъ изъ извѣстной всѣмъ въ околодкѣ пахучей травы, которую ученики любили класть для запаха въ свои столики, перемѣшанной съ вѣтками душистаго чубучника и лѣсного анемона; мѣстами, въ видѣ украшенія, были вдернуты губительные расцвѣтшіе колосья волчьяго корня. Это собраніе ядовитыхъ растеній вызывало въ умѣ учителя представленія, болѣзненно отзывавшіяся въ его сердцѣ.

Какъ-то разъ, гуляя, онъ зашелъ очень далеко отъ дома и забрался въ лѣсъ; войдя въ чащу онъ увидѣлъ Млисъ; она сидѣла на соснѣ, сломанной вѣтромъ и упавшей на землю; сухіе вѣтви дерева возвышались надъ нею и окружали ее; издали казалось, что она помѣстилась на какомъ-то фантастическомъ тронѣ. Въ подолѣ у нея была навалена куча различныхъ видовъ травы, перемѣшанной съ еловыми шишками. Дѣвочка вполголоса распѣвала одну изъ негритянскихъ мелодій, заученныхъ ею въ раннемъ дѣтствѣ. Еще издали узнавъ учителя, она указала ему мѣсто подлѣ себя, на своемъ тронѣ; когда-же онъ усѣлся, она покровительственнымъ тономъ предложила ему отвѣдать плодовъ дикихъ яблонь. Учитель воспользовался случаемъ, чтобы предупредить ее о вредныхъ качествахъ волчьяго корня, темные цвѣты котораго лежали теперь у нея на колѣняхъ, и получилъ отъ нея обѣщаніе, что она не прикоснется къ нимъ во все время, пока будетъ его ученицей. Устроивъ дѣло такимъ образомъ, онъ успокоился, потому что не разъ уже испыталъ, какъ она добросовѣстно сдерживаетъ данное слово; болѣзненное чувство, недавно охватившее его, теперь совершенно исчезло.

Между всѣми домами, открывшими гостепріимно свои двери для Млисъ, когда всѣ твердо убѣдились въ ея исправленіи, и предложившими ей пріютъ у себя, послѣ смерти ея отца, учитель предпочелъ домъ мистрисъ Морферъ, представлявшей собою типъ любезной, нѣжной, но ограниченной женщины,—типъ довольно распространенный въ юго-западныхъ округахъ Калифорніи; юная дочь м-съ Морферъ, славившаяся своими добродѣтелями, была извѣстна во всей окрестности подъ именемъ «луговой розы». М-съ Морферъ принадлежала къ числу тѣхъ натуръ, которыя находятся въ постоянной борьбѣ съ своими привычками, побужденіями и недостатками; онѣ твердо идутъ къ предположенной цѣли и до тѣхъ поръ не успокоиваются, пока не достигаютъ ея. М-съ Морферъ, убѣдившись, что воспитаніе сдѣлало ее беззаботной и склонной къ суетности, рѣшила, что она должна переломить себя; послѣ многихъ усилій, она достигла своего желанія; она вполнѣ подчинила себя принципу порядка, на который смотрѣла, какъ на небесное установленіе, столько-же достойное глубокаго уваженія, какъ и авторитетъ духовенства. Однакожь, какъ она ни трудилась надъ своими дѣтьми, она никакъ не могла убѣдить ихъ въ разумности своихъ теорій; нерѣдко также приходилось ей выдерживать борьбу съ своимъ мужемъ. Всѣ недостатки (по ея искреннему убѣжденію), которые она такъ побѣдоносно поборола въ себѣ, укрѣпились въ ея дѣтяхъ: Ликургъ шарилъ въ буфетѣ до обѣда и послѣ обѣда съ цѣлью, конечно, захватить тамъ чего-нибудь съѣстного и наѣсться въ непоказанное время; Аристидъ возвращался изъ школы безъ башмаковъ, оставляя тамъ эту необходимую часть своего туалета только потому, что у него была страсть босикомъ шлепать въ грязи канавъ и рвовъ, въ обиліи попадавшихся по дорогѣ отъ школы къ дому его матери. Октавія и Кассандра смѣялись надъ опрятностію. Единственное исключеніе изъ серіи безпорядочныхъ дѣтей м-съ Морферъ представляла ея дочь «луговая роза» или Клитеменстра, въ уменьшительномъ — Клити. Мать съ особеннымъ стараніемъ занялась этимъ своимъ отпрыскомъ, который съ самыхъ первыхъ дней своего существованія обѣщалъ вырости въ хорошую, здоровую вѣтвь: его подчищали, подстригали и, наконецъ, достигли того, что въ немъ отразились всѣ хорошія качества его родоначальницы; Клити во всемъ стала походить на свою примѣрную мать; въ ней образовался методическій характеръ, она держалась прямо и была опрятна до педантизма, она обладала безцвѣтнымъ, неповоротливымъ умомъ. Изящная м-съ Морферъ вообразила себѣ, что Клити можетъ послужить хорошимъ примѣромъ для Млисъ, можетъ утѣшить ее въ ея непригляднымъ житьѣ-бытьѣ. Приведенная въ заблужденіе этой иллюзіей, м-съ Морферъ всякій разъ, когда замѣчала, что къ Млисъ возвращаются ея прежнія наклонности и дѣвочка отличается прежними безпорядочными выходками, посылала къ ней Клити съ порученіемъ

уговорить упрямое дитя и привести ее къ должной дисциплинѣ; когда-же на Млисъ находила пора раскаянія, изящная барыня ставила ей свою добродѣтельную дочь въ образецъ, достойный подражанія.

Поэтому учитель нисколько не удивился, когда Клити явилась къ нему въ школу и заняла свою скамью, какъ ученица; но, очевидно, что на ея поступленіе сюда онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на знакъ особаго благоволѣнія къ нему и назидательный примѣръ для Млисъ и другихъ воспитанницъ и воспитанниковъ. Клити была уже вполнѣ взрослая дѣвушка. Наслѣдовавъ физическія качества своей матери, она, подъ вліяніемъ климата Красной горы, быстро разцвѣла и рано развилась физически. Вся молодежъ Покетъ Смита, для которой подобный видъ цвѣтка былъ рѣдкостью, вздыхала по ней въ апрѣлѣ и томилась страстью въ маѣ. Влюбленные въ нее молодые и среднихъ лѣтъ люди осаждали школу въ то время, когда кончались въ ней занятія; многіе изъ нихъ ревновали предметъ своей страсти къ учителю. Можетъ быть, это послѣднее обстоятельство раскрыло ему глаза и онъ сталъ смотрѣть на Клити, какъ на взрослую. Впрочемъ, и сама Клити безпрестанно старалась показать ему, что она обладаетъ искуствомъ плѣнять собой мужчинъ. Во время класса она рѣшительно требовала, чтобы занимались исключительно ею одною: у нея постоянно портились перья, почему она безпрестанно просила, чтобы ей дали новое или очинили старое, и свою просьбу сопровождала нѣжнымъ, умоляющимъ взглядомъ, предъ которымъ несомнѣнно долженъ былъ спасовать самый отъявленный мизантропъ; иногда—конечно, случайно—она клала свою бѣлую и круглую руку на руку учителя въ то время, какъ онъ прочитывалъ и поправлялъ написанное ею въ ея тетради; каждый разъ, какъ это случалось, она, покраснѣвъ, кокетливымъ движеніемъ головы, откидывала назадъ свои русые локоны. Не знаю, сказалъ-ли я, что учитель былъ еще молодой человѣкъ, — впрочемъ, это и не особенно важно: въ этой-же школѣ, гдѣ Клити брала свой первый урокъ, онъ получилъ суровое воспитаніе и всѣ чарующіе взгляды переносилъ съ стоицизмомъ истаго спартанца; впрочемъ, весьма вѣроятно, что на его аскетизмъ оказывала огромное вліяніе плохая пища, которою онъ вынужденъ былъ довольствоваться по своимъ ограниченнымъ средствамъ. Какъ-бы тамъ, однакожь, ни было, только онъ постоянно избѣгалъ Клити; но разъ вечеромъ она пришла въ школу за какой-то вещью, которую тамъ позабыла и которую отыскала только послѣ того, какъ учитель далъ ей слово проводить ее домой: на этотъ разъ, говорятъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько усилій, чтобы понравиться ей,—я полагаю, очень немного, но и этого немногаго было достаточно, чтобы прибавить горечи и желчи, которыя и безъ того уже слишкомъ обремеляли души поклонниковъ прекрасной Клитемнестры.

На утро, послѣдовавшее за этимъ сантиментальнымъ эпизодомъ, Млисъ не пришла въ школу; прошелъ и слѣдующій день—она не являлась. Клити, допрошенная о томъ, что сталось съ ея подругой, отвѣчала, что онѣ пошли въ школу вмѣстѣ, но капризная дѣвочка свернула куда-то въ сторону. Вечеромъ учитель зашелъ къ м-съ Морферъ, материнское сердце которой разрывалось на части отъ горя. М-съ Морферъ провела цѣлый день въ поискахъ, которые, однакожь, не привели ни къ чему; она не напала на слѣдъ бѣглянки. Призвали Аристида, котораго подозрѣвали въ соучастіи съ преступницей; но честный ребенокъ съ торжествомъ вышелъ изъ допроса и вполнѣ доказалъ свою невинность. М-съ Морферъ была убѣждена, что бѣдная малютка утопилась въ какомъ-нибудь каналѣ или, что еще, пожалуй, ужаснѣе, она грязна, покрыта пылью и забыла объ употребленіи мыла. Съ стѣсненнымъ сердцемъ учитель возвратился въ свою школу. Когда онъ зажегъ лампу и усѣлся за своей конторкой, онъ замѣтилъ, что на ней лежало письмо, адресованное на его имя. Письмо было испещрено каракулями и написано на листкѣ бумаги, очевидно, вырванномъ изъ старой записной книжки; во избѣжаніе непрошенной нескромности, оно было сложено на-глухо и запечатано шестью изломанными облатками. Письмо было отъ Млисъ. Развернувъ его почти съ нѣжностью, учитель прочиталъ ея оригинальное посланіе, полное граматическихъ ошибокъ.

«Уважаемый мистеръ,—писала она,—когда вы прочтете это, я убѣгу далеко, чтобы не возвращаться никогда, никогда, никогда! Вы можете отдать мой жемчугъ Мэри Дженингсъ, и мою гордость Америки (густо раскрашенная литографія на табачномъ ящикѣ)—Салли Фландерсъ, но ничего не давайте Клити Морферъ; не смѣйте и подумать объ этомъ. Хотите-ли знать мое мнѣніе на ея счетъ? Она въ полномъ смыслѣ слова противная. Вотъ все, что въ настоящую минуту говорить вамъ.

уважающая васъ Мелисса Смитъ».

Учитель размышлялъ надъ этимъ страннымъ посланіемъ до тѣхъ поръ, пока луна не выставила своего блестящаго лица изъ-за отдаленныхъ горъ и не освѣтила тропинки, ведущей къ школѣ и затвердѣвшей отъ постояннаго движенія по ней взадъ и впередъ маленькихъ ногъ. Онъ бросилъ на эту тропинку клочки изорваннаго имъ письма, потомъ нѣсколько успокоился и рѣшилъ, что ему слѣдуетъ дѣлать. Съ восходомъ солнца онъ отправился въ путь, пролагая себѣ дорогу черезъ пальмовидные папоротники и чрезъ густую чащу сосноваго лѣса, спугивая тамъ зайца, здѣсь разгоняя воронъ, которыя отвѣчали ему крикливымъ протестомъ, и, наконецъ, достигъ того мѣста въ лѣсной чащѣ, гдѣ онъ разъ встрѣтилъ Млисъ. Еще издали онъ узналъ опрокинутую сосну и ея бахромчатыя вѣтви, но тронъ былъ пустъ. Однакожь, когда онъ приблизился къ дереву, какая-то масса, которую онъ принялъ за вспугнутое животное, перескочила черезъ сухія вѣтви, быстро пробѣжала по свергнутому великану и такъ же быстро скрылась въ листвѣ сосѣдняго дерева. Учитель, достигнувъ старой сосны, нашелъ на ней гнѣздо, еще совсѣмъ теплое, а поднявъ голову къ верху, замѣтилъ бѣглянку, вскарабкавшуюся высоко на дерево. Нѣсколько времени они молча смотрѣли другъ на друга; наконецъ, она заговорила.

— Что вамъ отъ меня нужно? спросила она скороговоркой.

Учитель заранѣе приготовился отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Дикихъ яблоковъ и орѣховъ, отвѣчалъ онъ смиренно.

— Вы ихъ не получите. Убирайтесь. Почему вы не попросите ихъ у Клитеменерестры? (Млисъ видимо находила удовольствіе выражать свое презрѣніе прибавленіемъ буквъ къ достаточно уже длинному классическому имени своей подруги.) О, вы злой!

— Я голоденъ, Лисси. Я ничего не ѣлъ съ обѣда вчерашняго дня. Я умираю съ голода.

Молодой человѣкъ всей тяжестью своего тѣла налегъ на дерево, точно онъ не въ состояніи былъ держаться на ногахъ отъ истощенія.

Его слова и движеніе тронули сердце Млисъ. Въ горькіе дни своей бродячей жизни она не разъ дѣйствительно испытывала тѣ страданія, которыя онъ теперь съ такимъ талантомъ воспроизводилъ передъ нею искуственно. Она была обезоружена, это правда; однакожь, въ ней еще осталась доля недовѣрія.

— Пошарьте въ дуплѣ дерева, подлѣ себя, и вы найдете все, что вамъ нужно, сказала она,—но, смотрите, никому ни слова о томъ, что вы нашли здѣсь провизію.

Млисъ, подобно бѣлкамъ и крысамъ, хранила въ дуплѣ свои запасы провизіи. Учитель сдѣлалъ видъ, что онъ не можетъ двинуть ни однимъ членомъ, и для нея стало ясно, что безъ чужой помощи онъ не въ состояніи ничего найти. Млисъ сильно смутилась; на ея лицѣ выразилась нерѣшительность, но, подумавъ нѣсколько, она рѣзко спросила:

— Если я сойду съ дерева и отыщу вамъ пищу, дадите ли вы мнѣ слово, что вы меня не тронете?

Учитель отвѣчалъ утвердительно.

— Пусть поразитъ васъ смерть, если вы меня обманываете.

Онъ охотно согласился быть пораженнымъ молніей въ случаѣ клятвопреступленія. Убѣжденная въ своей безопасности, Млисъ сошла на землю и затѣмъ нѣсколько минутъ слышнѣе всего раздавался звукъ, производимый хрустѣніемъ орѣховъ на зубахъ учителя.

— Вамъ теперь лучше? спросила Млисъ съ нѣжной заботливостью.

Учитель сознался, что теперь онъ уже чувствуетъ себя вполнѣ подкрѣпленнымъ; важнымъ тономъ поблагодаривъ ее, онъ показалъ видъ, что намѣревается уйти. Какъ онъ и ожидалъ, она не замедлила позвать его. Онъ обернулся. Она стояла блѣдная, на ея широко открытыхъ глазахъ блестѣли крупныя слезы. Наступила благопріятная минута; онъ подошелъ къ ней близко, взялъ ее за обѣ руки, посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и сказалъ своимъ обычнымъ серьезнымъ тономъ:

— Лисси, помните ли вы тотъ вечеръ, когда вы первый разъ пришли ко мнѣ?

Она хорошо помнила этотъ вечеръ.

— Вы спросили меня, можете ли вы ходить въ школу, такъ какъ вамъ пришла охота учиться и сдѣлаться лучшей, чѣмъ вы были, и я вамъ отвѣтилъ...

— Приходите! прервалъ его ребенокъ съ живостью.

— Что отвѣтите вы, если учитель, въ свою очередь, скажетъ вамъ, что онъ чувствуетъ себя одинокимъ безъ своей маленькой ученицы и проситъ ее навѣщать его, что она нужна ему столько же, сколько онъ нуженъ ей?

Млисъ низко опустила голову и на нѣсколько мгновеній водворилось молчаніе. Учитель терпѣливо и спокойно ожидалъ ея отвѣта. Искушенный этой тишиной, заяцъ осмѣлился подойти совсѣмъ близко къ нимъ, сѣлъ на заднія лапы и сталъ пристально ихъ разсматривать. Бѣлка вскочила на опрокинутое дерево, пробѣжала половину его протяженія и остановилась въ выжидательной позѣ.

— Я буду ожидать васъ, сказалъ тихо учитель.

Она улыбнулась. Набѣжавшій вѣтеръ заколебалъ деревья и они закачали своими верхушками, лучъ свѣта скользнулъ между волнующимися древесными вѣтвями и упалъ на лицо дѣвочки, на которомъ все еще выражалась нерѣшительность. Вдругъ она сжала руку учителя и заговорила; едва ли учитель разслышалъ, что она говорила, но онъ откинулъ назадъ ея длинные черные волосы, закрывавшіе ея лобъ, и нѣжно поцѣловалъ ее. Затѣмъ они вмѣстѣ выбрались изъ темной лѣсной чащи и пошли по открытой дорогѣ, освѣщенной солнцемъ.

III.

Съ этой поры Млисъ стала менѣе враждебно относиться къ своимъ сверстницамъ и товарищамъ по школѣ, но съ Клитемнестрой продолжала держать себя постоянно въ наступательномъ положеніи. Можетъ быть, ревность, не

Картина В. ГАРДНЕРА.

На озерѣ.

вполнѣ еще утихшая въ ея маленькой страстной груди, побуждала ее поступать такимъ образомъ; но, можетъ быть, и то, что бѣлыя, пухлыя, округленныя шея и руки ея соперницы, выглядѣвшія такъ соблазнительно, невольно напрашивались на щипокъ. Однакожь, Миссъ, послѣ нѣсколькихъ выговоровъ учителя, отказалась отъ употребленія рѣшительныхъ средствъ и ея месть стала проявляться въ новой формѣ, дозволявшей избѣгать всякаго контроля со стороны учителя.

Изучивъ нравъ и привычки Миссъ, учитель не допускалъ, чтобы ее могла когда-нибудь занимать кукла; учитель, какъ и большинство проницательныхъ наблюдателей человѣческаго сердца, разсуждалъ лучше «a posteriori», чѣмъ «a priori». На самомъ же дѣлѣ, Миссъ имѣла куклу и эта кукла въ уменьшенномъ видѣ была сама Миссъ. Существованіе этой куклы долго было тайной для всѣхъ, но, наконецъ, м-съ Морферъ совершенно случайно открыла эту тайну. Старая подруга скитальческой жизни Миссъ носила на себѣ несомнѣнные слѣды страданія: ея первоначальная краска была стерта разрушительной силой времени и на ней лежалъ слой грязи, добытый со дна канавъ; однимъ словомъ, кукла вполнѣ походила на Миссъ прошлаго времени. Ея платье изъ поблеклой матеріи было засалено и изодрано, оно было совершенно такое, какое нѣкогда носила ея хозяйка; никто никогда не подмѣтилъ и не подслушалъ, чтобы Миссъ утѣшала свою куклу или показывала ей знаки своей нѣжности. Миссъ никогда не показывала ее никому изъ дѣтей; несчастная имѣла своимъ жилищемъ дупло дерева, растущаго не въ дальнемъ разстояніи отъ школы, и выходила оттуда на свѣтъ Божій только во время уединенныхъ прогулокъ своей хозяйки. Миссъ такъ же сурово выполняла свой долгъ къ своей куклѣ, какъ и къ самой себѣ; она не позволяла ей ни малѣйшей роскоши. М-съ Морферъ, увидѣвъ засаленную куклу Миссъ, купила ей новую. Она полагала, что этимъ подаркомъ доставитъ своей питомицѣ большое удовольствіе, но Миссъ довольно холодно приняла его. Однакожь, опытный наблюдатель могъ бы замѣтить, что въ глазахъ Миссъ блеснуло удовольствіе, когда она внимательно осмотрѣла новую куклу. Черезъ нѣсколько дней учитель, разсматривая эту куклу, нашелъ, что ея безмятежные синіе глаза и круглыя, пухлыя розовыя щеки и вообще вся голова представляютъ нѣкоторое сходство съ Клитемнестрой. Это сходство замѣтила также и Миссъ— что и вызвало въ ней удовольствіе,—и стала подвергать куклу различнымъ пыткамъ: то она била о камень ея голову, то, надѣвъ ей веревку на шею, тащила ее по землѣ, идя дорогой изъ дома въ школу и обратно, то клала ее на свой пюпитръ въ школѣ и въ ея невинное и терпѣливое тѣло вонзала булавки и иголки; въ этомъ случаѣ кукла замѣняла ей рабочую подушечку. Конечно, Миссъ не раздѣляла убѣжденій язычниковъ и не-язычниковъ, увѣренныхъ, что если они проткнутъ булавками куклу, долженствующую изображать собою извѣстное лицо, это лицо непремѣнно умретъ въ страшныхъ страданіяхъ. Миссъ производила всѣ эти неистовства надъ своей куклой изъ желанія досадить Клити, на которую кукла была похожа, что было не безъизвѣстно миссъ Клитемнестрѣ.

Но помимо всѣхъ этихъ странностей, Миссъ удивляла учителя своимъ прилежаніемъ, своимъ страстнымъ желаніемъ учиться, своей неутомимостью въ трудѣ. Ей были незнакомы робость и колебанія дѣтства; свои уроки въ классѣ она отвѣчала смѣло, безъ запинки; при ея пытливости, она безпрестанно задавала учителю вопросы, на которые онъ не всегда находилъ немедленные отвѣты. Конечно, она часто ошибалась, но смѣлость и самоувѣренность, съ которыми она кидалась въ глубину, на которую съ чувствомъ страха смотрѣли окружавшіе ее маленькіе пловцы, ея товарищи, всегда выручали ее и она выходила побѣдительницей изъ труднаго плаванія.

Смѣлость и рѣшительность столько-же поражаютъ дѣтей, сколько и взрослыхъ, и они всегда съумѣютъ дать ей правильную оцѣнку. Всякій разъ, какъ Миссъ поднимала вверхъ свою маленькую красную руку, требуя слова, въ классѣ водворялась тишина и на лицахъ дѣтей появлялось выраженіе удивленія; самъ учитель, слушая ее, нерѣдко сомнѣвался въ своей опытности и въ вѣрности усвоеннаго имъ мнѣнія по извѣстному вопросу. При всемъ томъ, нѣкоторыя обстоятельства, сперва забавлявшія, его стали теперь внушать ему серьезное безпокойство. Онъ не могъ не сознавать, что Миссъ была мстительна, высокомѣрна и своевольна; но въ ней были и хорошія качества, впрочемъ, нераздѣльныя съ полудикой натурой: большой запасъ энергіи и преданности; кого она считала достойнымъ своего уваженія, того уважала безпредѣльно. Миссъ была мужественна и искренна въ самомъ благороднѣйшемъ значеніи этихъ словъ; эти качества проявлялись въ ней цѣльно, полно, они взаимно дополняли одно другое.

Учитель много размышлялъ насчетъ мучавшихъ его сомнѣній и, наконецъ, пришелъ къ тому заключенію, къ которому въ подобныхъ случаяхъ всегда приходятъ люди прямодушные, т. е. что, несмотря на свое развитіе, онъ все-таки остался рабомъ собственныхъ предубѣжденій. Зачѣмъ онъ рѣшился попросить совѣта у достопочтеннаго Мак-Спалея. Это рѣшеніе оскорбляло его гордость, потому что онъ никогда не питалъ особенной дружбы къ Мак-Спалею, но дѣло шло о Миссъ; въ его воображеніи она постоянно представлялась ему въ томъ печальномъ видѣ, въ какомъ она явилась передъ нимъ въ достопамятный вечеръ ихъ перваго свиданія,—и онъ отбросилъ въ сторону всякія колебанія и сомнѣнія. Проникнутый предразсудкомъ, — впрочемъ, совершенно простительнымъ, — что не простой случай привелъ ее въ тотъ вечеръ къ нему въ школу, увлекаемый великодушнымъ чувствомъ, всецѣло охватившимъ его, онъ поборолъ свою гордость и отправился къ Мак-Спалею. Достопочтенный пасторъ былъ очень радъ его видѣть; онъ тотчасъ-же замѣтилъ своему почтенному другу, что у него печальное лицо, — «вѣроятно, вы страдаете нервами или ревматизмомъ»? сказалъ онъ. Самъ достопочтенный пасторъ только-что избавился отъ лихорадки, овладѣвшей имъ въ день послѣдней конференціи; конечно, онъ поручилъ себя Провидѣнію, пребывалъ въ молитвѣ и, не употребляя никакихъ средствъ, къ какимъ прибѣгаютъ люди слабые, получилъ облегченіе отъ тяготившаго его недуга. Послѣ нѣкотораго молчанія, которое водворилось вслѣдъ за тѣмъ, какъ учитель сообщилъ рецептъ отъ лихорадки, и необходимаго для того, чтобы Мак-Спалей могъ удержать въ памяти этотъ рецептъ, — достопочтенный пасторъ обратился къ своему коньку: къ нескончаемымъ похваламъ сестрѣ Морферъ.—Она была украшеніемъ христіанства; отъ ея юныхъ дѣтей слѣдовало ожидать въ будущемъ очень много хорошаго... а какъ прекрасно воспитана миссъ Клити, какъ она деликатна, какъ она кротка!.. Онъ не считалъ себя способнымъ вполнѣ оцѣнить высокія достоинства Клити!.. Казалось, не будетъ конца похваламъ добродѣтельному семейству; м-ръ Мак-Спалей былъ неистощимъ, когда принимался говорить на эту тему. Учитель находился въ затруднительномъ положеніи. Мак-Спалей съ такимъ жаромъ говорилъ о достоинствахъ Клити, что было неблагоразумно обратить его вниманіе на такое бѣдное добродѣтелями существо, какъ высокомѣрная гордянка Миссъ; къ тому-же въ слащавомъ тонѣ, какимъ описывалъ Мак-Спалей красоту и добродѣтели старшей миссъ Морферъ, была нота, которая сильно не нравилась учителю, она производила на него отталкивающее впечатлѣніе; такъ-что, послѣ тщетной попытки направить разговоръ на другіе предметы, учитель рѣшилъ, что пора удалиться. Онъ простился съ хозяиномъ, не заикнувшись о томъ, что пришелъ къ нему за совѣтомъ. Выйдя на улицу, въ досадѣ, что не нашелъ того, чего искалъ, онъ совершенно несправедливо разсердился на Мак-Спалея, точно тотъ, и въ самомъ дѣлѣ, отказалъ ему въ требуемомъ совѣтѣ.

Эта неудача послужила къ укрѣпленію тѣсной связи между учителемъ и его ученицей; въ отношеніяхъ ихъ между собою снова водворилась прежняя искренность. Однакожь, дѣвочка не замедлила замѣтить перемѣну, происшедшую въ обращеніи съ нею учителя, что ее крайне раздосадовало. Разъ, когда они прогуливались вмѣстѣ, она внезапно остановилась, сѣла на пень, случившійся на ихъ дорогѣ, и уставилась на учителя своими большими, проницательными глазами.

— Вы не сумасшедшій? сказала она, сопровождая свой вопросъ такимъ энергическимъ движеніемъ головы, что ея черныя косы откинулись далеко въ сторону. — Нѣтъ. — Ну такъ, можетъ быть, вы скучаете? — Нѣтъ. — Можетъ быть, вы голодны? (Миссъ считала голодъ такой болѣзнью, которая въ каждый моментъ могла захватить человѣка.)—Нѣтъ.—И вы не думаете о ней? — О комъ, Лисси?—Объ этой бѣлобрысой (это было послѣднее прозвище, изобрѣтенное сильной брюнеткой Миссъ бѣлокурой Клитемнестрѣ).—Нѣтъ. —Даете честное слово?—Да.

Послѣ этого Миссъ свирѣпо поцѣловало его и, соскочивъ на землю, убѣжала. Два или три дня, послѣдовавшіе за этой прогулкой, Миссъ старалась походить на другихъ дѣтей, т. е. «быть умной», какъ она говорила.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Паскарель.

Романъ Уида.

(Переводъ **А. А. Разсказовой**.)

(*Продолженіе.*)

V.

Маленькая Брунота казалась мнѣ всегда невинной, беззаботной, веселой бабочкой, танцующей всю свою жизнь между сучьями магноліи и надъ полями маиса. Она была глубоко-невѣжественна, безконечно добродушна, всегда довольна и относилась къ своему неприглядному существованію съ легковѣріемъ молодости и со всею упругостью натуры, которая, кажется, возрастаетъ пропорціонально бѣдности и невѣжеству. Брунота, обладавшая только хорошенькимъ личикомъ и парою легкихъ ногъ, могшею вытанцовывать по вечерамъ достаточно для дневного пропитанія, была всегда счастлива, какъ могъ бы быть счастливъ счастливецъ, открывшій золотую урду, или научную истину.

Брунота, видя меня и Паскареля любующихся солнечнымъ закатомъ или воздушной лучезарностью ночи, передергивала плечами и шла посмотрѣть довольно ли луку положено въ супъ, или не взяла ли трактирщица нашу флягу съ виномъ, чтобы разбавить его водою.

Не смотря на все уваженіе къ Паскарелю, Брунота не пренебрегала грубыми комплиментами молодыхъ людей тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя мы проходили и не разъ случалось, что при нашемъ неожиданномъ возвращеніи домой, она убѣгала съ подозрительной быстротой и юркостью за уголъ сада или въ ворота дома, оставляя на мѣстѣ коренастаго крестьянина въ ко-

ричневомъ плащѣ съ красными рукавами рубашки, похлопывающаго бичемъ надъ головою мула съ робкимъ взглядомъ и сознаніемъ своей виновности.

Паскарель, видя ея недостатки, никогда не бранилъ ее за нихъ, а обращался съ нею съ постояннымъ снисхожденіемъ и добродушной забывчивостью, какъ съ ребенкомъ, котораго жаль бранить, и съ которымъ нельзя разсуждать или посовѣтываться. Я искренно любила ее; она тоже всегда была добра ко мнѣ и обращалась со мною съ почтительнымъ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ сердечной фамильярностію. Она неутомимо прислуживала мнѣ, приготовляла мнѣ болѣе изысканную пищу, чѣмъ для себя. Когда же какой нибудь изъ ея обожателей приносилъ ей подарки съ сельской ярмарки, или фрукты изъ своего сада, она выбирала для меня лучшее и упрашивала принять.

— Это ничего не стоитъ, право ничего не стоитъ, но доставьте мнѣ это удовольствіе! настаивала она.

Я увѣряла, что мнѣ очень нравится какое нибудь украшеніе изъ глины или яркій платокъ, нужный мнѣ столько же, сколько статуямъ на площади.

Разъ она принесла мнѣ болѣе изящный подарокъ — украшеніе для волосъ во вкусѣ сицильянокъ изъ настоящаго серебра. Взявъ его въ руки, я прикрѣпила имъ по сицилійски свои волосы. Это было очень красиво, я такъ и сказала.

— Пожалуста, оставьте его у себя, синьорина! упрашивала она въ двадцатый разъ.—Пожалуста оставьте! Посмотрите! Мнѣ подарили также коралы—настоящіе коралы. Они идутъ ко мнѣ гораздо больше. А эта серебряная вещица слишкомъ хрупка для меня.

Былъ праздникъ Сан-Жіовани, флорентинскаго святого. Стоялъ великолѣпный лѣтній день, пріятно освѣжаемый легкимъ морскимъ вѣтромъ. Цѣлый день мы гуляли, смѣялись, пѣли пѣсни, ѣли и пили подъ деревьями и смотрѣли на увеселенія толпы, совсѣмъ по язычески праздновавшей день своего святого. Паскарель въ ладъ съ общимъ настроеніемъ, веселился болѣе всѣхъ, развеселяя и самыхъ мрачныхъ. Онъ предсказывалъ будущее, продавалъ ярмарочные товары, одѣлялъ дѣтей конфектами, игралъ танцы на своей мандолинѣ, запѣвалъ пѣсни, стоя на винномъ боченкѣ въ тѣни остролиста, въ то время, какъ тутъ же невдалекѣ ягненокъ жарился на цыганскомъ огнѣ, а сизыя сливы и вишни изъ Прато выглядывали изъ темной тростниковой корзинки.

Паскарель не былъ бы настоящимъ итальянцемъ, еслибъ, при всемъ его добродушіи и веселости въ немъ не тлѣли сильныя страсти, готовыя вспыхнуть при первомъ дуновеніи. Хотя я кочевала съ нимъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, но рѣдко видала его не въ духѣ и ни разу сердитымъ. Сегодня мнѣ привелось узнать, каковъ онъ въ гнѣвѣ. Когда мы спѣшили на бѣгъ разнузданныхъ лошадей, Паскарель въ первый разъ замѣтилъ новыя украшенія, ярко блиставшія на солнцѣ на насъ обѣихъ. Онъ круто остановился посреди зеленой тропинки.

— Откуда на васъ это украшеніе, сударыня? спросилъ онъ меня съ сдержаннымъ гнѣвомъ.

— Брунота дала его мнѣ сегодня утромъ, отвѣчала я, не придавая значенія своему отвѣту.

Онъ же, какъ видно, придавалъ ему большое, потому что рѣзко обернулся къ Брунотѣ, шедшей позади съ двумя мальчиками.

— А кто далъ вамъ его, Брунота? спросилъ онъ.—Откуда у васъ эти, какъ видно, совершенно новыя, кораловыя и серебряныя бездѣлушки?

Брунота сильно покраснѣла черезъ густой слой загара и, какъ подстрѣленная утка, переминалась безпокойно съ ноги на ногу.

— Роселло Брунъ далъ ихъ мнѣ, отвѣчала она.

— Роселло Брунъ! кто это такой? спрашивалъ Паскарель, останавливаясь въ тѣни остролиста съ гнѣвными глазами и безпокойнымъ нетерпѣніемъ во всѣхъ его подвижныхъ чертахъ.

— Братъ Анунціаты Брунъ, морякъ. Онъ теперь съ родными въ Сдручіоло, только что вернулся изъ Сициліи и привезъ эти вещи. Онъ видѣлъ синьорину съ вами на улицѣ и нашелъ ее красавицей, а со мной онъ давно, очень давно друженъ. Коралы онъ привезъ для меня, а серебряный головной уборъ для синьорины. И что же тутъ дурного. Другія женщины берутъ все, что попадетъ въ ихъ руки...

— А съ какого времени вы стали подражать имъ? спросилъ Паскарель.

Я не знала, что его голосъ могъ звучать такъ строго, или глаза его выражать такую ярость, какая видна была теперь, когда онъ стоялъ передъ испуганной дрожащей Брунотой.

Ея взглядъ безпокойно блуждалъ съ мѣста на мѣсто, избѣгая встрѣчи съ взглядомъ Паскареля: вдругъ ея смущенное лицо просвѣтлѣло, она замѣтила предметъ, на который могла отвлечь его гнѣвъ.

— Вотъ бѣдный Роселло! сказала она коварно.—Подите, браните его: виноватъ онъ, а не я!

Она указала на загорѣлаго, коренастаго человѣка въ матросскомъ платьѣ, стоявшаго въ толпѣ у шеста, на которомъ акробатъ въ блестящей одеждѣ выдѣлывалъ свои штуки.

Паскарель, не говоря ни слова, снялъ украшенія съ шеи и рукъ Бруноты, пригласивъ меня жестомъ сдѣлать тоже, и съ этими вещами въ рукахъ быстрыми шагами направился черезъ поле къ мѣсту представленія. Нами овладѣлъ неизъяснимый ужасъ, а Брунота, всегда легко плакавшая, зарыдала.

Пройдя черезъ толпу къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ матросъ, Паскарель бросилъ украшенія прямо въ лицо молодому человѣку. Шумъ толпы не позволялъ намъ слышать словъ, но свободное пространство между гимнастомъ и зрителями позволяло ясно видѣть противниковъ.

Сициліянецъ стоялъ съ минуту неподвижно, ослѣпленный, вѣроятно, блескомъ украшеній мелькнувшихъ передъ его глазами, но едва серебро и кораллы упали на землю, какъ морякъ выдернулъ изъ-за пояса ножъ. Мы видѣли обнаженное лезвее, блеснувшее въ жаркомъ воздухѣ, какъ языкъ змѣи. Брунота вскрикнула, закрыла глаза и, упавъ на колѣни, призывала матерь Божію; я же не издала ни звука. Я стояла и смотрѣла, не мигая, съ широко раскрытыми глазами.

Прежде, чѣмъ кинжалъ дошелъ до груди Паскареля, онъ, сдѣлавъ ловкій скачекъ, схватилъ въ воздухѣ руку противника и держалъ ее въ своей, какъ въ тискахъ; потомъ, обхвативъ другой рукой Роселло, бросилъ его на землю съ такой силой, что не смотря на шумъ толпы, глухой звукъ паденія донесся до насъ. Оружіе, вырванное изъ рукъ сициліянца, онъ переломилъ на своемъ колѣнѣ и далеко забросилъ обломки.

Затѣмъ спокойный, безъ слѣдовъ гнѣва на блѣдномъ лицѣ, Паскарель подошелъ къ намъ, напѣвая про себя одну изъ моихъ пѣсенъ.

— Не принимайте болѣе подарковъ Брунота, сказалъ онъ мягко.—Это очень дурно со стороны тѣхъ, кто даетъ ихъ вамъ. Пойдемте смотрѣть на бѣгъ.

Ревность?... Когда я услыхала это слово, переходящее изъ устъ въ уста между свидѣтелями борьбы, я чувствовала, какъ покраснѣли мои щеки и какъ усиленно забилось мое сердце. Никакой мужчина не ревнуетъ свою сестру (Брунота была его сестрой), и такъ его гнѣвъ былъ изъ-за меня? Чтобы утѣшить Бруноту, Паскарель купилъ ей въ тотъ день вечеромъ роскошное серебряное ожерелье и большую нитку янтарей съ медальономъ Мадонны, висящемъ на цѣпочкѣ. Для меня же онъ купилъ великолѣпную снѣжнобѣлую, только что распустившуюся, магнолію съ ароматнымъ запахомъ.

— Вотъ кубокъ годный для тульскаго короля, сказалъ онъ, подавая ее мнѣ.

Ожерелье стоило не дешево, а цвѣтокъ мѣдную монету; но я не промѣняла бы свою магнолію на всѣ сокровища Голконды.

VI.

Иногда за Паскарелемъ приходили изъ какого нибудь стариннаго, одиноко стоящаго замка, расположеннаго на скатѣ безлѣснаго, выжженнаго солнцемъ холма,—приглашая его придти туда, позабавить владѣльца, зѣвающаго весь безконечный день въ просторныхъ залахъ въ монотонной тишинѣ, нарушаемой только звукомъ пронзительнаго пиленья крыльевъ саранчи и паденія воды въ фонтанъ на дворѣ. Паскарель всегда съ пренебреженіемъ отвѣчалъ на такое приглашеніе:

— Синьоръ можетъ придти ко мнѣ, говорилъ онъ.—Взбираться по солнцу на этотъ холмъ, чтобы поклониться дону Антонію или Лоренцу, когда онъ просыпается отъ своей сіесты, накушавшись жирныхъ перепеловъ!? Горячиться и шумѣть до солнечнаго заката надъ французскими глупостями и флорентинскими шутками въ присутствіи синьера, чтобы получить въ награду зѣвокъ и заключеніе, что, однакожъ, я не такъ худъ для странствующаго актера, и сострадательное удивленіе, отчего до сихъ поръ не попробовалъ счастья на сценѣ большого театра!? Нѣтъ. Этого я не сдѣлаю. Если синьоръ желаетъ лопнуть отъ смѣха, пусть спускается сюда къ моему деревянному дому и посмотритъ, можно-ли здѣсь забавляться. Я то уже къ нимъ, конечно, не пойду, это вѣрно.

И онъ никогда не ходилъ, частію по своему упрямству, частью же, не смотря на свой флорентинскій республиканизмъ, по нежеланію, болѣе или менѣе сильному въ немъ, какъ послѣднему изъ могущественныхъ Паскарелей, преклоняться въ костюмѣ комедіянта тамъ, гдѣ его предки пировали какъ равные или входили съ тріумфомъ побѣдителями.

Разъ только онъ нарушилъ это правило. Мы блуждали въ горахъ, окружающихъ храбрый городокъ Лукку. Нѣсколько разъ присылали за нимъ изъ одной горной виллы, прося придти туда, такъ какъ единственный сынъ и наслѣдникъ, больное дитя, не можетъ выходить изъ дому чтобы развлечься и позабавиться. Паскарель долго упорствовалъ, наконецъ, состраданіе взяло верхъ надъ личной непріязнью и осторожностью.

Вилла, стоявшая высоко на горѣ, казалась унылой, полуразрушенной снаружи, внутри же была полна того очарованія древности, тишины и обширности, которыя составляютъ ихъ неотъемлемую принадлежность. Мы вошли въ большой дворъ виллы при послѣднихъ лучахъ закатывающагося солнца. Паскарель напѣвалъ пѣсню лаццарони подъ акомпаниментъ мандолины.

Намъ принесли вина и мяса въ большую открытую бесѣдку въ тѣни фиговыхъ деревьевъ, увивавшихъ своими листьями потемнѣвшую позолоту травентинскаго карниза. Потомъ насъ привели въ большую залу съ возвышенной платформой на одномъ концѣ, долженствовавшей служить намъ сценой. Здѣсь, кромѣ сына хозяина-калѣки, внесеннаго слугами въ креслѣ, было много веселыхъ гостей.

Паскарель видѣлъ, что его заманили обманомъ забавлять сборище праздныхъ людей, но отступленіе было уже невозможно. Онъ обѣщалъ играть и дѣйствительно игралъ въ двухъ самыхъ коротенькихъ, чрезвычайно остроумныхъ, веселыхъ пьесахъ. Какъ ѣдки были его стихи, въ

этотъ вечеръ, падавшіе въ изобиліи съ его гибкихъ губъ, какъ цвѣтъ миндальнаго дерева при апрѣльскомъ вѣтрѣ! Никогда не видала я его такимъ злымъ, юмористичнымъ, утонченнымъ, никогда его язвительная сатира не звучала такъ изысканно, такъ тонко.

— Ловкій плутъ, сказалъ одинъ изъ гостей, сидя въ тѣни увитаго виноградомъ окна, подъ которымъ я стояла а другой, соглашаясь, прибавилъ:

— Бомарше и Леметръ вмѣстѣ. Что онъ здѣсь дѣлаетъ, кочуя съ своимъ балаганомъ? Дурень, могъ бы заработывать сотни франковъ въ Парижѣ въ одинъ вечеръ?

Представленіе кончено, его вызываютъ опять и опять на деревянную платформу, служившую ему сценой и не удовольствуясь этимъ, посылаютъ слугу звать его къ себѣ въ залу. Но Паскарель рѣшительно отказывается.

— Подите и скажите вашимъ синьорамъ, что я кланяюсь имъ на сценѣ, потому что принадлежу моей публикѣ и искуству; но въ ту минуту, какъ я кончаю играть, я перестаю быть артистомъ, и со мной у нихъ не больше общаго, какъ съ его святѣйшествомъ папой.

Когда слуга передалъ имъ этотъ отвѣтъ, вѣроятно, въ смягченномъ видѣ, они пришли сами, чтобы посмотрѣть на этого упрямаго бродягу, такъ презрительно отказывающагося отъ приглашенія, которое онъ долженъ бы считать за приказаніе.

Паскарель встрѣтилъ ихъ съ своей откровенной, небрежною манерой не измѣнявшейся ни для крестьянина, ни для вельможи. Эти господа употребляли всѣ средства, чтобы узнать его исторію и что заставило его съ его талантомъ бродить по странѣ, тогда какъ онъ былъ бы принятъ съ радостію на извѣстнѣйшихъ театрахъ Европы. Но Паскарель, какъ истый итальянецъ, бывалъ по временамъ столь же непроницаемъ, сколько прозраченъ въ другихъ случаяхъ.

Одинъ изъ гостей, красивый молодой человѣкъ, иностранецъ, напоминавшій мнѣ что-то знакомое между любезностями успѣлъ узнать отъ меня гораздо больше о жизни, которую ведетъ Паскарель, чѣмъ его друзья отъ самого Паскареля. Узнавъ, что я иногда пою въ нашемъ театрѣ, и что народъ зоветъ меня «учелло», онъ принесъ мандолину и усиленно просилъ пропѣть ему хотя одну пѣсню. Я взглянула на Паскареля; лицо его помрачилось.

— Вы же поете для деревенскихъ жителей, отчего же не хотите спѣть для насъ? упрашивалъ меня молодой человѣкъ, кидая на меня взгляды, будившіе во мнѣ какое-то воспоминаніе.—Мнѣ кажется, что вашъ импрессаріо бережетъ прекраснѣйшую звѣзду своего гистріоническаго неба для собственнаго удовольствія; это едва ли справедливо по отношенію къ слушателямъ и къ самой звѣздѣ.

— Мое гистріоническое небо не открываетъ своихъ воротъ за золото. Я пришелъ сюда позабавить больного мальчика и нашелъ, что меня заманили обманомъ, чтобы скоротать скучные часы толпы людей праздныхъ. Я далъ вамъ, что хотѣлъ, и не дамъ ничего болѣе. Положите деньги, которыя вы мнѣ заплатили бы, въ кружку длябѣдныхъ и не забывайте синьоры, что Флоренція еще никогда не повиновалась чуждымъ приказаніямъ.

Съ этимъ порывомъ гнѣва, собиравшагося цѣлый вечеръ, хотя не было достаточнаго предлога высказать его раньше, онъ взялъ мандалину изъ моихъ рукъ, приказывая знакомъ двумъ мальчикамъ слѣдовать за нимъ. Поклонившись владѣльцу виллы и взявъ меня за руку, онъ съ спокойной граціей вывелъ меня изъ дому.

Владѣлецъ виллы и его гости, которыхъ Паскарель оставилъ такъ внезапно, были слишкомъ удивлены, чтобы могли отвѣтить ему. Правда, вслѣдъ за нами былъ посланъ слуга съ щедрой платой и даже съ серебряной табакеркой съ собственнымъ гербомъ графа, но Паскарель бросилъ ихъ съ такимъ презрѣніемъ и съ такимъ потокомъ огненныхъ словъ, что посланный убѣжалъ въ страхѣ, говоря что во всю свою жизнь никогда не видалъ, чтобы флорентинецъ отказывался отъ денегъ.

Когда же мы молча спустились по ступенямъ бѣлой терассы и по кипарисной аллеѣ, Паскарель повернулся ко мнѣ съ непривычной для меня рѣзкостію.

— Что заставило васъ, смотрѣть такъ внимательно на дерзкаго дурака, заставлявшаго васъ пѣть? Вы уже хотѣли исполнить его приказаніе!

— У него глаза и взглядъ моего отца, отвѣчала я задумчиво.

— Ахъ! только-то! засмѣялся Паскарель.

Только-то! мнѣ это казалось очень много. Во мнѣ все еще жила фантазія, что когда-нибудь важные господа, къ которымъ безъ сомнѣнія принадлежалъ и мой отецъ, появятся и потребуютъ меня къ себѣ.

— За что вы такъ разсердились на нихъ, отвѣчала я Паскарелю вопросомъ.—Они не хотѣли вамъ зла, и я слышала, какъ одинъ изъ нихъ говорилъ, что съ вашимъ геніемъ вы могли бы въ одинъ вечеръ заработывать въ Парижѣ сотни франковъ.

Я замѣтила при лунномъ свѣтѣ какъ улыбка презрѣнія появилась на его подвижныхъ губахъ.

— Если бы я заработывалъ тысячи, я все же лишился бы свободы.

— За то пріобрѣли бы извѣстность.

— Извѣстность! Да какъ разукрашенный быкъ на масляницѣ, котораго сначала водятъ съ музыкой, а потомъ съѣдаютъ вареннымъ или жаренымъ. День въ цвѣтахъ карнавала затѣмъ топоръ мясника и уничтоженіе на зубахъ человѣческаго забвенія. Слава актера стольже кратковременна, какъ слава быка. Но, можетъ быть, если вы желаете, милая дѣвушка, можетъ быть...

— Можетъ быть что?

— Можетъ быть я отправлюсь когда-нибудь за своимъ карнавальнымъ торжествомъ, рискуя быть потомъ убитымъ, если вамъ придетъ фантазія вашими нѣжными пальчиками управлять моими бумажными лаврами. Можетъ быть. Почемъ знать?

Проходя мимо своего театра, Паскарель взглянулъ на развѣвающійся на немъ флагъ.

— Я сказалъ вамъ истину, продолжалъ онъ съ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ,—въ ту ночь, какъ увидѣлъ васъ въ первый разъ, что искуство, цѣнимое на золото, мѣняетъ крылья Меркурія на ременную сбрую осла; правда, оселъ, не смотря на оковы, можетъ жирѣть, но это все, что онъ можетъ дѣлать. Къ сожалѣнію, женщины всегда предпочитаютъ ожиреніе—полету.

VII.

Съ Иванова дня обращеніе со мной Бруноты измѣнилось; она относилась ко мнѣ холодно, почти съ отвращеніемъ; что я ни дѣлала, что ни говорила, не могла добиться отъ нея ни одной улыбки.

Паскарель и она представляли собою два различные полюса, они путешествовали вмѣстѣ, играли вмѣстѣ, жили, смѣялись вмѣстѣ, никогда не понимая, что дѣлается въ душѣ другого.

Мы стояли въ Ареццо. Оставивъ жирную паву вариться въ зелени въ маленькой кострюлькѣ подъ наблюденіемъ Бруноты, мы — Паскарель и я—отправились по древнимъ улицамъ, разговаривая о Масенѣ, о Петраркѣ и веселомъ Бакко и сожалѣли о старинномъ благородномъ соборѣ разрушенномъ до основанія благодоря страсти Медичи къ войнѣ, Паскарель былъ грустенъ въ этотъ день, вслѣдствіе небольшой ссоры съ Брунотой; меланхолическое настроеніе было въ немъ рѣдкостію, но тѣнь, которую оно бросало на него, была глубока. Въ такіе дни обыкновенно онъ бывалъ рѣзокъ, часто выражалъ свое презрѣніе даже къ такимъ вещамъ, которыя не стоили его; сегодня же, напротивъ, онъ былъ кротокъ и глаза его останавливались на мнѣ съ тихою грустью.

Мы долго напрасно искали могилу Спинелло; какъ и соборъ, она сравнялась съ землею.

— Это та самая страна, говорилъ Паскарель, смотря на сѣверъ и на югъ,—такая же точно обстановка, какъ въ тѣ времена, когда Масена родился здѣсь и Плиній разсуждалъ на тѣхъ холмахъ, въ тѣни деревьевъ. Городъ два раза былъ разрушаемъ и два раза отстраивался за ново, хотя и новѣйшій такъ старъ, что мы не можемъ отыскать могилу Спинелло; но я полагаю, что страна нисколько не измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ о ней писалъ Ливій. Какую большую книгу могъ бы написать ученый объ Ареццо! Здѣсь, смѣняя одна другую, протекала жизнь этрусская, римская и средневѣковая! Какъ безчисленны и оригинальны типы эпохи Возрожденія: Исторія одного этого города можетъ быть исторіей всей Италіи со всѣми ея удивительными превратностями и противорѣчіями... Кстати я слышалъ, что открылась новая этрусская могила въ той оливковой рощѣ, гдѣ вы видите кучку людей. Судя по украшеніямъ, это могила короля. А мнѣ хотѣлось бы знать что-нибудь о мастерѣ, дѣлавшемъ эти украшенія. Что за люди были прежніе золотыхъ дѣлъ мастера, искуство которыхъ приводитъ въ отчаяніе нынѣшнихъ? Грѣлись ли они также, какъ и мы, на солнцѣ, слушая пѣсни кузнечиковъ? Работали ли они изъ любви къ искуству или изъ алчности къ блестящему металлу? Какая нѣжная грусть витаетъ надъ старинной Этруріей! Цѣлый народъ исчезъ съ лица земли, оставивъ послѣ себя нѣсколько мирно усопшихъ, превращавшихся въ прахъ при прикосновеніи воздуха и небольшую кучку золотыхъ цѣпей, не подверженныхъ ни ржавчинѣ, ни измѣненію отъ времени. Ихъ храмы, дворцы, ихъ законы, арміи, даже ихъ исторія, все погибло; живы и блестятъ только эти ихъ золотыя игрушки. Боже мой! какъ чуденъ свѣтъ! Одно только: эти чудеса — дѣти Смерти—замораживаютъ насъ при своемъ прикосновеніи.

Такъ онъ высказывалъ свои странныя мысли, лежа на скатѣ холма въ тѣни городскихъ стѣнъ.

— Когда жаръ спадетъ, мы пойдемъ посмотримъ на эту этрусскую могилу, сказалъ онъ, наблюдая за ящерицей.—Напрасно мы искали бы цѣлую недѣлю могилу Спинелло, она изчезла, докончилъ онъ съ грустью.

Паскарель долженъ былъ играть въ этотъ вечеръ. Странная фантазія пришла ему въ голову. Въ послѣднюю минуту, когда была его очередь выходить на сцену, онъ бросилъ яркую одежду, надѣтую для веселенькой пьески, накинулъ флорентинскій плащъ и съ мандолиной въ рукахъ вышелъ къ рампѣ. Онъ взялъ нѣсколько тихихъ, далеко слышныхъ акордовъ, чтобы вызвать молчаніе въ толпѣ, наполнявшей Арте, который стоялъ въ этотъ вечеръ безъ крыши, открытый дыханію тихой лѣтней ночи. Онъ началъ говорить, сначала совершенно спокойно съ опущенными глазами, полный воспоминаній прошлаго; голосъ его звенѣлъ, какъ колокольчикъ. На него снизошло вдохновеніе импровизатора, слова ложились какъ бы сами собой въ правильный ритмическій размѣръ. Стихи естественны въ итальянцѣ, какъ смѣхъ въ ребенкѣ, или слезы въ женщинѣ. Прахъ умершаго короля далъ тему грустную и нѣжную, которую его богатая фантазія разнообразила всевозможными размышленіями и метафорами. Вся жизнь древнихъ вѣковъ оживала въ его словахъ. Изчезнувшій народъ неизвѣстной Этруріи существовалъ опять въ его страстной фантазіи.

— «Жилъ золотыхъ дѣлъ мастеръ въ этрусскомъ Ареццо, говорилъ онъ.—Деликатный металлъ гнулся въ его рукахъ, какъ нити ткани паука. Онъ былъ бѣденъ и одинокъ, но совершенно счастливъ; у дверей его росла старая маслина и въ тѣни ея онъ работалъ цѣлые дни: золото въ рукахъ его было, какъ волосы дѣвушки, онъ разговаривалъ съ нимъ, ткалъ его, любилъ его. Разъ проѣзжала мимо королевская дочь, лошадь ея остановилась напиться у его колодца. Она поѣхала дальше, не замѣтивъ его; но его маслина съ этой поры перестала быть деревомъ мира у его порога. Съ этой поры онъ не отходилъ отъ дверей храмовъ и дворцовъ, такъ что королевскіе слуги гоняли его палками. Онъ не могъ болѣе работать, обнищалъ, а его маслина скучала по немъ и увядала, сѣрая и безполезная, какъ сѣдая борода умершаго старика. Случился въ ту пору голодъ въ обширныхъ равнинахъ Тосканы и Умбріи, гдѣ желтыя волны пшеницы разстилаются такъ широко и далеко; весь народъ молился доброму божеству, проклятіе котораго тяготѣло надъ выжженной голой землей. И оракулы въ храмахъ заговорили: «Пусть сдѣлаютъ снопъ ржи изъ золота и свяжутъ его двѣнадцатью тысячами золотыхъ нитей тоньше паутины, и земля зацвѣтетъ и принесетъ богатую жатву». Въ Этруріи было много золотыхъ дѣлъ мастеровъ, сотни ихъ принимались за дѣло и все неудачно, потому что, кто же съумѣетъ обработать такъ золото, что ткань паука покажется менѣе тонкой, болѣе прочной? Тогда тотъ, кто любилъ королевскую дочь, приподнялся изъ своего злополучія, припомнилъ старое искусство и сказалъ: «Дайте мнѣ золота, я попробую». Сперва смѣялись надъ нимъ, бѣднымъ, полураздѣтымъ паріей, едва существующимъ подъ солнцемъ... Но голодъ все увеличивался; городъ былъ наполненъ стенаніями; матери убивали своихъ дѣтей, чтобы не слышать ихъ раздирающихъ криковъ. Король устало сошелъ съ печальнаго трона и сказалъ: «Дайте нищему золота, пусть попробуетъ; намъ не будетъ хуже, если ему неудастся, мы все равно погибаемъ...» Ему дали золота и онъ заперся одинъ на шесть дней, на седьмой онъ отворилъ дверь и вышелъ на солнечный свѣтъ къ большому стеченію едва осмѣливающагося дышать народа; въ его рукахъ была золотая ткань изъ двѣнадцати тысячъ нитей, такая тонкая, что по сравненіи съ нею сѣть паука казалась грубой. Народъ молчалъ; радость и страхъ боролись въ немъ; десятки тысячъ людей тащили за нимъ свои, обтянутыя кожей кости, всѣ спѣшили въ молчаніи ко храму добраго божества. Все было голо кругомъ; черная земля выгорѣла; голодный народъ наблюдалъ съ налитыми кровью глазами: была ли ткань достаточно тонка? Приметъ ли божество приношеніе? Глубокое молчаніе въ храмѣ; яркое солнце играетъ на ткани изъ двѣнадцати тысячъ нитей. Вотъ заговорилъ оракулъ и сказалъ: «Черезъ золото будетъ Этрурія жить. Пусть земля радуется и приноситъ плодъ». Въ одну минуту по всей Этруріи зеленыя былинки пробились черезъ изсохшую почву, зацвѣли и наливались въ каждой долинѣ и на каждомъ холмѣ. Тогда народъ закричалъ: «Ведите его во дворецъ, посадите по правую руку короля. Пусть онъ дѣлаетъ, что захочетъ по всей землѣ.

Декамеронъ. Сказка III.

Онъ освободилъ насъ отъ узъ смерти». — Но онъ, все еще стоя на колѣняхъ на порогѣ храма, взглянулъ вверхъ и сказалъ: «Нѣтъ, мнѣ ничего не надо; я желаю только, чтобы появилась улыбка на ея губахъ».

Декамеронъ. Сказка III.

Съ этими словами онъ протянулъ руки къ солнцу и умеръ. Никогда не узнала королевская дочь, что для нея была выткана золотая ткань. Но боги знали это: «Черезъ своихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ будетъ Этрурія жить», провѣщали они. —

Декамеронъ. Сказка IV.

«Велика была любовь этого человѣка, и слѣды ея будутъ жить, когда погибнетъ народъ этотъ и когда самая память о немъ изчезнетъ съ лица земли, какъ облака передъ восходомъ солнца....» Такъ и до настоящаго дня по всей этрусской землѣ можно прослѣдить изчезнувшій народъ по золотымъ звѣньямъ въ могильной пыли; этрусское золото безъ пятна и недостатка и нѣтъ равнаго ему; и выходитъ оно время отъ времени изъ своихъ могилъ подъ трепещущими отъ лѣтняго вѣтра маслинами надъ давно погребенными городами....»

Мой разсказъ не можетъ передать всей силы его выраженій. Онъ говорилъ подъ открытымъ темнымъ голубымъ небомъ, на тихомъ, прохладномъ, пропитанномъ запахомъ акаціи воздухѣ, повышая и понижая свой гибкій голосъ, то со вздохомъ эоловой арфы, то метая вызовы, какъ мѣдный рогъ въ битвѣ; онъ говорилъ въ древней этрусской землѣ, простиравшейся вокругъ, серебристой при блѣдномъ сіяніи луны, могучій Тибръ протекалъ вблизи за дубами, а невдалекѣ, подъ оливковыми деревьями—на скатѣ холма находился прахъ древняго этрусскаго короля;—все это, въ соединеніи съ темной флорентинской одеждой и флорентинскимъ лицомъ Паскареля, слабо освѣщенномъ тусклымъ свѣтомъ Арте, придавало его рѣчи особенную поэзію и прелесть и растрогало страстный народъ до слезъ. И когда подъ конецъ разсказа рѣчь его лилась все быстрѣе и быстрѣе, безъ затрудненія и задержки въ формѣ звучнаго ритма Петрарковскихъ сонетовъ,—когда онъ переходя отъ прошедшаго къ настоящему, заговорилъ о живой Италіи, которая сдѣлалась наслѣдницей этрусской граціи и латинскаго могущества, была дочерью такихъ великихъ предковъ, что ея потомственное благородство является какъ бы священной обязанностію;—когда съ душою, воспламененною мыслью, съ вѣрой поэта и вдохновеніемъ пророка, онъ стоялъ съ распростертыми руками и блестящими глазами, призывая сокровища прошедшаго сдѣлаться оружіемъ будущаго; призывая разрозненныхъ дѣтей народа сплотиться въ одно братство цѣпями благой цѣли, такими тонкими и неразрушенными, какъ золотыя цѣпи Этруріи, вытканныя силой любви; въ то время какъ его стремительная, страстная импровизація неслась съ силою бури надъ слушателями, онъ обладалъ болѣе, чѣмъ могуществомъ артиста, онъ управлялъ собравшимся народомъ силой патріота и очарованіемъ поэта.

Тихо выходили присутствующіе изъ театра и спокойно расходились они по улицамъ стариннаго города. На многихъ глазахъ блистали слезы.

VIII.

Мы странствовали нѣкоторое время по Умбріи. Дубовые лѣса манили къ себѣ въ жаркіе августовскіе дни и не было пріятнѣе мѣста для полуденнаго отдыха, какъ усѣянная цвѣтами лѣсная тѣнь, оживляемая пѣніемъ птицъ. Мы останавливались по очередно во всѣхъ маленькихъ городахъ. Прошолъ душный октябрь золотой и румяный съ шутками и пѣснями вокругъ большихъ винныхъ чановъ. Въ первый день слѣдующаго мѣсяца, посвященный всѣмъ Святымъ, въ подражаніе большому празднику древнихъ латынянъ въ честь всѣхъ боговъ, мы спустились съ высотъ Казентино и Валламброза, что-

бы идти во Флоренцію и пробыть тамъ всю зиму.

Прежде, чѣмъ войти въ городъ, Паскарелю пришла фантазія поставить свой Арте на нѣкоторое время въ Фьезолѣ, чтобы доставить разбросанному населенію окрестныхъ холмовъ возможность посмѣяться подъ краснымъ флагомъ, не бывъ вынужденными спускаться для этого по каменистому, неудобному склону.

Я помню, какъ мы пришли на гору въ ясное, холодное, раннее утро. Помню, какъ мы слушали звонъ колоколовъ, доносившійся до насъ изъ темной глубины, въ которой лежала Флоренція. Помню, какъ мы наблюдали за бѣлымъ туманомъ, прояснявшимся по мѣрѣ того, какъ солнце выходило изъ-за холмовъ. Помню, какъ мы шли по наклонной, извивающейся дорогѣ. Арте былъ отправленъ впередъ на разсвѣтѣ съ крестьянскимъ мальчикомъ, на мулахъ. Паскарель и я, мы шли впереди. Онъ время отъ времени ударялъ по струнамъ мандолины, издававшей тихіе пріятные звуки, какъ пѣніе жаворонка, улетающаго въ туманную даль. За нами, на нѣкоторомъ разстояніи, слѣдовала Брунота, съ жаромъ разсказывая Кокомеро о своей ссорѣ изъ-за утиныхъ яицъ съ крестьянкой той деревни, гдѣ мы ночевали. Помню, какъ мы остановились съ благоговѣніемъ передъ патеромъ со св. Дарами, идущимъ напутствовать больного, съ прислужникомъ въ бѣлой одеждѣ, звонившимъ въ маленькій колокольчикъ, идя впереди по пустынной дорогѣ. Помню, какъ мы сѣли отдыхать, весело разговаривая и смѣясь.

Увы! я помню все это такъ хорошо; помню, этотъ послѣдній счастливый день нашей поэтической, разнообразной, беззаботной жизни, которой предопредѣлено было прерваться такъ неожиданно, такъ быстро, подобно гранатному цвѣтку, отдѣленному отъ стебля вѣтромъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Декамеронъ.

Сказки Джіовани Боккачіо.

(Переводъ Н. И. Шульгина.)

День второй.

Сказка III.

Неожиданный бракъ.

(Разсказанная г-жею Пампинеа *)

Нѣкогда во Флоренціи проживалъ знатный рыцарь, по имени мессеръ Тебальдо, происходившій, по мнѣнію однихъ, изъ дома Ломберти, по словамъ другихъ, изъ рода Аголанти; послѣдніе основывали свое предположеніе на томъ, что въ наружности дѣтей мессера Тебальдо замѣчались оригинальныя черты, характеризующія фамилію Аголанти. Для насъ, впрочемъ, безразлично, изъ какого рода происходилъ Тебальдо; достаточно намъ знать, что онъ принадлежалъ къ числу богатѣйшихъ дворянъ своего времени. Онъ имѣлъ трехъ сыновей; старшаго звали Ломберто, второго Тебальдо, а младшаго Аголанте; всѣ трое были красивы и прекрасно сложены. Старшему изъ братьевъ только что окончилось восемнадцать лѣтъ, когда умеръ ихъ отецъ, завѣщавъ имъ громадныя богатства.

Молодые люди, сдѣлавшись обладателями обширныхъ земель и значительной суммы наличныхъ денегъ, вздумали управлять своимъ состояніемъ сами, причемъ стали безразсудно расточать деньги. Они держали массу слугъ; на конюшняхъ у нихъ стояло множество дорогихъ лошадей; они тратили безумно на охоту и столъ; они задавали пиршества, о роскоши которыхъ говорилъ весь околодокъ; они дѣлали щедрые подарки, наконецъ, устраивали турниры. На такую расточительность имъ не хватило получаемыхъ ими доходовъ, они вынуждены были продать часть земель, на слѣдующій годъ другую и т. д. Наконецъ, они были совершенно разорены: богатство отвернулось отъ нихъ и бѣдность раскрыла имъ свои объятья. Они поняли теперь свое безуміе, но было уже поздно. Въ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ Ламберто пригласилъ своихъ братьевъ на совѣщаніе.

— Отецъ оставилъ намъ, говорилъ онъ,— честное почетное имя и огромное богатство. Безумно расточивъ второе, мы потеряли и первое.

Онъ посовѣтовалъ братьямъ поскорѣе продать все, что еще оставалось у нихъ и съ полученными деньгами удалиться за-границу и, такимъ образомъ, скрыть отъ флорентинцевъ ихъ печальное разореніе.

Младшіе братья вняли совѣту старшаго, продали все и затѣмъ всѣ трое втайнѣ отъ всѣхъ, ни съ кѣмъ не простившись, оставили Флоренцію. Нигдѣ не останавливаясь, они высадились въ Англіи и, достигнувъ Лондона, наняли за очень недорогую цѣну скромный домикъ, поселились въ немъ и стали давать деньги подъ большіе проценты. Занятіе ростовщичествомъ пошло у нихъ очень успѣшно, такъ что въ нѣсколько лѣтъ они собрали большія суммы денегъ и каждый изъ нихъ по очереди ѣздилъ во Флоренцію и покупалъ свои бывшія земли. Мало-по-малу они выкупили почти все свое прежнее состояніе. Затѣмъ они переженились и снова поселились во Флоренціи, оставивъ въ Лондонѣ племянника (сына ихъ старшей сестры) Алессандро, поручивъ ему продолжать отъ ихъ имени занятіе неблаговиднымъ промысломъ, ихъ обогатившимъ.

Поселившись во Флоренціи братья вскорѣ позабыли, что нѣкогда безумная расточительность довела ихъ до бѣдности. Какъ и въ былое время, всѣми ими овладѣла неудержимая жажда блеска и роскоши и, несмотря на то, что у нихъ были уже жены и дѣти, они стали вести прежній образъ жизни, не заботясь о томъ, къ чему онъ можетъ снова привести ихъ. Опять имъ не хватило доходовъ, снова пошли долги. Фондовъ, получаемыхъ ими отъ Алессандро изъ Лондона, едва хватало на уплату краткосрочныхъ долговъ. Все же при помощи этихъ денегъ они могли удовлетворять своей страсти къ мотовству, но вскорѣ изсякъ и этотъ источникъ. Алессандро давалъ взаймы деньги англійскимъ дворянамъ и баронамъ подъ обезпеченіе доходовъ съ ихъ имѣній, а также подъ обезпеченіе жалованья, получаемаго высшими сановниками отъ государства и отъ этой операціи получалъ большіе барыши. Но пока братья-моты, надѣясь на выгодное предпріятіе, управляемое ихъ племянникомъ, вели расточительную жизнь, все болѣе и болѣе увеличивая сумму своихъ долговъ, въ Англіи, противъ всякаго ожиданія, началась междоусобная война между королемъ и однимъ изъ его сыновей. Эта неожиданная война взбудоражила всю страну; одни приняли сторону отца, другіе сына. Большинство изъ кредиторовъ Алессандро не могли платить ему ни процентовъ, ни капитала и ему волей-неволей пришлось пріостановить свое предпріятіе. Надѣясь, что война, можетъ быть скоро окончиться и тогда явится возможность получить съ кредиторовъ деньги, онъ рѣшился остаться въ Англіи.

Между тѣмъ, трое братьевъ, не обращая вниманія на событія въ Англіи, продолжали дѣлать новые долги. Война въ Англіи продолжалась, надежда на поправку ихъ дѣлъ ростовщичествомъ удалялась все болѣе и болѣе и братья не только потеряли кредитъ, но и еще подверглись преслѣдованію кредиторовъ. Все остававшееся у нихъ имущество было продано съ публичнаго торга, а такъ какъ вырученной суммы не хватало на уплату всѣхъ долговъ, то братья были посажены въ тюрьму. Жены и дѣти ихъ, доведенныя до послѣдней крайности, принуждены были искать пріюта у родныхъ и близкихъ знакомыхъ.

И Алессандро, потерявшій надежду на скорое заключеніе мира, рѣшился возвратиться въ Италію, тѣмъ болѣе, что стала угрожать опасность даже самой его жизни. Онъ высадился въ Нидерландахъ и продолжалъ свой путь. Выѣхавъ изъ Брюгге, почти тотчасъ же за городскими воротами онъ нагналъ толпу всадниковъ, за которыми слѣдовалъ значительный багажъ. Впереди кавалькады ѣхалъ юный аббатъ въ бѣлой одеждѣ; въ свитѣ его находилось нѣсколько монаховъ, а позади его ѣхали двое рыцарей-англичанъ, съ которыми Алессандро былъ знакомъ; они состояли при королевскомъ дворѣ и приходились родственниками королю. Алессандро подъѣхалъ къ нимъ и былъ принятъ ими весьма дружелюбно. Дорогою онъ спросилъ, какіе это монахи и куда они направляются.

— Молодой человѣкъ во главѣ кавалькады, отвѣчалъ одинъ изъ лордовъ,— нашъ родственникъ; ему досталось одно изъ лучшихъ аббатствъ въ Англіи. Онъ слишкомъ еще юнъ и по церковнымъ постановленіямъ не можетъ всецѣло исполнять обязанности, возлагаемыя на него его званіемъ, но папа давъ свое благословеніе, можетъ разрѣшить ему отправленіе ихъ. Мы ѣдемъ въ Римъ за полученіемъ этого разрѣшенія отъ его святѣйшества. Просимъ васъ не говорить никому о цѣли нашего путешествія.

Алессандро продолжалъ дорогу съ ними. Аббатъ, который, по привычкѣ знатныхъ людей, ѣхалъ то впереди, то сзади своей свиты, случайно очутился подлѣ Алессандро. Осмотрѣвъ его внимательно, аббатъ нашелъ, что Алессандро хорошъ собой, прекрасно сложенъ, строенъ и имѣетъ видъ человѣка, бывавшаго въ свѣтѣ. Онъ такъ понравился аббату, что тотъ пригласилъ его ѣхать рядомъ съ собою. Аббатъ задалъ ему множество вопросовъ, откуда онъ родомъ, гдѣ жилъ, куда ѣдетъ и пр. Алессандро охотно отвѣтилъ на всѣ вопросы, причемъ не преминулъ разсказать о своихъ потеряхъ, понесенныхъ вслѣдствіе войны и въ заключеніе предложилъ свои услуги аббату, если только тотъ захочетъ воспользоваться ими.

Откровенность Алессандро, его манера говорить, приличный тонъ рѣчи, изящная одежда, однимъ словомъ, все въ немъ очаровывало аббата. Звучный голосъ Алессандро проникъ прямо въ сердце юнаго сановника. При дальнѣйшей бесѣдѣ аббатъ рѣшилъ въ своемъ умѣ, что Алессадро, несмотря на презрѣнное ремесло, которымъ онъ занимался въ Лондонѣ, не утратилъ своего достоинства и остался въ полномъ смыслѣ слова знатнымъ дворяниномъ. Несчастія Алессандро тронули его и, чтобы утѣшить своего собесѣдника, онъ замѣтилъ, что отчаяваться не слѣдуетъ.

— Кто знаетъ, прибавилъ онъ тономъ, доказывавшимъ, какое сочувствіе возбудилъ въ немъ Алесандро.—Кто знаетъ, можетъ быть, Господь Богъ, всегда пекущійся о хорошихъ людяхъ, даруетъ вамъ способъ возвратить все потерянное вами; мало того, можетъ быть, вамъ предстоитъ еще получить болѣе значительное состояніе и лучшее положеніе въ свѣтѣ.

Затѣмъ, сказавъ, что онъ намѣренъ ѣхать черезъ Тоскану, аббатъ предложилъ Алессандро быть его спутникомъ. Алессандро поблагодарилъ его за сочувствіе, выраженное къ нему, и просилъ оббата располагать имъ, какъ ему заблагоразсудится.

Во время путешествія юный англійскій аббатъ

---

*) Чтобы избѣжать повторенія одной и той же фразы «королева приказала такой-то разсказывать», будетъ обозначаться, какъ въ этой сказкѣ, что сказка разсказана тѣмъ-то, если сказкѣ не предшествуетъ интересное предисловіе. *Пр. перев.*

нерѣдко задумывался и казалось о чемъ-то мечталъ. Съ каждымъ днемъ Аллессандро становился ему милѣе и все чаще бесѣдовали они вдвоемъ и все продолжительнѣе были ихъ бесѣды.

Они путешествовали такимъ образомъ уже нѣсколько дней, когда имъ привелось остановиться для ночлега въ крошечномъ итальянскомъ городкѣ, неимѣвшемъ удобныхъ гостинницъ. Ночлегъ здѣсь былъ рѣшенъ по причинѣ сильнаго утомленія юнаго аббата. На Алессандро, хорошо знакомаго съ страною, была возложена обязанность заботиться объ удобномъ помѣщеніи аббата и его свиты. Въ городкѣ имѣлась одна сносная гостинница, содержимая бывшимъ слугою Алессандро; въ ней онъ и помѣстилъ юнаго синьора. Свита расположилась въ другихъ дрянныхъ гостинницахъ.

Когда аббатъ поужиналъ и ушелъ въ отведенную ему комнату, а свита удалилась въ свои помѣщенія, наступила уже ночь. Алессандро спросилъ трактирщика, куда онъ намѣренъ помѣстить его.

— По истинѣ не знаю, отвѣчалъ тотъ;—домъ мой настолько переполненъ путешественниками, что я самъ и моя семья, мы должны ночевать на чердакѣ. Только въ комнатѣ г. аббата есть ниша, въ которой можно устроить для васъ постель; тѣсненько тамъ, но спать все-таки можно.

— Что ты говоришь? Комната, отведенная аббату такъ мала, что мы не рѣшились помѣстить съ нимъ вмѣстѣ ни одного изъ его монаховъ.

— Сказалъ же я вамъ, что тамъ есть ниша, куда можно втиснуть для васъ перину.

— Досадно! Если бы я раньше увидѣлъ эту нишу, я помѣстилъ бы въ ней одного изъ монаховъ, а самъ расположился бы для ночлега въ другой гостинницѣ.

— Что сдѣлано, то сдѣлано, сказалъ трактирщикъ;—но, право, въ нишѣ вамъ будетъ не дурно. Аббатъ спитъ; занавѣси его кровати закрыты; я пронесу туда очень осторожно перину и вы чудесно выспитесь.

Убѣдившись, что можно пронести перину, не безпокоя аббата, Алессандро согласился на предложеніе хозяина и вскорѣ уже лежалъ на перинѣ въ нишѣ.

Между тѣмъ аббатъ не спалъ, онъ думалъ объ Алессандро, къ которому чувствовалъ нѣжную привязанность, и слышалъ весь разговоръ флорентинца съ трактирщикомъ. «Вотъ удобный случай, размышлялъ аббатъ про себя,—привести въ исполненіе мое предположеніе; если я не воспользуюсь имъ, другого такого случая, можетъ быть, уже не представится». Рѣшивъ, что всѣ, расположившіеся на ночлегъ въ гостинницѣ, спятъ и никто не можетъ подслушивать, аббатъ пригласилъ къ себѣ Алессандро изъ вѣжливости сперва отказывался, наконецъ согласился.

— Вы знаете мой полъ, сказалъ аббатъ,—вы видите, что я дѣвушка, а не юноша; цѣль моего путешествія—испросить у папы разрѣшеніе на мой бракъ. До того дня, какъ я васъ увидѣла, я сама не знала, кого выберу себѣ въ мужья; не знаю, на счастіе или на несчастіе столкнулись мы, но уже съ первой нашей встрѣчи я страстно полюбила васъ. Съ той поры съ каждымъ днемъ любовь моя усиливалась и я смѣло утверждаю, что нельзя любить болѣе, какъ я люблю васъ. Я лелѣю намѣреніе выйдти за васъ замужъ. Скажите, согласны-ли вы имѣть меня своей женой. Если несогласны, удалитесь и дайте мнѣ слово, что нашъ разговоръ останется тайной для всѣхъ. Говорите же!

Хотя Алессандро мало зналъ даму и ему трудно было такъ внезапно высказать свое окончательное рѣшеніе, однакожь, судя по свитѣ, провожавшей ее онъ могъ принять ее за знатную и богатую особу... онъ находилъ ее красивой и любезной женщиной... слѣдовательно раздумывать долго было нечего; онъ отвѣчалъ, что сочтетъ себя счастливымъ назваться ея мужемъ, что готовъ исполнить все, что она пожелаетъ.

Выслушавъ рѣчь Алессандро, прекрасная дама сняла кольцо съ своего пальца и надѣла его на палецъ молодого человѣка въ знакъ обрученія своего съ нимъ.

Во всю остальную дорогу наши влюбленные старались какъ можно чаще быть вмѣстѣ; нечего и говорить, что во все это время они находились въ отличномъ расположеніи духа. По прибытіи въ Римъ, нѣсколько отдохнувъ съ дороги, юный аббатъ, въ сопровожденіи Алессандро и двухъ лордовъ, отправился на аудіенцію къ папѣ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, аббатъ сказалъ св. отцу:

— Ваше святѣйшество, вы лучше, чѣмъ кто-нибудь другой знаете, что для того, чтобы жить честно, необходимѣе всего тщательно избѣгать такихъ положеній, которыя какъ бы невольно наталкиваютъ на грѣхъ. Это-то убѣжденіе и заставило меня бѣжать отъ моего отца, англійскаго короля; я захватила часть моего имущества и переодѣлась въ это платье; у меня единственное желаніе: получить супруга изъ рукъ вашего святѣйшества. Меня, еще совсѣмъ юную, отецъ хотѣлъ силой выдать замужъ за шотландскаго короля, старца, согбеннаго подъ тяжестію лѣтъ. Я уважаю старость, но я подумала, что въ силу моей молодости, я, пожалуй не въ состояніи буду удержаться отъ соблазна и совершу дѣянія, недостойныя моего происхожденія и противныя правиламъ, заповѣданнымъ намъ религіей. На половинѣ моего пути къ вашему святѣйшеству, Провидѣніе, знающее нужды каждаго изъ насъ, устроило встрѣчу мою съ тѣмъ, кого оно назначило мнѣ въ мужья... Вотъ онъ, продолжала она, указывая на Алессандро;—онъ не королевскаго происхожденія, какъ я, онъ простой дворянинъ, но при его честности и достоинствахъ ума и сердца онъ заслуживаетъ быть мужемъ самой знатнѣйшей принцессы. Его я избираю своимъ мужемъ; я знаю, меня станутъ порицать отецъ мой и окружающіе меня, но я объявляю, что никогда не соглашусь взять въ мужья кого-нибудь другого. Безъ сомнѣнія, сдѣлавъ этотъ выборъ, я могла бы не пріѣзжать сюда; но св. отецъ, я рѣшилась окончить свое путешествіе, чтобы посѣтить св. мѣста, а также, чтобы умолять ваше святѣйшество благословить нашъ бракъ, который заключенъ нами передъ Господомъ, ибо мы уже дали клятву въ вѣрности другъ другу. Смѣю льстить себя надеждой, что ваше святѣйшество одобрите нашъ союзъ, отъ котораго я жду только счастія для себя. Мы ждемъ отъ васъ вашего благословенія; данное намѣстникомъ Бога на землѣ, оно, конечно, обезпечитъ намъ счастливую будущность.

Можете судить объ удивленіи и радости Алессандро, когда онъ узналъ, что его будущая жена—дочь англійскаго короля. Однакожь, онъ изумленъ былъ менѣе, чѣмъ оба лорда. Они съ трудомъ сдержали свою досаду и, вѣроятно, побили бы флорентинца и наговорили бы непріятностей принцессѣ, еслибы не находились въ присутствіи папы. Съ своей стороны и св. отецъ былъ пораженъ словами принцессы и находилъ выборъ дамы не менѣе страннымъ, какъ и ея переодѣваніе. Но видя, что онъ не можетъ измѣнить твердаго рѣшенія молодыхъ людей, онъ далъ согласіе на просьбу принцессы. Затѣмъ утѣшилъ лордовъ, примирилъ ихъ съ принцессой и Алессандро и назначилъ день свадьбы. Церемонія была великолѣпна; она происходила въ присутствіи всѣхъ кардиналовъ и многихъ свѣтскихъ знатныхъ особъ. Послѣ свадьбы папа пригласилъ къ себѣ молодыхъ на роскошный пиръ. Молодая, въ драгоцѣнной королевской одеждѣ, блистала красотой. Алессандро, котораго богатый нарядъ дѣлалъ еще болѣе красавцемъ, держалъ себя такъ непринужденно и благородно, что его можно было признать за принца и никому бы не могло прійти на мысль, что еще недавно онъ не брезгалъ заниматься ростовщичьимъ промысломъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, новобрачные отправились изъ Рима во Флоренцію, куда уже достигъ слухъ объ ихъ приключеніяхъ. Флоренція приняла ихъ въ высшей степени сочувственно. Принцесса, заплативъ долги троихъ братьевъ, дядей ея мужа, выручила ихъ изъ тюрьмы и возвратила имъ ихъ имѣнія. Уѣзжая изъ Флоренціи, напутствуемая добрыми пожеланіями флорентинцевъ, юная чета взяла съ собою Аголанте, младшаго дядю Алессандро, и отправилась во Францію, гдѣ встрѣтила также радушный пріемъ. Въ Парижѣ лорды разстались съ принцессой и поѣхали въ Англію. Они такъ удачно подѣйствовали на англійскаго короля въ пользу его дочери и зятя, что онъ пригласилъ ихъ въ Лондонъ и выразилъ большую радость при свиданіи съ ними. Ознакомившись съ зятемъ, король назначилъ его на высокій государственный постъ и пожаловалъ ему графство корнуэльское. Алессандро вскорѣ проявилъ свои дипломатическія способности: ему удалось примирить отца съ сыномъ, все еще ведшихъ междоусобную войну. Этой важной заслугой, оказанной странѣ, Алессандро пріобрѣлъ любовь и уваженіе всего англійскаго народа. Выигралъ при этомъ и дядя его, Аголанте, успѣвшій за это время пріобрѣсти много денегъ, съ которыми онъ возвратился во Флоренцію.

Графъ Корнуэль жилъ долго и въ полномъ согласіи съ женою. Увѣряютъ даже, что, только благодаря его благоразумію и храбрости, Англія завоевала Шотландію и графъ былъ коронованъ шотландскимъ королемъ.

Сказка IV.

Трудно знать, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

(Разсказанная г-жею Лауретой).

Побережье отъ Реджіо до Гаэты, извѣстное подъ именемъ Амальфійской стороны, принадлежитъ къ числу самыхъ красивыхъ мѣстъ въ Италіи. Въ этой мѣстности, представляющей собою какъ бы сплошной садъ, идетъ оживленная торговля. Здѣсь ютится нѣсколько небольшихъ городковъ, между которыми самымъ благополучнымъ считается Равелло. Въ этомъ городкѣ нажилъ себѣ хорошее состояніе Ландольфо Руффоло. Ему оставалось только удерживаться далѣе отъ рискованныхъ предпріятій и зажить припѣваючи... такъ нѣтъ! жадность къ пріобрѣтенію у человѣка часто не знаетъ границъ.

Богатый Руффоло захотѣлъ еще болѣе разбогатѣть. Превративъ все, что онъ имѣлъ въ деньги, Ландольфо купилъ большой корабль, нагрузилъ его товарами и повезъ ихъ на островъ Кипръ. Къ его несчастію туда уже прибыло множество кораблей съ такими же товарами, какіе были у него и онъ былъ вынужденъ сбыть свой товаръ за безцѣнокъ. Потрясенный этой потерей, онъ поклялся отнять у другихъ то, что онъ потерялъ по волѣ случая. Онъ продалъ свой корабль и, присоединивъ вырученную за него сумму къ деньгамъ, полученнымъ имъ за проданные товары, купилъ легкое судно. Оснастивъ его, вооруживъ и нанявъ экипажъ, Руффоло вышелъ въ море и сдѣлался пиратомъ. Онъ былъ безжалостенъ, грабилъ всѣхъ безъ исключенія, кого могъ осилить, но съ особенной страстностію преслѣдовалъ турокъ. Счастіе постоянно сопутствовало ему въ его разбойничьихъ набѣгахъ. Прошелъ какой-нибудь годъ и онъ такъ поживился отъ турокъ, что не только возвратилъ потери, понесенныя отъ торговли, но даже сталъ вдвое богаче, чѣмъ былъ до отплытія изъ Равелло. На

Картина профессора ЛИНДЕНШМИДТА.

Прадѣдъ.

Картина КЛОССА.

Свѣтъ во мракѣ.

этотъ разъ онъ удовольствовался пріобрѣтеннымъ богатствомъ. «Будетъ рисковать», сказалъ онъ самъ себѣ и порѣшилъ возвратиться на родину. Воспоминаніе о неудачѣ, сопровождавшей его торговлю, заставило его внять голосу благоразумія. Онъ направилъ по курсу къ Равелло свое судно, помогшее ему разбогатѣть; къ ночи, когда онъ былъ уже въ открытомъ морѣ, поднялся жестокій вѣтеръ. Волны вздымались все болѣе и болѣе и кидали легкое судно изъ стороны въ сторону. Видя невозможность успѣшно бороться съ волнами, Ландольфо быстро направилъ свой корабль къ небольшому островку и ввелъ его въ портъ, защищенный отъ вѣтра.

Вскорѣ въ этотъ же портъ вошли два генуэзскіе судна, идущіе изъ Константинополя; онѣ также спасались отъ бури. Узнавъ, что предупредившій ихъ корабль принадлежитъ Руффоло, который въ общественномъ мнѣніи слылъ богачемъ, генуэзцы, какъ извѣстно, люди жадные до чужихъ денегъ, составили планъ овладѣть кораблемъ извѣстнаго пирата. Они загородили ему выходъ въ море и высадили нѣсколько человѣкъ изъ экипажа на берегъ, поставивъ ихъ такъ, что они могли бить всякаго, кто вздумалъ бы спасаться съ корабля Ландольфа. Остальной экипажъ сѣлъ въ шлюпки и атаковалъ пирата. Нападеніе было такъ внезапно, что Руффоло сдался безъ сопротивленія. Ландольфо былъ посаженъ на одно изъ генуэзскихъ суденъ, и все его богатство досталось побѣдителямъ, которые были такъ не великодушны, что сняли съ своего плѣнника его платье и облачили его въ лохмотья. На слѣдующій день вѣтеръ перемѣнился; генуэзцы вышли въ море, держа курсъ на западъ и весь день плыли благополучно. Къ ночи снова поднялся вѣтеръ, дувшій стремительно; генуэзскія суда, шедшія вмѣстѣ, раздѣлились. То, на которомъ находился злополучный Ландольфо, налетѣло на камни у острова Кефалоніи и разбилось. Въ моментъ море въ этомъ мѣстѣ покрылось товарами, сундуками и остатками корабля. Люди, умѣвшіе плавать, прицѣплялись къ доскамъ и плыли, борясь съ волнами въ ночномъ мракѣ. Ландольфо, приведенный приключившимся съ нимъ несчастіемъ въ горестное настроеніе и желавшій смерти, когда въ дѣйствительности столкнулся съ нею, вдругъ ощутилъ страстную жажду жизни. Къ своему счастію, онъ успѣлъ взобраться на доску; схватившись за нее крѣпко, онъ предоставилъ себя на волю вѣтра и волнъ. Онъ благополучно продержался до наступленія дня. Когда посвѣтлѣло онъ осмотрѣлся вокругъ себя... ничего, кромѣ безконечнаго моря и облаковъ; только рядомъ съ нимъ плылъ небольшой сундукъ. Опасаясь, что сундукъ, налетѣвъ на него, можетъ его поранить, Ландольфо каждый разъ отталкивалъ его, когда тотъ подходилъ къ нему слишкомъ близко... Но вотъ снова усилился вѣтеръ, волны вспѣнились; сундукъ столкнулся съ доской... Ландольфо срывается съ спасительной доски и погружается въ пучину. Онъ дѣлаетъ невѣроятныя усилія къ своему спасенію и показывается на поверхности воды. За что ухватиться? Ближе всего къ нему плылъ сундукъ; Ландольфо карабкается на его крышку и, дѣйствуя руками, точно веслами, заставляетъ его подвигаться. Лишенный пищи и питья, Ландольфо носится по волнамъ, не видя ничего, кромѣ неба и воды, и не зная, есть-ли тутъ по близости земля.

На слѣдующій день волны прибили несчастнаго Ландольфо къ острову Гурфо; вымокшій, дрожавшій, съ сведенными руками и ногами, лежа скорчившись на крышкѣ сундука, бывшій пиратъ былъ еле живъ. Въ это время на берегу находилась бѣдная женщина, чистившая морскимъ пескомъ свою металическую посуду. Видя, что какая-то масса подплываетъ къ берегу и не различая въ ней человѣческую фигуру, женщина закричала отъ страха. Ландольфо былъ такъ слабъ, что не могъ подать голосъ. Когда онъ подплылъ еще ближе къ берегу, женщина, замѣтившая уже сундукъ, стала внимательно всматриваться и различила сперва сундукъ, затѣмъ руки, лицо и наконецъ убѣдилась, что плыветъ человѣкъ. Она была сострадательна; войдя въ воду, она схватила Ландольфо за волосы и притянула его на берегъ вмѣстѣ съ сундукомъ. Съ трудомъ она освободила окоченѣлыя руки Ландольфо, которыми онъ судорожно держался за сундукъ; затѣмъ взвалила себѣ на плечи Ландольфо и понесла его, точно какую-нибудь легкую кладь; сундукъ же приказала нести дѣвушкѣ, бывшей вмѣстѣ съ нею на берегу. Принеся спасеннаго ею человѣка къ себѣ въ домъ, добрая женщина стала оттирать его, затѣмъ посадила въ сушильную печь, а потомъ перенесла въ дёжку съ теплою водою. Этими средствами она согрѣла Ландольфо, привела его въ себя и потомъ заставила выпить хорошую порцію вина. Распросивъ его, кто онъ такой и какъ случилось съ нимъ несчастіе, добрая женщина отдала ему приплывшій съ нимъ вмѣстѣ сундукъ, о которомъ Ландольфо успѣлъ уже позабыть. Ландольфо принялъ его разсѣянно. Сундукъ былъ очень легокъ и Ландольфо рѣшилъ, что онъ годенъ развѣ для того, чтобы продать его и на вырученные деньги прожить день другой. Однакожъ, какъ только женщина зачѣмъ то вышла изъ комнаты, Ландольфо, повредивъ замокъ, открылъ крышку сундука, нетерпѣливо желая знать, что въ немъ находится. Тамъ лежали драгоцѣнные камни. Зная въ нихъ толкъ, Ландольфо увидѣлъ, что они представляютъ собой значительное богатство и къ нему снова возвратилось покинувшее его мужество. Опасаясь въ третій разъ потерять состояніе, онъ порѣшилъ, что надо прибѣгнуть къ хитрости, чтобы скрыть свое богатство. Онъ завернулъ свою находку въ тряпки и сказалъ своей хозяйкѣ, что не имѣя надобности въ сундукѣ онъ желалъ бы смѣнять его на какой нибудь мѣшокъ, на что она тотчасъ же согласилась. Поблагодаривъ добрую женщину за услугу, ему оказанную и повѣсивъ на шею мѣшокъ, Ландольфо простился съ нею и отправился къ берегу. Онъ нашелъ мѣсто на баркѣ, плывшей въ Бриндизи. Оттуда онъ доѣхалъ до Трани, гдѣ нашелъ нѣсколькихъ земляковъ, торговцевъ шолковыми матеріями. Выслушавъ отъ него разсказъ о его несчастіи (о сундукѣ онъ умолчалъ), они одѣли его и дали ему лошадь, на которой онъ отправился въ Равелло.

По пріѣздѣ домой, Ландольфо прежде всего снова осмотрѣлъ свой мѣшокъ. Всѣ камни были цѣлы; между ними было нѣсколько алмазовъ большой цѣны. Продавъ ихъ, Ландольфо сталъ богаче, чѣмъ былъ до своего отъѣзда изъ родного города. Устроившись онъ послалъ приличную сумму денегъ на островъ Гуффо женщинѣ, вытащившей его изъ воды и отблагодарилъ земляковъ, помогшихъ ему въ Трани. Остатокъ дней своихъ онъ провелъ спокойно, наслаждаясь довольствомъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Прадѣдъ.

(Рис. стр. 348.)

Отецъ и мать уѣхали рано утромъ изъ замка, и ихъ дѣти, малютки, остались одни. Длиненъ показался имъ день въ громадномъ, опустѣвшемъ замкѣ. Они исходили весь садъ, но все въ немъ было уже такъ давно имъ знакомо: и лебеди, и цвѣты, и мостики, и дорожки. Къ тому же, солнце очень пекло. Наконецъ, наступило время обѣда, а затѣмъ, опять вопросъ: «Что же намъ дѣлать?.. Не пойти ли бродить по длиннымъ, пустымъ коридорамъ, и загнянуть въ большую залу съ портретами дѣдушекъ и бабушекъ?.. Идемъ!» «Это что?» Какая-то неизвѣстная, винтовая лѣстница... маленькая мышка юркнула по ней, Беатриса вскрикнула отъ испуга, но Вильгельмъ схватилъ трусиху за руку и поспѣшилъ успокоить. «Не бойся! я не выдамъ!» мужественно шепчетъ онъ сестрѣ, карабкаясь съ нею вверхъ по крутымъ ступенькамъ. Они входятъ въ какой-то бельведеръ, обращенный въ хранилище разнаго хлама: Беатриса сразу находитъ здѣсь свою куклу, давно лишенную рукъ и ногъ, но которую она привѣтствуетъ, какъ дорогую знакомую. Вильгельмъ отыскиваетъ на полу какую-то книгу въ толстомъ, претолстомъ переплетѣ и съ металлическими застежками. Что тутъ написано,— онъ не знаетъ; онъ не посвященъ еще въ таинства грамоты, но что за красивыя картинки чуть не на каждой страницѣ!.. А вотъ и какой-то ящичекъ... въ немъ разная мелочь: полинявшія ленточки, запыленные лоскутки бумаги... Но что это? солнечный лучъ врѣзался въ узкое окно комнаты, освѣтилъ золотомъ ея полумракъ и остановился на страшномъ великанѣ, закованномъ въ черныя латы и опирающемся на мечъ. Дѣти прижались другъ къ другу въ испугѣ... Не сверкаютъ ли изъ подъ забрала страшные, большіе глаза?

Вильгельмъ опомнился первый. «Это прадѣдушка, про котораго еще только вчера разсказывала старая Уріель. Онъ сражался противъ язычниковъ и былъ храбрѣе всѣхъ другихъ рыцарей». Но хотя мальчикъ старается приободриться и обнимаетъ дрожащую сестру чтобы успокоить ее, голосокъ у него дрожитъ и въ его взглядѣ, устремленномъ на «дѣдушку», свѣтитъ не только дѣтское любопытство, но и тайный страхъ.

Выраженіе обоихъ дѣтскихъ лицъ мастерски передано художникомъ, и жанръ граничитъ здѣсь съ исторической областью, напоминая о другихъ, болѣе серьезныхъ произведеніяхъ той же кисти: «Джонъ Ноксъ» (шотландскій фанатикъ), «Анна Болейнъ», «Смерть Вильгельма Оранскаго» и пр. Вообще, средневѣковый бытъ изученъ Линденштидтомъ до тонкости, о чемъ можно судить по деталямъ помѣщаемаго у насъ рисунка.

Новости наукъ и жизни.

— **Хорошее употребленіе нажитыхъ денегъ.** Рыбинскій корреспондентъ «Петербургскаго Листка» сообщаетъ слѣдующій фактъ: Въ Рыбинскомъ уѣздѣ, Срѣтенской волости, находится въ настоящее время школа, устроенная мѣстнымъ крестьяниномъ Ф. П. Рукавишниковымъ, на 100 мальчиковъ и на 100 дѣвочекъ. Человѣкъ этотъ, долгое время проживавшій въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ занималъ должность артельщика въ одной изъ столичныхъ биржевыхъ артелей, съумѣлъ сколотить себѣ нѣсколько тысячъ рублей. Располагая такими средствами и вдобавокъ не имѣя дѣтей, онъ въ мартѣ прошлаго 1877 года отправился на родину въ рыбинскій уѣздъ, и здѣсь-то въ родномъ селѣ ему пришла мысль въ голову устроить школу, что и было осуществлено къ осени. Въ настоящее время въ училищѣ 200 воспитанниковъ; мальчики учатся отдѣльно отъ дѣвочекъ; для первыхъ нанятъ учитель, а для вторыхъ — учительница. Большая часть дѣтей пользуются полнымъ содержаніемъ отъ школы, т. е. кушаньемъ, ночлегомъ, ученьемъ и пр. Устройствомъ этого учрежденія Рукавишниковъ повидимому не ограничился: въ настоящее время имъ устраивается при срѣтенскомъ волостномъ правленіи небольшая богадѣльня на 10 человѣкъ.

— **Опасность наводненія.** Въ «Новороссійскій Телеграфъ» пишутъ изъ Кременчуга, что тамъ, судя по сильному прибыванію воды въ Днѣпрѣ, въ недалекомъ будущемъ ожидается такое же наводненіе, какое было и въ прошломъ году; нѣкоторыя деревни недалеко отъ Кременчуга снесены уже водою.

— Медицинскій факультетъ. Въ «Николаевскій Вѣстникъ» пишутъ изъ Одессы, что нѣсколько гласныхъ мѣстной городской думы внесли предложеніе объ открытіи медицинскаго факультета при новороссійскомъ университетѣ и объ ассигнованіи особыхъ суммъ для постройки клиникъ и проч., необходимыхъ для факультета зданій. Предложеніе это будетъ разсматриваться на-дняхъ въ думѣ, и есть нѣсколько шансовъ на успѣшность исхода этого ходатайства.

— Гуано. «Голосу» сообщаютъ изъ Кѣлецъ: «Нѣсколько любителей-естествоиспытателей, занимаясь изученіемъ и изслѣдованіемъ извѣстныхъ, по своей живописной обстановкѣ вершховскихъ гротовъ, подъ Ойцовомъ (этой маленькой Швейцаріи Привислянскаго края), напали случайно на огромныя залежи гуано. На основаніи произведеннаго химическаго анализа, оказалось, что, по количеству составныхъ частей, способныхъ и годныхъ для удобренія полей, это гуано не только не уступаетъ перуанскому, но превосходитъ его. Объ этомъ узнали прусскіе землевладѣльцы, живущіе по сосѣдству съ Привислянскимъ краемъ, и уже, говорятъ, прислали въ Ойцовъ, своихъ агентовъ для закупки этого гуано большими партіями».

— Нефть. Въ «Бакинскихъ Извѣстіяхъ» пишутъ: «Недѣлю тому назадъ въ Сабунчахъ, на участкѣ г. Красильникова, открылся значительный нефтяной фонтанъ, затопившій окрестность буровой нефтью. Нефть весьма хорошаго качества, но фонтанъ успѣлъ уже прекратиться, и теперь добываютъ нефть выкачиваніемъ. Въ Баку снова опасаются за нефтяной кризисъ, такъ какъ фотогеновая торговля на главнѣйшихъ русскихъ рынкахъ находится въ полнѣйшемъ застоѣ. Непроданный фотогенъ лежитъ на многихъ рынкахъ сотнями тысячъ пудовъ, но, несмотря на это, бакинскіе заводчики продолжаютъ усиленно приготовлять фотогенъ и спѣшатъ его отправленіемъ вверхъ по Волгѣ. Въ виду неудовлетворительности перевозочныхъ средствъ по Каспійскому морю и ихъ недостаточности, благодаря которымъ нерѣдко торговля, главнымъ образомъ нефтяная, терпитъ большой ущербъ, нѣкоторыя частныя лица составили компанію и намѣрены завести свои паровыя суда и такимъ образомъ освободить себя отъ зависимости привилегированныхъ обществъ».

— Новый огнегаситель. Г. Н. Н. Вакуловскій, сообщаетъ намъ слѣдующую замѣтку: Пожары въ Россіи, наносящіе ежегодно огромный вредъ народному хозяйству, уменьшатся, вѣроятся, не только съ увеличеніемъ числа каменныхъ построекъ; но и съ улучшеніемъ средствъ къ тушенію огня. Къ сожалѣнію въ этомъ отношеніи дѣло улучшается весьма туго. Въ 1875 году въ Петербургѣ произведены были опыты съ огнегасителемъ «Экстинкторъ»; но не смотря на полную ихъ удачу, этотъ огнегаситель слабо распространяется, можетъ быть, по причинѣ его дороговизны и потому еще, что дѣйствуя путемъ химическимъ, онъ можетъ дѣлаться безполезнымъ въ провинціи, если въ то время, когда онъ долженъ дѣйствовать, невозможно пріобрѣсти необходимаго для него заряда. На дняхъ въ Петербургѣ на Семеновскомъ плацу испытывался новый аппаратъ, болѣе простого устройства, болѣе дешевый, и лучшаго качества, распространеніе котораго крайне желательно. Этотъ огнегаситель фирмы Лудина, изъ Швеціи, по внѣшнему виду схожъ съ вышеназваннымъ химическимъ, но дѣйствуетъ только силою выбрасываемой струи воды, которая дѣйствительна на пятьдесятъ футъ. Понятно, что вода менѣе вредна для мебели и др. предметовъ, нежели струя химическаго огнегасителя. Кромѣ того онъ удобенъ для переноски, легокъ и не подвергается опасности разрыва, что вполнѣ возможно, напр., въ «Экстинторѣ», гдѣ дѣйствуютъ химическіе процессы. Привести въ дѣйствіе огнегаситель, разъ онъ наполненъ водою, можетъ ребенокъ. Снабженный вмѣсто наконечника сѣткою, этотъ огнегаситель можетъ быть употребляемъ съ успѣхомъ въ сельскохозяйственныхъ работахъ и городскихъ поселеніяхъ для орошенія. На Семеновскомъ плацу былъ устроенъ родъ домика, наполненнаго стружками, вымазаннаго дегтемъ и облитаго керосиномъ. Пламя охватило строеніе съ ужасающею быстротою, чему способствовалъ и вѣтеръ; но въ теченіе $1\frac{1}{2}$ минутъ было потушено. Съ цѣлью доказать публикѣ, что горѣли не одна смола и керосинъ, но и самое дерево, опытъ былъ повторенъ нѣсколько иначе и также увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Для начинающагося пожара такой аппаратъ очень полезенъ.

Намъ кажется, что подобные огнегасители должно сдѣлать обязательными къ пріобрѣтенію въ общественныхъ учрежденіяхъ, на фабрикахъ и заводахъ, даже въ селахъ. Обыкновенно пожаръ распространяется въ послѣднихъ, пока подыщутъ лошадей для брансбойта или бочекъ, пока починятъ разсохнувшую бочку, пока соберутся желающіе содѣйствовать тушенію пламени. При стоимости въ 30 р. аппаратъ не такъ уже дорогъ для пріобрѣтенія его обществами. Въ селѣ, напр., аппаратъ долженъ стоять въ центральномъ пунктѣ, а къ обращенію съ нимъ обучено нѣсколько человѣкъ, на одного же должно возложить постоянный уходъ за огнегасителемъ. Право продажи аппарата въ Россіи пріобрѣтено, какъ мы слышали, А. Ф. Девріеномъ, въ Петербургѣ.

Смѣсь.

— Горькая участь. Недавно, въ Парижѣ, въ числѣ женщинъ-бродягъ арестована была на улицѣ женщина замѣчательной красоты, около 30 лѣтъ отъ роду. Она назвала себя Евою Якобленцъ, урожденною Кличъ, изъ Петербурга. По ея словамъ, отецъ ея—богатый негоціантъ въ Россіи; она сама пяти лѣтъ отъ роду была отдана для воспитанія въ монастырь урсулинокъ близъ Парижа. Родители ея вскорѣ послѣ того переселились въ Парижъ. Исповѣданія она грекоправославнаго. Въ монастырѣ она оставалась до 16-ти-лѣтняго возраста и затѣмъ жила у своихъ родителей. Вскорѣ послѣ того она познакомилась съ нѣкіимъ Якобленцомъ, также русскимъ, повидимому, авантюристомъ. Якобленцъ, сынъ московскаго купца, чувствовалъ большую склонность къ атлетическимъ упражненіямъ. Онъ увлекъ за собою Еву и бѣжалъ съ нею, вступивъ въ циркъ Торренти. Бѣгство это произвело большой скандалъ. Якобленцъ женился на своей возлюбленной въ Ливерпулѣ. Оба, въ качествѣ акробатовъ, странствовали по всему міру, и жена Якобленца сдѣлалась укротительницею звѣрей. На возвратномъ пути изъ Америки во Францію корабль, на которомъ, находилась чета акробатовъ, потерпѣлъ крушеніе, отъ котораго спаслась одна жена, — мужъ и дѣти погибли. Она прибыла во Францію и пѣшкомъ прошла отъ Гавра до Парижа. Но въ Парижѣ она узнала о смерти своихъ родителей. И вотъ, безъ гроша денегъ, она странствовала по улицамъ и была арестована полиціею. «Фигаро» напечаталъ воззваніе въ пользу этой несчастной, на что тотчасъ откликнулись нѣсколько проживающихъ въ Парижѣ русскихъ, пожертвовавшихъ извѣстную сумму денегъ, чтобы дать несчастной соотечественницѣ возможность начать новую жизнь.

— Іезуиты. Орденъ постоянно усиливается въ своей численности. Въ 1877 году членовъ іезуитскаго ордена прибавилось противъ предъидущаго года на 225 человѣкъ. Всѣхъ вообще членовъ ордена считается 9,771, изъ которыхъ только 2,030 человѣкъ посланы миссіонерами въ другія части свѣта, а на Европу остается 7,741 іезуитъ. Въ австро-венгерскомъ отдѣленіи ордена въ прошломъ году было 544 члена. Въ вѣнской іезуитской коллегіи находятся 9 священниковъ и 4 послушника, въ Калькебургѣ, въ заведеніи, гдѣ воспитывается австрійская аристократія, 29 священниковъ и 17 послушниковъ. Съ 1869 года число іезуитовъ увеличилось на 1,088 человѣкъ.

— Выставка лошадей и ословъ. Парижская всемірная выставка, привлекающая къ себѣ вниманіе производителей всего свѣта, между прочимъ, будетъ имѣть спеціальный отдѣлъ лошадей и ословъ, который откроется съ 1-го по 10-е сентября текущаго года. Конская выставка, по сортамъ, поламъ и возрастамъ лошадей, раздѣляется на 32 категоріи и по каждой назначены къ выдачѣ медали и денежныя преміи. Число русскихъ лошадей на парижскую выставку можетъ быть до 30. Всѣ лошади, предназначенныя владѣльцами на выставку въ Парижѣ, должны быть предварительно осмотрѣны спеціальною коммиссіею отъ главнаго управленія государственнаго коннозаводства, безъ одобренія которой лошади на выставку приняты не будутъ. Проводъ лошадей въ Парижъ и содержаніе ихъ во время пути и на выставкѣ предполагается принять на счетъ казны. Во время конской выставки въ Парижѣ будутъ происходить международныя состязанія въ бѣгѣ, которыхъ предполагается четыре, два подъ верхомъ и два въ экипажѣ, съ дистанціями въ 300 и 600 метровъ. Призы назначены слѣдующей цѣнности: два по 65 тыс. фр. и два по 35 тыс. франковъ. Надо надѣяться что наши соотечественники, пожелающіе принять участіе въ этихъ международныхъ испытаніяхъ, заблаговременно къ нимъ приготовятся.

— Предсказаніе о кончинѣ міра. Въ газетѣ «Новости» пишутъ: Въ Андалузіи недавно арестована была личность, распространившая страхъ по деревнямъ и селамъ заявленіемъ о близости гибели всего земнаго шара. Подобные предсказанія, впрочемъ, являются не въ первые. Бернаръ Тюрингскій пророчилъ это событіе въ первыхъ числахъ 1100 года; Пьеръ-Жанъ въ 1335 году, испанецъ Арноль въ 1345 году, извѣстный Ферье въ 1403 году. Затѣмъ были предсказанія, относящіяся къ 1562, 1700, 1734, 1800, 1840 и 1866 г. Нынѣ, по новѣйшимъ разсчетамъ, конецъ міра наступитъ лишь въ 1994 г.; слѣдовательно, нечего опасаться, чтобы катастрофа эта застигла насъ въ расплохъ.

Тамъ же сообщаютъ и другое предсказаніе: Въ нынѣшнемъ году свѣтлое воскресеніе празднуется тремя недѣлями позже, чѣмъ въ прошломъ году. Но самое позднее празднованіе пасхи будетъ въ 1886 г. За-границею въ этомъ (1886) году свѣтлое воскресенье будетъ 25-го апрѣля, въ день евангелиста Марка. Самое печальное въ этомъ фактѣ заключается въ томъ, что, по категорическому пророчеству знаменитаго французскаго астролога Нострадама, конецъ міра долженъ непремѣнно наступить именно въ томъ году, въ которомъ свѣтлое воскресенье будетъ 25-го апрѣля. Сообщая объ этомъ пророчествѣ, берлинская газета «Tagblatt» замѣчаетъ: «Стоитъ-ли Англіи и Россіи поднимать такой шумъ изъ-за Болгаріи, когда міру суждено существовать еще всего восемь лѣтъ»?

— А. Гогенестеръ. Нѣсколько лѣтъ къ ряду пользовалась извѣстностію докторша-крестьянка (Wunderfrau), Амалія Гогенестеръ. Она умерла 12-го (24-го) марта въ Маріенбруннѣ, въ Баваріи, отъ болѣзни сердца, которою она давно уже страдала. Петербургскіе поклонники ея отслужили по ней двѣ панихиды въ соборѣ Спаса Преображенія.

Месть. Въ Або 14-лѣтняя дѣвушка, служившая въ качествѣ няни въ одномъ семействѣ, ужаснѣйшимъ образомъ отомстила своимъ господамъ за нанесенную, по ея мнѣнію, ей обиду: дождавшись случая, когда она съ двухлѣтнимъ мальчикомъ осталась одна, схватила его и продержала у топившейся печки. Мальчикъ обгорѣлъ столь сильно, что опасаются за его жизнь.

— Талисманъ. Въ Лондонѣ въ настоящее время двѣ юныя піанистки, старшая 12 лѣтъ, а младшая—7, Луиза и Іоанна Дустъ, приводятъ въ восторгъ слушателей своею художественною игрою. Эти дѣти-феномены на-дняхъ играли въ букингэмскомъ дворцѣ предъ королевою Викторіею. Королева была восхищена прелестною игрою малютокъ и, по окончаніи концерта, подошла къ младшей, семилѣтней артисткѣ Іоаннѣ, и между ними завязался слѣдующій разговоръ:

— Кто далъ тебѣ бѣлую камелію, которую ты носишь на груди? спросила королева у маленькой артистки.

— Это мой талисманъ; живо отвѣтилъ ребенокъ.

— Талисманъ? но кто далъ тебѣ этотъ талисманъ?

— Г-жа Албани, ваше величество. Въ первомъ нашемъ концертѣ въ Лондонѣ участвовали также г-жа Албани и г. Капуль. Когда я сыграла свою пьесу, г-жа Албани подошла ко мнѣ, вынула изъ своихъ волосъ эту бѣлую камелію и подарила ее мнѣ со словами: «Бери, цвѣто́къ этотъ принесетъ тебѣ счастье».

Королева съ улыбкою выслушала этотъ разсказъ; затѣмъ взяла изъ корзины съ цвѣтами красную камелію, подала ее ребенку и сама приколола рядомъ съ бѣлою комеліею: «Вотъ еще цвѣтокъ, дитя мое, пусть и онъ принесетъ тебѣ счастье».

— **Разбойникъ Орловскій.** Варшавскій корреспондентъ «Сѣв. Вѣст.» пишетъ объ этомъ разбойникѣ слѣдующее: «Недавно взяли здѣсь извѣстнаго своими похожденіями разбойника Орловскаго, маленькаго Ринальдо Ринальдини, которому не страшны никакія узы, никакія арестантскія роты и крѣпости: отовсюду онъ уходитъ и опять разбойничаетъ! Вотъ его біографія. Орловскій—крестьянскаго сословія изъ дер. Водзынка, гмины Жеронимъ, лодзскаго уѣзда, петроковской губерніи. Ему теперь 29 лѣтъ. Сначала онъ бѣжалъ, какъ рекрутъ, и занимался воровствомъ, что подъ руку попало. Будучи схваченъ и судимъ, онъ попалъ въ арестантскія роты, въ которыхъ пробылъ два съ половиною года—бѣжалъ и снова принялся за воровство; опять взятъ и опять бѣжалъ. Бродяжничество и старыя воровскія привычки привели его въ казематы крѣпости Ивангородъ, гдѣ цѣлыхъ четыре года замышлялъ онъ побѣгъ, придумывалъ разные способы, но все не удавалось. Наконецъ, подъискавъ себѣ надежнаго товарища, скрылся. Опять грабилъ, заглядывая временами въ родную деревню, гдѣ постоянно жила его жена—и въ Ченстоховѣ снова попался въ руки правосудія, и снова бѣжалъ. Шалости его приняли съ этихъ поръ болѣе широкіе размѣры. Онъ сталъ простона-просто разбойникомъ, держалъ шайку грабителей, располагалъ довольно большими деньгами. Въ 1876 году земскіе стражники поймали его въ деревнѣ Гомулинѣ, доставили въ Петроковъ, гдѣ онъ былъ судимъ—и вдругъ опять скрылся. Громкое разбойничье реноме пріобрѣло ему множество пріятелей между разными мошенниками петроковской губерніи. Сколько ни было предпринимаемо противъ него облавъ—онъ уходилъ, уходилъ отъ всякаго преслѣдованія, избѣгалъ разставляемыхъ на него ловушекъ и засадъ. Имя его стало страшнымъ на довольно большое пространство. Вдругъ какія-то дѣла занесли его въ Варшаву. Полиція узнала объ этомъ и арестовала его на Свентокршиской улицѣ, когда онъ, соскочивъ съ дрожекъ, направлялся къ одному дому. Говорятъ, въ Варшаву онъ прибылъ, переодѣтый фурманомъ, потомъ разгуливалъ по городу въ хорошей шубѣ—и такъ былъ взятъ. На другой день по арестованіи, съ Орловскаго была снята фотографія у Мечковскаго.

— **Дарвинъ о русскихъ.** Профессоръ Тимирязевъ, читая публичную лекцію, въ Москвѣ, сообщилъ, между прочимъ, очень интересный фактъ изъ своего пребыванія въ Англіи. Годъ тому назадъ, какъ передаетъ корреспондентъ «Спб. Вѣд»., когда г. Тимирязевъ пришелъ проститься съ Дарвиномъ, ему пришлось услышать слѣдующее трогательное, искреннее замѣчаніе:

— Въ Англіи вы услышите много несправедливыхъ, враждебныхъ отзывовъ о Россіи, но въ моей семьѣ, въ моемъ домѣ, русскіе всегда встрѣтятъ самый радушный, сердечный, дружескій пріемъ.

— **Патти.** Знаменитой дивѣ, вызывающей неудержимые восторги почитателей ея феноменальнаго голоса, какъ-то несчастливится въ частной жизни. Въ послѣдніе годы ей привелось пережить нѣсколько скандаловъ. Вотъ послѣдній изъ нихъ. Въ вѣнской газетѣ «Presse» пишутъ: «Въ итальянскихъ газетахъ появились пространныя подробности о столкновеніи въ Миланѣ между импресаріо Морицомъ Стракошемъ и мужемъ Аделины Патти, теноромъ Николини. Стракошъ позволилъ себѣ высказать объ отношеніяхъ, существующихъ между ними, нѣсколько несовсѣмъ лестныхъ замѣчаній, которыя и были переданы тенору. Николини въ фойэ театра потребовалъ по этому поводу объясненій отъ импресаріо, но не получилъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта. Тогда завязался крупный споръ, превратившійся, наконецъ, въ драку, въ которой особенно выдающуюся роль играла трость. На шумъ подоспѣла Аделина Патти, которая, однако, получила такой ударъ тростью, что у нея былъ переломленъ на правой рукѣ мизинецъ. Дива упала въ обморокъ и ее отнесли въ уборную. Драка между мужчинами послѣ этого, однако, продолжалась съ тою же тростью. Тогда горничная пѣвицы возъимѣла счастливую мысль вылить въ лица сражавшимся всю зельтерскую воду, заключавшуюся въ сифонѣ, который она принесла съ собою, и этимъ охлаждающимъ средствомъ былъ положенъ конецъ единоборству. «Мы сами—продолжаетъ та же газета—получили изъ Милана пространное описаніе этой драки, которое, вслѣдствіе обстоятельности, съ какою изложено было въ немъ частное дѣло, бросили подъ столъ. Теперь, когда оно опубликовано другими газетами, заимствуемъ изъ доставленнаго намъ описанія еще ту подробность, что г-жа Патти хотѣла купить въ Миланѣ палаццо, а г. Николини всѣми мѣрами старался, чтобъ онъ записанъ былъ на его имя. Настоящимъ поводомъ къ возникшему столкновенію было то, что Стракошъ разстроилъ этотъ замыселъ».

— **Китайское пониманіе международныхъ отношеній.** Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано: «При занятіи китайцами Джунгаріи, съ городами: Манасъ, Урумци, Кутуби и др. и Кашгара, въ наши владѣнія перешло много дунганъ, спасающихся отъ мести китайцовъ. Въ числѣ бѣжавшихъ въ наши предѣлы находился и нѣкто Баянъ-ахунъ, глава дунганской инсурекціи въ Джунгаріи. Въ настоящее время китайскіе военачальники настоятельно требуютъ выдачи имъ Баяна-ахуна, такъ какъ, по ихъ словамъ, «этотъ человѣкъ причинилъ имъ много зла и они рѣшились найти и убить его, гдѣ бы онъ ни находился». Хотя китайскій генералъ, въ письмѣ своемъ къ генералу-губернатору, увѣряетъ, что китайцы не имѣютъ враждебныхъ намѣреній противъ русскихъ, тѣмъ неменѣе, въ виду странной мысли, выраженной въ письмѣ, о посылкѣ войскъ въ наши предѣлы для розыска Баяна-ахуна и другихъ предводителей дунганъ, генералъ-губернаторъ нашолъ нужнымъ усилить войска на Нарынѣ».

Телеграммы.

Константинополь 14-го апрѣля. Вслѣдствіе замедленія Порты въ сдачѣ крѣпостей, которое повидимому равносильно отказу, русская военная власть обратилась куда слѣдуетъ съ запросомъ, какими средствами подкрѣпить свои требованія.

— 14-го апрѣля. Ходитъ слухъ, будто бы лазы готовятъ протестъ къ державамъ противъ присоединенія ихъ къ Россіи. Говорятъ, что 1,500 лазовъ изъ окрестностей Батума намѣрены противиться вступленію русскихъ въ Батумъ.

Русскіе настаиваютъ на очищеніи Шумлы и Варны.

Статскій совѣтникъ Хитрово назначенъ русскимъ губернаторомъ Македоніи.

Лондонъ, 15-го апрѣля. Говорятъ, немедленно будетъ снаряженъ сильный флотъ изъ броненосцевъ и другихъ военныхъ пароходовъ, предназначаемый для отправки въ Балтійское Море. Эскадра эта будетъ состоять изъ двадцати военныхъ судовъ.

Берлинъ 13-го апрѣля. Здѣсь считаютъ посредничество Германіи неудавшимся. Въ замѣнъ отозванія своего флота Англія поставила условіемъ, чтобъ Россія признала принципъ, что европейскія державы вправѣ измѣнить всѣ статьи санстефанскаго договора и окончательно опредѣлить устройство на Востокѣ. Германія отказалась поддержать англійскія воззрѣнія и считаетъ свое посредничество законченнымъ.

Сюда прибылъ король шведскій; онъ обѣщалъ сохранить такой же нейтралитетъ, какъ Германія.

17-го апрѣля. Данія ищетъ близкаго союза съ Германіей въ предстоящей войнѣ между Россіей и Англіей, такъ какъ она одна не въ состояніи защищать свой нейтралитетъ.

Берлинскія газеты протестуютъ противъ предполагаемаго отправленія англійскаго флота въ Балтійское море; опасаются замѣшательствъ между Германіей и Англіей.

Всѣ сомнѣваются въ успѣхѣ дипломатическихъ переговоровъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: 7-й № «Парижскія моды».

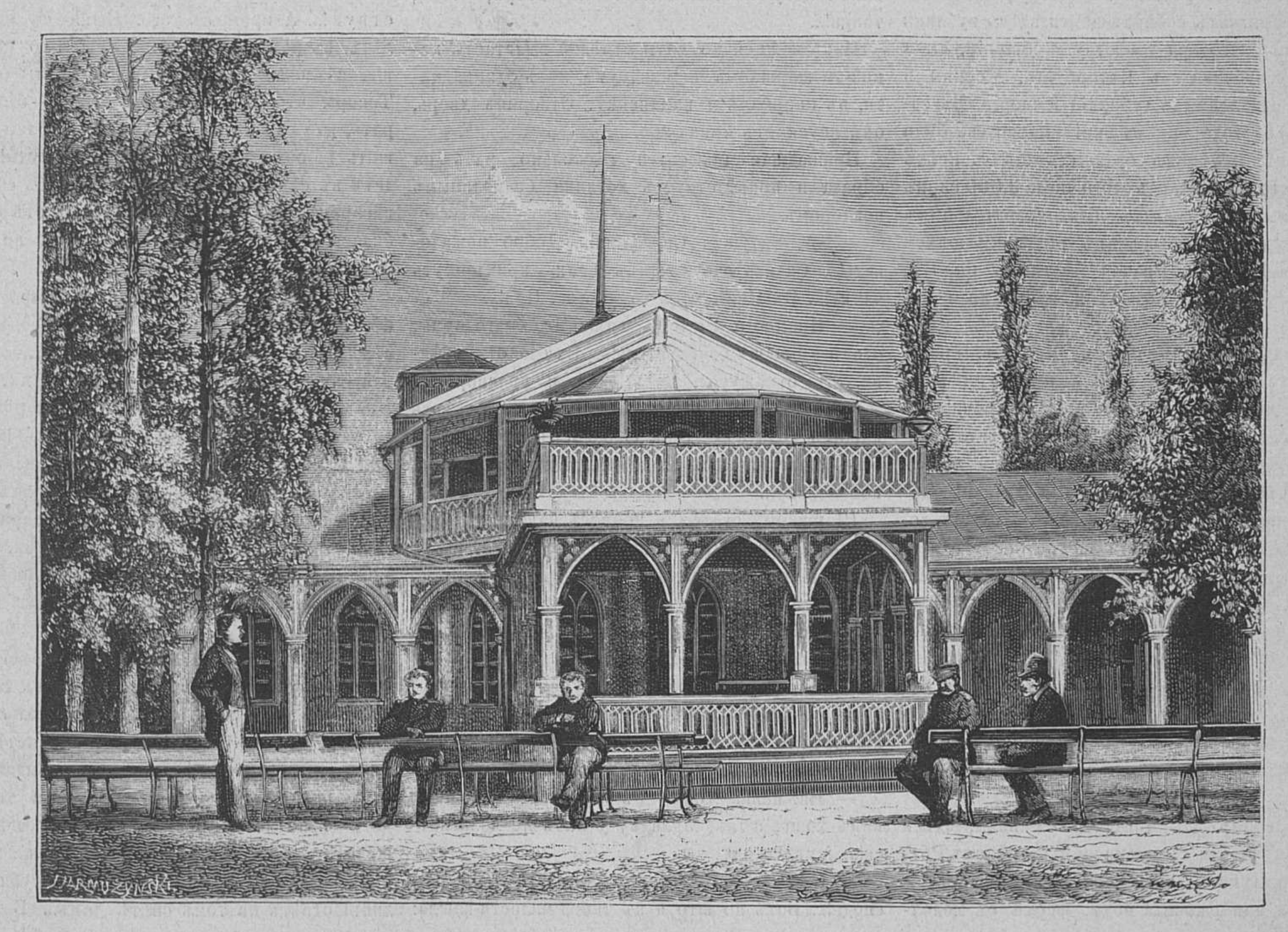
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Апрѣля 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 18. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 30 Апрѣля 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

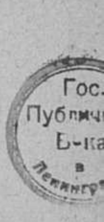
Друскеникскія минеральныя воды.

Мѣстечко Друскеники расположено въ гродненской губерніи и уѣздѣ, въ живописной мѣстности при впаденіи рѣчки Ротничанки въ рѣку Нѣманъ. Теперешнее названіе мѣстечка происходитъ отъ литовскаго слова druskas—соль и совершенно тождественно съ прежнимъ названіемъ Сальсеники—отъ слова Salz (соль), встрѣчающемся въ хроникахъ рыцарей ордена Меченосцевъ. Такимъ образомъ, существованіе Друскеникъ относится еще къ тѣмъ далекимъ временамъ, когда эти рыцари-монахи просвѣщали сосѣднихъ дикихъ язычниковъ, литовцевъ, крестя ихъ въ потокахъ ихъ собственной крови и въ пламени ихъ разрушенныхъ, сожженныхъ хижинъ.

Цѣлебныя свойства друскеникскихъ водъ издавна пользовались большой славой въ народной медицинѣ мѣстныхъ жителей. Еще въ царствованіе польскаго короля Станислава-Августа, а также въ началѣ настоящаго столѣтія здѣсь производились неоднократныя изысканія въ надеждѣ найти залежи поваренной соли. Въ 1829 г. медицинскій факультетъ бывшаго виленскаго университета обратилъ вниманіе на здѣшнія воды и тогда же былъ произведенъ первый химическій анализъ водъ профессоромъ виленскаго университета Фонбергомъ. Въ 1837 г. стараніями гродненскаго губернатора, Доппельмайера, была выхлопотана у правительства денежная субсидія и на здѣшнихъ водахъ были сдѣланы различныя приспособленія по образцу заграничныхъ водъ: построены купальни и необходимыя зданія, расчищены минеральные источники и учрежденъ врачебно-хозяйственный комитетъ подъ предсѣдательствомъ губернатора. Нѣкоторые изъ зажиточныхъ помѣщиковъ губерніи, напр., князья Четвертынскій, Любецкій, Огинскій и друг., на собственныя средства построили здѣсь театръ, концертный и танцовальный залъ и гостинницы для пріѣзжающихъ. На добровольныя же пожертвованія выстроены церковь, католическій костелъ и синагога. Словомъ, изъ скромной литовской деревушки выросъ прехорошенькій городокъ на берегу большой судоходной рѣки, потонувшій въ зелени садовъ, серебристыхъ и пирамидальныхъ тополей и окутанный зеленой чащей сосноваго бора. Слава Друскеникъ быстро росла, число пріѣзжающихъ на воды увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и физіономія городка



Друскеники. Павильонъ водъ.



прогрессивно измѣнялась къ лучшему. Надъ Нѣманомъ выстроенъ обширный вокзалъ съ галлереями для прогулки во время ненастья. Въ вокзалѣ находятся буфетъ, рояль, библіотека и читальня газетъ и журналовъ. Въ залѣ вокзала даются театральныя представленія любителями, концерты—пріѣзжими артистами и танцовальные вечера два раза въ недѣлю. Въ вокзалѣ утромъ и вечеромъ играетъ порядочный оркестръ Эбана; при вокзалѣ паркъ и лодки для катанія по Нѣману.

До проведенія линіи петербургско-варшавской желѣзной дороги здѣсь собиралось исключительно польское общество изъ губерній литовскихъ, бѣлорусскихъ, подольской, волынской и кіевской. Сюда съѣзжалась вся мѣстная знать частью лечиться, но по большей части съ цѣлію просто провести весело время въ избранномъ обществѣ. Это было что-то вродѣ мѣстнаго лѣтняго карнавала. Забавы и удовольствія шли непрерывной вереницей: сегодня концертъ, завтра спектакль въ театрѣ, затѣмъ балъ въ собраніи, пикники, рауты. Здѣсь можно было видѣть знаменитостей ученаго, литературнаго и художественнаго міра—Сырокомлю, Крашевскаго, Монюшко, Контскаго, извѣстнѣйшихъ профессоровъ виленскаго университета и заѣзжихъ иностранныхъ артистовъ. Одно время съ 1844 по 1847 г. здѣсь издавался даже періодическій сборникъ «Ундина друскеникскихъ родниковъ», посвященный медицинѣ, исторіи, статистикѣ, археологіи, поэзіи и беллетристикѣ.

Съ проведеніемъ въ 1862 г. петербургско-варшавской желѣзной дороги и съ переходомъ Друскеникъ изъ казенной въ частную собственность контингентъ собирающейся здѣсь публики измѣнился. Благодаря удобству сообщеній, сюда наѣзжаетъ публика изъ Петербурга, Москвы и даже изъ отдаленныхъ губерній Имперіи. Въ сезонъ 1876 года всѣхъ пріѣзжавшихъ было 5,546 лицъ; изъ нихъ больныхъ 2,411. Всѣхъ ваннъ взято 58,630, изъ этого числа 3,000 ваннъ дано безплатно разнымъ благотворительнымъ заведеніямъ и 10,000 ваннъ по уменьшенной на половину цѣнѣ. Врачей мѣстныхъ было 6, врачей, лечащихся у водъ 7 и временно посѣтившихъ воды 18.

По послѣднему химическому анализу, произведенному петербургскимъ императорскимъ фармацевтическимъ обществомъ, друскеникскія воды отнесены къ разряду бромо-іодисто-соляныхъ, по дѣйствію тождественныхъ съ крейцнахскими водами въ прирейнской Пруссіи. Цѣлебность водъ испытана во всѣхъ болѣзняхъ золотушнаго свойства, въ англійской болѣзни, ревматизмахъ, артритизмѣ, параличѣ, воспаленіи суставовъ, хроническихъ женскихъ болѣзняхъ, геморроѣ, въ болѣзняхъ печени, въ хроническихъ накожныхъ сыпяхъ, нервныхъ страданіяхъ отъ излишней тучности. Но во всѣхъ грудныхъ болѣзняхъ, въ болѣзняхъ сердца и другихъ, сопряженныхъ со значительнымъ истощеніемъ организма, дѣйствіе друскеникскихъ водъ бываетъ вреднымъ.

Кромѣ ваннъ изъ минеральной воды, здѣсь имѣются купальни съ каскадами на рѣкахъ Ротничанкѣ и Нѣманѣ, кумысное заведеніе, всѣ заграничныя минеральныя воды, ферма съ молочными продуктами и врачебный кабинетъ съ электрическимъ и другими аппаратами.

Положеніе Друскеникъ относительно сообщеній весьма удобно. Имѣя почтовую и телеграфную станціи, мѣстечко лежитъ въ 17 верстахъ отъ станціи петербургско-варшавской ж. д. Порѣчье. До Гродно по желѣзной дорогѣ ѣзды $2^1/_2$ часа, до Вильно 5 ч., до Ковно 7 ч., до Минска 8 ч., до Варшавы 10 ч., до Петербурга 22 часа, считая и 17-ти верстный проѣздъ дилижансомъ до станціи Порѣчье.

Сезонъ водъ продолжается съ 1 мая по 1 октября. Цѣны ваннъ для взрослыхъ 30—45 к., для дѣтей 20—30 коп. По сообщенію корреспондента газеты «Новости», «воздухъ здѣсь превосходный, ванны и души хорошо устроены и содержатся въ порядкѣ, жизнь не дорога, квартиры тоже, лучшій поваръ въ нынѣшнемъ году—въ Европейской гостинницѣ, но и въ частныхъ домахъ можно имѣть квартиры со столомъ. Вообще, здѣсь цѣна за обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ—10 руб., а изъ 3-хъ—12 руб. въ мѣсяцъ. Квартиры: одна комната 10—15 руб. въ мѣсяцъ, 3—4 комнаты, 100—150 руб. въ лѣто».

Все это: испытанная цѣлебность друскеникскихъ водъ, сравнительно теплый климатъ, красота мѣстоположенія, дешевизна и удобства жизни, а также удобства сообщенія,—все это не можетъ не способствовать успѣху развитія Друскеникъ и, нѣтъ сомнѣнія, что здѣшнія воды займутъ первостепенное мѣсто въ ряду другихъ минеральныхъ водъ Россіи.

Головой—въ рай, ногами—въ край.

Очеркъ **А. Сальниковой.**

(Посвящается уважаемой Александрѣ Николаевнѣ Якоби.)

I.

Въ большой, свѣтлой, но безъ вкуса меблированной комнатѣ сидитъ за столомъ, передъ самоваромъ, толстый купчина въ ситцевой рубахѣ и пьетъ чай. Въ передней раздается звонокъ.

— Эй, Гераська, кричитъ купецъ, поворачивая голову по направленію къ двери,—подь, отпри!...

Изъ смежной комнаты стрѣлой вылетаетъ какой-то шаршавый индивидуумъ, лѣтъ одиннадцати, въ опоркахъ и кацавейкѣ. Отворивъ дверь, онъ впускаетъ монахиню.

Пришедшая крестится нѣсколько разъ на образа и привѣтствуетъ хозяина безмолвнымъ поклономъ.

— А, матушка Серафима!... Добро пожаловать!... Садись насупротивъ меня—прихлебнуть чайку!... Въ Невѣ воды-то много... Пей!...

— Премного мы тебѣ, грѣшныя, благодарны, отецъ ты нашъ благодѣтель!... Прямо отъ обѣдни... Не откажусь... Вотъ тебѣ и просвирочка заздравная отъ Матушки-Владычицы!... Авось нашими молитвами тебя Господь хранитъ!...

— Спасибо вамъ на томъ!... Ничего: можемъ помаленьку...

Шаршавый субъектъ принесъ чашку съ блюдечкомъ, и купецъ налилъ гостьѣ чаю.

— А я къ тебѣ, отецъ-благодѣтель, не по просту зашла: дай, думаю, провѣдаю о здоровьи Егоръ Матвѣича да обезпокою его маленькой просьбицей.

— Говори: што? спросилъ купецъ, перепрокинувъ стаканъ верхъ дномъ и кладя на него крошечный огрызокъ сахару.

При этомъ онъ подвинулъ монахинѣ чашку.

— На, пей!... Хошь—съ угрызеніемъ, хошь—какъ хошь, а въ накладку у насъ не полагается!... шутилъ онъ.

— Охъ, ты, грѣховодникъ, прости меня, Господи!... Вотъ по што я къ твоей милости зашла: что ты намъ квартирку-то на двадцать человѣкъ, по переулку, отвелъ—такъ сыренька какъ будто-бы... Мнѣ сестры и говорятъ: мать Серафима, сходи ты къ нашему покровителю и благодѣтелю, поклонись ему, чтобы онъ намъ въ угольной комнаткѣ печурку поставилъ, да велѣлъ дворнику сажень, что ни на есть завалящихъ, дровишекъ отпустить, а ужь мы за его душеньку сто земныхъ поклоновъ положимъ, да десять просвирокъ вынемъ!... Такъ какъ ты скажешь?

— Гмъ... Нешто замерзли?...

— Какъ будто немножко холодновато...

— Ладно... ладно!...

— Да еще дворникъ твой сказывалъ, что надъ воротами крохотная квартирка освобождается:—не будетъ-ли твоей милости пожертвовать ее для пристанища нашей сестрѣ? Вѣчныя за твою душу молитвенницы! присовокупила монахиня, отвѣшивая низкій поясной поклонъ.

— И, полно, мать, не кланяйся!... Што можно, то и сдѣлаю. Тамъ еще пока жилецъ есть. Развѣ онъ выѣзжаетъ? Василій мнѣ ничего не сказывалъ...

— Какъ-же, какъ-же: выѣзжаетъ...

— Ну, ладно!... Дѣло рѣшеное...

II.

Поблагодаривъ благодѣтеля, монахиня исчезаетъ. Вслѣдъ за нею, какъ привидѣніе, выростаетъ передъ купцомъ высокая, сухая женщина съ впалыми щеками, провалившимися глазами, и съ воемъ валится ему въ ноги.

— Батюшка ты мой, Егоръ Матвѣевичъ, что ты со мной, горькой, сдѣлалъ?...

— Што случилось, Лизавета? Аль еще чѣмъ недовольна?... сказалъ купецъ, гладя себѣ бороду.—Встань, говори!...

— Чѣмъ я прогнѣвила тебя, окаянная!... сказала женщина, вздѣвая руки и всхлипывая.—Зачѣмъ ты Катьку-то мою мнѣ на шею посадилъ?... Въ чемъ она тебѣ не угодила?... Въ тѣ поры, какъ бралъ еще къ себѣ замѣсто дочки на воспитаніе—помнишь, какъ я не давала тебѣ ее?... Точно сердце чувствовало... Все равно, четверо на рукахъ остались: еще одна ужь не объѣла-бы!... Такъ нѣтъ — облагодѣтельствую!... А промежъ того, дѣвка съ восьми-то лѣтъ, въ роскоши да нѣгѣ, нужды-то не видавши, сбаловалась только, отъ работы отстала... Теперь, чтобы подсоблять матери—бѣлье стирать, или своихъ-же братишекъ соблюдать: обшить да обмыть—такъ нѣтъ того, куды!... Выйдетъ въ сѣни да и звонитъ скулой съ сосѣдомъ-писаремъ день деньской... Совсѣмъ отъ рукъ отбилась: не пріучена, да не умѣю, да не могу—только и слышишь!... И сказъ весь!...

— Ну, а я причемъ-же тутъ?... Выростилъ тебѣ ее, выкормилъ, одѣвалъ, обувалъ... Разсуждалъ: на бѣльишкѣ-то много-ли заработаешь?... дай сниму лишнюю обузу съ плечъ матери... А она вотъ еще корить пришла!...: Теперь замужъ ее выдавай!... Въ дѣвкахъ останется—на то Божія воля!... Вонъ у меня пострѣленокъ-то взятъ: тоже у матери шестеро ихъ, малъ-мала меньше... Самъ знаю: выходишь его—благодарности не жди, также наплюетъ тебѣ въ глаза... Только, конечно, для Бога, да для души дѣлаешь... А тобы!... завершилъ купецъ энергическимъ жестомъ руки.

— Такъ-то оно, такъ, кормилецъ мой, Егоръ Матвѣевичъ, упавшимъ голосомъ и съ тоской на лицѣ продолжала Лизавета:—да только самъ знаешь, безприданницу кто-же возьметъ?... Ужь сдѣлалъ-бы доброе дѣло до конца: выдалъ бы ее замужъ, али-бы што присудилъ ей, а то пропадетъ дѣвка ни за грошъ... Мочушки моей больше нѣту... Сердце кровью обливается... Что теперь подѣлаешь?... Сама свое дитя сгубила!... Великій отвѣтъ на томъ свѣтѣ дамъ... Возьми ты ее опять отъ меня, желанный ты мой!... Денно и нощно молиться за спасеніе твоей душеньки буду...

И, обливаясь слезами, Лизавета грянулась въ ноги своему благодѣтелю.

— Чудная ты, совсѣмъ чудная, какъ я посмотрю!... Тебѣ одной дай все, а другимъ—ничего... Куды-жь я Гераську-то дѣну, коли я его отъ матери отлучилъ?... Тебѣ помогъ, сколько былъ въ силахъ... Теперь у меня другіе есть... всѣхъ тоже одѣлить надо...

Бѣдная женщина встала. Отчаяніемъ дышали черты ея болѣзненнаго лица, и она сказала глухимъ, оборвавшимся голосомъ, совсѣмъ задыхаясь:

— Ну, коли бы я это знала да вѣдала, такъ лучше-бы не губила понапрасну дѣтской душеньки и тебя, антихриста эфтакого, задушила-бы лучше собственными руками, когда ты пришелъ у меня дитя брать да покровителемъ прикинулся!... Ростилъ, ростилъ—да куклу и выростилъ... Ни къ чему доброму не пріучалъ, а только ябедничать, да сплетничать, да доносить на людей заставлялъ, да подъ дверями подслушивать... То-то хороша и вышла: мать родную продастъ теперь!... Всѣхъ добрыхъ людей отъ дому отвадила... Славу о себѣ такую нажила, что ее, сокровище эфтакое, и за деньги-то теперь никто не возьметъ, а не только что безъ приданаго!... Спасибо!... На мѣсто добра—эво какое зло учинилъ... Даже не сдумать... Аспидъ, право аспидъ!... Чтобъ тебѣ пусто, окаянный, было!... Чтобъ твои кости въ гробу семь разъ перевернулись, губитель проклятый!... съ сверкающими глазами и сжатыми кулаками, прибавила бѣдная мать, поспѣшно удаляясь.

Благодѣтель издалъ какое-то дикое рыканіе и ринулся было на нее, но она была уже за дверью.

— Ну, вотъ и дѣлай людямъ добро!... Отогрѣвай змѣю у сердца, а она потомъ и ужалитъ!... Не люди, а звѣри!... волновался купецъ, быстро шагая по комнатѣ. Но успокоиться въ этотъ день ему было, видно, не суждено: опять раздался звонокъ, и въ передней показался господинъ, одѣтый хотя бѣдно, но довольно чистенько.

III.

— А я къ вамъ, хозяинъ! сказалъ посѣтитель, входя въ комнату и раскланиваясь.

— Наше вамъ-съ!... Кому съ творогомъ, а вамъ съ масломъ!... язвительно привѣтствовалъ хозяинъ гостя.

— Видите-ли, Егоръ Матвѣевичъ, замялся немного пришедшій:—я пришелъ сказать... т. е. просить васъ... или, по крайней мѣрѣ, объясниться на счетъ квартиры...

— Послухаемъ, послухаемъ, что стряслось съ тобой?

— Да какъ-же, помилуйте!... Я вѣдь, не первый мѣсяцъ живу въ вашемъ домѣ, по переулку, и всегда, кажется, былъ исправнымъ плательщикомъ... Только теперь со мной случилось несчастіе: вотъ уже два мѣсяца, какъ жена почти съ постели не встаетъ... Посудите сами: я—человѣкъ небогатый, обремененный семействомъ, а тутъ доктора да лекарство!... Въ конецъ раззорился... Разъ только, волей неволей, вмѣсто перваго числа, отдалъ вамъ деньги только седьмого... И вдругъ теперь пришлось имѣть дѣло съ мировымъ и получить повѣстку объ уплатѣ двѣнадцати рублей и объ очисткѣ квартиры... Неужели, Егоръ Матвѣевичъ, нельзя было подождать нѣсколько дней?... Двадцатое число не за горами: получилъ-бы жалованье и отдалъ-бы вамъ, сколько приходится... А то теперь, среди зимы, выѣзжай и ищи себѣ другую квартиру... Вѣдь за мной не пропали-бы ваши деньги!... Къ тому-же жена моя такъ слаба, что еле-еле бродитъ по комнатѣ... Докторъ за нее отчаявается... Умоляю васъ: войдите въ мое положеніе и оставьте вашу претензію!... Вы—человѣкъ богатый... Что вамъ значитъ двѣнадцать рублей?... Не сегодня, такъ завтра все равно ихъ получите.

— Вотъ оно што! Такъ, такъ... Ну, сядь, баринъ!... кивнулъ купецъ, показывая жильцу на стулъ, и самъ грузно опустился въ кресло.

— Благодарю васъ: мнѣ некогда!... Скажите только, могу-ли я надѣяться, что дѣло кончено? Обрадуйте меня, пожалуйста, чтобъ я могъ успокоить встревоженную жену...

— Ладно, коли такъ!...

— До свиданія. Полагаюсь на ваше слово! сказалъ жилецъ и бѣгомъ пустился домой. Черезъ нѣсколько минутъ передъ хозяиномъ явилась высокая, жидкая фигура дворника Василія, съ разбойничьимъ лицомъ, которому онъ тщетно старался придать выраженіе новорожденнаго младенца. Ноги его ни на минуту не оставались въ покоѣ, и онъ какъ нельзя болѣе напоминалъ собою гіену, слоняющуюся по клѣткѣ.

— Егоръ Матвѣичу! сказалъ онъ, отвѣшивая хозяину низкій поклонъ.

— Что новаго, Василій?...

— Да ничего, Егоръ Матвѣевичъ!... Я на счетъ жильца, что надъ воротами живетъ, пришелъ поговорить съ вами... Совсѣмъ квартиру спортилъ... Дѣвченки его бѣлье дома смурыгаютъ... Дровишекъ-то изводятъ малехонько: только сырость завели... Ну, да и плательщикъ-то онъ плохой!...

— Ага!... Сейчасъ былъ тутъ!... Только ноги убралъ...

— Младшіе дворники тоже обиждаются на него: не токма двугривеннымъ—гривенникомъ не разживутся... Въ Новый годъ полтинникъ въ зубы тиснулъ... Все одно што пустая стоитъ... Ужь лучше матери Серафимѣ угодить: она къ преосвященному ѣздитъ... Мало-ли что можетъ случиться!... Такъ прикажете очистить?...

— Очищай!... Я и запамятовалъ, что обѣщалъ ее сестрамъ... Дѣлай свое дѣло!... Нечего на этого прощалыгу глядѣть!...

Дворникъ удалился.

IV.

Въ маленькой квартиркѣ надъ воротами, состоящей изъ комнатки и кухни, помѣщалось семейство Виктора Ивановича Каверина.

Въ комнаткѣ полулежала въ креслѣ истомленная болѣзнью женщина съ мертвенно-блѣднымъ цвѣтомъ лица. У ногъ ея возился мальчикъ лѣтъ восьми, а въ кухнѣ двѣ дѣвочки погодки, 13-ти и 14-ти лѣтъ, развѣшивали на протянутыхъ бичевкахъ только что выстиранное бѣлье. Вдругъ дверь квартиры быстро отворилась, и въ ней показался разсыльный, который оффиціальнымъ тономъ спросилъ:

— Здѣсь живетъ Викторъ Ивановичъ Каверинъ?..

— Здѣсь!.. въ одинъ голосъ отвѣчали дѣвочки.

— Повѣстка отъ судебнаго пристава объ очисткѣ къ завтрашнему дню квартиры и объ уплатѣ денегъ!.. Потрудитесь росписаться!.. отчеканилъ разсыльный.

Дѣвочки переполошились.

— Мама, милая мама! Повѣстка!.. Къ завтрашнему дню вонъ!.. Росписаться!.. ничего не понимая, твердили онѣ, вбѣгая къ матери.

Но бѣдная женщина уже все слышала. Она выпрямилась въ креслѣ и конвульсивно протянула впередъ руки, какъ бы ограждая дѣтей отъ предстоящей опасности. Взоръ ея горѣлъ, и задыхающимся голосомъ она произнесла: —«дѣти мои!.. дѣти мои!..» Отъ чрезмѣрнаго напряженія силы ее оставили: она качнулась и снова упала на спинку кресла.

Дѣвочки съ крикомъ бросились къ матери. Имъ представилось, что она умерла. Но черезъ нѣсколько мгновеній больная открыла глаза и, озираясь по сторонамъ, тихо спросила:

— Гдѣ отецъ?..

— Я сейчасъ сбѣгаю за нимъ! отозвалась старшая дочь, накидывая на плечи, на ходу, шубку и исчезая за дверью.

— Вы бы отпустили меня, сударыня! просилъ между тѣмъ разсыльный.

— Голубчикъ, сказала больная,—ты не знаешь, что намъ будетъ, если мы не съѣдемъ до завтра?..

— Тутъ, должно, есть объ этомъ... Разсыльный подалъ ей повѣстку. Больную била лихорадка. Руки ея дрожали. Бумага два раза вываливалась на полъ. Въ повѣсткѣ значилось, что если отвѣтчикъ къ назначенному мировымъ судьею сроку не очиститъ квартиру и не уплотитъ слѣдуемыхъ денегъ, то приставъ описываетъ мебель и сдаетъ ее истцу на храненіе, а отвѣтчика обязательно заставляютъ выѣхать изъ квартиры.

Разсыльный удалился. Прошло мучительныхъ полчаса, пока явился мужъ. Онъ не могъ понять, какимъ образомъ хозяинъ, давъ слово не тревожить его семейства и прекратить претензію, сыгралъ съ нимъ такую низкую штуку. Онъ хотѣлъ было объясниться съ нимъ, но не засталъ его дома. Испытывая невыносимыя нравственныя терзанія, несчастный нашелъ однако въ себѣ силу успокоить жену, упрашивая ее имѣть хотя немного мужества при постигшемъ ихъ несчастіи.

Опрометью бросившись вонъ, онъ рѣшилъ, во чтобы то ни стало, достать денегъ для переѣзда на новую квартиру. Было уже за полночь, когда онъ вернулся домой. Результатъ его поисковъ увѣнчался успѣхомъ лишь на половину: подходящей квартиры не оказалось, и потому пришлось взять комнатку, такъ какъ онъ могъ найти только пять рублей.

V.

Утро слѣдующаго дня застало семейство Каверина въ большихъ хлопотахъ. Въ квартирѣ царилъ невообразимый хаосъ: мебель, сдвинутая на средину комнаты, корзины, горшки, одежда—все это предназначалось къ укладкѣ и ждало своей очереди.

Больная, послѣ тяжело проведенной ночи, чувствовала себя гораздо хуже. Она ни до чего не касалась и сидѣла неподвижно въ своемъ креслѣ. Поза ея показывала крайнюю степень изнуренія. Мальчикъ копошился у ногъ матери и, какъ бы увлеченный общею суматохою, старательно укладывалъ въ коробочку свои игрушки, увязывая ихъ тоненькими веревочками. Замазанныя дѣвочки носили отцу изъ кухни кастрюли и прочую утварь. Раздался звонокъ. Въ отворенную дверь вошелъ судебный приставъ въ сопровожденіи дворника и какихъ-то двухъ человѣкъ.

— Боже мой! всплеснувъ руками, воскликнула больная:—Извергъ, а не человѣкъ!.. Помереть не дадутъ спокойно!..

Больная заплакала. На мужѣ лица не было. Какое-то тупое чувство овладѣло имъ, и онъ точно остолбенѣлъ съ веревкою въ рукѣ, стоя надъ сундукомъ, въ которомъ лежала разная рухлядь. Сынишка, топая ногами, вторилъ матери и грозилъ въ воздухѣ сжатыми кулаками неизвѣстному обидчику. Дѣвочки съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за происходящимъ. Много сценъ видывалъ приставъ въ подобномъ родѣ, и нервы его уже достаточно окрѣпли; но такой раздирающій душу трагизмъ предсталъ ему впервые. Онъ былъ человѣкъ мягкій по натурѣ и всею душою пожалѣлъ несчастное семейство. Когда онъ обратился къ Каверину, голосъ его дрожалъ.

— Сегодня истекъ срокъ, назначенный мировымъ судьею для очистки квартиры и уплаты причитающихся съ васъ двѣнадцати рублей... Можете ли вы уплатить ихъ?..

Не получивъ отвѣта, онъ продолжалъ:

— Въ противномъ случаѣ я долженъ буду приступить къ описи вашего имущества, наложить на него запрещеніе и отдать его на храненіе истцу... Затѣмъ послѣдуетъ аукціонная продажа, и вырученная сумма зачтется въ уплату долга...

Картина ВЕЛЯ.

Майскій букетъ.

— Что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать?.. говорилъ совершенно растерявшійся Каверинъ.

Приставъ обратился къ дворнику и что-то тихо сказалъ ему; но тотъ отрицательно замоталъ головой.

Приставъ со вздохомъ приступилъ къ описи. По мѣрѣ наложенія печатей, мебель выносили въ сарай.

Семейство обступило больную. Съ нею произошла странная перемѣна: она осушила слезы, встала съ кресла и костлявыми холодными, какъ ледъ, пальцами впилась въ руку мужа. По тѣлу ея пробѣгала нервная дрожь. Глаза и щеки горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Вещи первой необходимости оставлены были въ сторонѣ и описи не подвергались. Дворникъ что-то замѣтилъ приставу. Послѣдній подошелъ къ Каверину и почти шопотомъ спросилъ:

— Ваши часы.

— Часы... часы... мои часы!.. вскричала несчастная и, зашатавшись, упала на стулъ. Изъ горла у нея хлынула кровь.

Часы дѣйствительно были дороги больной: ихъ носилъ ея дѣдушка, по смерти его,—ея отецъ, затѣмъ—вдова мать, а въ день своей свадьбы она собственноручно украсила ими грудь дорогого для нея существа—мужа. Впослѣдствіи, не смотря ни на какія перипетіи въ жизни, она не дозволяла даже закладывать ихъ. А теперь—ихъ продадутъ съ аукціона!

Какъ иногда въ наполненную верхомъ чашу достаточно бываетъ прибавить одну лишнюю каплю и изъ чаши вытечетъ не она одна, но увлечетъ за собою и многія другія—такъ точно и въ страданіяхъ: переносится иногда большее, а меньшее вызываетъ аффектъ со всѣми его печальными послѣдствіями.

Такъ случилось и тутъ. Съ больной сдѣлалось дурно и она упала.

— Воды!.. воды!.. жжетъ!.. простонала она схватившись за грудь, и впала въ безпамятство.

Черезъ пять минутъ она уже представляла бездыханный трупъ. Ея бѣдное тѣло истрадалось и изболѣло, ея истомленная душа жаждала покоя.

Акробатъ.

Стих. **А. Константинова.**

Канатъ натянутъ, все готово,
Зѣваки ждутъ. Старикъ, спѣши
На сцену и ломайся снова
Для нихъ за мѣдные гроши.

Съ утра почти до полуночи,
День изо дня, изъ года въ годъ,
Ты выбиваешься изъ мочи,
Стараясь тѣшить праздный сбродъ.

Порою страшно ноютъ кости,
Невзгоды душу тяготятъ
И грудь волнуется отъ злости,
Но ты — ты шутишь, акробатъ.

Забыть ты долженъ всѣ кручины
И, чтобы скрыть ихъ слѣдъ живой,
Ты на глубокія морщины
Кладешь румянъ дешевыхъ слой.

Какъ ты смѣшонъ! Но чѣмъ смѣшнѣе
И чѣмъ забавнѣй ты лицемъ,
Тѣмъ сборъ грошевый твой вѣрнѣе,—
А ты нуждаешься такъ въ немъ!

Твоя семья: жена и дѣти,
Жонглеры, гаеры, шуты,
Вы всѣ влачите жизнь на свѣтѣ
Подъ страшнымъ гнетомъ нищеты,

Она васъ давитъ съ колыбели
И приходилось вамъ не разъ
Ложиться на свои постели
Полуголоднымъ въ поздній часъ.

И благо, что еще забвенье
Всего, чѣмъ ваша жизнь полна,
Вамъ хоть на краткое мгновенье
Дается чаркою вина.

Забвенье нужно въ этой долѣ!
Вотъ и теперь ты былъ бы радъ
Забыть, какъ давитъ грудь отъ боли,
Какъ кости старыя болятъ..

Но нѣтъ! для отдыха не время
Въ послѣдній ярморочный день!
Забудь, старикъ, недуговъ бремя
И маску гаера надѣнь!.....

Онъ вышелъ. Ревъ нетерпѣливый
Полсотни грубыхъ голосовъ
Затихъ; всѣ смотрятъ молчаливо,
Чѣмъ ихъ фигляръ потѣшитъ вновь.

Начнетъ ли гирей пудовою
Онъ вверхъ, какъ мячикомъ, бросать
Иль, какъ игрушкою живою,
Малюткой-дочерью играть.

Вонзитъ ли вкругъ головки сына
Вѣнецъ изъ брошенныхъ ножей
Иль встанетъ въ позѣ исполина
На головѣ жены своей.

Въ мѣшокъ завязанный, быть можетъ,
Отважно вступитъ на канатъ
Иль штыкъ ружейный въ горло вложитъ
На все способный акробатъ.

Всѣ ждутъ; какъ кошка, онъ взлѣзаетъ
На верхъ, къ канату, по столбу,
Платокъ бумажный вынимаетъ,
Повязку дѣлаетъ на лбу,

Свои глаза закрывъ имъ плотно,
За шестъ берется и впередъ
Не спѣшно, твердо, беззаботно,
Какъ будто по полу, идетъ.

Вотъ онъ дошелъ до середины,
Склонилъ колѣно, сѣлъ, прилегъ,—
Всѣмъ эти позы и картины
Знакомы вдоль и поперегъ.

Всѣ жаждутъ новаго чего-то...
Вотъ новость: шестъ слетаетъ внизъ
И отъ нежданнаго полета
Въ народѣ крики пронеслись.....

Фигляръ очнулся: что случилось
И гдѣ онъ самъ—не помнилъ онъ,—
Въ немъ все какъ будто помутилось,
Все слышалъ онъ, какъ бы сквозь сонъ.

«Пора вставать»! въ его сознаньѣ
Мелькнула мысль. Онъ тихо всталъ,
Шатнулся... и къ ногамъ собранья,
Какъ колосъ срѣзанный, упалъ.

Всѣ встрепенулись, всѣ въ смятеньи,
Всѣ шепчутъ тихо: «живъ ли онъ!..»
Но отъ зѣвакъ въ одно мновенье
Онъ былъ со сцены уведенъ.

И за завѣсою дырявой
Донгранъ былъ среди своихъ
Сценъ шутовскихъ конецъ кровавый
Уже безъ зрителей чужихъ.

На стулѣ подлѣ балагана
Сидѣлъ бѣднякъ, не шевелясь,
Въ вискѣ его виднѣлась рана,
Струями кровь его лилась.

Принесъ ему вина въ стаканѣ
Поспѣшно старшенькій сынокъ;
Шутомъ прикладывался къ ранѣ
Водою смоченный платокъ;

Жена въ нарядѣ для балета,
Сжавъ руку мужа своего,
Ждала, какъ свѣтлаго привѣта,
Хоть вздоха слабаго его;

Его испуганныя дѣти
Стояли молча—можетъ быть,
Придется имъ на бѣломъ свѣтѣ,
Голоднымъ, по міру ходить....

Но онъ достигъ желанной цѣли
Тернистымъ трудовымъ путемъ
И спалъ, впервые съ колыбели,
Невозмутимымъ, мертвымъ сномъ....

О размѣнной мѣдной монетѣ.

(Замѣтка **Н. Н. В—скаго.**)

Исчезновеніе въ С.-Петербургѣ изъ обращенія дробныхъ долей мѣдной монеты, т. е. $^1/_2$ и $^1/_4$ копѣйки приводитъ ко многимъ затрудненіямъ. Издавна мѣдная монета, бывшая въ обращеніи въ Россіи, имѣла крайними наименьшими предѣлами копѣйку, деньгу и полушку. Мѣдная монета всегда обращалась и будетъ обращаться въ средѣ бѣднѣйшаго класса, а слѣдовательно и самаго многочисленнаго въ странѣ. Когда правительство перемѣнило названіе денежки или деньги на $^1/_2$ копѣйки, а полушки на $^1/_4$ копѣйки, деньга и полушка, повидимому, утратили свое самостоятельное значеніе, но и въ новомъ обличьи эти монеты продолжали исполнять свое назначеніе дробной размѣнной монеты, оставаясь притомъ въ извѣстныхъ случаяхъ самостоятельной единицей цѣны, даже въ Петербургѣ. Такъ петербургская городская дума назначила полукопѣечную таксу сбора съ лица за перевозъ черезъ рѣки въ нѣкоторыхъ пунктахъ, а также за водопой лошади у спеціально отведенныхъ водопоевъ, отданныхъ съ торговъ въ арендное содержаніе.

Мѣдная монета (5, 3, 2, 1, $^1/_2$ и $^1/_4$ к.) выпускается въ обращеніе посредствомъ обмѣна на кредитные билеты частными лицами изъ государственнаго банка. Случилось, что въ довольно продолжительный періодъ времени изъ государственнаго банка не выдавали ни $^1/_2$, ни $^1/_4$-копѣечниковъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались мелочные торговцы и въ особенности сборщики за водопой, и находя выгоднымъ для себя не давать дробной сдачи подъ предлогомъ неимѣнія $^1/_2$ к. или $^1/_4$ к., не считали нужнымъ заботиться о добываніи дробныхъ частей копѣйки. Прежде бывшія въ обращеніи $^1/_2$ к. и $^1/_4$ к., попадая въ церковныя кружки, къ монашествующимъ сборщикамъ и разными другими путями, ушли изъ столицы въ села и деревни.

Петербургская городская управа, отдавая водопойныя мѣста по контрактамъ на продолжительные сроки и обязавъ арендаторовъ взимать за водопой лошади по $^1/_2$ копѣйки за каждый разъ, не обязала сборщиковъ имѣть для сдачи доли копѣйки. Между тѣмъ это условіе, казалось бы, не должно ускользнуть отъ заботливости думскихъ дѣятелей, потому что при общественномъ управленіи всегда должно имѣть въ виду интересы не только арендаторовъ, но еще болѣе массы обывателей. Если бы арендаторы были обязаны контрактомъ имѣть для сдачи доли копѣйки, то, конечно, они съумѣли бы устроить такъ, что къ нимъ попадали бы эти крошечныя деньги изъ всѣхъ мѣстъ мелочной продажи. Возложить обязательство на арендаторовъ имѣть сдачу, было бы болѣе справедливымъ, чѣмъ ставить въ необходимость извощиковъ имѣть такія деньги, потому что арендатору, обладающему наличнымъ капиталомъ, легче, чѣмъ извощику, имѣть запасный размѣнный фондъ для сдачи,—фондъ, не превышающій нѣсколькихъ рублей; извощики же выѣзжаютъ со дворовъ съ пустыми кошельками, перебиваясь изо дня въ день. И результатомъ отсутствія условія, обязывающаго

арендаторовъ имѣть сдачу, вышло то, что теперь взимается за водопой вмѣсто $1/2$ к. по цѣлой копѣйкѣ. Въ 1876 году была помѣщена въ («С.-Петерб. Вѣд.» № 181) замѣтка о переборѣ при водопоѣ, причемъ онъ опредѣлялся суммою въ 100,000 рублей. Цифра весьма почтенная и этотъ переборъ, составляющій явное злоупотребленіе, совершается какъ бы въ порядкѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, труженикъ извощикъ, въ погоду и непогоду оставаясь въ работѣ отъ 10 до 12 часовъ, за $1/2$ к. не принесетъ никуда своей законной жалобы; къ тому же сборъ за водопой вмѣсто $1/2$ к. по копѣйкѣ взимается на всѣхъ водопойняхъ и многіе изъ извощиковъ, будучи неграмотными, даже не знаютъ, что слѣдуетъ платить по полукопѣйкѣ; сборщики нерѣдко ругаютъ тѣхъ изъ нихъ, которые уплачиваютъ полукопѣйку, случайно раздобытую. Замѣчательно, что исчезновеніе изъ обращенія дробной монеты привело къ распространенію слуха, что эта монета вовсе изъята изъ обращенія. Однажды за перевозъ чрезъ р. Неву дано было гребцу вмѣсто 10 к. сорокъ четвертикопѣечниковъ. Гребецъ крестьянинъ засмѣялся и, послѣ нѣкотораго колебанія, отказался принять дробныя деньги, отзываясь, что онѣ не ходятъ. Этотъ крестьянинъ, очевидно, пришлый, явившійся въ столицу для заработковъ; усвоивъ здѣсь неправильное убѣжденіе, что дробныя мѣдныя деньги не имѣютъ обращенія, унесетъ его къ себѣ домой и распространитъ въ своемъ околодкѣ. Наши крестьяне не богаче рабочаго люда тѣхъ странъ, гдѣ имѣютъ ходъ такія дробныя монеты, какъ крейцеры пфениги, пенни и болѣе мелкія, и нерѣдко представляютъ самостоятельную цѣнность предметовъ. Въ Петербургѣ есть много бѣдныхъ семействъ, получающихъ 9—10 рублей въ мѣсяцъ; отъ этихъ бѣдняковъ нерѣдко слышится сѣтованіе, что отъ неполученія сдачи по случаю неннахожденія въ обращеніи $1/2$ к. и $1/4$ к. и чрезъ невозможность купить по этому предметовъ первой необходимости иначе, какъ съ уплатою цѣлыми копѣйками, у нихъ пропадаютъ отъ 2 до 4 копѣекъ въ день или около рубля въ мѣсяцъ. Въ самомъ дѣлѣ, фунтъ чернаго хлѣба при цѣнѣ въ $2^1/_2$ к. невозможно купить при неимѣніи $1/2$ к. въ распоряженіи покупателя или продавца. Въ послѣднее полугодіе 1877 года хотя не было ограничено количество выдачи изъ государственнаго банка дробныхъ долей копѣйки, однакожь ихъ все-таки не брали ни торговцы, о которыхъ говорилось выше, ни мѣнялы, которые не могутъ находить для себя выгоднымъ размѣнъ подобной мелочи; а городскіе жители или не знаютъ мѣста, гдѣ можно получить мелкую мѣдную размѣнную монету, или же если и знаютъ это единственное въ столицѣ мѣсто, нерѣдко не могутъ, по причинѣ отдаленности своего мѣстожительства, брать тамъ эту монету на кредитные билеты, а не на мелкое серебро.

Было бы ошибочно заключать, что дробныя деньги для обращенія въ народѣ не пригодны и потому проектировать уничтоженіе ихъ. Напротивъ, ихъ необходимо вызвать въ обращеніе по прежнему для облегченія бѣднаго населенія. Не всякое измѣненіе или упрощеніе приноситъ пользу. Напримѣръ, по проекту бывшаго министра финансовъ графа Канкрина хотя и сдѣлано переложеніе ассигнаціоннаго рубля (къ которому, какъ удобному, всѣ привыкли) на серебро и тѣмъ самымъ погашена часть государственнаго долга *), но самому государству этимъ не принесена та польза, какая ожидалась отъ этой мѣры, такъ какъ богатство государства оцѣнивается благосостояніемъ народа, а съ уничтоженіемъ ассигнаціонной единицы и введеніемъ единицы въ три съ половиною большей, цѣнность на всѣ предметы первой необходимости возвысилась, а потому предметы эти стали менѣе доступными большинству. Подобнымъ же образомъ съ уничтоженіемъ или исключеніемъ изъ обращенія $1/2$ и $1/4$ к. цѣна на первые предметы необходимости должна возвыситься.

Въ заключеніе скажемъ, что въ Петербургѣ мелочные торговцы до того отвыкли употреблять $1/2$ к. и $1/4$ к., что, увидавъ ихъ, смотрятъ, какъ на диво и нѣкоторые совершенно отказываются отъ принятія въ уплату даже малую часть ихъ. Сомнѣвающійся можетъ удовлетвориться, получивъ изъ банка *) дробныя доли копѣйки.

Почти исключительно спросъ и только одинхъ полукопѣекъ въ весьма ограниченномъ количествѣ бываетъ со стороны монахинь, сборщицъ, берущихъ съ тѣмъ разсчетомъ, что нѣкоторые жертвователи требуютъ съ копѣйки сдачи $1/2$ к. и, при неимѣніи ея, отказываютъ въ пожертвованіи незаписываемомъ въ сборную книгу.

Такъ какъ правительствомъ не уничтожены дробныя доли копѣйки и онѣ чекапятся на монетномъ дворѣ въ Петропавловской крѣпости въ значительномъ количествѣ и отсылаются въ государственный банкъ для выдачи въ обращеніе, то было бы желательно, чтобы городскія власти съ своей стороны настоятельно потребовали, чтобы сборщики денегъ у водопоевъ, перевозовъ, а также торговцы разными мелочными товарами, торгующіе какъ на мѣстѣ, такъ и въ разносъ, имѣли бы для сдачи дробныя доли копѣйки; а также, чтобы государственный банкъ обозначилъ вывѣскою мѣсто нахожденія кладовой для размѣна мѣдной и дробной монеты и, если возможно, устроилъ бы для удобства входъ съ улицы, подобно тому, какъ сдѣланъ входъ въ сберегательную кассу.

*) Ассигнаціи—это безпроцентные государственные векселя. При введеніи ассигнаціи, рубль ассигнаціонный и рубль серебряный были тождественны. Въ послѣдствіи, въ особенности въ отечественную войну, изобиліе ассигнацій понизило ихъ цѣну, и рубль ассигнаціонный равнялся четвертаку или 25 копѣйкамъ серебромъ. Въ исходѣ тридцатыхъ годовъ курсъ ассигнаціонный сталъ улучшаться, такъ что на сто рублей давали лажу или преміи около 10 рублей. Графъ Канкринъ проектировалъ переложеніе ассигнаціоннаго рубля на серебро. Нѣкоторыя частныя лица много потеряли отъ этого нововведенія. Предположимъ, что N N при введеніи ассигнацій имѣлъ 105 тысячъ серебряныхъ рублей и обмѣнялъ ихъ въ казначействѣ на тождественные ассигнаціи и, не расходуя ихъ, только перемѣнялъ на вновь выпускавшіяся по измѣненному образцу. Когда послѣдовало переложеніе ассигнацій на серебро, то N N, принеся свои 105 тысячъ ассигнаціями въ казначейство, получилъ за нихъ не отданные имъ 105 тысячъ рублевиковъ, а только 30 тысячъ.

*) Размѣнная кладовая мѣдной и дробной монеты находится въ государственномъ банкѣ. Ходъ съ Большой Садовой улицы во дворѣ банка, по правой сторонѣ у самой рѣшетки. У входныхъ въ кладовую дверей, нѣтъ никакой вывѣски или иного указанія, а потому не бывавшему нелегко найти эту кладовую.

Эмиль Золя.

Біографическій и критическій этюдъ.

Ф. Долинина.

(*Окончаніе.*)

II.

Болѣе подробное знакомство съ содержаніемъ Писемъ слишкомъ растянуло бы эту, и безъ того вышедшую слишкомъ длинною, статью, — поэтому, исчерпавъ сказаннымъ, такъ сказать, историческо-литературный интересъ книги, я перечислю только статьи по заглавіямъ: Бальзакъ и его переписка, Гюставъ Флоберъ и его сочиненія, Братья Гонкуръ, Альфонъ Додэ, Альфредъ де Мюссе, Ипполитъ Тэнъ, Шарль де Ремюза, Шатобріанъ, Адольфъ Тьеръ, Жоржъ Зандъ, Викторъ Гюго, А. Дюма-сынъ. Всѣ двѣнадцать этюдовъ очень интересны, хотя этотъ интересъ обусловливается и разными мотивами: нѣкоторые изъ нихъ носятъ характеръ случайный статей, написанныхъ по поводу смерти писателя этюдовъ—Шарль де Ремюза, Адольфъ Тьеръ, напримѣръ, слѣдовательно интересъ въ нихъ чисто біографическій.

Письма Золя отличаются замѣчательно одинаково выдержаннымъ направленіемъ или, вѣрнѣе, проникнуты однимъ духомъ: реальная школа во всѣхъ ея проявленіяхъ горячо отстаивается; эта горячность, правда, иногда подсказываетъ автору нѣкоторыя гиперболы при оцѣнкѣ талантливыхъ представителей школы, но она будетъ понятна, если вспомнить, что это не только знаменосецъ, созерцающій битву, а прежде всего солдатъ, только за неимѣніемъ болѣе удобнаго оружія, взявшій въ руки знамя и продолжающій въ тоже время сражаться, а потому у него иногда и слышна нота субъективнаго отношенія къ дѣлу. Но мы окончательно оправдаемъ этотъ субъективизмъ, если не забудемъ слѣдующаго заявленія Золя:... «я хочу быть логичнымъ и вполнѣ сознаюсь, что былъ бы не правъ, еслибъ объявилъ, что реализмъ представляетъ послѣднюю и законченную форму французской литературы, ту, которая медленно созрѣвала въ теченіи столѣтій. Объявивъ это, онъ впалъ бы въ ту-же нелѣпость, какъ и романтизмъ. Для меня натурализмъ только переворотъ. Что придетъ за нимъ? — не знаю. Возьметъ-ли снова воображеніе верхъ надъ точнымъ анализомъ? Можетъ быть. Съ другой стороны, долго-ли продлится царство натурализма? Полагаю, что долго, по повѣрьте, не знаю. Важно то, чтобы въ случаѣ упадка школы, лѣтъ черезъ пятьдесятъ, не нашлось натуралистовъ настолько глупыхъ, чтобы говорить, подобно старымъ романтикамъ: «мы не хотимъ никому уступать мѣста, потому что мы — совершеннѣйшая литература». Когда человѣчество двигается впередъ, совсѣмъ безполезно ложиться поперегъ дороги, съ тѣмъ, чтобы преградить ему путь», — и это вѣдь не слова только, а идея, проникающая каждую характеристику, которую дѣлаетъ Золя.

Такимъ образомъ, отбросивъ нѣкоторое увлеченіе и порождаемое имъ преувеличеніе, — какъ послѣдствія исключительнаго его положенія, — мы получимъ рядъ критическихъ этюдовъ написанныхъ очень талантливо и если не блещущихъ новизною метода, то отличающихся крайней послѣдовательностью и умѣніемъ въ примѣненіи принципа реальной критики: писатель есть продуктъ расы, времени и темперамента, поэтому дѣло критика, принявъ во вниманіе эти важныя условія, разсмотрѣвъ произведеніе, указать: есть-ли оно логическое слѣдствіе этихъ данныхъ, его raison d'être, или оно представляетъ измышленіе въ духѣ россійскаго философа Ѳомы Мокіевича и указать ему надлежащее мѣсто въ ряду другихъ литературныхъ произведеній.

Въ заключеніе укажемъ на нѣкоторыя странныя мнѣнія, высказанныя объ этихъ Письмахъ однимъ изъ русскихъ авторитетныхъ критиковъ, авторитетныхъ, конечно, по тону больше. Этотъ критикъ — г. Михайловскій. Онъ извѣстенъ русской читающей публикѣ, какъ талантъ самый разносторонній: увидите вы критическую статью съ хлесткимъ обращеніемъ съ наукой и учеными — при чемъ съ разу и не раскусишь въ чемъ дѣло: принципы такая удобная простыня; увидите философскую, яко-бы, статью — начинайте её читать,—увидите, что она вся изъ цитатъ только — компиляція значитъ; беллетристика, наконецъ, попалась вамъ, гдѣ, вмѣсто всякой характеристики дѣйствующихъ лицъ, вы прочтете: «Мой герой хорошій человѣкъ, изъ такихъ то, какъ онъ, и Добролюбовы выходятъ», все это будетъ до «Ивана Непомнящаго» включительно г. Михайловскій. Нѣтъ словомъ такого рода литературы, гдѣ не было бы г-на Михай-

ловскаго. На этотъ разъ мы его имѣемъ въ мундирѣ критика. На этотъ разъ онъ дѣлается критикомъ случайно: ему надо показать, какъ иногда и въ области искусства пытаются разорвать правду пополамъ *).

Золя требуетъ отъ беллетриста прежде всего реализма въ произведеніи — точнаго воспроизведенія жизни — истины, не разукрашенной личными симпатіями и антипатіями автора. Это г-ну Михайловскому не нравится, онъ называетъ это разрывомъ Правды пополамъ: справедливости, видите-ли, здѣсь не будетъ — справедливость это и есть та другая половина правды, которую всѣ стараются оторвать отъ истины, противъ чего собственно и возстаетъ г-нъ Михайловскій. Во имя этой-же цѣлостности Правды, г-нъ Михайловскій заявляетъ свои симпатіи В. Гюго и Ж. Зандъ, лишая этихъ симпатій всю школу реальныхъ романистовъ. Разъ установивъ такой разрывъ Правды, естественно, г-нъ Михайловскій на этомъ остановиться не можетъ: ему надо показать, что это безнаказанно не проходитъ и одно изъ непремѣнныхъ послѣдствій этого разрыва будетъ спутанность представленій, непослѣдовательность и даже нѣкоторое противорѣчіе: такое противорѣчіе обнаруживаетъ и Золя — оно заключается въ томъ, что, перечисляя признаки реальнаго романа, онъ, между прочимъ, говоритъ: «реалистическій романистъ старательно исчезаетъ позади дѣйствія, которое изображаетъ. Онъ скрытный двигатель всей драмы. Никогда не заявляетъ онъ о своемъ существованіи какой нибудь фразой». А въ другомъ мѣстѣ онъ пытается дать опредѣленіе художественнаго произведенія въ такихъ словахъ: «литературное произведеніе есть уголокъ природы, усмотрѣнный сквозь темпераментъ (автора»). Сопоставьте эти два опредѣленія и вы получите то самое ужасное противорѣчіе, которое, по мнѣнію г. Михайловскаго, такъ неотразимо свидѣтельствуетъ о стремленіи Золя разорвать Правду пополамъ. Но и этого мало: человѣкъ съ такой тенденціей долженъ непремѣнно: быть глупымъ или поглупѣть — если раньше былъ умнымъ, сдѣлаться бездарнымъ, если былъ талантливъ, пристрастнымъ, если раньше былъ безпристрастнымъ и, наконецъ, безграмотнымъ или, вообще, неумѣющимъ выражаться, если раньше владѣлъ техникой пера. Золя крайне ограниченный и вовсе неумный человѣкъ; это явствуетъ, во-первыхъ, изъ его своеобразнаго пониманія слова «критика», «критическій», — пониманія въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ губернскія аристократки (а переводчикъ еще, быть можетъ, придалъ менѣе безобразный смыслъ— въ оригиналѣ могло быть и хуже), потомъ его неумность видна также изъ того, что онъ употребляетъ слова: анатомъ, химикъ и т. п., примѣняя ихъ къ представителямъ реальнаго романа во Франціи. Золя совсѣмъ не можетъ быть критикомъ, потому что пристрастенъ въ своихъ сужденіяхъ: преувеличиваетъ достоинства писателей своей школы и уничтожаетъ другихъ; а это слѣдуетъ вотъ изъ чего: сказавъ нѣсколько разъ о той грандіозности таланта, которая отмѣчаетъ произведенія двухъ великихъ поэтовъ — В. Гюго и Ж. Зандъ — Золя въ статьяхъ, посвященныхъ спеціально имъ, между прочимъ, позволяетъ себѣ указать на слабыя, по его мнѣнію, ихъ стороны: излишнюю риторику перваго и отрѣшеніе отъ жизни дѣйствительной второй, — но это преступленіе и потому Золя невозможный критикъ, тѣмъ болѣе, что онъ ко всѣмъ своимъ недостаткамъ присоединяетъ страсть къ фразамъ, часто безсмысленнымъ: «Что такое, напримѣръ, значатъ фразы: Бальзакъ «завладѣлъ пространствомъ и временемъ и заслонилъ собой все солнце», или Гонкуры «превратили языкъ въ музыкальный ящикъ, въ живого человѣка, движущагося во-очію, дыханіе котораго видно» и т. д. (особенно, если принять во вниманіе, что переводчикъ могъ хотя нѣсколько осмыслить эти выраженія — должно быть, окончательно безсмысленныя въ оригиналѣ). Такимъ образомъ, читатели видятъ, что отъ Золя-критика только мокренько осталось. Но, какъ уже сказано, человѣкъ, подобно Золя, пытающійся разорвать на двѣ половины Правду, — долженъ утратить всякій талантъ, если таковой имѣлъ раньше, и вотъ-съ Золя изъ талантливаго беллетриста разжаловывается въ «беллетриста, набившаго себѣ руку въ писаніи романовъ». Какъ это дѣлается, можетъ дать понятіе слѣдующее мѣсто: «За романистами, особенно за тѣми, которые любятъ щеголять психологическими тонкостями, признается репутація необыкновенныхъ сердцевѣдовъ. Между тѣмъ, какъ, въ дѣйствительности, тутъ кто палку взялъ, тотъ и капралъ. Кто пожелаетъ прослыть сердцевѣдомъ, тотъ можетъ этого добиться очень легко. Но такъ какъ тутъ человѣкъ предоставленъ исключительно своей личной наблюдательности и своему нравственному развитію, то настоящими сердцевѣдами удается быть очень и очень немногимъ». Сказанное въ другомъ мѣстѣ окончательно выясняетъ, что хотѣлъ сказать г-нъ Михайловскій. Задаетъ онъ такую тему: описать политическаго преступника въ тюрьмѣ и вотъ какъ Золя, по его мнѣнію, выполнитъ эту тему: онъ дастъ и превосходное изображеніе деталей, обстановки, лица, костюма мученика и рядъ произвольныхъ психологическихъ тонкостей. Рецептъ этихъ тонкостей очень простой: даны два психологическіе момента, отдѣленные другъ отъ друга извѣстнымъ промежуткомъ времени: напримѣръ, чувства мученика при водвореніи его въ тюрьмѣ и при выходѣ его изъ нея на свободу или эшафотъ. Романистъ вяжетъ этими моментами узелъ за узломъ, наблюдая, чтобы каждый послѣдующій узелъ вѣроподобно связывался съ предъидущимъ, эстетическое чувство читателя можетъ получить удовлетвореніе, картина ему понравится, какъ картина, а наивные люди будутъ даже восклицать: «какая тонкость психическаго анализа!».... Но, конечно г-нъ Михайловскій не будетъ въ числѣ этихъ наивныхъ людей! Теперь всѣмъ понятно, что такое Золя. Что то ординарное, бездушное, иногда даже безнравственное, или нѣтъ, для Золя это слишкомъ много: циничное — это будетъ вѣрнѣе. Цинизмъ свой, «старческую холодность» Золя обнаруживаетъ, когда называетъ цѣломудреннымъ описаніе натурщицы, встрѣчающееся у братьевъ Гонкуръ, да и въ своихъ романахъ: во многихъ мѣстахъ «Curée», напримѣръ.

Убѣдительно пишетъ г-нъ Михайловскій: прочли мы такую его характеристику Золя и намъ представилось, что Золя должно быть человѣкъ наружности сатира, съ глупой улыбкой, имѣющей претензію быть мефистофельской, и потому сугубо глупой, горбатый, словомъ, совмѣщеніе всѣхъ безобразій, которыя только можно встрѣтить въ отдѣльности въ многочисленныхъ представителяхъ рода человѣческаго, и были пріятно удивлены, когда, доставъ его портретъ, увидѣли человѣка весьма симпатичной наружности, съ серьезнымъ и умнымъ лицомъ.

Таковъ Золя въ характеристикѣ Михайловскаго. Изъ разбора его «Парижскихъ Писемъ», читатели могутъ увидать, почему мы не считаемъ ее вѣрной, теперь-же объяснимъ, чтобы больше не возвращаться къ г-ну Михайловскому, почему, по нашему мнѣнію, г-нъ Михайловскій не напишетъ своей книги «о правдѣ и неправдѣ». Тѣ два фельетона, которые должны служить предисловіемъ къ этой книгѣ всецѣло посвящены констатированію того явленія, которое г-нъ Михайловскій называетъ разрывомъ правды. Чаще всего случается, что изъ правды остается одна ея половина — истина, а другая —справедливость преднамѣренно топчется, запрятывается подъ спудъ. Задача «Писемъ» и есть возстановленіе этой правды во всей ея цѣльности. Но если нежелателенъ такой разрывъ «правды», при которомъ остается одна истина, то едва ли болѣе желателенъ другой, по опять-таки разрывъ, при которомъ останется одна справедливость, а именно явленіе такого разрыва и даетъ намъ въ этихъ двухъ письмахъ г-нъ Михайловскій. Въ характеристикѣ Золя это выяснилось очень рельефно: Золя потому осужденъ, что онъ отъ художественнаго произведенія требуетъ прежде всего истины безъ прикрасъ, протокола дѣйствительной жизни, подразумѣвая, конечно, необходимость со стороны автора таланта, который только и можетъ избавить произведеніе отъ излишней фотографичности и сдѣлаетъ его художественнымъ произведеніемъ. Произведеніе, удовлетворяющее этому требованію, Золя ставитъ выше очень талантливыхъ произведеній, но отличающихся полнымъ отрѣшеніемъ отъ жизни дѣйствительной—романовъ Ж-Зандъ, напримѣръ. Отсюда слѣдуетъ, по г-ну Михайловскому, что художественное произведеніе, прежде всего, должно отличаться честной тенденціей, а остальное приложится, а не приложится, то и тутъ бѣда не велика; что оно идетъ въ разрѣзъ съ жизнію, то и это мелочь, которой цѣны придавать не слѣдуетъ; — а это и значитъ, что требуется справедливость безъ истины, т. е. человѣкъ, желающій соединить эти разорванные куски, самъ беретъ одинъ только кусокъ, усердно разрывая свободною рукой другой. Если бы мы захотѣли прибѣгнуть къ пріемамъ г-на Михайловскаго, мы бы такъ доказали вѣрность нашихъ словъ: мы бы сказали—всякая попытка разодрать правду на двое приводитъ къ путаницѣ понятій и внутреннимъ противорѣчіямъ, вѣрность сказаннаго подверждаетъ на себѣ и г-нъ Михайловскій, что видно изъ слѣдующаго: «Золя, говоритъ онъ, очень часто и съ большей настойчивостью утверждаетъ, будто реалисты берутъ для своихъ произведеній «первое попавшееся» явленіе. Это, конечно, пустяки, лучшимъ опроверженіемъ которыхъ можетъ служить строго обдуманный планъ цѣпи романовъ самого Золя».

А планъ этой цѣпи романовъ такой: въ двадцати романахъ разскажется политическая и общественная исторія одного семейства и разсказъ этотъ долженъ показать, какимъ образомъ режимъ второй имперіи отразился на другомъ поколѣніи. По вышедшимъ уже 7 ми романамъ читатель знаетъ, что это вліяніе можетъ характеризоваться словомъ — вырожденіе — т. е. что эта серія романовъ, о планѣ которыхъ, какъ видно изъ приведенной выше выдержки, знаетъ г-нъ Михайловскій, должно представить самую бичующую сатиру на нравы второй имперіи. А между тѣмъ дальше мы встрѣчаемъ у г-на Михайловскаго такое мѣсто; сказавъ о политическомъ индеферентизмѣ Золя и о причинахъ его, онъ говоритъ: «Если бы его отправили въ мѣста болѣе отдаленныя отъ Парижа, гдѣ онъ имѣлъ бы, вѣроятно, поводы чувствовать себя много хуже, онъ спряталъ-бы свой химическій анализъ въ карманъ и, пожалуй, отъ политико-сатирическаго романа, съ ясно опредѣленной тенденціей, не отказался бы». Отъ сатиры онъ и теперь не отказывается, а потому и отъ тенденціи тоже,

*) Разборъ Золя помѣщенъ во 2-мъ Письмѣ о Правдѣ и Неправдѣ (въ 12 кн. Об. Зап. за 1877 г.), послѣ заявленія о невозможности появленія системы Правды въ журналѣ и рознесенія нѣкоего Де-ла-Серды, причемъ въ концѣ концовъ оказывается, что это разнесеніе понадобилось потому, что Дела-Серды поминаетъ Трезвыхъ философовъ, а онъ, г. Михайловскій, тоже къ нимъ принадлежитъ.

это г-нъ Михайловскій знаетъ, а все-таки говоритъ объ этомъ только какъ о возможномъ.

Но мы не считаемъ особенно удачными подобные пріемы и потому это не выдаемъ за доказательство.

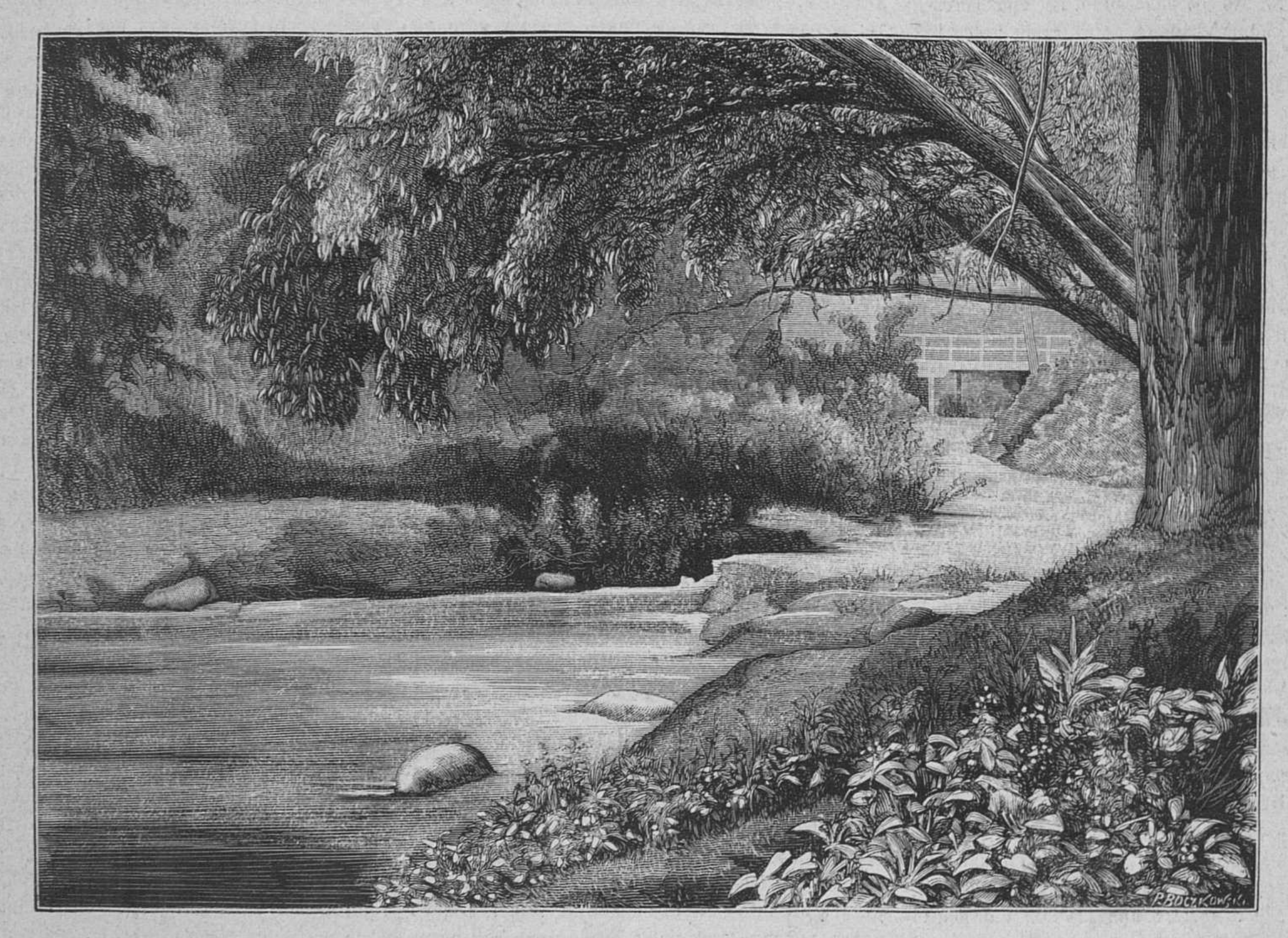
Было бы крайне нежелательно, чтобы кто-либо сказанное нами о невозможности выполненія г-дномъ Михайловскимъ програмы: дать свою Правду, — перетолковалъ, какъ протестъ вообще противъ самой мысли. Напротивъ, было бы крайне желательно осуществленіе такой мысли, только, повторяемъ, тотъ человѣкъ можетъ ее осуществить, который самъ въ себѣ найдетъ цѣльную Правду, а не одну изъ ея половинокъ, и сказанное нами заключаетъ только доказательство того, что не г. Михайловскій такой человѣкъ.

Но довольно о немъ, перейдетъ къ самому Золя.

III.

Намъ осталось только высказать свой взглядъ постараемся уяснить дальнѣйшее развитіе, его, — развитіе, нерѣдко совершающееся въ ту или другую сторону примѣнительно къ школѣ, характеру таланта писателя. Сопоставленіе В. Гюго и Бальзака даетъ намъ возможность увидѣть примѣненіе этого тезиса. Викторъ Гюго — великій поэтъ, умъ мощный, но искаженный: онъ наноситъ природѣ удары, — природа изъ его рукъ выходитъ искаженной, горбатой, но одушевленной жизнью, хотя и лихорадочной. Бальзакъ-же не считаетъ природу ни врагомъ своимъ, ни паціентомъ, онъ просто любитъ ее и, желая увѣковѣчить тотъ или другой моментъ ея жизни, набрасываетъ эскизъ въ свой альбомъ. Собраніе этихъ эскизовъ называется Comédie Humaine. Онъ тоже талантъ, но мощь его высказалась не въ уродливостяхъ и лихорадочности, а въ безконечномъ разнообразіи моментовъ, уловленныхъ имъ, и богатствѣ красокъ, запечатлѣвшихъ эти моменты. Различие ихъ лучше всего сказалось въ слѣдующемъ: и тотъ и другой основатели дожникамъ говорю, а критикамъ. Имѣете вы такое произведеніе — пропагандируйте его, восторгайтесь имъ, ставьте на пьедесталъ автора, но не требуйте отъ художника, чтобы онъ пересталъ быть имъ. Не понимаете вы его генія, что въ немъ искру Божію составляетъ — оставьте его въ сторонѣ, молчите о немъ, оставайтесь публицистами и не тяните къ своему суду, неподлежащихъ ему.

«И опять-таки не искуства для искуства хочу я: эстетики умерли — зачѣмъ тревожить ихъ прахъ! — но искуство имѣетъ свои ясно намѣченныя задачи и даже пути, которыми оно до нихъ дойдетъ. Что такое опытъ? Воспроизведеніе какого-либо явленія при условіяхъ, позволяющихъ наиболѣе удобно наблюдать это явленіе, ранѣе замѣченное въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ явленій. Вотъ этотъ-то опытъ и есть, по сущности своей, художественное произведеніе. Какъ не знаетъ ученый экпериментаторъ, какое свойство онъ подмѣтилъ въ одномъ

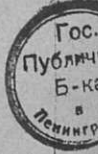


Друскеники. Часть парка при впаденіи Ротничанки въ Нѣманъ.

на критическіе тезисы Золя, — тезисы, надѣемся, достаточно выясненные въ предъидущемъ изложеніи содержанія «Писемъ». Повторю ихъ: имѣя передъ собою какое нибудь произведеніе, надо сначала рѣшить, насколько оно реально; затѣмъ, не произнося своего сужденія, перейти къ изученію темперамента, который могъ вызвать въ произведеніи уклоненія отъ истины, замѣчаемыя въ немъ. Зачастую эти уклоненія придаютъ произведенію удивительную прелесть. Бо́льшая или меньшая точность не важна. Надо лишь, чтобы творческая фантазія, личный геній отмѣчали дѣйствительность, а не фантомы; какъ бы красивы, обаятельны даже ни были такіе фантомы, они всегда останутся мраморными статуями, жизни, дѣйствія въ нихъ не будетъ, а только подъ рукой геніяльнаго ваятеля они превратятся въ живыя существа, но принадлежащія не міру дѣйствительному, и главнаго условія: художественности — воспроизведенія жизни, дѣйствительности — въ произведеніи будетъ недоставать. Установивъ этотъ общій тезисъ, школъ: Гюго романтической, Бальзакъ реальной. Первый даетъ формулу новаго литературнаго направленія въ предисловіи къ одному изъ своихъ произведеній; второй никогда ничего не формулируетъ, или, если хотите, формулируетъ свое направленіе каждымъ новымъ типомъ. Викторъ Гюго еще живъ, Бальзакъ умеръ. Нѣкоторыя произведенія Гюго вызвали пародіи, Бальзакъ-же имѣетъ массу послѣдователей. Характеристика Жоржъ Зандъ окончательно уясняетъ нашу мысль. Она талантъ большой, но она прежде идеализаторъ, а потомъ уже поэтъ. И первый въ ней часто настолько отодвигаетъ назадъ второго, что приходится читать не романъ, а прокламацію борца за эмансипацію женщины. Это все прекрасно, но зачѣмъ называть это романомъ, зачѣмъ выдавать пирожное за хлѣбъ, которымъ долженъ насытиться бѣднякъ. Вамъ нуженъ романъ, какъ орудіе, форма художественнаго произведенія вамъ нужна, — берите ее, но, взявъ форму, не говорите, что вы въ нее и сущность, соотвѣтствующую формѣ, вложили. Это я не ху- какой законъ въ цѣломъ рядѣ опытовъ, — такъ не знаетъ и художникъ, какая мораль у него получится. Зачѣмъ же вы превозносите того экспериментатора, — а вы превозносите и въ этомъ ваша непослѣдовательность, — который открываетъ благодѣтельныя свойства озонированнаго воздуха, и зачѣмъ топчете въ грязь, выгоняете изъ лабораторіи того, который, опредѣливъ сначала, что въ атмосферѣ вашей компаты много углекислоты, рядомъ опытовъ сначала убѣждается, а затѣмъ и васъ убѣждаетъ, что углекислота убываетъ — вѣдь они оба одинаково не знали, что они найдутъ. Почему у Гюго природа выходитъ горбатой? Почему у Жоржъ Зандъ идеалы вмѣсто людей? Потому, что оба они къ природѣ людской и даже къ самимъ себѣ, — въ этомъ они послѣдовательны, — поскольку они составляютъ часть природы, относятся враждебно, видятъ въ ней врага всему чистому, хорошему. Но зачѣмъ же тогда намъ идеалы, зачѣмъ люди изданія исправленнаго и дополненнаго? Вѣдь это онъ одинъ, художникъ, избранникъ

Картина БЕЙЛЯ.

Акробатъ.



Божій прозрѣваетъ въ міръ идеаловъ, а можетъ онъ это сдѣлать только потому, что въ немъ есть часть, неприсущая природѣ, этой гадкой, зараженной всякими недугами развращенной до мозга костей, матери нашей,—потому и только потому они и могутъ посмотрѣть, не жмурясь на сіяніе идеала, а мы сѣрая масса, для которой пишутся эти прекрасныя вещи, вѣдь мы дѣти своей матери и заражены, какъ и она, грѣхомъ, насъ это сіяніе ослѣпляетъ до того, что не щуриться мы будемъ, а совсѣмъ закроемъ глаза и сѣрые сумерки замѣнятся мракомъ ночи, вѣдь вотъ чего вы требуете, господа критики. Будьте-же хоть послѣдовательны и отвернитесь и отъ перваго экспериментатора, игнорируйте озонъ, не пользуйтесь его свойствами, а вывѣсьте па двери вашей лабораторіи такую инструкцію: «Мы хотимъ найдти то-то и то-то, желающіе заниматься здѣсь обязываются искать только вышеупомянутое, никакая находка не должна заноситься въ журналъ занятій и подвергаться дальнѣйшему изслѣдованію. Всякій, не чувствующій въ себѣ достаточно силы для упорнаго игнорированія всего, не составляющаго непосредственнаго предмета его изслѣдованія, откажись отъ входа въ святилище науки!» (Не стѣсняйтесь, называйте это храмомъ науки, вамъ впослѣдствіи еще и не такіе придется вольные переводы дѣлать). Вывѣсьте такое объявленіе и, преисполнясь чувства самоуваженія, гуляйте, заложивъ руки за спину, и генеральски вопрошайте о результатахъ работы. Я вамъ гарантирую, въ такомъ случаѣ, спокойствіе духа, а стало быть и хорошій аппетитъ и крѣпкій сонъ и всѣ, сопряженные съ этими прекрасными вещами, благіе результаты.

Судебная ошибка.

Романъ **Ф. Буагобея**. Переводъ **С. И. Воскресенской**.

Часть I.

Лекокъ *) устраняется.

I.

Улица Алуэтъ принадлежитъ къ малоизвѣстнымъ и мрачнымъ уголкамъ Парижа. Но у нея есть своя исторія, и исторія зловѣщая, потому что въ этомъ захолустьѣ совершилось не мало преступленій, и еще вначалѣ нынѣшняго столѣтія здѣсь спокойно грабили проходящихъ.

Съ того времени произошло, разумѣется, не мало перемѣнъ; улица стала безопасною, но она осталась непривлекательною по внѣшнему виду. Милліонеры не строятъ въ ней своихъ роскошныхъ домовъ и предоставляютъ ее мелко-промышленному люду. Бьевра катитъ здѣсь или, лучше сказать, задерживаетъ свои мутныя волны; неподалеку высится злополучный Урсинскій госпиталь; но въ вознагражденіе за такое сосѣдство здѣсь же тянутся два широкіе и многолюдные бульвара,—одинъ старинный, сохранившій свое прежнее прозвище «Италія», и другой, окрещенный именемъ великаго ученаго Араго.

Въ одну изъ недавнихъ зимнихъ ночей, два городскіе сержанта совершали свой обходъ по этимъ мѣстамъ. Служба здѣсь не легкая, и полиціанты въ XIII округѣ Парижа получаютъ свое жалованье незадаромъ. Имъ приходится чаще имѣть дѣло съ пьяницами и бродягами, чѣмъ съ одними только нарушающими правила таксы извощиками. Въ позднее время года, они обходятъ дозоромъ пустынныя мѣстности, едва освѣщенныя скудными газовыми рожками, и подвергаются неменьшей опасности, чѣмъ солдатъ при рекогносцировкѣ на непріятельской землѣ.

*) Извѣстный французскій писатель Э. Габоріо въ романѣ, подъ заглавіемъ «Лекокъ», очертилъ дѣятельность знаменитаго французскаго сыщика, выведеннаго имъ подъ именемъ Лекока. Въ романѣ Буагобея дѣйствуетъ тотъ же Лекокъ, но уже вышедшій въ отставку и живущій мирнымъ буржуа.

Въ ту ночь, въ которую начинается нашъ разсказъ, погода была ужасная. Снѣгъ валилъ хлопьями и рѣзкій вѣтеръ гналъ его въ лицо двумъ полицейскимъ, вынужденнымъ наблюдать за порядкомъ до самаго разсвѣта, въ кварталѣ Гобеленовой фабрики.

Было три часа по полуночи, а полицейскіе ходили вдоль улицъ уже съ двѣнадцати часовъ, шагая рядомъ, ровно, методически, безмолвно и съ покорностью передъ долгомъ службы, какъ люди, сознающіе святость своей обязанности. Они ежились отъ холода, старались защитить свои посинѣвшія щеки капюшенами шинелей, но не переставали настораживать уши, въ ежеминутной готовности пожертвовать своею личностью и погибнуть безъ славы подъ ножемъ какого-нибудь уличнаго злодѣя.

— Дьявольская погодка! произнесъ тотъ изъ нихъ, который былъ постарше.—Не запомню такой съ того времени, какъ я мерзъ въ кабильскихъ горахъ, когда служилъ въ 1-мъ зуавскомъ полку. И прогуливайся тутъ, зная напередъ, что и носа ничьего не увидишь....

— Еще бы! добрый хозяинъ и собаки не выгонитъ, сказалъ другой помоложе, но въ ту же минуту толкнулъ товарища въ бокъ, и оба они стали прислушиваться.

Въ улицѣ Корвизаръ послышались чьи-то шаги, звукъ которыхъ смягчался снѣгомъ, но былъ ощутителенъ для изощреннаго полицейскаго слуха. На всякій случай, по привычкѣ, пріобрѣтенной въ своемъ ремеслѣ, оба городскіе сержанта прижались къ стѣнѣ сосѣдняго дома и стали выжидать, безмолвные и неподвижные, какъ статуи.

Вскорѣ показался человѣкъ, который шелъ, наклонивъ голову, приподнявъ воротникъ и засунувъ руки въ карманы. Онъ направлялся къ бульвару «Италія» и шелъ ровной поступью, не слишкомъ скоро, не слишкомъ медленно, а какъ порядочный буржуа, застигнутый непогодой и желающій воротиться поскорѣе домой, но не способный пуститься бѣгомъ. Во всей его фигурѣ и осанкѣ не было ничего подозрительнаго, и полицейскіе пропустили его безпрепятственно; только младшій, любившій поострить, сказалъ:

— Любитъ видно поосвѣжиться!

— Тише! шепнулъ другой.—Онъ не одинъ.

Дѣйствительно, назади раздавались еще шаги, болѣе тяжелые, обличавшіе грубую, подкованную желѣзомъ, обувь; черезъ минуту, изъ-за угла небольшого переулка показался человѣкъ, опиравшійся на палку и согнувшійся подъ тяжестью чемодана, который онъ тащилъ на спинѣ. Онъ походилъ на коммиссіонера, но тѣ носильщики, которые стоятъ съ своими крючьями на углахъ улицъ, не имѣютъ привычки работать по ночамъ, а другіе, занимающіеся на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, начинаютъ свое дѣло лишь съ приходомъ первыхъ поѣздовъ, то есть, съ четырехъ часовъ утра.

По всему этому, человѣкъ, завидѣнный полицейскимъ, внушалъ имъ справедливое подозрѣніе, тѣмъ болѣе, что покражи съ возовъ и фіакровъ, нагруженныхъ вещами, были особенно часты въ ту зиму въ Парижѣ.

— Я полагаю, что этотъ гражданинъ купилъ свой чемоданъ на загребательной ярмаркѣ, сказалъ бывшій зуавъ.—Побесѣдуемъ-ка съ нимъ; это насъ немножко согрѣетъ.

Онъ шагнулъ впередъ и остановилъ носильщика за воротъ.

— Ты куда идешь, мой любезный? спросилъ онъ. Коммиссіонеръ поднялъ голову, посмотрѣлъ съ изумленіемъ на обоихъ сержантовъ, но не произнесъ ни слова.

— Что у тебя въ чемоданѣ? продолжалъ полицейскій.—Твой гардеробъ или женинъ? Порядочно у васъ добра, фунтовъ полтораста будетъ!

Носильщикъ стоялъ молча по-прежнему, но прохожій, который незадолго опередилъ его, заслышалъ шумъ и, по всей вѣроятности, испугался, потому что бросился бѣжать. Полицейскіе не преслѣдовали его, считая необходимымъ заняться болѣе подозрительнымъ человѣкомъ.

— Ты что же это языкъ прикусилъ? началъ снова младшій сержантъ.—Хочешь комедію разыграть? Ладно! Въ участкѣ заставятъ тебя говорить.

Носильщикъ не шевельнулся; можно было поклясться, что онъ не понимаетъ ничего. Онъ безпрекословно послѣдовалъ за полицейскими, которые представили его по начальству.

— Хитреца строитъ, прибавилъ старшій сержантъ, доканчивая свое донесеніе дежурному чиновнику.

Странный коммиссіонеръ, доставленный въ полицейское управленіе, былъ здоровый, плечистый дѣтина, лѣтъ двадцати, съ привѣтливою физіономіей. На немъ была сѣрая вязаная куртка и бархатные штаны. Вообще, онъ походилъ болѣе на сельскаго, чѣмъ на городского жителя. При строгомъ вопросѣ полицейскаго офицера, пригрозившаго ему тюрьмой, онъ только потрясъ головою и поднесъ руки къ ушамъ.

— Глухимъ прикидываешься! сказалъ тотъ.—Ладно, отправляйся же въ кутузку, если это тебѣ болѣе нравится!

Упрямый малый даже не моргнулъ при этой угрозѣ и смиренно позволилъ запереть себя въ темную и тѣсную каморку, служившую временнымъ помѣщеніемъ для арестантовъ. Офицеръ началъ между тѣмъ составлять протоколъ, для чего счелъ нужнымъ вскрыть чемоданъ. Онъ былъ запертъ на ключъ; старый сержантъ ловко запустилъ долото и отбилъ замокъ однимъ ударомъ молотка. Но, приподнявъ крышку, онъ вскрикнулъ отъ ужаса.

Въ чемоданѣ лежалъ женскій трупъ.

Всѣ присутствующіе тоже вздрогнули и поблѣднѣли, не смотря на привычку къ мрачнымъ зрѣлищамъ.

— Подлецъ, закричалъ старый сержантъ, поймавшій коммиссіонера.—Я принималъ его за вора, а онъ убійца!

Женщина, лежавшая въ чемоданѣ, была хороша собою. На ней былъ бѣлый шелковый пеньюаръ, обшитый богатыми кружевами. Она какъ бы смотрѣла еще своими большими глазами на окружавшихъ ее старыхъ солдатъ, едва сдерживавшихъ свои слезы. Въ рукахъ ея, скрещенныхъ на поясѣ, находилась розовая камелія, и губы покойницы складывались въ улыбку.

— Точно спитъ! замѣтилъ кто-то.

— Заснула навсегда! возразилъ другой. — Съ нею управились ловко! Убита съ одного удара... и посмотрите! кинжалъ въ ранѣ оставленъ.

Старый полицейскій нагнулся поспѣшно и увидалъ, среди кружевъ, стилетъ, вонзенный въ грудь жертвы по самую рукоять. При такомъ ударѣ, наружнаго кровоизліянія почти не было, и только нѣсколько красныхъ пятенъ виднѣлись среди складокъ, даже непомятой, одежды.

Пославъ одинъ рапортъ въ префектуру, а другой къ коммиссару квартала, дежурный полицейскій составилъ свой протоколъ, среди общаго молчанія своихъ сослуживцевъ. Ни одинъ изъ нихъ не рѣшался даже закурить трубки въ присутствіи рокового чемодана, придвинутаго къ стѣнѣ.

— Надо однакожь посмотрѣть, что дѣлаетъ нашъ молодецъ, сказалъ сержантъ. — Пожалуй, еще вздумаетъ разбить себѣ голову о стѣну, во избѣжаніе уголовнаго суда. А за это насъ не похвалятъ.

Посланный за справкою другой сержантъ воротился, весь багровый отъ гнѣва.

— Спитъ! сказалъ онъ.—Спитъ, какъ камень!

— Притворяется!

— Нѣтъ, посмотрите сами. Спитъ и даже храпитъ такъ, что стекла трясутся. Я его растолкалъ, онъ протеръ одинъ глазъ, промычалъ и опять заснулъ.

— Удивительно! при такомъ холодѣ, безъ огня и на голомъ полу! Нужно думать, что онъ чертовски усталъ.

— Или чувствуетъ столько же угрызеній совѣсти, какъ котъ, задавившій мышь.

Арестантъ не просыпался до самого пріѣзда начальника сыскной полиціи, который прибылъ въ сопровожденіи врача. Коммисаръ квартала, занятый по дѣлу на другомъ концѣ округа, не успѣлъ еще получить извѣщенія, отправленнаго къ нему на домъ. Начальникъ сыскной полиціи, внимательно выслушавъ отчетъ дежурнаго, спросилъ:

— Этому человѣку показывали трупъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ полицейскій,—я подумалъ, что это можетъ повредить ходу слѣдствія.

— Вы поступили благоразумно. Было бы правильнѣе дождаться коммисара для вскрытія чемодана, но, распорядясь иначе, вы сберегли для насъ драгоцѣнное время... Я могу только похвалить всѣ ваши распоряженія... А, вотъ и чемоданъ. Ваше дѣло, докторъ, еще впереди; мое—осмотрѣть всякую внѣшность... Отличнѣйшій чемоданъ изъ хорошей кожи съ мѣдною оковкой... Вещь дорогая, и это доказываетъ, что убитая была далеко не бѣдна... Да, въ такіе чемоданы укладываются только роскошные туалеты... На крышкѣ нѣтъ вензеля... Впрочемъ, тутъ была мѣдная доска, но ее сорвали, потому что на ней значилось, вѣроятно, имя и адресъ владѣтельницы... Что касается работы, она англійская... или американская. Французы не особенно отличаются въ этомъ родѣ... Пока съ меня довольно... Ваша очередь, докторъ.

Врачъ приподнялъ крышку чемодана и не могъ удержаться отъ восклицанія. Начальникъ полиціи, пораженный не менѣе его, скрылъ, однакожь, свое впечатлѣніе и сказалъ:

— По моему, вамъ достаточно теперь опредѣлить причину смерти и положеніе трупа. Вы дополните свою работу въ Моргѣ, куда я велю отправить этотъ чемоданъ.

— Да, такъ будетъ лучше; я взгляну только слегка, сказалъ докторъ, осторожно раздвигая кружева, закрывавшія рану.—Несчастная была поражена внезапно... вѣроятно, во время сна, потому что лицо у нея осталось совершенно спокойно... Убійца могъ выбрать мѣсто не спѣша... взгляните! лезвее запущено между пятымъ и шестымъ ребромъ... и по самую рукоятку... Но вотъ штука-то! кинжаломъ пригвождена къ груди карта...

— Игральная карта!

— Да... пиковая дама.

При этомъ неожиданномъ заявленіи, всѣ полицейскіе, стоявшіе изъ почтенія поодаль, невольно приблизились, чтобы убѣдиться своими глазами въ невѣроятномъ открытіи, сдѣланномъ докторомъ.

Дѣло было необычайное. Убійцы не имѣютъ обыкновенія накладывать подобные штемпеля на своихъ жертвъ, въ смыслѣ своей печати, или ради шутовства, потому что не любятъ оставлять лишнихъ уликъ противъ себя въ рукахъ правосудія. Но нахальный преступникъ дѣйствительно поразилъ несчастную женщину сквозь карту,—карту съ бѣлой изнанкой, толстую и съ золочеными уголками, то есть, взятую изъ такой колоды, подобныя которой служатъ только въ клубахъ или въ богатыхъ домахъ,—и трудно было угадать смыслъ такого жестокаго издѣванья надъ жертвой...

— Нечего сказать, вѣкъ живи, вѣкъ учись! сказалъ начальникъ полиціи.—Еслибы мнѣ разсказали подобную вещь, я отвѣтилъ бы, что такія исторіи измышляются одними газетными репортерами... Но своимъ глазамъ приходится вѣрить. Вы что скажете на все это, докторъ?

— Въ смыслѣ медицинской экспертизы я скажу, что присутствіе карты служитъ новымъ доказательствомъ, что эта женщина была убита во время сна... Еслибы она не спала, убійца не могъ бы приложить ей къ груди эту карту...

— Но онъ могъ заранѣе вдѣть ее на кинжалъ, для того чтобы она послужила щитомъ противъ кровяныхъ брызгъ...

— Да... дѣло возможное.

— Впрочемъ, сказалъ начальникъ полиціи,—намъ слѣдуетъ отложить всѣ предположенія до позднѣйшаго времени. Никогда не надо развлекаться подробностями при самомъ началѣ какого нибудь дѣла... А настоящее дѣло принадлежитъ не къ пустяшнымъ... Оно надѣлаетъ шума! Затрудненій будетъ пропасть, но и слѣды хорошіе... эта карта, напримѣръ...

— Можетъ быть, она приложена здѣсь нарочно, чтобы сбить васъ съ толку, замѣтилъ докторъ, желавшій выказать скептицизмъ, въ свою очередь.

— Если я собьюсь, то скоро и поправлюсь. Но чтобы упрочить себѣ основаніе, надо прежде всего допросить этого коммиссіонера... котораго я считаю за самаго незначительнаго сообщника... Уберите чемоданъ и приведите сюда арестанта!

Отдавъ это приказаніе, начальникъ сыскной полиціи сѣлъ къ столу, но прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ полицейскіе успѣли разбудить спавшаго. Онъ вошелъ, наконецъ, протирая глаза и спотыкаясь, какъ человѣкъ, не успѣвшій еще оправиться отъ сна.

Начальникъ полиціи устремилъ на него свои проницательные глаза, умѣвшіе читать въ душахъ самыхъ изворотливыхъ преступниковъ, но арестантъ выдержалъ безъ смущенія этотъ взглядъ. На его кругломъ лицѣ сохранилось самое безмятяжное выраженіе, принявшее только легкій отпечатокъ досады при видимомъ намѣреніи присутствующихъ подвергнуть его новому допросу. Не сводя глазъ съ его физіономіи, старшій представитель полицейской власти изучалъ, въ то же время, его осанку, пріемы, привычку держаться, покрой одежды, форму его рукъ, цвѣтъ кожи,—однимъ словомъ, всю ту сотню мелкихъ подробностей, которыя ускользаютъ отъ поверхностнаго наблюдателя, но объясняютъ многое или все человѣку, умѣющему читать въ этихъ знакахъ, налагаемыхъ на всѣхъ насъ природою или общественнымъ положеніемъ.

Послѣ одной минуты подобнаго безмолвнаго инквизиторскаго осмотра, начальникъ полиціи составилъ свое убѣжденіе.

— Этотъ человѣкъ не главное дѣйствующее лицо, рѣшилъ онъ.—Тому, который имѣетъ непріятность обладать ручищами землекопа, ступнями деревенскаго хожалаго и плечами носильщика, не можетъ представляться надобности убивать свѣтскихъ женщинъ, пригвоздивъ имъ на грудь пиковую даму. Но этотъ человѣкъ былъ подкупленъ настоящимъ убійцею и онъ выдастъ мнѣ его... добровольно или по принужденію... А заставить его заговорить это пустяки. Нужно только ловко повести атаку...

И, дѣлая видъ, что онъ заноситъ что-то въ въ свою записную книжку, онъ просидѣлъ нѣсколько времени, опустя глаза, а потомъ спросилъ вдругъ, самымъ мягкимъ голосомъ:

— Вы знали, пріятель, что было въ чемоданѣ?

Онъ ждалъ, что арестантъ, захваченный врасплохъ, отвѣтитъ: «Нѣтъ», но, къ его разочарованію, тотъ не выказалъ никакимъ движеніемъ, что слышалъ обращенный къ нему вопросъ. Но начальникъ полиціи не счелъ еще себя побѣжденнымъ.

— Прекрасно, сказалъ онъ,—вы избрали систему молчанія. Недурна она, мой любезный, но слишкомъ уже намъ пріѣлась и я совѣтую вамъ оставить ее. Все равно, не выдержите, просидѣвъ мѣсяца три въ секретной камерѣ. Сверхъ того, ради вашей собственной пользы, вамъ лучше заговорить, потому что, въ моемъ убѣжденіи, вы не виновны. По всей вѣроятности, вы играли лишь второстепенную роль въ этомъ дѣлѣ, и если вы поможете намъ отыскать того, кто приказалъ вамъ нести этотъ чемоданъ, то ваша невинность будетъ доказана. Можетъ быть, даже, что я найду возможнымъ отпустить васъ немедленно, взявъ это на свою отвѣтственность.

Обвиняемый остался безчувственнымъ передъ такимъ обольстительнымъ завѣреніемъ. Онъ только энергически принялся указывать на свои уши и ротъ.

— А, вы даете знать, что вы глухонѣмой! сказалъ начальникъ полиціи.—Ладно... я изучилъ всѣ языки, даже языкъ нѣмыхъ!

Онъ не хвастался. Въ предвидѣніи случаевъ, подобныхъ представлявшемуся въ эту минуту, онъ напрактиковался въ методѣ аббата Л'Епе и умѣлъ выражать пальцами извѣстныя мысли. Онъ принялся тотчасъ же за нѣмую рѣчь, выражая ее не столь быстрыми знаками, быть можетъ, какъ какой нибудь спеціальный профессоръ, но все же вполнѣ удобопонятно для каждаго, сколько нибудь подучившагося, глухонѣмого.

Арестантъ слѣдилъ за всѣми его движеніями съ очевиднымъ вниманіемъ, но выраженіе досады усиливалось на его лицѣ. Казалось, онъ злился на то, что не понимаетъ, но было ясно, что онъ не можетъ понять.

«Ого! подумалъ допрашивавшій,—онъ плутоватѣе, чѣмъ я полагалъ, но, въ то же время, онъ не замѣчаетъ, что самъ себя выдаетъ! Не было еще видано глухонѣмого, дожившаго до этихъ лѣтъ и не научившагося выражаться хотя какими нибудь знаками! Нѣтъ сомнѣнія, мошенникъ столько же глухъ, какъ и я. Испытаю еще одно средство... а потомъ перейдемъ къ другимъ штукамъ...»

Онъ подалъ арестанту большой листъ бумаги, на которомъ написалъ слѣдующее:

«Отъ васъ зависитъ еще избѣжать гильотины; но если вы будете упорствовать въ своемъ молчаніи, васъ приговорятъ къ смерти. Вы можете повѣрить мнѣ, отправившему на эшафотъ семнадцать человѣкъ, менѣе уличенныхъ, чѣмъ вы».

Бѣднякъ посмотрѣлъ на бумагу съ видомъ дикаря, которому предложили бы рѣшить хитрую задачу, покачалъ печально головою и отодвинулъ отъ себя листъ.

«Если онъ не глухъ и не нѣмъ дѣйствительно, то я видѣлъ сегодня первѣйшаго актера въ мірѣ, подумалъ полицейскій. Остается прибѣгнуть къ рѣшительнымъ средствамъ».

Онъ всталъ, подозвалъ дежурнаго, вышелъ съ нимъ въ коридоръ, потомъ возвратился, сѣлъ снова къ столу, и принялся перебирать участковый регистръ. Арестантъ, стоявшій между двухъ городскихъ сержантовъ, смотрѣлъ на все это съ прежнимъ полу-апатичнымъ, полу-скучающимъ видомъ.

— Вотъ дѣло-то! воскликнулъ вдругъ начальникъ полиціи.—Я ошибался. Я принялъ васъ за одного осужденнаго, который успѣлъ бѣжать и заставилъ насъ потерять цѣлый мѣсяцъ въ напрасныхъ поискахъ... Но я вижу изъ этого списка, что его примѣты рѣшительно не подходятъ ни къ вашему росту, ни вашимъ лѣтамъ. Можете идти, мой любезный!

Арестантъ не шелохнулся.

— Отпустите его, продолжалъ ловкій полицейскій,—да дайте ему стаканчикъ водки на

прощанье. Онъ его заслужилъ... запугали мы его понапрасну!

Сержанты переглянулись между собою, не зная, серьезно-ли говоритъ начальство, но арестантъ оставался совершенно равнодушнымъ. Тогда начальникъ полиціи сдѣлалъ знакъ дежурному и тотъ выстрѣлилъ изъ револьвера на воздухъ.

Арестантъ не обнаружилъ даже того невольнаго содраганія, отъ котораго не можетъ удержаться самый закаленный въ бояхъ солдатъ, при звукѣ внезапнаго и близкаго выстрѣла. Только, когда пороховой запахъ защекоталъ ему ноздри, онъ потеръ себѣ носъ и оборотился, чтобы увидать, откуда идетъ дымъ.

Этотъ опытъ можно было считать рѣшительнымъ.

— Приходится повѣрить, что этотъ человѣкъ не шутя глухъ и нѣмъ! сказалъ начальникъ полиціи, раздосадованный неудачей.—И я боюсь, что съ него, собаки, мало возьмешь!

Онъ ударилъ себя по лбу и проговорилъ сквозь зубы:

— Придется обратиться сегодня же утромъ къ дядѣ Лекоку... Онъ одинъ поможетъ намъ распутать такое дѣло...

И онъ прибавилъ громко, обращаясь къ дежурному:

— Человѣка этого въ арестантскую! Чемоданъ въ Моргъ!... Пойдемте, докторъ, намъ нечего болѣе здѣсь дѣлать.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Литература и театръ во Франціи.

Современные очерки **Эмиля Золя** *).

I.

Новая пьеса Ожье.

На театрѣ «Французской Комедіи» представлена новая пьеса въ пяти дѣйствіяхъ Эмиля Ожье: «Семья Фуршамбо» (Les Fourchambault).

Молодой человѣкъ соблазнилъ учительницу музыки своихъ сестеръ, обѣщая жениться на ней. Отецъ его, желая прекратить эту связь, воспользовался удобнымъ случаемъ и, преувеличивъ факты, сочинилъ цѣлую скандальную исторію. Отсюда разрывъ; учительница музыки гордо удалилась безъ всякихъ объясненій, а молодой человѣкъ къ величайшей радости отца женился на приготовленной ему невѣстѣ съ приданымъ въ 800,000 франковъ. Вотъ прошедшее Фуршамбо, впрочемъ, остающееся по пьесѣ нѣсколько въ туманѣ. Мы узнаемъ только, что молодой человѣкъ очень слабъ, хотя добръ, а учительница горда и достойная дѣвушка.

Картина ШАПЛЭНА.

Побѣжденные.

Вслѣдъ за этимъ являются два семейства, другъ противъ друга; законное и побочное. Семья Фуршамбо ведетъ жизнь блестящую, свѣтскую, у нихъ роскошный домъ въ Гаврѣ и живописная дача въ Ингувилѣ. Г-жа Фуршамбо, провинціальная свѣтская дама, расходуетъ въ годъ до ста двадцати тысячъ франковъ; ея дочь Бланшъ, прелестный ребенокъ, которому мать вскружила голову, собирается выйдти замужъ за сына префекта Растибулуа; сынъ Фуршамбо, Леопольдъ, проводитъ ночи въ клубѣ, играетъ въ карты и содержитъ камелій. Что же касается до отца, банкира Фуршамбо, онъ остался прежнимъ слабымъ и добрымъ человѣкомъ, который молча смотритъ на свое раззореніе, не имѣя достаточно силы воли, чтобъ энергично положить этому конецъ. Вотъ законная семья.

Напротивъ семья побочная, естественная, но не законная, представляетъ строгую нравственную картину. Г-жа Бернаръ, неснимающая никогда траура, ведетъ жизнь уединенную и отличается всѣми добродѣтелями, возвышеннымъ характеромъ, человѣколюбіемъ и благоразумной экономіей. Ея сынъ, благодаря воспитанію, которое ему дала мать, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный и выдающійся изъ толпы. Онъ морякъ и кораблестроитель, но, не смотря на нажитые трудомъ два милліона, остается холостымъ по чувству щепетильной деликатности въ отношеніи матери, которая могла бы краснѣть за свое прошедшее передъ невѣсткой. И такъ, антитеза полная. Семья въ законѣ никуда негодится, а семья внѣ закона выше всякихъ похвалъ.

Здѣсь начинается драма. Фуршамбо, раззоренный женою, находится на краю банкротства и Бернаръ спасаетъ его. Онъ даетъ ему 240,000 франковъ, становится его компаньономъ и, недовольствуясь этимъ, исправляетъ г-жу Фуршамбо отъ ея легкомысленной слабости бросать безъ толка деньги, выдаетъ замужъ Бланшъ за честнаго, но бѣднаго молодого человѣка, который искренно любитъ ее и возвращаетъ Леопольда на истинный путь. Однимъ словомъ, побочный сынъ является въ блестящемъ апофеозѣ ангеломъ-хранителемъ законной семьи своего незаконнаго отца.

Кромѣ этой главной драмы происходитъ другая, второстепенная. Бернаръ привезъ изъ Америки красивую, но бѣдную сиротку Мари Летелье, которая поселяется въ семьѣ Фуршамбо въ качествѣ не учительницы музыки, а подруги Бланшъ. Прошедшее повторяется: Леопольдъ

*) Талантливый авторъ «Ругоновъ» ведетъ въ парижской газетѣ «Bien Public» еженедѣльную хронику замѣчательныхъ новинокъ литературы и театра во Франціи и въ живыхъ характерныхъ очеркахъ приводитъ очень ловко и послѣдовательно основные принципы реальной школы, однимъ изъ самыхъ блестящихъ представителей которой онъ признается даже враждебными критиками. Редакція «Живописнаго Обозрѣнія» намѣрена печатать на своихъ столбцахъ, по мѣрѣ ихъ выхода, лучшіе изъ этихъ любопытныхъ, часто блестящихъ этюдовъ, которые вмѣстѣ взятые составятъ полную картину современнаго литературнаго и драматическаго движенія во Франціи. На первый разъ мы помѣщаемъ безпристрастную и трезвую характеристику новой пьесы Ожье, которая пользуется въ Парижѣ огромнымъ успѣхомъ и превозносится до небесъ всѣми критиками, въ томъ числѣ и Франциcкомъ Сарсэ, считающимся, послѣ Жюля Жанена, лучшимъ изъ театральныхъ фельетонистовъ.

любитъ Мари, какъ его отецъ любилъ г-жу Бернаръ, только Мари энергичная, стойкая натура и держитъ юношу на благородномъ разстояніи. Она любитъ Бернара, который отъ нея безъ ума и въ пятомъ дѣйствіи женится на ней.

Трудно передать, какой энтузіазмъ возбудила во всѣхъ зрителяхъ эта романтичная исторія. Женщины плакали, мужчины рукоплескали. Я никогда не видывалъ, чтобъ на публику произвело такое впечатлѣніе торжество добродѣтели. Конечно, матери, плакавшія на взрыдъ, пришли бы въ ужасъ, если бы имъ сказали: «Вашъ сынъ соблазнилъ гувернантку вашей дочери, женитe его на ней». Но въ театрѣ очень пріятно восторгаться тѣмъ, чего никогда не сдѣлалъ бы въ дѣйствительной жизни. По этому, при первомъ представленіи «Семьи Фуршамбо» весь театръ предавался въ сласть дешевому геройству.

Первый актъ, представляющій зрителямъ внутреннюю жизнь семьи Фуршамбо, былъ выслушанъ довольно холодно. Но зрѣлище домашняго очага Бернаровъ, гордая возвышенная личность г-жи Бернаръ, вѣчно носящей трауръ по своей первой, единственной любви, и нѣжная почтительная любовь сына къ матери, заставили сочувственно биться сердца всѣхъ зрителей. Нервы публики разыгрались. Къ этому же, въ этомъ актѣ двѣ сцены прекрасны и очень искусно ведены: въ первой мать старается извинить поведеніе неизвѣстнаго отца своего сына, а Бернаръ возстаетъ противъ него и не хочетъ знать его имени; а во второй - мать, узнавъ, о банкротствѣ Фуршамбо, обнаруживаетъ свою тайну, приказывая сыну спасти банкира отъ безчестія.

Въ третьемъ и въ четвертомъ актѣ мы снова находимся въ семьѣ Фуршамбо и интересъ пьесы нѣсколько слабѣетъ. Но зрители были въ хорошемъ настроеніи и могли ждать. Наконецъ, пятый актъ, возвращая насъ снова къ Бернарамъ, довелъ энтузіазмъ публики до апогея. Ужасные слухи распространились о Мари Летелье, которую обвиняли въ связи съ Леопольдомъ. Она бѣжитъ изъ дома Фуршамбо и приходитъ проститься къ г-жѣ Бернаръ и ея сыну. Этотъ послѣдній, считая ее виновною, рѣшается заставить Леопольда жениться на ней. Между обоими молодыми людьми происходитъ энергичное объясненіе; отказъ Леопольда возстановить честь Мари приводитъ въ такую ярость Бернара, что онъ называетъ его достойнымъ потомкомъ семьи, всегда преданной разврату и клеветѣ. Леопольдъ ударяетъ его перчаткой по щекѣ, а Бернаръ, сдѣлавъ сверхъестественное усиліе надъ собою, отвѣчаетъ съ страшнымъ хладнокровіемъ: «Счастливъ ты, что ты мой братъ». Дѣло объясняется и Леопольдъ мгновенно обращается на путь истины. Онъ обѣщаетъ жениться на Мари, а Бернаръ даетъ ей приданное въ 300,000 франковъ. Но пощечина остается. Тогда Бернаръ указываетъ на свою щеку и произноситъ знаменитое «Сотри», о которомъ кричитъ теперь весь Парижъ. Поцѣлуй стираетъ позоръ пощечины. Въ концѣ концовъ, какъ я уже говорилъ, Мари отказываетъ Леопольду и выходитъ замужъ за Бернара.

Безъ всякаго сомнѣнія, пятый актъ веденъ мастерски и развязка подготовлена самымъ искуснымъ образомъ. Успѣхъ пьесы превратился въ торжество. Три взрыва рукоплесканій привѣтствовали слово «Сотри». Когда опустился занавѣсъ, вся зала восторженно хлопала. Въ минуту такого энтузіазма критика дѣлается почти невозможной; смотрятъ искоса на всякаго, кто осмѣливается сдѣлать какое либо замѣчаніе. Всѣ превозносятъ новое произведеніе автора: пьеса его признается геніальной. Подобное опьяненіе публики приводитъ меня всегда въ тревожное сомнѣніе. Справедливая оцѣнка невозможна при такомъ увлеченіи. Поэтому я прошу позволенія у читателей сохранить свое обычное хладнокровное чистосердечіе. Я полагаю, что совершенно излишне курить фиміамъ такому талантливому писателю, какъ Эмиль Ожье. Быть можетъ, мой голосъ покажется фальшивой нотой въ общемъ хорѣ преувеличенныхъ похвалъ; но вскорѣ увидятъ, что я одинъ сохранилъ въ своемъ отзывѣ разумную мѣру и безпристрастіе.

Прежде всего я замѣчу, что семья Фуршамбо нарисована въ полтона. Мы уже двадцать разъ видывали на театрѣ семью, подточенную роскошью, въ которомъ мать жертвуетъ всѣмъ своему кокетству, а дѣти растутъ на удачу при полномъ равнодушіи отца. Кромѣ того, что Эмиль представляетъ намъ давно знакомыя личности, онъ не очерчиваетъ ихъ настолько рѣзко, чтобы они составили вѣчно живущіе типы. Всѣ члены семейства Фуршамбо ловко изображены, искусно занимаютъ отведенныя имъ въ пьесѣ мѣста, но они не рельефны и не выходятъ изъ рамокъ. Я знаю хорошо, почему семья Фуршамбо нарисована въ полутонѣ. Нельзя сказать, чтобъ у Ожье не хватило таланта, но просто по внутреннему строю его драмы эти личности не могли быть болѣе рельефными. Дѣйствительно, они должны въ послѣднемъ дѣйствіи, благодаря Бернару, обратиться на путь истины. Поэтому необходимо смягчить ихъ черты и оставить ихъ образы въ какомъ-то туманѣ, чтобъ конечное превращеніе совершилось легче и удобнѣе.

Отецъ Фуршамбо никогда не имѣлъ сильной воли, а всегда отличался слабостью и добродушіемъ; иначе нельзя было бы понять, почему г-жа Бернаръ уважаетъ его, а сынъ ея является къ нему на помощь. Вотъ уже одинъ нерѣшительный, мягкій характеръ и онъ долженъ быть такимъ, а то романтичный эпизодъ его любви къ учительницѣ музыки потерялъ бы всякій смыслъ. Перейдемъ теперь къ дѣтямъ. Бланшъ не похо-

Картина ШАПЛЭНА.

Побѣдители.

жа на молодую дѣвушку, думающую только о свѣтской жизни. Достаточно одного прелестнаго дуэта Бернара и Мари Летелье, воспѣвающихъ передъ нею всю сладость брака по любви и совѣтующихъ ей выйти замужъ за пламенно любящаго ее юношу, чтобъ навсегда излечить ее отъ кокетства. Подобное чудо могло совершиться только надъ доброй, не совершенно испорченной молодой дѣвушкой. То же самое можно сказать и о Леопольдѣ; въ сущности, онъ добрый малый и въ пятомъ дѣйствіи такъ растроганъ благородствомъ своего незаконнаго брата, что готовъ стереть поцѣлуями все, что угодно. Что же касается г-жи Фуршамбо, то справиться съ нею было всего труднѣе, такъ какъ она единственный дурной человѣкъ во всей пьесѣ. Но Ожье ловко вышелъ изъ затруднительнаго положенія, съ помощію одной комической фразы. Когда Бернаръ требуетъ преобразованія всей внутренней жизни въ домѣ Фуршамбо, хозяйка бросается въ экономію, съ такою же крайностью, какую она выказывала и въ расточительности. Видя это, банкиръ замѣчаетъ: «Она теперь тоже позируетъ, но эту позировку я предпочитаю прежней!» Этой фразой исчерпывается весь характеръ г-жи Фуршамбо и она затѣмъ исчезаетъ.

И такъ, эта страшная семья, долженствующая служить роковымъ примѣромъ несчастныхъ послѣдствій брака по разсчету, въ сущности, состоитъ изъ людей далеко не дурныхъ. Наконецъ, и Ожье изображаетъ намъ ее скорѣе стоящей на краю бездны, чѣмъ низвергнутой въ оную. Конечно, это его полное право, но вотъ почему рисуемая имъ картина не имѣетъ достаточной рельефности. Я прибавлю къ семьѣ Фуршамбо и Мари Летелье, образъ которой столь же смутный и неопредѣленный. Хотя авторъ нарочно сдѣлалъ ее американкой, чтобы объяснить ея отношенія къ Леопольду, которому она дозволяетъ открыто ухаживать за собой, ея положеніе все же совершенно фальшивое и нельзя искренно сочувствовать ей, когда она спасается бѣгствомъ отъ клеветы, которая нисколько не должна была удивить ее.

Всѣ эти роли второстепенныя и только артисты «Французской комедіи» съумѣли придать имъ значеніе. У г-жъ Круазетъ, Понсенъ, Рейшемберъ и Барэ нѣтъ ни одной выдающейся сцены, которая осталась бы въ памяти. Относительно Коклена замѣчу, что онъ только служитъ для реплики на знаменитое: «Сотри» и, несмотря на свой большой талантъ, не въ состояніи придать жизненность туманному образу Леопольда.

Не надо еще забывать, что семья Фуршамбо занимаетъ собою цѣлыхъ три акта, то есть три пятыхъ всей пьесы. Только два акта достаются на долю Бернаровъ и въ нихъ-то сосредоточивается вся драма. Я уже сказалъ, какое сильное впечатлѣніе произвела на публику эта исторія незаконнаго сына, спасающаго законное семейство своего незаконнаго отца. Всѣ нашли, что эта исторія служитъ урокомъ высшей нравственности. Странное дѣло театръ? Побочный сынъ наживаетъ большое состояніе и спасаетъ отъ банкротства отца, который отъ него отрекся; изъ этого слѣдуетъ, что всякій долженъ жениться на учительницѣ музыки, если онъ соблазнилъ ее, иначе онъ будетъ несчастливъ и обанкрутится.

Но какъ бы то ни было, драма Ожье трогательна, и вызываетъ много слезъ и въ ней нѣсколько замѣчательныхъ сценическихъ положеній, которыя мастерски обставлены, хотя реальность ихъ и подлежитъ сомнѣнію. Если же я не восхищаюсь ею, то какъ литературнымъ произведеніемъ по моему мнѣнію, только посредственнымъ. Мы, романисты, пожали бы плечами, еслибъ какой нибудь романъ былъ основанъ на такомъ сюжетѣ. Между прежними произведеніями Эмиля Ожье есть пьесы, обнаруживающія болѣе широкую кисть, а въ семьѣ Фуршамбо наблюдательность очень поверхностна, самый же сюжетъ слишкомъ искуственъ и мелодраматиченъ. Ни одинъ типъ не поражаетъ васъ своей жизненностью. Бернаръ, давно знакомый образъ моряка, скрывающаго подъ грубой оболочкой ангельскую доброту, и онъ не изваянъ изъ того металла, который придаетъ безсмертіе коллосальнымъ типамъ человѣческаго творчества. Го придалъ этой роли большое значеніе прекрасной теплой игрой. Ожье своимъ успѣхомъ главнымъ образомъ, обязанъ этому замѣчательному артисту.

Вотъ мое искреннее мнѣніе о новой піесѣ Ожье. Я предпочитаю ей «Сына Жибуаэ», «Поля Форестье» и нѣкоторыя другія драмы Ожье. Несмотря на весь трагическій пылъ г-жи Агаръ въ роли несчастной жертвы, эта фабула старой любовницы, унижающей своимъ благородствомъ законную жену, по мнѣ слишкомъ пахнетъ мелодрамами мелкихъ театровъ. Одно только меня очень поразило: это требованіе Бернара, чтобъ Леопольдъ скрылъ отъ отца роковую тайну. Семья Фуршамбо вовсе не является на сценѣ при развязкѣ драмы и надо отдать справедливость Ожье, что это оригинально и вообще пьеса окончена мастерски. Можетъ быть, она потому мнѣ не очень нравится, что она слишкомъ ужь нравственна, то есть отличается театральной дѣтской нравственностью. Дѣйствительно, къ чему сочинять невѣроятныя положенія, когда жизнь такъ проста и такъ ужасно мститъ за каждое уклоненіе отъ истинной нравственности.

Не смотря на всѣ недостатки, «Семья Фуршамбо» гораздо выше всѣхъ пьесъ, которыя мы видѣли въ эту зиму. Энтузіазмъ публики, конечно, объясняется въ значительной мѣрѣ желаніемъ протестовать противъ мелочныхъ эфектовъ новой пьесы Сарду «Les Bourgeois de Pont-Arcy» и противъ нелѣпостей «Бальзамо» Дюма. Наконецъ, можно было рукоплескать хорошо составленной и трезво написанной пьесѣ. Каковы бы ни были недостатки «Семьи Фуршамбо», но все же Эмиль Ожье въ настоящую минуту первый драматургъ во Франціи.

Клодъ Бернаръ.

«Природа есть начало всего, говоритъ Кондильякъ.—Наши познанія зависятъ единственно отъ нее, мы научаемся только изъ ея уроковъ и все искуство мышленія состоитъ въ продолженіи того, что начато ею въ насъ». Мысли, высказанныя Кондильякомъ, носились, такъ сказать, въ воздухѣ въ его время и десятки наиболѣе способныхъ и даровитыхъ мыслителей Франціи посвятили себя изученію природы. «Вслѣдствіе этого движенія, говоритъ Бокль, были сдѣланы такія изумительныя приращенія по всѣмъ отраслямъ естествознанія, что во второй половинѣ XVIII вѣка во Франціи открыто касательно внѣшняго міра больше новыхъ истинъ, нежели во всѣ предшествовавшіе періоды, взятые вмѣстѣ. Обширныя открытія не только возбудили умы людей мыслящихъ, но пробудили любопытство и въ болѣе беззаботной части общества. Лекціи химиковъ, геологовъ, минералоговъ и физіологовъ слушались какъ тѣми, кто приходилъ поглазѣть, такъ и тѣми, кто приходилъ учиться. Въ Парижѣ ученыя собранія были переполнены посѣтителями. Потребность знанія быстро охватила всѣ сословія. Самыя обширныя и трудныя изслѣдованія нравились такимъ людямъ, отцы которыхъ едва-ли знали названія наукъ, къ которымъ принадлежатъ эти изслѣдованія. Распространеніе естественныхъ наукъ было такъ быстро, что ради нихъ пренебрегли старыми классическими занятіями, которыя считались до того времени существенною основою хорошаго воспитанія и нѣкоторое знакомство съ ними казалось необходимымъ, для всѣхъ сословій, за исключеніемъ того, которое принуждено существовать поденной работой. Пока каждый классъ ограничивался занятіями, свойственными его сферѣ, особые обычаи каждаго держались и подчиненіе или, такъ сказать, общественную іерархію было легко сохранить. Но когда члены различныхъ сословій встрѣтились въ одномъ мѣстѣ, за однимъ и тѣмъ же занятіемъ, они связались между собою новою симпатіей. Высочайшее и самое прочное изъ удовольствій—удовольствіе порождаемое сознаніемъ новыхъ истинъ—стало великимъ звеномъ, которое соединило между собою общественные элементы, гордившіеся прежде своимъ одиночествомъ. Сверхъ того, явилось не только новое занятіе, но и новое мѣрило для опредѣленія достоинствъ человѣка. Въ амфитеатрахъ и аудиторіяхъ первое лице—профессоръ. Люди дѣлятся на тѣхъ, кто учитъ, и на тѣхъ, кто учится. Подчиненіе по званіямъ уступаетъ мѣсто подчиненію по знаніямъ. Умственное развитіе создаетъ новый предметъ для уваженія; старое поклоненіе званію рѣзко нарушается и его суевѣрные приверженцы принуждены склонять колѣна предъ алтаремъ чуждаго имъ божества. Аудиторія—храмъ демократіи. Кто приходилъ учиться, тотъ сознается въ своемъ невѣжествѣ, отказывается до нѣкоторой степени отъ своего превосходства и начинаетъ замѣчать, что величіе людей не имѣетъ связи съ блескомъ ихъ титуловъ или съ достоинствомъ ихъ рода, что оно заключается не въ ихъ щитахъ, ихъ гербахъ, ихъ генеалогіяхъ, ни въ правомъ, ни въ лѣвомъ полѣ, ни въ голубомъ полѣ, ни въ пресѣченіяхъ щита, ни въ другихъ генеалогическихъ фокусахъ,—но что это величіе зависитъ отъ обширности ума, силы способностей и полноты знаній». Но развитіе естественныхъ наукъ не только послужило къ значительному сближенію сословій, оно не только показало преимущество ума и таланта надъ знатностью рода и положенія въ свѣтѣ,—нѣтъ, оно въ значительной степени подняло благосостояніе страны и сдѣлало для Франціи возможнымъ то блестящее положеніе, котораго она достигла потомъ. Смотря на изумительные успѣхи земледѣлія, фабричнаго и заводскаго производства, морскихъ силъ, военныхъ вооруженій и приспособленій къ защитѣ въ случаѣ нападенія враговъ, мы видимъ всюду, какъ было важно развитіе естествознанія. Франціи, какъ и всякой другой странѣ, нечего бы было и мечтать о развитіи матеріяльнаго благосостоянія, а значитъ и о развитіи цивилизаціи въ странѣ и о значительной роли въ средѣ другихъ европейскихъ державъ, безъ развитія естественныхъ наукъ. Только онѣ создаютъ обезпеченный, развитой и сильный народъ. Зная все это, мы нисколько не удивимся тому уваженію, которымъ пользуются въ цивилизованныхъ странахъ люди, оказавшіе значительныя услуги на поприщѣ естествознанія. Яркій примѣръ этого уваженія высказался недавно по случаю смерти Клода Бернара. «Чтобы понять то громадное значеніе, которое имѣлъ Клодъ Бернаръ для научной Франціи, замѣчаетъ Н. И. Вагнеръ, чтобы понять, какъ популярно было его имя, достаточно сказать, что парламентъ, собравшійся на другой день его смерти, единогласно постановилъ принять его похороны на счетъ государства, ассигновавъ на этотъ предметъ 10,000 франковъ. И этого мало. Собраніе потребовало немедленнаго вотированія этой статьи закона, внесенной въ палату министромъ народнаго просвѣщенія. Гамбетта, въ качествѣ докладчика бюджетной комиссіи, которая тотчасъ же тоже единогласно утвердила этотъ расходъ въ 10,000 франковъ, обратился

къ палатѣ съ слѣдующими словами: «Франція показала міру много талантовъ, много свѣточей, но, можно сказать, что свѣточь, теперь погасшій, не будетъ замѣщенъ. Клодъ Бернаръ, не только для ученаго міра Франціи, но и для всеобщей всемірной науки, былъ признаннымъ вдохновителемъ, былъ самымъ вѣрнымъ руководителемъ научныхъ изысканій, а въ буряхъ научной полемики весь міръ отдастъ ему дань уваженія за то, что никогда онъ не увлекался ни духомъ партій, ни духомъ системы, ни личными страстями. Я ничего не прибавлю, милостивые государи, къ этимъ словамъ, не мнѣ говорить надъ этой еще открытой могилой, которая оставляетъ длинный блестящій слѣдъ въ мірѣ научномъ. Голоса болѣе авторитетные, голоса его товарищей, друзей подготовятъ судъ исторіи, а мы—мы просто привѣтствуемъ входъ Клодъ Бернара въ область безсмертія». Счастлива та страна, восклицаетъ Н. И. Вагнеръ, въ которой наука стоитъ высоко, въ которой развитое общество цѣнитъ ея рукокодителей и государство отзывается сочувственно на симпатіи общества!»

Но ктоже былъ Клодъ Бернаръ, каковы были его заслуги?

Клодъ Бернаръ родился 12 іюля 1813 года въ С.-Жюльенѣ, въ ронскомъ департаментѣ и въ 1834 году прибылъ въ Парижъ для изученія медицины. Съ 1839 года, когда онъ, получивъ званіе доктора медицины, занимался практикой въ госпиталѣ; черезъ два года онъ сдѣлался препараторомъ у физіолога Мажанди; въ 1843 году онъ получилъ званіе доктора естественныхъ наукъ; съ 1847 года онъ былъ приватъ-доцентомъ при Мажанди въ Collége de France, парижскомъ общедоступномъ университетѣ; въ февралѣ 1854 года онъ получилъ вновь открытую кафедру всеобщей физіологіи, сдѣлался членомъ академіи наукъ и профессоромъ опытной физіологіи; въ 1849, 1851 и 1853 годахъ онъ получилъ преміи за свои открытія; въ 1869 г. былъ сдѣланъ сенаторомъ. Но это только голый послужной списокъ великаго ученаго. «Клодъ Бернаръ, говоритъ Н. И. Вагнеръ, былъ основателемъ во Франціи того эспириментальнаго (опытнаго) пути, на которомъ такъ сильно подвинулась впередъ физіологія. Но главная его заслуга заключается въ тѣхъ курсахъ, которые онъ читалъ въ теченіе болѣе двадцати пяти лѣтъ въ Collége de France и затѣмъ издавалъ отдѣльными томами. Каждый такой курсъ представляетъ полную основательную разработку одного изъ вопросовъ физіологіи, а въ каждомъ изъ этихъ вопросовъ, разработанныхъ имъ самостоятельно, внесена не малая доля свѣта. Многое изъ этихъ курсовъ легло теперь въ основу дальнѣйшаго развитія физіологическихъ вопросовъ и сдѣлалось прочнымъ достояніемъ науки. Самое крупное, широкое открытіе сдѣлано Клодомъ Бернаромъ въ физіологіи питанія,—это указаніе на особенную роль печени, заключающуюся въ выработкѣ сахарныхъ веществъ». Онъ первый указалъ, что кровь, проникающая въ печень, не содержитъ въ себѣ сахара, тогда какъ кровь, выходящая изъ этого органа и приливающая къ сердцу, несетъ обильное количество сахара. Такъ же важно было открытіе Клода Бернара, касавшееся физіологическаго вліянія нерва на кровеносный сосудъ. Открытіе это было сдѣлано на половину за сто двадцать пять лѣтъ до Клода Бернара, но оно оставалось втеченіи этого времени неразработаннымъ и полузабытымъ и только Клодъ Бернаръ своими опытами въ 1852 году открылъ первый примѣръ вліянія нерва на сосудъ. Нѣкоторые опыты Клода Бернара замѣчательны тѣмъ, что явленія, открытыя ими, стоятъ еще совершенно одиноко, такъ онъ доказалъ своимъ опытомъ, что слюноотдѣлительный рефлексъ въ подчелюстной парѣ можетъ происходить безъ всякаго участія продолговатаго мозга, при посредствѣ подчелюстнаго узла и этотъ опытъ въ наукѣ физіологіи представляетъ единственный несомнѣнный случай рефлекторной или центральной дѣятельности отдѣльнаго нервнаго узла. Его «Leçons de physiologie expérimentale appliquée à la médecine», изданные впервые въ 1850 году и потомъ въ 1865 году, замѣчательны по строго систематической обработкѣ матеріала и въ этомъ отношеніи они могутъ служить во всѣ времена образцомъ для послѣдующихъ ученыхъ; кромѣ того въ этомъ сочиненіи крайне важно то, что авторъ вездѣ указываетъ, какъ можетъ воспользоваться практическая медицина плодами, добытыми физіологіей. Въ 1856 году онъ издалъ замѣчательную «Mémoire», касавшуюся животной теплоты; здѣсь онъ описалъ, какія измѣненія въ температурѣ представляетъ кровь въ разныхъ частяхъ тѣла. Втеченіе всей своей научной дѣятельности онъ не переставалъ обогащать науку своими изслѣдованіями, а его дѣятельность продолжалась около сорока лѣтъ—онъ умеръ 10 февраля нынѣшняго года. Заканчивая нашу замѣтку, мы считаемъ не лишнимъ привести слова Н. П. Вагнера о личности Клода Бернара. «Это былъ высокій, крѣпко сложенный человѣкъ съ нѣсколько угловатой фигурой. Большая голова немного скрадывала его ростъ. Блѣдное, широкое, плоское лицо, небольшіе, угрюмые, сонные глаза, тонкія, сжатыя губы и выдающійся, большой, неправильный носъ—все было угловато, своеобразно, но болѣе, сильнѣе всего поражалъ громадный, уходящій назадъ лобъ. Но большія баки и гладко лежащіе, довольно длинные черные волосы дополняли оригинальную физіономію. Съ первыхъ словъ, сказанныхъ громкимъ, грубымъ голосомъ, съ первыхъ пріемовъ, слышалось что-то особенное, оригинальное, рѣзко отличавшееся отъ изложенія другихъ французскихъ профессоровъ. Тогда какъ тамъ звенѣла подготовленная, заученная фраза, сопровождаемая нерѣдко сильнымъ размахиваньемъ рукъ и вообще рѣзкими жестами, здѣсь все было просто, спокойно. Лекція скорѣе походила на бесѣду съ аудиторіей, чѣмъ на рѣчь оратора. Она была необыкновенно пластична, демонстративна, убѣдательна. Она начиналась съ опыта и кончилась яснымъ, точнымъ выводомъ». Клодъ Бернаръ велъ жизнь ученаго, простую, умѣренную, безъ всякой роскоши, безъ всякихъ излишествъ.

Такіе ученые, какъ Клодъ Бернаръ, двигая впередъ науку, приносятъ громадную пользу обществу, но они, конечно, могутъ работать только въ томъ обществѣ, гдѣ уважается наука, гдѣ ей дается полный просторъ, гдѣ понимаютъ, что безъ ея помощи никакая нація не можетъ ни въ какомъ отношеніи идти впередъ и будетъ только безплодно тратить всѣ данныя ей природой богатства, способности и силы. Могущество націй создается только при помощи науки.

Обо всемъ.

(Пробужденіе отъ акціонерной апатіи. — Пораженіе стараго правленія общества взаимнаго кредита.— Полумилліонная намѣренная ошибка – Непомѣрный налогъ на пассажировъ, какъ средство поправить финансовое положеніе общества царскосельской желѣзной дороги. — Башибузукское обращеніе съ дѣвушкою. — Г. Новиковъ.—Г-жа Алексѣева)

Наконецъ-то встрепенулись дѣйствительные хозяева предпріятія и высказали свою волю! Можетъ быть, примѣръ, поданный уполномоченными членовъ петербургскаго общества взаимнаго кредита, разбудитъ отъ вѣчной спячки скромныхъ людей, именуемыхъ акціонерами, и они, проникнувшись отвагой, потребуютъ отъ своихъ избранниковъ-директоровъ правленій настоящихъ отчетовъ. Члены правленій познаютъ тогда, что они не олимпійцы, а только прикащики акціонеровъ, довѣрившихъ имъ веденіе своихъ дѣлъ.

25 апрѣля происходило собраніе уполномоченныхъ членовъ общества взаимнаго кредита. Предсѣдательствовалъ И. К. Бастъ, открывшій засѣданіе въ $7^1/_2$ час. вечера. Рѣшенію общаго собранія были предложены три вопроса: 1) разсмотрѣніе отчета за 1877 годъ, 2) вознагражденіе прежнихъ членовъ правленія, и 3) возвратъ за 1876 годъ $^1/_3$ учетнаго процента по векселямъ.

Еще до открытія засѣданія нѣкоторымъ изъ членовъ розданы были печатные экземпляры заявленія, подписаннаго пятью уполномоченными и заключавшаго въ себѣ замѣчанія о различныхъ неправильностяхъ въ отчетѣ. Заявленіе это тутъ же покрыто было новыми подписями, число которыхъ достигло свыше двадцати. Въ первомъ изъ семи пунктовъ заявленія указывается на неправильное исчисленіе прибылей общества за 1877 годъ, а слѣдовательно, и неправильный разсчетъ вознагражденія членамъ правленія, въ пользу которыхъ, по уставу, отчисляется 10% изъ прибылей. Дѣйствительно, отчетъ исчисляетъ чистую прибыль въ 237,039 р., включивъ сюда 106,000 р. процентовъ, начисленныхъ за первое полугодіе по ссудамъ, совершенно безнадежнымъ къ полученію—безнадежнымъ настолько, что за вторую половину 1877 года самъ совѣтъ уже не рѣшался сдѣлать такое же причисленіе процентовъ. Выходитъ, такимъ образомъ, что отчетъ предлагалъ выплатить членамъ правленія 10,600 руб. (10% съ 106,000 р.) изъ суммы, составляющей не прибыль общества, а убытокъ. Но въ такомъ случаѣ отчотъ, чтобъ быть послѣдовательнымъ, долженъ былъ бы предложить также выдать бывшимъ членамъ правленія вознаграждеіе въ размѣрѣ 10% со всей суммы, похищенной Бритневымъ и компаніей.

Г. Бабстъ, открывъ собраніе, сообщилъ, что къ нему поступило вышесказанное заявленіе, но что, по его мнѣнію, оно едвали законно и потому слѣдуетъ прямо приступить къ баллотировкѣ вопроса объ утвержденіи отчета. Большинство собранія, однакожь, не согласилось съ мнѣніемъ своего предсѣдателя и потребовало чтенія поступившаго заявленія. Г. Бабстъ рѣшился послѣдовать тактикѣ, до сихъ поръ примѣняемой очень успѣшно въ нашихъ акціонерныхъ и иныхъ промышленныхъ и финансовыхъ собраніяхъ: онъ пригрозилъ закрыть собраніе. Эта угроза не возъимѣла ожидаемаго дѣйствія; уполномоченные энергично протестовали, заявляя жалобу на стѣсненіе свободы мнѣній и потребовали прочтенія заявленія. Г. Бабстъ, видя, что его мнѣніе рѣшительно отвергнуто собраніемъ, предложилъ встать желающихъ чтенія заявленія. Вышло курьезное обстоятельство, къ сожалѣнію, составляющее обычное явленіе въ нашихъ собраніяхъ. Судя по энергіи протеста, можно было ожидать, что на сторонѣ протестующихъ огромное большинство, и вдругъ, поднялось только 15 человѣкъ. Сторонники стараго правленія уже торжествовали побѣду, но г. Аршеневскій—одинъ изъ подписавшихъ заявленіе—зная, что россіяне вообще не охотники заявлять публично свои убѣжденія и симпатіи, предложилъ закрытую баллотировку шарами. Сторонники правленія опустили голову, г. Бабстъ не рѣшился противорѣчить и баллотировка была произведена. По повѣркѣ шаровъ оказалось, что за чтеніе заявленія подано 57 голосовъ, противъ чтенія 44. Послѣ прочтенія заявленія гг. Домонтовичъ и Семевскій сказали о томъ, что въ виду разнаго рода неправильностей, допущенныхъ въ отчетѣ, утверждать его не слѣдуетъ. За ними поднялся г. Головачевъ, членъ новаго правленія, и подтвердилъ, что въ отчетѣ, дѣйствительно, неправильно исчислена чистая прибыль, мало того, точно также было поступлено и въ предъидущіе три года, 1876,

1875 и 1874, въ которые излишней прибыли исчислено на сумму 500,000 руб.

Неправда-ли, красивый фактъ! Гг. члены правленія исчисляютъ излишней прибыли полмилліона и получаютъ, такимъ образомъ, неправильно въ свою пользу 50,000 рублей. Чтобы сказали эти господа, еслибы прикащики ихъ лавокъ и управляющіе ихъ фабриками, получающіе извѣстный процентъ съ чистой прибыли предпріятія, подали имъ подобные счеты? Они, конечно, признали-бы недобросовѣстнымъ такое дѣйствіе своихъ уполномоченныхъ и разчитали-бы ихъ.

Послѣ заявленія г. Головачева, никто изъ сторонниковъ стараго правленія не рѣшился защищать его и, по произведенной баллотировкѣ, за утвержденіе отчета подано только 31 голосъ, а противъ утвержденія 78, Отчетъ не былъ утвержденъ и слѣдующее общее собраніе будетъ обсуждать объясненія правленія по всѣмъ вопросамъ, возбужденнымъ въ означенномъ заявленіи.

Третій вопросъ о возвратѣ $^1/_3\%$ принятъ единогласно.

Собраніе 25 апрѣля могло достаточно очевидно убѣдиться, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ халатное веденіе дѣлъ въ нашихъ акціонерныхъ обществахъ. На прежнихъ собраніяхъ зря утверждались отчоты, представляемые правленіемъ, между тѣмъ правленіе 4 года къ ряду, единственно изъ корыстныхъ побужденій, неправильно исчисляло чистый доходъ. Вкладчики ликовали, что дѣла общества идутъ блистательно, а подъ носомъ правленія производилась милліонная растрата; члены правленія, вознаграждаемые за исправленіе обязанностей (которыхъ не исполняли) десятками тысячъ рублей, ничего не знали объ этой растратѣ, если только не потворствовали ей.

26 апрѣля состоялось частное собраніе уполномоченныхъ, желающихъ привлечь бывшихъ членовъ правленія и совѣта къ уголовному суду. Чѣмъ окончилось это собраніе—я не знаю.

Общее собраніе акціонеровъ царскосельской желѣзной дороги, напротивъ, очень благодушно отнеслось къ правленію и рѣшилось вымѣстить свой гнѣвъ за неблагопріятные результаты отчетнаго года, на ничѣмъ неповинной публикѣ, вносящей въ кассу общества свои гроши. Изъ отчета, прочитаннаго въ собраніи оказывается, что приходъ общества въ 1877 году составлялъ 531,252 р., расходъ 341,958 р., а чистая прибыль 189,293 р. Изъ прибыли 141,365 р. употреблены на уплату процентовъ и погашенія по облигаціямъ, 18,929 р. отчислены въ запасный капиталъ, 375 р. на школу образованія машинистовъ, и затѣмъ сумма въ 28,623 р. осталась по отчету нераспредѣленною. По сравненію съ 1876 годомъ оказывается, что въ 1877 году было пассажировъ менѣе на 3,638 чел., выручено менѣе на 13,884 р., израсходовано менѣе на 9,048 р., чистая прибыль менѣе на 4,835 р. Несмотря на то, что доходъ сократился незначительно противъ 1876 года, а расходъ уменшился, общій выводъ далъ результатъ весьма невыгодный, ибо на дивидендъ и на погашеніе стоимости имущества осталось всего 28,623 р. Причина этого положенія дѣла—потеря на курсѣ, вслѣдствіе чего на уплату процентовъ и погашенія по облигаціямъ издержано 141,365 р. вмѣсто 107,424 р., уплаченныхъ въ 1875 году; кромѣ того всѣ платежи по заграничнымъ заказамъ значительно увеличились въ невыгодѣ общества; такъ, за стальные рельсы, по условію съ заводомъ Круппа, общество должно ежегодно платить по 17,300 талеровъ, что въ 1875 году составляло 18,976 р., а нынѣ 23,378 р.; за два заказанные въ 1876 году паровоза, вмѣсто предполагаемыхъ 46,160 р., нужно заплатить 58,775 р.; точно та же невыгода по покупкѣ угля, осей, бандажей и прочихъ потребностей подвижного состава. Это ненормальное положеніе продолжается и въ нынѣшнемъ году; такъ, 2-го января за первую половину года общество заплатило по облигаціямъ 66,946 р.

Результаты очень не блистательные, тѣмъ болѣе, что правленіе предлагало дивидентъ 1877 года обратить на погашенія стоимости имущества. Брови акціонеровъ насупились, когда окончилось чтеніе отчета. Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ нихъ невольно представился вопросъ: «если мы, акціонеры, лишаемся дивидента, то не было-ли справедливымъ уменьшить сумму вознагражденія, причитающагося на долю членовъ правленія, которое выдается имъ полностью?» Этотъ вопросъ уже готовъ былъ сорваться съ нѣкоторыхъ устъ, но явился громоотводъ въ видѣ предложенія повысить плату на билеты пассажировъ 3-го класса и взимать за проѣздъ между Петербургомъ и Павловскомъ 50 коп., между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ 40 коп. Предложеніе немедленно было принято. «Пусть отдувается 3-й классъ; чего его жалѣть!» Но гг. акціонеры какъ бы вы не ошиблись въ своихъ разсчетахъ! До сихъ поръ масса дачъ въ Павловскѣ еще не нанята и если распорядители увеселеніями въ Озеркахъ (въ Парголовѣ) и въ Ораніенбаумѣ запасутся хорошими оркестрами, то по вашей дорогѣ будутъ ходить пустые поѣзда. Публика у насъ очень терпѣлива, но всякому терпѣнію бываетъ конецъ. Что если вмѣсто Павловска моднымъ гуляньемъ сдѣлаются Петергофъ или Ораніенбаумъ? Нѣтъ въ насъ предпріимчивости—на это вы и разсчитываете, а также и на то, что мы, русскіе, рабы привычки. Съ давнихъ поръ привыкли мы ѣздить въ Павловскъ и будемъ ѣздить—такъ, по крайней мѣрѣ, разсчитываете вы. Но если бы балтійская или финляндская дорога рискнули и, пригласивъ хорошій оркестръ, сдѣлали бы всѣ возможныя льготы для пассажировъ, тогда въ павловскомъ воксалѣ, во время концертовъ, бывала бы почти исключительно мѣстная публика, что, конечно, не поправило бы дѣлъ общества.

Недавно еще за билетъ 3-го класса на проѣздъ изъ Петербурга въ Павловскъ платилось 35 коп. Назначивъ 50 коп., правленіе увеличило плату болѣе чѣмъ на 40%—надбавка непомѣрная.

Одной этой мѣры, т. е. увеличенія платы за билетъ, обществу показалось недостаточно и оно поручило правленію ходатайствовать передъ правительствомъ о возмѣщеніи обществу понесенныхъ имъ вслѣдствіе войны потерь и, въ случаѣ полученія на то согласія правительства, войти на правахъ общаго собранія въ окончательное по сему предмету съ правительствомъ соглашеніе, не созывая экстреннаго и не дожидаясь очереднаго общаго собранія акціонеровъ, съ тѣмъ чтобы о результатахъ ходатайства было доложено ближайшему за тѣмъ общему собранію.

Предложеніе же объ обращеніи дивидента на погашеніе стоимости имущества собраніемъ принято.

Въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи молоденькая дѣвушка смѣло ходитъ одна по улицамъ, ѣздитъ одна по желѣзнымъ дорогамъ и въ омнибусахъ. Она убѣждена, что не встрѣтитъ оскорбленія, что каждый мужчина почтетъ долгомъ защитить ее. Извѣстное дѣло полковника Бэкера (нынѣ паша въ турецкой арміи), позволившаго себѣ въ вагонѣ обратиться къ дѣвушкѣ съ оскорбительными предложеніями, вызвало такой взрывъ негодованія въ Англіи, что виновникъ его принужденъ былъ покинуть отечество. У насъ не такъ, что явствуетъ изъ слѣдующаго разсказа, напечатаннаго въ «Нов. Времени»: «Съ утреннимъ поѣздомъ привислянской желѣзной дороги, въ страстную субботу, прибыла въ Варшаву, безъ всякой посторонней опеки, шестнадцатилѣтняя дѣвушка М. Г., проѣздомъ отъ своихъ родственниковъ къ родителямъ. Въ дорогѣ, кондукторъ вступилъ въ бесѣду съ неопытною дѣвочкою, узналъ, куда ѣдетъ, и, убѣдившись въ наивности юной пассажирки, рѣшился сдѣлать ее предметомъ самой недостойной эксплоатаціи... Чтобы задержать дѣвицу Г. въ Варшавѣ, онъ прежде всего увѣрилъ ее, будто въ этотъ день, по поводу заутрени въ церквяхъ, движеніе по петербургской дорогѣ прекращено, почему ей и придется провести день въ Варшавѣ. Чтобы успокоить смущенную дѣвушку, кондукторъ предложилъ ей выискать опекуна, который, занялся-бы ею во время бытности въ чужомъ городѣ, а равно и во время пути къ родительскому дому. И, дѣйствительно, на бангофѣ нашелся такой опекунъ. Оба уговорили ее затѣмъ отправиться въ одну изъ гостинницъ. Не заподозрѣвъ ни одного изъ своихъ случайныхъ знакомыхъ въ преступныхъ замыслахъ, дѣвица Г. приняла предложеніе и, около 4-хъ часовъ утра, въ обществѣ обоихъ опекуновъ, остановилась въ «Польской гостинницѣ». Здѣсь галантерейный кондукторъ, ввѣривъ еще разъ судьбу дѣвушки своему знакомому таинственному Асмодею, поспѣшилъ восвояси. Благодаря простой случайности, рядомъ съ комнатою подъ № 24, занятою вновь прибывшею четою, занималъ номеръ г. Эдуардъ М., изъ Ковно. Разбуженный стукомъ и перетаскиваніемъ вещей въ сосѣдній номеръ, онъ невольно былъ свидѣтелемъ всего разговора, происходившаго между дѣвицею Г. и ея товарищемъ «по отбытіи кондуктора». Разговоръ этотъ начался неоднократнымъ поворотомъ ключа въ замкѣ, а окончился громкимъ крикомъ о помощи противъ нападавшаго, который отъ попавшей въ позорную засаду жертвы требовалъ за свое покровительство вознагражденія, глубоко оскорбляющаго честь женщины. Вслѣдствіе крика взывавшей о помощи и энергическаго вмѣшательства сосѣда, несчастная еще во время была освобождена изъ своего заключенія. Посягнувшій на ея честь, нѣкій г. С., несмотря на оказанное имъ въ первую минуту сопротивленіе, былъ арестованъ и препровожденъ въ мѣстный полицейскій участокъ».

Пока все дѣло ограничилось составленіемъ протокола. Что будетъ дальше—неизвѣстно. Но, по словамъ корреспондента «Нов. Вр.», бѣдная дѣвушка, пережившая нѣсколько мучительныхъ часовъ, далеко не встрѣтила того участія въ полицейскомъ участкѣ, на какое имѣла право разсчитывать. Напротивъ, къ ней отнеслись недовѣрчиво и еслибы не вмѣшательство г. М., можетъ быть, она бы и была обвинена, какъ неимѣвшая при себѣ паспорта.

При плохомъ составѣ драматической труппы въ Петербургѣ, извѣстіе о появленіи новаго дебютанта всегда встрѣчается сочувственно петербургской публикой. По этому театръ былъ совершенно полонъ 21 апрѣля, въ день перваго дебюта г. Новикова, провинціальнаго актера и антрепренера, о которомъ заранѣе слышались толки, какъ о талантливомъ артистѣ. Дѣятелямъ на публичной аренѣ всего болѣе вредятъ друзья своими рекламами. Кажется, довольно бы эпитета «талантливый», такъ нѣтъ, надо непремѣнно кричать, что это «лучшій актеръ, какого только имѣетъ провинція», что онъ «въ такой-то роли заставляетъ плакать на взрыдъ зрителей» и т. п. преувеличенія. Конечно, публика, наученная опытомъ, должна бы относиться къ такимъ толкамъ съ должнымъ скептицизмомъ, но люди вообще какъ-то легко вѣрятъ хорошимъ слухамъ. Такъ случилось и съ г. Новиковымъ. Многіе разсчитывали увидѣть въ немъ актера съ громад-

нымъ дарованіемъ и разочаровались. Г. Новиковъ, безпорно, артистъ талантливый, онъ цѣлой головой стоитъ выше исполнителей, занимающихъ подходящее амплуа на александринской сценѣ въ настоящее время, но все-таки онъ не изъ тѣхъ артистовъ, которые потрясаютъ зрителя, заставляютъ его забывать, что онъ находится въ театрѣ; г. Новиковъ не можетъ производить того увлекающаго впечатлѣнія, какое производитъ, напримѣръ, безподобная артистка г-жа Стрепетова. Своей наружностью и манерой держаться на сценѣ, Новиковъ напоминаетъ г. Зубова, своимъ голосомъ покойнаго Виноградова, но талантливѣе ихъ обоихъ. Пріемъ его на сцену александринскаго театра желателенъ; г. Новиковъ, навѣрное, оживитъ эту заснувшую сцену; при его участіи можно будетъ съ надеждой на успѣхъ давать нѣкоторыя пьесы, ставить которыя при настоящемъ составѣ труппы почти невозможно. Уже получится и та выгода, что принятіемъ въ труппу г. Новикова, публика будетъ избавлена отъ слишкомъ частаго лицезрѣнія г. Бурдина.

Г. Новиковъ дебютировалъ въ драмѣ Чернышева «Отецъ семейства», въ которой существуетъ только одна «выигрышная» (на жаргонѣ актеровъ такъ именуется роль, въ которой артисту легко выказать свои способности) роль, именно та, какую исполнялъ г. Новиковъ. Эта роль, правда, очень трудная, но она выгодна для актера потому, что на ней исключительно сосредоточивается все вниманіе зрителя. Подождемъ слѣдующихъ дебютовъ г. Новикова, чтобы сказать о немъ окончательное мнѣніе.

Кстати скажу нѣсколько словъ и о другой петербургской гостьѣ. С.-петербургское собраніе художниковъ, познакомившее Петербургъ съ высоко-даровитой г-жей Стрепетовой, не упускало случая приглашать на свою сцену и другихъ провинціяльныхъ талантливыхъ исполнителей, наѣзжавшихъ въ Петербургъ. Въ числѣ многихъ такихъ гостей, на сценѣ собранія художниковъ нѣсколько разъ появлялась симпатичная артистка г-жа Алексѣева, занимающая амплуа «ingenue». Играетъ она мило, весело, увлекательно, а въ роли «царицы Анны» въ драмѣ г. Островскаго «Василиса Мелентьева» показала, что обладаетъ также и драматическимъ талантомъ. Ея задушевная игра, простота и грація въ исполненіи не разъ вызывали рукоплесканія публики собранія художниковъ, вообще скупой на аплодисменты. Такое же шумное одобреніе г-жа Алексѣева вызвала исполненіемъ роли въ пьесѣ «Бабушкина внучка».

Н. И.

Клодъ Бернаръ.

Новости наукъ и жизни.

— Дикіе звѣри и ядовитыя змѣи въ Индіи. Въ «Gazette de l'Inde» помѣщена весьма интересная статистическая таблица,—которую мы приводимъ,—объ уничтоженіи дикихъ звѣрей и ядовитыхъ змѣй, равно какъ и о числѣ погибшихъ отъ нихъ людей и домашнихъ животныхъ въ Индіи. Эти данныя относятся къ 1876 году:

Названіе хищниковъ.	Уничтож. животн.		Число людей и домаш. живот., погибш. отъ хищниковъ и ядовит. змѣй.	
	Число.	Цѣнность выдан. премій въ рупіяхъ.	Люди.	Живот.
Слоны......	4	50	52	3
Тигры......	1,693	43,598	917	13,116
Леопарды...	3,786	33,972	156	15,373
Медвѣди....	1,362	4,915	123	410
Волки......	6,976	18,633	887	12,448
Гіены......	1,585	3,650	49	2,039
Разныя жив.	8,053	3,985	1,143	4,573
Итого...	23,459	108,803	3,327	47,962
Ядовит. змѣй	212,371	15,771	15,946	6,468
Всего вообще	235,830	124,574	19,273	54,430

Итакъ въ 1876 г. 23,459 хищниковъ и 212,371 ядовитыхъ змѣй были уничтожены въ различныхъ частяхъ англійской Индіи, и правительство колоній выдало за ихъ уничтоженіе и истребленіе 124,544 рупіи или 77,859 рублей.

Въ то же время изъ той же таблицы видно, что 19,273 человѣка и 54,430 штуки домашняго скота пали жертвою отъ укушенія или съѣденія хищниковъ или ядовитыхъ змѣй. Но, навѣрно, число уничтоженнаго домашняго скота въ дѣйствительности несравненно больше, чѣмъ показанное въ таблицѣ. Во всякомъ случаѣ, число жертвъ ужасающе велико.

— Секки. Мы получили отъ Н. Н. Вакуловскаго слѣдующую замѣтку: Скончавшійся недавно знаменитый астрономъ, патеръ Анджело Секки родился 29 іюня 1818 года въ Реджіо, въ Ломбардіи; желаніе и обстоятельства побудили его вступить въ іезуитскій орденъ. Вслѣдствіе склонности къ физико-математическимъ наукамъ, Секки назначенъ былъ преподавателемъ физики и математики въ георгіевскую коллегію въ Вашингтонѣ, но въ концѣ сороковыхъ годовъ получилъ мѣсто директора папской обсерваторіи, обладавшей однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ для того времени рефракторовъ. Благодаря пожертвованію своего товарища, патера Роза, ему удалось пріобрѣсти еще телескопъ изъ Мюнхена, около 14 футъ длины съ объективомъ въ 9 дюймовъ въ діаметрѣ. При его-то помощи Секки измѣрилъ двойныя звѣзды, и наблюдалъ кольца Сатурна, спутниковъ Юпитера, поверхность Марса, луны, туманныя пятна. Секки пришелъ къ заключенію, что третій спутникъ Юпитера обращается скорѣе вокругъ своей оси, чѣмъ вокругъ своей планеты. Для Марса имъ опредѣлено было отношеніе суши къ водѣ, онъ подробнѣе всѣхъ описалъ лунный кратеръ Коперника, созвѣздія Оріона и Аиры и опредѣлилъ спектръ массы неподвижныхъ звѣздъ. Послѣднія онъ раздѣлилъ на три класса. Первый, къ которому принадлежитъ большая часть бѣлыхъ звѣздъ, между прочимъ Сиріусъ, отличается множествомъ тонкихъ черныхъ линій въ своемъ спектрѣ; преобладающимъ элементомъ атмосферы этихъ свѣтилъ, является горящій водородъ. Звѣзды этого класса отличаются, вѣроятно, наиболѣе высокой температурой. Ко второму классу относятся звѣзды, въ спектрахъ которыхъ, особенно въ красной и синей части, замѣчаются рѣзкія темныя линіи; типомъ ихъ служитъ, напр., наше солнце. Спектры звѣздъ, принадлежащихъ къ третьему классу, отличаются широкими темными полосами; сюда относится много красныхъ звѣздъ. Къ четвертому классу принадлежатъ лишь немногія звѣзды, дающія спектръ, состоящій изъ трехъ свѣтлыхъ полосъ, раздѣленныхъ темными промежутками. Секки нашелъ очень мало звѣздъ, которыя не подходили ни къ одному изъ названныхъ классовъ. Интересны и его спектроскопическія изслѣдованія планетъ. Однакожь, болѣе всего приковывало вниманіе его солнце. Результаты своихъ изслѣдованій, Секки изложилъ въ монументальномъ сочиненіи, которое у насъ переведено не было. Книга эта была переведена на французскій языкъ въ 1870 г. въ Парижѣ профессоромъ физики Ларшеромъ. Въ 1873 году изданъ былъ нѣмецкій переводъ докторомъ Шелленомъ, директоромъ реальной школы въ Кельнѣ (IX и 859 стр.), съ присоединеніемъ къ тексту XI роскошно исполненныхъ фотографій и литографій, и дополненіями за 1872 годъ самого Секки. Секки далъ собственный способъ наблюденія солнечныхъ выступовъ. Изслѣдовавши пятна солнца онъ доказалъ, что солнечное пятно изливаетъ менѣе теплоты, чѣмъ той же величины пространство солнечной поверхности, свободное отъ пятенъ. Онъ работалъ по вопросу о солнечной теплотѣ и ея источникахъ*) и, сравнивая ее съ теплотой, развиваемой электрическимъ свѣтомъ, пришелъ почти къ тому же заключенію, какъ и Цельнеръ, именно, онъ получилъ 270,000 градусовъ.

Секки не мало потрудился и въ области физики. Онъ подалъ мысль о колебательномъ движеніи эфира, какъ о причинѣ электродинамическихъ явленій, впослѣдствіи развитую Мотье. Онъ наблюдалъ связь магнитныхъ явленій съ атмосферическими, изучалъ распредѣленіе электричества, устроилъ метеорографъ, записывавшій всѣ важнѣйшія атмосферическія явленія. Секки занимался вопросами объ устройствѣ громоотводовъ, о введеніи единообразной системы мѣръ и вѣсовъ, объ измѣреніи градуса меридіана въ предѣлахъ Италіи и др. Онъ написалъ замѣчательный трактатъ; «Единство физическихъ силъ. Опытъ натуральной философіи». Онъ переведенъ П. Хлѣбниковымъ въ 1872 г. и Ф. Павленковымъ въ 1873 году въ Вяткѣ. Первый, хотя и сдѣланъ съ итальянскаго, но куда хуже второго. Къ сожалѣнію, обстоятельнаго отзыва объ этомъ трудѣ Секки въ нашей литературѣ не появлялось.

Секки состоялъ членомъ-корреспондентомъ нашей императорской академіи наукъ.

— О кровообращеніи. Проф. Гарродъ, читая въ Лондонѣ свои интересныя лекціи о «протоплазмической теоріи жизни и ея отношеніи къ физіологіи», сообщилъ нѣсколько занимательныхъ и наглядныхъ данныхъ относительно кровообращенія. Пояснивъ постепенное развѣтвленіе артерій и ихъ переходъ въ безчисленное множество волосныхъ сосудовъ, посредствомъ которыхъ увеличивается площадь обращенія крови, лекторъ обратилъ вниманіе слушателей на силу центральнаго органа, сердца, и на давленіе крови въ артеріяхъ, причемъ указалъ на различные методы, съ помощью которыхъ производится измѣреніе сказанныхъ силъ. Гэльзъ употреблялъ для этой цѣли водяной столбъ; Пуазейль ртутный столбъ и т. д. Проф. Гарродъ наглядно доказалъ слушателямъ, что получаемое давленіе достаточно для выдержанія 9 дюймоваго столба ртути, и представилъ небольшой фонтанъ, дѣйствовавшій подъ такимъ давленіемъ. Вслѣдствіе увеличенія сопротивленія, давленіе крови уменьшается по мѣрѣ ея отдаленія отъ самаго источника, т. е. сердца. Сокращеніе четырехъ полостей сердца, двухъ ушковъ и двухъ желудочковъ, называется систолой; отпущеніе ихъ или расширеніе—діастолой. При своемъ расширеніи, ушки принимаютъ въ себя венную кровь; сокращаясь, они вгоняютъ кровь въ желудочки, расширившіеся для ея принятія. Сокращаясь въ свою очередь, желудочки вгоняютъ кровь въ большія артеріи; такимъ образомъ, совершается обращеніе во всей кровеносной системѣ. Біеніе сердца отличается поразительною ритмичностью.

То, что называется пульсомъ, есть ничто иное, какъ біеніе одной артеріи; отдаленною причиною его служитъ дѣйствіе сердца; ближайшею—расширеніе и сокращеніе артеріи въ данный моментъ, производимое движеніемъ крови. Скорость пульса бываетъ весьма разнообразна, находясь въ зависимости отъ возраста человѣка, состоянія его здоровья, температуры, положенія тѣла, его бездѣйствія или труда, и самого питанія тѣла. Такъ, при отдыхѣ или при слабомъ состояніи тѣла, пульсъ бьется 38—40 разъ въ минуту, но возвышается до 120 разъ послѣ большого мускульнаго напряженія. Лекторъ замѣтилъ у себя до 172 пульсацій въ минуту, по выходѣ изъ турецкой бани. Очень любопытна была та часть лекціи, въ которой профессоръ Гарродъ наглядно показалъ дѣйствіе сфимографа (преимущественно системы Маре) и другихъ аппаратовъ, служащихъ къ графическому изображенію (посредствомъ волнистыхъ линій на бумагѣ), начала, силы и продолжительности пульсацій. Подобныя наблюденія даютъ богатый матеріалъ для врачебныхъ наблюденій надъ столь важнымъ органомъ, какъ сердце.

*) См. статью объ этомъ въ «Природѣ», книга II за 1876 годъ, къ ней приложенъ портретъ Секки.

— Добыча золота. Изъ помѣщеннаго въ «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣд.» отчета о добычѣ золота въ восточной Сибири въ 1877 г. оказывается, что всего добыто золота въ 1877 г. во всей восточной Сибири, включая амурскую и приморскую области, 1,811 пуд., изъ которыхъ въ одномъ олекминскомъ округѣ получено болѣе половины всего количества. Второе мѣсто занимаетъ енисейская губ.; она дала въ 1877 году золота $420^1/_2$ пуд. Третье мѣсто принадлежитъ забайкальской области, давшей $268^1/_2$ пуд., хотя для частной разработки не вся еще область открыта, такъ какъ собственно нерчинскій горный округъ принадлежитъ Кабинету. Четвертое мѣсто занимаетъ амурская область, гдѣ добыча золота въ 1877 г. составляетъ всего 172 пуда. Что же касается приморской области, относительно которой было столько ожиданій у золотопромышленниковъ, то она дала въ 1877 году всего только $12^3/_4$ пуд. Въ иркутской губ., гдѣ уже совсѣмъ было прекратилась разработка пріисковъ, золотопромышленность въ 1877 году нѣсколько оживилась, такъ что было получено золота $12^3/_4$ пуд.

— Ю. А. Гагемейстеръ. Въ Ригѣ скончался, 24-го апрѣля, сенаторъ, статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ Юлій Андреевичъ Гагемейстеръ. Родившись въ помѣстьѣ Старый Дростенгофъ, въ Лифляндіи, покойный, какъ извѣщаетъ «St. Petersburger Herold», посѣщалъ съ 1825 по 1828 г. дерпскій университетъ, гдѣ изучалъ военныя науки. Выйдя изъ университета кандидатомъ и переселившись въ Петербургъ, онъ посвятилъ себя тамъ изученію политической экономіи и финансовъ Россіи. Ю. А. Гагемейстеръ занималъ множество должностей, преимущественно въ министерствѣ финансовъ, по таможенной и мануфактурной частямъ и, бывъ нѣсколько лѣтъ агентомъ этого министерства заграницею, онъ былъ назначенъ директоромъ особой канцеляріи по кредитной части. Потомъ онъ много лѣтъ былъ предсѣдательствующимъ въ четвертомъ департаментѣ сената. Ю. А. Гагемейстеръ написалъ много сочиненій какъ по древней исторіи Россіи, такъ и по финансовымъ и политико-экономическимъ вопросамъ. Петербургская академія наукъ выбрала его за ученыя заслуги въ члены корреспонденты. Покойный принималъ также дѣятельное участіе въ трудахъ географическаго общества и еще за нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью былъ выбранъ въ предсѣдатели учрежденной этимъ обществомъ комиссіи о желѣзномъ производствѣ въ Россіи, но болѣзнь заставила его, недѣли двѣ назадъ, уѣхать, для поправленія своего здоровья, въ Лифляндію.

— Мѣры на случай войны. Въ министерствѣ путей сообщенія учреждена комиссія, которая въ случаѣ блокады балтійскихъ и черноморскихъ портовъ будетъ руководить направленіемъ транспортовъ и регулированіемъ обмѣна и передачи вагоновъ. Въ комиссіи примутъ участіе депутаты общаго желѣзнодорожнаго съѣзда, которые вскорѣ будутъ призваны въ Петербургъ. Для ускоренія движенія на петербурго-варшавской желѣзной дорогѣ будетъ проложенъ второй путь между Динабургомъ и Вилейкой, въ Вержболовѣ будетъ устроена рельсовая колея въ 25 верстъ и 50 платформъ для перегрузки товаровъ. На привислянской желѣзной дорогѣ предполагается устроить четыре полустанціи и расширить станціи въ Варшавѣ. На варшавско-тереспольской желѣзной дорогѣ также устраивается нѣсколько

полустанцій и расширяется варшавская товарная станція. Московско-бретская желѣзная дорога будетъ соединена въ Москвѣ съ другими желѣзными дорогами, сосредоточивающимися въ этомъ городѣ, равно какъ ряжско-вяземская—съ ряжско-моршанскою.

— Волоса для шиньоновъ. Въ Марсели нѣтъ, кажется, такой отрасли торговли, которая возрастала бы быстрѣе ввоза волосъ. Еще шесть или семь лѣтъ назадъ въ Марсель ввозилось ежегодно изъ-за границы едва 16,000 килограммовъ этого предмета, имѣющаго такой сильный спросъ у дамъ; но уже въ 1873 г. ввозъ возросъ до 50,000 килограммовъ,—цифры, которую считали такой что ее уже невозможно превзойти. Однакожъ въ 1876 г. ввозъ, превзойдя всякія ожиданія, достигъ громадной цифры въ 92,121 килограмовъ. Сначала волосы получались изъ одной только Италіи; но теперь уже Италія не въ состояніи болѣе удовлетворять значительный спросъ на волосы во французской промышленности. По этому утилизированы были въ этомъ отношеніи сношенія Франціи съ крайнимъ Востокомъ.

Смѣсь.

— Дорогіе дни. По словамъ римской газеты «Italie», отъ 22-го марта, конклавъ, хотя и продолжался всего полтора дня, обошолся Ватикану въ милліонъ лиръ (около 300,000 рублей). Такъ какъ онъ могъ быть очень продолжителенъ, то пришлось закупить на всякій случай значительные запасы всякаго рода.

— Драгоцѣнная находка. Въ храмѣ Юноны, въ Олимпіи, при раскопкахъ нашли статую Праксителя, описанную Павзаніемъ, представляющую Меркурія, держащаго на рукахъ Вакха. Статуя, сдѣланная изъ мрамора, отлично сохранилась.

— Громадный пожаръ. Въ «Моск. Вѣд.» сообщаютъ, что въ ночь на 24 апрѣля, огромное зарево пожара освѣтило самыя отдаленныя окраины Москвы. На каланчахъ взвились сигнальные фонари ко сбору пожарныхъ командъ всѣхъ частей. Былъ сильный вѣтеръ. Зарево все увеличивалось и къ утру охватило весь горизонтъ. Исполинскіе клубы дыма съ тучей искръ поднимались къ небу. Это пылала въ Ольховцахъ, около Краснаго пруда, цѣлая масса деревянныхъ домовъ и громадный лѣсной складъ. Пожаръ начался въ 10 часовъ вечера съ небольшого сарайчика во дворѣ дома крестьянина Пирожкова, Басманной части, противъ самаго Краснаго пруда, и подъ порывами вѣтра съ неудержимою силой распространился среди безпорядочной кучи деревянныхъ построекъ, захватилъ мастерскія Рязанской желѣзной дороги, шелковую фабрику купцовъ Мозжухиныхъ и обширный лѣсной складъ купца Наживина. Къ 3 часамъ утра сплошное пламя бушевало на Нижней улицѣ, по 2-му и 3-му Краснопрудскимъ переулкамъ и частію на Сокольничьемъ шоссе. Не далѣе какъ въ разстояніи тридцати шаговъ отъ лѣсного склада, гдѣ, пожаръ былъ особенно силенъ, стояли двѣ паровыя пожарныя трубы и изъ Краснаго пруда перебрасывали въ пламя цѣлый потокъ воды; но эта сокрушительная водяная струя почти безслѣдно исчезала въ борьбѣ съ еще болѣе сокрушительною силой огня. Пожарные выбивались изъ силъ, но трудно было имъ что-нибудь сдѣлать, когда вѣтеръ гналъ пламя на такія легкія деревянныя постройки, какъ сарайчики, двухъ-этажные деревянные, полудосчатые дома, спеціально выстроенные для мелкихъ жильцовъ изъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, съ разсчетомъ на быструю наживу, а не на прочность. Съ опасностію жизни пожарные бросались въ пламя и въ борьбѣ съ нимъ потеряли даже пожарную трубу со всѣмъ приборомъ изъ Мясницкой части. Труба такъ и сгорѣла, а дѣйствовавшіе ею пожарные сами едва успѣли спастись. Къ 4 часамъ утра пожаръ былъ локализованъ, но еще долго послѣ этого пожарные не могли осилить пламени въ лѣсномъ складѣ, гдѣ горѣла масса превосходныхъ балокъ, досокъ и дровъ.

По первоначальному дознанію оказалось, что на этомъ пожарѣ сгорѣло 37 двухъ-этажныхъ и одно-этажныхъ домовъ 19 владѣльцевъ, часть мастерскихъ Рязанской желѣзной дороги, часть строеній Ярославской, фабрика со всѣми машинами и товаромъ и лѣсной складъ. Убытокъ отъ пожара простирается до 5.000,000 р. Всѣ почти сгорѣвшіе дома застрахованы, но не было застраховано имущество сотенъ мелкихъ квартирантовъ этихъ домовъ. Они ничего не успѣли спасти изъ своего небогатаго скарба и остались въ однихъ платьяхъ.

— Королева и солдатъ. Королева голландская, катаясь въ каретѣ въ деревнѣ, однажды замѣтила очень молодого солдата, вѣроятно новобранца, который съ ожестоженіемъ тянулъ свою трубку, желая разжечь ее.

Она приказала остановить лошадей и дала золотую монету солдату.

— Возьми это и купи себѣ лучшаго табаку.

Форейторъ шепнулъ на ухо солдату:

— Знаешь-ли ты, вѣдь это королева!

Бѣдняга смутился страшно; онъ уже не знаетъ, кто передъ нимъ, король или королева. Королевское величество его ослѣпило; онъ бормочетъ слова благодарности.

— Вашъ лавочный табакъ долженъ быть очень дуренъ? спросила его королева.

Солдатъ роется въ своемъ мѣшкѣ, и доставъ оттуда порядочную щепотку табаку, кладетъ ее въ руку королевы.

— Когда, ваше величество, попробуете, то увидите сами, каковъ этотъ табакъ.

— Съѣздъ раввиновъ. Въ Петербургѣ состоится съѣздъ еврейскихъ раввиновъ изъ имперіи и губерній Привислинскаго края. На этомъ съѣздѣ обсужденію еврейскихъ раввиновъ подлежать будутъ, по словамъ «Петербургск. Лист.», два слѣдующіе вопроса: 1) о принятіи со стороны раввиновъ какихъ-нибудь радикальныхъ мѣръ противъ необыкновенно часто повторяющихся между еврейскимъ населеніемъ случаевъ уклоненія, подъ различными предлогами, отъ воинской повинности, и 2) объ уничтоженіи нѣкоторыхъ, собственно еврейскихъ корпораціонныхъ обрядовъ и учрежденій, которые рѣзко отдѣляютъ евреевъ отъ прочаго населенія, среди котораго они живутъ, и которые являются большимъ препятствіемъ къ болѣе близкимъ отношеніямъ евреевъ къ прочей массѣ окружающаго ихъ населенія.

— Прочная постройка. Изъ Оренбурга «Бирж. Вѣд.» сообщаютъ, что на главной городской улицѣ, называемой Николаевскою, строятся новыя каменныя двухъ-этажныя лавки насчетъ городскихъ суммъ. Готовые вчернѣ 22 магазина были выстроены слишкомъ поспѣшно, причемъ чугунныя колонны, которыми слѣдовало подпереть арки, не были еще поставлены. Подпертыя дровами арки не выдержали и рухнули, причемъ обвалились и потолки. По счастью, никого на строеніи не было, такъ какъ рабочіе, только-что окончившіе передъ тѣмъ работы, уже ушли.

— Агитація женщинъ. Въ Соединенныхъ штатахъ образовалось значительное своей численностію общество женщинъ, агитирующее въ пользу допущенія женщинъ въ конгрессъ, т. е. депутатскихъ правъ. Недавно общество это собралось въ Вашингтонѣ и рѣшило подать народнымъ представителямъ въ конгрессѣ свою петицію. На собраніи конвенціи достопочтенная мистрисъ Спенсеръ произнесла рѣчь, которую заключила слѣдующими словами: «Капитолій (зданіе, гдѣ происходятъ засѣданія конгресса) принадлежитъ націи; нація принадлежитъ женщинамъ, и слѣдовательно это зданіе принадлежитъ намъ. Отправимся въ залу депутатовъ и займемъ ее. Пусть насъ вытолкаютъ, если осмѣлятся! Мы найдемъ себѣ слушателей!» Женщины отвѣчали громкими криками одобренія. При открытіи конгресса, онѣ съ большимъ шумомъ ворвались въ палаку и подали свою петицію. Сенаторъ Сарджентъ, извѣстный «другъ женщинъ», представилъ съ своей стороны въ сенатъ докладъ о допущеніи женщинъ въ засѣданія. Однако, сенатъ отвергнулъ петицію большинствомъ 31 противъ 13 голосовъ.

— Изъ матросовъ наслѣдникъ престола. Въ бюллетенѣ лондонскаго географическаго общества за январь мѣсяцъ находятся слѣдующія любопытныя свѣденія о проживающемъ во внутренней Африкѣ швейцарцѣ Филиппѣ Бройонѣ, женатомъ на дочери короля уніамвезскаго Мерамбо I. Бройонъ родомъ изъ Берна и принадлежитъ къ очень хорошему семейству. Ему около 32 лѣтъ. Восемнадцати лѣтъ отъ роду онъ, какъ матросъ, совершилъ поѣздку въ Занзибаръ, гдѣ и поселился на постоянное жительство, принявъ мѣсто прикащика въ тамошнемъ торговомъ домѣ. Но душа его жаждала большей дѣятельности и приключеній. Онъ присоединился къ каравану, отправлявшемуся вокругъ Африки и прибылъ въ Урамба, столицу уньянвезскаго государства. Тамъ онъ тѣсно подружился съ королемъ Мирамбо, который такъ полюбилъ Бройона, что выдалъ за него свою дочь и назначилъ его наслѣднымъ принцемъ, такъ какъ у чернаго короля нѣтъ сыновей.

— И мы — начальство. «Голосу» пишутъ изъ Сарапула: На одной изъ рождественскихъ вечеринокъ учитель галановской народной школы, г. Бабинцевъ, поспорилъ о чемъ-то съ мѣстнымъ волостнымъ писаремъ; писарь разобидѣлся и въ отмѣстку за это распечаталъ три письма, полученныя въ правленіи на имя г. Бабинцева. Письма, по мнѣнію писаря, оказались подозрительными, и потому были немедленно отправлены мѣстному исправнику. Затѣмъ, собравъ понятыхъ, десятниковъ и сотскихъ, писарь явился къ учителю въ квартиру, произвелъ въ ней обыскъ, забралъ письма и бумаги, какія только нашелъ, и препроводилъ ихъ къ исправнику, а исправникъ, въ свою очередь—въ вятское жандармское управленіе. Учитель, понимая незаконность дѣйствій писаря, обратился съ жалобою на него къ мѣстному члену присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, и съ просьбою—къ земскому инспектору народныхъ училищъ сарапульскаго уѣзда, прося защитить его отъ подобныхъ незаконныхъ дѣйствій. Назначено было слѣдствіе, тоторое и показало, что перехваченныя письма не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что давало бы поводъ къ арестованію ихъ; а между тѣмъ въ актѣ, составленномъ писаремъ, письмамъ придано было значеніе политической пропаганды. Писарь, по распоряженію начальства, уволенъ отъ должности и отданъ подъ судъ за незаконныя дѣйствія и ложный доносъ».

— Гарибальди и вопросъ о присоединеніи къ Италіи Тріеста и Тріента. — Австрійцы правы, не довѣряя итальянцамъ, говоритъ «Berl Tagbl.»: Гарибальди поднимаетъ вопросъ о возвращеніи итальянскаго Тироля и Тріеста. Онъ пишетъ тріентинцу Цанканп: а) «Капрера 8 (20) января 1878 г. Любезный Царкани, патріотическое возваніе Тріеста и Тріента должно найти отзывъ во всѣхъ итальянскихъ сердцахъ: иго Австріи наравнѣ съ игомъ Турціи должно быть свергнуто съ нашихъ братій.

«На вѣки вашъ Гарибальди».

ѣ) «Капрера, 22 января (3 февраля) 1878 г.

«Любезный Цанкани, во всякомъ случаѣ пора поднять тріентино-тріестскій вопросъ и воспрянуть къ жизни. Мысленно буду съ вами.

Д. Гарибальди».

Вполнѣ тождественно съ письмами каприрскаго отшельника отзываются слѣдующія строки римской газеты «Capitale», органа Гарибальди. Повидимому, говоритъ названная газета, при окончательномъ разрѣшеніи восточнаго вопроса послѣдуетъ въ силу необходимыхъ территоріальныхъ преобразованій (rimpasto) исправленіе границъ Италіи со стороны Тироля. Тріентъ и Нижній Тироль отойдутъ къ Италіи, въ то время какъ Австрія получитъ территоріальное увеличеніе со стороны Босніи и Герцеговины. Насколько возможно вывести заключеніе изъ полуоффиціальныхъ рѣчей, то это территоріальное преобразованіе уже предрѣшено—anticipando.—Конечно, это утвержденіе нѣсколько смѣлое, но оно указываетъ на то, чего дѣйствительно хотѣли бы въ Италіи и къ чему будутъ стремиться, какъ только выдастся удобный случай.

— Похороны Клода Бернара. Русскіе литераторы и ученые пользуются при жизни не особенно завидною участью и скромно сходятъ въ могилу, такъ что иногда общество даже и не знаетъ,

что вчера или сегодня хоронили такого-то дѣятеля посвятившаго всю жизнь на пользу этого общества. Только въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются исключенія, но и здѣсь все дѣло ограничивается тѣмъ, что на похороны соберется немного болѣе, чѣмъ обыкновенно, народу да явятся два-три большихъ вѣнка. Этимъ все и кончается. Западная Европа давно привыкла иначе относиться къ своимъ представителямъ умственнаго труда и чтить ихъ память, что какъ нельзя лучше показываютъ бывшіе недавно въ Парижѣ похороны извѣстнаго физіолога Клода Бернара. Похороны Клода Бернара на счетъ государства происходили 17 февраля, въ 11 часовъ утра, и отличались большою торжественностью; множество представителей ученаго и политическаго міра пожелали отдать послѣдній долгъ знаменитому физіологу, котораго потеряла Франція. Въ числѣ лицъ, участвовавшихъ въ погребальной процессіи, находились члены различныхъ академій, профессора Collége de France, музея естественной исторіи, сорбонны, медицинскаго факультета, фармацевтической школы, больницы Val-de-Grâce; были также делегаты отъ медицинскихъ факультетовъ Ліона (въ форменной длинной одеждѣ), Нанси, Монпелье и Лилля. Всѣ высшія учебныя заведенія въ этотъ день были закрыты, и студенты различныхъ факультетовъ сочли своимъ долгомъ явиться на похороны. Къ молодымъ медикамъ парижскихъ госпиталей присоединились депутаты отъ студентовъ медицинскихъ школъ Монпелье и Нанси. Президентъ республики прислалъ вмѣсто себя подполковника Ла-Мореля. Въ числѣ присутствовавшихъ на похоронахъ, было также не мало политическихъ дѣятелей, принадлежащихъ къ правительственнымъ сферамъ или къ важнѣйшимъ государственнымъ учрежденіямъ; тутъ были Барду, Дюфоръ, де-Марсеръ, Вадингтонъ, Тесеренъ де-Боръ, многіе сенаторы, депутаты, члены генеральныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ.

Телеграммы.

Парижъ, 22-го апрѣля. По извѣстіямъ, полученнымъ въ дипломатическихъ кружкахъ, занятіе Босніи и Герцеговины австрійскими войсками дѣло рѣшенное и ожидается въ непродолжительномъ времени. Южнославянское вліяніе одержало верхъ при вѣнскомъ дворѣ надъ мадьярами. Полагаютъ, что это доказательство окончательнаго соглашенія Австріи съ Россіей.

Берлинъ, 22-го апрѣля. Россія предложила Англіи новыя уступки, касающіяся англійскихъ интересовъ въ Египтѣ. Англія требуетъ, чтобы русскія войска отступили отъ Константинополя нѣсколькими днями раньше, чѣмъ выйдетъ флотъ изъ Дарданеллъ.

— 24-го апрѣля. Германія настоятельно поддерживаетъ въ Лондонѣ послѣднія предложенія Россіи. Въ здѣшнихъ военныхъ и придворныхъ кружкахъ быстро усиливается нерасположеніе къ Англіи за ея коварную (perfide) политику. Императоръ Вильгельмъ недавно выразился, что онъ не оставитъ Россію въ трудную минуту. (Ich werde Russland nicht im Stich lassen).

Лондонъ, 22-го апрѣля. Министерство внутреннихъ дѣлъ передало королевѣ Викторіи покрытую 17,000 подписей промеморію, въ которой выражено сожалѣніе по поводу созыва резервовъ и высказана просьба, чтобъ королева употребила свое вліяніе въ пользу собранія конгресса, въ видахъ сохраненія европейскаго мира. Въ числѣ лицъ, подписавшихъ промеморію, находятся герцоги Уэстминстерскій и Бредфордскій, многіе пэры, епископы, члены палаты общинъ, выдающіяся духовныя лица и писатели.

Константинополь, 23-го апрѣля. Переговоры объ удаленіи русскихъ войскъ и англійскаго флота отъ Константинополя продолжаются.

«Очищеніе Сан-Стефано русскими еще не рѣшено. Правда, часть войскъ заняла, изъ санитарныхъ соображеній, окрестныя высоты, но большая часть ихъ остается еще въ Сан-Стефано.

«Русская артиллерія подъ Константинополемъ усилена.

«Возстаніе мусульманъ во Фракіи уменьшается».

Вѣна, 24-го апрѣля. Газетѣ «Presse» сообщаютъ изъ Константинополя, что по отношенію къ вопросу объ очищеніи Шумлы, Порта подчинилась требованію Россіи; Варну же и Батумъ она пока не очиститъ.

— 25-го апрѣля. Газетѣ «Politische Correspondenz» сообщаютъ изъ Бухареста: «Извѣщаютъ, что изъ Галаца въ Журжево продолжается доставка свѣжихъ русскихъ резервныхъ войскъ. Въ послѣднемъ изъ названныхъ городовъ будутъ расположены 10,000 русскихъ резервовъ».

Нью-Іоркъ, 21-го апрѣля. Говорятъ, русскіе офицеры и матросы съ парохода «Cimbria» высадятся въ Портлэндѣ и отправятся сухимъ путемъ въ Сан-Франциско.

Шахматы.

Задача V.

Бѣлые	*Черные*
1) E2—E4.	1) E7—E5.
2) G1—F3.	2) B8—C6.
3) B1—C3.	3) G8—F6.
4) F1—B5.	4) F8—B4.
5) C3—D5.	5) B4—C5
6) C2—C3.	6) .

Этотъ ходъ, впервые употребленный въ настоящей партіи кажется очень удачнымъ.

6)...	6) F6—E4:
7) D2—D4.	7) E5—D4:
8) C3—D4:	8) C5—E7.
9) C1—F4	9) . . .

Бѣлые начинаютъ этимъ сильно атаковать, чѣмъ вознаграждаютъ потерю одной пѣшки.

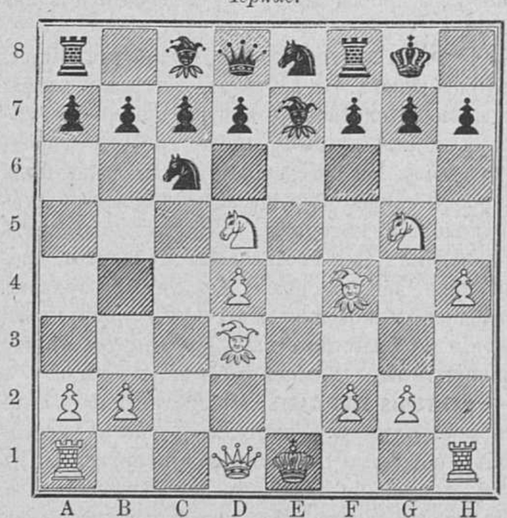
9) . . .	9) E4—D6.
10) B5—D3.	10) 0—0.

Какъ ни кажется это опаснымъ, но противникъ только такимъ образомъ можетъ продолжать

11) H2—H4.	11) D6—E8.
12) F3—G5.	12) . . .

Положеніе партіи послѣ 12 хода:

Черные.



Бѣлые.

12) . . .	12) H7—H6.

Самое лучшее, такъ какъ послѣ G7—G4 слѣдуетъ 13). H7:, H7: 14). H4—H5!, вслѣдъ за F6 слѣдуетъ конечно 13). F6†, F6: 14). H7† и 15). H5, G5: наконецъ 13). H7†.

13) G5—H7.	13) D7—D6.
14) H7—F8:	14) E7—F8:
15) D3—C2.	15) E8—F6.
16) D1—D3.	16) . . .

Слабый ходъ, что видно изъ дальнѣйшаго:

16) . . .	16) G7—G6.
17) D5—E3.	17) . . .

Конекъ долженъ ходить и бѣлые теряютъ кромѣ хода важную фигуру C2.

18) . . .	18) C6—B4.
18) D3—D2.	18) B4 - C2 †.
19) D2—C2:	19) C8—E6.
20) F4—G3	20) F6—D5.
21) 0—0.	21) F8—G7.
22) E3—D5:	22) E6—D5:
23) A1—D1.	23) C7—C6
24) F1—E1.	24) D8—D7.
25) B2—B3.	25) A8—F8.
26) C2 - E2.	26) D5—E6.
27) E2—E3.	27) A7—A6.
28) G3—F4.	28) G8—H7.
29) E3—C3.	29) . . .

Сомнительный ходъ, послѣ котораго черные испытываютъ надлежащее сопротивленіе. Было бы не хорошо ходить сразу C6—C5.

29) . . .	29) F8—D8.
30) D1—D2.	30) . . .

Это рѣшаетъ борьбу.

30 . . .	30) C6—C5.
31) F4—E3	31) D8—C8.
32) C3—D3.	32) E6—F5.
33) D3—E2.	33) D7—B5.
34) E2—B5:	34) A6—B5:
35) D4—C5:	35) G7—C3.
36) C5—D6:	36) C3—D2:
37) E3—D2:	37) C8—D8.
38) D2—F4.	38) G6—G5.
39) H4—G5.	39) H6—G5:
40) F4—G3.	40) H7—G6.
41) E1—E3.	41) F5—D7.
42) F2—F4.	42) G5—F4:
43) G3—F4:	43) D7—C6.
44) G1—F2.	44) G6—F5.
45) G2—G3	45) D8—E8.
46) E3—E8:	46) C6—E8:
47) F2—E3.	47) F5—E6.
48) E3—D4.	

Розыгрышъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: 8-й № «Парижскія моды».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Апрѣля 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

№ 19. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. - 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 7 Мая 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Плотникъ.

Народный разсказъ.

Изъ Владислава Сырокомли. Пер. Омулевскаго.

На погостѣ, у тракта,
Шла часовни работа:
Я свернулъ туда какъ-то,
Знать, припала охота.
Въ жаръ — уйдешь не далече:
Отдохни-жь, человѣче!
Изъ села, между прочимъ,
Ѣсть послали рабочимъ:
Въ мигъ утихла работа,
Топоры замолчали,
И, спасаясь отъ пота,
Всѣ на пищу напали.

Старый плотникъ, что живо
Всталъ отъ трапезы грубой,
Вынулъ трубку, огниво,
И курнулъ — такъ, что любо!
Усмѣхнувшися лихо —
Видно, съ мыслью смѣшною—
Сталъ онъ внятно, хоть тихо,
Разсуждать самъ съ собою:

— «Кузнецу сколько муки:
Жжетъ одежду и руки,
Мнѣ топорикъ наваритъ,
Серпъ, подкову — другому,
Дружно въ молотъ ударитъ —
Вотъ и денежки къ дому;
Въ кабакѣ онъ, дорогой,
Угостится въ избытокъ,
Отъ него, вѣдь, премногій
Всей деревнѣ пожитокъ.
Топора же и струга
Трудъ не цѣнится что-то,
Хоть тяжка ихъ работа,
Хоть и больше заслуга.

«Мельникъ пуститъ заставки,
Ссыплетъ умолотъ въ ящикъ —
И валяйся на травкѣ,
Что господскій приказчикъ.
И скотинка-то сыта,
И жена-то хоть балуй,
Всякій дастъ ему жита,
Дастъ и денегъ, пожалуй;
А добрякъ подвернется —
Такъ и пьянымъ напьется!
Топора же и струга
Трудъ не цѣнится что-то,
Хоть тяжка ихъ работа,
Хоть и больше заслуга.

«Чуть игрокъ на скрипицѣ
Вывелъ нотку пискливо,
Ужь и жертвуйте живо,
Ужь и важной сталъ птицей!
Пареньки и дѣвчонки —
Съ нимъ вездѣ, какъ съ находкой,
И гребетъ онъ деньжонки,
И поятъ его водкой;
Но что больше завидно —
Это то, что, какъ видно,
И сердца-то онъ даже
Загребаетъ свободно!
Правда... спорить нельзя же,
И скрипица пригодна;
Но, вѣдь, плотника что-то
Не встрѣчаютъ, какъ друга,
Хоть тяжка и работа,
Хоть и больше заслуга.

«Старцы, юноши, дѣти
И позднѣйшіе внуки,
Все проходитъ на свѣтѣ
Черезъ плотничьи руки.
Ребятишки-ль родятся,
Вотъ и думка приспѣла!
Сельскій плотникъ, за дѣло:
Будетъ зыбка стругаться.
Не корысть тутъ причиной.
Я съ любовью стругаю,
Хоть съ попомъ на крестины
Не попасть мнѣ, я знаю.
Для дити, изъ-подъ струга
Выйдетъ славное что-то...
Ой, скромненька-жъ работа,
Но почтенна заслуга!

«Парнемъ выросъ малютка,
Ужь и льпетъ онъ къ дѣвчатамъ,
А любовь, вѣдь, не шутка! —
Надо выступить хватомъ;
Но на чемъ же? не я ли
Все прилажу изъ теса?
Обтянули колеса —
Поминайте, какъ звали!
На моей колесницѣ
Все пойдетъ уже хлестко!
Самъ ли милъ онъ дѣвицѣ?
Иль мила моя теска? —
Это тоже задача!
А когда съ моимъ хватомъ
Приключится удача —
Не попроситъ, вѣдь, сватомъ;
Отбоярится что-то
Онъ мошною отъ струга...
Ой, скромненька-жъ работа,
Но почтенна заслуга!

«Въ пиръ дажинокъ любовный
Нуженъ братцамъ, крестьянамъ,
Столъ дубовый, да ровный,
А не то, что съ изъяномъ.
Съ долотомъ и пилою
Ну-ка, плотникъ, за дѣло!
Столъ на славу я строю,
Примутъ съ радостью смѣло;
Но какъ только накрыли,
Какъ пошли угощаться —
Что-то сельскіе братцы
Обо мнѣ и забыли;
У меня же забота
Съ сошникомъ для ихъ плуга...
Ой плоха же работа,
Но почтенна заслуга!

«Пожилъ парень на свѣтѣ
И скончался въ недугѣ,
Надо къ плотнику, дѣти! —
Не откажетъ въ услугѣ.
Онъ стругалъ ему зыбку —
Съ виду, просто игрушку,
Онъ помогъ ему душку
Подцѣпить, словно рыбку,
Нынѣ, Богъ награждаетъ —
Пусть и гробъ ужь стругаетъ.
Будетъ гробъ — заглядѣнье,
Точно сдѣланъ для друга...
Ой, не хитро умѣнье,
Но почтенна заслуга!

«Тѣ вонъ ульи, рядами
Что стоятъ у заплота,
Тѣ простые ворота —
Добрый стражъ надъ полями,
Тѣ кресты... понемногу
Все мое это дѣло;
А теперь, слава Богу,
И часовня поспѣла!
Пусть почетъ будетъ прочимъ
Нашимъ братьямъ, рабочимъ, —
Мнѣ дороже почета
Голосъ совѣсти — друга:
Ой, скромненька работа,
Но почтенна заслуга!

«И еще что — скажу я —
Придаетъ мнѣ охоты:
Что улягусь въ гробу я
Не вахлацкой работы!
Вѣдь, не мало я тоже —

Ужь могу похвалиться —
Научилъ молодежи
Съ топоромъ обходиться:
Такъ любой изъ нихъ смѣло
Справитъ плотничье дѣло!
Я умру — не забота:
Не пойдетъ оно туго;
Сколь почтенна работа,
Такова и заслуга»!

Прохожденіе Меркурія передъ солнцемъ.

Статья С. Толивѣрова

Явленіе это состоитъ въ слѣдующемъ: Меркурій, находясь ближе къ солнцу, чѣмъ наша земля, становится, при каждомъ своемъ обращеніи вокругъ солнца, между землею и солнцемъ, и въ подобномъ положеніи онъ иногда кажется намъ проходящимъ по послѣднему. Если бы Меркурій обращался вокругъ солнца въ той же плоскости, какъ и земля, то, при каждомъ обращеніи, мы бы видѣли его проходящимъ передъ солнцемъ; но такъ какъ Меркурій движется совершенно въ другой плоскости, чѣмъ земля, то и случается такъ, что онъ проходитъ иногда выше, а иногда ниже солнца, и мы его тогда не видимъ.

Въ астрономическомъ отношеніи прохожденіе Меркурія передъ солнцемъ имѣетъ меньше значенія, чѣмъ прохожденіе Венеры. Послѣднее можетъ служить для двоякой цѣли: для опредѣленія разстоянія солнца отъ земли и для изученія движенія Венеры; прохожденіе же Меркурія не можетъ служить для опредѣленія разстоянія солнца отъ земли, а только—для изученія движенія Меркурія.

Но по своему характеру прохожденіе Меркурія передъ солнцемъ вполнѣ подобно прохожденію Венеры, которое повторяется послѣдовательно въ слѣдующихъ промежуткахъ времени: черезъ 8 лѣтъ, $121^1/_2$ годъ, 8 лѣтъ, $105^1/_2$ лѣтъ и затѣмъ опять въ томъ же порядкѣ. Прохожденіе же Меркурія повторяется каждыя 8 лѣтъ. Благодаря этому обстоятельству, астрономы могутъ изучать прохожденіе Венеры по прохожденіямъ Меркурія. Такъ какъ ближайшее прохожденіе Венеры будетъ имѣть мѣсто въ 1882 году, то всѣ астрономы рѣшились тщательно пронаблюдать настоящее прохожденіе Меркурія и по нему приготовиться къ наблюденію прохожденія Венеры и изучить всѣ обстоятельства, могущія встрѣтиться во время подобнаго прохожденія; а такихъ обстоятельствъ, и притомъ непредвидѣнныхъ, встрѣтилась цѣлая масса въ прошломъ прохожденіи Венеры 27-го ноября 1874 г. Мы укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ: астрономы полагали, что можно наблюдать моментъ прикосновенія краевъ Венеры съ краями солнца съ точностью до трехъ или четырехъ секундъ времени, а оказалось, что нельзя ручаться даже и за тридцать секундъ! Одно это обстоятельство разрушило почти всѣ надежды астрономовъ на полученіе хорошаго результата. Далѣе, при прохожденіи Венеры, сама планета представляется темнымъ кружкомъ на свѣтломъ дискѣ солнца. Очевидно, слѣдовательно, что внѣ диска солнца, она не можетъ быть видима, такъ какъ она не самосвѣтящаяся; оказалось же, что на нѣкоторомъ разстояніи отъ края солнца Венера отчетливо видна. Что за причина этому? Происходить-ли это отъ свѣтящейся атмосферы солнца или отъ преломленія лучей солнца въ атмосферѣ Венеры, —рѣшить трудно, такъ какъ въ тотъ моментъ, когда явленіе было замѣчено, не было сдѣлано всѣхъ изслѣдованій; а ихъ бы сдѣлали, еслибы астрономы были подготовлены или предупреждены. При прохожденіи Меркурія вообще не замѣчали подобнаго явленія. Быть можетъ, его дѣйствительно не было, а можетъ быть, оно и было,н но а него не обращали должнаго вниманія и потому не замѣтили. Вслѣдствіе этого будетъ крайне интересно узнать, удалось ли кому нибудь изъ астрономовъ видѣть Меркурія, въ настоящемъ прохожденіи его внѣ Солнца, какъ Венеру, или нѣтъ. Пишущему эти строки удалось наблюдать и видѣть прохожденіе Меркурія въ понедѣльникъ 24 апрѣля, здѣсь, въ Петербургѣ, но, несмотря на все стараніе и желаніе увидѣть его внѣ диска солнца,—не удалось.

Въ Пулковской обсерваторіи нѣсколько астрономовъ наблюдали прохожденіе Меркурія, но результаты ихъ наблюденій еще неизвѣстны. Въ Петербургѣ, на академической обсерваторіи наблюдалъ профессоръ А. И. Савичъ и нѣсколько изъ его учениковъ. Въ астрономической обсерваторіи физическаго кабинета устроено было гг. Глазенаномъ и Лермонтовымъ объективное изображеніе солнца на хорошо натянутомъ листѣ бѣлой бумаги. При такомъ устройствѣ студенты и любители астрономіи могли прекрасно видѣть прохожденіе Меркурія по солнцу. Меркурій представлялся маленькимъ чернымъ кружкомъ на большомъ и яркомъ кругѣ солнца.

Млисъ

Очеркъ изъ калифорнской жизни, Бретъ Гарта.

(*Окончаніе.*)

IV.

Уже два года учитель жилъ въ колоніи, и такъ-какъ онъ получалъ ничтожное жалованье, а надежда, чтобы Покетъ Смита сдѣлался столицей новаго штата была очень далека отъ своего осуществленія,—онъ пожелалъ занять болѣе выгодное мѣсто въ какомъ-нибудь другомъ городѣ. Административныя власти, завѣдующія школьнымъ дѣломъ, знали о его намѣреніи и готовы были перемѣстить его на лучшее мѣсто, но, не находя ему преемника, уговорили его остаться въ колоніи на зиму. Никто, за исключеніемъ его друга Дюшена, молодого медика въ Вингдамѣ, не зналъ о его желаніи покинуть колонію. Онъ не говорилъ объ этомъ ни м-съ Морферъ, ни Клити, никому изъ своихъ учениц и учениковъ; его сдержанность происходила, конечно, какъ отъ желанія избѣжать вопросовъ, сдѣлаться предметомъ толковъ, такъ и изъ неувѣренности, что его предположеніе осуществится и онъ въ дѣйствительности получитъ то, на что надѣется въ своихъ мечтаніяхъ.

Ему стало тяжело думать о будущности Млисъ. Эгоистическій инстинктъ, я полагаю, подсказывалъ ему, что на чувство, которое онъ питалъ къ ней, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на безразсудное, романическое; онъ дошелъ до того, что сталъ увѣрять себя, будто ее слѣдовало отдать въ руки стараго и строгаго учителя. Ей уже минуло одинадцать лѣтъ и, по обычаямъ Красной горы, въ скоромъ времени ее станутъ считать женщиной, а не дѣвочкой. Онъ исполнилъ свой долгъ въ отношеніи ея. Послѣ смерти Смита, онъ писалъ къ его родственникамъ. Сестра матери Млисъ отвѣчала, что она благодаритъ учителя за его заботливость объ ея племянницѣ, и сообщала о своемъ намѣреніи вмѣстѣ съ мужемъ переселиться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ изъ восточныхъ штатовъ въ Калифорнію. Учитель постарался увѣрить себя, что добрая и симпатичная женщина, какой представлялась ему тетка Млисъ, вооруженная вліяніемъ, которое даетъ близкое родство, гораздо лучше, чѣмъ онъ, справится съ упрямымъ характеромъ странной дѣвочки. Онъ прочиталъ Млисъ письмо къ нему отъ ея тетки. Она прослушала его разсѣянно, съ покорнымъ видомъ взяла отъ него это письмо и изрѣзала его ножницами, и кусочки пустила по вѣтру.

Лѣто подходило къ концу: на поляхъ уже поспѣвалъ хлѣбъ и начиналась жатва. Учитель рѣшилъ, что и ему пора снимать свою жатву, т. е. произвести экзаменъ и узнать, какой всходъ дали сѣмяна, посѣянныя имъ въ юныхъ умахъ своихъ питомцевъ. Всѣ компетентные судьи, которыхъ можно было найти въ колоніи, сошлись въ школу для присутствованія при торжественномъ актѣ, представляющемъ собою муку для робкихъ дѣтей, которыхъ заставляютъ говорить при публикѣ, и при этомъ пытаютъ ихъ перекрестными допросами не хуже, какъ свидѣтелей въ судѣ. На экзаменахъ неизбѣжно одерживаютъ верхъ хладнокровные и смѣлые ученики, а робкіе, хотя и обладающіе солидными знаніями, часто срѣзываются. Читатель, конечно, догадывается, что Млисъ и Клити блистали въ первомъ ряду и заслужили полное одобреніе публики, — Млисъ ясностью и вразумительностью отвѣтовъ и своей самоувѣренностью; Клити безукоризненностью своихъ маперъ, кроткимъ, скромнымъ видомъ и если не блестящими, то все-же вѣрными отвѣтами на задаваемые ей вопросы. Всѣ прочіе ученицы и ученики трусили и надѣлали множество ошибокъ. Блестящіе отвѣты Млисъ вызывали безпрестанныя рукоплесканія и первенство видимо оставалось за нею; Млисъ возбуждала особенную симпатію къ себѣ въ атлетическихъ фигурахъ, выглядывавшихъ изъ-за стѣны, окружавшей школу, или приложившихъ свои бородатыя лица къ стекламъ оконъ комнаты, гдѣ происходилъ экзаменъ... Но одно непредвидѣнное обстоятельство внезапно скомпрометировало ея популярность.

Мак-Снапей былъ въ числѣ приглашенныхъ компетентныхъ лицъ; съ особеннымъ наслажденіемъ онъ наводилъ ужасъ на робкихъ учениковъ, самымъ догматическимъ и заунывнымъ тономъ задавая имъ неопредѣленные и замысловатые вопросы. Онъ прервалъ Млисъ, умъ которой парилъ въ астрономіи и она съ увлеченіемъ разсказывала о переворотахъ, совершавшихся въ нашей солнечной системѣ, о громадныхъ разстояніяхъ между небесными тѣлами, о величинѣ орбиты каждой планеты и о движеніи солнца.

— Мелисси, сказалъ умильнымъ тономъ Мак-Снапей, — вы говорите о переворотахъ, совершавшихся въ небесной сферѣ, о движеніи солнца, и утверждаете, что оно, такимъ образомъ, оставалось неизмѣннымъ всегда, съ самаго перваго дня своего созданія, не такъ-ли?

Млисъ довольно небрежно сдѣлала утвердительный знакъ.

— Такъ вы настаиваете, что это такъ? спросилъ онъ снова, скрестивъ на груди руки.

— Да, отвѣчала Млисъ, сжимая свои маленькія красныя губы.

Молодые люди, налегшіе на окна, чтобы лучше видѣть, теперь ринулись въ школу, желая услышать отвѣтъ своей любимицы; одинъ изъ нихъ съ русой бородой, красивое лицо котораго могло-бы послужить моделью для Рафаэля, что не мѣшало ему быть пьяницей, подошелъ къ дѣвочкѣ и шепнулъ ей: «смѣлѣй, Млисъ, не поддавайся!» Достопочтенный пасторъ испустилъ глубокій вздохъ, бросилъ сострадательный взглядъ на учителя, такой-же на всѣхъ ученицъ и учениковъ и остановилъ его на Клити, при чемъ преобразилъ его въ успокоительный. Красавица Покетъ Смита медленно подняла свою бѣлую, выточенную руку, соблазнительные контуры которой возвышались превосходнымъ браслетомъ изъ массивнаго золота, подареннымъ ей однимъ изъ ея пламенныхъ обожателей. Тотчасъ-же водворилась тишина; на круглыхъ щекахъ Клити игралъ яркій и скромный румянецъ, ея большіе голубые глаза блестѣли кротостью, ея открытое кисейное платье обрамляло свѣжія, пухлыя плечи, — она была хороша въ эту минуту. Она посмотрѣла на учителя; онъ кивнулъ ей головою.

— Іисусъ Навинъ приказалъ солнцу остано-

виться и оно повиновалось, произнесла она нѣжнымъ голосомъ.

Лестный шопотъ пронесся по комнатѣ; на лицѣ Мак-Спалея появилось выраженіе торжества; черты учителя омрачились, а оконные зрители не могли сдержать неудовольствія, которое выразилось довольно комично. Млисъ быстро перелистовала учебникъ астрономіи, потомъ съ шумомъ закрыла книгу. Мак-Спалей снова испустилъ глубокій вздохъ; почтительная публика, засѣдавшая въ школѣ, изобразила на своихъ лицахъ удивленіе. Когда-же Млисъ, ударивъ своимъ кулакомъ по своему пюпитру, сказала рѣзко: «я этому не вѣрю!» — изъ устъ публики, стоявшей на дворѣ и у оконъ, вырвалось громкое ура, дико раздавшееся въ школьной комнатѣ.

V.

Окончился длинный періодъ дождей; появились предвѣстники весны: разбухающія почки на деревьяхъ и стремительные потоки на склонахъ горъ. Сосновые лѣса стали издавать свой бальзамическій запахъ; азалеи покрылись бутонами; сеаноты одѣвались въ свое лиловое платье. На зеленой южной покатости Красной горы распускался волчій корень и покачивалъ своими темно-синими колокольцами. Могила Смита снова позеленѣла. Въ текущемъ году маленькое кладбище приняло къ себѣ нѣсколькихъ новыхъ гостей; новыя могилы подвинулись на довольно близкое разстояніе къ могилѣ Смита, но она все еще оставалась уединенной. Предразсудокъ заставлялъ избѣгать сосѣдства съ могилой самоубійцы, и дернъ, на извѣстное разстояніе окружавшій его могилу, не покрывалъ собой ни чьего человѣческаго трупа.

На всѣхъ перекресткахъ въ колоніи появились афиши, въ которыхъ извѣщалось, что сюда прибыла знаменитая труппа драматическихъ актеровъ, намѣревающаяся втеченіи нѣсколькихъ дней дать серію блистательныхъ фарсовъ, которые заставятъ публику «надрываться отъ смѣха» и которые будутъ чередоваться съ мелодрамами и съ дивертисментами изъ танцевъ, пѣнія и пр. Эти афиши произвели впечатлѣніе и послужили для учениц и учениковъ школы предметомъ честолюбивыхъ надеждъ. Учитель обѣщалъ Млисъ, которая не имѣла понятія о театральныхъ представленіяхъ, взять ее съ собою въ театръ. Въ вечеръ открытія театра онъ и Млисъ заняли свои мѣста въ партерѣ.

Игра актеровъ была не выше посредственности; мелодрама была не настолько дурна, чтобы возбудить смѣхъ, и не настолько хороша, чтобы интересовать своимъ содержаніемъ зрителей. Обернувшись къ Млисъ, учитель изумился; досада выразилась на его лицѣ; онъ замѣтилъ, что мелодрама, наводившая на него скуку, производила сильное дѣйствіе на впечатлительную натуру дѣвочки. Она задыхалась отъ волненія; при каждомъ біеніи ея маленькаго сердца ея щеки покрывались густой краской; ея тонкія и страстныя губы были полуоткрыты; дыханіе у нея было прерывистое, брови сжимались. Она не смѣялась при грубыхъ шуткахъ актера-буфа, — она вообще смѣялась очень рѣдко,—она не подносила платка къ глазамъ, какъ дѣлала это нѣжная Клити, которая, утирая слезы на глазахъ, передавала свои впечатлѣнія подругамъ и тотчасъ-же украдкой подносила бинокль къ глазамъ и лорнировала учителя. Когда окончилась пьеса и опустился зеленый занавѣсъ, Млисъ стала свободнѣе дышать и, посмотрѣвъ съ улыбкой на учителя, сказала ему утомленнымъ голосомъ:

— Отведите меня домой.

На нѣсколько мгновеній она закрыла глаза; ей, видимо, жаль было разстаться съ впечатлѣніями, навѣянными на нее представленіемъ.

Дорогой учитель, въ видахъ назиданія Млисъ, счелъ необходимымъ представить ей въ смѣшномъ видѣ и актеровъ, и сцену.

— Не полагаете-ли вы, сказалъ онъ весело,— что дѣвица, такъ хорошо изображавшая влюбленную, серьезно влюблена въ господина, облеченнаго въ изящный костюмъ? Если она дѣйствительно любитъ его, ее слѣдуетъ пожалѣть.

— Почему? спросила Млисъ, съ живостью поднявъ глаза.

— Потому, что онъ не можетъ содержать свою жену на тѣ небольшія средства, какія онъ пріобрѣтаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ покупать прекрасные костюмы, которыми онъ, видимо, щеголяетъ; къ тому-же, женившись, они будутъ получать меньшее содержаніе, чѣмъ получали-бы его, оставаясь только влюбленными... впрочемъ, я полагаю, что она замужемъ, только не за нимъ; я подозрѣваю, что мужъ прекрасной графини продаетъ билеты въ кассѣ, подымаетъ занавѣсъ, снимаетъ со свѣчей и вообще исполняетъ много другихъ подобныхъ изящныхъ и почтенныхъ должностей. Что-же касается до разряженнаго молодого человѣка, смѣло могу васъ увѣрить, что его костюмъ прекрасенъ: онъ стоитъ два съ половиною, а можетъ быть, даже цѣлыхъ три доллара, не говоря уже объ мантіи изъ краснаго драгета, цѣну которой я хорошо знаю, такъ-какъ разъ я покупалъ подобную-же мантію для себя. Этотъ молодой человѣкъ, Лисси, былъ-бы добрымъ малымъ, если-бы не знакомился такъ часто и охотно съ чаркой. Впрочемъ, я не хочу этимъ сказать, что его товарищи по кутежу имѣютъ право злоупотреблять его порокомъ, подбивать ему глаза и выбрасывать на улицу, въ грязь, какъ разъ вечеромъ случилось это въ Вингдамѣ. Раздѣляете вы мое мнѣніе, Лисси? Я не рѣшусь также упрекать этого бѣдняка за то, что онъ съ давнихъ поръ долженъ мнѣ два съ половиною доллара и, кажется, не намѣренъ никогда отдать ихъ.

Млисъ схватила его руку въ свои и пыталась посмотрѣть ему въ глаза, но молодой человѣкъ упрямо отвертывался отъ нея; она имѣла смутное представленіе объ ироніи, хотя сама способна была при случаѣ къ юмору. Въ такомъ тонѣ учитель продолжалъ разговоръ до самой двери м-съ Морферъ. Онъ передалъ Млисъ съ рукъ на руки ея пріемной матери, отказался отъ предложенія отдохнуть и закусить и, закрывая свои глаза рукой, чтобъ избѣжать томныхъ взглядовъ русой Клитемнестры, отправился домой.

На третій день послѣ открытія спектаклей Млисъ не пришла въ школу; она не пришла и въ назначенный часъ, условленный для прогулки ея вмѣстѣ съ учителемъ. Прождавъ ее нѣкоторое время, онъ сталъ укладывать книги, собираясь затѣмъ отправиться на прогулку одинъ, какъ вдругъ услышалъ позади себя тоненькій голосъ:

— Здравствуйте, г. учитель.

Онъ обернулся и увидѣлъ Аристида Морфера.

— Ну, молодецъ, сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ,—что тамъ у васъ случилось? Говорите скорѣе.

— Видите-ли, г. учитель, мы, т. е. я и Кургъ, полагаемъ, что Млисъ опять убѣжала.

— Что за вздоръ вы тутъ мелете? сказалъ учитель съ раздраженіемъ, жертвой котораго почти всегда дѣлается человѣкъ, принесшій намъ дурную новость.

— Конечно, г. учитель, она никогда не воротится домой; Кургъ и я, мы видѣли, какъ она разговаривала съ однимъ изъ этихъ актеровъ; они и теперь навѣрное вмѣстѣ... вчера еще она говорила Кургу и мнѣ, что можетъ декламировать такъ-же хорошо, какъ и миссъ Целестина Монморанси. И это правда. Она повторила намъ ея рѣчь слово въ слово...

Мальчикъ въ смущеніи остановился.

— Какой актеръ? закричалъ учитель.

— Тотъ, который носитъ глянцевитую шляпу... волосы у него курчавые... и золотая булавка... и золотая цѣпочка... говорилъ Аристидъ отъ волненія ставя точки тамъ, гдѣ-бы слѣдовало поставить запятыя.

Учитель схватилъ перчатки, шляпу и почти выбѣжалъ изъ комнаты; онъ испытывалъ непріятное впечатлѣніе, точно его что-нибудь душило. Аристидъ пошелъ рядомъ съ нимъ; учитель шелъ такъ скоро, что мальчику приходилось почти бѣжать. Вскорѣ, однакожь, учитель остановился, но такъ внезапно, что Аристидъ столкнулся съ нимъ.

— Гдѣ они разговаривали? спросилъ учитель, точно разговоръ его съ Аристидомъ не прерывался.

— У арки.

На главной улицѣ учитель снова остановился.

— Бѣгите къ себѣ домой. Если Млисъ дома, возвращайтесь къ аркѣ. Скорѣе.

Аристидъ рысцой побѣжалъ къ дому.

Арка находилась на другой сторонѣ улицы. Подъ этимъ именемъ было извѣстно неправильное строеніе, заключавшее въ себѣ контору, бильярдъ и ресторанъ. Переходя улицу, учитель замѣтилъ, что двое или трое прохожихъ остановились и съ удивленіемъ посмотрѣли на него. Онъ поправилъ одежду и вытеръ себѣ лицо прежде, чѣмъ вошелъ въ контору. Здѣсь было нѣсколько человѣкъ обычныхъ посѣтителей, оглядѣвшихъ его съ изумленіемъ; одинъ-же изъ нихъ посмотрѣлъ на него съ такимъ страннымъ выраженіемъ въ лицѣ, что учитель невольно остановился. Каково-же было его изумленіе, когда онъ убѣдился, что этотъ наблюдатель было его собственное изображеніе въ зеркалѣ! Это навело его на мысль, что онъ сильно возбужденъ; желая нѣсколько успокоиться, онъ взялъ «Знамя Красной горы» и сталъ перечитывать объявленія. Потомъ онъ прошелъ черезъ ресторанъ и вошелъ въ бильярдную; Млисъ здѣсь не было. Въ бильярдной учитель замѣтилъ господина, котораго призналъ за директора труппы; онъ его узналъ по клепчатой шляпѣ, но бородѣ и бакенбардамъ, форма которыхъ до крайности не понравилась учителю еще при первой его встрѣчѣ съ ихъ обладателемъ. Удовлетворенный тѣмъ, что не нашелъ здѣсь предмета своихъ поисковъ, учитель обратился къ человѣку въ клепчатой шляпѣ. Этотъ послѣдній также узналъ учителя, но старался показать видъ, что не замѣтилъ его раньше, что сдѣлалъ крайне неловко, такъ-какъ подобная игра почти никогда не удается вульгарнымъ людямъ; съ кіемъ въ рукахъ, онъ разглядывалъ шаръ, попавшій въ лузу. Учитель не произнесъ ни слова и продолжалъ стоять противъ директора. Тотъ обернулся, глаза ихъ встрѣтились. Учитель имѣлъ намѣреніе избѣгать ссоры, но когда онъ началъ свою рѣчь, голосъ его дрожалъ, онъ говорилъ съ трудомъ, задыхаясь; сильное волненіе выражалось на его лицѣ.

— Я знаю, сказалъ онъ,—что Мелисса Смитъ, сирота, одна изъ моихъ учениц, вела съ вами переговоры на счетъ своего поступленія въ вашу труппу. Правда-ли это?

Директоръ снова наклонился надъ бильярдомъ; сильнымъ ударомъ кія онъ заставилъ шаръ пропутешествовать вокругъ всего бильярда; затѣмъ вынулъ шаръ изъ лузы и возвратился на свое прежнее мѣсто. Совершивъ все это, онъ отвѣтилъ сквозь зубы:

— Положимъ, что это такъ...

Учитель чувствовалъ, что кровь приливаетъ къ его головѣ; онъ оперся лѣвой рукой на бортъ бильярда и продолжалъ, видимо стараясь сдержать свое волненіе:

— Если вы честный человѣкъ, для васъ будетъ достаточно одного слова: я ея опекунъ и

Руфь.

Рѣзалъ по заказу **Б. Пуцъ**, въ Варшавѣ.

отвѣчаю за ея будущность. Конечно, не хуже меня вы знаете, какъ тернистъ тотъ путь, на который вы ее увлекаете, какъ тяжела карьера странствующей актрисы. Все здѣшнее населеніе можетъ вамъ сказать, что я разъ избавилъ дѣвочку отъ существованія худшаго самой смерти, что я вырвалъ ее изъ порочной среды, вытащилъ ее изъ грязи, въ которую она могла окунуться. Я желалъ-бы и теперь снова избавить ее отъ опасностей жизни, которую вы ей предлагаете. Посмотримъ-же на дѣло хладнокровно, какъ подобаетъ людямъ разсудительнымъ. У нея нѣтъ ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры. Можете-ли вы дать ей то, что замѣнитъ ей эту потерю?

Директоръ посмотрѣлъ на кончикъ кія, который продолжалъ держать въ рукѣ, потомъ осмотрѣлся вокругъ комнаты, какъ-бы отыскивая кого-нибудь, кто-бы могъ вмѣстѣ съ нимъ посмѣяться надъ этимъ чудакомъ.

— Я знаю, что она дѣвочка упрямая и со многими странностями, продолжалъ учитель,— но она совершенствуется съ каждымъ днемъ и навѣрное сдѣлается несравненно лучшей; я убѣжденъ, что до сихъ поръ еще сохранилъ нѣкоторое вліяніе на нее. Надѣюсь, что теперь вы не будете болѣе настаивать и не станете увлекать ее на опасный путь. Заклинаю васъ, какъ человѣка, какъ джентльмена, оставить ее у меня. Я не желаю лучшаго, какъ...

Что-то кольнуло его въ горло и онъ не въ состояніи былъ окончить фразу.

Директоръ захохоталъ во все горло и сказалъ громко:

— Для меня ясно только то, что вы желаете обладать ею одинъ. Согласитесь, что я правъ, мой милый.

Оскорбленіе заключалось болѣе въ тонѣ, чѣмъ въ словахъ, во взглядѣ болѣе, чѣмъ въ тонѣ. На лицѣ директора появилось какое-то отвратительное выраженіе. Учитель понялъ, что передъ нимъ находится человѣкъ, который придаетъ цѣну только одному доказательству: удару кулака. Учитель былъ силенъ, нервное возбужденіе и волненіе еще болѣе увеличили его силу; онъ видѣлъ передъ собою нагло-смѣющееся лицо своего оскорбителя, кровь заговорила въ немъ и онъ ударилъ его прямо въ это лицо. Ударъ былъ такъ жестокъ, что шляпа директора полетѣла въ одну сторону, кій въ другую; ротъ его былъ разорванъ съ обѣихъ сторонъ, перчатка на рукѣ учителя лопнула; кожа на самой рукѣ ссадилась. Послѣдовалъ крикъ, раздались проклятія, затѣмъ началась борьба. Шумъ, произведенный этой борьбой, достигъ до ресторана и оттуда прибѣжало нѣсколько человѣкъ, поспѣшившихъ разнять противниковъ. Но прежде, чѣмъ они успѣли это сдѣлать, директоръ выстрѣлилъ два раза изъ пистолета. Толпа схватила его и оттащила; учитель остался одинъ; машинально лѣвой рукой онъ сбросилъ съ полы своего сюртука тлѣющій пыжъ. Кто-то схватилъ его правую руку; почти безсознательно онъ посмотрѣлъ на нее и увидѣлъ, что она окровавлена, пальцы же ея судорожно сжимали ножъ. Онъ никакъ не могъ сообразить, какимъ образомъ попалъ къ нему этотъ ножъ. Человѣкъ, поддерживавшій окровавленную руку учителя, былъ м-ръ Морферъ. Онъ отвелъ учителя почти до выхода, но молодой человѣкъ не захотѣлъ уходить изъ ресторана. Въ горлѣ у него до того пересохло, что онъ не могъ говорить, однакожь, хотя не внятно, произнесъ имя Млисъ.

— Все идетъ хорошо, мой другъ, сказалъ м-ръ Морферъ.—Она теперь у насъ.

Вмѣстѣ они вышли на улицу. Дорогой м-ръ Морферъ разсказалъ, что Млисъ, запыхавшись, прибѣжала домой и закричала, что учителя намѣреваются убить въ аркѣ.

Желая избавиться отъ м-ра Морфера и остаться одному, учитель охотно далъ ему обѣщаніе, что онъ нынче ночью не станетъ искать новой встрѣчи съ своимъ противникомъ. Простившись съ м-ромъ Морферомъ, учитель отправился въ школу. Еще издали, къ своему великому удивленію, онъ замѣтилъ, что дверь въ нее была отперта; его удивленіе удвоилось, когда онъ увидѣлъ Млисъ, сидѣвшую въ углу, на стулѣ.

Какъ обыкновенно бываетъ у людей, крайне обидчивыхъ, въ основаніи характера учителя лежалъ эгоизмъ. Воспоминаніе объ оскорбленіи, брошенномъ ему въ лицо, сильно раздражало его. Для него теперь стало ясно, что въ свѣтѣ могутъ самымъ возмутительнымъ образомъ перетолковывать его привязанность къ ребенку. Во всякомъ случаѣ его осмѣютъ, сегодняшнее вмѣшательство его назовутъ донкихотствомъ. Къ тому же, развѣ она сама не отказалась такъ рѣшительно отъ его привязанности, развѣ она не надсмѣялась надъ его авторитетомъ? Всѣ его знакомые совѣтовали ему остерегаться ея, онъ рѣшился смѣло возстать противъ общественнаго мнѣнія въ ея пользу, и теперь вынужденъ молча признать справедливость того, что ему раньше предсказывали; благодаря ей, онъ завязалъ ссору въ кабакѣ съ негодяемъ низшаго разряда; онъ рисковалъ своей жизнью, чтобъ доказать... Но что же онъ хотѣлъ доказать? Ничего. Что скажетъ свѣтъ? Что скажутъ его друзья? Что скажетъ Мак-Спалей?

Въ этотъ моментъ самообвиненія, тяжелѣе всего для него была встрѣча съ Млисъ, виновницей непріятнаго происшествія, о которомъ онъ хотѣлъ бы забыть, но не могъ. Войдя въ комнату, онъ сѣлъ за свой пюпитръ и холоднымъ тономъ, отрывисто заявилъ, что онъ желаетъ остаться одинъ. Когда она встала, онъ занялъ тотъ самый стулъ, на которомъ она сидѣла, и закрылъ свое лицо руками. Когда же онъ опустилъ руки и поднялъ голову, она все еще стояла передъ нимъ и съ тоской смотрѣла на него.

— Убили вы его? спросила она.

— Нѣтъ.

— Я вамъ дала ножъ, чтобъ вы это сдѣлали! вскричалъ ребенокъ.

— Вы мнѣ дали ножъ?! повторилъ учитель съ изумленіемъ.

— Да, я вамъ дала его. Я спряталась за конторку, когда вы вошли. Я видѣла, какъ вы его ударили; я видѣла, какъ вы оба вмѣстѣ упали на полъ. Я видѣла, какъ упалъ его ножъ; я подала вамъ его. Зачѣмъ вы не закололи этого мерзавца? сказала Млисъ, размахивая своей маленькой рукой; глаза ея горѣли, лицо приняло сердитое выраженіе.

Пораженный учитель не могъ вымолвить ни слова.

— Да, продолжала Млисъ, — еслибъ вы меня спросили, я бы сказала вамъ, что я ухожу съ актерами. Но почему же мнѣ понадобилось идти съ ними? А потому, что вы мнѣ не сказали, что вы также уходите отсюда; но я узнала объ этомъ... Я слышала, какъ вы сообщали о своемъ намѣреніи доктору. Вы повѣрите мнѣ, если я скажу, что я вовсе не желаю оставаться здѣсь одна съ Морферами. Я предпочитаю лучше умереть!

Съ драматическимъ жестомъ она вынула изъ-за пазухи нѣсколько сухихъ зеленыхъ листьевъ и, держа ихъ передъ собой, продолжала младенческимъ тономъ, въ который она впадала всегда въ минуты сильнаго раздраженія:

— Вотъ ядъ, который, по вашимъ же словамъ, можетъ умертвить человѣка. Я уйду съ актерами или съѣмъ эти листья и тотчасъ же умру. То или другое для меня рѣшительно все равно. Только безъ васъ я не хочу оставаться здѣсь, гдѣ меня ненавидятъ, гдѣ меня презираютъ. И если вы не чувствуете ко мнѣ ненависти, если вы не презираете меня, вы сами меня здѣсь не оставите!

Ея маленькая грудь тяжело дышала; двѣ крупныя слезинки задрожали на ея рѣсницахъ, но она стерла ихъ съ такимъ жестомъ, какъ-будто она сгоняла муху.

— Если вы запрете меня въ тюрьму, продолжала она сердито, — чтобы удалить меня отъ актеровъ, я отравлюсь. Мой отецъ самъ убилъ себя... Я сдѣлаю то же самое. Вы меня увѣряли, что этотъ корень смертеленъ, и я постоянно ношу его съ собою, сказала она, ударяя себя кулакомъ въ грудь.

Учителю сейчасъ же представилось пустое пространство вокругъ могилы Смита; ему пришло на мысль, что станется съ этимъ маленькимъ существомъ, обуреваемымъ страстью, если она останется одна безъ него! Схвативъ своими обѣими руками ея руки и, пристально посмотрѣвъ въ ея глаза, которые никогда не лгали, онъ спросилъ ее:

— Лисси, хотите-ли вы идти со мною?

Ребенокъ обвилъ своими руками его шею и отвѣтилъ радостно:

— Да.

— Но тотчасъ же... въ нынѣшнюю ночь?

— Когда угодно.

Рука въ руку они отправились по той тропинкѣ, которая нѣкогда привела ее къ нему въ школу. Звѣзды ярко блестѣли надъ ихъ головами. Школа Красной горы вскорѣ осталась далеко позади бѣглецовъ.

Моя хроника.

(П. А. Салманова.)

Я жилъ довольно, и видѣлъ много,
И много, много испыталъ,
Видалъ и гнѣвъ и милость Бога,
И человѣка я познал!

Глава I.

Дѣтство.

Біографія моя не замѣчательна. Я родился 7 августа 1817 года отъ пономоря московской Знаменской въ Зубовѣ церкви, человѣка очень добраго и честнаго, постоянно гордившагося своимъ прадѣдомъ и предками, хотя, между нами да будетъ сказано, гордиться было вовсе нечѣмъ. Родился я, какъ и вообще рождается весь родъ человѣческій, то есть маленькимъ и краснымъ. Думаю, что красными родятся дѣти потому, что совѣстно родиться такъ же точно, какъ и совѣстно жить на бѣломъ свѣтѣ. И первый крикъ младенца есть: ува или увы, то есть, увы! для чего я родился! И я кричалъ тоже самое. Но родители мои радовались, а чему радовались— ни они, ни я не знаемъ. Не много радости приноситъ жизнь человѣческая. Ребенокъ я былъ до такой степени больной и безпокойный, что мать моя, такъ много радовавшаяся моему рожденію, еще болѣе обрадовалась бы моей смерти. Въ такомъ состояніи я прожилъ четыре года въ непрестанныхъ припадкахъ и до такой степени сильныхъ и необыкновенныхъ, что посѣщавшій меня докторъ, въ одинъ изъ припадковъ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, сказалъ: «Этотъ ребенокъ или будетъ отъявленный злодѣй, или самый добрый человѣкъ въ свѣтѣ». Докторъ былъ доморощенный предсказатель. Далѣе увидимъ, сбылись ли его предсказанія: будучи отъ природы впечатлителенъ, я часто увлекался столько же добромъ, сколько и зломъ; но зародыши добра были сильнѣе и спасали меня постоянно отъ многихъ пагубныхъ крайностей.

Я начинаю себя помнить съ четырехлѣтняго возраста. Первымъ моимъ впечатлѣніемъ были: отецъ сорока двухъ лѣтній мужчина, котораго звали Алексѣй Саввичъ, мать Анна Матвѣевна 36-ти лѣтняя женщина, старшій братъ Василій 20 лѣтъ, сестра Наталія 11 лѣтъ, братъ Але-

ксандръ двухъ и Сергѣй одного года. Мнѣ кажется, что эти впечатлѣнія меня не поражали такъ, какъ та комната, въ которой я жилъ и въ которой родился. Она была овальная, заключала въ себѣ 5 шаговъ квадратныхъ и походила на пещеру, съ тѣмъ различіемъ, что пещеры бываютъ постоянно внизу, а моя комната была вверху на чердакѣ. Вышина комнаты была совершенно пропорціональна длинѣ и ширинѣ. Я никакъ не могъ своею головою и ручонками достать потолка, а за 11-лѣтнюю сестру Наталію не поручился бы.

Въ жизни моей до шестилѣтняго возраста нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ двухъ случаевъ: первый, когда я обжегъ кипяткомъ съ малиною себѣ горло; да когда отецъ мой благословлялъ образомъ на вступленіе въ бракъ старшаго брата Василія; я заревѣлъ и бросился защищать его, воображая, что отецъ хочетъ его бить.

Не мѣшаетъ ознакомить читателей съ тѣми лицами, которыя окружали меня. Отецъ мой, какъ я уже сказалъ выше, пономарь, добрый, честный и въ высшей степени деликатный человѣкъ. Какъ хотите, но деликатность есть врожденное чувство человѣка: оно не могло привиться къ отцу ни хорошимъ воспитаніемъ, ни образованіемъ, потому что онъ не имѣлъ ни того, ни другого. Во всю жизнь мою я не могу указать ни на одинъ случай, когда отецъ мой вышелъ бы изъ предѣловъ своей врожденной деликатности и выросъ я подъ вліяніемъ этой деликатности, которая сопровождала мои поступки во всю мою жизнь. Мать моя была умная, прекрасная собою женщина, пылкая, нѣжно любившая своихъ дѣтей и съ понятіями много выше того сословія, въ которомъ родилась и воспиталась. Братъ Василій, молодой коллежскій регистраторъ, охотникъ, какъ и всѣ молодые чиновники, попить и поѣсть только не дома, а въ трактирѣ, цобуянить на улицѣ, пошататься вечеромъ на бульварѣ съ достойными товарищами, напугать смирнаго будочника своею оффиціею, а иногда при удобномъ случаѣ поссориться съ квартальнымъ надзирателемъ. Естественно такія продѣлки не могли имѣть хорошихъ послѣдствій, дѣла его были такъ плохи, что онъ принужденъ былъ жениться на первомъ уродѣ съ деньгами. Онъ такъ и сдѣлалъ; впрочемъ онъ по своимъ поступкамъ не стоилъ и той жены, которая ему досталась: точно, она была дурна, какъ смертный грѣхъ и необразована до невозможности, но была женщина кроткая и много перенесла горя съ моимъ почтеннымъ братомъ.

Другой братъ Александръ и третій братъ Сергѣй были еще малютками и я скажу объ нихъ въ свое время.

Еще на шестомъ году моего рожденія, отецъ началъ думать о моемъ ученіи. Съ достовѣрностью должно полагать, что отецъ мой изъ 300,000 тогдашнихъ московскихъ жителей не нашелъ ни одного достойнаго учить меня грамотѣ, а потому и свезъ меня за 25 верстъ отъ Москвы въ село Петровское къ дьякону, моему родному дядѣ. Ученіе намъ обоимъ было въ пользу, то есть мнѣ и дьякону. По мѣрѣ того какъ онъ училъ меня, я уже малюткой понималъ, стоя въ церкви, что дьяконъ читаетъ какъ то лучше прежняго. Обучаясь у дьякона азбукѣ, часослову и псалтырю я воображалъ, что я поглощаю всю бездну премудрости и что послѣ этого высокаго ученія учиться уже нечему и приготовлялъ себя самъ, какъ умѣлъ, по моимъ лѣтамъ, къ практической жизни дѣятельнаго человѣка. Конечно, эти приготовленія были не высшаго достоинства: я лазилъ по деревьямъ въ одной сорочкѣ, могъ испытывать свиное наслажденіе, сколько душѣ угодно, то есть валяться въ грязи и копаться въ навозѣ; за мною не слѣдили и я былъ предоставленъ самому себѣ. Изрѣдка дьяконица таскала меня за волосы и то вовсе не за шалость, а такъ иногда, или для собственнаго развлеченія, или съ досады, когда поссорится съ мужемъ. Во всю жизнь мою не забуду я одной ея потасовки: когда мужъ ея — который, надобно замѣтить, очень баловалъ меня — пригрозилъ побить ее, если она не перестанетъ обижать меня и, конечно, не исполнилъ своей угрозы, досталось его бородѣ, но въ особенности моимъ волосамъ; таскала она меня, таскала, пока не устала. Я удивляюсь, какъ я не остался плѣшивымъ и какъ сохранилась на плечахъ голова моя.

Тяжело начинать самобытную жизнь съ шести лѣтъ отъ роду. Не желаю никому начинать ее такъ рано и такъ худо!

Говорятъ, все зависитъ отъ воспитанія. Можетъ быть, это и вѣрно, но, право, иной разъ по неволѣ скажешь: «судьба». Припоминая событія моей жизни я становлюсь порою фаталистомъ. Конечно, хорошее образованіе, развитіе умственныхъ способностей дѣлаютъ много. XIX вѣкъ болѣе другихъ вѣковъ доказалъ, что можетъ сдѣлать трудъ, что можетъ сдѣлать образованіе. Явились машины, которыя своимъ механизмомъ замѣнили тысячи рукъ человѣческихъ; явились желѣзныя дороги и человѣкъ въ настоящее время перелетаетъ громадное пространство въ самое короткое время, а назадъ тому 50 лѣтъ, желѣзныя дороги считались химерою... Но прежде, чѣмъ проявились результаты образованнаго ума, сколько умныхъ и дѣльныхъ предпріятій погибло безслѣдно. Невѣжество, властолюбіе, самолюбіе, гордость, корыстолюбіе, пронырство гнали образованные умы и тѣ бѣжали отъ порока и разбоя въ разныя стороны; бѣжали тысячами, лишенные пристанища и пропитанія, и гибли тысячами въ безъизвѣстности для прочихъ людей. Спасся одинъ, передалъ истину, которой наслышался отъ этихъ несчастныхъ тысячъ и имя этого человѣка исторія вписываетъ на свои страницы золотыми буквами; а прочіе всѣ для нея умерли.

Кто-жъ изъ насъ посмѣлъ бы не только сказать, но и подумать, что я выду цѣлъ и невредимъ изъ этой постоянной борьбы судьбы съ желаніями и дѣйствіями человѣка, что мнѣ поможетъ воспитаніе и трудъ; думаю, что никто, а между тѣмъ учиться и трудиться нужно; конечно, только не такъ глупо и безтолково, какъ меня воспитывали и учили. Если мы можемъ указать вслѣдствіе хорошаго воспитанія на одинъ хорошій примѣръ, то при усиленномъ трудѣ ихъ могутъ проявиться тысячи. Мнѣ очень хотѣлось попасть въ эту отрадную тысячу, да не съумѣлъ, а можетъ быть мнѣ и помѣшали такія препятствія, борьба съ которыми была мнѣ не по силамъ.

Предъ окончаніемъ моего первоначальнаго ученія и предъ отъѣздомъ изъ села Петровскаго въ Москву, случилось со мною непріятное происшествіе, которое я до сихъ поръ не забылъ. Выучившись псалтырю, я воображалъ, что покончилъ всѣ разсчеты съ наукою и что мнѣ учиться болѣе нечему. А между тѣмъ пріѣхавшій къ дьякону на каникулы какой-то семинаристъ сказалъ, что нужно мнѣ учиться граматикѣ, арифметикѣ, исторіи, языкамъ: латинскому, греческому, еврейскому, французскому, нѣмецкому и другимъ наукамъ, которыхъ въ то время я не могъ и запомнить. Признаюсь откровенно, мнѣ это показалось противно; я не могъ надивиться, зачѣмъ и къ чему учатъ; примѣръ у меня былъ живой и передъ глазами; наставникъ, дядя мой, до школъ, какъ писалось въ его послужномъ спискѣ, не ходилъ, а между тѣмъ имѣлъ жену, дѣтей, имѣлъ аппетитъ прекрасный, имѣлъ лошадь, корову, свиней; и все это имѣлъ, не зная ни граматики, ни арифметики, но чтобы онъ не зналъ исторіи, я тогда сомнѣвался, потому что онъ мнѣ разсказывалъ много исторій про крестьянъ, своихъ прихожанъ. Мнѣ казалось, что я и самъ въ исторіи довольно свѣдущъ по его разсказамъ.

Вслѣдъ за этимъ происшествіемъ пріѣхали ко мнѣ отецъ и мать, ночевали у моего почтеннаго наставника; на другой день собрали меня, посадили съ собою въ повозку и увезли; меня сопровождали обильные слезы и рыданія дьяконицы моей тетки; до сихъ поръ не понимаю, о чемъ она плакала; вѣроятно о томъ, что ей некого уже было таскать за волосы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ей было не грустить: мужъ обидитъ ее, а ей не на комъ сорвать своей обиды.

По пріѣздѣ домой, мнѣ дали нѣсколько времени отдыха, а послѣ отправили учиться писать къ дьячку. Наука эта мнѣ плохо далась, я писалъ скверно, однакожъ, въ четыре мѣсяца кончилъ свое ученіе.

И вотъ я опять дома. Родители мои поговариваютъ отдать меня въ училище. Былъ у нихъ родственникъ, инспекторъ Андроньевскаго училища въ Москвѣ, Петръ Ивановичъ Платоновъ. Все, что могу сказать о немъ, онъ былъ довольно уменъ, но золъ до крайности и лицомъ походилъ на растрескавшееся красное дерево. Къ этому-то господину привели меня, когда мнѣ отъ роду было только семь лѣтъ; онъ осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и сказалъ отцу, который просилъ взять меня къ себѣ пансіонеромъ, что я малъ еще, но потомъ прибавилъ:

— Впрочемъ ничего, пусть останется.

Съ шестилѣтняго возраста я обреченъ былъ на разлуку съ родителями; жилъ сначала у дьякона въ деревнѣ, гдѣ учился читать, потомъ въ деревнѣ у дьячка, гдѣ учился писать, но ни въ тотъ, ни въ другой разъ мнѣ не было такъ тяжело, какъ въ то время, когда я остался одинъ у Платонова. Я даже не могъ плакать, такъ сильно тяготило меня горе.

Комната, въ которой помѣстили меня, была очень велика и свѣтла, но въ высшей степени неопрятна. Шесть мальчиковъ, которые у инспектора были пансіонерами и имѣли кровати въ одной со мной комнатѣ, смотрѣли на меня съ робостью и жалостью. Будучи ребенкомъ, я инстинктивно понималъ о томъ страхѣ, который умѣлъ внушить инспекторъ въ каждаго ребенка. Никто со мной не сказалъ ни одного слова, только одинъ изъ товарищей Ансеровъ замѣтилъ другому шепотомъ: «Не знаю какъ будутъ сѣчь его, онъ такой маленькій». Въ самомъ дѣлѣ я былъ не только малъ и худъ, но и слабъ здоровьемъ; впрочемъ, это не спасло меня отъ тѣхъ тяжелыхъ условій, которымъ по волѣ инспектора подчинялись всѣ его пансіонеры, а условія были вотъ какія: я долженъ былъ, не смотря на свое слабосиліе, исполнять одинъ разъ въ недѣлю дежурство и для пансіонеровъ носить припасы изъ кухни во второй этажъ. Кухня находилась въ концѣ монастыря и я съ горшкомъ на девять человѣкъ долженъ былъ, отдыхая, конечно, по пяти разъ на дорогѣ, приносить это кушанье дѣтямъ. Право, безъ преувеличенія могу сказать, что горшки съ кушаньемъ, которые я носилъ, были не меньше меня, а ужъ толще непремѣнно; удивляюсь, какъ я не надорвался.

Одинъ почтенный человѣкъ, имѣвшій вліяніе на училище, увидавъ меня однажды съ огромнѣйшимъ горшкомъ, пришелъ въ жалость и командировалъ сторожа носить за меня разъ на всегда кушанья пансіонерамъ, что исполнялось аккуратно до самаго моего выхода отъ инспектора.

Были у инспектора и другія условія не менѣе странныя: посылая зачѣмъ нибудь въ лавку, а особенно за водкою, онъ имѣлъ обыкновеніе

прежде высѣчь мальчика, а потомъ уже послать, говоря, что если ты разобьешь посуду, то что съ тебя взять. Этотъ удивительный педагогъ съ 1825 года совершенно исчезаетъ у меня изъ виду.

Одно событіе болѣе всего врѣзалось въ моей памяти: пронесся слухъ о смерти государя императора Александра I. Съ жадностью прислушивался я къ разговору мальчиковъ. Всѣ говорили о новомъ государѣ Константинѣ Павловичѣ, которому принимать присягу послали всѣхъ насъ въ церковь оптомъ. Живо помню, какъ малыми и исхудалыми своими рученками я держалъ сложенный крестъ и далъ присягу Константину. Чрезъ нѣсколько дней объявили, что нужно принимать присягу императору Николаю.

Вскорѣ послѣ смерти императора Александра I инспекторъ Платоновъ получилъ какое-то новое назначеніе и меня взяли обратно домой. Радостямъ конца не было, что я кончилъ курсъ въ Андроньевскомъ училищѣ. Право стоитъ сказать нѣсколько словъ о томъ методѣ ученія, который практиковался тогда во всѣхъ духовныхъ училищахъ для малолѣтнихъ воспитанниковъ. Такой методъ не примѣняется ни къ какому времени, ни къ мѣсту, ни къ обстоятельствамъ, напримѣръ, меня, не только не знавшаго русской граматики, но обучавшагося чтенію славянскихъ книгъ и съ трудомъ разбиравшаго гражданскую печать, начали вдругъ учить латинской и греческой граматикамъ, всѣмъ ихъ правиламъ, видоизмѣненію и даже словосочиненію. Естественно я понималъ очень мало, меня сѣкли безъ милосердія, но не помогало. Такіе порядки существовали не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ школахъ. Первоначальное обученіе велось по самой неудобной системѣ для учащихся. Такъ я помню, еще въ 1858 году, когда прошло болѣе четверти столѣтія, съ того времени, какъ я учился, азбука, изданная министерствомъ народнаго просвѣщенія для приходскихъ училищъ, учила слѣдующимъ складамъ: вгра, впра, вздра и т. под. Каково было бѣдному учителю приходскаго училища, у котораго часто бывало до 200 учениковъ, учить по такой азбукѣ. Съ такой азбукою мучался учитель; мучились ученики, а другой азбуки болѣе удобной учитель самъ по себѣ не могъ ввести въ употребленіе въ своемъ училищѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

На крышѣ коннаго вагона.

Стих. **С. А—скаго.**

Люблю въ ласканьи вѣтерка
На крышѣ коннаго вагона
Съ перилъ плебейскаго балкона
Глядѣть на городъ свысока,
Нестись надъ моремъ экипажей,
Глазѣть по окнамъ бель-этажей,
Въ кареты взоры опускать
И тамъ случайно открывать
На складкахъ шелковаго платья
Двухъ рукъ любовное пожатье..
Люблю глядѣть и за борты
Колясокъ пышныхъ въ видѣ лодокъ
(Хоть большей частію пусты
Онѣ внутри); люблю кокотокъ
Отъ самой шляпки до чулокъ
Обозрѣвать, когда въ коляскѣ
Онѣ лежатъ и, глядя въ бокъ
И туфли выставивъ носокъ,
Внизу кому-то строютъ глазки.
Люблю весеннею порой
(Ужь видно вредной стороной
Во всемъ мы пользоваться рады) —
Съ высокой кровли подвижной
За институтскія ограды
Бросать непрошенные взгляды.
Никто на верхъ не поглядитъ,
Никто въ боязни малодушной
Предъ нашей публикой воздушной
Не лицемѣритъ, не хитритъ.
А взоръ повсюду нашъ паритъ,
Во все суемся мы безъ просу...
И вотъ, когда мнѣ прямо къ носу
Вагонъ съ услугой подкатитъ—
Всегда на верхъ меня манитъ:
Взберешься, вынешь папиросу,
Сосѣдъ предложитъ огонька,
Кивнешь признательно, закуришь,
Поговоришь, побалагуришь—
И всѣ, въ ласканьи вѣтерка,
На крышѣ коннаго вагона,
Съ перилъ плебейскаго балкона
На міръ глядимъ мы свысока.

Паскарель.

Романъ Уида.

(Переводъ **А. А. Разсказовой.**)

(*Продолженіе.*)

Книга V.

Праздникъ Мертвыхъ.

I.

Мы расположились въ полѣ позади Солитудине, около тоненькаго, какъ серебряная ниточка, ручейка, посреди красныхъ и лиловыхъ анемоновъ. На югѣ отъ насъ возвышались склоны Этрусскихъ горъ и стѣны, и башни города, погибшаго за смѣлое желаніе сдѣлаться соперницей Красной Лиліи. На западъ выслалась масса Сальвіати, укутанная виноградниками и оливками, ниже небольшая вилла выглядывала изъ моря розъ съ поясомъ изъ магнолій и лимонныхъ деревьевъ, жилище какого нибудь богача; прямо у нашихъ ногъ мрачное Солитудине, а дальше въ самомъ центрѣ между холмами лежала Флоренція, какъ бѣлый лебедь съ распростертыми крыльями, собирающійся заснуть въ своемъ гнѣздѣ.

— Никогда нашъ театръ не былъ лучше расположенъ, сказалъ Паскарель, лежа у моихъ ногъ.—Боюсь только, не святотатство ли это, что онъ стоитъ такъ близко къ Бадіа. Когда вспомнишь, какъ часто большіе грустные глаза Данте смотрѣли черезъ эту самую оливковую листву внизъ на куполъ Дуомо... да, пожалуй, святотатство!.. Когда подумаешь, что всѣ эти монахи: Сан-Марко Урбе, приходившій въ горную Бадіа отдохнуть душой и глазами отъ людского шума и суеты; Саванаролла, который, не смотря на жизнь, проводимую въ борьбѣ и молитвѣ, торжествѣ и мученіяхъ, имѣлъ время нѣжно ухаживать за кустомъ дамаскихъ розъ; и храбрѣйшій изъ храбрыхъ Доменико, котораго любятъ у насъ едва-ли не больше всѣхъ другихъ героевъ;—не разсердятся ли всѣ они за то, что нашъ кочующій театръ стоитъ такъ близко къ ихъ алтарямъ?—и Саванаролла, сказавшій всѣмъ земнымъ увеселеніямъ «отъиди отъ меня Сатана» и Данте, не терпѣвшій куколъ и искателей удовольствій. А у жителей Марко-Векіо здоровыя легкія и ихъ громкій смѣхъ нарушитъ безмолвіе Солитудине.

Паскарель смолкъ на минуту, потомъ заговорилъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ:

— Большой австрійскій желтый брильянтъ былъ купленъ здѣсь въ Марко-Векіо за два сольди, на лоткѣ разносчика. Если бы я былъ такъ счастливъ, моя милая дѣвушка!

Его мысли казались мнѣ странными, плохо вяжущимися между собою: Данте, Саванаролла и герцогскій брильянтъ!

— Если бы вы нашли его? Ну? что тогда? спрашивала я.

Онъ засмѣялся.

— Что? весь міръ перемѣнился бы для меня. Вотъ и все.

— Перемѣнился! И вы желаете этого? Развѣ вы не счастливы?

— Шесть мѣсяцевъ тому назадъ и всю мою прежнюю жизнь я былъ счастливъ. Да.

Мои глаза наполнились слезами, въ первый разъ онъ показался мнѣ жестокимъ.

— То есть прежде, чѣмъ вы нашли меня! если мое присутствіе вамъ въ тягость, пустите меня. А иногда, мнѣ казалось, вы довольны, что я съ вами.

Я была еще ребенкомъ и говорила, какъ дитя, но огненный взглядъ, брошенный на меня Паскарелемъ, остановилъ слова на моихъ дрожавшихъ губахъ. Онъ схватилъ мои руки и, горячо цѣлуя ихъ, тихо сказалъ:

— Не шутите этимъ. Вы жизнь моей жизни.

— Но, продолжала я, странно взволнованная, съ чувствомъ неопредѣленной боязни,—но если я вамъ дѣйствительно доставляю удовольствіе, отчего же вы теперь не такъ веселы, какъ при нашемъ первомъ знакомствѣ. Тогда вы были всѣмъ довольны: смѣялись, ничто васъ не безпокоило. А теперь вы всегда желаете чего то, чего у васъ нѣтъ.

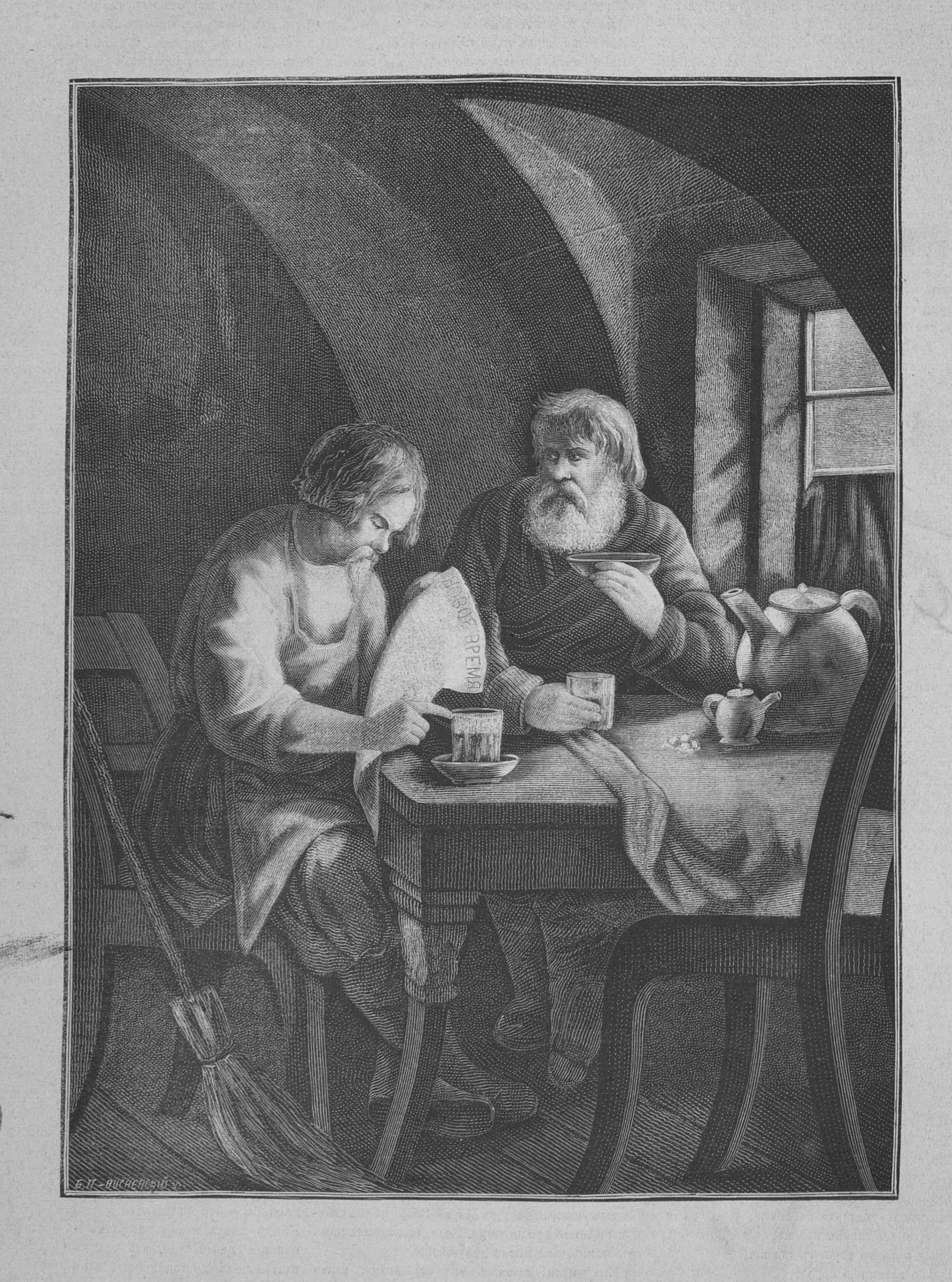
При этихъ словахъ онъ отвернулся отъ меня съ первымъ движеніемъ.

— Моя милая, сказалъ онъ шутливо, что ему плохо удавалось,—моя милая, вы, вѣрно, читали или слышали отъ меня о Неистовомъ Орландѣ. Помните ли вы, какъ Ринальдо, очутившись въ очарованномъ саду, былъ повергнутъ на землю простой садовой лиліей, хотя и былъ паладиномъ, а удары бѣлыхъ и красныхъ розъ привели его почти въ полное безчувствіе и его добрый старый мечъ сталъ въ рукахъ его не крѣпче соломинки? Каждый человѣкъ, раньше или позже, долженъ испытать эту неровную борьбу въ очарованномъ лѣсу; и оружіе, испробованное въ битвахъ съ драконами, и щитъ, не поврежденный гигантами, не помогутъ ему, разъ онъ попалъ въ это мѣсто.

Кровь приливала къ моимъ щекамъ, сердце билось усиленно; я не говорила ничего, но тихое неясное счастіе снизошло на меня. Не была ли садовая лилія, повергнувшая Ринальдо на землю, оружіемъ младенца, имя которому: Любовь?

— Поговоримъ о томъ, чтобы мы сдѣлали, еслибъ нашли желтый брильянтъ, сказалъ онъ весело, съ видимымъ желаніемъ перемѣнить разговоръ. — А, вамъ стыдно за меня, что я сталъ желать богатства? Ну-съ, мнѣ самому стыдно и пріобрѣти я его, я едва-ли съумѣлъ бы воспользоваться имъ. Что я получу вечеромъ, навѣрное уйдетъ отъ меня раньше слѣдующаго солнечнаго заката. Но подумайте, какъ было бы странно идти по рынку бѣднымъ, какъ Іовъ, быть можетъ, голоднымъ, по раскаленной мостовой, припекающей ваши ноги черезъ дыры въ сапогахъ, увидѣть странной формы кусокъ стекла, изъ сожалѣнія къ бѣдняку, продающему его, заплатить за него мѣдную монету, пойдти домой въ свой чердакъ, поразиться страннымъ блескомъ на солнцѣ купленнаго стеклышка; взявъ его, отправиться черезъ дорогу къ пріятелю, аптекарю, человѣку ученому въ своемъ родѣ, и потомъ узнать, что эта блестящая вещица съ орѣхъ величиной даетъ вамъ королевское богатство... да, каково подумать объ этомъ! Мнѣ кажется, я могъ бы сойти съума отъ одного воображенія. Но во всѣхъ этихъ исторіяхъ съ брильянтами никогда неизвѣстно, что сталось съ первымъ владѣльцемъ драгоцѣнности, а въ этомъ и долженъ бы заключаться весь интересъ исторій. Хотѣлось бы мнѣ знать, пошелъ-ли счастливецъ въ лавочку перваго продавца и раздѣлилъ-ли съ нимъ барыши. Можно надѣяться, что онъ такъ поступилъ, но нѣтъ, зная человѣческую природу, я

Оригинальный рисунокъ г. ДАЛЬКЕВИЧА.



Политика въ „съѣстной“.

Рѣзали по заказу редакціи на деревѣ **Б. Пуцъ** и **Висневскій**, въ Варшавѣ.

Картина Ф. КОЛЛАРЦА.

Императрица Екатерина II, въ эрмитажѣ. Рѣзалъ на деревѣ Брендамуръ.

скажу, что это сомнительно, болѣе, чѣмъ сомнительно.

Я слушала его съ удивленіемъ: Паскарель, равнодушнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ къ мірскимъ богатствамъ, противостоявшій всѣмъ искушеніямъ обратить свой геній въ золото, мечтаетъ о сокровищахъ, заключающихся въ кубикѣ углерода! Я ударила его по губамъ пучкомъ травы и сказала, что меня удивляетъ, откуда явилась въ немъ жадность.

— Дорогая дѣвушка, отвѣчалъ онъ ласковымъ голосомъ,—вы, вѣроятно, читали сказки «Тысяча и одна ночь». Помните ли тамъ пастуха, который былъ такъ счастливъ, пася свои стада въ пространныхъ персидскихъ долинахъ, имѣя единственную заботу, гдѣ бы найдти свѣжій источникъ для своихъ животныхъ, или прохладную пальмовую рощицу, чтобы полежать, когда взойдутъ звѣзды—онъ былъ счастливъ, пока однажды тѣнь королевской дочери во время прогулки не упала между нимъ и солнцемъ? И онъ никогда болѣе не былъ счастливъ,—никогда, никогда болѣе. Читали вы объ этомъ?

— Но я не королевская дочь! вскричала я и тотчасъ же умолкла.

Онъ засмѣялся тихимъ, мелодичнымъ, грустнымъ смѣхомъ, въ которомъ было больше нѣжности, чѣмъ въ слезахъ, вѣроятно, надъ тѣмъ, что я съ такой безсознательной откровенностью примѣнила къ себѣ персидскую сказку.

Онъ придвинулся ближе къ моимъ ногамъ на травѣ.

— Вы, по всей вѣроятности, происходите отъ знатныхъ родителей, которые, конечно, не пожелали бы видѣть васъ въ балаганѣ странствующаго артиста. И вы обладаете высшимъ царствомъ,—царствомъ невинности, которое я не имѣю права разрушать. Вы настоящая барышня, у васъ ноги, руки, голосъ, привычки, повелительныя манеры, все указываетъ на ваше знатное происхожденіе. Вы плохо воспитаны, это правда, но, не смотря на это, у васъ все-таки инстинкты ребенка-принцессы. Можете ли вы довольствоваться нашей жизнью, ходить постоянно пѣшкомъ во всякую погоду, спать въ маленькихъ, скромныхъ гостинницахъ, ѣсть простую пищу, какъ и мы, жить всегда съ простымъ народомъ—итальянскимъ, правда, но все таки простымъ народомъ? Вотъ почему я желалъ бы имѣть желтый брильянтъ. Понимаете теперь.

Я слушала его со смѣхомъ и слезами.

— Я не понимаю! не хочу понимать! Я буду довольна всѣмъ, вездѣ, всегда, лишь бы оставаться съ вами!

Онъ почти отбросилъ мои руки, которыя держалъ въ своихъ, быстро всталъ на ноги и сталъ ходить молча взадъ и впередъ, надвинувъ свою широкополую шляпу на самые глаза. На ходу онъ безжалостно топалъ и рвалъ красивые анемоны.

Я не могла понять что съ нимъ: гнѣвъ или скорбь? и что я сказала не кстати. Мнѣ пришло на мысль, что я надоѣла ему и это меня опечалило; прежде онъ никогда не бывалъ капризнымъ. Я не пошла къ нему, но тихо сидѣла на травѣ подъ обнаженными отъ листьевъ вѣтвями виноградной лозы. О, Боже мой! еслибъ я подошла и спросила, что съ нимъ, онъ, быть можетъ, сказалъ бы... почемъ знать, быть можетъ, онъ разъяснилъ бы мнѣ мое недоумѣніе. И тогда какъ радостенъ былъ бы для насъ весь міръ! Чего бы я не простила ему!

Скоро онъ справился съ своимъ волненіемъ подошелъ ко мнѣ, заговорилъ со мной попрежнему мягко, ласково, но какъ будто немного холоднѣе, печальнѣе.

— Дорогая дѣвушка, вы очень добры, желая странствовать со мной. Но я боюсь, что подобное существованіе вовсе не по васъ. Я увѣренъ, что въ вашемъ гороскопѣ для вашего будущаго найдется что нибудь получше карьеры бездомной странствующей актрисы. Планета, подъ которой вы родились, была, конечно, не намалеванная звѣзда на лбу пантомимы. Altro! довольно съ насъ и даже черезъ чуръ много серьезныхъ разговоровъ. Когда нибудь мы поговоримъ объ этомъ, но не теперь. Сегодня праздникъ всѣхъ Святыхъ, можетъ быть, послѣдній лѣтній день. Утромъ былъ морозъ. Будемъ счастливы, пока возможно. Подвиньтесь назадъ въ тѣнь этого дерева; дайте мнѣ вашу руку... такъ; а теперь я вамъ разскажу одну исторію.

Я любила его исторіи и готова была безъ конца слушать ихъ; онъ такъ чудно ихъ разсказывалъ.

II.

Въ этотъ вечеръ въ Арте не было представленія и мы, спустившись съ холма, отправились во Флоренцію послѣ солнечнаго заката. Все въ городѣ было свѣтъ и движеніе. Народъ любитъ этотъ праздникъ. Флорентинцы толпились въ церквахъ, въ театрахъ, у оркестровъ музыки, въ кофейняхъ за домино; пѣли хвалебные гимны у вечерни, гуляли вдоль берега рѣки или играли въ мора на углахъ улицъ.

— Завтра праздникъ Мертвыхъ, сказалъ Паскарель, понижая голосъ, когда мы проходили вблизи кладбища.—По всей Флоренціи будутъ завтра раздаваться только звуки Miserere. Никакой городъ не имѣетъ столько основанія молиться за своихъ мертвыхъ, какъ этотъ, потому что нигдѣ не было столько великихъ людей, какъ здѣсь.

И онъ съ благоговѣніемъ обнажилъ свою голову, какъ будто мимо него проходили всѣ тѣ умершіе, за которыхъ завтра будетъ молиться его Флоренція.

Мы, молча, продолжали нашу дорогу, пока не вошли въ ворота Сан-Галло.

— Сегодняшній вечеръ намъ стоилъ четыре сольди,—засмѣялся Паскарель, когда городская застава осталась позади насъ.—Фиги и кофе, и музыка, все это за цѣну, которую богатый человѣкъ платитъ въ Парижѣ за одну сигару или одинъ персикъ. Зачѣмъ намъ желтый брильянтъ? Нашъ кофе подавался бы тогда въ тонкомъ, какъ яичная скорлупа, фарфорѣ, у насъ были бы красныя бархатныя кресла въ Перголѣ. Но были-ли-бы мы отъ того счастливѣе? Скажите, барышня, были ли бы мы счастливѣе?

— Не думаю. Можно ли быть счастливѣе? отвѣчала я медленно.

Я видѣлъ какъ при моихъ словахъ сильное безпокойство разлилось по его лицу, а глаза засвѣтились непонятнымъ мнѣ выраженіемъ.

— Ахъ, милая, вы не знаете, вы не знаете, сказалъ онъ.

Чтобы это такое, чего я не знаю? сердце мое тревожно забилось. Я его не спрашивала.

Мы, молча, шли вверхъ по каменистой дорогѣ подъ звѣзднымъ небомъ. Одной рукой онъ взялъ мою руку, другой обнялъ меня, помогая въ трудномъ подъемѣ на гору.

Глаза его свѣтились въ темнотѣ, онъ крѣпко прижалъ меня къ себѣ, цѣловалъ мои руки, щеки, шею.

Есть ли женщины, не знававшія подобныхъ минутъ? если есть, то онѣ слышали только половину языка, видѣли половину солнца.

Мы мало говорили. Да и къ чему тутъ слова. Медленно возвращались мы домой по дорогѣ, которая въ другое время показалась бы мнѣ крутой, неудобной, теперь же была такъ хороша, какъ бываетъ для насъ земля только разъ въ жизни.

Я прошла въ свою маленькую комнату съ кирпичнымъ поломъ. Онъ продолжалъ ходить около дома взадъ и впередъ по красному ковру изъ листьевъ орѣшника.

Сладкія мечты и воспоминанія прогоняли мой сонъ. Я выглянула въ квадратное оконце моей комнаты, въ густой рамкѣ изъ вьющихся растеній. На темно-синемъ небѣ блистала звѣздочка Оріона. Крыша была низка, моя комната какъ разъ подъ нею; подъ моимъ окномъ росло большое дерево. Онъ, взглянувъ вверхъ, увидѣлъ меня въ окнѣ.

Минутная остановка; затѣмъ, проворный, какъ серна, схватившись за нижнюю вѣтвь, съ сучка на сучекъ, онъ поднялся въ уровень со мною. Большая, темная листва окружала его, луна освѣщала его лицо. Онъ обвелъ моими руками свою шею и шепталъ мнѣ сладчайшія слова страсти языкомъ Тассо, Ромео и Франческо.

Тишина царила вокругъ насъ. Мы были одни подъ мелькающими звѣздами, посреди цвѣтущихъ розъ. Невдалекѣ разстилалась старинная Бадіа, гдѣ люди стремились и не попадали на небо, которое мы безъ труда чувствовали въ себѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Литературныя находки *).

Изъ ненапечатанныхъ произведеній **П. А. Ѳедотова.**

Поэтъ.

(Посвящено Нинѣ Еремеевой.)

У поэта много славы,
Чтитъ его счастливцемъ свѣтъ.
Кажется, что люди правы, —
Кажется.... анъ нѣтъ!

Слава гордости отрада,
Ею только умъ согрѣтъ,—
Сердцу жь есть ли тутъ услада?
Кажется... анъ нѣтъ!

Сердце тихаго участья
Ждетъ смиренно столько лѣтъ;
Вотъ, кажись, и близко счастье, —
Кажется.... анъ нѣтъ!

Вотъ и встрѣтилъ идеала!
Счастье! вотъ мечты преметъ!
Но его ль она искала?..
Кажется?.... анъ нѣтъ!

Все въ ней полно милой ласки,
На устахъ всегда привѣтъ.
Но любовь глядитъ ли въ глазки?
Кажется?.... анъ нѣтъ!

И съ челомъ въ вѣнкѣ лавровомъ
Пріунылъ, замолкъ поэтъ!
Все она вернула-бъ словомъ!
Кажется.... анъ нѣтъ.

Свѣтъ во мракѣ.

Ст. П. Библіофила. (См. № 17, «Жив. Об.»).

Голыя каменныя стѣны, узкій проходъ, начало ступеней ведущихъ подъ землю, въ темную пропасть катакомбъ, — вотъ та обстановка, среди которой помѣстилъ художникъ прекрасную фигуру худощавой, болѣзненной дѣвушки, предлагающей каждому идущему въ катакомбы христіанину зажженные свѣточи, стоящіе около нее на каменномъ уступѣ. Спуститься въ катакомбы безъ этихъ свѣточей нельзя. Но кто же предлагаетъ набожнымъ людямъ эти свѣточи?—та, ко-

*) Подъ общимъ заглавіемъ: «Литературныя находки» редакція—будетъ, если ей удастся, помѣщать отъ времени до времени произведенія давно умершихъ писателей, оставшіяся неизвѣстными публикѣ. На первый разъ она помѣщаетъ стихотвореніе П. А. Ѳедотова, помѣченное въ рукописи 1 мая 1852 года и посвященное г-жѣ Еремеевой. П. А. Ѳедотовъ — нашъ русскій Гогартъ—былъ не только юмористомъ-художникомъ, но и юмористомъ-поэтомъ. Послѣ его смерти осталось много ненапечатанныхъ произведеній. Нѣкоторыми изъ этихъ произведеній мы надѣемся воспользоваться, при чемъ втеченіи года мы постараемся дать читателямъ біографію Ѳедотова и пару копій съ его картинъ,

торая сама давно уже ничего не видитъ, та, которая, быть можетъ, сама никогда не знала, что значитъ свѣтъ. Дѣвушка, раздающая свѣточи, слѣпа. Въ этой оригинальной картинѣ есть глубокая мысль, есть что то трогательное. Эта молодая слѣпая, предлагающая вѣрующимъ свѣтильники, съ пальмовыми вѣтвями и обрывками розъ у ногъ, съ болѣзненной, но спокойной физіономіей, съ поднятымъ, но лишеннымъ зрѣнія лицомъ, надолго остается въ памяти у зрителя. Впрочемъ, это отличительное свойство картинъ Габріеля Макса *): его образы часто, почти всегда трогаютъ зрителя; иногда его даже можно упрекнуть за то, что онъ производитъ слишкомъ тяжелое впечатлѣніе.

Габріель Максъ происходитъ изъ семьи художниковъ: его отецъ и дядя были ваятелями, довольно извѣстными въ Европѣ и въ особенности въ Австріи. Габріель Максъ родился въ Прагѣ 23 августа 1840 года, такъ что ему теперь нѣтъ еще сорока лѣтъ. Первымъ его наставникомъ въ художествѣ былъ его отецъ, много путешествовавшій, долго изучавшій искуство. Съ 1855 по 1858 годъ молодой Максъ пробылъ ученикомъ въ Пражской академіи художествъ, а затѣмъ провелъ три года въ академіи въ Вѣнѣ. Рядомъ съ художественными занятіями Максъ посвящалъ время и общему своему образованію и его познанія довольно широки и разносторонни. Въ 1861 году онъ вернулся въ родную Прагу и вслѣдъ за его возвращеніемъ въ родной городъ про него начали ходить толки: общество стало толковать о его полныхъ эффекта, фантастическихъ набросках, изданныхъ Егермейеромъ въ Вѣнѣ. Въ 1863 году онъ перебрался въ Мюнхенъ и сталъ заниматься въ школѣ Пилоти, гдѣ пробылъ до 1869 года. Здѣсь создалъ онъ «Святую Юлію», одну изъ своихъ самыхъ поэтическихъ картинъ, потомъ «Весеннее адажіо», «Весеннюю фантазію», «Отцвѣло», «Мирную жизнь», «Задумчивую монахиню», «Анатома», «Задушенную Людмилу», «Юлію Капулетъ», «Больше свѣту», «Гретхенъ», «Сострадательную сестру», «Невѣсту льва», «Пробужденіе дочери Іаира» и рядъ другихъ, сдѣлавшихся общеизвѣстными, картинъ. Кромѣ большихъ произведеній Габріель Максъ написалъ множество мелкихъ вещей, изъ которыхъ нѣкоторыя пользуются широкою извѣстностью, какъ, напримѣръ, «Спящая и мертвая обезьяны», «Ecce homo», «Голова Христа на полотенцѣ Вероники». Послѣднее произведеніе, т. е. «Нерукотворенный образъ Спаса», замѣчательно не только по выразительности физіономіи Христа, но и по особенному эффекту, изобрѣтенному художникомъ: у Христа, если вы смотрите на него издали, глаза кажутся открытыми, если же вы взглянете на него близко, то они кажутся закрытыми; фотографіи съ этой картины разошлись въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ по всей Европѣ. Мы уже сказали, что картины Габріеля Макса производятъ часто слишкомъ тяжелое впечатлѣніе; въ этомъ отношеніи его можно назвать первымъ представителемъ въ живописи нашего болѣзненнаго времени, страдающаго нервами. Про него вѣрно замѣтилъ одинъ изъ критиковъ, что «онъ сантименталенъ и жестокъ», что «онъ трогаетъ и подвергаетъ человѣка пыткѣ въ одно и то же время». Въ странномъ противорѣчіи находится у Макса внутреннее содержаніе и внѣшняя форма: его композиція болѣзненна, а краски живы и блестящи. Какъ художнику, Габріелю Максу дѣлаютъ упрекъ за нѣкоторую плоскость его фигуръ, хотя ему никто не можетъ отказать въ строгомъ изученіи того, что онъ пишетъ: его произведенія правильны и строго обдуманны со стороны рисунка. Габріель Максъ, говоря вообще, принадлежитъ къ наиболѣе популярнымъ современнымъ художникамъ: общество раскупаетъ копіи съ его произведеній, какъ бы чутьемъ угадывая въ немъ выразителя духа нашего времени.

*) Въ № 17 «Жив. Об.», гдѣ была помѣщена картина «Свѣтъ во мракѣ», вслѣдствіе пропуска напечатано: «Картина Клосса», нужно читать: «Картина Г. Макса, копія Клосса».

Декамеронъ.

Сказки Джіовани Боккачіо.

(Переводъ Н. И. Шульгина.)

(*Продолженіе.*)

День второй.

Сказка V.

Рубинъ.

(Разсказанная г-жею Фіаметтою).

Я разскажу вамъ о приключеніяхъ перуджійскаго барышника лошадьми Андреучіо ди-Пьетро. Узнавъ, что въ Неаполѣ стоитъ низкая цѣна на лошадей, Андреучіо, наполнивъ свой кошелекъ пятьюстами золотыми флоринами, отправился въ этотъ городъ въ компаніи съ нѣсколькими торговцами. Пріѣхавъ въ Неаполь, Андреучіо разузнавалъ у содержателя гостинницы, гдѣ остановился, какъ идетъ у нихъ обыкновенно торговля лошадьми и на слѣдующій день съ ранняго утра отправился на лошадиный рынокъ. Однакожь, изъ опасенія заплатить дороже, чѣмъ слѣдовало, онъ закупокъ не дѣлалъ, а все только прицѣнялся. Барышники-продавцы стали поглядывать на него косо. Не желая, чтобы его приняли за какого-нибудь прощалыгу, Андреучіо безпрестанно вынималъ кошелекъ и, какъ дуракъ, показывалъ всѣмъ, что онъ наполненъ золотыми монетами. Въ одинъ изъ моментовъ, когда онъ такимъ образомъ хвастался своимъ богатствомъ, мимо него прошла сициліянка замѣчательной красоты, но легкаго поведенія. Увидя кошелекъ, она сказала про себя: «какъ бы хорошо было завладѣть этимъ золотомъ!» и продолжала свою дорогу.

Вмѣстѣ съ куртизанкой шла старуха, какъ и она, сициліянка. Всмотрѣвшись въ Андреучіо, старуха оставила свою спутницу и, подбѣжавъ къ молодому человѣку, заключила его въ свои объятія. Куртизанка слѣдила за нею глазами и, видя, что она цѣлуется съ обладателемъ толстаго кошелька, остановилась, желая знать, что будетъ далѣе. Андреучіо, въ свою очередь, изумленный, что съ нимъ такъ нѣжно обращаются въ городѣ, гдѣ онъ никого не знаетъ, невольно отступилъ; однакожь, узнавъ старуху, также обнялъ ее. Перекинувшись съ нимъ нѣсколькими словами, старуха заявила, что придетъ къ нему въ гостинницу, чтобы на свободѣ вдоволь наговориться съ нимъ; затѣмъ простилась съ нимъ и присоединилась къ своей спутницѣ; барышникъ же продолжалъ прицѣниваться къ лошадямъ, но ни одной изъ нихъ не купилъ въ это утро.

Молодая дѣвушка, у которой не выходилъ изъ памяти кошелекъ барышника, ломала себѣ голову надъ разрѣшеніемъ вопроса, какъ овладѣть этимъ сокровищемъ. Когда возвратилась старуха, она спросила ее, кто такой мужчина, съ которымъ она только-что нѣжничала. Старуха охотно удовлетворила ея любопытству и разсказала, что была хорошо знакома съ отцомъ молодого человѣка, сначала въ Сициліи, а потомъ въ Перуджіи, а также и о томъ, зачѣмъ Андреучіо пріѣхалъ въ Неаполь.

Хитрая дѣвица, вывѣдѣвъ у старухи имена всѣхъ родныхъ Андреучіо, рѣшилась воспользоваться собранными свѣдѣніями для осуществленія своего плана: ограбить молодого человѣка. Возвратясь домой, она дала старухѣ работу на цѣлый день, желая этимъ помѣшать ея свиданію съ Андреучіо. Затѣмъ послала къ молодому человѣку свою служанку, опытную въ исполненіи порученій. По счастливой случайности служанка встрѣтила Андреучіо у дверей гостинницы и спросила его, не знаетъ-ли онъ, дома-ли благородный перуджіецъ Андреучіо ди-Пьетро. Конечно, Андреучіо отвѣчалъ, что онъ тотъ самый, кого она желаетъ видѣть.

— Мессеръ, сказала она,—одна благородная прекрасная дама желаетъ имѣть свиданіе съ вами.

Слова служанки задѣли самолюбіе Андреучіо, считавшаго себя красавцемъ. Онъ увѣрилъ себя, что дѣло идетъ о любовномъ свиданіи и отвѣчалъ, что сочтетъ за честь повиноваться приглашенію дамы; затѣмъ спросилъ, когда должно состояться свиданіе.

— Когда вамъ угодно, отвѣчала служанка;— пославшая меня дама съ нетерпѣніемъ ждетъ васъ у себя дома.

— Если такъ, пойдемъ сейчасъ, сказалъ Андреучіо.

И, не предупредивъ хозяина о своемъ уходѣ, молодой человѣкъ послѣдовалъ за служанкой.

Они пришли въ улицу Мопертюи, гдѣ жила куртизанка. Если бы Андреучіо зналъ лучше Неаполь, онъ бы понялъ, что въ такой подозрительной улицѣ не можетъ проживать «благородная» дама. Куртизанка встрѣтила своего гостя на верхней площадкѣ лѣстницы. Молодая, красивая, прекрасно-сложенная, со вкусомъ и опрятно *) причесанная, она показалась Андреучіо очаровательной. Едва онъ поднялся на три ступени, какъ она сбѣжала внизъ и бросилась къ нему въ объятія; она цѣловала его и заливалась слезами.

— О мой другъ! о, мой милый Андреучіо! говорила она прерывистымъ голосомъ, — какъ я счастлива, что вижу тебя!

— Моему счастію нѣтъ предѣла, въ свою очередь твердилъ молодой человѣкъ, освѣвшій отъ такой неожиданности.

Коварная куртизанка, взявъ его подъ руку, провела его черезъ залу въ комнату, пропитанную благовоніями. Комната была со вкусомъ и богато меблирована и въ альковѣ ея стояла кровать, закрытая роскошнымъ пологомъ. Андреучіо, еще новичекъ въ житейской школѣ, пораженный видѣннымъ имъ великолѣпіемъ, повѣрилъ, что онъ находится въ домѣ у знатной женщины. Куртизанка пригласила его сѣсть рядомъ съ собою на удобную софу.

— Я не сомнѣваюсь, мой милый Андреучіо, сказала она,—что тебя изумили моя нѣжность къ тебѣ и мои слезы, потому что ты не знаешь меня и, можетъ быть, никогда не слышалъ обо мнѣ. Убѣждена, что ты еще болѣе изумишься, если я скажу тебѣ, что я твоя сестра. Я всегда мечтала о свиданіи съ моими братьями; судьба привела меня видѣться съ однимъ изъ нихъ, съ тобою и я могу теперь умереть спокойно. Я вижу, ты ничего не знаешь; постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ открыть тебѣ нашу тайну. Ты, вѣроятно, слышалъ, что ди-Пьетро, мой отецъ и твой, довольно долго жилъ въ Палермо. Добрый и обязательный, онъ скоро пріобрѣлъ много друзей въ этомъ городѣ; нѣкоторые изъ нихъ живы въ настоящее время. Онъ особенно подружился съ моей матерью, вдовой знатнаго происхожденія, бывшей замужемъ тоже за значительнымъ дворяниномъ. У моей матушки не было въ Палермо ни отца, ни братьевъ, некому было остановить ее: вскорѣ дружба ея къ нашему отцу перешла въ любовь и плодомъ ея была я. Вскорѣ послѣ моего рожденія дѣла заставили нашего отца оставить Палермо и возвратиться въ Перуджію. Съ той поры мы не получали отъ него никакого извѣстія; признаюсь, еслибы я не питала къ нему уваженія, какое дѣти должны питать къ своимъ родителямъ, я позволила бы себѣ упрекать его за то, что онъ выказалъ такую

*) Въ то время опрятность женщинъ была явленіемъ исключительнымъ, вотъ почему Боккачіо упоминаетъ о ней въ числѣ качествъ, очаровавшихъ Андреучіо. *Пр. перев.*

неблагодарность къ моей матери и полное отсутствіе нѣжности ко мнѣ, его дочери, которую имѣлъ онъ не отъ какой-нибудь служанки, а отъ женщины знатной, страстно его любившей. Но оставимъ хулить прошлое; есть еще возможность поправить сдѣланное зло... Не смотря на то, что отецъ покинулъ меня, мать моя, имѣвшая хорошее состояніе, полученное ею отъ ея отца и ея мужа, дала мнѣ прекрасное воспитаніе и, когда я выросла, отдала меня замужъ за дворянина изъ рода Джерженти. Мой мужъ былъ ревностнымъ приверженцемъ партіи Гвельфовъ. Онъ взялъ на себя командованіе экспедиціей въ пользу короля Карло. Но экспедиція не успѣла еще состояться, какъ о ней узналъ король Федериго. Опасаясь мщенія короля, мой мужъ принужденъ былъ бѣжать изъ Сициліи. Въ поспѣшномъ бѣгствѣ мы захватили очень мало изъ нашего имущества. Я говорю «мало» по сравненію съ тѣмъ, что у насъ было. Оставивъ нашъ дворецъ въ Палермо, мы поселились здѣсь, въ Неаполѣ, въ домѣ подаренномъ намъ королемъ Карло, дающимъ до сихъ поръ пенсію моему мужу. Вотъ, мой братъ, какая случайность привела меня сюда; ей я обязана удовольствіемъ видѣть тебя сегодня.

Окончивъ свой разсказъ, она снова обняла Андреучіо и поцѣловала его въ лобъ.

Плутовка такъ ловко, безъ западни, разсказала эту басню, что Андреучіо не могъ сомнѣваться въ правдивости ея словъ. Припоминая, что отецъ его дѣйствительно жилъ нѣкоторое время въ Палермо; зная, что молодые люди нерѣдко совершаютъ легкомысленные поступки въ отношеніи женщинъ; еще болѣе растроганный нѣжностью и слезами красивой куртизанки Андреучіо безусловно повѣрилъ ловкой обманщицѣ.

— Мадонна, сказалъ онъ, — надѣюсь, вы не найдете страннымъ, если я скажу вамъ, что меня изумляютъ ваши слова. Вы можете повѣрить мнѣ, что отецъ мой никогда не говорилъ мнѣ ни о васъ, ни о вашей матери. Вы мнѣ повѣрите также, что я въ восторгѣ, найдя такую милую сестру. Онъ усиливается еще и отъ того, что я никогда не ожидалъ найти ничего подобнаго. Какъ бы ни было высоко общественное положеніе человѣка, онъ не можетъ не гордиться такой сестрой, какъ вы. Что же долженъ чувствовать я, только ничтожный барышникъ, рѣшительно ничего не знающій въ этомъ городѣ. Но умоляю васъ, разъясните мнѣ, какъ вы узнали, что я нахожусь здѣсь?

— Я узнала объ этомъ отъ одной хорошей знакомой, доброй женщины, знавшей вашего отца и въ Палермо и въ Перуджіи. Я бы сама охотно полетѣла къ вамъ, но, подумавъ, сочла болѣе удобнымъ пригласить васъ къ себѣ.

Затѣмъ она обратилась къ нему съ вопросами о томъ, что подѣлываютъ его родные, при чемъ назвала ихъ по именамъ. Это еще болѣе утвердило въ Андреучіо увѣренность въ справедливости разсказа молодой женщины и онъ вполнѣ удовлетворилъ ея любопытство.

Такъ какъ разговоръ продолжался долго и въ комнатѣ было очень жарко, хозяйка приказала подать греческаго вина и конфектъ и попотчивала ими своего гостя. Чрезъ нѣсколько времени Андреучіо всталъ, выразивъ намѣреніе удалиться въ свою гостинницу. Молодая женщина схватила его за руку и на лицѣ ея выразилась печаль.

— Ну, я вижу ты не очень-то радуешься свиданію со мною, съ своей сестрой, которую ты никогда не видѣлъ и у которой ты, по настоящему, долженъ бы остановиться, пріѣхавъ сюда... тебѣ вотъ вздумалось уходить ужинать въ гостинницу. Но я тебя не отпущу; волей-неволей ты будешь ужинать со мною. Хотя, къ великому моему сожалѣнію, мужа моего нѣтъ дома, но поужинаешь ты хорошо, могу тебя въ

Декамеронъ. Сказка V.

томъ увѣрить.

— Вы несправедливы ко мнѣ, отвѣчалъ Андреучіо, — я васъ люблю, какъ должно любить сестру, и если я ухожу, то только потому, что меня ожидаютъ ужинать.

— Да благословитъ тебя Богъ! вскричала дѣвица. — У меня есть кого послать въ гостинницу, чтобы предупредить о томъ, что ты не будешь къ ужину. Я полагаю даже, что ты можешь пригласить своихъ дорожныхъ товарищей придти ужинать сюда; ты имъ окажешь вѣжливость, за которую они будутъ тебѣ благодарны, а самое

Декамеронъ. Сказка V.

важное, ты не пойдешь отсюда одинъ, если не захочешь остаться ночевать у меня.

Андреучіо отвѣчалъ, что онъ радъ поужинать съ нею, приглашать же никого не надо.

Черезъ нѣсколько времени они сѣли за роскошный ужинъ; любезная хозяйка постаралась продлить его какъ можно больше. Когда же Андреучіо сталъ прощаться, она сказала ему:

— Ни за что въ свѣтѣ я не пущу тебя; въ Неаполѣ опасно разгуливать ночью, по улицамъ, тѣмъ болѣе чужестранцу.

Она прибавила, что поручила сказать въ гостинницѣ, что онъ не возвратится туда не только къ ужину но и на ночлегъ. Андреучіо, довѣрявшій всему, что говорила ему предполагаемая сестра, и на этотъ разъ не выразилъ сомнѣнія; онъ объявилъ, что онъ радъ остаться ночевать. Долго еще разговаривали они между собою, наконецъ, въ двѣнадцать часовъ, предполагаемая сестра, предложивъ Андреучіо переночевать въ этой комнатѣ, удалилась съ служанками въ другую.

Дѣло происходило лѣтомъ; ночь была душная. Андреучіо подошелъ къ окну и, видя, что оно выходитъ въ садъ, спросилъ мальчика, оставленнаго ему для услугъ, какъ пройти въ садъ, никого не безпокоя. Планъ обманщицы былъ основанъ на томъ, что ея гость непремѣнно пожелаетъ выйдти изъ комнаты и, конечно, сниметъ безпокоившее его верхнее платье, въ карманѣ котораго, какъ она знала, лежали деньги.

— Идите черезъ эту дверь, отвѣчалъ мальчикъ, указывая на дверь въ углу комнаты.

Андреучіо, снявъ съ себя верхнее платье, пошелъ, но едва онъ сдѣлалъ шагъ или два за дверью, какъ почувствовалъ, что падаетъ внизъ. По отвратительному запаху, распространявшемуся вокругъ него, Андреучіо понялъ, что попалъ въ зловонную яму. Можно представить себѣ, каково чувствовалъ себя несчастный, попавъ въ эту клоаку. Онъ сталъ кричать, зовя мальчугана, который, между тѣмъ, пошелъ доложить хозяйкѣ о происшедшемъ. Она же прибѣжала въ комнату, вынула кошелекъ и приказала не только запереть на ключъ дверь, черезъ которую вышелъ Андреучіо, но даже заставить ее мебелью.

Видя, что мальчикъ не отвѣчаетъ на его призывъ, Андреучіо началъ слишкомъ поздно догадываться, что его завлекли въ западню. «Какъ выйти изъ этой отвратительной ямы, которая, къ счастію, оказалась не глубока?» думалъ онъ. Бросаясь во всѣ стороны онъ, наконецъ, вылѣзъ на свѣжій воздухъ и очутился въ маленькомъ дворикѣ; калитка изъ этого дворика была заперта; Андреучіо перелѣзъ чрезъ невысокій заборъ и увидѣлъ, что находится на улицѣ недалеко отъ входной двери въ домъ куртизанки. Онъ подбѣжалъ къ этой двери и сталъ усиленно стучать въ нее. Никакого отвѣта. «Увы! кажется, я потерялъ и пятьсотъ золотыхъ флориновъ и свою сестру!» сказалъ онъ самъ себѣ, со слезами на глазахъ. Подождавъ немного, онъ снова принялся стучать и кричать во всю свою здоровую глотку. Производимый имъ шумъ былъ такъ великъ, что разбудилъ всѣхъ сосѣдей и многіе изъ нихъ высунулись изъ оконъ, чтобы узнать о причинѣ его. Одна изъ служанокъ куртизанки, представляясь только что поднявшейся съ постели, также подошла къ окну и закричала рѣзкимъ, сердитымъ тономъ:

— Кто это отбиваетъ себѣ кулаки о нашу дверь?

— Я; развѣ вы не узнаете меня? Я Андреучіо, братъ мадонны Фіордализы (такъ называла себя куртизанка), отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Послушай, дружище, сказала служанка, — ты, кажется, выпилъ лишнее; ступай лучше домой и ложись спать; завтра ты возвратишься сюда, если тебѣ что нибудь нужно. Я не знаю

никакого Андреучіо и не понимаю ничего въ твоей рѣчи. Уходи лучше по добру, по здорову.

— Какъ! ты не знаешь меня! вскричалъ Андреучіо.—Выходитъ все это были плутни. Хорошо! возврати мнѣ мое платье и деньги и я сейчасъ же уйду.

— Ты бредишь, дружище, сказала съ коварной улыбкой служанка и захлопнула окно.

Андреучіо, убѣдившійся, что его провели кругомъ, рѣшился угрозами достигнуть того, чего не могъ добиться просьбами. Онъ сталъ ругаться и, схвативъ большой камень, заколотилъ имъ въ дверь, грозя выломать ее, если ему ея не отворятъ. Сосѣди, раздосадованные, что имъ не даютъ спать, обрушились на несчастнаго Андреучіо, ругая его самыми отборными словами. Видя, что и это не помогаетъ, одинъ почтенный человѣкъ обратился къ молодому человѣку съ слѣдующимъ увѣщаніемъ:

— Безчестно, добрый человѣкъ, въ такой поздній часъ производить шумъ у дверей честной женщины. Именемъ Бога, прошу тебя, удались и оставь насъ въ покоѣ. Если у тебя есть зубъ противъ этой дамы, приходи завтра и сорви на ней свой гнѣвъ. За что же ты безпокоишь насъ, ни въ чемъ неповинныхъ противъ тебя, и не даешь намъ уснуть.

Въ квартирѣ у куртизанки находился ея возлюбленный, спрятавшійся на то время, когда тамъ былъ Андреучіо. Ободренный заступничествомъ сосѣдей, онъ въ свою очередь показался въ окнѣ.

— Кто тамъ? закричалъ онъ гордымъ и свирѣпымъ голосомъ.

Андреучіо поднялъ голову и увидѣлъ, какъ ему показалось, чисто разбойничью физіономію, свирѣпо смотрѣвшую на него. У незнакомца была густая длинная черная борода и онъ неистово вращалъ зрачками своихъ глазъ.

— Я братъ хозяйки этого дома, отвѣчалъ Андреучіо упавшимъ голосомъ.

— Негодяй! пьяница! закричалъ свирѣпо незнакомецъ. — Благодари судьбу, что мнѣ не хочется марать рукъ о такую дрянь, какъ ты. А то бы моя палка погуляла по твоей спинѣ! Слѣдовало бы задать тебѣ добрую таску, чтобы ты зналъ, какъ подло безпокоить честныхъ людей среди ночи.

Сказавъ это, онъ захлопнулъ окно.

— Ради Бога удалитесь, началъ опять почтенный человѣкъ, недавно увѣщевавшій Андреучіо;—уходите отъ грѣха, а то этотъ сорванецъ, пожалуй, убьетъ васъ. Удаляйтесь поскорѣе, это лучшее, что вы можете сдѣлать теперь.

Уже напуганный угрозами свирѣпаго незнакомца, Андреучіо внялъ поданному ему совѣту и побрелъ къ своей гостинницѣ, горько размышляя о потерѣ денегъ. Теперь только онъ почувствовалъ, какой отвратительный запахъ исходитъ отъ него, и потому рѣшился свернуть къ морю, чтобы тамъ выкупаться. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что къ нему на встрѣчу идутъ двое мужчинъ, одинъ изъ которыхъ держалъ въ рукѣ потайной фонарь. Предполагая, что это патруль или, можетъ быть, злоумышленники, Андреучіо захотѣлъ избѣжать встрѣчи съ ними и спрятался за колонну. Какъ нарочно, испугавшіе его люди остановились какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ онъ спрятался. Они положили на землю какіе-то желѣзные инструменты и присѣли подлѣ нихъ съ цѣлію, вѣроятно, отдохнуть.

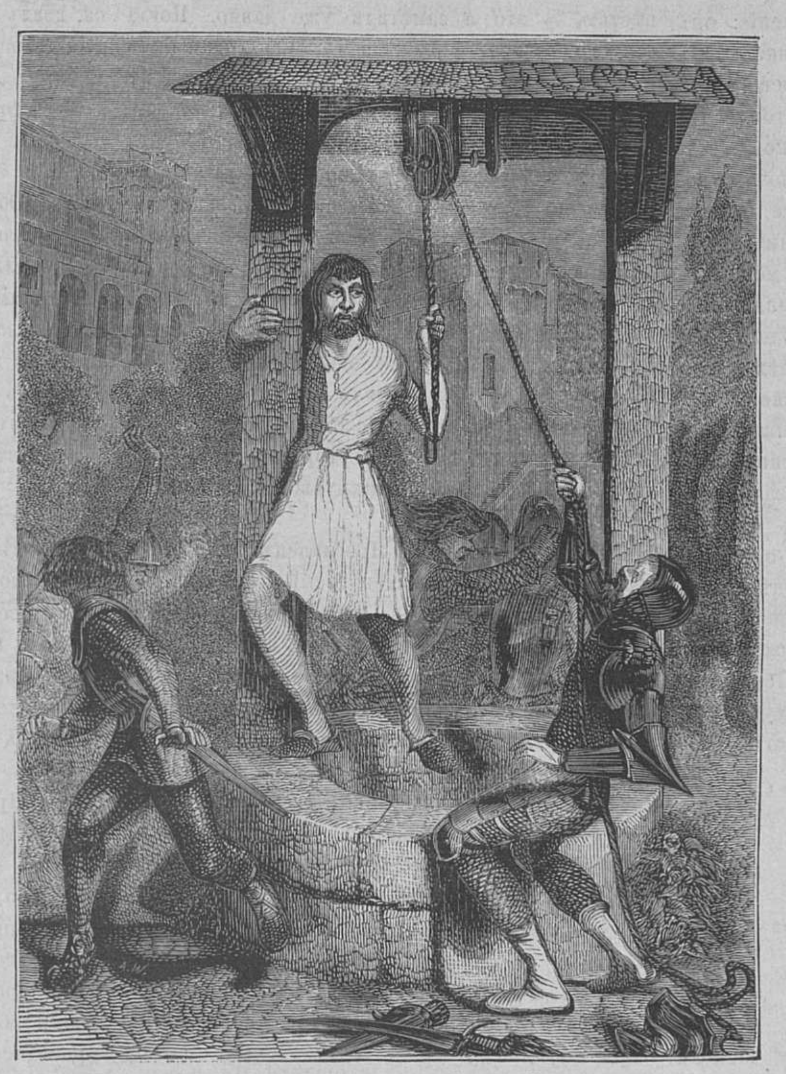
— Что за странность! сказалъ одинъ изъ нихъ. — Откуда идетъ эта страшная вонь.

Раскрывъ фонарь, онъ началъ осматривать мѣстность вокругъ себя и замѣтилъ дрожавшаго Андреучіо.

— Ты кто такой? спросилъ онъ, но не получилъ отвѣта.

Собесѣдники подошли къ молодому человѣку и спросили его, что довело его до такого состоянія. Андреучіо откровенно разсказалъ имъ о своемъ приключеніи.

— Дружище, сказалъ одинъ изъ слушателей, —ты долженъ еще радоваться, что отдѣлался такъ дешево. Ты, очевидно, находился въ разбойничьемъ притонѣ и, не упади ты въ зловонную яму, тебя непремѣнно придушили бы во время сна. Полно ревѣть! утри свои слезы, подумаемъ, нельзя-ли вернуть твою утрату. Тамъ, конечно, не возвратятъ тебѣ ни одной монеты, а если ты станешь настойчиво требовать, возлюбленный хитрой лицемѣрки убьетъ тебя...



Декамеронъ. Сказка V.

Пошептавшись съ товарищемъ, онъ продолжалъ:

— Намъ жаль тебя и мы хотимъ помочь тебѣ; если ты поможешь намъ въ выгодномъ дѣльцѣ, полученная тобою доля можетъ вознаградить тебя за потерю денегъ.

Андреучіо машинально отвѣчалъ, что онъ согласенъ на все.

Въ этотъ день совершилось погребеніе неаполитанскаго прелата Филиппо Минутоло, облаченнаго въ богатыя одежды, а главное, имѣвшаго на рукѣ перстень съ рубиномъ громадной цѣны. Мошенники вздумали ограбить гробницу и сказали о томъ Андреучіо. Онъ былъ настолько потерянъ, что хорошенько не сообразилъ, въ чемъ дѣло, и не высказалъ никакого возраженія.

— Однакожъ, отъ тебя несетъ, сказалъ одинъ изъ грабителей.—Гдѣ бы намъ обмыть его.

— Чего проще, отвѣчалъ другой, — недалеко отсюда есть колодезь; вѣрно мы найдемъ тамъ бадью, наберемъ воды и вымоемъ этого бѣднягу.

Подойдя къ колодцу, они нашли тамъ веревку, но бадьи не было. Они порѣшили, что барышникъ прицѣпится къ веревкѣ, спустится въ колодезь и самъ тамъ вымоется; когда же онъ кончитъ омовеніе, онъ дернетъ за веревку и товарищи его вытащатъ. Но едва успѣли они спустить Андреучіо въ колодезь, подошелъ патруль, желая напиться воды. Грабители, завидя его издали, убѣжали, незамѣченные. Когда подошли солдаты, Андреучіо успѣлъ уже совершенно вымыться и подалъ сигналъ. Снявъ съ себя шлемы, солдаты положили ихъ на землю вмѣстѣ съ своимъ оружіемъ и потянули веревку; почувствовавъ тяжесть, они подумали, что, вѣроятно, бадья переполнена водой. Какъ только его вытянули, Андреучіо быстро вскочилъ на огорожу колодца. Солдаты приняли его за чорта и отъ ужаса разбѣжались. Изумленный Андреучіо, вѣроятно, упалъ бы въ колодезь, если бы во время не схватился за столбъ. Его изумленіе еще болѣе увеличилось, когда, сойдя на землю, онъ увидѣлъ оружіе, котораго здѣсь прежде не было. Не понимая, что все это значитъ, онъ пошелъ впередъ, самъ не зная, куда идетъ, и вскорѣ встрѣтился съ своими недавними товарищами, которые, не видя болѣе солдатъ у колодца, возвращались съ тѣмъ, чтобы вытащить изъ колодца Андреучіо. Они изумились въ свою очередь, увидя его и потребовали разъясненія, какимъ образомъ онъ вышелъ изъ колодца. Онъ отвѣчалъ, что не понимаетъ самъ, какъ это случилось и разсказалъ имъ обо всемъ, что зналъ. Они сообщили ему, почему убѣжали и кто были люди, вытащившіе его изъ колодца.

Они отправились къ церкви, гдѣ былъ похороненъ епископъ и остановились у его гробницы. Имѣвшимися при нихъ инструментами, грабители отодвинули покрывавшую ее мраморную плиту настолько, чтобы въ отверстіе могъ влѣзть человѣкъ.

— Кто же полѣзетъ туда? спросилъ одинъ изъ грабителей.—Я не полѣзу.

—Я также не хочу, отвѣчалъ его товарищъ.—Пусть лѣзетъ Андреучіо,

Несчастный только теперъ пришелъ окончательно въ себя.

— Ну, нѣтъ, я не возьму такого страшнаго грѣха на душу, отвѣчалъ онъ.—Я ни за что не полѣзу.

— Ты не полѣзешь? сказалъ одинъ изъ грабителей.—Мы съ тобой церемониться не станемъ, мы тебя убьемъ.

Не сомнѣваясь, что они исполнятъ свою угрозу, лошадиный барышникъ спустился въ гробницу. «Если уже я пошелъ на такое дѣло, не по своей волѣ, сказалъ онъ самъ себѣ, то нужно, по крайней мѣрѣ, чтобы товарищи не оставили меня въ дуракахъ: Я увѣренъ, они намѣрены надуть меня. Какъ только я передамъ имъ все, что найду цѣннаго въ гробницѣ, они убѣгутъ и оставятъ меня ни съ чѣмъ. Нѣтъ, всего я имъ не отдамъ»! Онъ вспомнилъ о драгоцѣнномъ перстнѣ и какъ только вошелъ въ громницу, тотчасъ же снялъ его съ пальца прелата и спряталъ. Затѣмъ, штука за штукой, онъ снялъ все дорогое платье съ покойника и передалъ его своимъ товарищамъ, а потомъ объявилъ, что болѣе не остается ничего, чтобы стоило взять. Тѣ закричали ему, что есть еще перстень и чтобы онъ хорошенько поискалъ. Андреучіо протестовалъ, что онъ обыскалъ все, но грабители, не менѣе хитрые, чѣмъ онъ, продолжали настаивать. Когда же онъ снова сталъ искать, они задвинули плиту и убѣжали. Андреучіо увидѣлъ себя заключен-

нымъ въ гробницѣ. Можете судить о положеніи несчастнаго. Работая и плечами и головой Андреучіо пытался сдвинуть плиту, но всѣ усилія его оказались тщетными. Въ отчаяніи онъ упалъ на покойника и если бы кто увидѣлъ его въ этомъ положеніи, навѣрное принялъ бы его за мертвеца, такъ онъ былъ блѣденъ.

Въ то время, какъ Андреучіо, сидя въ гробницѣ, предавался мрачнымъ размышленіямъ, послышался шумъ приближавшихся шаговъ. Андреучіо подумалъ, что это, вѣроятно, новые мошенники, пришедшіе съ цѣлію грабежа, и не ошибся. Дѣйствительно, это были грабители; такъ же, какъ и ихъ предшественники, они отодвинули плиту и затѣмъ стали спорить, кому войдти въ гробницу. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, повидимому, глава шайки, окончилъ споръ, сказавъ:

— Какъ я вижу, всѣ вы трусы! Я не боюсь мертвецовъ и спущусь охотно.

И онъ началъ спускаться, опустивъ сперва одну ногу, затѣмъ другую. Андреучіо, слышавшій весь разговоръ, принялъ быстрое рѣшеніе: онъ вскочилъ и, схвативъ за ногу разбойника, сталъ тянуть ее изо всей силы. Стараясь освободить свою ногу, тотъ заоралъ благимъ матомъ, что привело въ бѣгство его соумышленниковъ. Андреучіо отпустилъ ногу; разбойникъ, почувствовавъ себя свободнымъ, бросился тоже бѣжать за своими товарищами. Гробница, такимъ образомъ, осталась открытой и Андреучіо могъ безпрепятственно выйти изъ нея. Захвативъ перстень, онъ бѣжалъ безъ оглядки, на удачу, потому что не зналъ, гдѣ находится. Добѣжавъ до пристани, откуда дорога была уже знакома ему, онъ пошелъ тише и къ разсвѣту пришелъ въ свою гостинницу. Утромъ хозяинъ гостинницы и дорожные товарищи Андреучіо разсказали ему, какъ безпокоило ихъ его отсутствіе; онъ въ свою очередь передалъ имъ разсказъ о своихъ приключеніяхъ, умолчавъ только о перстнѣ. Трактирщикъ посовѣтовалъ ему какъ можно скорѣе оставить Неаполь. Онъ не замѣдлилъ послѣдовать этому совѣту и, возвратившись въ Перуджію, продалъ перстень; полученная имъ сумма съ лихвой возмѣстила ему потерю пятисот золотыхъ флориновъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

IX.

Сближающіеся сограждане.

II.

... Боже мой, что за головы у членовъ «Общества поднятія нравственнаго развитія народа!» Сейчасъ видно, что все это умные люди. Головы лысыя или сѣдоволосыя и не просто сѣдоволосыя, а всклоченныя, лохматыя, такъ сразу и скажешь, что этимъ людямъ недосугъ думать о прическѣ; ножницы и гребенки, кажется, никогда и не касались ихъ. Правда, поступленіе въ члены этого «Общества» не обусловливается непремѣнно лысинами или сѣдыми волосами, но тѣмъ не менѣе въ члены этого «Общества» люди поступаютъ, по большей части, уже тогда, когда они облысѣютъ или посѣдѣютъ. Чтобы быть принятымъ въ дѣйствительные члены этого «Общества» въ молодые годы, нужно непремѣнно имѣть во-первыхъ, достаточно серьезную и сосредоточенную физіономію, а во-вторыхъ, нужно имѣть право говорить: «Мои труды для поднятія умственнаго и нравственнаго положенія народа извѣстны моимъ почтеннымъ сочленамъ». Безъ этихъ двухъ условій молодые люди въ дѣйствительные члены этого «Общества» не допускаются и потому собраніе его членовъ всегда имѣетъ видъ солидный, серьезный. Когда я пріѣхалъ въ Малый Ярославецъ на обѣдъ и увидалъ всѣ эти интеллигентныя головы, мнѣ даже жутко стало. «Какихъ-какихъ умныхъ рѣчей ни наслушаюсь я здѣсь», думалось мнѣ и во мнѣ проснулась какая то робость позорная, точно я былъ недостоинъ не только говорить съ этими людьми, но даже и слушать ихъ. Члены «Общества» дѣлились на небольшія группы и изъ каждой группы то и дѣло отдѣлялись личности, спѣшившія завернуть около обѣденнаго стола стулья для себя и для своихъ товарищей. Разговоровъ не было слышно, потому что въ каждой группѣ говорили шопотомъ, вѣроятно, подготовляясь къ застольнымъ рѣчамъ. Шумный говоръ начался только тогда, когда подали закуску. Лакеи еще не успѣли поставить послѣдней тарелки съ закусками, какъ всѣ группы двинулись къ столу и начали истреблять все принесенное съ замѣчательнымъ единодушіемъ. Мнѣ было пріятно видѣть, что у моихъ сочленовъ такой отличный аппетитъ: человѣкъ, который не лишился аппетита, всегда обладаетъ чистою совѣстью, — это я замѣтилъ уже давно. Когда закуска была истреблена вся, когда водки были выпиты до послѣдней капли, всѣ двинулись къ обѣденному столу и къ моему величайшему изумленію — за столомъ, накрытомъ на восемьдесятъ персонъ, всѣ разсѣлись маленькими партіями человѣкъ по пяти, такъ что между каждою партіею остались пустыя мѣста. Обѣдающихъ было человѣкъ тридцать. Это раздѣленіе на партіи за большимъ столомъ было какъ-то непріятно для глаза. Мнѣ казалось, что было бы лучше сгрупироваться всѣмъ на одномъ концѣ стола. Но, можетъ быть, я думалъ такъ потому, что мнѣ пришлось сидѣть вовсе одному. Я не имѣлъ здѣсь никого знакомыхъ и торчалъ одинъ посреди другихъ людей, примкнувшихъ къ той или другой группѣ.

— Ну, чѣмъ-то насъ Ярославецъ накормитъ, проговорилъ толстый, сѣдоволосый господинъ, сидѣвшій противъ меня. — Опять дрянь подадутъ какую-нибудь! Иванъ Ивановичъ, а Иванъ Ивановичъ! крикнулъ онъ громко. — Опять, говорю я, дрянью кормить будете, какъ у Палкина?

Къ толстяку подбѣжалъ рысцой молодой господинъ — распорядитель обѣдомъ — и съ улыбочкой наклонилъ голову, точно нашъ департаментскій столоначальникъ передъ директоромъ.

— Нѣтъ, сегодня здѣсь обѣдъ будетъ, кажется, недуренъ, замѣтилъ онъ скромно.

— А кофе не будетъ, что ли? спросилъ толстякъ.

— Какъ не будетъ? Кофе должно быть, отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ. — Я распорядился на счетъ кофе.

— Да вотъ же меню, кофе тутъ не обозначено, сунулъ толстякъ Ивану Ивановичу меню.

— Это ошибка, очевидная ошибка! заволновался Иванъ Ивановичъ. — Человѣкъ, вѣдь обѣдъ будетъ съ кофе? Я такъ заказывалъ...

Человѣкъ побѣжалъ справляться и черезъ двѣ минуты доложилъ, что кофе будетъ. Иванъ Ивановичъ успокоился. Но не успокоился толстякъ. Онъ налилъ себѣ вина и отхлебнулъ изъ рюмки.

— Это что же за кислятина? произнесъ онъ. — Иванъ Ивановичъ, а Иванъ Ивановичъ, вы пробовали вино?

— Нѣтъ еще, отвѣтилъ уже удалившійся на свое мѣсто Иванъ Ивановичъ. А что?

— Такъ вы попробуйте! Это уксусъ съ водой и чернилами, а не медокъ. Отъ этакаго вина чортъ знаетъ что будетъ съ желудкомъ.

— Господа надо предсѣдателя выбрать раздалось на другомъ концѣ стола.

При этихъ словахъ Иванъ Ивановичъ быстро сорвался съ мѣста и сталъ наклоняться къ уху то того, то другого изъ обѣдавшихъ. Дошла очередь и до меня.

— Пожалуйста, не требуйте выбора предсѣдателя, сказалъ мнѣ распорядитель. — Мы, знаете, нынче обѣдаемъ частнымъ образомъ, наше «Общество» не давало знать кому слѣдуетъ о сегодняшнемъ собраніи и потому неловко придавать офиціальный характеръ нашему обѣду. Рѣчей за обѣдомъ не будетъ. Здѣсь тоже прислуга, чортъ ее знаетъ какая она, еще выйдетъ что нибудь...

Иванъ Ивановичъ говорилъ въ такомъ волненіи, что смутилъ и меня и я подозрительно обернулся на прислугу. Чортъ знаетъ, что за подлыя рожи, можетъ быть, они и точно того... Впрочемъ, чего же бояться, вѣдь мы, кажется, ничего такого предосудительнаго не дѣлаемъ... Такъ-то оно такъ, а все же... Ужъ лучше бы дали знать кому слѣдуетъ, что мы будемъ обѣдать, а то такъ то неловко выходитъ... И дернулъ же чортъ этого Ивана Ивановича встревожить меня: вотъ лакей съ пирожками подошелъ, а я пирожковъ не беру, а смотрю ему въ лице и думаю: «у тебя, братъ, что на умѣ-то, ты это скажи мнѣ, а пирожки-то мы видали!» Однако ничего, пріободрился, взялъ пирожекъ, ѣмъ. Вдругъ слышу басовитый голосъ толстаго господина, сидящаго противъ меня:

— Это кому?

— Не могу знать-съ, отвѣтилъ лакей. — Написано: «Въ Малый Ярославецъ на обѣдъ членовъ «Общества поднятія умственнаго и нравственнаго развитія народа».

Я взглянулъ на лакея и увидалъ въ его рукѣ телеграмму. Всѣ какъ то притихли.

— Иванъ Ивановичъ, а Иванъ Ивановичъ, читайте! крикнулъ толстякъ.

Иванъ Ивановичъ распечаталъ телеграмму и сталъ читать про себя.

— Читайте вслухъ! крикнулъ кто то на концѣ стола.

— Тутъ ничего нѣтъ интереснаго! Господинъ Сопиковъ поздравляетъ, проговорилъ въ смущеніи распорядитель обѣда.

— Все равно, читайте! Съ чѣмъ поздравляетъ? кричало нѣсколько голосовъ.

— Право, не интересно!

— Все равно, читайте!

Иванъ Ивановичъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ прочелъ какою то фистулой слѣдующее:

— «Привѣтъ собратьямъ! Поздравляю членовъ нашего «Общества», снова сплотившихся въ дружескій кружекъ. Да царствуетъ среди нихъ братство и единодушіе! Ура! Сопиковъ».

— Урр!.. началъ кто-то.

— Тссъ! послышалось съ другого конца стола.

Воцарилась гробовая тишина, только ножи и вилки зазвучали сильнѣе, точно всѣ сразу набросились на ѣду съ жадностью голодныхъ волковъ. Прошло минутъ пять, опущенныя къ тарелкамъ физіономіи начали подниматься и проясняться, всѣ какъ будто радовались, что надъ ними пронеслась, не повредивъ имъ, гроза.

— Какая однако это безтактность! говорилъ шопотомъ кто-то. — Посылаетъ телеграмму на обѣдъ «Общества», когда объ этомъ обѣдѣ не дано знать кому слѣдуетъ.

— Вѣдь я же на свое имя заказывалъ обѣдъ; для своихъ знакомыхъ, сказалъ, дѣлаю обѣдъ и вдругъ! волновался Иванъ Ивановичъ, обѣгая, какъ гончая, всѣхъ гостей.

— Да вѣдь Сопиковъ всѣмъ извѣстенъ! Только бы порисоваться либерализмомъ!

— Да гдѣ онъ теперь?

— Въ Пудожѣ...

— Эге, вонъ онъ куда угодилъ!

— Да нѣтъ-же, онъ тамъ не потому, почему вы думаете! Онъ просто тамъ наслѣдство получаетъ.

— Аа! Ну да это все равно! Быть ему въ Пудожѣ или въ Шенкурскѣ и безъ наслѣдства!

— Ну, этакіе господа за себя могутъ быть покойны; они только другихъ подводятъ...

— И что скажутъ лакеи...

Я опять началъ боязливо оглядываться и вообразите мой ужасъ: одинъ лакей... да я же тотчасъ узналъ его, это былъ вовсе не лакей, а Рюминъ! Но какъ же Рюминъ? Вѣдь тотъ на государственной службѣ состоитъ и въ лакеяхъ служить не можетъ? Или это такъ только, сходство одно? Я рѣшился испытать его, вынулъ папиросу и обратился къ нему съ просьбою подать огня. Онъ поднесъ мнѣ свѣчу.

— А я вѣдь узналъ васъ сейчасъ же, сказалъ я.

— Не могу знать-съ!

— А помните, у Бореля?

— Точно такъ-съ, былъ у Бореля! проговорился онъ.—Только не могу припомнить имени вашего.

— Зачѣмъ же вы поступили сюда? спросилъ я, съ укоризной качая головой.

— Да тамъ все татары, не сподручно съ ними служить нашему брату, началъ вывертываться онъ.

Только я не повѣрилъ ему и сообщилъ Ивану Ивановичу свое наблюденіе. Иванъ Ивановичъ поблѣднѣлъ и сталъ сообщать гостямъ мое замѣчаніе. Всѣ косо поглядѣли на подозрительнаго лакея. Я тоже пристально всматривался въ него и къ моему величайшему изумленію замѣтилъ, что у него нѣтъ вовсе бородавки около носа, тогда какъ у Рюмина съ самаго дѣтства была бородавка около носа. Его даже такъ и звали въ «Иностранной школы» «бородавкою». Это обстоятельство меня опять смутило. Очевидно, что это былъ не Рюминъ, немогъ же Рюминъ срѣзать бородавки около носа. Операція опасная. Мнѣ стало совѣстно, что я навлекъ подозрѣніе на невинную личность, и я сталъ увѣрять Ивана Ивановича, что я, можетъ быть, ошибся, что я увлекся легкимъ сходствомъ, но Иванъ Ивановичъ уже неслушалъ меня. Онъ совсѣмъ растерялся и только повторялъ одну и туже фразу: «Вѣдъ вы поймите, что я обѣдъ на свое имя заказывалъ». Къ моему величайшему счастію, разговоръ перемѣнилъ направленіе, кто-то заговорилъ громко, обращаясь къ присутствующимъ.

— Я, господа, намѣренъ разсказать вамъ событіе, случившееся въ дѣйствительности, но не преданное огласкѣ, началъ громкимъ голосомъ господинъ, въ которомъ я сразу узналъ извѣстнаго разсказчика Дмитрія Павловича Юшкова.— Огласкѣ оно не было предано потому, что оно нецензурно...

— Позвольте, позвольте! перебилъ его Иванъ Ивановичъ.—Не лучше ли, господа, прежде кончить обѣдъ и потомъ бесѣдовать?

— Да! да! потомъ бесѣдовать! раздались голоса.

— Господа, продолжалъ Юшковъ,—вы не дали мнѣ кончить. Я хочу разсказать событіе, не преданное огласкѣ, потому что оно нецензурно, а нецензурно оно потому, что его нельзя передавать при дамахъ...

Раздался смѣхъ, точно у всѣхъ отлегло на душѣ.

— Дѣло идетъ о томъ, какъ у г-жи Трюхиной не было въ теченіи десяти лѣтъ дѣтей и какъ она поѣхала въ Воронежъ на богомолье, чтобы имѣть дѣтей, послѣ чего у нее родились сразу двойни...

Опять послышался смѣхъ.

— Родивъ двойни, продолжалъ Юшковъ,— Трюхина стала ежегодно ѣздить въ Воронежъ и нарожала мужу одиннадцать ребятъ, тогда онъ призадумался. Думалъ онъ, думалъ и наконецъ отправился къ женѣ на ея половину: — Не съѣздить ли тебѣ, мамашка, еще разъ въ Воронежъ, сказалъ онъ ей.—Чтожъ, я готова, покорно согласилась жена.—Да, да, съѣзди, многозначительно продолжалъ мужъ,—и скажи, что теперь больше не надо! Довольно!

Раскатъ хохота огласилъ залу.

— А то съ нимъ же былъ случай, продолжалъ Юшковъ, — когда онъ, лежа на одномъ сѣнникѣ со своимъ другомъ принялъ его за самого себя и вообразилъ, что пылъ молодости вернулся къ нему, къ Трюхину.. Впрочемъ, я эту исторію доскажу вамъ за кофе.

Всѣ поднялись съ мѣстъ и всѣ лысые и сѣдоволосые старцы быстро окружили Юшкова, усѣвшагося на угловой диванъ въ другой комнатѣ. Они такой плотной стѣной окружили разсказчика, что я не могъ пробраться къ нему и только издали слышалъ какія-то непечатныя слова, которыхъ и въ лексиконѣ не найдется.

— Сальная личность! сказалъ кто-то около меня.

Я взглянулъ на говорившаго и увидалъ высокаго молодого господина съ pince-nez на носу.

— Стариковъ сальностями тѣшитъ! Сидятъ они, сидятъ въ своихъ ученыхъ кабинетахъ и рады теперь слушать, послѣ долгой скуки, пошлости и сальности. А вы первый разъ на обѣдѣ нашего «Общества».

— Да!

— Пошлые обѣды! Всѣ ёжатся, всѣ сторонятся другъ отъ друга, кормятъ скверно, вина мало... Вы пьете?

— То есть какъ это? спросилъ я въ недоумѣніи.

— А, Фетисовъ, вы что тутъ дѣлаете? спросилъ толстенькій низенькій господинъ, подходя къ моему собесѣднику.

— Да вотъ говоримъ о пошлости нашихъ обѣдовъ.

— А ну ихъ къ...

Толстенькій господинъ произнесъ непечатное слово.

— Вы незнакомы? спросилъ меня Фетисовъ, указывая на толстенькаго господина.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я.

— Павелъ Петровичъ Скрябинъ, отрекомендовался толстенькій господинъ.

— Александръ Петровичъ Нѣкто, отрекомендовался я.

— Поѣдемте къ Палкину, пригласилъ насъ Фетисовъ.—Тамъ лучше пить.

Мы поѣхали. Пріѣзжаемъ туда, Фетисовъ подходитъ къ буфетчику и спрашиваетъ:

— Есть кто нибудь?

— Семенъ Ивановичъ Порховцевъ и Федоръ Степановичъ Павловъ уже пріѣхали, въ ротондѣ сидятъ.

Мы направились въ круглый залъ передъ зимнимъ садомъ и застали здѣсь двухъ названныхъ буфетчикомъ господъ.

— А, вы раньше насъ удрали съ обѣда, сказалъ имъ Фетисовъ и поспѣшилъ отрекомендовать меня.

Мы пожали другъ другу руки.

— Лафиту и заморозь шампанскаго! скомандовалъ Фетисовъ.

— Сколько разъ я давалъ себѣ слово не ѣздить на эти обѣды. замѣтилъ Скрябинъ.—вотъ теперь опять животъ разболѣлся!

— Нѣтъ, а каково смутилъ всѣхъ Сопиковъ!

— Да, да! А вы видѣли, какъ отворачивались другъ отъ друга Богомоловъ и Суприковъ?

— Еще бы! Богомоловъ вѣдь на дняхъ публично назвалъ Суприкова проституткой мысли.

И пошло, и пошло перебиранье того, кто какъ назвалъ кого. Оказалось, что всѣ члены «Общества» какъ нибудь назвали кого нибудь и потому всѣ они были на ножахъ.

— Да вы знаете, какъ думаетъ Суприковъ поднимать умственное и нравственное положеніе народа? спросилъ Фетисовъ. — Чайныя хочетъ ввести и даромъ раздавать старые нумера газетъ народу!

— Ну, а Богомоловъ еще лучше штуку отмочилъ, подхватилъ Павловъ. — Народъ, говоритъ, темная и неподвижная масса, а потому слѣдуетъ взять всю власть надъ нимъ въ свои руки и только декретировать. «Приказано, молъ, поселенію такой то волости быть счастливою на основаніи такой-то и такой-то статьи закона». Якобинецъ!

И какъ пошли, какъ пошли мои новые знакомые перемывать косточки своимъ сочленамъ, такъ мнѣ даже совѣстно сдѣлалось. Оказалось, что члены-то «Общества поднятія нравственнаго развитія народа» дуракъ на дуракѣ и подлецъ на подлецѣ. Это ужь просто была клевета.

— Да ну ихъ! Извѣстно, каждый въ свою дудку дудитъ и другихъ слушать не хочетъ! сказалъ Скрябинъ и опять выругался непечатно.—Сближаться думаютъ, а въ самыхъ основахъ расходятся!.. Выпьемъ, да пойдемъ лучше ко мнѣ въ картишки перекинуться.

Выпили и пошли перекинуться въ картишки. Перекинулись въ картишки, и выпили еще, а потомъ...

Нѣтъ, вы представьте себѣ, какой пассажъ со мной случился!.. У Скрябина такъ я почувствовалъ себя хорошо, что и объ обѣдѣ забылъ, поигралъ въ карты, выпилъ, спѣлъ даже что-то и въ четыре часа утра побрелъ домой, не думая ни о телеграмѣ Сопикова, ни о сходствѣ лакея съ Рюминымъ, ни о нецензурныхъ разсказахъ Юшкова, однимъ словомъ, ни о чемъ такомъ, что бы могло смущать мое веселое и безпечное настроеніе духа. Бреду это я съ розовыми мыслями въ головѣ и пою,—пою отъ всей души. Вдругъ кто-то остановилъ меня, я крикнулъ: «караулъ!» Меня схватили еще крѣпче и... Первый разъ въ жизни ночевалъ въ части за пѣніе на улицѣ и нарушеніе общественнаго спокойствія...

Вотъ вамъ и обѣдъ «общества для поднятія умственнаго и нравственнаго развитія народа».

Нѣкто.

Письма о парижской всемірной выставкѣ.

В. Гренвиля-Муррея *).

I.

Открывшаяся 19 апрѣля (1 мая) всемірная выставка уже третья въ Парижѣ въ послѣдніе 25 лѣтъ. Говорятъ, что первая мысль о выстав-

*) Гренвиль-Муррей безспорно одинъ изъ лучшихъ англійскихъ романистовъ и публицистовъ, извѣстенъ не только своими замѣчательными, переведенными и на русскій языкъ, романами: «Депутатъ Парижа», «Будуарная интрига», «Жена или вдова?» и «Юный Браунъ», но въ особенности разсказами, очерками и біографическими этюдами о современной Франціи, которые онъ помѣщалъ въ различныхъ журналахъ и газетахъ, а потомъ издалъ отдѣльными книгами. Живя постоянно въ Парижѣ въ качествѣ секретаря англійскаго посольства и корреспондента газеты «Daily News», онъ имѣлъ возможность черпать свои матеріялы изъ первыхъ рукъ, а потому кромѣ блестящей литературной формы, рисуемыя имъ картины французской, преимущественно парижской жизни въ послѣднюю эпоху декабрской имперіи и въ различные періоды республики, отличаются необыкновенной живостью, фотографической точностью, глубокимъ знаніемъ описываемыхъ имъ политическихъ и общественныхъ слоевъ и безпристрастной, искренно либеральной, оцѣнкой современныхъ событій и дѣятелей. Въ настоящее время онъ помѣщаетъ въ «Daily News» помимо своихъ обычныхъ корреспонденцій, озаглавленныхъ общимъ названіемъ «Вокругъ и около Франціи», рядъ писемъ о парижской выставкѣ, которыя, по всей вѣроятности, составятъ одно изъ самыхъ блестящихъ и наиболѣе интересныхъ для читателя не спеціалиста описаній этого мирнаго международнаго турнира. Мы полагаемъ, что и для русскихъ читателей знакомство съ этими живыми, сжатыми, но обстоятельными очерками, частью въ переводѣ, частью въ извлеченіи, будетъ весьма интересно. Виды выставки мы начнемъ помѣщать съ слѣдующаго нумера.

Передъ образомъ. Сцена изъ жизни въ Чіоджіи. Рѣзали на деревѣ Брендамуръ и М. Веберъ.

Съ натуры рисовалъ К. ГЕЙНЪ.

Попена. Кристалло. Каммъ.

Группа Кристалло съ глетчерами.

кахъ возникла во Франціи, хотя англичане первыми осуществили ее въ большихъ размѣрахъ въ 1851 году, но, въ сущности, едва-ли можно приписать какой-либо отдѣльной странѣ первую мысль объ учрежденіи выставокъ лучшихъ произведеній промышленности и искусства. Еще въ средніе вѣка знаменитыя ярмарки: книжная въ Лейпцигѣ, шелковая въ Ліонѣ, кожаная въ Женевѣ, слоновой кости въ Діепѣ и драгоцѣнныхъ камней въ Амстердамѣ, представляли настоящія международныя выставки произведеній извѣстнаго рода. Кромѣ того съ давнихъ временъ живописцы, скульпторы, рѣзчики, золотыхъ дѣлъ мастера и часовщики выставляли свои работы на показъ, а муниципалитеты, гильдіи и промышленныя корпораціи выдавали награды лучшимъ произведеніямъ. Въ поэмѣ Чосера мы находимъ предсказаніе о хрустальномъ дворцѣ, въ которомъ соберутся представители всѣхъ націй: конечно, древній поэтъ основывалъ свое предсказаніе на томъ вліяніи, какое производили на прогрессивный ходъ промышленности ярмарки, бывшія въ его время. Созданная его воображеніемъ картина была вполнѣ осуществлена въ великолѣпномъ хрустальномъ дворцѣ, воздвигнутомъ сэромъ Джозефомъ Пакстономъ въ Гайдъпаркѣ, въ Лондонѣ, въ 1851 году. Но еще ранѣе во Франціи было двѣ настоящія правильныя выставки, уже не имѣвшія характера ярмарки. Въ 1797 году Директорія желая облегчить коммерческій кризисъ, причиненный революціей, одобрила планъ выставки, составленной маркизомъ Авезомъ, директоромъ оперы и севрской мануфактуры. Сначала маркизъ думалъ только выставить произведенія севрской мануфактуры, чтобъ обратить на нихъ общее вниманіе, но потомъ ему пришло въ голову, что лучше собрать всевозможныя диковины, и потому просилъ правительство отвести ему для этой цѣли дворецъ въ Сен-Клу, стоявшій тогда пустымъ. Но едва открылась выставка, какъ декретомъ законодательнаго собранія всѣ, принадлежащіе къ аристократическимъ родамъ, были изгнаны изъ Франціи; маркизъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ и его предпріятіе перешло въ другія руки. Выставка была перенесена въ Парижъ. Въ продолженіи лѣта и осени 1798 года громадныя толпы любовались выставленными въ одиннадцати большихъ залахъ произведеніями промышленности и искуства. Тутъ были собраны не только современныя издѣлія, но и коллекціи замѣчательныхъ оружій, картинъ и художественной мебели всѣхъ временъ. Кромѣ того, особый, одиннадцатый отдѣлъ былъ посвященъ соисканію призовъ въ гимнастикѣ, фехтованіи и пр.; въ этомъ залѣ происходили также еженедѣльныя литературныя собранія, въ которыхъ выдавались награды за лучшія поэмы, рѣчи и прозаическія сочиненія. Другая, подобная же выставка должна была произойти въ 1812 году на Марсовомъ полѣ, но война съ Россіей помѣшала ея открытію, не смотря на большія приготовленія и сочувствіе Наполеона I къ этому мирному торжеству.

Только второй имперіи удалось осуществить эту идею въ 1855 году, но по случаю крымской войны первая парижская выставка не была всемірной, какъ лондонская 1851 года и представляла довольно странное, мрачное зрѣлище, благодаря внутреннему положенію тогдашней Франціи. Роковое 2-е декабря еще было свѣжо въ памяти всѣхъ, тысячи французскихъ гражданъ находились въ изгнаніи и тюрьмахъ, колоніи были наполнены политическими арестантами и вся Франція управлялась шайкой искателей приключеній въ родѣ Морни, Персиньи, Валевскаго и пр., которые, зажавъ ротъ странѣ и сковавъ ее по рукамъ и по ногамъ, старались обратить общественное вниманіе отъ политики къ всевозможнымъ забавамъ. Новые театры и парки, блестящія празднества и биржевая игра составляли единственные предметы общественнаго интереса въ Парижѣ, лишенномъ свободы слова и печати; вообще Парижъ 1855 года былъ въ сущности громаднымъ ресторапомъ, игорнымъ домомъ и вертепомъ разврата. Вторая всемірная выставка въ Парижѣ въ 1867 году была гораздо блистательнѣе: во первыхъ, миръ царилъ тогда въ Европѣ и всѣ націи явились на это торжество матеріяльнаго прогресса въ XIX вѣкѣ; во вторыхъ, декабрская имперія находилась въ то время въ апогеѣ своей славы, хотя и долженствовавшей скоро померкнуть, но ослѣплявшей своимъ мишурнымъ внѣшнимъ блескомъ тысячныя толпы иностранцевъ, стекавшіяся со всѣхъ сторонъ свѣта въ веселый караванъ-сарай, уже начинавшій мало по малу думать, говорить и писать, какъ прежній, свободный Парижъ.

Настоящая третья выставка составляетъ торжество французской республики и, по вѣрному выраженію министра торговли, въ рѣчи, произнесенной имъ при ея открытіи, составляетъ доказательство прочности и процвѣтанія республиканскихъ учрежденій во Франціи. Раззоренная, разчлененная второй имперіей Франція съумѣла при дѣйствіи республиканскихъ учрежденій, не смотря на козни клерикаловъ, и вообще враговъ новаго порядка, возстановить національный кредитъ, финансы, промышленную и художественную дѣятельность и среди внутренней тишины, порядка и свободы пригласить всѣ націи въ свою возникшую изъ пепла столицу на величественное мирное состязаніе. Въ этомъ отношеніи выставка 1878 года имѣетъ совершенно особый отличающійся отъ всѣхъ другихъ выставокъ характеръ.

II.

Прежде, чѣмъ описывать всѣ диковины выставки бросимъ на нее общій взглядъ съ птичьяго полета. Ни одна выставка еще не была задумана на такой большой ногѣ и ни одна такъ вполнѣ не осуществила грандіозной идеи ея творцевъ. Вспоминая, что декретъ объ устройствѣ выставки подписанъ только два года и одинъ мѣсяцъ тому назадъ, а теперь цѣлый городъ дворцевъ и садовъ возвышается на Марсовомъ полѣ и на высотахъ Трокадеро, которыя представляли тогда обнаженную пустыню, нельзя не признать, что творческая сила человѣка безгранична *). Громадныя массы архитектурныхъ построекъ, безконечное количество художественныхъ произведеній, картинъ, статуй, декоративныхъ украшеній, фонтановъ и цвѣтовъ, колосальныя груды промышленныхъ сокровищъ приводятъ зрителя сначала въ изумленіе, а потомъ возбуждаютъ въ его сознаніи нѣчто въ родѣ стыда. Невольно подумаетъ онъ о томъ, сколько хорошаго, полезнаго и пріятнаго могли бы сдѣлать люди, если бы въ теченіи только одного столѣтія они работали бы мирно, не истребляя другъ друга. Собрать всѣ чудеса этой выставки со всего свѣта стоило въ десять разъ дешевле, чѣмъ веденіе одной самой дешевой войны. На ту сумму, которую Франція заплатила за свою послѣднюю борьбу съ Германіей, она могла бы построить и на долго содержать сотни полезныхъ и прекрасныхъ сооруженій: школъ, больницъ, мостовъ и пр., модели которыхъ здѣсь выставлены. Право, человѣческое безуміе выводитъ изъ терпѣнія, когда смотришь на эти планы столь необходимыхъ и громко требуемыхъ многими мѣстностями построекъ и думаешь, что государство должно отказывать въ нихъ своимъ гражданамъ только потому, что общественныя деньги необходимы на покупку пушекъ и постройку крѣпостей. Въ этомъ собраніи диковинъ, пушка самая дорогая роскошь. Напримѣръ, два орудія, вѣсомъ въ 80 тоннъ, похожія на чудовищныя стальныя шампанскія бутылки, стоятъ гораздо дороже цѣлаго ряда образцовыхъ жилищъ для рабочихъ, а если употребить ихъ въ дѣло, то стоимость ихъ не исчислима. Если выставки должны служить для какой нибудь цѣли, кромѣ удовлетворенія пустого любопытства охотниковъ поглазѣть на красивое зрѣлище, то, конечно, для того, чтобъ возбудить во всѣхъ посѣтителяхъ разумныя трезвыя мысли о нелѣпости взаимнаго истребленія народовъ, вмѣсто общаго дружнаго распространенія по всей землѣ міра и благоденствія.

Отличительная черта настоящей выставки — дворецъ на Трокадеро, возвышающійся противъ Марсоваго поля и какъ бы парящій надъ Парижемъ и всей долиной Сены. Выстроенный по планамъ и подъ руководствомъ архитекторовъ Давіуда и Бурдэ въ смѣшанномъ стилѣ полумавританскомъ и полу эпохи возрожденія, онъ видѣнъ съ его куполами и золочеными минаретами за нѣсколько миль. Это великолѣпное зданіе переживетъ выставку, такъ какъ парижскій муниципалитетъ рѣшилъ купить его для музея. Въ круглой залѣ его, вмѣщающей въ себѣ до 7,000 посѣтителей, происходило торжество открытія выставки и будутъ въ октябрѣ розданы медали. По обѣимъ сторонамъ ротонды простираются полукругомъ галлереи, гдѣ выставлены статуи, фарфоръ и стеклянныя издѣлія. Отъ подножія ротонды громадный водопадъ низвергается въ 8 большихъ бассейновъ, окруженныхъ малыми и расположенныхъ среди роскошнаго сада, опускающагося къ берегу рѣки; отъ краевъ боковыхъ галлерей идутъ внизъ терассы съ колонадами и фонтанами. Посреди большихъ бассейновъ бьютъ также колоссальные фонтаны, изъ которыхъ одинъ въ нижнемъ, самомъ широкомъ бассейнѣ, бросаетъ воду на высоту 83 футовъ. По четыремъ сторонамъ этого бассейна возвышаются гигантскія фигуры звѣрей, работы лучшихъ французскихъ скульпторовъ. Изъ числа этихъ фигуръ, быка, лошади, слона и носорога, послѣдняя особливо замѣчательна. Въ саду по всѣмъ направленіямъ, среди цвѣточныхъ куртинъ и зеленыхъ лужаекъ, разбросаны всевозможныя постройки восточной архитектуры. Тутъ стоятъ китайскіе, японскіе, персидскіе, тунисскіе и алжирскіе дворцы, охраняемые туземцами, въ живописныхъ костюмахъ. Потомъ наше вниманіе останавливаютъ на себѣ большой испанскій ресторанъ, аквaріумъ, съ морскими и рѣчными рыбами, гротъ, въ которомъ искусно расположенные милліоны маленькихъ зеркалъ, даютъ полнѣйшее понятіе о сталактитахъ, десятки оранжерей и теплицъ съ тропическими растеніями и цвѣтами Индіи, Африки и нашего умѣреннаго климата. Все это заслуживаетъ подробнаго описанія, но теперь мы укажемъ только мимоходомъ на удивительную коллекцію тюльпановъ, присланныхъ изъ голландскаго города Гарлема; она помѣщена на чистомъ воздухѣ и представляетъ разноцвѣтный гербъ Гарлема съ надписью вокругъ. «Гарлемъ, Голландія» красными тюльпанами на бѣломъ фонѣ.

Однакожь, пора перейти съ праваго берега Сены на лѣвый черезъ Іенскій мостъ, тотъ самый, который Блюхеръ хотѣлъ взорвать; онъ теперь значительно расширенъ и приподнятъ, а

*) Чтобы судить о размѣрахъ выставки приведемъ нѣсколько цифръ: зданія на Марсовомъ полѣ занимаютъ 220,000 квадратныхъ метровъ, а Трокадеро 50,000, и того, все пространство настоящей выставки составляетъ 270,000 квадратныхъ метровъ, тогда какъ выставка 1867 года обнимала только 153,000. Вѣсъ желѣза употребленнаго на одно зданіе на Марсовомъ полѣ простирается до 19,020,774 килограмовъ. Всего израсходанно на зданія лѣваго берега Сены 23,850,000 франковъ, на зданія праваго берега 11,450,000, на общіе расходы 5,495,000, и на добавочныя работы 4,000,000, и того 44,795,000 франковъ.

при входѣ на Марсово поле устроенъ туннель, въ который проходятъ конная и паровая желѣзныя дороги. Здѣсь мы снова въ саду среди цвѣтовъ, оранжерей, бассейновъ и построекъ различныхъ странъ. Направо виднѣются два прелестные англійскіе котеджа, какъ бы нарочно выстроенные для убѣжища любящимъ сердцамъ. Налѣво возвышаются модели заводовъ и фабрикъ, въ которыхъ первое мѣсто занимаютъ мануфактуры—Крезо, Сен-Шомонъ, и Сер-Нуаръ. Близь самаго берега находятся модель обсерваторіи въ Жуви и отдѣленіе казенной французской табачной фабрики, гдѣ продаются сигары. Миновавъ длинный лужокъ, окаймленный безчисленными кіосками, въ которыхъ продаются газеты, путеводители, всевозможные напитки и пр. мы подходимъ, наконецъ, къ фасаду главнаго зданія выставки, украшеннаго двумя колоссальными геніями и шестью фигурами европейскихъ націй.

Теперь мы собственно на выставкѣ и насъ съ перваго взгляда поражаетъ невиданная еще на выставкахъ величественная новинка, именно улица иностранныхъ націй, которая имѣетъ восемьсотъ ярдовъ длины и окаймлена съ обѣихъ сторонъ зданіями всевозможныхъ архитектурныхъ стилей древнихъ и новыхъ временъ. Никогда ничего подобнаго не видывалъ человѣческій глазъ и даже курителю опіума не можетъ представиться подобная роскошная фантазія. Прежде всего мы останавливаемся передъ волшебнымъ индійскимъ павильеномъ принца Валлійскаго; рядомъ съ нимъ возвышается красивый фасадъ образцовой фабрики, доказывающій, что фабрики и заводы не должны быть по необходимости уродливыми зданіями. Затѣмъ идетъ рядъ живописныхъ дачныхъ домиковъ, встрѣчающихся на берегу Темзы, а далѣе Соединенные Американскіе штаты, Швеція, Норвегія и Италія представляютъ образцы своихъ построекъ изъ мрамора, кирпича и дерева; Японія, Китай, Испанія и Австро-Венгрія слѣдуютъ съ громадными моделями своей архитектуры; Россія выставляетъ свои искусно выкрашенныя избы, Швейцарія всѣмъ извѣстные домики и молочныя фермы, Бельгія модели фламандскихъ ратушъ, наконецъ Греція, Данія, Южная Америка, Мароко, Люксембургъ, Монако, Португалія и Голландія представляютъ свои оригинальныя зданія. Всѣ эти постройки находятся на правой сторонѣ улицы и образцы архитектуры каждой страны служатъ входомъ въ промышленныя и художественныя отдѣленія, находящіяся позади; лѣвая сторона улицы и главнаго зданія выставки, отведена французскимъ экспонентамъ, которые такимъ образомъ имѣютъ въ своемъ распоряженіи такое же пространство, какъ всѣ другія страны, взятыя вмѣстѣ.

(*Продолженіе будетъ.*)

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее воззваніе:

Прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ съ того дня, когда наши геройскія войска, совершивъ почти безпримѣрные въ исторіи подвиги и пронеся со славою русскія знамена изъ края въ край непріятельской земли, стали лагеремъ у самыхъ стѣнъ его столицы. Мирный договоръ былъ подписанъ, и вся Россія уже готовилась радостно встрѣтить своихъ сыновъ-героевъ.

Но въ то самое время, когда наши бывшіе враги подписывали миръ, вблизи нашихъ войскъ, на водахъ Мраморнаго моря, появились грозные военные корабли сильнѣйшей морской державы. На крайнемъ западѣ Европы начали быстро и открыто готовиться къ войнѣ. При изобиліи денегъ, приготовленія эти достигли громадныхъ размѣровъ. Исполненіе мирнаго договора нашего пріостановилось.

Никакой врагъ на землѣ не страшенъ для Россіи. Въ Россіи есть многочисленное христолюбивое воинство и многомилліонный народъ, тѣсно сплоченный вокругъ Престола. Въ Россіи всегда были, есть и будутъ и Пожарскіе, и Минины. Дѣло Мининыхъ собирать силы, дѣло Пожарскихъ — устраивать и руководить обороной, а когда нельзя обойтись безъ нападенія, то и умѣть отыскать у противника слабыя стороны, чтобы заставить его призадуматься.

Въ настоящее время, если-бы Богъ судилъ Россіи новою войною пожать плоды войны минувшей и обезпечить навсегда только-что освобожденныхъ братьевъ по кресту, всѣ наши силы должны быть направлены къ нападенію въ открытыхъ моряхъ и океанахъ.

Съумѣютъ ли нападать наши моряки? Съумѣютъ—на то они русскіе люди. Имъ нужно дать хорошія быстроходящія суда въ изобиліи, и они найдутъ у могущаго явиться новаго врага его больное мѣсто. Десятки судовъ, подъ командою удалыхъ морскихъ офицеровъ, разсыпавшись по морскимъ торговымъ путямъ новаго противника, остановятъ его міровую торговлю, а стоитъ этой торговлѣ остановиться на одинъ лишь мѣсяцъ—груды золота, которыми онъ такъ кичится, начнутъ быстро таять.

Устройство добровольнаго флота и сборъ пожертвованій на это русское дѣло высочайше разрѣшены. На средства, какія будутъ собраны, пріобрѣтутся въ разныхъ портахъ суда, которыя выйдутъ въ море по первому слову. Чѣмъ скорѣе они будутъ пріобрѣтены и готовы—тѣмъ лучше. Хочешь мира—будь готовъ къ войнѣ.

Дѣло добровольнаго флота не есть дѣло временное, а дѣло постоянное. Суда этого флота въ мирное время будутъ служить мирнымъ цѣлямъ; снявши орудія, они возьмутъ на себя доставку тѣхъ милліоновъ пудовъ разныхъ товаровъ, отъ насъ и къ намъ перевозимыхъ, за провозъ которыхъ русскіе люди, за неимѣніемъ своего торговаго флота, платятъ иноземцамъ десятки милліоновъ рублей ежегодно. Этимъ путемъ собранныя деньги даже могли бы впослѣдствіи времени постепенно возвращаться жертвователямъ, а на случай нежданной войны будетъ у насъ готовый флотъ для защиты и для нападенія.

Если у нашего противника золота болѣе, чѣмъ у насъ, то нѣтъ того народа въ мірѣ, который любилъ-бы свою родину болѣе, чѣмъ мы, русскіе люди, любимъ свою родную Россію, своего Отца-Царя, и горе тому, кто въ этомъ усомнится! Теперь, когда нашъ Царь-Отецъ разрѣшилъ устройство добровольнаго флота, подъ надзоромъ Своего Сына-Цесаревича, на защиту нашего отечества, понесемъ наши пожертвованія щедрою рукою, отъ избытка и отъ скудости, съ крестнымъ знаменіемъ, помня, что мы всѣ готовы, если врагъ вызоветъ, вновь стать грудью, какъ одинъ человѣкъ, на защиту нашего честнаго праваго дѣла—а на начинающаго Богъ!

Пожертвованія принимаются: въ С.-Петербургѣ, въ Аничковскомъ дворцѣ, у Покровителя всего дѣла добровольнаго флота, Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича; для приносящихъ свои пожертвованія пріемъ назначенъ отъ 11-ти до 3-хъ часовъ пополудни.

Для лицъ, которыя будутъ посылать свои пожертвованія по почтѣ, адресъ слѣдующій:

Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, на дѣло устройства судовъ добровольнаго флота, отъ такого-то, въ С.-Петербургъ.

Кромѣ того, пожертвованія принимаются: въ Москвѣ; 1) въ московскомъ главномъ комитетѣ, при управленіи московскаго генералъ-губернатора; 2) въ правленіи общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, на Воздвиженкѣ, домъ граф. Комаровской; 3) у казначея главнаго комитета И. А. Лямина (Ильинка, домъ купеческаго банка). Въ другихъ городахъ: 1) въ мѣстныхъ комитетахъ по сбору пожертвованій и 2) въ правленіяхъ мѣстныхъ отдѣленій общества для содѣйствія русскому торговому мореходству.

Новости наукъ и жизни.

— **Вѣдомость размѣрамъ пенсіонерной платы и платы за ученіе нынѣ существующихъ въ женскихъ институтахъ и гимназіяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и платы, предполагаемой къ взиманію на будущее время.**

(Высочайше утверждена 4-го февраля 1878 года).

№№ по порядку.	Наименованій зведеній.	Плата нынѣ существующая.	Плата предполагаемая къ взиманію на буд. время.
	А. Женскіе институты:		
1.	Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ	350	400
2.	С.-петербургское училище ордена св. Екатерины	350	400
3.	Патріотическій институтъ	300	350
4.	Павловскій институтъ	300	350
5.	С.-петербургское Александровское училище	300	350
6.	С.-петербургск. Елисаветинское училище	300	350
7.	Московское училище ордена св. Екатерины	325	350
8.	Московск. Александровское училище	300	350
9.	Московское Елисаветинское училище	300	350
10.	Одесскій институтъ	350	400
11.	Полтавскій институтъ	300	350
12.	Кіевскій интитутъ	300	350
13.	Орловскій Александринскій институтъ	300	350
14.	Нижегородскій Маріинскій институтъ	250	300
15.	Казанскій Родіоновскій институтъ	250	300
16.	Дѣвичій институтъ Восточной Сибири	260	300
17.	Керченскій кушниковскій институтъ	280	300
18.	Варшавскій Александринско-Маріинскій институтъ	230	280
19.	Саратовскій Маріинскій институтъ	250	300
20.	Донской Маріинскій институтъ:		
	а) съ туземныхъ жителей	260	260
	б) съ иногородныхъ жителей	320	350
21.	Бѣлостокскій институтъ	275	275
22.	Оренбургскій Николаевскій	100	150
	Б. Женскія гимназіи.		
1.	Маріинская гимназія	60	75
2.	Коломенская гимназія	50	65
3.	Александровская гимназія	60	75
4.	Литейная гимназія	60	75
5.	Петровская гимназія	50	65
6.	Васлеостровская гимназія	60	75
7.	Екатерининская гимназія	60	75
8.	Рождественская гимназія	50	65
9.	Педагогическіе курсы	60	75
10.	Прогимназія при нихъ	30	45
11.–15.	Московскія пять гимназій	60	75
16.	Царскосельская гимназія	40	60

— **Новый учебникъ.** П. А. Аникіевымъ, авторомъ нѣсколькихъ народныхъ чтеній по естественной исторіи, издано руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ «Учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка и животныхъ». Книга эта составлена удачно по сочиненіямъ: Брюкке, Сѣченова, Дондерса Клода Бернара, Мильнъ-Эдварса, Гегенбадера, Гиртля, Функе, Германа и другихъ. Текстъ иллюстрированъ 64 политипажами. При составленіи его, г. Аникіевъ имѣлъ въ виду съ одной стороны назначеніе его пособіемъ для изученія анатоміи и физіологіи «въ старшихъ классахъ», съ другой предварительное прохожденіе учащимися естественной исторіи. Этимъ объясняется во-первыхъ, что курсъ начинается прямо съ общаго положенія, т. е. съ опредѣленія обмѣна веществъ, какъ предмета изученія физіологіи и изучаемый матеріалъ располагается далѣе, сообразно съ ходомъ обмѣна веществъ; во-вторыхъ, что при сравненіи обмѣна веществъ животныхъ и человѣка, предполагается знакомство съ систематикой и

морфологіей животнаго царства, и наконецъ въ третьихъ, что при сравненіи обмѣна веществъ животнаго и растительнаго организмовъ, считаются извѣстными главнѣйшія свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи растеній. Ц. книги 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

— **Чудовищный броненосецъ.** До сихъ поръ ребра броненосцевъ изготовлялись изъ желѣза, пишутъ въ одной англійской газетѣ; въ «Агамемнонѣ» же ребра изъ самой лучшей стали, превосходящей все, видѣнное до сихъ поръ въ этомъ родѣ. Увѣряютъ, что никакое торпедо не въ состояніи повредить этотъ стальной колоссъ. Въ то время, какъ сильнѣйшій изъ существующихъ нынѣ броненосцевъ имѣетъ броню въ 50 центиметровъ толщины, новое судно имѣетъ броню въ 915 миллиметровъ. Двѣ башни защищены бронею въ четыре фута толщины даже противъ такихъ исполинскихъ орудій, какія находятся на бортѣ «Агамемнона». Содержаніе этого монстра обходится ежедневно въ 3,000 ф. ст. Каждый выстрѣлъ изъ его исполинскихъ орудій стоитъ 400 руб.

— **Экспедиція въ Сибирь.** По словамъ шведскихъ газетъ, можно заключить, что предполагавшаяся датская экспедиція въ Сѣверную Сибирь непремѣнно осуществится нынѣшнимъ лѣтомъ. Соединенное пароходное общество въ Копенгагенѣ заключило недавно съ однимъ сибирскимъ торговымъ домомъ контрактъ, въ силу котораго этотъ послѣдній обязывается приготовить въ теченіе нынѣшней навигаціи въ устьѣ р. Оби грузъ пшеницы до 500 тоннъ, которую возметъ датскій пароходъ подъ командою капитана Нормана, нѣсколько лѣтъ сряду ходившаго къ берегамъ Гренландіи. Означенный пароходъ долженъ будетъ отправиться изъ Копенгагена въ концѣ іюня или въ началѣ іюля мѣсяца.

— **Новая книга.** Н. А. Дементьевымъ изданъ составленный гг. Комаровымъ и Логиновымъ, уставъ о питейномъ сборѣ, со всѣми послѣдовавшими по 1 января 1878 года измѣненіями и сводъ правительственныхъ распоряженій и рѣшеній кассаціоннаго департамента правительствующаго сената по управленію питейнымъ сборомъ. Циркуляры министерства финансовъ сгруппированы при соотвѣтствующихъ статьяхъ устава. Въ приложенномъ сводѣ заключаются относящіяся къ уставу правила, инструкціи, положенія и формы и проч., а также хронологическій указатель, вошедшихъ въ уставъ циркуляровъ, и друг. распоряженій министерства финансовъ.

Смѣсь.

— **Убійство изъ мести.** Объ убійствѣ полковника Ганести, о которомъ много говорили въ послѣднее время, въ «Од. Вѣст.» напечатаны слѣдующія свѣдѣнія, добытыя предварительнымъ слѣдствіемъ: Полковникъ Ганести, отправляясь 18-го числа изъ Гниляково въ Одессу вмѣстѣ съ рядовымъ 1-й половины 7-го конно-артиллерійскаго парка Мирономъ Кривогузовымъ, объявилъ по командѣ, что ѣдетъ всего на два дня. По осмотрѣ на мѣстѣ преступленія оказалось, что полковникъ Ганести лежалъ на фургонѣ, на шеѣ у него виднѣлась кровь, а у фургона — Кривогузовъ съ завязанною на шеѣ веревкою, конецъ которой укрѣпленъ былъ къ заднему колесу фургона. У Ганести ниже подбородка виднѣлась широкая рана, нанесенная острымъ оружіемъ, а на задней части головы три раны. Въ карманѣ брюкъ найденъ бумажникъ, въ которомъ находились разныя записки и 1,083 р. кредитными билетами. Затѣмъ всѣ вещи, взятыя покойнымъ изъ дому и купленныя въ городѣ, оказались цѣлы. На шеѣ же кучера веревка была нѣсколько разъ обвязана вокругъ шеи. На мѣстѣ преступленія оказалась лужа крови, возлѣ которой съ одной стороны найдена рукоятка отъ ножа, а съ другой—клинокъ. Найдены также табакерка и бутылка, подкова и два куска веревки, которой задушился Кривогузовъ. Табакерку и бутылку солдаты парка признали принадлежащими Ганести, а ножъ—кучеру его Кривогузову. Судебнымъ слѣдствіемъ и медицинскимъ вскрытіемъ труповъ обнаружено, что рана въ горло нанесена Ганести ножемъ, найденнымъ возлѣ лужи крови, и что рана эта безусловно смертельна, что Кривогузовъ умеръ отъ задушенія веревкою, а въ желудкѣ его оказалась прозрачная жидкость съ сильнымъ запахомъ водки. Такимъ образомъ полученными на слѣдствіи данными выяснилось, что Ганести былъ убитъ Кривогузовымъ изъ мести за суровое съ нимъ обращеніе, который, по совершеніи преступленія, сознавая ожидающее его наказаніе, выпилъ изъ бутылки водку, а затѣмъ, устроивъ изъ веревки петлю, конецъ которой привязалъ къ спицѣ колеса, другимъ концомъ обмоталъ шею, крикнулъ на лошадей, тѣ тронулись, и Кривогузовъ остался задушеннымъ. Отзывы товарищей о Кривогузовѣ объясняютъ, что онъ былъ не трезваго поведенія и дерзкаго характера, за что не разъ былъ битъ покойнымъ Ганести.

— **Крупповскій заводъ.** Передаемъ интересныя данныя объ этомъ знаменитомъ заводѣ, заимствуя ихъ изъ «Арт. журн».

Число рабочихъ въ этомъ заводѣ достигаетъ въ настоящее время 8,500 человѣкъ. Пространство земли, занятое заводомъ и окруженное валомъ, составляетъ 366 десятинъ, изъ которыхъ 68 десятинъ заняты строеніями. Послѣднія заключаютъ въ себѣ 1,648 топокъ, 298 паровыхъ котловъ, 77 паровыхъ молотовъ различныхъ величинъ, 18 прокатныхъ станковъ и 294 паровыя машины, приводимыя въ движеніе въ сложности 11,000 паровыхъ силъ. Если-бы всѣ машины находились въ работѣ, то заводъ могъ бы изготовить въ теченіе 24-хъ часовъ 2,700 рельсовъ, имѣющихъ въ сложности 8,964 сажени или почти 18 верстъ длины, 350 шинъ для колесъ желѣзно-дорожныхъ вагоновъ, 150 локомотивныхъ и вагонныхъ осей, 180 цѣлыхъ колесъ для желѣзно-дорожныхъ вагоновъ, 1,500 артиллерійскихъ снарядовъ и проч.; и въ одинъ мѣсяцъ; 250 полевыхъ орудій, 30 орудій 15 см., 15 орудій 24 см., 8 орудій 28 см. и одно $35^1/_2$ см. Съ 1847 года на заводѣ уже изготовлено 15,000 орудій различныхъ калибровъ. Средній ежедневный расходъ матеріяловъ на заводѣ представляетъ слѣдующія цифры: 1,800 тоннъ угля или кокса, 15,300 куб. метровъ воды и 24,700 куб. метровъ газа, сжигаемаго въ 21,215 горѣлкахъ, изъ которыхъ 1,778 служатъ для освѣщенія дорогъ. На заводѣ проложено 37 верстъ рельсовыхъ ширококолейныхъ путей, на которыхъ работаетъ 14 локомотивовъ и 537 вагоновъ; кромѣ того, на 10 верстахъ узкоколейной дороги работаетъ 10 локомотивовъ и 210 вагоновъ. Наконецъ, различные пункты завода сообщаются телеграфомъ, для чего имѣется 44 телеграфныя станціи и 57 верстъ проводниковъ. На заводѣ живетъ въ сложности 16,200 человѣкъ, служащихъ и рабочихъ, для которыхъ имѣется 3,227 помѣщеній. Тутъ-же имѣется: восемь пивоваренныхъ заводовъ; одна паровая мукомольня, пекарня, изготовляющая ежемѣсячно 11,900 пуд. хлѣба; заводъ искуственныхъ минеральныхъ водъ; скотобойня; 22 лавки, въ которыхъ продаются сапоги, платье, мебель, колоніяльные товары и проч.; щеточная фабрика съ 42-мя рабочими, которая предназначена для легкихъ занятій старикамъ и слабосильнымъ. Имѣется, наконецъ, и промышленная школа для дѣвочекъ, и училище для женщинъ; эти школы посѣщались въ 1877 году 2,000 дѣтей и 250 человѣками взрослыхъ. Къ заводу же принадлежатъ: два пробныхъ поля—одно въ Дульменѣ, въ 3.500 саженъ длины, и другое, только-что открытое, въ Меппенѣ, въ 16 верстъ длины; одинъ каменно-угольный и одинъ желѣзный рудникъ въ Германіи и около Бильбао, въ Испаніи, на которыхъ вмѣстѣ работаетъ 5,300 человѣкъ.

Телеграммы.

Берлинъ, 28-го апрѣля. По слухамъ въ дипломатическихъ кружкахъ, графъ Шуваловъ не везетъ съ собою опредѣленно формулированныхъ и изложенныхъ на письмѣ условій Англіи, а только общія ея желанія. Въ Фридрихсруэ русскій посолъ заручился поддержкой князя Бисмарка въ томъ, что Англія не станетъ впослѣдствіи увеличивать своихъ требованій и распространять область своихъ интересовъ. Увѣряютъ, что независимо отъ дипломатическихъ переговоровъ, скоро состоится удаленіе русскихъ войскъ и англійскаго флота за опредѣленную демаркаціонную линію. Россія желаетъ, на случай неудачи переговоровъ, сохранить право отказа отъ соблюденія демаркаціонной линіи, съ предупрежденіемъ въ опредѣленный срокъ; съ своей стороны, англійскій флотъ тоже долженъ предупредить русскія власти, когда онъ сочтетъ нужнымъ вернуться въ Дарданеллы.

Въ случаѣ войны, германскій флотъ будетъ отправленъ въ Балтійское море.

— 29-го апрѣля. Демократъ-соціалистъ сдѣлалъ четыре выстрѣла изъ револьвера въ императора Вильгельма, въ то время, когда императоръ съ великою герцогинею Баденской проѣзжалъ въ открытой коляскѣ, по улицѣ «Unter den Linden», у самого зданія русскаго посольства. Императоръ остался невредимъ; злоумышленникъ арестованъ. Весь городъ разцвѣтился флагами; министры и послы приносятъ императору поздравленія.

Константинополь, 27-го апрѣля. Порта рѣшила, въ принципѣ, совершенно очистить Шумлу и Варну, если русскіе удалятся на линію Адріанополь-Дедеагачъ.

Порта рѣшилась позаботиться о безопасности боснійскихъ бѣглецовъ, возвращающихся на родину.

Мусульманскіе инсургенты въ Родопскихъ горахъ обратились къ христіанскому населенію Фессаліи и Македоніи съ воззваніемъ, призывая ихъ къ оружію для защиты «общаго отечества противъ общаго врага».

— 27-го апрѣля. Большая часть русскихъ складовъ боевыхъ припасовъ и провіанта переведена изъ Сан-Стефано въ Чаталджу. По заключеннымъ русскими новымъ контрактамъ, всѣ поставляемые матеріалы должны быть доставлены не въ Сан-Стефано, а въ Адріанополь.

— 29-го апрѣля. Неудовольствіе противъ султана усиливается вслѣдствіе того, что Реуфъ-паша, слывущій за противника союза съ Англіей, назначенъ членомъ военнаго совѣта. Вліяніе Османа-паши на султана усиливается. Порта увѣряетъ, что собрала вблизи Константинополя и у Галлиполи армію въ 140,000 человѣкъ.

Назначеніе князя Лобанова-Ростовскаго посломъ произвело необыкновенно благопріятное впечатлѣніе въ Портѣ и здѣшнихъ дипломатическихъ кружкахъ.

Лондонъ, 1-го мая. Газетѣ «Times» телеграфируютъ изъ Константинополя, отъ 12-го мая: «Вслѣдствіе рѣшительнаго требованія генерала Тотлебена, Порта рѣшила немедленно очистить крѣпости, сперва Шумлу, потомъ Варну и, наконецъ, Батумъ. Генералъ Тотлебенъ обѣщалъ отступить къ Адріанополю и Дедеагачу, а также очистить Эрзерумъ, какъ только всѣ три крѣпости будутъ очищены турками».

Газетѣ «Daily News» передаютъ изъ Константинополя же, отъ 12-го мая: "Генералъ Тотлебенъ пригрозилъ занятіемъ Константинополя, если крѣпости не будутъ сданы немедленно. Османъ-паша увѣдомилъ совѣтъ министровъ, что турецкая армія не въ состояніи противиться занятію столицы».

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Мая 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 20. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. – 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 14 Мая 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Матюша.

Разсказъ **Владислава Сырокомли**. Переводъ **И. В. Омулевскаго**.

Былъ Матюша парень славный,
Какъ не сыщете другого,
И пристойный, и исправный,
И счастливѣе любого;
Завпсть къ парню, хоть безъ злобы,
Всѣмъ заглядывала въ душу,
И никто не вѣрилъ, чтобы
Подкузьмила жизнь Матюшу.

Какъ на грѣхъ, дѣвица-чудо
Тайно парня полюбила:
— «Я твоей, Матюша, буду
До могилы»! — посулила.
Но другой тряхнулъ казною,
Вкрался онъ дѣвицѣ въ душу
И назвалъ ее женою.
Подкузьмила жизнь Матюшу.

— «Эй, Матюша! пустяками
Что себя ты убиваешь?
Разорись-ка лучше съ нами:
Вотъ какъ лихо погуляешь»!—
Утѣшалъ сосѣдъ бѣднягу,
Всю выкладывая душу.
— «Ладно! кличь свою ватагу».
Подкузьмила жизнь Матюшу.

Ну, и запилъ парень съ горя,
Утѣшался полъ-недѣли:
Полилося водки море,
Пилъ сосѣдъ и кто хотѣли;
А пришлось чинить расплату,
Такъ закладывай хоть душу—
Парень голъ вернулся въ хату.
Подкузьмила жизнь Матюшу.

Бьетъ парнюгу лихорадка
Съ перепоя и отъ голи:
Прибылъ лѣкарь для порядка
И еще подбавилъ боли;
А за хлопоты, понятно,
Не Матюшину взялъ душу,
И отправился обратно.
Подкузьмила жизнь Матюшу.

Сталъ онъ думать, умирая:
— «Напишу-ка завѣщанье:
«Пусть Матюшу поминая,
«Други дѣлятъ достоянье»!
Но въ избѣ одна дворняжка
Надрывала воемъ душу,—
И вздохнулъ бѣдняга тяжко:
Подкузьмила жизнь Матюшу.

Такъ и умеръ онъ, похоже
На святого древней были,
И ему лохмотья тоже
Въ изголовье положили;
Изъ сосѣдей же кладбище
Увидало хоть бы душу!—
Гробъ несли четыре нищихъ:
Подкузьмила жизнь Матюшу.

Въ узкой ямѣ, въ родѣ щели,
Тѣло грѣшное почило;
Литіи надъ нимъ не пѣли—
Капиталу не хватило.
У часовни крестъ еловый
Осѣняетъ Божью душу,
А на немъ стоятъ три слова:
Подкузьмила жизнь Матюшу.

Моя хроника.

(П. А. Салманова.)

(*Продолженіе.*)

Наступилъ 1826 годъ. Два впечатлѣнія глубоко врѣзались въ моей памяти: 1) манифестъ о запрещеніи безъ надлежащаго образованія, дѣтямъ церковно-служителей, т. е. дьячковъ и пономарей, вступать въ гражданскую службу, 2) коронація. Не смотря на то, что я былъ малъ, но былъ разсуждающимъ ребенкомъ. Чѣмъ, думалъ я, поповскія и дьяконовскія дѣти лучше дѣтей дьяческихъ и пономарскихъ? Я немного учился, а уже видѣлъ, что многіе поповичи учились и вели себя хуже меня; новое распоряженіе мнѣ казалось несправедливымъ. Впослѣдствіи, когда у меня возмужалъ разсудокъ, я измѣнилъ свои убѣжденія и находилъ благодѣтельнымъ этотъ манифестъ.

Много тяжелыхъ примѣровъ прошло предъ моими глазами; поповскія и дьяконовскія дѣти, имѣя право безъ должнаго образованія поступать на службу, выходили изъ семинаріи или изъ училища недоучившись и поступали на службу въ низшія инстанціи, гдѣ полагалось жалованья канцелярскимъ служителямъ и чиновникамъ, не занимающимъ классныхъ должностей отъ 5 руб. до 40 коп. включительно въ мѣсяцъ. При такихъ громадныхъ средствахъ для жизни, остается одинъ способъ добывать деньги, не выпрашивать, но выскаливать деньги у просителей. Не думайте, чтобы они выманивали по многу, нѣтъ, дастъ проситель двугривенный, много четвертакъ, и служащій доволенъ; полученный четвертакъ несется въ трактиръ; сначала на чай, потомъ на водку. Нынче, какъ завтра, завтра, какъ послѣ завтра; водка дѣлается привычкою; а между-тѣмъ чиновникъ женится; съ семейною жизнію увеличиваются потребности, а средства всѣ однѣ и тѣже, онѣ такъ малы, такъ жалки, что не удовлетворяютъ самой настоятельной необходимости семейнаго быта; уже лучше совсѣмъ не носить ихъ домой, а пропить ихъ въ ближайшемъ трактирѣ, прійти домой и удивляться, отчего нѣтъ сегодня ужина и отчего дѣти кричатъ такъ немилосердно. Иногда и безсовѣстный чиновникъ обратится къ совѣсти и начнетъ думать о женѣ и семействѣ, да и раздумаетъ: есть много добрыхъ людей на свѣтѣ, помогутъ женѣ и дѣтямъ, есть много у нея достаточныхъ родственниковъ... почему же не выпить... Что порождаетъ пьянство въ сословіи чиновниковъ? Что это пьянство привычка-ли, желаніе-ли всегда быть въ дурномъ обществѣ, или, наконецъ, отъ недостатка необходимыхъ средствъ для жизни—вопль души растерзанной? Принимая въ соображеніе, что этимъ несчастнымъ людямъ развиваютъ нелѣпую гордость, давая имъ права, при страшныхъ недостаткахъ жизни, личнаго и потомственнаго дворянства; вопросъ объ ихъ пьянствѣ — вопросъ чисто психологическій; придетъ время, когда люди ученѣе, умнѣе и опытнѣе меня, укажутъ путь этимъ несчастнымъ къ трезвости, къ честному труду и достатку.

А между тѣмъ всѣ эти вопросы, всѣ эти предположенія, которыя я высказываю, не давали, не даютъ и не будутъ давать куска хлѣба бѣднымъ и несчастнымъ семействамъ. Безотрадно пройдетъ вся ихъ жизнь и умрутъ ихъ члены гдѣнибудь въ богадѣльнѣ съ копѣечнымъ пенсіономъ.

Часто и очень справедливо я думалъ, что не будь такого манифеста, по которому я никакъ не могъ поступить на государственную службу безъ должнаго образованія, можетъ быть, я не доучился бы и попалъ подъ общую категорію этихъ несчастныхъ чиновниковъ, о которыхъ сказалъ выше. Манифестъ освободилъ меня отъ такой напасти

А ужасно скверно быть такимъ чиновникомъ; положеніе его опредѣляется лучше всего слѣдующимъ примѣромъ. Въ первой четверти настоящаго столѣтія одинъ судья съ большимъ рвеніемъ къ службѣ, но и съ большимъ дефицитомъ въ головѣ, поступивъ въ должность свою, тотчасъ-же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы судей-

скіе чиновники для приведенія дѣлъ въ порядокъ собирались послѣ обѣда. Сказываютъ, что чиновники, обступивъ своего новаго судью, отвѣчали ему откровенно, что слово обѣдъ для нихъ, чиновниковъ московскаго уѣзднаго суда, выраженіе слишкомъ неопредѣленное. Многіе изъ нихъ, получая жалованья рубль въ мѣсяцъ, обѣдаютъ тогда, когда Богъ приведетъ. При такихъ огромныхъ средствахъ, жительство они имѣютъ по большей части на Бутыркахъ, которыя отстоятъ отъ московскаго уѣзднаго суда 2-го департамента на 12 верстъ. Сдѣлавши двукратное путешествіе на Бутырки и съ Бутырокъ они дѣлаютъ, такимъ образомъ, 48 верстъ, Суворовскій походъ въ крайнихъ случаяхъ. Естественно послѣ такого путешествія они явятся въ уѣздный судъ не дѣло дѣлать, а отдыхать и если была прежде запутанность въ дѣлахъ, то отъ мудраго распоряженія судьи она сдѣлается втрое большей.

Фактъ этотъ я не передаю за истину, я его знаю по наслышкѣ; по крайней мѣрѣ, онъ характеризуетъ тогдашнее положеніе московскихъ чиновниковъ низшихъ инстанцій.

Вскорѣ послѣ манифеста, о которомъ сказалъ я, начались приготовленія къ коронаціи императора Николая I. Прежде всего прибыла гвардія. Мнѣ очень нравились и ростъ гвардейцовъ, и ихъ одежда. Далеко не по вкусу только пришлись они московскимъ жителямъ, приносившимъ много жалобъ на безчинства гвардейцовъ. Солдаты того времени были далеко не тѣ, что теперь. Слишкомъ продолжительная служба совершенно обособляла ихъ отъ гражданъ. Отсюда частыя ссоры между солдатами и не военными сословіями. И въ Москвѣ гвардейскіе солдаты подавали много поводовъ къ неудовольствію московскихъ жителей: тутъ уведутъ они хорошую собаку, тамъ оскорбятъ женщину или дѣвицу, или обидятъ чиновника. Жалобы однакожь большею частію оставлялись безъ вниманія, что приводило къ новымъ ссорамъ, число которыхъ съ каждымъ днемъ увеличивалось.

Случалось, происходили ссоры между гвардейскими и армейскими офицерами. Вотъ одна, извѣстная въ то время всей Москвѣ. Недалеко отъ Дѣвичьяго поля, на Зубовской площади, есть трактиръ; онъ не имѣлъ въ то время никакого особеннаго названія, въ немъ нельзя было найти никакого комфорта и не славился онъ гастрономическими кушаньями; однакожь, благодаря тому, что онъ стоялъ по близости Хамовническихъ казармъ, его посѣщали офицеры полковъ, расположенныхъ въ этихъ казармахъ. Въ іюлѣ 1826 года одинъ пѣхотный армейскій офицеръ, не знаю какого полка, въ мундирѣ, при шпагѣ и съ эполетами, на которыхъ золотомъ вышита была цифра «6», вошелъ въ трактиръ пообѣдать. Съ офицеромъ этимъ была дама, очень молоденькая и хорошенькая собою, съ бѣлымъ личикомъ и черными глазами. Сѣли обѣдать. Первое кушанье прошло благополучно, но второе возмущено было приходомъ гвардейскаго офицера, который, сѣвъ рядомъ на диванѣ съ армейскимъ офицеромъ, толкнулъ его и сказалъ:

— Подвинься, шестерка.

При этихъ словахъ армейскій офицеръ всталъ и, обращаясь къ гвардейцу, отвѣчалъ:

— Козырная шестерка бьетъ простого туза.

И далъ пощечину гвардейцу. Гвардейскій офицеръ, полный ярости и негодованія, сорвалъ съ армейца эполеты, армеецъ сорвалъ съ него эполеты и орденъ. Началась драка, которая окончилась тѣмъ, что оба офицера, забывшись совершенно, выбѣжали безъ киверовъ въ разодранныхъ мундирахъ изъ трактира и, добѣжавъ до Дѣвичьяго поля, скрестили шпаги. Прежде, чѣмъ полиція и народъ могли удержать офицеровъ отъ дуэли, гвардейскій офицеръ, проколотый шпагою армейца въ лѣвое плечо, обливаясь кровью, лежалъ уже на Дѣвичьемъ полѣ. Къ счастію, рана была не опасна и гвардеецъ скоро выздоровѣлъ.

22 августа 1826 года была коронація императора Николая. Я былъ очень малъ и потому не могъ быть очевидцемъ этого событія. Помню, что меня удивляли не столько громъ пушекъ и звонъ колоколовъ во всей Москвѣ, сколько то обстоятельство, что при нашемъ домѣ не было караула. Я забылъ сказать, когда везли тѣло императора Александра I, во всей Москвѣ у каждаго дома поставлены были караулы изъ вооруженныхъ казаковъ. Я былъ весьма неопытенъ и воображалъ, что при каждомъ выдающемся событіи должны быть повсемѣстные караулы. Стража окружала каждый домъ въ Москвѣ при ввозѣ туда тѣла императора Александра I потому, что пронесся, неосновательный слухъ, что большая часть жителей московскихъ сдѣлала заговоръ броситься во время печальной церемоніи къ гробу императора Александра, и посмотрѣть, что въ немъ находится. Многіе изъ жителей московскихъ сомнѣвались, чтобы во гробѣ находилось дѣйствительно тѣло покойнаго государя, потому что по слухамъ, на которые Москва такъ расточительна, императоръ Александръ I вовсе не умиралъ, а просто уѣхалъ куда то, отказавшись отъ престола. Чего только не выдумаютъ въ Москвѣ.

Горе и радость сливались у меня тогда въ одно цѣлое и стремились къ одной цѣли — къ праздности. Что мнѣ было за дѣло собственно до выдающихся событій: онѣ меня не печалили и не радовали. Радовало меня одно: что я избавлялся отъ своего ученія и отъ своихъ дикихъ и грозныхъ учителей. Я понималъ, что при малыхъ средствахъ родителей я всегда у учителя скорѣе буду въ качествѣ слуги, нежели пансіонера; признаюсь, меня это очень безпокоило, дѣтскія игры не занимали меня и часто просвѣчивалась грусть во время удовольствій.

Оставалось нѣсколько дней и меня должны были записать въ училище. Послѣднимъ днемъ моей домашней свободы было историческое событіе. Коронованный императоръ Николай приказалъ дать народный праздникъ на Дѣвичьемъ полѣ. Еще за долго до праздника выстроено было нѣсколько изящныхъ бесѣдокъ или, лучше сказать, шатровъ по срединѣ поля. Одна изъ нихъ, болѣе изящная по внутренней и внѣшней отдѣлкѣ и болѣе другихъ просторная, была предназначена для августѣйшей фамиліи; другія-же, прилегающія къ ней, — для принцевъ, иностранныхъ посланниковъ и генералитета. По бокамъ шатровъ были устроены фонтаны въ видѣ колоннъ, къ которымъ привинчены были головы львовъ изъ черной бронзы съ разинутыми пастями; подъ тѣми головами поставлены были роскошные чаны, затѣмъ въ промежуткахъ устроены были столы, начиная отъ самаго Зубова вплоть до Дѣвичьяго монастыря, обтянутые какъ и колонны крашеною парусиною и сукномъ. На столахъ къ празднику разставлены были: головы барановъ съ вызолоченными рогами, окорока очень хорошей и свѣжей ветчины, баранина, телятина и калачи. На главныхъ мѣстахъ воздвигнуты были бычачьи головы также съ раззолоченными рогами и жестяныя вазы съ фруктами; на столахъ положены были ножи, вилки и разставлены оловянныя тарелки въ безпредѣльномъ количествѣ. Правительству хотѣлось соблюсти порядокъ, чтобы всѣ пришедшіе обѣдать дѣйствительно обѣдали, соблюдая постепенность въ кушаньѣ; поэтому около каждаго стола находились полицейскіе служители.

Но, какъ всегда случается при огромномъ стеченіи народа, желали одного, а вышло другое. Съ 4 часовъ утра въ день, назначенный для народнаго праздника, простой народъ началъ собираться толпами, такъ что къ 8 часамъ утра, когда разставлено было уже и войско, народу было такъ много, что иностранные принцы, посланники и генералитетъ съ трудомъ могли подъѣзжать къ назначеннымъ имъ мѣстамъ. Пріѣхалъ государь съ августѣйшею фамиліею. Заиграла музыка и разлилась отъ одного конца Дѣвичьяго поля до другого, раскрылись фонтаны и полились виномъ разнаго рода. Государь сѣлъ съ августѣйшею фамиліею въ свою бесѣдку. Народъ въ безмолвіи ожидалъ по сдѣланнымъ повѣсткамъ появленія флага, чтобы начать обѣдъ. Флагъ поднятъ.

Я сидѣлъ тогда на Дѣвичьемъ полѣ на устроенныхъ нарочно для того мѣстахъ и могъ все очень хорошо видѣть. Послѣ флага — моментъ безмолвія, затѣмъ все поле какъ будто покрылось темнымъ облакомъ, различить предметовъ было невозможно; потомъ шумъ и трескъ, толпа обѣдъ кончила и разбрелась по полю. Кто несъ баранью голову съ раззолоченными рогами, кто бычачью, кто несъ калачъ, кто несъ телятину; а кому ничего не досталось, онъ несъ или доску отъ стола, или сукно, которымъ покрывался столъ, или тарелку, или ножикъ, или вилку, а которымъ и этого не досталось, тѣ бросились къ винамъ и черпали ихъ изъ фонтановъ поярковыми шляпами и пили, придерживаясь русской пословицы — душа мѣра; а которымъ и этого не досталось, тѣ начали обдирать и ломать самые фонтаны; а кому и этого не хватило, тѣ принялись обдирать всѣ палатки, кромѣ царской, выдергивая изъ подъ сидящихъ стулья и кресла. Не одной знатной барынѣ и барышнѣ было очень неловко, толпа не церемонилась, и я думаю, не одинъ иностранецъ испыталъ, что значитъ русскій толчекъ. Смятеніе было всеобщее. Одна только царская бесѣдка осталась неприкосновенна.

Чрезъ нѣсколько часовъ отъ всей роскоши народнаго праздника осталось одно воспоминаніе, да царская бесѣдка.

Отецъ мой купилъ досокъ у народа отъ этого пиршества; выстроилъ изъ этихъ досокъ бесѣдку; для украшенія этой бесѣдки я повѣсилъ картины: «мыши кота погребаютъ» и «дикіе люди съ собачьими, съ ослиными и съ бараньими головами» и долго любовался своею бесѣдкою. Въ продолженіи 12 лѣтъ она мнѣ служила маякомъ цѣлаго ряда воспоминаній народнаго праздника во время коронаціи.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Екатерина II въ эрмитажѣ.

(См. картину въ № 19.)

Вѣкъ Екатерины II былъ вѣкомъ блестящей придворной жизни. Спектакли, маскарады, балы и собранія смѣнялись при дворѣ одно другимъ и во всѣхъ этихъ увеселеніяхъ эрмитажъ игралъ не малую роль: онъ служилъ главнымъ мѣстомъ для этихъ зимнихъ собраній, въ немъ впервые сыгрались лучшія пьесы того времени, здѣсь прочлось не одно замѣчательное произведеніе той эпохи и создалась не одна громкая репутація.

Эрмитажъ выстроился не вдругъ: первая часть зданія, примыкающая непосредственно къ зимнему дворцу, была построена въ 1765 году по плану Ламота; вторая часть возникла по плану Фельтена въ 1775 году и, наконецъ, послѣдняя часть этого зданія создалась по плану Гваренги въ 1788 году. Это зданіе сдѣлалось хранилищемъ произведеній искуства: сюда съ 1766 года начали привозить замѣчательныя произведенія живописи и скульптуры, собранія антиковъ и коллекцію книгъ и рукописей. На эрмитажъ затра-

чивались громадныя суммы денегъ, его сокровища доходили до значительныхъ размѣровъ и цѣнность нѣкоторыхъ изъ нихъ была очень велика. Но кромѣ залъ, занятыхъ библіотеками, собраніями рѣдкостей и картинъ, при эрмитажѣ былъ театръ, предназначенный для двора. Здѣсь ставились пьесы, которыя были сочиняемы частью самою Екатериною, частью другими современными ей драматургами, нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ, особенно французскія, были написаны во время путешествія императрицы въ Крымъ въ 1787 году. Главными ея сотрудниками были: И. И. Шуваловъ, принцъ-де-Линь, Кобенцель, Сегюръ, графъ А. С. Строгоновъ, графъ Мамоновъ. «О время!» «Имянины Ворчалкиной», «Вѣстникова съ семьею», «Обольщенный», «Обманщикъ», «Шаманъ Сибирскій», «Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями»,—всѣ эти пьесы были написаны Екатериною. Ей же принадлежали оперы «Февей», «Храбрый и смѣлый витязь Архидѣичъ», «Новгородскій богатырь Боеславичъ», «Федулъ съ дѣтьми», «Иванъ царевичъ» и «Горе богатыръ». Большая часть подобныхъ пьесъ проходила черезъ сцену эрмитажнаго театра. Для эрмитажнаго же театра писала Екатерина Романовна Дашкова свои пьесы: «То-и-Сіоковъ или человѣкъ безхарактерный», «Свадьба Фабіана или алчность къ богатству наказанная». Но замѣчательнѣе всего были въ вѣкъ Екатерины придворныя собранія, называвшіяся эрмитажемъ. Императрица избрала эрмитажъ мѣстомъ отдыха и развлеченія и здѣсь прошли передъ нею самые замѣтные люди того времени: Потемкинъ, Строгановъ, Безбородко, Дидро, Гриммъ, Шуваловы, Панины, Сегюръ и другіе. Въ эрмитажѣ бывали три рода собраній. Къ первымъ—къ большимъ—собраніямъ приглашались всѣ именитыя особы обоего пола и иностранные министры; ко вторымъ—среднимъ—собраніямъ допускались только лица, пользовавшіяся особеннымъ расположеніемъ императрицы; къ третьимъ—малымъ—собраніямъ допускались только коротко извѣстные императрицѣ люди. Такимъ образомъ, послѣдняго рода собранія были простымъ дружескимъ кружкомъ, гдѣ не было этикета, гдѣ господствовалъ русскій языкъ, гдѣ читали, играли въ фанты, въ жмурки, въ веревочку, въ билеты, танцовали и даже плясали по-русски, не стѣсняясь никѣмъ и ничѣмъ; на святкахъ въ этихъ собраніяхъ пѣли хоромъ подблюдныя пѣсни, гадали кольцами, лили воскъ и олово; во время этихъ собраній большой оркестръ замѣнялся малымъ, играли только Кордонъ на арфѣ, Дицъ на скрипкѣ, Дельфини на віолончели и Ванжура на фортепьяно. Сама Екатерина написала «правила, по которымъ поступать всѣмъ входящимъ въ эти двери», т. е. въ двери, ведшія изъ внутреннихъ комнатъ дворца въ эрмитажъ, гдѣ и были повѣшены на стѣнѣ эти правила. Въ нихъ говорилось: «Чины, мѣстничество, спѣсь оставить у дверей; быть веселымъ, однако ничего не портить, не ломать и не грызть; садиться, стоять, ходить, какъ заблагоразсудится; говорить умѣренно и не очень громко, дабы у прочихъ уши или головы не заболѣли; спорить безъ сердца и безъ горячности; не вздыхать и не зѣвать и никому скуки или тягости не наносить; во всякихъ невинныхъ забавахъ одинъ другому не препятствовать; кушать вкусно и сладко, а пить съ умѣренностію, дабы всякій всегда могъ найдти свои ноги для выхода изъ дверей; сору изъ избы не выносить, а что войдетъ въ одно ухо, то бы вышло въ другое, прежде нежели выступитъ изъ дверей». При входѣ въ залу были выставлены двѣ собственноручныя подписи Екатерины. Въ одной значилось:

Asseyez vous si vous voulez,
et cela
Où il vous plaira.
Sans qu'on vous le repète cent fois.

Въ другой:

Извольте сѣсть, гдѣ хотите,
Не ожидая повторенія:
Церемоній хозяйка здѣшняя ненавидитъ
И въ досаду принимаетъ;
А всякій въ своемъ домѣ воленъ.

Гдѣ есть извѣстные правила и законы, тамъ есть и наказанія. Такъ было и въ эрмитажѣ. За преступленія, т. е. за нарушенія правилъ, положено было, по доказательству двухъ свидѣтелей, выпить стаканъ воды и прочесть страницу Телемахиды Тредьяковскаго; за три проступка въ одинъ вечеръ назначалось выучивать по шести строкъ изъ Телемахиды наизусть. Но эти наказанія были шуточными, а существовало и серьезное: за выноску сора изъ избы не позволялось болѣе посѣщать собранія. Въ эрмитажныхъ малыхъ собраніяхъ Императрица являлась всегда въ русскомъ платьѣ и ея примѣру слѣдовали и приглашенныя дамы. Средняя и большія эрмитажныя собранія отличались большею пышностью и блескомъ, здѣсь сохранялся придворный этикетъ и господствовалъ французскій языкъ. Одно изъ такихъ собраній представлено на рисункѣ, помѣщенномъ въ прошломъ нумерѣ нашего журнала. Эрмитажныя собранія тотчасъ же прекратились, какъ только умерла Екатерина: у новаго государя были иныя привычки и иные интересы; роскошные и великолѣпные до невѣроятности пиры должны были теперь уступить мѣсто долгимъ и строгимъ парадамъ и ученьямъ солдатъ.

Эрмитажъ опустѣлъ и превратился въ простой музей при дворцѣ.

Не отъ черной хмѣльной браги.

Стих. Д. А. Рубина.

Не отъ черной, хмѣльной браги,
Не отъ зелена вина, —
Отъ тоски, да злой кручины
Опустилась голова.

Ахъ, ты доля, злое горе,
Словно море безъ конца
Окружило, закачало
Удалаго молодца!...

Навалилося горою,
Словно хочешъ задавить,
Словно каменной стѣною
Свѣтъ мнѣ хочешь заслонить!

Эй, смотри, не ошибися,
Богатырь еще вѣдь я,
Много силъ и думъ въ запасѣ
Сохранилось у меня.

Запою какъ только пѣсню,
Свисну, топну я ногой;
Да встряхну своей кудрявой
Удалою, головой.

Распрощуся, разлучуся
Навсегда тогда съ тобой,
Развѣ только овладѣешь
Ты моею сѣдиной!...

Паскарель.

Романъ Уида.

(Переводъ А. А. Разсказовой.)

(*Продолженіе.*)

III.

Отъ полноты счастія я не могла заснуть всю ночь и какъ только первые лучи солнца показались изъ за холмовъ и проникли черезъ густую занавѣсь изъ фиговыхъ листьевъ въ мою комнату, я встала и вышла.

Было прекрасное, влажное, свѣжее утро; весело направилась я изъ низенькой, бѣдной локанды къ покрытымъ туманомъ склонамъ холмовъ. Радость моя была чисто дѣтская; я жила настоящимъ, безъ мысли о прошедшемъ; я не разсуждала, не думала и только желала слышать отъ него еще разъ, что онъ любитъ меня. Весело бѣжала я въ это холодное, туманное, розоватое утро, весело смотрѣла въ голубое небо то съ тихимъ радостнымъ смѣхомъ, то глазами, полными восторженныхъ слезъ: или же, внезапно останавливаясь, думала: было ли на землѣ существо счастливѣе меня.

Я опустилась на каменную скамью въ оливковомъ саду, сидѣла тутъ, мечтала и прислушивалась къ шагамъ Паскареля. Но все было тихо. Мнѣ взгрустнулось. Я думала, что онъ съ такимъ же нетерпѣніемъ будетъ ждать разсвѣта, какъ и я.

Раздался благовѣстъ изъ покрытаго туманомъ города. Это былъ печальный погребальный звонъ. Мимо меня, направляясь къ мосту Сен-Марко, прошла женщина; она тихо плакала. Я посмотрѣла на нее съ удивленіемъ. Возможна ли была печаль въ этомъ мірѣ—моемъ чудномъ, волшебномъ мірѣ.

— Я иду молиться за моихъ умершихъ дѣтей, отвѣчала она кротко на вопросъ, выразившійся въ моемъ взглядѣ.—Сегодня праздникъ Мертвыхъ. Дай Богъ, чтобы вы никогда не знали печали, милая синьерина.

Она продолжала свой путь подъ оливковыми деревьями. Я вздрогнула. Я совсѣмъ забыла какой былъ сегодня день. Мысли мои быстро перенеслись къ одинокой, безъимянной могилѣ въ Веронѣ. Что же случилось? Ничего. Между тѣмъ моя чистая радость уступила мѣсто неясной боязни.

Ко мнѣ подбѣжалъ маленькій Токко съ запискою въ рукахъ.

— Онъ ушелъ въ городъ до солнечнаго восхода, а это велѣлъ передать вамъ.

Въ запискѣ было написано рукою Паскареля: «Я долженъ идти во Флоренцію, но возвращусь до солнечнаго заката».

Тяжелое предчувствіе овладѣло мною. Правда, разлука всего на одинъ день; но я такъ много ожидала именно отъ этого дня, вдвоемъ съ нимъ на этихъ священныхъ холмахъ, между красными осенними листьями, повторяющаго мнѣ опять и опять слова любви.

Съ шумомъ раскрылась оконная рама и рѣзкій голосъ закричалъ:

— Онъ ушелъ въ городъ и не сказалъ мнѣ ни слова, а мнѣ надо кофе, булавокъ, шнурковъ для башмаковъ и множество другихъ вещей! и ничего нельзя достать въ этомъ дурацкомъ мѣстѣ. Токко, сбѣгай въ деревню, узнай, нельзя ли тамъ достать чего нибудь съѣстнаго. Онъ, вѣдь, никогда не позаботится, хотя бы пришлось питаться одними желудями!

Это Брунота повторяла свою ежедневную жалобу.

Я встала и ушла, чтобы не слышать ее; этотъ рѣзкій голосъ дѣйствовалъ на мои нервы. Мимо меня промчался маленькій Токко съ нѣсколькими скуди въ рукахъ. Я остановила его вопросомъ:

— Не знаете, зачѣмъ онъ пошелъ?

— Не знаю. Но полагаю,—покрайней мѣрѣ, такъ говорилъ пастухъ,—что онъ казался чѣмъ то встревоженнымъ, когда выходилъ изъ дому. Можетъ быть, онъ пошелъ молиться: сегодня праздникъ Мертвыхъ. Но я долженъ торопиться, синьерина, а то Брунота надеретъ мнѣ уши.

Пошелъ ли онъ молиться за умершихъ, которыхъ любилъ? Ревность заговорила во мнѣ при одной этой мысли. Я ревновала его даже къ воспоминаніямъ о тѣхъ, которые были дороги ему, но не долго. Онъ любитъ меня теперь. Что за дѣло до остального?... Такъ много рукъ дотрогивалось до мандолины, говорилъ онъ. Но мой инстинктъ подсказывалъ мнѣ, что струна задѣта только мною.

Когда солнце перешло за полдень, я опять повеселѣла. Не сказалъ ли онъ, что вернется

Изъ картинъ, отправляемыхъ на всемірную парижскую выставку.

Королева Бланка.

Картина **Эдельгейма**, рѣзали на деревѣ по заказу редакціи **Б. Пуцъ** и **Бергъ**.

до солнечнаго заката. Онъ можетъ быть здѣсь съ минуты на минуту. Я медленно пошла домой. Весь туманъ разсѣялся къ полудню и вдали я увидала Бруноту въ красной юбкѣ и бѣломъ корсажѣ, съ ниткой янтарей отъ Иванова дня на шеѣ, весело танцующей салтарелло съ загорѣлымъ кузнецомъ изъ Сан-Марко. Я вошла въ садъ локанды и усѣлась въ зеленомъ уголкѣ, изъ котораго могла видѣтъ мостъ и бѣлую дорогу во Флоренцію.

Я сидѣла и мечтала о чудной музыкѣ его голоса, которая придавала простѣйшимъ словамъ особенное краснорѣчіе и смыслъ. Послѣдній разъ въ жизни я была счастлива тѣмъ полнымъ счастіемъ, возможнымъ лишь въ юности, которое едва сознаетъ себя, не вопрошая о послѣдствіяхъ и разумно ли оно. Я услышала шумъ шаговъ, но то были шаги разгоряченной, запыхавшейся Бруноты. Увидѣвъ меня, она остановилась.

— Я думала, вы ушли въ горы, синьерина, сказала она угрюмо, стоя на одной ногѣ, какъ разсерженная птичка, что дѣлала всегда, когда чувствовала себя не совсѣмъ правой.

Я улыбнулась ей. Въ ту минуту я любила всякое живое существо, и хотя послѣднее время Брунота была капризна и дулась на меня, я никогда не забывала ея доброты въ первые дни моего пребыванія съ ними.

— Хорошо ли вы танцовали, Брунота, спросила я.—Я видѣла васъ въ деревнѣ съ высокимъ, чернымъ Доменико.

— Нѣтъ вреда расправить немного свои кости, отвѣчала угрюмо Брунота, какъ будто я упрекала ее въ какомъ нибудь проступкѣ. — Понятно, утромъ я была у обѣдни. Надо же помолиться за умершихъ, иначе они будутъ являться ко мнѣ. Впрочемъ, я знала одну особу въ Казентино, которая служила по двѣнадцати обѣденъ каждый великій постъ, чтобы мужъ ея оставался въ покоѣ въ своей могилѣ и все это не привело ни къ чему. Онъ былъ странствующій торговецъ и всѣ предполагали, что былъ убитъ разбойниками; но какъ только она вышла замужъ за богатаго курятника, первый мужъ ожилъ и всѣ деньги, потраченныя на церковь впродолженіи шести лѣтъ и болѣе, пропали даромъ. Сколько было горя бѣдной женщинѣ!... Однакожь я все таки молюсь за мертвыхъ, потому что они могутъ, если захотятъ, надѣлать намъ много бѣдъ. А я всегда боюсь, чтобы ко мнѣ не пришелъ ночью мой отецъ, съ которымъ я, въ тотъ самый день, какъ онъ умеръ отъ удара, поссорилась за пятнадцать сольди, вырученныхъ отъ продажи козлинаго молока; и его послѣднія слова были: «Если бы пришлось встать изъ могилы, я все таки возьму отъ тебя эти пятнадцать сольди, злая дѣвчонка»! Это онъ сказалъ уже послѣ помазанія Святымъ елеемъ.

И Брунота остановилась подъ нахлынувшими воспоминаніями, продолжая враждебно смотрѣть на меня, переминаясь съ ноги на ногу. Я слушала ее съ удивленіемъ; это было первый разъ, что она заговорила о своемъ отцѣ, хотя часто разсказывала о жестокомъ обращеніи съ нею мачихи изъ Казентино. Предсмертная мысль о сольди такъ не походила на веселаго, юмористичнаго и странно-гордаго человѣка, вырѣзавшаго княжескую корону на плавильномъ горшкѣ, котораго такъ часто описывалъ Паскарель. Къ тому же если Паскарель былъ пятнадцати лѣтъ во время смерти отца, какъ могла Брунота помнить его, бывши на много лѣтъ моложе брата.

— Вы говорите о мужѣ вашей мачихи, сказала я, смотря на дорогу и ожидая съ нетерпѣніемъ увидѣть на ней знакомую, дорогую тѣнь.

— Я говорю о моемъ отцѣ, упрямо повторила Брунота и замолчала съ тѣмъ же виновнымъ выраженіемъ на лицѣ, какъ и въ Ивановъ день и съ устремленнымъ на меня непонятнымъ взглядомъ.

— Брунота, что вы такъ смотрите на меня? спросила я, чувствуя себя не ловко подъ ея пристальнымъ взглядомъ.—Есть что нибудь во мнѣ сегодня особенное?

Отвѣтомъ были громкія рыданія. Сердце мое замерло отъ страха. Воображенію моему представились всѣ ужасы, которые могли случиться съ нимъ.

— Что такое? вскричала я, едва переводя дыханіе.—Что случилось? Какая бѣда... съ нимъ?

Брунота упала къ моимъ ногамъ.

— Съ нимъ ничего! О я увѣрена, что ничего не случилось, говорила она, сидя на землѣ и опять громко зарыдала. — Нѣтъ, нѣтъ, онъ здоровъ. А вы, синьерина, уходите, пожалуйста, и мы опять будемъ счастливы. Мы были такъ счастливы до вашего прихода. Я ему повторяла это много разъ, да что толку. Вы околдовали его и онъ обо мнѣ болѣе не думаетъ. Будьте великодушны, уходите. Вы такъ хороши, такъ нравитесь всѣмъ мужчинамъ. Вамъ будетъ хорошо вездѣ.

— Уходить! повторила я безсознательно. Мнѣ казалось, что я сплю.

— Я такъ жалѣла васъ въ тотъ день въ лѣсу, продолжала она гнѣвно, отталкивая мои юбки, тогда какъ глаза ея были затуманены слезами.—Ахъ, Господи Іисусе! И всегда наши добрыя дѣла обращаются противъ насъ же и жалятъ насъ, какъ осы. Трудно поступать справедливо на этомъ свѣтѣ, это такъ дорого стоитъ. А я васъ любила; я васъ люблю еще и теперь, только уходите отъ насъ. Я буду молиться о васъ утромъ и вечеромъ Мадоннѣ, чтобы она оберегала васъ и вы ни въ чемъ не нуждались. Я увѣрена, что она услышитъ мою молитву, потому что я никогда не пропускала ея праздниковъ; и когда я обѣщала ей свѣчу, за добро оказанное мнѣ, я всегда ставила ее и изъ самаго лучшаго воска. Она будетъ заботиться о васъ: и къ тому же въ чемъ вы можете нуждаться? Вы дѣлаете изъ мужчинъ, что захотите. Нѣтъ силы больше этой силы. Она дается рѣдко, десяти изъ милліона, говорятъ, а у васъ она есть. Я не завидую вамъ! нѣтъ! и не хочу, чтобы вы думали, что...

— Думала что? закричала я все еще удивленная и не подозрѣвая истины.

— Что я ревную васъ. О нѣтъ, я не ревнива. Но только уходите, пожалуйста. Намъ жилось такъ хорошо безъ васъ. Онъ убьетъ меня, если узнаетъ, что я вамъ говорю. Да, убьетъ.

Я посмотрѣла на нее съ недовѣрчивымъ изумленіемъ.

— Вы съума сошли, Брунота? что вы хотите сказать? Какъ я могу вредить вамъ? Говорите прямо и откровенно, чего вы хотите.

Она бросила взглядъ по направленію къ укутанному зеленью домику, чтобы убѣдиться, что никто не подслушиваетъ.

— Я хочу, чтобы вы ушли, продолжала она тихо, хотя въ голосѣ звучала ярость. — Чтобы оставили его. Понимаете ли вы, наконецъ?

— Нѣтъ, не понимаю. Почему вы хотите, что бы я ушла? Вы первыя пожелали, чтобы я оставалась. У васъ въ умѣ есть что-то другое, Брунота. Говорите.

— Я знаю, что первая просила васъ остаться съ нами. Не говорила ли я, что наши лучшія дѣла обращаются противъ насъ же. Это всегда такъ. Говорю вамъ совершенно ясно, уходите. Съ перваго раза вы очаровали его. Я могла бы знать, что такой бѣднякъ, какъ Паскарель, не отдастъ двѣнадцати золотыхъ гульденовъ, если бы тутъ не было любви. Онъ отработывалъ эти гульдены, онъ долго чинилъ мѣдную посуду и работалъ у мѣдниковъ, а вы ничего не знали. Вамъ было такъ пріятно найдти свои деньги, и вы вѣрили всѣмъ глупостямъ, которыя онъ говорилъ... Онъ полюбилъ васъ съ перваго разу, въ этомъ я увѣрена. Помните, какъ онъ чуть не убилъ сицилянца; это было за васъ, а не за меня. А теперь взгляните на него! Пока онъ не зналъ васъ, не было человѣка веселѣе, шаловливѣе его. Онъ любилъ и вино, и шутки, и товарищей, и шалости, разсыпалъ поцѣлуи и привѣтливыя слова всѣмъ встрѣчнымъ женщинамъ. Я никогда не ревновала къ нимъ. А теперь, разъ изъ десяти развѣ, онъ поужинаетъ съ людьми, приглашающими его, а на женщинъ онъ и не смотритъ. Когда же онъ сидитъ одинъ, то есть когда васъ нѣтъ съ нимъ, онъ мечтаетъ и ни слова никому...

Она остановилась, едва переводя духъ отъ быстроты и горячности своей рѣчи. Я стояла передъ нею, тоже не смѣя дышать. Лицо мое горѣло; сердце усиленно билось; умъ мутился. Обида, удивленіе, все потонуло въ потокѣ восторженнаго счастья—онъ любитъ меня! Я не заботилась отвѣчать ей. Я думала только о совершенной симпатіи, о невыразимой радости, которыя связывали серебрянными струнами мою жизнь съ его. Странствующій актеръ! Какъ бы я посмѣялась теперь надъ моей старинной гордостію. Сынъ мѣдника! Чтожъ изъ того? онъ для меня выше всѣхъ вельможъ.

Рѣзкій, ворчливый голосъ Бруноты раздался опять въ моихъ ушахъ откуда-то издалека.

— Онъ убьетъ меня, если только узнаетъ, плакала она.—Онъ такъ и сказалъ мнѣ въ ту первую ночь, когда мы нашли васъ въ лѣсу: «ни слова, Брунота, ни слова если вы дорожите моей любовью и своей жизнью». И я обѣщала ему; болѣе даже, я поклялась всѣми Святыми, что никогда не скажу. Нѣтъ сомнѣнія, что меня будутъ за это жечь въ аду, хотя, я думаю, если помѣстить въ аду всѣхъ женщинъ, нарушившихъ обѣщанія, то тамъ не найдется столько мѣста, сколько для этого нужно. Я знаю, что очень дурно не держать слова, но я просила Паскареля отослать васъ, а онъ не хочетъ. И такъ, я должна говорить сама и буду говорить. Три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ Ивановъ день сказалъ мнѣ: «Милашка, хотите быть моею». А теперь, если вы уйдете, все пойдетъ по старому. Онъ черезъ мѣсяцъ забудетъ васъ. Онъ такъ скоро забываетъ!

Я слушала ее въ полнѣйшемъ оцѣпененіи; мои собственныя мысли клубились въ другомъ направленіи, и я никакъ не могла вникнуть въ смыслъ ея словъ.

— Синьорина, вѣдь онъ не братъ мнѣ! говорила она, выведенная изъ терпѣнія моей непонятливостью.

— Не братъ вамъ? повторила я безсознательно. Значеніе ея словъ все еще было неясно мнѣ. Меня никогда никто не обманывалъ, никто не говорилъ неправды; принимать все за истину и самой отвѣчать тѣмъ же, казалось мнѣ совершенно естественнымъ закономъ жизни, столько же естественнымъ, какъ наше дыханіе.

— Не братъ! Да и никто, кромѣ ребенка въ родѣ васъ, не повѣрилъ бы этой сказкѣ, продолжала Брунота, все еще сидя у моихъ ногъ и ощипывая бахрому своей пунцовой юбки.—Я не понимаю, какъ и вы могли вѣрить этому. Тысячи вещей могли бы вамъ подсказать это, еслибъ вы не были такъ слѣпы, какъ сова днемъ.

Я слушала и мнѣ казалось, что цѣлый клокочущій водопадъ низвергается на мой мозгъ. Я не понимала еще, а между тѣмъ зеленыя поля, красные, виноградные листья, вечернее небо, посѣрѣвшее послѣ заката солнца, все кружилось вокругъ меня въ какомъ то вихрѣ. Мужчина—какъ бы низокъ онъ ни былъ—я думаю, сжалился бы надъ моей невинностью. Но женщина, да еще ревнующая, не имѣетъ жалости, не было ее и у Бруноты. Она засмѣялась принужденнымъ, тихимъ, жестокимъ смѣхомъ — смѣхомъ зависти и мщенія.

— Какой у васъ странный видъ, синьорина! Я никогда не думала, чтобы вы вѣрили вполнѣ этой исторіи. У кого есть глаза во лбу, тотъ долженъ былъ все видѣть, что онъ не братъ мнѣ?

— Не братъ вамъ? повторяла я машинально. Что вѣроломство—ежедневная человѣческая пища, а ложь—мелкая размѣнная монета, употребляемая всѣми для взаимнаго удобства, объ этомъ я не имѣла ни малѣйшаго понятія.

— Не братъ вашъ! Что это значитъ? Что же онъ такое?

Смертный холодъ охватилъ мое сердце при этихъ словахъ, произнесенныхъ мною. Не знаю, чего я боялась, что я думала, но чувствовала грозную тучу, нависшую надо мною.

— Я поклялась ему, что никогда не скажу вамъ, а теперь сказала, и онъ убьетъ меня, если только узнаетъ. Когда мы встрѣтились съ вами въ лѣсу въ тотъ несчастный день, и я, глупая, просила васъ присоединиться къ намъ, онъ отвелъ меня въ сторону и спросилъ: «Что думаетъ она, кто мы съ тобой другъ другу?» Я отвѣчала ему, что вы забрали себѣ въ голову, что мы братъ съ сестрой, и что я васъ не разувѣряла. «Ну, сказалъ онъ, такъ пусть это такъ и остается. Запомните себѣ, я не хочу, чтобы ея уши сквернились истиной. Она сама невинность. Если она останется съ нами, она ничего недолжна подозрѣвать. Мы ей окaываемъ грустное покровительство, но она можетъ подпасть подъ худшее». И въ ту же ночь онъ заставилъ меня торжественно обѣщать ему—и я поклялась всѣми Святыми, что никогда не раскрою передъ вами наши истинныя отношенія. И я хотѣла сдержать свое обѣщаніе. И никогда не пробовала нарушить его до бури съ Розелло Бруномъ. Она возстановила меня противъ васъ. Сначала я думала: «Она синьорина; она найдетъ своихъ важныхъ родныхъ; съ нами она пробудетъ недолго». И я полюбила васъ. Вы были такъ не похожи на меня. Послѣ же той бури мои глаза прояснились, я стала наблюдать за нимъ и убѣдилась, что онъ любитъ васъ, а не меня; и я стала думать и думать: «если она останется съ нимъ, онъ скоро на меня не захочетъ и взглянуть», это доводило меня до сумасшествія; и я говорила себѣ: «къ чему послужитъ моя застѣнчивость, отчего не сказать ей правды, когда сразу видно, что она не желаетъ ничего лучшаго, какъ занять мое мѣсто». И вчера я видѣла, какъ онъ смотрѣлъ на васъ тѣмъ взглядомъ, который очаровываетъ всякаго; и я не захотѣла болѣе ждать. Я сказала: «она узнаетъ сегодня, и я увижу, уйдетъ ли она, или останется здѣсь, чтобы занять мое мѣсто». Лучше узнать худшее сразу.

Я не говорила, не двигалась. Какое то невѣданное, неописанное зло росло вокругъ и покрывало меня, какъ вредныя испаренія ядовитыхъ огней и задушало во мнѣ мою молодую жизнь. О грѣхѣ, о свѣтѣ я не знала ничего; о вѣроломствѣ еще менѣе. Что я была предана, оскорблена, унижена, подсказывадъ мнѣ скорѣе инстинктъ, чѣмъ разсудокъ. Онъ обманулъ меня—вотъ все, что я знала, о чемъ заботилась. Она ползала у ногъ моихъ, заливаясь слезами, умоляя меня не выдавать ему ея нарушенную клятву. И когда я подумала, что онъ любилъ ее, а потомъ полюбилъ меня—о Боже! какой униженной, несчастной казалась я сама себѣ! Я презирала себя столько же, столько и ее; а между тѣмъ, праведное небо! я ненавидѣла ее, потому что его губы дотрогивались до ея губъ; потому что она тоже знала, что значитъ его улыбка, поцѣлуй, за которые, хотя я была ребенкомъ, я бы охотно отдала всю мою жизнь за одинъ часъ! Кровь, какъ огонь, переливалась у меня по жиламъ. Я вырвала изъ ея рукъ мою юбку и оттолкнула ее своей ногой. Оглядываясь назадъ на ту минуту страшнаго гнѣва и отвращенія, я удивляюсь, какъ еще не ударила ее. Я понимаю теперь, какъ у мужчинъ, и не трусливыхъ, поднимается рука на женщину.

— Вы не скажете ему? стонала она, тащась за мною на колѣняхъ.—Вы не скажете ему? Вы не знаете, на что онъ способенъ въ гнѣвѣ. Вы не скажете ему? Онъ убьетъ меня.

Я съ отвращеніемъ опять оттолкнула ее. И онъ любилъ ее! любилъ это существо, осмѣлившееся измѣнить ему и трусящее его мщенія.

— Нѣтъ, не скажу, отвѣчала я; слова, задыхаясь, не выходили изъ горла.

Она была когда то добра ко мнѣ; она оказывала мнѣ по своему гостепріимство и расположеніе, я не буду ей мстить какимъ бы то ни было образомъ. Внезапный страхъ овладѣлъ ею послѣ моего отвѣта; и страхъ не за себя, а за меня. Вѣроятно, лицо мое показалось ей очень страннымъ.

— Вы уходите? съ трудомъ выговорила она.— Какъ вы смотрите! Охъ, лучше бы я ничего не говорила. Если вы его такъ сильно любите...

Оставивъ ее одну, я прошла черезъ садъ, освѣщенный вечерней зарей, и черезъ аркообразную дверь, въ темный холодный домъ. При каждомъ шагѣ я дрожала, что услышу голосъ Паскареля. Я вошла въ свою комнату, загородила дверь и бросилась въ нѣмомъ отчаяніи на постель... Казалось, всякая вѣра въ Бога и человѣка была убита во мнѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Королева Бланка.

(Рис. стр. 396.)

Она жила въ своемъ королевскомъ замкѣ, въ царствѣ встающихъ на пути горъ, безчисленныхъ горныхъ потоковъ и мрачныхъ таинственныхъ лѣсовъ, въ царствѣ короткихъ дней и долгихъ, долгихъ ночей, когда рождаются туманныя грезы и создаются волшебныя сказки подъ покровомъ таинственной тьмы съ ея обманчивыми тѣнями, видѣньями и призраками. Королева Бланка тоже погружалась въ туманныя грезы и снилось ей, что ея родная Швеція должна быть одна царицей сѣверныхъ морей, что она должна слиться съ Даніей, что для этого не нужно кровавыхъ войнъ, а нуженъ свѣтлый союзъ любви, чтобы небо благословило этотъ брачный пиръ. Мечтала такъ королева Бланка и разсказывала чудную сказку своему малюткѣ сыну Гакэну, сказку о томъ, какъ ростетъ въ шведскомъ царствѣ маленькій царевичъ и какъ растетъ въ далекой Даніи маленькая царевна, какъ оба они прекрасны собою и какъ прекрасны ихъ родныя земли, какъ выростутъ эти чудныя дѣти, Гакенъ шведскій и Маргарита датская, и какъ соединятъ они свои руки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои земли и будутъ тогда они властителями сѣверныхъ морей,—и подъ эту сказку, сидя верхомъ на колѣняхъ матери, радостно хлопалъ своими рученками маленькій Гакэнъ...

Эту легенду далекаго-далекаго прошлаго хотѣлъ воскресить въ своей картинѣ финляндскій художникъ Едельфельтъ и исполнилъ свою задачу замѣчательно хорошо, крайне удачно схвативъ мечтательное выраженіе лица королевы и создавъ полную радостнаго движенія фигурку ребенка. Превосходно отдѣланы на картинѣ детали и мелочи обстановки, одежды и т. п. Эта картина отправилась изъ нашей академіи на парижскую выставку, но для парижанъ она не будетъ новостью: они уже видѣли ее въ Салонѣ 1877 года, восхищались ею и потомъ имѣли случай запастись фотографическимъ снимкомъ съ нея, помѣщеннымъ въ одной изъ тетрадей «Musée pour tous».

Тифъ.

(Замѣтка Н. И. Вакуловскаго.)

По дѣленію Гризингера различаютъ четыре различныхъ вида тифа: 1) сыпной тифъ, пятнистая горячка, 2) брюшной тифъ, 3) возвратная горячка или желчный тифоидъ и 4) чума. Мы остановимся только на первыхъ трехъ формахъ. Каждая изъ нихъ составляетъ особенный болѣзненный процессъ и ни одна не можетъ никогда перейти въ другую. По историческимъ изслѣдованіямъ Гирша (Hist. geogr. Path. I, стр. 150), сыпной тифъ впервые появился эпидемически въ началѣ XVI столѣтія и развился не единственно только вслѣдствіе войнъ и походовъ, но составлялъ господствующую тифозную форму во всѣхъ странахъ Европы въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Въ настоящемъ столѣтіи было также много эпидемій, изъ которыхъ послѣдняя, самая большая, появилась въ 1868 и 1869 годахъ въ восточной Пруссіи. Болѣзнь эта, по мнѣнію Кунце, только въ рѣдкихъ случаяхъ развивается самобытно. Неоднократно утверждали, что голодъ самъ по себѣ можетъ породить сыпной тифъ и въ защиту этого воззрѣнія приводили то обстоятельство, что эпидеміи сыпного тифа нерѣдко совпадаютъ съ неурожайными годами. Едва ли можно оспаривать, что недостатокъ въ пищѣ, вслѣдствіе ослабленія организма отъ недостаточнаго питанія тѣла, усиливаетъ воспріимчивость къ тифозному яду и способствуетъ распространенію болѣзни, однакожь, одинъ голодъ самъ по себѣ никогда не можетъ вызвать сыпного тифа и поэтому, по мнѣнію Кунце, называть послѣдній голоднымъ тифомъ едва-ли основательно. Всѣ возрасты одинаково предрасположены къ сыпному тифу, какъ дѣтскій, такъ и возмужалый и старческій, хотя въ первыя 10 лѣтъ жизни болѣзнь эта замѣчательнымъ образомъ протекаетъ почти всегда благопріятно; смертность же послѣ 10 лѣтъ значительно увеличивается. Такъ, по вычисленіямъ Канцова, изъ 6,773 больныхъ умерло 748 чел., т. е. 11%; по Пассауэру изъ 157 мужчинъ умерло 20, т. е. 12,6% изъ 189 женщинъ —15, т. е. всего 8,1%. Хотя вообще въ бѣдномъ классѣ народа гораздо чаще встрѣчаются заболѣванія сыпнымъ тифомъ, чѣмъ въ богатомъ, однако, бываютъ эпидеміи, во время которыхъ исключительной жертвой бываютъ достаточные классы. По словамъ Гильдебранда, Твиди и Дэвидсона, нѣкоторые ремесленники особенно невоспріимчивы къ заболѣванію сыпнымъ тифомъ, а именно кожевники, мясники, свѣчники и мыловары. Фактъ этотъ объясняютъ, хотя еще не достаточно убѣдительно, тѣмъ, что эти люди болѣе другихъ привыкли къ міазмамъ. Въ нѣкоторыхъ эпидеміяхъ смертность равняется неболѣе 4—7%, но въ послѣднюю восточно-прусскую эпидемію смертность доходила до 12—15%, во время крымской войны 1855—56 гг. до 50%, и въ 1858 году въ лондонскомъ госпиталѣ она достигла до 56%.

Тогда какъ сыпной тифъ, появляющійся эпидемически и въ исключительныхъ только случаяхъ спорадически, составлялъ въ прошломъ столѣтіи почти единственную тифозную форму,—брюшной тифъ, составляющій чаще всего болѣзнь спорадическую, сдѣлался господствующей тифозной формой приблизительно 50 лѣтъ тому назадъ. Брюшной тифъ гораздо чаще встрѣчается самобытно и, по словамъ Петенкофера, самую существенную причину появленія его составляетъ пониженіе уровня почвенной воды; но, впрочемъ, теорія эта имѣетъ немало противниковъ. Воспріимчивость къ брюшному тифу различна въ различные годы жизни. Мужчины чаще заболѣваютъ тифомъ, чѣмъ женщины. Крѣпкіе, мускулистые люди легче заболѣваютъ, чѣмъ слабые; у хлоротическихъ дѣвушекъ, у страдающихъ

болѣзнями сердца и легкихъ очень рѣдко наблюдается брюшной тифъ. Брюшной тифъ можетъ поражать одного и того же человѣка неоднократно; вторичныя заболѣванія являются или тотчасъ, или спустя долгое время послѣ перваго заболѣванія. По распространенію своему брюшной тифъ не имѣетъ никакихъ географическихъ границъ, какъ это видно изъ отчетовъ Соединенныхъ штатовъ, Бразиліи, Явы, западныхъ береговъ Африки и т. д. Относительно времени года, изъ наблюденій Цолнера извѣстно, напр., что въ Берлинѣ въ 1843 и въ 1863—67 гг. число смертныхъ случаевъ отъ тифа въ осеннее время было 36,6%, тогда какъ весной эта цифра уменьшилась до 15,30%, слѣдовательно большая часть тифозныхъ заболѣваній приходится на осень.

Одновременно съ сыпнымъ и брюшнымъ тифомъ широкое распространеніе имѣетъ возвратная горячка (febris recurrens). Это тоже особенная форма тифа, впервые описанная Рутти въ 1741 году; она дѣйствовала эпидемически въ Дублинѣ въ 1737 и 1738 годахъ. Въ началѣ XIX столѣтія появлялись повторныя эпидеміи въ Ирландіи, Шотландіи и Англіи и, по словамъ Гризингера, весьма вѣроятно, что въ извѣстной верхнесилезской эпидеміи 1843 и 48 годовъ случаи возвратной горячки встрѣчались рядомъ съ сыпнымъ тифомъ. Новѣйшая литература сообщаетъ свѣдѣнія о недавнихъ эпидеміяхъ въ Бреславлѣ, Грейфсвальдѣ, Кенигсбергѣ, Магдебургѣ, Лейпцигѣ, Берлинѣ, Прагѣ и въ Галлѣ на Заалѣ. Что возвратная горячка представляетъ тифозное заболѣваніе, а не видоизмѣненный процессъ перемежающейся лихорадки, явствуетъ отчасти изъ сходства условій происхожденія возвратной горячки и тифа, отчасти изъ совокупности симптомовъ и отдѣльныхъ явленій, особенно характерныхъ для тифа и, наконецъ, изъ анатомической картины возвратной горячки, сходной съ картиной, встрѣчающейся при остальныхъ тифахъ. Возвратная горячка не щадитъ никакого возраста, но чаще поражаетъ 20—30 лѣтній возрастъ и появляется или самобытно или чрезъ зараженіе. Эпидеміи возвратной горячки совпадаютъ особенно съ дороговизной и неурожайными годами, когда бѣдный классъ народа лишенъ достаточной и здоровой пищи. Если какая нибудь тифозная форма и заслуживаетъ названія голоднаго тифа, то это именно возвратная горячка.

Судебная ошибка.

Романъ **Ф. Буагобея**. Переводъ **С. И. Воскресенской**

(Продолженіе.)

Глава II.

Набережная Конти самая веселая изъ всѣхъ парижскихъ набережныхъ; дома, стоящіе между Монетнымъ дворомъ и Институтомъ самые веселые изъ всѣхъ домовъ набережной Конти, а въ этихъ избранныхъ домахъ, нѣтъ болѣе веселаго и счастливаго жильца, какъ Лекокъ де-Жантильи.

Лекокъ еще добрый старикъ; платитъ онъ очень исправно за свою хорошенькую квартиру, находящуюся въ третьемъ этажѣ дома, окнами на улицу, и слыветъ за человѣка, имѣющаго порядочный капиталецъ. Трудно найти болѣе смирнаго, любезнаго и услужливаго человѣка во всемъ кварталѣ, и въ то же время самаго неизмѣннаго въ своихъ привычкахъ. Онъ завтракаетъ, выходитъ, прогуливается, возвращается домой, обѣдаетъ и ложится спать всегда въ одни и тѣ же, разъ назначенные, часы. Ежедневно, въ полдень, его можно встрѣтить передъ лавочками букинистовъ, на набережной, между мостами «Искуствъ» и «Королевскимъ»; сорокъ минутъ спустя, онъ уже въ тюльерійскомъ саду, гдѣ кормитъ воробьевъ, которые привыкли къ нему до того, что фамильярно садятся ему на плечи; съ двухъ часовъ и до четырехъ онъ удитъ рыбу подъ арками моста Согласія. Только по воскресеньямъ измѣняется эта программа. Сынъ Лекока приходитъ къ нему завтракать и потомъ увозитъ его на цѣлый день за городъ.

Старикъ очень любитъ своего сына, красиваго, двадцати восьмилѣтняго молодого человѣка, хотя и видится съ нимъ только разъ въ недѣлю. Люн Лекокъ получилъ уже дипломъ на доктора правъ и, какъ говорятъ, собирается купить контору того самаго нотаріуса, у котораго служитъ теперь старшимъ письмоводителемъ. Старикъ отецъ заплатитъ за нее безъ затрудненія, потому что успѣлъ скопить себѣ денегъ; онъ же, отецъ, пріискалъ своему сыну и единственному наслѣднику богатую невѣсту. Такимъ образомъ, Лекокъ пользуется уваженіемъ и сочувствіемъ своего домового хозяина, своихъ сосѣдей и своихъ поставщиковъ, хотя никто не знаетъ навѣрное, чѣмъ онъ занимался въ прежнее время и какимъ путемъ пріобрѣлъ свое состояніе. Когда онъ поселился впервые на набережной Конти, говоря, что пріѣхалъ изъ провинціи, сосѣди начали было наводить справки о его прошлой жизни, посмѣиваясь немного надъ аристократическимъ пошибомъ его имени, и увѣряя, что Лекокъ просто родился въ Жантильи, неподалеку отъ Парижа, но счелъ нужнымъ произвести себя въ владѣтельные бароны, не спрашивая на то позволенія у государственнаго канцлера, по примѣру многихъ другихъ буржуа, сочинившихъ себѣ дворянскій гербъ. Но мало по малу злонамѣренные толки замолкли, болѣе всего потому, что пріѣзжій покорилъ себѣ всѣ сердца, включая даже и принадлежавшее его привратницѣ, звавшей своего жильца не иначе, какъ «г. Жантильи».

Старикъ, впрочемъ, не поощрялъ ее къ этому и не хвастался никогда своимъ дворянскимъ происхожденіемъ. Напротивъ, онъ выказывалъ самую буржуазную простоту, любилъ трепать по щечкѣ всѣхъ сосѣднихъ ребятишекъ, кормилъ ихъ пирожками, охотно бесѣдовалъ съ лавочниками и удостоивалъ ихъ даже вопросами о ходѣ дѣлишекъ. Такимъ образомъ, онъ зналъ лучше положеніе своихъ ближнихъ, нежели они знали его собственное, но онъ употреблялъ свои свѣдѣнія не иначе, какъ на добрыя цѣли. Въ околоткѣ говорили, что не одинъ торговецъ, скрывавшій неминуемость своего раззоренія, успѣвалъ вывернуться отъ грозившаго ему банкротства, единственно благодаря ссудѣ, предложенной бѣдняку въ роковую минуту старымъ Лекокомъ. Называли по именамъ двѣ или три семьи, тайныя язвы которыхъ онъ съумѣлъ не только открыть, но и исцѣлить своей помощью.... Однимъ словомъ, его считали какимъ-то олицетвореніемъ провидѣнія. «Онъ видитъ и знаетъ все»! толковало мѣстное населеніе.

Дѣйствительно, старикъ зналъ и умѣлъ угадывать многое, потому что подъ именемъ Лекока де-Жантильи скрывался знаменитѣйшій сыщикъ нашей эпохи, извѣстный Лекокъ, подвиги котораго были такъ увлекательно повѣданы міру перомъ не такъ давно умершаго талантливаго французскаго романиста. Старикъ не хотѣлъ отречься отъ своего прежняго имени; онъ не стыдился его, но счелъ нужнымъ его удлиннить ради своего сына, котораго онъ хотѣлъ ввести въ кругъ крупной буржуазіи, охотно отворяющей двери своихъ гостинныхъ передъ звонкимъ дворянскимъ именемъ.

Но если частица «де», приставленная къ его фамиліи, была нѣсколько фантастична, то нельзя было сказать того же о его капиталѣ, честно пріобрѣтенномъ. Онъ началъ свою карьеру уже обладая отцовскимъ наслѣдіемъ,—очень небольшимъ, но далеко превышавшимъ его скромныя нужды,—и вступилъ въ полицію единственно по призванію. Но впослѣдствіи, когда нѣсколько блистательныхъ дѣлъ выдвинули его, деньги стали сами сыпаться въ карманъ ловкаго сыщика. При каждой значительной покражѣ, потерпѣвшіе обращались къ Лекоку, предлагая ему огромныя награды за поимку преступника. Можно сказать, что во всей Европѣ не исчезалъ ни одинъ милліонъ безъ того, чтобы Лекоку не поручили изловить этотъ милліонъ, а такъ какъ въ наше время пропажи милліоновъ не рѣдки, и Лекокъ былъ человѣкъ исполнительный, то проценты съ ловимыхъ имъ кушей достигали почтенной цифры, превосходившей самые выгодные акціонерные дивиденты. Благодаря этому, Лекокъ владѣлъ большимъ капиталомъ и могъ бы еще увеличить его, но онъ предпочиталъ философски пользоваться тѣмъ, что уже имѣлъ, и не искалъ новыхъ прибылей. Напротивъ, онъ совершенно устранилъ себя отъ прежнихъ дѣлъ, и всячески старался преобразиться изъ бывшаго Лекока, ловкаго сыщика, въ почтеннаго буржуа, акуратнаго, какъ часы, почитывающаго газеты и платонически протестующаго противъ нѣкоторыхъ дѣйствій правительства.

Въ сущности, старикъ выбралъ себѣ эту скромную роль вовсе не по искреннему желанію отдохнуть; страсть къ розыску и разслѣдованію еще не угасла въ немъ и глаза его загорались при первомъ слухѣ о какомъ нибудь запутанномъ уголовномъ дѣлѣ, занимавшемъ втеченіе извѣстнаго времени, весь Парижъ. Тогда, въ тиши своего кабинета, онъ производилъ свое собственное слѣдствіе и потиралъ себѣ руки отъ удовольствія, найдя какой нибудь «слѣдокъ», который проглядѣла полиція, или которымъ она не съумѣла воспользоваться.

Но мы уже сказали, что у Лекока былъ сынъ, —его радость, его жизнь. Отъ кого и когда онъ родился, это было неизвѣстно. Старинные служаки въ полиціи не могли припомнить никакой г-жи Лекокъ, но жители квартала твердо вѣрили, что ихъ сосѣдъ по набережной Конти былъ вдовъ. Какъ бы то ни было, молодой Люи, писавшій на своихъ визитныхъ карточкахъ «Люн Л. де-Жантильи», выросъ въ красиваго и изящнаго молодого человѣка; высокій ростомъ, ловкій, обладающій приличными манерами, онъ былъ уменъ, образованъ и любезенъ, хотя въ его характерѣ и былъ нѣкоторый меланхолическій оттѣнокъ. Онъ началъ свое воспитаніе въ Англіи, довершилъ его въ Германіи и, наконецъ, прошелъ юридическій курсъ въ Парижѣ. Онъ говорилъ на трехъ языкахъ и обладалъ втрое большимъ образованіемъ и благоразуміемъ, чѣмъ то требуется для отличнаго нотаріуса. Люи былъ даже слишкомъ благоразуменъ для своихъ лѣтъ, и его отецъ, предоставлявшій ему полную свободу, жалѣлъ часто о томъ, что молодой человѣкъ не перебѣсится прежде, чѣмъ приметъ на себя серьезныя брачныя узы.

Въ первое воскресенье послѣ происшествія въ улицѣ Алуэтъ, Лекокъ, завтракая съ своимъ сыномъ, замѣтилъ, что тотъ былъ задумчивѣе обыкновеннаго.

— Что съ тобою? сказалъ онъ сыну съ улыбкою. — Ты мраченъ и погруженъ въ думы, какъ человѣкъ, совершившій преступленіе!

— Мнѣ немного нездоровится, поспѣшилъ отвѣтить молодой человѣкъ. — Я отправился вчера вечеромъ въ гости въ порядочное захолустье. Экипажей не было, мнѣ пришлось шагать цѣлый часъ по снѣгу и я должно быть, простудился.

— Надѣюсь, ты не серьезно боленъ; не послать ли за докторомъ?

— О, нѣтъ, это пройдетъ, сказалъ Люи, проводя рукою по лбу.

— Понимаю, замѣтилъ отецъ, улыбаясь,— ты позволилъ себѣ покутить немного, на прощанье съ холостой жизнью... Что же, это извинительно

Картина ВАЛЕТТА.

Первый шагъ.

Рисунокъ В. КАУЛЬБАХА.

Маргарита передъ образомъ.

за мѣсяцъ передъ свадьбой... Ну, ну, я у тебя объясненій не спрашиваю. Съ меня довольно, если ты въ состояніи поѣхать теперь со мною въ Булонь, къ г-жѣ Леконтъ, чтобы повидаться съ своею невѣстой...

Прежде, чѣмъ Люи успѣлъ отвѣтить, въ комнату вошла Гертруда, старая ключница Лекока. Она шепнула нѣсколько словъ на ухо хозяину.

— Вотъ выбралъ время! проворчалъ Лекокъ.— Однакожь, нельзя его не принять... Обожди меня здѣсь, Люи, продолжалъ онъ громко, обращаясь къ сыну.—Черезъ четверть часа, я буду свободенъ. Покури... въ этомъ шкапикѣ найдешь отличнѣйшія сигары.

Онъ всталъ и направился въ свой кабинетъ, гдѣ его встрѣтилъ начальникъ сыскной полиціи, съ которымъ онъ уже съ годъ не видался. Съ того времени, какъ Лекокъ устранился отъ дѣлъ, съ нимъ совѣтовались офиціозно лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Старый сыщикъ высказывалъ всегда свое мнѣніе очень охотно, но упорно отказывался отъ всякаго дѣятельнаго участія въ поискахъ.

— Вѣрно, что нибудь новенькое? спросилъ онъ у гостя, послѣ первыхъ привѣтствій.

— Новенькое и занимательное, отвѣчалъ начальникъ полиціи. — Въ первый разъ еще при мнѣ, — а служу я пятнадцать лѣтъ, — случается такой казусъ!

— И потому вы обращаетесь къ дядѣ Лекоку? Полагаете, стало быть, что онъ еще кое на что годится?

— То есть, я думаю, что вы одни въ состояніи распутать эту исторію.

— Начинайте же эту исторію.

Начальникъ полиціи разсказалъ все, какъ умѣютъ разсказывать настоящіе дѣловые люди,— не пропуская, не спутывая, оставляя въ сторонѣ незначущія обстоятельства и выставляя на видъ только то, что было важнѣе. Лекокъ слушалъ внимательно, закрывая глаза, чтобы не развлекаться ничѣмъ постороннимъ, и ни разу не перебилъ своего гостя. Хорошій разсказчикъ встрѣтилъ и отличнаго слушателя.

— Все? спросилъ Лекокъ, когда посѣтитель умолкъ.

— Рѣшительно все. Носильщикъ арестованъ, женщина отправлена въ Моргъ; онъ не сказалъ до сихъ поръ ни одного слова, а вскрытіе трупа обнаружило только то, что несчастная была убита не позже, какъ черезъ два часа послѣ того, какъ принимала пищу.

— Дѣйствительно, дѣло курьезное. Настоящая загадка...

— Вы ее разгадаете.

— Какъ повезетъ! Конечно... можно предполагать... есть намекъ на... Впрочемъ, пока ничего не видно.

— Дѣйствительно, дѣло курьезное.

— Пиковая дама, напримѣръ.

— Она можетъ значить очень много, или вовсе ничего. Можетъ быть, убійца просто хотѣлъ сбить всѣхъ съ толку этой подробностью, заимствованною имъ изъ уголовныхъ романовъ. Но, разумѣется, эта карта можетъ послужить вамъ впослѣдствіи, когда трупъ будетъ признанъ.

— Да, это обстоятельство важнѣе всего. Тѣло будетъ выставлено сегодня же.

— На вашемъ мѣстѣ, я началъ бы иначе.

— То есть, какъ?

— Я набальзимировалъ бы тѣло и выставилъ бы его позднѣе.

— Но съ чего же начать самый розыскъ?

— Во первыхъ, я долженъ вамъ сказать, что, по моему мнѣнію, вашъ арестантъ не притворяется. Онъ нѣмъ дѣйствительно и игралъ второстепенную роль въ преступленіи. Можетъ быть, онъ даже не зналъ, что лежитъ въ чемоданѣ.

— Я съ вами согласенъ, но только не по послѣднему пункту. Трудно представить себѣ, чтобы онъ не былъ сообщникомъ...

— Онъ можетъ быть въ услуженіи у убійцы, и все же не быть его сообщникомъ. Вы говорите, шагахъ въ пятнадцати передъ носильщикомъ шелъ какой-то буржуа... Когда схватили носильщика, буржуа продолжалъ свой путь, но сѣлъ тотчасъ же въ карету, какъ будто поджидавшую его на бульварѣ «Италія», и эта карета поѣхала быстро... Сержанты слышали стукъ колесъ. Изъ всего этого явствуетъ, что слѣдовало бы изловить этого буржуа.

— Я самъ думаю, что мои оплошали. Но что дѣлать, и самый смѣтливый можетъ опростоволоситься.

— О, сержантовъ нельзя винить. Развѣ колдунъ могъ бы догадаться, что въ чемоданѣ находится трупъ. Хорошо еще, что они догадались арестовать носильщика. Далѣе: очевидно, убійца хотѣлъ спровадить куда нибудь трупъ. Какимъ образомъ?.. Неизвѣстно, но позволяется предположить, что онъ хотѣлъ помѣстить его въ карету и вывезти изъ Парижа. У заставы подвергаютъ осмотру только ввозъ, а не...

— Позвольте сдѣлать вамъ два возраженія. Почему убійца не оставилъ кареты у того дома, въ которомъ совершилъ свое преступленіе? Очевидно, эта женщина была убита гдѣ нибудь на дому... Никто не будетъ укладывать трупъ въ чемоданъ на улицѣ!... А потомъ эта пиковая дама...

— Эта карта, какъ я уже замѣтилъ, можетъ быть припутана лишь съ цѣлью затемнить ходъ дѣла; или же, она могла служить условнымъ знакомъ для какого нибудь сообщника, которому было поручено принять чемоданъ... всего вѣроятнѣе за городомъ... на дачѣ... Все это, разумѣется, однѣ догадки, которыя, можетъ быть, окажутся ошибочными при слѣдствіи... Что же касается вашего перваго возраженія, оно слишкомъ наивно. Главный руководитель дѣла, человѣкъ, какъ видно, себѣ на умѣ, не могъ, конечно, оставить своего экипажа передъ жилищемъ, въ которомъ расправлялся съ своею жертвой. Не стараться же ему было привлечь на себя вниманіе сосѣдей!

— Вамъ кажется, что онъ находилъ болѣе удобнымъ пройти пѣшкомъ цѣлый кварталъ, въ сопровожденіи человѣка съ чемоданомъ на плечахъ?

— Не забывайте, что этотъ человѣкъ нѣмъ и что, въ случаѣ его поимки, убійца всегда могъ спастись... Оно такъ и случилось... Если желаете, я разскажу вамъ всю исторію, какъ она мнѣ представляется. Убійца не изъ категоріи профессіональныхъ преступниковъ. По всей вѣроятности, онъ богатъ и убилъ эту женщину изъ-за особенныхъ побужденій... Впрочемъ, намъ пока еще нѣтъ дѣла до побужденій. Въ услуженіи у преступника находится нѣмой. Такой слуга очень полезенъ, въ особенности, если онъ не умѣетъ ни читать, ни писать, ни даже знаками объясняться. Убійца отправляется съ нимъ къ своей жертвѣ въ такое время, когда можетъ навѣрное застать ее одну; покончиваетъ съ нею и суетъ ее въ чемоданъ, который выноситъ самъ, незамѣченный никѣмъ изъ дома... Весьма вѣроятно, что въ этомъ домѣ привратника не имѣется, какъ во многихъ небольшихъ домахъ — особнякахъ, выстроенныхъ нарочно для начинающихъ дамъ полусвѣта... При выходѣ, онъ сдаетъ чемоданъ нѣмому... Конецъ вамъ извѣстенъ.

— Все это, если не вѣрно, то правдоподобно. Но какъ приступить къ дѣлу? Укажите мнѣ путеводную нить.

— Она у васъ въ рукахъ!

— Какимъ образомъ?

— Этотъ нѣмой,—вотъ ваша нить! Онъ вамъ ничего не скажетъ, но невольно выдастъ вамъ многое.

— Объяснитесь.

— Очень просто!.. Этотъ нѣмой не свалился же съ неба. Жилъ же онъ гдѣ нибудь прежде, чѣмъ вы его сцапали. У самого ли убійцы онъ жилъ, или въ другомъ мѣстѣ, это безразлично. Когда вы узнаете, гдѣ онъ пребывалъ, вы узнаете, кто онъ и съ кѣмъ былъ близокъ. Слѣдовательно, необходимо прежде всего удостовѣриться въ личности этого нѣмого.

— Удостовѣриться... хорошо. Но это не легко. Мы не можемъ выставить его въ Моргѣ, потому что онъ живехонекъ.

— И слава Богу. Если бы онъ умеръ, вести дѣло было бы невозможно. Теперь же я нашелъ средство... Вы говорите, что арестантъ не присутствовалъ при вскрытіи чемодана. Стало быть, онъ не знаетъ, что въ немъ...

— Если и знаетъ, то узналъ не въ полиціи.

— Хорошо. Что нашли на немъ при обыскѣ?

— Семь су, рыночный ножъ и кусочекъ угля.

— Угля?.. Это можетъ пригодиться впослѣдствіи. Теперь же, выпустите этого молодца на свободу, не теряя ни минуты.

— Выпустить! Вѣроятнаго каторжника! Вы шутите!

— Я говорю: выпустите за ворота, но совѣтую глазъ съ него не спускать.

— Понимаю! Что же, штука хорошая, хотя и не нова.

— Да, я изобрѣлъ ее пятнадцать лѣтъ тому назадъ, пользовался ею три раза и постоянно съ успѣхомъ. Я надѣюсь, что у васъ найдутся люди, которые съумѣютъ исполнить эту работу?

— Конечно... конечно... хотя я предпочелъ бы дѣйствовать лично. Но это невозможно; нѣмой меня знаетъ.

— Нашли затрудненіе! Да я въ свое время такъ нарядился бы, что преступникъ самъ заговорилъ бы со много, не узнавъ меня.

— Вы, г. Лекокъ, другая статья. Меня стѣсняетъ мое оффиціальное положеніе. Вотъ почему намъ и хотѣлось бы поручить дѣло такому лицу, какъ вы...

— Ну, мы это оставимъ; вы знаете, я совсѣмъ отказался отъ дѣлъ. Поговоримъ лучше о придуманномъ мною средствѣ. Оно представляетъ только два неудобства. Во-первыхъ, арестантъ можетъ обмануть вашихъ агентовъ и скрыться. Но дураки, которые позволяютъ надувать себя такимъ образомъ, стóятъ того, чтобы ихъ выгнали изъ службы. Я надѣюсь, что ваши молодцы не доведутъ себя до этого?.. Во-вторыхъ, этотъ плутъ можетъ замѣтить, что за нимъ слѣдятъ, и начнетъ дурачить непріятныхъ ему наблюдателей. Но въ такомъ случаѣ его можно схватить снова и засадить. Вотъ и все. Если не выйдетъ ничего хорошаго, то и вреда не послѣдуетъ... И такъ, снабдите вашихъ агентовъ инструкціею и деньгами на всякій случай, а мнѣ позвольте считать это совѣщаніе оконченнымъ и пойти къ моему сыну, который ждетъ меня... Мы видимся съ нимъ только по воскресеньямъ...

Начальникъ полиціи всталъ, но какъ бы колебался уйти.

— Вы хотите сказать еще что-нибудь? спросилъ Лекокъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ нетерпѣнія въ голосѣ.

— Да... и важное, отвѣчалъ гость съ таинственнымъ видомъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Ваши наставленія драгоцѣнны, я благодарю васъ за нихъ отъ всей души и обѣщаю вамъ руководиться имъ въ точности. Вы остаетесь нашимъ учителемъ; равнаго вамъ по сыскной части нѣтъ...

— Вы что-то очень меня захваливаете. Я буду на-сторожѣ.

— Напрасно. Я хочу только прибавить, что въ нашемъ дѣлѣ теорія ничего не значитъ передъ практикою. И на основаніи этого, я прошу

васъ, отъ имени г. префекта принять розыскъ на себя... Если вы согласитесь, за наградой не постоятъ.

— Такъ вотъ къ чему вы клонили! Но, мой другъ, хотя я и очень польщенъ довѣріемъ, которое г. префектъ оказываетъ мнѣ, но принять его предложенія не могу, и вы поймете тотчасъ почему. У меня сынъ...

— Прекрасный молодой человѣкъ, которымъ вы имѣете полное право гордиться, какъ всѣ говорятъ.

— Я не опровергаю комплимента, потому что сынъ мой его заслуживаетъ. Да, это благороднѣйшая и прекраснѣйшая душа! Я воспиталъ его по возможности хорошо, онъ уже пріобрѣлъ себѣ положеніе въ свѣтѣ, и скоро еще улучшитъ его, потому что онъ женится черезъ мѣсяцъ на прелестнѣйшей молодой дѣвушкѣ, которую онъ обожаетъ, и которая приноситъ ему въ приданое большой капиталъ. Разсудите же, могу ли я, въ виду этой близкой свадьбы, взять на руки дѣло, которое поглотитъ все мое время?... Сверхъ того, надо вамъ знать, что Люп ничего не вѣдаетъ о родѣ моихъ прежнихъ занятій, равно какъ о томъ, что большая часть состоянія, которое я ему оставлю, пріобрѣтена мною черезъ ловлю мошенниковъ. И я желаю, чтобы онъ не зналъ этого никогда. Если бы онъ открылъ это, онъ не сталъ бы краснѣть за меня, я въ этомъ увѣренъ, потому что онъ любитъ меня и цѣнитъ по достоинству, но я хотѣлъ бы избавить его отъ всякой лишней непріятности... Вы знаете, что общество смотритъ съ предубѣжденіемъ на нашу профессію... Какимъ же образомъ хотите вы, чтобы я принялся за слѣдствіе, именно въ ту минуту, когда я думаю устроить судьбу моего сына? А дѣйствовать скрытно отъ него нѣтъ возможности. Не пройдетъ недѣли, и онъ замѣтитъ перемѣну въ моихъ ежедневныхъ порядкахъ. Вы съумѣете справиться безъ меня...

— Нѣтъ, любезный Лекокъ. Дѣло выходящее изъ ряда обыкновенныхъ! Работа предстоитъ головоломнѣйшая и мои агенты, навѣрное, запутаются. Потомъ, эти газеты! примутся судить и рядить, и станутъ тормозить намъ каждый шагъ, подъ предлогомъ оказать помощь. По настоящему слѣдовало бы сообщить редакціямъ, что мы потеряли всякую надежду найти преступника, и передали дѣло человѣку, повидимому, непричастному полиціи... розыскныхъ дѣлъ мастеру высшей школы... И мастеръ этотъ вы... вы одинъ!

— Благодарю за атестатъ, но вы ошибаетесь. Вовсе не я одинъ! Вы забываете про человѣка, который можетъ быть вамъ чрезвычайно полезенъ, соединяя въ себѣ всѣ, или приблизительно всѣ, необходимыя качества. Я разумѣю бывшаго лондонскаго сыщика, который прибылъ въ Парижъ въ прошломъ году, и уже оказалъ вамъ не маловажныя услуги. Вы знаете про кого я говорю. У него двойная фамилія... сочиненная, разумѣется...

— Знаю. Толбіакъ де-Тенщебре. Префектъ тоже подумалъ о немъ, но...

— Я полагаю, что выборъ не дуренъ. По слухамъ, онъ очень находчивъ, хитеръ и энергиченъ. Къ тому-же, у него независимое состояніе, а это немаловажно для службы, въ которой требуется безусловная честность. Наконецъ, еще преимущество: его сношенія съ префектурой извѣстны одному только высшему начальству. Затѣмъ, онъ принятъ въ обществѣ, и даже пользуется въ немъ успѣхомъ. Мнѣ кажется, что трудно найти болѣе удобную личность для офиціознаго розыска... Да позвольте, не онъ ли открылъ, прошлымъ лѣтомъ, убійцу въ улицѣ Сабо... бѣглаго каторжника, который водился съ кокотками и поигрывалъ въ баккара?

— Да, онъ искусно велъ это дѣло, и его связи съ полусвѣтомъ очень пригодились ему для поимки преступника, котораго мы тщетно искали цѣлые полгода. Но за то онъ провалился въ дѣлѣ покражи брилліантовъ у испанской герцогини, вы знаете...

— Ну, нельзя же и не ошибиться иной разъ. Я увѣренъ, онъ будетъ теперь счастливѣе... Но вы какъ будто имѣете что-то противъ этого выбора?

— Не то, чтобы положительно... но, правду сказать, этотъ господинъ не внушаетъ намъ особеннаго довѣрія. Мы не добились еще, почему именно онъ уѣхалъ изъ Англіи, а также, гдѣ и когда началось его поприще...

— О, нѣтъ сомнѣнія, родословная его не восходитъ до крестовыхъ походовъ, но если полиція станетъ вербовать своихъ агентовъ только между сыновьями пэровъ, то это станетъ походить на кухонную стряпню въ бальныхъ перчаткахъ... Вѣрьте мнѣ, Толбіакъ самый подходящій для васъ человѣкъ.

— Придется ограничиться имъ, если вы насъ знать не хотите, любезный Лекокъ. Я скажу г. префекту, что вы одобряете Толбіака. Но прежде всего я послѣдую вашему совѣту и выпущу на свободу нѣмого.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

— Тотчасъ-же. И поручу наблюденіе за нимъ двумъ нашимъ лучшимъ агентамъ... о результатѣ сообщу вамъ.

— Вы найдете меня дома всегда... за исключеніемъ воскресныхъ дней, сказалъ, улыбаясь, Лекокъ.—Я думаю, Люп выходитъ изъ себя отъ нетерпѣнія. Мы должны ѣхать черезъ часъ въ Булонь, къ его невѣстѣ.

Полицейскій понялъ, что аудіенція кончена. Онъ пожалъ руку своему прежнему собрату и поспѣшилъ въ префектуру, чтобы привести въ исполненіе планъ, указанный самымъ остроумнымъ изъ всѣхъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ сыщиковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Письма о парижской всемірной выставкѣ.

В. Гренвиля-Муррея.

III.

Открытіе выставки состоялось въ назначенный день 1-го мая, но нельзя сказать, чтобъ она была вполнѣ удачнымъ въ смыслѣ блестящей офиціальной церемоніи. Парижане никогда не запомнятъ такой неблагопріятной погоды въ дни народныхъ торжествъ; съ ранняго утра дождь лилъ безъ остановки и небо было покрыто свинцовыми тучами, непредвѣщающими ничего хорошаго. Даже разнесся слухъ, что церемонія будетъ отложена, но правительство не рѣшилось начать это великое для Франціи дѣло съ отсрочки, а потому только было отмѣнено сосредоточеніе вокругъ выставки всего парижскаго гарнизона въ числѣ 80,000 человѣкъ и на торжествѣ присутствовало лишь столько солдатъ, сколько было крайне необходимо для шпалеры при проходѣ процессіи изъ Трокадеро на другой берегъ Сены. Съ десяти часовъ громадныя толпы не только уличныхъ зѣвакъ, но и лицъ, снабженныхъ билетами стали собираться вокругъ безчисленныхъ входовъ выставки. По различнымъ причинамъ сначала предполагалось допустить на Трокадеро, гдѣ должна была происходить церемонія открытія, самое небольшое, избранное число приглашенныхъ и только въ послѣднее время отказались отъ этой мѣры, что естественно привело къ безконечной путаницѣ и громкимъ жалобамъ. Оказалось, что было выдано пятнадцать сортовъ различныхъ билетовъ съ правомъ исключительнаго входа въ то или другое отдѣленіе выставки, а такъ какъ полиція не успѣла вполнѣ усвоиться съ новыми распоряженіями, то на всѣ вопросы публики: «гдѣ мое мѣсто», отвѣчали почти постоянно: «не знаю». Однако, ни эти безпорядки, ни проливной дождь не нарушали общаго веселаго настроенія, даже энтузіазма, такъ какъ французы, не смотря на свой пламенный, легкомысленный характеръ отличаются удивительнымъ терпѣніемъ при публичныхъ торжествахъ и уличныхъ зрѣлищахъ. Въ часъ пополудни разразилась сильная гроза и удары грома сопровождались крупнымъ градомъ. «C'est le canon du bon Dieu», воскликнула одна старуха въ толпѣ,—Богъ не хочетъ допустить маршала открыть нашу выставку». При этомъ дождь до того усилился, что подъ аркадами Трокадеро блестящее общество приглашенныхъ подверглось настоящему наводненію. Въ пятидесяти шагахъ не было ничего видно и министры, адмиралы, генералы въ золоченыхъ мундирахъ и перьяхъ были также мокры съ головы до ногъ, какъ блузники. Сенаторы и депутаты, считая себя равными съ президентомъ, отказались отъ назначеннаго имъ мѣста въ павильонѣ иностранныхъ принцевъ и другихъ знатныхъ особъ и, какъ первыя государственныя власти, настояли на томъ, чтобы вмѣстѣ съ президентомъ быть хозяевами на этомъ народномъ торжествѣ. По этому и они не избѣгли грустныхъ послѣдствій грозы. Однако, въ послѣднюю минуту небо смилостивилось и когда пушечные залпы объявили объ открытіи выставки, то съ быстротой театральной перемѣны облака порѣдѣли, дождевая дымка, скрывавшая Парижъ, поднялась и даже радуга осѣнила Марсово поле.

Собственно церемонія открытія выставки была очень несложная и непродолжительная. Президентъ, окруженный иностранными принцами, въ томъ числѣ наслѣдниками, англійскимъ, датскимъ и голландскимъ и герцогомъ Лейхтенбергскимъ, выслушалъ рѣчь министра земледѣлія и торговли, Тисейрена-де-Бора, и потомъ съ балкона дворца на Трокадеро объявилъ именемъ французскаго народа, что выставка открыта. Отличительной чертой этой офиціальной церемоніи было отсутствіе духовенства, которое всегда и во всѣхъ странахъ играло до сихъ поръ видную роль на подобныхъ торжествахъ. Кромѣ пушечныхъ выстрѣловъ и шумныхъ криковъ толпы «Да здравствуетъ республика!», слова президента сопровождались грохотомъ воды въ мгновенно спущенныхъ фонтанахъ и звуками многочисленныхъ военныхъ оркестровъ, игравшихъ сочиненную на этотъ случай авторомъ «Фауста» Гуно, торжественную кантату, которая должна была замѣнить марсельезу. Скажемъ здѣсь въ скобкахъ, что эта мѣра, будто бы вызванная дипломатическими соображеніями и присутствіемъ иностранныхъ принцевъ, далеко не увѣнчалась успѣхомъ; публика приняла новый офиціальный гимнъ очень холодно, чтобы не сказать болѣе, особенно потому, что припѣвъ «да здравствуетъ Франція» напоминаетъ воинственные клики версальской реакціи, до сихъ поръ ненавистные всѣмъ парижанамъ. Такимъ образомъ, можно смѣло сказать, что маршъ Гуно, не отличающійся музыкальными достоинствами, никогда не вдохновитъ народную массу и не замѣнитъ марсельезы.

Но возвратимся къ открытію выставки; она окончилась торжественнымъ шествіемъ президента со всѣми приглашенными лицами изъ дворца Трокадеро черезъ Іенскій мостъ на лѣвый берегъ Сены въ главное зданіе выставки, гдѣ ими были бѣгло осмотрѣны французское и иностранныя отдѣленія. При этомъ публика неудержимымъ напоромъ прорвала всѣ преграды и нарушила офиціальный порядокъ шествія, даже толкая президента и иностранныхъ принцевъ, но очень деликатно и не грубо. Естественное въ республикѣ слитіе всѣхъ общественныхъ классовъ въ послѣднее время, повидимому, совершилось во Франціи, гдѣ со времени паденія вто-

№ 20. 1878.
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НОЧНЫЯ РАБОТЫ ПРИ ЭЛЕКТРИЧЕСКОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

рой имперіи съ каждымъ годомъ преграды, раздѣлявшія между собою различные общественные слои, мало-по-малу исчезали и если еще иногда, въ извѣстной мѣрѣ, напоминаютъ о себѣ, то лишь по добровольному согласію толпы. Парижане прекрасно исполняютъ сами всѣ обязанности полиціи въ публичныхъ собраніяхъ и сдерживать парижскую толпу солдатами уже не мыслимо. Конечно, порядокъ, наблюдаемый толпою въ такихъ случаяхъ, своеобразенъ, но не сопровождается ни грубымъ насиліемъ, ни преднамѣренными оскорбленіями, а лучшимъ доказательствомъ, что онъ ни грозитъ никакими опасностями обществу служитъ тотъ простой фактъ, что въ день открытія выставки по официальнымъ свѣдѣніямъ на Марсовомъ полѣ и Трокадеро перебывало 500,000 человѣкъ и 19,088 частныхъ экипажей, не считая безчисленныхъ дилижансовъ и вагоновъ конно-желѣзной дороги, а между тѣмъ не произошло ни одного несчастнаго случая или скандальной исторіи. Если же толпа и не всегда вела себя съ аристократической деликатностью, то не надо забывать, что втеченіи многихъ вѣковъ низшіе классы французскаго населенія не знали даже первоначальной школы, потому, по всей справедливости, надо дать время развиться новымъ порядкамъ во Франціи, при которыхъ толпа пріобрѣтетъ большую благовоспитанность.

Между тѣмъ въ этотъ же день парижане сдѣлали нѣчто гораздо знаменательнѣе. Цѣною значительныхъ для бѣдныхъ людей пожертвованій, весь Парижъ, не только бульвары и главнѣйшія улицы, но самые отдаленные рабочіе кварталы, какъ Бельвиль и Монмартръ, горѣли огнями. Никогда не было видано даже въ Парижѣ такого всеобщаго восторга, такой блестящей иллюминаціи и такой веселой, шумной, но непроизводящей ни малѣйшаго безпорядка толпы, какъ вечеромъ 1-го мая. И тутъ не было ничего искуственнаго, офиціальнаго, вызваннаго правительственными распоряженіями; народъ на свободѣ и вполнѣ добровольно признавалъ свое національное возрожденіе передъ лицомъ представителей всего свѣта, собравшихся на великое торжество мира и труда. Этой безпримѣрной въ лѣтописяхъ Парижа народной манифестаціи вполнѣ содѣйствовала и разгулявшаяся къ вечеру погода.

Поэмы въ прозѣ Боделера.

Переводъ П. В. Га-на.

Желая ознакомить нашихъ читателей съ нѣкоторыми малоизвѣстными для нихъ иностранными писателями, Редакція помѣщаетъ, для образчика, нѣсколько поэмъ въ прозѣ одного изъ современныхъ намъ французскихъ писателей Боделера (Baudelaire), къ сожалѣнію, уже сошедшаго въ могилу, послѣ двадцатилѣтней литературной своей дѣятельности. Шарль Боделеръ, родившійся въ Парижѣ въ 1821 году, умеръ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Его сочиненія и переводы съ англійскаго, произведеній американскаго писателя Эдгара Поэ, напечатаны въ четырехъ томахъ, изъ которыхъ три составляютъ его прозу, а первый томъ его поэзію. Посвятивъ поэтическія произведенія (числомъ болѣе ста пятидесяти) другу и учителю своему, извѣстному писателю Теофилю Готье, Боделеръ далъ тѣмъ ему возможность отнестись съ теплою любовью къ подробному разбору этихъ произведеній какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Заимствуемъ изъ біографіи написанной Готье, нѣсколько строкъ для краткаго хотя ознакомленія съ характеромъ и взглядами Боделера, какъ человѣка и писателя. Уже двадцати лѣтъ отъ роду Боделеръ пріобрѣлъ въ Парижѣ громкую извѣстность поэта. Не легко онъ достигъ ея, такъ какъ мать и отчимъ его (генералъ Опикъ, бывшій впослѣдствіи посланникомъ въ Константинополѣ), желая заглушить возникшую въ немъ страсть къ литературѣ, отправили Шарля, еще юношей, чуть не въ кругосвѣтное путешествіе, въ убѣжденіи, что подобная прогулка разсѣетъ и развлечетъ его. Побывавъ на берегахъ Азіи и Африки, Боделеръ вернулся на родину съ прежнимъ желаніемъ остаться вѣрнымъ своему призванію писателя. Даже попытки родныхъ увлечь его выгодами торговли и спекуляціи остались напрасны. Нежеланіе матери, чтобы сынъ посвятилъ себя своему призванію, объясняется перспективой печальнаго существованія писателя, не обезпеченнаго матеріально, и встрѣчающаго не мало препятствій даже со стороны своихъ собратій, прошедшихъ уже тяжелую школу лишеній и зависти. Предлагаемые нашимъ читателямъ образчики, взяты изъ послѣдняго тома его сочиненій, изъ числа пятидесяти небольшихъ поэмъ въ прозѣ, составляющихъ сюжеты для картинъ художника, и служащихъ по своему стилю звѣномъ, соединяющимъ прозу съ поэзіей. Какъ смотрѣлъ самъ Боделеръ на эти поэмы, видно изъ собственныхъ словъ его, сказанныхъ въ предисловіи къ нимъ. «Кто изъ насъ, писателей, въ минуты вдохновенія, не мечталъ о чудной силѣ поэтической прозы, безъ размѣра и рифмъ, но своей гибкостью и музыкальностью захватывающей сердце и душу, чтобы влiять на ея лучшія свойства и направлять волю нашихъ читателей ко всему чистому и благородному».

I.

Дары фей.

Было большое собраніе фей, для распредѣленія даровъ между всѣми явившимися на свѣтъ въ послѣдніе двадцать четыре часа. Всѣ эти древнія и капризныя сестры судьбы, всѣ эти странныя матери горя и радости, были совершенно не похожи одна на другую. Однѣ изъ нихъ имѣли видъ сердитый, суровый; другія—лукаво хитры, веселый. Однѣ сіяли молодостью потому, что всегда были молоды; другія же олицетворяли собою старость потому, что всегда были стары. Здѣсь собрались всѣ отцы, имѣвшіе къ феямъ довѣріе, и каждый изъ нихъ явился сюда съ новорожденнымъ ребенкомъ. Дары, способности, счастливый случай, и разныя вліяющія на жизнь непреодолимыя обстоятельства были собраны близь трибуны, съ которой производилась раздача ихъ. Но что было всего здѣсь страннѣе, такъ это то, что дары фей не служили вовсе наградой ни труду, ни усилію, а напротивъ были совершенно незаслуженной милостью для тѣхъ, которые еще и не жили вовсе; хотя подобная щедрость могла связать ихъ судьбу, и полученный даръ могъ сдѣлаться источникомъ какъ для счастія, такъ и для несчастія ихъ. Бѣдныя феи преусердно исполняли свою обязанность и было имъ много работы, такъ какъ толпа просителей была не мала, и въ виду того, что даже существа міра, связующаго людей съ ихъ Творцомъ, подчинены, какъ и мы, неумолимому закону времени и его безконечному потомству, называемому днями, часами, минутами и секундами. И дѣйствительно, щедрыя феи казались также утомленными, какъ случается это и съ министрами въ ихъ пріемные дни.

Я даже думаю, что феи не разъ посматривали на часовую стрѣлку съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ и судьи наши, засѣдающіе съ утра и дозволяющіе себѣ хотя помечтать объ обѣдѣ, о семьѣ, и даже о своихъ туфляхъ. Если въ судѣ сверхестественномъ бываетъ нѣкоторая торопливость и поспѣшность въ рѣшеніяхъ, то не слѣдуетъ удивляться, если то же самое приходится намъ видѣть и между нашими судьями. Иначе мы были бы сами неправедными судьями. Также и въ этотъ день феи сдѣлали нѣсколько промаховъ и ошибокъ, которые слѣдовало бы назвать весьма странными, если бъ благоразуміе, а не капризъ, было отличительнымъ характеромъ фей. Такъ власть магнетически притягивать къ себѣ богатство была дарована единственному наслѣднику весьма богатаго семейства, не получившаго при этомъ склонности къ благотворительности, и еще менѣе желанія дѣлать ближнему хоть какое-нибудь добро. Безъ сомнѣнія, подобный даръ, современемъ, окажется весьма обременительнымъ, и всѣ собранные имъ милліоны, будутъ только въ тягость ему. А вотъ и другой примѣръ необдуманнаго распредѣленія даровъ. Любовь къ прекрасному и способность къ поэзіи были дарованы сыну какого-то плута и бездѣльника, и, конечно, нисколько не могли облегчить ни его нужды, ни достойнаго сожалѣнія его потомства. Я забылъ вамъ сказать, что раздача даровъ, при такомъ торжественномъ случаѣ, не допускала никакихъ возраженій, и дары не могли быть не приняты. Наконецъ, всѣ феи поднялись съ своихъ мѣстъ, видя тяжелый долгъ свой оконченнымъ, такъ какъ не оставалось уже болѣе никакихъ даровъ для раздачи собравшейся предъ ними толпы. Вдругъ одинъ молодецъ, кажется, бѣдный торговецъ тряпья, схватившись за воздушное платье находившейся вблизи него феи, сказалъ:

— А меня вы забыли совсѣмъ. Мой ребенокъ еще не получилъ ничего! Я отъ васъ не уйду безъ подарка!

Понятно, что фея была озадачена такимъ заявленіемъ, такъ какъ всѣ дары были уже розданы. Но быстро вспомнивъ весьма рѣдко примѣняемый въ сверхестественномъ мірѣ законъ, дающій право такимъ неосязаемымъ божествамъ въ подобныхъ случаяхъ, какъ настоящій, при израсходованіи всѣхъ даровъ, раздавать еще одинъ, добавочный, но только съ условіемъ, чтобы фея могла придумать и назвать новый даръ. И вотъ, наша фея, къ которой обратился торговецъ тряпья, съ самоувѣренностью, приличной ея положенію, сказала ему:

— Я даю твоему сыну... я даю ему... даръ нравиться!

— Но какъ и чѣмъ нравиться? для чего и кому? настойчиво спрашивалъ бѣдный торговецъ, бывшій, безъ сомнѣнія, однимъ изъ тѣхъ многихъ болтуновъ, которые неспособны возвышаться до логики вздора и глупости.

— Потому что... потому что... возразила раздраженная фея, уходя отъ него.

Подойдя къ своимъ подругамъ, она спросила ихъ:

— Какъ вы находите этого тщеславнаго человѣка, желающаго все понять, все разгадать; онъ получилъ для своего сына наилучшій изъ даровъ и еще рѣшается допрашивать меня и спорить о томъ, чего онъ не можетъ понять?

II.

Глаза бѣдняковъ.

Вы желаете знать, отчего я сегодня такъ холоденъ съ вами? Не сомнѣваюсь, что для васъ легче понять причину, чѣмъ мнѣ объяснить ее, такъ какъ я вижу въ васъ рѣдкій образчикъ непроницательности, подобный которому едва можно найти. Вы помните, конечно, какъ провели мы цѣлый день вмѣстѣ, но для меня онъ показался не днемъ, а минутой. Мы обѣщали тогда другъ другу дѣлиться нашими мыслями и желали, чтобы съ этого дня слились наши души въ одну. Въ подобной мечтѣ мы не находили тогда ничего невозможнаго какъ и многіе изъ людей, хотя осуществить ее не удавалось еще никому. Вечеромъ, не много усталые, вы пожелали посидѣть передъ новымъ ресторраномъ, на углу бульвара съ неукатаннымъ еще щебнемъ, но открывавшемъ всю его прелесть. Ресторанъ былъ залитъ огнями. Казалось, что даже самъ газъ, вырываясь изъ безчисленныхъ золоченыхъ рожковъ, горѣлъ желаніемъ выказать въ наилучшемъ свѣтѣ все богатство и роскошь наружныхъ и внутреннихъ украшеній зданія, стѣны котораго блестѣли ослѣпительною бѣлизною. Газовый свѣтъ,

отражаясь отъ поверхности зеркальныхъ стѣнъ, перебѣгалъ по золотымъ карнизамъ, и озарялъ: пухлыя щечки пажей съ собачками, смѣющихся дамъ съ соколами въ рукахъ для охоты; нимфъ и богинь, несшихъ на головкахъ фрукты, дичь и пирожное; Гебъ, богинь юности, и Ганимедовъ, кравчихъ боговъ, предлагавшихъ въ небольшихъ сосудахъ напитки и разныя вина.

Тутъ изображена была на стѣнахъ въ картинахъ и фрескахъ вся исторія и миѳологія для посѣтителей храма обжорства. Прямо, противъ насъ, на шоссе, припомните, мы замѣтили тогда человѣка, лѣтъ сорока, съ грустнымъ усталымъ лицомъ, съ сѣдоватой бородкой; онъ держалъ за руку мальчика, а на другой рукѣ сидѣлъ у него малютка, неимѣвшій еще силы ходить. Исполняя должность няньки, отецъ, какъ видно, вышелъ съ дѣтьми подышать свѣжимъ воздухомъ. Какія то лохмотья составляли одежду отца и дѣтей. Эти три лица были необыкновенно серьезны; ихъ три пары глазъ въ изумленіи смотрѣли на роскошь ресторана, и видно было въ ихъ взорахъ общее, но различное по возрасту ихъ, удивленіе. Глаза отца, какъ бы говорили: «Какъ это прекрасно! какъ хорошо! такъ и кажется, что все золото жалкаго міра истрачено на украшенія этихъ стѣнъ». Въ глазахъ же мальчика выражалась мысль: «Какъ это чудесно! какъ хорошо! но въ этотъ домъ могутъ войти только люди не такіе, какъ мы!» Глаза же малютки говорили, что онъ былъ слишкомъ очарованъ, чтобы выразить другое чувство, кромѣ безотчетной и глубокой радости. Говорятъ, что удовольствіе дѣлаетъ душу добрѣе и размягчаетъ сердце. Это мнѣніе оказалось справедливо въ отношеніи меня въ тотъ вечеръ. Я не только былъ растроганъ семьей бѣдняковъ, но я даже почувствовалъ нѣкоторый стыдъ, смотря на стаканы и графины, въ такомъ излишествѣ утолявшіе нашу жажду. Я обратилъ тогда взоры на васъ, моя дорогая, чтобы въ глазкахъ вашихъ прочесть свою мысль.

Но пока я искалъ въ вашихъ чудныхъ и добрыхъ глазахъ отвѣта на запавшую мнѣ добрую мысль, вы вдругъ довольно сурово сказали мнѣ:

— Эти люди, съ ихъ широко открытыми глазами, мнѣ просто невыносимы! Не можете ли попросить хозяина ресторана приказать удалить ихъ отсюда?

Вы теперь поймете, мой ангелъ, какъ согласіе душъ не дается легко, и какъ непередаваема мысль даже и между тѣми, которые любятъ другъ друга!

III.

Игрушка бѣдняка.

Я желаю дать мысль для невиннаго развлеченія, такъ какъ весьма мало существуетъ удовольствій безвредныхъ для нравственности. Когда вы пойдете утромъ гулять за-городъ,—запаситесь дешевыми игрушками изъ картона, напримѣръ: полишинель, прыгунъ, приводимый въ движеніе одною ниткой; кузнецъ, бьющій по наковальнѣ молотомъ; всадникъ, у лошади котораго въ хвостѣ сдѣланъ свистокъ. Идя по большой дорогѣ, мимо селеній и заѣзжихъ домовъ, раздавайте эти игрушки ребятишкамъ, попадающимся вамъ на встрѣчу. Вы увидите, какъ бѣдныя дѣти широко раскроютъ свои глазки, не рѣшатся сначала взять вашъ подарокъ, какъ бы сомнѣваясь въ своемъ неожиданномъ счастьѣ. Но потомъ ихъ ручки живо схватятъ подарокъ и побѣгутъ ребятишки отъ васъ, какъ это дѣлаютъ кошки, которыя брошенный имъ кусокъ мяса съѣдаютъ подальше отъ васъ, изъ боязни, чтобъ его не отняли.

На дорогѣ, за желѣзною рѣшеткой большого сада, въ глубинѣ котораго виднѣлся красивый замокъ, освѣщенный яркими лучами солнца, стоялъ хорошенькій ребенокъ, одѣтый хотя и въ дачный, но весьма щегольской костюмъ. Довольство, беззаботность и привычка къ постоянной роскоши, дѣлали этого ребенка такимъ красавцемъ, что можно было подумать, будто онъ сдѣланъ изъ другого тѣста, чѣмъ дѣти бѣдняковъ. Вблизи него валялась на травѣ дорогая кукла, такая же свѣжая и красивая, какъ ея хозяинъ, одѣтая въ ярко красное платье, обшитое золотыми шнурками и стеклярусомъ. Но ребенокъ не обращалъ вниманія на свою любимую игрушку, и вотъ что его занимало. На дорогѣ, за рѣшеткою, между кустами репейника и крапивою, стоялъ другой ребенокъ, слабенькій, запачканный, въ грязной одеждѣ; одинъ изъ тѣхъ паріевъ бѣдняковъ, въ которомъ глазъ безпристрастнаго наблюдателя открылъ бы красоту, подобно тому, какъ глазъ знатока угадываетъ прекрасную живопись въ картинѣ, покрытой толстымъ слоемъ каретнаго лака. И черезъ эти символическія преграды, какъ бы раздѣлявшія два міра, большую дорогу и замокъ, бѣдное дитя показывало богатому ребенку свою игрушку, которая возбуждала въ немъ сильное удивленіе, какъ предметъ для него вовсе неизвѣстный. Что же это была за игрушка? Въ ящикѣ, сдѣланномъ изъ прутьевъ, на подобіе клѣтки, бѣгала, взадъ и впередъ, живая крыса! Родные ребенка, по своей бѣдности, конечно, взяли такую игрушку прямо изъ окружавшей ихъ жизни. И братки смѣялись оба ребенка другъ другу, и при этомъ ихъ зубки блестѣли одинаково своей бѣлизной.

Какъ репетируются пьесы Сарду.

Одной изъ причинъ невсегда удачнаго исполненія пьесъ на петербургской драматической сценѣ совершенно справедливо считается недостаточная и часто неумѣлая срепетовка ихъ. Послѣдній режиссеръ, недавно умершій, Лепинъ былъ вообще плохимъ режиссеромъ, но и помимо режиссерской неспособности, наши артисты вообще какъ-то слегка относятся къ репетиціямъ. И, странное дѣло, за легкое отношеніе винить приходится не ихъ, потому что даже при всемъ желаніи ихъ относиться серьезнѣе къ дѣлу репетицій, этого сдѣлать они не могутъ. При существующей у насъ бенефисной системѣ, мало-мальски способный актеръ принужденъ почти каждую недѣлю исполнять новую роль, случается, и двѣ роли. Нужно обладать громадной памятью и выходящей изъ ряду талантливостью, чтобы при этихъ условіяхъ, создавать роль, вкладывать въ нее творчество. Но такихъ артистовъ нѣтъ на петербургской сценѣ; лучшіе изъ нихъ люди не безъ таланта, все-таки вынуждены безпрерывно подходить къ суфлерской будкѣ, чтобы оттуда получать вдохновеніе. Зная, что репетиція не избавитъ его отъ необходимости возлагать надежды на суфлерскую будку, артистъ хлопочетъ на репетиціи только о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны не встрѣчать затрудненій при исполненіи роли, т. е. чтобы мебель не загораживала прохода, чтобы во время патетической сцены не задѣть за столъ или за ножку дивана и пр.

Во Франціи иначе. Возможность не снимать пьесы съ репертуара въ теченіи двухъ, трехъ, иногда и болѣе, мѣсяцевъ, даетъ средство обращать вниманіе на тщательную срепетовку пьесы. Дирекція театра гордится, если можетъ сказать, что даже и на первомъ представленіи пьеса прошла такъ, что нельзя сдѣлать никакого замѣчанія режиссеру. Успѣшный ходъ репетиціи на французской сценѣ зависитъ отчасти и отъ того, что автору пьесы предоставляется руководить репетиціями. Этимъ правомъ особенно широко пользуется Сарду, знатокъ театральнаго дѣла. На репетиціяхъ онъ совершенный деспотъ, бываетъ порою капризенъ и педантиченъ, но за то его пьесы всегда срепетованы безукоризненно хорошо. Въ книгѣ «Soirées parisiennes» помѣщенъ слѣдующій разсказъ о томъ, какъ репетируются пьесы Сарду.

Постороннему человѣку попасть на репетицію пьесы Сарду рѣшительно невозможно. Театральный привратникъ окидываетъ инквизиторскимъ взглядомъ всякаго подходящаго къ двери и отворяетъ ее только для лицъ, принадлежащихъ къ служебному персоналу театра. Въ день чтенія своей пьесы, Сарду беретъ клятву съ артистовъ, что ни одинъ изъ нихъ не проговорится ни словомъ о пьесѣ внѣ театра. Въ день репетиціи изъ предосторожности онъ самъ осматриваетъ всѣ ложи, не притаился-ли кто нибудь въ нихъ, и затѣмъ беретъ къ себѣ ключи отъ нихъ. Сцена и партеръ осматриваются также тщательно. Какъ удалось автору приводимой нами замѣтки попасть на репетицію, онъ не объясняетъ, но только-онъ присутствовалъ на ней и вотъ какъ описалъ ее.

Передъ сценой театра «Водевиль» ставится знаменитый шалашъ Сарду, купленный имъ у одного изъ ярмарочныхъ торговцевъ. Сидя въ немъ, извѣстный драматургъ избавленъ отъ дѣйствія сквозного вѣтра, безъ котораго на сценѣ обойтись невозможно.

Раздается звонокъ къ репетиціи. Первымъ появляется декораторъ, старикъ Коломбье, въ сопровожденіи машинистовъ и плотниковъ. За ними приходятъ режиссеръ Амбруазъ и его помощникъ Бонпенъ. Режиссеръ тщательно повѣряетъ, стоитъ-ли на назначенныхъ мѣстахъ мебель. Мѣста эти заранѣе распредѣлены самимъ Сарду и чтобы не вышло какой-нибудь ошибки, онъ собственоручно обозначилъ ихъ на полу мѣломъ. Не успѣлъ режиссеръ окончить свою повѣрку, показались, одинъ за другимъ, артисты, участвующіе въ пьесѣ, за ними суфлерша, г-жа Жолье, и, наконецъ, авторъ.

Сарду ежится, воротникъ его пальто приподнятъ, разумѣется, на немъ надѣтъ его легендарный бѣлый шарфъ, т. е. собственно не одинъ, а два шарфа. Весь театральный персоналъ окружаетъ Сарду, справляется о его здоровьи; какъ всегда, передъ репетиціей, оказывается, что онъ страдаетъ невральгіей, что онъ не спалъ всю ночь.

— Скорѣе нашатырнаго спирта!

Спиртъ приносятъ. Каждый разъ, какъ репетируется пьеса Сарду, нашатырный спиртъ значится въ числѣ бутафорскихъ вещей, для нея потребныхъ.

На лицахъ всѣхъ присутствующихъ выражается безпокойство; директору видимо не по себѣ. Невральгія Сарду означаетъ, что репетиція будетъ слишкомъ продолжительная, авторъ очень строгъ и каждую сцену придется повторять по нѣсколько разъ.

Но все готово для начала репетиціи. Сарду получилъ отъ бутафора флаконъ съ нашатырнымъ спиртомъ и успѣлъ достаточно нанюхаться. Вдругъ раздается отчаянный крикъ:

— Амбруазъ!

Испуганный режисеръ стремительно подбѣгаетъ.

— Амбруазъ, мой другъ, говоритъ Сарду сердитымъ голосомъ,— посмотрите, диванъ на право, лѣвая ножка его перешла за черту, проведенную мѣломъ.

Не успѣли еще передвинуть лѣвую ножку дивана, раздается новый крикъ:

— Коломбье!

Дрожащій декораторъ выступаетъ въ свою очередь.

— Лѣвая передняя кулиса не на мѣстѣ.

Переставляютъ кулису. Новый возгласъ:

— Гдѣ мое кресло?

Бутафоръ летитъ со всѣхъ ногъ.

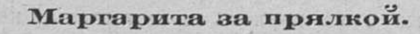
— Вашъ бутафоръ убьетъ меня! негодуетъ

Сарду.—Я чувствую, онъ будетъ причиной моей смерти!

Приносятъ кресло и Сарду исчезаетъ въ своемъ шатрѣ вмѣстѣ съ суфлершей и однимъ изъ директоровъ.

Начинается репетиція. Чрезъ нѣсколько секундъ уже раздаются изъ глубины шатра замѣчанія:

Рисунокъ ЛИНЕЦЪ-МЕЙЕРА.


Маргарита за прялкой.

— Не такъ, мое дитя!... Станьте правѣе, Парадъ!... Садитесь на стулъ, Персонъ!... Барте, моя малютка, подвиньтесь къ камину!... Хорошо... превосходно!

Похвала уже начинаетъ успокоивать артистовъ, но внезапно Сарду, точно бѣшенный, выскакиваетъ изъ своего шатра, летитъ къ какой нибудь мебели и поправляетъ ее. На ходу онъ сбрасываетъ одинъ изъ своихъ шарфовъ, но тотчасъ-же, почувствовавъ холодъ, снова одѣваетъ его.

По мѣрѣ того, какъ идетъ репетиція, голосъ Сарду все болѣе и болѣе возвышается; безпрестанно выбѣгаетъ онъ изъ своего шатра, снимаетъ и надѣваетъ свои шарфы. Иногда увлеченіе его доходитъ до того, что, весь въ поту, онъ сбрасываетъ съ себя на землю свое пальто, но чрезъ минуту снова облачается въ него и бранитъ себя за легкомысліе. Онъ играетъ всѣ роли, замѣняя и мужчинъ, и женщинъ; при случаѣ онъ изображаетъ собою даже какую-нибудь мебель. Ни одна малѣйшая подробность не ускользаетъ отъ его вниманія, во всякой мелочи онъ заявляетъ свою авторскую инициативу.

Въ три часа дается десятиминутный роздыхъ. Изъ ближайшаго ресторана приносятъ Сарду американскій напитокъ. Смакуя его, Сарду продолжаетъ дѣлать указанія артистамъ относительно ихъ игры. По истеченіи десяти минутъ, снова начинается репетиція и тянется до пяти часовъ. Сарду желаетъ продолжать репетицію, проситъ повторить самую эфектную сцену пьесы, но артисты рѣшительно отказываются и спѣшатъ домой. Мало-по-малу театръ пустѣетъ. Сарду съ грустью выходитъ почти послѣднимъ. Онъ уже болѣе не страдаетъ невральгіей. Однакожь, передъ уходомъ, онъ говоритъ директорамъ:

— Увидите, вашъ бутафоръ будетъ когда-нибудь причиной моей смерти!

Такихъ репетицій для каждой пьесы Сарду бываетъ нѣсколько и онъ только тогда разрѣшаетъ первое представленіе пьесы, когда она срепетована безукоризненно.

Маргарита.

Ст. П. Библіофила.

Кто не читалъ Фауста, кто не знаетъ этой великой трагедіи Гёте? Она переведена на всѣ европейскіе языки, ее иллюстировали десятки художниковъ, стараясь передать карандашемъ и кистью безсмертные образы и безсмертныя сцены великаго поэта. Среди иллюстраторовъ, пробовавшихъ передать при помощи живописи образы и сцены изъ трагедіи Гёте, особенную извѣстность получили Каульбахъ-отецъ и Лиценъ-Мейеръ, прославившійся въ послѣднее время иллюстраціями къ Фаусту. Желая познакомить нашихъ читателей съ иллюстраціями къ Фаусту, мы на первый разъ остановились на четырехъ картинахъ, изображающихъ четыре различные момента изъ жизни Маргариты—этой поэтической героини трагедіи. Первая изъ этихъ картинъ, принадлежащая карандашу Лиценъ-Мейера, представляетъ Маргариту въ ту минуту, когда она, послѣ свиданія съ Фаустомъ, задумывается у прялки о немъ. Она уже страдаетъ, она уже чувствуетъ, что у нея отнятъ навсегда ея дѣвическій покой, и поетъ:

Въ груди покой мой
Погибъ въ бѣдѣ;
Его не сыщешь
Нигдѣ, нигдѣ!

Рисунокъ ГЕЙНА.

Доломитъ въ Швейцаріи.

Мнѣ жизнь безъ друга,
Какъ гробъ, страшна
И радость міра
Отравлена.

Мутиться началъ
Мой бѣдный умъ,
Его терзаютъ
Отрывки думъ.

Въ груди покой мой
Погибъ въ бѣдѣ,
Его не сыщешь,
Нигдѣ, нигдѣ!

Его здѣсь жду я
Передъ окномъ;
За нимъ слѣжу я,
Покинувъ домъ.

Станъ благородный,
Въ движеньяхъ власть,
Уста съ улыбкой,
Во взглядѣ страсть.

И этой рѣчи
Волшебный звукъ,
И поцѣлуи
Съ пожатьемъ рукъ...

Въ груди покой мой
Погибъ въ бѣдѣ;
Его не сыщешь,
Нигдѣ, нигдѣ.

Въ груди желанье
За нимъ бѣжать...
Когда бъ могла я
Его обнять!

Отъ поцѣлуевъ
Сгорать и млѣть
И съ поцѣлуемъ
Здѣсь умереть.

Этотъ образъ уже волнуемой любовью, уже глубоко потрясенной дѣвушки превосходно передаетъ Лиценъ-Мейеръ. Но не долго продолжалось для Маргариты счастье любви; оно быстро смѣнилось упреками совѣсти, городскими сплетнями, отчаяньемъ и мольбами о прощеніи, о помощи. Минута молитвы Гретхенъ передъ изображеніемъ Богоматери, плачущей надъ тѣломъ своего Сына, замѣчательно хорошо и драматично передана В. Каульбахомъ въ его картинѣ. Здѣсь Гретхенъ уже вся въ слезахъ, ломая руки, лежитъ на мостовой и молится, тогда какъ недалеко у колодца идутъ бабьи сплетни и толки про несчастную дѣвушку. Но она не слышитъ ихъ, она вся отдалась молитвѣ, на ея устахъ звучатъ отрывистыя, полныя драматизма рѣчи:

Съ участьемъ
Къ моимъ несчастьямъ,
Скорбящая, взоръ обрати!
Облившись кровью,
Глядишь съ любовью
На тѣло сына съ тоской въ груди,
Къ отцу взираешь
И возсылаешь
Къ нему ты вздохи своей души.
Кто можетъ
Узнать, какъ тревожитъ
Мнѣ горе сердечный покой.
Чѣмъ сердце страдаетъ,
Съ чего оно бьется, чего желаетъ,
Извѣстно тебѣ лишь одной.
Куда ни пойду я,
Тоскуя, тоскуя, тоскуя,
Не въ силахъ я вольно вздохнуть.
Одна ли останусь—не грезы,
А слезы, все слезы и слезы
Мнѣ душатъ усталую грудь.
Окно оросила слезами
Въ каморкѣ своей я чѣмъ свѣтъ,
Когда я поутру вязала
Тебѣ принесенный букетъ.
Лучи золотые блестѣли,
Привѣтно скользнувъ въ мой покой, —
Одна я, склонясь на постели,
Рыдала, рыдала съ тоской.
О, смерть и позоръ отврати!
Съ участьемъ
Къ моимъ несчастьямъ,
Скорбящая, взоръ обрати!

Но чаша скорби должна быть выпита до дна: Маргарита сдѣлалась матерью, ея дитя погибло, она попала въ темницу, но попала въ нее уже безумною отъ горя, отъ позора. Этотъ образъ сумасшедшей Маргариты въ тюрьмѣ, мы встрѣчаемъ въ картинѣ Бертрана. Маргарита лежитъ на каменномъ выступѣ, почти на полу, подъ самымъ окномъ, за которымъ уже крадется Фаустъ въ сопровожденіи Мефистофеля, чтобы освободить узницу; онъ, вѣроятно, слышитъ ея безумную, циничную пѣснь:

Развратница мать
Извела меня!
Мой отецъ былъ плутъ,
Онъ сгубилъ меня!
Малютка сестрица моя
На тотъ свѣтъ ушла,
Спитъ въ землѣ сырой;
Я же птичкой лѣсною была;
Полетимъ, полетимъ поскорѣй!

Безумная пѣсня прерывается, входитъ Фаустъ. Маргарита не узнаетъ его, его терзаютъ ея безумныя рѣчи, наконецъ, онъ восклицаетъ: «Гретхенъ! Гретхенъ!» «Да, точно, это голосъ друга!» шепчетъ она, какъ бы приходя въ себя, и бросается къ Фаусту:

Я слышала зовъ твой! Упали оковы.
Никто помѣшать не посмѣетъ мнѣ снова
Къ тебѣ изъ темницы моей упорхнуть.
Къ тебѣ я хочу опуститься на грудь.
Онъ крикнулъ мнѣ: Гретхенъ! Онъ здѣсь на порогѣ.
Сквозь крики и стоны всей адской тревоги,
Сквозь демонскій хохотъ, звенящій вокругъ,
Узнала я сладкій ласкающій звукъ...

И снова слышитъ Фаустъ, сжимая въ своихъ объятіяхъ Гретхенъ, ея безумныя страстныя рѣчи. Этотъ моментъ замѣчательно хорошо воспроизведенъ Гансомъ Макартомъ. Послѣднія двѣ картины, то есть «Гретхенъ въ темницѣ» и «Гретхенъ съ Фаустомъ», будутъ помѣщены нами въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ нашего журнала. Далѣе мы надѣемся познакомить нашихъ читателей и съ другими замѣчательными иллюстраціями къ великимъ произведеніямъ европейской литературы.

Обо всемъ.

(Открытія и изобрѣтенія).

Исполняя желаніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ подписчиковъ, выраженное намъ въ письмахъ, настоящую хронику мы посвящаемъ обзору важнѣйшихъ открытій и изобрѣтеній, которыми подарилъ насъ прошлый 1877 годъ. Только по необходимости, по недостатку мѣста, мы останавливаемся на важнѣйшихъ, хотя многіе изъ опущенныхъ нами имѣютъ также не маловажное значеніе. Въ первые три четверти XIX столѣтія сдѣлано много существенныхъ и полезныхъ научныхъ открытій. Четвертая четверть наступила очень недавно, но и она успѣла уже ознаменоваться научными результатами, съ которыми не стыдно явиться даже и послѣ результатовъ, добытыхъ тремя предшествовавшими четвертями настоящаго столѣтія. Мы уже познакомили нашихъ читателей съ двумя остроумнѣйшими изобрѣтеніями нашего времени: телефономъ и фонографомъ. Обратимся теперь къ другимъ открытіямъ и начнемъ свой обзоръ съ астрономическихъ: небо очевидно должно имѣть преимущество передъ землей.

Планета Марсъ, имѣющая во многомъ поразительное сходство съ нашей планетой, издавна пользовалась особеннымъ вниманіемъ нашихъ астрономовъ. Еще Кеплеръ сказалъ, что «прогрессъ астрономіи находится въ тѣсной зависимости отъ знакомства нашего съ Марсомъ». Съ давнихъ поръ астрономы пытались опредѣлить, имѣются-ли у Марса спутники или одинъ спутникъ, подобно нашей лунѣ. Въ прошломъ столѣтіи замѣчательный французскій писатель и философъ Вольтеръ сказалъ, что у Марса непремѣнно должно быть два спутника. Астрономы, конечно, не обратили вниманія на слова профана, хотя великаго и остроумнаго писателя, и до прошлаго года продолжали писать въ своихъ сочиненіяхъ и учебникахъ, что Марсъ лишенъ спутника. Вдругъ въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года телеграфъ передалъ во всѣ ученые центры міра извѣстіе, что вашингтонскій астрономъ Асафъ Галль открылъ 11 августа спутника планеты Марсъ. Неблагопріятная погода помѣшала въ этотъ день опредѣлить направленіе его движенія, что Галлю, однакожь, удалось сдѣлать 16 августа, когда онъ былъ въ состояніи наблюдать интересующее его свѣтило втеченіи двухъ часовъ. 17 августа Галль открылъ второго спутника планеты Марсъ. 18 августа его открытіе, было провѣрено и подтверждено двумя другими американскими астрономами: Кларкомъ въ Кембриджпортѣ и Пикерингомъ въ Кембриджѣ (въ Соединенныхъ штатахъ). Первый спутникъ Марса обращается вокругъ него въ 30 часовъ 14 минутъ, второй въ 7 час. $38^1/_2$ мин. Діаметръ перваго спутника Марса въ 150 разъ менѣе діаметра самой планеты (діаметръ луны только въ 5 разъ менѣе діаметра земли). Діаметръ другого спутника еще не опредѣленъ. Разстояніе одного спутника отъ центра планеты 21,390 верстъ, другого—8,649 верстъ.

Въ 1877 году австрійскіе, американскіе и французскіе астрономы открыли девять новыхъ планетъ между Марсомъ и Юпитеромъ. До 1877 г. число планетъ, открытыхъ между Марсомъ и Юпитеромъ, равнялось 169. Перваго января 1877 г. Перротенъ открылъ съ тулузской обсерваторіи новую 170-ю планету; черезъ двѣ недѣли въ Марсели была открыта другая, 171-я планета. Тамъ-же въ февралѣ были открыты планеты 172-я, въ августѣ 173-я и 174 я. Въ августѣ-же американскій астрономъ Жозефъ Генри открылъ въ Вашингтонѣ планету 175-ю. Въ сентябрѣ и въ ноябрѣ Ватсонъ открылъ 176-ю и 178-ю, а въ октябрѣ въ Полѣ (въ Австріи) астрономъ Пализа открылъ 177-ю планету.

Четырьмя астрономами въ 1877 году открыты четыре новыя кометы: въ Марсели астрономомъ Борелли въ февралѣ мѣсяцѣ; въ Страсбургѣ Винеке въ апрѣлѣ; въ апрѣлѣ же въ Нью-Іоркѣ Свифтомъ и въ октябрѣ во Флоренціи Темплемъ.

Какъ ни важны эти открытія, сдѣланныя въ небесной сферѣ и увеличившія собою запасъ знаній человѣчества, но они не могутъ имѣть никакого примѣненія въ практической жизни. Иное дѣло открытія въ области химіи; большинство ихъ уже вскорѣ получаетъ практическое примѣненіе. Такъ постоянно расширяется сфера примѣненія динамита въ военномъ дѣлѣ, промышленности и сельскомъ хозяйствѣ. Динамитъ—самое сильное изъ взрывчатыхъ веществъ, имѣющихъ примѣненіе на практикѣ, онъ въ 8 разъ сильнѣе обыкновеннаго пороха. При такомъ свойствѣ его, понятно, что для произведенія извѣстнаго дѣйствія требуется употреблять его въ значительно меньшемъ количествѣ, чѣмъ порохъ.

Динамитъ дѣйствуетъ подъ водою и въ сыромъ грунтѣ, гдѣ, какъ извѣстно, порохъ дѣйствовать не можетъ. Для взрыва динамита необходимо прикосновеніе его съ раскаленнымъ металломъ; отъ прикосновенія съ пламенемъ обыкновеннаго фитиля онъ горитъ, но безъ взрыва. Для сохраненія его болѣе всего пригодны деревянные ящики съ двойными стѣнками и дномъ, промежутки между которыми набиваются плотно конскимъ навозомъ. Динамитъ примѣненъ въ военномъ дѣлѣ и во многихъ отрасляхъ промышленности. Въ прошломъ году удалось воспользоваться имъ для примѣненія и въ сельскомъ хозяйствѣ. Соединенные штаты, идущіе въ послѣднее время, по части практическаго примѣненія научныхъ открытій и изобрѣтеній, впереди всѣхъ другихъ цивилизованныхъ странъ, съумѣли примѣнить динамитъ въ дѣлѣ, требовавшемъ до сихъ поръ отъ человѣка большей затраты физическаго труда. Тамъ патроны динамита съ большимъ успѣхомъ употребляются теперь для корчеванія пней. Работа получается хорошая; выбрасываются на поверхность самые мельчайшіе корни; взрывъ захватываетъ довольно ограниченное пространство почвы и яма, образованная имъ, не бываетъ слишкомъ глубока. Такимъ образомъ динамитъ, проявляющій исключительно разрушительную силу въ военномъ дѣлѣ, какъ на сухомъ пути такъ и на морѣ, въ данномъ случаѣ значительно облегчилъ производительный трудъ земледѣльца. Нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ сфера его полезнаго примѣненія еще болѣе расширится.

Прошлый годъ ознаменовался открытіемъ великой важности, которому, можетъ быть, суждено произвести переворотъ въ химіи. Рауль Пикте и Гальете одновременно разрѣшили задачу, объ осуществленіи которой мечталъ великій химикъ Лавуазье, сказавшій: «Допустимъ, что наша земля внезапно перешла бы въ такіе холодные слои атмосферы, въ какихъ находятся Юпитеръ или Сатурнъ, тогда наши рѣки, моря и, вѣроятно, многія другія жидкости превратились бы въ твердыя ледяныя горы. Воздухъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ его составныхъ частей, за отсутствіемъ достаточной теплоты, не могли бы существовать въ газообразномъ состояніи; онѣ сгустились бы въ жидкость, слѣдовательно, получились бы новыя жидкости, о которыхъ теперь мы не имѣемъ понятія».

Прошло полвѣка и другой знаменитый химикъ Фарадей представилъ очевидное доказательство вѣрности предположеній своего геніальнаго предшественника. Онъ подвергъ охлажденію большую часть извѣстныхъ намъ газовъ; по мѣрѣ охлажденія они сгущались и превращались въ новыя, до того времени неизвѣстныя жидкости. Но какъ ни важны были результаты, полученные Фарадеемъ, ему, однакожь, не удалось подвергнуть сгущенію шести газовъ: кислородъ, водородъ, азотъ, болотный газъ, окись углерода и азотную окись. Такимъ образомъ, газы, входящіе въ составъ атмосфернаго воздуха, не подчинились усиліямъ знаменитаго химика, оказалось невозможнымъ подвергнуть ихъ сгущенію. Одновременно съ Фарадеемъ и другіе химики производили подобные же опыты, но неудачно. Наконецъ, Люи Гальете, хотя и химику, но не спеціалисту, удалось разрѣшить трудную задачу.

Люи Гальете, богатый желѣзный заводчикъ, признавая, что поименованные газы не поддаются непосредственному давленію воздуха, рѣшился испытать, нельзя-ли справиться съ ними, подвергнувъ ихъ давленію сгущенной жидкости. Онъ взялъ водяной насосъ значительной силы и, посредствомъ небольшой, тоненькой металической трубочки привелъ его въ сообщеніе съ пустымъ стальнымъ цилиндромъ, имѣющимъ форму небольшой, обернутой книзу, мортирки. Цилиндръ этотъ онъ наполнилъ ртутью; въ вершинѣ его прикрѣпилъ стеклянный резервуаръ, содержащій въ себѣ сгущаемый газъ. Резервуаръ этотъ состоитъ изъ стеклянной трубочки, съ очень малымъ діаметромъ и съ толстыми стѣнками, которая погружается въ ртуть, наполняющую цилиндръ. Цилиндръ, какъ извнѣ, такъ и извнутри, былъ подвергнутъ равному давленію. Трубочка, помѣщающаяся надъ нимъ, извнутри подвергалась давленію, обусловливающему сгущеніе газа, а извнѣ—только давленію атмосфернаго воздуха. Къ трубкѣ Гальете припаялъ металическій рукавчикъ съ клапанами; для большей безопасности онъ покрылъ ее толстымъ стекляннымъ цилиндромъ. Когда насосъ началъ дѣйствовать, вода, вливаясь въ стальной цилиндръ, погнала ртуть въ стеклянную трубку, находящуюся въ цилиндрѣ; ртуть, быстро поднявшись кверху, погнала газъ въ резервуаръ (въ узенькую трубочку, помѣщающуюся надъ стальнымъ цилиндромъ), гдѣ онъ и сгустился. Въ тотъ моментъ, когда давленіе ртути на газъ достигло давленія 200—300 атмосферъ, Гальете открылъ клапанъ, произошло внезапное расширеніе, а слѣдовательно и охлажденіе газа. Температура его понизилась на 250° ниже нуля. Подъ вліяніемъ этого чрезвычайнаго охлажденія газъ обратился въ жидкое, капельное состояніе, что доказывалось тѣмъ, что стѣны трубки покрылись густымъ туманомъ. Первые опыты Гальете произвелъ надъ болотнымъ газомъ и азотной окисью.

Полученный успѣхъ побудилъ Гальете испробовать дѣйствіе своего апарата надъ кислородомъ и окисью углерода. И новый опытъ привелъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и прежній. Трубочка наполнилась густымъ туманомъ, что доказывало уже возможность перехода этихъ газовъ въ жидкое состояніе, хотя самой жидкости Гальете и не получилъ.

Почти одновременно съ Гальете, другой фабрикантъ, ледяной, Рауль Пикте, извѣстный изобрѣтатель машины для приготовленія искуственнаго льда, обратилъ въ жидкость кислородъ. Онъ охладилъ газъ въ самой трубочкѣ и охлажденіе это было достигнуто при помощи втягивающихъ и нагнетающихъ насосовъ, которые Пикте употреблялъ при изготовленіи льда. Употребленный имъ для опыта апаратъ слѣдующій. Онъ взялъ небольшую трубку въ 1 м. 10 с. длины и 12°,5 въ діаметрѣ; наполнилъ ее сѣрнистой кислотой, темература которой подъ вліяніемъ дѣйствія насосовъ была доведена до 73° ниже нуля. Въ эту трубку онъ вставилъ другую меньшаго діаметра и одинаковой величины; въ ней сгустилась угольная кислота; подъ давленіемъ 4 — 6 атмосферъ угольная кислота, обратясь въ жидкое состояніе, вошла въ большую мѣдную трубку длиною въ 4 метра, въ діаметрѣ 4 сантиметра. Здѣсь, подъ вліяніемъ дѣйствія насосовъ, температура ея понизилась до 140° ниже нуля, причемъ изъ жидкаго состоянія она перешла въ твердое. Сквозь мѣдную трубку, наполненную отвердѣвшею угольною кислотою, проведена четвертая тоненькая (14 миллиметровъ діаметра) трубочка, въ 5 метровъ длиною. Конецъ ея, непокрываемый мѣдною трубкою (она на 1 метръ длиннѣе послѣдней), нѣсколько изогнутъ и къ нему прикрѣпленъ желѣзный бомбообразный шаръ, толщина стѣнокъ котораго равняется 35 миллиметрамъ, высота—28 сантиметрамъ, діаметръ 17 сантиметрамъ. Эта бомба была начинена 700-ми грамовъ хлорноватокалиевой соли (бертолетова соль) и 250 гр. хлористаго калія (и то, и другое было смѣшано, растерто и вложено въ бомбу въ совершенно сухомъ видѣ). Когда сѣрнистая и угольная кислоты понизили температуру тоненькой центральной трубочки, сообщающейся съ бомбою, до желаемаго предѣла, Пикте началъ нагрѣвать бомбу, бертолетовая соль разложилась и выдѣлившійся при этомъ газъ (кислородъ) сгустился въ трубкѣ и въ то-же время охладился; при давленіи въ 320 атмосферъ былъ открытъ кранъ на концѣ трубки и изъ него съ необычайною быстротою выбросилась какая-то жидкость. Эта жидкость и есть кислородъ, приведенный въ жидкое состояніе; Пикте клалъ подъ ея струю слегка зажженные угольи и они внезапно разгорались съ необыкновенною силою.

Извѣстія объ успѣшныхъ опытахъ Гальете и Пикте получились въ парижской академіи наукъ одновременно. Вслѣдъ за этимъ пріѣхалъ въ Парижъ Гальете и 18 (30) и 19 (31) декабря прошлаго года, обратилъ въ туманъ азотъ и водородъ. Расправившись съ этими двумя газами, онъ принялся за атмосферный воздухъ. Прежде всего онъ высушилъ воздухъ, т. е. извлекъ изъ него углекислоту и воду, и наполнилъ имъ трубку манометра высокаго давленія. Верхняя часть трубки была подвергнута сильному охлажденію при помощи закиси азота. Когда давленіе, производимое ртутью манометра, дошло до 200 атмосферъ, въ нижней части трубки появились тоненькія нити и стали подниматься вверхъ; когда давленіе достигло 310 атмосферъ, холодильникъ сняли и на застывшей поверхности ртути осѣлъ тонкій слой бѣлаго инея. Воздухъ не только былъ обращенъ въ жидкое состояніе, но и замороженъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого удачнаго опыта, Пикте, въ силу обстоятельствъ ставшій соперникомъ Гальете, сдѣлалъ новое блистательное открытіе. 28 декабря 1877 г. (9 января 1878 г.) онъ превратилъ водородъ въ твердое состояніе, причемъ оказалось, что этотъ газъ обладаетъ свойствами металла. Для сгущенія водорода Пикте употребилъ тотъ-же аппаратъ, какъ и для сгущенія кислорода и азота. Бомба была начинена ѣдкимъ каліемъ и муравьино-каліевою солью; послѣдняя при нагрѣваніи разлагается подъ вліяніемъ перваго и даетъ чистый водородъ. Для охлажденія употреблена закись азота. Газъ выдѣлялся въ трубку правильно и постепенно; около $2^1/_2$ часовъ давленіе начало быстро возрастать и въ 9 ч. 7 м. оно достигло 650 атмосферъ. Въ этотъ моментъ былъ открытъ кранъ и изъ отверстія быстро начало выпадать твердое вещество сине-стальнаго цвѣта; при этомъ раздался шипящій звукъ, подобный тому, который происходитъ при погруженіи раскаленнаго желѣза въ воду.

Конечно, Гальете и Пикте, ободренные блистательными успѣхами своихъ опытовъ, не остановятся на полученныхъ уже результатахъ и поведутъ свои изслѣдованія далѣе и, можетъ быть, найдутъ средство сохранять водородъ въ твердомъ видѣ при обыкновенной температурѣ. Тогда разумѣется, выстроятся заводы для добыванія новаго металла изъ воздуха и воды, что будетъ обходиться дешевле добыванія металловъ изъ нѣдръ земли. Новый металлъ получитъ практическое примѣненіе.

Прежде, чѣмъ перейти къ другимъ открытіямъ въ области химіи, остановимся на одномъ грандіозномъ проектѣ и имъ закончимъ сегодняшнюю хронику, отлагая обзоръ другихъ открытій до слѣдующей хроники.

Французскій инженеръ Рудэръ проектировалъ каналъ, который, соединивъ Средиземное море съ котловинами Сахары, лежащими ниже морского уровня, образовалъ бы новое море на югѣ Алжира. Рудэръ не первый является съ этимъ проектомъ и до него многіе предлагали создать новое море изъ степи Сахары, но ихъ проекты страдали недостаточнымъ знакомствомъ со страной, о которой они трактовали. Рудэръ, напротивъ, изучилъ ее во всѣхъ подробностяхъ. Его проектъ признанъ лучшимъ и осуществимымъ.

Дѣло остановилось только за деньгами для предпріятія. **Н. И.**

(*Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.*)

Новости наукъ и жизни.

— **Новыя изданія.** 1) Комитетомъ по устройству антропологической выставки императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи изданы на дняхъ протоколы засѣданій комитета въ 1877 году. Это огромный томъ in quarto, знакомство съ содержаніемъ котораго облегчается присоединенными къ нему азбучными указателями упоминаемыхъ въ текстѣ именъ и названій. Протоколы засѣданій комитета понятно даютъ подробности о всемъ, что сдѣлано было имъ по устройству выставки по текущій годъ. Какъ видно общество любителей желаетъ устроить дѣйствительно серьезную выставку и, благодаря имѣющимся въ распоряженіи значительнымъ средствамъ не стоитъ за издержками. Въ протоколы включены отчеты лицъ, командированныхъ обществомъ для собранія различныхъ матеріяловъ. Вообще это изданіе, составляющее третій томъ трудовъ антропологическаго отдѣла общества и двадцать седьмой «Извѣстій» общества любителей естествознанія вообще, даетъ богатѣйшій матеріялъ для исторіи науки въ Россіи.

2) На дняхъ появилось въ свѣтъ подробное описаніе двухъ экспедицій въ рѣку Обь, снаряженыхъ членами императорскаго общества для содѣйствія русскому торговому мореходству гр. А. Е. Комаровскимъ, А. К. Трапезниковымъ, А. М. Сибиряковымъ, В. Н. Сабашниковымъ и И. В. Чернядевымъ въ 1876 и 1877 годахъ, составленное начальникомъ экспедиціи г. Далемъ; въ немъ дано подробное гидрографическое описаніе Оби, статистическія свѣдѣнія о березовскомъ уѣздѣ, остяцкихъ, эстскихъ и финскихъ словъ, сходныхъ по звуку и смыслу и нѣкоторые другіе матеріялы, не говоря уже о подробностяхъ экспедиціи.

3) Только теперь появились труды третьяго археологическаго съѣзда, состоявшагося въ августѣ 1874 года въ Кіевѣ. Это два тома in quarto, объемомъ вмѣстѣ 1132 страницы, заключающіе 58 рефератовъ, доложенныхъ на съѣздѣ, да 17 присланныхъ лицами въ немъ не учавствовавшими. Редакціею трудовъ завѣдывалъ комитетъ изъ шести членовъ, подъ предсѣдательствомъ профессора В. И. Модестова. Къ тексту принадлежитъ атласъ изъ 25 таблицъ. Стоимость «Трудовъ» 25 рублей.

Смѣсь.

— **Столѣтіе уѣзднаго города.** Въ нынѣшнемъ году исполняется столѣтіе основанія Егорьевска, уѣзднаго города рязанской губерніи, расположеннаго при рѣкѣ Гуслинкѣ. Онъ переименованъ былъ уѣзднымъ городомъ рязанскаго намѣстничества изъ экономическаго села Егорьевскаго. Заселеніе мѣстности, занимаемой нынѣ Егорьевскомъ, относится къ давнему времени; въ концѣ XIII и въ началѣ XIV столѣтія, на мѣстѣ нынѣшняго города существовало селеніе Высокое, составлявшее съ окрестными деревнями, лежавшими по р. Гуслинкѣ, такъ называемую Гуслицкую область. Первое упоминаніе о селѣ Гуслицахъ встрѣчается еще въ завѣщаніи Іоанна Калиты около 1340 года. Когда въ немъ сооруженъ былъ храмъ во имя Св. Георгія, оно стало называться Егоргіе-Высокимъ. Впослѣдствіи Гуслицкая волость вошла въ составъ родовыхъ вотчинъ великихъ князей московскихъ, и Высокое въ началѣ XVII столѣтія было экономическимъ селомъ коломенскаго уѣзда, оставаясь имъ до возведенія его на степень города, подъ именемъ Егорьевска. Гербъ города Егорьевска утвержденъ въ 1779 году, планъ въ 1780 году.

— **Прогрессъ велосипедовъ.** Два парижскихъ велосипедиста, Ломалье и баронъ Эммануилъ де-Графенфридъ, совершили на велосипедѣ самый большой переѣздъ, какой только былъ сдѣланъ въ наше время. Отправившись изъ Парижа 16-го марта, они возвратились назадъ 21-го апрѣля, проѣхавъ около девятисотъ лье. Изъ сорока дней, въ теченіе которыхъ длилось ихъ путешествіе, тринадцать дней было употреблено для отдыха или для осмотра городовъ: Бордо, Тура, Тулузы, Марсели, Тулона, Ниццы, Монако, Генуи, Турина, Александріи, Милана, Женевы, Дижона и т. д. Барону Эммануилу Графенфриду всего только пятнадцать съ половиною лѣтъ. Онъ очень легко перенесъ утомленіе, неразлучное съ этимъ оригинальнымъ путешествіемъ. Ломалье тотъ самый велосипедистъ, который, въ 1875 году, въ двѣнадцать дней совершилъ переѣздъ между Парижемъ и Вѣною. Онъ изъѣздилъ уже на велосипедѣ вдоль и поперегъ какъ Францію, такъ и большую часть европейскихъ государствъ. По разсчету Ломалье, въ теченіе шести лѣтъ онъ сдѣлалъ около 27,000 лье, что равняется утроенной окружности земнаго шара подъ экваторомъ.

— **Еще о Бойтонѣ.** Во французскихъ газетахъ напечатано слѣдующее письмо капитана Бойтона: «Гибралтаръ», 22 апрѣля. Я благополучно проплылъ черезъ проливъ Гибралтаръ. Но дѣло было очень трудное. Я бросился въ море въ Тарифѣ, на испанскомъ берегу, 20-го марта, въ 7 часовъ утра, а 21-го, въ 1 ч. утра, я прибылъ въ Тангеръ, пробывъ въ водѣ семнадцать часовъ. Проплыть черезъ Гибралтаръ было гораздо труднѣе, чѣмъ черезъ Ламаншъ, потому что различныя теченія отвлекли меня болѣе пятидесяти миль отъ морского берега. Во время путешествія, я встрѣчался со множествомъ акулъ, но ни одна не нарушила своего спокойствія ради меня, за что я имъ очень признателенъ. Я много выстрадалъ отъ солнца и воды, проникавшихъ мнѣ въ глаза и чуть не ослѣпившихъ меня. Такъ какъ меня въ Тангерѣ не ждали, то, при приближеніи къ городу, я сталъ трубить. Нѣкоторые марокканскіе часовые спустились на берегъ, чтобы узнать причину звона. Когда они увидѣли меня выходящаго изъ моря, то они испугались, убѣжали и произвели тревогу во всемъ городѣ. Я выѣхалъ изъ Тангера въ тотъ же день на пароходѣ».

Телеграммы.

Берлинъ, 6-го мая. Графа Шувалова ожидаютъ въ пятницу обратно въ Берлинъ; въ концѣ этой недѣли пріѣдетъ сюда и князь Бисмаркъ, здоровье котораго значительно поправилось. По слухамъ, на будущей недѣлѣ здѣсь начнутся переговоры о предложеніяхъ, которыя Россія и Германія будто бы совмѣстно сдѣлаютъ Англіи. Придворные кружки Лондона настроены очень воинственно. Супруга германскаго наслѣднаго принца находится теперь въ Лондонѣ, чтобъ согласно желанію императора Вильгельма умѣрить воинственные порывы. Съ этою же цѣлью наслѣдный принцъ завтра отправляется въ Лондонъ.

— 7-го мая. Все еще полагаютъ, что предложенія Россіи, которыя клонятся къ совмѣстному съ Англіей радикальному разрѣшенію восточнаго вопроса въ Европѣ и Азіи, будутъ приняты Англіей.

Франція обѣщала не представлять никакихъ возраженій противъ высадки и пребыванія индѣйскихъ войскъ въ Египтѣ.

— 8-го мая. Сегодня утромъ пріѣхалъ графъ Шуваловъ. Онъ везетъ съ собою пространныя предложенія. По мнѣнію здѣшнихъ политическихъ кружковъ, основа къ соглашенію найдена. Такъ какъ князь Бисмаркъ по болѣзни все еще не можетъ пріѣхать въ Берлинъ, то графъ Шуваловъ сегодня же вечеромъ отправится въ Фридрихсруэ, а уже оттуда въ Лондонъ; утромъ онъ былъ у министра иностранныхъ дѣлъ Бюлова и затѣмъ имѣлъ аудіенцію у императора Вильгельма.

Графъ Шуваловъ питаетъ сильную надежду на сохраненіе мира, путемъ соглашенія съ Англіей.

Вѣна, 8-го мая. По слухамъ, Австрія готовится войдти въ соглашеніе съ Портой относительно занятія Герцеговины; эта сдѣлка заключается съ согласія и при участіи Англіи.

Лондонъ, 8-го мая. Состоялся приказъ о немедленномъ сооруженіи береговыхъ укрѣпленій въ главныхъ портахъ Индіи. Въ Мадрасѣ, Калькуттѣ, Бомбеѣ и Рангунѣ сооружаются сильныя береговыя батареи.

Нью-Іоркъ, 7-го мая. Русскіе продолжаютъ вести переговоры о покупкѣ пароходовъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

«Редакція Журнала заявляетъ, что мелкія статьи и стихотворенія, неодобренныя Редакціею, не возвращаются».

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: «Руководство къ Гигіенѣ» и 9-й № «Парижскія моды».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 Мая 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Живописное Обозрѣніе

№ 21. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 21 Мая 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Александръ Петёфи.

Ст. А. Михайлова.

Съ послѣднимъ ударомъ часовъ, возвѣщавшихъ полночь 1 января 1823 года, въ небогатомъ жилищѣ мясника Стефана Петровича въ Кисъ-Кёрёшѣ, родился ребенокъ. Этому ребенку въ будущемъ суждено было прославиться и сдѣлаться извѣстнымъ далеко за предѣлами своей родины. Стефанъ Петровичъ и его жена, Марія Грушъ, назвали своего сына Александромъ. Ребенку еще не минуло двухъ лѣтъ, когда его родители переселились въ Малую Куманію, и маленькій Александръ полюбилъ эту мѣстность такъ сильно, что постоянно называлъ впослѣдствіи ее своею родиною. Мальчикъ росъ тихимъ, задумчивымъ, любящимъ одиночество ребенкомъ и иногда его даже бранили за то, что онъ во время посѣщенія родственниковъ и знакомыхъ и во время игръ другихъ дѣтей удалялся куда нибудь въ укромный уголокъ со своими книгами. Книги уже съ самаго ранняго возраста имѣли для ребенка непреодолимую притягательную силу. Рядомъ съ любовью къ уединенію, съ склонностью къ созерцанію, въ мальчикѣ рано развились независимый характеръ, упорная воля, чуткое самолюбіе, — черты, оставшіяся навсегда въ характерѣ поэта. Старикъ Петровичъ пользовался сначала значительнымъ благосостояніемъ; у него

Было все: рогатый скотъ и кони,
Садъ и пашни, и большая хата...

Вслѣдствіе этого отецъ старался дать широкое образованіе сыну, который не только занимался науками, но и бралъ уроки музыки и рисованія. По словамъ художника, Петрича Орлея, къ живописи мальчикъ чувствовалъ особенную способность. Впрочемъ, ребенокъ вообще былъ способенъ къ ученію и учился отлично. Но прежде чѣмъ кончилъ онъ свое образованіе, его отецъ обѣднѣлъ:

Все богатство взяли злые люди,
Домъ съ земли снесла волна рѣчная *)
Злая бѣдность стала за плечами...

Въ это время юный Александръ Петровичъ прибылъ въ Хемницъ, чтобы продолжать свое ученіе въ тамошнемъ лицеѣ на реторико-поэтическомъ отдѣленіи. Къ несчастію, юноша не получалъ отъ отца на столько денегъ, чтобы нанять себѣ комнату, и ему пришлось поселиться у одного пьяницы въ общей комнатѣ, служившей помѣщеніемъ для всей семьи хозяина. Несмотря на различныя лишенія, несмотря на неудобство жилища, юноша былъ веселъ и работалъ очень бодро. Въ это время появился первый поэтическій опытъ Александра Петровича, ода «Къ невѣрной». Ода эта была прочтена передъ собраніемъ его товарищей и президентъ собранія пророчилъ, что изъ юноши выработается крупный

Александръ Петёфи.

талантъ. Этотъ крупный талантъ стоялъ между прочимъ на краю гибели. Дѣло въ томъ, что юноша очень любилъ театръ. Разъ онъ уже перенесъ за эту любовь родительское наказаніе, теперь ему пришлось изъ за нее же пострадать еще болѣе. Лицеистамъ было запрещено ходить въ театръ, но Александръ Петровичъ лишалъ себя всѣхъ удобствъ, лишь бы побывать въ театрѣ. Это провѣдалъ пьяница-хозяинъ и пожаловался на своего пансіонера профессорамъ лицея, написавъ въ то же время письмо объ этомъ Стефану Петровичу. Вслѣдствіе этого въ одинъ прекрасный день юношѣ пришлось выдержать строгую головомойку отъ профессоровъ и получить отъ отца, озлобленнаго неудачами, письмо, полное упрековъ, заканчивавшееся тѣмъ, что отецъ лишалъ сына поддержки. Нужно было знать натуру юноши, чтобы угадать, къ чему поведетъ все это: онъ вспылилъ, рѣшился бросить все, бѣжать изъ Хемница. Не слушая совѣтовъ и просьбъ товарищей, онъ продалъ лишнее платье и книги и ушелъ изъ Хемница по дорогѣ къ Пешту, Это было 15 февраля 1839 года.

Зимній холодъ, легкая одежда, пустые карманы, дальняя дорога, все это было не весело, но еще менѣе было весело то, что ожидало юношу въ Пештѣ. Здѣсь, не имѣя ни гроша въ карманѣ, онъ остановился въ знакомомъ трактирѣ. Начались поиски работы, какъ вдругъ однажды утромъ трактирщикъ говоритъ ему:

— Я принесъ вамъ радостную вѣсть. Вашъ отецъ пріѣхалъ.

«Нужно скорѣе бѣжать!» мелькнуло въ головѣ юноши и онъ уже сдѣлалъ шагъ къ двери, но на ея порогѣ стоялъ его отецъ.

— Ты зачѣмъ здѣсь? послышался вопросъ.

— Я отпущенъ домой на праздники...

— Праздники начнутся еще черезъ три недѣли...

— У меня есть и письмо отъ профессоровъ къ вамъ...

— Покажи его.

— Оно оставлено мной у такого-то. Я схожу за нимъ.

Юноша назвалъ фамилію одного изъ знакомыхъ отца.

— Пойдемъ вмѣстѣ.

И вотъ сынъ и отецъ взялись за руки, идутъ за письмомъ къ знакомому; они доходятъ до цѣли; отецъ отворяетъ дверь, входитъ въ домъ, но дверь быстро захлопывается за нимъ и молодыя ноги уносятъ его сына далеко, далеко отъ этого дома...

Для юноши настаетъ жизнь бездомника и бродяги, потомъ онъ поступаетъ въ національный театръ статистомъ, служитъ на побѣгушкахъ, бѣгаетъ для актеровъ за виномъ въ погребки, носитъ на сценѣ столы и стулья, но отецъ узнаетъ о его мѣстопребываніи, увозитъ его силой домой и рѣшается сдѣлать изъ него уже не ученаго, а мясника. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ тяжелой семейной жизни, наконецъ, одинъ род-

*) Въ наводненіе 1838 года, когда Дунай затопилъ всю мѣстность, гдѣ жилъ Петровичъ.

ственникъ увозитъ съ собой юношу, чтобы снова помѣстить его въ другой лицей. Однако, прежде чѣмъ юношу успѣли отдать въ лицей, его родители узнали, что онъ поступилъ въ военную службу. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ солдатской жизни, прошло еще нѣсколько времени жизни странствующаго актера, освистываемаго на ярмаркахъ за бездарное исполненіе ролей, и мы встрѣчаемъ Александра Петровича, оборваннаго, голодающаго, но все же бодраго и веселаго, въ небольшомъ мѣстечкѣ Папа: здѣсь онъ живетъ въ одномъ домѣ съ Морицомъ Іокаемъ и Петричемъ Орлеемъ. Петровичъ мечтаетъ быть актеромъ, Іокай—живописцемъ, Орлей—беллетристомъ. Извѣстно, что впослѣдствіи Петровичъ сдѣлался поэтомъ, Іокай—романистомъ, а Орлей—художникомъ. Жизнь съ этими людьми сильно повліяла на молодого человѣка и его стихи стали все чаще и чаще появляться въ печати. Несмотря на свое славянское происхожденіе, Петровичъ по мѣсту рожденія, по воспитанію и по духу, былъ чистымъ венгерцемъ; онъ измѣнилъ свою фамилію на венгерскій ладъ и сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Петёфи. Но, помѣщая въ газетахъ свои стихи, Петёфи все таки продолжалъ добиваться успѣховъ на сценѣ и странствовалъ съ актерами изъ города въ городъ. Эти сценическія представленія были крайне интересны: Петёфи, какъ актеръ, былъ не только бездаренъ, но еще отличался крайнею застѣнчивостью. Про его сценическую дѣятельность есть много анекдотовъ. Однажды, напримѣръ, онъ такъ сконфузился, что спросилъ «И такъ, господинъ Грегоръ ея невѣста!» Замѣтивъ свою ошибку онъ быстро поправился и проговорилъ: «И такъ, Юлія его женихъ?» Впрочемъ, это событіе навело поэта на мысль не добиваться болѣе успѣховъ на сценѣ и отдаться вполнѣ литературѣ. Это было въ концѣ октября 1844 года. Тяжелы были эти годы скитаній, попытокъ, порывовъ и стремленій. Они оставили глубокій слѣдъ въ поэзіи Петёфи. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ:

Свернулъ я свой шатеръ и въ міръ направилъ путь.
Надежда смутная мнѣ волновала грудь
„Впередъ! На поиски! Иди!“ она твердила,
Но что я тамъ найду—она не говорила,
Не подсказала мнѣ, куда и какъ идти,
И только слышалъ я одно: „Иди! иди!“
То голосъ сердца былъ и я повиновался,
Съ родимымъ очагомъ покорно я разстался,
Какъ разстаемся мы, проснувшись, съ сладкимъ сномъ.
Про сына ничего не нали мать съ отцемъ,
И долго плакали въ тревогѣ и печали.
Но добрые друзья, сосѣди все узнали
И съ утѣшеньями явились къ старикамъ:
„О вашемъ Шандорѣ *) не стоитъ плакать вамъ!
Подобный человѣкъ, непомнящій о Богѣ,
Не стоитъ горькихъ слезъ, не стоитъ онъ тревоги,
Онъ будетъ жить, какъ жилъ, до самаго конца
И все-жь когда нибудь повѣсятъ молодца!
Ужь мы не первый годъ на свѣтѣ доживаемъ,
А не сводилъ Господь съ подобнымъ негодяемъ!“

Въ другомъ мѣстѣ онъ касается того же вопроса:

Надъ рѣкой широкой домъ стоитъ убогой;
Для меня прошло въ немъ дней счастливыхъ много.
Стоитъ мнѣ въ тотъ домикъ унестись мечтами—
И глаза заблещутъ жгучими слезами.
Еслибъ въ немъ провелъ я все существованье!
Но людей все гонятъ соколы-желанья,
И мои желанья крылья распустили—
Съ матерью, съ отчизной сына разлучили.
Крѣпко мать цалуя, я въ часы прощанья
Облегчить не могъ ей жгучаго страданья,
И въ слезахъ обильныхъ бѣдная едва-ли
Выплачетъ въ разлукѣ всѣ свои печали...
. . . .
Земляки уходятъ въ милую сторонку
Завернутъ, навѣрно, къ матери въ избенку...
Обо мнѣ ей, братцы, вѣсточку снесите,
Если по дорогѣ домъ нашъ посѣтите,
Мать пускай не плачетъ обо мнѣ напрасно,
Такъ какъ на чужбинѣ сынъ живетъ прекрасно,
Если ей разскажутъ, какъ мнѣ здѣсь живется—
У бѣдняжки сердце съ горя надорвется...

Въ задушевномъ письмѣ къ своему младшему брату онъ спрашиваетъ:

Ну, какъ живется вамъ, мой Стефель? **) Хоть порою
Не вспоминаете-ль о братѣ вы съ тоскою?
Хоть послѣ ужина, когда вы въ тишинѣ
Проводите часы въ сердечной болтовнѣ,
Когда угрюмо ночь глядитъ въ окошко ваше,—
Не говорите-ль вы: „Что дѣлаетъ нашъ Саша?“
. . . .
О, если бы ко мнѣ былъ милосерднѣй Богъ
И пособить отцу хоть чѣмъ нибудь я могъ!
Какъ счастливъ былъ бы я, когда-бъ мои заботы
Избавили его подъ старость отъ работы!
Вотъ что гнететъ меня, вотъ что живой тоской
На вѣки отравитъ сердечный мой покой.

Но гдѣ же было помочь отцу, когда у самого не было хлѣба, когда приходилось вести жизнь бродяги. Бродяга—это одна изъ любимыхъ фигуръ въ поэзіи Петёфи, и, вспоминая свою бродяжническую жизнь, онъ съ горечью замѣчаетъ про бродягъ:

А кто знаетъ: чѣмъ бы послѣ стали
И чѣмъ были многіе изъ нихъ?
Что искать примѣровъ вамъ! Не я-ли
Такъ блуждалъ среди дорогъ пустыхъ?
Ослабѣвъ, усталыми ногами,
Весь покрытый грязью, я шагалъ,
Между тѣмъ мой духъ подъ небесами,
Какъ орелъ, безтрепетно виталъ.
Я бродилъ въ мечтаньяхъ: что отчизнѣ
Я отдамъ, какъ плодъ, въ предсмертный часъ?
А, быть можетъ, въ годы этой жизни
Я сочтенъ воришкой былъ не разъ...

Но бродягу уже ждала громкая слава: покуда онъ работалъ въ мелкихъ журналахъ, переводилъ и Поль-де-Кока и Александра Дюма и Жоржъ-Занда, читалъ корректуры и составлялъ статейки для смѣси, его имя успѣло облетѣть всю Венгрію и уже старикъ Петровичъ съ гордостью говорилъ, что Петёфи Шандоръ—его сынъ. Поэтъ говоритъ о своемъ посѣщеніи родительскаго дома:

Когда вошелъ я въ домъ—восторгъ былъ безпредѣленъ:
Отецъ былъ радъ до слезъ: едва-ль когда нибудь
Такою радостью дрожала эта грудь!
И, вѣрьте, въ этотъ день онъ не сказалъ съ укоромъ,
Что имя честное покрыто мной позоромъ...

Петёфи продолжалъ оставаться бѣднякомъ, но онъ уже съ гордостью сознавалъ свое значеніе въ національной литературѣ и, гордясь званіемъ національнаго поэта, иногда изумлялъ постороннихъ простоватыхъ людей своею надмѣнностью въ обращеніи съ разными финансовыми тузами. Разъ даже онъ отправился къ пештскому банкиру Каппелю просить руки его дочери, будучи вполнѣ увѣренъ, что подобный бракъ можетъ только принести честь тузу финансоваго міра.

Съ этой поры, то есть съ конца 1844 года, литературные успѣхи Петёфи принимали все большіе и большіе размѣры; молодежь заносила его имя въ самые отдаленные уголки Венгріи; народъ зналъ его чисто національныя и народныя произведенія; критика встрѣчала очень сочувственно его стихотворенія, мелкія и большія, въ родѣ поэмы «Шальго». Въ эту то счастливую пору жизни Петёфи полюбилъ Юлію Сендрей. Это была его вторая любовь. Первая любовь, чисто платоническая, окончилась несчастно, смертью любимой дѣвушки, Аделаиды Чшапо, и оставила въ его поэзіи замѣтный мрачный слѣдъ. Петёфи едва не сошелъ съума отъ этой потери, но всеисцѣляющее время заживило сердечную рану и его вторая любовь была искреннею и страстною. Долго не соглашались родители Юліи отдать ее замужъ за поэта, неимѣющаго опредѣленныхъ средствъ къ существованію, но, наконецъ, 8 сентября 1847 года бракъ состоялся и молодая влюбленная чета удалилась провести медовый мѣсяцъ въ Кольто, имѣніе графа Александра Телеки, друга Петёфи. Этотъ годъ былъ самый счастливый въ жизни поэта; поэтъ наслаждался счастіемъ взаимной любви; его произведенія были изданы въ двухъ томахъ съ его портретомъ и надѣлали шума; ему удалось превосходно перевести шекспировскаго Коріолана; его принимали въ обществѣ съ энтузіазмомъ. Но въ это время уже начиналось въ Венгріи броженіе умовъ и Петёфи примкнулъ къ партіи патріотовъ со всею страстностью своей натуры.

Онъ будилъ своими пѣснями въ молодежи любовь къ отчизнѣ, говоря:

Любовь къ отечеству! О, гдѣ-же кисть такая,
Которая могла бъ изобразить, святая,
Величіе твое,—
Чтобъ, очарованный твоимъ изображеньемъ,
Считалъ тебя мой братъ съ живымъ благоговѣньемъ
За божество свое!
Ко мнѣ, рабы, ко мнѣ, жрецы пустого свѣта!
Я въ грудь вонзаю мечъ и щедро сердце это
Свою живую кровь
Прольетъ вамъ на главы... Быть можетъ, возрожденья
Приходитъ часъ... Ко мнѣ, на новое крещенье
Спѣшите, я готовъ!

Онъ надѣялся быть избраннымъ въ депутаты въ Малой Куманіи, но интриги враговъ помѣшали исполненію его желанія и уже въ сентябрѣ мы встрѣчаемъ его въ числѣ гонведовъ въ революціонной арміи, гдѣ онъ тотчасъ же занялъ мѣсто начальника отряда. Онъ занялся обученіемъ рекрутовъ, въ чемъ и провелъ весь конецъ сентября и начало ноября. Въ декабрѣ онъ испыталъ послѣднюю семейную радость: у него родился сынъ, Золтаанъ. Дождавшись выздоровленія жены, Петёфи снова вернулся къ своему батальону. Какъ велика была въ это время популярность Петёфи, это видно изъ одного случая: онъ встрѣтилъ на дорогѣ большой отрядъ секлеровъ и заговорилъ съ ихъ начальникомъ.

— Ваше имя? спросилъ начальникъ.

— Петёфи, отвѣчалъ поэтъ.

— Поэтъ? спросилъ чей то голосъ изъ заднихъ рядовъ.

— Да, отвѣтилъ Петёфи и болѣе чѣмъ тысяча голосовъ разомъ грянула, привѣтствуя поэта.

Во время войны Петёфи находился подъ начальствомъ Бема и палъ въ одномъ изъ сраженій 31 іюля 1849 года. Его трупа не могли отыскать, не смотря на всѣ старанія, и это обстоятельство послужило основаніемъ для множества легендъ. Впрочемъ, онъ и не умеръ: умеръ только человѣкъ, но не поэтъ.

Поэзія Петёфи оригинальна и искренная; его стихъ мужественъ, сжатъ, своеобразенъ и никогда не бываетъ искуственнымъ или манернымъ въ его произведеніяхъ вездѣ встрѣчается масса образовъ и картинъ, смѣлыхъ сравненій и удачныхъ оборотовъ; тонкій юморъ, нелишенный грусти, проглядываетъ вездѣ. Онъ самъ говоритъ о своей поэзіи:

Нѣтъ, меня не понялъ свѣтъ,
Не рѣшивъ задачу:
Почему въ своихъ стихахъ
смѣюсь и плачу?
Какъ возможно, чтобы воплемъ
Надрывалъ намъ сердце тотъ,
Кто за нѣсколько мгновеній
Пѣлъ, ликуя, безъ заботъ?

Человѣкъ и гражданинъ,
Я и въ годы счастья
Отголоскомъ былъ всегда
Общаго несчастья.
Я съ улыбкой вспоминаю
О подругѣ дорогой
И рыдаю, бросивъ взоры
На тебя, мой край родной.

Молодая страсть въ цвѣты
Грудь мнѣ украшаетъ,
А къ отчечеству любовь
Терніемъ вѣнчаетъ,
И порою струны лиры
Обагряетъ эта кровь,
Иногда жь ихъ засыпаетъ
Лепестками розъ любовь.

И насколько нѣжнымъ является поэтъ въ своихъ интимныхъ пѣсняхъ, на столько же мужественнымъ онъ предстаетъ передъ нами въ произведеніяхъ, посвященныхъ родинѣ. Говоря о своихъ произведеніяхъ послѣдняго рода, онъ имѣлъ право сказать:

Поэтъ молчитъ, когда не слышно
Кругомъ ни ружей, ни мечей,—
Но бой начнется—стихъ могучій
Гремитъ подъ залпы батарей.
И я, мой вѣкъ, въ борьбѣ кровавой
Стою въ рядахъ твоихъ бойцовъ:
Я бьюся пѣснями—солдатомъ
Выходитъ каждый изъ стиховъ...

Многія изъ произведеній Петёфи не могутъ быть вполнѣ вѣрно переведены, вслѣдствіе ихъ формы, такъ прелестная поэма «Иштокъ-дуракъ» до того

*) Шандоръ—Александръ.

**) Стефель—Стефанъ.

прихотлива по формѣ, что не можетъ быть передана на русскій языкъ во всей своей красотѣ. Вообще русская публика знакома съ Петёфи очень мало, тогда какъ въ Германіи, напримѣръ, Петёфи переведенъ Кертбеньи, Опицемъ, Нейгебауеромъ, Даумеромъ и другими. Нѣкоторые изъ этихъ переводовъ замѣчательно вѣрны, особенно у Нейгебауера; переводы Опица крайне добросовѣстны, хотя нѣмецкій языкъ нерѣдко черезчуръ насилуется въ этихъ переводахъ и напоминаетъ подстрочные, но не художественные переводы; хуже всего переводы Кертбеньи, который искажаетъ вездѣ форму, часто составляетъ изъ двухъ стихотвореній одно или наоборотъ, иногда сочиняетъ какіе то рифмованные стихи, о которыхъ и не думалъ поэтъ, такъ онъ совершенно исказилъ поэму Шальго. Французовъ познакомилъ съ жизнью и произведеніями Петёфи Шарль Шассенъ. Кромѣ того, Сенъ-Рене-Таландье написалъ статью о значеніи Петёфи, Поль Дюриважъ перевелъ нѣкоторыя его пѣсни. На англійскомъ, итальянскомъ и польскомъ языкѣ есть нѣсколько переводовъ отдѣльныхъ произведеній поэта, котораго талантъ пользовался уваженіемъ всѣхъ серьезныхъ цѣнителей искуства. Просматривая произведенія Петёфи, вполнѣ понимаешь, какой великій поэтъ выработался бы изъ него впослѣдствіи: Петёфи погибъ двадцати шести лѣтъ.

Рыбачка.

(Съ ново-греческаго.)

Стих. **А. Алѣева.**

Ходитъ дѣвушка надъ моремъ,
Я кричу ей: «не ходи
«Возлѣ моря ты, иначе
«Отъ него несчастья жди!» —

— Жди несчастья! А какого?
Отвѣчаетъ мнѣ она,
Не боюсь я волнъ: обиды
Мнѣ не сдѣлаетъ волна!

У меня къ тому-же лодка —
Тѣло бѣлое, весломъ
Будутъ сильныя мнѣ руки,
Ноги будутъ мнѣ рулёмъ!

Парусъ мой—моя сорочка,
Даже флагъ имѣю я:
Разовью платокъ, которымъ
Подарилъ мой другъ меня!

Милый! онъ теперь на ловлѣ,
Но замѣтивъ мой платокъ,
Онъ тотчасъ ко мнѣ направитъ
Свой хорошенькій челнокъ,

И у волнъ меня отыметъ
И къ груди своей прижметъ,
Поцѣлуями согрѣетъ
И отъ гибели спасетъ!

Онъ такой безстрашный, милый...
Что-жъ кричишь ты: «не ходи
«Возлѣ моря ты, иначе
«Отъ него несчастья жди!»

Паскарель.

Романъ Уида.

Переводъ **А. А. Разсказовой.**

(*Продолженіе.*)

IV.

Тихій вѣтеръ колебалъ пучки розъ, увивающихъ окно; чириканье птицъ рѣзко раздавалось въ тишинѣ; плескъ воды доносился до меня, какъ будто кто-нибудь, забавляясь, наполнялъ и выливалъ постоянно воду изъ металлическаго кувшина. Ясно доносились эти ужасные для меня звуки. Моя любовь умерла; отчего не умираетъ все остальное? Слезъ у меня не было, глаза были сухи; весь позоръ того, что я узнала какъ будто сжегъ и испепелилъ жизнь во мнѣ. Я была дитя по разуму и жила только инстинктомъ. Я отдавалась безъ разсужденія, безъ анализа, вліянію минуты. Будь я старше, я бы остановилась, взвѣсила свои жестокія сомнѣнія, упавшія на мою душу, какъ капли растопленнаго свинца на открытую рану... Я же любила его съ дѣтскимъ невѣдѣніемъ и женскимъ скудоуміемъ и чувствовала только невыносимый, невыразимый стыдъ, павшій на меня съ грубою бранью существа, ревниво устраняющаго меня съ своей дороги. Къ тому же тутъ было и другое, болѣе благородное, отчаяніе, болѣе смертельная боль, это сознаніе, медленно прояснившееся во мнѣ и которое даже теперь казалось почти не богохульствомъ, что онъ сказалъ мнѣ ложь, что онъ допустилъ меня жить такъ долго въ слѣпотѣ, не замѣчая помраченнаго солнечнаго свѣта, испорченной язвами красоты.

Впослѣдствіи я испытывала страсти, которыя по сравненіи съ этой были низвергающимся потокомъ лавы около прозрачнаго горнаго источника, но сомнѣваюсь, чтобы я испытывала когда нибудь любовь болѣе чистую, болѣе совершенную, чѣмъ та, которую я питала въ тѣ минуты къ Паскарелю.

И все умерло, хуже чѣмъ умерло, поражено въ самое сердце оскорбительнымъ, ослѣпляющимъ ударомъ. Слова этой несчастной, полусумашедшей, низвергли все съ неба невинныхъ восторговъ и втоптали въ самую низкую, безчестную, грубую грязь, въ ядовитую ревность женщины, и любовную невѣрность мужчины. Ея ревность унижала меня въ собственныхъ глазахъ. Гордость была моимъ преобладающимъ качествомъ. Онъ могъ смирить и подчинить ее своему вліянію, но не искоренить; подъ болью отчаянія она поднялась съ удесятеренной силой. «Занять ея мѣсто — занять ея мѣсто». Тысячу разъ повторяла я слова, оскорбившія меня. Иногда просыпалась во мнѣ ярость животнаго, и я готова была схватить ее за горло и задушить ее. Вѣдь онъ любилъ ее когда-то: такъ, по крайней мѣрѣ, думала я, не знавшая ничего ни о мужчинахъ, ни о женщинахъ.

Я услышала шумъ шаговъ за старой расшатавшейся, источенной червями, дверью и слабый, рыдающій голосъ, выражавшій свои себялюбивые страхи. Эти звуки привели меня въ слѣпую ярость; онъ вернется домой послѣ заката, домой къ ней и ко мнѣ; нѣтъ же, клянусь, онъ не найдетъ меня здѣсь.

Нѣкогда было колебаться и думать; оставалась только одна дорога—я была молода и гибка, какъ вѣтвь ивы, къ тому же помѣшалась отъ страданія. Я вскочила на каменный подоконникъ, ухватилась за сѣть стеблей вьющихся розъ и за фиговыя вѣтви переплетенныя и связанныя солнцемъ и бурями цѣлаго полстолѣтія и, держась за эту хрупкую подпору, выпрыгнула за окно, скатилась по увитой зеленью стѣнѣ, увлекая за собой цѣлый потокъ розовыхъ листьевъ. Домъ былъ старъ и не высокъ: я упала на траву, не причинивъ себѣ большого вреда, надъ собою вверху я услышала трескъ выбитой двери кѣмъ-то, кого Брунота въ ужасѣ призвала на помощь.

Совсѣмъ стемнѣло; садъ былъ пустъ; я остановилась на минуту, чтобы перевести духъ. Я чувствовала боль въ тѣлѣ, но это только усиливало мое сумашествіе, подобно тому, какъ ударъ усиливаетъ ярость раненнаго животнаго. Перепрыгнувъ черезъ низкую каменную стѣну сада, я пустилась бѣжать. Маленькій Токко сидѣлъ на стѣнѣ, отдѣляющей садъ отъ оливковой рощи, напѣвая веселую мелодію и стараясь въ темнотѣ разсмотрѣть, кто проходитъ по мосту. Подойдя къ нему, я опустила въ его руки оникс съ Парками, говоря:

— Отдайте ему, когда онъ вернется.

Мальчикъ вздрогнулъ при звукѣ моего измѣнившагося голоса. Боясь, чтобы онъ не задержалъ меня разспросами, отдавъ ему камень, я скрылась въ темнотѣ прежде, чѣмъ онъ могъ узнать, кто съ нимъ говоритъ. Сзади себя я услышала шумъ многихъ голосовъ, собравшихся на призывъ домовой хозяйки. Взглянувъ назадъ, я увидѣла свѣтъ въ окнахъ и внизу у зеленой веранды. Я пустилась бѣгомъ, точно у меня были крылья на ногахъ и бѣжала такъ скоро, какъ дозволяла мѣстность, покрытая травою, запинаясь и скользя, гдѣ клены и виноградники преграждали мой путь. Иногда я падала въ овраги, выкопанные для спуска весенней воды. Иногда ушибалась, запутываясь въ сухихъ вѣтвяхъ виноградной лозы. Иногда попадала въ чащу молодыхъ оливковыхъ деревьевъ. Иногда ноги мои погружались въ неглубокій горный ручей и я продолжала путь съ отяжелѣвшимъ отъ сырости платьемъ. По временамъ я останавливалась у стога маиса, чтобы перевести духъ, но, увидя въ сторонѣ свѣтъ, мерцающій сквозь листву, я, не давая себѣ времени отдохнуть, бѣжала дальше. Наконецъ,—можетъ быть, черезъ часъ, можетъ быть, черезъ три и даже черезъ четыре часа,—судя по звѣздамъ была уже глухая ночь,—пройдя черезъ виноградникъ безъ ограды, я вышла на большую дорогу и услышала звукъ лошадиныхъ копытъ. Въ темнотѣ я различила, приближающуюся бѣлую лошадь, покрытую краснымъ шерстянымъ тосканскимъ покрываломъ, везшую крестьянскую телѣгу. При свѣтѣ фонаря, висѣвшаго на оглоблѣ, я разсмотрѣла крестьянина, старика лѣтъ семидесяти, восьмидесяти. Телѣга была нагружена соломой и глиняной посудой. Возница спалъ, а лошадь сама, по своему желанію, выбирала себѣ дорогу. Я заговорила съ крестьяниномъ; онъ же, вообразивъ со сна, что на него напали разбойники, забормоталъ несвязныя молитвы, цѣлуя изображеніе святого изъ свинца, вдѣланное въ околышъ его фуражки.

Съ большимъ трудомъ я объяснила ему, что я одинокая, безвредная путница, что я устала, прошу его подвезти меня милю или двѣ, и что хорошо заплачу ему за это. Сначала онъ колебался, но потомъ согласился.

— Телѣга легка, сказалъ онъ, — вы тоже не тяжелы, это не повредитъ лошади; садитесь на солому, но заплатите впередъ.

Я отдала ему золотую монетку, которую далъ мнѣ когда-то отецъ мой въ Веронѣ.

Часы тянулись для меня страшно долго. Телѣга качалась, прыгала, скакала по каменьямъ; тѣло мое болѣло отъ ушибовъ и царапинъ отъ терновника и лозы; ладони рукъ были въ крови отъ шиповъ розъ; ночь была холодна, какъ бываютъ обыкновенно осеннія ночи къ сѣверу отъ Абруццо. Но нравственная боль дѣлала меня нечувствительной къ физической. Въ ушахъ моихъ раздавался его гармоничный голосъ, музыка котораго была потеряна для меня навсегда.

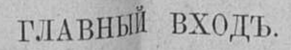
Ночь казалась безконечной. Лошадь останавливалась часто, чтобы пощипать травы по краямъ дороги или напиться изъ каменнаго резервуара у монастырской ограды. Старикъ-крестьянинъ просыпался время отъ времени, чтобы понукнуть лошадь или поправить фонарь и засыпалъ опять, выпуская изъ рукъ возжи. Едва засѣрѣло небо передъ разсвѣтомъ, какъ лошадь остановилась на поворотѣ дороги. Старикъ грубо поднялъ меня.

— Синьорина, вамъ лучше выйти теперь, если вы отправляетесь во Флоренцію. Я ѣду въ Сеттиньяно, а это вамъ не по дорогѣ. Идите все прямо внизъ и вы дойдете до воротъ Кроче.

Солнце взошло уже, освѣтивъ золотомъ верхушки зданій, когда я вошла во Флоренцію. Въ улицахъ была еще тѣнь. Все было тихо. Раздался звукъ колокола, благовѣстящаго къ ранней обѣднѣ. Я была слаба, члены мои дрожали, когда я переступала по мостовой.

Позади меня послышались шаги и крики. Съ инстинктомъ испуганной лани, я остановилась,

ПАРИЖСКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.



ГЛАВНЫЙ ВХОДЪ.

спряталась въ тѣни и смотрѣла куда бы скрыться. Неподалеку были открыты двери церкви Санта-Кроче. Мрачная, обширная, величественная церковь разверзалась, какъ могила. Я вошла въ тѣнь портика. У алтаря служили первую обѣдню. Дама, въ кружевахъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, только что вышедшая съ бала, стояла на колѣняхъ въ темнотѣ и уединеніи, голоса монаховъ глухо разносились подъ обширными сводами, подъ которыми покоится прахъ Микель-Анжело и Жіотто. Позади меня были мракъ, холодъ, безмолвіе большой церкви, едва нарушаемые тусклымъ свѣтомъ свѣчей и погребальными голосами, дрожащими въ тишинѣ. Передо мною, на открытомъ воздухѣ съ быстротою вѣтра, приближались шумъ шаговъ, крики гнѣвныхъ голосовъ, лязгъ оружія, стукъ копытъ, облако пыли, блескъ дневного свѣта и, посрединѣ лучезарные, смѣлые, чудные глаза, которые смотрѣли на меня въ послѣдній разъ при лунномъ свѣтѣ на холмѣ, около Дантовой Солитудине. Народъ стремился мимо, какъ вихрь пыли и листьевъ подъ дуновеніемъ сирокко. Я выскочила и схватила за руку старика, который, проходя мимо церкви, набожно обнажилъ свою голову.

— Что это такое? спросила я.

— О ничего, отвѣчалъ онъ съ грустной улыбкой.—Ничего. Какъ вы испугались, милое дитя. Это только герцогская стража арестовала и ведетъ Паскареля въ тюрьму; а народъ хочетъ освободить его, вотъ и все. Что онъ сдѣлалъ? спрашиваете вы меня глазами. Сколько я знаю, ничего; но городскіе жители любятъ его, онъ высказываетъ много горькихъ истинъ и легко было прицѣпиться къ чему-нибудь и обвинить его. Вчера произошло что-то въ родѣ бунта, онъ усмирилъ его; это поставили ему въ вину. Актеръ и такъ популяренъ! Какъ смѣетъ онъ обладать властью,—и такою властью, которая дается и пріобрѣтается только народною любовью. Его арестовали вчера вечеромъ и ведутъ теперь на судъ. Вѣроятно, онъ будетъ присужденъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы.

Старикъ все съ той же улыбкою отстранилъ мою руку и пошелъ медленно вдоль улицы.

Толпа народа и облака пыли исчезли изъ виду. Я потеряла сознаніе и, какъ мертвая, грохнулась на каменную мостовую Флоренціи.

(*Продолженіе будетъ.*)

Моя хроника.

П. А. Салманова.

(*Продолженіе.*)

Глава II.

Семинарское воспитаніе.

Учитель мой—была природа,
Мой умъ бывалъ во всѣхъ странахъ:
И надъ небеснымъ яснымъ сводомъ;
И въ мрачнымъ сердца тайникахъ!

1 сентября 1826 года, въ Москвѣ стояла отвратительная погода; было холодно и сыро. Вѣтеръ завывалъ и дождь стучалъ въ окна. Добрые люди стараются не показываться на улицу въ такую погоду и сидятъ дома; развѣ выйдетъ только тотъ, кому необходимо. Безотвязчивая грязь безъ спроса липла къ ногамъ и забиралась, какъ непрошенный гость, въ комнаты. Люди желчные сердятся, обыкновенно, на грязь, точно она, и въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ-нибудь виновата. Между тѣмъ, грязь эта составляетъ результатъ дождя, часто благодѣтельнаго. Такъ лучше на нее не сердиться. Скажу я также вообще людямъ: не пренебрегайте грязью, если въ лицѣ ея проявится и человѣкъ, котораго величаютъ грязью потому, что у него плохія перчатки и недовольно хорошо причесана голова; но въ головѣ и сердцѣ у него, можетъ быть, такъ много хорошаго, гораздо больше, чѣмъ у франта, пренебрегающаго имъ. Взгляните на библіотеку такого франта: глупыя книжонки глупыхъ сочинителей стоятъ у него въ шкафу въ сафьянныхъ и раззолоченныхъ переплетахъ, а Шекспиръ или Гёте валяются гдѣ-нибудь въ углу безъ переплета. И въ жизни, какъ и въ его библіотекѣ, богатый и знатный глупецъ ораторствуетъ, а умный, но бѣдный человѣкъ молчитъ, и сказалъ-бы, да боится.

Между тѣмъ наше семейство съ чердака перешло уже въ квартиру, состоявшую изъ небольшой передней, залы, спальной и дѣтской. Для насъ такая квартира казалась роскошной. Мать занимается въ спальнѣ съ дѣтьми, а отецъ сидитъ въ залѣ. Лицо его серьезно и озабочено; около него на столѣ лежитъ листъ бѣлой бумаги, чернилица и перо. Замѣтно, онъ хочетъ что-то писать, а это для моего отца событіе. Наконецъ, онъ долго и внимательно пишетъ. Любопытство подстрекаетъ меня, и я подхожу въ то время, когда отецъ почти оканчиваетъ бумагу, и читаю: «Его высокопреподобію Ректору московскихъ Высоко-Петровскихъ училищъ, священно-архимандриту и кавалеру Оссіи, пономаря Алексѣя Савина Салманова всенижайшее прошеніе. Имѣю я девятилѣтняго сына Петра, обучавшагося приватно въ Андроньевскомъ училищѣ, которого нынѣ желаю помѣстить въ штатъ учениковъ Высокопетровскаго училища въ 3-й классъ, а потому всенижайше прошу ваше высокопреподобіе, милостиваго отца и пастыря, помѣстить сына моего въ означенный 3-й классъ. Сентября 1 дня 1826 г. Къ сему прошенію Алексѣй Савинъ Салмановъ руку приложилъ».

Въ этой бумагѣ удивляли меня слѣдующія выраженія: 1) его высокопреподобію; маленькимъ не понималъ я, что такой титулъ значитъ, да и большой понимаю не больше. Мнѣ тогда казалось, что высокопреподобіе должно быть ни на кого не похоже; 2) кавалеру; кавалера я не могъ иначе вообразить, какъ на лошади. Какой же кавалеръ архимандритъ, а я видалъ архимандритовъ, неужели онъ ѣздитъ верхомъ подобно жандарму? Можетъ быть, потому, что онъ не простой архимандритъ, а ректоръ училищъ; а должно быть въ архимандричьей шапкѣ это очень красиво. Жалко, что мѣшаетъ ряса, а можетъ быть, онъ ѣздитъ въ какихъ-нибудь особенныхъ ризахъ, которыя для верховой ѣзды нарочно и приспособлены. 3) всенижайшее прошеніе; впослѣдствіи времени я узналъ, что во имя смиренія, о которомъ они часто говорятъ, архимандриты и архіереи любятъ, чтобы нуждающіеся въ нихъ, просили ихъ съ колѣнопреклоніемъ и земными поклонами. 4) Къ сему прошенію руку приложилъ. Впослѣдствіи узналъ, что думные дворяне въ Россіи, не зная грамотѣ и писать, намазывали свои руки чернымъ составомъ и прикладывали ихъ къ оффиціальнымъ бумагамъ. Разница въ мѣрѣ одной руки отъ другой открывала непросвѣщенному тогда русскому народу фальшь. Удивляюсь, что выраженіе руку приложилъ оставалось до самой судебной реформы въ законахъ и формахъ неприкосновеннымъ. По моему мнѣнію, лучше-бы писать: къ сему прошенію такой-то подписался. Зачѣмъ поднимать изъ могилы давно уже умершую безграмотность боярства и администраторовъ Россіи.

Эти четыре выраженія, о которыхъ я сказалъ, занимали мой маленькій умъ, а одно выраженіе въ бумагѣ, писанной моимъ отцомъ, гдѣ отецъ мой называетъ архимандрита милостивымъ отцомъ, заинтересовалъ меня еще болѣе. Если отецъ мой назвалъ Оссію милостивымъ отцомъ, слѣдовательно, онъ такой и долженъ быть. Я не воображалъ тогда, какъ жестоко и какъ горько ошибался.

Въ центрѣ Москвы, недалеко отъ нынѣшней Мясницкой улицы, и до сихъ поръ существуетъ монастырь подъ названіемъ Златоустаго. Описывать его не буду, архитектура очень обыкновенная; въ московскихъ церквахъ мы часто встрѣчаемъ такую архитектуру: она ни древняя византійская, ни готическая, ни дорическая, а собственно нашего сочиненія. Большое зданіе съ пятью главами по числу пяти вселенскихъ патріарховъ, хотя въ настоящее время всѣхъ патріарховъ только четыре: александрійскій, антіохскій, константинопольскій и іерусалимскій, а пятый московскій пересталъ существовать еще въ царствованіе Петра Великаго и не думаю, чтобы это званіе было когда-нибудь возстановлено въ Россіи, между тѣмъ русскіе храмы строятся до сихъ поръ пятиглавыми.

Въ Златоустовъ монастырь привелъ меня отецъ всего покрытаго грязью и промокшаго до костей и ввелъ меня въ комнаты Оссіи, который былъ архимандритомъ этого монастыря. Долго я съ моимъ отцомъ дожидался особы архимандрита, успѣлъ осушиться и проголодаться, какъ наконецъ тотъ, котораго отецъ мой называлъ милостивымъ отцемъ, вышелъ изъ внутреннихъ своихъ комнатъ къ просителямъ. Я ужаснулся, я вовсе не желалъ имѣть такого отца. Лицо архимандрита было непомѣрной величины, черно, изрыто оспою, въ лѣтахъ юности, можетъ быть, и былъ у него носъ, но теперь онъ совершенно пропалъ въ жирныхъ скулахъ, образовавши изъ лица архимандрита совершенное подобіе лопаты. Глаза у него въ свое время были также обыкновенны, но, заплывшіе жиромъ, они казались очень маленькими, такъ что многія рябины на лицѣ архимандрита были рѣшительно болѣе глазъ его. Туловище его было чрезвычайно толсто и шарообразно; прибавьте къ этому трехаршинный ростъ, басистый голосъ и грубыя манеры и вы будете имѣть правильный портретъ архимандрита Оссіи. Ну какой же онъ кавалеръ? На чемъ онъ можетъ ѣздить верхомъ? размышлялъ я.

Первое лицо, къ которому подошелъ архимандритъ былъ мой отецъ.

— Что тебѣ нужно? спросилъ онъ рѣзко.

Отецъ мой, шарахнувшись въ ноги Оссіи и показывая на меня, отвѣчалъ умоляющимъ голосомъ, что онъ желаетъ помѣстить меня въ 3-й классъ въ Петровское училище, причемъ подалъ свое прошеніе.

Архимандритъ вырвалъ прошеніе изъ рукъ моего отца, далъ мнѣ маленькаго шлепка, выгналъ насъ обоихъ изъ комнаты, чтобы мы не толкались, и только когда мы были уже на порогѣ, онъ прибавилъ, чтобы 5 числа мальчишка былъ представленъ въ училище.

Молча и понуривъ голову, шелъ я обратно съ отцомъ домой, сырость и холодъ проникали все мое тѣло. Отецъ мой, видя мою дрожь и усталость, взялъ извощика. Мы пріѣхали домой. Добрая мать дала мнѣ новое теплое и сухое бѣлье, напоила теплымъ чаемъ и накормила булками. Я согрѣлся и спросилъ у отца:

— Почему вы, батюшка, назвали ректора въ бумагѣ, которую я читалъ, милостивымъ отцомъ? Какой же онъ милостивый отецъ? у васъ онъ вырвалъ бумагу, а меня ударилъ, Богъ знаетъ за что.

Сидѣвшій въ то время у отца жилецъ нашего дома, чиновникъ Яковлевъ, человѣкъ очень образованный и ученый, кончившій курсъ первымъ кандидатомъ въ Московскомъ университетѣ, расхохотался, поцѣловалъ меня въ голову и, обращаясь къ отцу моему, сказалъ:

— Что же отвѣчайте, Алексѣй Саввичъ.

— Наставникъ—отецъ; а ректоръ—главный наставникъ для васъ дѣтей, ну, слѣдовательно, онъ вамъ и отецъ.

— Да отчего же вы отецъ мнѣ, а добры, а ректоръ такой злой? настаивалъ я.

— Отцы бываютъ всякіе и добрые, и злые.

— Я знаю, батюшка, отвѣчалъ я.—Вотъ Антипъ Ильичъ Горшечникъ, жилецъ нашъ—злой отецъ, потому что онъ бьетъ жену и дѣтей даже сонныхъ, но за то ему никто не пишетъ и не говоритъ, что онъ милостивый отецъ, зачѣмъ же вы Оссіи написали, что онъ милостивый отецъ?

— Ахъ, какой-ты глупенькій, пояснилъ отецъ, —да это уже такъ пишется, нельзя иначе писать архимандриту.

— Зачѣмъ же лгать? сказалъ, снова расхохотавшись, Яковлевъ и, потрепавъ меня по щекѣ, прибавилъ:—Когда, Петинька, поживешь побольше, узнаешь, что люди въ бумагахъ лгутъ очень часто. Таковъ ужь обычай.

— Да отчего же? спросилъ я.

Отецъ мой, какъ истый церковникъ, отвѣчалъ изъ псалтыря словами Давида, что и самый человѣкъ ложь есть.

— Прекрасно сказано, отвѣчалъ Яковлевъ. Я удовлетворился.

— А отчего вы, батюшка, вдругъ спросилъ я, —назвали въ своемъ прошеніи ректора Оссію кавалеромъ? Развѣ онъ ѣздитъ верхомъ на лошади, какъ жандармы?

Яковлевъ, подозвавъ меня къ себѣ, отвѣчалъ за отца:

— Кавалерами, душенька, называются люди, имѣющіе ордена.

— А что такое орденъ? спросилъ я.

— Крестъ, сказалъ мнѣ Яковлевъ,—который вѣшаютъ на лентѣ на шею.

— Если такъ, то, стало быть, и я кавалеръ, и батюшка, и вы, даже и матушка, потому что и у нея я видѣлъ па голубой лентѣ крестъ на шеѣ.

— Орденскіе кресты, душенька, совсѣмъ другіе, сказалъ Яковлевъ,—а наши кресты простые и обыкновенные. Они даются при крещеніи.

— Въ катихизисѣ написано, сказалъ я,—что крещеніе есть первое и самое важное таинство, поэтому кресты наши должны быть важнѣе орденскихъ, а вотъ мы не кавалеры.

На этотъ разъ Яковлевъ не засмѣялся, долго и пристально смотрѣлъ онъ на меня, держа меня за руку, наконецъ, сказалъ:

— Учитесь, Петенька, учитесь прилежно, вы будете умнымъ человѣкомъ.

Я хотѣлъ спросить Яковлева, что значитъ высокопреподобіе, всенижайше прошу и что значитъ къ сему прошенію руку приложилъ; но отецъ мой, обращаясь къ Яковлеву, замѣтилъ:

— Бросьте Петю, Александръ Ивановичъ, онъ васъ будетъ спрашивать цѣлые сутки. Ужь такой ребенокъ, пора обѣдать.

Разговоръ прекратился съ тѣмъ, чтобы послѣ уже не возобновляться. Изъ науки, изъ жизни и изъ опыта узналъ я значеніе двухъ послѣднихъ словъ, какъ сказалъ выше, а значеніе слова высокопреподобіе—хоть убейте, до сихъ поръ не понимаю.

Черезъ пять дней отецъ мой привелъ меня изъ дому, который находился близь Дѣвичьяго поля, въ Петровскій монастырь. Разстояніе одного мѣста отъ другого было никакъ не менѣе пяти верстъ, и я усталъ. «Худо, думалъ я, мнѣ каждый день придется ходить взадъ и впередъ, что составитъ десять верстъ». Отецъ спросилъ, гдѣ живетъ учитель третьяго класса? Ему показали и мы вошли въ учительскую комнату. Она была до такой степени грязна и неопрятна, что комнаты моего отца ужь вовсе не роскошныя, въ сравненіи съ комнатою учителя, казались великолѣпными. Грязь на полу, плесень на стѣнахъ, три деревянныхъ старыхъ стула, такая же кровать съ грязнымъ и худымъ ситцевымъ одѣяломъ, самоваришка такой же грязный, какъ и одѣяло, чайникъ и двѣ чашки, укрѣпленныя замазкою, деревянный столъ, непокрытый никакою краскою, на которомъ стоялъ недопитый полштофъ водки, стаканъ зеленаго стекла, образчикъ котораго мы иногда встрѣчаемъ на постоялыхъ дворахъ,—вотъ весь комфортъ, которымъ окружилъ себя учитель латинскаго языка третьяго класса въ Петровскомъ училищѣ. Учительская комната составляла для него и для публики все: переднюю, залу, гостиную, спальню и кабинетъ, и хозяинъ этой роскоши, учитель, какъ сейчасъ помню, Иванъ Алексѣевичъ Любимовъ, былъ ея вполнѣ достоинъ. Онъ сидѣлъ на одномъ изъ трехъ своихъ знаменитыхъ стульевъ въ затрапезномъ халатѣ, пьяный до омертвѣнія. Когда мы вошли, онъ дремалъ на стулѣ; отцу моему много и долго нужно было кашлять въ руку изо всѣхъ силъ, чтобы вывести изъ оцѣпенѣнія Любимова. Онъ открылъ глаза и, не спросивъ насъ ни о чемъ, попросилъ сѣсть и послѣ, когда мы уже сѣли, спросилъ моего отца очень не связно:

— Что вамъ угодно?

Отецъ рекомендовалъ меня, какъ новаго его ученика и просилъ взять меня подъ его покровительство, при словѣ покровительство-лицо пьянаго учителя совершенно осмыслилось: онъ пристально посмотрѣлъ на насъ на обоихъ, замахалъ руками и, показывая на меня, сказалъ звучнымъ голосомъ, котораго я никогда не забуду:

— Здѣсь покровительствуетъ Богъ, а не люди!

Сказавъ это, онъ всталъ; пошатываясь подошелъ къ кровати, на которую сѣлъ и, придвинувъ къ себѣ столъ, вылилъ изъ полштофа все вино въ стаканъ и выпилъ его, не переводя духа.

— Учись, голубчикъ, сказалъ мнѣ Любимовъ несовсѣмъ связно,—учись всему, кромѣ питья вина, какъ твой учитель.

Отецъ мой далъ ему синюю пятирублевую ассигнацію; Любимовъ принялъ ее, развернулъ, посмотрѣлъ и, не поднимая глазъ на отца, спросилъ:

— Вы причетникъ?

Отецъ отвѣчалъ:

— Да, я пономарь.

— Много у васъ дѣтей?

— Пять человѣкъ.

— И жена есть.

Отецъ мой отвѣчалъ утвердительно.

— Можетъ быть, вы отдаете послѣднія деньги, сказалъ Любимовъ.—Въ такомъ случаѣ, возьмите ихъ назадъ.

Отецъ сказалъ, что у него есть деньги и просилъ убѣдительно Любимова принять этотъ маленькій подарокъ.

— Охъ, не слѣдовало-бы, заключилъ учитель, —принимать вашего подарка, да жалованья-то моего не достанетъ не только на водку, которую я такъ люблю, но и на черствый кусокъ ржанаго хлѣба; благодарю васъ, я вашего сына не забуду.

Въ это время въ комнату Любимова вошелъ мальчикъ, котораго учитель величалъ цензоромъ и этому мальчику онъ приказалъ отвести меня въ третій классъ. Отецъ перекрестилъ и поцѣловалъ меня въ голову; я чувствовалъ, какъ двѣ горячія слезы упали на нее. Мнѣ сдѣлалось грустно, я не хотѣлъ смотрѣть на отца, опасаясь заплакать и быстро побѣжалъ за мальчикомъ въ классъ.

Человѣкъ привыкаетъ ко всему: ко времени, къ мѣсту, къ обстоятельствамъ. Сначала поразили меня шумъ и бѣготня мальчиковъ, которыхъ мнѣ было суждено имѣть своими товарищами; ихъ худая и грязная одежда и, наконецъ, поразили узкіе некрашенные столы, которые назывались партами; онѣ имѣли длины 6 аршинъ и ширины $1/2$ аршина и были безобразны въ высшей степени, выпачканы чернилами и грязью; не меньше поразила, впрочемъ, и нечистота, которая господствовала во всемъ классѣ. Чрезъ два часа я привыкъ ко всему этому. Точно такой шумъ время отъ времени слышалъ я и въ Андроньевскомъ училищѣ, когда находилъ время уйти отъ Платонова и посмотрѣть, какъ дѣти учатся въ классахъ; парты я видалъ также, и парты андроньевскія были не лучше петровскихъ. Плохая одежда мальчиковъ и ихъ грубыя манеры также мнѣ не были новостью, въ Андроньевскомъ училищѣ я успѣлъ уже съ ними освоиться.

Привычка породила во мнѣ дѣтскую гордость, я съ важностію осмотрѣлъ на другихъ мальчиковъ, которые учились по три года и сидѣли на шестой партѣ; а я, новичекъ, только-что вошедшій въ классъ, удостоенъ былъ первой парты. Нужно замѣтить, что достоинство мальчиковъ опредѣлялось партами; самые лучшіе изъ учениковъ сидѣли за первою партою, менѣе лучшіе за второю и т. д. Самые худые ученики сидѣли за восьмою партою, она была послѣдняя и сидѣвшіе за нею были нѣчто въ родѣ паріевъ, ихъ не любили ученики, не любилъ учитель, не любило духовное начальство и исключало ихъ обыкновенно вовсе изъ училища при первыхъ экзаменахъ.

Болѣе часа сидѣлъ я въ праздности, какъ явился учитель катехизиса, исторіи и греческаго языка—Страховъ. Меня удивило появленіе этого учителя, я воображалъ, что въ третьемъ классѣ учитъ одинъ Любимовъ. Впрочемъ, появленіе его меня нисколько не встревожило. Мнѣ понравилось кроткое и открытое лицо Страхова, я смотрѣлъ на него такъ пристально, что обратилъ его вниманіе; онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ ласково, чтобы я ему разсказалъ исторію всемірнаго потопа; я отвѣчалъ отчетливо, потомъ спросилъ изъ катехизиса о таинствѣ Св. причащенія,—я отвѣчалъ также хорошо, въ заключеніе далъ мнѣ греческую книгу, не помню какую, я прочелъ ему нѣсколько строкъ безъ ошибокъ.

— Какъ ваша фамилія, спросилъ Страховъ?

Я отвѣтилъ.

— Салмановъ.

— Не было-ли у васъ брата Василія Салманова?

Я отвѣчалъ, что былъ и теперь живъ.

— Онъ мнѣ товарищъ, сказалъ Страховъ. — Гдѣ онъ теперь?

Я отвѣчалъ, что братъ мой служитъ секретаремъ въ межевой канцеляріи.

— Вы прекрасно отвѣчали, сказалъ Страховъ, —вы сидите въ концѣ первой парты—я сажаю васъ на второе мѣсто. Добронравовъ! подвиньтесь и уступите ваше мѣсто Салманову.

Восторгу моему не было предѣловъ. Въ 12 часовъ насъ распустили до двухъ часовъ, это было обыкновенное время отдыха и обѣда. На обѣдъ отцомъ моимъ мнѣ было дано и послѣ всегда давалось 5 коп. сер. По тогдашнему курсу монета эта ходила за 21 коп. ассигн. Я купилъ себѣ мягкій крупичатый калачъ, заплатилъ за него 7 копѣекъ, а остальныя проѣлъ на мороженномъ; платя за каждую рюмку по 2 коп. ассигнаціями. Я былъ вполнѣ доволенъ этимъ днемъ: во первыхъ, я былъ сытъ по горло, потому-что независимо это калача, который съѣлъ, у меня были сдобные пироги, цѣлый цыпленокъ и три яйца; эти кушанья я получилъ отъ доброй матери, начинившей ими всѣ мои карманы; во вторыхъ, я полакомился мороженнымъ, которое не всегда было для меня доступно; въ третьихъ, получилъ второе мѣсто. Правда, были и огорченія, но, видно, счастіе безъ огорченія не приходитъ. Ученикъ Добронравовъ, который противъ воли долженъ былъ уступить мнѣ свое второе мѣсто, будучи старше и сильнѣе меня, по выходѣ изъ класса далъ мнѣ препорядочнаго шлепка, на который я не смѣлъ отвѣтить, опасаясь его физической силы, а жаловаться я никогда не любилъ; да еще мальчишки украли у меня изъ кармана два яйца; впрочемъ, я не унывалъ, я пони-

малъ, что Добронравовъ обидѣлъ меня отъ зависти, а противъ воровства мальчишекъ далъ себѣ слово быть осторожнымъ.

Въ два часа по полудни мы снова сожались въ классѣ. Очередь была учителя Любимова, но онъ не явился, вѣроятно, былъ пьянъ. Товарищи мои шумѣли и играли, я принялъ участіе въ ихъ играхъ. Меня охотно приняли, я въ шалостяхъ не уступалъ никому, такъ-что многіе товарищи съ перваго же дня очень полюбили меня. Въ четыре часа ударилъ звонокъ—сигналъ роспуска. Мы шарахнулись изъ класса, шаля, подталкивая и давая одинъ другому усердные подзатыльники. Не шелъ, но летѣлъ я обратно изъ Петровскаго училища къ родителямъ, чтобы подѣлиться съ ними своею радостью и торжествомъ и въ 5 часовъ былъ уже дома, не чувствуя никакой усталости.

Счастіе и несчастіе зависитъ отъ малыхъ причинъ. Чрезъ нѣсколько времени, не болѣе, какъ чрезъ двѣ недѣли, какъ я началъ ходить въ классѣ, со мною случилось горе, которое, уязвивъ мое дѣтское ученое самолюбіе, такъ глубоко меня тронуло, что имѣло грамадное вліяніе на всю мою будущность. Со дня этого несчастія, до самаго окончанія курса я учился кое-какъ, и учился не изъ удовольствія учиться, но для того, чтобы хотя черепашьимъ шагомъ переходить изъ одного класса въ другой. Простой случай, происшедшій отъ ошибки ректора, или отъ его невниманія и необсмотрительности, унизивъ меня въ глазахъ товарищей, въ одно мгновеніе убилъ еще въ малюткѣ то чувство благородной гордости и сознаніе собственнаго «я», которое, какъ хорошее сѣмя, если не будетъ потоптано ногами въ юности, даетъ хорошіе плоды во всѣ періоды жизни. Прежде, чѣмъ я скажу объ этомъ пагубномъ для меня случаѣ, обращусь къ составу духовныхъ училищъ и къ предметамъ, которые въ нихъ преподавались.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Картина ГАМОНА.

Сестры тутъ нѣтъ.

Изъ-за океана.

Письма А. Е. Бородаевскаго.

Письмо I.

Филадельфія.

Съ давнихъ поръ уже между Россіей и Соединенными Штатами начались дружескія сношенія, особенно укрѣпившіяся со времени послѣдней междоусобной войны въ нихъ. При началѣ нашей войны съ Турціей, Соединенные Штаты высказали явно сочувствіе Россіи. Я полагаю, для русскихъ читателей небезъинтересенъ вопросъ: какъ, вообще, относятся къ русскому народу и историческому дѣлу, имъ теперь уже почти совершенному, наши «заатлантическіе друзья», какъ извѣстно, всегда пользовавшіеся особеннымъ расположеніемъ со стороны русскихъ?

Излишне было-бы и говорить много о томъ, что вопросъ этотъ, помимо отвлеченнаго, чисто нравственнаго своего значенія, имѣетъ для русскихъ еще важное практическое значеніе.

Если взглянуть на восточный вопросъ во всемъ его объемѣ, то нельзя не согласиться, что освобожденіемъ южныхъ славянъ онъ далеко еще не исчерпывается, и что политическая свобода порабощенныхъ племенъ составляетъ только зародышъ болѣе широкой и прочной свободы, — экономической и служитъ лишь краеугольнымъ камнемъ того зданія народной жизни, которое русскій народъ началъ, заложивъ фундаментъ на сотнѣ тысячъ костей своихъ братьевъ, и которое онъ долженъ будетъ окончить, помогая своимъ содѣйствіемъ въ будущемъ. Для этой цѣли намъ необходимъ будетъ союзъ съ народомъ сильнымъ, независимымъ, развитымъ въ промышленномъ и богатымъ въ экономическомъ отношеніяхъ. Такимъ народомъ и является сѣверо-американскій народъ, къ тому же менѣе другихъ заинтересованный непосредственно во всевозможныхъ политическихъ передрягахъ, которыя могутъ еще когда-нибудь возникнуть на востокѣ. На союзъ политическій съ этимъ народомъ намъ, русскимъ, разсчитывать нечего. Нація эта переживаетъ теперь тяжелыя времена финансоваго и экономическаго кризиса, происшедшаго отъ внутреннихъ неурядицъ послѣднихъ лѣтъ; вниманіе народа слишкомъ сильно занято улучшеніемъ домашнихъ порядковъ и развитіемъ своихъ экономическихъ силъ, чтобы можно было еще надѣяться, что американцы отступятъ отъ своей традиціонной политики невмѣшательства, завѣщанной еще великимъ Вашингтономъ въ его знаменитомъ «Прощальномъ посланіи», и примутъ активное участіе въ событіяхъ, волнующихъ націи стараго свѣта.

Но если мы не можемъ имѣть,—по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ,—въ американскомъ народѣ союзника на политической аренѣ или на полѣ битвы, то мы можемъ смѣло разсчитывать на союзъ этой націи, самый тѣсный, прочный и искренній на поприщѣ мирнаго труда и экономическаго прогресса.

Въ этомъ послѣднемъ ручается вся прошедшая исторія этого народа, а также и то дружественное отношеніе и искреннее сочувствіе къ русскому народу и его дѣлу, съ какимъ относились американцы съ самаго начала и до конца настоящей войны. Достаточно прислушаться къ голосу общественнаго мнѣнія, самымъ вѣрнымъ отголоскомъ котораго здѣсь,—какъ ни въ какой другой странѣ міра,—служитъ печать, чтобы вполнѣ убѣдиться, что въ Америкѣ русскій на-

Картина **ТУЛЬМУШСА.**

Интимный разговоръ.

родъ можетъ встрѣтить сочувствіе себѣ, точно также какъ и своему дѣлу, несравненно болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, не исключая даже ближайшаго своего сосѣда, народа «дружественной державы»... Въ подтвержденіе моихъ словъ я приведу выдержки изъ нѣкоторыхъ здѣшнихъ журналовъ и газетъ о послѣднихъ событіяхъ, еще свѣжихъ въ памяти каждаго. Начну съ «толстыхъ» ежемѣсячныхъ журналовъ.

Въ декабрьской книжкѣ серьезнаго и дѣльнаго журнала «New Englander», издающагося въ Нью-Гавенѣ, въ штатѣ Конектикутѣ, въ статьѣ: «Почему мы должны сочувствовать Россіи въ настоящей ея войнѣ», писанной еще до паденія Плевны, говорятъ: «Больной человѣкъ современной Европы—Турція. Вопросъ, за который происходитъ въ настоящее время битва на берегахъ Дуная, слѣдующій: долженъ-ли христіанскій народъ одной изъ прелестнѣйшихъ странъ міра оставаться въ рабской зависимости у нѣсколькихъ сотъ тысячъ турокъ магометанъ,—или онъ долженъ перейти подъ власть той великой сѣверной державы, народу которой предназначено судьбою выполнить великую задачу распространенія свѣта цивилизаціи въ самыя отдаленныя страны центральной Азіи. Симпатіи американскаго народа, безъ всякаго сомнѣнія, на сторонѣ русскихъ. По мнѣнію многихъ здѣсь (въ Америкѣ),—это не больше, не меньше, какъ только слѣдствіе того дружественнаго чувства, которое съ давнихъ уже поръ существуетъ между двумя народами. Взаимные наши интересы никогда еще до сихъ поръ не приходили въ столкновеніе между собою, да и нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности предполагать, чтобы это могло когда нибудь случиться даже въ отдаленномъ будущемъ. Русскіе, подъ вліяніемъ отчасти и того соображенія, что дружба съ великой, промышленной націей, подобной народу Соединенныхъ Штатовъ, можетъ имѣть не маловажное значеніе для нихъ въ случаѣ войны съ Англіей,—съ своей стороны, всегда старались поддерживать тѣсную связь съ нами, и, такимъ образомъ, дружескія чувства, которыя они къ намъ всегда питали и безъ того, еще болѣе укрѣпились, такъ что извѣстная часть гражданъ здѣсь готова будетъ сочувствовать Россіи во всякой ея войнѣ. Но большая часть гражданъ этой страны руководствуется въ своихъ симпатіяхъ иными еще соображеніями, чѣмъ эти. Они, нужно сказать правду, не совсѣмъ сочувственно относятся къ нѣкоторымъ фактамъ русской жизни, но они увѣрены, что въ населеніи этой сѣверной части свѣта кроются элементы великаго народа; они не сомнѣваются, что онъ создастъ себѣ великую будущность; что за завѣсой этого будущаго скрываются великія дѣла, которыя ему предстоитъ совершить и что прогрессъ цивилизаціи въ Азіи зависитъ преимущественно отъ усилій русскаго народа. Взгляды эти иной разъ выражаются, можетъ быть, не совсѣмъ ясно и разумно, но, тѣмъ не менѣе, не можетъ существовать ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, подъ вліяніемъ ихъ, здѣсь давнымъ давно сложилось убѣжденіе, что, въ интересахъ христіанской религіи и цивилизаціи, необходимо, чтобы двуглавый орелъ занялъ мѣсто полумѣсяца въ Константинополѣ—и чѣмъ раньше—тѣмъ лучше».

А вотъ какимъ образомъ выражаетъ тожественные почти взгляды другой ежемѣсячный американскій журналъ: «Penn's Monthly», издающійся въ Филадельфіи подъ редакціей профессора соціяльныхъ наукъ въ пенсильванскомъ университетѣ, Томсона, и отличающійся какъ солидностью направленія, такъ и составомъ своихъ сотрудниковъ, между которыми не рѣдко можно встрѣтить имена наиболѣе извѣстныхъ въ Америкѣ ученыхъ и писателей. «Паденіе Плевны, говоритъ журналъ въ своей хроникѣ, и несомнѣнность возрастающаго успѣха Россіи ставятъ въ необходимость каждаго поближе и со вниманіемъ взглянуть на эту державу и посмотрѣть хорошенько, что это за народъ такой. Лучшими своими друзьями Россія должна считать тѣхъ, кто одинаково безпристрастно относится, какъ къ прежнимъ ея пораженіямъ, такъ и къ позднѣйшимъ ея успѣхамъ подъ Плевною, и кто полагаетъ, что недостатки, обнаружившіеся во время этой войны, могутъ быть въ данномъ случаѣ, какъ и вообще, исправлены лишь тогда, когда будутъ откровенно обнаруживаемы и подвергаемы дѣйствію лучшаго пробнаго камня—анализа, основаннаго на опытѣ. Только при этомъ послѣднемъ убѣжденіи русскихъ, каждый здравомыслящій и цивилизованный человѣкъ можетъ вполнѣ примириться съ возрастающимъ могуществомъ и даже вліяніемъ Россіи на Дунаѣ. Утѣшительно то, что недостатки Россіи встрѣчаютъ непримиримаго своего врага именно въ сознаніи самого ея же народа, въ ея общественномъ мнѣніи, точно также, какъ ея несомнѣнныя достоинства поддерживаются и укрѣпляются силой того-же общественнаго мнѣнія ея народа. Конечно, нѣкоторые изъ ея внутреннихъ распорядковъ оставляютъ желать лучшаго; крѣпостное право оставило въ ней много слѣдовъ, неуспѣвшихъ еще сгладиться и исчезнуть; въ ней нѣтъ еще вполнѣ здороваго общественнаго мнѣнія въ руководящихъ слояхъ общества; печать ея пользуется ничтожнымъ значеніемъ. Вообще, Россія изображаетъ собою сумму самыхъ лучшихъ и самыхъ худшихъ вѣроятностей; но при всей несомнѣнности ея недостатковъ и ошибокъ, которыя ей пришлось совершить, существуютъ всѣ данные надѣяться, что она благополучно перенесетъ всѣ эти невзгоды и, въ концѣ концевъ, наученная опытомъ, выйдетъ съ обновленными силами изъ затрудненій. Основаніемъ надежды на счастливую будущность Россіи служитъ энтузіазмъ ея народа, его юношеская готовность къ самопожертвованію, ради блага своей родины, и его вѣра въ свою великую миссію, какъ проводника цивилизаціи на Востокѣ. Никакая другая раса, исключая англо-саксонской, не обнаруживала въ такой степени политической инціативы и способности къ политической жизни, какъ русскій народъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ онъ находился. Невозможно предугадать теперь, что можетъ выйти изъ Россіи, когда ея народъ достигнетъ надлежащей степени просвѣщенія, если просвѣщеніе не понимать въ смыслѣ филистерскаго самодовольства всѣмъ, что только носитъ печать «отечественнаго и національнаго»...

Такой безпристрастный отзывъ ученаго журнала, при всей, правда, неясности своей аргументаціи, можетъ удовлетворить самое щекотливое чувство національной гордости каждаго русскаго,—даже и такого, который не успѣлъ еще отрѣшиться отъ «филистерскаго самодовольства», о которомъ говоритъ журналъ.

Приблизительно, въ томъ же духѣ отзываются о русскомъ народѣ и остальныя ежемѣсячныя американскія изданія, такъ что было-бы излишне утомлять вниманіе читателя цитатами изъ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ журналовъ и можно будетъ ограничиться выпиской изъ одного еще наиболѣе распространенаго здѣсь ежемѣсячнаго журнала «Lippincott's Magazine», (Февр. кн.), хотя и не отличающагося эрудиціей предыдущаго изданія, но за то весьма популярнаго въ Америкѣ и имѣющаго громадный кругъ читателей. Вотъ какъ спеціальный корреспондентъ этого журнала, Эдвардъ Кинъ, въ статьѣ «Съ русскими въ Болгаріи», отзывается о русскихъ: «Русскіе, пишетъ онъ, очаровали насъ двумя выдающимися чертами своего характера: демократическимъ отсутствіемъ малѣйшей афектаціи и принужденности въ обращеніи и совершенной любезностью. Если присовокупить еще къ этому полнѣйшую откровенность ихъ характера и сердца, по отношенію даже къ собственнымъ своимъ недостаткамъ, то русскіе, полагаю, заслуживаютъ того, чтобъ ими восхищаться. Они отличаются горячностью восточнаго человѣка, но въ то же самое время бываютъ способны не обнаруживать ни малѣйшаго вида неудовольствія, когда замѣчаютъ, что они окружены людьми, враждебными ихъ цѣлямъ, и могутъ быть даже изысканно вѣжливы съ ними, а иной разъ и польстить ихъ самолюбію.... Русскій человѣкъ имѣетъ замѣчательно тонкое чутье и впечатлительную натуру, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда ему кажется, что его побужденія ложно поняты или преднамѣренно искажены; но онъ вовсе не имѣетъ въ своемъ характерѣ той оскорбительной грубости и презрительнаго отношенія къ другимъ, какими отличаются, напримѣръ, пруссаки, а еще менѣе невыносимаго нахальства этихъ послѣднихъ..... Суровость прусской выдержки и солдатчины—вещь не мыслимая для русскихъ: это было-бы одинаково противно и ихъ натурѣ, и развитому въ нихъ чувству индивидуальной независимости. У нихъ офицеры и простые рядовые гораздо ближе стоятъ другъ къ другу, внѣ служебныхъ обязанностей, какъ члены одной семьи, чѣмъ въ Германіи. И отъ каждаго изъ нихъ, отъ самаго высшаго чина и до самаго послѣдняго рядового, можно всегда надѣяться встрѣтить обязательную любезность и готовность помочь ближнему,—ту любезность, которая, обыкновенно, является у людей, какъ слѣдствіе «естественной доброты сердца»...

Нельзя также пройти молчаніемъ лекціи, читанной въ концѣ прошлаго года извѣстнымъ американскимъ лекторомъ, Джоемъ Морисомъ въ Филадельфіи, предъ многочисленной аудиторіей избранныхъ слушателей и представляющей не мало интереса для русскихъ читателей по своимъ сопоставленіямъ и выводамъ. Предметомъ лекцій была—«Турція, ея прошедшее и настоящее. — Изложивъ исторію развитія восточнаго вопроса, лекторъ длиннымъ рядомъ аргументовъ доказалъ своимъ слушателямъ, что турки «иноземцы въ Европѣ, случайные пришельцы и узурпаторы». Съ замѣчательнымъ искуствомъ и краснорѣчіемъ онъ провелъ параллель между Россіей и Турціей и указалъ на громадную разницу значенія обѣихъ націй въ исторіи цивилизаціи всего человѣчества. «Въ Турціи, сказалъ онъ, все клонится къ упадку и разрушенію. Турки уничтожаютъ все,—русскіе создаютъ. Турки опустошили богатѣйшія мѣстности Европы, — русскіе внесли свѣтъ цивилизаціи даже въ пустыни Азіи. Со времени своего появленія въ Европу, турки не подвинулись ни на шагъ впередъ. Если турокъ возвратится на свое старое пепелище, въ пустыни Азіи, то онъ не оставитъ позади себя ни одного памятника искусства или науки, свидѣтельствующаго о минувшихъ временахъ его пребыванія. Русскіе, напротивъ, культивировали безлюдныя степи своего юга и воздвигли на пустынныхъ нѣкогда берегахъ такіе роскошные города, какъ Петербургъ и Одесса». «Русскимъ, сказалъ онъ далѣе, предстоитъ великая будущность, какъ народу молодому и демократической націи. Много лѣтъ уже Россія идетъ путемъ реформы, пойдетъ имъ и далѣе, и понятно, что отъ этого она будетъ становиться все сильнѣе и сильнѣе». Затѣмъ, пожелавъ отъ лица своихъ единомышленниковъ—всего американскаго народа, какъ выразился лекторъ,—успѣха русскимъ, онъ заключилъ свое чтеніе такъ: «Единственная радикальная мѣра, какая только можетъ упрочить благосостояніе нѣсколькихъ милліоновъ народонаселенія страны, угнетаемой турками, между которыми насчитывается до 3-хъ мил. номадовъ,

—это: изгнаніе турокъ туда, откуда явились ихъ предки и полная самостоятельность угнетаемыхъ ими народовъ».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Декамеронъ.

Сказки Джіовани Боккачіо.

(Переводъ Н. И. Шульгина.)

(*Продолженіе.*)

День второй.

Сказка VI.

Отысканныя дѣти.

(Разсказанная г жею Эмиліей.)

Вамъ небезъизвѣстно мои милыя подруги, что послѣ смерти императора Фридриха II, королемъ Сициліи былъ коронованъ Манфредъ. Во главѣ управленія дѣлами королевства, своимъ намѣстникомъ, новый король поставилъ неаполитанскаго вельможу Арригетто Капече, обладающаго выдающимися способностями и очень богатаго. Капече былъ женатъ на знатной неаполитанкѣ, красавицѣ Беритолѣ Карачіола. Во время его намѣстничества въ Сициліи, Карлъ I одержалъ побѣду подъ Беневенто; Манфредъ былъ убитъ въ сраженіи и Сицилія предана на волю побѣдителя. Зная, что сициліянцы не станутъ защищаться противъ побѣдителя и не желая дѣлаться подданнымъ новаго короля, Капече рѣшился бѣжать изъ Сициліи. Но сициліянцы не позволили ему уйти; они выдали его и другихъ ревностныхъ приверженцевъ Манфреда королю Карлу.

Когда Карлъ вступилъ въ Сицилію, Беритола, въ виду перемѣнъ, обусловленныхъ послѣдними событіями, не зная, что ожидаетъ ея мужа, а также опасаясь, что въ случаѣ его смерти ей можетъ угрожать печальная судьба, продала все, что можно было продать изъ ея собственнаго имущества, и рѣшилась немедленно уѣхать изъ Сициліи, хотя была беременна. Она взяла съ собой восьмилѣтняго сына по имени Джіуфреди и сѣла на корабль, отправлявшійся въ портъ Липари. Прибывъ благополучно въ этотъ городъ, она разрѣшилась отъ бремени сыномъ, которому дала имя Скачіато (т. е. бѣглецъ). Вмѣстѣ съ нею и своими дѣтьми она сѣла на галеру, идущую въ Неаполь, гдѣ она намѣревалась поселиться у своихъ родныхъ. Но увы! вскорѣ по выходѣ корабля изъ порта, небо омрачилось, пронеслась страшная буря и галера, несомая по волѣ вѣтра, была прибита къ берегу острова Понцо *); войдя въ небольшую бухточку, она осталась здѣсь ожидать попутнаго вѣтра. Сойдя вмѣстѣ съ остальнымъ экипажемъ на берегъ, Беритола отыскала на островѣ уединенную пещеру. Сюда удалялась она ежедневно и, не тревожимая ни матросами, ни пассажирами галеры, горько оплакивала своего мужа, котораго считала уже погибшимъ. Однажды, когда она такимъ образомъ изливала свое горе въ своемъ уединеніи, къ острову подплылъ корсаръ и, воспользовавшись неготовностью экипажа къ защитѣ, завладѣлъ галерой, захватилъ въ плѣнъ всѣхъ людей, на ней находившихся, и отплылъ далѣе.

Посвятивъ опредѣленное время своему горю, Беритола возвратилась къ своимъ дѣтямъ. Каково же было ея изумленіе, когда она не нашла ни своихъ дѣтей, ни людей, пріѣхавшихъ съ нею вмѣстѣ на галерѣ, ни самой галеры? Подозрѣвая, что должно было случиться, она окинула взглядомъ море и увидѣла на недалекомъ разстояніи корабль корсара, за которымъ слѣдовала захваченная имъ галера. Для Беритолы не было теперь сомнѣнія, что она навсегда потеряла своихъ дѣтей также, какъ она потеряла своего мужа. Трудно изобразить ея горе! Одна на необитаемомъ островѣ, лишенная средствъ сноситься съ внѣшнимъ міромъ, она въ отчаяніи упала на землю, жалобнымъ голосомъ призывая мужа и сыновей. Скоро она лишилась сознанія и, какъ здѣсь никого не было, кто бы могъ помочь ей, очень долго пролежала безъ чувствъ. Придя въ себя, она залилась горькими слезами. Наплакавшись вволю, она встала и отправилась изъ пещеры въ пещеру; отчаяннымъ голосомъ, прерываемымъ рыданіями, она звала своихъ милыхъ дѣтей, точно она надѣялась, что имъ удалось спастись и они, услышавъ ея голосъ, прибѣгутъ къ ней и бросятся къ ней въ объятія. Замѣтя безполезность своихъ поисковъ и почувствовавъ страхъ при наступавшей темнотѣ, она невольно подумала о томъ, что ей дѣлать съ самой собою и пришла къ заключенію, что лучше всего ей расположиться на ночь въ той не большой пещерѣ, куда она уходила ежедневно въ одиночествѣ изливать свое горе. Подъ вліяніемъ печали, а также и страха, неоставлявшаго ее, она всю ночь не могла сомкнуть глазъ. Съ наступленіемъ утра, ее сталъ мучить голодъ—цѣлыя сутки она ничего не ѣла—и она утолила его травою и кореньями. Насытившись этой мало пригодной для людей пищей, Беритола снова горько заплакала, размышляя объ ожидавшей ее страшной будущности. Въ то время, какъ она предавалась своему отчаянію, въ пещеру, сосѣднюю съ ея маленькою пещерою, вошла коза и чрезъ нѣсколько минутъ вышла снова и направилась къ лѣсу. Видъ этого животнаго возбудилъ любопытство въ Беритолѣ. Она зашла въ пещеру, которую только что оставила коза, и нашла тамъ двухъ козленковъ, родившихся наканунѣ. Беритола не потеряла еще окончательно своего молока и оно безпокоило ее. Взявъ козлятъ одного за другимъ, она поднесла ихъ къ своей груди; дѣтеныши не отказывались отъ предложенной имъ пищи; напротивъ, съ жадностью сосали грудь женщины, точно имъ были предложены сосцы ихъ матери. Успѣхъ перваго опыта ободрилъ Беритолу и она стала постоянно кормить козлятъ, чередуясь съ козою.

Эти два маленькіе питомца послужили большимъ утѣшеніемъ для несчастной женщины и нѣкоторымъ облегченіемъ въ ея тяжкомъ горѣ. Она оставляла ихъ только затѣмъ, чтобы, подобно ихъ настоящей матери, пощипать травы и утолить жажду въ ручьѣ. Лишенная человѣческой помощи и надежды когда нибудь уѣхать съ этого пустыннаго островка, Беритола рѣшилась жить и умереть на немъ. Эта рѣшимость, однакожь, не избавила ее отъ воспоминаній о прошломъ, которыя каждый разъ вызывали въ ней горькія слезы. Постепенно жизнь дикарки, какую она вела, превратили ее саму въ дикое существо. И развѣ она могла избѣжать этой участи, лишенная сообщества людей и принужденная довольствоваться обществомъ козы съ ея двумя дѣтенышами?

Беритола уже нѣсколько мѣсяцевъ прожила на островѣ, когда случай привелъ въ его маленькую бухту пизанскій корабль, принужденный бросить якорь и остановиться здѣсь на нѣсколько дней. На этомъ кораблѣ ѣхалъ маркизъ Курадо де-Маласпини съ женою, женщиною набожною и добродѣтельною. Супруги ѣздили съ цѣлью посѣтить всѣ святыя обители провинціи Пульи и теперь возвращались домой. Однажды, желая разсѣяться, они, въ сопровожденіи своихъ слугъ и собакъ, прогуливались по острову, невдалекѣ отъ той пещеры, которую Беритола избрала для жительства. Козлята настолько уже выросли, что сами паслись подлѣ пещеры. Увидя ихъ, собаки съ лаемъ бросились на нихъ. Козлята обратились въ бѣгство, ища спасенія въ пещерѣ Беритолы. Туда же ворвались и собаки. Беритола, схвативъ палку, стала гнать ихъ. Въ то время, какъ она расправлялась съ собаками, къ пещерѣ подошли Курадо и его жена. Можно представить себѣ ихъ изумленіе, когда они увидѣли передъ собой Беритолу, грязную, худую и растрепанную. Не менѣе изумилась и Беритола, увидя ихъ. Курадо крикнулъ на собакъ и приказалъ взять ихъ на свору. Затѣмъ онъ обратился къ Беритолѣ, прося ее сказать, кто она и какъ попала на этотъ необитаемый островъ. Беритола не заставила просить себя во второй разъ: она назвала себя и разсказала подробно о своихъ печальныхъ приключеніяхъ.

Курадо, нѣсколько знакомаго съ мужемъ Беритолы, глубоко тронулъ разсказъ объ ея несчастіяхъ. Онъ употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы отвратить ее отъ рѣшимости провести остатокъ жизни на этомъ необитаемомъ островѣ. Онъ обѣщалъ отвезти ее къ ея роднымъ; если же ей лучше нравится, онъ предлагаетъ ей убѣжище у себя въ домѣ и обѣщаетъ относиться къ ней, какъ къ своей родной сестрѣ. У ея родныхъ или у него въ домѣ, она можетъ выждать, пока счастіе къ ней снова обернется и она отыщетъ дорогихъ ей людей. Но видя, что она не сдается на его увѣщанія, онъ оставилъ ее съ своей женою, разсчитывая, что та скорѣе уговоритъ упрямицу, а самъ удалился, приказавъ принести Беритолѣ платье и обѣдать.

Маркизѣ, въ самомъ дѣлѣ, удалось уговорить несчастную. Она начала съ того, что поплакала вмѣстѣ съ нею, выражая тѣмъ сочувствіе къ ней; затѣмъ, хотя не безъ труда, уговорила ее поѣсть и переодѣться. Беритола отказывалась уѣхать съ острова болѣе всего потому, что не хотѣла показываться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ее знали; маркиза, нѣжными ласками и убѣжденіями, заставила ее, наконецъ, согласиться на отъѣздъ въ Луниджіану, гдѣ никто не знаетъ ея и гдѣ, по этому, она можетъ принять какое угодно имя. Далѣе, она предложила взять на корабль козлятъ съ ихъ матерью, которыя во время этого разсказа, часто нѣжно ласкались къ Беритолѣ.

Подулъ попутный вѣтеръ и корабль снялся съ якоря; Беритола согласилась ѣхать и, вмѣстѣ съ козой и козлятами, отплыла на этомъ кораблѣ. Путешествіе было счастливое; корабль скоро вошелъ въ устье рѣки Магры и остановился. Наши путешественники высадились на берегъ, вблизи замка маркиза. Было рѣшено, что для лучшаго сохраненія тайны Беритолы, она станетъ постоянно носить трауръ и ее выдадутъ за компаньонку маркизы. Беритола отлично играла свою новую роль; въ то же время нисколько не уменьшалась ея привязанность къ козѣ и козлятамъ и она постоянно усердно заботилась, чтобы ея друзья-животныя имѣли обильную и вкусную пищу.

Между тѣмъ, корсаръ, захватившій корабль, на которомъ Беритола пріѣхала на островъ, прибылъ въ Генуя со всей своей добычей. Кормилица и двое дѣтей Беритолы по раздѣлу достались нѣкоему Гаспарину д'Оріѣ, который отправилъ ихъ въ свой домъ въ качествѣ своихъ рабовъ. Кормилица, опечаленная гибелью своей госпожи и ужасной участью, выпавшей на долю ея и дѣтей, ввѣренныхъ ея попеченію, безпрестанно плакала. Но, видя, что слезами горю не пособишь, а ея жалостные вздохи не избавляютъ ее отъ рабства, мало-по-малу успокоилась и утѣшилась насколько было возможно. Хотя она, какъ женщина бѣдная, получила очень недостаточное воспитаніе, но обладала умомъ и здравымъ смысломъ; она поняла, что дѣтямъ будетъ хуже, если узнаютъ объ ихъ происхожденіи. Надѣясь, что со временемъ измѣнится положеніе и несчастные сироты возвратятъ себѣ принадлежащее имъ мѣсто въ обществѣ, она рѣшилась не говорить никому, кто они такія, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока она не убѣдится, что будетъ выгодно сказать истину. Когда ее спра-

*) Небольшой островокъ на западъ отъ Неаполя. *Пр. пер.*

шивали на счетъ малютокъ, она отвѣчала, что это ея дѣти. Старшаго, Джіуфреди, она назвала Джіаното; перемѣнять же имя младшему она не видѣла необходимости. Чтобы не могло выйти недоразумѣнія, она предупредила Джіуфреди о перемѣнѣ его имени, причемъ растолковала ему, какая причина побудила ее сдѣлать эту замѣну. И впослѣдствіи она безпрестанно предупреждала его объ опасности, которая можетъ угрожать ему въ томъ случаѣ, если будетъ открыто его настоящее происхожденіе. Ребенокъ, развитый не по лѣтамъ, съумѣлъ оцѣнить благоразуміе своей кормилицы и никогда ни словомъ, ни жестомъ не выдалъ себя.

Юные рабы жили уже долго въ домѣ Гаспарина д'Оріи: дурно одѣтые, они исполняли самыя грязныя работы вмѣстѣ съ кормилицей, подававшей имъ примѣръ терпѣнія. Достигнувъ шестнадцати лѣтъ, Джіаното, несмотря на рабство, сохранившій мужественное сердце, не могъ долѣе терпѣть, бѣжалъ изъ дома Гаспарина и былъ принятъ на галеру, отправлявшуюся въ Алессандрію. Онъ перебывалъ въ различныхъ странахъ, перебиваясь всякою работою и, наконецъ, черезъ четыре года узналъ, что его отецъ живъ, но что король Карлъ все еще продолжаетъ держать его въ тюрьмѣ. Онъ уже отчаявался, что когда-нибудь достигнетъ положенія, принадлежавшаго ему по праву рожденія, какъ случай забросилъ его въ Луниджіану и здѣсь онъ нанялся на службу къ маркизу Малеспини, у котораго все еще продолжала жить его мать. Красивый и ловкій Джіаното понравился маркизу и онъ далъ ему мѣсто своего лакея и не замедлилъ вскорѣ убѣдиться, что пріобрѣлъ очень хорошаго слугу. Лѣта и печали до такой степени измѣнили мать и сына, что они рѣшительно не могли узнать другъ друга.

Маркизъ имѣлъ красивую стройную дочь, которую звали Спина. Когда ей исполнилось семнадцать лѣтъ, отецъ выдалъ ее замужъ за Николо да-Гриньяно. Вскорѣ послѣ своего замужества молодая женщина овдовѣла и возвратилась къ своему отцу за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ Джіаното поступилъ къ нему на службу. Наружность и манеры молодого человѣка, въ которыхъ было много благородства и даже изящества, такъ ей понравились, что она почувствовала любовь къ нему. И ея красота произвела сильное впечатлѣніе на Джіаното. Каждый изъ нихъ вскорѣ замѣтилъ любовь къ себѣ другого и признаніе у каждаго вырвалось невольно, когда разъ они остались между собой наединѣ. Когда маркизъ узналъ случайно объ ихъ любви, то приказалъ своимъ слугамъ связать обоихъ преступниковъ и бросить ихъ въ тюрьму замка. Подъ вліяніемъ страшнаго гнѣва и ярости, онъ рѣшилъ казнить обоихъ и, можетъ быть, привелъ бы въ исполненіе свой приговоръ, если бы его жена своимъ вмѣшательствомъ не измѣнила его рѣшенія. Она считала, что ея дочь достойна самаго строгаго наказанія, тѣмъ не менѣе, казнь, ожидавшая преступницу, приводила ее въ содроганіе. Она употребила всѣ усилія, чтобы смягчить сердце своего мужа; она заклинала его не подчиняться вліянію обуявшей его ярости; она убѣждала его поразмыслить, каково ему будетъ впослѣдствіи вспомнить, что онъ былъ палачемъ своей дочери и замаралъ свои руки кровью лакея.

— Развѣ предстоитъ настоятельная нужда, говорила она,—совершать человѣкоубійство для удовлетворенія справедливаго негодованія? Въ твоемъ распоряженіи много другихъ средствъ для наказанія виновныхъ.

Она говорила такъ убѣдительно, что мужъ ея согласился замѣнить смертный приговоръ другимъ наказаніемъ. Онъ удовольствовался осужденіемъ преступниковъ на вѣчное тюремное заключеніе. Каждый изъ нихъ былъ посаженъ отдѣльно, на противоположномъ концѣ зданія; пищу имъ отпускали въ такомъ количествѣ, чтобы они только не умерли съ голоду. Легко вообразить, какія страданія должны были испытывать молодые люди, такъ внезапно раздѣленные между собою и не имѣвшие даже возможности переписываться.

Прошло болѣе года съ того времени, какъ несчастные любовники были посажены въ тюрьму и маркизъ позабылъ уже думать о нихъ, какъ случилось событіе, измѣнившее ихъ судьбу. Пьеро-ди Ріона (Пьеръ Арагонскій) поднялъ возстаніе въ Сициліи съ цѣлію освободить страну отъ власти Карла. При первомъ извѣстіи объ этомъ событіи, обрадовавшемъ маркиза Курадо, какъ принадлежавшаго къ партіи гибелиновъ, онъ задалъ у себя въ замкѣ великолѣпный пиръ. Тюремщикъ сообщилъ Джіаното, по какому поводу идетъ торжество въ замкѣ.

— Какой я несчастный! вскричалъ Джіаното. —Съ той поры, какъ я сталъ отдавать отчетъ себѣ въ своихъ дѣйствіяхъ, я жаждалъ этого возстанія. Когда же оно вспыхнуло, я нахожусь въ тюрьмѣ, не имѣя надежды покинуть ее.

— Какую пользу можешь извлечь ты изъ этихъ споровъ королей между собою? сказалъ тюремщикъ. — Ты, можетъ быть, имѣешь права на сицилійскій престолъ? спросилъ онъ со смѣхомъ.

— Мое сердце трепещетъ при одномъ воспоминаніи о положеніи, какое занималъ мой отецъ въ Сициліи, сказалъ Джіаното.—Я былъ еще ребенкомъ, когда меня увезли оттуда, но я помню, что отецъ мой былъ намѣстникомъ короля Манфреда.

— Какъ звали твоего отца?

— Теперь я могу назвать его. Его звали, зовутъ и теперь, если онъ еще живъ, Аригетто Капече; а мое имя не Джіаното, а Джіуфреди Капече. О, еслибъ я былъ на свободѣ; я возвратился бы въ Сицилію, и увѣренъ, что, благодаря своему имени, могъ бы оказать большую помощь возстанію.

Тюремщикъ болѣе не расспрашивалъ и тотчасъ же передалъ свой разговоръ съ арестантомъ маркизу. Отъ Беритолы легко была убѣдиться въ истинности или лживости словъ арестанта. Маркизъ спросилъ ее, не звали-ли одного изъ ея сыновей именемъ Джіуфреде.

— Старшаго звали этимъ именемъ, отвѣчала она со слезами. — Если онъ живъ еще, ему теперь двадцать два года.

Маркизъ, на половину убѣжденный, что его арестантъ то самое дитя, которое они считали погибшимъ, порадовался въ глубинѣ своей души, что согласился на отмѣну смертнаго приговора, а также и тому, что теперь честь его дочери можетъ быть возстановлена. Онъ призвалъ къ себѣ арестанта, остался съ нимъ наединѣ и сталъ задавать ему вопросы на счетъ его прошлой жизни. Отвѣты молодого человѣка убѣдили его окончательно, что назвавшійся именемъ Джіаното дѣйствительно сынъ Беритолы.

— Джіаното, сказалъ маркизъ, — я увѣренъ, что ты сознаешь, какое страшное оскорбленіе нанесъ ты мнѣ въ лицѣ Спины, моей дочери. Я обращался съ тобою кротко, дружески; а ты вмѣсто того, чтобы быть вѣрнымъ и покорнымъ слугою, заплатилъ мнѣ самой черной неблагодарностію. Сознайся, что еслибы ты нанесъ такое оскорбленіе всякому другому, за твою дерзость ты заплатилъ бы смертію. Я не могъ рѣшиться наказать тебя такъ строго и очень радъ, что это такъ случилось. Ты назвалъ себя дворяниномъ; отъ тебя зависитъ теперь выйти изъ тюрьмы; ты долженъ только загладить свою вину, возстановивъ честь моей дочери. Ты любишь ее, она доказала свою любовь къ тебѣ; ты знаешь, она стала вдовою черезъ нѣсколько дней послѣ выхода замужъ за знатнаго и богатаго дворянина: ты знаешь ея характеръ, ея состояніе; знаешь, кто ея родные. О твоихъ родныхъ я пока не скажу ни слова. Ну, такъ ты можешь, если захочешь, законнымъ бракомъ освятить любовь, которая безъ него считается недостойной. Да, я согласенъ, чтобы ты на ней женился; вамъ обоимъ предоставляется право жить въ моемъ домѣ столько времени, сколько вамъ заблагоразсудится; я же буду относиться къ вамъ, какъ къ своимъ нѣжно-любимымъ дѣтямъ.

Печаль и тюрьма настолько измѣнили Джіаното, что онъ былъ неузнаваемъ; но онѣ не исказили въ немъ благородныхъ чувствъ, не уменьшили его любви къ молодой женщинѣ, вмѣстѣ съ нимъ пострадавшей. Онъ страстно желалъ брака, который предлагалъ ему теперь самъ Курадо, но онъ не желалъ, чтобы могли подумать, что онъ изъ страха соглашается на сдѣланное ему предложеніе.

— Если я оскорбилъ тебя, Курадо, отвѣчалъ онъ, — то вѣрь, я сдѣлалъ это не изъ подлости. Да я любилъ, люблю и буду любить всегда твою дочь, потому что считалъ и считаю ее достойной моей любви; и если меня можно въ чемъ нибудь упрекнуть за мои отношенія къ ней, то въ этомъ виною наша молодость. Вспомни, Курадо, свою молодость; развѣ она прошла безъ ошибокъ, и развѣ недостатки теперешнихъ молодыхъ людей не таковы, какими провинялась молодежь твоего времени. Моя вина не такъ уже велика, чтобы за нее карать мучительнымъ наказаніемъ. Ни на секунду я не переставалъ уважать и любить Спину. Съ перваго дня, какъ я увидѣлъ ее, я сталъ мечтать о союзѣ, который ты мнѣ самъ предлагаешь; если я молчалъ, то только изъ страха получить отказъ, своего же настоящаго имени объявить я не могъ. Но если твое предложеніе не болѣе какъ новая насмѣшка, если твое сердце отвергаетъ то, что произносятъ твои уста, прошу тебя, окончи жестокое издѣвательство и оставь меня въ покоѣ. Я готовъ вернуться въ тюрьму и терпѣливо переносить муки, которымъ ты можешь меня подвергнуть. Но никакія страданія не вырвутъ изъ моего сердца любви къ твоей дочери; во имя этой любви ты можешь получить отъ меня доказательства уваженія и покорности къ тебѣ, какія только ты пожелаешь.

Эти слова, произнесенныя твердымъ тономъ, но безъ надменности, очень понравились Курадо, который могъ заключить изъ нихъ, что у молодого человѣка прекрасное сердце и благородныя чувства и что онъ искренно любитъ его дочь. Курадо обнялъ молодого человѣка и поцѣловалъ его; затѣмъ приказалъ тайно привести свою дочь. Она также похудѣла, поблѣднѣла и стала неузнаваема, какъ и ея товарищъ по несчастію. Молодые люди, оставшіеся въ комнатѣ въ присутствіи только одного маркиза, растроганные до слезъ удовольствіемъ свидѣтся послѣ долгой разлуки, и снова размѣнялись клятвами въ вѣчной вѣрности. Брачный контрактъ въ тотъ же день былъ подписанъ, что совершилось въ большой тайнѣ. Курадо старался всѣми силами заставить новобрачныхъ позабыть о тѣхъ страданіяхъ, которыя они вынесли по его приговору. Онъ доставлялъ имъ всякія развлеченія, возможныя при строгомъ сохраненіи тайны отъ обѣихъ матерей. Наконецъ, чрезъ нѣсколько дней маркизъ нашелъ возможнымъ сообщить пріятную новость Беритолѣ. Онъ засталъ ее печальной и задумчивой, какой она бывала всегда, предаваясь своимъ воспоминаніямъ.

— Что скажете вы, мадонна, если я представлю вамъ вашего старшаго сына женатымъ на одной изъ моихъ дочерей?

— Что же другое, кромѣ того, что моя признательность къ вамъ усилится еще болѣе, если только возможно ей усилиться; вы возвратите мнѣ благо, которое для меня дороже самой жизни; возвращая же его такъ, какъ вы говорите, вы воскрешаете мои надежды, осуществленіе которыхъ казалось уже мнѣ едва-ли возможнымъ.

Слезы помѣшали ей продолжать далѣе свою рѣчь.

— Ну, а что скажешь ты, мой другъ, обратился онъ къ своей женѣ,—если я дамъ тебѣ такого зятя.

— Не только ея сына, дворянина, отвѣчала она,—но и человѣка низкаго происхожденія я приму съ радостію, если ты заблагоразсудишь избрать его своимъ зятемъ.

— Очень радъ, что вы довольны, сказалъ маркизъ. — Сейчасъ, надѣюсь, вы обѣ восхититесь еще болѣе.

Онъ отправился за новобрачными, помѣщенными, для сохраненія тайны, въ отдаленной уединенной комнатѣ. Они успѣли уже нѣсколько пополнѣть и румянецъ показался на ихъ щекахъ; оба, по просьбѣ маркиза, были уже одѣты въ богатыя платья.

— Я вижу, ты очень доволенъ и счастливъ, сказалъ маркизъ, обращаясь къ зятю. —Но, конечно, твое счастіе еще болѣе увеличится, если ты свидишься сейчасъ съ твоей матерью.

— Вотъ счастіе, если она пережила свое горе! отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Моей радости нѣтъ границъ. Увидѣть ее и при ея содѣйствіи добиться положенія, на какое я имѣю право въ Сициліи... нѣтъ, я не могу выразить, въ какой степени я чувствую себя счастливымъ!

Маркизъ привелъ новобрачныхъ къ матерямъ, нетерпѣливо ожидавшимъ узнать, о комъ именно говорилъ Курадо. Можете судить объ ихъ изумленіи! Онѣ поздравили новобрачную, говоря, что онѣ въ восторгѣ отъ перемѣны, происшедшей во взглядѣ на нее ея отца, смѣнившаго гнѣвъ на милость и простершаго свою жалость до того, что выдалъ ее замужъ за Джіаното. Выговоривъ это привѣтствіе Беритола взглянула внимательно на молодого человѣка, все еще не подозрѣвая, что онъ-то и есть ея сынъ. И что же? вглядываясь въ него пристально, она узнала характеристичныя черты своего мужа... теперь она болѣе не сомнѣвалась, что передъ нею стоитъ ея старшій сынъ, ея милый Джіуфреди. Она радостно вскрикнула и заключила его въ свои объятія. Ея восторгъ былъ такъ силенъ, что она не могла вымолвить ни слова; силы покинули ее и она безъ чувствъ упала на руки своему сыну. Джіуфреди, руководимый инстинктомъ, никогда не обманывающимъ въ подобныхъ случаяхъ, сейчасъ же догадался, что въ своихъ объятіяхъ онъ держитъ свою мать, онъ покрывалъ ея лицо и руки поцѣлуями, пока у него не отняли ея подъ предлогомъ, что прежде всего надо привести ее въ чувство, что и удалось вскорѣ сдѣлать маркизѣ и ея дочери. Придя въ себя, Беритола снова бросилась на шею къ своему сыну. Она звала его нѣжными именами и рѣчь ея безпрестанно прерывалась поцѣлуями и слезами. Ея сынъ, въ порывѣ восторга, отвѣчалъ ей самыми нѣжными ласками. Наконецъ, выразивъ другъ другу множество доказательствъ взаимной любви, и мать и сынъ, къ удовольствію своихъ друзей, разсказали каждый повѣсть своихъ приключеній. Въ тотъ же день маркизъ разослалъ своимъ роднымъ и знакомымъ извѣщеніе о замужествѣ своей дочери. Всѣ поздравили

Декамеронъ. Сказка VI.

его въ виду выгодности заключеннаго союза, а маркизъ, чтобы, и въ свою очередь, заявить о своемъ удовольствіи, задалъ блистательный пиръ.

Джіуфреди рѣшился воспользоваться хорошимъ расположеніемъ духа своего тестя.

— Курадо, сказалъ онъ,—вы сдѣлали мнѣ много добра; моя мать тоже многимъ вамъ обязана: вы пріютили ее въ своемъ домѣ и всегда относились къ ней съ уваженіемъ, подобающимъ ея знатному происхожденію. Довершите ваши благодѣянія къ намъ, исполнивъ наши двѣ просьбы. Пошлите кого-нибудь выкупить моего брата, который, какъ я вамъ говорилъ, находится въ услуженіи у Гаспарина д'Оріи. Также пошлите въ Сицилію узнать, въ какомъ положеніи находится страна въ настоящее время и что сталось съ моимъ отцомъ, живъ-ли онъ или умеръ, и если живъ, то гдѣ онъ теперь находится.

Декамеронъ. Сказка VI.

Курадо исполнилъ тотчасъ же желаніе своего зятя, отправивъ двухъ человѣкъ, на ловкость и вѣрность которыхъ могъ положиться, одного въ Генуя, а другого на островъ Сицилію.

Посланный въ Генуя, отыскавъ Гаспарино, сообщилъ ему о желаніи маркиза получить для Беритолы сына, а для Джіуфреди брата, а также кормилицу, воспитавшую своего вскормленника Скачіато. Гаспарино былъ не столько удивленъ самимъ предложеніемъ, сколько поводомъ къ нему.

— Я готовъ исполнить это, чтобы только сдѣлать угодное маркизу Малеспини, котораго я глубоко уважаю, хотя знаю только по наслышкѣ. Но, кажется, мессеръ Курадо ошибается. Дѣйствительно, у меня уже четырнадцать лѣтъ живетъ женщина, о которой вы говорите, и при ней дитя; но она утверждаетъ, что мальчикъ ея сынъ. Если маркизу угодно, я, готовъ отпустить ихъ къ нему. Прошу васъ, скажите ему отъ меня, чтобы онъ не довѣрялъ Джіаното; это плутъ и негодяй, принявшій имя Джіуфреди Капече съ цѣлію лучше обмануть Курадо.

Давъ этотъ отвѣтъ, Гаспаринъ, желая оказать вѣжливость посланному маркиза, приказалъ подать ему обѣдать. Пока тотъ ѣлъ, Гаспаринъ призвалъ къ себѣ кормилицу и ловко допросилъ ее наединѣ. Умная баба, провѣдавшая о востаніи въ Сициліи, сообразила, что если Аригетто Капече живъ, то ему будетъ возвращено его прежнее положеніе, а слѣдовательно, причина, побуждавшая ее скрывать истину, уже болѣе не существуетъ. Она разсказала Гаспарину все, что знала, а также сообщила, какія именно соображенія заставили ее скрывать отъ него истину. Гаспаринъ, видя, что показанія этой женщины совершенно сходятся съ свѣденіями, сообщенными ему посланнымъ маркиза, началъ вѣрить, что случайные рабы его дѣйствительно люди высокаго происхожденія. Однакожь, по своей природѣ, человѣкъ недовѣрчивый, онъ все еще продолжалъ сомнѣваться. Онъ еще разъ переспросилъ посланнаго и кормилицу и, наконецъ, убѣдился, что дальнѣйшему сомнѣнію не можетъ быть мѣста. Тогда онъ сталъ упрекать себя, зачѣмъ такъ невеликодушно поступалъ съ юнымъ Капече. Желая загладить свою несправедливость, онъ женилъ Скачіато Капече на одной изъ своихъ дочерей, очень молоденькой и хорошенькой дѣвушкѣ, и далъ за нею хорошее приданое. Правду сказать, онъ рѣшился совершить этотъ бракъ не столько для заглаженія своей несправедливости, сколько изъ того соображенія, что союзъ съ могущественной фамиліей Капече можетъ принести ему выгоды въ будущемъ. Послѣ брачнаго торжества, Гаспаринъ вмѣстѣ съ новобрачными, посланнымъ Курадо и кормилицей, сѣли на корабль и отплыли къ порту Леричи, къ которому прибыли благополучно. Нечего и говорить, что они были приняты привѣтливо маркизомъ и его семьей. Восторгъ матери при свиданіи съ младшимъ сыномъ былъ такъ же великъ, какъ и при встрѣчѣ съ старшимъ; братья тоже очень обрадовались, свидѣвшись послѣ долгой разлуки. Кормилицу всѣ ласкали и хвалили. Маркизъ, его

жена, ихъ дочь и Гаспаринъ принимали искреннее участіе въ радости соединенія матери съ дѣтьми, съ которыми она жила въ долгой разлукѣ и уже считала ихъ погибшими.

Всемогущій податель всѣхъ благъ, Всевышній соизволилъ, чтобы общая радость, которой предавались всѣ эти породнившіеся между собою люди еще болѣе усилилась извѣстіемъ, привезеннымъ посланнымъ въ Сицилію. Компанія сидѣла за обѣдомъ, когда прибылъ этотъ вѣрный посолъ и сообщилъ, что Аригетто Капече здоровъ и достигъ прежняго значенія. Какъ только началось возстаніе противъ короля Карла, народъ бросился къ тюрьмѣ, въ которой содержался Капече, разогналъ стражу, освободилъ узника и провозгласилъ его предводителемъ войскъ, которыя должны были сражаться противъ французовъ. Капече одержалъ побѣду и вскорѣ иноземцы были изгнаны изъ Сициліи. Новый король Пьетро возвратилъ Аригетто его прежнее состояніе и прежнюю должность. Капече въ большой милости у короля. Посолъ маркиза былъ принятъ имъ очень хорошо. Выразивъ большую радость при извѣстіи, что его жена и дѣти живы, о которыхъ онъ ничего не зналъ, Капече отправилъ за ними нѣсколькихъ дворянъ изъ своей свиты. По словамъ посла, эти дворяне пріѣхали вмѣстѣ съ нимъ на одномъ кораблѣ и идутъ вслѣдъ за нимъ.

Новая радость, новый восторгъ всей компаніи! Маркизъ, въ сопровожденіи всѣхъ мужчинъ, сидѣвшихъ за его столомъ, отправился на встрѣчу дворянъ, посланныхъ за Беритолой и ея дѣтьми. Они были приняты самымъ задушевнымъ образомъ. Ихъ пригласили обѣдать. Прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, достойные послы привѣтствовали дамъ и отъ имени Аригетто Капече благодарили маркиза Малеспини и его жену за сдѣланное ими одолженіе г-жѣ Беритолѣ и ея сыну Джіуфреди, заявивъ притомъ, что маркизъ и его супруга могутъ требовать отъ Капече всякой услуги, какую онъ будетъ въ состояніи оказать имъ. Когда же они узнали, что и Скачіато здѣсь и какимъ образомъ попалъ сюда, они обратились къ Гаспарину съ слѣдующей рѣчью:

— И вы, мессеръ, можете разсчитывать на признательность Аригетто Капече, когда онъ узнаетъ, что вы сохранили ему сына, который для него дорогъ не менѣе, чѣмъ и старшій сынъ.

Окончивъ эту рѣчь, они сѣли за столъ.

Потомъ маркизъ далъ напутственный праздникъ, продолжавшійся нѣсколько дней, по окончаніи котораго Беритола, нетерпѣливо желавшая увидѣться съ своимъ мужемъ, вмѣстѣ съ своими сыновьями, ихъ женами и кормилицей сѣли на корабль, за ними присланный. Курадо, его жена и Гаспаринъ, сопровождавшіе ихъ до порта, со слезами разстались съ ними. Вѣтеръ былъ благопріятный и путники чрезъ нѣсколько дней прибыли въ Палермо, гдѣ, наконецъ, соединились съ Аригетто Капече. Большую радость выразили всѣ при свиданіи. Всѣ они прожили долго въ благоденствіи. Полные глубокой признательности къ Всевышнему, обратившему ихъ горе въ радость, они всегда съ набожностію и любовію обращались къ Нему.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Жизнь и смерть танцовщицы.

Разсказъ **Катюлля Мендеса**. Переводъ **Л. Н. С—вичъ**.

Двѣнадцати лѣтъ, синьерита Маріета Далль'Оро танцовала на сценѣ неаполитанскаго театра Сан-Карло въ роляхъ сильфидъ и бабочекъ. Какимъ то чудомъ, она не имѣла того больнаго вида, которымъ вообще отличаются подобныя ей «бабочки», жаждущія яркаго свѣта и привольной жизни лѣсовъ и вмѣсто того принужденныя биться въ угнетающемъ ихъ искуственномъ мірѣ. Ребенокъ, развитый не по лѣтамъ, Маріета, въ самой себѣ черпала достаточно силы, чтобы помочь дѣлу природы. Она лазала по деревьямъ кулисъ и грѣлась подъ лучами солнца верхняго занавѣса. Вся розовенькая и бѣленькая, въ вѣнкѣ изъ бѣлаго шиповника и въ розовомъ крепѣ, показывала она свои нѣжно округленныя плечики. Ея нѣсколько худощавыя руки однакожь нисколько не напоминали дѣйствительной худобы, которая черезъ рукава сквозитъ въ локтяхъ молодыхъ дѣвушекъ. Нога ея, уже мускулистая и нервное колѣно, напоминающее колѣно калабрійскаго цыпленка, обращали на себя вниманіе. Въ томъ же театрѣ былъ нѣкто Гильомъ Тирадрито, когда то извѣстный танцовщикъ, сломавшій себѣ правую ногу, еще во времена своей славы, взбираясь нечаянно на стѣну дѣвичьяго монастыря въ Болоньи. Съ тѣхъ поръ онъ ходилъ на костыляхъ до конца своихъ дней. Оставшаяся нога его однакожь стоила двухъ. Благодаря совѣтамъ Тирадрито, Маріета родившаяся съ крылышками у пятокъ, не преминула сдѣлаться прелестной танцовщицей, вызывающей громкія рукоплесканія. Ея разцвѣтающая красота въ соединеніи съ невинною дѣтскою граціею, сверхъ того возбуждала безчисленные восторги и желанія. Мать ея темная фигурантка и большой руки плутовка, воспользовалась этимъ для своихъ цѣлей, и тотчасъ же принялась за дѣло, стараясь отдалять отъ нея скрягъ и людей невысокаго происхожденія. Генералъ Фримонъ, князь д'Отродако, командующій австрійскими войсками въ Италіи, поднесъ ей уборъ въ семь тысячъ фридрихсдоровъ, а князь Салернскій только и говорилъ, когда бывалъ въ особенно веселомъ настроеніи, какъ бы ему жениться на синьоринѣ Маріетѣ Далль'Оро. Было отчего закружиться головкѣ балерины. Она, въ самомъ дѣлѣ, закружилась и Маріета позволила себя похитить одному юношѣ изъ Палермо, комическому поэту по профессіи, съ тридцатью піастрами въ карманѣ. Шесть мѣсяцевъ скрывались эти дѣти въ предмѣстьи Катаньи, у подошвы Сицилійскихъ горъ, въ сообществѣ только одного Тирадрито. Это была смѣющаяся, нѣжная, свѣтлая, утренняя любовь. Синьерина не иначе, какъ съ нѣжностью, всегда вспоминала этого бѣднаго Лоренцо, который писалъ такія миленькіе стихи и имѣлъ такіе большіе глаза.

Въ началѣ зимы ей вздумалось отправиться танцовать въ Модену. Теперь это была уже не маленькая Маріета театра Сан-Карло. Изъ много обѣщавшаго ребенка пышно распустилась молодая женщина. Губы ея, вспухшія отъ поцѣлуевъ Лоренцо, представляли еще болѣе рѣзкій контрастъ съ бѣлизною ея лица и любовь горѣла въ глубинѣ ея глазъ. Ея когда то слишкомъ наивная и безпокойная манера въ танцахъ смѣнилась теперь нѣгой и страстью движеній. Герцогство Моденское взволновалось окончательно. Самъ Франциско д'Эсте, скрывшись однажды подъ маскою, постучался у дверей синьерины. Изъ уваженія къ высокому посѣтителю и благодаря своему таланту, танцовщица вспомнила и тотъ знаменитый танецъ, тайну котораго знала ея мать, въ свое время принимавшая участіе въ интригахъ неаполитанскаго двора. Это было то самое нѣжное па съ шалью, которое леди Гамильтонъ нерѣдко танцовала на интимныхъ ужинахъ королевы Каролины Маріи. Герцогъ Франциско объявилъ въ восхищеніи, что онъ придетъ на другой день опять; но синьорина исчезла съ разсвѣтомъ вмѣстѣ съ вѣрнымъ Тирадрито.

Начиная съ Флоренціи, гдѣ она долго жила, слава ея загремѣла по всей Италіи. Театръ Ла-Скала почти разорился, чтобъ пригласить ее и снова обогатился, пригласивъ ее. Именно въ то самое время она подружилась съ молодымъ человѣкомъ, карбонаріемъ изъ александрійской ложи, такъ что потомъ, стараясь вспомнить время ея переѣзда въ Миланъ, она всегда говорила, по примѣру одной красавицы-принцесы, воспѣтой поэтами, «когда я была республиканка». Но синьера не останавливалась долго на одной и той же идеѣ. Не смотря на увѣщанія Тирадрито, слѣдовавшаго за нею изъ города въ городъ и костылявшаго все хуже и хуже, она нарушила свой контрактъ, заплатила огромныя деньги импресаріо театра де-ла-Скала и поѣхала въ Неаполь, гдѣ умирала ея мать. Осушивъ слезы, Маріета стала сочувствовать анти-итальянской политикѣ вмѣстѣ съ генераломъ Радецкимъ, замѣнившимъ князя д'Отродако. «Когда я была австрійка», говорила она впослѣдствіи.

Она отказалась танцовать въ Сан-Карло, потому что въ то время стали носить зеленую матерію, такъ что ноги танцовщицъ походили на пальмовые стволы; синьерина же стояла за розовыя ножки. Но послѣ трехлѣтней лѣни и неизвѣданной любви, демонъ кулисъ, который такъ безжалостно мучаетъ своихъ служителей, принудилъ ее принять ангажементъ Ковентгарденскаго театра. Лондонскіе туманы едва не свели ее съ ума отъ тоски; несмотря на увлекательность славы, которою дарилъ ее театръ, она прострадала всю зиму сплиномъ и чтобъ разсѣяться вышла замужъ за Уильяма Кэмбля. Когда ей надѣвали подвѣнечные цвѣты на голову, она засмѣялась.

— Отчего вы смѣетесь, миледи? важно спросилъ ее супругъ.

— Я вспомнила, что у меня была такая же корона въ третьемъ актѣ балета, когда вѣнчаютъ Коломбину съ Арлекиномъ.

Медовый мѣсяцъ не далъ Маріетѣ никакихъ особыхъ радостей; она осталась равнодушной къ сэру Уильяму. Затѣмъ два или три любовника поволновали ее слегка. А еще затѣмъ въ одно прекрасное утро, чемоданы были наскоро уложены и леди Кэмбель сѣла на одинъ изъ дуврскихъ пароходовъ, къ великой радости Гильома Тирадрито, грудь котораго разрывалась отъ горя подъ ливреею управителя. Онъ только и дѣлалъ по цѣлымъ днямъ, что выбивалъ своимъ костылемъ темпъ одного изъ старинныхъ балетовъ.

Въ Парижѣ поэты не забыли еще Маріеты Далль'Оро—красавицы-балерины съ гранатовыми губками, ослѣплявшей собою, какъ солнечными лучами, и напоминавшей въ вихрѣ вальса, въ «Жизели», бѣшенство неаполитанскихъ тарантелъ. Въ восемь дней, синьерина пріобрѣла извѣстность и шикъ настоящей парижанки. У нея было все, что нужно для этого: роскошные экипажи, слуга-негръ, баронъ Шальми, котораго она разорила кругомъ, и ложа на представленія въ «Буффъ» въ тѣ вечера, когда она не танцовала. Не ускользнуло отъ вниманія и то обстоятельство, что она черезъ мѣру безпокоилась о судьбѣ одного музыканта-шведа, посвятившаго ей польку-мазурку и умиравшаго отъ чахотки. Это былъ грустный эпизодъ въ ея веселой жизни въ Парижѣ. Она, авантюристка, влюбилась въ молодого иностранца, нѣжнаго, какъ больныя дѣти, спокойно смотрѣвшаго въ лицо смерти. Она много плакала, когда онъ умеръ. Въ это же время въ газетахъ появилось извѣщеніе о смерти Уильяма Кэмбэля, повѣсившагося на кипарисѣ въ одно октябрьское утро. Это случилось какъ разъ во время: смерть мужа послужила предлогомъ носить трауръ по любовникѣ. Но черныя платья изнашиваются очень скоро. Синьерина снова принялась странствовать по свѣту. Въ Германіи она удостоилась нѣсколькихъ свиданій съ графиней Моргань-де-Палеастро. Но въ этой мимолетной дружбѣ было только добродушное снисхожденіе знатной дамы къ куртизанкѣ. Танцовала она въ Вѣнѣ, потомъ въ Мадридѣ и Лисабонѣ, постоянно неутомимая и веселая, какъ колокольчикъ на шутовскомъ кол-

пакѣ; все еще молодая, не смотря на быстротечное время, такая же юная, какъ и маленькая Маріета театра Сан-Карло и въ тысячу разъ милѣе прежней. Возможно ли было, въ самомъ дѣлѣ, дать ей сорокъ лѣтъ? Этотъ вопросъ нѣсколько безпокоилъ ее. Ангажированная въ Петербургъ, она раззорила нѣсколькихъ золотопромышленниковъ, потомъ побывала въ Испаніи и снова вернулась въ Россію. Простудившись въ Москвѣ, она соскучилась по солнцу и уѣхала въ Италію. Подъ деревьями одного изъ бульваровъ въ Феррарѣ, она встрѣтила бѣднаго Лоренцо, который съ трудомъ добывалъ средства къ существованію, сочиняя стихи для оперныхъ либретто и сценаріи для пантомимъ.

Нужда въ настоящемъ отшибла у него память прошедшаго.

— Я старъ, говорилъ онъ и едва припоминалъ театръ Сан-Карло и предмѣстье Катаньи у горы Жибель.

Спиьерина сама пришла къ заключенію, что все это было уже очень давно. Что же касается Тирадрито, онъ тоже соглашался съ этимъ. Маріета, позволявшая себѣ теперь танцовать передъ зеркаломъ и то только тогда, когда въ комнатѣ не было горничной, быстро рѣшилась бросить сцену. Она письменно возобновила свою старинную дружбу съ барономъ де-Шальми и переѣхала въ Парижъ подъ именемъ леди Кэмбэль.

Прошло пять лѣтъ. Въ одинъ зимній вечеръ, въ своемъ чудномъ домикѣ въ улицѣ Маріньи, прелестномъ, какъ павильенъ фаворитки, съ цвѣтными стеклами и воздушными балконами, уставленными бенгальскими лаврами и китайскими кактусами, все еще прекрасная и неисправимо-кокетливая танцовщица, оглядываясь между двумя зеркалами, разодѣлась въ розовый крепъ и украсила свою голову вѣнкомъ изъ бѣлаго шиповника. Но баронъ де-Шальми, котораго она поджидала, не пріѣхалъ. Правду сказать, онъ написалъ, что больше не будетъ ѣздить. Чѣмъ онъ оправдывался? Тѣмъ, что ему шестьдесятъ лѣтъ. «Основательно», сказала себѣ Маріета, которой уже было пятьдесятъ.

Покинутая, она оставалась безъ средствъ. Не поступить ли ей снова на сцену? Нѣсколько морщинокъ, скрытыя съ большимъ трудомъ подъ бѣлилами, все-таки блестѣли въ формѣ вѣера у глазныхъ ямокъ. Ея, когда-то восхитительная, бѣлая шея, походившая теперь цвѣтомъ на старую слоновую кость и на старинныя кружева, вздулась у средины, точно перетянутая по бокамъ незамѣтными нитками; словомъ, Маріета была немного жирна и формы ея потеряли прежнюю свѣжесть. Но первые штрихи старости скорѣе преобразили, чѣмъ исказили ея красоту. Глядя на нее все-таки вспоминалась пышная и чудная роза, которая отдавала теперь неопредѣленнымъ запахомъ цвѣтка, засушеннаго въ книгѣ. Но танцовщица все еще жила въ ней. Она очень страдала отъ отсутствія буйнаго веселія похожденій. Ей было мало неосязаемыхъ воспоминаній и она едва сдерживала свое волненіе. Въ тѣ часы, когда ей приходилось въ былыя времена ѣздить обыкновенно въ театръ, она испытывала нѣчто въ родѣ тоски по родинѣ, тоски, заставляющей птичекъ плѣнницъ трепетать крылышками, при наступленіи перелета. Комната, гдѣ она проводила большую часть времени, походила на ложу за кулисами, съ ея фіолетовыми обоями, необыкновенной мебелью, кусками красной матеріи, разбросанной тамъ и сямъ, съ широкимъ и высокимъ зеркаломъ, надтреснутымъ по угламъ и съ банкою румянъ, брошенныхъ на этажерку. Она съ трудомъ отвыкла отъ фамильярныхъ закулисныхъ выраженій, никогда не могла бросить привычку внезапно говорить на ты и когда, разъ, на одномъ артистическомъ вечерѣ, она стала танцовать кадриль, то по странной ассоціяціи идей, длинныя ея юбки стѣсняли ее и казались ей какой-то непристойностью.

Она снова поступила на сцену большой Оперы. Все шло хорошо въ продолженіи трехъ лѣтъ, такъ какъ въ ея распоряженіи былъ одинъ фельетонъ, вѣрнѣе любовникъ, который запирался каждую пятницу и измарывалъ восемьдесятъ листиковъ бумаги, печатаемыхъ по понедѣльникамъ въ одной изъ газетъ. На бѣду фельетонистъ носилъ парикъ. Въ спорѣ по поводу одной маленькой кордебалетной танцовщицы, ножкою которой онъ не въ мѣру увлекался, Маріета сорвала съ него парикъ и бросила его къ ногамъ соперницы. Оскорбленный фельетонистъ, знавшій года своей любовницы, сообщилъ о нихъ въ печати и танцовщица не получала болѣе ангажемента. Къ счастію, она когда то дарила улыбками одного водевилиста и тотъ помогъ ей поступить на сцену Сен-мартенскаго театра. Тѣмъ временемъ, Маріета продала свои бриліянты, чтобы выручить изъ бѣды пріятельницу, замѣчательно свободную танцовщицу, запутавшуюся въ долгахъ изъ за комическаго пѣвца въ одномъ изъ кафешантановъ. Впрочемъ, она тотчасъ же купила другіе, не заплативъ за нихъ. Ея имущество должно было подвергнуться описи и она перевела его на имя своей подруги. Въ одинъ прекрасный вечеръ, послѣдняя выгнала ее за дверь, назвавъ «старой дурой». Маріета горько плакала. Въ первый разъ назвали ее старухой. Вмѣстѣ съ вѣрнымъ Тирадрито, сопровождавшимъ ее вездѣ, она переѣхала въ гостинницу. Въ Сен-мартенскомъ театрѣ она не имѣла особеннаго успѣха. Первоклассный театръ предложилъ ей, однакожь, второстепенную роль въ новомъ балетѣ. Она отказалась и продала свои бриліянты, за которые не заплатила, чтобъ ей было чѣмъ жить. По приговору суда, она должна была заплатить деньги и принять третьестепенную роль во второклассномъ театрѣ. Послѣ тридцати не блестящихъ представленій, ей отказали, найдя, что ноги ея были слишкомъ толсты. Все это убивало ее. Въ ней все-таки жила великая артистка. Ей было пятьдесятъ пять лѣтъ.

Однажды, сильно бѣдствуя, она обратилась къ водевилисту, разсчитывая, что тотъ не забылъ еще ея улыбки. Онъ предложилъ ей двадцать франковъ. Она ихъ приняла. Фельетонистъ, къ которому она отправилась потомъ, даже не принялъ ее. Съ улицы она взглянула на домъ своего прежняго любовника и увидала въ окнѣ бывшую маленькую кордебалетную танцовщицу, нынче первый сюжетъ. Маленькая танцовщица, узнавъ Маріету, громко расхохоталась.

— Этакая метла, послала ей Маріета въ отместку.

Въ другой разъ въ ея старомъ дырявомъ портъмонэ было только десять су и она позвонила у дверей барона де-Шальми. «Этотъ все же болѣе джентльменъ», подумала она.

— Вы желаете видѣть моего отца, сударыня? спросила молоденькая дѣвочка, съ любопытствомъ выглядывая изъ за лакея на Маріету. Старая грѣшница покраснѣла.

— Нѣтъ... извините... я ошиблась этажемъ! проговорила она, уходя.

Маріета и Тирадрито стали вести ту печальную жизнь, когда удивляются по утрамъ, что обѣдали наканунѣ. Въ улицѣ Туръ-д'Овернь былъ танцклассъ подъ управленіемъ одного стараго военнаго. Маріета купила это заведеніе. Денегъ у нея не было; но она обѣщала ихъ. По вторникамъ давала она вечера. Всѣмъ извѣстно, что это за вечера! Почти никто не платилъ при входѣ, несмотря на то, что непреклонный Тирадрито сидѣлъ у кассы; но въ полночь пили шампанское, что приносило небольшой доходъ. Маріета сочиняла балеты и исполняла ихъ сама, съ наименѣе глупыми изъ своихъ учениць. Однажды она позволила метать банкъ въ одномъ изъ уголковъ залы. Съ тѣхъ поръ играли всякій вторникъ. Изъ танцкласса устроилось нѣчто въ родѣ игорнаго дома, въ которомъ нѣкоторые игроки сильно плутовали. Разсказывали, что Маріета дѣлилась съ ними; но это была неправда. Полиція ворвалась туда, какъ то ночью, схватила карты и выгнала игроковъ на улицу. Мужчины ругались, женщины хохотали. Всѣ наняли извощиковъ и разъѣхались по домамъ, кромѣ Маріеты и Тирадрито, оставшихся на тротуарѣ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, касса была забрана и карету нанять было не на что, а во-вторыхъ, ихъ единственнымъ жилищемъ была бальная зала, откуда ихъ изгнали. Это было въ февралѣ, во время карнавала. Накрапывалъ мелкій дождь и дулъ ужасный вѣтеръ. На Маріетѣ были вѣнокъ изъ бѣлаго шиповника и розовая крепповая юбочка, изъ за которой видны были ея, все еще красивыя, ноги. Ночи тянутся долго.

— Что дѣлать? сказала танцовщица. Холодный вѣтеръ кусалъ ей икры.

— Пойдемте! отвѣчалъ Тирадрито. — У меня есть знакомый контролеръ въ одномъ изъ танцклассовъ у заставы. Онъ намъ позволитъ войти безплатно и вы согрѣетесь.

Они пошли; но контролеръ согласился впустить ихъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они поднесли ему вина.

— Хорошо, сказалъ Тирадрито, разсчитывая, что на балѣ онъ встрѣтитъ кого-нибудь изъ знакомыхъ. Дѣйствительно, онъ встрѣтилъ одного изъ своихъ друзей, который далъ ему два франка. Вино было выпито и приходилось за него платить. Возникъ споръ съ прислугой. Ихъ отвели въ полицію, гдѣ они и переночевали.

— Какая грязь! сказала, входя туда, Маріета.

За городомъ, у одной изъ заставъ, есть ночлежные дома для нищихъ. Въ одной изъ этихъ жалкихъ конуръ поселились съ тѣхъ поръ эти два бѣдняка. Маріета сильно кашляла, потому что окна совсѣмъ не запирались. Въ это время ей было шестьдесятъ четыре года. Она была худа и отвратительна. Тѣмъ не менѣе она частенько говорила:

— Когда у меня будутъ деньги, я куплю себѣ зеркало.

Чѣмъ же они жили? Гильомъ Тирадрито, уходившій съ утра и возвращавшійся только къ ночи, приносилъ иногда нѣсколько су.

— Я занялъ! говорилъ онъ.

Въ одинъ изъ солнечныхъ дней, Маріета гуляла на улицѣ, какъ вдругъ она услышала шарманку, наигрывавшую знакомый танцовальный мотивъ, во дворѣ одного изъ сосѣднихъ домовъ. Маріета вспомнила, что когда-то подъ этотъ самый мотивъ она танцовала передъ герцогомъ моденскимъ. Она вздохнула и задумчиво вошла во дворъ. Одѣтый въ лохмотья, Тирадрито вертѣлъ шарманку, выбивая тактъ своимъ костылемъ и приговаривая:

— Не забудьте, прошу васъ, господа, бѣднаго старика!

Маріета бросилась къ нему на шею.

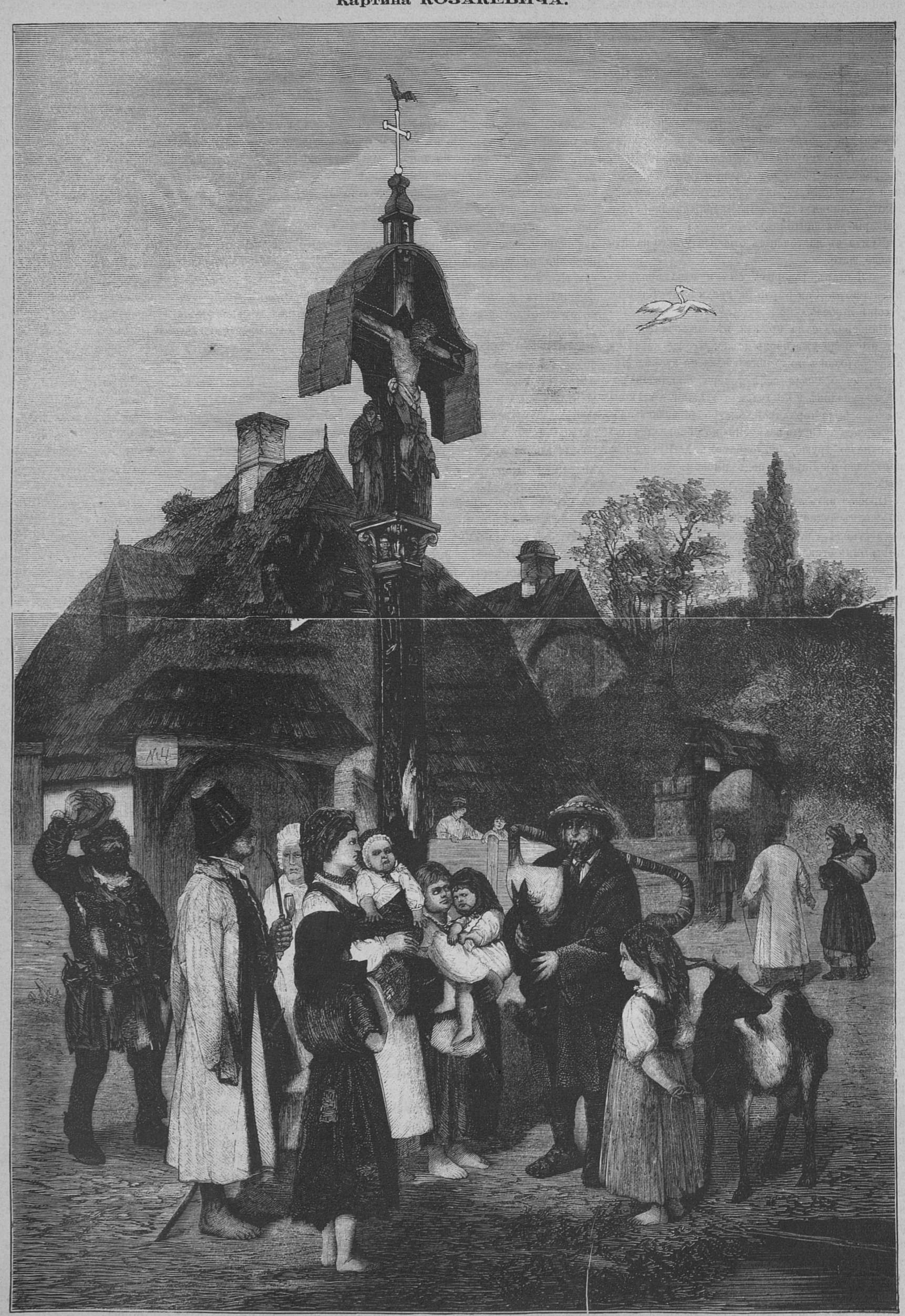
— Играй... играй еще! крикнула она.

Съ этими словами она подняла юбку и, выставивъ свои черныя худыя ноги, на одной изъ которыхъ не было чулка, растрепанная, ужасная, она принялась танцовать забытый танецъ, тайну котораго ея мать нѣкогда похитила при неаполитанскомъ дворѣ, то чудное па съ шалью, которое танцовала леди Гамильтонъ.

— Противныя обезьяны, сказала имъ кухарка, проходя по двору.

Съ тѣхъ поръ они вмѣстѣ просили милостыню. Онъ игралъ. Она танцовала. Имъ иногда давали нѣсколько су, потому что они заставляли смѣяться. Она, наконецъ, могла купить себѣ зеркало

Картина КОЗАКЕВИЧА.



Бандуристъ.

Картина **Ж. БОЛЯ.**

По дорогѣ въ школу.

и банку румянъ. Но насморкъ Маріеты скоро перешелъ въ удушье.

— Я больна, сказала она однажды и слегла.

На другое утро ей было лучше, но къ вечеру она задохнулась и умерла.

Когда на похоронномъ балдахинѣ красуются бѣлыя перья, то похороны стоятъ дорого. Однакожь перья красовались на похоронной колесницѣ покойной Маріеты. Одинъ только Тирадрито провожалъ ее. Сломавъ наканунѣ свой костыль, онъ опирался на дроги обѣими руками, чтобы не упасть.

При выходѣ съ кладбища, двое полицейскихъ схватили его за воротникъ, объявивъ ему, что онъ укралъ у ювелира драгоцѣнностей на пятьсотъ франковъ. Черезъ два мѣсяца, по рѣшенію суда, его не послали на галеры, а заключили въ тюрьму, такъ какъ ему было семьдесятъ семь лѣтъ.

Новости наукъ и жизни.

— **Новые мировые судьи.** 15-го мая, въ собраніи петербургской городской думы произведены выборы въ столичные почтные, участковые и добавочные мировые судьи, на пятое со времени введенія въ Петербургѣ мировыхъ учрежденій трехлѣтіе, 1878—1881 годъ. Гласныхъ явилось въ засѣданіе думы 198, и въ результатѣ балотировки оказались избранными: въ почтные мировые судьи Д. Я. Яковлевъ, получившій 177 избирательныхъ голосовъ, баронъ Н. П. Фредриксъ 168 избирательныхъ голосовъ, Ѳ. И. Базилевскій 167, В. А. Ратьковъ-Рожновъ 150, Ц. А. Кавосъ 148, князь Ѳ. М. Касаткинъ-Ростовскій 147, М. П. Митковъ 143, М. Ѳ. Ильинъ 142, А. Ѳ. Кони 142, С. С. Благово 140, Н. А. Неклюдовъ 140, О. И. Квистъ 138, князь С. Д. Эрнстовъ 137, В. И. Лихачевъ 134, И. А. Неклюдовъ 133, *В. А. Евреиновъ* *) 115, В. А. Козловъ 112, И. В. Рукавишниковъ 112, Г. В. Лермантовъ 140, *К. Ѳ. Хартулари* 104, и *Н. В. Вельяшевъ* 103; въ участковые мировые судьи В. М. Меншуткинъ 177 избирательныхъ голосовъ, И. А. Котоминъ 171, В. П. Бочаровъ 155, Н. А. Веретенниковъ 154, Ѳ. А. Кузьминъ — 151, А. Н. Зиновьевъ—148, А. И. Трофимовъ—146, Н. П. Клокачевъ—143, *П. С. Коробка*— 142, Н. Н. Пановъ — 142, В. Н. Клокачевъ —138, И. П. Путиловъ — 136, В. А. Болотовъ — 134, В. И. Иваньковъ — 134, Н. Н. Бѣляевъ — 133, П. Е. Лазаревъ — 132. А. И. Протасьевъ—132, И. П. Харламовъ—132, С. И. Богдановъ—131, С. М. Неклюдовъ—131, А. В. Никитинъ — 129, И. Н. Лаубе 129, Н. Н. Жуковскій 128, А. В. Волоцкій 125, В. А. Тимирязевъ 117 и Ѳ. В. Ждановичъ 116; въ добавочные мировые судьи Н. Т. Бузовъ 115 избирательныхъ голосовъ, А. А. Бенкендорфъ 115, А. С. Парамоновъ 113, *Я. Я. Панфиловъ* 111 и *М. И. Бакиновскій* 109 и, наконецъ, въ кандидаты къ добавочнымъ мировымъ судьямъ *Н. Н. Волковъ*, получившій 102 избирательные голоса.

— **Новая всемірная выставка.** По частнымъ извѣстіямъ вѣнскихъ газетъ, министерство Кайроли намѣревается устроить въ Римѣ, въ 1881 году, всемірную выставку, на что потребуетъ у палатъ чрезвычайнаго кредита въ 15,000,000 лиръ. Выставка состоится по личному желанію короля Гумберта.

— **Замѣчательное перо.** Въ музеѣ Гаспера показывается теперь электрическое перо Эдисона, изобрѣтателя фонографа. Съ оригинала, писаннаго этимъ перомъ, можно снять за разъ до 5,000 копій, такъ что оно превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣ извѣстные до сихъ поръ копировальные аппараты.

— **А. А. Рицциони.** Недавно пріѣхалъ изъ Рима въ Петербургъ талантливый нашъ художникъ профессоръ А. А. Рицциони. Онъ привезъ съ собою цѣлую коллекцію картинъ масляными красками и акварелей, сдѣланныхъ имъ въ послѣдніе два-три года его пребыванія въ Римѣ. Коллекція эта будетъ выставлена для публики въ помѣщеніи «общества поощренія художниковъ», въ собственномъ домѣ «общества», въ Большой Морской.

*) Курсивомъ напечатаны фамиліи лицъ, не занимавшихъ въ прошлое трехлѣтіе должности мировыхъ судей.

— **Гибель парохода.** Англійская газета «Globe» сообщаетъ слѣдующія подробности о гибели одного изъ лучшихъ пароходовъ компаніи Алланъ, совершающихъ срочные рейсы изъ Ливерпуля въ Канаду. Пароходъ «Сардиніенъ», шелъ изъ Англіи въ Квебекъ съ пассажирами, почтою и грузомъ; въ то время, когда онъ находился при входѣ въ Лугъ-Фолей, въ одной изъ угольныхъ ямъ, вслѣдствіе накопленія каменно-угольнаго газа, внезапно произошелъ довольно сильный взрывъ, послѣ котораго образовался пожаръ, быстро распространившійся по судну. На пароходѣ, вмѣстѣ съ экипажемъ, находилось 460 человѣкъ пассажировъ; всѣ они потеряли голову при самомъ началѣ катастрофы. Изобразить тѣ страшныя сцены, которыя происходили на горѣвшемъ суднѣ, совершенно невозможно. Отцы и матери отыскивали дѣтей, мужья — женъ, и всѣ, обезумѣвъ отъ страха неминуемой смерти, бросались во всѣ стороны, тщетно отыскивая средствъ къ спасенію. Много женщинъ и дѣтей было задавлено или весьма серьезно ушиблено безпорядочною давкою въ каютъ-компаніи. Убѣдившись въ совершенной невозможности потушить пожаръ, капитанъ парохода, посовѣтовавшись съ своими офицерами, рѣшился выброситься на берегъ, и «Сардиніенъ» направился въ недалекій шотландскій берегъ, къ отмели Макъ-Кидней. Между тѣмъ еще до постановки парохода на мель команда вмѣстѣ съ своими офицерами приступила къ спуску гребныхъ судовъ и пароваго барказа для спасенія пассажировъ, между которыми было много дѣтей и женщинъ. Благодаря распорядительности капитана и команды, пассажировъ погибло не особенно много; изъ команды же только два матроса, изъ тѣхъ, которые, вѣроятно, были убиты или ранены взрывомъ газа. Пароходъ «Сардиніенъ» въ настоящее время весь залитъ водой и стоитъ на песчаной банкѣ, на глубинѣ около 5 саженъ; около него уже производятся работы для подъема его изъ воды, такъ какъ по осмотрѣ его найдено, что хотя пожаръ успѣлъ значительно повредить внутреннее устройство судна, но какъ корпусъ, такъ и машина пострадала весьма не много. «Сардиніенъ» имѣлъ 4,200 тоннъ полнаго водоизмѣщенія и 2,300 тоннъ безъ груза; машина его имѣетъ 675 нарицательныхъ силъ.

Смѣсь.

— **Клубъ рыболовства.** По свѣденіямъ «Русскаго Міра», въ Петербургѣ предполагается къ учрежденію новый лѣтній клубъ любителей рыболовства, возникающій по почину образовавшагося еще въ минувшемъ году не оффиціальнаго кружка любителей-рыболововъ, которымъ прошлымъ лѣтомъ уже было устроено нѣсколько рыболовныхъ прогулокъ, и, желая расширить свою дѣятельность, члены этого кружка въ настоящее время выработали уставъ упомянутаго клуба, который и поступаетъ на дняхъ на разсмотрѣніе администраціи. Клубъ этотъ предполагается открыть на Крестовскомъ островѣ. Дѣятельность его, кромѣ устройства рыболовныхъ прогулокъ и состязаній въ рыболовствѣ на призы, будетъ проявляться также въ бесѣдахъ и сообщеніяхъ по предмету рыболовства въ назначаемыхъ для того клубныхъ собраніяхъ.

Телеграммы.

Лондонъ, 13-го мая. По свѣденіямъ «Агентства Рейтера», совѣтъ британскихъ министровъ обсуждалъ, вчера, привезенные графомъ Шуваловымъ предложенія русскаго правительства, но до сихъ поръ никакого отвѣта на нихъ не дано. Ожидаютъ, что рѣшеніе англійскаго правительства совершенно положитъ конецъ переговорамъ, такъ какъ полагаютъ, что предложенія Россіи имѣютъ окончательный характеръ.

Вѣна, 15-го мая. Кромѣ Адакалэ, австрійскія войска заняли доселѣ бывшую нейтральной территорію, которая идетъ вдоль Дуная между Орсовой и Верчіоровой и которая, вѣроятно, отойдетъ къ Венгріи. Когда надъ Адакалэ былъ поднятъ австрійскій флагъ, войска ему отсалютовали.

Прага, 16-го мая. Оффиціозная газета «Bohemia» сообщаетъ, что за исключеніемъ Италіи всѣ державы изъявили свое согласіе на присоединеніе Босніи къ Австріи.

Константинополь, 16-го мая. Паденіе султана Абдулъ-Гамида считается неминуемымъ въ англійскомъ и австрійскомъ посольствахъ; колебанія будто-бы происходятъ лишь по вопросу, кого сдѣлать преемникомъ турецкаго престола.

Берлинъ, 15-го мая. Здѣсь получены извѣстія о томъ, что между Россіей и Англіей состоялось соглашеніе въ принципѣ. Берлинскій кабинетъ приготовляетъ формулу для приглашенія державъ на конгрессъ; предметомъ его будетъ пересмотръ трактатовъ 1856 и 1871 годовъ, причемъ всѣ статьи санъ-стефанскаго мирнаго договора, тоже будутъ подвергнуты свободному обсужденію. Когда конгрессъ откроетъ свои засѣданія, еще не рѣшено, но вѣроятно, очень скоро.

Начинаютъ вѣрить въ миръ. Послѣднія мѣры Австріи приняты по соглашенію съ Россіей.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

Контора редакціи «Живописнаго Обозрѣнія» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ при перемѣнѣ адреса высылать **старый адресъ съ бандероли и почтовыми марками:**

при перемѣнѣ городск. адреса на иногород. 85 к.
иногороднаго на городской.......... 1 р.
иногороднаго на иногородній.......... 24 к.

Безъ означенныхъ приложеній адресъ не перемѣняется.

Въ случаѣ же неполученія кѣмъ либо изъ гг. подписчиковъ нумера журнала, контора покорнѣйше проситъ заявить объ этомъ немедленно по полученіи слѣдующаго нумера, чтобы имѣть возможность отыскать на почтѣ утерянный нумеръ. Заявленія поступающія позже назначеннаго срока остаются безъ послѣдствій.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Мая 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 22. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 28 Мая 1878 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Картина ЖЕРАРА.

Юлія Рекамье.

Госпожа Жульетта-Аделаида Рекамье.

Ст. А. Толивѣрова.

Портретъ, прилагаемый къ настоящему № «Живописнаго Обозрѣнія», былъ написанъ ученикомъ знаменитаго художника Давида, не менѣе знаменитымъ, Жераромъ. Написанъ онъ былъ по заказу г-на Рекамье, мужа Жульетты-Аделаиды Бернара, интересную жизнь которой, мы изложимъ читателямъ настолько подробно, насколько намъ позволятъ рамки удѣляемыя нашей газетой для біографій. Этотъ портретъ имѣетъ свою исторію. Господинъ Рекамье, любя страстно свою красавицу жену, хотѣлъ имѣть ея портретъ, написанный какимъ-нибудь знаменитымъ портретистомъ. Знаменитостью того времени былъ Давидъ. Къ нему г-нъ Рекамье и обратился. Давидъ съ увлеченіемъ принялся за воспроизведеніе чертъ женщины, у ногъ которой находился весь интелегентный Парижъ. Салонъ г-жи Рекамье былъ центромъ знаменитостей какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ. Бывать у Рекамье считали за счастіе не только обыкновенные по своему положенію люди, но и коронованныя особы. Самъ великій полководецъ Наполеонъ I былъ увлеченъ ею и дѣлалъ все возможное, чтобы имѣть Рекамье при своемъ дворѣ.

Это предложеніе, переданное г-жѣ Рекамье черезъ министра полиціи Фуше, носило характеръ сначало просьбы, затѣмъ застращиванія.

Рекамье, принадлежа всецѣло либеральной партіи и находясь въ тѣсной дружбѣ съ г-жою Сталь, приняла это предложеніе за личное оскорбленіе и запретила Фуше когда либо въ разговорѣ съ ней упоминать о Наполеонѣ. Конечно, объ этомъ рѣшеніи Рекамье, Фуше не замедлилъ донести Наполеону, у котораго на мѣсто сильной любви къ г-жѣ Рекамье явилось не менѣе сильное чувство ненависти. Это чувство, современемъ приняло такія ужасающія размѣры, что

онъ, разговаривая у себя на балу съ пріѣзжими дипломатами и другими высокопоставленными лицами, сказалъ: «Каждаго иностранца, посѣщающаго салонъ г-жи Рекамье, я буду считать моимъ личнымъ врагомъ». Но на этомъ его месть не остановилась, онъ пошелъ гораздо дальше. Зная о дружбѣ Рекамье къ г-жѣ Сталь и о ея ежегодныхъ посѣщеніяхъ мѣста ссылки, онъ сдѣлалъ распоряженіе выслать Рекамье изъ Парижа. Но объ этомъ мы будемъ говорить далѣе, теперь вернемся къ портрету.

Долго работалъ Давидъ надъ этимъ портретомъ и такъ-таки и не кончилъ его; онъ остался ничѣмъ инымъ, какъ хорошимъ этюдомъ, который выпустить изъ своей мастерской Давидъ никакъ не соглашался.

Въ 1829 г. послѣ смерти Давида, наслѣдники его продали этотъ портретъ вмѣстѣ съ другими его работами. Его купилъ за шесть тысячъ франковъ Карлъ Ленорманъ, а потомъ за эту же сумму уступилъ его луврскому музею.

Не имѣя портрета Давида, г-нъ Рекамье поручилъ его написать Жерару, который и исполнилъ его превосходно. Портретъ Рекамье считается Chef d'oeuvr'омъ Жерара, какъ со стороны сходства, такъ и со стороны композиціи и письма.

Позднѣе портретъ этотъ былъ подаренъ г-жою Рекамье принцу прусскому Августу, который страстно любилъ ее и хотѣлъ даже на ней жениться. Послѣ смерти этого принца, великій герцогъ Георгъ Мекленбургъ-Шверинскій писалъ къ г-жѣ Рекамье, прося оставить этотъ портретъ у себя, но она не согласилась на это и портретъ былъ возвращенъ въ семью Рекамье. О возвращеніи портрета въ семью Рекамье было сказано въ духовномъ завѣщаніи принца.

Жанна - Франсуаза - Жульетта - Аделаида Бернаръ, родилась въ Ліонѣ въ 1777 г. 4-го сентября. Отецъ ея Жанъ Бернаръ, былъ нотаріусомъ въ этомъ городѣ; это былъ человѣкъ очень умный, добрый и чрезвычайно красивый, онъ умеръ въ преклонныхъ годахъ, а именно восьмидесяти лѣтъ, и до самой смерти былъ красивъ и сохранилъ замѣчательную память. Г-жа Бернаръ была женщина также чрезвычайно красивая, но больная, она умерла въ молодыхъ годахъ.

Впослѣдствіи г-жа Рекамье очень часто переносилась мыслію въ маленькій городокъ Вильфраншъ, куда она была отвезена на нѣкоторое время къ теткѣ, сестрѣ ея матери. Но прибываніе ее у теткѣ не было продолжительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ее перевезли снова въ Ліонъ и тамъ отдала въ пансіонъ, при монастырѣ Дезертѣ. Но такъ какъ отцу ея было предложено въ Парижѣ мѣсто казначея, то онъ вскорѣ и переѣхалъ туда, слѣдовательно, и Жульеттѣ пришлось снова оставить пансіонъ. Вотъ, что говорила она объ этомъ заведеніи въ своихъ мемуарахъ.

«Накануне моего отъѣзда въ Парижъ, куда меня должна была отвести тетка, я пошла къ настоятельницѣ монастыря, чтобы проститься съ ней и получить ее благословеніе. Оставляя эту мирную обитель я обливалась слезами. Это была самая спокойная пора моей жизни. Мнѣ часто представляется моя прошлая жизнь съ ея безконечными церемоніями, сопровождаемыми запахомъ ладона, пѣніемъ молитвъ и звуками органовъ. Вѣроятно, благодаря впечатлѣнію полученному въ дѣтствѣ, я, живущая среди всевозможныхъ религіозныхъ убѣжденій, сохранила мои прежнія убѣжденія. Я выслушивала всевозможныя мнѣнія о религіи, понимала ихъ, допускала, пока они могли быть допускаемы, но, въ концѣ концовъ, все-таки удержала въ моемъ сердцѣ ту религію, тѣ вѣрованія, которыя получила въ дѣтствѣ». Пріѣхавши въ Парижъ уже довольно взрослой дѣвочкой, Жульетта выказала необыкновенныя способности къ музыкѣ и ей начали давать уроки на фортопьяно и арфѣ, кромѣ музыки она занималась также и пѣніемъ. Голосъ ея былъ чрезвычайно мягкій и звучный. Но она скоро оставила пѣніе, оставила игру на арфѣ и только до самой смерти играла на фортопьяно. Играла она обыкновенно по ночамъ, безъ свѣта, ибо играла по слуху. Эта привычка служила ей радостью въ то время, когда подъ старость она лишилась зрѣнія.

Музыка заставляла ее забывать о слѣпотѣ, и передъ нею проносились цѣлыя картины, которыми была полна ее молодая жизнь.

Окончила свое воспитаніе Жульетта дома. Мать гордилась больше ея красотой, чѣмъ способностями и начала рано вывозить ее въ свѣтъ. Мѣстомъ ее перваго выѣзда былъ Версаль, гдѣ былъ устроенъ одинъ изъ послѣднихъ обѣдовъ, на которомъ участвовали король Лудовикъ XVI съ королевою Маріею-Антуанетою и всею королевскою свитою. Жульетта, находясь вмѣстѣ съ своею матерью въ числѣ публики, обратила своей красотой общее вниманіе. Марія-Антуанета послала узнать, кому принадлежалъ этотъ прекрасный ребенокъ.

Въ домѣ Бернаровъ собирались люди, большею частію принадлежащіе къ литературѣ, а также и политическіе дѣятели и артисты. Три раза въ недѣлю Бернары появлялись во французскомъ театрѣ, гдѣ у нихъ была абонирована ложа. Красота Жульетты привлекала вниманіе какъ партера, такъ и ложъ. Вскорѣ съ ними познакомился извѣстный ліонскій банкиръ Жакъ Рекамье. Жакъ Рекамье принадлежалъ къ честной и трудолюбивой ліонской фамиліи. Три года спустя, когда Жульеттѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, Рекамье сдѣлалъ ей предложеніе. Свадьба ея состоялась въ 1793 г. въ самый разгаръ Терора, когда къ подножію гилiотины катились головы какъ царственныхъ особъ, такъ точно и головы ихъ враговъ революціонеровъ. Жульетта любила Рекамье, потому что онъ дарилъ ей прекрасныя куклы и красивыя конфекты, замужество Рекамье было только кажущемся, Рекамье былъ ее мужемъ только по названію, у Жульетты былъ физическій недостатокъ, который мѣшалъ ей быть женой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старикъ и юноша.

Стихотв. **Л. Е. Оболенскаго.**

Старикъ.

Останься здѣсь: зачѣмъ въ потокъ трескучій
Тревожной жизни рвешься ты?
Тамъ облетятъ твои мечты...
Взгляни,—здѣсь ключъ журчитъ гремучій,
Полны здѣсь люди простоты.

Здѣсь небо блещетъ надъ лѣсами
И солнце горы золотитъ,
Природа здѣсь, какъ крѣпкій щитъ,
Своими чудными дарами
Людей отъ мукъ и зла хранитъ.

Что ты найдешь тамъ? что тамъ прочно?
Любовь? но только здѣсь, межь скалъ,
Гдѣ плещетъ моря синій валъ,
Любви высокой, непорочной,
Найдешь ты чистый идеалъ.

Свободу?—гдѣ-жь царитъ свобода,
Какъ не у насъ въ тѣни лѣсовъ,
Средь горныхъ селъ, межь пастуховъ,
Гдѣ благодатная природа,
Какъ мать, хранитъ насъ отъ враговъ.

Юноша.

Чего я жажду? Жизни, жизни!
Здѣсь, въ тихой хижинѣ твоей,
Здѣсь, въ сладко-дремлющей отчизнѣ
Покой томитъ страшнѣй цѣпей.

Искалъ-ли ты въ покоѣ счастья?
Рвался-ли къ мирной тишинѣ,
Когда бѣжалъ къ чужой странѣ,
Сюда безъ дружбы, безъ участья?...
Дай также жизнь изведать мнѣ.

Быть можетъ, утомясь борьбою,
Съ разбитымъ сердцемъ и умомъ,
Приду я дряхлымъ старикомъ
Сюда бесѣдовать съ тобою
Предъ этимъ мирнымъ камелькомъ.

Моя хроника.

П. А. Салманова.

(Продолженіе.)

Въ 1826 году, духовныхъ училищъ въ Москвѣ было только два: Петровское и Андроньевское; оба они находились при монастыряхъ; первое—при Высоко-Петровскомъ—на Пепузовкѣ; а второе—при Спасо-Андроньевскомъ—въ Рогожской улицѣ. При московскимъ уѣздныхъ духовныхъ училищахъ всегда были и теперь есть приходскія училища, имѣвшія два класса: первый и второй. Прежде они странно назывались, напримѣръ, 1-й приходскій классъ, почему-то назывался бурсою, а второй фарою. Смыслъ этихъ названій, если только былъ когда нибудь въ нихъ смыслъ, улетучился во времени и разъяснить его я не съумѣю. Предметы преподаванія были слѣдующіе: и 1-мъ приходскомъ классѣ: чтеніе и письмо по русски, сокращенный катехизисъ и священная исторія; во 2-мъ приходскомъ классѣ: чтеніе и письмо на русскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ, арифметика до дробей, церковный уставъ и нотное пѣніе. Въ 3-мъ классѣ, составляющемъ уже классъ уѣзднаго училища и называвшемся Грамматикою: русская, латинская, греческая и славянская грамматики до словосочиненія включительно; пространный катехизисъ по руководству митрополита Филарета, церковный уставъ, нотное пѣніе и арифметика до тройного правила. Въ 4-мъ классѣ, называвшемся Синтаксисомъ: словосочиненіе на русскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ, легкіе переводы на этихъ языкахъ, арифметика до конца и географія.

Когда отецъ мой подавалъ прошеніе ректору училищъ архимандриту Оссіи объ опредѣленіи меня въ число учениковъ Петровскаго училища, онъ представилъ ему мои переводы съ латинскаго и греческаго языковъ на русскій и просилъ дать мнѣ испытаніе, надѣясь, что, по испытаніи, Оссія запишетъ меня, по крайней-мѣрѣ, въ 3-й классъ, потому что по познаніямъ моимъ меня должно было-бы зачислить въ 4-й классъ. Оссія же испытаніе свое надо мною ограничилъ подзатыльникомъ, какъ я сказалъ выше, и на прошеніи отца написалъ, вѣроятно, самъ не зная почему: принять во 2-й приходскій классъ. Конечно, Любимовъ не имѣлъ понятія о такой несправедливой резолюціи ректора, если принялъ меня въ тотъ классъ, въ который просилъ помѣстить меня отецъ, именно въ 3-й.

Да, случай дѣйствительно былъ несчастный; въ 3-й классѣ я учился уже около мѣсяца, былъ 2-мъ ученикомъ за прилежаніе и успѣхи былъ назначенъ аудиторомъ, т. е. мнѣ предоставлено было право выслушивать уроки нѣкоторыхъ учениковъ и докладывать учителямъ, на сколько они знаютъ ихъ; съ товарищами я сошелся и я замѣчалъ, что многіе не только любили, но да-

же и уважали меня; все льстило самолюбію ребенка и поощряло его къ дальнѣйшему занятію.

Но вдругъ въ одно прекрасное утро является къ намъ въ 3-ій классъ учитель 2-го приходскаго училища Петръ Ивановъ Смирновъ, извѣстный всему училищу своимъ безобразіемъ и злостью и прозванный всѣми учениками, неизвѣстно почему, кобылою; впрочемъ, кажется, Смирновъ это прозвище кобылы имѣлъ еще прежде поступленія въ учителя отъ семинарскихъ своихъ товарищей. Прозвище вѣрное: когда говорилъ Смирновъ, онъ ржалъ, подобно лошади. Войдя, онъ кричалъ:

— Нѣтъ-ли здѣсь ученика Пелуга Салманова?

Я тотчасъ вскочилъ съ своей скамейки и бойко отвѣчалъ: «здѣсь». Тогда Смирновъ, обращаясь къ учителю Любимову, снова заоралъ:

— Салмановъ здѣсь у васъ по ошибкѣ записанъ во 2-й классъ. Ступай сейчасъ за мною.

— Помилуйте, сказалъ Любимовъ,—его можно сейчасъ помѣстить въ 4-й классъ; онъ и тамъ отъ прочихъ не отстанетъ. Это несправедливость.

— Ну это не наше съ вами дѣло, сказалъ Смирновъ,—а онъ ко мнѣ записанъ и цѣлый мѣсяцъ помѣщенъ въ спискахъ.

Я стоялъ, какъ громомъ пораженный, и горько плакалъ; тѣмъ болѣе, что Добронравовъ, глядя на меня, насмѣшливо улыбался.

— Что-же я сдѣлалъ, что меня переводятъ въ низшій классъ! вскричалъ я съ дѣтскимъ изступленіемъ.—Вы сами изволили сказать, что это несправедливость, добавилъ я, обративъ умоляющій взглядъ на Любимова.

— Ахъ ты чертенокъ, заревѣлъ Смирновъ,—я тебя такъ выдеру, что ты у меня забудешь думать о несправедливостяхъ. Несправедливость! Скажите, пожалуйста!! И кто-же говоритъ? Вотъ пословица правду говоритъ, что громъ грянулъ не изъ тучи, закричалъ Смирновъ, обращаясь къ Любимову.

Я дрожалъ всѣми членами и не могъ оторвать умоляющихъ вгзядовъ отъ Любимова.

Тогда Любимовъ всталъ изъ за своего учительскаго стола и, подойдя къ Смирнову, сказалъ ему:

— Не обижайте Салманова, онъ хорошій мальчикъ и учился, и велъ себя очень хорошо; былъ у меня и у Страхова аудиторомъ и 2-мъ ученикомъ; а ты, мой милый, проговорилъ Любимовъ, съ какимъ-то особеннымъ значеніемъ, обращаясь ко мнѣ, — пріучайся къ несправедливости, къ колотушкамъ и потасовкамъ; пріучайся и молись Богу, чтобы онъ далъ тебѣ силы вынести. Въ этомъ заключается вся премудрость нашего воспитанія.

Я схватилъ руку Любимова и поцѣловалъ ее. Слезы неудержимо лились изъ моихъ глазъ.

— Ну, пойдемъ, сказалъ Смирновъ и вытолкалъ меня за дверь: — Вотъ я тебя, чертенокъ, отучу говорить о несправедливостяхъ старшихъ. Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ?

Я отвѣчалъ сквозь слезы:

— Девять.

— Счастливъ твой Богъ; что тебѣ 10 лѣтъ нѣтъ, а то я не посмотрѣлъ-бы, что ты такой жиденькій. Я тебя отжарилъ-бы въ двѣ лозы.

Съ этими словами Смирновъ взошелъ во 2-й приходскій классъ.

Вышелъ мальчишка, исправлявшій должность палача при Смирновѣ съ большимъ пучкомъ розогъ.

— Свѣжія-ли, спросилъ Смирновъ.

— Передъ вами только нарѣзаны-съ, отвѣчалъ Свѣтухинъ.

— Раздѣть этого мальчишку и высѣчь, сказалъ Смирновъ, показывая на меня.

Со всѣхъ сторонъ бросились на меня мальчишки и схватили, кто за руки, кто за ноги, повалили на полъ и я былъ больно высѣченъ. Послѣ экзекуціи, Смирновъ удостоилъ посадить меня на первую парту на второе мѣсто.

Внѣ себя отъ тоски прибѣжалъ я домой и съ воплемъ бросился на свою маленькую постель.

— За что меня перевели изъ 3-го во 2-й классъ и за что меня такъ безжалостно высѣкли, говорилъ я отцу съ матерью, покрывая поцѣлуями ихъ руки.—Я ничего не сдѣлалъ, кромѣ того, что хорошо учился и хорошо велъ себя. Спросите вы у учителей 3-го класса.

Я ломалъ въ отчаяніи руки. На другой день у меня открылась горячка. Я пролежалъ въ постели между жизнію и смертію два мѣсяца.

По выздоровленіи я снова отправился въ классъ. Была уже полная зима, и какъ сейчасъ помню, зима холодная. Меня снарядили въ какую-то мѣховую шубочку, купленную на Смоленскомъ рынкѣ, снаружи красивую, но очень узкую, такъ-что она съ трудомъ закрывала грудь мою, дали въ одну руку 5 коп. сер. (для дневного пропитанія), а въ другую фонарь и, такимъ образомъ, отправили въ Петровское. Можетъ быть, читатели удивятся для чего фонарь, а вотъ для чего: мѣсто моего жительства отъ мѣста ученія отстояло, какъ я сказалъ выше, на 5 верстъ: ходьбы было самое меньшее для меня часъ съ четвертью, а иногда и болѣе. Прійти слѣдовало почти за часъ до начала классовъ, для того, чтобы, во первыхъ, протвердить урокъ, а во вторыхъ, передать его аудитору, ученіе-же начиналось ровно въ 8 часовъ. Слѣдовательно, каждый день мнѣ нужно было вставать въ 5 часовъ утра, умыться, одѣться, собраться и затѣмъ уже около 6 часовъ отправляться въ училище, а въ 6 часовъ въ Москвѣ зимою совсѣмъ темно, потому-что уличные фонари по утрамъ всегда гасятся; такимъ образомъ, ходить безъ своего фонаря въ 6 часовъ нельзя было, иначе я рисковалъ сломать себѣ ногу или расшибить черепъ.

Нѣтъ надобности говорить, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ отправлялся я въ училище. При одномъ воспоминаніи объ учителѣ Смирновѣ, на меня нападалъ ужасъ. А морозъ такъ и охватываетъ мое дѣтское тѣло, руки мои сжались и совсѣмъ коченѣютъ въ варишкахъ, ноги зябнутъ, лицо горитъ.

И такія путешествія совершались зимою взадъ и впередъ всякій день, а иногда морозы доходили до 35°. Никогда не забуду, что въ одно изъ такихъ путешествій, въ несчастномъ для меня 1826 году, я совсѣмъ умиралъ отъ холода. Меня спасъ добрый будочникъ, который, по моей убѣдительной просьбѣ, позволилъ мнѣ погрѣться въ своей будкѣ. Много лѣтъ послѣ, бывши въ гостяхъ у знаменитаго ветерана-воина Алексѣя Петровича Ермолова, я нечаянно взглянулъ въ окно: будка, которая спасла меня отъ ужасной смерти замерзанія, стояла нѣкогда на другой сторонѣ, противъ самыхъ оконъ этого дома и хотя въ то время она уже не существовала на томъ мѣстѣ, но воспоминаніе о добромъ будочникѣ и его теплой будкѣ было такъ сильно, что я почти забылъ о цѣли моего посѣщенія.

Но я уклонился отъ разсказа. Первый день посѣщенія моего училища прошелъ для меня благополучно. Смирновъ не обращалъ на меня никакого вниманія, да и некогда было—дѣла у него было пропасть: онъ все время классовъ занимался пороньемъ мальчиковъ; съ трудомъ имѣлъ время сказать намъ изъ какой книги и сколько нужно выучить уроковъ къ слѣдующему дню. Разъяснять уроки вообще не было въ правилахъ учителей духовныхъ училищъ тогдашняго времени. Исключительное и спеціальное ихъ занятіе въ классахъ было—сѣченіе, въ этомъ состоялъ весь способъ толкованія уроковъ и этотъ способъ такъ много отнималъ у нихъ времени, что они всѣ экзекуціи не успѣвали оканчивать въ продолженіе классовъ и тѣхъ, которыхъ не успѣли высѣчь, они имѣли обыкновеніе приглашать къ себѣ на квартиру, гдѣ съ ними и раздѣлывались. Въ этомъ отношеніи всѣ учителя духовныхъ приходскихъ училищъ, какъ двѣ капли воды, были похожи на Петра Ивановича Смирнова. Но черезъ два дня послѣ перваго моего визита въ классъ, со мною случилось новое несчастіе: разрѣшая, не помню, какую-то задачу дѣленія, я сдѣлалъ ошибку, тогда Смирновъ, безъ всякой церемоніи, схватилъ меня за волосы, поднялъ меня и долго держалъ на воздухѣ. Такая продѣлка Смирнова не осталась безъ послѣдствій. Именно съ 1826 года я началъ чувствовать припадки головной боли, обратившейся потомъ въ хроническій мигрень, который посѣщалъ меня каждый мѣсяцъ и продолжался цѣлыя сутки.

Говорятъ, одной бѣды человѣку мало. Несчастіе этого дня я никогда не забуду; это было 25 ноября 1826 года. Оно не ограничилось одной потасовкой. Въ тотъ день былъ классъ нотнаго пѣнія. Мнѣ дали въ руки азбуку нотнаго пѣнія и заставили пѣть по указанію учителя; но сколько ни бились, ничего не вышло! Высѣкли, по обыкновенію, и это не помогло. Смирновъ даже два раза бросался на меня съ кулаками, но если бы меня и били на мѣстѣ, то результатъ былъ бы одинъ и тотъ же: пѣть не могу и въ нотахъ ничего не понимаю. Такъ и отсталъ отъ меня Смирновъ; такъ и отстали впослѣдствіи всѣ учителя. По части нотнаго пѣнія я дальше азбуки не пошелъ, съ тѣмъ и курсъ кончилъ.

Въ этотъ несчастный день, когда въ 5 часовъ пополудни я прибѣжалъ полузамерзшій домой, меня встрѣтила добрая мать моя, и взглянувши мнѣ въ глаза, вздохнула и спросила:

— Что съ тобою, Петинька, на тебѣ лица нѣтъ?

Тогда склонивъ голову на ея руки, я зарыдалъ истерически. Я чувствовалъ, что голова моя болталась на плечахъ, точно надломленная вѣтка на деревѣ. Я часто теперь думаю, что послѣ ужасной потасовки Смирнова, я могъ бы умереть. Очень могло случиться, что сѣченіе и помогло мнѣ. Судьба за меня вступилась и дала два несчастія, чтобы избавить отъ третьяго, болѣе ужаснаго.

— Учитель очень больно оттаскалъ меня. Я не могу тронуться головою, да еще высѣкъ, едва внятно проговорилъ я, продолжая рыдать.

Въ это время подошелъ ко мнѣ отецъ мой.

— Что же это батюшка, Алексѣй Савичъ, что тамъ за разбойникъ учитель. Онъ совсѣмъ убьетъ ребенка, хоть бы Бога побоялся. Ребенокъ выздоровѣлъ всего не больше недѣли. Ты бы пожаловался на него ректору.

— Что ты, Анна Матвѣевна. Христосъ съ тобой! Да тогда точно заѣдятъ его до смерти. Теперь, по крайности, бьетъ да сѣчетъ одинъ учитель, а то какъ въ запуски примутся то бить, то сѣчь, то учитель, то ректоръ, гдѣ жъ ему вынести? Видишь, какой онъ слабенькій! Тутъ совсѣмъ не то нужно—не жалоба; жалобой ничего не возьмешь, а испортишь только дѣло; а я вотъ, что сдѣлаю: завтра же схожу къ этому учителю, снесу ему красненькую ассигнацію, да попрошу послѣ завтра, на знаменье, на нашъ праздникъ въ гости къ обѣду, да хорошенько угощу его. Вотъ онъ бить-то Петиньку больше и не будетъ. Подойди ко мнѣ, бѣдненькій, заключилъ отецъ мой.

Я подошелъ къ отцу. Отецъ мой поставилъ меня между своими колѣнями, схватилъ за плеча и крѣпко поцѣловалъ въ голову. Я вскрикнулъ отъ боли.

— Ну правду говоришь ты, Анна Матвѣевна, что учитель разбойникъ, такъ надралъ ему волосы, что и поцѣловать больно. Да, въ наше

время, когда я учился, слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ Звенигородѣ, въ Саввинѣ монастырѣ, никогда такъ не били, а то въ Москвѣ, въ столицѣ, гдѣ всякое начальство есть!

На другой день послѣ этого разговора, отецъ мой отправился къ Смирнову, внесъ ему красненькую ассигнацію и пригласилъ его на 27-е ноября къ себѣ обѣдать. Смирновъ принялъ красненькую ассигнацію съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ день Знаменія явился онъ въ 12 часовъ утра, въ синей суконной бекешѣ на ватѣ, съ теплымъ воротникомъ изъ овецъ крымской породы. Въ этой бекешѣ, не скидавая ея, вѣроятно, сюртука у Смирнова не было, просидѣлъ онъ съ 12 часовъ утра до глубокой полночи, напился пьянъ, какъ слѣдуетъ учителю духовнаго званія, былъ очень внимателенъ къ отцу моему и къ матери и удостоилъ меня во время вечера потрепать по щекѣ.

Съ того времени потасовки и сѣченія во все время пребыванія моего во 2 классѣ, въ отношеніи ко мнѣ прекращаются.

Съ 28 ноября 1826 года я ожилъ. Смирновъ ко мнѣ совсѣмъ перемѣнился. Но прежней охоты къ ученію не было. Этому способствовали съ одной стороны, то униженіе, которое перенесъ я при переводѣ изъ 3 во 2 классъ, а съ другой стороны, и то, что дали учителю за меня деньги. Не смотря на то, что я былъ очень малъ, но сознательно понималъ всю важность этого обстоятельства. Время отъ времени я начиналъ уже полѣниваться, надѣясь, что отецъ мой за меня откупится.

И, дѣйствительно, отецъ мой положилъ себѣ правиломъ, при каждомъ переходѣ моемъ въ слѣдующій классъ знакомиться съ учителями и давать имъ деньги. И какъ черезъ это мнѣ хорошо было! Я передъ всѣми товарищами былъ въ какомъ-то исключительномъ положеніи. Меня никогда не били и если съ 28 сентября 1826 года по 1 сентября 1832 года, т. е. до вступленія моего въ семинарію за отчаянныя шалости два раза шутя высѣкли меня, то дѣйствительно нельзя было оставить меня безъ наказанія: мои шалости заходили за предѣлы вѣроятія, увлекали моихъ товарищей, могли имѣть пагубныя послѣдствія и дойти, наконецъ, до слуха высшаго начальства.

Да, методъ воспитанія и деньги отца избаловали меня. Я не только началъ лѣниться, но и шалить до дерзостей.

Совѣтовалъ бы всѣмъ родителямъ быть очень осторожными при малюткахъ дѣтяхъ. Они понимаютъ иногда гораздо болѣе, чѣмъ сколько можно ожидать отъ нихъ.

Передъ Рождествомъ я снова захворалъ отчаянно. Причиною тому была моя узенькая шуба, которая, какъ я сказалъ выше, съ трудомъ закрывала грудь мою. Я сильно простудился. И если бы Провидѣніе не послало помощь въ лицѣ двухъ медиковъ, Стефана Тимоѳеевича Чучькина и Александра Алексѣевича Сухоручькова, которые цѣлый мѣсяцъ почти, безотлучно день и ночь, находились возлѣ моей постели и слѣдили за ходомъ болѣзни, то мнѣ уже не видать бы свѣта божьяго. Съ трудомъ вѣрится, чтобы слабый организмъ ребенка могъ перенести двѣ горячки, послѣдовательно одну за другою. Присоедините къ этому еще душевное потрясеніе, которое перенесъ я, и которое непремѣнно должно имѣть вліяніе на мой организмъ.

Какъ угодно, а право, человѣкъ много можетъ вынести. Это доказываетъ мое выздоровленіе.

По выздоровленіи я началъ ходить въ классъ со второй недѣли великаго поста. Постомъ ужь не было морозовъ, но за то была страшная грязь. Правда, одно другого лучше при такомъ дальнемъ путешествіи. Сидѣть въ классѣ съ промокшими ногами чего-нибудь да стоитъ, а калошъ нашему брату не полагалось.

Но вотъ, наконецъ, и наступила радостная Святая недѣля. За Святой недѣлей — отрадная весна; ни холода, ни грязи. Бѣжишь себѣ въ училище и обратно безъ всякой усталости. Ученье становится прогулкою. Пришло и лѣто съ своими жарами, но жары не очень безпокоятъ. Изъ Петровскаго училища въ обѣденное время идемъ мы всѣ купаться въ Сущево къ Марьиной рощѣ, въ какой-то плохой прудъ, называемый Ляпуновымъ. И дѣлаешь снова 10 верстъ, чтобы только окунуться въ грязной водѣ этого прудишки и не чувствуешь усталости. Прибѣжишь домой, напьешься чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ; въ антрактѣ между чаемъ и ужиномъ поиграешь въ мячикъ или другую какую-нибудь игру; поужинаешь часу въ десятомъ, свернешься и уснешь богатырскимъ сномъ, не думая объ урокѣ, который я, благодаря своей счастливой памяти, всегда готовилъ утромъ. И ждешь бывало не дождешься праздника или воскресенья, потому только, что нѣтъ надобности вставать рано и учить урокъ. И если бывало придетъ праздникъ — лежишь себѣ въ постели до 12 часовъ и едва ли чувствовалъ

Рисунокъ БЕРТРАНА.

Маргарита въ тюрьмѣ.

столько наслажденія турецкій паша, наслаждаясь своимъ кейфомъ. Боже мой, сколько испытывалъ я удовольствія, лежа на постели и смотря безсознательно на потолокъ!

Подробности эти я описываю для того, чтобы избѣжать ихъ впослѣдствіи. Дни проходили за днями, недѣли за недѣлями, мѣсяцы за мѣсяцами, годы за годами—съ 28 ноября 1826 года по 1-е сентября 1832 года, мало было варіяцій и въ образѣ моей жизни и въ образѣ моего ученія—все почти одно и то же: то же пьянство учителей, то же безумное обращеніе ихъ съ учениками, то же неряшество и неделикатность учениковъ, для которыхъ кулачный бой такая же существенная необходимость, какъ для почтенныхъ учителей—сѣченіе ихъ розгами. Все одно и то же — отвратительно и скверно! И некого и не чѣмъ помянуть мнѣ въ 1826 году, кромѣ Чучькина и Сухоручькова. Живы ли вы еще теперь, многоуважаемые мною люди? Вспоминаете-ли вы когда-нибудь и помните-ли даже имя того ребенка, которого исторгли вы изъ рукъ смерти также точно, какъ онъ васъ вспоминаетъ. А можетъ быть, вы уже умерли также точно, какъ и я умру впослѣдствіи. Послѣ моей смерти найдутся записки и какой-нибудь добрый человѣкъ передастъ ихъ на судъ общественнаго мнѣнія печатно и доброе ваше дѣло не пропадетъ безслѣдно и больной умирающій ребенокъ поставитъ вамъ памятникъ нерукотворный!

(*Продолженіе будетъ.*)

Судебная ошибка.

Романъ **Ф. Буагобея**. Переводъ **С. И. Воскресенской**.

(*Продолженіе.*)

Глава III.

Начальникъ сыскной полиціи поспѣшилъ обратно, торопясь привести въ исполненіе планъ, предложенный Лекокомъ. Между тѣмъ, арестантъ продолжалъ спать сномъ невинности.

Было рѣшено выпустить его, но чтобы слѣдить за нимъ, послѣ его мнимаго освобожденія, были назначены двѣ самыя ловкія «ищейки», нумера 29 и 33. Начальникъ объяснилъ имъ, въ чемъ было дѣло, и приказалъ имъ «преобразиться».

Нумеръ 33, отставной солдатъ, по имени Пигашъ, служилъ уже десять лѣтъ въ сыскной полиціи и исполнялъ преимущественно порученія, считавшіяся болѣе опасными. Онъ пользовался предпочтеніемъ передъ другими, ради своего роста, крѣпкаго тѣлосложенія и отъявленной храбрости; такимъ образомъ, ему приходилось арестовывать большею частью такихъ преступниковъ, которые были способны для своей защиты, пустить въ дѣло и ножъ.

Другой сыщикъ, по имени Пьедушъ, или нумеръ 29, какъ онъ звался на службѣ, былъ тоже отставной солдатъ, но нисколько не походилъ на Пигаша. Онъ былъ малъ ростомъ, худощавъ, рѣшительно неспособенъ одолѣть противника силою, но за то въ высшей степени ловокъ и хитеръ. Разсказывали, что при неудачной стычкѣ двухъ городскихъ сержантовъ съ четырьмя бродягами, Пьедушъ рѣшилъ дѣло въ пользу охранителей общественной безопасности, проскользнувъ, какъ котъ, между ногами боровшихся, и «стреноживъ» мошенниковъ, какъ онъ выражался. Сверхъ своей ловкости и находчивости, нумеръ 29 обладалъ еще страстною любовью къ своему дѣлу, и потому не только изучилъ до тонкости всѣ его извороты, но еще самъ изобрѣлъ нѣсколько усовершенствованныхъ ловушекъ. Остается прибавить, что онъ гримировался великолѣпно, такъ что можно было сказать, что онъ не имѣлъ своей собственной физіономіи или своего возраста, а только принималъ на себя облики, которые ему указывало начальство. Вслѣдствіе такихъ драгоцѣнныхъ качествъ, нумеру 29 давались самыя щекотливыя порученія, въ родѣ наблюденія надъ подозрительными кассирами, отысканія лицъ несовершеннолѣтнихъ, но уклонившихся отъ родительскаго надзора, изобличенія шантажей и тому подобное. Въ случаѣ нужды, Пьедушъ, хотя и бывшій солдатъ, съумѣлъ бы нарядиться франтомъ и выслѣдить шулера за игрой въ баккара. Не разъ ему случалось содѣйствовать Лекоку въ его труднѣйшихъ «охотахъ», и онъ питалъ къ старику почти благоговѣйную преданность.

Оба агента знали уже «исторію съ пиковой дамой»,—какъ звали фамильярно въ полиціи трагическую находку трупа въ чемоданѣ,—и выборъ, павшій на нихъ, очень льстилъ ихъ самолюбію. Можно было надѣяться, что они примутся за поимку преступника не только съ усердіемъ, но и съ страстнымъ желаніемъ успѣха. Пигашъ преобразился въ рыночнаго носильщика, а Пьедушъ въ продавца контрмарокъ или подбирателя сигарныхъ окурковъ. Они заняли свои мѣста на противоположныхъ концахъ улицы Шапель, условясь между собою соединиться тотчасъ же послѣ того какъ «дичь» приметъ опредѣленный полетъ.

Начальникъ сыскной полиціи велѣлъ, между тѣмъ, отворить камеру, въ которой находился арестантъ. Только толчками удалось разбудить его отъ безмятежнаго сна. Онъ протеръ себѣ глаза, поднялся, единственно потому, что его взяли за шиворотъ, и осмотрѣлся кругомъ самымъ безсмысленнымъ видомъ. Полицейскіе служители провели его въ контору, гдѣ онъ получилъ обратно свои семь су, деревянный ножъ и кусокъ угля, послѣ чего передъ нимъ открылись двери тюрьмы. Очутясь на улицѣ, нѣмой сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, посмотрѣлъ на позолоченный шпиль сосѣдней церкви, потомъ принялся озираться по сторонамъ, какъ человѣкъ, не узнающій дороги, и, наконецъ, направился къ набережной Орфеврь. Пьедушъ и Пигашъ наблюдали за нимъ подъ видомъ безпечно фланирующихъ людей. Но нѣмой скоро остановился, какъ бы не узнавая дороги, осмотрѣлся снова и усѣлся, наконецъ, на тумбу, опустивъ руки и голову, съ видомъ окончательно заблудившагося человѣка. Такъ прошло съ полчаса, послѣ чего онъ всталъ и къ общему изумленію воротился къ тѣмъ самымъ воротамъ, изъ которыхъ его выпустили. Смотритель арестантскаго депо пришелъ въ рѣшительное недоумѣніе и обратился къ своему начальнику за инструкціей. Но начальникъ былъ самъ озадаченъ не менѣе своего подчиненнаго и неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, еслибы, въ эту самую минуту, не показался на мосту Лекокъ, идущій, подъ руку съ своимъ сыномъ. Завидѣвъ его, начальникъ сыскной полиціи бросился къ нему на встрѣчу и безцеремонно загородилъ ему дорогу.

— Мнѣ надо сказать вамъ два слова, г. Лекокъ! воскликнулъ онъ.

— Обожди меня съ минуту, Люп, сказалъ старикъ, обращаясь къ сыну. Потомъ, отойдя съ полицейскимъ въ сторону, сказалъ:—Вы могли бы избавить меня отъ совѣщанія на открытой дорогѣ. Я такъ недавно еще говорилъ вамъ, что желаю скрыть отъ моего сына мои сношенія съ сыскной полиціей...

— Извините, но дѣло безотлагательное. Я разскажу его въ двухъ словахъ: мы выпустили нашего арестанта, но онъ воротился къ намъ опять!

— Вотъ какъ! воскликнулъ отставной сыщикъ, настороживая уши, какъ старая кавалерійская лошадь, услышавшая боевой сигналъ.— Молодецъ хитрѣе, чѣмъ мы думали, или же... Позвольте! какимъ способомъ былъ онъ доставленъ къ вамъ изъ участка?

— Въ арестантской повозкѣ... какже иначе!

— Поэтому-то онъ и не находитъ дороги. Необходимо отвезти его сначала въ первый участокъ и выпустить его только тамъ... Понимаете? А теперь, прощайте! Если я проболтаю еще съ вами, мы не поспѣемъ на пароходъ... Мое почтеніе!

И онъ удалился поспѣшно, оставя полицейскаго почти въ прежнемъ недоумѣніи.

«Постарѣлъ дядя Лекокъ, постарѣлъ! подумалъ тотъ. Ничего лучше не съумѣлъ придумать!... Впрочемъ, отчего же и не испытать?... А если не удастся, нечего дѣлать, придется передать дѣло Толбіаку...»

Послѣ необходимыхъ наставленій Пьедушу и Пигашу, начальникъ сыскной полиціи сдѣлалъ распоряженіе, согласно плану Лекока. Нѣмой былъ доставленъ на указанное мѣсто и затѣмъ уже выпущенъ на свободу. Въ первыя двѣ-три минуты, онъ простоялъ опять неподвижно, озираясь по сторонамъ, но потомъ, двинувшись къ угловому дому улицъ Кервизаръ и Паскаль, принялся разглядывать стѣну дома, сдѣлалъ движеніе, какъ бы выражавшее радость, и не колеблясь направился къ бульвару Араго.

Нумера 29 и 33 послѣдовали за нимъ незамѣтно.

— Ахъ, онъ подлецъ! шепнулъ Пьедушъ, проходя передъ угловымъ домомъ.—У него тутъ замѣтка на стѣнѣ поставлена! Вотъ для чего онъ и уголь съ собою въ карманѣ таскаетъ! Теперь онъ насъ приведетъ къ цѣли, какъ мальчикъ съ пальчикъ! Это хорошо! «Нашъ» будетъ доволенъ!

Начальникъ сыскной полиціи былъ, дѣйствительно, очень доволенъ, потому что слѣдилъ за всей сценой, сидя въ наемномъ фіакрѣ, который стоялъ на углу улицы Урсинъ. Подойдя къ этому мѣсту, нѣмой какъ будто снова потерялся. Онъ принялся ходить поперегъ улицы, отъ одного угла къ другому, но, наконецъ, рѣшился перейти черезъ бульваръ и пошелъ вдоль улицы Урсинъ. Фіакръ послѣдовалъ за нимъ; тоже сдѣлали и оба нумера; они добрались разными закоулками до улицы Арбалетъ. Здѣсь нѣмой остановился передъ рѣшеткою, окружавшею домъ, стоявшей почти на углу улицы Ломонъ, посмотрѣлъ съ минуту на это зданіе и принялся звонить. Начальникъ сыскной полиціи вышелъ изъ фіакра и тоже приблизился къ рѣшеткѣ. Никто не отвѣчалъ на звонъ, но изъ сосѣдней лавочки выглянула угольщица и сказала:

— Звони, звони! Не дозвонишься.

Полицейскій подошелъ къ ней.

— Развѣ въ этомъ домѣ никто не живетъ? спросилъ онъ.

— Жилица была, да, должно быть, уѣхала этой ночью, отвѣтила угольщица,—потому что ея служанка и носа не показывала сегодня утромъ.

«А! есть горничная... примемъ къ свѣденію», подумалъ полицейскій.

— Если я спрашиваю, продолжалъ онъ,—то это потому, что бѣдный малый звонитъ уже долго понапрасну у этой рѣшетки. Надо бы ему сказать...

— Ну, самъ увидитъ. Къ тому же я не могу знать навѣрное, уѣхала-ли она, или нѣтъ. Служанка говорила только моему мужу, что уѣзжаетъ въ свою Англію, вмѣстѣ съ госпожей... и что имъ приходится выѣхать въ полночь...

— А вы не знаете того, кто звонитъ?...

— Никогда не видала! сказала угольщица, немного озадаченная такими разспросами.

— Можетъ быть, онъ ошибся домомъ... Я пойду спрошу у него...

И, оставя свою собесѣдницу въ полномъ недоумѣніи, полицейскій направился къ нѣмому, все еще продолжавшему звонить, и ударилъ его по плечу. Тотъ оборотился, какъ бы удивился немного, увидя передъ собой человѣка, который

надоѣдалъ ему столько въ полиціи, но не выказалъ никакого испуга. Изъ этого можно было убѣдиться, что онъ, дѣйствительно, былъ неповиненъ въ убійствѣ.

— Все равно, главная цѣль достигнута, рѣшилъ полицейскій,—этотъ человѣкъ довелъ насъ до настоящаго мѣста.

Онъ взялъ нѣмого за руку, подвелъ его къ фіакру, заставилъ его сѣсть въ экипажъ, подозвалъ знакомъ нумеръ 33, велѣлъ ему сѣсть рядомъ съ арестантомъ и не выпускать его. Потомъ, обратясь къ Пьедушу, приказалъ ему сторожить у рѣшетки.

— Я войду въ домъ одинъ, сказалъ онъ.— Если же что понадобится я свисну.

— А вы, сударыня, продолжалъ онъ, обращаясь къ продавщицѣ угля,—ни слова обо всемъ этомъ вашимъ покупателямъ! Я служу при полиціи и долженъ сдѣлать обыскъ у вашей сосѣдки. Слѣдовательно, будьте умны! Одинъ изъ моихъ агентовъ станетъ за вами присматривать, и я самъ поговорю потомъ съ вами.

Онъ разстегнулъ пальто и показалъ ей свой трехцвѣтный шарфъ. При видѣ этого грознаго знака, торговка исчезла въ глубинѣ своей лавочки. Полицейскій повернулся къ дому и обратилъ свое первое вниманіе на снѣгъ, лежавшій на дворикѣ, которымъ рѣшетка отдѣлялась отъ самаго дома. На снѣговомъ покровѣ виднѣлись два совершенно различные слѣда, сохранившіеся вполнѣ, благодаря ночному морозу: одинъ изъ нихъ принадлежалъ широкимъ, грубымъ ступнямъ, другой болѣе изящнымъ и узкимъ. Оба слѣда шли рядомъ по обѣимъ сторонамъ двора, но, что было крайне странно, только по направленію отъ рѣшетки къ крыльцу, а не обратно. Такимъ образомъ, люди, оставившіе эти слѣды, какъ бы вошли въ домъ два раза, но изъ него не выходили.

«Вѣроятно, есть еще другой выходъ, подумалъ полицейскій. Это мы провѣримъ. Во всякомъ случаѣ, надо будетъ сдѣлать снимки этихъ слѣдовъ; большіе принадлежатъ, очевидно, нѣмому, а меньшіе—убійцѣ... Посмотримъ теперь, придется ли посылать за слесаремъ, чтобы отворить калитку... Нѣтъ, не заперта!... Можно предположить, что преступникъ входилъ къ этой женщинѣ безъ звонка, потому что на снѣгу нѣтъ женскихъ слѣдовъ, которые принадлежали бы служанкѣ, пришедшей отворить калитку... Можетъ быть, и подъѣздъ окажется отвореннымъ...»

Онъ прошелъ по двору стороною, стараясь не задѣть обличительныхъ слѣдовъ, и увидѣлъ, что входная дверь была только просто притворена.

За нею находились большія сѣни, въ глубинѣ которыхъ начиналась лѣстница въ верхній этажъ. Сѣни были завалены чемоданами и дорожными мѣшками. Между прочимъ, тутъ стоялъ чемоданъ, совершенно подобный тому, который былъ взятъ у нѣмого.

«Если можно было еще сомнѣваться, то какую еще нужно улику! подумалъ полицейскій. Полагаю, мнѣ удастся обойтись безъ Толбіака де-Теншебре... Мы переберемъ всѣ эти тюки и я увѣренъ найдемъ тамъ еще кое-что, но надо сначала осмотрѣть самое помѣщеніе».

Изъ сѣней въ комнаты вели двѣ двери. За первою изъ нихъ находилась гостиная, меблированная самымъ разнокалибернымъ образомъ; рядомъ съ креслами во вкусѣ Людовика XVI, обитыми драгоцѣнною тканью Бове, стояли рыночные стулья, которые не захотѣла бы выбрать для своей комнатки и гризетка. Занавѣси были шелковыя, но совершенно потертыя. На каминѣ, между двухъ цѣнныхъ японскихъ вазъ, возвышались безобразные бронзовые часы. Съ потолка опускалась люстра самаго пошлаго стиля, отражаясь въ великолѣпныхъ венеціянскихъ зеркалахъ, которыми были украшены оконные простѣнки. Казалось, что все здѣсь было куплено «по случаю», безъ всякаго вниманія къ общему характеру меблировки. Въ каминѣ виднѣлись остатки огня. Большая куча пепла отъ сожженной бумаги возвышалась надъ угольями.

«Придется осмотрѣть и этотъ пепелъ», подумалъ полицейскій, приподнимая портьеру, которая вела въ полутемный будуаръ, освѣщавшійся одними только окнами изъ гостиной. Въ этой комнатѣ не было ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ стѣнныхъ часовъ съ высокимъ пьедесталомъ въ родѣ шкапика, въ которомъ, въ случаѣ нужды, могъ спрятаться человѣкъ. Далѣе стоялъ столъ съ картами, разложенными на немъ въ нѣсколько рядовъ. Подлѣ стола лежалъ опрокинутый стулъ.

— А! сказалъ полицейскій,—здѣсь занимались «пасьянсомъ»... Надо будетъ перебрать потомъ карты, чтобы посмотрѣть, не пропала ли изъ колоды пиковая дама...

Онъ воротился въ сѣни и отворилъ другую дверь, которая вела въ столовую. Столъ былъ накрытъ и на немъ стояли два прибора. Угощеніе было роскошное; между прочимъ, стоялъ здѣсь и ящикъ съ виноградомъ изъ Фонтенебло, очень дорогимъ въ январѣ мѣсяцѣ, но, какъ было видно, ужинъ прервался внезапно: все было въ безпорядкѣ на столѣ и вокругъ него. На полу валялся изломанный стулъ; два опрокинутые графина залили скатерть водою и виномъ; паркетъ былъ усѣянъ обломками посуды...

«Вотъ оно что! подумалъ полицейскій. Убійство было совершено не въ будуарѣ, а здѣсь... Странно, однако! Судя по трупу, между жертвою и убійцей не было никакой борьбы, а здѣсь все перековеркано, да еще вдобавокъ большіе слѣды крови... Удивительно! Цѣлая кровяная полоса тянется черезъ комнату, къ противоположной двери... Тамъ, вѣрно, буфетная... Надо взглянуть»...

Онъ отворилъ дверь и отшатнулся въ ужасѣ.

— Еще трупъ! воскликнулъ онъ.

На полу, дѣйствительно, лежалъ навзничь убитый человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, высокій ростомъ, полный и одѣтый очень изысканно. Изъ кармана его бѣлаго жилета, запачканнаго кровью, висѣла тяжелая золотая цѣпочка. Черный галстухъ былъ скомканъ; одинъ лацканъ сюртука оторванъ. Лицо, выбритое гладко и окаймленное только большими сѣдыми бакенбардами, было страшно обезображено: лобъ и одинъ глазъ были совершенно разбиты.

— Этотъ человѣкъ былъ убитъ тростью съ свинцовымъ набалдашникомъ, разсудилъ полицейскій.—Но дѣло обошлось не безъ борьбы... И убійца намѣревался, по всей вѣроятности, свалить и этотъ трупъ въ чемоданъ и выпроводить его съ помощью нѣмого, послѣ того, какъ успѣлъ бы припрятать трупъ... первой жертвы... Съ виду, этотъ убитый походитъ на богатаго негоціанта... Личность, какъ разъ подходящая въ содержатели дамочекъ... Разузнать, кто это именно, будетъ нетрудно. Такія лица имѣютъ свою осѣдлость, фирму, семью... Гдѣ нибудь хватятся его и заявятъ... Не говоря уже о томъ, что въ карманахъ у него, навѣрное, найдутся визитныя карточки, письма... Но убили его не съ цѣлью ограбить... часы и цѣпочка цѣлы... Нѣтъ сомнѣнія, что и женщина убита не ради денегъ... Что же дѣлать теперь? Съ котораго конца приступить къ дѣлу?..

Онъ подошелъ машинально къ окну и выглянулъ на улицу. Фіакръ, въ которомъ сидѣли Пигашъ и нѣмой, продолжалъ стоять у рѣшетки, а Пьедушъ разгуливалъ по тротуару. Полицейскій подумалъ съ минуту, очевидно, принялъ какое-то рѣшеніе и осторожно вышелъ на улицу, стараясь не испортить слѣдовъ.

— Угольщикъ воротился домой, отрапортовалъ ему Пьедушъ, — и жена, по всей вѣроятности, разсказала ему все, потому что они заперли свою лавочку и такъ притаились, что даже свѣчу погасили.

— И прекрасно, сказалъ полицейскій.—Намъ надо дѣйствовать быстро, пока извѣстіе объ убійствѣ еще не разнеслось. Скажи Пигашу, чтобы онъ отвезъ нѣмого въ депо, приказалъ бы его засадить, а самъ воротился сюда съ двумя другими нумерами, изъ такихъ, что посильнѣе... Ты же оставайся на мѣстѣ, и когда они прибудутъ, разставь ихъ, какъ знаешь, но не слишкомъ близко. Они будутъ служить намъ только на поддержку, явишься же на мой свистокъ ты одинъ... До тѣхъ поръ, ни съ мѣста!

— Вы устраиваете «мышеловку?»

— Да, ты знаешь, какъ это дѣлается: надо впустить мышь и броситься на нее не прежде, чѣмъ она впутается... Я такъ думаю, что кто нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ заглянетъ сюда ночью, чтобы уничтожить разныя улики... Можетъ быть, это будетъ женщина... Ты знаешь, что горничная этой госпожи исчезла... Вѣрнѣе, придетъ самъ хозяинъ нѣмого... Во всякомъ случаѣ, помни мои приказанія!

— Слушаю. Я буду ожидать свистка.

Агенты сыскной полиціи привыкли понимать все на полусловѣ, почему начальникъ и не счелъ нужнымъ развивать особенно свою мысль передъ Пьедушемъ, а поспѣшилъ обратно въ домъ и занялся прінсканіемъ мѣста, гдѣ можно было поудобнѣе спрятаться при входѣ убійцы. Лучше всего могъ служить для этой цѣли высокій часовой шкафъ въ будуарѣ; въ дверцѣ его, кстати было небольшое отверстіе въ видѣ звѣзды, достаточное для пропуска воздуха. Убѣдясь въ мѣстности своего засаднаго помѣщенія, полицейскій усѣлся въ кресло и принялся разсуждать.

«Лишь только заслышу шорохъ, тотчасъ же юркну туда, думалъ онъ. Никому не придетъ въ голову, что человѣкъ притаился въ подобной норкѣ... Посмотрю, что станетъ дѣлать гость, потомъ улучу минуту и подамъ свистокъ Пьедушу. Онъ услышитъ черезъ окно, которое я пріотворилъ въ гостиной...»

Надо было обладать, однако, большимъ запасомъ хладнокровія и мужества, чтобы рѣшиться провести ночь одному, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трупа и въ ожиданіи убійцы, который, какъ слѣдовало предполагать, не задумался бы надъ совершеніемъ одного лишняго преступленія. Но начальникъ сыскной полиціи долженъ былъ служить примѣромъ для своихъ подчиненныхъ. Онъ усѣлся въ мягкое кресло и принялся ждать... Часы проходили за часами среди полной тишины; наконецъ, въ то самое время, какъ било двѣнадцать, въ сѣняхъ послышался легкій шорохъ. Казалось, что кто-то отворяетъ наружную дверь. Полицейскій быстро кинулся въ свою нору. Онъ ясно слышалъ чьи-то шаги, приближавшіеся къ будуару. Еще минута, и чей-то сдержанный голосъ произнесъ:

— Мари, вы здѣсь?

Полицейскій притаилъ дыханіе, торжествуя въ душѣ: онъ зналъ теперь, что въ домѣ жила какая-то «Мари».

Посѣтитель подошелъ еще ближе къ будуару и спросилъ вторично, но по-англійски:

— Are you here, Mary?

Никто, разумѣется, не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, но полицейскій принялъ его къ свѣденію.

— Мы знаемъ теперь, что эта женщина англичанка или, по крайней мѣрѣ, понимаетъ англійскій языкъ, сказалъ начальникъ полиціи про-себя.—Это свѣденіе послужитъ намъ въ помощь при розыскѣ.

Прошло еще съ минуту, потомъ портьера раздвинулась и изъ-за нея выглянула голова въ вы-

сокой шляпѣ. Полицейскій успѣлъ разглядѣть только густую черную бороду незнакомца; верхняя часть его лица оставалась въ тѣни. Явился онъ въ домъ, конечно, не безъ цѣли; онъ уже зналъ, безъ сомнѣнія, что нѣмой былъ арестованъ, а убитая женщина отправлена въ Моргъ, но онъ не могъ ожидать, что полиція открыла уже самый домъ, въ которомъ было совершено преступленіе, и пришелъ съ тѣмъ, чтобы скрыть, по возможности, слѣды убійства.

«Онъ приберетъ все въ столовой, думалъ полицейскій, положитъ трупъ въ чемоданъ и вытащитъ его отсюда, какъ первый... Эта Мари, которую онъ звалъ, очевидно, горничная, его сообщница; она скрылась прошлою ночью, тщетно прождавъ его возвращенія... Угольщица тоже считала горничную за англичанку, а этотъ человѣкъ обратился къ ней съ вопросомъ по-англійски... Дѣло выходитъ ясное! Злодѣй, какъ видно, хитеръ, и если я подамъ свистокъ теперь, прежде, чѣмъ онъ принялся за дѣло, онъ съумѣетъ придумать исторію, чтобы объяснить свое присутствіе здѣсь... Скажетъ, напримѣръ, что былъ влюбленъ въ убитую... видался съ нею тайкомъ... не зналъ, что ее уже нѣтъ въ живыхъ... или что нибудь въ этомъ родѣ. И если, при этомъ, онъ съумѣетъ скрыть свою настоящую личность, что не большая мудрость для иностранца, то онъ такъ проволочитъ слѣдствіе, что мы не добьемся ничего... Стало быть, надо выждать, а потомъ уже нагрянуть на него врасплохъ... напримѣръ, когда онъ, уже прибравъ все, станетъ выносить чемоданъ».

Дѣйствительно, было выгоднѣе обождать. Дѣло не теряло, а только выигрывало отъ этого, но на всякій случай полицейскій держалъ въ рукѣ свой свистокъ, и ему стоило только поднести его къ губамъ, чтобы подать сигналъ вѣрному и смѣтливому Пьедушу.

Незнакомецъ продолжалъ осматриваться, не подвигаясь впередъ. Полицейскій зорко слѣдилъ за всѣми его движеніями, но, къ сожалѣнію, не разсчиталъ одного непредвидѣннаго обстоятельства: онъ простудился, сидя въ квартирѣ, нетопленной съ прошлаго вечера, и сталъ испытывать непреодолимое желаніе чихнуть. Всѣ его усилія удержаться отъ этого неумѣстнаго движенія оказались тщетными, и только усилили неожиданный звукъ, раздавшійся среди тишины. Въ тоже мгновеніе, прежде, чѣмъ злополучный полицейскій успѣлъ опомниться отъ своего невольнаго поступка, незнакомецъ, съ удивительнымъ присутствіемъ духа, кинулся къ часамъ, заперъ шкафъ ключомъ, оставшимся въ замкѣ, положилъ этотъ ключъ въ карманъ и скрылся изъ комнаты.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Киргизскія степи въ западной Сибири.

(Статья **Н. Н. Балкашина**.)

I.

Степи въ Оренбургскомъ краѣ и въ западной Сибири главнымъ образомъ имѣютъ два склона: сѣверный и южный. По климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, сѣверный степной склонъ не заключаетъ въ себѣ ощутительной разницы отъ сопредѣльныхъ съ нимъ округовъ тобольской губерніи и зауральской части пермской губерніи. Онъ состоитъ изъ чернозема, перемежающагося съ солончаками и каменисто-глинистыми пустырями. Множество озеръ, до извѣстной степени, возмѣщаютъ въ немъ недостатокъ рѣкъ и ручьевъ. На луговыхъ равнинахъ встрѣчаются березовыя рощи, а по берегамъ рѣкъ и озеръ растетъ тополь и талъ, т. е. ивнякъ. Соленыя и горькія озера почти всегда находятся между солончаками. Послѣдніе не представляютъ обширныхъ пространствъ, лишенныхъ растительности. Они покрыты травой, служащей отличнымъ кормомъ для скота. Тоже можно сказать о каменистыхъ пустыряхъ. На нихъ пробивается мелкая трава, которую охотно ѣдятъ лошади и овцы. Въ глубинѣ степей высятся горы, иногда скалистыя, поросшія сосновымъ лѣсомъ, иногда съ отлогими луговыми скатами. Эти горы называются сопками. Никакихъ вулканическихъ изверженій въ нихъ не происходитъ. И хотя на старинныхъ картахъ въ киргизскихъ степяхъ изображали дымящіяся горы, но, вѣроятно, это дѣлалось вслѣдствіе непониманія разсказовъ кочевниковъ о томъ, что передъ ненастьемъ надъ вершинами сопокъ скопляется терманъ. Между сопками и рощами на десятки верстъ тянутся открытыя степи. Чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ онѣ обширнѣе. Что касается до южнаго склона киргизскихъ степей, то въ немъ преобладаютъ безводныя мѣстности, съ весьма скудной растительностью и съ сыпучими песками. Вмѣстѣ съ тѣмъ зимняя стужа и палящій лѣтній зной тяжело отзываются въ этой пустынной странѣ.

Какъ южный, такъ и сѣверный склонъ киргизскихъ степей, до настоящаго времени, служитъ привольнымъ кочевьемъ для пастушьихъ племенъ, называющихъ себя казаками и переименованными русскими въ киргизовъ или киргизъ-кайсаковъ. Въ большинствѣ киргизы ведутъ кочевой образъ жизни, перегоняя свои стада съ пастбища на пастбище. Въ сѣверныхъ степныхъ мѣстностяхъ они освоились съ обычаемъ жить зимою въ постоянныхъ теплыхъ жилищахъ, построенныхъ около лѣсовъ или около сопокъ. У бѣдняковъ (джатаковъ) зимовки состоятъ изъ вырытой ямы и сложенной надъ нею землянки (жерп) съ небольшой глиняной печью и съ окнами, которыя затягиваются пузыремъ. Земляной полъ и стѣны покрываются на зиму кошмами и овчинами. Зимовка отапливается дровами, а за неимѣніемъ лѣса—пластами сушонаго помета съ добавкою сухой травы и трухи. Подобное топливо (кéпе, кій) заготовляется киргизками въ продолженіе лѣта. Изъ землянки дѣлается выходъ въ шалашъ, обложенный землею и дерномъ, съ отверстіемъ на верху. Это омакá или кухня. Въ ней ставятъ большой котелъ, нагрѣваютъ воду и готовятъ пищу, состоящую зимой изъ разболтанной въ кипяткѣ пшеничной муки съ кускомъ сала или изъ разваренныхъ комковъ сушоного сыра (куртъ). Свѣжимъ мясомъ бѣдняки питаются рѣдко. Даже зажиточные киргизы не охотно бьютъ скотъ для своего продовольствія. За то всѣ они не брезгаютъ падалью, благо скотскій падежъ часто случается зимою въ степяхъ отъ гололедицы (джутъ), когда скотъ не можетъ доставать траву изъ-подъ льда и, находясь безъ корму, въ короткое время валится сотнями и тысячами головъ. Такую падаль киргизы называютъ «босталалъ» т. е. ни чистый, ни поганый, и ѣдятъ ее, несмотря на запретъ корана. Тѣмъ не менѣе они устраиваютъ для скота загороди и навѣсы (корá), обваливая ихъ на зиму сѣномъ. Но они не въ силахъ накашивать ту пропорцію сѣна, какая требуется для ихъ стадъ, вслѣдствіе чего лошади и овцы почти всю зиму выгоняются ими въ степи и, разгребая копытами снѣгъ, достаютъ изъ-подъ него траву. У богатыхъ киргизовъ зимовки, кухни и сараи дѣлаются прочнѣе и лучше, нежели у бѣдныхъ; однако, за рѣдкимъ исключеніемъ нѣсколькихъ султановъ и біевъ, киргизскія жилища не представляютъ собою благоустроенныхъ усадьбъ. Затѣмъ, какъ только весною сойдетъ снѣгъ, киргизы оставляютъ зимовки (кыстау) и откочевываютъ со своими стадами въ открытыя степи, гдѣ проживаютъ въ войлочныхъ подвижныхъ юртахъ, упиваясь кумысомъ.

Отсюда видно, что они не въ состояніи обезпечивать свое продовольствіе одними продуктами, получаемыми отъ скотоводства и, въ значительной части, должны пополнять его хлѣбомъ. Но какъ сами по себѣ, они производятъ земледѣльческіе продукты въ ничтожныхъ размѣрахъ, а сельское хозяйство въ степныхъ казачьихъ станицахъ слишкомъ не велико для того, чтобы, за отдѣленіемъ для собственной надобности, удовлетворить потребности кочевниковъ въ хлѣбѣ, потому продовольствіе послѣднихъ постоянно находится въ зависимости отъ урожаевъ въ сосѣднихъ съ ними земледѣльческихъ мѣстностяхъ Сибири или Оренбургскаго и Туркестанскаго края. Между тѣмъ, вслѣдствіе установившагося обычая проживать зимою въ теплыхъ жилищахъ и съ распространеніемъ оспопрививанія, киргизы менѣе страдаютъ отъ повальныхъ болѣзней, чѣмъ въ былыя времена; приростъ населенія въ киргизской степи, въ настоящее время, довольно большой; а рядомъ съ увеличеніемъ народонаселенія, усиливается, конечно, и потребность въ продовольствіи. Высшая администрація западной Сибири обратила на это серьезное вниманіе и, кромѣ сбора продовольственныхъ капиталовъ, а также устройства общественныхъ магазиновъ, предположило усилить земледѣліе и осѣдлость въ степяхъ посредствомъ систематической колонизаціи ихъ.

II.

Водвореніе русскихъ поселенцевъ на громадномъ пространствѣ киргизскихъ степей нисколько не стѣснило бы кочевниковъ. Опасенія, не разъ высказанныя въ этомъ смыслѣ, и мнѣніе, будто бы для Россіи выгоднѣе, если степи останутся обширнымъ выгономъ для кочевого скотоводства, очевидно, не состоятельны. Достаточно указать на Аргентинскую республику, гдѣ на тучныхъ пампасахъ прокармливаются десятки милліоновъ головъ разнаго скота. И тамъ правительство признаетъ настоятельной необходимостью распространять земледѣльческія поселенія. Наибольшимъ удобствомъ, сопровождалось бы водвореніе русскихъ поселенцевъ на сѣверномъ склонѣ западно-сибирскихъ степей и въ сѣверныхъ степныхъ мѣстностяхъ оренбургскаго края. Въ нихъ съ успѣхомъ могло бы производиться переложное хлѣбопашество, притомъ безъ орошенія полей. Прежніе неурожаи въ степяхъ, происходили не столько отъ засухи, какъ отъ несоотвѣтственнаго способа обработки полей. Бывало, казаки, принимаясь за сельское хозяйство на черноземныхъ степныхъ угодьяхъ, пахали поля сохой. Потому неудивительно, что при неглубокой запашкѣ, лѣтнія жары вредно отзывались на посѣвахъ. Тоже самое случилось бы въ любой изъ губерній южной Россіи. Напротивъ, когда черноземныя степи стали глубоко распахивать плугомъ, то посѣянныя на нихъ хлѣба нашли достаточную влажность въ почвѣ и перестали требовать поливки въ лѣтнее время. Къ тому же на сѣверномъ склонѣ степей, русскіе поселенцы нашли бы достаточное количество строительнаго матеріяла для избъ со всѣми хозяйственными принадлежностями и, вмѣстѣ съ земледѣліемъ, могли бы заниматься обширнымъ скотоводствомъ, извозомъ, солянымъ промысломъ и пр. Весьма важно было бы систематически расположить небольшіе поселки по направленію отъ Орска на Атбасаръ, Акмолинскъ, Баянъ-аулъ и до Семіярской пристани на Иртышѣ. Тогда поселенцы, вмѣстѣ съ киргизами, могли бы производить перевозку товаровъ гужомъ отъ оренбургской желѣзной дороги, въ западный Китай и въ Монголію. Одновременно означенную земледѣльческую полосу не трудно было бы связать также полосами съ южными окраинами тобольской губерніи, водворяя поселенцевъ около почтоваго тракта между Петропавловскомъ и Атбасаромъ и въ степяхъ между Омскомъ и Акмолинскомъ. Для разъясненія свойства степей въ упомянутомъ раіонѣ, обращаемъ вниманіе на нѣ-

сколько находящихся въ немъ мѣстностей. Подлѣ почтоваго тракта изъ Петропавловска въ Атбасаръ, замѣчательны степныя угодья около сопки Азатъ (освобожденіе). Эта сопка представляетъ собою сѣверо-западную оконечность горныхъ кряжей, раскинувшихся по кокчетавскому уѣзду. У подошвы ея протекаетъ прѣсная рѣка Чаглынка, съ низменными берегами, поросшими таломъ, осокой и тростникомъ. Въ Чаглынкѣ много рыбы. Прежде около Азата существовало казачье селеніе и производилось земледѣліе. Какъ обыкновенно дѣлается въ степяхъ, казаки сѣяли только яровые хлѣба, —пшеницу, просо, яровую рожь и пр. Урожайные годы съ избыткомъ вознаграждали случайные неурожаи. Впослѣдствіи, казаковъ перевели на жительство въ городъ и мѣстность запустѣла. Теперь тамъ стоитъ одинокая почтовая станція, да по временамъ кочуютъ киргизы.

Къ востоку отъ Кокчетава, невдалекѣ отъ Щучинской и Котуркульской казачьихъ станицъ, встрѣчаются благодатныя долины подлѣ прѣсныхъ озеръ, между сопками и сосновыми лѣсами. Болѣе другихъ извѣстно Боровое озеро. Надъ нимъ возвышается сопка Кокчетау, т. е. синеватая гора. Этимъ именемъ киргизы часто называютъ сопки, синѣющіе на горизонтѣ. Послѣ утомительнаго однообразія открытыхъ степей, сопка Кокчетау, вмѣстѣ съ озеромъ и окружающимъ его сосновымъ боромъ, производитъ необычайное впечатлѣніе даже на свыкшихся съ степями казаковъ. Вѣроятно, потому они и толкуютъ, будто бы на Боровомъ озерѣ слышится колокольный звонъ, а какой-то старецъ предсказывалъ, что тамъ построятъ монастырь. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли возможно вообразить себѣ болѣе соотвѣтствующую мѣстность для подвижнической жизни тѣхъ отшельниковъ, которые когда-то искали спасенія въ пустыняхъ, обрекая себя на молитву и трудъ.

(Продолж. слѣдуетъ.)

Картина ГАНСА МАКАРТА.

Фаустъ и Маргарита.

Тайныя общества въ Китаѣ.

Ст. С. Толивѣрова.

Въ настоящее время, когда газеты нерѣдко сообщаютъ о какихъ-то тайныхъ обществахъ въ Китаѣ, быть можетъ, не будетъ безъинтересно нашимъ читателямъ узнать нѣсколько положительныхъ свѣденій объ этихъ «тайныхъ обществахъ»,—говоримъ «нѣсколько положительныхъ», такъ какъ эти общества, тайныя и, естественнымъ образомъ, скрываютъ и себя, и свои цѣли отъ зоркаго глаза постороннихъ. Изъ Фучана, Нанкина и Шангая извѣщаютъ о тревожномъ настроеніи общества, вслѣдствіе появленія прокламацій, написанныхъ въ двусмысленномъ тонѣ тайными обществами; въ Шангаѣ это событіе произвело почти всеобщую панику.

Эти тайныя общества разсѣяны по всей Небесной Имперіи, и существуютъ уже съ давнихъ поръ. Тайна ихъ операцій могла отчасти разоблачиться не столько отъ той строгости, съ какою ихъ преслѣдовали, сколько отъ проявленія ихъ вліянія при каждомъ политическомъ движеніи.

Имя имъ—легіонъ; однако, до настоящаго времени не удалось узнать, составляютъ ли они отдѣльныя общества, или же отдѣлы одного громаднаго союза. Одно изъ самыхъ могущественныхъ обществъ и наиболѣе наводящихъ страхъ называется «Бѣлая Лилія». Это об-

щество, по всей вѣроятности, основалось во время царствованія Кіенъ-Кунга;—при наслѣдникѣ же Кіенъ-Кунга, Кіѣ-Кунгѣ—оно разрослось до неимовѣрныхъ размѣровъ. Правила этого ордена были крайне строги. Всѣ члены названнаго общества держали строгій постъ, называющійся «Су-Тсай», что соотвѣтствуетъ французскому слову «maigre», и были строгими вегетарьянцами. Этотъ орденъ или, скорѣе, секта имѣла общую кассу, которая разрослась до баснословнаго капитала, благодаря обязательнымъ взносамъ каждаго члена. Членами его могли быть мужчины и женщины. Въ эпоху процвѣтанія общества, гросмейстеромъ его былъ китаецъ по имени Фонгъ-Юнгъ-Шенъ, жена котораго, Ма-Эръ-Ку-Ліангъ, была не менѣе его дѣятельна и отличалась громадною физическою силою. Главное мѣстоприбываніе этихъ заговорщиковъ было въ Нанкинѣ, и во время правленія гросмейстера Фонгъ-Юнгъ-Шена ими былъ составленъ обширный заговоръ, съ цѣлью взорвать богдыханскій дворецъ въ Пекинѣ. Планъ былъ составленъ весьма основательно. Хотя въ заговорѣ участвовала масса народу, но ни одно неосторожно сказанное слово, ни одинъ намекъ не вызвалъ подозрѣнія. Но въ тотъ моментъ, когда заговоръ могъ считаться вполнѣ удавшимся, когда оставалось только приложить фитиль къ минѣ, поднялась буря съ ливнемъ и воспрепятствовала приведенію въ исполненіе задуманнаго взрыва, смутивъ всѣхъ соучастниковъ, которые и были открыты. Произошла тревога, и дворецъ былъ спасенъ. Послѣ открытія заговора, начались преслѣдованія сектантовъ; и нанкинскому губернатору поручено было привести дѣло къ концу, т. е. къ совершенному уничтоженію секты. Произошло нѣсколько горячихъ вооруженныхъ стычекъ, затѣмъ войскамъ губернатора удалось, послѣ жестокой битвы, взять въ плѣнъ самого Фонга и вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько его главныхъ помощниковъ. Что произошло съ его женой — неизвѣстно. За пораженіемъ наступило возмездіе; замѣчательна была при этомъ система наказанія сектантовъ: имъ отмѣняли смертную казнь и смягчали другія предписанныя наказанія, давали даже свободу подъ условіемъ, чтобы они съѣли кусокъ мяса! Предводитель Фонгъ на отрѣзъ отказался отъ этого условія, и долженъ былъ поплатиться своей жизнью. Другіе же соглашались, ѣли мясо, получали свободу, но кончали свою жизнь въ страшныхъ мученіяхъ, по приговору ихъ собратьевъ по сектѣ. Съ тѣхъ поръ секта стала менѣе опасна. Неутолимыя преслѣдованія всѣхъ членовъ секты заставили ихъ перемѣнить ея названіе на «Оо-Вей-Кеао», т. е. «Ничего недѣлающіе». Это тайное общество часто смѣшиваютъ съ другимъ подъ названіемъ «Нѣтъ лицемѣрія въ религіи». Но подъ именемъ «Ничего недѣлающихъ» братство продолжаетъ существовать и притомъ наводитъ страхъ на китайцевъ, которые приписываютъ его членамъ волшебную силу. Въ Нанкинѣ, Сачанѣ и Шангаѣ у мирныхъ гражданъ отрѣзываютъ косы, и они увѣрены, что этотъ процесъ надъ ними совершаютъ какіе-то мертвецы или куклы, сдѣланныя изъ красной бумаги, обладающія волшебной силой. Даже самые образованные китайцы вѣрятъ этой чепухѣ; они полагаютъ, что посвященные въ тайны братства могутъ сдѣлать изъ бумаги бабочекъ, птицъ, и затѣмъ при помощи волшебной силы воодушевить ихъ и дать имъ жизнь.

Интересно знать, какія идеи лежатъ въ основаніи этихъ обществъ. Однѣ ли политическія цѣли они преслѣдуютъ, или же у нихъ въ основѣ положено глубокое религіозное убѣжденіе... Что касается фокусовъ, которые продѣлываютъ члены братства, то они служатъ лишь для того, чтобы прикрыть главную цѣль и чтобы имѣть вліяніе на массу.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ фокусовъ, сильно дѣйствующихъ на толпу, состоитъ въ томъ, что члены братства могутъ задерживать дыханіе на очень продолжительное время; но этотъ фокусъ удается только главнымъ членамъ общества. При этомъ лицо ихъ багровѣетъ, а тѣло кочнѣетъ. Непосвященные въ этотъ фокусъ увѣрены, что душа покидаетъ тѣло и отправляется въ міръ праотцовъ за разными болѣе или менѣе важными справками. Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время душа возвращается и жизнь снова возстановляется. Одинъ изъ такихъ избранныхъ позабылъ призвать свою душу и умеръ; этотъ случай произвелъ большое смятеніе между посвященными членами.

Строгость ихъ правилъ свидѣтельствуетъ, что они истые мистики, которые предпочитаютъ смерть нарушенію обѣта. Всѣ члены секты подчиняются строгимъ іерархическимъ правиламъ, и, какъ чиновники, занимаютъ различныя, строго разграниченныя должности. О ихъ политическихъ цѣляхъ можно судить только по отрѣзыванію косъ у китайцевъ. Дѣло въ томъ, что коса составляетъ непремѣнную принадлежность манджура, а не китайца; ношеніе же косъ китайцами ясно свидѣтельствуетъ, что китайцы—завоеванная раса; поэтому отрѣзываніе косъ, по мнѣнію членовъ общества, есть признакъ скораго конца могущества манджурской династіи.

Вотъ все, что въ настоящее время извѣстно объ этомъ тайномъ обществѣ; не смотря на всѣ усилія, употребленныя какъ китайскими, такъ и англійскими чиновниками, развѣдать цѣли общества, обнаружить ихъ не удалось. Но кромѣ этого въ Китаѣ цѣлая масса тайныхъ обществъ, и въ Шангаѣ почти каждый китаецъ принадлежитъ къ одному изъ нихъ. Многія изъ нихъ совершенно спокойны и неопасны, особенно тѣ, которыя называются «Хеангъ-Хеа» или просто «Мѣстныя общества». Нѣкоторыя изъ обществъ называются общимъ именемъ «Пьющіе только чай» (т. е. отрицающіе табакъ и опіумъ); къ подобнымъ обществамъ принадлежитъ «Пей-юнъ» или «Братство бѣлаго облака». Это общество въ послѣднее время обратило на себя особенное вниманіе богдыханскаго правительства. Остальныя же общества, сколько удалось узнать, отличаются только эксцентричностью; серьезныхъ цѣлей у нихъ, кажется, нѣтъ. Напр., въ оригинальномъ обществѣ «Рисо-пуддинговой религіи» существуютъ пуддинговыя церемоніи, которыя состоятъ въ томъ, что собравшіеся ѣдятъ маленькія лепешечки или рисовыя клецки, весьма нѣжныя и вкусныя, и во время ѣды всѣ присутствующіе даютъ обѣтъ хранить молчаніе и приверженность другъ къ другу и къ ученію. Но что это за ученіе,—неизвѣстно. Общество «Танъ-Пей Кеау» или религіе «Развернутаго платка» имѣетъ много послѣдователей; правительство относится къ нимъ крайне враждебно. О ихъ доктринахъ тоже ничего неизвѣстно, но, судя по ихъ дѣйствіямъ, можно сказать, что это братство безвредныхъ дураковъ. По разсказамъ самихъ китайцевъ, обряды этого братства заключаются въ слѣдующемъ: растилаютъ на землю большой платокъ изъ хлопчатой бумаги, на которой послѣдователи ученія становятся на колѣни и совершаютъ моленіе. Когда моленіе окончено, то, по данному сигналу, поднимаются четыре угла разостланнаго платка, и онъ завязывается узломъ. Тогда всѣ молившіеся оказываются сидящими въ огромномъ завязанномъ платкѣ: царствуетъ гробовое молчаніе, и всѣ участвующіе въ церемоніи показываютъ видъ, что они спятъ. Удивительно, чему подвергаютъ себя эти люди, чтобы только удовлетворить какимъ-нибудь глупѣйшимъ капризамъ своего ума!

Изъ-за океана.

Письма А. Е. Бородаевскаго.

Письмо II.

Филадельфія.

Въ первомъ своемъ письмѣ я познакомилъ читателей съ отзывами періодическихъ изданій—ежемѣсячныхъ, въ которыхъ выражается взглядъ американцевъ лишь съ общей точки зрѣнія на характеръ, культурное развитіе и значеніе русскаго народа въ исторіи цивилизаціи всего человѣчества.

Теперь я попрошу читателя слѣдовать за мною и, мысленно, предпринять путешествіе по разнымъ штатамъ С. Ам. Союза. Мы, по возможности, посѣтимъ мѣстности различныя, какъ по своему географическому положенію, такъ и по экономическимъ условіямъ, и прислушаемся къ тому, что говоритъ въ своихъ газетахъ о текущихъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ, и именно объ одномъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ этой кровавой драмы, ея эпилогѣ, объ условіяхъ мира, вѣчно дѣятельный и неугомонный янки не только въ центрахъ умственной, промышленной и мануфактурной дѣятельности, каковы: Нью-Іоркъ, Сен-Люисъ, Чикаго, Сан-Франциско, Филадельфія, Нью-Орлеанъ и проч., но и въ пустынныхъ мѣстностяхъ далекаго запада, частію заселенныхъ кочующими краснокожими индійцами, гдѣ-нибудь въ территоріи Небраска, и на берегахъ Миссисипи, въ преріяхъ Арканзаса, и въ южныхъ, сравнительно отсталыхъ, штатахъ Георгіи и Каролинѣ, на хлопчато-бумажныхъ плантаціяхъ... и, наконецъ, для полноты впечатлѣнія, заберемся въ гости къ «Святымъ послѣднихъ дней», на берегахъ Соленаго озера, къ мормонамъ. Читатель не будетъ раскаяваться въ такомъ путешествіи: извѣстная степень усталости, которую онъ можетъ почувствовать, совершивъ такую экскурсію, вполнѣ искупится интересомъ и важностью самого предмета; благо намъ нечего будетъ бояться, ни качки, при переѣздѣ чрезъ Океанъ, ни снѣжныхъ заносовъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, а самое путешествіе совершится быстрѣе, чѣмъ даже по поляковскимъ дорогамъ, и при томъ обойдется дешевле, чѣмъ обходится извѣстная своей благодѣтельной дешевизной доставка жизненныхъ припасовъ въ армію при содѣйствіи безкорыстнѣйшаго изъ безкорыстныхъ россійскихъ гражданъ, русскаго Катона, г. Новосельскаго-Одесскаго и его знаменитаго «агентства»...

И такъ въ путь-дорогу!

Начнемъ съ ближайшихъ къ Старому Свѣту штатовъ, наистарѣйшихъ и наиболѣе просвѣщенныхъ. Но предварительно оговоримся. Какъ ни лестны для нашего національнаго самолюбія сочувственные отзывы о насъ американцевъ, но не надо забывать, что они въ значительной мѣрѣ обусловливаются также давней непріязнью американцевъ къ англичанамъ. Оговорившись возвратимся къ прерванному. Вотъ, что говоритъ объ условіяхъ мира, глава американской ежедневной прессы, — газета «New-York Herald», всегда сочувственно относившаяся къ русскому народу: «Каждый мирный трактатъ основывается на результатахъ, достигнутыхъ войною и эти послѣдніе служатъ для всякой страны нормой при опредѣленіи условій мира. Если русскіе воспользовались этимъ, то они поступили при этомъ точно также, какъ поступилъ бы каждый другой народъ на ихъ мѣстѣ и мусульмане могутъ только пожалѣть, что они медлили согласиться на условія мира, разсчитывая на помощь англичанъ, которую имъ постоянно сулила британская дипломатія, но которой они не дождались».

Органъ покойнаго Грили «New-York Tribune» правда, утратившій нѣсколько силу своего магическаго вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ со смертію своего основателя, говоритъ: «Русскіе

одержали такую полную побѣду, что требованія ихъ представляются, на основаніи международнаго права, совершенно основательными и не должны встрѣчать противодѣйствія со стороны другихъ державъ. Что касается раздѣла турецкой территоріи, то ни одна христіанская держава не имѣетъ права противиться такому переустройству ея, которое избавляетъ балканскихъ христіанъ отъ извѣстныхъ всему міру жестокостей,—тогда какъ присоединеніе Россіей областей въ Азіи,—хотя и противно интересамъ Англіи,—является лишь осуществленіемъ законныхъ правъ и притязаній Россіи, оспаривать которые захочетъ одна только Англія. Остается лишь вопросъ о Дарданелахъ. Въ Англіи существуетъ опасеніе, что Россія, запертая въ настоящее время въ Балтійскомъ морѣ суровыми зимами, можетъ сдѣлаться сильною морскою державою и станетъ господствовать на Черномъ морѣ. Но вѣдь Черное море — не англійское море; оно принадлежитъ частію Турціи, частію Россіи и, если обѣ эти державы согласны между собою, какъ относительно права плаванія по его водамъ, такъ и относительно входа въ него, то кто же имѣетъ право противиться этому? Такъ какъ русскіе владѣютъ большею частью его береговой линіи, такъ что значительнѣйшая часть торговли на Черномъ морѣ производится съ русскими портами, то какое разумное основаніе можетъ быть дано тому, что русскимъ военнымъ судамъ прегражденъ путь въ Средиземное море, чтобъ покровительствовать тамъ ихъ коммерческій флотъ?»

А вотъ какъ выражается другая значительная газета «New-York-Times» о вмѣшательствѣ Англіи и объ условіяхъ мира: «Вступитъ-ли Англія въ войну? спрашиваетъ газета.—Если такъ, то мы увидимъ одну изъ первостепенныхъ христіянскихъ державъ ввергнутую въ ужасную войну честолюбіемъ, неразборчиваго въ средствахъ, ея руководителя, чтобы поддержать самое испорченное, самое деспотическое и антихристіянское правительство. Безъ сомнѣнія, это будетъ зрѣлище постыдное, въ которомъ Англія никогда не перестанетъ раскаяваться. Какъ бы то ни было, въ утѣшеніе тѣхъ, кто сознаетъ, что магометанское господство въ Европѣ составляетъ позоръ выше всякой мѣры, отъ котораго міръ давнымъ давно долженъ былъ бы избавиться,—остается надежда, что даже британское вмѣшательство не въ силахъ продлить время его жизни. Что же касается условій мира, то программа его, только что объявленная Россіей, съ перваго взглядъ кажется значительно измѣненною противу осенняго проекта ген. Игнатьева, но болѣе близкое знакомство съ дѣломъ, сразу обнаруживаетъ въ нихъ одинъ и тотъ же духъ. И условія мира, на самомъ дѣлѣ, подверждаютъ только недавнее заявленіе Царя, что грядущій миръ долженъ быть «прочный и продолжительный»... Затѣмъ, изъ самыхъ наиболѣе распространенныхъ и популярныхъ ежедневныхъ иллюстрированныхъ газетъ Америки «Daily Graphic», у которой на всѣхъ концахъ свѣта имѣются собственные корреспонденты-художники и гдѣ, какъ въ камеръ-обскурѣ, въ картинахъ отражаются событія всего міра, выражается такъ: «На Востокѣ событія послѣднихъ дней обнаружили, что «больной человѣкъ» сталъ «мертвымъ» человѣкомъ. Владычество турокъ въ Европѣ сдѣлалось достояніемъ прошедшаго. Турки, подобно всѣмъ варварамъ, были смѣлы и жестоки, когда они пріобрѣтали хотя незначительный успѣхъ на почвѣ битвы; но, когда были побиваемы, ими овладѣвалъ такой страхъ, что они забывали даже быть жестокими. Въ положеніи едва ли болѣе завидномъ, чѣмъ турки, находится теперь и англійское правительство. Очень курьезна безсильная злоба англійскаго кабинета по случаю успѣховъ русскихъ на Востокѣ. Англія получила матъ—и Россія остается полновластнымъ господиномъ дѣла. Россія достигла, наконецъ, положенія, которымъ обусловливалось во всѣ времена развитіе ея промышленности и торговли, а также ея будущая политическая свобода».

Отправимся теперь на сѣверъ въ американскіе Афины, какъ называютъ сами янки штатъ Массачузетъ и г. Бостонъ. Оставляя Нью-Іоркъ, читатель можетъ быть увѣренъ, что и остальные органы нью-іоркской печати, въ большинствѣ случаевъ, относятся къ русскимъ не иначе, за исключеніемъ двухъ значительныхъ газетъ: «World» и «Sun», которыя, не относясь враждебно, обнаруживали во все время полнѣйшій индеферентизмъ.

Вотъ, что говоритъ «Boston Morning Journal» объ основаніяхъ мира: «Мы увѣрены, что убѣжденіе американскаго народа далеко расходится съ мнѣніемъ руководящихъ англійскихъ газетъ, будто условія мира «неимовѣрно обременительны и подготовляютъ дѣйствительное разложеніе турецкой имперіи, ставя султана въ положеніе русскаго вассала».—Мы думаемъ иначе, условія эти обезпечиваютъ лишь тѣ конечные результаты, для достиженія которыхъ и была предпринята русскими эта война,—именно, освобожденіе христіянскихъ народовъ отъ магометанскаго деспотизма и жестокостей. Такъ какъ дѣло это, за которое обязана была-бы взяться вся Европа, предприпято одной Россіей на собственный свой страхъ и потребовало отъ нея громадныхъ издержекъ и жертвъ, и, кромѣ того, подвергало ее риску утратить свой собственный престижъ и добрыя отношенія къ другимъ правительствамъ, то, очевидно, Россія имѣетъ полное право требовать за это вознагражденіе, и все, что она требуетъ, нисколько не выходитъ изъ границъ возможности, хотя, разумѣется, для Турціи и будетъ «обременительно». Что-же касается до «дѣйствительнаго разложенія турецкой имперіи», если стоитъ даже объ этомъ говорить, то это является лишь естественнымъ слѣдствіемъ постоянного саморазрушенія. Турокъ неуклонно слѣдовалъ по пути паденія, попирая цивилизацію и не обращая вниманія на нравственный протестъ Европы до тѣхъ поръ, пока, неминуемо, не навлекъ на себя заслуженной кары, которая обрушилась теперь на его голову».

Другая бостонская еженедѣльная газета, весьма серьезная, благодаря ея прекраснымъ передовымъ статьямъ по вопросамъ внутренней политики, пользующаяся большимъ авторитетомъ въ сферахъ высшей интеллигенціи американскаго народа, «The Nation» говоритъ: «Въ цѣломъ, условія мира, предложенныя Россіей, вполнѣ согласуются съ заявленіями, сдѣланными ею до начала войны и не особенно обременительны, если принять во вниманіе полноту ея побѣды. Сообразивъ всѣ данные въ совокупности, можно, мы думаемъ, смѣло сказать, что ни одна война настоящаго столѣтія не оказала такихъ великихъ услугъ человѣчеству и цивилизаціи, какъ эта. Обыкновенно, всѣ другія войны освобождали только народъ отъ политическаго гнета или удовлетворяли политическимъ цѣлямъ; лишь одна эта война кромѣ того обезпечиваетъ личную и имущественную безопасность нѣсколькихъ милліоновъ несчастныхъ, для которыхъ это благо всего цивилизованнаго міра не было доступно, и впервые открываетъ путь для современнаго прогресса въ одной изъ самыхъ прекраснѣйшихъ частей земного шара»...

Въ сосѣднемъ съ Масачузетомъ штатѣ, Родъ-Эйландъ, газета «Providence Journal» (29 янв.), такъ выражается объ условіяхъ мира: «Условія мира, предложенныя Россіей, не жестоки, не особенно обременительны и не безъ основательны. Симпатіи къ туркамъ, которыя могли появляться здѣсь, какъ къ сторонѣ слабой и храброй націи, отличавшейся геройской защитой, никогда не могли простираться до желанія, чтобы ихъ власть по прежнему тяготѣла надъ Сербіей и Болгаріей и геройскимъ черногорскимъ народомъ. Напротивъ, было бы желательно, чтобы турки или были бы выгнаны изъ Европы, или перестали существовать въ Европѣ, какъ самостоятельное государство, или, наконецъ, были бы ослаблены до такой степени, чтобы Россія могла легко справиться съ ними, когда явится впослѣдствіи въ томъ необходимость. Свобода Дарданельскаго пролива, въ географическомъ отношеніи, принадлежитъ Россіи и отказывать ей въ этомъ было бы несправедливо».

Отсюда, минуя Филадельфію, въ которую мы заглянемъ въ концѣ нашего путешествія, мы отправимся на югъ, на плантаціи бывшихъ господъ-плантаторовъ и по нынѣ оплакивающихъ счастливыя времена рабства надъ чернокожимъ дядей Сэмомъ.

И такъ, мы теперь въ Чарльстоунѣ, въ Южной Каролинѣ. Вотъ, что говорятъ господа плантаторы въ газетѣ «Newsand Courier»: «Чѣмъ суровѣе условія мира, тѣмъ будетъ лучше для Европы и цивилизаціи. Ничто не должно замедлить изгнаніе изъ Европы — изгнаніе полное и совершенное—турокъ, какъ правителей народовъ, и остановить освобожденіе и ходъ развитія христіянскихъ націй, которыхъ обирала и угнетала испорченная и отсталая шайка мусульманъ».

А другая Чарльстоунская газета «Charlstown Journal of Commerce» выражается: «Условія мира, предложенныя Россіей, несомнѣнно довольно умѣренныя. Нужно только вспомнить, что Россія находится по отношеніи къ Турціи въ положеніи полнаго побѣдителя. Поставьте Англію на мѣсто Россіи и она не оставитъ и маленькаго клочка отъ Турціи, изъ-за котораго потомъ могъ бы выйти споръ».

То же самое услышимъ мы и въ Атлантическомъ штатѣ Георгіи: «Кто позволитъ себѣ утверждать, говоритъ газета «Weekly Constitution», что стороны непосредственно заинтересованныя не имѣютъ права сами между собою уладить эту ссору. Чего добраго, ужь не имѣютъ ли на это правъ тѣ пять державъ, которыя не пожертвовали ни капли крови, не израсходовали ни единой копѣйки?.. Державы, подписавшія трактатъ, сзываются нынѣ на конференцію, на которую явится и Россія. Но Россія явится, навѣрное, опредѣливъ сперва границы, которыми она можетъ быть связана; и для этой конференціи ею будетъ уже подготовленъ такой миръ, который едва-ли оставитъ султану хоть одну пядь владѣній въ Европѣ и который выстелитъ дорожку скатертью при удаленіи турокъ изъ Европы. Подобный конецъ неизбѣженъ, и всякій иной миръ будетъ только шуточной забавой. Россія, мы можемъ быть увѣрены, не потерпитъ такой безсмыслицы послѣ стольких испытаній, какія ей пришлось перенести. Девяносто тысячъ погибшихъ въ войнѣ русскихъ требуетъ того, чтобы миръ былъ прочный и продолжительный, и русскій Государь, несомнѣнно, обезпечитъ такой миръ трактатомъ, который теперь заключается съ побѣжденною страною».

Перейдемъ на самый югъ американскаго союза, въ Нью-Орлеанъ. «Каковы бы ни были побужденія Императора Александра и окружающихъ его лицъ, говоритъ «Daily Picayune», несомнѣнно одно, что война эта была одновременно и коммерческою, и религіозною войною. Какъ война религіозная, она должна быть до извѣстной степени—завоевательною. И вотъ почему: христіянскіе народы не имѣютъ болѣе ни малѣйшаго повода надѣяться на реформы, основанныя на однихъ лишь обѣщаніяхъ Порты. Кромѣ совершеннаго отдѣленія христіянскихъ провинцій

отъ Оттоманской Порты не существуетъ ни какихъ другихъ гарантій, которыя могли бы обезпечивать религіозную свободу и экономическое благосостояніе славянскихъ племенъ. Поэтому такое отдѣленіе и является логическимъ слѣдствіемъ войны, и самый естественный исходъ при такихъ условіяхъ, это—образованіе конфедераціи областей подъ покровительствомъ Россіи. Какъ бы мы ни сожалѣли при этомъ, что Россіи самой еще многаго не достаетъ для возможности развивать свое благосостояніе, тѣмъ не менѣе, нельзя не порадоваться отъ души, что война принесла съ собою облегченіе участи столькихъ милліоновъ страждущихъ и угнетенныхъ людей».

Затѣмъ, изъ Нью-Орлеана подымаемся вверхъ по Миссисипи въ штатъ Арканзасъ. «Мы, американцы, говоритъ «Weekly Arkansas Gazette», привыкли хвалиться тѣмъ, что удивительное развитіе этой страны (Америки) превосходитъ развитіе всякой другой страны Свѣта; но, на самомъ дѣлѣ, мы не имѣемъ права сравнивать себя съ русскими. Наша цивилизація и культура явились къ намъ «готовыми». Англія, Франція и Германія посылали къ намъ избытокъ своего населенія, которое принесло съ собою искуство и науку. Этими выгодами эмиграціи Россія пользовалась лишь въ весьма ограниченной степени. Она принуждена была постоянно сама завоевывать плоды цивилизаціи и въ этомъ отношеніи не имѣетъ себѣ соперника. Дипломаты ея отличаются особенной ловкостью при заключеніи условій мира, они съумѣли провести и австрійскихъ, и англійскихъ министровъ, тогда какъ солдаты ея въ настоящую минуту диктуютъ условія мира въ столицѣ надменнаго мусульманина. Предъ Россіей въ будущемъ открывается высокая и великая цѣль, достигнуть которой не способна ни какая другая нація міра. Крестъ, благодаря энергичнымъ ея усиліямъ, вытѣснилъ полумѣсяцъ изъ Европы, по ту сторону Гелеспонта. Россіи будетъ принадлежать также честь и слава разсѣянія мрака паганизма въ обширныхъ областяхъ центральной Азіи и распространенія ученія Христова тамъ, гдѣ впервые ступила нога человѣка на землю, по выходѣ его изъ рукъ Творца!..»

Въ штатѣ Миссури одна изъ самыхъ значительныхъ газетъ центральной Америки «Republican», издающаяся въ Сен-Луисѣ, выражается такъ: «Результаты войны должны быть признаны. Россія должна быть вознаграждена за потерю времени и хлопоты. Она потратила 300.000,000 долларовъ и пожертвовала сто тысячъ жизней, чтобы добиться подобныхъ условій мира, и мы не сомнѣваемся, что она готова будетъ, если понадобится, пожертвовать еще болѣе, чтобъ только настоять на своемъ рѣшеніи. Конференція не должна болѣе надѣяться встрѣтить Россію такою, какою она была годъ тому назадъ. Когда англійскіе уполномоченные прибудутъ въ Баденъ-Баденъ *), они не найдутъ ни одного искренняго друга между континентальными державами, представители которыхъ сдѣлаютъ все, что можетъ быть сдѣлано, чтобы унизить ея престижъ и разрушить ея вліяніе на континентѣ»...

Поднимемся еще сѣвернѣе и прислушаемся, что говоритъ янки въ самомъ центрѣ торговой дѣятельности американскаго Союза, въ г. Чикаго, который, по справедливости, заслужилъ названіе «царя американскихъ водъ». Вотъ какъ выражаетъ свой взглядъ одна изъ самыхъ значительныхъ американскихъ газетъ, «Chicago Tribune»: «Мечъ вложенъ въ ножны; громадныя арміи Россіи могутъ отдохнуть пока съ оружіемъ въ рукахъ, ожидая рѣшеній конференціи. Теперь наступила война дипломатовъ. Какой результатъ выйдетъ изъ этого — предсказать никто не можетъ. Но за одно великое всеосѣняющее благо цивилизованный міръ всегда останется признателенъ Россіи: каково-бы ни было окончательное рѣшеніе, — поведетъ ли оно къ войнѣ или полному миру—владычество Турціи, вслѣдствіе возмутительныхъ пороковъ ея правительства, преслѣдованій, гнета и насилій—навсегда сломлено... Что же касается Дарданеллъ, то здѣсь, въ Америкѣ, давнымъ давно сложилось и окрѣпло убѣжденіе, что крайне несправедливо, если не безразсудно, преграждать русскимъ военнымъ судамъ входъ въ Средиземное море, въ силу какихъ то эгоистическихъ видовъ Англіи»...

А другая такая же газета, издающаяся въ Чикаго «Chicago Weekly Tribune» говоритъ по поводу паденія Плевны: «Чувство самой обыденной честности и благородства побуждаетъ каждаго признать, что единственными сторонниками турокъ являются, за исключеніемъ венгерцевъ, лишь англійскіе владѣльцы турецкихъ фондовъ. Всѣмъ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ новость о паденіи Плевны, будетъ привѣтствуема, какъ новый шагъ человѣчества на пути прогресса и цивилизаціи».

Наконецъ, калифорнійская «Daily Alta California», въ Сан-Франциско, говоря объ значеніи восточнаго вопроса и заслугахъ, которыя русскій народъ оказалъ своими великими жертвами всему человѣчеству, такъ заканчиваетъ свою передовую статью: «Рѣшится-ли Англія поднять перчатку, брошенную ей въ такой моментъ, когда старый ея союзникъ исчезаетъ окончательно съ карты Европы? Разумѣется, нѣтъ! Достаточно было и безъ того пролито человѣческой крови при рѣшеніи этого восточнаго вопроса,—вопроса о томъ, долженъ ли дикій турецкій деспотизмъ сохранить право тиранить всѣхъ, кто не вѣруетъ въ пророка магомета и не поворачивается во время молитвы на востокъ»...

Путешествіе наше приходитъ къ концу; намъ остается изъ любопытства, пожалуй, заглянуть еще въ какую-нибудь изъ самыхъ отдаленныхъ, малонаселенныхъ, голыхъ, едва, что называется, выходящихъ изъ пеленокъ гражданственности и формирующихся территорій Союза, и посмотрѣть, что можетъ встрѣтить русскій человѣкъ тамъ, гдѣ безустанная борьба съ дикой природой, всевозможными препятствіями и краснокожими индійцами должны бы исключительно поглотить вниманіе піонеровъ американской цивилизаціи и гдѣ, казалось бы, никому нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до того, что тамъ, гдѣ-то за тридевять земель, совершается на юго-востокѣ Европы. Для этого мы заберемся въ самый уединенный уголъ американскаго Союза, на границу англійскихъ владѣній, напр., въ территорію Монтана, — въ такую глушь, что тотъ изъ моихъ читателей, кто изучалъ географію еще «по Ободовскому», можетъ, пожалуй, сбиться съ пути и вовсе не найти такой мѣстности на своей картѣ, которая въ слабыхъ абрисахъ могла сохраниться въ его памяти... Но не бѣда; бояться нечего; Сидячій Быкъ, вождь краснокожихъ племенъ, воюющихъ теперь съ американцами, — далеко, а попавшаяся намъ въ руки мѣстная газета «Elena Weekly Herald», чистенькая, изящная, напечатанная на тонкой веленевой розоватаго цвѣта бумагѣ роскошнымъ шрифтомъ, однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ способна сразу успокоить наше напуганное воображеніе, какъ бы свидѣтельствуя, что мы сегодня попали въ такой дикій край, который завтра же можетъ сдѣлаться болѣе цивилизованнымъ, чѣмъ иное государство Стараго Свѣта, благодаря широкой свободѣ печати и американскихъ учрежденій. И хотя мы забрались теперь въ самую глушь Америки, но и здѣсь, къ удивленію нашему, мы встрѣчаемъ старыхъ своихъ друзей — янки. Вотъ, что говоритъ эта газета объ условіяхъ мира: «Изъ всѣхъ почти столицъ Европы доходитъ къ намъ ропотъ неудовольствія на условія только что заключеннаго мира. Намъ, по сю сторону Океана, довольно трудно понять, какое дѣло Австріи, Англіи и прочимъ вмѣшиваться въ опредѣленіе условій мира, коль скоро воюющія стороны согласны принять ихъ. Что Англія недовольна—это понятно. Ей непріятно видѣть Россію такой могучей, сильной, такъ близко подвинувшейся къ Индійской имперіи и пріобрѣтающей возможность сдѣлаться сильной морской державой... Но вѣдь трудно и придумать, чего бы только Англія не пожелала. Теперь, какъ сообщаютъ, она готова скорѣе рѣшиться силой захватить турецкій флотъ, чѣмъ допустить Россію владѣть имъ. Выходитъ, значитъ, что всякій мониторъ, плавающій по водамъ земного шара, гдѣ бы то ни было, и не принадлежащій Англіи, является угрозой для свободы ея индійскаго пути, и намъ, признаться, остается послѣ этого только удивляться великодушію этой державы, дозволившей намъ построить тихоокеанскую желѣзную дорогу и не захватившей еще подъ тѣмъ же самымъ предлогомъ Панамскаго перешейка. Величайшими трофеями настоящей войны Россіи, является пріобрѣтеніе ею независимости въ своихъ дѣйствіяхъ и то, что она, наконецъ, освободилась отъ оковъ, наложенныхъ на нее по окончаніи крымской компаніи. Страна наша радуется такому миру. Наши добрыя отношенія къ Россіи могутъ открыть для насъ при этомъ новый рынокъ сбыта въ областяхъ, поставленныхъ теперь подъ покровительство Россіи».

Если мы отсюда отправимся на берега Соленаго Озера, въ Юту, то увидимъ картину совсѣмъ иныхъ отношеній къ намъ со стороны мормоновъ. «Святые Послѣднихъ Дней», съ такимъ рвеніемъ и, нужно отдать имъ справедливость, не безъ успѣха культивирующіе на почвѣ американскихъ свободныхъ убѣжденій, сладкіе плоды магометова ученія, не могутъ, конечно, оставаться равнодушными свидѣтелями паденія народа, столь родственнаго имъ по духу. Отсюда, невольно, является у нихъ чувство досады при видѣ успѣховъ русскихъ: «Предоставьте только Россіи свободу прохода черезъ Дарданелы и Босфоръ ея военнымъ судамъ», говоритъ «Deseret News», оффиціальный органъ Георга Кэнона и Брэйгэма-Юнга (сына) одного изъ шестидесяти восьми наслѣдниковъ скончавшагося основателя «мормонской церкви», — и вы увидите, что Черное море превратится въ русское озеро; на его сѣверныхъ и юго-восточныхъ берегахъ будутъ устроены арсеналы и сооружены доки, а англійское владычество на моряхъ станетъ, по всей вѣроятности, дѣломъ прошедшаго, въ то же самое время русская имперія можетъ свободно распространять свои границы—на востокѣ и прочность новаго титула «императрицы Индіи» сдѣлается довольно сомнительнаго достоинства»...

Кончая наше путешествіе, мы должны по пути побывать и въ Филадельфіи. Если Нью-Іоркъ и Чикаго занимаютъ первенствующія мѣста по своему торговому и промышленному значенію, то Филадельфія съ Бостономъ вмѣстѣ должны считаться по справедливости центрами умственной дѣятельности американскаго народа. Я думаю, что ни въ какомъ другомъ городѣ американскаго Союза русскій не встрѣтитъ въ настоящее время столько сочувствія себѣ, сколько въ этомъ городѣ «Братской Любви»,—колыбели американской свободы, гдѣ квакерскій духъ «любви и братства» прошлаго столѣтія не совсѣмъ еще угасъ и утратилъ свою силу и значеніе въ жизни здѣшнихъ гражданъ, и гдѣ все дышетъ искренностью и носитъ на себѣ печать порядочности и простоты. Не мудрено поэтому, что выраженіе симпатій къ русскимъ приняло здѣсь болѣе рельефную форму и яркій колоритъ. Мы имѣли

*) Писано въ то время, когда мѣстомъ для собранія конференціи, по слухамъ, предполагался этотъ городъ.

уже случай познакомить съ отзывами корреспондента здѣшняго «Lippincott's Magazine», и извѣстнаго лектора Морриса; теперь прислушаемся къ здѣшнимъ, наиболѣе распространеннымъ газетамъ, пользующимся на равнѣ почти съ нью-іоркскими — извѣстностью въ цѣлой Америкѣ: «Press» и «Times».

«Никогда еще, говоритъ «Press», по поводу первыхъ слуховъ о перемиріи, не представлялось такого удобнаго случая, какъ теперь, разъ навсегда порѣшить съ восточнымъ вопросомъ. Можно надѣяться, что русскіе съумѣютъ имъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, и не покинутъ дѣла, ими предпринятаго, на половинѣ. Турки — иноземцы въ Европѣ; они не могутъ сочувствен-

Жанъ де-Лафонтенъ.

но относиться ни къ ея цивилизаціи, ни къ ея учрежденіямъ. Пора имъ отправляться въ Азію!»

А «Times» выражается еще опредѣленнѣе: «Ни одна война послѣднихъ временъ не была въ такой степени народной войною, какъ эта. Воля великой русской націи требовала, чтобъ неудачи крымской компаніи были-бы заглажены, чтобъ ея единовѣрцы были избавлены отъ угнетенія и чтобъ храмъ Св. Софіи былъ исторгнутъ изъ рукъ невѣрныхъ. Правительство не могло противиться этому народному чувству, если бы и желало, и оно будетъ руководить имъ при опредѣленіи условій мира еще въ большей степени, чѣмъ территоріальныя и коммерческія соображенія, какъ ни важны они могутъ быть сами по себѣ. Россіи необходимо получить назадъ прежнія свои владѣнія въ Бессарабіи, но еще важнѣе для нея — пріобрѣсти Батумъ и право свободнаго прохода ея судовъ изъ Чернаго моря; и все это она получитъ!»...

Путешествіе наше пришло къ желанному концу! Да не посѣтуетъ читатель, если оно не отличалось прелестью разнообразія и показалось нѣсколько утомительнымъ. Бываютъ путешествія, къ числу которыхъ принадлежитъ и настоящая наша газетная экскурсія, скучныя, утомительныя, — такъ сказать, дѣловыя, далеко не представляющія живого интереса зигъ-заговъ празднаго туриста, не связаннаго ни временемъ, ни пространствомъ, но за то въ высшей степени интересныя по своимъ конечнымъ результатамъ. И какъ ни пріятно было бы дать себѣ отчетъ во всемъ нами видѣнномъ и слышанномъ и резюмировать впечатлѣнія наши теперь-же, — но нужно покориться необходимости и отложить это до слѣдующаго письма...

(*Продолженіе будетъ.*)

Густавъ Доре́.

Ст. П. Библіофила.

Густавъ Доре́, самый геніальный французскій иллюстраторъ нашего времени, родился 6 января 1833 года въ Страсбургѣ и уже ребенкомъ десяти лѣтъ литографировалъ цѣлый рядъ набросковъ народныхъ сценъ изъ жизни департамента Эны. Въ 1845 году онъ прибылъ въ Парижъ и поступилъ въ лицей Карла Великаго, гдѣ и кончилъ свое образованіе. Уже на пятнадцатомъ году своей жизни онъ доставлялъ замѣчательныя иллюстраціи въ «Journal pour rire» и скоро сдѣлался однимъ изъ извѣстнѣйшихъ иллюстраторовъ. Подъ его руководствомъ образовалась цѣлая школа рѣзчиковъ на деревѣ, изъ которыхъ Пизанъ и Паннемакеръ заслужили европейскую извѣстность. Едва ли у кого-нибудь изъ художниковъ вообще можно найти такую богатую фантазію, какъ у Доре́, и едва ли кто-нибудь изъ художниковъ создалъ такое количество самыхъ разнообразныхъ сценъ, какъ Доре́. Онъ сдѣлалъ иллюстраціи къ «Вѣчному Жиду» Евгенія Сю, къ «Гаргантюа и Пантагрюэлю» Раблэ, къ «Сказкамъ» Бальзака, къ «Сказкамъ» Перро, къ «Аду» Дантэ, къ «Донъ-Кихоту» Сервантеса, къ «Баснямъ» Лафонтена, къ книгѣ «Лондонъ», къ книгѣ Тэна «Испанія», къ «Опытамъ» Монтэня и т. д. Но этого мало, кромѣ этихъ тысячъ иллюстрацій, Доре́ нарисовалъ множество картинъ масляными красками: «Дикія сосны», «Послѣ бури», «Двѣ матери», «Степь», «Вечеръ», «Сраженіе при Альмѣ», «Сраженіе при Инкерманѣ», «Дантэ и Виргилій въ аду», «Вогезская долина», «Паоло и Франческа ди-Римини», «Эпизодъ изъ Потопа», «Танецъ Гитано», «Ангелъ Товія», «Вечеръ въ Гренадѣ», «Воспоминаніе о Савойѣ», «Возмутившіеся ангелы», «Титаны», «Зеленый коверъ», «Неофитъ», «Сіеста», «Альпы», «Милостыня», «Избіеніе невинныхъ», «Сумерки», «Пустыня», «Христіанскіе мученики», «Тропинка», «Развалины замка Дрейштейнъ», «Бродяги» и многія другія картины вышли изъ подъ кисти Доре́. Нужно вспомнить при этомъ, что Густаву Доре́ всего еще сорокъ пять лѣтъ и что онъ все еще идетъ впередъ; недавно онъ началъ заниматься скульптурой и по его первымъ опытамъ нужно ожидать отъ него замѣчательныхъ произведеній и въ этой отрасли искуства.

Главная сила Густава Доре́ въ его широкой, по истинѣ, геніальной фантазіи; рядомъ съ этимъ природнымъ качествомъ идетъ разносторонность познаній и наблюденій. Если для фантазіи художника нѣтъ предѣловъ, то и для перенесенія созданныхъ воображеніемъ сценъ у него есть необходимыя данныя, такъ какъ онъ много учился. Доре́ не только читалъ множество книгъ, но и изучалъ многое, такъ онъ достаточно силенъ въ археологіи, чтобы не сдѣлать грубыхъ промаховъ при иллюстрированіи Библіи, такъ онъ изучалъ народную жизнь и природу въ Испаніи, чтобы не встрѣтить никакихъ препятствій при иллюстрированіи Донъ-Кихота. Рядъ самыхъ разнообразныхъ путешествій, присутствованіе на поляхъ битвъ, посѣщеніе народныхъ собраній, наблюденіе надъ народной жизнью въ различныхъ странахъ, все это сдѣлало талантъ Доре́ крайне разностороннимъ. Мы уже сказали, что фантазія Доре́ геніальна; вслѣдствіе этой широкой фантазіи ему удаются всевозможныя фантастическія сцены; такъ же точно удаются ему пейзажи; пейзажъ — это самая сильная сторона въ иллюстраціяхъ Доре́ и она сильнѣе всего отличаетъ его отъ другихъ иллюстраторовъ, пренебрегающихъ пейзажемъ и плохо знающимъ природу; безукоризненно хорошъ Доре́ и тамъ, гдѣ ему нужно изображать народныя сцены. Мы не говоримъ объ эффектности рисунковъ Доре́, потому что въ этомъ отношеніи онъ остается истиннымъ французомъ и умѣетъ щегольнуть какимъ-нибудь эффектнымъ пятномъ и всегда поражаетъ своимъ вкусомъ и изяществомъ. Слабыя стороны иллюстрацій Доре́ всегда выкупаются хорошими, но эти слабыя стороны у него есть. Такъ рисунки къ Донъ-Кихоту замѣчательны по тонкому юмору, по пейзажу, по народнымъ сценамъ, но иногда Доре́ впадаетъ здѣсь въ каррикатуру и въ этомъ случаѣ уклоняется отъ духа безсмертнаго произведенія Сервантеса. Въ иллюстраціяхъ къ Библіи, вы видите замѣчательные типы, яркія сцены, массу археологическихъ подробностей, но общее впечатлѣніе этихъ иллюстрацій мало затрогиваетъ религіозное чувство. Всѣ подобные недостатки, конечно, являются второстепенными, но они существуютъ и въ иллюстраціяхъ къ "Аду" Данте и въ иллюстраціяхъ къ «Гаргантуа» Раблэ. Иллюстраціи къ «Испаніи» и «Лондону», быть можетъ, могутъ быть названы самыми удачными, самыми безукоризненными, такъ какъ здѣсь пейзажъ и народная жизнь на первомъ планѣ.

Какъ живописецъ, какъ производитель большихъ картинъ, Доре́ гораздо слабѣе, хотя его большія картины въ 1869 году и заслужили въ Мюнхенѣ самые лестные отзывы публики и критиковъ. Главный его недостатокъ въ этихъ картинахъ — неумѣнье владѣть вполнѣ красками.

Мы надѣемся представить нашимъ подписчикамъ цѣлый рядъ иллюстрацій Доре́ изъ «Ада» Данте, изъ «Донъ-Кихота» Сервантеса и изъ «Басенъ» Лафонтена. На первый разъ мы остановились на басняхъ Лафонтена. Конечно, каждый изъ нашихъ читателей знаетъ, кто такой Лафонтенъ. Этотъ баснописецъ настолько же извѣстенъ въ Европѣ, на сколько дѣдушка Крыловъ извѣстенъ у насъ; большая часть басенъ Лафонтена переведена или передѣлана нашимъ Крыловымъ и потому намъ не нужно будетъ дѣлать поясненій къ рисункамъ Доре́. Первый помѣщаемый нами рисунокъ служитъ иллюстраціей къ баснѣ «Крестьянинъ и смерть», которую призывалъ крестьянинъ за тѣмъ, чтобы она... «помогла ему поднять вязанку дровъ». Далѣе мы помѣстимъ «Стрекозу и Муравья», «Волковъ въ овчарнѣ», «Двухъ собакъ» и т. д. Приступая къ печатанію рисунковъ къ баснямъ Лафонтена, мы сочли не лишнимъ помѣстить и портретъ творца этихъ басенъ. Мы не имѣемъ надобности помѣщать здѣсь біографію знаменитаго баснописца, жившаго между 1621 и 1695 годомъ, и замѣтимъ только, что иллюстраціи Доре́ во многихъ случаяхъ стоятъ нисколько не ниже произведеній Лафонтена.

Поэмы въ прозѣ Боделера.

Переводъ П. В. Га-на.

IV.

Старый паяцъ.

Какое счастіе воскресный день для народа, для бѣдныхъ труженниковъ и для дѣтей! Мнѣ все кажется, что въ такой день народъ забываетъ свою тяжелую работу изъ-за насущнаго хлѣба и пользуется своею свободой, проводя его въ забавахъ и развлеченіяхъ, доступныхъ бѣднякамъ.

Для дѣтей, праздничный день, служитъ отдохновеніемъ отъ утомительнаго шестидневнаго ученья въ школахъ. Для взрослыхъ онъ составляетъ какъ бы перемиріе съ неудачами жизни, и отдыхъ въ борьбѣ за свое существованіе. Даже свѣтскіе люди и ученые не ускользаютъ изъ подъ вліянія праздничнаго дня; они, хотя и не желая, но заимствуютъ нѣчто изъ этой атмосферы беззаботности. Но болѣе всѣхъ ждутъ съ нетерпѣніемъ воскреснаго дня паяцы, скоморохи, содержатели звѣринцевъ и мелкіе торгаши, въ виду вознагражденія своихъ скудныхъ заработковъ въ минувшіе шесть будничныхъ дней. Что касается даже меня, то я, какъ парижанинъ, никогда не пропускаю возможности сдѣлать подробный осмотръ балаганамъ, разбиваемымъ въ разныхъ мѣстахъ въ воскресные дни, и какъ посмотришь, сколько въ дѣйствительности шума, крика и гама въ народной толпѣ! Въ воздухѣ слышится какая-то смѣсь пронзительныхъ звуковъ отъ мѣдныхъ инструментовъ, и трескотни отъ взрыва бросаемыхъ повсюду шутихъ. А взгляните на акробатовъ, канатныхъ плясуновъ и другихъ хозяевъ пресловутыхъ балагановъ, что за одежда, что за лица на нихъ? Прислушайтесь къ ихъ остротамъ, обращеннымъ къ народу съ полной увѣренностью въ ихъ эфектѣ, хотя нерѣдко остроты ихъ похожи болѣе на тяжелыя шутки серьезнаго актера. Атлеты-геркулесы гордятся силою своихъ мускуловъ, имѣя болѣе сходства съ орангутангами, они преважно задираютъ носы передъ окружающею ихъ толпою зѣвакъ. Танцовщицы, прекрасныя, какъ феи, прыгали и танцовали при свѣтѣ фонарей, отражавшимъ разные цвѣта отъ обшитыхъ блестками и галунами ихъ юбокъ. Все видѣнное мною представляло странную смѣсь свѣта, пыли, крика, веселья, толкотни и шума. Одни расходовали деньги, другіе получали ихъ. И тѣ, и другіе были довольны другъ другомъ. Дѣти выпрашивали у матерей разныя лакомства, или взбирались на плечи отцовъ, чтобы лучше разсмотрѣть разодѣтаго арлекина. На самомъ крайнемъ концѣ той мѣстности, гдѣ находились балаганы, я замѣтилъ стараго паяца, хилаго, слабаго, сгорбленнаго, какъ настоящія развалины, прислонившагося, какъ будто стыдясь другихъ и добровольно удалившись отъ нихъ къ одному изъ столбовъ своей лачуги, менѣе затѣйливой, чѣмъ у настоящаго дикаря, и бѣдность которой освѣщали, еще довольно сильно, два дымившихся сальныхъ огарка.

Его окружало веселье, шумъ и разгулъ. Все дышало кругомъ увѣренностью въ достаткѣ хлѣба на завтрашній день. Вездѣ слышались ему

взрывы смѣха и радости. Только у него была видна совершенная, абсолютная бѣдность, прикрытая лохмотьями и гдѣ она болѣе, чѣмъ искуство, производила полный контрастъ съ окружавшимъ его. Бѣдный паяцъ не смѣялся! Онъ и не плакалъ; онъ не плясалъ, какъ другіе; онъ не зазывалъ къ себѣ, но безмолвствовалъ! Ни веселой, ни грустной пѣсни; ни слова, ни звука, не исходило изъ его старческихъ устъ.

Онъ былъ неподвиженъ и нѣмъ, какъ статуя. Онъ отъ всего отказался, отрекся. Его судьба свершилась надъ нимъ. Но, проникающимъ душу, глубокимъ взоромъ онъ смотрѣлъ на толпу и на свѣтъ, подвижныя волны котораго останавливались только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его отталкивающей нищеты. Увидѣвъ все это, я почувствовалъ какъ слезы готовы были навернуться на глазахъ у меня. Но что было дѣлать? Не спрашивать же у несчастнаго, какія рѣдкости онъ могъ показать въ своей темной и смрадной лачугѣ? И дѣйствительно, я не рѣшился на подобный вопросъ; и, благодаря моей скромности, я готовъ разсмѣшить васъ признаніемъ въ томъ, что я просто боялся оскорбить его моимъ вопросомъ. Наконецъ, я рѣшился пройти мимо него, и положить нѣсколько серебряныхъ монетъ на одну изъ досокъ у входа въ его лачугу, надѣясь, что старый паяцъ угадаетъ мое намѣреніе; какъ вдругъ приливъ толпы, не знаю по какой причинѣ, увлекъ меня далеко отъ него. И когда я возвращался домой, подъ впечатлѣніемъ видѣннаго, я старался отыскать причину своей внезапной жалости къ бѣдному старику, и вотъ что тогда сказалъ я себѣ: «Я видѣлъ сейчасъ образъ старика писателя, пережившаго то поколѣніе, которое онъ такъ мастерски развлекалъ въ свое время. Да, я видѣлъ старика поэта, но безъ друзей, безъ семьи, безъ дѣтей, удрученнаго своимъ несчастьемъ и неблагодарностью людей, и въ чей балаганъ, легко забывающіе автора, читатели, не желаютъ болѣе входить!»

V.

Веревка.

Заблужденія, говорилъ мнѣ одинъ изъ друзей, быть можетъ, также безчисленны, какъ отношенія людей между собою, или къ предметамъ, окружающимъ ихъ. Когда же заблужденіе изчезнетъ, т. е. когда мы увидимъ дѣйствительность такою, какъ она существуетъ внѣ нашихъ чувствъ, тогда, повѣрьте мнѣ, мы испытываемъ странное ощущеніе, смѣшанное и съ сожалѣніемъ о минувшемъ, и съ пріятною неожиданностью передъ совершившимся фактомъ. Если существуетъ явленіе простое, видимое, всегда одинаковое, и въ которомъ обмануться почти невозможно, то такимъ явленіемъ должно быть названо чувство любви матери къ дѣтямъ. Какъ невозможно представитъ себѣ свѣта, лишеннаго теплоты, такъ немыслимо и отсутствіе въ матери чувства любви къ ея дѣтямъ. А потому съ чувствомъ родительской любви, тѣсно связаны всѣ дѣйствія и слова матери въ отношеніи къ ея ребенку. Съ подобнымъ мнѣніемъ согласиться не трудно, это правда, но подарите вниманіемъ небольшой мой разсказъ о томъ, какъ я обманулся показавшимся мнѣ весьма естественнымъ заблужденіемъ материнскаго чувства. Считая долгомъ художника наблюдать и изучать выраженія встрѣчающихся мнѣ лицъ на прогулкахъ, я пришелъ къ убѣжденію, что подобное изученіе физіономій доставляетъ не одно только развлеченіе, но и придаетъ нашей жизни еще болѣе значенія, сравнительно съ людьми другихъ профессій. Въ томъ отдаленномъ кварталѣ, гдѣ я живу, и гдѣ еще осталось довольно пустырей, заросшихъ травою, мнѣ не рѣдко приходилось наблюдать весьма выразительное личико одного мальчугана, часто игравшаго съ другими дѣтьми. Я пригласилъ его въ свою мастерскую, и онъ мнѣ служилъ не разъ моделью, то какъ тиролецъ со скрипкой въ рукѣ, то какъ амуръ съ факеломъ эрота. Наконецъ, этотъ мальчикъ такъ понравился мнѣ, что я рѣшился просить у родителей отдать мнѣ сына на воспитаніе, обѣщая прилично одѣвать его и платить даже жалованье, за что онъ обязанъ былъ содержать мои кисти въ чистотѣ, и быть у меня на посылкахъ. Мальчикъ, конечно, остался въ восторгѣ, и жизнь у меня казалась ему раемъ, сравнительно съ жизнью у родныхъ, пріютившихся въ какомъ-то грязномъ, наемномъ углу. Такъ прошло нѣсколько времени и я, къ удивленію, сталъ замѣчать въ мальчикѣ какіе-то странные припадки грусти, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и явную наклонность къ лакомству и вину. Замѣтивъ однажды, что на хорошее удовлетвореніе своего аппетита за моимъ столомъ, онъ рѣшился даже на присвоеніе лакомства и напитковъ безъ моего разрѣшенія, я пригрозилъ шалуну отослать его обратно къ роднымъ. Сдѣлавъ такую угрозу, я ушелъ по дѣламъ и вернулся домой, спустя только нѣсколько часовъ.

Представьте же себѣ мой ужасъ и удивленіе, когда я увидѣлъ у себя въ квартирѣ мальчугана, повѣсившимся на верхнемъ корнизѣ шкафа. Ноги его чуть не касались пола; кресло, безъ сомнѣнія оттолкнутое имъ ногою, лежало близь него опрокинутымъ. Голова его конвульсивно склонилась къ плечу, въ распухшемъ лицѣ блестѣли широко открытые глаза, казавшіеся какъ будто еще живыми. Освободить повѣшеннаго отъ веревки оказалось вовсе не легко. Трупъ былъ уже холоденъ, но я не рѣшался сбросить его на полъ, еслибы просто разрѣзалъ веревку, на которой повѣсился мальчикъ. Пришлось поддерживать трупъ одною рукой, а другою перерѣзать веревку; но при этомъ оказалось, что веревка была такъ тонка, что она глубоко врѣзалась въ тѣло, и для ея удаленія, необходимо было, тонкими ножницами, отыскивать веревку между двумя опухолями. Я забылъ сказать, что тогда-же позвалъ на помощь своихъ сосѣдей; но всѣ они отказались придти ко мнѣ, вѣрные привычкѣ образованныхъ людей, не имѣющихъ никакого желанія вмѣшиваться въ подобныя непріятныя дѣла. Явившійся медикъ объявилъ, что смерть ребенка послѣдовала уже нѣсколько часовъ тому назадъ. Полицейскій же комиссаръ, которому я обязанъ былъ заявить о происшествіи, взглянувъ на меня искоса, произнесъ многозначительно: «дѣло-то тутъ не чистое!», движимый, безъ сомнѣнія, закоренѣлою привычкой задавать страхъ, на всякій случай, какъ виновнымъ, такъ и невиннымъ. Оставалось исполнить еще главную обязанность, мысль о которой приводила меня въ трепетъ, сообщить о случившемся несчастіи родителямъ умершаго мальчика. Ноги отказывались служить мнѣ, но, наконецъ, я собрался съ силами. Къ немалому моему удивленію, мать выслушала ужасную вѣсть, какъ показалось мнѣ, совершенно безстрастно, ни выронивъ ни одной слезы. Такое странное равнодушіе я отнесъ къ овладѣвшему ею, вѣроятно, ужасу и вспомнилъ при этомъ извѣстное мнѣніе, что нѣмыя страданія бываютъ самыя сильныя. Что же касается отца, то онъ заявилъ мнѣ, съ какимъ-то глупо-небрежнымъ видомъ, что смерть сына, вѣроятно, къ лучшему, такъ какъ онъ кончилъ бы жизнь, во всякомъ случаѣ, дурно! Вернувшись домой, я занялся съ служанкой переодѣваніемъ трупа мальчика, лежавшаго на диванѣ. Въ это время пришла его мать. Она заявила желаніе взглянуть на трупъ сына. Конечно, я не могъ отказать ей въ этомъ; но когда она попросила указать ей мѣсто, гдѣ повѣсился ея сынъ, тогда я возразилъ, что, исполнивъ подобное ея желаніе, я усилю тѣмъ ея печаль и горе. При этихъ словахъ, какъ бы невольно, я взглянулъ на несчастный шкафъ, и къ ужасу своему увидѣлъ, что гвоздь остался на мѣстѣ съ длиннымъ концемъ намотанной веревки. Быстро вырвавъ гвоздь, я хотѣлъ выбросить его съ веревкою изъ окна, какъ вдругъ почувствовалъ, что меня схватили за руку. Бѣдная мать, умоляющимъ голосомъ, просила отдать ей гвоздь съ веревкою, на память о сынѣ. Отдавая просимое ею, я подумалъ тогда, что мать, въ своемъ отчаяніи, видѣла въ этихъ орудіяхъ смерти сына, дорогую для ней святыню, и желала сохранить ихъ себѣ на память о погибшемъ. Наконецъ, похороны совершились, и когда заботы мои о несчастномъ мальчикѣ кончились, я съ жаромъ принялся за живопись, чтобы забыться и разсѣяться. Но представьте мое удивленіе, когда на слѣдующій день, я получилъ отъ сосѣдей и живущихъ въ ближайшихъ ко мнѣ домахъ, цѣлую пачку писемъ, авторы которыхъ принадлежали жильцамъ разныхъ этажей, отъ перваго до четвертаго. Стиль писемъ, конечно, былъ различный, но всѣ одного содержанія — съ просьбою доставить имъ хоть обрывокъ погубившей ребенка веревки. Я долженъ оговориться, что большинство подписей, на полученныхъ мною письмахъ, были женскія, хотя всѣ письма были отъ лицъ болѣе или менѣе образованныхъ. На всякій случай я сохранилъ эти письма, и только по прочтеніи ихъ, я понялъ настоящую причину просьбы матери сохранить у себя ужасную веревку, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось для меня и то средство, которымъ она надѣялась утѣшиться, потерявъ сына *).

Обо всемъ.

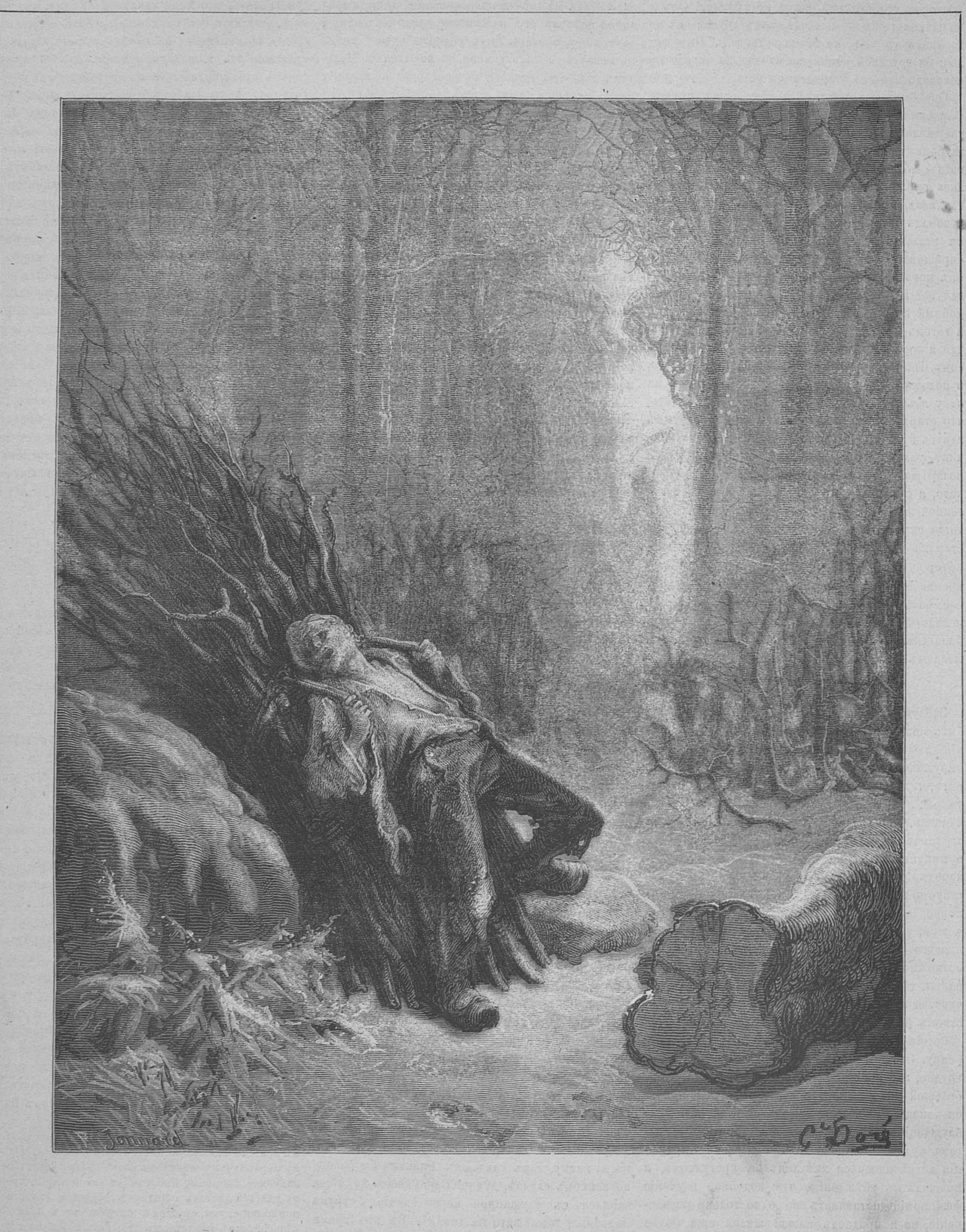
(Открытія и изобрѣтенія).

(*Окончаніе*.)

Многочисленныя открытія въ области химіи, давшія средство упростить и удешевить фабричное производство и усилить урожаи земледѣльческихъ продуктовъ, въ то же время способствовали развитію страшнаго зла въ промышленности и торговлѣ: фальсификаціи съѣстныхъ припасовъ и предметовъ фабричнаго производства. Зло это развилось до такой степени, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи составились общества частныхъ лицъ, съ цѣлью подвергать химическому анализу съѣстные припасы и продукты фабричнаго производства и, въ случаѣ открытія поддѣлки, публиковать въ газетахъ имена фальсификаторовъ и, если представится возможность, привлекать ихъ къ судебной отвѣтственности. Въ Лейпцигѣ издается теперь газета, посвященная спеціально обнаруженію разнаго рода подобныхъ фальсификацій; причемъ газета даетъ своимъ читателямъ подробное описаніе пріемовъ и средствъ, употребляемыхъ фальсификаторами, а также и способовъ открывать поддѣлки. Въ приложеніи «Гигіена» наши читатели найдутъ описаніе, какъ поддѣлокъ съѣстныхъ припасовъ, такъ и способовъ открывать ихъ, во многихъ случаяхъ не прибѣгая даже къ научному химическому анализу, требующему спеціальныхъ приборовъ и спеціальныхъ знаній, а довольствуясь средствами, которыя у каждаго находятся или могутъ нахо-

*) Быть можетъ, для читателей покажется не вполнѣ яснымъ окончаніе настоящаго разсказа, а потому переводчикъ находитъ возможнымъ сослаться на знакомое и нашему простонародью повѣрье, что кому удастся достать обрывокъ веревки, служившей повѣсившемуся орудіемъ смерти, тотъ обладаетъ вѣрнѣйшимъ средствомъ отыскать вора, на случай болѣе или менѣе цѣнной пропажи въ его хозяйствѣ. Подобное суевѣріе, конечно, раздѣляли и авторы писемъ полученныхъ художникомъ; а слѣдовательно, и каждый обрывокъ бичевки, на которой повѣсился мальчикъ, имѣлъ свою цѣну и стоимость, на что, какъ видно изъ разсказа, и разсчитывала несчастная мать, какъ на средство для своего утѣшенія.

Рисунокъ Г. ДОРЕ́.



Дровосѣкъ и смерть.

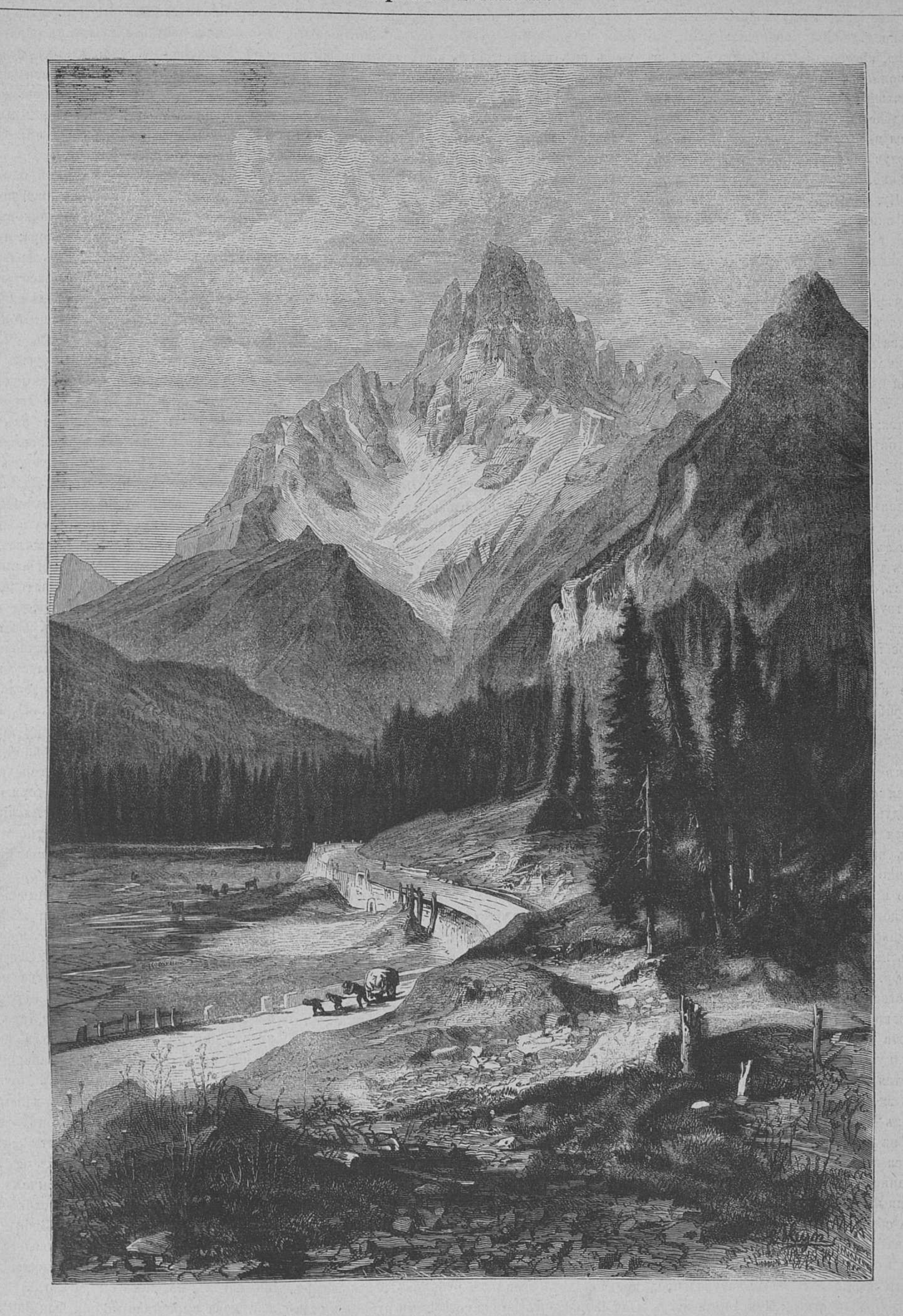
(Басня Лафонтена.

диться подъ рукою. Въ настоящей замѣткѣ мы остановимся на одномъ изъ такихъ средствъ, недавно вошедшемъ въ употребленіе во Франціи. Это извѣстнымъ способомъ приготовленная бумага, названная энокриномъ, т. е. изслѣдова-

стояніи окрасится въ сѣро-синій цвѣтъ, въ высушенномъ, приметъ сѣро-свинцовый цвѣтъ. Если же вино подкрашенное—а его нерѣдко подкрашиваютъ вредными для здоровья веществами, даже такими сильными ядами, какъ мышьякъ,

цвѣтъ; если бузинныя ягоды — зеленый; фернамбуковое дерево—грязно-желтый; бразильское дерево — цвѣтъ дрожжей и пр. Этимъ способомъ узнается только подкрашиваніе натуральнаго виноградного вина, разбавляемаго при томъ водою.

Картина ГЕЙНА.



Хребетъ Кроди-росса въ Ампецанерталѣ.

телемъ вина. Употребленіе этой бумаги до крайности просто. Отрѣзываютъ полоску ея, погружаютъ въ испытуемое вино; вынувъ, кладутъ на листъ чистой бумаги. Если испытуемое виноградное вино натуральное, бумажка, въ влажномъ со-

(присутствіе котораго обнаруживается въ нѣкоторыхъ краскахъ),— то окраска энокрина показываетъ, какія именно краски употреблены для фальсификаціи. Если употреблены анилиновыя краски, бумажка принимаетъ коричнево-красный

Другія же поддѣлки обнаруживаются посредсвомъ сложныхъ анализовъ испытуемой жидкости, для которыхъ уже требуются химическіе приборы и спеціальныя химическія знанія. Иному изъ насъ, случалось пить вино, въ которомъ

нѣтъ ни капли вина. Не говоримъ уже о шампанскомъ, которое приготовляется изъ сидра (фруктоваго вина), виски, воды, меду, лимонной кислоты и энантоваго эфира; въ него входитъ, по крайней мѣрѣ, семь восьмыхъ частей вина изъ фруктовъ, напитка пріятнаго и здороваго, — но остановимся на бурдѣ, именуемой краснымъ виномъ и составленной изъ слѣдующихъ веществъ, взятыхъ въ опредѣленной пропорціи: воды, сахарнаго сиропа, прессованныхъ дрожжей, виннаго камня, лимонной кислоты, танина, бузинныхъ ягодъ, кампешеваго дерева и квасцовъ. Вся эта смѣсь, при содѣйствіи входящихъ въ нее дрожжей, находится въ броженіи опредѣленное время, послѣ чего получается напитокъ нѣсколько напоминающій вино, но не имѣющій съ нимъ ничего общаго. Ну, развѣ не правы мы были говоря, что пьемъ вино, въ которомъ нѣтъ ни капли вина.

Мы остановились на фальсификаціи вина, потому что у насъ она производится въ особенно больших размѣрахъ. Нигдѣ въ Европѣ стоимость вина не доходитъ до такой высокой цифры, какъ у насъ, слѣдовательно, поддѣлка вина даетъ у насъ фальсификатору большія денежныя выгоды, чѣмъ въ какой бы то ни было другой европейской странѣ. У насъ, впрочемъ, поддѣлка винъ и не скрывается; доказательствомъ служитъ продажа экстрактовъ для производства, напримѣръ, хереса, мадеры, портвейна. Въ дешевые сорта этихъ винъ, находящіеся въ продажѣ, въ большинствѣ случаевъ, не входитъ ни капли виноградного вина, а приготовляются они изъ нашей родной сивухи съ примѣсью экстракта, дающаго запахъ и видъ требуемаго вина, воды, сахару и иныхъ веществъ, не всегда, конечно, невинныхъ, а потому дѣйствующихъ вредно на здоровье потребителей этихъ «дешевыхъ» винъ, что обходится имъ, т. е. потребителямъ, вовсе ужь не дешево, а скорѣе «очень дорого», ибо они, разстроивъ свое здоровье отъ употребленія такихъ винъ, принуждены прибѣгать къ содѣйствію врачей и аптекарей, влекущему за собой не малую денежную затрату.

Прежде, чѣмъ оставить область фальсификацій, обращаемся съ совѣтомъ къ нашимъ читательницамъ, ѣдущимъ за границу. Мы знаемъ, что наши милыя дамы совершенно справедливо предпочитаютъ иностранныя шелковыя матеріи, преимущественно ліонскія, матеріаламъ нашего отечественнаго производства. Сознавая ихъ правоту, мы, однакожь, замѣтимъ, что свое предпочтеніе онѣ отдаютъ преимущественно дешевымъ сортамъ («чуть не даромъ купила я этотъ фай, всего по $5\frac{1}{2}$ фр. метръ»), и въ этомъ ихъ ошибка. Доброкачественныя шелковыя матеріи продаются по высокой цѣнѣ и въ самомъ Ліонѣ; дешевые же сорта представляютъ собой нахальнѣйшую поддѣлку. На легкую, разрѣженную тафту накладывается густо красящее вещество, съ прибавленіемъ желатина и другихъ продуктовъ, увеличивающихъ вѣсъ, и получается матерія на видъ плотная, на вѣсъ довольно тяжелая, которая и продается за фай. Но поносите платье изъ такой поддѣланной матеріи нѣкоторое время и весь искуственный придатокъ къ ней сойдетъ и вашъ костюмъ обратится въ ни на что негодную тряпку. Слѣдовательно, ваша «дешевая» матерія, въ концѣ концевъ, обойдется вамъ «очень дорого».

Не всѣ, однакожь, поддѣлки подъ натуральное, вредны или недобросовѣстны. Нѣкоторыя искуственныя поддѣлки подъ натуральные предметы, напротивъ, очень полезны и благотворны. Представьте себѣ, что кто-нибудь открылъ способъ приготовлять искуственный хлѣбъ изъ веществъ, очень дешевыхъ, производимыхъ во множествѣ самой природой и до сихъ поръ не имѣвшихъ практическаго примѣненія. Представьте себѣ, что искуственный хлѣбъ также здоровъ и питателенъ, какъ настоящій, и обходится бѣдняку въ нѣсколько разъ дешевле. Такое открытіе будетъ благодѣяніемъ для человѣчества, и оно, конечно, воздвигнетъ памятникъ изобрѣтателю, какъ благодѣтелю людей. Мы взяли случай, выходящій изъ ряду, мы говорили объ открытіи, съ которымъ не можетъ идти въ сравненіе никакое другое, хотя бы и великое, научное открытіе. Но если не найдется другого такого благотворнаго, по своимъ послѣдствіямъ искуственнаго производства, то нерѣдко являются полезныя открытія — дешевые суррогаты, замѣняющіе однородные дорогіе естественные предметы. Въ послѣднее время большой шумъ надѣлалъ искуственный рубинъ, добытый извѣстными парижскими химиками Фейлемъ и Фреми.

Рубинъ принадлежитъ къ семейству «корунтъ», который есть ничто иное, какъ кристализированный металлъ алюминій (или глиній, какъ его также называютъ). Если къ корунту не примѣшана никакая окись и онъ имѣетъ чистый бѣлый цвѣтъ, въ такомъ случаѣ, онъ зовется бѣлымъ сафиромъ. Затѣмъ, смотря по окраскѣ, онъ имѣетъ различныя названія: синій сафиръ, топазъ, аметистъ, рубинъ и другіе виды, различающіеся между собой оттѣнками цвѣтовъ. Корунты считаются драгоцѣнными камнями и потому имѣютъ высокую рыночную цѣнность. Но служа роскоши и щегольству, нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, рубинъ, имѣютъ примѣненіе и въ полезныхъ производствахъ. Часовое мастерство употребляетъ въ дѣло большое количество рубиновъ; употребляется онъ и въ другихъ производствахъ, почему цѣна на рубинъ постоянно держится большая. Удешевленіе его цѣны представляется въ интересахъ самой промышленности, но, какъ мы увидимъ ниже, промышленники имѣютъ свой особый взглядъ на дешевизну, обусловливаемый, конечно, тѣмъ, что послѣдствія дороговизны отражаются не на нихъ (они получатъ свой процентъ), а на потребителяхъ.

Фреми и Фейль положили въ стекло-обжигательную печь нѣкоторое количество плавкаго алюмината и кремнезема (до 30 килограмовъ) и продержали ихъ въ ней двадцать дней; во все это время въ печи постоянно поддерживалась самая высокая температура. Кремнеземъ, подъ вліяніемъ жара, замѣстилъ въ алюминатѣ алюминій, который, въ свою очередь, кристализировался. Полученные кристалы алюминія представляли собою чистый корунтъ, по твердости своей превосходившій даже настоящій. Оставалось только придать ему цвѣтъ рубина; для этого къ алюминату и кремнезему было примѣшано отъ 2—3% двухромово-калиевой соли. Примѣшивая къ смѣси другія окиси, Фреми и Фейль воспроизвели почти всѣ виды корунта. Искуственный рубинъ до такой степени походитъ на естественный, что почти не представляется возможности отличить ихъ одинъ отъ другого. По мнѣнію нѣкоторыхъ, искуственный даже тверже настоящаго и потому пригоднѣе, напримѣръ, въ часовомъ мастерствѣ.

Фейль и Фреми не дѣлали секрета изъ своего открытія, при чемъ заявили, что искуственный рубинъ будетъ стоить очень дешево, а такъ какъ онъ своими качествами равенъ естественному, то, очевидно, послѣдній будетъ вытѣсненъ изъ употребленія. Прочитавъ такое заявленіе, брилліантщики, получавшіе значительные барыши отъ продажи естественныхъ рубиновъ, всполошились. Они накинулись на искуственный рубинъ и ославили его никуда негоднымъ «стекломъ». Будемъ, однакожь, надѣяться, что, несмотря на ихъ протестъ, искуственный рубинъ займетъ подобающее ему мѣсто въ промышленности, а за нимъ появятся и другіе виды корунта, воспроизведенные искуственно. А затѣмъ, несомнѣнно, настанетъ очередь алмаза.

Покончивъ съ химіею, перейдемъ въ область біологіи. Мы всегда съ особеннымъ удовольствіемъ заявляемъ о проявленіи женской инціативы въ такихъ областяхъ человѣческой дѣятельности, гдѣ, къ сожалѣнію, она встрѣчается еще очень рѣдко. На этомъ разъ мы будемъ имѣть дѣло съ образцомъ изумительной женской настойчивости при производствѣ научныхъ опытовъ. Знаменитая теорія Дарвина о происхожденіи видовъ, побудила зоологовъ обратить особенное вниманіе на земноводныхъ животныхъ.— Ученые экспериментаторы стали подпиливать, подрѣзывать и отравлять земноводныхъ въ такомъ множествѣ, что эти безвредныя существа вполнѣ справедливо заслужили имя «мучениковъ дарвиновой теоріи».

Въ 1865 году въ парижскомъ ботаническомъ саду случилось событіе, взволновавшее одновременно и защитниковъ, и противниковъ дарвиновской теоріи естественнаго подбора; и тѣ, и другіе объясняли это событіе въ пользу именно своего ученія. Мехиканскій аксолотль (земноводное), жившій въ водѣ, вышелъ на берегъ, развилъ легкія и превратился изъ постоянно-жабернаго въ животное другой семьи, въ американскую амблистому, живущую на сушѣ. Возгорѣлся научный споръ, были произведены опыты надъ амблистомами, и оказалось, что когда онѣ были поставлены въ соотвѣтственныя ихъ организму условія жизни, онѣ стали размножаться также хорошо, какъ и въ прежнемъ своемъ состояніи дышащихъ жабрами аксолотлей. Далѣе оказалось, что и въ своемъ отечествѣ, въ мехиканскомъ озерѣ Тецкуко, аксолотль потому только не превращался въ дышащее легкими животное, что по мѣстнымъ условіямъ онъ не могъ выйти на берегъ озера; спасаясь отъ окончательной гибели, животное приспособилось къ средѣ, въ которой ему приходилось по неволѣ жить и стало размножаться безъ метаморфозы въ животное, дышащее легкими. То же самое случилось и съ альпійскою саламандрою. Итальянскій зоологъ Филиппи нашелъ ее въ 1861 году въ долинѣ Фермаца на высотѣ 4,000 футовъ. Саламандры обыкновенно кладутъ яйца, изъ которыхъ развиваются дышащіе жабрами зародыши, живущіе сначала въ водѣ, а затѣмъ, по выходѣ на сушу, теряющіе жабры и начинающіе дышать легкими. Альпійская саламандра, за неимѣніемъ въ мѣстности, гдѣ она живетъ, озеръ и лужъ, вынуждена была сократить процессъ своего развитія: она не кладетъ яицъ, а рождаетъ живыхъ дѣтенышей, уже при рожденіи обладающихъ легкими; жабры же эти существа сохраняютъ только въ чревѣ матери, когда онѣ имъ вовсе не нужны. Эти факты ясно показали ученымъ, что семейства саламандровыхъ и протеевыхъ въ классѣ земноводныхъ не имѣютъ существеннаго значенія, такъ какъ только отъ окружающей обстановки зависитъ, нужно ли имъ предварительно быть жаберными животными, чтобы потомъ перейти въ дышащихъ легкими, или же прямо рождаться животными, организмъ которыхъ приспособленъ для жизни на сушѣ. Отсюда понятно, что опыты искуственнаго приспособленія этихъ животныхъ къ данной обстановкѣ представлялись чрезвычайно интересными и ими занялись многіе зоологи, преимущественно же Дюшериль и фон-Зибольдъ. Дюшериль отрѣзывалъ жабры у аксолотлей, желая принудить ихъ обратиться въ дышащихъ легкими амблистомъ, но, какъ бы на зло ему, у аксолотлей снова выростали жабры. Фон-Зибольдъ вынималъ изъ брюха альпійской саламандры зародышей, имѣвшихъ жабры, и заставлялъ ихъ жить въ водѣ, но они умирали и, такимъ образомъ, опыты не удавались. Но въ чемъ не успѣли мужчины, то совершила женщина; она побѣдила, наконецъ, упрямыхъ животныхъ. Дѣвица Марія фон-Хауфенъ принудила аксолотлей обратиться въ амблистомъ и выростила зародышъ альпійской

саламандры подъ водой до того момента, когда онъ естественно обратился въ дышащее легкими животное. Она производила опыты надъ пятью аксолотлями и двумя альпійскими саламандрами. Настойчивая дѣвица то увеличивала, то уменьшала количество воды, въ которой жили животныя, подвергнутыя опыту, она мыла ихъ теплой водой, клала имъ въ ротъ червей и щипала за хвостъ этихъ червей, чтобы тѣ сами шли въ горло животнымъ, совершенно терявшимъ апетитъ и не желавшимъ принимать пищу. Три аксолотля и одна саламандра умерли, но остальные два аксолотля, обратившіеся въ амблистомъ и одна саламандра, развившаяся въ жаберное животное, дали поводъ къ такому формулированію новой гипотезы для исторіи органическаго міра: дышащія легкими земноводныя произошли изъ земноводныхъ, имѣвшихъ жабры и на эту метаморфозу оказалъ непосредственное дѣйствіе цѣлый рядъ сухихъ временъ года. Слѣдуетъ замѣтить, что при опытахъ дѣвицы Хауфенъ надъ аксолотлями, жабры ихъ просто сжимались отъ дѣйствія воздуха и высыхали, а не были переработаны жизненнымъ процессомъ.

Новую научную гипотезу, выведенную изъ опытовъ дѣвицы Хауфенъ, подтверждаютъ также опыты и наблюденія, произведенныя Баве, Бэло, Гундлахомъ и Кругомъ въ Порторико надъ мартиникской лягушкой, изъ которыхъ оказалось, что эта лягушка развивается изъ яйца, не переходя черезъ форму головастика; зародыши выходили въ свѣтъ безъ жабръ, съ легкими, а также съ передними и задними оконечностями. Обстоятельства заставили эту лягушку жить въ сухой мѣстности, гдѣ отсутствовала вода, и она постепенно примѣнила отправленія своего организма къ спеціальнымъ жизненнымъ условіямъ, въ которыя она была поставлена силой обстоятельствъ помимо своей воли.

Интересны также опыты Маро надъ рыбами; онъ убивалъ однихъ, заставлялъ задохнуться другихъ въ стоячей водѣ отъ недостатка кислорода, дѣлая все это съ цѣлію изслѣдовать роль плавательнаго пузыря. Опыты этого ученого привели его къ выводу, что плавательный пузырь у рыбъ исполняетъ роль дыхательнаго органа; а также, что постепенное преобразованіе этого органа дало легкія птицамъ и млекопитающимъ.

Въ заключеніе нашей хроники скажемъ нѣсколько словъ о новомъ изобрѣтеніи извѣстнаго изобрѣтателя фонографа, Эдиссона. Изобрѣтенный имъ новый аппаратъ называется аэрофонъ. При его помощи сказанное слово повторяется звукомъ въ пятьсотъ разъ сильнѣйшимъ, слѣдовательно, слышнымъ на очень далекое разстояніе. Аппаратъ этотъ приводится въ дѣйствіе паромъ и можетъ быть съ успѣхомъ примѣненъ на корабляхъ во время бурь вмѣсто рупора; благодаря ему не одинъ погибающій корабль можетъ быть спасенъ во время бури. **Н. И.**

Дѣйствія правительства.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра юстиціи о подсудности и порядкѣ производства дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ министра, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей устава угол. судопр., изд. 1876 г. (т. XV, ч. 2), постановить:

1) Дѣла о государственныхъ преступленіяхъ вѣдаются: а) судебными палатами, когда преступленіе не влечетъ за собою, по закону, наказанія, соединеннаго съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія; б) судебными палатами въ усиленномъ составѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, или же, когда о семъ послѣдуетъ высочайшее повелѣніе, особымъ присутствіемъ правительствующаго сената съ участіемъ означенныхъ представителей, если за преступленіе опредѣлено въ законѣ наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія; в) верховнымъ уголовнымъ судомъ, когда по случаю обнаруженнаго въ разныхъ краяхъ государства общаго заговора противъ верховной власти, или противъ установленнаго закономъ образа правленія и порядка наслѣдія престола, послѣдуетъ высочайшій указъ о разсмотрѣніи дѣла въ семъ судѣ.

2) Обязанность производства предварительныхъ слѣдствій о государственныхъ преступленіяхъ по каждому судебному округу возлагается ежегодно высочайшею властью, по представленіямъ министра юстиціи, на одного изъ членовъ подлежащей судебной палаты. Къ производству таковыхъ слѣдствій назначенные для сего члены судебныхъ палатъ приступаютъ по распоряженію министра юстиціи. Слѣдствія эти производятся ими при личномъ присутствіи прокурора палаты или его товарища.

3) Жалобы на дѣйствія члена судебной палаты при производствѣ предварительнаго слѣдствія, по государственнымъ преступленіямъ, подвѣдомымъ судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей или особому присутствію правительствующаго сената, приносятся судебной палатѣ или особому присутствію сената, по принадлежности, и разсматриваются ими безъ участія сословныхъ представителей, по выслушаніи заключенія прокурора палаты, или оберъ-прокурора уголовнаго касаціоннаго департамента сената, или ихъ товарищей, по принадлежности.

4) По окончаніи предварительнаго слѣдствія, оно препровождается къ прокурору судебной палаты, который поступаетъ на слѣдующемъ основаніи: а) когда дѣло подлежитъ вѣдѣнію судебной палаты, прокуроръ составляетъ по оному обвинительный актъ или заключеніе о прекращеніи слѣдствія. Относительно преданія суду прокуроръ руководствуется: по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію съ участіемъ сословныхъ представителей—ст. 1,052, а по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію безъ ихъ участія — статьею 1,053 уст. угол. суд, изд. 1876 года (т. XV, ч. 2); въ отношеніи же къ прекращенію слѣдствія какъ по тѣмъ, такъ и по другимъ дѣламъ, прокуроръ соблюдаетъ правила, изложенныя въ статьѣ 1,054 того же устава; б) если слѣдствіе имѣетъ предметомъ преступленіе, подвѣдомое особому присутствію правительствующаго сената, то дѣло представляется министру юстиціи.

5) Производство дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ въ особомъ присутствіи правительствующаго сената остается на существующемъ основаніи. Относительно же дѣлъ, подвѣдомыхъ судебнымъ палатамъ, соблюдается нижеслѣдующее (ст. 6—10).

6) Государственныя преступленія, подвѣдомыя судебной палатѣ, подлежатъ разсмотрѣнію уголовнаго ея департамента; но по дѣламъ, влекущимъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, въ палатѣ составляется присутствіе въ усиленномъ составѣ: изъ старшаго предсѣдателя палаты, четырехъ членовъ уголовнаго ея департамента и сословныхъ представителей. Членъ палаты, производившій предварительное слѣдствіе, не можетъ быть судьею въ изслѣдованномъ имъ дѣлѣ. Въ случаѣ недостатка членовъ уголовнаго департамента палаты для составленія означеннаго присутствія, таковое пополняется порядкомъ, установленнымъ въ статьяхъ 270 и 271 общ. учр. губ. (т. II, ч. 1, изд. 1876 года)

7) Засѣданія судебной палаты открываются или въ томъ городѣ, гдѣ учреждена палата, или же, въ случаѣ надобности, въ одномъ изъ другихъ городовъ, принадлежащихъ къ ея округу, по опредѣленію о семъ палаты.

8) Относительно назначенія въ составъ присутствія палаты (ст 6-я) сословныхъ представителей, наблюдаются слѣдующія правила: а) составъ присутствія пополняется губернскимъ предводителемъ дворянства той губерніи, гдѣ дѣло разсматривается, однимъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, состоящихъ въ округѣ мѣстнаго окружного суда, однимъ изъ городскихъ головъ того же округа и однимъ изъ волостныхъ старшинъ мѣстнаго уѣзда; б) изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, городскихъ головъ и волостныхъ старшинъ, призываются къ засѣданію въ палатѣ преимущественно тѣ, которые состоятъ въ сихъ должностяхъ болѣе одного срока выборной службы, и только за недостаткомъ такихъ лицъ призывъ обращается и къ избраннымъ на занимаемыя ими должности въ первый разъ. Призываемымъ лицамъ палата ведетъ очередь по спискамъ, доставляемымъ ей ежегодно губернаторами входящихъ въ составъ ея округа губерній; в) въ случаѣ отвода мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства, въ составъ присутствія приглашается губернскій предводитель дворянства ближайшей губерніи, а, въ случаѣ отвода другихъ временныхъ членовъ присутствія, приглашаются, по очереди, лица одинаковаго званія съ отведенными; г) въ отношеніи къ сословнымъ представителямъ соблюдаются правила, изложенныя въ ст. 1,063-й и 1,064 уст. угол. суд., изд. 1876 года (т. XV-й, ч. 2-я)

9) Къ производству въ судебной палатѣ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, какъ съ участіемъ, такъ и безъ участія сословныхъ представителей, примѣняются правила, содержащіяся въ ст. 1,065-й, 1,069-й и 1,070-й уст. угол суд., изд. 1876 г.

10) На приговоры судебной палаты, постановленные безъ участія сословныхъ представителей, допускаются апеляціонные отзывы и протесты; на приговоры же, постановленные съ участіемъ означенныхъ представителей, могутъ быть приносимы жалобы и протесты касаціонные. Всѣ сіи отзывы, жалобы и протесты разсматриваются уголовнымъ касаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената. Въ случаѣ отмѣны приговора въ касаціонномъ порядкѣ, дѣло обращается, для новаго производства, въ другую судебную палату.

II. Изложенныя выше правила примѣнить ко всѣмъ дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, по коимъ не послѣдовало преданіе обвиняемыхъ суду.

Его Императорское Величество, 9-го мая 1878 года, изложенное мнѣніе государственнаго совѣта высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра юстиціи о временномъ измѣненіи подсудности и порядка производства дѣлъ по нѣкоторымъ преступленіямъ, и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ министра, мнѣніемъ положилъ:

I. Дѣла: 1) о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ главахъ первой, второй и пятой раздѣла IV-го улож. о наказ., изд 1866 года, когда они влекутъ за собою наказаніе, соединенное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія; 2) объ убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ, нанесеніи имъ ранъ или увѣчій и другихъ насильственныхъ противъ нихъ дѣйствіяхъ, а также объ угрозахъ имъ, когда преступленія эти совершены при исполненіи должностными лицами служебныхъ обязанностей, или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, и также влекутъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія—подчинить временно, въ отношеніи подсудности, преданія суду и производства самаго суда, порядку, установленному для производства дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Предварительныя слѣдствія по симъ дѣламъ производить чрезъ судебныхъ слѣдователей, съ соблюденіемъ общихъ правилъ, содержащихся въ раздѣлѣ II-мъ уст. угол. суд., изд. 1876 года (т. XV-й, ч. 2-я).

II. Означенный въ ст. I-й порядокъ, но лишь въ отношеніи къ подсудности и производству суда, примѣнять временно же и къ дѣламъ о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 395-й улож. о наказ., изд. 1866 года, въ тѣхъ случаяхъ, когда оныя подлежали бы вѣдѣнію окружнаго суда или судебной палаты; дѣла же о преступленіяхъ сего рода, подсудныя касаціонному департаменту правительствующаго сената, оставить въ вѣдѣніи этого департамента, производя оныя безъ участія присяжныхъ засѣдателей

III. Указанныя въ статьяхъ I-й и II-й мѣры примѣнить ко всѣмъ дѣламъ о вышеозначенныхъ преступленіяхъ, по коимъ еще не послѣдовало преданіе обвиняемыхъ суду.

Его Императорское Величество, 9-го мая сего года, изложенное мнѣніе государственнаго совѣта высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Новости наукъ и жизни.

— **Столѣтній юбилей Г. Ф. Квитки.** Въ нашей журналистикѣ нерѣдко раздаются сѣтованія на общество за то, что оно плохо знакомо съ своей родной литературой. Но оказывается, что и сами литераторы знаютъ не лучше. Нѣсколько дней тому назадъ въ «Спб. Вѣд.» было напечатано слѣдующее извѣстіе: «Харьковцамъ предстоитъ чествованіе ихъ славнаго земляка въ день его столѣтней годовщины. Дѣло въ томъ, что уже много лѣтъ живетъ въ Харьковѣ извѣстный малорусскій писатель Григорій Федоровичъ Квитка. Всѣмъ извѣстны его малороссійскія оперетки, во главѣ которыхъ стоитъ, надѣлавшая въ свое время фуроръ, «Наталка-Полтавка». Кромѣ оперетокъ, г. Квитка писалъ и серьезныя сочиненія, въ которыхъ всегда выражалась его безпредѣльная любовь къ своимъ соотечественникамъ, къ своей родинѣ. Черезъ полгода этому уважаемому литератору и симпатичному человѣку исполнится ровно 100 лѣтъ».

Большинство газетъ перепечатали это заявленіе, хотя въ немъ нѣтъ ни одного слова правды. Между тѣмъ Квитка въ свое время принадлежалъ къ числу далеко не заурядныхъ писателей и его беллетристическія произведенія пользовались извѣстностью. Невѣрное извѣстіе опровергнуто племянницей покойнаго Квитка, г-жей Бащуцкой, напечатавшей въ «Голосѣ» письмо слѣдующаго содержанія:

«Прочитавъ извѣстіе, почерпнутое изъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», о намѣреніи харьковцовъ чествовать столѣтіе земляка ихъ, Григорія Федоровича Квитки (№ 138-й «Голоса»), который, будто бы, много лѣтъ живетъ въ Харь-

ковѣ, я, какъ ближайшая его родственница, нахожу необходимымъ исправить ошибку, вкравшуюся въ это извѣстіе. Родной дядя мой, Г. Ф. Квитка, скончался въ Харьковѣ 35 лѣтъ назадъ— въ 1843 году, и поэтому лишонъ возможности быть лично свидѣтелемъ сочувствія къ нему его согражданъ. Доказательствомъ того, что эта за любовь современниковъ была несомнѣнна, можетъ служить помѣщенное въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» того времени краткое описаніе его похоронъ, писанное Изм. Ив. Срезневскимъ, глубоко прочувствованное и вѣрно изобразившее привязанность къ нему всего народонаселенія города.

«Дядя мой не принималъ никакого участія въ составленіи оперы «Наталка-Полтавка».

М. Башуцкая».

— **Расторженные браки.** Изъ вѣдомости о бракоразводныхъ дѣлахъ по св. синоду за 1876 годъ видно, что браковъ въ томъ году расторгнуто 1,023. Въ томъ числѣ 2 брака признаны незаконными по близкому родству супруговъ; 29 браковъ расторгнуты за вступленіемъ въ бракъ при жизни одного изъ супруговъ; 15—за неспособностью одного изъ супруговъ къ брачному сожитію; 80—за прелюбодѣяніе; 650—по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ и 247—за ссылкою одного изъ супруговъ въ каторжныя работы и на поселеніе.

— **Новая полярная экспедиція.** Издатель газеты «New-York-Herald», Джемсъ Гордонъ Беннетъ, снаряжаетъ полярную экспедицію, къ которой уже сдѣланы всѣ приготовленія. Съ этою цѣлью Беннетомъ купленъ англійскій корабль «Пандора», уже плававшій въ полярныхъ водахъ и приспособленный для подобныхъ экспедицій. Беннетъ намѣренъ пригласить для этой экспедиціи полный персоналъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ должны находиться астрономы, ботаники, зоологи, метеорологи и пр. Онъ надѣется, что въ іюнѣ 1879 г. экспедиція его отплыветъ изъ Санъ-Франциско.

— **Ядовитыя мухи.** Въ Данію и Швецію прилетѣли ядовитыя мухи, укушеніе которыхъ дѣйствуетъ гибельно на скотъ. Въ шведскихъ газетахъ напечатано донесеніе объ этихъ насѣкомыхъ, присланное въ коммерческую колегію Швеціи генеральнымъ шведско-норвежскимъ консуломъ въ Копенгагенѣ, изъ котораго оказывается, что въ лѣсныхъ окрестностяхъ Силькеборга и Выборга появились тучи черныхъ насѣкомыхъ, длиною въ $1\frac{1}{2}$ линіи, принадлежащихъ къ какой-то особенной породѣ мухъ или осъ, убійственныхъ для рогатаго скота и лошадей, которыхъ они жалятъ въ самыя чувствительныя мѣста, при чемъ животное, облизавшее уколъ, обречено на вѣрную и скорую смерть. Ученые признаютъ въ этомъ насѣкомомъ ядовитую муху, обыкновенно заражающуюся въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Венгріи и уже три года спорадически показывавшуюся на Ютландѣ.

— **Убійца-ребенокъ.** Корреспондентъ газеты «Голосъ» изъ Валокъ, харьк. губ. пишетъ: «26-го мая будетъ разсматриваться рѣдкое въ лѣтописи уголовныхъ процессовъ дѣло. Обвиняется девятилѣтній мальчикъ Падченко, изъ мести убившій свою мать за близкія отношенія ея къ какому-то постороннему человѣку. По слухамъ, убійство произошло слѣдующимъ образомъ: вдова Падченко находилась въ интимныхъ отношеніяхъ съ какимъ-то, кажется, чиновникомъ. Сынъ ея, замѣчая это, глубоко оскорблялся такою невѣрностью къ памяти его отца и даже неоднократно упрекалъ свою мать въ этомъ. Мать отвѣчала только смѣхомъ на убѣжденія мальчика. Возмущенный невниманіемъ къ его словамъ, ребенокъ рѣшился на убійство матери. Заранѣе, собственноручно вырылъ онъ въ погребѣ яму, чтобъ скрыть трупъ матери. Однажды, когда мать задремала, ночью, несчастный, взявъ топоръ, приблизился къ ея постели, но, боясь разбудить ее, сталъ дожидаться, пока его жертва крѣпче уснетъ. Слабые нервы ребенка, однакожь, не выдержали такого напряженія, и онъ минутъ черезъ пять съ топоромъ въ рукахъ, заснулъ крѣпкимъ сномъ. Долго спалъ мальчикъ въ такомъ положеніи, пока мать, наконецъ, не пробудилась уже на разсвѣтѣ. Можно вообразить себѣ ея ужасъ, когда она увидала передъ собою сына съ топоромъ въ рукахъ. Разбуженный ею мальчикъ съумѣлъ, однакожь, скрыть причину своего присутствія у ея постели. На слѣдующую ночь Падченко снова подошелъ къ крѣпко спавшей матери и на этотъ разъ ударомъ топора убилъ ее сразу. Совершивъ преступленіе, онъ самъ стащилъ трупъ въ погребъ и собственноручно зарылъ его въ приготовленную имъ яму. Харьковскіе жители до такой степени заинтересованы этимъ дѣломъ, что многіе изъ нихъ ѣдутъ только для этого дѣла въ Валки. Защиту убійцы взялъ на себя профессоръ уголовнаго права г. Владиміровъ».

— **Новая книга.** Давно замѣчаемый у насъ недостатокъ въ такомъ руководствѣ къ сельскохозяйственнымъ изслѣдованіямъ, которое соотвѣтствовало бы современному положенію науки, восполненъ на-дняхъ переводомъ сочиненія по этому вопросу профессора Э. Вольфа. Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія сдѣланъ подъ редакціею проф. Г. Густавсона съ дополненіями, большею частью по сочиненію Грандо: «Traité d'analyse des matières agricoles». Въ руководствѣ Вольфа обращено особенное вниманіе на тѣ аналитическіе методы, которые были признаны на съѣздахъ агрономическихъ химиковъ въ Германіи наиболѣе соотвѣтствующими своей цѣли и рекомендованы для всеобщаго употребленія. Ц. книги 1 р. 50 к.

— **А. С. Роговичъ.** Скончавшійся на-дняхъ Александръ Семеновичъ Роговичъ, извѣстенъ въ русской литературѣ многими учеными трудами. Занимавши многіе годы кафедру ботаники въ университетѣ св. Владиміра, покойный обратилъ свое вниманіе на обогащеніе нашихъ свѣдѣній объ естественныхъ богатствахъ губерній кіевскаго учебнаго округа. Такъ, въ трудахъ коммиссіи, описывавшей означенныя губерніи, помѣщены его матеріялы для характеристики мѣстной флоры, въ трудахъ кіевскаго общества статьи о минеральныхъ богатствахъ края, о слѣдахъ здѣсь человѣка и др. Минералогическое общество увѣнчало составленное имъ описаніе рыбъ преміею.

— **И. А. Монигетти.** Скончавшійся на-дняхъ Ипполитъ Антоновичъ Монигетти, родился въ Москвѣ въ 1819 году, обучался въ мѣстномъ строгановскомъ училищѣ техническаго рисованія, а затѣмъ въ петербургской академіи художествъ; но въ послѣдней курса не кончилъ по болѣзни. Онъ отправился заграницу, гдѣ и довершилъ свое образованіе. По возвращеніи въ Россію. Монигетти получилъ мѣсто архитектора въ Царскомъ селѣ. Здѣсь онъ построилъ между прочимъ извѣстныя турецкія бани на озерѣ. Изъ послѣдующихъ его работъ замѣчательны постройки въ Ливадіи, внутреннее убранство императорскихъ яхтъ: «Ливадія» и «Держава», Русская церковь въ Веве, въ Швейцаріи, проектъ политехническаго музея въ Москвѣ. Покойный считался однимъ изъ выдающихся техниковъ-рисовальщиковъ. Онъ скончался въ сумасшедствіи, которымъ страдалъ послѣдніе два года.

Телеграммы.

Берлинъ, 20-го мая. Предстоитъ подписаніе письменныхъ пунктовъ соглашенія между Англіей и Россіей. Сначала лордъ Биконсфильдъ объявилъ русскія предложенія недостаточными, но противъ этого возсталъ лордъ Салисбюри и сэръ Норскотъ. Въ этотъ критическій моментъ, германская дипломатія усердно дѣйствовала, стараясь склонить Англію къ уступчивости.

Въ пригласительномъ циркулярѣ Германіи на конгрессъ говорится, чтобы державы прислали своихъ делегатовъ для обсужденія на конгрессѣ—какія перемѣны необходимо произвести въ трактахъ 1856 и 1871 года въ виду недавнихъ событій и въ особенности принимая въ соображеніе послѣдній русско-турецкій договоръ.

— 22-го мая. Сегодня германское правительство отправило къ державамъ приглашенія на конгрессъ, открытіе котораго назначено 1 іюня.

Участвовать будутъ на конгрессѣ отъ Англіи—Биконсфильдъ, Салисбюри и Россель, отъ Франціи—Ваддингтонъ и (французскій посолъ въ Берлинѣ), отъ Германіи—Бисмаркъ и Бюловъ, отъ Италіи—Корти и Лонэ, отъ Австріи—Андраши и Геймерле, отъ Турціи—Садыкъ-паша и Садуллахъ-бей, отъ Россіи—графъ Шуваловъ и г. Убри. Составителемъ протоколовъ будетъ г. Радовицъ.

— 23 мая. Сегодня, около трехъ часовъ пополудни, когда императоръ Вильгельмъ проѣзжалъ по улицѣ «Unter den Linden», изъ окна втораго этажа въ домѣ № 18-й, на названной улицѣ, послѣдовали два выстрѣла, которыми его величество былъ раненъ въ нѣсколько мѣстъ. Виновникомъ покушенія оказался докторъ философіи и агрономъ (Landwirth) Карлъ Эдуардъ Нобилингъ, родившійся 10-го апрѣля 1848 года, въ Коллыно, близъ Бирнбаума, находящійся два года въ Берлинѣ и, съ начала января, живущій въ домѣ № 18-й, «Unter den Linden». Непосредственно послѣ совершенія преступленія, онъ былъ схваченъ и находится теперь подъ арестомъ. Оба выстрѣла по императору сдѣланы были Нобилингомъ изъ окна втораго этажа; стрѣлялъ онъ изъ заряженной дробью двустволки. При его арестованіи, онъ выстрѣлилъ по вошедшимъ въ его комнату лицамъ изъ заранѣе приготовленнаго револьвера, а потомъ нанесъ себѣ самъ тяжелую рану въ голову. Нобилингъ сознался въ своемъ злодѣяніи, но упорно умалчиваетъ о причинахъ, побудившихъ его къ этому дѣлу.

Императоръ, какъ видно изъ обнародованнаго бюллетеня, раненъ въ голову, обѣ руки и спину проникшими въ тѣло дробинками, числомъ около тридцати.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Мая 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 23. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 4 Іюня 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Бѣднякъ Философъ.

Стих. А. М-ва.

Nihil habeo,
Nihil timeo.

Бѣднякъ безпечный и веселый,
Не зная горя и заботъ,
Окончивъ бодро трудъ тяжелый,
Онъ бойко свищетъ и поетъ.
Пусть ничего онъ не имѣетъ,
Но онъ не труситъ ничего
И предъ грозою не блѣднѣетъ,
Какъ всѣ знакомые его.
Онъ смотритъ вслѣдъ имъ и смѣется
И говоритъ друзьямъ своимъ:
«Кто знаетъ, какъ еще придется
Когда нибудь окончить имъ».

Какъ въ лихорадкѣ, за наживой
Стремятся тысячи дѣльцовъ,
Изобрѣтая терпѣливо
Всю жизнь ловушки для глупцовъ;
А между тѣмъ банкротства, крахи,
Паденье цѣнности бумагъ
Самихъ ихъ держутъ въ вѣчномъ страхѣ
Передъ потерей разныхъ благъ.
Онъ смотритъ вслѣдъ имъ и смѣется
И говоритъ друзьямъ своимъ:
«Кто знаетъ, какъ еще придется
Когда нибудь окончить имъ».

Отцовъ наслѣдье проѣдая,
Живетъ безпутно молодежь
И, пѣшихъ грязью обдавая,
Стремится только на кутежъ.
Но долги-ль будутъ счастья лѣта?
Вѣдь, можетъ быть, иной потомъ
Съ клеймомъ червоннаго валета
Въ слезахъ предстанетъ предъ судомъ.
Онъ смотритъ вслѣдъ имъ и смѣется
И говоритъ друзьямъ своимъ:
«Кто знаетъ, какъ еще придется
Когда нибудь окончить имъ».

Къ подножью свѣтской модной львицы
За пару сладостныхъ минутъ
Покорно баловни столицы
Дары богатые несутъ.
Но, какъ блудящія кометы,
Блеснувъ надъ омутомъ столицъ,
Блудницы скроются со свѣта
Въ тьмѣ богадѣленъ и больницъ.
Онъ смотритъ вслѣдъ имъ и смѣется
И говоритъ друзьямъ своимъ:
«Кто знаетъ, какъ еще придется
Когда нибудь окончить имъ».

Народъ убогій безпощадно
И нагло грабитъ міроѣдъ,
Для «дѣтокъ» скапливая жадно
Гроши въ теченьи многихъ лѣтъ.
А дѣти-моты ожидаютъ
Когда умретъ онъ, какъ враги,
И скрягѣ злобно угрожаютъ,
Крича: «плати за насъ долги».
Онъ смотритъ въ слѣдъ имъ и смѣется
И говоритъ друзьямъ своимъ:
«Кто знаетъ, какъ еще придется
Когда нибудь окончить имъ».

Паскарель.

Романъ Уида.

Переводъ А. А. Разсказовой.

(*Продолженіе.*)

Кварталъ голубки.

I.

Темно, скучно, шумно, нездорово въ старинномъ кварталѣ «Серебряной Голубки»; а между тѣмъ онъ освященъ многими историческими воспоминаніями и именами, такъ что чувствуется какое-то очарованіе въ его перепутанныхъ мрачныхъ улицахъ, высокихъ стѣнахъ, закрывающихъ солнце, въ комнатахъ похожихъ на тюрьмы, въ окованныхъ желѣзомъ дворцахъ съ угрюмыми некрасивыми украшеніями, въ громадныхъ, черныхъ, какъ Тартаръ, аркахъ, въ узкихъ переулкахъ, гдѣ съ трудомъ могутъ разойтись два мула по скользкимъ неровнымъ каменьямъ. Здѣсь все полно воспоминаніями о привидѣніяхъ. Войдите сюда лѣтнимъ утромъ. Здѣсь не видно солнца, развѣ въ какомъ нибудь огороженномъ массивными стѣнами саду, позади угрюмо смотрящаго древняго дома съ гербомъ, куда залетѣли заблудшіе солнечные лучи и играютъ на сучкѣ лимоннаго дерева или на сломанномъ фонтанѣ. Здѣсь всегда темно, потому что дома очень высоки, а стѣны слишкомъ близки одна къ другой. Здѣсь все полно тѣмъ страннымъ запахомъ, присущимъ флорентинской старинѣ, который исходитъ изъ только что открытаго гроба древняго короля, пропитаннаго пряностями и благовоніями вощаннаго покрова.

Есть на свѣтѣ и добрые люди, хотя въ этомъ часто приходится сомнѣваться. Одна женщина, видѣла, какъ я три раза падала на камни передъ флорентинскимъ Пантеономъ; она отнесла меня къ себѣ на верхъ прежде, чѣмъ успѣлъ надо мною прозвонить колоколъ Мизерикордіи. Это была бѣдная старушка, пропитывавшаяся штопаньемъ шолковыхъ чулокъ танцовщицъ и барынь; жила она въ томъ узенькомъ кривомъ переулочкѣ въ тѣни Питти, въ которомъ старый Тосканелли мечталъ о дорогѣ по незнакомымъ водамъ къ неизвѣстной землѣ, а веселый Боккачіо съ своей иронической улыбкой останавливался посмотрѣть на придворныхъ дамъ, закутанныхъ въ усыпанные драгоцѣнными каменьями мѣха, несомыхъ въ носилкахъ съ золотою бахромою на праздники во дворцы Бардовъ и Фрескобальдовъ.

Она была загорѣлая и сморщенная старушка семидесяти лѣтъ; жила она въ обширной, пустой, каменной комнатѣ съ неоштукатуреннымъ потолкомъ; цѣлый день возилась съ чулками, выглядывая изрѣдка изъ окна, какъ дѣлывалъ до нея Бокаччіо, только вмѣсто носилокъ съ золотой бахромой и дамъ въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ, она видѣла усталыхъ муловъ, спѣшащій народъ, мелочныя лавочки торговцевъ бѣлья и платья и сапожника за своей работой. Въ этой пустой комнатѣ я лежала при смерти цѣлыя недѣли, перепутывая въ бреду города и деревни, цвѣты и пѣніе птицъ, звуки лютни и лунное сіяніе на маисовыхъ поляхъ, такъ что никто изъ слышавшихъ мой бредъ ничего не могъ понять. Въ этой комнатѣ держала меня старушка; тутъ же я медленно возвратилась къ жизни, какъ всегда случается въ молодости, хотя бы и противъ нашего желанія; тутъ поправлялась я, угрюмая, мрачная, безъ надежды въ будущемъ. Тутъ же у окна своего чердака сидѣла старушка, по цѣлымъ днямъ чиня своей искусной иглой шелковые чулки, щебеча безъ умолку на своемъ тосканскомъ нарѣчіи, чтобы развеселить меня; у нея были готовы исторіи чуть не на каждый чулокъ, лежавшій въ смѣшанной кучѣ въ бѣлевой корзинѣ у ея ногъ—о нуждающихся герцогиняхъ и веселыхъ балеринахъ. Она была поэтомъ, неумѣвшимъ читать; а только чувствовать, какъ и милліоны ея соотчичей. Паскарель говорилъ бы съ нею по цѣлымъ часамъ, слушая исторіи всей этой кучи чулокъ. Но отъ ея болтовни я становилась мрачнѣе, сердце мое болѣло сильнѣе и самая жизнь казалась болѣе отчаянной. Я была неблагодарна, безсердечно неблагодарна, какъ только можно быть въ ранней молодости. Позже, послѣ многихъ страданій мы научаемся цѣнить руку, срывающую листъ подорожника, чтобы наложить его намъ на мѣсто, ужаленное крапивой, хотя ни какой бальзамъ не можетъ исцѣлить ранъ сердца.

Старая Жіудета, оставляя часто работу у своего окна, подходила въ тотъ уголъ, гдѣ я лежала на постели, и молилась за меня каждое утро, въ холодномъ безмолвіи, передъ краснымъ съ голубымъ изображеніемъ Мадонны въ мѣдной оправѣ, хотя я, стонущая и рыдающая цѣлыми днями, должна была казаться ей маленькой язычницей. Какъ добра была эта старушка, проводившая время за работой съ ранней утренней зори до послѣдняго мелькапія масляной лампы. Да, она была истинно добра. Она умерла годъ спустя, послѣ одного дня болѣзни, съ иголкою въ изсохшей, труженической рукѣ и улыбкой на губахъ, какъ говорили мнѣ, съ желаніемъ знать, позволитъ ли ей Мадонна тамъ, на небѣ, чинить иногда, для воспоминанія только. Я приказала поставить надъ ея могилой бѣлый мраморный крестъ. Холодная благодарность, скажете вы?— но развѣ я хуже народовъ, которые измѣряютъ свой долгъ вышиной и шириной статуй.

Да, она была очень добра ко мнѣ, а я страшно неблагодарна. Она была бѣдна, но отказывала себѣ въ лишней пищѣ, въ маслѣ для лампы, чтобы соблазнить мое болѣзненное равнодушіе розовымъ мясомъ колючей фиги или свѣжей гранатой. Дѣтей у нея не было; веселая, любимая сосѣдями, она и не нуждалась во мнѣ; но едва ли бы мать могла переносить терпѣливѣе мою неблагодарность и отчаяніе. Я была такъ молода, несчастна, одинока, это тронуло ее и она держала меня. Вы, говорящіе, что подъ распустившимся на солнцѣ цвѣткомъ итальянской улыбки нѣтъ любви—какъ мало вы знаете, какъ вы лжете!... Слыхали ли вы когда нибудь о Синьѣ-Розѣ. Нѣтъ, не слыхали... Сорокъ лѣтъ жила она во вдовствѣ, на морскомъ берегу близь Ниццы; маленькая, слабенькая, красивая женщина, говорятъ, настоящая красавица,—я никогда не видала ее, она умерла, когда я была еще въ колыбели.—Повязавъ голову на манеръ крестьянокъ, она исполняла сама всѣ нужныя, домашнія работы и переходила за порогъ своего дома, только когда благовѣстъ къ ранней обѣднѣ разносился надъ апельсинными рощами; но къ ней отовсюду приходили ея соотечественники за утѣшеніемъ и совѣтомъ; въ ней соединялись кротость голубки и мудрость змѣи; миротвореніе было ея главной заботой, и всякій побывавшій у нея, выходилъ болѣе чистымъ, лучшимъ, утѣшеннымъ. Такъ жила она полстолѣтія, соединяя въ себѣ теплую любовь къ человѣчеству, вѣрность вдовства, страстную материнскую любовь, съ святостію монастыря; такъ жила она тамъ, гдѣ прибрежныя пальмы высятся къ синему небу и когда умерла она, десять тысячъ итальянцевъ провожали ее до могилы и до сихъ поръ ея имя поминается соотчичами наравнѣ со святыми. Синья-Роза была матерью Гарибальди. Развѣ безъ такихъ женщинъ въ Италіи возможны были бы такіе сыновья?

Начался зимній сезонъ удовольствій.

Однажды, лежа лицомъ внизъ на моемъ травяномъ матрацѣ, я услышала шумъ, веселые крики, музыку, звуки трубы и радостныхъ голосовъ. Другая старушка, товарка Жіудеты, подошла ко мнѣ; на ней была новая темная юбка, пунцовая лента въ сѣдыхъ волосахъ и нарядныя серебряныя серьги въ ушахъ.

— Я бы желала, чтобы вы встали и пошли со мной, бѣдняжка, сказала она ласково.—Вы еще такъ молоды, чтобы лежать и умирать такой же одинокой, какъ потерявшій мать козленокъ; начинается карнавалъ, его стоитъ посмотрѣть. Въ продолженіи семидесяти двухъ лѣтъ я не пропустила ни одного!

Я только вздрогнула, отвернулась отъ нея, глубже уткнувъ лицо свое въ темноту. Знакомое, веселое имя стараго короля, какъ ножемъ рѣзнуло меня по сердцу. Къ счастію, карнавалъ царствовалъ и шумѣлъ на томъ берегу Арно, а въ древнемъ мрачномъ кварталѣ «Серебряной Голубки» было тихо и пустынно; весь народъ толпился по ту сторону мостовъ, возвращаясь домой лишь въ холодные сумерки.

Жіудета осталась со мной, сидя у окна за своей работой.

II.

Прошли холода; наступила пріятная, весенняя погода, золотые тосканскіе дни и розоватые сумерки, привѣтствовавшіе меня, когда я первый разъ вступила во Флоренцію. Я провела три мѣсяца у Жіудеты, не покидая постели. Я представляла собою похудѣвшее, сжавшееся, утомленное существо съ громадными испуганными глазами и коротко остриженными кудрями; трудно было узнать во мнѣ дитя, путешествовавшее круглый годъ съ странствующимъ театромъ. Разъ, когда я, по обыкновенію, лѣнивая и слабая, лежала въ своей темной комнатѣ, куда едва проникалъ слабый свѣтъ изъ узкаго рѣшетчатаго окна, я услышала на улицѣ шумъ множества шаговъ и громкіе ликующіе голоса разбудили заснувшее эхо древнихъ стѣнъ. Жіудета, сидя у окна, отбросила чулки, бывшіе у нея въ рукахъ, и высунулась изъ окна, на сколько позволяла желѣзная рѣшотка, съ живымъ любопытствомъ во всей ея сухой, сгорбленной фигуркѣ и съ полуденнымъ солнцемъ, играющимъ на ея серебряныхъ серьгахъ.

— Что это такое? кричала она.—Что это за шумъ... весь городъ на ногахъ... у всѣхъ въ рукахъ трехцвѣтные флаги, за которые въ прежнее время сажали въ тюрьму и которые, по словамъ здѣшнихъ монаховъ, всегда накликаютъ отраву на колодцы и моровыя болѣзни. Вотъ и маленькій Тиста, сынъ булочника. Шустрый мальчишка! Тиста! скажи, что случилось? Взбѣсился народъ, что ли? или золотую шапку Жіото надѣли на верхушку колокольни? или папа пріѣхалъ? Что? остановись, Тиста, и разскажи.

Чистый, какъ серебряная труба въ день Пасхи, звонкій голосъ мальчика покрылъ радостный ревъ толпы и черезъ темноту комнаты дошелъ до меня.

— Паскареля выпустили изъ тюрьмы, и мы празднуемъ это. Украсьте, ваше окно, бабушка, а вечеромъ освѣтите его, не то мы побьемъ стекла.

Я, цѣлыхъ три долгихъ мѣсяца не покидавшая постели, вскочила на ноги и прижалась своими ослабѣвшими руками и впалыми щеками къ желѣзной рѣшеткѣ; я билась о нее грудью, какъ только что пойманная птичка. Я видѣла только веселую, шумную толпу, съ трецвѣтными флагами единой свободной Италіи съ высоко развивающимся краснымъ крестомъ Флоренціи.

Вечеромъ Жіудета, повѣсивъ свой фонарь надъ окномъ по наставленію Тисты, сама ушла по обыкновенію къ вечернѣ. Какъ только я услыхала его имя, произносимое на улицѣ, я прижалась къ рѣшоткѣ. Боже! я такъ любила его, и въ то же время такъ ненавидѣла. Онъ обманулъ меня! Эта мысль лежала свинцомъ на моемъ сердцѣ. Обыкновенное заблужденіе! Мужчины лгутъ женщинамъ по ошибочной нѣжности, по дурно понятому сожалѣнію или изъ странной боязни заслужить упрекъ, отъ которой не свободно самое испытанное мужество. Мужчина говоритъ женщинѣ неправду не по низости, а потому, что боится оскорбить ее истиной, боится ея упрековъ, боится бурныхъ сценъ и даже считая ее недостойной, жалѣетъ нанести ей рану въ ея слабости. Это обыкновенное заблужденіе! Но заблужденіе всегда пагубное.

Было темно; масляная лампа освѣщала оконную раму. Я забыла, что она освѣщаетъ мое лицо, прислоненное къ рѣшоткѣ, съ широко открытыми блестящими глазами, смотрящими на приближеніе толпы. Пробило восемь часовъ, какъ вдругъ въ тиши ночной раздался какъ бы шумъ бурнаго моря; то было ликованіе толпы, топотъ множества ногъ на мосту, звуки пѣсенъ. Я смотрѣла и слушала. Потокъ народа, прорвавшись черезъ узкій проходъ у Львиной пасти, направился по нашему кварталу; здѣсь были: ремесленники, живописцы, мозаисты, пильщики дровъ, башмачники, мелкіе торговцы съ развѣвающимися знаменами и веселыми криками и между ними по серединѣ темное поэтическое лицо Паскареля, съ задумчивыми глазами, освѣщенное блѣднымъ сіяніемъ луны. Едва дыша, смотрѣла я на лицо, которое не видала впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Я забыла о фонарѣ, освѣщавшемъ меня... онъ же, раскланиваясь съ народомъ, усыпавшимъ освѣщенныя окна, увидѣлъ меня, и съ громкимъ крикомъ спрыгнулъ съ высоты плечъ людей, несшихъ его, бросился по темной, крутой лѣстницѣ, выбилъ запертую дверь и влетѣлъ въ комнату... Съ громкимъ крикомъ обхватилъ онъ меня своими руками и прижалъ къ себѣ, какъ можетъ человѣкъ прижимать только дорогое умершее существо. Не знаю, сколько прошло времени; бываютъ года, въ которые человѣкъ не живетъ ни минуты, и бываютъ минуты, въ которыя проживается цѣлая жизнь. Зрѣніе мое померкло, всѣ предметы кружились, полъ дрожалъ, глаза мои закрылись подъ его поцѣлуями, я потеряла сознаніе, вокругъ меня распространился мракъ. Но это былъ пріятный, теплый мракъ лѣтней ночи, даже въ эту минуту, помню, я молилась о мгновенной смерти. Столбнякъ страсти прошелъ. Возвратилось сознаніе, я подняла голову и дрожа освободилась изъ его объятій... Я вспомнила... Онъ же, со взглядомъ, выражавшимъ смутную боязнь, притянулъ меня опять къ себѣ.

— Зачѣмъ вы на меня такъ смотрите? закричалъ онъ.

Не помню, что я отвѣчала ему. Сумасшедшіе упреки лились съ моего языка въ эти минуты жестокаго ослѣпленія. Я забыла его доброту, его достоинства, Боже прости меня! я все забыла! Онъ обманулъ меня; я помнила только это одно. Я жаждала его прикосновенія, взгляда, слова, какъ плѣнникъ—свободы, какъ умирающій—жизни; теперь же, когда онъ былъ предо мною, во мнѣ вспыхнула опять гордость и пожрала любовь. Я поражала его колкими упреками и язвительнымъ презрѣніемъ.

— Не дотрогивайтесь до меня, не дотрогивайтесь до меня! кричала я, вырываясь изъ его объятій.

Не знаю, что онъ мнѣ отвѣчалъ. Помню, онъ становился на колѣни, цѣловалъ мои руки, платье, ноги, изливалъ на меня со всѣмъ прежнимъ краснорѣчіемъ своей натуры восторгъ, скорбь, радость, стыдъ, угрызенія совѣсти, по мѣрѣ того, какъ они постепенно овладѣвали имъ.

— Любилъ ее! кричалъ онъ, когда я въ страшной ярости бросала въ него этими словами.— Любилъ ее! О Боже! не оскверняйте этого слова—дитя! Любовь? что общаго между любовью и пустыми увлеченіями, бездушными прихотями мужчинъ? Такъ поднимаютъ испорченную грушу въ золотой оболочкѣ, лежащую на тропинкѣ, по которой проходятъ лѣтомъ; въ ней не можетъ быть плода мысли, цвѣтка воображенія, аромата сердца и души. Поднималъ ее и другой прохожій, проходившій раньше? О радость моя, о сердце мое! послушайте и повѣрьте мнѣ! Если вы любите меня, ревнуйте къ вѣтру, вѣющему на меня, къ солнцу, освѣщающему меня, къ воздуху, которымъ я дышу, къ землѣ, по которой я хожу, но не къ бездушной любви. Ни одно мертвое, подвергшееся разложенію существо не причиняетъ мужчинѣ такого отвращенія, какъ эта вещь.

Я закрывала уши, чтобы не слушать его исходящихъ отъ сердца словъ. Я отнимала свои руки изъ его рукъ, вырывалась изъ его объятій.

— Вы только такъ говорите, повторяла я.— Какъ я могу вамъ вѣрить? Вы разъ уже обманули меня!

Его голова склонилась къ моимъ ногамъ; съ минуту онъ молчалъ, затѣмъ, поднимая свое лицо, блѣдное, какъ у мертвеца при лунномъ свѣтѣ, тихо проговорилъ:

— О дорогая моя! я это знаю. Но будьте добры, будьте терпѣливы; какъ же иначе я могъ поступить? Я былъ откровененъ съ вами... откровененъ, на сколько было возможно; не могъ же я показать обнаженное зло вашимъ невиннымъ глазамъ. Съ самаго начала я говорилъ, что мы не годимся для васъ; но вамъ такъ хотѣлось остаться съ нами, того же просило и мое сердце. Вы были такъ молоды, беспомощны, одиноки въ своемъ беззащитномъ невѣденіи; я пробовалъ найти вамъ лучшее пристанище, но не успѣлъ въ этомъ. А вы были счастливы и не видѣли зла. Грѣшно было полюбить васъ и допустить васъ полюбить меня. Да, я это знаю; но все случилось такъ естественно, невинно, непредвидѣнно, о свѣтъ очей моихъ! Я согрѣшилъ противъ васъ Но все время я старался, какъ умѣлъ, строго исполнять мой долгъ по отношенію къ вамъ. Неужели вы не простите мое заблужденіе?

Я почти сдавалась на его слова... Нетерпѣливая, удивленная, ожидающая толпа подняла громкій крикъ внизу на узкой улицѣ; но я слышала только этотъ звучный, могучій, страстный голосъ, бывшій для меня лучшей музыкой. Минута... слово... и онъ былъ бы мой опять; мой навсегда. А я, глупая, пустая, надменная, безсердечная дура! я закрыла ему мое сердце, стряхнула съ презрѣніемъ глубокое, какъ мечта, блаженство, низшедшее на меня. Какъ! губы, цѣловавшія ее, дотронутся до моихъ?... Какъ, человѣкъ, такъ низко погрязшій въ чувственномъ рабствѣ, будетъ у моихъ ногъ умолять меня о единеніи его души съ моей? Я не осмѣливалась взглянуть на него, а, отбросивъ назадъ свою голову, вырывалась изъ его рукъ.

— Да, вы говорите, какъ поэтъ! кричала я въ своемъ тщеславномъ дѣтскомъ гнѣвѣ.—Это ваше искусство, ваша профессія! Вы что угодно скажете въ стихахъ за чашку мѣдныхъ крестьянскихъ монетъ въ первый же вечеръ на деревенской ярмаркѣ. Вы—поэтъ и могли три года провести въ ея обществѣ; вы могли все это время безъ стыда показываться возлѣ нея на сценѣ, какъ ваша же собственная собака, связанная съ другой ошейникомъ, цѣпью! Я не хочу васъ слушать, не хочу! Слишкомъ поздно! Идите къ ней.. идите! Вы нашли, что она ровня вамъ, такъ берегите ее. Говорю вамъ, теперь слишкомъ поздно. Слова?... о да! Это ваше искусство, я знаю. Вы можете довести людей до слезъ и смѣяться надъ ними въ рукавъ. Вы можете смѣшить дѣтей и быть самому все время утомленнымъ и грустнымъ, какъ смерть? Ваша профессія—лгать. Ложью, двумя больше или меньше, что за важность? Вы обманываете женщину, что-жъ изъ этого. Вѣдь это ваше призваніе дурачить свѣтъ, подражая съ подложнымъ искусствомъ всѣмъ движеніямъ души. Въ этомъ вы упражняетесь на каждой сумасшедшей, полюбившей васъ, на ней, на мнѣ, на другой—не все ли равно? вы и теперь на подмосткахъ!

— И это говорите вы... вы? сказалъ онъ шепотомъ и замолчалъ, устремивъ на меня съ нѣмымъ упрекомъ свой взоръ, который, какъ ножъ, повернулся въ моемъ сердцѣ.

— Да, я говорю это... я... почему-жъ бы и нѣтъ? кричала я, упрекаемая совѣстью, за причиняемыя мною страданія и все-таки выходя изъ себя за то, что считала своей обидой.—Развѣ я не видала, не слыхала, не наблюдала сотни разъ, какъ вы розыгрывали какую угодно страсть? Какъ же легко вамъ было обмануть меня, ребенка, довѣрявшаго вамъ, принимавшаго каждое ваше слово на вѣру, какъ непреложный законъ Божій. Съ перваго дня до послѣдняго, вы обманывали меня, съ той минуты какъ вы дали мнѣ золотые гульдены до почи, когда сказали, что любите меня. Если бы вы дѣйствительно любили, развѣ вы допустили бы меня прожить хоть часъ въ этомъ раю лжи? Развѣ вы тогда не отыскали бы моего отца и родныхъ? Я происхожу изъ знатнаго рода, я вамъ это говорила; гдѣ нибудь же живутъ люди, которые признали бы меня своей, пріютили бы меня, подняли бы меня на общественной лѣстницѣ, въ общественномъ положеніи. Если бы вы любили меня, вы это сдѣлали бы. Я была слишкомъ молода, бѣдна, неопытна, чтобы розыскивать самой; вы хвастаетесь честностію; вы говорите, что вы послѣдній изъ рода могущественныхъ предковъ; хотя теперь вы не болѣе, какъ странствующій актеръ; если это такъ, если вы дѣйствительно достойны любви и расположенія народа, шумящаго внизу на улицѣ, развѣ вы бы позволили ногамъ вашимъ отдохнуть, глазамъ закрыться, пока не нашли бы мнѣ твердое, обезпеченное положеніе въ жизни, моихъ родныхъ, мое наслѣдство? Для меня это невозможно; для васъ же такъ легко! Тогда я могла бы повѣрить вашей любви.

Онъ, молча, выслушалъ меня. Мужчины вообще великодушны, онъ же обладалъ этимъ качествомъ въ высокой степени. Ни разу онъ не возвысилъ голоса, хотя бы могъ сказать совершенно справедливо: «Съ какой стати я сталъ бы спасать и служить вамъ? Зачѣмъ я не оставилъ васъ нищую въ лѣсу тамъ же, гдѣ нашелъ». Весь пылъ и жаръ страсти исчезъ съ его лица; оно сдѣлалось холоднымъ, безжизненнымъ, непроницаемымъ лицомъ итальянца въ страданіи.

— Вы, безъ сомнѣнія, правы, сказалъ онъ серьезно.—Лучше было бы мнѣ поступить такъ, какъ вы говорите. Но вы сомнѣваетесь, что я любилъ васъ?

— Съ чего я буду вамъ вѣрить? кричала я, не помня себя,—разъ, что вы заставили меня повѣрить лжи!

Его лицо сначала вспыхнуло, потомъ поблѣднѣло, какъ у мертвеца. Онъ вздрогнулъ какъ бы отъ сильнаго удара, за который нельзя отплатить тѣмъ же.

— Вы можете упрекать меня въ чемъ вамъ угодно, отвѣчалъ онъ кротко.—И какъ вамъ понять, какъ вамъ понять?

Тяжелый вздохъ заглушилъ послѣднія слова. Долго смотрѣлъ онъ на меня глазами полными отчаянія, которое навело на меня безмолвный ужасъ. Это такъ было не похоже на него, или я только воображала въ моемъ невѣденіи. Онъ замеръ въ этомъ взглядѣ. Мною овладѣвало конвульсивное желаніе броситься къ нему въ объятія, прощая и забывая все. Но въ своемъ упрямствѣ и злобѣ, оскорбленная въ самомъ дорогомъ, самомъ священномъ вѣрованіи моей короткой жизни, я, молча, не сдаваясь, стояла передъ нимъ съ сухими воспаленными глазами, съ презрительно сжатыми губами. Вѣроятно, что нибудь въ моей позѣ, взглядѣ, молчаніи оскорбило его, лицо его вспыхнуло и, принявъ свой прежній неустрашимый величественный видъ, онъ сказалъ:

— Даже вы не повторите мнѣ этого два раза. Я буду служить вамъ съ Божіей помощью другими путями, но вы не увидите меня болѣе. Прощайте.

Прежде, чѣмъ я успѣла понять смыслъ его словъ, онъ повернулся и скрылся изъ вида.

Одинъ шагъ, одинъ крикъ и онъ пришелъ бы назадъ. Но я стояла молча, безъ движенія, и онъ ушелъ. О Боже! Привѣтствія народа, толпившагося на лѣстницѣ, на улицѣ, громко раздались въ ночной тишинѣ. Я звала его назадъ, но напрасно; голосъ мой затерялся въ крикахъ толпы, какъ голосъ утопающаго ребенка въ шумѣ бури.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Состояніе дикихъ народовъ.

Ст. Шафгаузена.

Предметомъ естествознанія служатъ не только небо и земля, море и суша, животныя и растенія, но и человѣкъ, высшее изъ твореній. Воспроизводительное искусство считаетъ своею высшею задачею передачу человѣческаго образа,—придаваемаго даже и богамъ;—человѣческой красоты и человѣческихъ страстей; подобно тому же, нравственный законъ зоветъ человѣка къ самопознанію, «высшей цѣли человѣческой жизни», по выраженію величайшаго изъ греческихъ мудрецовъ, или «высшей людской добродѣтели», какъ то гласитъ древняя египетская надпись въ Саисѣ. Согласно тому же, главнѣйшею цѣлью науки остается тоже изученіе человѣка.

Но, предаваясь этому изученію, мы не должны ограничивать его анализомъ одного своего личнаго «я», или же принимать чью-либо одну постороннюю личность за истинное выраженіе всего человѣчества. Мы должны считать одинаково достойными нашего изученія людей всѣхъ странъ, всѣхъ вѣковъ и всѣхъ ступеней развитія, какъ утонченныхъ жителей европейскихъ городовъ, такъ и грубыхъ сыновъ пустыни. Многія ходячія мнѣнія о человѣкѣ вовсе не примѣнимы ко всему человѣчеству. Разумъ, такъ возвышающій человѣческій духъ, развитъ крайне неравномѣрно между всѣми людьми, подобно тѣлеснымъ чертамъ, нисходящимъ, иногда, до обезьяннаго безобразія, а въ другомъ случаѣ представляющимъ намъ идеалъ красоты.

Природа, обогащая каждый земной поясъ различными растеніями и животными, придала и человѣческому облику различный отпечатокъ подъ различными широтами; такимъ образомъ, для правильной оцѣнки человѣка, мы никакъ не должны разъединять его съ его окружающей природой. Индѣйскій охотникъ принадлежитъ своимъ степямъ и буйволовымъ стадамъ, какъ южно-американецъ своимъ первобытнымъ лѣсамъ, населеннымъ тапирами, обезьянами, попугаями; африканскій негръ нераздѣленъ съ своею финиковою пальмою, львами, жирафами; азіятскій индусъ съ своими рисовыми полями и слонами; лапландецъ и самоѣдъ немыслимы безъ оленей, какъ мы, европейцы, въ настоящемъ нашемъ видѣ, безъ хлѣбныхъ жатвъ и безъ рогатаго скота. Но, любуясь на свободное животное, которое наслаждается полнымъ, ничѣмъ не стѣсняемымъ развитіемъ своихъ силъ, мы признаемъ его за созданіе болѣе совершенное, нежели наши домашнія животныя, повинующіяся нашей волѣ, работающія на насъ или откармливающіяся для нашей потребности; наблюдая же съ любопытствомъ за дикимъ человѣкомъ, мы испытываемъ совершенно противоположное чувство, каждое дикое животное кажется намъ совершеннымъ въ своемъ родѣ: оно исполняетъ одно изъ предначертаній природы, наслаждается своимъ бытіемъ, и намъ не приходитъ на мысль сожалѣть о его участи; между тѣмъ, изучая жизнь дикаря, мы убѣждаемся въ безднѣ, отдѣляющей его отъ насъ, сомнѣваемся даже въ его принадлежности къ человѣчеству и испытываемъ, при этомъ, отвращеніе и презрѣніе къ подобному существу, или же болѣе благородное чувство, то есть сострадание, побуждающее насъ улучшить его участь.

Видъ чуждаго, никогда не виданнаго человѣка, производитъ всегда впечатлѣніе неожиданно-

Подарки.

сти на цивилизованныхъ людей. Когда, при открытіи новой части свѣта, европейцы увидѣли впервые американскихъ дикарей, то знаменитѣйшій врачъ того времени, Парацельсъ, воскликнулъ, что, сверхъ библейскаго Адама, долженъ былъ существовать еще и американскій Адамъ, потому что невозможно было допустить, чтобы столь различныя человѣческія расы происходили отъ одного общаго праотца. И папа Павелъ III долженъ былъ объявить особымъ указомъ, что американскіе туземцы настоящіе люди, не только способные, но и весьма склонные принять христіанскую вѣру. Императоръ Карлъ V объявилъ ихъ, вдобавокъ, и свободными людьми. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что обычай изображать дьявола чернымъ произошелъ отъ впечатлѣнія, производимаго безобразными лицами негровъ; а такъ какъ плеть бѣлаго гуляла по плечамъ негровъ, обращая ихъ хуже, нежели въ скотовъ, то неудивительно тоже, если негры стали изображать, съ своей стороны, злого духа не иначе, какъ бѣлымъ.

Защитники рабства опирали свою систему, главнѣйшимъ образомъ, на то, что негръ, по самому естеству своему, существо низшее, никакъ не равное, по рожденію, бѣлому человѣку, а потому недостойное свободы и обреченное только служить болѣе избранной расѣ. Подобныя воззрѣнія были изложены, не далѣе какъ въ 1865 г., партіей рабовладѣльцевъ, въ весьма распространенномъ ихъ циркулярѣ. Между тѣмъ, еще въ 1791 г., Питтъ младшій, ратуя за уничтоженіе торговли невольниками, напоминалъ своимъ соотечественникамъ, что и на ихъ островѣ приносились нѣкогда человѣческія жертвы и процвѣтала торговля рабами; такимъ образомъ, римскіе сенаторы имѣли бы право сказать о британскихъ варварахъ то самое, что приводилось англичанами о дикаряхъ Африки. Епископъ Ласъ-Казасъ, желая облегчить участь американскихъ индѣйцевъ, страдавшихъ подъ игомъ непосильной работы, указалъ испанцамъ на негровъ, какъ на расу одаренную отъ природы большею физической силой, онъ не предвидѣлъ, конечно, что новый свѣтъ наложитъ на всю черную разу ярмо проклятія во имя этой работы. Рабовладѣльческій вопросъ возбудилъ въ Америкѣ жесточайшую войну, раздѣлившую сѣвероамериканскіе штаты на два непримиримые лагеря. Починомъ войны были торговые интересы, но перевѣсъ сѣверянъ зависѣлъ непосредственно отъ рабства, господствовавшаго у южанъ, которые, разводя только невольниковъ, не могли соперничать съ сѣверомъ, постоянно почерпавшимъ новыя силы изъ прилива свободныхъ гражданъ.

Неспособность черной расы къ образованію не признается, однако, наукой, которая отвергаетъ доводы, приводимые одной только корыстью или грубостью нравовъ. Нѣмецкій анатомъ Земмерингъ, первый указалъ на низшую, во многихъ отношеніяхъ, степень строенія тѣла у негра, по сравненію съ тѣлостроеніемъ европейца, доказывая, что подобныя уклоненія отъ болѣе благороднаго типа напоминаютъ собою тѣлостроеніе обезьянъ. Фактъ, указанный Земмерингомъ, неоспоримъ и относится ко всѣмъ низкоразвитымъ человѣческимъ расамъ. Но позднѣе, Тидеманъ обратился къ той же наукѣ, призывая ее сказать свое вѣское слово противъ позорнаго существованія невольничества, причемъ онъ доказывалъ, что мозгъ африканскаго негра не уступаетъ, по величинѣ, мозгу европейца. Такое положеніе не было вполнѣ правильнымъ, такъ какъ дознано, что мозгъ индивидовъ низшихъ расъ, если и не уступаетъ, вообще, по объему мозгу другихъ, высшихъ, то оказывается менѣе развитымъ: мозгъ готтентотки, напримѣръ, описанный Грасіоле (Gratiolet) и Мэршелемъ (Marshall) явно приближается къ мозговому строенію у животныхъ. Но и находясь на подобной низкой степени, негръ способенъ подняться на болѣе высшую, такъ какъ форма и объемъ мозга столь же удобоизмѣняемы, какъ и все въ органической природѣ, и человѣкъ обладаетъ именно тѣмъ преимуществомъ, что можетъ не пребывать тѣмъ, чѣмъ создала его природа, а развивать и совершенствовать свое естество.

Чѣмъ выше та степень, на которой стоитъ человѣкъ, тѣмъ быстрѣе возрастаютъ его силы; культура же дикихъ народовъ дѣлаетъ столь незамѣтные успѣхи, что часто кажется неподвижною. Мы не имѣемъ права сомнѣваться въ томъ, что всѣ расы способны къ развитію, потому что высшее развитіе, ставшее удѣломъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, или, вѣрнѣе, только одной расы, кавказской, происходитъ не вслѣдствіе первобытно прирожденнаго ей превосходства, а составляетъ лишь послѣдствіе большаго числа благопріятныхъ жизненныхъ условій, какъ-то: особо счастливаго положенія страны, плодородія почвы и ранѣе установившихся сообщеній, вызвавшихъ на пользу племени и великія историческія событія. Однажды же овладѣвъ средствами для высшей культуры, сказанныя расы опередили другихъ и оставили ихъ, съ тѣхъ поръ, навсегда за собою. Извѣстно, что превосходство европейцевъ сознается самими дикарями, но лишь при продолжительномъ соприкосновеніи съ ними, а не тотчасъ, потому что самолюбіе, присущее человѣку, внушаетъ ему сперва презрѣніе ко всему чужому. Такъ, американскіе туземцы полагаютъ, что Богъ создалъ сначала черного, потомъ бѣлаго и уже, наконецъ, краснокожаго человѣка. Они называютъ европейцевъ въ насмѣшку: «молочныя лица». Путешественникъ Бёртонъ (Burton) разсказываетъ, что жители Эгъ-Ба, въ западной Африкѣ, кричали ему вслѣдъ: «Посмотрите на бѣлаго, не похожъ ли онъ на старую обезьяну!» Нельзя отрицать, что бронзовая или блестящая черная кожа и мускулистые члены дикаря составляютъ выгодный контрастъ рядомъ съ лицомъ изнѣженнаго европейца, зараженнаго, какъ было однажды сказано «немочью мысли». Тѣмъ не менѣе остается безспорнымъ, что человѣческія племена, наиболѣе одаренныя умственно, отличаются и красотою благороднѣйшихъ частей тѣла, лица и формы черепа. Нельзя говорить, что понятіе о человѣческой красотѣ шаткое, что оно дѣло вкуса, о которомъ и спорить нельзя; всѣ безобразныя черты въ человѣческой физіономіи произведены или болѣзнями, или же приближеніемъ къ животному типу. Изученіе расъ указываетъ несомнѣнно на то, какъ, шагъ за шагомъ, человѣческій обликъ удалялся отъ своего грубаго первообраза и облагородился постепенно.

Наблюденіе надъ природою дикаря ведетъ, сверхъ того, къ разрѣшенію затруднительнаго вопроса: пребываютъ ли дикія племена въ своемъ первобытно грубомъ видѣ, или же они представляютъ собою выродившихся потомковъ болѣе другихъ развитыхъ расъ? Это послѣднее мнѣніе было уже высказано Шеллингомъ. Но непосредственное впечатлѣніе, производимое общимъ видомъ дикихъ племенъ, ихъ внутренняя связь съ окружающею ихъ природою, недостатокъ между ними воспоминаній о какомъ либо другомъ, лучшемъ состояніи, равно какъ тѣлесное благосостояніе и физическая крѣпость этихъ людей, незатронутыхъ культурою, вмѣстѣ съ особенностями ихъ организаціи, обличающими болѣе низкую степень развитія, наконецъ, и отсутствіе тѣхъ признаковъ упадка и вырожденія, которые обыкновенно встрѣчаются въ захудалыхъ племенахъ,—все это заставляетъ насъ придти къ тому убѣжденію, что большинство дикихъ народовъ не стояло никогда на болѣе высокой степени культуры. Подобный взглядъ подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ самыхъ нравственно-развитыхъ народовъ нашего времени находились, въ прежнее время, въ подобномъ же состояніи дикости. Однако, по мнѣнію Гумбольдта *), большинство тѣхъ племенъ, которыя мы называемъ дикими, происходитъ отъ народовъ, стоявшихъ, нѣкогда, на высокой степени культуры, но намъ трудно отличать продолжающееся младенчество какого либо человѣческаго племени отъ нравственнаго вырожденія, при которомъ отчужденность, нищета, вынужденныя скитанія и климатическія невзгоды истребили всѣ слѣды бывшей цивилизаціи.

Нельзя не чувствовать глубокаго сожалѣнія къ этимъ дикарямъ, отверженнымъ дѣтямъ природы, прозябающимъ уединенно, въ недоступныхъ лѣсахъ, на отдаленныхъ островахъ или внутри неизвѣданныхъ странъ, и почти всюду исчезающихъ съ приближеніемъ цивилизаціи, которая могла бы ихъ осчастливить. Намъ приходится даже спѣшить, чтобы застать еще эти вымирающія племена, изучить ихъ черты и узнать на ихъ примѣрѣ, чѣмъ можетъ быть человѣкъ, не благословенный умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Въ ихъ обычаяхъ, суевѣріяхъ, дикости и жестокости, мы видимъ ту самую картину, которую являли собою, за два-три тысячелѣтія тому назадъ, древніе обитатели средней и сѣверной Европы передъ образованными народами той эпохи, греками и римлянами. Мы называемъ судьбою или закономъ природы тотъ фактъ, въ силу котораго дикій человѣкъ исчезаетъ повсюду передъ водворяющимся цивилизованнымъ человѣкомъ, подобно тому, какъ искореняются передъ нимъ первобытные лѣса и исчезаютъ хищные звѣри; но справедливость, основанная на показаніяхъ безпристрастныхъ свидѣтелей, заставляетъ насъ признать, что въ междуплеменной борьбѣ, именно европейцы оказываются виновными въ гнуснѣйшихъ преступленіяхъ. Могущество культуры такъ велико, и орудія, влагаемыя ею въ руку человѣка, такъ дѣйствительны, что даже самая презрѣнная часть европейскаго общества, одерживаетъ верхъ надъ дикими племенами.

Самую низшую степень физическаго и нравственнаго развитія занимаютъ не африканскіе негры (какъ то считаетъ Вайтцъ), но нѣкоторые негритянскія племена южнаго океана и австралійцы. Уже Форстеръ **) признавалъ за ними самое низшее мѣсто въ этомъ отношеніи; за ними слѣдуютъ родственные готтентотамъ бушмены (въ внутренней Африкѣ) и, можетъ быть, нѣкоторыя другія племена, о которыхъ мы имѣемъ лишь скудныя и неопредѣленныя свѣдѣнія. Отрывочныя, но въ высшей степени любопытныя извѣстія о нѣкоторыхъ остаткахъ черныхъ туземныхъ племенъ Индіи, требуютъ еще дальнѣйшаго подтвержденія. Изображеніе подобныхъ дикарей не нуждается въ пространномъ описаніи: небольшая голова съ низкимъ лбомъ, приплюснутый носъ, выступающая челюсть, маленькіе, впавшіе глаза, согнутое впередъ туловище, длинныя руки съ малыми оконечностями, отсутствіе икръ на ногахъ, плоскія ступни съ отступающимъ большимъ пальцемъ,—таковы отличительныя черты дикаря, какъ въ Австраліи, такъ и въ Африкѣ. Подобныя отличія признаются анатоміей за приближеніе къ животному типу, не смотря на всю бездну, раздѣляющую человѣка отъ обезьяны. О духовной жизни подобныхъ племенъ трудно составить себѣ вѣрное понятіе, потому что всѣ свѣдѣнія о нихъ страдаютъ противорѣчіями, доходя до насъ самыми разнообразными путями: черезъ купцевъ, алчущихъ одной нажи-

*) Ал. Гумбольдтъ и Бонпланъ: Путешествіе въ экваторіальныя области Нов. свѣта. 1827.

**) Förster. Общее собраніе сочиненій. 1843.

живы, черезъ колонистовъ, находящихся почти постоянно въ войнѣ съ туземцами, черезъ людей науки, увлекаемыхъ любовью къ ней въ отдаленнѣйшія страны, гдѣ ихъ часто ожидаетъ погибель отъ руки жителей или отъ убійственнаго климата, наконецъ, черезъ миссіонеровъ, которые презираютъ опасность, вдохновляясь одной благой цѣлью—просвѣтить невѣжественные умы. Но самые лучшіе и поучительные разсказы такихъ наблюдателей, какъ Кукъ, Форстеръ, принцъ Максимиліанъ фонъ Видъ, Александръ Гумбольдтъ, Ливингстонъ, Бартъ, представляютъ намъ духовную сторону дикихъ племенъ съ болѣе сочувственной, нежели отталкивающей стороны.

Дикарь имѣетъ много общаго съ ребенкомъ; онъ воспринимаетъ живо и размышляетъ немного, любитъ игру, пляску, наряды; онъ любопытенъ и робокъ, въ высшей степени перемѣнчивъ, застѣнчивъ и подозрителенъ, или же крайне довѣрчивъ и беззаботенъ. Дикари, живущіе въ постоянной войнѣ съ своими сосѣдями, что встрѣчается часто,—бываютъ мстительны и свирѣпы. Кука, составившаго столь благопріятный отзывъ о жителяхъ Сандвичевыхъ островов, почтившихъ его, какъ бога вулкановъ, когда онъ показалъ имъ впервые огнестрѣльное оружіе, умертвили потомъ съ его экипажемъ за то, что матросы срубили лѣсъ въ мѣстѣ, священномъ для туземцевъ. По другому преданію, Кукъ подалъ поводъ къ нападенію, застрѣливъ, въ запальчивости, одного дикаря. Форстеръ, описавшій жизнь Кука и столь глубоко сожалѣющій о его смерти, былъ самъ свидѣтелемъ того, какъ новозеландцы убили цѣлую горсть матросовъ съ судна «Adventure» вмѣстѣ съ его командиромъ, въ Шарлотензундѣ, и пожрали ихъ тѣла... Тѣмъ не менѣе, онъ высказываетъ свое убѣжденіе въ томъ, что дикари остаются безобидными, если ихъ только оставить въ покоѣ и не раздражать преднамѣренно. Съ другой стороны, Ла-Перузъ замѣтилъ, послѣ убіенія естествоиспытателя Ламанона, жителями острова Самоа: «Меня гнѣваютъ болѣе философы, нежели тѣ дикари, которыхъ они такъ превозносятъ. Несчастный Ламанонъ говорилъ еще наканунѣ своей смерти, что эти люди достойнѣе насъ». Делавары страшно расправились съ полковникомъ Уильямсономъ въ 1782 г., какъ разсказываетъ его спутникъ, д-ръ Найтъ (Knight), бывшій очевидцемъ событія *), но Уильямсонъ изрубилъ самымъ возмутительнымъ образомъ христіанское племя делаваровъ, не пощадивъ даже женщинъ и дѣтей, за что язычники-делавары и отмстили ему жестокою казнью.

Степень развитія дикихъ племенъ выражается ихъ языкомъ, домашнимъ и супружескимъ бытомъ, одеждою, жилищемъ, пищею, вооруженіемъ, обычаями, богопочитаніемъ и пр. Наблюдая все сказанное, нельзя не придти къ тому заключенію, что часть такъ называемыхъ дикарей, а именно, нѣкоторыя африканскія племена, состоявшія въ сношеніяхъ съ цивилизованными народами съ самой глубокой древности, и многіе американскіе индѣйцы, которыхъ нѣкоторые ученые признаютъ за остатки нѣкогда культурныхъ народностей, должны занимать уже нѣсколько высшую степень, нежели самые грубые дикари.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новой Голландіи бродитъ самое жалкое человѣческое отродье,—исхудалыя фигуры съ морщинистыми обезьяноподобными лицами и полузакрытыми глазами; эти люди, грязные, неряшливые до невозможности, вооруженные копьями съ наконечникомъ изъ рыбьей кости или заостренной деревяшки, и щитами изъ древесной коры, переходятъ съ мѣста на мѣсто небольшими партіями, не умѣя даже охотиться за кенгуру, какъ то передаетъ Кукъ, и питаются одними слизняками и морскими животными. Убѣжищемъ для нихъ служитъ, какое-нибудь дупло, или шалашъ изъ древесныхъ вѣтвей. Это истинные сыны скудной почвы, отказавшей имъ даже въ упругомъ деревѣ для лука. Дѣйствительно, эта страна, съ своими лишенными тѣни лѣсами, клювоголовыми млекопитающими и двуутробками, представляетъ столько неожиданностей, что кажется принадлежащею къ какому-то прежнему періоду существованія земного шара, и незатронутою съ тѣхъ поръ. Бушмены, жители южноафриканскихъ степей, презираемые своими сосѣдями, находятся въ подобномъ же состояніи: они живутъ, къ сѣверо-западу отъ Наталя, въ земляныхъ норахъ, которыя вырываютъ себѣ руками, и питаются только насѣкомыми, отвратительными гадами или мелкими птицами, которыхъ проглатываютъ, даже не ощипавъ. Крапфъ *), основываясь на словахъ одного невольника, говоритъ, что на югѣ Шоа (неизслѣдованной доселѣ части Абиссиніи), среди бамбуковыхъ чащъ, живетъ племя Докосовъ, ростъ которыхъ не превышаетъ 4 футовъ, такъ что они кажутся 10-лѣтними дѣтьми. Цвѣтъ кожи ихъ темнооливковый; живутъ они совершенно скотоподобно, не имѣя ни жилищъ, ни храмовъ, ни священныхъ деревьевъ, ни главы племени, ни оружія. Въ пищу они употребляютъ коренья, плоды, мышей, змѣй, муравьевъ, медъ и лазятъ по деревьмъ, какъ обезьяны. Губы у нихъ толстыя, оттопыренныя, носъ плоскій, глаза маленькіе, волоса длинные и прямые, ногти длинные, служащіе имъ для откапыванія кореньевъ и муравьевъ, и для разрыванія змѣй, которыхъ они проглатываютъ сырыми. Огонь имъ неизвѣстенъ. Они очень плодовиты, но не имѣютъ понятія о бракѣ, супружескомъ состояніи и семьѣ. Оба пола ходятъ совершенно нагіе и живутъ въ полномъ смѣшеніи. Болѣе сильныя сосѣднія племена порабощаютъ ихъ и держатъ при себѣ для домашнихъ работъ. Подобное описаніе напоминаетъ разсказъ Геродота о пигмеяхъ, живущихъ во внутренности Африки. Малорослые, чернокожіе минкописы, живущіе на Андамановыхъ островахъ Бенгальскаго залива и причисляемые Файчемъ (Fytche **) къ папуасамъ, обнаруживаютъ не менѣе низкій уровень развитія; въ половомъ отношеніи, они ведутъ чисто скотоподобную жизнь, но подробности, сообщаемыя Оуэномъ (Owen ***), о строеніи тѣла и черепа у этого племени, заставляютъ считать минкописовъ скорѣе глубоко выродившимся,—вслѣдствіе полной отчужденности, — нежели первобытнымъ людскимъ племенемъ. Передняя часть головы у нихъ образована хорошо, уши небольшія и красивыя, губы не толсты; волоса растутъ пучками. Оуэнъ полагаетъ вѣроятнымъ, что минкописы не болѣе какъ самое первобытное изъ человѣческихъ племенъ, стоящее, съ тѣмъ вмѣстѣ, на самой низшей степени развитія. Эти дикари ходятъ совершенно нагіе, не испытывая ни малѣйшаго стыда, не имѣютъ никакой вѣры въ божество или будущую жизнь; однако, не принадлежатъ къ людоѣдамъ. Образъ жизни ихъ былъ описанъ обстоятельно лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, однимъ индѣйскимъ сипаемъ, прожившимъ между ними болѣе года. Они походятъ, во всякомъ случаѣ, на тѣхъ черныхъ туземцевъ, которые встрѣчаются еще на островахъ филиппинскихъ, Явѣ, Борнео и Цейлонѣ, и представляютъ несомнѣнно свое особое племя. Согласно наблюденіямъ Оуэна, строеніе тѣла и черепа у жителей Андаманскихъ острововъ не представляютъ признаковъ столь низкой организаціи, какъ у другихъ расъ. Де ла Жироньеръ ****), проведя нѣсколько дней среди айстовъ, населяющихъ внутреннюю, горную полосу Люсона, говоритъ объ этомъ племени: «Этотъ народъ походилъ болѣе на многочисленную семью обезьянъ, нежели на людей. Даже ихъ говоръ напоминалъ отрывистый крикъ этихъ животныхъ; тоже слѣдуетъ сказать о ихъ движеніяхъ. Единственное превосходство ихъ заключалось въ умѣньи стрѣлять изъ лука, бросать копье и разводить огонь».

Въ недоступныхъ мѣстностяхъ Индіи должны водиться еще звѣроподобные до такой степени, что они могли послужить къ созданію мифа объ обезьянѣ Гануманъ, которая помогла Рамѣ завоевать Ланку (Цейлонъ). Въ Запискахъ бенгальскаго общества *) говорится, что въ 1824 г., въ числѣ дангурскихъ куліевъ, работавшихъ на одной кофейной плантаціи, находились двѣ личности, мужчина и женщина, которыхъ называли полуобезьянами. Они не разумѣли дангурскаго нарѣчія и объяснялись на своемъ языкѣ. Пиддингтонъ пишетъ, что этотъ мужчина былъ малорослый, съ плоскимъ носомъ и удивительными дугообразными морщинами возлѣ угловъ рта и на щекахъ, обвислыхъ, какъ на звѣриной мордѣ. Кожа была черная и очень грубая, покрытая рыжеватыми волосами; руки были крайне длинны. Куліи узнали кое-какъ, посредствомъ мимическихъ объясненій, что эти люди принадлежали къ племени, обитавшему далеко, въ горахъ, гдѣ находилось нѣсколько поселковъ. Позднѣе, Пиддингтонъ слышалъ, что Трайль, британскій уполномоченный въ Кумаонѣ, видѣлъ подобнаго же человѣка, принадлежавшаго къ племени, которое живетъ на деревьяхъ въ Терайскихъ лѣсахъ. Трайль нашелъ этотъ экземпляръ совершенно обезьяноподобнымъ. Въ Читагонгѣ должны находиться подобныя же существа... Эти свѣденія согласуются съ тѣмъ, что говоритъ Гюгель **) о нѣкототорыхъ горныхъ индѣйскихъ племенахъ, стоящихъ, по его мнѣнію, даже ниже новоголландцевъ, не смотря на весь низкій уровень развитія этихъ послѣднихъ, потому что племена, упоминаемыя Гюгелемъ, не дошли еще даже до своего соединенія въ общую стаю, и едва сплочиваются въ семью. Мужчины и женщины живутъ въ одиночку, и спасаются на деревья при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь, совершенно по образу обезьянъ. Дикое племя, живущее въ джунгляхъ (камышахъ) къ югу отъ горъ Нилгери, подходитъ тоже подъ вышеприведенное описаніе ***). Гюгель встрѣтилъ два женскія существа, которыя жили въ древесномъ дуплѣ; видъ ихъ заставлялъ сомнѣваться съ перваго раза: люди это или обезьяны? Особенно замѣчательны были ихъ крошечные живые глаза, которые онѣ держали часто зажмуренными, и ихъ морщинистыя лица. Американскій путешественникъ Джибсонъ говоритъ, что на островѣ Банка, близъ Суматры, живутъ стада крупныхъ обезьянъ и человѣческое племя, извѣстное подъ именемъ Орангъ-Кубосъ. Эти Орангъ-Кубосы ходятъ нагіе, тѣло ихъ покрыто волосами; говоръ крайне несовершенный. Малайцы, живущіе на Суматрѣ, ведутъ съ ними торговлю; съ этою цѣлью, они раскладываютъ на окраинѣ лѣсовъ, въ которыхъ находятся кубосы, красное сукно и другіе предметы, привлекательные для дикихъ, потомъ удаляются, завидя приближеніе кубосовъ, которые кладутъ, взамѣнъ найденнаго товара, камфору и росный ладанъ. Аравійскіе купцы ведутъ подобный же нѣмой торгъ съ племенемъ Ведда, живущимъ на Цейлонѣ ****),—по разсказу Геродота, еще и финикіяне вели торговлю съ западно-африканскими прибрежными жителями. Джибсонъ упоминаетъ тоже объ одномъ племени, называемомъ Орангъ-Гугуръ и еще болѣе дикомъ, нежели предыдущее.

*) Morgenblatt. 1853, № 8.

*) Magazin für die Litteratur des Auslandes. 1860. № 41.

**) Ausland. 1862. № 20.

***) Report of the Brit. Assoc. for the Advane of Science, 1861.

****) Ирль. Туземныя расы инд. Архипелага, 1853.

*) Ausland, 1855, № 50.

**) Оффиц. отчетъ съѣзда герм. естествоиспытателей въ Прагѣ, 1837.

***) Ausland, 1860.

****) Ausland, 1860, № 11.

У гугуровъ тѣло волосистое, подбородка почти нѣтъ, равно какъ и икръ; пятки длинныя, руки еще болѣе замѣчательной длины, лобъ откинутый назадъ, челюсти выдающіяся.

Весьма вѣроятно, что многое въ подобныхъ описаніяхъ наружности дикихъ племенъ и ихъ сходства съ обезьянами, страдаетъ преувеличеніемъ; нѣтъ причинъ сомнѣваться въ самой сущности дѣла. Вообще, всѣ эти малоизвѣстные и рѣдкіе остатки первобытныхъ обитателей южной Азіи ожидаютъ еще научнаго изслѣдованія. Древняя и постоянно возобновляющаяся сага о людяхъ съ хвостами *) основана на весьма сомнительныхъ свидѣтельствахъ, хотя подобное удлиненіе позвоночнаго столба и возможно въ отдѣльныхъ случаяхъ. Относительно абиссинскаго племени Ніамъ-ніамъ, недоразумѣніе произошло, очевидно, отъ висящей оконечности, носимыхъ этими дикарями набедренниковъ, но, по свидѣтельству Кегеля **), хвостообразное строеніе тѣла встрѣчается, дѣйствительно, на Зондскихъ островахъ.

Тѣлесному строенію соотвѣтствуетъ и духовная сторона человѣка. Умъ дикаря создаетъ себѣ крайне несовершенныя представленія о высшихъ предметахъ, какъ то видно изъ ребяческихъ суевѣрій, на которыхъ зиждется, главнѣйшимъ образомъ, вся власть почитаемыхъ дикими колдуновъ; но, въ противоположность тому, тѣ же дикари обладаютъ такою тонкостью внѣшнихъ чувствъ и способностью наблюденія, до которыхъ намъ, безъ сомнѣнія, далеко. Австраліецъ подмѣчаетъ свѣжій слѣдъ оппоссума на резиновыхъ деревьяхъ своей родины, между тѣмъ какъ нашъ глазъ ничего на нихъ не откроетъ. Индѣйскій охотникъ умѣетъ различать, по обонянію, европейскія національности, а по вкусу—каждый родникъ своихъ лѣсовъ. Доменекъ, которому мы обязаны превосходнѣйшимъ описаніемъ нравовъ, обычаевъ и привычекъ сѣвероамериканскихъ туземцевъ, приводитъ слѣдующій примѣръ ихъ поразительной тонкости наблюденія: одинъ индіанецъ, у котораго пропала убитая дичь изъ его шалаша, говорилъ: «Я знаю, что воръ былъ невысокаго роста, потому что онъ нагромоздилъ каменьевъ для того, чтобы достать до того мѣста, гдѣ висѣла моя дичь; я знаю, что онъ старъ, потому что онъ, уходя отсюда по лѣсу, оставилъ на землѣ слѣды только самыхъ мелкихъ шаговъ; знаю, что онъ бѣлый, потому что онъ поворачивалъ, идя, свои ступни наружу, чего нѣтъ въ обычаѣ у индѣйцевъ; знаю, что ружье у него было короткое, судя по знаку, оставленному дуломъ на корѣ тѣхъ деревьевъ, къ которымъ онъ прислонялся; знаю, по слѣдамъ лапъ, что съ нимъ была небольшая собака, а по знаку, оставленному ею на пескѣ, когда она сѣла, пока хозяинъ ея воровалъ у меня, я знаю тоже, что у этой собаки хвостъ былъ короткій. Слѣдовательно, мой воръ—старикъ, изъ племени бѣлыхъ, низкаго роста, вооруженный короткимъ ружьемъ и приходившій съ маленькою, короткохвостою собакой».—Могъ ли бы другой человѣкъ сдѣлать столь тонкія наблюденія и заключенія? Подобная поразительная развитость чувствъ способствуетъ и той замѣчательной переимчивости, которою отличаются дикари. Жители Огненной земли, или Печереги, могутъ, по свидѣтельству Дарвина, выговаривать всѣ труднѣйшія слова европейскихъ языковъ, какія только будутъ имъ сказаны, и если какому-нибудь матросу случится, невзначай, чихнуть или кашлянуть, то вся кучка дикихъ подражаетъ тотчасъ же звуку этого чиханія, или кашля. Но именно подобная вѣрность чувственнаго наблюденія у дикихъ, допускаетъ возможность ихъ образованія,—по крайней мѣрѣ, ихъ дѣтей,—чему мы имѣемъ самыя достовѣрныя и единогласныя свидѣтельства. Мы сами научаемся въ дѣтствѣ всему изъ подражанія, и способность обезьянъ перенимать человѣческія движенія, принимается за доказательство высшей организаціи этихъ животныхъ. По свидѣтельству д-ра Годжинса, прожившаго нѣсколько лѣтъ на С. Винцентѣ, дѣти негровъ нисколько не уступаютъ, въ отношеніи способностей, дѣтямъ бѣлыхъ людей, и даже, въ общемъ итогѣ, превосходятъ ихъ, потому что бываютъ болѣе предоставлены себѣ и ранѣе приступаютъ къ самостоятельному употребленію своихъ силъ. Мы замѣчаемъ тоже на дѣтяхъ сельскихъ жителей, при сравненіи ихъ съ дѣтями семействъ изъ образованнаго сословія. Доказательствомъ тому, что все несовершенное зрѣетъ быстрѣе, служатъ и животныя, развивающіеся быстрѣе, нежели человѣкъ. Рорбахъ *) говоритъ, что въ школахъ на Тринидадѣ, дѣти индѣйцевъ превосходятъ бѣлыхъ и черныхъ учениковъ отчетливостью и красотою своего почерка; вообще, они искуснѣе во всемъ, что касается до ручной работы. Въ Соединенныхъ штатахъ тоже замѣчено, что дѣти негровъ учатся быстрѣе, нежели дѣти бѣлаго племени; одно исключеніе составляютъ математика и чистописаніе, къ которому крайне неспособны ихъ пальцы. Шпеке тоже говоритъ о поразительной быстротѣ, съ которою учатся дѣти негровъ, и о той находчивости, съ которою они отвѣчаютъ. Изъ среды низко развитыхъ расъ выходили не рѣдко личности, выдающіяся по своимъ талантамъ, на что указывалъ уже Блуменбахъ. Ботокудъ-Гвидо-Покране былъ вѣроучителемъ своего народа; ирокезецъ Секойя изобрѣлъ азбуку для своего нарѣчія, Эйра Ольриджъ прославился, какъ актеръ, на всѣхъ европейскихъ театрахъ; достопочтенный Кроутеръ, родомъ негръ, состоитъ епископомъ въ западной Африкѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

*) N. Acta Acad. C. Leop. Nat. Cur. 1760.
**) Ausland, 1858, № 46 и 1862, № 31.
*) Ausland, 1858, № 24.

Судебная ошибка.

Романъ **Ф. Буагобея**. Переводъ **С. И. Воскресенской**.

(Продолженіе.)

Глава IV.

Полицейскій, попавъ въ эту странную тюрьму, не могъ даже позвать на помощь своихъ подчиненныхъ, потому что уронилъ свой свистокъ, а поднять его не было возможности, такъ какъ размѣры шкапика не позволяли узнику ни присѣсть, ни нагнуться. Оставалось одно: кричать, и онъ прибѣгъ къ этому средству, не щадя своихъ легкихъ, но какой человѣческій голосъ могъ проникнуть до улицы, хотя бы и черезъ пріотворенное въ гостиной окно, когда самъ кричавшій находился запертымъ въ какомъ-то ящикѣ?

Заключенный утѣшался одною только мыслью. «Преступникъ не уйдетъ далеко, думалъ онъ. Мои агенты изловятъ его, явятся сюда и я буду освобожденъ».

Но прошло четверть часа, полчаса, и никто не являлся. Оставалось придти къ тому печальному заключенію, что убійца успѣлъ обмануть бдительность стражей и ускользнуть отъ ихъ рукъ. Это было болѣе, чѣмъ обидно. Самолюбіе полицейскаго страдало невыразимо, усиливая еще болѣе непріятность его положенія.

«И все я самъ виноватъ! думалъ онъ. Слишкомъ перехитрилъ. Просто на просто подстеречь бы его и схватить, съ помощью моихъ агентовъ, когда онъ только, что вошелъ въ домъ... Или же можно было подать отсюда свистокъ, не дожидаясь, пока онъ начнетъ убирать второй трупъ... Но сдѣланнаго уже не воротишь... Притомъ же мои дураки, слѣпо слѣдуя приказанію, не покажутся сюда, пока не разсвѣтетъ совершенно... А у меня ноги судорога свела!»

Дѣйствительно, положеніе пострадавшаго охранителя общественной безопасности было не завидное: тѣло его было сжато, какъ въ ножнахъ, тяжелый маятникъ давилъ ему спину, ноги подкашивались отъ утомленія, вдобавокъ, въ комнатѣ было страшно холодно, и дышать приходилось только сквозь небольшое отверстіе. Эта пытка длилась до разсвѣта, какъ и предсказывалъ себѣ плѣнникъ, и только когда первый отблескъ зари освѣтилъ комнаты, въ квартирѣ раздался голосъ, называвшій по имени бѣднаго заключеннаго. Нечего говорить, что начальникъ полиціи поспѣшилъ вскрикнуть:

— Я здѣсь!

Преданный Пьедушъ бросился въ будуаръ, и сцена, происшедшая тутъ между нимъ и его начальникомъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя трудно передать въ послѣдовательномъ разсказѣ. Восклицанія, изумленія со стороны нумера 29, бѣшенство узника, вопросы и отвѣты, укоризны и объясненія, смѣшивались въ одно цѣлое, исполненное самыхъ забавныхъ недоумѣній, и комизмъ этой сцены увеличивался еще тѣмъ, что двумъ собесѣдникамъ приходилось, по необходимости, обмѣниваться первыми фразами сквозь отверстіе въ дверцѣ. По счастію, у Пьедуша былъ всегда въ карманѣ цѣлый арсеналъ, съ помощью котораго онъ отомкнулъ темницу своего начальника, послѣ чего почтительно предложилъ ему кресло и глотокъ водки изъ своей походной фляжки. Но начальникъ не принялъ ни того, ни другого.

— Я надѣюсь, ты его сцапалъ, по крайней мѣрѣ? рѣзко спросилъ онъ.

— Кого, смѣю спросить? проговорилъ озадаченный агентъ.

— Того, который меня... который вошелъ сюда въ полночь и вышелъ опять обратно черезъ четверть часа.

— Прошу извиненія, но я видѣлъ только старшаго чиновника префектуры... того, котораго присылалъ къ вамъ г. префектъ.

— Ты смѣяться вздумалъ надо мной, что ли?

— Смѣю ли я!... Ровно въ двѣнадцать, изъ улицы Ломонъ показался человѣкъ... одѣтый отлично... пальто изъ мохнатаго драпа, бѣлый кашне, шляпа шелковая, новехонькая, перчатки сѣрыя замшевыя... Онъ отворилъ рѣшетку и вошелъ сюда, какъ къ себѣ...

— И ты не кинулся на него?

— Ваша милость, я знаю только приказъ! Вы изволили сказать: пропускать всѣхъ и двинуться съ мѣста не иначе, какъ по свистку!

— Прекрасно! Но когда этотъ... этотъ человѣкъ вышелъ обратно?

— Вы ничего не приказали мнѣ на такой случай, ваша милость, и я былъ, признаться сказать, въ большомъ затрудненіи... свистка вашего не слышу... Просто бѣда! Однако, я рѣшился остановить этого господина, когда онъ вышелъ изъ-за рѣшетки, и спросилъ у него, откуда онъ и что... Онъ сначала, какъ будто замялся, не тотчасъ же сказалъ: «Я свой человѣкъ».

— А ты разсудилъ: «Изъ полицейскаго штата!»

— Позвольте; не сразу же я и повѣрилъ, потому что попросилъ его показать свой билетъ...

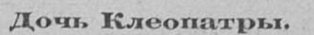
— И онъ тебѣ показалъ?...

— Какже, ваша милость. Билетъ у него, какъ слѣдуетъ. И притомъ, онъ пояснилъ мнѣ, что приходилъ къ вамъ отъ самого г. префекта, съ очень важнымъ сообщеніемъ...

— Болванъ! воскликнулъ начальникъ полиціи, выходя изъ себя.—Ты долженъ былъ знать, что въ префектурѣ еще неизвѣстно, что мы уже здѣсь, да тамъ ничего не знаютъ даже о самомъ преступленіи...

— Да, мнѣ самому показалось немного странно, что г. префектъ уже провѣдалъ... но я подумалъ, что Пигашъ, отвозя нѣмого, разсказалъ все, можетъ быть, смотрителю депо, а тотъ...

Картина ЛЕКОНТА-ВЕРНЕ.



Дочь Клеопатры.

Картина ГЕРМАНА КАУЛЬБАХА.

Рисующій монахъ.

— Замолчи, глупый человѣкъ! Узнай, что ты натворилъ: ты выпустилъ самого убійцу!

— Убійцу! повторилъ Пьедушъ, отступая на два шага. — Какъ же это убійцы ходятъ въ такихъ пальто!

— Да... и ты можешь, вслѣдъ за мошенникомъ, тоже убираться къ чорту! Намъ не зачѣмъ держать такихъ олуховъ...

Пьедушъ стоялъ, опустивъ голову подъ этимъ градомъ упрековъ.

— Это вѣрно... я заслужилъ, чтобы меня прогнали, ваша милость, сказалъ онъ. — Прикажите исключить меня изъ списковъ. Что же, подохну съ голода... и ребятишки тоже... цѣлыхъ трое ихъ у меня!.. Мать прачкой была, умерла отъ простуды... Выгоните, не смотря ни на что. Очень ужь я опростоволосился... Послѣ этого и оставаться нельзя... товарищи засмѣютъ... Но только не пройдетъ же это даромъ и ему, бездѣльнику! Открою я его на днѣ морскомъ и успокоюсь, только когда палачъ съ нимъ расправится!

— Ты полагаешь, что узнаешь его?

— Узнаю. По глазамъ. Не свѣтло было, когда мы съ нимъ разговаривали, но у него глаза свѣтятся, какъ у кошки. Я запомнилъ эти глаза. А потомъ, и брови... совершенно сходятся между собою... О пальто и кашне я не говорю... Не будетъ онъ такъ простъ, чтобы надѣть ихъ опять... Впрочемъ, какъ знать?... Я все отлично запомнилъ: и покрой, и цвѣтъ... Узнаю, если увижу въ тряпичномъ ряду!... И вспомните мое слово, не будь я Жанъ Пьедушъ, если я не изловлю этого подлеца, изъ-за котораго теперь теряю мѣсто!

— Послушай, сказалъ начальникъ сыскной полиціи, послѣ нѣкотораго молчанія, — съ тобою это случается въ первый разъ, и я не хочу тебя губить и пустить твоихъ дѣтей по міру... Ты останешься на службѣ, но съ двумя условіями; первое: никому ни слова обо всемъ, что здѣсь случилось.

— Будьте покойны, ваша милость, не хочу я самъ себѣ дурака прописать.

— Второе: ты сдѣлаешь все, чтобы загладить свой промахъ. Ты долженъ отыскать этого человѣка.

— Достану его, ваша милость, достану, и если понадобится броситься за васъ въ огонь или воду, то я...

— Безъ фразъ, но принимайся тотчасъ же за дѣло! Прежде всего, отправляйся къ комиссару и объяви ему, что здѣсь найдено мертвое дѣло...

— Еще одно?... Однакожь, этотъ господинъ съ густыми бровями исправно работаетъ!

— Оттуда ты пройдешь къ Толбіаку и скажешь ему, что я прошу его сюда... Только это и скажи, ни слова болѣе! Ну, маршъ!

Пьедушъ, восхищенный счастливымъ оборотомъ дѣла, вышелъ изъ дома, стараясь не задѣть слѣдовъ, оставленныхъ на снѣгу убійцею и нѣмымъ. Рядомъ съ этими слѣдами виднѣлись теперь еще новые, принадлежавшіе, безъ сомнѣнія, ночному посѣтителю. Сличеніе ихъ съ первыми могло доставить важное вещественное доказательство для суда.

Въ ожиданіи комиссара, начальникъ полиціи отправился осматривать второй этажъ, гдѣ находилась спальная и уборная, меблированныя съ тою же пестротой и безвкусіемъ, какъ и нижній этажъ. Всѣ шкафы и ящики были здѣсь совершенно пусты; это служило новымъ доказательствомъ, что жертва убійства собиралась въ дорогу передъ своею погибелью.

Стукъ подъѣхавшаго фіакра прервалъ наблюденія полицейскаго, который поспѣшилъ внизъ, навстрѣчу комиссару и провелъ его прямо въ ту комнату, гдѣ лежалъ убитый.

— Это онъ самый! воскликнулъ комиссаръ.

— Вы его знаете?

— Да. Это негоціантъ, ушедшій изъ своего дома еще третьяго дня. Его сынъ былъ у меня съ заявленіемъ, въ ту самую минуту, когда явился Пьедушъ... Я не ожидалъ, что сдѣлаю разомъ два дѣла.

— Вы увѣрены, что это тотъ самый человѣкъ...

— Совершенно увѣренъ. Я встрѣчалъ его много разъ въ люксамбургскомъ саду... Вообще, онъ извѣстенъ въ своемъ кварталѣ... Фирма старинная: Пьеръ Лерё, Бераръ и К°. Очень богатый человѣкъ...

— А гдѣ его товарищъ по фирмѣ?

— Онъ, кажется, не вмѣшивается въ дѣла, врядъ ли и живетъ въ Парижѣ. Лерё всѣмъ распоряжался одинъ... Человѣкъ женатый... двое дѣтей... старшій и былъ у меня сегодня.

—Женатый... семейный... А жизнь какую онъ велъ?... Регулярную?...

— Въ дѣлахъ былъ очень точенъ... а на счетъ прочаго... любилъ посѣщать театры и за кулисы заглядывать.

— Тогда легко объясняется, зачѣмъ его сюда принесло... кстати, вы знали эту англичанку, которая жила здѣсь?

— Зналъ немного. Надо вамъ сказать, что сосѣдній угольщикъ однажды явился ко мнѣ съ доносомъ на двухъ женщинъ, которыя заняли будто бы безъ разрѣшенія домохозяина этотъ домъ, который стоялъ, передъ тѣмъ, три года пустымъ. Я навелъ справки и оговоръ оказался вздоромъ. Угольщикъ просто досадовалъ на то, что ему нельзя будетъ болѣе пользоваться свободнымъ дворомъ для складки своего матеріяла, а эта дама показала мнѣ контрактъ, заключенный ею съ домовладѣльцемъ; — документъ былъ вполнѣ правильный... домъ нанятъ на три года. Я помню эту дамочку въ лицо... прехорошенькая...

— Вы не припомните имени домовладѣльца?

— Нѣтъ... осталось въ памяти только, что онъ жилъ въ Англіи. Контрактъ былъ заключенъ въ Лондонѣ... Но фамилію не трудно будетъ узнать въ городской конторѣ для сбора подомовыхъ пошлинъ...

— Такъ. А гдѣ проживалъ г. Лерё?

— На площади Пантеона.

— То есть, въ двухъ шагахъ отсюда. Теперь понятно, почему онъ поселилъ свою красавицу здѣсь... Онъ могъ посѣщать ее, не навлекая на себя особенныхъ подозрѣній... Убили его, конечно, не съ цѣлью грабежа: часы и даже бумажникъ при немъ... Видите, изъ кармана выглядываетъ... Я почти разгадываю всю исторію... Посмотримъ, впрочемъ, что скажетъ Толбіакъ. У него свои системы.

— Вотъ онъ и пріѣхалъ! сказалъ комиссаръ, взглядывая въ окно.

Дѣйствительно, поджидаемый такъ нетерпѣливо бывшій агентъ лондонской сыскной полиціи, въ эту минуту выходилъ изъ фіакра, остановившагося у рѣшетки; онъ повременилъ, однако, на подножкѣ, какъ бы испытывая какую-то нерѣшительность, но, завидя начальника сыскной полиціи и комиссара, которые привѣтливо кивали ему головой, онъ вышелъ изъ экипажа, еще разъ торопливо осмотрѣлся по сторонамъ, и потомъ направился къ дому, старательно обходя всѣ слѣды.

— Сейчасъ видно сметку! замѣтилъ начальникъ полиціи. — Съ этимъ не страшно, что махнетъ прямо черезъ дворъ и спутаетъ всѣ слѣды!

— Да, отвѣтилъ комиссаръ.—Онъ даже слишкомъ усердствуетъ: идетъ на цыпочкахъ, точно боясь свои оставить или яйца раздавить...

Передъ входомъ на крыльцо, Толбіакъ снова какъ бы поколебался, но скоро вошелъ и послѣдовалъ за обоими собесѣдниками въ гостиную.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ, откидывая воротникъ своей шубы, закрывавшій ему, до того времени, почти все лицо. Судя по наружности, Толбіаку было лѣтъ около сорока пяти; щеки и подбородокъ у него были совершенно выбриты, физіономія не выражала ничего, кромѣ полнѣйшаго равнодушія; на лбу и около рта не виднѣлось ни морщинки; широкій выдающійся подбородокъ обличалъ извѣстную твердость характера, но въ сѣрыхъ глазахъ не было никакого огня и взглядъ ихъ былъ почти кротокъ. Цвѣтъ лица былъ ровный, нѣсколько загорѣлый; вообще всѣ черты отличались отчетливостью и неподвижностью мраморнаго изваянія. Роста Толбіакъ былъ средняго, не слишкомъ толстъ и не слишкомъ худощавъ; вообще, во всей фигурѣ и пріемахъ его не было ничего выдающагося, что составляло важное преимущество для того рода службы, которому онъ себя посвятилъ.

— Въ чемъ же дѣло? повторилъ онъ.

— Вы не подозрѣваете? спросилъ полицейскій, потирая себѣ руки.

— Ни мало... не на счетъ ли развѣ наслѣдства Сюлливана, которымъ интересуется г. префектъ?...

— Вы отыщете всѣхъ наслѣдниковъ, это само собой разумѣется, любезный Толбіакъ, но въ настоящую минуту у насъ на рукахъ другія хлопоты, заставляющія насъ прибѣгнуть къ вашимъ талантамъ...

— Мои таланты къ вашимъ услугамъ.

— Очень радъ... а то, я уже было подумалъ, что вы нерасположены поработать для насъ. Вы какъ будто неохотно вышли изъ фіакра.

— Этому виноватъ вашъ глупый нумеръ 29. Вмѣсто того, чтобы остановить экипажъ въ концѣ улицы, онъ подкатилъ его прямо къ дому, въ который мнѣ придется, по всей вѣроятности, заглядывать еще не разъ... потому что не даромъ же вы меня именно сюда призвали. Но нечего было дѣлать, и я только приподнялъ воротникъ шубы, чтобы сосѣди не запримѣтили моего лица.

— Вы правы, тысячу разъ правы, и я намылю голову Пьедушу. Онъ рѣшительно глупѣетъ. Но, къ дѣлу! Вы уже слышали, безъ сомнѣнія, объ исторіи съ чемоданомъ?

— Чемоданъ, въ которомъ оказался женскій трупъ?... въ улицѣ Алуэтъ?... Да... разсказывали объ этомъ кое-что въ префектурѣ, куда я ходилъ по тому дѣлу о наслѣдствѣ... Но подробности мнѣ неизвѣстны... Знаю, впрочемъ, что поймалъ какой-то нѣмой... или представляющій изъ себя нѣмого... Дѣло, какъ кажется, занимательное....

Толбіакъ произносилъ эти фразы одна за другою, съ осмотрительностью, подобною той, съ которою онъ шелъ по двору.

— Очень занимательное и чисто въ вашей спеціальности... Угодно вамъ принять его на себя?... кстати, тутъ и англичанки фигурируютъ...

Толбіакъ помолчалъ немного.

— Развѣ вы нуждаетесь въ постороннемъ помощникѣ? проговорилъ онъ черезъ минуту.

— Безъ этого невозможно. Наши агенты хороши, когда требуется поймать бѣглаго каторжника или мазурика по ремеслу, но здѣсь приходится работать, что называется, въ чистомъ обществѣ. Они туда не годятся. Нуженъ человѣкъ не принадлежащій оффиціально къ составу полиціи.

— Хорошо, но отчего вы не обратитесь къ Лекоку?.. Чего лучше!

— Не желаетъ. Разбогатѣлъ и бросилъ всякія дѣла.

— Это онъ такъ говоритъ, но ему же не понравится, если я возьмусь за его работу.

—Нисколько. Онъ самъ указалъ намъ на васъ... Даже очень рекомендовалъ...

— Вотъ какъ! Я и не думалъ, что онъ такъ расположенъ ко мнѣ...

— Отчего же? Онъ умѣетъ цѣнить чужое достоинство... И такъ, вы соглашаетесь, любезный Толбіакъ? Подумайте, дѣло исключительное; оно

принесетъ вамъ большую честь и выгоду... Премію получите не шуточную... Что же по рукамъ?

— Прежде, чѣмъ я дамъ рѣшительный отвѣтъ, позвольте узнать, какъ стоитъ дѣло въ эту минуту?

— Я скажу все, въ двухъ словахъ. Личность убитой женщины неизвѣстна. Узнали мы домъ, въ которомъ совершено убійство, съ помощью слѣдующей хитрости: выпустили нѣмого и пошли за нимъ слѣдомъ. Онъ и привелъ насъ сюда... и когда вы осмотрите домъ, то убѣдитесь, что мы попали, куда требовалось. Что же скажете вы?

—Я согласенъ, пожалуй... но только съ однимъ условіемъ: мнѣ будетъ предоставлена полная свобода дѣйствій.

— Еще бы мы стали вамъ мѣшать!

— Я знаю, что у васъ нѣтъ этой привычки, но въ этотъ разъ мнѣ требуется особенное отсутствіе всякихъ стѣсненій. Я составилъ себѣ нѣкоторый взглядъ на дѣло и хочу повести все по своему, и одинъ.

— Будьте покойны!

— Ваши агенты будутъ исполнять мои приказанія и болѣе ничего. Вы не станете разспрашивать меня, почему я поступилъ такъ, а не иначе, и не будете навязывать мнѣ тѣхъ способовъ, которые мнѣ не понравятся. Однимъ словомъ, я буду полнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ.

— Сколько времени, полагаете вы, потребуется вамъ на розыскъ?

— Не болѣе мѣсяца. Если, по прошествіи мѣсяца, я не представлю вамъ преступника со всѣми уликами, то откажусь отъ этого дѣла.

— Хорошо. Я уже заранѣе заручился согласіемъ моего высшаго начальства, и знаю, что ваши условія будутъ приняты. Съ этой минуты, вы нашъ главнокомандующій и мнѣ остается только доставлять вамъ всѣ свѣденія. Для начала, не угодно ли посмотрѣть...

Онъ ввелъ Толбіака въ буфетную, и указалъ ему на трупъ несчастнаго негоціанта, лежавшій съ раздробленнымъ черепомъ на окровавленномъ полу.

Толбіакъ владѣлъ собою въ совершенствѣ. На его безстрастной физіономіи не выражалось во все время предъидущей бесѣды ни страха, ни увлеченія, ни какого бы то ни было признака волненія. Но при ужасномъ зрѣлищѣ, представившемся его глазамъ, онъ не могъ удержаться, чтобы не вздрогнуть, и начальнику полиціи показалось, что онъ поблѣднѣлъ.

— Даже на васъ подѣйствовало? спросилъ онъ. — А еще говорятъ, что въ нашемъ ремеслѣ очерствѣешь!... Правда, вы не выказывали до сихъ поръ особой чувствительности... Помните, въ улицѣ Сабо?... Мать и двое малютокъ зарѣзанные!... Меня дрожь пробирала, а вы хотя бы моргнули... И черезъ недѣлю изловили убійцу...

— Изловлю и теперь, отвѣтилъ Толбіакъ, успѣвшій снова овладѣть собою.—Этотъ трупъ можетъ очень послужить къ разъясненію дѣла...

— Отчасти это уже и сдѣлано. Мы знаемъ, что убитаго зовутъ Лерѣ, богатый торговецъ полотномъ, жившій на площади Пантеона...

Толбіакъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія, но какъ будто, что-то соображалъ.

— Характеристично; что его не ограбили, продолжалъ, между тѣмъ, начальникъ полиціи.— Какъ видите, золотыя вещи на трупѣ цѣлы... Взглянемъ въ портфель... Тоже самое! Два тысячефранковые билета... одинъ въ пятьсотъ франковъ... четыре сотенные... Деньги, стало быть, не тронуты... Что еще?... Счеты... визитныя карточки съ именемъ Шарля Лерѣ... А! записка на его же имя... И почеркъ женскій.

— Позвольте, сказалъ Толбіакъ, поспѣшно протягивая руку.

— Прочтемъ вмѣстѣ, но это письмо должно остаться при дѣлѣ, возразилъ начальникъ полиціи.—Ну, что-то здѣсь... Всего двѣ строки: «Сегодня вечеромъ, у меня, ровно въ десять. Рѣшетка будетъ отворена»... Изъ этого немного узнаешь, но письмо было писано, конечно, убитою, потому что стоитъ подпись: «Мэри».

— А вамъ извѣстно, что ее такъ звали?

— Да. Надо вамъ сказать, что я это узналъ черезъ самого убійцу... Я его видѣлъ.

— Видѣли!... Гдѣ?... Когда?

— Здѣсь, этой же ночью. Я спрятался въ будуарѣ, чтобы подстеречь злодѣя... Ровно въ полночь, вошелъ человѣкъ и сталъ звать: «Мэри, здѣсь вы?»... сначала по французски, потомъ по англійски...

— И вы разсмотрѣли его лицо?...

— Не совсѣмъ. Шляпа у него была нахлобучена на глаза, ротъ завернутъ въ кашне... Показалось мнѣ, что брови были густыя и борода...

— Но отчего вы его не задержали?

— Въ томъ-то и штука. Я сидѣлъ въ шкапикѣ... чихнулъ... а мошенникъ меня и заперъ... Но глупѣе всего, что мои агенты пропустили его, потому что онъ показалъ имъ полицейскій билетъ.

— Билетъ! Это важная улика, однако... Пошлите ко мнѣ тѣхъ агентовъ, которые разговаривали съ этимъ человѣкомъ.

— Я сдѣлаю лучше: предоставлю ихъ въ ваше полное распоряженіе на весь мѣсяцъ. Нумера 29 и 33. Но какъ по вашему мнѣнію: оба убійства совершены однимъ лицомъ?

— Я такъ полагаю.

— Но замѣтьте, что способъ убійства различный... Мужчинѣ нанесенъ ударъ чѣмъ-то тяжелымъ, а женщина заколота.

—Что-жъ изъ этого? Я представляю себѣ такъ: женщина заманила негоціанта въ ловушку; во время ужина, сообщникъ ея, притаившійся гдѣ нибудь, выскочилъ и убилъ этого человѣка палкой по головѣ... Перетащивъ трупъ въ буфетную, оба они пошли въ будуаръ. Пріятель, заранѣе еще задумавшій избавиться отъ нея, нанесъ ей здѣсь ударъ кинжаломъ и запихалъ ее въ чемоданъ. Нѣмой былъ уже подговоренъ прежде...

— Хорошо, но зачѣмъ же убійца окликалъ ее ночью? Онъ долженъ былъ знать, что ее нѣтъ?

Это замѣчаніе озадачило немного Толбіака, но онъ тотчасъ же нашелся и отвѣтилъ хладнокровно:

— Была же какая нибудь горничная у этой особы?

— Да, говорятъ, англичанка.

— Ну, онъ и звалъ ее. Она была, безъ сомнѣнія, въ заговорѣ, потому что пропала, не такъ ли?

— Хорошо опять, но письмо, найденное при убитомъ? Не горничная же его писала, а подъ нимъ подпись: «Мэри».

— Отчего же не горничная? Ея госпожа имѣла, можетъ быть, свои причины не писать лично... Это бываетъ.

Начальникъ полиціи согласился съ этимъ мнѣніемъ и предложилъ осмотрѣть еще комнату горничной. Тамъ все было въ порядкѣ, но шкафы и ящики тоже опорожнены. Было видно, что и горничная приготовилась къ скорому отъѣзду.

— Надо будетъ осмотрѣть чемоданы внизу, сказалъ начальникъ полиціи. — Если въ нихъ не окажется вещей, очевидно принадлежащихъ прислугѣ, а не госпожѣ, то это будетъ новымъ доказательствомъ, что эта горничная жива и дѣйствовала за одно съ убійцею. Вы теперь свободны, г. Толбіакъ; вамъ не зачѣмъ присутствовать при судебномъ и медицинскомъ осмотрѣ... Протоколы вы получите отъ меня... Я разузнаю тоже на счетъ домовладѣльца. Не угодно ли вамъ только сличить слѣды, оставленные убійцею, съ тѣми, которые принадлежатъ моему ночному посѣтителю?...

— Сдѣлайте это лучше безъ меня. Я не хочу обращать на себя вниманіе сосѣдей... Къ тому же, вы, конечно, сдѣлаете снимки со всѣхъ этихъ слѣдовъ, и я разсмотрю ихъ тогда... А теперь, до свиданія!

— Да, вамъ должна быть дорога каждая минута... Но если я понадоблюсь вамъ, то, вы знаете, я приму васъ во всякое время... И всѣ мы въ вашемъ распоряженіи... Если пожелаете видѣть нѣмого...

— Ни въ какомъ случаѣ! Это разстроило бы всѣ мои планы. Этотъ нѣмой только тогда и можетъ послужить мнѣ, если не будетъ знать меня въ лицо.

— Какъ знаете, сказалъ начальникъ полиціи, пожимая руку Толбіаку, который раскланялся съ нимъ и ушелъ, старательно приподнявъ опять воротникъ своей шубы, потомъ сѣлъ въ фіакръ, сказавъ нѣсколько словъ Пигашу, и уѣхалъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

„Которая"?..

Повѣсть А. Малиновскаго.

— Ну, ужь я васъ просто на просто и не понимаю, Анна Никитишна, говорила бойкая горничная сморщенной старушкѣ, горемычно сидѣвшей у окна большой, богато убранной комнаты.—И чего это вы только сокрушаетесь, будто и ни вѣсть какое горе,—не родная дочь...

— Ахъ, мать моя! молода ты больно, разума мало. Чтожь, что не родная, а вѣдь она у меня на глазахъ выросла и грѣха что навидалась я съ нею. Кто у меня остался, кромѣ нея то, голубушки моей. Мы не то, что вы,—никакой привязанности не имѣете къ господамъ. Вотъ ты, что фрелина считаешся, а нешто, ты жалѣешь барыню-то свою? Тебѣ бы хорошо дарили, да платили, а чуть не по вкусу,—фыркнешь да и уйдешь. Нѣтъ! мы не такъ живали да служивали. Бывало, изъ-за господъ вся душа переболитъ: они тебя въ черномъ тѣлѣ держатъ, а ты, поди, готова душу отдать за нихъ. Да какъ мнѣ и не любить-то мою Зинаиду Николаевну! Какой она была у насъ анделъ! Живали мы богато, не то, что теперь. Бога не гнѣвлю и теперь хорошо, да не то, мать моя, совсѣмъ не то... Деревня была у насъ богатѣющая, мужики всѣ въ исправности работали на господъ, справляли барщину, ну и свою работу не упускали. Баринъ былъ строгій. Коли пойдетъ прогуляться, да увидитъ, что у мужичка поле дурно вспахано, сѣно ли лежитъ не убрано—бѣда, легче провалиться, ничѣмъ на глаза попасть. Вотъ они, въ страхѣ-то живши, и люди были. А ужь барыня наша была такой кротости, я и въ жизть-то такой не видала! Моя то Зинаида Николаевна вся въ отца вышла. Крутенекъ былъ нравомъ. Бывало, разшумится, раскричится ни за что: «розогъ, убью!» Мужиченка валяется въ погахъ, а нашу-то барыню слеза такъ и прошибетъ. «Андре, монъ-шеръ! прости его для меня. Успокойся! тебѣ нездорово, мой другъ сердиться». Ну, когда и послушаетъ, а то, какъ ни любилъ, а во гнѣвѣ только брови сдвинетъ, да и скажетъ: «Тебѣ не пристало, мой другъ, это видѣть! Ступай въ свой будуаръ». А она, бѣдненькая, вся притихнетъ, да и уйдетъ куда-нибудь подальше, а не то въ дѣтскую къ старой нянѣ Панкратьевнѣ. Я-то въ тѣ поры была взята въ дѣтскую на побѣгушки, ну, услужить, позабавить господъ... Куда была я востра, точно бѣсъ, бывало, верчусь, да занимаю барышенъ... У насъ только двѣ ихъ было: Зинаида да Любовь Николаевна; много было дѣтей, да Богъ жизни не давалъ. И какъ ихъ любили баринъ да барыня, души не чаяли! Любовь-то Николаевна была старшая, ну, такая тихая, послушная: играетъ себѣ въ игрушечки, прискучитъ—сказочки слушаетъ. Ну, а ужь моя-то Зинаида Николаевна,

ПАРИЖСКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.

ПРІЕМЪ ПРЕЗИДЕНТОМЪ ИНОСТРАННЫХЪ ГОСТЕЙ.

та огонь да и только: на мѣстѣ не посидитъ, ни чѣмъ долго и не займется, все давай новое, да веселое. Не оглянешься, а она, даромъ что отъ земли не видать, пропадетъ куда-нибудь одна, то въ садъ, да прямо наровитъ въ гряды съ клубникой, то въ людскую убѣжитъ, къ скотницѣ Лукерьѣ за лепешками, а то и въ конюшню забредетъ: старикъ кучеръ ее баловалъ, на рукахъ всюду обнесетъ, все-то покажетъ... Хватится нянюшка, ну, меня посылать: «Аннютка, чего зѣваешь? гдѣ-же барышня-то? Бѣги, бѣги скорѣе!» А ты умаешься, искавши-то ея. Но вотъ стали барышни подростать; Любовь Николаевнѣ минулъ одиннадцатый годокъ, Зинаидѣ Николаевнѣ десятый. Начали поговарить промежъ себя господа, что и учить надо. Ну поговорили, посовѣтовались, да и выписали себѣ француже́нку изъ Питера. Ждемъ губернантку съ осени, настала зима, барыня, точно сердце ея что чуяло, бывало, придетъ въ дѣтскую, да и скажетъ: «Ахъ няня, няня! что у меня сердце щемитъ? не къ добру это?»—«Господь съ вами, матушка барыня! говоритъ няня.—Чего вы, вамъ бы радоваться, да веселиться, глядючи на свое житье». Ну, и успокоится наша барыня... Самъ-то часто ѣзжалъ на охоту: вотъ и наскучитъ ей все одной да одной; невеселое и взбредетъ на умъ.

Разъ только, ужь это было въ сумерки, господа откушали, легли отдыхать, свѣчей не подавали, мы въ дѣтской всѣ собравшись были, Любовь Николаевна въ карты со мной сѣли играть,—смотрю, и Зинаида Николаевна къ намъ примостилась, такъ было тихо, какъ и никогда. Вдругъ слышимъ колокольчикъ; всѣ засуетились: гости ѣдутъ. Кто бы это могъ быть? Я бѣгомъ, скорѣе къ лакею, чтобы свѣчи въ гостинной да въ залѣ зажегъ. Не успѣли зажечь свѣчей, какъ въ передней слышу голосъ сосѣда нашего Ляпушкина, такой бѣдовый да веселый былъ, а съ нимъ какая-то барышня, стройная, красивая, вся въ буклахъ. Что за притча? ужь не другой ли женой обзавелся? Входятъ въ гостинную, да таково-то весело щебечутъ что-то не по нашему. Вышли барыня, баринъ. Ничего, такъ обходительно гостей встрѣчаютъ, только слышу, барыня въ ладошки хлопаетъ, значитъ зоветъ прислугу, такая у нихъ была манера, да и говоритъ лакею: «Позвать мнѣ сюда Зину да Любу». Ну, мы съ нянюшкой живо ихъ справили, да и повела Панкратьевна ихъ въ гостиную, а я въ щелочку заглядываю, думаю, зачѣмъ это нашихъ барышень зовутъ. Чуть отъ удивленія не ахнула громко, какъ услыхала, что наша барыня говоритъ: «Вотъ, Люба и Зина, ваша новая губернантка. Слушайтесь ее, да любите; она добрая». Эта забормотала что-то барышнямъ, а онѣ такъ смирненько стоятъ, потупивъ глазки, инда жалко мнѣ ихъ стало. Пропала ваша волюшка, думаю я. А барина-то и не узнать: такой веселый, да разговорчивый. «Что же ты, мой другъ, говоритъ,—дорогимъ гостямъ, чайку бы скорѣе велѣла подать. Я думаю, съ дороги мудмузель да и любезный сосѣдъ устали». Тутъ пошли у нихъ разговоры, перешли въ столовую, а я давай Богъ ноги скорѣе удирать въ дѣтскую—неравно увидятъ.

— Ну, чтожь ваша-то губернантка хороша была съ господами, долго жила?

— Ахъ, мать моя, дай договорить! Больно востра, все въ мигъ хочешь,—такъ не дѣлается; вотъ погоди, дай время, все узнаешь... На другой день помѣстили мамзель-то возлѣ дѣтской. Ужь какъ намъ это было не по вкусу. Не шевельнись, не зашуми. Барышень отдали, значитъ, въ ея полное распоряженіе. Любовь Николаевна, та смирна, за книжки взялась, да такая-то послушная, а Зинаидѣ Николаевнѣ не по нраву; глядишь: она книжку-то въ сторону, да сама стрекоча въ садъ. Кличетъ, кличетъ ее француже́нка, да и разсердится, побѣжитъ къ баринѣ, ну, розыщутъ, выговоръ дадутъ ей, а она на другой день за свое опять принимается. Надоѣло видно француже́нкѣ безъ толку-то жаловаться. Разъ только ушла она съ барышнями гулять; ждемъ ихъ домой, что-то долго нѣтъ, наконецъ приходятъ. Наша мамзель прямо въ кабинетъ къ барину. Что она ему тамъ говорила, Господь ея вѣдаетъ! Знаю только, что вышла оттуда такая веселая и барышнямъ ни гугу. Опосля спросила я Любовь Николаевну, что приключилось съ ними на прогулкѣ? Она-то мнѣ и разскажи, что барышня Зинаида Николаевна прямо въ деревню впередъ убѣжала, да тамъ и пошла ходить изъ одной избы да въ другую, а мамзель сердится, бранится, барышня еще пуще ей отвѣчаетъ... «Ну, думаю, быть бѣдѣ! къ самому значитъ барину ходила съ жалобой». Однако ничего будто и не бывало, только гляжу, баринъ сталъ часто въ дѣтскую, да въ классную понавѣдываться, а то и гулять вмѣстѣ съ дѣтьми пойдетъ. Диво да и только! Никогда этого не было, чтобы онъ ходилъ съ барышнями. Наша-то мамзель рядится, вся въ буклахъ, ужь она утромъ-то передъ зеркаломъ вертится, вертится и конца нѣтъ. Такъ у насъ зима прошла...

Наступила весна. Перемѣнъ нѣту, все, слава тѣ, Господи, благополучно. Барыня только что-то невесела и баринъ съ нею необходителенъ. Другой разъ, кажись, ни за что сердится на нее. Она все молчитъ,—ангельская была душа! Вотъ стали наши по веснѣ гулять; уйдутъ въ лѣсъ, долго, долго не возвращаются; баринъ уѣдетъ осматривать поля. Останется одна барыня дома... Какъ сейчасъ помню, разъ, послѣ завтрака, справились дѣти и ушли, по обыкновенію, въ лѣсъ. Смотрю, немного погодя, барыня прямо въ комнату къ нашей губернантки и дверь за собой притворила. «Что бы такое ей надо?» думаю я. Ну, стала въ щелочку глядѣть: великъ соблазнъ. Вотъ подошла она къ зеркалу, пересмотрѣла всѣ вещи, да такъ руки и задрожали: нашла въ ящичкѣ то ключи. Давай подбирать ихъ подъ замокъ шкатулочки, что наша мамзель на запорѣ держала. Ключъ-то нашла живо: сама такая блѣдная, по верху ленточки да бантики, все перебрала, а внизу-то пакетикъ,—она его какъ схватитъ, шкатулку на замокъ, ключи на мѣсто, а сама съ пакетикомъ да и вонъ изъ комнаты. Я скорѣе отъ двери... Ушла барыня и заперлась у себя. Много что-то прошло времени, а она все не выходитъ: мнѣ ажно страшно стало.

Вернулись барышни, пріѣхалъ баринъ, пора къ столу, а она все запершись. Ну, баринъ, сталъ стучать, кликать: отвѣту нѣтъ. Такой переполохъ пошелъ въ домѣ; онъ сначала просилъ отворить, а туть разсерчалъ да и велѣлъ выломать двери... Ну, выломали, а она-то, наша сердечная, на полу безъ памяти и лежитъ и возлѣ нея бумажечки... Подняли, отнесли на кроватку; баринъ бумажечки-то поднялъ да, какъ шальной какой, и выскочилъ вонъ изъ комнаты. Пришла въ себя барыня; барышни плачутъ; приказала она позвать барина; выслала всѣхъ. Ну что промежь нихъ было—вѣдаетъ Богъ, темное дѣло! Только знаю, долго были они запершись, а на другой день мамзель собралась да вдругъ и укатила и не повидавшись съ барынею. Баринъ злится, кричитъ на всѣхъ, барыня больна,—ну, не жизть, а каторга пошла въ домѣ. А тутъ и совсѣмъ слегла барыня, пролежала не долго, да Богу душу и отдала. Ужь что только у насъ было, страшно сказать: баринъ, точно малый ребенокъ, плачетъ да все говоритъ: «Прости меня, забудь, мой другъ, вспомни: у насъ дѣти». Ну, она такъ-то ласково ему говоритъ: «Я не сержусь, не помню зла; ну, а ужь теперь поздно, чувствую, что не встану...» Скончалась наша голубушка... Совсѣмъ мы осиротѣли. Домъ сталъ пустъ. Баринъ у себя все запершись; барышни съ няней. Только одна наша Зинаида Николаевна и могла еще разговорить папашу. Стали сосѣди навѣщать, утѣшать, ну, и совѣтовать, отвезти барышень въ ученье въ Питеръ. Думалъ, думалъ баринъ да въ одинъ день и собрался. Взялъ съ собою барышень да Панкратьевну и выѣхалъ: на долго ли—Богъ вѣсть! Вернулась нянюшка, мѣсяца черезъ два, одна. Баринъ остался въ Питерѣ по дѣламъ, барышень опредѣлили въ институтъ. «Видала, говоритъ, нашу мамзель; только иду по портуару, а она летитъ, такая разфуфыренная... Подскочила ко мнѣ, да и давай разспрашивать про всѣхъ. Ну, я то ей таково сухо еле отвѣчаю...» Ну, и проговорись мнѣ тутъ нянюшка, что барыня тогда нашла записочки мужа у нея, какъ онъ тамъ ей признается въ любви, да въ чувствахъ, да какъ жену не любитъ, не знаетъ, какъ развязаться... Фу, ты гадость какая! Нечего сказать, къ добру учили писать!... Ну, конечно, барыню-то нашу что обухомъ по головѣ. Давно та примѣчала, что промежь нихъ не ладно, а ужь тутъ и сумлѣнья нѣтъ, все на лицо. Уходили они ее вдвоемъ, загубили душеньку своими авантюрами. Охъ, грѣхи, грѣхи тяжкіе!... Баринъ нашъ опосля этого не долго жилъ въ деревнѣ,—переѣхалъ въ городъ, поступилъ на службу и въ деревню только наѣзжалъ... Въ городѣ у него былъ домъ свой; жилъ богато, ну, а ужь того не было, что при покойной барынѣ...

Вотъ насталъ срокъ выхода нашихъ барышень изъ ученья. Баринъ въ тотъ годъ ѣздилъ къ своей сестрѣ, старой вдовѣ, жившей недалеко отъ нашей усадьбы. Уговорилъ онъ ее пріѣхать къ нему, какъ хозяйкѣ; не складно было двухъ барышенъ оставить однѣхъ. Отдѣлали комнаты красиво. Старуха наша, нянюшка, цѣлый день все, бывало, бродитъ: хорошо ли убрано, останутся ли довольны барышни. Въ тѣ поры я была ужь не очень молода; меня то значитъ по старой памяти и опредѣлили ходить за барышнями. Вотъ поѣхалъ баринъ за ними въ Питеръ, а мы ждемъ не дождемся, когда то ихъ увидимъ. Наканунѣ пріѣзда прискакалъ впередъ нарочный, чтобы, молъ, ожидать ихъ на другой день въ обѣдъ. Ну, Анфиса Петровна, тетка ихъ, на славу заказала угощенье; встали это мы съ пѣтухами, все дѣла да дѣла—ужь не помню, какъ день прошелъ; знаю только, что мы всѣ собрались къ ихъ пріѣзду въ корридорѣ возлѣ залы... «Пріѣхали, пріѣхали»! закричалъ Митюшка, казачкомъ онъ у насъ числился, и со всѣхъ ногъ бросился отворять дверь, а черезъ минуту, красавицы наши ужь цаловали тетушку, обнимали старую няню и меня не забыли, спасибо имъ. Да, ужь, подлинно, что красавицы, особливо Зинаида Николаевна: волосы бѣлокурые, густые, высокая, стройная, бѣленькая такая, а сама весела, говорлива такъ и заливается. Не наглядѣлся бы! Ну, теперь что? развѣ можно узнать? болѣзнь-то хоть какую угодно красу убьетъ! Любовь Николаевна не похожа была на сестру—и ростомъ не взяла и таліей; волосы, какъ у мамаши, черные; глаза тоже большущіе, черные; сама весела, а все не то—далеко до сестрицы. Зинаида Николаевна около папаши вертится, ластится, болтаетъ, а у стараго барина отъ радости, я думаю, чай, голова закружилась. Зажили мы въ тѣ поры весело; барышни дѣлали, что хотѣли: больно ужь баловалъ ихъ папенька. Ну, а тетка, бывало, скажетъ, что не ладно,—Любовь Николаевна смолчитъ и послушаетъ, видитъ сама что не слѣдъ, а Зинаида Николаевна, куда тебѣ, словами закидаетъ, и на своемъ поставитъ. Совсѣмъ слабъ отецъ сталъ. Точно обвела она его: что хочетъ, то и дѣлаетъ. Кажинный день у насъ гости. Все больше мужчины да военные; барынь бывало мало: скучала вишь, съ ними наша бѣдовая. А то, на балъ куда уѣдутъ, на всю

ночь, танцовать. Рѣдкій день не ѣздили кататься за тройкахъ съ офицерами и тетушку тащутъ за собою. Любовь Николаевна сядетъ со старухою, ну нѣсколько мужчинъ съ ними, особливо одинъ полковникъ все возлѣ нихъ вертѣлся, а Зинаида Николаевна одна съ кавалерами; насядутъ полнехоньки сани и укатятъ впередъ. Боецъ была наша барышня! Чего только она ни придумовала, какъ ни дурачила всѣхъ? Особливо, что смѣху то было надъ старымъ енараломъ. Втюрился онъ это по уши въ нашу Зинаиду Николаевну, не отходитъ отъ нея; куда она, туда и онъ бѣжитъ, а самъ все прихорашивается... Станетъ, это онъ передъ зеркаломъ въ передней, да свои сѣдые усища мажетъ, мажетъ, какой-то черной гадостью, да все крутитъ ихъ вверхъ, да вверхъ. У самого плѣшь во всю голову, а причесывается-то часъ битый. Фу, ты пропасть! мерзко видѣть. Пузо большое; самъ маленькій, да такой-то замурзанный: противно возлѣ у стола сидѣть, всю заплюетъ, зальетъ. Гроша не стоитъ, а самъ, поди, какъ форситъ. Вдовый онъ былъ. Жена, говорятъ, была богата, да онъ живо спустилъ ея-то денежки; она, видать, сердешная, и померла то съ горя. Остался онъ въ долгу, какъ въ шелку, а форсу не покидаетъ; по нѣскольку дѣвокъ у себя держитъ. Дразнитъ, бывало, нашу барышню Любовь Николаевну; прибѣжитъ за ней въ спальню; тащитъ за собою: «Иди иди, Зиночка! твой обожатель пріѣхалъ, страдаетъ. Какъ угорѣлый, по гостинной мечется». Ну, когда разсердится не сестру Зинаида Николаевна, а когда въ ударѣ—такія-то штуки надъ нимъ продѣлываетъ. Болѣ всего, кажись, нравился ей молоденькій, изъ себя видный мужчина, офицеръ одинъ. Нѣтъ, нѣтъ, а, глядишь, она съ нимъ въ уголкѣ шепчется и все наровятъ быть вмѣстѣ рядышкомъ. А тоже кутила былъ порядочный! Подъ конецъ-то зимы слыхать было, что напрокazилъ въ полку, его куда-то и перевели далече. Съ той поры такъ и сгинулъ, а то, бывало, кажинный день къ намъ шлялся.

Вотъ наступила весна. Стали мы сбираться въ деревню, а тутъ у насъ случилась радость. Любовь Николаевна дала слово полковнику. Ну, баринъ, конечно, супротивъ не пошелъ, потому хорошій онъ человѣкъ былъ, да и любилъ барышню. Долго не стали тянуть; живо сыграли свадьбу и наши молодые укатили въ имѣнье мужа. Остались мы однѣ съ Зинаидой Николаевной. Не узнавали мы ее; въ тѣ времена у насъ пѣсни, шумъ, приданное шьютъ, сама невѣста такая веселая, а она заберется къ себѣ, да, чтобы никто не видалъ, плачетъ, плачетъ... Сердце просто разрывается! куда дѣвалась ея удаль? Тогда никому не въ домекъ было, что за притча; всѣ такъ и думали, что жаль съ сестрицей разстаться, ну и завидно, можетъ, что та выходитъ раньше, даромъ что и красотой и умѣньемъ не взяла...

Давно молодыхъ нѣтъ ужь и письмо прислали къ намъ, что очень весело имъ и счастливо живутъ. Мы переѣхали въ деревню; жизнь пошла потише; пріѣзжали къ намъ гости, да все не то; не та стала барышня и веселье пропало. Много въ тѣ поры хаживали мы, то въ лѣсъ, то на телегу усадитъ насъ всѣхъ, да и отправимся мы съ нею на сѣнокосъ. Иную пору будто опять стала наша Зинаида Николаевна весела, а тамъ вдругъ стихнетъ и уйдетъ отъ всѣхъ одна въ лѣсъ. Аукаешь, аукаешь, ни за что не откликнется, набредешь на нее,—глядь, а она сидитъ себѣ гдѣ-нибудь, да думаетъ... И какую только она эту думу напустила на себя?.. Такъ прожили мы лѣто. Болѣе всего наѣзжало къ намъ офицерство; на перебой ухаживали они за нашею барышнею, на меня, однако, сумлѣнье напало, что съ ними не такая она, а супротивъ прежняго гораздо тише будетъ... А дѣло-то скоро и выяснилось...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Дочь Клеопатры.

Картина Леконтъ-Верне.

Карлъ Ипполитъ Эмиль Леконтъ-Верне, современный французскій живописецъ, родился въ Парижѣ 1831 г. Ученикъ Гороса Верне и Леона Конье, Леконтъ-Верне впервые обратилъ на себя вниманіе нѣсколькими прекрасно исполненными картинами, находившимися въ Парижскомъ Салонѣ 1853 г. Изъ многочисленныхъ его произведеній достойны вниманія слѣдующія картины: Ecce Homo, Св. Екатерина, Орфей и Евридика, Ночь, Христосъ и дѣти, Три женскіе типа, Амфитрида, Молодая Цыганка и др. Кромѣ того Леконтъ-Верне писалъ множество портретовъ, отличающихся удивительнымъ сходствомъ и изящною отдѣлкою. Два предпринятыя имъ путешествія въ Италію и Сирію дали живописцу много сюжетовъ для разныхъ этюдовъ. На всѣхъ выставкахъ, на которыхъ появлялись картины Леконта Верне, ихъ авторъ удостоивался медалей, а въ 1864 г. креста Почетнаго Легіона.

Картина, вѣрный снимокъ съ которой читатели найдутъ въ настоящемъ номерѣ «Живописнаго Обозрѣнія», представляетъ одинъ изъ трехъ женскихъ типовъ. Названіе Дочь Клеопатры, которое Леконтъ далъ своей картинѣ, хотя по сюжету, повидимому, ничего общаго съ картиной не имѣетъ, но оно вполнѣ вѣрно характеризуетъ общій типъ красоты женщинъ, благословенной когдато страны. Вѣдь таже красота побѣдила Цезаря и Антонія, заставивъ ихъ позабыть даже о самихъ себѣ.

Вообще египетскія женщины не красивы, но за то если среди нихъ попадется красавица, такъ трудно найти въ ней хоть мелкій, ничтожный даже недостатокъ. Дочь Клеопатры или, вѣрнѣе, Египтянка Леконтъ-Верне вполнѣ вѣрно передаетъ всѣ прелести египетскихъ красавицъ.

Изъ-за океана.

Письма А. Е. Бородаевскаго.

Письмо III.

Филадельфія.

Если впечатлѣнія нашей газетной экскурсіи, которую мы закончили предыдущимъ письмомъ, не совсѣмъ еще изгладились изъ памяти читателя и онъ постарается припомнить отзывы различныхъ американскихъ газетъ по поводу настоящей войны, то онъ, несомнѣнно, долженъ будетъ прійдти къ тому отрадному убѣжденію, что великое значеніе борьбы за свободу угнетенныхъ и заслуги русскаго народа, въ этомъ историческомъ дѣлѣ, оцѣнены вполнѣ его «заатлантическими друзьями» и что истинныхъ своихъ друзей, самыхъ искреннихъ доброжелателей и вѣрныхъ союзниковъ, русскій народъ можетъ найти только по сю сторону Океана, въ Америкѣ. Мы съ читателемъ побывали на всѣхъ концахъ сѣверо-американскаго союза, прислушались къ голосу всѣхъ трехъ партій: республиканской, демократической и независимыхъ, познакомились, наконецъ, съ отзывами людей, различныхъ мнѣній, направленій и положеній—и вездѣ, и отъ всѣхъ мы могли слышать лишь выраженіе самыхъ дружественныхъ чувствъ и искреннихъ симпатій американцевъ къ русскому народу.

Само собою разумѣется, что въ этомъ дружномъ хорѣ американской печати попадаются иной разъ ноты, которыя въ общей гармоніи голосовъ, являются диссонансами и могутъ непріятно подѣйствовать на ухо русскаго человѣка. Но смущаться этимъ не слѣдуетъ; еще менѣе основательно и справедливо было-бы такія отдѣльныя явленія возводить въ общее правило и взваливать отвѣтственность за это, огуломъ, на всю американскую прессу, какъ и сдѣлалъ одинъ корреспондентъ «Нов. Вр.» въ прошедшемъ году. Не надо забывать, что въ С. Американскихъ Штатахъ издается семь тысячъ девятьсотъ пятьдесятъ восемь газетъ (7,862—въ штатахъ и 96—въ территоріяхъ) и если даже допустить, что противниковъ нашихъ наберется тысяча (что, надо замѣтить, почти невѣроятно,—но допустимъ!), то изъ этого слѣдуетъ только то, что, при восьмитысячномъ числѣ газетъ только десять процентовъ всего населенія, включая въ то число американскихъ нѣмцевъ и католиковъ, не ирландцевъ, систематически относившихся всегда враждебно къ русскимъ, раздѣляютъ туркофильскія симпатіи, а остальные девять десятыхъ, т. е. почти весь американскій народъ стоитъ за русскихъ въ ихъ борьбѣ съ турками...

Гдѣ, спрашивается, въ какой другой странѣ свѣта русскій человѣкъ можетъ найти столько сочувствія себѣ?... Не въ Германіи-ли?... Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взять въ руки хоть, напримѣръ, излюбленную сѣверо-германскими культуртрегерами «Kölnische Zeitung», или даже органъ нѣмецкихъ филистеровъ и всевозможныхъ «ратовъ», аугсбургскую «Allgemeine Zeitung», (Всеобщую Газету), которую, помнится, членъ рейхстага и депутатъ отъ одного изъ южно-германскихъ государствъ, Тѣгеръ, предложилъ какъ-то, и совершенно справедливо, переименовать въ «Allgemeinste Zeitung» (наипошлѣйшую газету). Что мы тамъ найдемъ? Встрѣтится-ли на ихъ страницахъ хоть одна строка, дышащая чувствомъ расположенія и сочувствія къ русскому народу?

Нѣтъ! болѣе вѣрныхъ и искреннихъ друзей, какъ американцы, не отыщется у насъ нигдѣ.

При этомъ въ высшей степени любопытно, что американцы, на сколько дружественно относятся къ русскимъ,—на столько-жь непріязненно къ англичанамъ. Янки не долюбливаетъ Джона Буля сильно, искренне и,—нужно отдать ему справедливость, не безъосновательно.

Воспоминаніе прошедшаго слишкомъ еще свѣжо въ памяти народной; кромѣ того, американцы не могутъ простить англичанамъ ихъ нечестнаго къ нимъ отношенія въ минувшую войну, и едва-ли скоро забудутъ, что, благодаря традиціоннымъ принципамъ государственныхъ людей Англіи, междоусобная ихъ война затянулась на цѣлыхъ два года дольше и безплодно лились потоки братской крови; что часть страны находится и по нынѣ въ раззоренномъ состояніи; что народное хозяйство пришло въ неслыханный до того времени упадокъ; что нѣкогда многочисленный коммерческій флотъ ихъ пришлось сбыть за безцѣнокъ во время войны тѣмъ же англичанамъ, которые, подъ рукою, снарядили у себя крейсеровъ для южанъ; что, наконецъ, неисчислимыя бѣдственныя послѣдствія продолжительной, по винѣ англичанъ, войны и до сихъ поръ тяготѣютъ надъ страною, въ той или другой формѣ. Такія народныя бѣдствія не легко забываются и прощаются народомъ, и американцы до того откровенно обнаруживаютъ въ печати свое нерасположеніе къ англичанамъ, что послѣдніе не имѣютъ ни малѣйшаго права сомнѣваться въ его искренности. Оно становится тѣмъ болѣе непріятно Джонъ Булю, что американцы въ то же самое время выражаютъ самыя несомнѣнныя чувства дружбы и расположенія къ русскому народу.

Неудивительно поэтому, что оскорбленная національная гордость иного англичанина сильно возмущается и ему приходитъ на умъ спросить у янки: отчего это такъ?!... «Почему, г. редакторъ, спрашиваетъ одинъ огорченный Джонъ Буль въ письмѣ своемъ въ редакцію ньюіоркскаго «Times», отъ 4-го февр. этого года,—отчего это происходитъ, что великая англо-сансонская республика, отличающаяся своею любовью къ

Рисунокъ Г. ДОРЕ.

Волки и овцы.

Рисунокъ Г. ДОРЕ́.

Волкъ.

свободѣ и свободнымъ учрежденіямъ, высказываетъ такую, въ высшей степени искреннюю дружбу (буквально the most intimete friendship) къ Россіи и такъ непріязненно относится къ странѣ, народъ которой есть «кровь отъ крови, кость отъ кости» американскаго народа, и правительство, которое раздѣляетъ съ нею честь развитія среди ея народа самой широкой свободы на землѣ...»

Въ отвѣтъ на это, автору письма пришлось выслушать совѣтъ—повнимательнѣе прочесть первыя и особенно послѣднія страницы исторіи американскаго народа...

Послѣ всего этого становится непонятно, на какомъ разумномъ основаніи господа, претендующіе на близкое знакомство съ Америкой и ея народомъ, рѣшаются утверждать, что «американцы относились и относятся къ намъ крайне враждебно и желаютъ намъ всякого рода пакостей?!...»

Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ корреспондентъ «Новаго Времени», г. Ю. Луканинъ, въ своей статьѣ «Русскіе и американцы», въ 612 нумерѣ этой газеты за прошлый годъ. «Читая газеты постоянно въ Америкѣ, я долженъ сказать, говоритъ г. Ю. Луканинъ, что изъ многого множества американскихъ газетъ, одинъ и одинъ только «New York Herald», (я нарочно подчеркиваю эти слова!) относился и продолжаетъ относиться къ намъ и поднятому нами восточному вопросу хорошо, правдиво, честно и сочувственно. «New York Tribune» относится къ намъ индеферентно. За то такія газеты, какъ «New York Times» (читатель знакомъ уже изъ II письма моего съ его отзывомъ), «Sun», «World», «Daily News» и въ особенности нѣмецкая «New York Stadt Zeitung»—самыя большія и болѣе распространенныя газеты, подъ одну дудку съ которыми пѣли всѣ остальныя мелкія газеты,—не только относились и относятся сочувственно къ Турціи и въ высшей степени враждебно къ намъ, но и сознательно и систематически занимались и занимаются распространеніемъ на нашъ счетъ всевозможныхъ инсинуацій. Не лучше, продолжаетъ г. Луканинъ,—если только не хуже американской печати, относятся къ намъ и сами американцы. Весьма незначительная часть американскаго общества относится къ намъ еще до нѣкоторой степени сочувственно; остальная же часть американцевъ относилась и относится къ намъ крайне враждебно и желаетъ намъ всякого рода пакостей...» И какъ бы думалъ читатель, почему американцы съ такимъ недоброжелательствомъ относятся къ намъ?... Г. Луканинъ рѣшаетъ вопросъ быстро, и, не задумываясь долго, отвѣчаетъ съ глубокомысліемъ и остроуміемъ, достойнымъ Кифы Мокіевича, что «ими руководитъ непріязнь къ нашему національному характеру, ненависть къ нашей сплоченности, къ нашему увеличивающемуся самосознанію...»

Относительно точности сообщаемыхъ корреспондентомъ «Новаго Времени» фактическихъ свѣденій и вѣрности его выводовъ, я полагаю, нѣтъ и надобности много распространяться; читатель самъ можетъ судить: факты на лицо. Замѣчу мимоходомъ только тѣ неточности, которыя обнаруживаютъ въ авторѣ полное незнакомство съ предметомъ. Во-первыхъ, въ Америкѣ вовсе не существуетъ такой газеты «N.-Y.-Stadt. Zeitung», а есть «N.-Y.-Staatts Zeitung». Во-вторыхъ, «Daily News» такая незначительная и ничтожная газета, что ее ни въ какомъ случаѣ нельзя ставить на ряду съ такими первостепенными органами американской печати, какъ «New York Times» и проч. Доказательствомъ служитъ, между прочимъ, и то, что ее нѣтъ даже въ громаднѣйшей «Mercantile Library», въ Филадельфіи, гдѣ получается пятьсотъ три названія газетъ и журналовъ, и гдѣ можно найти всѣ болѣе или менѣе замѣчательные органы американской печати. Впрочемъ, можетъ быть, авторъ проникся благоговѣніемъ къ этой газетѣ, потому что она носитъ такой-же заголовокъ, какъ и знаменитая лондонская «Daily News».

Вообще въ этой корреспонденціи безпрестанно приходится встрѣчаться съ невѣжествомъ автора относительно всего, что составляетъ предметъ его статьи. Правда, авторъ увѣряетъ читателей «Новаго Времени», что онъ знакомъ съ Америкой и американцами основательно, проживъ въ этой странѣ «около трехъ лѣтъ...». Но можно прожить въ извѣстной странѣ десятки лѣтъ и все-таки, при отсутствіи извѣстной степени наблюдательности и способности къ анализу, можно остаться въ такомъ же невѣденіи, какъ и въ первый день пріѣзда.

Я нахожу нужнымъ обратить вниманіе на эту корреспондецію, не съ цѣлью полемизировать съ авторомъ ея, а потому что подобныя статьи, наполненныя невѣрными свѣденіями, способны произвести очень дурное впечатлѣніе въ Америкѣ на нашихъ друзей. Американская жизнь сложилась иначе, чѣмъ въ старомъ свѣтѣ. Американецъ—человѣкъ дѣла, а не теорій; способъ его мышленія—строго индуктивный; фактъ управляетъ его жизнью, руководитъ его умомъ и опредѣляетъ его симпатіи. Поэтому и ежедневная печать отличается здѣсь такими особенностями, какихъ не имѣетъ ни какая другая пресса, не исключая и англійской, и которая вполнѣ принаровлены къ потребностямъ и характеру американца, это—репортерство. Американскій газетный «репортеръ» имѣетъ не такое ничтожное значеніе, какъ въ Европѣ, гдѣ онъ, подобно тряпичнику, тщательно подбираетъ только то, что случайно выбрасывается на берега волнами народной жизни; здѣсь онъ—сила; здѣсь онъ самъ достаетъ въ глубинѣ ея волнъ и ищетъ на днѣ ея потока то, что ему самому нужно; онъ въ своемъ родѣ литературный слѣдователь, и отъ его пытливаго взора не можетъ укрыться ни чужая совѣсть, ни чужой карманъ. Съ книжечкой въ карманѣ, стенографскимъ карандашикомъ въ рукѣ и значкомъ на груди онъ проникаетъ всюду; редакціонная карточка, подобно волшебному талисману, отворяетъ предъ нимъ настежь всякую дверь: и президентскаго кабинета, и торговой конторы, и храма, и тюрьмы, и, если понадобится, то и будуара любой леди. Стенли, извѣстный изслѣдователь Африки, также бывшій репортеръ. Всевѣдущій, подвижный, какъ ртуть, американскій репортеръ относится къ своему дѣлу съ полнымъ безпристрастіемъ. Чтобы ни случилось и гдѣ бы ни случилось, прежде чѣмъ иной разъ является на мѣсто полиція или надлежащая власть,—репортеръ уже тамъ и дѣлаетъ свое дѣло. Случилось-ли крушеніе, какъ, напр., недавно парохода «Метрополія» у береговъ Сѣв. Каролины, шедшаго въ Бразилію съ желѣзнодорожнымъ грузомъ и 150 человѣкъ пассажировъ, и едва только телеграфъ успѣлъ дать извѣстіе объ этомъ, какъ репортеръ отъ каждой почти значительной газеты летитъ туда за сотни миль по желѣзнымъ дорогамъ и на экстренномъ репортерскомъ пароходикѣ—«муха»—снимаетъ планъ, набрасываетъ кроки, разсматриваетъ, разспрашиваетъ и все записываетъ въ свою книжечку. Обокралъ-ли директоръ на значительную сумму банкъ въ Нью-Іоркѣ, какъ это недавно случилось, и скрылся, репортеръ розыскиваетъ остальныхъ членовъ правленія, подымаетъ ихъ на ноги ночью съ постели, разузнаетъ, распрашиваетъ—и опять записываетъ. Задумала-ли частная компанія строить подземную желѣзную дорогу въ Нью-Іоркѣ, на подобіе лондонской, и репортеръ, лишь только проникъ объ этомъ въ печать темный слухъ, является къ учредителямъ, засыпаетъ ихъ вопросами, внимательно проглядываетъ будущіе ихъ активы и пассивы, и опять заноситъ въ книжечку... Наконецъ, случился какой-нибудь крупный семейный скандалъ или иной какой-нибудь казусъ уголовнаго свойства—репортеру и тамъ дѣло! Онъ все выглядитъ, все выспроситъ,—откуда, что, какъ и почему, доберется до третьяго колѣна по восходящей линіи, вывернетъ всю вашу душу на изнанку и все это занесетъ въ книжечку... Не отвѣчать, сообщить ему вздоръ, или, просто на просто, показать ему дверь..... Нельзя; онъ—сила; онъ—представитель прессы! Налгать ему, надуть—невозможно, потому что подъ перекрестнымъ огнемъ вопросовъ этого опытнаго литературнаго слѣдователя, истина обнаружится сама собою; а отказать ему въ отвѣтѣ, безцеремонно выгнать,—по крайней мѣрѣ, безполезно, потому что все равно существуютъ другіе пути, посредствомъ которыхъ можетъ быть, рано или поздно, раскрыта истина, это—общество такъ называемыхъ здѣсь «частныхъ сыщиковъ» (private detectives); да, наконецъ, какъ-то странно отказывать репортеру въ сообщеніи свѣденій: это не въ обычаѣ страны, гдѣ пресса пользуется такой безграничной свободой и могущественнымъ вліяніемъ... И потому лучше подчиниться необходимости неумолимаго литературнаго слѣдователя и его завѣтной книжечки. А книжечка эта своего рода протоколъ. Ближайшій нумеръ газеты долженъ будетъ представить его на судъ общественнаго мнѣнія въ той самой діалогической формѣ безконечныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, въ какой онъ занесенъ репортеромъ въ его книжечку. Редакціи не зачѣмъ много трудиться надъ обработкой матеріяла; ея дѣло представить сырой матеріялъ, а читатель, привыкшій относиться ко всему самостоятельно, по своему съумѣетъ справиться съ фактомъ и быстро сообразить, съ какой точки зрѣнія слѣдуетъ на него смотрѣть и какой выводъ сдѣлать... Отъ этого европейскій читатель, привыкшій ко всякого рода опекамъ и пережевываніямъ, бываетъ непріятно пораженъ на первыхъ порахъ массою отрывочныхъ фактовъ и множествомъ телеграммъ, которыми наполняются здѣшнія газеты, особенно вечернія. Но американцу нуженъ фактъ—и этотъ фактъ долженъ быть добытъ для него газетою во что-бы то ни стало, и сообщенъ ему быстро и обстоятельно. Для этой послѣдней цѣли многія газеты здѣсь имѣютъ свои собственные телеграфы, экспрессы, пароходы, а иныя, какъ напр. «New York Herald» даже прекрасную собственную етеорологическую обсерваторію, едва-ли не самую важную въ Соединенныхъ Штатахъ по своему практическому значенію, исключительно предназначенную для ежедневныхъ метеорологическихъ бюллетеней въ этой газетѣ... Здѣсь поэтому всякій, мало-мальски интересный, фактъ быстро подхватывается газетами и разносится во всѣ концы Союза. А разъ фактъ проникъ въ печать—онъ сдѣлаетъ свое дѣло; онъ оставитъ въ умѣ американца глубокій слѣдъ и, разумѣется, повліяетъ извѣстнымъ образомъ на его взглядъ относительно даннаго предмета или обстоятельства. Вотъ почему русскимъ газетамъ, позволю себѣ замѣтить, слѣдовало-бы разборчивѣе относиться ко всему, что касается Америки. До какой степени чутко прислушивается американскій народъ къ отзывамъ иностранцевъ объ ихъ странѣ и о нихъ самихъ, показываетъ слѣдующій характеристическій случай.—Недавно, нѣсколько десятковъ американскихъ нѣмцевъ собрались вмѣстѣ отпраздновать въ Филадельфіи годовщину своего пѣвческаго общества и напившись изрядно пивомъ, принялись усердно воспѣвать славу отечества своихъ предковъ и восхвалять прелести германской жизни, отъ которыхъ сами они, впрочемъ, заблагоразсудили уйти подальше. Нѣмецкій филистеръ,

какъ извѣстно, остается вѣренъ самому себѣ, всегда и вездѣ. Пока онъ дома, у себя, онъ благоразумно умалчиваетъ о прелестяхъ своего фатерланда; но лишь только удалось ему привольно устроиться въ чужой странѣ и зажить въ новомъ своемъ отечествѣ, припѣваючи, Германія представляетъ предъ нимъ въ его воображеніи во всемъ блескѣ величія и прелести какого то земного рая, куда, сказать мимоходомъ, онъ все-таки не захочетъ вернуться, а страна, его пріютившая низводится на степень чуть не исправительной колоніи, заселенной невѣждами и людьми порочными, которыхъ онъ, культуртрегеръ, призванъ просвѣщать и исправлять. Фактъ этотъ невольно поражаетъ каждаго, кому приходилось по долгу жить въ Германіи и заграницей между нѣмцами. Такъ случилось и теперь. Восхваляя не въ мѣру свою далекую отчизну, нѣмцы въ то-же самое время отнеслись не совсѣмъ деликатно къ странѣ, ихъ гостепріимно пріютившей, и принялись преусердно кидать грязью въ Америку и американцевъ, въ чемъ не мало имъ помогалъ и г. Мейеръ, германскій консулъ Филадельфіи, присутствовавшій здѣсь въ качествѣ частнаго человѣка.

Общество было частное, собралось оно въ незначительномъ числѣ, въ какомъ то плохенькомъ помѣщеніи съ самою невинною цѣлью. Г. Мейеръ присутствовалъ въ качествѣ собутыльника; —если и говорилъ онъ что-нибудь оскорбительное для американцевъ, то говорилъ, навѣрное, послѣ полъ дюжины кружекъ пива... Все, казалось, предвѣщало, что маленькое празднество пройдетъ къ общему удовольствію спокойно. Но, на бѣду злополучныхъ нѣмцевъ, въ ихъ среду, какъ водится, проскользнулъ вездѣсущій репортеръ. И что же?.. Чрезъ нѣсколько дней это исторія облетѣла всѣ концы Соединенныхъ Штатовъ. Не было значительной газеты, которая не протрубила-бы объ этомъ; и даже въ такихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, какъ Калифорнія, общій голосъ негодованія нашелъ свой отголосокъ въ газетѣ «Alta California», разразившейся страшной филлиппикой противъ нѣмцевъ въ статьѣ: «Что эти господа — не съумашедшіе-ли»? Газета настойчиво требуютъ удаленія г. Мейера изъ Филадельфіи, какъ консула.

По всей вѣроятности, въ такой же степени неблагопріятно, если еще не больше, могла бы подѣйствовать на американцевъ и корреспонденція «Новаго Времени», если бы она появилась въ американскихъ газетахъ, что возможно. Американцы съ особеннымъ рвеніемъ стараются изучить въ послѣднее время Россію и со вниманіемъ прислушиваются ко всему, что говорится о нихъ русскими. Такая, напримѣръ, неважная книжка, какъ описаніе путешествія, Владимірова—«Русскій рабочій среди американцевъ», заслужила вниманіе здѣшней прессы, и ей посвящена была недавно въ нью-іоркскомъ «Sun'ѣ» громадная въ три столбца мелкой печати критическая статья. Кромѣ того, въ Нью-Іоркѣ есть французская газета «Courrier des Etats-Unis», которая съ особенной заботливостью подбираетъ все, что можетъ компрометировать русскихъ и способствовать охлажденію дружественныхъ отношеніи двухъ народовъ. Благодаря усердію названной газеты, исторія, перепечатанная изъ «Journal d'Odessa» о таганрогскихъ или ростовскихъ барынязхъ,—не помню которыхъ, осыпавшихъ «бѣдненькихъ» плѣнныхъ турокъ букетами, облетѣла большинство американскихъ газетъ, сопровождаясь нелестными и—замѣчу отъ себя къ чести русскихъ женщинъ—не справедливыми коментаріями на счетъ представительницъ прекраснаго пола Россіи.....

То же самое едва не случилось и съ корреспонденціей «Новаго Времени». Одному американцу, стоящему близко къ редакціи извѣстной здѣсь газеты, сообщено было, между прочимъ, въ частномъ разговорѣ, содержаніе корреспонденціи «Новаго Времени» и ея общій тонъ. Онъ сталъ упрашивать перевести эту статью на англійскій языкъ и когда ему замѣтили, что статья, о которой идетъ рѣчь, не соотвѣтствуетъ дѣйствительному настроенію русскаго общества по отношенію къ американцамъ, онъ сказалъ: «Какъ же могло случиться, что такой отзывъ появился на страницахъ газеты, выражающей настроеніе извѣстной части вашего общества, по вашимъ же словамъ смотрящаго иначе, какъ проповѣдуетъ статья». Американцы относятся далеко разборчивѣе ко всему, что касается русскаго народа. Въ доказательство я позволю себѣ привести интересный фактъ. Не такъ давно, въ разговорѣ съ главнымъ редакторомъ газеты «Times», отзывы которой извѣстны уже читателю изъ предыдущаго моего письма, м-ръ Лэмдиномъ, я спросилъ его, между прочимъ, почему онъ не помѣстилъ лѣтомъ прошлаго года, какъ мнѣ было извѣстно, статьи одного автора, крайне враждебно относившагося къ русскому народу, заплативъ даже автору ея гонораръ. «Очень просто, отвѣтилъ мнѣ м-ръ Лэмдинъ, улыбаясь,—этому господину, можетъ быть, нужны были деньги, — я ему ихъ далъ! А не помѣстилъ статьи его потому, что, она направлена была противъ народа, который всегда показывалъ намъ расположеніе и, главное, оттого, что направленіе ея не согласовалось съ общимъ настроеніемъ американской прессы и народа».

Я позволилъ себѣ сообщить русскимъ читателямъ, съ разрѣшенія м-ра Лэмдина этотъ эпизодъ нашего частнаго разговора, какъ назидательный для многихъ примѣръ того уваженія, съ какимъ представители органовъ свободной печати относятся къ общественному мнѣнію своей страны, а также и умѣнья деликатно и тактично избѣгать всего, что можетъ набросить малѣйшую тѣнь сомнѣнія на добрыя отношенія американцевъ къ дружественному имъ русскому народу...

И это въ странѣ, «гдѣ, какъ старается увѣрить авторъ статьи «Русскіе и Американцы», долларъ составляетъ альфу и омегу всего бытія, всей сущности гражданской и политической жизни народа»!..

Обвиняя американцевъ обыкновенно ссылаются на то, что въ Нью-Гэвенѣ, при содѣйствіи Англіи, фабриковалось во время войны оружіе для Турціи, а въ Провиденсѣ оно нагружалось на суда. Что фактически это вѣрно до извѣстной степени — отрицать никто не станетъ; но дѣло въ томъ, что такія изолированныя явленія не могутъ имѣть ничего общаго съ настроеніемъ всего американскаго народа: Америка — страна самой широкой свободы индивидуальной инициативы въ мірѣ, и взваливать вину на всѣхъ за дѣйствія нѣсколькихъ было бы болѣе несправедливо здѣсь, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Я нарочно старался для этой цѣли обратить вниманіе читателей въ предыдущихъ письмахъ на отзывы руководящихъ органовъ («New Englander» и «Providence Journal») того же Нью-Гэвена и Провиденса, и если бы не боялся утомить еще болѣе вниманіе читателя, я могъ бы привести въ примѣръ такіе же точно единичные случаи, когда нѣсколько заводчиковъ отказалось отъ выгоднаго для нихъ подряда на поставку военныхъ принадлежностей—исключительно только во имя принципа.

А что большинство американскаго народа всегда сочувственно относилось къ русскимъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія!

(*Продолженіе будетъ.*)

Новости наукъ и жизни.

— **Высшіе женскіе курсы.** «Биржевые Вѣдомости» сообщаютъ, что въ Кіевѣ высшіе женскіе курсы откроются въ концѣ августа или началѣ сентября. Курсы будутъ продолжаться два года, подраздѣляться на два отдѣленія и будутъ читаться не въ университетскихъ аудиторіяхъ, а въ частномъ домѣ. Теперь идетъ рѣчь о пріобрѣтеніи средствъ на наемъ квартиры и на пополненіе прочихъ необходимыхъ расходовъ. Въ настоящее время, распорядительный комитетъ имѣетъ въ своихъ рукахъ пока 500 руб., собранныхъ самими женщинами еще три года назадъ, когда былъ впервые возбужденъ вопросъ объ организаціи высшихъ курсовъ для женщинъ при университетѣ. За отсутствіемъ всякихъ другихъ источниковъ, распорядительный комитетъ намѣренъ обратиться къ частной благотворительности.

— **Важное изобрѣтеніе.** Греческій морякъ, Грипарисъ, изобрѣлъ апаратъ для вылавливанія подводныхъ минъ. Въ этомъ приборѣ онъ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, оставался два съ половиною часа подъ водою, не имѣя никакого сообщенія съ наружнымъ воздухомъ.

— **Женское попечительство.** Въ кругу дамъ, принадлежащихъ къ образованнымъ слоямъ петербургскаго общества, въ настоящее время проектируется особое женское попечительство о слушательницахъ открываемыхъ въ нынѣшнемъ сентябрѣ высшихъ женскихъ курсовъ, дѣятельность котораго будетъ заключаться: въ оказаніи пособій, какъ готовящимся къ поступленію на эти курсы женщинамъ, такъ уже и состоящимъ на нихъ; во взносѣ за недостаточныхъ слушательницъ платы за лекціи и въ пріисканіи подходящихъ для нихъ занятій.

— **И. Г. Борщовъ.** Скончавшійся на-дняхъ Илья Григорьевичъ Борщовъ, родился въ 1834 г. въ Петербургѣ, воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ и по выходѣ посвятилъ себя изученію естественныхъ наукъ; въ этомъ отношеніи большую пользу принесло ему знакомство съ академиками Рупрехтомъ и Мейеромъ. Вскорѣ онъ обнародовалъ изслѣдованіе о грибахъ петербургской губерніи и о низшихъ тайнобрачныхъ полярной Сибири. Академія Наукъ командировала его въ степи средней Азіи для научныхъ занятій; по возвращеніи оттуда Борщовъ отправился заграницу съ научною цѣлью. Въ 1861 г. онъ былъ удостоенъ степени доктора философіи вюрцбургскимъ университомъ. Затѣмъ защитилъ диссертаціи на степень магистра и доктора ботаники и получилъ кафедру сперва въ казанскомъ, а затѣмъ кіевскомъ университетахъ. И. Г. напечаталъ много научныхъ работъ спеціяльнаго содержанія.

— **Техническій словарь.** Въ настоящее время вполнѣ опредѣлились, какъ размѣры предпринятаго къ изданію техническимъ обществомъ техническаго словаря, такъ и его сотрудники. Словарь будетъ состоять изъ 4 томовъ, именно: 1) французско-русско-нѣмецко-англійскаго; 2) нѣмецко-русско-французско-англійскаго; 3) англійско-русско-французско-нѣмецкаго и 4) русско-французско-нѣмецко-англійскаго. Въ отдѣльной продажѣ словари будутъ стоить не менѣе 5 р. каждый и первый появится не ранѣе 1880 года. Вотъ имена участниковъ: Андреевъ, П. П., инженеръ-технологъ, сотрудникъ по составленію вообще всѣхъ частей словаря. Въ качествѣ спеціальныхъ редакторовъ: Антуковъ, М. Н., инженеръ-технологъ,—машиностроеніе и водопроводы; Безпаловъ, Н. А., профессоръ въ институтѣ путей сообщенія—геодезія и топографія; Вальтеръ и Кохъ-фирма—сѣдельное и шорное дѣло; Вильгельмсонъ, А. А., инженеръ-технологъ—пивовареніе и писчебумажное производство; Воронцевъ, Н. К., часовщикъ,—часовое; Гадолинъ, Ак. В., профессоръ и академикъ—обработка металловъ и дерева, Глыбовъ, И. А., владѣлецъ литографіи, —литографное и граверное дѣло; Гребке Ю. К., факторъ типографіи въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ—типографское; Евневичъ, И. А., профессоръ,—математика; Забудскій, Н. А., штабсъ-капитанъ,—артиллерія; Зельгеймъ, Г. Ф., инспекторъ классовъ въ коммерческомъ училищѣ—ботаника и зоологія; Ильинъ, профессоръ,—пряденіе, ткачество и шляное дѣло;

Іосса, Н. А., профессоръ,—горное; Каупе, Ф. Ф., инженеръ-техникъ,—металлургія и телеграфное дѣло; Кирпичевъ, В. Л., профессоръ,—физика и метеорологія; Козловъ, И. И., инженеръ-технологъ,—стекольное производство; Кокшаровъ, Н. И., академикъ,—минералогія; Короловъ, Э. Н.,—сельско-хозяйственная механика и сельское хозяйство вообще; главный редакторъ; Краузольдъ, А. Э., военный инженеръ,—фортификація, архитектура и каменщичье дѣло; Лесгафтъ, Ф. Ф.,—товаровѣдѣніе, кожевенное и красильное производство; Лэинъ, А. А., горный инженеръ,—геологія и геогнозія; Мозеръ и К°,—фирма, часовое производство; Неллисъ, К. К., экипажный фабрикантъ,—экипажное и телѣжное; Ольхинъ, К. М.,—фотографія и метрологія; Петерсъ, Н. Н.,—сооруженіе путей сообщенія; Петровъ, Н. П., профессоръ,—общая и прикладная механика; Сѣмечкинъ, Л. П.,—астрономія, кораблестроеніе и кораблевожденіе; Тавиндаровъ, Н. И.,—общая и техническая химія; Черновъ, Д. К., инженеръ-техникъ,—литейное и формовальное дѣло; Щенсновичъ, А. Н.,—подвижной желѣзно-дорожный составъ. Область словаря распространится только на искусство и ремесло; науки же онъ коснется, насколько это неизбѣжно.

Смѣсь.

— **Пожертвованіе.** Нижеслѣдующая просьба машинистовъ и кочегаровъ одесской желѣзной дороги едва ли понравится управленію этой, замѣчательной по неисправности, дороги: «Отъ имени всѣхъ машинистовъ и кочегаровъ покорнѣйше просимъ васъ обратить наши громадныя штрафныя деньги, которыя вами берутся съ насъ, на покупку крейсеровъ. Какъ истинные труженики, мы желаемъ также не отстать отъ другихъ, дабы наша лепта была употреблена на благое дѣло. Также и впредь налагаемые на насъ штрафы покорнѣйше просимъ обращать на пріобрѣтеніе крейсеровъ».

— **Умѣніе американцевъ дѣлать себѣ рекламу.** Надняхъ скончался въ Нью-Іоркѣ извѣстный милліонеръ-шляпочникъ Джонъ Генинъ, обязанный своимъ богатствомъ Дженни-Линдъ. Когда знаменитая пѣвица въ первый разъ пріѣхала въ Америку и всѣми янки охватилъ пароксизмъ меломаніи, билеты на первое ея представленіе продавались съ публичнаго торга, и Генинъ въ видѣ рекламы пріобрѣлъ кресло за 2,325 долларовъ. Когда аукціонеръ спросилъ имя Креза, то тотъ смиренно отвѣтилъ: «Генинъ, шляпочникъ». На другой день, во всѣхъ американскихъ газетахъ сообщено было объ этомъ замѣчательномъ «подвигѣ». Генинъ вошелъ въ моду; всѣ янки считали долгомъ покупать шляпы у человѣка, не щадящаго денегъ для поддержки репутаціи Америки, и Генинъ вскорѣ сдѣлался милліонеромъ.

— **Новый видъ эксплуатаціи бѣднаго люда.** Въ «Голосѣ» сообщаютъ, что 15 мая, въ камерѣ одного изъ мировыхъ судей бердичевскаго округа обнаружилось любопытное мошенничество. Партія евреевъ, въ числѣ которыхъ состоятъ: Мошко Гершенгорнъ съ сыновьями и Мошко Бойменблитъ, устроили особаго рода торговлю: ежедневно, передъ приходомъ пассажирскихъ поѣздовъ, они закупаютъ всѣ билеты, преимущественно 3-го класса, на тѣ мѣста, которыя остаются свободными, и потомъ пассажирамъ перепродаютъ ихъ по возвышенной цѣнѣ. Иногда, при скопленіи пассажировъ, курсъ билетовъ на бойменблитовской биржѣ доходилъ до того, что многіе пассажиры не могли ѣхать, не имѣя достаточно денегъ для уплаты за билетъ. Агентство, пріобрѣтая много билетовъ, пользуется еще правомъ отправки безплатно значительнаго багажа за счетъ тѣхъ, у кого таковаго нѣтъ. Никакія мѣры не могли уничтожить этого мошенничества. Наконецъ, 30-го апрѣля, когда Бойменблитъ явился за билетами, г. Барановскій, начальникъ станціи, просто-на-просто, не далъ билетовъ Бойменблиту и баста! Бойменблитъ погорячился и изобразилъ въ жалобной книжкѣ, имѣющейся на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, что г. Барановскій потому не далъ ему билета, что боялся, «чтобъ онъ не открылъ его, г. Барановскаго, злоупотребленій, для открытія которыхъ онъ и собирался ѣхать». За эту запись и притянули еврея къ суду, обвиняя его въ оскорбленіи начальника станціи и въ клеветѣ. Судья приговорилъ Бойменблита къ аресту на одинъ мѣсяцъ.

— **Самосожигающіеся любовники.** «Рус. Міръ» сообщаетъ, что одинъ молодой крестьянинъ села Дмитревки, близъ Воронежа, влюбился въ замужнюю женщину и подговорилъ ее бѣжать въ Воронежъ; но мужъ немедленно вытребовалъ свою жену обратно по этапу и, разумѣется, далъ бѣглянкѣ приличное наставленіе. Любовникъ, узнавши, что мужъ ее бьетъ, пріѣхалъ опять въ Дмитревку, и здѣсь любящіе согласились, чтобы избавиться отъ карающей ихъ судьбы, сжечь себя. Они отправились въ баню и подожгли ее, но мужества у него не достало: онъ первый загорѣлся и выбѣжалъ изъ бани, за нимъ и она, не тронутая огнемъ. Огонь на немъ едва потушили, и онъ сильно пострадалъ. Въ концѣ концовъ, сгорѣла только баня.

— **Чудовищный обѣдъ.** По словамъ газеты «Новости», въ августѣ будущаго года состоится въ Чикаго митингъ американскихъ темпліеровъ, и по этому случаю данъ будетъ банкетъ, превосходящій собою все, что когда либо было въ этомъ родѣ. Въ этомъ банкетѣ будутъ участвовать до 10,000 человѣкъ, а стоимость его опредѣляется въ 100,000 долларовъ. Въ случаѣ хорошей поды, столы, каждый для ста человѣкъ, будутъ поставлены на берегу моря; при дурной же погодѣ банкетъ состоится въ зданіи бывшей выставки. Число служителей при банкетѣ будетъ простираться до 1,000 человѣкъ, раздѣляющихся на 100 отрядовъ, подъ командою опытнаго буфетчика.

— **Курьезное завѣщаніе.** Въ «Рус. Міръ» пишутъ, что умершая недавно въ окрестностяхъ Петербурга, на принадлежавшей ей мызѣ г-жа А. Галанина, бывшая во все время жизни страстною любительницею цвѣтоводства, оставила оригинальное завѣщаніе, которымъ все свое состояніе (достигающее до 50,000 р.) завѣщала своей племянницѣ—молодой дѣвушкѣ, съ тѣмъ, чтобы она, отказавшись отъ замужества, поселилась на мызѣ покойницы и употребляла ежегодно не менѣе 1,000 р. на содержаніе находящейся при мызѣ оранжереи. На случай отказа наслѣдницы отъ принятія наслѣдства на этихъ условіяхъ, завѣщательница указываетъ двухъ другихъ наслѣдниковъ.

Телеграммы.

Берлинъ, 27-го мая. Сегодня происходило судебное разбирательство по дѣлу восьми лицъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности, въ связи съ покушеніемъ Нобилинга, за оскорбленіе величества. Изъ подсудимыхъ двое приговорены къ тюремному заключенію на пять лѣтъ, одинъ на пять лѣтъ, одинъ на четыре года, двое на $2\frac{1}{2}$ года и одинъ на полтора года. Разсмотрѣніе дѣла одного изъ подсудимыхъ отложено въ видахъ спроса дальнѣйшихъ свидѣтелей.

— 27-го мая. Въ среду наслѣдный принцъ будетъ принимать у себя уполномоченныхъ европейскихъ державъ, которые прибудутъ на конгрессъ; въ четвергъ, въ 12 часовъ дня, состоится первое собраніе членовъ конгресса въ парадной залѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Сегодня зала эта украшается и приспособляется для засѣданій конгресса.

— 29-го мая. Третьимъ германскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ назначенъ князь Гогенлоэ, германскій посолъ въ Парижѣ. Кромѣ Россіи, и Германія заявила въ Константинополѣ, что приглашеніе на конгрессъ будетъ объявлено недѣйствительнымъ, если Порта не приступитъ къ очищенію крѣпостей. Вслѣдствіе этого состоялось соглашеніе, въ силу котораго крѣпость Шумла будетъ сдана русскимъ войскамъ немедленно.

Вѣна, 24-го мая. По достовѣрнымъ частнымъ извѣстіямъ, состояніе германскаго императора гораздо серьезнѣе, нежели признаютъ оффиціальные бюллетени. На засѣданіи совѣта министровъ рѣшено, что необходимо учредить регентство на время болѣзни императора. По слухамъ, наслѣдный принцъ уже принялъ на себя управленіе дѣлами.

— 25-го мая. Отставка Мехмеда-Рушди-паши послѣдовала вслѣдствіе его настоятельныхъ требованій вызвать въ Константинополь Мидхата-пашу. Вслѣдствіе отказа султана и увольненія Мехмеда, турецкіе генералы и г. Лэйардъ заставили Абдулъ-Гамида уволить въ отставку и Махмуда-Дамата, который считается сторонникомъ дружественныхъ отношеній къ Россіи.

— 28-го мая. Здѣсь ходятъ слухи, что правительство приказало мобилизовать шесть дивизій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Контора редакціи «Живописнаго Обозрѣнія» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ при перемѣнѣ адреса высылать **старый адресъ съ бандероли и почтовыми марками:**

при перемѣнѣ городск. адреса на иногород. 85 к.
иногородняго на городской............ 1 р.
иногородняго на иногородній........... 24 к.

Безъ означенныхъ приложеній адресъ не перемѣняется.

Въ случаѣ же неполученія кѣмъ либо изъ гг. подписчиковъ нумера журнала, контора покорнѣйше проситъ заявить объ этомъ немедленно по полученіи слѣдующаго нумера, чтобы имѣть возможность отыскать на почтѣ утерянный нумеръ. Заявленія, поступающія позже назначеннаго срока, остаются без послѣдствій.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Іюня 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 24. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 11 Іюня 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

„Которая"?..

Повѣсть **А. Малиновскаго.**

(*Продолженіе.*)

Не забыть мнѣ этого дня, вѣкъ буду помнить, и какъ это я раньше не догадалась, видно, правда, у бабы-то волосъ дологъ, а умъ коротокъ. Настали дождливые дни. Наша Зинаида Николаевна совсѣмъ что-то расклеилась, желтая такая сдѣлалась; ни пьетъ, ни ѣстъ. Только разъ ночью слышу меня кто-то кличетъ, да такъ тихо изъ дѣвичей: «Аннушка, Аннушка, встань!» А я горазда была спать: изъ пушекъ пали не услышу. Думала это я во снѣ вижу. Что за причта? Вижу, кто то стоитъ надо мной. Счастье мое, что я не заревѣла — не то весь бы домъ переполошила. Смотрю, барышня, да такая блѣдная, сама вся дрожитъ. «Аннушка, мнѣ дурно! дай мнѣ ради Бога чего-нибудь горячаго. Не буди никого.» Мигомъ вскочила я, довела барышню до кроватки, уложила, укрыла, да давай поить горячимъ. А она, моя голубушка, такъ и катается на кроваткѣ. Промаялась я съ ней до утра. Подъ утро уснула моя барышня, да строго на строго приказала никому ни гугу, что ей дурно то было. Мнѣ что? воля барская! Не утерпѣла я только не сказать Панкратьевнѣ, да больно ужъ та меня испужала, какъ вскочитъ да къ образамъ: «Царица Небесная! избави ты насъ отъ напасти! Заступница сиротъ!» А сама бѣгомъ въ комнату барышни. Весь день не вставала Зинаида Николаевна, все съ нянюшкой запершись была; вечеромъ ужь пришла нянюшка въ коморку, да такая сумрачная. И пошли съ той поры у Панкратьевны съ барышней разговоры. Дивлюсь о чемъ только онѣ говорятъ—не наговорятся. Зинаида Николаевна все хвораетъ, лихорадка ее замучила, дрожитъ вся, укутается въ платочекъ большой, да такъ и ходитъ. Въ гости ужъ никуда не выѣзжаетъ. Съ папашенькой такъ то ласково обходится, ужь она его и цѣлуетъ, и ухаживаетъ, а сама все проситъ: «Папочка, милой дорогой! пусти меня провѣдать Любу, скучно очень одной, ну хоть на мѣсяцъ, на два, только пусти». Отговаривалъ ея баринъ, отговаривалъ, всѣ резонты представлялъ, что теперь и холодно ѣхать и далеко, и самому ему нельзя отлучиться, и не съ кѣмъ ее послать: тетушка стара, не можетъ,— одной не пристало. А она ему все свое. «Скучаю, пусти да и только». Больно любилъ баринъ барышню: ни въ чемъ ей отъ него отказу не было. Ну и порѣшили, что, взявши Панкратьевну, капельдинера, да меня, выѣдетъ наша барышня къ сестрѣ на слѣдующей недѣлѣ...

Пошли у насъ приготовленія, укладыванія.— Молодые жили недалече отъ Питера въ Лужскомъ уѣздѣ. Значитъ, дорога не близкая, надо всего припасти. Прибѣжишь къ барышни за приказаніями: что съ собою взять, — спрашиваешь, стоишь часъ битый безъ толку, а она все свое «Что хочешь». Такъ ни съ чѣмъ и уйдешь назадъ. Передъ отъѣздомъ напала тоска на меня, я и рада ѣхать, свѣтъ Божій повидать и всяческое такое, что никогда не думалось видѣть, и страшно мнѣ, а тутъ еще барышнѣ все не по себѣ; доѣхали мы такъ, съ горемъ пополамъ, до Питера, а ужъ тутъ моя Зинаида Николаевна совсѣмъ расхворалась. Мы ее уговаривать за лекаремъ послать, а она куда тебѣ: «Знать не хочу, устала, растрясло, пройдетъ, отдахнемъ здѣсь, куда спѣшить». Ну ужь, какъ я жива отъ страсти всей этой осталась—сама не знаю. Вижу я, что съ барышней не ладно, а тутъ и сама во всемъ, значитъ, мнѣ повинилася. Царица Небесная! вотъ горе то! Что дѣлать, — и ума не приложимъ съ Панкратьевной. А она, отчаянная просто, ничего не боится, все впередъ придумала. Порѣшили такъ: отослать за нѣсколько дней до этого капельдинера въ Лугу къ сестрицѣ оповѣстить, что молъ барышня пріѣхала, да нездорова и потому просятъ сестрицу самою пріѣхать. Время то пройдетъ довольно, а тамъ лежи, сколько хочешь; съ дороги устала, да и все. Стала я выходить искать кого бы понадежнѣе привести къ барышнѣ. Ну, пошла. Завела знакомство, да и привела будто къ себѣ въ гости: на лбу вѣдь не написано. Прожили мы не болѣе недѣли, пришла пора Матвѣича отсылать въ Лугу. Написала барышня письмецо къ сестрѣ да и отослала его... А къ вечеру на другой день Богъ далъ дѣвочку... да такая хорошенькая, бѣлокуренькая, голубоглазая. Ужь какъ жалко то ее, Господи! Мы думали съ нянюшкой помретъ наша барышня, видать, отъ затяжки больно повредила она себя. Безъ памяти это катается на постелькѣ; бѣла, какъ полотно; головку закинетъ, руки ломаетъ—сама не пикнетъ, не охнетъ, все шепоткомъ... Какъ кончилось все, такъ только проговорила: «Покажи мнѣ, няня». Поднесла Панкратьевна къ ней ребеночка, взглянула это она такъ равнодушно, да и отвернулась...

Декамеронъ. Сказка VII

А Панкратьевна мнѣ шепчетъ: «Ступай съ бабушкой, куда понесутъ все примѣть, и какъ сдавать будутъ, смотри въ оба. Не могу это я такъ отослать дитю. — Чѣмъ Ангелъ виноватъ?» Мигомъ справили все, вымыли дѣвочку, завернули да подъ шубой, ни кѣмъ не примѣченныя, и вышли. Взяли извощика, ѣдемъ, а у меня сердце выскочить хочетъ... Подъѣхали это мы къ большущимъ воротамъ, вошли во дворъ, да прямо на главный подъѣздъ. Тутъ сейчасъ на право то комнатка, небольшая такая. Бабушка идетъ такъ бойко: видать, не въ первые. Я за ней... Вошли мы туда: смотрю у стола сидитъ старушка въ очкахъ, въ шерстяномъ коричневомъ платьѣ, чепецъ бѣлый на головѣ, лицо полное, пріятное такое. Передъ ней все бумажечки красненькія да синенькія. По одной сторонѣ диванъ стоитъ. Тутъ мы и сѣли, по другой корзиночка и постелька постлана, покрыта одѣяльцемъ зеленымъ. Вотъ старушечка и спрашиваетъ: «Ну-съ, кого принесли? Крещена ли дѣвочка или нѣтъ? Какъ звать желаете?» А я не вытерпѣла, да и говорю: «Назовите Надеждой,—пусть будетъ въ честь бабушки». Она на меня посмотрѣла, ничего не молвила, взяла прежде бѣлую бумажечку, написала что то и отложила въ сторону подальше отъ насъ. Взяла другую бѣлую бумажечку, опять написала что то, да и отдала бабушкѣ, а сама стала писать на красненькихъ бумажкахъ. Подошла дѣвушка: видать, казенная, по одеждѣ то примѣтно; взяла это дитю, положила въ карзиночку, распеленала, завернула въ большое байковое одѣяло съ головой и понесла на верхъ, взявши красненькую бумажку, на которой старушка писала. Только и спросила еще старушка: «Когда родилась, какого числа?» да еще. «Не желаете ли взять крестъ и весь приборъ ребенка, или останется здѣсь?.. Все равно на нихъ же бѣдныхъ пойдетъ, какъ въ деревню отправляютъ, имъ же все это отдается». — «Намъ не надо: пусть остается здѣсь,—сказала я,—а только извините, что безпокою: за чѣмъ это крестъ то сняли съ дити? какъ же безъ креста! все память отъ матери». Посмотрѣла это она на меня да и говоритъ: «Коли мать отдала, такъ ей его и знать здѣсь нельзя, а хочетъ пусть беретъ ребенка совсѣмъ къ себѣ: что-нибудь одно. У насъ онѣ считаются круглыми сиротами». Сжалось мое сердце. Что могу сказать? Вышли это мы оттуда, вернулась это я домой. Барышня ничего—уснула. Намаялась бѣдная! Давай меня няня распрашивать, а я и сказать ничего не могу: столбнякъ напалъ... Дня черезъ два пріѣхала Любовь Николаевна съ мужемъ, ахнула, удивилась, какъ увидала сестру: до того худа, да блѣдна та стала. Однако, живо поправилась наша барышня; весела по прежнему стала; отговорила сестру ѣхать сейчасъ въ деревню. «Что это Люба! Господь съ тобою! дай повеселиться, я и то засидѣлась въ дѣвкахъ; пора искать жениха. «Пошли выѣзды, наряды, маскарады; всю ночь пляшетъ, а тутъ вижу я, нѣтъ, нѣтъ да и зароется въ подушку, да давай плакать. Не вытерпѣла я. Разъ, ночью, слышу, не спитъ моя Зинаида Николаевна. Подошла это я къ ней, да и говорю: «Ангелъ мой, барышня! что съ вами приключилось? да скажите вы мнѣ? неужто я вашего довѣрія не заслужила». Она моя родная, какъ обниметъ меня, да заплачетъ. «Аннушка, Аннушка. Дѣвочка моя, крошка моя, у меня все стоитъ въ глазахъ. Лягу, вижу ея маленькое сморщеное личико возлѣ меня; цѣлыми днями верчусь, думаю, все забуду,— не могу да и только. Вижу ея глазки, ее всю маленькую, жалкую. Аннушка! голубушка, раскажи мнѣ все, все подробно, какъ вы ее отвозили». Почну я разсказывать барышнѣ; въ сотый разъ все повторяю одно и то же. Она слушаетъ, глазъ съ меня не спускаетъ, да и говоритъ мнѣ: «Послушай, Аннушка! сходи ты узнай какъ-нибудь про нее у кого-нибудь. Сходи, будто ты хочешь заказать что-нибудь шить, вязать, дай на чай, пусть тебѣ хоть разскажутъ, куда ихъ помѣщаютъ, гдѣ они живутъ. Погляди ты: хорошо ли тамъ»... Говоритъ это она, а сама такъ и заливается. Уговаривала я ее, успокоивала, какъ могла, она все свое: «Сходи, узнай, я буду спокойнѣе»... Вотъ пошла я на другой день. Вхожу во дворъ, ноги ели двигаются, ну, куда я незнаючи, пойду. На мое счастье идетъ это дѣвушка. Сейчасъ видать, шпитонка: въ мелкую клѣточку, такое голубоватое платье надѣто. Я къ ней. «Не знаете ли вы, милая, спрашиваю,—можно ли отдать здѣсь связать косыночку на плечи?» Она такъ-то ласково отвѣчаетъ: «Отчего не можно, можно. Это значитъ, вы хотите фигаронку?» Не поняла я, что это значитъ фигаронка, а молчу, сама киваю головою: «Да, да, именно, что вы говорите. Къ кому бы мнѣ обратиться?» «Да, вотъ идите за мной, говоритъ, — у насъ въ палатѣ берутъ вязать дѣвушки». Ужь какъ я была рада: не знаю, что и дѣлать! Денегъ боюсь дать—вдругъ догадается, чтобы хуже не напортить. Пошли, это мы съ ней подъ воротцы, совсѣмъ не туда, гдѣ я была впервые; шли все прямо, по панелькѣ, а у дверей-то, у каждыхъ, сторожа стоятъ. Вотъ, идетъ она въ двери, я за ней, а меня сторожъ-то не пускаетъ. «Куда прешь, тебѣ, что надо?» Я такъ и растерялась. Спасибо, выручила меня дѣвушка, такъ-то бойко говоритъ: «Онѣ пришли за моимъ заказомъ, къ знакомой дѣвушкѣ: чего не пускаешь? Ну, чортъ!» Пропустилъ, это онъ насъ, идемъ мы большущимъ корридоромъ; справа и слѣва двери; пахнетъ хлѣбомъ печенымъ; попадаются на встрѣчу мамки, въ такихъ темнокрасненькихъ, мелчатыхъ сарафанахъ, да пестрыхъ передникахъ. Вышли, это мы, въ большущую залу, въ самомъ низу, а въ ней все столы, да скамьи, крышки у стѣны —отъ котловъ стоятъ. «Это наша столовая, говоритъ дѣвушка,—сюда мамки и всѣ воспитанницы къ столу ходятъ». Прошли мы эту столовую, опять длинный, темный корридоръ; а на лѣво двери и лѣстница, высокая такая; идемъ мы по лѣстницѣ, вижу, дѣвушка, такая обходительная, говоритъ: «Вы, примѣрно сказать, не знаете всячески нашъ домъ? Вотъ это отдѣленіе зовутъ «приносъ», потому, если жь дитю приносятъ внизу, то его сюда въ кабинетскую, такъ называютъ комнату, подымаютъ, а здѣсь ужь завсегда должны десять кормилицъ дежурить: вотъ имъ и раздаютъ дѣтей и отводятъ ихъ въ палату. А вотъ, во второмъ этажѣ, я живу; это зовется отдѣленіе «опытъ», потому что, всячески, какъ дитя подростетъ малость въ «приносѣ», то его во второй этажъ и поднимутъ на «опытъ», значитъ, если онъ здоровъ окажется. Тутъ его въ деревню, въ отправку назначаютъ. А на самомъ верху, лазаретъ, тамъ больныя дѣти да уродики недоноски, въ такихъ-то тепленькихъ люлечкахъ: «паровушками» ихъ называютъ; всѣ въ ватѣ обернуты дѣти. Другой такой капельный, полтора фунта не болѣ вѣситъ... Пойдемте, со мной, милая, не бойтесь, вамъ какого цвѣта фигаронку-то связать?» А я ее слушаю, слушаю, боюсь проронить слово, не забыть бы чего. Привела, это меня въ корридоръ, такой большущій, широкій, чистый, свѣтлый; полы паркетъ; двери отворены, и вижу это я громаднѣйшая комната, а въ ней все кровати, а возлѣ нихъ стоятъ маленькія люлечки и покрыты всѣ онѣ кисеечкой. Дѣтей-то много, пискъ такой да шумъ! Мамки на рукахъ держатъ, а у другой по двое ребятъ, какъ ихъ тутъ не перепутать, думаю я, да и говорю ей: «Неужто мамка можетъ свово дитю узнать, вѣдь спутаться очинно просто можно?» «Что вы, Господь съ вами, смѣется она.—Кажинная мамка знаетъ, какую дитю держитъ; билетикъ надъ люлечкой виситъ, возлѣ черной дощечки: красненькій у дѣвочекъ, синенькій—у мальчиковъ; одно дитя такое, другое иное и волосики разные и звать иначе». Слушаю, это я ее, а сама думаю: какъ примѣнились; гдѣ узнать ихъ, такихъ каплюшекъ? Вышла это ко мнѣ дѣвушка, что работу беретъ. Ну, сторговалась со мною. За эту самую фигаронку два рубля запросила. Я рада дать, что хочешь, только бы мнѣ еще придти сюда, и порѣшили мы, что я, на другой день, купивши шерсти, принесу её сама и вызову ее въ корридоръ, въ палатѣ, гдѣ, значитъ, она дежурила. Простились со мной онѣ такъ великатно; должно, понравилось имъ, что безъ торгу дала работу, а ужь я какъ рада, думаю, утѣшу, разскажу нашей Зинаидѣ Николаевнѣ, успокою ее, бѣдную. Вернулась это я домой: она меня ждала.—Какъ кинется ко мнѣ: «Ну, что, Аннушка, видѣла?» Передала я ей тутъ все, что знала. Она ни слова мнѣ въ отвѣтъ. Весь этотъ день не были господа дома и вечеромъ, вернувшись, мнѣ барышня ни слова. А на другое утро, позвала она меня къ себѣ, передъ завтракомъ, въ комнату, да и говоритъ такъ быстро, деньги даетъ, а у самой руки дрожатъ: «Аннушка, милая, не забудь: иди, сейчасъ, пожалуйста». Пошла я опять. Охъ, ужь какъ не по себѣ мнѣ было, щемитъ за сердце, да и только. Прихожу это я во дворъ, а у самаго того подъѣзда, гдѣ вчерась была, стоятъ двѣ такія фуры, запряженныя парою лошадей. Шмыгнула я въ дверь, никто не примѣтилъ, слава Богу! дорогу сразу нашла, запомнила, вхожу въ корридоръ, а тутъ и не знаю, кого бы спросить, дальше идти боюсь, прижалась я къ стѣнкѣ, двери въ палату-то ихъ открыты. Удивилась я это: стоятъ кормилицы всѣ рядомъ, много ихъ такъ, человѣкъ съ тридцать, на рукахъ у нихъ по ребенку и пеленочка въ рукѣ, а барышня, какая-то, не молода на взглядъ, въ коричневомъ платьѣ, обошла ихъ, да и спрашиваетъ: «Всѣ ли готовы? Ну, мамки, всѣ у васъ дѣти здоровы?»—А тѣ ей въ отвѣтъ: «Всѣ, сударыня, здоровы». Она опять ихъ спрашиваетъ: «У каждой ли по шести рубашекъ, да по четыре пеленки, да по одѣяльцу?»—«У каждой, сударыня, у каждой». Отошла отъ нихъ барышня. Подошла къ нимъ дѣвушка, да и говоритъ: «Вотъ тебѣ, временная мамка, дощечка. Прячь въ карманъ, а какъ пріѣдешь домой, смотри, повѣсь у своего дома, не забудь. Помни костяшку, что на шеѣ у ребенка; не теряй, всячески береги. Тамъ стоитъ его годъ, да номеръ, и крестъ по другой сторонѣ». Мамки ей въ отвѣтъ: «Слушаемъ, родная, слушаемъ!» Подошла барышня снова, да сказала имъ: «Ну, теперь въ дорогу: помолитесь! закрывайте дѣтей!» Перекрестились, это бабы по нѣсколько разъ, закрыла каждая лицо дитяти пеленкой и пошли по очереди по корридору внизъ. А другія-то кормилицы, что здѣсь остаются, имъ вслѣдъ кричатъ: «Счастливо доѣхать! прощайте, родимыя!» Тутъ подошла ко мнѣ знакомая воспитанница, вчерашняя. Отдала я ей шерсть и разговорились мы съ нею. Она мнѣ и разсказала, что это значитъ была отправка здоровыхъ дѣтей въ деревню. Три раза въ недѣлю бываетъ отправка ихъ по округамъ; на воспитаніе берутъ бабы. Ей, значитъ, дорога оттуда и туда по машинѣ, на казенный счетъ, а тамъ, коли далече, то кажинная мамка получаетъ по три копѣйки съ версты. «Теперь эти мамки ѣздятъ-то охотно брать дѣтей, а ужь какъ лѣто наступитъ, чистая бѣда! Дѣтей много, а дѣвать ихъ некуда; тащутъ ихъ къ намъ страсти сколько и днемъ, и ночью, надоѣдятъ до смерти». Простилась я съ моею знакомою очень хорошо. Иду дорогою, да все думаю: «Много я дѣтей видала, а, поди, узнай, гдѣ наша-то находится». Прихожу домой. Господа дома. Прошла я къ барышнѣ, разсказала ей все досконально, что видѣла, а она, горемычная, опустила это головку, такъ низко, низко, да таково-то горько говоритъ: «Аннушка, лучше мнѣ ничего ужь не

знать, не слыхать, а то все это у меня передъ глазами стоитъ; уѣхать бы скорѣе: можетъ, легче будетъ».

Прошла недѣля, другая. Смотрю, наша барышня говоритъ сестрицѣ: «Люба! стосковалась я по папенькѣ. Точно предчувствіе какое. Здоровъ ли онъ? Поѣду я лучше домой: можетъ быть, съ нимъ снова скоро пріѣдемъ». Начала ее уговаривать Любовь Николаевна: «Что ты, Зина! Перестань, поживи до весны: куда спѣшишь — благо папаша отпустилъ». Просилъ и самъ полковникъ: ничего не помогаетъ. Ужь такой нравъ былъ! Захотѣла, чтобы въ мигъ по ейному все было. Уложились мы снова и прожили еще нѣсколько дней, да и выѣхали изъ Питера, ажно разсерчала на насъ Любовь Николаевна съ мужемъ. «Богъ съ тобой, говоритъ сестрѣ.—Чѣмъ ты недовольна? къ чему спѣшить?» А та свое: «Не сердитесь, прошу васъ, не могу остаться, сердце болитъ. Благодарю за вниманіе; надо ѣхать, соскучилась очень по папенькѣ».

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Госпожа Жульетта-Аделаида Рекамье.

Ст. А. Толивѣрова.

Первые годы замужества Рекамье прошли среди ужасовъ революціи. Многіе изъ людей, съ которыми мужъ Рекамье, будучи банкиромъ, имѣлъ дѣла, были казнены и если онъ и его семья не подверглись той же самой участи, то только благодаря протекціи Беррера—президента Канвента. Но какъ только разгаръ террора потухъ, порядокъ началъ снова насаждаться и эмигранты мало по малу стали возвращаться на родину, парижское общество, неисправимое въ своемъ легкомысліи, позабывъ недавнее гоненіе, казни, тюрьму и ссылку, бросилось со всею страстію въ круговоротъ удовольствій. Салоновъ болѣе не существовало, и все общество, если можно такъ выразиться, жило на открытомъ воздухѣ. Преслѣдуя благотворительную цѣль, устраивались балы, концерты, спектакли. Рекамье, любящая удовольствія, и постоянно посѣщавшая эти празднества, заставляла говорить о своей красотѣ. Ей въ это время было всего восьмнадцать лѣтъ и ея ослѣпительная красота достигла полнаго своего развитія. Это была женщина стройная, элегантная, ея плечи, шея и руки, своей формой напоминали античныя статуи; ея красивый маленькій ротъ казался еще красивѣе отъ ряда ровныхъ, какъ жемчугъ, зубовъ. Цвѣтъ ея лица былъ необыкновенно прозрачный, носъ тонкій—чисто французскій, волосы каштановые, вьющіеся отъ природы. Въ ея взглядѣ было много дѣтскаго простодушія и мягкости и хотя на углахъ ея красивыхъ губъ по временамъ и являлась сатирическая улыбка, но она скоро исчезала, уступая мѣсто беззаботной веселости, отъ которой всѣмъ окружавшемъ ее дѣлалось необыкновенно легко.

Но, не смотря на свои юные годы, Рекамье обладала твердымъ характеромъ и неустрашимостью. Не имѣя никакихъ отношеній къ лицамъ Директоріи, она не была также знакома ни съ одной изъ героинь ея, представительницей которыхъ была извѣстная г-жа Тосльенъ. Рекамье не переносила разнузданности нравовъ и сама до самой смерти сохранила ореолъ чистоты и скромности.

10 декабря 1797 года, Директоріей былъ устроенъ праздникъ въ честь побѣдителя Италіи. Это празднество происходило въ люксанбургскомъ дворцѣ. Во дворѣ была поставлена статуя Свободы, вокругъ которой находились пять членовъ Директоріи, одѣтые въ римскіе костюмы: министры и посланники; а для другихъ уполномоченныхъ были устроены амфитеатромъ мѣста. Позади ихъ находились отдѣльныя скамья для приглашенныхъ. Окна дворца были полны зрителями, которые наполняла также улицы и ближайшіе сады. Кромѣ того любопытные сидѣли на деревьяхъ сосѣднихъ садовъ, заборахъ и крышахъ. Г-жа Рекамье, вмѣстѣ съ своей матерью, заняла мѣсто на отдѣльной скамьѣ. Она никогда не видала генерала Бонапарта, но, не смотря на это, раздѣляла общій энтузіазмъ. Онъ не замедлилъ появиться: въ то время онъ былъ очень худъ и его голова носила печать величія и стойкости. Онъ былъ окруженъ генералами и адъютантами. На рѣчь, произнесенную министромъ иностранныхъ дѣлъ, Талейраномъ, онъ отвѣтилъ нѣсколькими отрывистыми словами, принятыми съ большимъ энтузіазмомъ. Сидя на скамьѣ, Рекамье не могла хорошо разглядѣть фигуры Бонапарта. Подстрекаемая любопытствомъ, она встала; вставая, обратила на себя всеобщее вниманіе. Публика при видѣ Рекамье забыла на минуту того, для кого былъ устроенъ этотъ праздникъ. Это движеніе не ускользнуло отъ Бонапарта; онъ быстро повернулъ голову въ ту сторону, куда смотрѣла толпа и, увидивъ молодую женщину, одѣтую во все бѣлое, впился въ нее продолжительнымъ взглядомъ. Рекамье не могла долго выдержать этого взгляда и сѣла. Мы уже сказали, что Рекамье не принимала участіе въ праздникахъ, даваемыхъ Директоріей: однако, весной 1799 года, она была приглашена черезъ Барра однимъ изъ членовъ Директоріи на балъ въ люксанбургской дворецъ. Г. Рекамье находилъ выгоднымъ для своихъ финансовыхъ операцій, чтобы его жена приняла это приглашеніе, она же, въ свою очередь, хотѣла ѣхать для того, чтобы похлопотать у Барра объ освобожденіи одного заключеннаго. Когда г-нъ и г-жа Рекамье вошли въ залъ, музыка играла увертюру Jeune Henri. Появленіе женщины, о красотѣ которой говорилъ весь Парижъ, привлекло всеобщее вниманіе. Барра первый подошелъ къ Рекамье и предложилъ ей свою руку, провелъ ее по всѣмъ заламъ. Появленіе Рекамье на балѣ въ люксанбургскомъ дворцѣ сдѣлало свое дѣло, о ней стали говорить въ журнальныхъ статьяхъ и салонахъ. Во время ужина Барра посадилъ г-жу Рекамье отъ себя на лѣво, а справа сидѣла г-жа Бонапарти, которая, не смотря на немолодые годы, не утратила еще своей красоты. Во время ужина Рекамье испросила прощеніе того заключеннаго, ради котораго она приняла приглашеніе на балъ.

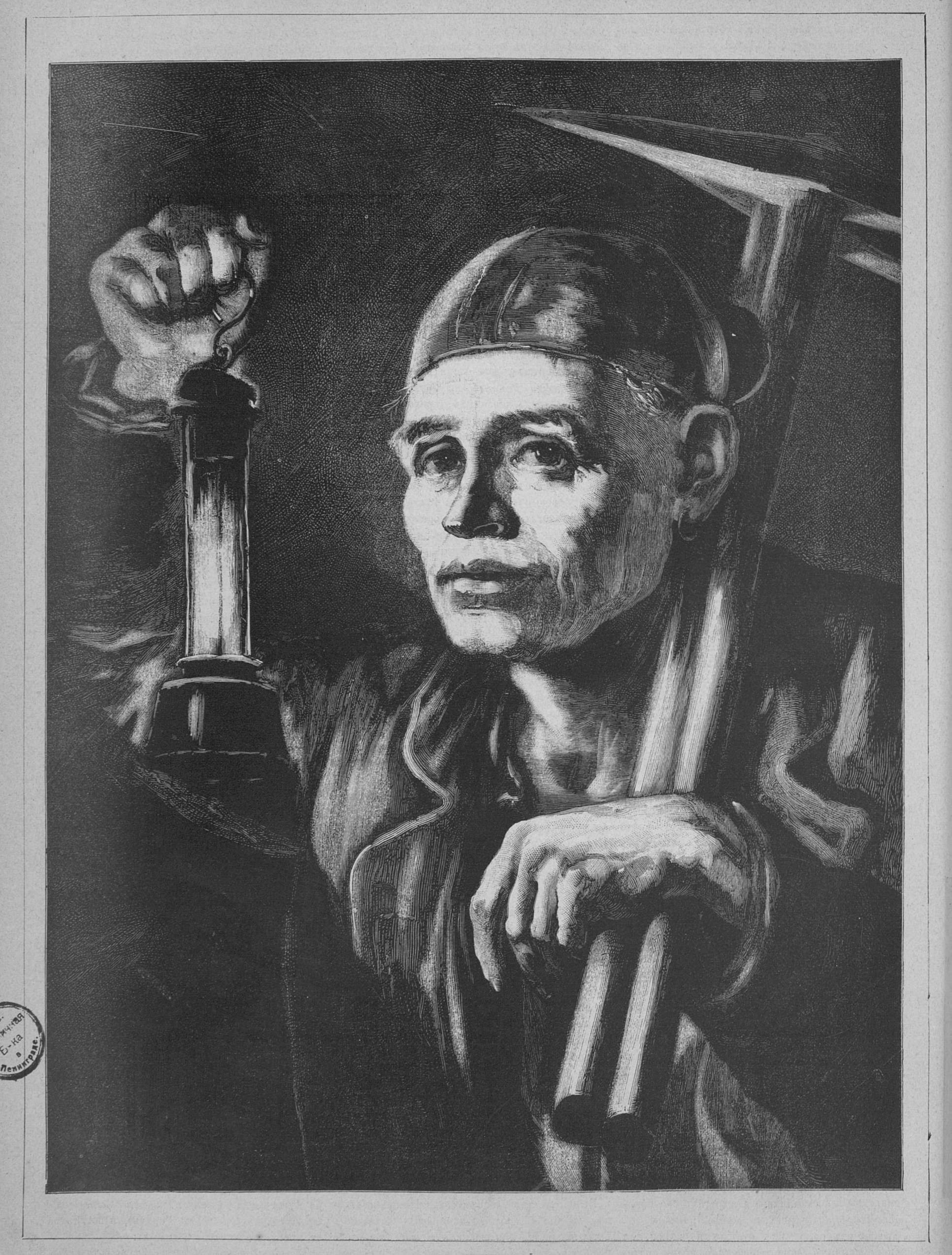
Въ концѣ 1798 года, Рекамье познакомилась съ г-жею Сталь; она пріѣзжала въ Парижъ, чтобы предварить г. Рекамье, купить Hôtel ее отца, Некера, съ которымъ Рекамье имѣлъ дѣла по банку. Вотъ, что пишетъ г-жа Рекамье въ своихъ мемуарахъ о г-жѣ Сталь, которая впослѣдствіи сдѣлалась ее самымъ близкимъ другомъ. «Въ одинъ прекрасный день, этотъ день былъ эпохой въ моей жизни, г. Рекамье пріѣхалъ въ Клиши съ одной дамой, которую, не представляя мнѣ, оставилъ со мной въ салонѣ, а самъ ушелъ въ паркъ. Эта дама пріѣхала переговорить о продажѣ и о покупкѣ дома; по ея нѣсколько странному туалету, на ней былъ утренній костюмъ и парадная, украшенная цвѣтами, шляпа, ее можно было принять за иностранку. Пораженная красотой ее глазъ и ея взгляда, я не могла дать себѣ отчета въ моихъ чувствахъ. Но когда она начала мнѣ говорить о своемъ отцѣ, г. Некерѣ, то я тотчасъ узнала въ ней г-жу Сталь. Волненіе мое при видѣ автора «Писемъ о Руссо», которыя я только что прочла, было выше описанія. Волненіе это выражалось у меня болѣе взглядомъ, чѣмъ словами: она смутила и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекла меня къ себѣ.

Въ ней чувствовалась настоящая женщина стоящая на высотѣ своей задачи. Она тоже не безъ вниманія разсматривала меня и высказала свое полное восхищеніе моей красотѣ, которое мнѣ показалось преувеличеннымъ. Уѣзжая въ Коппе, она обѣщала мнѣ, когда будетъ въ Парижѣ, навѣщать меня. Послѣ ее отъѣзда я только и думала о ней, такъ сильно она подѣйствовала на меня». И какъ же могла иначе подѣйствовать на воспріимчивую натуру Рекамье, встрѣча съ женщиной, занимавшей такое видное мѣсто какъ въ литературѣ, такъ и въ политической жизни людей великой французской революціи?

Купивши Hôtel Некера, Рекамье поручилъ отдѣлку его одному изъ лучшихъ архитекторовъ Парижа. А самъ переѣхалъ въ замокъ Клиши, въ которомъ жила его семья. Въ этомъ то роскошномъ замкѣ и было средоточіе всѣхъ знаменитостей того времени. Весною 1799 года на одномъ изъ званыхъ обѣдовъ, г-жа Рекамье познакомилась съ Лисьеномъ Бонапартомъ, ему тогда было всего двадцать четыре года. Его черты лица, хотя менѣе характерныя, чѣмъ у Наполеона, на котораго онъ очень походилъ, были довольно правильныя, манеры величественныя, одѣвался онъ съ большимъ вкусомъ. Увидѣвши г-жу Рекамье, онъ былъ пораженъ ее красотой и полюбилъ ее со всѣмъ пыломъ юношеской страсти. Рекамье, ни кого еще не любившая и не возбуждавшая собой сильныхъ чувствъ, была удивлена, получивши отъ него первое любовное письмо. Лисьенъ облекъ это письмо въ форму литературнаго произведенія и назвалъ его письмомъ Ромео къ Жульеттѣ. Жульетта прочла его и на другой же день въ присутствіи довольно большого общества возвратила его автору, замѣтивъ, что произведеніе это не лишено таланта, но что она совѣтовала бы ему заняться лучше политикой. Тогда Лисьенъ, бросилъ литературную форму и обратился къ ней съ письмомъ, въ которомъ онъ уже прямо говорилъ ей о своей къ ней страсти. Тогда она показала это письмо своему мужу, прося у него защиты, какъ у человѣка, имя котораго она носитъ. На вопросъ же объ отказѣ Лисьену отъ дому, Рекамье замѣтилъ, что поступить такимъ образомъ съ братомъ генерала Бонапарта, значитъ скомпрометировать себя и повредить своимъ финансовымъ операціямъ. Поблагодаривши свою жену за довѣріе, онъ прибавилъ, что не нужно обезкураживать его, но вмѣстѣ съ тѣмъ не нужно и уступать его любви.

Послѣ годового, неудачнаго ухаживанія Лисьенъ оставилъ домъ Рекамье. Зимой 1800 года Лисьенъ, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, устраивалъ цѣлый рядъ праздниковъ въ честь перваго консула; на одномъ изъ такихъ праздниковъ, гдѣ г-жа Рекамье была по настоянію своего мужа, она вторично встрѣтилась съ Наполеономъ и на этотъ разъ уже говорила съ нимъ. Рекамье любила одѣваться во все бѣлое: люди, знавшіе ее говорили, что она во всякое время года она постоянно носила бѣлыя платья. И никогда, даже въ то время, когда они были очень богаты, она не носила брилліантовъ, а только одинъ жемчугъ. На праздникѣ, данымъ Лисьеномъ въ честь Наполеона, Рекамье была одѣта въ бѣлое атласное платье, вокругъ шеѣ было одѣто жемчужное ожерелье, а на рукахъ нитки жемчуга. Войдя въ залу, она сѣла подлѣ камина, неподалеко отъ котораго стояла въ полусвѣтѣ фигура, напоминавшая ей черты Жозефа Бонапарта, котораго она часто встрѣчала у г-жи Сталь; она дружественно кивнула ему головой, на этотъ поклонъ ей отвѣтили дружескимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдержаннымъ поклономъ. Всмотрѣвшись пристальнѣе въ лицо гостя, она узнала въ немъ перваго консула, котораго она видѣла впервые на праздникѣ въ люксанбургскомъ дворцѣ. Спустя минуту, Наполеонъ подозвалъ къ себѣ Фуше и сказалъ ему нѣсколько словъ. Фуше, не замедлилъ подойти къ Рекамье, и ставъ за ея кресломъ, вполголоса сказалъ:

«Консулъ находитъ васъ обворожительною».



Англійскій рудокопъ.

Вниманіе, исполненное полнаго уваженія, которое было оказано Наполеономъ въ этотъ вечеръ, относительно Рекамье, простота его манеръ и симпатичное отношеніе къ окружающимъ его, расположили ее къ нему. И впослѣдствіи, будучи свидѣтельницей ссылокъ и репресалій, Рекамье вспоминала, какъ въ этотъ день держала за руку четырехъ лѣтнюю дочь Люсьена, Наполеонъ разговаривая съ гостями, и не выпуская ее рученки изъ своей руки, позабыли о ней; ребенокъ заплакалъ, тогда растроганный Наполеонъ началъ успокаивать ее, говоря:

«А моя бѣдная малютка, прости я позабылъ о тебѣ». За обѣдомъ подлѣ Наполеона было нарочно оставлено мѣсто для Рекамье, но она, какъ бы не замѣчая этого, сѣла черезъ нѣсколько стульевъ. Рядомъ съ Рекамье сѣлъ второй консулъ г. Камбоссере, тогда Наполеонъ обратился къ нему и сказалъ довольно громко:

«А, гражданинъ консулъ, вы помѣстились подлѣ самой красивой». Послѣ обѣда, Наполеонъ подошелъ къ Рекамье и сказалъ: «Почему вы не сѣли рядомъ со мной? — Я не посмѣла, отвѣтила скромно Рекамье.—Это мѣсто было приготовлено для васъ». Мы уже сказали въ началѣ нашей статьи, къ какимъ грустнымъ результатамъ привело знакомство Рекамье съ Наполеономъ.

Въ этомъ же году, Рекамье познакомилась и близко сошлась съ братьями Адріаномъ и Матьё де-Монморанси, дружба съ которыми осталась неизмѣнною до конца жизни Монморанси. Адріанъ де-Монморанси, герцогъ Лавальской и кавалеръ ордена Золотого Руна, былъ въ 1814 посланникомъ въ Испаніи, въ 1821 въ Римѣ, а въ 1826 въ Вѣнѣ. Это былъ человѣкъ прямой и честный. Матьё де-Монморанси, началъ свою военную карьеру въ Америкѣ, въ овернскомъ отрядѣ, которымъ командовалъ его отецъ. Онъ принадлежалъ къ той группѣ высшей аристократіи, въ которой господствовали идеи прогресса, реформы и соціальной революціи. Кому неизвѣстно, что по предложенію Матьё де-Монморанси, 4-го августа, собраніемъ было внесено предложеніе объ уничтоженіи дворянскихъ привилегій. Въ 1792 г. онъ эмигрировалъ въ Швейцарію. Когда Монморанси познакомился съ Рекамье, ему было тридцать восемь лѣтъ. Вскорѣ онъ полюбилъ ее всею силою своей души. Они видѣлись ежедневно и когда онъ уѣзжалъ куда нибудь или просто не имѣлъ времени посѣтить ее, то онъ тотчасъ же писалъ ей обо всемъ, что онъ дѣлалъ и что намѣревается дѣлать. Мемуары Рекамье состоятъ исключительно изъ писемъ де-Монморанси и Шатобріана, по этимъ то даннымъ мы и ознакомились съ выдающейся личностью г-жи Рекамье. Въ своихъ письмахъ де-Монморанси, почти постоянно говоритъ ей: «Не оставляйте меня безъ извѣстій о себѣ, я хочу каждодневно имѣть хотя по одной строчкѣ». Отношеніе Матьё де-Монморанси къ Рекамье были отношеніями любящаго отца. Онъ выбиралъ ей книги для чтенія, выбиралъ также и знакомыхъ. Въ 1802 году, отецъ г-жи Рекамье, занимавшій мѣсто почтоваго администратора, былъ арестованъ. Въ это время началось сильное движеніе роялистовъ, наполнявшихъ рогъ Франціи своими брошюрами и прокламаціями. Недоумѣвая какимъ именно путемъ эти брошюры достигали мѣста своего назначенія, начали подозрѣвать въ пересылкѣ ихъ черезъ отца г-жи Рекамье. Рекамье, потрясенная этимъ арестомъ, обратилась къ Бернадоту, имѣвшему большое вліяніе на Бонапарта, и черезъ него успѣла освободить своего отца. Личность Бернадота рѣзко выдѣляется изъ среды республиканскихъ генераловъ, это, можно сказать, единственный изъ ихъ числа, который не участвовалъ съ извѣстнымъ coup d'État.

Въ 1803 году, по распоряженію перваго консула была сослана г-жа Сталь. Подобное насиліе больно отозвалось на Рекамье и она всею душою возненавидѣла Наполеона. Сдѣлавшись императоромъ, Наполеонъ положительно преслѣдовалъ тѣхъ людей, которыя собирались у г-жи Рекамье. Но, не смотря на это, въ ея салонѣ продолжали собираться высокопоставленныя особы. Въ одинъ прекрасный вечеръ у нее собрались разомъ три министра, и говорили о текущихъ дѣлахъ. Узнавши объ этомъ, Наполеонъ спросилъ у одного изъ нихъ: «Давно ли совѣтъ министровъ собирается въ салонѣ г-жи Рекамье?» Къ этому же времени относятся знакомство Рекамье съ принцемъ Вюртембергскимъ, Меттернихомъ, и, наконецъ, наслѣднымъ великимъ княземъ Меклембургъ-Стрелицкимъ, братомъ прусской королевы. Онъ часто бывалъ у ней инкогнито и затѣмъ долго поддерживалъ съ ней переписку. Наслѣдный принцъ Баварскій, въ бытность свою въ Парижѣ, также искалъ предлога познакомиться съ г-жею Рекамье. Предлогъ представился, а именно посмотрѣть портретъ Рекамье, этого chef d'oeuvre Жерара. Получивши позволеніе посмотрѣть портретъ, онъ увидѣлъ также и оригиналъ, который произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Будучи уже королемъ Баваріи, онъ при встрѣчѣ съ г-жою Сталь вспоминалъ о Рекамье. Осенью 1806 года, Рекамье сообщилъ своей женѣ, что вслѣдствіи различныхъ обстоятельствъ и главнымъ образомъ затруднительнаго политическаго и финансоваго положенія Испаніи, его банку грозитъ опасность и что онъ можетъ быть спасенъ только тогда, если правительственный банкъ сдѣлаетъ ему кредитъ въ милліонъ франковъ. Но банкъ, не смотря на вѣрное обезпеченіе, отказалъ ему въ этой суммѣ и Рекамье долженъ былъ прекратить платежи. Г-жа Рекамье отнесла этотъ отказъ къ личной мести Наполеона. Въ этомъ трудномъ обстоятельствѣ, она высказала всѣ лучшія стороны своего характера. Превыкшая къ роскоши и удобствамъ, она, для того, чтобы хотя отчасти удовлетворить небогатыхъ людей, довѣрившихъ ее мужу свои капиталы, продала всѣ свои украшенія, серебро, свой Hôtel и переѣхала въ небольшую квартирку внизу, окна которой выходили въ садъ. Французское общество отнеслось съ необыкновенной симпатіей къ Рекамье и каждый, имѣвшій право входа къ ней, спѣшилъ записать свое имя въ число навѣстившихъ ее.

Когда Наполеону сказали о постигшемъ семейство Рекамье несчастіи и о томъ сочувствіи, которое французское общество и высокопоставленные иностранцы выразили ей, онъ отвѣтилъ: «французское общество не выражало такого сочувствія вдовѣ французскаго маршала, убитаго на полѣ битвы».

Вскорѣ послѣ этой катастрофы умерла мать г-жи Рекамье и она, чтобы немного разсѣяться, поѣхала въ Коппе, къ своему другу г-жѣ Сталь, съ которой она постоянно переписывалась.

Живя у Сталь, она встрѣтилась съ принцемъ Августомъ прусскимъ, племянникомъ великаго Фридриха, взятымъ въ плѣнъ 6-го октября 1806 года, во время битвы при Саальфельдѣ.

Г-жа Сталь предложила ему поселиться въ ея замкѣ Коппе, здѣсь-то увидя Рекамье, онъ почувствовалъ къ ней особенное влеченіе. Черезъ нѣсколько времени онъ сдѣлалъ ей предложеніе жениться и Рекамье, не оставшаяся къ нему равнодушной, согласилась на его предложенія, и написала о своемъ рѣшеніи мужу. Разорвать такую связь, какая существовала между супругами Рекамье даже и въ католической религіи не нашлось бы препятствій. Мужъ отвѣтилъ ей, что онъ соглашается на разводъ, но вмѣстѣ съ этимъ позволеніемъ, напоминаетъ ей о своей любви, которую онъ питалъ къ ней съ самаго ея дѣтства. Это письмо страшно взволновала г-жу Рекамье, и, такъ сказать, сковала ея дѣйствія. Она припомнила и его любовь къ себѣ и его заботы; наконецъ, то горестное положеніе, въ которомъ находился Рекамье, онъ, довольно уже старый, привыкшей въ извѣстной роскоши. Она рѣшилась вернуться къ мужу, не сказавши ничего положительнаго принцу. По возвращеніи въ Парижъ, она тотчасъ же послала Августу свой портретъ, написанный Жераромъ. Переписка, начавшаяся между принцемъ Августомъ и Рекамье скоро попала на замѣчаніе бдительной полиціи. Однако, не смотря на это, она продолжалась четыре года. По прошествіи четырехъ лѣтъ, Рекамье написала принцу, что она не настолько сильно любитъ его, чтобы оставить своего мужа и совѣтуетъ ему искать привязанности болѣе сильной. На это письмо онъ отвѣчаетъ ей, что желаетъ ее видѣть въ послѣдній разъ, и проситъ назначить мѣсто свиданія. Рекамье назначаетъ мѣстомъ свиданія Шафгаузенъ. Но едва она успѣла пріѣхать въ Коппе, какъ получаетъ изъ Парижа извѣстіе о своей ссылки. Пробывши тамъ впродолженіи тридцати шести часовъ, она вернулась въ Парижъ, а оттуда уже уѣхала на мѣсто ссылки—въ Шалонъ на Марнѣ. Принцъ Августъ видѣлся съ Рекамье до своей смерти еще два раза, въ 1815 и 1825 годахъ.

Уѣзжая въ ссылку, Рекамье взяла съ собой свою пятилѣтнюю племянницу, дочь брата Рекамье, съ которой и не раставалась до самаго ея замужества.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Дума.

Стих. Д. А. Рубина.

. . . Жить и притворяться,
Подличать, и лгать,
Завтра,—какъ сегодня,
Силу гдѣ сыскать
Мнѣ для этой жизни?..
Впереди — темно,
Изо дня-то въ день такъ
Все одно, одно!...
Ахъ ты, жизнь проклятая,
Какъ ты мнѣ постыла,
Да когда-жь возьметъ тебя
Темная могила?!..

Паскарель.

Романъ Уида.

Переводъ А. А. Разсказовой.

(*Продолженіе.*)

Недѣли шли за недѣлями, мѣсяцы за мѣсяцами, а я все оставалась у того же холоднаго очага, видѣла тотъ же маленькій клочекъ голубого неба надъ крышами и жарко молилась о смерти. Но смерть, какъ и другіе дары, рѣдко приходитъ по нашему желанію.

Однажды утромъ, когда я по обыкновенію лежала на своей постели, старая Жіудета, повернувшись ко мнѣ на своемъ дубовомъ табуретѣ, сказала:

— Послушайте меня немного. Вы, молодежь, воображаете, что никто изъ прежде рожденныхъ никогда не страдалъ такъ, какъ вы. Ваши страданія кажутся вамъ совершенно новыми. Вы ошибетесь. Послушайте. Когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, я была танцовщицей въ театрѣ, какъ тѣ дѣвушки, на которыхъ я теперь работаю. Я была простое, честное, счастливое существо, танцовала изъ за хлѣба и для матери, не думала о злѣ, не дѣлала его и сама. Такъ танцовала я два года съ легкимъ довольнымъ сердцемъ, хотя никогда не выходила впередъ и заработывала немного. Всѣ, говорили, что я хороша. Можетъ быть, я и была хороша, какъ щегленокъ. Однажды во время карнавала, возвращаясь домой, я поскользнулась на Карарскомъ мосту

и упала, дороги были очень дурны въ то время. Какой-то прохожій поднялъ меня и отнесъ домой, такъ какъ я была не тяжела, а нога моя вывихнута. Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль я не могла танцовать. Прохожій, поднявшій меня, приходилъ навѣдаться о моемъ здоровьи, приходилъ часто, онъ былъ дворянинъ, военный и французъ. Прежде, чѣмъ зацвѣла виноградная лоза, мы уже любили другъ друга. Знакомые качали головами, но мнѣ до нихъ мало было дѣла; никто прежде него не поцѣловалъ даже руки моей. Онъ бы осыпалъ меня всевозможными богатствами и дорогими вещами, но я отвѣчала ему: «Нѣтъ, нѣтъ, если я возьму отъ васъ хоть грошъ, я буду не лучше другихъ?» И во все время я взяла отъ него только нѣсколько пучковъ розъ. Я берегу ихъ. Они пойдутъ со мной и въ могилу. Подъ конецъ года—благодарю Тебя, Боже, за этотъ годъ—начались волненія, вспыхнула война; тотъ великій человѣкъ, котораго звали Наполеономъ, боролся за свое существованіе, такъ говорили тогда. Мой возлюбленный пришелъ ко мнѣ и сказалъ: «Онъ былъ моимъ начальникомъ, я многимъ обязанъ ему, и не могу допустить его паденія и не быть съ нимъ въ это время. Вы—свѣтъ глазъ моихъ, Жіудета, но какъ же я могу поступить иначе, когда меня призываетъ туда честь». Я старалась разубѣдить его, какъ умѣла. Понятіе о чести кажется намъ, женщинамъ, такимъ безразсуднымъ. Мы не постигаемъ его, тѣмъ болѣе, что оно становится всегда между нами и предметомъ любви; мы не имѣемъ въ немъ части и потому ненавидимъ его. Всѣ мои усилія были тщетны: «Если я не вернусь черезъ годъ, значитъ, я убитъ въ сраженіи», сказалъ онъ. И, поцѣловавъ меня въ послѣдній разъ, онъ ушелъ. Наполеонъ былъ побѣжденъ и сосланъ; такъ говорили; а онъ... онъ никогда не вернулся, ни въ концѣ того года, ни въ слѣдующіе. И ни одного слова объ немъ.

Съ тѣхъ поръ прошло уже пятьдесятъ лѣтъ. Ни одного слова—Правосудный Боже! Люди насмѣхались надо мною, говоря: «Хорошъ возлюбленный! Ты ему наскучила, и онъ обманулъ тебя»! Я никогда не спорила съ ними; я знала, что онъ умеръ, а то бы вернулся. Что за радость въ любви, если не имѣешь на столько вѣры въ любимое существо.

Голосъ ея задрожалъ и она умолкла. Справившись съ своимъ волненіемъ, она продолжала:

— Было время, когда я, какъ съумашедшая, хотѣла броситься въ рѣку, чтобы покончить съ собою, но мысль о томъ, что Богъ не позволитъ мнѣ тогда видѣться съ нимъ въ раю, остановила меня. И такъ тянулась моя жизнь. Болѣе я никогда не танцовала—не приходилось другимъ смотрѣть на то, что нравилось ему, я принялась за починку чулокъ, чѣмъ и занимаюсь до сихъ поръ, чтобы выработать себѣ на пропитаніе. Моя бѣдная мать еще долго жила послѣ этого. Она грустила и проклинала меня. Я была все еще хороша, и многіе изъ сосѣдей честно желали взять меня себѣ въ жены. И моя мать не понимала, почему я отказывала имъ «и все изъ за того злого человѣка, умершаго или все равно что умершаго». Здѣсь мы и жили... да, здѣсь; въ этой комнатѣ я родилась, въ этой и умру. Онъ все желалъ, чтобы я переѣхала въ хорошенькую виллу съ садомъ и виноградникомъ, но я отказывалась;—если бы я приняла отъ него хоть одинъ золотникъ серебра, я чувствовала бы, что онъ покупалъ мои поцѣлуи. Я брала только розы... онѣ до сихъ поръ у меня и пойдутъ со мною въ гробъ. Такъ, много, много лѣтъ сидѣла я у этого окна, глядя, не покажется ли онъ въ концѣ улицы, какъ онъ обыкновенно приходилъ ко мнѣ съ наступленіемъ ночи. И я смотрю до сихъ поръ, и все мнѣ кажется, что вотъ, вотъ придетъ онъ такой же молодой и граціозный, какимъ былъ тогда. Съ тѣхъ поръ прошло уже пятьдесятъ лѣтъ... пятьдесятъ лѣтъ минуло въ этотъ карнавалъ».

Я вздрогнула въ своемъ углу. Пятьдесятъ лѣтъ! и постоянно одна, всю жизнь одна!.. Моя жизнь казалась мнѣ ужасной. Неужели же и я доживу до такой старости, одна, всегда одна—доживу до того, что буду спокойно разсказывать свою исторію при вечернемъ сумракѣ? Будь у меня побольше силы, я бы, кажется, поддалась искушенію, когда то овладѣвавшему Жіудетой и бросилась бы въ бурныя воды Арно, поднявшіяся отъ тающихъ въ горахъ снѣговъ. Какой прекрасной, желанной казалась смерть по сравненію съ этими пятидесятью унылыми годами бѣдности и страданія.

— И неужели вы никогда не сомнѣвались въ немъ, не сомнѣвались, что онъ живъ и измѣнилъ вамъ? спрашивала я, выходя изъ своей апатіи къ слабому проблеску чувства человѣческаго, любопытства.

Она бросила на меня полугнѣвный, полуудивленный взглядъ.

— Сомнѣвалась въ немъ! Но, дитя мое, вы меня не поняли. Я любила его, принадлежала ему; какъ же я могла послѣ этого сомнѣваться въ немъ?

Ея отвѣтъ какъ бы ожегъ меня горячимъ, ѣдкимъ стыдомъ. Она, бѣдная невѣжественная женщина, не умѣвшая ни читать, ни писать, она, старая Жіудета, чинившая чулки танцовщицъ, могла любить такъ великодушно; подъ жесткой морщинистой, огрубѣлой корой повседневной жизни, скрывалось такое чистое сердце, такая благородная, безсмертная вѣра! Рядомъ съ нею я въ своихъ собственныхъ глазахъ казалась никуда негоднымъ, вырваннымъ съ корнемъ деревомъ, безъ любви и вѣры.

О такой именно любви мечталъ онъ тогда на башнѣ обсерваторіи въ весеннюю ночь,—о любви, каторая прощаетъ и жалѣетъ такъ же безгранично, какъ необъятно небо.

IV.

Жіудета, не смотря на свою постоянную работу, находила возможность оказывать тысячи мелкихъ услугъ своимъ сосѣдямъ. Для этого она выбирала время, когда у нея было не такъ много починки. Однажды въ августѣ, спускаясь съ семидесяти одной ступени стараго дома, въ которомъ мы жили, она поскользнулась и сильно ушибла ногу металическимъ ведромъ, съ которымъ шла за водой. Она мужественно переносила новое горе, старалась сама дѣлать для себя все и даже готовила скудный обѣдъ и для меня. Но далеко она не могла ходить, и только я съ трудомъ добиралась каждый вечеръ до церкви, разноску же по городу починенныхъ чулокъ, ея единственный источникъ дохода, она поручала маленькому сыну сосѣдей.

Слѣдовало бы мнѣ взяться за это; но я была слишкомъ погружена въ свою апатію, чтобы думать о какихъ бы то ни было обязанностяхъ. Однакожь, когда однажды мальчикъ не пришелъ во время, она обратилась ко мнѣ съ просьбой отнести нѣсколько паръ чулокъ бѣдной танцовщицѣ, безъ которыхъ той невозможно будетъ показаться вечеромъ на сценѣ; у меня проявилось сознаніе о безсердечности и эгоистичности моего положенія; часъ былъ поздній, въ улицахъ темнѣло, я закуталась въ старый темный плащъ и въ первый разъ, по прошествіи шести мѣсяцевъ, вышла на свѣжій воздухъ. Голова моя кружилась, я чувствовала слабость. Вечерняя заря ярко горѣла на западѣ. Стройные кипарисы рѣзко вырисовывались на розовато-лиловомъ вечернемъ небѣ. По дорогѣ, извивавшейся между ними, нѣсколько крестьянокъ изъ ближнихъ селеній возвращались по домамъ. Одна изъ нихъ ѣхала ко мнѣ на встрѣчу на черномъ мулѣ; это небольшая кругленькая красно-коричневая фигурка; ея корзины были полны разныхъ товаровъ, передъ нею медленно шло стадо индѣекъ; въ рукѣ ея была длинная жердь, которой она съ бранью погоняла ихъ, при чемъ сѣрые хвосты разсерженныхъ птицъ, раздуваясь вѣеромъ, тащились по пыльной дорогѣ, а старый мулъ медленно шагалъ слѣдомъ.

— Да сжалится надо мною Матерь Божія! ну, вы, дьяволята! кричала рѣзкимъ, пронзительнымъ голосомъ торговка.—Солнце уже закатилось, и я знаю, навѣрное, вы сейчасъ усядетесь на насѣсти по заборамъ.

Къ моему удивленію это былъ голосъ Бруноты. Встрѣтясь взглядомъ со мною, она внезапно поблѣднѣла отъ ужаса. И онъ любилъ и это грубое ворчливое существо, съ крикомъ и бранью погоняющее индюшекъ своей жердью — вотъ о чемъ я думала, глядя на нее!

— Вы ли это? вы ли это барышня: говорила она, робко перебирая руками четки.—Я думала, что вы умерли: я всегда такъ думала. Вы и теперь смотрите, какъ мертвецъ, одни только глаза ваши горятъ. Вы сердитесь? Вы до сихъ поръ сильно сердитесь? О Святый Іисусе! вы пугаете меня!

Я не отвѣчала.

— Я раскаялась, какъ только что сказала вамъ, начала она, всхлипывая.—Но кто же зналъ, что онъ въ тюрьмѣ! И кто могъ подумать, что вы убѣжите и будете такъ убиваться? Вы были красавицей и всѣ говорили, что вы знатнаго рода. Я думала, что вамъ вездѣ будетъ хорошо. На слѣдующій же день я пошла и пообѣщала Пресвятой Дѣвѣ ожерелье и принесла его. Но если вы не умерли, вы должно быть очень, очень бѣдны... не правда ли, вы бѣдны? Скажите хоть слово! Послушайте, теперь все прошло, я не изъ тѣхъ, кто помнитъ зло. Я охотно дамъ вамъ уголъ и кусокъ хлѣба... да, я охотно это сдѣлаю; потому что Кокомеро никогда не видѣлъ въ васъ ничего хорошаго; вы были слишкомъ худощавы для него; онъ любитъ женщинъ, какъ сочное яблоко, круглыхъ и розовыхъ въ родѣ меня. И если вы согласны, то пойдемте со мной. Мы будемъ вамъ рады. Вы знаете между Паскарелемъ и мною все кончено, а у меня есть здѣсь неподалеку своя ферма и множество птицы.

— Все кончено! повторила я ея слова, не сознавая, что дѣлаю.

— Да, я вижу, сказала она громко,—что вы въ большой нуждѣ; а то куда же дѣлись ваши желтая юбка, ваши золотые волосы, гордый взмахъ головы, какъ у прирожденной принцессы? Можно подумать, что вы нищая, сидящая, на придорожныхъ камняхъ. Да, между мной и имъ все кончено. Когда вы ушли, я стала къ нему какъ-то равнодушна... раньше я ревновала, а когда онъ попалъ въ тюрьму, онъ сталъ для меня совсѣмъ какъ бы умершимъ. Забывается такъ легко. А я всегда любила Коко: онъ былъ добродушный простофиля, которымъ такъ же легко управлять, какъ ребенкомъ и къ тому же онъ всегда веселъ.

Сойдя со своего мула и подойдя ко мнѣ ближе, она продолжала жалобнымъ голосомъ:

— Вы все таки сердитесь. Говорю же вамъ, что я жалѣла, что сказала вамъ... да, я очень жалѣла. Я не зла, только мнѣ было досадно, что онъ сходилъ съума отъ васъ, и я хотѣла, чтобы вы узнали... на зло ему узнали. Но какъ только я это сдѣлала, я дорого дала бы, чтобы возвратить назадъ мои слова. Я постучала въ вашу дверь, чтобы объяснить вамъ это, но вы не хотѣли слушать. Вы выскочили черезъ окно и какой же шумъ подняла хозяйка изъ за испорченной розы при вашемъ паденіи! Но какъ вы смотрите! Вы, вѣроятно, умерли. А если вы умерли я отслужу за васъ обѣдню... двѣ... три только

оставайтесь въ покоѣ въ своей могилѣ и не ходите по ночамъ!.. Я теперь жена Коко. Онъ такой дурачекъ, какимъ и казался, и не смѣетъ безъ моего позволенія высказать ни одной мысли. Такіе мужья всегда хороши. А къ тому же я люблю его, клянусь. Видите ли, я не желаю вамъ зла, да и за что? У меня есть все, что мнѣ нужно. И потому, если согласны, то пойдемте ко мнѣ, и ни слова болѣе о прошедшемъ.

— Вы не понимаете чего хотите, отвѣчала я.—Живите и благоденствуйте. Но помните мой совѣтъ, не показывайтесь мнѣ никогда на глаза.

V.

Когда я вернулась домой на чердакъ Жіудеты, я увидѣла свѣтъ и услышала голоса въ ея комнатѣ; при моемъ появленіи старушка вскрикнула отъ радости, а другая высокая фигура вспрыгнула, упала передо мной на колѣни и цѣловала мое запыленное платье.

— Ахъ дорогая барышня! говорилъ Флоріо.— Вы ли это? Наконецъ-то! какъ долго искалъ я васъ по всему сѣверу и все по ложнымъ слѣдамъ, а вы здѣсь въ такой нищетѣ! А сколько новостей, синьорина, и какія новости! Вашъ отецъ лордъ, богатый и знатный господинъ съ начала этого года, столько странныхъ событій, столько смертей и онъ, на котораго никто не хотѣлъ взглянуть призванъ, наконецъ, занять отцевское мѣсто. О, вы ничего, ничего подобнаго не слыхали,—это настоящая сказка для дѣтей. И вотъ, когда мы на холодномъ сѣверѣ вступали во владѣніе своей короной и когда я, посреди нашего величія, такъ часто думалъ и молился о васъ, хотя и потерялъ всякую надежду увидать васъ,—къ намъ вдругъ, недѣлю тому назадъ, приходитъ остроумный, веселый, безпокойный, странствующій актеръ, который въ былое время заставлялъ меня чуть не лопаться отъ смѣху въ своихъ балаганахъ по городамъ и деревнямъ. И онъ—усталый, испачканный, прямо съ дороги съ своими надмѣнными, важными манерами, какъ у лорда — потому что Паскарель былъ всегда гордъ, какъ какой-нибудь принцъ, хотя съ самаго дѣтства былъ только бродягой,— онъ, моя дорогая синьорина, потребовалъ свиданія съ вашимъ отцомъ и сказалъ ему, гдѣ васъ найти; что между ними еще было, знаетъ одинъ Богъ, вѣроятно, крупный разговоръ, потому что Паскарель въ нѣмомъ гнѣвѣ выскочилъ отъ вашего отца и съ такимъ презрѣніемъ прошелъ мимо насъ, что я съ удовольствіемъ ударилъ бы его, но я знаю, что онъ быстръ на сдачу. Скоро послѣ того милордъ послалъ меня за вами, и вотъ я здѣсь, и вы, моя дорогая леди, будете также важны, какъ королева... Ахъ! если бы Богу было угодно, чтобы старая добрая Маріучія была еще жива, то-то бы она обрадовалась... И вы ни одного слова не скажете мнѣ, вашему вѣрному Флоріо; и только смотрите на меня своими большими грустными глазами, такъ что сердце разрывается, глядя на васъ.

Я стояла и слушала; въ ушахъ моихъ глухо отдавался не умолкаемый потокъ рѣчей моего друга дѣтства.

Наконецъ, мало по малу истина прояснилась передо мною. Мое приказаніе было исполнено, мое положеніе было обезпечено... Съ горькими рыданіями вырвалась я изъ рукъ Флоріо и бросилась лицомъ внизъ на голый каменный полъ... Величіе! величіе! Но, Боже, для чего оно мнѣ?... Странствовать, странствовать опять съ легкимъ сердцемъ и ногами въ чудное тосканское лѣто, когда цвѣтутъ магноліи, по холмамъ, усѣяннымъ голубыми лиліями между виноградниками, — странствовать опять съ нимъ рука въ руку, чувствовать его поцѣлуи на своихъ щекахъ! А что пользы мнѣ въ величіи?

Слѣдующіе ночь и день я провела съ старой Жіудетой; Флоріо уходилъ и приходилъ сотни разъ, принося мнѣ шелки и атласъ, драгоцѣнныя украшенія и сласти, изящныя бездѣлушки и всевозможныя богатыя вещи, чтобы убѣдить меня въ моемъ новомъ положеніи. Добрый, веселый, полный радости и счастья отъ неожиданнаго состоянія, выпавшаго на долю человѣка, къ которому онъ прильнулъ всей душой въ дни нужды и стыда, Флоріо не могъ понять, но сильно обижался тѣмъ, что я не только не хотѣла взглянуть на всѣ эти сокровища, но, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, со слезами повторяла: «Верните меня къ дорогой Маріучіи, верните меня къ ней назадъ». Единственно, что я могла со вниманіемъ выслушивать, были разсказы о Паскарелѣ, къ которымъ Флоріо часто возвращался, такъ какъ вся эта исторія казалась ему необъяснимой.

— Какъ странно, говорилъ онъ,—что случай свелъ васъ съ этимъ человѣкомъ. Я зналъ его, дорогая синьорина, давно, когда васъ еще не было на свѣтѣ: ловкій плутъ игралъ тогда въ Савойѣ съ французской труппой. Тогда еще говорили, что онъ могъ бы сдѣлаться знаменитостью и разбогатѣть, если бы захотѣлъ. Но онъ объ этомъ не думалъ. Онъ бродяга въ душѣ. Это вѣрно. Но я думаю, что онъ обращался съ вами, какъ могъ лучше; потому что вашъ отецъ отпустилъ его не только безъ выговоровъ, но долженъ былъ снести самъ его упреки. И, конечно, онъ очень умно сдѣлалъ, не позволивъ вамъ явиться на его сценѣ. Вы не жалуетесь, значитъ, онъ поступалъ съ вами благородно. Но это ужасная участь для такой знатной особы, какъ вы. И вашъ отецъ говоритъ, что вы не должны ни однимъ словомъ поминать объ этомъ. Если бы вы могли только видѣть этого Паскареля, быстро и легко пронесшагося мимо насъ, со взглядомъ пантеры, запыленнаго съ дороги, съ блѣднымъ лицомъ, съ дикими горящими глазами, требующаго видѣть вашего отца съ высокомѣріемъ и настойчивостью, какъ будто онъ князь какой нибудь, хотя и говорятъ, что его предки дѣйствительно были могущественными людьми въ Тосканѣ... Какъ больно видѣть васъ, бѣдняжку, съ вашимъ хорошенькимъ блѣднымъ личикомъ всю въ слезахъ... Мнѣ помнится, что Паскарель сказалъ, что потерялъ васъ, когда попалъ въ тюрьму, и должно быть, не смотря на всѣ его заботы, вы едва не умерли съ голоду.. Но, слава Богу, все прошло; теперь вы будете знатная леди, вернутся розы на ваши щечки и весь свѣтъ будетъ у вашихъ ногъ. И теперь хотя вы похудѣли, вы красавица, но надо измѣнить вашъ дикій взглядъ, способный пугать.

Такъ говорилъ онъ, а я слушала и сердце мое разрывалось на части. Я все понимала—хорошо понимала. Послѣ моихъ жесткихъ словъ, онъ покинулъ свою страну, людей, свободную простую жизнь и отправился изъ-за меня на сѣверъ, поддерживая тяжелымъ трудомъ свое существованіе, потому что онъ былъ очень бѣденъ. И я изгнала его изъ родины и сказала, что не хочу болѣе видѣть его, и за что? За то вѣроломное, легковѣрное существо, которое покрикивало съ бранью на свою птицу на большой дорогѣ.

Въ послѣднюю ночь, проведенную мною на чердакѣ у Жіудеты, къ которой до сихъ поръ я была всегда такъ неблагодарна, я сидѣла и думала тяжелую думу, смотря на синее небо, такъ что едва не сошла съума.

Жіудета подошла ко мнѣ и положила свои руки на мою опущенную голову.

— Вы теперь отправляетесь къ знатнымъ людямъ, къ богатой обстановкѣ, сказала она нѣжно,—безъ сомнѣнія, свѣтъ долженъ казаться хорошимъ для богатыхъ и сильныхъ. Я объ этомъ не могу судить, такъ какъ всю жизнь провела за починкой чулокъ. Не знаю, какое у васъ и горе. Вы никогда о немъ не говорили. Но если вы когда-нибудь любили одного мужчину, избѣгайте полюбить другого. Нѣтъ, не любите. И только тогда вы можете жить и умереть съ чистымъ сердцемъ, это я знаю, хотя всю жизнь провела за починкой чулокъ.

Потомъ, призвавъ на меня благословеніе Божіей Матери, она оставила меня и пошла къ вечернѣ въ церковь Св. Духа, какъ дѣлала это постоянно въ теченіи семидесяти лѣтъ до того дня, когда ея пальцы не могли болѣе вытягивать шелковую нитку.

Я долго сидѣла одна и думала, какъ вдругъ раздался стукъ въ дверь и хорошенькое босоногое дитя подало мнѣ букетъ розъ. Это были такія же бѣлоснѣжныя розы, какъ и тѣ, которыя я получила на другой день послѣ Вельоне. Вокругъ нихъ была обернута бумажка съ надписью: «Будьте счастливы. Прощайте». Я прижала ихъ къ себѣ, какъ мать прижимаетъ свое умирающее дитя, и смочила ихъ горячими слезами.

Неужели это конецъ всему. Неужели чудная жизнь тосканскаго лѣта погребена навсегда. Неужели я не буду въ состояніи видѣть цвѣта голубой лиліи въ ея низкой травѣ безъ тяжелаго замиранія сердца? Неужели свѣжій запахъ винограднаго цвѣта и благовоніе магнолій при лунномъ свѣтѣ будетъ приводить меня въ съумасшествіе худшее самой смерти? Неужели же здѣсь конецъ всему?.. всему?

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Мускульная сила насѣкомыхъ.

(Статья А. В. Е—ва).

Многимъ, прочитавшимъ это заглавіе, можетъ быть, покажется страннымъ,—говорить о какой нибудь силѣ насѣкомыхъ, а о мускульной въ особенности, такъ какъ эти существа при ихъ сравнительно небольшой величинѣ не могутъ и спорить въ силѣ съ животными высшими. Такое мнѣніе могло составиться у тѣхъ, которые и не подозрѣваютъ, что у насѣкомыхъ мускуловъ даже больше по числу, чѣмъ у другихъ животныхъ, не исключая и человѣка, и эти мускулы также сравнительно развиты и приспособлены къ отправленіямъ. Извѣстный французскій энтомологъ, Ліонне, анатомируя гусеницу одной ночной бабочки (Cossus liyniperda), нашелъ въ ея тѣлѣ нѣсколько тысячъ мускуловъ, исполняющихъ всевозможныя отправленія и зачаточныхъ, тогда какъ у человѣка и высшихъ животныхъ мускулы могутъ считаться только немногими сотнями. Фактъ этотъ замѣчателенъ въ высшей степени и такъ какъ онъ подтвержденъ и болѣе новѣйшими изслѣдованіями, то сомнѣваться въ его истинѣ, нѣтъ никакого основанія. Понятно, и у насѣкомыхъ количество мускуловъ колеблется весьма сильно, что было замѣчено въ мускулахъ отдѣльныхъ частей, но тѣмъ не менѣе эти колебанія далеко превосходятъ колебанія въ числѣ мускуловъ высшихъ животныхъ. Кромѣ огромнаго количества мускуловъ, замѣчательно еще то обстоятельство, что они чрезвычайно сильны, хотя при самомъ тщательнѣйшемъ наблюденіи они вовсе не кажутся сравнительно объемистѣе, чѣмъ мускулы высшихъ животныхъ и вся сила ихъ заключается не въ объемѣ связокъ и волоконъ, а въ большей ихъ жизненной энергіи, т. е. способности сокращаться сильнѣе и скорѣе, чѣмъ у другихъ животныхъ. Этою поразительною сокращаемостью развѣ только и можно объяснить тотъ фактъ, что насѣкомыя, сравнительно, понятно, сильнѣе всѣхъ прочихъ животныхъ, даже отличающихся своею непомѣрною силою. Сила льва и слона будетъ ничтожна по сравненію съ силою блохи или муравья, если разсматривать силы соотносительно величинѣ этихъ животныхъ. И это не будетъ натяжкой. Стоитъ только обратиться къ самымъ

Гаданіе.

Томбола въ Италіи.

обыкновеннымъ явленіямъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Взгляните только на скачокъ блохи, сравните его абсолютную величину съ прыжками высшихъ животныхъ и изумительный скачокъ льва или кэнгуру покажется ничтожнымъ. Было даже сдѣлано примѣрно вычисленіе, по которому оказывается, что если бы левъ могъ прыгать относительно также, какъ блоха, дѣлающая при 1,2 линіи роста скачки въ 3,25 ф., то его прыжокъ былъ бы равенъ верстѣ. Или возьмемте другой примѣръ, также обыденный, который безслѣдно повторяется на нашихъ глазахъ тысячи разъ и не наводитъ насъ на мысль о гигантской силѣ этого маленькаго насѣкомаго. Я говорю о муравьѣ, котораго трудолюбіе и мудрая заботливость вошли даже въ пословицу, хотя и его изумительная сила и энергія также достойны этой чести. Такъ ему не въ рѣдкость тащить во время своихъ работъ тяжести въ 20 и болѣе разъ превышающія его собственный вѣсъ и съ такимъ грузомъ взбираться на отвѣсныя плоскости. Если же принять въ разсчетъ еще изумительныя постройки нѣкоторыхъ изъ видовъ этого насѣкомаго, то наше удивленіе не будетъ имѣть границъ. Пирамиды и обелиски египтянъ, китайская стѣна и всѣ гордыя произведенія рукъ человѣческихъ будутъ казаться ничтожными передъ постройкой африканскихъ муравьевъ, которыя съ виду похожи на насыпи или жилища дикарей и которыя относительно превосходятъ постройки человѣка въ двадцать и болѣе разъ. Вспомнимъ еще огромную силу жевательныхъ мышцъ нѣкоторыхъ жуковъ, перепончатокрылыхъ и личинокъ чешуекрылыхъ, которыя своими небольшими снарядами дѣлаютъ огромныя ходы и полости въ самыхъ твердыхъ деревьяхъ, не легко поддающихся даже усовершенствованнымъ орудіямъ человѣка. Если только мы взяли бы лѣтописи лѣсоводства и садоводства, то тамъ мы нашли бы огромныя статистическія данныя совершеннаго истребленія лѣсовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, благодаря силѣ жевательнаго снаряда этихъ ничтожныхъ на видъ созданій. Не буду распространяться болѣе еще о видимыхъ доказательствахъ огромной силы насѣкомыхъ; мнѣ кажется, и приведенныхъ немногихъ примѣровъ достаточно было для того, чтобы выяснить дѣло и обратить на него должное вниманіе. Теперь же постараюсь выразить силу насѣкомыхъ графически или, лучше сказать, математическимъ языкомъ, который яснѣе всего вездѣ и всегда доказываетъ то, что должно доказать. Прежде, впрочемъ, чѣмъ приступить къ точному выраженію силы насѣкомыхъ, скажу нѣсколько словъ о самой исторіи вопроса. Она не велика; не много натуралистовъ занимались даннымъ вопросомъ; не знаю, почему эта отрасль изученія осталась, не смотря на свой интересъ, заброшенною, но скажу только одно, что насколько мнѣ извѣстно, одинъ Феликсъ Плато обратилъ на силу насѣкомыхъ должное вниманіе и много занимался этимъ вопросомъ. Не будучи знакомъ хорошо съ самымъ сочиненіемъ этого ученаго, такъ какъ познакомился съ нимъ только благодаря рецензіи, помѣщенной «Anneé Saentifique», я не могу привести изъ него нѣсколько выдержекъ, безъ сомнѣнія, весьма интересныхъ. Поэтому я долженъ буду ограничиться здѣсь тѣснымъ кругомъ своихъ собственныхъ наблюденій, которыя уже по самой своей единичности не могутъ быть совершенно точными, хотя и были ведены съ крайней осмотрительностью и осторожностью, необходимыми въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ въ измѣреніи силъ. Чтобы составить себѣ полное понятіе о силѣ какого нибудь животнаго, мы должны изучить эту силу въ различныхъ ея проявленіяхъ — сопротивленіи, давленіи, выдерживаніи, тяжести, полетѣ. А для того, чтобы составить себѣ относительное понятіе, мы должны выбрать какую нибудь силу за единицу и, сравнивая съ нею всѣ остальныя, находить отношенія этихъ послѣднихъ къ своей единицѣ. Все равно какую бы силу мы ни взяли для сравненія, по очевидно, что самою удобною для измѣренія, притомъ точнаго, является сила тяжести или вѣса. На основаніи этого мы примемъ вѣсъ насѣкомаго за единицу и будемъ подводить всѣ проявленія силы для измѣренія подъ силу вѣса и, тогда сравнивая первыя съ послѣднею, мы можемъ составить приблизительно вѣрныя соотношенія. Начнемъ съ измѣренія силы сопротивленія насѣкомаго и давленія его на предметъ препятствующій. Для удобнѣйшаго измѣренія этой силы можно воспользоваться до нельзя простымъ приборомъ, который устроить не трудно всякому желающему. Приборъ этотъ состоитъ изъ жестяной трубочки, открытой съ одной стороны, но имѣющей ставеньку, которую можно закрывать по произволу. Дно этой трубки не дурно сдѣлать шероховатымъ, приклеивъ къ нему песокъ, чтобы, впущенное въ трубку насѣкомое, не скользило бы по гладкой поверхности. Другой конецъ трубки можетъ закрываться слюдяною пластинкою, къ которой перпендикулярно прикрѣплена подобная же пластинка, поставленная на маленькія, легко вращающіяся колеса. Весь приборъ ставится на шпатикъ или особый столикъ. Впуская въ трубку насѣкомое черезъ конецъ со ставенькой, мы закрываемъ эту послѣднюю и плотно придвигаемъ подставку со слюдяными пластинками, вѣсъ которой долженъ быть заранѣе опредѣленъ, такъ, чтобы отвѣсная ея часть плотно закрывала конецъ трубки. Насѣкомое, очутившись въ темнотѣ и, видя одинъ конецъ трубки какъ бы открытымъ, устремляется туда и, не замѣчая препятствія, давитъ всею своею силою на подставку. Накладываемъ теперь на горизонтальную часть ея различныя гири, начиная отъ самомалѣйшихъ:—долей и полудолей. Подставка со всѣмъ своимъ грузомъ нѣсколько откатывается и освобождаетъ насѣкомое. Смотря по тому какой грузъ могло насѣкомое откатить, мы судимъ о его силѣ и составляемъ отношеніе этой силы къ вѣсу самого насѣкомаго. Положимъ, у насъ было на горизонтальной пластинкѣ 5 золотниковъ, вѣсъ самой подставки два золотника, слѣдовательно, всего насѣкомое могло откатить 7 зол., и принимая здѣсь во вниманіе треніе, которое, во-первыхъ, должно быть по возможности уменьшено, а во-вторыхъ, его можно и не принимать въ разсчетъ, такъ какъ оно пропорціонально вѣсу поставки съ грузомъ, и значитъ не много вліяетъ на самое отношеніе. Если вѣсъ самого насѣкомаго былъ равенъ $0,5_3$, то отношеніе силы давленія къ вѣсу будетъ равно $^7/_{05}=2$. Этотъ приборъ, хотя имѣетъ нѣкоторые недостатки, но все таки позволяетъ сравнительно точно измѣрять силы; къ столику еще можно придѣлывать пластинку съ дѣленіями; чтобы можно было судить и о силѣ отката. Тому, кто не пожелаетъ заняться этимъ сравнительнымъ измѣреніемъ, а просто составить себѣ понятіе о силѣ насѣкомыхъ, мы посовѣтуемъ болѣе простую манипуляцію: стоитъ взять простую трубочку, открытую съ одной стороны и могущую закрываться картоннымъ кругомъ съ другой. Въ трубку пускаютъ насѣкомое и легкимъ подогрѣваніемъ или какою нибудь другою побудительною причиною, заставляютъ его произвести давленіе на картонный кругъ; перемѣняя круги различной величины и толщины, мы можемъ составить относительное понятіе о силѣ впущеннаго насѣкомаго.

При помощи перваго прибора, который есть ничто иное какъ усовершенствованный второй, я произвелъ со всевозможною тщательностью множество измѣреній и вывелъ отношенія изъ которыхъ, какъ примѣръ, приведу нѣсколько:

	Соотношенія.
Майскій жукъ (Melontha vulyaris)	14,20
Жужжемиза садовая (Carabus hortensis)	18,25
Навозный жукъ (Geotrupes stercorarius)	16,30
Калоѣдъ (Onthophagus vulgaris)	79,3
Зеленый кузнечекъ (Zocusta viridissima)	8,02
Плавунецъ окаймленный (Dytiscus marginalis)	6,25
Жукъ-великанъ (Procerus magnus)	4,75
Щелкунъ-хлѣбный (Elater agriotes)	72,17
Рогачъ-олень (Zucanus Cervus)	3,44
Дровосѣкъ сѣрый (Zamia aedilis)	9,30

Разсматривая эти соотношенія, я думаю, можно замѣтить съ перваго взгляда, что существуетъ удивительная законность: чѣмъ менѣе насѣкомое по величинѣ и вѣсу, тѣмъ болѣе его абсолютная сила или ея отношеніе къ вѣсу. Такъ рогачъ-олень, одинъ изъ огромнѣйшихъ жуковъ южной Россіи, достигающій отъ 2,5 до 3 дюймовъ, имѣетъ всего для отношенія 3,44, тогда какъ крошечный калоѣдъ всего въ нѣсколько линій имѣетъ громадное число 79,3. При этомъ надо замѣтить, что для очень маленькихъ насѣкомыхъ нельзя брать подставку съ колесами, такъ какъ они будутъ не въ состояніи сдвинуть ее; а просто двѣ слюденыя пластинки, сложенныя подъ прямымъ угломъ и для уменьшенія тренія, могущія быть поставлены на стеклянную или слюденую пластинку. Подобныя же соотношенія существуютъ и между силою сопротивленія и силою вѣса, такъ какъ сопротивленіе можно разсматривать, какъ обратное давленіе. Измѣрить силу носки, т. е. силу, съ которою насѣкомое можетъ тащить предметы, гораздо проще, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Здѣсь, впрочемъ, надо различать: влеченіе предмета по плоскости, причемъ, очевидно, вліяетъ болѣе или менѣе треніе, несеніе на себѣ и несеніе по воздуху во время полета безъ вліянія тренія. Не смотря на отсутствіе послѣдняго, въ обоихъ случаяхъ несенія—сила, съ которою насѣкомое можетъ пронести на себѣ грузъ, всегда гораздо менѣе силы, съ которою оно можетъ его влечь. Для измѣренія силы влеченія привязываютъ небольшіе грузы извѣстнаго вѣса къ ниткѣ и, посредствомъ петли или клея, прикрѣпляютъ эту послѣднюю къ лапкѣ насѣкомаго или въ видѣ ярма на грудь. Замѣтивъ наибольшую величину груза и, взвѣсивъ насѣкомое, мы можемъ найти требуемое соотношеніе. Приведу еще нѣсколько приблизительно точныхъ цифръ изъ множества наблюденій, чтобы дать понятіе о той силѣ, съ какою данное насѣкомое можетъ влечь предметы. (Замѣтимъ еще, что для уменьшенія тренія наблюденія производились на стеклянной пластинкѣ со шлифованными грузами):

Майскій жукъ (Melontha vulgaris)	14,10
Жужжемиза садовая (Carabus hortensis)	19,50
Навозный жукъ (Geotrupes stercor.)	17,25
Калоѣдъ обыкн. (Onthophagus v.)	78,35
Дровосѣкъ сѣр. (Zamia aedilis)	10,40
Зеленый кузнеч. (Zocusta viridissima)	8,10
Водолюбъ больш. (Hisdrophilus magnus)	6,03
Щелкунъ хлѣбный (Elater agriotes)	72,70
Жукъ-великанъ (Procerus magnus)	5,31
Рогачъ-олень (Zucanus Cervus)	3,04

Отношенія этой таблички очень сходны съ отношеніями предъидущей, чего на самомъ дѣлѣ и слѣдовало ожидать, такъ какъ животное съ какою силою отталкиваетъ и давитъ на предметъ, съ такою же почти притягиваетъ и влечетъ этотъ послѣдній. Впрочемъ, здѣсь замѣчается много колебаній, зависящихъ, вѣроятно, отъ какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ и ощущеній съ моей стороны. Во всякомъ случаѣ, и здѣсь повторяется та же законность: чѣмъ менѣе насѣкомое, тѣмъ сравнительная его сила больше. Разсмотримъ еще силу носки, летающихъ насѣкомыхъ на полетѣ, сравнивая также какъ и

раньше съ вѣсомъ самыхъ насѣкомыхъ. Измѣренія эти сдѣлать не трудно также какъ и предъидущія; стоитъ только наклеивать грузы, предварительно свѣшанные, на спинку насѣкомыхъ или привѣшивать ихъ въ видѣ баласта на серединной части тѣла. Наибольшій грузъ, къ какимъ только данное насѣкомое можетъ подняться и свободно летѣть, хотя не долго, и послужитъ для вывода отношенія. Непосредственныя наблюденія показали, что среднее изъ этихъ отношеній чрезвычайно близко къ единицѣ и сами они колеблятся въ предѣлахъ отъ 0,5 до 1,7. Насѣкомыя, слѣдовательно, имѣютъ лишь столько силы, сколько необходимо для того, чтобы поддерживать свое тѣло на воздухѣ и предолѣвать его сопротивленіе, а избытокъ же сверхъ этой необходимой силы употребляется ими на покрытіе усталости во время полета, которая у многихъ насѣкомыхъ должна быть чрезвычайно велика, ибо они летаютъ долго и неутомимо, хотя, впрочемъ, въ этомъ отношеніи не превосходятъ лучшихъ летуновъ изъ птицъ. Нѣсколько числовыхъ данныхъ подтвердятъ мое заключеніе.

Стрекоза плоская (Libellula depressa)....	1,10
Муравьиный левъ (Myrmelbon formicarius).	1,28
Коромысло (Aeschna vulgaris)..........	1,09
Пчела обыкнов. (Apis mellifica).........	0,78
Оса обыкнов. (Vespa vulgaris)..........	0,70
Муха обыкнов. (Musca domestica).......	1,70
Оводъ овечій (Cenhalaomuia ovis).......	1,53
Махаонъ (Papilio machaon)............	0,60
Траурница (Vanessa antriopa)..........	0,55
Капустница (Pontia brassica)..........	0,50
Сфинксъ тополевой (Splynx papuli)......	0,54
Шелкопрядъ истребитель (Bombyx processionea)............................	0,55

Изъ этой таблички мы можемъ замѣтить, что двукрылыя обладаютъ наиболѣе сильнымъ полетомъ, а чешуекрылыя или бабочки, наименѣе сильнымъ и что уклоненія въ отношеніяхъ свыше единицы замѣчается у первыхъ, а ниже единицы у послѣднихъ, не смотря на то, поверхность крыльевъ чешуекрылыхъ гораздо болѣе поверхности двукрылыхъ. Замѣтимъ еще, что въ приведенныхъ таблицахъ я бралъ норму отношеній, т. е. отношеніе силы насѣкомыхъ нормальнаго роста къ нормальному же вѣсу, тогда какъ, если принимать въ разсчетъ минимумъ и максимумъ, то колебанія будутъ еще значительнѣе. Во всякомъ, случаѣ я смѣю надѣяться, что приведенныя мною доказательства и таблицы, говорящія прямо за огромность силы насѣкомыхъ, убѣдятъ многихъ, что этихъ, съ виду ничтожныхъ, существъ не слѣдуетъ считать за столь безсильныхъ, что нельзя и сравнивать ихъ силу съ силою высшихъ животныхъ. Напротивъ, всѣ таблицы соотношеній ясно показываютъ, что наоборотъ силу высшихъ животныхъ можно считать ничтожною въ сравненіи съ силою насѣкомыхъ, въ чемъ насъ убѣждаютъ и такія явленія, на которыя мы привыкли не обращать вниманія, какъ, напр., скачекъ блохи и труды муравья. Если же принять еще въ разсчетъ большую жизненную энергію въ сокращаемости мускуловъ насѣкомыхъ, то мы можемъ смѣло сказать, что природа одарила этихъ, ничтожныхъ съ виду, существъ огромною силою, необходимою имъ въ борьбѣ за существованіе съ многочисленными врагами, которые окружаютъ ихъ.

Брюсовъ календарь.

(Замѣтка **П. В. Га—на.**)

Статья I.

Изданный Т. Росинскимъ и напечатанный въ 1875 году въ Харьковѣ, вѣроятно, многимъ извѣстный Брюсовъ календарь, какъ предсказатель погоды, въ настоящее время можетъ обратить на себя большее вниманіе, въ виду предсказанія уже не въ области метеорологіи, а въ современныхъ политическихъ событій. Въ политическомъ отдѣлѣ календаря, въ числѣ предсказаній на 1878 годъ, бывшій генералъ-фельдмаршалъ Брюсъ, говоритъ слѣдующее. «Великій государь возведетъ на престолъ своего сына». Затѣмъ предсказываетъ: мирный договоръ, заключеніе союза, и великое землетрясеніе. Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее, время германскій императоръ и прусскій король, Вильгельмъ, передалъ своему сыну, наслѣдному принцу, управленіе дѣлами государства до своего выздоровленія. Настоящій конгрессъ въ Берлинѣ вѣроятно, поведетъ, къ заключенію договора; что же касается до заключенія союза, и до великаго землетрясенія, то для исполненія этихъ предсказаній остается еще болѣе полугода времени. Въ виду относительной дороговизны Брюсова календаря (4 руб.), и въ особенности того обстоятельства, что, по желанію издателя, календарь печатался безъ всякихъ отступленій отъ оригинала, такъ что слогъ и правописаніе въ точности перешли въ изданіе, и дѣлаютъ, чтеніе календаря не только не яснымъ, но для незнакомыхъ съ славянскимъ языкомъ, даже непонятнымъ, находимъ умѣстнымъ познакомить читателей съ его содержаніемъ въ нѣсколькихъ статьяхъ. Теперь же сообщаемъ оглавленіе двадцати отдѣловъ, входящихъ въ Брюсовъ календарь: 1) сотвореніе свѣта (таблица), 2) исчисленія лѣтъ праотцевъ (таблица), 3) святцы, 4) вліяніе 12 небесныхъ созвѣздій на жизнь людей, съ подробнымъ описаніемъ характера, способностей, наклонностей и продолжительности жизни, 5) подробная таблица семи вселенскихъ соборовъ, 6) о передвижныхъ праздникахъ, 7) графическое изображеніе четырехъ міровъ, составляющихъ, вселенную, по мнѣнію древнихъ, 8) фазисы луны, 9) таблица луннаго круга для ежедневнаго опредѣленія лунныхъ фазисовъ, 10) опредѣленіе долготы и широты неподвижныхъ звѣздъ, 11) вліяніе планетъ на измѣненіе воздуха и перемѣны погоды, 12) астрологическая таблица, съ указаніями въ какіе дни полезнѣе начинать дѣла съ увѣренностью въ ихъ успѣхѣ, 13) совѣты для сельскихъ хозяевъ, или указанія времени для посѣва, жатвы и уборки различныхъ хлѣбныхъ растеній, и вообще указанія, до земледѣлія относящіяся, 14) таблица 270 городовъ съ показаніемъ разстоянія отъ Москвы, 15) почтовые тракты отъ Москвы до Петербурга, Нарвы, Риги, Ревеля, и Москвы до Китая и другихъ замѣчательныхъ городовъ Европы, съ показаніемъ числа соборовъ, церквей и монастырей (существовавшихъ 150 лѣтъ тому въ Россіи), 16) таблица замѣчательныхъ городовъ земнаго шара съ опредѣленіемъ ихъ географической долготы и широты, 17) географическая карта Московской губерніи, 18) географическая карта Петербургской губерніи, 19) гербъ Россійской имперіи съ 28 гербами губерній, ее составляющихъ въ числѣ которыхъ находится также и гербъ Болгарской губерніи, и 20) общее обозрѣніе предсказаній, раздѣляющихся на общія, и частныя. Въ общихъ предсказаніяхъ говорится о состояніи погоды весною, лѣтомъ, осенью и зимой въ теченіи настоящаго и будущаго столѣтія.

Въ частныхъ предсказаніяхъ заключаются ежегодныя политическія событія. Кромѣ того, въ этомъ же отдѣлѣ календаря помѣщены: признаки, какъ узнавать, по погодѣ, урожай или неурожай хлѣба и разныхъ плодовъ, описаніе характера людей, родившихся подъ однимъ изъ 12 созвѣздій и признаки хорошей и дурной погоды. Календарь, въ заключеніе указываетъ время солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, съ 1805 по 1996 годъ.

Издатель Брюсова календаря помѣстилъ въ началѣ и его біографію графа Брюса. Потомокъ древнихъ шотландскихъ королей, Брюсъ родился въ Москвѣ, въ 1670 г. Поступивъ на службу въ 1688 г., во время Азовскихъ походовъ, состоялъ въ званіи инженера, и за храбрость произведенъ былъ въ полковники. Въ 1698 году сопутствовалъ Петру I въ Голландію и въ Англію. Въ 1701 г. былъ назначенъ губернаторомъ въ Новгородѣ, гдѣ завѣдовалъ и артиллеріею, которою и начальствовалъ при взятіи у шведовъ Нарвы и Иванъ-Города. Въ битвѣ при Лѣсномъ, командовалъ лѣвымъ крыломъ арміи. За отличіе въ сраженіи подъ Полтавой, получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Въ 1711 году, Брюсъ былъ назначенъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, а въ 1718 году онъ находился полномочнымъ министромъ на конгрессахъ: Аландскомъ и Ништатскомъ. При праздновaніи Ништатскаго мира, которымъ Россія была обязана ему и Остерману, Брюсъ возведенъ былъ въ графское достоинство.

Вообще, по распространенію просвѣщенія въ Россіи, Брюсъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ помощниковъ Петра Великаго. Въ царствованіе императрицы Екатерины I, Брюсъ при увольненіи отъ службы, былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы, и, удалившись отъ дѣлъ, послѣднія десять лѣтъ своей жизни посвятилъ наукамъ. Графъ Брюсъ скончался, 19-го апрѣля 1735 года, шестидесяти пяти лѣтъ

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Новое гигіеническое общество.

Ст. В. Ж-а.

Прошло болѣе полугода со времени утвержденія устава Русскаго Общества Охраненія народнаго здравія, прежде чѣмъ удалось собрать значительную часть его членовъ. Составленное при возникновеніи своемъ, главнымъ образомъ, изъ врачей, большинство которыхъ по случаю войны, оставило Петербургъ, первое гигіеническое Общество въ Россіи, за недостаткомъ рабочихъ силъ, не могло начать своей дѣятельности раньше конца января текущаго года: первое общее собраніе было 29 января, а съ конца февраля (27-го) начинаются уже работы въ отдѣленіяхъ. Задачи Общества обнимаютъ все, что касается вопросовъ общественной и частной гигіены. Уставъ даетъ ему очень широкій районъ дѣятельности. Понятно, что, задавшись такими обширными цѣлями, Общество должно было разбиться на отдѣльныя части для большаго удобства при разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ. Такихъ отдѣленій или секцій установлено пять: I отдѣленіе—біологическое, задача котораго строго научная разработка извѣстныхъ методовъ изслѣдованія и рѣшеніе спорныхъ вопросовъ. Она контролируетъ окончательныя работы другихъ отдѣленій и потому состоитъ, главнымъ образомъ, изъ профессоровъ ученыхъ. II отдѣленіе статистики и эпидеміологіи, его задача изученіе санитарнаго состоянія данной мѣстности, изысканіе причинъ болѣзней путемъ статистики. III отдѣленіе по оздоровленію населенныхъ мѣстъ, общественныхъ, частныхъ зданій и промышленныхъ заведеній, т. е. практическое примѣненіе добытыхъ данныхъ для улучшенія санитарнаго состоянія городовъ, селъ, для предупрежденія развитія заразы и пр. IV отд. по гигіенѣ воспитанія. и образованія — изученіе гигіенической обстановки подростающаго поколѣнія, отъ пеленокъ до возмужалости. По обширности своего матеріяла, отдѣлъ этотъ занимаетъ 1-е мѣсто, по громадности своего значенія, онъ одинаково важенъ, какъ для государства, такъ и для каждаго

члена общества, знакомя насъ съ недостатками нашей системы воспитанія общественнаго и частнаго, указывая средства, какъ въ данномъ лучше помочь горю, его работы, если, конечно, онѣ цѣлесообразны, должны быть одинаково дороги каждому человѣку, какова бы ни была его професія, къ какому полу или классу онъ ни принадлежалъ бы. V отд. по гигіенѣ предметовъ потребленія, т. е. изслѣдованіе пищевыхъ и другихъ, употребляемыхъ нами, продуктовъ, издѣлій, могущихъ хорошо или зловредно дѣйствовать на нашъ организмъ.

Такъ какъ дѣятельность каждого Общества не мало зависитъ отъ лицъ, руководящихъ его работами, то, я полагаю, будетъ не лишнее указать, на кого именно палъ выборъ. Предсѣдателемъ Общества избранъ Н. Ф. Здекауеръ, его товарищъ Н. Н. Обручевъ, секретарь Ю. Ю. Гюбнеръ. Далѣе предсѣд. I отд., акад. Овсянниковъ, его тов. проф. Бородинъ (химикъ); II—пред. Огородниковъ, тов. д-ръ Шперкъ; III—пред. проф. Добрасловинъ, тов. проф. Ильинъ; IV — пред. проф. Андреевскій, тов. д-ръ Шмелевъ и V—пред. проф. Бельштейнъ и тов. проф. Сущинскій.

Не слѣдуетъ однако думать, что, собирая специалистовъ по всевозможнѣйшимъ отраслямъ знаній, Общество здравія представляетъ въ то же время тѣсный кружекъ ученыхъ, въ которомъ нѣтъ мѣста намъ, простымъ смертнымъ. Напротивъ, главная цѣль его не только разработывать вопросы гигіены, но и знакомить съ своими работами образованную публику, для чего, разумѣется, въ ближайшемъ будущемъ откроются и общедоступныя чтенія, предостерегать общество отъ зловредныхъ поддѣлокъ, рекомендовать дѣйствительно полезныя вещи, научить, какъ надо избѣгать зловредныхъ вліяній окружающей среды, защищаться отъ развитія или распространенія болѣзней и т. д. По этому всѣ собранія отдѣленій всегда открыты для публики и каждый посѣтитель, не будучи членомъ, имѣетъ право высказывать свое мнѣніе, дѣлать заявленія и даже доклады, разъ дѣло касается ему близко знакомаго предмета. Всѣ преимущества «членовъ», заключаются лишь въ «правѣ рѣшающаго голоса». Разъ извѣстный вопросъ будетъ обсужденъ всесторонне и секція прійдетъ къ извѣстнымъ выводамъ, тогда совѣтъ и общее собраніе поможетъ ей провести его куда слѣдуетъ. Понятно, что главная дѣятельность обществъ, въ началѣ будетъ только разробатывающая и совѣщательная и отъ сочувствія образованной публики будутъ зависѣть его дальнѣйшіе успѣхи. Дѣятельность Общества здравія интересуетъ уже и заграничную прессу, которая зорко слѣдитъ за всѣмъ, что у насъ происходитъ.

Надо сказать, что Общество даже на членовъ не возлагаетъ никакихъ обязательныхъ работъ: «каждый членъ можетъ отказаться отъ возложеннаго на него порученія, не объясняя никому причинъ своего отказа», т. е. Общество слишкомъ ясно понимаетъ, что только добровольно избранный трудъ исполняется добросовѣстно. Для того, чтобы быть членомъ требуется только одно— интересоваться вопросами гигіены». Если дѣйствительно, для многихъ небогатыхъ людей и можетъ показаться тяжелымъ единовременный взносъ въ 15 р. (за первый годъ, за остальные по 10 р.), то кто же мѣшаетъ имъ быть постоянными гостями ихъ интересующихъ отдѣленій, посѣщая

Декамеронъ. Сказка VII.

ихъ безплатно (для чего не требуется даже билета) и въ то же время внося и свою лепту въ общую сокровищницу труда, или просто знако-

Декамеронъ. Сказка VII.

миться съ вещами, которыя должны быть близки каждому образованному человѣку. Такимъ образомъ, практика дѣятельности Общества устра-

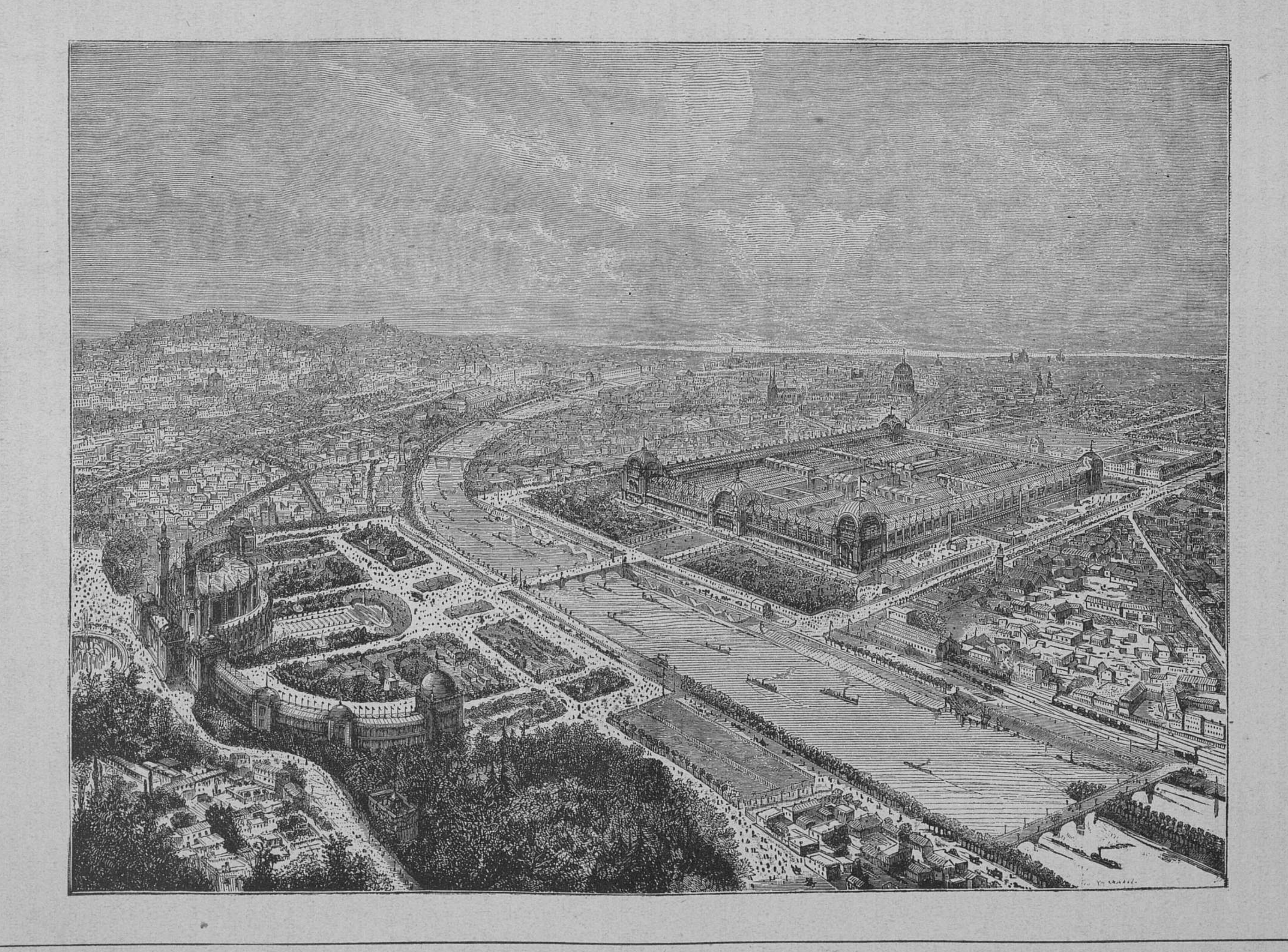
Декамеронъ. Сказка VII.

нила и тѣ затрудненія, которыя проектировали журналисты при разборѣ устава Общества, рѣзко напавшие на высокій членскій взносъ. Да и кромѣ этого каждый человѣкъ, сколько-нибудь добросовѣстно относящійся къ своимъ обязанностямъ, поинтересуется прежде посмотрѣть и узнать, что дѣлается въ отдѣленіяхъ, чѣмъ сразу заявлять желаніе поступить въ члены изъ-за чести и принося Обществу только свой взносъ. Какъ ни важны средства въ каждомъ дѣлѣ, но, безспорно, больше значитъ сочувствіе, интересъ и желаніе такъ или иначе пропагандировать основы разумной жизни въ семьѣ, среди знакомыхъ, самому примѣнять ихъ на дѣлѣ, чѣмъ только считаться членомъ, какъ это у насъ слишкомъ часто бываетъ. Наконецъ, каждый образованный человѣкъ можетъ быть, такъ сказать, гласнымъ или негласнымъ членомъ корреспондентомъ Общества, посылая свои заявленія, на имя предсѣдателя Общества или предсѣдателей отдѣленій, которые всегда съ благодарностью принимаютъ ихъ, просить совѣта у Общества, представлять свои труды и пр.

Возникнувъ, сначала въ Петербургѣ, центрѣ нашей административной и интеллектуальной дѣятельности, Общество охраненія здравія надѣется въ будущемъ распространиться по всей Россіи по средствомъ своихъ иногородныхъ отдѣловъ. Для образованія Отдѣла Общества въ какомъ нибудь городѣ достаточно, чтобы собралось 10 членовъ (minimum), желающихъ открыть его. A priori можно было думать, что наши университетскіе города первые покажутъ примѣръ въ этомъ отношеніи, но въ дѣйствительности, ихъ опередилъ «пригородъ» Петербурга — «Пороховые заводы», уже заявившіе Общему Собранію о желаніи открыть у себя первый отдѣлъ. Членомъ общества, какъ извѣстно, можетъ быть всякій, безъ различія пола и рода занятій, лишь бы онъ интересовался вопросами гигіены. Такимъ образомъ, на долю женщинъ выпадаетъ обязанность соревноваться съ мужчинами въ своихъ трудахъ на общей аренѣ дѣятельности, а энергіи и жажды труда имъ не занимать стать, надо только знать, куда ихъ направить. Сколько матерей, учительницъ, воспитательницъ въ различныхъ школахъ, пріютахъ, начальницъ различныхъ учрежденій, могутъ получить отъ Общества добрый совѣтъ, узнаютъ средства, какъ улучшить свое дѣло!

Въ настоящее время, Русское Общ. Охран. народнаго здравія имѣетъ 220 членовъ, не причислая сюда лицъ, пожелавшихъ открыть у себя мѣстный пороховой (отдѣлъ, около 12 человѣкъ). Въ числѣ членовъ находятся: 17 женщинъ, 3 министра, 1 товарищъ министра, 1 членъ государственнаго совѣта, 1 сенаторъ, 5 академиковъ, 26 профессоровъ, 1 доцентъ, 75 врачей, 12 военныхъ, 4 гласныхъ думы, 3 редактора не медиц. журналовъ, 3 технолога, 3 натуралиста, 2 химика, 2 фармацевта, 2 директора заводовъ, 2 земскихъ дѣятеля, 1 предводитель дворянства, 1 судья, 2 юриста, 2 горныхъ инженера, и 1 фабрикантъ, 8 инженеровъ, 2 педагога, у остальныхъ 37 не обозначено професіи.

Всѣ собранія Общества и его отдѣленій происходятъ въ помѣщеніи Общества, въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, у Александринскаго театра, т. е. въ центрѣ города, куда можетъ быть адресовано все, относящееся до Общества. Занятія длятся въ теченіи учебнаго года и каж-



Видъ выставки съ птичьяго полета.

дое изъ отдѣленій выбрало особые дни: понедѣльникъ — V, вторникъ — I, среда — II, четвергъ — IV и пятница — III. О дняхъ засѣданій, бывающихъ раза по 2 въ мѣсяцъ на каждое отдѣленіе, публикуется въ 6-ти важнѣйшихъ газетахъ. Журналомъ Общества принято «Здоровье», а краткія сообщенія печатаются въ отдѣлѣ хроники въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Голосѣ» и «Новомъ Времени».

Декамеронъ.

Сказки Джіовани Боккачіо.

(Переводъ Н. И. Шульгина.)

(*Продолженіе.*)

День второй.

Сказка VII.

Похожденія красавицы Алатіель.

(Разсказанная Панфило.)

Нѣкогда въ Вавилонѣ властвовалъ суданъ по имени Беминедабъ. Почти всѣ его предпріятія сопровождались удачей, всѣ желанія его исполнялись. У него было много дѣтей; одна изъ его дочерей Алатіель, была до того хороша собой, что своей красотой превосходила всѣхъ современныхъ ей женщинъ. Слыша непрестанныя похвалы ея поразительной красотѣ, гарбскій король влюбился въ нее заочно и предложилъ судану отдать ее за него замужъ. Беминедабъ, за недолгое время передъ тѣмъ отразившій нашествіе аравитянъ, только благодаря помощи, поданной ему во время гарбскимъ королемъ, чувствуя себя поэтому обязаннымъ ему, обрадовался, что въ согласіи на его предложеніе имѣетъ отличный поводъ выразить ему свою признательность. Снарядивъ военный корабль и одаривъ дочь богатымъ гардеробомъ, суданъ, поручивъ ее покровительству судьбы, отправилъ ее къ гарбскому королю въ сопровожденіи большой свиты, состоящей изъ мужчинъ и женщинъ. Погода стояла прекрасная, вѣтеръ былъ попутный, когда корабль вышелъ изъ александрійскаго порта. Нѣсколько дней не перемѣнялись ни погода, ни вѣтеръ, но какъ только корабль сталъ подходить къ берегамъ Сардиніи, поднялась жестокая буря. Корабль кидало съ волны на волну, какъ орѣховую скорлупу, и Алатіель и ея свита считали уже себя погибшими. Однакожь, благодаря ловкости и знанію своего дѣла матросовъ, корабль смогъ двое сутокъ противостоять ударамъ бури; на третьи сутки буря еще болѣе усилилась и ночью при наступившемъ густомъ мракѣ, опытные и мужественные моряки сложили руки, не зная, что дѣлать далѣе. Корабль, предоставленный на волю вѣтровъ, несся съ быстротою къ острову Мажоликѣ*), какъ вдругъ замѣтили, что онъ далъ течь. Убѣдившись въ этомъ несчастіи, и пассажиры, и матросы потеряли голову; каждый сталъ думать только о собственномъ спасеніи. Спустили шлюпку на море и первыми въ нее вошли экипажъ судна; пассажиры, мужчины, бросились за ними и не смотря на то, что офицеры и матросы угрожали имъ мечами, все-таки ворвались на шлюпку, но не нашли тамъ своего спасенія: переполненная живымъ грузомъ шлюпка пошла ко дну, и находившіеся на ней люди были поглощены волнами.

На кораблѣ остались только Алатіель и женщины ея свиты, о которыхъ забыли мужчины, занятые собственнымъ спасеніемъ. Подавленныя ужасомъ, почти потерявъ сознаніе, онѣ съ отчаяніемъ ждали ежеминутно, что море поглотитъ ихъ, но, къ ихъ благополучію, корабль, хотя оказавшій сильную течь, сильнымъ напоромъ вѣтра выбросило на песчаную отмель въ очень недалекомъ разстояніи отъ берега острова Мажолики. Корабль былъ брошенъ съ такой страшной силой, что онъ, точно стрѣла, глубоко врѣзался въ песокъ.

Съ первыми лучами зари вѣтеръ стихъ и море успокоилось. Когда солнце показалось на горизонтѣ, Алатіель пришла въ себя изъ безсознательнаго состоянія, въ которое погрузилъ ее ужасъ ея положенія. Не зная, гдѣ она находится, чувствуя, что всѣ члены ея разбиты, сомнѣваясь даже, во снѣ-ли она находится или окончательно проснулась, она открыла глаза, подняла голову и, не смотря на страшную слабость, ее одолѣвавшую, она стала звать то одного, то другого, то третьяго изъ своихъ людей. Но, увы! тѣ, кого она звала, уже не существовали болѣе. Удивленная, что никого не видитъ и не слышитъ, она почувствовала новый приливъ ужаса, однакожь, съумѣла побороть его; припомнивъ, что случилось и увидя, что она находится на кораблѣ, она собрала всѣ свои силы и поднялась. Какое зрѣлище предстало ея глазамъ! Она увидѣла своихъ женщинъ, распростертыхъ въ различныхъ мѣстахъ на палубѣ. Тщетно звала она каждую изъ нихъ по нѣсколько разъ, онѣ не отвѣчали на ея призывъ. Одну за другой, Алатіель привела ихъ въ чувство, но онѣ долго продолжали находиться въ столбнякѣ: ужасъ положенія и морская болѣзнь отняли у нихъ не только память, но и всякое ощущеніе. Наконецъ, болѣе крѣпкія изъ нихъ стали приходить въ себя и встали. Увидѣвъ, что корабль врѣзался въ песокъ и полонъ воды, онѣ вмѣстѣ съ принцессой стали плакать и стонать. «Откуда можетъ явиться къ намъ помощь! говорили онѣ; — если бы съ нами были мужчины, можетъ быть, они нашли бы средство спасенія; а теперь, что мы станемъ дѣлать однѣ, намъ остается только погибнуть».

Наступилъ уже полдень, а несчастныя женщины, лихорадочно смотрѣвшія во всѣ стороны, не примѣтили ни людей на берегу острова Мажолики, ни корабля на морѣ. Наконецъ, въ самый полдень, къ ихъ благополучію, по берегу острова проѣзжалъ одинъ дворянинъ, по имени Периконъ-да-Визальго, возвращавшійся изъ своего загороднаго дома въ сопровожденіи большой свиты своихъ слугъ, верхомъ, также какъ и онъ самъ. Увидя корабль на мели, онъ понялъ, что это слѣдствіе недавно окончившейся бури. Онъ послалъ одного изъ своихъ слугъ посмотрѣть, пустъ-ли корабль или, можетъ быть, на немъ находятся люди, которымъ можно еще помочь. Посланный съ трудомъ достигъ поближе къ кораблю и увидѣлъ, что на носу его лежатъ, столпившись въ тѣсную кучу, нѣсколько женщинъ. Увидя незнакомца, несчастныя залились слезами и стали умолять о помощи; не понимая словъ, обращаемыхъ къ нимъ незнакомцемъ, онѣ замѣтили, что и онъ столько же свѣдущъ въ ихъ языкѣ, сколько онѣ въ его, и потому замѣнили слова жестами, въ которыхъ было столько краснорѣчія, что ихъ не могъ не понять посланный Вильзаго.

Возвратясь, посланный доложилъ своему господину обо всемъ, что онъ видѣлъ. Периконъ, снарядивъ лодку, забралъ въ нее съ корабля женщинъ, и все, что можно было еще спасти изъ ихъ имущества, и перевезъ ихъ въ свой загородный домъ. Вниманіемъ, заботами и деликатнымъ обращеніемъ онъ старался утѣшить ихъ въ ихъ горькой участи. По богатой одеждѣ Алатіели и по почтительному обращенію съ нею всѣхъ другихъ женщинъ, онъ понялъ, что она должна принадлежать къ знатному роду. Хотя она была очень блѣдна и печальна, хотя страхъ и усталость оставили свои слѣды на ея лицѣ, Периконъ не могъ не признать, что онъ далъ убѣжище въ своемъ домѣ замѣчательной красавицѣ. Онъ до такой степени влюбился въ нее, что рѣшился на ней жениться, если она не замужемъ и не захочетъ иначе раздѣлить его любовь. Этотъ молодой дворянинъ самъ былъ очень недуренъ собой, имѣлъ благородную и гордую осанку, только характеръ его былъ нѣсколько строптивъ, но ничто въ мірѣ такъ не смягчаетъ строптивость, какъ любовь, и Периконъ, незамѣтно для самого себя, обратился въ кроткаго человѣка. Предупредительное вниманіе и нѣжная заботливость, которыми онъ окружилъ Алатіель, также произвели чарующее дѣйствіе: на ея щекахъ явились свѣжесть и румянецъ, она поздоровѣла, а затѣмъ вскорѣ изчезли и всѣ другіе слѣды, напоминавшіе о постигшей ее катастрофѣ. Периконъ, съ каждымъ днемъ становившійся все болѣе и болѣе влюбленнымъ, приходилъ въ отчаяніе, что не можетъ излить своихъ чувствъ въ пламенной рѣчи, не можетъ выслушать въ отвѣтъ нѣжнаго признанія красавицы: она не понимала его языка, онъ не понималъ ея. Онъ прибѣгъ къ языку взглядовъ и жестовъ; наконецъ, онъ былъ понятъ, но отъ этого ему не стало легче; Алатіель знаками дала понять ему, что не раздѣляетъ его страсти. Какъ ни старалась красавица смягчить свой отказъ, онъ раздражилъ Перикона. Досада такъ очевидно выразилась на его лицѣ, что Алатіель перепугалась; ей пришло на мысль, что онъ, пожалуй, прибѣгнетъ къ крайности. Судя по нравамъ и обычаямъ страны, она заключила, что находится среди христіанъ и, что поэтому ей едва-ли основательно открыть свое настоящее званіе, она запретила своимъ женщинамъ, которыхъ было три, говорить, что она дочь александрійскаго судана, до тѣхъ поръ, пока онѣ не убѣдятся, что объявленіе ея знатнаго положенія повлечетъ за собою освобожденіе ихъ изъ случайнаго плѣна. Она упрашивала ихъ тщательно охранять свою честь и объявила имъ, что сама твердо рѣшилась оставаться непоколебимо вѣрной своему супругу, гарбскому королю. Женщины восхвалили ея добродѣтель и дали обѣщаніе слѣдовать ея приказанію и совѣту до тѣхъ поръ, пока это будетъ въ ихъ власти.

Пожираемый любовью, Периконъ изыскивалъ въ умѣ своемъ средство достигнуть успѣха у красавицы; онъ страдалъ въ особенности потому, что предметъ его страсти находился постоянно подлѣ него. Предупредительное вниманіе и мольбы не послужили ни къ чему; на насиліе, столь обыкновенное въ то время при обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находился, — онъ не рѣшался; ему оставалось прибѣгнуть къ хитрости; ее онъ и выбралъ. Алатіель, прежде никогда не пившая вина, потому что употреблять его запрещала ей религія, попробовавъ этотъ напитокъ, нашла его очень пріятнымъ и даже почувствовала къ нему склонность. Это не укрылось отъ Перикона и подало ему надежду. «Вино будетъ моимъ союзникомъ и дастъ мнѣ побѣду», подумалъ молодой человѣкъ и ждалъ только удобнаго случая обратиться къ содѣйствію этого союзника. А чтобы отвратить всякое подозрѣніе, которое могло зародиться, въ умѣ Алатіели, Периконъ сталъ явно показывать ей свое равнодушіе. Такимъ образомъ, прошло нѣсколько дней. Случился мѣстный праздникъ; Периконъ созвалъ къ себѣ друзей и заказалъ великолѣпный ужинъ. Онъ просилъ красавицу принять участіе въ пирѣ и она согласилась. Призвавъ буфетчика, онъ поручилъ ему налить въ графинъ смѣсь разныхъ винъ и наливать въ стаканъ Алатіели только изъ этого графина. Буфетчикъ точно выполнилъ полученное приказаніе. Алатіель, ничего не подозрѣвавшая, нашла предлагаемый ей напитокъ превосходнымъ, онъ такъ понравился ей, что она выпила болѣе, чѣмъ обыкновенно. Она позабыла свои горести и стала весела; а когда гости Перикона стали танцовать мѣстный танецъ, она захотѣла показать, какъ танцуютъ въ Александріи и пустилась въ плясъ. Видя, что его средство начинаетъ дѣйствовать, Периконъ приказалъ подать красавицѣ еще вина; она выпила съ удо-

*) Островъ Майорка. *Прим. пер.*

вольствіемъ. Пиръ продолжался до средины ночи и еще нѣсколько разъ Алатіели подносили и она пила и пила.

Этотъ пиръ рѣшилъ судьбу Алатіели. Периконъ такъ полюбился Алатіели, что она почти не отходила отъ него. Она все еще не могла говорить съ нимъ, не выучившись его языку, но влюбленные всегда съ удобствомъ замѣняютъ слова глазами.

Счастіе молодыхъ людей возбудило зависть въ фортунѣ и она прервала его самымъ жестокимъ образомъ. У Перикона былъ двадцатипяти-лѣтній братъ, красавецъ собой, по имени Марато, живущій въ портовомъ городѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ загороднаго дома Перикона. Марато увидѣлъ прекрасную Алатіель и влюбился въ нее; ему показалось, что и онъ ей не противенъ. Онъ счелъ себя вправѣ разсчитывать на взаимность съ ея стороны; его безпокоила только неусыпная бдительность его брата, зорко слѣдившаго за своей прекрасной возлюбленной. Чтобы избавиться отъ этой помѣхи, Марато составилъ низкій планъ и рѣшился привести его немедленно въ исполненіе. Онъ отыскалъ двухъ молодыхъ купцовъ, генуэзцевъ, корабль которыхъ готовился при первомъ попутномъ вѣтрѣ отплыть въ Чіаренцу въ Румеліи. Онъ сговорился съ ними, что въ слѣдующую ночь они примутъ на свой корабль молодую даму и привезутъ ее къ нему. Устроивъ это, Марато, какъ только наступила ночь, разставивъ подлѣ дома своего брата своихъ друзей и слугъ, а самъ прокрался въ комнату Алатіели. Когда она заснула крѣпкимъ сномъ, Марато отперъ двери и впустилъ своихъ сообщниковъ. Негодяи, не теряя времени, хватили кинжаломъ Перикона и увлекли плачущую Алатіель, угрожая убить ее, если она станетъ сопротивляться или произведетъ шумъ. Вмѣстѣ съ красавицей они захватили все, что было драгоцѣннаго въ комнатѣ и, не разбудивъ никого, снесли Алатіель къ берегу моря. Марато поблагодарилъ ихъ, сѣлъ на корабль съ своей плѣнницей и, пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, отплылъ въ море.

Отчаяніе сарацинки было самое искреннее, тѣмъ болѣе, что оно напомнило ей ея первое несчастіе. Но Марато своей нѣжностью и предупредительностію заставилъ ее позабыть горе. Она вскорѣ утѣшилась; новый возлюбленный изгладилъ у нея всякое воспоминаніе о прежнемъ.

Она снова считала себя счастливой, когда фортуна, избравшая ее игрушкой своихъ капризовъ, подготовила ей новое горе.

Алатіель была не только поразительно красива, но въ ея глазахъ и улыбкѣ было столько очарованія, что она покоряла сердце каждаго мужчины, взглянувшаго на нее. Нечего удивляться послѣ этого, что оба молодые купцы, командовавшіе экипажемъ корабля, безумно влюбились въ нее. Каждый изъ нихъ старался заслужить вниманіе Алатіели, но дѣлали это очень осторожно, опасаясь, чтобы Марато не замѣтилъ ихъ стремленій. Они не замедлили убѣдиться, что оба стремятся къ одной цѣли. «Ну, чтожъ! порѣшили они,—отдѣлаться бы намъ только отъ ревнивца Марато, неспускающаго глазъ съ красавицы, а тамъ...» Безумцы! они полагали, что могутъ также мирно окончить дѣло любви, какъ до сей поры сводили свои разсчеты по торговлѣ! Однажды, когда корабль шелъ на всѣхъ парусахъ и Марато стоялъ у борта, вдыхая свѣжій морской воздухъ, влюбленные купцы тихонько подошли къ нему сзади и, схвативъ за ноги, бросили его въ воду. Это было сдѣлано такъ незамѣтно для всѣхъ находящихся на кораблѣ, что исчезновеніе Марато обратило вниманіе экипажа только чрезъ нѣкоторое время, когда корабль отплылъ уже довольно далеко и уже невозможно было думать о поданіи помощи утопавшему. Сами преступники были первые, которые замѣтили, что Марато нѣтъ на кораблѣ; выразивъ предположеніе, что онъ, вѣроятно, упалъ за бортъ, они пожалѣли о несчастномъ. Узнавъ пагубную новость, Алатіель горько зарыдала; влюбленные купцы стали утѣшать ее самыми нѣжными словами, но, къ несчастію, для нихъ, она не понимала ихъ словъ и продолжала плакать, но, конечно, не объ Марато, а о своей горестной судьбѣ. Хотя ничто не доказывало, что имъ удалось утѣшить свою прекрасную плѣнницу, они, однакожь, рѣшили, что она утѣшена достаточно и вышли отъ нея на палубу, чтобы сговориться насчетъ дальнѣйшей участи доставшейся имъ добычи. Каждому изъ нихъ хотѣлось овладѣть ею. Отъ крупныхъ словъ они перешли къ потасовкѣ, а тамъ схватились и за ножи. Они нанесли другъ другу по нѣсколько ударовъ прежде, чѣмъ сбѣжавшійся экипажъ успѣлъ рознять ихъ. Одинъ изъ нихъ тотчасъ же умеръ, другой же получилъ нѣсколько ранъ, но не смертельныхъ. Алатіель, незнакомая ни съ языкомъ, ни съ обычаями чуждой для нея страны, не имѣющая возможности обратиться къ кому нибудь за покровительствомъ и поддержкой, съ ужасомъ думала, что если умретъ и раненый, ее можетъ постигнуть печальная участь рабыни; по тогдашнимъ обычаямъ родственники купцовъ, которымъ она должна была достаться, въ случаѣ смерти раненнаго, легко могли сдѣлать ее своей служанкой. Улучшеніе состоянія здоровья раненнаго и приходъ корабля въ Чіаренцу избавили ее отъ страху. Хотя раненный былъ все еще слабъ, однакожь, въ его выздоровленіи нельзя было сомнѣваться. Сойдя на берегъ, онъ поселился въ гостинницѣ, гдѣ была отведена комната также и для Алатіели.

Вскорѣ слухъ о поразительной красотѣ сарацинки распространился по всему городу и любопытные стали стекаться въ гостинницу, чтобы посмотрѣть на нее. Въ это время въ Чіаренцѣ находился морейскій принцъ. Узнавъ о красавицѣ и затѣмъ увидавъ ее, онъ нашелъ, что Алатіель даже красивѣе, чѣмъ онъ представлялъ себѣ. Освѣдомившись о послѣднемъ приключеніи съ нею, принцъ рѣшилъ отнять ее во что бы то ни стало у генуэзца.

Родные раненнаго, узнавъ о любви принца къ плѣнницѣ, разсчитали, что лучше отдать ее добровольно, заполучивъ вознагражденіе, чѣмъ подвергнуться опасности нападенія вооруженныхъ людей, которые, разумѣется, не станутъ церемониться съ ними. Предложеніе было принято принцемъ съ радостію, которую раздѣлила и Алатіель, увѣренная, что теперь ей уже болѣе не угрожаютъ ужасы рабства.

Хотя принцъ ничего не зналъ о происхожденіи Алатіели, но ея непринужденность, благородная осанка, привычка повелѣвать, отражавшаяся въ выраженіи ея лица,—все это вмѣстѣ взятое говорило, что она принадлежитъ къ знатному роду. Это предположеніе еще болѣе усилило любовь къ ней принца. Нѣжная внимательность принца, выкинула изъ головы красавицы горькія размышленія о протекшихъ несчастіяхъ; она стала весела; ея красота снова приняла прежніе блескъ и очарованіе и вскорѣ во всей Мореѣ заговорили о прелестной подругѣ принца, съ нетерпѣніемъ ожидая ея пріѣзда.

Расхвалили ея красоту герцогу афинскому и онъ пожелалъ увидѣть ее. Молодой, красивый герцогъ приходился родственникомъ и былъ другомъ морейскаго принца. Онъ отправился въ Чіаренцу и посѣтилъ тамъ принца. Онъ былъ принятъ съ почестями, подобающими его сану. Во время своего второго визита, онъ завелъ рѣчь вообще о красотѣ женщинъ, что дало ему поводъ повернуть разговоръ на Алатіель.

— Дѣйствительно-ли она такъ прекрасна, какъ о ней вездѣ говорятъ? спросилъ герцогъ афинскій.

— Гораздо лучше, отвѣчалъ принцъ,—и вы убѣдитесь въ этомъ, когда сами увидите ее.

— Очень радъ буду видѣть ее во всякое время, какое вы сами изберете.

— Если позволите, я представлю вамъ ее сейчасъ.

И принцъ повелъ своего гостя въ комнаты Алатіели. Предупрежденная о посѣщеніи герцога, она принарядилась какъ можно болѣе къ лицу, желая поразить своей красотой знатнаго гостя. Весело и непринужденно привѣтствовала она его; онъ отвѣчалъ ей восторженными похвалами ея красотѣ; но рѣчи ихъ произносились тщетно, потому что они не понимали другъ друга. Разсматривая съ восхищеніемъ Алатіель, герцогъ сомнѣвался, что передъ нимъ сидитъ смертная, онъ не могъ вдоволь насмотрѣться на нее и не чувствовалъ, что ядъ проникъ въ его сердце. Удовлетворенный тѣмъ, что онъ видитъ дивную красавицу, онъ не замѣчалъ, что его постепенно опутываютъ цѣпи. Однакожь, вскорѣ трепетавшее сердце заявило ему, что онъ раненъ, затѣмъ жгучая любовь охватила его.

Едва герцогъ и принцъ вышли изъ комнатъ Алатіели, герцогъ, представляя въ своемъ воображеніи прелести сарацинки, призналъ, что его родственникъ самый счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Далѣе, слушая болѣе голосъ безумной страсти, чѣмъ родства, онъ рѣшилъ, что ему слѣдуетъ овладѣть этимъ драгоцѣннымъ сокровищемъ, несмотря ни на какія препятствія. Истоптавъ ногами всякое чувство справедливости, герцогъ сталъ думать о средствахъ достигнуть цѣли. Онъ не нашелъ лучшаго, какъ обратиться къ содѣйствію лакея принца, котораго звали Чіуріачи. Подкупивъ его, герцогъ приказалъ тайно подготовить все, чтобы можно было уѣхать среди ночи. Негодяй Чіуріачи ввелъ герцога, съ головы до ногъ вооруженнаго и въ сопровожденіи также вооруженнаго человѣка изъ его свиты, въ комнату морейскаго принца, который стоялъ у открытаго окна, выходящаго на море и смотрѣлъ на звѣзды. Человѣкъ, сопровождавшій герцога, бросился на принца и, прокололъ его мечомъ; тѣло несчастнаго быловыброшено черезъ окошко.

Замокъ былъ расположенъ на высокой скалѣ, стоящей на берегу моря; подъ нимъ на склонѣ скалы было нѣсколько зданій, разрушенныхъ напоромъ воды во время одной сильной морской бури. Въ эти-то развалины и попало тѣло несчастнаго принца. Было очень темно и въ моментъ паденія никто не проходилъ мимо, слѣдовательно, никто не могъ помѣшать исполненію дальнѣйшихъ замысловъ герцога. Но оставался еще свидѣтель преступленія. Убійца принца вынулъ веревку, которой запасся не безъ умысла, сдѣлалъ изъ нея петлю и накинулъ ее на шею презрѣнному Чіуріачи, затѣмъ потянулъ веревку и лакей былъ задушенъ, послѣ чего тѣло его также было выброшено черезъ окошко. *).

Совершивъ эти два преступленія герцогъ и его сообщникъ отправились въ комнату Алатіели. Красавица спала сладкимъ сномъ. Смотря на нее съ восторгомъ, герцогъ, котораго нѣсколько тревожило только-что совершенное имъ преступленіе, сталъ думать теперь только о томъ, что это дивное созданіе находится въ его власти. Разбудивъ ее, герцогъ приказалъ своимъ людямъ, которыхъ успѣлъ уже ввести его сообщникъ, унести

*) Убійства и насилія, равно какъ и похищенія женщинъ, были очень обыкновенны въ тѣ темныя времена невѣжества и господства грубой силы. Очевидно, время дѣйствія этой повѣсти, относится къ крестовымъ походамъ, когда крестоносцы, овладѣвъ Греціей, разбили ее на множество отдѣльныхъ владѣній постоянно враждовавшихъ между собою.

Пр. пер.

Рисунокъ Г. ДОРÉ.

Два пса и дохлый оселъ.

Рисунокъ Г. ДОРÉ.

G. Doré

Pannemaker-Doms Sc.

Стрекоза и муравей.

ее, какъ можно осторожнѣе, чтобы не надѣлать шума. Затѣмъ, вмѣстѣ съ своей свитой, конвоировавшей экипажъ, въ которомъ была заключена Алатіель, онъ поскакалъ по дорогѣ въ Афины. Однакожь, онъ не рѣшился ввести Алатіель въ этотъ городъ, потому что былъ женатъ, а помѣстилъ ее въ одномъ изъ своихъ окрестныхъ загородныхъ домовъ. Бѣдная Алатіель была заключена въ этомъ домѣ, какъ плѣнница, но герцогъ отдалъ строгое приказаніе прислугѣ, чтобы она повиновалась ей и исполняла всякое ея желаніе.

На слѣдующій день послѣ убійства морейскаго принца, дворяне, составлявшіе его свиту, тщетно ждали его пробужденія до полудня. Не дождавшись обычнаго утренняго звонка, они рѣшились войти безъ зова въ комнату принца. Не найдя ни его, ни Алатіели, они предположили, что принцъ вмѣстѣ съ нею отправились въ одинъ изъ загородныхъ домовъ инкогнито, чтобы провести тамъ нѣсколько дней, это предположеніе успокоило ихъ. На слѣдующій день съумасшедшій, извѣстный всему городу, бродя между развалинъ, наткнулся на трупъ измѣнника Чіуріачи; его заняла веревка на шеѣ трупа, онъ потянулъ за нее и поволокъ по улицамъ тѣло удавленнаго. Многіе изъ горожанъ узнали мертваго и уговорили съумасшедшаго показать имъ мѣсто, гдѣ онъ нашелъ трупъ. Конечно, они нашли тамъ и тѣло принца, которое было похоронено съ подобающими покойному почестями. Стали искать виновниковъ преступленія; узнавъ, что герцогъ афинскій тайно уѣхалъ изъ города, естественно стали подозрѣвать его въ совершеніи двухъ убійствъ и въ похищеніи Алатіели. Народъ, собравшись, провозгласилъ своимъ правителемъ брата покойнаго принца, требуя, чтобы онъ отомстилъ за совершенное преступленіе и обѣщая, съ своей стороны, всевозможное содѣйствіе. Новый правитель, убѣдясь неопровержимыми фактами въ вѣрности предположенія, что преступленіе совершено герцогомъ афинскимъ, быстро собралъ, при содѣйствіи своихъ родныхъ и союзниковъ, многочисленную армію, и рѣшилъ идти съ нею на Афины. Получивъ извѣстіе объ этомъ, герцогъ афинскій съ своей стороны сталъ готовиться къ оборонѣ и сталъ просить помощи у сосѣдей. Византійскій императоръ, дочь котораго была замужемъ за афинскимъ герцогомъ, послалъ къ нему значительный корпусъ войскъ, подъ начальствомъ своего сына Константина и племянника Мануила. Если герцогъ былъ доволенъ этой помощью, еще довольнѣе была герцогиня, которой представлялся случай увидаться съ нѣжно-любимымъ ею братомъ.

Пока шли военныя приготовленія, герцогиня нашла удобную минуту поговорить наединѣ откровенно съ своимъ братомъ и кузеномъ. Со слезами на глазахъ, она разсказала имъ объ истинной причинѣ начинающейся войны; мужъ ея сошелся съ какой-то иноземной и тѣмъ глубоко оскорбилъ ее. Она просила своихъ слушателей отыскать какое-нибудь средство для прекращенія этого соблазна, позорящаго самого герцога. Молодые люди, давно уже знакомые со всей этой исторіей, старались, насколько было возможно, утѣшить герцогиню, обѣщая ей скорое удовлетвореніе. Они спросили, гдѣ живетъ иноземка и, получивъ указаніе, удалились, прося сестру и кузину слишкомъ не тревожиться.

Они не разъ уже слышали толки о красотѣ этой новой Елены. Слова герцогини до крайности раздражили въ нихъ желаніе повидать Алатіель. Они обратились къ герцогу съ просьбой позволить имъ посѣтить красавицу. Герцогъ, позабывъ: чѣмъ заплатилъ принцъ морейскій за то, что, допустивъ его, герцога, видѣться съ своей возлюбленной,—далъ свое согласіе. На другой день, заказавъ роскошный обѣдъ въ томъ замкѣ, гдѣ была заключена Алатіель, онъ повезъ туда своихъ родственниковъ. Съ Константиномъ случилось тоже, что нѣкогда постигло самого герцога. Едва онъ взглянулъ на прекрасную сарацинку, и уже былъ пораженъ ея дивной красотой. Любуясь ею, онъ невольно подумалъ, что для любви ея можно рискнуть на все и что въ этомъ случаѣ извинительны даже самыя крайнія мѣры. Кончилось тѣмъ, что онъ при первомъ же свиданіи влюбился въ нее до безумія и эта любовь пустила въ его сердце такіе глубокіе корни, что онъ забылъ о военныхъ приготовленіяхъ, которыми до сихъ поръ очень интересовался, и постоянно мечталъ о средствѣ похитить Алатіель, никому, однакожь, не открывая своей любви къ ней. Но пока онъ раздумывалъ и искалъ предлога, настало время выступленія противъ непріятеля, подходившаго къ владѣніямъ герцога. Самъ герцогъ, Константинъ и другіе военачальники повели свои отряды къ угрожаемой границѣ, желая не дозволить непріятелю перейти ее.

Константинъ, полагая, что ему легче будетъ осуществить свой планъ въ отсутствіе своего зятя, подъ предлогомъ внезапной болѣзни объявилъ, что возвращается въ Афины. Передавъ командованіе Мануилу и простившись съ герцогомъ, онъ оставилъ армію. Возвратясь къ сестрѣ, онъ поспѣшилъ увѣрить ее, что ея подозрѣнія относительно невѣрности ея мужа, совершенно справедливы: ему необходимо было распалить ея ревность, чтобы заручиться ея содѣйствіемъ. Онъ предложилъ сестрѣ отмстить за нанесенное ей оскорбленіе похищеніемъ ея соперницы и удаленіемъ ея изъ страны, подальше отъ Афинъ. Герцогиня, не подозрѣвавшая объ истинной причинѣ заботливости объ ея интересахъ, выказываемой ея братомъ, охотно согласилась помочь похищенію, но подъ условіемъ, что ея мужъ никогда не узнаетъ, что она принимала участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ обѣщалъ ей все и, успокоивъ ее окончательно, велѣлъ тайно снарядить корабль, составилъ его экипажъ изъ людей, на вѣрность которыхъ могъ положиться, приказалъ поставить корабль прямо противъ замка, гдѣ жила Алатіель и самъ отправился въ замокъ съ небольшой свитой. Онъ былъ принятъ отлично Алатіелью и ея прислугой. Вечеромъ онъ предложилъ ей прогулку по саду. Она охотно согласилась и велѣла слѣдовать за собою только двумъ слугамъ; Константинъ взялъ съ собою тоже только двухъ человѣкъ. Разговаривая, они подошли къ калиткѣ, выходящей къ самому морю. Одинъ изъ сообщиковъ Константина отворилъ ее; по знаку принца, его люди схватили Алатіель и понесли ее на корабль.

— Слышите, чтобъ никто изъ васъ не смѣлъ дѣлать ни малѣйшаго шума, сказалъ онъ, обращаясь къ слугамъ Алатіели,—иначе вы будете лишены жизни. Знайте, я не похищаю возлюбленную у герцога, а я мщу за оскорбленіе, нанесенное моей сестрѣ.

Зная, что можетъ ожидать ихъ въ случаѣ неповиновенія, слуги не промолвили ни слова.

Вспрыгнувъ на корабль и найдя Алатіель плачущей, Константинъ приказалъ скорѣе отчаливать отъ берега. На разсвѣтѣ корабль подошелъ къ Эгинѣ. Высадившись здѣсь на землю, Константинъ остался въ городѣ на нѣсколько дней, чтобы утѣшить Алатіель съ отчаяніемъ постоянно твердившую, что ея пагубная красота ведетъ ее отъ несчастія къ несчастію. Горе у красавицъ не бываетъ продолжительнымъ. Утѣшивъ даму, принцъ снова сѣлъ на корабль и черезъ нѣсколько дней высадился на островѣ Хіосѣ. Боязнь потерять красавицу, а также подвергнуться гнѣву отца, побудили Константина остаться на этомъ островѣ. Алатіель время отъ времени плакалась на свою горькую судьбу, но Константинъ всегда умѣлъ ловко успокоить ее; вскорѣ она примирилась и съ этимъ новымъ положеніемъ, выпавшимъ на ея долю.

Въ то время, какъ Алатіель и Константинъ наслаждались на Хіосѣ безмятежными днями счастія, Осбекъ, предводитель турокъ, находящійся въ постоянной войнѣ съ византійскимъ императоромъ, пріѣхалъ въ Смирну. Онъ узналъ, что Константинъ живетъ въ Хіосѣ, ведетъ праздную жизнь въ сообществѣ женщины, недавно имъ похищенной. Зная, что принцъ не имѣетъ при себѣ значительной вооруженной стражи и, слѣдовательно, не будетъ въ состояніи отразить произведенное на него нападеніе, Осбекъ посадилъ на легкія суда довольно сильный отрядъ войскъ, подплылъ ночью къ Хіосу, высадилъ своихъ солдатъ и вошелъ въ городъ, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія. Всѣ жители спали и большая часть изъ нихъ были схвачены ранѣе, чѣмъ они узнали о вторженіи въ городъ непріятелей. Турки убивали всѣхъ, кто пытался оказать сопротивленіе, прочихъ же брали въ плѣнъ и уводили на суда, перетащили также захваченную многочисленную добычу. Осбекъ велѣлъ зажечь городъ и воротился въ Смирну. Возвратясь, онъ велѣлъ представить ему всѣхъ плѣнныхъ. Между ними онъ нашелъ Алатіель и, по ея красотѣ, заключилъ, что, вѣроятно, она и была подругой Константина. Въ восторгѣ, что овладѣлъ такой красавицей, онъ рѣшился сдѣлать ее своей женой. Для этого у турокъ не требовалось никакихъ церемоній, сказалъ: «ты будешь мнѣ жена»—и баста. Алатіель стала женою предводителя турокъ.

Между тѣмъ императоръ вступилъ въ союзъ съ Басано, королемъ Кападокіи и они оба объявили войну Осбеку. Было рѣшено напасть на турокъ съ двухъ сторонъ, но сперва дѣло не клеилось, потому что императоръ не соглашался на тягостныя условія, предложенныя ему кападокійскимъ королемъ, какъ уплату за союзъ. Но узнавъ о варварскомъ умерщвленіи Константина, императоръ принялъ условія, прося Басано поскорѣе начинать войну. Осбекъ, узнавъ о союзѣ, составившемся противъ него, поспѣшно собралъ армію и обратился противъ кападокійскаго короля, желая тѣмъ предупредить своихъ противниковъ и не быть поставленнымъ въ необходимость сражаться въ одно время съ обоими. Алатіель онъ оставилъ въ Смирнѣ, поручивъ ее своему вѣрному другу. Черезъ нѣсколько дней онъ встрѣтился съ кападокійскимъ королемъ и вступилъ съ нимъ въ битву. Армія Осбека была разбита и самъ онъ убитъ. Бассано, желая вполнѣ воспользоваться плодами своей побѣды, пошелъ на Смирну. Жители, лишенные возможности сопротивляться его войскамъ, вышли къ нему на встрѣчу и предали себя на волю побѣдителя.

Другъ, которому Осбекъ поручилъ свою жену, назывался Антіохомъ. Онъ былъ въ преклонныхъ лѣтахъ и казалось, что на вѣрность его Осбекъ могъ вполнѣ положиться. Но въ какомъ возростѣ мужчина можетъ устоять противъ прекрасныхъ глазъ красивой женщины? Антіохъ, часто видя Алатіель, кончилъ тѣмъ, что влюбился въ нее. Забывъ о словѣ, данномъ своему повелителю, старикъ сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы заставить красавицу раздѣлить его любовь. Ему легче было достичь своей цѣли, чѣмъ кому бы то было другому, потому что, зная родной языкъ Алатіели, онъ могъ болтать съ нею, чѣмъ доставлялъ ей большое удовольствіе. Мало-по-малу они сблизились между собою. Получивъ извѣстіе о пораженіи и смерти Осбека и о томъ, что Бозано идетъ на Смирну, они, забравъ всѣ драгоцѣнности, принадлежавшія предводителю турокъ, бѣжали въ Родосъ.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ этотъ городъ, Антіохъ опасно заболѣлъ. Изъ Смирны въ Родосъ онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ кипрскимъ купцемъ, который поселился вмѣстѣ съ нимъ на нѣкоторое время, потому что торговыя дѣла задерживали его въ этомъ городѣ. Этотъ купецъ,

съ давнихъ поръ былъ искреннимъ другомъ Антіоха. Чувствуя, что ему не выздоровѣть, Антіохъ рѣшился передать все богатство своему другу, ему же поручивъ заботу объ Алатіели. Онъ призвалъ ихъ обоихъ къ своему смертному одру.

— Я чувствую, что наступилъ мой послѣдній часъ, сказалъ онъ;—хотя мнѣ жаль разставаться съ жизнію, но я испытываю утѣшеніе, что умираю на рукахъ двухъ любимыхъ мною людей. Другъ мой, поручаю твоему покровительству эту милую женщину; заклинаю тебя не оставлять ее и питать къ ней дружбу такую же, какую питалъ ко мнѣ. Я увѣренъ, ты будешь уважать ее и доставлять ей всевозможныя удобства. Да, мой другъ, я не сомнѣваюсь, ты не оставишь ее и этимъ дашь лучшее доказательство признательности твоему другу за ея нѣжныя чувства къ тебѣ во все время его жизни, которыя онъ уноситъ съ собой и въ могилу. А ты, моя милая кроткая подруга, не забывай меня послѣ моей смерти. Заклинаю тебя, будь разсудительна, дабы я могъ на томъ свѣтѣ похвалиться, что любилъ самую прекраснѣйшую изъ женщинъ. Милые друзья, если вы поклянетесь исполнить то, о чемъ я прошу васъ, я умру спокойно, вполнѣ утѣшеннымъ.

Во время этой рѣчи, сказанной умирающимъ слабымъ голосомъ, прерываемымъ глубокими вздохами, прекрасная Алатіель и кипрскій купецъ проливали горькія слезы. Они стали-было утѣшать умирающаго, что онъ выздоровѣетъ, но послѣ новаго отрицанія съ его стороны, дали обѣщаніе исполнить все по его желанію. Вскорѣ Антіохъ умеръ и друзья устроили ему пышное погребеніе.

Кипрскій купецъ, окончивъ дѣла, задержавшія его въ Родосѣ, захотѣлъ вернуться на островъ Кипръ, на родину, давно имъ оставленную. Онъ спросилъ у сарацинки желаетъ-ли она слѣдовать за нимъ.

— Очень охотно, если вы дадите мнѣ обѣщаніе обращаться со мною, какъ съ сестрой въ память вашего покойнаго друга.

Купецъ далъ требуемое обѣщаніе.

— Чтобы лучше обезпечить васъ отъ оскорбленія, я выдамъ васъ за свою жену.

Они взяли мѣста на каталанской каракѣ и имъ отвели небольшую каюту. Врагъ рода человѣческаго силенъ, онъ способенъ смутить не только слабыхъ, но и твердыхъ людей. Находясь постоянно вмѣстѣ съ Алатіелью, — нельзя же было названному мужу помѣститься врозь съ женой,—купецъ забылъ о своемъ обѣщаніи; къ тому же дорога длилась очень долго. Обѣщаніе, данное умирающему Антіоху, не было сдержано. Когда они пріѣхали въ Баффу, родной городъ купца, совѣстливый купецъ поспѣшилъ закрѣпить законнымъ бракомъ связь свою съ красавицей сарацинкой.

Вскорѣ послѣ заключенія брака, купецъ уѣхалъ по торговымъ дѣламъ въ Арменію. Во время его отсутствія въ Баффу пріѣхалъ старый дворянинъ, потерявшій все свое состояніе на службѣ у кипрскаго короля. Онъ принадлежалъ къ числу людей умныхъ и разсудительныхъ. Однажды, проходя мимо дома, гдѣ жила Алатіель, онъ замѣтилъ ее въ окнѣ. Пораженный ея красотой, онъ пріостановился, чтобы лучше разсмотрѣть ее и ему показалось, что онъ гдѣ-то видѣлъ ее, но гдѣ именно, припомнить не могъ. Алатіель, размышлявшая въ эту минуту о превратностяхъ своей судьбы и отчаяваясь когда-нибудь увидѣть свою родину, машинально взглянула въ ту сторону, гдѣ стоялъ наблюдавшій ее дворянинъ; всмотрѣвшись въ него, она узнала въ немъ одного изъ придворныхъ своего отца. Въ ней зародилась надежда возвратиться на родину и она позвала стараго дворянина. Тотъ, разумѣется, не заставилъ просить себя во второй разъ.

— Не зовутъ-ли васъ Антигоно-ди-Фамагоста? спросила Алатіель, сильно покраснѣвъ.

— Да, меня зовутъ такъ, отвѣчалъ онъ. — Мнѣ кажется, и я знаю васъ, но не могу припомнить, гдѣ васъ видѣлъ. Прошу извинить меня за мою нескромность, если я спрошу васъ, кто вы такая?

Вмѣсто отвѣта, Алатіель бросилась къ нему на шею и слезы градомъ полились изъ ея глазъ. Она спросила у Антигоно, удивленнаго ея сильнымъ волненіемъ, не видалъ-ли онъ ее въ Александріи. Посмотрѣвъ на нее внимательно, онъ узналъ въ ней дочь судана, Алатіель, которую считали давно поглощенную волнами моря. Антигоно всталъ, желая выразить этимъ почтеніе, которое онъ обязанъ оказывать дочери своего повелителя, но она просила его сѣсть. Антигоно повиновался и спросилъ почтительно, какъ ей удалось спастись. По его словамъ, въ Александріи всѣ были убѣждены, что она погибла при кораблекрушеніи.

— Можетъ быть, для меня было бы лучше, еслибъ это случилось! вскричала она.—Ахъ! если когда-нибудь мой отецъ узнаетъ о жизни, какую я вела, я убѣждена, что онъ самъ пожалѣетъ, если ему дорога честь его дочери, что я не погибла во время этого погубнаго кораблекрушенія.

Эти слова Алатіель сопровождала глубокими вздохами и обильными слезами.

— Не печальтесь, отвѣчалъ Антигоно, — не горюйте раньше времени. Разскажите мнѣ, если я достоинъ вашего довѣрія, о вашихъ приключеніяхъ и, можетъ быть, вмѣстѣ мы отыщемъ средство выйдти изъ затрудненія.

— Я на васъ смотрю теперь, какъ на моего отца, мой милый Антигоно. Поэтому я чувствую къ вамъ ту же любовь, довѣріе и уваженіе, какія чувствовала бы я къ моему отцу, еслибы онъ теперь находился здѣсь, подлѣ меня. Я ничего не скрою отъ васъ. Я всегда питала къ вамъ чувство уваженія и признаюсь, очень рада, что я первая узнала васъ, а не вы меня. Вы съумѣете прочесть въ моемъ сердцѣ и узнаете то, что, во время моихъ несчастій, я тщательно скрывала. Если, выслушавъ мой правдивый разсказъ о моихъ приключеніяхъ, вы найдете возможнымъ, чтобы я вернулась въ прежнее положеніе, изъ котораго исторгнута силой обстоятельствъ, вы устройте мое возвращеніе на родину; если же вы скажете, что мнѣ неудобно возвращаться, вы поклянетесь, никому на свѣтѣ не говорить о томъ, что вы отъ меня услушите, а также и о томъ, что вы видѣли меня.

Послѣ этого предисловія, она передала всѣ подробности своихъ приключеній съ момента кораблекрушенія у береговъ острова Мажолики до настоящаго дня. Разсказъ свой она прерывала вздохами и слезами. Тронутый Антигоно также плакалъ.

— Такъ какъ неизвѣстно, кто вы такая, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія,—неизвѣстно даже, что вы живы, то обѣщаю вамъ возвратить васъ вашему отцу столь же любимой, какъ и до вашего отъѣзда. Не сомнѣваюсь, онъ будетъ очень радъ увидѣть васъ и отошлетъ васъ къ вашему жениху, гарбскому королю, который любитъ васъ по прежнему и потому до сей поры не женатъ.

Но выраженное Алатіелью сомнѣніе, Антигоно объяснилъ, что онъ намѣренъ предпринять для ея возвращенія на родину и тотчасъ же отправился къ кипрскому королю.

— Государь, сказалъ онъ,—вы можете совершить доброе дѣло, которое вамъ ничего не будетъ стоить и вмѣстѣ съ тѣмъ поможете мнѣ поправить мое состояніе, потерянное на службѣ у васъ.

— Какимъ образомъ? спросилъ король.

— Дочь александрійскаго судана, славящаяся своей красотой, которую считали погибшею во время кораблекрушенія, находится теперь въ Баффѣ. Желая сохранить добродѣтель, она согласилась вынести нищету; она терпитъ нужду и въ настоящее время. Она желаетъ вернуться къ своему отцу. Если вамъ заблагоразсудится помочь исполненію ея желанія, я увѣренъ, суданъ никогда не забудетъ этой услуги.

Добрый и великодушный кипрскій король далъ свое согласіе. Онъ пригласилъ Алатіель къ своему двору и она встрѣтила отъ него и отъ королевы самый сочувственный пріемъ. На распросы объ ея приключеніяхъ, она отвѣчала вымышленнымъ разсказомъ, заученнымъ ею со словъ Антигоно. Черезъ нѣсколько дней она была отправлена къ отцу съ многочисленной свитой изъ мужчинъ и женщинъ на короблѣ, отданномъ подъ команду Антигоно. Трудно описать радость судана при свиданіи съ дочерью, которую онъ считалъ навсегда погибшей. Онъ принялъ очень ласково Антигоно и свиту.

Послѣ того, какъ Алатіель совершенно отдохнула съ дороги, суданъ пожелалъ услышать отъ нея самой, какимъ путемъ удалилось ей избѣгнуть кораблекрушенія и почему она такъ долго не давала ему никакихъ извѣстій о себѣ. Ту же вымышленную исторію, какую разсказывала она кипрскому королю, повѣдала она теперь и своему отцу.

— Дней черезъ двадцать послѣ моего отъѣзда, разсказывала она,—во время сильной бури, ночью нашъ корабль разбился подлѣ Агваморты. Я не знаю, что сталось съ экипажемъ и съ людьми моей свиты; я помню только, что когда наступило утро и я пришла въ себя, разбитый корабль врѣзался въ песчаную мель. Поселяне, увидѣвшіе его, подъѣхали къ нему на лодкахъ, чтобы разграбить то, что не было снесено водою. За ними прибыли люди другихъ сословій этой страны. Меня нашли лежащей на палубѣ вмѣстѣ съ двумя моими служанками, находящимися такъ же, какъ и я, въ полубезсознательномъ состояніи отъ страха и слабости. Всѣхъ насъ трехъ перевезли на берегъ. Молодые люди завладѣли бѣдными дѣвушками и увѣли ихъ въ разныя стороны. Что съ ними сталось, я не узнала. Двое изъ молодыхъ людей хотѣли увести и меня, не смотря на мое сопротивленіе и слезы. Они тащили меня то за руки, то за волосы. Уже они отвели меня на нѣкоторое разстояніе, какъ показались четыре всадника. Какъ только завидѣли ихъ мои притѣснители, то немедленно бросили меня и убѣжали. Всадники, которыхъ, судя по ихъ наружности, нельзя было не признать за людей знатныхъ, соскочили съ коней и подошли ко мнѣ. Они распрашивали меня, я имъ отвѣчала, но ни я не понимала ихъ, ни они меня. Поговоривъ, такимъ образомъ, между собой и давъ понять коечто другъ другу знаками, они посадили меня на одну изъ ихъ лошадей и привезли въ домъ, гдѣ живутъ женщины, именующіяся на языкъ той страны «монахинями», главное занятіе которыхъ состоитъ въ томъ, что онѣ молятся Богу. Эти дамы приняли очень хорошо и я стала молиться вмѣстѣ съ ними болѣе всего тому, котораго онѣ называютъ «Распятый на крестѣ». Черезъ нѣсколько времени, когда я выучилась ихъ языку и могла свободно говорить на немъ, онѣ спросили меня, кто я и гдѣ моя родина. Изъ боязни быть изгнанной изъ ихъ дома, куда запрещается входъ мужчинамъ, я скрыла, что исповѣдую религію, враждебную ихъ вѣрѣ и отвѣчала имъ, что я дочь кипрскаго дворянина, который послалъ меня къ моему жениху на островъ Критъ, куда я не могла доѣхать по причинѣ кораблекрушенія. Когда же главная изъ этихъ женщинъ, называющаяся настоятельницей спросила меня: буду-ли я рада возвратиться на островъ Кипръ, я

отвѣчала, что это мое самое пламенное желаніе. Она дала мнѣ обѣщаніе сдѣлать это при первой возможности. Но какъ она очень заботилась о моей чести, то не хотѣла поручить меня никому изъ пріѣзжихъ съ Кипра, изъ опасенія, чтобы я не попала въ худыя руки. Я была бы и до сихъ въ монастырѣ (такъ назывался домъ, гдѣ жили монахини), еслибъ не двое французскихъ дворянъ, отправлявшихся вмѣстѣ съ своими женами въ Іерусалимъ, на поклоненіе гробу, въ которомъ былъ погребенъ, по ихъ словамъ, ихъ Богъ, распятый на крестѣ жидами; эти почтенные дворяне согласились взять меня съ собою. Одинъ изъ нихъ былъ родственникомъ настоятельницѣ, Она поручила меня этимъ французамъ и ихъ женамъ, прося ихъ непремѣнно доставить меня къ моему отцу на островъ Кипръ. Не могу выразить вамъ, какъ внимательны были ко мнѣ во время пути эти дворяне и ихъ жены. Мы пристали къ Баффѣ послѣ вполнѣ счастливаго путешествія. Я чувствовала себя въ очень затруднительномъ положеніи, не зная никого въ этомъ городѣ, который я назвала мѣстомъ моей родины. Я не знала, что сказать моимъ спутникамъ, которые сами желали меня представить моему отцу, какъ они обѣщали настоятельницѣ. Къ счастію, въ тотъ моментъ, какъ мы вышли на берегъ, Богъ, сжалившійся надо мной, послалъ на берегъ къ намъ на встрѣчу Антигоно. Я узнала его и позвала на нашемъ языкѣ, неизвѣстномъ французскимъ дворянамъ, и просила, чтобы онъ призналъ меня за свою дочь. Онъ меня понялъ и прекрасно сыгралъ свою роль; онъ поблагодарилъ моихъ дорожныхъ покровителей и угостивъ ихъ на столько хорошо, насколько позволяли ему его небольшія средства. Черезъ четыре дня Антигоно свезъ меня ко двору кипрскаго короля, который, какъ вы знаете, отправилъ меня къ вамъ, озаботившись, чтобы въ дорогѣ я имѣла всѣ удобства, что, конечно, заслуживаетъ признательности вашей и моей. Если я что-нибудь по забывчивости упустила въ моемъ разсказѣ, Антигоно можетъ дополнить, такъ какъ я нѣсколько разъ разсказывала и ему и при немъ о моихъ горестныхъ приключеніяхъ.

— Государь, сказалъ мудрый и осторожный Антигоно, обращаясь къ судану,—разсказъ вашей дочери вполнѣ сходствуетъ съ разсказами, переданными мнѣ ею самой и французами, привезшими ее на островъ Кипръ. Но она позабыла или, лучше сказать, изъ скромности не желаетъ припомнить одного обстоятельства: это—похвалу, съ которой относились христіане къ ея безукоризненному поведенію въ монастырѣ, къ ея благороднымъ, достойнымъ ея знаменитой крови по рожденію, чувствамъ и ея добронравію. Она не сказала вамъ и о томъ, съ какимъ горемъ и слезами разставались съ нею французы при прощаньи. Однимъ словомъ, еслибъ я вздумалъ повторять вамъ всѣ похвалы, расточаемыя французами ея добродѣтели, я не кончилъ бы въ цѣлый день. Послѣ того, что они говорили и что я видѣлъ самъ, вы можете, государь, гордится, что обладаете самой красивѣйшей, самой честнѣйшей и самой разсудительнѣйшей дочерью, равной которой нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Суданъ выслушалъ эту рѣчь съ большимъ удовольствіемъ и далъ обѣтъ отблагодарить всѣхъ, кто оказалъ услугу его дочери. Черезъ нѣсколько дней онъ щедро вознаградилъ Антигоно и позволилъ ему вернуться на островъ Кипръ. Онъ поручилъ ему выразить свою признательность кипрскому королю, которому онъ послалъ письмо съ предвареніемъ, что вышлетъ спеціальныхъ пословъ съ подарками, которые проситъ короля принять въ знакъ дружбы.

Затѣмъ суданъ, сообщилъ королю гарбскому о приключеніяхъ, постигшихъ его дочь, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, вернувшуюся благополучно подъ отеческую кровлю и спросилъ его, остается-ли онъ при прежнемъ намѣреніи жениться на ней. Гарбскій король отвѣчалъ, что онъ въ восторгѣ, узнавъ, что Алатіель жива и желаетъ непремѣнно имѣть ее своей женой. Свадьба совершилась пышно и новобрачные долго потомъ прожили въ мирѣ и совершенномъ согласіи.

(Продолженіе будетъ.)

Смѣсь.

— **Примѣръ достойный подражанія.** Газетѣ «Русск. Міръ» сообщаютъ, что, въ виду постоянно увеличивающейся въ послѣднее время дороговизны на всѣ предметы потребленія и вообще вздорожанія жизни, правленіе общества варшавско-тераспольской желѣзной дороги, входя въ нужды служащихъ на этой дорогѣ чиновниковъ, постановило недавно о выдачѣ имъ единовременнаго денежнаго пособія, на что и ассигновало изъ своего чистаго дохода сумму въ количествѣ 50,000 рублей. Преимущественное право на полученіе этого пособія, какъ утверждаютъ, будутъ имѣть, главнымъ образомъ, лица, получающія небольшое постоянное содержаніе.

— **Возмутительный фокусъ.** Въ театрѣ г. Потукета въ Соединенныхъ Штатахъ случилось недавно слѣдующее происшествіе. Дѣвица Воланте, 23 лѣтъ, показывала, между прочими фокусами, подражаніе выстрѣлу Телля. Она стрѣляла изъ револьвера въ другую дѣвицу, стоявшую отъ нея на довольно значительномъ разстояніи съ яблокомъ на головѣ. Пули всегда раздробляли яблоко. Фокусъ этотъ тѣмъ замѣчательнѣе, что означенная дѣвушка стояла къ другой спиною и стрѣляла въ нее черезъ плечо, глядя въ зеркало. Это представленіе привлекало многочисленныхъ зрителей. На седьмой день представленія случилось несчастіе. Вмѣсто яблока, пуля попала въ голову и раздробила несчастной черепъ. Она умерла тотчасъ. Власти запретили на будущее время показываніе подобныхъ возмутительныхъ фокусовъ.

Телеграммы.

Берлинъ, 30-го мая. Сегодня императоръ уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ; вообще, съ воскресенья силы стали прибывать и онъ проводитъ по нѣсколько часовъ въ день внѣ постели, въ креслахъ. Почти всѣ раны зажили; только правая рука еще ненадежна.

— 2-го іюня. Князь Бисмаркъ избранъ президентомъ конгресса. Слѣдующее засѣданіе отложено, вмѣсто субботы, до понедѣльника. Это сдѣлано потому, что оказалась надобность въ конфиденціальныхъ переговорахъ между уполномоченными заинтересованныхъ державъ.

— 2-го іюня. Сегодняшній и завтрашній дни будутъ посвящены преимущественно переговорамъ между отдѣльными уполномоченными на конгрессѣ, въ видахъ разъясненія отдѣльныхъ интересовъ заинтересованныхъ государствъ. По отношенію къ этому говорятъ, что уже теперь между Россіей и Австріей достигнуто соглашеніе по многимъ вопросамъ.

— 6-го іюня. Во вчерашнемъ засѣданіи конгресса единогласно были одобрены и приняты составленныя княземъ Бисмаркомъ правила дѣлопроизводства. Одно изъ этихъ правилъ постановляетъ, что по каждому изъ возбуждаемыхъ на конгрессѣ вопросовъ, представители державъ будутъ говорить въ слѣдующемъ порядкѣ: Россія, Англія, Австрія, Франція, Германія, Италія, Турція.

Затѣмъ начались общія пренія о сан-стефанскомъ мирномъ договорѣ.

Цетинье, 3-го іюня. Нѣсколько дней назадъ, получено было извѣстіе о томъ, что турки замышляютъ что-то передъ собраніемъ конгресса, намѣреваясь вызвать смуту въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, занятыхъ черногорцами. Сегодня, дѣйствительно, одинъ турецкій отрядъ напалъ со стороны Скутари на черногорскую стражу. Нападеніе это отбито и часть турецкаго отряда окружена.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Контора редакціи «Живописнаго Обозрѣнія» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ при перемѣнѣ адреса высылать **старый адресъ съ бандероли и почтовыми марками:**

при перемѣнѣ городск. адреса на иногород. 85 к.
иногороднаго на городской. . . . . 1 р.
иногороднаго на иногородній. . . . . 24 к.

Безъ означенныхъ приложеній адресъ не перемѣняется.

Въ случаѣ же неполученія кѣмъ либо изъ гг. подписчиковъ нумера журнала, контора покорнѣйше проситъ заявить объ этомъ немедленно по полученіи слѣдующаго нумера, чтобы имѣть возможность отыскать на почтѣ утерянный нумеръ. Заявленія, поступающія позже назначеннаго срока, остаются безъ послѣдствій.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Іюня 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 25. Томъ I. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. - 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. С.-Петербургъ, 18 Іюня 1878 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Невскій проспектъ, домъ № 20. Годъ VI.

Картина Б. ВОТЬЕ.

B. Vautier 74.

Прерванная партія въ шахматы.

„Которая"?..

Повѣсть А. Малиновскаго.

(*Окончаніе.*)

Ну, вотъ, мать моя, вернулись мы и домой. Баринъ не чаялъ такъ скоро нашего пріѣзда, радъ намъ: прискучило ему безъ Зинаиды Николаевны, а только все выспрашиваетъ ее отчего, молъ, скоро Зиночка вернулась? хорошо ли гостилось? что похудѣла? видать плохо угощали. Сама-то одинъ отказъ держитъ: «все въ доскональности, только соскучилась по тебѣ, папочка!» За то, что потѣхи намъ было надъ старымъ енараломъ. Отъ радости, что барышня пріѣхала, весь обѣдъ сидѣлъ, глаза на нее выпучивши; всѣ усища и мундиръ вымазалъ себѣ самбаіономъ, на разный манеръ разсыпается передъ ней. Ну, слава-ти Господи! наша Зинаида Николаевна маленько повеселѣла; стало у насъ въ домѣ по старому—не толченая труба. Точно трахтеръ какой! Лезутъ люди съ утра до вечера, да и только. Истинно, бывало, Панкратьевна говорила: «Небось, окаянные всѣ наровятъ къ обѣду, либо завтраку, мамону то набить на чужой счетъ, куда поди лестно!» Хороводится себѣ наша барышня съ гостями, особливо потѣшалась надъ енараломъ: какихъ только фокусовъ не выкидывала она надъ нимъ. Инда-жалко его другой разъ станетъ! Пошлетъ за конфектами, въ примѣръ сказать, какъ птица онъ летитъ сломя голову; не оглянется,—смотришь, тащитъ. А она и не взглянетъ, какъ слѣдъ, да и говоритъ: «Что это вы, Дмитрій Ивановичъ, какую гадость привезли? я такихъ не ѣмъ. Везите назадъ, чтобы были мнѣ другіе, да скорѣе». Рыскаетъ онъ, рыскаетъ изъ одного магазина въ другой, натащитъ всякаго добра, ажно вспотѣетъ весь, летамши. Ну, когда наградитъ она его, дастъ ручку поцѣловать, а когда, такъ то грозно посмотритъ да и молвитъ: «Съ чего вы это взяли? много чести!» А, глядишь, енаралъ все же не серчаетъ, да возлѣ нея вертится. Стала я вотъ какую штуку за нею примѣчать: говоритъ она много со всякимъ народомъ, а все старается для блезиру держать возлѣ себя енарала. Придетъ вечеромъ въ комнату задумается до разсвѣта, не раздѣмшись, у себя въ креслѣ просидитъ и лицо такое-то печальное. Войдешь ея утромъ будить; кроватка не смята, а она, такая то жалостная, на крестлецѣ, закинувши головку, отдыхаетъ. Слеза меня, глядючи на нее, прошибетъ! Разъ только,—дѣло было послѣ обѣда, баринъ пошелъ въ свой кабинетъ отдыхать, Митюшка ушелъ со двора,—я и пошла въ гостинную подать огня: смеркаться стало... Вхожу это я такъ тихо, да какъ увидала, ажно обомлѣла. У самаго окошечка стоитъ барышня, а онъ, старый чортъ, такъ то обнимаетъ ея да въ щечку то и цѣлуетъ. Увидала это она меня, а ни Боже мой ни малость въ конфузъ не пришла. А онъ такъ громко сказалъ ей: «Завтра, мой анделъ! я буду имѣть честь просить вашей руки, у вашего батюшки». Откланялся и уѣхалъ. Барышня ушла къ себѣ. Весь вечеръ не выходила изъ своей комнаты. Три раза ходила я ихъ звать чай кушать. Въ первые, какъ вошла, вижу, лежитъ на постелькѣ личикомъ къ стѣнѣ и не шелохнется, а тамъ опосля пришла,—она ужь сидитъ у себя на стулѣ, такая то блѣдная, да такъ пристально уперлась глазами въ уголъ, ажно мнѣ жутко какъ-то сдѣлалось, я потихоньку и вышла. Замѣтила ли она меня, аль нѣтъ, до сей поры не вѣдаю, только вечеромъ пришла я, раздѣла ее, какъ маленькую дитю, уложила въ кроватку; она ни слова, все молчитъ, точно языкъ отнялся. На другой день пошла,—вижу, идетъ въ кабинетъ къ папашѣ, сидѣла тамъ что то долго, а какъ вышла, такъ прямо къ себѣ въ комнату и дверь на запоръ. А тамъ, часа черезъ три, пріѣхалъ енаралъ, въ полной своей муниціи, прямо къ барину. Спустя маленько посылаютъ за барышней. Приказали подать шампанскаго; позвали тетиньку и поздравили жениха и невѣсту... Люди наши, да признатся, и я съ Панкратьевной, не могли надивится, какъ же это за такого плюгаваго наша красавица выходитъ и папенька соглашается! Видать линія такая нашла!..

Не похоже это было, чтобы у насъ невѣста была въ домѣ? Баринъ ходитъ сумрачный; вѣстимо, что она захотѣла, то онъ и дѣлаетъ, потому всяческое ей баловство отъ папеньки было, а самому, поди, куда не весело любимую дочь отдать не за того, кто ему по нраву пришолся. Шьютъ это приданое, самую малость, «все въ Питерѣ сдѣлаемъ, говоритъ Зинаида Николаевна,—теперь нѣкогда выписывать, много времени уйдетъ». Опять же, ни пѣсень, ни веселья, точно на смерть собираемъ нашу барышню, а не подъ вѣнецъ. Барышня при людяхъ-то не доказываетъ, а ужь какъ останется одна — слова отъ нее не добьешся. Только одинъ женихъ фертомъ летаетъ, возитъ конфекты, да букеты, да цалуетъ ручки у невѣсты. Вотъ, скоро и свадьба! Принесли это подвѣнечное платье, такое-то форсистое, бѣлое, атласное, да все кружевами, да цвѣтами разукрашено. Внесли къ барышнѣ, а она и не взглянула, ужь какъ любила наряды, а ничто не тѣшило. Въ эфтотъ день, рано ушла она изъ гостиной: женихъ все у нея на прощаньи ручки цѣловалъ, а она, моя голубушка, какъ вошла въ комнату, да прямо къ умывальнику—руки мыть. Видать, легки ей были его поцѣлуи! У самой слезы градомъ изъ глазъ такъ и капаютъ... Кинулась я это къ ней, обхватила это я ея, да и говорю: «Барышня, анделъ мой, не сердитесь вы это на меня, дуру! За что вы себя губите? за эдакого страшеннаго выходите?» Она, моя голубушка, утерла глазки, да такъ-то тихо нагнулась ко мнѣ, да и говоритъ: «Аннушка, иного выбора нѣтъ! Онъ все знаетъ; я ему все сказала. Хочу я мою дѣвочку! Не могу я жить безъ нея. Днемъ и ночью стоитъ она у меня передъ глазами, вся ея маленькая фигурка! Пробовала я уѣхать: думала не буду близко—легче забуду... Нѣтъ, еще хуже! На преступленіе, на все пойду я, лишь бы мнѣ достать мою дѣвочку!... Все перенесу, его отвратительныя ласки, то презрѣніе, которое чувствую къ нему, вѣдь ему нужна не я, а мои деньги, лишь бы мнѣ скорѣе добраться до Петербурга, видѣть ее, прижать къ себѣ, обнять, знать, что она со мной, никто ее у меня не отниметъ, я никогда не разстанусь съ ней... Какъ, я думаю, она теперь выросла? Знаешь, Аннушка! страхъ нападаетъ на меня. Мнѣ кажется, я ее не застану. — Что если она умерла? умерла отъ того, что я отдала ее. За ней не такъ ходили, не смотрѣли, не заботились, какъ у родной матери. Ихъ тамъ такъ много! Развѣ можно, чтобы было такъ хорошо, какъ дома; вѣдь тамъ все наемныя, чужія. Никто ее не приласкаетъ, не пожалѣетъ! Что, если она въ деревню отправлена, помнишь, какъ тѣхъ дѣтей, которыхъ ты видала! Что, если она тамъ въ грязи, въ сырости; можетъ, отъ крику задохнулась, отъ голоду померла. Господи! какая мука! скорѣе бы, скорѣе бы только туда!...»

Не дивилась я болѣ, почему барышня выходитъ за эдакаго урода! Тутъ ужь въ погибель влезешь, больно дитя матери дорого!.. Пришелъ день свадьбы. Съ утра у насъ шла сумятица, укладали въ сундуки послѣднія вещи, молодые уѣзжали въ Питеръ на другой же день. Я реву, мать моя, ажно глаза фонарями сдѣлались, потому, всячески, какъ не люблю барышню, а все будто съ роднымъ гнѣздомъ разстаюсь, тутъ и сродственники и знакомые, а тамъ что, все чужая, да еще благо бы жить у господъ, а то вѣдь это сердце лопнетъ, глядючи на такую-то красоту, да на нашего страшеннаго. Вспомнить тяжко, какъ это Зинаиду Николаевну подъ вѣнецъ отпущали! Кинулась это она въ ноги къ папенькѣ; онъ благословляетъ, а ее ужь подняли съ колѣнъ: сама встать не могла. Стоитъ это она въ церкви, глазъ отъ нея не отвести, такая то хорошенькая; сама бѣла, какъ снѣгъ, а ручка до того дрожитъ, что свѣчечка такъ и прыгаетъ; два раза во время вѣнца воды приносили, думали упадетъ. За то на енарала такъ смотрѣть тошно было; плѣшивый, пузатый. Бываетъ человѣкъ старъ, красы въ немъ нѣтъ, а все приглядность есть, разумъ есть, въ эфтимъ же ничего-то какъ есть. Всѣмъ Богъ обидѣлъ! Ото всѣхъ этихъ мученій совсѣмъ заболѣла въ дорогѣ у насъ Зинаида Николаевна. Ужь не знаю, какъ до ѣхали до мѣста. Остановились мы недалече отъ Невскаго, въ гостинницѣ. Въ тотъ день головы она не поднимала, а на другой день шепчетъ мнѣ утромъ: «Аннушка, милая! сходи сегодня, хоть такъ сходи, не могу ѣхать, силъ нѣтъ, подожду до завтра». Собралась я; вхожу — знакомый дворъ; прошла это я во второй этажъ, гдѣ дѣти-то на опытѣ живутъ, давай искать мою дѣвушку. Нѣтъ ее тамъ! совсѣмъ собралась домой уходить, да на мое-то счастье одна-то дѣвушка и укажи мнѣ дорогу, что молъ она здѣсь, да только изъ ефтаго самаго отдѣленія переведена въ лазаретъ, ну и провела меня туда къ ней. Вошли мы въ такой же большущій корридоръ, также свѣтло, да чисто, а тутъ какая-то комната, съ зелеными занавѣсочками у дверей; тамъ и была моя знакомка. Вызвали ее оттуда. Я стою у двери да смотрю. Стоитъ тамъ большой, круглый столъ на серединѣ — покрытъ зеленымъ сукномъ: по одной стѣнѣ шкафикъ стоитъ, небольшой, сейчасъ на лѣву руку, а по другой — ванночка вдѣлана въ столъ; напротивъ-то прямо въ упоръ большой шкафъ со стеклянными дверцами, отъ шкафа еще столъ, да такой-то чудный, мраморный, а вокругъ него какая то кишка проведена. Узнала меня сразу дѣвушка, ну объяснились мы съ ней на счетъ моего заказу фигоронки, отдала я ей деньги, заказала работу, тары да бары и спросила я ее: отчего, молъ, ее перевели оттуда изъ опыта на верхъ. «Все едино!» говоритъ она мнѣ. — Начальница такъ захотѣла. Я теперича приставлена въ ефтой самой натомической, потому здѣсь надо завсегда убирать послѣ дохторовъ». Полюбопытствовала я узнать, что же тамъ дохтора то дѣлаютъ? Она меня и пригласи войти, да и покажи мнѣ все. Господи! какія страсти! въ большомъ то это шкафикѣ—все въ баночкахъ лежатъ дѣти, отъ котораго нога, отъ котораго рука, да черепы, да кости, а то одинъ-то покойничекъ какъ есть весь тамъ голышкомъ сидитъ въ шкафу; голова-то большая, глаза выпучивши; видишь, его какъ-то на солнышкѣ, чтобы не вонялъ, сушили. Страсти, да и только! А у другого-то голова, что тыква, морда собачья, а самъ, что ниточка, ажно смотрѣть страшно! А, поди ты, на мраморномъ столѣ рѣжутъ это мертвыхъ, да опосля изъ ефтой самой кишки воду то и выпускаютъ на нихъ, иглами ихъ зашиваютъ, да въ ваннѣ-то и моютъ? Оттуда въ гробикъ ужь кладутъ. Разинула я просто ротъ отъ ея разсказовъ. А ужь какъ подвела это она меня къ маленькому шкафику, да отворила дверцы, такъ я потомъ мѣста себѣ всю ночь не могла найти; все мерещится это мнѣ разныя страсти! Вѣдь въ ефтомъ-то самомъ шкафикѣ четыре покойничка на бѣлыхъ простыночкахъ голышкомъ лежатъ, худые такіе, страшные, синіе: у одного волосики черненькіе видны. «Это, значитъ, говоритъ мнѣ дѣвушка, онѣ дохтора ждутъ; завтра, всячески, соберутся дохтора, да и пойдутъ ихъ рѣзать, а ужь тамъ, въ шесть часовъ вечера, положимши ихъ въ гробики, сложимъ всѣ гробики въ корзину, мужики ихъ въ покойницкую всѣхъ вдругъ и вынесутъ и будутъ онѣ стоять тамъ до похоронъ.

Два раза въ недѣлю возятъ дѣтей хоронить. Наберется ихъ порядочно, наложутъ большую карету безъ оконъ полнешеньку, да и повезутъ на кладбище раннимъ утречкомъ». Ахъ Господи! Царица Небесная! какъ ужь это жалостно! Застанемъ ли мы нашу крошку? думаю я. Давай прощатся съ моей знакомкой, да скорѣе домой: не дышется какъ-то слободно въ ефтой комнатѣ, гдѣ покойнички-то лежатъ.

Пришла это я домой и говорить не хотѣла Зинаидѣ Николаевнѣ. Да, что съ ней подѣлаешь? Все выпытаетъ! Какъ услыхала это она про натомическую комнату, да про покойничковъ—всю ночь, бѣдная, глазъ не сомкнула. На утро, чѣмъ свѣтъ, поднялась, еле на ногахъ держится.

Приготовили мы все для дити, что надо, чтобъ не простудить, да тепленько, да мягенько было. Охъ, материнское сердце все-то болитъ, обо всемъ позаботится! Вотъ, наняли мы это карету и поѣхали: весь приборъ готовъ у меня въ мѣшочкѣ. Ѣдемъ, а у Зинаиды Николаевны щечки красными пятнами пошли, отъ тревожности значитъ. Вошли мы въ ефто самое крыльцо, куда дѣтей приносятъ, да прямо по лѣстницѣ на верхъ. Поднялись тутъ мы въ первый этажъ и передала Зинаида Николаевна начальницѣ, да какому-то дежурному мужчинѣ, что она, значитъ, пріѣхала розыскать дѣвочку по имени Надежда и бумажечку эту представляетъ, которую бабушка дала намъ. Посмотрѣла это начальница на Зинаиду Николаевну, сквозь свои очки, ничего обходительно, да и говоритъ; «Всякую дитю, которую приносятъ въ нашъ домъ, безъ свидѣтельства крестильнаго, возможно отыскать и взять пока не прошло шести недѣль, и съ того срока его значитъ отсылаютъ въ деревню. Мнѣ очинно жалко, а я вамъ на счетъ дити ничего сказать не могу, у насъ его нѣтъ, надо узнать во второмъ этажѣ; можетъ, его не отослали еще оттуда, а въ случаѣ отослали, то все же могутъ указать, куда отправленъ. А номеръ ребенка вамъ данъ фальшивый; настоящій его лежитъ въ правленіи: это дѣлаютъ для того, чтобы нельзя было его найтить». Слушаетъ ея Зинада Николаевна, держитъ это она бумажечку въ рукѣ, а рука ходуномъ-ходитъ, сама блѣдная такая. Дала это намъ начальница дѣвушку и повели насъ по лѣстницѣ во второй этажъ. Привела это она насъ въ большую такую комнату, чистую, свѣтлую; въ углу кивотъ съ образами; по стѣнамъ все стулья. «Это крестильня; здѣсь дѣтей крестятъ, что некрещенныхъ приносятъ», сказала шиптонка. Сѣли мы, ждемъ, покедова дѣвушка попроситъ къ намъ начальницу. Пришла она, не старая, бойкая такая. Стала ее Зинаида Николаевна Христомъ Богомъ упрашивать, розыскать это дѣвочку,

Слушала она ее, слушала, да и говоритъ: «Я, сударыня, что могу, то сдѣлаю, а должно, ваше дитя давно отослано въ деревню. Потрудитесь обождать: я пойду, почитаю по книгѣ; у меня это, значитъ, все тамъ видать». Остались мы снова однѣ. Зинаида Николаевна просто на ногахъ не держится: «Аннушка, Аннушка! Что же это такое? я думала пріѣду, покажу билетъ и мнѣ сейчасъ же выдадутъ мою дѣвочку, а это билетъ-то не настоящій и нумеръ фальшивый; ее услали куда нибудь очень далеко. Да тамъ ли она еще? Можетъ, померла? онѣ не знаютъ навѣрное! Мало ли здѣсь дѣтей, Боже мой! Боже мой! Какъ я страдаю! Я съ ума сойду безъ моей дѣвочки!» А у меня, другъ ты мой, въ головѣ-то вертится все, значитъ, ничего не понимаю; что хошь говори! Какъ же такъ? Зачѣмъ же намъ настоящаго-то билета не выдали? Вернулась къ намъ это начальница, вычитала тамъ все въ доскональности, и говоритъ: «Ваше дитя не въ деревнѣ, а поднята въ лазаретъ, вмѣстѣ съ другими, больными дѣтьми». «Умерла, скажите умерла она?» какъ закричитъ Зинаида Николаевна, а сама вся дрожитъ... Тутъ вспомнилась мнѣ ихъ натомическая комната и покойнички въ шкафикѣ, такъ морозъ по кожѣ и деретъ. Отправились мы отседова въ лазаретъ, на самую вышку. Идемъ, а на барыню жалостно просто глядѣть. Ну, другъ ты мой, шатается, что малый ребенокъ, щечки горятъ; сама все что-то про себя шепчетъ. Взошли мы на верхъ, а на насъ во всѣ глаза шиптонки-то смотрятъ. Повстрѣчала насъ тутъ какая-то барыня, какъ разсказала ей Зинаида Николаевна, такъ она такъ-то жалостно ее уговариваетъ: «Не сумлѣвайтесь, говоритъ, отдохните покедова, я сейчасъ посмотрю у себя по книжкѣ». А Зинаида Николаевна глазъ съ дѣтей не сводитъ, не признаетъ ли свою дѣвочку. Вернулась это мадама, видать тоже начальница, говоритъ Зинаидѣ Николаевнѣ: «Ваша дѣвочка у насъ по болѣзни была прислана, только тутъ у насъ такое сумленіе выходитъ!» Приказала это она привести двухъ кормилицъ: сказала нумеръ ихней. Вотъ и подошли двѣ мамки, съ двумя дитями на рукахъ. «Видите ли, говоритъ это начальница, въ такомъ-то мѣсяцѣ, того же дня, въ одинъ и тотъ же часъ, принесли двѣ дѣвочки по имени Надежда; вмѣстѣ онѣ и розданы были въ кабинетѣ мамкамъ и нумеръ тоже почти одинъ и тотъ же, разница на одную какую-то палочку: одная мамка и была поднята съ ними въ лазаретъ и билеты тутъ у нее, значитъ, помѣшались. Таперича мы узнать ужь и не можемъ, которая ваша дочь, потому обѣ дѣвочки, обѣ Надежды, принесены въ одинъ часъ и подняты въ одно время ко мнѣ сюда. Не помните ли вы ужь какую ни на есть примѣтку у вашей дочери? Не схожа ли она на васъ, либо на отца?... Мамки, положите дѣтей на пеленишники». Вотъ положили мамки дѣтей на такой желтый, по моему точно ясли, столъ; мягкій онъ и наволочка бѣлая надѣта. Подошли это мы къ дѣтямъ, глядимъ: обѣ маленькія, обѣ бѣлокуренькія и глаза у обѣихъ голубые,—ну, двѣ сестры, да и только, да такія-то хорошенькія... «Которая, Боже мой! которая изъ нихъ? Аннушка! не помнишь ли ты? Не было ли у нея какой примѣтки?» Стою я, смотрю, гдѣ же признать? много-ль я ея видала? опять же больно схожи промежь себя! «Я не могу узнать, которая! ради Бога, помогите мнѣ!» говоритъ Зинаида Николаевна ефтой самой начальницѣ. Подойдетъ это она къ одной, возьметъ ея на руки... Нѣтъ не она, не моя дочь! Положитъ. Возьметъ другую: смотритъ долго, долго... Нѣтъ, не моя и эта не моя! Которая же изъ нихъ моя? Стоимъ это мы всѣ, смотримъ на нее; слезъ невозможно сдержать! Да какъ нагнется она надъ ними, да зарыдаетъ...

«Крошка, моя милая, которая изъ васъ? Не знаю! Господь благословитъ тебя и не покараетъ за твою безумную, скверную мать, за все, за все, она довольно наказана!..» Схватила она ихъ, прижала крѣпко, крѣпко къ себѣ, благословила и бѣгомъ изъ палаты вонъ, по лѣстницѣ, внизъ. Я за ней съ узелкомъ, да безъ нашей радости! Вскочила она въ карету. «Скорѣе, скорѣе домой!» кричитъ кучеру. Покатили мы; она во всю дорогу не шелохнулась, не промолвила слова... Пріѣхали домой. Слегла она, да въ горячкѣ безъ памяти пролежала; ужь чего только она тутъ не говорила. Волосы ажно дыбомъ становятся, какъ ночью возлѣ ея кроватки сидишь. А онъ-то безпутный, старый чортъ, хошь бы малость жалости въ немъ было, рыскаетъ цѣлыми днями, Христосъ его вѣдаетъ гдѣ? На минуту, будто путный, войдетъ въ комнату, подойдетъ къ ней, нагнется чуть близко, какъ увидитъ его сердешная—замечется, начнетъ кричать: «Спасите! спасите меня! онъ меня душитъ, мучитъ! Уведите меня отъ него дальше!» И въ бреду все поминаетъ дочку, да такъ то жалостно говоритъ: «Я возьму мою крошку. Не плачь! тише, тише! я спасу тебя!» А то вдругъ начнетъ кричать, что украли у нея дитю и найти его, видишь, никакъ не можетъ.

Вотъ я тебѣ скажу, другъ ты мой, рука Божья! Кому бы и жить, какъ не ей? Все было, а она сама загубила себя ни за што, ни прошто!...

* * *

(Т. Н. Федоровой.)

Стих. А. М-ва.

Не говори, что люди-братья
Мнѣ стали чуждыми вполнѣ,
Что я храню одни проклятья
Для нихъ въ душевной глубинѣ.

Нѣтъ, мной давнымъ давно забыто
Все, что я вытерпѣлъ отъ нихъ:
И горечь злобы ядовитой,
И гнетъ гоненій роковыхъ.

Прошли друзей моихъ обманы,
Враговъ безумная вражда,—
И только въ сердцѣ двѣ-три раны
О нихъ напомнятъ иногда.

Теперь людей я сожалѣю,
Я имъ помочь всегда готовъ,—
Я только вѣрить не умѣю
Въ ихъ безкорыстную любовь.

Киргизскія степи въ западной Сибири.

(Статья Н. Н. Балкашина.)

(*Окончаніе.*)

III.

Между Акмолинскомъ и урочищемъ Деларъкаинъ-агачь пролегаетъ ишимская долина, представляющая открытую безлѣсную степь. Она охватываетъ верхнее теченіе р. Ишима до крутого поворота его на сѣверовостокъ къ Иртышу. Въ этой части Ишимъ не глубокъ и не широкъ, но весной онъ разливается на нѣсколько верстъ. Окрестности его состоятъ изъ поемныхъ луговъ, въ которые вдаются черноземныя возвышенности, вполнѣ удобныя для хлѣбопашества. На лугахъ много углубленій, напоминающихъ пруды. Казаки называютъ ихъ старицами, а киргизы карасу, т. е. черная вода. Надо полагать, что эти старицы образовались отъ водоворотовъ и вымоинъ при сильномъ разливѣ рѣки. Онѣ служатъ для водопоя киргизскимъ стадамъ. При всемъ томъ, нечего опасаться, чтобы поселенцы, водворяясь около Ишима на черноземныхъ холмахъ, терпѣли отъ наводненій, какъ случилось въ Амурскомъ краѣ. Строевой лѣсъ они могли бы привозить себѣ верстъ за 70 или за 100. Кромѣ того, мѣстами, около Ишима попадается камень плитнякъ, пригодный для построекъ. Встарину кочевники обкладывали этимъ плитнякомъ могилы.

Своеобразенъ киргизскій способъ переправляться черезъ Ишимъ. За отсутствіемъ лѣса, у нихъ нѣтъ ни мостовъ, ни паромовъ. Вмѣсто того они связываютъ снопы изъ гростника и переправляются на нихъ черезъ рѣку. Такіе тростниковые паромы называются по киргизски салъ.

Въ полую воду, салы дѣлаются большихъ размѣровъ и выдерживаютъ тяжесть киргизской двухколесной телѣги или арбы; но лошадей на салъ не становятъ и переправляютъ вплавь.

За Акмолинскомъ, по направленію къ востоку, земледѣльческія поселенія могли бы возникать на притокѣ Ишима, р. Муюлды и на р. Балтыкара. Въ той же сторонѣ тянутся ерейментаускія горы. Онѣ не высоки и представляютъ превосходное пастбище для скота. Подлѣ горъ, киргизы засѣваютъ небольшія поля пшеницы. Въ горахъ есть березовый лѣсъ. Деревья рас-

тутъ только по сѣвернымъ откосамъ горъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ лѣса выгорѣли въ Ерейментау. Теперь, большею частью, тамъ стоятъ опаленные стволы деревьевъ и подростаетъ молодой лѣсъ. Въ печати не разъ высказывалось, что для охраненія степныхъ лѣсовъ отъ пожаровъ, слѣдуетъ воспретить пускать палы, т. е. выжигать въ степяхъ сухую траву. Это близорукое сужденіе. До тѣхъ поръ, пока степи не будутъ выкашиваться повсемѣстно, — палы необходимы. Иначе степные луга всю весну и лѣто представляли бы собою заросли сухой травы, стада не могли бы находить въ нихъ сытныхъ пастбищъ послѣ зимней безкормицы, а пожары еще сильнѣе свирѣпствовали бы въ степяхъ, загораясь въ лѣтнюю жару отъ случайныхъ причинъ. Но палы слѣдуетъ пускать съ осторожностью, какъ только стаетъ снѣгъ и въ тихую погоду. Тогда въ лѣсахъ еще много влажности и огонь гаснетъ, приближаясь къ нимъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ, степные пожары рѣдко причиняютъ ощутительный вредъ, потому что казаки немедленно принимаются тушить ихъ, охраняя свои поля и запасы сѣна. Киргизы тоже не пускаютъ лѣтомъ паловъ и называютъ такія палы воровскими. Въ минувшія времена постоянныхъ усобицъ между кочевыми племенами, грабители—барантачи, угоняя изъ враждебныхъ ауловъ табуны лошадей, мчались съ ними противъ вѣтра и зажигали за собою степь, чтобы избавиться отъ погони.

Далѣе, за ерейментаускими горами, около рѣкъ Уленты и Чидерты мѣстность солонцоватая. Но въ ней попадаются черноземные участки, достаточные для хозяйства небольшихъ поселковъ. Чудныйкрай представляетъ принадлежащая казакамъ баянъ-аульская долина и ея окрестности. Онѣ расположены поддѣ сопокъ, частью скалистыхъ, поросшихъ соснами и верескомъ, частью луговыхъ съ березовыми рощами, какъ напримѣръ сопка Мурза-Чеку. Въ самой баянъ аульской долинѣ, одинаково съ долиной въ Ерейментау, около ручьевъ, встрѣчается роскошная растительность. Тамъ цвѣтутъ розовыя и пестрыя мальвы, синій дельфиніумъ, пунцовая барская спѣсь, бѣлый шиповникъ, ярко алый полевой горошекъ, а между ними зрѣетъ степная клубника. Всматриваясь кругомъ не вѣришь, что это, пустыня. Колосистый ковыль кажется издали воздѣланнымъ полемъ. Такъ и думается, что вотъ вотъ подъѣдешь къ деревнѣ. Но пока это одно воображеніе. Если же вспомнишь степныя казачьи станицы, разбросанныя на дальнемъ разстояніи одна отъ другой, то наглядно убѣждаешься, что онѣ не могутъ служить ни образомъ систематической колонизаціи, ни цивилизующею силой, способной распространить осѣдлость въ кочевой ордѣ.

IV.

При всѣхъ удобствахъ для земледѣлія на сѣверномъ склонѣ западносибирскихъ степей, не должно забывать, что въ немъ находятся обширныя пространства, состоящія изъ солончаковъ и каменистыхъ пустырей. Потому при систематической колонизаціи не всегда возможно располагать земледѣльческіе поселки по прямому направленію, отъ одного степного города къ другому. Такъ между Омскомъ и Акмолинскомъ, подобную линію поселеній потребовалось бы отклонить къ западу, чтобы обойти обширную впадину, заключающую въ себѣ значительное число соленыхъ и горькосоленыхъ озеръ. Изъ нихъ самое большое озеро сѣверный Денгизъ или Сары Денгизъ (желтое море). Занимая болѣе 1000 квадратныхъ верстъ, оно окружено мертвой пустыней, состоящей изъ солончаковъ и каменистыхъ уваловъ. Съ невысокихъ береговъ его видно, какое громадное водное пространство теряется вдали. Но нѣтъ на немъ ни одной лодки и рыба не всплеснется въ горькой водѣ. Развѣ усталая стая водяныхъ птицъ опустится въ него не надолго для отдыха. Между тѣмъ въ Денгизъ впадаетъ р. Селенты, протекающая на протя-

Изъ художественныхъ произведеній на всемірной парижской выставкѣ.

I. CHAPON.

Ночь.

Статуя работы **Г. Доре́.**

женіи до 300 верстъ, и, судя по картѣ, есть поводъ предполагать, что около нея нашлись бы мѣстности, пригодныя для систематическаго расположенія земледѣльческихъ селеній по направленію отъ Акмолинска къ Омску. Въ дѣйствительности только верховья Селенты могутъ соотвѣтствовать этой цѣли, а чѣмъ далѣе течетъ рѣка къ сѣверовостоку, тѣмъ плотнѣе охватываетъ ее каменисто-глинистая пустыня съ горными кряжами и увалами. У сопки Ичке-ульмесъ, Селенты, протекаетъ еще по долинѣ въ версту шириной, состоящей изъ небольшихъ поемныхъ луговъ или же поросшей густымъ кустарникомъ. На возвышенностяхъ, у подошвы сопокъ, построены киргизскія зимовки. По разсказамъ кочевниковъ, сопка названа Ичке-ульмесъ, т. е. «коза не пала» вслѣдствіе того, что когда-то, въ сильную гололедицу, киргизы поспѣшили отогнать свои стада изъ окрестностей Селенты и забыли у зимовокъ нѣсколько козъ, которыя, однако, не погибли съ голоду, питаясь прутьями жимолости. Прежде въ Ичке-ульмесъ находили золото и числились золотые пріиски. Далѣе Селенты течетъ болѣе сотни верстъ въ глубокой скалистой лощинѣ. Вблизи отъ ея русла, кое гдѣ, попадаются кусты жимолости, тала, черемухи и пр. Въ весенній разливъ рѣка превращается въ страшную стремнину. Но сколько бы она ни бушевала, ей не размыть сжавшей ее твердыни. Лѣтомъ Селенты не глубока и прозрачная вода струится въ ней, какъ быстрый потокъ, по киргизски «узюнъ». Въ рѣкѣ водится мелкая рыба. Отъ самыхъ окраинъ лощины, по обѣ стороны, раскидывается безплодная степь, на который преобладаетъ «кипецъ». Что это за трава, — ботаники не изслѣдовали вполнѣ. Одни утверждаютъ будто бы кипецъ, stipa cappilata, родъ ковыля; другіе признаютъ въ немъ festuca ovina. Съ виду кипецъ напоминаетъ бѣлоусъ въ нечерноземной полосѣ Россіи. Разница въ томъ, что бѣлоусъ грязножелтаго цвѣта и считается скуднымъ кормомъ для скота, а кипецъ сѣрозеленый и киргизскія стада свыклись питаться его сухими былинками, особенно зимою, когда эту траву легко доставать изъ подъ снѣга. Приближаясь къ своему устью, Селенты развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ по луговой низменности, составляющей чуть ли не единственный хорошій покосъ у мѣстныхъ киргизовъ. Верстъ за десять передъ впаденіемъ въ Денгизъ, вода въ рѣкѣ имѣетъ горькосоленой вкусъ. Кромѣ того въ Селенты вода солоновата, при впаденіи въ нее соленыхъ рѣчекъ Ащи-узекъ и Ащи-айрыкъ.

Но если большая часть пространства между солеными и горькими озерами непригодна для земледѣлія, отсюда не слѣдуетъ заключать, чтобы эта мѣстность не имѣла никакого экономическаго значенія для края. Въ ней находится множество доброкачественной соли, напримѣръ, въ озерѣ Теке, озерѣ Джаксы-тузъ и др. Водвореніе осѣдлыхъ земледѣльцевъ въ степяхъ, несомнѣнно усилила бы соляной промыселъ. Помимо сельскаго хозяйства, поселенцы могли бы отправляться на досугѣ къ соленымъ озерамъ и добывать въ нихъ соль, причемъ увеличивался бы казенный доходъ, получаемый съ послѣдней, а каменистые пустыри продолжали бы служить пастбищемъ для степного скотоводства.

Такимъ образомъ, нельзя не согласиться, что систематическая колонизація сѣвернаго склона акмолинской, семипалатинской и тургайской областей сопровождалась бы весьма важными экономическими послѣдствіями и еще болѣе сплотила бы Сибирь съ Россіей, расширивъ земледѣльческую полосу, которая теперь едва достигаетъ какихъ нибудь сотенъ верстъ въ ширину около Каинска, по той причинѣ, что съ сѣвера въ нее вдается болотистая низменность, пролегающая между Обью и Иртышомъ, а къ югу, въ продолженіи столѣтій, она не раздвигалась ни за предѣлы иртышской линіи, ни за предѣлы горькой линіи и т. д. между Семипалатинскомъ, Омскомъ, Петропавловскомъ, Троицкомъ и Орскомъ. Стоитъ взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, какъ было бы выгодно, если бы степное пространство между названными городами, достигающее до самого центра западной Сибири, перестало представлять собою пустынное кочевье киргизской орды и пересѣклось бы земледѣльческими полосами въ разныхъ направленіяхъ, а въ особенности по направленію отъ Оренбурга на Орскъ, Атбасаръ, Акмолинскъ, Баянъ-Аулъ и къ Иртышу. Сколько извѣстно, вопросъ о заселеніи степей, поднятый высшею администраціей западной Сибири, находится въ разсмотрѣніи подлежащихъ министерствъ. Остается пожелать, чтобы онъ скорѣй былъ разрѣшенъ на общую пользу Россіи и Сибири. Считаю, однакожь, необходимымъ высказать, что, по моему мнѣнію, крайне ошибочно было бы предназначать киргизскія степи для ссылки преступниковъ. Тогда кочевники встрѣтили бы въ осѣдломъ населеніи не одну религіозную рознь, съ которой болѣе или менѣе примиряетъ экономическая выгода взаимныхъ хозяйственныхъ сношеній. Они столкнулись бы съ пьянствомъ, съ развратомъ, съ изувѣрствомъ, съ отвращеніемъ къ труду и съ хищничествомъ, а это неминуемо побудило бы ихъ чуждаться всего русскаго, всего христіанскаго, въ глубинѣ своихъ степей.

Судебная ошибка.

Романъ Ф. Буагобея. Переводъ С. И. Воскресенской.

(Продолженіе.)

Глава V.

Все измѣняется въ этомъ мірѣ, и мода властвуетъ надъ всѣмъ. Въ прежнее время, полиція дѣйствовала методично, но однажды установленнымъ правиламъ. Самое переодѣванье имѣло свои опредѣленные типы, и личность сыщика, принимающаго на себя образъ свѣтскаго человѣка, пріобрѣла классическую извѣстность. Хорошо пригнанный парикъ, ловко наклеенные бакенбарды, бѣлый галстухъ, синій фракъ съ золочеными пуговицами и орденъ въ петличкѣ, составляли верхъ полицейской гримировки; но въ наши дни, все это уже признано недостаточнымъ и современные сыщики такъ же мало походятъ на своихъ предшественниковъ, какъ нынѣшніе ростовщики, щеголяющіе своими рысаками и ложами въ оперѣ, не походятъ на тѣхъ промышленниковъ, которые въ старину тоже обирали своихъ кліентовъ, но носили штаны съ заплатами и жили на чердакахъ.

Въ настоящее время, вмѣсто прежнихъ фальшивыхъ бакенбардъ и фантастическихъ орденовъ, украшавшихъ господина съ невозможнымъ аристократическимъ именемъ, требуются серьезныя гарантіи: жилища на виду у сосѣдей, правильный образъ жизни (по крайней мѣрѣ, повиду), и имя простое, даже крайне буржуазное, но никакъ не подозрительно — звонкое.

Старикъ Лекокъ былъ изъ первыхъ проповѣдниковъ этой новой системы, согласно которой человѣкъ можетъ служить дѣятельнѣйшимъ агентомъ полиціи, не измѣняя, ни своего имени, ни своихъ привычекъ. Втеченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, Лекокъ велъ самыя труднѣйшія дѣла при сыскной полиціи, между тѣмъ, какъ все сосѣдство считало его за самого простого мирнаго обывателя. Онъ обратился въ г. Лекока де-Жантильи, только въ тотъ день, какъ оставилъ дѣла.

Толбіакъ держался того же метода, и если онъ придалъ себѣ имя Теншебре, то единственно потому, что ему приходилось дѣйствовать нѣсколько въ иныхъ сферахъ, чѣмъ его знаменитому предшественнику. Въ качествѣ охотника за преступниками, занимающими извѣстное положеніе въ свѣтѣ, Толбіакъ былъ вынужденъ вращаться въ мірѣ игроковъ, кутилъ, любителей скачекъ и двусмысленныхъ женщинъ. Онъ долженъ былъ, поэтому, взять имя, которое болѣе годилось для подобнаго круга, а также создать себѣ и подходящую обстановку.

Г. де-Теншебре, — извѣстный подъ простою кличкою Толбіака только въ одной префектурѣ, — занималъ, въ улицѣ Гододе-Моро, квартиру въ первомъ этажѣ и жилъ какъ благоразумный человѣкъ, обладающій сорока тысячами франковъ дохода, не скряжничающій, но и не затрогивающій своего капитала. Онъ держалъ пару верховыхъ лошадей, грума, исправлявшаго всякую работу въ домѣ и привезеннаго имъ изъ Лондона, и довольствовался наемнымъ экипажемъ. Завтракалъ онъ дома, обѣдалъ въ модныхъ ресторанахъ, не пропускалъ ни одного перваго представленія, показывался ежедневно въ Булонскомъ лѣсу, зналъ весь Парижъ, — весь бульварный Парижъ, — былъ вхожъ во всѣ круги общества, а когда обращался къ полусвѣту, что случалось съ нимъ нерѣдко, то водилъ знакомство только съ свѣтилами этого міра. Короткихъ друзей у него не было; онъ не принималъ никогда у себя своихъ случайныхъ пріятелей и часто отлучался изъ дома, неизвѣстно куда. Но онъ выплачивалъ очень честно свои карточные долги, былъ очень услужливъ, умѣлъ подать добрый совѣтъ, былъ очень благороденъ въ отношеніи женщинъ, не былъ бранчивъ или хвастливъ и умѣлъ сохранять чужія тайны. Онъ пользовался отличною репутаціей и никто не старался особенно вникать въ его происхожденіе. Привратникъ благоговѣлъ передъ нимъ и не удивлялся нисколько, если къ такому почтенному и богатому жильцу заходили иногда плохо одѣтые посѣтители. Теншебре любилъ дѣлать добро; неудивительно, если къ нему заглядывали порою и нищіе. Когда Пьедушъ явился за нимъ, чтобы отвезти его въ улицу Арбалетъ, достойный привратникъ только умилился передъ самоотверженіемъ богатаго человѣка, который не полѣнился подняться съ постели въ восемь часовъ для того, чтобы навѣстить бѣдную семью, въ которою его приглашали.

Теншебре принялся очень горячо за порученное ему дѣло; но не менѣе его усердствовалъ и Пьедушъ, поклявшійся отыскать убійцу, поддѣвшаго его своимъ фальшивымъ полицейскимъ билетомъ.

На третій день послѣ своего разговора съ начальникомъ полиціи, Теншебре сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и перелистовалъ какіе-то документы, только что покончивъ свою бесѣду съ новою ключницей, которую онъ выписалъ изъ Англіи для порученія ей своего хозяйства, очень запущеннаго по милости грума, тоже англичанина, но порядочнаго негодяя. Заговорившись съ этою новою домоправительницею, Теншебре боялся пропустить минуту своего обычнаго свиданія съ Пьедушемъ на улицѣ, и потому очень торопился перебрать свои бумаги.

Эти документы, однакожь, не относились, къ дѣлу объ убитой женщинѣ, потому что на главнѣйшемъ изъ нихъ виднѣлось только родословное дерево, нарисованное перомъ на листѣ большого формата. Теншебре разбиралъ его такъ внимательно, какъ будто это была его собственная родословная, сличалъ его съ пергаментными листами, испещренными оффиціальными печатями, и дѣлалъ потомъ какія-то замѣтки въ своей записной книжечкѣ.

— Все совершенно правильно, проговорилъ онъ, наконецъ, — и порядокъ наслѣдія опредѣляется какъ нельзя яснѣе... Жакъ О'Сюлливанъ, умершій въ 1811 г., въ Остиндіи, въ г. Пуна, бомбейской провинціи, имѣлъ четырехъ сестеръ,

съ которыми онъ не видѣлся въ послѣднія пятнадцать лѣтъ передъ своею кончиной... Умеръ онъ бездѣтнымъ и не бывъ никогда женатъ. Онъ не оставилъ никакого завѣщанія, и его капиталъ, положенный въ дублинскій банкъ, доходитъ въ настоящее время до четырехъ сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Отъ четырехъ сестеръ покойнаго, изъ которыхъ двѣ вступили въ бракъ въ Англіи и двѣ во Франціи, къ 1 января текущаго года, оставались лишь четыре потомка, въ различныхъ степеняхъ родства; изъ нихъ трое женскаго пола, одинъ мужского. Ни одинъ изъ этихъ наслѣдниковъ не предъявлялъ никогда своихъ правъ на сказанныя деньги, по той простой причинѣ, что маіоръ О'Сюлливанъ проживалъ въ отдаленныхъ странахъ, тамъ же пріобрѣлъ свое богатство, и не имѣлъ никакихъ сношеній съ своею роднею. Какъ извѣстно, въ боковыхъ линіяхъ, ближайшій наслѣдникъ исключаетъ всѣхъ остальныхъ, а въ случаѣ его смерти, права его переходятъ къ идущему за нимъ, и, такимъ образомъ, до самого отдаленнаго родства... Дѣло отличное... Надо пересмотрѣть замѣтки о представителяхъ французской отрасли... Мнѣ остаются только они... Во-первыхъ: Тереза Леконтъ, несовершеннолѣтняя дочь покойнаго парижскаго банкира Леконта, внука Джіорджины О'Сюлливанъ, старшей сестры маіора. Во-вторыхъ: Полина Бернье,въ замужествѣ за Пьеромъ Камбремеромъ, дочь Катерины Бернье, мать которой, Елизабета, была младшею сестрой покойнаго О'Сюлливана... Тереза Леконтъ жива, находится при своей матери, жительствующей въ Булонина-Сенѣ, и должна, при своемъ совершеннолѣтіи, вступить во владѣніе значительнымъ отцовскимъ капиталомъ. Относительно Полины Бернье свѣденія менѣе точны, но если она и умерла, то послѣ нея должна была остаться дочь. Камбремеръ мастеровой, служитъ при орлеанской желѣзной дорогѣ... Я успѣю повидаться сегодня же съ обѣими наслѣдницами, послѣ моего свиданія съ Пьедушемъ..

Порѣшивъ такимъ образомъ, Теншебре всталъ, спряталъ всѣ документы въ секретный ящикъ своего стола и отправился на аллею Габрель, гдѣ, по условію, его долженъ былъ ожидать Пьедушъ, нарядившійся въ длиннополый сюртукъ, застегнутый до верха, и шляпу съ большими полями. Опираясь на трость съ бронзовымъ набалдашникомъ, онъ очень удачно изображалъ отставного офицера. Толбіакъ могъ подойти къ нему съ просьбою одолжить ему огня для сигары, и даже перемолвить съ нимъ нѣсколько словъ, не компрометируя себя въ глазахъ своихъ бульварныхъ знакомыхъ.

— Что новаго? коротко спросилъ Толбіакъ.

— Ничего. Чемоданы перерыли, но не нашли въ нихъ ничего, кромѣ бѣлья и женскихъ платьевъ. Богата была эта особа!

— И никакихъ бумагъ во всемъ домѣ?

— Ни клочка. Тотъ, кто распоряжался, не былъ глупъ. Сжегъ все... Однако, среди пепла уцѣлѣлъ кусочекъ конверта съ адресомъ: «Г-жѣ Маріи Фасситъ»... И штемпель цѣлъ. Письмо городское, отправлено изъ почтовой конторы, что на площади французскаго театра.

— А успѣли узнать фамилію домовладѣльца?

— Нѣтъ еще. На домѣ недоимка за цѣлый годъ. Сборщикъ податей полагаетъ, что въ Лондонѣ данъ фальшивый адресъ, и г. начальникъ поручилъ мнѣ просить васъ написать въ Англію...

— Я уже писалъ.

— Онъ поручилъ мнѣ еще сообщить вамъ, что слѣды того человѣка, который приходилъ въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, не подходятъ къ оставленнымъ передъ тѣмъ...

— Это не имѣетъ большого значенія. Преступникъ могъ перемѣнить обувь. А никто не призналъ убитую въ Моргѣ?

— Нѣтъ. Угольщикъ и его жена тоже не сообщили ничего интереснаго. Они говорятъ только, что эта дама выходила очень рѣдко и не принимала почти никого. Имъ удалось, однако, подмѣтить, раза два или три, пожилого господина, походившаго на иностранца, а въ самое послѣднее время, приходилъ тоже молодой человѣкъ, красивый собою, съ бородой...

— Это и есть убійца, сказалъ Толбіакъ утвердительно.

— Очень вѣроятно, потому что примѣты подходятъ къ тому мошеннику, который говорилъ со мною у рѣшетки и такъ надулъ меня...

— Надо отыскать его. Если его ты изловишь, получишь лично отъ меня тысячефранковый билетъ.

— Будьте благонадежны. Постараюсь. И не изъ-за тысячи франковъ, хотя и имъ буду радъ... Отложу въ сберегательную кассу для ребятишекъ... Но я и даромъ захватилъ бы его съ удовольствіемъ, потому что изъ-за него, негодяя, я едва было не лишился мѣста.

— А навелъ ты справки на счетъ этого Лерѣ?

— Какже. Никто не подозрѣвалъ никогда, чтобы у него было знакомство въ улицѣ Арбалетъ... Удивительнѣе всего, что угольщики, на что уже живутъ близко, а даже и тѣ не видывали ни разу, чтобы онъ приходилъ къ этой дамѣ. Имъ показывали тѣло; не узнаютъ.

— Можетъ быть, онъ приходилъ только ночью, сказалъ Толбіакъ довольно нетерпѣливо.—Однако, довольно. Мнѣ надо поторопиться... Старайся только отыскать молодого человѣка; все остальное мое дѣло.

— Слушаю. А что прикажете сказать по начальству, если спросятъ?

— Скажи, что я напалъ на слѣдъ... даже почти на два... Въ концѣ недѣли я побываю самъ въ префектурѣ.

Пьедушъ поклонился и хотѣлъ уже идти, но снова повернулся къ Толбіаку.

— Совсѣмъ было забылъ! сказалъ онъ.— Г. начальникъ придумалъ выучить нѣмого говорить.

— Это какъ?

— Изволите видѣть: приходитъ каждый день такой особый учитель и сидитъ у него въ камерѣ по два часа.

— Придумали! Пройдетъ нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ его выучатъ объясняться.

— Говорятъ, что не такъ долго ждать придется. Этотъ молодецъ, какъ видно, вовсе не глупъ; удивительные успѣхи дѣлаетъ.

— Тѣмъ лучше, холодно замѣтилъ Толбіакъ.— Но я на него не особенно разсчитываю и надѣюсь покончить свое дѣло ранѣе, чѣмъ онъ довершитъ свое образованіе.

Онъ повернулся спиною къ нумеру 29, быстро подошелъ къ своей каретѣ, дожидавшейся его на углу сосѣдней улицы, и крикнулъ:

— Булонь... На набережной четвертаго сентября... № 95.

Черезъ три четверти часа, экипажъ остановился передъ красивымъ, большимъ домомъ, стоявшемъ на правомъ берегу Сены, противъ веселой деревушки Сен-Клу.

Теншебре окинулъ взглядомъ богатую постройку и великолѣпный паркъ, разстилавшійся за домомъ, и произнесъ мысленно: «У нихъ по меньшей мѣрѣ сто тысячъ дохода. Это черезчуръ много для двухъ одинокихъ женщинъ. Слѣдовательно, еще вопросъ, прельститъ ли ихъ наслѣдство О'Сюлливана... Впрочемъ, деньги прельщаютъ всегда, какъ бы ни былъ богатъ человѣкъ... Надо ловко приняться за дѣло».

Онъ позвонилъ и отдалъ свою карточку лакею, говоря:

— Я не имѣю чести быть извѣстнымъ г-жѣ Леконтъ, но доложите, что я по весьма нужному дѣлу... интересующему въ особенности мадмуазель Леконтъ.

Лакей ввелъ его въ пріемную. Черезъ минуту дверь отворилась и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ.

— Вы желаете видѣть хозяйку дома, сказалъ онъ Толбіаку:—Она поручила мнѣ принять васъ.

— Съ кѣмъ имѣю я честь говорить? спросилъ Толбіакъ.

— Мое имя не объяснитъ вамъ ничего... къ тому же, вы не сочли нужнымъ объявить мнѣ ваше... Достаточно будетъ, если я вамъ скажу, что я буду скоро зятемъ г-жи Леконтъ.

Теншебре поклонился, думая въ то же время: «Зять... прахъ побери! надо поторопиться».

— Что же вамъ угодно, милостивый государь? продолжалъ молодой человѣкъ.—Я вамъ повторяю, что замѣняю хозяйку дома... по этому мы можемъ тотчасъ же поговорить о дѣлѣ... тѣмъ болѣе, что оно, какъ вы изволили объявить— къ моему удивленію, признаюсь, — интересуетъ преимущественно м-ль Леконтъ.

Впродолженіе этой рѣчи, произнесенной, правда, очень сухо, сыщикъ разсматривалъ молодого человѣка съ настойчивостью, доходившею до невѣжливости.

— Милостивый государь, замѣтилъ ему будущій зять г-жи Леконтъ,—я не думаю, чтобы вы явились сюда съ цѣлію издѣваться надо мною... и однакожь, ваши пріемы...

— Прошу васъ извинить меня, отвѣтилъ ему самымъ учтивымъ тономъ Теншебре.— Я заслужилъ, конечно, ваше нѣсколько рѣзкое замѣчаніе, но если я позволилъ себѣ всматриваться въ васъ болѣе, чѣмъ то дозволяетъ приличіемъ, то это потому, что лицо ваше показалось мнѣ очень знакомымъ... Простите еще разъ, если я осмѣлюсь васъ спросить: не жили ли вы нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Англіи?

— Да, я воспитывался тамъ нѣкоторое время, и чтобы уже разомъ удовлетворить вашему любопытству относительно моей личности, докладываю вамъ, что меня зовутъ Лекокъ де-Жантильи... къ вашимъ услугамъ всегда и во всякомъ мѣстѣ.

Онъ произнесъ эти послѣднія слова такимъ тономъ, который не оставлялъ сомнѣнія на счетъ ихъ внутренняго значенія, но посѣтитель не возразилъ на нихъ ничего и, что было странно, перестал настаивать на своемъ желаніи видѣть м-ль Леконтъ.

— Я вижу, что ошибался, сказалъ онъ холодно.—Ваше имя мнѣ совершенно незнакомо... я былъ введенъ въ заблужденіе случайнымъ сходствомъ... Мнѣ было желательно переговорить съ г-жею Леконтъ. Она не расположена принять меня... Можетъ быть, она и раскается въ томъ впослѣдствіи, но какъ бы то ни было, мнѣ остается только уйти.

Онъ поклонился довольно небрежно, вышелъ изъ дома и приказалъ своему кучеру ѣхать къ дебаркадеру орлеанской желѣзной дороги. «Вотъ едва было не запутался! думалъ онъ впродолженіе своего пути. Этотъ молодой человѣкъ, по всей вѣроятности, сынъ старика Лекока... и надо же, чтобы онъ задумалъ жениться именно на одной изъ наслѣдницъ... лучше сказать, на единственной, потому что другая наслѣдуетъ только въ случаѣ смерти этой... Гдѣ я видѣлъ молодого Лекока?.. Вѣроятно, въ Англіи... Надо провѣрить это... потому что, если онъ встрѣчалъ меня тамъ... Но, нѣтъ... онъ призналъ бы меня... Впрочемъ, я носилъ тогда бороду... Дѣло дрянь, чортъ возьми! Невозможно войти въ сношенія съ женщинами, которыя готовятся породниться съ Лекокомъ... Если я предложу имъ сдѣлку, онѣ станутъ совѣтоваться съ молодымъ человѣкомъ, тотъ обратится къ отцу, а старый хрычъ разгадаетъ всю мою махинацію... Нѣтъ, придется упо-

требить другой способъ... хотя онъ и опаснѣе... особенно въ эту минуту... но что прикажете дѣлать!.. Заберусь сюда на-дняхъ, чтобы изучить мѣстность... А между тѣмъ, надо устроить дѣло съ другою... Это будетъ легче, я думаю, хотя вступать съ нею въ переговоры невозможно: ей всего шесть лѣтъ!.. Надо сперва посмотрѣть, что за личность ея отецъ».

Теншебре приказалъ кучеру остановиться у части станціоннаго зданія, въ которой помѣщается управленіе орлеанской желѣзной дороги. Онъ зналъ всѣхъ служащихъ, почему отправился прямо къ тому лицу, подъ начальствомъ котораго находился Пьеръ Камбремеръ, и разсказалъ ему, что производится слѣдствіе, и что Камбремеръ можетъ дать полиціи важныя показанія.

— Вы позволите мнѣ не входить въ подробности, прибавилъ онъ, — потому что требуется вести дѣло съ большою осторожностью; я желалъ бы допросить вашего подчиненнаго.

— Я надѣюсь, онъ не замѣшанъ ни въ чемъ дурномъ, сказалъ начальникъ. — Онъ служитъ у насъ уже десять лѣтъ безукоризненно. Честность его не подлежитъ ни какому сомнѣнію.

— О, я въ этомъ увѣренъ, и постараюсь сдѣлать все безъ огласки, чтобы не компрометировать его, отвѣчалъ Теншебре. — Пустая формальность... единственно для нѣкоторыхъ свѣденій, которыя онъ одинъ можетъ намъ сообщить... Камбремеръ женатъ?

— Овдовѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ... Жена у него была изъ хорошей фамиліи... оставила ему дочь, которую онъ обожаетъ и не оставляетъ ни на минуту. Она находится при немъ, даже когда онъ на службѣ... Мы смотримъ на это сквозь пальцы, потому что человѣкъ онъ очень хорошій... Онъ дежуритъ теперь, и я увѣренъ, что дѣвочка при немъ, у дороги.

— Онъ чѣмъ у васъ?

— Стрѣлочникъ. Тяжелая служба! Изъ двадцати четырехъ часовъ, приходится двѣнадцать проводить подъ дождемъ, снѣгомъ, вѣтромъ или на солнечномъ припекѣ, смотря по времени года, и безъ другого убѣжища, кромѣ будки, изъ которой надо безпрестанно выходить для работы... И притомъ, необходимо ежеминутное вниманіе, расторопность... Конечно, мы и выбираемъ на эту должность самыхъ вѣрныхъ людей... Оно понятно: стрѣлочникъ держитъ въ своихъ рукахъ цѣлость поѣзда...

— Но какъ неостороженъ вашъ Камбремеръ! Можно ли водить съ собою дѣвочку къ рельсамъ... Долго ли до бѣды...

— О, эта малютка смышленѣе другихъ дѣтей ея возраста... За нее нечего опасаться... Вы желаете поговорить съ Камбремеръ... васъ проводятъ къ нему.

Онъ позвонилъ и сказалъ нѣсколько словъ служителю, который провелъ Толбіака черезъ лабиринтъ путей, перекрещивавшихся у станціи, и указалъ ему на будку, стоявшую вдалекѣ, возлѣ столба съ сигнальными дисками.

— Вотъ, сказалъ онъ, — Камбремеръ тамъ. Если хотите говорить съ нимъ, поторопитесь; черезъ десять минутъ пройдетъ поѣздъ.

Теншебре пошелъ вдоль рельсовъ и увидалъ передъ собою маленькую дѣвочку, которая шла по тому же направленію съ небольшою корзинкой въ рукахъ. «Это она, подумалъ сыщикъ. Несетъ завтракъ своему отцу. И вообразить только, что этой дѣвчонкѣ могутъ достаться десять милліоновъ франковъ, если только будущая г-жа Лекокъ умретъ, не успѣвъ оставить потомства! Прежде необходимо узнать, подозрѣваетъ ли Камбремеръ эту возможность».

Онъ подошелъ къ будкѣ въ то самое время, когда стрѣлочникъ вышелъ на встрѣчу дѣвочкѣ.

— Добраго дня, г. Камбремеръ, сказалъ ему сыщикъ привѣтливо.—Это ваша малютка?

— Да, отвѣчалъ Пьеръ, глядя на него съ недоумѣніемъ.—Съ кѣмъ я имѣю честь...

— Вѣроятно, она живой портретъ своей бѣдной матери? продолжалъ Толбіакъ.

Лицо стрѣлочника омрачилось при этихъ словахъ и онъ спросилъ глухимъ голосомъ:

— Вы знали мою жену?

— Нѣтъ, но мнѣ приходилось встрѣчаться съ ея матерью, г-жею Бернье... Вѣдь ее такъ звали?

— Такъ точно. Но вы пришли сюда ко мнѣ не затѣмъ же, чтобы только это сказать?

— И это, и кое-что еще....

— Марта, поиграй въ сторонкѣ, сказалъ Камбремеръ дочери, которая тотчасъ же поставила свою корзинку и отбѣжала прочь.

— Не забывай правый путь! закричалъ ей вслѣдъ Камбремеръ. — Ты знаешь, что оттуда будетъ поѣздъ... А теперь, что же вамъ угодно, сударь? Говорите скорѣе, потому что мнѣ пора къ стрѣлкѣ.

— Я васъ не задержу, сказалъ Теншебре. Не можете ли вы мнѣ сообщить, въ вашемъ же интересѣ, дѣвичью фамилію вашей тещи?

— Я не зналъ ее никогда, отвѣчалъ стрѣлочникъ.—Г-жи Бернье не было уже въ живыхъ, когда я женился.

— Откуда она была родомъ, по крайней мѣрѣ?

— Кажется мнѣ, изъ Пикардіи... навѣрное, не знаю. Моя жена родилась въ Аббевиллѣ. Но зачѣмъ вамъ...

— Я полагалъ, что ваша дочь имѣетъ права на одно наслѣдство..., но теперь думаю, что я ошибался.

— Разумѣется. Не такимъ людямъ, какъ мы, получать наслѣдства! Моя теща жила своими трудами и не оставила своей дочери ни одного су....

Вдали раздался рѣзкій и продолжительный свистъ.

— Вотъ и поѣздъ! воскликнулъ Камбремеръ. —Извините, мнѣ надо на мѣсто....

И, покинувъ докучливаго разспросчика, Камбремеръ кинулся къ своей стрѣлкѣ, повернувъ на ходу дискъ, который долженъ былъ служить машинисту сигналомъ того, что путь свободенъ. Стоя, при этомъ, лицомъ къ подходящему поѣзду, онъ обратился спиною къ Толбіаку, который направился къ дѣвочкѣ, собиравшей цвѣты неподалеку отъ рельсоваго пути.

«Онъ ничего не знаетъ, это очевидно, раздумывалъ сыщикъ. Но не сегодня-завтра, простой случай можетъ указать ему на право наслѣдства и тогда»....

Дѣвочка обратила къ нему въ эту минуту свою красивую бѣлокурую головку съ длинными локонами, ниспадавшими до плечъ и живописно обрамливавшими ея нѣжное личико съ голубыми глазами и розовыми щеками. Теншебре, вѣроятно, залюбовался малюткой, потому что остановился и пожелалъ даже сдѣлать ей маленькій подарокъ. Съ этою цѣлью, онъ вынулъ изъ своего кошелька золотую монету и показалъ ей, но дѣвочка только потрясла головою и не тронулась съ мѣста. Отецъ пріучилъ ее не принимать милостыни ни отъ кого. Теншебре пожалъ плечами и спряталъ обратно свой кошелекъ, но сдѣлалъ это довольно неловко, потому что выронилъ съ десятокъ луидоровъ на землю, и именно въ промежуткѣ между тѣми рельсами, по которымъ долженъ былъ пройти поѣздъ. Дѣвочка замѣтила это и принялась звать незнакомца, но онъ не оборотился и продолжалъ идти. Тогда она кинулась на путь и стала собирать деньги, чтобы отдать ему. Она совершенно забыла о подходившемъ поѣздѣ и только продолжала кричать, подбирая золотыя монеты, но Толбіакъ удалялся быстро, засунувъ руки въ карманы и не обращая вниманія на ея крикъ. Машинистъ стоявшій на локомотивѣ, не замѣчалъ дѣвочки. Онъ былъ совершенно спокоенъ, видя сигналъ: «путь свободенъ», и усматривая, къ тому же, стрѣлочника на своемъ посту.

Начальникъ станціи сказалъ правду: велика обязанность и отвѣтственность стрѣлочника. Этотъ малоизвѣстный агентъ обширнаго управленія представляетъ собою какъ бы боевой аванпостъ. Начальникъ движенія и стрѣлочникъ, это полководецъ и солдатъ, отражающіе непріятельскія силы. И въ той непрестанной борьбѣ, которую они ведутъ противъ враждебныхъ случайностей, малѣйшая оплошность можетъ причинить громадное бѣдствіе. На французской Западной линіи, напримѣръ, бывали такіе дни, въ которые, въ одни сутки, проходили до пяти сотъ двадцати девяти поѣздовъ.... и каждый изъ нихъ достигалъ мѣста своего назначенія въ должную минуту, безъ всякаго поврежденія, какъ бы пользуясь для себя совершенно особой дорогой. И дѣйствительно, у каждаго изъ нихъ былъ свой спеціальный путь, благодаря строго опредѣленнымъ часамъ отбытія и прибытія. Начальникъ движенія, стратегъ своего рода, разсчитываетъ всѣ эти часы и, какъ всякій великій полководецъ, можетъ опасаться лишь тѣхъ силъ, которые не подлежатъ никакимъ вычисленіямъ: роковая случайность, камень, брошенный на пути, лучинка, попавшая въ ось.... Но всѣ его разумныя распоряженія обратятся въ ничто, какъ и предначертанія всякаго полководца, если они не будутъ выполнены подчиненными съ строгой отчетливостью. Достаточно малѣйшей небрежности со стороны начальника станціи, малѣйшей невнимательности со стороны машиниста, чтобы самыя тонкія соображенія, самые вѣрные разсчеты обратились въ прахъ. Но еще важнѣе ошибка со стороны стрѣлочника, — человѣка, приравниваемаго, по его одеждѣ и жалованью, къ простому рабочему, и исполняющему свою обязанность съ геройскою простотой. Лица, проносящіяся передъ нимъ, небрежно поглядывая изъ оконъ своихъ первоклассныхъ вагоновъ, не думаютъ о томъ, что спасеніе ихъ зависитъ отъ этого существа въ простой рабочей блузѣ, и даже не отдаютъ себѣ вѣрнаго отчета въ важности его дѣла. Между тѣмъ, взгляните на безчисленное множество рельсовыхъ путей, перекрещивающихся у какой нибудь большой станціи; они походятъ на нити громаднаго станка, по которому лакомотивы снуютъ безостановочно, какъ ткацкіе челноки. Каждый поѣздъ, отходящій или приходящій, долженъ пользоваться своимъ путемъ,—иначе произойдетъ гибельное столкновеніе. Машинистъ, завидя препятствіе, можетъ лишь ослабить ударъ, задержавъ ходъ своего паровоза, но совершенно предотвратить его онъ не въ силахъ. Это уже дѣло стрѣлочника. Онъ долженъ знать ту пару рельсовъ, по которой можетъ безвредно промчаться поѣздъ, и направляетъ его на этотъ путь, соединивъ или раздѣливъ подвижную часть рельсовъ. Ему стоитъ ошибиться, стоитъ забыться на минуту, и весь поѣздъ обрекается на гибель.

Пьеръ Камбремеръ не ошибался и не забывался никогда. Это былъ человѣкъ молчаливый, сосредоточенный, въ особенности со времени кончины его жены, и не способный поддаваться тѣмъ грубымъ удовольствіямъ, на которыя были такъ падки его товарищи. Онъ былъ занятъ только своей дочерью, но и мысль о ней, не могла отвлекать его отъ исполненія своей обязанности, потому что дѣвочка была или въ школѣ, или при немъ. Въ настоящую минуту, онъ не думалъ даже о ней. Всѣ его помыслы были устремлены на поѣздъ, который приближался на всѣхъ парахъ и былъ уже не болѣе какъ въ ста метрахъ отъ стрѣлки.

Камбремеръ не заботился о Мартѣ, зная, что

Изъ картинъ, отправленныхъ на всемірную парижскую выставку.

Пріѣздъ крестьянина въ деревню. Картина г. КОРЗУХИНА.

Рисовалъ **И. Малышевъ**; рѣзали на деревѣ въ Варшавѣ **Б. Пуцъ** и **К. Мрувтынскій**.

Рисунокъ Г. ДОРЕ́.

Голуби.

дѣвочка привыкла къ движенію поѣздовъ и отлично умѣла оберегаться отъ всякой опасности. Къ тому же, онъ предупредилъ ее о приближеніи поѣзда. Но если Камбремеръ забылъ о Мартѣ въ эту минуту, то онъ не могъ не думать о незнакомцѣ, явившемся къ нему съ такими странными разспросами. Пьеръ страстно любилъ свою покойную жену и ему становилось тяжело, когда тревожили его воспоминанія, произнося ея имя. Тѣмъ непріятнѣе было ему въ этотъ разъ, потому что вздумалъ касаться его прошлаго человѣкъ, совсѣмъ ему незнакомый и не понравившійся ему съ перваго взгляда. О какомъ наслѣдствѣ онъ толковалъ?.. И ушелъ ли онъ, наконецъ, или дожидается, пока поѣздъ пройдетъ, чтобы снова возобновить разговоръ?....

Камбремеръ повернулся, чтобы взглянуть на незнакомца и увидалъ свою дочь, бѣжавшую за Толбіакомъ, не покидая пути, по которому мчался паровозъ.... Еще нѣсколько секундъ, и поѣздъ долженъ былъ настигнуть малютку. Она была въ какихъ нибудь двадцати шагахъ отъ своего отца, а между паровозомъ и стрѣлкою оставалось не болѣе тридцати метровъ. Если бы даже машинистъ успѣлъ замѣтить дѣвочку, онъ не имѣлъ бы времени дать машинѣ задній ходъ и затормозить ее... Одинъ только человѣкъ могъ спасти Марту: ея отецъ. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ рычагъ, заправляющій стрѣлкой... Одинъ поворотъ, и поѣздъ пронесется по сосѣднимъ рельсамъ... Но въ такомъ случаѣ, онъ наткнется на препятствія, которыя разрушатъ его... Спасая жизнь своей дочери, Пьеръ Камбремеръ долженъ былъ обречь на гибель сотни человѣкъ... Но допустить смерть своего ребенка, развѣ это не было тоже преступленіе?.. Стрѣлочнику оставалось десять секундъ, чтобы рѣшить этотъ вопросъ. Ему казалось, что онъ сходитъ съ ума... Блѣдный, судорожно сжавъ руками желѣзную полосу, отъ которой зависѣла жизнь Марты, онъ смотрѣлъ на грозную машину и ему чудилось, что это мчится чудовище, готовое поглотить свою добычу... Въ это мгновеніе, въ его раздраженномъ мозгу блеснула новая мысль:

«Всего три часа, думалъ онъ. Поѣздъ № 69 отходитъ только въ четыре... До тѣхъ поръ ничего... Этотъ успѣетъ дойти... Или служащіе замѣтятъ ошибку и дадутъ сигналъ остановиться.. А машинистъ хорошій... ловко знаетъ свое дѣло... остановитъ свой поѣздъ во время... Мнѣ откажутъ отъ мѣста, разумѣется... Но Марта будетъ спасена и никто не будетъ убитъ».

Всѣ эти соображнія промелькнули у него въ головѣ съ быстротой молніи и онъ уже хотѣлъ двинуть рычагъ, какъ вдругъ со стороны станціи раздался пронзительный свистъ. Опытный стрѣлочникъ не могъ сомнѣваться: то былъ знакъ отхода поѣзда, который долженъ былъ неминуемо столкнуться съ подходящимъ поѣздомъ, если бы Камбремеръ перевелъ стрѣлку.

— А! прошепталъ Пьеръ,—я забылъ... сегодня экстренный поѣздъ въ Этампъ... Какіе-то богатые молодые люди ѣдутъ на охоту... Но неужели же, ради этихъ господъ, вздумавшихъ забавляться, моя дочь должна умереть?.. Нѣтъ... этому не бывать...

Онъ налегъ всею силою на рычагъ, закрывая въ тоже время глаза, чтобы не видѣть гибели тѣхъ, кого онъ обрекалъ на неминуемую смерть... Но въ ту же минуту машинистъ экстреннаго поѣзда, можетъ быть, подозрѣвая опасность, принялся подавать частые и отрывистые свистки. Камбремеру почудилось, что паровозъ кричитъ ему:—Убійца!.. убійца!

Онъ выпустилъ рычагъ изъ рукъ, шепча:

— Марта, прости... Я не смѣю...

Долгъ одержалъ верхъ надъ родительскою любовью, но несчастный отецъ думалъ: «Когда все будетъ кончено, я брошусь самъ на рельсы подъ экстренный поѣздъ»...

Но ему захотѣлось взглянуть еще разъ на дочь. Какъ бы чувствуя на себѣ отцовскій взглядъ, она оборотилась и въ тоже мгновеніе увидала передъ собою исполинскую массу, готовую раздавить ее... Какое-то вдохновеніе свыше осѣнило несчастнаго отца.

— Ложись! крикнулъ онъ дѣвочкѣ громовымъ голосомъ...

Въ ту же секунду, паровозъ и вагоны скрыли отъ него все....

Онъ простоялъ нѣсколько времени неподвижно, потомъ кинулся на рельсы... Жива или нѣтъ? Дѣвочка весело смотрѣла на него своими голубыми глазенками.

— Я знала, что надо лечь на землю, заговорила она.—Мнѣ кочегаръ сказывалъ. Съ нимъ было разъ... и ничего. Вагоны такъ и проѣхали, какъ надо мною. Не плачь же, папа... Видишь, я совсѣмъ здорова.. Только въ ушахъ шумитъ.. А этотъ господинъ потерялъ деньги и свою визитную карточку... Ты отнесешь ему?

— Да, да, шепталъ Камбремеръ. — Но онъ долженъ мнѣ объяснить....

Шумъ поѣзда заглушилъ конецъ его фразы. Веселые охотники проѣхали мимо, не подозрѣвая опасности, которой они едва не подверглись...

(Продолж. слѣдуетъ.)

Паскарель.

Романъ Уида.

Переводъ **А. А. Разсказовой.**

(*Продолженіе.*)

Книга VII.

Поле цвѣтовъ.—Его исторія.

I.

Въ горахъ стоитъ вилла. Четыреста лѣтъ стоитъ она на этомъ мѣстѣ. Поломанныя скульптурныя работы на стѣнахъ,—это остатки щитовъ могущественныхъ поколѣній, царствовавшихъ тутъ. Извѣстный артистъ поселился въ ней. Здѣсь, подъ большими арками изъ зеленыхъ листьевъ, помѣщается его студія. На открытой каменной терассѣ лежатъ въ перемежку кисти, рисунки, книги, открытыя на стихахъ Данте или страницѣ изъ Боккачіо. Внизу на грядкѣ фіалокъ лежитъ мандолина. Въ тѣни остролистника стоитъ крестьянинъ; въ рукѣ у него вѣнокъ изъ слегка пожелтѣвшихъ лавровъ; онъ стоитъ моделью для рисунка, взятаго изъ Декамерона. Одно изъ оконъ комнаты открыто, въ него видна темно-малиновая бархатная драпировка и старинная чернаго дерева портретная рама. Кто-то въ комнатѣ напѣваетъ въ полголоса неаполитанскую рыбачью пѣсню. Артистъ, молча, рисуетъ въ тѣни остролиста; крестьянинъ стоитъ передъ нимъ, солнце играетъ на его желтой курткѣ, въ черныхъ прямыхъ бровяхъ, на побурѣвшихъ отъ дыханія зимы листьяхъ лавровъ. Я, Паскарель, прохожу между желтыми царскими кудрями, по лѣсу, усѣянному цвѣтомъ персика, прохожу черезъ поле, перескакиваю черезъ низкую стѣну и становлюсь около живописца.

— Вы будете лучшимъ Памфило, говоритъ артистъ, глядя на меня съ улыбкой привѣтствія.— Станьте на мѣсто Жіаконе, пусть онъ идетъ къ своимъ виноградникамъ.

Крестьянинъ ушелъ, довольный представившейся свободой, а я взялъ лавры и сталъ на его мѣсто.

— Я не достаточно молодъ для Памфило.

— Вы достаточно молоды для всего, отвѣчаетъ артистъ.—Вы никогда не будете стары.

Неужели я никогда не буду казаться старымъ? Я, Паскарель? Я чувствовалъ себя такимъ старымъ, когда поднимался сюда между сливовыми деревьями.

А какъ давно было то время—помню праздникъ Мертвыхъ въ ноябрьское утро, когда я съ тяжелымъ сердцемъ пошелъ во Флоренцію. Что я могъ сказать моей милой, любовь которой я, наконецъ, заслужилъ... А какъ я ее любилъ! Милосердый Боже! Да, но что мнѣ было дѣлать? Я шелъ, запинаясь по каменистой дорогѣ изъ Марко-Векіо, не желая встрѣтиться съ лучезарными, кроткими глазами ея, пока не разрѣшу свои затрудненія, не рѣшу, какъ мнѣ дѣйствовать. Какъ сказать ей правду? И какъ сказать ей, что не было правдой? И то, и другое было одинаково трудно... Случай разрѣшилъ за меня эту задачу.

Придя во Флоренцію, я увидѣлъ, что тамъ въ воздухѣ носилась буря. Народъ съ угрожающими словами, съ сдвинутыми бровями, толпился у бронзоваго Порселино; достаточно было зажженной спички около трута, чтобы появились смуты и кровопролитіе; я зналъ, что время еще не созрѣло для этого и говорилъ съ ними и успокоивалъ ихъ и спасъ, могу сказать безъ хвастовства, ихъ тѣла отъ пуль и стали, а городъ отъ грабежа и пламени. А подъ вечеръ я былъ арестованъ за свои труды, и отведенъ въ тюрьму, и когда я спрашивалъ, за что, мнѣ отвѣчали, за то, что я бунтовалъ народъ.

Я надѣялся, что вѣсть о происшествіи и моемъ арестѣ дойдетъ черезъ какого нибудь крестьянина до нея. Нѣсколько дней, я ничего не слыхалъ о ней и о своихъ, и самъ не могъ дать имъ знать о себѣ, и тосковалъ до отчаянія. Въ двѣнадцатый день моего заключенія пришелъ Токко, который, чтобы быть возлѣ меня въ тюрьмѣ, надѣлалъ разныхъ шалостей, разбилъ уличный фонарь... Бѣдный, дорогой мальчикъ, этимъ онъ желалъ выразить мнѣ свою любовь... побужденіе его было такъ благородно, что поневолѣ приходитъ сомнѣніе, неужели и онъ былъ рожденъ женщиной. Токко передалъ мнѣ много порученій отъ Бруноты и со слезами и страхомъ снялъ съ своей коричневой шеи висѣвшее на снуркѣ мое кольцо съ Парками.

Тогда только я узналъ чего лишился; прежде, чѣмъ онъ сказалъ слово, я зналъ, что дитя убѣжало въ тотъ самый день, когда арестовали меня. Почему она убѣжала? Я не зналъ. Ни одну минуту не думалъ я, что здѣсь вина Бруноты— мужчины такъ глупы. Я вообразилъ, что милая дѣвочка какимъ нибудь образомъ узнала о моей опасности и бросилась во Флоренцію, съ дѣтскимъ невиннымъ желаніемъ помочь мнѣ, и что съ ней случилось въ городѣ что-нибудь ужасное; можетъ быть, ее убили—или что нибудь еще худшее. Кто могъ узнать это? Я упалъ, какъ мертвый, и когда ко мнѣ вернулась жизнь, я былъ въ нервной горячкѣ—единственная болѣзнь, которую я испыталъ во всю свою жизнь. Маленькому Токко дозволено было ухаживать за мной, и онъ такъ хорошо исполнялъ это, что я выздоровѣлъ, хотя тюремные доктора говорили, что я безнадеженъ. Къ тому времени, какъ я всталъ на ноги, кончился и срокъ моего заключенія. Мальчикъ радовался и подбрасывалъ на воздухъ свою шапку, но мнѣ въ первый разъ въ жизни съ тѣхъ самыхъ поръ, когда я босоногимъ мальчишкой бѣгалъ за моимъ отцемъ, чудная жизнь Италіи казалась ненавистной. Вскорѣ меня выслали изъ Флоренціи съ запрещеніемъ возвращаться въ нее. Друзья мои отыскивали за меня слѣды моей милой дѣвочки во Флоренціи, я по всей Италіи. Но изъ нашихъ поисковъ не выходило никакого толку. Я, какъ съумасшедшій, кидался на сѣверъ и на югъ, но никогда не приходило мнѣ на мысль, что Брунота была причиной ея бѣгства.

Разъ весной, я остановился ненадолго въ деревнѣ Фріули, въ Ломбардіи, все съ смутной надеждой узнать что-нибудь о моей возлюбленной... Сироко дулъ какъ изъ раскаленной печки по

обнаженной землѣ; насѣкомыя жужжали и носились надъ виноградными листьями; я сидѣлъ около садовой стѣны; было два часа дня и совершенная тишина. Вдругъ въ этой мертвенной тишинѣ послышались голоса; одинъ изъ нихъ былъ Бруноты. Смыслъ ея словъ скользилъ по мнѣ, не оставляя впечатлѣнія; я слышалъ ее, не слушая; я такъ привыкъ къ ея рѣзкимъ, крикливымъ нотамъ,—она вѣчно жаловалась то на затерянную ленту, то на испорченное блюдо макаронъ,—что никогда уже не обращалъ вниманія на тонъ ея голоса. Звукъ поцѣлуя ясно дошелъ до меня. Я подумалъ, что время встать и уйти. Брунота вскрикнула и упала на колѣни. Коко (это былъ онъ) поблѣднѣлъ, какъ привидѣніе, всѣ члены его дрожали. Я скоро успокоилъ ихъ.

— Мои дорогія дѣти, сказалъ я имъ спокойно,—вмѣсто того, чтобы обманывать меня, лучше бы вы довѣрились мнѣ? Вмѣсто того, чтобы лгать за спиной, зачѣмъ не сказать мнѣ прямо въ лицо всю правду. Если вы желаете выйдти замужъ за этого малаго, Брунота, выходите съ Богомъ, я васъ не буду останавливать. У меня во Флоренціи отложена про запасъ тысяча лиръ, съ тѣмъ именно намѣреніемъ, чтобы отдать ихъ вамъ при нашемъ разставаньи. Устройтесь въ жизни, какъ найдете лучшимъ.

И они послушались меня, пошли къ священнику и купили на мои деньги землю, въ двухъ миляхъ отъ Флоренціи. Правда, Коко ползалъ у меня въ ногахъ, и плакалъ и клялся, что не дотронется ни до одного гроша. Въ мужчинахъ больше совѣстливости и меньше здраваго смысла. Брунота успокоила упреки его совѣсти. Однакожь, когда они поженились и кусокъ земли былъ закрѣпленъ за ними, Коко, въ сущности не злой мальчикъ, хотя трусливый и лживый, пришелъ ко мнѣ и снова бросился мнѣ въ ноги. Онъ стоналъ, что ему надо въ чемъ-то исповѣдаться передо мной.

—Говорите, сказалъ я.—Какая бы это ни была новая низость, говорите скорѣе.

Коко, весь въ слезахъ, какъ ребенокъ, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, сказалъ, что признаніе, которое онъ намѣревается сдѣлать, касается не его, а Бруноты; что онъ хотя давно зналъ объ этомъ, но не смѣлъ сказать, пока она не сдѣлалась его законной женой, такъ какъ онъ безъ ума влюбленъ въ нее. И тутъ только я узналъ, почему получилъ назадъ свой ониксъ. Коко пришелъ въ ужасъ отъ дѣйствія его словъ на меня; когда я пришелъ въ себя, онъ ползалъ у моихъ ногъ, умоляя не убивать Бруноту; дѣйствительно, попадись она мнѣ въ эту минуту, я не могъ бы отвѣчать за себя.

II.

Какъ только кончилось время моего изгнанія, я возвратился въ городъ. Едва я вошелъ въ него, народъ, завладѣвъ мною, захотѣлъ отпраздновать мое возвращеніе и понесъ меня на своихъ плечахъ по кварталу Голубки. Тамъ, высоко, за рѣшетчатымъ окномъ, я увидѣлъ ея лицо и... за всѣ мои старинные грѣхи и проступки, меня поразила молнія презрѣнія изъ глазъ ребенка; онъ осыпалъ меня заслуженными упреками; но подобныя слова нельзя два раза выслушивать даже отъ женщины; и я увидѣлъ ясно передъ собой свой долгъ, хотя, къ сожалѣнію, немного поздно.

Это былъ долгій, скучный трудъ отыскивать ея отца, особенно потому, что мнѣ приходилось заработывать на свое пропитаніе. Но я, наконецъ, исполнилъ ея волю, доставилъ ей знатность и богатство, и послалъ ей на прощаніе розы, сознавая, что навсегда потѣряно для меня это хорошенькое, беззаботное, капризное существо, которое блуждало со мной по странѣ поэтовъ. Я радъ, что во мнѣ хватило силы выполнить это... да, я радъ за нее. Если бы она и согласилась соединить свою жизнь съ моею, было бы позоромъ для меня ввести на мою темную, усѣянную иглами тропинку ея молодую жизнь, когда она не понимала еще, что дѣлаетъ. Богъ знаетъ, чтобы я совершилъ надъ собой, послѣ посылки прощальныхъ розъ, въ тѣ тяжелые дни, зная, что каждый годъ ея жизни будетъ все болѣе увеличивать между нами разстояніе, но мнѣ надо было жить...

Стояло жаркое, сухое лѣто, земля побѣлѣла и потрескалась, тьмы мошекъ носились въ воздухѣ надъ городомъ. Флоренція, несмотря на мою прежнюю любовь къ ней, потеряла для меня всю свою прелесть. Красота существуетъ не столько въ предметахъ, сколько живетъ внутри насъ самихъ... Однажды, при закатѣ солнца, я лѣниво шелъ по улицѣ Чулочниковъ, не думая ни о чемъ и дошелъ до небольшой группы, собравшейся у дверей таверны. Вдругъ ухо мое поражено было звуками скрипки, выходящими изъ этой кучки людей. Кажется, я слышалъ большую часть музыки, когда либо написанной на землѣ; въ Пизѣ, между прочими вещами, я изучалъ музыку, какъ науку; но эта арія была не похожа ни на какую другую — нѣжная, фантастическая, печальная, увлекательная и совершенно новая. Я остановился послушать.

Мальчикъ лѣтъ четырнадцати игралъ на скрипкѣ, сидя на старой перекладинѣ, отгораживающей канавку. Онъ былъ малъ ростомъ и худъ, съ хорошенькимъ, очень блѣднымъ лицомъ, платье его было въ лохмотьяхъ. Когда я подошелъ ближе, музыка внезапно оборвалась, слушатели задвигались; маленькій музыкантъ упалъ назадъ въ канавку, скрипка выпала изъ его рукъ. Я, растолкавъ народъ, приподнялъ голову мальчугана. По его наружности я заключилъ, что онъ лишился чувствъ отъ голоду. Хозяинъ таверны не хотѣлъ впустить его въ домъ, но такъ какъ онъ меня зналъ хорошо еще съ того времени, какъ я проводилъ у него въ веселой компаніи не одну ночь за стаканомъ вина, онъ согласился. Скоро мальчикъ пришелъ въ себя и раскрылъ свои большіе темные глаза. Онъ былъ красивъ и малъ, какъ дѣвочка, съ золотыми венеціянскими кудрями, разсыпавшимися вокругъ шеи.

— Я, кажется, игралъ... минуту тому назадъ? говорилъ онъ тихо, смотря на насъ.—Что же случилось?

— Вы лишились чувствъ, вотъ и все, отвѣчалъ я ему.—Отчего это? отъ жары, или, можетъ быть, вы больны?

Какъ ни велика была его блѣдность, онъ сильно покраснѣлъ.

— Отъ голоду, должно быть, сказалъ онъ.— Вотъ уже три дня какъ я ничего не ѣлъ, кромѣ корки хлѣба, оставленной собакой.

Зная это, помочь ему было легко. Когда онъ немного успокоился, онъ разсказалъ мнѣ свою исторію. Его звали Рафаэлемъ Батиста.

— Видите ли, дорогой синьеръ, говорилъ онъ, поднимая на меня свои большіе, грустные глаза,—я уроженецъ Вероны. Моя добрая, слѣпая мать умерла годъ тому назадъ, и я былъ такъ несчастливъ. Мой старый учитель музыки тоже умеръ; тамъ же жила одна милая, хорошенькая барышня, товарищъ моихъ игръ, и она изчезла самымъ страннымъ образомъ. Она была гораздо выше меня по положенію. Ея родные, кажется, важные господа, никогда не заботились объ ней. Когда она изчезла, вся Верона говорила, что она умерла, потому что въ то самое время найденъ былъ въ Адижѣ трупъ молодой дѣвушки, съ лицомъ, изгрызеннымъ крысами, такъ что не было возможности узнать ее. Но я увѣренъ, что добрый Богъ не возметъ ее къ себѣ, не позволивъ мнѣ прежде хотя разъ увидѣться съ нею. И мало по малу мнѣ пришло желаніе пойти и отыскать ее. И такъ, я отправился въ путь въ концѣ великаго поста и съ тѣхъ поръ я все блуждалъ' блуждалъ, не находя ее. Только разъ въ одной деревушкѣ въ Романьѣ я слышалъ о молодой дѣвушкѣ съ золотыми, какъ спѣлая пшеница, волосами, которая хорошо пѣла и народъ называлъ ее Учелло; я радовался, слыша ея прежнее веронское имя и говорилъ, что «не можетъ быть двухъ подобныхъ дѣвушекъ» и съ этой увѣренностію я пришелъ во Флоренцію. До сихъ поръ я ни въ чемъ не нуждался... Ни въ чемъ... Я пришелъ пѣшкомъ черезъ горы и долины. Только въ послѣдніе мѣсяцы было немного холодно, но народъ былъ всегда добръ ко мнѣ. Я игралъ на праздникахъ, на ярмаркахъ, на свадьбахъ, при сборѣ винограда, вездѣ, гдѣ приходилось; за это мнѣ давали ужинъ и постель, случалось, что нибудь и другое. Всего двѣ недѣли, какъ я во Флоренціи, но въ послѣдніе три дня не получалъ ничего. Сегодня вечеромъ, ходя по улицамъ, я игралъ немного. Вы знаете остальное. Вѣрно, я никогда не найду болѣе милую дѣвушку.

Мнѣ показалось, что я зналъ этого мальчика. Да, развѣ не слыхалъ я о немъ сотни разъ отъ товарища его игръ, когда гулялъ съ нею по берегамъ Арно? Развѣ не видалъ я его съ маленькой мандолиной въ рукахъ, съ босыми ногами и краснымъ поясомъ въ первый день карнавала въ Веронѣ?

Когда я нашелъ Рафаэлино на улицѣ, въ эту минуту я былъ почти не богаче его. Мальчикъ былъ боленъ и почти безъ одежды, надо было отыскать средство для поддержки его существованія или, по крайней мѣрѣ, отправить его въ больницу. Моего маленькаго Токко я помѣстилъ подмастерьемъ къ Орфіо Орландучіо и онъ подавалъ большія надежды въ искуствѣ; работать мнѣ было не для кого; а когда же итальянецъ станетъ работать собственно для работы? Это для насъ невозможно. Будь у насъ цѣль, мы работаемъ, какъ другіе люди. Если мы счастливы, мы лежимъ на солнцѣ и мечтаемъ; если несчастливы, то стоитъ ли приниматься за что нибудь. Итальянцы не любятъ кончать жизнь самоубійствомъ; почему? не знаю; можетъ быть, изъ страха Дантова ада или просто изъ любви къ растительному прозябанію.

На пятый день послѣ того, какъ я нашелъ мальчика, я пошелъ къ Пити, чтобы купить для него плодовъ и почти уже рѣшился отправиться въ Карару, какъ только онъ въ состояніи будетъ ходить. Горный воздухъ укрѣпитъ его, а для меня всегда тамъ найдется работа, такъ какъ я умѣлъ владѣть рѣзцомъ и былъ тамъ лично извѣстенъ. И такъ я рѣшился идти въ Карару. Но судьба рѣшила иначе. Идя по улицѣ, я наткнулся на коротенькаго, жирнаго пьемонтца Луку Пестро, который нажилъ себѣ большое состояніе,—къ чему склонны всѣ пьемонцы, — бывши директоромъ театра Гольдони во Флоренціи и другого меньшаго въ Туринѣ. Пестро летѣлъ ко мнѣ на всѣхъ парусахъ; его одежда была въ безпорядкѣ; онъ обнялъ меня со слезами на глазахъ. Я не встрѣчалъ его, по крайней мѣрѣ лѣтъ пять.

— Паскарель, о Паскарель! Какой добрый ангелъ послалъ васъ сюда? кричалъ онъ торопливо, не выпуская мои руки. — Знаете ли Ферарисъ умираетъ... часъ тому назадъ его пристукнулъ ударъ... а сегодня онъ долженъ играть въ присутствіи принцевъ; я издержалъ на постановку массу денегъ... и теперь я погибшій, раззоренный человѣкъ, если вы не возметесь за его роль.

Я отвѣчалъ, что и я уже слышалъ о болѣзни Фераниса; вездѣ говорятъ объ этомъ съ сожалѣніемъ; хотя Ферарисъ и очень старъ, но онъ одинъ изъ лучшихъ актеровъ, существовавшихъ въ Италіи.

Пестри такъ просилъ и уговаривалъ меня за-

нять мѣсто Ферариса, что я, вспомнивъ о больномъ Рафаэлино, наконецъ согласился.

Начало представленія было назначено въ восемь часовъ. Мнѣ нечего было готовиться; костюмы Ферариса приходились на мой ростъ, а роль свою я зналъ хорошо; въ давно прошедшія времена, путешествуя съ Зинзарой и ея трупой, мы игрывали: «Don Marzio alla Botega del Caffè» въ приморскихъ городахъ и горныхъ селеніяхъ Ривьеры.

Когда занавѣсъ упала, слава моя была упрочена во Флоренціи. Весь городъ съ ума сходилъ отъ меня; меня съ веселыми криками отнесли домой до моего чердака и, стоя подъ окнами, продолжали пѣніемъ возвеличивать мое торжество. Съ этой ночи слава моя все росла и росла, не только въ Тосканѣ, но и въ другихъ частяхъ Италіи, подобно кругамъ на водѣ отъ брошеннаго камня. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, каждый часъ моей игры считался на золото и брилианты. Только для Рафаэлино принималъ я ангажементы и продолжалъ работать; этотъ мальчикъ спасъ не только мой разсудокъ, но и самую жизнь.

Зимой всѣ города приглашали меня на расхватъ, одинъ передъ другимъ увеличивая мою плату. Но какъ только зацвѣтала виноградная лоза, я всегда возвращался назадъ во Флоренцію и все лѣто игралъ для народа, становился простымъ флорентинцемъ и ничѣмъ болѣе. Я игралъ подъ открытымъ небомъ, воробьи носились надъ моей головою; загорѣлыя грубыя лица жадно устремлялись на меня, стараясь не проронить ни одного моего слова. Если бы я въ продолженіи полугода не слышалъ вокругъ себя этотъ звонкій, грудной смѣхъ итальянца, подобный металическому звону большихъ праздничныхъ колоколовъ, я, кажется, потерялъ бы спокойствіе и мужество. Я слышалъ его всю жизнь и не могу теперь обойтись безъ него. Онъ для меня все равно, что труба для боевой лошади. И нѣтъ подъ солнцемъ другого подобнаго смѣха; мнѣ кажется, что такъ должны были смѣяться молодые боги, когда Панъ игралъ имъ на свирѣли.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Ночь.

Статуя работы Г. Доре́.

Прелестною мраморною группою Парка и Амуръ, которою въ прошломъ году восхищались въ Парижѣ, Г. Доре доказалъ, что онъ умѣетъ создавать прекрасныя произведенія не однимъ карандашемъ. Мраморъ повинуется тоже его волѣ и принимаетъ мягкія, нѣжныя формы, которыми любуется весь міръ въ его геніяльныхъ иллюстраціяхъ къ баснямъ Лафонтена, къ Донъ-Кихоту Сервантеса и др. Послѣднее скульптурное произведеніе Доре, рисунокъ съ которого помѣщенъ въ настоящемъ номерѣ нашего журнала, находится на Всемірной парижской выставкѣ. Ночь—это модель громаднаго подсвѣчника; всѣ звѣзды на немъ будутъ освѣщены газомъ. Не трудно вообразить себѣ, какой эффектъ произведетъ Ночь Доре, отличающаяся, кромѣ прекрасныхъ деталей и отдѣлки, еще — что не маловажно — и самою концепціею. Въ самомъ дѣлѣ, нужно обладать громаднымъ талантомъ, чтобы съумѣть такъ мастерски иллюстрировать довольно избитую тему. Ночь Доре, по концепціи, такъ далека отъ разныхъ женщинъ съ факелами и земными глобусами, посредствомъ которыхъ привыкли изображать эту мрачную подругу дня, что, если не самой скульптурѣ, то замыслу нельзя отказать въ геніяльности.

Образецъ цинкографіи.

Ст. П. Библіофила.

Число иллюстрированныхъ изданій увеличивается съ каждымъ годомъ, а по мѣрѣ увеличенія спроса на эти изданія, совершенствуются и способы иллюстрированія различныхъ журналовъ и книгъ. Стремленіе иллюстрировать, украшать книги ведется съ давнихъ поръ. Первоначальныя иллюстраціи существовали въ видѣ миніатюръ и состояли изъ разукрашенныхъ буквъ, изъ орнаментовъ къ полямъ книгъ, изъ картинокъ къ началу книгъ и главъ. Самыя древнія миніатюры, извѣстныя намъ, принадлежатъ Египту и насчитываютъ до 3000 лѣтъ существованія. Онѣ попадаются на сверткахъ папируса и представляютъ первыя попытки въ подобномъ родѣ. Украшали свои книги рисунками и древніе римляне, хотя время истребило всѣ подобныя произведенія и мы не имѣемъ ихъ образцовъ. Самый древній образецъ иллюстрированія книгъ, сохранившійся послѣ Рождества Христова, находится въ настоящее время въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ; это рукопись четвертаго вѣка, написанная въ небольшую четвертушку листа и содержащая въ себѣ отрывки Виргилія. Въ другихъ итальянскихъ библіотекахъ имѣются также рукописи съ иллюстраціями, относящіяся почти къ тому же времени. Но тогда какъ разныя смуты мѣшали въ Римѣ, въ то время, дальнѣйшему развитію этого рода произведеній,—въ Византіи искусство украшать книги дошло до полнаго процвѣтанія и отдѣлилось отъ искуства простой каллиграфіи. Особенно замѣчательны образцы подобной живописи, находящіеся теперь въ Вѣнѣ и относящіеся къ пятому вѣку,—это рисунки къ книгѣ Бытія и къ лечебнику. Также замѣчательны рисунки къ латинской библіи 540 года, находящейся въ Bibliotheca Laurentiana во Флоренціи, и пергаментный свитокъ Ватиканской библіотеки съ рисунками къ дѣяніямъ Іисуса Навина, относящійся къ седьмому вѣку, состоящій изъ 15 склеенныхъ вмѣстѣ кусковъ и доходящій до 10 метровъ длины. Позднѣйшія произведенія подобнаго рода въ Византіи начали принимать характеръ не самостоятельныхъ художественныхъ созданій, а ремесленныхъ работъ. Независимо отъ общаго историческаго развитія миніатюръ, въ седьмомъ и восьмомъ столѣтіяхъ, развилось въ Ирландіи искусство украшать книги. Это искусство было развито ирландскими монахами; они же занесли его въ Англію, а потомъ и на континентъ, особенно въ Швейцарію и сѣверную Италію. Ирландскія украшенія книгъ состояли изъ контурныхъ линій и имѣли совершенно иной характеръ, чѣмъ византійскія миніатюры. Образцы подобныхъ работъ находятся въ библіотекахъ въ Тринити-Колледжѣ, въ Дублинѣ, въ С. Галленѣ, въ монастырѣ въ Трирѣ, въ Миланѣ и т. д. Только съ восьмого вѣка, при помощи стремленій императора Карла Великаго, развить образованность, иллюстрированіе книгъ вступило на новый путь и дѣтскія попытки Ирландіи и Византіи начали принимать болѣе совершенную форму во Франціи, въ Германіи и въ Нидерландахъ. Къ четырнадцатому вѣку, миніатюрная живопись дошла до послѣдней степени своего процвѣтанія. Сначала въ этотъ періодъ заглавныя буквы составлялись изъ фигуръ звѣрей и рыбъ, а самые рисунки были чистѣйшимъ подражаніемъ византійскимъ работамъ; потомъ въ заглавныхъ буквахъ стали появляться цѣлыя картинки и рисунки къ тексту дѣлались сложнѣе и больше. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи вессобруннеровская рукопись въ Мюнхенѣ, относящаяся къ 814 году, и заключающая исторію обрѣтенія креста, потомъ находящіяся въ Парижѣ евангеліе 840 года императора Лотара и библія Карла Лысаго и т. п. Но всѣ эти иллюстрированныя книги производились переписчиками и рисовальщиками, и только въ первой половинѣ пятнадцатаго столѣтія нашлась возможность рѣзать картины на деревѣ, а значитъ и отпечатывать ихъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Карты и изображенія святыхъ были первыми произведеніями, которыя печатались при помощи рѣзьбы на деревѣ, и уже къ концу пятнадцатаго столѣтія въ Германіи существовало цѣлое общество рѣзчиковъ на деревѣ въ Аугсбургѣ, Нёрдлингенѣ, Нюрнбургѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Майнѣ, Кобленцѣ и Любекѣ. Книги, печатанныя при помощи рѣзьбы на деревѣ, распадались на три отдѣла: книги съ картинками безъ словъ, книги съ картинками и текстомъ и книги съ однимъ текстомъ. Послѣдняго рода книгами были по преимуществу латинскія азбуки. Послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, при помощи литеръ, рѣзьба на деревѣ нѣсколько упала и ею пользовались для небольшихъ изображеній, хотя во время реформаціи картины, рѣзанныя на деревѣ, имѣли огромное значеніе въ смыслѣ пропаганды извѣстныхъ идей. Такъ «Сокровищница» 1491 года, «Хроника» Гартмана Шеделя 1493 года, «Апокалипсисъ» Дюрера 1498 года, «Speculum passionis dom. n. J. Chr.» Ганса Шейфелейна 1507 года, и тому подобныя изданія имѣли большое значеніе. Гансъ Гольбейнъ, его братъ Амвросій, Лука Кранахъ, составили себѣ имена, какъ иллюстраторы. Во время послѣдовавшаго потомъ упадка рѣзанныхъ на деревѣ иллюстрацій, эти иллюстраціи сдѣлались по преимуществу принадлежностью народныхъ книгъ. Въ хорошихъ книгахъ начали появляться картины, рѣзанныя на мѣди. Только въ первой половинѣ настоящаго столѣтія снова начала воскресать рѣзьба на деревѣ и сталъ появляться съ подобными иллюстраціями англійскій «Пфеннигъ-магазинъ», предшественникъ нынѣшнихъ иллюстрированныхъ журналовъ. Художники, въ родѣ Людвига Рихтера и Адольфа Менцеля въ Германіи, Гораса Верне, Белланже, Раффе, Тонни Жоанно и Гранвилля во Франціи, художниковъ «Punch'a» въ Англіи, дали толчекъ этому движенію и уже съ половины сороковыхъ годовъ началось основаніе повсемѣстно большихъ и малыхъ иллюстрированныхъ журналовъ. Во всѣхъ городахъ, гдѣ были рисовальныя школы и академіи художествъ, стали возникать школы рѣзчиковъ на деревѣ и способы воспроизведенія картинъ въ печати стали быстро совершенствоваться. Фотографія, литографія, рѣзьба на мѣди и на стали, офортъ, фотолитографія, цинкографія и множество другихъ способовъ служатъ теперь для передачи картинъ, въ иллюстрированныхъ журналахъ. Еще недавно—какой-нибудь годъ тому назадъ—публика смотрѣла не особенно снисходительно на цинкографію. Картины, воспроизводимыя этимъ способомъ, выходили неотчетливы, грязны и тусклы; но довольно было года, чтобы этотъ дешевый, относительно, способъ воспроизведенія картинъ сдѣлалъ значительные успѣхи, такъ что теперь уже можно пользоваться имъ, не боясь испортить художественное произведеніе. Желая знакомить наше общество какъ съ лучшими художественными произведеніями, такъ и съ различными способами воспроизведенія въ печати этихъ произведеній, редакція нашего журнала сдѣлала заказъ нѣсколькихъ образцовыхъ цинкографій, одна изъ которыхъ находится передъ глазами нашихъ читателей. Это точная копія съ картины Людовика Пассини, приготовленная въ фотолитографическомъ заведеніи М. Д. Рудометова; она нисколько не уступаетъ англійской копіи съ этой картины,—копіи, рѣзанной на деревѣ однимъ изъ лучшихъ рѣзчиковъ въ Лондонѣ. Способъ, которымъ приготовлена наша картина, имѣетъ то преимущество передъ рѣзьбой на деревѣ, что онъ обходится дешевле и картины могутъ быть изготовляемы при помощи его скорѣе.

О самой картинѣ Пассини намъ нечего говорить: сюжетъ этой прелестной вещицы понятенъ безъ объясненій, такъ какъ и сама утопленница, и способъ ея спасенія и близкіе ей люди, стоящіе въ трепетномъ ожиданіи, все это на глазахъ у публики. Мы считаемъ нужнымъ сказать только пару словъ о самомъ художникѣ. Людвигъ Пассини—сынъ извѣстнаго вѣнскаго гравера Іоанна Пассини—родился въ 1832 году. Онъ посѣщалъ вѣнскую академію искуствъ и въ 1850 году переселился со своими родителями въ Тріестъ, а потомъ въ Венецію. Его художественный талантъ развился подъ руководствомъ Карла Вернера. Далѣе Пассини перебрался въ Римъ, гдѣ занимался архитектурной живописью, а съ 1864 года начало появляться множество его жанровыхъ произведеній изъ римской народной жизни. «Каноники», «Исповѣдующіеся», «Продавцы дынь» и тому подобныя его произведенія прославили его имя, появившись въ 1871 и въ 1876 годахъ, на выставкахъ въ Вѣнѣ. Число произведеній Пассини очень велико и онъ получаетъ за свои картины баснословно большія деньги. Особенно цѣнится онъ, какъ акварелистъ.

Хамелеонъ.

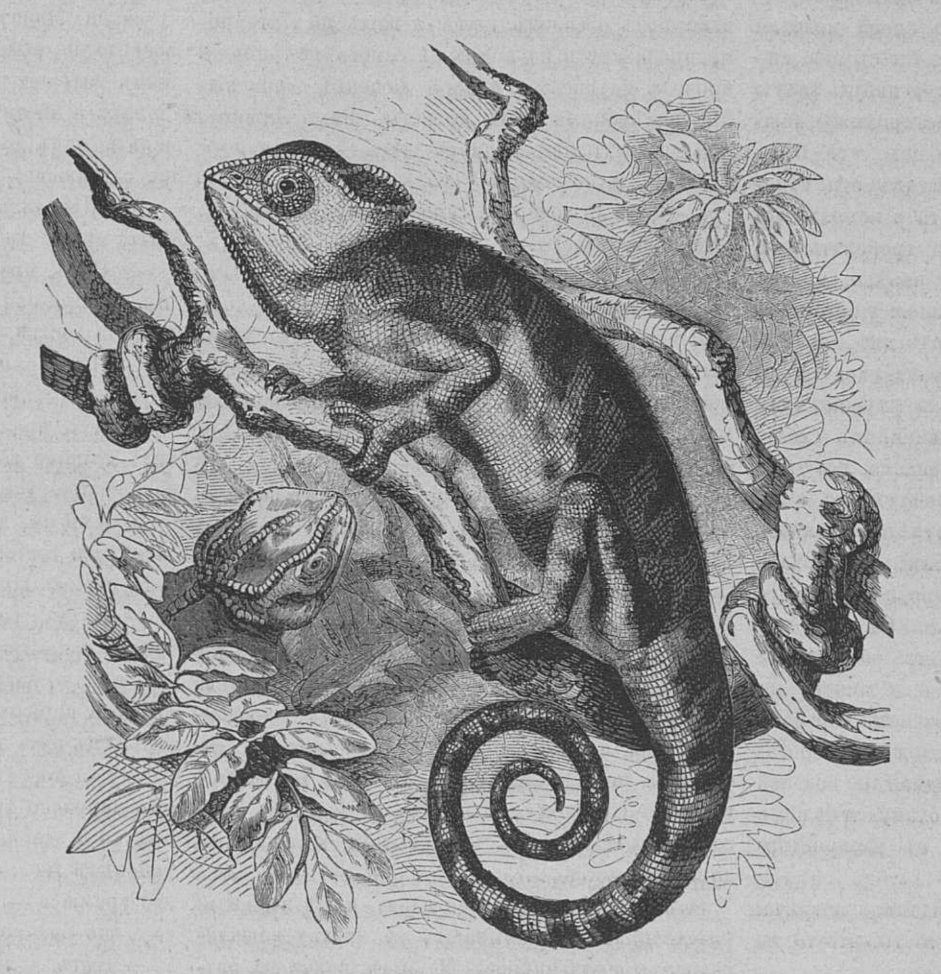
(См. рисунокъ на стр. 503).

Хамелеоны (Chamalleontes) принадлежатъ къ роду ящерицъ. Они живутъ въ старомъ свѣтѣ, имѣютъ высокое, сплющенное нѣсколько съ боковъ тѣло, похожее по формѣ на тѣло ящерицъ, покрытое жесткой кожей, форма ихъ головы пирамидальная, на цѣпкихъ ногахъ у нихъ находится по пяти пальцевъ, ихъ закрученный хвостъ служитъ имъ пособіемъ, когда они прицѣпляются къ чему нибудь, у нихъ большія, растяжимыя вѣки и очень длинный червеобразный языкъ, оканчивающійся утолщеніемъ и углубленіемъ и отличающійся липкостью. Ихъ кожа отличается особенною способностью измѣнять свой цвѣтъ, смотря по цвѣту предметовъ, среди которыхъ находится животное. Это свойство ихъ кожи зависитъ какъ отъ внѣшняго вліянія на нее извѣстныхъ цвѣтовъ, такъ и отъ произвола самаго животнаго. Хамелеонъ питается исключительно насѣкомыми и интересно наблюдать, какъ онъ ихъ ловитъ: прицѣпившись куда-нибудь къ дереву онъ проводитъ цѣлые часы совершенно безъ всякаго движенія, но стоитъ къ нему приблизиться его жертвѣ, какъ его языкъ высовывается съ быстротою молніи и уноситъ въ ротъ добычу, которая захватывается этимъ липкимъ орудіемъ хамелеона. Быстрое до послѣдней крайности движеніе языка хамелеона дѣлаетъ его охоту на насѣкомыхъ всегда удачною; измѣненіе же цвѣта его кожи согласно съ обстановкой дѣлаетъ его почти незамѣтнымъ для его жертвъ, которыя и попадаются совершенно неожиданно на его удочку. Хамелеоны водятся въ Африкѣ, Азіи, Австраліи и Европѣ, въ южной Испаніи. Послѣдній родъ хамелеоновъ, водящійся въ Испаніи, нерѣдко держится въ домахъ, какъ въ Испаніи, такъ и въ Египтѣ, для истребленія назойливыхъ мухъ. Хамелеонъ чрезвычайно стойко выноситъ голодъ и проводитъ зиму въ норахъ, сдѣланныхъ въ землѣ.

Освобожденіе.

(См. картину на стр. 507.)

Картина Бланка переноситъ насъ въ область мифовъ: передъ нами является Андромеда, освобождаемая героемъ-полубогомъ Персеемъ. Андромеда дочь эфіопскаго царя Кефея и царицы Кассіопеи. Мать Андромеды превозносила красоту Андромеды, говоря, что она прекраснѣе Нереидъ. Это раздражило послѣднихъ и Посейдона, который наслалъ на страну наводненіе и морское чудовище. Жители обратились съ мольбою къ богамъ и Зевесъ обѣщалъ имъ спасеніе, если чудовищу будетъ брошена на съѣденіе Андромеда. Царю пришлось пожертвовать дочерью и вотъ ее приковали къ скалѣ. Здѣсь-то и нашелъ ее Персей, принесшійся къ ней на крылатомъ конѣ Пегасѣ и поразившій чудовище. Согласно обѣщанію царя, онъ получилъ Андромеду въ жены, но такъ какъ она уже была обѣщана прежде Пинею, то между двумя претендентами и послѣдовала схватка въ день свадьбы Андромеды. Персей остался побѣдителемъ и Андромеда послѣдовала за нимъ, сдѣлавшись счастливою женою и матерью большой семьи. Этотъ мифъ повторяется у различныхъ народовъ и служитъ предметомъ разныхъ преданій и сказокъ. Въ сущности имъ символизируется борьба добра со зломъ, которому отдается на жертву судьбою невинное существо. Именно въ такомъ смыслѣ понимаютъ легенду о св. Георгіѣ Побѣдоносцѣ, которому преданіе точно также, какъ Персею, приписываетъ освобожденіе молодой дѣвушки отъ страшнаго змѣя или чудовища, которому она была брошена на съѣденіе. Эта легенда, вѣроятно, занеслась во времена крестовыхъ походовъ рыцарями, которые тоже шли освобождать отъ чудовища—язычества и мухамеданства—святую землю. История Андромеды и Персея обработана въ трагедію Корнелемъ.



Хамелеонъ.
(Chamaeleo vulgaris) $^1/_2$ натуральной величины.

Наши ближніе.

(Фельетонные наброски.)

X.

Отрывки изъ записной книжки стараго холостяка.

...Одинъ неаполитанецъ, по натурѣ простякъ и добрый малый, узналъ однажды, что умеръ папа. Это извѣстіе глубоко тронуло его. На слѣдующій день ему случайно разсказалъ кто-то, что неаполитанскій король только что испустилъ послѣдній вздохъ. Новая печальная вѣсть совсѣмъ смутила бѣднаго малаго. Онъ пошелъ домой оплакивать смерть папы и короля, какъ вдругъ услыхалъ на дорогѣ, что кто-то говоритъ о внезапной кончинѣ палермскаго архіепископа. Этотъ послѣдній ударъ окончательно поразилъ простяка и онъ провелъ всю ночь въ слезахъ. «Должно быть, думалъ онъ, наступаетъ кончина міра». Неизвѣстно, чѣмъ окончились бы его горькія размышленія, еслибы по утру ихъ не прервалъ глухой шумъ, раздававшійся неподалеку отъ его жилища. «Что это за шумъ?» спросилъ онъ. Ему отвѣтили, что это его сосѣдъ приготовляетъ макароны.—«Какъ, воскликнулъ онъ, — папа умеръ, неаполитанскій король умеръ, палермскій архіепископъ умеръ, а люди еще дѣлаютъ макароны! Неужели же, не смотря на такія потери, въ мірѣ все должно идти по старому и люди должны по прежнему заботиться о своихъ макаронахъ!»

Онъ задумался надъ этимъ вопросомъ и сдѣлался впослѣдствіи великимъ философомъ.

Я не знаю къ какимъ философскимъ выводамъ пришелъ онъ, я не знаю даже его имени, такъ какъ исторія не вписала его въ число великихъ людей, но анекдотъ о немъ вспомнился мнѣ недавно и вотъ по какому поводу.

У меня былъ молодой другъ; мы очень любили другъ друга; мы не могли жить одинъ безъ другого; я сознавалъ, что я необходимъ для него. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ, весь сіяющій, весь радостный: онъ влюбился, онъ былъ любимъ, онъ намѣревался жениться. Конечно, онъ долженъ былъ подѣлиться своимъ счастіемъ прежде всего со мною, конечно, именно я долженъ былъ взять на себя часть хлопотъ по свадьбѣ. Вѣдь я былъ его лучшимъ другомъ. Я былъ въ восторгѣ, что мнѣ пришлось ѣздить съ нимъ покупать мебель и подарки для невѣсты, заказывать офиціантамъ все необходимое для свадебнаго пира и торговаться съ попомъ, хлопотать о букетѣ для невѣсты и держать надъ своимъ другомъ вѣнецъ во время вѣнчанья. Содѣйствовать устройству счастія своимъ ближнимъ всегда отрадно. Послѣ свадьбы у молодыхъ былъ обѣдъ и они объявили, что они удаляются на лѣто въ деревенскую глушь, чтобы быть совершенно одними. Они говорили это такъ весело, такъ радостно, что я подавилъ даже слабый вздохъ, который готовъ былъ вырваться изъ моей груди, при извѣстіи о томъ, что мнѣ предстоитъ долгая разлука съ моимъ единственнымъ другомъ. «Не слѣдуетъ быть эгоистомъ, думалось мнѣ.—Не брать же имъ, въ самомъ дѣлѣ, съ собою всѣхъ

друзей въ деревню или не оставаться же имъ здѣсь ради того, что безъ нихъ будетъ скучно ихъ друзьямъ». Мы простились. Прошли дни, недѣли, мѣсяцы, а о моемъ другѣ не было ни слуху, ни духу. Я не обвинялъ его за то, что онъ мнѣ не пишетъ, не обвинялъ потому, что онъ въ первый же мѣсяцъ послѣ своего отъѣзда написалъ въ отвѣтъ на мое письмо: «Я счастливъ, счастливъ и счастливъ,—вотъ все, что я могу сказать тебѣ. Если бы я написалъ тебѣ сотню писемъ, то все содержаніе каждаго изъ нихъ заключалось бы только въ этихъ словахъ. Описывать счастье нельзя—его можно только переживать. Вотъ почему, мой добрый другъ, я не пишу тебѣ. Мнѣ нечего писать и некогда писать. Ты спросишь: что я дѣлаю,—я тебѣ отвѣчу: ровно ничего, но тѣмъ не менѣе мнѣ некогда взяться за перо. Счастіе поглощаетъ всего человѣка, отбиваетъ всѣ другіе помыслы, отнимаетъ у него все время. Чтобы понять это—нужно испытать это. О, какъ бы я былъ радъ, если бы ты влюбился, если бы тебя полюбили, если бы ты женился, если бы въ одинъ прекрасный день ты появился здѣсь со своей молодой женой. Да нѣтъ, ты не пріѣхалъ бы съ нею сюда, ты отыскалъ бы съ нею какую нибудь такую глушь, гдѣ не было бы никого посторонняго, лишняго, гдѣ былъ бы только ты съ нею, гдѣ была бы только она съ тобою». Прочитавъ эти строки, я порадовался за своего друга и понялъ, что дѣйствительно было бы странно требовать отъ него писемъ. Я сѣлъ писать ему отвѣтъ, но, не кончивъ своего письма, я задумался: у него нѣтъ времени, нѣтъ возможности писать мнѣ, но есть ли у него время читать мои письма, могутъ ли они теперь интересовать его, не смущаетъ ли его ихъ появленіе на его письменномъ столѣ, напоминая ему о томъ, что на письма все-таки нужно отвѣчать, наконецъ, какой смыслъ имѣютъ письма, на которыя нѣтъ отвѣта, не являются ли они чѣмъ-то въ родѣ «самъ съ перчаткой разсуждалъ?» Я оставилъ перо и ушелъ гулять, не дописавъ начатаго письма. Съ этого дня моя переписка съ моимъ другомъ оборвалась. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а я ничего не зналъ о моемъ другѣ. Я уже начиналъ серьезно подумывать, гдѣ бы узнать о положеніи дорогого мнѣ человѣка, какъ вдругъ однажды, поздней осенью, совершенно случайно, столкнулся съ нимъ на улицѣ. Я бросился къ нему съ распростертыми объятіями.

— Голубчикъ, вотъ-то неожиданная встрѣча! воскликнулъ я.—Я думаю, гдѣ-то ты, что-то ты дѣлаешь, а ты въ Питерѣ!

— Да, да, въ прошломъ мѣсяцѣ пріѣхалъ, отвѣчалъ онъ, цѣлуясь со мною.

— И не далъ мнѣ знать! упрекнулъ я его.

— Мы еще не устроились, остановились у родственниковъ жены, отвѣтилъ онъ.—И столько хлопотъ и заботъ... Вы вѣдь, холостяки, этого не понимаете, а нашъ братъ, семьянинъ, голову теряетъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ нахожусь я.

— А что, развѣ что нибудь случилось? встревожился я.

— Да, жена въ такомъ положеніи, что нужно найдти скорѣе удобную квартиру и поберечь ее, голубку, отвѣтилъ онъ.—Я очень боюсь за нее, она у меня такая хрупкая...

Онъ вздохнулъ.

— Ты меня извини, я тороплюсь, проговорилъ онъ.—Мнѣ нужно зайдти взглянуть на предлагаемую мнѣ квартиру и посовѣтоваться съ однимъ знакомымъ семействомъ на счетъ акушерки. Я не знаю, какая изъ нихъ надежная женщина, а тоже, если что случится, нехотѣлось бы взять первую попавшуюся съ вѣтру...

— Ты заверни ко мнѣ-то, сказалъ я.

— Хорошо, хорошо, какъ только устроюсь и успокоюсь немного. Ахъ, братъ, ты и представить не можешь, что за чувства испытываетъ человѣкъ, готовясь впервые сдѣлаться отцомъ: тутъ и страхъ, и радость... Ну, однако, прощай, мнѣ некогда ..

Онъ торопливо пожалъ мнѣ руку и быстро пошелъ по своей дорогѣ. Я постоялъ нѣсколько мгновеній на мѣстѣ, провожая его глазами, а потомъ грустно побрелъ домой. Какое-то скверное чувство шевельнулось во мнѣ, не то сознаніе, что между нами порвалась наша прежняя связь, не то зависть, пробужденная чужимъ счастіемъ. Но я подавилъ это чувство и внутренне пожелалъ всего лучшаго моему другу. И то сказать, не могъ же онъ нѣжничать и сантиментальничать со мною въ ту минуту, когда онъ былъ весь поглощенъ страхомъ за жизнь своей жены и за жизнь своего будущаго ребенка. Пройдетъ это время, кончится все счастливо и мы опять вспомнимъ свою дружбу, еще тѣснѣе сойдемся вмѣстѣ, у меня будетъ семейный домъ, гдѣ мнѣ можно будетъ отдыхать.

Прошло еще нѣсколько времени и я снова вспомнилъ о своемъ другѣ: я шелъ по Литейному проспекту и на подъѣздѣ одного изъ домовъ прочелъ надпись на мѣдной дощечкѣ: «присяжный повѣренный А. И. Лишинъ». Какъ Лишинъ, мой милый Лишинъ живетъ здѣсь,—надо зайдти къ нему. Я позвонилъ у подъѣзда.

— Дома-ли господа? спросилъ я у горничной, отворившей двери.

— У себя, отвѣтила она.

— Доложите обо мнѣ.

Я сказалъ свою фамилію. Она пошла докладывать обо мнѣ Лишину. Давно-ли было то время, когда я могъ являться къ нему безъ всякихъ докладовъ днемъ и ночью, какъ и онъ являлся ко мнѣ...

— Господа просятъ васъ, сказала мнѣ появившаяся снова предо мною горничная.

Я поднялся по небольшой лѣстницѣ, сбросилъ пальто и вошелъ въ залъ.

— Очень радъ, очень радъ, дружище, что отыскалъ меня, сказалъ мнѣ Лишинъ, выходя ко мнѣ на встрѣчу.—Я передъ тобою еще виноватъ: не успѣлъ завернуть къ тебѣ. Да вѣдь и то сказать, тебя, я думаю, и съ собаками никогда не сыщешь: знаю я васъ, холостяковъ, то фланируете по Невскому, то въ Буффахъ да у Берговъ,—одна заря изъ дому выгонитъ, а другая домой загонитъ...

Онъ похлопалъ меня по плечу, какъ взрослые родственники похлопываютъ въ шутку пошаливающихъ школьниковъ. Я былъ ровно на пятнадцать лѣтъ старше его.

— Ну, пойдемъ къ женѣ, сказалъ, онъ и, взявъ меня подъ руку, повелъ въ кабинетъ.

Въ кабинетѣ сидѣли хозяйка дома, какая-то барыня среднихъ лѣтъ и не молодой господинъ.

— Мэри, веду преступнаго прожигателя жизни, сказалъ Лишинъ, вводя меня въ кабинетъ и представляя женѣ.

Она протянула мнѣ дружески руку и улыбнулась.

— Все еще неисправимый холостякъ? спросила она.

— Да, еще не женился, отвѣтилъ я.

— Смотрите, не опоздайте совсѣмъ, улыбнулась она.

— Да онъ ужь и такъ опоздалъ! засмѣялся Лишинъ.—Ужь гдѣ ему теперь жениться: у насъ ужь тутъ появились знаки отличія за двадцатипятилѣтніе холостые кутежи.

Онъ повертѣлъ рукою надъ своей головой и показалъ глазами на мою голову, на которой красовалась лысина.

— Ну, это еще можно прикрыть, проговорилъ незнакомый мнѣ господинъ.—Была бы охота жениться, а возможность есть всегда, невѣстъ на всѣхъ хватитъ.

— Кстати, позвольте васъ познакомить, сказалъ Лишинъ и отрекомендовалъ меня своимъ гостямъ.

Мы раскланялись и пожали другъ другу руки.

— Такъ вы стоите за то, чтобы не пеленать дѣтей, обратилась Лишина къ своей гостьѣ, продолжая, повидимому, прерванный моимъ приходомъ разговоръ.—А я думала, что при пеленаньи дѣти они спокойнѣе спятъ, не кривятся, не разбрасываются?...

— Нѣтъ, пеленанье положительно вредно, оно стѣсняетъ движенія ребенка, мѣшаетъ правильному его развитію, говорила гостья.—Я положительно противъ него. — Я много читала объ этомъ предметѣ, говорила съ докторами и акушерками и пришла къ убѣжденію, что старая система въ этомъ случаѣ отжила свой вѣкъ.

— Я вамъ очень благодарна за совѣтъ, сказала Лишина. — Я еще мало знакома съ этимъ дѣломъ и такъ боюсь сдѣлаться неопытной и неумѣлой матерью.

— Да, Мэри часто сѣтуетъ на наше женское воспитаніе, которое не подготовляетъ изъ женщинъ матерей, замѣтилъ Лишинъ.—Вѣдь въ пансіонахъ и институтахъ вовсе и не думаютъ разъяснять, какъ должна будетъ поступать женщина, сдѣлавшись матерью.

— Щепетильность какая то ложная, должно быть, мѣшаетъ, замѣтилъ гость.

— Нѣтъ, просто все наше женское воспитаніе и образованіе идетъ рутиннымъ образомъ, сказала гостья.

— Ну, а какъ вамъ понравилась акушерка, которую мы прислали вамъ? спросилъ гость.

— Ахъ, премилая особа, такая живая, отвѣтила хозяйка дома,—она меня и моего Алексиса совершенно успокоила.

— Ахъ вы, молодежь, всего то вы трусите, засмѣялся гость.—Я вѣдь говорилъ, что все пойдетъ своимъ порядкомъ.

— Ну да, тебѣ хорошо толковать, когда ты теперь привыкъ къ этому, замѣтила его жена.—А я помню, такъ ты метался по городу, когда я ожидала перваго ребенка. Можете себѣ представить, онъ чуть не выгналъ изъ дому одну акушерку за то, что она смѣла ему сказать, что онъ напрасно тревожится. «Какъ, напрасно тревожусь о здоровьи моей жены, о жизни моего ребенка!» Ахъ, онъ былъ просто уморителенъ въ это время и едва-едва вразумили его, объяснивъ ему, что опасности никакой нѣтъ.

— Нѣтъ, а мнѣ мама разсказывала, что когда пришло время мнѣ родиться, замѣтила хозяйка,—то папа заткнулъ себѣ уши и зарылся въ подушки, такъ что его едва-едва подняли, когда я родилась.

Общество, быть можетъ, еще долго бы предавалось подобнымъ воспоминаніямъ, забывъ о моемъ существованіи, если бы обо мнѣ не вспомнилъ внезапно мой другъ.

— А ты все по прежнему постоянно посѣщаешь Буффъ? совершенно неожиданно спросилъ онъ.

— Нѣтъ... рѣдко бываю, отвѣтилъ я и почему то потупился, точно меня спросили: продолжаю ли я пьянствовать?

— Что же такъ? Скверный составъ труппы, вѣрно? спросилъ Лишинъ, закуривая папироску.

— Нѣтъ... Но прискучило, отвѣтилъ я.

— Говорятъ, тамъ какая то Гарнье или Гранье отличается? спросила гостья.

— Да, Гранье, отвѣтилъ я.

— Боже мой, сколько «этихъ дамъ» развелось нынче въ Парижѣ, каждый годъ какую-нибудь новую камелію приглашаютъ къ намъ, небрежно замѣтила она.

— Гранье очень талантливая артистка, вступился я за артистку.

— Ну, развѣ можно смотрѣть серьезно на этихъ каскадныхъ барынь!.. Что она такъ же, какъ Шнейдеръ, канканируетъ? спросила она съ презрѣніемъ.

— Нѣтъ, она не канканируетъ, отвѣтилъ я.

Наступило неловкое молчаніе.

Барыня немного наклонилась къ хозяйкѣ и спросила ее въ полголоса:

— Вы не устали ли, ma chère? Вамъ нужно избѣгать въ вашемъ положеніи утомленія. Я знаю по опыту, какъ это вредно дѣйствуетъ.

—Нѣтъ, ничего... У меня только немного голова тяжела сегодня, такъ же тихо отвѣтила Лишина.

— А мужчины курятъ еще! покачала головой гостья.

Лишинъ поймалъ на лету эту фразу и загасилъ папиросу.

— Да перейдемте, господа, лучше въ залу, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и другому гостю.

Я поднялся и взялся за шляпу.

— Вы ужь и идете? спросила Лишина.

— Да, мнѣ надо, отвѣтилъ я.

— Куда жь торопишься? спросилъ Лишинъ.

— Мнѣ пора! отвѣтилъ я.

Я простился и вышелъ изъ кабинета, Лишинъ проводилъ меня до передней.

— Заходи, дружище, сказалъ онъ. — Да не считайся визитами. Я теперь невмѣняемъ и выхожу изъ дому только по дѣламъ. Ты понимаешь, что мнѣ не до визитовъ покуда.

— Ну, разумѣется, отвѣтилъ я.

И точно: прошли еще дни, недѣли, мѣсяцы, а Лишину все было не до визитовъ. Наконецъ, судьба опять свела меня съ нимъ: я встрѣтилъ его у подъѣзда его квартиры. Онъ не замѣтилъ, не узналъ меня и едва не сшибъ съ ногъ. Я окликнулъ его.

— А, здравствуй, здравствуй! крикнулъ онъ мнѣ на ходу.—Извини, пожалуйста, я тороплюсь... У меня вчера родился сынъ...

— Поздравляю, сказалъ я.

— Спасибо, спасибо! Извини, что не приглашаю теперь къ себѣ... но понимаешь, теперь такое время. Какъ нибудь заверну къ тебѣ.

Нѣтъ, онъ не завернулъ ко мнѣ. Впрочемъ, можетъ быть, онъ ожидаетъ теперь дочь уже и, конечно, вы сами поймете, что въ такое время ему не до визитовъ...

Возвращаясь домой послѣ этой послѣдней встрѣчи съ моимъ бывшимъ другомъ, я вспомнилъ анекдотъ о неаполитанцѣ. Да, если и я, старый холостякъ, испущу свой послѣдній вздохъ, то они, женатые Лишины, будутъ по прежнему приготовлять свои семейныя макароны.

Къ этому выводу долженъ когда нибудь придти каждый старый холостякъ и вычеркнуть себя изъ числа дѣйствующихъ лицъ человѣческой жизни, перечислившись въ составъ простыхъ зрителей этой жизни.

...На холостяковъ сыплятся массы обвиненій. Но чѣмъ же виноваты люди въ томъ, что имъ не удалось, вслѣдствіе тысячъ различныхъ причинъ, вкусить всѣ сладости семейной жизни? чѣмъ эти люди виновнѣе тѣхъ, которые, очертя голову, женились, лишь бы жениться, и потомъ измучили своихъ женъ, загубили ихъ жизнь, пустили по міру своихъ дѣтей? Неразумныхъ же и неразсчетливыхъ браковъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе, чѣмъ вполнѣ счастливыхъ.

Холостяковъ называютъ черствыми эгоистами. Но гдѣ же вы видѣли сухую воду, холодный огонь и людей не эгоистовъ. Человѣкъ эгоистъ по натурѣ и когда ему проповѣдывали высшую любовь къ ближнему, то могли сказать только: «возлюби ближняго, какъ самого себя», т. е. признали, что въ человѣкѣ нѣтъ чувства выше любви къ самому себѣ. Но если холостякъ эгоистъ, то онъ только простой эгоистъ, а женатый—это эгоистъ въ квадратѣ, эгоистъ за себя, за жену, за дѣтей и его не называютъ черствымъ только потому, что эгоизмъ за жену и за дѣтей называютъ уже не эгоизмомъ, а любовью. Но провѣрьте, что значитъ эта любовь, и вы увидите, что она ничто иное, какъ эгоизмъ въ квадратѣ, въ кубѣ.

Холостякамъ приписываютъ всевозможные пороки и недостатки: развратъ, пьянство, различныя маніи, подозрительность, сумасшествіе. Положимъ, что все это чаще всего встрѣчается именно у холостяковъ, но не доводятъ ли до этого холостяковъ общество, семьи, женатые люди, ревниво оберегая отъ нихъ свои дома, ставя ихъ въ положеніе какихъ-то отщепенцовъ, эксплуатируя ихъ при случаѣ въ пользу своей семьи, но не давая имъ ничего взамѣнъ ихъ услугъ, подсмѣиваясь надъ ними, надъ ихъ странностями, бросая ихъ жить и умирать въ чужихъ углахъ? Во всякомъ случаѣ, нужно помнить, что жизнь холостяка—печальная жизнь, и что нельзя негодовать и возмущаться, до чего она ни доводила бы холостяка. Старые холостяки, при самыхъ счастливыхъ случайностяхъ, превращаются въ комическихъ дядюшекъ, крестныхъ и посаженныхъ отцовъ, т. е. ихъ заставляютъ платить за вѣнчанье, чтобы другіе имѣли возможность вкусить всѣ сладости медоваго мѣсяца; ихъ заставляютъ платить за крестины, потому что другіе испытывали всѣ радости быть отцами и матерями; имъ отводятъ какую-нибудь комнату окнами на задній дворъ въ семейномъ домѣ, потому что отъ нихъ ожидаютъ въ скоромъ времени наслѣдства. Но это еще счастливцы изъ холостяковъ: болѣе несчастные тихо спиваются съ круга или попадаютъ подъ башмакъ старыхъ развратницъ, превратившихся въ квартирныхъ хозяекъ...

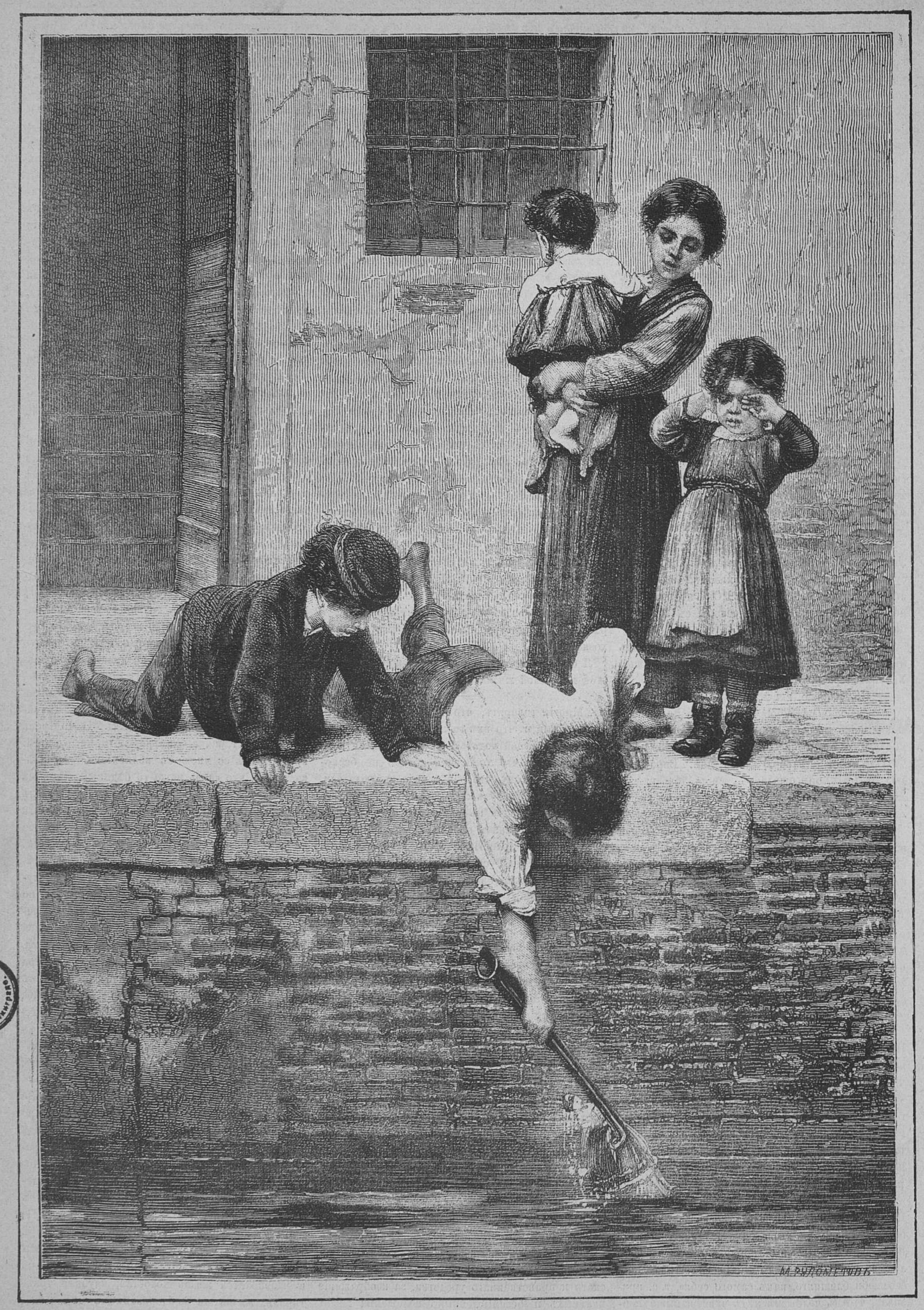
Я самъ холостякъ и я давно присмотрѣлся къ этой невеселой жизни холостяковъ.

...Многіе говорятъ, что холостяки — народъ безполезный и что ихъ за это слѣдовало бы обложить извѣстной податью въ пользу женатыхъ. Мнѣ кажется, что холостяки далеко не безполезны уже потому, что они лучшіе наблюдатели. Едва ли какой-нибудь женатый человѣкъ, стремящійся пребывать въ своемъ гнѣздѣ, можетъ скопить такой запасъ наблюденій, какой можетъ скопить любой холостякъ, вѣчно живущій среди толпы, не имѣющій своего уютнаго гнѣзда. Большинство художниковъ, писателей, артистовъ—холостяки или люди женатые, но ведущіе жизнь холостяковъ; геніи рѣдко бываютъ домовитыми людьми, рѣдко играютъ роль семьянина; семейная жизнь приводитъ къ однообразію во взглядахъ, привычкахъ и обстановкѣ. Я, по крайней мѣрѣ, обязанъ своею наблюдательностью исключительно тому, что я окончательно былъ зачисленъ въ ряды старыхъ холостяковъ, т. е. оказался лишнимъ и ненужнымъ въ домахъ разныхъ Лишиныхъ: переставъ быть въ нихъ дѣйствующимъ лицомъ, я сдѣлался въ нихъ зрителемъ.

Чѣмъ дольше я жилъ, чѣмъ больше я присматривался къ жизни, тѣмъ рѣже и рѣже я сталъ посѣщать театры для созерцанія разныхъ пьесъ. И точно, какой интересъ они могутъ имѣть для того, кто мало по малу привыкъ любоваться великой траги-комедіей, называемой человѣческою жизнью? Она нелѣпѣе самыхъ нелѣпыхъ водевилей, она глубже самыхъ глубокихъ трагедій и никакой самый смѣлый драматургъ не рѣшится создать такихъ оригинальныхъ фигуръ и положеній, какія создаетъ жизнь. Оно и понятно: драматурга могутъ освистать за созданіе физическаго и нравственнаго уродства, за изображеніе нелѣпыхъ и безсмысленныхъ положеній; жизнь же не освищешь, чтобы она ни создавала—урода ли, лишеннаго отъ рожденія ногъ или рукъ, или сцену, какъ стремится какая-нибудь женщина, пресытившаяся всевозможными наслажденіями, испытать любовь этого урода. Чѣмъ яснѣе видитъ человѣкъ все разнообразіе и всю неожиданность эффектовъ, создаваемыхъ жизнью, тѣмъ однообразнѣе кажутся ему завязки разныхъ театральныхъ комедій и драмъ, тѣмъ безцвѣтнѣе представляются ему разные сценическіе типы, тѣмъ скучнѣе становится ему смотрѣть на пьесы, конецъ которыхъ онъ угадываетъ при поднятіи занавѣса въ первомъ актѣ, и тѣмъ сильнѣе тянетъ его не въ раекъ или партеръ театра, а въ раззолоченныя палаты богача или въ потонувшій въ грязи уголъ бѣдняка, въ закрытую отъ постороннихъ наблюдателей святую святыхъ мирной семейной жизни или въ открытые настежь для каждаго встрѣчнаго пріюты гульбы и разврата. Чужіе дома, публичныя гулянья, залы судебныхъ засѣданій, общія собранія клубовъ и акціонерныхъ обществъ, базарныя площади, фабрики и заводы замѣняютъ ему театральные подмостки и онъ втягивается въ жизнь праздношатающагося наблюдателя или фланера, полную неожиданныхъ наслажденій, странныхъ приключеній и то отрадныхъ, то скорбныхъ волненій.

Какъ завзятые театралы отдаютъ предпочтеніе извѣстнымъ мѣстамъ въ театрѣ, партеру или парадизу, такъ фланера влечетъ всегда въ однѣ и тѣ же мѣстности, на какое-нибудь мѣсто шумныхъ гуляній или на окраину города въ міръ захолустной жизни; какъ истинные театралы любятъ преимущественно пьесы извѣстнаго рода или извѣстныя мѣста въ пьесахъ, такъ и фланеры наблюдаютъ, главнымъ образомъ, за однородными сценами человѣческой трагикомедіи; какъ настоящіе театралы съ теченіемъ времени начинаютъ очень фамильярно по родственному относиться къ актерамъ, называя ихъ не просто «Патти», а «нашею Патти», не просто «Самойловымъ», а «нашимъ Василіемъ Васильевичемъ», такъ и фланеры дѣлаются друзьями и родными тѣхъ или другихъ дѣйствующихъ лицъ житейскихъ драмъ и комедій, и я зналъ одного очень скромнаго старичка-фланера, который однажды при встрѣчѣ со мною съ волненіемъ разсказывалъ мнѣ, что «вѣдь наша-то бѣдняжка Камилла совсѣмъ разорилась», а эту Камиллу онъ зналъ только потому, что привыкъ ежедневно издали слѣдить глазами на улицѣ за ея экипажами, за ея нарядами, за ея любовниками. Фланеры обыкновенно старые холостяки, не имѣющіе опредѣленныхъ занятій и живущіе на пенсіи, или служащіе гдѣ нибудь по необходимости, а не по призванію конторщиками и вовсе не интересующіеся своими сухими занятіями, они по большей части живутъ въ меблированныхъ комнатахъ, обѣдаютъ въ кухмистерскихъ, проводятъ вечера зимою въ прогулкахъ и въ сидѣніи за стаканомъ пива гдѣ нибудь въ «Медвѣдѣ», у «Доминика», иногда они посѣщаютъ раекъ или партеръ театра, куда ихъ привлекаетъ не столько самыя представленія, сколько желаніе «побыть въ народѣ», потолкаться съ кѣмъ попало въ буфетѣ; лѣтомъ они ходятъ и въ «Лѣтній садъ», и въ «Демидронъ», и въ «Ливадію», и въ «Зоологическій садъ», и въ «Екатерингофъ», однимъ словомъ, во всѣ мѣста, гдѣ собирается много народу. Вездѣ у фланера есть знакомые, вездѣ онъ заговариваетъ съ посторонними людьми, вездѣ онъ находитъ предметъ для наблюденій и для размышленій. Я самъ давно привыкъ къ этой жизни и съ каждымъ днемъ убѣждаюсь, что подобные фланеры у насъ все плодятся и плодятся по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ дороговизны и массы другихъ причинъ рушится старая семейная жизнь и развивается жизнь холостая, клубная, трактирная, жизнь въ меблированныхъ комнатахъ, съ обѣдами въ кухмистерскихъ, съ вечерами въ «Зимнихъ садахъ» и «Ливадіяхъ». Я уже хорошо

Картина Л. ПАССИНИ.



Утопленница.

Фотолитографія, исполненная по заказу редакціи въ заведеніи М. Д. Рудометова.

Картина Н. Бланка.

Освобожденіе.

Рѣзалъ на деревѣ Е. Томасъ.

заучилъ десятки физіономій, которыя я всегда надѣюсь безошибочно встрѣтить въ томъ или другомъ общественномъ мѣстѣ и эти общественныя мѣста выглядятъ какъ-то не такъ, когда въ нихъ не видишь ихъ присяжныхъ посѣтителей холостяковъ-фланеровъ. Такъ, напримѣръ, въ «Собраніи художниковъ» мнѣ показалось бы какъ то пусто, какъ-то странно, если бы я не встрѣтилъ тамъ всѣмъ извѣстнаго нѣсколько лысаго, нѣсколько обрюзгшаго господина шевченковскаго типа съ моноклемъ въ глазу, съ загадочно-насмѣшливой улыбочкой и съ произносимыми носовымъ акцентомъ, нѣсколько плоскими шуточками. А «Демидронъ»—развѣ можно его себѣ представить безъ высокаго, плотнаго господина съ густыми черными волосами съ просѣдью, прихрамывающаго на одну ногу, сильно жестикулирующаго руками, пьющаго чай въ обществѣ Егарева и какой-нибудь Альфонсины, и оглашающаго воздухъ рѣзкимъ, короткимъ, какъ карканье ворона, смѣхомъ? Всѣ подобные лица—фланеры, и кто хочетъ знать петербургскую жизнь, тотъ долженъ сближаться съ ними: они познакомятъ васъ съ такими мелочами по своей спеціальности, какихъ вамъ, если вы не холостякъ фланеръ, при всей вашей наблюдательности, никогда не подмѣтить сразу, съ налету. Я сказалъ: «по своей спеціальности», потому что каждый фланеръ непремѣнно спеціалистъ. Спеціальность имъ избирается безсознательно, случайно, даже невольно; иногда фланеръ вплоть до самой гробовой доски и самъ не подозрѣваетъ въ своей простотѣ сердечной, что онъ спеціалистъ, но стоитъ свѣжему человѣку поговорить съ нимъ и свѣжій человѣкъ тотчасъ же пойметъ какого конька объѣздилъ его собесѣдникъ. Я зналъ одного фланера нѣмца, который могъ быть названъ спеціалистомъ по кухмистерскимъ: старый холостякъ, живущій на пенсіи, онъ принужденъ былъ обѣдать въ кухмистерскихъ; пообѣдавъ въ одной, онъ остался недоволенъ обѣдомъ и пошелъ въ другую, въ другой обѣдъ оказался еще хуже и нѣмецъ пошелъ въ третью, когда и въ третьей обѣдъ оказался неудобосваримымъ—нѣмецъ сдѣлалъ изъ этого «кухмистерскій вопросъ» и, протестуя и агитируя, началъ отравляться во всевозможныхъ кухмистерскихъ поочередно; вы могли заговорить съ нимъ и о политикѣ, и о театрѣ, но можно было впередъ держать пари, что разговоръ непремѣнно кончится имъ «кухмистерскимъ вопросомъ». Интереснѣе всего было то, что этотъ господинъ нашелъ наконецъ добрую женщину, кормившую своихъ жильцовъ и двухъ-трехъ постороннихъ посѣтителей очень хорошо, такъ что у нея можно было не отравляться, чѣмъ и воспользовался мой нѣмецъ втеченіи недѣли, послѣ которой я снова встрѣтилъ его въ одной изъ кухмистерскихъ.

— Что же, развѣ вы недовольны обѣдами мадамъ Нейманъ? спросилъ я.

— О нѣтъ! Отлично кормитъ, батюшка мой, я никогда не ѣдалъ такихъ прекрасныхъ обѣдовъ, какъ у нея. Приготовлено чисто и порціи, знаете, такія большія.

Нѣмецъ началъ подробно описывать всѣ прелести обѣдовъ у мадамъ Нейманъ.

— Такъ что же вы не у нее обѣдаете? спросилъ я.

— А-а, протянулъ нѣмецъ,—мнѣ, батюшка мой, сказали, что тутъ открылись двѣ новыя кухмистерскія. Надо было попробовать, какъ въ нихъ кормятъ, это интересно, отвѣтилъ спеціалистъ по кухмистерскимъ.

И пошелъ онъ опять отравляться кухмистерскими обѣдами и агитировать противъ кухмистеровъ. Бѣдняга самъ не понималъ, что онъ просто соскучился у мадамъ Нейманъ, что онъ уже втянулся въ привычку отравляться не въ одномъ мѣстѣ, а въ разныхъ мѣстахъ, наслаждаясь своими протестами и своей агитаціей противъ всевозможныхъ кухмистеровъ. Агитируя и протестуя, онъ былъ убѣжденъ, что онъ играетъ извѣстную отвѣтственную роль въ житейской комедіи, а не влачитъ свою жизнь простымъ зрителемъ этой комедіи.

Только отъ такихъ холостяковъ фланеровъ и можно узнать всю петербургскую жизнь со всѣми ея тайнами, со всѣми ея подробностями, со всею ея исторіею. Ни одинъ семейный старожилъ не сообщитъ вамъ того, что могутъ сообщить фланеры-холостяки, способные приносить даже извѣстныя жертвы, ради своихъ экскурсій, и чувствующіе себя несчастными, когда эти экскурсіи прекращаются по какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Такъ я зналъ одного стараго отставного профессора-холостяка, жизнь котораго была буквально отравлена пожаромъ «Толкучки». «Толкучка» была мѣстомъ его ежедневныхъ прогулокъ втеченіи многихъ лѣтъ. На «Толкучкѣ» профессора знали всѣ букинисты и всѣ продавцы древностей. Онъ покупалъ очень мало, но очень долго бесѣдовалъ со всѣми знакомыми торговцами, интересовался ихъ семейною жизнью, пилъ въ лавкахъ чай, а иногда и пиво, разсматривалъ съ видомъ знатока пріобрѣтенныя ими вещи, однимъ словомъ, былъ здѣсь своимъ человѣкомъ. Когда сгорѣла «Толкучка», почтенный старикъ вдругъ увидалъ, что ему некуда ходить, не съ кѣмъ бесѣдовать. Въ первые дни послѣ пожара, онъ еще былъ доволенъ своею судьбою: цѣлые дни толкался онъ среди знакомыхъ купцовъ, рывшихся на мѣстѣ пожара, суетился, толковалъ съ ними, принималъ участіе въ ихъ горѣ и въ ихъ планахъ, точно онъ самъ былъ однимъ изъ пострадавшихъ. Но когда мѣсто пожара опустѣло, когда рынокъ на время сталъ возникать на далекомъ отъ центра города Семеновскомъ плацу, когда нѣкоторые букинисты прекратили торговлю, когда другіе знакомые старику торговцы разсѣялись по разнымъ мѣстамъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что городъ не имѣетъ для него никакого интереса, что ему некуда ходить, что у него нѣтъ «занятія», что онъ,—ну да, онъ признался въ этомъ внутренне,— никому не нуженъ. Нѣсколько времени онъ, какъ тѣнь, бродилъ еще по мѣсту пожара, потомъ попробовалъ нѣсколько разъ посѣтить Семеновскій плацъ, потомъ,—потомъ онъ сталъ все чаще и чаще оставаться дома и пить...

Холостяки-фланеры, какъ я уже сказалъ, нерѣдко кончаютъ этимъ. Иногда, утомясь фланерствомъ, чувствуя упадокъ силъ, они ищутъ возможности пріютиться подъ крылышко какой-нибудь «квартирной хозяйки» и кротко прощаютъ ей ея нѣсколько двусмысленное и бурное прошлое, терпѣливо выносятъ строптивость и алчность ея характера въ настоящемъ и если чего-нибудь боятся въ будущемъ, такъ это только того, чтобы и она не вышвырнула ихъ вонъ.

Невеселая эта жизнь, господа, и долго старается человѣкъ дѣлать видъ, что онъ не живетъ этою жизнью, что онъ еще не вступилъ безповоротно въ ряды старыхъ холостяковъ, что онъ еще не зритель общественной жизни, а дѣйствующее лицо въ этой жизни. Сознается онъ въ этомъ только послѣ цѣлаго ряда сценъ, которыя ясно говорятъ ему, что онъ лишній, лишній и лишній вездѣ и всюду—только тогда онъ покоряется судьбѣ, не строитъ плановъ на счетъ своего будущаго, тупо тянетъ свою лямку, заботясь лишь бы день убить и сторонясь отъ общей жизни, наблюдаетъ за этою жизнью. Не дешево достается подобное сознаніе, но какъ только начнетъ оно заражаться въ душѣ, такъ тотчасъ является какая-то мнительность, какая-то подозрительность и человѣкъ отыскиваетъ во всѣхъ отношеніяхъ къ себѣ какой-то двойной смыслъ, ловитъ во всемъ намеки на то, что онъ лишній, ненужный, чужой. Я ничего не знаю хуже этого душевнаго состоянія,—впрочемъ, можетъ быть, это происходитъ отъ того, что я еще такъ недавно пережилъ тотъ періодъ жизни, когда впервые я сталъ понимать, что умри я хоть сейчасъ,—а мои ближніе все-таки, какъ и прежде, ни на минуту не задумываясь о моей смерти, будутъ приготовлять свои семейные макароны.

Впрочемъ, у меня, какъ и у каждаго стараго холостяка, есть своего рода утѣшеніе: я не боюсь причинить горе или неудовольствіе кому бы то ни было своею смертью.

Нѣкто.

Новости наукъ и жизни.

— **Конгрессы.** Говоря о собравшемся въ настоящее время въ Берлинѣ дипломатическомъ конгрессѣ, каждый невольно вспоминаетъ о конгрессѣ, состоявшемся въ 1856 году въ Парижѣ послѣ севастопольской войны, точно будто бы берлинскій конгрессъ явился первымъ послѣ парижскаго. Между тѣмъ въ промежутокъ времени между ними въ Европѣ происходило десять конгрессовъ и конференцій. Виллафранкскій миръ получилъ въ 1859 году санкцію на цюрихскомъ конгрессѣ. Шлезвигъ-голштейнскій вопросъ и кампанія, имъ вызванная, обсуждались въ 1864 году на конгрессахъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ. Въ 1866 г. состоялись конференціи въ Прагѣ и Берлинѣ, первая для заключенія мира между Пруссіей и Австріей, вторая—между Пруссіей и южно-германскими государствами. Люксенбургскій вопросъ обсуждался въ 1867 г. въ Лондонѣ; миръ между Франціей и Пруссіей въ 1871 году на франкфуртской конференціи; парижская декларація на конгрессѣ 1871 года въ Лондонѣ. Наконецъ, въ 1876 году въ Константинополѣ состоялась, получившая печальный исходъ, конференція по восточному вопросу.

— **Лордъ Джонъ Россель.** Скончавшійся недавно лордъ Джонъ Россель былъ третій сынъ герцога Бедфордскаго. Онъ родился въ Лондонѣ въ 1792 году, воспитывался въ вестминстерской школѣ и въ эдинбургскомъ университетѣ. Еще юношей онъ былъ избранъ въ парламентъ представителемъ отъ мѣстечка Тэвисто, принадлежавшаго его отцу. Вскорѣ имъ написана была трагедія «Донъ-Карлосъ» и издана книга. Однакожь извѣстность покойный пріобрѣлъ себѣ только въ парламентѣ, гдѣ онъ явился горячимъ противникомъ многихъ порядковъ, процвѣтавшихъ въ Великобританіи, несмотря на очевидную ихъ несправедливость или нелѣпость. Въ 1830 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ министра финансовъ, а въ 1835 г. получилъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ лорда Мельбурна. Въ 1841 г. онъ былъ вождемъ парламентской оппозиціи. Въ кабинетѣ Пальмерстона онъ занялъ постъ министра колоній, а въ 1859 г. министра иностранныхъ дѣлъ. Въ 1861 г. онъ получилъ титулъ графа, а въ 1865 г. ему было поручено составить министерство. Политика Англіи была очень своеобразна въ эпоху его управленія. Англіи едва ли не пришлось воевать ради вмѣшательства въ чужія дѣла. Россель вышелъ въ отставку, не поладивъ съ своими товарищами по министерству и съ тѣхъ поръ рѣдко появлялся въ парламентѣ. Кромѣ юношескихъ опытовъ, о которыхъ уже упомянуто, Россель написалъ біографію своего предка Уильяма Росселя. «Исторію англійской конституціи», и наконецъ книгу «Международная европейская политика». Погребенъ онъ въ Шени, въ фамильномъ склепѣ. Россель былъ два раза женатъ и оставилъ четверыхъ дѣтей.

— **Георгъ V.** Скончавшійся въ Парижѣ, бывшій король гановерскій, Георгъ V былъ единственнымъ сыномъ короля Эрнста-Августа и Фридерики, сестры королевы Луизы прусской. Страдая съ дѣтства глазами, онъ подвергся въ 1840 г. операціи; но вскорѣ ослѣпъ. Въ 1843 г. онъ женился на принцессѣ Маріи Альтенбургской, а въ 1851 году вступилъ на престолъ. Онъ пожелалъ было измѣнить конституцію, желая возвысить королевскую власть; но это ему не удалось. Въ датско-германской распрѣ онъ не

высказался опредѣленно ни въ ту, ни въ другую сторону. Будучи слѣпымъ, а потому не имѣя возможности вести дѣла лично, онъ подпадалъ подъ различныя вліянія; вокругъ него вѣчно дѣйствовала интрига. Благодаря этому въ управленіи страною дѣлалось много промаховъ. Георгъ V ненавидѣлъ Пруссію и за эту ненависть дорого поплатился. Объявивъ себя въ 1866 г. противъ Пруссіи, онъ послалъ противъ прусскихъ войскъ армію; ганноверцы были совершенно разбиты; страна занята пруссаками, а по заключеніи мира Гановеръ былъ присоединенъ къ Пруссіи, какъ провинція. До самой кончины своей Георгъ V оставался врагомъ Пруссіи и агитировалъ противъ нея всѣми путями. У него остался сынъ, который, кажется, совершенно примирился съ своей судьбою и отказался отъ отцовской вражды.

— **Мань.** Скончавшійся въ маѣ бывшій когда-то министромъ финансовъ во Франціи, Мань родился въ 1806 году и происходилъ изъ буржуазнаго семейства. Онъ началъ свою общественную дѣятельность адвокатомъ въ Перигё. Въ 1843 г. онъ былъ выбранъ депутатомъ въ палату. Присоединившись послѣ государственнаго переворота 1851 года къ партіи бонапартистовъ, онъ въ вознагражденіе получилъ сперва постъ министра общественныхъ работъ, а затѣмъ финансовъ. Въ періодъ управленія имъ министерствомъ финансовъ, Франція вела крымскую и итальянскую войну. Въ 1868 году Мань предложилъ извѣстный заемъ въ 700 милльоновъ франковъ, который по подпискѣ покрытъ былъ въ 35 разъ. Послѣ паденія бонапартовской имперіи въ 1870 году Мань на время исчезъ, но выбранный въ 1871 году департаментомъ Дордонь въ національное собраніе, онъ сѣлъ уже не съ бонапартистами, а въ рядахъ праваго центра, т. е. между орлеанистами. Особенными талантами покойный не отличался, но былъ старательнымъ дѣльцемъ. Впрочемъ, можно также сказать, что онъ былъ лучше окружавшей его шайки авантюристовъ, раздѣлившихъ между собою государственныя должности во Франціи.

— **Появленіе и изчезновеніе вулканическаго острова.** Недавно, вблизи Огненной земли, появился вулканическій островъ, который послѣ нѣкотораго времени снова изчезъ. Извѣстіе это сообщено «Кельнской газетой», и мы беремъ оттуда описаніе этого рѣдкаго и страннаго явленія. Въ декабрѣ 1876 году подходило къ Огненной землѣ датское парусное судно «Луттерфельдъ», направлявшееся въ Вальпараизо. Въ 4 часа утра, 10 декабря, когда судно находилось подъ 65°15′10″ южной широты и 75°12′10″ западной долготы, стоявшій на вахтѣ матросъ увидѣлъ вблизи судна островъ, въ формѣ конуса, высотою въ 30 метровъ. Во избѣжаніе опасности, курсъ былъ измѣненъ, но капитанъ не удалился на много отъ первоначальнаго направленія, не желая потерять своего пути. Въ то же время онъ тщательно разсматривалъ всѣ взятыя съ собою карты, и, къ своему удивленію, ни на одной изъ нихъ не нашелъ этого острова. Тогда онъ рѣшился дождаться дневного свѣта съ тѣмъ, чтобы разсмотрѣть и изучить неизвѣстный островъ. Около половины шестого, островъ былъ ясно видѣнъ, но уже въ значительно меньшихъ размѣрахъ. Море было спокойно, и можно было спустить шлюпку съ четырьмя матросами, которые убѣдились, что островъ имѣетъ форму конусообразной горы съ довольно крутымъ уклономъ. Одинъ изъ матросовъ вспрыгнулъ на островъ и хотѣлъ прикрѣпить шлюпку, но почва была настолько горяча, что онъ принужденъ былъ вернутся назадъ. Дыму или пару не было замѣтно. Раскаленностью почвы можно было объяснить необыкновенное клокотанье и шипѣнье воды, приходившей въ соприкосновеніе съ островомъ. Постоянное пониженіе острова можно было замѣтить легко и къ восьми часамъ утра изчезъ его послѣдній слѣдъ, а черезъ часъ послѣ того, судно могло безопасно пройти по тому мѣсту, гдѣ былъ вулканическій островъ. Появленіе и изчезновеніе этого острова имѣетъ связь съ многочисленными и сильными землетрясеніями, производившими страшныя опустошенія по всему западному берегу Южной Америки.

— **Почтовый конгрессъ.** Открывшійся въ Парижѣ, одновременно съ парижскою всемірною выставкою, международный почтовый конгрессъ окончилъ свои засѣданія 1-го іюня. По словамъ «Сѣверо-германской Всеобщей Газеты», результатомъ его дѣятельности былъ новый всемірный почтовый договоръ. Слѣдующія страны имѣли своихъ представителей на почтовомъ конгрессѣ: Австро-Венгрія, Аргентинская республика, Бельгія, Бразилія, Британская Индія, Великобританія, Германія, Греція, Данія, Египетъ, Испанія, Италія, Люксембургъ, Нидерланды, Норвегія, Португалія, Россія, Румынія, Сербія, Сѣверо-Американскіе Соединенные штаты, Турція, Франція, Черногорія, Швейцарія, Швеція. Изъ странъ, не вошедшихъ еще въ составъ союза, участвовали: Чили, Гаити, Гаваи, Либерія, Мехика, Перу, Сальвадоръ, Уругвай, Венесуэла и Канада. Новый договоръ, вступающій въ силу съ 1-го апрѣля 1879 года, распространяется на всѣ страны земнаго шара, въ которыхъ организована почтовая часть. Въ составъ союза не вошли пока лишь нѣсколько британскихъ колоній, нѣкоторыя республики южной и средней Америки, а также Китай. Но въ главнѣйшихъ китайскихъ гаваняхъ существуютъ англійскія и французскія почтовыя отдѣленія, принадлежащія къ союзу, такъ что Китай можно считать, въ сущности, членомъ почтоваго союза, на сколько дѣло касается его почтовыхъ сношеній съ Европою. Новый договоръ сохранилъ основанія прежняго (бернскаго) съ слѣдующими дополненіями: общій размѣръ почтовой таксы опредѣленъ въ 25 сантимовъ ($7^1/_2$ коп. по металическому курсу), съ отмѣною существовавшихъ до настоящаго времени максимума и минимума въ 20 и 32 сантима. Такимъ образомъ, для всѣхъ членовъ союза установлена однообразная такса. Для произведеній печати и образчиковъ товаровъ тоже принята однообразная такса. Наибольшій вѣсъ для первыхъ возвышенъ до 2-хъ килограмовъ (прежде 1 килограмъ); такое повышеніе имѣетъ важное значеніе для отправителей научныхъ сочиненій, музыкальныхъ партитуръ и т. п. Съ каждыхъ 50 грамовъ взимается по $6^1/_4$ сантима (около 2 копѣекъ или 40 к. съ килограма). Въ то же время конгрессъ упростилъ, по возможности, почтовыя формальности. Мѣстомъ будущаго конгреса избранъ Лисабонъ, въ виду большой доступности послѣдняго для заатлантическихъ членовъ союза. Названіе «Всеобщій почтовый союзъ» замѣнено выраженіемъ «Всемірный почтовый союзъ».

— **Землетрясеніе.** Кореспондентъ газеты «Daily News» телеграфируетъ изъ Лисабона, отъ 9-го іюня: «Въ Лисабонѣ и его окрестностяхъ вчера произошло сильное землетрясеніе, сопровождавшееся ураганомъ, въ 11 часовъ ночи; землетрясеніе продолжалось около шести секундъ въ направленіи съ востока на западъ. Оно причинило большую тревогу».

— **Экспедиція въ Сибирь.** «St.-Petersburger Zeitung» сообщаетъ, что изъ Петербурга отправляется на-дняхъ къ устью р. Енисея большая экспедиція по иниціативѣ московскаго торговаго дома Кнопъ. Восемь пароходовъ, нагруженныхъ спиртомъ, хлѣбомъ, селитрой и другими товарами, поплывутъ новооткрытымъ морскимъ путемъ въ Сибирь, а оттуда вернутся съ строевымъ лѣсомъ и чаемъ.

— **Рельсы.** Извѣстный англійскій желѣзнодорожный инженеръ Карлъ Вудъ дѣлаетъ въ журналѣ «Engineer» разсчетъ о потребности въ рельсахъ во всемъ мірѣ. Общее протяженіе желѣзныхъ дорогъ во всемъ свѣтѣ составляетъ 238,000 миль, и на нихъ лежитъ рельсовъ 30.204,000 тоннъ по 1,000 килограмовъ каждая. Для возобновленія этихъ рельсовъ требуется ежегодно $^1/_{10}$ часть всего ихъ количества, а именно 3.020,000 тоннъ. Для постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ ежегодно употребляется въ послѣднее время 1.080,000 тоннъ. Слѣдовательно, общая потребность въ рельсахъ составляетъ 4.100,000 тоннъ ежегодно. Между тѣмъ производство рельсовъ достигаетъ только до 2.745,000 тоннъ въ годъ. Слѣдовательно разница между производствомъ и потребленіемъ составляетъ 1.355,000 тоннъ. Если, несмотря на то, цѣны на рельсы низки и рынокъ вялъ, то это можетъ быть объяснено тѣмъ, что ремонтъ желѣзнодорожныхъ путей производился неудовлетворительно, но такъ какъ такое положеніе дѣлъ долго продолжаться не можетъ, то надо ожидать, что вскорѣ спросъ на рельсы сильно увеличится и цѣны на нихъ быстро поднимутся.

— **Литературный конгрессъ.** Во французскихъ газетахъ пишутъ, что 29 мая открылъ въ Парижѣ свои засѣданія международный литературный конгрессъ. На предварительномъ собраніи предсѣдатель его, Эдмондъ Абу, предложилъ между прочимъ, чтобы литераторы другихъ національностей, явившіеся на конгрессъ въ довольно значительномъ количествѣ, избрали себѣ между своими соотечественниками президентовъ или представителей, которые должны будутъ войти въ составъ бюро конгресса, имѣющаго во главѣ своей Виктора Гюго. Русскіе писатели избрали своимъ представителемъ И. С. Тургенева. Послѣ этого избранія Эдмондъ Абу любезно передалъ г. Тургеневу президентство на остальную часть этого перваго засѣданія.

— **Вокругъ свѣта въ 68 дней.** Въ такое именно время совершилъ кругосвѣтную поѣздку американскій консулъ въ Іерусалимѣ, Гассъ. Поѣздка его изъ Александріи черезъ Бриндизи и Парижъ въ Лондонъ, а изъ Лондона въ Нью-Іоркъ и Сан-Франциско, потребовала 20 дней; столько же дней нужно было для совершенія переѣзда изъ Сан-Франциско въ Іокогаму. Изъ Японіи въ Гонконгъ 6 дней, черезъ Китайское море и Малакскій проливъ до Цейлона 10 дней, отъ Цейлона въ Суэцъ 12 дней; оттуда американецъ черезъ нѣсколько часовъ прибылъ въ Александрію, первоначальный пунктъ его экскурсіи вокругъ свѣта. Въ теченіе 68 дней онъ совершилъ безпрепятственно 25,000 анг. миль, изъ коихъ 16,000 водою и 9,000 сухимъ путемъ.

— **Рѣдкій юбилей.** Въ воскресенье, 25 іюня, исполнится пятидесятилѣтіе службы въ генеральскихъ чинахъ члена государственнаго совѣта, генерала-отъ-инфантеріи, генерала-адъютанта графа Владиміра Ѳедоровича Адлерберга, отца нынѣшняго министра двора. Вся служебная карьера В. Ѳ. Адлерберга, въ продолженіи шестидесяти семи лѣтъ, представляетъ непрерывный рядъ повышеній въ должностяхъ, новыхъ назначеній, высочайшихъ наградъ и другихъ знаковъ монаршаго вниманія. Юбиляръ происходитъ изъ дворянъ эстляндской губерніи; родился 18 ноября 1791 года, воспитаніе получилъ въ пажескомъ корпусѣ, изъ котораго, въ 1811 году, выпущенъ изъ камеръ-пажей прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи литовскій полкъ. Вскорѣ молодому офицеру пришлось ознакомиться съ суровою школою боевой жизни, благодаря войнамъ съ французами въ 1812, 1813 и 1814 годахъ. В. Ѳ. Адлербергъ участвовалъ въ достопамятномъ бородинскомъ сраженіи, за которое получилъ первый знакъ отличія: орденъ св. Анны 4 степени. Въ 1817 году онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Николаю Павловичу и въ іюнѣ того же года сопровождалъ великаго князя до Полангена, для встрѣчи невѣсты его высочества, прусской принцесы Шарлотты. Въ 1820 году В. Ѳ. Адлербергъ былъ назначенъ полковникомъ въ лейбъ-гвардіи московскій полкъ; въ 1823 году назначенъ управляющимъ канцеляріей генералъ-инспектора по инженерной части; 14 декабря 1825 года назначенъ флигель-адъютантомъ къ его императорскому величеству и находился въ тотъ же день при особѣ императора Николая Павловича и при войскахъ гвардейскаго корпуса, собранныхъ на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ противъ мятежниковъ. Три дня спустя, В. Ѳ. Адлербергъ былъ назначенъ помощникомъ производителя дѣлъ слѣдственной коммисіи, за труды по которой былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3 степени. Въ 1827 году за нахожденіе при начальникѣ штаба его императорскаго величества, баронѣ Дибичѣ, во время пребыванія его въ Грузіи, пожалованъ брильянтовымъ перстнемъ съ вензелевымъ его императорскаго величества именемъ. Въ 1828 году В. Ѳ. Адлербергъ былъ назначенъ директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба его императорскаго вели-

чества. Въ турецкую кампанію 1828 года В. Ѳ. Адлербергъ находился при переправѣ русской арміи черезъ Дунай, при осадѣ Браилова, обложеніи Шумлы и при осадѣ и сдачѣ Варны. 2-го октября, на кораблѣ «Императрица Марія», онъ отправился съ государемъ въ Одессу, а потомъ и въ Петербургъ. 29 сентября былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, а въ 1829 году, за усердную службу при лицѣ его императорскаго величества, пожалованъ орденомъ св. Анны 1 ст. Въ 1832 году В. Ѳ. Адлербергъ назначенъ начальникомъ военнопоходной канцеляріи его императорскаго величества, членомъ военнаго совѣта и товарищемъ военнаго министра; въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1837 году получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Съ 1835 по 1840 годъ онъ состоялъ предсѣдателемъ особаго комитета по устройству въ имперіи оружейныхъ заводовъ; въ 1842 году назначенъ главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ, которымъ и завѣдывалъ болѣе 15 лѣтъ. Благодаря его стараніямъ были заключены почтовыя конвенціи съ Австріей и Прусіей (1843 года), Швеціей (1846 года) и Греціей (1848 года), а также введена одинаковая такса для пересылки писемъ безъ различія разстояній. Въ 1843 году В. Ѳ. Адлербергъ былъ произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи; въ 1846 году пожалованъ орденомъ св. Владиміра 1 степени; въ 1847 году возведенъ въ графское достоинство; въ 1849 году пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго; въ 1852 году назначенъ министромъ императорскаго двора; въ 1855 году получилъ портретъ императора Николая Павловича, украшенный брильянтами; въ 1856 году назначенъ командующимъ императорскою главною квартирою, а также предоставлены ему званія канцлера россійскихъ императорскихъ и царскихъ орденовъ и министра удѣловъ, съ подчиненіемъ главному его начальству кабинета его величества, императорской академіи художествъ, ботаническаго сада, московскаго художественнаго общества и всѣхъ археологическихъ въ Россіи розысканій. 1 января 1857 г. графъ В. Ѳ. Адлербергъ былъ уволенъ отъ должности главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ и назначенъ членомъ секретнаго, впослѣдствіи главнаго комитета по крестьянскому дѣлу и предсѣдателемъ комитета для устройства быта крестьянъ государственныхъ, удѣльныхъ, государевыхъ, дворцовыхъ и заводскихъ. Въ 1861 году графъ В. Ѳ. Адлербергъ былъ уволенъ, согласно его желанію, отъ должности командующаго императорскою главною квартирою, а въ декабрѣ того же года назначенъ шефомъ 5 роты лейбъ-гвардіи московскаго и 22 смоленскаго полковъ. Наконецъ, 17 апрѣля 1870 года онъ былъ уволенъ, согласно прошенію, отъ занимаемыхъ имъ должностей съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и во всѣхъ прочихъ присвоенныхъ ему званіяхъ.

Смѣсь.

— **Кровавый исходъ любви.** Въ газ. «Новости» разсказанъ слѣдующій печальный случай: Молодой артельщикъ Константинъ Воробьевъ состоялъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ двадцатилѣтней дѣвушкой, дочерью чиновника, Елизаветой Образцовой. Они хотѣли вступить въ бракъ; но тутъ-то, какъ разсказываютъ въ «Нов. Времени», и начались для влюбленныхъ горькія разочарованія. Такъ какъ Образцова была дѣвушка бѣдная и жила единственно своею работой и, кромѣ того, поддерживала еще старуху-мать, живущую съ нею въ маленькой комнаткѣ на Пескахъ, то отецъ Воробьева, живущій въ Сестрорѣцкѣ, воспротивился ихъ браку. Средства молодого Воробьева были ничтожны, и онъ зависѣлъ отъ отца, нарушить волю котораго для него было равносильно остаться безъ средствъ; и вотъ съ горя Воробьевъ рѣшился на самоубійство, о чемъ и сообщилъ своей милой, которая на это предложила ему, если ужь умирать, то умереть вмѣстѣ. Воробьевъ долго ее отговаривалъ, но всѣ доводы его были отвергнуты. Воробьевъ согласился покончить сперва свою Лизу, а потомъ убить себя. Съ этою цѣлью они вмѣстѣ отправились въ Красное Село, гдѣ заняли номеръ въ гостинницѣ Крюкова, въ домѣ Алексѣева, по Петербургской улицѣ (это было въ понедѣльникъ 22-го мая), потребовали чаю, водки и котлетъ, ночевали вмѣстѣ, затѣмъ весь вторникъ гуляли вмѣстѣ, опять закусывали и остались ночевать. Въ среду, 24-го мая, они изъ номера не выходили до вечера; это подало поводъ заявить полиціи, и когда дверь была сломана, то нашли ихъ обоихъ мертвыми. Воробьевъ сидѣлъ на диванѣ уже совершенно холодный, руки были опущены, у ногъ валялся револьверъ; Образцова-же лежала на диванѣ, ноги ее были на полу; вѣроятно, они оба сидѣли рядомъ, сперва Воробьевъ выстрѣлилъ ей въ лѣвый високъ, а затѣмъ, выстрѣлилъ себѣ въ правый. На столѣ было найдено четыре письма: первое на имя отца Воробьева, въ которомъ онъ заявляетъ, что рѣшился на этотъ поступокъ вслѣдствіе запрещенія отца, другое — на имя полиціи, гдѣ названы имена обоихъ, мѣстожительства и причина смерти. Третье — на имя одного знакомаго унтеръ-офицера и четвертое, адресованное на имя старухи Образцовой, подписанное дочерью, въ которомъ она разсказываетъ о своей любви и проситъ ее простить. При вскрытіи трупа Образцова оказалась дѣвицею.

— **Сто рублей за минуту пѣнія.** Знаменитая Патти, какъ увидитъ читатель изъ нижесообщаемаго письма, требуетъ за участіе въ оперныхъ спектакляхъ въ Петербургѣ по 20,000 фр. за вечеръ, что по нынѣшнему курсу составитъ 8,000 руб. На сценѣ ей приходится быть никакъ не болѣе 80 минутъ въ спектакль, слѣдовательно, за каждую минуту труда она требуетъ только 100 руб. Что она дѣйствительно требуетъ эту, а не другую сумму, явствуетъ изъ слѣдующаго письма режиссера нашей итальянской оперы г. Чіампи: «Зная, пишетъ онъ въ «Голосѣ», насколько русская публика желаетъ услышать Патти и Николини, я первый свой шагъ направилъ, конечно, къ нимъ и въ февралѣ прямо изъ Петербурга поѣхалъ для переговоровъ съ ними въ Миланъ. Но мои предложенія были сразу отвергнуты; они отказались, ссылаясь на болѣзнь Патти и на докторовъ, которые положительно запретили ей возвращаться въ Россію, такъ какъ климатъ слишкомъ суровъ для ея слабаго организма. Спустя мѣсяца два я снова попыталъ счастья и уже въ Лондонѣ просилъ ихъ пріѣхать въ Россію только на два мѣсяца и дать шестнадцать представленій, за которыя предложилъ имъ двѣсти тысячъ франковъ или по 12,500 франковъ за вечеръ, Эта цифра — баснословная съ моей стороны, но я рѣшился имъ предложить ее, чтобы доказать русской публикѣ, насколько я стараюсь угодить ей и доставить ей любимыхъ артистовъ. На мое предложеніе я получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ Николини: «Патти и я согласны пріѣхать на два мѣсяца въ Россію и дать двадцать представленій, но не менѣе какъ за 400,000 франковъ, т. е. 20,000 франковъ за вечеръ». Я только могъ ужаснуться при такомъ громадномъ и неумѣстномъ требованіи, на что присутствующій тутъ же ихъ секретарь Франки прибавилъ: «Если русскіе такъ непремѣнно желаютъ слушать Патти и Николини, то пусть составятъ подписку, чтобы пополнить разницу 12,500 фр., которые вы имъ предлагаете противъ 20,000 фр., которые они просятъ». Я бы желалъ довести до свѣденія публики, на какихъ условіяхъ были прежде Патти и Николини въ Россіи, сравнительно съ тѣмъ, что они теперь требуютъ. Патти получала за четыре мѣсяца 280,000 франковъ, включая два бенефиса: одинъ въ Петербургѣ, другой въ Москвѣ, и въ продолженіе этого времени должна была пѣть сорокъ разъ, что составляло только 7,000 франковъ за представленіе. Николини получалъ 100,000 франковъ за пять мѣсяцевъ и долженъ былъ пѣть 50 разъ, что составляло 2,000 фр. за вечеръ. Я же имъ предложилъ 12,500 фр. обоимъ за каждое представленіе, что составляетъ разницу въ 3,500 франковъ болѣе противъ того, что они получали отъ моего предшественника, и нахожу эту цифру совершенно достаточною; невозможно предложить имъ болѣе или согласиться на ихъ требованія».

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Контора редакціи «Живописнаго Обозрѣнія» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ при перемѣнѣ адреса высылать **старый адресъ съ бандероли и почтовыми марками:**

при перемѣнѣ городск. адреса на иногород. 85 к.
иногороднаго на городской........ 1 р.
иногороднаго на иногородній........ 24 к.

Безъ означенныхъ приложеній адресъ не перемѣняется.

Въ случаѣ же неполученія кѣмъ либо изъ гг. подписчиковъ нумера журнала, контора покорнѣйше проситъ заявить объ этомъ немедленно по полученіи слѣдующаго нумера, чтобы имѣть возможность отыскать на почтѣ утерянный нумеръ. Заявленія, поступающія позже назначеннаго срока, остаются безъ послѣдствій.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: 10-й № «Парижскія моды».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Іюня 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

№ 26. Томъ I. | На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. - 2 руб. Отдѣльн. №№ по 15 к. | С.-Петербургъ, 25 Іюня 1878 года. | *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новый проспектъ, домъ № 20. | Годъ VI.

Ж. Л. Жеромъ.

Ст. П. Библіофила.

Картина Жерома переноситъ насъ въ древній міръ, въ театръ, въ помѣщеніе, гдѣ находятся маски: актеръ разсматриваетъ и примѣряетъ ихъ. Что такое древняя театральная маска—намъ нечего много распространяться: наши читатели, вѣроятно, помнятъ статьи «Обрядовая и театральная сторона жизни древняго міра», помѣщенныя въ нашемъ журналѣ и познакомившія нашихъ читателей съ устройствомъ древняго греческаго театра. Греческіе и римскіе актеры, играли въ маскахъ и Аристотель говоритъ, что уже въ его время люди не знали, кому принадлежитъ изобрѣтеніе этихъ масокъ. Маски эти дѣлались изъ древесной коры, изъ кожи, изъ металла; ихъ ротъ, во всѣхъ случаяхъ, дѣлался изъ металла, чтобы рѣчь актера могла быть звучнѣе; маска изображала всю голову съ ушами, съ волосами, съ бородой; маски дѣлились на трагическія, комическія и сатирическія. Жеромъ, на своей картинѣ изображаетъ запасный складъ подобныхъ масокъ; одинъ изъ актеровъ примѣряетъ трагическую маску передъ двумя зрителями. Въ этой картинѣ, какъ и во всѣхъ другихъ своихъ картинахъ, Жеромъ поражаетъ своимъ знаніемъ древняго міра.

Жанъ Леонъ Жеромъ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ и самыхъ прославленныхъ французскихъ живописцевъ. Онъ родился 11 мая 1824 года въ Весулѣ, въ Верхней Сонѣ, и былъ ученикомъ Поля Делароша съ 1841 года. Онъ вмѣстѣ съ Деларошемъ посѣтилъ въ 1844 году Италію, потомъ въ 1853 году былъ въ Турціи, а въ 1856 году въ Египтѣ. Эти путешествія дали ему возможность запастись массою самыхъ разнообразныхъ наблюденій и впечатлѣній, что необходимо для художника, если онъ не желаетъ остаться одностороннимъ и мало по малу загубить свой талантъ. При замѣчательной разносторонности наблюденій, при обширныхъ научныхъ познаніяхъ и при огромномъ талантѣ, Жеромъ не могъ не выдвинуться впередъ и быстро составилъ себѣ репутацію даровитаго жанриста, доходящаго иногда въ своихъ картинахъ изъ жизни древняго міра и Востока до такой мелочной точности въ деталяхъ, что его можно признать за одного изъ первыхъ антиква-

Комедіанты, картина Ж. ЖЕРОМА.

Рѣзали на деревѣ Б. Пуцъ и Цехомскій, въ Варшавѣ.

ріевъ въ Европѣ. Но кромѣ наблюдательности, знанія, ума, таланта и умѣнья владѣть красками, Жеромъ достигъ успѣха въ значительной степени и тѣмъ, что многія изъ его картинъ попали, какъ говорится, въ жилку современнаго французскаго, а, можетъ быть, и вообще европейскаго общества: Жеромъ очень часто выбиралъ для своихъ картинъ пикантные сюжеты, двусмысленныя положенія обнаженнаго тѣла и т. п. Кто изъ любителей картинъ пикантнаго содержанія, возбуждающаго извѣстные инстинкты, щекочущаго нервы, не знаетъ знаменитыхъ и, въ сущности, замѣчательно исполненныхъ картинъ Жерома: «Фрина передъ судомъ», «Продажа рабынь», «Римскій лупанаръ» (публичный домъ)? Но не однѣ эти картины, очень цѣнимыя любителями пикантныхъ сценъ, создали славу Жерома и поставили весьма высоко его имя. Онъ знаменитъ, какъ творецъ такихъ картинъ, какъ «Гладіаторы, идущіе на бой и привѣтствующіе императора Вителлія», «Два авгура, смѣющіеся при взглядѣ другъ на друга послѣ сдѣланнаго ими предсказанія», «Дуэль, между пьеро и арлекиномъ послѣ маскарада», «Трупъ Цезаря съ бѣгущими заговорщиками», «Смерть маршала Нея», «Наступленіе мрака по смерти Христа съ тѣнью отъ трехъ крестовъ, которые не видны на картинѣ», «Людовикъ XIV и Мольеръ среди пристыженныхъ царедворцевъ». Всѣ эти картины, изъ которыхъ нѣкоторыя находятся у насъ въ Россіи, замѣчательны какъ по мысли, такъ и по исполненію и, конечно, имъ суждено остаться навсегда въ исторіи живописи. Рядомъ съ этими произведеніями, у Жерома есть масса жанровыхъ сценъ изъ жизни древняго міра, Востока, Италіи и т д. Его «Пифераро», «Пѣтушій бой», «Арабы, молящіеся на террасахъ домовъ», «Арнауты, играющіе въ шахматы», «Транспортъ знатнаго плѣнника на Нилѣ», «Алкивіадъ у Аспазіи», все это картины, сотни разъ появлявшіяся въ гравюрахъ въ фотографическихъ снимкахъ, въ иллюстрированныхъ журналахъ. Едва ли кому нибудь изъ современныхъ иностранныхъ художниковъ приходилось быть столько разъ скопированнымъ въ Россіи, какъ Жерому: нѣсколько его картинъ находится въ академіи художествъ и ученики академіи ежегодно представляютъ на продажу множество копій съ этихъ картинъ; особенно часто копируется «Дуель между пьеро и арлекиномъ», «Пифераро».

Жеромъ получилъ въ 1847 году третью медаль, въ 1848 и 1855 годахъ вторую медаль, въ 1863 году онъ сдѣлался профессоромъ въ школѣ искуствъ, въ 1865 году его сдѣлали послѣ Гейма членомъ института, въ 1867 году онъ получилъ почетную медаль и орденъ почетнаго легіона. Его картины продаются за очень дорогія цѣны.

Покой.

Изъ Владислава Сырокомли. Пер. Омулевскаго.

Посмотри: источникъ горный
То ручья принявши видъ,
Брызжетъ влагой и, задорный,
Пѣнясь, далѣе бѣжитъ;

То, крутясь водоворотомъ,
Камень силится подмыть:—
Чистый, свѣжій, оттого-то
Онъ такимъ и можетъ быть.

Вонъ, надъ тихими водами
Смрадъ отъ плесени стоитъ;
Все въ нихъ гнилью, червяками,
Разложеніемъ кишитъ...

Такъ и ты, о, мысль людская!
Все впередъ идти должна,
Чистой жизнью закипая,
Словно пѣною волна.

Изнуренная трудами,
Станешь гнить ты, всѣмъ чужда,
И уснешь, киша червями,
Какъ стоячая вода!

Судебная ошибка.

Романъ Ф. Буагобея. Переводъ С. И. Воскресенско.

(Продолженіе.)

Глава VI.

Красивое зданіе, носящее названіе «Моргъ», буквально осаждалось толпою, къ которой были ловко примѣшаны полицейскіе агенты. Пьедушъ и Пигашъ, пользуясь излишкомъ свободнаго времени, благодаря Толбіаку, который давалъ имъ изумительно мало порученій, рѣшили употребить тоже съ пользою свои часы и наблюдали за посѣтителями, устроивъ себѣ засаду въ комнатѣ смотрителя, изъ которой было продѣлано незамѣтное крохотное оконцо въ залу, служащую для выставки труповъ.

Эта зала большая, квадратная, очень высокая, превосходно освѣщена. Она раздѣляется на двѣ части стеклянною перегородкой, за которою выставлены, двумя паралельными рядами, двѣнадцать плитъ,—по шести въ каждомъ ряду,—служащія для труповъ. Эти плиты бываютъ рѣдко пусты и въ посѣтителяхъ страшнаго зрѣлища, нѣтъ тоже никогда недостатка, но въ этотъ разъ едва ли не половина Парижа, заинтересованная происшествіемъ въ улицѣ Арбалетъ, стремилась взглянуть на жертву, выставленную въ томъ самомъ нарядѣ, въ которомъ она была найдена. И на груди ея, противъ сердца, оставалась пиковая дама, пригвожденная убійцей.

Благодаря искусному набальзамированію, мертвая сохранила всю свою красоту, а она была изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ видя разъ, нельзя было забыть. Это была блондинка съ черными глазами, съ золотистыми волосами и матовымъ цвѣтомъ лица,—такая блондинка, какую можно рѣдко встрѣтить даже и въ Англіи. Глядя на ея полузакрытыя вѣки и полуотверстыя губы, можно было поклясться, что она спитъ, и проснется, если кто-нибудь назоветъ ее по имени. Въ ея бѣлыхъ и тонкихъ рукахъ находилась камелія, которую не тронулъ убійца; этотъ цвѣтокъ успѣлъ болѣе увянуть, чѣмъ лицо той, которая его держала. Лежа въ своемъ кружевномъ пеньоарѣ, въ шелковыхъ сѣрыхъ чулкахъ и розовыхъ туфляхъ, неизвѣстная красавица походила на женщину, отдыхающую передъ отъѣздомъ на балъ.

Во второмъ ряду было выставлено нѣсколько труповъ: два утопленника, раздавленный экипажемъ ребенокъ, женщина, бросившаяся изъ окна... Но эти не занимательные мертвецы не были одѣты; ихъ покрывалъ только отвратительный кожаный фартукъ, а ихъ бѣдныя лохмотья висѣли надъ ихъ головами, рядомъ съ разнымъ другимъ тряпьемъ, причалившимъ сюда, послѣ всякихъ странствій по грязному парижскому океану. Нарядная женщина была выставлена одна впереди, съ цѣлью привлекать на себя особенное вниманіе, и цѣль эта была достигнута вполнѣ. Карта въ особенности возбуждала безконечные толки. Человѣческій умъ построенъ такъ, что большинство зрителей занималось болѣе разгадкою того, зачѣмъ тутъ находится пиковая дама, чѣмъ содрогалось при мысли, что такой прелестной и богатой женщинѣ привелось попасть въ Моргъ. На одного человѣка, который говорилъ тронутымъ голосомъ: «Бѣдняжка! Такая молодая! Умереть подобнымъ образомъ!» двадцать человѣкъ произносили значительно: «Въ этой картѣ весь ключъ къ разгадкѣ», или же: «А я думалъ, признаться, что эта карта — выдумка репортеровъ... Нѣтъ, какъ видно, моя газета сообщаетъ вѣрныя свѣденія...» Люди проницательные прибавляли: «Ясно, что карты играютъ большую роль въ дѣлѣ. Полиція будетъ очень уже глупа, если не съумѣетъ найти злодѣя... Надо хорошенько обыскать всѣ картежные притоны».

И, разсуждая такимъ образомъ, толпа проходила медленно мимо трупа. Кого не было тутъ! Уличные мальчишки, гризетки, сбѣжавшія тайкомъ изъ-за работы, лавочники, няньки, рыночныя торговки, свѣтскіе люди, артисты, писатели, кокотки высшаго полета и даже знатныя дамы, явившіяся тайкомъ, занявъ костюмъ у своихъ горничныхъ. Ко всей этой вереницѣ примѣшивались четыре или пять полицейскихъ, которые, обойдя кругъ, снова вступали въ него съ другаго конца, подобно статистамъ, представляющимъ на театрѣ многочисленное войско. Полицейское начальство надѣялось, что убійца придетъ, можетъ быть, взглянуть на свою жертву. Такія странныя притяженія не новость въ судебной практикѣ. Пьедушъ питалъ эту надежду: онъ былъ увѣренъ, что преступникъ и незнакомецъ, обманувшій его своимъ полицейскимъ билетомъ, одно и тоже лицо; незнакомецъ же, очевидно, принадлежалъ не къ разряду бѣглыхъ каторжниковъ. Злодѣи по профессіи не носятъ богатыхъ пальто, шляпъ съ иголочки, сапоговъ съ высокими каблуками и бѣлыхъ фуляровыхъ кашне. Въ силу такого разсужденія, Пьедушъ старательно вглядывался, изъ своего потайнаго окна, во всѣхъ хорошо одѣтыхъ мужчинъ, толпившихся передъ трупомъ покойницы. Его пріятель, Пигашъ, явившійся лишь на тотъ случай, если бы потребовалось поддержать товарища силой, равнодушно жевалъ кусокъ хлѣба съ сыромъ, возлагая всѣ остальныя заботы на своего сослуживца. Въ комнатѣ, примыкавшей къ смотрительской, писарь заносилъ въ книгу примѣты новаго трупа, вытащеннаго недавно изъ рѣки, повторяя каждое слово за сторожами, выкликавшими громко примѣты утопленника:

— Синіе штаны съ заплатою на колѣнѣ... стоптанные башмаки... блуза бѣлая, починенная черными нитками на лѣвомъ рукавѣ... Въ лѣвомъ карманѣ трубка и табакъ... Въ правомъ тетрадь съ пѣснями и волчокъ...

— Новаго къ вамъ притащили? спросилъ Пигашъ у смотрителя.

— Да... какой-то мальчишка.

— Личныя примѣты, продолжалъ, между тѣмъ, писарь.—На шеѣ рубецъ... на груди татуированное изображеніе сердца, пробитаго стрѣлою... волоса прямые... носъ...

— Тише! перебилъ Пьедушъ, — вы мнѣ мѣшаете слушать.

— А что? спросилъ Пигашъ.

— Тутъ угольщица и ея мужъ... стоятъ у самой стѣнки. Мнѣ все кажется, что эти люди знаютъ болѣе, чѣмъ хотятъ сказать... Надо ихъ послушать.

Достойная чета пришла тоже поглазѣть на трупъ и ораторствовала, сообщая всѣмъ хвастливыя подробности. Слушая угольщицу, можно было подумать, что безъ нея и не открыли бы убійства; мужъ ея увѣрялъ, что знаетъ злодѣя въ лицо и когда-нибудь изловитъ его при нечаянной встрѣчѣ. Пьедушъ не терялъ ни слова изъ этого разговора, хотя понималъ, что почти всѣ ихъ разглагольствованія чистѣйшій вздоръ. Но одно выраженіе заставило его навострить уши. Угольщикъ, желая придать колоритъ своему разсказу, описывалъ внѣшность убійцы, человѣка, одѣвавшагося всегда очень нарядно, по его словамъ, и прибавилъ:

— Лица-то я не могу описать хорошенько... онъ всегда въ кашне... вотъ, какъ этотъ господинъ...

Со времени своего ночнаго разговора съ преступникомъ, Пьедушъ не могъ слышать равнодушно самого слова «кашне». Онъ тотчасъ же приподнялся и устремилъ взглядъ на человѣка,

указаннаго угольщикомъ; по костюму, этотъ господинъ не походилъ, однако, нисколько на того, который такъ ловко обманулъ бѣднаго полицейскаго агента. Во-первыхъ, не смотря на холодную погоду, на немъ не было никакого верхняго платья; вся одежда его заключалась въ полудлинной курткѣ изъ клѣтчатаго драпа и мягкой войлочной шляпѣ. Подобный туалетъ не употребляется въ городѣ свѣтскими людьми. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на незнакомцѣ были сѣрыя шведскія перчатки, новенькія, старательно застегнутыя на пуговки, онѣ не ладили съ его остальнымъ небрежнымъ костюмомъ... Пьедушъ припоминалъ какъ-то смутно, что руки обманувшаго его человѣка были тоже въ сѣрыхъ перчаткахъ... Онъ не былъ вполнѣ въ этомъ увѣренъ... ночью всего не разсмотришь!.. но что-то подобное мерещилось ему... Во всякомъ случаѣ, такія изящныя перчатки не согласовались съ войлочною шляпой и возбуждали подозрѣніе. Но другая принадлежность наряда снова сбивала съ толку: кашне былъ не бѣлый фуляровый, а клѣтчатый, изъ толстой шерстяной ткани, то есть, далеко не франтовской. Пьедушъ отмѣтилъ однимъ взглядомъ всѣ эти подробности и перешелъ къ физіономіи, но встрѣтилъ здѣсь уже рѣшительное затрудненіе. Мало того, что незнакомецъ кутался въ свой кашне до самыхъ ушей,—онъ еще держалъ у своего рта платокъ, вѣроятно, съ цѣлью заглушить одолѣвавшій его безъ умолка кашель; такимъ образомъ, можно было разглядѣть только кончикъ его носа.

«Кончится же когда-нибудь его припадокъ!» думалъ Пьедушъ, не спуская глазъ съ заинтересовавшаго его человѣка.

— Проходите, господа, проходите! покрикивали между тѣмъ, городскіе сержанты, торопя застаивавшуюся публику. Кашлявшій человѣкъ подходилъ уже къ самому оконцу, изъ котораго наблюдалъ Пьедушъ, и кашель его все усиливался, до такой степени, что становился даже нѣсколько неестественнымъ.

— Пора бы уже ему перевести духъ, ворчалъ про себя Пьедушъ.—Притворяется... право слово, притворяется... Кстати, платокъ у него батистовый... Ого! это что-то удивительно!.. При такой шляпѣ, батистовый носовой платокъ... Да и рубашка, сдается мнѣ, полотняная... Замѣчательно все это... Еще на обувь взглянуть бы... Не разглядѣть только ничьихъ ногъ въ такой давкѣ.

Незнакомецъ продолжалъ подвигаться, кашляя по прежнему и видимо стараясь не показывать своего лица.

«Какъ бы не улизнулъ», подумалъ Пьедушъ, начиная терять его изъ вида среди извивавшагося ряда.

— Слушай, сказалъ онъ, обращаясь къ Пигашу,—я подмѣтилъ тутъ одного подозрительнаго молодца... Махни прямо къ выходу и подстереги... Узнать человѣка нетрудно: войлочная шляпа и клѣтчатый кашне: красный съ зеленымъ. Когда увидишь его, вели кому-нибудь изъ нашихъ слѣдить за нимъ, куда бы онъ ни пошелъ, а самъ приди сказать мнѣ, все ли онъ прячетъ свою морду въ платокъ.

— Ладно, коротко отвѣтилъ Пигашъ, не любившій распространяться. Пьедушъ, говоря съ нимъ, не переставалъ смотрѣть на толпу, по часъ закрытія печальной выставки уже приближался. Трудно было надѣяться на какой-нибудь успѣхъ въ этотъ день.

«Я напрасно обратилъ вниманіе на этого дурака, думалъ Пьедушъ, по уходѣ товарища. Если бы онъ походилъ на убійцу, то угольщики заорали бы во всю мочь. Они жаждутъ вмѣшаться въ дѣло. Я знаю, они хвастаются, говоря, что знаютъ мошенника въ лицо, но все же они могли видать его раза два-три, если онъ посѣщалъ эту госпожу... Надо сознаться, что я сталъ обращать лишнее вниманіе на пустяки, именно съ тѣхъ поръ, какъ былъ надутъ такъ жестоко... Просто, въ мухѣ слона вижу... Нельзя же брать за шиворотъ всякаго, за то только, что у него шведскія перчатки и коклюшъ!»

Въ эту минуту, когда новыхъ посѣтителей уже не впускали и толпа стала быстро убывать, на улицѣ послышался какой-то шумъ и раздались крики: «Держи!.. держи!»

«Кого тамъ ловятъ? подумалъ. Пьедушъ. Неужели «моего» съ клѣтчатымъ кашне?.. Очень можетъ быть; Пигашъ проволочекъ не любитъ... Надо посмотрѣть...»

Онъ хотѣлъ направиться къ двери, но она внезапно отворилась и изъ нея показалась группа, состоявшая изъ Пигаша, двухъ городскихъ сержантовъ и человѣка, который старался вырваться изъ рукъ, отчаянно работая ногами вправо и влѣво, и произнося непонятныя ругательства, среди которыхъ только слышалось отчетливо: «годдемъ!»

«Англичанинъ!» Вотъ оно что! подумалъ Пьедушъ, между тѣмъ какъ Пигашъ ловко перетянулъ веревкою ноги незнакомца и поставилъ его въ невозможность сопротивляться.

—Англійскій мазурикъ, отвѣтилъ онъ на вопросительный взглядъ своего товарища. — Я изловилъ его ту минуту, какъ онъ запустилъ руку въ карманъ къ одной дамѣ... Но повозились мы съ нимъ! скользитъ изъ рукъ, какъ кошка...

— А тотъ? спросилъ лаконически Пьедушъ.

— Кто его знаетъ! я, признаться, занялся этимъ дьяволомъ...

— Мы не могли отправить его прямо въ участокъ, прибавилъ одинъ изъ сержантовъ. — Онъ до того бился и ругался, что народъ сталъ вмѣшиваться и его чуть не уходили...

— Перевеземъ связаннаго въ фіакрѣ, сказалъ Пьедушъ,—но я нашелъ бы нужнымъ обыскать его прежде. Эти англійскіе артисты ловче всякой обезьяны. Оставьте его, и онъ дорогою успѣетъ выбросить все изъ своихъ кармановъ, хотя будетъ связанъ по рукамъ и ногамъ.

— Что же, можно и обыскать, отвѣтили оба сержанта.—Не угодно ли вамъ начать?

Пьедушъ приступилъ къ дѣлу и быстро опросталъ всѣ карманы въ курткѣ плѣнника. Въ нихъ оказались: три цѣпочки, двое часовъ и съ полдюжины портмоне. Но вся эта добыча не значила ничего передъ тою, которая нашлась въ потайномъ карманѣ панталонъ негодяя. Эта находка заключалась въ изящномъ бумажникѣ, изъ котораго выпала кабинетная фотографическая карточка... Пьедушъ поднялъ ее и даже поблѣднѣлъ отъ радостнаго волненія: онъ увидѣлъ передъ собою портретъ убитой женщины.

— Она... она... проговорилъ онъ.

Сомнѣваться было нельзя. Фотографія вѣрно передала всѣ прелестныя черты незнакомки, до небольшого родимаго пятнышка на лѣвой щекѣ включительно, и даже, что случается рѣже при фотографическихъ снимкахъ, сохранила характеристическое выраженіе ея физіономіи, отмѣченной необыкновенною кротостью и нѣжностью. Но этого было еще мало: какъ бы повинуясь роковому предчувствію и давая правосудію средство отмстить за совершенное надъ ней злодѣяніе, бѣдная молодая женщина придумала изобразить себя на портретѣ сидящею передъ столомъ, на которомъ были симметрически разложены карты; въ одной рукѣ у нея былъ цвѣтокъ, въ другой пиковая дама... Красавица раскладывала пасьянсъ, какъ въ тотъ злополучный вечеръ, въ который ее постигла ужасная смерть.

Одинъ только Христофоръ Колумбъ, увидавъ берегъ Америки, могъ испытать то чувство, которое наполнило сердце Пьедуша, при видѣ этого портрета. Онъ былъ теперь твердо увѣренъ, что если пойманный мошенникъ не былъ лично убійцею, то, по крайней мѣрѣ, онъ могъ считаться въ числѣ сообщниковъ гнуснаго дѣла. Все подтверждало такое предположеніе: убитая была родомъ англичанка; воръ прибылъ тоже, очевидно, изъ Англіи... Пьедушъ, не помня себя отъ радости, даже позабылъ о незнакомцѣ въ клѣтчатомъ кашне. Онъ помышлялъ только о вѣроятной наградѣ и о возможности снова завоевать себя благопріятное мнѣніе начальства. Онъ понималъ, что превысилъ нѣсколько свою власть, приступивъ на мѣстѣ къ обыску мошенника; конечно, дѣло было можно поправить, снова, вложивъ все найденное въ карманы вора и предоставя начальству полицейскаго депо дальнѣйшую заботу о цѣлости этихъ вещей, но Пьедушъ не рѣшался разстаться съ драгоцѣннымъ бумажникомъ; онъ хотѣлъ довести свое открытіе до конца, чтобы вполнѣ заслужить потомъ и всю честь.

— Какъ вы его схватили? спросилъ онъ у сержантовъ.—По чьей-нибудь жалобѣ?

— Нѣтъ, вашъ товарищъ поймалъ его въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ вытащить кошелекъ у какой-то торговки. Эта женщина успѣла вырвать у него обратно свои деньги и убѣжала съ ними, не прося болѣе ничего.

— Хорошо, но другимъ не такъ посчастливилось, замѣтилъ Пьедушъ. — Смотрите, сколько у него набрано портмоне и другихъ вещицъ! Сдѣлайте одолженіе, выдьте оба, чтобы узнать, не жалуется ли кто на пропажу, и объявите всѣмъ, что они могутъ являться за своими вещами завтра же въ префектуру... съ ясными на принадлежность доказательствами, разумѣется!.. А я, тѣмъ временемъ, потолкую съ этимъ «годдемомъ».

Сержанты вышли, оставя связаннаго англичанина подъ охраною однихъ только Пьедуша и Пигаша. Пьедушъ началъ съ того, что показалъ портретъ своему товарищу. Тотъ даже вскрикнулъ отъ изумленія.

— Что скажешь? спросилъ Пьедушъ.

— Скажу, что намъ не миновать награды, какъ этому молодцу не миновать палача.

— Да... Но можно ли думать, глядя на него, что онъ не одною охотой за портмоне занимается?

Пока полицейскіе обмѣнивались этими словами, англичанинъ, очевидно, прислушивался къ ихъ рѣчи и замѣтно блѣднѣлъ. Пьедушъ сообразилъ, что пора нанести окончательный ударъ. Онъ подошелъ къ арестанту и произнесъ рѣзко:

— Любезный, ты понимаешь по французски не хуже меня. По этому, вилять нечего. Твое дѣло ясно; накакіе присяжные не подарятъ тебѣ даже смягчающихъ обстоятельствъ... и дорога на гильотину тебѣ открыта...

Блѣдность англичанина приняла даже зеленоватый оттѣнокъ. Видя свой успѣхъ, Пьедушъ продолжалъ:

— Послушай, я не злой человѣкъ и подамъ тебѣ добрый совѣтъ. Разскажи все до-чиста. Можетъ быть, ты и не одинъ работалъ?.. Объясни это, и твое чистосердечное признаніе послужитъ тебѣ въ пользу. Хорошій адвокатъ съумѣетъ обѣлить тебя, по крайней мѣрѣ, на столько, что ты отдѣлаешься какими-нибудь двадцатью годами каторги... Все же лучше... Ну же, рѣшайся!

Арестантъ слушалъ, какъ ошеломленный, но очевидно понимая рѣчь.

— Что же? сухо спросилъ Пьедушъ.—Говори скорѣе; мнѣ некогда съ тобою возиться... отошлю тебя къ такимъ, которые съумѣютъ заставить тебя поговорить... Пойми же, глупый человѣкъ, что тебѣ выгоднѣе признаться...

— Въ чемъ? произнесъ арестантъ по-французски, хотя съ иностраннымъ акцентомъ.

— Въ чемъ! Самъ знаешь.

— Да и вы знаете все, потому что накрыли меня. Я обчищалъ чужіе карманы, не отпираюсь... это моя профессія... Но за это еще не рубятъ головы во Франціи.

— Не представляйся дуракомъ. Что ты скажешь на это?

Пьедушъ подставилъ ему подъ самый носъ портретъ убитой женщины. Англичанинъ произнесъ чисто британское: «Ооо!» но на лицѣ былъ его не испугъ, а простое изумленіе.

— Что? Узнаешь? воскликнулъ Пьедушъ, торжествуя.

— Узнаю... это та женщина, что лежитъ здѣсь.

— И которую ты убилъ.

— Я?.. Въ первый разъ увидѣлъ ее уже мертвою!

— Ладно, разсказывай! Если бы ты не зналъ ее прежде, то какимъ образомъ очутилась бы ея карточка у тебя, въ бумажникѣ?

— Да развѣ бумажникъ-то мой?

— А то чей же?

— Да того джентльмена, у котораго я его укралъ.

— Не худо придумано, мой милый, но надо еще доказать. У кого ты укралъ?... Гдѣ?.. Когда?..

— Да здѣсь же... у господина въ клѣтчатомъ кашне... войлочной шляпѣ... сѣрыхъ перчаткахъ.

При этомъ неожиданномъ объясненіи, Пьедушъ измѣнился въ лицѣ.

Одной своей фразой, англичанинъ опрокинулъ все построенное, великолѣпное зданіе. Бѣдный полицейскій старался убѣдить себя, что мошенникъ лжетъ, но отвѣтъ былъ слишкомъ естественъ и описаніе костюма незнакомца такъ вѣрно дѣйствительности, что сомнѣніе было неумѣстно. Сверхъ того, Пьедушъ подмѣтилъ другой важный признакъ: узнавъ, въ чемъ его обвиняютъ, англичанинъ сдѣлался гораздо спокойнѣе, чѣмъ былъ въ первыя минуты, когда не зналъ хорошенько, въ чемъ именно состоитъ подозрѣніе. Изъ этого можно было догадаться, что на совѣсти у него было не мало темныхъ дѣлъ, и онъ имѣлъ причины бояться, но высказанное обвиненіе его не пугало, потому что онъ зналъ его полную неосновательность. Однако, Пьедушу было тяжело разстаться съ своею мечтою и онъ продолжалъ допросъ, стараясь казаться развязнымъ.

— Ты стащилъ все у этого господина, сказалъ онъ.—Хорошо. Гдѣ же ты его встрѣтилъ?

— Да тутъ же, въ Моргѣ!

— Слѣдовательно, ты недавно совершилъ эту кражу?

— За пять минутъ передъ тѣмъ, какъ ваши полисмены меня схватили.

— Ну, разсказывай! сказалъ Пьедушъ, задыхавшійся отъ бѣшенства. Онъ болѣе и болѣе понималъ свою оплошность; каждое слово англичанина рѣзало его и онъ проклиналъ себя. Арестантъ поколебался немного, вѣроятно потому, что ему было не совсѣмъ пріятно сознаваться въ своихъ занятіяхъ, однако, отвѣтилъ съ похвальною откровенностью:

— Я нисколько не скрываю того, что пріѣхалъ въ Парижъ съ цѣлью шарить въ чужихъ карманахъ. Въ Лондонѣ теперь сухая пора. Я прибылъ сюда по булоньской желѣзной дорогѣ.. не останавливаяся ни въ какомъ отелѣ... думая уѣхать сегодня же вечеромъ обратно.

— Всѣ англійскіе мазурики разсказываютъ одну и ту же исторію! перебилъ Пьедушъ съ нетерпѣніемъ. Ну, что пропоешь далѣе?

— Далѣе, я пошлялся по бульварамъ, въ Елисейскихъ поляхъ... Работы было немного, по причинѣ холодной погоды... никто не гулялъ... Я прочелъ тогда въ какой-то газетѣ о выставкѣ трупа... о томъ, что туда идетъ масса публики...

— И ты подумалъ: «Вотъ гдѣ лафа!»

— Именно... Но мнѣ не совсѣмъ посчастливилось... Для насъ выгоднѣе становиться за дамами... за хорошо одѣтыми джентльменами... а ваши полисмены заставили меня занять мѣсто гдѣ пришлось... среди простого народа... Передо мною торчалъ какой-то угольщикъ съ своею угольщицею... У такихъ немногимъ поживишься...

«Угольщикъ!... Угольщица! думалъ со скорбью Пьедушъ. Онъ не вретъ».

— Не у нихъ же ты укралъ этотъ бумажникъ? воскликнулъ онъ со злобою.

— Не у нихъ. Я вытащилъ его у того джентльмена, котораго я вамъ описалъ. Онъ стоялъ передъ угольщиками.

«И это правда!» подумалъ Пьедушъ, уничтоженный всѣми этими подробностями.

— Но почему же ты догадался запустить къ нему руку? спросилъ онъ громко. — Развѣ онъ казался богатымъ на видъ?

— О, нѣтъ! Я даже и не думалъ съ нимъ заняться, сначала... но потомъ, замѣтивъ, что онъ въ отличныхъ перчаткахъ...

Играющія дѣти. Картина РУБЕНСА.

— Да... сѣрыя шведскія, произнесъ, съ кислой улыбкой, Пьедушъ.

— Сверхъ того, у насъ есть примѣта: онъ часто потрогивалъ себя за грудь... такъ, къ боку... Мы уже это знаемъ: бумажникъ непремѣнно!

— Но какже было возможно, стащить, если онъ такъ стерегъ?..

— А я выждалъ, пока наша кучка не придвинулась къ стекламъ... тогда онъ сталъ смотрѣть на убитую и забылъ о своемъ бумажникѣ... Англичанка, какъ говорятъ?.. Онъ былъ очень тронутъ... плакалъ, мнѣ кажется... по крайней мѣрѣ, все платокъ у лица держалъ...

«Такъ оно и есть... такъ и есть!» думалъ со вздохомъ Пьедушъ

— Тогда я воспользовался обстоятельствами... всѣ мои сосѣди глазѣли на трупъ... я вынулъ свой ножикъ... рѣжетъ, какъ бритва... Такимъ инструментомъ не трудно было сдѣлать щель въ платьѣ этого джентльмена... и вытащить портфель...

— И этотъ господинъ ничего не замѣтилъ?

— Ни-ни! отвѣтилъ мошенникъ съ самодовольнымъ видомъ.—Если меня поймали, когда я запустилъ лапу въ карманъ этой торговки, то это потому, что меня толкнули, я дернулъ ее поневолѣ, она принялась кричать...

— Куда же дѣвался тотъ, обокраденный? Оставался онъ возлѣ тебя?

— О, нѣтъ! Выходя, онъ повернулъ налѣво, а я, само собой, направо. Вы понимаете, что мнѣ нечего было гоняться за нимъ...

— Онъ взялъ налѣво... повторялъ про себя Пьедушъ.

— Въ эту минуту, оба сержанта воротились, говоря, что никто не заявлялъ жалобы и что толпа разошлась. Ихъ появленіе вывело Пьедуша изъ мрачнаго оцѣпенѣнія.

— Отвезите этого человѣка въ депо... тотчасъ же, сказалъ онъ прерывающимся голосомъ. — Просите смотрителя отъ моего имени... отъ № 29, такъ и скажите... посадить его въ секретную до завтра... Берите фіакръ, чтобы доѣхать скорѣе... Въ депо заплатятъ.

Сержанты повели англичанина къ двери. Хотя ему развязали ноги, онъ не сдѣлалъ никакой попытки бѣжать и произнесъ съ хладнокровнымъ достоинствомъ:

— Джентльмены, я сообщилъ вамъ всѣ желаемыя свѣдѣнія. Прошу васъ не оставить меня своимъ покровительствомъ.

Едва дверь заперлась за нимъ, какъ Пьедушъ схватилъ за руку своего товарища, съ крикомъ:

— Знаешь ты, что мы совершили?... Мы выпустили изъ рукъ убійцу!.. Тотъ... въ кашне... онъ и есть!.. Не даромъ тянуло меня къ этимъ перчаткамъ! И быть одураченнымъ во второй разъ!.. О, я брошусь въ Сену.... я заслуживаю, чтобы меня разстрѣляли!

— Позволь, позволь... Мерзавецъ убѣжалъ; это непріятно, конечно; но у насъ въ рукахъ портфель и портретъ... на немъ долженъ быть адресъ фотографа...

— Что фотографъ! Развѣ отъ него узнаешь фамилію особы, которая снималась для того, чтобы подарить свое изображеніе любезному?... Да есла бы и узнать, этого мало...

— Но если фотографъ знаетъ и самого любезнаго? Дѣло возможное.

— Да... это было бы уже, что нибудь... но все же я осрамился... Нѣтъ, пора мнѣ въ отставку...

— Да постой же, сумасшедшій! Во-первыхъ, мы осмотрѣли еще только одинъ карманъ въ портфелѣ; нѣтъ ли чего въ другихъ?

Пьедушъ открылъ бумажникъ и воскликнулъ:

— Часъ отъ часу не легче! Банковые билеты... и еще пять! каждый въ 1000 франковъ... Теперь все пропало окончательно!

— Какъ такъ? спросилъ озадаченный Пигашъ.

— Ты не понимаешь? Теперь, я уже обязанъ отнести портфель въ префектуру и разсказать свою глупость начальству. Нельзя же мнѣ продержать эти билеты у себя до-завтра... Пусть лучше уже болваномъ считаютъ, чѣмъ воромъ!.. И когда я подумаю, что будь въ моемъ распоряженіи еще хотя сутки, я успѣлъ бы, можетъ быть, изловить подлеца...

Говоря это отчаяннымъ голосомъ, Пьедушъ, машинально открылъ третье отдѣленіе портфеля.

— Адресъ!.. Двѣ фамиліи! воскликнулъ онъ.— А еще есть возможность не бросаться въ Сену... и обезпечить ребятишекъ... Пигашъ, братъ, я нашелъ средство... Начальство еще поблагодаритъ меня завтра, хотя я денегъ сегодня не отнесу... Идемъ.

И онъ выбѣжалъ, увлекая за собою Пигаша, думавшаго не на шутку, что его сослуживецъ рехнулся.

(*Продолженіе будетъ.*)

Ландыши.

Стихотв. **Омулевскаго**, посвящ. памяти **А. С. Нѣловой**.

Вошла хозяйкой, съ первой встрѣчи,
Въ мою больную душу ты,
Хоть и витали наши рѣчи,
Въ тотъ вечеръ памятный, далече
Отъ всякой розовой мечты.

Да! не о розахъ рѣчь живая
Шла въ этотъ вечеръ; разговоръ
Касался бѣдъ родного края,
И помню я, какъ день, свѣтая,
Засталъ въ слезахъ нашъ долгій споръ.

Съ тѣхъ поръ извѣдали мы много
Волшебныхъ грёзъ и свѣтлыхъ дней;
Но жизни темная дорога
Проходитъ близко у порога
Не разсвѣтающихъ ночей...

Ты мнѣ, больная, подарила
Душистыхъ ландышей букетъ:
«Храни ихъ, милый», — говорила, —
«Хотя бы ранняя могила
И уничтожила мой слѣдъ».

Сбылось пророческое слово:
Тебя ужь нѣту на землѣ,
Гдѣ я блуждаю безтолково,
Какъ будто можно встрѣтить снова
Твой образъ, сгинувшій во мглѣ.

Увялъ, какъ ты во дни недуга,
Душистыхъ ландышей букетъ,
Но я храню его, подруга,
Хотя въ душѣ поэта-друга
Навѣчно врѣзался твой слѣдъ.

И каждый годъ, когда весною
Въ лѣсахъ являются цвѣты,
Я вновь бесѣдую съ тобою,
Какъ будто объ-руку со мною
Идешь за ландышами ты.

Скажи, какой волшебной силой
И обаяніемъ какимъ
Снабдила ты подарокъ милый,
Что власть твою и за могилой
Надъ сердцемъ держитъ онъ моимъ?

Что нахожу, со дня разлуки,
Я въ немъ, для родины моей,
Глубоко любящіе звуки?
Что никакія въ жизни муки
Меня не охлаждаютъ къ ней?

Скупа могила: нѣтъ отвѣта;
Но если, другъ, за всѣ мечты,
Я стою мирнаго привѣта, —
Пускай осыплютъ гробъ поэта
Душистыхъ ландышей цвѣты!

Очерки изъ военной жизни.

Эдмонда **де-Амичиса**. Переводъ съ итальянскаго.

Два деньщика.

Деньщикъ № 1-й.

Много существуетъ на свѣтѣ чудаковъ всякаго рода; знавалъ я ихъ не мало, но, полагаю, едва-ли существуетъ на свѣтѣ другой экземпляръ чудака, подобный тому, съ которымъ довелось мнѣ прожить болѣе двухъ лѣтъ.

Мой чудакъ былъ молодой крестьянинъ 20 лѣтъ, безграмотный, родомъ сардинецъ; служилъ онъ въ пѣхотѣ. Я увидѣлъ его въ первый разъ во Флоренціи въ конторѣ «Военнаго журнала» и онъ тогда же внушилъ мнѣ симпатію, а вся его фигура и нѣкоторые курьезные отвѣты сейчасъ же доказали мнѣ, что это оригиналъ первой руки. Если смотрѣть на него прямо въ лицо, конечно, не могло явиться сомнѣнія, что имѣешь дѣло именно съ нимъ, въ профиль же онъ казался совершенно другимъ человѣкомъ. По мѣрѣ того, какъ онъ поворачивался, всѣ черты его лица, казалось, принимали другое положеніе. Спереди не было ничего особеннаго — лицо, какъ лицо, а въ профиль онъ возбуждалъ невольный смѣхъ. Кончикъ носа и кончикъ подбородка тщетно силились соединиться, имъ препятствовали толстыя, оттопыренныя, вѣчно-разинутыя губы, изъ-за которыхъ виднѣлись два ряда кривыхъ зубовъ. Нѣкоторые изъ этихъ зубовъ до того безобразно торчали впередъ, что какъ-будто перегоняли остальныхъ товарищей, напоминая собою нестройные ряды итальянской національной гвардіи. Крохотные глазки, скорѣе походившіе на булавочныя головки, совершенно исчезали въ морщинахъ, когда онъ смѣялся. Форма бровей напоминала французскій аксанъ-сирконфлексъ, а лобъ едва отдѣлялъ волоса головы отъ бороды. Одинъ мой пріятель бывало говаривалъ, что этотъ шутъ гороховый какъ-будто созданъ для того только, чтобы каждый, взглянувъ на него, разсмѣялся. Физіономія его тѣмъ не менѣе выражала умъ и добродушіе, но умъ односторонній, относительный. Голосъ у него былъ грубый и хриплый; выражался онъ на особомъ, ему одному свойственномъ, итальянскомъ нарѣчіи, правомъ изобрѣтенія котораго онъ справедливо могъ гордиться.

— Какъ тебѣ нравится Флоренція? спросилъ я его на другой день послѣ его пріѣзда въ этотъ городъ.

— Ничего, недурно, отвѣчалъ онъ.

Согласитесь, что для человѣка, во всю свою жизнь не видавшаго ничего, кромѣ Кальяри и кое-какихъ другихъ сѣверныхъ городишекъ Италіи, отвѣтъ былъ ужь черезчуръ рѣзокъ.

— Что тебѣ больше нравится: Флоренція или Бергамо?

— Не могу знать-съ. Только вчера пріѣхалъ.

Когда онъ выходилъ, я сказалъ ему: «до свиданія», и онъ отвѣтилъ: «здравія желаю».

На слѣдующій день онъ поступилъ ко мнѣ въ домъ.

Первые дни я не разъ терялъ терпѣніе и едва не отослалъ его назадъ въ полкъ. Если бы онъ просто не понималъ ничего, съ этимъ еще можно бы примириться. А то, частью по незнанію, частью по непривычкѣ исполнять порученія, онъ вѣчно понималъ на-половину и дѣлалъ все на-выворотъ. Никто не повѣритъ, когда я скажу, что бритвы мои онъ носилъ точить къ Лемонье *), а манускрипты къ точильщику, что онъ снесъ французскій романсъ башмачнику, а пару сапогъ оставилъ у двери одной дамы; чтобы повѣрить этому, надо было видѣть, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ доходила его безтолко-

*) Лемонье — итальянскій издатель произведеній Амичиса. *Пр. пер.*

вость и безтактность. Я приведу нѣкоторые изъ самыхъ диковинныхъ его подвиговъ.

Часовъ въ одиннадцать утра я обыкновенно посылалъ его купить мнѣ ветчины къ завтраку; въ это время на улицахъ всегда раздавались крики продавцовъ газеты «Corrieri italiano». Однажды, зная, что въ газетѣ заключается важное для меня извѣстіе, я говорю ему: «Скорѣй принеси ветчины и «Corrieri italiano». Его голова не была въ состояніи совмѣстить двухъ мыслей за-разъ. Онъ отправляется внизъ и мигомъ возвращается съ ветчиной, завернутой въ «Corrieri italiano».

Другой разъ по утру, я, въ его присутствіи, перелистывалъ съ пріятелемъ великолѣпный военный атласъ, взятый мною въ библіотекѣ, и сказалъ: «Одно только жалко, знаешь ли, что нельзя смотрѣть на всѣ карты за-разъ, а приходится разглядывать ихъ каждую по-рознь. Хорошо было бы, еслибъ можно было прибить ихъ одну возлѣ другой къ стѣнѣ, тогда онѣ составляли бы цѣльную картину, по которой легче было бы получить общее понятіе, о всемъ ходѣ битвы».—Вечеромъ возвращаюсь домой, — при одномъ воспоминаніи морозъ по кожѣ пробѣгаетъ,—и вижу, всѣ карты вырѣзаны изъ атласа и прибиты къ стѣнѣ. А на слѣдующее утро онъ является ко мнѣ со скромной и довольной физіономіей человѣка, ожидающаго похвалы и благодарности.

Или, разъ посылаю его купить два яйца, чтобъ сварить на спирту. Въ его отсутствіе ко мнѣ приходитъ пріятель поговорить о важномъ дѣлѣ; а потому, когда этотъ злополучный возвращается, я говорю ему: «подожди», и продолжаю свой разговоръ. Онъ садится въ уголъ. Минуту спустя, нечаянно взглянувъ въ его сторону, вижу, что мой солдатъ и краснѣетъ, и блѣднѣетъ, и зеленѣетъ, сидитъ, какъ на иголкахъ, и не знаетъ, куда дѣвать лицо. Смотрю внизъ — ножка его стула рѣзко выступаетъ впередъ яркою золотистою полоскою, которую я никогда прежде не замѣчалъ. Подхожу ближе — яичный желтокъ!.. Этотъ чудакъ положилъ яйца въ задній карманъ шинели и, вернувшись домой, преспокойно усѣлся на мой завтракъ.

Но это еще цвѣточки въ сравненіи съ тѣми мученіями, какія пришлось мнѣ испытывать, когда я захотѣлъ пріучить его убирать комнату, не говорю уже по моему, а хотя бы такъ, чтобъ она хотя нѣсколько походила на комнату благоразумнаго человѣка. Верхомъ искусства для него было расположеніе вещей другъ на другѣ, въ видѣ самыхъ причудливыхъ геометрическихъ фигуръ, при чемъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ громоздилъ высокія зданія. Въ первые дни книги мои возвышались башенно-образнымъ полукругомъ, готовымъ рушиться при малѣйшемъ дуновеніи. Опрокинутый тазъ храбро подпиралъ пирамиду изъ тарелокъ и банокъ, на верхушкѣ которыхъ гордо красовалась щетка для бороды; шляпы-цилиндры, старыя и новыя, подымались вверхъ на ужасающую высоту въ видѣ тріумфальной колонны. А потому мудренаго мало, что часто среди ночи въ комнатѣ раздавался грохотъ разрушающихся зданій, обломки которыхъ разносились такъ далеко во всѣ стороны, что, еслибъ не стѣны комнаты, едва ли можно бы было ихъ найти впослѣдствіи.

Съ моей стороны требовалось краснорѣчіе Цицерона и терпѣніе Іова, чтобы внушить ему, что зубная щетка не принадлежитъ къ семейству щетокъ головныхъ, что баночка съ мяснымъ экстрактомъ не имѣетъ ничего общаго съ помадной банкой и что крахмальныя рубашки нельзя убирать въ ночной столикъ.

Я никогда не могъ понять, былъ ли онъ мнѣ благодаренъ за мое хорошее съ нимъ обращеніе и чувствовалъ ли ко мнѣ хотя малѣйшую привязанность. Одинъ разъ только онъ высказалъ своего рода заботливость о моемъ здоровьѣ и высказалъ, конечно, по своему. Двѣ недѣли я хворалъ и лежалъ въ постели, причемъ мнѣ не становилось ни хуже, ни лучше. Однажды вечеромъ онъ останавливаетъ доктора, человѣка чрезвычайно обидчиваго, и порывисто спрашиваетъ:

— Что же, наконецъ, вылѣчите вы его, или нѣтъ?

Докторъ въ бѣшенствѣ поднялся на лѣстницу и разругалъ его.

— Да ужь очень долго вы его держите, проворчалъ онъ доктору въ слѣдъ.

Ему часто приходили на умъ всевозможныя глупыя выходки, а я, вмѣсто того, чтобы останавливать ихъ, какъ бы слѣдовало, только смѣялся надъ нимъ; такъ, однажды утромъ, чтобъ разбудить меня, онъ наклоняется надо мной и со страннымъ своимъ акцентомъ шепчетъ мнѣ на ухо: «Ваше благородіе, кто рано встаетъ, тому Богъ подаетъ».

Разъ онъ пришелъ домой въ то время, какъ отъ меня выходилъ гость, принадлежащій къ числу извѣстностей; пріятель, оставшійся со мной, по уходѣ извѣстности, замѣтилъ: «теперь онъ особа, одна изъ современныхъ знаменитостей». Двѣ недѣли спустя, я бесѣдовалъ съ нѣсколькими пріятелями, какъ къ намъ подошелъ деньщикъ, чтобы доложить о гостѣ.

— Кто тамъ? спрашиваю я.

— Это... (онъ забылъ его имя) это современная знаменитость.

Всѣ разсмѣялись; гость услыхалъ и спросилъ причину; когда же я объяснилъ ее, онъ расхохотался отъ души.

Трудно дать понятіе о нарѣчіи, на которомъ говорилъ мой чудакъ; то была смѣсь сардинскаго съ венеціянскимъ и итальянскимъ; рѣчь его производила впечатлѣніе какого-то безсвязнаго бреда, она состояла изъ отдѣльныхъ фразъ, сокращенныхъ словъ и глаголовъ, набранныхъ на обумъ и вставленныхъ безъ малѣйшей послѣдовательности. Однажды во время обѣда приходитъ ко мнѣ пріятель и спрашиваетъ у него, скоро ли я кончу работать. «Trema!» отвѣчалъ онъ, что значитъ дрожитъ. Пріятель разинулъ ротъ. Этотъ trema значитъ termina, то есть, кончаетъ.

Посѣщая солдатскую школу, онъ въ пять-шесть мѣсяцевъ научился читать и писать. Эти познанія стали для меня источникомъ новыхъ бѣдствій. Лишь только я уходилъ, онъ принимался за свои письменныя упражненія на моемъ столѣ; онъ имѣлъ обыкновеніе писать сто, двѣсти разъ какое-нибудь одно и то же слово, слышанное имъ отъ меня наканунѣ и чѣмъ-нибудь поразившее его. Разъ утромъ, напр., его поразило имя: Версингеторигъ. Вечеромъ, возвратясь домой я встрѣтилъ Версингеторига на поляхъ всѣхъ журналовъ, на изнанкѣ всѣхъ картинъ, на оберткахъ книгъ, на конвертахъ писемъ, на бумажкахъ въ корзинѣ,—вездѣ, гдѣ только могли помѣститься эти четырнадцать избранныхъ его сердцемъ буквъ. Другой разъ, ему запало въ душу слово «остроготы», и на другой день, домъ мой былъ наводненъ остроготами. Еще разъ его плѣнило слово «носорогъ», и на слѣдующій день домъ мой сдѣлался убѣжищемъ дикихъ звѣрей.

Въ одномъ отношеніи его познанія принесли мнѣ пользу, такъ какъ явилась возможность похѣрить кресты, которые я дѣлалъ на письмахъ, разносимыхъ имъ къ различнымъ лицамъ; иначе, никакъ нельзя было заставить его запомнить ихъ имена; вмѣсто того онъ обыкновенно говорилъ: это письмо—къ голубой барынѣ, это къ черному журналисту, а это къ желтому чиновнику.

У этого чудака была привычка, еще страннѣе тѣхъ, о которыхъ я до сихъ поръ говорилъ. Онъ купилъ себѣ тетрадь, въ которую списывалъ изъ различныхъ книгъ, посвященія авторовъ своимъ роднымъ; онъ бралъ все, что попадалось ему подъ руку, замѣщая только имена, встрѣчаемыя въ книгахъ, именами своего отца, своей матери, или своихъ братьевъ. Онъ полагалъ черезъ это дать имъ блестящее доказательство своей сыновней любви и признательности. Однажды, раскрывъ нечаянно тетрадь, я прочелъ между прочими слѣдующее посвященіе: «Петру Транчи» (это былъ его отецъ, крестьянинъ). «Рожденный въ бѣдности, Онъ съумѣлъ, благодаря ученію и прилежанію, Завоевать себѣ блестящее положеніе среди ученыхъ, Помочь родителямъ и братьямъ, и Должнымъ образомъ воспитать сыновей. Памяти достойнаго родителя Эту книгу посвящаетъ Авторъ Антонъ Транчи, вмѣсто Михаила Лессона» И на другой страницѣ:—«Петру Транчи, моему Отцу. Донося Цизальтинскому Парламенту о Новарскомъ пораженіи, Онъ упалъ изнуренный на землю И черезъ нѣсколько дней умеръ, Ему посвящаю эту книгу» и т. д. И ниже: «писано въ Кальяри (вмѣсто Трента), еще не имѣющемъ своего представителя въ итальянскомъ Парламентѣ» и т. д. «Антонъ Транчи, вмѣсто Джіованни Прати».

Что меня болѣе всего поражало въ немъ, это его крайнее равнодушіе ко всему; несмотря на то, что онъ никогда ничего не видѣлъ въ жизни, ничто его не удивляло. Во время пребыванія его во Флоренціи, давались празднества въ честь бракосочетанія принца Гумберта, онъ ходилъ въ оперу и видѣлъ балъ въ Пергалѣ, (до тѣхъ поръ ему не случалось видѣть театра); при немъ Флоренція праздновала также масляницу, давала блестящую фантастическую иллюминацію; ему представлялись тысячи вещей, совершенно для него новыхъ, которыя должны были, кажется, поразить его, забавить, заставить высказаться. Но нѣтъ! Восторгъ его никогда не простирался далѣе обычнаго выраженія: ничего.—Джіоттова башня—ничего... Палаццо Питти—ничего... Кажется, еслибъ самъ Господь Богъ спросилъ его мнѣніе на счетъ сотворенія міра, онъ и тогда отвѣтилъ-бы: «Ничего, не дурно придумано».

Расположеніе духа его всегда было одинаково съ перваго до послѣдняго дня, что онъ пробылъ со мною—нѣчто среднее между серьезнымъ и веселымъ; постоянно покорный, постоянно разсѣянный, постоянно аккуратный въ исполненіи всего на-выворотъ и постоянно погруженный въ какую-то блаженную безсознательность. Когда онъ получилъ свой отпускъ, онъ продолжалъ по примѣру прежнихъ дней, нѣсколько часовъ подъ рядъ преспокойно писать въ своей тетрадкѣ. Передъ отъѣздомъ онъ пришелъ со мной проститься. Сцена разставанія не особенно была нѣжна. Я спросилъ его, будетъ-ли онъ жалѣть о Флоренціи. Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Отчего же нѣтъ?» Затѣмъ я спросилъ его, охотно-ли онъ возвращается домой. Онъ мнѣ отвѣтилъ ужимкой, которую я не понялъ.

— Если тебѣ что-нибудь надо будетъ, сказалъ я въ послѣднюю минуту,—напиши; ты мнѣ доставишь удовольствіе.

— Покорно благодарю! былъ его отвѣтъ.

И такъ оставлялъ онъ домъ, въ которомъ прожилъ со мною болѣе двухъ лѣтъ, не выказывая ни малѣйшаго признака сожалѣнія или удовольствія.

Я слѣдилъ за нимъ глазами, пока онъ спускался съ лѣстницы. Вдругъ онъ обернулся. «Посмотримъ, подумалъ я, вѣроятно, сердце его пробудилось, и онъ хочетъ пріити проститься иначе».

— Ваше благородіе, сказалъ онъ,—щетку для бороды я положилъ въ ящикъ стола, что побольше.

И вслѣдъ затѣмъ онъ скрылся.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Агриппина.

Картина **Августа Вертгеймера.**

Темное, мрачное, безчеловѣчное царствованіе Нерона, всѣ его дикіе, звѣрскіе подвиги не разъ вдохновляли поэтовъ и живописцевъ. Многіе изъ нихъ мастерски разработывали эту благодарную, въ художественномъ смыслѣ, тему. Одно изъ такихъ произведеній живописи принадлежитъ кисти Августа Вертгеймера. Вѣрный снимокъ съ этого замѣчательнаго произведенія мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала. Художникъ выбралъ самый трагическій моментъ изъ жизни знаменитой матери Нерона и возсоздалъ въ полномъ блескѣ Агриппину, съ ея приближенными, въ ту минуту, когда ей суждено погибнуть. О художественныхъ достоинствахъ картины нечего и говорить. Она выполнена великолѣпно. Скажемъ нѣсколько словъ о замѣчательной женщинѣ,—героинѣ этого произведенія.

Агриппина принадлежитъ къ числу тѣхъ историческихъ демоновъ, которымъ, какъ бы судьбою суждено, если не на долго, то, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время производить хаосъ вокругъ себя. Давить все, что вокругъ нихъ дышетъ жизнью, ругаться надъ человѣческой личностью и топтать въ грязь все, что только попадается на пути,—вотъ ихъ безсознательное, инстинктивное стремленіе. Агриппина и ея сынъ имѣютъ полное право быть причисленными къ такимъ омрачителямъ человѣческаго рода. Говоря объ Агриппинѣ и картинѣ Вертгеймера, необходимо указать на книгу Гамерлинга «Агасферъ въ Римѣ». Книга эта вдохновила художника. Онъ не столько пользовался историческими данными, при исполненіи своего произведенія, сколько прекраснымъ описаніемъ Гамерлинга. Агриппина обрисована со всею тщательностью. Авторъ не жалѣлъ словъ для того, чтобы описать эту замѣчательную личность. Она является главною пружиной всѣхъ дикихъ поступковъ Нерона, прямо или косвенно она имъ руководитъ, она, какъ бы, направляетъ всѣ помыслы и стремленія своего сына на путь безчеловѣчности и разврата. Ея образъ не даетъ покоя Нерону, онъ завидуетъ ей и старается превзойти ее въ звѣрствѣ. Такую женщину могло создать только мрачное время. Римъ, создавшій Мессалину, создалъ Агриппину. Эта, въ высшей степени страстная, женщина была одарена всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы выполнить свою роль, съ тѣмъ упорствомъ и настойчивостью, съ какими она является въ исторіи. Агриппина никогда ничѣмъ не смущалась, никого не щадила, для достиженія своихъ цѣлей готова была пожертвовать всѣмъ и каждымъ. Природа дала ей все необходимое: безграничное честолюбіе и красоту. Въ исторіи не трудно найти много примѣровъ тому, что этимъ двумъ дарамъ природы не противустоитъ никакая земная сила. Съ замѣчательною разсчетливостью Агриппина окружаетъ Нерона своей сѣтью; интриги, ядъ, убійства—все пущено въ ходъ, лишь бы достичь своей цѣли. И дѣйствительно, Агриппина имѣла полное право гордиться, что управляла тѣмъ, кто Римомъ управлялъ. Съ полнымъ сознаніемъ своего величія, она, по словамъ Гамерлинга, гордилась тѣмъ, что умѣетъ «доказать міру, что въ Римѣ есть еще одинъ сильный человѣкъ—Агриппина»!

И эта женщина гибнетъ отъ руки своего сына. Неронъ, подговариваемый Тигеллиномъ, задумалъ освободиться отъ ея вліянія и присутствія на всегда. Онъ велѣлъ устроить великолѣпное судно и украсить его съ чисто нероновскимъ великолѣпіемъ. Золото, драгоцѣнные камни, дорогія матеріи—все это должно украсить послѣднія минуты жизни гордой женщины. Она собралась кататься на этомъ суднѣ. Едва отчалили—по данному знаку съ берега, судно стало тонуть и вотъ гордая, самолюбивая женщина гибнетъ въ волнахъ, окруженная золотомъ и пурпуромъ, ради котораго столько погибло жертвъ отъ ея руки....

Госпожа Жульетта-Аделаида Рекамье.

Ст. **А. Толивѣрова.**

(*Окончаніе.*)

Не смотря на всевозможныя лишенія, оторванность отъ друзей, родныхъ и, наконецъ, на скуку—эту вѣчную спутницу изгнанниковъ, Рекамье не только не поддавалась настоянію одному изъ своихъ высокопоставленныхъ родственниковъ, требовавшему отъ нее, чтобы она просила у Наполеона разрѣшенія вернуться въ Парижъ, но даже запретила ему когда либо произносить свое имя въ присутствіи того, кого она всѣмъ сердцемъ ненавидѣла. Живя въ маленькомъ городкѣ, гдѣ не было ни театра, ни сноснаго общества, Рекамье познакомилась съ однимъ органистомъ и каждое воскресенье ходила въ церковь играть, во время большой обѣдни, на органѣ. Въ ссылкѣ ее посѣтили: отецъ, мужъ, Матьё де-Монморанси, г-жа Сталь и ея кузина, г-жа Дальмасси, которая провела съ ней цѣлый мѣсяцъ; другіе ея родственники, приверженцы Наполеона, смотрѣли на нее, какъ на прокаженную, и избѣгали съ ней не только встрѣчи, но даже и не переписывались.

Въ Шалонѣ, Рекамье провела восемь мѣсяцевъ и затѣмъ по настоянію своихъ друзей, де-Монморанси и Сталь, переѣхала въ Ліонъ, гдѣ жила сестра ея мужа, г-жа Дельфинъ, которую она очень любила.

Переселяясь въ Ліонъ, она не ожидала улучшенія своего положенія, и дѣлала его потому, что хотѣла исполнить просьбу близкихъ ей людей. Переѣздъ этотъ совершился въ іюнѣ 1812 года. Жизнь въ Ліонѣ, дѣйствительно, представляла для Рекамье гораздо болѣе удобства, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Пребываніе въ немъ г-жи Дельфинъ, женщины замѣчательно доброй, посвятившей всю свою жизнь и средства благу ближнихъ, значительно облегчало нравственныя страданія Рекамье, также чуткой къ страданіямъ другихъ.

Живя въ Hôtel de l'Europe, она встрѣтилась съ товарищемъ по изгнанію, герцогиней де-Шёврезъ, также жертвой наполеоновскаго насилія. Шёврезъ, по положенію своего мужа, должна была сдѣлаться придворной дамой, но это на столько тяготило ее, что она нисколько не стѣснялась высказывать. Герцогиня Шёврезъ была замѣчательно красива и обладала крайне живымъ и воспріимчивымъ умомъ. Наполеонъ былъ увлеченъ ею, она же относилась къ нему въ высшей степени сдержанно и холодно. Когда испанское королевское семейство было арестовано и затѣмъ прибыло въ Фонтенебло, Наполеонъ предложилъ герцогини Шеврёзъ занять мѣсто придворной дамы при испанской королевѣ; тогда Шеврёзъ отвѣтила ему, что она предпочитаетъ быть сосланной, нежели сдѣлаться тюремщицей. Этотъ отвѣтъ повлекъ за собой ссылку. Когда Рекамье, въ 1812 году, встрѣтилась съ Шеврёзъ, то ссылка ее продолжалась уже четыре года. Здоровье ее было въ самомъ жалкомъ положеніи и отнимало у докторовъ всякую надежду. Свекровь Шеврёзъ, герцогиня Люинъ, раздѣляла участь своей невѣстки и была для нее ангеломъ хранителемъ. Она скоро сошлась съ Рекамье и привязала ее къ себѣ своимъ независимымъ и оригинальнымъ умомъ. Черты ея лица и голосъ были совершенно мужскія, она носила платье въ родѣ балахона, очень широкое съ карманами по бокамъ и какой-то оригинальный, въ родѣ колпака, чепецъ, но, не смотря на грубость манеръ и мужской голосъ, это была женщина съ крайне мягкимъ сердцемъ, очень образованная, знала превосходно англійскій языкъ, много читала, и кромѣ того была образцовымъ наборщикомъ; по ея инниціативѣ въ замкѣ Дампьеръ была устроена типографія, въ которой она была метрампажемъ. Однажды посѣщая въ Ліонѣ, вмѣстѣ съ Рекамье, типографію гг. Балланшъ, она, къ удивленію всѣхъ наборщиковъ, подобравши свое широкое платье, встала подлѣ ящика и, сохраняя всѣ манеры, присущія наборщикамъ, набрала съ замѣчательной скоростью и правильностью цѣлую страничку. Въ 1812 году, Ліонъ, этотъ преимущественно коммерческій городъ, былъ переполненъ ссыльными, которые, не выключая и Рекамье, собирались въ салонъ г-жи Сермези. Г-жа Сермези была богатая вдова и занималась скульптурой и живописью; прежде искуство служило для нее не болѣе какъ развлеченіемъ, но со смерти мужа и любимой дочери, она вполнѣ отдалась ему. Въ Ліонскомъ музеѣ находится множество бюстовъ извѣстныхъ людей, принадлежащихъ рѣзцу г-жи Сермези. Всѣ иностранцы, посѣщавшіе Ліонъ считали своей обязанностью посѣтить г-жу Сермези. Въ 1813 году Матьё де-Монморанси, также не свободный въ передвиженіяхъ, пріѣхалъ въ Ліонъ, чтобы убѣдить своего друга, Рекамье, переселиться въ Италію. Рекамье согласилась и вмѣстѣ со своей маленькой племянницей, раздѣлявшей ея участь, переѣхала въ Римъ. Въ Римѣ она остановилась въ Hôtel Serni, существующей и до нынѣ. Снабженная письмами къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, Рекамье тотчасъ же была окружена, такъ сказать, цвѣтомъ итальянскаго общества. Первымъ выѣздомъ Рекамье, была студія знаменитаго Кановы, который на другой же день отдалъ ей визитъ. Красота Рекамье поразила маститаго скульптора и онъ сдѣлался ея обычнымъ посѣтителемъ. Когда наступили жары, Канова предложилъ Рекамье переселиться съ нимъ въ Альбано, въ locanda di Emiliano, на что она охотно согласилась. Два мѣсяца пробыла Рекамье въ Альбано и въ это время Канова сдѣлалъ съ нее бюстъ, который ей не совсѣмъ понравился; тогда Канова сверху вуаля надѣлъ на голову лавровый вѣнокъ и сдѣлалъ изъ него бюстъ Беатричи Данте. Въ Альбано, также какъ и въ Шалонѣ, Рекамье познакомилась съ органистомъ и каждое воскресенье ходила къ обѣднѣ и играла на органѣ. Разъ возвращаясь изъ церкви домой, Рекамье увидѣла подлѣ низенькаго домика густую толпу народа, на ея вопросъ, что случилось, ей отвѣтили, что въ этомъ низенькомъ домикѣ за рѣшеткой находится рыбакъ, посаженный за переписку съ англичанами, и что его, заключеннаго, завтра чуть свѣтъ разстрѣляютъ. Въ это время священникъ Альбано, котораго Рекамье лично знала, выходилъ изъ тюрьмы. Тогда Рекамье подошла къ нему, и что то сказала ему вполголоса, послѣ чего они вмѣстѣ направились къ тюрьмѣ. Войдя въ крошечную комнатку подсудимаго, Рекамье была поражена видомъ этого несчастнаго молодого человѣка, закованнаго въ цѣпи. Онъ былъ мертвенно блѣденъ и осматривался кругомъ, какъ помѣшанный. Простоявъ нѣсколько минутъ, она, молча, подошла къ нему и крѣпко обняла его. Тронутый участіемъ, несчастный заплакалъ и воскликнулъ: «Pietà! pietà!» Тогда Рекамье обратилась къ священнику и сказала, чтобы онъ указалъ ей путь къ его спасенію. Онъ посовѣтовалъ ей поѣхать въ Римъ. Не теряя ни минуты, Рекамье послала за почтовыми лошадьми и черезъ часъ была уже на дорогѣ въ Римъ. Но поѣздка ея не увѣнчалась успѣхомъ. Французскія власти въ Римѣ остались холодны къ ея просьбѣ и напомнили ей о ея собственномъ положеніи. А несчастный, надѣясь до послѣдней минуты, что la

Картина Г. ВЕРТГЕЙМЕРА.

Агриппина.

Интимное письмо.

signora francese привезетъ ему прощеніе, спокойно проспалъ ночь и также спокойно пошелъ на казнь. Вернувшись осенью въ Римъ, Рекамье съ жадностью слѣдила за текущими политическими событіями. Пораженіе Бонапарта давало ей надежду видѣть своего врага уничтоженнымъ. Но на этотъ разъ Рекамье недолго оставалась въ Римѣ, ей совѣтовали посѣтить Неаполь. При мысли о поѣздкѣ въ Неаполь ею овладѣли сомнѣнія, ибо она не была увѣрена въ томъ, какой пріемъ ей сдѣлаютъ король Іохимъ и королева Каролина (г. и г-жа Мюратъ), которыхъ она знала тогда, когда они не были еще облечены въ это званіе. Вслѣдствіе этого, она переписывалась съ друзьями и вскорѣ получила увѣдомленіе, что король и королева говорятъ о ней съ большимъ участіемъ. Тогда она оставила Римъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1813 года и переѣхала въ Неаполь. По пріѣздѣ въ Неаполь, она была съ восторгомъ встрѣчена четою Мюратъ. Король, зная насколько Рекамье любитъ искусство, устроилъ для своей компатріотки поѣздку въ Портичи и Помпею; въ этой поѣздкѣ приняли участіе разныя высокопоставленныя лица, между которыми находился и графъ Неппръ. Живя въ Неаполѣ, Рекамье очень часто бывала во дворцѣ. Однажды, именно въ тотъ моментъ, когда политическій горизонтъ все болѣе и болѣе помрачался, и Англія съ Австріей настаивали, чтобы Мюратъ присоединился къ коалиціи, къ которой онъ 11 января 1814 года и присоединился,—король обратился къ Рекамье, разсчитывая заранѣе, что она сочувственно отнесется къ его рѣшенію и спросилъ, какого она мнѣнія относительно его поступка, Рекамье отвѣтила: «Прежде всего вы французъ, сиръ, а потому и должны остаться вѣрнымъ Франціи». Мюратъ поблѣднѣлъ и, подозвавъ Рекамье къ себѣ, открылъ балконъ, выходившій на море, по которому, направляясь къ порту, несся на всѣхъ парусахъ англійскій корабль, сказалъ: «Значитъ, я измѣнникъ». Съ этими словами онъ опустился въ кресло и, закрывъ лицо руками, горько зарыдалъ. Только что приведенный фактъ показываетъ, что Рекамье, ненавидѣвшая систему первой имперіи и Наполеона, горячо любила Францію.

На другой день, король оставилъ Неаполь, чтобы встать во главѣ своихъ войскъ, а королева осталась регентшей. Разъ чувствуя себя совершенно больной, королева послала за Рекамье; въ то время, какъ она сидѣла у ея изголовья, къ ней вошелъ министръ юстиціи. Между бумагами, которыя королева должна была подписать, находился смертный приговоръ. Прежде чѣмъ подписать его, королева обратилась къ Рекамье и сказала: «Вы были бы очень несчастливы на моемъ мѣстѣ, милая г-жа Рекамье, потому что въ этотъ моментъ я должна подписать смертный приговоръ». — «Нѣтъ, вы его не подпишете, сказала, Рекамье, вставая,—если провидѣнію было угодно, чтобы я находилась въ это время здѣсь, то оно и поможетъ мнѣ спасти этого несчастнаго».

Королева улыбнулась, повернула голову въ сторону, гдѣ стоялъ министръ, и сказала:

— Г-жа Рекамье, не хочетъ, чтобы приговоренный былъ казненъ; — можно ли его помиловать.

Послѣ непродолжительныхъ дебатовъ, преступнику было даровано прощеніе.

Объ этомъ обстоятельствѣ Рекамье вспоминала, какъ о самомъ счастливомъ въ своей жизни.

Послѣ паденія Наполеона, Рекамье тотчасъ же вернулась въ Парижъ, который она не видала впродолженіи трехъ лѣтъ. По пріѣздѣ туда, она была встрѣчена г-жею Сталь и Матье де-Монморанси. Жизнь Рекамье въ Парижѣ была какъ бы продолженіемъ ея прежней жизни, ея салонъ былъ снова переполненъ знаменитыми личностями, большею частію, возвратившимися изъ ссылки.

Между новыми знакомыми Рекамье, герцогомъ Велингтономъ, де-Брольи, Бенжаменомъ Констаномъ, баронессой Криднеръ, самое видное мѣсто занималъ Шатобріанъ. Этотъ король интеллигенціи того времени, познакомился съ Рекамье у постели ея умирающаго друга г-жи Сталь, въ 1818 году.

Авторъ «Генія христіанства», скоро сошелся съ Рекамье и занялъ въ ея сердцѣ мѣсто одного изъ близкихъ друзей. Послѣ смерти г-жи Сталь,—смерти, которая разрушительно подѣйствовала на Рекамье, наслѣдный принцъ Саксенъ-Веймарнскій написалъ ей слѣдующее письмо:

«Не безъ волненія берусь за перо, чтобы препроводить вамъ обѣщанныя мною бумаги вашего покойнаго друга. Искренно радуюсь, передавая вамъ эти документы, что они будутъ служить для васъ воспоминаніемъ о вашей нѣжной дружбѣ къ женщинѣ, бывшей украшеніемъ и славой нашего вѣка».

Послѣ вторичнаго крушенія дѣлъ мужа Рекамье, возстановленнымъ благодаря деньгамъ родственниковъ г-жи Рекамье, она должна была снова оставить свою богатую обстановку, и на этотъ разъ переселилась не въ маленькую квартиру, а въ мирную обитель религіознаго братства Abbaye-au-Bois.

Съ этихъ поръ жизнь Рекамье вступаетъ въ новую фазу, совершенно исключительную, болѣе исключительную, чѣмъ она была до сихъ поръ.

При этихъ условіяхъ Рекамье провела болѣе семи лѣтъ.

Въ Abbaye-au-Bois Рекамье заняла маленькую комнатку въ третьемъ этажѣ. Вотъ какими красками описываетъ это жилище Шатобріанъ.

«Въ комнаткѣ, въ которую нужно было взбираться до третьяго этажа по узенькой темной лѣстницѣ, находились: библіотека, арфа, фортопьяно, портретъ г-жи Сталь и видъ Коппе, снятый при свѣтѣ луны. Изъ оконъ, выходившихъ въ садъ, виднѣлись Севрскія горы. Заходящее солнце на прощанье заглядывало въ эту комнатку и золотило висящія по стѣнамъ картины. Нѣсколько птичекъ выбрали своимъ ночлегомъ поднятые жалюзи».

Но свѣтъ скоро нашелъ дорогу въ уединеніе Рекамье. Крошечная комнатка обители вмѣщала въ себѣ всѣхъ тѣхъ иностранныхъ и французскихъ знаменитостей, которыя бывали у Рекамье въ громадномъ парижскомъ салонѣ. Тамъ можно было встрѣтить герцога Гамильтона, маркиза Дугласа, Александра Гумбольда, Кератри, Делакруа, Монталамбера, Токвиля, Тьерри, Сенъ-Бёва, Мериме и впослѣдствіи знаменитаго геометра Ампера. Шатобріанъ посѣщалъ Рекамье каждодневно; быть съ ней, а если не быть, то писать ей, сдѣлалось для него необходимостью. Когда его хотѣли назначить посланникомъ въ Берлинъ, онъ приходилъ въ отчаяніе и когда узналъ, что это назначеніе не состоялось, то тотчасъ же написалъ Рекамье слѣдующее письмо: «Съ тѣхъ поръ, какъ это назначеніе уплыло по теченію, я почувствовалъ, что съ моей груди упала цѣлая гора. Вотъ, что произошло во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я васъ узналъ! Я думаю, что я съ вами никогда не разстанусь».

На другой день, утромъ онъ снова писалъ: «Сегодня засѣданіе палаты пэровъ, не знаю во сколько часовъ я буду свободенъ. Я думаю не ранѣе пяти. Быть съ вами единственное мое счастіе на землѣ».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Шатобріанъ писалъ Рекамье: «По вашему совѣту я принялъ мѣсто посланника въ Берлинѣ. Спите спокойно. Завтра утромъ я съ вами».

По пріѣздѣ въ Берлинъ, онъ написалъ ей слѣдующее интересное письмо:

«Я думаю, здѣсь будетъ мало дѣла; вчера я написалъ первое оффиціальное письмо. Можете себѣ представить, какъ я жду отъ васъ извѣстій. Жизнь здѣсь очень скучна, дипломатическій корпусъ нигдѣ не принятъ, кромѣ оффиціальныхъ пріемовъ. И будь я Расинъ или Боссюэ, меня все таки бы никуда не пустили. Каждый день я гуляю по парку, и очень часто ложусь въ девять часовъ. Я постигъ въ чемъ будетъ состоять мое назначеніе! И долженъ сказать, что я знаю около тридцати дураковъ, которые бы могли быть превосходными посланниками». Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ ей: «Не знаю, довольны ли моими депешами, что касается меня, то я ими очень доволенъ. Это не тщеславіе съ моей стороны,—это моя гордость, потому что въ этихъ депешахъ я не перестаю защищать свободу всѣхъ европейскихъ народовъ, не исключая и французскаго, и высказываю неизмѣнно тѣ убѣжденія, которыя вамъ извѣстны; а ваши либералы такъ ли поступаютъ въ ихъ интимной жизни? Сомнѣваюсь!... Въ прошлое воскресенье, въ одной изъ церквей, проповѣдникъ сказалъ обо мнѣ, что я составляю противуположность Вольтеру, который, какъ и я, жилъ здѣсь; но только онъ для того, чтобы совращать народъ, а я для того, чтобы исправлять это зло. Что вы скажете объ этомъ?»

1821 и 1822 года были, какъ извѣстно тяжелыми годами для французской молодежи, по своимъ политическимъ процессамъ. Рекамье, благодаря своей дружбѣ съ де-Монморанси, тогдашнимъ министромъ, успѣла спасти многихъ отъ смертной казни. А въ 1824 году, когда министромъ на мѣсто де-Монморанси, былъ назначенъ Шатобріанъ, благодаря ея же вліянію многіе изъ ссыльныхъ были возвращены на родину. Прежде чѣмъ сдѣлаться министромъ, Шатобріанъ, въ 1822 году, былъ посломъ въ Лондонѣ, откуда также, какъ изъ Берлина, Рекамье каждодневно получала письма.

Въ 1823 году, разстроенное здоровье племянницы Рекамье, которую она страстно любила, заставило ее снова предпринять поѣздку въ Италію. По пріѣздѣ въ Римъ, она встрѣтила крайне радушный пріемъ со стороны французскаго посольства. Подлѣ нея вскорѣ собралась французская колонія, во главѣ которой стоялъ извѣстный художникъ Леопольдъ Роберъ. Во время пребыванія Рекамье въ Римѣ, ее посѣтили королева Гортензія, Амперъ и Дюгазъ Монтбель (переводчикъ Гомера). Не смотря на настоятельныя письма друзей, въ которыхъ они умоляли Рекамье вернуться въ Парижъ, она осталась въ Римѣ еще одну зиму. Въ это время, мѣсто президента въ совѣтѣ министровъ, занимаемое другомъ ея Шатобріаномъ, вслѣдствіе разныхъ происковъ было передано Виллелю, что произвело въ парижскомъ обществѣ большое волненіе и вызвало распущеніе палаты.

Послѣ закрытія палаты, Шатобріанъ уѣхалъ къ своей женѣ въ Швейцарію и оставался тамъ до смерти Людовика XVIII. Вернувшись въ Парижъ, въ свое жилище въ Abbaye-au-Bois, Рекамье чувствовала себя вполнѣ счастливой въ кругу близкихъ ея сердцу. 1 февраля 1826 года, въ церкви Abbaye-au-Bois было совершено бракосочетаніе ея пріемной дочери съ Ленорманомъ, а 24 марта она понесла тяжелую потерю въ лицѣ Матьё де-Монморанси. Въ 1828 году она разсталась съ Шатобріаномъ, уѣхавшимъ въ Римъ, въ качествѣ посланника.

Но паденіе Бурбоновъ заставило Шатобріана и многихъ изъ друзей Рекамье оставить политическое поприще и удалиться въ частную жизнь. 1832 годъ былъ самымъ тяжелымъ годомъ для Парижа. Послѣ возстанія, когда парижскія улицы не успѣли еще обсохнуть отъ потоковъ крови, началась холера и Abbaye-au-Bois былъ также задѣтъ этой заразой. Рекамье, испугавшись этой эпидеміи, оставила свое жилище и поѣхала въ

Швейцарію. Тамъ она должна была встрѣтиться съ Шатобріаномъ, чтобы съ нимъ вмѣстѣ посѣтить могилу ихъ друга, г-жи Сталь. Живя внѣ политической жизни, Шатобріанъ предался исключительно литературнымъ работамъ и въ 1836 г. издалъ «L'Essai sur la litterature anglais» и «Мильтона». Въ 1837 году здоровье Рекамье начало видимо ослабѣвать, это произошло вслѣдствіе нервной лихорадки, она почти потеряла сонъ. Но, не желая безпокоить собой никого изъ близкихъ, она переносила эти страданія съ необыкновеннымъ стоицизмомъ. Но что крайне безпокоило ее—это ея ослабѣвавшее зрѣніе. Въ этотъ тяжелый годъ, она совсѣмъ оставила Abbaye-au-Bois и переселилась въ улицу д'Анжу въ квартиру барона Паскье, такъ любезно имъ предложенную. Но вскорѣ болѣзнь глазъ на столько усилилась, что доктора послали ее въ Эмсъ. Въ Эмсѣ она оставалась очень недолго, болѣзнь Шатобріана вызвала ее въ Парижъ. Одержимый подагрой, онъ вскорѣ потерялъ способность владѣть рукой и ногой. 1840 и 1841 года ознаменовались большимъ несчастіемъ для Ліона. Наводненіе разорило большую часть его жителей. Рекамье, страдавшая сама, но вмѣстѣ съ тѣмъ сочувствующая этому страшному несчастію, принялась за собираніе денегъ въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія. Русская колонія, жившая въ то время въ Парижѣ, оказала ей большую поддержку. А Полина Віардо Гарція, Рубини и Лаблашъ не отказались отъ участія въ концертѣ, данномъ съ этою же цѣлью. Въ 1847 году умерла жена Шатобріана, а нѣсколько недѣль спустя послѣ ея смерти, Рекамье была сдѣлана первая глазная операція. Послѣ этой операціи Рекамье вела крайне отшельническую жизнь, избѣгая всѣми силами общества. Единственнымъ ея развлеченіемъ была музыка. Запершись ночью въ комнатѣ, безъ окна, она играла цѣлыми часами. Три мѣсяца спустя послѣ смерти жены, Шатобріанъ предложилъ Рекамье свою руку. «Соглашаясь носить мое имя, писалъ онъ ей, вы осчастливите его». Но Рекамье не могла на это согласиться и написала ему отказъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Выйдти замужъ? Зачѣмъ? Въ наши года кто можетъ осудить наши добрыя отношенія другъ къ другу. Если одиночество васъ пугаетъ, я готова жить съ вами въ одномъ домѣ. Я надѣюсь, что свѣтъ воздастъ должное чистотѣ нашихъ отношеній. Я понимаю, если бы мы были моложе, о, тогда я бы съ радостью отдала вамъ мою жизнь». Шатобріанъ сознавалъ, что Рекамье права, но никакъ не могъ утѣшиться, что она отказалась носить его имя.

Вскорѣ послѣ этого онъ заболѣлъ и Рекамье ни на минуту не оставляла его изголовья. 4 іюля 1848 года онъ умеръ и Рекамье, не желавшая носить его имя, надѣла по немъ трауръ. Послѣ его смерти, Рекамье почувствовала, что и она сама какъ будто перестала жить. Но вотъ холера снова появилась и начала собирать свои жертвы. Одной изъ этихъ жертвъ была Рекамье. Она умерла въ страшныхъ мученіяхъ на рукахъ у своей пріемной дочери г-жи Ленорманъ 11 мая 1849 года.

Паскарель.

Романъ Уида.

Переводъ **А. А. Разсказовой.**

(*Продолженіе.*)

Книга VII.

III.

И вотъ, я стою съ лавровымъ вѣнкомъ въ рукахъ. Лавръ пожелтѣлъ отъ зимнихъ холодовъ; слѣдовало бы лавры всегда рисовать такими, потому что, кто же пожинаетъ ихъ въ молодости.

Мой другъ, рисуя Памфило, говоритъ мнѣ, что я никогда не буду старъ; онъ увѣряетъ, что артисты не старятся. Можетъ быть, тутъ есть своя доля правды. Въ нѣкоторомъ смыслѣ мы остаемся дѣтьми до конца—дѣтьми, готовыми смѣяться черезъ слезы.

Живописецъ встаетъ и, отломивъ свѣжую вѣтвь лавра, подаетъ ея мнѣ.

— Возмите эту вмѣсто той, говоритъ онъ,— ваши лавры не увяли, не пожелтѣли.

Въ этомъ мнѣніи я расхожусь съ нимъ.

— Я предпочитаю сморщенные, выѣденные морозомъ. Они здѣсь болѣе къ мѣсту.

Какъ нелѣпо рисовать меня даже съ увядшими лаврами. Я, Паскарель, актеръ. Правда, я теперь въ славѣ, но что такое слава актера? Да, кто можетъ понять артиста? Мы не понимаемъ себя сами. Меня зовутъ великимъ. Пусть будетъ по ихнему, если имъ того хочется. Но я про себя знаю, что былъ ближе къ величію въ моемъ старомъ разорванномъ балаганѣ. Потому что артистъ только тогда истинный артистъ, когда онъ живетъ идеальной жизнью своего воображенія, когда же сердце его разбито, можетъ ли онъ жить ею? Когда пытка «Дѣйствительности» держитъ его крѣпко въ своихъ желѣзныхъ челюстяхъ, какъ онъ можетъ охотиться, спать и смѣяться въ рукахъ «Мечты-Матери».

«Видѣли ли вы Паскареля, знаменитаго Паскареля?» всѣ говорятъ другъ другу и бѣгутъ смотрѣть на меня. Иногда я играю пьесы собственнаго сочиненія и тогда говорятъ про меня: «Какой геній»! Случилось даже разъ, что король призвалъ меня въ свою ложу, чтобы вручить мнѣ свою осыпанную брильянтами табакерку, а одна принцеса бросила мнѣ собственный букетъ изъ орхидей съ драгоцѣннымъ браслетомъ. За мной бѣгаютъ по улицамъ и продаютъ мои портреты между модной куртизанкой и преступникомъ, совершившимъ тяжкое преступленіе, обратившее на себя вниманіе. Кто можетъ требовать большаго отъ Фортуны?

Мой другъ артистъ вѣрно передаетъ на полотнѣ увядшіе изъѣденные лавры. Эти лавры въ рукахъ Памфило, хотя и собранные въ садахъ «Восторга», должны были непремѣнно носить на себѣ слѣды язвы. Неужели же смѣхъ не застывалъ на губахъ этихъ сказочниковъ? Теперь онъ часто застываетъ на моихъ. Я помѣшанный; да, я сознаю это. Что же такое для меня она—дитя съ сіяніемъ золотыхъ волосъ, съ мелодичнымъ голосомъ, если до такой степени она измѣнила въ моихъ глазахъ лицо земли, смѣхъ людской? Разсудить здраво—ничего, но разсудокъ такъ мало значитъ въ нашей жизни; къ тому же я не знаю, живо ли, умерло любимое существо, а это очень тяжело.

IV.

— Теперь часъ отдыха, говоритъ Варіо, живописецъ, идя въ комнаты.—Ложитесь сюда и курите, а Нинета принесетъ намъ вина и плодовъ; не хотите-ли кстати взглянуть на мою зимнюю работу.

Онъ усаживаетъ меня въ темный уголъ и подходитъ къ отлично освѣщенной бархатной занавѣси. По мѣрѣ того, какъ тяжелыя складки матеріи отодвигаются въ сторону, весь свѣтъ падаетъ на картину, въ темной рѣзной рамѣ подъ герцогской короной. Это портретъ женщины. На заднемъ фонѣ пунцовые олеандры; она облокотилась на балконъ старинной архитектуры; ея платье золотисто-желтаго цвѣта открыто на шеѣ и груди, и на бѣлой кожѣ ярко пылаетъ букетъ пунцовыхъ гвоздикъ; у ногъ ея сломанная мандолина; она не улыбается; она какъ будто знаетъ, почему порваны струны, отчего замолкла музыка.

Красное съ золотомъ! Боже, какъ горитъ картина! Посреди этого огня выглядываетъ прелестное женское личико; всякій, глядя на него, подумалъ бы, что его послѣдняя пѣсня любви спѣта на этой сломанной мандолинѣ. Хотя лѣто, молодость, олеандры—цвѣты Флоренціи, окружаютъ ее, между тѣмъ, кажется, будто тишина царитъ вокругъ нея, тишина, господствующая вокругъ мертвыхъ.

Странная картина! Я стою передъ нею ослѣпленный и смущенный. Что я вижу? Я едва сознаю. Варіо съ нетерпѣніемъ спрашиваетъ мое мнѣніе, что я о ней думаю? Едва ли кто знаетъ это менѣе меня? Я отвѣчаю ему, не думая, что олеандры слишкомъ красны, что Тиціанъ рисовалъ розы въ полутонахъ. Цвѣты Тиціана возлѣ щекъ его женщинъ блѣдны и не имѣютъ блеска. Такъ говорю я, Варіо, не отрывая глазъ отъ картины; глаза женщины смотрятъ на меня и всѣ мои умершіе, успокоившіеся сны подымаютъ, какъ змѣи, внутри меня свои головы. Варіо что-то разсказываетъ мнѣ, но я не понимаю смысла его словъ. Быть можетъ, онъ разсказываетъ исторію портрета. Что мнѣ до того?—тутъ лежитъ сломанная мандолина.

— Ея имя? спрашиваю я его.

Варіо громко смѣется, его смѣхъ рѣжетъ мои уши, какъ звучное эхо въ безмолвіи пустыни.

— Развѣ вы не слыхали ни слова изъ того, что я говорилъ? Это едва ли портретъ; да неужели же вы дѣйствительно ничего не слыхали? А между тѣмъ это она сама, какъ я видѣлъ ее прошедшимъ лѣтомъ во Флоренціи. Я ничего не измѣнилъ. Олеандры такъ же ярко горѣли позади ея при солнечномъ закатѣ. Я знаю, что розы Тиціана блѣдны, но я нарисовалъ ее, какъ видѣлъ. Мнѣ кажется, самое лучшее, не отступать отъ натуры. Весь этотъ пурпуръ и золото убили бы красоту всякой другой женщины, но не ея. Видите ли, это старинная флорентинская одежда изъ золотой ткани. Она собиралась на костюмированный балъ и вышла такъ на балконъ... Солнце садилось. Я набросалъ эскизъ и показалъ ей на другой день. Вотъ какъ появилась эта картина. Но какъ назвать картину. Она не хочетъ, чтобы ея именемъ. Можно назвать «tanta rossa» Данте, или лучше возлюбленная Жіоржіоне; вѣроятно, она такъ же смотрѣла, стоя на балконѣ въ Венеціи; лютня сломана, въ ея жизни не будетъ болѣе музыки — еще немного и красные лепестки олеандра усыплютъ его и ея могилу. Кажется, картина хорошо выражаетъ исторію Жіоржіоне. Видите ли, вотъ тамъ, подъ нижнимъ цвѣткомъ налѣво, выглядываетъ стрѣлообразная головка аспида—символъ чумы. Я спросилъ ее однажды, могу ли назвать этимъ именемъ. «Какъ хотите, отвѣчала она, только возлюбленная Жіоржіоне должна смѣяться; она знала, что смерть милосердна къ нимъ обоимъ. Впрочемъ, какъ хотите». И такъ, я могу назвать ее этимъ именемъ. Къ тому же, по краскамъ это скорѣе венеціянская, чѣмъ флорентинская картина. Ея имя? удивляюсь, что вы спрашиваете. Вы оба такъ извѣстны всему свѣту. Она часто бываетъ во Флоренціи, но теперь ея нѣтъ здѣсь. Она дочь важнаго лорда, очень важнаго.

Тутъ онъ опустилъ на картину тяжелую занавѣсь, немного не въ духѣ оттого, что розы Тиціана блѣдны, и не сдѣлалъ ли онъ промаха. А я все продолжаю смотрѣть на опущенную занавѣсь и все еще вижу, и олеандры, и сломанную мандолину, и глаза безъ улыбки, которая должна бы сіять въ глазахъ возлюбленной Жіоржіоне.

Лицо на этой картинѣ для меня — лицо возставшей изъ мертвыхъ... Знатная особа, говоритъ онъ, въ золотой ткани, съ флорентинскими гвоздиками на груди, съ блескомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ на шеѣ и головѣ, у ногъ ея мандолина, которую она, не смотря на все свое величіе, не можетъ починить такъ, чтобы она издавала тѣ же тихіе, нѣжные тоны, какъ и прежде. Знатная особа; да, но въ то же время и дитя, когда

то блуждавшее со мною по Италіи. Мандолина сломана: помнитъ ли она, хотѣлось бы мнѣ знать? Забыла ли она теплые, солнечные дни на склонѣ холмовъ, у прозрачныхъ горныхъ ручьевъ, виноградные листья и внизу шепотъ тополей? Забыла ли она? Простила ли? Что значатъ для нея теперь эти пустяки — посреди ея величія? Она умерла для меня.

Я старался любить другихъ женщинъ; говорилъ, что люблю ихъ; не вѣрилъ самъ этому, не думаю, чтобы и онѣ могли мнѣ вѣрить. А теперь я вижу ея портретъ. Да, такой она теперь и должна быть—знатной дамой съ брильянтами на груди. Немного осталось въ ней отъ того смѣлаго, хорошенькаго, капризнаго ребенка, съ которымъ я шелъ по улицамъ Вероны въ ночь Вельоне. А можетъ быть, и ничего, ни одного воспоминанія. Скорѣе краска стыда при мысли о томъ, какъ блестящая леди блуждала когда-то по полямъ съ труппой странствующихъ комедіянтовъ, и какъ одинъ изъ этихъ бродягъ актеровъ прижималъ свои губы къ ея щекамъ, держалъ ея маленькія ручки въ своихъ. Никогда никто не узнаетъ, что я тоже помню это. Она послѣдняя изъ всѣхъ. Есть вещи, которыя честь требуетъ забыть или, по крайней мѣрѣ, жить такъ, какъ будто онѣ забыты... А что такое забвеніе, какъ не «Время»?

Война! война на сѣверѣ! Я былъ радъ, когда услышалъ объ этомъ. Возвратившись домой, я вхожу по широкой, устланной коврами лѣстницѣ, въ освѣщенную блѣднымъ свѣтомъ луны комнату, подхожу къ старинному сундуку и достаю изъ него ранецъ и старое ружье, съ которыми много лѣтъ тому назадъ маршировалъ по полямъ Ломбардіи. Это вѣрнѣйшіе друзья человѣка. Къ тому же каждый флорентинецъ прежде всего солдатъ, а потомъ уже что нибудь другое. Нѣкоторые изъ моихъ друзей входятъ въ комнату и застаютъ меня съ ружьемъ въ рукахъ. Всѣ они, одинъ передъ другимъ, спѣшатъ сообщить новости.

— Вы же не идете, Паскарель? спрашиваютъ они.

Я отвѣчаю имъ утвердительно.

— Но вы съ ума сошли! говорятъ они хоромъ.

Я пожимаю плечами.

— Очень можетъ быть.

— Но съ вашей славой?

— O altro! мои бѣдные, бумажные лавры — игрушки для Mardi Gras—ничего болѣе!

— Но васъ могутъ убить!

— Очень вѣроятно.

— Но зачѣмъ же, когда вы достигли славы, когда свѣтъ ловитъ каждое ваше слово, какъ перлы,—зачѣмъ бросать все это для ранца простого солдата... это безуміе.

— Можетъ быть, но Италіи нужны Верона и Венеція.

До самаго разсвѣта они уговаривали меня, — конечно, безъ всякой пользы. Наконецъ, ушли.

Какъ тихо здѣсь, высоко надъ крышами! Я одинъ при холодномъ утреннемъ разсвѣтѣ. Еще вездѣ лежатъ тѣни. Городъ спитъ. Въ темнотѣ раздается первый тихій благовѣстъ. Набожныя женщины покидаютъ свои теплыя постели, спѣшатъ въ церковь и будутъ жарко молиться за своихъ сыновей и возлюбленныхъ, отправляющихся на войну въ старую Ломбардію... За меня некому молиться. Всегда такъ случается, когда любишь слишкомъ многихъ. Мы собираемъ розы быстро, дунулъ вѣтеръ и развѣялъ лепестки ихъ туда и сюда, и руки наши пусты. Но у ногъ моихъ лежитъ ружье; а тамъ... тамъ... Италія.

V.

Не армія готовится къ войнѣ, цѣлый народъ вооружается. Одна моя родина посылаетъ нѣсколько тысячъ тосканцевъ, вылитыхъ изъ той же стали, какъ и тѣ, которые въ давнопрошедшія времена защищали свои виллы на склонахъ Мурелло противъ приступовъ храбрѣйшихъ рыцарей Англіи и Германіи.

Я прихожу въ Геную въ свѣжіе майскіе дни; давно, давно, въ это же время, по этой же живописной дорогѣ вдоль морского берега проходилъ я съ труппой французскихъ комедіянтовъ, напѣвая ихъ пѣсни, поѣдая вишни, съ синимъ небомъ надъ головами, съ синимъ моремъ у ногъ. И вотъ я опять въ Генуѣ въ майскіе дни, на этотъ разъ сопровождаемый музыкой роговъ и барабановъ, раскатами пушекъ и топотомъ солдатъ; на этотъ разъ майское небо и море угрюмы, готовятъ грозу; идетъ дождь, окружающія горы укутаны тяжелыми тѣнями; древніе дворцы жмутся одинъ къ другому, въ улицахъ темно, какъ ночью; только золотые апельсины и трехцвѣтные флаги сохраняютъ свои цвѣта и проглядываютъ съ улыбкой во мракѣ. Городъ дрожитъ отъ шаговъ тысячъ и десятковъ тысячъ усталыхъ ногъ, идущихъ безпрерывно по ея могучимъ набережнымъ. Здѣсь вся Италія и половина Франціи.

Сквозь туманъ, покрывающій городъ и оливковыя рощи, слышенъ сдержанный смѣхъ. Сильно льетъ дождь, сопровождаемый такимъ же ливнемъ букетовъ, падающихъ съ высокихъ балконовъ на блестящую массу штыковъ. Среди бѣлыхъ паровъ, поднимающихся отъ Средиземнаго моря, съ тяжелымъ грохотомъ разносятся салюты съ фрегатовъ и повторяются эхомъ мола. Старинныя арки, пещерообразныя галлереи вдоль морского берега наполнены войсками, которыя останавливаются здѣсь на минуту, чтобы промочить засохшее горло виномъ или плодами. Въ туманѣ, то тамъ, то тутъ, мелькаютъ дѣти, какъ букеты цвѣтовъ; у самого маленькаго изъ нихъ есть что нибудь трехцвѣтное въ одеждѣ; ихъ маленькіе, пронзительные голоса кричатъ: «виватъ королю Италіи»!

Дождь льетъ, какъ будто онъ продался Австріи. Но на этотъ разъ онъ не въ силахъ загнать народъ въ комнаты, и хотя флаги повисли печально, сердца остаются бодрыми. Въ Генуѣ въ эту минуту сосредоточивается вся Италія.

Я сижу подъ защитой галлерей на берегу моря. Онѣ наполнены разноцвѣтными фруктами, флягами съ виномъ, кучами поленты. Масляная лампа качается подъ потолкомъ, разливая тусклый свѣтъ. Красивая, темнолицая женщина громко разговариваетъ у своей стойки, ея золотыя серьги блестятъ при каждомъ движеніи головы. Солдаты проходятъ толпами, сотнями: зуавы, почернѣлые подъ африканскимъ солнцемъ, неаполитанцы въ рыбачьихъ рубашкахъ, тосканскіе рекруты, съ едва пробивающимся пухомъ на ихъ губахъ, кирасиры съ блестящими цѣпями и перьями, итальянскіе дворяне съ тиціановскими лицами и нѣжными стройными формами въ простыхъ туникахъ волонтеровъ — всѣ идутъ и проходятъ, пьютъ и шутятъ, звенятъ саблями о мѣдныя чаши большихъ вѣсовъ, булькаютъ виномъ, выливая его изъ увернутыхъ въ солому бутылокъ въ свои рты, кидаютъ свои пояса въ корзины съ апельсинами.

Французы весело шутятъ и смѣются, и наши не хотятъ уступить имъ въ этомъ. Однакожь, время отъ времени оливковое лицо итальянца блѣднѣетъ, глаза сосредоточенно направляются къ морю; здѣсь вопросъ не въ выигранной или потерянной кампаніи, а въ жизни или смерти цѣлой націи.

Вотъ пробирается ко мнѣ посреди шумной толпы маленькая фигурка, съ хорошенькимъ блѣднымъ личикомъ, съ красновато-золотистыми кудрями, покрытая дорожной пылью, усталая. Робко подходитъ ко мнѣ эта фигурка и беретъ меня за руку.

— Дорогой другъ, я не опоздалъ? Могу я идти съ вами?

Это Рафаелино. Съ минуту отъ удивленія я не могу выговорить ни слова. Я оставилъ его въ безопасности во Флоренціи.

— Вы? нахожу я, наконецъ, голосъ.—Вы? Милосердное небо! вамъ отправиться на войну? этакъ, пожалуй, пойдутъ женщины и пятилѣтніе мальчуганы!

Это жесткія слова, но я сердитъ, зачѣмъ онъ здѣсь; онъ не крѣпче тростника, колеблющагося въ водахъ Арно.

— Вѣроятно, и женщины, и дѣти вооружатся, если мужчины потерпятъ неудачу, отвѣчалъ онъ съ кротостію, которая обезоружила меня.— Не говорили ли вы сами, что это не армія, а весь народъ?

Я молчу; я не могу бранить его за любовь къ Италіи, но мое сердце сжимается при мысли, что первый походъ подъ палящимъ солнцемъ, съ ранцемъ за плечами, заглушитъ въ немъ жизнь и музыку, какъ пущенный изъ пращи камень пришибаетъ жаворонка... Я иду съ нимъ вдоль мола и, выйдя изъ шума и суеты, сажусь подъ защиту старой, большой лодки на берегу. Тутъ Рафаелино, поворачивая ко мнѣ свои блестящіе глаза, говоритъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— О, дорогой другъ, она жива! Я видѣлъ ее, говорилъ съ нею... тамъ, во Флоренціи.

Море кружится и темнѣетъ въ моихъ глазахъ. Мнѣ нѣтъ нужды спрашивать, о комъ онъ говоритъ.

— Ваша донзелла? говорю я спокойно: это ея тайна, и я долженъ хранить ее, тѣмъ болѣе, что мальчикъ ничего не подозрѣваетъ. — Ваша донзелла? Значитъ, она не умерла, но, безъ сомнѣнія, она умерла для васъ въ другомъ смыслѣ... перемѣнилась.

Онъ смотритъ на меня съ смущеніемъ. Вѣроятно, ему мои слова кажутся холодными.

— Она перемѣнилась и въ то же время не перемѣнилась, шепчетъ онъ,—въ тысячу разъ красивѣе и такая же, какъ была, когда мы бѣгали съ нею по улицамъ Вероны. Но она сдѣлалась теперь такой важной, такой богатой, съ блестящимъ положеніемъ и сама себѣ госпожа. Только эта перемѣна, и никакой другой. Развѣ только, что знатная графиня и бѣдное дитя, пѣвшее во время карнавала изъ-за куска хлѣба, по наружности много различаются одна отъ другой. Да, вы правы... перемѣна эта смерть, даже болѣе горькая для тѣхъ, которые остаются позади... Она увидѣла меня на улицѣ и послала за мной... Я пошелъ... это было въ тотъ самый день, когда вы уѣхали. Я пошелъ съ удивленіемъ къ незнакомой особѣ, какъ предполагалъ... когда же она, протягивая ко мнѣ руки, со смѣхомъ и слезами, закричала: «о, Ино, Ино! неужели Верона забыта!» я узналъ ее, хотя все такъ перемѣнилось; я упалъ къ ея ногамъ и забылъ все остальное.

Бѣдный, слабенькій Рафаелино не могъ справиться съ своимъ волненіемъ и умолкъ.

Молчу и я. Передохнувъ, онъ продолжалъ:

— О, Ино! говорила она, еслибъ я опять была той же веселой, злой, капризной дѣвочкой, которая по цѣлымъ днямъ бѣгала въ веселой толпѣ въ дни карнавала!.. И мнѣ казалось, что она сейчасъ заплачетъ; она же отвернула отъ меня голову; она такъ горда... я видѣлъ, какъ по тѣлу ея пробѣжала дрожь — такъ дрожитъ лавина передъ паденіемъ.

Я не прерывалъ отрывочную рѣчь мальчика.

— Наступалъ вечеръ, когда я увидѣлъ ее, продолжалъ онъ послѣ паузы, — она удержала меня на весь вечеръ. Живетъ она, какъ царица. Послѣ солнечнаго заката мы пошли въ садъ, она захотѣла услышать всю мою исторію. Вы никогда не встрѣчались съ нею?

Не спуская глазъ съ моря, я отвѣчаю: «Никогда».

— Когда я заговорилъ о васъ,—а безъ васъ у меня не могло и быть исторіи—она поблѣднѣла и слушала меня съ такимъ страннымъ взглядомъ. Когда же я разсказалъ, какъ я жилъ съ вами всѣ эти года, какъ вы пріобрѣли для меня славу и богатство, слезы быстро закапали на букетъ изъ олеандровъ, бывшій у нея въ рукахъ, и она повторяла про себя: «Это такъ похоже на него; Боже! какъ похоже». А когда я спросилъ, знаетъ ли она васъ, она быстро, надменно повернувшись ко мнѣ, отвѣчала: «я слышала, какъ о немъ говорятъ въ свѣтѣ, не болѣе... великій геній... дикій, великодушный». Затѣмъ спросила, во Флоренціи-ли вы; мнѣ казалось, что при этомъ вопросѣ она задрожала... но, можетъ быть, мнѣ это показалось отъ мельканія деревьевъ... наступали сумерки... а когда я сказалъ, что вы, бросивъ славу и состояніе, присоединились къ войскамъ въ Генуѣ, она метнула на меня такой гордый, молніеносный взглядъ презрѣнія, что онъ опалилъ меня, какъ пламя. О, Боже, я не забуду его до смерти. «А ты остался здѣсь и пустилъ его одного! Ты, который безъ него умеръ бы какъ собака съ голоду на улицахъ Флоренціи!» Она не хотѣла меня обидѣть! нѣтъ, я увѣренъ, что не хотѣла. Она, какъ и прежде ребенкомъ, говорила по первому страстному движенію своей гордой души. Она была права, я сознавалъ, что совершенно права. Вскорѣ я ушелъ отъ нея, обѣщавъ зайти на другой день. А на слѣдующее утро я записался волонтеромъ, меня приняли, хотя я такъ слабъ, и привели сюда.

И такъ, она не забыла того чуднаго тосканскаго лѣта. Я радъ, хотя знаю, что эта радость — низость. Да, я радъ безконечно, съумасшедше радъ, хотя сижу молча безъ движенія на морскомъ берегу. Рафаелино съ робостію поднимаетъ на меня глаза:

— Вы сердитесь за то, что я пришелъ? — вы молчите.

— Боже! вы промокли насквозь, сказалъ я.—Развѣ вы хотите умереть, не видавъ ни одного сраженія? Вставайте скорѣе; довольно и такъ глупостей за одинъ разъ.

Онъ встаетъ. Въ глазахъ его видно выраженіе такой глубокой боли, что во мнѣ шевелится раскаяніе. Чтобы скрыть происшедшую во мнѣ перемѣну, я со смѣхомъ говорю ему:

— Нѣтъ, Ино, вы были моимъ соловушкой, вы моя собственность; а сержусь я за то, что вы идете на смерть въ добычу соколамъ и коршунамъ. Дѣвушка со своими нѣжными руками столько же можетъ принести тамъ пользы, сколько и вы. А ваша музыка! Вамъ не жаль ее?

Его лицо, обращенное ко мнѣ, подобно солнечному лучу, прорвавшемуся черезъ густую массу облаковъ.

Джигитай или кіангъ.

— А если и убьютъ меня, не велика бѣда. Я любилъ донзеллу съ того самого времени, когда мы, дѣти, вмѣстѣ пѣли въ мастерской моего отца

Зебра Бурхелли.

подъ звонъ и стукъ молотка, и вездѣ, гдѣ бы я ни скитался, я всегда думалъ: быть можетъ, она въ нуждѣ, бѣдности или еще хуже, я подниму ее, увѣнчаю своимъ вѣнцомъ, положу къ ея ногамъ все, что люди дадутъ мнѣ; а теперь все прошло, все кончено! Она стоитъ теперь такъ высоко и не можетъ быть ничѣмъ для меня. Мнѣ кажется, я не въ состояніи болѣе слышать музыку, а музыка была моей душой. Теперь же она умерла.

Мальчикъ встаетъ и идетъ, пошатываясь, вдоль сѣрой набережной. Съ возвышенныхъ терасъ, гдѣ вѣтеръ шумитъ въ апельсинныхъ вѣтвяхъ, слышны голоса, поющіе: «Fuori il stranier!» Рафаелино поворачиваетъ ко мнѣ свое блѣдное лицо, освѣщенное теплымъ красноватымъ свѣтомъ съ галлерей.

— Вы слышите? говоритъ онъ мягко. — Да, она права, совершенно права. Чего можно желать болѣе, какъ не положить свою жизнь за Италію?

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Дикіе ослы и дикіе лошади.

Безъ сомнѣнія, лошадь принадлежитъ къ самымъ полезнымъ домашнимъ животнымъ. Одно изъ качествъ, дающихъ ему преимущество передъ слономъ и верблюдомъ, это—свойство приспособляться ко всевозможнымъ условіямъ климата. Необходимо однако замѣтить, что этотъ космополитизмъ лошади не прирожденъ ея природѣ, а воспитанъ въ ней трудомъ человѣка въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Первые мореплаватели не нашли лошади ни въ Америкѣ, ни въ Австраліи. Точно также ея не было на мысѣ Доброй Надежды и европейцы впервые завезли туда нѣсколько экземпляровъ. Маффеи даже утверждаетъ, что въ восточной Индіи тоже не было лошадей, передъ посѣщеніемъ ея европейцами. Невозможно опредѣлить, даже приблизительно, времени, съ котораго человѣкъ сталъ заниматься прирученіемъ лошадей. Что же касается мѣстности, въ которой впервые стали заниматься этимъ дѣломъ, то почти навѣрное можно утверждать, что въ малой Азіи и Египтѣ, раньше чѣмъ гдѣ-нибудь въ другой странѣ, обращено было на нихъ вниманіе. Колыбелью лошади нужно считать огромныя степи средней Азіи. Въ Старомъ Завѣтѣ упоминается о лошадяхъ изъ Египта и Ассиріи. По Страбону извѣстно, что въ то время аравитяне не имѣли лошадей; они приручали верблюдовъ. Это, между прочимъ, нисколько имъ не мѣшаетъ считать прадѣдами своихъ лошадей—жеребцовъ короля Соломона.

Употребленіе осла для перевозки и переноски тяжестей, кажется, было извѣстно еще раньше.

Онъ происходитъ изъ тѣхъ же мѣстностей, изъ которыхъ произошла лошадь; его гораздо меньшее распространеніе нужно приписать гораздо меньшей его выносливости. Въ древности славились особенно аркадійскіе ослы. Въ настоящее время, самое большее ихъ количество находится въ Бухарѣ.

Извѣстно, что домашнія животныя, будучи выпущены на свободу, болѣе или менѣе скоро возвращаются къ первобытному своему состоянію. На Канарскихъ островахъ число одичалыхъословъ достигло такихъ огромныхъ размѣровъ, что принуждены были устроить на нихъ облаву. Въ Америкѣ случайно выпущенныя испанцами на свободу лошади, размножились до того, что цѣлые табуны ихъ въ настоящее время не только являются врагами земледѣльцевъ, но и ржаніемъ своимъ много способствуютъ уменьшенію числа прирученныхъ лошадей и мустанговъ, заманивая ихъ на свободу. Упоминаемые Геродотомъ дикія лошади на берегахъ Днѣстра, въ Испаніи и на сѣверѣ, по всей вѣроятности, принадлежатъ къ одичалымъ лошадямъ той же категоріи.

Изъ многихъ разновидностей осла и лошади, болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія джигитай или кіангъ и зебра Бурхелли.

Монгольскій оселъ джигитай (стр. 523), котораго впервые описалъ Мессершмидтъ, отличается красивою внѣшностью. Тонкія, красивыя ноги, уши гораздо меньше, чѣмъ у обыкновеннаго осла, правильная и болѣе округленная шея, чѣмъ у лошади, желто-сѣраго цвѣта, морда бѣловатая, туловище темно-желтаго цвѣта, грудь бѣлая— все это придаетъ джигитаю очень красивый видъ. Живетъ онъ въ степяхъ и у подножія горъ средней Азіи, Монголіи и Тибета. Въ Тибетѣ его называютъ кіангъ.

Долгое время невозможно было, за недостаткомъ спеціальныхъ научныхъ наблюденій, отличить одну разновидность дикой лошади отъ другой. Только Бурхелли въ 1811 году, путешествуя по Африкѣ и встрѣтивъ табуны дикихъ лошадей, впервые опредѣлилъ всѣ характерныя разницы ихъ разновидностей. Въ настоящее время отличаютъ три разновидности дикой лошади, изъ которыхъ зебра Бурхелли, названная такъ въ честь ученаго путешественника, самая красивая. Двѣ другія даувъ и квагча, хотя нельзя имъ отказать въ извѣстной дикой красѣ, тѣмъ не менѣе во многомъ уступаютъ Бурхеллевой зебрѣ. Эта послѣдняя живетъ табунами, отъ 50 до 100 и болѣе штукъ. Зебры охотно пристаютъ къ страусамъ, что происходитъ по той причинѣ, что страусы дальнозорки и крайне предусмотрительны, а потому предостерегаютъ ихъ, въ случаѣ опасности, и ловчѣе отыскиваютъ пищу. Страусы отъ этого не остаются въ убыткѣ: навозъ зебры заманиваетъ извѣстный родъ большихъ жуковъ, употребляемыхъ страусами въ пищу. Хотя путешественники восхищаются силой и быстротою бѣга зебры, нельзя однако сказать, чтобы она могла въ этомъ отношеніи сравняться съ лошадью.

Пробовали приручать дикихъ лошадей и пробы эти привели къ довольно хорошимъ результатамъ. Изъ всѣхъ трехъ разновидностей, квагча самый податливый, менѣе податливъ дуавъ, что же касается зебры, она труднѣе всѣхъ поддается человѣку. Скрещиваніе съ домашней лошадью дало недурные результаты.

Научныя открытія.

Лекція Дьюэра. Профессоръ Дьюэръ приводитъ любопытныя данныя относительно состава растеній, выращенныхъ въ темнотѣ. Двадцатидневная кукуруза и двадцати-пятидневный бобъ, выросшіе безъ свѣта, утратили половину своего нормальнаго вѣса. Углеродъ ихъ перешелъ въ углекислоту, а крахмалъ превратился въ глюкозъ или виноградный сахаръ; подобныя измѣненія происходятъ при соложеніи. Количество минеральныхъ составныхъ частей не измѣнилось. Растенія, посаженныя на солнцѣ, увеличиваются въ полтора раза (приблизительно) противъ вѣса. Доказавъ, что растенія получаютъ свой водородъ, разлагая воду, а углеродъ посредствомъ дѣйствія своихъ листьевъ на атмосферную углекислоту, профессоръ находитъ еще неразрѣшеннымъ вопросъ о происхожденіи азота въ растеніяхъ. Азотъ находится въ воздухѣ (составляя $^4/_5$ его съ кислородомъ), въ амміакѣ (въ соединеніи съ водородомъ) и въ азотной и азотистыхъ кислотахъ. По мнѣнію Либиха, растенія извлекаютъ азотъ только изъ почвы, и по любопытнымъ опытамъ Лайза и Жильбера, содержаніе амміачныхъ солей въ почвѣ оказывается крайне выгоднымъ. Азотъ замѣчательно бездѣйственный газъ; онъ никогда не показывается въ свободномъ соединеніи въ растеніи; его можно извлечь лишь въ составномъ видѣ. На своей интересной лекціи, Дьюэръ показалъ, посредствомъ аппарата Кавендиша, какимъ образомъ азотъ соединяется съ кислородомъ подъ вліяніемъ электрической искры. При красноватыхъ парахъ образовалась азотная и азотистыя кислоты, которыя находятся и въ дождевой водѣ при грозѣ. Амміакъ происходитъ отъ броженія органическихъ веществъ въ почвѣ. Амміакъ разлагается тоже посредствомъ электрической искры; онъ можетъ крайне быстро распускаться въ водѣ, что было доказано на опытахъ Дьюэра, посредствомъ куска льда, быстро поглотившаго извѣстное количество этого газа. При быстромъ горѣніи въ кислородѣ, амміакъ обращается въ воду, выдѣляя свободный азотъ; при медленномъ горѣніи, онъ разлагается на азотную и азотистыя кислоты. Если держать раскаленую платиновую проволоку въ атмосферѣ, насыщенной амміакомъ, то проволока остается раскаленною, между тѣмъ какъ образуется вода и азотнокислый амміакъ. Подобное же дѣйствіе можетъ происходить въ рыхлой почвѣ, поглощающей кислородъ и передающей его азоту. Азотная кислота, будучи безцвѣтнымъ газомъ, производитъ, соединяясь съ воздухомъ, красные пары, которые разлагаются въ водѣ, образуя азотную и азотистую кислоты, а азотная кислота и водородъ, при дѣйствіи на нихъ раскаленной платины, соединяются и образуютъ амміакъ. Какъ уже было указано выше, почвенный амміакъ можетъ образоваться подобнымъ же способомъ.

Переходя затѣмъ къ вопросу о способности озона окислять водородъ, лекторъ старался доказать, посредствомъ аппарата Андрью, что озонъ есть ничто иное, какъ сгущенный кислородъ. При процессѣ сгущенія, теплота поглощается, освобождаясь снова при разложеніи или обратномъ разжиженіи газа.

Отношеніе звука къ теплотѣ. Для поддержанія продолжительности звуковъ существуютъ различныя средства; таковы, напр., струны въ различныхъ музыкальныхъ инструментахъ; но звуковыя вибраціи, прекращаемыя вслѣдствіе тренія воздуха, могутъ не прерываться, благодаря приложенію извѣстной силы въ должное время, какъ то доказывается опытами надъ маятникомъ, показанными лордомъ Рали, на одной изъ его любопытныхъ физическихъ лекцій въ Лондонѣ. Громадный камертонъ издалъ музыкальную ноту подъ вліяніемъ электромагнитнаго приспособленія, причемъ лекторъ объяснялъ причину звука измѣненіями въ силѣ тока, сначала замедленнаго и затѣмъ усиленнаго постепенно. При первоначальномъ, слишкомъ усиленномъ токѣ, камертонъ не подвергся бы вибраціи. Продолжительность звуковыхъ вибрацій, производимыхъ теплотою, доказывается аппаратомъ, носящимъ названіе Тревильяновыхъ полосъ: раскаленыя мѣдныя полосы кладутся на кусокъ холоднаго свинца, причемъ раздается музыкальный звукъ, происходящій, по мнѣнію Тревильяна, Джона Лесли и профессора Фарадэ, отъ ударенія горячей массы о холодную, что неминуемо вызывается поперемѣннымъ расширеніемъ и сжиманіемъ металла. Вибраціи воздуха, производимыя его нагрѣваніемъ, доказываются движеніемъ поршня въ цилиндрѣ, въ которомъ поперемѣнно сгущается и расширяется воздухъ; подобно тому же процессу, какъ доказываетъ лордъ Рали, атмосферическія волны сгущаются или расширяются подъ вліяніемъ измѣненій въ температурѣ. При постоянной температурѣ, стѣны служатъ къ заглушенію звука. Аппаратъ Зондгауза, состоящій изъ стеклянной трубки съ шарикомъ на концѣ, служитъ тоже къ доказательству теплоты, какъ источника звука: при сильномъ нагрѣваніи трубки, она издаетъ звукъ. Такъ называемое, «поющее пламя» производится аппаратомъ, состоящимъ изъ стекляннаго шара или трубокъ, нагрѣваемыхъ на водородномъ огнѣ. Звуки, по объясненію лорда Рали, происходятъ и здѣсь отъ измѣненій въ температурѣ, обусловливающихъ сгущеніе или расширеніе звуковыхъ волнъ. Аппаратъ Рейка, дѣйствующій посредствомъ подобныхъ же трубъ и теплоты, и аппаратъ Рисса, съ проволочною сѣткою и трубами, служатъ къ поясненію того же явленія.

Домашнія животныя у древнихъ народовъ. Къ числу домашнихъ животныхъ, бывшихъ въ употребленіи у египтянъ, ассиріянъ, евреевъ, грековъ и римлянъ, принадлежали нѣкоторыя породы, видимыя нами теперь только на свободѣ въ лѣсахъ, или въ звѣринцахъ. Такъ, судя по древнимъ письменнымъ памятникамъ, равно какъ по изображеніямъ на памятникахъ, вазахъ, драгоцѣнныхъ украшеніяхъ и пр., можно отнести сюда обезьяну и даже носорога, дикобраза и т. п. Бабоонъ, принадлежащій къ крупной породѣ обезьянъ, былъ посвященъ въ Египтѣ богу Тзотъ «учителю письменности». Это божество, соотвѣтствующее Меркурію, изображалось съ длинною собачьею мордой и мохнатыми плечами. Въ Палестинѣ не было туземныхъ обезьянъ, но онѣ были разведены Соломономъ. На ассирійскихъ памятникахъ часто встрѣчаются обезьяны человѣкоподобнаго вида. Въ Греціи и Римѣ обезьяны были тоже извѣстны, и Цицеронъ описываетъ событіе, въ которомъ обезьяна святотатственно разрушила приготовленія къ торжественному рѣшенію жребіемъ воли боговъ, относительно одной войны. Собака оказывается товарищемъ человѣка съ самыхъ древнихъ временъ. Египтяне разводили много собачьихъ породъ, особенности которыхъ усматриваются изъ изображеній на монументахъ. Охотничьи собаки были извѣстны въ глубокой древности. Гоутонъ, на своей недавней лекціи (въ Лондонѣ), «О домашнихъ животныхъ у древнихъ», показывалъ снимокъ съ изображенія домашней собаки на одномъ изъ древнихъ памятниковъ, постройка котораго относится къ 2300 г. до Р. Х. Евреи презирали собакъ, но ассиріяне благоволили къ нимъ, какъ то видно изъ ихъ памятниковъ. Арріанъ оставилъ трогательное описаніе своей борзой собаки, Герме. Въ отдаленной древности, египтяне почитали кошекъ и считали ихъ священными животными. Въ Римъ онѣ были занесены тоже изъ Египта. Греки поручали ловлю своихъ мышей бѣлогрудой куницѣ, какъ то можно судить по многимъ выраженіямъ у Аристофана и др. Коровы, овцы, козы, лошади и ихневмоны были приручены человѣкомъ съ самой глубокой древности.

Обо всемъ.

(Новый университетъ.—Необходимость ремесленнаго образованія. — Обидчивость неофитовъ-патріотовъ — Рѣчь г. Тургенева на литературномъ конгрессѣ.—Рѣзкія нападки на нее г. Суворина. — Новый вопросъ, керосинный. — Не улучшатъ-ли и не удешевятъ-ли американцы нашъ родной керосинъ. — Домашній огнегаситель)

Много лѣтъ прошло съ той поры, когда у насъ въ первый разъ заговорили о необходимости университета въ Сибири. Смѣнились поколѣнія, то и другое, а вопросъ о сибирскомъ университетѣ все оставался только вопросомъ. Нѣсколько разъ выступалъ онъ на сцену, но, какъ актеръ безъ рѣчей, снова удалялся незамѣченный за кулисы. Въ послѣдній разъ онъ опять и настоятельно былъ поднятъ года три тому назадъ. О немъ заговорила вся пресса; завязался споръ, въ какомъ изъ сибирскихъ городовъ быть новому университету. Одни стояли за Томскъ, другіе за Иркутскъ, третьи за Тобольскъ. Изъ оффиціальныхъ сибирскихъ сферъ вышло мнѣніе о цѣлесообразности учрежденія университета въ Омскѣ, какъ центрѣ главнаго управленія западной Сибири. Истые сибиряки горячо протестовали противъ этого мнѣнія, доказывая, что изъ всѣхъ значительныхъ сибирскихъ городовъ, Омскъ самый неудобный для университета, какъ по его географическому положенію, такъ еще и потому, что въ немъ, по неимѣнію свободныхъ квартиръ, негдѣ будетъ помѣститься профессорамъ и студентамъ, такъ какъ слѣдуетъ ожидать, что наплывъ студентовъ въ новый университетъ будетъ значительный. Споръ насчетъ предпочтенія для университета того или другого города, продолжался довольно долго. Въ газетахъ помѣщались слухи, что правительство избрало тотъ или другой городъ; затѣмъ являлось опроверженіе и т. д. Одно время даже появился слухъ, что вопросъ объ открытіи сибирскаго университета снова отложенъ по случаю войны, потребовавшей слишкомъ много экстренныхъ расходовъ. Наконецъ, въ первой половинѣ этого мѣсяца всѣ недоумѣнія разсѣялись; въ газетахъ напечатано высочайше-утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта слѣдующаго содержанія: «Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи сибирскаго университета, мнѣніемъ положилъ: 1) Разрѣшить учрежденіе императорскаго сибирскаго университета въ городѣ Томскѣ, съ четырьмя факультетами: историко-филологическимъ, физико-математическимъ, юридическимъ и медицинскимъ. 2) Предоставить министру народнаго просвѣщенія нынѣ же заняться предварительными распоряженіями по устройству сибирскаго университета, съ тѣмъ, чтобъ, по составленіи и утвержденіи, въ установленномъ порядкѣ, техническихъ смѣтъ и чертежей на постройку зданій университета и факультетскихъ при ономъ клиникъ, онъ, министръ: 1) немедленно приступилъ къ выполненію строительныхъ работъ на счотъ, какъ имѣющихся нынѣ въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія, такъ и могущихъ впредь поступить суммъ частныхъ пожертвованій; 2) вошолъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о требующихся на сіе дѣло расходахъ изъ казны, а затѣмъ, въ свое время, внесъ прочія предположенія, относящіяся къ устройству университета, съ тѣми въ нихъ измѣненіями, необходимость коихъ въ ту пору выяснится. Его Императорское Величество таковое мнѣніе государственнаго совѣта, въ 16-й день мая сего года, высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить».

И такъ, у насъ будетъ новый университетъ и въ такомъ краѣ, который сильно въ немъ нуждался. Не мало сибиряковъ, окончившихъ курсъ въ губернскихъ сибирскихъ гимназіяхъ, оставались безъ университетскаго образованія только потому, что не имѣли никакихъ средствъ ѣхать за тысячи верстъ въ ближайшій къ нимъ казанскій университетъ, не говоря уже о столичныхъ. Конечно, и теперь университетъ находится въ далекомъ разстояніи для жителей: якутской, амурской и приморской областей, но эти отдаленныя области имѣютъ населенія всего 325,000; остальная же Сибирь, въ которой Томскъ имѣетъ почти центральное положеніе, населена слишкомъ 3 милліонами душъ; они-то и могутъ съ удобствомъ пользоваться томскимъ университетомъ.

Привѣтствуя открытіе новаго университета, считаемъ необходимымъ кстати напомнить, что у насъ есть много мѣстностей, испытывающихъ крайнюю надобность въ гимназіяхъ; еще болѣе такихъ, гдѣ мѣстныя условія требуютъ открытія учебныхъ заведеній съ курсомъ, по крайней мѣрѣ, уѣздныхъ училищъ, не говоря уже о первоначальныхъ школахъ грамотности, недостатокъ въ которыхъ ощущается повсемѣстно. Въ особенности необходимы намъ школы техническія и ремесленныя, а также воскресные рисовальные классы спеціально для взрослыхъ ремесленниковъ. Недостаткомъ этихъ школъ обусловливается неказистое состояніе у насъ ремесленнаго производства. Самый завзятый патріотъ, если онъ не способенъ, не краснѣя, произнести явную ложь, долженъ сознаться, что произведенія нашихъ ремесленниковъ вообще плохи и не могутъ идти въ сравненіе не только съ французскими и англійскими, но даже и нѣмецкими. Причина этого лежитъ не столько въ дурной и безпорядочной работѣ нашихъ ремесленниковъ,—что, впрочемъ, случается сплошь и рядомъ,—сколько въ отсутствіи у нихъ сколько-нибудь развитаго вкуса. Извѣстные во всемъ мірѣ «articles de Paris» по большей части составляютъ произведенія самихъ подмастерьевъ-ремесленниковъ. Гдѣ же эти люди, конечно, въ очень рѣдкихъ случаяхъ обладающіе высшимъ образованіемъ, пріобрѣли изящный вкусъ, отличающій ихъ производство? Въ ремесленныхъ школахъ, а также въ воскресныхъ рисовальныхъ классахъ. Только развитіе техническаго и ремесленнаго образованія можетъ измѣнить къ лучшему нашу ремесленную промышленность. Но, можетъ быть, завзятые патріоты находятъ, что и теперь наше ремесленное производство процвѣтаетъ, и что ставить его ниже иностраннаго крайне не патріотично. Въ настоящее время развелись у насъ такіе обидчивые патріоты, что отъ нихъ всего можно ожидать. Впрочемъ, такіе патріоты изъ недавно-посвященныхъ, а извѣстно, что неофиты всегда выказываютъ чрезмѣрную ревность.

Такъ недавно г. Тургеневу крѣпко досталось за рѣчь, сказанную имъ на литературномъ конгрессѣ. Нашимъ читателямъ уже извѣстно, что литературный конгрессъ открытъ и что И. С. Тургеневъ избранъ предсѣдателемъ одного изъ отдѣленій конгресса. Конгрессъ открытъ рѣчью Виктора Гюго (предсѣдателя конгресса). Ему отвѣчали предсѣдатели отдѣленій, въ томъ числѣ и г. Тургеневъ. Вотъ дословная рѣчь Ивана Сергѣевича, напечатанная въ «Бирж. Вѣд.»:

«Говоря отъ лица моихъ соотечественниковъ русскихъ делегатовъ, спѣшу васъ успокоить, господа, обѣщаніемъ, что рѣчь моя будетъ короткою. Я ограничусь нѣсколькими замѣчаніями, доказывающими постоянно существовавшую связь между нашими двумя народами и большое вліяніе, которое французскій геній всегда оказывалъ на Россію.

«Я беру три эпохи, отстоящія одна отъ другой на сто лѣтъ каждая.

«Два столѣтія тому назадъ, въ 1678 г., наша національная литература еще не существовала. Наши книги писались на древне-славянскомъ языкѣ, и Россія имѣла полнѣйшее право считаться полуварварскимъ народомъ, столько же азіятскимъ, сколько и европейскимъ. Нѣсколько ранѣе этого года, царь Алексѣй, котораго уже коснулось дуновеніе цивилизаціи, выстроилъ въ московскомъ Кремлѣ театръ, на которомъ давались мистеріи въ родѣ «Орфея»—оперы итальянскаго происхожденія. Этотъ театръ, правда, былъ закрытъ послѣ смерти царя Алексѣя; но одною изъ первыхъ пьесъ, дававшихся при его возобновленіи, была «Médecin malgré lui» вашего Мольера, переводчицей котораго считается царевна Софія, дочь царя Алексѣя, бывшая правительницею русскаго государства во время малолѣтства своего меньшого брата, ставшаго впослѣдствіи Петромъ Великимъ. Безъ сомнѣнія, тогдашніе зрители считали пьесы автора «Мизантропа» только забавою; но мы счастливы, встрѣчая это великое имя при разсвѣтѣ нашей нарождающейся цивилизаціи.

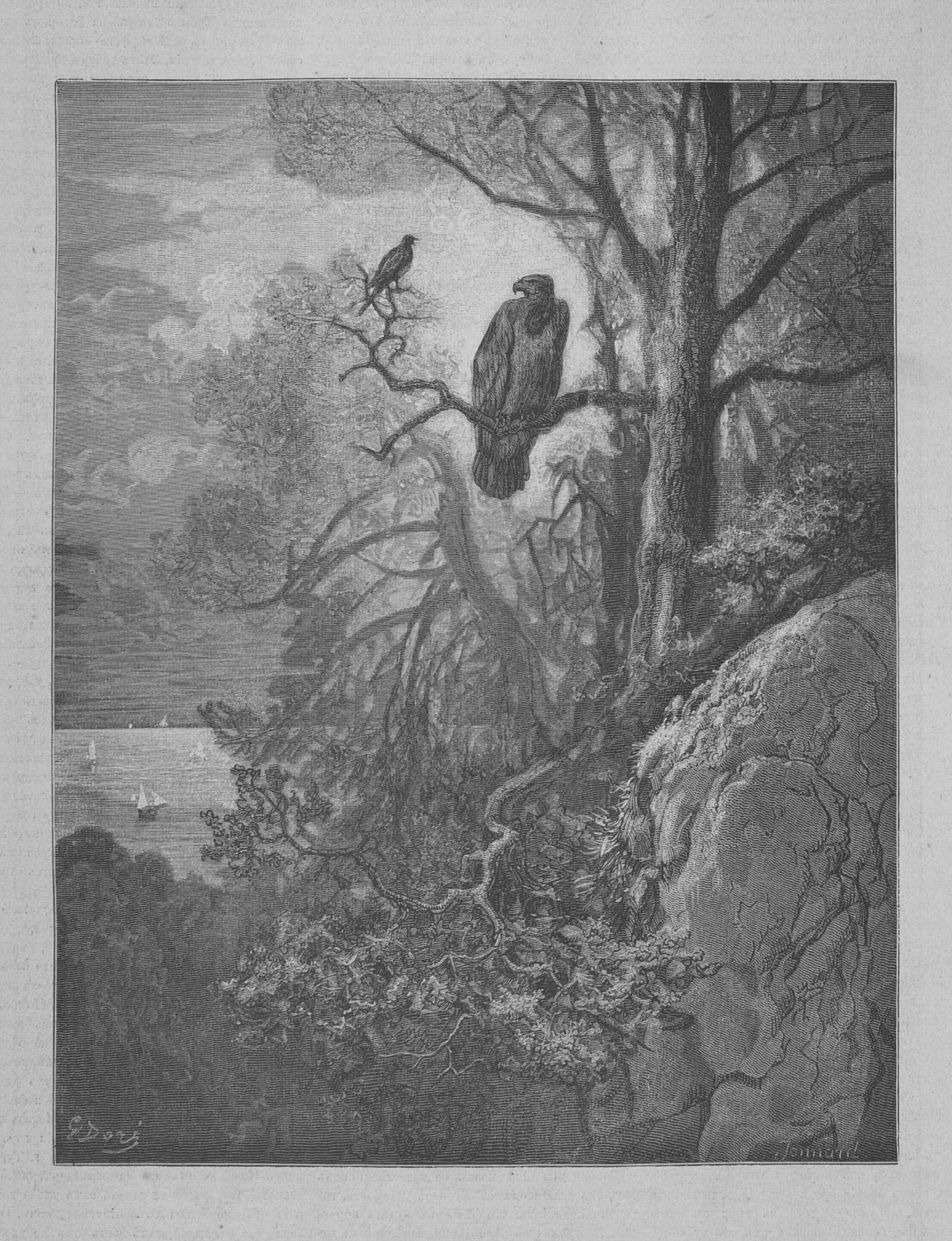
«Сто лѣтъ спустя, когда наша литература проявляла уже жизненность, въ 1778 г., авторъ нашихъ первыхъ, дѣйствительно оригинальныхъ комедій, фонъ-Визинъ, присутствовалъ при торжествѣ Вольтера въ «Comédie Française» и описалъ его въ напечатанномъ письмѣ, весьма распространенномъ, гдѣ проглядывало восторженное удивленіе къ фернейскому патріарху, учителю и образцу нашей тогдашней литературы, какъ впрочемъ и всѣхъ европейскихъ литературъ.

«Еще миновало столѣтіе. За Мольеромъ послѣдовалъ у васъ Вольтеръ, за Вольтеромъ — Викторъ Гюго. Письменность русская существуетъ; она пріобрѣла права гражданства въ Европѣ. Мы можемъ не безъ гордости назвать передъ вами не безъизвѣстныя вамъ имена нашихъ поэтовъ: Пушкина, Лермонтова, Крылова и прозаиковъ: Карамзина и Гоголя. Вы сами призвали русскихъ писателей къ участію на международномъ литературномъ конгрессѣ на основаніяхъ равноправности.

«Двѣсти лѣтъ тому назадъ, не понимая васъ, мы стремились къ вамъ; сто лѣтъ позднѣе мы были вашими учениками; теперь вы насъ принимаете какъ своихъ товарищей... И, — фактъ необыкновенный и неслыханный въ лѣтописяхъ Россіи,—скромный писатель, не дипломатъ и не военный, неимѣющій вовсе никакого чина по нашей табели о рангахъ, имѣетъ честь говорить передъ вами отъ лица своей страны и привѣтствовать Парижъ и Францію, этихъ провозвѣстниковъ великихъ идей и великодушныхъ стремленій».

Могутъ быть различныя мнѣнія насчетъ этой рѣчи; одни признаютъ ее талантливой, другіе найдутъ ее только вполнѣ приличной, третьи, наконецъ, скажутъ, что въ рѣчи нашего извѣстнаго писателя слишкомъ много ловко-написанныхъ фразъ и очень мало содержанія. Но никто, кромѣ патріота-неофита, не усмотритъ въ ней оскорбленія, нанесеннаго русскому народному чувству. Это именно усмотрѣлъ г. Суворинъ, въ послѣднее время расточающій въ своихъ фельетонахъ самыя отборныя ругательства и безпрестанно-напоминающій о своемъ патріотизмѣ, о любви ко всему русскому и о презрѣніи къ «гнилому Западу». Досталось же отъ него г. Тургеневу. Назвалъ онъ его самозванцемъ, потому, дескать, что никто не давалъ вамъ права говорить отъ имени вашихъ соотечественниковъ. Обозвалъ его невѣждой, такъ какъ онъ не упомянулъ о древнемъ памятникѣ нашей письменности: о «Словѣ о полку Игоревѣ». Нашелъ, что г. Тургеневъ, изъ желанія сказать банальную либеральность, бросилъ въ своей рѣчи неприлично унизительную фразу и пр. и пр. Однимъ словомъ, выходитъ, что г. Тургеневъ своей рѣчью оскор-

Рисунокъ Г. ДОРЕ́



Орелъ и сорока.

Рисунокъ Г. ДЮВЕ́.

Наемный убійца.

билъ русское народное чувство. Изъ-за чего же кипятится г. Суворинъ? Неужели онъ разучился читать и понимать прочитанное? Ослѣпленіе и чрезвычайное рвеніе неофита побуждаютъ его видѣть всѣ предметы въ крайне-увеличенныхъ и уродливыхъ размѣрахъ. Къ чтенію всякой статьи, всякой рѣчи, онъ приступаетъ съ предвзятой мыслью найти въ ней непремѣнно поклоненіе тлетворному Западу, оскорбленіе русскаго народнаго чувства и т. под. ужасы. Мы готовы вѣрить, что г. Суворинъ пишетъ по убѣжденію, что онъ дѣйствительно вѣруетъ въ тѣ идеи, которыя сталъ проповѣдывать въ послѣднее время, наконецъ, что увлеченный успѣхомъ своей газеты, — дѣйствительно рѣдкимъ въ такой короткій срокъ для русскаго изданія, — онъ вообразилъ, что публика желаетъ отъ него именно такой рѣчи, а не другой. Все это можетъ быть, но существуетъ предѣлъ увлеченію, за которымъ оно становится просто смѣшнымъ и нелѣпымъ. Не перешагнулъ-ли г. Суворинъ за этотъ предѣлъ? Его послѣднія выходки показываютъ, что онъ утратилъ всякую мѣру; для него полемика заключается въ одной голой брани и онъ награждаетъ своихъ противниковъ эпитетами: негодяй, мерзавецъ, подлецъ и др., повторять которые противно. И въ прежнее время полемика въ русской прессѣ нерѣдко доходила до неприличія, но никто еще не доводилъ ругательства до такой виртуозности, какъ г. Суворинъ. Давно уже кто-то сказалъ, что у насъ, что ни человѣкъ, то партія и что достаточно людямъ, согласнымъ въ основныхъ убѣжденіяхъ, расходиться въ какихъ-нибудь ничтожныхъ подробностяхъ, чтобы они косо смотрѣли другъ на друга и даже обзывали одинъ другого «подлецомъ». Прежде такой выводъ считался преувеличеніемъ, но теперь, читая фельетоны г. Суворина, награждающаго самой рѣзкой бранью людей, съ которыми онъ «одного поля ягода», приходится согласиться, что вышеприведенный выводъ порою оправдывается.

Но довольно о г. Суворинѣ. Займемся другими явленіями нашей общественной жизни. Впрочемъ, намъ снова приходится имѣть дѣло съ патріотизмомъ, употребляемымъ, какъ средство для осуществленія личныхъ цѣлей. Наши промышленники и фабриканты разнаго рода постоянно кричатъ о томъ, что ихъ обижаетъ конкуренція иностранныхъ производителей, что патріотизмъ долженъ побуждать къ поощренію отечественной промышленности, иначе придется закрывать заводы и фабрики и пріостанавливать промышленныя предпріятія.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ обнаружилось неисчерпаемое богатство бакинскихъ нефтяныхъ источниковъ, вся промышленная Россія возликовала. «Наша нефть лучше американской, кричали со всѣхъ сторонъ. — Мы завалимъ керосиномъ самаго высокаго качества всѣ европейскіе рынки и подорвемъ торговлю американскимъ керосиномъ!» Всѣ видные спекулянты того времени, и г. Новосельскій, и г. Кокоревъ и многіе другіе, положили свои капиталы на нефтяное производство. Первое время русскій керосинъ, дѣйствительно, былъ довольно хорошаго достоинства (но все-таки хуже американскаго) и цѣна его была недорогая. Но вотъ американскіе спекуляторы подняли непомѣрно цѣну на свой керосинъ. Казалось, наступила золотая эра для русскаго керосина, котораго, несмотря на торжественное обѣщаніе нашихъ промышленниковъ, на европейскихъ рынкахъ все-таки еще не было. Неблаговидная стачкаа мериканскихъ керосинщиковъ открывала нашимъ предпринимателямъ возможность заработать большіе барыши, предложивъ западной Европѣ нашъ керосинъ за болѣе дешевую цѣну и конечно хорошаго достоинства. Что же сдѣлали наши промышленники? Они также подняли непомѣрно цѣны на свой керосинъ и стали дѣлать его худшаго качества; европейскіе торговцы, разумѣется, не польстились на такой товаръ. Теперь цѣны на керосинъ у насъ нѣсколько спали, но русскій керосинъ, вопреки законамъ прогреса, продолжаетъ не улучшаться, а ухудшаться; русскій керосинъ всегда можно легко узнать по его противному запаху и мутному цвѣту. Понятно, что теперь, когда нашъ керосинъ еще болѣе ухудшился, ему еще труднѣе получить доступъ на европейскіе рынки.

Бакинскіе промышленники мирно занимались добываніемъ нефти, по обычаю большинства нашихъ промышленниковъ, употребляя хищническій способъ добычи, т. е. стараясь добыть во чтобы то ни стало, какъ можно болѣе продукта, хотя бы потомъ пришлось массу его покидать зря, — занимались они своимъ дѣломъ и благодушествовали, не опасаясь никакой заморской конкуренціи, какъ вдругъ, точно снѣгъ на голову, распространилась между ними вѣсть, что одинъ изъ крупнѣйшихъ пенсильванскихъ промышленниковъ намѣревается вступить съ ними въ соперничество, и гдѣ же? въ ихъ родномъ Баку.

«Годъ назадъ, пишутъ въ «Голосѣ» г. Тведль осмотрѣлъ подробно нефтяное производство на Кавказѣ и за Кавказомъ и возымѣлъ желаніе заняться здѣсь разработкою нефти. Конечно, онъ не могъ исполнить этого желанія по «бакински», т. е. купить участокъ нефтяной земли, начать сверлить буровую по мѣрѣ силъ, съ надеждою, что «авось» изъ таковой, нефть начнетъ бить фонтаномъ, а тамъ Богъ дастъ «какъ-нибудь» можно будетъ сбыть эту нефть, или, если средства будутъ, перегонять ее въ керосинъ. Такъ работать съ зажмуренными глазами можно только у насъ, въ Баку, но г. Тведль такой работы не понимаетъ, и желая работать, желаетъ впередъ, чтобъ вышло именно то, что можетъ быть ему полезно. Бакинцы перегоняютъ другъ друга въ количествѣ добываемой изъ земли нефти — но всѣ они знаютъ трудности сбывать эту нефть, по неустройству путей сообщенія. Для улучшенія этого, они ничего не дѣлаютъ сами, а дожидаются, когда будетъ проложена желѣзная тифлиско-бакинская дорога или улучшатся устья Волги и разовьется пароходство на Каспіѣ; но это ожиданіе нисколько не останавливаетъ ихъ постояннаго стремленія увеличивать число буровыхъ и выпускать побольше нефти, хотя бы приходилось ее оставлять безъ пользы разлагаться на поверхности земли. Такимъ образомъ, истребленіе нефти прогрессивно увеличивается съ естественнымъ развитіемъ нефтяной производительности; но это никого не удивляетъ: всѣ знаютъ, что сбывать нефть некуда, и иначе быть не можетъ. Г. Тведлю такое нераціональное истребленіе десятковъ милліоновъ пудовъ нефти показалось несообразностью. Онъ рѣшилъ, прежде чѣмъ сверлить буровыя, позаботиться о сбытѣ той нефти, которую они дадутъ, и потому, понимая, что въ Россію черезъ Волгу нельзя сбыть столько нефти, сколько ея добывается и можетъ добываться въ Баку, рѣшилъ устроить нефтепроводъ съ резервуарами черезъ весь Кавказскій перешеекъ, чтобы получать бакинскую нефть на берегу Чернаго моря и торговать ею и бакинскимъ керосиномъ во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря. Нефтепроводъ г. Тведль предполагаетъ построить на собственный счетъ, безъ всякихъ гарантій и авансовъ правительства; но какъ иностранецъ, знающій наши порядки только по заграничнымъ источникамъ, г. Тведль желаетъ гарантировать себя, что исполненное имъ предпріятіе послужитъ для него, а потому испрашиваетъ высочайшее утвержденіе для концесіи нефтепровода и вознагражденіе за свой капиталъ опредѣляетъ въ видѣ исключительныхъ льготъ, правда, весьма значительныхъ», но о нихъ ниже.

Всполошились бакинскіе промышленники, въ особенности когда узнали, что проектъ Тведля принятъ благосклонно въ оффиціальныхъ сферахъ; пригорюнились они еще болѣе, провѣдавъ, что нефть можно добывать не въ одномъ Баку, но и на всемъ Закавказьи. И вотъ они стали кричать, что развитіе сбыта бакинской нефти убьетъ весь нефтяной промыселъ. Какъ ни курьезно такое мнѣніе, но люди, увлеченные слѣпымъ патріотизмомъ, приняли сторону бакинскихъ промышленниковъ, находя, что ихъ слѣдуетъ поддержать во имя патріотизма. Они не хотятъ и слышать, когда имъ говорятъ, что предпріятіе Тведля оживитъ промышленность на Кавказѣ, что на европейскихъ рынкахъ появится новый отпускной нашъ товаръ — нефть, что, наконецъ, и самый русскій керосинъ явится опаснымъ соперникомъ американскому въ западно-европейской торговлѣ. Они продолжаютъ твердить свое и указываютъ на испрашиваемыя Тведлемъ привилегіи, видя въ нихъ большую опасность для нашей промышленности, если только эти привилегіи будутъ предоставлены г. Тведлю.

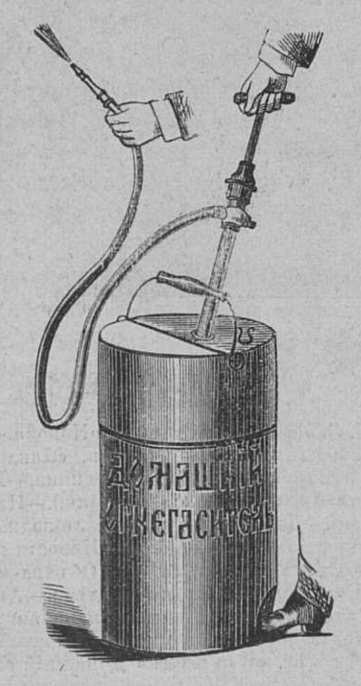
Дѣйствительно, испрашиваемыя Тведлемъ привилегіи слишкомъ велики; вѣроятно, они не будутъ утверждены во всемъ ихъ объемѣ и самъ г. Тведль отступится отъ многихъ изъ нихъ, когда ему объяснятъ несоразмѣрность его требованій. Затрачивая огромный капиталъ на свое предпріятіе, г. Тведль желаетъ гарантировать себя, что не затрачиваетъ его безслѣдно и проситъ себѣ слѣдующихъ льготъ: а) чтобъ земля, необходимая для проложенія нефтепровода и для станцій, отчуждалась для него на томъ же основаніи, какъ это дѣлается для желѣзныхъ дорогъ; б) чтобъ въ теченіи 40 лѣтъ никто не имѣлъ права проводить другого параллельнаго нефтепровода ближе 50-ти верстъ въ обѣ стороны отъ проведеннаго г. Тведлемъ; в) чтобъ ему предоставлено было право искать нефть вездѣ, на землѣ, на днѣ моря, рѣкъ и озеръ, и гдѣ имъ будетъ открыта нефть, тамъ отводить ему на казенныхъ земляхъ двѣ десятины подъ устройство буровой, а на пространствѣ 3,000 десятинъ не дозволять никому другому сверлить новыхъ колодцевъ; г) чтобъ всѣ матеріалы, машины и инструменты, необходимые для проложенія нефтепровода, добыванія нефти и ея обработки, а также для заводовъ бочарныхъ, жестяныхъ, кислотныхъ и другихъ, ему предоставлено было привозить изъ-заграницы безпошлинно; д) чтобъ въ случаѣ вывоза нефти заграницу, ему возвращалась ввозная пошлина, уплаченная за бочки, желѣзные обручи, сѣру и соду; е) чтобъ въ теченіи 20-ти лѣтъ онъ не платилъ никакого акциза ни за нефть, ни за керосинъ; ж) срокъ концесіи полагается 40 лѣтъ.

Безъ сомнѣнія требованія эти чрезмѣрны и всякая монополія, въ какомъ бы видѣ она ни представлялась, не можетъ возбуждать симпатіи, но намъ-ли упрекать за такія провинности другихъ, когда мы изобрѣли и крѣпко держимся поговорки «спросъ не бѣда», когда мы сами такъ склонны испрашивать себѣ монополіи разнаго рода.

Нельзя не пожелать, чтобы предпріятіе г. Тведля осуществилось, конечно, съ условіемъ уменьшенія испрашиваемыхъ имъ привилегій. Видно суждено, чтобы всякую промышленность въ нашемъ отечествѣ двигали иностранцы, иначе она будетъ вѣчно находиться у насъ въ первобытномъ состояніи.

Пожары у насъ обычное явленіе и, благодаря нашимъ постройкамъ, причиняютъ сравнительно

болѣе вреда, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ. Пожарныхъ командъ у насъ немного, а хорошихъ еще менѣе. Но даже и тамъ, гдѣ существуютъ хорошія пожарныя команды, необходимо имѣть въ каждомъ домѣ ручные огнегасительные снаряды. Когда еще пріѣдетъ пожарная команда, а если снарядъ есть дома, пожаръ можетъ быть потушенъ въ самомъ началѣ. Еще необходимѣе имѣть такіе снаряды въ нашихъ деревняхъ и вообще въ поселеніяхъ, гдѣ не существуетъ пожарныхъ командъ. Разумѣется, при бѣдности нашихъ деревенскихъ обитателей, имъ необходимъ хорошо-дѣйствующій, но непремѣнно дешевый снарядъ. Такія качества заключаетъ въ себѣ недавно изобрѣтенный въ Швеціи снарядъ, называемый «домашній огнегаситель» (см. рис.). Онъ легокъ (всего 13 фун.); управлять имъ



Домашній огнегаситель.

можетъ даже 10-лѣтній ребенокъ; онъ выбрасываетъ сильную струю на разстояніи 45 фут. и цѣна его всего 30 руб. *). Кромѣ своей спеціальной цѣли, онъ съ успѣхомъ можетъ употребляться и для домашняго обихода: для поливки садовъ, улицъ и пр.

На стр. 530 изображенъ «домашній огнегаситель» въ дѣлѣ во время пожара въ гор. Седертелье, въ Швеціи, въ ночь съ 9 на 10 января 1878 года, когда дѣйствіе его оказалось чрезвычайно успѣшнымъ. **Н. И.**

Новости наукъ и жизни.

— Проектъ новаго канала. «Нов. Время» слышало, что вопросъ о проведеніи водяного пути между городами: Каргополемъ, олонецкой губерніи, и Кириловымъ, новгородской губерніи, по разсмотрѣніи въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, признанъ заслуживающимъ удовлетворенія, причемъ министерство финансовъ не встрѣчаетъ препятствія къ отпуску изъ государственнаго казначейства въ теченіи восьми лѣтъ требуемыхъ на устройство означеннаго лаче-кубенскаго пути 870,518 р., со внесеніемъ въ бюджетъ нынѣшняго года въ счетъ означенной суммы 65,000 р., если государственный совѣтъ признаетъ необходимымъ дозволить этотъ расходъ съ нынѣшняго года.

— Позаимствованія изъ государственнаго казначейства. Любопытно бросить взглядъ на ежемѣсячные размѣры тѣхъ позаимствованій, которыя производило государственное казначейство у государственнаго банка съ начала приготовленій къ войнѣ, пишутъ въ «Бирж. Вѣд.»—Позаимствованія начались съ сентября 1876 г., и изъ подлежащихъ балансовъ государственнаго банка видно, что долгъ государственнаго казначейства банку составлялъ:

		Рублей.
къ 6-му	сентября	2.900,000
къ 1-му	октября	15.600,000
»	ноября	28.000,000
»	декабря	27.700,000
	въ 1877 г.	
къ 1-му	января	—
»	февраля	—
»	марта	—
»	апрѣля	—
»	мая	4.200,000
»	іюня	56.500,000
»	іюля	79.900,000
»	августа	108.100.000
»	сентября	109.700,000
»	октября	152.800,000
»	ноября	201.000,000
»	декабря	230.300,000
	въ 1878 г.	
къ 1-му	января	262.100,000
»	февраля	298.500,000
»	марта	345,400,000
»	апрѣля	335.000,000
»	мая	371.900,000
»	іюня	440.100,000

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ видно, что до объявленія войны государственное казначейство заняло у государственнаго банка 28 мил. руб., но впослѣдствіи уплатило эту сумму изъ 5% банковыхъ билетовъ IV выпуска. Со времени объявленія войны казначейство не выходило изъ долга банку, причемъ этотъ долгъ ежемѣсячно возросталъ, за исключеніемъ одного раза (къ 1-му апрѣля 1878 г.), несмотря на внѣшній и внутренніе займы. Самый значительный долгъ былъ сдѣланъ казначействомъ въ маѣ 1878 года, когда занятая сумма дошла до 69⁴⁄₅ мил. рублей.

— Испанская королева. Скончавшаяся на дняхъ испанская королева Марія-де-лас-Мерседесъ-Изабелла-Франсиска д'Ассизъ-Антонія-Луиза-Фернанда и проч., была дочерью пятаго сына короля французовъ, Люи-Филиппа, герцога Антуана Монпансье, и Маріи-Луизы-Фернанды, инфанты испанской, сестры королевы Изабеллы II. Донна Марія де-лас-Мерседесъ родилась 24-го іюня 1860 года и умерла, такимъ образомъ, 18 лѣтъ отъ роду., 26-го іюня. Бракосочетаніе ея съ королемъ Альфонсомъ XII совершено было во второй половинѣ января нынѣшняго года. Болѣзнь покойной заключалась въ нервной гастрической лихорадкѣ съ большими внутренними кровоизліяніями.

— Публичная Библіотека. Появившійся на дняхъ отчетъ императорской публичной библіотеки за 1876 г. сообщаетъ между прочимъ слѣдующія интересныя данныя. Всего поступило въ отчетномъ году печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листковъ 15,780 сочиненій въ 19,857 томахъ, рукописей 6,327, между прочимъ собраніе подлинныхъ жалованныхъ грамотъ великорусскимъ монастырямъ, собраніе еврейскихъ и арабскихъ рукописей, автографы многихъ извѣстныхъ писателей. Между рукописями интересна одна, это нумеръ журнала «Дружба». Редакторомъ былъ графъ Н. Адлербергъ; сотрудниками: великій князь Владиміръ Александровичъ, князь Барятинскій, Гр. Гогель, А. Паткуль Ѳ. Опочининъ и др. Въ теченіе 1876 года выдано билетовъ 11,499, посѣщеній было 156,038.

Смѣсь.

— Бриллiанты, лежавшiя болѣе полувѣка подъ спудомъ. Въ «Новостяхъ» пишутъ: Когда король Альфонсъ обручился съ донною Мерседесъ, въ прошломъ году, онъ желалъ сдѣлать своей невѣстѣ подарокъ, состоящій изъ колье, изъ самыхъ прекрасныхъ бриллiантовъ, которые только можно найдти въ Европѣ. Когда такое желаніе короля сдѣлалось извѣстнымъ, изъ всѣхъ государствъ предлагались бриллiанты и пріѣзжали въ Мадритъ ювелиры. Но всѣ эти бриллiанты не приходились по вкусу юному королю, не находившему ихъ достаточно прекрасными для своей прекрасной невѣсты. Наконецъ, прибылъ изъ Антверпена торговецъ, привезшій съ собою 12 бриллiантовъ, превосходившихъ собою все видѣнное. Торговецъ сказалъ, что ему только поручено продать бриллiанты и что владѣлецъ ихъ желаетъ остаться неизвѣстнымъ. Когда придворный ювелиръ осматривалъ камни, то онъ заявилъ, что во всемъ мірѣ нельзя найдти чего-нибудь болѣе прекраснаго, какъ относительно величины, такъ и относительно чистоты воды бриллiантовъ; кромѣ того, камни шлифованы по системѣ, секретъ которой теперь потерялся. Король былъ несказанно обрадованъ этой находкѣ, хотя требуемая за нее цѣна казалась нѣсколько слишкомъ высокою. Но парижскій Ротшильдъ помогъ и чудные 12 бриллiантовъ украшали цѣпь, которую королева носила въ день своего бракосочетанія. Между тѣмъ, распространились слухи, что означенные 12 бриллiантовъ—знаменитые 12 мазариновъ, однажды принадлежавшихъ французской коронѣ и исчезнувшихъ послѣ революціи 1830 г. Исторія этихъ бриллiантовъ весьма любопытна. Кардиналъ Мазарини собиралъ ихъ, но не пожелалъ носить ихъ, потому что Людовикъ XIV сказалъ ему, что только король достоинъ носить ихъ. Когда Мазарини умеръ, то онъ завѣщалъ бриллiанты королю, который украсилъ ими корону Франціи, въ которой они остались до конвента. Конвентъ постановилъ продать ихъ. Но цѣна, которую требовали за нихъ, хотя ниже настоящей стоимости казалась всѣмъ государствамъ, которымъ предлагали ихъ, слишкомъ высокою, такъ, что конвентъ рѣшилъ заложить ихъ въ Голландіи. Когда Бонапарте сдѣлался первымъ консуломъ, онъ выкупилъ бриллiанты, предвидя, что они составятъ лучшее украшеніе его императорской короны. Въ послѣдній разъ бриллiанты эти появились въ публикѣ въ 1813 г., когда бриллiанты, вмѣстѣ съ другими коронными драгоцѣнностями, были выставлены въ особенной шкатулкѣ. При вспышкѣ іюньской революціи, шкатулка эта была ввѣрена въ надежныя руки, но, тѣмъ не менѣе, они исчезли и въ теченіи 57 лѣтъ слѣдъ ихъ простылъ, пока они опять выступили на сцену, покупкою ихъ королемъ Альфонсомъ. Полагаютъ, что французское правительство потребуетъ возвращенія этихъ коронныхъ бриллiантовъ Франціи.

— Наемные убійцы. 24-го апрѣля, по словамъ «Кубанскихъ областныхъ вѣдомостей», былъ обнаруженъ возлѣ станицы, между двумя рѣчками, на дорогѣ трупъ отставного солдата Мохова съ почти совершенно перерѣзанной шеей и съ нѣсколькими ранами на головѣ и груди. Въ этотъ же день, благодаря женѣ одного изъ убійцъ и другимъ неблагопріятнымъ для убійцъ обстоятельствамъ, были открыты и арестованы убійцы. Какъ показали убійцы, преступленіе они рѣшились совершить по просьбѣ жены покойнаго за 50 руб.; между ними было рѣшено принести къ женѣ голову ея мужа, послѣ чего уже убійцы должны были получить отъ нея обѣщанные имъ 50 руб., при заключеніи же условія жена выдала имъ въ задатокъ 20 копеекъ.

— Замѣчательный процессъ. Въ «Times» сообщаютъ любопытныя подробности о процессѣ, напоминающемъ извѣстное дѣло гиковара (владѣтельнаго князя) Бароды, обвиненнаго въ попыткѣ отравленія англійскаго резидента и приговореннаго за то къ лишенію престола. Героемъ настоящей судебной драмы является также индійскій князь, раджа Югерн. Раджа этотъ наслѣдственный хранитель храма Югернаута, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ свѣтскій глава религіи индусовъ въ Ориссѣ. Народъ боготворитъ его, видитъ въ немъ олицетвореніе Вишну, такъ какъ раджа прямой потомокъ древнихъ индусскихъ королей Ориссы, имперія которыхъ простиралась нѣкогда отъ Ганга до Кордивера. Этотъ полубогъ обвиняется въ убійствѣ отшельника-индуса, пользовавшагося репутаціею святого и славившагося совершенными имъ чудесными излеченіями различныхъ человѣческихъ недуговъ. Эта жертва убійства найдена была полиціею у

*) Въ Петербургѣ онъ продается у А. Ф. Девріена (Васильевскій островъ, по Большому проспекту, на углу 3-й линіи, домъ Юнкера № 8).

Домашній огнегаситель.

львиныхъ воротъ храма Югернаута, тѣло несчастнаго святого было покрыто обжогами и, вообще, носило на себѣ слѣды страшной пытки. Онъ провелъ 16 дней въ ужасной агоніи, но успѣлъ показать, что двое слугъ раджи явились въ его домъ и объявили ему, что ихъ повелитель желаетъ видѣть его. Его повезли во дворецъ раджи, котораго онъ засталъ въ обществѣ 12 слугъ. Его бросили на землю, связали его и въ теченіи трехъ часовъ подвергали его самымъ мучительнымъ пыткамъ, а затѣмъ выбросили его. Мотивъ преступленія такъ и остался неизвѣстнымъ. Отшельникъ (умершій на 16-й день) говорилъ, что онъ никогда не оскорблялъ раджу. Раджа былъ арестованъ и преданъ суду. Понятно, что процессъ этотъ вызвалъ во всей Индіи сильную сенсацію, въ виду божественнаго характера какъ убійцы, такъ и убитаго. Раджа (которому всего 22 года) приговоренъ судомъ къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ, но сомнѣваются, что-бы приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе.

— **Не всегда удобна деликатность.** Вдова Скриба затѣяла процессъ противъ нѣкоего Лорана Пишо, сына основателя и главнаго редактора «Revue Britanique», по слѣдующему поводу. Лоранъ Пишо, принадлежа къ почитателямъ плодовитѣйшаго изъ французскихъ драматическихъ авторовъ, написалъ о немъ книгу, заключающую въ себѣ его біографію и критическую оцѣнку его произведеній. Изъ чувства деликатности онъ счелъ нужнымъ предварительно представить трудъ свой на разсмотрѣніе вдовы Скриба, тѣмъ болѣе, что онъ не только пользовался ея уваженіемъ, но даже получилъ отъ нея много интересныхъ замѣтокъ и документовъ, касающихся жизни ея покойнаго мужа. Г-жа Скрибъ сначала было одобрила этотъ трудъ, но впослѣдствіи почему-то измѣнила свое мнѣніе и нашла, что молчаніе можетъ быть будетъ выгоднѣе для памяти знаменитаго водевилиста. Она убоялась строгихъ отзывовъ критики и предпочла конфисковать рукопись, предложивъ за нее г. Лорану Пишо 1,000 франковъ вознагражденія. Но онъ отказался отъ этихъ денегъ и рѣшился поддерживать свое право на изданіе написанной имъ книги, которая независимо отъ жизнеописанія Скриба, содержитъ въ себѣ много любопытныхъ свѣденій, относящихся вообще къ исторіи французскаго театра.

Телеграммы.

Вѣна, 13-го іюня. Газетѣ «Politische Correspondenz» сообщаютъ изъ Бухареста: «Третьяго дня, въ главномъ городѣ румынской Бессарабіи, Бѣлградѣ, произошло столкновеніе между русскими и румынами. Румынское правительство обратилось по этому поводу къ русскому главнокомандующему съ энергическимъ протестомъ».

«Въ Бухарестѣ обнаруживается всеобщій упадокъ духа, такъ какъ со многихъ сторонъ— между прочимъ, отъ Италіи и Франціи—румыны получили совѣтъ: во что бы то ни стало войдти съ Россіей въ соглашеніе по вопросу о Бессарабіи».

— 19-го іюня. Русскіе уполномоченные живо поддерживали на конгрессѣ занятіе Босніи и Герцеговины австрійскими войсками. Австрія оффиціально заявила, что она не имѣетъ намѣренія присоединить Боснію къ своимъ владѣніямъ, а желаетъ только водворить босняковъ, переселившихся въ Австрію и стоющихъ казнѣ большихъ расходовъ. Порта подстрекаетъ боснійскихъ мусульманъ къ вооруженному сопротивленію австрійской оккупаціи.

Увѣряютъ, будто итальянскій уполномоченный, графъ Корти, представилъ конгрессу возраженія противъ движенія австрійскихъ войскъ въ Боснію.

Константинополь, 12-го іюня. Подъ Константинополемъ продолжаются передвиженія русскихъ и турецкихъ войскъ.

— 18-го іюня. Вслѣдствіе происходившаго, въ четвергъ, засѣданія большого совѣта турецкихъ министровъ и сановниковъ, въ которомъ обсуждался поднятый Австріею вопросъ о занятіи Босніи и Герцеговины, турецкимъ уполномоченнымъ на берлинскомъ конгрессѣ послано предписаніе заявить, что Порта не можетъ дать согласія на оккупацію, касающуюся частей имперіи, которыя впродолженіи войны не были заняты непріятельскими войсками.

Афины, 13-го іюня. По донесеніямъ съ острова Крита, турки подожгли Неохори и Армени и готовятся къ нападенію на Апокорону.

Изъ Эпира и Фессаліи получены извѣстія о томъ, что турки избиваютъ во многихъ мѣстностяхъ христіанъ. Христіане, оказывая вооруженное сопротивленіе, выгнали изъ нѣсколькихъ пунктовъ сборщиковъ податей. Полагаютъ, что вскорѣ вспыхнетъ всеобщее возстаніе.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель-Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

Контора редакціи «Живописнаго Обозрѣнія» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ при перемѣнѣ адреса высылать **старый адресъ съ бандероли и почтовыми марками:**

при перемѣнѣ городск. адреса на иногород. 85 к.
иногороднаго на городской............ 1 р.
иногороднаго на иногородній........ 24 к.

Безъ означенныхъ приложеній адресъ не перемѣняется.

Въ случаѣ же неполученія кѣмъ либо изъ гг. подписчиковъ нумера журнала, контора покорнѣйше проситъ заявить объ этомъ немедленно по полученіи слѣдующаго нумера, чтобы имѣть возможность отыскать на почтѣ утерянный нумеръ. Заявленія, поступающія позже назначеннаго срока, остаются безъ послѣдствій.

При этомъ нумерѣ «Живописн. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: № 3 «Жизнь и Хозяйство» и № 11 «Парижскія моды».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Іюня 1878 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

Дозволено Цензурою.—Варшава, 13 Іюня 1878 г. Печатано въ типографіи Осипа Унгра. Варшава, ул. Подвальная № 3.

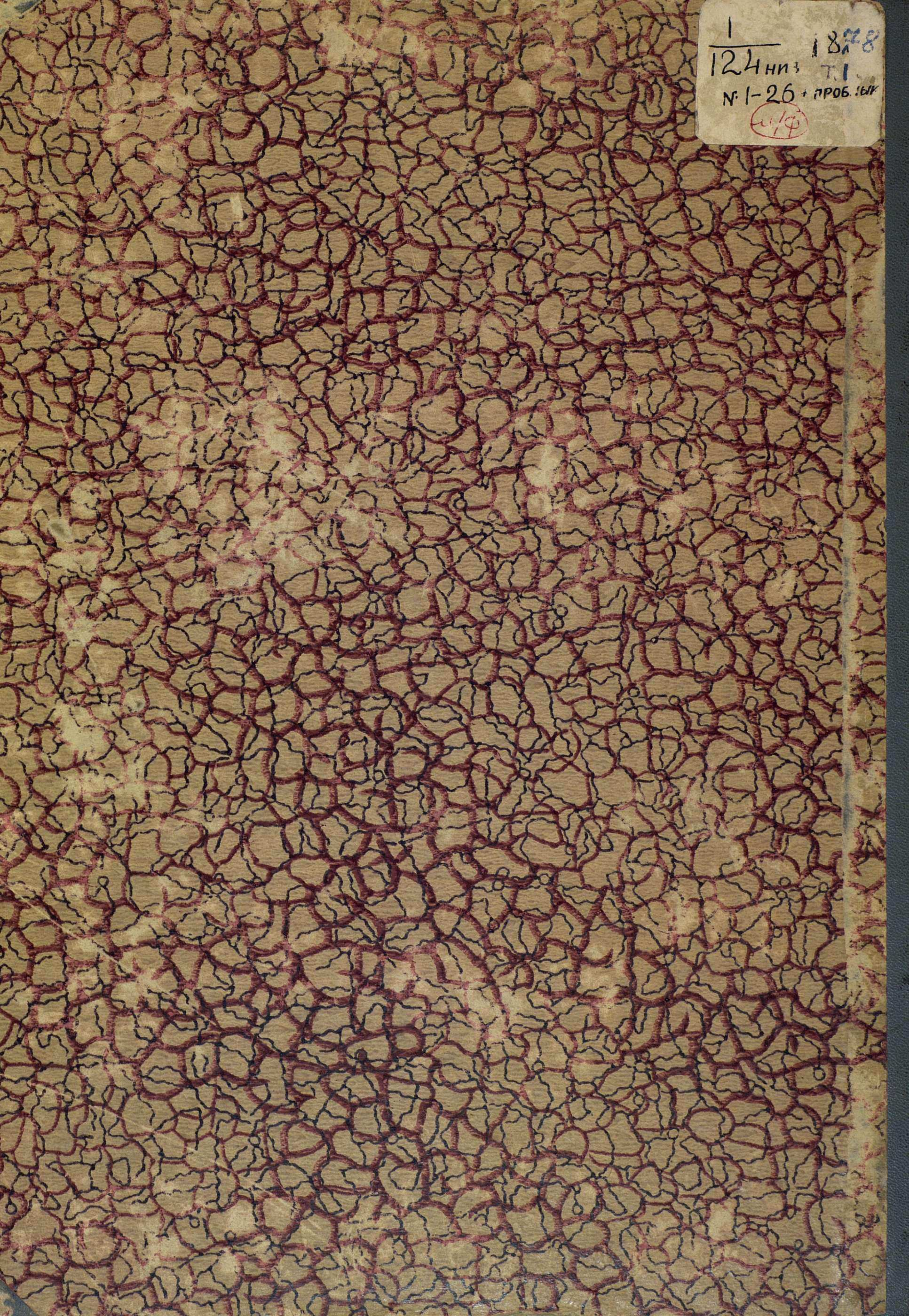
Свѣточи христіанства.

Съ картины профессора Г. Семирадскаго.

вкл. илл. – после № 3
после № 8
после № 13
после № 16.
после № 26 (2 вкл.)

нет с. 211–212

с. пров. 2.04.88.
10^{50}



1/124 низ 1878
т. I
№ 1-26 + проб. н-р
м/ф